

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ

И С Т О Р И Я
ТАТАР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ II
**Волжская Булгария
и Великая Степь**

КАЗАНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РухИЛ»
2006

УДК 93/99
ББК 63.3
И 90

Издание осуществлено на средства *Сухова Шарифчана Анвяровича* (Санкт-Петербург)
в память отца и матери – *Суховых Анвяра Халимовича* и *Няйми Иззиятуловны*

Научный совет издания:

Васильев Дмитрий (Россия, Институт востоковедения РАН)

Вашири Иштван (Венгрия, Будапештский университет)

Геккеньян Хансгерд (Германия, Гиссенский университет)

Гилязов Искандер (Татарстан, Казанский государственный университет)

Гмыря Людмила (Дагестан, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН)

Девлет Надир (Турция, университет Йедитепе)

Зимоньи Иштван (Венгрия, Сегедский университет)

Каппелер Андреас (Австрия, Венский университет)

Каишанов Сергей (Россия, Институт всеобщей истории РАН)

Кемпер Михаэль (Германия, Рурский университет)

Кляшторный Сергей (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Крамаровский Марк (Россия, Государственный Эрмитаж)

Кумеков Булат (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)

Кычанов Евгений (Россия, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Рашиев Раио (Болгария, Шуменский филиал Института археологии Болгарской академии наук)

Рорлих Айша (США, Южнокалифорнийский университет)

Стальсберг Анне (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологий)

Трепавлов Вадим (Россия, Институт российской истории РАН)

Шамильоглу Юлай (США, Висконсинский университет)

Шмидт Сигурд (Россия, Археографическая комиссия РАН)

Главные редакторы:

Усманов Миркасым (Казанский государственный университет)

Хакимов Рафаэль (Институт истории АНТ)

Редколлегия издания:

Амирханов Равиль (Институт истории АНТ)

Загидуллин Ильдус (Институт истории АНТ)

Исхаков Дамир (Институт истории АНТ)

Кляшторный Сергей (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)

Трепавлов Вадим (Институт российской истории РАН)

Хузин Фаяз (Институт истории АНТ)

Шамильоглу Юлай (Висконсинский университет)

Редколлегия II тома:

Фаяз Хузин (ответственный редактор)

Ильдус Загидуллин (зам. ответственного редактора)

Сергей Кляшторный

Редактор II тома *Булат Хамидуллин*
Издатель *Ильсияр Хайруллина*

ISBN 5-903099-01-7

© Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2006
© Издательство «РухИЛ», 2006

Предисловие к тому

Фаяз Хузин

Последние два столетия I тыс. н.э. в исторической науке справедливо рассматриваются как переломный этап в истории народов Восточной и Центральной Европы. В это время происходят существенные изменения в социально-экономической и общественной жизни славянских, тюркских и финно-угорских народов, приведшие, в конечном итоге, к возникновению раннефеодальных государств. На территории Восточной Европы это были Древняя Русь, Хазария и Волжская Булгария. На протяжении веков они тесно контактировали между собой в области экономики и культуры, соперничали за расширение сферы влияния на соседние регионы. Это соперничество нередко приводило к серьезным военным столкновениям, которые завершались, как правило, заключением мирных договоров.

Практически с момента своего возникновения Булгар – так коротко называли страну и ее столицу современники – становится заметным явлением средневековой цивилизации Евразии, объектом внимания арабо-персидских географов, русских летописцев, западноевропейских путешественников и торговцев. Это вполне объяснимо: самая северная в тогдашнем мире мусульманская страна – факт сам по себе незаурядный – быстро завоевала себе славу могущественной торговой державы. И не только благодаря своему удачному геополитическому положению. Основу экономического могущества страны, способствовавшего активной и равноправной международной торговле, составили, в первую очередь, высокоразвитое сельское хозяйство (пашенное земледелие, скотоводство) и ремесленное производство. Их продукция была расчитана как на удовлетворение внутренних потребностей страны, так и на экспорт.

Равноправные партнерские отношения в торговле, внешней политике, других областях международной деятельности возможны лишь тогда, когда страны, в них участвующие, обладают примерно одинаковым экономическим и духовным потенциалом, стоят примерно на одной ступени

социально-экономического развития. Волжская Булгария по всем этим показателям практически не уступала своим партнерам – Хазарии, Киевской Руси и древнерусским княжествам, странам Западной Европы и Ближнего Востока.

Волжская Булгария занимает особое место в средневековой истории татарского народа. Она воспринимается современными (в первую очередь, средневожскими татарами) как государство, созданное одним из основных, если не сказать прямых, их предков. Многие связывает нас с болгарским периодом нашей многовековой истории. Именно в этот период завершился полный переход от кочевой жизни к оседлости, возникли стационарные поселения, в том числе и города, среди которых и Казань – столица Республики Татарстан, которая отметила в 2005 г. свой 1000-летний юбилей. В 922 г., в период правления хана Алмуша сына Шилки, состоялось официальное принятие монотеистической религии – ислама, сыгравшего исключительную, безусловно прогрессивную роль в духовной и общественно-политической жизни булгар и их потомков. Всемирно известная поэма «Кыйсса-и Йусуф», написанная болгарским поэтом Кул Гали в начале XIII в., до сих пор пользуется широкой популярностью среди татарских читателей. Отсюда не трудно понять трепетное отношение татар ко всему, что связано с их болгарскими предками.

В российской историографии Волжская Булгария становится объектом внимания ученых со второй половины XVIII столетия (В.Н.Татищев, Н.П.Рычков и др.). В XIX в. появляются специальные статьи (см. труды Х.М.Френа, В.В.Григорьева, А.Ф.Лихачева, К.И.Невоструева, Н.А.Толмачева, П.А.Пономарева и др.) и монографии (напр., С.М.Шпилевского) по отдельным аспектам болгарской истории и археологии. Становление булгароведения как особой отрасли исторической науки произошло в советское время, когда особенно активно развивалось его археологическое направление (см. труды А.П.Смирнова,

Н.Ф.Калинина, А.Х.Халикова, Т.А.Хлебниковой, Р.Г.Фахрутдинова и др.). Последние два–три десятилетия ознаменовались крупными открытиями в области истории и археологии Болгарии. Эти открытия значительно пополнили источниковую базу болгароведческих исследований, позволили по-новому подходить к решению многих проблем средневековой истории татарского народа, поставить новые исследовательские задачи.

Настоящий том семитомного издания «История татар с древнейших времен» посвящен истории Волжской Булгарии до монгольских завоеваний, но он также охватывает большое количество проблем, связанных с финно-угорскими соседями болгар и тюркоязычным, преимущественно кочевническим, населением Великой Степи. Это объясняется просто: невозможно представить историю Булгарского государства вне его финно-угорского и тюркоязычного окружения. Как справедливо отмечено в первом томе настоящего издания, «у татарского народа нет единого этнического корня», среди его предков были, кроме волжских болгар, многие степные племена (от гуннов до кыпчаков и ногайцев), местные финно-угры, славяне и др. «Попытаться искать этническую чистоту в лице болгар... ненаучно» [ИТ, 2002, с.5–6]. Предки современных татар никогда не жили в изоляции. Контакты с окружающим миром, не только с ближайшими соседями, но и дальними странами, оказывали определенное влияние на сложение общественно-политических структур государства, способствовали формированию нового, волжско-булгарского этнического компонента, сыгравшего не последнюю роль в этногенезе поволжских татар.

Исходя из вышеизложенного, редколлегия сочла необходимым включить в настоящий том разделы о Великой Болгарии Кубрата и Дунайской Болгарии, Хазарском каганате – первом раннефеодальном государстве на территории Восточной Европы, в состав которого вошли и территории болгар после распада их прежнего государства. Именно в период совместной жизни их с хазарами, в период т.н. арабо-хазарских войн, произошло первое знакомство болгар с исламом, ставшим позднее, с 922 г., их государственной религией. В процессе совместной жизни в Хазарском

каганате болгары научились также по-настоящему торговать, строить города, заниматься ремеслом. И самое важное – именно у хазар приобрели они опыт государственности, общественно-политического устройства, что имело немаловажное значение в период создания собственного государства на Средней Волге.

С юга и востока Волжская Булгария была окружена кочевыми уграми, печенегами и кыпчаками, с севера и запада – оседлыми поволжскими финнами. Со всеми из них болгары поддерживали тесные контакты, в основном мирные, но иногда и враждебные, что вполне закономерно в условиях средневековья. В этих контактных зонах происходили взаимовлияние и взаимопроникновение культур, этнические перемещения. Результатом явилось формирование болгарской народности, своеобразной культуры, в состав которой вливались весьма заметные «чужеродные» группы. Этим объясняется присутствие в книге разделов, посвященных финно-угорским соседям болгар и кочевникам Великой Степи.

Говоря о месте и значении Волжской Булгарии в истории народов Восточной Европы, выдающийся советский археолог А.П.Смирнов более полувека тому назад писал: «Объединив многие племена Среднего Поволжья, Булгарское государство сыграло немалую роль в процессе этногенеза народов Поволжья. Без знания истории волжских болгар нельзя написать историю казанских татар, чувашей, мордвы, мари, удмуртов и коми. Нельзя забывать, что волжские болгары явились основой, на которой сформировалось Казанское ханство и, наконец, история волжских болгар тесно связана с историей древней Руси, особенно с историей Владимиро-Суздальского, Рязанского и Московского княжеств» [Смирнов, 1951, с.3]. Эти слова остаются справедливыми и сегодня.

Предлагаемая вниманию читателя книга написана большим коллективом авторов – высококвалифицированных специалистов из крупных научных центров России и зарубежных стран. На многие проблемы, рассматриваемые в книге, они имеют свои сложившиеся взгляды; некоторые из них являются авторами интересных концепций, иногда и спорных, но заслуживающих

внимания. В таких случаях редакторы не стремились к полной унификации и решили концептуальные взгляды каждого из авторов отразить в тексте во всей полноте. Унифицировано лишь написание названий «Болгария», «Булгария» и «болгары», «булгары», а также «кипчаки» и «кыпчаки». В целях устранения путаницы между дунайскими и волжскими болгарам применительно к первым из них, т.е. болгарам, проживавшим в Приазовье до их переселения на Среднюю Волгу, а также к дунайским болгарам принято написание «болгары», «Болгария», т.е. через «о». Написание через «у» («булгары») оставлено за волжскими булгарами. Город Булгар в современных текстах пишется через «у», а городище – через «о». И, наконец, относительно этнонима «кипчаки», «кыпчаки», разное написание которого встречается в рукописи даже одного и того же автора. Было решено оставить передачу этого этнонима через «ы», как наиболее соответствующую оригиналу источников.

Авторами разделов являются: *Багаутдинов Р.С.*, к.и.н., доцент Самарского гос. ун-та («Ранние булгары на Средней Волге», соавтор *Хузин Ф.Ш.*), *Белавин А.М.*, д.и.н., профессор ПГПУ («Камский торговый путь», «Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария»), *Белорыбкин Г.Н.*, д.и.н., профессор Пензенского гос. педагогического ун-та («Мордва и Волжская Булгария», соавтор доцент *Зеленцова О.В.*), *Белых С.К.*, к.и.н. («Население Вятско-Камского края в булгарское время», соавтор доцент УдГУ *Макаров Л.Д.*), *Большаков О.Г.*, д.и.н., гл.н.с. СПбФ ИВ РАН («Исламский мир в VII – начале XIII в.») *Валеев Р.М.*, к.и.н., первый зам. министра культуры РТ, доцент КГУ («Денежно-весовая система»), *Валеева-Сулейманова Г.Ф.*, доктор искусствоведения, в.н.с. Института истории АН РТ («Булгарское искусство»), *Валиulina С.И.*, к.и.н., доцент КГУ («Стеклоделие»), *Газимзянов И.Р.*, к.и.н., с.н.с. Института истории АН РТ («Антропологический состав населения Булгарии»), *Гараева Н.Г.*, вед. библиограф Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КГУ («Арабо-персидские письменные источники»), *Гмыря Л.Б.*, к.и.н., с.н.с. Института истории, археологии и этнографии Да-

гестанского научного центра РАН («Тюркские народы Северного Кавказа»), *Давлетшин Г.М.*, д.и.н., профессор КГПУ («Письменность и просвещение в Булгарии», «Профессиональные знания и наука в Булгарии», «Устное народное творчество»), *Зимонья И.*, доктор истории, профессор Сегедского ун-та, Венгрия («Зарубежная историография», «Западноевропейские письменные источники о Булгарах»), *Иванов В.А.*, д.и.н., профессор Башкир. гос. педагогического ун-та («Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье», «Печенеги, гузы и торки»), *Измайлов И.Л.*, к.и.н., советник президента АН РТ («Древнерусские письменные источники о булгарах и Волжской Булгарии», «Образование Булгарского государства», «Военное дело», «Внешняя политика», «Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность», «Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии»), *Исхаков Д.М.*, д.и.н., гл.н.с. Института истории АН РТ («Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа», соавтор *Измайлов И.Л.*), *Киртичников А.Н.*, д.и.н., профессор, зав. отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН («Великий Волжский путь. Торговые связи с Северной Европой и Востоком», соавтор *Хузин Ф.Ш.*), *Казаков Е.П.*, д.и.н., гл.н.с. Института истории АН РТ («О взаимодействии волжских булгар с финно-уграми»), *Кокорина Н.А.*, к.и.н., с.н.с. ИА РАН («Гончарное производство»), *Кузьминых С.В.*, к.и.н., с.н.с. ИА РАН («Цветная металлообработка», соавтор *Семькин Ю.А.*), *Кумеков Б.Е.*, д.и.н., директор Международного института кыпчаковедения при КГГЮУ, академик Нац. Академии Казахстана («Кимаки и кыпчаки. Кимакский каганат», «Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав»), *Напольских В.В.*, д.филол.н., профессор УдГУ («Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья»), *Нигамаев А.З.*, к.и.н., доцент ЕГПУ («Социально-политическое устройство. Общественные отношения», соавтор *Хузин Ф.Ш.*), *Никитина Т.Б.*, д.и.н., зам. директора Мар. НИИ («Население Марийского Поволжья в булгарское время»), *Петренко А.Г.*, д.б.н., в.н.с. Института истории АН РТ («Животноводство»), *Полубояринова М.Д.*, к.и.н., с.н.с. ИА РАН («Путь

из Булгарии в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами»), *Рашиев Р.*, д.и.н., с.н.с. Шуменского филиала Болгарской АН («Великая Болгария», «Первое Болгарское царство на Дунае»), *Руденко К.А.*, д.и.н., зав. отделом археологии Нац. музея РТ («Булгарское село», соавтор *Казаков Е.П.*), *Саттарова Л.И.*, кандидат искусствоведения, доцент Казанской гос. академии архитектуры и строительства («Архитектура Волжской Булгарии», соавтор *Измайлов И.Л.*), *Семькин Ю.А.*, к.и.н., доцент Ульяновского гос. педагогического ун-та («Черная металлургия»), *Хакимзянов Ф.С.*, д.филол.н., профессор КГГПУ («Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского языка», соавтор *Измайлов И.Л.*), *Халиков Н.А.*, к.и.н., с.н.с. Института истории АН РТ («Земледелие», «Промыслы»), *Хисамов Н.Ш.*, д.филол.н., директор ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ («Литература. «Кысса-и Йусуф» Кул Гали»), *Худяков Ю.С.*, д.и.н. («Тюркские народы Западной Сибири», «Путь из Булгарии в Сибирь», «Кыпчакские племена Западной Сибири в XI – первой половине XIII в.», «Культура кочевников евразийских степей» (соавтор *Иванов В.А.*), *Хузин Ф.Ш.*, д.и.н., член-корр. АН РТ, в.н.с. Института истории АН РТ («Предисловие к тому», «Отечественная историография», «Археологические источники», «Территория домонгольской Булгарии», «Население Волжской Булгарии», «Булгария – страна городов» (соавторы *Кочкина А.Ф.*, с.н.с. СОИКМ, *Набиуллин Н.Г.*, к.и.н., с.н.с. Ин-

ститута истории АН РТ, *Нигамаев А.З.*, *Ситдииков А.Г.*, к.и.н., зав. Центром археол. исследований Института истории АН РТ), «Городская застройка: жилища и хозяйственные постройки, общественные здания», «Заключение»).

Приложения подготовили: *Аксенов В.В.*, к.и.н., доцент Казанской академии социального образования, *Большаков О.Г.*, *Гараева Н.Г.*, *Хамидуллин Б.Л.*, к.и.н., гл. редактор изд-ва «Фән» («Наука»).

Рисунки по тексту представлены авторами, иллюстрации подобраны *Загидуллиным И.К.*, к.и.н., зав. отделом средневековой истории Института истории АН РТ.

Список источников и литературы составлен *Хузиним Ф.Ш.*

Именной, политико-географический указатели, а также указатель этнических, этнополитических и этносоциальных терминов составлены *Хамидуллиным Б.Л.*, *Байбулатовой Л.Ф.*, к.и.н., н.с. Института истории АН РТ.

В иллюстрировании книги использованы экспонаты из фондов: ГИМа (фотограф *Мочуговский В.А.*), Государственного Эрмитажа (фотографы *Белоус Д.В.*, *Молодковец Ю.А.*, *Теребенин В.С.*, *Хейфец Л.Г.*), Нац. музея РТ, Археологического музея КГУ, археологического фонда Института истории АН РТ, БГИАПМЗ (фотограф *Тухватуллин Ф.И.*), СОИКМ (фотограф *Сташенков Д.А.*) и ВОКМ, археологического фонда Самарского государственного университета. Аэрофотосъемка Билярского и Суварского городищ произведена *Филимоновым Ю.Г.*

Историографический обзор

1. Отечественная историография

Фаяз Хузин

Первые шаги в научном изучении Волжской Булгарии традиционно связывают у нас с именем В.Н.Татищева (1686–1750) – видного историка и государственного деятеля России XVIII в. В действительности же задолго до Татищева, еще в XI–XII вв., в самой Булгарии начинает формироваться историческая школа, одним из ярких представителей которой был Йакуб ибн Нугман. Он написал книгу «История Булгарии», которая, к сожалению, до нас не дошла. Некоторые отрывки из этого сочинения, посвященные истории принятия ислама булгарами, известны нам в передаче Абу Хамида ал-Гарнати, дважды побывавшего в наших краях в середине XII в. [ал-Гарнати, 1971, с.30–31]. Не исключено, что существовали и другие исторические произведения булгар, но конкретными сведениями о них мы пока не располагаем. Однако несомненно, что болгарский народ и его потомки знали и помнили свою историю, воспевали многие героические страницы своего прошлого в легендах, преданиях и дастанах. «Историографию» начального периода есть основание рассматривать как часть формирующейся государственной идеологии Волжской Булгарии.

И в период Казанского ханства «были исторические сочинения официального характера, что подтверждается не только теоретически, но и практически: ряд татарских исторических произведений XVII столетия сохранил на себе отпечатки предшествующих («Сборник летописей» Кадыр-Алибека» и «Дафтар-и Чингиз-наме» анонимного автора)» [Усманов, 1972, с.27]. Любопытно, что и И.Г.Георги, известный естествоиспытатель-путешественник второй половины XVIII в., специально подчеркивал широкую распространенность среди татар исторических сочинений, в которых содержались «изрядные сведения о своих древностях» [Георги, 1799, с.10]. Небольшие экскурсии в болгарскую историю делаются в «Казанской истории» анонимного автора второй половины XVI в. [Казанская, 1954, с.49, 91]. Однако отсутствие конкретных исторических произведений бул-

гаро-татарского периода не дает нам основания выделить его в самостоятельный этап историографии Волжской Булгарии, хотя теоретически это вполне возможно.

Поэтому *первый этап* в изучении Волжской Булгарии мы начинаем только с XVIII в. Завершается данный этап в 1878 г. созданием Общества археологии, этнографии и истории при Императорском Казанском университете. Его следует охарактеризовать как время первоначального накопления в русской исторической науке достоверных сведений о волжских булгарах и их археологических древностях.

Зарождение интереса к болгарским древностям относится к началу XVIII столетия. В 1712 г. дьяком А.Михайловым было сделано первое известное нам описание Болгарского городища с указанием многих зданий и сооружений, в том числе т.н. «малого окопа» – не сохранившихся до нас остатков земляных укреплений домонгольского времени [Невоструев, 1871, с.528 и сл.]. К 1722 г. относится посещение Петром I развалин Булгара. По его инициативе были приняты меры по охране и ремонту болгарских достопримечательностей города, а также скопированы тексты находящихся там 50 мусульманских надгробий [История, 1990, с.47]. В 1732 г. комплекс укреплений города Булгара – внешние валы XIV в. и остатки более ранних укреплений – вошел в описание Н.Савенкова и И.Крапивина [Шпилевский, 1877, с.571 и сл.]

Труд В.Н.Татищева «История Российская с древнейших времен», первый том которого был опубликован в 1768 г., ценен для нас прежде всего тем, что в нем впервые на основе многочисленных данных древнерусских летописей и некоторых других источников изложены важнейшие события и факты из жизни домонгольских булгар. Они, естественно, относятся, в первую очередь к области русско-болгарских военно-политических и торговых отношений. Имеются также интересные сведения об отдельных болгарских городах (Булгаре–Брахимове, Биляре–Великом городе, Жукотине, Ошеле–Ашлы и др.). Весьма

любопытно предположение В.Н.Татищева о строительстве русских городов Нижнего Новгорода, а позднее и Васильсурска на месте старых болгарских городищ: «6729 (1221). Князь великий Юрий заложил град от болгар на устьи Оки реки, имяновав его Новград Нижний, бе бо ту первее град болгарский» [Татищев, 1964, с.360]. Таким образом, «История Российская» впервые ознакомила русскую общественность с волжскими булгарами и способствовала возникновению устойчивого интереса к их истории.

В своем труде В.Н.Татищев специальную главу посвятил кочевникам Великой Степи – печенегам, торкам и половцам и попытался определить происхождение их названий, установить их местопребывание, пути кочеваний, обрисовать общественный строй, религию, взаимоотношения со своими оседлыми соседями [Татищев, 1768, 1, с.114]. В целом же официальная русская историография, начиная с В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина, рассматривала кочевников как силу, препятствующую развитию Русского государства.

Ко второй половине XVIII в. относится деятельность академических экспедиций, проводивших комплексные, разносторонние исследования природных богатств отдельных, в основном восточных и юго-восточных регионов России. Согласно инструкциям, выданным Академией наук России, участники экспедиций в обязательном порядке должны были собирать сведения по истории, культуре и быту народов, населяющих эти регионы. Первое полевое обследование памятников болгарской старины осуществили в 1768–1774 гг. выдающиеся исследователи Н.П.Рычков [1770], П.С.Паллас [1773; 1788], И.И.Лепехин [1795] во время своих путешествий в пределах современного Татарстана, Ульяновской и Самарской областей. Эти путешествия не без основания называют иногда археологическими, справедливо указывая одновременно, что проведенные работы носили в основном регистрационный характер, а научная ценность обследованных памятников во многом оставалась неясной даже для самих исследователей [Формозов, 1961, с.31, 57–58].

Изучение истории, археологии и нумизматики Волжской Булгарии заметно активизируется в XIX в., что не в последнюю очередь было связано с открытием в 1804 г.

Императорского Казанского университета. Имя одного из первых профессоров университета Х.М.Френа (1782–1851) вошло в историю как основоположника восточной нумизматики и первого серьезного источниковеда, сделавшего достоянием российской науки знаменитые «Записки» («Рисаля») Ахмеда ибн Фадлана [Fraehn, 1823; 1832]. Им впервые были определены болгарские монеты X столетия [Fraehn, 1832a], монеты XIII в., чеканенные от имени Насир-лид-дина [Fraehn, 1816], опубликованы интересные археологические находки из Биляра (зеркало и медный сосуд с изображением людей и куфической надписью) [Fraehn, 1822], а также некоторые старинные легенды из болгарской эпохи [Fraehn, 1816a]. Указанные работы Х.М.Френа явились крупным вкладом ученого в историческую науку и оказывали благотворное влияние на ее дальнейшее развитие.

Достойными продолжателями дела Френа в области восточной нумизматики были П.С.Савельев [1846] и В.В.Григорьев [1842], в трудах которых можно найти обширные сведения по истории Волжской Булгарии домонгольского времени, основанные на изучении сообщений арабских авторов и монетных данных. Выдающийся востоковед XIX столетия, В.В.Григорьев (1816–1881), кроме того, известен как автор первого обобщающего труда о волжских булгарах X–XIII вв., опубликованного в «Библиотеке для чтения» за 1836 г. По утверждению автора, Булгарское государство возникло на берегах Волги и Камы «около пятого столетия, если не раньше» и занимало огромную территорию «от Уральских гор до Суры и Оки. От Волги и Камы до берегов Дона, Хопра и Самары», т.е. оно состояло «из многих владений, управляемых особыми князьями» [Григорьев, 1876в, с.80, 98]. Столица находилась на месте Билярского городища. В Булгарской державе, считал В.В.Григорьев, обитали разнородные племена (тюркские, финские, славянские), однако он явно преувеличивал славянский компонент и полагал, что современные дунайские болгары являются потомками волго-камских. Правильно подчеркивая «торговый дух» и высокую образованность булгар, которую они достигли «ранее всех народов северо-восточной Европы, исключая хазаров», автор одновременно упрекает их в чрезмерной воинственности [там же, с.82, 102]. Но,

несмотря на эту воинственность, ученый почему-то считал, что в 1236 г. волжские болгары подчинились монголам почти без сопротивления.

Статья В.В.Григорьева отражает тогдашний уровень исторических знаний о Волжской Булгарии и является одним из серьезных исследований XIX в. в интересующей нас области.

Следует отметить также работы В.В.Григорьева, посвященные обзору политической истории хазар и анализу их государственного устройства [Григорьев, 1876; 1876а; 1876б]. В течение долгого времени эти работы оставались «лучшими и наиболее полными сводами сведений о хазарах и служили ряду поколений русских историков основными пособиями для ознакомления с хазарами и их историей» [Артамонов, 1962, с.29]. Необыкновенным явлением раннесредневековой истории Европы назвал В.В.Григорьев Хазарский каганат: «Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянную войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славились правосудием и веротерпимостью... Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» [Григорьев, 1876а, с.66].

Кроме вышеупомянутых трудов Х.М.Френа, источниковая база исследований по болгарской истории обогатилась в XIX в. еще одной работой – небольшой по объему, но исключительно насыщенной по содержанию книгой известного русского семитолога Д.А.Хвольсона, посвященной публикации с соответствующими комментариями сообщений арабского географа начала X в. Ибн Русте о булгарах и их соседях [Хвольсон, 1869]. Булгароведы активно пользуются этой работой и сегодня, спустя более 135 лет после ее появления в печати.

Интересные сведения о булгарах можно было найти и в книге А.Я.Гаркави, представляющей собой свод сведений арабских писателей о славянах и русских [Гаркави, 1870].

В первой половине и середине XIX в. отмечается активизация археологических

поисков болгарских памятников. В 1812 г. адъюнкт Казанского университета П.Кондырев совершил поездку в Билярск, где ему удалось приобрести интересные находки болгарской старины [Шпилевский, 1877, с.551]. В 1832 г. издатель казанского журнала «Заволжский муравей» М.Рыбушкин посетил Болгары и Билярск и в своих путевых заметках дал подробное описание сохранившихся там памятников [Рыбушкин, 1833]. В различных изданиях выходят интересные статьи и заметки А.Второва [1849], А.Артемьева [1852], И.Березина [1852], К.Евлентьева [1871] и других авторов. Появляются первые сводные работы типа археологических карт, составленные К.Невоструевым [1871] и Н.Вячеславом [1874]. Они включают в себя подробное описание десятков болгарских памятников, в основном городищ, выявленных в разные годы в Казанской, Симбирской и Вятской губерниях. На основе картографии выявленных памятников можно было более конкретно представить территорию Булгарского государства.

Исключительным по важности событием второй половины XIX столетия, определившим дальнейшие перспективы и направления изучения истории Волжской Булгарии, было проведение в 1877 г. IV Всероссийского Археологического съезда в Казани. Специально к открытию съезда был приурочен выход фундаментальной книги профессора Казанского университета С.М.Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» (Казань, 1877). Эта книга, без преувеличения можно сказать, вошла в золотой фонд булгароведения. Она представляет собой обширный свод всех известных к тому времени источников (письменных, археологических, нумизматических, фольклорных и др.) о городах и других археологических памятниках Волжской Булгарии и Казанского ханства. Работу исследователя отличает комплексный и строго критический подход к изучению источников. На этом основании он приводит свои соображения о территории Булгарского государства, локализации известных по письменным данным болгарских племен и городов, хронологии памятников и т.д. Им было впервые выдвинуто и обосновано положение о двух столицах Волжской Булгарии домонгольского времени (Булгар на Волге в X – пер-

вой половине XII в., Биляр–Великий город на Черемшане с 1164 г. и по 1236 г.), которое долгое время господствовало в нашей историографии.

На IV Археологическом съезде был решен вопрос о создании при Казанском университете Общества археологии, этнографии и истории (ОАИЭ). Общество начинает свою деятельность в 1878 г. и быстро становится подлинным центром изучения Волжской Булгарии. Оно выступило инициатором и организатором первых археологических раскопок булгарских городов.

Создание ОАИЭ ознаменовало собой начало нового, *второго этапа* в историографии Волжской Булгарии. Он связан с именами А.Ф.Лихачева, П.А.Пономарева, И.А.Износкова, В.А.Казаринова, Н.Ф.Высоцкого, А.А.Штукенберга, Н.И.Смирнова, М.Г.Худякова, В.Ф.Смолина и др., а также первых представителей зарождающейся национальной исторической науки Ш.Марджани, К.Насыри, М.Зайтова, Г.Ахмарова, Р.Фахрединова и др.

В числе значительных достижений болгарской археологии последней четверти XIX столетия следует отметить работы по локализации (идентификации) исторически известных городов. Место расположения летописного Жукотина было установлено еще А.Артемьевым в его работе 1851 г. Основоположник татарской исторической науки Ш.Марджани в своем фундаментальном труде «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» («Достоверные сведения по истории Казани и Булгара»), опубликованном в 1885 г. на татарском языке, впервые предложил правильную локализацию города Суvara на месте крупного городища у с. Кузнечиха Спасского уезда Казанской губернии [Мәржани, 1989, 91 б.]. Эта локализация была впоследствии блестяще подтверждена видным татарским историком Г.Ахмаровым [1893, с.478–481]. В «Известия ОАИЭ» появляются интересные статьи о местоположении Ошеля [Пономарев, 1892], Джукетау [Пономарев, 1892а], Кашана [Пономарев, 1893], Тубылгытау [Пономарев, 1893а], Кирменчука [Соловьев, 1889] и некоторых других городов с описанием их топографий и находок. Однако археологические раскопки этих памятников почти не проводились, если не считать небольших работ в Биляре [Казаринов, 1884; Пономарев, 1919] и Болгарах [Штукенберг, 1892].

Казанскими краеведами – членами ОАИЭ были осуществлены значительные сборы булгарских древностей, среди которых выделяются крупные коллекции А.Ф.Лихачева и Н.Ф.Высоцкого, составившие впоследствии основу булгарского фонда Государственного музея Татарстана. Работы А.Ф.Лихачева [1876; 1886], Н.А.Толмачева [1884], А.А.Штукенберга [1896], Н.Ф.Высоцкого [1908] и др. позволили выявить характерные черты и своеобразие материальной культуры булгар, однако пока без четкого хронологического членения ее на домонгольский и золотоордынский периоды.

В работах указанных авторов можно найти интересные соображения и по общим вопросам истории Волжской Булгарии. Так, А.Ф.Лихачев вслед за своим предшественником В.В.Григорьевым полагал, что «первое появление булгаров на Волге совпадает с эпохой великого переселения народов», но в отличие от него был убежден, что булгары отнюдь не воинственны, а наоборот «склонны к торговле, земледелию и промышленности; войны избирали, чаще терпели от грабежа соседей, нежели грабили сами» [Лихачев, 1876, с.; 1886, с.]. Первоначально А.Ф.Лихачев поддерживал идею Н.И.Ильминского о булгаро-чувашском родстве, но вскоре отказался от нее и всюду подчеркивал «совершенное тождество болгарской и татарской культуры» [см.: Худяков, 1922, с.15].

Более подробно вопросы болгарской истории разобраны в очерках П.В.Голобовского [1888] и профессора Казанского университета Н.И.Смирнова [1912]. Первый из них преувеличивал «торгово-промышленный характер» Булгарского государства, второй – значение заимствований в формировании материальной и духовной культуры булгар. Так, по утверждению И.Н.Смирнова, кочевые «булгары-чуваши», появившись в V–VI вв. на Средней Волге, заимствовали земледелие у местных финнов, каменную и кирпичную архитектуру, а также часть форм глиняной посуды – из Средней Азии и Ближнего Востока, некоторые формы оружия и утвари – у скандинавов. «Весьма возможно, – писал И.Н.Смирнов, – что первые города и рынки Волжской Булгарии обязаны были своим возникновением хазарам» [Смирнов, 1912, с.22].

Следует упомянуть также первое в до-революционной историографии обобщающее исследование, посвященное этнической, социально-экономической и политической истории кочевых соседей Руси и Волжской Булгарии, – монографию П.В.Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» [Голубовский, 1884]. Данный труд, по оценке специалистов, «явился как бы венцом научного исследования половцев в России до конца XIX в. и отразил все недостатки и достоинства русской историографической мысли в этой области» [Ахинжанов, 1999, с.10]. В числе достоинств работы П.В.Голубовского можно назвать удачную попытку представить картину миролюбивых взаимоотношений половцев и русских, заключавшихся в торговых и культурных связях, в установлении военных союзов против общих врагов, в развитии дипломатических контактов, а не выпячивать искусственно, как это часто бывает, военные столкновения, конфликтные ситуации и негативные явления (грабежи, насилие, разорение) в их взаимоотношениях.

Оригинальные мысли по истории Булгарского государства и о его городах мы находим в книге Н.А.Спасского «Очерки по родиноведению». Он, в частности, утверждал, что город Булгар на Волге был основан на месте прежнего торгового города Бряхимова после полного разорения его монголами в 1236 г. [Спасский, 1912, с.178, 220]. Вопреки широко распространенной тогда концепции С.М.Шпилевского о двух столицах домонгольской Булгарии, Н.А.Спасский убежденно считал, что столица государства находилась не на Волге, а на Малом Черемшане – в Биляре–Великом городе, именовавшемся иногда Булгаром [там же, с.190, 226]. Попутно заметим, что концепция Шпилевского о Булгаре на Волге как первой столице государства не нашла поддержку и у А.А.Спицына, крупного русского археолога, предпринявшего в 1898 г. специальные поиски остатков Булгара X столетия в районе р. Утка Спасского уезда [Спицын, 1901]. Кстати, первые серьезные археологические изыскания в Биляре, начатые в 1915 г. П.А.Пономаревым и М.Г.Худяковым, были приурочены к предстоящему юбилею – 1000-летию приезда багдадского посольства в Булгарию, когда, по их мнению, был заложен

Биляр–Булгар в качестве крепости и столицы страны [Пономарев, 1919, с.48].

Последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуются небывалым подъемом национального движения среди широких слоев татарского народа. Ярким проявлением растущего самосознания татар являются исторические труды Ш.Марджани [Маржани, 1989], Р.Фахреддинова [Фахреддинев, 1993], Г.Ахмарова [Ахмеров, 1998], и многих других авторов, которые рассматривали булгарскую историю как неотъемлемую часть общей истории тюркских народов.

Октябрьский переворот 1917 г. рассматривался обычно как важнейший переломный момент в изучении Волжской Булгарии. В действительности же это не так. Такого перелома не наблюдается вплоть до начала 1930-х гг. Поэтому первые 10–15 лет после Октября 1917 г. можно рассматривать целиком в рамках второго этапа периодизации булгарской историографии.

Однако это не означает отсутствие в указанное время каких-либо исследований в области булгароведения. Наиболее значительными являются работы проф. В.Ф.Смолина (1890–1932). В одной из них, изданной в Казани отдельной книжкой в 1921 г., разбираются основные теории происхождения булгар [Смолин, 1921], в другой, представляющей собой археологический очерк Татарстана с древнейших времен, имеется довольно обширный раздел по истории и археологии Волжской Булгарии [Смолин, 1925]. В освещении этой истории сильно влияние популярной тогда вульгарной социологии первого историка-марксиста М.Н.Покровского. Так, рассматривая социальное расслоение булгарского общества, В.Ф.Смолин выделял «класс капиталистов» и «торговой буржуазии»; булгарский хан, по его мнению, это «первый крупный капиталист в стране» и т.д. Несмотря на все эти погрешности, данная работа Смолина имела, безусловно, положительное значение для последующих поколений исследователей. Ее автор впервые предложил научную периодизацию истории Волжской Булгарии, выделив в ней раннебулгарский (VII–IX вв.), домонгольский (X – начало XIII в.) и золотоордынский (1236 г. – начало XV в.) периоды [там же, с.32]. Этой периодизации, по существу, придерживаются и современные булгароведы.

Отсутствие источников по первому периоду лишило исследователя возможности дать объективную характеристику ранним булгарам на Волге, зато домонгольский период их истории отражен в статье достаточно полно на основании работ предшествующих авторов. В.Ф.Смолин выступил убежденным сторонником тех исследователей (В.В.Григорьев, А.А.Спицын, Н.А.Спасский, П.А.Пономарев, М.Г.Худяков), которые считали Биляр–Булгар на Черемшане единственной домонгольской столицей государства [там же, с.52, 55, 67]. Булгар на Волге, как он полагал, был основан на месте Бряхимова, о чем ученый писал в специальной статье, опубликованной в одном из томов «Известий ОАИЭ» за 1925 г. [Смолин, 1925а]. В этом же томе, кстати, увидела свет большая и интересная статья нумизмата Р.Р.Фасмера, посвященная монетам волжских булгар X в. [Фасмер, 1925].

В 1920-е гг. организуется несколько экспедиций по выявлению и изучению болгарских памятников. Группа поселений была открыта экспедицией проф. В.В.Гольмстен в Самарском Поволжье. В 1928–1929 гг. она производила раскопки Муромского городка, где были вскрыты остатки двух кирпичных зданий, построенных в домонгольское время [Матвеева, 1975, с.129–136]. В эти же годы была организована экспедиция проф. А.С.Башкирова в Биляр, по результатам которой он опубликовал небольшую статью [Башкиров, 1929], выводы которой были некритически использованы потом рядом исследователей для доказательства существования городища в золотоордынское время [Смирнов, 1951, с.230].

Как видим, второй этап в истории изучения Волжской Булгарии, продолжавшийся практически до начала 1930-х гг., ознаменован значительными достижениями. Его характеризуют расширение источниковой базы исследований, начало археологических раскопок на крупных болгарских памятниках, плодотворные работы по локализации исторически известных городов, зарождение национальной историографии татар и пристальное внимание ее к болгарской истории. В то же время важнейшие аспекты истории Булгарского государства (вопросы социально-экономического строя, ремесленного производства, духовной жизни и др.) оставались еще вне поля зрения

ученых или же освещались ими неверно. Так, широко распространенный в то время тезис «Булгария – страна торговая» нередко заслонял другие стороны хозяйственной жизни населения, прежде всего ремесла. В этом отношении характерно высказывание известного историка Н.Н.Фирсова: «Из Болгарии шли предметы разнообразных отраслей промышленности, но болгарский ввоз на Русь не служил показателем промышленного развития Болгарии, ибо болгарский товар был не туземный, а иностранный, привозной, и своим разнообразным составом указывал на обширность болгарского транзита» [Фирсов, 1898, с.482]. Такое заключение явилось результатом неудовлетворительного состояния болгарской археологии, ибо только она могла дать объективное представление об экономической основе государства.

Систематические и планомерные археологические исследования, проведенные московским археологом А.П.Смирновым в 1933–1937 гг. в Суваре и начатые в 1938 г. на Булгарском городище, открывают *третий этап* в изучении истории Волжской Булгарии, продолжавшийся до конца 60-х гг. XX столетия. Выдающийся ученый, автор фундаментальных историко-археологических исследований в области болгарской проблематики, А.П.Смирнов (1899–1974) справедливо считается основателем советского болгароведения, ставшего одной из важнейших отраслей отечественной исторической науки. «Археология Волжской Булгарии, столь важная для понимания исторических процессов, для характеристики истории славян и Руси, была до А.П.Смирнова собранием плохо изученных, приблизительно датированных вещей из случайных малоквалифицированных раскопок и сборов. Теперь, после длительных работ ученого, она стала областью науки с высокоточными методами, подробной хронологией и тщательно продуманной периодизацией, областью, которая развивается бурно и в которой работает много специалистов, в том числе и ученики А.П.Смирнова» [Федоров-Давыдов, 1977, с.5].

Многогранная деятельность А.П.Смирнова как болгароведа начинается исследованиями одного из крупнейших памятников Волжской Булгарии – Сувары, где впервые разрабатывалась научная методика раскопок болгарских городов, благодаря

которой был получен богатый и четко документированный материал, легший в основу современных представлений о материальной и духовной культуре одного из предков поволжских татар. Публикация результатов работ Суварской экспедиции [Смирнов, 1941] до сих пор остается неизменным источником наших познаний об этом замечательном болгарском городе.

Масштабные исследования А.П.Смирнова на городище Великие Болгары составили, можно сказать, целую эпоху в болгароведении. По справедливому замечанию его учеников и коллег, эти работы дали «столько материалов по истории города и Болгарского государства в целом, сколько не было накоплено за весь предшествующий 225-летний период болгароведения» [Аксенова и др., 1977, с.57].

С самого начала исследований на городище основные усилия А.П.Смирнова были направлены на разработку стратиграфической шкалы культурных напластований и изучение социально-исторической топографии памятника. Этими работами началось накопление археологического материала по истории домонгольского Болгара. Первые результаты проведенных исследований на Суваре и Болгаре, а также итоги изучения кардинальных вопросов истории Волжской Булгарии в целом были обобщены им в докторской диссертации, защищенной в 1944 г., и монографии «Волжские болгары», изданной в 1951 г. В указанных работах и других многочисленных публикациях А.П.Смирнов впервые поставил и удачно решил многие проблемы истории древних болгар: о сложении их этноса и культуры, о возникновении государства и его социально-политическом строе, об особенностях хозяйственной жизни населения и военном искусстве, о формировании этнических основ поволжских татар на болгарской основе и т.д. (список трудов по указанным проблемам см.: [Федоров-Давыдов, 1979]).

Исследуя памятники материальной культуры и свидетельства письменных источников, А.П.Смирнов пришел к выводу о том, что древние болгары «были автохтонами степей Приазовья и входили в число алано-сарматских племен, долгое время по литературной традиции называвшихся скифами» [Смирнов, 1951, с.10]. Приход болгар на Среднюю Волгу и начало тюркизации населения этого региона он

датировал VII–VIII вв. и придерживался данной концепции до конца своей жизни.

А.П.Смирнов впервые аргументированно доказал существование феодальных отношений в Волжской Булгарии с 60-х гг. X столетия [там же, с.35 и сл.]. Этот вопрос подробно был чуть раньше исследован и в работе акад. Б.Д.Грекова, который, основываясь на анализе текста новооткрытой Мешхедской рукописи «Записок» Ибн Фадлана, настаивал на дофеодальном характере государства домонгольских болгар [Греков, 1945]. Не соглашаясь с данной концепцией, А.П.Смирнов приводил ряд неоспоримых доказательств в пользу существования еще в эпоху Ибн Фадлана явных элементов классового общества феодального типа. Его основной вывод о том, что «в домонгольский период Булгария была страной с господствующими феодальными отношениями» [Смирнов, 1951, с.37] был принят впоследствии всеми историками-булгароведами. Только некоторые чувашские историки занимали особую позицию. Так, например, В.Д.Димитриев и И.П.Паньков выступили с утверждением о господстве у болгар азиатского деспотизма, переплетающегося с рабовладением [Димитриев, Паньков, 1958, с.69]. И.Д.Кузнецов также высказывался против концепции феодальной Булгарии. В одной из своих работ он писал, что ученые сплошь и рядом допускают ошибку потому, что «во-первых, не учитывают того, что она и не выходила из рамок азиатской формы господства и подчинений, во-вторых, того, что торговля Булгарии держалась и города болгарские жили главным образом на базе транзитной, посреднической торговли» [Кузнецов, 1957, с.22]. А.П.Смирнов убедительно опроверг такого рода безосновательные утверждения [Смирнов, 1962, с.169–174].

В первые же годы после Великой Отечественной войны разворачиваются широкие археологические поиски и стационарные раскопки болгарских памятников. В этих работах активное участие начинают принимать казанские археологи Института языка, литературы и истории КФАН СССР (Н.Ф.Калинин) и Государственного музея Татарии (А.М.Ефимова, О.С.Хованская, З.А.Акчурина). С этого времени ИЯЛИ КФАН СССР постепенно становится одним из основных научных центров изучения Волжской Булгарии. Одной из акту-

альных задач, поставленных перед археологами ИЯЛИ в 1945 г., было составление Археологической карты республики путем сплошной разведки ее территории. Эта работа возглавлялась неутомимым исследователем, основателем казанской школы археологов Н.Ф.Калининым (1888–1959), много сделавшим в области изучения болгарской истории.

Результаты проведенных в 1945–1952 гг. исследований были обобщены Н.Ф.Калининым в одном из разделов книги, посвященной публикации новых материалов по древней и средневековой археологии Татарстана [Калинин, Халиков, 1954, с.63–126]. В этой работе была предпринята первая попытка типологической классификации болгарских городищ, в основу которой были положены размеры укрепленной территории поселений с учетом особенностей их планировки, рельефа местности и характера культурного слоя.

Большое значение в развитии болгароведения имела обобщающая работа Н.Ф.Калинина, написанная им совместно с акад. Б.Д.Грековым [Греков, Калинин, 1948], которая легла затем в основу второй главы I тома «Истории Татарской АССР» (Казань, 1955). Эти работы помогли формированию современных представлений о Волжской Булгарии X–XIII вв. как о раннефеодальном государстве с тюркоязычным населением, основу экономики которого составляли высокоразвитое сельское хозяйство (пашенное земледелие и животноводство), ремесло и торговля как внутренняя, так и внешняя. Именно такую характеристику получили волжские болгары в разделах Ш.Ф.Мухамедьярова и А.П.Смирнова, помещенных в «Очерках истории СССР» [Очерки, 1953; 1958].

1950-е гг. отмечены расширением экспедиционной деятельности археологов. Помимо Болгарского городища значительные раскопки производились Т.А.Хлебниковой, Н.В.Тухтиной, В.Ф.Генингом, А.М.Ефимовой и Г.А.Федоровым-Давыдовым на двух Пальцинских [Хлебникова, 1958] и Криушинском селищах [Тухтина, 1960] в Ульяновской области, Рождественском селище [Генинг и др., 1962] и Балымерском городище [Ефимова, 1962] в Татарской АССР, Тигашевском городище [Федоров-Давыдов, 1962] и других поселениях Чувашии. Археологическими разведками М.Р.Полесских на территории Пен-

зенской области была открыта серия памятников, положивших начало изучению своеобразной культуры юго-западной (пензенской) группы домонгольских булгар [Полесских, 1959]. В распоряжение исследователей поступило огромное количество новых материалов, которые были использованы для создания первых специальных работ по истории основных отраслей ремесленного производства (черной и цветной металлургии, гончарного дела) [Хлебникова, 1964] и земледелия [Кириянов, 1958].

Самым замечательным событием 1950-х гг. в области болгарской археологии было открытие и последующие раскопки первых раннебулгарских могильников – Кайбельского в Ульяновской области [Мерперт, 1957] и Больше-Тарханского в Татарстане [Генинг, Халиков, 1964]. Основная масса погребений этих могильников была датирована второй половиной VIII – первой половиной IX в. В то же время, учитывая ранние вещи в составе погребального инвентаря, исследователи допускали возможность более раннего, на рубеже VII–VIII вв., появления на Средней Волге населения, оставившего Больше-Тарханский могильник. Этническую принадлежность этого населения В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков определили как болгарскую на основе ближайших аналогий погребального обряда и инвентаря с известными материалами болгарских памятников юга Восточной Европы, в особенности Подонья [там же, с.66].

Открытие и широкое исследование уникального Танкеевского могильника в 1960-е гг. дали возможность пополнить и уточнить наши скудные представления о раннебулгарском периоде. В качестве истоков танкеевского населения были определены ломоско-ломоватовские памятники Верхнего и Среднего Прикамья, бассейна р. Чепцы, а также могильники больше-тарханского типа. По материалам Танкеевки удалось проследить «тот сложный этногенетический процесс, который происходил на Средней Волге в период сложения Волжской Булгарии, когда на протяжении веков, начиная с VIII–IX вв., в период крушения родоплеменных традиций из конгломерата разных племен постепенно складывался народ, вошедший в историю под названием волжских булгар» [Халикова, 1971].

Этногенетические проблемы с широким использованием материалов периода Волжской Булгарии исследовались в эти годы в работах, посвященных происхождению татарского [Мухамедьяров, 1968] и чувашского [Каховский, 1965] народов. Успешной разработке этих проблем способствовали работы антропологов, правда, пока еще немногочисленные [Трофимова, 1949; 1956; Герасимова, 1956; Акимова, 1964].

Таким образом, с начала 1930-х и до конца 1960-х гг. советское болгароведение, развивавшееся в качестве самостоятельного раздела исторической науки с присущими только ему проблемами и направлениями исследований, добилося огромных успехов. Сложилась и активно работала смирновская школа археологов-булгароведов (Г.А.Федоров-Давыдов, Т.А.Хлебникова, В.Ф.Каховский, А.М.Ефимова, З.А.Акчурина, О.С.Хованская, Н.Д.Аксенова и др.). Н.Ф.Калининым были заложены основы археологических исследований в ИЯЛИ КФАН СССР, ставшем в 1960-е гг. крупным булгароведческим центром страны. Историография Волжской Булгарии обогатилась ценными работами, которые служили солидной базой для написания обобщающих работ [История СССР, 1966, с.473–475; История, 1968, с.35–54] и дальнейших более углубленных исследований поставленных перед наукой проблем.

Рассматриваемый этап оказался плодотворным и в изучении проблем истории Хазарии и тюркоязычных кочевников евразийских степей. В этой области выделяются фундаментальные труды М.И.Артамонова, особенно монография «История хазар» [1962], по праву названная его ученицей С.А.Плетневой «энциклопедией истории народов Юго-Восточной Европы первого тысячелетия нашей эры» [Плетнева, 1976, с.4]. Широкую известность получили широкомасштабные раскопки Левобережного Цимлянского городища – знаменитой хазарской крепости Саркел и других памятников, проведенные под руководством М.И.Артамонова [1958]. В дальнейшем археологические исследования памятников Хазарского каганата (салтово-маяцкой культуры) и кочевнических древностей были продолжены С.А.Плетневой [1958; 1967], Г.А.Федоровым-Давыдовым [1966].

Четвертый, современный этап в истории изучения Волжской Булгарии начинается в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Бурными темпами развивается археология. Значительно увеличиваются масштабы полевых исследований, начинается широкое применение естественнонаучных методов как в процессе разведок и раскопок, так и в изучении добытых материалов (геофизика, палеозоология, палеоботаника, металлография, спектральный анализ металла и стекла и т.д.). Помимо археологов ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР (с 1996 г. – Института истории АН РТ) и Казанского университета, болгарской проблематикой активно занимаются археологи Москвы, Самары, Пензы, Ульяновска, Чебоксар и Перми.

В числе крупных достижений болгарской археологии на данном этапе следует отметить составление и публикацию наиболее полного свода археологических памятников Волжской Булгарии. Р.Г.Фахрутдиновым, блестяще выполнившим основную часть этой трудоемкой работы, требовавшей многолетних разведочных обследований обширных территорий Среднего Поволжья и архивных поисков, была изучена динамика изменений государственной территории предков татар на протяжении VIII–XVI вв. [Фахрутдинов, 1975]. В 1980-х гг. подобная работа проводилась в Пензенской области Г.Н.Белорыбкиным, дополнившим свод еще 30 городищами и 40 селищами, которые убедительно датированы им домонгольским периодом [Белорыбкин, 1991]. Утверждение Р.Г.Фахрутдинова о позднем, золотоордынском возрасте этих поселений не получило поддержки у исследователей. Разведочные работы в Чувашии, проведенные проф. В.Ф.Каховским и его коллегами, привели также к открытию ряда новых памятников [Каховский, 1980].

Работы по изучению домонгольского болгарского города получили более широкий размах [Хузин, 1993]. Продолжались планомерные раскопки Болгарского городища. История этого выдающегося памятника средневековой Европы нашла отражение в четырех томах коллективной монографии, в которых всесторонне рассматриваются стратиграфия и топография города (Т.А.Хлебникова), его оборонительные сооружения (Ю.А.Краснов), ремесленная и сельскохозяйственная деятельность населения (Л.Л. Савченкова, Ю.А. Семькина, Р.Ф. Шарифуллин, Г.Ф. Полякова, Ю.А.Краснов, А.Г.Петренко и др.), нумиз-

матические материалы (Г.А.Федоров-Давыдов), городские некрополи и антропологические материалы (Л.Т.Яблонский), архитектура и строительное дело (С.С.Айдаров, Р.Ф.Шарифуллин), благоустройство города (В.С.Баранов) и др. [Город Болгар, 1987; 1988; 1996; 2001]. К сожалению, по материалам книг рядовому читателю трудно составить общее представление о домонгольском Булгаре, т.к. этот период его истории специально не выделен из общей истории города, по-видимому, по причине малочисленности материалов.

В конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. развернулись работы по археологическому изучению и других болгарских городов: Муромского городка на Самарской Луке [Васильев, Матвеева, 1986], Джукетау на Каме [Хлебникова, 1975], Суvara [Хлебникова, 1977] и древней Казани [Халиков, 1985], в последующие годы осуществлялись раскопки Золотаревского и Юловского городищ на Суре [Белорыбкин, 1991]. Значение новых материалов из этих памятников для изучения многих вопросов домонгольской Булгарии трудно переоценить.

Однако этапными являются широкомасштабные исследования крупнейшего болгарского города – Билярского археологического комплекса, начатые в 1967 г. проф. А.Х.Халиковым и продолжающиеся практически по сей день его учениками. Усилиями коллектива исследователей, в составе которого не только археологи (А.Х.Халиков, Ф.Ш.Хузин, С.И.Валиуллина, Р.Ф.Шарифуллин, А.Ф.Кочкина, Н.А.Корина, М.М.Кавеев), но и высококвалифицированные специалисты других отраслей науки (историки архитектуры С.С.Айдаров, Ф.М.Забирова, палеоботаники В.В.Туганаев, В.И.Фролова, антропологи С.Г.Ефимова, Р.М.Фаттахов и др.), Биляр стал не только хорошо изученным, но и эталонным памятником домонгольских болгар. В результате обширных раскопок установлена стратиграфия и хронология культурных напластований городища [Хузин, 1995], вскрыты наиболее ранние для северной зоны Восточной Европы кирпичные здания и руины Соборной мечети, многочисленные жилые и хозяйственные постройки, колодцы, остатки пока единственной в болгарской археологии юрты X в., производственные сооружения (гончарные и металлургические горны, мастерская ал-

химика и стеклодува), могильники рядовых горожан и некрополь знати и т.д. [ИВГ, 1976; НАП, 1979; Посуда, 1986; Хузин, 1989; Валиуллина, 1997]. Получен весьма значительный, в ряде случаев уникальный (ручка с рунической надписью XII в., свинцовая печать древнерусского князя Всеволода Большое Гнездо или его сына Юрия, витражное стекло и т.д.) вещевой материал, во многом дополняющий и конкретизирующий наши представления о культуре домонгольских болгар [Культура Биляра, 1985].

Исследования Билярской экспедиции вызвали оживленный интерес научной общественности, особенно в связи с возобновившейся в 1972 г. дискуссией о столице Волжской Булгарии до монгольского завоевания [Смирнов, 1972; Халиков, 1973; Фахрутдинов, 1974; 1975]. В работах А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, Г.М.Давлешина и других исследователей приводились неопровержимые доказательства в пользу столичности Биляра–Булгара с X в. [Биляр, 1991], и их точка зрения постепенно завоевывает сторонников.

В 1990-е гг. археологические раскопки Билярского городища практически прекратились, но продолжались исследования уникальных памятников в его окрестностях, прежде всего II–III Билярских селищ – археологических остатков золотоордынского Биляра [Валиуллина, 1997] и Бальнгузского III (Торецкого) поселения XIV – первой половины XV в. [Валиуллина, 2002]. Материалы данных поселений ценны для изучения проблем преемственности материальной культуры домонгольских и золотоордынских болгар.

В 1994 г. начинаются археологические исследования на территории Казанского кремля и центральной, исторической части города.

Современный этап историографии Волжской Булгарии отмечен прежде всего углубленным исследованием отдельных крупных проблем болгарской истории, которые в силу ряда причин источниковедческого и методического характера оставались раньше в недостаточной степени разработанными.

В области раннебулгарской археологии плодотворные исследования проводили Е.А.Халикова, А.Х.Халиков и Е.П.Казаков, которые осуществили важные публикации материалов Танкеевского и Больше-Тиган-

ского могильников [Khalikova, Kazakov, 1977; Chalikova, Chalikov, 1981]. Раннебулгарская тематика нашла отражение и в изданиях ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР [Ранние болгары, 1989; 1990]. В 1992 г. было издано обобщающее исследование Е.П.Казакова по указанной проблематике [Казаков, 1992]. Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений автора, основной вывод его о нескольких волнах переселений болгар на Среднюю Волгу и сложном этническом составе населения формирующегося государства, в котором, кроме болгарского союза племен, была значительна роль верхнекамских (поломско-ломоватовских) и тюркоугорских (древнемадьярских) племен, обоснован конкретными материалами его многолетних исследований.

Проблемы домонгольской Булгарии разрабатывались в нескольких направлениях. В работах Т.А.Хлебниковой [1984], А.Ф.Кочкиной [1986], И.Н.Васильевой [1993] и Н.А.Кокориной [2001] нашел отражение современный уровень изученности гончарного производства и его основной продукции – керамической посуды. Среди этих работ особо хочется выделить монографию Т.А.Хлебниковой [1984], где она подытожила свои многолетние исследования по проблеме этнокультурного состава населения домонгольской Булгарии на материалах керамики. Выделив по совокупности признаков (форма сосудов, орнаментация, примесь в глиняном тесте, характер обработки поверхности, степень обжига и пр.) около двух десятков групп среди неполивной посуды, она убедительно увязала их с отдельными этносами и проследила взаимовлияния между выявленными этническими группами на разных хронологических этапах их развития. Выводы Т.А.Хлебниковой хорошо согласуются с данными других источников.

С 1980-х гг. наметилась тенденция к применению естественнонаучных методов при изучении болгарского ремесла. Следует отметить интересные работы Ю.А.Семькина по металлографии продукции болгарских кузнецов [Семькин, 1991; 1997] и С.И.Валиулиной по спектрографии стеклянных изделий [Валиуллина, 1995; 2002а]. Работы палеоботаника В.В.Туганова, этнографа Н.А.Халикова и особенно Ю.А.Краснова уточнили наши представления о болгарском земледелии [Культура

Биляра, 1985; Краснов, 1987]. Чрезвычайно интересные данные о животноводстве населения Булгарии опубликованы в монографии А.Г.Петренко, выполненной впервые на остеологических материалах из раскопок поселений [Петренко, 1984].

История торгово-экономических, военно-политических и культурных взаимосвязей между двумя соседствовавшими государствами Восточной Европы X–XIII вв. – Волжской Булгарией и Киевской Русью, а позднее древнерусскими княжествами – оставила яркий след во многих средневековых источниках. Часть из них была уже введена в научный оборот в прежних работах А.П.Смирнова [1951], Б.А.Рыбакова [1969], В.В.Кропоткина [1970; 1973], В.Л.Янина [1956]. Однако в 1980–1990-е гг. было предпринято комплексное исследование этих источников, которое привело к интересным, даже совершенно неожиданным результатам, о чем свидетельствуют статьи из коллективного сборника археологов ИЯЛИ КФАН СССР под названием «Волжская Булгария и Русь» (Казань, 1986) и монография М.Д.Полубояриновой «Русь и Волжская Булгария в X–XV вв.» (М.: Наука, 1993). В 1989–1991 гг. под руководством А.Х.Халикова и А.П.Моци проводились совместные экспедиции по знаменитому торговому пути Булгар–Киев, известному еще по обстоятельным описаниям ал-Идриси (1154 г.). Интересные итоги этих изысканий были подведены в специальном сборнике и монографии, содержащих исключительно богатую информацию о многовековых контактах населения Поднепровья и Среднего Поволжья, о месте и роли в этих контактах караванного пути, соединявшего столицу двух средневековых государств [Путь, 1992; Моця, Халиков, 1997]. Проблемы торговли и торгово-денежных отношений Волжской Булгарии изучались также в работах известных историков-нумизматов А.Г.Мухамадиева [1983; 1990], В.В.Кропоткина [1986], а также Р.М.Валеева [1995]. Большой материал по этой теме собран Е.П.Казаковым на болгарских поселениях низовий Камы, очень близких по многим особенностям протгородским центрам Древней Руси и Северной Европы [Казаков, 1991].

Вопросы экономического и культурного взаимодействия Волжской Булгарии с населением Пермского Приуралья в X–XIII вв. стали предметом исследований

А.М.Белавина, выпустившего недавно интересную монографию на эту тему [Белавин, 2000]. В ней опубликованы итоги многолетней работы автора по систематизации средневековых памятников Верхнего и отчасти Среднего Прикамья, в которых встречены вещи болгарского происхождения. Особо выделяются Рождественское городище и городище Анюшкар, основное население которых составляли болгарские ремесленники и торговцы. А.М.Белавиным учтено более 200 пунктов, материалы которых с несомненностью свидетельствуют о происходивших тогда торговых взаимоотношениях между пермскими финнами и волжскими булгарами, об активной, в основном мирной, болгарской колонизации территории Пермского Приуралья, т.е. тех земель, на которых сформировалась позднее группа пермских татар. Следы такой колонизации ощущаются и в других регионах (Удмуртия, Марийское Поволжье, Чувашия).

Принципиально новый подход ко многим вопросам вооружения и военно-оборонительного дела, монгольского нашествия и его последствий, роли булгар в истории борьбы народов Восточной Европы против монголо-татар выражен в статьях А.Х.Халикова, И.Х.Халиуллина, И.Л.Измайлова и других авторов, опубликованных в тематических сборниках отдела археологии ИЯЛИ КФАН СССР [Военно-оборонительное дело, 1985; Волжская Булгария, 1988]. Наиболее полно проблемы вооружения и военного искусства домонгольских булгар рассматриваются в монографии И.Л.Измайлова [1997].

Итоги изучения сельских могильников и городских некрополей X–XIII вв. подведены в монографии Е.А.Халиковой, в которой на основе выделения особенностей погребального обряда языческих и мусульманских погребений убедительно решены спорные проблемы проникновения и распространения ислама среди болгарского населения, важные не только для изучения духовной культуры, но и этнической истории. Е.А.Халикова на достоверных материалах проследила основные этапы исламизации Волжской Булгарии и показала несостоятельность взглядов тех исследователей (особенно чувашских историков), которые на сомнительных источниках пытались доказывать тезис о преимущест-

венно языческом характере домонгольской культуры булгар [Халикова, 1986].

Основные выводы Е.А.Халиковой были полностью восприняты Г.М.Давлетшиным, перу которого принадлежит обобщающее исследование по духовной культуре населения Волжской Булгарии [Давлетшин, 1990]. В последние годы он расширил тематически и углубил хронологически свои исследования в этой области и представил на суд читателей монографию о духовной культуре тюрко-татар, начиная с гуннских времен и до Казанского ханства включительно [Давлетшин, 1999]. Много нового по истории духовной жизни домонгольских булгар содержится в сборнике статей «Поэт-гуманист Кул Гали» (Казань, 1987), составленном из материалов научной конференции, посвященной 800-летию основоположника болгаро-татарской письменной литературы, автора бессмертной поэмы «Кыйсса-и Йусуф». Искусство Волжской Булгарии X–XIII вв. и более раннего, языческого периода булгар всесторонне исследовано в трудах Ф.Х.Валеева и Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой [1987], Д.К.Валеевой [1983], С.М.Червонной [1987].

На современном этапе изучения истории волжских булгар заметно повысился интерес к палеоантропологическим материалам из языческих и мусульманских могильников. Основные сведения о формировании антропологического состава средневекового населения Поволжско-Приуральского региона изложены в работах В.П.Алексеева [1971], М.С.Акимовой [1973], Р.М.Фаттахова [1979], Н.М.Постниковой-Рудь [1987] и С.Г.Ефимовой [1991]. По краниологическим данным выявлены «три основные территории, откуда в силу исторических причин могло быть продвижение в Среднее Поволжье пришлых групп: территория Верхнего и Среднего Прикамья, степная зона Европейской части и Зауралья, Северный Кавказ», однако в сложении антропологического состава Волжской Булгарии домонгольского и более позднего времени основную роль играло автохтонное поволжско-приуральское население [Ефимова, 1991, с.45, 81].

Заметным явлением в болгароведении стала книга Р.Г.Фахрутдинова «Очерки по истории Волжской Булгарии» (М.: Наука, 1984). В ней ставилась задача исследовать узловые проблемы болгарской исто-

рии домонгольского и золотоордынского периодов на основе классификации, обобщения и сопоставительного анализа письменных и археологических источников. Создание такого обобщающего труда в значительной степени облегчалось наличием в арсенале советского болгароведения солидных трудов по археологии, антропологии, нумизматике и другим историческим дисциплинам. Однако Р.Г.Фахрутдинов основное внимание в книге уделил анализу и комментариям давно уже известных, фрагментарных сведений письменных источников небулгарского происхождения, но они оказались недостаточными для воссоздания полноценной картины истории Волжской Булгарии.

В 1980-е и последующие годы появился ряд интересных работ по проблеме происхождения поволжских татар, в которых болгарскому периоду их истории уделялось значительное внимание. Вопросами этногенеза и этнополитической истории татар активно занимались в последние два десятилетия А.Х.Халиков [1989], М.З.Закиев [1986; 1995; 2003], А.Г.Каримуллин [1988], С.Х.Алишев [1985; 1995], развивающие традиционную концепцию о волжских булгарах как основных предках татарского народа, а также В.Д.Димитриев [1984], В.Ф.Каховский [1984], Р.Г.Фахрутдинов [1993; 1993а], Н.А.Мажитов [1997] и др., являющиеся сторонниками теории татаро-монгольского происхождения современных татар. Наиболее аргументированной в настоящее время является концепция, в основе которой лежит признание более широких тюрко-татарских этнокультурных корней татарского народа [Исхаков, Измайлов, 2000]. «В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория рассматривает период Улуса Джучи, когда на основе пришедших монголо-татарских и предшествующих местных – болгарских и кыпчакских традиций возникли новая государственность, культура, литературный язык» [Татары, 2001, с.43].

Современный этап историографии Волжской Булгарии характеризуется расширением и углублением проблематики исследований, более широким привлечением методов естественных наук [Археология, 2003]. Появились обобщающие исследования Ф.Ш.Хузина о болгарском домонгольском городе [Хузин, 2001], А.М.Губай-

дуллина о фортификации городищ [Губайдуллин, 2002], И.Л.Измайлова о вооружении и военном деле населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. [Измайлов, 1997], Н.А.Кокориной о преемственности болгарской и болгаро-татарской культур на материалах керамики XI – начала XV в. [Кокорина, 2002], а также ряд интересных работ К.А.Руденко, посвященных публикации материалов исследованных им памятников [Руденко, 2000; 2000а; 2001; 2001а; 2002; 2003]. Итоги исследований болгарских памятников Западного Поволжья подведены в монографиях Г.Н.Белорыбкина [2001; 2003]. Значительное внимание в них уделяется проблемам хозяйственного и этнокультурного развития средневекового населения региона.

Особо хочется отметить масштабные раскопки Казанской археологической экспедиции на территории Кремля и в исторической части города, материалы которых дали основание отнести время возникновения столицы Татарстана к концу X – началу XI в. [Хузин, 1999; Хузин, Хакимов, 2000]. Исследования древней Казани вывели ученых еще на одну важную, но недостаточно разработанную проблему – историю Великого Волжского пути и его важной роли в создании единого экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Многие аспекты данной проблемы обсуждались участниками международных научных конференций, проведенных в 2000–2004 гг. по инициативе Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и КГУ при финансовой поддержке Казанского Совета народных депутатов [ВВП, 2001; 2002; 2003; 2004].

Последние три десятилетия отмечены крупными достижениями в изучении археологии и истории Хазарского каганата, древностей средневековых племен и народов евразийских степей. Широкую известность в России и за рубежом получили труды С.А.Плетневой [1973; 1974; 1976; 1982; 1989; 1990; 2000], Л.Н.Гумилева [1989], С.Г.Кляшторного [1984; 1986; 1993], Б.Е.Кумекова [1972; 1987], А.П.Новосельцева [1990], С.М.Ахинжанова [1999], Ю.С.Худякова [1986; 1989; 1995] и других ученых. В указанных работах затрагиваются проблемы взаимоотношений Волжской Булгарии с кочевым миром Юго-Восточной Европы.

Как показывает предпринятый нами историографический обзор Волжской Булгарии домонгольского периода, в изучении богатой и сложной истории этого средневекового государственного образования Восточной Европы усилиями многих поколений отечественных исследователей достигнуты значительные успехи. Начиная с XVIII в. и до середины 1930-х гг. происходило накопление научных знаний о волжских булгарах и становление болгароведения как особого раздела исторической науки. Возникновение болгароведения как комплекса научных дисциплин,

включающего в себя историю, археологию, нумизматику, антропологию, эпиграфику и др., каждая из которых имеет свой предмет исследований, обусловленный спецификой источников и методов их изучения, относится лишь к 30–50-м гг. прошлого столетия. В последние два–три десятилетия происходило его бурное развитие, обогатившее науку ценными открытиями и фундаментальными трудами, являющимися надежной базой для дальнейших более углубленных исследований отдельных проблем болгарской истории.

2. Зарубежная историография

Иштван Зимоньи

Волжскими булгарами и их соседями-кочевниками в первую очередь занимаются те же исследователи, которые являются специалистами по истории средневековой Восточной Европы в целом. Так как тюркоязычные булгары являлись определяющей (и в этническом, и политическом, и социально-экономическом отношениях) частью населения Волжской Булгарии, их истории в первую очередь посвящены научные труды медиевистов, занимающихся историей тюркоязычных кочевников восточноевропейских степей. Важным фактором является то, что волжские булгары, живущие на северной периферии Восточной Европы и вообще мусульманского мира, в начале X в. приняли не какую-нибудь другую религию, а ислам, в какой-то степени связав свою судьбу с багдадским халифатом. Этим актом они обратили на себя внимание мусульманского мира, и культура ислама пустила корни в Восточной Европе. Эти проблемы больше всего интересуют зарубежных ученых.

В жизни Волжской Булгарии огромную роль играла торговля, внутренняя и внешняя, которая активно развивалась благодаря Волжскому и Камскому речным путям – двум важным водным артериям Восточной Европы. Булгарские торговцы связывали Северную, Среднюю и Восточную Европу с мусульманским миром. Зарубежная литература о торговле домонгольских волжских булгар богато представлена. Исследователей волнуют и другие проблемы истории булгар. Мы предлагаем краткий обзор этой

литературы, часть которой, возможно, не известна российскому читателю.

Этот обзор начнем, пожалуй, с энциклопедий. Еще в «Энциклопедии ислама» была помещена статья о волжских булгарах, написанная на немецком языке известным российским востоковедом академиком В.В.Бартольдом [Enzyklopadie, 1913, S.819–825; см. русский перевод: Бартольд, 1968, V, с.509–520]. В новом издании энциклопедии эта статья была переработана и дополнена И.Хрбеком на английском языке [Hrbek, 1960, p.1304–1308]. В недавно вышедшей энциклопедии, вернее «Лексиконе средневековья», история волжских булгар изложена И.Зимоньи [Zimonyi, 1998, S.315–317]. Статьи этого автора о волжских булгарах помещены также в Энциклопедии ранней истории Венгрии [Zimonyi, 1994, p.132–133, 833–735]. В Польской энциклопедии средневековой истории имеется статья Т.Кубяка о волжских булгарах [Kubiak, p.202–203].

В обобщающей работе по истории восточноевропейских кочевников (гуннов, хазар, печенегов и протоболгар) обстоятельная глава, написанная известным польским исследователем Е.Трыярским, посвящена истории и археологии ранних болгар [Tryjarski, 1975, p.184–244]. Американский ориенталист П.Голден два раза успешно, с нашей точки зрения, суммировал историю волжских булгар: первый раз в специальном томе серии «Cambridge History», а потом в книге «Введение в историю тюркских народов» [Golden, 1990, p.234–

242; 1992, p.253–258]. В книге австралийского исследователя Д.Кристьяна тоже имеется небольшой раздел о волжских булгарах [Cristian, 1998, p.296–298]. Заслуживают внимания краткие экскурсы в историю булгар в обобщающих работах по ранней истории тюрков, изданных В.Шарлипом [Scharlipp, 1992, S.78–80] и И.Вашари [Vasary, 1999]. По инициативе турецких ученых недавно была издана много томная работа по истории тюркских народов. В одном из томов данного издания имеется самостоятельная глава, посвященная истории булгар на Волге [Yazici, 2002, p.394–408]. В интересном исследовании известного немецкого историка-советолога А.Каппелера, охватывающем большой хронологический отрезок времени, упоминаются и волжские булгары домонгольского времени [Karpelel, 1978].

Обобщающие монографии по истории волжских булгар до сих пор были опубликованы только на русском языке (см. труды таких известных ученых-булгароведов, как А.П.Смирнов, Р.Г.Фахрутдинов, Ф.Ш.Хузин). В России издавались также специальные монографии, посвященные отдельным проблемам истории и археологии булгар (см. труды Ф.Х.Валеева, И.Л.Измайлова, Н.А.Кокориной, А.Х.Халикова, Т.А.Хлебниковой и др.). До сих пор монография И.Зимоньи о происхождении волжских булгар является единственной книгой, опубликованной за границей [Zimonyi, 1990]. И.Зимонья была также написана и защищена докторская диссертация о разгроме Волжской Булгарии монголо-татарами. Имеются отдельные статьи по указанной теме [Zimonyi, 1984, p.197–204; 1992/1993, p.347–355; 2001, S.52–66; см. также: Allsen, 1983, p.5–24].

Издания и переводы важнейших источников по истории волжских булгар часто сопровождаются подробными комментариями. Считаю целесообразным хотя бы перечислить наиболее ценные из них.

Как известно, рукопись сочинения Ибн Фадлана была открыта в Мешхеде и впервые опубликована З.В.Тоганом вместе с сопровождающими основательными филологическими и историческими комментариями [Togan, 1939]. К.Цегледи дополнил издание и опубликовал факсимиле рукописи [Czegledy, 1950, S.217–263], а Х.Риттер предложил корректировки, направленные на улучшение текста [Ritter,

1942, S.98–126]. М.Канар писал ценные исторические комментарии к французскому переводу [Kanard, 1958]. Такие же комментарии к польскому изданию и переводу подготовили Т.Левицкий, А.Кмьетович и Ф.Кмьетович [Zrodla, 1985].

В сочинениях мусульманских географов X в. сохранились ценные сообщения о волжских булгарах [BGA, I–VIII, 1870–1894]. Французский ориенталист А.Микел подготовил и издал подробное обозрение (о них в своем четырехтомном труде [о волжских булгарах см. раздел во втором томе: [Miquel, 1975, p.272–285]). В текстах ал-Джайхани, ал-Балхи и ал-Масуди сохранились важные информации о волжских булгарах X в. Оригинальное сочинение ал-Джайхани, в котором волжским булгарам была посвящена самостоятельная глава, сохранилось в трудах Ибн Русте, ал-Гардизи, ал-Марвази и в географической компиляции «Худуд ал-алам» (переводы отрывков, касающихся восточноевропейских народов, вместе с подробными историческими комментариями см.: [Gockenjan, 2001]).

Текст Ибн Русте был переведен на французский, польский и венгерский языки с историческими комментариями [Ibn Rusteh, 1955; Zrodla, 1977; Kmosko, 1997, p.193–216].

Критическое издание двух рукописей ал-Гардизи вышло в Тегеране [Habibi, 1963], а новый английский перевод отрывков, касающихся евразийских степей, был опубликован А.Мартинезом вместе с фотокопией старшей, кембриджской рукописи [Martinez, 1982, p.109–217].

Новое издание сочинения андалузийского автора ал-Баكري увидело свет в 1992 г. [al-Bakri, 1992].

Отрывки из сочинения ал-Джайхани были переведены на французский язык Й.Дюсеном [Ducene, 1998, p.259–282].

Факсимиле сочинения «Худуд ал-алам» было издано еще В.В.Бартольдом, позднее в Тегеране увидело свет критическое издание текста [Hudud al-Alam, 1962]. Английский перевод этого персидского сочинения с образцовыми комментариями издал В.Минорский [Minorsky, 1937]. Им же были опубликованы отрывки из текста ал-Марвази, касающиеся народов Восточной Европы [Marvazi, 1942]. Позднее эти отрывки переводились на персидский и турецкий языки [Hazai, 1957, p.157–197].

Сочинение географа ал-Балхи состояло в основном из толкований разных карт. Ал-Истахри, Ибн Хаукал и ал-Мукаддаси пользовались этим оригинальным трудом ал-Балхи. Сведения о волжских булгарах находятся в главе о Хазарском (Каспийском) море. Главы о восточноевропейских степях этих трех авторов были переведены на венгерский язык и снабжены комментариями М.Кмошко [Kmosko, 1997, p.11–133]. Английский перевод отрывков ал-Истахри о волжских булгарах представлен в книге Д.Данлопа о хазарах [Dunlop, 1954, p.91–100; о волжских булгарах см.: с.98–99].

Фрагменты из труда Ибн Хаукаля о волжских булгарах перевел на немецкий язык и снабдил комментариями Й.Маркварт [Markwart, 1924, S.261–334, 266–267], а Крамерс подготовил новое критическое издание и вместе с Вие перевел полный текст на французский язык [Ibn Nauqal, 1964].

Ал-Масуди, побывавший в прикаспийском регионе, тоже писал о волжских булгарах, но нередко он путает их с дунайскими болгарями, иногда даже с венграми. В главном труде ал-Масуди (в главе о Кавказе) находятся ценные информации о волжских булгарах, которые были переведены на немецкий язык Марквартом, потом на английский Минорским, а полный труд был опубликован на французском языке Ш.Пелла [Marquart, 1903, p.149–160; Minorsky, 1958, p.142–165; Masudi, 1962].

Первый научный труд о тюркских языках был написан Махмудом ал-Кашгари, жившим в XI в. при дворе династии Караханидов. Он несколько раз упоминал о волжских булгарах и об их языке [Kasgarî, 1982]. О.Прицак проанализировал эти информации [Pritsak, 1959, S.92–116].

В XII в. андалузский путешественник и купец Абу Хамид ал-Гарнати поехал из города Саксин в Волжскую Булгарию, а потом оттуда через Киев в Венгрию. Его путевые записки сохранились в двух сочинениях [al-Garnati, 1925; Abu Hamid, 1953]. Чешский ориенталист И.Хрбек опубликовал статью, в которой анализировал представление Абу Хамида о происхождении имени волжских булгар [Hrbek, 1956, S.113–119], а Де Визе исследовал легендарный рассказ о принятии ислама волжскими булгарами. Этот рассказ был цитирован Абу Хамидом из оригинального со-

чинения, автором которого был кади города Булгара [Dee Weese, 1994, p.75–78]. Немецкий исследователь Х.Гёкеньян проанализировал некоторые другие легендарные рассказы в сочинениях Абу Хамида [Gockenjan, 2003, S.233–265].

Кроме сочинений арабо-персидских авторов, представляют интерес византийские источники, среди которых выделяется труд византийского императора Константина Багрянородного. Он упоминал о «черных болгарях» [Die Byzantiner, 1995], которых Макартни отождествил с волжскими булгарами [Macartney, 1931, p.150–158].

Имеются и латиноязычные источники о волжских булгарах. Венгерский аноним в своем сочинении «Gesta Hungarorum», датированном второй половиной XII в., рассказывает о некоторых знатных булгарах, которые переселились из Волжской Булгарии в Венгрию [Scriptores, 1937; Nemeth, 1973, S.165–170]. Ценную информацию о волжских булгарах сообщает венгерский монах-доминиканец Юлиан, совершивший в 1235 г. путешествие в Поволжье [Dorrie, 1956; Julianus, 1965; Gockenjan, 1985]. И.Фодор и Х.Гёкеньян проанализировали сообщения Юлиана о волжских булгарах [Fodor, 1977a, p.9–20; Gockenjan, 1977].

Для полноты обзора следует отметить наличие в распоряжении исследователей еврейских источников: в переписке хазарского царя Иосифа с испанским министром Хасдаем ибн Шапрутом сохранились фрагменты о волжских булгарах.

В X–XIII вв. Волжская Булгария являлась важным торговым центром Восточной Европы, связывающим мусульманский мир с Севером и Северо-Западом. Этой проблеме посвящено значительное количество трудов зарубежных ученых. До сих пор не потеряло своего значения обстоятельное исследование Р.Фасмера о монетной чеканке булгар X в., опубликованное на русском и немецком языках [Vasmer, 1925, S.63–84].

Американский исследователь Т.Нунен опубликовал статью о кладах из дирхемов, найденных на территории бывшей Волжской Булгарии [Noonan, 1980, p.294–311]. Он подчеркивал роль торговли в образовании Волжской Булгарии, а расцвет государства объяснил тем, что волжский путь в X в. сменился путем Трансоксания – Хорезм – Казахская степь – Поволжье и При-

камье и стал основным [Noonan, 1984, p.151–282; 1985, p.179–204].

О торговых связях Волжской Булгарии в XI–XIII вв. имеются интересные статьи Т.Нунена [Noonan, 1978, p.371–384] и Д.Мартина [Martin, 1980, p.85–98]. Л.Рихтер-Бернбург [Richter-Bernburg, 1987, S.667–685], А.Назми [Nazmi, 1998] и М.Эсперонье [Esperonnier, 2000, p.409–424] на основе мусульманских источников изучали торговые связи Восточной Европы, в которых, как подчеркивают авторы, волжские болгары занимали одну из ключевых позиций. В более широких рамках исследовал важнейшие евразийские торговые пути Х.Хаусиг в своем двухтомном труде [Haussig, 1983; 1988]. В Сегедском университете С.Полгар написал диссертацию о торговых связях Восточной Европы VIII–X вв., которая будет скоро опубликована.

Что касается товаров, предметов импорта и экспорта, в частности, воска и мехов, то по этой проблеме имеются в зарубежной литературе самостоятельные статьи [Warnke, 1987, S.545–569; Bennigsen, 1978, p.385–400].

В области болгарской проблематики активно работают болгарские и венгерские археологи. Причина понятна: если волжские болгары и дунайские болгары являются по происхождению близкими родственниками, то прародина древних венгров в эпоху раннего средневековья была локализована в Волго-Уральском регионе. В статьях и монографиях известных болгарских ученых Д.Ангелова [1971], С.Ваклинова [1977], Д.Димитрова [1987], Р.Рашева [1982; 2001; 2004] и других авторов затрагивались вопросы, касающиеся истории и археологии протоболгар – общих предков дунайских и волжских болгар. Интересна статья Г.Владимирова о столичном городе Волжской Булгарии [Владимиров, 2002]. Статьи болгарских ученых А.Стойнева, Р.Рашева, С.Станилова, М.Инковой в последние годы печатались в России (Татарстане), статьи ученых-булгароведов из Татарстана (А.Х.Халикова, Е.А.Халиковой, Т.А.Хлебниковой, Е.П.Казакова) – в Болгарии.

Археологические исследования средневековых памятников Татарстана, история болгаро-венгерских контактов давно интересуют венгерских ученых [Feher, 1921, S.25–190]. Этот интерес заметно активизировался в результате успешных раскопок

Танкеевского некрополя в 1960-х и Больше-Тиганского могильника в 1970-х гг., а также некоторых других памятников, материалы которых однозначно свидетельствуют о присутствии угорского, древневенгерского компонента в составе населения ранней Булгарии на Волге. В Венгрии увидели свет статьи и монографии Е.П.Казакова, Е.А.Халиковой и А.Х.Халикова, посвященные публикации материалов вышеуказанных памятников [Chalikova, Kazakov, 1977; Calikova, Chalikov, 1981]. Эти же материалы были привлечены и своеобразно интерпретированы известным венгерским археологом И.Фодором при исследовании проблем этногенеза древних венгров [Fodor, 1982]. И.Фодор является также автором работ по археологии болгар и их контактам с тюрко-уграми [Fodor, 1977; 1979; 1982a].

Археологические памятники волжских болгар удачно были суммированы Ч.Балинтом в монографии об археологии восточноевропейских степей VI–X вв. [Valint, 1989].

О древних венграх в Поволжье пишут в своих монографиях Д.Кришто [Kristo, 1966] и А.Рона-Таш [Rona-Tas, 1999]. Этой же теме посвящена статья И.Зимоньи [Зимоньи, 2002, с.130–186].

Зарубежные лингвисты активно занимались анализом реликтов языка волжских болгар. Значительное количество статей посвящено этимологии слова «булгар» [Sismanov, 1903, 1904; Nemeth, 1978, S.68–71]. Был исследован и титул правителя волжских болгар [Czegledy, 1944, p.179–186; Vombaci, 1970, p.1–66]. Оригинальные памятники письменности волжских болгар X–XIII вв. до сих пор неизвестны, поэтому специалисты могут опираться только на глоссы разных письменных источников, на заимствованные слова, которые перешли из языка волжских болгар в соседние языки, и на эпиграфику надгробных памятников эпохи Золотой Орды. Махмуд Кашгари в свою книгу о тюркских языках включил несколько слов из языка волжских болгар, которые были проанализированы О.Прицаком и Л.Лигети [Pritzak, 1959, S.92–116; Ligeti, 1986, p.460–463]. Г.Дёрфер, Л.Лигети и А.Рона-Таш попытались анализировать слова и имена, которые дошли до нас в письменных источниках, в большинстве случаев в сочинении Ибн Фадлана [Rona-Tas, 1982, p.163–169; Ligeti,

1986, p.456–460; о болгарском варианте названия Киева см.: Pritzak, 1955, S.1–13].

В языках народов, соседствовавших с волжскими булгарами, были заимствованные слова из болгарского, которые сохранились и в современных языках Поволжья. Заимствованные болгарские слова пермских языков были проанализированы А.Рона-Ташем и К.Редеи [Redei, 1983, p.3–41]. Плодотворно работает в области истории болгарского языка (с точки зрения чувашского) К.Адягаши [Adyagasi, 1992, p.1–13; 1997, p.11–15; 2003]. А.Берта подходит к истории болгарского (татарского) языка с иных позиций, считая, что кыпчакский диалект, который является предшествующим языком современного татарского, существовал уже в Болгарии в X–XIII вв. [Berta, 1982, S.14–19; 1989, S.282–283].

В Волжской Болгарии (вторая половина XIII–XIV вв.) эпитафии писали, как известно, на арабском языке, но они содержат и тюркские выражения, иногда и целые предложения. Большинство современных западных исследователей считает, что из этих языковых реликтов болгарскому языку принадлежат лишь те, которые являются предшественниками современного чувашского [Rona-Tas, 1973; Erdal, 1993].

В заключение обзора перечислим наиболее важные труды по истории и археологии тюркоязычных племен, обитавших в восточноевропейских степях и эмигрировавших позднее на территорию Среднего Поволжья. Из них следует упомянуть работы Д.Моравчика [Moravcsik, 1930, S.53–90], В.Бешевлиев [Besevliev, 1981], И.Зимони [Zimonyi, 2002] и др. Письменные источники по истории государства хана Кубрата (Куврата) анализировал Х.Лаутербах [Lauterbach, 1967, S.539–619], Й.Вернер посвятил монографию вопросу о могиле Кубрата [Werner, 1984], А.Рона-Таш сопоставил результаты археологии с письменными источниками [Rona-Tas, 2000, p.1–22].

В период почти до конца X столетия, как об этом свидетельствуют исторические источники, волжские булгары были под протекторатом Хазарского каганата. Поэтому изучение хазарской истории неизбежно для тех, кто занимается историей волжских булгар. Зарубежные историки

при изучении хазарской истории в первую очередь опирались на письменные источники. Д.Данлоп пользовался мусульманскими и еврейскими источниками [Dunlop, 1954]. П.Голден собрал хазарские глоссы и проанализировал их [Golden, 1980]. В последнее время Д.Лудвиг писал образцовый труд о хазарах по письменным источникам [Ludwig, 1982]. Новейшая монография написана Бруком, суммировавшим результаты исследований о хазарах [Brook, 1999].

В 965 г. князь Святослав свергнул хазарскую власть. В Восточной Европе сложилась новая политическая ситуация. Киевская Русь, приняв христианство при посредничестве Византии, стала другой доминирующей политической силой в Восточной Европе, а потом эти политические отношения были в меньшей мере изменены половцами, мигрировавшими в восточноевропейские степи в середине XI в. Отношения между волжскими булгарами и Русью вначале были мирные, решающий переворот наступил в середине XII в., когда отношения стали враждебными из-за соперничества за контроль над волжской торговлей. Некоторые из этих проблем стали предметом исследования в обобщающих трудах западных историков [см., например: Paszkiewicz, 1934; 1963; Vernadsky, 1948; Handbuch, 1981; Pritsak, 1980; Goehrke, 1992; Heller, 1993].

Южными соседями волжских булгар с середины XI в. были кыпчаки-половцы. Их история тесно связана с историей Волжской Болгарии. Булгарские правители обращались к ним за помощью в борьбе с владими́ро-суздальскими князьями. Часть половцев проживала в южных районах страны, принимая участие в формировании болгарской народности. Булгарские торговцы создавали фактории или торговые базы в городах на территории половцев. В трудах П.Голдена, Л.Рашони и А.Палози-Хорват и других исследователей эти вопросы нашли достаточно подробное освещение [Golden, 1991, p.58–101; 1984, p.45–87; 1986, p.5–29; 1995–1997, p.99–122; Rasonyi, 2000, p.303–331; Paloszi-Horvath, 1989].

Обзор источников

1. Арабо-персидские письменные источники

Нурия Гараева

Арабо-персидские источники для изучения истории государств и народов востока и юго-востока европейской части России второй половины VII–XIII вв., в том числе и Волжской Булгарии, имеют значение аутентичных памятников, поскольку Арабский халифат на протяжении домонгольского периода своего существования (середина VII – первая половина XIII в.) находился в постоянном контакте с народами и государствами не только Закавказья, но и Северного Кавказа, степей Каспийско-Черноморского междуморья, Нижнего и Среднего Поволжья.

Их материалы распадаются на две группы: сведения историков¹ посвящены событиям арабо-хазарских войн второй половины VII – первой половины VIII в., а сведения географов относятся к IX–XIII вв., когда, после длившегося почти сто лет противоборства за преобладание на Кавказе, между Арабским халифатом и Хазарским каганатом установились мирные отношения: начали развиваться торговые контакты и обмен людьми. Данные этих групп источников почти не перекликаются друг с другом, но в обоих случаях в большей или меньшей степени они объединяют книжную, научную традицию и личные впечатления и наблюдения очевидцев: либо непосредственных участников военных походов арабов к Дербенту и на север от него, либо мусульманских купцов и ученых, путешествовавших в дальние страны по торговым делам или по средневековой традиции в поисках знаний.

Сведения арабских географов представляют собой соединение знания астрономии, математики и географии древних и современные наблюдения очевидцев.

¹ Имеются в виду материалы Халифы ибн Хайята, ал-Йакуби, ал-Балазури, ат-Табари, Ибн Асама ал-Куфи, Балами, Ибн ал-Асира [ИТ, 2002, с.440 и сл.].

Первые сведения о Волжской Булгарии и соседних с ней башкирах, буртасах, русах, ас-сакалиба и других народах приводят ранние арабские географы: Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Ибн Русте, ал-Масуди, Ибн Фадлан, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Бируни, ал-Идриси, ал-Гарнати, Йакут ал-Хамави, а также ал-Марвази и анонимный «Худуд ал-алам».

По жанру сочинения арабских географов относятся в основном к описательной географии, а также к сочинениям математической географии.

Сочинения первой группы представлены описаниями путешествий (Ибн Фадлан, ал-Гарнати) с подробным изложением увиденных воочию необычных для мусульманского мира явлений (диковин – ‘аджаиб) и «Дорожниками» разветвленной и хорошо организованной почтовой службы Арабского халифата («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик», т.е. «Книги путей и стран»), содержащих точные сведения о расстоянии между населенными пунктами, обозначенными иногда в милях или фарсах, а иногда количеством смен лошадей (сикк) на станциях между населенными пунктами.

Приведенные в сочинениях Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха, Ибн Русте, ал-Истахри, Ибн Хаукаля, ал-Идриси краткие сведения о народах Среднего Поволжья рассеяны среди материалов о Северном Кавказе и Нижнем Поволжье и в целом их объем не велик. Поскольку путь в северные страны обычно пролегал из Закавказья на Северный Кавказ и в Прикаспийские степи, и дальше на север к хазарам, булгарам, буртасам, печенегам, башкирам, ас-сакалиба, русам (через Дербент вдоль побережья Каспийского моря, к устью Волги, а далее на север по реке или ее берегу), то и информация о дорогах, почтовых станциях на пути в Поволжье, а также о других особенностях стран, куда направлялся пу-

тешественник, группировались в литературе вместе с материалами о Закавказье, Северном Кавказе, степях между Черным и Каспийским морями, Нижнем и Среднем Поволжье, а также о других «неведомых землях», в том числе стране Йаджудж и Маджудж, расположенных далеко на севере от земель болгар и русов.

В сочинениях по математической географии (а это, в основном, труды по астрономии) сведения по географии приводились обычно для иллюстрирования астрономических выкладок авторов (Мухаммад ал-Хваризми, Абу Райхан ал-Бируни).

Изучение истории востока и юго-востока европейской части России на базе арабо-персидских источников имеет в России длительную историю.

Начало изучению этих источников положил в 20-х гг. XIX в. Х.Френ рядом исследований сведений Ибн Фадлана о булгарах, русах, хазарах [Fraehn, 1823]. Весь XIX в. основной задачей востоковедов было выявление и публикация материалов арабо-персидских историков и географов как о домонгольском, так и золотоордынском периодах истории народов России. Причем изучение источников шло от более поздних сочинений, широко распространенных в рукописных списках, к более ранним и более редким². Каждая публикация новых сведений была одно-

² Особенно это было характерно для исторических сочинений. Например, исследование арабо-хазарских войн началось в XIX в. на основе материалов изданного А.Казем-беком в 1861 г. «Дербент-намэ», а также «Тарих-и Дагестан», «Истории Ширвана и Дербента» и турецкого перевода «Тарих-и Табари». Во всех этих сочинениях приводилась явно одна и та же версия событий, отсутствующая в арабском оригинале, но хорошо известная по распространенной персидской версии сочинения ат-Табари. Считается, что часть сведений «Дербент-намэ», «Тарих-и Дагестан», «Истории Ширвана и Дербента» восходит или к турецкой, или персидской версиям сочинения ат-Табари. Но в основу турецкого перевода «Тарих-и Табари» был положен не арабский оригинал «Китаб тарих ар-русул ва-л-мулук», а выполненное Балами персидское переложение сочинения ат-Табари, в которое отсутствующие в оригинале ат-Табари материалы о походах Марвана ибн Мухаммада переводчик включил из сочинения Ибн Асама ал-Куфи, арабский оригинал же сочинения ал-Куфи не был известен до середины XX в.

временно и историческим исследованием, а каждое исследование непременно сопровождалось публикацией какого-то нового текста. Такими были все работы Б.Дорна. Публикация отрывков из рукописей, касающихся Восточной Европы и Кавказа, характерная для русского востоковедения [Куник, Розен, 1878; Хвольсон, 1869; Гаркави, 1870; 1871], шла на фоне интенсивной деятельности европейских востоковедов по изданию арабских и персидских исторических и географических сочинений [Gabrieli; de Goeje], которые способствовали пониманию и аналитическому осмыслению в более широком контексте тех сведений, которые касались специально исследуемого региона. Основная масса источников о юго-востоке европейской части России была опубликована и исследована к концу XIX в. Затем до середины 20-х гг. XX в. в отечественном востоковедении в основном издаются подборки переводов по региональному принципу [Караулов, 1901; Куник, 1903; ал-Балазури³; ал-Йакуби; Ибн ал-Асир, 1940].

Новая волна исследований приходится на 30-е гг. и связана с введением в научный оборот текста «Рисали» («Записки») Ибн Фадлана [Togan, 1939; Ибн Фадлан, 1939]. Удача обнаружить в мечети г. Мешхеда рукописный сборник выпала А.-З.Валиди-Тогану. Помимо «Записки» Ибн Фадлана рукопись содержит более пространную версию⁴, чем текст критического издания, «Ахбар ал-булдан» («Сведения о странах») Ибн ал-Факиха и «Вторую записку» Абу Дулафа, важного источника для истории тюрков Средней Азии [Togan; Булгаков, Халидов, 1957].

На рубеже 30–40-х гг. XX в. исследованием и выявлением материалов арабских

³ Переводы из исторических сочинений ал-Балазури, ал-Йакуби и Ибн ал-Асира были подготовлены Пантелеймоном Крестовичем Жузе (по происхождению араб-христианин из Палестины), который в начале XX в. занимал должность доцента Казанской духовной академии, помимо арабского языка знал турецкий, сотрудничал с Н.Ф.Катановым, который хотел ввести его в состав Казанского Временного комитета по делам печати (сент. 1912 г.).

⁴ В критическом издании отсутствует глава о тюрках.

источников по истории юго-восточной Европы занимались А.-З.Валиди-Тоган и А.-Н.Курат. В частности, их публикации фрагментов из обнаруженного в Хайдарабаде арабского оригинала «Китаб ал-футух» Ибн Асама ал-Куфи положили начало критическому исследованию материалов арабских историков об арабо-хазарских войнах [Togan, 1939; Kurat, 1949; Dunlop, 1957]. А.-З.Валиди-Тоган исследовал «Китаб сурат ал-ард» астронома Мухаммада ал-Хваризми, а его публикация арабского текста «Пятой книги» «Масудовского канона» Абу Райхана ал-Бируни до сих пор остается надежным изданием этого текста, который был положен в основу перевода сочинения на русский язык [Validi-Togan, 1940]. Были опубликованы ранние списки сочинений на персидском [Minorsky, 1937] и тюркском языках [Минорский, 1963].

После некоторого перерыва в научных исследованиях, произошедшего из-за второй мировой войны, они возобновились с обращения к сочинениям мешхедской рукописи. Наибольшее количество публикаций было посвящено «Рисале» Ибн Фадлана [Ибн Фадлан, 1956; Ritter, 1942; Czegledy, 1951; Canard, 1958; Blake, Frye, 1949; Dunlop, 1949], итогом которых стало новое издание арабского текста «Рисали» [Рисала Ибн Фадлан, 1959; Рисала Ибн Фадлан, 1978].

В 60–70-е гг. обзор материалов арабских источников был сделан Т.Левецким

[Lewicki, 1956], Б.Н.Заходером [Заходер, 1962–1967].

Публикация русского перевода «Муриб ан бад аджаиб ал-магриб» («Ясное изложение некоторых чудес Магриба») андалузского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати [1971] начала серию публикаций специальных исследований и переводов на русский язык полных текстов сочинений арабских авторов, материалы которых ранее были известны только по фрагментам. В их числе полный перевод «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран») Ибн Хордадбега.

На рубеже XX–XXI вв. исследования сведений арабских авторов приобрели форму тематических исследований, посвященных определенной группе известных о буртасах, славянах, русах Восточной Европы [Калинина, 1976; 1984; 1994]. Обзору всех сведений арабских источников об ас-сакалиба посвящена отдельная монография [Мишин, 2002]. Специально исследовались комплекс материалов ал-Идриси о народах Восточной и Западной Европы [Бейлис, 1984, с.208–288; Коновалова, 1999]. Составляются и аналитические обзоры материалов арабо-персидских источников о Булгаре [Zimonyi, 1990], древней Руси [Древняя Русь, 2000. Восточные источники, с.169–258] и др.

Целый ряд исследований посвящен исследованию трудов арабских астрономов (например, Мухаммада ал-Хваризми, Ахмада ал-Фаргани, Сухраба ибн Сарабийун).

2. Древнерусские письменные источники о булгарах и Волжской Булгарии

Искандер Измайлов

Основными среди древнерусских источников считаются летописи. Впервые исторические записи стали вести в Киеве в первой половине XI в., далее на протяжении нескольких веков (вплоть до XVII в.) они велись непрерывно, периодически оформляясь в отдельные летописи.

Состав летописей довольно сложен и включает записи событий за год, документы (в т.ч. международные договоры,

частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (различные «повести», агиографические повествования, «хождения») или их фрагменты, а также записи фольклорного характера.

Повесть временных лет (ПВЛ). Начало древнерусского летописания обычно принято связывать с устойчивым общим текстом, которым начинается подавляющее большинство дошедших до нашего време-

ни летописных сводов. Отдельные списки ПВЛ не сохранились и ее текст – результат реконструкции. Во всех сохранившихся сводах ее текст сливается с рассказом ее продолжателей, который в поздних сводах доходит до конца XVI в. В разных летописях текст ПВЛ доходит до разных годов: до 1110 (Лаврентьевский и близкие ему своды) или до 1118 г. (Ипатьевская и связанные с ней своды). Скорее всего, речь идет о разных редакциях первоначального текста Начального свода.

Поскольку ПВЛ передавала сведения с древнейших времен и до начала XII в., в нее вошли известия о булгарах и Булгарии времен Владимира Святославича – повести о походе на болгар 985 г., о «выборе веры», о походе болгар на Муром 1088 г. и т.д. Известия о походе на болгар и выборе веры имеют явно фольклорные мотивы и вошли в состав летописи, очевидно, из какого-то устного сказания.

По мере подъема политической самостоятельности отдельных древнерусских земель летописные традиции продолжали развиваться на местах. Наиболее полные и оригинальные сведения о Волжской Булгарии XII – первой трети XIII вв. сохранили следующие летописные своды.

Южнорусское летописание представлено рядом летописей. *Ипатьевская летопись*. В составе Ипатьевской летописи можно различить две главные части, слитые между собой. Первая, начинаясь ПВЛ, доведена до 6706/1198 г., после чего в ней читается обширная запись о закладке каменной стены в монастыре Михаила, что на Выдубыче, великим князем Рюриком Ростиславичем; вторая, начинаясь вслед за панегирической «похвалой» Рюрику Ростиславичу, описывает события, наступившие в юго-западной Руси после смерти великого князя Романа Мстиславича; от первой части эта галицко-волинская летопись отличалась отсутствием хронологической сети, составляющей непрерывную принадлежность всех вообще древнерусских летописей; указания «в лето 6712», «в лето 6713» и т.д. вставлены составителем Ипатьевского списка, а не его протографа [Шахматов, 1938, с.69]. Текстологический анализ позволил ученым высказать предположение о существовании киевского

великокняжеского свода 1200 г. Считается общепринятым, что свод был составлен при князе Рюрике Ростиславиче в Выдубицком монастыре и его автором был его игумен Моисей.

В качестве источников свода 1198 г. исследователи называют киевский свод Святослава Всеволодовича (основной источник, оканчивавшийся описанием кончины князя в 1194 г.), при котором была совершена редакция великокняжеской киевской летописи; семейную хронику Ростиславичей, братьев великого князя (точнее, сборник их некрологов, составленный в том же Выдубицком киевском монастыре при Рюрике); семейную летопись черниговского князя Святослава Ольговича и его сыновей, Олега и Игоря Святославичей (доведена до 1198 г.); княжескую летопись Переяславля Южного, рассказывающую о военных подвигах Владимира Глебовича и доведенную до кончины князя (1187 г.); владимирский летописный свод 1189 г. (или 1193 г.), который также являлся сводом, но северо-восточного русского летописания [Лимонов, 1967, с.90–91]. Кроме Ипатьевского списка, источниками изучения южнорусского летописания XII–XIII вв. служат близкие ему Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (конец XVII – начало XVIII в.) и другие списки, а также списки Воскресенской и основной редакции Софийской I летописей (о списках и истории текста см.: [Клосс, 1998, Е–N]).

В южнорусском летописании сохранились дополнительные сведения о русско-булгарских взаимоотношениях, восходящие к владимирским летописным сводам (1177 г., 1198 г. и др.) и исключенные из северо-восточного и общерусского летописания.

Новгородское летописание одно из самых древних и не прекращалось все время истории русского летописания. *Новгородская первая летопись (НПЛ)* в своей основе летопись, которая велась в канцелярии новгородского епископа. Известны два извода (редакции) – старший, доведенный до 30-х гг. XIV в. (утрачены известия до 1016 г., 1273–1298 гг.), и младший, продолженный до 40-х гг. XV в. (свод 1432 г. с последующими дополнениями вплоть

до 1446 г.). В изложении событий XII в. оба извода близки, однако можно предположить, что младший извод сохранил более ранний вариант текста, использовавшийся при составлении летописи старшего извода.

Северо-восточное летописание включает в себя целый ряд летописей, сохранившихся в ряде более поздних летописных сводов, таких, как Радзивилловский (конец XV в.), Московский Академический (XV в.), Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС) (список 60-х гг. XV в.) и Лаврентьевский список (1377 г.). Текстологическое сличение их позволило выявить, что в их основе лежат три владимирских великокняжеских свода: 1177, 1193 и 1212 г. Содержавшиеся в них сведения о Волжской Булгарии, сохранившиеся в составе более поздних летописных сводов, и составляют основной тезаурус древнерусских знаний о булгарах и их стране.

Радзивилловская (Кёнигсбергская) летопись является древнейшей русской лицевой летописью и сохранилась в единственном списке (конец XV в.). В XVII в. она находилась в библиотеке князей Радзивиллов (отсюда и ее название), пока один из них не подарил ее библиотеке Кёнигсбергского университета (отсюда ее второе название), откуда она была после Семилетней войны перевезена в Санкт-Петербург. Изложение событий по годам доведено до 1206 г. включительно, весь текст проиллюстрирован миниатюрами (более 600). В тексте этой летописи отразились два важных этапа в истории русского летописания: ПВЛ и владимирский свод начала XIII в.

Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС) сохранился в единственном списке 60-х гг. XV в. и включает ПВЛ и ряд сводов. Статьи за 1138–1214 гг. отражают владимирское летописание начала XIII в. По мнению А.А.Шахматова, этот текст ЛПС теснее связан с Радзивилловской, чем с Лаврентьевской летописью. Б.М.Клосс обосновывает гипотезу, что Лаврентьевская летопись и ЛПС восходят к разным редакциям свода 1205 г., составленным в окружении великого князя Всеволода Большое Гнездо. Как бы то ни было, его

сведения несколько дополняют сведения из других летописных сводов.

Лаврентьевская летопись составлена или переписана с готового оригинала в 1377 г. для великого князя Дмитрия Константиновича по благословиению Дионисия, епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого [Шахматов, 1938, с.5–10]. Кроме ПВЛ, Лаврентьевская летопись содержит повествование о южнорусских и суздальских событиях (1111–1205 гг.) и затем изложение общерусского характера с явным в начале местным ростовским характером (1206–1305 гг.). Сложная композиция Лаврентьевской летописи или, точнее, Лаврентьевского летописного свода, свидетельствует, что она представляет собой компиляцию нескольких летописных сводов. По мнению текстологов, наиболее полно текст этого свода сохранил владимирский свод 1193 г.

В связи с тем, что в 1305 г. великим князем владимирским стал тверской князь Михаил Ярославич, центр великокняжеского летописания переместился в Тверь, где, вероятно, еще в конце XIII в. начинают вестись летописные записи. Создание здесь великокняжеского свода начала XIV в. совпало с усвоением Михаилом Ярославичем нового титула – «великий князь всея Руси». Как общерусский, свод включил не только местные, но и новгородские, рязанские, смоленские, южнорусские известия. Свод 1305 г., судя по исследованиям А.А.Шахматова, и стал основным источником Лаврентьевской летописи.

Продолжением этого свода стали новые общерусские летописные своды 1328 и 1327 гг., созданные в Твери. Их следы дошли в составе более поздних московских летописей (Троицкая и Симеоновская). Таким образом, летописный свод, явившийся протографом Лаврентьевской летописи, через цепочку редакций и сводов стал основой для описания событий XII в. в целом спектре летописных сводов, имевших протографом свод 1305 г. и восходящие к нему своды начала XV в.

Первым общерусским митрополичьим сводом стала т.н. *Троицкая летопись* 1408 г., отразившаяся преимущественно в Симеоновском списке, некоторых других летописях, в примечаниях Н.М.Карамзина

к «Истории Государства Российского». По мнению Б.М.Клосса, этот свод мог быть составлен в Троицком монастыре Епифанием Премудрым, автором «Жития Сергия Радонежского». Я.С.Лурье, однако, настаивает на том, что свод 1408 г. был составлен именно в Москве. При этом исследователь предполагает, что своды 1390 и 1408 гг. были, по существу, двумя редакциями общерусского митрополичьего свода. Характерной чертой его является отсутствие каких-либо промосковских и антиордынских тенденций.

В конце 40-х гг. М.Н.Тихомиров обнаружил Уваровский список *Московского летописного свода конца XV в.* В нем свод 1479 г. продолжался до 7000/1492 г. Уваровский список полностью отражает великокняжеское летописание – от самого начала до конца. Выявленный свод отразился в основных сводах XVI в. – Воскресенской, Иоасафовской, Никоновской и других летописях. Московский летописный свод конца XV в. – это развернутые сообщения о важнейших актах великокняжеской политики, о великокняжеской семье, строительстве в Москве и других городах и т.д. Почти все оценки, встречающиеся здесь, носят вполне официальный характер, оправдывая действия великого князя московского. Свод дошел до нас как в более или менее полном виде, так и в виде фрагментов за 80–90-е гг. XV в., присоединенных к сводам неофициального характера.

Относительно поздняя (конец XV в.) *Симеоновская летопись* в части до 1391 г. непосредственно отразила тверскую редакцию свода начала XV в., благодаря чему ряд ее сведений позволяет исправить и дополнить утраченные в Троицкой и частично Лаврентьевской летописях известия.

Другой летописью, восходящей к протографу Троицкой и близкой московскому летописанию, является *Типографская летопись*. Хотя общий текст всех ее полных списков доходит до 1484 г., но Типографская-Синодальная имеет ряд вторичных чтений по сравнению с другими редакциями и, что особенно важно, по сравнению с Типографской-Академической, с которой она связана общим протографом. Но оригинал Типографской-Академической оканчивался 1489 г., как и оригинал Типограф-

ской-Библиотечной и Типографской-Мазуринской редакций. В основе редакций лежит Ростовский свод 1489 г., завершившийся известием о смерти митрополита Геронтия. Это был летописный свод архиепископа Тихона. Таким образом, гипотезу А.А.Шахматова о существовании свода 1484 г. – протографа Типографской летописи – приходится отклонить [Клосс, 2000, с.Х–ХI].

Никоновская летопись была составлена в конце 20-х гг. XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522–1539). Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. В результате кропотливой работы над сохранившимися списками летописи Б.М.Клосс выявил ее оригинал – список Оболенского. Благодаря этому были уточнены датировка и место составления свода, установлены скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г. Основными источниками Никоновского свода, по мнению Б.М.Клосса, были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (т.н. Новгородская Хронографическая) и близкая по времени к Никоновской Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский Хронограф [Клосс, 1980]. Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, причем часть из них уникальна. Использование большого числа источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода, которая, скорее всего, явилась результатом редакторской и авторской работы ее составителя в первой половине XVI в. В первую очередь это касается «избыточных» сведений. В этой связи доказано, что целый ряд подобных сведений, касающихся Булгарии и ее населения, инкорпорированных в текст ПВЛ (например, сведения о походах на Булгар Владимира в 994 и 997 гг., известие 990 г. о приходе в Киев болгарских князей, чтобы там креститься) и в более поздние летописные рассказы (вставки-распространения текста известий о походах

1164, 1173, 1183, 1220 гг., а также наименование населения Булгарии как «Болгаре ныне глаголемы Казанцы») являются дополнениями ее редактора. Тем не менее Никоновская летопись – один из важнейших источников по истории русского средневековья, поскольку дает богатый материал для изучения формирующейся имперской идеологии рождающегося русского царства.

Этот краткий анализ русских летописных сводов показывает сложный характер их формирования и позволяет сделать вывод об их неоднократной переработке и редактировании.

В связи с анализом древнерусских летописей следует указать на проблему достоверности сведений по истории Руси и соседних с ней стран, содержащихся в труде «История Российская» В.Н.Татищева. Это касается и сведений о русско-булгарских взаимоотношениях X–XIII вв., которые неоправданно часто цитируются исследователями в качестве летописных известий. Кроме описаний, заметно расширяющих летописные сведения, в тексте «Истории Российской» читаются «избыточные» сведения (например, о русско-булгарском договоре 1006 г., о причинах русско-булгарской войны 1183 г., походе на Булгарию 1209 г. и т.д.). Между тем трудами С.Л.Пештича [1961], Б.М.Клосса, Е.М.Добрушкина [1976; 1977], Я.С.Лурье [1997] и особенно А.П.Толочко [2005] установлено, что никаких «неизвестных летописных сводов» (типа Раскольничьей или Иоаки-

мовской летописей) в распоряжении В.Н.Татищева не было. Анализ текста его «Истории Российской» и различных ее редакций показал, что в распоряжении историка были списки Ипатьевской (Ермолаевский список), Радзивилловской, Новгородской Первой летописей, а также ряда других более поздних сводов (Владимирская, Никоновская, Воскресенская и др. летописи). Все же «избыточные» сведения являлись результатом писательской деятельности В.Н.Татищева, который в традициях историописания XVIII в. не разделял собственно источниковый и авторский текст, препарировал и дополнял сжатые летописные сведения, превращая их в последовательное и логичное повествование.

Кроме летописных известий, некоторые отрывочные сведения о булгарах сохранились в церковной литературе. Так, в произведении «О посте, к невежам», создание которого литературоведы относят к XIII в., есть пассаж, где говорится о крепости веры булгар. Есть интересные сведения о булгарах как о мусульманах и весьма злые инвективы об исламских обрядах также и во вставных повестях, включенных в летописи, например, в т.н. «Слове об идолах». Присутствует образ булгар и в ряде других внелетописных текстов, например, в «Письмах» Феодосия Печерского.

Все это свидетельствует, что древнерусские источники по истории булгар, хотя они довольно кратки и отрывочны, составляют важный свод сведений, проливающий свет на прошлое населения Булгарии.

3. Западноевропейские письменные источники о булгарах

Иштван Зимоньи

Под термином «западноевропейские источники» обычно подразумевают латиноязычные сочинения. Однако наш краткий обзор следует начать с византийского источника. Речь идет о сочинении «Об управлении империей» императора Константина Багрянородного. Оно написано около 952 г. Единственной ранней рукописью является парижская (XI в.), с которой позднее, в XVI в., были сделаны три копии.

Критическое издание опубликовано Моравчиком, к нему приложен английский перевод Дженкинса [Constantine, 1967]. Во втором томе издания помещены комментарии к тексту [Constantine, 1962]. Недавно опубликованы новые издания в России и Германии, также с пространными комментариями [Константин Багрянородный, 1989; Die Byzantiner, 1995]. «Черную Булгарию» Константин Багрянородный

упоминает в главах 12 и 42. Черных болгар знает и Повесть временных лет. Ученые обычно отождествляют их с приазовскими булгарами, но существует и другая точка зрения, согласно которой этноним относится к волжским булгарам [Macartney, 1931, p.150–158].

Что касается латиноязычных источников, то в первую очередь надо упомянуть сочинения венгерских авторов. Причина повышенного внимания венгров к булгарам заключается в их дружественных контактах в период существования *Magna Hungaria*, располагавшейся на территории между Волгой и Уралом. Хотя венгры покинули Восточную Европу еще в конце IX в. и приняли христианство на новой родине, но их связи с Востоком не прерывались. Автор сочинения «*Gesta Hungarorum*» («Деяния венгров») не известен. В начале сочинения аноним пишет, что раньше он был нотариусом короля Бела (скорее всего, это был Бела III). Бела III умер в 1196 г., сочинение написано после его смерти, около 1210 г. Аноним изложил историю венгров с древнейших времен до 997 г., т.е. до периода правления короля Степана Святого. Из рукописей сохранилась только одна, которая датируется XIII в. Сочинение было издано в форме факсимиле, имеется и критическое издание [Scriptores, 1937, p.33–117; репринтное издание: 1999]. Кроме разных венгерских переводов, есть немецкий перевод с пространными комментариями [Gesta Hungarorum, 1991]. В 57-й главе источника речь идет о том, что во время царствования венгерского князя Такшоня (ок. 955 – ок. 972) приехали в Венгрию знатные лица из Волжской Булгарии (*de terra Bular*) – Билла (*Bylla*) и Бакш(у) (*Bocsu*), от которых происходил Этей (*Ethey*). Кроме них, приехал один богатырь – Хетень (*Heten*). Билле и Бакшу князь Такшонь подарил г. Пешт [Scriptores, 1937, p.114–116]. Термин *Bular* проанализирован в работе Д.Дьёрфи [Gyorffy, 1993, p.13], в работе И.Немета содержится анализ личных имен [Nemeth, 1973, S.165–170], А.Кубини писал о роли волжских булгар в истории города Пешт [Kubinyi, 1972, S.14–15].

В 1235 г. монах-доминиканец Юлиан по поручению венгерского князя Бела отпра-

вился в путь с целью найти восточных венгров. Сначала он искал их в северном Предкавказье, потом направился дальше, в Волжскую Булгарию. Вернулся на родину через Мордовию и Русь. В 1236 г. папский двор вызвал его к себе в Рим, и в следующем году он снова отправился в Восточную Европу, но ему удалось доехать только до Суздаля, потому что монголо-татары завоевали Волжскую Булгарию. Об этих двух путешествиях были составлены самостоятельные отчеты. Первое путешествие описано монахом-доминиканцем Рикардусом («Отчет монаха Рикардуса» – «*Relatio fratris Ricardi*»). Отчет был послан в Рим, он был включен в сборник «*Liber censuum*», в котором сохранились важнейшие акты латинской церкви [критические издания: Scriptores, 1938, p.535–542, 786–789 (репринт); Dorrie, 1956, S.151–161; Julianus, 1986, p.61–70; Gockenjan, Sweeney, 1985, S.67–92; Аннинский, 1940]. О втором путешествии Юлиан рассказал в отчете под заглавием «Письмо о жизни татар» («*Epistula de vita Tartarorum*») не позже начала 1238 г. Он содержит подробную информацию о монголо-татарах и их завоеваниях. Отрывки, касающиеся волжских булгар, тщательно проанализированы И.Фодором и Х.Гёкеньяном [Fodor, 1977, p.9–20; Gockenjan, 1977].

В записках ряда путешественников раннеордынского времени имеются ценные сообщения о волжских булгарах. Монах-францисканец Плато Карпини был послан ко двору монгольского хана в 1245 г. Он направился через Киев в резиденцию хана Батя, а оттуда – в столицу великого хана Гуока, где в это время выбирали нового великого хана. На обратном пути он еще раз побывал во дворе у хана Бату. Сочинение Плато Карпини, завершенное около 1247 г., является подробным описанием Монгольской империи.

Другой монах-францисканец Вильгельм де Рубрук отправился в Монгольскую империю из Палестины: через Константинополь в резиденцию Сартака, сына хана Бату, оттуда – к самому Бату, далее к великому хану Мунке. На обратном пути он снова прибыл ко двору Бату хана и провел там полтора месяца. В 1255 г. он вернулся на

остров Кипр, где и был составлен отчет о путешествии.

Плано Карпини и Рубрук не побывали в Волжской Булгарии, но у них имеются достоверные сведения об этой стране, собранные в резиденции Батыя. Карпини о булгарах упоминает три раза: «билеры, то есть Великая Булгария» / «Byleri id est magna Bulgaria». В связи с монгольскими

завоеваниями затронул он тему о географическом положении Волжской Булгарии, локализуя ее между мордвой и башкирами. О стране *Bulgaria maior*, расположенной на берегу Этиля (Волги), к северу от половцев и к западу от башкир, Рубрук пишет в связи с меховой торговлей и с исламом, который, к удивлению своему, он обнаружил так далеко на севере.

4. Археологические источники

Фаяз Хузин

Фрагментарность, зачастую и малоинформативность содержащихся в письменных источниках сведений о домонгольских булгарах и их соседях делают археологические источники в изучении истории Волжской Булгарии особо значимыми. Принято считать, что данная группа источников освещает в первую очередь разные стороны материальной культуры населения. Однако в археологических артефактах заключено значительно больше информации, в том числе и той, которая выходит далеко за пределы истории материальной культуры.

Одним из крупнейших достижений археологии второй половины XX столетия стало создание шеститомной Археологической карты Татарстана [АК, 1981; 1985; 1986 и др.], куда полностью вошел составленный ранее Р.Г.Фахрутдиновым свод археологических памятников Волжской Булгарии [Фахрутдинов, 1975]. Работы в этом направлении проводились также археологами Чебоксар, Самары, Пензы и Перми. Картографирование памятников (общим числом около 2000) дало возможность очертить государственные границы Булгарии, проследить динамику их изменений на протяжении VIII–XIII вв., существенно уточнив при этом скудные сведения восточных географов Ибн Русте, ал-Истахри, автора «Худуд ал-алама», Ибн Хаукаля и др.

Археологические источники позволяют также изучать слабо освещенные в письменных документах проблемы этногенеза и этнической истории полиэтничного населения Булгарии. Особо ценную информа-

цию в этом плане дает изучение массового материала – керамики и женских украшений, относящихся к числу этноопределяющих категорий находок, а также погребального обряда раннебулгарских захоронений (см. работы Т.А.Хлебниковой, Н.А.Кокориной, Е.П.Казакова, Е.А.Халиковой).

Погребальный обряд мусульманских могильников послужил важным источником в решении спорных вопросов времени проникновения и степени распространения ислама среди булгарского населения [Халикова, 1986].

Как известно, письменные источники не содержат прямых сведений о городском ремесле; о других отраслях экономики их сведения также не отличаются полнотой. Обо всем этом мы можем судить преимущественно (или даже исключительно) на основе археологических материалов. Остатки производственных объектов, ремесленный инструментарий, полуфабрикаты, отходы производства и бракованные изделия, изучаемые археологами с применением современных методов исследования, позволяют определить уровень развития городского ремесла, остеологические (кости домашних и диких животных) и палеоботанические (остатки зерен культурных растений и сорняков) материалы – состояние сельского хозяйства. Важную категорию находок из культурного слоя поселений составляют импортные вещи, позволяющие представить масштабы международных торговых связей страны.

В письменных источниках мало данных о вооружении и военном деле, фортифика-

ции городов. Этот недостаток легко восполняется археологическими данными [Измайлов, 1997]. Предметы вооружения, снаряжения верхового коня и всадника относятся к числу находок, часто встречаемых в культурном слое поселений. Материалы раскопок городских валов и рвов служат основой реконструкции оборонительных укреплений. В культурных напластованиях некоторых городов нашли отражение крупные военные сражения, известные по летописным источникам (напр., следы монгольских завоеваний 1236 г. в Биляре, Болгаре).

Археологические материалы служат важным источником для изучения разных аспектов истории духовной культуры волжских болгар. В музейных коллекциях отложились зооморфные ручки глиняных сосудов и бронзовые замочки, иногда и с надписью; игрушки (в т.ч. шахматные фигурки), костяные писала, пластины с рисунками, предметы с различными знаками, тамгами, отдельными буквами рунического алфавита и т.д. Они успешно привлекаются специалистами для изучения вопросов духовной культуры и декоративно-прикладного искусства предков татарского народа.

Значительных успехов достигли археологи в прошлом столетии в области накопления археологических источников по истории кочевых народов Великой Степи. Открытие и раскопки в конце XIX – начале XX в. нескольких лесостепных и степных памятников Восточной Европы – Верхне-Салтовского катакомбного и Зливкинского ямного могильников, Маяцкого городища положили начало изучению своеобразной салтово-маяцкой культуры, принадлежность которой к государственной культуре Хазарского каганата в настоящее время не вызывает сомнений. Труды М.И.Артамона, И.И.Ляпушкина, С.А.Плетневой, Г.Е.Афанасьева, К.И.Красильникова, В.С.Флерова, В.К.Михеева и др. исследо-

вателей (см. библиографию) создан огромный фонд археологических источников, легший в основу современных представлений о материальной и духовной культуре многоэтничного населения Хазарского каганата, об этнокультурных связях этого населения со своими соседями.

Тюркоязычные кочевники раннего и позднего средневековья, заселявшие необозримые пространства евразийских степей – печенеги, торки (гузы), кимаки и кыпчаки (половцы), а также мадьяры, сыграли огромную роль в этногенезе, политической и культурной жизни оседлых народов Восточной Европы, в т.ч. и Волжской Булгарии. Поиски и исследования археологических памятников, оставленных тюрко- и угрозязычными кочевниками, увенчались крупными открытиями, которые нашли отражение в публикациях и обобщающих работах С.А.Плетневой, Г.А.Федорова-Давыдова, Л.Р.Кызласова, Д.Г.Савинова, Ю.С.Худякова, В.А.Иванова, Ф.Х.Арслановой и др.

В процессе археологических раскопок добываются также материалы, которые передаются для дальнейшего квалифицированного изучения представителям смежных наук – антропологам (костные останки людей), палеозоологам (костные остатки животных), палеоботаникам (зерновой материал), нумизматам (монеты).

Таким образом, значение археологических источников в изучении истории Волжской Булгарии определяется все более возрастающим количеством ежегодно добываемых артефактов, которые при постоянном совершенствовании методов извлечения из них исторической информации обеспечивают возможность объективной реконструкции основных сфер общественной жизни средневекового населения (экономической, социальной, духовной, этнической, бытовой и пр.).

Часть I

**Тюркское наследие
в степях Восточной Европы
и Западной Сибири
(VII–X вв.)**

ГЛАВА 1

Великая Болгария

Рашо Рашев

Во второй половине VI в. в степной зоне Восточной Европы произошли существенные этнополитические изменения. В 557 г. в Северное Причерноморье переселились авары (жуань-жуани), с господством которых в степях Центральной Азии было покончено после успешного восстания тюрок (ту-кю, тюркюты). Через 10 лет вместе со значительной группой кутригур – племени болгарского круга, обитавших до того в той же области, – авары продвинулись на запад, в Среднедунайскую низменность и создали там свое государство – Аварский каганат. Образовавшийся в Центральной Азии Тюркский каганат, не встретив серьезного сопротивления, быстро поставил под свой контроль большую часть населения Евразийской степи. Около 570 г. тюрки достигли берегов Азовского моря и включили в территорию каганата проживавшее там племя утигур и родственные им племена [ИТ, 2002, с.173–184]. Эти события затормозили на некоторое время процесс объединения степных народов, но перемещение авар к западу, разделение Тюркского каганата и последовавший за ним кризис развития его западной части создали условия для появления нового государства. Оно заполнило территориальный и политический вакуум между каганатами авар и тюрок и явилось результатом политической эмансипации местных племен. Это государство – Великая Болгария.

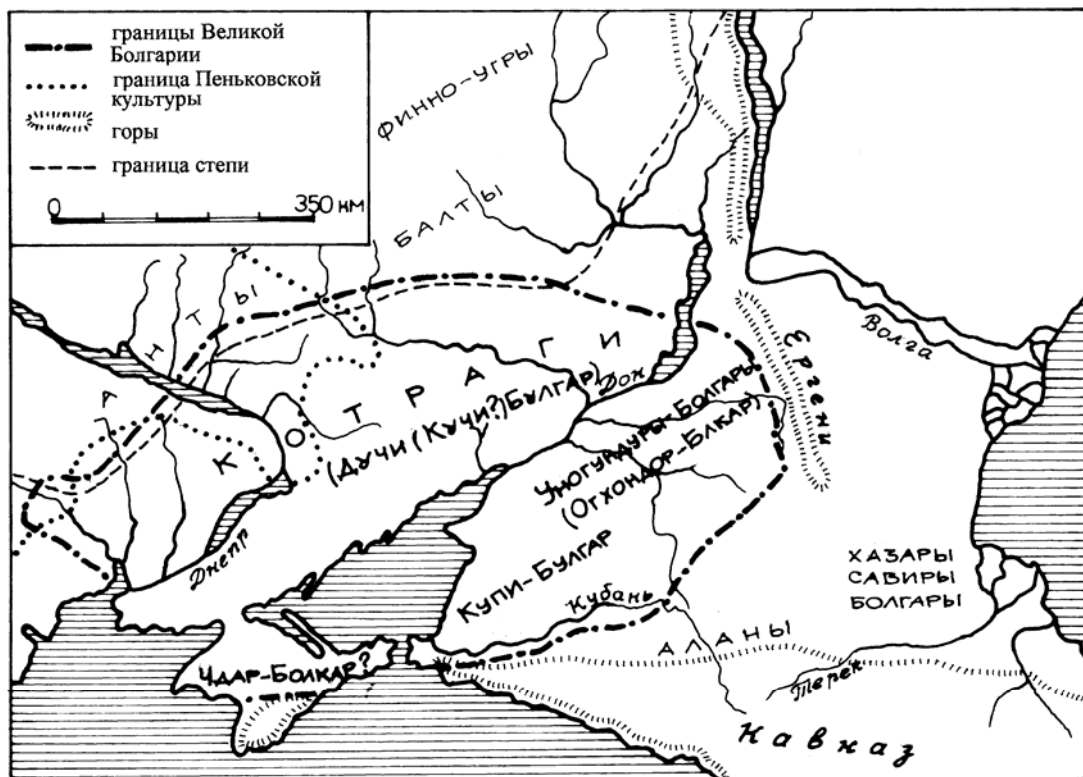
Образование Великой Болгарии можно оценивать как своеобразный итог длительного процесса, начавшегося распадом Гуннской державы. Распад выразился в исчезновении централизованного контроля над родственными племенами в степях севернее Черного и Азовского морей. Это привело к появлению на страницах сочинений древних авторов ряда неизвестных ранее племенных названий, скрывавшихся до того под общим этнополитонимом «гун-

ны», хотя и после смерти Аттилы имя гуннов употреблялось иногда как основное или поясняющее для степных племен.

В VI в. наименование «булгары» было почти полностью вытеснено из этнической номенклатуры региона. Но сведения Иордана о том, что они жили «над Понтийским морем» [Иорданес, 1958, с.337], и Захария Ритора об обитании их в Северном Предкавказье [Пигулевская, 1941, с.81], показывают, что они сохраняли здесь свое присутствие. Прокопий Кесарийский, современник событий, писал, что там жили, в основном, два племени, разделяемые Доном: на западе – кутригуры, на востоке – утигуры [Прокопий, 1959, с.137–141].

Кутригуры сохраняли прежнюю враждебность гуннов к Византии. Начиная с конца V в. и вплоть до прихода авар в 558 г., они совершали регулярные нападения на территорию империи на Балканском полуострове, самым крупным из которых был поход вождя Забергана на Константинополь в 557 г. Наоборот, утигуры сохранили лояльность к империи, пока она не спровоцировала междоусобную войну между ними.

В последней трети VI в., попав в вассальную зависимость от авар и тюрок, племена болгарского круга вместе с собственными болгарами получили исторический вызов исчезнуть или же сохранить себя как независимый политический субъект. Осуществился второй вариант. Вновь созданное государство многие считали прямым наследником Гуннской империи. Недаром в начале «Именника болгарских ханов» стоят Авитохол и Ирник из рода Дуло, давно и безоговорочно отождествленные как Аттила и его третий сын Эрнах. После смерти своих старших братьев Эрнах, обосновавшись в Северном Причерноморье, продлил на некоторое время жизнь Гуннской империи и, таким образом, яв-

Территория Великой Болгарии

лялся в глазах его потомков прямым наследником своего отца. С целью отодвинуть в более раннее время начало болгарской истории, составитель «Именника» дал Авитохолу библейский возраст – 300 лет, а принятие власти датировано восточным календарем в «диллом твирем», т.е. в год змеи, месяц девятый, что соответствует 153 г. и совпадает с годом его смерти – 453 г., т.е. год дилом. Ирник жил 150 лет и получил власть в тот же год и месяц – дилом твирем, т.е. он умер в 603 г. [Москов, 1988, с.145]. Таким образом, библейская жизнь и правление Ирника совпали с децентрализованным периодом гунно-болгарских вождей конца V–VI вв. Они не взяты во внимание, по-видимому, с тем умыслом, чтобы основатель Великой Болгарии, Курт, считался прямым наследником Ирника [Рашев, 1996, с.40].

После Ирника и до Кубрата, согласно «Именнику», правил Гостун из рода Ерми. Он «был наместником 2 года». Власть ему дали в «дохс твирем», т.е. в год свиньи, месяц девятый. Исходя из своих представлений о характере древнеболгарского летописания, разные авторы относят его

правление к 628–630 или к 603–605 гг. [Москов, 1988, с.176–181]. Имя Гостуна не известно из других письменных источников. Его особый статус позволяет видеть в нем наместника тюркского кагана над болгарскими племенами в западной периферии каганата или, скорее всего, наместника или регента Кубрата в период его молодости. Ряд историков отождествляет его с Органом, дядей Кубрата [Златарски, 1994, с.84–88]. Некоторые авторы отвергают эту возможность, указывая на отсутствие прямого упоминания Органы в «Именнике», считая его удельным тюркютским ханом, после смерти которого и до образования Великой Болгарии правил его наместник Гостун [Артамонов, 1962, с. 161, 164]. Тем не менее Гостун являлся первым реальным болгарским владельцем после полулегендарного правления Авитохола и Ирника.

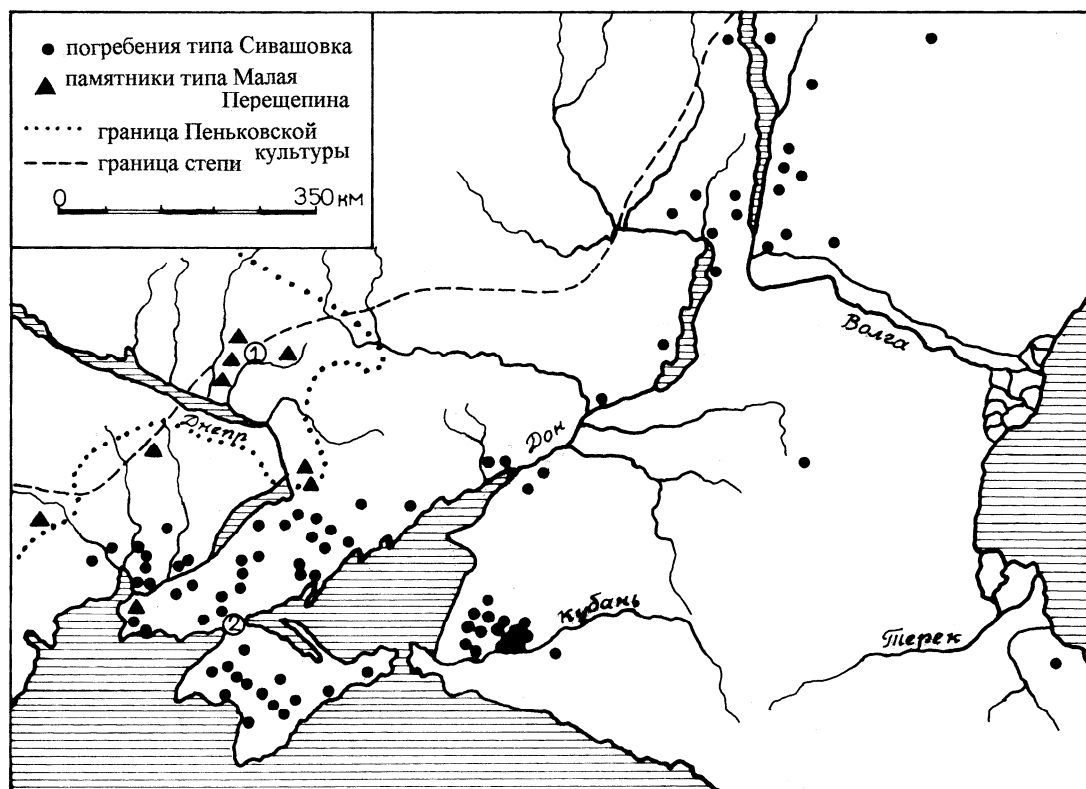
После краткого наместничества Гостуна на престоле, как сообщает «Именник», оказался Курт. Он правил 60 лет, происходил из рода Дуло, а власть получил в «шегор вечем», т.е. в год вола, третий месяц. Годами правления Курта некоторые историки

считают годы его жизни и вычисляют их по-разному. Согласно последним попыткам хронологизации «Именника», это 605–665 гг. [Москов, 1988, с.181–209]. Давно установлено, что Курт – это Кубрат. Являясь самым значительным политическим деятелем в Восточной Европе VII в., его имя стало известно из разных источников как *Кубратос*, *Кробатос*, *Кробатус*, *Кетрадес*, *Худбадр*, *Худбаат*, *Хубраат*. О его жизни имеется мало сведений. Иоан Никиусский, хроника которого, составленная в VII в., была переведена позже на эфиопский язык, сообщает, что «Кетрадес, князь мутаней (гуннов) и племянник Органы, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства, и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с (императором) Ираклием и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников» [Артамонов, 1962, с.161].

Источники не позволяют создать точную хронологию жизни Кубрата. Вне всякого сомнения, еще в молодости он оказался связанным с византийским двором. Неясно, когда он принял христианство. Патриарх Никифор пишет, что в 619 г. «государь (*греч.* император) племени гуннов прибыл вместе со своими архонтами и дорифорами (копьеносцами) в Византию, прося императора посвятить его в таинства христиан. Тот охотно принял его, и архонты ромеев усыновили в божественной купели гуннских архонтов, а их жен – супруги. Посвященных в божественные таинства почтили императорскими дарами и званиями; предводителя же их император удостоил сана патрикия и благосклонно отпустил в гуннскую страну» [Чичуров, 1980, с.159, 168–169; Никифор, 1960, с.291]. Это сведение иногда приводится в связи с крещением Кубрата, хотя его имя в источнике отсутствует [Златарски, 1994, с.94]. Далее патриарх Никифор пишет, что он был пожалован этим титулом позднее, в 632–635 гг. Поэтому можно полагать, что в 619 г. крестился Органа или другой «гуннский» государь [Артамонов, 1962, с.157–158]. «Гунны» и «болгары» у патриарха Ники-

фора являются равнозначными этнонимами. Нет сомнения, что в 619 г. византийская дипломатия успела привлечь болгарскую знать на сторону империи, обеспечивая себе союзников для сохранения византийского присутствия в Крыму, где продолжали существовать, переживая смутные годы после гуннского нашествия, главные опорные пункты империи в Северном Причерноморье – Херсон и Боспор. Это было продолжение той же политики, благодаря которой во время Юстиниана I (525–565) был крещен утигурский вождь Грод (Горд). Кризис и разделение Тюркского каганата в 588 г. ослабили византийско-тюркский союз, направленный против Персии. Византия хотела союза местных племен, которые, со своей стороны, шли охотно на кардинальное сближение, в том числе принятие христианства. Появление гуннского вождя в Константинополе нельзя считать случайным. Именно в 619 г. император Ираклий находился в тяжелом положении. Война с Персией, начавшаяся в 605 г., шла плохо для империи. В 619 г. персы установили свой контроль над Сирией и Египтом, угрожали другим византийским провинциям. Они установили союзные отношения с аварами, которые не прекращали нападений на балканские территории империи. Оказавшись между двумя врагами, не рассчитывая на своих прежних союзников – тюрков, занятая своими проблемами в Средней и Центральной Азии, Византия искала новых союзников. Являясь соседями проаварски настроенных кутригур, племена болгарского круга в Приазовье могли быть полезны империи [Златарски, 1994, с.95].

Органа, очевидно, был хорошо знакомой личностью, т.к. Кубрат определяется его именем. Как отмечалось, возможно, он и есть Гостун из «Именника», хотя сходство имен весьма отдаленное. Есть мнение, что он являлся удельным тюркским ханом, которому подчинялись местные племена в степях между Азовским морем и Кавказом. Китайский источник называет его Моходу-хэу (Богатырь-князь). В 630–631 гг. вспыхнула междоусобная борьба за власть в Тюркском каганате. Она велась между конфедерацией племен Нушиби, поддерживающих каганский род Ашина, и конфедерацией племен Дулу,

Археологические памятники VII в. в восточноевропейской степи.
1 – Малая Перещепина, 2 – Сивашовка

имевшими свои зоны обитания в Средней Азии. Моходу-хэу происходил из подразделения Дулу или поддерживался им. Он убил кагана Туншеху, захватил престол, но сам погиб в войне. Это, по-видимому, дало основание его племяннику прервать слабые связи с центром каганата и конструировать из периферийной вассальной области независимую территорию во главе с управляющим родом Дуло, к которому он действительно принадлежал как племянник Органы, вероятный сын его сестры [Артамонов, 1962, с.162; Гумилев, 1993, с.202–203]. Обособление болгарских племен от центра каганата имело еще одно следствие. Родственные им хазары, обитавшие восточнее болгар в районе Нижней Волги и Северо-Западного Прикаспия, придерживались в междоусобной войне стороны Нушиби. Это определило вражду между ними, закончившуюся через 30 лет оккупацией болгарских территорий хазарами.

Таким образом, к 630 г. болгарские племена освободились от прямой зависимости от Тюркского каганата, но произошло это без политических демонстраций

и военных стычек и имело характер естественного процесса, поскольку Кубрат не только не отвергал, но демонстрировал свою связь с тюркской традицией.

Более существенным фактором образования государства оказались отношения с аварами. По этому поводу патриарх Никифор сообщал: «В это время (634–640) Куврат, племянник Органы, государь уногундуров, восстал против хагана аваров и, подвергнув оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию (Куврат) посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. (В ответ Ираклий) послал ему дары и удостоил его сана патрикия» [Чичуров, 1980, с.161]. В болгарском переводе греческое «лаос» (люди, народ) переводится иногда как «войско» [Никифор, 1960, с.294], но вряд ли так далеко на востоке могло пребывать на чужой земле войско в прямом смысле этого слова.

Историческая достоверность сведения патриарха Никифора о присутствии авар в Северном Причерноморье принимается

иногда как вполне реальный, но также и как маловероятный факт. Некоторые ученые полагают, что после переселения авар в Паннонию в 568 г., они сохранили свой контроль над оставшимися в этом регионе кутригурами. Степи Северного Причерноморья определялись как восточное крыло Аварского каганата, где управлял аварский принц от имени хакана, имевший свою ставку в Среднедунайской низменности. Основанием для такого утверждения было сходство некоторых вещей (золотые псевдопряжки, золотой рог для питья) из Мало-го Перещепина на Украине и Боча в Венгрии [László, 1955, p.283–284]. Эта трактовка сейчас выглядит малоубедительной. Вряд ли аварские хаканы имели прочное политическое присутствие в Северном Причерноморье, а также военно-административный центр, откуда осуществляли контроль над местными племенами. Но и отвергать вообще аварское влияние не следует. Подчеркивая, что центр Аварского каганата находился слишком далеко, чтобы оказывать какое либо реальное давление на степи Северного Причерноморья, некоторые ученые склонны думать, что отсутствие других источников о присутствии авар в Северном Причерноморье и ослабление каганата после 626 г. делает маловероятным реальное влияние авар в этом регионе. Допускается, в порядке гипотезы, что речь шла не о народе или войске кагана, а о посольстве аваров, изгнанном Кубратом [Чичуров, 1980, с.175–176, прим.65]. Эта точка зрения объясняется тем, что Великая Болгария находилась к востоку от Дона и Азовского моря, где авары, как единогласно утверждают исследователи, никогда не имели присутствия, т.к. там находилась зона влияния Тюркского каганата, и тогда вполне возможно, что патриарх Никифор имел в виду не аварского, а тюркского кагана [Новосельцев, 1990, с.75]. Высказано еще мнение, согласно которому византийский хронист ошибочно понял свой первоисточник и у него смешались данные об аваро-болгарском конфликте 631–632 гг. в центре каганата или память о свержении Аварского каганата в начале IX в., когда в Византии связывали восхождение Дунайской Болгарии с упадком авар [Pohl, 1988, p.273–274].

Эти утверждения следует признать неубедительными. Прежде всего, вряд ли образованный и хорошо осведомленный автор, каким является патриарх Никифор, мог спутать сообщения своих источников, перенеся события на 200 лет раньше. Несмотря на кризис Аварского каганата, начавшийся в 626 г., в начале 30-х гг. того же столетия авары, скорее всего, сохраняли свои связи с причерноморскими кутригурами. Последние признавали власть аварского кагана, являясь тем этническим массивом на занимаемых ими территориях, которые отделяли государства двух старых врагов – тюрков и авар [Артамонов, 1962, с.160]. Надо признать правоту тех исследователей, которые давно приняли сообщение о восстании Кубрата против авар как историческую реальность [Златарски, 1994, с.920]. Что это за «лаос», пребывавшее на родине Кубрата от имени аварского кагана – народ, войско, постоянное дипломатическое представительство, какая-то делегация? – не ясно. Во всяком случае, мы не находим уместным присвоить Кубрату аварский титул «каган» лишь на основании того, что он считался наследником аварской власти в Северном Причерноморье, а также сходства вещей из знатных аварских погребений с вещами из Малоперещепинского клада [Werner, 1984]. Византийские источники называют его «кириос» (господин, государь), но как он сам именовался, неизвестно.

События, описанные патриархом Никифором, с точностью датировать трудно. Он начинает свой рассказ словами «в это время», не указывая конкретную дату. До «этого времени» он говорит о возвращении отнятого у персов «животворящего» креста в Иерусалим, что происходило в 629 г., а после «этого времени» – об отправлении войска в Египет против арабов, что произошло сразу же после 640 г. Поэтому восстание против авар датируется по разному: 634–640 гг. [Чичуров, 1980, с.161], 635–638 гг. [Никифор, 1997, с.40], 635 г. [Златарски, 1994, с.93], 632 г. [Артамонов, 1962, с.163], 631–635 гг. [Божилев, Гюзелев, 1999, с.76]. С учетом вышесказанного дат за начало Великой Болгарии условно можно принять 635 г.

В сочинении Феофана Исповедника «государь упомянутой (Великой) Булгарии

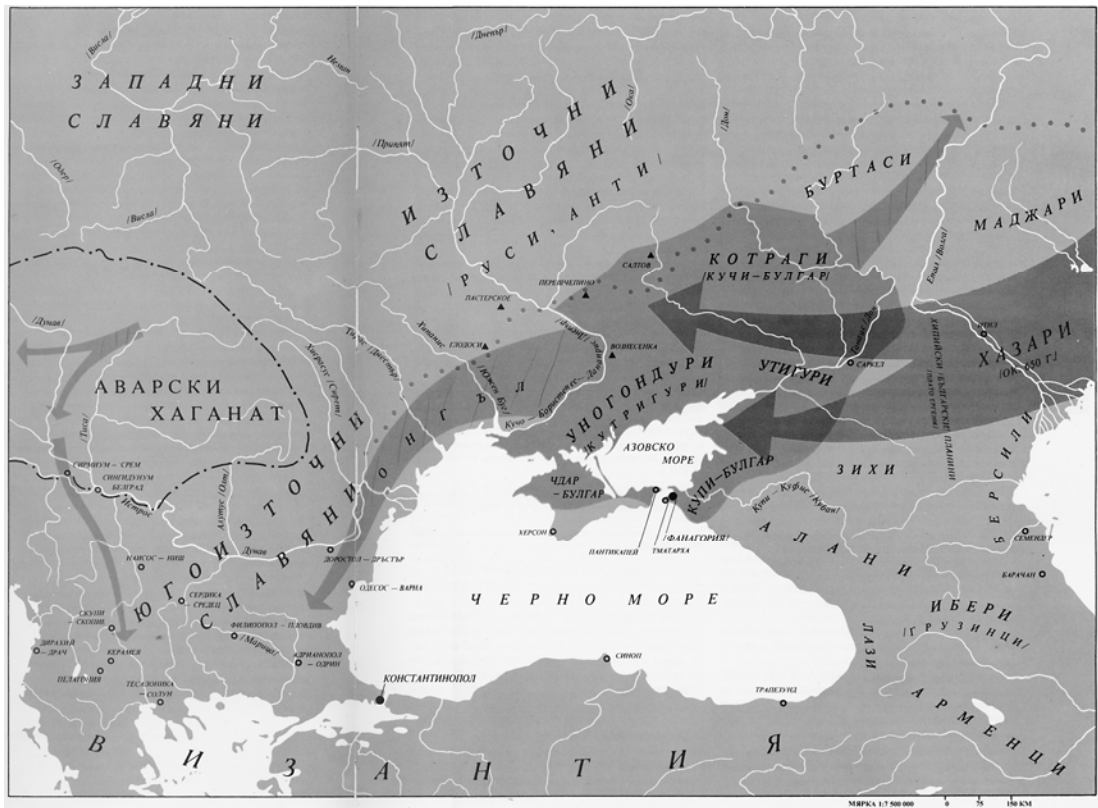
и котрагов Кробат» назван в качестве основателя государства. У патриарха Никифора он упомянут как «Кубрат, государь уногундуrow» и «некто по имени Коврат, бывший государь этих племен» [Никифор, 1960, с.261, 295; Чичуров, 1980, с.60–61, 161–162]. Никифор указывал, о каких племенах идет речь – о гуннах, болгарях и котрагах. География племен в рамках государства Кубрата показывает, что он являлся объединителем и повелителем всех основных племен причерноморско-приазовских степей, знакомых по источникам VI–VII вв. Нет совершенно никаких оснований, как это предлагалось некоторыми исследователями, искать «двух Кубратов» в этом регионе: первого, жившего на территории собственно Великой Болгарии в Прикубанье, второго – племянника Органы, друга Ираклия, жившего в Среднем Приднепровье, которому принадлежал якобы золотой клад из Малой Перещепины [Залеская и др., 1997, с.99, 143–144]. Позднее эта гипотеза основательно была отвергнута, и восстановлено мнение об одном Кубрате на основании данных спорной болгарской летописи «Гази-Барадж тарихы» XIII в. [Львова, 2002, с.223–227], хотя это было ясно и из данных византийских летописей.

Международная обстановка во время образования Великой Болгарии была слишком благоприятна для успеха Кубрата. В 630–631 гг. вспыхнула междоусобная борьба в Западнотюркском каганате, а Восточнотюркский каганат пал под ударами Китая и прекратил свое существование на 50 лет [ИТ, 2002, с.228 и сл.]. Все это положило конец тюркским претензиям к дальнему западу их владений и повысило роль местных племен в разразившемся византийско-персидском конфликте. К 626 г. персы все еще имели инициативу, но безуспешная осада Константинополя в том же году, организованная вместе с аvarами и подвластными им славянами, ознаменовала быстрый закат двух союзников. В следующем году император Ираклий нанес сокрушительное поражение персам под стенами древней Ниневи, а позже взял из шахской резиденции в Дастакерде сокровища Сасанидской династии. Вероятно, серебряные сасанидские сосуды клада из Малой Перещепины можно определить как

трофеи-дары Ираклия своему другу и будущему союзнику Кубрату.

Особое значение имело укрепление позиций империи в Европе. Это было связано с наступившим упадком Аварского каганата. Его военное и политическое значение после 626 г. резко упало. Еще до этого, в 623 г., некто Само попытался объединить вокруг себя подвластные аvarам славянские племена и создать самостоятельное государство, что показало кризис внутреннего единства каганата. К этому добавилась междоусобица 631–632 гг. После смерти кагана Баяна две группировки, аварская и болгарская, выдвинули своих кандидатов на престол. Последовал вооруженный конфликт, в котором аvarы победили, а уцелевшие 9000 болгар двинулись к соседним баварам, где кароль Дагоберт их сначала сочувственно принял, но позднее приказал убить. Спаслись только 700 мужчин, которых Алциок отвел во владения венодов [Pohl, 1988, S.269]. Безуспешные действия болгар в самом каганате могли сами по себе стимулировать антиаварское движение Кубрата, но основной причиной явилась претензия болгар на политическое наследство в степях к востоку от Карпат.

Эти претензии получили благосклонность Византии, которая была заинтересована в изоляции каганата через поддержку нового, провизантийски ориентированного политического субъекта в Северном Причерноморье. Вряд ли Византия пассивно ждала успеха Кубрата. Скорее всего, она оказывала ему моральную и материальную поддержку, и вовсе не исключено, что еще до этого опытная византийская дипломатия сделала все необходимое, чтобы направить болгар на аvarов. Не надо исключать и значение личной дружбы между двумя государями – Кубратом и Ираклием. Поэтому сразу после окончания действий был подписан двусторонний договор, условия которого владельцы соблюдали до конца жизни. Империя оказала особое, личное уважение Кубрату, сделав его византийским патрицием. Это высшее отличие давалось «варварским» вождям – соседям империи очень редко и только тогда, когда они прошли обряд крещения. Как обычно, патриций получал патрицианскую одежду и патрицианский поясной набор, а также богатые подарки. Их можно видеть в кладах

Великая Болгария времен Кубрата и расселение протоболгар
(сост. В.Гюзелев, П.Коледаров)

из Малой Перещепины. Большая парадная золотая пряжка принадлежала, скорее всего, к патрицианскому поясному набору Кубрата, а некоторые украшения были сделаны в ювелирных мастерских Константинополя. Став союзником империи, Кубрат получил поддержку самого большого и сильного государства в тогдашнем мире, если не считать далекого Китая. Низвергнув Персию, Византия больше не имела серьезного противника. Правда, как раз в то же самое время, в 635 г., началось арабское нашествие на византийский Ближний Восток, но в ставке Кубрата вряд ли об этом знали.

Созданное Кубратом государство в греческих хрониках упоминается под названием «древней великой Булгарии» («хе палайя мегали Булгариа»). Анастасий Библиотекарь, переведивший хронику Феофана, назвал его *Vulgaria est magna* [Анастасий Библиотекарь, 1960, с.248]. Оно являлось древним по отношению к более новой, Дунайской Болгарии, существовавшей в то

время (конец VIII – начало IX в.), когда жили и писали упомянутые хронисты. Слово «мегали» в буквальном смысле означает «большая», т.е. большая по величине территория (по сравнению с территорией новой Болгарии). Некоторыми учеными высказано мнение, что словом «магна» обозначалась область вторичной колонизации, по отношению к первоначальной, более ранней, территории; ср., например, – Великая Греция, Великая Скифия и т.д. [Трубачев, 1974; Степанов, 1995, с.9]. Если это так, то нужно определить, по отношению к какой первоначальной территории Великая Болгария, находившаяся между Доном и Кубанью, являлась вторичной? Этот вопрос пока неясен. Предполагаемую восточную (первоначальную) территорию, из которой вышли болгары, пока невозможно очертить, а сделанные по этому вопросу предположения надо признать небезидельными. Ясно только одно – болгары пришли в Восточную Европу в результате движения гуннов, и в их этническом фор-

мировании приняли участие тюркские, угорские и иранские элементы [Бешевлиев, 1981; Рашев, 2000, с.13–16]. Греческий хронист XII в. Михаил Сирийский рассказывает, что три брата – Булгар, Хазар и неизвестный – вышли из Внутренней Скифии и двинулись на запад. Хазар остановился в районе Дона, Булгар пошел на запад, достиг Дуная и попросил византийского императора Маврикия (582–602) поселиться на его земле, обязуясь охранять границы. Эта легенда [Рашев, 2003] не дает точного обозначения первоначальной территории, тем более что она, где бы ни находилась в пределах обширных просторств Внутренней Скифии, являлась не только болгарской. Может быть, такой первоначальной территорией следует считать степи Северного Причерноморья? Как уже отмечалось, там во второй половине V в. находилась ставка Эрнаха, прямым наследником которого, согласно «Именнику», является Кубрат. Там же в VII в. появилась серия кладов, в том числе клад из Малой Перещепины, которые указывают, что это было место проживания богатой аристократической группы, и она занимала регион, который можно считать центральным по отношению к остальной территории. К сожалению, пока нет источника, который бы свидетельствовал о возможности применения к этим землям названия «Болгария», поэтому эту возможность следует рассматривать лишь как гипотезу.

Рассмотрим основные источники, по которым можно составить хотя бы общее представление о границах Великой Болгарии.

Феофан сделал подробное изложение географии Восточного Приазовья и местоположение Болгарии он определяет довольно точно: «...от самого же озера (Меотидское озеро, совр. Азовское море) и до реки, называемой Куфис (Кубань), где ловится болгарская рыба ксисстон, простирается древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги». Никифор почти буквально передает то же самое: «У Меотидского озера, по реке Кофис, располагаются называвшаяся в древности Великой Болгария и так называемые котраги, их (гуннов, булгар) соплеменники» [Чичуров, 1980, с.60, 161–162; Теофан, 1960, с.261, 295]. Нет сомнения, что в пред-

ставлениях хронистов Великая Болгария находилась в нижнем течении Кубани [Чичуров, 1976; обзор мнений: Димитров, 1987, с.107–112]. Однако Феофан говорит, что Кубрат – «властитель упомянутой Болгарии и котрагов». Нет сомнения, что котраги – это сокращенная форма имени кутригуров, обитавших к западу от Дона. Восточнее Дона, где находилась Великая Болгария, авары, против которых восстал Кубрат, никогда не имели какого-либо присутствия или влияния. Это можно сказать только о территории, где жили кутригуры. Поэтому высказано мнение, что настоящая западная граница государства Кубрата проходила по Днепру или по Южному Бугу [Златарски, 1994, с.92; Артамонов, 1962, с.164–166; Новосельцев, 1990, с.90].

В качестве доказательства более широкого определения границ государства Кубрата приводится география погребальных комплексов VII в. Границы этой территории можно очертить так: южная – северный берег Черного моря (в Крыму без зоны гор и южного берега) и склоны Кавказа до восточного края Ставропольской возвышенности или восточнее; восточная – Прикаспийская низменность и Ергени – водораздел Дона и Волги; северная – граница степи и лесостепи; западная – Южный Буг. Эта обширная территория (приблизительная площадь около 450 тыс. кв. км) является обычной для степных государств и империй, где отдельные племена и роды имели большие участки для кочевого скотоводства.

Ряд авторов склонны искать место постоянного столичного центра государства – резиденции хана Кубрата. Как известно, давно, но без необходимых аргументаций столицей Великой Болгарии была объявлена Фанагория – древнегреческая колония на Таманском полуострове, где, будто бы «по имеющимся данным», умер Кубрат [История, 1966, с.331]. Это предположение основано на утверждении Феофана о том, что в районе Меотидского озера, где он располагает Великую Болгарию, находился город Фанагория. Текст не содержит указания о столице этого города. Кроме того, археологические исследования, проводившиеся на его руинах, показывают, что пока нет никаких материальных остатков VII в., которые можно было бы увязать с присутствием Кубрата. Немногочислен-

ное местное население Фанагории обитало в то время на участках, максимально приближенных к морю. Эти участки, к сожалению, уничтожены прибоями и сегодня лежат на дне залива [Плетнева, 2000, с.145]. Надо полагать, что «столица» Кубрата не отличалась от ставок владетелей других степных государств, население которых вело кочевой образ жизни. Были, скорее всего, зимняя и летняя ставки: зимняя где-то у берегов моря (но вряд ли на изолированном болотами Таманском полуострове), летняя – на северной границе степи. Где точно они располагались – пока неизвестно.

Население государства не было однородным по своему этническому составу. На его территории проживало несколько племен общего происхождения: говорили они на близких языках, имели схожий образ жизни, схожие погребальные обряды и верования. Были племена иранского, тюркского и угорского происхождения. У каждого из них была более или менее постоянная территория. Ведущим племенем, давшим свое имя государству, были болгары. Латинский Хронограф 354 г. помещает племя *vulgaes* в районе Северного Кавказа. Армянский историк Моисей Хоренский, сведения о болгарях которого иногда оцениваются как недостоверные, а также его соотечественник Псевдозахария подтверждают эту локализацию. К северу от Кавказа помещает «бургар» сирийский автор Захарий Ритор. Там же, между абасгами и аланами, согласно Прокопию Кесарийскому, жило племя брухии («бушхи» Анания Ширакаци) – возможная форма имени болгар [Новосельцев, 1990, с.73]. Иордан добавляет, что в VI в. болгары жили «над Понтийским морем».

В VII в. болгары отождествлялись с уногундурами или, скорее, уногундуры считались ветвью болгар. Выражение Феофана «следует рассказать о древности уногундур болгар и котрагов» [Феофан, 1960, с.261] иногда неправильно переводится «...о древности уногундур, болгар и котрагов» [Чичуров, 1980, с.60]. Ведь в источниках Кубрат назван государем «указанной Болгарии (где жили уногундуры-болгары) и котрагов» (Феофан) и «государем уногундурув», «государем этих племен», т.е. гуннов, болгар и котрагов (Никифор). Уно-

гундуры – форма имени оногур, племени, которое в 463 г. вместе с сарагурами и огурами поселилось к северу от Кавказа. Захарий Ритор называет их авнагур, а Равенский аноним IX в. помещает в районе Азовского моря область *Патриа Оногория*. Оногуры стали известны византийским хронистам VI в. как утигуры, а в VII в. – как уногундуры. Феофан называет народ Аспаруха «народ болгар», но еще в 713 г. подвластное население его сына хана Тервеля определено как «уногуры-болгары», а в X в. Константин Багрянородный знал, что те же болгары раньше назывались оногундурами. Это название можно рассматривать как сборное, где смешалось несколько схожих имен: гунны, оногуры, утигуры, болгары и уногундуры-болгары. Они жили в степях между Кавказом, Азовским морем и Ергени. Армянская география VII в. утверждает, что «Аспар-Хрук, сын Хубраата, бежавший от хазар из гор Булгарских...» и далее – «из Гиппийских гор бежал сын Худбадра» [Патканов, 1883, с.26, 28]. Гиппийская (Конская) гора названа там еще Болгарской горой, отождествляемой с современным Ергени [Димитров, 1987, с.106, обр.2].

Тот же источник добавляет существенно новое в географию болгар. Он говорит, что в Азиатской Сарматии – в степях между Доном, Волгой и Каспийским морем, а точнее, к северу от вытекающих из Кавказа рек Валданис (Кубань) и Псевхрос (?) «живут народы турков и болгар, которые именуется по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор (Вогхондор)-Блкар – пришельцы, Чдар-Болкар» [Патканов, 1883, с.29]. Конечно, не все подразделения болгар надо связывать с реками, возле которых они жили. Например, Огхондор-Блкар – это, несомненно, уногундуры-болгары Феофана. Слово «пришельцы» К.Патканов объяснял, исходя из факта переселения части болгар через Кавказ в Армению, согласно данным Моисея Хоренского. Он называет их Вгндур-Булгар, добавляя, будто они получили это имя от своего предводителя Вунда [Патканов, 1883, с.24–25]. Имеется мнение, что пришельцами они названы потому, что именно оногундуры-огхондор переселились во главе с Аспарухом на Дунай. Купи-болгары, вне сомнения, получили свое имя от реки Куфис (Ку-

бань). Название Дучи неясно. Предлагалось читать его как «Кучи», «Кочо», отождествлять с Днестром или днепровским лиманом и видеть в Кучи-Булкар кутригуров-котрагов [Артамонов, 1962, с.168]. Для Чдар-Болкар трудно дать убедительную локализацию. Их располагали в разных регионах восточноевропейской степи [Дмитров, 1987, с.49] и даже в Западной Европе [Генинг, Халиков, 1964, с.116].

Второе основное племя болгарского круга – это котраги. Давно установлено, что *котраги* – сокращенная форма имени кутригур в византийских источниках VI в. В VII в. они продолжали жить в степях Северного Причерноморья к западу от Дона. В письменных источниках они прямо названы «соплеменными (родственными) болгарам».

Патриарх Никифор говорит еще о гуннах как о народности, отличной от болгар, уногундур и котрагов. Имел ли он в виду какое-то конкретное племя, наследников собственно гуннов, неясно. Надо вспомнить, что еще в IV–V вв. «гуннами» или «скифами» назывались все племена гуннского союза и что эта практика прослеживается в византийских источниках до X в. Можно полагать, однако, что в этом случае речь идет о группе населения, которая все-таки отличалась как-то от остальных жителей Великой Болгарии. Что имеет в виду армянский географ, говоря, что рядом с болгарями жили турки, точно не известно. Можно полагать, что так названы их сородичи хазары. Недаром их язык относят к древнетюркскому (западному) языку. Кроме того, именно хазары выступали настоящими наследниками Западнотюркского каганата, а их вожди приняли тюркский титул каган.

Обособление нескольких этнических групп Великой Болгарии указывает, что организация ее территории была подчинена делению по племенному признаку. Объединение племенных территорий предполагает преодоление родоплеменного принципа и возрастание значения территориально-административной организации. Она сочеталась с традициями степных государств, в которых территория распределялась между братьями или сыновьями хана. У Кубрата, согласно византийским источникам, было 5 сыновей, которые после распада государства «удалились друг от друга,

каждый с подвластным ему народом», «каждый из них отделился с собственной частью народа» [Чичуров, 1980, с.61, 162]. Старший сын Баян (Батбаян) владел, по видимому, территорией в кубанских степях, где жили купи-болгары. Котраг, имя которого является скорее эпонимом, контролировал всю или часть территории кутригуров-котраг, т.е. степи к западу от Дона. Где находились владения Кубера и Алцека – неизвестно. Личным владением Кубрата была территория уногундуров-болгар в Восточном Приазовье, поскольку он значится как их государь. Прямым наследником этой территории был Аспарух. Его болгары, поселившиеся на Дунае, считались потомками оногундуров. Существовала практика передавать наследие отца не старшему, а младшему сыну. Хотя Аспарух стоит на третьем месте в списке византийских хронистов, можно полагать, что, скорее всего, он был младшим среди всех [Степанов, 2000].

Конкретных фактов о военно-административной организации Великой Болгарии, об отношениях между отдельными племенными и социальными группами мало. Возможные решения этих проблем предлагаются на основании существования подобных институтов в степных государствах и обществах степной Евразии [Йорданов, I–III].

Великую Болгарию окружали многочисленные племена – непосредственные соседи. В Центральном и Восточном Предкавказье жили соответственно аланы и хазары. Некоторые арабские источники указывают на родственность происхождения и языка болгар и хазар [Новосельцев, 1990, с.76–81]. Они оказались связанными с враждующими группировками в Западнотюркском каганате, но до смерти Кубрата нет известий о столкновениях между ними. На северной границе причерноморской степи соседями болгар были анты – носители пеньковской археологической культуры. Письменные источники не содержат данных об отношениях двух соседних народов, но анализ материалов археологических памятников в контактной зоне показывает, что анты и болгары поддерживали между собой мирные отношения, основанные, по всей видимости, на общей провизантийской ориентации [Гавритухин, Обломский, 1996, с.145–146].

В области внешней политики Кубрат соблюдал верность своему другу Ираклию. Более того, после его смерти в 641 г. он участвовал во вспыхнувшей борьбе за престол в Константинополе. Часть византийской знати поддерживала права сыновей Константина – старшего сына Ираклия от его первого брака. Другая часть настаивала на правах Ираклиона – сына от его второй жены, Мартины. Иоан Никитусский утверждает, что инициатором второго «проекта» будто бы был сам Кубрат (Кетрадес), сохранивший привязанность к Мартине и ее сыновьям [ХИБ, 1, с.78]. В конце концов победила первая группа, успевшая после неожиданной смерти Константина поставить на престол его сына Константа II (641–668). Это, по-видимому, не отразилось негативно на отношениях Кубрата с новым императором, т.к. самые поздние монеты Перещепинского клада (чеканки 642–646 гг.) принадлежат Константу.

Кубрат ушел из жизни «во времена Константина, который умер на западе» [Чичуров, 1980, с.162]. Это тот самый Константин II, который проводил последние годы своей жизни (с 664 по 668 г.) в Италии, куда собирался вернуть столицу Римской империи. Есть предположение о том, что болгарский владетель умер именно во время «итальянского» периода его царствования. В действительности же надо иметь в виду весь период правления Константа, т.к. пояснение места смерти сделано, чтобы не спутать этого императора с другими с тем же именем. На основании нумизматических данных можно полагать, что Кубрат умер около 650 г. или даже в последующее десятилетие. «Именник» сообщает, что после него 3 года правил Безмер, занявший престол в «шегор вечем», т.е. в год вола, месяц третий, что соответствует, согласно новым вычислениям, периоду с 665 г. (смерть Кубрата) по 668 г. Считается, что Безмер – это Баян (Батбаян), старший сын Кубрата. Он выполнял свои функции престолонаследника до пришествия хазар.

В источниках мы находим две версии причины гибели Великой Болгарии.

Византийские авторы утверждают, что это произошло якобы из-за несогласия между сыновьями Кубрата, хотя он при жизни предупреждал их «ни в коем случае

не отделяться друг от друга, с тем чтобы они взаимным благорасположением оберегали свою власть». Но они «расстались друг с другом и каждый отделился с собственной частью народа» [Чичуров, 1980, с.162].

У Кубрата, как мы отметили выше, было 5 сыновей. Старший сын Баян остался «на земле предков», став вассалом хазарского кагана. Второй, Котраг, переправился через реку Танаис (Дон) и поселился «напротив» Баяна. Котраг – эпоним или реальное имя – являлся предводителем котрагов-кутригуров. Современные авторы иногда произвольно дополняют источник, утверждая, что после переправы он отправился на север и у слияния Волги и Камы создал Волжскую Болгарию. Источники не содержат указания на этот факт. Третий сын, Аспарух, отправился на Дунай. Четвертый, имя которого источники не сообщают, осел в Паннонии и заключил договор с аварским каганом. Его имя – Кубер – станет известно позже из другого источника, когда он попытается создать свое государство в юго-западной части Балканского полуострова. Пятого сына звали Алцек. Сначала он тоже поселился в Аварском каганате, но позднее перешел в Северную Италию, подчинился византийцам, а потом лангобардам во время короля Гримуальда (662–671). Некоторые авторы склонны видеть в нем не сына Кубрата, а наследника Алциока периода 631–632 гг. [Pohl, 1988, S. 269].

Вторая, хазаро-армянская версия, утверждает, что конец государства был вызван только военным давлением хазар на болгар, притом только на ту их часть, которая ушла на Дунай. В своем известном письме хазарский каган Иосиф пишет: «В стране, в которой я живу, жили прежде в-н-тр'ы (болгары). Наши предки, хазары, воевали с ними..., они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна...» [Артамонов, 1962, с.171–172].

В действительности распад государства был стимулирован тем, что удельная организация, при которой каждый сын был полуавтономным владетелем своей территории, не могла обеспечить полную централизацию. Этот распад принял крайнюю форму, которая проявилась не только в обособлении отдельных территорий Ве-

ликой Болгарии, но и в расселении родственных племен. Поэтому можно допустить, что между сыновьями Кубрата произошла внутренняя междоусобица, похожая даже на гражданскую войну. Она и привела к расселению, которым воспользовались соседние хазары. Делая сначала только набеги, они организовали настоящую войну, завершившуюся подчинением Баяна, который стал платить им дань. К концу VII в. территория Великой Болгарии составляла часть территории нового политического субъекта в восточноевропейских степях – Хазарского каганата. Византийская же дипломатия добилась того, что хазары сохранили влияние империи в Северном Причерноморье, являясь в этом отношении наследниками болгар.

Образование и существование Великой Болгарии – важное событие в истории восточноевропейских степей VII в. Впервые после распада Гуннской империи была достигнута интеграция родственных степных племен. Вслед за гуннами болгары стали самым мощным и влиятельным народом, вокруг которого произошел процесс объединения степных племен. Расселение сыновей Кубрата, их уход на Дунай и на Среднюю Волгу можно в какой-то степени оценивать как конец т.н. Великого переселения народов. В конце VII в. распад государства вызвал или частично совпал с некоторыми существенными этнокультурными изменениями, установленными благодаря археологическим исследованиям на окраинах степи: клады и пожары на территории пеньковской и корчакской культур, некоторые нововведения в культуре Аварского каганата, новая волна переселений славян на Нижнем Дунае и др. [Гавриутхин, Обломский, 1996, с.147; Рашев, 2002]. Самым существенным результатом распада Великой Болгарии и расселения ее населения было образование двух новых болгарских государств – на Нижнем Дунае и на Средней Волге. Особое место в Хазарском каганате сохранили оставшиеся жить на его территории потомки Баяна, которые получили название «черные болгары».

Культура Великой Болгарии – культура в основном кочевого населения, которое с весны до поздней осени двигалось по сте-

пи, а зимой обитало в стойбищах на берегу моря. Об этой культуре можно судить преимущественно на основании памятников погребального и поминального обряда. Известны две группы памятников [Рашев, 2000, с.37–48; Приходнюк, 2001, с.25–41, рис.15–24, 38–43]. Первая содержит преимущественно золотые и серебряные вещи: оружие, конскую сбрую, украшения, сосуды. Располагается она в области Среднего и Нижнего Днепра. Часть памятников находится на территории соседней пеньковской культуры. Самый замечательный памятник – знаменитый клад из Малой Перещепины, который содержал предметы, принадлежавшие вождю высшего ранга: золотой рог для питья, обтянутый золотом деревянный жезл, украшенный бляшками поясной набор и пр. [Werner, 1984; Вернер, 1988]. Три золотых перстня имеют монограммную греческую надпись «Хобрату патрикиу» (одна из них прочитана как «Баторхану патрикиу»), т.е. Органу [Залеская и др., 1997, с.42]. Какой был болгарский титул Кубрата – не известно. С точки зрения престижа в области внешних связей, скорее всего, предпочитался византийский титул. Предметы сходного характера составляют «клады» из Келегей, Новых Сенжар, Глодосов и др.

Вторая группа включает свыше 100 погребений людей среднего и низшего ранга [Рашев, 2000, с.16–37; Приходнюк, 2001, с.39–40, рис.25–37]. Все они – впускные курганные погребения, располагаются в степях, образуя три группы: причерноморско-крымскую, приазовско-кубанскую, волжскую. Первые две группы целиком попадают на уже очерченную территорию Великой Болгарии и датируются тем же временем, так что нет оснований, как это иногда делается, связывать их с «ранними хазарами» [Комар, 2000]. Третья, волжская группа, принадлежала родственному населению, поддерживавшему лояльные связи со своими соседями, возможно, в состоянии вассалитета по отношению к Великой Болгарии. Потомки этого населения оказались позднее на пути той группы болгар, которая, передвигаясь на север, создала Волжскую Болгарию.

ГЛАВА 2

Первое Болгарское царство на Дунае

Рашио Рашиев

Средневековая история дунайских болгар традиционно делится на три периода: Первое Болгарское царство (681–1018), период византийского владычества (1018–1185), Второе Болгарское царство (1185–1396).

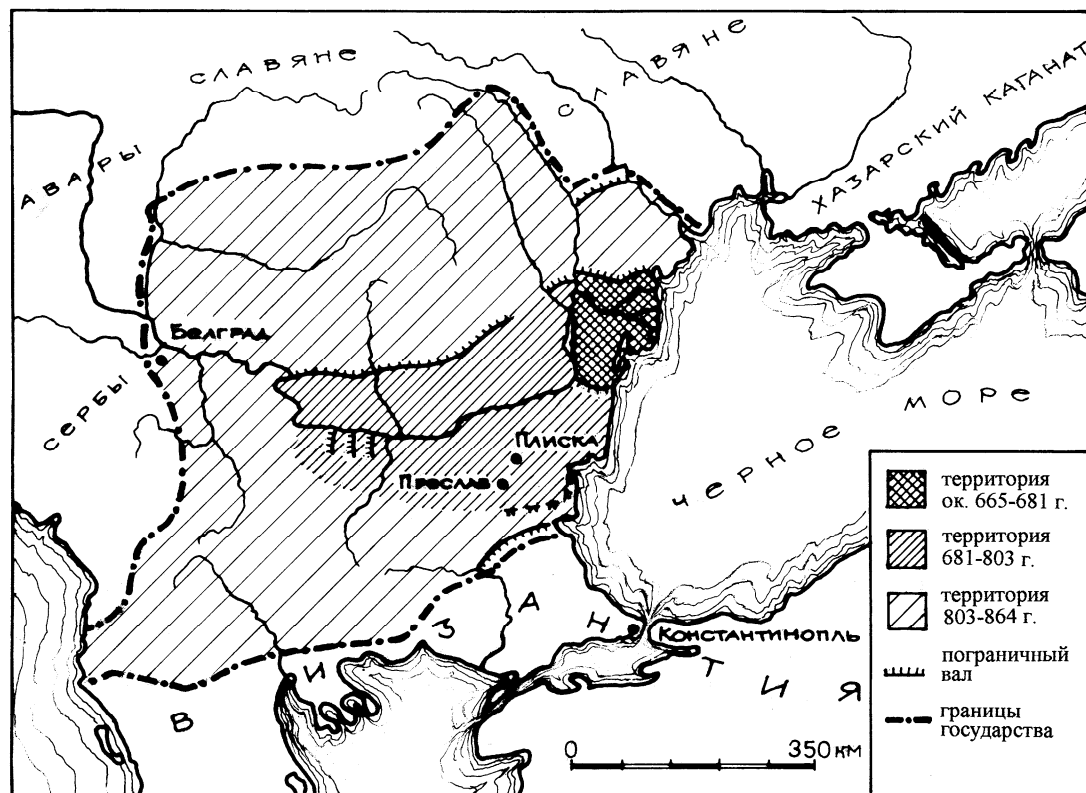
Первый период является непосредственным продолжением истории Великой Болгарии. Подводя итоги болгарской государственности до их прихода на Дунай, «Именник» сообщает: «Эти пять князей правили на другой стороне Дуная 515 лет с остриженными головами. А потом пришел по ту сторону Дуная Исперих князь» [ХИБ, 1, с.87]. Исперих-Есперерих (греч. Аспарух), третий сын Кубрата, пересек Днепр и Днестр, остановился на Дунае в месте, называемом «на языке болгар» *Оггос* или *Онглос* [Теофан, 1960, с.263; Никифор, 1960, с.295; Чичуров, 1980, с.61, 162]. Армянский географ утверждает, что Аспар-Хрук поселился на острове между рукавами дельты Дуная, называемом Пюки (Реусе). Сегодня считается, что место заселения находилось в самой нижней части Дуная, по двум берегам реки. Если земля севернее реки была ничья, то к югу от реки она составляла часть территории Византийской империи, хотя после бунта Фоки в 602 г. империя уже не охраняла дунайскую границу. Очертив южные пределы занятой им земли 60-километровым валом от правого берега Дуная до берега Черного моря, Аспарух поселился на территории империи не прося, как это обычно делали «варвары», разрешение у императора. Он вел себя как независимый владетель – продолжатель государственной традиции Великой Болгарии на новом месте. Совершился процесс, который обычно в отношении других народов называют «временем обретения родины». Год захвата новой территории следует оценивать как начало ис-

тории Дунайской Болгарии [Rašev, 1997]. К сожалению, точное время прихода Аспаруха на Дунай неизвестно, вероятно, это случилось около 665 г. Захват первоначальной территории и основание столицы после ее расширения отмечены в болгарской анонимной летописи XI в., где сказано: «Испор царь... создал великий презид от Дуная до моря; он создал и Плюска град» [ХИБ, 1, с.440].

Оккупация болгарами небольшого участка имперской земли вызвала соответствующую реакцию со стороны Византии. Как только арабы сняли очередную осаду Константинополя, в 680 г. большое войско во главе с больным императором Константином IV Погонатом осадило болгар в Оггосе, но через несколько дней потерпело поражение. Преследуя отступающих, Аспарух достиг южной границы нижнедунайской низменности – горы Хемус (совр. Стара Планина) и выбрал место для своей новой ставки на равнине недалеко от крупных византийских городов Одесос и Марцианополь. Эта ставка получила название Плиска.

Весной 681 г. Аспарух направился к югу Старой Планины и начал нападать на византийские города Фракии, а это создавало опасность для самой столицы империи. Константин IV был вынужден подписать мирный договор, обязуясь платить ежегодную дань новому государству. В августе 681 г. во время дискуссий церковного собора, состоявшегося в Константинополе, пресвитер Константин из сирийского города Апамеи, отмечая поражение в только что закончившейся войне, назвал имя нового соседа империи – *Болгария* [Константин Апамейски, 1960, с.169–170].

681 г. считается годом образования Дунайской Болгарии, т.к. подписание договора о дани оценивается как акт ее междуна-

Территория Первого Болгарского царства до середины IX в.

родного признания [Златарски, 1994, с.123–158; Петров, 1981, с.209 и сл.]. Но выплата дани еще не означала официального признания. Неспособная в этот момент оказать достойное вооруженное сопротивление, Византия купила себе мир, ожидая подходящего случая исправить положение. Начало нового государства произошло раньше, а официальное признание со стороны империи – позднее.

Образование государства с нарушением правил политической теории и практики империи предопределило тот антагонизм, которым отличались отношения между двумя странами вплоть до конца XIV в., когда обе они были захвачены турками. Ведущей идеей Византии стала ликвидация Болгарии и восстановление ее границ вдоль Дуная. Со своей стороны, Болгария стремилась не только сохранить независимость в рамках первоначально захваченной территории, но и расширить ее за счет тех регионов империи, где еще до прихода Аспаруха поселились славянские племена. Славяне имели все основания поддержать Болгарское государство. Политика Визан-

тии строилась на денационализации, ассимиляции всех внешних этносов, поселившихся на ее территории посредством насаждения христианства и греческого языка. Болгары вели себя гораздо более толерантно, не навязывая свой язык и религию, гарантируя, таким образом, культурную автономию славян. Расширяя свою территорию в 680–681 гг., Аспарух не встретил никакого сопротивления со стороны славян. Наоборот, они согласились расселиться вдоль границ нового государства со стороны Аварского каганата и Византии и быть пограничниками болгар, сохраняя определенную автономию и традиционное обычное право в рамках своих территорий. Объединение балканских славян в рамках Болгарии стало политической стратегией ее ханов.

В то время как Аспарух организовывал свою новую территорию и налаживал отношения со славянскими племенами «северы» и «семь родов», населяющими области Мезия и Скифия (совр. Северная Болгария и Добруджа), в юго-западной части Балканского полуострова произошла попытка

Плиска. Восточные ворота крепости

организовать еще одно болгарское государство – на территории Византии.

Кубер, четвертый сын Кубрата, обещал вернуть на родину византийских пленников и их потомков, проживавших на территории Аварского каганата. Он восстал против аварского кагана и победил его. Кубер отправился на юг и остановился на территории нынешней Македонии, в Керамисийском поле, предварительно получив разрешение у византийского императора поселиться здесь за согласие признать его верховенство. Получив разрешение, он начал подготовку к захвату Солуна, чтобы сделать его своим центром. Анонимный автор городской хроники Солуна приписывает ему план-намерение отправиться потом к островам Эгейского моря, в Малую Азию и Константинополь [Деяния, 1960, с.161]. Бегство пленников из его лагеря и провал попытки захвата Солуна не позволили ему реализовать этот дерзкий план.

До конца жизни Аспаруха договор 681 г. соблюдался. Болгарская хроника XI в. сообщает, что царствовал Аспарух 172 года и убили его на Дунае измаильтяне (вероятно, так названы хазары). Эта предполагаемая война и вообще болгаро-хазарские отношения второй половины VII в. освещены источниками очень слабо [Димитров Х., 1989; Атанасов, 2003]. Наследник Аспаруха Тервель сел на престол в год «текучим твирем», т.е. в год барана, что соответствует 700 г., девятый месяц. Если Аспарух заложил основы нового государства, то новому хану предстояло утвердить

его не только военными, но и дипломатическими средствами, что означало получить официальное признание империи. Тервель оказался достойным преемником своего отца. Он внимательно изучал внутреннее состояние империи. Кроме продолжавшейся уже несколько десятилетий войны на малоазийской границе с арабами, в конце VII в. в Византии вспыхнули бунты, которые прекратились только в 717 г. Начало кризиса приходится на период правления импульсивного Юстиниана II (685–697). Сверженный с престола и посланный в Херсон, он сбежал, женился на дочери хазарского кагана, снова сбежал и попросил Тервеля помочь ему вернуть себе престол, обещая взамен дары и дочь в супруги. Весной 705 г. благодаря войску Тервеля, осаждавшему Константинополь, он успел прорваться в город и проникнуть во Влахернский дворец. Обещанный брак с дочерью Юстиниана не состоялся, вероятно, император побоялся нарушить традицию, запрещающую введение «варваров» в императорскую семью. Но решающая помощь болгар была вознаграждена богато и публично. Хан Тервель был приглашен во дворец, ему надели царскую одежду (хламиду) и дали титул кесаря – самую высокую должность в византийской иерархии после императора. Обычно его получал наследник престола – брат или сын императора. Тервелю подарили также инструмент для чеканки моливдовулов, скреплявших в то время письма византийских должностных лиц, где он представлен

Каменная модель юрты

Моливдовуль хана Тервеля

в одеяниях византийского императора и читающим заклинание на греческом языке: «Богородица, помоги кесарю Тервелю». Потом Юстиниан II и Тервель сели рядом и приняли как равные по рангу парад византийской войсковой части. Эти события, описанные патриархом Никифором [Никифор, 1960, с.297–298], дополняются более поздними византийскими источниками: Тервель говорил народу в церкви с золотой крышей в центре столицы, получил богатые дары – золото, серебро, шелковую одежду, а также область Загора – часть современной Фракийской равнины.

Самым важным результатом вмешательства Тервеля в византийские внутренние дела было получение им титула кесаря (лат. цезарь; позднее у славян, в частности, с середины X в. у болгар – царь). В начале VII в. это была высокая, но, однако, лишь почетная должность (поэтому, думается, ее так легко дали языческому правителю). Можно предполагать, что Юстиниан II внушал таким образом, что Тервель будет управлять областью Болгария от имени императора в качестве его кесаря. Болгарский же владетель вряд ли так трактовал свое новое положение. Тервель вернулся на свою землю с сознанием, что он равен византийскому императору.

Это хорошо понимали и в самой Византии. В 708 г. император попытался исправить свою политическую ошибку войной, но потерпел поражение у стен крепости Анхиало. В 711 г. он снова оказался в изо-

ляции и снова попросил помощи у Тервеля, но на этот раз потерял и престол, и жизнь. На следующий год болгарское войско, не встречая сопротивления, достигло стен Константинополя и это была не только демонстрация военной мощи Болгарии, но и желание признания равенства в отношениях двух стран. Наблюдая возрастающую нестабильность жизни империи, Тервель выбрал момент оказать на нее нажим и принудить к заключению нового договора. Он был подписан в 716 г. и принадлежал к числу договоров, заключавшихся на максимальный срок действия – 30 лет. Содержание его можно определить как официальное признание нового государства со стороны Византии и регулирование важнейших сторон межгосударственных отношений. Первая статья договора указывала линию общей границы в нынешней Фракии. По сути дела Византия официально отказалась от своих претензий на завоеванные болгарами территории, признавая статус созданного на ней государства. Вторая статья подтвердила выплату Болгарии ежегодной дани в размере 30 литров золота (2,160 золотых монет – номизмов).

Она выплачивалась в виде одежды, вероятно, из шелка, красной кожи. В Византии только император имел право носить сапоги из кожи красного цвета – символический цвет верховной власти. Таким образом, империя подтвердила равенство двух владетелей. Третья статья определяла взаимное возвращение политических бежен-

Мадарский всадник. Барельеф на скале
у с. Мадара, Шуменский округ

цев, четвертая регламентировала правила торгового обмена.

В последние годы своего правления Тервель получил возможность еще раз показать значение Болгарии для империи. В 717 г. Константинополь был подвергнут осаде арабами. Новый император Лев III (717–741) попросил помощи у болгар и Тервель не замедлил дать согласие. Болгарское войско встретило и разбило первый переправившийся на европейский берег арабский отряд. Во время осады болгары нанесли поражение отряду военачальника Убайда и вели сражение с отступающими арабскими частями. Поражение арабов у стен Константинополя в 718 г. имело особое значение для будущего Европы. Византийцы и болгары не позволили арабам соединиться с арабской колонной, которая в 712 г. через Гибралтарский пролив достигла Галлии. В Западной Европе с повышенным вниманием следили за событиями на Балканском полуострове. Болгарское участие в этих событиях запечатлено в ряде источников, а Тервель стал одним из самых популярных правителей Болгарии.

Управление Тервеля имело большое значение для будущего развития государства и его взаимоотношений с Византией. Он оставил после себя крепкую державу,

присоединив новые территории. Воспользовавшись слабостью империи, он получил для государства и для себя признание равноправного партнерства. Участие в анти-арабской коалиции вывело Болгарию на мировую арену еще в начале ее истории.

Тервель и его наследники, Кормесий и Севар, принадлежали к древнему роду Дуло и это, как и действие болгаро-византийского договора 716 г., обеспечивало стабильное развитие государства. После смерти Севара в 738 г. была нарушена монополия рода Дуло в выдвижении кандидатов на престол. Новый хан Кормисош (738–754) происходил из рода Укил (Вокил). Закат Дуло ознаменовал собой начало борьбы за власть между самыми влиятельными болгарскими родами. Противоречия между ними вспыхнули с особой остротой после начала византийско-болгарской войны. Она была подготовлена сыном Льва III Константином V Копронимом (741–775). Способный военачальник, он смог после успешных сражений в Малой Азии заключить выгодный мир с арабами и сразу бросить свои силы на Балканский полуостров. Эту крутую перемену византийской политики нельзя оценивать как каприз или авантюру. Новый император выступал выразителем настроений той части византийского общества, которая считала, что Болгария незаконно владеет византийскими землями и что их надо снова вернуть в границы империи. Мир, купленный в свое время Константином IV, заменила война. Чтобы подготовить свои действия, Константин V поселил вдоль границы еретиков из Сирии и Армении и начал перестраивать стены пограничных крепостей, что означало нарушение византийско-болгарского мирного договора. Хан Винех (754–760) хотел получить за это дополнительную дань, но его особый посол не был принят во дворе императора. Винех потребовал удовлетворения на поле боя. В 755 г. он продвинулся в глубь территории Византии и, по одним сведениям, выиграл сражение, по другим – нет. Тем не менее это было официальным поводом для империи предпринять со своей стороны военные действия. Война началась в 756 г. и прекратилась только после смерти Константина V в 775 г.

Стратегия войны для византийцев заключалась в ликвидации Болгарского государства. Тактика строилась на комбинированных действиях сухопутных частей и флота для прорыва к центральной области. Чтобы проникнуть туда, сухопутные войска должны были преодолеть охраняемые перевалы Хемуса, а флот смог бы пользоваться только портами на своей части побережья Черного моря, южнее горы. Боевой опыт, превосходство в численности и качестве оружия могли компенсировать византийцам эти трудности.

Первый поход на Болгарию был совершен в 756 г. Византийские войска подошли к пограничной крепости Маркели и выиграли сражение с болгарским отрядом, охранявшим ближайший перевал. Флот в составе 500 кораблей проник в дельту Дуная. Прибрежные поселения были сожжены, захвачено много пленников. В конечном счете, Болгария потеряла область Загоре, а Византия прекратила выплачивать ежегодную дань.

В связи с этими событиями появляется первое известие о значении славян нынешней Македонии, тогда части Византийской империи, в контексте болгаро-византийских контактов. Территории проживания славян византийцы называли «Славинией», подчеркивая компактность славянского населения и полуавтономность их территорий по отношению к центральной власти. Славиния поддерживала контакты с Болгарией, а эти контакты угрожали империи и затрудняли ее действия. Поэтому, прежде чем начать подготовку к следующим действиям, Константин V вторгся в Славинию, «опленил и покори» ее [Теофан, 1960, с.270].

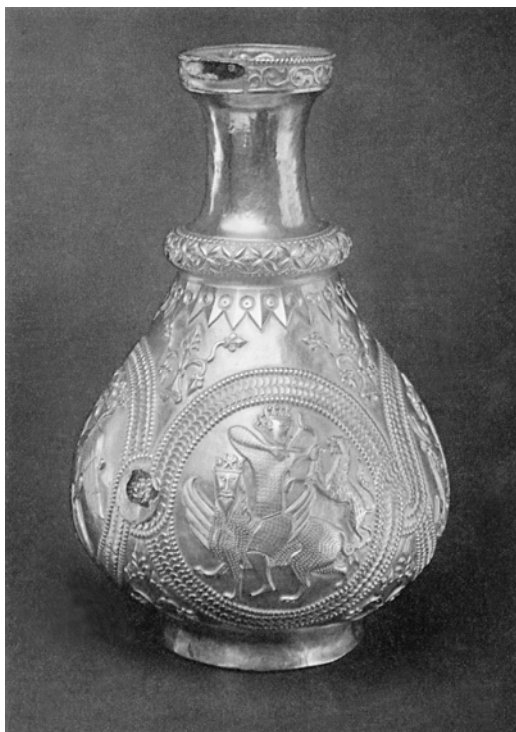
В 760 г. у южного выхода перевала Верегава произошло очередное сражение, которое было выиграно болгарам. Было убито много византийцев, в том числе знатные военачальники и сановники. Хан Винех имел все возможности развить этот успех, преследуя уцелевшую часть византийской армии, и вступить на территорию империи. Однако он этого не сделал. В столице Болгарии его действия были восприняты как проявление слабости, вспыхнул бунт, хан и люди из его рода Укил были убиты. На престол был посажен Телец из рода Угаин, известный своей смелостью.

Новый хан не спешил начать первым военные действия. В 763 г. византийцы снова организовали наступление. Флот в составе 800 кораблей отправился к дельте Дуная, сухопутные войска разбили свой лагерь на равнине у города Анхиало. Телец, по-видимому, заранее осведомленный, уже поджидал врага, укрываясь в окрестных лесах. Сражение длилось с утра до вечера 30 июня 763 г. Наконец, болгары не выдержали и побежали. Константин V одержал победу [там же, с.271].

Поражение Тельцу не простили. Снова вспыхнул бунт, хан и его окружение были убиты. Престол занял хан Сабин (763–766) из рода Укил.

В 766 г. Константин V собирался объявить конец войны, организовав самый крупный поход на Болгарию. Войска расставили свой лагерь у выхода перевала Верегава, флот из 2600 кораблей отправился к порту Анхиало доставить туда дополнительные конные отряды. Получив информацию о численности византийских сил, Сабин предложил мир, однако император Константин, уверенный в своем успехе, отклонил его. Но когда корабли подошли к месту десанта, вдруг задул сильный ветер, который выбросил суда на берег и разбил их. Император отказался дальше воевать. Сабин настаивал на своем предложении провести переговоры о заключении мира и отправил своих послов в Константинополь. По-видимому, это было сделано без учета мнения многих влиятельных болгарских сановников. Они созвали собор из представителей знатных родов, на котором действия Сабина были расценены как проявление предательства. Как пишет Теофан, ему было сказано: «Через тебя Болгария будет поработана ромеями» [там же, 1960, с.271]. Сабин знал, что будет вскоре убит, и поэтому сбежал и нашел приют в Константинополе. Предательство ему не простили – имя Сабина не включили в «Именник».

После Сабина правили Умар (40 дней в 766 г., вероятно, убит), Токту (убит в 767 г.) и Паган (768). Во время правления Пагана византийские войска, вероломно нарушив достигнутое перемирие, вошли в центральную область Болгарии и сожгли несколько поселений. Пытаясь избежать смертной казни за этот провал, Паган сбежал из столицы, но был убит своими под-

Золотой кувшин из клада Надь
Сент Миклош. Румыния. IX в.

данными. Однако даже этот успех имперской армии показал, что Византия не была достаточно подготовлена к покорению страны. Все военные кампании практически не изменили начальное статус-кво сил и показали, что Болгария готова к активному сопротивлению.

Наконец, хану Телеригу (768–777) удалось положить конец войне и внутренней нестабильности. В 768 г. Константин V снова отправил к устью Дуная флот в составе 2000 кораблей. На полпути, вероятно, из-за появления опасного северного ветра, флот повернул обратно, и болгарам было отправлено предложение провести переговоры о заключении перемирия. Тогда Телериг применил тактику византийского императора. Пока в Константинополе шли переговоры, он отправил войско в Македонию, чтобы переселить в Болгарию славянское племя верзитов. Неожиданно войско попало в византийскую засаду и потерпело поражение. Телериг понял, что император имел в болгарском дворе доверенных людей, которые сообщали ему все планы дей-

ствий хана. Надо было их нейтрализовать. Телериг выбрал простое, но очень эффективное средство. Он написал Константину V, что намерен бежать к нему, и попросил сообщить имена его друзей в болгарской столице, чтобы те помогли ему. Император поверил и сообщил имена своих информаторов, которых Телериг сразу казнил. В следующем, 775 г., желая реванша, император организовал свой последний поход на Болгарию, но по пути заболел и умер. Правление Телерига окончилось неожиданным образом. В 777 г. он бежал в Константинополь, после крещения был женат на родственнице византийской императрицы и получил титул патриция.

Во время двадцатилетней войны с Византией в Болгарии правили 7 ханов. Только двое из них сидели на троне больше трех лет. Даже этот факт ясно иллюстрирует степень глубокого внутреннего кризиса, осложнявшегося в результате византийского вмешательства.

Нестабильность ханской власти была вызвана борьбой знатных болгарских родов, образовавших две группы. Они представляли разные точки зрения по вопросу взаимоотношений с Византией. Первая группа считала, что переговоры и компромиссы, неуспехи на поле боя есть предательство родины, которое надо наказывать смертью. Эта политическая линия поддерживалась и славянами, которые проживали в пограничных областях. Другая группа считала, что лучше использовать возможности дипломатии, вести переговоры и идти на уступки. В конце концов воинственная группа взяла верх. Таким образом, в середине VIII в. в стране совершилось первое большое политическое разделение общества. Образовались две «партии» – антивизантийская и провизантийская, которые сохранились до конца Первого Болгарского царства и проводили в соответствии с конъюнктурой свой курс. Несколько раз периоды мира в болгаро-византийских отношениях сменялись войной и наоборот [Рашев, 2001, с.91–92].

Наследники воинственного Константина V отказались от политики покорения Болгарии. Хан Кардам (777–803) потребовал от византийцев возобновления уплаты ежегодной дани, но получил твердый от-

каз. Это вызвало несколько военных столкновений в пограничной области, но они не изменили общую ситуацию. Кардам воспользовался мирной передышкой – перерывом в войне, чтобы довести до конца внутреннее объединение государства и усиление потускневшего авторитета ханской власти. В конце его правления Болгарское государство вышло из кризиса и взяло в свои руки инициативу в отношениях с Византией. Империя сама дала повод. В начале IX в. ею было подписано перемирие с арабами, и это вызвало активизацию действий на балканском фронте. Вновь возродились планы ликвидации Болгарии.

Но это уже не было прежнее государство, раздираемое междоусобицами влиятельных родов. Кроме того, болгарский престол занял хан, которого можно поставить в один ряд с его знаменитыми современниками Харуном ал-Рашидом и Карлом Великим. Это был Крум (803–814). Он получил в управление государство, уже вышедшее из глубокого кризиса, и имел исторический шанс расширить его территорию в самом начале своего правления. В 803 г. Франкская империя нанесла последний удар Аварскому каганату, присоединив его западную половину к себе. Крум, не встречая сопротивления со стороны франков, занял в 805 г. восточную половину каганата. Часть ее составляла Трансильвания, где располагались золотые и соляные рудники. Кроме собственно авар, подданными болгарского хана стали славянские племена, проживавшие в Среднедунайской низменности. Граница между Франкской империей и Болгарией шла вдоль р.Тиссы. Таким образом, Болгария заполнила территориальный и политический вакуум между Византией и Франкской империей и получила возможность стать третьей силой на континенте. Но для этого нужно было еще выяснить до конца отношения с южным соседом.

Занятый организацией новых земель, Крум не спешил. Первый ход сделал император Никифор I Геник (802–811). Заключив в 806 г. выгодный мир с арабами, на следующий год он направился в поход на Болгарию, но был вынужден вернуться из-за опасности бунта в столице. Для Крума это означало объявление войны. Он решил ответить сразу. Проникнув глубоко на

Золотой сосуд из клада Надь Сент Миклош.
Румыния. IX в.

византийскую территорию, болгары напали на гарнизон Струмской области в день получения солдатской зарплаты и захватили большое количество золота. Последующие действия Крума показали, что это не была авантюра или изолированный акт возмездия, а часть масштабной программы расширения государства южнее горы Хемус, где на византийской территории проживали славянские племена, склонность которых подкреплять борьбу Болгарии с Византией была давно известна. В 809 г. болгары был взят важный стратегический пункт – г. Сердика (совр. София). Находящийся в самом центре Балканского полуострова, он контролировал путь в Солун и Македонию и осуществлял сухопутную связь Византии с северо-запада от полуострова.

Византийцы сразу оценили отрицательные последствия успешных действий Крума. Болгарское присутствие во Фракии грозило прежде всего безопасности их столицы. Нужно было предпринять кардинальные меры, чтобы не допустить закрепления Болгарии в этом регионе. Вновь всплыла, спустя 35 лет после смерти Константина V, казалось бы, уже забытая идея захвата Болгарии. Это и была цель похода, органи-

Хан Крум во время пиршества в честь победы над императором Никифором

зованного в 811 г. под личным руководством Никифора I и с участием его сына-престолонаследника Ставракия, зятя Михаила и многих высших военных и гражданских лиц Византии.

Узнав об этом, Крум поспешил предложить мир, еще когда император находился в лагере у самой границы, но Никифор надменно отказался от переговоров. После преодоления горы Хемус и нескольких безуспешных для Крума стычек, он захватил его резиденцию (греч. аул) и поставил свои печати на дверях сокровищницы Крума. Захваченное местное население было подвергнуто необычайно жестокому избиению. Крумом во второй раз было направлено предложение о заключении мира, и снова оно было отвергнуто. Тогда разгневанный хан быстро организовал уцелевшую часть армии, пополняя ее славянскими отрядами, женщинами и наемниками-аварами. Перевал, через который византийское войско должно было пройти обратным путем, был перекрыт мощной деревянной стеной. Узнав о приготовлениях Крума, император поспешил уйти обратно, сжигая деревянные постройки столицы.

Утром 26 июля 811 г. византийский лагерь близ перевала был внезапно атакован. Никифор был убит, а вместе с ним – много знатных лиц его окружения. Раненый престолонаследник Ставракий успел сбежать, но через 3 месяца умер от неизлечимых ран. Большая часть византийских солдат нашла свою смерть на дне глубокого рва, выкопанного вдоль деревянной стены. Голова Никифора была отрезана и выставлена напоказ в целях демонстрации могущества болгарского хана. Позднее череп был окован серебром и в этой чаше Крум подавал вино славянским вождям, помогавшим ему в победе.

Весть о поражении и смерти Никифора потрясла империю. Он являлся, по римским традициям давнего времени, олицетворением священной христианской империи и ее привилегированного положения в тогдашнем мире. И вдруг жизнь священной особы была отнята рукой варвара-язычника. Победа болгар имела не только военно-политическое значение. Она оказала прежде всего глубокое психологическое давление на византийцев и отметила перелом в их взглядах на Болгарию. Презрение и высокомерие сменилось уважением, а в последние годы правления Крума был только страх. Со своей стороны, болгары не упустили возможность расширения государственной территории южнее Хемуса. Уже в следующем, 812 г., Крум перешел границу и взял важнейший пограничный город Девелт, чем вызвал массовое бегство обитателей других больших византийских городов из Фракии. Не будучи максималистом, хан потребовал восстановления договора 716 г., что обеспечивало бы возвращение Болгарии части Фракии. Когда император Михаил I отказал в этом [Теофан, 1960, с.285–286; Продолжатель Феофана, 1992, с.7–8], он осадил и взял важнейший черноморский порт Месемврию. Здесь впервые болгары использовали осадную технику, сделанную византийскими мастерами, бежавшими из Византии в Болгарию, где они нашли радушный прием Крума. Взятие Месемврии развязало руки болгарам, и 17 июля 813 г., после разгрома византийской армии у стен Версиникии, Крум уже совершал торжественную языческую церемонию прямо перед главной Зо-

лотой дверью крепостной стены Константинополя.

На четвертое за два года предложение о мире со стороны Крума новый император Лев V отозвался предложением провести переговоры. Они должны были состояться вне стен города. Однако это был всего лишь обман с целью убить опасного хана. Когда укрывшиеся в засаде византийские солдаты пытались пленить Крума, он успел сбежать. Вероятно, именно в этот момент он понял, что Византия никогда не будет искренне принимать дружественных предложений сотрудничества с болгарами и не откажется от своих претензий на ее территорию. Двум государствам как будто не было места на полуострове. По-видимому, именно тогда Крум сформулировал задачу взятия Константинополя – стратегию болгарской политики, практически не изменившуюся до конца существования этого средневекового государства. Он не замедлил отомстить за вероломство императора, готовя в то же время свои будущие действия по взятию византийской столицы. Все дворцы, усадьбы и монастыри в окрестностях Константинополя были разрушены. Та же участь постигла многие крепости в более отдаленных регионах, среди которых был и Адрианополь – «ключ» к столице. Зимой 813–814 гг. Крум организовал масштабную подготовку к осаде Констан-

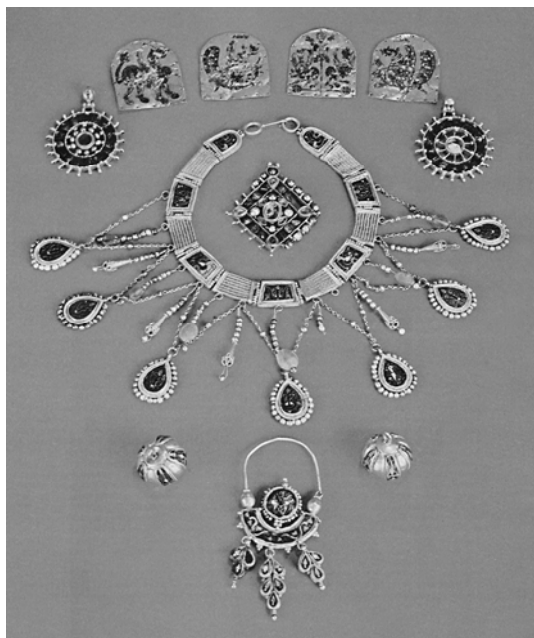
Золотой медальон с изображением хана Омуртага. Велико Тырново. Национальный исторический музей

Серебряная чаша. IX в. из Преслава. Археологический музей. Преслав

тинополя. Комплектовалась большая армия с участием аваров и всей Славинии. Строились осадные машины, которые надо было подвозить на 5000 телегах, запряженных в 10000 волов. Весть обо всем этом вызвала срочное строительство дополнительной крепостной стены вокруг византийской столицы. Однако бежавшие из Болгарии византийские пленники принесли неожиданную весть о внезапной смерти 13 апреля 814 г. хана Крума.

Крум был незаурядным ханом. Он правил более 10 лет, и его правление отличалось большой динамикой и результативностью в разных областях. Он осуществил прямой контакт Болгарии с западной частью Европы. Сформулировал задачи и начал подготовку к взятию Константинополя, которое могло привести к реализации политического верховенства Болгарии на Балканском полуострове. Он приказал составить общие для всех законы на основе современного византийского законодательства. Эти законы предусматривали суровые меры в случае искажения правды и посягательства на чужую собственность. Крум проявлял особое влечение к византийской культуре, и поэтому не случайно, что именно он сделал греческий язык официальным языком болгарской государственной канцелярии. Принятие греческого письма являлось сигналом того, что Болгария стремилась переориентироваться от традиций евразийской степи к ценностям средиземноморско-христианской культуры. Крум поставил конец «варварскому» периоду истории дунайских болгар [Божилов, 1995, с.61]. Началось включение государства в европейскую систему отноше-

Клад золотых украшений из Преслава.
IX–X вв.

ний. В конце его правления Болгария стала практически третьей силой в Европе наряду с империями византийцев и франков.

Наследники Крума не только сохранили его достижения, но в некоторых случаях и приумножили их.

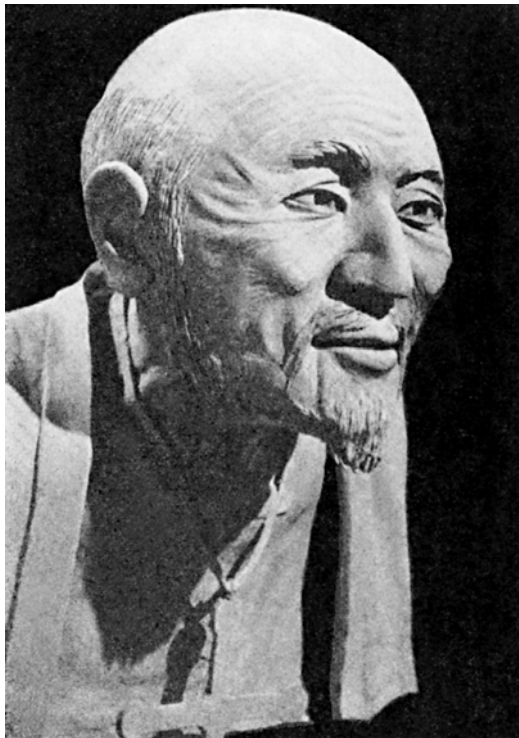
В 815 г. его сын Омуртаг (814–831) заключил договор с Византией, который, прежде всего, уточнял линию общей границы во Фракии. Этот договор можно оценивать как перелом в болгаро-византийских отношениях. Со стороны Болгарии он означал отказ от идеи захвата Константинополя. По-видимому, провизантийская группировка успела довести до сознания болгарской знати новый политический курс, который основывался на мирных отношениях между двумя странами и закреплении болгарских интересов во Фракии. Со стороны Византии договор являлся признанием равноправия в политическом и военном отношениях. Возросло значение идеологической и религиозной сфер. Болгарские ханы стали заимствовать атрибуты и титулярные формулы византийских императоров, как равные у равных.

Обеспечив мир на южной границе, Омуртаг бросил взгляд на обширные тер-

ритории севернее Дуная. Около 820 г. болгарские войска воевали в районе Днестра с хазарами или мадьярами. Когда часть среднедунайских славян предпочла подчиниться франкскому королю, болгарская армия провела военные операции в районе р. Дравы и Тиссы [Бешевлиев, 1992, № 59, 60].

Внутренняя политика Омуртага выразилась прежде всего в осуществлении большой строительной программы в столице для ее переустройства после пожара 811 г., а также вокруг нее. Все это запечатлено в нескольких надписях на греческом языке. Кроме данных о масштабе строительства, они показывают откровенное осознание превосходства хана болгар над императором ромеев: «Кана сюбиги Омуртаг, от бога архонта в земле, где родился. Обитая кампоса Плиска, он сделал аул на (реке) Туча и переместил свое войско против греков и славян. И сделал искусно мост на Туче вместе с аулом и поставил в этом ауле четыре колонны и наверху этих колон – двух львов. Пусть бог даст поставленному от бога архонту, топтая ногами императора, пока Туча течет и пока... владея над многими болгарскими и подчиняя своих врагов, прожить в радости и веселье сто лет. Время, когда строилось, было по болгарскому (летосчислению) сигор елем, а по гречески 15 индиктион» [там же, №57]. Включение в текст греческой формулы «от бога» (ек теу) – прямое заимствование титула византийского императора, которого в Болгарии уже не считали единственным владельцем.

Короткое правление несовершеннолетнего Маламира (831–836) мало что изменило в политике, но его наследник Пресиан (836–852) предпринял возобновление политики Крума по отношению к Византии. Воспользовавшись очередным бунтом среди славянских племен в Солунской области, в 837 г. он отправил туда войско, которое начало присоединение горы Родопи и нынешней Македонии к Болгарии. К концу его правления юго-западная граница государства вышла к берегу Адриатического моря, включив в состав Болгарии славянские племена на территории нынешней Албании. К середине IX в. Болгария активно проводила свою миссию объеди-

Скульптурный портрет болгарина начала X в.
Реконструкция по черепу из могильника Мостич.
Преслав. Болгария (по И.Йорданову)

нителя балканских славян т.н. болгарской группы и гаранта их этнокультурной самостоятельности.

Резкое возрастание славянской части населения государства, разность их языческих верований и частичное распространение среди них христианства вызывали необходимость введения общей для всех религии. Выбора практически не было, т.к. христианство являлось государственной религией двух соседних империй. Решающий шаг сделал хан, позднее князь, Борис (852–889). Еще в бытность ханом он активно вмешивался в события на Среднем Дунае, где в связи с возрастающим значением Моравского княжества переплетались политические интересы Немецкой марки и Византии. Сосредоточив все свои силы на северо-западе, Борис не смог противостоять Византии. В 864 г. византийская

армия пересекла границу, и император Михаил III потребовал крещения болгарского правителя и народа по канонам византийской церкви.

История языческой Болгарии была во многом связана с традициями евразийского степного мира. После принятия христианства в жизни государства резко возросло значение двух новых факторов – славянского и византийско-греческого. Князь Борис успел воспользоваться безуспешными результатами миссии Кирилла и Мефодия в Моравии, объединяя вокруг себя их учеников для распространения славянской письменности в Болгарии. Славянский язык и письмо стали в 893 г. литургическим языком болгарской церкви и это практически явилось началом, рождением болгарской национальной литературы. Ее расцвет приходится на правление Симеона (893–927), когда состоялся «золотой век» болгарской средневековой культуры. В политической сфере он сочетался с попыткой реализации идеи создания болгаро-византийского политического сообщества во главе с болгарским владетелем в Константинополе, что вызвало возобновление войны в период 914–927 гг. Наследник Симеона, Петр I (927–969), был женат на внучке византийского императора Романа Лакапина, и до ее смерти, несмотря на титул «василевс Болгарии», его считали подчиненным императору. Попытка Петра показать себя царем независимого государства возродила византийскую идею ликвидации Болгарии. Сначала византийская дипломатия направила в Болгарию киевского князя Святослава, но когда он стал угрожать самой Византии, имперские войска перешли Хемус и в 971 г. взяли столицу Болгарии Преслав. Центр государства переместился на юго-западные территории, а царь Самуил (991–1014) сделал многое для сохранения их независимости. В 1018 г. император Василий II взял столицу Охрид и разрушил ее стены. В 1185 г. государство было восстановлено со столицей Велико Тырново и просуществовало до покорения страны османскими турками в 1396 г.

ГЛАВА 3

Тюркские народы Северного Кавказа

Людмила Гмыря

Кавказские войны Арабского халифата (707–738 гг.)

Военные акции на Кавказе, начало которым было положено в 640–650-е гг. продвижением войск халифата в район Дербента и кампаниями против хазарского города Баланджара, в литературе обычно именуется «арабо-хазарскими войнами». Условность принятой терминологии, однако, несколько затушевывает и суть самого конфликта, и состав его участников. По существу, войны VII–VIII вв. являлись не столько арабо-хазарским противостоянием, сколько арабо-византийским, имевшим цель каждой из сторон добиться преобладания в Малой Азии и Закавказье. Хазарский каганат был задействован в конфликте как союзник Византии.

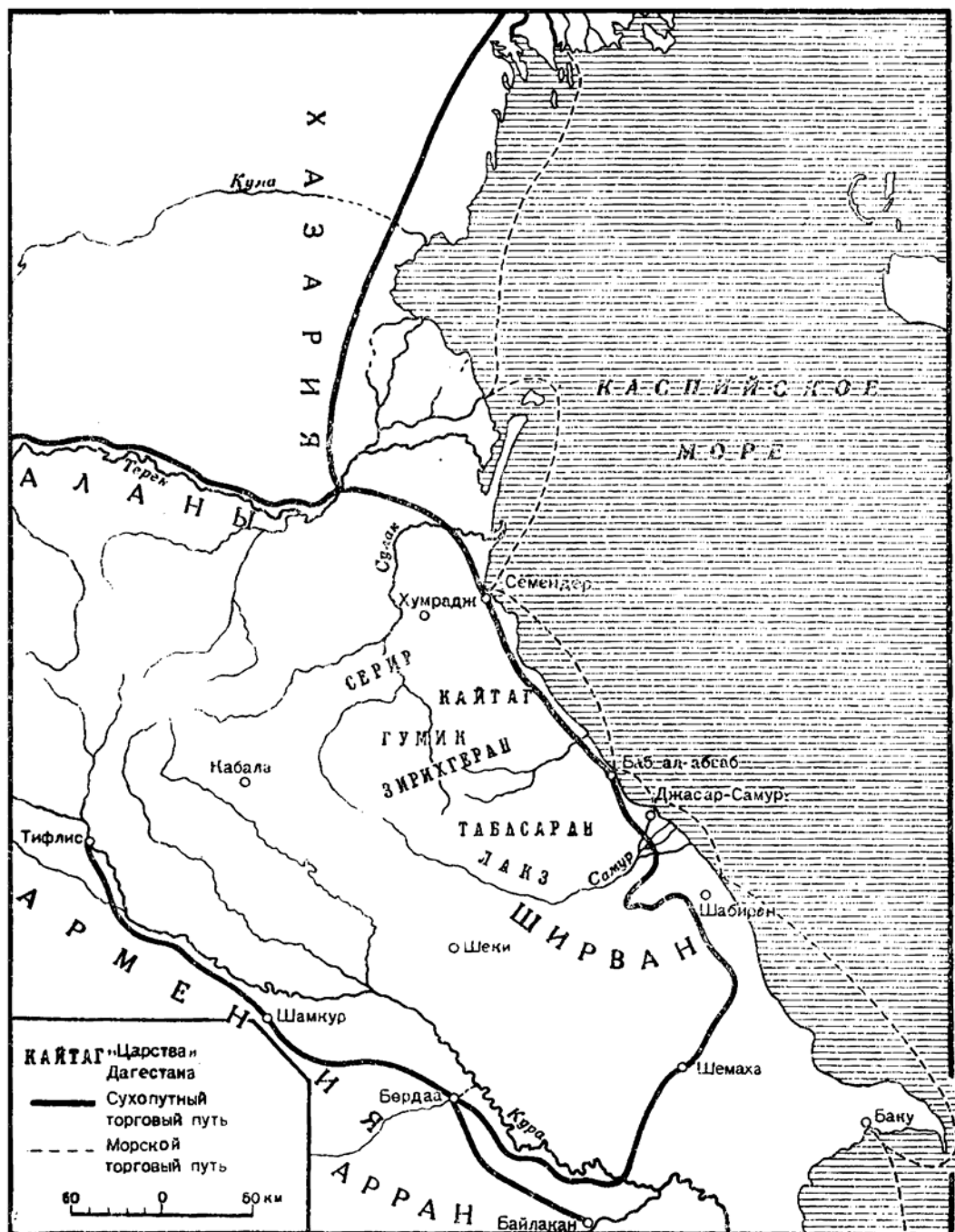
Разгром главного соперника на Востоке – Византии для халифата был неосуществим без уничтожения кавказских провинций Хазарского каганата, являвшихся плацдармом для нанесения отвлекающих ударов хазар по Закавказью, находившемуся в сфере политической зависимости от халифата. В войне с Византией арабам приходилось вести военные действия одновременно на двух фронтах – византийском в Малой Азии и хазарском на Северо-Восточном Кавказе. Эта стратегия была вынужденной, она, несомненно, ослабляла ресурсы Арабского государства и сдерживала мощь ударов по Византии. В долгую изнурительную войну были ввергнуты народы Закавказья и Северного Кавказа, в ней были также задействованы масштабные людские ресурсы различных регионов Арабского халифата и Хазарского каганата. Основные тяготы войны приняло на себя население Северо-Восточного Кавказа (совр. Дагестан). Многочисленные независимые политические образования региона

подвергались непрерывному разорению, гибли экономические центры, разрушалось хозяйство, вывозились ценности, уничтожались людские ресурсы, уводились в рабство женщины и дети. Арабам приходилось сталкиваться на Кавказе не только с хорошо вооруженной, подготовленной и опытной армией хазар и ее союзников, но также с упорным сопротивлением местного населения – жителей городов, крепостей и селений.

Военные акции арабов на Кавказе с разной степенью полноты описаны в сочинениях арабо- и персоязычных историков IX–XIII вв. Данные об этих событиях основаны на записях рассказов о завоеваниях арабов, составленных в третьей четверти VII в. по воспоминаниям очевидцев и многочисленных участников событий. Однако ни первые записи рассказов о завоевательных походах арабов, ни более поздние списки их до IX в. не сохранились. Основными источниками для изучения событий кавказских войн халифата служат исторические труды Халифы б. Хаййата (ум. в 854 г.), ал-Балазури (ум. в 892 г.), ал-Йакуби (ум. в 897 г.), ат-Табари (ум. 922/923 г.), ал-Куфи (ум. в 927 г.), Балами (ум. в 974 г.), Ибн ал-Асира (1160–1233 гг.).

События арабской экспансии на Кавказе нашли отражение и в трудах армяноязычных историков VII–XIII вв. – Мовзеса Каганкатваци (VII в.), Себеоса (середина VII в.), Вардапета Гевонда (конец VIII в.), Вардана Великого (XIII в.).

Восстановление полной и четкой картины военных действий на Северном Кавказе в VII–VIII вв. практически невозможно из-за специфики арабо- и персоязычных источников. Исследователи отмечают необходимость комплексного использования информации арабских авторов, обращают внимание на их противоречивость, выяв-

Дагестан в X–XI вв. по данным арабских источников

ляют причины варибельности данных об одном событии. Критический анализ комплекса сведений о кавказских акциях Арабского халифата позволяет выделить в нем как достоверные данные, так и легендарные материалы, а также «правдопо-

добные, но исторически недостоверные сведения» [ИТ, 2002, с.441].

История завоевательных походов халифата на Северном Кавказе VIII в. уходит корнями в события ранних арабских акций в регионе, относящихся к 40–50-м гг. VII в. В периодизации кавказских войн халифата

хронологически выделяются обычно два этапа – первый (ранний): 642/643 – 652/653 гг. и второй: 706/707 – 738/739 гг. В промежутке между ними состоялось кратковременное продвижение арабских войск в 90-е гг. VII в. в район Дербентского прохода. Некоторые исследователи вычлениют в кавказской войне халифата три этапа с учетом целей, задач, событий, военных, экономических и идеологических последствий для сторон-участниц и т.д. [Шихсаидов, 1986, с.12–13; Гаджиев и др., 1996, с.200–207].

Из успешных акций халифата первого этапа войн на Северном Кавказе следует назвать закрепление арабов в Дербенте. Время этого события точно не определяется из-за противоречивых сведений источников. Исследователи ведут дискуссию вокруг двух дат – 642 и 652 гг. [История Востока, II, с.37, 117]. По данным ат-Табари, передача арабам Дербента его персидским правителем Шахрбаразом произошла в 22/642–643 г. в правление халифа Умара ибн ал-Хаттаба (634–644) [ат-Табари, 1986, с.72–74].

Закрепившись в Дербенте, арабы начали завоевательные походы на юго-восточные провинции Хазарского каганата (совр. Прикаспийский Дагестан). В арабоязычных источниках военные операции против хазар на Северо-Восточном Кавказе обозначены как «поход против тюрков» или «поход на Баланджар» [ИТ, 2002, с.283–284]. Причем Баланджар одновременно выступает и как пограничная область, расположенная севернее Дербента, и как страна, город, река, горная гряда. У армяноязычных и византийских историков в равнинных и предгорных районах Северо-Восточного Кавказа («при подошве гор») в VII в. локализуется «страна гуннов» – политическое образование гунно-болгарских, ираноязычных и кавказских племен, включенное в состав Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с.181–192; Гадло, 1979, с.138–152 и др.]. По данным ат-Табари, завоевательные походы против Баланджара продолжались в течение десяти лет – в 22–32/642–643 – 652–653 гг. Захват города арабскими войсками ат-Табари относит к 22/642–643 г. [ат-Табари, 1986, с.74]. Этим же годом он датирует вторжение арабов во

внутренние владения Хазарского каганата (город ал-Байда), удаленные от Баланджара 20-дневным переходом (200 фарсахов). Однако сведения о походе на ал-Байду признаны недостоверными. Разгром войск арабов под Баланджаром ат-Табари относит к девятому году правления халифа Усмана [ИТ, 2002, с.452], что соответствует 31/651–652 г.

Некоторые исследователи полагают, что завоевание арабами Дербента и их поражение под Баланджаром произошли в течение одной операции 653 г., а в арабоязычных источниках одни и те же эпизоды военной акции включены «в повествования о разных годах с разрывом в 10 лет» [Большаков, 1993, с.170]. Это положение как будто подтверждается описанием Себеоса разгрома арабских войск в «стране при подошве гор», последовавшего после подавления восстания армян против арабов [Себеос, с.164]. Однако свидетельство Себеоса может относиться к последнему походу на Баланджар (652/653), а не ко всем операциям против него. А.П.Новосельцев признавал реальным продвижение арабов в район Дербента в 40-е гг. VII в. и возможное повторное покорение его и областей к северу от него в 652/653 г. [Новосельцев, 1990, с.174–175].

Разгром арабских войск под Баланджаром, где погибло 4 тыс. воинов, стал общегосударственной трагедией халифата. Об этом событии сообщают все араби- и персоязычные источники, отмечая, что могилы погибших воинов почитаются в мусульманском мире как «могилы мучеников». Арабский полководец Салман б. Рабаи прославился не только как успешный руководитель военных акций на Кавказе, трагически погибший в битве за Баланджар, но с его именем многие арабоязычные авторы связывают и одно из «диковинных» явлений. По данным источников, мощи знаменитого арабского полководца, захороненного в Баланджаре, использовались местными жителями в языческих обрядах вызывания дождя и солнца [Гмыря, 2002а, с.33–38].

Неудачной акцией арабов под Баланджаром закончился первый этап продвижения войск халифата на Северо-Восточный Кавказ. До 90-х гг. VII в. арабские военные

отряды не появлялись ни в районе Дербентского прохода, ни к северу от него, хотя борьба халифата и Византии за Закавказье продолжалась и в это время. Каждая из сторон пользовалась ослаблением другой, добиваясь временных успехов. В 650-е гг. в Арабском халифате разразилась междоусобная борьба за власть, спровоцированная религиозно-политическим кризисом [Большаков, 1998, с.3; Прозоров, 2004, с.27, 295; Стэнли Лэн-Пуль, 2004, с.16]. В 661 г. в халифате установилась власть Омейядов в лице халифа Муавия I (661–680), который, как и пророк, принадлежал к племени курейшитов. Омейядские халифы правили до 750 г. Их столицей был город Дамаск. Последним халифом из этой династии был Марван II (744–750), прославившийся окончательным разгромом прикаспийских провинций Хазарского каганата в 737 г. В годы правления Муавия I Кавказская Албания приняла подданство халифата, одним из условий этого акта было снижение на 1/3 податей Албании. Но в 669 г. правитель Албании князь Джуаншер, добившийся от халифата благоприятных условий для Албании, был убит заговорщиками. К власти пришел его племянник князь Вараз-Трдат (669–699), который предпочел укрепление отношений с северными соседями Кавказской Албании – «страной гуннов». Хазария и ее союзница «страна гуннов» вскоре после арабских разгромов 640–650-х гг. возобновили свою активную политику в Закавказье. По данным письменных источников известна целая серия крупных военных акций хазар и гуннов, проведенных в 60–80-е гг. VII в.: 662 г. – нападение на Албанию хазар, поражение их; 664 г. – нападение на Албанию войск царя гуннов, соглашение о мире, заключение брака между князем Джуаншером и дочерью правителя «страны гуннов» Алп-Илитвера, возвращение пленных и награбленного скота; 669 г. – нападение на Албанию Алп-Илитвера, новый договор о союзе, определение статуса великого князя гуннов как защитника и подмоги власти правителя Албании; 669–682 гг. – ежегодные набеги гуннов на Албанию; 682 г. – новый договор между Албанией и «страной гуннов», принятие последней христианства от Албании; 684 г. – нападение хазар на Албанию, гибель правителя

Армении, многих албанских и грузинских князей (см.: [ИТ, 2002, с.284–286]).

Успехи Хазарии и «страны гуннов» в Закавказье во многом объясняются ослаблением позиций халифата в этом регионе, проходившем на фоне нового этапа междоусобиц 680–685 гг. За короткий период в халифате сменилась власть трех халифов [Стэнли Лэн-Пуль, 2004, с.19]. Закавказские государства, воспользовавшись ситуацией, перестали платить ему дань. В 685 г. халиф Абд ал-Малик (685–705) заключил мир с Византией, предусматривавший совместное владение Арменией и Иберией. Но в 688 г. византийский император Юстиниан II (685–695), нарушив договор, оккупировал Закавказские страны [Большаков, 1998, с.259]. Гражданская война в Византии помешала императору укрепиться в регионе и в 690-х гг. арабы восстановили здесь свое господство. В 692/693 г. арабский правитель Армении предпринял вторжение в Албанию и продвинулся в район Дербентского прохода, но удержаться там не смог. В связи с антиарабским восстанием в Армении арабы вынуждены были уйти из Дербента [Каганкатвацц, 1861, с.259; 1984, с.160; Гевонд, 1862, с.12; Ибн ал-Асир, 1940, с.22].

Оценивая характер и итоги первого этапа завоеваний Арабского халифата на Северо-Восточном Кавказе, исследователи приходят к неоднозначным выводам. Период войн VII в. определяется и как «малозначительный эпизод» и «первое знакомство между будущими упорными противниками» [Артамонов, 1962, с.180], и как разведывательная или «предупредительная» война арабов [Шихсаидов, 1986, с.12; Гаджиев и др., 1996, с.200]. Однако, судя по географии арабских походов, халифат имел стратегические планы вытеснения Хазарии из района Западного Прикаспия, где находились выходы к кавказским проходам. Ожесточенность карательных экспедиций и настойчивость в осуществлении планов халифата на Северо-Восточном Кавказе дают основание оценить первый этап войны как не очень удачную попытку закрепиться в регионе, несмотря на ряд успешных военных операций. Арабам не удалось ни захватить территорию «страны гуннов» и хазар, и ряда горных княжеств, ни удержаться в Дербентском проходе. Продвижение арабских войск

в 692/693 г. в район Дербента косвенно свидетельствует о том, что в это время Дербент находился под властью Хазарии. Первой операцией второго этапа войны халифата на Северо-Восточном Кавказе в VIII в. (706/707 г.) было также взятие Дербента, в котором к этому времени обосновалось 80 тыс. хазар вместе с семьями [ал-Куфи, 1981, с.14–15].

Халифат не смог достичь своих целей на первом этапе войны по ряду объективных причин политического и социального плана. Одна из них состояла в упорном сопротивлении арабской экспансии (военной, экономической, идеологической) Хазарии и «страны гуннов», а также ряда горных княжеств Северо-Восточного Кавказа. Борьбу местных народов с планами закрепления халифата в регионе можно в определенной степени охарактеризовать как антиарабский союз коллективной безопасности. Несомненно, договорные обязательства о совместных действиях против арабов существовали между Хазарией и «страной гуннов» – ведь практически все акции арабов отражались совместными усилиями [ат-Табари, 1986, с.76; Ибн ал-Асир, 1940, с.20; ал-Куфи, 1981, с.9].

На первом этапе войны халифата на Северном Кавказе выявилась роль Дербента как опорного пункта арабов в борьбе с Хазарией и горными княжествами. Практически все военные акции против Баланджара начинались из Дербента, туда же отходили арабские войска в случае поражений или угрозы разгрома.

Несмотря на малопродуктивный характер ранних завоеваний арабов на Северо-Восточном Кавказе, ими был приобретен определенный опыт проведения военных операций в регионе, который во всей полноте был использован в войне первой трети VIII в. Для Хазарии и «страны гуннов» Арабский халифат был сильнейшим противником. К началу продвижения на Северо-Восточный Кавказ халифат уже завоевал Сирию, Палестину, Месопотамию, Египет, Иран, некоторые государства Средней Азии, Армению, Кавказскую Албанию [История Востока, II, с.114–117]. В битвах с арабскими войсками хазары и гунны вырабатывали тактические приемы ведения военных операций. И часто им удавалось

развевать миф о неуязвимости арабских воинов, а полный разгром войск Салмана б. Рабиа под Баланджаром внушил надежду на возможность отражения агрессии. Приобретенный опыт привел к пониманию необходимости организации антиарабских союзов на Кавказе. Таковым был договор 669 г. между Кавказской Албанией и «страной гуннов» [Шихсаидов, 1969, с.82], по которому правитель последней объявлялся «помощником и защитником власти» правителя Албании. Этот союз был закреплен принятием «страной гуннов» в 682 г. христианства, но просуществовал он лишь до активных арабо-византийских действий 685–692 гг. в Закавказье.

После стабилизации внутреннего положения Арабского халифата в 90-е гг. VII в. в правление халифа ал-Валида (705–715) были возобновлены и завоевательные походы. В 705 г. велись активные военные действия против Византии, в 715–717 гг. арабы держали в осаде Константинополь. Во втором десятилетии VIII в. халифат достиг максимальных размеров. Были захвачены значительные территории в Средней Азии, к халифату отошел Пиренейский полуостров [История Востока, II, с.122].

В 701/702 г. арабы завершили завоевание Армении. В 703 и 705 гг. там были отмечены антиарабские восстания. Арабский наместник Мухаммад ибн Марван, брат халифа ал-Валида, разбил объединенные войска армян и византийцев, а затем подверг сожжению своих противников из числа армянских князей.

В 706/707 г. началось новое продвижение халифата на Северо-Восточный Кавказ (второй этап). В византийских, армянских и арабских исторических трудах нашли отражение 13 крупных военных акций Арабского халифата на северо-кавказском фронте военных действий, но, как считается, их было намного больше. Из источников известны также 3 крупномасштабные акции хазар, проведенные ими совместно с союзными войсками в Закавказье, но в основном действия Хазарского каганата в Прикаспийском регионе носили оборонительный характер.

Тридцатилетний период активных военных действий был непростым как для народов Хазарского каганата, отражавших

экспансию Арабского халифата, так и для самого арабского государства. Более 25 лет действия арабов в Восточном Предкавказье особых успехов не имели, результаты отдельных успешных военных операций, как правило, не закреплялись, и хазарам часто удавалось нанести противнику ощутимый урон. В литературе высказано мнение, что арабы «не пытались закрепиться к северу от Кавказского хребта», понимая, что для этого у них нет «ни сил, ни перспектив» [Новосельцев, 2001, с.67]. Однако малоуспешность военных акций арабов на Северо-Восточном Кавказе до 737 г. имела ряд объективных причин. Войску арабов обычно противостояла на порядок превосходящая по численности армия хазар. К тому же военные действия арабы вели на чужой территории, где им приходилось сталкиваться не только с хорошо вооруженной и опытной армией хазар и ее союзников, но также с упорным сопротивлением местного населения [История Дагестана, 1967, с.151–154 и др.]. За время войны с хазарами халифы семь раз меняли общее руководство операциями, перебрасывая на кавказский фронт опытных полководцев из других регионов военных действий. На фронтах кавказского направления наиболее значимыми были операции, возглавляемые полководцами Масламой, ал-Джаррахом и Марваном.

Маслама б. Абд ал-Малик, сын омейядского халифа Абд ал-Малика б. Марвана (685–705), прославился как полководец в 705–707 гг. в войне халифата с Византией. В 706/707 г. он был переведен на Кавказ для нанесения удара по хазарам. В источниках нашли отражение пять военных операций Масламы против хазар. Наиболее удачной акцией полководца было взятие им в 88/706–707 г. города Дербента [ал-Куфи, 1981, с.14–15; ИТ, 2002, с.466–467]. Последний поход Масламы в «страну хакана», состоявшийся в 731/732 г., также поначалу складывался успешно – были завоеваны многие города и крепости и убит сын кагана [ат-Табари, 1986, с.79; ал-Куфи, 1981, с.41, 47; Ибн ал-Асир, 1940, с.29–30]. Однако с прибытием многочисленного войска хазар арабы спешно отступили в Дербент. Маслама известен и как деятель, предпринявший масштабные работы по восстановлению и реконструкции фортификационных сооружений Дербента.

В местной историографической традиции и некоторых фольклорных произведениях народов Дагестана этому арабскому полководцу, обычно называемому *Муслим* или *Абу Муслим*, приписывалась слава первого распространителя ислама в Дагестане [Шихсаидов и др., 1993, с.24–27, 32–33, 69–70, 79–80 и др.]. Местные дагестанские легенды о священном мече Масламы, символизирующем неизбежность ислама в регионе и являющимся предметом поклонения верующих, зафиксированы и некоторыми арабскими авторами XII–XV вв. [ал-Гарнати, 1971, с.24, 49–50]. Их содержание показывает, что культ священного меча Масламы наложился на древний культ плодородия, в котором меч являлся главным атрибутом [Гмыря, 2001, с.55–62; 2003, с.237–261]. В местной дербентской хронике «Дербенд-наме» с именем Масламы (Абу Муслима) связывается возведение в Дербенте соборной (Джума) и пяти кварталных мечетей, одна из которых носила название «мечети хазарского племени» [Шихсаидов и др., 1993, с.32]. Вернувшись в 732/733 г. в Сирию, Маслама через семь месяцев умер после тяжелой болезни.

Ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаким – омейядский полководец, сменивший в 722/723 г. Масламу на посту правителя Закавказья при первом его отстранении от должности. Наиболее блестящей считается акция ал-Джарраха 104 г.х. против хазар, при которой были захвачены многие укрепленные поселения Восточного Предкавказья и выиграно грандиозное сражение у стен города Баланджара [ат-Табари, 1986, с.78; ал-Куфи, 1981, с.17–19; Ибн ал-Асир, 1940, с.25]. За ним закрепилась слава чрезвычайно жестокого человека. Ат-Табари сообщает, что пленные, захваченные у Баланджара, и все их дети по приказу Джарраха были утоплены. В 730/731 г. войска Джарраха были разгромлены хазарами у города Ардебилля (совр. Южный Азербайджан), а сам полководец погиб в ожесточенном сражении. Это событие описано в трудах многих восточных авторов [ал-Куфи, 1981, с.21–24; ат-Табари, 1986, с.79; Ибн ал-Асир, 1940, с.26; Гевонд, 1862, с.72]. Византийский историк Феофан относит гибель Джарраха к 728/729 г. [Чечуров, 1980, с.67].

Марван б. Мухаммад б. Марван ал-Химар совершил три похода в Прикаспий-

ские провинции Хазарии. Его отец, знаменитый полководец Мухаммад б. Марван, был сыном халифа Марвана I (684–685) и братом халифа Абд ал-Малика б. Марвана. Впоследствии Марван также стал халифом (744–750). Изменив стратегию наступательных операций, Марван последовательно и целенаправленно привел ситуацию на кавказском фронте к коренному перелому. В результате операций 735/736 и 737 гг. прикаспийские провинции Хазарии были разгромлены, войска арабов вторглись на основную территорию каганата, достигли его столицы ал-Байда. Под угрозой потери царства каган принял условия перемирия с арабами [Халифа б. Хаййат, 2000, с. 461; ал-Куфи, 1981, с.50–52; ИТ, 2002, с.467–469; Гевонд, 1862, с.80]. Некоторые арабские авторы указывают, что по условиям мира каган и многие его соплеменники приняли ислам [ал-Балазури, с.462; ИТ, 2002, с.52], однако, эти данные признаются исследователями легендарными. Во время похода 737 г., по данным армянских авторов, погибла столица «страны гуннов» город Варачан.

После разгрома Прикаспия Марван в 738/739 г. предпринял покорение внутренних горных районов Дагестана – политических образований Сарир, Хамзин, Туман, Шандан и др. Местное население оказало арабам упорное сопротивление, в результате чего мир с арабами правители горных областей заключали на тяжелейших условиях, предусматривавших ежегодные поставки провизии, скота, денежных средств и налоговиков. Сотни селений в горах были разрушены.

Завоевание Северо-Восточного Кавказа завершилось в основном в 40-х гг. VIII в., хотя отдельные военные столкновения между Хазарским каганатом и Арабским халифатом происходили до конца VIII в. Марван оставался в Закавказье до 743/744 г. После убийства халифа Валида II (743–744), Марван отбыл в Дамаск и в 126 г.х. провозгласил себя халифом. У власти он оставался шесть лет и после поражения в битве с аббасидской армией в 750 г. на р. Большой Заб бежал со своими сторонниками сначала в Сирию, потом в Египет, где был убит в Бусире – одной из египетских провинций [Ибн ал-Асир,

1981, с.33]. С его гибелью закончилось почти девятистолетнее правление династии Омейядов и началась пятисотлетняя эпоха Аббасидов (750–1258 гг.), потомков дяди Мухаммада, Аббаса [Стэнли Лэн-Пуль, 2004, с.19–21].

Кавказская война для халифата закончилась заключением соглашения 737 г. с Хазарией и покорением горных княжеств Северо-Восточного Кавказа в 738–739 гг.

Кто же конкретно принимал участие в военных действиях на Кавказе? Известно, что армия Арабского халифата не была регулярной и формировалась из отрядов ополченцев, в которые входили, как правило, выходцы из определенного города или местности. Участие в военных операциях государства считалось обязанностью для мусульманина, оно к тому же высоко оплачивалось. Рядовые воины получали ежегодное жалование от 300 до 500 дирхемов (к примеру, корова стоила 30–40, баран – 5–10 дирхемов) [История Востока, I, с.116]. По данным источников, в военных акциях первого этапа кавказской войны принимали участие ополченцы из города Куфы, возглавляемые Салманом б. Рабиа, и воинский контингент из Сирии во главе с Масламой [Халифа б. Хаййат, с.444–446; ИТ, 2002, с.450–452, 455; Гаджиев и др., 1996, с.211]. На втором этапе военных действий арабская армия также не была однородной и также формировалась по местническому принципу. В источниках имеются важные указания на это. Так, ал-Куфи среди преобразований Масламы, предпринятых в Дербенте накануне отъезда в Сирию в 114 г.х., указывает и на структурные изменения города: «...Маслама приказал разбить город ал-Баб на четыре сектора: один сектор передали воинам из числа жителей Дамаска, другой – воинам Хомса, третий – воинам Палестины и четвертый – другим воинам из Сирии и ал-Джазиры» [ал-Куфи, 1981, с.47–48]. По данным дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме», город был поделен на семь кварталов, в которых поселились выходцы из Дамаска, Хомса, Киннарина (Сирия), Мосула (Ирак), Джазиры, Иордании и Палестины [Шихсаидов и др., 1993, с.32, прим.155–162]. Причем кварталы поселенцев были обособлены, в каждом имелась своя мечеть. Ал-Йакуби

указывал, что в войско Марвана в 735 г. были набраны 20 тыс. добровольцев из Сирии, Джазиры и Мосула [ал-Йакуби, с.8]. Этот же автор сообщает, что в ополчение, отправлявшееся в 735 г. на Кавказ, помимо добровольцев из разных областей халифата, было включено 7 тыс. преступников, выпущенных из тюрем.

Против войск Арабского халифата выступала армия Хазарского каганата и военные подразделения политических образований Северо-Восточного Кавказа, а также иное местное население. Армянский историк Вардапет Гевонд, писавший в конце VIII в., указывает, что военные акции с 713 по 737 г. проходили в основном на территории «страны гуннов». Ее южные границы, согласно Гевонду, открывались Дербентским проходом («Каспийские ворота», «проход Чора», «проход Джорский»). Ее города располагались в Приморье и в Предгорье. Хазарские территории обозначены автором как «страны северные», т.е. находящиеся далеко к северу от Дербента. Население «страны гуннов» Гевонд именует «гуннами», которых он не смешивает с хазарами. В некоторых военных операциях хазары выступают союзниками гуннов, другие осуществляются ими самостоятельно [Гевонд, с.27–28, 72, 80–81]. О гуннах VIII в. говорят и более поздние армянские авторы [Вардан Великий, с.95; Степанос Таронский, с.95].

Конкретных данных о «стране гуннов» в VIII в. в армяноязычных источниках нет, исключая сведения об осаде и захвате городов и крепостей, именуемых «гуннскими», а также разгроме Марваном ее столицы, города Варачана. Основной комплекс сведений о «стране гуннов» оставлен армяноязычным историком VII в. Мовзесом Каганкатваци, он относится к 662–682 гг., т.е. к периоду, последовавшему после окончания первого этапа кавказской войны Арабского халифата. Это был сложившийся союз гунно-болгарских племен, включавший также местное ираноязычное и кавказское население. Правитель «страны гуннов» носил титул эльтебер, Мовзес Каганкатваци определяет его положение в социальной иерархии как «высокопрестольного князя». Власть правителя гуннов распространялась на все области внутренней и внешней жизни союза племен, однако в некоторой степени она ограничивалась

коллективным органом, включавшим вождей племен, высших военачальников и его ближайшего окружения [Гмыря, 1995, с.164–173]. Правитель располагал хорошо вооруженной и обученной армией, приносившей значительные доходы как самому «высокопрестольному» князю, так и другим представителям военного сословия. По данным источников, в «стране гуннов» были развиты земледелие, скотоводство, промыслы, а также ремесло и торговля. Армяноязычные авторы называют несколько городов в «стране гуннов» – Варачан, Таргу, Семендер, выделяя первый как столицу – местопребывание правителя и религиозный центр [Гмыря, 1995, с.115–163, 174–204, 217–253; ИТ, 2002, с.282–283, 285–286]. «Страна гуннов» с 80-х гг. VII в. находилась в политической зависимости от Хазарского каганата и в борьбе с халифатом выступала ее союзницей.

Арабоязычные авторы употребляют иную терминологию при обозначении военно-политических сил Прикаспийского Дагестана второго этапа кавказской войны халифата. Халифа б. Хаййат, говоря о врагах арабов в войне на Кавказе в VIII в., называет хазар и тюрк. Он не только различает эти два этноса, но отмечает, что арабы пытались использовать тюрк в своей борьбе с хазарами. Для первого этапа войны (VII в.) Халифа б. Хаййат не называет этнических наименований противников халифата, обозначая их понятием «враг» и названием страны – «Баланджар» [Халифа б. Хаййат, 2000, с.36–41]. Ал-Куфи сообщает, как правило, о войсках «хазар», с которыми мусульмане сталкивались в регионе [ал-Куфи, 1981, с.10, 14–15, 17–22, 24, 29–31, 35], он упоминает также и о «других племенах безбожников», которые были с хазарами «одной веры и племени», воины которых состояли в войске хазар. Современник ал-Куфи, ат-Табари, для обозначения главной противодействующей арабам силы на Кавказе применяет два термина – «хазары» и «тюрки», но большей частью «тюрки» [ат-Табари, 1986, с.74, 76–80]. У Ибн ал-Асира, пользовавшегося трудами ат-Табари, тюрки и хазары противопоставляются жителям Баланджара [Ибн ал-Асир, 1940, с.9, 13, 15, 21–23, 25–26, 28, 30, 34]. В большинстве случаев этнонимы «хазары» и «тюрки» употребляют Ибн ал-Асиром как обобщенное обозна-

чение основных военных сил противника арабов в военных операциях на Кавказе. У ал-Йакуби жители, которые оказывали арабам упорное сопротивление в обозначенной им «стране турок», названы этнонимами «турки» и «хазары» [ал-Йакуби, с.7–9]. У ал-Балазури главной силой, противодействующей арабам в Прикаспии в VIII в., были хазары [ал-Балазури, с.5–7, 16–19].

Среди главных результатов второго этапа военных действий халифата на Кавказе выделяются обычно разгром Хазарии на Кавказе и принятие ислама каганом и его ближайшим окружением. Сообщения некоторых арабоязычных авторов о принятии ислама в Хазарии в 737 г., признаны, однако, не соответствующими историческим реалиям [Гараева, 1997, с.216; ИТ, 2002, с.441; История Востока, I, с.37]. Разгром Хазарии в 737 г. имел для нее глубокие последствия. Как показывают данные источников, Хазария смирилась с господством халифата в Закавказье, естественной границей между сферами влияния двух государств стал Дербент, важное стратегическое положение которого арабы успешно использовали в войне на Кавказе и неоднократно пытались превратить в форпост в борьбе с Хазарией и кавказскими княжествами. Но насколько были сильны позиции халифата в Дербенте после разгрома Хазарии, судить трудно, ибо в источниках данных об этом нет. Однако известно, что в 60-х гг. VIII в. «хазары и тюрки» составляли значительную часть населения Дербента (Ибн ал-Асир). Говорить о совместном владении городом после событий 737 г. не приходится. Вероятно, это было тюркоязычное население, исповедовавшее ислам. Из дагестанской исторической хроники известно, что одна из мечетей Дербента, построенная в 30-х гг. VII в., носила название «Хазарской».

Одним из результатов военных побед халифата на Кавказе явился перенос политического и административного центра Хазарского каганата с территории Северо-Восточного Кавказа в приволжский регион.

Несомненно, одним из главных итогов второго этапа войны арабов на Кавказе стал разгром политических и экономических центров Прикаспийского Дагестана.

Армяноязычные авторы VII в. называют в этом регионе, помимо Дербента, такие города «страны гуннов», как Варачан, Семендер, Чунгарс, а для первой трети VIII в. упоминают Варачан, Семендер, Таргу. Арабоязычные авторы для этого же времени перечисляют Баланджар, Семендер, Йаргу, Вабандар и ряд крепостей. Арабоязычные географы IX–X вв. реальные сведения сообщают уже только о Семендере, а о Баланджаре имеются лишь книжные данные. Арабские авторы указывают на обезлюдение приморских территорий к северу от Дербента. Ал-Истахри отмечал это емкой фразой: «Я не знаю в области хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера» [ал-Истахри, с.49]. На пути к Дербенту в Прикаспии хазарский царь Иосиф также называет только один город – Семендер [Коковцов, 1932, с.100]. Русы, закончившие разгром хазарских провинций Прикаспия, в 969 г. весь удар направили против Семендера, других серьезных «мишеней» в регионе не было [Сведения, 1908, с.114].

Исследователи пишут о масштабной миграции населения из Прикаспийского региона в период войны VIII в. и после ее окончания [Плетнева, 1986, с.41; 1981, с.77]. Прямых данных об этом процессе в источниках нет. Предполагается, что часть населения Прикаспия (гунно-болгары, хазары, тюрки) переместилась в горные районы, часть ушла на запад в Аланию и далее в волго-донской регион, часть переселилась на основную территорию Хазарии в район низовой Волги и, возможно, обосновалась в среднем ее течении и Прикамье. В основе таких суждений лежат косвенные данные письменных источников и интерпретация материальной культуры VIII–X вв. населения названных регионов [Археология СССР, 1981, с.77–80, 209–218]. Хазарский царь Иосиф в своем письме к Хасдаю ибн Шапруту назвал народ и город Сувар в перечне подвластных Хазарии территорий, расположенных на Волге [Коковцов, 1932, с.98]. Город Сувар локализуется исследователями на Средней Волге, в 70–80 км к западу от г. Булгара. Название его созвучно «владению Сувар» арабоязычных авторов, которые фиксируют его в IX в. к северу от Дербента.

Наличие миграции тюркоязычных племен из района их расселения в Прикаспии подтверждается данными дербентской исторической хроники, в которой под 1064 г. проходит одно сообщение: «остатки хазар численностью 3 тысячи семей прибыли в г. Кахтан хазарской страны (или: в Кахтан на (прежней) хазарской территории). Они отстроили его и поселились в нем» [Минорский, 1963, с.75]. Город Кахтан напрямую не идентифицируется с известными городами Прикаспия, но, возможно, речь в хронике идет о разрушенном русами в 969 г. городе Семендере, в который хазары и возвратились в 1064 г. [Гмыря, 1995, с.147–149; 1998, с.178–179].

В арабоязычных источниках имеются данные о принудительном переселении жителей городов и крепостей Северо-Восточного Кавказа, оказавших сопротивление арабам. Такие действия были предприняты Джаррахом в 104 г.х. по отношению к жителям Баланджара и Таргу, которых выселили в различные районы Кавказской Албании [Халифа б. Хаййат, с.38; ал-Балазури, с.16; ат-Табари, 1986, с.78]. После разгрома армии кагана хазар в 737 г. Марван, по данным ал-Куфи, вывез из Хазарии «40 или более тысяч пленных», поселив их в долине р. Самур и низовьях Кумы [ал-Куфи, 1981, с.52]. О «множестве хазар», вывезенных Марваном из Хазарии и поселенных в долине Самура «на равнине, в области лакзов» (лезгин), писал и ал-Балазури [ал-Балазури, с.18].

Масштабные потери воинов в сражениях с арабами, гибель населения при осаде и штурме городов и поселений, уничтожение пленных, практиковавшееся арабскими военачальниками, захват в рабство гражданского населения (женщин, детей), переселенческая политика арабов, несомненно, приводили к ощутимым демографическим изменениям в Прикаспийском регионе. В меньшей степени это коснулось горных областей, хотя и там были значительные людские потери в военных действиях и обременительные ежегодные поставки покоренными селениями налогоплательщиков (юношей и девушек) в совокупном объеме свыше 2 тыс. человек [Гаджиев и др., 1996, с.210]. И не случайно, возвращение в район Прикаспийского Дагестана 3 тыс. семей хазар (около 15–20 тыс. человек) в 1064 г. стало заметным событием, стоящим быть отме-

ченным в исторической хронике среди самых важных событий истории Ширвана и Дербента.

Акция хазар против закавказских провинций халифата (762–764 гг.)

Намерение Арабского халифата по покорению и захвату Северо-Восточного Кавказа было настойчивым, последовательным и упорным, несмотря на большие людские потери и длительность завоевательного периода, составившего в общей сложности сто лет. Ни трудности завоевательных походов, ни тяжести потерь на полях сражений не могли отвлечь халифов от достижения поставленной цели – разгрома хазарских провинций на Кавказе и земель ее союзников в горных районах. С подписанием арабо-хазарских соглашений 737 г. и подчинением горных областей Северо-Восточного Кавказа в 738–739 гг. цель, казалось, была достигнута. Однако события второй половины VIII в. показали, что добиться стабильных военных успехов в борьбе с Хазарским каганатом арабам не удастся, и халифы попытались изменить свою политику в деле умиротворения грозного соперника.

Изменение стратегии взаимоотношений с Хазарским каганатом произошло с приходом к власти второго аббасидского халифа – Мансура (754–775). В период 134–136 г.х. он был правителем Азербайджана, Армении и ал-Джазиры при первом аббасидском халифе Саффахе (749–754). Вероятно, знание социально-политической обстановки в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе заставило халифа Мансура пойти на сближение с Хазарским каганатом. Данные об этом имеются у двух независимых друг от друга авторов – армянского историка Гевонда и арабоязычного ал-Куфи. Гевонд указывает, что сватовство арабского правителя Закавказья по имени Езид к дочери кагана состоялось «с целью породниться с ним, чтобы через то соблюсти мир с ним и с войсками хазарскими» [Гевонд, 1862, с.92]. Ал-Куфи приводит текст послания халифа Мансура к назначенному им в 135 г.х. правителем Аррана Йазиду ибн Усайду ибн Зафиру Ас-Сулами [Ашурбейли, 1983, прим. на с.102], в котором обрисованы тактические и стратегические планы халифата в Закавказье:

«А далее. Страна Арран не будет пребывать в мире до тех пор, пока не будут установлены родственные связи с хазарами. Я думаю, что ты должен породниться с ними и страна станет пребывать в мире. Иначе я боюсь за тебя и за всех твоих налогоплательщиков, так как хазары не оставят вас в покое. Ибо если они захотят, то соберут войско и одержат победу. Смотри, не пренебрегай моим советом и постарайся вступить в родство с хазарами. И мир!» [ал-Куфи, 1981, с.62].

Подробности свадебной церемонии приведены только у ал-Куфи, хотя отдельные детали имеются и у Гевонда [Гевонд, с.92]. К царю хазар были посланы сваты, царь дал согласие на брак дочери, жених уплатил за невесту калым в 100 тыс. дирхемов. Свадебный кортеж невесты, выехавший к жениху в г. Бардаа, представлял впечатляющее зрелище: «С ней следовали 10 тыс. хазар из числа ее родичей, 4 тыс. превосходных кобылиц, тысяча мулов, тысяча рабов, 10 тыс. низкорослых верблюдов породы хазари, тысяча верблюдов породы турки, причем каждый из них двугорбый, 20 тыс. голов овец, 10 фургонов с перекрытиями и дверцами, обитыми золотыми и серебряными пластинами, усланных внутри соболями и украшенных шелками, 20 повозок, груженных золотыми и серебряными вещами и посудой и другое» [ал-Куфи, 1981, с.62]. Все это происходило через 16 лет после разгрома Хазарии в 737 г. Интересно отметить, что по прибытии в Бардаа, невеста отказалась вступить в брачные отношения, пока не изучит основы ислама. Это еще один, хотя и косвенный, довод в пользу того, что ни каган, ни его родичи не принимали ислам в 737 г.

Преждевременная смерть дочери кагана и ее двоих сыновей, последовавшая через два года после заключения брака, стала причиной, как указывает ал-Куфи, военной акции хазар против халифата и возобновления военных действий между ними. На эту же причину указывает Гевонд, добавляя, что хазары «смерть ее приписали коварству» [Гевонд, 1862, с.92]. Большинство источников датируют нападение хазар на Закавказье 145/762–763 г. [Ибн ал-Асир, 1940, с.34; Артамонов, 1962, с.242].

Феофан, ат-Табари и Ибн ал-Асир определенно указывают на то, что после первой акции последовала вторая. Феофан относит второй набег хазар к 6256/764–765 г. [Ибн ал-Асир, 1940, с.34]. Ал-Йакуби, ал-Куфи и Гевонд хронологически не разделяют набеги хазар и описывают их как целостное событие, хотя в повествовании ал-Куфи просматривается значительная продолжительность события и его этапность.

Конкретных данных о количестве хазарских отрядов, принимавших участие в акциях 760-х гг., нет ни у одного из авторов. В источниках сообщается о «сильном войске» хазар, о «большой армии» хазар, об «огромном войске» и о «полчищах тюрок». Ал-Куфи указывает, что в битве арабов и хазар последние выставили 200 тыс. всадников [Ал-Куфи, 1981, с.64], но насколько реальна эта цифра, судить трудно.

Противоречивы данные источников и относительно предводителя войска хазар. Ал-Куфи сообщает, что оно возглавлялось «хаканом, царем хазар», имя которого автор передает в форме «Та'атур» [ал-Куфи, 1981, с.62, 64]. Ал-Йакуби также указывает на высокий статус полководца хазар – «царь» по имени «Рас-Тархан». Ат-Табари и Ибн ал-Асир пишут, что на Закавказье напал «Астархан-хорезмиец», приписывая ему вторую акцию 147/764–765 г. Гевонд определенно сообщает, что каган поручил проведение акции «полководцу своему, Ражу-Тархану, из поколения Хатирлитбера». Происхождение и статус полководца Рас-Тархана (Астархана, Ража-Тархана) в литературе определяется по-разному. М.И.Артамонов видит в нем представителя ираноязычных племен ясов-асов (алан) [Артамонов, 1962, с.244]. К.Цегледи отождествляет хазарского полководца с великим князем «страны гуннов» Алп-Илитвером (эльтебером), данные о котором приводит армяноязычный историк VII в. Мовзес Каганкатваци в связи с христианизацией прикаспийских гуннов в 682 г. К.Цегледи считает Астархана хорезмийским наемником, стоявшим во главе гуннов [Czegledy, 1960, p.85]. Судя по переданной Гевондом номенклатуре «эльтебер», Астархан был правителем крупного союза племен, подчиненного Хазарии. Указание на его принадлежность «поколе-

нию Хатирлитбера» означает, что он являлся носителем этого титула по наследству. Указание ат-Табари на нисбу хазарского полководца – «хорезмиец» определенно говорит о том, что его предки происходили из района Средней Азии. Мовзес Каганкатваци также указывал на связь правителя «страны гуннов» Алп-Илитвера с «Туркестаном», где тот совершил «многие подвиги храбрости» [Мовзес Каганкатваци, 1984, с.127–128]. Речь, возможно, идет, о военных подвигах правителя, совершенных на территории Западнотюркского каганата в первой половине VII в. Астархан, возможно, – потомок Алп-Илитвера, возглавлявший «страну гуннов» в 60-е гг. VIII в.

Канва событий 762-764 гг. восстанавливается по данным источников в следующем виде. Арабы, имея в распоряжении семитысячную кавалерию, не смогли сдержать натиск хазар, которые в короткое время захватили 11 областей Кавказской Албании, расположенных по левобережью р. Куры и 7 областей Грузии. Правитель закавказских областей халифата проинформировал халифа о бедственном положении и тот срочно перебросил в район военных действий десятитысячное войско, позже – еще 35 тыс. из Ирака. Видимо, на подмогу прибыли и другие войска, т.к., подытоживая, ал-Куфи пишет, что в распоряжении Йазида находилось шестидесятитысячное войско, в котором был крупный тридцатитысячный отряд из Ирака и двадцатитысячный отряд из Сирии и ал-Джазире [ал-Куфи, 1981, с.63, 64]. Ал-Йакуби приводит уменьшенные данные – двадцатитысячное войско из Сирии, Джазире и Мосула [ал-Йакуби, с.8]. Арабы, перейдя Куру, вступили в сражение с хазарами «на земле Ширвана». Битва была страшной, о больших потерях арабов писали многие авторы, но точных данных не привел никто.

Итог акции состоял в том, что хазары перебили большое число мусульманского населения и жителей Закавказья, признавших власть халифата, увели с собой значительное число пленных, захватили материальные ценности, а также стада и табуны.

Правитель Закавказья Йазид ибн Усайд выехал в Ирак для доклада халифу о трагедии в Закавказье и там было принято решение об изменении тактики в отношениях с хазарами. Ал-Куфи пишет, что халиф направил значительные средства на укрепле-

ние Дербента и горной стены [ал-Куфи, 1981, с.64]. Ал-Йакуби сообщает о строительстве новых опорных пунктов арабов в Закавказье – городов Камах, ал-Мухаммадия, Баб-Вак и др. [ал-Йакуби, с.8]. «Дербенд-наме» информирует, что в течение 6 месяцев в окрестностях Дербента было построено 14 городов, 110 замков и селений, жителям которых вменялась в обязанность «охрана ущелий и дорог» [Шихсаидов и др., 1993, с.38]. Названия указанных в источнике пунктов практически не идентифицируются с современной топонимикой [Оразаев, 1993, с.61–62, прим.211, 214–217, 219–222]. В новых опорных пунктах арабов были поселены военные поселенцы с семьями – в г. Митере переселили 300 человек из Табасарана, в г. Химейди поселили воинов из сирийского города Химса, в Дарвак – из Дамаска, в Дерпуше – из Мосула. Всего разместили 47 тыс. военных поселенцев из халифата [Шихсаидов и др., 1993, с.37–38].

Военный контингент арабов в Закавказье был усилен тридцатитысячным войском, набранным в Ираке, Сирии и ал-Джазире. Туда же был направлен семитысячный отряд опытных воинов, как указывает ал-Куфи, «чтобы каждый воин стоил нескольких» [ал-Куфи, 1981, с.64]. Ал-Йакуби пишет, что халиф выпустил из тюрем 7 тыс. преступников и вместе с воинами, набранными в разных областях халифата, рабочими и строителями отправил в Закавказье [ал-Йакуби, с.9]. «Дербенд-наме» сообщает о сорокадвухтысячном контингенте войск, переброшенном в район Дербента, причем 30 тыс. «храбрых юных воинов» были набраны в Хорасане, остальные в Шаме [Шихсаидов и др., 1993, с.37]. Привели в порядок и укрепления Дербента, в том числе 9 ворот города. В Дербенте и опорных пунктах Горной стены, прикрывавшей пути обхода Дербента, разместили поселенцев, назначив им нормы продовольствия, существовавшие при омейядских халифах [ал-Куфи, 1981, с.65]. Итогом событий 60-х гг. VIII в. явилось окончательное вытеснение хазар из Закавказья и превращение Дербента в крупный военный объект, способный сдерживать устремления хазар по проникновению в Закавказье.

Акция хазар против закавказских провинций халифата 799–800 гг.

Натиск хазар на Дербент продолжался до конца VIII в. Ал-Куфи сообщает, что в период правления халифа Рашида (786–809) жители г. Дербента просили освободить их от выплаты поземельного налога-хараджа на том основании, что они «воюют с хазарами» [ал-Куфи, 1981, с.68]. Харадж являлся платой за пользование землей, «принадлежащей мусульманской общине по праву завоевания» [История Востока, I, с.127]. Размер поземельного налога харадж в VIII–IX вв. зависел от трудоемкости обработки земли и его минимум составлял 1/10 часть урожая. Жители Дербента, основную часть которых во времена арабов составляли военные поселенцы, были не только освобождены от налогов, но некоторые политические образования Северо-Восточного Кавказа обязаны были поставлять Дербенту ежегодные налоговые сборы, которые шли на содержание военных поселенцев и их семей. Ал-Куфи приводит некоторые данные по этому вопросу. Маслама, будучи правителем закавказских провинций халифата, первым предпринял в 113/731–732 г. мероприятия по превращению Дербента в крупный опорный пункт, поручив охрану города военным поселенцам из различных областей арабского государства. Каждому из поселенцев было назначено ежегодное жалованье по 110 динаров, а также ежемесячное снабжение «пшеницей, оливковым маслом и провизией» [ал-Куфи, 1981, с.48]. Мест-

ная историческая хроника «Дербенд-наме» указывает источник этих выплат Дербенту при Масламе – налог харадж, поставляемый из Кайтага, Табасарана и Гюбечи (Зерихгерана) [Шихсаидов и др., 1993, с.34]. В «Дербенд-наме» также указывается, что при омейядском халифе Хишаме (724–743) в обязанность жителей Дербента входило охранять его «днем и ночью», город освобождался от уплаты налогов харадж и конаклык и правитель города отстранялся от должности, если нарушал эти установки и собирал с населения налоги (конаклык, ошур и харадж). Ал-Куфи приводит конкретные данные о налогах на содержание г. Дербента, установленные Марваном в 737–738 гг. в покоренных им горных княжествах Серир, Туман и Хамзин. Совокупный годовой доход только с этих трех политических единиц составлял 10 тыс. динаров, 2 тыс. пудов провизии, 100 голов скота и 1600 юношей и девушек красивой наружности [ал-Куфи, 1981, с.55–58]. «Дербенд-наме» подтверждает данные о деятельности Марвана, преувеличивая, однако, ареал политических единиц, плативших харадж Дербенту [Шихсаидов и др., 1993, с.36; Оразаев, 1993, с.60, прим.196]. В «Дербенд-наме» отмечается, что привилегии по освобождению Дербента сохранялись при аббасидских халифах, в частности, такое положение существовало еще в правление халифа Махди (775–785) [Шихсаидов и др., 1993, с.37, 39], хотя со временем география зависимых от Дербента княжеств менялась [ал-Куфи, 1981, с.65].

Дербент. Крепость Нарын-Кала. Вид с юга

В период после правления халифа Мах-ди произошли изменения в политике халифата по отношению к Дербенту. Хроника «Дербенд-наме» констатирует факт смены статуса Дербента, но конкретных причин этого не называет: «Этих законов и правил придерживались длительный период, пока не настали времена Джейуна ибн Неджма ибн Хашима. Когда пришел Джейун, он проявил несправедливость и тиранию, вышел из повиновения халифу, совершал своевольные поступки. Происходили неблагоприятные дела, подобные (делам) Неджма – отца Джейуна. Тот (в свое время) был отстранен от должности правителя Дербенда. Отняв у него Дербендский эмират, (халиф) передавал его Рабиа Бахили, а Неджма на некоторое время заключил в темницу. И его сын Джейун не стал правителем (Дербенда). Найдя общий язык с хазарскими кафирами, он отдал стену хазарам. В Дербенд пришла разруха, население Дербенда рассеялось в Ширване и Берда'а» [Шихсаидов и др., 1993, с.39]. Джейун ибн Наджм ибн Хашим из арабоязычных источников известен как Хаййун ибн Наджм ибн Хашими. Он был сыном правителя Дербента ан-Наджма ибн Хашими – родоначальника будущей местной династии Хашимитов в Дербенте, правившей в 869–1077 гг. Наджм ибн Хашими, будучи представителем власти халифа в Дербенте, по версии «Дербенд-наме», совершил какие-то «неблаговидные дела», за что был отстранен от власти и заключен под стражу. По версии ал-Куфи, события в Дербенте разворачивались следующим образом. Новый правитель Закавказья Саид ибн Сальм ибн Кутейба ал-Бахили (796–799) утвердил правителем Дербента Насра ибн Анана, который прибыл к месту своего назначения. Саид ибн Сальм послал в Дербент отряд сборщиков налогов во главе с ал-Харисом ибн Йахья ал-Бармаки. Жители Дербента обратились с протестом к новому правителю Дербента, но тот отказался удовлетворить их просьбу не брать харадж с города, сославшись на волю халифа: «Харун ар-Рашид никому не позволяет сокращать харадж» [ал-Куфи, 1981, с.68]. Сын отстраненного правителя Дербента Хайун ибн ан-Наджм ибн Хашими взял жителей города под свою защиту, т.е. фактически своевольно объявил себя правителем Дербента. Когда в город вошли

сборщики налогов во главе с уполномоченным ал-Харисом ибн Йахья ал-Бармаки, то «отряд горожан набросился на него и его людей, часть их перебил, захватил его людей, скот и имущество и прогнал остальных от города» [ал-Куфи, 1981, с.68]. Уполномоченный по сбору налогов сообщил о случившемся правителю Закавказья. Тот сообщил ан-Наджму о действиях его сына, но Наджм отрицал свою причастность к мятежу дербентцев. После этих событий бывший правитель Дербента был заточен в тюрьму г. Бардаа. В ответ его сын арестовал вновь назначенного правителя Дербента Насра ибн Анана. Далее последовала казнь ан-Наджма.

Сын Наджма, по версии ал-Куфи, «схватил налогосборщика Насра ибн Анана, вывел его из тюрьмы, отрубил ему голову и отправил ее Саиду» [там же, с.69]. Однако Наср ибн Анан являлся правителем Дербента, а не налогосборщиком. Ал-Йакуби говорит о гибели в Дербенте «представителя Саида в ал-Баб-у-ал-бабе» [ал-Йакуби, с.11], т.е. назначенного им правителя Дербента. Действия Хаййуна ибн Наджма в источниках оценены однозначно: «вышел из повиновения халифу» [Шихсаидов и др., 1993, с.39], «открыто выступил против власти» [ал-Йакуби, с.11]. Причиной событий в Дербенте явилась не распря двух арабских чиновников [Новосельцев, 1990, с.191], а лишение Дербента привилегий, заключавшихся в освобождении от всех видов налогов. Правитель Дербента Наджм был отстранен от власти, видимо, не согласившись с решением арабских властей изменить статус Дербента. Это стоило ему жизни. Возможно, что такое решение исходило не от халифа Рашида, а являлось инициативой его заместника Закавказья Саида ибн Муслима. Ал-Куфи сообщает, что впоследствии начальник отряда сборщиков налогов ал-Харис ибн Йахья ал-Бармаки был арестован и отправлен к халифу, а жители Дербента получили прощение от него.

После расправы над новым правителем Дербента против мятежного города было брошено «большое войско», возглавляемое правителем закавказских провинций халифата. Хаййун ибн Наджм обратился за помощью к хазарам. Ал-Йакуби пишет, что Хаййун вступил «в переговоры с хаканом, царем хазар, и тот пошел ему навстречу,

во главе большой армии, напал на мусульман, перебил и взял в плен великое множество их. И двинулся до места на ал-Курре, захватывая в плен много мусульман, убивая несметное количество людей, в том числе женщин и детей, и предавая огню страну» [ал-Йакуби, с.11]. Ал-Куфи подтверждает факт ведения переговоров с хазарами, добавляя, что «царю хазар» были отправлены подарки стоимостью 100 тыс. дирхемов и обещана за помощь «в качестве добычи страна ислама» [ал-Куфи, 1981, с.69]. Ат-Табари и Ибн ал-Асир сообщают, что Хаййун ибн Наджм, покинув Дербент, ушел к хазарам и подстрекал их против арабов [ат-Табари, 1986, с.80; Ибн ал-Асир, 1940, с.34].

Скорее всего, Хаййун ибн Наджм не покидал Дербент. По версии ал-Куфи, возглавляемое каганом войско хазар численностью «40 тыс. всадников из числа хазар и тарханов» подошло к Дербенту. Туда же приближалась карательная экспедиция арабов. Из-за опасений бесчинств, жители не впустили хазар в город а провели их через один из участков Горной стены. Ал-Куфи пишет, что хазар провели к «ас-Сулу, что в округе ал-Баба с их помощью открыли проход, через который они (хазары) вторглись в страну ислама» [ал-Куфи, 1981, с.69].

Прорыв хазар в Закавказье датируется ат-Табари 183/799–800 г.

Весть о вторжении хазар в Закавказье дошла до его правителя, подходившего с войском к Дербенту. Арабский правитель бежал и скрылся в городе Бардаа [там же, с.69]. Хазары захватили области до р. Куры, погибло много мирного населения и арабских воинов, захвачено в плен 100 тыс. человек. Акция хазар продолжалась около 70 дней.

После учиненных разорений хазары покинули Закавказье и вернулись «в свою страну» [там же, с.69]. Халиф назначил нового правителя Закавказья, усилил войско арабов и «разбил хазар. (Затем) был укреплен проход» [ат-Табари, 1986, с.80].

В самом Дербенте были проведены восстановительные работы, а также действия по его благоустройству – в город была проведена проточная вода, построены мельницы, амбары, мечети, архитектурные сооружения. Халиф Рашид организовал

социально-экономические реформы. В окрестностях Дербента были разбиты сады и огороды, налог с них брался с вычетом расходов на ремонт арыков и мельниц. Эти факты свидетельствуют о том, что налоговые привилегии Дербента и после восстания 799/800 г. не были восстановлены, но городу были предоставлены средства для получения самостоятельных доходов. Из города военных поселенцев Дербент превратился в город земледельцев, ремесленников, купцов и воинов.

Причиной военной акции хазар 799/800 г. большинство авторов называют казнь правителя Дербента Наджма ибн Хашима, приведшую к восстанию горожан и спровоцировавшую поход хазар. Как показывает анализ данных источников, набег хазар 799/800 г. был звеном в цепи событий вокруг Дербента, главным из которых стало изменение статуса пограничного города, а именно лишение его налоговых привилегий.

Военный поход 799/800 г. считается последним нашествием хазар на Закавказье [Новосельцев, 1990, с.192], которое стало недоступно каганату. Хазары изменили свою тактику на Северо-Восточном Кавказе, направив острие борьбы против мусульманского Дербента, ставшего в IX–X вв. оплотом исламизации политических образований региона.

Этнополитическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе в IX в.

Военно-политическая деятельность Хазарского каганата на Кавказе в IX в. в источниках практически не освещена. Имеющиеся скудные данные свидетельствуют о том, что кавказская политика все еще была важна для Хазарии и в IX в., несмотря на фактическую блокаду арабами устремлений хазар в районе Дербента.

Политическая обстановка в Закавказье и районе Дербента в первой половине IX в. не была благоприятна для Арабского халифата. Ал-Йакуби был свидетелем происходивших событий, т.к. лично собирал нужные ему сведения для своих сочинений в Армении и Азербайджане. Его исторический труд доведен до 873 г. Ал-Йакуби так характеризует обстановку в закавказской провинции халифата в период правления

халифа ал-Васика (842–847): «Дела в Армении снова расстроились, заволновалась часть арабов, батрики и отложившиеся; цари гор и Баб-ал-аббаба захватили соседние области, и власть султана ослабела» [ал-Йакуби, с.19]. Назначенный халифом Мамуном (813–833) правитель Закавказья Халид б. Йазид предпринял ряд карательных акций против «отложившихся». В хронике «История Ширвана и ал-Баба», составленной в Дербенте неизвестным автором ок. 500/1106 г., конкретизируется география походов правителя Закавказья. Халиф назначил его правителем в 205/820 г. Но власть его не была признана в Закавказье, т.к. здесь разразилась серия антиарабских восстаний. В дербентской хронике повествуется о восстании в Шакки и его разгроме и о подавлении восстания санарийцев (цанаров, живших в горах Грузии у Дарьяльского ущелья) [Минорский, 1963, с.44]. Но волнения в Закавказье не утихли, в правление халифа Васика правитель Тифлиса Исхак б. Исмаил поднял восстание. Халиф вновь назначил правителем Закавказья Халида б. Йазидом, отстраненного от управления в 220/835 г., придав ему для борьбы с восставшими двенадцатитысячную конницу. Добравшись с войсками до Грузии (Джурзан), правитель Закавказья вскоре заболел и умер в 230/844–845 г. Сменивший его на посту правителя Закавказья сын Мухаммад «сражался с Исхаком, но потерпел поражение» [там же, с.46]. Новый халиф Мутеваккиль (847–886) поручил карательные функции тюрку по происхождению Абу Мусе, известному из источников как Буга Старший (Буга аш-Шараби). Мухаммаду халиф пожаловал в 231/851 г. «в качестве лена город Баб ал-аббаб с зависящими от него землями». В это же время начался новый этап борьбы с отложившейся Грузией. Борьба была упорной, в хронике Ширвана и Дербента говорится о «многочисленных битвах» Буги Старшего в Грузии. Ал-Йакуби сообщает о том, что санарийцы обратились за помощью к правителям Византии, Хазарии и Руси [ал-Йакуби, с.21; Новосельцев, 1990, с.192]. Видимо, хазары оказали восставшим какую-то помощь, пройдя в Грузию через Дарьяльский перевал, находившийся на территории Алании. В хронике Ширвана и Дербента сообщается, что, подавив восстание в Грузии и казнив его предводи-

теля Исхака, Буга Старший совершил карательную акцию против абхазцев, а потом «ходил на алан и хазар, победил их и наложил на них подушную подать» [Минорский, 1963, с.46]. Вероятно, был совершен рейд и в Аланию, где могли находиться войска хазар. Разгром восстания в Тбилиси ат-Табари относит к 238/852–853 г., он же приводит удручающие цифры потерь жителей Тбилиси: в городе было убито 50 тыс. человек, остальные попали в плен [ат-Табари, 1986, с.80]. Жену и детей Исхака отправили к халифу. Ат-Табари пишет, что жена Исхака была дочерью «владельца княжества. Правитель Закавказья Мухаммад б. Халид все это время находился в Дербенте, пока в 242/856 г. при помощи того же Буги Старшего не восстановил свою власть в Закавказье. По данным хроники Ширвана и Дербента, антиарабские волнения в Закавказье продолжались в течение 35 лет (817–852).

Более конкретные данные о политической ситуации на Северо-Восточном Кавказе в IX в. содержатся в арабской географической литературе. В сочинении Ибн Хордадбега, составленном во второй половине IX в., перечислены шесть политических центров, расположенных к югу и северу от Дербента, и особо выделен город Самандар: «За пределами ал-Баба (идут земли) владык сувар, лакзов, аланов, Филана, ал-Маската, Сахиб ас-Сарир и город Самандар» [Ибн Хордадбех, с.109]. Владения Лакз и Маскат находились к югу от Дербента, в долине р. Самур, владение Сарир – в горных районах в бассейне р. Аварское Койсу, владение Филан – также в горных районах в восточной части Дагестана [Минорский, 1963, с.110–112, 132–136, 138; История Дагестана, 1967, с.121–126; Гаджиев и др., 1996, с.234–254]. Город Самандар, упоминаемый в армяноязычных источниках с VII в., был хорошо известен арабоязычным авторам. По их данным, это один из крупных городов Западного Прикаспия периода арабской экспансии на Кавказе первой половины VIII в. Данные о нем традиционно помещались во все географические трактаты арабо- и персоязычных авторов IX–X вв. Однако его статус в IX в. трудно определим. Ибн Хордадбех упоминает Самандар трижды. Первый раз вместе с Баланджаром, во второй

раз – после перечисления 13 известных укрепленных проходов в Кавказских горах: «Город Самандар расположен за ал-Бабом. Все, что за этим (городом), в руках хазар» [Ибн Хордадбех, с.109]. Еще раз город Самандар назван автором в перечне политических центров, расположенных к югу и северу от Дербента. Исходя из информации Ибн Хордадбега, территории, находившиеся между Дербентом и Самандаром, не входили в IX в. в состав Хазарского каганата. Самандар у Ибн Хордадбега выступает как владетель обособленных от хазар территорий, граничащих на севере с землями хазар. Ибн Хордадбех не называет Самандар среди известных хазарских городов, где фигурируют Хамлидж, Баланджар и ал-Байда. О Самандаре как крупном центре на Северном Кавказе, возможно, упоминает ранний арабский географ ал-Хваризми, писавший в 836–847 гг. На Северном Кавказе им отмечены три больших города, названия двух из них автором приводятся – ал-Баб-ва-л-Абваб (Дербент) и Баб ал-Лан. Третий обозначен словосочетанием – «город у гор между двух ал-Баб(ов)» [Калинина, 1988, с.40, 42]. Учитывая, что автором поименно названы два кавказских прохода – Каспийские ворота (ал-Баб-ва-л-Абваб) и Дарьяльский проход (Баб ал-Лан), третий город мог также находиться в стратегически важном месте, у прохода. Таковым являлся Самандар, хорошо известный арабским писателям.

Некоторые данные о Самандаре можно почерпнуть из письма хазарского царя Иосифа, написанного испанскому политическому деятелю Хасдаю ибн Шапруту в 60-е гг. X в. В документе обрисованы границы «страны хазар», но не современной Иосифу, а времени ее расцвета – VIII–IX вв. [Новосельцев, 1990, с.100]. Южная граница, по данным источника, проходила по предгорьям Северо-Восточного Кавказа до Баб-ал-Абваба (Дербента) [Жоковцов, 1932, с.100]. Интересно отметить, что родовое владение царя Иосифа – представителя, по его определению, «малочисленного» племени хазар, положившего основу правящей династии «хазарского царства», простиралось на юг на 20 фарсахов пути, в то же время расстояние до южных границ Хазарии составляло 30 фарсахов. Видимо,

территории Прикаспийского Дагестана не входили в число родовых владений хазарских царей, передававшихся по наследству, т.е. являвшихся, по выражению царя Иосифа, «владениями от своих предков» [там же, с.102].

В прикаспийских районах царь Иосиф называет в качестве географического ориентира южной границы Хазарии С-м-н-д-р (Самандар), который находился «в конце (страны) Т-д-лу, пока (граница) не поворачивает к «Воротам», т.е. Баб-л-Абвабу, а он расположен на берегу моря» [там же, с.100]. Из этого лаконичного отрывка письма царя Иосифа можно заключить, что Самандар находился в северном конце (страны) Т-д-лу, территория которой простиралась до Дербента. Название Т-д-л считается иначе переданным вторым названием Самандара – Тарку [Голб, Прицак, 1997, с.154].

Анонимный персидский автор географического трактата «Пределы мира», составленного в 982 г., также сообщает некоторые сведения о Самандаре. Его данные, взятые у арабского автора ал-Джайхани [Крачковский, 2004, с.224, 226], датируются временем до 90-х гг. IX в. [Новосельцев, 1990, с.111]. В Северо-Восточном Кавказе он знает две «населенные области» – «область аланов» и «области Сериров», характеризуя их как горно-степные. Правда, аноним упоминает в своем трактате «турок», «которые живут по соседству с областью хазар» [Худуд ал-алам, 1930, с.30–31]. Сведения о турках не носят прямой характер. Персидский аноним сравнивает их нравы с нравами болгар, находя их похожими. Обращает на себя внимание тот факт, что среди схожих болгарам по нравам народов названы не хазары, а именно «турки». Учитывая, что «турки» указаны ближайшими соседями «области хазар», возможно, что речь идет о населении Прикаспийских областей, т.н. «области Самандар».

О Самандаре в источнике мало данных. Информация о нем очень лаконична: «Семендер – город на берегу моря, богатый. Есть базары и купцы» [там же, с.32]. Характеристика Самандара помещена в разделе, озаглавленном «об области хазар», и сразу после описания Итиля. Следом автор приводит перечень еще восьми городов

Хазарии. Самандар как бы прямо не причислен к городам Хазарии и сведения о нем особо выделены автором. Понять, почему автор именно так разместил свой материал, очень трудно. Но, возможно, у Самандара был особый статус взаимоотношений со «страной хазар», что и попытался подчеркнуть автор.

Ибн Хордадбехом упомянут также город Баланджар. Обращает на себя внимание тот факт, что Баланджар включен автором в список столичных городов Хазарии, в котором названы Хамлидж и ал-Байда – современные автору столицы Хазарии. Ибн Хордадбех приводит также сведения исторического характера, свидетельствующие о том, что Баланджар и Самандар были построены в VI в. Автором цитируется арабский поэт ал-Бухтури, упоминающий о Баланджаре: «Уважение в ал-Ираке возросло к тому, кто заключил договор в Хамлидже или в Баланджаре» [Ибн Хордадбех, с.109].

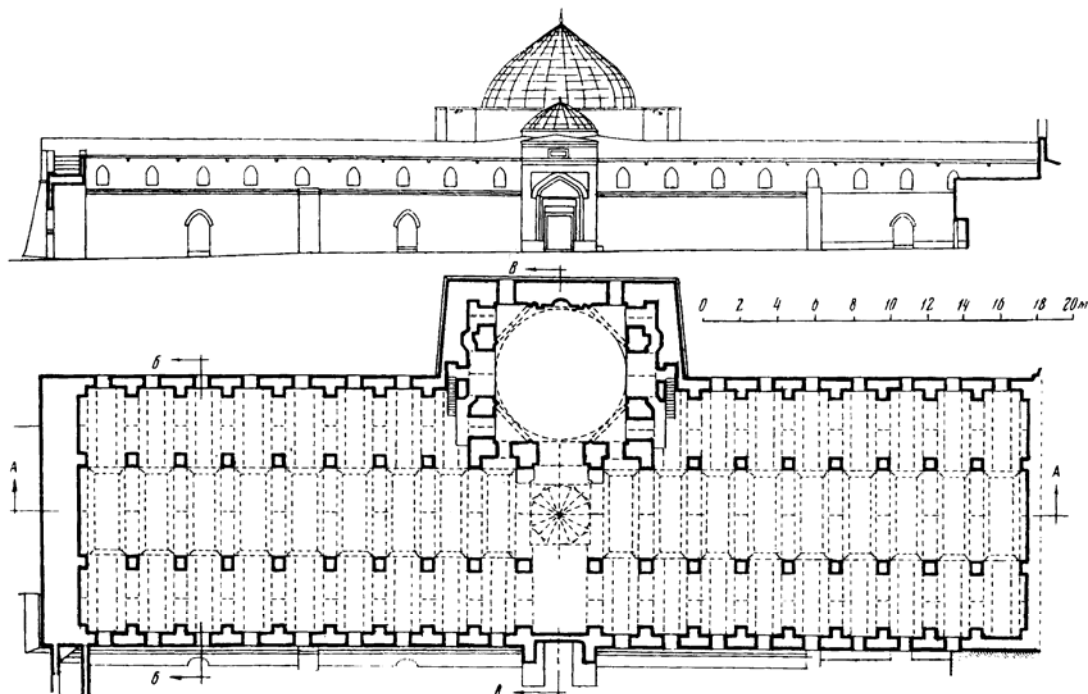
Никаких сведений о местонахождении Баланджара арабский географ не приводит, хотя о другом городе – Самандаре эти данные у него имеются. Вообще, если сравнивать информацию Ибн Хордадбеха о Самандаре и Баланджаре, то создается впечатление, что сведения о Баланджаре носят книжный характер. Арабский географ, видимо, не располагал реальными данными об этом городе. Не зря он обращается даже к литературному источнику. Возможно, что Баланджар к началу IX в. утратил свое былое значение. Но вполне вероятно, что он уже не существовал во времена Ибн Хордадбеха. По крайней мере, Баланджар не упоминается даже хазарским царем Иосифом, сведения которого по исторической географии датируются концом IX – началом X в.

Персидским анонимом Баланджар назван в перечне восьми городов Хазарии, причем сразу после столичного Хамлиджа [Худуд ал-алам, 1930, с.32], но других данных о нем нет (сведения анонима, как известно, могут быть отнесены ко времени до 90-х гг. IX в.). Так что персидский автор, начавший составление географического трактата в 982/983 г., сам уже ничего не знал о Баланджаре и мало что мог найти о нем у автора IX в. ал-Джайхани (писал в 892–907 гг.), сочинение которого послужило для него одним из главных источников.

Упоминаемый Ибн Хордадбехом в перечне семи политических образований Северо-Восточного Кавказа IX в. Сувар ранее не был известен [Ибн Хордадбех, с.109], но никаких сведений о нем автор не дает. Ибн ал-Факих, составивший около 903 г. компиляцию из сочинений предшественников [Крачковский, 2004, с.156], повторяет сведения Ибн Хордадбеха о политических центрах, расположенных вблизи Дербента, но Сувар Ибн Хордадбеха обозначен им как «царство Сура» [Ибн ал-Факих, с.41].

Что это за «царство Сувар (Сура)», где конкретно оно находилось, источники не дают ответа. Возможно, оно непосредственно примыкало к владениям Дербента на юге и Самандара на севере. Ал-Мукаддаси – крупный представитель арабской географической школы X в., составивший описание мусульманских стран в 80-х гг. X в., включил город под идентичным названием Сувар в перечень крупных городов, располагавшихся на Волге [ал-Мукаддаси, с.3]. Он также привел некоторые сведения о хозяйственной деятельности его жителей и характере их жилищ: «Сувар – на этой же реке. Жилищами в нем служат шатры; у суварцев обильные посевы и громадные хлеба» [там же, с.5]. Анонимный персидский автор, характеризую города в стране хазар, также называет среди них город Сувар, расположенный на Волге: «Сувар – город вблизи Булгара; в нем борцы за веру, так же, как в Булгаре» [Худуд ал-алам, 1930, с.32]. Возможно, что волжский Сувар был основан переселенцами из кавказского Сувара. В источниках X в. это политическое образование на Северо-Восточном Кавказе не фиксируется.

М.И.Артамонов отождествляет «страну Сувар», названную, как считает исследователь, по имени гуннов-савир, со «страной Хамзин», образовавшуюся в приморской полосе Дагестана после распада «страны гуннов» в VIII в. [Артамонов, 1962, с.222]. «Страна Сувар», помещаемая Я.А.Федоровым в Северо-Восточном Дагестане, являлась, как полагал автор, иным названием «царства гуннов» [Федоров, 1972, с.18–19, 35]. Под именем «Сувар» арабского географа Ибн Хордадбеха, по предположению А.В.Гадло, могло скрываться одно из ранних наименований страны хазар [Гадло, 1979, с.151].

Дербент. Джума мечеть. Фасад и план

Этнополитическая ситуация на Северо-Восточном Кавказе в X в.

В первой половине X в. вновь активизировалась кавказская политика Хазарского каганата. В 901 г., по данным хроники «История Ширвана и ал-Баба», хазары предпринимают самостоятельную военную акцию против Дербента. Как сообщает автор, в августе 901 г. «хазары со своим царем К. са б. Блджан ал-Хазари напали на Баб ал-абваб...» [Минорский, 1963, с.65]. Правитель Дербента вместе с газиями (военными поселенцами) отразил нападение хазар и нанес им поражение.

В 909 (912) г. хазары вместе с войсками Сарира помогали Шандану отразить совместное нападение Дербента и Ширвана. В битве за Шандан мусульмане были разгромлены, эмиры Дербента и Ширвана попали в плен, а общее количество пленных составило 10 тыс. человек [там же, с.48, 65]. Автор хроники отмечает, что пленные были разделены между союзниками и, ставшие добычей Шандана и хазар, были проданы, а Сарир отпустил пленников через три месяца без выкупа.

В 916 г. хазары вместе с правителем одного из политических образований Северо-Восточного Кавказа, обозначенного в источнике титулом «салифан», помогли эмиру Дербента Абд ал-Малику б. Хашими б. Сурака в его борьбе за восстановление престола, захваченного племянником. Осадив город, союзники эмира Дербента пленили узурпатора и его сторонников и «ввели Абд ал-Малика в город» [там же, с.66].

К середине X в. относится информация ал-Масуди (ум. в 956 г.), характеризующая взаимоотношения горного княжества Сарир и хазар, а также их этногеографию: «Затем идет (владение) царя Сарира, который зовется Филан-шах... Его страна суровая, и по этой причине недоступная, будучи расположена на одном из отрогов Кабха. Царь совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах» [там же, с.204]. Ал-Истахри, сведения которого относятся также к середине X в., отмечал, что город Самандар расположен в двух фарсах от границы Сарира, а от Дербента до Сарира расстояние составляло три дня пути [ал-Истахри, с.47, 55].

Последнее упоминание хазар в дербентской хронике – под 1064 г.: «В том же году остатки хазар численностью в 3 тыс. семей прибыли в г. Кахтан хазарской страны. Они отстроили его и поселились в нем» [Минорский, 1963, с.78]. Если принять численность одной семьи в 6 человек, то в хронике отмечено переселение на Северо-Восточный Кавказ около 18 тыс. человек. Местоположение и принадлежность города Кахтана определяется автором хроники как территория, каким-то образом связанная с хазарами – «Кахтан хазарской страны (Кахтан на (прежней) хазарской территории)». В.Ф.Минорский полагал, что хазары возвратились в Баршалию (совр. с. Башлыкент), отождествляемую им с ранней столицей «страны гуннов» г. Варачаном [там же, с.128–129]. А.П.Новосельцев считал, что идентифицировать г. Кахтан с известными городами Кавказа не представляется возможным. Исследователь предложил иной перевод сюжета о г. Кахтане: «В том году и остатки хазар численностью в 3000 семей (домов) прибыли в город Кахтан из страны хазар, отстроили его и поселились в нем» [Новосельцев, 1990, с.231]. А.П.Новосельцев считал, что хазары прибыли в г. Кахтан из хазарской страны, многие области которой, по мнению автора, были захвачены аланами. Но, возможно, автор дербентской хроники обозначил под названием Кахтан город на Северо-Восточном Кавказе, бывшим до его разрушения и гибели столицей одного из политических образований, владетель которого, по данным ал-Масуди, вел свое происхождение от арабского племени кахтан [Минорский, 1963, с.202]. Из контекста сообщения дербентской хроники ясно, что в разрушенный город вернулось население, как-то связанное с ним ранее. Возможно, в источнике речь идет о городе Самандаре, считавшимся многими арабскими авторами ранней столицей Хазарского каганата. Единственный город Северо-Восточного Кавказа, подвергшийся разгрому русами в 969 г., был город Самандар [Сведения, 1908, с.114]. Сведения о салифане и хазарском войске, восстановившими на престоле дербентского эмира, относятся к 916 г., сведения ал-Масуди о салифане, выводившем свой род от племени кахтан, относятся к 943 г., т.е. разделяются 27 годами. Видимо, речь в источниках идет об одной и той

же личности. Сведения Ибн Хаукаля о разгроме русами Самандара и его владений датируются 969 г., т.е. отстоят от информации ал-Масуди на 26 лет. Сообщение дербентской хроники о возвращении хазар в свой бывший город Кахтан и дату гибели Самандара разделяют 95 лет, т.е. отрезок времени, равный продолжительности жизни трех–четырёх поколений. Интересно отметить, что в дербентской хронике зафиксированы самые разнообразные события, связанные с политическими образованиями Северо-Восточного Кавказа, однако поход русов 969 г. против Самандара в ней не отражен. Возвращение хазар в свой бывший город в 1064 г., очевидцем чего, вероятно, был автор дербентской хроники (последние события в источнике датируются 1075 г., рукопись составлена в 1106 г.), было заметным событием. Возможно, что в дербентской хронике под 1064 г. помещена последняя в письменных источниках реальная информация о хазарах на Кавказе [Минорский, 1963, с.144].

В X в. определенные отношения связывали хазар с одним из политических образований Северо-Восточного Кавказа – Шанданом, который охарактеризован Якутом, как «одна из земель хазар». В дербентской хронике Шандан и Сарир – наиболее часто упоминаемые политические единицы, и оба политических образования – антиподы мусульманского Дербента на всем протяжении X в. и первой половины XI в.

О Шандане в дербентской хронике имеется шесть упоминаний. Первое относится к 886 г., в нем сообщается об «исламском набеге» эмира Дербента на Шандан и захвате им каких-то территорий. В первом десятилетии X в. последовала новая акция Дербента против Шандана. В первом разделе источника, в котором описывается история Ширвана, это событие описано под 912 г., во втором разделе, содержащем сведения о Дербенте и пограничных с ним «центрах», это событие отнесено к 909 г. [там же, с.48, 65]. Набег на Шандан был организован эмиром Дербента Мухаммадом б. Хашими, тем самым, который ходил на Шандан в 886 г., отразил нападение хазар на Дербент в 901 г., был захвачен в плен и позже отпущен правителем Сарира Бухт-Йишо во время переговоров с ним в 905 г.; в 915 г. он скончался. Новый набег

на Шандан был грандиозной акцией. В ней были задействованы войска Ширвана и Дербента, возглавляемые обоими эмирами. К ним примкнуло «большое число добровольцев и чтецов Корана из других мест» [там же]. Количество участников было значительным, т.к. после сражения нападавшие только пленными потеряли 10 тыс. человек. В сражении у «ворот Шандана», видимо, главного населенного пункта, мусульмане были разбиты, оба эмира попали в плен. Союзниками Шандана в отражении этого набега были хазары и Сарир. Автор хроники приводит интересные подробности из этой акции, содержащие информацию о характере взаимоотношений Дербента и пограничных с ним «центров»: «Неверные поделили мусульман между людьми Шандана, Сарира и хазарами. Те, кто попал в руки сарирцев, через три месяца были отпущены без выкупа. Али б. Хайсам (эмир Ширвана. – Л.Г.) и эмир ал-Баба были также освобождены и отправлены в их страны, но те, кто были пленниками хазар и шанданцев, были проданы, и спаслись лишь очень немногие» [там же].

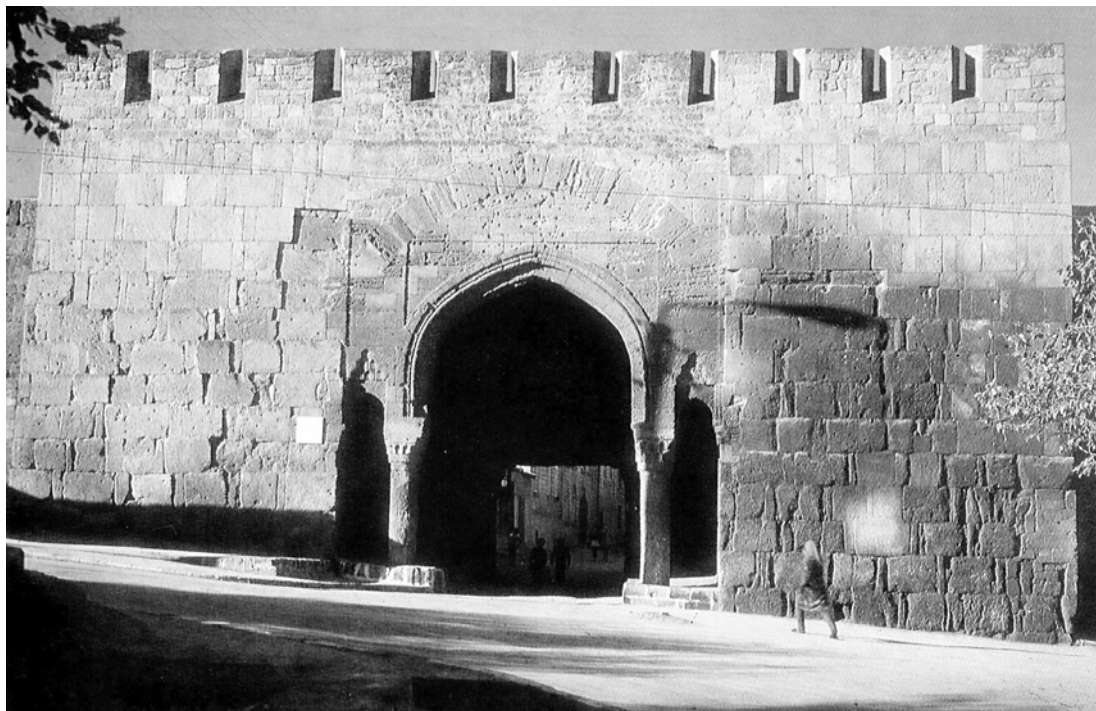
В 916 г. к власти в Дербенте пришел брат умершего эмира Абд ал-Малик б. Хашим б. Сурака, но, пробыв на троне два месяца, был свергнут сыном своего брата Абу-н-Наджмом б. Мухаммад б. Хашими. Эмир Абд ал-Малик отбыл сначала в Шандан, где, видимо, искал поддержки, а затем отправился к правителю Азербайджана, представлявшему халифа в Закавказье. Получив подтверждение на правление в Дербенте и шеститысячное войско, Абд ал-Малик одолел в сражении жителей Дербента и восстановил свою власть в городе. Через несколько месяцев эмир Дербента отправился в Ширван, чтобы захватить скрывавшегося там Абу-н-Наджма, но последний ночью проник в Дербент и захватил крепость. Осада города, видимо, не имела успеха, и эмиру на помощь, как отмечается в дербентской хронике, пришли «Салифан с хазарским войском. Они взяли в плен (Абу-н-Наджма) и всех его сторонников и ввели Адб ал-Малика в город» [там же, с.66]. Кого представлял владетель с титулом салифан, в источнике не указывается. А.В.Гадло полагает, что это был правитель Самандара, идентифицируемый

им с правителем Хайдака [Гадло, 1994, с.11, прим.15, с.58].

Через 23 года после восстановления власти эмир Дербента Абд ал-Малик в 938 г. предпринял успешный набег на одну из горных областей, обозначенную в источниках как «М.раф.са». К этому же времени относится внезапное ночное нападение конного отряда дербентцев и жителей Хайдака на Шандан, во время которого они «убили много знатных лиц Шандана и овладели Дик.ш» [Минорский, 1963, с.66]. Шандан, вероятно, долго не мог оправиться от разгрома, почти 100 лет после этого он не являлся участником политических событий Дербента и пограничных с ним областей. Автор дербентской хроники упоминает о нем еще дважды. Он сообщает о неудачном походе шанданцев на Дербент в 1037 г. и об ответной акции Дербента против Шандана в 1040 г., но о результатах ее не сообщает [там же, с.72]. Политика правителей Шандана была на всем протяжении IX и первой половины X в. определенной. Она была направлена на противостояние «исламским набегам» Дербента. В этой политике несомненными союзниками Шандана были хазары.

Современником многих событий, происходивших в первой половине X в. на Северо-Восточном Кавказе, был арабский энциклопедист ал-Масуди. В своих многочисленных путешествиях он побывал в Южном Прикаспии и многие из описанных им событий датируются автором современностью, а именно 332/943 г. Некоторые сведения ал-Масуди о Дербенте и политических центрах вблизи него перекликаются с данными дербентской хроники. Ал-Масуди, писавший свое сочинение в 943 г., сообщает сведения о правителе Табасарана: «Правитель его в настоящее время мусульманин, племянник (сын сестры) того Абд ал-Малика, который был эмиром ал-Баба» [там же, с.191]. Эмир Дербента Абд ал-Малик умер в 939 г., т.е. эти сведения ал-Масуди являлись синхронными политической ситуации на Северо-Восточном Кавказе.

Ал-Масуди приводит довольно подробные сведения о т.н. «царстве Джидан», датируемые им также 943 г. По мнению ал-Масуди, Джидан – самое могущественное

Дербент. Южная городская стена. Ворота Орта-Капы. VI–XIV вв.

царство в регионе, главный враг мусульманского Дербента и он подвластен хазарам: «Жители Баб-валь-Аббаба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба. Теперь он еще населен хазарским племенем, однако с той поры, как он был завоеван в первые времена ислама Сулейман-ибн-Рабия аль Багалийцем, престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее... Из всех царств, находящихся в этих странах, самое могущественное царство Джидан. Царь этой страны мусульманин и считает себя принадлежащим к арабскому семейству Кахтан. Зовут его Салифан и живет он в настоящее время, именно в 332 г. Во всем царстве этом нет мусульман кроме него, его детей и его семьи. Мне кажется, что имя его общее для всех царей в этой области» [ал-Масуди, с.43, 51].

Название «Джидан» считается исследователями неточной передачей в источниках наименования политического образования Хайдак (совр. Кайтаг), что объясняется особенностями арабской графики [Минор-

ский, 1963, с.127, прим.55; Гаджиев и др., 1996, с.242]. В пользу этой версии говорят данные ал-Масуди о местоположении Джидана и тот факт, что ал-Масуди описывает в четкой последовательности по направлению с юга на север и северо-запад наиболее крупные политические образования Северо-Восточного Кавказа, но среди них не называет ни Хайдак, ни Шандан, а по дербентской хронике самыми заметными участниками военно-политических событий вокруг Дербента в X – первой половине XI в. были три центра – Шандан, Хайдак и Сарир. По версии дербентской хроники, в период с 909 (912) по 938 гг. наиболее опасным для Дербента соседним политическим образованием был Шандан, а по данным ал-Масуди в такой роли выступает царство Джидан, отождествляемое с Хайдаком. Возможно, что после разгрома Шандана в 938 г., роль активного противника перешла к Хайдаку, что и зафиксировал в 943 г. Масуди. Однако анализ данных дербентской хроники, характер сведений которой высоко ценил В.Ф.Минорский [1963, с.89], показывает, что политическое образование Хайдака в X в. было малоактивным. Для этого периода Хайдак упоми-

нается в хронике только под 938 г., когда конные отряды дербентцев и хайдаков, напав ночью неожиданно на Шандан, нанесли ему сокрушительный удар. На политическую арену Хайдак вышел в середине XI в., но назвать его врагом Дербента этого периода никак нельзя. Хайдак связан с Дербентом династическими узами, обусловливавшими совместные акции с Дербентом. По данным дербентской хроники, жена эмира Дербента Лашкари Абд ал-Малика происходила из Хайдака и в 1055 г. после гибели эмира родился его сын Абд ал-Малик, будущий правитель Дербента. Его брат эмир Дербента Мансур б. Абд ал-Малик в 1064 г. женился на внучке эмира Хайдака. Родственные связи правителей Дербента с Хайдаком помогали им в борьбе за власть как против ширваншахов, так и во внутривосточной борьбе с раисами (начальниками кварталов). В 1064 г. хайдаки дважды выступали в поддержку эмира Мансура в его борьбе с раисами, но в 1065 г. он был ими убит. В 1066 г. 11-летний эмир Дербента Абд ал-Малик б. Лашкари искал убежища и поддержки в Хайдаке, когда жители Дербента отдали власть в городе представителю ширваншаха. В 1068 г. хайдакские стрелки стойко сражались у стен Дербента, защищая власть эмира Абд ал-Малика от притязаний Ширвана. Автор хроники отмечает, что в ожесточенном сражении, длившемся два дня, дербентцы не выдержали и отступили, и лишь стойкость хайдаков заставила их вернуться на поле сражения и ширванцы были разбиты. Сложная внутривосточная борьба за власть, развернувшаяся в Дербенте между эмиром, раисами и опальным братом ширваншаха, в конечном счете закончилась захватом власти в городе ширваншахом. Эмир Дербента Абд ал-Малик вновь ищет убежища в Хайдаке (обо всем этом см.: [Минорский, 1963, с. 58, 61, 73, 75, 78]). В 1075 г. эмир Абд ал-Малик, будучи изгнанным жителями Дербента, уходит в Хайдак. Автор хроники прямо указывает, что Хайдак являлся оплотом правителей Дербента: «По обыкновению, он отправился в Хайдак искать подкрепления, чтобы вернуться к власти, но дербентцы во время преследования захватили его и поместили как пленника

в город ал-Хумайдийа» [там же, с.79]. Эмиром был избран его двоюродный брат Маймун.

В истории взаимоотношений Дербента и Хайдака X – первой половины XI в. имеется только одна недружественная акция Хайдака. В 1040 г., по данным дербентской хроники, хайдаки взяли цитадель Дербента и захватили эмира Абд ал-Малика (отца эмиров Мансура и Лашкари) и его жену Шамкуйе – сестру ширваншаха [там же, с.72], но, видимо, это было совершено по просьбе раисов города.

В информации о Джидане у ал-Масуди и в сообщениях дербентской хроники имеются некоторые совпадения. Так, оба автора определяют для первой половины X в. главного врага Дербента – политическое образование, расположенное вблизи Дербента. У ал-Масуди для 943 г. это Джидан, у автора дербентской хроники это Шандан. Совпадает также содержание характеристики этих политических центров. У ал-Масуди это самое могущественное царство из политических центров, соседствующих с Дербентом (вариант – вреднейшее из них), у автора дербентской хроники это злейший враг мусульман среди племен неверных. Дербент терпит много ущерба от него (вариант: терпит неприятности), по ал-Масуди; по содержанию сообщений дербентской хроники 886, 909 (912), 938 гг. – то же самое. Далее, по ал-Масуди, царь этого княжества носит титул «салифан», в дербентской хронике также упоминается какой-то салифан, который в 916 г. вместе с хазарским войском восстановил власть эмира Дербента Абд ал-Малика. Возможно, что в хронике речь идет о царе Шандана, т.к. именно в Шандан в первую очередь отправился эмир Дербента, когда его лишил трона племянник, видимо, просить помощи. Потом он был утвержден на престоле и получил военную помощь от наместника халифа в Азербайджане, но в критической ситуации при повторном штурме Дербента к нему на помощь приходит салифан с хазарским войском. Все события проходили в течение 916 г. По ал-Масуди, наиболее могущественный на Северо-Восточном Кавказе политический центр был подвластен хазарам (вариант: входил в состав земель хазарских). В дербентской

хронике хазары выступают союзниками салифана. Наконец, и тот и другой автор употребляют термин «кахтан». По сообщению ал-Масуди, царь Джидана выводит свою родословную от арабского племени кахтан, в дербентской хронике город Кахтан назван городом хазар, куда они возвратились в 1064 г.

Сопоставляя названные совпадения у ал-Масуди и в дербентской хронике, можно заключить, что у обоих авторов речь идет об одном и том же политическом образовании и, скорее всего, о царстве Шандан. Видимо, информацией для обоих авторов послужил один источник, но местный автор передал точное название главного врага Дербента X в.

Ал-Масуди приводит дополнительную информацию о салифане и его царстве, содержащую сведения о местоположении Джидана и религиозной ситуации в этом политическом образовании. С юга Джидан граничил с владениями арабов-переселенцев, находившимися на расстоянии 1 фарсаха от Дербента. Видимо, арабские владения подвергались нападениям со стороны Джидана. Автор хроники отмечает, что рельеф местности (большие реки, леса, заросли и долины) служил естественной преградой от соседнего Джидана, и Дербент всегда приходил им на помощь [там же, с.203]. Далее автор называет западных и северо-западных соседей Джидана, определяя это направление как «со стороны Кабха и Сарира», т.е. со стороны гор. Вероятно, Джидан занимал Приморскую равнину и предгорья, т.к. горный массив расположен к западу от нее. Ближайшим западным от Джидана центром, по ал-Масуди, было владение «царя, называемого Б.рзбан». Термин Б.рзбан интерпретируется исследователями как «марзубан», означающий «хранитель границы» [там же]. Титул этого царя несет в себе определенную нагрузку, налагаемую, по мнению В.Ф.Минорского, расположением этого политического образования «за укрепленной зоной» (имеется в виду дербентская линия укреплений). Функция царя-марзубана, видимо, состояла в защите мусульманского Дербента от набегов горных княжеств. Главным городом марзубана являлся *К.р.дж*, который понимается как Карах (совр. Уркарах). Далее к западу по мере удаления от Дербента названы горные вла-

дения Гумик (Кази-Кумух), граничащие с землей марзубана, и Зарикаран (земля мастеров кольчуг), Сарир со столицей *Дж.мр.дж* (Хумзах), расположенный «на одном из отрогов Кабха» [там же, с.203, 204]. Восточная граница Сарира выходила, видимо, к «земле хазар». Автор отмечает, что царь Сарира пользуется преимуществом горного рельефа своей страны и «совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними, потому что они на равнине, а он в горах». Однако это замечание ал-Масуди не находит подтверждения в дербентской хронике. В X в. не отмечено ни одного нападения Сарира на Самандар. Более того, в битве за Шандан в 909 (912) г. против Дербента и Ширвана участвовали войска Сарира вместе с хазарами [там же, с.48, 65]. Основные устремления Сарира в X в. были направлены против Дербента, походы последнего против Сарира в IX–X вв. считались хорошей традицией (861, 876, 878, 905, 971 гг.). Таким образом, княжество Джидан, по данным ал-Масуди, фактически противопоставляется горным центрам, рельеф которых в ряде случаев особенно отмечен (Табарсаран, Б.рзбан, Лакз, Гумик, Сарир) [ал-Масуди, с.191, 203–204].

Не совсем ясен вопрос о столичном городе Джидана ал-Масуди. Автор называет центры некоторых княжеств Северо-Восточного Кавказа, а также столицу Алании: К.р.дж в земле марзубана, Дж.мр.дж в Сарире, Магас в Алании. Однако о главном городе «самого могущественного из всех царств», от которого Дербент «терпит много ущерба», – Джидана, автор как будто не приводит сведений. В переводе Н.А.Караулова упоминаемый ал-Масуди при описании Джидана город Самандар выступает столицей Джидана 943 г. [там же, с.43]. В списке В.Ф.Минорского Самандар ал-Масуди – это первая столица «земель хазар», из которой управление государством было перенесено в г. Итил, на расстояние семидневного пути [Минорский, 1963, с.191]. Самандар, современный ал-Масуди (943 г.), населен «народом из хазар». Однако Джидан назван ал-Масуди царством, входящим в состав земель хазарских царей (вариант: является подвластным хазарам). Вероятно, Самандар, просуществовавший до разгрома русами в 969 г., входил в состав Джидана и, возможно, в IX –

первой половине X в. был его столичным городом [Гадло, 1994, с.10]. По данным дербентской хроники, сражение 909 (912) г. союзных войск Дербента и Ширвана с Шанданом, Сариром и хазарами произошло у «ворот Шандана» [Минорский, 1963, с.48], что указывает на наличие фортификационных сооружений в главном городе Шандане, а, возможно, и на наличие фортификации стратегического плана, подобной «воротам» Дербента, т.е. длинных стен, перегораживающих проход. Авторы X в. едины во мнении, что Самандар – богатый, густонаселенный город с базарами, мечетями, храмами, синагогами, однако ни один из них не упоминает укреплений Самандара, хотя наличие их при локализации его на месте современного с. Тарки на южной окраине г. Махачкалы предполагается [Котович, 1974, с.235–255]. Интересное обозначение города Кахтана в дербентской хронике «своим, хазарским городом» на территории Западного Прикаспия. Так можно было назвать только широко известный в мусульманском мире Самандар, связываемый с ранней историей хазар. Еще в 943 г. основным населением Самандара были хазары. Названные в дербентской хронике некоторые населенные пункты Шандана IX и X вв., переданные в сокращении – *Д.нк.с.*, *Ш.л.шли*, *Дик.ш* [Минорский, 1963, с.65–66] практически не поддаются локализации. *Д.нк.с* В.Ф.Минорский принимает за с. Дибгаши, а *Ш.л.шли* – за с. Чишли, расположенные в непосредственной близости от современного Уркараха. Однако Карах по дербентской хронике – это главный город царя – марзубана, т.е. Караха. Предположение В.Ф.Минорского, что эти населенные пункты «переходили из рук в руки», от Караха к Шандану и от Шандана к Дербенту [там же, с.130], не проясняют историческую топографию региона.

Вопрос о Самандаре X в. и политическом статусе земель, лежащих на равнине между Дербентом и Самандаром, не проясняется и другими арабоязычными географами. Если ал-Масуди говорит о Самандаре как о городе, расположенном в восьми днях пути от Дербента [там же, с.191], то ал-Истахри, писавший в конце жизни ал-Масуди (950 г.) и Ибн Хаукаль, последова-

тель ал-Истахри, указывают на наличие «области Семендера», расположенной к северу от Дербента в четырех днях пути от него [ал-Истахри, с.39; Сведения, 1908, с.107]. При сопоставлении данных ал-Масуди и названных авторов, протяженность «страны Семендера» составляла четыре дня пути и столица находилась на его северной окраине [Гмыря, 1995, с.142]. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль, писавшие после ал-Масуди, сообщают, однако, сведения о Самандаре более раннего времени. Ал-Истахри в своем сочинении поместил полностью труд более раннего арабского географа ал-Балхи, писавшего примерно в 921/922 г. Ал-Истахри дополнил сведения своего предшественника о Самандаре цифровыми данными, содержащими информацию о протяженности пути к Самандару от Дербента и Итиля. В 20-х гг. X в. Самандар – это процветающая область: «У хазар есть еще город по имени Семендер; в пространстве между ним и Баб-ул-Аббабом находятся многочисленные сады, принадлежащие Семендеру; и говорят, что они содержат в себе около 4000 виноградных лоз, доходя до пределов Серира, и главную часть плодов в этих садах составляет виноград... Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера» [ал-Истахри, с.47, 49]. Ибн Хаукаль писал через 27 лет после ал-Истахри и 34 года после ал-Масуди. За это время в Прикаспии произошли важные события. Ибн Хаукаль, повторив полностью сведения ал-Истахри о Самандаре, увеличив, однако, количество лоз в его садах на порядок, добавляет к ним новейшие сведения о Самандаре, современные автору: «Все это погубило вместе со страной, а она весьма изобиловала лозами и виноградом... Затем пришли русы, разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртаским на реке Итиль» [Сведения, 1908, с.114]. Когда писалась книга Ибн Хаукаля, Самандар уже 8 лет лежал в развалинах после погрома, учиненного русами в 969 г.

По данным арабоязычных географов, в Западном Прикаспии и в X в. сохраняется территория, подвластная хазарам или находящаяся в политической зависимости от них [Гадло, 1994, с.9]. Во внешнеполи-

тических взаимоотношениях это образование являлось стабильным противником мусульманского Дербента, вступавшим периодически в контакт с Сариром. В его названии определить трудно, т.к. в источнике приведены противоречивые данные, а интерпретации исследователей несут в себе элементы субъективизма.

Вопрос о религиозной ситуации в княжестве, наиболее враждебном мусульманскому Дербенту в IX–X вв., остается пока не проясненным. В Джидане, по ал-Масуди, в 943 г. царь и его семья являлись мусульманами, религиозная принадлежность остального населения неизвестна [Минорский, 1963, с.202]. Видимо, ислам был принят правителем Джидана недавно, т.к. даже среди знатных людей этого княжества мусульман не было. Возможно также, что Джиданом правил этнический араб, а не представитель местной династии. Такая ситуация могла сложиться, если идентифицировать Джидан ал-Масуди и Шандан дагестанской исторической хроники. После разгрома Шандана в 938 г. там погибло, как указано в хронике, много «знатных лиц» [там же, с.72]. В таком случае становится объяснимой родословная правителя Джидана, выводимая им из арабского племени, что В.Ф.Минорский считал «выдумкой арабов» [там же, с.127]. Возможно, правители IX – первой трети X в. вели свою родословную от тюрков, что отразилось в титулатуре в форме «салифан» и в тесной связи с хазарами. В дербентской хронике «Тарих Баб-ал-абваб» все население политических образований «пограничной области ал-Баба» именовалось «неверными» [там же, с.46–49, 66, 72–74]. Конкретно «неверными» обозначены Сарир, Шандан, Гумик. Карательные акции Дербента против них назывались «исламскими набегами (походами)». Целью этих набегов, судя по данным дербентской хроники, являлось экономическое ослабление политических образований региона. Во время набегов уничтожалось население, захватывалось имущество, в плен забирались дети и женщины. И только одно сообщение хроники под 995 г. гласит об обращении «народа Караха» в ислам в результате деятельности эмира Ширвана Маймуна. По ал-Масуди, в 943 г. правители-мусульмане были в Табарсаране, Джидане, владении К.р.дж, земле арабов-

переселенцев [там же, с.191, 202–203]. Царь-христианин правил Сариром, жители Гумика были христиане, в Зарикаране жили представители трех конфессий – мусульмане, христиане и иудеи [там же, с.203]. Арабские географы X в. утверждают, что царь Самандара был иудей, правда подчеркивают при этом, что он – родственник хазарского царя [Хвольсон, 1869, с.62; ал-Истахри, с.47; Сведения, 1908, с.141].

Ал-Балхи и повторивший его ал-Истахри отмечали большое количество мусульманского населения, живущего в Самандаре в 20-е гг. X в., и наличие в городе мечетей [Хвольсон, 1869, с.62; ал-Истахри, с.47]. Ибн Хаукаль описал более подробную религиозную ситуацию в Самандаре. Он отметил, что в городе живут мусульмане и другие, а «царь их из иудеев». Судя по указанию на различные религиозные постройки в городе – мечети, храмы, синагоги, здесь также имелось христианское население [Сведения, 1908, с.114]. Ал-Мукаддаси, чьи сведения относятся к 80-м гг. X в., указывал, что в Самандаре «большая часть жителей его христиане – люди кроткие и любящие чужестранцев, но занимаются разбоем» [там же, с.5]. Он также отмечал наличие в городе мечетей. А.Р.Шихсаидов полагает, что в Самандаре мусульманское население являлось колонистами [Шихсаидов, 1969, с.94]. Но судя по военно-политической обстановке в регионе в X в., мусульманское население, как и в Итиле этого времени, могло включать иностранных купцов, ремесленников и наемное войско [Минорский, 1963, с.193–195]. Противоречивость данных письменных источников о религиозной ситуации в Самандаре X в. исследователями объясняется по-разному [Бартольд, II, 1963, с.677; Гадло, 1994, с.10].

Датой гибели Самандара и разорении его владений русами считается 968/969 г. Она основана на информации Ибн Хаукаля [Новосельцев, 1990, с.16]. Однако его сведения о времени военной акции русов против хазар и ее содержании отличаются от информации автора «Повести временных лет», где назван 965 г. [ПВЛ, 1978, с.79]. В связи с этим, предполагается два похода русов на хазар – в 965 и 968/969 гг. [Новосельцев, 1990, с.16]. Во время второго похода были разгромлены Итиль и го-

рода на Северо-Восточном Кавказе, в том числе и Самандар.

Каспийскую морскую международную трассу в месте ее соединения с волжским речным путем в X в. контролировали хазары, хотя сами они не были мореплавателями [Минорский, 1963, с.195]. Движение морских судов по трассе, связывавшей Каспийское море с Черным, в первой половине X в. было интенсивным. Хасдай ибн Шапрут (60-е гг. X в.), ссылаясь на информацию византийцев, отмечал, что «многие суда приходят из этой страны (Хазарии) к нам (Константинополь)» [Гаркави, 1874, с.103, 105]. Ал-Истахри указывал на сухопутные, речные и морские пошлины, взимаемые хазарами с купцов [ал-Истахри, с.41]. Анонимный персидский автор 80-х гг. X в. отводит главное место в доходе Хазарии только морской пошлине: «Доход хазарского царя получается большей частью из морской пошлины» [Худуд ал-алам, 1930, с.32]. По данным арабских источников, Каспийская международная морская трасса использовалась в основном южноприкаспийскими областями – Джурджаном, Табаристаном, Джилом и Дейлемом. В IX–X вв. южноприкаспийские области наладили интенсивное движение по морю, используя многие порты западного побережья в качестве транзитных, в частности, Мукан, Баку, Дербент и, возможно, Самандар [Гмыря, 2002б, с.256-262].

Волжско-каспийская трасса функционировала не только как торговая и культурная коммуникация. В X в. русы использовали ее в военных набегах на Прикаспийские области. Царь Иосиф (60-е гг. X в.) указывал, как на свою основную обязанность, препятствовать прохождению кораблей русов через волго-каспийский проход в море: «Я (сам) живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним...» [Коковцов, 1932, с.83] (имеются в виду проникновения русов к гузам). Самые ранние сведения о военном рейде флотилии русов на Каспийском море принадлежат ал-Масуди (первая половина X в.): «Что касается (набега) судов русов, то сведения о нем широко известны разным народам в этих странах. Год также известен: это случилось после 300/912 г., но (точная)

дата ускользнула из моей памяти» [Минорский, 1963, с.201]. Русы, по данным ал-Масуди, прошли на своих кораблях до южного побережья Каспия, напав на порт Абаскун. По ал-Масуди, русы вступили также в противоборство с наместником халифа в Закавказье. Им пытался оказать сопротивление правитель Ширвана, но его флот был уничтожен: «тысячи были убиты или потоплены» [там же, с.200]. По данным ал-Масуди, флотилия русов, действовавшая на Каспии, состояла из 500 судов. По русским летописям, одно судно русов вмещало 40 человек. Пробыв на Каспии много месяцев, русы возвратились в Итиль. Отдав по договоренности часть добычи хазарскому царю, русы намеревались беспрепятственно пройти сквозь заслоны хазар в Итиле, но здесь им была устроена засада, прорываясь сквозь которую, русы потеряли 30 тыс. человек. Спасти удалось 5 тыс., ушедшим на судах вверх по Волге [там же, с.266].

В сочинении персоязычного историка XII–XIII вв. Ибн Исфандийара имеются сведения о более раннем военном рейде русов к южному побережью Каспия в район Абаскуна, относимому к 60–80-м гг. IX в. [Алиев, 1969, с.317–318]. Ибн Исфандийар приводит также дополнительные подробности о походе русов на Абаскун в первом десятилетии X в.: «В этом же году в море появилось шестнадцать кораблей, принадлежащих русам, и пошли они в Абаскун... В это время, когда появилось шестнадцать кораблей русов, они разрушили и разграбили Абаскун и побережье моря в той стороне, многих мусульман убили и ограбили» [там же]. По его же данным, на следующий год русы «в большом числе» появились в Дейлеме и Табаристане, но совместными усилиями прикаспийских государств были разгромлены [там же].

Точная дата похода (походов) русов на Каспий в первом десятилетии X в. не устанавливается и определяется в пределах между 909 и 914 гг. [Дорн, 1875, с.5; Бартольд, 1963, с.831; Минорский, 1963, с.150; Алиев, 1969, с.318; Новосельцев, 1990, с.213; 2001, с.70].

В Кембриджском документе описан более поздний по времени поход русов к южному побережью Каспия, приписанный

князю Олегу (Хлгу). В источнике указано, что причиной восточного рейда русов явилось поражение их флота под Константинополем: «И бежал он (Игорь), и устыдился возвращаться в свою землю и пошел морем в Прс и пал там он сам и войско его» [Новосельцев, 1990, с.216]. В переводе Н.Голба содержание источника то же: «Он бежал и, постыдившись вернуться в свою (собственную) страну, он бежал морем в FRS, и там он и все его войско пало» [Голб, Прицак, 1997, с.142]. Прс (FRS) идентифицируется с южным побережьем Каспия [Новосельцев, 1990, с.244, прим.557; Голб, Прицак, 1997, с.164]. Ибн Хаукаль отмечает большой упадок столицы Аррана Бардаа, происшедший из-за разгрома, учиненного русами [Ашурбейли, 1983, с.104, прим.79].

В ПВЛ поход русов на Византию отнесен к 941 г. и указано точное имя князя русов – Игорь [ПВЛ, 1978, с.59]. По совокупности данных источников, военный рейд русов на южное побережье Каспия во главе с князем Игорем отнесен к 40-м гг. X в., а именно – к 945 г. [Новосельцев, 1990, с.217–218; 2001, с.70]. Существует и иная точка зрения на эти события [ИТ, 2002, с.312; Семенов, 2002, с.89–90].

В 968/969 г. состоялся поход русов на Хазарию, затронувший и области Западного Прикаспия. В некоторых изданиях он ошибочно приписывается князю Святославу [Калинина, 1976, с.91]. Русы разгромили столицу Хазарии (Итиль и Хазаран), разгрому подвергся и Самандар на Каспии. Данные об этом имеются у восточных авторов. Наиболее ранние сведения, синхронные событию, о разгромах русов на Волге и Каспии в 968/969 г. имеются у Ибн Хаукаля. В частности, о разгроме Самандара автор говорит дважды [Калинина, 1976, с.95; Новосельцев, 1990, с.221]. Первое, лаконичное сообщение является датированным 358/968–969 г. [Новосельцев, 1990, с.221]. Второе содержит подробные сведения о гибели Самандара и его сельскохозяйственной округи с садами и виноградниками. Выше приводилась цитата из Ибн Хаукаля об этом событии в переводе Н.А.Караулова. Целесообразно представить здесь это же сообщение из другой редакции источника по изданию Крамерса 1938–1939 гг. в переводах А.П.Новосельцева и Т.М.Калининой, со-

державшее дополнительные данные: «И ал-Хазар – сторона и есть в ней город, называемый Самандар, и он в пространстве между ней и Баб ал-Абвабом, и были в нем многочисленные сады... (пропуск А.П.Новосельцева), но вот пришли туда русы, и не осталось в городе том ни винограда, ни изюма. Населяли этот город мусульмане, группы людей, исповедующих веру, и идолопоклонники и они покинули его, но благодаря достоинствам их земли и хорошему их доходу не пройдет и трех лет и все станет как и было. В Самандаре были мечети, церкви и синагоги, и совершили они (русы) свой набег на всех, кто обитал на берегу реки Атиля из хазар, болгар, буртасов и овладели ими, и искали люди Атиля убежище на острове Баб ал-Абваб, и укрепились они там, а некоторые на острове Сийах-кух, и оставались они там в страхе» [там же]. «В хазарской стороне есть город, называемый Самандар, он между (хазарской стороной) и Баб-ал-Абвабом (т.е. Дербентом), были в нем многочисленные сады; говорят, что содержали (они) ок. 40 тыс. виноградников, а я спрашивал об (этом городе) в Джурджане в 358 году, вследствие близкого знакомства с (этим городом), и сказал (тот, кого я спрашивал): «Там виноградник или сад (такой), что был милостыней для бедных, а если осталось там (что-нибудь), то только лист на стебле». Пришли на него русии, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма. А населяли этот город мусульмане, группы приверженцев (других) религий и идолопоклонники, и ушли (они), а вследствие достоинства их земли и хорошего их дохода не пройдет и трех лет, и станет, как было и были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег эти (русы) на всех, кто был на берегу Итиля из (числа) хазар, болгар и буртасов, и захватили их, и искал убежища народ Итиля на острове Баб-ал-Абваб и укрепился на нем, а часть их – на острове Сийах-Куих, живущие в страхе» [Калинина, 1976, с.91]. Сийах-Куих идентифицируется с полуостровом Мангышлак [Новосельцев, 1990, с.246, прим.615]. Упоминание Баб ал-Абваба является, скорее всего, названием укрепленного пункта, данное по аналогии с Дербентом. Другой арабский географ ал-Мукаддаси также подтверждает разорение Хазарии русами: «Потом я слышал, что

войско из Рума, называемое русами, сделало на них набег и овладело их страной» [Сведения, 1908, с.4]. О дальнейших событиях в Хазарии сообщают Ибн Мискавейх и Ибн ал-Асир. Сведения арабских авторов о походе русов 968/969 г. и гибели городов на Волге и западном Каспии неоднозначно интерпретируются исследователями (подробнее см.: [Новосельцев, 1990, с.222–230]). Главной в дискуссии исследователей является проблема даты гибели Хазарского каганата и роль в этом событии русов. Хотя поход русов 968/969 г. и нанес тяжелый удар по Хазарии, однако не привел к ее гибели. Рубеж существования этого государства исследователи относят к 90-м гг. X в. [Новосельцев, 1990, с.230; 2001, с.71]. Хазары на Северо-Восточном Кавказе упоминаются в дербентской хронике в последний раз под 1064 г. Хазария сошла со сцены мировой истории, как предполагается, в 50–60-е гг. XI в. [Новосельцев, 1990, с.231]. В русских летописях хазары в последний раз упоминаются под 1083 г. в Тмутаракани, где они были посечены князем Олегом [Плетнева, 1986, с.73].

Одним из мест, где жители разгромленных городов Хазарии нашли убежище, был, по данным ал-Истахри, Ширван. Он пишет, что через какое-то время после разгромов столицы Хазарии, большинство ее жителей «вернулись в Атиль и Хазаран при могущественном Мухаммеде б. Ахмаде ал-Азди, владетеле ширваншахе, который оказал им помощь мужами и людьми, и они надеялись, просили, чтобы (те) заключили с ними договор, и они были

бы покорны им (ширванцам) за благодеяния по отношению к ним» [Новосельцев, 1990, с.221]. В переводе этого пассажа Т.М.Калининой его смысловое содержание несколько иное: «...и дошло до меня, что большинство из них вернулось в Итиль и Хазаран во (времена) могущественного Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди, владетеля Ширваншаха и (оказал он) им поддержку своими мужами и своими людьми, и они, надеясь, просили, чтобы с ними заключили договор, и они были бы покорны им (русам) за то, что (русы) оказали ему (ширваншаху) благодеяние для них (беженцев)» [Калинина, 1976, с.93]. А.П.Новосельцев полагает, что «правильнее понимать текст так», как перевел он [Новосельцев, 1990, с.246, прим.624]. Мухаммад б. Ахмад, эмир Ширвана (981/982–991), известен активными выступлениями против соседних государств Закавказья, в том числе и Дербента [Минорский, 1963, с.51]. В дербентской хронике описана его деятельность, но ни о каких контактах с хазарами Мухаммада б. Ахмада в ней не упоминается.

Русы оставались в регионе (низовья Волги, Западный Прикаспий) продолжительное время – до 20-х гг. XI в. [Новосельцев, 1990, с.229–230]. В дербентской хронике фиксируется несколько фактов участия сил русов в военно-политических событиях. Так, в 987 г. эмир Дербента Маймун б Ахмад б. Абд ал-Малик в борьбе с раисами призвал на помощь русов, прибывших в город на 18 судах. Русы в Дербенте отмечаются также в 20-х гг. XI в. [Минорский, 1963, с.68, 70–71].

ГЛАВА 4

Тюркские народы Западной Сибири

Юлий Худяков

Проблемы появления и расселения на территории лесостепных и степных районов Западной Сибири тюркоязычного кочевого населения и распространения тюркских языков и культур являются объектом изучения исторической и археологической науки в течение длительного времени.

Впервые памятники средневековых nomadов и находки предметов из могил, разграбленных бугровщиками, со степей, лежащих между Обью и Иртышом, попали в поле зрения ученых и путешественников в XVIII в. В коллекциях «куриозных вещей», собранных Д.Г.Мессершмидтом и Ф.И.Страленбергом, Г.Ф.Миллером и И.Г.Гмелиным, Г.В. де Генниным, П.Г.Демидовым и другими исследователями и любителями древностей в Приобье и Прииртышье, были характерные для культур тюркоязычных кочевников предметы торовтики, сбруйные и поясные украшения, серьги, подвески и другие вещи [Миллер, 1999, рис.22, 23, 24; Формозов, 1986, с.24, 25; Молодин и др., 2002, рис.1, 3, 4; Brentjes, Vasilievskiy, 1989, S.23, 161]. В отношении этнической и культурной принадлежности этих находок ученые высказывались по-разному. Их приписывали татарам, монголам или мифическому финскому народу – «чуди». В материалах исследователей XVIII в. сохранились описания и рисунки захоронений эпохи раннего средневековья из Прииртышья [Молодин и др., 2002, с.40; Формозов, 1986, с.127]. В первой половине XIX в. среди ученых, обращавшихся к изучению алтайских и сибирских древностей, преобладало мнение об их «чудской» принадлежности [Эйхвальд, 1858, с.19].

В 1861–1867 гг. поисковые маршруты по Приобью, Причулымью, Барабинской и Кулундинской лесостепи и степи совершил В.В.Радлов. Он произвел раскопки средневековых памятников в Барабе. Среди предметов, полученных в результате рас-

копок, были сбруйные принадлежности, бытовые вещи и орудия труда, характерные для культур тюркоязычных nomadов степного пояса Евразии [Молодин и др., 1988, с.5–8]. В оценке этих материалов В.В.Радлов склонялся к мысли, что изученные им памятники, расположенные севернее Среднего Иртыша, «принадлежат тюркским племенам». Однако в отношении археологических памятников с территории северного Алтая, Нижнего Иртыша, Ишима, Тобола, Тары и Чулыма он затруднился с определением, можно ли их относить к тюркам, либо к «угро-самоедским племенам» [Радлов, 1989, с.477]. В исследованиях В.В.Радлова археологические материалы анализировались и интерпретировались с учетом сведений письменных источников, данных этнографии и лингвистики.

В конце XIX в. раннесредневековые памятники в лесостепной зоне Западной Сибири исследовались Г.О.Оссовским и С.М.Чугуновым. В материалах этих раскопок имеются предметы вооружения, конской сбруи, поясной фурнитуры древнетюркского времени [Молодин и др., 1988, с.8–12].

С оригинальной, хотя и бездоказательной точкой зрения о принадлежности западносибирских древностей «первобытным славянам», выступил в конце XIX в. чиновник и любитель археологии, один из организаторов музея Томского университета В.М.Флоринский. Свое мнение он противопоставил распространенной в науке интерпретации сибирских древностей как «чудских», принадлежащих древнему финскому населению [Демин, 1989, с.97].

В конце XIX – начале XX в. большую коллекцию находок предметов культуры кочевников эпохи раннего средневековья из Верхнего Приобья собрал краевед Н.С.Гуляев. Им были проведены неквалифицированные раскопки на памятнике Ближние Елбаны [Демин, 1989, с.71–74].

В 1920-х гг. в связи с ростом национального самосознания и планами национально-государственного строительства в стране интерес к историческому прошлому тюркских народов значительно возрос. Г.Е.Грумм-Гржимайло высказал в 1926 г. предположение о том, что Бараба была «колыбелью» древних тюрок [Грумм-Гржимайло, 1926, с.211].

Продолжалась работа по изучению археологических памятников на территории Западной Сибири. Сбором находок и любительским раскопками в Верхнем Приобье в 1920-х гг. занимался краевед М.Д.Копытов. Им было раскопано несколько захоронений на памятниках Сростки и Красноярское. На этих же памятниках в 1929–1930 гг. вел раскопки сотрудник Бийского музея С.М.Сергеев. Несколько могил на памятнике Сростки было исследовано в 1925 г. М.Н.Комаровой. Побережье р. Оби было обследовано М.П.Грязновым, который обобщил имеющиеся материалы по археологии эпохи раннего средневековья в Верхнем Приобье и на Алтае. Основываясь на периодизации металлических культур Минусинской котловины, разработанной С.А.Теплоуховым, автор выделил несколько стадий развития культур железного века на Алтае, в том числе сросткинскую [Грязнов, 1930, с.9]. Это определение стало основным для характеристики памятников эпохи раннего средневековья в Верхнем Приобье и всей лесостепной зоне Западной Сибири.

В 1920–1930-х гг. раскопки отдельных средневековых памятников проводились в долинах рр. Томи и Ини [Кулемзин, Бородкин, 1989, с.9].

Важное значение для изучения памятников эпохи раннего средневековья имели работы М.П.Грязнова в 1946–1949 гг. в долине р. Оби. Большой комплекс вещественных источников был собран и проанализирован в процессе раскопок памятников в урочище Ближние Елбаны в Верхнем Приобье. На основе изучения этих памятников М.П.Грязновым была выделена верхнеобская культура, отнесенная ко времени со II по VIII вв. н.э. и сросткинская культура, датированная IX–X вв. Исследователь считал носителей верхнеобской культуры «пришельцами из северных ле-

сов», но в то же время отмечал большое значение скотоводства в их хозяйстве и наличие захоронений с верховым конем, встречающихся в памятниках одинцовского этапа культуры [Грязнов, 1956, с.114]. При анализе материалов фоминского этапа М.П.Грязнов отмечал существенные различия в уровне социального развития местного населения и тюрок Алтая и в то же время усматривал тюркское влияние в некоторых элементах заупокойной обрядности и торевтике, на которой был представлен образ богатыря и богатырского коня. Однако хронология фоминского этапа стала предметом дискуссии и в дальнейшем была пересмотрена. Носителей сросткинской культуры он считал пришельцами из степных районов, кочевниками, перешедшими на полуседлый образ жизни [там же, с.152]. В дальнейшем он предложил выделить в сросткинской культуре локальные группы: бийскую, барнаульскую, новосибирскую и кемеровскую, которые соответствовали племенным отличиям населения [Гаврилова, 1965, с.72].

В 1965 г. материалы сросткинской культуры были рассмотрены вместе с памятниками древнетюркской культуры Горного Алтая А.А.Гавриловой, предложившей включить в ее состав и «горно-алтайскую» группу. Она оценила сросткинскую культуру как «культуру племен-завоевателей» – уйгуров и кыргызов [там же]. В дальнейшем она утверждала, что «памятниками уйгурской культуры на Алтае следует, по-видимому, считать памятники так называемой сросткинской культуры» [Гаврилова, 1974, с.180]. Предположения А.А.Гавриловой о распространении сросткинской культуры на Горный Алтай и об ее уйгурской этнической атрибуции не нашли поддержки у специалистов по средневековой археологии Западной Сибири. Однако разработанная ею классификация средневековых памятников в течение ряда лет была основой для анализа кочевнических памятников Алтая и Западной Сибири.

В 1950–1960-х гг. были продолжены раскопки памятников эпохи раннего средневековья А.П.Уманским в Верхнем Приобье, Т.Н.Троицкой в Новосибирской области, М.Г.Елькиным в Кемеровской области. В отношении этнической принад-

лежности материалов сросткинской культуры высказывались разные точки зрения. А.П.Уманский связывал исследованные им курганы на р. Иня с «тюркютами, которые с VII века стали переходить от трупосожжения к трупоположению» [Уманский, 1970, с.72]. М.Г.Елькин отнес материалы раскопок в долине р. Ур к тюркам Кузбасса, которые «находились под значительным воздействием кыргызов» [Елькин, 1970, с.92].

Важное значение для этнической интерпретации памятников эпохи раннего средневековья в Западной Сибири имело определение погребений по обряду кремации в качестве кыргызских в Приобье и Прииртышье, а захоронений с ингумациями и в сопровождении верховых коней как кимакских [Арсланова, 1972, с.75].

В пользу кыргызской принадлежности погребений по обряду кремации в Западной Сибири и на Алтае высказывались многие исследователи. По мнению Т.Н.Троицкой, проникновение тюркских племен в лесостепную часть Западной Сибири произошло в конце I тыс. н.э. Для них были характерны захоронения с конем. Курганы с трупосожжениями были связаны с кыргызами или с племенами, находившимися под их влиянием [Троицкая, 1978, с.117].

Отождествление сросткинской культуры с кимакским племенным объединением послужило существенным стимулом для поиска этнических соответствий ранне-средневековым культурам Западной Сибири [Савинов, 1976, с.97]. Д.Г.Савинов выдвинул предположение о формировании этнической общности цюйше-кыпчаков в северных районах Алтая уже в хуннское время [Савинов, 1984, с.18]. О распространении в Верхнем Приобье «раннетюркских элементов по крайней мере с III–IV вв. н.э.» писал А.П.Уманский [1974, с.149]. С принадлежностью памятников сросткинской культуры кимакам не согласился В.А.Могильников. По его мнению, к кимакской культуре должны относиться только памятники в Верхнем и Среднем Прииртышье, а сросткинская культура сформировалась на основе местных угро-самодийских племен, ассимилированных тюрками Горного Алтая и кимаками [Археология СССР, 1981, с.45]. Погребения по обряду кремации в степных районах

Алтая он связывал с проникновением енисейских кыргызов в IX в. В степях они столкнулись с огузским и кимакско-кыпчакским населением, а затем вошли в состав Кимакского каганата. В.А.Могильников предположил, что в степной Алтае могли мигрировать древние тюрки из горных районов и монголоязычные кочевники из Центральной Азии [Могильников, 2002, с.123, 125].

Погребальные комплексы с захоронениями по обряду одиночной ингумации или в сопровождении головы и конечностей лошади с инвентарем древнетюркского времени, исследованные в Барабе, были отнесены В.И.Молодиным, Д.Г.Савиновым, В.С.Елагиным и их соавторами к сросткинской культуре. Авторы считают, что процесс тюркизации населения Барабинской лесостепи был обусловлен притоком кочевников из степей Среднего Иртыша и Восточного Казахстана [Молодин и др., 1988, с.136]. В дальнейшем авторы уточнили, что средневековое население Барабы подверглось несомненному влиянию со стороны кимаков – носителей сросткинской культуры, населявших степи Казахстана, Алтая и Западной Сибири [там же, с.167].

Д.Г.Савинов отметил, что наличие различных вариантов погребальной обрядности в памятниках сросткинской культуры соответствует многокомпонентности кимакского объединения, состоявшего из семи тюркских и монгольских племен. Погребения с лошадьми он отнес к телескому компоненту, со шкурой коня – к кыпчакскому, захоронения в катакомбах – к уйгурскому, а кремации – к кыргызскому. В то же время памятники кимаков на Иртыше Д.Г.Савинов связал с ведущим в кимакской конфедерации племенем йемеков [Савинов, 1984, с.107–108]. В северных районах Алтая, по мнению Д.Г.Савинова, в IX–X вв. проживали кыпчаки, входившие в состав кимакского объединения. После распада Кимакского каганата кыпчаки подчинили кочевые племена, обитавшие в степях Казахстана, Урала и Западной Сибири, и мигрировали в северное Причерноморье [там же, с.118, 147]. С.М.Ахинжанов и Ю.И.Трифонов считали кыпчакскими памятники Восточного Казахстана, поскольку в этом районе были распространены погребения с конем и оградки с камен-

ными изваяниями, характерные для кыпчаков в Восточной Европе [Ахинжанов, Трифонов, 1984, с.160].

Мнения исследователей относительно хронологии, периодизации и этнической атрибуции верхнеобской и сrostкинской культур за последние десятилетия существенно изменились. Т.Н.Троицкая пересмотрела хронологию и культурную принадлежность памятников фоминского этапа в Приобье, которые были отнесены к кулайской культуре и к началу I тыс. н.э. [Троицкая, 1978, с.16–17]. Она же выделила памятники единцовского этапа верхнеобской культуры в самостоятельную единцовскую культуру V–VI вв., сформировавшуюся на базе предшествующей кулайской. Носителями этой культуры Т.Н.Троицкая считает угро-самодийские племена [Троицкая, 1981, с.103, 116, 119]. Это мнение было поддержано и развито в работах барнаульских археологов [Казаков А., 1996, с.169–170]. Однако сама Т.Н.Троицкая в дальнейшем отошла от этой точки зрения и снова включила единцовские памятники в состав верхнеобской культуры, но существенно изменила ее хронологию и периодизацию. В настоящее время верхнеобская культура относится ею к периоду раннего и начальной фазе развитого средневековья [Троицкая, Новиков, 1998, с.58–60]. Во время существования этой культуры произошла постепенная тюркизация населения Приобья [там же, с.85–86].

В течение последнего десятилетия было исследовано значительное количество памятников эпохи раннего средневековья в Кузнецкой котловине. Первоначально А.М.Илюшин относил исследованные им погребения по обряду кремации в Сапоговском могильнике к древнетюркской эпохе, датировал VIII–IX вв. и высказывал предположение о принадлежности этого памятника культуре тюргешей [Илюшин и др., 1992, с.50]. В дальнейшем он стал относить захоронения по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине к верхнеобской культурной общности, носителями которой были самодийские племена «бома» [Илюшин, 1992, с.52–56]. Захоронения с конем в долине р. Бачат он интерпретировал сначала в качестве кыпчакских, а затем отнес к теленгутам [Илюшин, 1993,

с.39–41]. Погребения по обряду ингумации в сопровождении коня, кремации в могильной яме и на горизонте в раскопанном могильнике Торопово в долине р. Касьмы были интерпретированы А.М.Илюшиным в качестве «этнического субстрата, состоящего из трех этнокультурных компонентов», который послужил основой для формирования шорцев и северных алтайцев [Илюшин, 1999, с.90].

Ряд исследователей предложили изменить хронологию, периодизацию и этническую атрибуцию разных типов памятников сrostкинской культуры. С.В.Неверов предложил считать погребения с конем принадлежащими древним тюркам Горного Алтая, захоронения со шкурой коня – кимако-кыпчакам, могилы с кремациями – кыргызам. К сrostкинской культуре он отнес захоронения по обряду одиночной ингумации, оставленные местными самодийским или угро-самодийским населением Верхнего Приобья. Он ограничил территориальные, но расширил хронологические рамки сrostкинской культуры до XIII в. [Неверов, 1990, с.173]. А.А.Адамов предложил отнести к числу памятников сrostкинской культуры в Новосибирском Приобье комплексы X–XIV вв. Он считает носителей сrostкинской культуры «тюркским, а точнее кыпчакским этносом», выделяя «поминальные сооружения» из дерева, аналогичные древнетюркским оградкам [Адамов, 2000, с.84].

Существующие различия во взглядах исследователей на процессы этнокультурогенеза и тюркизации населения в лесостепной зоне Западной Сибири в эпоху раннего средневековья объясняются разным подходом к их этнической атрибуции. Отсутствие сведений о событиях, происходивших на данной территории во второй половине I тыс. н.э., в средневековых письменных источниках привело к тому, что ученые реконструировали этнические процессы в западносибирской лесостепи, ориентируясь на сложившиеся схемы этнокультурогенеза, предложенные для сопредельных регионов Саяно-Алтая и таежной зоны Западной Сибири.

В предшествующий эпохе раннего средневековья период поздней древности, охватывающий конец I тыс. до н.э. – первую

половину I тыс. н.э., население южных районов Западной Сибири было затронуто т.н. «Великим переселением народов» – волной миграций кочевников в степном поясе Евразии. Начало этому передвижению кочевых племен положила миграция орды северных хуннов, бежавших от сяньбийцев из Центральной Азии в степи современного Казахстана. В процессы миграций были вовлечены многочисленные ираноязычные кочевые племена, откочевавшие с мест своего прежнего обитания в страны городской и оседло-земледельческой цивилизации. В результате ухода части кочевого населения в южные районы Западной Сибири по ленточным борам, растянувшимся вдоль крупных рек, мигрировало таежное охотничье население самодийского или угорского происхождения. В Верхнее Приобье из северных таежных районов проникли носители фоминского этапа кулайской культуры. Ю.В.Ширин, проанализировавший материалы из раскопок памятников фоминского типа в Верхнем Притомье, предложил выделить их в самостоятельную фоминскую культуру и датировать II–IV вв. н.э. [Ширин, 2003, с.114].

Однако в IV–V вв. наблюдается продвижение кочевых племен из степей на север в Саяно-Алтай и Западную Сибирь. В степном Алтае обнаружено богатое воинское захоронение IV–V вв. на памятнике Тугозвоново. Погребенный воин имел метисный расовый облик и кольцевую деформацию черепа. Он был захоронен в сопровождении палаша, кинжала и украшений из золота и серебра, выполненных в полихромном стиле [Уманский, 1978, с.157]. Этот памятник имеет аналогии с погребальными комплексами кенкольской культуры Притяньшанья [История, 1984, с.165–168]. Он может свидетельствовать об эпизодических появлениях кенкольских кочевников в приалтайских степях.

На памятнике Сопка-2 в лесостепной Барабе В.И.Молодиным было раскопано погребение воина с конем, с оружием и поясной фурнитурой, оформленной в полихромном стиле. Погребенный воин был монголоидом. По антропологическим характеристикам он схож с кочевниками – носителями кокзельской культуры Тувы [Молодин, Чикишева, 1990, с.168].

Погребения по обряду ингумации со шкурой или целой тушей коня зафиксированы в степях Евразии в единичных случаях. Подобные памятники обнаружены в Восточной Европе и степях Казахстана [Археология СССР, 1981, с.19; Засецкая, 1994, с.17–18]. Определенной культурной и этнической атрибуции они не имеют.

Можно предполагать, что носители данного обряда появились в лесостепной Барабе из Казахстана. О влиянии кочевников евразийских степей на население Западной Сибири может свидетельствовать распространение обряда кольцевой деформации черепа у части населения верхнеобской культуры и находки изделий полихромного стиля в Приобье [Грязнов, 1956, с.112; Бородовский, 1999, с.283–287]. Конечно, нельзя исключить того, что украшения, выполненные в полихромном стиле, могли попадать в Приобье с территории распространения саргатской культуры Прииртышья, население которой считается угорским, но испытывавшим очень сильное влияние со стороны сарматов, для которых этот стиль был характерен в первой половине I тыс. н.э. [Матвеев, Матвеева, 1987, с.192].

В V–VI вв. Саяно-Алтай стал объектом экспансии со стороны Жуань-жуаньского каганата. Подчинив местные кочевые племена, жуань-жуаньские правители поселили на вновь завоеванных землях в качестве опоры своих вассалов – военных поселенцев. В южных районах Алтая были поселены древние тюрки во главе с родом Ашина [Бичурин, 1950, с.221]. К культуре древних тюрков этого периода относятся памятники берельского типа, захоронения по обряду ингумации в сопровождении одного или двух–трех коней [Савинов, 1984, с.29]. В это же время на Енисей были переселены из Восточного Притяньшанья древние кыргызы – гяньгуни [Худяков, 2001, с.80]. На территорию Тувы была переселена группа кочевников – носителей чаатинской культуры, для которых были характерны одиночные и парные захоронения в катакомбах. Номады чаатинской культуры имели европеоидный расовый облик. У них была распространена кольцевая деформация черепов [Худяков, 1993, с.61]. Данные признаки свидетельствуют, что чаатинские племена мигрировали в Туву из Средней Азии или Восточного Туркестана.

Появление древних тюрков во главе с родом Ашина на Алтае и их усиление в военно-политическом отношении после подчинения племен булан-кобинской, кокпашской и айрыдашской культур, разгрома и покорения телесских племен в первой половине VI в. сделало их объединение мощной военной силой. С древними тюрками, как потенциальными союзниками, был вынужден считаться даже император Вынь-ди из далекой китайской империи Западного дома Вэй, направившего в древнетюркскую орду своих послов и выдавшего замуж за тюркского правителя Бумына китайскую принцессу Чан-лэ [Бичурин, 1950, с.228].

Поэтому вполне очевидным представляется влияние древних тюрков и ассимилированных ими тюркизированных кочевников Горного Алтая на соседние племена, жившие на северной периферии древнетюркского объединения в Верхнем Приобье. На памятниках верхнеобской культуры в этом районе обнаружены погребения по обряду ингумации с конем, которые могут быть свидетельством проникновения на Верхнюю Обь древних тюрков. Исследованные на Ближних Елбанах погребения с конем были женскими, достаточно богатыми, содержащими обильные украшения [Грязнов, 1956, с.106, 114].

Вероятно, древнетюркские правители, готовясь к решающей борьбе за господство в степях Центральной Азии с жуаньжуанями, стремились обеспечить надежный тыл, обезопасить свою орду от внезапных набегов северных верхнеобских племен, поэтому заключали династийные союзы с вождями этих племен, выдавая за них замуж знатных девушек из своего правящего или других аристократических родов. Культурные связи верхнеобских племен с древними тюрками выразились в проникновении в состав их предметного комплекса многих вещей, характерных для древнетюркской культуры. Прежде всего, это были важные технические новшества и престижные элементы военно-дружинной культуры древних тюрков. На памятнике верхнеобской культуры Крохалевка-23 в Новосибирском Приобье были обнаружены железные стремена раннего облика с узкой пластинчатой подножкой, полу-

круглым проемом и дужкой, и высокой пластинчатой петлей с прямоугольным отверстием. Стремя из Крохалевки орнаментировано 3–4 параллельными линиями [Новиков, 1998, с.51]. Подобные стремена в середине I тыс. н.э. только начали входить в культуру кочевников евразийских степей и их распространение связано с военной активностью древних тюрков в период широкой экспансии т.н. Первого Тюркского каганата [Гричан, Плотников, 1999, с.77; Измайлов, 1990, с.65]. Комплекс вооружения воинов племен верхнеобской культуры включал сложносоставные луки с накладками, разнообразный набор железных трехлопастных наконечников стрел, среди которых количественно преобладали удлиненно-ромбические и ярусные ударники, мечи и палаши, железные нагрудные и ламеллярные панцири и защитные пояса. В составе этого комплекса наиболее совершенное для того времени оружие дистанционного и ближнего боя и средства защиты находят аналогии в наборе оружия древних тюрков [Худяков, 1986, с.122, 132]. Есть основания предполагать, что именно верхнеобские племена, лишенные столь обширной боевой практики по сравнению с древними тюрками, были весьма заинтересованы в контактах и могли заимствовать наиболее передовые образцы оружия у своих южных соседей.

Вероятно, при посредстве древних тюрков к населению Верхней Оби могли попадать и некоторые виды мужских поясов и женских украшений, в том числе с подвесками, стеклянные бусы, мраморные и янтарные подвески [Грязнов, 1956, с.106].

Этнокультурное взаимодействие тюркоязычных народов с населением Западной Сибири в середине I тыс. н.э. не ограничивалось контактами древних тюрков Алтая с носителями верхнеобской культуры Приобья. В материалах Верхней Оби найдены бронзовые миниатюрные пряжки с неподвижным шпеньком, характерные для таштыкской культуры, которые могут свидетельствовать о контактах местного населения с племенами Енисея [Грязнов, 1956, с.103, 106].

Разгром жуань-жуаней и образование в середине VI в. могущественного Тюрк-

ского каганата, подчинившего все кочевые племена степного пояса Евразии, стало мощнейшим импульсом для распространения характерных элементов древнетюркской культуры во всем кочевом мире и на его северной периферии. Хотя в период существования т.н. Первого Тюркского каганата проникновение носителей тюркского языка в южные районы, по видимому, сократилось из-за большого оттока тюркоязычного кочевого населения в завоеванные тюрками земли Восточного Туркестана, Средней Азии и Восточной Европы, распространение и заимствование элементов древнетюркской культуры среди племен, населявших долины Томи, Оби и Иртыша, существенно расширилось.

Одним из характерных признаков древнетюркской культуры VI–VII вв. являются изделия поясной и сбруйной фурнитуры, выполненные в геральдическом стиле. Памятники с подобными предметами на территории Горного Алтая, на которой произошло становление древнетюркской государственности, сравнительно немногочисленны [Гаврилова, 1965, с.60; Худяков, Кочев, 1997, с.16].

В Верхнем Приобье погребения по обряду одиночной ингумации с разнообразным инвентарем и торевтикой геральдического стиля найдены на могильнике Горный в долине р. Иша у подножья хребта Казырык. Для данного памятника были характерны захоронения в грунтовых ямах. Погребенные были уложены на спине, в вытянутом положении, ориентированы головой на северо-запад. В ходе раскопок зафиксированы следы скальпирования и расчленения тел умерших. В мужских захоронениях находились предметы вооружения, луки и стрелы в колчанах, кинжалы, наборные пояса, конская сбруя. В могилах женщин найдены украшения и предметы туалета. По характерным элементам заупокойной обрядности и сопроводительного инвентаря исследователи памятника М.Т.Абдулганеев и Н.Ф.Степанова считают, что он имеет аналогии в культурах самодийского населения Верхней и Средней Оби и древнетюркской культуры Саяно-Алтая [Абдулганеев, Степанова, 2001, с.217]. При этом обряд захоронения на данном памятнике соответствует традициям местного населения лесостепных районов в Западной Сибири,

а сопроводительный инвентарь характерен для древнетюркских кочевников в период существования Первого Тюркского каганата. Авторы раскопок не связывают данный памятник ни с одной из известных культур эпохи раннего средневековья в Западной Сибири [там же, с.221]. Можно считать, что это одна из этнических групп местного населения западносибирской лесостепи, в значительной мере воспринявшая древнетюркскую культуру и тюркизовавшаяся на ранней стадии широкого распространения этой культуры.

В материалах верхнеобской культуры в Приобье изделия в геральдическом стиле встречаются редко, хотя достаточно полно представлены другие элементы кудыргинского этапа культуры древних тюрков. К этому времени относятся захоронения по обряду одиночной ингумации. Реже встречаются погребения по обряду кремации, парные и групповые ингумации. Погребенные лежат на спине в вытянутом положении, реже с согнутыми конечностями, головой на северо-восток, восток или юго-восток. Встречается по нескольку захоронений под одной земляной курганной насыпью. Вокруг курганов встречаются несомкнутые ровики. У верхнеобского населения сохранился обычай кольцевой деформации черепа. Среди сопроводительного инвентаря верхнеобских захоронений к числу предметов, которые можно отнести к следам влияния древних тюрков, относятся детали конской упряжи, наборных поясов и отдельные предметы вооружения и украшения. Среди них двусоставные удила с кольчатыми окончаниями, стержневые псалии с одним изогнутым концом, стремена с округлой или пластинчатой петлей, поясные пряжки, бляшки и накладки, выполненные в геральдическом стиле, железные трехлопастные ярусные и удлиненно-ромбические наконечники, бронзовые серьги. Вероятно, при посредстве древних тюрков к племенам Верхней Оби могли попасть китайские, хорезмийские и иранские монеты [Троицкая, Новиков, 1998, с.83].

Однако в составе сопроводительного инвентаря захоронений на могильниках VI–VII вв. в Приобье преобладают предметы, характерные для культур таежной зоны Западной Сибири. В их числе бронзовые подвески, поясные бляхи, украшения

в стиле западносибирского культового литя с изображением птиц с распахнутыми крыльями, фигур или голов медведей, резе – фигур людей. Для памятников этой культуры характерны многочисленные находки костяных черешковых наконечников стрел различных форм. В памятниках культуры древних тюрок находки костяных стрел единичны. Для верхнеобской культуры они являлись одним из наиболее распространенных видов ручного метательного оружия [Худяков, 1986, с.113–115, 147]. Для памятников верхнеобской культуры VI–VII вв. в Приобье была характерна лепная круглодонная керамическая посуда, горшки, кувшины, чаши, орнаментированные гребенчатым или гладким штампом по венчику, шейке и верхней части тулова [Троицкая, Новиков, 1998, с.83]. Для населения данной культуры были характерны городища со рвами и земляными валами с напольной стороны и плотной застройкой жилищ на площади двора. Население верхнеобской культуры заметно отличалось от древних тюрок по своему культурно-хозяйственному типу, образу жизни и хозяйственным занятиям. Оно жило оседло, занималось отгонным скотоводством. Жители лесостепных районов разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, который в течение всего календарного цикла находился на подножном корму. Они практиковали плужное земледелие, о котором свидетельствуют находки сошников и жерновов. Важную роль в хозяйстве играли охота и рыболовство. Было развито домашнее ремесло, производство металлических изделий, керамической посуды, тканой и кожаной одежды, обуви, утвари. Вероятно, в VI–VII вв. был налажен обмен между племенами верхнеобской культуры и согдийскими купцами, которые осуществляли торговлю в Первом Тюркском каганате. В этот период начал активно функционировать торговый путь из Семиречья в Верхнее Прииртышье, Приобье и Притомье, который являлся одним из ответвлений Великого Шелкового пути. Объектом торговли с приезжими купцами, скорее всего, были меха. В качестве привозных товаров, которые шли в обмен на меха, служили украшения, поясная и сбруйная фурнитура, монеты.

Изделия геральдического стиля обнаружены и в памятниках Притомья, в погребениях по обряду кремации, которые также относят к верхнеобской культуре. Для предметного комплекса курганов VI–VII вв. на памятнике Саратовка в долине р. Ур характерно сочетание элементов древнетюркской культуры – поясной и сбруйной фурнитуры, стремян и удила, наконечников стрел с вещами западносибирского культового литя и круглодонной, лепной, сравнительно мало орнаментированной керамической посудой [Илюшин, 1999, с.62–63].

Отдельные предметы, выполненные в геральдическом стиле, попадали и в таежную зону Среднего Приобья [Беликова, Плетнева, 1983, с.22].

Важно отметить, что подобных предметов нет в долине Енисея, что свидетельствует об ослаблении культурных связей с населением Приобья в VI–VII вв. По сведениям источников известно, что государство кыргызов на Енисее в этот период находилось во враждебных отношениях со своими северными соседями, племенами бома [Бичурин, 1950, с.354].

Влияние древнетюркской культуры отразилось и на предметном комплексе потчевашской культуры, памятники которой расположены в Прииртышье и западной части Барабинской лесостепи. Носителей данной культуры ученые считают уграми [Молодин и др., 1988, с.123–124].

В VII–VIII вв. в истории древних тюрок, их культур и государственности произошли существенные изменения. Единый Тюркский каганат распался на два самостоятельных тюркских государства – т.н. Западный и Восточный каганаты. Восточный каганат временно утратил свою независимость, попав в подчинение к империи Тан, и вновь возродился в конце VII в. Произошли изменения в культуре древних тюрок, в оформлении оружия, воинского снаряжения и конской сбруи, в изготовлении художественных предметов из металла. В древнетюркской тюретике возобладал катандинский стиль оформления поясных и сбруйных украшений, для которого была характерна гладкая, не орнаментированная поверхность изделий.

В изготовлении предметов поясной и сбруйной фурнитуры наметилась определенная стандартизация. В период существования т.н. Второго Восточнотюркского каганата численность древнетюркского кочевого населения Саяно-Алтая и его влияние на соседние племена Западносибирской равнины значительно возросли. Лесостепное население сохраняло торговые и культурные связи с древними тюрками Западного каганата.

Из Семиречья в Прииртышье и Приобье регулярно направлялись караваны согдийских торговцев, которые достигали Томи и Енисея. В VII–VIII вв. интенсивность торговых контактов между населением Западной Сибири и Средней Азии заметно возросла, что выразилось в поступлении привозных изделий и монет.

Предметы поясной и сбруйной фурнитуры, выполненные в катандинском стиле, представлены в материалах памятников, отнесенных Т.Н.Троицкой и А.В.Новиковым к верхнеобской культуре в Приобье, в курганных могильниках Каменный Мыс, Красный Яр I, в погребениях по обряду одиночной ингумации и кремации. В Барабинской лесостепи подобные вещи найдены в погребении по обряду ингумации в сопровождении коня в могильнике Чингис–2 [Троицкая, Новиков, 1998, рис.10: 6; 26: 50–52, 58–60]. В Приобье в этих же памятниках встречаются изделия, выполненные в стиле западносибирского бронзового литья [там же, рис.18: 23]. В Притомье вещи катандинского стиля найдены в погребениях по обряду кремации на могильнике Саратовка [Илюшин, 1999, с.66]. Этот памятник отнесен к верхнеобской культурной общности. В предметном комплексе памятников лесостепной зоны Западной Сибири обнаружены, помимо предметов торевтики катандинского облика, типичные для древнетюркской культуры VII–VIII вв. железные удила, стремена, наконечники стрел и копий, коленчатые кинжалы и пластины от ламеллярных панцирей. Это свидетельствует об устойчивой ориентации местных племен, и прежде всего их родовой знати, на престижные элементы военно-дружинной культуры древних тюрков и далеко продвинувшихся процессах аккультурации и тюркизации иноэтничного, нетюркского населения. Однако оно по-прежнему со-

храняло значительное этнокультурное своеобразие как в погребальной обрядности, в составе которой преобладали обряды одиночной ингумации и кремации, так и в инвентаре, включавшем лепную керамическую посуду местного производства и бронзовое западносибирское литье.

В отношении этнической принадлежности этого населения в науке не сложилось устойчивого мнения. М.П.Грязнов полагал, что оно могло быть угорским, Т.Н.Троицкая – угро-самодийским, А.М.Илюшин относит курганы с кремациями в Притомье к самодийским племена борма или сяоми [Грязнов, 1956, с.113; Троицкая, 1981, с.119; Илюшин, 1999, с.67]. Находки на территории Притомья и Причутья оружейных кладов, относящихся к культуре Мир-Суснэ-Хума, одного из главных персонажей угорского божественного пантеона, позволяет предполагать, что племена лесостепной зоны Западной Сибири находились на стадии формирования этносоциальной иерархии и потестарных объединений, в составе которых угорская военнотружинная прослойка занимала доминирующие позиции [Плотников, 1987, с.131–132]. В то же время объединения, состоявшие из угорских и самодийских племен, находились в зависимости от могущественного Второго Тюркского каганата, что способствовало устойчивой ориентации местной угорской и самодийской знати на заимствование более совершенных образцов древнетюркского оружия, воинского и конского снаряжения, престижных элементов древнетюркской военнотружинной культуры. Проникновение тюрков в западносибирскую лесостепь в период существования Второго Восточнотюркского каганата было в очень ограниченных масштабах, о чем свидетельствуют редкие захоронения по обряду ингумации с конем.

В середине VIII в. Второй Восточнотюркский каганат пал. На его развалинах образовался Уйгурский каганат, этническую основу которого составили уйгуры и другие телесские племена. Однако восточные тюрки или кок-тюрки не были истреблены. Они продолжали жить на территории Центральной Азии, а их культура пережила в своем развитии новый курайский этап. В VIII в. прекратил свое существование и Тюркешский каганат, включавший в свой состав племена западных тюр-

рок. В середине VIII в. в Семиречье из Центральной Азии переселились племена карлуков, создавшие свое государство. Хотя история государственности древних тюрок завершилась, существование и развитие древнетюркского этноса и культуры продолжалось еще два с половиной столетия. Количество древнетюркского населения, погребальных и поминальных памятников древнетюркской культуры в Горном Алтае, в Туве и на территории завоеванной тюрками в начале VIII в. Минусинской котловины значительно возросло. С крушением Второго Восточнотюркского каганата восточные тюрки лишились возможности сооружать наиболее монументальные и величественные мемориальные памятники. Однако погребения с конем и поминальные оградки с изваяниями были распространены по всей территории расселения древних тюрок. Произошли изменения в предметном комплексе. Наиболее заметные изменения в вооружении отмечаются в памятниках культуры древних тюрок в Горном Алтае, в которых найдены ударные копья, палаши, боевые топоры, фрагменты ламеллярных и комбинированных панцирей. Комплекс наступательного вооружения ближнего боя и средств защиты у древних тюрок получил свое развитие в Горном Алтае не случайно. В период существования Уйгурского каганата эта территория не входила в его состав. На ней существовало независимое древнетюркское объединение. Однако древние тюрки испытали определенное влияние со стороны господствующего в этот период в кочевом мире уйгурского этноса и уйгурской культуры. Наиболее заметным это влияние было на оформлении художественных изделий из металла. В древнетюркской торевтике под влиянием уйгуров получил распространение курайский стиль, для которого была характерна вычурная растительная орнаментация, орнитоморфные, ихтиоморфные, зооморфные и антропоморфные сюжеты, каноническая религиозная манихейская символика.

Вероятно, под давлением или угрозой военного давления часть древнетюркского населения мигрировала с территории Горного Алтая в Приобье, Верхнее Притомье и Барабинскую лесостепь, где получили некоторое распространение погребения по обряду ингумации в сопровождении одного или двух верховых коней [Троицкая, Новиков, 1998, с.21–22]. В памятниках Приобья, Притомья и Барабинской лесостепи представлены многочисленные предметы поясной и сбруйной фурнитуры с богатой растительной и антропоморфной орнаментацией [Троицкая, 1978, с.113; Троицкая, Новиков, 1998, с.34].

Наиболее существенные перемены в этнокультурном развитии лесостепной зоны Западной Сибири, в процессах тюркизации местного угорского и самодийского населения, переселения значительных групп тюркоязычных кочевников в Барабу, Приобье и Притомье произошли после крушения Уйгурского каганата и массовых переселений кыргызов, телесских племен, кыпчаков и других номадов, входивших в состав кимакского объединения, и образования Кыргызского и Кимакского каганатов в IX–X вв. В этот период значительные районы Западной Сибири, включая Притомье и Приобье до Верхнего и Среднего Прииртышья, вошли в состав Кыргызского каганата, а долина Иртыша, часть степного Алтая, Бараба – в Кимакское государство. В лесостепной зоне Западной Сибири достаточно широко расселились кыпчаки. В составе кыргызских войск в Притомье, Приобье и Прииртышье проникли военные отряды племен бома, находившиеся на положении кыштымов в кыргызском государстве и испытавшие значительное влияние кыргызской культуры. В IX–X вв. Западная Сибирь стала ареной двух волн тюркизации, одной с Алтая и Верхнего Иртыша, другой – с Енисея. Сложилась политическая и этническая ситуация, определившая направленность, характер и интенсивность процессов этнокультурогенеза в Западносибирском регионе в последующие столетия.

Часть II

Население Волго-Уральского региона и образование Булгарского государства

ГЛАВА 1

Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья

Владимир Напольских

Этническая карта Среднего Поволжья и Предуралья в булгарскую эпоху

Несмотря на ограниченность раннесредневековых письменных источников по истории региона, они позволяют хотя бы в общих чертах проследить эволюцию его этнической карты в булгарское время.

Для начала средневековья у нас имеется переданный в труде готского историка Иордана список народов, покоренных готским «королем» Эрменриком / Германариком (жил в середине IV в.), представляющий собой, скорее всего, какой-то итинерарий (перечисление народов и стран на пути от Балтики на Волгу и далее вниз по ней) первых веков нашей эры. Новейшая публикация «Гетики» Иордана представляет текст списка в следующем виде: *«thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Immiscaris Rogas Tadzans Athaul Nauego Bubegenas Coldas»*¹ [Иордан, с.116]. Его следует интерпретировать как сильно испорченный фрагмент текста на готском языке [Анфертьев, 1994, с.150–151], оригинал которого, в части, касающейся интересующих нас территорий от Прибалтики до Средней Волги, можно восстанавливать примерно как *«*þiudos: in Aunxis Vas, in Abroncas Merens, Mordens in Miscaris, Ragos stadjans / stadins [Athaul Nauego Bubegenas Coldas]»* и переводить: '[покорил] народы: в Аунуксе² – весь, в Абронкасе³ (?) – мерю, мордву в Мещере⁴, [по] Волге⁵ местности [атаул, навего, бубегенов, кольдов]'.⁶

Со стоящим в этом списке на первом месте народом **Vas* традиционно принято соотносить предков вепсов (старое самоназвание *þeps < *vepsä*), *Весь* древнерусских источников. Народ этот играл важную роль в международной торговле по волжско-балтийскому пути и, возможно (как приня-

то считать со времен Х.М.Френа), продолжает упоминаться затем в арабско-персидских источниках X–XII вв., прежде всего у Ибн Фадлана под именем *вису* (ويسو) [Ибн Фадлан, 1956, с.135]. Здесь, однако, имеются некоторые проблемы: в ряде источников более позднего времени (Иакут – конец XII – начало XIII в., Закарийя ал-Казвини – середина XIII в. и др.) сохраняется написание *вису*, тогда как другие, в том числе и весьма ранние авторы (ал-Бируни – первая половина XI в., ал-Марвази – первые десятилетия XII в. [Göckenjan, Zimonyi, 2001, S.45] и др.) пишут *ису* (يسو). Написание *ису*, по-видимому, дает и единственный изданный манускрипт второго после Ибн Фадлана арабского автора, лично получившего информацию об этом народе в Волжской Булгарии – ал-Гарнати [Чураков, 2001]⁶. Понятно, что форма *ису* уже гораздо менее напоминает древнерусское название вепсов, *Весь*, и нуждается в иной интерпретации. Нельзя, однако, не отметить, что исчезновение *Веси*, а также и *вису* / *ису* со страниц исторических источников в XIII–XIV вв. связано, видимо, именно с гибелью Волжской Булгарии и с прекращением активной торговли с Севером и Балтикой по Волжскому пути.

Из известных нам народов Среднего Поволжья в списке Иордана имеются, таким образом, лишь упоминания мери и мордвы – при этом в случае с мордвой перед нами экзоэтноним, и нельзя быть уверенным, что под ним скрываются именно мокша и эрзя (присутствие мордовских языков в Среднем Поволжье, однако, четко маркируется прамордовской формой названия Волги **Raġa* – см. прим.5 к данному очерку).

Во втором по времени источнике – известном письме хазарского кагана Иосифа саваннику кордовского халифа Хасдаю ибн

Шапругу (960-е гг.) отражена ситуация конца VIII – середины IX в., т.е. практически в момент прихода болгар в Среднее Поволжье. Здесь мы находим следующий список народов: «*Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арысу, Ц-р-мис, В-н-н-тут, С-в-р, С-л-виюн*». Названия эти еще П.К.Коковцов предложил интерпретировать так: *Бур-т-с* – буртасы, *Бул-г-р* – болгары, *С-вар* – сувары, город Сувар в Волжской Булгарии, *Арысу* – мордва-эрзя, *Ц-р-мис* – черемисы, марийцы, *В-н-н-тут* – вятичи, *С-в-р* – северяне, *С-л-виюн* – славяне в целом или, возможно, новгородские словени [Коковцов, 1932]. Здесь впервые появляется упоминание марийцев – под их старым, по всей вероятности, тюркским по происхождению названием *черемисы*: тат. *çirměş*, чув. *šarmäs* < тюр. **čer-* ‘войско’. К мотивации семантики имени *черемис* (‘воинственный’ – ?) в тюркских языках ср. противоположную по значению этимологию имени чувашей: чув. *čävaš* < тюр. **jawaš* ‘мирный, тихий’ [Räsänen, 1969, S.175].

Предполагается, что и мордва-эрзя здесь впервые упоминается под своим собственным именем, что в общем-то понятно: тюрки (в том числе хазары и болгары), по видимому, не знали иранского этникона **mord-* (см. выше примечание к *Mordens* Иордана), и использовали мордовские самоназвания (ср. тат. *мухсу* ‘мордва (изначально – *мокша*)’, чув. *irše* ‘мордва (изначально – *эрзя*)’). То же находим и в ранних источниках, информация которых происходит из степного, тюрко-монгольского мира: Вильгельм де Рубрук упоминает народ *Moxel* (*мокша*, слово получено Рубруком от татар), живущий к северу от Танаиса, за которыми (далее на север) живут «*Merdas*, которых латиняне называют *Merduinis*» (вероятно – эрзя, точнее – мордва в целом, слово получено, видимо, от русских и соотнесено с известным по византийским источникам термином) [Карпини, Рубрук, с.108–109], Рашид ад-дин (конец XIII – начало XIV в.) пишет о народах *мокша* и *арджан* (видимо, *мокша* и *эрзя*), вообще не используя слова *мордва* [Рашид ад-Дин, 1960, с.96].

Проблема, однако, состоит в том, что в краткой редакции письма кагана Иосифа указывается, что народов, живущих

по главной реке хазарской страны – девять (названий их краткая редакция не дает), тогда как в приведенном выше списке только восемь названий. Поскольку большинство названий совпадают с исторически известными и твердо идентифицируются, возникает соблазн разложить имя *Арысу* (𐰽𐰺𐰍) на два составляющих и увидеть в нем сразу два этникона: *Ар(у)* и *(В)ису*, которые упоминаются как названия народов и областей, подвластных Волжской Булгарии у ал-Гарнати. В пользу такого чтения есть и существенный филологический аргумент: если бы *Арысу* (𐰽𐰺𐰍) действительно передавало этноним *эрзя*, трудно было бы объяснить появление буквы *й*од в середине слова: ни в самом самоназвании мордвы-эрзя, ни в его чувашском производном *irše* на этом месте нет никакого гласного, не видно причин его появления и с точки зрения адаптации к языку и письменности источника. Кроме того, если *Арысу* – это *Ар(у)* и *(В)ису*, то и порядок перечисления народов в пространной редакции письма кагана Иосифа становится более логичным: Нижняя Волга – буртасы, Казанское Поволжье – болгары и сувары, Прикамье – *Ару*, там же – *Ису* или (если *Вису* = *Весь*) вверх по Волге от устья Камы, Нижегородско-марийское Поволжье – черемисы, бассейн Оки – вятичи, левобережье верхнего Днепра – северяне, далее – славяне в целом.

В начале XII в. русский летописный свод перечисляет «*инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордѡва, Пермь, Печера, Емь, Литва, Земигола, Корсь, Норома, Либы*» [ПВЛ, I, с.13]. Нельзя не заметить некоторого сходства начальной части этого списка с начальной частью готского итинерария Иордана (в особенности, если иметь в виду возможную связь др.-рус. *Чудь* с гот. *fiuda* ‘народ’), однако среди народов Поволжья уже утвердились *черемисы* (марийцы) и впервые присутствует *Пермь* – уже древнерусский вклад в этнотопонимию северо-востока Восточной Европы (← приб.-ф. *peräō maa* ‘задняя земля’), название, которым не позднее чем с конца XIII в. обозначаются земли на Вычегде и верхней Каме, населенные в том числе и предками коми. Из народов, населявших в более поздний период северную перифе-

рию Волжской Булгарии в названных источниках отсутствует пока прямое упоминание только чувашей и удмуртов. Такому странному отсутствию сведений о двух крупных народах края может быть предложено объяснение социально-политического порядка, однако и они могут быть хотя бы предположительно обнаружены в источниках.

Первое упоминание если не удмуртов как таковых, то, по крайней мере, географического термина, который дал начало названию удмуртов в тюркских языках Поволжья (тат. *ar* 'удмурт') можно видеть в сообщении Абу Хамида ал-Гарнати о находящихся к северу от Булгара двух областях, жители которых платят харадж царю болгар – *Ису* (именно *ису*, а не *вису*, как в русском издании – см. выше) и *Ару*, в которых добывают шкурки бобров, горностаев и белок, и за которыми находится область *Йура* [ал-Гарнати, 1971, с.31–34]. В *Ару* ал-Гарнати можно видеть общетюркскую основу **ar(y)* (> тат. *ary*) 'та, противоположная сторона': так, по всей вероятности, могли называть болгары правобережье Итиля (Белой – Камы – Волги). Позже этот термин стал, видимо, обозначать население за Итилем и основной народ, его составлявший – удмуртов, вследствие чего потомки болгар – казанские татары до сих пор называют удмуртов *ar*, т.е., собственно, 'заречане' [Белых, 1996]. Область *Ару* ал-Гарнати, однако, еще вряд ли следует соотносить специально с удмуртами (и уж тем более нет никаких оснований видеть здесь упоминание «удмуртского княжества» с центром в Арске) – скорее всего, в болгарскую эпоху это название относилось к обширным областям правобережья Нижней Камы, Вятско-Камского междуречья и Верхнего Прикамья, которые находились или под непосредственным контролем Волжской Булгарии, или, во всяком случае, в сфере ее экономического и политического влияния.

Если принять предложенное выше чтение названия *Арису* письма кагана Иосифа как *Ar(y) + (B)isu*, то в сообщении ал-Гарнати можно видеть упоминание тех же двух этниконов. Применение понятия «заречье» (тюрк. **ar(y)*) к землям за Итилем еще в IX в. (время происхождения инфор-

мации письма кагана Иосифа), т.е. практически в период появления болгар в Прикамье, выглядит даже более естественно, чем в XII в., когда болгары уже освоили предкамские территории. Однако в то время как для *Ару* имеется вполне приемлемая этимология, для *Ису* – если принимать именно такое чтение и, соответственно, отрицать связь данного этникона с именем вепсов – ничего вразумительного предложить пока не представляется возможным. Локализовать страну *Ису* следует к северу от Булгарии, в 20 (по ал-Марвази) или 30 (по ал-Гарнати) днях пути – информация, также ничего не дающая, поскольку не ясно, какие дни пути имеются в виду: на судах по реке, пешком, верхом или зимой на лыжах с собачьими нартами. Возможность того, что *Ису* – это Верхнее Прикамье, район распространения родановской и полемско-чепецкой культур (гипотеза впервые предложена, кажется, независимо М.В.Талицким [1941, с.47] и Р.Хеннигом [1961, с.251] и поддерживается сегодня различными исследователями), вполне допустима, учитывая указанное расстояние, посредство *Ису* в болгарской торговле с *Йурой*, время упоминания *Ису* в источниках и характер взаимоотношений *Ису* с Булгарией, но пока нет возможности осуществить ономастическую привязку этого этникона или пока не удастся найти новых, более конкретных аргументов в пользу этой версии, она останется недоказуемой. Точно так же следует пока признать нерешенной проблему соотношения названий *Вису* и *Ису* в арабско-персидских источниках: не исключено, что здесь имеет место, например, контаминация имени вепсов и какого-то неизвестного названия из Верхнего Прикамья.

Предки чувашей впервые упоминаются, по-видимому, только в русском источнике начала XIII в. – в «Слове о погибели земли Русской»: «*Буртаси, Черемиси, Веда и Морьдва бортничаху на великого князя Володимера*». Название *Веда* «Слова о погибели...» представляет собой заимствованное в древнерусский язык мордовское название чувашей *vet'ke* (основа *ved'* – ср. *ved'en* 'чувашский') [Мокшин, 1991, с.33–34]. Этимология этого названия не ясна: предполагаемая Н.Ф.Мокшиным связь его с названием территориальной группы уд-

муртов *Ватка* невозможна, поскольку последнее заимствовано из русского *Вятка*, и называть себя так чепецкие удмурты стали, безусловно, гораздо позднее времени фиксации мордовского названия чувашей в «Слове о погибели...» (см. также ниже и прим.12 к данному очерку). Можно предполагать связь с морд. *ved'* 'вода', если этим словом в мордовских языках могли в прошлом назвать большую реку, например, Волгу, тогда *vet'ke* – 'поречане, живущие на большой реке'. С другой стороны, возможна связь с названием славянского племени *вятичей* (в конечном счете – от того же слав. **vet-* 'большой', что и название р. *Вятки*, хотя кроме выведения их от одной основы ничего общего в происхождении двух этих имен нет), которые фиксируются рядом с мордвой-эрзей уже в письме кагана Иосифа, но в этом случае надо предполагать заимствование в мордовский уже после падения носовых в восточнославянском (что допустимо) и перенос названия со славян-вятичей на чувашей (что трудно объяснить).

Таким образом, можно констатировать, что к концу булгарской эпохи, в XIII в., в Среднем Поволжье и Предуралье уже в том или ином виде присутствовали все местные финно-угорские народы и чуваша. По всей вероятности, именно существование в регионе мощного государственного образования, его экономическое, политическое и культурное влияние сыграли решающую роль в оформлении этнической карты края.

Нельзя не сказать и о расширении границ земель, известных арабско-персидским географам на севере в булгарское время: по-видимому, начиная с сообщения Ибн Фадлана (предположение Б.Н.Заходера [1967, с.59] о более раннем источнике этих сведений пока ничем не подтверждено) далее на север за народом *Вису* упоминается страна и народ *Йура*, ведущий торговлю мехами с купцами из *Вису* и Булгарии, которые добираются на север по снегу на санях, влекомых собаками (у ал-Бируни, ал-Марвази и ал-Гарнати в XI–XII вв. в функции посредников выступают *Ису*, а в качестве средства путешествия описываются и лыжи [ал-Гарнати, 1971, с.31–35; Geckenjan, Zimonyi, 2001, S.262] – чуть ли не впервые в арабско-персидской лите-

ратуре!); за *Йура* находится море мрака, на берегах которого живут дикие люди, и где добываются клыки некоей рыбы (имеется в виду морж), пригодные для изготовления разных поделок [Заходер, 1967, с.59–69]. В этом северном народе *Йура* следует видеть *Югру* древнерусских источников – страну и ее население на крайнем северо-востоке владений Новгорода, вероятно – в левобережье нижней Оби (о локализации и этноязыковой привязке *Югры* см. [Напольских, 1998]). Поскольку эта тема появляется в сообщениях путешественников, непосредственно побывавших в Булгарии (Ибн Фадлан прямо сообщает о получении информации о Севере от самого булгарского правителя), источник этих сведений понятен: именно торговая активность булгарских купцов расширила северные границы ойкумены для всего мусульманского мира⁷.

Взаимодействие местного населения с Волжской Булгарией и формирование народов края

С началом булгарской эпохи в Среднем Поволжье обязательно должны были произойти существенные изменения в расселении, экономической, социальной, военной и культурной жизни финно-угорских народов региона. Племенной верхушке местных, преимущественно финно-угорских по языку, народов предстояло в IX–X вв. решить впервые возникшую перед ней политическую задачу: выработать и провести в жизнь стратегию взаимоотношений с возникшим в регионе государственным образованием, Волжской Булгарией. Появление в Среднем Поволжье первого государства с определяемой им стабильной военно-политической обстановкой, интенсивным развитием экономических связей и вместе с тем – с неизбежной прямой и косвенной эксплуатацией местного населения – имело для местной элиты и плюсы, и минусы и могло сформировать два направления ее поведения. С одной стороны должно было иметь место стремление сохранить независимость, т.е. власть местной племенной верхушки над соплеменниками, а для этого – попытаться защититься (едва ли такие попытки могли быть успешными при очевидном военно-политическом неравенстве

сторон), или по крайней мере как-то дистанцироваться и в идеале просто уйти от державного соседства. С другой стороны, представители местных племенных верхов могли попытаться интегрироваться в экономическую, а возможно – и в политическую систему государства и попробовать извлечь из этого определенные выгоды: опираясь на эту систему и оказывая ей определенные услуги, закрепить свое господство над соплеменниками, придать ему регулярный характер.

Несмотря на отсутствие прямых письменных источников, даже по косвенным лингвистическим и археологическим данным можно предположить, какой вариант поведения избрала верхушка того или иного из перечисленных выше народов края, живших в Поволжье и Предуралье к началу болгарского времени.

Как было показано С.К.Белых [1999], район обитания носителей пермского праязыка (языка-предка удмуртского и коми) должен был в конце I – начале II тыс. находиться в Среднем (Пермско-Сарапульском) Прикамье (районы распространения наследующих камской гляденовской культуре ломоватовской, неволинской и полемско-чепецкой археологических культур). Именно из этих районов (Верхнее и Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и Чепцы), согласно наблюдениям археологов, наблюдается в IX–X вв. значительный приток населения на территорию Волжской Булгарии, принесшего туда, в частности, прикамские формы керамики [Хлебникова, 1984, с.223–225]. Имеющиеся попытки интерпретации этих фактов в археологической литературе [Иванов А., 1998, с.107–109] ограничиваются в основном гипотезами о выводе на нижнюю Каму и среднюю Волгу среднекамских жителей булгарами, нуждавшимися в земледельческом населении на захваченной ими территории. Отрицать правоту такого предположения невозможно, но следует при этом иметь в виду и интересы самого этого населения: образование в Среднем Поволжье Булгарского государства означало для прикамских земледельцев-пермян возникновение возможности стабильного ведения земледельческого хозяйства в условиях, определяемых своего рода «общественным договором» с правителями Волжской Булгарии. Такая

перспектива не могла не быть привлекательной как для населения в целом, так и в особенности для племенной верхушки, которая при вращении в социальную структуру Булгарского государства гарантировала себе господство над соплеменниками. Естественно, необходимо учитывать и выгоды торговли по Волге, культурного обмена, относительную защищенность от, по крайней мере, случайных грабительских набегов степняков и т.д.: факторов, которые привлекали прикамское население в Булгарию было достаточно много, и отмеченное переселение не следует объяснять только насилием со стороны болгар. Очевидно, те же самые факторы действовали не только для верхне- и среднекамского населения, но и для пермян, обитавших к моменту прихода болгар на Нижней Каме и ее притоках, которые также могли вливаться в состав формирующихся пермоязычных территориальных групп в составе населения Волжской Булгарии.

По-видимому, с формировавшимися таким образом в IX–X вв. пермскими группами на Нижней Каме и ее притоках и следует связывать начало сложения удмуртов и бесермян. Первоначальным центром этого района могло быть Елабужское городище [Казаков, 1997, с.39], затем – удельный центр Казанского ханства Арск, где, по преданиям местного удмуртского населения, жил *удмурт эксэй* ‘удмуртский царь’⁸ и где имеются субстратные ойконимы удмуртского происхождения. Именно на нижней Вятке должны были столкнуться марийцы с носителями самоназвания **od3-mort* (> удм. *udmurt*), от которого происходит марийское название удмуртов *odotari* [Напольских, Белых, 1994]. Отсюда позднее, в XIV–XV вв., по-видимому, одновременно с переселением болгарских групп – предков чепецких (нукратских, каринских) татар (о чем свидетельствует болгарская эпитафия XIV в. из с. Гордино на Чепце) – предки удмуртов и бесермян также проникают на север, на нижнюю Чепцу, где складывается группа удмуртов *Ватка*, до второй половины XVI в. (см. прим. 8 к данному очерку), подчинявшаяся татарским каринским арским князьям и образовавшая основу чепецких удмуртов. Здесь же следует помещать и исходную территорию миграций на северо-восток

предков другой территориальной группы удмуртов – *Калмез*, расселившихся в бассейне р. Кильмезь. В ходе этих переселений предки удмуртов ассимилировали пермское население Вятско-Камского междуречья.

Примерно в то же время, когда часть пермян переселяется со средней Камы на нижнюю, в пределы Булгарского государства, другая их часть выбирает противоположную стратегию «ухода», и сдвигается на нижнюю и среднюю Вычегду и ее притоки, где складывается вымская культура X–XIV вв., соотносимая обычно с летописной Пермью Вычегодской, предками коми-зырян [Савельева, 1985, с.13–19]⁹. Собственно, речь идет скорее даже не столько об уходе, а об иной экономической, политической и культурной ориентации: для прикамского населения, переместившегося на Вычегду, большее значение имели связи не с Булгарией, а с Русью, причем интенсивность этих связей непрерывно нарастает и в них вовлекается и население Верхнего Прикамья. В дальнейшем это находит отражение в замещении в коми языке потенциальных булгаризмов, заимствованиями из (древне)русского языка [Насибуллин, 1992], крещении предков коми и, в конечном счете, в распаде пермского языкового единства [Белых, 1995].

Часть пермского населения Среднего и Верхнего Прикамья оказывается в тесной связи с булгарами, оставшись на прежних местах своего обитания: в бассейне Чепцы и на верхней Каме к IX–X вв. складывается целая сеть укрепленных поселений (памятники типа Анюшкара и Рождественского городища на верхней Каме, Иднакара и Дондыкара на Чепце)¹⁰, на которых очевидно присутствие более (на Каме) или менее (на Чепце) заметного булгарского населения. Судя по характеру укреплений, которые не могли служить для обороны против правильно ведущейся профессиональным войском осады (обратим внимание на такой оборонительный недостаток городища Иднакар, например, как отсутствие источника воды на нем), по отношению небольшой площади этих поселений, по отсутствию на них следов каких-либо политарных органов, резиденций правителей и т.п., и учитывая многие другие соображения, ясно, что эти городища пред-

ставляли собой, по сути дела, возникшие на территории местных племенных центров городки-фактории, управляемые, возможно, местной знатью с опорой на присутствующую там группу булгар или (см., например, Рождественское городище с его мусульманским кладбищем, мусульманские могилы на Анюшкаре, возможные мусульманские захоронения на городище Иднакар и др. [Ленц, 1999; Крыласова и др., 2003]) непосредственно военно-купеческими булгарскими группами. Основным предназначением этих факторий был, скорее всего, сбор пушнины, ее складирование и подготовка к отправке в Булгарию – правомерно было бы поставить вопрос: можно ли говорить о равноправной торговле добывавшего пушнину местного населения с булгарами, сопоставимы ли объемы импортных (булгарских и восточных вообще) ценностей, находимых на городищах, с объемом добывавшихся местным населением и концентрировавшихся на этих городищах мехов (широко известно обилие костей неполовозрелых бобров на Иднакаре, свидетельствующее о массовом истреблении пушных зверей – ср., например, резко контрастирующую с этим единичность находок восточных серебряных монет непосредственно на городищах [Иванов А., 1998, с.110–113, 128–130, 143]). Естественно, на этих факториях жили и обслуживающие нужды их обитателей и окружающего населения ремесленники, развивались ремесло и торговля.

Базовая связь верхнекамско-чепецких городищ с Волжской Булгарией очевидна уже судя по самому времени их существования: их рост начинается в IX–X вв. одновременно со сложением Булгарского государства, упадок наступает в XIII в. в период монгольского нашествия и первого разгрома Булгарии, а к концу XIV в. практически все эти городища окончательно прекращают свое функционирование – одновременно с гибелью Волжской Булгарии как самостоятельного политического и экономического образования. Примечательно, что до сих пор никому по-настоящему не удалось объяснить причину такого внезапного конца верхнекамско-чепецких городищ (кстати, практически отсутствуют и более или менее точные датировки гибели отдельных городищ): все археологиче-

ские размышления по этому поводу сводятся разве что к фиксации на поселениях наконечников стрел, следов пожара и т.п., что, естественно, еще не доказывает гибель городищ в результате их разгрома. Причиной была, видимо, гибель Волжской Булгарии и исчезновение вместе с ней экономической, социально-политической и военной базы этих центров.

По всей вероятности, основное население верхнекамско-чепецких городищ, происходившее с территории пермской прародины, говорило на диалектах позднепрапермского языка, которые благодаря активной культурно-экономической позиции этого населения должны были контактировать, с одной стороны, с доудмуртскими пермскими диалектами с территории Волжской Булгарии, а с другой – с более северными доками диалектами верхней Камы и Вычегды, благодаря чему обеспечивалась лингвистическая непрерывность позднепрапермского языкового континуума в IX–XII вв. [Белых, 1995а]. Не имеет смысла пытаться аттестовать эти диалекты как предковые специально для (северно)удмуртского или коми(-пермяцкого) языков, как это делается в археологической литературе: во-первых, для названного периода едва ли возможно провести такую границу в принципе (окончательный распад прапермского единства следует датировать во всяком случае не ранее начала XIII в. [Белых, 1999, с.252–253]), во-вторых, такой дихотомии просто не существует: в финальный период функционирования прапермской общности могли и должны были развиваться многочисленные диалекты, кристаллизация которых в удмуртский и коми языки происходила позже в ходе не дивергентных, а интеграционных социальных процессов (аналогичным образом, например, абсурдно было бы называть язык северян русским или украинским, или язык кривичей – русским или белорусским)¹¹.

Как было уже указано выше, есть возможность допускать, что создатели верхнекамско-чепецких городищ были известны в арабо-персидских источниках как народ и страна *Ису* – возможно, именно данное слово отражает не дошедшее до нас самоназвание этого населения. Посредничество *Ису* в болгарской торговле с *Йурой*, о котором сообщают источники, возможно,

отражает тот факт, что древнепермское население, по-видимому, еще в XI–XII вв. проникало на нижнюю Обь, в район, где следует помещать летописную *Юэру*, и оставило там памятники в виде городищ Перегребное I и Шеркалы I/2, близких вымским и родановским [Пархимович, 1991]. Именно из какого-то пермского (прапермского) диалекта было заимствовано и само название *Юэра* в древнерусский, а оттуда – в болгарский язык (см. прим.7 к данному очерку).

После разрушения системы верхнекамско-чепецких городищ в период гибели Волжской Булгарии, в условиях утери старых торговых связей и вообще достаточно нестабильного в военном, политическом и экономическом отношении времени конца XIV–XV вв. их жители должны были перейти к жизни малыми земледельческими поселениями вдали от больших рек, чем и объясняется загадочный hiatus в археологических памятниках на значительной части указанной территории в указанное время. Единичные городища могли какое-то время продолжать свое существование уже как сугубо местные оборонительные и политические центры, но со временем население начинает тяготеть к новым, складывающимся или усиливающимся уже только к началу XV в. центрам: русской Вятской земле, центру татарских арских князей в Карино – на Чепце и к выросшему на крайней периферии ареала верхнекамско-чепецких городищ, в контактах с Зауральем, Вычегдой и Новгородом центру в Чердыни – Великой Перми. Таким образом, прапермяне – потомки создателей верхнекамско-чепецких городищ входят в состав северных удмуртов – *Ватка* (т.е. вятских удмуртов, удмуртов Вятской земли¹²) и коми-пермяков, населения Великой Перми.

Принципиально возможным было также вступление местной финно-угорской племенной верхушки в союзнические, прежде всего, военные отношения с булгарами на территориях, которые не могли быть по тем или иным причинам поставлены под непосредственный контроль болгарской администрации, но при этом являлись важными в военно-политическом отношении – подобно поселениям германцев и других варваров-федератов на границах Римской

империи. Такая ситуация могла сложиться на землях между Булгарией и Русью в Среднем Поволжье, на территории современного Башкортостана – на восточной периферии Волжской Булгарии и в болгарско-хазарском пограничье на юге. Для рассмотрения истории финно-угорских народов особенно интересен северо-запад болгарских земель, лесной ветлужский край на левобережье Волги. Эти земли в середине I тыс. н. э. заселяются продвигавшимися сюда с юго-запада племенами, оставившими памятники типа Младшего Ахмыловского могильника, которые в VIII в. достигают Вятки, ассимилируют местное постазелинское население и, таким образом, составляют основу сложения марийского народа [Никитина, 1996]. Эти территории не представляли большого интереса для болгар, поскольку, в отличие, например, от Вятки и Камы, или Волги, не слишком удобные для судоходства реки края не образовывали путей ни к пушным богатствам Сибири, ни к Балтике и Западной Европе. Однако, с другой стороны, необходимо было учитывать опасность военных экспедиций и последовательной экспансии Руси на этом направлении.

В этих обстоятельствах силы, которые необходимо было бы затратить для установления прямого контроля и управления над древнемарийским населением едва ли оправдывали те выгоды, которые от такого установления можно было бы получить: рациональнее было просто иметь это население в роли своего рода федератов-союзников при возможных конфликтах с Русью. Правобережье же Волги, современная Чувашия, подвергалось более интенсивной болгаризации, поскольку между этими территориями, представлявшими к тому же большую ценность для развития сельского хозяйства, и Русью лежали еще мордовские земли, выполнявшие роль буферной зоны.

Видимо, в этих различиях, а также, возможно, в остающихся нам неизвестными особенностях политики местной племенной верхушки и лежит причина расхождения путей этноязыкового развития предков марийцев и чувашей в болгарскую эпоху. Сложение обоих этих народов на едином в культурном и антропологическом отношении субстрате не подлежит сомнению:

об этом однозначно говорит и близость антропологических типов, представленных у чувашей и марийцев, и особенности материальной культуры, начиная от традиционного костюма и пищи и кончая музыкальными инструментами (причем здесь принципиально важна общность не только внешних форм, но и терминологии), и, наконец, само горномарийское название чувашей *suasla marǎ* букв. ‘татарский мариец’. Обилие чувашских заимствований в марийском языке [Räsänen, 1920] указывает на то, что, собственно говоря, марийцы сложились в результате того же процесса болгаризации местного (скорее всего, финно-волжского по языку) населения, что и чувашаи, только в случае с марийцами процесс языковой ассимиляции не дошел до конца. Аналогией этой этноисторической ситуации можно найти, например, на Балканах: албанский язык содержит, наверное, не меньше разновременных романских элементов, чем аромунские диалекты, но процесс превращения его в романский язык все-таки не завершился.

Здесь вновь уместно вернуться к рассмотренной выше оппозиции этнонимов *черемис* < тюр. **čer-* ‘войско’ и *чуваши* < тюр. **jawaš* ‘мирный, тихий’. Эта оппозиция довольно точно соответствует роли, которую играли оба народа в более позднее время в противостоянии Москвы и Казани, но, судя хотя бы по фиксации первого этнонима уже в письме кагана Иосифа в X в. (происхождение информации – на век раньше), может быть транспонирована и в болгарскую эпоху и отражать позицию племенной верхушки обеих групп во взаимоотношениях с булгарами (ср., например, термины *мирные* и *немирные инородцы* по отношению к сибирским и кавказским народам в русском языке XVIII–XIX вв.).

Позиция племенной верхушки мордвы в ситуации складывающегося противостояния Руси и Булгарии была, видимо, в некоторой части близка марийской. Мордовский князь Пургас, по русским летописным сообщениям, в начале XIII в. неоднократно и весьма успешно воевал против русских, но второй известный нам по летописным источникам мордовский персонаж, Пуреш/Пурейша, имевший, возможно, Половецкое происхождение, напротив, воевал против Пургаса и находился в договорных

отношениях с Юрием Долгоруким [Мокшин, 1991, с.38–41]. В дальнейшем и у мордвы, и у марийцев такая поляризация в политической ориентации (на Русь или на Булгарию, позже – Казань) отдельных групп углубляется.

Рассмотрение истории народов Поволжья и Предуралья в ракурсе их различных взаимоотношений с Волжской Булгарией позволяет дать предположительное объяснение отмеченному выше странному отсутствию удмуртов и чувашей в ранних письменных источниках. Именно для этих двух народов следует предполагать наиболее последовательную интеграцию в состав населения Булгарии, в котором они, по всей вероятности, заняли определенную социально-экономическую, сословную нишу. Поскольку источники, которыми мы располагаем – внешние по отношению к Булгарии (собственно болгарских документов, кроме эпитафий, у нас нет, свидетельства арабских и персидских авторов, хотя порою и получены на месте, также представляют собой все-таки «взгляд со стороны»), не удивительно, что органично включенные в болгарское общество предки удмуртов и чувашей просто оставались не замечены внешними наблюдателями, а если и попадались им на глаза, то воспринимались не как иноэтнические и иноязычные, самостоятельные в военном и политическом отношении единицы, а просто как социальные группы внутри болгарского народа, вследствие чего не было необходимости отмечать их присутствие.

Имеет смысл проиллюстрировать здесь, как нюансы лингвистического анализа болгарских заимствований в финно-угорских языках могут помочь в реконструкции средневековых взаимоотношений носителей этих языков и болгар. В удмуртском языке имеется слово *vjt-kerś* ‘подушная подать, налог’, являющееся композитом, второй компонент которого, *kerś*, считается болгарским заимствованием – ср. чув. *χjŗāś* / *χjŗāđ* ‘подушная подать, общественные сборы’; это слово, в свою очередь, является арабским заимствованием, и традиционно его выводят из араб. *ħarāj* (خراج) ‘земельный налог, подушная подать с немусульманского населения’ [Wichmann, 1903, S.73–74]. Налог *ħarādĵ*, по сообщению арабско-персидских источников, якобы

платили северные соседи «царю» болгар. Казалось бы, все ясно, но здесь есть, однако, одна тонкость: дело в том, что вывести чув. *χjŗāś* / *χjŗāđ* (и, соответственно, удм. *kerś*) из араб. *ħarāj* с долгим *ā* во втором слоге трудно: долгий гласный должен был сохраниться как полный (скорее всего, *u* или *i*) в чувашском, но никак не редуцироваться до нуля! Источником болгарского и затем чувашского и удмуртского слов могло быть араб. *ħarĵ* (خرج) ‘расход; паек; дань, подать’ (предложено как возможная альтернатива в [Róna-Tas, 1982, p.762]) – слово, которое уже не имеет специального значения ‘подушная подать с немусульманского населения’, и обозначавшее не тот вид сборов, который якобы платили «царю» болгар жители северных земель. Этот вывод согласуется с высказанным выше предположением о включении предков удмуртов и чувашей в болгарскую социальную структуру. Весьма показательно и то, что, как и многие другие болгаризмы, это слово заимствовано и в марийский язык – язык предполагаемых «федератов» Булгарии, и в совершенно ином значении: мар. *arāše*, *ārāšā* ‘должник’: к предкам марийцев арабский термин *ħarĵ* в значении ‘подать’ не применялся и был им не знаком.

Булгарские заимствования в финно-угорских языках Поволжья и Предуралья

Заимствования из болгарского языка в финно-угорские языки изучены довольно хорошо и позволяют говорить о целой эпохе в истории языков региона и, соответственно, в культурном развитии народов [Paasonen, 1897; Wichmann, 1903; Räsänen, 1920]). Основные фонетические черты болгаризмов, позволяющие отделять их от заимствований из других тюркских языков, прежде всего – из татарского, следующие:

– *r* на месте общетю. **z* < **R* > чув. *r*, как в удм. *Bultĵr* ‘золовка; вторая (младшая) жена’ ← булг.: чув. *pultĵr* < тю. **baldyR* > тат. *baldyz* ‘золовка’;

– *ś* (мар. *s*) или *ć* в начале слова и в интервокальном положении на месте тю. **j* (*/*č / *ĵ*) > чув. *ś* или (реже) *ć* (в болгарском языке предполагается два диалекта-источника заимствований: в одном имело

место развитие *j > *j̄ / *ž̄ > ś, в другом – *j > *j̄ > ć [Rédei, Róna-Tas, 1972, p.292]), как в удм. *śulik*, мар. *solǎk* ‘платок, головное полотенце’ ← булг.: чув. *śulǎk* < тю. **jaulyq* > тат. *jaulyq* ‘платок’;

– ś на месте общетю. *ć > чув. ś, как в удм., коми *kiś*, мар. *is* ‘бердо’ ← булг.: чув. *χǎś* ‘нож; бердо’ < тю. **qylǎc* ‘клинок, сабля’ > тат. *qylǎc*;

– ноль на месте общетю. интервокального *-l- > чув. ноль, как в предыдущем примере и в удм. *ken* ‘сноха’ ← булг.: чув. *kin* < тю. **kelin* > тат. *kilen* ‘сноха’;

– r на месте тю. *δ в интервокальном положении (> -j- / -d- в большинстве тюркских языков) > чув. r (ср. тю. **adaq* ‘нога’ > тат. *ajaq*, чув. *ura*), как в удм. *kĩrsi*, мар. *kĩrska* ‘зять’ ← булг.: чув. *kǎrii* < тю. **küǎǎgü* > тат. *kejǎü* ‘зять, жених’;

– j- на месте тюркского вокального начала слова > чув. jV-, как в удм. *jĩran*, мар. *jǎraŋ* ‘межа, борозда’ ← булг.: чув. *uǎraŋ* ‘межа, грядка’ < тю. **yRaŋ* > тат. *yzan* ‘межа’.

Значительное количество заимствований из языка болгарского типа имеется также и в венгерском языке, они проникли в него еще до завоевания венграми родины, в эпоху интенсивных контактов древних венгров с тюркскими племенами в степях Северного Кавказа и Причерноморья [Gombocz, 1912]. Хотя для этих заимствований характерны в целом те же особенности, что и для болгаризмов в пермских и волжско-финских языках, можно наметить некоторые различия в языке / языках болгарской группы, с которыми контактировали венгры, и языком волжских болгар, с которыми контактировали пермяне и волжские финны. Например, отмеченному выше двойному диалектному отражению тю. *j- как *ś- и как *ć- в языке волжских болгар соответствует двойное же отражение этого звука в языке-источнике венгерских болгаризмов, однако, если *j- > *ś- отражено так же (венг. *szél* ‘ветер’ ср. удм. *śil* в *śil’tel* ‘буря’ ← булг.: чув. *śil* < тю. **jel* > тат. *jil* ‘ветер’), то *j- > *ć- отражено в венгерском как звонкое *j̄- (венг. *gyékény* ‘камыш, циновка’ ср. удм. *śakan* ‘рогожа’ ← булг.: чув. *ćakan* < тю. **jäkän* > тат. *jikän* ‘камыш’) – т.е. соответствует, видимо, более ранней стадии развития бул-

гарского языка, до оглушения начальных смычных и аффрикат. Общетю. *ć еще не перешло в языке-источнике венгерских болгаризмов в *ś, и отражается как твердая (> венг. s) или мягкая (> венг. cs) аффриката типа *ć. Эти и некоторые другие особенности венгерских болгаризмов указывают на более архаичный, менее продвинутый в «чувашском» направлении характер их языка-источника по сравнению с языком волжских болгар, что, собственно говоря, соответствует и исторической хронологии: интенсивные контакты древних венгров с болгароязычными тюрками имели место как минимум на два-три столетия раньше, чем контакты болгар с языками Поволжья и Приуралья.

Поскольку отмечаемые в болгаризмах финно-угорских языков черты присутствуют в современном чувашском языке, некоторые исследователи называют их «чувашскими» заимствованиями. Хотя принадлежность языка-источника этих заимствований к той же группе, что и чувашский язык, отличие его в этом отношении от других тюркских языков и возможность рассмотрения его как прямого предка чувашского языка несомненны, корректнее все-таки использовать термин *болгарские* заимствования, отделяя тем самым слова, попавшие в финно-угорские языки из болгарского языка, от более новых заимствований из собственно чувашского, которые во множестве присутствуют в марийском языке, а также имеются в мордовских и удмуртских диалектах. Хотя проблема стратификации болгарско-чувашских заимствований весьма далека от своего решения, можно предварительно обозначить некоторые критерии, позволяющие отделить более поздние чувашизмы от старых болгаризмов:

– в лугово-восточном марийском языке в старых болгаризмах тю. *q- > чув. χ- отражается как ноль, в горномарийском – как ноль или χ- (это различие также позволяет провести стратиграфическую границу – см. ниже), например мар. *oza*, (Г) *χoza*, удм. *kužo*, морд. *koža* ‘хозяин’ ← булг.: чув. *χuša* ‘хозяин’. Так же – в приведенном выше мар. *arǎše*, (Г) *ǎrǎša*, Л ‘должник’ ← булг.: чув. *χĩrǎś / χĩrǎśǎ* ‘подушная подать, общественные сборы’; в противоположность этому мар. *karǎz* ‘подать, ясак’ должно

рассматриваться как позднее заимствование из собственно чувашского чув. *χiräs* / *χirśä*, а не из болгарского языка, поскольку чув. *χ*- отражено здесь в луговом марийском как *k*-;

– в венгерских болгаризмах отсутствуют следы чувашской протезы *v*- в старых словах с вокальным анлаутом, как в венг. *ökör* ‘бык, вол’ ← булг.: чув. *väkär* < тю. *ökür* ‘бык’. В марийском языке чув. *vV* < **V*- всегда передается как *w*-, и с этой точки зрения марийские болгаризмы выглядят либо поздними, либо переоформленными на чувашский манер в ходе продолжавшихся чувашско-марийских контактов. В удмуртском же языке можно найти, с одной стороны, удм. *uśse* ‘послезавтра (на третий день)’ ← булг.: чув. *viśśä* < тю. **üč* > тат. *öč* ‘три’, и с другой стороны, удм. *vete* (также мар. *wime*) ‘помочь’ ← булг.: чув. *wime* < тю. **ümäg* > тат. *öme* ‘помочь’.

Вообще, по-видимому, хотя число болгарских и чувашских заимствований в марийском языке чрезвычайно велико (примерно полторы тысячи) и на порядок превышает число болгаризмов в удмуртском (до двух сотен), мордовских и коми (около двух десятков) языках, это следует объяснять не давним возрастом контактов, а их непрерывностью и интенсивностью, особенно уже в постбулгарское время. В марийский язык болгаризмы начинают поступать относительно поздно (по мнению М.Рясянена, едва ли раньше XIII в.): слова, в которых тю. **q*- > чув. *χ*- отражается как *ноль* и в луговом, и в горномарийском языке заимствовались в XIII в., поскольку среди них есть монгольские по происхождению, например мар. *orol*, (Г) *orolä* ‘охрана’ ← булг.: чув. *χural* ← монг. *qarayul* ‘караул’, в более позднее время в горномарийском языке под чувашским влиянием развился звук *χ*, и появились заимствования типа мар. *ola*, (Г) *χala* ‘город’ ← булг.: чув. *χula* ← араб. *qal’a* – их следует, таким образом, датировать самое раннее XIII–XIV вв. (о дискуссии по поводу стратификации болгаризмов в марийском языке и основные аргументы см. [Róna-Tas, 1982, p.768–771]).

Пермские языки вступили в контакт с болгарским, видимо, раньше, еще в эпоху пермского единства (т.е., во всяком случае, до XIII в., а если верить глоттохронологическим подсчетам – до начала XII в. [Белых, 1999, с.256]). А.Рона-Таш и К.Редеи предложили считать результатом прапермско-болгарских контактов (начало которых они датируют, опираясь на сугубо экстралингвистические соображения, IX в.; позже Рона-Таш пытался привести лингвистические аргументы в пользу датировки X в., но его аргументы несостоятельны [Róna-Tas, 1982, p.761]) лишь те болгаризмы, которые представлены не только в удмуртском и в коми-пермяцком языке, но и в коми-зырянских диалектах; таких слов они насчитали 19 и еще 3 под сомнением. В коми-пермяцких диалектах эти же авторы находят еще 9 соответствий удмуртским болгаризмам, не имеющих параллелей в коми-зырянских [Rédei, Róna-Tas, 1972; 1975]¹³. В удмуртском же, как уже было сказано, болгарских и чувашских заимствований до двух сотен, причем, в числе их – названия городов, которые могли быть актуальны для предков удмуртов не раньше, чем во второй половине XIV в.: Москвы (удм. *Musko*) и Казани (удм. *Kuzon* – здесь, впрочем, возможен и татарский источник). Следовательно, непосредственные удмуртско-чувашские контакты продолжались по крайней мере до конца XIV в.

В принципе картина распределения болгарских заимствований в пермских языках соответствует обрисованным выше предполагаемым взаимоотношениям прапермских групп предков коми и удмуртов с Волжской Булгарией: два–три десятка заимствований, попавших и в удмуртский, и в коми диалекты могут восходить к контактам болгар и жителей верхнекамско-чепецких средневековых городищ в IX–XIII вв., а обилие заимствований в удмуртском языке заставляет предполагать весьма тесные и более продолжительные связи с булгарами.

В мордовских языках болгарские заимствования, видимо, немногочисленны: известно около двух десятков, однако, тема эта исследована явно недостаточно (ср. аналогичную оценку в [Róna-Tas, 1982, p.766–767]), и главной до сих пор остается старая работа Х.Паасонена [Paasonen,

1897], но их происхождение из языка чувашского типа несомненно, см., например: морд. М *ajǝra* ‘прохладный, холодный’ ← булг.: чув. *ıjar* < тюр. **ajaR* > тат. *ajaz*; язык чувашского типа как источник заимствования – вне сомнения, но предположение Паасонена об очень старом возрасте заимствования (до начала перехода **a* > **ǎ* > *o* > *u* в болгарском) едва ли справедливо: а может быть мокша-мордовской инновацией¹⁴.

Переходя к рассмотрению культурного контекста болгарских заимствований в волжско-финских и пермских языках, следует, прежде всего, отметить, что часто во все языки региона параллельно заимствовались одни и те же болгарские слова, более того, многие из них были заимствованы и в венгерский. Так, из 31 предполагаемого прапермского болгаризма (по максимальному списку Редее и Рона-Таша, включая и отраженные только в компермяцких диалектах – см. выше) примерно половина (от 15 до 18) слов были заимствованы и в марийский, от 3 до 5 имеют параллели также в мордовских и венгерском языках. Если же сравнить списки болгаризмов только в удмуртском и марийском языках, то доля совпадений будет еще выше. Этим косвенно подтверждается, что речь идет не просто о случайном заимствовании отдельных слов, а о системном культурном влиянии болгар на финно-угорские народы, влиянии, которое было более или менее однотипным в разных регионах и в разные периоды. Поэтому, называя тематические группы болгарских заимствований, следует иметь в виду, что, скорее всего, заимствовались и обозначаемые ими культурные реалии, с которыми народы края знакомились в ходе контактов с булгарами.

Итак, марийский язык изобилует болгарско-чувашскими заимствованиями, и вопрос об отделении одних от других еще не решен, а количество болгаризмов в коми и мордовских языках невелико, поэтому для иллюстрации болгарского (более древнего, чем собственно чувашское) влияния на языки и культуру финно-угорских народов наилучшим образом подходят данные удмуртского языка: поздние, собственно чувашско-удмуртские контакты были явно маргинальны и не охватывали всего массива удмуртского языка, следова-

тельно, перед нами в подавляющем большинстве случаев заимствования болгарского времени или, самое позднее, заимствования из языка болгарского типа эпохи Казанского ханства. Поскольку, как отмечено выше, влияние болгарского языка было однотипным на все финно-угорские языки, картина, полученная по удмуртским данным, будет вполне репрезентативна и в целом, некоторые особенности, характерные именно для удмуртских болгаризмов, будут оговорены.

Бытовая, техническая и ремесленная терминология представлена немногими не слишком выразительными словами (для экономии места приводятся только значения удмуртских слов): ‘столб’, ‘латунь’, ‘колодка’, ‘тарелка’, ‘кочерга’ – очевидно, в области большинства ремесел влияние было незначительным. В области металлургии заимствование единично, возможно потому, что к моменту прихода болгар эта отрасль была уже на достаточно высоком уровне (большинство названий металлов в удмуртском языке иранского происхождения). Впрочем, свою роль может играть и плохая сохранность ремесленной терминологии: например, гончарная лексика в удмуртском языке представлена крайне слабо.

Заметен среди технической терминологии ряд заимствований, относящихся к области гужевого транспорта: ‘дуга’, ‘седло’, ‘дышло’, ‘телега’, ‘ось’, что понятно с точки зрения влияния степного кочевого по происхождению населения на жителей лесной зоны. С другой стороны, однако, наличие большой группы болгаризмов, относящихся к области прядения, ткачества и шитья требует специального объяснения: ‘прялка’, ‘навершие прялки’, ‘прядь кудели’, ‘бердо’, ‘цевка / шпулька’, ‘челнок’, ‘ножницы’, ‘головной платок’, ‘шёлк’, ‘лента’, ‘занавес’, ‘циновка’.

Набор заимствований в области сельского хозяйства тоже выглядит нетривиально. Помимо названных выше слов, относящихся к гужевому транспорту, из области скотоводства имеются только слова ‘коза’ (его источником может быть, впрочем, и татарский язык) и ‘хлев’ (слово также весьма неясного происхождения). Все остальное – исключительно земледельческая лексика. Причем, если термины ‘бо-

розда / межа', 'постать', 'поле' еще можно объяснить влиянием поземельных отношений, то 'вилы', 'серп', 'ток', 'сноп', 'солома', 'зерно', 'стог' являются уже не более чем обозначениями простых реалий крестьянской жизни. По-видимому, с болгарским влиянием связано и развитие огородничества у предков удмуртов, о чем свидетельствует набор названий для овощных культур: 'редька', 'лук', 'капуста', 'репа' (названия большинства других овощей заимствованы в удмуртский еще позднее из татарского языка, подробнее см. [Напольских, 2001]).

В области социально-политической лексики представлены слова: 'правитель / государь', 'гость', 'хозяин', 'сваха', 'враг', 'свидетель', 'раненый / инвалид', 'сосед', 'помочь', 'налог / сбор', 'деньги'. Обращает на себя внимание практическое отсутствие специальных торговых, политических и военных терминов. Довольно богата заимствованная терминология родства, в особенности – свойства: 'старшая сестра / тётка', 'сноха', 'свояк / свояченица', 'сородич', 'деверь', 'свояк / зять', 'родич по жене', 'отчим / мачеха'.

Влияние болгар в области духовной культуры и религии отслеживается в двух аспектах. С одной стороны, предками удмуртов были заимствованы термины, употребляемые в их традиционной народной религии: название весеннего праздника *Акашка*, понятия 'грех', 'обычай', 'жертвоприношение предкам', корень 'лекарство', от которого образован глагол 'лечить' и название традиционного лекаря – все эти слова имеют собственно тюркское (доисламское) происхождение. С другой стороны, среди болгаризмов в удмуртском языке имеются и исламские термины, происходящие, в конечном счете, из арабского и персидского языков – но в удмуртском они связаны не с религией, а со счетом времени. Это, прежде всего, слово 'неделя' (удм. *arña* ~ мар. *arña* 'неделя' ← булг.: чув. *erne* ← перс. *adīne* 'пятница' с типичным болгарским переходом *-d- > -r-) и калькированные названия дней недели типа удм. *vir nunal* 'среда', букв. 'день крови' – ср. чув. *jun kun* 'среда', букв. 'день крови'; со счетом времени связаны удм. (диал.) *imjir* 'век (срок жизни)' ← булг.: чув. *ĕmĕr* ←

араб. *ʿumr* 'тж' и *uſse* 'послезавтра' (см. выше). Пожалуй, единственный вклад болгарской исламской традиции в удмуртскую религиозно-мифологическую терминологию – единично встречающийся в заговорах персонаж *Ашарптна* [Верещагин, 2000, с.35–36] ← булг.: чув. *aſapatman* 'тж' ← араб. *ʿaiſa* 'Айша' + *fātima* 'Фатима' (имена жены и дочери пророка Мухаммада) [Ашмарин, I–II, с.211] – появление -r- на месте араб. -t- отражает, видимо, то же болгарское развитие звука типа *-d-¹⁵.

Таким образом, семантика болгаризмов удмуртского языка вполне укладывается в гипотезу о предполагаемом месте предков удмуртов в составе населения Волжской Булгарии как земледельческого населения, жившего достаточно автономными крестьянскими общинами, отношения которого с государством не предусматривали военной и политической активности и прозелитической деятельности мусульманского духовенства.

Булгарская эпоха оставила свой след и в удмуртской этнонимии. Речь идет о происхождении самоназвания удмуртоязычной этнографической группы – *бесермян*. Бесермяне, живущие в северных районах Удмуртии, несмотря на малочисленность и дисперсное расселение, очень четко отделяют себя от окружающих народов – удмуртов и татар; они говорят на наречии удмуртского языка, которое стоит особняком в системе удмуртских диалектов, сближаясь по разным признакам с северными, южными и в особенности – периферийно-южными диалектами [Кельмаков, 1998, с.286–304]. Традиционная материальная культура бесермян (прежде всего – традиционная одежда) указывает на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами [Белицер, 1947]. Поэтому, очевидно, не случайно в XVI–XVII вв. предков бесермян, живших по р. Чепце, называли в русских документах *чуваша* [Тепляшина, 1968]. Некоторые особенности духовной культуры бесермян могут свидетельствовать об их тесных контактах в прошлом с мусульманами или даже о былом исповедании их предками ислама [Wichmann, 1993, S.167–168].

В русских письменных источниках XIV–XV вв. слово *бесермены* / *бусурмены* обозначало мусульман. Под этим именем

неоднократно упоминается отличная от *татар*, *черемисов* (марийцев), *мордвы* группа местного населения, в особенности – некоторых городов (Булгар, Казань, Джукетау). Поскольку под *татарами* русские источники этого времени имеют в виду безусловно мусульманское население, в *бесерменах* (= ‘мусульмане’) следует, по-видимому, видеть не конфессиональную, а этническую группу, скорее всего – каких-то потомков булгар [Тихомиров, 1964, с.51–56].

Кроме русского языка, это имя известно с XIII в. в венгерском (*böszörmény*), где обозначало поселившихся в Венгрии мусульман-исмаилитов среднеазиатского происхождения. Как русское, так и венгерское слово происходят в конечном счете от персидской формы множественного числа слова ‘мусульмане’, *musulmān*. Возникновение *b-* на месте **m-* объясняется обычным тюркским чередованием *b- / m-*; переход же **l > r* несколько более необычен, но, в общем-то, нередок в тюркских языках среднеазиатского ареала: ср., например, диалектные формы типа туркм. *musurman*, уйгур., казах., кирг. *musurman* ‘мусульмане’ [ЭСРЯ, I, с.252; EWU, S.137]. Именно в Средней Азии, на территории Хорезма, помещает в XIII в. страну *бисерминов* Плано Карпини [Карпини, Рубрук, с.50–51, 74]. Проникновение среднеазиат-

ского названия мусульман в Волжскую Булгарию связано, видимо, с обстоятельствами принятия ислама булгарами. Давно замечено, что известный спор Ибн Фадлана с булгарами по поводу двойного произношения местным муэдзином *икамы* [Ибн Фадлан, 1956, с.134–136] свидетельствует о распространении в Булгарии в начале X в. среднеазиатской ханифитской обрядности [Татары, 2001, с.424–425]. По всей вероятности, термин типа **būsürmen* ‘мусульмане’, возникший из перс. *musulmān* в тюркских языках Средней Азии, в Хорезме, попал в Волжскую Булгарию с исламом как минимум в начале X в. и стал обозначать определенную часть местного мусульманского населения, возможно – придерживавшегося старых установок в обрядности, осознававшего себя как потомков «первых» мусульман в стране. Эту этноконфессиональную группу русские в XIV–XV вв. знали под именем *бесермены*. По-видимому, с этими бесерменами в каких-то особых отношениях находилась древнеудмуртская группа – предки удмуртских *бесермян*, вследствие чего они заимствовали самоназвание, определенные черты материальной и духовной культуры и стали – подобно булгарским бесерменам – отличать себя от окружающего одноязычного с ними населения.

Примечания

1. Хорошо реконструируются готские формы аккузатива множественного числа на *-ns* в названиях народов. Неясны, однако, весьма странные окончания на *-s* в названиях местностей: с точки зрения готской грамматики следовало бы ожидать форм датива на *-i* или *-n*. Возможно, однако, учитывая в особенности известную несистемность склонения заимствованных существительных в готском языке, что здесь мы имеем дело с застывшими формами локатива на **-s* прибалтийско-финско-мордовских языков; либо эти формы действительно следует переводить как генетивные, понимая примерно так: «[из] аунуковских – весь, [из] абронковских – мерю...» и т.д. Фрагмент списка после слов **Ragos stadjans* пока не поддается интерпретации.

2. Для понимания топонима *Аунукс* – ср. ф. *Aunus* (основа *Aunukse-*, локатив: *Aunuksessa*) ‘г. Олонец, Олонецкий край (юго-запад Карелии)’.

3. Данное название пока не представляется возможным связать с каким-либо исторически известным топонимом. Вероятно, речь должна идти о районах исторического проживания мери (Костромская, Ярославская, Ивановская, Владимирская области Российской Федерации), искомый топоним мог существовать в мерянском языке и исчезнуть вместе с последним.

4. Здесь перед нами первое упоминание названия *мордва* – иранского по происхождению экзотонима, никогда (насколько это можно отследить) не служившего оригинальным самоназванием народов, называющих себя *мокиа* и *эзья* (слово *мордва* используется ими как самоназвание при разговоре по-русски, но в самих мокшанском и эрзянском языке, если и используется, то является поздним русским заимствованием). При этом у Иордана (точнее – в готском тексте, который Иордан цитирует) этот этноним употреблен в виде чистой основы *mord-* (*-ens* – готское окончание Асс. Pl.), очень близкой среднеиранскому источнику (ср. перс. *mard* ‘человек’), откуда это слово попало в готский, а затем в конечном счете – и в древнерусский язык. Именно такой путь заимствования (с допущением возможных неизвестных промежуточных звеньев): иранский → (?) → готский → (?) → древнерусский следует предполагать,

в особенности – учитывая отсутствие следов этого этникона в тюркских и финно-угорских языках. Видимо, именно от готов или славян, а не от степняков это название стало известно и в Византии – ср. *Mordia* у Константина Багрянородного (сер. X в.), упоминаемая как опорное (т.е. ранее известное, вписанное не в подвижный степной контекст, а в «нормальную», традиционную географическую номенклатуру) географическое название для локализации одной из пачинакитских (печенежских) фем [Константин Багрянородный, с.37, 42]. Поскольку рассматриваемое слово исторически служило в качестве внешнего собирательного названия по крайней мере двух народов, нельзя исключать, что под *Mordens* Иордана скрывается не только собственно мордва (мокша и эрзя), но и другие этнические группы, населявшие бассейн Оки и ее притоков (район, именуемый в списке и известный позднее в русских источниках как *Мещера*) в начале нашей эры.

5. В **Ragos* (моя конъектура для готского текста вместо *Rogas* Иордана) готского текста можно видеть форму Gen. Sing. от **Raga*, которое точно отражает праморд. **Raya* > морд. Э *Rav*, *Ravo* ‘Волга’, и, таким образом, подтверждает этимологию Эрнста Леви, который выводил мордовское название Волги из иранского источника типа авест. *Rap̄hā* ‘название мифической реки’, отраженного также в (скифском?) названии Волги *Ṗā* у Птолемея (цит. по: [Joki, 1973, p.307]).

6. В русском издании ал-Гарнати приводится форма *ويسو* [ал-Гарнати, 1971, с.72]. Как было показано В.С.Чураковым [2001], издатели взяли ее не из манускрипта, а из арабского текста испанского издания ал-Гарнати. Автор же испанского издания С.Дублер оговаривает в примечании, что вместо поставленного им в тексте *вису* (*ويسو*), в манускрипте стоит *ису* (*يسو*). С.Дублер, делая такую конъектуру, следовал, видимо, принятой традиции, а невнимательное использование его публикации привело к дальнейшему закреплению этой традиции: форма *вису* приписывается ал-Гарнати практически всеми исследователями – со ссылкой на Дублера [Захедер, 1967, с.61] или со ссылкой на русское издание ал-Гарнати [Göckenjan, Zimonyi, 2001, S.261].

7. Интересно, что арабско-персидские источники сообщают о торговле с народом *Йура* через посредство сначала *Вису* / *Ису*, которая может быть вепским Белозерьем, частью новгородских земель (о проблеме идентификации см. в тексте). Затем, в XIV в., по новой, полученной в мамлюкском Египте информации (т.е., по сути, из первых рук, т.к. среди мамлюков были золотордынские кыпчаки, а возможно – и русские), со слов шейха Ала ад-дина ибн Нугмана, записанных ал-Умари [Тизенгаузен, 1884, с.240–241] – через *Джусулман* (*جولمان*), в египетском произношении – *Голман*, т.е. в данном случае, видимо, Новгород, *Hólmgarðr* скандинавских саг [Поляк, 1964, с.35–37]. (В другой теме ал-Умари, записанной со слов купца Бадреддина Хасана ар-Руми [Тизенгаузен, 1884, с.236–239] слово *Джусулман* уже обозначает скорее всего два разных центра – Новгород и какую-то страну в Западной Сибири). Только русским посредством в контактах Булгара с *Йурой* можно объяснить появление формы *يوغرة* (так, согласно конъектуре В.Тизенгаузена, у ал-Умари, XIV в. – наиболее точная форма) / *يور* / *يور* – с несомненным звуком *б* в первом слоге и потере звука типа **g* в ранних источниках: если бы это название попало в болгарский язык из пермского, следовало бы ожидать булг. **jegra* / **jögra* (← прапермское **jögra* > коми *jegra* ‘северные манси и ханты’, удм. *egra* ‘Эгра’, название удмуртского рода [Напольских, 1998]), которое было бы передано арабской графикой как **يغره* (без буквы *vav* и с ясно слышимым *g* в слове с передним вокализмом). Реконструируемое же на базе *يوغره* / *يور* булг. **jygra* (с задним вокализмом, слабым **y* и **i* во втором слоге) отражает не пермскую форму, а древнерусское *Югра* (которое, в свою очередь, уже заимствовано из прапермского **jögra*). На древнерусское происхождение сведений о народе *йура* указывает и повторяющаяся практически во всех арабо-персидских сообщениях о нем живописная тема «немой торговли»: нельзя не заметить здесь параллели с историей о «немой торговле» *Югры* с жителями гор из известного «рассказа Гюргыя Роговича» в Лаврентьевской летописи [ПВЛ, I–II, с.167].

8. Речь идет об *арских князьях* русских источников, которых трудно отделить от *арских князей* кыпчакского происхождения, имевших свою резиденцию с середины XV в. в с. Карино современного Слободского р-на Кировской области в пределах Вятской земли [Исхаков, 1998, с.31–38], в зависимости от которых чепецкие удмурты и бесермяне продолжали оставаться вплоть до второй половины XVI в. [Луппов, 1999, с.28–29].

9. Сходство вымской культуры с одновременной ей верхнекамской родановской очевидно, и обычно это объясняют их общей ананьинско-гляденовской подосновой, рассматривая вымскую культуру как вырастающую из предшествовавшей ей на той же территории ванвиздинской. Однако археологическая преемственность не может служить аргументом в решении вопросов этнической истории: такую преемственность можно при желании доказать чуть ли не для любых двух сменяющих друг друга культур. В данном случае принципиальное значение имеют несколько обстоятельств. Во-первых, вымская культура возникает не на всей территории ванвиздинской, а именно на нижней и средней Вычегде, в районах наиболее близких Верхнему Прикамью. Во-вторых, заметно более высокую долю земледелия и скотоводства в укладе носителей вымской культуры в отличие от ванвиздинцев никак не возможно объяснить простой эволюцией хозяйства местного населения: в условиях развития международной пушной торговли как на южном (Волжская Булгария), так и на западном (Новгород) направлении следовало бы ожидать, напротив, охотничьей специализации. Речь должна идти поэтому скорее о приходе на Вычегду более южного населения – носителей иного экономического уклада. В-третьих, наконец, предположение о разделении предков коми-зырян и коми-пермяков уже в середине I тыс. н.э., следующее из археологической гипотезы о носителях вымской культуры как прямых потомках ванвиздинцев, абсолютно противоречит любым возможным лингвистическим датировкам. Сказанное ни в коем случае не означает, что создатели ванвиздин-

ской культуры не были пермянами по языку: скорее всего, они говорили на диалектах пермского праязыка, не оставивших прямых потомков (*паранермских*).

10. В археологической литературе принято разделять чепецкие («поломско-чепецкая культура») и верхнекамские («родановская культура») городища, что объясняется преимущественно разным авторством и различной ведомственной и территориально-административной принадлежностью исследователей, раскапывавших эти памятники (Верхняя Кама – Пермская область, Чепца – Удмуртия, на Верхней Каме копают преимущественно сотрудники Пермского и Удмуртского университетов, на Чепце – Удмуртского института истории, языка и литературы, и т.д.). С исторической точки зрения культурная и социально-экономическая общность этих памятников, образующих единый ареал, существовавших в один ограниченный период, явно связанных с Волжской Булгарией и по всей вероятности населенных относительно единым в этноязыковом смысле пермским населением, несомненна.

11. Об «удмуртской» принадлежности населения чепецких городищ считается возможным говорить потому, что в удмуртской локальной фольклорной традиции эти городища однозначно связываются с именами *удмуртских* богатырей, о которых сохранился ряд преданий (*Иднакар – Идна, Дондыкар – Донды* и т.д.; при этом, правда – что имеет для решения вопросов этнической истории важнейшее значение – ни одно из этих имен не объясняется из удмуртского языка). Данный аргумент, однако, не является достаточным: хорошо известно, что восприятие фольклорной традицией героев иного этнического происхождения как «своих» – абсолютное и всеобщее правило, ср. хотя бы Аттилу-*Атли* в «Старшей Эдде», или Беовульфа у англо-саксов и т.д. Наилучшим аналогом удмуртской ситуации с богатырями чепецких городищ является, вероятно, восприятие греками классического и постклассического времени, в том числе и дорийцами по происхождению (критянами или спартиотами) – и даже македонцами! – героев гомеровских поэм как «своих», хотя понятно, что исторические прототипы Агамемнона, Менелая и Нестора были правителями городов ахейской Греции, говорившими на языке весьма отличном от классического древнегреческого, да и сами города эти были уничтожены нашествием дорийцев, а население их в значительной своей части превращено в илотов.

12. Название территориальной группы удмуртов, живших в бассейне Чепцы и ее притоков в XIX в. *Ватка* является заимствованием из русского языка: рус. *Ватка* (название реки и земли, затем – главного города провинции и губернии) → удм. *Vatka* (обратное заимствование, которое нередко предполагается в местной литературе, совершенно невозможно по фонетическим причинам). Таким образом, удм. *Vatka udmurtjos* ‘чепецкие удмурты-*Ватка*’ означает собственно ‘вятские удмурты, удмурты вятской земли’.

13. Эти, как и любые другие такого рода подсчеты, естественно, весьма приблизительны: среди предполагаемых в указанной работе булгаризмов имеются и явно ошибочные этимологии. Да и сам предложенный названными авторами критерий нельзя признать правомерным: отсутствие соответствия удмуртскому булгаризму в коми-зырянском языке может объясняться выпадением соответствующего слова в зырянском, заменой его на русское заимствование и т.д. Здесь важно и, несмотря на все «но», остается значимым то, что булгаризмов в коми-зырянских диалектах на порядок меньше, чем в удмуртском языке, а в коми-пермяцких диалектах – как минимум в полтора раза больше, чем в коми-зырянских.

14. Вообще особенности вокализма следует с очень большой осторожностью привлекать как критерий при определении источника и возраста заимствований. Например, аналогичное мордовскому в приведенном примере наличие в горномарийских булгаризмах а на месте *o / u* (< *a) чувашского языка (в лугово-марийском – *o*) или горномарийского ч на месте а (< *ч) чувашского языка (в лугово-марийском – *a*) не обязательно является свидетельством древности заимствований, поскольку аналогичные соответствия встречаются и в словах, имеющих монгольское происхождение, в татарских заимствованиях и даже в тюркизмах, где никогда не было звуков *a и *ä [Róna-Tas, 1982, p.770–772]. Так же обстоит дело и с *u* в тюркизмах в удмуртском языке на месте *ty*. *o и *a: такое соответствие не обязательно указывает на язык-источник чувашского типа, поскольку фонетическое развитие типа *CoCa > CuCo имело место в самом удмуртском языке и охватило даже старые русские заимствования.

15. Приводимое обычно как булгаризм слово *keremet* ‘священная роща и дух-хозяин священной рощи’ в удмуртском языке на самом деле является русским словом, которое еще в начале XX в. использовалось удмуртами при разговоре на русском языке как аналог удм. *луд* ‘священная роща и дух-хозяин священной рощи’, а в русском языке обозначало священную рощу у народов Поволжья (мари, чувашей, удмуртов) и было заимствовано из чув. или мар. *keremet* ← булг. ← араб. *kirāmat* ‘чудо, сверхъестественная сила святого’.

ГЛАВА 2

Ранние болгары на Средней Волге

Риза Багаутдинов, Фаяз Хузин

Проблема добулгарской тюркизации Среднего Поволжья, существующая в советско-российской историографии по крайней мере с 20-х гг. прошлого века, до сих пор не нашла сколько-нибудь удовлетворительного решения ввиду отсутствия достоверных источников. Большинство исследователей процесс тюркизации края начинает с болгар, проникавших в исконно финно-угорские земли неоднократно волнами на протяжении более двух столетий, начиная с конца VII в.

Как известно, болгары и другие родственные им племена до их переселения в Среднее Поволжье жили в восточноевропейских степях. Они пришли сюда, скорее всего, с востока в составе гуннских орд [Плетнева, 1997, с.31] и начали активно фигурировать в политических событиях с V в. [Гадло, 1979, с.28, 48]. Если верить словам сирийского автора Захария Ритора, у них были даже свои города [Пигулевская, 1941, с.165]. В конце VI в. болгары попали в зависимость от Западнотюркского каганата, после распада которого, в 30-х гг. VII в., на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье образовалась Великая Болгария под предводительством Кубрата. Подавляющее большинство населения этого государства было кочевым, тем не менее остатки стойбищ и даже следы оседлых поселений, принадлежавших, по мнению С.А.Плетневой, собственно болгарам, обнаруживаются археологами повсеместно [Плетнева, 1997, с.37].

Первую волну переселений болгар на Среднюю Волгу самарские археологи вполне обоснованно связывают с распадом Великой Болгарии Кубрата. В последние десятилетия на территории Самарско-Ульяновского Поволжья были открыты и изучены курганные и грунтовые могильники новинковского типа, оставленные болгарскими-переселенцами во второй половине VII – первой половине VIII в. [Багаутдинов и др., 1998, с.150–172; Матвеева,

1997, с.85–100]. Пока, правда, не все исследователи признают «новинковцев» болгарскими, но никто не сомневается в их принадлежности к тюркскому (тюркоязычному) населению [Казаков, 1999, с.65].

Судя по археологическим материалам, можно говорить о двух основных группах пришлого населения, оставившего два различных типа могильников: курганы с каменной наброской, земляные насыпи с ровиками и впускные захоронения.

А.В.Богачев на основании детального анализа ременной гарнитуры на широком фоне евразийских средневековых древностей разработал хронологическую шкалу для памятников новинковского типа и, опираясь на последние находки самарских археологов, сумел выделить хронологический горизонт Перещепина–Шиловка, укладывающийся в пределах второй половины VII в. [Багаутдинов и др., 1998, с.161; Богачев, 2000, с.29].

Опорным памятником для хронологического горизонта Перещепина–Шиловка являются Шиловские курганы. Этим же временем датируются и несколько курганов новинковского типа. Основные исследователи новинковских курганов Г.И.Матвеева и А.В.Богачев единодушны в том, что погребения с восточной ориентировкой самые древние и относятся ко второй половине VII в. Золотой солид из Шиловских курганов датируется временем не позднее первой четверти VII в. [Багаутдинов и др., 1998, с.109]. А.И.Семенов полагает, что со времени эмиссии до попадания солидов VII–VIII вв. в погребения и клады прошло не более 20 лет. Если это положение верно, то дата Шиловских курганов – середина VII в. Заманчиво связать появление памятников, подобных Шиловским курганам, с уходом болгар-кутригуров под ударами хазар на Среднюю Волгу [Баранов, 1990, с.87]. Наши наблюдения показывают, что салтовская посуда на могильниках новинковского типа встречается только в погребениях с северной ориентировкой. Таким

Скульптурная реконструкция мужчины.
Автор – Л.Т.Яблонский. Самарская область.
Курганный могильник Малая Рязань I.
Раскопки С.Э.Зубова, 1996

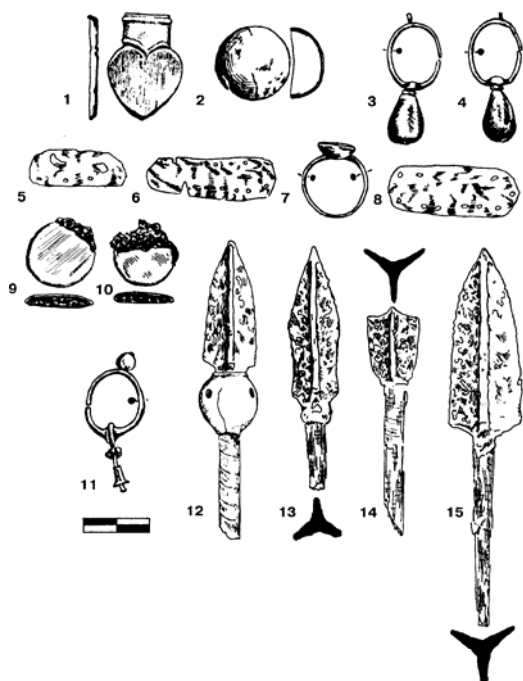
Скульптурная реконструкция женщины.
Автор – Л.Т.Яблонский. Самарская область.
Курганный могильник Малая Рязань I.
Раскопки С.Э.Зубова, 1996

образом, памятники новинковского типа укладываются в рамки второй половины VII–VIII вв.

Однако, кроме восточной и северной ориентировки погребенных, на могильниках Самарской Луки известно несколько захоронений с западной ориентировкой, которые А.В.Богачев склонен датировать рубежом VIII–IX вв. Сказанное выше не означает исчезновения новинковского населения в IX в. Продолжался процесс взаимодействия пришлого населения с выходцами из Прикамья, который документируется новыми материалами. Так, на одном из курганов II Бруснянского могильника, в насыпи раннебулгарского захоронения, стоял прикамский сосуд. В 2000 г. у с. Подгоры открыты захоронения с прикамской круглодонной посудой, датируемой по круглому несомкнутому височному кольцу IX в. Кроме того, некоторые безы Inventарные булгарские захоронения Самарской Луки с западной ориентировкой можно связать с проникновением ислама и датировать IX в. Все они находятся за пределами каменной наброски, некоторые из них даже слегка повернуты на правый бок, лицо повернуто к Мекке. Это наблюдение касается как опубликованных курганов [Багаутдинов и др., 1998, с.247, табл. XXXV], так и неопубликован-

ных (раскопки Р.С.Багаутдинова, 1998 г.). Наконец, следует отметить, что на ранне-мусульманском некрополе Муромского городка, расположенном тут же, на Самарской Луке, не у всех погребенных с западной и северо-западной ориентировкой лицо было повернуто к Мекке.

Теперь обратимся ко второй группе раннебулгарского населения, оставившей земляные насыпи с ровиками и без них. Ровики не обязательно должны быть этническим индикатором. То есть погребенные под насыпями с ровиками могли принадлежать к болгаро-хазаро-алано-угорской знати. Для нас важно то, что немалая часть тюркского населения пришла на Среднюю Волгу уже во второй половине VII в. Вторая группа раннебулгарского населения, оставившая уреньские погребения, появилась много позднее. Судя по салтовской посуде, это произошло не ранее середины VIII в., т.е. спустя около 50 лет после первой волны. То, что курганы со рвами принадлежали тюркскому, скорее всего, раннебулгарскому населению, подтверждают: 1) кости лошадей в могилах на древней поверхности и во рвах, 2) подсыпка углями в центральных могилах, 3) ямные погребения в большинстве своем, 4) салтовская посуда, сопоставимая с раннебулгарской.

Погребальный инвентарь могильников
Урень II и Старомайский I.
1 – Урень II (2/2); 2,3 – Урень II (4/2);
4 – Урень II (4/1); 5, 6 – Урень II (4/1);
7–15 – Старомайский I (1/1)

Чрезвычайно интересен вывод антрополога Н.М.Рудь, сделанный ею по результатам исследований черепов из Новинковского II могильника. Она считает, что «население, оставившее этот могильник, по комплексу краниологических и одонтологических признаков входило в круг распространения болгарских кочевых племен Поволжья и Подонья, было смешанным по своему антропологическому составу» [Рудь, 1987, с.141].

Итак, сегодняшний уровень наших знаний позволяет предполагать, что население, оставившее земляные курганы с ровиками, существовало со второй половины VII до середины VIII в. и влилось в формирующийся волжско-булгарский народ. Очевидно, что отсутствие признаков смешения с местным населением в раннебулгарских древностях маркирует факт прихода нового населения на Среднюю Волгу, а не чужеродность его.

Истоки населения, оставившего памятники новинковского типа, мы склонны видеть на востоке, точнее на Алтае, где находятся более ранние их аналоги [Багаутди-

нов и др., 1998, с.170]. В частности, на Алтае есть курганы с каменной наброской, под которыми похоронены воины головами на восток. Дата этих комплексов устанавливается в пределах VI–VII вв. [Археология СССР, 1981, с.32]. По мере продвижения на запад у древних тюрков появляются (в Средней Азии) подбойные захоронения, а под влиянием самодийцев – трупосожжения [Археология СССР, 1981, с.33]. Все эти особенности погребального обряда наблюдаются и на Средней Волге.

Недавно открытые на Средней Волге земляные насыпи с ровиками породили немало вопросов. Долгий поиск хазарских древностей и массовое появление курганов с ровиками на территории Нижнего Дона, Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья [Иванов и др., 2000, с.81] навел некоторых авторов на мысль о возможной хазарской принадлежности курганов с ровиками [Семенов, 1978, 1991; Казаков, 1999 и др.]. Однако нельзя однозначно подходить к этому вопросу. То, что в центре земляных насыпей с ровиками хоронились отнюдь не рядовые общинники, – понятно каждому (наличие рва предполагает более высокий социальный статус погребенного). Но непонятно, почему они должны быть только хазарами? Ведь знать Хазарского каганата, да и Великой Болгарии, была полиэтнична. Прямоугольные площадки, окруженные рвами или валами, или камнями, служили в качестве поминально-погребальных храмов различным тюркским племенам. В таком случае внутри таких площадок могли располагаться воинские захоронения не только хазар.

Проблемными остаются вопросы происхождения той или иной группы раннебулгарского населения. Кажется, кроме южных районов Восточной Европы существовала какая-то связь с азиатским скотоводческим населением, в частности, с алтайскими племенами. Помимо сходства погребального обряда и многих категорий вещей, на такое предположение наталкивают и данные антропологии ранних булгар. Несмотря на то, что в целом в VII–IX вв. это было европеоидное население с сильно сглаженными монголоидными признаками [Акимова, 1964], среди новинковских черепов встречаются отдельные экземпляры с монголоидной примесью, которая более всего проявилась в женской серии [Газимзянов, 1995].

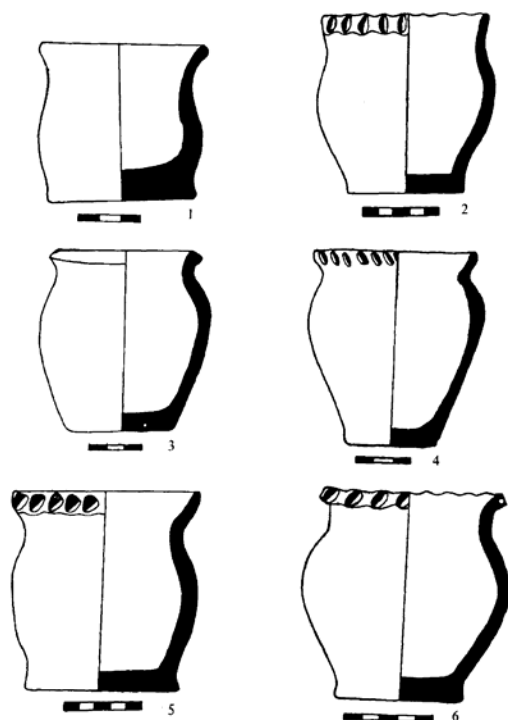
Очевидно, права Г.И.Матвеева в том, что новинковские племена переселились в Среднее Поволжье одновременно с переселением болгарской орды под предводительством Аспаруха на Дунай [Матвеева, 1997, 42]. Схожее мнение высказывалось и С.А.Плетневой [1997, с.42].

Вторая миграционная волна болгар из районов Подонья в Среднее Поволжье началась в середине VIII в.

Как известно, большая часть болгар после распада Великой Болгарии оказалась в составе Хазарского каганата, археологически представленного салтово-маяцкой культурой. По утверждению С.А.Плетневой, сами хазары оставались традиционно кочевниками до самой гибели государства, но другие этнические группы, в том числе и болгары, аланы, савиры, входившие в каганат, были полуоседлыми и оседлыми [Плетнева, 1982, с.99]. В VIII–IX вв. у них были города и крепости, обитали они не в переносных юртах, а в полуземлянках и стационарных юртообразных жилищах [Флеров, 1996], занимались земледелием и виноградарством, различными видами ремесла, а также торговлей, в том числе и международной [Новосельцев, 1990]. Как подчеркивает С.А.Плетнева, «общая оседлость населения каганата и в основном земледельческий характер его экономики» являются уже доказанными [Плетнева, 2000, с.207].

После крупного поражения Хазарского каганата от арабов в 737 г. значительная часть болгар ушла в Среднее Поволжье [Халиков, 1989, с.74]. Их памятники, датированные серединой VIII – первой половиной IX в., представлены Большештарханским I и II, Кайбельским, Уреньским и некоторыми другими могильниками, расположенными в Республике Татарстан, в Ульяновской и Самарской областях [Казаков, 1992].

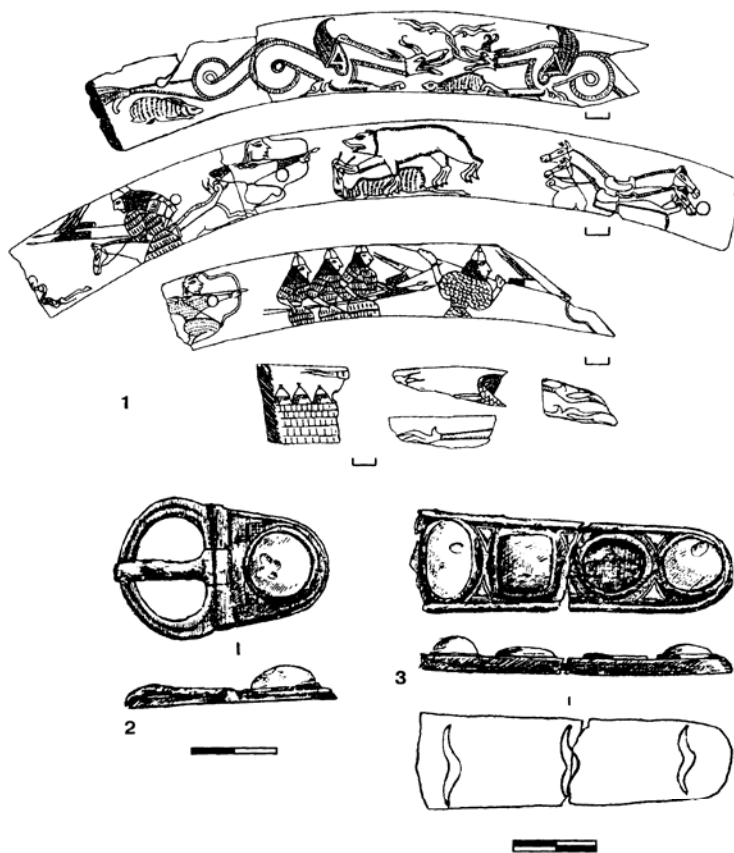
Погребальный обряд населения характеризуется следующими чертами: умерших хоронили в глубоких (70–160 см) подпрямоугольных ямах с отвесными стенками, иногда с заплечиками и подбоям. Костяки лежат вытянуто на спине головой на запад, нередко с небольшими сезонными отклонениями на север или юг. Прослежены следы культа огня в виде угольков или кусочков обожженного дерева в земляной засыпи могильных ям. Характерной деталью обряда является сопровождение умерших мясом домашних животных – кости лошади, овцы коровы встречены во многих мо-

Глиняная посуда из Шиловского курганного могильника, курган 1, погребение 2

гилах. Представляют интерес немногочисленные комплексы из черепов и костей ног лошади, положенные обычно у ног погребенных. Вместе с костями лошади находятся детали конской сбруи: удила, стремяна, подпружные пряжки. Данный элемент погребальной обрядности является совершенно чуждым для собственно болгар, полагают, что он заимствован ими у соседних угорских племен.

Вещевой инвентарь из могил сравнительно немногочисленен, но довольно выразителен и разнообразен. Железные ножи, предметы огнива (кресала, кремни, трубицы для трута) и оружие (наконечники стрел, копья, сабли, боевые топоры, детали колчанов) – характерные находки мужских погребений. Глиняные напрясла, лежащие обычно слева от ступней ног или же у кистей рук, железные иглы с остатками деревянных футляров, украшения и принадлежности костюма (бусы от ожерелий, серьги, нагрудные и поясные подвески, накладки на ремни, перстни и браслеты) сопровождают, как правило, женские захоронения. Из некоторых погребений происходят амулеты из зубов хищников, астрагалов барана и рыбьих позвонков.

Костяные накладки и детали поясного ремня. Шиловский курганный могильник, курган 1, погребение 2

Глиняная посуда встречалась во многих погребениях. Наиболее характерными формами круговых сосудов являются широкодонные с приземистым туловом кувшины, кубышки и кружки черного и темно-серого цвета, изготовленные из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка с добавлением растительности, выгоревшей при обжиге. Поверхность большинства сосудов покрыта лощением. Среди лепной керамики имеются плоскодонные горшки и небольшая группа круглодонных чаш, являющихся, однако, изделиями пришлого с северо-востока верхнекамско-приуральского населения.

Погребальный обряд и вещевой инвентарь могильников большетарханского типа находят ближайšie аналогии среди салтово-маяцких древностей Юго-Восточной Европы. Сложившаяся в восточноевропейских степях салтово-маяцкая археологическая культура оставлена населением Хазарского каганата – болгарами, аланами,

савирами и другими тюркоязычными племенами [Плетнева, 1967, с.188]. Собственно болгарам принадлежат многочисленные памятники, расположенные в Подонье и Приазовье, на Северном Кавказе и в Крыму, на Днестре и Дунае. Средневожский вариант салтово-маяцкой культуры, ранние памятники которого представлены могильниками большетарханского типа, в этническом отношении также связаны с болгарами, испытавшими уже определенное культурное воздействие со стороны прикамско-приуральского (угорско-финского) населения.

В рассматриваемое время на Средней Волге и Нижней Каме кочевали племена, отличные по этносу от тюркоязычных болгар. Им принадлежит, в частности, Большеитганский могильник, оставленный ранними венграми на пути движения в Паннонию [Chalikova, Chalikov, 1981; Fodor, 1982].

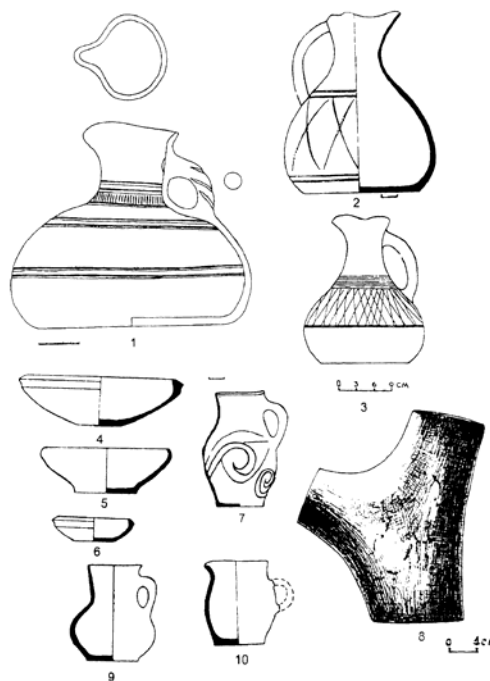
Погребения этого могильника совершенны в прямоугольных могильных ямах глубиной 50–95 см и ориентированы преимущественно головой на запад. Под костями зафиксированы остатки гробовищ, кусочки войлока, грубой ткани, бересты. Культ огня прослежен в виде вкраплений угля и золы в засыпи ям.

Многие захоронения сопровождались комплексами из черепа, костей ног и хвостовой части скелета лошади. Кстати, захоронения с костями коня в вышеописанном Большетарханском могильнике рассматриваются исследователями как результат взаимодействия ранних булгар с большетиганским населением. Однако самой примечательной особенностью погребального ритуала большетиганцев является применение лицевых покрытий из ткани или кожи с пришитыми на них серебряными накладками на месте глаз. Этот элемент обряда, безусловно, связан с угорским миром и находит ближайшие параллели в древневенгерских памятниках Дуная [Казаков, 1968].

Богатство и своеобразие большетиганских захоронений хорошо проявляется в вещевом инвентаре. В мужских погребениях частыми находками являются сабли в богато украшенных ножах, наконечники стрел, детали лука и колчана, предметы огнива и конского снаряжения. Женские погребения содержали богатые украшения, расположенные так, как они носились при жизни: остатки головного убора, украшенные серебряными накладками, ожерелья из бус, бисера и металлических привесок, серьги, браслеты и перстни, поясные наборы с серебряными накладками, пряжками и наконечниками ремней.

Весьма специфична глиняная посуда небольших размеров, которую обычно ставили у изголовья погребенных. Сосуды, в основном горшковидные с цилиндрической горловиной и округлым дном, изготовлены вручную из глины с примесью песка или органики. Они украшены изящным и довольно сложным по композиции орнаментом из тонких резных линий, косо поставленных оттисков мелкогребенчатого штампа, коротких нарезок по шейке и верхней половине тулова. Такая керамика широко распространена в памятниках кушнаренковской культуры Южного Урала.

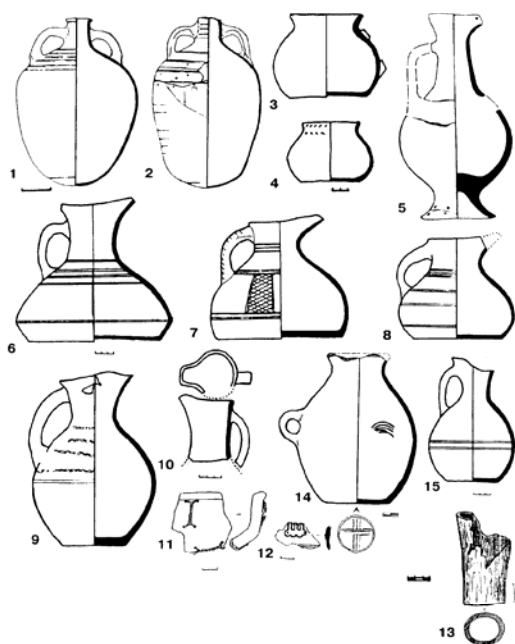
Это население тесно контактировало с булгарами и входило вместе с ними в одно этнокультурное объединение, в недрах ко-

Лепные сосуды из погребения и насыпи Рождественского III (1, 4, 6) и Новинковского II (2, 3, 5) курганных могильников

торого происходило формирование волжско-булгарской народности.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла во второй половине IX в. Она связана с принятием в Хазарии иудейской религии, вызвавшим у болгарского населения бурю возмущений. В каганате начались смуты, которые и явились толчком к новым переселениям [Плетнева, 1997, с.45–46]. Эталонными памятниками болгар этого времени являются Танкеевский, Тетюшский, Кокрятьский, Старомайнский и другие могильники, некоторые из которых функционировали и в X в. Первый из них принадлежит к числу крупнейших раннесредневековых некрополей Восточной Европы. Погребальный обряд и богатый вещевой инвентарь танкеевского населения во многом близки большетарханским и большетиганским, но в ряде случаев имеют и существенные отличия от них. Одной из таких особенностей, совершенно не характерных для собственно булгар, являются поминальные комплексы – остатки ритуальных жертвоприношений, встреченные вне погребений в верхних слоях засыпи могил или в межмогильном пространстве. Они представляют собой, как правило, скопле-

Глиняная посуда. Шиловский курганный
могильник. 1–5, 10–12 – курган 2,
погребение 2;
6–9 – курган 1, погребение 2

ние костей животных, в основном черепов и костей ног лошади в сопровождении лепных круглодонных и плоскодонных горшковидных сосудов. Как и в Большететинском могильнике, на лицах покойников обнаружены маски-личины из тонкого листового серебра с прорезями для глаз и рта, которые нашивались на шелковую подкладку.

Инвентарь Танкеевского могильника также имеет свою специфику, которая проявляется, главным образом, в керамике, отличной от салтово-маяцкой (болгарской). Правда, салтовские лощеные кувшины и кубышки встречаются здесь нередко, однако, большинство сосудов все же характерно для памятников поломской, ломоватовской и раннеродановской культур Верхней Камы, Чепцы и, несомненно, является результатом проникновения в Волго-Камье угро-финского, сильно тюркизированного населения из указанных районов. Эта керамика представлена широкогорлыми округлодонными лепными сосудами горшковидных и чашевидных форм, украшенными веревочкой, гребенчатой решетчато-шнуровой орнаментацией по горлу и плечу, нарезкой и вдавлениями по краю венчика. Следует отметить также наличие предме-

тов (прежде всего, опять же керамики), связанных с кушнареновским населением, памятники которого, как отмечалось, занимали в то время огромные пространства лесостепного региона Волго-Уралья. По мнению исследователей, левобережье Волги, где находится Танкеевский могильник, представляет собой западную периферию кушнареновской (древневенгерской) общности, куда эта группа населения проникла после ухода именковцев в конце VII столетия.

Таким образом, в материалах могильников танкеевского типа мы видим отражение тех сложных этногенетических процессов, которые происходили на землях складывающегося государства ранних булгар IX в. и привели, в конечном счете, к формированию волжско-булгарской народности.

Последнее, *четвертое переселение* болгар и прикамско-приуральского населения на Среднюю Волгу состоялось в конце IX – начале X в., т.е. в переходное от раннебулгарского периода к домонгольскому времени. Причиной миграции болгар явилось мощное наступление на Хазарский каганат новых кочевников, прежде всего печенегов, пришедших с востока. По этому поводу С.А.Плетнева пишет: «Большинство укрепленных степных поселений и даже некоторые города погибли, были разгромлены и сожжены в начале X в. печенегами... Снова поднялось и большими группами стало отходить из степей Донского бассейна заселявшее их население в начале X в. Шли уже по проторенным дорогам: на Дунай, в лесостепи, в лесные славянские земли (в верховья Дона) и в Волго-Камье. Все это подтверждается прежде всего археологически. В Подунавье появились новые болгарские поселения, относящиеся к X в. и аналогичные донским и крымским того же времени... Наконец, в сложившемся к этому времени государстве болгар на Волге также, по данным археологов, хорошо прослеживается болгарская волна эмиграции X в. Таким образом, это была четвертая и последняя волна болгарских и родственных им этносов на территории Восточной Европы» [Плетнева, 1997, с.48–49].

Последняя волна переселений еще более усилила удельный вес болгар среди разноэтничного населения формирующегося государства, способствовала росту их

политического и культурного влияния на финно-угорскую часть населения края. Именно с этими новыми переселенцами, главным образом, с болгарами, мигрировавшими сюда под натиском печенегов, археологи связывают появление первых постоянных поселений в Волжской Булгарии. Неизменным элементом материальной культуры ранних селищ и городищ, возникших в начале X в., является керамика двух этнокультурных групп. Одна из них – плоскодонные горшки шамотного и песочного теста с волнистым орнаментом и рифлением по тулову, насечками по краю венчика – присуща степному и лесостепному вариантам салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья, другая – округлодонные с подцилиндрической горловиной сосуды раковинного теста, украшенные веревочно-гребенчатым орнаментом, – характерна для угорского, в значительной степени тюркизированного населения Верхнего Прикамья, Среднего Зауралья и Северного Башкортостана. Эти материалы еще раз свидетельствуют о формировании и развитии волжско-булгарской народности в процессе этнической интеграции, постоянно расширяющихся контактов и взаимовлияний, происходивших в обширном Волго-Камском регионе начиная со второй половины VII в.

В связи с вновь появившимися новыми материалами представляется необходимым вкратце затронуть вопрос о религиозной принадлежности ранних болгар. До принятия ислама самой распространенной религией у них, очевидно, было тенгрианство. Но с расселением праболгар в Европе, в том числе на Кавказе, они неизбежно подверглись культурному влиянию Византии. Псевдо-Захарий Ритор писал в 555 г. о народах, живших к северу от Дербента, что у них «лет 20 тому назад или больше вышло писание на их языке» [Пигулевская, 1941, с.84]. К северу от Дербента жили болгары-барсилы. Христиане-миссионеры строили церкви, очевидно, имели свою паству среди «гуннов». По-видимому, Псевдо-Захарий Ритор имел в виду епископа Кардоста, который проповедовал на Кавказе семь лет и даже выпустил писание на «гуннском» языке [Пигулевская, 1941, с.86]. В одной из дагестанских катакомб (Чир-Юрт) на стене был выбит крест. Здесь же расчищены остатки двух небольших христианских храмов, в курганах найдены

кресты, один золотой и керамические [Магомедов, 1983, с.165, рис.66]. Христианство распространилось, очевидно, и у болгарской знати. В «кладе» из Малой Перещепины, кроме двух золотых перстней с надписями «Кубрата патрикия» и «Бат Органы патрикия», был дискос – сосуд для богослужений. Сначала золотые кресты на этом сосуде были содраны, но затем приспособлены по назначению, «для чего на него напаяли кресты в варварской мастерской» [Лурье, 1996, с.37].

Шиловские курганы относятся к одному культурно-хронологическому горизонту с Перещепинским комплексом. В этой связи интересно, что и в Шиловке мы видим символы христианства – кресты на монетах и крест на вставке из горного хрусталя. Таким образом, можно предполагать, что часть раннеболгарской знати, в том числе и та, что пришла на Среднюю Волгу, по крайней мере, была знакома с христианством.

И с исламом ранние болгары были знакомы не понаслышке. С начала VIII в. арабы периодически вторгались в Хазарию, вынуждая население сдвигаться к северу. Поход Мервана 737 г. и последующая капитуляция вынудила кагана принять мусульманского проповедника [Гумилев, 1993, с.61]. По крайней мере, с начала VIII в. ислам проникает в Хазарию. Тесные торговые и культурные связи у Волжской Булгарии еще с раннебулгарского времени сохранялись с мусульманской Средней Азией, что отметил и Ибн Русте, говоря, что у болгар были мечети и медресе еще до прибытия багдадского посольства. Очевидно, что среднеазиатская форма ислама уже настолько укоренилась у волжских болгар, что после принятия шафиитского, багдадского учения, характеризующегося одной икамой, болгары тут же вернулись к первоначальной форме. Для нас в этом эпизоде важно, что ислам пустил глубокие корни в Среднем Поволжье уже к началу X в. Очевидно, материальным воплощением этого влияния стали находки скелетов, ориентированных головой на запад или северо-запад в «канонической» мусульманской позе. Среди погребений Танкеевского, Тетюшского могильников раннебулгарского времени можно выделить много мусульманских [Казаков, 1992, с.89, 103]. На наш взгляд, есть ранние мусульманские и среди новинковских погребений.

ГЛАВА 3

Булгарское государство: образование, территория и население

1. Образование Булгарского государства

Искандер Измайлов

Говоря о начальном этапе становления Булгарского государства, необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: болгары, пришедшие в Среднее Поволжье, спасаясь от вторжения хазар, имели длительные традиции государственности, восходящие еще к дотюркским временам, и то, что этнокультурная и этнополитическая обстановка во второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье была довольно сложной. Эти обстоятельства не только сыграли важную роль в возвышении болгар, но и стали ключевыми факторами в формировании нового государства на берегах Волги.

Булгарские племена, возглавлявшиеся, возможно, котрагами, обитавшими по правобережью Дона, переселившись в Среднее Поволжье в конце VII в., оказались в окружении этнически близкого тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее [Генинг, 1989, с.13].

Археологическими свидетельствами переселения болгар в Волго-Камье являются Бураковское погребение, погребения Шиловского, Бруснянского и Новинковского могильников, имеющих аналогии в памятниках Северного Причерноморья (Малая Перещепина) и Болгарии (Мадара) [Багаутдинов и др., 1998, с.150–164]. Особенно выразительно Бураковское погребение, которое имеет все черты сходства с погребением самого Кубрата или кого-то из его ближайших наследников: в обоих случаях это одиночное захоронение, совершенное, очевидно, по обряду кремации покойного, в могилу которого был положен богатый погребальный инвентарь: оружие (мечи и кинжалы), конское снаряжение (стремена, уздечка с драгоценными накладками), парадный пояс с золотой гарнитурой и другие украшения. Все это заставляет думать, что мы имеем дело с однопорядковыми явлениями и, следовательно, вожди болгар, пришедших на Волгу, имели достаточно высокий социальный статус, возможно,

даже являлись потомками Кубрата. Однако в Среднем Поволжье им не сразу удалось занять главенствующее положение.

Первоначально болгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, вытеснив или подчинив себе балто-славянские (?) племена (именьковская культура). В Восточном Закамье и Западном Приуралье распространяются угорские племена (носители кушнаренокво-ско-караякуповской культуры) [Генинг, Халиков, 1964, с.129 и сл.; Халиков, 1989, с.71–87]. В степном Заволжье и Южном Урале исследователи локализуют легендарную прародину венгров – «Магна Хунгария» [Халикова, 1975; 1976; Kristo, 1996, р.31–41, 85–95; Иванов, 1999]. Эта общность не представляла собой этнополитического единства, а была конгломератом родовых и племенных объединений.

Территория Среднего Поволжья была освоена огурскими племенами еще ранее. По данным сочинений арабо-персидских авторов, среди них отмечаются группы берсула (барсил), эсегел, а также более мелких родовых групп – сувар (савир), баранджар, т.е. население будущей Волжской Булгарии, кроме болгар, включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/чигили) компоненты [Golden, 1980, р.86–89]. Иными словами, на начальном этапе формирования Булгарского государства собственно болгары, переселившиеся в Среднее Поволжье, столкнулись с группами огуру-тюркских племенных групп, с которыми начали противоборство за гегемонию. В результате различных военно-политических коллизий во второй половине IX в. здесь складывается три сильных этнополитических объединения – болгары, эсегел и берсула. Именно между ними разгорелась борьба за гегемонию.

К началу X в. болгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Средне-

го Поволжья. Не исключено, что в этой борьбе булгарам оказали поддержку хазары, которым легче было опереться на родственных булгар, чтобы подчинить своей власти Поволжье. Как бы то ни было, но в начале X в., когда письменные источники начинают фиксировать обстановку в Среднем Поволжье, булгары уже являются главенствующим родом и центром объединения всего населения региона. Нам не известно имя правителя, при котором произошло это объединение, но уже при отце Алмыша Шилки это было свершившимся фактом. Правитель этого нового Булгарского эля, объединявшего под властью булгар все другие народы Среднего Поволжья, носил титул «эльтебер», что указывает его зависимость от хазарского кагана [Смирнова, 1981, с.248–251]. О характере этого этнополитического объединения можно только догадываться, но явно, что структурно и типологически оно было близко к тюркским государствам Восточной Европы. Иными словами, булгары, как родовая группа или клан, стали господствующим племенем и формировали военно-служилую элиту общества. Представители других этноплеменных групп с момента вхождения в Булгарский эль становились зависимым населением. Даже прежняя племенная аристократия стояла рангом ниже булгарской знати и включиться в элиту могла, очевидно, только породнившись с булгарами. Видимо, именно с этого момента принадлежность к клану булгар стала означать более высокий социальный статус.

К началу X в. Булгарское государство переживает период бурного роста и укрепления своей экономической и военно-политической мощи. Этому способствовали и внешние факторы. Одним из них стало возникновение и функционирование Великого Волжского пути.

Среднее Поволжье долгие века располагалось в стороне от бурно развивавшихся цивилизаций Азии и Европы. Тягучая размеренная жизнь его населения лишь периодически прерывалась переселениями новых племен и разнообразилась торговыми контактами с более развитыми южными народами, доносившими до них отголоски иных культур. Однако в конце IX в. традиционная история Поволжья как периферии цивилизации была сломана и создалась совершенно новая политическая и культурно-историческая ситуация. Возникло государство, образовалась целая сеть городских

поселений, стали регулярными торговые связи со странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией. Иными словами, Среднее Поволжье стало неотъемлемой частью культурной ойкумены.

Толчком, катализатором этих социальных изменений в булгарском обществе стали военные и торговые походы викингов. Имя викингов ассоциируется прежде всего с дружинами отважных воинов, бороздивших на своих судах моря и реки, совершая дерзкие набеги на европейские земли. Но «эпоха викингов» в Северной и Восточной Европе не сводится только к истории войн и набегов. Нельзя не заметить, что именно этот период истории у многих народов наполнен бурными процессами сложения средневекового общества: возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи. Никогда еще мир не был связан так крепко торговыми путями как в IX–X вв., когда в регулярный товарообмен были втянуты практически все народы от Англии на западе до Китая на востоке и от Прикамья на севере до Индии на юге. Достаточно вспомнить о многочисленных кладах этого времени, включающих сотни и тысячи монет, как пунктиром очерчивающих торговые пути. Особенно тесно были связаны между собой страны Северной и Восточной Европы, которые, сохраняя присущие им традиции, впитывали новые элементы культуры. Именно тогда сходные вещи, украшения, орнаментальные мотивы и композиции, особенно оформляющие военный быт и определяющие социальный престиж владельца, распространяются от берегов Скандинавии до Булгарии. Не всегда все новшества этого периода можно связать прямо с присутствием скандинавов-викингов, но роль их в распространении новых элементов культуры и в налаживании регулярного обмена между разными частями Европы, особенно на начальных этапах, очень велика.

Для Волжской Булгарии, как и для других регионов Северной и Восточной Европы, «эпоха викингов» была временем возникновения государства, сложения нового этноса и бурного развития городов. Именно на фоне слома старых родоплеменных отношений и созидания нового социального организма происходили булгаро-скандинавские контакты. Долгое время влияние Балтийско-Волжской магистрали на историю рассматривалось исключительно

в торгово-хозяйственном плане или как поле этнокультурных контактов. Только сравнительно недавно, благодаря трудам А.Н.Кирпичникова, Г.С.Лебедева, В.А.Булкина, В.Н.Петрухина и др., было обращено внимание на колоссальное значение, которое она имела для становления государств и формирования новых этнополитических общностей.

Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Балтийско-Волжская магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т.п. Путь обрастал сложной инфраструктурой: системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло [Кирпичников, 2001, с.12 и сл.]. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени втянутой в функционирование торгового пути, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своей деятельности, т.е. играл консолидирующую роль.

В этой зоне протекание большинства экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или стимулировалось ею. Участие в ней и тем более возможность установить контроль над отдельными участками пути привлекали верхушку местного общества возможностями быстрого обогащения. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и нобилитета, приводя к иерархизации знати, с другой – вызывало перемещение знати

к ключевым пунктам пути и ее сосредоточение в уже возникших или вновь основываемых поселениях, которые тем самым приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. В зонах торговых путей создавались предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных, подчас населенных тем же этносом землях, не имевших связей с торговой магистралью.

Важным свидетельством формирования и территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива, а также в важнейших центрах пути (в Ладоге, Тимереве) или поблизости от них. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники.

Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью, а их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью и их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра – по Дону. Единственным исключением составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Старое Альметьево («Элмед») близ Биляра, в котором присутствуют две монеты с граффити. Одна из них идентична скандинавской благожелательной руне *s* (т.е. «солнце»). Иными словами, этот клад прежде чем попасть в землю, побывал в руках скандинава и был закопан с особой сакральной целью.

В топографии кладов IX в. выделяется еще одно, хотя и значительно меньшее по числу, но достаточно представительное их скопление к востоку от Ярославского Поволжья. Оно состоит из четырех кладов, три из которых найдены на территории Вятской губернии и один – в Удмуртии на границе с Кировской областью. По младшей монете все клады датируются первой половиной – серединой IX в. Эта цепочка кладов пересекает течение Вятки и достигает верховьев Вятки и Камы. Три клада отмечены в этом регионе и X в. Вряд ли их скопление, компактное по хронологии кладов, можно считать случайным. Очевидно, верховья Вятки и Камы представляли особый регион, который, хотя и находился в стороне от основных магистралей, но чем-то специально привлекал торговцев, в IX в. по преимуществу скан-

динавов, действовавших на Балтийско-Волжском пути. Разумеется, это не значит, что в Среднем Поволжье не существовало денежного обращения. Наоборот, именно его интенсивность обусловила то, что монеты в этом регионе редко закапывались. Историки уже давно отметили, что большинство северных кладов не были «банками», откуда скандинав мог черпать наличные деньги для своих нужд, а являлись жертвоприношением богам, «закладом», способным сохранить удачу и успех в походах.

Выявление археологических находок, связанных с торгово-дружинным слоем *русов* дает возможность оценить реальный вклад викингов в процесс сложения средневекового Булгарского государства, его институтов и культуры.

Благодаря археологическим раскопкам А.И.Стоянова, П.А.Пономарева и П.Н.Лихачева в 1870, 1882 и 1893 гг., удалось выявить и исследовать курганный могильник близ с. Балымеры с остатками кремации умерших, сопровождаемых набором вещей североευропейского и местного облика. Археологические и исторические аналогии и сопоставления позволили сделать вывод, что этот могильник оставлен русами – смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев, среди которого ведущую роль играли викинги-шведы [Измайлов, 1999].

Долгое время контакты со скандинавами рассматривались сквозь призму изучения этого могильника, тогда как целый ряд проблем: отсутствие скандинавских вещей в могильниках болгар VIII–X вв., роль русов в становлении ранних городов и государства, формировании военно-дружинной культуры и т.д. оставался нераскрытым.

В настоящее время удалось собрать значительный материал о болгарской военной культуре, сопоставить ее развитие с процессом становления городов и государства у болгар, а также выявить роль контактов болгар с Северной Европой как социально маркирующий эти процессы признак. Весь комплекс этих находок связан с военно-дружинным бытом. Среди этого набора выделяются каролингские мечи, которые как редкое и дорогое оружие использовались, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Новые виды вооружения, не известные у болгар в VIII–IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы. Кроме того, выделяется ряд нахо-

док, связанных со скандинавским костюмом (равноплечие фибулы, кольцевидные фибулы с длинными иглами и др.). Эти предметы, как часть сакрализованного комплекса личных вещей и оберегов женского костюма, не могли служить предметом торговли и, несомненно, связаны с присутствием в Среднем Поволжье женщин скандинавского происхождения.

Картографирование этих находок демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров Булгарии: Булгара, Биляра, Балымера, городищ у сс. Старая Майна, Старые Нохраты и др. Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности.

Таким образом, в жизни севера Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов.

В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные институты. Наконец, благодаря ей консолидируются обширные территории, на которых в середине IX в. возникают первые раннегосударственные образования. Во главе одного из них с центром в Ладоге становится скандинав Хререк (Рюрик), предводитель отряда викингов. В Среднем Поволжье возникает держава под предводительством эльтебера клана болгар Шилки, а позднее его сына Алмышы.

...В IX в. процветанию Хазарского каганата внезапно пришел конец. Принятие иудаизма и последовавшие за этим междоусобные войны и мятежи привели к дестабилизации обстановки. Бывшая столица Великой Болгарии – Фанагория, как и большинство других оседлых поселений в Приазовье, погибает под ударами врагов в конце IX – начале X в. Это яркий показатель кризиса и начала распада Хазарии. Самым страшным ударом, который фактически разрушил единство Хазарии, стало наступление печенегов. В 898 г. покинули земли Ателькузу в Приднепровье венгры, уйдя в Паннонию, а вслед за ними в степи Восточной Европы хлынули отряды печенегов. В 915 г. они впервые оказались у границ Руси заключили мир с князем

Игорем [ПСРЛ, II, с.32] и фактически стали господствовать в Северном Причерноморье. В конце IX – начале X в., судя по данным археологии, прекращают существование все крупнейшие городища и основные поселения в Подонье – Салтовское, Маяцкое, Семикаракорское, Право- и Левобережноцимлянские, а также могильники – Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий, Сухогомольшанский и др. [Плетнева, 1967; 1989; 2000; Афанасьев, 1993].

Очевидно, что часть этого оседлого населения погибла в огне набегов, часть вынуждена была в условиях политической нестабильности перейти к кочевому образу жизни, фактически сливаясь с печенегами, а затем и кыпчаками. Однако значительная часть переселилась в более северные регионы, в первую очередь, в Волжскую Булгарию. По сведениям археологов, изучавших салтово-маяцкие памятники, уже с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется поток беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. Придя на новую родину, они продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства. Не удивительно, что среди находок в болгарских могильниках (Большетарханский VIII–IX вв. и Танкеевский IX–X вв.) от трети до половины посуды составляют круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. На ряде памятников VIII–X вв. (Новинковский, Большетарханский, Танкеевский могильники) обнаружены земледельческие орудия – наральники, серпы, косы, мотыжки и др., которые свидетельствуют о занятиях населения. Эти материалы заставляют считать, что предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население, оставившее памятники имениковской культуры, было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства.

Именно это население стало в конце IX – начале X в. основой оседлого населения протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути. Археологически эти памятники чрезвычайно сложно выявить, ввиду того, что ранние слои или еще не выявлены (поскольку занимали довольно небольшую площадь), либо уничтожены более поздними постройками. Однако в Булгаре близ Иерусалимского оврага обнаружены остатки раннего поселе-

ния, датируемого монетами конца IX – начала X в. Ранние слои, хотя и не такие выразительные, обнаружены также при раскопках Билярского городища и ряда сельских поселений в Нижнем Прикамье (см. более подробно: [Хузин, 2001, с.52 и сл.]).

Фиксируемые письменными источниками сведения об оседлом населении указывают на их южное (предкавказское) происхождение. Так, Ибн Фадлан отметил, что встретил в Булгарии группу «домочадцев» – баранджар, живших оседло и имеющих деревянную мечеть. Их наименование – явное указание на место их родины – первую столицу Хазарии г. Беленджер (Баранджар).

Таким образом, можно сказать, что экономическим фоном становления Булгарского государства стало функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению болгарской клановой аристократии, а также массовому притоку родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление Булгарского государства, формировалась его правящая структура и слой военно-служилой знати.

Дружиной в современной историографии достаточно однозначно считается организация воинов-профессионалов, подчиненных военному вождю (король, князь), существовавшая у большинства народов в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому. От военных отрядов, собиравшихся свободными членами племени на случай военных действий, дружину отличает ее постоянный характер и относительная независимость от потестарно-политических структур. В период складывания раннесредневекового государства дружина постепенно становится формой организации служилой части господствующего класса, особым социальным слоем знати, отличающимся от родоплеменной верхушки. Военно-служилая знать, объединенная в княжеской дружине, играет важнейшую роль в процессе становления феодального общества, являясь его военно-политической основой и обуславливая тем самым военно-служилый характер власти.

Говоря о дружине, необходимо остановиться на вопросе о времени ее появления у волжских булгар. Многие исследователи пришли к выводу, что к концу IX в. у булгар была развитая дружинная организация,

и стало складываться государство. Не подвергая этот тезис сомнению, необходимо сказать, что если уже в IX–X вв. у болгар возникает раннесредневековое общество, то начало сложения дружинной организации уходит корнями, вероятно, в VII–VIII вв.

В связи с необходимостью выяснить конкретные ступени и формы перехода от племенной дружины к средневековому военно-служилому сословию, следует особое внимание уделить вооружению и его распределению у болгарского населения Среднего Поволжья. Всего в раннебулгарских могильниках VIII–X вв. вскрыто до 1600 погребений, из них более чем в 100 найдены предметы вооружения. Их анализ показывает, что большинство воинов было всадниками и почти все они имели метательное вооружение. Более определенно группы погребенных разделяются по набору оружия ближнего боя. Первая группа имела комплекс вооружения, который состоял из сабель или копий, метательного оружия и конского снаряжения (в Больше-тарханском и Танкеевском могильниках процент таких погребений составляет от 6 до 10%). Вторая группа – с боевыми топорами или иногда с кистенями и с метательным оружием, а также с конским снаряжением. Третья, самая многочисленная, группа – (в разных могильниках от 50 до 90%) имела на вооружении метательное оружие, а иногда и конское снаряжение.

Вообще для памятников салтовского типа (как и для ранних болгар) характерен небольшой набор погребального оружия, поэтому очевидна связь каждого предмета вооружения с социальным рангом умершего. Сакрализация определенного вида оружия в качестве показателя статуса воина в дружинной организации показывает, с одной стороны, древность расслоения войска (т.к. оно успело закрепиться в погребальном культе), а с другой – далеко зашедший процесс выделения профессиональных воинов в особый воинский контингент. Разумеется, для разных племен VIII–X вв. он был неравномерен, но, несмотря на некоторые различия, в целом определенно указывает на существование у раннебулгарских племен конных дружин, отличавшихся от остальной части войска вооружением, и, видимо, способом комплектования.

Новый этап в развитии дружины, несомненно, связан с коренными переменами в булгарском обществе, которые были вы-

званы устойчивым экономическим подъемом, возникновением городов и торговоремесленных поселений, включением Среднего Поволжья в мировую торговлю по Волжско-Балтийскому торговому пути и сложением государства.

Параллельно со становлением государства в культуру болгар, в том числе и погребальную обрядность, активно внедрялся ислам. Материалы из раскопок ряда могильников позволили Е.А.Халиковой прийти к выводу о прекращении функционирования языческих погребальных обрядов в конце X – начале XI в. Однако городские могильники, в первую очередь, билярские, с самого начала своего существования были мусульманскими, что позволяет, наряду с другими фактами, говорить об исламизации социальных верхов, в том числе и дружины, уже с начала X в.

Небольшой, но достаточно эффективный материал, характеризующий булгарскую дружину X в., дают раскопки поселений. Наиболее выразительными являются находки предметов вооружения (сабли и их части, наконечники копий, боевые топоры, булавы, кистени, остатки защитного доспеха и т.д.), которые особенно часто встречаются в Билярском, Болгарском, Алексеевском, Вальнском, Хулашском, Золотаревском, Бальмерском городищах, а также в ряде селищ, преимущественно из находящихся в приустьевой части Камы. Особо следует выделить из этого традиционного набора вооружения предметы, которые, ввиду их отсутствия в материалах VIII–IX вв., можно рассматривать как новое явление в военной структуре.

В первую очередь это относится к находкам мечей. Все они довольно компактно располагаются в Западном и Центральном Закамье. Из Болгарского городища происходит меч и два наконечника ножен, из Билярского – навершие меча и два наконечника ножен. Два меча из Староальметьевского клада, скорее всего, также происходят из Биляра. Еще одна находка меча из с. Салманы найдена, видимо, в каком-то из близлежащих поселений. Другой меч – из Бальмерского кургана, который располагался в непосредственной близости от Бальмерского городища. Два обломка меча встречены на территории торговоремесленных поселений Нижней Камы. Все это заставляет считать, что находки мечей (вместе с другим оружием) явно концентрируются вокруг раннегородских центров – Биляра, Булгара, Бальмера, что

определенно указывает на сосредоточение в них дружин.

Вместе с мечами и их фурнитурой на этих же поселениях встречены другие предметы дружинного вооружения западного облика: полушаровидные умбоны от круглых щитов, широкие удлинненно-треугольные копья, шпоры, которые являются свидетельством определенного западного импульса в болгарском войске. Носителями этих военных инноваций у болгар, были, несомненно, дружины русов. Очень интересно в этой связи Балымерское курганное погребение, обряд захоронения которого (трупосожжение на стороне и помещение остатков кремации вместе с погребальным инвентарем) находит аналогии с погребениями Тимеровского и Михайловского могильников. Дата этого погребения по комплексу вещей устанавливается как первая половина X в. Присутствие в это время русов в Среднем Поволжье зафиксировал в своих записках Ибн Фадлан, который отметил их лагерь около ставки правителя болгар, а также описал похороны одного из их вождей. Несомненно, что часть дружин русов в качестве наемников входила в армию болгарских князей подобно тому, как дружины славян и русов служили хазарскому кагану или византийскому императору.

Таким образом, предметы вооружения, особенно западных типов, четко указывают на наличие военной организации нового типа – профессиональной феодальной дружины с синкретичной культурой, о чем говорят находки древнерусских, финно-угорских и скандинавских украшений. Одним из ярких свидетельств этого может служить также Балымерское погребение с явно гибридным инвентарем. Судя по всем этим данным, именно в ранних городах фиксируется в X – начале XI в. наличие феодальных дружин, которые представляли собой полиэтничный слой с преобладанием болгарского субстрата, который постепенно вырабатывал свою классовую эклектичную культуру.

Археологические свидетельства о концентрации дружины около городских центров не случайны и характерны для многих государств Европы того времени. Этот процесс объективно связан с консолидацией дружинных элементов на базе ранних городов, которые в Булгарии X в. были, прежде всего, центрами политической власти – резиденциями «князей» и их дружин.

Есть основания полагать, что, например, гг. Булгар и Сувар были центрами государственных образований со своей военно-административной структурой, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем правителя.

Важной функцией городов, обусловленной наличием там двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодальной знати. Изъятие этого прибавочного продукта и накопление богатств дружинной знати происходило посредством захвата военной добычи и ренты-налога. Восточные источники неоднократно сообщают о войнах болгар с бургасами и другими соседями. Покоренные племена облагались данью. Другим способом получения части прибавочного продукта был налог. Наличие регулярной налоговой системы, связанной с землей (единица обложения – «дом»), свидетельствует о превращении военно-дружинной знати в корпоративного земельного собственника, реализующего свое верховное право земельной собственности.

Уже в начале X в. Булгарское государство являлось потестарным государством, объединенным верховной военно-политической и административно-судебной властью одной болгарской династии, но с частичным сохранением зависимых племенных вождей. Несомненно, что уже в это время начался процесс активного формирования аппарата государственной власти, основу которого составляла военно-дружинная знать. Булгары в этот период имели довольно развитую дружинную организацию, которая включала в себя высший и низший слои («думающая» и «младшая» дружины). Кроме чисто военных, дружина, особенно ее знатная часть, выполняла ряд других функций, в том числе и дипломатических, т.е. была зародышем государственного аппарата. Дальнейшее развитие болгарской дружины, видимо, шло в сторону дальнейшей поляризации и выделения знати, которая создавала свои дружины.

Важнейшим шагом на пути консолидации общества внутри государства было принятие ислама в качестве государственной религии. Подробно об этом будет рассказано ниже, но здесь следует акцентировать внимание на то, что процесс возвышения государства у болгар шел практически

одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в., если не раньше, ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и булгарская знать.

По мере усиления экономической власти и военной мощи, на фоне ослабления власти Хазарского каганата росло стремление эльтебера Алмыша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и давать в заложники своих детей. В 912/913 г. булгары поддержали мусульман Итиля, подстрекаемых Саманидами, в разгроме похода русов на Каспий. Этот шаг показывает, что булгары пытались поставить под свой контроль стихию варяжских дружин, совершавших походы по Волге, а также их стремление заручиться поддержкой мусульман в противоборстве с Хазарией. Новым шагом на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарского государства показывают, что его правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но до определенного времени формально находились в орбите их власти.

Дальнейшее становление Булгарского государства и его институтов слабо документировано письменными источниками, но может быть в основных чертах определено.

В реконструкции событий можно в определенной мере опираться на нумизматический материал. Монеты свидетельствуют, что в 930–940-е гг., после смерти сына и наследника Алмыша, Микаила ибн Джафара, Булгария распалась на два владения – Булгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар) эмираты. Восточные источники стабильно упоминают два города – Булгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Очевидно, без новых источников мы не сможем достаточно отчетливо понять, являлись ли эти города центрами независимых владений, либо это

центры крупных земель булгар, по типу того, как на Руси ими были Киев и Новгород.

Однако нет никаких оснований видеть в этом распаде стремление сувар сохранить язычество, поскольку восточные источники особо подчеркивают, что в обоих городах есть мечети и живут там «воители за веру». По монетам выделяется династия Ахмедидов (Микаил, Талиб и Мумин) из Суvara (948–976 гг.). Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Булгарского эмирата Мумина ибн ал-Хасана (возможно, потомка Алмыша), который подчинил Сувар и стал чеканить монеты исключительно в Булгаре (976–980/981 гг.). Сувар, вероятно, становится какой-то административно-территориальной единицей (вилайет) единого государства. Так, около 980 г. в Среднем Поволжье возникло единое Булгарское государство.

Этот новый этап в истории Булгарского эмирата можно охарактеризовать территориальным расширением, укреплением авторитета власти эмира и утверждением исламской идеологии, окончательным преодолением племенного партикуляризма, созданием общегосударственных институтов власти и утверждением феодальных отношений, основанных на государственной собственности на землю.

Единое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая смогла противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противоборство с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.). Примерно в конце X в. Булгария подчиняет земли буртас в Посурье и становится одной из ведущих средневековых государств Восточной Европы. К этому времени относится полное утверждение ислама на всей территории Булгарии, где прекращают функционировать языческие могильники. Закончился процесс становления государства и его этнополитической, сословно-потестарной и административно-правовой системы. Булгария становится средневековым мусульманским государством.

2. Территория

Фаяз Хузин

Арабские и персидские географы помещали страну болгар в седьмом климате и считали ее самой северной страной, населенной мусульманами. Ибн Русте в своей «Книге драгоценностей» (903–913 гг.) сообщает о ней более подробно: «Булгарская земля смежна с землею буртасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское [Каспийское] и прозывается Итиль... Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут» [Хвольсон, 1869, с.22]. Последнее утверждение не совсем соответствует действительности, но не удивительно, что в глазах арабского путешественника или купца, привыкшего к бескрайним пустынным и степным просторам, далекая северная страна показалась такой болотистой и лесистой. Ибн Фадлан, впрочем, позднее также с удивлением напишет о дремучих лесах на булгарской земле, простиравшихся в длину и ширину до 40 фарсахов [Ибн Фадлан, 1956, с.136].

Более конкретное представление о юго-восточных пределах Волжской Булгарии X в. дают сообщения ал-Истахри и анонимного автора «Худуд ал-алам» («Границы мира»), которые доводят территорию болгар до пределов Яика (р. Урал), ограничивая ее страной или областью гузов. Об этом же говорят и другие, более поздние источники XI–XIII вв. Однако в данном случае было бы более правильным вести речь только о тех территориях, которые находились под сильным влиянием и контролем Булгарского государства, поскольку сведения письменных источников пока еще не подтверждаются археологически. Указанные земли входили, по всей вероятности, в территорию кочевания полуседлой части булгарского населения. В противном случае вряд ли была необходима сражаться булгарским сторожевым отрядам в 1229 г. против монголо-татар.

Некоторые мусульманские географы X–XI вв. (Ибн Хаукал, ал-Масуди, ал-Гардизи), уточняя западные границы Булгарии, помещают ее к востоку от славян

[Гаркави, 1870, с.191, 193, 220]. Это не значит, что славяно-древнерусские племена непосредственно соседствовали с волжскими булгарами. Речь идет, кажется, опять же о землях, входивших в сферу политического и экономического влияния болгар.

Северные и южные пределы Волжской Булгарии трудно уловимы по данным письменных источников. Любопытно, что Махмуд Кашгари, автор XI в., на своей карте поместил города Булгар и Сувар у Каспийского моря [Кашгари, 1960]. Это, конечно, неверно. Очевидно, не имея под рукой конкретных данных о месторасположении двух знаменитых городов, однако, зная, что болгары живут и на Нижней Волге, Кашгари счел такую локализацию в известной степени оправданной. В самом деле, ряд источников говорит о компактном проживании болгар в хазарской столице Итиле, а позднее и в г. Саксине [ал-Гарнати, 1971], расположенных в низовьях Волги у Каспийского моря. В степях Юго-Восточной Европы кочевало значительное число болгар – остатки населения разгромленного в 965 г. Хазарского каганата, которые смешались впоследствии с кыпчаками-половцами [Плетнева, 1990, с.38]. Однако это население не входило в состав Булгарского государства, хотя и поддерживало с ним постоянные контакты.

Как видим, письменные источники дают слишком общее представление о территории Волжской Булгарии домонгольского периода. Этот вопрос достаточно успешно решается на археологических материалах.

В 60–70-е гг. прошлого столетия известный археолог-булгаровед Р.Г.Фахрутдинов предпринял широкомасштабные исследования по выявлению и картографированию археологических памятников Волжско-Камской Булгарии и на этом основании попытался определить ее территорию. В настоящее время известно более 2 тыс. булгарских памятников X–XIV вв.: около 190 городищ, более 900 селищ, 80 грунтовых могильников, около 500 отдельных местонахождений. Подавляющее большин-

ство их – около 170 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников – относится к домонгольскому времени. Следует, однако, учесть, что время существования памятников определялось, как правило, на основе скудных материалов разведочных обследований. Более точная датировка возможна лишь по материалам широких раскопок.

Однако есть моменты, требующие уточнения. Один из них связан с хронологией булгарских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья, расположенных на территории Пензенской области. Их начали активно изучать с конца 1950-х г. М.Р.Полесских установил, что все обследованные им памятники (19 городищ и 21 селище) имеют общий признак в виде красногончарной посуды и объединил их в особую, пензенскую группу средневековых поселений, предварительно датировав XIII–XIV вв. Он считал, что эти поселения оставлены пришельцами «половецко-кипчакского или аланского происхождения» [Полесских, 1959, с.95 и сл.]. Позднее, основываясь на материалах раскопок Золотаревского городища, М.Р.Полесских пересмотрел дату и этническую принадлежность населения пензенских городищ и отнес их к памятникам «обулгаризованных буртас» XI–XIII вв. [Полесских, 1971]. С такой датировкой не согласился Р.Г.Фахрутдинов. По его мнению, основная часть пензенских памятников «относится к XIII–XIV вв., некоторые даже к более позднему времени, например, к XV в.» [Фахрутдинов, 1975, с.65]. Он считает, что «небольшая часть населения Волжской Булгарии, вынужденная оставить свою коренную территорию после нашествия монголов, пришла в современную Пензенскую область, заселенную мордвой. Скоро здесь возникает отдельный улус Золотой Орды, с центром в Наровчате» [так же, с.66].

В последние два десятилетия изучением пензенских памятников с красно-коричневой гончарной керамикой активно занимается Г.Н.Белорыбкин. В своих трудах он уже оперирует данными 30 городищ и 39 селищ [Белорыбкин, 1991]. Вслед за М.Р.Полесских Г.Н.Белорыбкин также убежден в принадлежности пензенской группы поселений обулгаризованным буртасам XI–XIII вв. [Белорыбкин, 1992; 2001; 2003]. Хронология памятников в его работах разработана весьма основательно

и убедительно. Все исследователи, обращавшиеся позднее к данной проблеме, согласны с домонгольской датировкой памятников [Расторопов, 1990, с.70–71; 1995, с.70–71], однако справедливо считают, что вопрос археологической атрибутики собственно буртас окончательно еще не решен. А.В.Расторопов, в частности, предлагает называть их «памятниками булгарского типа», маркирующими юго-западные пределы Волжской Булгарии. Истоки культуры населения, оставившего памятники булгарского типа, восходят, несомненно, к салтово-маяцкой культуре. По справедливому мнению Е.П.Казакова и А.В.Расторопова, эти памятники могли появиться в Посурье не обязательно в результате передвижения населения из центральных районов Булгарии, а скорее, прямо из юго-западных районов Хазарии [Расторопов, 1995, с.71].

В плане более точного определения домонгольской территории расселения булгар большой интерес представляют средневековые памятники Верхнего, отчасти Среднего Прикамья, в которых встречаются многочисленные вещи, привезенные из Волжской Булгарии. В своде проф. А.М.Белавина, активно занимающегося изучением этих памятников, учтено около 200 таких пунктов, в том числе городища, селища, могильники и отдельные местонахождения [Белавин, 2000, с.45 и сл.].

До последнего времени булгаро-верхнекамские (пермские) связи X–XIII вв. рассматривались лишь в рамках торгово-экономических и культурных взаимоотношений. Между тем огромное количество булгарских материалов в указанном регионе, как-то: гончарная посуда, которая в процентном отношении иногда достигает трети, даже половины всей керамики; двухъярусные высокопроизводительные гончарные горны классического булгарского типа, открытые на Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах; мусульманские погребения в окрестностях этих памятников; некоторые категории вещей, например, специфические украшения и туалетные принадлежности булгарских женщин, а также земледельческие орудия труда, инструментарий ремесленников-ювелиров и т.д., наконец, богатая тюркская топонимия края, восходящая к домонгольскому пласту лексики, – есть яркое свидетельство происходившей в X–XIII вв. ак-

тивной, в основном мирной болгарской колонизации Пермского Приуралья. По мнению А.М.Белавина, здесь располагалась страна Вису или Земля Чулыманская, тесно связанная не только экономически и политически, но и этнически, с Волжской Булгарией [там же, с.31 и сл.]. Огромный интерес представляют новые материалы исследований на Рождественском и Кыласовом городищах, представляющих собой остатки исторически известных городов Афукула и Чулымана, построенных булгарами еще в X–XI вв. [Крыласова, Белавин, 2000; Ленц, 2000; Белавин, 2000а, с.123]. На их территории открыты производственные сооружения, доказывающие существование не только гончарных, как было упомянуто выше, но и косторезных, бронзолитейных мастерских и даже стеклоделая.

Среднее Поволжье, где располагалось Булгарское государство, составляет часть огромной территории Русской равнины. Богата природа и разнообразны ландшафты этого края. На севере его вокруг возделанных полей шумит тайга – темные ельники и светлые сосновые боры; в южной половине региона господствует живописная лесостепь: пашни, разнотравные луга, широколиственные леса и острова зеленых дубрав. На юго-востоке, в Самарском Заволжье, – новый ландшафт: бескрайняя черноземная степь, когда-то седая от ковыля, а теперь сплошь возделанная и засеянная зерновыми культурами.

Несмотря на общую равнинность, рельеф средневолжского региона не выглядит однообразным. Возвышенности с абсолютными отметками более 200–300 м чередуются с низменностями. Песчаная низина лесного Заволжья, рассеченная многочисленными речками и оврагами Приволжская возвышенность, плоские водоразделы Бугульминского плато, степные равнины Закамья, Жигулевские горы с глубокими буераками и высокими обрывами к Волге – далеко не все формы рельефа. Так в общих чертах характеризуются в специальной литературе природно-географические условия региона [Мильков, 1953].

Территория Среднего Поволжья орошается Волгой и ее многочисленными большими и малыми притоками, самой крупной из которых является Кама. Долины Волги и Камы расчлениают интересующий нас ре-

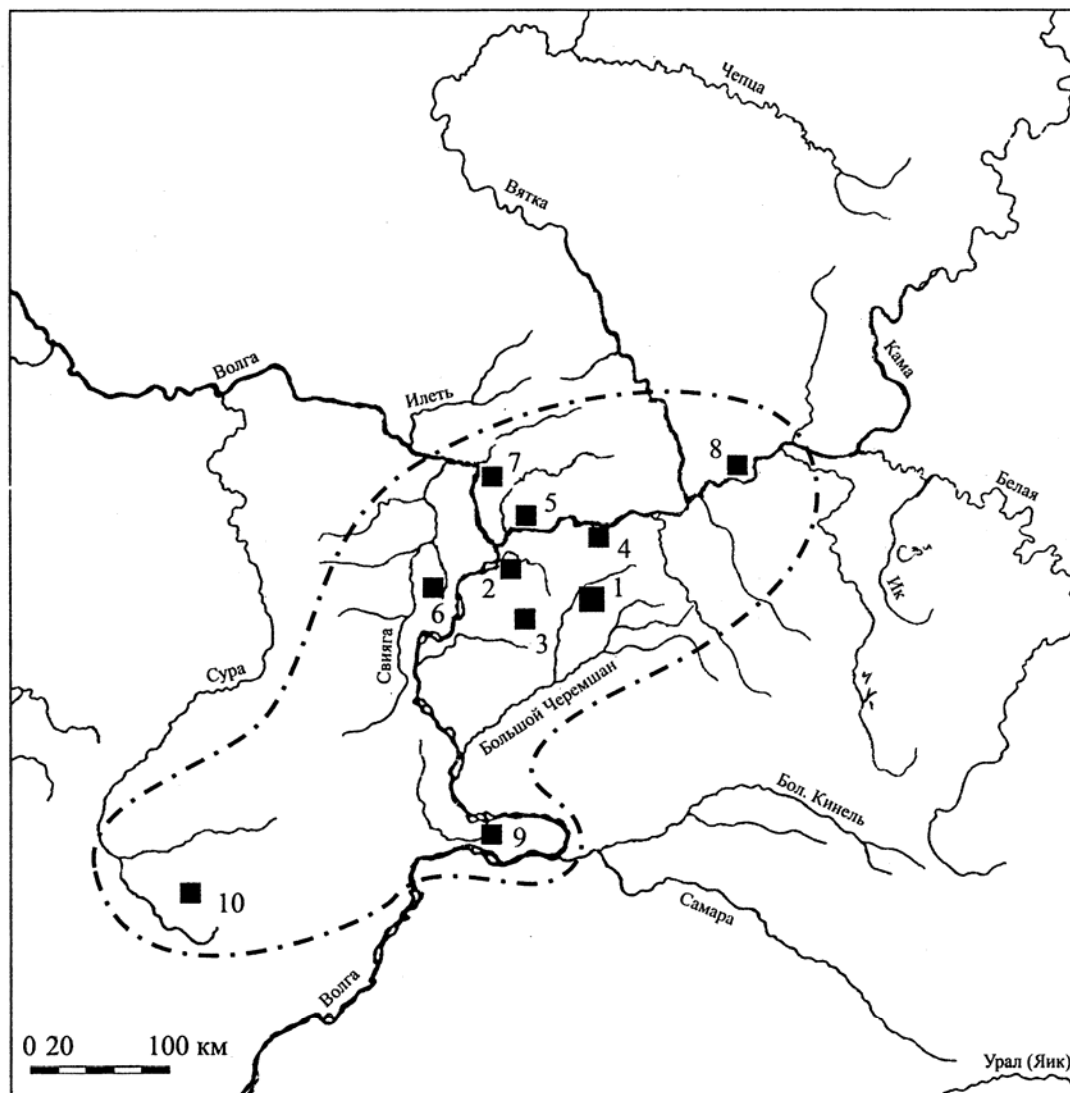
гион на три историко-географические провинции.

Закамье – левобережье Волги к югу от Камы. Западное Закамье (или Низменное Заволжье), где располагалась основная территория Волжской Булгарии домонгольского периода, ограничивалась с востока р. Шешмой, левым притоком Камы. Этот район, самый теплый в Татарстане, привлекал болгар в первую очередь чрезвычайно выгодным географическим расположением на стыке двух крупнейших водных магистралей Восточной Европы. Его рельеф отличается четко выраженным равнинным характером, придающим ему своеобразный степной облик.

В ландшафтном отношении Западное Закамье входит в зону типичной лесостепи, для которой характерно чередование широколиственных лесов с обширными участками луговой степи. Основу травостоя в них составляет красочное лугово-лесное разнотравье, представляющее собой ценные сенокосные и пастбищные угодья. Главное природное богатство района – это черноземные (до 65–70% всей посевной площади) и темно-серые лесные почвы с большим содержанием гумуса. На таких почвах болгары с успехом возделывали пшеницу, ячмень, просо, горох, лен и коноплю – основные зерновые и технические культуры земледельцев.

В Западном Закамье сосредоточено чуть меньше половины всех известных археологических памятников Булгарии, в том числе 97 городищ. Здесь располагались такие выдающиеся политические и экономические центры государства, как Биляр–Великий город (Булгар), Сувар, Булгар или Бряхимов (Болгарское городище), Джуке-тау и другие крупные города, названия которых не сохранились в письменных источниках и забыты в народной памяти. На этих центральных землях самым густонаселенным, по сравнению с другими районами, является бассейн Малого Черемшана с Биляром–Великим городом в центре.

Восточное Закамье (или Высокое Заволжье) занимает западную часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности с абсолютными высотами 250–300 м. В районе Бугульмы, в истоках р. Степной Зай, отметки поднимаются до 372 м и достигают высоты Жигулевских гор. Наиболее значи-

Территория Волжско-Камской Булгарии в X – начале XIII в. с указанием основных городов.

- 1 – Биляр-Великий город (Булгар), 2 – Болгарское городище (Внешний Булгар, Бряхимов),
 3 – Сувар, 4 – Джукетау, 5 – Кашан, 6 – Богдашкинское городище (Ошель), 7 – Казань, 8 – Алабуга,
 9 – Вальнское городище (Муромский городок), 10 – Юловское городище (Буртас?)

тельные реки – Шешма, Степной Зай, Ик – являются левыми притоками р. Камы.

В Восточном Закамье, в частности, в низовьях р. Зай, тоже известны ранние памятники булгар, в том числе несколько городищ. Но в домонгольскую эпоху эта территория была редко заселена. На карте Восточного Закамья отмечено всего 7 булгарских городищ.

Предкамье – левобережье Волги к северу от Камы. Река Вятка делит его на две

части – Западное и Восточное Предкамье. Район находится в пределах темнохвойных и широколиственных лесов, т.е. в подзоне южной тайги. Абсолютные высоты колеблются от 170 до 190 м, местами более 200 м. Поверхность территории Западного Предкамья постепенно повышается к северо-востоку от Волги и круто обрывается к Вятке; она сильно расчленена многочисленными притоками и оврагами. Часть района, расположенная к востоку от доли-

ны Вятки, по рельефу мало отличается от западной части. Почвенный покров представлен нечерноземными, в основном серой лесной и дерново-подзолистой, почвами с небольшим содержанием гумуса.

Основные памятники предкамской части Волжской Булгарии, датирующиеся XI–XIII вв., сосредоточены в прибрежной зоне Камы, включая низовья Мешы. Политическим и экономическим центром этого района традиционно считается город Кашан. Самые северные памятники домонгольских булгар открыты в бассейне Казанки, где на рубеже X–XI столетий возникает торговый пункт и крепость Казань – будущая столица одноименного «княжества» и ханства. В это же время в качестве северо-восточного форпоста страны на высоком правом берегу Камы строится хорошо укрепленный пункт – Алабуга, широко известный в историко-археологической литературе под названием «Чертово городище».

Предволжье, занимающее территорию правобережья Волги, является одновременно провинцией Приволжской возвышенности со средними высотами рельефа 200–300 м. На севере Жигулевских гор абсолютная высота возвышенности достигает 370 м. Это самая расчлененная область Среднего Поволжья. Склоны долин асимметричны: высокие и крутые в восточной части, пологие и менее высокие – в западной. Сура и Свияга – правые притоки р. Волга – текут в северном направлении. На северо-западе района значительной рекой является Мокша, впадающая в Оку. Предволжье входит в зону лесостепи (к степной зоне относится небольшая часть территории к юго-востоку от Самарской Луки). Хвойные леса занимают ничтожную площадь, причем еловые леса отсутствуют совершенно. Господствуют серые и темно-серые лесные почвы, выщелоченные и оподзоленные черноземы с неплохим плодородием.

Предволжские земли сыграли исключительную роль в истории Булгарского государства. Самые ранние булгарские памятники конца VII–VIII вв. открыты самарскими археологами именно на этой территории. Много домонгольских памятников открыто на Самарской Луке и далее к севе-

ру в Ульяновской области. Хорошо известна пензенская группа булгарских поселений. В VIII в. булгары появляются уже и на Свияге (Большетарханский могильник). Здесь же известно несколько десятков городищ и селищ X–XIII вв., среди которых выделяется Богдашкинское городище – остатки летописного Ошеля, по локализации большинства исследователей. В целом же в предволжском регионе Волжской Булгарии известно около 60 городищ домонгольского времени.

Территория домонгольской Волжской Булгарии, если рассмотреть ее с точки зрения современных административно-политических единиц, выходила далеко за пределы современного Татарстана. По неполным данным, в Ульяновской области известно около 200, в Самарской – около 160 булгарских памятников. Их количество ежегодно увеличивается. Самые южные памятники расположены на широте Самарской Луки и р. Самары.

Достоверно установлено, что юго-восточные районы соседней Чувашии, связанные с бассейном Свияги, также были заселены булгарами. Здесь открыто около 40 памятников, определяемых специалистами как булгарские. Наши чувашские коллеги доводят их количество до 70 и отодвигают западные пределы Булгарии до р. Суры. К сожалению, эти памятники исследованы пока разведочно. Однако значительное число булгарских поселений в Пензенской области убеждает нас в том, что р. Сура действительно служила в домонгольское время западной границей государства.

Таким образом, домонгольская территория Волжской Булгарии, реконструируемая на основании письменных и археологических источников, включала в себя земли от р. Казанки на севере до Самарской Луки на юге, от реки Суры на западе до низовий Белой и Яика на востоке и юго-востоке. Указанная территория была заселена неравномерно. Как уже отмечалось, плотность населения была велика в закамских районах. Периферийные юго-восточные земли использовались, вероятно, в целях сезонного кочевания.

3. Население

Фаяз Хузин

На очерченной территории в конце IX–X вв. проживали различные, в основном тюркоязычные племена, которые Ибн Фадлан называл «ас-сакалиба» [Ибн Фадлан, 1956, с.121, 131]. В первой половине X в. в эту конфедерацию племен входили болгары, берсула (барсилы), эсегелы (эскиль, ишкил), суазы (сувары, савиры), билеры, баранджары. Первые три названия известны по сообщениям Ибн Русте [Хвольсон, 1869, с.22] и автора «Худуд ал-алам» [Худуд ал-алам, 1930, с.32 – «бахдула, ишкиль и болгар»]. О сувазах, не пожелавших подчиниться болгарскому правителю, эсегелах (эскелах), «князь» которых был женат на дочери Алмыша, и домочадцах баранджар в количестве 5 тыс. человек рассказывал Ибн Фадлан [Ибн Фадлан, 1956, с.138, 139, 141]. Билеры – «выселенцы из Билара или Болгарии, болгары-мусульмане», упоминаются в венгерской хронике X в. [Хвольсон, 1869, с.109]. Вышеперечисленные племена, говорится в «Худуд ал-алам», «все находятся в войне друг с другом: когда же появляется враг, они становятся друг с другом друзьями» [Худуд ал-алам, 1930, с.32]. Любопытно, что уже во второй половине X столетия многие из вышеназванных этнонимов исчезают, но продолжают еще фигурировать болгары и сувары, которые, как отмечал позднее Махмуд Кашгари, были очень близки между собой по языку [Кошгари, 1960, с.66].

Все попытки локализовать перечисленные племена на карте Волжской Болгарии, неоднократно предпринимавшиеся исследователями, следует считать сугубо предположительными. Обычно очень легко, без лишних доказательств, локализуют болгар, связывая с этим племенем современное Болгарское городище. Однако в домонгольское время, по мнению ряда исследователей, Булгаром назывался и Биляр–Великий город на Малом Черемшане [Хузин, Халиков, 1991]. Кроме того, следует учесть, что основной памятник пришедших из Приазовья болгар – Большетарханский могильник – расположен в совсем другой, правобережной части Волги, а недалеко от Болгарского городища находится Танкеевский могильник, большинство погребений которого оставлено людьми небулгарского, а угро-финского (прикамско-приуральско-

го) происхождения. Примечательно, что одно из самых ранних поселений конца IX – начала X в., изученное в последние годы на территории Мало-Иерусалимского оврага, дало выразительный керамический материал в виде обломков лепных поломско-ломатововских сосудов.

Таким образом, локализация собственно болгар в районе Болгарского городища пока не доказана. Не исключено, что они занимали более восточные районы государства, бассейн Малого Черемшана, где была основана их столица, известный по русским летописям как Великий город серебряных болгар. Названия «Биляр» и «Булгар» в источниках очень часто упоминаются как синонимы [Adamović, 1998].

Не вызывает возражений локализация суваров, основавших в начале X в. свой «племенной» центр на р. Утка в современном Спасском районе РТ.

Группу баранджаров в количестве 5 тыс. душ, «уже принявших ислам», Ибн Фадлан видел также в центральных землях страны.

Определить первоначальную территорию расселения берсула (барсил) не представляется возможным в силу скудности источников.

Обращает на себя внимание южное происхождение вышеупомянутых этнонимов, известных, по крайней мере, с момента возникновения Хазарского каганата, если не раньше. Только одно название – эсегелы – не упоминаются на юге, и, как полагают ученые, связано происхождением с прикамско-приуральским этническим массивом [Халиков, 1989, с.78; Белавин, 1999]. Однако вряд ли уместно искать первоначальную территорию их обитания в правобережье Волги (в районе г. Ошеля). Во времена Ибн Фадлана они находились на левом берегу Волги, что подтверждается также сообщением Ибн Русте о стране мадыр «между землей печенегов и болгарских эсегел» [Хвольсон, 1869, с.25]. Следовательно, они обитали в восточных, может быть, даже северо-восточных районах Волжской Болгарии, там, где расположены поселения, в материальной культуре которых хорошо просматривается прикамско-приуральский компонент в виде

округлодонной керамики типа «джукетау» и «постпетрогром».

Все эти племена, несмотря на определенные, иногда довольно существенные различия в материальной культуре, антропологическом типе, языке и т.д., в целом были достаточно близкими по образу жизни, стояли примерно на одной ступени социально-экономического и военно-политического развития.

Окончательное сложение болгарской народности происходило в XII – начале XIII в., что нашло отражение в письменных и археологических источниках. На всей централизованной территории Волжской Булгарии складывается своеобразная, но единая культура, основанная на общности языка, духовной и материальной культуры. Следует подчеркнуть консолидирующую роль официальной мусульманской религии, призванной объединять все входящие в состав населения Булгарии племена вокруг единого царя. Восточные писатели и русские летописцы однозначно называют население страны одним именем – болгары (болгары), а саму страну – Булгарией, Булгарской землей. Промелькнувшие в древнерусских летописях при описании событий 1183 г. такие этнонимы, как «собекуляне, челмата и темтюзи» следует понимать как названия некоторых местных небольших локальных групп общеполитического населения.

Конечно, нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Булгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения народности, сохраняется долго. Тюркоязычные группы, надо полагать, относительно быстро консолидировались в рамках единого сообщества. Однако в Булгарии проживали и регулярно проникавшие из соседних земель чужеродные группы (финны, угры, славяно-русы), которые в большинстве своем не теряли своего этнического лица. Ассимиляции подвергалась только часть этого населения.

В южных и восточных периферийных районах страны проживали представители тех племен, с которыми болгары соседствовали. Среди них источники отмечают тюркоязычных гузов, печенегов, кыпчаков и башджардов (мажджардов или мадьяров). Территория расселения последних, по данным Ибн Русте, лежит «между землею печенегов и землею болгарских эсегел».

По сообщению ал-Балхи, «они подвластны болгарам» [Хвольсон, 1869, с.25].

На Южном Урале, в бассейне р. Яик, простирались обширные кочевья родственных гузам печенегов, занявших позднее степи Юго-Восточной Европы, и сменивших их кыпчаков-половцев. Последние, завоевав в XI в. огромные пространства Великого пояса степей от Иртыша и Балхаша на востоке и почти до Дуная на западе, надолго становятся едва ли не основной этнополитической силой юга Евразии, сыгравшей огромную роль в судьбах Волжской Булгарии, древнерусских княжеств, других государств и народов средневековья.

Шары или «желтые» кыпчаки, заняв плодородные пастбища, необходимые для выпаса коней и содержания крупного рогатого скота кочевников, стали тем этническим ядром, вокруг которого объединились разбросанные по степям орды печенегов, гузов, а также болгар и аланов, входивших ранее в Хазарский каганат. Половецкие кочевья доходили практически до южных пределов Волжской Булгарии. Исследования археологов выявили многочисленные курганные могильники кыпчаков-половцев в районе Самарской Луки, Южного Урала и Западного Приуралья [Иванов, Кригер, 1988]. Тесные контакты, которые существовали между родственными кыпчаками и булгарами в домонгольское время, нашли отражение в письменных источниках. Русские летописи отмечают, что у кыпчаков «с болгары язык и род един». Они же рассказывают о неоднократных проникновениях отдельных половецких отрядов в центральные области Булгарии и участия их в сложных политических интригах XII столетия. В последние годы появились интересные археологические факты, свидетельствующие о заметном участии кыпчакского компонента в формировании этноса и культуры волжских болгар XI – начала XIII в. [Кокорина, 2002, с.109, 214].

Таким образом, в течение более трех столетий, прошедших со времени образования государства, в Волжской Булгарии происходили важные изменения, связанные, главным образом, с формированием государственной территории и консолидацией на основе различных племенных групп новой этнической общности более высокого порядка – болгарской народности.

ГЛАВА 4

Социально-политическое устройство. Общественные отношения

Альберт Нигаматов, Фаяз Хузин

Отрывочные сообщения об общественном устройстве Волжской Булгарии содержатся в трудах средневековых мусульманских авторов (Ибн Русте, Ибн Фадлан, ал-Гарнати, Бейхаки), а также в ряде русских летописных сводов. Для изучения отдельных аспектов темы можно привлечь данные эпиграфики XIII–XIV вв., произведения татарского фольклора и рукописи XVII–XVIII вв. («Дафтар-и Чингиз-намэ», «Таварихе Булгария» Х.Шарафеддина и др.). Явное преобладание сведений письменных источников небулгарского происхождения порождает серьезную проблему, связанную с точностью передачи социально-политической терминологии. Арабо-персидские географы или русские монахи-летописцы обычно применяли «удобные» для них свои термины, рассматривая болгарскую социально-политическую систему через призму своих понятий. Ни значительный археологический, в том числе нумизматический, материал, ни этнографические и лингвистические данные не могут восполнить неполноту сведений собственно болгарских письменных источников.

Одним из проблемных в болгароведении является вопрос о типе государства и форме правления. Так, еще в 1925 г. В.Ф.Смолин, указывая на факт существования в составе государства самостоятельных «княжеств» со своими монетными дворами, высказал предположение о наличии феодальных отношений в Булгарии первой половины X в. [Смолин, 1925, с.48]. О развитии феодализма с 60-х гг. X в. писал А.П.Смирнов, обосновывая свою точку зрения высоким уровнем развития земледелия, ремесла, торговли, сети городских и сельских поселений [Смирнов, 1951, с.35 и сл.]. В то же время часть историков стояла на позиции отрицания каких-либо элементов феодализма в Волжской Булгарии X–XII вв., считая ее дофеодальным государством. Акад. Б.Д.Греков, в частности, утверждал, что у болгар этого времени можно уловить лишь слабые признаки за-

рождающегося феодализма; способ производства, основанный на труде зависимого крестьянина, отсутствовал, следовательно, не могло быть и речи о ведущей роли крупного землевладения, стало быть, и о политической силе крупных землевладельцев, в той или иной степени отражающейся на организации государственной власти [Греков, 1945].

В.Д.Димитриев и И.П.Паньков [1958, с.69] выступали с утверждением о господстве у болгар азиатского деспотизма, переплетающегося с рабовладением. И.Д.Кузнецов [1957, с.22] также высказывался против концепции феодальной Булгарии. Позднее А.П.Смирнов [1962, с.169–174] аргументированно опроверг утверждения о «варварском» характере существовавших в домонгольской Булгарии общественных порядков и сходстве последних с азиатской формой господства и подчинения.

В отечественной историографии социально-политическое устройство Волжской Булгарии домонгольской эпохи рассматривается обычно как нечто цельное и статичное. Исследователи, затрагивая эту проблему, за основу берут наиболее обеспеченный источниками X в. По сути, структура болгарского общества начала X в., описанная Ибн Фадланом, с незначительными дополнениями переносится на всю домонгольскую историю государства.

Историю домонгольской Булгарии можно разделить на три этапа: 1) дофеодальный (финальный военно-демократический или дружинный) – до середины X в.; 2) раннефеодальный – середина X – вторая половина XII в.; 3) этап развитого феодализма – вторая половина XII – первая треть XIII в. Сведения об общественном строе болгар первого этапа мы черпаем в трудах арабо-персидских географов. По периоду, аутентичному сообщениям Ибн Русте и Ибн Фадлана, говорить о ярко выраженных феодальных отношениях в Булгарском государстве не приходится. Отсутствует еще упорядоченная система

феодалной ренты. Булгарский правитель с населения страны собирает прямую подать в собственную казну, дополнительную подать отправляет хазарскому кагану. Ибн Фадлан сообщает, что «царь булгар платит дань царю хазар: от каждого дома в его государстве – шкуру соболя». Прямую же подать царю своему, со слов Ибн Русте, платят они лошадьми и другим [Хвольсон, 1869]. Правда, не совсем понятно, что подразумевается под «другим». Некоторые исследователи видят в нем продукты земледелия [Смирнов, 1951, с.37], что, на наш взгляд, противоречит сообщению Ибн Фадлана: «каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права» [Ибн Фадлан, 1956]. Возможно, тогда еще не установился прямой налог с урожая, наподобие десятины «ушр». Но существовали такие поборы, как десятипроцентная пошлина с торговых судов или десятая доля военной добычи. Наконец, источники указывают на наличие у булгар специальных податей в пользу царя. Первый из них сообщает, что «от всякого из них, кто числится, царь берет себе по верховой лошади». В «Рисале» приводится иной вид подати – «каждому, кто у себя устраивает свадьбу или созывает званый пир, необходимо сделать отчисление царю в зависимости от размеров пиршества – «сахрадж» медового набиза и скверной пшеницы». Из вышеприведенных сведений видно, что ни земля, ни скот в начале X в. не были еще основными объектами налогообложения. Сельская община была полновластным хозяином своей земли. Крупное полукочевое скотоводство к этому времени сохранилось только в хозяйствах родоплеменной аристократии.

Специфика процесса феодализации булгарского общества заключается в том, что он не копирует ни западноевропейскую (франкскую), ни арабо-персидскую (мусульманскую), ни древнерусскую, ни кочевую модели, уже достаточно изученные отечественными и зарубежными исследователями. В нем в той или иной степени присутствуют элементы каждого из них. Произошедшее из недр традиций кочевых скотоводческих народов, булгарское общество быстрыми темпами превращалось в развитое земледельческое. Распад родовых и зарождение феодальных отношений совпало по времени с процессом «джатак-

ства» (седентаризации), т.е. оседания на землю. Поэтому в дальнейшем специфика феодальной собственности на землю (пастбища) выражалась в том, что она сочеталась с общинным землепользованием, при этом земля не продавалась и не отчуждалась. Повинности рядовых соплеменников, в том числе и феодального характера, в отношении знати выступали в форме родовой помощи, древнего патриархального обычая. Знать во главе с правителем брала на себя защиту соплеменников и их имущества, а также расширение земельных владений (пастбищ). И, наконец, о дофеодальном характере булгарского общества в начале X в. указывает и отсутствие государства как юридического лица в судопроизводстве. Опираясь на наблюдения Ибн Фадлана, мы можем утверждать, что вся система наказаний за те или иные преступления была основана на обычном праве. В источниках отсутствуют какие-либо упоминания о штрафах или поборах в пользу государства («царя»).

Развитие экономики государства, основанной на пашенном земледелии, скотоводстве, высокоразвитом ремесле, внутренней и внешней торговле, сопровождалось социальным расслоением населения. Одним из важных моментов была также дальнейшая исламизация общества после официального вхождения страны в мусульманскую цивилизацию. Все это, безусловно, повлияло на процесс формирования раннефеодального общества, который завершился не позднее середины X в. В отличие от Западной Европы, где изначально присутствовало частное крупное землевладение и правители зачастую выступали лишь как арбитры в отношениях между землевладельцами – феодалами и свободными общинниками, в Волжской Булгарии эксплуатация свободного населения началась не с обложения их теми или иными видами ренты в пользу отдельных лиц, а с обременения государственными повинностями и различными поборами в казну. В роли феодала в данном случае выступало само государство. При государственном феодализме вовсе не обязательно лишение свободных общинников их земельной собственности, тем более, личной свободы.

Основным свидетельством существования государственного феодализма в Волжской Булгарии X–XI вв. ряд исследовате-

лей считает строительство мощной системы фортификационных сооружений в основных закавказских, частично предволжских землях [Смирнов, 1951, с.36; Фахрутдинов, 1984, с.29].

Установление господства феодальных отношений существенно отразилось и во внутренней политике, проводимой государством. Жесткая позиция центрального правительства по отношению к сепаратистски настроенной аристократии привела в 970–980-х гг. к ликвидации самостоятельности Суварского княжества, эмиграции отдельных болгарских князей в Венгрию и на Русь. Государственная колонизация северных, северо-восточных, юго-западных территорий сопровождалась активным строительством городов и военных крепостей вдоль торговых магистралей. Пик этого процесса приходится на рубеж X–XI вв. и связан он, прежде всего, с усилением феодализации болгарского общества.

Вопрос о форме феодализма в домонгольской Булгарии и связанной с ней форме землевладения является спорным. Одни исследователи допускают лишь государственный феодализм [Хузин, 1997], другие при господстве государственной формы считают возможной частновотчинную форму эксплуатации в XII–XIII вв. [Фахрутдинов, 1984]. К сожалению, эти вопросы, ввиду отсутствия источников, слабо поддаются изучению. В большинстве случаев приходится разрешать эти проблемы гипотетически, иногда методом экстраполяции.

В первой половине XI в. завершается процесс исламизации Волжской Булгарии. В любом исламском государстве существуют общие, мусульманские правовые нормы и система владения. С отклонениями от этих норм «боролся» еще Ибн Фадлан: «И если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей. И так я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы [«правильные»] законы наследования, пока он их не разумел». Поэтому не лишним будет взглянуть на формы землевладения в мусульманских странах того периода.

Так, основу земельных владений в Аббасидском халифате составляли государственные земли, верховным держателем которых считался халиф. Налог с этих земель – *харадж* (поземельный натуральный или денежный), составляющий от 1/3 до 2/5

урожая, шел в государственную казну (о налогах см. ниже). В IX–XI вв. наибольшее распространение получила такая форма землевладения, как *икта* (араб. – надел), которая давалась в пожизненное или временное держание служилым людям. Первоначально икта подразумевала только ренту (*харадж* с земли) и по содержанию была близка западноевропейскому бенефицию, но впоследствии держатель получал право распоряжаться землей по своему усмотрению. Частенько налоги с икта шли полностью держателю. Промежуточное положение между государственными землями и иктовыми владениями занимали *сафави* или *хасс* – земли халифской фамилии, освобожденные от государственного налогообложения. Меньше, чем икта, в халифате были представлены частные земельные владения – *мульк*, который был близок западноевропейскому аллоду. Мульк – полностью отчуждаемое владение, которое чаще всего облагалось таким видом налога, как *ушр* (гошер – десятина), делившийся в пропорциях хозяину и государству. И, наконец, с X по XII вв. завершилось оформление вакуфного (вакф – дарение) землевладения, доходы с которого полностью шли на религиозные нужды.

В Средней Азии при Саманидах (IX–X вв.) мы видим те же формы землевладения: государственные (султани), мульк (земли дехканов, обложенные хараджом), хасс (фамильные), вакф (религиозные). Наиболее распространенная форма – икта постепенно превращалась из бенефиция в наследственный лен. Этот процесс продолжался и при Караханидах и завершился лишь к XIII в. Более того, при Караханидах наблюдается переход мульковых земель в икта. Земледельцы, сидевшие на землях икта, находились почти в полной зависимости от их владельцев, но тем не менее как и при более ранних правителях, к земле еще не были прикреплены. В Сельджукском государстве (XI–XII вв.) крупные и мелкие икта соединялись с иммунитетом – налоговыми и частично судебными [Всемирная история, 1957, III, с.499]. Икта становится полностью наследственным владением. Крупные военачальники получают целые области с обязательством содержания своего отряда, при этом нередко оказываются правителями округа.

В тюркских государствах, возникших на завоеванных мусульманских областях, ос-

нову земельного фонда составляли государственные (общинные) земли, население облагалось различными налогами, поборами в пользу казны и обязано было нести определенные повинности (строительные работы, участие в войнах и т.п.). Примечательно, что во всех у них наблюдается резкое уменьшение частных и фамильных владений и увеличение условных и вакуфных наделов.

Волжско-булгарский народ вошел в мусульманскую цивилизацию намного раньше, чем карахандские карлуки и сельджукские огузы, исламские традиции у них укоренились намного глубже (В.Рубрук охарактеризовал булгар как мусульман, «крепче держащихся закона Магометова, чем кто-либо другой»). Поэтому трудно представить, что у домонгольских булгар существовали иные, резко отличные от общемусульманских, формы землевладения.

Безусловно, с середины X в. до второй половины XII в. в Волжской Булгарии господствовал государственный феодализм, при котором большая часть земельных угодий юридически принадлежала государству. Из этого фонда выделялись наделы условно-срочного держания представителям военно-служилого сословия и определялись территории более крупного порядка для родового или общинного владения проникающим в страну группам населения (постоянная иммиграция населения в указанный период, особенно с востока и юга, подтверждается археологическими источниками). К сожалению, в источниках не сохранились сведения о характере условно-срочных владений. Вероятнее всего, они были близки по своей форме к икта. В обратном случае это привлекло бы внимание ал-Гарнати, других мусульманских авторов. При существовании традиции раздачи иктовых земель феодал за службу получал от правителя соответствующий своему положению надел, который мог передаваться из поколения в поколение при условии выполнения своих обязанностей. Можно предположить, что центрами таких владений были широко распространенные со второй половины XI в. городища незначительных размеров, но с мощными оборонительными укреплениями, – «феодальные замки». Аналогичные земельные наделы в качестве натуральной формы оп-

латы за службу могли получать и чиновники.

Письменные источники оставили скудные сведения о существовавших в эту эпоху у булгар налогах и поборах. Дважды посетивший Булгарию в 1135 и 1150 гг. Абу Хамид ал-Гарнати, писал: «И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят джизью царю булгар. ... А у него [Булгара] есть область, [жители которой] платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют его Вису». Здесь в первом случае указан действительный налог «джизья», который были обязаны платить немусульмане (т.н. «налог за веру»). Джизья взималась со всех взрослых мужчин, кроме стариков, калек, нищих, рабов, а также военных, находящихся в мусульманских войсках, в размере от 12 до 48 дирхемов в год (в натуральном, чаще всего в пушном эквиваленте). Для сравнения: со слов ал-Масуди, шкура черной лисицы стоила 100 динариев (1200 дирхемов). Обычно джизью платила иноверческая община по числу членов. Во втором случае, применимо к жителям области Вису, слово «харадж» употреблено не как разновидность подати, а просто в значении дани. В Волжской Булгарии харадж в указанный период мог взиматься только натурой в размере 1/3 урожая (в редких случаях с малопродуктивных земель платили 1/10 урожая). Но ал-Гарнати использовал его в понятии всякого налога – дани, поступающего по договорам, когда действительно нельзя было отличить поземельный налог от подушной подати.

Как и в любом мусульманском обществе, жители страны должны были платить в казну ушр – подушный налог или сбор в размере 1/10 от дохода. Его платили все: торговцы, ремесленники, земледельцы, деятельность которых предусматривала получение прибыли. Земельный налог ушр рассматривался одновременно и как закят (налог с мусульман в пользу нуждающихся) с продуктов земледелия, который обязан отчислять каждый правоверный. Существовали также хумс (налог с непредвиденных доходов) и садака (разовое подаяние нуждающимся).

По своей сути икта – это передача государством на обусловленный срок права получения хараджа с определенной территории. В классическом варианте владелец ик-

та получал в свою пользу разницу между хараджем и ушром (как правоверный он должен платить в казну ушр), т.е. чуть больше 2/10 от дохода. Но на примере других государств видно, что феодалы всячески боролись за право распоряжаться всем хараджем. Для мелких держателей земельных наделов замена хараджа ушром рассматривалась как персональная привилегия.

На сегодняшний день из-за скудности источниковой базы мы не располагаем сведениями о наличии в раннефеодальный период частновотчинного землевладения, наподобие общемусульманских «мульк» или «хасс». Как было сказано выше, на Востоке в этот период наблюдается переход от частновотчинного к условному землевладению. В то же время существование доменных владений у хазарского царя, золотоордынских и татарских ханов доказывается и письменными источниками.

Во второй половине XII в. Волжская Булгария вступает в эпоху развитого феодализма. Одной из характерных черт этой ступени развития общества считается феодальная раздробленность. Признаки ее одни исследователи усматривают в сообщениях русских летописей под 1183 г., когда «половцы емяковы пришли со князем болгарским воевать болгар», другие добавляют к этому появление «земляческих территориальных организаций», наподобие темтюзей, собекулян и челмата, или упоминание в источниках о болгарских князьях, состоящих друг с другом в союзнических отношениях и готовых прийти на помощь, как в событиях 1220 г. Таких фактов слишком мало, к тому же они не конкретны, чтобы на этом основании говорить о начавшемся процессе децентрализации государственной власти в Булгарии. Во всяком случае, ко времени монгольских завоеваний страна была достаточно монолитной и сильной. В отличие от Руси, где раздробленность (политическая, экономическая, культурная) охватила почти все регионы, Волжская Булгария сохранила свою целостность. Причиной тому было множество факторов. Во-первых, компактность территории давала центральной власти мобильно реагировать на те или иные центробежные тенденции. Во-вторых, по мнению ряда исследователей, к концу XI в. завершается процесс складывания единой булгарской народности, т.е. ликвидируется какая-либо

этнотерриториальная основа для сепаратизма. В-третьих, весьма значимым было наличие в стране крупных городов и большой доли городского населения и т.д. Высокий уровень развития торговли и заметная роль в обществе экономически мощного торгового сословия также сыграли свою роль в сохранении политического единства в стране.

Феодальные отношения уже глубоко проникли в сферу землевладения. Тем не менее основным держателем земельных угодий по-прежнему оставалось государство. Регулирование феодальных земельных отношений с помощью выдачи условно-наследственных владений в форме ленов являлось одним из приоритетных составляющих внутренней политики правительства. Во всем тюрко-мусульманском мире в это время завершается процесс превращения держания «икта» из временного бенефиция фактически в наследственный лен, феод. Существование в позднемонгольский период таких сложившихся феодальных категорий, как «йувари» (потомственные военные) и «ходжи» (хозяева), которые в основе своей были держателями средних и мелких земельных владений, говорит о широком распространении именно такой формы землевладения. Одной из отличительных особенностей местного феодализма от западноевропейского заключается в том, что земля феодала, которую он получил за службу, никогда не выходила из сферы контроля со стороны государства. Более того, государство взимало с нее отдельные налоги.

Некоторые исследователи применительно к феодалам домонгольской Булгарии используют соционим «тархан». По мнению Р.Г.Фахрутдинова, тархан – держатель феода, А.Х.Халиков считал их привилегированной частью феодалов. Отмечая отсутствие в источниках титула «тархан» у булгар ордынского времени, А.Х.Халиков писал, что тарханы «имелись в предыдущее время, а также у хазар и ранних болгар, причем не только у волжских, но и дунайских, а затем и в период Казанского ханства», отсюда «можно предполагать наличие такого титула, следовательно, и ряда тарханных льгот у болгар и в золотоордынское время» [Халиков, 1994, с.136]. В золотоордынский и казанскоханский периоды тарханство давалось лицу (феодалу) за особые заслуги пе-

ред государством (правителем) и являлось пожалованием государства на полное право пользования землей и имуществом. Владения тархана освобождались от налогов и поборов, он сам и его люди – от государственных повинностей. Более того, носитель этого права имел судебный и административный иммунитет, а само право передавалось по наследству на несколько поколений. Как отмечают исследователи (М.Г.Сафаргалиев, Г.А.Федоров-Давыдов и др.): «В оседлых землях, подчиненных Золотой Орде, продолжалось развитие тех же феодальных отношений, которые сложились еще в XII веке» [Федоров-Давыдов, 1973, с.25]. Существование тарханного права и тарханских владений во второй половине XII – начале XIII в. говорит о появлении в Волжской Булгарии частного феодализма.

До начала монгольских завоеваний Волжская Болгария обладала всеми признаками государства с развитыми феодальными отношениями. Феодальная собственность на землю (по большей части условно-наследственная) и развитая система налогообложения податного населения ставила ее в один ряд с такими государствами, как Хорезм или Русь.

Имеющиеся источники рисуют нам общество, еще в X в. достаточно стратифицированное по социальным группам и уже не укладывающееся в рамки дофеодального периода. Это общество в период Ибн Фадлана стояло на финальной стадии разложения институтов военной демократии. Вооруженный народ уже не является субъектом верховной власти. Власть постепенно сосредоточивается в руках болгарского «царя» («малика», по Ибн Фадлану), который, наподобие киевским князьям Игорю и Святославу, был верховным правителем всех племен и родов, обитавших в районе Волго-Камья.

Булгарский правитель изначально выступает как военный предводитель народа (союза племен), организуя против соседей походы и получая за это свою долю. Аналогичная роль правителя прослеживается у всех скотоводческих народов евразийских степей с хуннских времен. Но к началу X в., кроме военной, в его руках была сосредоточена высшая судебная и граждан-

ская власть. Согласно тюркским традициям, глава государства или народа являлся также первосвященником (в ранних государственных образованиях это просматривается в сакрализации правящего рода). Мусульманизация общества существенно не повлияла на эту роль булгарского правителя. Согласно сообщениям Ибн Фадлана, царь Алмыш выступает как высшая религиозная и судебная инстанция в государстве. Несмотря на его положение, полного отрыва от общества еще не наблюдается. Он доступен («...все, кто входит к царю, мал и велик...»); «когда царь едет верхом, он едет один, без отрока и с ним нет никого»), более того, выполняет какие-то заурядные чиновничьи обязанности, например, сам встречает посольства или проводит таможенный осмотр торговых судов. Безусловно, в данный период булгарский правитель резко отличается от своего обоженного сюзерена, хазарского кагана, который даже перед жителями своей столицы показывался лишь три раза в год.

В тот период с его сильными пережитками военной демократии булгарский «царь» не мог быть единоличным правителем. При нем находились четыре царя (князя) подчиненных ему племен. Ибн Фадлан их также называет «маликами», т.е. правителями. Эти главы племен вместе с ближайшими родственниками эльтабара составляли своего рода совет при правителе. Устоявшийся придворный церемониал, о котором также сообщает Ибн Фадлан, в определенной степени говорит о постоянном функционировании данного совета. Этот совещательный орган имел большую исполнительную власть прежде всего военного и дипломатического характера, и тем самым, если и не ограничивал, то, во всяком случае, делил власть с монархом.

Другим институтом государственного управления, но уже учредительного характера, был съезд свободных общинников (собрание вооруженных мужчин – курултай). Происходивший из племенных собраний предшествующей эпохи, этот институт в X в. был уже скорее всего анахронизмом и выполнял лишь законоутвердительные функции. Джиен созывался правителем для всенародного утверждения решений по наиболее важным проблемам, стоящим перед обществом, а также для осмотра боевого состояния народа – войска (чиру). Автор

«Рисале» сообщает о двух джиенах, свидетелем которых он был. Так, 16 мая 922 г. «собрались цари его земли, предводители и жители его страны», чтобы принять участие в церемонии официального принятия ислама. В джиене, созванном Алмышем в конце июня того же года на р. Джавшыр, кроме болгар, участвовали и другие племена государства, в том числе эсегелы и сурвары. По всей вероятности, кроме рассмотрения прочих вопросов, там было принято решение о заложении будущей столицы государства.

Во второй половине X–XI вв., в связи с усилением процесса феодализации и исламизации общества, произошли существенные изменения в социально-политической структуре общества. В определенной мере этому способствовали падение Хазарского каганата – бывшего сюзерена Волжской Булгарии и успехи центральной власти в деле укрепления единства страны. Дальнейшее распространение феодальных отношений привело к упадку социальных и политических институтов эпохи военной демократии. Джиен из собрания всего народа постепенно превращается в собрание общин (землячеств), построенных уже не по родоплеменному, а по территориальному принципу. Примером таких землячеств могут служить упомянутые в русских летописях темтюзи, собекуляне, челмата и т.п. [ПСРЛ, II, с.626]. В связи с упадком значения джиена в политической жизни государства снижается и роль народного ополчения, хотя последнее не исчезает вплоть до монгольских завоеваний.

Завершение процесса объединения страны и усиление единоличной власти правителя привели к исчезновению с политической арены другого изжившего себя института – совета «князей». Его функции полностью переходят к управленческому аппарату во главе с «визирем».

Булгарское общество начала X в. имело уже достаточно сложную социальную структуру, но крайняя ограниченность письменных источников не позволяет нам реконструировать ее. Проблема заключается также в сложном переплетении традиционной родоплеменной титулатуры с официальной государственной. Своеобразный сплав титулов и эпитетов характерен не только для домонгольской Булгарии. Аналогичную картину мы наблюдаем и в Улусе Джучи и в более поздних татарских го-

сударствах. Эта традиция уходит своими корнями в эпоху раннего средневековья. Примером такой синкретичности может служить Тюркский каганат, представлявший собой симбиоз родоплеменной организации древних тюрков («беклэр – кара будун») и государственно-управленческой системы («Вечного Тюркского Эля»). Поэтому выстроить, например, четкую феодальную иерархическую лестницу, как в Западной Европе, не удастся. Трудности возникают даже с титулатурой болгарского правителя, которого мусульманские авторы называли царем («маликом»), а русские летописцы – «князем болгарским». В татарских исторических рукописях и произведениях фольклора для его обозначения применялся традиционный для тюркских народов титул – хан. Ряд историков считает, что в социальной терминологии домонгольской Булгарии титул «хан» полностью отсутствовал и что на территории Поволжья «он появился с образованием Золотой Орды в середине XIII в.» [Фахрутдинов, 1984, с.25]. Аргументом сторонники данной точки зрения считают отсутствие упомянутого титула в письменных источниках домонгольского времени.

Действительно, дошедшие до нас источники очень скупы на социально-терминологический материал. Так, в работе ал-Гарнати «Муриб ан бад аджаиб ал-магриб» высший иерарх Волжской Булгарии назван универсальным для мусульманского Востока термином «малик» (царь). Поэтому более конкретные сведения о болгарских правителях можно почерпнуть лишь в «Рисале» Ибн Фадлана и «Тарих-и Бейхак» Абу-л Хасана Бейхаки. В первом источнике болгарский правитель Шилки (Силки) и его сын Алмыш (Алмуш/Алмас), которые правили страной в конце IX – начале X в., именованы «йылтываром (блтывар, эльтебер) болгар». Этот соционим в форме «блтывар» встречается и в сочинении Бейхаки применительно к предшественнику «царя» Абу Ибрагима Мухаммада, правившему в конце X в. Следовательно, термин «йылтывар» или «блтывар» мог использоваться для обозначения болгарских правителей, по крайней мере со второй половины IX и до конца X в. Существуют различные варианты этимологии данного слова. А.Х.Халиков, ссылаясь на «Мустафад ал-ахбар» Ш.Марджани, предлагал вариант «белтувар» («белеквар», по Ш.Мард-

жани), что должно означать «человек разума», «ученый человек» или «рожденный отмеченным» [Халиков, 1991, с.146]. Сам Ш.Марджани подкрепляет свои слова ссылкой на Абу-Исхака ал-Истахри, который в своем сочинении «Китаб масалик ал-мамалик» (930–933 гг.) писал: «На их (болгар и хазар) языке цари их называются «белек» и «бек»» [Мәржани, 1989, б.65]. На наш взгляд, более близки действительности те исследователи, которые видят параллель между «йылтываром» Ибн Фадлана и древнетюркским «эльтебер», обозначающим правителя крупного народа (племени), подчиненного тюркскому кагану и, по сути, являвшимся одним из высших административных должностей в «вечном тюркском эле» [Кычанов, 1997, с.104]. В дальнейшем эльтебер (эльтабар, илитвер) сохранился и в социально-политической структуре Хазарского каганата. Во второй половине VII–X вв. так именовались правители некоторых крупных народов, в том числе волжских болгар, состоящих с хазарским каганом (каганбеком) в отношении вассалитета. Поэтому соционим «эльтабар» следует рассматривать как эпитет, показывающий степень владельности болгарских правителей. Здесь следует отметить, что данный эпитет во времена Ибн Фадлана могли носить и главы других крупных племен болгарского союза, например, сувар. Автор «Истории агван» Мовзес Каганкатваци сообщает, что правитель гунносавир на Кавказе носил титул алп-илитвер (большой эльтабар) [Мовзес Каганкатваци, 1984, с.123].

В «Тарих-и Бейхак» (XII в.) есть сведения о государе Булгара – эмире Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ибн Б.л.т.варе, который в 415/1024-1025 г. послал подарки государю Хорасана и деньги на строительство мечети в Себзеваре и Хосровджерде [Заходер, 1967, с.46]. Арабский титул «эмир» (повелитель, от слова «амр» – повеление) по отношению к болгарскому правителю использовался также Ибн Фадланом, правда лишь один раз и то в хутбе от его имени: «Сохрани раба твоего Джафара ибн Абдаллаха, эмира болгар, мавля (клиента) эмир-уль-муминин». «Эмир-уль-муминин» (повелитель правоверных) являлся одним из титулов багдадского халифа (при этом подразумевалось, что верховный правитель, т.е. «аль-малик» – Аллах).

В то же время официально «эмирами» именовались правители всех мусульманских областей (государств), признающие верховенство (иногда лишь духовное) халифа, независимо, полусамостоятельные ли это бухар-худаты или хорезмшахи Мавераннахра, или абсолютно политически независимые султаны Газны. Поэтому в данном случае арабский титул «эмир» применительно к болгарскому правителю может служить лишь соционимом – эпитетом, показывающим степень его владельности. По сути, в 922 г. или несколько позднее, произошла смена или подмена «эльтабара», указывающего на зависимость от хазарского кагана, «эмиром», закрепляющим номинальный вассалитет от багдадского халифа. В связи с закреплением мусульманских традиций в обществе расширяются позиции и арабской социальной терминологии. Эмирами называли и правителей крупных городов или отдельных областей («княжеств») государства. По отношению к главе государства применялся более пышный эпитет «великий эмир». В связи с тем, что по степени владельности арабский титул «эмир» был идентичен славянскому титулу «князь», в русских летописях болгарских правителей именуют лишь «князьями». Это, в свою очередь, вызывает определенные сложности в понимании сути событий и делает летописный материал малополезным в изучении социально-политической структуры болгарского общества. Например, кем был «князь Болгарский», который «утече на коних в мале дружине» из объятого пламенем г. Ошеля в 1220 г. – правителем данной области или же правителем государства? А «князь Болгарский», отравивший половецкого хана Аепу с его князьями в 1117 г., или же «болгарский князь», воевавший в землях мордовского князя Пуреша в 1228 г.?

Появление общетюркского титула «хан» в болгаро-татарской социально-политической иерархии лишь в золотоордынский период, на наш взгляд, не имеет логической основы. Традиционно ханами именовуются в источниках правители всех близких к волжским болгарам этнополитических образований: дунайских болгар, печенегов, кыпчаков. Весомое положение ханов болгарских орд Подонья, которое они имели в политической системе Хазарского

каганата во второй половине VIII – начале IX в., отмечает и С.А.Плетнева [1976, с.57].

Титул «хан» в значении вождя, военного предводителя племени или союза племен впервые зафиксирован в китайских источниках («Тун цзянь цзи ши бэнь мо») по отношению к вождю тоба Линь, правившему в первой половине II в. [Кычанов, 1997, с.58]. В значении государя, верховного правителя страны ханы фигурируют во всех средневековых тюркских и монгольских политических образованиях, в том числе в Улусе Джучи и татарских ханствах. Известно, что в Улусе Джучи верховные правители – Джучиды именовались «ханами» («царями» в русских источниках), а официально определяющим их степень владительности был титул-эпитет «султан». То, что в данном случае соционим «султан» является не традиционным титулом, а лишь эпитетом, указывает не только его место перед собственным именем (согласно тюркской речевой логике, титулы ставятся после собственного имени, а соционимы-эпитеты – перед), но в некоторых случаях и параллельное применение с уже изрядно подзабытым к этому времени соционимом «хакан» («царь царей»), как в формуле крымского правителя начала XVI в. – «великий султан, хакан Менгли-Гирей хан». Традиционные титулы М.А.Усманов называет «постоянными титулами», отмечая, что в официальных документах они зачастую не указывались, например, как в формуле «султан справедливый Тохтамыш» [Усманов, 1979, с.156, 157].

Безусловно, на протяжении всей истории Волжской Булгарии титул «хан» использовался применительно к правителям страны, т.е. был их постоянным титулом. Таким образом, на вершине иерархической лестницы стоял хан, который, согласно своему статусу, именовался «эльтабаром» (IX–X вв.) или «эмиром» (X – начало XIII в.). По мнению А.Х.Халикова, болгарские цари домонгольского периода происходили, возможно, из племени барсил [Халиков, 1991, с.40, 55]. Учитывая положение этого народа в Хазарском каганате, данное утверждение является вполне логичным. Согласно сведениям «Армянской географии», каганы из правящего рода Ашина своих хатуней брали из барсил [Артамонов, 1936, с.104]. Барсилы в числе первых мигрантов заняли центральные земли бу-

дущей Волжской Булгарии, позднее именно на их территории будет строиться столица страны Великий город (Биляр–Булгар).

Труднее определить династию болгарских царей. Ш.Марджани причислял их к знаменитому роду Дуло (толо, теле), к которому, если верить «Именнику болгарских ханов», принадлежали государи Великой и Дунайской Болгарии [Закиев, 2003, с.326]. А.Х.Халиков, не исключая возможности участия клана Дуло в сложении местной правящей династии, все же больше склонялся непосредственно к роду Ашина [Халиков, 1991, с.146]. Логически это можно объяснить тем, что, во-первых, барсило-болгарское население Дагестана, как и савиры, никогда не было приверженцем клана Дуло; во-вторых, последнему вряд ли удалось бы сохранить свои политические позиции в роли правителей донских болгар в период каганата, когда почти половиной Восточной Европы правила ненавистная ему нушибийская линия династии Ашина. В пользу последней говорит и тот факт, что даже в XI в. отдельные рудиментарные линии этой династии могли сохраниться у кочевых племен восточноевропейских степей, например, у кыпчаков-шаров [ИТ, 2002, с.346]. Но бросается в глаза тот факт, что у тюрков и хазар царствующий род Ашина был священным, а каких-либо элементов сакрализации личности болгарского правителя (не то что всей его фамилии) в IX–X вв. в источниках не отмечено. Лишь с образованием единой болгарской народности во второй половине домонгольского периода происходит легитимизация «царской» власти. В исторических преданиях болгар основателем правящей династии указывается Искандер Зу-л-Карнаин (Александр Македонский), который к тому же «построил» и столичные города: Биляр–Булгар (Великий город) и Великий Булгар (Бряхимов). Родство с кораническим Зу-л-Карнаином, который по воле Аллаха карал неверных и защищал правоверных, строил им города, не только придавало правящей династии «святость», но и должно было способствовать цементации у народа идеи его «мессианства», избранности, продолжателя дела «великих предков».

Одновременно в среде ярких адептов мусульманской религии возникает и другая легенда, согласно которой династия бул-

гарских царей связывается если не с самим пророком Мухаммадом, то хотя бы с его ближайшими асбабами (причем указывается имя основателя болгарской мусульманской династии – Абдуррахман ибн Зубер) [Татары, 2001, с.58].

Существовали ли в социально-политической системе Волжской Булгарии отдельные титулы наследников престола, принцев, такие, как тегины в Тюркском каганате или огланы в Улусе Джучи? По всей вероятности, здесь, как и в Хазарском каганате [Семенов, 1994, с.70], принцы носили универсальный титул «бек», что в определенной мере подтверждается и более поздней легендой о болгарском хане Абдуллахе и его сыновьях Алтын-беке и Алим-беке. Как в домонгольский, так и в золотоордынский периоды принцы могли назначаться правителями отдельных городов и областей, и уже по должности именоваться «эмирами». Например, в эпиграфическом памятнике из Казани (XIV в.) говорится, что «это место погребения повелителя великого, знатнейшего, помощника повелителей, **эмира** чтимого... победоносного... почтенного... великих, знамени... победоносному... двух почестей... гордости рода... и веры, тени господа миров Хасан **бека** сына **мир**-Махмуда» [Юсупов, 1960, табл.2].

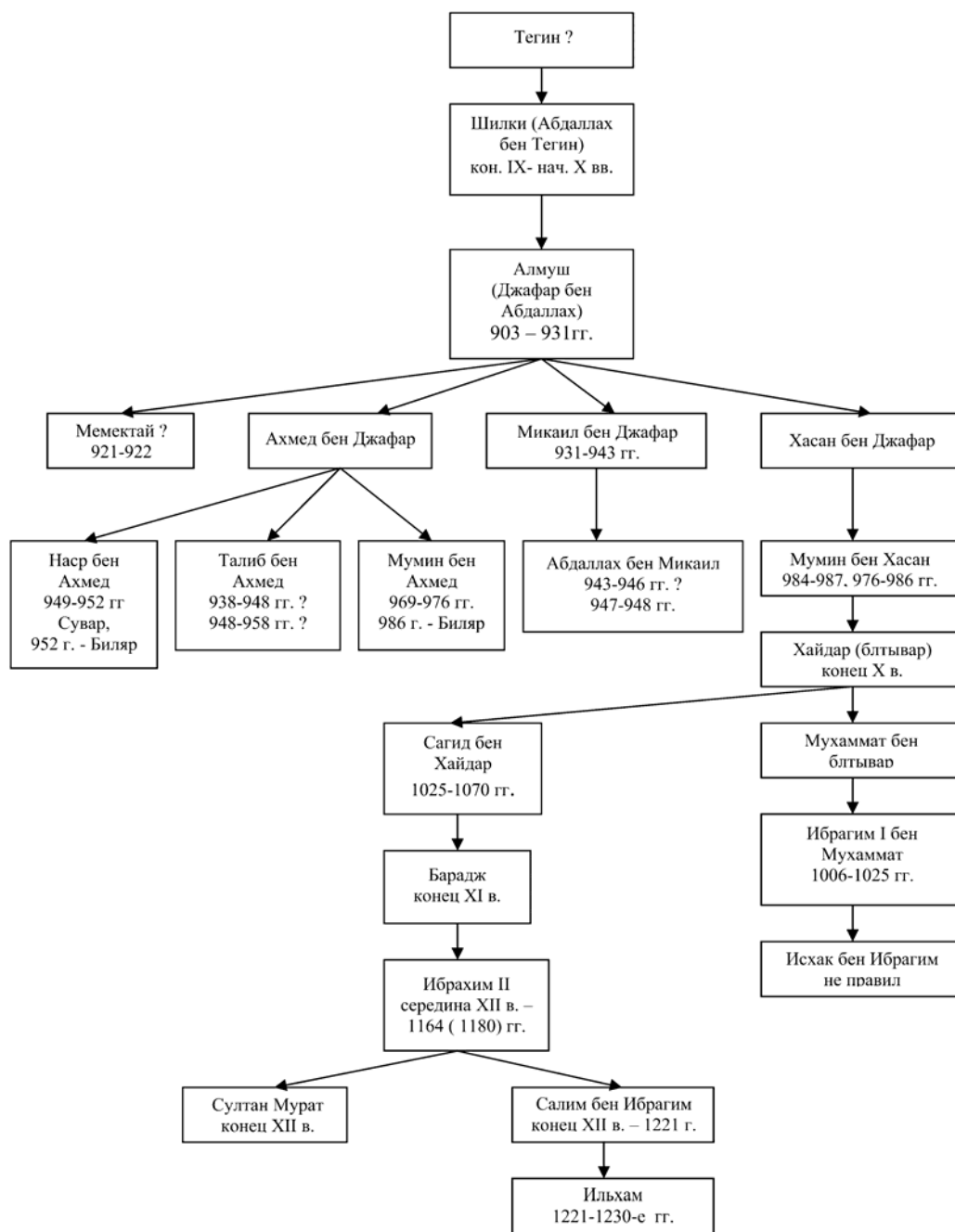
Ниже представителей правящей династии стояла тюркская родоплеменная знать – беки или бии (соотношение этих титулов в науке окончательно не решено, хотя большинство специалистов указывают на их тождественность). Начало формирования этой социальной категории уходит своими корнями в гуннскую эпоху. В Тюркском каганате они представляют уже неотъемлемую часть родоплеменной организации титульного народа, к которому апеллирует верховный правитель «эля». В период второго массового переселения тюркских народов (IX–XI вв.) данный титул становится распространенным не только в пределах евразийских степей, но и в Передней и Малой Азии. Например, «бек» являлся постоянным титулом создателей крупнейших восточных империй – султанов сельджукской и османской династий [Всемирная история, 1957, с.498; Рэхимова, 1996, 32 б.]. По своему статусу он соответствует арабскому титулу «эмир» и славянскому «князь». В раннедомонголь-

ский период Волжской Булгарии беки (бии) – это, прежде всего, главы тюркских родов, иногда и племен, входивших в состав населения государства, а также сыновья и родственники правителя.

Близким к беку является титул «инал», который также встречается в болгарских памятниках вплоть до золотоордынского периода [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.101]. Не исключено, что этот титул носили главы этнических групп огузского происхождения или болгарские аристократы – выходцы из Средней Азии. Г.В.Юсупов, ссылаясь на Рашид ад-дина, отмечал: «Не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру цари – князья племен, о которых в X веке упоминает Ибн Фадлан, или же им титуловался предводитель огузов в пределах Булгарского государства» [Юсупов, 1960, с.102–103]. Присутствие на территории Волжской Булгарии X–XI вв. этнокультурных групп юго-восточных истоков подтверждается и археологическими материалами [Хлебникова, 1984, с.121].

Ибн Фадлан глав племен называет «царями его земли» и выделяет их от «предводителей». Были ли эти «предводители» беками более низкого порядка или этим термином обозначались все представители родо-племенной и военной знати, пока сложно судить. Но в то же время источники первой половины X в. дают определенные сведения о наличии у болгарских царей дружинников («асхабов» – друзей, по Ибн Фадлану). Как и в любых государствах раннего типа в дружину правителя набирались лично независимые, свободные мужчины, выходцы из средних, иногда и высших социальных групп. Определенную часть дружинников составляли наемники из числа варягов – русов или хорезмийцев [Халиков, 1991, с.144, 153]. Такие же дружины могли иметь и предводители других племен, которые, признавая власть верховного царя, в то же время могли выступить против него с оружием [Хузин, 1997, с.40, 41]. В этих дружинах происходит постепенное расслоение. Наиболее знатные, влиятельные дружинники царя, которых называли «кувадами» (сотоварищи), одновременно начинают выступать в качестве представителей центральной власти на местах [Греков, 1959, с.164]. Дружинни-

Династия болгарских правителей домонгольской эпохи

ки-алпы и командовавшие военными ополчениями чура-батыры (от др.-тюрк. «чериг багатур» – войсковой начальник) станут в дальнейшем основой формирования военного сословия государства.

Феодализация болгарского общества, сопровождающаяся централизацией страны, стиранием родоплеменных различий,

внесла существенные коррективы и в социальную структуру. Представители титулованной знати (члены царской фамилии, князья-беки, иналы), назначенные правителями области или города, именовались «эмирами». Причем соционим «эмир», указывающий на степень владельности, должность, становится также термином,

определяющим знатность его носителя или рода, как в формуле «Шахид-хаджи сын Мир-Ибрахим инала».

Наиболее многочисленной категорией болгарских феодалов в позднедомонгольский (как и в последующий золотоордынский) период был, безусловно, «ходжа». Титул «ходжа» (господин, хозяин) носили феодалы среднего уровня, и этот титул при сохранении владений переходил из поколения в поколение, о чем свидетельствует эпитафия 1308 г. из Болгарского городища, где зафиксирована целая династия ходжей: «мюн-суварского рода... Али-ходжи сына, Атряча-ходжи, (его) сына Абу-бекир-ходжи, (его) сына Алп-ходжи надмогильный знак» [Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с.101]. Г.В.Юсупов относит этот соционим к духовным званиям – конфессионимам [Юсупов, 1960, с.102]. Не исключено, что «ходжа» являлся универсальным термином, означающим феодала – держателя крупных земельных владений икта.

Во второй половине домонгольского периода, судя по ряду источников, завершается оформление военно-служилого сословия йувари или йори («человек войны»). Подтверждением существования этой социальной категории еще в домонгольский период служит текст с надмогильного камня XIV в.: «Храброго Арс-Сираджа-йори сын Йагкуб-йори, (его) сын Айуб-йори, (его) сын Хасан-йори, (его) сын Гали-йори, (его) сын Атряч-йори, (его) сын Мухаммад мир-Махмуд». А.Х.Халиков отделяет этих потомственных военных от наемных гвардейцев правителей. По мнению исследователя, алыпам-багатурам, составляющим основу этого сословия, за проявленные отличия выделялись земельные наделы, что сделало их в дальнейшем землевладельцами [Халиков, 1991, с.153].

Наличие отдельных женских званий или титулов, таких, как «хатун» (жена правителя, хана, эмира), «бикэ» (жена князя-бека), «алти» или «илчи» (госпожа, хозяйка, владелица), несомненно, говорит о значительных правах и независимом положении жен болгарской феодальной верхушки [Юсупов, 1960, с.105]. Об участии жены прави-

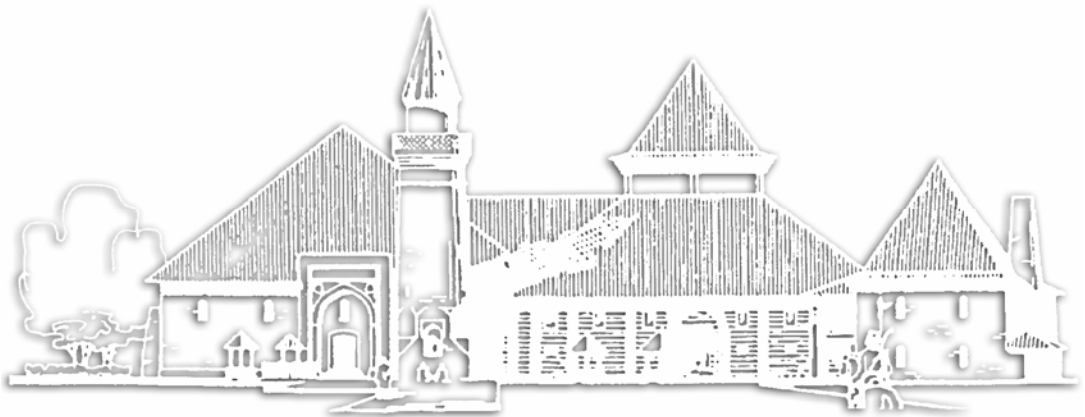
теля в официальных церемониях писал и Ибн Фадлан. Эти титулы, появившиеся в древнетюркский период, будут использоваться булгарами и в золотоордынскую эпоху.

Несколько по другому принципу строилась структура мусульманского духовенства страны. Одно из своеобразий ислама выражено в отсутствии жесткой иерархии духовных санов, какую мы наблюдаем в христианских государствах. В нем нет принципа «священства» религиозных служителей и поэтому сан здесь заменяют или степень учености служителя, или занимаемая им должность. Наиболее почитаемыми лицами, по сути руководившими всей мусульманской уммой страны, безусловно, были шейхи (шейх уль-ислам, шейх аш-шейх, «шейх» – старец), многие из которых получали в молодости достаточно высокое образование у видных мусульманских теологов в учебных центрах Востока и, вернувшись на родину, со временем возглавляли религиозные общины. Не исключено, что уже к этому времени относится традиция избрания из их среды муфтия – знатока шариата, принимающего решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фетвы).

За шейхами шли имамы («стоящие впереди»), настоятели соборных мечетей, духовные руководители, проповедники-хатибы), муллы («владыки», служители культа, знатоки религии), муэдзины («извещающие», служители мечети) и т.д. Утверждается культ почитания людей, совершивших паломничество в священную Мекку – хаджи. Отдельно от них стояли факихы (правоведы), наиболее авторитетные из которых могли быть избранными муфтиями, и кадии (судьи), вершившие правосудие по нормам шариата. И, наконец, с исламом самым тесным образом была связана система образования. В значительной степени она лежала на плечах приходских мулл, хотя существовали и специальные учителя: мударрисы (преподаватели фикха в медресе), мугаллиммы (учителя в медресе), хальфы (учителя в мектебах) и т.д.

Часть III

Волжская Булгария: города и сельские поселения

ГЛАВА 1

Булгария – страна городов

1. Булгарские города и проблемы их происхождения

Фаяз Хузин

На территории Волжско-Камской Булгарии к настоящему времени известно около 170 городищ домонгольского времени – остатки военных крепостей, феодальных замков и настоящих городов. Средневековый город рассматривается историками как полифункциональный социальный организм в структуре феодального государства. Это, прежде всего, укрепленное поселение с административно-политической, военной, культовой и торгово-ремесленной функциями.

В список домонгольских городов Волжской Булгарии можно включить:

1. Барско-Енарускинское городище – кремль города (около 3 га) с обширным посадом (63,5 га) на правом берегу р. М.Сульча;

2. Щербеньское I городище – кремль города (3 га) с посадом в 40 га;

3. Билярское городище (укрепленная площадь – 620 га, вместе с пригородами – около 800 га) – остатки *Великого города* русских летописей или *Булгара* восточных авторов, домонгольская столица государства;

4. Горкинское II городище – крупный город (212,5 га) с небольшим посадом (12 га), расположенный всего в 3–4 км от Биляра. Пока непонятно их синхронное существование;

5. Крестово-Городищенское городище – остатки болгарского города «Симбир» (по А.Х.Халикову), расположенного на торговой переправе через Волгу;

6. Суварское городище (площадь около 90 га) – остатки Суvara, центра «княжества» X в.;

7. Кокрятьское городище (площадь 94, 5 га) – город на торговом пути Булгар – Киев, выполнявший функции манзиля;

8. Шмелевское городище – остатки города средних размеров (28,3 га) на правом берегу р. Утки;

9. Болгарское городище (укрепленная площадь в XII – начале XIII в. – 24–25 га) – остатки Внешнего Булгара (на Волге) или Бряхимова, известного как крупнейший торговый пункт страны;

10. Красноключинское городище – крупный город (67 га), в материалах которого имеются остатки ремесленной деятельности;

11. Старо-Нохратское городище – небольшой город (3,8 га) с посадом (20 га), в материалах которого имеются следы производственной деятельности;

12. Ромоданское I городище – кремль города (2,8 га) с обширным посадом (около 100 га);

13. Западно-Войкинское городище – город средних размеров (11 га) с ремесленным посадом;

14. Городище «Городок» – крупный город с ремесленным посадом (общая площадь около 85 га), расположенный на левом берегу р. Камы;

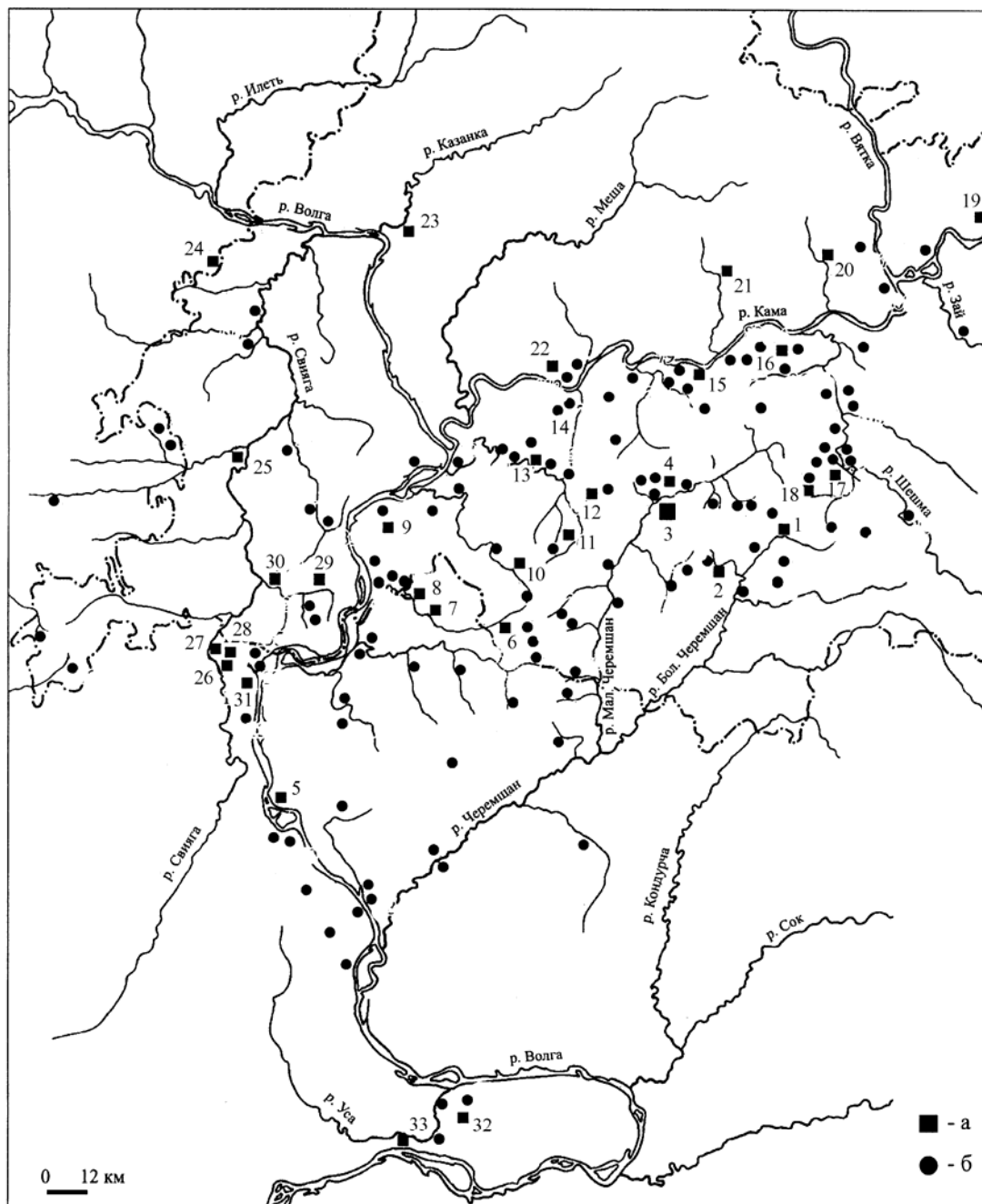
15. Джукетауское городище – остатки города Джукетау (укрепленная площадь 5,8 га) с посадками-пригородами общей площадью около 15 га;

16. Малополянское городище – кремль города (около 1 га) с обширным посадом (90 га);

17. Новошешминское I городище – остатки города средних размеров (укрепленная площадь около 16 га);

18. Екатеринино-Слободинское I городище – остатки болгарского города средних размеров (18 га) с посадом в 30 га;

19. Елабужское (Чертово) городище – кремль города Алабуги (3 га) с посадом-пригородом на правом берегу р. Камы;

Карта болгарских городищ домонгольского времени: а – города, б – феодальные усадьбы и крепости. Номера соответствуют номерам в списке болгарских городов, приведенном в тексте

20. Кирменское городище – остатки летописного Кирменчука XIV в., существовавшего и в домонгольское время;

21. Чаллыинское городище – кремль города (1,2 га) с обширным посадом (около 60 га), домонгольские границы которого пока не определены;

22. Кашанское I городище – остатки летописного Кашана XIV в., существовавшего и в домонгольское время;

23. Городище «Казанский кремль» – кремль города (около 5 га) с ремесленным посадом, площадь которого пока не определена;

24. Альменевское городище – остатки болгарского города средних размеров (34 га), расположенного в бассейне р. Свяги;

25. Деушевское городище – остатки города средних размеров (более 28 га) с посадом-пригородом на левом берегу Свяги;

26. Староалейкинское городище – остатки одного из крупнейших городов Булгарии (230 га) на правом берегу Свяги;

27. Красносундюковское I городище – остатки болгарского города средних размеров с укрепленной частью около 50 га и посадом-пригородом в 75 га;

28. Красносундюковское II городище – остатки города с укрепленной площадью около 10 га и посадом-пригородом в 24 га. Последние два городища с прилегающими к ним пятью пригородами-селищами А.Ф.Кочкина весьма аргументированно рассматривает как единый комплекс – городскую агломерацию общей площадью около 177 га, возникшую не позднее начала – первой половины X в. [Кочкина, 1997, с.185];

29. Богдашкинское городище (укрепленная площадь 77 га) – предполагаемые остатки летописного Ошеля;

30. Хулашское городище (укрепленная площадь 11,3 га) – остатки небольшого болгарского города;

31. Городищенское городище – остатки крупного болгарского города с укрепленной площадью около 81 га на правом берегу р. Волги;

32. Муромский городок (площадь около 400 га) – остатки одного из крупнейших болгарских городов на Самарской Луке, центр южных земель Булгарии;

33. Междуреченское городище – остатки болгарского города средних размеров (24 га) на р. Волге;

34. Трескинское городище – болгарский город средних размеров (16 га) на левом берегу р. Суры;

35. Юловское городище – остатки административно-политического центра пензенской группы булгар;

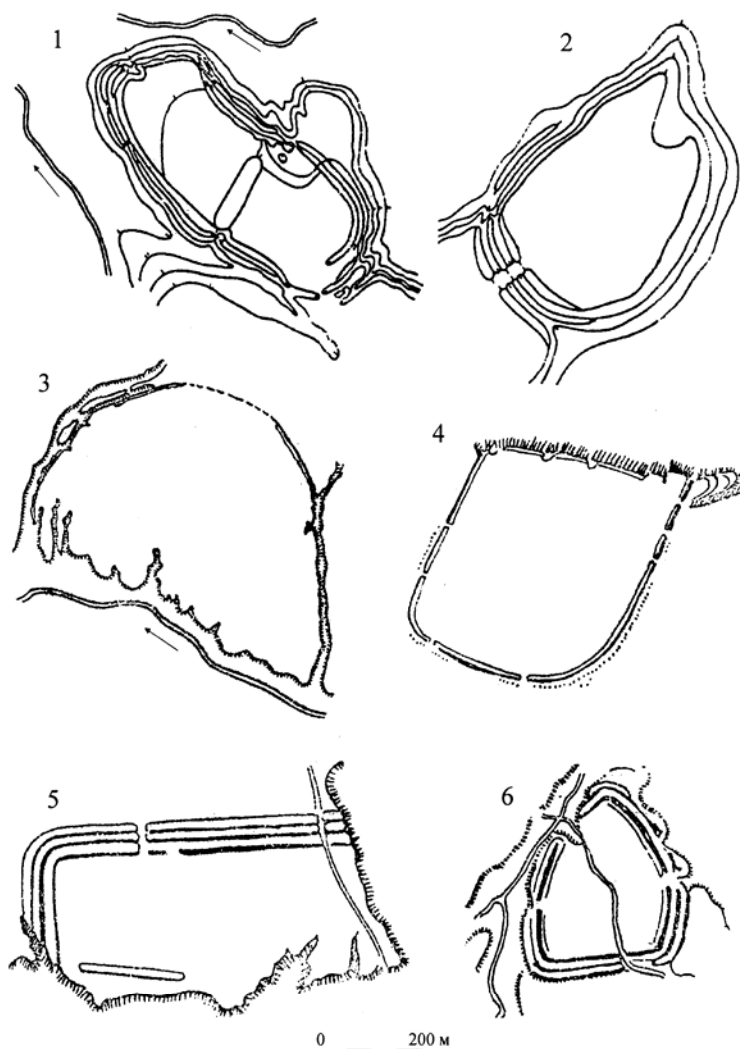
Представленный список, естественно, нуждается в дальнейших корректировках, которые можно будет внести в него после проведения археологических раскопок на этих памятниках.

К числу болгарских городов, расположенных за пределами основной территории

Волжской Булгарии, исследователи относят два памятника в Пермском Предуралье: Рождественское городище с прилегающим посадом и могильником на р. Обва (правый приток Камы) и Кыласово городище или Анюшкар на р. Иньва при впадении ее в Каму [Крыласова, Белавин, 2000; Ленц, 2000]. Мощная оборонительная система Анюшкара, по мнению Г.Т.Ленц, «необычная для родановских городищ», была сооружена, по всей вероятности, булгарами. Первое из них А.М.Белавин идентифицирует с «касабой Афкуль», второе – с городом Чулыман, известным по арабским источникам XIII–XV вв. [Белавин, 2000, с.123]. На обоих поселениях открыты остатки ремесленной деятельности, в частности, гончарные горны, следы кузнечного, косторезного, ювелирного и даже стекольного производств. По мнению исследователей, большинство их жителей были выходцами из Волжской Булгарии [Крыласова, Белавин, 2000, с.326]. Для них, по предположению А.М.Белавина, была построена мечеть. Умерших хоронили на мусульманском кладбище.

Крупнейшее открытое, т.е. не укрепленное, торгово-ремесленное поселение домонгольских булгар располагалось на месте Измерского I селища на Каме, занимающего площадь более 60 га [Казаков, 1999]. Основываясь на огромном количестве вещевого материала (монеты X–XI вв., торговый инвентарь, предметы западного и восточного импорта, остатки ремесленного производства), исследователь памятника Е.П.Казаков интерпретирует его как крупнейший международный торговый пункт булгар на Каме. Мы склонны локализовать здесь «стоянку русов», описанную Ибн Фадланом, и место встречи багдадского посольства с болгарским «царем» в мае 922 г.

Даже поверхностный взгляд на планы болгарских городов обнаруживает их непростую социально-топографическую структуру. Сложной планировкой отличаются Билярское и Валынское городища, состоящие из трех или даже четырех топографических частей. Можно выделить города: 1) с двумя укрепленными частями и ярко выраженными следами прилегающих к их валам пригородных селищ, предварительно определяемых посадками – Красносундюковское I, Екатеринино-Слобо-

Планы болгарских городов Закамья: 1 – Ромоданское I, 2 – Щербеньское I, 3 – Красноключинское, 4 – Щербетьское, 5 – Западно-Войкинское, 6 – Старонохратское городища

динское, Горкинское II и др. городища; 2) с двумя укрепленными частями и без признаков пригородных селищ – Городищенское на Волге, Богдашкинское, Староалейкинское и др. городища; 3) с одной укрепленной частью и неукрепленным пригородом – Сувар, Джукетау, Старонохратское, Барско-Енарусскинское и др. городища. К сожалению, в настоящее время мы не знаем, всегда ли составляли примыкающие к городским стенам обширные селища неотъемлемую часть города, являясь их торгово-ремесленными посадами. Это следует доказать археологически. Без проведения целенаправленных исследований невозможно понять значение отдельных

топографических частей в общей городской структуре.

Как известно, возникновение и дальнейшее развитие средневекового города обусловлены не только общими закономерностями, но и частными, иногда весьма существенными особенностями, вызванными естественно-географическими условиями отдельных регионов страны, неравномерностью развития в них феодальных отношений, различным экономическим и демографическим потенциалом этих регионов и некоторыми другими факторами. Все это с неизбежностью приводило к многообразию форм городского строя или к «иерархической ранговости городов».

Они отличались друг от друга преобладанием или, наоборот, относительно слабым развитием тех или иных функций (политико-административных, военно-оборонительных, культурно-религиозных) и, в конечном счете, по занимаемому месту и значению в государственной системе. Так, уже сейчас можно выделить такие категории городов, как общегосударственный столичный центр с его ярко выраженной полифункциональностью – Биляр (Булгар, Великий город); центры отдельных земель «княжеств» – Сувар, Ошель, Джукетау, Кашан, Алабуга, Муромский городок на Самарской Луке, Юлово на Суре, Афкуль в Пермском Предуралье; средние и малые города типа Старого Нохрата, Хулаша, Щербеньского I городища – центры сельскохозяйственной округи; крупные торговые или торгово-ремесленные центры – Болгарское городище, Измерское, Лаишевское поселения, древняя Казань. Более точное определение социального статуса этих городов будет возможным лишь после углубленного изучения их путем раскопок.

Происхождение болгарских городов связано с проблемой седентаризации болгар и времени возникновения у них первых постоянных поселений. Эти процессы происходили еще в недрах раннеболгарского общества.

Историческое содержание раннеболгарского периода было определено еще В.Ф.Смолиным. Он считал, что в течение VII–IX вв. болгары, знавшие уже земледелие и ремесла, «меняют свои степные палатки-юрты на деревянные дома и случайные становища – на города, укрепленные валами и рвами». Появляются города Булгар («в пределах нынешнего пригорода Билярска»), ставший столицей страны, и Сувар, расцвет которых приходится на второй, домонгольский период [Смолин, 1925, с.33–34]. Принципиальная правота В.Ф.Смолина была доказана всем ходом развития болгарской археологии в прошлом столетии.

В последние годы ряд археологов (Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, Е.А.Беговатов, К.А.Руденко) верхнюю границу раннеболгарского периода стали доводить до последней четверти X столетия. В болгароведении считается общепринятой точка зрения, согласно которой раннеболгарское время – это догосударственный, пре-

имущественно кочевнический и языческий период в истории волжских болгар. По мнению сторонников новой концепции, до последней четверти X в. государства у болгар не было, они вели чисто кочевой образ жизни и продолжали поклоняться своим языческим богам.

Данная концепция входит в противоречие с источниками.

Климатические, природно-географические условия Среднего Поволжья никогда не были благоприятными для круглогодичного кочевания. Уже на первых порах «обретения родины» часть населения, в первую очередь беднейшая, должна была постепенно оседать на землю и заняться земледелием и ремеслами. Невероятно, что кочевники могли оставить такой огромный некрополь, как Танкевский, содержащий, по предварительным оценкам, более 5 тыс. могил. В его округе проживало, несомненно, большое количество оседлого населения.

До переселения на Среднюю Волгу, будучи в составе раннефеодальной Хазарии, болгары уже знали оседлость, занимались земледелием, участвовали в строительстве городов и крепостей, в религиозных войнах и внешнеполитических акциях, набирая богатый опыт жизни в условиях государственности. Этот опыт, безусловно, заметно ускорил процесс образования у них государства на новой родине. Не случайно, что уже в начале X в. волжские болгары начали чеканку монет (902–908 гг.), а в 922 г. официально приняли ислам – монотеистическую религию, отвечающую новым социально-экономическим и общественно-политическим условиям. Багдадское посольство посетило страну, население которой уже имело традиции прочной оседлости, со своими городами (пусть на начальном этапе своего развития) и селами, а не кочевое общество скотоводов, невысказанное в условиях Среднего Поволжья.

Важно подчеркнуть, что, по сведениям арабского географа начала X в. Ибн Русте, труд которого был написан в период между 903–913 гг. с привлечением более ранних источников, большая часть болгар исповедовала ислам уже до официального его принятия, в их селениях были мечети, а при них – начальные религиозные школы с муэдзинами и имамами [Хвольсон, 1869, с.22–23]. Мусульман-баранджар, у которых

Валы Горкинского II городища

имелись мечети еще до приезда багдадского посольства, видел Ибн Фадлан в 922 г. [Ибн Фадлан, 1956, с.138]. Несмотря на отсутствие в этих источниках каких-либо указаний на наличие у булгар городов, трудно представить, что в них речь идет о мусульманах-кочевниках, не имеющих оседлых поселений.

«Булгары – народ земледельческий», – отмечал также Ибн Русте. Ибн Фадлан, по словам академика Б.Д.Грекова, застал у булгар «налаженное земледелие и индивидуальное освоение земли» [Греков, 1945, с.4]. Земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, оно создавало значительный прибавочный продукт, шедший на экспорт. В Лаврентьевской летописи под 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле отравились русские по Волге в Булгарию, «привезоша жито и тако ожиша» [ПСРЛ, 1962, I, с.147]. Вряд ли булгары, едва освоив земледельческую отрасль хозяйства в третьей четверти X в., начали бы так скоро вывозить хлеб за пределы страны. Для этого необходимо, чтобы у населения были длительные и достаточно устойчивые традиции земледелия. А они, на наш взгляд,

были. Многие производственные и земледельческие навыки, освоенные в Хазарском каганате, принесли в Волжскую Булгарию переселенцы последней волны в конце IX – начале X в. [Плетнева, 1997, с.49]. Этим булгар, частично уже мусульманизированным, нельзя было называть кочевниками, не знающими оседлого образа жизни. Об этом свидетельствуют и археологические данные.

Находки из могильников конца VII – начала VIII в. свидетельствуют о начале оседания переселившихся в Среднее Поволжье болгар-кочевников [Матвеева, 1997, с.99]. Так Севрюкаевское II поселение рассматривается Г.И.Матвеевой как одно из ранних постоянных поселений волжских булгар. Д.А.Сташенков, исследовав вещевой комплекс Пролетарского городища VI–VIII вв. на Самарской Луке, заключает: «Впервые в регионе на поселенческом памятнике в значительном количестве обнаружены фрагменты амфор и круговой салтово-маяцкой керамики, маркирующие начало процесса седентаризации кочевников хазарского времени» [Сташенков, 1997, с.76].

Изучив новые материалы полевых исследований, ульяновский археолог Ю.А.Семькин пришел к заключению, что уже в начале раннебулгарского периода на территории Среднего Поволжья существовали поселения булгар в виде сезонных стоянок типа Абрамовского селища с бедным культурным слоем и стационарных укрепленных поселений типа «Чертова Городка», на которых они жили круглогодично [Семькин, 1996, с.74].

Очевидно, в число раннебулгарских поселений IX–XI вв. входят Пальцинское и Криушское селища в Ульяновской области, а также два селища, расположенные за пределами северо-восточных укреплений Болгарского городища в низовьях Мало-Иерусалимского оврага. При раскопках малоиерусалимских поселений обнаружены серебряные саманидские дирхемы (5 шт.). Самая ранняя монета чеканена в 894/895 г. В одном из наземных жилищ обнаружена монета 898/899 г., самые поздние относятся к 913–932 гг. [Старостин, 1999, с.101].

Таким образом, как показывают материалы, начало возникновения постоянных поселений у волжских булгар относится к гораздо более раннему времени, чем третья четверть или конец X в. Болгары начинают оседать практически сразу после их переселения на Среднюю Волгу.

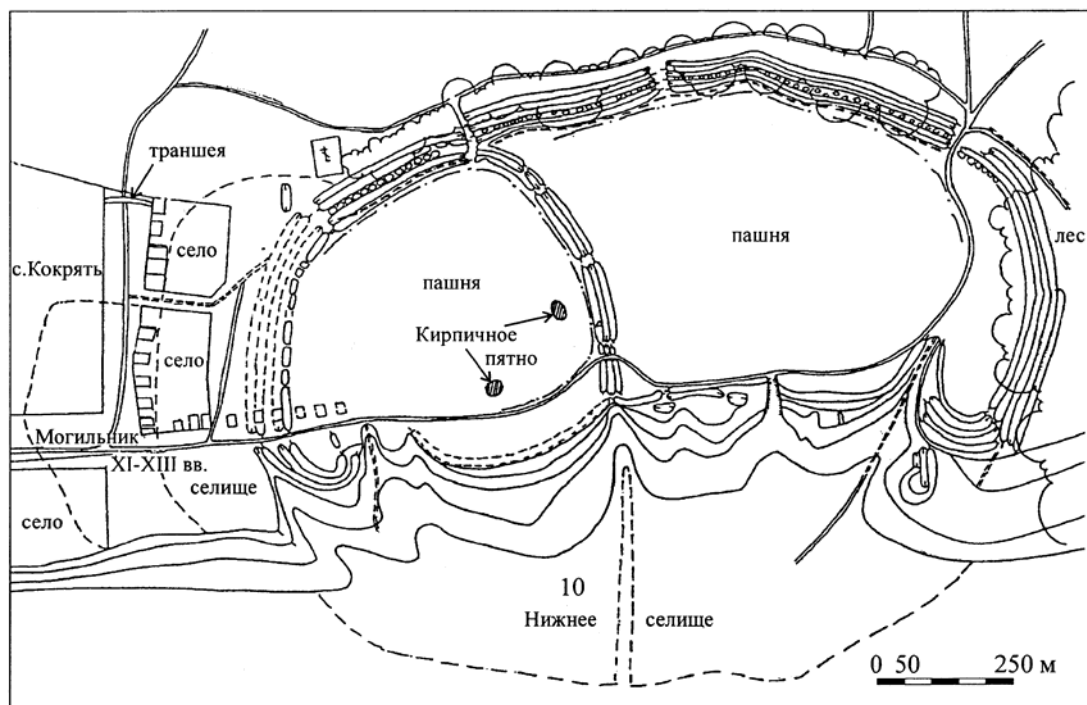
В первой половине X столетия возникло большое количество поселений, в том числе Семеновское и Измерское торгово-ремесленные поселения, содержащие в составе находок десятки и сотни серебряных арабских дирхемов 930–970 гг. (самая ранняя монета – саманидский дирхем 902–908 гг.), а также дирхем булгарского эмира Микаила ибн Джафара 920-х гг. [Беговатов, 1998, с.9; Казаков, 1991, с.29]. По мнению С.И.Валиуллиной, в семеновской коллекции господствует продукция специализированных мастерских Ближнего Востока, которая получила широкое распространение в булгарских памятниках Среднего Поволжья с VIII–IX вв. [Валиуллина, 2000, с.57, 62].

Классическими памятниками, время возникновения которых в начале X в. не подлежит сомнению, являются Болгарское, Суварское и Билярское городища, домонгольские слои которых содержат почти идентичный, хронологически не от-

личимый друг от друга материал. Булгар и Сувар упоминаются в письменных источниках первой половины X столетия, начиная с 920-х гг. Однако, по рассказам Ибн Фадлана мы знаем, что в 922 г. городов (крупных, как на Востоке) у булгар еще не существовало. В то же время именно с Ибн Фадланом «царь» Алмуш обсуждал план строительства большой крепости, чтобы защищаться в ней от своих врагов-противников [Ибн Фадлан, 1956, с.121, 133, 141]. По мнению ученых, «уже в 922 г. началось строительство как города Биляра (Булгара?) вдали от Волги, так и другого города Булгара, расположенного неподалеку от того торжища на берегу Волги, где Ибн Фадлан видел русов», к 930 (или 950) г. это были уже «заметные центры» [Мачинский, 1985, с.7]. Существование (Внешнего) Булгара, Сувара и Биляра (столичного Булгара) в первой половине X в. единодушно признают все археологи-булгароведы. Отсюда вытекает, что происходящие из ранних слоев этих трех памятников ранние материалы должны служить для нас в качестве эталонных при определении хронологии и других булгарских поселений.

Таким образом, конец IX – первая четверть X столетия – это, безусловно, завершающий этап оседания волжских булгар на землю, время массового появления стационарных поселений. Эти процессы происходили на фоне сложения новых форм общественных порядков, оформления раннефеодальной государственности, налаживания связей с соседними народами, установления дипломатических отношений с далеким Багдадом, завершившегося принятием мусульманской религии.

Принципиальные положения проблемы генезиса средневекового города были сформулированы в советской историографии академиком М.Н.Тихомировым, рассматривавшим этот процесс в связи с развитием земледелия и ремесла в области экономики и феодализма – в области общественных отношений [Тихомиров, 1956, с.64]. Данная теория, которой долгое время придерживались историки, подверглась в последние два десятилетия существенным уточнениям и дополнениям. Представляется весьма плодотворной мысль ряда современных исследователей о тесной взаимозависимости процессов генезиса сред-

План Кокрятьского городища (по А.Х.Халикову)

невековых городов и зарождения государственности. Согласно новым концепциям, города «возникают в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной. Именно в насыщенной социальными связями среде происходит кристаллизация городов, являющихся сгустками этих связей. Такой момент наступает на позднем этапе родоплеменного строя, когда образуются крупные племенные и межплеменные объединения» [Фроянов, Дворниченко, 1988, с.29]. Ранние города, являвшиеся первоначально центрами таких этносоциальных образований, выступали преимущественно в качестве административных, религиозных или культовых, военно-политических средоточий и торговых пунктов. Не исключается также некоторая концентрация в них ремесла, обслуживающего потребности знати, однако масштабы его были не столь значительными. В целом же исследователи склоняются к многообразию вариантов происхождения и становления

городов, соответствующему множественности форм их социальной структуры.

Известная концепция А.П.Смирнова и Н.Ф.Калинина о возникновении болгарских городов на основе патриархальных позднегородецких (именьковских) или даже ананьинско-пьяноборских городищ-убежищ путем захвата их воинствующими князьями формирующегося болгарского феодального общества [Смирнов, 1940, с.55 и сл.] должна быть отмечена только как историографический факт. С позиции современной науки необоснованной следует признать также точку зрения А.М.Ефимовой на генезис ряда болгарских городов, близкую к вышеупомянутой. Исходя из тезиса о непрерывности исторического развития раннесредневековых городов Волго-Камья, она пыталась представить возникновение города Булгара на Волге первоначально в качестве военной крепости на базе позднегородецких (именьковских) поселений, ставшей впоследствии торговым и ремесленным городом [Ефимова, 1957, с.12]. В основе Балымерского городища, по мнению А.М.Ефимовой, лежит «крупный поселок, имевший значение племенного центра близлежащих городецких поселений»,

превращенный в результате его захвата булгарами в небольшой феодальный город. А вот город Сувар возник как крепость одного из крупных булгарских племен на новом месте, не имея, в отличие от Булгара и Балымера, более раннего местного поселения в своем основании. «Булгар и Сувар представляют близкие пути возникновения города путем сложения торгового ремесленного посада у стен феодальной крепости», – заключила А.М.Ефимова [1957, с.17].

Здесь следует упомянуть и предположение Е.П.Казакова о возможном возникновении Булгара, Суvara и Биляра на базе племенных центров соответствующих этнических группировок [Казаков, 1967, с.76].

В 1970–1980-х гг. к этой теме обратились А.Х.Халиков и Т.А.Хлебникова, предложившие свои варианты возникновения Биляра и Булгара. Первый из указанных исследователей был убежден, что Биляр, именуемый в восточных источниках «Булгаром», был заложен царем Алмушем – Джафаром ибн Абдаллахом в 922 г. в качестве столицы государства [Халиков, 1973, с.94]. Т.А.Хлебникова считала, что Булгар, в отличие от Биляра, вырос из феодального замка, расположенного в центре густозаселенной сельскохозяйственной округи, в период феодализации булгарского общества и формирования государственности в конце IX – начале X в. [Хлебникова, 1987, с.52]. Эта точка зрения заслуживает внимания, однако следует констатировать, что Булгар домонгольского времени, несмотря на многолетние раскопки этого памятника крупными археологическими силами, до сих пор плохо изучен. В наших руках пока нет достаточных фактов, свидетельствующих о городском характере поселения X–XI вв.

Свое понимание генезиса булгарского города и несколько путей его возникновения предложил недавно К.А.Руденко [1999, с.132]. Вслед за Е.П.Казаковым он считает, что Булгар и Сувар возникли на основе племенного центра. Понятно, что первый из них стал центром племени булгар, второй – центром племени сувар. Однако все попытки ученых локализовать «собственное племя булгар» в широкой округе Булгарского городища следует признать сугубо гипотетичными. В домонгольское время

Булгаром назывался и Биляр–Великий город. Кроме того, основной памятник пришедших из Приазовья болгар – Большетарханский могильник – расположен в совсем другой, правобережной части Волги. Относительно недалеко от Булгарского городища находится Танкеевский могильник, большинство погребений которого оставлено людьми не булгарского, а прикамско-приуральского (угро-финского) происхождения. В период возникновения Булгара на Волге этот могильник еще функционировал, следовательно, вряд ли мы найдем основания искать собственно булгар в этом районе. Примечательно, что одно из самых ранних поселений IX в., открытое на левом берегу Мало-Иерусалимского оврага на территории Булгарского городища, как отмечалось выше, дало выразительный керамический материал в виде лепной помско-ломоватовской посуды, украшенной веревочно-гребенчатой и решетчатостамповой орнаментацией.

Собственно булгары занимали, скорее всего, центральные густозаселенные районы государства в бассейне Малого Черемшана, где была основана их столица – Биляр–Булгар, известный по некоторым русским летописям как «Великий город серебряных булгар». Как известно, этнонимы «биляр» и «булгар» в источниках очень часто употребляются как синонимы. «Билеры, т.е. Великая Булгария» упоминается и в более поздних документах, например, в сообщении Плано Карпини о походе монгольских войск на мордву и булгар [Плано Карпини, 1957, с.47–48]. Более того, известный польский ученый М.Адамович, филолог и источниковед, полагает, что этноним «биляр» является первоначальной и простонародной формой названия «булгар»; последнее появилось позднее в арабских источниках и не всегда воспринималось населением в качестве этнонима [Adamovic, 1998, с.163 и сл.]. В свете сказанного кажется недостаточно обоснованным утверждение о раннем Булгаре на Волге как племенном центре.

Теория возникновения крупных и наиболее известных булгарских городов как «племенных центров», заимствованная из арсенала древнерусской археологии, является для нас неприемлемой еще и потому, что в это время, в первой четверти X в., племен как таковых в булгарском обществе

Валы Тат.Бурнаевского городища

уже не было. Они практически исчезли в процессе происходивших в восточноевропейских степях в связи с образованием и распадом Великой Болгарии, Хазарского каганата бурных военно-политических событий, сопровождавшихся массовыми миграциями. Булгары-билеры, сувары, берсула, эсегелы и т.д. – это не племена в традиционном понимании, а особые этносоциальные образования общепулгарской конфедерации переходного периода, стоявшие на пороге окончательного разложения первобытно-родовых порядков и возникновения государственности раннефеодального типа. Поэтому первоначальные городские центры таких образований, члены которых были связаны между собой не столько родовыми, сколько соседско-территориальными отношениями, не совсем корректно называть «племенными». Скорее всего, это центры достаточно крупных территориальных объединений, которые больше оснований назвать условно княжествами. Центрами таких «княжеств», на наш взгляд, как раз и являлись Сувар, Ошель, Муромский городок, а чуть позднее и Юлово.

Биляр представляет собой второй путь возникновения булгарского города – он был с самого начала заложен специально по указу эмира или малика в качестве столицы государства. Соглашаясь с данным утверждением, К.А.Руденко, однако, совершенно безосновательно относит возникновение Биляра как города ко времени не позднее XI в., когда «вокруг нескольких

небольших поселений (?) сооружаются укрепления внутреннего города. Вокруг них на прилегающей территории в это же время функционируют могильники (например, II Билярский)» [Руденко, 1999, с.132]. Как показали результаты многолетних исследований, Биляр как город с мощными укреплениями существовал с первой четверти X столетия и этот факт не может быть подвергнут сомнению. В противном случае нам придется почти на столетие омолодить начальные этапы существования Булгара и Суvara, ранние материалы которых, как было отмечено, идентичны билярским. Находки из нижнего слоя Биляра выглядят даже архаичнее, чем материалы Суvara, существовавшего уже, по сведениям восточных авторов, в 920–930-х гг.

Единственный памятник – Тигашевское городище площадью около 2 га отражает, по мнению К.А.Руденко, третий путь возникновения «малого городка» на месте бывшего языческого святилища, превращенного потом в укрепленный феодальный замок. Несмотря на следы ремесленного производства на территории поселения, Г.А.Федоров-Давыдов не считал его городом [Федоров-Давыдов, 1962, с.88]. Вряд ли стоит на примере этого единственного городища говорить об особом пути происхождения булгарского города.

Далее К.А.Руденко выделяет «четвертый и пятый путь – это формирование городков на базе ремесленных племенных или родовых центров (ромоданские городища) или крепостей на торговых путях

(войкинские городища, Балахчинское городище и городище Городок)» [Руденко, 1999, с.132]. К сожалению, ни один из названных памятников не изучен раскопками, поэтому его рассуждения остаются пока голословными, однако вскользь упомянутая автором группа городищ-крепостей, возникших на торговых путях, заслуживает внимания.

В последнее время в градообразовательных процессах раннего средневековья отечественные и зарубежные ученые важную роль отводят торговле и торговым путям. В нашей науке в известной степени реабилитирована т.н. «торговая теория» происхождения древнерусских городов В.О.Ключевского [Носов, 1998]. Исследователи средневековья подчеркивают особую роль Великого Волжского или Балтийско-Волжского пути в международной торговле IX–X вв. По их мнению, выход из Приладожья и Поволховья на Волгу и дальнейшее движение по Волге был прочно освоен еще в середине IX столетия [Дубов, 1989, с.180]. Об этом свидетельствуют не только монетные клады вдоль этого пути, но и торгово-ремесленные поселения типа Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова, Сарского городища, Тимеревского и Михайловского поселений в Ярославском Поволжье. По ряду признаков они сближаются с памятниками типа Хедебю в Дании, Бирки в Швеции, Колобжег и Волин на южном берегу Балтики и др. (более подробно см.: [Славяне, 1986, с.57 и сл.]). На наш взгляд, типологически близки к ним Семеновское I и Измерское I поселения, и в этом отношении прав Е.П.Казак, рассматривающий их как открытые торгово-ремесленные поселения, служившие крупными перевалочными центрами в системе арабо-балтийских коммуникаций. Эти два поселения не имеют оборонительных укреплений – одного из главных признаков города, тем не менее сельский характер их исключается. В археологической литературе такие поселения называют обычно «протогородами». По разным причинам, главным образом, в связи с утратой значения Волжского пути из-за начавшегося

серебряного кризиса на Востоке, они перестали функционировать в первой половине XI в., не успев превратиться в настоящие города. Однако жизнь на Семеновском и Измерском поселениях теплилась еще и в последующих веках.

Как показали раскопки 1990-х гг., одно из торгово-ремесленных поселений домонгольских булгар располагалось на рубеже X–XI столетий в районе современной Казани [Хузин, 2000]. Как и в Измерях (см. «Девичий городок»), рядом с рыночным местом, на высоком мысу левого берега р.Казанки была построена крепость, за пределами которой выявлены следы ремесленного посада-пригорода. В отличие от многих торгово-ремесленных поселений Казань не перестала существовать, развивалась дальше и превратилась в крупный город. Причина этого, конечно, кроется в исключительно благоприятных природно-географических условиях края и стремлении булгарских правителей укреплять свои позиции на землях финно-угорских соседей, а также на Волге и Оке, куда энергично вторгались владимиросуздалские князья – торговые соперники булгар.

Близкий путь происхождения, связанный с торговой активностью булгар на Каме, предполагается А.М.Белавиным и другими исследователями для Алабуги, а также Рождественского и Кыласовского городищ в Пермском Предуралье [Белавин, 2000; Нигамаев, Хузин, 2000]. Первый из них был основан, скорее всего, в качестве военной крепости для охраны северо-восточных границ Волжской Булгарии и, как справедливо подчеркивал в свое время А.П.Смирнов, служил одновременно опорным пунктом булгар, откуда совершались набеги на соседние удмуртские племена. Рождественское и Кыласовское городища возникли на землях предков коми-пермяков, и причиной тому стала опять-таки торговля, во всех отношениях выигрышная для булгар.

Таким образом, тезис о многообразии путей возникновения средневековых городов находит подтверждение и на материалах домонгольской Волжской Булгарии.

2. Великий город на Черемшане и город Булгар на Волге

Фаяз Хузин

Биляр–Великий город расположен почти в центре Западного Закамья в бассейне р. Малый Черемшан, притока р. Большой Черемшан, впадающей в Волгу. Расстояние от Биляра до р. Камы составляет 50 км, до г. Булгара на Волге – около 100 км, до г. Сувара – 75–80 км.

Территория городища – равнинная поверхность с легким уклоном с северо-востока на юго-запад – окружена concentрически вписанными земляными валами и рвами, которые делят его на внутренний и внешний город. Внутренний город обнесен двумя линиями валов и рвов. Протяженность основной линии валов по данным аэрофотосъемок 1973 г. составляет 4800 м, дополнительной, недостроенной в некоторых участках линии – 5400 м. Обитаемая площадь вне укреплений достигает 116 га, с укреплениями – 130,6 га. Внешний город окружен тремя линиями укреплений. Внутренняя (основная) линия валов имеет общую протяженность около 9125 м. Длина средней, местами недостроенной линии валов достигает 9375–9400 м, а наружной, отстоящей на 80–100 м от первых двух, – 10200 м. Обитаемая территория внешнего города без укреплений – 374,1 га, с укреплениями – 489,6 га.

Таким образом, общая площадь городища вместе с укреплениями составляет 620,2 га, а без них, т.е. обитаемая площадь – 490 га. В настоящее время достаточно четко вырисовывается четырехчленная топографическая структура Билярского городища: примерно в центре внутреннего города выделяется огражденная легкой деревянной стеной «цитадель» (по терминологии А.Х.Халикова), а за пределами городских стен, почти вплотную примыкая к ним, располагаются пригородные поселения. С учетом неукрепленных пригородов общая площадь Билярского комплекса приближается к 800 га. Есть все основания относить его к числу крупнейших городов средневекового мира.

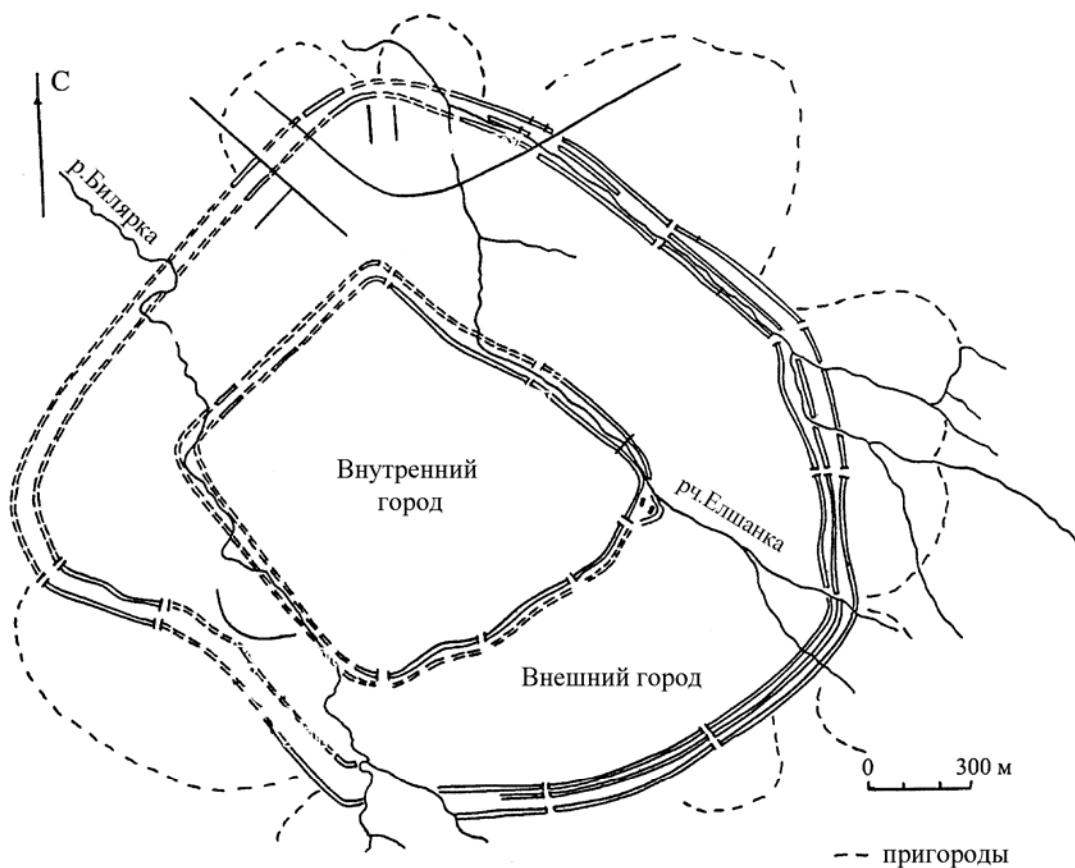
В письменных источниках, созданных в домонгольское время, город Биляр под этим названием ни разу не упоминается.

Только один источник, т.н. венгерский Аноним, рассказывающий о приходе в Венгрию во время правления Таксона (Таксона), внука Арпада, болгар-мусульман из земли *Булара*, содержит упоминание о Биляре, точнее, билярской земле (*terra Bular*) и его населении (*bilers*): около 970 г., «услышав о милости вождя Таксона, сына Золта..., пришли с буларской земли весьма высокоблагородные господа Билла и Бакш. Вождь подарил им в разных областях страны землю и кроме того на вечно отдал им замок, который называется Пешт» [Хвольсон, 1869, с.108, 109; Тарди, 1982, с.237].

Важную часть письменных источников составляют древнерусские летописи, в которых содержатся сведения о военно-политической истории Волжской Болгарии X – первой половины XIII в., о ее торгово-экономических и культурных связях с соседними государствами и народами.

Биляр под названием *Великий город* впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 1164 г., когда князь Андрей Боголюбский с сыном своим Изяславом и братом Ярославом совместно с муромским князем Юрием предпринял большой и удачный поход на булгар: «...поможе им Бог и святая Богородица на болгары, самех иссекоша множество, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине утече князь Болгарьский до Великого города» [ПСРЛ, I, стб.352–353].

Второй раз упоминание Великого города мы встречаем в летописях под 1183 г. при описании самого крупного похода русских князей на столицу булгар. Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо во главе объединенного отряда, в котором участвовали, кроме его собственных войск, дружины Владимира, сына киевского князя Святослава, Изяслава Глебовича, брата перяславского (южного) князя Мстислава, сына смоленского князя Давыда, Владимира Муромского и рязанских Глебовичей, «пришед в землю Болгарьскую, выседе из насада на берег и поеде к Великому городу». Простояв два дня у Тухчина город-

Общий план Билярского городища

ка, на третий день он двинулся к городу. Здесь русское войско встретило половцев хана Емяка, пожелавших присоединиться к ним для совместных действий, после чего, «перешед Черемисан, изрядив полки, ста со дружиною» у Великого города. Любопытно сообщение летописца о действиях болгар, которые при приближении противника к столице «вышедше из города твердь учинивше оплотом» [ПСРЛ, I, стб.390], т.е. поставили вынесенную вперед дополнительную оборонительную линию. Всеволод с союзниками продолжал осаду Великого города в течение десяти дней, но, видя невозможность взять его штурмом, заключил мир на условиях, предложенных булгарами.

Под 1220 г. описывается военный поход русского князя Святослава на Ошель, к которому с некоторым опозданием пришла помощь от жителей столицы: «Слышавше же болгары в Великом городе..., яко город их Ошель взят, собращася все со князьми

своими, одни на коних, друзии же пеши, и придоша на брег». Ошель был сожжен, болгарские войска потерпели поражение и «молящесе и мира просяще» [ПСРЛ, IX–X, с.84].

После событий 1220 г. и заключения мира у болгар установились мирные отношения с русскими князьями, что было совершенно необходимо перед нависшей над всей Восточной Европой опасностью монгольского нашествия.

Из летописных сообщений несколько другого характера представляет интерес рассказ об убиении булгарами, жителями Великого города, некоего Авраамия, помещенный под 1229 г. в Лаврентьевской летописи. Этот Авраам, представленный в летописях в качестве «нового мученика», христианин по вероисповеданию, якобы отказался отступить от своей веры и поэтому был умерщвлен. Его единоверцы, скорее всего, русские люди, проживавшие в столице, похоронили его на городском

кладбище, «идеже все христиане лежат» [ПСРЛ, I, стб.452]. Вскоре после этого события, продолжает летописец, в городе начался грандиозный пожар и в течение нескольких дней выгорел почти весь город. «И створи Бог милость вскоре за кровь его (убитого Авраамия. – Ф.Х.), погоре у него большая половина города Великого, а потом оставшая часть загарашется днем дважды и трижды, также и бысть по многу дни, мало остана города, а все погоре, и товара погоре множество бесчислено за кровь мученика Христова» [ПСРЛ, I, стб.452–453].

Поздние сведения письменных источников о домонгольской Болгарии и ее столице связаны с походами монгольских войск, предпринимавших неоднократные попытки покорить болгарские земли.

После победы над русскими и половцами на Калке в 1223 г. монголо-татары, по сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, направились в Болгарию, но потерпели от них первое поражение [Тизенгаузен, 1884, с.27–28]. Следующий поход монголов состоялся в 1229 г. у восточных границ страны на р. Яик. Монголы встретили упорное сопротивление болгарских сторожевых отрядов, которые, однако, были разбиты [ПСРЛ, I, стб.453]. В 1232 г. монголы предприняли очередную попытку прорваться к болгарам, но опять же, не достигнув своей желанной цели, вынуждены были зимовать, как сообщает летопись, «не дошедше Великого города Болгарского» [ПСРЛ, I, стб.459].

В последний раз в письменных источниках Великий город упоминается при описании трагических событий 1236 г., в результате которых столица болгар была сожжена и ограблена [ПСРЛ, I, стб.460].

Систематические и планомерные раскопки Билярского городища были начаты в 1967 г. объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР и КГУ, возглавляемой проф. А.Х.Халиковым. За двадцать лет активных исследований была установлена стратиграфия и хронология культурных напластований городища, вскрыты наиболее ранние для северной зоны Восточной Европы кирпичные здания, руины древнейшей Соборной мечети, многочисленные жилые и хозяйственные постройки, колодцы, остатки пока единственной в болгар-

ской археологии юрты X в., производственные сооружения, могильники рядовых горожан, некрополь болгарской знати и др. [ИВГ, 1976; НАП, 1979; КБ, 1985; ПБ, 1986; Хузин, 1995 и др.]. В последние годы все активнее исследуются средневековые археологические памятники в окрестностях Биляра.

В истории развития Биляра выделяются два крупных этапа, хронологически относящиеся соответственно к началу X – первой половине XI в. (время накопления нижнего горизонта культурного слоя) и второй половине XI – первой трети XIII в. (время накопления верхнего горизонта слоя).

Первый этап начинается с момента основания Биляра и охватывает первое столетие его существования. Еще в период своего возникновения город занимал внушительную по своим размерам площадь – более 600 га. Все дальнейшее его развитие вплоть до гибели происходило в основном в пределах этой территории. С самого начала Биляр имел двухчастную структуру (внутренний и внешний город). Кроме того, в центре внутреннего города располагалась резиденция правителя, огороженная легкой деревянной стеной, а за пределами внешних укреплений проживало немногочисленное пригородное население. Подобная планировка – «по кругу» была присуща древним кочевническим поселениям. Внешне так выглядели «селение» гуннского вождя Аттилы по описанию Иордана, некоторые города Хазарского каганата, в том числе его столица Итиль [Магомедов, 1983, с.37, 42, 142–143; Плетнева, 1982, с.45, 51, 52]. Отметим также близкое сходство планировки Биляра и городов т.н. Первого Болгарского царства на Дунае Плиски, Преслава, а также аула Амуртага [Халиков, 1976, с.38].

Ранний Биляр был достаточно сильно укреплен. Оборонительные сооружения внутреннего города общей протяженностью около 5 км состояли первоначально из невысокой земляной насыпи с дополнительными деревянными конструкциями по верху. Перед валом был устроен ров. Роль последнего в северо-восточной части фортификации выполняло естественное русло р. Елшанки. Ранние укрепления внешнего города, имеющие общую протяженность более 9 км, по своему устройству

близки к синхронным укреплениям внутреннего города. Они состояли из деревянной ограды-частокола и рва перед ним. В некоторых участках были прослежены остатки небольшой насыпи вала [Хузин, 1995, с.66, 89–90].

Одним из важнейших событий в истории раннего Биляра следует считать строительство ряда крупных зданий во внутреннем городе. Центральное место среди них занимают остатки Соборной мечети, построенной из дерева в самом начале жизнедеятельности города. Спустя некоторое время она значительно расширяется за счет каменного пристроя с высоким отдельно стоящим минаретом [Халиков, Шарифуллин, 1979]. Историки архитектуры указывают, что данный памятник служил образцом при строительстве во второй половине XIII – начале XIV в. знаменитой Соборной мечети, т.н. «Четырехугольника» на Болгарском городище [Айдаров, 1990, с.20].

Возникновение в центре только что заложенного города большого культового комплекса весьма симптоматично. Наличие в городе Соборной мечети и кафедры проповедника (мимбара) в ней, как утверждают специалисты, не формальный признак, а олицетворение его административно-политического положения. С мимбара проносилась хутба с именем государя, в мечети принимал судья, в ней же размещалось государственное казнохранилище [Большаков, 1984]. Другими словами, Соборная мечеть со всеми ее религиозно-политическими функциями имела только в административном центре государства, т.е. в столице.

Одновременно с мечетью, недалеко от нее, строится двухэтажное кирпичное здание – богатый жилой дом, принадлежавший одному из представителей высшей духовной знати. Вокруг него располагались постройки хозяйственного двора и жилища рядового населения, но обширное пространство в центре города оставалось еще почти не застроенным.

У стен Соборной мечети в первой половине X в. возник небольшой некрополь (IV Билярский могильник) [Шарифуллин, 1984]. Необычные черты и своеобразие этого могильника, заключающиеся в расположении его в центральной, наиболее богатой части города, наличии специальных погребальных сооружений из кирпича,

парных или коллективных захоронений в них (семейных склепов?) следует поставить в прямую связь со знатностью и социальной привилегированностью погребенных. Таким образом, у нас имеются веские основания считать, что с момента возникновения города в его центральной части началось формирование аристократического района, скорее всего, административно-политического и культового центра. Очевидно, в этом же районе находилась резиденция болгарского правителя.

Еще в X в. основную массу населения города составляли ремесленники. Следы ремесленного производства обнаружены как во внутреннем, так и во внешнем городе. Так, недалеко от вышеупомянутого дома феодала, за пределами административного центра, к северо-западу от него исследовалась усадьба кузнецов-металлургов. В 300–400 м к юго-западу от мечети находилась металлургическая слобода, наиболее ранние кузнечные горны которой были выявлены в нижнем горизонте культурного слоя. Во внешнем городе на правом берегу р. Билярки располагался обширный район гончарных мастерских с горнами, начало функционирования которых было определено временем не позднее второй половины X в. В разных районах города выявлены также следы ювелирного и косторезного дела, цветной металлургии и некоторых других производств. Все это убедительно показывает, что еще в ранний период своего существования Биляр постепенно превращается в крупный ремесленный центр Болгарского государства, продукция которого находила прочный сбыт не только среди городского населения, но и в прилегающей сельскохозяйственной округе и далеко за ее пределами.

Особую социальную группу населения раннего Биляра, как и любого средневекового города, составляли торговцы. Весы с коромыслом и двумя подвесными чашечками, предназначенные для взвешивания серебряных слитков, монет, драгоценных камней и металлов, железные кубические, бронзовые сферические и бочонковидные гирьки-разновесы, найденные в слоях X – первой половины XI в., являются необходимой принадлежностью торговцев. Они в большом количестве имеются в музейных коллекциях и обнаруживаются во время раскопок [КБ, 1985, с.104 и сл.]. Мы распо-

лагаем также данными, свидетельствующими о постепенном налаживании в Биляре международных торговых связей, прежде всего с городами Средней Азии (поливная керамика, сфероконусы, верблюжьи кости) и Киевской Руси (шиферные пряслица). Все же уровень развития торговли в раннем Биляре, особенно международной, не следует преувеличивать. «Главнейшим торговым пунктом» Булгарского государства, по данным письменных источников (ал-Балхи), был в это время Булгар на Итиле, поселения в низовьях Камы.

На протяжении более трех столетий развитие города происходило не за счет расширения его территории, а за счет уплотнения застройки. Для раннего Биляра следует признать характерной относительно редкую заселенность не только внешнего, но и внутреннего города. Слабой застройкой особенно отличался внешний город. Основной контингент его жителей составляли, вероятно, ремесленники и мелкие торговцы. Не вызывает сомнений также факт проживания в нем значительного количества полукрестьянского населения – земледельцев и скотоводов, что документируется довольно часто встречаемыми находками сельскохозяйственных орудий труда. Слабая заселенность внешнего города в X–XI вв. была обусловлена также необходимостью содержания больших стад домашних животных, прежде всего крупного рогатого скота и лошадей. Во внешнем городе, кроме того, размещались летние дома, сады, огороды, может быть, даже поля горожан. Это было обычным явлением в средневековых городах Руси, Средней Азии и Западной Европы.

Почти одновременно с основанием города за пределами его внешних стен появляются пригородные поселки, сыгравшие в истории Биляра своеобразную роль. Систематически проводимые рекогносцировочные поиски археологов никаких следов ремесленного производства здесь не обнаружили. В этих поселках жили в основном люди, пригнанные сюда с разных концов страны для строительства города и крепостных сооружений вокруг него. Понятно, что такое грандиозное строительство было возможно лишь при использовании подневольного труда значительных масс населения. По окончании основных работ этих строителей, скорее всего, отпускали домой,

но некоторая часть их, вероятно, оставалась здесь же и занималась своим привычным трудом земледельца и скотовода, продолжая жить у городских стен Биляра. Феодално-зависимое население страны, вернее, определенная часть его, годная к строительным работам, вновь и вновь оказывалась у стен города всякий раз, когда требовалось проведение крупных ремонтных работ или сооружение дополнительных оборонительных рубежей.

Следующий, второй, этап развития Биляра (с середины XI в. и до его гибели в 1236 г.) характеризуется большими изменениями в облике города, дальнейшим усилением его экономической и политической мощи, увеличением численности населения.

Не позднее середины XI в. осуществляется первая крупная реконструкция существовавших ранее укреплений: увеличивается высота внутренних валов, вокруг внешнего города возводятся земляно-деревянные сооружения вместо старого частокола-тына.

В первой половине XII в. появляется дополнительная (наружная) линия оборонительных укреплений внешнего города, состоявшая из глубокого рва, мощной земляной насыпи и деревянных конструкций типа городни по верху вала. Внутренний вал укреплений подвергался, вероятно, незначительному ремонту, следы которого не нашли отражения в археологических материалах. Зато еще более укрепляется внутренний город. Высота вала достигала в это время 2,5 м при ширине основания до 16 м [Хузин, 1995, с.68, 90 и сл.].

Последние три–четыре десятилетия существования Биляра, т.е. период с конца XII в. до 1236 г., – время наивысшего расцвета Волжской Булгарии. Оно отличается в то же время напряженной международной обстановкой, вызванной, с одной стороны, непрекращающейся борьбой болгарских и владими́ро-суздальских князей за торговую гегемонию в поволжском регионе, на Великом Волжском пути, военными походами русских на болгарские города, в том числе и на Великий город (1183 г.), а с другой – начавшимся вторжением монголо-татарских полчищ в Среднюю Азию и Восточную Европу.

Наполненное военными тревогами время требовало, в первую очередь, соответ-

Аэрофотоплан Билярского городища. Съемка 1973 г.

вующего уровня развития военно-оборонительного дела. На примере Биляра хорошо можно видеть энергичные мероприятия государства по укреплению обороноспособности отдельных городов страны, прежде всего его столицы.

Фортификационные сооружения Биляра в конце XII – первой трети XIII в. претерпевают большие изменения: еще более увеличивается мощность валов и реконструируются наземные деревянные части всех существовавших до этого времени укреплений. Кроме того, вокруг внутреннего города начинают возводить дополнительную (наружную) линию валов. Примерно в это же время между внутренним и наружным кольцами валов внешнего города появляется третья (средняя), так и недостроенная линия укреплений. В конце XII в., вероятно, в период или же вслед за событиями 1183 г. на месте «караван-

сарая» возникает хорошо укрепленный «форт», где размещается небольшой военный гарнизон, предназначенный для охраны одного из важнейших участков у главных ворот во внутренний город Биляра. Сам караван-сарай, по всей вероятности, перемещается в другой район, может быть, выносится даже за пределы города. Здесь, в восточном пригороде, примерно в 600 м от городских стен, выявлены руины кирпичного здания.

В XII в. значительно увеличивается плотность застройки Биляра. Это особенно характерно для внутреннего города. По предварительным подсчетам, 67% всех изученных сооружений центральных раскопов возникли в XII – начале XIII в., а остальные 33% – в предшествующее время. От существовавшей ранее просторной площади вокруг Соборной мечети и «дома феодала» не осталось и следа – жилища ря-

довых горожан, занятых обслуживанием знати, хозяйственные постройки, амбары-зернохранилища, колодцы и другие строения почти вплотную подошли к стенам мечети и кладбищу знати. В этой части города по-прежнему величественно возвышалась Соборная мечеть с высоким минаретом, а где-то недалеко, скорее всего, несколько западнее от нее, на месте, где по данным аэрофотосъемок выделяется комплекс больших кирпичных зданий, находился дворец болгарского «царя» (эмира). В районе Соборной мечети есть основания локализовать и центральный базар Биляра. Еще ал-Мукаддаси, описывая столицу болгар X в., указывал, что «главная мечеть стоит на рынке» [Хвольсон, 1869, с.84].

Вокруг располагались кирпичные дома феодальной знати и богатых купцов, другие крупные постройки, четко видимые на аэрофотоплане 1973 г. Большинство из них было построено, очевидно, не ранее XI–XII вв. К ним относятся, например, руины кирпичного здания с центральным отоплением, интерпретированных на основании характерных признаков как остатки бани [Шарифуллин, 1999]. В непосредственной близости от этих богатых сооружений теснились небольшие срубные дома, наземные или даже полуземлянки, в которых жили городские низы: ремесленники разных категорий, строители, феодальная прислуга, мелкие торговцы, служители мечетей и пр.

Внешний город, как и прежде, не выделялся особой густотой застройки. Правда, здесь также появляются одно- и двухэтажные кирпичные дома, но эта часть города принадлежала, в основном, средним и низшим слоям населения. Наиболее интенсивная жизнь протекала в районе «каравансарая» и гончарной слободы на правом берегу Билярки.

Увеличивается также население пригородов, расширяется их территория, особенно в восточном направлении. Это связано, в первую очередь, с проведением крупных и трудоемких работ по укреплению оборонительной системы города, для чего дополнительная рабочая сила, в основном, конечно, плотники и землекопы, созывалась из других районов страны. Здесь же, в пригородных поселках, проживала часть земледельческого населения,

связанная с близлежащей сельскохозяйственной округой, обеспечивающей город продуктами земледелия и скотоводства.

Некрополи города располагались уже за городской чертой. На месте более раннего юго-западного пригорода возникает I Билярский могильник; почти в противоположном конце города, занятом северо-западным пригородом, в XI в. появляются первые захоронения V могильника, оказавшиеся впоследствии под насыпью наружного вала. К началу XIII в. их площадь достигала 20 и более га. В них господствовал ортодоксальный мусульманский погребальный обряд. Некрополь знати, теснимый со всех сторон городскими постройками, по-прежнему функционировал у стен Соборной мечети.

Такой представляется нам в свете новых открытий динамика развития Билярского городища на протяжении X – начала XIII в.

Осенью 1236 г. Волжская Булгария подверглась нападению и страшному разорению со стороны вторгшихся в пределы Восточной Европы монголо-татарских войск. Главный удар был направлен на Великий город – столицу страны.

Верхний слой городища представляет собой супесчаную золисто-углистую массу, перемешанную с обломками человеческих костей, особенно многочисленных в районе укреплений. Во множестве найдены наконечники стрел, употреблявшиеся монголами в XIII в. Известны коллективные могилы с большим числом захоронений погибших воинов, совершенных спешно, без соблюдения традиционных ритуалов [Хузин, 1988].

Вся материальная культура Биляра отражает самобытную и высокоразвитую культуру волжских болгар домонгольского периода. Широко распространенная в исторической литературе точка зрения о существовании Биляра на месте одноименного городища в золотоордынско-казанский периоды источниками не подтверждается. Уцелевшее от монгольского погрома население Биляра продолжало жить непосредственно в окрестностях разрушенного города по обоим берегам Малого Черемшана, и, конечно, время от времени посещало его развалины.

Булгар на Волге. О столице домонгольской Булгарии

Город, известный по средневековым письменным источникам под названием *Брахимов* (запись в Лаврентьевской летописи под 1164 г.), *Болгар* (русские летописи и восточные авторы) и *Великий Болгар* (единственное упоминание в русских летописях под 1374 г.), является одним из немногих историко-археологических памятников поволжских татар, пользующихся мировой славой. Развалины его, расположенные в Спасском районе РТ в 30 км от устья Камы и в 6 км от Волги (до затопления водохранилищем) на краю коренной волжской террасы высотой около 30 м, давно превратились в место паломничества мусульман, стали своеобразной Меккой для нескольких поколений ученых-востоковедов и археологов.

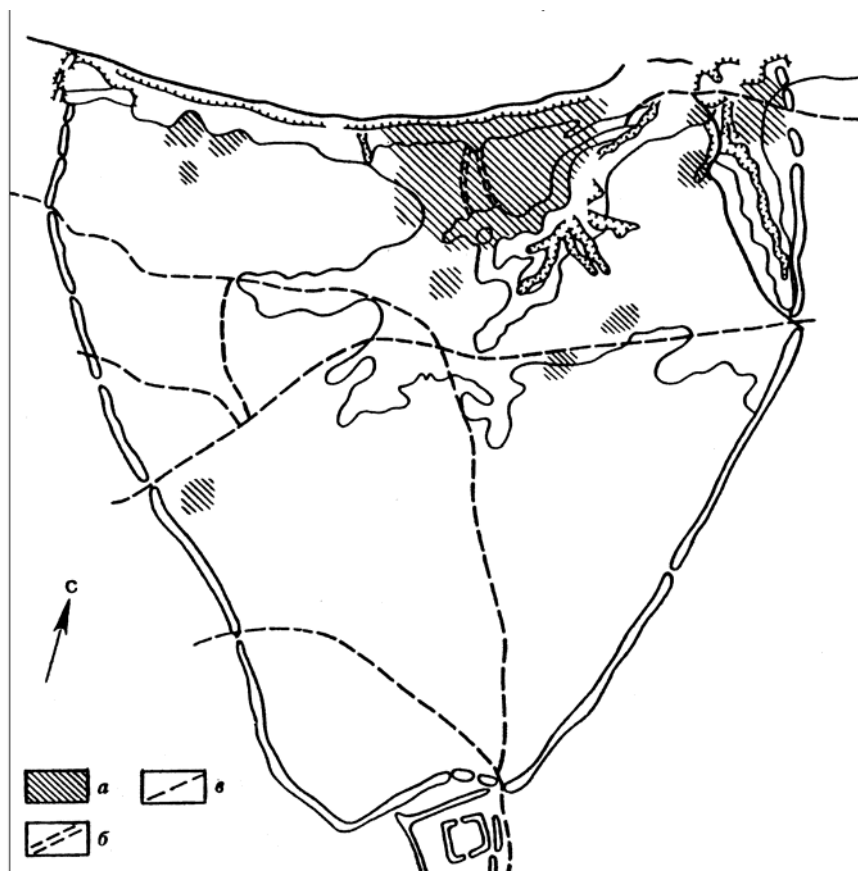
Многим хорошо известны сохранившиеся до наших дней великолепные архитектурные памятники этого знаменитого города: Малый минарет, Черная, Белая, Красная палаты, Ханская усыпальница, Соборная мечеть, каменные мавзолеи и другие достопримечательности. Все эти сооружения воздвигнуты не раньше второй половины или конца XIII в., а главным образом в XIV столетии, т.е. в период Золотой Орды, когда потерявшая свою политическую самостоятельность Волжская Булгария существовала как зависимый или, скорее всего, полуавтономный улус в составе обширной Монгольской империи.

Городище имеет подтреугольную форму, ограниченную с запада, юга и востока земляным валом и рвом протяженностью более 5,5 км, а с севера – берегом протекавшей здесь р. Меленки. Площадь его в пределах укреплений достигает 380 га. Однако указанные валы и рвы появились только в XIV столетии. Как же выглядел город в домонгольское время?

Укрепления Болгарского городища домонгольского периода до нас не дошли. Археологические следы их выявлены раскопками 1967–1980 гг. в виде двух линий рвов глубиной 2,6–2,9 и шириной 4–7 м. Они начинались у северного края волжской террасы примерно в 450–460 м к западу от устья Иерусалимского оврага и немного восточнее Успенской церкви, далее тянулись по направлению юг–юго-восток

и упирались в глубокие отроги оврага, расходясь при этом на расстояние около 40 м. Предполагаемая длина рвов – около 200–220 м [Краснов, 1987, с.101]. На восточном склоне западного рва были обнаружены небольшие столбовые ямы диаметром и глубиной 10–15 см, расположенные в несколько рядов по направлению рва, которые исследователи склонны рассматривать как следы кольев, поддерживавших конструкции для укрепления склона рва от осыпания [там же, с.103]. По обеим сторонам восточного рва выявлены следы деревянной стены в виде столбов, стоявших на расстоянии всего 1,8–2 м друг от друга. Использование естественно укрепленных мысов с созданием дополнительной обороны с напольной стороны свойственно многим болгарским и древнерусским городам X–XIII вв. Однако необычными являются стены (причем по обеим сторонам рва), которые «могут быть реконструированы как бревенчатые, забранные в крупные, глубоко врытые в землю столбы» на очень близком расстоянии друг от друга. Эти укрепления, возникшие не позднее X в., функционировали до монгольского нашествия 1236 г. [Хлебникова, 1975, с.124]. Первоначально Болгарское городище, охватывающее площадь 9 га в пределах укреплений, имело мысовой характер, как и многие другие городища домонгольской Булгарии. Его можно отнести к числу городищ-крепостей. По мнению Т.А.Хлебниковой, ранний Булгар по ряду характерных особенностей «близко стоит к каменным замкам II типа салтово-маяцких городищ»; в период возникновения он «имел вид замка, владетель которого стремился сделать его неприступным оплотом своей власти в округе». За пределами укрепленной части городища, которую исследователи называют «цитаделью», располагался неукрепленный посад. Общая площадь Болгарского городища X–XI вв. с учетом территории посада достигала 12 га [Хлебникова, 1987, с.48, 52].

В предмонгольское время начинается сооружение новой, дополнительной системы укреплений, археологически выявленной в виде рва и суглинистого основания земляного вала. Эти укрепления начинались у края верхней волжской террасы примерно в 200 м к западу от вышеописанных древнейших рвов, далее шли на юг,

План Болгарского городища X–XIV вв.

а – распространение слоев X – начала XI в.; б – рвы; в – дороги [Полубояринова, 1993, с.53]

полукругом огибали юго-восточную часть территории посада, продолжались в северо-западном направлении и упирались в крутые склоны Большого Иерусалимского оврага. Предполагаемая длина укреплений – менее 1000 м. Таким образом, в конце домонгольского периода Болгарское городище имело двойную систему укреплений: рвы и деревянные стены «цитадели», сооруженные еще в X в. и охватывающие часть посадской территории, и внешнюю линию обороны в виде земляного вала и рва. Площадь укрепленной части городища предмонгольского времени исследователи определяют в пределах 24–25 га; включая территорию редко заселенного посада, она составляла, вероятно, около 35–40 га [там же, с.55].

Домонгольские культурные слои городища сохранились фрагментарно и прослеживаются не везде. Согласно страти-

графической шкале Болгара, к интересующему нас времени относятся слои V и VI.

Слой VI отражает первый, начальный этап истории города, ставшего, по мнению исследователей памятника, не только мощным «племенным центром», но и столицей Болгарского государства [там же, с.46, 52]. Мощность его колеблется от 10 до 20–35 см, в западинах ям достигает 60–70 см. Насыщенность находками очень слабая, в некоторых раскопах слой почти стерильный или же с редкими фрагментами керамики.

Говоря о хронологии VI слоя надо заметить, что долгие годы некоторые исследователи (А.А.Спицын, А.С.Башкиров, М.Г.Худяков, В.Ф.Смолин, П.А.Пономарев) вообще отрицали наличие домонгольского слоя в напластованиях городища, утверждая, что Булгар возник лишь в XII или даже в XIII в. А.Ю.Якубовский считал, опираясь на сведения Ибн Фадлана и данные нумизматики, что до середины X в. го-

рода Булгара не было, но была ханская ставка и базар на Волге [Якубовский, 1948, с.262 и сл.]. В настоящее время можно утверждать, солидаризуясь с исследователями Булгара, что датирующие находки из раскопок не противоречат «возможному образованию слоя на рубеже IX–X – в начале X в.» [Хлебникова, 1987, с.51].

К сожалению, вопрос о времени возникновения города Булгара археологически разработан недостаточно убедительно и рубеж IX–X вв. в качестве такового принят пока а priori. Следует заметить, что комплекс находок из раннего слоя Булгара практически ничем не отличается от комплекса находок из нижнего горизонта культурного слоя Билярского городища. Датирующие находки из Биляра более многочисленны и выразительны.

Понятно, что предметов импорта и торгового инвентаря из культурного слоя Булгара X–XI вв. – центра международной торговли на Средней Волге – должно быть больше, чем в Биляре. В действительности же мы этого не наблюдаем. При раскопках ни разу не найдено монет X–XI вв. Среди известного нам материала нет, в частности, характерных для того времени бронзовых гирек, полностью отсутствует торговый инвентарь. Обнаружены, правда, свинцовые грузики, имеющие аналогии в среднеазиатских древностях X–XII вв., серебряная поясная бляха иранского или среднеазиатского производства, равноплечевая фибула и подвеска с человеческой личиной на фоне плетенки, привезенные из Скандинавии. Представляет интерес меч каролингского типа X–XI вв. с надписью ULFBERHT. «Все эти вещи служат прекрасным дополнением к общепринятой характеристике Булгара как центра международной торговли» [Полякова, 1996, с.256].

Ранние сооружения сохранились во фрагментарном состоянии. На территории укрепленной части городища, т.е. в «цитадели», выявлены полуземлянки, подпольные ямы наземных домов, хозяйственные ямы-кладовки и зернохранилища. Следы таких же объектов обнаружены и на неукрепленном посаде.

Сооружения производственного характера и в «цитадели», и за пределами укреплений отсутствуют, но «находки в слое железного шлака и криц... свидетельствуют о наличии в начальный период жизни го-

родища обработки черного металла» [Хлебникова, 1987, с.50].

Имеющиеся в распоряжении науки археологические материалы по Булгарскому городищу X–XI вв. представляют его как самый ординарный укрепленный поселок, начинающий втягиваться в международную торговлю в силу своего удобного географического расположения на берегу Волги. Данные источники не показывают его и «в роли политического центра государственного объединения разнокультурного и разнотничного населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья» [там же, с.52]. Правы те исследователи, которые считают, что «в начальный период своего существования город Булгар... имел полумелельский характер и почти ничем не отличался от деревень того же времени» [Акчурина и др., 1970, с.8]. В одной из своих последних работ А.П.Смирнов писал: «Все материалы, которыми мы располагаем, позволяют думать, что город Булгар домонгольского периода не был крупным ремесленным центром, а главным образом торговым пунктом государства, как об этом свидетельствуют восточные авторы» [Смирнов, 1974, с.8]. Действительно, в археологических материалах X – первой половины XI в., добытых многолетними работами, трудно найти признаки столичности Булгара. И отсутствие таких признаков нельзя объяснять только плохой сохранностью культурных отложений раннего города.

Следующий этап в развитии Булгарского городища – вторая половина домонгольского периода – археологически отражен слоем V стратиграфической шкалы. Средняя мощность слоя 30–40 см, в центральных районах иногда больше – до 60–70 см, а на периферии – 10–25 см. Он завершается прослойкой пожарища в виде разложившегося угля, связанного, как полагают, с монголо-татарским погромом города в 1236 г.

Слой хорошо датируется серединой XI – началом XIII в. Датирующие вещи достаточно многочисленны и выразительны: стеклянные и каменные бусы, украшения из цветного металла, железные наконечники стрел, кресала, замки и ключи, шиферные пряслица и пр. Слой хорошо прослежен на всех раскопах, располагавшихся в пределах города X – начала XI в., кроме того, выделен и за его пределами, в основ-

ном к югу и западу от границ раннего неукрепленного посада. Прежние укрепления «цитадели» в виде глубоких рвов продолжают функционировать; их просто периодически подчищали и подновляли. В конце домонгольского периода, не позднее начала XIII в., новыми укреплениями была уже защищена территория города площадью около 24–25 га. Заметно расширился ремесленный посад, который, как и раньше, не отличался плотной застройкой. В некоторых районах посада культурный слой отмечен лишь «в виде незначительного напластования с редкими находками» [Хлебникова, 1987, с.55]. С учетом всей этой территории размеры Булгара XII – начала XIII в. определяются в пределах 35–40 га.

О характере застройки центральной части города во второй половине домонгольского периода судить трудно – выявлено слишком малое количество сооружений. За весь период изучения Булгара обнаружены остатки двух землянок, трех подполий наземных деревянных домов, «признаки» еще одной глинобитной и нескольких сгоревших наземных построек. Более многочисленны хозяйственные сооружения: зернохранилища, погреба, ямы. В процессе раскопок отмечены следы ремесленной деятельности в виде отдельных кусочков железного шлака и его скопления близ внутренней линии укреплений.

На территории посада исследованы остатки одного полуземляночного сооружения, 16 наземных домов, как правило, с подпольями, облицованными деревом, а также 40 хозяйственных построек, в основном это ямы различных размеров, форм и назначений. Приведенные здесь данные взяты из обобщающего труда «Город Болгар», опубликованного в 1987 г. [с.56–57]. Раскопки последних лет не привели к существенному увеличению количества выявленных сооружений домонгольского времени.

Остатки ремесленного производства на посаде более выразительны: сыродутные горны для плавки черного металла, признаки медеплавильного ремесла, кожевенных мастерских и т.д. [Ефимова, 1958, с.292 и сл.]. Городские некрополи располагались на посаде близ укреплений «цитадели» («Четырехугольник») и в урочище «Бабий бугор» [Яблонский, 1987, с.125–126].

В целом домонгольские слои Болгарского городища характеризуются небольшим числом находок, сооружений и строительных остатков. Как не раз писал А.П.Смирнов, в X – первой половине XIII в. «Болгар в экономическом отношении уступал таким городам, как Биляр или Сувар, где культурные напластования домонгольского периода весьма мощны и богато насыщены различными культурными остатками» [Смирнов, 1954, с.22–23]. «В домонгольскую эпоху г. Болгар не играл большой роли в экономике края, – писал он в 1970 г. – Культурный слой этого времени городов Суvara и Биляра заставляет отвести им первое место в экономической жизни края. Эти соображения, основанные на археологическом материале, совпадают с историческими сведениями» [Акчурина и др., 1970, с.8].

Таким образом, имеющиеся материалы не дают основания соглашаться с некоторыми устоявшимися, стереотипными представлениями о Булгаре как об огромном городе, сыгравшем исключительно важную роль в истории Волжской Булгарии и Восточной Европы X–XIII вв. Такую роль он начинает играть в период Золотой Орды, когда наступает подлинный расцвет города: почти в десять раз расширяется его территория, соответственно увеличивается количество населения, строятся монументальные здания, часть которых дошла до наших дней, не утратив своего прежнего величия.

Вопрос о столице – административном центре, постоянно местопребывании или ставке правителя Волжской Булгарии домонгольского периода волнует исследователей давно. Он впервые был поставлен в статье известного русского ориенталиста В.В.Григорьева, помещенной в одном из томов «Энциклопедического Лексикона» Плюшара (1836 г.). Ученый полагал, что г. Булгар в качестве столицы волжских болгар переносится из Биляра-Булгара на место Болгарского городища лишь в XIII в. «Булгар и Биляр, – писал он, – суть только два различные диалектные произношения одного и того же слова» [Григорьев, 1836, с.292–293; см. также: Григорьев, 1876, с.95 и сл.]. Близкую мысль о равнозначности этнонимов «бул-

гар» и «бияр» высказывали еще раньше В.Н.Татищев [1962, 1, с.269], позднее Н.И.Золотницкий [1884, с.38], в наши дни – М.Адамович [Adamovic, 1998, S.153 и сл.].

Во второй половине XIX в. возникла точка зрения о двух столицах домонгольской Булгарии, последовательно сменивших друг друга в течение X–XIII вв. С.М.Шпилевский, автор этой концепции, на основе анализа имеющихся тогда источников высказал мысль, что первой столицей Булгарского государства был г. Булгар на Волге. Во второй половине XII в., по его мнению, вследствие изменившихся условий социально-экономического и военнополитического порядка, столица переносится в «Великий город Болгарский» на р. Черемшан, археологически представленный Биярским городищем, а после монгольского нашествия 1236 г. Булгар якобы вновь возвращает себе статус столичности [Шпилевский, 1877, с.124–126, 137–139].

Концепция С.М.Шпилевского нашла поддержку большинства русских и советских историков-булгароведов и прочно вошла в историко-археологическую литературу, в учебники и энциклопедии.

Доводы С.М.Шпилевского убедили не всех. Еще в конце XIX в. крупнейший русский археолог А.А.Спицын предпринял специальные поиски остатков Булгара X в. к югу от Булгарского городища. В представлении П.А.Пономарева Бияр – первый болгарский город, построенный в начале X в. в качестве столицы государства [Пономарев, 1919, с.45]. В этом вопросе его поддержали М.Г.Худяков [1921, с.78 и сл.], А.С.Башкиров [1928] и В.Ф.Смолин [1925, с.145; 1925а, с.34, 52]. Последний был убежден, что «центром Камско-Волжской Булгарии... был город Булгар, следы которого находятся в пределах нынешнего пригорода Биярска», а в XIII в. столица переносится в г. Булгар на Волге, основанный еще в XII в. и прежде известный под названием Бряхимов [Смолин, 1925а, с.34, 52, 55, 63]. Характерная особенность вещественных находок из этого городища, по мнению В.Ф.Смолина, заключается в том, что все они более позднего происхождения, нежели основные находки г. Булгара (Бияра) предыдущей эпохи. Болгарское городище «представляет собой, – писал он в одной из своих работ, – знаменитый памятник культуры Камско-Волжской Булгарии кон-

ца XIII и, главным образом, XIV в. Напрасно на его территории мы стали бы искать следов болгарской архитектуры более древнего времени» [1926, с.10].

Академик Ю.В.Готье в своей книге «Железный век в Восточной Европе», коснувшись вопроса о местоположении столиц Волжской Булгарии X–XIV вв., отметил, что Болгарское городище – это, несомненно, остатки главного города булгар XIII–XIV вв. Но являлся ли этот Булгар тем самым Великим городом, где была столица государства в более раннее время? В этом вопросе он колебался, но склонен был видеть первую столицу именно в Бияре. Обобщив опыт предшествующей историографии по данной проблеме, Ю.В.Готье справедливо заключил: «Мысль о том, что именно Бияр был столицей древних болгар, имеет много сторонников; окончательное решение может быть достигнуто обстоятельным исследованием Биярского городища» [Готье, 1930, с.164].

В связи с начавшимися в 1967 г. широкомасштабными археологическими исследованиями на Биярском городище споры вокруг столицы Волжской Булгарии возобновились. На основе оригинальной интерпретации сведений средневековых арабopersидских авторов и анализа новых археологических материалов А.Х.Халиков поддержал гипотезу своих предшественников о единой столице Булгарского государства домонгольского периода, располагавшейся на месте Биярского городища [Халиков, 1973]. Он пришел к убеждению, что г. Бияр, называвшийся одновременно Булгаром (*Билэр* в значении «великий» – эпитет), был заложен в 922 г. в районе р. Джаушыр (М.Черемшан). В течение более трех веков, до монголо-татарского нашествия 1236 г., Бияр-Булгар оставался единственной столицей государства. Болгарское городище на Волге, по мнению А.Х.Халикова, представляет собой остатки Внешнего Булгара – города Ибрагима (Бряхимова) русских летописей.

А.П.Смирнов [1972], Р.Г.Фахрутдинов [1974; 1975] и Т.А.Хлебникова [1975] отстаивали традиционную точку зрения.

Споры вокруг домонгольской столицы Булгарии вызваны скудостью письменных источников. Сведения из сочинений арабopersидских географов, русских летописей и западноевропейских хроник очень фраг-

ментарны и противоречивы, что открывает широкий простор для самых различных толкований и требует от исследователя большой осторожности, обязательного сопоставления этих сведений с выводами других наук, прежде всего археологии.

В русских летописях, описывающих события X – первой половины XIII в., например, ни разу не упомянуты города Булгар, Сувар, Биляр под собственными названиями. Почему? Летописец, правда, г. Булгар на Волге единственный раз упомянул в 1164 г. под названием *Бряхимов*, а Биляр – шесть раз, начиная с 1164 г., под названием *Великий город*. Арабо-персидские источники знают практически только два города – Булгар и Сувар. Чем это объяснить? Почему Биляр – один из крупнейших и богатейших городов средневековой евразийской цивилизации – упорно умалчивается источниками?

Как известно, к концу IX – началу X в. относятся сведения Ибн Русте о больших болгарских селениях с мечетями и начальными школами [Хвольсон, 1869, с.23]. Правда, Ибн Фадлан, лично посетивший Булгарию в 922 г., никаких упоминаний о городах не оставил. Но это не значит, что их не было. Даже значительные по площади поселения в глазах восточного путешественника могли показаться просто селениями, а не городами, какие он привык видеть на Востоке. Анализ его сочинения не оставляет никакого сомнения в готовности болгарского «царя» Алмуша не только укреплять в стране ислам при содействии приглашенных из Багдада проповедников, но и построить крепость, «чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников». У багдадского халифа Муктадира он просил помощи в строительстве города-крепости [Ибн Фадлан, 1956, с.121, 133, 141]. Даже не получив обещанных ему денег, Алмуш не оставил своего задуманного плана, рассчитывая построить его «на свои собственные средства, на серебро и золото». Где была построена эта крепость – на Волге или на Черемшане?

Здесь, в первую очередь, следует заметить, что традиционная точка зрения о расположении места ставки «царя» Алмуша на Волге и места встречи багдадского посольства в районе Трех Озер недалеко от Болгарского городища не соответствует описаниям Ибн Фадлана. Вот как указыва-

ет он маршрут своего путешествия к болгарам: «И мы уехали из страны этих людей (башкир. – *Ф.Х.*) и переправились через реку Джарамсан (Б.Черемшан), потом через реку Уран (Урень), потом через реку Урам, потом через реку Байнах (Майна), потом через реку Ватыг (Утка), потом через реку Нийасна (Бездна), потом через реку Джавшыз» [там же, с.131]. Проследив этот маршрут по карте, легко можно убедиться, что посольство благополучно миновало округу современного Болгарского городища и остановилось где-то в районе Ахтая–Бездны, недалеко от р. Атиль-Итиль (так называли арабские географы Каму и далее Волгу до ее впадения в Каспий), где археологам хорошо известно несколько крупных торгово-ремесленных поселений X–XI вв. [Казаков, 1991]. Среди них выделяется обширное (площадью около 60 га) Измерское поселение с чрезвычайно богатыми находками раннедомонгольского времени. Есть определенные основания локализовать ставку Алмуша и место его встречи с посольством Муктадира именно в этом районе.

Что же касается известного факта перекочевки болгарских племен во главе с Алмушем на реку Джаушыр (Джаушыз) и цели, которую преследовал при этом эмир, то опять же традиционно считается, что она, эта перекочевка, была связана якобы с политико-идеологической задачей – завершить всенародное принятие ислама [Ковалевский, 1954, с.32]. Эта точка зрения существует в нашей историографии по сей день [Фахрутдинов, 1984, с.16]. Между тем, во-первых, целых два месяца, в течение которых правитель болгар и его подчиненные оставались на р. Джаушыр – «срок слишком долгий для того, чтобы завершить дело принятия ислама» [Ковалевский, 1954, с.32]; во-вторых, вряд ли можно считать оправданным и таким уж необходимым сбор огромного количества людей со всех концов страны только для официального принятия новой религии. Других аналогичных примеров в истории мы не знаем. Кроме того, непонятно, почему собственно эта небольшая, почти полностью пересыхающая летом речка, расположенная к тому же почти на окраине Болгарского государства – Гауширма, приток р. Бахта у д. Кутлушкино в современном Чистопольском районе Татарстана, по ло-

кализации А.П.Ковалевского и его последователей, сделалась местом съезда болгарских племен? Для этой цели вполне подошло бы место ставки царя Алмуша (Джафара ибн Абдаллаха), находившееся на расстоянии одного фарсаха от Атиля.

Гипотеза А.Х.Халикова о вероятном месте встречи всех подчиненных Алмушу племен в районе р. Малый Черемшан и заложении здесь города-крепости, столицы страны, легко устраняет все противоречия и непонятные моменты в интерпретации сообщаемых Ибн Фадланом фактов. Действительно, район Биляра является самым густонаселенным (около 200 болгарских памятников в радиусе 20 км; для сравнения: в районе Болгарского городища таких памятников не более 20). Не исключено, что на территории будущего города небольшое поселение существовало еще до приезда Ибн Фадлана.

Чрезвычайно любопытно, что примерно в 3 км к северо-западу от городища в излучине правого берега М.Черемшана, в живописном месте у подножия горы «Хужалар тауы» («Гора господ») располагается урочище «Святой ключ», до сих пор почитаемое мусульманским населением и широко известное в тюрко-татарском мире. Верующие посещают его по средам каждой недели, т.е. в «День крови» (*кан кен*) по древнебулгарскому календарю, и совершают жертвоприношения [Давлетшин, 1990, с.169]. Недалеко от этого места располагается болгарское селище X–XIII вв. Вероятно, что еще в раннебулгарское время это урочище служило языческим святилищем. В литературе существует попытка этимологизировать название р. Джаушыр как «место жертвоприношения». Не являлся ли «Святой ключ» одним из древних сакральных центров болгарских племен?

О начале строительства города в районе р. Джаушыр (М.Черемшан) в 922 г. косвенно может свидетельствовать состав посольства Ибн Фадлана, вернее, Сусана ар-Раси, первоначально включавшего около 5 тыс. человек. В него входили, очевидно, помимо охраны, слуг, знатоков мусульманского права, и мастера-строители. О наличии в составе посольства «умелых строителей для сооружения крепости» аргументированно писали многие авторы, в том числе Ш.Марджани [Мэржани, 1989, 124 б.], В.В.Бартольд [1968, V, с.512], А.Ю.Яку-

бовский [1948, с.267–268], А.П.Смирнов [1951, с.137, 252] и др. Часть этих строителей, несомненно, достигла Булгарии. Обратимся в связи с этим к некоторым археологическим фактам.

Как было сказано выше, строительство Биляра было начато сразу на огромной территории и по заранее продуманному плану. В полном согласии с письменными сведениями Ибн Фадлана, археологические материалы убедительно документируют наличие среди строителей Биляра восточных, хорасанско-среднеазиатских мастеров. Все исследователи единодушно выделяют среднеазиатские и ближневосточные элементы в архитектуре болгарских городов. По мнению Р.Ф.Шарифуллина, «основы болгарского монументального зодчества были заложены не позднее X–XI вв. и складывались под непосредственным влиянием традиций досельджукской архитектуры Ближнего Востока и Средней Азии» [Шарифуллин, 1976, с.51]. Факт проживания в Биляре строителей и зодчих из восточных центров, по нашему мнению, может иллюстрироваться остатками наземных жилищ с каркасно-глинобитными стенами, обнаруженными только в нижнем горизонте культурного слоя центральных районов городища. В этих домах или же рядом с ними во дворе стояли сферические печи типа среднеазиатских тандыров [Хузин, 1979, с.63 и сл.]. Для обогрева помещений использовались и переносные тандыры. Традиция глинобитного строительства чужда булгарам. Очевидно, она была привнесена в Булгарию с мусульманского Востока, где этот вид построек с печами-тандырами был широко распространен с глубокой древности.

Предположение о начале строительства столицы молодого Булгарского государства в 922 г. высказывали Х.М.Френ, Ш.Марджани, П.А.Пономарев, А.Ю.Якубовский и многие другие ученые. Большинство из них под этой столицей подразумевали, конечно, не Биляр, а Булгар на Волге. Все же больше оснований связывать это строительство с Биляром. Предложенная на основе «Записок» Ибн Фадлана абсолютная дата основания города – 922 год – соответствует археологическим данным и представляется близкой к истине.

Вернемся к сведениям письменных источников.

Самое первое упоминание о городах Волжской Болгарии мы находим в сочинении арабского географа первой половины X в. Абу Зайда ал-Балхи. Его труд, созданный, как принято считать, в 920–921 гг. (скорее всего, чуть позднее), в оригинальном виде не сохранился и дошел до нас в передаче ал-Истахри [Заходер, 1962, с.50, 75]. Ал-Балхи писал: «Булгар – имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 тыс. человек» [Хвольсон, с.82].

Сведения другого автора, ал-Джайхани (в передаче ал-Марвази), следующего содержания: «У них (булгар) два города, один из них называется Сувар, а другой называется Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» [Заходер, 1967, с.37].

Сообщение крупного представителя арабской географической школы X в. ал-Истахри, относящееся к 930–933 гг., почти ничем не отличается от своего предшественника ал-Балхи: «Булгар – имя города, и они (булгары) – мусульмане; в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть: сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей (жителей) в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей» [там же].

Вот собственно все основные сведения восточных авторов о болгарских городах, датированные первой половиной X в. Они сообщают о двух главных городах Волжской Болгарии, существовавших в указанное время, причем о городах достаточно крупных по своим размерам, с населением в 10 тыс. человек. Никаких данных о местоположении этих городов – Булгара и Суvara – они, как видим, не содержат. Где локализовать город Булгар? Наши источники на этот вопрос не отвечают. Исходя из приведенных данных о его размерах и учитывая данные археологии, более предпочтительным кажется размещение его на месте Билярского городища. Место-

положение Суvara достаточно определенное и никаких споров не вызывает.

У восточных авторов имеются и другие не менее важные сведения о болгарских городах. Обратимся опять же к ал-Балхи: «...Внешний Булгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства» [Хвольсон, 1869, с.82]. Почти то же самое сообщает Ибн Хаукал, автор второй половины X в.: «Булгар же есть небольшой город, не имеющий никаких владений; известен же он был потому, что был гаванью этих государств» [Гаркави, 1870, с.218–219]. Эти свидетельства арабских географов вполне логично натолкнули А.Х.Халикова на мысль о наличии еще одного города под названием Булгар, точнее, Внешний Булгар, расположенного на берегу Волги и являвшегося торговым пунктом государства [Халиков, 1973, с.96]. Однако под Внешним Булгаром многие подразумевали Ага-Базар – урочище, находящееся в 6–7 км (1 фарсах) от Болгарского городища, где, по преданиям, было торжище древних булгар. Такое отождествление не правомерно, т.к. Ага-Базар домонгольского периода – поселение слишком незначительное для этого. Площадь распространения культурного слоя не превышает здесь 0,2 га. Домонгольские напластования имеют незначительную мощность и содержат единичные находки в виде обломков керамики. Раскопки показали, что расцвет Ага-Базара приходится на конец XIV – начало XV в. Здесь обнаружено большое количество джучидских монет [Жиромский, 1954, с.327] и ни одной X–XI вв. Поэтому вряд ли правомерно определение его в качестве торгово-ремесленного поселка городского типа, служившего гаванью города Булгара еще в X в., или же стоянки русов, на чем настаивал в свое время А.П.Смирнов [1952, с.173].

«Худуд ал-алам», составленный в 982 г. с использованием сведений предшествующих авторов, сообщает: «Булгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все (жители) мусульмане; из него выходит 20000 всадников... Сувар – город вблизи Булгара: в нем борцы за веру, так же как в Булгаре» [Заходер, 1967, с.38]. Новых сведений у анонимного автора мало. Используя дан-

ные ал-Балхи или ал-Истахри, а может быть, и ал-Джайхани, он просто их слегка подправляет – произвольно в два раза увеличивает количество населения Булгара, т.к. после жизни предшествующих авторов прошло уже значительное время, а сам город размещает на Итиле, поскольку, по его правильному представлению, сама страна находится в области Итиля. Такая трактовка текста «Худуд ал-алам» вполне приемлема.

В сочинении ал-Мукаддаси, созданном в конце X в., имеется следующее сообщение: «Булгар лежит на обоих берегах (реки) и строения там из дерева и камыша. Ночи там коротки. Главная мечеть стоит на рынке. Мусульмане уже давно завоевали его. Булгар лежит у реки Итиль и находится ближе к морю, чем к столице» [Хвольсон, 1869, с.84]. Город Сувар у ал-Мукаддаси также расположен на Итиле. Разбор этого довольно путаного текста в аспекте интересующей нас темы ученые предпринимали неоднократно, однако делали разные, порою взаимоисключающие заключения.

Город Булгар упомянут еще у одного автора X в., у ал-Масуди, но помещен он на берегу Азовского моря [там же, с.80].

Итак, предпринятый нами краткий обзор сведений арабских авторов X в. о болгарских городах показывает, что они, будучи в основном компилятивными, отрывочными и противоречивыми, не дают твердых оснований для размещения города Булгара, столицы страны, на Волге. Они свидетельствуют о существовании у болгар двух крупных городов – Булгара и Суvara и еще одного города под названием Внешний Булгар, известного как торговая пристань страны.

Подчеркивая большие размеры первых двух городов, арабские источники называют количество их населения – 10 тыс. жителей (ал-Балхи), 10 тыс. мужей (ал-Истахри, Ибн Хаукал), 20 тыс. всадников (автор «Худуд ал-алам»). Этим цифрам верить трудно, но они достаточно показательны: такое количество населения могло проживать только в Биляре с его огромными размерами, а не в Булгаре на Волге, располагавшемся в X–XI вв. на площади 9–12 га.

Восточные писатели XI в. не оставили оригинальных сведений о городах Булгарии. Махмуд Кашгари на своей карте по-

мещал Булгар и Сувар почти у Каспийского моря, ал-Бируни указывал их в числе городов «седьмого климата».

Заслуживают внимания сообщения авторов XII в. Сведения ал-Идриси восходят еще к X в.: «Булгар – имя города, населенного христианами и мусульманами: последние имеют большую мечеть» [Фахрутдинов, 1987, с.12]. Ал-Джавалики, называвший себя очевидцем, о булгарах сообщает следующее: «Их строения похожи на строения Рума. Они большой народ, их город называется Булгар. *Это очень большой город*» [Фахрутдинов, 1987, с.17; см. также: Греков, Калинин, 1948, с.153; выделено мною – Ф.Х.]. Оригинальные сведения имеются у Абу Хамида ал-Гарнати, лично посетившего в середине XII в. Волжскую Булгарию и стремившегося в своей книге описывать, в первую очередь, чудеса и диковинки, увиденные и услышанные им во время путешествия. Столицу страны он кратко описывает так: «*А Булгар тоже огромный город*, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов» (выделено мною – Ф.Х.). Этот город находится, по ал-Гарнати, на реке (название не указано), по которой плывут суда. Таких рек, как он пишет, в этой стране тысяча и «каждая река размером с милю» (1800–2000 м). «А между Саджсином и Булгаром по этой реке (надо плыть) 40 дней» [ал-Гарнати, 1971, с.30]. Расположение г. Булгара на реке вроде бы соответствует топографии Болгарского городища. Но тогда вызывает недоверие выражение «Булгар – тоже огромный город» применительно к этому городищу. Почему г. Биляр, крупнейший город средневековой Европы, ни разу не упомянут в вышеназванных источниках X–XII вв.? Ответ, нам кажется, прост: он фигурирует в восточных источниках под названием Булгар (Болгар). Только при таком допущении мы обнаружим полное соответствие письменных и археологических источников. Данное предположение прекрасно подтверждается рассказом персидского историка XIII в. ал-Джувейни о покорении монголами в 1236 г. Волжской Булгарии и ее столицы: «...В пределах Булгара (страны. – Ф.Х.) царицы соединились. Сначала они с силой и штурмом взяли *город Булгар, который*

известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью» [Тизенгаузен, 1884, с.22–23; выделено мною – Ф.Х.]. Здесь под городом Булгаром подразумевается, вне всякого сомнения, столица государства того времени, т.е. Биляр – Великий город на Черемшане.

Остановимся еще на одной группе источников – на данных нумизматики. Принято считать, что г. Булгар (Болгарское городище) является местом, где чеканили монету, а монет билярской чеканки X в. якобы неизвестно.

Наиболее полный свод булгарских монет X в. на территории Восточной и Северной Европы составлен и опубликован В.В.Кропоткиным [1986]. По его данным, включающим и находки с территории Польши, Финляндии, Дании, Норвегии и Швеции, к настоящему времени известно около 600 булгарских монет X в. из 101 пункта (85 кладов, в составе которых они обнаружены, и 16 отдельных местонахождений). Из них только 5 монет обнаружено на территории бывшей Волжской Булгарии, кстати, в ближайшей округе Биляра: 3 монеты в составе Татарско-Толкишского клада из Чистопольского района РТ и еще 2 – в составе Староальметьевского клада из Нурлатского района РТ. В культурном слое Болгарского городища, как и в окрестностях этого памятника, таких монет не найдено. Следовательно, конкретное место чеканки первых собственно булгарских монет археологически не доказано. На таких же правах, если не на больших, на это место может претендовать и Биляр-Булгар.

Самая ранняя булгарская монета известна в единственном экземпляре в составе Неревского клада, найденного в 1956 г. в раскопках Новгорода Великого. На этом обломке дирхема с именем Джафара ибн Абдаллаха – мусульманским именем эмира Алмуша сына Шилки дата и место чеканки отсутствуют, но С.А.Янина убедительно датировала его 289–295/902–908 гг. [Янина, 1962, с.182].

Значительное число монет связано с именем сына Джафара ибн Абдаллаха (Алмуша) Микаила ибн Джафара, правившего, как полагают, в 920–930-х гг. На некоторых монетах указано место чеканки – г. Булгар, но дата не обозначена. Известны

также монеты сына Микаила – Абдаллаха ибн Микаила (40–50-е гг. X в.). Примерно в это же время (337/948–949 г.) в Суваре начинается выпуск монет от имени Галиба ибн Ахмеда. Следующая серия монет 360–370/970–980 гг. связана с именем Мумина, но с разными отчествами – Мумин ибн Хасан и Мумин ибн Ахмед. Как показала С.А.Янина [1962, с.192], первые из них принадлежат чекану г. Булгара, вторые – Суvara. Самые поздние монеты X в. без указания имени эмира и места чеканки относятся к 376/986–987 г. [Кропоткин, 1986, с.40]. В XI в. и до конца XII в. монеты в Волжской Булгарии не чеканились.

Таким образом, нумизматические данные в полном соответствии с данными письменных источников указывают на два крупных города Волжской Булгарии, в которых чеканились свои собственные монеты – г. Булгар, административно-политический центр государства, и г. Сувар, центр княжества, находившегося, как полагают, в вассальной зависимости от первого.

Монетный материал, кажется, еще раз подкрепляет, правда, косвенным образом, правомерность идентификации Билярского городища со столичным Булгаром. На большинстве монет 366/976–977 г. Мумина ибн Хасана, чеканенных в городе Булгаре, имеется знак А (буква «Б» рунического письма), а на монетах Суvara – знак [Янина, 1962, с.192]. Предположительно это тамги булгар и сувар [Ковалевский, 1954, с.48]. Вряд ли случаен также тот факт, что среди гончарных клейм Билярского городища самыми массовыми (больше половины всех клейм) являются знаки в виде А [Кочкина, 1983, с.78–80, рис.1–3; 5]. По мнению исследователей, этот знак представляет собой тамгу «правящего в Волжской Булгарии княжеского рода и основной группы булгарского населения» [Кокорина, 1989, с.93]. На сосудах из Болгарского городища такие знаки не обнаружены.

Таким образом, комплексный подход к источникам – археологическим, письменным и нумизматическим – позволяет утверждать, что единственной столицей Волжской Булгарии домонгольского периода был город Булгар (Великий город), представленный Билярским городищем.

3. Города – центры земель-княжеств

Фаяз Хузин, Анна Кочкина

Сувар принадлежит к числу выдающихся памятников нашего прошлого, свидетельствующих о богатой и многогранной истории некогда процветавшей средневековой цивилизации волжских булгар. Его развалины находятся в 4 км к западу от с. Кузнечиха Спасского района РТ. Значение Суvara в истории Булгарского государства определяется не только крупными размерами городища, которые выделяют его среди других булгарских памятников региона, но и тем экономическим, политическим и культурным потенциалом, которым он действительно обладал, будучи первоначально центром самостоятельного княжества в системе формирующегося раннефеодального государства, а затем центром обширной округи со значительным числом сельских и городских поселений.

Богатый и цветущий город, широко известный в X–XIII вв. далеко за пределами страны, почти с момента своего возникновения привлекает внимание арабских путешественников и купцов, заинтересованных в расширении торговых связей с северными народами.

Древнейшее упоминание Суvara наряду с Булгаром, как уже упоминалось выше, находится в сочинении арабского географа Абу Заида ал-Балхи [Хвольсон, 1869, с.82]. Ал-Джайхани, автор первой половины X в. в своей «Книге путей и государств» также отмечал у булгар эти два города, добавив к уже известным сведениям новые: «...между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в котором они укрепляются против врагов» [Заходер, 1967, с.37]. Краткое упоминание о Суваре, вернее, о народе сувар, содержится в письме хазарского царя Йосифа (середина X в.), адресованном кордовскому халифу Абдаррахману III. Хазарский царь писал, что они, т.е. сувары, ему «служат и платят дань» [Коковцов, 1932, с.88–89]. В сочинениях ал-Истахри [Заходер, 1967, с.37], ал-Мукаддаси [Хвольсон, 1869, с.84] и персидском анонимном источнике «Худуд ал-алам» [1930, с.32], написанных также в X столетии, со-

держатся практически те же сведения, которые нам известны по ал-Балхи. Информация более поздних авторов очень скудна. Так, Махмуд Кашгари в своем знаменитом сочинении «Диван лугат ат-тюрк» (1074 г.) лишь упоминает город Сувар и неверно помещает его на правом берегу Итиля недалеко от Каспийского моря. Известный географ XII в. ал-Идриси относит его к числу бургасских городов. Авторы XIII в. Закария Казвини, Якут, Фахр ад-дин Мубаракшах новых сведений о Суваре также не дают. Самые поздние упоминания о Суваре имеются у писателей XIV в. Хамдаллаха Казвини и Ферхега [Шпилевский, 1877, с.49], которые использовали при написании своих трудов не свежие данные, а более ранние сведения предшественников.

Вот, собственно, весь корпус письменных источников по истории Суvara. Как видим, он очень мал, к тому же сведения, содержащиеся в нем, весьма фрагментарны и малоинформативны. Почему-то Абу Хамид ал-Гарнати, испанский араб из Андалузии, лично посетивший Булгарию в 1135 г. и оставивший потомкам довольно подробный рассказ о булгарах, о Суваре ни разу не упомянул. Даже древнерусские летописи не знают о нем.

У нас, правда, имеется еще одна интересная группа источников – нумизматические материалы, изучение которых проливает свет на малоизученные страницы политической жизни Суvara X столетия. Достоверно определены монеты двух суварских эмиров – Талиба ибн Ахмеда и Мумина ибн Ахмеда, чеканенные в 948–976 гг. Основываясь на этих данных, исследователи полагают, что Сувар в промежутке между указанными годами, скорее всего, даже раньше, с момента своего возникновения, являлся центром обособленного «княжества» или же суверенного государства, потерявшего самостоятельность лишь в конце X столетия [Мухаммадиев, 1990, с.113, 116; Янина, 1962, с.191]. Более поздних суварских «князей» не известно.

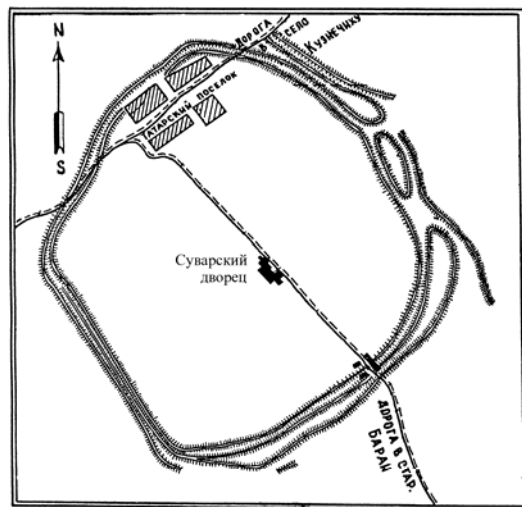
Заслуга открытия развалин Суvara принадлежит известному татарскому ученому

Шигабутдину Марджани. В своем фундаментальном труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Источники по истории Казани и Булгара»), впервые опубликованном в 1885 г., он отметил, что укрепленное земляными валами место (городище) недалеко от села Кузнечиха Спасского уезда Казанской губернии окрестное население до сих пор называет своим первоначальным именем Сувар [Марджани, 1989, 91 б.]. Данная локализация была окончательно подтверждена другим татарским историком Гайнетдином Ахмаровым, совершившим в 1893 г. специальную поездку на развалины Суvara [Ахмаров, 1893, с.478–481]. Позднее И.А.Износков нанес это городище на археологическую карту [Износков, 1895].

В настоящее время остатки Суvara представляют собой огромное городище подчетырехугольной формы, окруженное мощными валами и рвами протяженностью около 4,5 км. С северной стороны городища по левому берегу р. Утки, где расположена небольшая деревушка Татарский Городок, следы древних укреплений едва заметны – они уже уничтожены временем. Площадь древнего города внутри укреплений составляет 64 га, а вместе с укреплениями превышает 90 га. За пределами валов почти по всему периметру городища располагаются обширные пригородные поселения – Покровское, Татгородокское I и II селища домонгольского времени. Вся территория памятника, за исключением валов и рвов, уже много лет распахивается, уничтожаются культурный слой и заключенные в нем остатки древних сооружений.

История археологического изучения памятника не богата. Самые крупные раскопки на Суваре производились в 1933–1937 гг. А.П.Смирновым. Это были первые планомерные, стационарные исследования на территории Татарстана крупного булгарского города. Итоги пятилетних работ А.П.Смирнова впечатляют: в центре городища исследовались остатки кирпичного здания и связанных с ним сооружений, тщательно выявлялись конструкции оборонительных укреплений, изучались около десятка мусульманских захоронений на вновь выявленных двух городских некрополях.

Как выяснилось в ходе раскопок, земляные валы городища сохранили в себе ос-

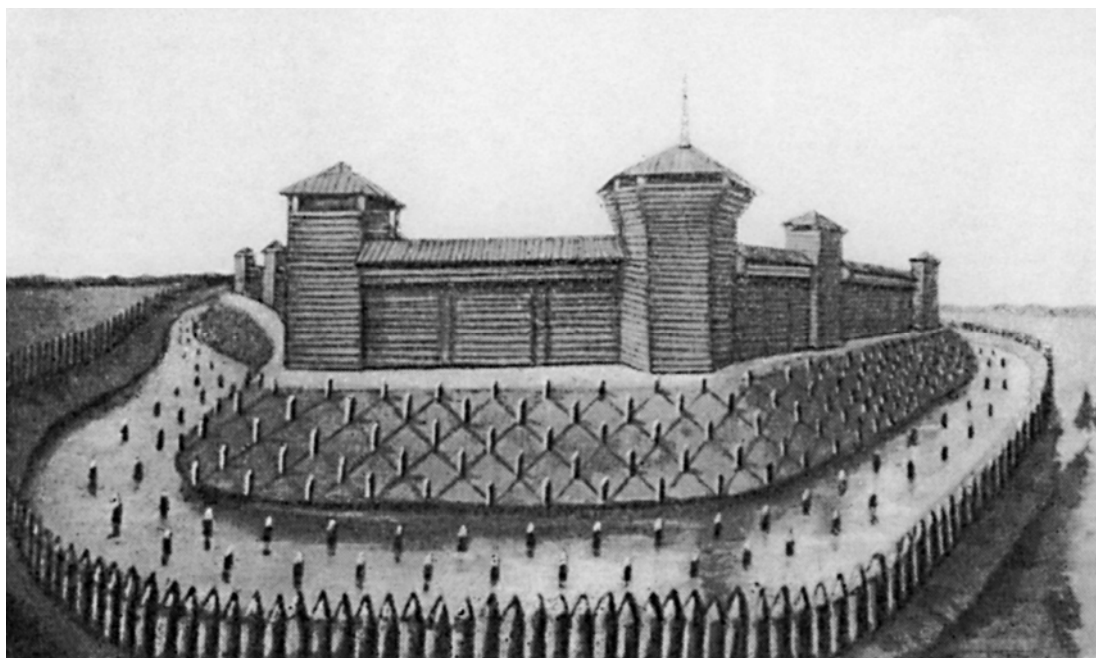

План Суварского городища

татки деревянной стены из срубов (4 x 5 м), поставленных впритык один к другому. Срубы-клетки изнутри были засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На всем своем протяжении крепостные стены имели боевые башни, расположенные на определенном расстоянии друг от друга. Первоначальная глубина рва, вырытого с внешней стороны стены, достигала 5 м. Его склоны были укреплены горизонтальными слегами, а дно – вертикальными кольями с заостренным концом [Смирнов, 1941, с.138–140]. Графическая реконструкция этих укреплений выполнена самим исследователем.

Были изучены жилища двух типов: «глинобитные» дома и деревянные срубы с подпольями. Обогревались они печами сводчатой формы и в виде цилиндров. Вокруг них располагались хозяйственные ямы, в основном зернохранилища и погребки различных типов. Иногда в них содержались зерна культурных злаков [там же, с.141–149].

Чрезвычайно интересным для изучения проблем становления булгарской монументальной архитектуры домонгольского периода оказалось кирпичное здание, открытое А.П.Смирновым в центральной аристократической части города [там же, с.150–159]. Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части с полом и системой подпольного отопления. Здание, по мнению исследователя, было двухэтажным и имело в плане форму вытянутого прямоугольника с башней типа донжона.

Оборонительные укрепления Сувары. Реконструкция А.П.Смирнова

Оно было построено в конце X – начале XI в. и функционировало, как полагал А.П.Смирнов, до конца XIV в., претерпев несколько капитальных ремонтов и перестроек. На графической реконструкции здания, выполненной позднее известным татарским искусствоведом Ф.Х.Валеевым [1970, с.87, рис.5], оно выглядит как настоящий дворец, парадный вход которого красиво оформлен порталом со стрельчатой аркой и декорирован цветными изразцами. В научной и научно-популярной литературе данный объект фигурирует под названием «суварского дворца» – усадьбы богатого феодала, хотя не исключается иное его назначение [Хузин, Шарифуллин, 1999, с.93].

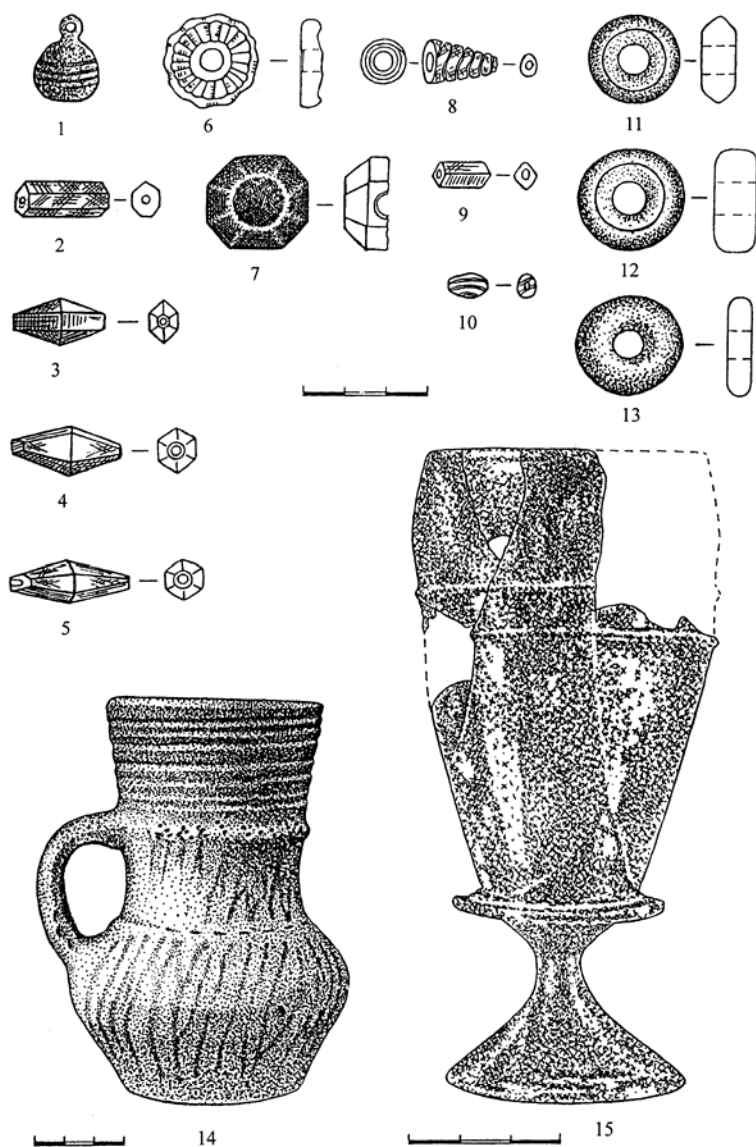
Экспедицией А.П.Смирнова был собран большой вещественный материал, на основании которого памятник был датирован X–XIV вв. Однако хорошо датированных предметов золотоордынского времени здесь практически нет. К поздней группе находок были отнесены «керамика красная высокого обжига», сфероконические сосуды, несколько черепков посуды с голубой поливой, единичные обломки стеклянных браслетов, два наконечника стрелы и осколки стеклянной посуды. Легко заметить, что указанные находки имеют широкий

хронологический диапазон бытования и не характерны только для золотоордынского времени.

Сравнивая суварскую керамику с биллярской, А.П.Смирнов отметил «полную их тождественность». По его словам, «к татарской эпохе относится незначительное число материала; в частности, невелико число поливной посуды, обычно весьма распространенной в татарских слоях» [Смирнов, 1941, с.165].

Спустя почти 40 лет после раскопок А.П.Смирнова, в 1974–1975 гг., на Суваре работала экспедиция Т.А.Хлебниковой [1977]. Небольшие раскопки, заложенные в целях получения новых материалов с желанием уточнения стратиграфии и хронологии культурных напластований памятника, крупных объектов не выявили, но позволили зафиксировать полное отсутствие находок золотоордынского времени.

В 1990–1993 гг. на Суваре проводила небольшие исследования экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР. Раскоп был заложен в центральной части городища, где располагалось кирпичное здание («суварский дворец»), изученное А.П.Смирновым в 1930-е гг. Максимальная мощность культурных напластований вне сооружений составила 120–140 см. Были изучены около

Сувар. Находки из раскопа IV. 1990–1993 гг. 1 – бронза, 2, 8–10, 15 – стекло, 3–5 – сердолик, 6 – свинец, 7 – гешир, 11–13 – шифер, 14 – глина

десятка хозяйственных сооружений, ряд столбовых ямок, канавки, остатки конструкций из кирпича и некоторые другие объекты.

В историко-археологической литературе принято считать, что после монгольского погрома 1236 г. Сувар, как и Биляр, продолжал существовать и окончательно погиб в конце XIV в. [Смирнов, 1941, с.171; Фахрутдинов, 1975, с.121; Егоров, 1985, с.96]. Однако среди находок из Суvara, насчитывающих многие сотни и тысячи предметов, нет ни одной вещи, которую

безоговорочно можно было бы отнести к золотоордынскому времени. Это свидетельствует, несомненно, о существовании Суvara только в X – первой трети XIII в.

Новые раскопки показали, что по мощности домонгольского слоя и насыщенности его сооружениями, богатыми находками Сувар сопоставим лишь с Биляром. Эти два крупнейших памятника домонгольских булгар близки между собой и по внутренней топографии: обширные кузнечные или металлургические слободы располагаются практически в центре города, а не на бере-

Муромский городок. Фрагмент фундамента кирпичного здания. Раскопки В.В.Гольмстен, 1928 г.

гу реки, как, казалось бы, положено. Материальная культура населения Суvara и Биляра также обнаруживает близость, разве лишь в первом из них меньше лепной посуды и изготовлена она преимущественно из теста с примесью растительности.

Муромский городок находится в центральной части Самарской Луки, в месте наибольшего сближения двух крупнейших оврагов – Яблоневого на севере и Сухая Брюсяна на юге. Площадка городища представляет собой слабо рельефную равнину, пересеченную с северо-запада на юго-восток многочисленными оврагами, по дну которых протекают ручьи.

Протяженность площадки городища с севера на юг почти 1,5 км, с запада на восток – 1 км, площадь внутри укреплений составляет около 150 га. Город состоял из внутреннего и нескольких частей внешнего города, укрепленных земляными валами и рвами, которые подходили вплотную к оврагам, выполнявшим функции естественных укреплений.

Важным элементом его пространственной организации является наличие пригорода и округи, топографические особенности которых определены ландшафтом ме-

стности. За укреплениями города с северо-западной стороны наблюдается распространение керамики еще на 200–250 м, но с меньшей интенсивностью, чем на городище. С юго-западной стороны за городскими стенами размещался большой некрополь. Другой могильник выявлен на мысу между оврагами в северо-восточной части городища. С восточной стороны за оврагами простирался пригород, на котором археологически выделены несколько селищ (Муромские селища II–IV). Таким образом, общая площадь города с пригородами составляет не менее 400 га.

Кроме того, в радиусе 5–10 км от городища известно более 10 поселений. Почти столько же находится на расстоянии 10–15 км, имеющих свои собственные «центры», но находящиеся под влиянием большого города. Учитывая то обстоятельство, что вся Самарская Лука в поперечнике имеет протяженность около 30 км, та часть, центром которой является Муромский городок, может рассматриваться как агломерация. Устойчивость ее усиливается связкой Муромский городок – Междуреченское городище [Зубов и др., 1995]. Последнее располагалось на Волге и выполняло функции

контроля за движением и безопасностью на волжском торговом пути, являясь практически портом для Муромского городка.

Планировочная структура самого города восходит к традициям трехчастной планировки, характерной для больших городов Болгарии (Биляр, Староалейкинское городище), а также городов Востока [СГСА, 1973, с.132–210].

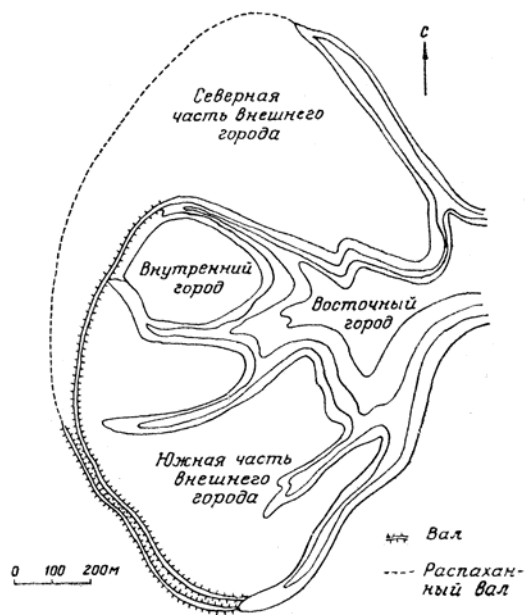
Самой древней частью являлся внутренний город, заключенный между двумя отрогами оврага. Культурный слой здесь отличается большей мощностью, обильно насыщен находками. Внутренний город был защищен с юга и севера оврагами. С западной стороны первоначально был прорыт ров до 3 м глубиной. Впоследствии этот ров был засыпан и вместо него сооружен внутренний вал [Васильев, Матвеева, 1986, с.170–171].

Вокруг внутреннего города располагался внешний город, который делился на северную, южную и западную части. Основная территория северного города была освоена не ранее XI в., и жизнь здесь продолжалась вплоть до разрушения города.

Наиболее обширна южная часть внешнего города. В XI в. в его восточной части у оврага существовал ремесленный район, где был выявлен и исследован гончарный горн [там же, с.186–187].

Древнейшим оборонительным сооружением, относящимся к X в., является ров, соединявший овраги, ограничивающие внутренний город с севера и с юга [там же, с.170]. Глубина его 2,2 м от современной поверхности, ширина – 8–8,4 м. Ров был засыпан в конце XI в., а вместо него был сооружен вал и ров, глубина которого составляет 3,1 м, ширина – 5,3–7 м. Ров мог быть заполнен водой, т.к. водоносный слой здесь залегает высоко. Возможно, он одновременно служил водоемом, снабжавшим водой металлургическое производство, расположенное в западной части внутреннего города.

Формирование территории города происходило не одновременно, а строительство укреплений внешнего города осуществлялось уже тогда, когда город существовал в своих максимальных размерах. Видимо, тот факт, что Муромский городок располагался в сравнительно безопасном месте, сооружение укреплений внешнего города было предпринято только в тот период, ко-

Схематичный план Муромского городка
(по В.В.Гольмстен)

гда появилась реальная угроза безопасности города, а это могло быть и в начале XIII в.

На Муромском городке исследованы остатки фундаментов нескольких зданий, сложенных из кирпича и известняковых камней. Два таких здания, примыкавших друг к другу, были частично исследованы еще в 1928–1929 гг. Для кладки использовался кирпич размерами 25 x 23 x 5 см на глиняном растворе. Топки, стенки которых были сильно прокалены и ошлакованы, располагались с внешней стороны зданий и соединялись магистральными каналами с системой дымоходов. Местами в зданиях сохранились участки водонепроницаемого пола из известняково-алебастрового цемента.

В 1973 г. Г.И.Матвеева исследовала здание, расположенное на территории северной части внешнего города у оврага, отделявшего внешний город от внутреннего, недалеко от северо-западного въезда. Здание прямоугольной формы (10,8 x 10 м), ориентированное с северо-востока на юго-запад, имело все характерные черты болгарских построек домонгольского времени: размеры кирпича, подпольное отопление, внутренняя планировка и др. Судя по планировке, здание, скорее всего, явля-

лось баней, как и большинство кирпичных зданий в болгарских городах. Ближайшие аналогии ему Г.И.Матвеева находит в зданиях Биляра. Исследовательница датировала его строительство второй половиной – концом X в. [там же, с.175–178].

Наземные деревянные постройки на Муромском городке сохранились плохо. Жилища срубного типа открыты на территории центральной части города. На раскопе XVIII сохранился нижний венец сруба (3,9 x 3,5 м). В северо-восточном углу жилища находилась печь овальной формы. С запада и востока к жилищу примыкали обмазанные глиной площадки, видимо, глиной был вымощен двор.

Другое жилище имело размеры 4 x 4 м. От него сохранился слой деревянной трухи и печь-каменка прямоугольной формы. К входу вела дорожка, подмазанная глиной светло-желтого цвета. В жилище найдены жернов, топор, коса в деревянном футляре, пряслица.

Кроме деревянных жилищ, выявлены постройки из глины и сырцового кирпича. Сохранность этих домов очень плохая, поэтому восстановить их конструкцию не удается.

Остатки жилищ выявлены и в северном городе. От дома, расположенного практически у городских стен, остался углубленный в материк котлован (3,5 x 3 м), с входом в северной части. В северо-западном углу находилась печь-каменка. В южной части исследованы остатки очага, обогревавшего лежанку, располагавшуюся вдоль южной стенки. Довольно многочисленные куски глиняной обмазки, заполнение, содержащее много глинистых включений, допускают возможность предположить применение в строительстве стен постройки каркасно-плетневые конструкции, обмазанные глиной. Конструкция постройки оригинальна, подобных ей не было известно ранее на других болгарских памятниках. Дальнейшее развитие близких типов построек с обогреваемыми лежанками – суфами будет наблюдаться в золотоордынское время.

На Муромском городке выявлены следы различных ремесленных производств, в том числе металлургического, металлообрабатывающего, гончарного, плотницкого, косторезного, ювелирного и других. Он был одним из крупнейших ремеслен-

ных центров на юге Волжской Булгарии, снабжавшим своей продукцией сельскую округу.

Горны для плавки железа пока не обнаружены, но имеются свидетельства получения железа более простым способом, каким была варка в горшках в домашней печи.

Об уровне кузнечного дела на городище свидетельствуют многочисленные изделия из железа. Металлографический анализ этих вещей говорит о владении кузнецами различными техническими приемами [Толмачева, 1982].

В юго-западной части внутреннего города исследованы медеплавильные печи [Васильев, Матвеева, 1986]. Здесь же находилась мастерская медника, где найден развал печи и собраны обрезки листовой меди, фрагмент мерного сосуда и гирька-развеска. Найдены также мерный сосудик цилиндрической формы и бронзовая плиточка с полусферическими углублениями – матрица для изготовления шариков из золотой фольги или листовой меди, служивших деталями украшений [Васильев, Матвеева, 1986].

В последние годы в восточной части северного города исследованы остатки нескольких производственных сооружений – развалы печей, расположенных в углубленных ямах и предназначенных, вероятно, для плавки металла.

Муромский городок – пока единственный болгарский памятник, где исследован горн для обжига кирпича [Васильев, Матвеева, 1986; Васильева, 1993, с.156, рис.29: 1]. От него сохранилась только топочная камера в виде котлована квадратной формы размером 2,2 x 2,2 м. Горн был двухъярусным: внизу находилась топочная, сверху – обжигательная камеры. Он был сложен из кирпича, размеры которого стандартны – 25 x 24 x 5 см. Близки к этому горну печи Херсонеса XI–XII вв., предназначенные для производства черепицы.

В юго-восточной части южного города был исследован второй горн для обжига глиняной посуды. Он имел круглую форму и был двухъярусным, соответствовал всем стандартам гончарным горнов, исследованных и на других болгарских памятниках.

Сосуды муромских гончаров стандартизированы, представляют все основные

формы, типичные для массовой посуды. Они имеют линейный, волнистый или зубчатый орнамент, встречаются изделия с зооморфным декором. Особенностью является практически полное отсутствие не лощеных изделий, даже среди кухонной посуды. Цвет большинства сосудов красный или коричневый, на днищах встречаются клейма, хотя и значительно реже, чем, например, в Биляре.

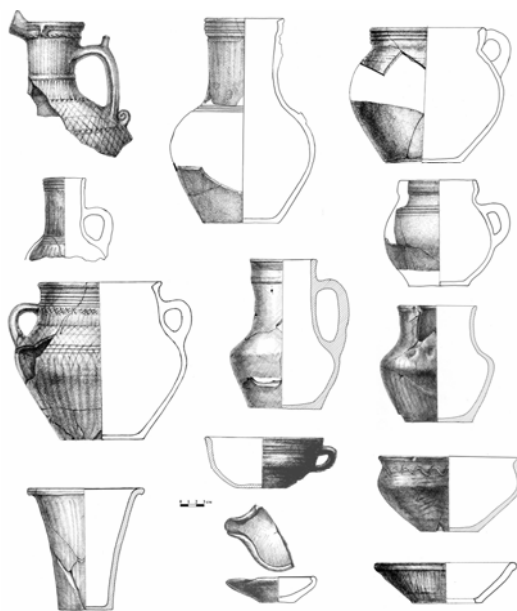
Керамические изделия булгар не исчерпывались посудой. Значительное число их имело другое хозяйственно-бытовое назначение: среди них глиняные напярсла, грузила, дымогарные и водопроводные трубы, кирпичи, а также игрушки, ритуальные предметы и т.д.

Среди других ремесел наиболее развито было косторезное, следы которого четко зафиксированы в виде заготовок, спиленных костей, отходов производства.

Известно было на городище и производство дегтя. Обнаружены остатки открытого каменного очага с развалом придонной части крупного кухонного горшка, на дне которого находились три маленьких отверстия и остатки спекшейся массы, как выяснилось, дегтя. Вблизи были найдены еще два днища с отверстиями в центре и следами дегтя.

В жизни населения Муромского городка большую роль играла торговля. Найдено много вещей восточного происхождения: поливная посуда среднеазиатского и кавказского производства, иранская фаянсовая посуда с орнаментом, нанесенным золотистой краской – люстром, сфероконусы, разнообразные бусы, фрагменты стеклянной посуды и т.д.

Взаимоотношения с Русью на далекой южной окраине Булгарского государства подтверждаются находками, наиболее частыми из которых являются шиферные напярсла. Интерес представляет фрагмент каменной литейной формы, найденной в северном городе. Она предназначена для отливки двух типов браслетов, которые хорошо известны по русским древностям [Седова, 1981, с.103–119]. Связи с Русью осуществлялись не только путем распространения ремесленной продукции, но и обменом человеческими ресурсами. Присутствие русских ремесленников в булгарских городах документируется археоло-

Образцы гончарной посуды
Муромского городка

гическими материалами (фрагменты древнерусской керамики, кости свиньи).

На городище встречены изделия прибалтийского и западно-европейского происхождения (янтарь, германская монета – денарий XI в.). Встречаются также предметы византийского и причерноморского происхождения, среди них – фрагмент темно-синего стеклянного сосуда с инкрустацией из бирюзового стекла в виде растительного узора, фрагменты амфор.

Жители Муромского городка, как и всех средневековых городов, занимались сельским хозяйством. В культурном слое найдены земледельческие орудия: плужные лемехи и резак, серпы, косы, мотыги, жернова и т.д., в зерновых ямах встречены обугленные зерна проса, пшеницы, ржи, полбы. Для хранения зерна были большие ямы цилиндрической формы, облицованные деревом или глиной. В северном городе вблизи укрепления располагалось крупное хранилище зерновых запасов.

Одним из признаков крупнейших городов домонгольской Волжской Булгарии является наличие нескольких городских кладбищ. На Муромском городке в настоящее время обнаружены и частично исследованы 2 могильника.

Укрепления Юловского городища

Они расположены вне укреплений городища: один – на юго-западе, другой – на северо-востоке. Предположительно площадь I могильника составляет 10 га [Кочкина, 2002, с.125]. Исследовано 34 погребения по мусульманскому обряду захоронения, встречаются захоронения в гробах, о чем свидетельствуют находки древесного тлена и железных гвоздей.

Муромский II некрополь выявлен за северо-восточной окраиной городища на отдельной площадке между оврагами. На могильнике раскопано 15 мусульманских погребений. Своеобразной деталью обряда является наличие в засыпи погребений угольков. Глубина могильных ям от материка в среднем составляет 50–60 см, но встречаются и по 70 см. Судя по стратиграфическим данным, этот могильник является более ранним и синхронен первоначальному периоду существования городища.

Город существовал только до 1236 г., т.е. до татаро-монгольского нашествия. Никаких следов существования города в золотоордынский период не найдено. Видимо, он был разрушен полчищами Бату

и уже не возрождался, так же, как и Биляр и многие другие города Волжской Булгарии. О трагической гибели города свидетельствует мощный слой пожарища, костяки людей с застрявшими в костях наконечниками стрел.

Юловское городище – остатки пока единственного булгарского города на Верхнем Посурье, исследованного археологами. Оно расположено в центре г. Городище Пензенской области на краю террасы высокого правого берега р. Юловки при слиянии ее с р. Кичкилейкой. Стоит из двух топографических частей. Малый городок или «детинец», защищенный тремя линиями валов и рвов с двумя проездами, занимает вершину мыса. «Окольный город», практически уже уничтоженный, охватывал «детинец» с западной, напольной стороны; он был укреплен одинарной линией вала со рвом. Общая площадь городища составляет 22 га. Его можно отнести к числу малых городов Булгарии. Несмотря на это, считают исследователи, он выполнял роль административно-политического и культурно-эконо-

мического центра юго-западных земель государства.

Городище известно в историко-археологической литературе со второй половины XVIII в., в разведочном плане обследовалось Г.П.Петерсенем, А.А.Кротковым, П.Д.Степановым, М.Р.Полесских и А.Х.Халиковым [Белорыбкин, 1995, с.46]. Археологические раскопки проводятся здесь с 1985 г. экспедицией Пензенского государственного педагогического университета под руководством Г.Н.Белорыбкина.

На городище открыты остатки жилых, хозяйственных и производственных сооружений, в том числе гончарный горн и косторезная мастерская. Значительное

количество предметов связано с железоделательным, медеплавильным, деревообрабатывающим и ювелирным ремеслами. Продукция ювелиров представлена и в кладе серебряных вещей (витые браслеты, шейная гривна, височная подвеска и пр.), обнаруженном в 1968 г. [там же]. Торговые связи с древнерусскими землями демонстрируют находки шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и русской керамики. По мнению А.Х.Халикова и Г.Н.Белорыбкина, Юловское городище, рассматриваемое ими как центр «Буртасского княжества», находилось на сухопутном торговом пути из Булгара в Киев [Моця, Халиков, 1997, с.167–168].

4. Другие городские центры

*Фаяз Хузин, Наиль Набиуллин,
Альберт Нигаматов, Айрат Ситдиков*

Джукетау на Каме археологически представлен одноименным городищем, Крутогорским, Донауровским селищами и двумя могильниками.

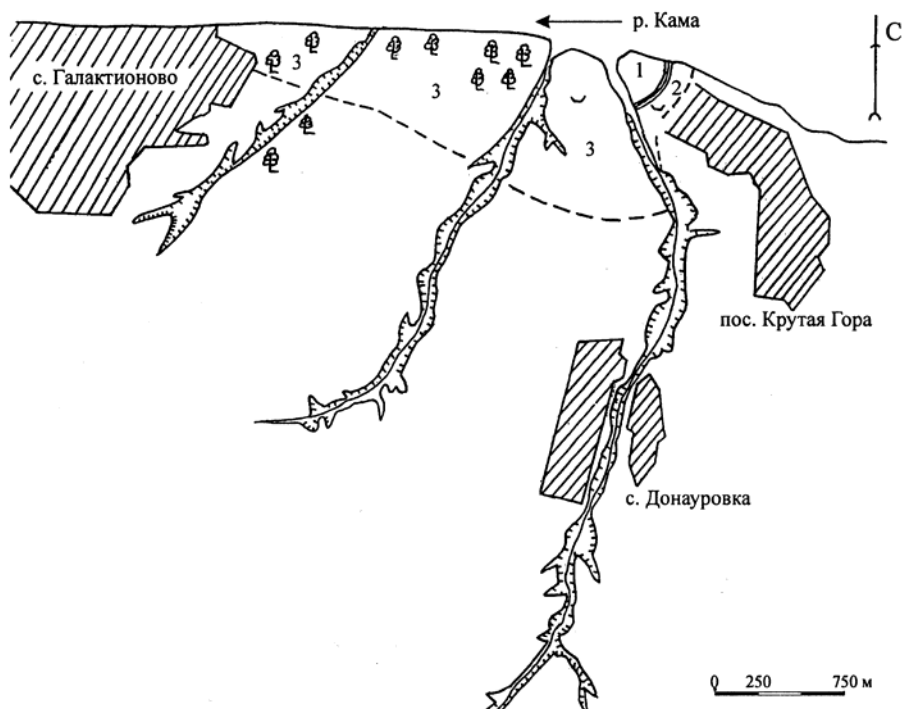
Городище находится в 3 км к западу от г. Чистополя (в 250 м к северо-западу от пос. Крутая Гора) на высоком мысу, образованном коренным левым берегом Камы и правым берегом ее притока – р. Килевкой, называвшейся прежде Жукотью или Жукотинкой. С напольной, юго-восточной стороны сохранились остатки укреплений в виде трех рядов земляных валов высотой около 2,5–3 м и двух находящихся между ними рвов глубиной до 2,5 м. Площадка городища имеет подтреугольную форму с относительно ровной, слегка возвышающейся к центру поверхностью. Общая укрепленная территория его, частично занятая Чистопольским элеватором, составляет 5,8 га.

Крутогорское селище – восточный посад Джукетау – расположено к востоку и юго-востоку от укреплений городища. Значительная часть его территории в настоящее время застроена новыми домами пос. Крутая Гора и элеватором. Подъемный материал зафиксирован на площади 6,5 га. Практически на территории селища ближе к укреплениям находится ранний мусуль-

манский могильник, частично исследованный в 1999 г.

Донауровское селище – западный пригород Джукетау – занимает более низкую площадку на противоположном к городищу левом берегу Килевки. Как показали разведочные работы, подъемный материал распространен широкой полосой вдоль берега Камы вплоть до с. Галактионово, что в 1,5 км к западу от городища. На этой территории, охватывающей площадь около 100 га, зафиксирован культурный слой со средней мощностью 35–40 см и выявлены следы двух производственных центров – гончарного и металлургического. Таким образом, территория западного пригорода оказалось намного обширнее, чем предполагалось ранее (35 га). А в целом археологический комплекс Джукетау расположен на площади более 150 га.

Письменных источников по истории города очень мало. Это краткие сообщения древнерусских летописей. В одном из ранних летописных сообщений, дошедшем до нас благодаря «Истории Российской» В.Н.Татищева, Джукетау упомянут в числе городов, взятых войсками монголо-татар в 1236 г.: «Пришли татары на великих болгар, всю землю их попленили, град Великий и Жукотин при жестоких боях взяв,

Общий план Джукетауского археологического комплекса.
1 – городище, 2 – Крутогорское селище, 3 – Донауровское селище

всех мужей и жен порубили» [Татищев, 1964, III, с.405]. Если источник В.Н.Татищева достоверен, то упоминание Жукотина-Джукетау в одном ряду с Великим городом, очевидно, может указывать на значительную его роль в истории Волжской Булгарии домонгольского периода.

В золотоордынское время Джукетау известен, можно сказать, в международном масштабе, о чем свидетельствуют географические карты Старого Света XIV в. Некоторые из них, например, знаменитый Каталанский атлас 1375 г. и карта 1367 г., составленная братьями Франциско и Доминико Пицигани, содержат «изображение» города под названием *Fachatim* и *Sacetim* на левом берегу реки *Edil*, т.е. Камы [Брун, 1873, с.2].

Значительные работы на территории памятника были проведены в начале 1970-х гг. Т.А.Хлебниковой. За три полевых сезона ею были исследованы жилые и хозяйственные постройки, несколько древних захоронений городского некрополя на территории Донауровского селища, собран богатый вещевой материал, позволивший охарактеризовать основные этапы

развития города от его возникновения до гибели [Хлебникова, 1975].

В 1991 г. исследования возобновились отрядом Билярской археологической экспедиции.

Возникновение города относится ко времени не позднее второй половины X в. Это доказывается наличием среди находок из раннего горизонта домонгольского слоя лепной керамики прикамско-приуральской и салтово-маяцкой групп, а также обломков серебряных дирхемов, чеканенных в первой половине X в. [Хузин, Набиуллин, 1999, с.94]. Верхняя дата третьего слоя ограничивается 1236 г., на что указывают, в частности, железные наконечники стрел типа монгольских «срезней» в прослойке пожара.

Раскопки на городище открыли землянки, полуземлянки, обычные наземные жилища с подпольями и хозяйственные постройки (ямы-зернохранилища, погреба), аналогичные сооружениям других булгарских городов. Территория восточного посада археологически не исследована. В 50 м к юго-востоку от линии валов открыт Крутогорский могильник XI в., в пог-

Валы Джукетауского городища

ребениях которого налицо как явные языческие пережитки в виде «культы огня», жертвенной пищи, так и не устоявшийся мусульманский обряд погребения. Чрезвычайно любопытно наличие в нижних горизонтах культурного слоя значительного количества лепной керамики с толченой раковинной в тесте (до 30%), что свидетельствует о сложных этнокультурных процессах, происходивших в этом регионе в ранние этапы истории домонгольской Булгарии.

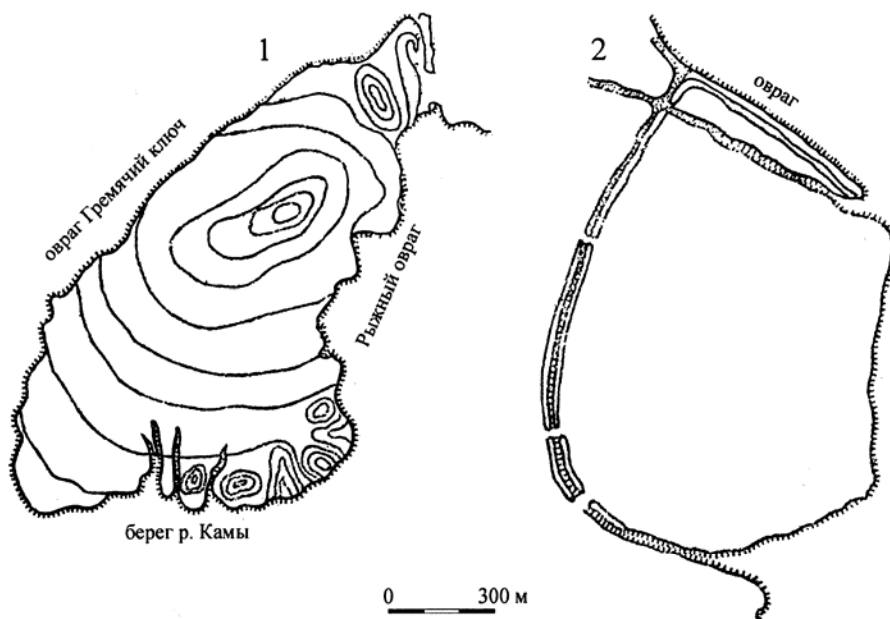
Укрепленная часть города, т.е. городище-крепость, функционировала только до монгольского нашествия. Золотоордынский слой здесь не прослежен. Этот факт полностью согласуется с известной политикой монголов, запрещающей подвластному населению заново отстраивать разрушенные укрепления городов и занимать удобную в стратегическом отношении местность, но одновременно противоречит сложившемуся мнению ученых о восстановлении крепости Джукетау в середине или второй половине XIII в.

Но даже в домонгольское время значительная часть населения города проживала на территории западного посада. Были за-

селены преимущественно прибрежные участки Килевки и Камы. Слои X – начала XIII в. прослежены на площади около 10 га. Раскопками открыты жилые и хозяйственные сооружения, четких следов ремесленного производства пока не выявлено.

За пределами домонгольского посада располагался мусульманский могильник, около 30 погребений которого были изучены Т.А.Хлебниковой и Н.Г.Набиуллиным.

Материальная культура населения Джукетау отличалась своеобразием. Всем археологам-булгароведам хорошо знаком т.н. «джукетауский» тип керамики – округлодонные сосуды чашевидных и горшковидных форм с примесью хорошо заметного песка в тесте, украшенные по плечу многогорядной крутой волной. Такая посуда в материалах раскопок Джукетау составляет около половины (от 30 до 65%) общего количества керамики. Достаточно много ее на близлежащих поселениях, но она совершенно не характерна для памятников соседней Билярской и более отдаленной Суварской округи. По мнению специалистов, в «джукетауской» керамике заметны признаки прикамско-приуральских tradi-

Планы городищ Кашан I (1) и Кашан II (2)

ций гончарства, связанных с финно-угорским населением. В последние годы высказана точка зрения о выделении локального варианта культуры домонгольских булгар, на основе которого позднее, в период Золотой Орды, сложилось Джукетауское «княжество» [Набиуллин, 1998, с.44–45].

Кашан, вернее, его предполагаемые археологические остатки в виде Кашанского I городища, расположен в 1 км к востоку от с. Шуран Лаишевского района РТ на коренной террасе правого берега Камы высотой до 90 м. Площадка памятника трапециевидной формы (1800 x 300–950 м) понижается с северо-востока на юг. Она ограничена с северо-запада оврагом Гремячий Ключ, с востока – Рыжым оврагом, с юга – берегом Камы [АК, 1981, с.119, № 569].

На основе скудных сообщений русских летописей, старинных песен и преданий татар у исследователей сложилось представление о Кашане как о большом и богатом булгарском городе, существовавшем в X–XIV вв. В одной из старинных песен говорится, что Кашан – это «зеркало мира», «великая крепость», город, в котором живут богатые торговцы, вывозящие свои товары в Индию и Хорасан, а также искусные ремесленники – металлурги-сталевары

и золотых дел мастера [Гарипова, 1991, с.159].

В археологической литературе памятник известен с начала XIX столетия. На возможные следы Кашана археологов вывели сохранившиеся с булгарских времен топонимические названия: «Кошанская гора» на правом высоком берегу Камы у бывшей переправы из Сорочьих Гор в Мурзиху, рыболовная «Кошанская заводь» в той же местности и «Кошанская дорога».

Тщательное археологическое обследование всей береговой полосы от с. Шуран до Сорочьих Гор проводил в 1879 г. П.А.Пономарев.

Итоги исследования памятника были изложены П.А.Пономаревым в следующих словах: «По обширности занимаемого пространства, по количеству и качеству находок он, по-видимому, не только превосходил все прочие булгарские поселения описываемой местности, но и вообще выделялся между городами Камско-Волжской Булгарии, уступая только Булгару и Биляр» [Пономарев, 1893]. Ученый пришел к выводу о возможности отождествления этого городища с булгарским городом Кашаном, известным по летописям XIV в.

После работ П.А.Пономарева городище Кашан I надолго выпало из поля зрения ар-

хеологов. Изредка о нем вспоминали в связи с находками, которые случайно обнаруживали окрестные крестьяне во время земляных работ на месте исчезнувшего города. Среди этих находок примечательны клад монет и серебряных вещей (обнаружен в конце 1880-х гг.), в составе которых были серебряная подвеска, проволочный браслет, перстень с изображением дракона, еще один перстень и кольцо. В кладе 1938 г. значились золотые серьги в виде кольца с цепочками, к которым были прикреплены несколько продолговатых бусин, серебряные плетеный браслет и цепочки, а также золотое кольцо [Калинин, Халиков, 1954, с.95].

В 1948 г. на городищах Кашан I и II работала археологическая экспедиция КФАН СССР под руководством Н.Ф.Калинина. Он подтвердил наблюдения своего предшественника П.А.Пономарева об отсутствии культурного слоя на городище Кашан II и признал убедительными его сообщения о локализации летописного Кашана на месте обширного (108 га) городища у с. Шуран.

По мнению Н.Ф.Калинина, Кашан возник в XII в., возможно, в конце этого столетия, и существовал до 1396 г., когда был окончательно разорен новгородскими ушкуйниками. Он подчеркивал, что быстрому возвышению и расцвету Кашана – единственно крупного болгарского города на правом берегу Камы – благоприятствовали удобные природно-географические условия местности. Он стоял на пересечении двух магистралей: водного пути по Каме и сухопутного – из южных районов Булгарии на север с переправой через Каму около Кашана. На основании своих исследований Н.Ф.Калинин пришел к следующему заключению: «На месте городища Кашан II следует предполагать сильную и большую крепость, контролировавшую движение судов по Каме, служившую охраной камской переправы и резиденцией кашанского князя. Кашан I был крупным ремесленно-торговым посадом и главнейшим экономическим центром этого княжества» [Калинин, Халиков, 1954, с.96]. Данная точка зрения, высказанная авторитетным исследователем, благодаря своей оригинальности быстро завоевала себе сто-

ронников и, претерпев небольшие модификации, существует в историко-археологической науке по сей день.

Начиная с 1990 г. казанские археологи (А.М.Губайдуллин, К.А.Руденко) предпринимали неоднократные осмотры этих двух памятников, сопровождавшиеся зачистками обнажений культурного слоя, шурфовкой и сбором скудного подъемного материала. Исследователи в очередной раз убедились в отсутствии культурного слоя и каких-либо находок на городище Кашан II. Следовательно, существующая ныне точка зрения об этом памятнике как остатках крепости, княжеской резиденции или убежища для торговых караванов археологически не подтверждается.

В 1995–1997 гг. раскопки на городище Кашан II проводил К.А.Руденко. Были изучены укрепления с напольной стороны и со стороны Камы, а также культурные отложения на разных участках городища.

По характеру находок и отсутствию четких следов ремесла, заключил исследователь, Кашан I мало соответствует большому городу, каким он рисуется в письменных и фольклорных источниках.

Интересна гипотеза К.А.Руденко о возможной локализации Кашана на месте городища «Городок», расположенного на противоположном берегу Камы, но она требует дополнительной аргументации.

Городище находится в Алексеевском районе РТ у д. Городок на широком мысу высокой коренной террасы левого берега Камы. С севера и юга ограничено глубоким оврагом, с востока – краем террасы, с напольной стороны укреплено земляным валом и рвом. Площадь – 45,5 га. К северу от Городка, через овраг, расположено селище площадью 12,4 га. С напольной стороны Городка находится еще одно селище площадью 26,5 га. В целом весь комплекс болгарских памятников у Городка занимает почти 85 га [Руденко, 1999, с.134; 2001, с.29].

На городище раскопок не производилось, но собран достаточно богатый подъемный материал: лепная и гончарная керамика, железные накладки на конскую упряжь, металлическая матрица для изготовления накладок, навесные замочки, в том числе и ранних форм, ключи от цилиндри-

ческих замков, наконечники стрел, железная пластина от доспеха, рыболовный крючок и другие предметы. Перечисленные материалы являются основанием для датировки памятника концом X – началом XIII в. Памятник требует целенаправленных исследований на предмет возможной идентификации его с летописным Кашаном.

Казань до недавнего времени оставалась плохо исследованной в археологическом отношении. Вследствие этого не был определен и возраст города. Попытка А.Х.Халикова археологически подтвердить дату основания Казани (1177 г.), содержащуюся в некоторых списках «Казанской истории» – историко-публицистического сочинения неизвестного автора второй половины XVI в., оказалась не совсем удачной в силу малочисленности находок.

Широкомасштабные раскопки в Казанском кремле и за его пределами, в исторической части города, начались с 1994 г. В итоге накоплен значительный материал, уточняющий и расширяющий наши представления о древнейших этапах истории современной Казани. Археологам удалось: 1) выделить в культурных напластованиях Кремля домонгольский слой и определить время его накопления на основании комплекса находок концом X – началом XI – первой половиной XIII в.; 2) исследовать сооружения (остатки жилых и хозяйственных построек, оборонительных укреплений), а также остатки некрополя, стратиграфически связанных с этим древнейшим слоем; 3) обосновать городской статус первоначального поселения, состоявшего из крепости на высоком мысу р. Казанки и прилегающего к ней посада; 4) проследить непрерывность накопления слоев с момента первоначального освоения Кремлевского холма булгарами и до современности.

В комплекс находок из древнейшего слоя, доказывающих время основания города в конце X – начале XI в. (1005 г. – условная дата), входят: красноглиняная гончарная керамика со всеми признаками производства ее в домонгольский период, лепная керамика салтово-маяцких истоков (VIII – начало XI в.), женские украшения (стеклянные и каменные бусы, бронзовые

браслеты, пряжка от поясного ремня и др.), накладка на ремень конской уздечки т.н. «ранневенгерского» типа, некоторые типы наконечников стрел, древнечешский денарий князя Вацлава 929/930 г., обломок дирхема первой четверти X в. Предложенная дата возникновения Казани подтвердилась также сведениями, полученными методами естественных наук (радиоуглеродный анализ угля, термолюминесцентный анализ керамики) [Хузин, 2000, с.14–15].

Находки, связанные с ранним булгарским поселением, как показывает их картографирование, сосредоточены в северной половине Кремлевского холма: в раскопах на территории «Пушечного двора», южнее и восточнее Благовещенского собора, во дворе резиденции Президента РТ, а также в низменной северо-восточной части холма (за пределами древнейшей крепости). Эта территория, занимающая площадь около 6 га, была укреплена с самого начала возникновения здесь булгарского поселения.

С южной, напольной стороны город был защищен глубоким Тезицким оврагом шириной около 14 м, глубиной до 4 м, пологие склоны которого были эскарпированы, и земляным валом с дополнительными деревянными конструкциями по верху. Следы древнейших укреплений по восточному и северному краю Кремлевского холма выявлены в виде линии столбовых ямок диаметром 15–20 см и глубиной 20–40 см, оставшихся, по-видимому, от деревянного частокола или тына. Следует заметить, что частокол-тын со рвом впереди, устроенный с максимальным использованием естественных защитных свойств рельефа, относится к наиболее раннему типу оборонительных сооружений Волжской Булгарии [Хузин, 1995, с.94]. Подобную систему укреплений имели, в частности, Биляр и Буляр в X столетии.

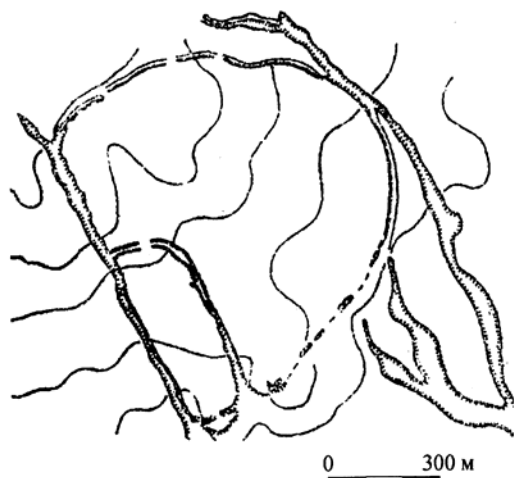
Фортификация города предмонгольского времени, т.е. второй половины XII – начала XIII в. имела совершенно другой облик. В условиях обострения военно-политической ситуации в Волжской Булгарии, вызванной длительным противостоянием ее и Владимиро-Суздальской Руси на важнейших торговых путях Поволжья, казанская крепость еще более усиливается.

На месте прежних дерево-земляных укреплений появляются мощные каменные стены шириной основания около 2 м, сложенные из необработанного известняка «всухую» или же с применением глинисто-известкового раствора. Строительный горизонт белокаменной стены четко выявлен в виде мелкого известнякового щебня в домонгольском слое. Стена возведена на ровной площадке без котлована, т.е. прямо на материке или же на сnivelированной поверхности более раннего земляного вала. Сохранившаяся высота кладки составляет от 0,8 до 1,5 м, местами до 2 м, однако только нижние ряды ее относятся к домонгольскому времени. Стена прослежена в общей сложности на трассе более 200 м. В плане она не прямолинейная, т.к. следует рельефу местности, точнее, изгибу края мыса. Следы башен по восточной и северной линии стен не выявлены. Проезд с южной стороны прослежен в виде пилона башни и мощенной камнем дороги.

В центре древнего города-крепости возвышалась большая сторожевая башня, очевидно, также белокаменная. Мощный фундамент этого сооружения был вскрыт в раскопах 1977 и 2004 гг. рядом с башней Сююмбике.

В свете последних открытий древняя Казань представляется в виде небольшой, но достаточно сильно укрепленной крепости на северной границе Булгарского государства, призванной охранять один из важнейших в стратегическом отношении участков Великого Волжского пути. Здесь располагался, очевидно, небольшой военный гарнизон, а более многочисленное торгово-ремесленное население проживало за пределами крепостных стен, ближе к р. Казанке. Рекогносцировочные раскопки 1999 г., проведенные на улицах города к востоку и западу от Кремля, выявили следы раннего посада-пригорода. Представляют интерес, в частности, материалы, связанные с металлургией железа и металлообработкой.

Первоначальную Казань есть все основания рассматривать в системе ранних торгово-ремесленных поселений, функционировавших в X–XI вв. по Великому Волжскому пути. Об этом свидетельствует состав находок, включающий заметное коли-

План Богдашкинского городища

чество импортных вещей, привезенных из стран Запада и Востока, Прибалтики, Древней Руси.

Застройка древнейшего города была не плотной и не имела еще определенной системы. Фиксируются хозяйственные сооружения различного функционального назначения, жилищ выявлено мало. Единственной сквозной улицей, главной в Кремле и по сей день, являлась, по всей вероятности, та, которая шла от южных ворот в северном направлении к дозорной башне. К юго-востоку от городских укреплений, за рвом, располагались мусульманские кладбища (одно из них выявлено во дворе Министерства культуры РТ, другое – с юго-восточной стороны Преображенской башни).

Результаты успешных историко-археологических исследований последних лет позволили не только обосновать тысячелетний возраст города, но и включить его, вернее, ансамбль Казанского кремля, в Список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ошель – еще один болгарский город, известный по русским летописям. Он располагался на правом берегу Волги. В настоящее время его археологические остатки локализуют на месте городища, расположенного в 0,9 км к северу от с. Богдашкино Тетюшского района РТ на ровном возвышенном месте между оврагами, идущими с севера на юг к р. Кильне, притоку

Свияги. Городище имеет в плане подквадратную форму с закругленными углами, ориентированными по странам света, и занимает площадь около 77 га. Укрепленная цитадель (500 x 200 м) находится в юго-западном углу города и отделяется от него глубоким оврагом и земляным валом.

Город Ошель единственный раз упоминается в русских летописях под 1220 (1219) г. в связи с походом владими́ро-суздальского князя Святослава на волжских болгар, когда он был взят штурмом и сожжен дотла [ПСРЛ, X, с.83–85]. Летописи подробно рассказывают о движении судовой рати до места высадки в Исадах, о выходе воинов на берег, подготовке к бою и наступлении на город, состоявшемся 15 июня. О городе и его укреплениях летописец говорит следующее: «Князь же Святослав поиде вборзе ко граду, бе же острог утвержден около града тын дубов, а затем два оплота, и межи ими вал ссыпан, и по тому валу рыщуше из затыниа бияхуся». Только после ряда приступов с разных сторон город был взят и разрушен, лишь одному болгарскому «князю» удалось спастись бегством в Великий город [ПСРЛ, X, с.83–84]. После этих событий город не оправился и окончательно перестал существовать в 1236 г.

Проблемы локализации Ошеля занимали многих исследователей. Еще в 1821 г. была опубликована статья востоковеда Ф.И.Эрдмана, в которой он впервые указал на Кирельское (Янтиковское) городище как на остатки Ошеля [Эрдман, 1821, с.292]. Предложенная Ф.И.Эрдманом локализация была в дальнейшем поддержана практически всеми, кто занимался историей Волжской Булгарии: С.М.Шпилевским [1877, с.152, 319], П.А.Пономаревым [1892, с. 273 и сл.], А.П.Смирновым [1951, с.265–266] и др.

В ходе археологических исследований в Предволжье, проведенных в конце 1940-х – начале 1950-х гг., Н.Ф.Калинин обратил внимание на остатки Богдашкинского городища, впервые обследованного Г.Н.Ахмаровым еще в 1909 г. Сопоставительное изучение ряда болгарских городищ региона с учетом письменных сведений привело Н.Ф.Калинина к заключению о возмож-

ности идентификации Ошеля не с Кирельским, а с Богдашкинским городищем [Калинин, Халиков, 1954, с.92–93]. Эта точка зрения господствует в историко-археологической литературе до сих пор.

Первые археологические раскопки на Богдашкинском городище проводились экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР в 1988–1990 гг. [Измайлов, Якимов, 1994, с.62–66]. Раскопы, заложенные во внутреннем городе или «цитадели», в том числе и на линии оборонительных укреплений, дали интересный материал, позволяющий датировать время его возникновения временем не позднее XI в. Среди этих материалов исключительный интерес представляют остатки языческого могильника, очень близкого по обряду захоронения к Тетюшскому и Большетарханскому могильникам. По находкам основной слой внутреннего города датируется XII – началом XIII в. Вещевой материал из раскопок включает в себя глиняную посуду, в том числе и поливную, орудия труда и оружие (железные мотыжка, ножи, наконечники стрел), украшения (бусы, накладки), а также предметы, относящиеся к области торговли (набор гирек и весы, раковины каури, шиферные пряслица и пр.). Во внешнем городе, где мощность слоя колеблется на разных участках от 20 до 70 см, изучены хозяйственные сооружения, а в окрестностях городища, в 300 м к западу от укреплений – остатки мусульманского некрополя. По данным исследователей, нижний горизонт культурных отложений внешнего города можно датировать X–XI вв., а верхний горизонт с четкими следами пожара – концом XII – первой третью XIII в. Гибель города, считают они, «произошла катастрофически» [там же, с.65].

Алабуга – один из старейших городов Республики Татарстан. Средневековый город состоял из двух топографических частей. Елабужское (Чертово) городище расположено на юго-западной окраине города, на высоком правом берегу Камы и занимает большой мыс коренной террасы, возвышающийся над рекой на 52–60 м. В 1990-е гг. в исторической части современного города было открыто пригородное поселение – посад, археологические иссле-

дования которого проводились в последнее время.

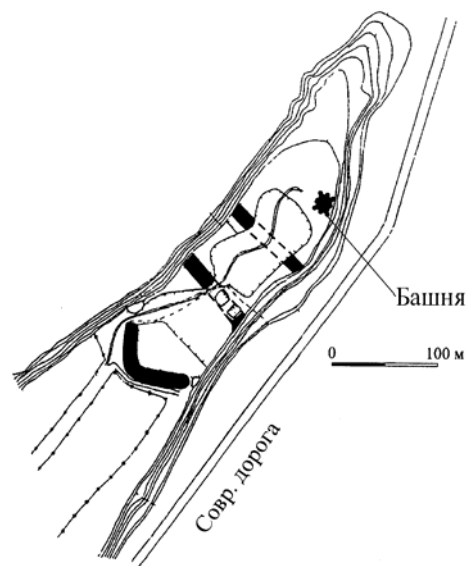
Площадка городища (около 3 га) укреплена с напольной стороны тремя линиями земляных валов и рвов. Знаменитая каменная башня болгарского времени возвышается у восточного склона мыса. В документах первой половины XVII в. памятник носит название «Каменного городища, что на Елабуге» [Невоструев, 1871, с.62–64].

Первое подробное описание городища и каменных развалин на его территории приводится в сочинении Н.П.Рычкова, лично посетившего Елабугу в 1769 г. Он был первым исследователем, определившим развалины каменного здания как остатки «храма язычников», т.е. мечети, построенной булгарами [Рычков, 1770, с.45, 51].

Интересную книгу о городе Елабуге написал и издал в 1871 г. И.В.Шишкин, городской глава, стараниями которого в 1867 г. была отремонтирована и восстановлена почти в первоначальном виде сохранившаяся башня. Он считал, что на месте древней Елабуги первоначально располагался скифский город Гелон, а позднее – болгарский город Брюхимов. Его точка зрения была поддержана другими исследователями. Так, К.И.Невоструев полагал, что «город Елабуга входил прежде в состав древнего Волжско-Болгарского, а потом Казанского царства; ...здесь был известный и славный по русским летописям болгарский город Брюхимов, в 1164 году разоренный Андреем Боголюбским» [Невоструев, 1872, с.183]. Однако локализация Брюхимова на месте Елабужского городища оказалась ошибочной.

Значительные работы на городище проводил в 1888 г. А.А.Спицын. Определив время строительства каменной башни болгарским временем (не позднее XIII в.), он высказал предположение, что это здание представляло собой или часть древнего караван-сарая, или усыпальницу одного из мусульманских святых [Спицын, 1893, с.88–91].

Материалы Елабужского городища привлекли внимание крупнейшего советского археолога-булгароведа А.П.Смирнова. Он утверждал, что «это была военная цитадель, самый северный пункт Булгарского княжества, за которым начиналась

План Елабужского городища

малозаселенная полоса, составлявшая границу с северными племенами» [Смирнов, 1951, с.29]. По мнению ученого, Елабужское городище с цитаделью было построено в X–XI вв. и служило «опорой господства болгар среди удмуртских племен; отсюда они совершали набеги на села, облагали их данью» [Смирнов, 1952, с.248].

В 1981 г. на Елабужском городище проводил небольшие раскопки М.М.Кавеев. Исследователю удалось доказать время функционирования укрепленного болгарского поселения (X–XIII вв.). По его мнению, городище не являлось местом постоянного проживания болгар, а служило военной крепостью или убежищем, использовавшимся окрестным населением только в случаях военной опасности [Кавеев, 1984, с.18–27].

В 1993 г. по заданию Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника исследования на раскопе были продолжены проф. А.Х.Халиковым. Экспедиция ставила своей основной задачей полное археологическое и архитектурное обследование белокаменного сооружения.

Булгаро-татарский слой в культурных отложениях памятника, по утверждению А.Х.Халикова, являлся доминирующим. В этом слое лежали остатки каменного здания, воздвигнутого на ленточном фунда-

Юго-западная часть белокаменной мечети-крепости на Елабужском городище
(после консервации)

менте по ширине стен, для устройства которого был выкопан котлован на глубину всего 35–40 см. Здание имело почти правильную квадратную в плане форму с длиной сторон 21 м, по углам которого очертились фундаменты округлых башен средним диаметром в 5 м. Имелись и пристенные башни, в числе которых треугольный выступ-контрфорс, ориентированный своим острием точно в сторону Мекки. Функциональное назначение исследованного объекта не вызывало сомнений – это мусульманская мечеть, выполнявшая одновременно роль крепости-убежища [Халиков, 1997, с.14]. Судя по всему, на месте Елабужского городища располагалась одна из остановок-манзилей на торгово-караванной дороге, идущей в IX–XIII вв. из Булгара–Великого города в Среднее и Верхнее Прикамье и далее на Урал и Сибирь. «Расположение мечети на Елабужском городище не случайно – она, скорее всего, находилась на месте прежнего языческого святилища и служила для моления купцов и их сопровождения после удачной переправы через Каму», – писал А.Х.Халиков [там же, с.15].

При изучении белокаменного здания в его конструкциях и связанных с ним наслоениях обнаружен материал второй половины X – первой половины XIII в., который указывает на присутствие в составе населения заметного количества угорских или финно-угорских элементов.

С 1994 г. исследования памятника продолжают археологической экспедицией Елабужского пединститута под руководством А.З.Нигамаева. За пределами юго-западной части городища им были вскрыты остатки женского захоронения с украшениями, состоящими из двух медных шумящих подвесок и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой конца X – XI вв. На этом месте располагалось кладбище с погребениями, имеющими истоки в угро-тюркском мире [Нигамаев, Хузин, 2000, с.23].

Другие раскопы на городище дали обычный материал булгаро-татарского времени, свидетельствующий о том, что поселение на мысу непрерывно функционировало с XI по XVI вв. Однако основное население проживало все же не здесь, а в другом месте.

В старой части г. Елабуги изучено несколько могил разрушенного во время строительных работ мусульманского кладбища. На участках между Спасским и Покровским соборами выявлены остатки болгарского поселения XI–XIII вв. и более позднего времени. Своеобразие керамического комплекса этого пригородного поселения составляет лепная посуда раковинного теста пермских истоков, составляющая более половины всей керамики слоев, накопленных в домонгольское и золотоордынское время [Нигамаев, 2001].

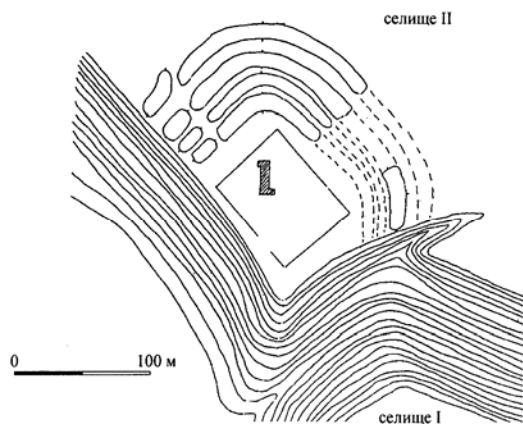
Найденные в последние десять лет археологические материалы позволяют уточнить время возникновения города Алабуги. Как известно, по этому непростому вопросу существовал ряд мнений, основанных преимущественно на письменных документах. Самой распространенной являлась точка зрения, согласно которой история города начиналась с указа Екатерины II, переименовавшей в 1780 г. с. Трехсвятское и одноименную крепость при нем в уездный город Елабугу. В современных энциклопедиях основание города отнесено к середине или второй половине XVI столетия, когда на территории современной Елабуги возникло упоминаемое русское село [Города России, 1994, с.133; ТЭС, 1999, с.184].

Эти даты основания Елабуги всегда вызывали споры, ибо были известны факты, указывающие на существование более древнего поселения на территории города. Так, в письменных документах XVI–XVIII вв. с. Трехсвятское упоминается параллельно с названием Елабуга: «Трехсвятское тож Елабуга», «село Трехсвятское, что на Елабуге», «каменного городища монастырь, что на Елабуге» и т.д. Эти факты, вне всякого сомнения, свидетельствуют о существовании Елабуги до появления с. Трехсвятское во второй половине XVI в. И действительно, в «Списке населенных мест периода Казанского ханства», составленном известным историком Е.И.Чернышевым по писцовым книгам XVI–XVII вв. с привлечением других всевозможных источников, значится «село Елабуга-Алабуга, Зюрейской дороги на р. Каме» [Чернышев, 1971, с.285]. Очевидно, после покорения Казанского ханства Иваном Грозным Алабуга была просто переименована в Трех-

святское, но это название не прижилось среди местного татарско-русского населения и параллельно с ним употреблялось более привычное «Алабуга». Таким образом, самые ранние и достоверные сведения письменных источников ограничивались периодом Казанского ханства (кроме того, в фольклорных источниках содержатся сведения о елабужских ханах Уразбакты и Илбакты, и т.д.).

Раскопки на Елабужском городище и в исторической части современного города существенно расширили круг археологических источников, который может быть привлечен для обоснования даты возникновения города. Булгарская гончарная и различные группы лепной керамики с учетом комплекса других находок (шиферные и глиняные пряслица, сердоликовые и стеклянные бусы, другие украшения, железные наконечники стрел и копья, ключи от цилиндрических замков и пр.) дают основание отнести время возникновения болгарской крепости на высоком берегу Камы к концу X – первой половине XI в. Елабужская крепость служила не только убежищем для окрестного населения в моменты военной опасности, но и культовым местом, административно-политическим центром Восточного Предкамья, откуда распространялась власть болгарского эмира на близлежащие финно-угорские земли. Практически одновременно, в XI–XII вв., возникло и основное поселение (посад-пригород), располагавшееся в исторической части современного города и структурно связанное с вышеупомянутой крепостью. Именно с этого времени наблюдается непрерывное развитие этого поселения до сегодняшних дней.

Возникновение елабужской крепости и прилегающего пригородного поселения на рубеже X–XI столетий вполне закономерно и подтверждается анализом общеисторической и политической ситуации, сложившейся в нижнем Прикамье к началу II тыс. Как справедливо замечает Е.П.Казаков [МСТП, 1999, с.101 и сл.], падение Хазарского каганата и относительная слабость Северо-Восточной Руси выдвинули Волжскую Булгарию в качестве единственно сильного государства на огромном пространстве от Урала до Верхнего По-

План Чаллынского городища

волжья. Булгария переживала экономический подъем, в стране функционировало множество конкурирующих между собой ремесленных центров, выпускающих разнообразную и высококачественную продукцию, значительная часть которой предназначалась на экспорт. Эта продукция реализовывалась, главным образом, в землях северных и восточных финно-угорских соседей булгар. Строительство нового военно-торгового форпоста на северо-восточных границах страны было вызвано в первую очередь экономическими потребностями страны.

В X в. из районов Среднего Урала и Верхнего Прикамья в Волжскую Булгарию проникает волна угров, в значительной степени тюркизированных, которые изготавливали круглодонную посуду с цилиндрической шейкой, украшенной гребенчато-шнуровой орнаментацией. Часть пришлого населения осела в районе современной Елабуги и приняла участие в строительстве крепости, ставшей впоследствии одним из крупных опорных пунктов Булгарского государства в Восточном Предкамье.

Чаллы – Чаллы́нское городище в Рыбно-Слободском районе РТ до недавнего времени считалось остатками одного из крупных поселений городского типа периода Казанского ханства. Новые исследования существенно уточнили наши традиционные представления о нем.

Археологические остатки города находятся в 0,8 км к юго-востоку от с. Тябердино-Чаллы на левом берегу р. Шумбут (пра-

вый приток Камы) на высоком мысу, образованном крутым обрывом к реке с юго-запада и глубоким широким оврагом с юго-востока. С напольной стороны сохранилась сложная система искусственных земляных укреплений из четырех линий дугообразных валов и рвов. В них имеется проезд с северо-западной стороны. Форма площадки – подквадратная размерами 100 x 115 м (1,15 га). Вокруг городища, вплотную примыкая к нему, расположены обширные пригородные селища – посадки общей площадью около 60 га. На их территории выявлено два мусульманских могильника.

Достоверные источники об этом памятнике малочисленны и фрагментарны. Первые сведения о «челматах», прямо отождествляемых исследователями с «чаллы́нцами» – жителями камского побережья, мы находим в древнерусских летописях. Здесь они упоминаются в связи с походом владими́ро-суздальских князей на Великий город в 1183 г. [ПСРЛ, II, с.626]. Эти прикамские племена, т.е. челмата-чаллы́нцы, еще в домонгольское время имели свой городской центр: в ряде летописей говорится о булгарах из г. Челмата [ПСРЛ, I, с.390; IX, с.10; XV, с.269]. Однако никаких подробных сведений об этом городе в источниках XIII–XV вв. не сохранилось. В последний раз *Чалымский городок* упоминается в источниках под 1556 г., когда правительственные войска боярина-воеводы П.В.Морозова полностью его уничтожили [ПСРЛ, XIII, с.269].

Чаллы́нское городище известно с XIX в. – см. труды К.И.Невоструева, С.М.Шпилевского, М.Б.Зайтова, Н.А.Толмачева, И.А.Износкова [Древние Чаллы, 2000]. Однако первые раскопки производились лишь в 1955 г. археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Н.Ф.Калинина. На территории городища был исследован ряд объектов: ямы-зернохранилища, погребца и другие хозяйственные сооружения, котлован полуземляночного жилища. Исследователь определил время существования городища XIV – первой половиной XVI в. и считал его одним из значительных памятников времен Казанского ханства – центром феодального Чаллы́нского «княжества» [там же, с.48–49].

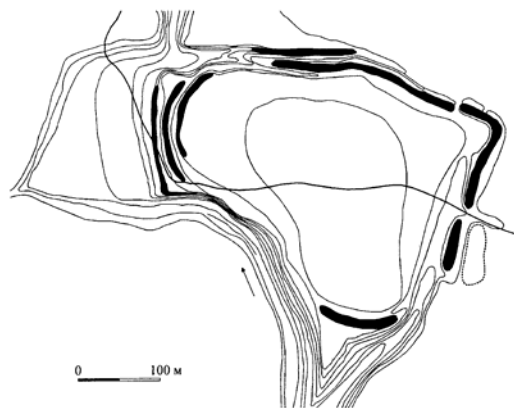
В 1983 г. памятник обследовался экспедицией ГМТР под руководством Н.А.Кокориной. Раскоп у восточного края городища выявил следы наземного жилища с остатками глинобитной печи и несколько хозяйственных сооружений. Основываясь на новых материалах раскопок, исследователи определили время возникновения городища концом XII – началом XIII в. [там же, с.7].

В 1989 г. раскопки Чаллынского городища и одного из его пригородов проводила археологическая экспедиция Удмуртского краеведческого музея под руководством Т.И.Останиной. В юго-восточной части городища были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов и очаги, сложенные из камня. Такого же характера объекты встречались и на пригородном поселении. Памятник относится, по мнению исследовательницы, к эпохам Золотой Орды и Казанского ханства [там же, с.7].

Новые исследования Чаллынского городища и его пригородов проводились в 1993–1997 гг. экспедицией ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова (с 1996 г. – Института истории) АН РТ под руководством Ф.Ш.Хузина. Экспедиция поставила своей целью разобраться в вопросах хронологии и характера памятника путем изучения самого городища и его оборонительных укреплений, а также пригородных селищ и могильников.

Укрепления городища исследовались неоднократно. По заключению А.М.Губайдуллина, в домонгольское время были сооружены первая, вторая и третья линии валов, которые претерпели две реконструкции в период Золотой Орды и Казанского ханства [Губайдуллин, 2002, с.73 и сл.].

Самый активный период жизни Чаллынского городка приходится на XII–XIV вв. Среди объектов, исследованных археологически, имеются как жилые, хозяйственные, так и производственные сооружения (предполагаемые остатки кузнечных и гончарных мастерских). Интерес представляют открытые очаги, жертвенные ямы, свидетельствующие о проживании здесь небольшой группы финского населения.

План Хулашкинского городища

О домонгольском времени накопления основного слоя свидетельствует комплекс находок: железные наконечники стрел, ливовидная пряжка, калачевидное кресало, бронзовая привеска-бубенчик грушевидной формы, восьмигранно-призматическая бусина из сердолика, зонная бусина из черного непрозрачного стекла с инкрустацией двух волнистых линий из белой пасты, обломок бусины из желтого стекла с черным слегка выступающим глазком, бусинка из горного хрусталя, шиферные пряслица и др. [Древние Чаллы, 2000, с.180 и сл., рис.4; 9]. Перечисленные находки дают определенные основания считать XI–XII вв. временем основания Чаллынского поселения.

В болгарский период Чаллы – один из рядовых городов с преимущественно торгово-ремесленным населением, окончательно не оторванным еще от сельского хозяйства. Во второй половине XV в. он превращается в центр одноименного улуса («княжества») в составе Казанского ханства.

Хулаш относится к числу малых болгарских городов правобережья Волги. Памятник расположен на высоком берегу р. Кильны (притока Свяги) в Тетюшском районе РТ. Укрепленная площадь составляет 11,3 га; к валам примыкает пригородное поселение площадью около 30 га.

Первое обстоятельное обследование городища производилось Н.Ф.Калининым в 1949 г. По его сведениям, мощность культурного слоя, насыщенного обломками керамики, костями животных и пр., достигала

на некоторых участках 150 см. В числе сборов разных лет он отмечал украшения из золота и серебра, металлическую утварь, части богатой конской сбруи, большое количество шиферных пряслиц, каменные жернова и другие предметы, свидетельствующие о том, что «Хулаш относился не к рядовым городам, а был богатой резиденцией князей» [Калинин, Халиков, 1954, с.88]. За пределами укреплений, в посадской части города, Н.Ф.Калинин обнаружил следы кирпичного здания, производственные остатки в виде железных криц и шлаков.

Исследователь правильно определил хронологию памятника. Он считал, что основной период существования Хулаша относится к X–XII вв. По мнению Н.Ф.Калинина, «Хулаш погиб явно катастрофически, что доказывается следами обширного пожара и многочисленными находками человеческих костей на территории самого городища». Это подтверждают и записанные у местного населения «весьма правдоподобные» предания о том, что «исчезнувший город был разрушен при опустошительном нашествии монголов».

Археологические раскопки памятника производились в 1962–1965 гг. Чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции под руководством А.П.Смирнова и В.Ф.Каховского. Исследования показали, что город имел мощную по тем временам систему фортификации, состоявшую из валов и рвов, деревянной стены с прямоугольными в основании башнями. Оборонительные сооружения Хулаша очень близки к укреплениям других болгарских городов домонгольского времени [Каховский, Смирнов, 1972, с.14–17].

В ходе раскопок на городище открыты остатки деревянных жилищ, глинобитных построек, одного кирпичного здания, большое количество хозяйственных ям, производственных сооружений (сыродутные и гончарные горны, кузница) и ряд других объектов. Были получены интересные данные о социальной топографии города. По наблюдениям исследователей, в центральной части городища без строгой планировки располагались жилища горожан – деревянные дома с хозяйственными постройками вокруг них. В западной и вос-

точной частях были открыты хозяйственные сооружения, в юго-восточном районе – ремесленные мастерские. Единственное кирпичное здание находилось за пределами укреплений на территории посада. Мыс в юго-западной части городища, как писали исследователи, «служил местом свершения общественных жертвоприношений и различных религиозных обрядов».

Наряду с ремесленными объектами городской характер Хулаша подтверждают и остатки материальной культуры населения. Широкий ассортимент керамической посуды высокого качества, богатый набор украшений из цветного металла, стекла и полудрагоценных камней, комплекс вооружения (разные типы наконечников стрел, боевые топоры, обрывки железной кольчуги и пр.), инструментарий торговцев (весы и гири-разновесы), наличие костей верблюдов в остеологических материалах – все это составляет характерный набор находок из слоев поселений городского типа.

Красносюндюковское I городище – еще один пример малого болгарского города в предволжском регионе Волжской Булгарии. Оно расположено на пологом склоне правого берега Свияги (Ульяновская обл.) и состоит из двух укрепленных частей – детинца и посада общей площадью около 50 га. Первая из них окружена валом и рвом с проездом в западной части; с восточной стороны посада имеется двойной ряд валов и рвов, далее укрепления не сохранились.

Памятник известен с конца XIX в. Широкие археологические раскопки охранно-спасательного характера производились в 1991 г. в посадской части города экспедициями Самарского университета под руководством А.Ф.Кочкиной и Ульяновского областного краеведческого музея под руководством Ю.А.Семыкина [Кочкина, Сташенков, 1993; Семыкин, 1993]. Благодаря этим исследованиям, а в первую очередь неожиданному, на первый взгляд, открытию там остатков кирпичного здания, убедительно интерпретированного его исследователем Ю.А.Семыкиным как общественная (усадебная) баня, Красносюндюковское I городище получило широкую известность среди болгароведов. Большой интерес вызвали также сооружения раз-

личных функциональных назначений, несколько погребений и богатый вещевой материал, на основании которых оказалось возможным составить общее представление о характере рядового болгарского города домонгольского времени.

Среди вскрытых на раскопе сооружений интерес представляют остатки помещения для хранения готовой продукции, производившейся гончарной мастерской, следы которой прослежены лишь в виде обломков оплавившихся кирпичей и кусков глиняной обмазки, предположительно, от гончарного горна. Остальные сооружения имели хозяйственное (ямы-погребца, кладовки, зернохранилища) и жилое назначение.

Изучено также два мусульманских погребения X – начала XI в., не связанные, однако, с могильником.

Исключительный интерес в плане определения времени возникновения городища и этнического состава его населения представляет керамический комплекс из раскопов. Достаточно многочисленна и разнообразна лепная и подправленная на круге керамика, которая, по словам А.Ф.Кочкиной, «выглядит довольно архаично». Выделяются, в частности, группы посуды, имеющие истоки в памятниках салтово-маяцкой культуры, и группа прикамско-приуральских (финно-угорских) истоков. «Исключительной находкой... является фрагмент стенки тулова кругового сероглиняного сосуда с перекрестным лошением, аналогичный керамике могильников раннебулгарского времени в Среднем Поволжье» [Кочкина, Сташенков, 1993, с.193]. На основании указанных и ряда других находок исследователи относят Красносюндюковское I городище к ряду наиболее ранних поселений волжских болгар, возникших в начале или первой половине X в.

Состав индивидуальных находок – железная кубическая гирька, два свинцовых грузика-пломбы, фрагменты стеклянных сосудов, шиферное пряслице, коллекция поливной посуды местного, среднеазиатского и византийского производства – указывает на городской характер исследованного поселения. Остальные находки (наконечники стрел, одноцилиндровые замки «булгарского» типа, серебряный перстень, биллоновая подвеска из монетовидного

подражания арабским дирхемам, стеклянные, янтарная и гагатовые бусы и пр.) характеризуют общеполитическую культуру сельского и городского населения X–XI вв.

Любопытно, что всего лишь в 0,8 км восточнее исследованного памятника находится еще одно городище – *Красносюндюковское II*, относимое также к числу малых городов. Оба эти города окружены пригородными селищами, практически примыкающими друг к другу и составляющими все вместе единый комплекс общей площадью 177 га. К сожалению, ни на одном из них не производились раскопки и поэтому невозможно судить об их социальном статусе; не выясненными остаются также проблемы взаимоотношения этих двух городов между собой и с их пригородами.

Староалейкинское городище является остатками одного из крупнейших городов Волжской Булгарии. Укрепленная площадь его около 130 га. Памятник расположен в Ульяновском районе Ульяновской области на высокой надпойменной террасе правого берега р. Свияги. В разные годы, начиная с конца XIX в., объект неоднократно обследовался, но практически не раскапывался.

В 1996 г. был заложен небольшой раскоп в центральной части городища, на месте скопления железных шлаков. Мощность культурного слоя здесь около 60 см. Изучено несколько сооружений, в числе которых остатки кузницы с развалом горна, сложенного из камней на глиняном растворе. Рядом с кузницей находилась чашевидная яма, вырытая в материковой глине и служившая, по мнению исследователей, в качестве резервуара для воды [Семькин и др., 1997, с.79]. Среди находок, кроме гончарной (в том числе и поливной местного изготовления) и глиняной керамики, имеются куски железного шлака и крицы, железные ножи, серпы, ушко от котла, ключи от цилиндрических замков, костяные детали лука.

Городской характер исследованного памятника сомнений не вызывает.

Рождественское городище находится в Карагайском районе Пермской области. Расположено на высокой коренной террасе левого берега р. Обвы, правого притока

Камы, и занимает подпрямоугольную площадку размерами 260 x 125 м (около 3 га), защищенную земляным валом. За северным валом находится неукрепленный посад-пригород площадью более 3 га; к восточным укреплениям городища примыкал могильник, занимающий три мыса коренной террасы, на одном из которых хоронили своих умерших болгары-мусульмане.

На территории городища изучены остатки одной косторезной и трех гончарных мастерских с двухъярусными горнами болгарского типа, ямы-кладовки и другие хозяйственные сооружения. Среди вещевого материала из раскопок имеются обломки тиглей, глиняные ложки-льяхчи, литейные формы, бракованные бронзовые изделия, а также бракованные бусы и кусок стеклянной пасты, указывающие на следы бронзолитейного и, возможно, стеклодельного производств. По наблюдениям А.М.Белавина и Н.Б.Крыласовой, «внутри городища располагались наиболее важные для его обитателей мастерские, кладовые и т.п., а жилые сооружения были вынесены за пределы укреплений» [Крыласова, Белавин, 2000, с.326]. Исследователи считают, что городище существовало с IX–X по XIV вв. Расцвет его приходится на XI–XII вв., когда здесь функционировала болгарская торгово-ремесленная фактория, возникшая еще раньше. «Булгарские ремесленники снабжали местное население украшениями, гончарной посудой, железными орудиями труда и пр. Наличие фрагментов весов, гирек, монет, а также большое количество болгарских ювелирных украшений, деталей пояса, фрагментов замков и ключей, предметов вооружения и снаряжения воина свидетельствуют об активной деятельности на городище болгарских купцов» [там же]. По предположению исследователей, у них была в городе своя мечеть. В мусульманской части некрополя изучено 23 погребения, совершенные с соблюдением кыблы.

Судя по имеющимся материалам, городище было построено местным, преимущественно угорским и финским населением. Булгары-торговцы заселили его не раньше

X в. В XI–XII вв. они составляли значительную часть населения и город превратился в торгово-ремесленный центр, поддерживавший постоянные связи со своей митрополией – Волжской Булгарией. А.М.Белавин вполне обоснованно считает, что в арабских источниках XIII–XV вв. он упоминается под названием «Афкуль» (Аваколь, Афкула) [Белавин, 2000а, с.123].

Кыласово городище (Анюшкар), функционировавшее с X по XV вв., расположено на высоком правом берегу Иньвы, правого притока Камы. Основные исследования на городище проводили М.В.Талицкий, О.Н.Бадер, В.А.Оборин, Г.Т.Ленц и А.А.Терехин. Общая площадь раскопок составляет около 4 тыс. кв. м. Материалы опубликованы не полностью [Ленц, 2000, с.328–332].

Городище было построено местным родановским населением. «До середины XII в. укрепленная часть поселения площадью около 16 тыс. кв. м занимала узкую часть мыса, огражденную невысоким валом и рвом», однако, к XI в. поселок уже выходит за пределы рва и в XII в. здесь строится «мощная оборонительная система, необычная для родановских городищ» [там же, с.330]. Эти укрепления, скорее всего, были сооружены булгарами, следы присутствия которых отражены в археологических материалах (булгарская неполивная и поливная керамика, серебряные серьги, перстни, подвески, сердоликовые и хрустальные бусы, наконечники стрел, кресала и пр.). Кроме того, на городище открыты производственные сооружения – гончарный и кузнечный горны, имеющие близкие аналогии в булгарских памятниках Среднего Поволжья, и мусульманский могильник с некоторыми языческими пережитками [Белавин, 2000, с.54; Ленц, 2000, с.331].

Г.Т.Ленц относит Кыласово городище «к редким многофункциональным протогородам Прикамья, связанным прочными торговыми отношениями с Волжской Булгарией» [Ленц, 2000, с.331]. По мнению А.М.Белавина, его можно идентифицировать с городом *Чульман* арабских источников [Белавин, 2000а, с.123].

ГЛАВА 2

Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания

Фаяз Хузин

Реконструировать облик болгарских городов достаточно сложно в силу скудости источников. Восточные авторы писали о широком бытовании у болгар войлочных юрт и бревенчатых жилищ, построенных «из соснового дерева». Эти сведения дополняют археологические материалы, однако сохранность сооружений такова, что не позволяет представить их первоначальный облик в полном объеме.

Работы А.П.Смирнова на Суваре впервые археологически выявили остатки каркасно-глинобитных (турлучных) домов и деревянных срубов с подпольем, с развалами сводчатых печей, в том числе и типа среднеазиатских тандыров. Ученый предложил следующую реконструкцию одного из болгарских домов по суварским материалам: «Постройка размером 7,1 x 7,16 м с деревянным полом и с подпольем глубиной около 0,7 м. Пол лежал на переводинах, покоившихся на балках: близ стены находилась печь и по бокам ее в подполье две ямы для хранения зерна; по-видимому, здесь же, у печи, помещался и лаз в подполье. Стены дома плетеные, обмазанные с обеих сторон глиной... Труднее говорить о крыше, но можно полагать, что она была плоской, судя по находке кусков глиняного карниза с небольшой частью крыши» [Смирнов, 1941, с.142].

Исследования Болгарского городища также выявили срубные и глинобитные дома прямоугольной или приближающейся к квадрату формы с печью и подпольем-зернохранилищем. Перекрытие у срубных жилищ делалось двускатным, а глинобитные дома имели плоскую кровлю [Смирнов, 1951, с.78, 139].

Во второй половине 1950-х гг. Г.А.Федоровым-Давыдовым на Тигашевском городище-святилище в Чувашии был

вскрыт ряд болгарских жилищ. Самой ранней из них оказалась полуземлянка, подземная часть которой представляет прямоугольный котлован (3,6 x 4,4 м), углубленный на 0,7 м. Остатки еще девяти жилищ, изученных на этом памятнике, связаны с третьим строительным горизонтом, когда внутренняя территория городища была застроена различными хозяйственными, ремесленными и жилыми постройками срубной конструкции с небольшим заглублением в грунт. К сожалению, сохранились они плохо, в основном лишь подпольные ямы со следами рухнувших деревянных конструкций, а также развалы каменных печей с глинобитным подом [Федоров-Давыдов, 1962, с.69–73].

Интересна полуземлянка, исследованная экспедицией Ульяновского музея в 1957 г. в пригороде Криушского II городища. Относительно хорошая сохранность и тщательные наблюдения позволили довольно точно восстановить первоначальный облик дома. Основание прямоугольного (2,9 x 7 м) с округлыми углами полуземляночного сооружения, ориентированного почти по сторонам света, было углублено в землю на 0,7 м от дневной поверхности. Стенки подземной части были обшиты деревом, зажатым вертикальными столбами. Вход располагался в западной стене, а рядом с ним, в северо-западном углу, примыкающая вплотную к стенкам, находилась разрушенная глинобитная печь овальной формы, обращенная устьем на восток. Некоторые конструктивные детали, зафиксированные при расчистке полуземлянки, дали основание предполагать двускатную кровлю перекрытия [Тухтина, 1960, с.145–146].

Достаточно широко исследованным памятником, давшим большое число жилых сооружений, является городище Хулаш.

Биллярское городище. Общий вид юртообразного жилища во внешнем городе.
Раскопки Ф.Ш.Хузина

Здесь вскрыты остатки 19 деревянных наземных жилищ, 17 глинобитных строений, 2 полуземлянок и большое количество хозяйственных ям. К сожалению, сохранность большинства из них неудовлетворительная [Каховский, Смирнов, 1972, с.10].

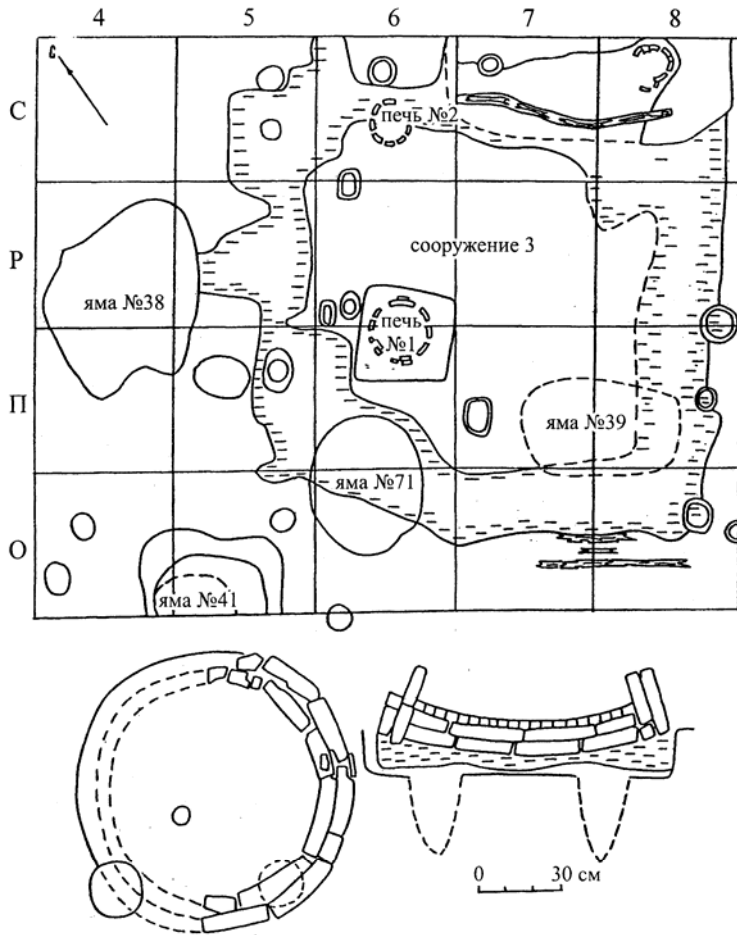
Остатки деревянного дома с глинобитной печью и со стенами, покрытыми глиняной обмазкой, вскрыты на Андреевском городище в Ульяновской области; четыре жилища овальной и прямоугольной с округлыми углами формы изучены М.Р.Полесских на Золотаревском городище в Пензенской области; наземные и полуземляночные жилища открыты Т.А.Хлебниковой на Алексеевском и Танкеевском городищах.

В 1970–1990-х гг. жилища рядовых горожан, многочисленные хозяйственные сооружения исследовались в Биляре, Джукетау, Суваре, Ошеле, Муромском городке, на Юловском городище и на некоторых других памятниках.

В западном пригороде Джукетау открыты остатки большого бревенчатого дома наземного типа конца X – начала XI в.,

расплывчатые очертания которого прослежены на подпрямоугольной площади размерами 6,4 x 6 м. В северо-восточном углу дома стояла печь-каменка, под полом были вырыты две хозяйственные ямы, в одной из которых обнаружен склад каменных рыболовных грузил в количестве 19 штук [Хузин, Набиуллин, 1999, с.96, рис.3]. На самом городище исследованы жилища типа землянки и полуземлянки. Землянка со столбовой конструкцией стен имела подквадратную в плане форму (5,4 x 5,6–5,8 м) с углублением от дневной поверхности на 1,7 м. В центре стоял вертикальный столб, позволяющий реконструировать шатровое перекрытие жилища. Вход прослежен с юго-западной стороны [Хлебникова, 1975, с.241–242, рис.5].

Материалы биллярских жилищ опубликованы достаточно подробно [Хузин, 1979]. Среди них огромный интерес представляют остатки очень выразительной и пока уникальной для Среднего Поволжья юртообразной постройки во внешнем городе и каркасно-глинобитных (турлучных) жилищ в центральной части внутреннего

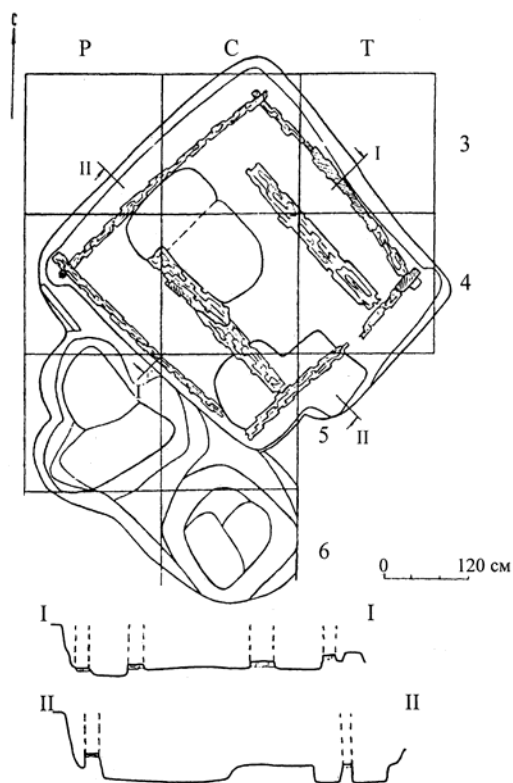
Биярское городище. План сооружения № 3 с остатками печи-тандыра, план и разрез тандыра

города, датируемых X – первой половиной XI в.

Котлован юртообразного жилища округлой формы диаметром около 4,4–4,8 м углублен всего на 20–25 см. С южной стороны отмечен выступ шириной 1,2 м и длиной 1,4 м, который можно интерпретировать как вход. Вдоль стен котлована, отступя от них всего на 10–20 см, располагались ямки от вертикальных столбиков или жердей диаметром около 10–12 см. В жилище имелась подпольная яма для хранения продуктов, но следы очага отсутствовали. Однако следы мощного прокала с вкраплениями угля и обожженной глины прослеживались примерно в 2 м к северу от жилища. Очевидно, очаг располагался во дворе, а постройка использовалась как временное жилище только летом. Это вполне правдоподобно, ибо, по сведениям восточных писателей, дома у булгар в ос-

новном «деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам» [Хвольсон, 1869, с.82].

Остатки турлучных или каркасно-глинобитных жилищ с печами-тандырами открыты в центре Биярского городища к северо-востоку от Соборной мечети. Они выявляются обычно в виде подпрямоугольного пятна глинистой массы (6,8 x 6,6 м), смешанной с остатками перегнившей древесины и имеющей местами следы прокала. В основании слоя почти на всей площади пятна прослеживается тонкая глинистая обмазка пола, на ней – остатки печей типа тандыров. Наиболее хорошо сохранившаяся цилиндрическая печь была сложена из кирпичей – глиняных блоков изогнутой формы длиной 23, высотой 8 и шириной 7 см, обмазанных изнутри и снаружи глиной толщиной 7–9 см.

Биярское городище. Постройка №9
на раскопе XXII (план и разрезы)

По своей конструкции и цилиндрическим печам типа тандыров каркасно-глинобитные жилища представляют собой чрезвычайно интересное явление в культуре Волжской Булгарии домонгольского периода. Своими истоками турлучное домостроительство связано, возможно, с культурой населения Хазарского каганата. Не исключено также, что в таких домах жили восточные строители, которые пришли в Булгарию вместе с посольством халифа Муктадира в 922 г. (или позднее) и участвовали в проектировании и строительстве общественных зданий из кирпича.

В болгарских городах преимущественно строились более приспособленные к местным природным условиям бревенчатосрубные дома с неглубокими подпольями, а также землянки и полужемлянки. В комплексе этих жилищ входили хозяйственные ямы и погребки.

Относительно хорошей сохранностью среди объектов жилого назначения Бияра отличается постройка № 9, исследованная

в северо-восточной части Соборной мечети. Ее контуры выявились на глубине 50 см от современной поверхности в виде подпрямоугольного пятна с обильными включениями угля и древесного тлена. На глубине 60 см от дневного уровня обнаружено значительное количество крупных кусков древесного угля, обугленные доски, остатки луба или древесной коры. Еще ниже по всей площади шла сильно утрамбованная прослойка гумуса с обильными остатками соломы (проса?) и листьев. После удаления этого массива, представляющего собой, очевидно, остатки рухнувшего во время пожара деревянного каркаса дома и крыши, покрытой соломой, отчетливо выявились остатки нижнего венца сруба из бревен диаметром около 25 см, в южном углу которого обнаружен скелет собаки, зарытой в качестве оберега. Две половые доски длиной 270 и 285 см, шириной 26–30 см при толщине 3,5–4 см лежали параллельно северо-восточной и юго-западной стенкам. Ровный пол постройки был углублен на 75–85 см от краев котлована, представляющего собой почти квадратную в плане яму (4,2 x 4,1 м) с отвесными стенками. В западном и восточном углах котлована имелись небольшие полукруглые выемы, заходящие в стенку на 20–22 см, специально сделанные для выступающих углов сруба. В этот котлован был опущен деревянный сруб с внутренними размерами 3,4 x 3,3 м, от которого уцелел лишь нижний венец с бревнами, скрепленными между собой «в чашу» с выпуском концов на 10–20 см.

Единственное жилище XII в. с сохранившимися остатками печи изучено также в центре Бияра южнее мечети. Нижняя часть прямоугольной срубной постройки размерами 4 x 3,3 м была углублена в землю всего на 50 см. Входная дверь располагалась с восточной стороны, печь находилась справа от входа в северо-восточном углу дома. Основание печи покоилось на глиняной подушке, занимающей небольшую подпрямоугольную площадку (60 x 75 см). На этой площадке выявлено скопление камней вперемежку с обломками кирпичей и кусочками глиняной обмазки, а также с золой и углем. Сохранилась часть пода в виде сильно прокаленной глиняной

Биларское городище. Общий вид подполья жилища с остатками печи на раскопе XXXIX

обмазки толщиной 3–4 см. К сожалению, из-за сильной разрушенности проследить конструктивные особенности печи не удалось. Почти в центре помещения выявлена хозяйственная яма округлой формы диаметром 1,2 и глубиной 0,8 м.

Всего в центральной части Билара изучено более 20 однокамерных срубных домов, скорее всего, наземного типа (судя по отсутствию печей в «котлованах») с подпольями или же с небольшой заглубленной в землю нижней частью. В некоторых постройках дощатый пол лежал на своеобразной гигроскопической прослойке из песка и мелких кусочков железного шлака толщиной 5–10 см, служившей, вероятно, для предохранения жилища от лишней влаги и сырости [Хузин, 1979, с.77, 79].

Кроме однокамерных жилищ, в Биларе строились и двухкамерные (пятистенки). Подпольем одного из таких домов доволь-

но сложной конструкции является постройка № 5. Котлован имел в плане форму прямоугольника (6,5 x 4,6 м) глубиной 65 см и делился на две части. В первую из них, основную, впущен деревянный сруб (3,7 x 3 м), нижний венец которого оставил на дне отпечатки в виде неглубоких канавок-полос древесной трухи, вторая половина (3,7 x 3,2 м) имела столбовую конструкцию, т.е. состояла из горизонтальных бревен, забранных в пазы вертикально поставленных столбов. В таких домах жили более зажиточные слои населения, о чем свидетельствует богатый набор находок, включающий осколки стеклянной посуды, поливные светильники, предметы туалета и женские украшения.

Для реконструкции болгарских жилищ массовой застройки данных пока недостаточно. В силу этого возникает много вопросов, решение которых невозможно без дополнительных исследований. Один

из таких вопросов связан с определением типа вышеописанных сооружений. Исследователи до сих пор традиционно рассматривают их как полуземляночные дома, пол которых расположен ниже дневной поверхности. В свете новых подходов к реконструкции древнерусских жилищ [Толочко, 1981] такой упрощенный взгляд представляется нам не соответствующим действительности. Преобладающим видом жилых построек болгарских городов следует признать наземные срубные дома, которые исследованы на многих болгарских городищах. Такие дома имели, как правило, нижние подпольные части, служившие для хранения продовольственных запасов и прочих вещей повседневного быта. Последние, а не наземные деревянные конструкции, чаще всего и доходят до наших дней и раскапываются археологами, определяющими их как полуземлянки. Строились, конечно, и полуземлянки, если можно так называть жилища с углублением пола всего на 40–60 см от уровня древней поверхности, и даже временные землянки, но дома, у которых из земли торчали лишь двух- или четырехскатные крыши, вряд ли были характерны для городов, особенно крупных, как Биляр, Сувар, Муромский городок и некоторые другие.

Таким образом, в болгарских городах существовали разные типы массовых жилищ, которые выделяются нами условно по принципу вертикального их развития, т.е. по отношению пола к поверхности земли:

тип I. Землянки – однокамерные постройки прямоугольной и квадратной формы (3,5 x 3,2 м; 4,2 x 3,1 м; 5,4 x 5,6 м), углубленные в землю на 1,4–2 м. Встречаются практически во всех городских поселениях, но относительно редко. Отапливались они преимущественно открытыми очагами или глинобитными печами по черному. Землянки использовались, очевидно, в качестве временного жилья (или беднейшей частью населения?). По конструкции стен и строительной технике среди них выделяются подтипы: срубные (основу конструкции составляет сруб, опущенный в глубокий котлован) и столбовые (каркас дома составляли вертикальные столбы, при помощи которых стенки котлована обли-

цовывались горизонтально положенными досками или горбылями);

тип II. Полуземлянки прямоугольной в плане формы со средними размерами от 3 x 4 до 5 x 6 м, пол которых углублен от 0,4 до 1,4 м от дневной поверхности. В некоторых из них выявлены глинобитные сводчатые печи или же открытые очаги-каменки. Подтипы: срубные (в котлован опущена нижняя часть сруба, верхняя часть находится выше уровня земли) и столбовые (горизонтальные бревна или горбыли крепились в пазах опорных столбов, стоящих в углах котлована, или же прижимались ими к земляной стенке);

тип III. Наземные дома: срубные (однокамерные и двухкамерные), столбовые, турлучные или каркасно-глинобитные, юртообразные.

Самыми многочисленными среди разнообразных объектов, изучаемых при раскопках болгарских городов, являются хозяйственные сооружения: ямы-зернохранилища, ямы-кладовки, погреба, амбары-клетки, а также колодцы.

Ибн Фадлан в одном месте своих «Записок» о путешествии в страну болгар отмечал, что у них «нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет (гнилью) и ею нельзя пользоваться» [Ибн Фадлан, 1956, с.136]. Археологические данные не согласуются с данным утверждением. В то же время думается, что автор X в. правильно подметил некоторую примитивность ям-зернохранилищ, составляющих подавляющее большинство хозяйственных сооружений раннедомонгольского и даже более позднего периода. Деревянные постройки наземного типа – амбары, специально сооруженные для хранения зерна, у болгар появляются чуть позднее.

Хозяйственные ямы, которыми пользовались в болгарских городах, подразделяются на следующие основные типы:

1) цилиндрические – округлой (овальной) в плане формы диаметром от 0,6 до 2,5 м с вертикальными или чуть скошенными стенками и плоским дном, углубленным от дневного уровня до 1,7–

2 м; 2) прямоугольной (квадратной) в плане формы размерами от 1 x 1,5 до 2,2 x 2,5 м и плоским дном, глубина которого варьирует в пределах от 0,9 до 1,8 м; 3) усеченно-конические (колоколовидные) – обычно округлой формы с диаметром устья 0,5–0,8 и диаметром у дна от 0,8 до 1,4 м; ровное дно выявляется обычно на глубине 0,8–1,8 м. Некоторые ямы этого типа, имеющие почти прямые или слегка скошенные стенки в верхней части и плавно расширяющиеся к чашевидному дну, получили в литературе название «грушевидных»; 4) чашевидные – обычно круглые в плане диаметром 0,6–1,4 м, со скошенными стенками, слегка сужающимися к округлому дну на глубине 0,8–1,2 м.

Эти ямы представляют собой наиболее простой тип хозяйственных построек в болгарских городах. Стенки их обычно предварительно обжигались для прочности, аккуратно обмазывались глиной и нередко облицовывались досками. В некоторых сооружениях имеются ступеньки в одной из стенок, а в основном для спуска использовалась деревянная лестница. Сверху ямы покрывались деревянными крышками. В целях защиты от осадков над ними сооружались легкие навесы или конические шалаши из жердей, покрытые соломой или камышом.

В таких специально подготовленных ямах хранили в основном зерно и другие виды продуктов. При раскопках Билярского городища в ямных сооружениях обнаружены отдельные зерна и большие скопления зерен пшеницы, проса, гороха, а также малины. Встречаются находки яичной скорлупы, костей и чешуи рыб. Значит, часть ям могла использоваться и в качестве погребов.

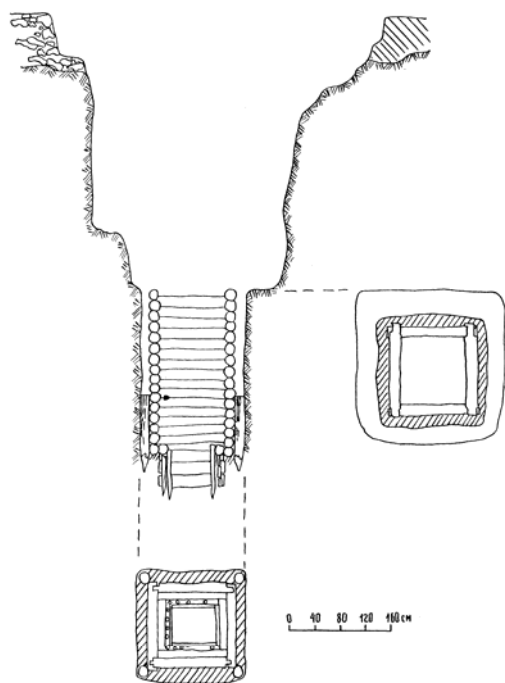
Ямы-погребов с более сложной внутренней конструкцией изучены в основном в Биляре. Одно из таких сооружений, функционировавшее еще в X в., имело в плане подквадратную форму (1,8 x 1,9 м) с прямоугольным выступом с северо-западной стороны. На глубине 1 м выступ завершался плоским дном, по краям которого располагались небольшие ямки от столбиков, а основная часть ямы продолжалась до глубины 1,5 м. Сооружение, таким образом, представляло собой глубо-

Билярское городище.
Хозяйственная яма на раскопе XXII

кий погреб с плетневой клетью полуземляночного типа. В заполнении, сильно насыщенном древесным тленом от внутренних конструкций стен, встречались зерна проса, а на дне – косточки вишни и лесного ореха.

Другое сооружение также квадратной в плане формы (1,7 x 1,8 м) имело ровные стенки и плоское дно на глубине 90 см. По всем четырем краям дно ямы было окантовано 44 ямками от кольев. Совершенно аналогичная конструкция внутренних стен выявлена в яме 126а XXIII раскопа. В плане она квадратная (2,45 x 2,45 м), стенки отвесные. По краям ямы располагались столбики-колья от плетневой конструкции стены. Судя по глинистой окантовке вокруг ямы и находкам кусочков глиняной обмазки с отпечатками тонких прутьев, стенки погребов были обмазаны глиной. В нем найдены железный втульчатый сошник, целая миска, обломки стеклянного со-

Биярское городище. Разрез и план колодца № 1 из раскопа XXII

суда, шиферное пряслице и прочие находки XI–XII вв.

Такой же характер внутреннего устройства имели еще около двух десятков объектов из раскопов центральной части Биляра. В их заполнении обнаружены скопления рыбьей чешуи, зерен малины. Встречались семена яблоны, конопли, яичная скорлупа.

В хозяйственных сооружениях описанного типа хранились в основном запасы продовольствия, особенно скоропортящиеся продукты: фрукты, ягоды, яйца, рыба, мясо, молоко и какие-то другие напитки. Значительная глубина ям (от 1,2 до 2,8 м) и дополнительные наземные сооружения в виде односкатных навесов или легких шалашей, покрытых соломой, защищали погреб летом от солнца и дождя, а зимой – от сильного мороза и снежных заносов.

Клето-полуземлянки – тип хозяйственных сооружений, отличающихся от жилищ лишь небольшими размерами. У болгар одновременно бытовали полуземляночные деревянные клетки двух видов – срубные и столбовые. Небольшие размеры срубов и столбовых конструкций (от 4 до 7 кв. м),

отсутствие следов печей и характерных для жилищ находок позволяют рассматривать их как подполья построек хозяйственного назначения. Вероятно, они служили в качестве клеток, где хранились производственный и бытовой инвентарь, другие предметы повседневной необходимости, а также продовольственные припасы.

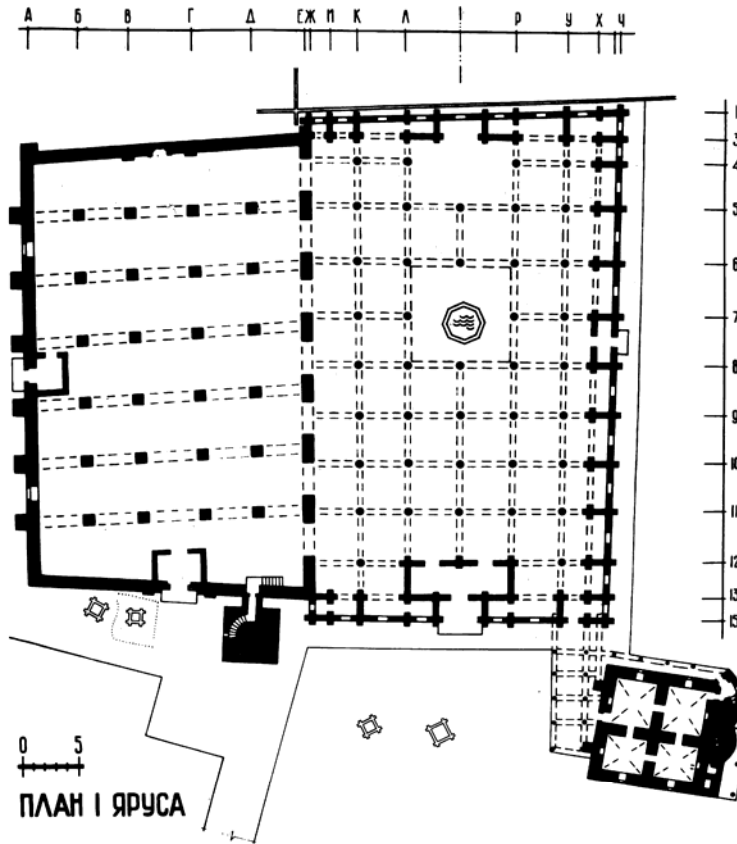
Наземные амбары-зернохранилища и клетки Биляра, уничтоженные в огне пожара 1236 г., сохранились в виде углисто-золистых пятен, насыщенных древесной трухой. В районе этих объектов найдены большие скопления обугленных зерен пшеницы, овса, ячменя, проса. В процессе расчистки одного такого сооружения было собрано более 50 кг пшеницы.

На других домонгольских болгарских поселениях городского типа хозяйственные сооружения сложных конструкций (полуземляночные клетки, наземные амбары-зернохранилища и т.д.) пока не обнаружены.

Вкратце остановимся еще на одной группе сооружений Билярского городища, отсутствующих пока в других памятниках. Это колодцы, при помощи которых жители центральной части города, удаленной от естественных источников воды, обеспечивали себя питьевой водой.

На раскопах XXII–XXVI изучено всего 18 колодцев, нижние части которых имели достаточно хорошую сохранность благодаря тому, что находились в воде. Колодезные срубы или ящики, изготовленные из дуба, впущены в глубокие (4,6–7,6 м) ямы округлой в плане формы, сужающиеся книзу. Под нижним венцом срубов, характерных для колодцев XII – начала XIII в., устроены небольшие водосборные камеры в виде квадратных дощатых коробов. Последние отсутствуют у более ранних колодцев, «срубы» которых делались преимущественно из тонких досок или толстых дубовых плах [Шарифуллин, 1979, с.112–113].

К числу наиболее ранних относится колодец № 6, расположенный севернее Соборной мечети и брошенный уже после завершения строительства этого белокаменного здания в конце X в. На уровне древней поверхности выявилось округлое в плане (диаметром около 3 м) пятно коло-

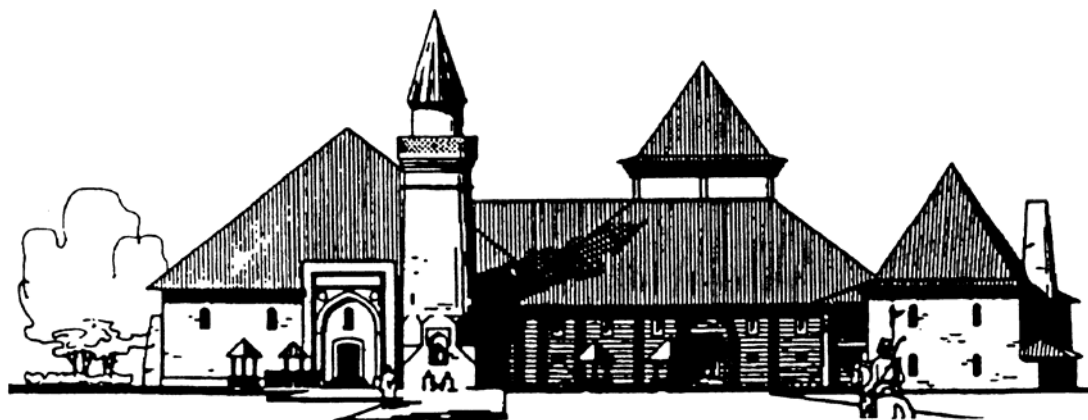
Реконструкция архитектурного плана комплекса Соборной мечети.
Авторы С.С.Айдаров, Ф.М.Забирова

дезной ямы, которая, постепенно сужаясь, на глубине 2 м приобрела почти квадратную форму (2,4 x 2,2 м). На этом же уровне обозначились контуры колодезного ящика (1,2 x 1,2 м). Хорошо сохранившийся ящик из дубовых досок выявился на глубине 3,4 м, где колодезная шахта еще более сузилась (1,5 x 1,5 м). Сохранившаяся высота ящика составила 1,35 м. Водоносный горизонт открылся на глубине 4 м, общая глубина колодца достигала 4,75 м [там же, с.107–108].

Колодец № 1 функционировал в XII в. Первоначально он выявился в виде большого округлого пятна ямы (5,4 x 5,2 м), которое почти в два раза сократилось в размерах на глубине 4,6 м. На этом уровне в середине пятна четко выявились контуры первоначальной шахты (1,9 x 1,8 м), в которую был введен дубовый сруб с внут-

ренними размерами 1,25 x 1,25 м, сложенный из бревен диаметром 15–18 см. Сруб сохранился на высоту 16 венцов. Пазы между бревнами были промазаны глиной и покрыты известковой штукатуркой. В нижний двойной венец сруба, находившийся на глубине 7,1 м от поверхности, впущен водосборный ящик из дубовых плах. Общая глубина колодца составляла 7,6 м [Шарифуллин, 1979, с.102–103].

Неотъемлемым элементом высокоразвитой городской культуры средневековых государств являются *памятники каменной и кирпичной архитектуры*. В прошлом столетии руинированные остатки зданий X – начала XIII в. были открыты и исследованы на Билярском, Елабужском, Сувар-

Биляр. Общий вид Соборной мечети второго строительного периода
(с рядом стоящим «домом феодала»)

ском, Хулашском, Красносундюковском городищах и на Муромском городке.

В 1973–1977 гг. остатки мечети – монументального здания, состоявшего из белокаменной и деревянной частей, были изучены Билярской археологической экспедицией под руководством А.Х.Халикова.

Следы конструкций деревянной мечети выявлены в виде множества ям от столбов, служивших подпольными опорами («стульями») для укладки лаг и нижних венцов сруба [Айдаров, Забирова, 1979, с.47]. Эти ямы располагались параллельными рядами на прямоугольной площадке более 1400 кв. м. Они округлые в плане диаметром от 50 до 80 см, глубина колеблется в пределах 50–120 см. В некоторых ямах зафиксированы остатки сгнивших деревянных столбов. Каменная часть мечети, от которой сохранились лишь следы фундамента в виде известково-щебенистых полос, состояла, как и деревянная, из большого просторного зала, внутри которого стояли поддерживавшие перекрытие 24 колонны, расположенные симметрично в шесть рядов. На расстоянии 1,2 м от северо-западного угла здания был исследован глубокий котлован минарета, в основании которого выявлены следы деревянных свай для уплотнения грунта под каменным фундаментом. Общая площадь каменной части мечети – 1076 кв. м. Рассматриваемый комплекс представляет собой крупнейшее

монументальное сооружение булгарской архитектуры домонгольского периода.

Объекты, связанные с конструкциями мечети, выявлены непосредственно под слоем пашни на погребенной почве или же на фоне материкового суглинка. Обращает на себя внимание полное отсутствие в пределах строительной площадки мечети каких-либо объектов как ранних, так и более поздних, не связанных конструктивно с самим зданием. Засыпь абсолютного большинства столбовых ям, не тронутых позднейшими перекопами, была стерильной. Эти факты убедительно свидетельствуют о раннем времени строительства мечети. Оно началось, скорее всего, в период основания города, т.е. тогда, когда данный район еще не застраивался, и, по-видимому, был отведен под постройку государственно-важного культового сооружения. В то же время совершенно очевидно, что деревянная половина мечети сооружалась раньше, чем каменная: северо-западная стена последней налегает на первую линию столбовых ям. Это свидетельствует о том, что при первой же реконструкции «юго-восточная стена деревянной мечети была полностью разобрана и заменена новой смежной стеной обоих помещений, сообщавшихся... проходными проемами в единое пространство интерьера» [там же].

По мнению исследователей, такая реконструкция, т.е. расширение первоначальной мечети за счет белокаменного

Билляр. Первоначальный вид деревянной мечети по реконструкции С.С.Айдарова

пристройка, была осуществлена не ранее середины X в. Имеющиеся материалы не противоречат ранней дате мечети, особенно деревянной ее части, строительство которой может быть связано с событиями официального принятия ислама, признания Булгарского государства в международном масштабе и заложения города при Ибн Фадлане.

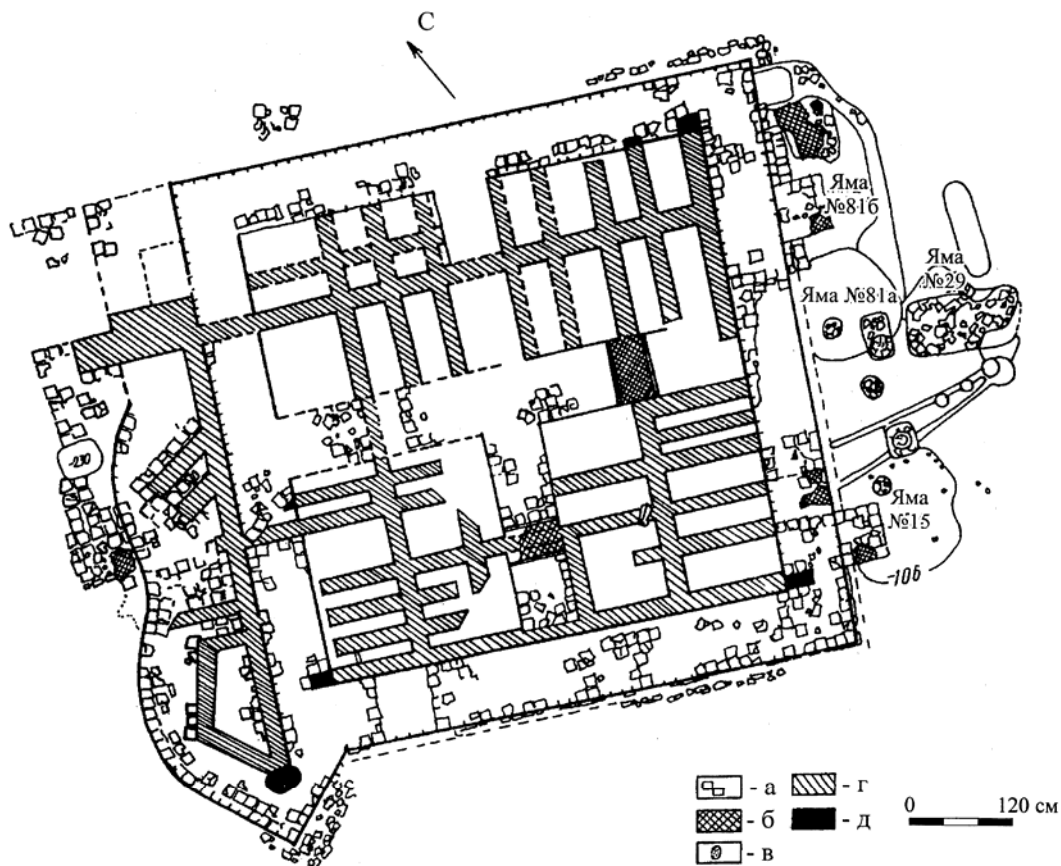
Графическая реконструкция мечети, выполненная с учетом восточных аналогов, представляет раннюю мечеть в виде значительного по объему деревянного сооружения с угловыми башнями крепостного типа и примыкавшего к северо-восточной стене невысокого минарета. Во время перестройки угловые башни были разобраны, а вместо деревянного минарета появился отдельно стоящий минарет из камня у главного входа.

Архитекторы С.С.Айдаров и Ф.М.Забирова [там же, с.55] включают в комплекс Соборной мечети и кирпичное здание, изученное Биллярской экспедицией в 1971–1972 гг. Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части. Котлован фундамента был вырыт на глубину 1,2 м, строительный горизонт прослежен «почти на уровне погребенной почвы» [Халиков, 1979, с.11]. Кладка стен производилась из стандартных кирпичей квадратной формы (26 x 26 x 5 см) на илесто-глинистом растворе с небольшой примесью извести или алебаstra. В основании фундамента

отмечены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и полусырцовых кирпичей, характерной для архитектурной традиции Ближнего Востока и Средней Азии. Этот строительный прием является ярким примером деятельности в булгарских городах среднеазиатских мастеров, прибывших в 922 г. вместе с посольством халифа Муктадира [Смирнов, 1976, с.4].

Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 11 x 11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на четыре равные части – комнаты нижнего этажа средней площадью 16 кв. м каждая. Наружные стены, сложенные из четырех рядов кирпичей, достигали значительной толщины – 90–100 см, однако более мощными были стены внутренней перегородки – до 110 см. Это свидетельствует о двухэтажности сооружения, имевшего, скорее всего, куполообразное перекрытие, весовая нагрузка которого приходилась не на наружные, а внутренние стены [Халиков, 1979, с.12–13].

Все четыре комнаты нижнего этажа общались между собой переходами шириной 65–70 см. Их стены были оштукатурены, а ближе к полу облицованы известняковыми плитками. Кирпичный пол (толщиной в два кирпича – 10–11 см) был покрыт сверху известково-цементным раствором толщиной в 5–6 см.

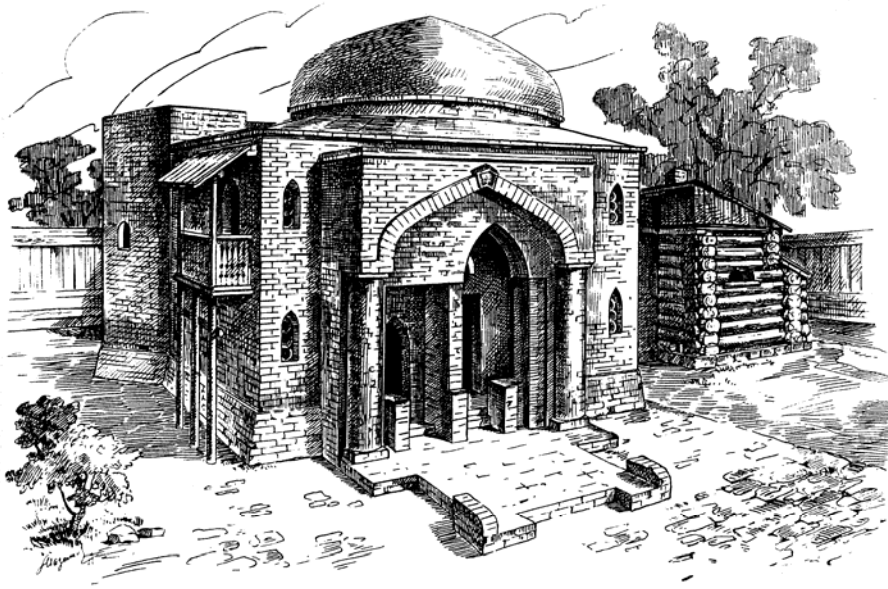

Биярское городище. План кирпичного здания на раскопе XVII. По А.Х.Халикову.
а – кирпичи; б – известковая обсызка; в – дерево; г – горизонтальные дымоходы;
д – вертикальные дымоходы

В здании открыта интересная система централизованного отопления. Общая печь, основание которой лежало на глубине 120 см от уровня пола, находилась в северо-западном углу. Судя по фрагментарным остаткам, прямоугольная в плане печь (250 x 200 см) имела двухчастную конструкцию и состояла из топочной (80 x 60 см) и жароаккумуляционной камер (150 x 90 см), сильно прокаленных под воздействием высокой температуры. От камеры жароаккумуляции двумя магистральными дымоходными каналами шириной 35–45 см и длиной более 9 м каждая отходила разветвленная отопительная система, расположенная под полом. Некоторые дополнительные каналы, как считал А.Х.Халиков, были предназначены для отвода тепла в верхний этаж здания.

Возможные истоки этой системы «в римско-византийской архитектуре, где подпольная отопительная система типа гипocaustов вырабатывается еще в римское время» [там же, с.15]. По мнению А.П.Смирнова, она встречается также в Средней Азии, Закавказье и в Крыму, а на Среднюю Волгу «могла быть занесена мастерами из Средней Азии» [Смирнов, 1986, с.5].

Для реконструкции общего облика здания важное значение имеют детали, выявленные в процессе вскрытия его наружной, северо-восточной стены, в середине которой располагался широкий двухпроемный вход. По бокам его на расстоянии 120 и 210 см от наружных углов здания расширены основания полуколонн-пилястров, на которых покоилась П-образная арка, обрамляющая вход. Пилястры имели прямо-

Билляр. «Дом знатного феодала» по реконструкции А.Х.Халикова. Худ. А.А.Мазанов

угольное основание (100 x 80 см), уступчато переходящее в полуколонны. «Такое оформление входа также характерно для ранних кирпичных зданий Средней Азии и Ирана» [Халиков, 1979, с.15].

Перед входной дверью выявлены 6 столбовых ямок – остатки фундамента крыльца, от которого в сторону мечети вели широкая мостовая из камня и обломков кирпича.

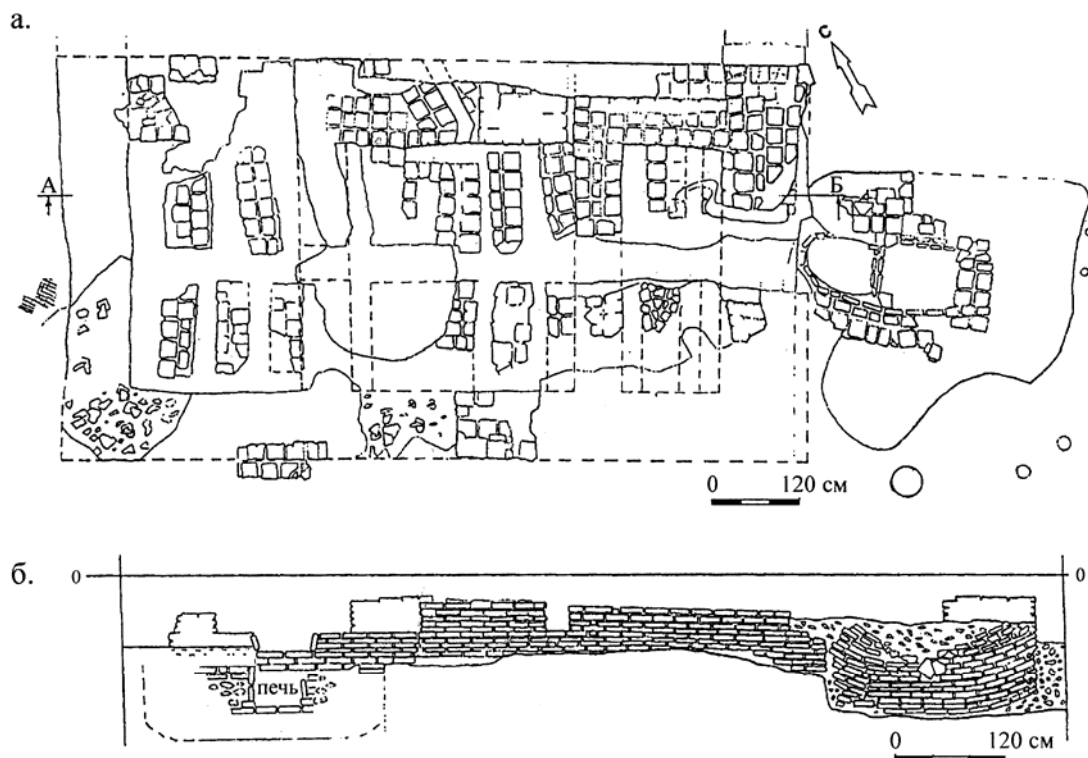
Юго-западная стена здания сначала идет прямой линией, а ближе к западному углу расширяется в виде выступа, не доходя до которого прослеживается сквозной проем шириной 90 см. В этом районе выявлена серия ям диаметром 30–40 см, которые, по мнению А.Х.Халикова, остались от столбов, поддерживавших балконную террасу второго этажа, а по предположению С.С.Айдарова и Ф.М.Забировой [1979, с.57], являются следами крытой галереи, соединявшей это здание с рядом расположенной деревянной мечетью.

Не совсем понятна северо-западная часть здания, имевшая усложненную конструкцию в виде двух небольших полукруглых комнат или башнеобразных выступов. Наружные их стены в два раза тоньше основных – 50 см, но фундамент имеет большую глубину – до 150 см. Северо-восточная стена здания сохранилась

плохо, но установлено наличие в ней дверного проема шириной 90 см, выходящего в кухонную постройку (3,6 x 3 м) с остатками двух печей – кирпичной и каменной (жаровни).

Вещи, обнаруженные при раскопках внутренней части здания (глиняная и стеклянная посуда, украшения из стекла и цветного металла, железные ножи, замки и ключи, гирьки кубической формы, камнетесное зубило, скобель, мотыжка и пр.), свидетельствуют о его жилом характере. В нем жил, по всей вероятности, знатный человек, высокопоставленный служитель рядом расположенной мечети. В литературе это здание получило условное название «дома знатного феодала». Заслуживает внимания, однако, достаточно аргументированное предположение Э.Д.Зиливинской о возможном назначении здания в качестве общественной бани [Зиливинская, 1989, с.228–230].

Примерно в 200 м севернее комплекса Соборной мечети на аэрофотоснимках 1973 г. четко выделялось пятно кирпичного здания, на месте которого в 1979 г. был заложен раскоп [Шарифуллин, 1999]. Плохо сохранившиеся остатки кирпичного здания с системой подпольного отопления, возведенного из обожженного квадратного кирпича (26 x 26 x 4,5–5,5 см) на илисто-

Второе кирпичное здание в центре Билярского городища.
Общий план (а) и разрезы (б) (по Р.Ф.Шарифуллину)

глинистом растворе с небольшой примесью извести или алебастра, занимали подквадратную площадь размерами 10,4 x 11,6 м. К зданию, функциональное назначение которого было определено как баня, с юго-восточной стороны примыкал деревянный пристрой (3,2 x 4,5 м) с двухкамерной отопительной печью. Отсутствие прочного фундамента здания, возведенного практически на культурном слое, служило причиной того, что еще в период функционирования некоторые части его деформировались вследствие неравномерной осадки грунта и наличия под ним ранних ям с рыхлым заполнением.

Северо-восточная стена шириной 110 см (в 4 кирпича) местами сохранилась на высоту 7–9 рядов кладки (у восточного угла – до 14 рядов), максимальная сохранность юго-восточной стенки – на высоту 8–9 рядов кирпича. Юго-западная и северо-западная стенки практически полностью разрушены и прослежены лишь по следам глиняной подушки.

В плане здание состояло из двух основных частей, разделенных на несколько помещений.

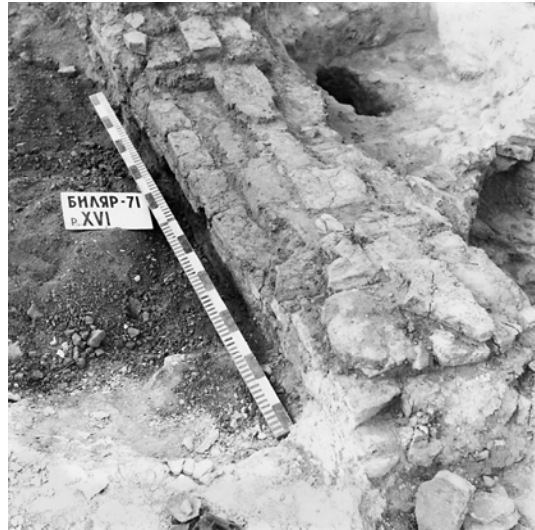
Юго-западная часть отделялась от северо-восточной внутренней опорной стеной, имеющей ширину около 120 см. Тонкие (60–65 см) перегородки делили ее на три помещения. Первое из них (3,4 x 1,4 м) с двумя парами отопительных каналов располагалось в юго-восточном углу здания. Здесь в последний период существования здания находилась топка, а само помещение выполняло функцию цистерны. Второе помещение (3,4 x 3,2 м), также с дымоходными каналами подпольного отопления, имеющими следы перестроек, примыкало к первому с северо-западной стороны. Третье помещение (2,5 x 2,4 м) занимало юго-западный угол здания.

Северо-восточная половина здания (8,3 x 4,6 м), построенная, по-видимому, несколько позднее, сохранилась плохо, поэтому не установлены ее внутренняя планировка и схема отопительной системы.

Основываясь на анализе конструктивных особенностей исследованного объекта, Р.Ф.Шарифуллин пришел к выводу о возможности считать юго-западную часть его «баней, состоявшей в начальный период из трех отапливаемых помещений: предбанника, мыльни и горячей мыльни, к которой примыкала с юго-восточной стороны топочная пристройка с печью и платформой цистерны» [там же, с.85]. Позднее к ней была пристроена северо-восточная половина, а печь перенесена в вышеупомянутое первое помещение.

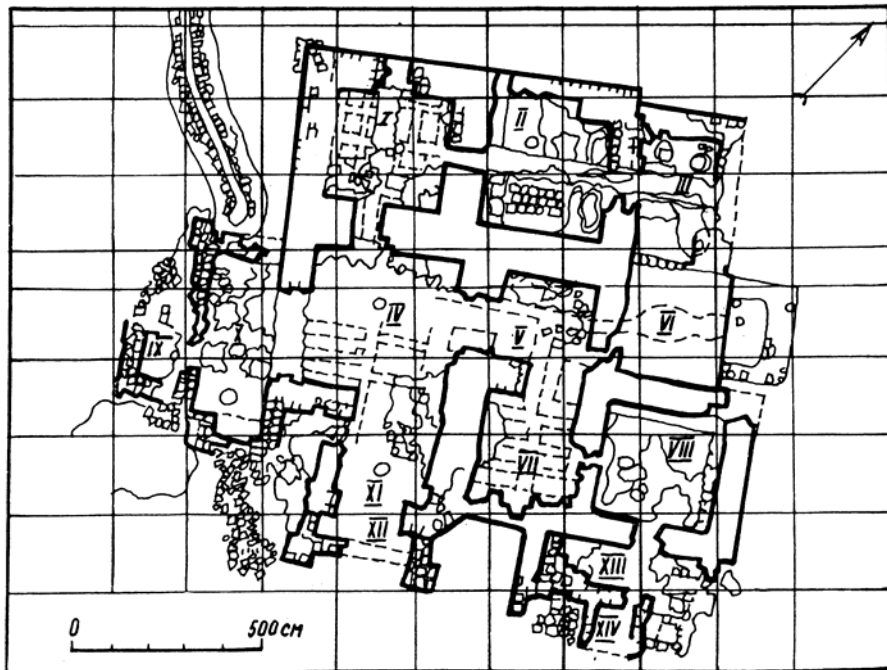
Еще одна общественная баня X–XII вв., считавшаяся ранее «караван-сарая», вернее, зданием гостиничного типа для приезжих купцов, была исследована за пределами внутреннего города Биляра недалеко от восточных ворот в урочище «форт» [Халиков, Шарифуллин, 1976].

Здание, ориентированное углами по сторонам света, имело в плане форму прямоугольника (16,8 x 14,8 м) и было возведено из квадратных обожженных и сырцовых кирпичей размерами 26–27 x 26–27 x 5 см с использованием связующего раствора из глины с примесью извести. Его фундамент был введен в обширный котло-

Билярское городище. Кладка стены кирпичного здания на территории «Караван-сарая». Раскопки А.Х.Халикова

ван глубиной 115–120 см от уровня пола и покоился на глиняной подушке и платформе из двух рядов горизонтально уложенных кирпичей. Здание включало в себя тринадцать комнат-помещений, в пяти из которых (I, IV, V, VII, VIII) выявлены

Общий план кирпичного здания на территории «Караван-сарая» (по С.С.Айдарову). I–XIV – номера строений

Суварское городище. План кирпичного здания (по А.П.Смирнову)

дымоходные каналы, соединенные с топочной камерой (VI), расположенной в северо-восточной его части. Наружные стены толщиной 100 см выложены из четырех кирпичей; внутренние стены мощнее – из четырех-пяти рядов кирпича толщиной 125 см, что предполагает, по мнению исследователей, купольное перекрытие здания. Стены основных помещений были оштукатурены и даже расписаны различными узорами коричневато-красной краской.

Вход находился с юго-восточной стороны, он состоял из входного тамбура и неотапливаемых сеней с суфой вдоль стены. В полу помещения обнаружены остатки водосливного канала. Такой же вход вел в помещение VIII в восточном углу здания.

Назначение отдельных комнат исследователи трактуют по-разному. Помещения I, V, VII являются, по определению А.Х.Халикова и Р.Ф.Шарифуллина, жилыми; помещение III – кухней с остатками погребков и жаровен, II – подсобкой при ней, VIII – неотапливаемым складом. Э.Д.Зиливинская, исходя из своего понимания назначения здания, определяет их совсем по-иному: «В юго-восточной части здания находился входной тамбур (XII), вслед за ко-

торым шла неотапливаемая раздевальня с суфой (XI). Отсюда проход вел в теплую мыльню (IV), в юго-западной стене которой впоследствии была сделана дверь, ведущая в аналогичный предбанник с суфой и входным тамбуром (IX, X). Из помещения IV можно было попасть в горячие мыльни (V и VII) или же в следующее теплое помещение I» [Зиливинская, 1989, с.226]. Не совсем понятно назначение и устройство комнат II и III, которые, вероятно, представляли собой прохладные мыльни или помещения для процедур. Не исключено, что довольно сильно обогреваемое помещение VIII, не соединенное с другими, или даже весь юго-восточный блок, состоящий из тамбура, раздевальни и горячей мыльни, был особым, женским отделением бани.

Интересна трактовка более поздней пристройки за юго-западной стеной здания. А.Х.Халиков допускал возможность использования части пристройки (X) и помещения IV в качестве придомной мечети с небольшим михрабом (IX); С.С.Айдаров и Э.Д.Зиливинская считают эту пристройку входом в дом. Следует отметить, что от западного угла пристройки отходит водосток –

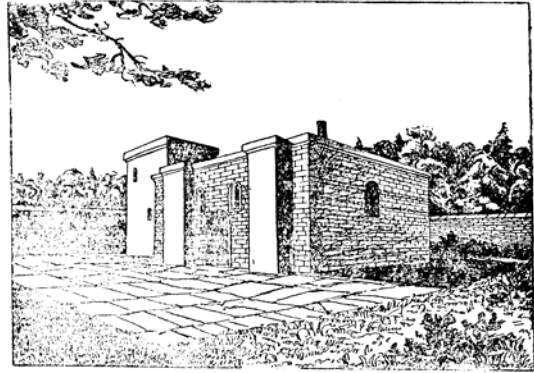
необходимый элемент сооружений банного типа.

В целом аргументы Э.Д.Зиливинской в пользу признания остатков вышеописанного сооружения в качестве общественной бани, входившей в комплекс караван-сарая, более убедительны.

Знаменитый «суварский дворец» – первое кирпичное сооружение домонгольского болгарского города, получившее широкую известность благодаря трудам А.П.Смирнова, в которых ученый подчеркивал весьма условный характер определения его как «дворца» или богатого дома феодала [Смирнов, 1941]. Он открыт в центральной части городища Сувар и исследовался в 1934–1937 гг. экспедицией Государственного исторического музея. Объект представляет собой руинированные остатки кирпичного здания, сохранившегося на уровне фундамента и цокольной части, с системой дымоходных каналов от подпольного отопления, с «башней» в северо-западной стороне и небольшой пристройкой – в юго-восточной. Оно было ограждено со всех сторон кирпичной стеной со входом с восточной стороны. Площадка перед зданием была вымощена сырцовыми кирпичами, уложенными горизонтально в один ряд.

Фундамент основного здания, сложенный из сырцового кирпича на глиняном растворе, находился в котловане глубиной 1 м; фундамент «башни» введен в более глубокий котлован (до 2 м). Основание стен покоилось на подушке из сырцового кирпича, служившей антисейсмическим приемом в архитектуре Средней Азии.

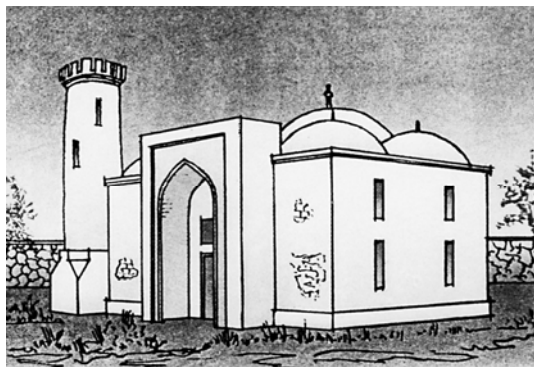
Для строительства использовались сырцовые и обожженные кирпичи разных размеров: 35 x 35 x 5, 30 x 30 x 5, 28 x 28 x 5–6, 25 x 25 x 5, 25 x 20 x 5, 24 x 24 x 4–5, 23 x 23 x 5 см. Связующим раствором служила глина с примесью извести и алебастра. На некоторых участках стены, имеющей среднюю толщину около 70–75 см, сохранились остатки штукатурки, иногда со следами краски голубого цвета. Разные размеры кирпичей свидетельствуют, очевидно, о разном времени строительства отдельных частей здания, о неоднократных перестройках и ремонтах его. И действительно, изучение кладки позволило «уста-

«Суварский дворец»
по реконструкции А.П.Смирнова

новить остатки трех строительных периодов, между которыми прошел, по-видимому, значительный срок. Эти строительные периоды различаются и по типу кирпича, и по технике, и по стратиграфическим данным» [там же, с.150]. По мнению А.П.Смирнова, здание функционировало с конца X – начала XI до XIV в.

Судя по описаниям и реконструкциям А.П.Смирнова, здание было двухэтажным и представляло в плане прямоугольник (7 x 4 м) с небольшой башней (4 x 3,5 м) с северо-западной стороны. Главный фасад его оживлялся двумя пилонами, от которых остались основания, со стрельчатой аркой в верхней части. Здание имело разветвленную систему подпольного отопления, дымоходные каналы которого периодически обновлялись. В ходе раскопок найдены и водопроводные трубы. После капитального ремонта (второй строительный период), осуществленного где-то в середине XIII столетия, здание имело вид сооружения неправильной формы из трех прямоугольников: к первому, двухэтажному (8 x 6 м) с северо-востока примыкал второй (5 x 6 м), а с юго-востока – невысокая башня. После разрушения здание было вновь восстановлено в XIV в. (третий строительный период). С юго-востока была сделана небольшая пристройка с выступом для входа и одновременно была разобрана северо-восточная прямоугольная часть здания. К сожалению, основываясь лишь на опубликованных материалах, проверить достоверность реконструируемых А.П.Смирновым этапов строительства и функционирования «суварского дворца»

«Суварский дворец»
по реконструкции Ф.Х.Валеева

совершенно невозможно. Заметим лишь, что городище относится только к домонгольскому времени, а само здание по своим важнейшим конструктивным особенностям принципиально ничем не отличается от вышерассмотренных биллярских, определяемых специалистами как банные сооружения.

Еще один кирпичный дом с подпольным отоплением был открыт В.Ф.Каховским и А.П.Смирновым в 1962 г. при раскопках Хулаша, относящегося к типу малых городов домонгольской Булгарии [Каховский, Смирнов, 1972, с.29–33].

Сохранившийся фундамент здания, сложенного из крупномерных сырцовых и обожженных кирпичей размерами от 18 x 18 x 5 до до 27 x 27 x 5 см, заглублен в материк на 95 см. Сооружение подпрямоугольное в плане (8,8 x 3–3,5 м), состояло из двух основных помещений. Кирпичи стен и пола положены непосредственно на культурный слой, скреплены глиняным и известковым раствором. Толщина стен составляет не более 50 см, что соответствует размерам 1,5–2 кирпичей. Остатки пола из кирпича и песчаника, покрытого толстым слоем известкового раствора, выявлены в южной части здания.

Подпольная система отопления состояла из заглубленной ниже пола печи (1,1 x 1,6 м), сложенной из камня и кирпичей, предпечной ямы и каналов-дымоходов, расположенных «между прямоугольными в плане устоями, на которые опирались плиты пола. Вдоль длинной оси здания проходил магистральный дымоход, идущий от топочной камеры. От него отходили бо-

ковые ответвления, часть из которых парно соединялась или заканчивалась вертикальными дымоходами, проложенными в толще стен» [Зиливинская, 1989, с.231].

Исследователи памятника считали, что хулашский дом имел жилое назначение и принадлежал богатому торговцу. Э.Д.Зиливинская аргументированно высказалась в пользу определения его в качестве небольшой общественной бани, имеющей прямые аналогии в средневековых банях Херсонеса и Армении.

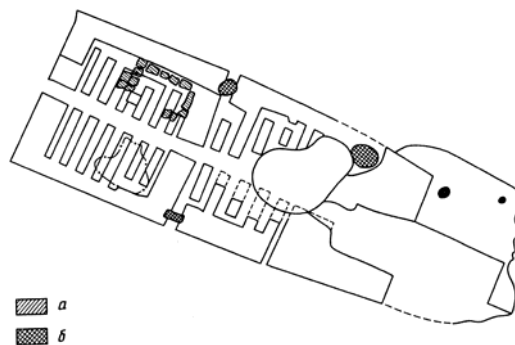
Еще в 1920-х гг. профессором В.В.Гольмстен в западной части Муромского городка близ оборонительных укреплений изучались два здания XI–XII вв. К сожалению, она не успела полностью опубликовать результаты своих работ [Матвеева, 1975, с.136]. Судя по сохранившимся материалам, оба здания были построены из обожженного кирпича размерами 25 x 25 x 5 см, подтесанных каменных плит или же из необработанных камней, скрепленных глиняным раствором. На уровне пола обнаружены слегка врезанные в грунт дымоходные каналы отопительной системы, сложенные из кирпича и перекрытые сверху известняковыми плитами. Магистральные каналы примыкали к топкам, расположенным снаружи здания [Васильев, Матвеева, 1986, с.180].

В юго-западной части внутреннего города в 1971 г. Г.И.Матвеевой вскрывалось еще одно кирпичное здание XII в., плохо сохранившееся и исследованное лишь частично. Фундамент здания, введенный в котлован, был сложен из крупных известняковых камней, а стены – из обожженного кирпича (25 x 24–25 x 5 см) на известковом растворе. В юго-восточном углу находилась топочная камера в виде подквадратной в плане печи (84 x 80 см) с перекрытием в виде ложного свода. От нее отходили семь расположенных параллельно дымоходных каналов, имеющих в сечении форму прямоугольника (45 x 30 см). Стенки дымоходных каналов сложены из кирпича и перекрыты сверху каменными плитами. В районе топки обнаружен обломок керамической трубы, позволяющей определить назначение здания в качестве бани.

Четвертое здание Муромского городка было исследовано на территории северной части внешнего города у края оврага вблизи северо-западного въезда во внутренний город. Оно имело прямоугольную форму (10,8 x 10 м); сохранилось лишь на уровне фундамента; проследить его внутреннюю планировку не удалось. Фундамент здания, сложенный в основном из крупных подтепанных камней, чередовавшихся местами крупномерным кирпичом, был введен в котлован глубиной 1,1 м от уровня кирпичного пола. Последний имел известково-алебастровое покрытие сверху. При кладке стен, толщина которых не превышала 60–65 см, использованы обожженные кирпичи размерами от 25 x 25 x 5 до 29 x 29 x 5 см, скрепленные глиняным раствором.

Отопительная система включала два магистральных дымоходных канала шириной 50 см с более узкими (25–35 см) разветвлениями и печь, примыкавшую снаружи к северо-восточной стене здания. Печь, сохранившаяся на высоту 84 см, имела квадратную форму (1,5 x 1,5 м) и арочное устье.

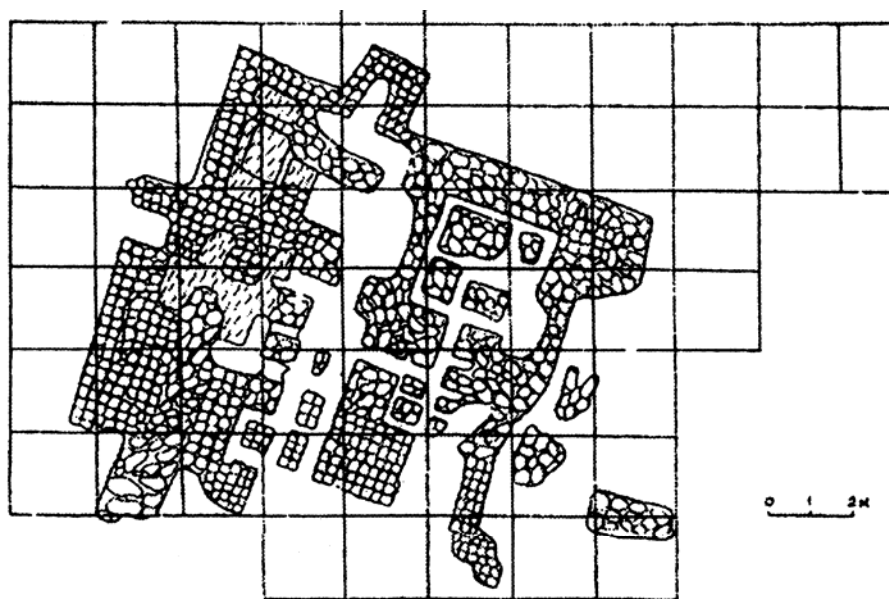
С северо-запада к зданию примыкал небольшой кирпичный пристрой (6 x 1,5 м), который, судя по тому, что не отапливался, а основание покоилось на древней повер-

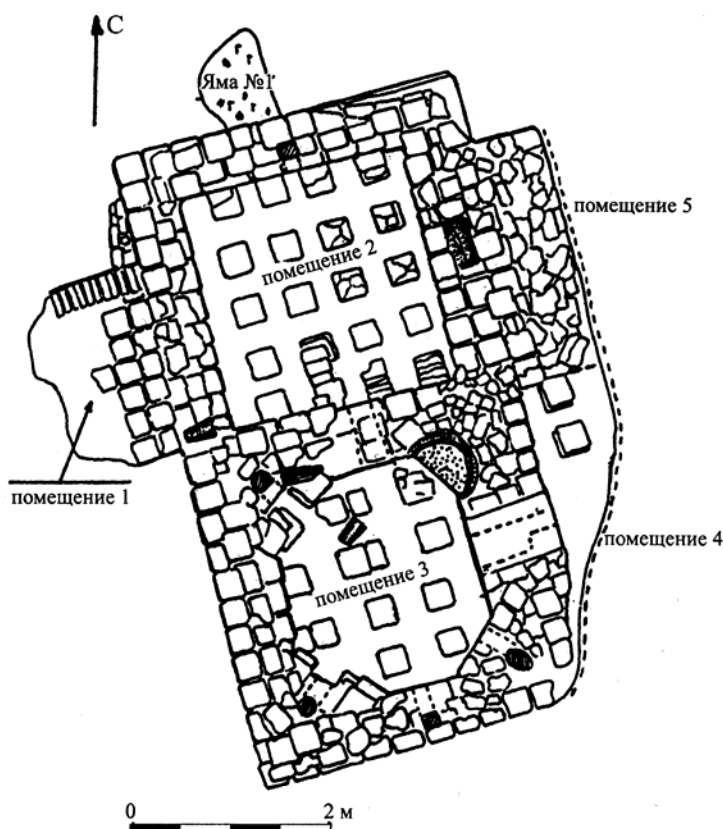
Кирпичный дом на городище Хулаш
(по В.Ф.Каховскому и А.П.Смирнову)
а – камера из обожженного кирпича,
б – вертикальные дымоходы

ности земли (не в котловане, как основная часть здания), служил входом. Дверь располагалась в юго-западной стене и была обращена на юг, в сторону оврага. Вниз, к воде, вела лестница, ступеньки которой сделаны из крупных известняковых плит.

Функциональное назначение здания определяется на основании ближайших параллелей с биллярской баней «каравансарая». Время его строительства относится ко второй половине X в., что доказывается как стратиграфическими данными, так

План кирпичного здания на Муромском городке (по Г.И.Матвеевой)

План кирпичного здания на Красносюндюковском I городище (по Ю.А. Семькину)

и особенностями, характерными для архитектуры Средней Азии и Ближнего Востока досельджукской эпохи [там же, с.177–179].

Оригинальным образцом усадебной бани является, по мнению Ю.А.Семькина, кирпичное здание, исследованное в 1991 г. на Красносюндюковском I городище [Семькин, 1993, с.219–223].

Здание имело прямоугольную форму размерами 6,6 x 3,6 м. Фундамент находился в неглубоком котловане. Толщина стен, сложенных из обожженных квадратных кирпичей (28 x 28 x 4,5–6 см) на глиняном растворе, составляет около 60 см. Интересна внутренняя планировка сооружения.

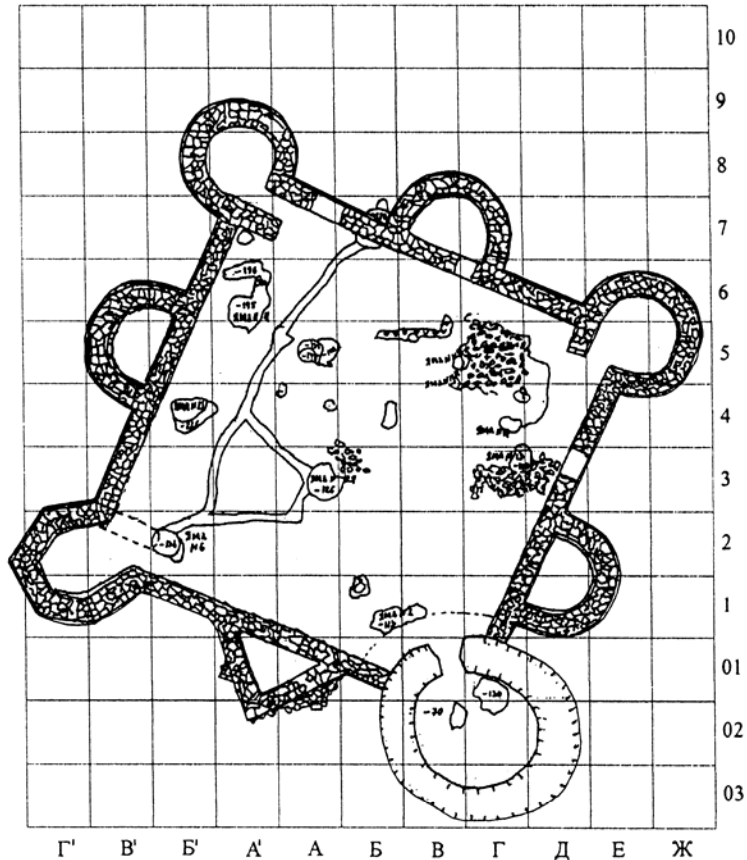
Небольшое помещение 1 (предбанник) примыкало снаружи к северо-западной части здания. Северная стенка его сложена из поставленных на ребро кирпичей размерами 25 x 25 x 5 и 24 x 18 x 5 см; в качестве связующего раствора использована известь с песком. Пол и стены покоятся непосредственно на древней поверхности.

Северную половину основной части здания занимало помещение 2 (внутренние

размеры 2,4 x 2,4 м), служившее мыльней. В этом помещении на уровне дна котлована находились 20 опорных столбиков из кирпича, имевших квадратные основания и располагавшихся симметрично в четыре ряда, по 5 столбиков в каждом ряду. На них опирался кирпичный пол, который покрывался сверху водонепроницаемым известковым раствором. В северной стене выявлено вертикальное дымоходное отверстие, которое сообщалось с подпольной системой отопления, а в восточной стене – остатки прямоугольного резервуара для воды.

В южной половине здания находилось помещение 3, имевшее внутри восьмиугольную форму (2 x 2,3 м). В подпольной его части также стояли опорные столбы (всего 10), располагавшиеся в три ряда параллельно стенам. В северо-восточном углу находился полукруглой формы резервуар для воды, вмонтированный в стену.

Помещение 4 размещалось в северо-восточной части здания, но оно почти полностью уничтожено при современных

Елабужское городище. План белокаменного здания, выявленного раскопом 1993 г.
(по А.Х.Халикову)

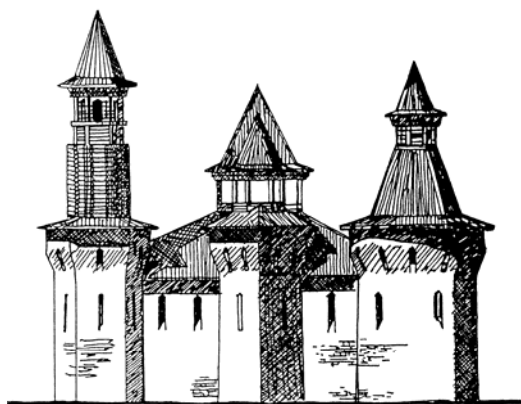
строительных работах; сохранились лишь два опорных столбика, а также карнизик по восточной стенке на уровне пола. Помещение 5, расположенное севернее от предыдущего, сохранилось также фрагментарно.

Остатки подпольной отопительной системы в виде дымоходных каналов выявлены в помещениях 2, 3, 4, однако отопительная печь оказалась разрушенной и не было установлено даже ее месторасположение. О развитой системе водоснабжения и канализации свидетельствуют керамические трубы и их обломки. Слив воды осуществлялся также при помощи деревянных желобов, вмонтированных в кирпичный пол. В пределах здания собрана интересная коллекция находок, среди которых железные ножи, тесло, наконечники стрел, обломки цилиндрических замков, ювелирные украшения, многочисленные осколки посудного и особенно оконного

стекла. Последнее, по мнению Ю.А.Семькина, говорит о том, что свет в баню проникал через застекленные оконца, что вряд ли соответствует действительности.

Сопоставительное изучение конструктивных особенностей средневековых бань Поволжья, Кавказа, Крыма и других регионов Евразии позволило Ю.А.Семькину заключить, что в строительстве красносудюковской бани принимали участие мастера из Закавказья, учитывавшие среднеазиатские традиции, продиктованные требованиями ислама [Семькин, 1993, с.223].

В заключение несколько слов об оригинальном архитектурном сооружении, сохранившемся с болгарских времен на Елабужском («Чертовом») городище и известном в исторической литературе с конца XVIII в. До нас дошла круглая каменная башня этого сооружения, отреставрированная в 1867 г. городским главой

Белокаменная мечеть-крепость
на Елабужском городище.
Реконструкция С.С.Айдарова

И.В.Шишкиным, отцом знаменитого художника-пейзажиста.

В 1888 г. раскопками А.А.Спицына впервые был выявлен план этого сооружения, имеющего квадратную форму (21 x 21 м) с круглыми угловыми и полукруглыми пристенными башнями. Анализируя особенности архитектуры елабужской белокаменной «цитадели» по данным А.А.Спицына, проф. А.П.Смирнов отмечал, что в ней отразились традиции византийской строительной школы, проникшие в Булгарию через Хазарский каганат [Смирнов, 1976, с.3].

Тщательные исследования памятника проводились в 1993 г. проф. А.Х.Халиковым. Он вскрыл здание полностью на уровне фундамента, заглубленного в грунт на 35–40 см от древней поверхности. Все здание было сложено из плитчатого известняка на известковом растворе. Средний диаметр угловых башен составлял около 5 м; более высокая юго-восточная, сохранившаяся до наших дней дозорная башня достигала 14 м в диаметре. Юго-западная башня (минарет?) оказалась шестигранной. Среди пристенных своей треугольной формой, обращенной острием точно на Мекку, выделялась башня юго-

западной стены. По достаточно аргументированному мнению А.Х.Халикова, изученное сооружение изначально было построено булгарами как мечеть-крепость на камском торговом пути [Халиков, 1997, с.13–14]. Варианты графической реконструкции ее предложены Ф.Х.Валеевым и С.С.Айдаровым.

Таким образом, в болгарских городах строились не только бревенчатые или глинобитно-каркасные дома. Крупные сооружения общественного характера нередко возводились из белого камня и кирпича. Практически все кирпичные сооружения, исследованные в болгарских городах, являются остатками общественных или усадебных бань. Наиболее крупные и совершенные по устройству из них находились в Биляре и Муромском городке.

Элементы благоустройства в археологических материалах прослеживаются слабо, однако есть сведения о мощеных деревом, камнем или кирпичным щебнем дорожках в центральной части Биляра. Жители города брали воду не только из естественных источников, добывали ее и в глубоких колодцах. Колодезную воду использовали также в банях.

В целом же архитектурный облик болгарских городов не был однообразным и примитивным. Крупные города были окружены мощными укреплениями с крепостными башнями и проездными воротами, некоторые из которых, судя по народным преданиям, назывались «золотыми». В этих городах находились караван-сарай для приезжих купцов, имелись мечети с высокими минаретами и религиозные школы-медресе при них. Центральные площади оживлялись базарами с их своеобразными постройками – лавками, небольшими мастерскими, складскими помещениями и т.д. Из массы рядовых жилищ выделялись богатые дома, нередко двухэтажные, общественные бани и другие здания, сооруженные из камня и кирпича.

ГЛАВА 3

Булгарское село

*Константин Руденко,
Евгений Казаков*

Формирование сельской поселенческой структуры и ее динамика в XI – начале XIII в.

Формирование поселенческой структуры Волжской Булгарии происходило в несколько этапов. Первый этап начинается в конце IX – начале X в. и продолжается целое столетие. Он характеризуется созданием сети торгово-ремесленных центров – основы процессов булгарской седентаризации и урбанизации. Большая часть этого периода приходится на правление династии Джаффаридов. Второй этап охватывает весь XI и начало XII в. Основное содержание его заключалось в возникновении и развитии булгарских агломераций как основы экономики страны, центральной из которых была билярская; складыванием внутреннего рынка с районированием ведущих хозяйственных направлений (производственное, сырьевое и т.п.), а также формированием на булгарском пограничье ареальных групп населения. Третий этап приходится на XII и первую треть XIII столетия. В это время происходит развитие внутренней поселенческой структуры, сопровождавшееся парцелляцией крупных хозяйств, уплотнением заселенной территории за счет освоения неудобий и частично водоразделов. Рассмотрим эти периоды более детально.

Первоначальной территорией расселения булгарских племен была пойма Волги (Ульяновский участок). Затем основной массив населения переместился чуть севернее, в район Танкеевки – Булгар, где возникают первые стационарные поселения. На сегодняшний день археологически исследовано одно из древнейших поселений в районе Болгарского городища, датированное по находкам монет концом IX – первой четвертью X в. На основе этого

и, вероятно, еще нескольких таких поселений сформировался укрепленный центр и посад будущего города Булгара.

Активная торговая деятельность по Волге и Каме и их притокам в первой половине X в. стимулировала развитие здесь сети торгово-ремесленных факторий, тяготевших в основном к устью небольших притоков этих рек. Наиболее изученными из них являются поселения у с. Измери. Не позднее второй половины X в. ранние поселения-фактории появляются в бассейне Малого и Большого Черемшана в Центральном Закамье, на притоках Меши и Волги в Предкамье. К третьей четверти X в. относятся такие селища на Свияге в Предволжье. Параллельно формируется пензенская группа поселений в Посурье (Золотаревское поселение, Васильевское селище и др.).

Внутреннее расселение в разных районах имело разный характер и продолжительность. Так, Чистопольское Прикамье до середины X в. булгарами было освоено слабо. Сказывалось, очевидно, близкое соседство угорских, а южнее – огузо-печенежских племен. Вторая половина X – начало XI в. стали периодом активного освоения края. По берегам Камы и ее притоков возникают многочисленные крепости-форпосты с прилегающими к ним селами. Формирование сельского населения в междуречье Малого Черемшана и Камы к середине XI в. можно считать завершенным.

Система деревень, замков, крепостей стала основой поселенческой структуры края практически всей эпохи средневековья. Свыше 70 укрепленных и неукрепленных поселений известно в междуречье Малого Черемшана и Шешмы. Среди них такие мощные замки, защищенные несколькими рядами валов с примыкавшими к ним

Общий вид на Белогорское селище

селищами (посадом), как Утяковское городище. Известны и небольшие племенные крепостицы, возникшие на месте большого неукрепленного села, как Малотолкишское городище, или же укрепленные форпосты с кольцевой обороной как Изгарское городище. Нередко укрепления возводились в укромных местах, в оврагах, на мысах. Такими были Малополянское и Староромашкинское городища.

По небольшим речкам – Толкишке, Бахте, Шентале проходили удобные водные пути в центральные районы государства, к крупным городам. Не случайно, что именно здесь очень много больших и малых сел. Здесь же находят монетные и вещевые клады.

Основной тенденцией в формировании поселенческой структуры второго этапа стало развитие системы город–село (агломерации) с центром в городе – метрополии вместе с сельской округой и системы укрепленных поселений-спутников, которые могли иметь или не иметь сельский базис. Экстенсивное освоение территории вело к охвату обширных пространств, включавших как пахотные земли, так и пастбища, а также зоны приусадебного хозяйства.

Следствием этого было такое характерное для средневековья явление, как земледельческий характер многих болгарских городов. Земледелие и скотоводство были неотъемлемой частью занятий городского населения. Сельские жители городской округи являлись источником пополнения и самого городского населения. Характерным примером этого являются селища вокруг Билярского городища, поселенческий комплекс Маклашеевских, Войкинских и Ромоданских городищ.

Экономическое районирование стало прогрессировать с момента формирования системы внутренних рынков. Примером такого рода может быть Лаишевское селище (Чакма), ставшее на основе местной металлургии железа и кузнечного дела одним из крупных центров внутреннего обмена для Кашанско-Мурзихинского микрорегиона. Рынок сбыта его продукции составлял в среднем 30–40 км. Сильная залесенность территории вокруг самого поселения ограничивали возможности активного земледелия и скотоводства, выдвигая на первый план промыслы, среди которых выделялись охота и рыболовство. Одновременно с этим стимулировалось и ремесленное

производство. В немалой степени этому способствовало и активное возведение укрепленных зон в районах стратегических речных и сухопутных путей регионального или внутрисоюзного значения, особенно в районе переправ (например, система городищ Кашан I – Кашан II – Городок и наблюдательный пункт на Сорочьих горах). Нередко укрепленная зона ограничивала и жилой массив сельской территории, как, например, в системе Маклашевского вала, I и II городищ.

При этом сохранялась индивидуальная специфика поселений, особенности которой складывались из ряда факторов, ведущими из которых были процессы сложения и эволюции самого села, например, из нескольких отдельных усадеб (Мурзихинское селище) в единое поселение с уличной структурой, или же рост его из одной усадьбы с формированием дочерних усадеб (Остолоповское (Речное) селище) и территориальной динамикой площади селища.

На окраинах государства в местах расселения финских и угорских племен формируется своеобразная субкультура, в общих чертах сходная с булгарской. Интеграция ее в основной массив по мере включения этих территорий в зону влияния государственной булгарской политики привела к изменению и ряда поселенческих характеристик, особенно в Предкамье (Казакларское, Черемышевское и др. селища).

Третий этап характеризуется различными процессами в отдельных районах государства. Так, в бассейне среднего течения Большого Черемшана и его притоков экстенсивное освоение удобных для хозяйственного использования территорий привело к дефициту пахотных земель и к выделению мелких хозяйств, занимавших надпойменные террасы с естественным орошением и водоразделы с ограниченной от условий полива для возделывания площадью (родник, истоки реки и т.п.). Недостаточная археологическая изученность небольших по площади селищ не позволяет установить характер их возникновения и запустения, что, в свою очередь, не дает возможность формирования окончательных выводов в этом вопросе.

Общая тенденция к росту площади поселения в центральных районах государства на предыдущем этапе вытесняется направлением к выделению дочерних селе-

ний, малых по площади и числу жителей (например, селища по р. Курналинке в Центральном Закамье). Заметной становится и тенденция к росту укрепленных поселений на месте существовавших ранее селищ (см., например, Староматакское городище).

Сельские поселения домонгольского времени

На сельских поселениях до монгольского нашествия проживала большая часть населения булгарского государства. Селища – их археологические остатки составляют самую многочисленную категорию средневековых археологических памятников на территории Республики Татарстан. Как правило, они располагались на берегах рек или оврагов, поблизости от воды. Нередко небольшие по размеру селища тяготеют к одному из поселений – крупному селищу или расположенному поблизости городищу, образуя своеобразный куст археологических памятников. Интенсивное разрушение береговой полосы Куйбышевским водохранилищем обусловило количественное преобладание вещевого материала с разрушающихся памятников в этой зоне. Достаточно хорошо исследованными на сегодняшний день являются Измерско-Семеновский, Мурзихинский и Лаишевский кусты памятников в нижнем течении Камы и ее приустьевой части.

Наибольшей концентрацией сельских поселений, судя по результатам археологических обследований, отличались центральные районы Булгарского государства. Здесь к концу XII в. освоенными оказались не только берега крупных рек – Большого и Малого Черемшана, но и их мелкие притоки и даже овражная сеть. Характерны для этой местности селища средней (1–3 га) и малой (до 1,5 га) площади. Высокая плотность селений и относительно небольшая площадь пригодных для экстенсивного земледелия земель стала причиной и короткого срока их существования. Незначительный культурный слой, малочисленность находок – таковы характерные черты небольших по площади селищ. Население таких поселков было малочисленным, соответствующим количеству людей в большой патриархальной семье – не более 20 человек.

Селища средних размеров имеют хорошо выраженный культурный слой, накопившийся за два – три поколения жителей. Как правило, эти поселения возникли из одной или двух начальных усадеб и «отпочковавшихся» дочерних усадеб. Да и сама основная усадьба с течением времени могла увеличиваться в размерах за счет пристроек жилых построек, перестройки хозяйственных сооружений, их ремонта и реконструкции и т.п.

В пограничных районах даже на селищах крупных размеров (свыше 3 га) культурный слой незначителен, а находки встречаются там, где в древности располагались жилые или хозяйственные постройки. Другой типичной чертой этих районов является явное тяготение неукрепленных селений к городищу: крепости или замку (селения бассейна Шешмы). В некоторой степени это является отражением более ранних процессов внутренней болгарской колонизации, закрепившихся в поселенческой традиции. Площадь селищ-саттелитов могла быть различной, составляя от 0,5 до 7 га. Наибольшего расцвета данная система получила в зоне агломераций, где складывался своеобразный археологический мегаполис, основу которого составляла сельская округа, включенная как территориально, так и экономически в городскую инфраструктуру. Агломерация предполагала вращение селищ в структуру малого города (Войкинские городища) или освоение значительной площади, которая включала посад крупного города вместе с загородными усадьбами, крепостями-форпостами и замками и селения близлежащей округи (Билярская агломерация).

Наблюдается некоторая зависимость топографии поселений от природно-географических условий местности. Это хорошо заметно в Предкамье, где часть селищ занимала участки плодородной поймы притоков небольших речек. В ряде случаев поселения располагались на высоких мысах поблизости от ручьев или родников.

Очень невелико число поселений, находившихся далеко в пойме от коренного берега. Такие селения возникали на торговых путях и переправах. Часть известных пойменных «селищ» является остатками водяных мельниц.

По характеру возникновения можно рассматривать поселения соседских и тер-

риториальных общин с общим центром (городищем, селищем), место обитания отдельных семей, владельческие поселения с укрепленной усадьбой (малое городище) или с многоуровневой фортификационной системой замкового типа с неукрепленным обширным посадом и ремесленными мастерскими.

Общей тенденцией в развитии поселений было экстенсивное освоение территории, свободный рост и развитие селища. Исключения составляли селения, ограниченные естественными границами (Кожавское, Алексеевское VI селища).

Возникновение деревень и сел происходило разными путями. Это могли быть торгово-ремесленные поселения (Измерское, Семеновское, Криушское селища, Ага-Базар), в дальнейшем превратившиеся в преимущественно аграрные селения. Второй путь возникновения деревни – основание ее несколькими семейно-родственными коллективами или даже разноэтничными группами (Мурзихинское селище). Третий путь – военное поселение (Остолоповское селище). Четвертый путь – поселение типа слободы с ремесленными функциями (Лаишевское селище). Пятый путь – образование самостоятельных малодворных, как правило, однодворных селений путем отселения отдельных семей из больших сел. Шестой путь – возникновение села на месте временной (сезонной) стоянки при непрочной оседлости населения (Малоиерусалимское поселение в Болгарах). Седьмой путь – образование владельческих сел в округе укрепленной сельской усадьбы или малого городка (Алексеевское VI селище). Восьмой путь – восстановление села на новом месте после военного разгрома или пожара (Рождественское I).

Основными занятиями сельского населения были земледелие, скотоводство и промыслы. Роль промыслов была достаточно большой, хотя удельный вес охоты для обеспечения прожиточного минимума был не велик. В районах, где имелись реки и озера, широко распространялось рыболовство. В лесной местности распространялись бортничество, пушной промысел. Не исключено, что занятие этими промыслами имело рыночную основу, поскольку воск, рыбий клей, пушнина, судя по сообщениям письменных источников, были важными статьями болгарского импорта.

Сельская усадьба

Застройка булгарских деревень и сел в основном была усадебная. Характер застройки можно определить как кучевой (Алексеевское VI, Измерское) и линейный (Рождественское V). В первом случае отдельные дворы непосредственно примыкают друг к другу, разделяясь дощатыми заборами. Относительная плотность застройки здесь была обусловлена достаточно небольшой площадкой мыса в излучине реки, выбранной для поселения. Во втором случае наблюдается свободная линейная застройка, когда каждый двор являлся автономной хозяйственной единицей в рамках поселка, обособленная даже территориально. Не исключена и эволюция усадебных комплексов. Относительно свободный характер застройки во втором случае мог с течением времени измениться по мере роста числа хозяйственных построек, их реконструкции и перестройки.

Булгарская усадьба состояла из жилого дома с двором и надворных построек. В ряде случаев двор можно делить (как в этнографической литературе) на передний и задний. Передний двор – это открытая часть двора без каких-либо построек, а задний двор – часть усадьбы, занятая сараями, овинами, амбарами и т.п. Центром усадьбы был жилой дом. Жилая постройка, скорее всего, не выходила непосредственно на улицу, а была «отодвинута» в глубь усадьбы. Видимо, этим объясняется относительно небольшая величина внутреннего двора и достаточно большая скудность построек на Алексеевском VI селище.

Сооружения для хранения сырья и продуктов располагались как непосредственно у жилища, на переднем дворе, так и на заднем дворе. Относительная недолговечность их способствовала созданию целой системы ям-кладовок или углубленных погребков с деревянным наземным каркасом и перекрытием. Часть таких сооружений по мере осыпания и ветшания забрасывалась и становилась местом свалки бытовых и пищевых отходов, что обуславливалось и территориальным ростом поселения, когда свободного пространства, служившего ранее свалкой, становилось все меньше.

На переднем дворе располагались, в основном, хранилища для скоропортящихся продуктов: рыбы, молока и мяса. Сюда

же могли складироваться овощи и корнеплоды. Размеры таких хранилищ относительно небольшие. Погребок был заглублен в землю на 100–170 см, при диаметре котлована в 150–160 см. По форме такие ямы были цилиндрические. Спускались в них при помощи небольших деревянных лесенок. Было, видимо, и деревянное перекрытие. Судя по тому, что все такие объекты располагались около жилой постройки, то не исключено, что над ними был общий навес, что позволяло пользоваться ими в зимний период. В ряде случаев у дна ям-кладовок устраивалась ступенька, на которую устанавливались сосуды с пищей. Это могли быть глиняные, берестяные и деревянные сосуды.

Более крупными по размерам были амбары и сараи. Амбары для хранения зерна имели, как правило, углубленные в землю емкости-хранилища (ямы) цилиндрической или колоколовидной формы диаметром до 270 см при общей глубине 250–270 см. Для спуска в них были предусмотрены специальные ступеньки, на которые могли ставиться деревянные лесенки. Стенки таких ям были обожженными или высушенными. Дно устилалось соломой. Зачастую таких ям было две, и располагались они рядом друг с другом. Такое расположение позволяло проводить ремонт хранилища и его реконструкцию. Основная конструкция самого амбара была срубная. Ямы имели деревянное перекрытие. Внутри амбара могли стоять деревянные лари для муки. В конструкции их использовались железные гвозди и скобы. Сруб сверху имел перекрытие. Крупные хранилища достаточно эффективно заменяли несколько более мелких, располагавшихся в шахматном порядке на заднем дворе. Эта система позволяла избегать проникновения грызунов в одно и то же хранилище и порчи запасов.

Сараи для инвентаря имели срубную конструкцию с земляным полом. На заднем дворе находились и овины – места для сушки снопов. Скот содержался на внутреннем дворике, а в зимнее время – в утепленных стойлах. Молодняк зимой держали в жилой постройке.

Ограда двора или усадьбы могла быть различна: дощатый забор (Алексеевское VI селище), плетень из прутьев (Измерское, Рождественское V), ограда из жердей,

крепившаяся к врытым столбам (Остолоповское селище).

Пока ни на одном из исследованных селищ не выявлены колодцы: видимо, воду брали непосредственно из реки, хотя водоносный горизонт располагался не очень глубоко.

Расширение усадьбы и ее реконструкция производились с интервалом не менее чем в 10–15 лет или даже чаще. В первую очередь реконструировались хозяйственные постройки, не менее чем раз в 100 лет проходила перестройка жилой постройки. Последнее могло случиться в том случае, если усадьба не пострадала от пожара или воздействия стихии.

Сельское жилище болгар X – начала XIII в. представлено несколькими типами. Основным типом жилища, начиная со второй половины X в., было стационарное сооружение из дерева. Наряду с ним существовали и переносные жилища типа юрты. Наличие таких жилищ подтверждают как сообщения письменных источников (Ибн Фадлан), так и археологические материалы (Билярское городище). Юрта была, в основном, летним жилищем. Внешне это мог быть шалаш с деревянным каркасом, обтянутый шкурами или войлоком. По данным этнографии, внутреннее пространство юрты делилось на левую «мужскую» и правую «женскую» стороны. В центре находился очаг, над которым в потолке было сделано отверстие. Обитатели юрты и гости сидели на коврах, войлоке или шкурах, разостланных на полу. Для еды могли использоваться маленькие деревянные столики.

Пол юрты застилался войлочным ковром, стены украшались также коврами, шерстяными или войлочными. Особой популярностью пользовались красные армянские ковры. Стены занавешивались тканью. Из ткани были сделаны и занавеси, отделявшие «мужскую» часть от «женской». У состоятельных и знатных господ ткань была шелковой – китайской или византийской. Определенные отличия, скорее всего, были в размерах и оформлении жилой юрты и той, которая предназначалась для приемов.

Основным материалом для строительства стационарного дома была сосна и камыш. Археологически зафиксирован тип однокамерного наземного дома без подпо-

ла с земляным полом с открытыми очагами, обложенными известняковыми камнями. Стены таких жилищ были каркасными. Жилища состояли из двух половин, одна из которых была жилой (Измерское селище). Такие жилища имели распространение со второй половины X в. и, скорее всего, возводились и позже. Они были обитаемы как зимой, так и летом. Жилая площадь составляла в среднем около 35 кв. м.

Началом XIII в. датируется однокамерный наземный дом с ямой-подпольем (Рождественское V селище, соор. VII). Это прямоугольная постройка размером 3 x 4 м, с печью в северо-западном углу и небольшой ямой-кладовкой. Жилая площадь помещения составляла 12 кв. м. Этот тип жилища появился еще в XI в., судя по данным раскопок Алексеевского городища, где была исследована подобная постройка.

Другим типом жилища был однокамерный наземный дом с заглубленным земляным полом без подпола. Такая постройка использовалась преимущественно в осенне-зимний период (Остолоповское селище). У нее был земляной, углубленный до 1 м пол, деревянные стены, и самцовая крыша. Внутри помещения через холодные сени вели земляные ступеньки, укрепленные камнями и прутьями. Вход, оформленный дверной рамой, мог иметь деревянную дверь, если ширина дверного проема не превышала 1 м и в случае, когда ширина входа была больше, то закрываться шкурой или войлоком. Последний способ был отмечен в письменных источниках XII в. (ал-Гарнати). По периметру котлована располагались деревянные нары, а перед входом на специальных столбах находились полати. В таких домах отсутствовали внутренние ямы-кладовки. Пол был застелен специальными плетеными из ивовых прутьев циновками. Очевидно, сверху такого пола были постелены войлочные или другие покрытия. Бытовые предметы хранились на специальных пристенных полках. Освещение осуществлялось при помощи жировых глиняных ламп – светильников и лучин, крепившихся в железных светцах. Площадь жилого помещения составляла около 12,5 кв. м. Внутреннее пространство делилось на «женскую» (около печи) и «мужскую» половину.

С конца XI в. на сельских поселениях (Алексеевское VI селище) появляются срубные двухкамерные дома (пятистенки). Стены таких домов были срубными, стыки между бревнами промазаны глиной. Нижние венцы сруба лежали на специально положенных бревнах или иных деревянных конструкциях. В таких домах был деревянный пол. Крыша была плоская с земляной подсыпкой для утепления. Изнутри помещения на крышу вела лестница, установленная у специального лаза. Тонкая перегородка типа плетня, обмазанная глиной, делила внутреннее пространство на две части – западную и восточную. Западная половина, судя по обилию индивидуальных находок и столовой посуды, была жилой. Почти посредине этого помещения располагалась глинобитная печь, служившая для обогрева помещения зимой. Перед печью находилась предпечная яма.

Восточная часть постройки была кухней и подсобным помещением. Здесь находился погреб с деревянным перекрытием, которое опиралось на ряд бревнышек диаметром до 15 см, крепившихся в стенках котлована. Площадь погреба была около 4 кв.м., глубина – от 40 до 160 см. Вход в погреб был с северной стороны, где были сделаны специальные ступеньки. Рядом с погребом находился очаг, который использовался для приготовления пищи. Погреб мог быть обшит деревянными досками, которые крепились в специальных пазах в угловых бревнах диаметром до 20 см (постройка Лаишевского IV селища). В нижней части погреба иногда устраивалась земляная ступенька, на которую ставились сосуды.

Вход в дом был, скорее всего, в восточной части. Полезная площадь такого дома составляла около 42 кв. м. К этому типу жилищ следует отнести остатки сооружений 4 и 6, исследованных на Алексеевском городище.

Интерьер такого дома был достаточно прост. Домашнюю обстановку составляли лавки, полочки на стенах, вероятно, сундуки и небольшие ларцы. Наличие изделий из войлока и тканых изделий предполагает и наличие занавесей, теплых покрытий и декоративных деталей обстановки. Более состоятельные сельчане могли позволить себе использовать в хозяйстве металлическую посуду, в частности котлы, подвешен-

вавшиеся на металлических цепях к потолочной балке или на специальных распорках у очага. Декоративному оформлению жилища служили и глазурованные блюда, а также декоративная керамика.

Освещение помещения осуществлялось с помощью глиняных открытых светильников, заполненных растопленным жиром с фитилем. Проветривание помещений и периодические «генеральные уборки» были необходимы довольно часто, учитывая сильную копоть, которую давали как очаги, так и светильники.

Другим типом сельского жилища были полуземлянки. В отличие от наземных домов у них стены составляли всего два–три венца, крыша опиралась на угловые столбы и могла быть односкатной или шатровой. Достаточно распространены были полуземлянки с опорными столбами и подпольем. Остатки такой полуземлянки размером 3,2 x 3,7 м подпрямоугольной формы, заглубленной в материк на 67 см, зафиксированы в западной части Старокуйбышевского V селища [Измайлов, Газимзянов, 1992, с.89–105]. Авторы раскопок предполагают, что это была полуземлянка с двумя хозяйственными ямами. Внутри ее находилась глинобитная печь, пол покрывал деревянный настил, а стены имели основной каркас из вертикальных столбов. Кровлю в центре подпирали дополнительный столб. Вход мог находиться с северной и южной стороны. Аналогичные сооружения отмечены на Лаишевском селище [Старостин, Казаков, 1992, с.125–142; Руденко, 2001]. Интерьер жилища составляли широкие нары, ларцы и сундуки. Освещалось помещение лучинами, крепившимися в светцах или в самодельных глиняных подставках. Жилая площадь таких построек составляла 12–30 кв. м. Датируются они концом XI–XII вв.

Близкую конструкцию имели полуземлянки с центральным опорным столбом. Не имея принципиальных отличий от домов предыдущего типа, они могли иметь шатровую крышу. Исследованы такие сооружения на Рождественском V селище и датируются началом XIII в. [Шарифуллин, 1993, с.69–70]. Существовали и землянки [там же, с.65–66]. Во дворе у жилищ разных типов располагались открытые летние очаги или костры для приготовления пищи.

Отопительные устройства (печи) были нескольких конструкций. Это глинобитные печи, стенки которых были сделаны из глины (Алексеевское VI, Лаишевское, Старокуйбышевское IV). Второй тип такого рода сооружения – это печи-каменки, сложенные из известняковых камней и ракушечника на глиняном растворе (Остолоповское, Мурзихинское). Глинобитные печи часто устанавливались на опечке. Последние были квадратной формы. В основе их была конструкция в виде деревянной опалубки из небольших плах длиной 45–50 см и толщиной до 10 см. Они закреплялись в пазах угловых колышков.

Печки-каменки одной стороной практически всегда врезались в земляную стенку котлована заглубленной в землю части дома. Для обогрева и для приготовления пищи использовались очаги, сложенные из камней и обломков жерновов. Труб у печей не было. Возможно, существовали конструкции типа чувалов. Печь внутри помещения находилась у входа, с правой стороны. Очень редко печь располагалась ближе к центру помещения (Лаишевское селище). Правда, в известном нам случае это могло быть нежилое помещение.

Булгарский город и сельская округа

Появление городов в Волжской Булгарии обусловило собственно и начало деления поселений на город и не город. Хотя в точности такое деление будет не совсем корректным, поскольку восточные авторы X в., когда писали о Булгаре, имели в виду как город, так и его округу или точнее область. Сельская среда была основой существования средневекового города вообще и булгарского в частности. Именно сельская округа поддерживала жизнь средневекового города, а население того же города никогда полностью не прекращало связь с сельской округой. Занятия сельским хозяйством и скотоводством были естественны как для горожанина, так и для сельчанина. Можно говорить, что основным типом булгарского города был город аграрного типа. Специфику каждого булгарского города определяла прежде всего его сельская округа.

Роль сельских поселений в системе город–село можно определить на нескольких хорошо исследованных археологических комплексах. Так, роль сельской округи сыграла решающую роль в складывании г. Булгара. В начале его истории мы видим несколько неукрепленных селений в Малом Иерусалимском овраге. Затем недалеко от них на стрелке мыса возникает небольшой укрепленный замок площадью около 9 га [Хлебникова, 1987, с.52]. Обживается и территория с напольной стороны, за рвами городища. Дальнейшее развитие города идет за счет обнесения посада с напольной стороны новой линией укреплений и расширения окружающей обжитой территории. Эта тенденция является ведущей для Булгара домонольского времени.

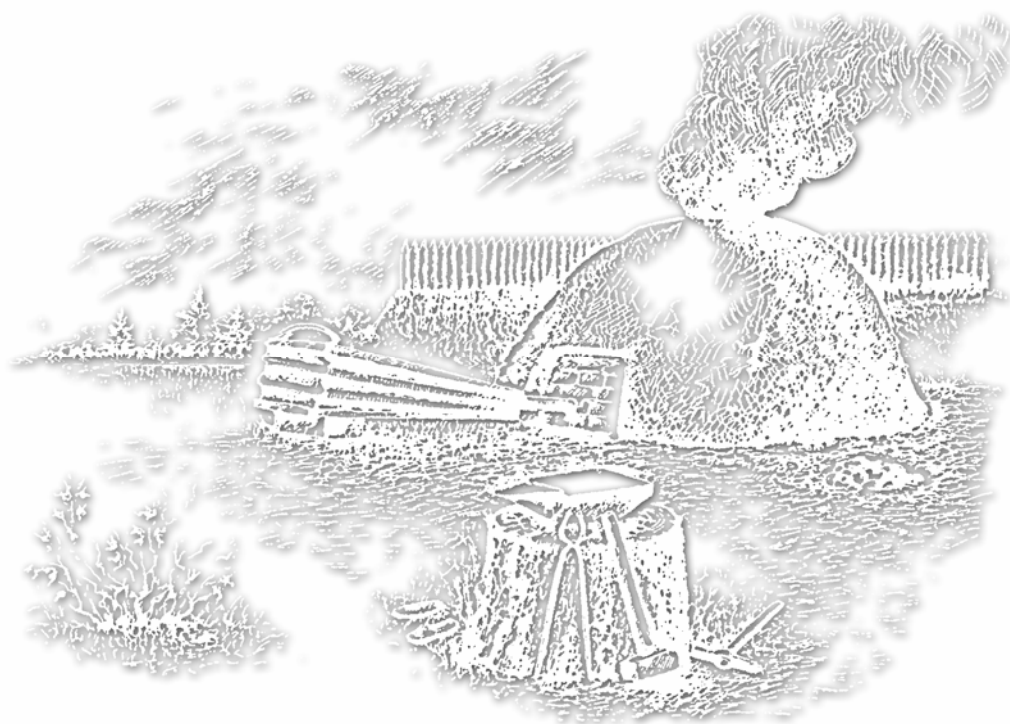
Крупнейшее булгарское городище Закамья – Билярское практически со всех сторон окружено селищами – неукрепленными поселениями. Раскопки показали, что часть этих селищ представляет собой экономически развитые поселения с ремеслом городского типа. Не исключено, что часть других билярских селищ является остатками аграрных усадеб и усадебных «гнезд», которые перемежались незастроенными участками, использовавшимися для запашки. Видимо, к концу XII в. весь билярский комплекс, ограниченный системой Горкинских, Бальнгузских и Николаевбаранских укрепрайонов, был единой агропромышленной зоной с развитой системой землепользования. За пределами этой зоны новый сельскохозяйственный ареал начинался к югу от города за водоразделом Большого Черемшана на его малых притоках, а также на северных водораздельных высотах за Горкинскими городищами.

Освоение территории крупных городищ (типа Кашан I) шло по пути формирования в его начале системы нескольких небольших поселков, основным занятием жителей которых было сельское хозяйство.

Таким образом, без учета сельской округи невозможно правильно понять генезис и эволюцию булгарского города, его экономическую и административную сущность.

Часть IV

Волжская Булгария: сельское хозяйство, городское ремесло и торговля

ГЛАВА 1

Сельское хозяйство. Промыслы

1. Земледелие

Наиль Халиков

Развитая экономика домонгольской Волжской Булгарии базировалась на различных отраслях, ведущее место среди которых, наряду с животноводством, ремеслами и торговлей, занимало сельское хозяйство, в первую очередь – земледелие. Ибн Русте (X в.) писал: «Булгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие» [Хвольсон, 1869, с.21]. О масштабах земледелия в Волжской Булгарии говорят и русские летописи, в частности, описывая события в суздальской земле 1024 г.: «И бе мятеж велик и глад по всей земле той... Идоша по Волзе все люди в Болгары и привезоша жито, и тако ожиша» [ПСРЛ, I, с.147]. Никоновская летопись под 1229 г. содержит еще одно известие о голоде на Руси [ПСРЛ, X, с.98]. По данным В.Н.Татищева, «Булгары возили жита по Волге и Оке во все грады русские, и продавали, и тем великую помощь сделали. Князь же болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые великий князь принял с благодарением» [Татищев, 1964, III, с.225].

Земледелие базировалось на собственных традициях, присущих болгарам еще до переселения на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу, и на использовании опыта местного земледельческого, прежде всего именьковского населения.

Во второй половине I тыс. на этой территории у племен именьковской культуры существовало пашенное земледелие с применением тягловых животных и упряжных пахотных орудий. Находки железных наконечников рала с длинной трубицей свидетельствуют, что они принадлежали орудиям без полоза с наклонным положением рабочей части, пригодным для обработки мягких аллювиальных почв речных долин.

Как и именьковцы, булгары стремились селиться на плодородных черноземных землях, преимущественно в Закамье, что говорит об их хозяйственной ориентации. Они применяли прогрессивные для того времени системы земледелия, возделывали большое число разнообразных полевых и огородных культур, использовали достаточно совершенные пахотные орудия, способы и приемы переработки и хранения урожая.

Основная территория расселения булгар в домонгольское время приходилась на Западное Закамье и Предволжье. Эти районы располагались преимущественно в лесостепной зоне с благоприятным для сельского хозяйства умеренно-континентальным климатом (средняя t° января 13–14 $^{\circ}$, июля – 19–20 $^{\circ}$; сумма t° выше 10 $^{\circ}$, т.е. вегетационный период – 2250–2270; ежегодное количество осадков – 420–470 мм). Преобладают плодородные черноземные (выщелоченные и обыкновенные, глинистые и суглинистые) почвы. Растительный покров представляют типчаковые и разнотравные степи; леса и рощи состоят из дуба и липы с примесью клена, осины, березы, вяза, ильма, сосны, а также кустарникового подлеска; по берегам рек заросли ивы [Физико-географическое..., 1964, с.116–118, 142–143, 144–148].

Уровень развития земледелия (агротехники), в первую очередь, зависел от применявшихся систем земледелия (способов восстановления плодородия почв). Судя по палеоботаническим материалам и другим косвенным признакам в домонгольской Волжской Булгарии в Западном Закамье, в междуречье Волги и Свияги господствовала залежно-переложная система земледелия.

С ней тесно были связаны орудия плужного типа, приспособленные для под-

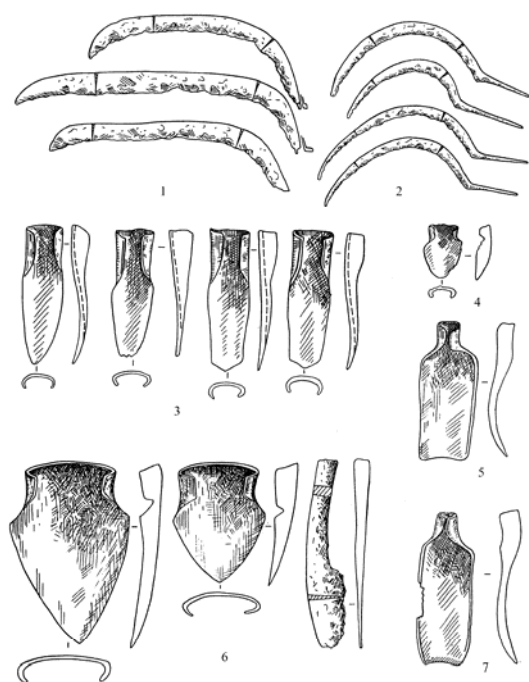
резания дернины и оборота пласта. Находки металлических частей таких плугов – лемехов и ножей-чересел достаточно хорошо известны на болгарских памятниках [Казаков, 1991, с.58, 64, рис.20, 21, 24; КБ, 1985, с.16, табл.1]. Влекли их несколько пар животных, лошадей или волов. В целом виде болгарские плуги до нас не дошли, поскольку за столетия деревянные детали не сохранились. Однако в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XIX вв. достаточно широко бытовали тяжелые деревянные плуги-сабаны, зафиксированные этнографами. Характерно, что тогда отмечалось: «До сабана особенно охочи татары». Почти полное сходство металлических частей болгарского плуга и позднего татарского сабана свидетельствует об их генетическом родстве, конструктивном и внешнем сходстве. Следует отметить и тот факт, что плуги-сабаны в лесостепной и степной зоне Поволжья и Приуралья в XVIII–XIX вв. применялись почти исключительно для подъема залежей и перелогов. А.П.Смирнов считает подобный плуг характерным для болгар. Но вызывает сильное сомнение его предположение о взаимодействии пришлыми оседающими кочевниками упряжных пахотных орудий, особенно плугов, от местных народов [Смирнов, 1951, с.84–85]. Подобные орудия знали еще болгары, о чем свидетельствует сходство наконечников плуга с памятников Волжской Булгарии и салтовомаяцкой культуры Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. Пробразом такого орудия могли быть орудия, подобные среднеазиатскому ралу «омач». В этом аспекте особенно интересна находка на Лаишевском селище небольших лемехов и чересел. Они могли принадлежать орудию типа рала [Руденко, 2001а, с.59–60]. Следовательно, процесс формирования болгаро-татарского плуга-сабана происходил, скорее всего, на Средней Волге и Нижней Каме еще на рубеже I–II тыс. Добавим, что рало, как и в славянских землях [Левашова, 1956, с.25], длительное время могло сопровождать плуг в качестве вспомогательного орудия, предназначенного для рыхления пласта.

Залежно-переложный способ восстановления плодородия почвы был характерен для оседающих кочевников, поскольку отдыхающие от распашки земли (перелого) использовались в качестве пастбищ (соче-

тание животноводства и земледелия, известное и потомкам болгар – казанским татарам Южного Приуралья).

По-иному выглядела агрокультура в плотно заселенных центральных районах Волжской Булгарии, в частности, в Западном Закамье. Для такой экстенсивной системы земледелия, как залежно-переложная, уже в домонгольское время земли, скорее всего, не хватало. Болгарские города Биляр, Булгар, Ошель и др. с близлежащими посадами были не только ремесленными и торговыми центрами, но и земледельческими районами. Такая практика, восходящая еще к традиции античных полисов, была характерна для средневековых городов Западной и Восточной Европы. Разумеется, в первую очередь сельскохозяйственными были многочисленные села, окружавшие города [Мухаметшин И., 2004, с.132]. Поэтому здесь уже в домонгольское время распространилась паровая система (вопреки мнению В.В.Туганаева, на основании анализа палеоботанических материалов (отсутствие озимой ржи, преобладание яровых сорняков), пришедшего к категоричному выводу об отсутствии паровой системы в домонгольской Булгарии [Туганаев, 1976, с.245]), скорее всего, в форме двухполюя. В условиях континентального климата практиковался севооборот яровые–пар (находки зерновок ржи на памятниках Волжской Булгарии относятся к яровым формам) [Краснов, 1987, с.221], как это часто было в Приуралье в более позднее время [Халиков Н., 1995, с.26–27].

Свидетельством распространения паровой системы служат и находки металлических сошников и полиц, поскольку соха – орудие, не приспособленное для тяжелых черноземных почв залежей, а предназначенное для обработки старопашотных почв. Простые симметричные сошники и более совершенные перовые наконечники (асимметричные?), по мнению Ю.А.Краснова [1987, с.212], появляются у болгар в конце XII – начале XIII в.; по последним данным сошники появились в крае в XI в. [Руденко, 2001а, с.58]. Они мало чем отличаются от сошников подобных орудий русских земледельцев в лесной и лесостепной полосе, откуда и могли появиться в агрокультуре болгар. В пользу последнего предположения может свидетельствовать и название сохи у поволжских татар – *сука*, явно

Железные косы (1), серпы (2), сошники (3), наральник (4), полицы (5), лемеха (6) и чересло (7) из раскопок Билярского городища

восходящее к русскому языку [Краснов, 1987, с.212–213, 217]. Впрочем, нельзя полностью исключить и самостоятельного появления такого орудия у болгар от местного бесподошвенного рала. По не лишнему основанию замечанию Д.Зеленина, между ралом и сохой усматривается прямая зависимость, свидетельством чему служит встречающееся у русских название «наральник» для сошников [Зеленин, 1908].

Булгары старопашотные поля не удобряли. Об этом говорит отсутствие хлевов и прочих построек, предназначенных для сбора навоза. Плодородие почвы поддерживалось периодическим забрасыванием пашни в краткосрочный перелог. Такая практика была хорошо известна в XVI–XIX вв. в Поволжье и Приуралье. Это т.н. «пестрополье», на первый взгляд – неупорядоченный севооборот, например: яровое–яровое–пар–яровое–перелог. Однако и здесь существовала общая схема: по мере истощения пашни и падения плодородия почвы участки забрасывали на несколько лет в перелог.

Прямых свидетельств о существовании в домонгольской Волжской Булгарии подсечно-огневой системы земледелия, существовавшей в лесных районах края и много позднее, мы не имеем. Следует лишь предполагать, что расчистка леса под пашню выжиганием деревьев или их вырубкой (подсека) все же практиковалась как способ расширения пахотных площадей. Об этом косвенно могут свидетельствовать многочисленные находки вполне совершенных лесорубных топоров. Несколько столетий спустя (начало XVII в.) в Казанском крае еще широко практиковалась и подсека, и лесной перелог [Писцовая книга, 1978].

Разнообразным (более 15 видов) был набор сельскохозяйственных культур. Булгары, кроме упомянутой яровой ржи, возделывали овес, пшеницу, полбу – пшеницу-двузернянку, ячмень, просо, горох, чечевицу, лен, коноплю. Не лишним будет отметить, что ячмень и просо – характерные культуры оседающих кочевников. Не случайно Ибн Фадлан отмечал: «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве» [Ибн Фадлан, 1956, с.136]. Также характерной культурой болгарского земледелия была полба, и позднее широко распространенная у их потомков – казанских татар (мордва, например, называет полбу «татарским хлебом») [Маркелов, 1922, с.192–193]. Она настолько вошла в культурную традицию народа, что у татар-кряшен, сохранивших много языческих пережитков, стала важным продуктом обрядовой пищи [Мухаметшин, 1977, с.36].

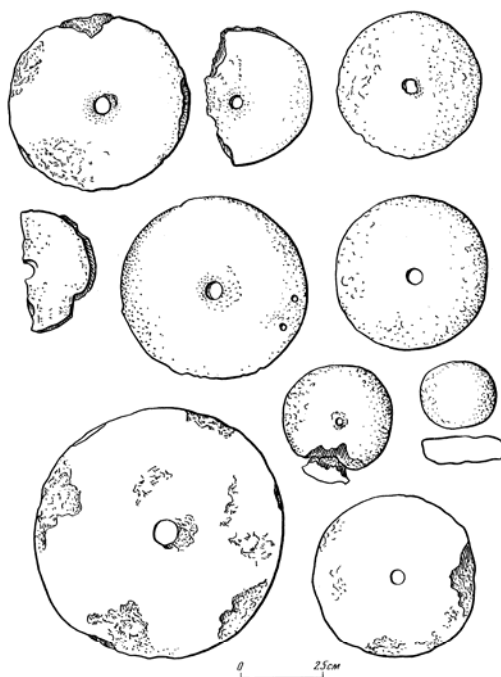
Основным орудием уборки урожая булгарам служили серпы. По форме, пропорциям и размерам они восходят к северокавказской и среднеазиатской традиции и практически в неизменном виде сохранились до XX в. (серпы кустарного изготовления). Не случайно В.П.Левашова выделила их в особый «булгарский» тип [Левашова, 1956, с.73]. Единое у всех субэтнических и территориальных групп поволжских татар название *урак* (кстати, созвучное со среднеазиатским «орок, орак») позволяет с известной определенностью считать, что близкое или тождественное название имел серп и у булгар. Для заготовки сена булгары использовали косы, аналогичные поздним косам-горбushам.

Свидетельств о кладях снопов для сушки и дозревания сжатых хлебов во времена Волжской Булгарии мы не имеем. Но, используя метод экстраполяции, можно предположить, что это были копнообразные или продолговатые клады, наподобие *чумэле*, *зурат* казанских татар XIX в., характерные и типичные именно для них. То же можно сказать и о крупных кладях для длительного хранения снопов *кибэн*. Последнее название, как и *чумэле*, в аналогичном значении широко известно в тюркском мире. О том, что форма и название *кибэн* характерны именно для татар, в XVIII столетии писали П.Рычков [1767, с.164] и И.Лепехин [1821, с.154].

По тому же принципу экстраполяции следует считать, что болгары, как и их потомки, обмолачивали хлеба способом хлестания, обивкой палкой, также копытами животных, лошадей, волов. Первые два способа вообще характерны для ранних этапов земледелия [Краснов, 1971, с.41], последний же типичен для оседающих кочевников, переходящих к земледелию; позднее он также был свойствен агрокультуре татар и народов Средней Азии и Казахстана [Халиков Н., 1995, с.95–96].

Для переработки зерна в муку и крупу применялись каменные ручные или приводимые в движение животными (может быть, водяные, наподобие поздних мутовок) стационарные ротационные мельницы, жернова от которых известны с болгарских памятников (городища Биляр, Булгар, Хулаш; Алексеевское, Русско-Урматское, Лаишевское, Мурзихинское и др. селища) [Калинин, Халиков, 1954, рис.32: 1, 2; Смирнов, 1951, табл. I, рис. 1; Йовков, 1976; КБ, 1985, табл. V]. Должно быть, бытовали и деревянные ступы, в частности, для ружения проса (напомним, что это была одна из основных сельскохозяйственных культур болгар) на пшено. Так позволяет считать и единое для всех татар и многих тюркских народов название *киле*.

Наземные хранилища урожая до нас не дошли, хотя, кажется, нет оснований отрицать их существование [Хузин, 1979, с.81 и сл.]. Возможно, в таком качестве использовались сараи, исследованные на Лаишевском селище, где обнаружены предметы хозяйственного назначения [Руденко, 2001а, с.112]. Можно с известной долей ве-

Каменные жернова из раскопок Биляра

роятности предположить, что они носили название *клеть*, поскольку позднее повсеместно и только под этим названием подобные хранилища известны у поволжских татар. Зерно в них, скорее всего, хранилось в больших керамических горшках и корчагах [Григорьева и др., 1976, с.211; Хузин, 1979, с.82, рис.33А]. Достоверно известны лишь многочисленные зерновые ямы, ямы-кладовки с обмазанными глиной обожженными стенами и погреба с укрепленными деревом стенами и перекрытием, исследованные на памятниках Волжской Булгарии [Хузин, 1979, с.69–71, 81 и сл.; 2001, с.268–274].

Болгары занимались также огородничеством и садоводством. Об этом говорят находки в раскопах зерновок овощей (огурца) и фруктов (яблони, вишни, сливы); на валах болгарских городищ до наших дней часто встречаются одичавшие яблони. По видимому, для этих целей применялись мотыги и лопаты, металлические части которых обнаружены на болгарских памятниках [Казаков, 1991, с.83–84, рис.24, 31; КБ, 1985, с.18, табл. II; Йовков, 1978].

2. Животноводство

Аида Петренко

Животноводство – одно из важнейших направлений экономики Волжской Булгарии. Основным источником для изучения вопросов истории животноводческой и охотничье-промысловой деятельности древнего населения любого региона являются археозоологические материалы из городов, селищ и могильников.

Наиболее сложным в плане освещения хозяйственной (животноводческой) и охотничье-промысловой деятельности является раннебулгарский период, т.к. основу остеологических материалов археологических памятников по этому историческому отрезку времени составляют лишь ритуальные остатки животных из могильников. В них зафиксирован ритуал захоронения человека с конем – в шкуре с головой и четырьмя ногами. Убивали его личного коня в возрасте 5–9 лет. Данный обряд свидетельствует об огромной роли лошадей, следовательно, и коневодства в жизни древнебулгарского населения, что подтверждается и письменными источниками («их пища – просо и мясо лошади», см.: [Ибн Фадлан, 1956, с.136]).

Показательны остеологические материалы из раскопок Усть-Иерусалимского поселения на территории Болгарского городища. Основу животноводства составляли крупный рогатый скот (38,0%) и лошадь (34,9%), на третьем месте были овцы (25,4%). Удивительным представляется факт полного отсутствия костных остатков домашних свиней у населения лесостепного Поволжья домусульманского периода. Не менее интересным является заметное присутствие в «кухонных» остатках с территории селища костей таких охотничье-промысловых животных, как бобр, барсук, кабан, медведь, куница, косуля, сайгак, лось. Очень мало костей птиц и рыб. И хотя охота на диких животных, по данным этого раннего селища, имела определенное значение, все же наиболее важное место в хозяйстве отводилось разведению домашних животных (98,5%).

Танкеевские раннебулгарские лошади проявляют значительное сходство с аборигенными лошадьми Западного Казахстана; при сравнении с древнерусскими лесными

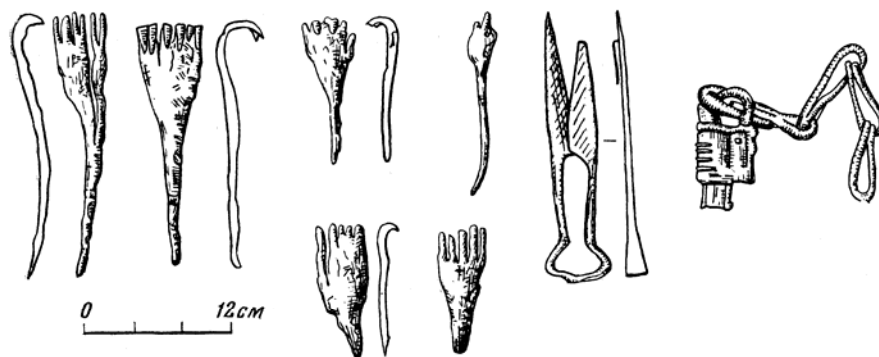
они явно отличаются по строению головы. Основная масса лошадей была представлена «средними» и «низкорослыми» группами (по классификации В.О.Витта) со средней высотой в холке $137,8 \pm 0,38$ см. Рослые с высотой в холке 144–151 см представлены в меньшинстве. По признаку «тонконогости» (классификация А.А.Браунера) в преобладающей массе лошадей бытовала группа «полутонконогих» и «среднеуголых» животных. Животные категорий «тонконогих» и «полутолстоногих» были редкостью.

В X в. у волжских болгар возникают крупные города Биляр, Сувар, Булгар, Джукетау, Ошель и город на Самарской Луке, известный в литературе под названием Муромский городок. Из культурного слоя этих городов мы имеем диагностированные остеологические материалы, представляющие собой «кухонные» остатки.

Остеологический материал из Муромского городка позволяет утверждать, что основными домашними животными в стадах были овцы, козы, которые по поголовью составляли до 80%. Второе место по числу животных отводилось крупному рогатому скоту (около 11%). Содержание лошадей не превышает 5%. Кроме того, почти на всех раскопах были зафиксированы единичные кости домашнего верблюда. Появление этого вида животного в Среднем Поволжье относится еще к периоду обитания здесь именьковских племен (V–VII вв.) и, вероятно, было связано с постоянными торговыми караванами с Востока.

Отсутствие костей свиньи в «кухонных» остатках оседлого населения объясняется принятием в Волжской Булгарии мусульманской религии (922 г.), вводившей запрет на употребление в пищу мяса этого вида домашнего животного.

Овцы широко использовались в хозяйствах как для мясного питания, так и для получения шерсти и шкур, о чем свидетельствуют находки в археологических материалах пружинных ножниц для стрижки. Сравнительно низкий процент числа костей лошади позволяет предположить уменьшение ее роли в мясном рационе питания населения по сравнению с раннебул-

Железные скребницы, ножницы и путы из раскопок Биляра

гарским периодом по причине усиления разностороннего применения лошадей в хозяйственной и военной жизни. Лошадь становится, после быков и волов, основной тягловой силой при обработке земли, усиливается ее роль как верхового животного. Osteологический материал свидетельствует о ведущей роли животноводства и весьма скромном удельном весе охоты в экономической жизни волжских булгар, несмотря на то, что Самарская Лука с ее лесами до настоящего времени отличается богатством охотничье-промысловой фауны.

Значительно большую роль, чем охота, играло рыболовство, о чем свидетельствуют значительные находки костей рыб и в основном маргинальных лучей осетровых весьма значительных размеров.

Osteологические коллекции из Биляра, домонгольской столицы Волжской Булгарии, являются основным фактическим материалом, позволяющим нам говорить о характере животноводческой деятельности лесостепного населения Булгарского государства X – начала XIII в.

Охотничье-промысловые виды животных, встреченных в материалах раскопок, представлены костями бобра, куницы, лисы, зайца, волка, кабана, северного оленя и лося. Однако перечисленные виды не отличаются обилием количества представляющих их костей. Это заставляет говорить о малом значении продуктов охоты в жизни городского населения. Тем не менее существуют известные по письменным источникам достоверные сведения о широком экспорте пушнины из Волжской Булгарии. Эти противоречивые данные находят объяснение в том, что в действительности городское население Биляра не увлекалось непосредственно охотой на пушных

зверьков, а получало их от более северных народов в виде продуктов обмена.

Соотношение между дикими и домашними видами по количеству костей и особей свидетельствует о том, что охота сильно уступала по значению животноводству, составлявшему вместе с земледелием, а также ремеслом и торговлей основу экономической жизни государства.

Основным продуктом мясного питания биларцев следует признать крупный рогатый скот, т.к. выход говяжьего мяса от каждой забитой коровы в среднем в 9 раз (в весовом отношении) больше, чем от овцы. Поэтому, говоря о некотором преобладании процентных данных по особям мелкого рогатого скота, мы можем говорить о большем количестве забитых голов овец, но не о большем значении их в питании населения города.

Число забитых голов лошадей и возрастные анализы на костных остатках свидетельствуют о том, что этот вид животного редко употреблялся в пищу мусульманским населением, а находил основное использование в хозяйственной и военной жизни.

Следует отметить немногочисленные кости домашней свиньи. Она не являлась объектом разведения на территории города и даже его округи, а представляла собой, в данном случае, специально привезенный продукт питания, а также одно из дополнительных свидетельств присутствия среди мусульманского городского населения незначительной части славян-ремесленников [Хузин, 1979, с.78–79].

Постоянные находки костей верблюда, несомненно, использованного в пищу биларской знатью, являются достоверным подтверждением широких торговых связей города со странами Причерноморья

и Средней Азии, откуда и прибывали многочисленные караваны этих животных.

Данные морфологических исследований подтверждают ранее высказанные суждения о бытовании в животноводческом хозяйстве болгар лошадей «степного» типа, а также крупных пород овец, не имеющих себе аналогий на всей территории Среднего Поволжья.

Новые краниологические материалы позволяют выделить среди имеющейся серии пястных костей крупного рогатого скота костные остатки волов, кроме ранее отмеченных особей коров и быков. Серийные промеры костей крупного рогатого скота дают основание предполагать наличие двух породных групп этого вида животных. Первая группа – значительно меньшая по росту, тонкокостная, с относительно меньшими размерами обхвата основания стержней рогов и их длины. Другая, количественно преобладающая группа, с длинными массивными рогами, с высотой в холке до 135 см, более грубокостного примитивного типа, имеет достоверное сходство с крупным рогатым скотом из памятников хорезмийского средневековья, Киевской Руси и скифского Причерноморья эпохи раннего железа.

Имеющиеся на сегодня немногочисленные письменные источники позволяют нам несколько расширить представления о породных особенностях болгарских лошадей.

Известный исследователь аборигенных пород лошадей Ю.Н.Барминцев в обобщающем труде по эволюции конских пород обобщил материалы по истории коневодства Казахстана VI–XII вв. Он приводит остеологические и краниологические материалы из археологических памятников Илийской долины и Талды-Курганской области, показывающие, какими были рядовые лошади тюрок [Барминцев, 1958, с.21]. Все эти данные воспроизводят точную копию раннебулгарских (танкеевских) лошадей высотой в холке 136–140 см, широколобых, средней костистости. Такими, отмечает автор, были лошади до походов Чингис-хана. «Лошади, приближавшиеся к «южному» типу в этот период исчезли под воздействием факторов, связанных с завоеванием монголов. Наряду с этим происходит распространение лошадей «степного» типа, приспособленных к круглогодичному пастбищному содержанию. Лошади такого типа преобладали

на территории Казахстана в течение последующих шести веков» [Барминцев, 1958, с.33]. Учитывая все вышеотмеченное, а также данные остеологических исследований, следует, что основным типом болгарских лошадей были кони с головой средних размеров, обычно с прямым профилем, с очень подвижными ушами разнообразной формы и величины. Однако, несмотря на средние размеры, голова их кажется тяжелой за счет массивности ганаши. Последний признак был связан с грубой растительной пищей с высоким содержанием клетчатки, для переваривания которой необходима мощная зубная система и хорошо развитая жевательная мускулатура. Шея ее отличается «оленьей» формой. Длина шеи небольшая и связана с относительной низконогостью лошади. Средняя высота в холке чаще в интервалах 136–142 см. Задние ноги лошади с характерной «саблистостью». Движения лошадей отличались мягкостью, эластичностью, чему способствовало сравнительно косое плечо, значительная согнутость ноги в скакательном суставе и достаточный наклон бабок, с прочными копытами. Одним из значительных практических рефлексов была способность тебеневки – разгребания снега для добычи корма. Вероятные условия табунного содержания, использование лошадей для поездок на большие расстояния, увлечение населения конно-спортивными состязаниями вырабатывали у лошадей выносливость в работе и высокую резвость в скоростных пробегах и скачках на большие расстояния. При постоянных условиях кормления и содержания из поколения в поколение породные качества этих лошадей «степного» типа устойчиво сохранялись. Однако при изменении условий содержания и кормления качество лошадей менялось уже в течение первых двух – трех поколений.

Постоянный приток на болгарские базары коней из регионов Средней Азии способствовал процессу пороодообразования и постоянного прилития свежей крови высокопородистых животных, чем объясняются хотя и немногочисленные, но достоверные находки в раскопках лошадей более высоких породных достоинств с высотой в холке около 150 см. Отмеченное нами значительное разнообразие болгарских лошадей может объясняться следующим:

во-первых, Волжская Булгария была полиэтничным государством. Позднее, когда многие этнические особенности исчезли, могли сохраниться какие-то специфические традиции в коневодстве;

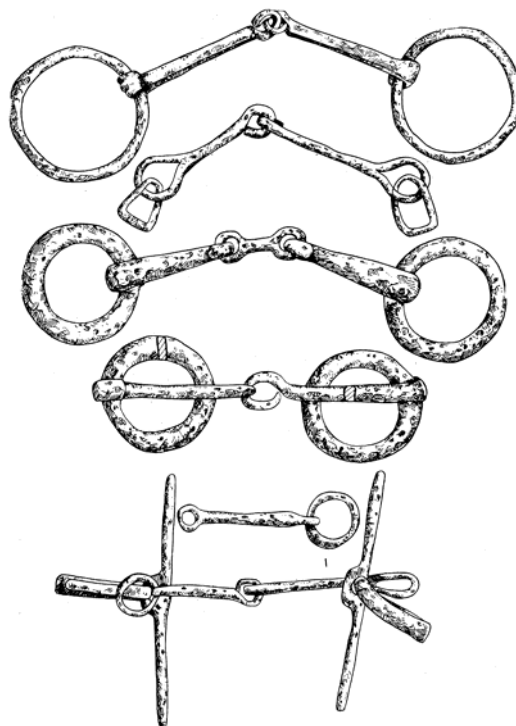
во-вторых, Волжская Булгария была государством со сложной социальной структурой, которая отразилась на многих особенностях хозяйственной жизни, в том числе и на коневодстве. Знать, богатые люди имели возможность приобретать и содержать лучшие породы коней. Рядовое население располагало, как видно, более мелкими, хотя и очень выносливыми лошадьми;

в-третьих, Волжская Булгария вела значительную торговлю не только с населением соседних территорий, но и Кавказа, Средней Азии, Китая, Индии. В результате этого происходил постоянный приток на Среднюю Волгу лошадей не только типа «степной» казахской породы, но и улучшенных азиатских, которые, несомненно, не попадали в «кухонные» остатки.

В материалах из домонгольского слоя III городища Джукетау средний процент по присутствию остатков крупного рогатого скота большой – около 49,0%, мелкий рогатый скот – 31,8% и лошади около 19,2%.

Большая часть мяса, употребляемого в пищу населением Джукетау как в домонгольское, так и в золотоордынское время, принадлежала крупному рогатому скоту, т.е. население предпочитало говядину. И, учитывая этот же фактор, следует сказать, что на втором месте по значимости в питании была конина, а лишь затем баранина. Однако поголовье овец, убитых на мясо, несомненно, преобладало над поголовьем лошадей во всех слоях городища.

Не менее интересные данные были получены при видовом анализе остеологического материала по возрастному признаку, которые позволяют предполагать, что значительная часть основной мясной продукции поступала из близлежащей сельской округи, где было значительным поголовье крупного рогатого скота. Причем использовался он как мясной скот и в этом случае шел на убой в возрасте до 2 лет. Другая группа забивалась после использования в хозяйстве для молочных целей. Старых особей в «кухонных» остатках не встречено. Имеющиеся данные по материалам использования в хозяйстве города Биляра быков и волов [Петренко, 1979] и отсутствия таковых данных в Джукетау не позво-

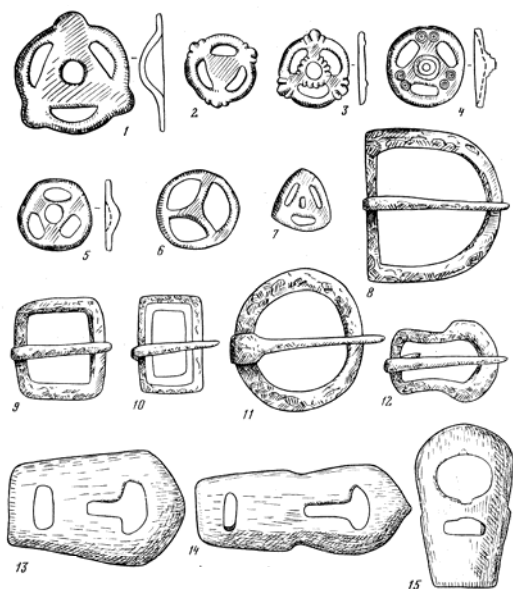

Железные удила из раскопок Биляра

ляют свидетельствовать о том, что в округе скот не использовался в рабочих целях. Просто мясо рабочего скота, вероятно, не являлось предметом поставки на продажу в этот город. Мясо овец в большинстве получали от животных в возрасте до 1 года или 1–2 лет. Но наличие костей от животных старше 2-х лет позволяет говорить о разведении этого вида и для получения шерсти, а не только в мясных целях.

Костные остатки от лошадей принадлежат, в основном, молодым животным, т.к. в город поставлялась конина высокого качества. Старые особи, несомненно, были, но они оставались в «остатках» сельских территорий.

На основании взятых промеров на костях удовлетворительной сохранности, имеющих сросшиеся эпифизы с диафизом, были получены некоторые данные в плане породной морфологии. На территории городища Джукетау была обнаружена пястная кость крупного рогатого скота с наибольшей длиной, равной 210,0 мм и наименьшей шириной диафиза 35,0 мм. При пересчете этих показателей была получена величина высоты в холке коровы, равная 125 см. Измеренная наибольшая длина таковых костей 60,0–65,0 мм.

Бронзовые бляхи для соединения ремней оголовья (1–7), железные (8–12) и костяные (13–15) подружные пряжки из раскопок Биляра

Промеры на костях метаподий (пясть, плюсна) засвидетельствовали факт содержания коров и быков в западном посаде Джукетау (на Донауровском селище) животных с высотой в холке 115,1–121 см.

При сравнении вышеуказанных данных с аналогичными промерами скота из городов Древней Руси и Волжской Булгарии отмечается сходство скота Булгара со скотом Джукетау, с одной стороны, а с другой – существенные различия его по высоте с древнерусским «лесным», т.к. у основной массы особей древнерусского скота рост в холке варьировался от 95 до 105 см и лишь в очень редких случаях встречались экземпляры ростом более 110 см [Цалкин, 1956]. Среди скота Булгара и Джукетау не встречены особи менее 95 см роста, что было обычным для древнерусского «лесного» скота. Более того, основная часть скота Булгара и Джукетау в среднем составляла около 110 см, а некоторых животных – 125 см, что свидетельствует о весьма существенных различиях и объясняется рядом причин. Главные среди них – более внимательный подход к разностороннему разведению и содержанию, использованию этого сельскохозяйственного вида животных у булгарского населения, а также постоянные и более частые торговые связи булгар-

ского населения лесостепи с южными кочевниками, в стадах которых разводился более крупный и грубокостный скот.

В материалах раскопок как ранних, так и более поздних лет были обнаружены необходимые для морфологических породных исследований кости лошадей. Известные намечающиеся различия между лошадьми Джукетау, Булгара и древнерусскими лошадьми особенно показательны при сопоставлении данных промеров пястных костей. Так, среди лошадей Булгара наиболее обычны экземпляры с относительной шириной диафиза от 14,5 до 16,5%, среди лошадей Донауровского селища – от 15,2 до 17,2%. У лошадей лесной зоны Древней Руси хотя и встречаются вышеуказанные особи животных, но среди них попадаются экземпляры с относительной шириной диафиза менее 13,5%, каких не встречено в памятниках Волжской Булгарии в целом, т.е. «крайнетонконогих». Основное поголовье лошадей Волжской Булгарии составляли «средненогоие» и «полутонконогие» животные с высотой в холке (по В.О.Витту) 135–137 см.

Среди костных остатков мелкого рогатого скота удалось взять промеры на пястных костях, которые имеют длину 141 и 134 мм и позволяют свидетельствовать о высоте в холке овец, равной 65 и 69 см. Эти данные практически несопоставимы с данными роста овец, разводившихся в X–XVI вв. в лесных районах Древней Руси, т.к. верхние пределы их изменчивости идентичны промерам костей, соответствующих нижним пределам их у булгарских овец. Это является подтверждением того, что население Волжской Булгарии содержало и разводило в своих хозяйствах гораздо более крупных овец, чем древнерусское население, которые были ближе всего к современным аборигенным туркменским овцам. Изучая фрагменты длинных трубчатых костей еще возможно предположить, что золотоордынские овцы Джукетау были и более ширококостными, чем те же древнерусские лесные, что свидетельствует о более активных и тесных торговых связях и товарном обмене золотоордынского населения Волжской Булгарии с южными регионами.

Кости сайги (обломок метаподии, стержень рога) от одной особи свидетельствуют о том, что еще сравнительно недавно на территории Среднего Поволжья, на его

остепенных участках обитали эти дикие животные, являвшиеся объектом охоты.

Поскольку состав «кухонных» остатков из Джукетау свидетельствует о традиционной мясной пище населения, косвенно мы можем сравнивать идентичные данные с другими средневековыми городами леса, лесостепья и степи Поволжья.

В остеологических материалах, диагностированных нами за последние десятилетия, а также в публикациях ученых имеются интересные данные, которые позволяют сопоставить исследованный материал из Джукетау с археозоологическими коллекциями, полученными из северных финно-угорских средневековых городищ.

Так, среди памятников северных таежных районов Прикамья наиболее богаты костными остатками являются городища Анюшкар (Кыласово), оставленное финно-угорским населением родановской культуры и датированное В.А.Обориным X–XIV вв. [Андреева, Петренко, 1976, с.150]. Зафиксированные среди остеологических материалов диких видов значительные находки остатков охотничье-промысловой фауны (42%) подчеркивают тем самым особую роль в жизни городища, с одной стороны, таких животных, как лось (20,7%), северный олень (12,6%), бобр (32%), косуля (5,7%), кабан (3,5%), заяц (2,3%), а с другой – являются свидетельством активной занятости населения охотой и не только ради получения мясных продуктов, но и пушнины, которая была главным экспортом на базары волжских болгар и юга.

Среди остатков от домашних животных, составляющих 57,1% от всего диагностированного материала костей, преобладали остатки крупного рогатого скота (37,6%) и лошадей (32,5%). Кости свиньи составили 12,8%, а овцы – 10,9%. Крупный рогатый скот был однородным в породном смысле и с небольшой высотой в холке (не более 105 см).

Не менее интересными в плане сравнения представляются археозоологические материалы из другого финно-угорского памятника, расположенного в северной таежной зоне Прикамья, но ближе к болгарскому городищу Джукетау и Волжской Булгарии в целом. Это городище Иднакар IX–XIII вв., исследованное М.Г.Ивановой в Удмуртии.

Несмотря на значительность диагностированных материалов (6877 костей от 549 особей), среди домашних видов в целом

составляющих 5291 номер кости от 256 особей, фрагменты остатков домашней свиньи единичны и составляют всего 7 костей от 4 особей. В процентном соотношении остатки дикой охотничье-промысловой фауны по отношению к домашним видам животных по количеству особей составляют 53,4%, среди которых бобр занимает 65,2%, лось – 13%, северный олень – 7,8%, заяц – 4,4%.

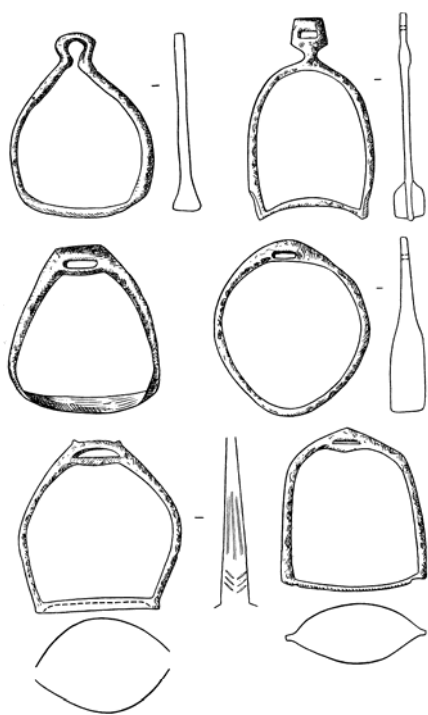
В остеологических материалах домашних видов в преобладающем большинстве, как и в северном Анюшкаре, крупный рогатый скот – 49,2% и лошадь – 30,1%.

Небольшая дробленость (1/3) костных остатков из городища Иднакар позволила представить некоторые особенности в породном отношении домашних видов, а данные промеров свидетельствуют о том, что в стадах крупного рогатого скота пригородов Иднакара преобладал комолый, сравнительно короткорогий скот с ростом в холке 103,5–118,4 см. И в этом плане представлялись интересными данные по лесному древнерусскому скоту с особенно мелкими размерами костей из раскопок Гродно и более крупными – из городов Старая Ладога и Старая Рязань, близкими по породным морфологическим показателям с Иднакаром.

Мелкий рогатый скот из Иднакара как по краниологическим признакам, так и по трубчатым костям также представлен сравнительно более мелкими особями, чем болгарские овцы, т.к. их высота в холке составляет 63,5–66,4 см (минимальные величины для крупных домонгольских билярских овец). Таким образом, эти данные, полученные из Иднакара, позволяют свидетельствовать о том, что для этих регионов (Анюшкар, древнерусские города) было характерно наличие в стадах еще более мелких овец.

Не менее интересными представляются исследования лошадей Иднакара, где нами были обнаружены остеологические остатки как довольно мелких особей с высотой в холке около 129 см, так и достаточно рослых – около 146 см. Однако процент «низкорослых» лошадей был более значительным (62,9%), нежели «средних по росту». Обращает на себя внимание тот факт, что в городах Волжской Булгарии (в т.ч. в Биляре, Булгаре, Джукетау), в более южных районах (Муромский городок) подобные «мелкие» лошади не встречены вообще.

В плане сопоставления морфологических видовых и породных данных сельско-

Железные стремена из раскопок Биляра

хозяйственных животных волжских болгар не меньший интерес представляет сравнение их с южным скотом. Основное поголовье лошадей древнего Хорезма (с высотой в холке от 128 до 144 см) принадлежало животным, очень близким по размерам к пропорциям, бытовавшим среди скифско-сарматских, древнерусских, болгарских лошадей, несмотря на то, что среди них в меньших количествах были костные остатки дорогих и редких пород – ахалтекинских и йомудских.

Размеры хорезмийских овец из средневекового Куня-Ургенча и Топрак-Кала характеризуются также очень широкой степенью изменчивости высоты в холке – от 54,3 до 81,5 см, хотя овцы ниже 55 и выше 80 см в холке были редкостью. Основное поголовье имело размеры около 70 см, близкое к двум группам с территории современной Каракалпакии – курдючным и каракульским овцам.

По поводу породных особенностей крупного рогатого скота Древнего Хорезма известно, что в пределах Восточной Европы периода средневековья не было «скота, который имел бы столь же крупные размеры, как хорезмийский» [Цалкин, 1966, с.119]. В составе его популяции имелись

волы, использовавшиеся прежде всего на сельскохозяйственных работах.

Обращают на себя внимание данные сопоставлений видовой морфологии хорезмийского и болгарского скота. Направленность животноводческих хозяйств в памятниках II тыс. н.э. Южного Хорезма идентична золотоордынскому городу Булгару. Основной мясной питания этих городов была баранина (80,3%), в меньших объемах говядина и конина (7,8% и 3,0%). Изредка в пищу употреблялось мясо верблюда. Свинина в мясном рационе населения отсутствует.

Представленный анализ обширных археозоологических материалов из болгарских городов в сравнении с северными финно-угорскими и древнерусскими лесными с одной стороны, а с другой – с тюркскими южными (в том числе кочевыми) позволяет сделать следующие выводы.

Представленные остеологические материалы можно рассматривать с нескольких сторон: как историю мясного питания населения средневековых городов, историю животноводства и охоты сельских пригородов, историю взаимовлияния и торговли. И все это, несомненно, взаимосвязано между собой и с природой регионов.

Хозяйство большинства пригородов всех рассмотренных средневековых городов носило смешанный характер. Кроме земледелия и животноводства, их население занималось охотой. Причем значение тех или иных отраслей хозяйства у различных народов было различно.

Широкое распространение охотничий промысел имел у средневекового финно-угорского населения таежной лесной полосы, а продукты пушного промысла были главным экспортом на базары городов Волжской Булгарии, у населения которой значение охоты было весьма ограничено.

Основными сельскохозяйственными домашними животными были крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Свины широко разводились лишь в пригородах северного финно-угорского Анюшкара и древнерусских городов. Даже в финно-угорском Иднакаре остатки этого вида единичны, что свидетельствует о сильном влиянии болгарского населения, исповедовавшего ислам, с чем был связан запрет на употребление в пищу свинины и, соответственно, на содержание этих животных в хозяйстве.

3. Промыслы

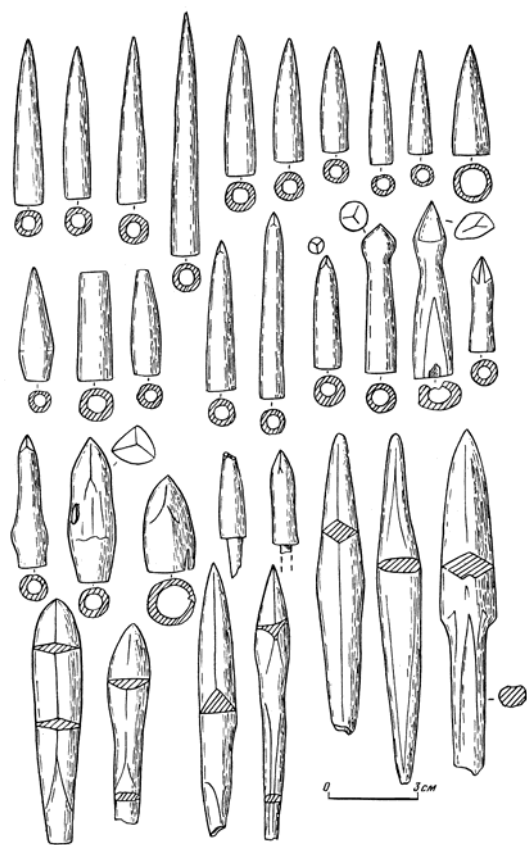
Наиль Халиков

Определенное место среди занятий населения Булгарии играли охота и рыболовство, о чем свидетельствуют археологические находки деталей орудий и принадлежностей этих промыслов. Поскольку многие из них обнаружены на территории Биляра, Булгара, Суvara и т.д., очевидно, что рыболовством и охотой занимались не только сельские жители или обитатели периферии государства, но и горожане (как это было в истории и много позднее).

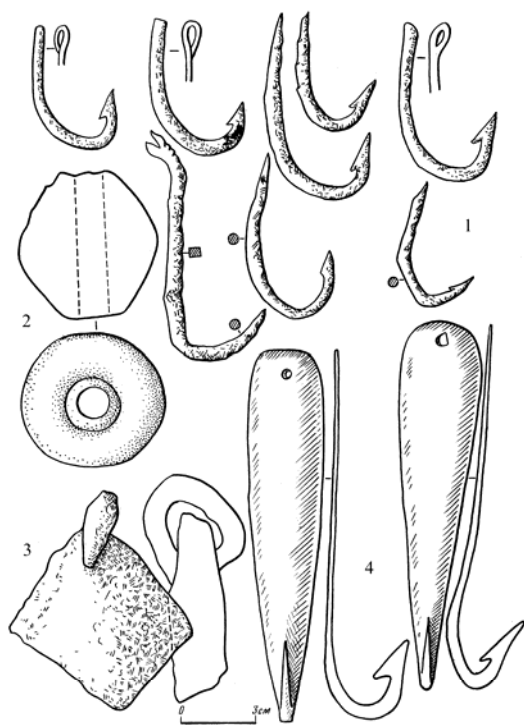
Охота имела мясное и пушное направления. Но, судя по малому количеству находок костей диких животных (лося, оленя, кабана, зайца, соболя, куницы, бобра, выдры, лисицы, белки) на городищах Среднего Поволжья и Прикамья, этим промыслом

занимались преимущественно жители сельской местности, окраинных слабозаселенных территорий. Возможности для этого были: ал-Марвази сообщает, что в булгарской земле «...водятся в чащах их ценные мехом звери, как-то: белки, соболь и другие» [Заходер, 1967, с.39]. Не случайно даже в раскопках городов (Биляра, например) имеются довольно многочисленные находки специализированных костяных наконечников стрел – томаров, предназначенных для охоты на пушных зверей, особенно на белку [КБ, 1985, с.33]. Впрочем, преувеличивать значение охоты для горожан нет оснований [Петренко, 1999, с.138]. Из Булгарии в Хазарию, на Арабский Восток, в Среднюю Азию, Византию в значительном количестве экспортировались меха, вывезенные из буртасских и северных, соседних с Булгарией, земель. Так, на городище Индакар (на р. Чепце, притоке р. Вятки) число костных остатков диких животных превышает количество особей домашнего скота, а среди диких 65% занимают кости бобра [Петренко, 1984, с.135].

Охота у булгар, ее способы и приемы, скорее всего, носили «степной» характер: не устройство стационарных ловушек (ям, петель, силков, капканов и т.д.), как в лесной зоне, а были активными, с использованием лошадей, собак, ловчих соколов. Последние, кстати, под названием «барсы», экспортировались на Восток. Широко применялась облавная и загонная охота. Впрочем, нельзя исключать и применения пассивных способов добычи зверя и птицы, широко распространенных среди финно-угорских народов края: использования петель, силков, капканов на пушного зверя (типа «клепцов» и т.п.), сетей-тенет, возможно – ловчих ям и т.д. Не случайно, несколько столетий позднее (рубеж XVI–XVII вв.) в Среднем Поволжье многочисленны упоминания «бобровых гонов», принадлежавших татарам.

Костяные наконечники стрел
из раскопок Биляра

Железные крючки (1), глиняные (2) и железные (3) грузила, бронзовые блесны (4) из раскопок Биляра

Заметное место в экономике занимало рыболовство. В хозяйственных ямах болгарских памятников обнаружено большое количество чешуи и рыбных костей, особенно осетровых, сомов, судаков [Казаков, 1991, с.89; Хузин, 1980, с.76, 88 и др.]. Сушеная и вяленая рыба, рыбий клей были

предметами болгарского экспорта [Фахрутдинов, 1984, с.36].

Применялись различные способы и орудия добычи рыбы. Практиковалось, как это было и в добулгарское время, рыболовство с применением сетей и неводов, свидетельством чему являются находки глиняных и каменных грузил. С большой вероятностью можно предполагать существование на небольших реках запорного рыболовства – устройства заколов (езы), а также применение плетеных ловушек (морды, вентери), как это широко практиковалось в крае позднее. Крупные крючки применялись для донной ловли и сооружения переметов. Бронзовые, свинцовые блесны предназначались для ловли крупной хищной рыбы. Судя по находкам наконечников острог [Казаков, 1991, рис.20], применялся и этот издавна распространенный в крае способ добычи рыбы.

Пчеловодство было довольно характерным для болгар, а мед и воск были одними из важных статей экспорта. Ибн Фадлан отмечал, что «в их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются для сбора этого» [Ибн Фадлан, 1956, с.138]. О развитии бортничества у болгар могут косвенно свидетельствовать находки наконечников тесел, предназначенных для расширения старых бортей и устройства новых. Не случайно позднее исследователями неоднократно отмечалось особое отношение поволжских татар к пчеловодству; а мед входил в состав ритуального «бал-май».

ГЛАВА 2

Ремесло: организация производства и продукция ремесленников

Письменные источники не содержат прямых сведений о городских ремеслах. О них мы можем судить исключительно на основе археологических материалов. Открытые при раскопках городов остатки производственных объектов (металлургические и гончарные горны, кузнечные, ювелирные, косторезные мастерские и т.д.), многочисленный ремесленный инструментарий, отходы производства (например, железный и стеклянный шлак), полуфабрикаты и, наконец, разные категории готовой продукции, исчисляемой многими сотнями и тысячами образцов, дают возможность представить в общих чертах уровень развития основных отраслей ремесла. Применение при изучении некоторых ремесел современных аналитических методов – металлографии, спектроскопии, химического и структурного анализов с широким использованием данных стратиграфии и хронологии археологических объектов намного расширили наши представления о технологии производства болгарских ремесленников.

1. Черная металлургия и кузнечное дело

Юрий Семькин

Черная металлургия и кузнечное производство – важнейшие отрасли ремесла в древних и средневековых обществах. От уровня их развития напрямую зависело состояние других отраслей хозяйства и общественной жизни: земледелия и скотоводства, различных промыслов и ремесел, военного дела и обороноспособности общества.

Из письменных источников, оставленных в основном арабскими путешественниками и географами, следует, что в домонгольский период железообработка Волжской Булгарии достигла весьма высокого уровня развития. Источники сообщают об импортной торговле болгар предметами вооружения из черного металла. Так, по сведениям ал-Мукаддаси, из Волжской Булгарии, наряду с другими продуктами экспорта, вывозили вооружение и кольчуги. Весьма интересно сообщение Ибн Фадлана о ввозе черного металла в Волжскую Булгарию из Хорезма в начале X в. [Ибн Фадлан, 1956, с.123]. Этот факт может говорить о некотором дефиците качественного черного металла (высокоуглеродистой стали), который в начале своего становления испытывало молодое Булгарское государство.

Металлургия железа с самого начала ее освоения человечеством являлась одной

из наиболее сложных и таинственных отраслей общественного производства. Работы, связанные с металлургией железа, включают в себя ряд самостоятельных операций: 1) разведку и добычу железной руды; 2) заготовку топлива – рубку дров и выжигание древесного угля; 3) изготовление металлургического горна, его сушку и обжиг; 4) разжигание и протапливание горна, его загрузку углем и рудой (шихтой); 5) регулирование подачи воздуха и слежение за протеканием сыродутного металлургического процесса; 6) извлечение из горнового пространства образовавшейся крицы, ее первичная проковка с целью уплотнения железа и выжимания из нее шлаков.

Сыродутный процесс прямого восстановления железа из руд был одним из выдающихся достижений человека. В рабочем пространстве сыродутного металлургического горна протекали два одновременных процесса. Руда (окись железа) при высокой температуре и под воздействием окиси углерода, выделяющейся из древесного угля, восстанавливается до металлургического железа. Одновременно пустая порода руды превращается в жидкий шлак и отделяется от восстанавливающегося железа [Колчин, Круг, 1965].

В ходе металлургического процесса предварительно обогащенную руду загружали в прогретый горн на слой горящих углей и мехами нагнетали воздух внутрь печи через специальное отверстие в «груди» горна. В металлургической практике древности и средневековья существовали горны без выпуска и с выпуском шлака. Воздух, необходимый для протекания металлургического процесса, мог попадать в горн естественной тягой, либо искусственным его нагнетанием мехами. В горнах с разными режимами работы (без выпуска и с выпуском шлака) образовывались либо металлургический конгломерат (смесь восстановленного железа и ошлакованной породы), либо пористая железная крица, состоящая из железа и некоторого количества шлаков и неметаллического железа. Полуценную в ходе восстановления железа продукцию после извлечения из горна для дальнейшего применения в кузнечном производстве необходимо было дополнительно уплотнить – проковать. Эта операция была самостоятельной, требовала нескольких новых высокотемпературных нагревов крицы в кузнечном горне, наличия кузнечного оборудования и инструментария.

Основным сырьем для черной металлургии Волжской Булгарии, как и повсюду в средневековье, были болотные, озерные и луговые руды. Это положение подтверждается химическими анализами железных металлургических шлаков с повышенным содержанием фосфора (от 2 до 5%) [Ефимова, 1958, с.159]. Не исключена возможность использования бурых и красных железняков. По данным геологических разведок Среднего Поволжья и Прикамья, еще в довоенные годы здесь были выявлены месторождения болотных руд [Батыр, Трофимчук, 1932]. В настоящее время выходы болотных и луговых руд известны на территории Ульяновской области и Татарстана.

В древности и средневековье металлурги Средневолжского региона использовали в производстве и другие виды железорудного сырья, встречающегося в береговых обнажениях Волги. Однако из-за отсутствия археологических материалов сейчас мы не можем достоверно сказать, какие

конкретные месторождения и выходы железных руд разрабатывались средневековыми металлургами Булгарии. Можно полагать, что выходы бурых железняков в их различных вариантах разрабатывались не шахтовым способом, а сбором руды из под дерна или из береговых обнажений, со дна болот и торфяников.

Добыча болотной руды производилась, в основном, в зимнее время, через проруби во льду болотистых водоемов. Луговые руды разрабатывались в теплое время года. Линзы такой руды и до настоящего времени залегают в земле слоями до 30 см толщиной. В средневековье ее выкапывали с помощью острой пещни и лопаты. Добытую руду перед восстановлением железа обогащали, промывая, а затем обжигая на кострах [Рыбаков, 1948, с.125]. При этом руда теряла значительное количество кремнезема и влаги. На Муромском городке обнаружены специальные жаровни для просушивания руды.

По предположению А.В.Королева и Т.А.Хлебниковой, болгарские металлурги могли также использовать привозные никелевые руды Южного Урала в качестве легирующих добавок для получения качественной стали [Королев, Хлебникова, 1961, с.160]. Однако кажется маловероятным, чтобы средневековые металлурги могли осуществлять легирование стали в условиях сыродутного процесса восстановления железа. Присутствие никеля в некоторых кузнечных изделиях может иметь родное происхождение.

В качестве топлива применяли древесный уголь. Об этом свидетельствуют вкрапления угольков в металлургических шлаках и крицах, а также находки углежогных ям на болгарских памятниках. Лесные богатства региона создавали благоприятные условия для выжигания древесного угля. Выжигали его в специальных ямах или в штабелях, ограничивая и регулируя доступ воздуха. Примерно за двое суток происходило образование высококалорийного топлива. В Муромском городке на Самарской Луке была открыта углежогная яма. Выход угля при ямном способе составлял 30–33%, а по весу не выше 12% от первоначального веса дров. Б.А.Колчин считал, что при проведении сыродутного процесса

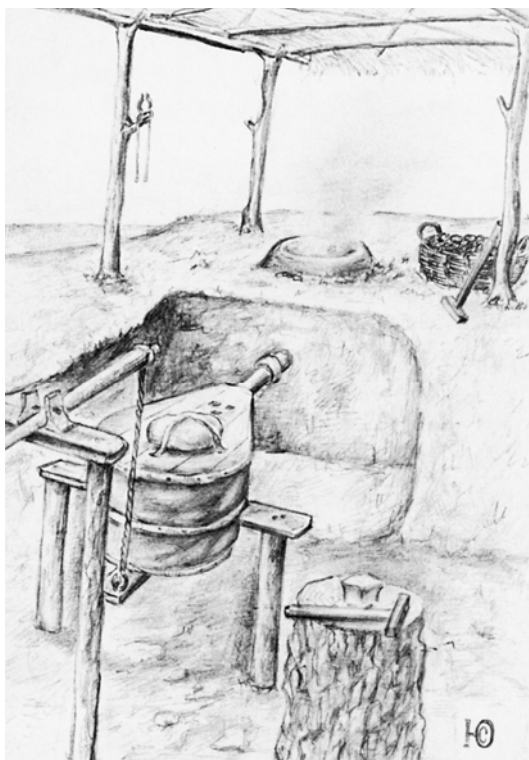
отношение количества угля к весу крицы достигало 8–10-кратности [Колчин, 1953, с.40].

Кроме руды и топлива, одним из важных компонентов процесса восстановления железа являлись флюсы, которые служили для образования легкоплавких соединений в рабочем пространстве горна и понижения температуры плавления шлаков. В качестве флюсов обычно использовали известь и кости. Об использовании флюсов в черной металлургии булгар свидетельствуют химические анализы железных шлаков из Булгара [Ефимова, 1958, с.162].

С проникновением булгар в Среднее Поволжье начинается освоение ими природных богатств региона. Металлурги Хазарского каганата, в составе которого жили булгары до их переселения на Волгу, знали различные приемы добычи железа, кузнечная обработка опиралась на развитое железоделательное производство [Толмачева, 1989, с.149]. Булгарские металлурги салтово-маяцкой культуры эксплуатировали горны ямного типа с искусственным дутьем [Колода, 1992]. Горны такого типа встречаются и на некоторых памятниках раннедомонгольского времени, например, в Хулаше [Каховский, Смирнов, 1972].

Ученые полагают, что кочевые объединения ранних булгар Среднего Поволжья в основном использовали изделия из черного металла, произведенные в крупных металлургических и железообрабатывающих центрах Хазарского каганата [Толмачева, 1989]. Об этом свидетельствует технологическое сходство изготовления многих категорий кузнечной продукции. В то же время в кочевых группах ранних булгар были мастера-кузнецы, производившие текущий ремонт поломанных изделий из черного металла и выполнявшие в условиях временно организованных кузниц небольшие заказы. Для этих целей требовались наковаленки, молотки, клещи, напильники, находимые при раскопках могильников.

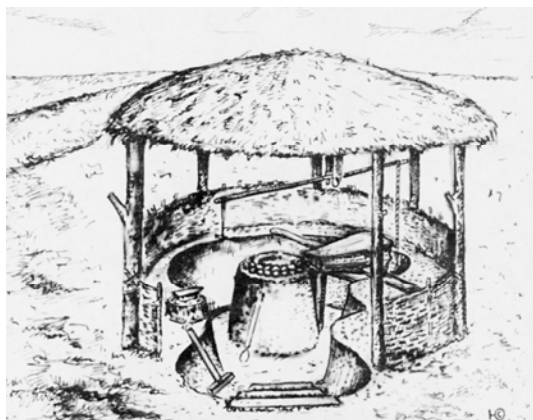
Технология изготовления кузнечной продукции из раннебулгарских памятников реконструируется на основании металлографических анализов 175 предметов, происходящих из Новинковского, Больше-тарханского, Большетиганского, Танкеевского и некоторых других могильников конца VII – начала X в.

Графическая реконструкция кузнечной мастерской раннебулгарского периода

Исследованная коллекция кузнечных изделий раннебулгарского периода включает: ножи (31 экз.), топоры (20 экз.), мотыжки (6 экз.), серпы (1 экз.), скобели (2 экз.), наконечники стрел (32 экз.) наконечники копий (4 экз.), сабли (9 экз.), перекрестия сабель (1 экз.), колчаные крючки (4 экз.), «ножи» с волутообразным навершием (2 экз.), стремяна (11 экз.), удила (19 экз.), кольца от удил (3 экз.), скобы от удил (1 экз.), пряжки (18 экз.), кресала (5 экз.), стержни (2 экз.), скобы от колчанов (1 экз.), скобы (1 экз.).

Выявлено 11 технологических схем изготовления: 1) ковка из кричного железа, 2) из неравномерно науглероженной сырьевой стали, 3) из цельносталльных заготовок, 4) цементация (т.е. искусственное науглероживание) для получения стальных изделий, 5) ковка из пакетных заготовок (т.е. механическое соединение в одном блоке железных и стальных полос), 6) ковка из заготовок трехслойного пакета (т.е. механическое соединение в заготовке одной стальной полосы в центре и двух железных полос по бокам), 7) из заготовок

Реконструкция волжско-булгарской летней кузнечной мастерской домонгольского периода (по материалам исследования экспедиции УлГПУ на Староалейкинском городище)

с сваркой стальной лезы в железную или пакетованную основу (в такой заготовке на кончике лезвия в железную основу изделия вварен стальной клин), 8) из заготовок с V-образной наваркой стальной пластины (здесь на железную основу заготовки наваривалась V-образно изогнутая стальная пластиночка), 9) из заготовок с торцевой наваркой стальной пластины (основное тело изделия обычно железное, а на самом краю рабочей части приварена стальная полоска), 10) из заготовок с боковой и кривой наваркой стальной полосы (стальная пластинка приваривалась по кривой линии на железную основу), 11) из двухполосных железо-стальных заготовок.

В технологическом арсенале кузнецов новинковской племенной группировки ведущими приемамиковки качественной продукции быликовка из цельностальных и пакетованных заготовок, суммарно составившие по 15,21%, цементация (8,69%) иковка из двухполосной заготовки (4,43%). Термообработка составляет 17,39%, но среди качественных изделий – более половины.

У кузнецов большетарханской племенной группировки ведущими технологическими схемами быликовка из заготовок пакетного металла (22,85%) иковка из цельностальных заготовок (20%). Реже применялись технологические схемы с различными вариантами вварки и наварки стальных пластин на основу изделия

из кричного железа либо из пакетного металла. Суммарно изделия с такими технологическими схемами в коллекции составили 20%. Технологические схемы трехслойного пакета, торцевой, боковой и V-образной наварки, отмеченные в единичных случаях, применялись не часто. Особенностью технологического арсенала большетарханской коллекции является отсутствие цементации готовых изделий, в то время как такой прием применялся кузнецами этой группировки для создания цельностальных, насквозь процемментированных заготовок. Термообработанных изделий много (37,14%), среди качественной продукции термообработка составляет 86,7%.

В технологическом арсенале кузнецов большетарханской племенной группировки при изготовлении качественной продукции ведущей технологической схемой былаковка из цельностальных заготовок (40,7%). Среди других схем присутствуютковка из двухполосной заготовки и цементация поверхности. В то же время 33,3% поковок изготовлено из обычного кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-стали. Термообработанных изделий оказалось 25,9% (среди качественной продукции – до 60%). Отмечено высокое качество операции кузнечной сварки. Но более половины изделий было отковано из плохо прокованного металла.

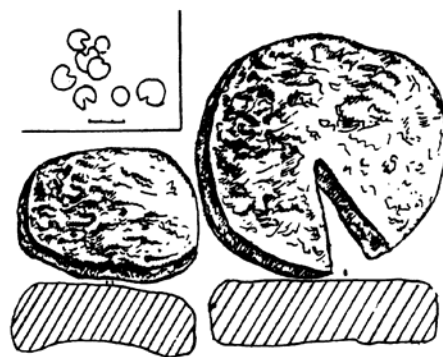
Более 80% поковок из Танкеевского могильника изготовлено с целью улучшить их эксплуатационные характеристики за счет применения более рациональных технологий. Для изготовления качественной продукции (топоров, ножей, мотыжек) ведущими технологическими схемами быликовка из цельностальной заготовки (24,59%), цементация поверхности изделия (19,67%) иковка из пакетованных заготовок (18,03%). На предметах качественного назначения – топорах, ножах, мотыжках присутствуют технологические схемы вварки и наварки стальных пластин. Доля термообработанной продукции составляет 50,81%, но среди качественных изделий – 70,27%. Отличительной особенностью танкеевской коллекции является довольно значительная доля изделий с цементацией (19,67%).

Потребности складывающегося государства в изделиях из черного металла стимулировали развитие металлургического и кузнечного производств. Происходит дальнейшее освоение железорудных месторождений Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Широкое распространение здесь болотных и луговых руд, наличие лесов, выходы известняка обеспечивали производство и кузнечную обработку железа необходимым сырьем: рудой, топливом (древесным углем), флюсами. Эти факторы создавали благоприятные условия для успешного развития металлургии и обработки железа в Волжской Булгарии.

Археологические остатки металлургического производства на многих памятниках Волжской Булгарии свидетельствуют о широком развитии металлургии как в городской, так и в сельской местности. В некоторых центрах (в Булгаре, особенно в Биляре) отмечены крупные мастерские по производству железа, которые действовали на протяжении всего периода существования городов. В таких мастерских, состоявших из металлургических и кузнечных горнов, производилось восстановление кричного железа и его первичная проковка. Экспериментальные опыты физического моделирования позволяют в настоящее время дифференцировать продукцию отдельных стадий обработки крицы, выделяя промежуточные изделия (горновая крица, крица, товарная крица, полуфабрикат, заготовка) [Розанова и др., 1989].

Есть основания говорить о товарном производстве железа на некоторых булгарских поселениях низовой Камы, где встречаются складированные для реализации товарные крицы. Товарный характер, вероятно, носило производство железа в металлургических мастерских Биляра, Булгара, Муромского городка, Хулаша и некоторых других ремесленных центров.

Уже в ранний домонгольский период произошло отделение производства железа от металлообработки. Металлургии Волжской Булгарии в раннедомонгольский период использовали сыродутные горны ямной конструкции с искусственным воздушным дутьем, имеющие истоки в конструкциях сыродутных горнов степного (болгарского) варианта салтово-маяцкой культуры. Но уже с X–XI вв. в результате технического прогресса и поиска новых, более

Железные крицы-полуфабрикаты с IV Старокуйбышевского селища (по Е.П.Казакову)

эффективных способов производства остродефицитного металла намечается переход к наземным типам сыродутных горнов с корпусом в виде чаши, перевернутой основанием вверх и искусственным дутьем. В XII – начале XIII в. вырабатывается устойчивый тип наземного колоколовидного металлургического горна с унифицированными параметрами. На его основе и шло дальнейшее развитие металлургии железа у волжских булгар вплоть до монгольского нашествия.

Развитие наземных металлургических печей шло в основном в направлении увеличения их рабочего пространства. Увеличение общих габаритов горнов с вертикальными стенками и куполообразным перекрытием позволяло получать более значительные массы сыродутного железа.

О конструкции металлургических печей в домонгольской Волжской Булгарии мы можем судить на основании данных, полученных в результате археологических исследований Булгара, Биляра, Муромского городка, Хулашского городища и некоторых сельских поселений.

На Болгарском городище исследован район металлургического производства X–XII вв. и конца XII – начала XIV в. [Ефимова, 1958]. Отмечена концентрация горнов в определенной части города, что свидетельствует о ремесленном характере производства железа в этом городе. Ранние горны входили в состав производственных комплексов ремесленных мастерских.

Одним из крупнейших центров металлургии железа Волжской Булгарии домонгольского времени был Биляр – Великий

город. Здесь также существовал особый металлургический район, известный в настоящее время как «Кузнечный мар». На городище исследован производственный комплекс, состоявший из одного металлургического и двух кузнечных горнов [Халиков, 1976в]. Металлургический горн этого комплекса относится к типу наземных шахтовых сыродутных печей с предгорновой ямой и, очевидно, с искусственным дутьем. Материалом для его изготовления служил сырцовый кирпич на глиняном растворе.

Особый район по производству железа, а также выплавки меди и бронзы выявлен на Муромском городке [Васильев, Матвеева, 1986, с.181]. Здесь также существовало масштабное производство сыродутного железа, а металлургические горны имели наземную конструкцию с куполообразным перекрытием.

На городище Хулаш металлургический горн находился рядом с жилищем мастера-металлурга, который занимался и кузнечным делом. Интересно, что домашняя печь применялась одновременно для нагрева поковок. В ее развале обнаружены куски металлического шлака и крицы [Каховский, Смирнов, 1972, с.36].

Остатки железообрабатывающего производства были исследованы также на Тигашевском городище. Здесь был раскопан дом бронзолитейщика и кузнеца [Федоров-Давыдов, 1962].

Итак, в крупных городских центрах Волжской Булгарии уже в X–XI вв. кричное железо получали в специализированных ремесленных мастерских, состоявших из нескольких собственно металлургических горнов и кузнечного горна. Конечной продукцией таких мастерских были товарные крицы. Такие комплексные мастерские, состоявшие из металлургических и кузнечных горнов с необходимым оборудованием и инструментарием (мехами, наковальнями, клещами, молотами, кувалдами и др.), продолжали бытовать в Волжской Булгарии до монгольских завоеваний.

Производство железа в домонгольской Булгарии шло также в металлургических мастерских сельских поселений. Так, практически на всех булгарских селищах низовой Камы имеются следы местной метал-

лургии железа в виде скопления железных шлаков, а иногда и запасов кричного железа [Казаков, 1990, с.43–44]. Признаки специализации на производстве железа отмечены у населения IV Старокуйбышевского поселения, где обнаружены огромные (размерами 10 x 5–7 м при высоте до 40 см) скопления кричного железа, заготовленного, вероятно, для реализации его на рынке.

Рабочий инструментарий металлургов состоял из больших кричных клещей, способных зажимать раскаленную крицу, кувалды, подкладного зубила для рубки крицы и наковальни.

Персонал металлургических мастерских состоял из членов отдельных семей, занимавшихся ремесленным производством железа, ориентированного на рыночный сбыт. Вряд ли мастера-металлурги были заинтересованы в передаче своего производственного опыта за пределы семейных коллективов. В рамках таких коллективов осуществлялось обучение сложному металлургическому производству и производственный опыт передавался от отца к сыновьям.

Возможно существование отдельных металлургических и кузнечных мастерских при дворах булгарских феодалов, которые обеспечивали потребности их хозяйств и военных дружин. К числу подобных мастерских можно отнести остатки металлургического производства железа, выявленные на территории относительно небольших городищ типа Тигашевского и Хулашского.

В домонгольский период произошли значительные изменения в развитии кузнечного производства. Его роль и значение заметно возросли. Резко возрастает номенклатура кузнечной продукции. Железообрабатывающее ремесло обеспечивало развитие всей экономики государства, поставляя населению все необходимые изделия из черного металла. Технологическая сложность кузнечного производства, а также необходимость применения специального оборудования и инструментария очень рано, вероятно, уже в начале домонгольского периода, привели к отделению кузнечного производства от металлургического.

Кузнецы обособились в самостоятельную производственную группу населения, занимавшуюся преимущественно обработкой черного металла. Постоянно возрасставший спрос на различные виды кузнечной продукции стимулировал достаточно узкую специализацию среди мастеров по обработке черного металла. Можно говорить о выделении специалистов по изготовлению лемехов и сошников для пахотных орудий, ножовников, косников-серповников, секирников (ковавших топоры), замочников, гвоздочников, бронников и других узких специалистов. На это указывают многочисленные серии кузнечных изделий в археологических материалах, имеющие явные признаки внешней и технологической стандартизации. К ним относятся, в первую очередь, качественные изделия – ножи, топоры, замки, предметы вооружения и некоторые др.

Узкая специализация наблюдается, в первую очередь, среди кузнецов городских центров, поскольку именно они ощущали на себе давление рыночного спроса на свою продукцию. Специализация вела к повышению производительности труда, поскольку ограничивала набор технических приемов в производстве и способствовала поиску наиболее оптимальных из них.

Однако узкая специализация не означала вымирания такой производственной группы, как кузнецы-универсалы. Большинство кузнецов при необходимости могли заниматься изготовлением разнообразной продукции. Кузнецами-универсалами становились преимущественно сельские мастера, вынужденные браться за изготовление любого посылного заказа. Естественно, что такие мастера широкого профиля не могли соперничать в мастерстве с городскими кузнецами узкой специализации. И это достаточно отчетливо прослеживается при сравнении продукции сельских и городских центров.

Наши суждения о технологических особенностях кузнечного производства домонгольской Булгарии сделаны на основании результатов 358 металлографических анализов кузнечных изделий, распадающихся на 54 категории. Из них 61 предмет происходит с памятников сельского типа низовий Камы, а остальные 297 – из городских

Графическая реконструкция металлургического горна наземной конструкции Волжской Булгарии домонгольского периода

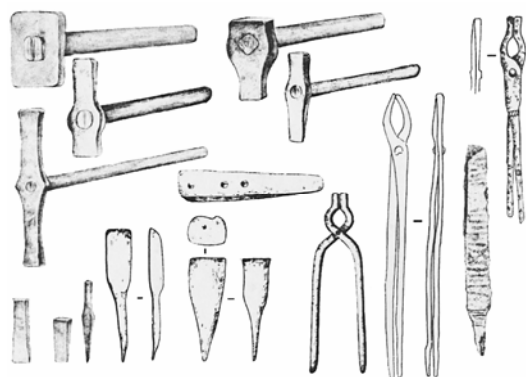
центров (Биляра, Булгара, Муромского городка).

На изделиях сельских кузнецов было выявлено 8 технологических схем: 1) ковка из кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-стали, 2) цементация изделий, 3) ковка из цельностаальных заготовок, 4) из пакетных заготовок, 5) трехслойный пакет, 6) варка стальной лезы в железную основу, 7) боковая наварка стальной пластинки на железную основу, 8) V-образная наварка стальной пластины на железную основу.

Археологические данные свидетельствуют о том, что именно города были основными ремесленными центрами металлургии и обработки железа. Рассмотрим технологиюковки кузнечной продукции с городских центров Волжской Булгарии по отдельным категориям.

На 74 экземплярах металлографически изученных ножей было выявлено 9 технологических схем.

Суммарно большинство ножей с городских памятников было отковано в технологической схеме варки стальной лезы в железную или пакетованную основу (33,8%). На втором месте по частоте встречаемости

Кузнечно-слесарный инструментарий
с памятников Волжской Булгарии

были технологииковки ножей из цельно-стальных заготовок, а также из простого кричного железа и сырцової стали (по 12,16%). Реже встречаются ножи, откованные в технологиях трехслойного пакета и торцовой наварки (по 10,8%). Ножи с технологической схемой косой боковой наварки составили 9,5%. Ковка ножей из пакетных заготовок в городских коллекциях домонгольской Булгарии составила 8,1%. Технологическая схема цементации готовых изделий отмечена на 4,05% ножей. Реже всего отмечены ножи с технологической схемойковки из двухполосных заготовок (1,35%). Термообработка отмечена на 70,27% ножей.

На 26 топорах из городских центров домонгольской Булгарии выявлено 8 технологических схем: 1) из кричного железа и сырцової стали (19,23%), 2) цементация рабочей части лезвия (11,53%), 3) из стальных заготовок (15,38%), 4) из пакетного металла (3,84%), 5) трехслойный пакет (11,53%), 6) вварка стальной пластины (26,92%), 7) боковая наварка (7,69%), 8) косая боковая наварка (3,84%). Термообработано было 60% топоров.

Тесла изготовлены по 7 технологическим схемам. Основной технологический прием – это ковка из цельно-стальных заготовок (36,4%). На втором месте стояла ковка из заготовок пакетного металла (27,3%). Реже ковали тесла из кричного железа и мягкой сырцової стали (18,2%). Ковка тесел из двухполосных заготовок составляет 18,2%. Технологииковки трехслойного пакета, наварка стальной полосы на основу

из железа и цементация рабочей грани инструмента на теслах из городских коллекций составили по 9,09%. Термообработке подверглись 64,28% исследованных тесел. Долота, применявшиеся для выдалбливания различных пазов, изготавливались из простого кричного железа, из цельно-стальных заготовок, вваркой стальной лезы и наваркой стальной полосы. Скобели, необходимые в плотничном деле для снятия коры с бревен, были откованы из стальной и железной заготовок. Сверла для создания круглых отверстий в деревянных конструкциях ковались из пакетного металла и наваркой стальной пластинки.

Сельскохозяйственные орудия исследованы на примере 5 серпов, 7 кос, 3 наральников, 1 сошника, 2 плужных лемехов, 10 тесел-мотыжек.

Серпы ковались из неравномерно науглероженной сырцової стали, стальной заготовки, пакетной заготовки и в технологии приклепывания стальной полосы на железную основу. 3 серпа из 5 прошли термообработку. Косы-горбуши изготовлены: из кричного железа, с цементацией лезвия, из пакетных заготовок, в технологии вварки стальной лезы. Термообработку прошли 5 орудий. На плужных резаках выявлены цементация и наварка стальных пластин на железную основу. Наральники ковались с применением цементации и пакетного металла. Цементованные наральники были термообработаны. Сошник был откован из неравномерно науглероженной сырцової стали с последующей мягкой термообработкой. Лемехи от плугов ковались из кричного железа, а также наваркой V-образной стальной пластины на железную основу с термообработкой. Тесла-мотыжки ковались по двум технологическим схемам: из кричного железа, мягкой сырцової стали и из пакетного металла. Лишь 2 мотыжки прошли термообработку.

Из предметов вооружения металлографически исследованы 57 наконечников стрел, 7 наконечников копий и пик, 2 спусковых крючка для арбалетов, вток, булава и «чеснок».

Наконечники стрел у волжских булгар в домонгольский период ковались по 6 технологическим схемам, в основном же из кричного железа и сырцової стали

(73,7%), из цельносталльных заготовок (12,28%). Почти все они прошли термообработку. Наконечники копий и пик изготовлены из кричного железа и мягкой сырцово-стали, с цементацией боевой грани, из цельносталльных заготовок. Вток, крепившийся на нижней части древка копья, ковался из мягкой сырцово-стали. Боевой нож-скрамасакс был откован в технологии варки. «Чеснок» – маленькая четырехрогатая рогатка, применявшаяся против конницы, была откована из сырцово-стали. Боевая булава – ударное оружие ближнего боя откована из цельносталльной заготовки с последующей термообработкой. Арбалетные спусковые крючки, свидетельствующие о применении волжскими булгарами этого грозного оружия дальнего боя, ковались из кричного железа и мягкой сырцово-стали с последующей термообработкой.

Из предметов снаряжения коня и коневодства исследованы 2 стремена, 1 ледоходный шип и 1 скребница. Стремена ковались из неравномерно науглероженной стали и из пакетного металла. На одном стремени сохранилась термообработка. Скребница – орудие по очистке шкуры коня была изготовлена из пакетного металла. Ледоходный шип, служивший для облегчения ходьбы по скользкому льду, был откован из кричного железа.

Одной из наиболее сложных категорий кузнечно-слесарной продукции эпохи средневековья были пружинные замки. Сложность их изготовления заключалась в необходимости соединения множества различных деталей в единые блоки (корпус и пружинный узел). При этом применялись различные кузнечно-слесарные операции, требовалось использование специального инструмента и оборудования. Главная сложность состояла в умелом выполнении операции кузнечной горновой пайки деталей замка медным припоем. Все это требовало кооперации в производственном процессе как минимум двух работников – мастера-замочника и подмастерья.

В Волжской Булгарии были распространены те же типы замков, что и на территории Древней Руси: кубические, цилиндрические, врезные с пружинным механизмом различной сложности. Однако некоторые типы замков, как, например, тип Е (по Б.А.Колчину), в Волжской Булгарии

получили более широкое распространение, чем на Руси, что и послужило причиной выделения их под названием замка «булгарского» типа. Кубические же замки на территории Волжской Булгарии широкого распространения не получили.

Среди булгарских замков намечается определенная стандартизация продукции, которая наряду со свидетельствами существования специализированных замочных мастерских (в Биляре, Муромском городке) позволяет говорить о выделении замочного производства в особую отрасль кузнечно-слесарного ремесла, ориентированную на рыночный сбыт. Булгарские замки домонгольского периода стали основой для эволюции замков золотоордынского периода в Волжской Булгарии.

Сравнение технологии кузнечной продукции с городских и сельских памятников свидетельствует о достаточно заметном различии в их качестве, что дает основание говорить о более высоком уровне развития городского кузнечного производства по сравнению с сельским. Есть основания говорить о том, что городские кузнецы были обеспечены более качественным сырьем (специально приготовленной сталью). В то же время наблюдается заметное различие в уровне квалификации кузнецов столичного города Биляра и периферийного Муромского городка. Выше уровень квалификации был у кузнецов Биляра.

Подводя итоги исследования кузнечно-го производства Волжской Булгарии домонгольского периода, отметим, что из технологических приемов, направленных на улучшение эксплуатационных качеств кузнечной продукции, были выявлены: 1) цементация, 2) цельносталльные изделия, 3) пакетный металл, 4) варка стальной лезы, 5) V-образная наварка, 6) кося боковая наварка, 7) торцовая наварка, 8) двухполосная сварка из стальной и железной полос, 9) трехслойный пакет. Из этих технологий суммарно ведущее место занимаютковка целиком из стали и варка стальной лезы в железную или пакетованную заготовку. Они составляют: 13,8% – цельносталльные и 13,28% – варка стальной лезы, которая в домонгольский период становится одним из ведущих технологических приемов изготовления качественной продукции. Эта схема, вероятно, носила общепулгарский характер, о чем

свидетельствует ее равномерное распределение в коллекциях городских и сельских памятников: 12,4% на сельских памятниках, 11,4% в Муромском городке и 14,7% в Биляре. Изделия из пакетного металла суммарно составили в домонгольских коллекциях 10,14%. Более активно из пакетного металла ковали кузнецы городских центров (10,1% в Муромском городке, 10,6% в Биляре) и менее активно – сельские кузнецы (1,55%). Технологическая схема трехслойного пакета в домонгольской Булгарии суммарно составила 4,8%, и по различным памятникам распределилась так: 6,2% на сельских памятниках, 1,2% в Муромском городке и 5,5% в Биляре. Трехслойный пакет не стал в кузнечном ремесле волжских болгар традиционной технологией и его присутствие в домонгольских коллекциях, возможно, является результатом торговых контактов с Прикамьем и Северной Русью, где эта технология занимала значительное место уже в начале X в. Технологическая схема боковой косой наварки стальной полосы на железную основу в домонгольский период получает распространение как на памятниках сельского типа (7,75%), так и в городских центрах (5% в Муромском городке, 7,54% в Биляре). Суммарно эта технологическая схема составила 5,35%. Тех-

нологическая схема V-образной наварки суммарно составила 0,84%. В коллекциях с поселений данная схема составила 1,55%, в Биляре – 0,92% и совсем не отмечена в Муромском городке. Торцовая наварка суммарно отмечена на 3,1% изделий. На продукции из сельских памятников эта технология не отмечена. В Муромском городке она отмечена на 6,3% изделий и в Биляре – на 2,7%. Ковка из двухполосных заготовок в домонгольское время не получила широкого распространения. Она отмечена в Билярской коллекции (0,46%), составив суммарно в домонгольских коллекциях 0,84%.

Термообработка отмечена на 40,3% изделий: на сельских памятниках – 35,6%, в Муромском городке – 37,9% и в Биляре – 43,7%. В столичном ремесленном центре Биляре термообработанных изделий было больше, чем в периферийном Муромском городке и на сельских памятниках. Это свидетельствует о более высоком уровне развития кузнечного производства в столичном центре – городе Биляре по сравнению с периферийным городским и сельскими ремесленными центрами. В большинстве случаев кузнецы Волжской Булгарии домонгольского периода успешно справлялись с операцией кузнечной сварки.

2. Цветная металлообработка

Сергей Кузьминых, Юрий Семькин

Среди производств волжских болгар на протяжении всей истории важную роль играла цветная металлообработка. Из меди и бронзы в Волжской Булгарии изготавливались самые разнообразные изделия: украшения, бытовые и культовые предметы, детали оружия, посуда и др. Особенно велика была роль цветных металлов в ювелирном производстве. Продукция цветной металлообработки, наряду со среброделием и златокузнечеством, стала важнейшим звеном болгарской торговли. Предметы болгарского экспорта шли во многие земли и страны, но особенно обильны они на севере (прежде всего ювелирные изде-

лия и украшения); известны здесь и следы болгарских торговых факторий [Белавин, 2001; Хузин, 2001, с.237–252].

Известно, что металлургия меди и в древности, и в средневековье развивалась в тех горно-металлургических областях, где имелась соответствующая минерально-сырьевая база, включая топливо и флюсы. Основные трансевразийские пути торговли медью и лигатурами шли, прежде всего, в районы с высокоразвитой металлообработкой. Одним из таких регионов в средневековье, безусловно, являлась Волжская Булгария. Специализированные центры по производству разнообразных изделий

из цветного и драгоценных металлов сложились уже в ранней Волжской Булгарии [Казаков, 1991, с.159–162]. Однако широкомасштабное развитие местная цветная металлообработка получила только в домонгольский период, особенно с формированием Волжского и Камского торговых путей. Сами объекты металлургического и металлообрабатывающего производств раннебулгарского периода на территории Волжской Булгарии не известны. В то же время в могильниках кочевых групп населения ранней Волжской Булгарии (Большетарханский, Танкеевский, Тетюшский и др.) сосредоточено огромное количество изделий из цветного металла. Это различные украшения, детали костюма и конской упряжи, бытовые и хозяйственные предметы, оружие. Особенно много изделий из цветных металлов у представителей финно-угорских этносов, с IX в. проникавших в Среднее Поволжье и вошедших в состав населения ранней Волжской Булгарии.

Можно предполагать, что кочевое население ранней Волжской Булгарии получало основную массу разнообразных бронзовых украшений из действовавших в то время стационарных металлообрабатывающих центров Восточной Европы, прежде всего из мастерских Хазарского каганата и Прикамья. В то же время в составе кочевых групп ранней Волжской Булгарии, вероятно, были кузнецы и литейщики, которые заложили основу местной металлообработки.

Основным сырьем в цветной металлургии и металлообработке у волжских булгар была медь, однако ее рудные источники остаются не выявленными.

В древности, т.е. в эпоху раннего металла и в раннем железном веке, производство меди в Уральской горно-металлургической области концентрировалось, как известно, в двух горно-металлургических центрах – Зауральском и Приуральском [Черных, 1970; Кузьминых, Агапов, 1989]. Рудознатцы XVII–XIX вв., открывая месторождения и рудопроявления, шли исключительно по следам древних разработок, которые они назвали «чудскими» (в Прикамье и на Среднем Урале) и «ордынскими» (в степном Приуралье). То, что «чудские» и «ордынские» копи разрабатывались в древности, подтвердило археологическое изучение рудников, а также рас-

положенных на них многих десятков поселений горняков и металлургов с остатками медеплавильных вместе с образцами руды, шлаков, полуфабрикатов, изделий и их лома. Среди них особенно выделяются памятники Каргалинского меднорудного и горно-металлургического центра в Южном Приуралье [Черных, 1997].

Уральские месторождения хорошо изучены с геолого-геохимической точки зрения. Они подразделяются на два типа. Первый из них – собственно уральские месторождения – связан, прежде всего, с коренными породами Уральской горной страны, в особенности вдоль восточного края Тагило-Магнитогорского прогиба. Второй тип – медистые песчаники и сланцы Предуральской рудной провинции. Этот тип осадочных месторождений охватывает огромное пространство в бассейнах Камы, Вятки, Белой, Ика, среднего течения р. Урал [Горожанин и др., 2002, рис.1:1]. Плавка медистых песчаников приводила к получению особо «чистой» меди, напоминающей современную электролитическую. Из коренных уральских месторождений выплавлялась также в основном «чистая» медь, но с геохимически иным набором примесей. И та, и другая медь, благодаря многолетним спектроаналитическим исследованиям лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, выявлена в большинстве волго-уральских археологических культур эпох раннего металла и раннего железа [Кузьминых, Агапов, 1989, рис.1–7].

Ограниченные спектральные анализы металла Среднего Поволжья и Приуралья эпохи средневековья позволили выявить изделия из «чистой» меди, но связь их с медистыми песчаниками или коренными уральскими месторождениями пока что условна. Правда, Т.А.Хлебникова [1996, с.280] высказала предположение, что рудные источники булгарской меди локализовались в Зауралье (предполагается даже поставка в ремесленные центры Волжской Булгарии медной руды с Урала), но при этом не исключается и использование местных, приуральских источников минерального сырья – медистых песчаников. Последний аргумент будет еще не раз использован в качестве доказательства того, что Волжская Булгария располагала значительной меднорудной базой [Поляко-

ва, 1996, с.154–156; Руденко, 2000а, с.12–14; Ениосова и др., 2005].

Месторождения медистых песчаников на территории Волжской Булгарии тяготеют к ее северо-восточному и восточному пограничью – по линии Вятка–Зай, Ик–Бугульминско-Белебеевская возвышенность и далее к Общему Сырту [Горожанин и др., 2002, рис.1:1]. Среди медесодержащих минералов преобладают карбонаты и окислы – малахит, азурит и куприт, реже встречаются сульфиды (халькопирит, халькозин, ковеллин), силикаты (хризоколла) и свободные элементы (самородная медь). Медные оруденения тяготеют к красно- и сероцветным песчаникам и красно-бурым мергелям. Наиболее мощные выработки в этой зоне выявлены на Каргалинском рудном поле близ Оренбурга, но относятся они к эпохе раннего металла и к XVIII–XIX вв. [Черных, 1997].

Мы вправе предполагать, что какие-то месторождения этой области могли разрабатываться в эпоху средневековья, однако археологические подтверждения этой гипотезы пока что отсутствуют. Учитывая огромную потребность и металлоемкость болгарского рынка в товарной меди, ее поставки должны были быть весьма значительными, а, соответственно, и масштабы горнопроходческих работ в этой меднорудной зоне. Но масштабная горнопроходческая деятельность невозможна без соответствующей инфраструктуры: поселков горняков и металлургов, производственных площадок по сортировке и первичной обработке руды и т.д. Однако такого рода объекты в этой зоне не выявлены. При транспортировке руды в центральные районы страны и выплавке меди в городских и сельских мастерских мы столкнулись бы с весьма заметным количеством металлургических, а не только плавильных и кузнечных горнов. За редким исключением, именно к последним принадлежат те объекты, что выдаются в литературе за металлургические (см. об этом ниже). Кроме того, выплавка меди была невозможна без огромного количества древесного угля и флюсов, которые также требовали доставки. Выжиг угля в центральных лесостепных районах Булгарии и в меднорудной зоне на северо-востоке страны мог

осуществляться в достаточно ограниченных масштабах. Иначе рано или поздно это привело бы к экологической катастрофе, сродни той, что наблюдалась в Южном Приуралье в XVIII–XIX вв. [Черных, 1997, с.113–119].

В целом же производство меди в Волжской Булгарии (если оно в действительности имело место) вряд ли было способно насытить рынок достаточным объемом металла. Булгарская металлообработка в основе своей базировалась на привозной товарной меди. Причем основные поставки шли, по всей вероятности, не из Зауралья, а из Среднего и Верхнего Прикамья, прежде всего из ремесленных центров родановской культуры. В памятниках этой культуры изучены медеплавильни с находками руды (медистых песчаников) и металлургических шлаков, специальные утрамбованные площадки из глины и мелкой речной гальки, на которых производилось обогащение и измельчение руды для плавки [Белавин, 1987]. Родановские горняки и металлурги были в состоянии обеспечить поставки в Волжскую Булгарию не только рудного концентрата, но прежде всего товарной меди. В частности, на городищах Анюшкар и Рождественском найдены литейные формы для отливки слитков меди в виде прутков – сырья для ювелирного дела [Белавин, 2001, с.145]. Такие слитки обнаружены во многих городских и сельских мастерских Волжской Булгарии. В таежном Прикамье не было недостатка и в древесине для выжига угля. Ямы с древесным углем являются здесь неотъемлемой частью металлургических и кузнечных комплексов [там же, с.142].

Процесс металлургического передела меди, как и железа, был сложным, многоступенчатым и требовал выполнения ряда последовательных операций. Среди них – добыча медной руды; ее обогащение; изготовление металлургического горна и воздухоудных мехов; выжигание топлива – древесного угля; прогрев горна и закладка шихты; проведение собственно металлургического процесса, включая добавление при необходимости постепенно прогоравшего древесного угля; завершение металлургического процесса, извлечение из ниж-

ней части горна слитка восстановленной меди и удаление шлака.

Горны, найденные в болгарских памятниках и рассматриваемые исследователями как металлургические, не в полной мере соответствуют этой характеристике. Объекты, связанные с выплавкой меди из руды, обычно насыщены находками руды и в особенности шлаков. В частности, именно эти находки (наряду с теплотехническими сооружениями) документируют следы железоделательного производства, и они изобильны в болгарских памятниках. Скопления и даже отдельные куски медной руды и медных шлаков, напротив, являются в них большой редкостью. Судя по всему, те теплотехнические сооружения, которые принимаются за металлургические, являются кузнечными горнами или плавильными печами для рафинирования меди.

В Волжскую Булгарию поступала в небольшом количестве черновая медь. В частности, в разных частях Билярского городища найдены слитки меди в виде лепешек весом до 3 кг [Хузин, 2001, с.225]. На Болгарском городище обнаружены слитки четырехугольных очертаний с выпуклой поверхностью, служившие полуфабрикатами для медников и литейщиков; имеются здесь и литейные формы для их отливки [Полякова, 1996, с.156–157]. Черновая медь требовала дополнительной очистки (рафинирования) в окислительной среде. После этой операции металл освобождался от шлаковых включений и иных лишней примесей. Именно эти ошлакованные остатки археологи часто называют металлургическим шлаком. Только после рафинирования медь становится чистой и пластичной, пригодной дляковки и литья, а также приготовления сплавов. Следует отметить, что в образцах медных болгарских сосудов, исследованных с помощью спектрального и металлографического анализов, отмечаются скопления неметаллических включений [Хлебникова, 1996, с.278, 284; Ениосова и др., 2005], свидетельствующих о недостаточно высокой очистке исходного сырья.

Технология цветной и черной металлургии и металлообработки меди и бронзы у волжских болгар базировалась на использовании в качестве топлива древесного угля. Ямы для хранения угля не являются

редкостью в болгарских городах и селениях [Хузин, Нигамаев, 1999, с.129].

Химический состав цветных и драгоценных металлов Волжской Булгарии исследован недостаточно полно, но все же уже имеющиеся данные [Хлебникова, 1964; 1996; Валиуллина, 2004а; 2004б; Ениосова и др., 2005] позволяют наметить основные рецепты сплавов. В аналитическую выборку вошли изделия из памятников разного времени: Танкеевского и Измерского XII могильников, Измерского, Лаишевского, Семеновского, Балынгузского III (Торецкого) селищ, Болгарского, Билярского, Гроханского городищ и др. Выявленное в выборке процентное соотношение сплавов является достаточно условным: их истинное соотношение определится только при массовых аналитических сериях.

В арсенале болгарских кузнецов, ювелиров и литейщиков имелось несколько рецептов сплавов. Ведущий из них – оловянно-свинцовые и оловянные бронзы (более 40% изделий выборки) [Ениосова и др., 2005, табл.1]. Основные легирующие примеси – олово и свинец. В низколегированных сплавах их содержание колеблется от одного до нескольких процентов, в высоколегированных может достигать 40% того или другого элемента.

Четвертую часть исследованной выборки составляют изделия из серебра, включая биллоны. Аналитические данные свидетельствуют о преобладании среди них предметов достаточно высокой (более 80%) пробы [Валиуллина, Храмченкова, 2001, с.270], зачастую легированных лишь «чистой» медью. Это, прежде всего, украшения со сложным декором с использованием чеканки, резьбы и инкрустации, а также слитки серебра, широко распространенные в памятниках Волжской Булгарии [Хузин, 2001, с.225]. Такого рода изделия и слитки с высоким содержанием серебра (83–98%), а также меди (1,2–15%) [Винничек, 2000, с.14; Белорыбкин, 2001, с.63] являлись, прежде всего, важной частью болгарского импорта.

Примерно треть выборки приходится на остальные типы сплавов: многокомпонентные бронзы (в которых в качестве обязательных легирующих примесей выступают олово, свинец и цинк, реже – мышьяк и сурьма), разные сорта латуни и томпака

(здесь ведущей лигатурой являлся уже цинк), «чистую» медь, а также легкоплавкие металлы (олово, свинец) или сплавы на их основе [Ениосова и др., 2005, табл.1].

Традиции употребления многокомпонентных сплавов восходят еще к эпохе раннего металла, но особенно распространены они становятся в средневековье, в том числе в Волжской Булгарии, а затем в Золотой Орде. «Чистая» медь являлась основой большинства сплавов, но значительный объем ее использовался в медницком деле, прежде всего для изготовления сосудов. Медные сосуды болгарского производства в массе найдены далеко за пределами Волжской Булгарии [Руденко, 2000а]. Возможно, это была также одна из форм импорта медного сырья, но более дорогого, чем простой вывоз металла в слитках или полуфабрикатах.

Судя по всему, болгарские мастера не испытывали недостатка в основных лигатурах – олове, свинце, цинке или в сплавах с высоким содержанием этих элементов, использовавшихся в качестве лигатур. На городищах и селищах имеются многочисленные образцы слитков и кусочков олова и свинца, но чаще – изделий из свинцово-оловянного сплава. Обращают на себя внимание т.н. «грузики-пломбы», которые встречаются на памятниках всех периодов Волжской Булгарии. Литейные формы для их отливки известны на Болгарском городище, Чемодановском селище и других памятниках [Полякова, 1996, с.158; Винничек, 2000, с.14]. Предполагается, что они использовались в безмонетный период в товарно-денежном обращении. С весовой системой, ориентированной на мискаль в 4,095 г, связываются и находки свинцово-оловянных слитков [Белорыбкин, 2001, с.65]. Однако следы рубки и «грузиков», и слитков явно свидетельствуют об их использовании не только как денежных эквивалентов, но и в металлообработке.

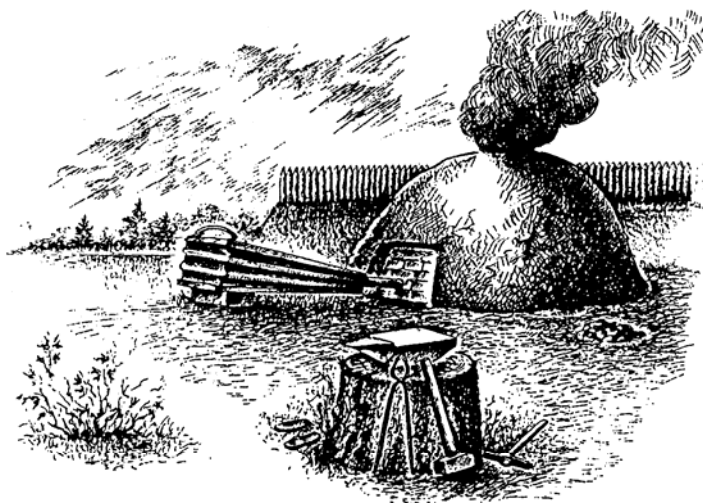
На территории Волго-Камского региона нет рудных источников свинца, олова, цинка, а также благородных металлов – серебра и золота. Вне всякого сомнения, эти металлы поступали в Волжскую Булгарию по трансевразийским торговым путям. В частности, в минералогическом трактате ал-Кашани 1301 г. Волжская Булгария рас-

сматривается как основной посредник в торговле оловом между Дальним Востоком и странами Ближнего и Среднего Востока [Ениосова и др., 2005].

Т.А.Хлебникова [1996, с.280] предполагает, что свинцовая и цинковая руда поступала в Волго-Камье с Урала, а оловянная – из Восточного Казахстана. Но судя по археологическим и геологическим данным, уральские рудные источники свинца и цинка, доступные для разработки в древности и в средневековье, маловероятны. Россыпи и коренные месторождения олова в Калбинском и Нарымском хребтах в Рудном Алтае разрабатывались в эпохи раннего металла и раннего железа. Но к III–I вв. до н.э. в Рудном Алтае, как свидетельствуют археологические данные [Черников, 1960, с.118–136, 172–178; Розен, 1983, с.19–30], прекращается добыча олова, меди и, вероятно, также золота. Более вероятными являются поставки в Волжскую Булгарию олова, свинца, а также серебра и золота из Средней Азии, где именно в средневековье наблюдается резкий подъем добычи этих полезных ископаемых [Буряков, 1974; Бубнова, 1975; Исламов, 1976; Новиков, Радилиловский, 1990]. Будучи на перекрестке торговых путей средневековья, Волжская Булгария имела налаженные каналы поставки этих металлов, вероятно, и из других производящих центров.

Судя по археологическим данным, теплотехнические сооружения, используемые волжскими булгарами в цветной металлургии и металлообработке, были двух типов: плавильные ямы и собственно горны. Они выявлены в Болгаре, Биляре, Муромском городке, Тигашеве и на ряде других памятников.

Горны с круглым или овальным основанием имели наземную конструкцию. Они формировались из глины или сырцового кирпича, клавшегося на глиняном растворе. Глиной обмазывались и основания плавильных ям. Некоторые сыродутные горны использовались как для выплавки и плавки меди, так и для получения железа. Находки рядом с ними фрагментов керамических сопел свидетельствуют об искусственной подаче воздуха в полости горнов. Использовались те же мехи, что и в железоделательных мастерских.

Реконструкция медеплавильной печи из раскопок Муромского городка

В Муромском городке исследован медеплавильный комплекс домонгольского времени из двух горнов, четырех топков и нескольких ям. В верхней части полу-сферических горнов (165 x 120 x 100 см) имелось отверстие для загрузки тигля или сосуда с черновой медью и древесного угля. Сложены они из плитчатых камней или обломков кирпичей и камней на глиняном растворе. Печь и яма (с прокаленными стенками под первым горном) были заполнены золой и углем. В средней части второго горна сохранилось небольшое отверстие для фиксации сопла. Примечательно, что рядом с горнами находились прямоугольные в плане сооружения – своеобразные жаровни, сложенные из сырцовых кирпичей или глины. Они служили для подогрева и поддержания постоянной температуры расплавленного металла в тиглях во время литья, для чего в них имелись специальные углубления-чаши [Матвеева, 1973, с.11–13].

Во внутреннем городе Биляра в 1967–1968 гг. исследована усадьба ремесленников-металлургов (раскоп V). Здесь, наряду с жилыми домами, баней (?) и складом сфероконов, выявлены развал сырцудутного горна и два комплекса мастерских с остатками кузнечных горнов. А.Х.Халиков [1976, с.74] предполагал, что эти мастерские специализировались на производстве железных цилиндрических замков. Ф.Ш.Хузин [2001, с.224] не исключает (су-

дя по находкам литейной формы и многочисленных тиглей), что здесь же занимались и обработкой цветных металлов.

Ранее предполагалось, что в некоторых из этих горнов производилась также и выплавка меди из руды [КБ, 1985, с.84]. Основанием для данного заключения явились куски спекшейся массы с прослойками измельченной медной руды и древесного угля, принятые за остатки шихты из медеплавильных горнов. Однако не исключено и другое назначение шихты. Помещенная в сосуд или тигель большой емкости, она могла быть той восстановительной средой, в которой с помощью меди спаивались почти все детали железных замков, а, кроме того, происходило их омеднение с целью предохранения от коррозии (при этом могли использоваться флюсы, например, бурб). Металлографические анализы замков билярского производства выявили явные следы их пайки медью; на многих замках «читаются» и следы омеднения.

Небольшой меднолитейный горн выявлен и за внутренними укреплениями Билярского городища (раскоп XV); близ горна найдены куски тигельного шлака [Халикова, 1976, с.117].

В Булгаре остатки теплотехнических сооружений представлены плавильными ямами (60–80 x 20–30 см) и горнами и также сосредоточены в нескольких пунктах городища, но лучше всего они изучены в северной части близ административного

центра (в том числе и домонгольского времени), а также на западной окраине города – у Голландского озера [Полякова, 1996, с.155]. Найденные в плавильных ямах и горнах шлаки, судя по результатам их химического состава (до 23% окиси меди), образовались не в результате металлургического передела, а при рафинировании черновой меди или ее тигельной плавке [там же, с.155–157]. Фрагмент толстостенного тигля с прикипевшим шлаком был найден непосредственно в одной из плавильных ям (раскоп XVIII, 1949 г.) вместе с углем и слитками меди. Важно и то, что близ этих ям и горнов обнаружены десятки каменных и глиняных литейных форм, большое количество окисленных и деформированных медных и бронзовых предметов и их лома, полуфабрикаты, брак, обрезки листовой меди и проволоки [там же, с.156–158].

Инструментарий болгарских литейщиков состоял из керамических и металлических изложниц, тиглей различного объема, литейных форм, щипцов и пинцетов для зажима тиглей во время их нагрева в горнах и для разлива расплавленного металла в изложницы и формы. Для взвешивания лигатурных металлов использовались небольшие разновесы.

Массивные изложницы, помещавшиеся в плавильные или кузнечные горны, служили, прежде всего, для рафинирования черновой меди. Более мелкие изложницы служили для отливки слитков-полуфабрикатов. В Муромском городке рядом с плавильными горнами встречены обломки керамических и железных изложниц, при этом последние были деформированы в результате перегрева.

Среди инструментов и специального оборудования литейного и ювелирного производств волжских болгар глиняные тигли являются самой массовой категорией находок. Особенно большие их серии выявлены на Билярском городище (более 200 экз.), причем более 100 обломков и целых тиглей обнаружено в районе металлургической слободы (раскоп V) [Халиков, 1976, с.74]. Тигли, найденные на объектах, связанных со стеклоделием и гончарством, могли использоваться в этих производствах, в частности, для приготовления краси-

телей для стекла и поливы. На изломе черепки тиглей, как правило, черного цвета. Внешняя поверхность пористая, ошлакованная, стекловидная, темно-серого цвета, иногда с каплями меди. У некоторых из них на дне прилипли кусочки угля. На многих целых тиглях имеются носики для заливки металла в литейные формы. Предположительно разлив меди в небольшие формы производился непосредственно из тиглей. Так называемых льячек в Биляре не найдено.

Тигли Билярского городища – трех типов. Тип 1, самый массовый – подцилиндрические, с округлым дном, высотой от 2,7 до 8,2 см и толщиной стенок от 0,1 до 0,6 см. Его разновидностями являются тигли с расширяющимися (тип 1а) и суживающимися сверху (тип 1б) стенками. На Болгарском городище найдены в основном тигли типа 1а [Полякова, 1996, с.159–160]. Тип 2 – чашевидные, встречаются редко. Тип 3 – ладьевидные; известны на селищах в пригороде Биляра [Беговатов, 2001, рис.4:1]. Тигли подцилиндрические являются особенно характерными для средневековья. В них до минимума был ограничен доступ воздуха к расплавленному металлу, что затрудняло его окисление. Тигли чашевидные и ладьевидные распространены в основном на памятниках более ранних эпох, когда плавка металла шла в открытых очагах.

Болгарские литейщики разжижали медь и бронзу в тиглях в кузнечных горнах на древесном угле путем принудительного нагнетания воздуха. Глиняные воздуходувные сопла известны в материалах Билярского городища и других болгарских памятников.

Для зажима тиглей использовались специальные тигельные клещи с длинными ручками. Могли применяться также длинные щипцы со специальным изгибом губ для захвата округлых стенок тиглей.

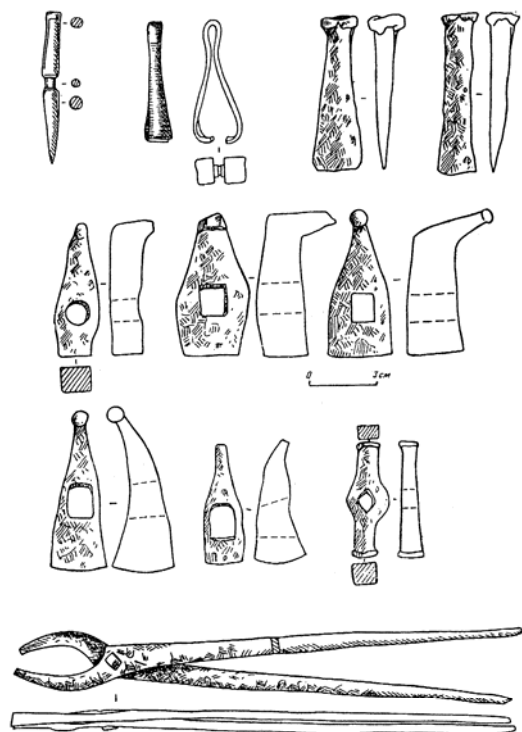
Объем расплавленной меди в билярских тиглях колеблется в пределах от 25 до 670 г при условии полного заполнения рабочего объема тиглей. Размеры тиглей свидетельствуют об их специализированном назначении. Мелкие использовались в ювелирном деле для отливки украшений, более крупные – для заливки бронзы одновре-

менно в несколько форм, либо для отливки более металлоемких изделий.

Основная масса болгарских изделий из цветного металла, особенно ювелирных украшений, изготовлена в технологии литья в каменные литейные формы. Об их местном изготовлении свидетельствуют находки заготовок, особенно многочисленные среди материалов Билярского и Болгарского городищ.

Анализ форм позволяет реконструировать не только саму литейную технологию, но и дает основание для вывода о выделении среди ремесленных профессий у волжских болгар камнерезов особого рода – резчиков литейных форм. О такой специализации свидетельствует сложность и исключительная тонкость отделки некоторых каменных литейных форм из болгарских археологических собраний. Резчики литейных форм должны были обладать особым – ювелирным – мастерством работы с камнем, знать свойства его различных пород, иметь в своем распоряжении специальный инструментарий – хорошо отточенные и закаленные стальные резцы. Кроме того, резчики литейных форм, безусловно, должны были обладать тонким художественным вкусом. Собственно мастера-резчики, работавшие по заказу литейщиков и ювелиров, во многом и были законодателями моды на большинство изделий из цветных металлов, поскольку именно они создавали первую опытную инструментальную оснастку для дальнейшего тиражирования изделий. Естественно, что заказчики ориентировали их в отношении соблюдения некоторых технологических тонкостей в процессе работы над формами.

Для изучения литейного и ювелирного дела волжских болгар особенно важны литейные формы, происходящие из крупнейших городов Волжской Булгарии – Биляра и Булгара. В первом обнаружено более 30 литейных форм [Хузин, 2001, с.227], во втором – более 60, но в основном золотоордынского времени [Полякова, 1996, с.161]. Материалом для их изготовления служили различные породы камня и глина. На Болгарском городище преобладают литейные формы из мягких пород камня – известняка и сланца (54 экз.). Причем четыре сланцевые формы [Полякова, 1996, рис.55: 2; 56: 2; 57: 6; 58: 6] вырезаны из обломков талькохлоритовых сосудов, являющихся

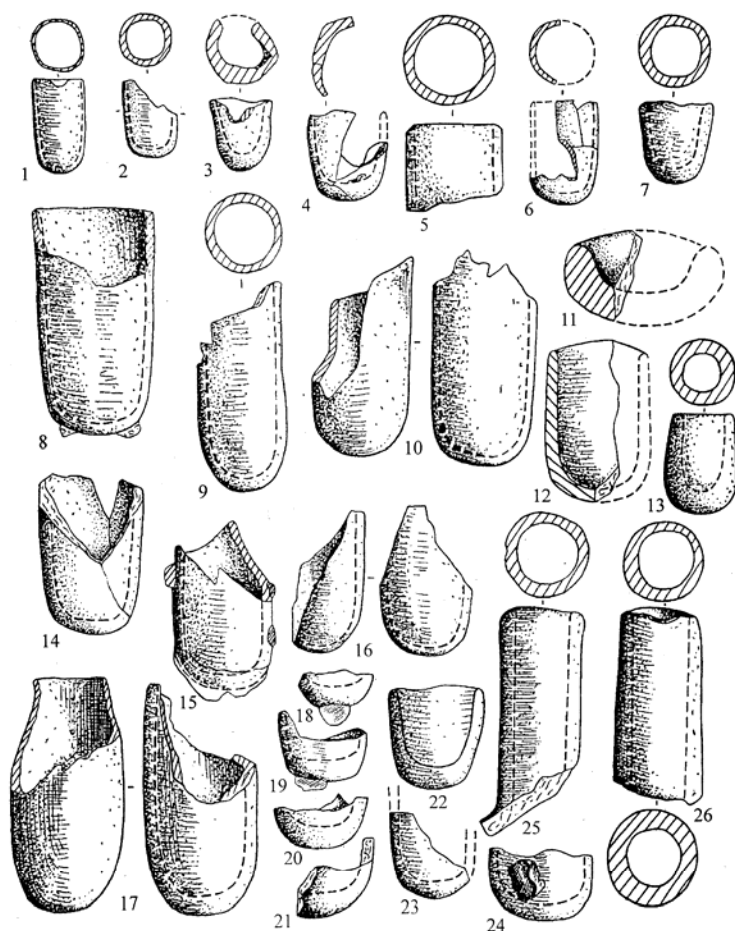

Инструментарий кузнецов и ювелиров из раскопок Биляра

импортом из Хорезма. Керамических форм в Булгаре немного (8 экз.), но в Биляре их нет вовсе. Все литейные формы Билярского городища вырезаны из сланца, известняка, туфа и шифера [КБ, 1985, с.97].

Особенностью форм из последних пород камня из Биляра является отсутствие на них каналов для отвода газов («выпаров»). Судя по всему, мастера – резчики и литейщики знали о газопроницаемых свойствах этих пород камня. При этом на практике литье в закрытые формы без «выпаров» представляло собой большие сложности и было чревато получением изделий с дефектами. Они возникали из-за воздушных пузырей, не успевавших выйти из внутреннего пространства негативов форм.

По своей конструкции болгарские литейные формы являются закрытыми, многократного использования, как правило, со следами высокотемпературного воздействия. Все створки разъемные, сравнительно тонкие, обычно подпрямоугольные и подквадратные и состоят из двух, трех, четырех и более матриц и крышек. Боль-

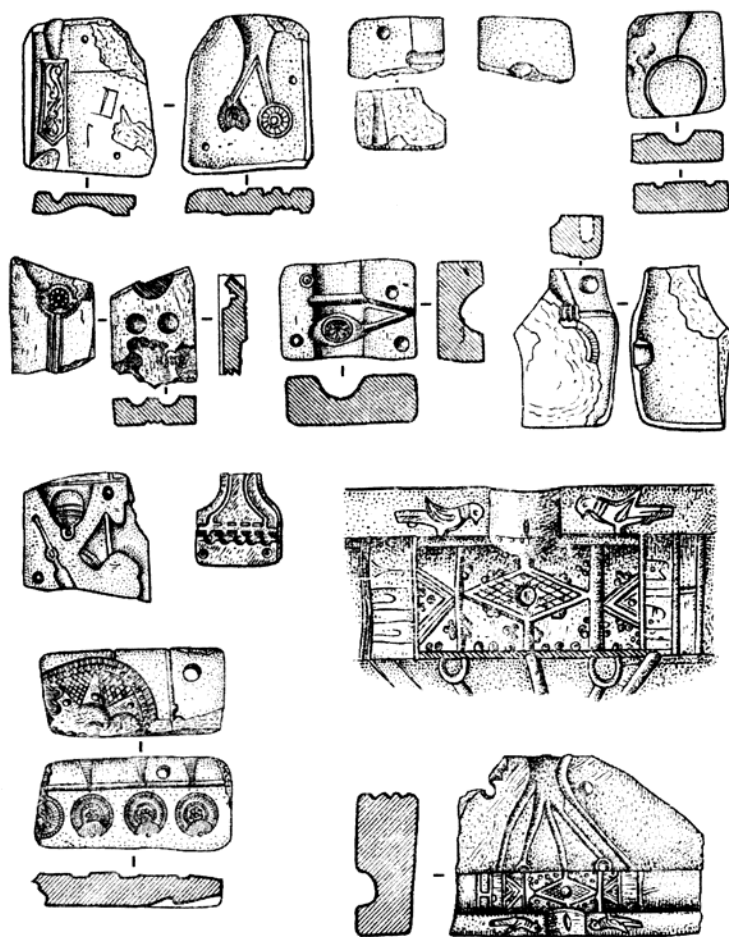
Глиняные тигли (1–24) и воздуходувные сопла (25–26) с Биллярского городища

шая часть из них составлена из матриц (т.е. из створок с негативами), меньшая – из матриц и крышек. На широких плоскостях матриц вырезано обычно по одному негативу, но нередко размещено 2–3 негатива для отливки небольших по размеру украшений. Узкие боковые плоскости использовались для формовки негативов в основном у форм батарейной конструкции (из трех и более створок).

Отсутствие литников и углублений для штифтов на матрицах с 2–3 негативами дало основание предположить, что имелись открытые формы, что металл заливался непосредственно в гнезда горизонтально лежащих створок [Полякова, 1996, с.162; Хузин, 2001, с.227]. Такого рода примеров немало в этнографии, но при этом отливались обычно заготовки пластинок, которые

требовали дальнейшей кузнечной обработки. Отливка мелких ювелирных украшений в открытых формах непродуктивна. По крайней мере, изделий хорошего качества таким способом литья не получить. Литниковая система вполне могла быть подведена к этим негативам в крышках или к гнездам в парных створках. Кроме того, не исключено, что некоторые из этих створок попросту резчиком не завершены или выброшены вследствие брака при резьбе негативов (на большинстве таких форм нет следов высокотемпературного использования).

Совмещение двустворчатых и батарейных форм требовало особой тщательности. Необходимо было совместить литниковые каналы, выходявшие на узкие торцы створок, и литейные гнезда, вырезать «выпа-

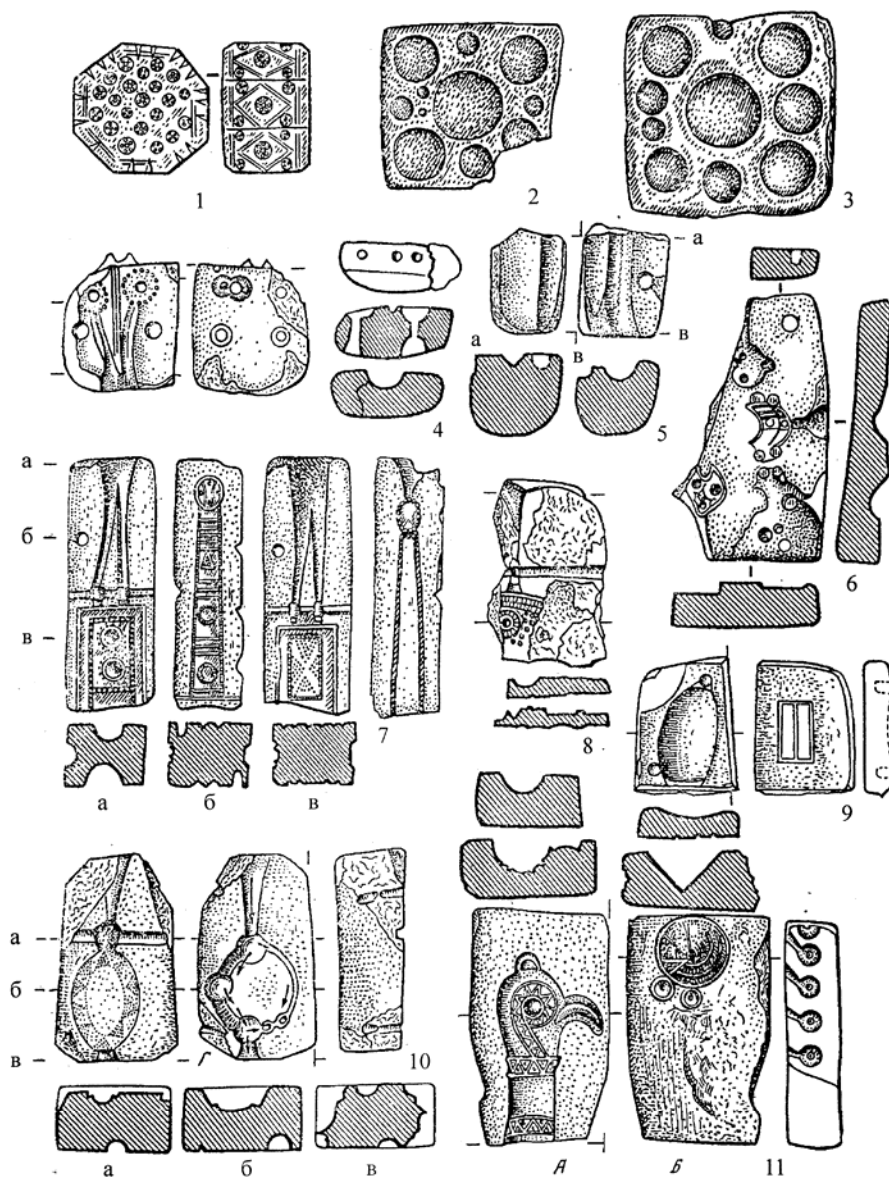
Каменные литейные формы из Биляра

ры», просверлить углубления или отверстия для неподвижной фиксации всех частей формы во время литья с помощью металлических штифтов, штырей или скобок. Створки, на которых отсутствуют отверстия для штифтов, могли фиксироваться в специальных гнездах из камня, глины или дерева, а также с помощью перевязи или металлических обойм.

В двустворчатых и батарейных формах можно было одновременно отливать серии плоских, объемных и пустотелых предметов хорошего качества с рельефным орнаментом, с имитацией зернью и сканью. В таких формах можно было сформовать полые петли или шарниры со сквозными отверстиями для крепления с частями того же предмета или другими изделиями. В этом отношении интересна литейная форма с негативами подвижных прямо-

угольных орнаментированных пластинчатых браслетов с петлями на всех четырех сторонах бруска. Отливка производилась с помощью плоских крышек. Устья трех литниковых каналов направлены на один из узких торцов, четвертый – в противоположную сторону. Это означает, что, по крайней мере, три браслета могли отливаться одновременно. Подобного рода матрицы способствовали массовому тиражированию ювелирной продукции и, безусловно, составляли для литейщиков немалую ценность.

Отливка пластинчатых браслетов, состоявших из нескольких прямоугольных орнаментированных пластин, представляла определенные трудности. Главная из них заключалась в создании втулок с отверстиями для установки осей. Втулки получались за счет установки в формы круглых

Металлические матрицы (1–3) и каменные литейные формы (4–11) из Биляра

узких стержней из огнеупорного материала, соответствующих по диаметру металлическим осям, соединявшим отдельные пластины браслетов. Предполагаем, что такие оси вырезались из мягкого камня типа глауканита. Небольшие размеры осей и одновременно их хрупкость предполагают одноразовое использование стержней в процессе отливки. После литья оси разбивали, освобождая отверстия. Мастер должен был иметь их запас на все время службы данной формы.

В коллекциях болгарских памятников встречаются литые изделия, получение которых было возможно только с помощью многосоставных литейных форм. Таковы, в частности, навершия женских головных уборов, имеющиеся в коллекции с Болгарского городища. Этот предмет представляет собой многогранную плоскую орнаментированную розетку, в центре которой имеется высокая втулка с округлым расширением. Известны в Булгаре и части каменных литейных форм, в которых отлива-

лись аналогичные наверхи. В рабочем положении они должны иметь три стыкующихся матрицы.

Среди литейных форм Биляра и Булгара обращают на себя внимание матрицы, предполагающие знакомство болгарских литейщиков и ювелиров с технологией литья «навыплеск» еще в домонгольский период [КБ, 1985, с.91–94; Полякова, 1996, с.163]. В них отливались, прежде всего, височные трехбусинные кольца с орнаментацией под зернь или под скань. По определению Б.А.Рыбакова [1948, с.270], «имитационные формы были предназначены для того, чтобы путем простого литья воспроизводить тончайшие ювелирные приемы вроде тиснения, зерни и филиграни, требовавшие длительной и кропотливой работы над каждым экземпляром». Исследователи древнерусского ремесла относят изобретение имитационных литейных форм к XII в. [там же, с.278; Рындина, 1963, с.260]. В домонгольское время была освоена технология литья «навыплеск» и в Волжской Булгарии.

Литье «навыплеск» – это особая технология, в процессе которой из формы быстро удалялся лишний расплавленный металл. Такая технология требовала двух литниковых каналов оптимальных размеров и формы. Длина входного канала должна была быть больше, чем выходного. Н.В.Рындина [1963, с.260–261] отмечает, что при литье «навыплеск» основная трудность заключалась в правильном выборе момента удаления из формы расплавленного металла, еще не успевшего застыть. Необходимо было также учитывать температуру плавления металла. Чем выше она была, тем быстрее металл застывал. Выдержка металла в формах должна быть минимальной, но необходимой для образования пустотелой отливки. Это определялось ювелиром-литейщиком эмпирическим путем, и размеры литников напрямую зависели от этого обстоятельства. Именно в соответствии с этими требованиями изготовлена одна из литейных форм Биляра.

Среди изделий из цветных металлов Волжской Булгарии еще с раннебулгарского периода в массовом количестве встречаются различные поясные накладки, крепившиеся на кожаный ремень с помощью расклепанных с обратной стороны штырьков. Отливка таких накладок представляла

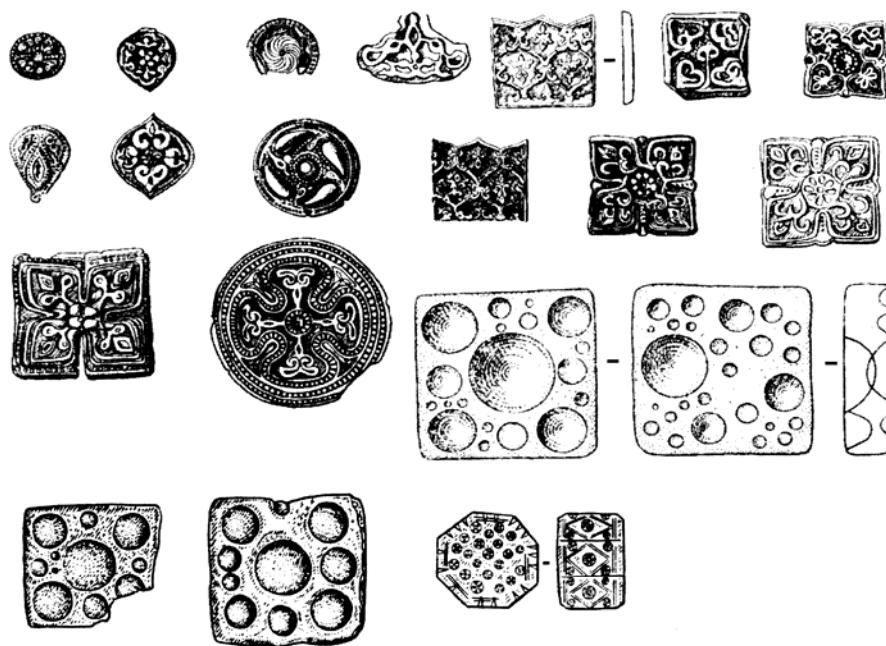
для литейщиков определенные трудности, но они успешно преодолевались. Поясные накладки могли отливаться в двусторчатых формах с помощью литников. Однако получение тонких штырьков было делом непростым. Мы предполагаем, что последние могли изготавливаться отдельно. Готовые штырьки вставлялись в гнезда внутри формы. Отдельные части формы соединялись, и в них через литниковое отверстие заливался расплавленный металл.

Одним из необходимых условий, которое способствовало улучшению качества отливки, было натирание полости негатива пылью древесного угля или сажей. А перед заливкой металла форма прогревалась до высокой температуры. Иначе влагоненасыщенный конденсат на стенках формы могла ее разорвать при быстром нагревании от расплавленного металла.

Булгарские мастера при изготовлении изделий из цветных металлов широко применяли различные приемы обработки металла давлением, т.е. тиснением и штамповкой. Среди них – изготовление различных украшений с помощью штампов и матриц, которые известны среди находок с Билярского, Болгарского, Золотаревского городищ и других памятников. Штампы и матрицы отливались из бронзы в особых формах, а затем применялись для серийного изготовления орнаментированных украшений. Рабочей являлась лицевая выпуклая сторона с рельефным растительным узором, обратная сторона была гладкой. Иногда на матрицах воспроизведены изображения животных и всадников.

Основной самих изделий были заготовки из меди и серебра. Они по форме соответствовали матрице, но имели небольшой напуск. Их предварительно вырезали ножницами либо вырубали зубилом. Затем заготовку укладывали на пластину из свинца, расположенную на деревянной наковальне – срезе пенька твердого дерева. Сверху на заготовку клали матрицу. А на матрицу для предохранения ее от деформации ставили железную пластину. После мощного однократного удара молотом или кувалдой на заготовке отпечатывалось выпуклое рельефное изображение украшения.

В коллекциях Билярского городища, Муромского городка и других памятников представлены плоские бронзовые прямоугольные пластины с многочисленными

Металлические матрицы с Билярского городища

полушаровидными углублениями различного диаметра. Вероятно, такие матрицы использовались для получения выпуклых округлых заготовок. Второй частью этого инструмента были металлические пуансоны с шаровидной рабочей частью, соответствующей диаметру углублений [Белорыбкин, 2001, рис.49: 2–4].

В арсенале технологических приемов болгарских ремесленников, занимавшихся обработкой цветного металла, значительное место принадлежало операциям волочения с целью получения круглой проволоки. У болгар широко распространены витые проволочные браслеты, изготовленные из медной или серебряной проволоки. Операция волочения в болгарских изделиях из цветного металла отмечена по данным металлографических анализов [Хлебникова, 1996, с.292].

Хотя в археологических материалах Волжской Булгарии инструментарий, который мог использоваться при выполнении операции волочения медной проволоки, не известен, однако можно предположить, что для этого применялись специальные стальные калибры с уменьшающимися диаметрами отверстий. Они являлись уве-

личенными копиями волоочильных досок, предназначенных для вытягивания тонкой золотой нити. Подобные образцы известны из раскопок Болгарского городища [Смирнов, 1951, с.121]. Литые медные заготовки вначале проковывались кузнечным молотом, затем, после отжига, они в разогретом состоянии протягивались с помощью щипцов через отверстия калибров. Судя по ровным краям проволоки на болгарских браслетах, внутренняя поверхность калибров была заполированной.

Самостоятельным направлением в цветной металлообработке Волжской Булгарии было медницкое дело, связанное с изготовлением металлической посуды – котелков, тазов, кумганов, кружек, светильников и другой тары.

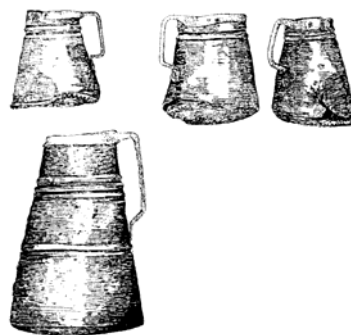
К.А.Руденко [2000а] пришел к выводу, что медницкое дело сформировалось у болгар во второй половине X в., не имея непосредственных истоков в производственных занятиях племен ранней Волжской Булгарии. В то же время археологические материалы свидетельствуют о том, что в быту кочевого населения использовалась деревянная посуда, окованная медными полосками (Большетарханский могильник). Хотя

такие находки достаточно редки, они все же свидетельствуют о знакомстве ранне-булгарского населения с приемами использования цветного металла для изготовления посуды.

На формирование медницкого дела у волжских булгар, по предположению К.А.Руденко, мощное влияние оказал поток импортной металлической посуды восточноиранского производства. На рубеже XI–XII вв. в обработке меди произошли существенные технологические изменения, упростившие и ускорившие процесс изготовления медной посуды. Булгарские ремесленники освоили технологию фальцовки. В это время формируются основные категории булгарских сосудов из меди (котелков, ковшей и, возможно, кумганов), но импортные изделия с Востока (ковши, светильники, чаши) составляют существенный пласт находок. В это время металлическая посуда из Волжской Булгарии стала импортироваться в северо-восточном и восточном направлениях. В результате там сформировались местные производственные центры по изготовлению медной посуды. Одновременно и булгарское медницкое дело испытало технологическое влияние со стороны мастеров Древней Руси и кочевого мира [Руденко, 2000б, с.83]. В конце домонгольского периода медная посуда стала обыденным явлением как у сельских, так и у городских жителей. После монгольского нашествия и включения Волжской Булгарии в состав Золотой Орды медницкое дело претерпело значительные изменения, а в дальнейшем пришло в упадок. Медная посуда в это время вышла из «моды».

К.А.Руденко выделяет ряд самостоятельных технологических приемов, применявшихся булгарскими медниками. Это, прежде всего, механическая сборка, литье и изготовление посуды давлением. В Волжской Булгарии преобладала механическая сборка. В технологии литья изготовлены в основном импортные сосуды. Технология давления использовалась при изготовлении небольших сосудов преимущественно в золотоордынское время.

Первым этапом изготовления медных сосудов механической сборкой являлась горячая кузнечнаяковка отлитых листовых заготовок. Их средние размеры варьируют от 40 x 23 см и меньше. Дальнейшие опе-

Продукция булгарских медников.
Медные кумганы (по К.А.Руденко)

рации при сборке сосудов сводились к кузнечной сварке, использованию фальцевых соединений (когда два листа скреплялись отогнутыми кромками, плотно прижатыми друг к другу) и клепки. На некоторых сосудах при металлографических анализах выявлены следы лужения [Хлебникова, 1996, с.280]. К.А.Руденко предполагает, что большинство булгарской медной посуды изготавливалось способом холодной кузнечной сварки, однако это утверждение не документировано.

Механическую сборку медной посуды булгарские мастера проводили с помощью зубчатых кромок «в расщеп» или «в зубец». Вероятно, перед механической сборкой предварительно делались выкройки соединяемых частей металлической листовой заготовки. Сама сборка могла проводиться на круглых цилиндрических деревянных оправках (срезах ствола дерева). Края медных соединяемых листов металла разрезались железными ножницами или разрубались зубилом. Разрезанные края заготовок разводились через один в противоположные стороны, затем соединялись и проковывались на наковальне. Операция соединения медных листов по технологии «в расщеп» была исследована нами экспериментально. В результате установлено, что плотность соединения стыкуемых частей зависела от величины плоскостной деформации в местах соединения. При выполнении фальцевых соединений стыкуемые края медных листов многократно загибались под углом 90° в одном направлении. После плотной проковки образовывался очень прочный шов, который дополнительно для герметичности мог пропаиваться.

Технология соединения частей изделия с помощью клепок применялась преимущественно для присоединения ушек сосудов, а также во время ремонта. Булгарские медники и ювелиры при необходимости применяли технологию пайки, т.е. соединения деталей металлических изделий с помощью металлических припоев, температура плавления которых ниже температуры плавления основных частей изделия. Медь в основном паяли с помощью оловянного припоя. Оловом же припаивали ручки и носики кумганов. Более тугоплавкими припоями – медью и серебром паялись детали железных изделий, например, пружинных замков. При этом требовалось применение специального флюса, который предохранял поверхность соединяемых частей от окисления. В случае с медью хорошим флюсом является бура. Она была хорошо известна еще античным ювелирам. Бура встречается на Таманском полуострове в местах деятельности грязевых вулканов и, вероятно, хорошо была знакома еще приазовским болгарам-кочевникам.

Становление и развитие цветной металлообработки у волжских булгар прошло ряд этапов. В раннебулгарское время у кочевых объединений в Среднем Поволжье основные потребности в изделиях из цветных металлов удовлетворялись прежде всего за счет поставок из действовавших ремесленных центров Хазарского каганата и Прикамья.

С формированием государственности в Волжской Булгарии начинается бурный рост ремесел, в том числе и цветной метал-

лообработки. С включением Волжской Булгарии в систему международной торговли и организацией производства меди в Верхнем и Среднем Прикамье налаживаются поставки черновой меди и металлолигатур. Вывоз меднорудного сырья имел небольшие масштабы. В крупных городских центрах происходит становление мастерских, продукция которых обеспечила не только внутренний рынок государства, но и позволила выйти на внешний с очень широким ассортиментом изделий (посуда, замки, украшения из бронзы, серебра и золота и др.). Булгарские кузнецы, литейщики и ювелиры освоили все основные кузнечные и литейные технологии, характерные для той эпохи. Развитие производства вызвало необходимость в выделении особой профессии – резчиков каменных литейных форм.

Заметной и самостоятельной частью металлообрабатывающего производства стало медницкое дело. Продукция булгарских медников была в значительной степени ориентирована на импорт. Она оказала влияние на становление этой отрасли производства у поволжских и прикамских финнов. В то же время и обработка цветных металлов у волжских булгар испытала на себе влияние со стороны технологических традиций евразийского кочевого мира, Хазарского каганата и Древней Руси.

В целом цветная металлообработка у волжских булгар, достигнув высокого для своего времени развития, является ярким и самобытным культурным и техническим явлением средневекового мира.

3. Стеклоделие

Светлана Валиулина

Первые попытки изготовления стеклянных изделий в Волжской Булгарии зафиксированы на I Семеновском селище. Оно расположено на одном из островов левого берега Камы при впадении в Волгу. Поселение, так же как и другие памятники этого района, ежегодно сильно разрушается Куйбышевским водохранилищем, и после спада воды на отмелях появляется многочис-

ленный подъемный материал, в том числе стеклянные бусы.

Коллекция стеклянных бус I Семеновского селища составляет 1338 экз.

Основная масса бус выполнена серийно из тянутой трубочки и представлена следующими видами: рубленный бисер (107 экз.), одночастные лимонки желтые и продольно-полосатые (728 экз.), золотостек-

лянная (1 экз.), многочастные лимоновидные бусы (23 экз.), пронизки (11 экз.).

Индивидуально изготовленных бус, в основном способом навивки, было найдено 100 экз. Это преимущественно зонные глазчатые бусы из глухого стекла, желтые, зеленые, коричнево-печеночного цвета, одноцветные или с глазками; крупные черные (в тонком слое темно-марганцевого и темно-оливкового цвета) с глазками, заключенными в белые петли; одна цилиндрическая мозаичная бусина.

Особую группу составляют двухчастные бусы (48 экз.) неаккуратной, невыдержанной формы, выполненные индивидуально литьем. Все они желтые глухие, большая часть (39 экз.) имеет цветные пятна, которые повторяют цветовую гамму глазков бус второй группы. Очевидно, эти бусы выполнены из боя бус первых двух групп – лимонок и глазчатых. Примеры использования такого вида сырья в процессе рецепции стеклоделия на новые территории известны. На момент производства рассматриваемых бус изготовителями в полной мере еще не были осознаны ни свойства стекла, ни вопросы технологии. Стекло для бус не было достаточно расплавлено и размешано до однородной массы, в результате бывшие четкие глазки с ресничками превратились в бесформенные размазанные пятна на теле бусины. Эти бусы можно рассматривать как свидетельство первого, самого раннего знакомства местного населения с новым материалом. Подтверждением такого вывода служат и находки отходов нового производства, и химический состав продукции [Беговатов, Валиуллина, 1997, с.7]. Такие бусы встречены на некоторых памятниках в Финляндии. В случае с семеновскими «бусами-уродцами» мы видим пример пассивного использования импортной продукции [Лихтер, Щапова, 1991, с.255]. Здесь же, на I Семеновском селище, было найдено несколько вставок в перстни, которые болгарские мастера пытались сделать из округлых бусин прозрачного стекла путем их незначительного разогрева на плоскости. В результате бывшие бусы приобрели плосковыпуклую форму, канал деформировался и оплыл, но остался заметен.

Хронология коллекции бус I Семеновского селища определяется сопутствующим многочисленным нумизматическим

материалом и общей хронологией бус. В результате установлены довольно узкий отрезок времени функционирования поселения – последняя четверть X – начало XI в. и явная торговая его направленность; здесь доминировала продукция специализированных мастерских Ближнего Востока, выполнявших бусы из трубочек. В значительно меньшей степени присутствуют изделия византийских и западноевропейских мастерских, выполненные навивкой.

Стремительное развитие Волжской Булгарии в конце X и XI вв. ярко отражают материалы Измерского комплекса памятников. Измерское селище возникло также в районе Камского устья на ключевом участке Волго-Балтийского торгового пути. Торгово-ремесленная фактория протогородского типа являлась не только международной ярмаркой, но и крупнейшим в Восточной Европе центром ремесла, прежде всего, металлургического [Казаков, 2000, с.87–99]. В обширной коллекции измерских бус большую часть составляют т.н. «треугольные».

Происхождение измерских бус следует связывать с византийской ремесленной традицией и считать византийским импортом. Но, учитывая единую технологию и химический состав, узость номенклатуры и явную однотипность изделий, а также наличие брака и отходов производства, можно предположить изготовление большей части бус на месте приезжими мастерами с использованием полуфабрикатов, т.е. в мастерских с неполным производственным циклом. Это производство фактически тоже нужно расценивать как одну из статей импорта. Как показывают материалы болгарских городов, и прежде всего Биляра, свинцово-кремнеземное стекло не получит дальнейшего развития.

Качественный скачок во всех сферах жизни болгарского общества, произошедший в XI в., проявляется и в производстве стеклянных изделий. Характер материалов Измерского комплекса представляет пример рецепции или импорта ремесла. Этот этап в развитии стеклоделия имел место во многих протогородских центрах Западной и Восточной Европы VIII–XI вв. Точно так же, как многие торгово-ремесленные фактории – протогорода не оформились в последующем в развитые феодальные города, так и ранние стеклоделательные мас-

терские, работавшие на привозном сырье, не нашли продолжения в сложении местной школы стеклоделия.

Стеклоделие – особый вид городского ремесла, для становления и развития которого нужны дополнительные условия, в первую очередь, крупный социальный заказ, большие капиталовложения. Для рецепции ремесла в новом регионе необходим определенный уровень развития местного материального производства, наличие квалифицированных специалистов в ремеслах, смежных со стеклоделием (прежде всего, в цветной металлургии и металлообработке) [Щапова, 1990, с.140]. Таким образом, стеклоделие является отражением высокого уровня развития производительных сил общества. Появление и развитие болгарского стеклоделия стало возможным благодаря развитию городского ремесла и явилось проявлением роста города как ремесленного центра. Стеклоделие является своего рода индикатором уровня развития городской культуры.

В Волжской Булгарии наиболее полно все предпосылки возникновения и развития нового и дорогого наукоемкого производства сконцентрировались в столичном Биляре, где в XII в. сложилось собственное стеклоделие как специализированное ремесло с полным производственным циклом. Точно так же, как город и его материальная культура являются эталонными, определяющими для культуры всей домонгольской Булгарии в наиболее характерных, ярких их проявлениях, так и стеклоделие Биляра характеризует болгарскую школу стеклоделия в целом.

Новая школа обнаруживает полное отсутствие континуитета со всеми предшествующими опытами стеклоделия в регионе. В то же время при возникновении болгарской школы стеклоделия сыграли свою роль не только экономические, но и политические факторы. Волжская Булгария, являясь составной частью мусульманского мира, поддерживала тесные связи с крупнейшими культурными и ремесленными центрами Востока. Особое место в этих контактах принадлежит Ближнему Востоку и Закавказью. Булгарское стеклоделие следует рассматривать как составную часть ближневосточной традиции.

Самым надежным доказательством существования в прошлом стеклоделия в той или иной стране служат находки при раскопках самих стеклоделательных мастерских с остатками печей, огнеупоров и стеклянных полуфабрикатов.

Остатки печей стеклоделов Волжской Булгарии XII – начала XIII в. известны только в Биляре.

Археологические раскопки в центральной части внутреннего города Билярского городища, в районе «кузнечного мара», выявили остатки производственного комплекса – мастерской алхимика, ювелира и стеклодува (раскоп ХLI, рук. С.И.Валиулина). Наибольший интерес представляют остатки небольших печей-очажков в центральной части (№ 2 и 3) и у западной стенки раскопа (№ 1).

Изученные нами печи не были специализированными и входили в состав алхимических и ювелирных мастерских, где стеклоделие являлось подсобной, сопутствующей отраслью, работая на полуфабрикатах.

Иной характер имело производство стекла, выявленное Ф.Ш.Хузиным на рядом расположенном XXXVIII раскопе. Здесь на площади 280 кв. м вдоль западной стенки монументального кирпичного здания располагался, очевидно, полный производственный комплекс, в который входили три печи, два колодца, сырьевые ямы.

В развалах билярских горнов и рядом с ними частыми находками являются небольшие кирпичи, иногда лекальной формы, серого и темно-серого цвета с грязно-зеленым стекловидным покрытием на одной из сторон – динасовые огнеупоры. У горнов в большом количестве обнаружены куски хальмозы – застывшей хлоридно-сульфатной пены.

Особенно важными находками в мастерской являются полуфабрикаты – многочисленные бесформенные кусочки стекломассы разных размеров, часто со следами вытягивания в виде обрезков жгутов, нитей, полос, капель, которые сопровождаются стеклянным браком и боем. На XXXVIII раскопе это в основном оконное стекло, что отражает специализацию мастерской, – расположенная рядом с большим кирпичным зданием мастерская фун-

кционировала, очевидно, в период его строительства. Причем весь этот специфический материал присутствует в большом количестве и на значительной площади вокруг горнов.

Общность форм изделий и сходство технологических процессов стеклоделия были характерны для многих стран Востока. Однако, устанавливая тесную связь болгарского стеклоделия с крупнейшими мусульманскими ремесленными центрами средневековья, необходимо отметить, что с самого начала стеклоделие Волжской Булгарии развивалось на местных сырьевых материалах.

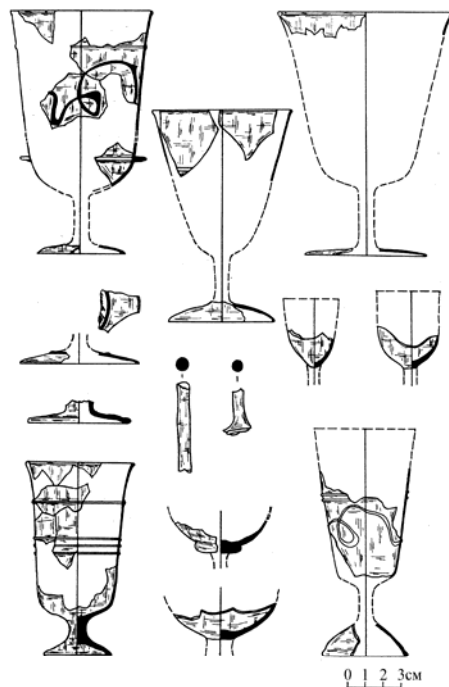
Несмотря на низкое качество одного из основных стеклообразующих компонентов – кварцевого песка Камской песчаной провинции, содержащего большое количество вредных примесей (соединения железа, титана и др.), оптимальный расчет рецептурной нормы, необходимый температурный режим стеклоплавильной печи, другие технологические достижения позволили болгарским стеклоделам получать качественную продукцию, которая и сегодня отличается высокой химической устойчивостью.

Таким образом, история новой школы стеклоделия органично вписывается в экономическую структуру Болгарского государства.

Все бильярские изделия рассматриваемых категорий – посудное и оконное стекло были изготовлены традиционным в средневековье приемом – выдуванием или дутьем. Первичным приемом при такой технологии является вытягивание стекла непосредственно из тигля. Выдувание сосудов производится из простых наборок жидкого стекла, предварительно взятого мастером-стеклоделом из тигля на конце инструмента (стеклодувной трубки).

К вторичным приемам горячей обработки стекла бильярской коллекции следует отнести дутье и вращение.

Поверхностными приемами горячей обработки стеклянных изделий Бильяра являются огневая полировка и сварка. Огневой полировке были подвергнуты все бильярские находки. В результате этой операции происходит сглаживание наружной поверхности почти готового изделия путем его оплавления, изделие приобретает ок-

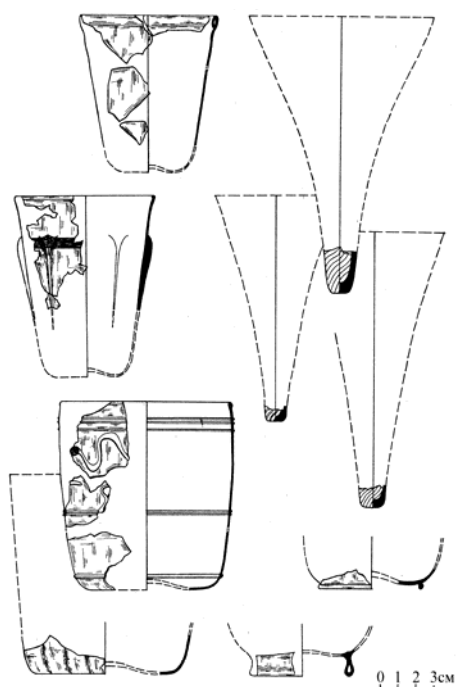
Стеклянные рюмки из раскопок Бильяра

руглые очертания и глянцевый блеск [Львова, 1979, с.100].

При сварке двух оплавленных поверхностей их плотно прижимали друг к другу. Примером могут служить аламбики, трубки которых приваривались к основному объему и предварительно подготовленному отверстию.

Приемом обработки резким понижением температур является отшибание. Для оформления горлышка, венчика, краев, выполнения декора в горячем состоянии к основанию изделия с противоположной стороны от стеклодувной трубки мастер прикрепляет понтию – железную палку с помощью небольшой порции стекла, которая берется на предварительно накалившийся кончик понтии. После присоединения понтии к изделию оно отшибается от трубки. Отшибание, т.е. отделение трубки от изделия, производят железной пластинкой, предварительно намоченной в воде, или мокрым деревом, слабо ударяя им по стеклодувной трубке [Абдуразаков и др., 1963, с.217].

Кроме обозначенных основных приемов изготовления стеклянных изделий, найденных в Бильяре, все другие приемы характе-

Стеклянные кубки из раскопок Биляра

ризуют технику исполнения декора посуды и оконного стекла.

Большая часть стеклянных изделий выполнена свободным дутьем. Поверхность таких сосудов имеет лучшую «огневую» полировку. Едва уловимая неправильность формы, появляющаяся при выдувании сосуда, придает особую привлекательность его силуэту.

Приемы изготовления венчиков не отличаются большим разнообразием. Чаще всего венчик является продолжением стенки и имеет округлый «оплавленный» полированный край. У флаконов венчик мог быть оформлен отгибанием края наружу или отгибанием и прессованием на плоскость, вытягиванием и расширением, оттягиванием в виде слива, сжиманием верхней части горла пинцетом.

Приемы изготовления горла зависят от вида сосуда. У кувшинов его делали вместе с туловом, выдуванием или как у разного типа флаконов – вытягиванием [Лихтер, 2000, с.189].

Ножки могли быть выполнены одновременно с основой (вытянутые) и изготовлены отдельно, с последующей привар-

кой к тулову. Узкая ножка и коническое основание тулова кубков выдувались в один прием. Вставленный затем в трубчатое основание стержень делал ножку монолитной.

Все подножки сделаны прессованием на шаблон. Для изготовления аламбиков и пробирок применялся способ выдувания вытягиванием, который основан на последовательном комбинировании процессов выдувания и вытягивания [Абдуразаков и др., 1963, с.226]. Пузырьки на таких изделиях имеют форму сильно вытянутых овалов. Этим способом изготовлены и тулово-основа, и носик-трубка. Разница двух составляющих на первом этапе заключалась в разном диаметре трубок. Затем в верхней части тулова делалось отверстие, к которому с помощью дополнительной порции стекла повторным оплавлением приваривалась отдельно изготовленная сливная трубка. Край носика-трубки срезан. В месте прикрепления трубки к тулову аламбика сохраняется значительное утолщение за счет неиспользованного резерва стекла. С помощью дополнительного разогрева трубки уже готового аламбика выгибали дугой, свободный конец трубки при этом получал направление вверх относительно горизонтальной линии края венчика аламбика. Выше было отмечено, что билярские аламбики очень стандартны. Трубки билярских аламбиков всегда изогнуты в одном направлении, варьируется лишь угол наклона. Тулова некоторых аламбиков сделаны иначе, их выдували в форму с вращением. Поверхность таких сосудов матовая, не блестящая, имеет следы ротации, форма пузырьков цилиндрическая. Формой для выдувания сосудов могли являться глиняные тигли. На XLI раскопе, в мастерской алхимика, найдены и такие аламбики и тигли, форма и размеры которых находятся в соответствии. Выдуванием в форме с вращением выполнялись аламбики в Средней Азии [там же, с.219].

Техника изготовления оконного стекла аналогична технике выполнения сосудов. Свободным выдуванием при одновременном вращении, наборку стекла вначале превращают в шар, затем в горизонтальный эллипсоид. С противоположной от стеклодувной трубки стороны прикрепляют пон-

тию и стеклянный объем отшибают от трубки. Края отверстия от трубки оставшегося на понтии эллипсоида расширяются многократным разогреванием и вращением. В результате образуется сначала сосуд вроде плоской чаши, который при дальнейшем быстром вращении превращается в плоский диск.

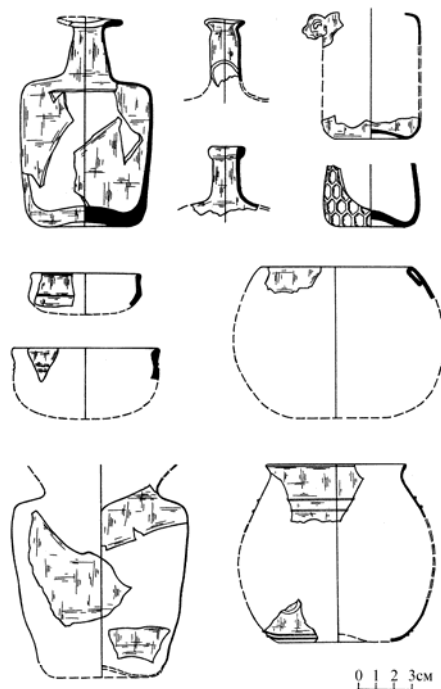
Края дисков загнуты петлей шириной от 3 до 8 мм. Оконные стекла, выполненные таким способом, всегда имеют след понтии, утолщенный центр и легкий концентрический рельеф, плавно выравнивающийся ближе к краю, форма пузырьков также повторяет концентрическое направление центробежных сил стекломассы.

Приемы исполнения декора не отличаются разнообразием. Подавляющее большинство изделий украшены вгорячую накладом нитей и полос основного или другого цвета (4%).

Стеклянная продукция домонгольской Волжской Булгарии характеризуется узкой номенклатурой изделий (кубки, стаканы, флаконы, чаши, аламбики, банки, лампы, оконное стекло), простотой форм и способов орнаментации, утилитарностью, обнаруживая устойчивую стандартизацию как по перечню морфологических признаков, так и по особенностям химического состава.

Стеклянные бусы и браслеты не стали массовыми украшениями в Волжской Булгарии. Во всех домонгольских булгарских городах и селах отмечено малое число этих изделий, в отличие, например, от русских памятников. Очевидно, булгарские женщины отдавали предпочтение украшениям каменным, прежде всего, из сердолика, янтаря и хрусталя. Кроме раннего Булгара, массовый характер имеют находки стеклянных бус на I Семеновском, Измерском селищах – основных центрах торговли на Средней Волге X–XI вв. Здесь ближневосточные бусы серийного производства выступают денежным эквивалентом в торговле пушниной и другими товарами. Представлены они сотнями и тысячами экземпляров.

Изучение специфики сырьевых ресурсов региона Среднего Поволжья и Приуралья позволило объяснить особенности химического состава стекла – тип Na-K-Ca-Mg-Al-Si (+Mn+Fe). Это стекло сварено из тройной шихты: зола-известь-песок.

Стеклянные графины, флаконы и чаши из раскопок Биляра

В качестве щелочного сырья использовалась зола растений-галофитов солонцово-солончаковых почв Западного Закамья, щелочноземельным сырьем выступают доломитизированные известняки или доломиты местного происхождения. Третьей составляющей шихты являлся песок Камской песчаной провинции с большим содержанием тугоплавких фракций (соединений Fe, Ti и др.), вредных для производства качественного стекла. Тем не менее билярское стекло в целом отличается высокое качество, отвечающее техническим и эстетическим требованиям своего времени. Благодаря оптимальному присутствию основных составляющих, а также окиси алюминия, билярское стекло имеет высокую химическую устойчивость, на что указывает его сохранность – отсутствие иризации на поверхности, незначительная патенизация. Налицо удивительно точный подбор местных, а значит – дешевых и доступных сырьевых материалов, в рамках общей ремесленной традиции. Билярское стеклоделие следует рассматривать как составную часть ближневосточной традиции. Причем период становления ремесла проходил в течение XII в. под влиянием закавказской

и, возможно, среднеазиатской школ. Обнаруживая большую близость по всем параметрам к названным центрам стеклоделия, химический состав билярского стекла, кроме соотношения щелочей (соединения натрий-калий), довольно значительного присутствия алюминия, характеризуется также постоянным и стабильным содержанием соединений железа и марганца. Эти два последних элемента в сочетании с другими признаками являются своеобразными индикаторами билярского стекла.

Наличие стеклоделательных мастерских, большой объем стеклянных находок, их номенклатура, специфика форм и декора, химический состав, соответствующий особенностям сырьевых материалов региона, являются свидетельствами существова-

ния болгарского стеклоделия в домонгольской Волжской Булгарии. Появление такого высокотехнического ремесла как стеклоделие в домонгольское время, представляется глубоко закономерным явлением, отвечающим общему высокому уровню экономики Волжской Булгарии, ее городской культуры, в частности, расцвету городского ремесла.

Стеклоделы Волжской Булгарии обладали высокими навыками в выработке стекла на всем протяжении этого сложного технологического цикла – от изготовления огнеупоров, подбора сырьевых материалов и контроля за условиями плавки до выпуска конечной продукции оконного стекла и посуды.

4. Гончарное производство

Нина Кокорина

Гончарное ремесло Волжской Булгарии являлось одной из развитых отраслей городского производства. Исследователи единодушны в том, что до переселения в Волго-Камье и основания впоследствии своего государства болгары обладали большим опытом и знаниями, привнесенными ими из древнейших центров развития ремесел Причерноморья, Кавказа, Центральной и Средней Азии.

Становление гончарства в раннебулгарский период не являлось до настоящего времени предметом специального изучения. Исследования 80–90-х гг. прошлого столетия памятников приустьевому Закамью, Ульяновского и Самарского Поволжья дали новые материалы на поселениях и могильниках раннебулгарского времени. Наиболее ранней из них является посуда из Новинковских I и II могильников.

Изучение технологии посуды этих памятников показало ее близость с именьковской посудой. Именьковская и раннебулгарская поселенческая посуда в виде лепных горшков с отделкой края вмятинами пальцев обнаружена вместе на ряде поселений (Севрюкаевское, Старо-Майнское городище, II Маклашеевское, Балымерское, Девичий городок и др.). Технологическая

близость посуды этих культур является подтверждением совместного длительного проживания, влияния ремесла и, возможно, отчасти смешения населения [Васильева, 1995, с.75–83].

На поселениях салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. известны гончарные горны двух типов: 1) двухкамерные с опорным столбом (с истоками в позднеантичных и средневековых горнах Крыма); 2) двухкамерные горны без опор и столба. Строительные материалы в них варьируются в зависимости от местных условий и обжигаемых изделий. Очевидно, эти типы горнов использовались и населением Среднего Поволжья в хазарский период.

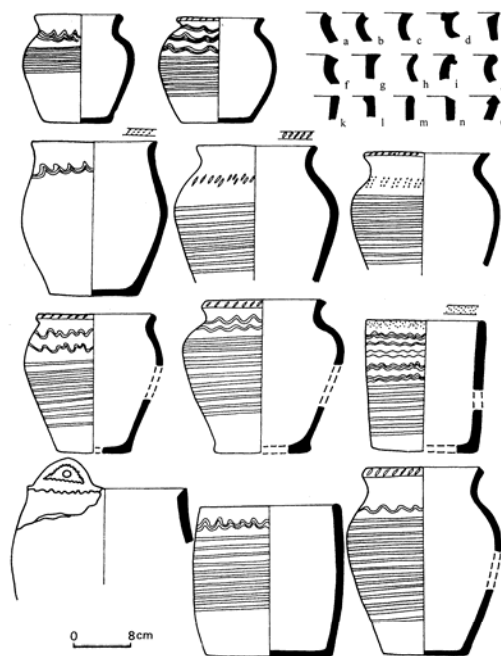
Известные гончарные горны Волжской Булгарии датируются пока не ранее X в. Остатками наиболее ранней мастерской является сооружение №3, исследованное на Мало-Иерусалимском (Правобережном) поселении рядом с Болгарским городищем.

Мастерская представляет собой несколько заглубленное в грунт сооружение срубного типа, с земляным полом, двумя печами одной конструкции и крупным столбом между ними. Очаги имели овальную форму (130 x 140, 150 x 110 см). Основание, на 30 см заглубленное в материк,

имело чашевидную форму, выложенную кусками красного песчаника. Верхняя часть стенок печей сохранилась на 25–30 см, стенки внутри и снаружи скреплены глиняным раствором. Аналогичные печи-очаги известны на поселениях Подонья [Винников и др., 1995, с.130–132, рис.2] и относятся к печам тандырного типа. Данный тип печей имел универсальное назначение. Наличие керамических, железных шлаков и криц, а в данном случае, возможно, остатки и меднолитейного производства характерны для данного типа мастерских. По аналогии с гончарными мастерскими на поселении Дроница в Восточном Подонье данный тип мастерской из Булгара следует считать сезонной гончарней, в зимнее время использовавшейся для работы с цветным металлом. Традиции салтово-маяцкой культуры свойственны и изделиям – кухонной, лепной и круговой посуде. Наряду с сосудами, характерными для X в., в данном керамическом комплексе есть сосуды раннего салтово-маяцкого облика VIII–IX вв. На данном поселении, а также на поселении Бабий бугор и в центральной части Болгарского городища встречаются сосуды чепецкого типа со шнуро-штампованным узором, бытовавшие до середины IX в.

Фрагменты сероглиняных кувшинов танкеевского типа датируются IX в., лепные уплощенные донные горшки с шамотом, песком и раковинной с кольцевыми защипами по краю – IX–X вв. Горшки салтово-маяцких истоков (XI группа), близкие билярским, изготавливаемые в этой мастерской, следует отнести к концу IX – началу X в.

В период правления киевского князя Олега (882–912) после военных акций значительная часть населения хазарского пограничья переселилась на Волгу. Для комплексов IX – начала X в. Волжской Булгарии характерно распространение посуды с новыми болгаро-печенежскими и хазарскими (салтово-маяцкими) традициями. Рассмотренный комплекс с поселения в Иерусалимском овраге связан с салтово-маяцким населением Подонья, комплексы типа Мало-Пальцинского селища IX в. относятся к болгаро-печенежскому кругу памятников. Наиболее выразительным примером взаимодействия этих компонентов с прикамско-приуральскими группами

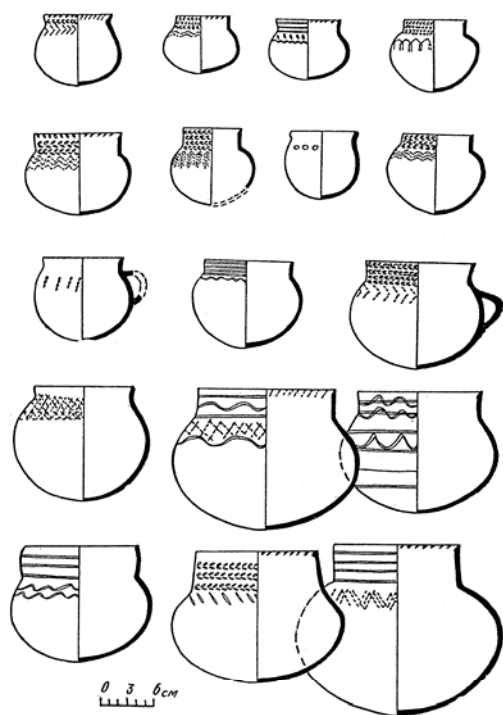
Посуда салтово-маяцких истоков из раскопок Биляра (по Ф.Ш.Хузину)

финно-угорского населения являются памятники типа Кайбельского селища X–XI вв. [Хлебникова, 1962, рис. 17: 1, 3, 6, 7–11; 17: 2, 6, 12, 13, 15]. В комплексах гончарной посуды булгар X в. ямочный декор лепных сосудов заменяется декором из «запятых» и широких рифленых линий, характерных для раннего Биляра.

Становление городского гончарства в Биляре в домонгольский период связано с созданием государства.

Биляр закладывается во второй четверти X в. в глубине Закамья как общегосударственный, общеплеменной центр с регулярной застройкой, строительством кирпичных зданий, локальным расположением отдельных ремесленных слобод [Хузин, 1995]. Быстрое развитие происходило с использованием труда мастеров из различных центров, и в том числе прибывших с посольством Ибн-Фадлана. Учет многоплеменного, многоконфессионального состава населения государства требовал новой формы организации ремесла.

Первые мастерские с горнами, к сожалению, в Биляре не сохранились. Следы разрушенных пашней ранних кирпичных горнов по берегу р. Елшанки близ каравансарая отмечались в юго-восточной части

Посуда прикамско-приуральских истоков
из раскопок Биляра (по Ф.Ш.Хузину)

Биляра [Халиков, 1976, с.36 и сл.]. Изделия этой мастерской, в основном первой половины X в., представлены в ритуальном комплексе раннего могильника рядом с караван-сараем (яма № 5). Посуда этого комплекса (кувшины, горшки, миски, кружки) имеет красно-коричневый обжиг, довольно толстые стенки, сплошное лощение. Среди них кувшины-водоносы с грушевидно-приземистым туловом, желобчатым сливом, подобные кувшинам Танкеевского могильника. Изготовленные на круге, в иной рецептуре, они объединяют различные черты, создавая новый облик. Второй тип узкогорлых кувшинов с выдающимися боками и сливом-ложбинкой характерен для мусульманско-хорезмийских комплексов. Кувшины из ранних комплексов Биляра часто имеют белый и красный ангоб. Вероятно, изделия ранней мастерской были изготовлены во вкусе мусульман-хорезмийцев – купцов и промышленников.

Во второй четверти X в. возникает целый квартал гончаров на юго-западной окраине Биляра вдоль реки Билярки во внешнем городе. Здесь строится одно-

временно несколько гончарных мастерских. Планировка сооружений квартала имеет единое направление с улицей – проездом вдоль реки.

Занимаемая гончарной слободой площадь составляет около 8–10 га. На этой площади выявлены остатки горнов, скопления керамических шлаков и керамики. На исследованном северном участке изучены остатки 9 горнов, которые имели овальную в плане форму четырех типов конструкций: тип 1 – двухъярусный без опорного столба с низкой топочной камерой (от 20–40 см), длинным (около 90–110 см) или средним (около 60 см) топочным каналом; тип 2 – одноярусный с грушевидной в плане, глубокой топкой (60 см) и длинным топочным каналом (до 120 см); тип 3 – одноярусный цилиндрической формы, с длинным топочным каналом (около 1 м), с полкой из глиняных штырей; тип 4 – одноярусный, эллипсоидный в сечении, с кирпичной эсовидной в плане формы полкой и топочным каналом около 80 см [Кокорина, 1983, с.50–69].

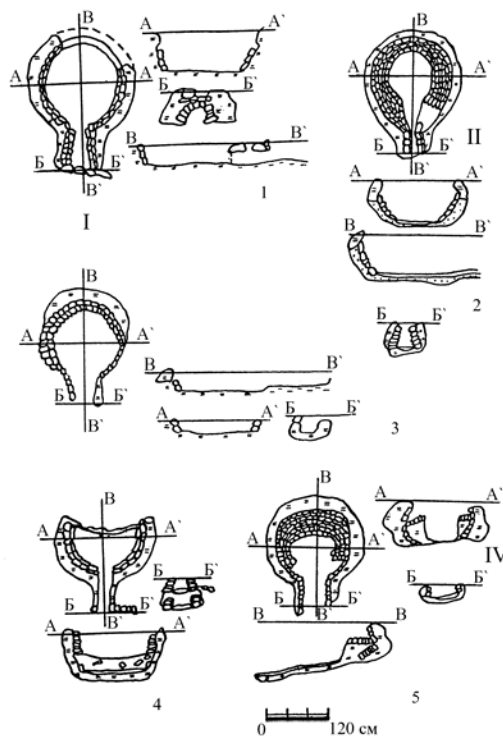
Все горны топочной частью заглублены в материковую глину. Верхняя часть горнов сферическая, имела дымовое и загрузочное отверстия. Перегородка снабжалась различным количеством продухов, которыми регулировалась необходимая температура.

Горны типа 1 являлись универсальными. В них обжигалась различная столовая посуда, в том числе и поливная. Рядом с ними найдены предметы печного припаса (глиняные трубы, заслонки, подставки разных форм). Горны типа 2 использовались для обжига особо термостойких изделий (котлы, горшки и т.д.), а также поливных изделий и, возможно, варки стекла для бус. Горны типа 3 служили для обжига столовой поливной посуды, в том числе блюдобразных форм. Топливом в них являлся древесный уголь, дающий бездымный обжиг. Горны типа 4 использовались в основном для обжига мелких изделий: светильников, кружек, пряслиц и т.д., в том числе и поливных.

Мастерские представляли собой сооружения с заглубленной производственной частью. В предгорновую яму выходили устья топочных каналов одного или двух

гончарных горнов. Судя по остаткам, помещения мастерских представляли прямоугольные срубы (9 x 6; 10 x 8 м) с двухскатной или односкатной крышами с мощными (40 см в диаметре) «царь»-столбами рядом с горнами. Это – среднеазиатская особенность гончарных мастерских [Пещерева, 1959, с.211]. Кроме сакральной функции, «царь»-столб выполнял роль опоры для дымовой трубы. В болгарских мастерских гончарные трубы использовались не только в качестве дымо-газоотводов, но и в отопительной системе. В мастерской с горном № 7 (XI в.) бытовая печь прямоугольной формы соединялась под глиняно-деревянным помостом (суфой) дымоходом из труб с горном и затем, вероятно, дымоход выходил на крышу. Входы располагались в торцовых стенах сооружений. В мастерских с горнами № 5, 6, 7 вдоль длинных стен помещений возвышались на 40–60 см над предгорновой ямой полки-суфы из досок, обмазанные глиной. К мастерской с горном № 5 (конец XII – начало XIII в.) с северной стороны примыкал навес или пристрой, в котором подсушивались и хранились изделия. Там найдено большое количество готовой раздавленной посуды.

Мастерские Биляра имели выраженную в особенностях устройства и вещевом материале специализацию. Ряд мастерских с горнами располагался вдоль обрыва правого берега Билярки. Предгорновые ямы со стороны устья топков были облицованы кирпичом на глиняном растворе. В них найдены наборы печного приклада: глиня-

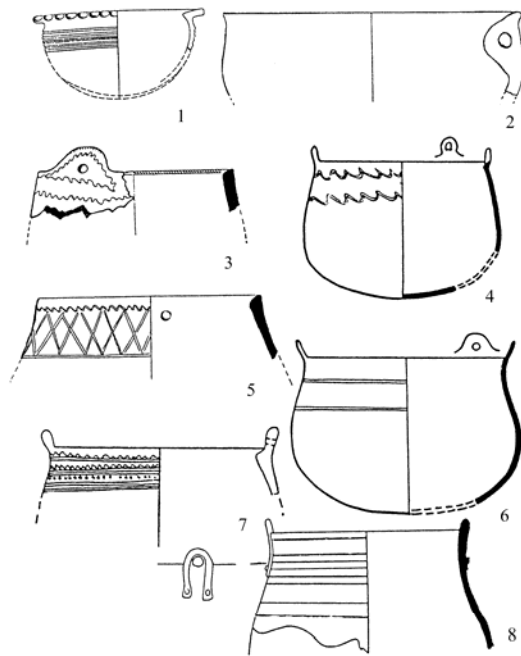
Гончарные горны Билярского городка.
1 – горн № 4; 2 – горн № 8; 3 – горн № 7;
4 – горн № 1; 5 – горн № 5

ные плитки-заслонки для отверстий в горне, фрагменты труб диаметром 8–10 см, сипои-прокладки, штыри-подставки. Рядом с некоторыми горнами X – первой половины XI в., в яме был запас топлива в виде древесного угля, использовавшегося для бездымного обжига поливной посуды. В этих мастерских найдена посуда различных форм, обжигавшаяся в данных горнах, но изготовленная в основном, вероятно, в других мастерских.

Через дорогу шел следующий ряд мастерских с горнами. В этих мастерских вдоль стен наблюдались остатки глиняно-деревянных настилов полок, на которых найдена большая часть керамических изделий, заготовки, инструменты для работы по глине, кости, металлу. Эти находки связаны с размещением рабочих мест гончаров. В промежутках работы, когда горны не топились, мастерские обогревались бытовыми глинобитными печами. Они располагались в северо-восточном и северо-западном углах мастерских. В подпечных ямах найдены заготовки глины, железные крицы. В мастерской с горном № 7 в северо-восточном углу обнаружены остатки

Реконструированная керамика X—XI вв.
из ямы № 5 в районе караван-сарая

Глиняные котлы из Булгара (1),
Измери (2) и Биляра (3–8)

развала глинобитного постамента от ручной мельницы. Рядом с ней среди развала корчаги лежал пласт сгоревшего зерна пшеницы. Аналогичные мельницы в совокупности с жерновами известны в Волжской Булгарии [Йовков, 1976, с.251]. Они могли использоваться в гончарном деле, что подтверждается этнографическими материалами Средней Азии. Мука из низкопробной пшеницы добавлялась при изготовлении поливы, а также использовалась в обваривании посуды. Полова шла на добавки в глиняное тесто некоторых изделий. Горшки с растительной примесью с орнаментом из «запых» и широких рифленых линий по тулову бытуют в Биляре в X–XI вв. и среди них встречены наиболее ранние экземпляры с клеймами в виде знака А.

Небольшие по размерам (около 1 м в диаметре) горны использовались для обжига кухонной и отчасти более простой столовой посуды. Горн № 6, погибший во время пожара в X в., был загружен посудой. В обжигаемой партии насчитывалось 25–26 сосудов, один из которых имел клеймо А-образной формы. Горн № 5 (XII–XIII вв.) содержал в момент гибели партию

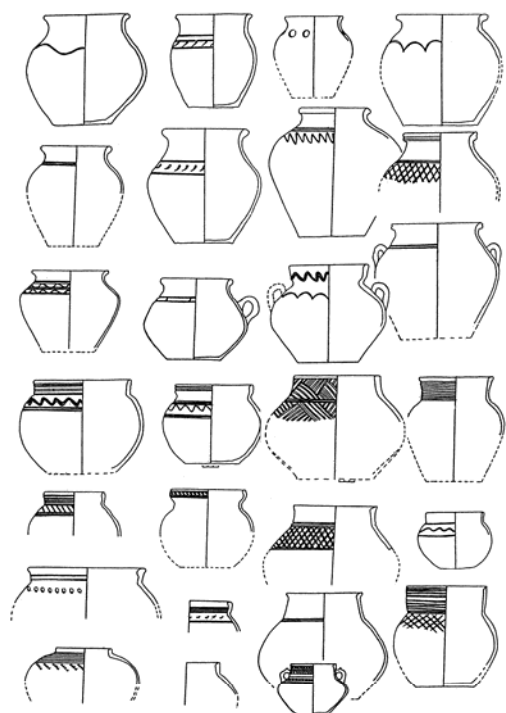
пряслиц, поливные светильники, чашечки, кружки, плоски, чернильницу.

Большая часть инструментария делалась гончарами. Так, по следам на донцах, обычно со следами золистой подсыпки, наблюдались отпечатки деревянных подставок для гончарного круга, на которых делались сосуды. Они представляли деревянные диски, на которых имелись вырезанные тамги-клейма. В нескольких случаях это были специально изготовленные и обожженные плитки с вырезанным по сырой поверхности клеймом. В гончарных мастерских часто встречаются ножи разных форм, долота, миниатюрные тесла, щипцы, ложила, терочки, гребни-орнаменты, каменные и металлические котлы, в которых измельчались примеси в тесто и ингредиенты в глазури.

Гончарные круги в Волжской Булгарии были деревянными. О типах кругов можно судить по следам на сосудах. На донцах встречены следы от торца овальной формы оси круга (горн № 4) и квадратного сечения оси из горна № 5. На основании следов на донцах булгарской посуды можно говорить о наличии ручного круга грибовидной формы легкого типа, ножного круга с подпятником среднеазиатского типа (подпятники из разных материалов) [Бобринский, 1978, с.42–43]. Ножной круг с подвижной осью и четырехугольным торцом, выявленный И.Н.Васильевой [1993, с.125], также использовался в билярских мастерских, по крайней мере, с XII в. (сосуд с отпечатком оси найден в забутовке горна № 5).

Таким образом, по материалам Биляра в домонгольский период существовали гончарные круги трех конструкций: 1) ручной круг с грибовидным диском; 2) ножной круг с подпятником среднеазиатского типа; 3) ножной с подпятником и подвижной осью восточноевропейского типа. Ножной круг среднеазиатского типа опирался нижним концом в подпятник, укрепленный в каменном жернове или камне. Подпятники делались из лопаточной кости крупного рогатого скота и реже из железа.

Булгарские гончары широко использовали кости животных в инструментарии и различных приспособлениях. Лопатки барана применялись как скребки для очистки от глины круга, как совки, встречают-

Горшковидные сосуды
из раскопов болгарских памятников

Типы кувшинов из болгарских поселений

ся ножи-правила из ребер крупного рогатого скота, подпятники из лопаток коров, орнаменты-гребни и др. Инструменты из кости восходят своими истоками к гунно-сарматским предкам болгар [Давыдова, 1995, рис. 45: 28, 29; 50: 10, 11].

Ножи с длинным черешком и закругленным концом использовались для обточки поверхности сосудов, крупные широколезвийные ножи с острым или закругленным концом – для работы по дереву и кости, в том числе при вырезании клейма; ножи с загнутым перпендикулярно к лезвию концом и черенком – для обточки донцев блюдообразных, серповидной формы – для съемки изделия с круга.

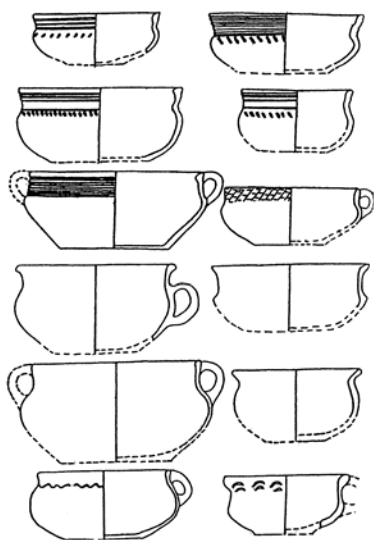
Лощила делались из стенок сосудов, применялись речные гальки, а также ребра барана. Для выравнивания поверхности использовались деревянные ложки, глиняные наковаленки грибовидной формы – для заделки швов в сосудах и тандырах.

Предметы печного припаса включали сепоя разных размеров, штыри пристенные, подставки-штыри. Подставки-штыри с широким основанием и грибовидным навершием ставились с поливным изделием

на под печи. Они выявлены вместе с пристенными штырями в ранних горнах. Глиняные сепоя – самые многочисленные подставки – использовались как прокладки при обжиге поливных блюдообразных сосудов в горнах X–XIII вв.

Штыри пристенные (15 см длиной) примазывались к стенкам горна, образуя полку для установки и подвешивания кувшинов, кружек, светильников. Глиняные штыри относятся к горнам X–XI вв. в Билляре. Аналогичный способ размещения изделий известен в Хорезме конца I тыс. н.э. [Пещерева, 1959, с.232].

Дымогарные трубы диаметром около 8 см фрагментарно встречаются во всех мастерских. Раструбообразный конец имеет диаметр 18–22 см. Внутри они покрыты сажей. К дымогарным трубам относятся заглушки диаметром 8 см. Большая часть их найдена при расчистке горна № 5 предмонгольского времени. В нем отжигались изделия с высококачественной толстой глазурью зеленого и коричнево-зеленого оттенков с металлическим блеском. Большая часть изделий из горна – светильники, кружки, пряслица – имели восстановитель-

Миски из болгарских поселений

ный обжиг. Последний тип печей, сепоя и поливные изделия аналогичных глазурей характерны для гончарства Казахстана и Узбекистана [Пещерева, 1959, с.151, 172, 200; Рахимов, 1961, с.69].

Ассортимент изделий мастерских Биляра состоял из столовой, кухонной, тарной посуды, сосудов туалетного, медицинского, технического назначения. Изготовление жженных строительных кирпичей было одним из направлений. Однако, вероятно, для их изготовления использовались более крупные печи. Возможно, наборы кирпичей для горнов обжигались в гончарных печах.

Посуда Биляра включает все разнообразие видов и форм, бытовавших в домонгольский период. Она отражает богатые традиции различных этнических групп Волжской Булгарии. Они прослеживаются как в формах, так и в отделке посуды.

В гончарных мастерских с X в. изготавливаются керамические котлы, отражающие традиции этнических групп тюркоязычного населения. Изготовление котлов домонгольского периода в основном в мастерских Биляра (X – начало XIII в.) и сосредоточение находок их на Билярском городище является свидетельством столичного статуса этого города с начала его закладки [Кокорина, 2004, с.34–44].

Горшки из билярских мастерских представлены семью этнокультурными типами разных истоков [Кокорина, 2002], что прослежено и на материалах памятников Волжской Булгарии домонгольского периода [Хлебникова, 1984]. Среди них преобладают типы, относимые к основным группам тюркоязычного населения. Это пришедшие из районов Хазарского каганата и салтово-маяцкой культуры берсулы, болгары, сувары, турки-мадьяры, баранджары, баджинаки, известные по письменным источникам к началу X в.

Горшки типа 4 разнообразны и получают распространение особенно в Биляре, Джукетау и Нижнем Прикамье с середины XI в. Они связаны с включением в X в. огузо-куман и кипчаков-шаров [Кокорина, 2002, рис.15–17] кипчакских групп населения с истоками на Алтае, в Центральном и Восточном Казахстане. Эти тюркоязычные группы юго-восточных истоков, по крайней мере, с VI в. контактирующие с финно-угорскими группами Приуралья и Волго-Камья, складываются в разряд населения Волжской Булгарии, называемый в письменных источниках X в. «эсегель». Типы 5, 6, 7 появились в результате контактов и смешения этих этнических групп и отличаются немногочисленностью среди массовой посуды.

Этническое своеобразие отдельных районов Волжской Булгарии заметно проявилось в преобладании отдельных типов горшкообразных форм. На поволжских памятниках домонгольского периода, от Муромского городка и до Булгара, преобладают горшки с линейно-волнистым орнаментом, «запятыми» тюрко-печенежских традиций. Выделяются также горшки с ямками, продолжающие раннебулгарский, «пальчинский» тип, и горшки с рифлением горловин, отпечатками в виде полумесяца, «гусеничек» по плечу тюрко-угорского облика [Хлебникова, 1984, рис.57, 58, 85, 94, 95; 1988, рис.49, 50]. Наряду с приведенными типами в Суваре бытуют цилиндрические горшки со своеобразно нанесенной волной – «змейкой» кушнарниковско-турбаслинских традиций [Хлебникова, 1984, рис.115].

Среди кувшинообразных насчитывается около 20 типов разных истоков и традиций.

Наибольшее количество типов относится к XII– началу XIII в.

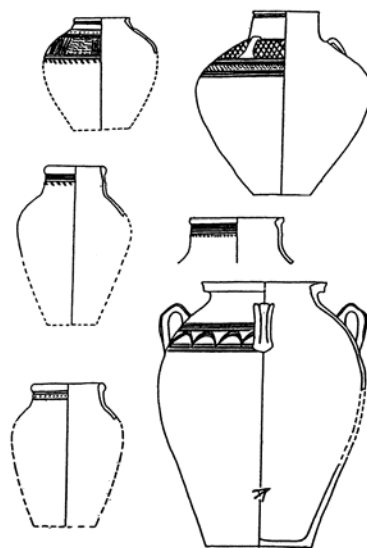
Разнообразен состав кружек (8 типов), кринок (12 типов), корчаг, хумов (6 типов), блюдообразных мисок и чашек. Наряду с посудой изготавливаются сосуды для специй, чернильницы, политры (тройной сосудик сарматской традиции). В мастерской с горном №5 найдены фрагменты красноглиняных лощеных сфероконусов местного производства, подражающих сероглиняным кавказским и среднеазиатским образцам.

В X–XIII вв. встречаются триподы горшкообразной формы, триподы-курильницы чашевидной формы, светильники с носиком, «угольные» чашки и туваки. Горшкообразной формы триподы делались во вкусах различных групп населения и связаны, возможно, с какими-то обрядами. На одном из них на ручке тюркскими рунами вырезано благопожелание «пить кислое молоко».

Необычны сосуды в виде трехногих курильниц с ручкой для переноса углей. Они проникают с населением юго-восточных истоков из районов Таласа, северного Каратау вместе с широкогорлыми кувшинами с красным ангобом и грушевидной формы кружками с зооморфными ручками [Левина, 1971, рис.60: 4, 5, 10, 11, 56; 61: 7, 18 и др.].

Для домонгольского периода характерны также сосуды с зооморфными формами. Среди них сосуды, пробки и солонки в виде уток, гусей, с головками лошадей, горных козлов, баранов, петухов, соколов; ручки от кружек в виде медведей. Ручка в виде медведя найдена в мастерской с горном №5. Эти изображения передают скульптурной лепкой, орнаментом абстрагированные образы сакрализованных древних тотемов [Кокорина, 2001, с.85–94].

Указанные изделия требовали высокого мастерства, глубоких знаний народной культуры. Среди болгарских гончаров были достаточно образованные для своего времени специалисты, знакомые с арабским письмом, тюркскими рунами, знаками и законами пиктографического изобразительного искусства древности. Примером единичных надписей арабского письма является надпись «Аллах» на крышке от кувшина или кружки XII в. из Биляра. Любопытны целые композиции знаковой

Корчаги из болгарских поселений

символики на кружках из Биляра X в. и Булгара XII – начала XIII в.

Среди изделий гончарных мастерских Биляра часто встречаются клейменные сосуды. Учтено более тысячи клейм на посуде Биляра и других городов и поселений Волжской Булгарии домонгольского времени [Кокорина, 2002, с.201–217]. Изучение распределения знаков – клейм посуды в объектах и слоях Билярского городища позволило сделать вывод о том, что они являлись семейно-родовыми тамгами и принадлежали известным и знатным родам [Кокорина, 1983, с.69; 2002].

Выделено всего 47 групп, 236 типов знаков. Тамги из гончарных мастерских Биляра наиболее многочисленны (учтено около 700 знаков, 300 из них сохранили графику полностью). Большая часть тамг на посуде вместе с изделием делалась по заказу. Отсюда разнообразие типов тамг, обнаруженных в мастерских. Случай клеймения в горне № 6 одного сосуда А-образной тамгой из всей партии обжигаемых одновременно сосудов может свидетельствовать об уплате доли владельцу мастерской гончарными изделиями.

Для ранних мастерских Биляра X–XI вв. наиболее характерны знаки А и «ветка». Эти знаки повторяют тамги с монет Болгара (Биляра) и Суvara X в., принадлежавшие правящим родам. Преобладание А-образной тамги на изделиях гончаров X – начала

XIII в. и ее вариабельность присущи Биляру, реже встречается такая тамга в Булгаре, Иски Казани (Русско-Урматское селище) и других поселениях Волжской Булгарии, что свидетельствуют о покровительстве и сосредоточении в руках правящего рода гончарных мастерских [Кокорина, 1989, с.89–97, рис.106–110].

Находки глиняных «хлебцов» и глиняных шариков (баурсак?) в очагах и печах болгарских гончарных мастерских по аналогии со среднеазиатскими обычаями гончаров-цеховиков [Джаббаров, 1959, с.379–396] могут считаться жертвенными приношениями в честь духа предка. Наличие этого обычая указывает на преемственность гончарного ремесла, передачу его по наследству, и только по мужской линии, что не исключает отношения: мастер – ученик со стороны.

Создание феодального государства, интенсивное городское строительство явилось стимулом быстрого развития гончарства в Волжской Булгарии. Строительство дорогостоящих специализированных мастерских в Биляре уже в X в. приобрело государственное значение. Прибывшие из Средней Азии и арабского Востока ремесленники повлияли на организацию ремесленного дела и создание купеческо-ремесленных объединений у булгар.

Высокий уровень специализации гончарных мастерских Биляра и других городов прослеживается на всех этапах организации данного ремесла и предполагает у них наличие цехового объединения. Массовый стандартизированный ассортимент изделий мастерских создается с учетом различных этнических традиций и конфессиональных особенностей.

5. Прочие ремесла

Фаяз Хузин

На базе гончарного дела или под его влиянием зародилась новая отрасль ремесла – *производство строительного кирпича*. Оно, в сущности, не отличалось от гончарства. Данное ремесло появилось в условиях широко развернувшейся градостроительной деятельности первых болгарских правителей, когда требовалось громадное количество кирпича для возведения жилых домов богатых горожан, общественных бань и других зданий, число которых только в Биляре достигало почти полсотни. Горны для обжига кирпича, очевидно, были в каждом городе, где строились кирпичные сооружения. Но пока они открыты только в Биляре и Муромском городке.

Билярский горн с округлым основанием диаметром более 250 см находится в районе расположения кирпичного здания на раскопе XXXVIII, заложенного во внутреннем городе к юго-западу от Соборной мечети, но ни один объект раскопа, к сожалению, до конца не вскрывался. Вышеупомянутый прямоугольный горн, открытый Г.И.Матвеевой на Муромском городке, изначально был предназначен для обжига кирпича. Он имел двухъярусную конструк-

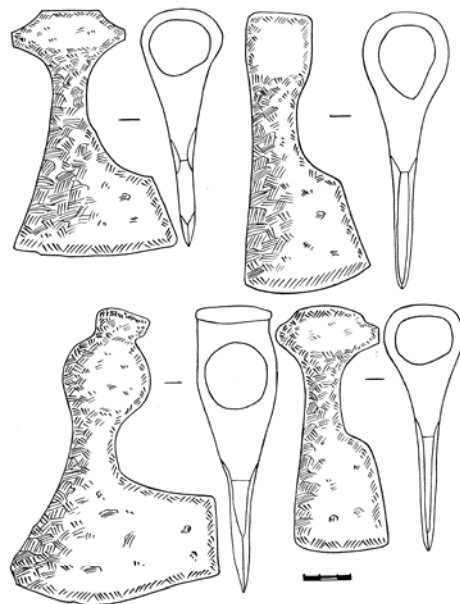
цию. Сохранилась только топочная камера горна, представляющая собой несколько углубленный в материковый грунт котлован (220 x 220 см), стенки которого были обложены стандартными кирпичами почти квадратной формы (25 x 24 x 5 см). В восточной стенке котлована находилось устье топочной камеры, стенки и под (дно) которого были обмазаны глиной. Внутренняя часть топочной камеры была разделена на три части: в середине располагался центральный канал шириной от 68 до 103 см, по обеим сторонам находились кирпичные платформы высотой 30 см. На них стояли опорные столбы шириной в один кирпич. С каждой стороны располагалось по пять столбов, кирпичи которых, начиная с третьего ряда, несколько выступали вперед по отношению к нижележащим, образуя, таким образом, ложный свод. Перед устьем топочной камеры располагалась предгорновая яма глубиной 50 см, заполненная обломками кирпича. Керамики обнаружено мало. Горн, по всей вероятности, функционировал долго, о чем свидетельствуют сильная прокаленность стенок и ошлакованная под воздействием высокой

температуры глиняная обмазка поверхности платформы и опорных столбов [Васильев, Матвеева, 1986, с.186–187].

Аналогичные по конструкции прямоугольные или квадратные в плане горны, как указывает Г.И.Матвеева, известны в Крыму, Средней Азии, в золотоордынских городах. Они предназначались, главным образом, для обжига кирпича, черепицы, хотя иногда использовались и для обжига глиняной посуды [Васильев, Матвеева, 1986, с.187].

Косторезное ремесло считается одной из традиционных отраслей хозяйства, уходящей своими корнями в глубокую древность. Следы этого производства выявлены практически на всех болгарских поселениях в виде полуфабрикатов или готовых изделий, однако пока нигде не найдено специальных мастерских ремесленников. В северо-восточном пригороде Чаллынского городища в 1994 г. нами было изучено подпрямоугольное (310 x 250 см) наземное сооружение с неглубоким подпольем, в заполнении которого оказалось большое количество костей животных (252 шт.), в том числе рога лося, среди которых были заготовки, обработанные ножом и специальной пилкой (17 шт.) [Хузин, Нигамаев, 1999, с.124]. Возможно, перед нами остатки косторезной мастерской, смущает только отсутствие в коллекции находок из сооружения специального инструментария. Для Биляра А.Х.Халиков предполагал существование особых районов косторезов во внутреннем городе [Халиков, 1976, с.41–42]. При этом он опирался на сообщения В.А.Казаринова о продаже местными жителями скупщикам огромного количества костей, добываемых в двух районах городища – у северо-восточных укреплений и к юго-востоку от «кузнечного мара». В некоторых ямах-складах крестьяне собирали до 200 пудов костей, часть которых имела явные следы обработки [Казаринов, 1884, с.105].

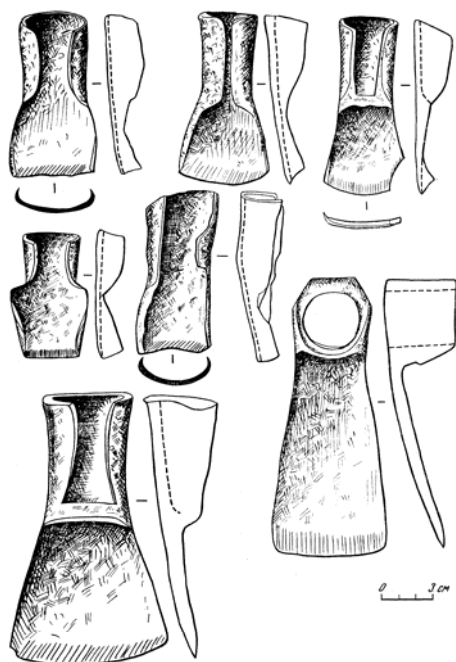
Набор инструментов косторезов, обнаруженных при раскопках городских поселений, включает ножи, сверла, пилы, напильники, резцы-двузубцы для нанесения циркульного орнамента, а также простой токарный станок, характерные следы которого прослежены на многих предметах. Номенклатура костяных изделий весьма обширна: предметы домашнего обихода

Железные топоры из Биляра

(рукоятки ножей, ложки, проколки, иголки и пр.), боевое и охотничье снаряжение (наконечники стрел, налучные накладки, колчанчики петли, рукоятки нагаек и пр.), предметы туалета и украшения (гребни, копушки-ухвертки, пуговицы, застежки, бусы и пр.), игральные кости (шахматные фигурки, кубики с «очками», альчики для игры в бабки и др.), культовые предметы (амулеты различных форм и назначений, лопатки со знаками) и др. Они изготовлены, в основном, из костей крупных домашних животных, а также из лосиных и оленьих рогов, иногда из зубов диких животных. Использовались даже ископаемые кости. В этой связи уместно привести слова ал-Гарнати о добыче и использовании булгарами бивней мамонта: «А под землей есть бивни мамонтов, белые, как снег, тяжелые, как свинец... И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и шкатулки и другое, так же как изготавливают из слоновой кости, но только это – крепче слоновой кости: не ломается» [ал-Гарнати, 1971, с.31].

Кожевненное дело – обработка шкур животных и изготовление из них различных изделий – относится также к традиционной области хозяйства болгар. Во многих странах Востока и Запада чрезвычайно высоко ценился особый сорт тонко обработанной кожи (юфть), называемый «булга-

Железные тесла из Биляра
(по Р.Ф.Шарифуллину)

ри». Под 985 г. «Повесть временных лет» сообщает о болгарских воинах, которые «суть вси в сапозех» [ПСРЛ, I, с.65].

Кожаная продукция болгарских мастеров имела богатый ассортимент: детская и взрослая обувь самых различных форм и размеров, головные уборы, куртки, ремни, бурдюки, кошельки, сумки, предметы конского снаряжения и пр. К сожалению, кожа плохо сохраняется в культурном слое и поэтому во время раскопок болгарских городов археологи находят лишь отдельные детали вышеперечисленных изделий, главным образом, подошвы, каблуки и обрывки голенищ обуви. На ремесленном посаде близ исторического центра Болгарского городища зафиксированы следы производства кожаной обуви (до 800 фрагментов кожи), прослеживаемые начиная с напластований домонгольского времени [Город Болгар, 1988, с.250]. Обрывки кожаных изделий нередко обнаруживаются и при раскопках Биляра [Хузин, 1985, с.69]. В одном из колодцев XII в. найдены куски полу-

овальных пластин-нашивок кожаной основы панциря (щита) [Шарифуллин, 1979, с.103, рис.41]. К частым находкам археологов относятся инструменты кожевников: сапожные ножи, сходные с обычными кухонными, но более короткие, с широким полотном и кривым лезвием, шилья, проколки, иглы.

Булгары – народ, «в строениях градов преславный», отмечал в свое время В.Н.Татищев [1962, I, с.358]. Сохранившиеся остатки кирпичных и каменных зданий, деревянных домов, хозяйственных построек и крепостных сооружений документируют высокий уровень **строительного дела** в болгарских городах. Об этом же свидетельствует разнообразный инструментарий строителей: топоры, тесла, пилы, долота, сверла, скобели, стамески, ложки и т.д. О существовании у болгар каких-либо строительных объединений типа артелей прямых сведений у нас нет, хотя предполагать это можно.

Имеющиеся источники позволяют говорить и о других видах хозяйственной деятельности горожан – прядении и ткачестве, обработке дерева и камня, и др. Однако у нас нет достаточных оснований говорить о выделении их в самостоятельные отрасли ремесла. Как и в более поздние времена, пряли и ткали почти в каждом доме, о чем свидетельствуют глиняные и шиферные пряслица от веретен, обнаруживаемые повсеместно при раскопках городских и сельских поселений булгар.

Итак, вышеизложенный материал позволяет рассматривать болгарские города как центры ремесла, некоторые отрасли которого, в частности, обработка цветного металла, в том числе ювелирное дело, а также производство поливной керамики и строительного кирпича, особенно стеклоделие являются сугубо городскими видами ремесла. Другие виды ремесла – кузнечное производство, гончарство, косторезное и кожевенное дело получили наибольшее развитие также в городах, хотя следы этих производств археологически зафиксированы и на сельских поселениях.

ГЛАВА 3

Булгары на торговых путях Евразии

Изучение болгарских городов характеризует их как крупные центры внутренней и внешней торговли. Роль торговли – одного из мощных факторов в возникновении средневековых городов – в экономике государства была настолько значимой, что в прошлом Волжскую Булгарию всерьез рассматривали как страну, сплошь населенную купцами и торговцами.

Активность внутренней торговли обуславливалась развитием ремесла и отделением его от сельского хозяйства. В результате общественного разделения труда между городом и селом производимые продукты становились товаром, реализация которого осуществлялась специальными посредниками – профессиональными торговцами, составляющими особую социальную группу горожан.

Чрезвычайно выгодное географическое положение Булгарии при слиянии Волги и Камы – магистральных водных путей Восточной Европы – стимулировало внешнюю торговлю. Исследователи единодушно признают, что Булгарское государство еще в X в., если не раньше, превратилось в крупнейший центр транзитной торговли. Булгарские правители проводили политику активного благоприятствования внешней торговле, поскольку она приносила огромный доход государственной казне: взималась десятая часть стоимости привозимых товаров. Ибн Фадлан об этом сообщает так: «Если прибудет корабль из страны хазар в страну славян [т.е. болгар], то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем [имеется], и возьмет из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие-нибудь другие [люди] из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову» [Ибн Фадлан, 1956, с.140–141]. Аналогичные сведения имеются у Ибн Русте: «Если приходят к ним мусульманские суда для торговли, то с них берут десятину» [Хвольсон, 1869, с.24].

Мы пока плохо представляем себе формы организации внутренней и внешней торговли болгар. Очевидно, важную роль в торговле играли постоянно действующие городские рынки – базары, расположенные, как правило, на центральной площади крупных городов, и международные ярмарки, проводимые один-два раза в течение года. Ал-Мукаддаси, описывая столицу болгар X в., указывал, что «главная мечеть стоит на рынке» [там же, с.84]. Как известно, соседство базаров и мечетей или торгов и церквей было явлением, весьма характерным для восточных, древнерусских и западноевропейских городов. По описанию Ибн Фадлана, «место рынка... бывает бойким во всякий [благоприятный] момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи» [Ибн Фадлан, 1956, с.138]. У Ибн Фадлана имеется также сообщение о проживании русов в больших деревянных домах на берегу Итиля недалеко от места проведения летней ярмарки.

В крупных городах функционировали караван-сарай для приезжих купцов. Комплекс караван-сараяв включал, как правило, жилые дома, складские помещения, постройки для содержания лошадей и верблюдов. В одном из районов Биляра, где предполагается место расположения караван-сарая, исследованы остатки кирпичного здания бани.

1. Денежно-весовая система

Рафаэль Валеев

Торговый инструментарий и весовая система

Торговый инструментарий (весы и их детали, железные и бронзовые гири, свинцовые грузики-пломбы), монеты и их обрезки, слитки серебра и т.п. являются ярким показателем присутствия торговцев в болгарских городах. Самые многочисленные находки, связанные с торговой деятельностью горожан, обнаружены на Билярском городище, Измерском I и Семеновском I поселениях. Известны они из Суvara, Муромского городка, Хулаша и многих других городов. Странно отсутствие торгового инвентаря в коллекциях из домонгольского слоя Болгарского городища, кроме свинцовых грузиков [Полякова, 1996, с.246–248]. Опубликованные Г.А.Федоровым-Давыдовым гири из собрания Национального музея РТ происходят из смешанных коллекций [Федоров-Давыдов, 1957, с.247–248].

Торговый инструментарий Билярского городища включает железные коромысла и бронзовые складывающиеся весы для малых взвешиваний, а также чашки весов диаметром от 4 до 10 см – более двух десятков находок по сведениям к 1985 г. [КБ, 1985, с.112–113, табл.Р]. Более десяти складных весов и их деталей, часто встречаемых на памятниках X–XI вв. по Волжскому торговому пути, собрано на торговоремесленных поселениях низовий Камы [Валеев, Казаков, 1993, с.185].

Наиболее многочисленную категорию находок торгового инвентаря составляют гири – весьма ценный источник для проверки теоретического расчета величин товарно-денежных систем, применявшихся в торговых операциях. Тем более первоначально весовые и денежные единицы совпадали, что объяснялось тем, что весовые единицы применялись для взвешивания драгоценных металлов, в первую очередь, золота и серебра.

На территории Волжской Булгарии были распространены гири двух основных групп, характеристику которых можно

осуществить на материалах Билярского городища (80 шт.), Измерского и Семеновского поселений (более 200 шт.).

Группа I включает железные гири кубической формы, которые по своим весовым показателям делятся на ряд типов.

Тип 1. Кубические монеты начали чеканиться из расчета веса иракского ратля в 409,512 г [Янин, 1956, с.194]. Из этого веса исходили и при чеканке собственно болгарских монет в X в. Широкое распространение этой весовой нормы показывают гири данного типа. Они составляют фракции иракского ратля. Гири весом 1,34, 3,48 г, 13,7 г, 51,6 г, 136,5 г составляли соответственно 1/300, 1/100, 1/8, 1/3 ратля в 409,512 г. При этом наибольшее количество гирек составляет фракции 1/30 ратля. Существование небольших гирек весом 1,34 г и 3,48 г (с учетом, что небольшая часть гири отколота) позволяет предполагать существование веса в 4,095 г. Средний вес саманидских монет, чеканенных в середине X в., составляет 3,27–3,49 г. [там же, с.136–139]. Следовательно, 60 монет чеканились из расчета 204,756 г, а 120 монет – из расчета 409,512 г. А если учесть гири весом 3,48 г с Измерского поселения, то мы можем говорить о широком распространении веса иракского ратля. Среди саманидских монет, найденных на Семеновском поселении, встречаются и монеты весом 3,03 и 3,34 г (Мансур ибн Нух, аш-Шаш, 975/976 г.), 4,06 г (Мансур ибн Нух, Самарканд, 976/977 г.) и др. В каталоге болгарских монет X в. из собрания ГИМ также встречаются монеты весом 3,22 г (ал-Муктадир, Нисабур), 3,16 г (Микаил ибн Джафар, Самарканд, 928/929 г.), 3,71 г (Талиб ибн Ахмед, Сувар, 949/950 г.) и др. [Янина, 1962, с.201–204, табл.6]. Интересно, что из расчета веса в 409,512 г отливались серебряные «круглые» и «новгородские» слитки. Следует предполагать, что иракский ратль в домонгольский период на территории Булгарии получил местное название «кадак». Так было и в Средней Азии, где это засвиде-

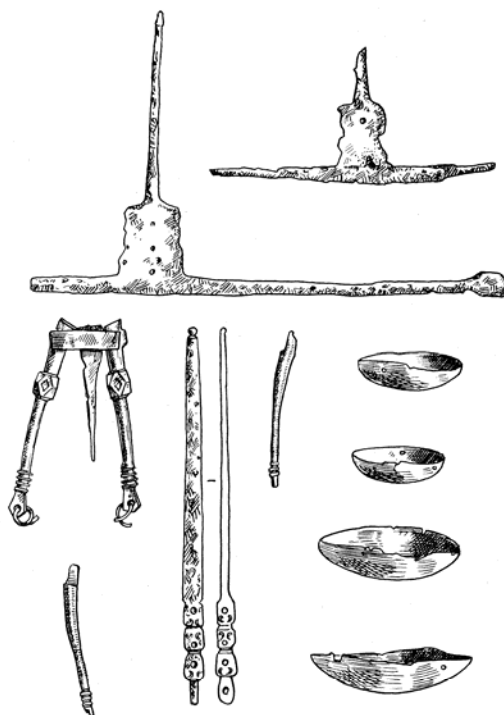
тельствовано письменными источниками [Давидан, 1970, с.83].

Тип 2. 1/96 часть иракского ратля в 409,512 г составляет мискаль в 4,26 г (классически 4,235 г), который также был широко распространен в Булгарии. Наибольший интерес вызывают гирьки, вес которых равен одному мискалю. Гиря весом 8,75 г исходила из расчета двух мискалей. Гири весом 20,16 г, приближенным к 42,25 г, 46,16 г, 127,8 г, составляли соответственно 5, 10, 11 и 30 мискалей. Вес в 4,26 г на территории Среднего Поволжья был известен и раньше. Применялся он и при чеканке монет Насир-лид-дина в Поволжье после «безмонетного» периода. Дирхемы выбиты по стопе 200 монет на вес стандарта в 426 г [Мухамадиев, 1983, с.32]. Распространение в домонгольский период получает и мискаль в 4,68 г.

Тип 3. 7/10 мискаля в 4,26 г составляет дирхем в 2,9645 г. В соответствии с каноническим соотношением 10 : 7, В.Хинц устанавливает вес классического серебряного дирхема в 2,9645 г, что подтверждается находками этих клейменных гирь второй половины VIII в. [Хинц, 1970, с.12]. В материалах Измерского, Семеновского поселений, а также Биляра в значительном количестве представлен вес дирхема в 2,9645 г. Встречены гирьки весом 2,97 г. Две гирьки с Измерского поселения весят по 1,48 г каждая, что составляет как раз половину дирхема в 2,9645 г. Гири весом, приближенным к 5,93 г, 11,75 г, 14,7 г, 16,7 г, 29,7 г, 58,7 г, 234,0 г, 292,7 г, приравниваются, соответственно, к 2, 4, 6, 10, 20, 80, 100 дирхемам в 2,9645 г. Целый ряд найденных на Семеновском поселении дирхемов весит в пределах 2,94–2,97 г (Мансур ибн Нух, аш-Шаш, 975/976 г., 976/977 г.).

Тип 4. При чеканке куфических дирхемов часто руководствовались практическим соотношением мискаль : дирхем = 3 : 2. В наших коллекциях 31 гиря приравнивается к весу 2,82 г, из них 14 экз. из Биляра. Гири весом 2,82 г, 5,66 г, 23,2 г, 55,8 г, 277,17 г приравниваются соответственно к 1, 2, 10, 20 и 100 дирхемам в 2,82 г.

Тип 5. Гирьки весом 1,61 и 3,12 г составляют т.н. «дирхам-ал-кайл». К этой весовой норме приравниваются 7 болгарских гирек, в т.ч. 4 из Биляра и 3 с Измерского поселения. Вес двух из них в пределах 434 г – из расчета в 140 «дирхам-ал-кайл».

Детали весов из раскопок Биляра

Он имел чистый товарный вес и применялся как весовой. Для взвешивания денежных единиц «дирхам-ал-кайл» применялся редко [там же, с.13].

Тип 6. 1/6 мискаля в 4,26 г составляет весовая единица даник (данг) [там же, с.20]. В наших коллекциях представлено 13 гирек, приравнивающихся к данику. Две гири весом 0,71 г и 0,69 г составляют 1 даник. Гири весом 1,42 г, 3,57 г, 7,14 г составляют соответственно 2, 5, 10 даников.

Тип 7. 1/24 мискаля в 4,26 г составляет кират в 0,176 г. Гири весом 0,87 г, 1,68 г, 5,18 г, 6,68 г составляют 5, 10, 30, 40 киратов. В рассматриваемый нами период был распространен и кират в 0,195 г системы мискаля в 4,68 г. Гири весом 1,98 г, 11,52 г составляют 10 и 60 киратов в 0,195 г.

Тип 8. Наиболее мелкой, преимущественно монетной мерой веса является хабба («ячменное зерно»), которая составляет 1/96 часть мискаля в 4,26 г [там же, с.41–42]. Гирек, приравнивающихся к весу хаббы в болгарских коллекциях, всего 6 экз. Гири весом 1,54 г составляют 35 хабб в 0,044 г.

Весы первой группы широко представлены не только в памятниках Волжской Булгарии, отсюда они проникали и в соседние земли. Вместе с весами они найдены в поселениях родановской культуры [Белавин, 2000], а также в древнерусских городах [Янин, 1956, с.174].

Группа II представлена т.н. «сферическими» (бочонковидной, шайбовидной, полусферической и восьмигранной форм) гирьками, изготовленными в основном из железа и заключенными в бронзовую оболочку. На них нанесены различные изображения и знаки – кратности, насечки, точки, линии, полумесяцы и пр. По весовым нормам выделяются следующие типы.

Тип 1. Гири весом, приближенным к 13,65 г, 39,71 г, 82,75 г, 140,97 г, составляют соответственно 1/30, 1/10, 1/5 и 1/3 части иракского ратля в 409,512 г.

Тип 2. Гири весом, приближенным к 23,30 г, составляют 5 мискалей в 4,26 г. Гири весом 4,65 г, 93,6 г кратностью 5 + 5 дают единицу веса, равную 1 и 2 мискалям в 4,68 г, который в точности равен 1/72 части древнего египетско-римского фунта [Хинц, 1970, с.13].

Тип 3. Гирьки, составляющие фракции дирхема в 2,9645 г. Гири весом 5,92 г, 14,5 г, 29,0 и 44,45 г составляют соответственно 2, 4, 5, 10 и 15 дирхемов.

Тип 4. Гири, приравнивающиеся весом к дирхему в 2,82 г. Гири весом 2,79 г, 31,8 г, 54,5 г составляют 1, 11 и 20 дирхемов.

Тип 5. Гири весом 23,6 г и кратностью 3 + 3 = 3,94 г сходна с весом «законного» дирхема, принятого халифом Омаром при регламентации системы дирхема. В.Л.Янин считал, что «законный» дирхем в денежном обращении Восточной Европы не участвовал [Янин, 1956, с.177]. По мнению А.Л.Монгайта, в основе веса сферических гирек лежал вес «законного» дирхема [Монгайт, 1947, с.67].

Тип 6. Гири весом 3,50 г и 94,9 г исходили из расчета 1 и 30 «дирхам-ал-кайл».

Тип 7. Одна гирия приравнивается к даннику. Гирия весом 47,1 г с кратностью 6; $47,6 : 6 = 7,85$ г; $0,71 \times 10 = 7,1$ г.

Тип 8. Гирия весом 1,95 г равняется 10 киратам в 0,195 г системы мискаля в 4,68 г.

Вторая группа гирек получила чрезвычайно широкое распространение не только в Волжской Булгарии, но и на всем протя-

жении Великого Волжского пути на территории Восточной и Северной Европы. Датируются они преимущественно X–XI вв.

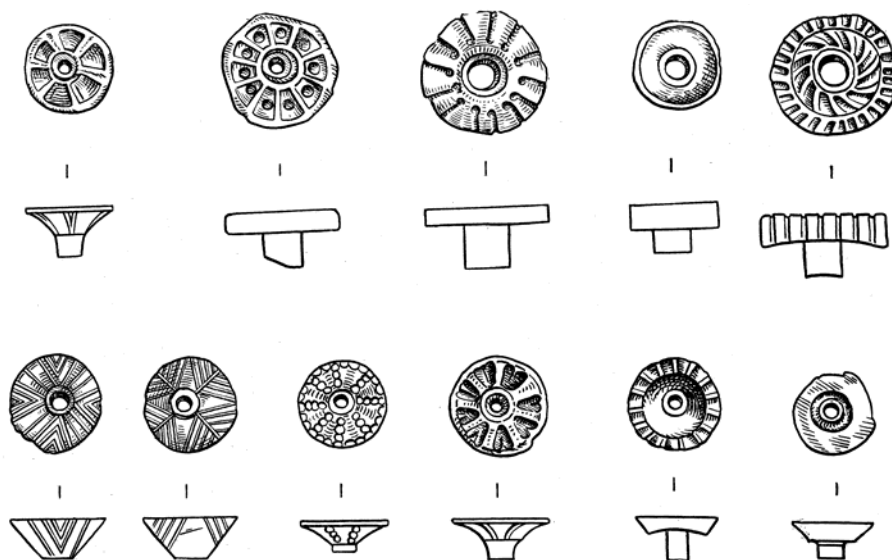
Широкие торговые и культурные связи Булгарии со странами Востока привели к тому, что системы мер веса были заимствованы булгарами в восточных странах, но речь идет не о простом заимствовании, а о том, что они приспособлялись к требованиям местной торговли.

Свинцовые грузики-пломбы, рассматриваемые как один из важных показателей товарно-денежного обращения, также относятся к числу частых находок в болгарских городских поселениях (только в Биляре более 80 экз.). Их назначение до конца еще не выяснено. Высказано предположение об использовании таких грузиков в качестве пломб, которые привешивались к связкам шкур пушных зверей [КБ, 1985, с.110].

Платежные знаки и их распространение

В роли платежных знаков на различных этапах истории страны выступали разные предметы. Одним из важнейших показателей характера и уровня развития торговли является проблема денежного обращения, его заменителей.

Наиболее известным восточным авторам предметом торговли, связанным с историей Булгарии IX – начала XIII в., являются меха пушных зверей. Источники называют их не только как важную статью торговли, но и подчеркивают использование мехов в роли средства обращения. Ибн Русте, описывающий события IX в., отмечает: «Основное имущество у болгар – меха куницы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам» [Заходер, 1967, с.34]. Распространение мехов (шкур) пушных зверей в роли средства обращения и предмета торговли было связано с природно-географическими особенностями края – обилием лесов, богатых пушным зверем. Роль Волжской Булгарии как одного из центров посреднической торговли мехами начинает выступать не ранее последних десятилетий IX в. Начиная с сообщения Ибн Русте, упоминание о торговле болгар мехами становится постоянным у

Свинцовые грузики-пломбы из раскопок Биляра

представителей классической школы арабской географии. Употребление мехов в качестве денег засвидетельствовано и на Руси, и у местных финно-угорских племен. Арабские авторы оставили нам много известий о торговле соседей с булгарами, где основной статьей была торговля мехами. Наиболее распространенным в этой торговле эквивалентом мелких денежных единиц были, очевидно, беличьи шкурки (тиен), о чем свидетельствуют материалы языка и фольклора. До сих пор слово «тиен» («белка») в татарском языке означает мелкую разменную монету. В татарской пословице «Тиен агачтан агачка, тиен (акча) кулдан кулга сикерэ» («Белка прыгает с дерева на дерево, деньги – из рук в руки») подчеркнута та же мысль.

Широкий расцвет использования мехов пушных зверей в качестве денежных единиц отмечен для IX–X вв., однако и в XI–XII вв. они продолжали выступать в качестве средства обращения. На этот счет имеется прямое указание ал-Гарнати, который отмечал, что булгары и русы осуществляют торговые сделки между собой при помощи старых беличьих шкурок. И каждые 18 штук в счете их идут за один серебряный дирхем, за них можно купить все: золото, серебро, невольниц, другие товары [ал-Гарнати, 1971, с.28].

Развитие внутренней и внешней торговли требовало более удобных для обраще-

ния средств – металлических монет. В домонгольский период у булгар использовались три основные группы иноземных монет и монеты собственного чекана.

Определенную группу монет составляют *сасанидские дирхемы*, которые чеканились исходя из двух весовых стандартов: раннего, средний вес которых колеблется в пределах 3,55–3,88 г, и несколько более позднего, приравненного к т.н. аттической драхме в 4,25 г. Вес этих монет колеблется в пределах 4,10–4,30 г, приближаясь к 4,26 г [Луконин, 1969, с.153–154]. На территории Волжской Булгарии известны монеты только второго типа, и прием этих монет местным населением исходил из веса 4,26 г. В дальнейшем вес в 4,26 г стал основной весовой системой на этой территории. Многие ученые считают, что сасанидские монеты появились на территории Прикамья еще в VI в., а уже отсюда вместе с куфическими дирхемами не ранее последней четверти VIII в. проникали на Русь и в Западную Европу [Янин, 1956, с.85]. Находок сасанидских монет на территории Волжской Булгарии известно много, в том числе и в могильниках VIII–IX вв. Весовая норма их находится в пределах 4,0–4,2 г.

Наиболее многочисленную группу составляют куфические дирхемы, проникновение которых на территорию Восточной Европы начинается в 70–80-е гг. VIII в. [Янин, 1956, с.84]. Через Булгарию прохо-

дил основной поток куфических дирхемов в Северную Европу.

Обращение куфических монет в Волжской Булгарии засвидетельствовано как письменными источниками, так и археолого-нумизматическими, в частности, топографией самих дирхемов. В известном сообщении Ибн Русте говорится, что дирхемы привозят из мусульманских стран [Хвольсон, 1869, с.25]. Такое же сообщение есть и у ал-Гардизи [Заходер, 1967, с.34].

Куфические монеты, участвовавшие в товарно-денежном обращении болгар, условно можно разделить на две группы: арабские монеты, которые в основном имели обращение в конце VIII – IX вв., и саманидские монеты, обращение которых зафиксировано в X в.

В.Л.Янин в свое время предлагал следующую периодизацию обращения восточных монет для Восточной Европы: I этап – денежное обращение в конце VIII – первой трети IX в.; II этап – денежное обращение в 833–900 гг.; III этап – денежное обращение в 900–938 гг.; IV этап – денежное обращение с 938 г. и до конца X в. [Янин, 1956, с.86–136]. В отношении Булгарии данная периодизация также правильна, но ввиду немногочисленности кладов и отдельных монет представляется целесообразным объединить первый и второй этапы в единый период с преобладанием аббасидских монет (конец VIII – конец IX в.). Он связан с раннебулгарским временем в истории страны.

Среди арабских монет выделяются омейядские и аббасидские, которые, судя по всему, на территории Булгарии были в обращении одновременно. Первые чеканились в период правления династии Омейядов (661–750), вторые – в период правления Аббасидов (750–1258). В кладе 1853 г., найденном близ Билярска, имеется омейядский дирхем 121/738–739 г. и 11 аббасидских дирхемов 146–263/763–877 гг. [Марков, 1910, с.10, №62]. Та же самая картина наблюдается на всей территории Восточной Европы. Правда, не исключено, что омейядские дирхемы могли поступать раньше, но в кладах они находятся, как правило, вместе с аббасидскими. Весовая норма омейядских монет заключена в пределах 2,7–2,9 г.

Приток куфических монет в Европу усиливается при Аббасидах. Весовая норма их колеблется в пределах 2,8–2,9 г.

Одним из наиболее древних кладов на территории Волжской Булгарии является Альметьевский клад, найденный в 20 км от Билярска. В нем 150 дирхемов VIII–IX вв. [Кропоткин, 1971, с.88, №123]. Клады IX в. в болгарских землях больше не обнаружено, но отдельные находки встречаются.

В X в. наиболее сильным государством в Средней Азии становится Саманидское государство, которое оказывало серьезное влияние на многие области жизни болгар. Преобладание саманидских монет характерно для второго периода денежного обращения в Булгарии (III и IV этапы по В.Л.Янину). Принятие ислама, сближение с культурой Арабского Востока и Средней Азии привело к резкому увеличению поступления монет. К этому периоду относится 19 кладов и большое количество отдельных находок. По весовой норме саманидские монеты несколько отличаются от монет аббасидских, причем в их чекане наблюдается все более усиливающаяся небрежность и это выражается, в частности, в расширении амплитуды весовых колебаний. Так, дирхемы периода правления Исмаила имеют в среднем вес от 2,7 до 3,1 г. Небрежность чеканки саманидских монет несколько усиливается в правление Ахмеда ибн Исмаила (907–914) – вес монет колеблется в пределах 2,7–3,2 г.

В X в. наряду с саманидскими были в обращении и монеты других династий – Зийаридов, Джулаидов, Салларидов, Аббасидов, что подтверждается составом кладов. Для второй половины X в. выделяется группа монет династии Бувейхидов (известно всего 6 кладов). Особую группу в кладах второго периода составляют т.н. куфические подражания дирхемам. Эти подражания восполняют нехватку в металлических монетах и свидетельствуют одновременно о достижении булгарами значительного развития внутреннего товарно-денежного обращения.

Нормы весового приема монет двух периодов, в том числе и подражаний куфическим дирхемам, на территории Булгарии – 2,82 и 2,97 г. В основе чеканки этих монет лежал вес иракского ратля в 409,512 г.

Монеты Волжской Булгарии X в. из собрания ГИМ (по С.А.Яниной)

В значительно меньшем количестве на территории Булгарии использовались западноевропейские монеты. До последнего времени считалось, что западноевропейские денарии в Булгарии не использовались, тогда как на территории Руси со второй половины XI в. дирхем полностью устраняется из обращения и определяющая роль переходит к денарию [Янин, 1956, с.155]. На территории Булгарии западноевропейских монет не было известно, и лишь в последние два десятилетия при раскопках болгарских поселений X–XI вв. встречено их небольшое количество. Среди них древнейшим является чешский денарий князя Вацлава, чеканенный в Праге в 929/930 г. [Хаскова, 1999]. Он найден в домонгольском (V) слое Казанского кремля. При раскопках Семеновского I селища был обнаружен серебряный денарий 1047–1075 гг., чеканенный в Дании. Из Измерского I селища происходят четыре монеты графа Альберта III (1037–1060), чеканенные в Намюре, медная подделка по типу денария Гронингена и девентерских денариев Бернольда (1027–1054) и еще две германские монеты начала и первой половины XI в. [Беговатов, 1998, с.40–41; Казаков, 1991, с.28–30]. Единичные западноевропейские монеты конца X – XI вв. происходят из Булгара, окрестностей Биляра (Крещеный Баран, клад 1905 г.), Муромского городка, Дубовского могильника, а также известны в средневековых памятниках Верхней Камы [Иванов, 1998, с.165].

Однако переоценивать возможность широкого распространения западноевропейского денария в Булгарии вряд ли надо.

Скорее всего, уменьшение поступления куфического дирхема в страну привело к появлению и широкому распространению в качестве средства обращения серебряных слитков.

Отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением торговых связей Восточной Европы с Востоком, давно интересовали монеты, чеканенные самими булгарами. Академик Х.М.Френ в своей работе «Три монеты волжских булгар X века» впервые выделил эту группу монет [Fraehn, 1816]. С этого времени начинается их систематическое и серьезное изучение.

Имея практику обращения куфических монет и чеканя подражания саманидским дирхемам, булгары были вполне готовы к началу чеканки собственных монет, чему способствовали образование государства, возникновение городов, процесс феодализации общества. Новое государство проявило себя и через чеканку монет, потому что «в мусульманском мире монета играла двойную роль, будучи не только средством денежного обращения, но и средством политической агитации» [Янина, 1962, с.185]. Г.А.Федоров-Давыдов подчеркивал, что собственный чекан булгар преследовал в основном престижные, политические цели [Федоров-Давыдов, 1987, с.158]. Начало чеканки монет от имени булгарских правителей свидетельствовало, таким образом, о появлении нового государства.

Наряду с политическими причинами нельзя, конечно, забывать и об экономической цели выпуска монет. Такого количества куфических монет, которое было в то

варно-денежном обращении Булгарии, явно не хватало. Иначе не было бы чеканки подражаний дирхемам.

Вопрос о подражаниях куфическим дирхемам является одним из наиболее интересных, но малоизученных. До сих пор не установлено, кто занимался чеканкой этих монет. Это затруднялось тем обстоятельством, что «провести определенную границу между дирхемами варварского чекана и плохого саманидского очень трудно именно ввиду того, что степень совершенства чеканки в разных саманидских городах была различна» [Фасмер, 1925, с.39–40]. Х.М.Френ, В.В.Григорьев, А.К.Марков, П.С.Савельев, Р.Р.Фасмер, В.Л.Янин считали, что чеканкой таких монет занимались волжские булгары. Э.Цамбур, Т.Арне, В.В.Кропоткин, А.А.Быков относят эти подражания к чекану хазар.

Состав кладов, находимых на территории Булгарии, убедительно свидетельствует о большом количестве «варварских» подражаний: из 52 дирхемов Чистопольского клада 1885 г. – 2 брактеата, из 167 монет Старо-Альметьевского клада 1906 г. – 8, из 300 монет Кокрятского клада 1890 г. – 40 подражаний. В кладе 1853 г., найденном близ Билярска (в руки исследователей попала 31 монета), было 6 подражаний. В Даниловском кладе 1902 г. из 137 дирхемов 117 было чеканено только с одной стороны. Подражания встречаются в кладах монет из Татарского Толкиша, Суvara, среди находок с Измерского и Семеновского поселений и других пунктов.

На болгарское происхождение этих монет указывает находка латунного штемпеля, служившего для чеканки «варварских» подражаний дирхемам Мансура ибн Нуха. Этот штемпель несомненно «варварский», но довольно качественного исполнения [Фасмер, 1925, с.4–45]. Чрезвычайно любопытно, что над первой строкой надписи штемпеля имеется знак в виде А, который встречается на всех известных дирхемах болгарского царя Мумина ибн ал-Хасана. И точно такой же знак имеется на большом количестве керамических изделий Билярска [Кочкина, 1983; Кокорина, 1989]. Находка штемпеля с именем Мансура показывает, что булгары продолжали чеканить подражания саманидским дирхемам даже после того, как они приступили к выпуску своих собственных монет.

Находки подражаний куфическим монетам, чеканенных булгарами, отмечаются на территории Руси, Финляндии, Швеции, Дании и на о. Готланд.

Вопрос о дате начала чеканки монет долгое время оставался спорным. «Первые болгарские монеты относятся к 918 году, выполнены неискусно и подражают саманидским, копируя в своих надписях даже названия среднеазиатских городов: Шаша (Ташкента), Балха, Самарканда, Нисабур, в которых они никогда не чеканились», – писали Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин в 1948 г. [Греков, Калинин, 1948, с.134]. Самой ранней В.В.Кропоткин также считал монету 306/918–919 г. [Кропоткин, 1986, с.40]. По мнению А.П.Ковалевского, с того времени, когда правитель булгар признал над собой власть повелителя правоверных, стало возможным помещать на монетах рядом с именем соответствующего халифа имя местного эмира [Ковалевский, 1954, с.47]. Однако каких-либо нумизматических данных, подтверждающих начало чеканки или факт помещения на монетах имен местных правителей лишь после 922 г., не имеется.

Во втором Неревском кладе куфических монет X в., найденном в 1956 г. при раскопках Новгорода, содержалось 4 монеты волжских булгар. Уникальным среди них является обломок дирхема с именем первого правителя Булгарии Алмуша сына Шилки. По мнению С.А.Яниной, эта монета представляет собой наиболее ранний тип болгарской чеканки и относится к 902–908 гг. [Янина, 1962, с.179–205].

Известно несколько монет, чеканенных в период правления Джафара ибн Абдаллаха. Р.Р.Фасмер и С.А.Янина к раннему этапу болгарского чекана относили также подражательные монеты с пока не установленным титулом Барман (Барсал) и с неясным именем одного из сыновей Джафара [Фасмер, 1925, с.53–56; Янина, 1962, с.186–189].

Монеты Микаила ибн Джафара знаменуют дальнейшее развитие чеканки монет у булгар и в кладах они составляют наибольшее количество. Они тоже подражают саманидским дирхемам, но более удачно. Некоторые из них содержат в надписи место чеканки «Булгар», а остальные чеканены с названиями наиболее крупных городов Саманидского государства.

Последующее развитие чеканки монет волжских булгар прослеживается на монетах Абдаллаха ибн Микаила, чеканенных в Булгаре в 336/947–948 г., Талиба ибн Ахмада, чеканенных в Суваре в 337/948–949 г. и 347/958–959 г., Мумина ибн Ахмада, чеканенных в Суваре в 366/976–977 г., Мумина ибн ал-Хасана, чеканенных в 366/976–977 г., и одной монете из Булгара. Монет, чеканенных после 376/986–987 г., мы не имеем. Вес монет колеблется в пределах 2,7–2,9 г, приближаясь к весу дирхема в 2,82 и 2,97 г. Таким образом, даже по весовым нормам у булгарских нет особых отличий от саманидских монет.

Булгарские дирхемы, включившись в общий поток куфических дирхемов в X в., участвовали в товарно-денежном обращении на территории Восточной и Западной Европы. Они обменивались на разные товары.

На территории самой Волжской Булгарии монеты булгарской чеканки обнаружены в двух кладах куфических монет. Один из них был найден в с. Ст. Альметьево (ныне Чистопольский р-н РТ) в 1906 г. и содержал 167 монет, в том числе и 2 булгарских дирхема с именем Мумина ибн ал-Хасана. Младшая монета чеканена в 984/985 г. Второй клад найден в 1907 г. у д. Тат. Толкиш (Чистопольский р-н РТ) и содержал 957 монет, в том числе 3 монеты волжских булгар [Кропоткин, 1971, №120, 122].

Следует также отметить, что булгарские монеты были в обращении у населения Руси, Прибалтики и Западной Европы наравне не только с куфическими, но и с западноевропейскими и византийскими монетами, причем в XI и даже в XII в. Так, в Стардворске (Польша) в 1878 г. был найден клад куфических, западноевропейских монет и серебряных вещей весом около 7 кг. Определена 1 булгарская монета Талиба ибн Ахмеда, чеканенная в Суваре в 951/952 г. Клад был зарыт после 1025 г. [Кропоткин, 1986, с.50]. В кладе у г. Кохтля (Эстония), найденном в 1957 г., имелось 779 монет, в том числе суварская монета Мумина ибн Ахмада, чеканенная в 975/976 г. Клад был зарыт в 1130 г., т.е. в XII столетии на территории Прибалтики булгарские монеты были еще в обращении [там же, с.40].

Развитие товарного производства в Булгарии в XI–XII вв. в условиях прекращения

поступления куфического дирхема и слабого притока западноевропейских денариев привело к тому, что в роли основного средства обращения в этот период выступали денежные слитки из серебра. Слитки эти, не вторгаясь в область мелкого товарно-денежного обращения, являлись весьма удобной формой для осуществления крупных торговых операций.

Что же могло быть в условиях «серебряного» кризиса сырьем для их отливки? Известно, что на территории Среднего Поволжья каких-либо разработок серебряных месторождений не было. Тем не менее у нас есть основания говорить о местном производстве серебряных слитков. Основным сырьем, по-видимому, служила та огромная масса куфических монет, которая была в обращении в Булгарии. Истертые монеты переплавлялись, из них делались слитки. Далее. На территории Волжской Булгарии не найдено ни одного серебряного сосуда с Востока IX–XI вв. Куда могли исчезнуть эти восточные сосуды, ввозимые в большом количестве в эпоху развития арабской торговли? Превращались они, скорее всего, в денежные слитки. Сырьем могли служить также серебряные месторождения Урала, откуда посредством торговли в Булгарию поступала руда.

Находимые на территории Булгарии слитки можно разделить на три группы. Первую группу составляют кусочки серебра самых различных форм: треугольной, круглой, неправильной и пр., которые при необходимости разрубались на различные части. Куски серебра принимались не поштучно, а на вес, о чем свидетельствует значительное число находок гирек и весов на булгарских памятниках с конца X в., а также широкое разнообразие весовых норм этих слитков. Весы и гирьки как раз были предназначены для взвешивания кусков монетного серебра.

Вторая группа слитков имеет круглую форму. Исследователи отмечают два центра, где найдены такие слитки: Сырдарьинская область и Среднее Поволжье с Приуральем. В Сырдарьинской области известен всего 1 клад, содержащий эти слитки вместе с монетами X–XI вв., а на территории Булгарии – 11 кладов, что позволяет говорить о производстве круглых слитков булгарами.

Весовая норма их приближалась к теоретическому весу 204,756 г. В составе кла-

дов из Спасска, Лаишева имеются слитки весом 200,22 и 204,256 г. Вес в 204,756 г составляет $\frac{1}{2}$ иракского ратля в 409,512 г. Интересна в этом отношении находка в Чердынском уезде двух слитков, один из которых имел вес как раз 409,512 г. Любопытен и тот факт, что т.н. «новгородские» слитки тоже отливались из расчета 204,756 г. В дальнейшем этот вес ляжет в основу весовой нормы джучидских монет, чеканившихся из расчета 100 монет на вес слитка.

Третья группа слитков – «новгородские» обязана своим названием месту первой находки. Они были в обращении и в Булгарии, скорее всего, с XII по XIV вв. Эти слитки представляют собой продолговатые серебряные бруски приблизительно треугольного сечения. В Булгарии обнаруживаются преимущественно в составе кладов (Булгар, Биляр, Танкеевка, Малые Атрысы). Отливались они также из расчета веса 204,756 г. Серебряные слитки в Волжской Булгарии получили название «саумы» или «сомы».

Как очень крупным денежным единицам, слиткам было свойственно медленное обращение, использовались они большей частью для крупных платежей. Это привело к необходимости использования в «безмонетный» период целого ряда предметов, отличительным признаком которых была их стандартизация, а также возможность приравнивания к ним различных товаров. В этой роли выступали самые различные изделия. Среди них особое место занимают т.н. «грузики-пломбы» из свинца.

Большинство исследователей склоняется к мнению, что свинцовые грузики-пломбы были заменителями денег и являются свидетельством денежного обращения. Это хорошо подтверждается сведениями ал-Гарнати. Для Саксина он сообщает: «У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса» [ал-Гарнати, 1971, с.28]. Интересно и другое сообщение этого автора: «Когда они (шкурки) испортятся в их домах, то их (иногда даже) рваные несут в мешках, направляясь с ними на известный ры-

нок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нити, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может от них отказаться, на них продают и покупают» [там же, с.36]. А.Л.Монгайт предполагает, что это сообщение относится и ко всем восточнославянским землям, археологическим подтверждением чего являются находимые во многих древнерусских городах свинцовые пломбы, количество которых составляет более 15 тыс. шт. в музеях [Монгайт, 1961, с.177].

Появление свинцовых грузиков-пломб на территории Булгарии относится еще к раннебулгарскому периоду. Встречаются они на поселениях X–XI вв. и более позднего времени. Десятками представлены эти «пломбы» в коллекциях Билярского, Болгарского, Суварского и других домонгольских городищ. Производство этих изделий осуществлялось местными болгарскими мастерами, о чем свидетельствует находка литейной формы из раскопок Биляра (всего в билярских коллекциях известно 86 свинцовых пломб).

Мы можем также предположить, что в «безмонетный» период в Булгарии в роли денег выступали также шиферные пряслица, которые посредством торговли с Русью начали поступать в Булгарию с конца X в., бусы, в основном золотостеклянные и сербростеклянные, хрустальные и сердоликовые (восточный импорт), а также раковины «каури» (*Surgaea moneta*), доставляемые, по сведениям ал-Идриси (XII в.), с Мальдивских островов, где они служили денежными знаками.

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что товарно-денежные отношения в домонгольской Булгарии достигли значительного развития и без учета этого невозможно понимание социально-экономического состояния болгарского общества.

2. Великий Волжский путь. Торговые связи с Северной Европой и Востоком

Анатолий Киртичников, Фаяз Хузин

В истории народов Европы Великий Волжский путь в эпоху раннего средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение. Он способствовал контактам и общению славянских, финно-угорских, тюркских и других народов и племен Старого Света в их стремлении узнать друг друга, обогатиться благами человеческой цивилизации и коллективными достижениями в области экономики, техники и культуры. В тот период Волжский путь послужил стимулом невиданного до тех пор прогресса евразийского общества, повлиял на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовал созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Функционирование данного пути в VIII–XI вв. решающим образом сказалось на возникновении нового для своей эпохи явления, которое можно назвать глобализацией мировой экономики.

Особую роль сыграл Великий Волжский путь в развитии славянских, финно-угорских, тюркских и скандинавских народов Европы в отношении организации городов, транспорта, ремесла, путей сообщения, международных рынков, а в конечном итоге становлении государств и властных институтов.

Судя по находкам восточного серебра, Волга и ее самый крупный северный приток Кама все настойчивее стали использоваться в VII–VIII вв. для целей дальнего судоходства. В последней четверти I тыс. значение Волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины. В результате арабской экспансии доступ европейцев в Средиземное море в течение VII–VIII вв. и их связи с Византией и Ближним Востоком факти-

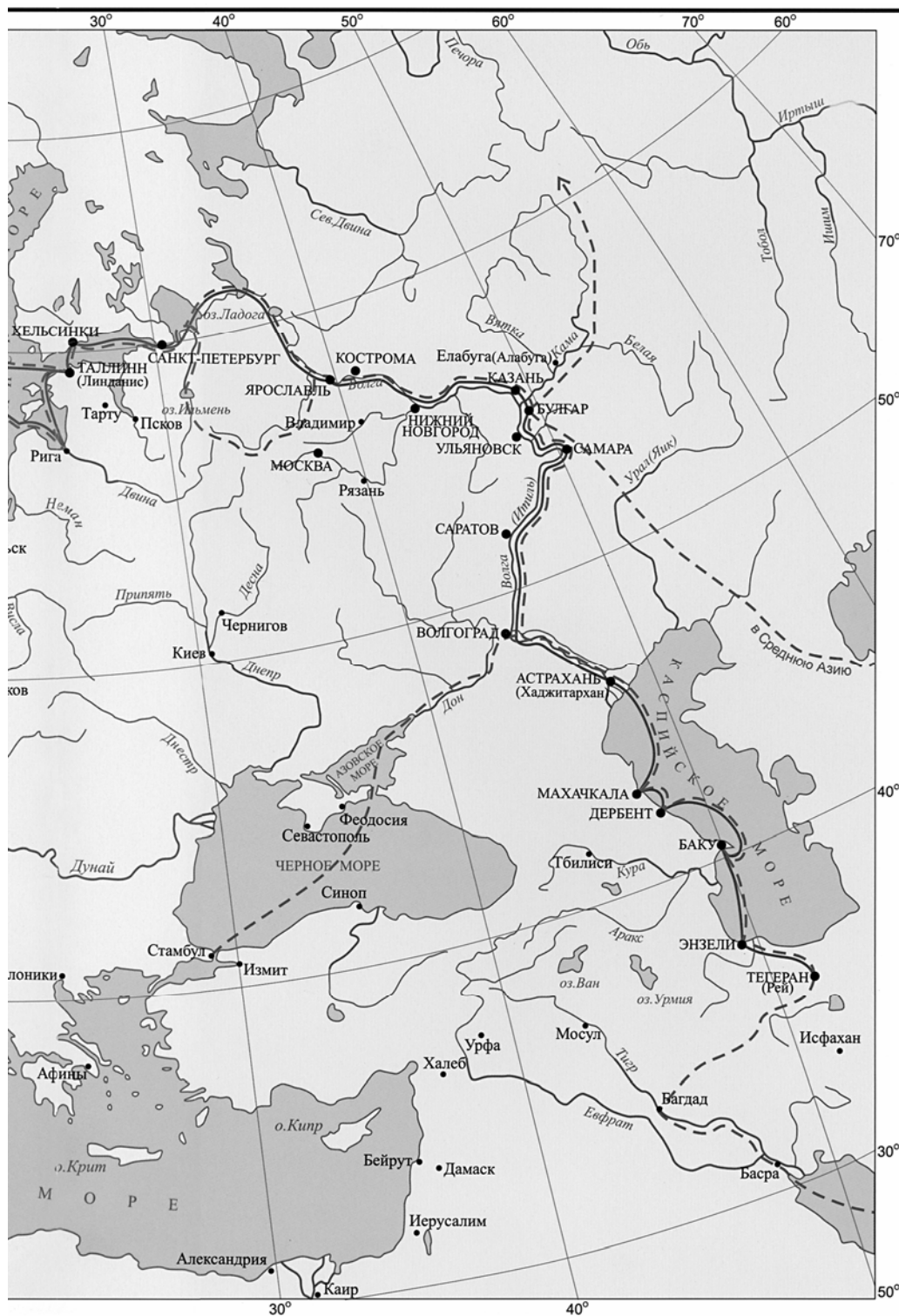
чески нарушились, и торговля была вынуждена искать другие пути. И такой путь через Восточную Европу в страны Азии, впрочем, издревле известный, был использован во все возрастающей мере. Перенаселение Скандинавии выталкивало избыточных жителей в поисках пригодных для поселения земель, торговли и захвата добычи. Одновременно увеличилась потребность в денежных средствах и изделиях, поступающих с Востока [Носов, 1999, с.162–163].

Бурный период создания государств, армий, флота, властных институтов сопровождался стремлением правящих верхов и общественных групп к переделу мира, походам. К накоплению богатств и обмену ценностями подталкивало сложившееся мировое разделение труда и неравномерное распределение сырьевых ресурсов стран Запада и Востока, различие стоимости изделий удаленных регионов. Для ведения караванной торговли возникли сообщества купцов. Основными явились водные дороги, использовались не только морские, но и речные корабли шириной примерно до 2, длиной не менее 8 м. Организация региональных и трансконтинентальных связей потребовала устройства береговых поселений, корабельных станций, постоянных или сезонных торжищ.

Протяженность Волги – самой большой реки Восточной Европы – составляет 3690 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности, минуя зоны леса, лесостепи и степи. Волга, как великая река, отмечена в «Повести временных лет», вытекающей из Оковского леса и впадающей 70 рукавами в Каспийское море – «тем же из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы (Хорезм) и на вьсток дойти в жребий Симов» [ПВЛ, 1996, I, с.9], т.е. в пределы Азии, которая, по библейским понятиям, была отдана роду Сима.

Великий Волжский путь

Великий Волжский путь, каким он функционировал в последней четверти I тыс., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготеги реки, а также сухопутные водные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение. Не будет преувеличением протянуть общий маршрут Волжской системы с учетом ее прямого и косвенного функционирования от Британии и Голландии до Ирана и Ирака. Ниже отметим и боковые ответвления этой системы.

Северная часть Волжского пути располагалась за его пределами. Это Северное и Балтийское моря, Финский залив, р. Нева, Ладожское озеро, р. Волхов, оз. Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «Селигерский путь» по рр. Поле, Явони до оз. Селигер и по р. Селижаровке с выходом на Волгу. Не исключается также и переход из Волхова на Волгу по рр. Мста, Цна, Тверца [Носов, 1976, с.97 и сл.]. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (до области Джурджан). Далее шла сухопутная дорога до города Рея или дальше до Багдада. Наибольшая часть водного пути приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на Неве и Волхове – пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (напр., от Бирки) до района Каспия (допустим, до Дербента), с учетом, что расстояние составляло около 5500 км, могло занять два месяца и несколько месяцев на обратный путь. В последнем случае в речной части плыли против течения, а средняя скорость дневного перехода равнялась 25 км. Таким образом, в течение летнего сезона суда, побывавшие в городах Прикаспия, едва ли успевали вернуться на свои исходные базы в регионе Балтики. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществить полную поездку в лучшем случае раз в год.

В системе передвижения кораблей и грузов по Волге входили также Кама (т.н. «Пушной путь»), Вятка, Ока, Клязьма, Которосль, Мста. Самостоятельное значение

имели Донской и Неманско-Донецкий пути [Булкин, Мачинский, 1986, с.13–26]. С верховьев Волги был выход к Западной Двине, «а по Двине в варяги, а из варяг до Рима» [ПВЛ, 1996, I, с.9]. Волжский и Донской пути сближались друг с другом у г. Калач, в месте, называемом «переволока» (здесь сухой путь составлял около 60 верст). В среднем течении Волги от нее на юго-восток отходили сухопутные пути в Хорезм, а на запад – в Киев (по ал-Идриси, приблизительно 20 станций на 1400–1500 км) [Рыбаков, 1969, с.189 и сл.] и далее в Чехию и южную Германию. Среди водных дорог Русской равнины Волжский путь с его системными ответвлениями относится к наиболее разветвленным и значительным, а его стержневое направление по отношению Запад–Восток – магистральным.

Исторически Волга не только не раздвинула народы, а наоборот притягивала к своим берегам новых поселенцев. Она как бы являлась осью, вокруг которой в разные времена группировались аланы, хазары, мадьяры, печенеги, гузы, половцы, буртасы, болгары, мордва, мурома, мешера, весь, чудь, славяне (включая северян, радимичей, вятичей, словен новгородских), югра. Хорошо был знаком Волжский путь арабам, персам, азербайджанцам, армянам, евреям, балтам, скандинавам, фризам, саксам, западным славянам. Эти люди исповедовали разную веру: были язычниками, христианами, иудеями, мусульманами, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных необходимостью торговых отношений. Наличие Волги и рек ее системы способствовало расселению и земледельческому освоению Северо-Восточной и Северо-Западной Руси славянами. С особой интенсивностью этот процесс протекал в Волго-Окском междуречье. Не случайно здесь возникнут крупные города Муром, Суздаль, Ростов, позже Владимир. Создалась новая обстановка и в степной части Волги. Достигнув этой реки, кочевники, случалось, переходили

к частичной или полной оседлости и воздвигали здесь постоянные становища.

Развитие региональной, особенно дальней торговли в Восточной Европе явилось тем поворотным моментом, который сопровождался взрывом урбанизации. «Город в целом делал рынок всеобщим явлением» [Бродель, 1986, с.509–510]. Евразийская по своему размаху коммерция имела своим результатом основание ряда новых и преобразование прежних городов и поселений, находящихся в зоне речных и морских путей. Именно в системе Волжского пути возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты необязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сырьевой округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многофункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, средоточием ремесленников и международной торговли. Здесь находились склады местных и транзитных грузов, устраивались ярмарки, существовали верфи по изготовлению судов, их оснастки и ремонту, строились гостиницы, корабельные пристани, станции по обслуживанию водного транспорта, заставы по сбору пошлин и даней. В северной части Волжского пути обозначились особые города-порты, сходные с западноевропейскими виками. Устройство таких центров было подчинено интересам торговли, товарного ремесла, близости к водным коммуникациям, доступности купеческому транспорту. При всем индивидуальном различии торговым городам были свойственны некоторые общие черты: они имели не аграрный, а торгово-ремесленный характер, в них действовали разнообразные мастерские по выделке изделий, необходимых в быту горожан и для внегородской продажи, существовали кварталы мастеров, купцов и воинов.

Среди городских образований в системе Волжского пути выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Они находились в стратегически важных местах, на скрещении дорог, перевалочных остановках, у гаваней,

где имела место стоянка и разгрузка кораблей и были удобны контакты как с горожанами, так и окружающим местным населением. Перечислим такого рода города, имевшие прямое или косвенное отношение к Великому Волжскому пути и функционировавшие в VIII–IX вв. и позже. В перечислении с Запада на Восток и далее на юг это: Дорестада во Фризии, Йорк в Британии, Рибе и Хедебю в Дании, Нида-рос и Каупанг в Норвегии, Охус и Бирка в Швеции, Старигард (Ольденбург), Рёрик (Мекленбург), Ральсвик и Аркона на о.Рюген, Менцлин, Щецин, Волин, Колбжег, Трузо на оз. Дружно – все в землях западных славян, Павикен на о.Готланд, Саль-вик на Аландских островах, Гробини в Латвии [ср.: Callmer, 1994, p.53–72]. Что касается восточноевропейских населенных пунктов (в большинстве IX–X вв.), то следует назвать Ладогу в нижнем течении р.Волхов, предшественник Новгорода – Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги, археологические комплексы Тимерево и Михайловское, давшие начало Ярославлю. С Волгой в определенной мере связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище – предшественник Ростова, Суздаль, Клецин – предшественник Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На Средней Волге находились: поселение на месте современной Казани, Булгар, а также Биляр, Сувар, Ошель и другие торгово-ремесленные пункты. В дельте Волги помещалась столица Хазарии Итиль. Назовем также построенный в 834 или 837 г. Саркел – Белую Вежу. В зоне Прикаспия помещались Семендер, Беленджер, Дербент, Баку. На юго-востоке Каспийского моря находилась область Джурджан с портом Абескун, как отмечал современник, «самым известным портом на Хазарском море». Из Абескуна сухопутные караванные дороги вели в Рей – «торговый центр мира» и далее в Багдад. Другим направлением из этого места двигались через Балх и Мавереннахр в Центральную Азию и Китай [Захoder, 1962, с.14–17]. В приведенном перечне упомянуты отнюдь не все древние населенные пункты периода сложения Великого Волжского пути. Некоторые еще не установлены, о местоположении других идет спор. Ряд поселений известен лишь археологиче-

ски, они не сохранили своих наименований. При всем этом более или менее крупных торговых мест, существовавших в VIII–IX вв. и позже, было относительно немного, они имели опорное значение и определяли состояние международных рыночных связей.

Население торговых городов включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих гостей, состав которых мог меняться в связи с сезонностью торговли. В целях безопасности, поддержания определенных общественных отношений, регулирования торговли и сделок, несомненно, действовали принятые правила и поведенческие правовые нормы. Торговые поселения по их статусу и положению во многом опередили свое время, явившись первыми, открытыми, «вольными» городами Европы. Жители этих центров по своему социальному положению были неоднородны: на полюсах общества распределялся нобилитет, дворовые зависимые люди, а также рабы. При этом основная часть коллективов горожан была свободной. Отличительной чертой этих была национальная пестрота, этническая уживаемость, соседство разноплеменных, даже экзотических по происхождению, по-видимому, равноправных общин, необычайная религиозная и расовая терпимость.

В каких условиях могло преуспевать разнородное общество ранних портовых мест с достоверными подробностями на примере Волина описал Адам Бременский в своей «Хронике архиепископов Гамбургской церкви» (около 1075 г.). «Знаменитый город Юмна (Волин) – отличный порт, посещаемый греками и варварами, живущими вокруг... Это величайший из городов Европы. Населяют его славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Даже саксы, приезжающие туда, получают равные права с местными жителями, если только, оставаясь там, не выставляют напоказ своей христианской веры. Что касается нравов и гостеприимства, то не найти людей честнее и радушнее. В этом городе, полном товарами всех народов, есть все, чего ни спросишь дорогого и редкого» [Хрестоматия, 1949, с.42–43]. Описанные особенности городской жизни, несомненно, были унаследованы волинцами от более ранних времен и приложимы,

как типичные, к другим торговым городам Северной и Восточной Европы. Так, по записи «Жития святого Ансгария» (этот германский миссионер был в Швеции в 829–830 и 852 гг.), в Бирке было «много богатых купцов, изобилие всяческого добра и много ценного имущества» [Из ранней истории, 1999, с.40].

Различие этнических, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам прибалтийских регионов и Восточной Европы интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной торговли. Все это происходило нередко без вмешательства государств и их институтов на основе частного предпринимательства. Развитие торговых центров строилось по принципу сообщающихся сосудов. Уровень, достигнутый в одном месте, распространялся и на соседние, порой далеко друг от друга отстоящие места. В подобных центрах на достигнутом технически передовом уровне развивалось производство популярных изделий, которые пользовались мировым спросом, таких, как украшения, предметы туалета, оружие. Повсеместным признанием на мировых рынках пользовались меха, изделия из кожи, благовония, ткани, а также рабы. В системе дальней торговли устанавливались приоритеты признанных высококачественных изделий, которые поступали из определенных городов и мастерских. Кузницы Рейнской области – едва ли не первые в Европе оружейные мануфактуры – снабжали весь мир мечами и доспехами непревзойденного качества. Меха северных народов концентрировались в северорусских городах, первоначально в Ладоге, и затем с огромной выгодой продавались на восточных рынках. В той же Ладоге, как показали археологические раскопки, ее жители в течение почти трех столетий производили ювелирные украшения из стекла, кости, бронзы, янтаря, распространявшиеся затем в среде окрестных финнов и других покупателей.

Купцы, нередко объединявшие в своем лице воинов, мореходов и мастеров, образовывали сплоченные, скрепленные клятвой товарищества, набирали гребцов и в дальние странствования пускались не меньше, чем на нескольких кораблях.

Дорога становилась им известной. Застигнутые холодами, они не боялись зимовать в одном из придорожных мест, дожидаясь весны. Постоянно имея при себе пояс с монетами, купцы прибегали и к денежному расчету, и к обмену. Так, например, оказавшись в районах, богатых мехами, они обменивали привозные вещи на пушнину. В дальнейшем на восточных рынках приобретенный мех продавался уже за деньги [Львова, 1977, с.108]. Поездки торговцев сочетались с посредничеством. Известно, что болгарские купцы продавали арабам меха, вымененные у северных народов. Мусульманские писатели сообщали, что арабские купцы дальше Булгара не ездили, довольствуясь богатым местным, во многом перекупным, транзитным рынком.

Товарно-денежные отношения в зоне речных путей и приближенных к ним поселений Европейского континента приобрели в период раннего средневековья небывалый размах в результате экспортно-импортных операций. Скапливался крупный торговый капитал. Его, очевидно, использовали для организации новых перевозок, снаряжения кораблей и найма команды, уплаты пошлин, покупки восточных или европейских изделий, а также рабов и невольниц, уплаты дани и налогов, строительства жилищ, складов, пристаней, содержания охраны. Часть прибавочных средств укрывалась «до лучших времен», а иногда жертвовалась богам. Растущее обогащение отдельных групп людей способствовало социальному расслоению общества и одновременно развитию его экономической базы. Возникли условия для капиталистических отношений, которые в то время не были реализованы [Большаков, 1984, с.271].

Мировой рынок складывался под воздействием разных обстоятельств, во многом стихийно, но в тенденции поступательно. Запреты и ограничения на торговлю в большинстве мест фактически отсутствовали. Дорожные издержки и пошлины, а также опасности пути не останавливали торговцев. Путешествия этих людей проходили по населенным, но больше безлюдным местам, в том числе и через, если так можно выразиться, ничейные «безгосударственные» земли. На волоках, ночевках, да и при движении по воде купцов подсте-

регали нападения разбойников и пиратов. Понятно, что в одиночку такая поездка была обречена на неуспех. Флотилию каравана должны были охранять воины, бывшие одновременно гребцами. Фигура смелого, предприимчивого, странствующего купца приобрела своего рода героический ореол. В одном восточном источнике писалось: «кто по алчности с востока едет на запад по горам и морям и подвергает опасности жизнь и тело, и имущество, не страшится разбойников и бродяг, и пожирающих людей хищников, и небезопасных путей, людям (Запада) доставляет блага востока, а людям востока доставляет блага Запада, тот, конечно, содействует процветанию мира, а это не кто иной, как купец» [Захедер, 1962, с.43].

Государства, возникшие в зоне Велико-го Волжского пути, способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего, речь идет о Хазарии, занимавшей нижнее течение Волги, предгорья Кавказа, Кубань, среднее течение Дона, бассейн Северского Донца, северное Приазовье, часть Крыма. Столица хазар Итиль являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы разных стран, включая и славян. По справедливому заключению М.И.Артамонова, «роль хазар в истории была прогрессивной. Они остановили натиск арабов, открыли двери византийской культуре, установили порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития хозяйства этих стран и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы» [Артамонов, 1962, с.457–458].

Мощное развитие, начиная с конца IX в., получила Волжская Булгария. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутую торговую миссию. На территории этого государства скрещивались главнейшие водные и сухопутные дороги, соединявшие его с основными торговыми партнерами Востока и Запада. Процветание Волжской Булгарии нашло отражение в необыкновенной плотности основанных в домонгольский период укрепленных поселений – их насчитывается около 170. В отличие от Хазарии, разгромленной

в 960-х гг., Булгария сохранила свое значение важнейшего экономического и культурного центра и транзитного узла вплоть до монгольского нашествия 1236 г.

Основополагающее влияние в отношении использования Великого Волжского пути, особенно в его прибалтийской части, оказала Северная Русь со столицей в Ладоге, а затем Холмгороде – Предновгороде, сформировавшаяся в середине IX в. Руководители новообразованной державы существенным образом расширили балто-европейские связи. Ладога и другие северные русские города выдвинулись тогда в качестве центров, активизировавших экономические и транспортные контакты Запада и Востока. Скорее всего, при первом представителе новой правящей династии – князе Рюрике со скандинавскими странами была установлена система безопасного плавания – «торговый мир» и, следовательно, на значительной части Балто-Волжского маршрута были созданы условия максимального благоприятствования свободному судовождению.

Держава Рюрика сформировалась на подготовленной почве. Здесь, прежде всего, обратим внимание на известие о каганате «народа Рос», который возник не позже 830-х гг. По сообщению «Бертинских анналов», в 839 г. византийский император Феофил направил в составе своего посольства в Ингельгейм к королю франков Людовика Благочестивому группу, именовавшую себя «народом Рос», повелитель которых именовался «хаканусом». При выяснении принадлежности этих людей они оказались «свеонами», т.е. шведами, и намеревались возвратиться из Константинополя в свою страну кружным путем, т.к. прямая дорога была опасной, она «проходила среди варварских, отличающихся жестокостью и беспримерной дикостью племен» [Новосельцев, 1991, с.8]. Это сообщение «Бертинских анналов» подтверждается известием Ибн Русте, писавшего в начале X в. по данным, восходящим к середине IX в., о том, например, что «у них есть царь, называемый хакан русов» [Новосельцев, 1965, с.397].

Судя по «Сказанию о призвании варягов», Ладога до вокняжения там в 862 г. Рюрика являлась главным центром межплеменной конфедерации северных сла-

вянских и финских племен [Кирпичников, 1988, с.46 и сл.]. Эта конфедерация может быть сопоставлена с каганатом русов, заявившем о себе в первой половине IX в.

Расположение политического образования русов именно в северной части Восточной Европы имеет свои основания [Новосельцев, 1990, с.207–208]. Неслучайно в недатированной части «Повести временных лет» русы помещены в соседстве с балтийскими народами и северными финно-уграми [ПВЛ, 1996, I, с.8]. Центр этого образования первоначально мог находиться в Ладоге. Намек на северный адрес русов содержится в самом известии 839 г. Как упоминалось, русы оказались шведами. Их присутствие в качестве послов «хакануса» напоминает аналогичную ситуацию состава посольств Руси в Византию в 911 и 945 гг. Тогда среди подписавших соответствующие договоры «от рода русаго» находились послы со скандинавскими именами [ср.: Седов, 1999, с.73]. Очевидно, традиция включения скандинавов в дипломатические миссии восходит к первой половине IX в. В тот период, насколько это устанавливается по данным письменных и археологических источников, присутствие норманнов в Восточной Европе ограничивалось низовьями Волхова. Иными словами, наиболее подходящим местом их местопребывания в то время была Ладога, а затем, вероятно, Рюриково городище.

Соседство народов в зоне Великого Волжского пути породило феномен славянского присутствия на значительных пространствах этой системы. В Волжской Булгарии было немало постоянных жителей из числа славян и русов. В столице Хазарии Итиле существовали кварталы славяно-русских поселенцев. Эти люди служили в гвардии хазарского царя и имели особого судью и свой храм. По сообщению арабского географа Ибн Хаукала, в «славянской части» города находились морская гавань и эта «часть» представлялась более населенной и превосходной, чем итальянский город Палермо [Гаркави, 1870, с.221–222].

В источниках вместе со славянами обычно упоминаются *русы*. Этим именем, как справедливо считал М.И.Артамонов, «могли называться нормано-славянские военные и купеческие дружины лишь по-

стольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него» [Артамонов, 1962, с.383]. Восточные писатели пишут о русах как о продавцах мехов, воинах, плававших по Волге (и другим рекам) и спускавшихся по этой реке на кораблях откуда-то с ее верховьев. Они определяются профессионально, как особая группа торговцев. Поэтому в их составе можно представить лиц разного происхождения: скандинавского, славянского, вполне возможно, финского.

Обратимся здесь к ценному по своей информативности, хотя и сложному по текстологии сообщению Ибн Хордадбега, содержащемуся в его «Книге путей и стран», написанной в 846/847 г. и дополненной в 885/886 г. Обсуждаемый ниже отрывок имеется в первоначальной авторской редакции: «Купцы-русы, а они вид славян, вывозят меха бобров и чернобурых лисиц и мечи из отдаленных частей страны славян к Румскому морю, и берет с них десятину властитель ар-Рума (Византии). Если они хотят, то отправляются по реке славян (?), входят в Хамлидж, город хазар. Их (хазар) властитель также берет с них десятину. Затем они отправляются к Джурджанскому (Каспийскому) морю и высаживаются на каком-либо берегу, куда они стремились. Окружность этого моря 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана (область на юго-востоке Каспия) на верблюдах в Багдад и переводят им славянские евнухи, они (русы) заявляют себя христианами» [Новосельцев, 1965, с.384–385; Заходер, 1967, с.84–85].

Здесь обозначен не один, как иногда считают, а два маршрута купцов-русов. Один вел к Румийскому морю в Византию. Подробности не сообщаются, но несомненно, что движение предполагалось по одной из рек современной южной России, может быть, по Дону. Другой маршрут, отмеченный Ибн Хордадбехом, допускает различные трактовки, ибо в рукописях название реки славян искажено настолько, что текстологически не может быть восстановлено [Новосельцев, 1965, с.384, прим.168; Калинина, 1986, с.79]. Если в этом месте значился Танаис, то путь проходил по Дону, далее с переходом на Волгу, вероятно, в районе переволоки, продолжался в ее низовья, затем начинался Каспий. Данных для утверждения именно такого движения

с переходом с одной реки на другую все же недостаточно. Ясно только, что в результате своего плаванья купцы оказывались в низовьях Волги в городе хазар Хамлидже (Итиле) и после уплаты пошлин могли двигаться в Каспийское море.

Донской или, в данном случае точнее, Доно-Волжский путь по сравнению с Волжским был меньшей протяженности и более безопасным от кочевников для купцов, ехавших с севера. Если говорить о Донском пути, то он был удобен для черноморской торговли. Этот маршрут представляют связанным с Окой и выходом к верховьям Волги [Леонтьев, 1986, с.65 и сл.]. Прохождение данного пути затруднялось протяженными сухопутными переходами, самый большой из которых в истоке Дона достигал 150 км. Донской путь тяготел к крымско-черноморскому направлению, а если с его помощью добирались до прикаспийских стран, то он по своей, так сказать, сквозной проходимости уступал Волжскому. Последний в связи с образованием в конце IX – начале X в. Булгарского «царства» в сравнении с Донским путем, видимо, считался более предпочтительным.

Если в неясном месте текста Ибн Хордадбега представить название р. Итиль, обозначается вполне обоснованный волжский маршрут. В книге Ибн Хордадбега пояснено, что хазарский город Хамлидж, где купцы платили пошлины, находится «на конце реки, которая течет из страны славян, и впадает она в море Джурджана» [Калинина, 1986, с.70–71], и далее сообщено, что из этой реки открывается выход в Каспий. Приведенные данные подтверждают, что именно Волга могла называться «рекой славян», а город Хамлидж (Ибн Хордадбех в своем труде называет его главным городом хазар) и есть Итиль.

Как бы ни трактовались дорожные сообщения Ибн Хордадбега, они свидетельствуют о дальней торговле русов мехами и оружием по разным водным путям, ориентированным на Византию и халифат. Известия арабского чиновника важны еще и потому, что датируют функционирование торговли русов не позже первой трети IX в. Языком русов был скорее всего славянский, т.к. переводчиками им, как упоминалось, служили славянские евнухи. Как не вспомнить здесь запись «Повести временных

лет» о том, что «словенский язык и русский одно есть» [ПВЛ, 1996, с.16].

Развитие судоходной и иной торговли, начиная с VIII в., сопровождалось установлением единой платежной единицы – дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Количество находок дирхемов в Восточной и Северной Европе в кладах и отдельно составляет более 160 тыс. [Славяне, 1986, с.218]. Эти находки указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разьезды сборщиков дани. В некоторых случаях выявленные клады позволяют реконструировать военные погребения, происходившие в тех или иных регионах, хотя о них молчат письменные источники. Конкретные причины зарытия сокровищ конечно многооб-

разны. Для нас важно то, что подземные ценности, при всей их конкретной случайности и непредсказуемости, в тенденции верно отражали интенсивность, направление и даже объем торгово-денежных операций, в том числе и в системе Балтийско-Волжского пути. Сокрытие в дальнейшем невостребованных кладов, а также использование дирхемов для изготовления украшений исключало из обращения часть наличного капитала и поэтому сужало торговлю, но не прекращало ее развития и грядущего расцвета во второй четверти X в.

Характерна в этом отношении следующая таблица (по подсчетам Т.Нунана; использовано 223 клада VIII–XI вв., найденных на территории Европейской России, каждый клад содержит более 5 дирхемов [Noonan, 1992, p.223–249]:

Века	Число кладов	Число дирхемов
VIII	7 (3,1%)	1156 (1%)
IX	75 (33,6%)	22551 (24%)
X	121 (54,3%)	58804 (61%)
XI	20 (9%)	13121(14%)

Приведенные данные свидетельствуют о неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы. Находки кладов иллюстрируют рост торговой активности в 780–810 гг., последующее ее снижение в 820–850 гг., резкий подъем в последующие три десятилетия (в 860-х, 870-х и 880-х гг.) Вторая четверть X в. приносит новый рост активности, очевидно, связанный с увеличением объема сделок. После 1025 г. наступает снижение поступления куфических монет. Приведенные сопоставления четко отражают реальные обстоятельства, в частности, показывают знаковое увеличение монетных поступлений на Русь в 860–880 гг. Этот период совпадает с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика. Здесь угадываются энергичные действия нового династа, направленные на расширение международной торговли, достигшей расцвета в 925–950 гг., что примерно соответствует времени правления Ольги и Игоря.

Территориально клады имеют отношение к функционированию водных и иных путей, хотя не всегда с ними точно совпадают. Примером является Великий Волжский путь. Если его северная часть для VIII–IX вв. от Ярославля до Старой Ладого сопровождается рядом кладов, то Среднее и Нижнее Поволжье от них почти свободно. Это можно объяснить тем, что на этом отрезке пути, проходящего по территории Хазарского каганата, видимо, отсутствовала необходимость прятать денежные капиталы, их везли, так сказать, в другие места. Здесь в рассматриваемый период, за исключением Итиля, прибрежных поселений, действительно их или не было, или они были до крайности редки. Как верно заметил А.В.Фомин, степень насыщенности района монетными находками не всегда прямо пропорциональна его причастности к торговле. «При значительном увеличении ввоза серебра (из Халифата) и его быстром перемещении клады выпадают реже или вовсе исчезают. Численность на-

ходок велика там, где монетный поток замедляет движение, где создаются условия для его распределения в округе» [Фомин, 1988, с.112]. Приведенное толкование помогает объяснить существование пустынных от кладов пространств по течению Дона и Волги и появление отложений сокровищ в верховьях, например, Дона, в землях вятичей, и в верхнем Поволжье – районе Северо-Восточной Руси. Находки монет обнаруживаются в местах проживания оседлого населения, и наоборот, в степных районах, где не отмечается прочной оседлости, клады обнаруживаются крайне редко [Кропоткин, 1968, с.73]. Волга протекает и в зоне степи, где оседлость в тот период или отсутствовала, или намечалась слабо, или нарушалась кочевниками, такими, как печенеги, а затем половцы. Добавим сюда еще и недостаточную изученность нижней Волги, ведь точно не установлено даже место Итиля. Таким образом, отсутствие монетных находок нуждается в объяснениях, но вовсе не свидетельствует об отсутствии на тех или иных территориях денежного обращения и торгового судоходства.

Начало дирхемной торговли ученые относят к 70–80 гг. VIII в. Ныне накапливается все больше данных отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50–60 гг. VIII в. В названный период сложились благоприятные для развития экономики политические обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преобладающе мирный период [Артамонов, 1962, с.218–225]. Военное противостояние уменьшилось и благодаря тому, что в упомянутом году часть хазар приняла ислам. Уже в 730-х гг. купцы из Хазарии и Дербента стали расширять торговые контакты. Обнаружилась необходимость в поисках мехов и других ценностей двигаться на север. В зоне Великого Волжского пути возникла новая урбанистическая ситуация. На северном и южном полюсах системы Волжского пути появились: после 723 г. Итиль, не позже 753 г. Ладога (в Подонье в 830-х гг. – Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти Аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад, в котором на новозаведенном монетном дворе во все возрастающей мере была развернута чеканка полноценной се-

ребряной монеты. В пределах первой половины VIII в. ряд новых городов отстраивается в регионе Балтийского моря (Рибе, Бирка, Ральсвик, Рерик, Павикен и др.). Почти одновременное создание череды городов на торговых маршрутах не случайно и знаменует расширение устойчивых «всесветных» купеческих операций.

Для оценки влияния дирхемной торговли в славянских землях Восточной Европы, точнее, каганате русов в ее начальный период (до 830 г.), примечательно такое наблюдение. Использование аббасидских дирхемов африканской чеканки весом около 2,73 г, а именно они преобладали в кладах первой трети IX в., оказало влияние на сложение русской денежно-весовой системы. В гривне IX–X вв., имевшей вес 68,22 г, содержится 25 подобных дирхемов, в русском исчислении 25 кун. В более поздний период получили распространение дирхемы азиатской чеканки весом около 2,85 г [Археология СССР, 1985, с.364].

Время передвижения арабских дирхемов в Восточной Европе IX–X вв. измерялось от 14–17 до 30–40 лет. Ныне, не отрицая в ряде случаев хронологическую длительность распространения монет, мы приходим к убеждению, что скорость их движения на весьма дальние расстояния могла составлять и несколько лет. Последнее становилось особенно характерным в периоды массового выпуска дирхемов в халифате в 770-е, 810-е, 820-е и некоторые последующие десятилетия. Денежные знаки в такие периоды перенасыщали внутренний рынок халифата и активно вывозились в близкие и дальние страны, включая и регион Балтийского моря [Кирпичников, 1995, с.40].

Среди важнейших ранних коммуникационных, рыночных и транзитных центров, концентрирующих приток куфического серебра, следует назвать Ладогу. Этот ключевой город, где сошлись Волжский и Днепровский пути, а также сухопутные дороги к северным народам, может служить точным и чутким показателем функционирования торговых маршрутов средневековой Евразии, включая и Великий Волжский путь. В низовьях Волхова в зоне порогов протяженностью не менее 65 км образовалась особая Ладожская волость с укрепленными городками, дорожными станциями, лоцманской службой,

складами, купеческими гостевыми домами, пристанями. Не позже середины VIII в. Ладога стала главным центром славянских и финских племен, а затем государственной резиденцией и фамильным владением дома Рюриковичей. С Ладогой ассоциируется доваряжский «великий город», названный в Иоакимовской летописи [Татищев, 1962, I, с.284]. Как бы в продолжение этой традиции в одной исландско-норвежской саге (для событий около 1034 г.) Ладога отмечена как «большой торговый город» [Джаксон, 1999, с.22].

Именно через Ладогу проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировались в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. куфических монет. К примеру, на о. Готланд и в Швеции обнаружен 10261 дирхем, поступившие туда во второй половине IX в. По сравнению с периодом 770–790 гг. число дирхемов возросло почти в 8 раз [Noonan, 1994, p.226–227]. Из этого можно заключить, что после 850 г. на смену даням и спорадическим контактам пришла растущая регулярная, прямая и посредническая торговля Руси и Скандинавии, главным образом, через Ладогу. Монетные потоки через этот город продолжали нарастать и в дальнейшем. С учетом всей массы импортированного в страны Балтийской Европы монетного серебра объем ладожско-балтийской торговли, по исчислениям Т.Нунана, в начале X в. по сравнению с концом IX в. вырос в 3 раза, а в 940-х гг. – не менее чем в 10 раз [Noonan, 1994, p.392, tabl.V].

Особое значение для выяснения времени начального проникновения дирхема по Великому Волжскому пути приобретают археологические находки Старой Ладogi. Так, во время раскопок в 1950 г. на этом поселении из пласта, датированного 750–760 гг., извлечен умайядский дирхем, чеканенный в Дамаске в 699/700 г. Среди найденных в поселенческих слоях древнерусских городов данная монета по дате является старейшей, но не единственной. Умайядский денар 738/739 г. обнаружен в 1966 г. в той же Старой Ладогe, вблизи церкви Св. Георгия [Кирпичников, 1995, с.40, № 20]. На поселении Новые Дубовики, находящемся в 9 км к югу от Старой Ладogi, в 1972 г. в культурном слое, дати-

рованным не позже IX в., оказался дирхем 746/747 г. [там же, с.41, №34]. Конечно, ранние дирхемы нередко содержались в комплексах более поздней поры, но всегда ли это было только случайным явлением? Анализ кладов наиболее раннего периода распространения дирхемов в современной Европейской России (780–816), сохранивших 5 и более монет, выявил в их составе 10–12% монет, относящихся к 750–760 гг. [Нунан, Ковалева, 2000, с.210]. Эти образцы попали в клады более позднего времени, но их постоянное присутствие может указывать на то, что отдельные дирхемы могли проникать в Восточную Европу, в том числе и в Ладогу, в середине VIII в.

Об имевших место, первоначально многоэтапных, торговых и иных связях между Северной Русью и Востоком во второй половине VIII в. свидетельствуют различные находки. Южные импорты V–VIII вв., как известно, встречены в Финляндии, Прикамье, других местах севера Восточной Европы. Показательны в этом отношении примеры ладожской археологии. В Старой Ладогe, в слое 750–760 гг., связанном с ее первыми поселенцами, обнаружены мозаичные и глазчатые бусы из стекла, а также цилиндрические и многочастные пронизки передне-восточного или средиземноморского происхождения. Далее отметим сердоликовые бусы, привезенные, как считают, с Кавказа [Давидан, 1995, с.157, рис.1]. По наблюдениям Й.Кальмера, потребность европейцев в восточных бусах была настолько велика, что их производство в халифате в целях экспорта в середине VIII в. по сравнению с более ранним временем возросло в 10 раз [Callmer, 1995, p.49–53]. Привозных бус оказалось недостаточно. И в Ладогe, судя по обнаруженным бракованным бусам и остаткам стеклодельных мастерских, в последней четверти VIII в. переходят к массовому выпуску пользующихся растущим спросом стеклянных бисера и многочастных пронизок. Опять же в Ладогe, в остатках ювелирно-кузнечной мастерской 750 г., найдена костяная пластина с изображением судна с треугольным парусом. Это граффити является наиболее ранним рисунком паруса подобного очертания среди известных в Северной и Восточной Европе. Возмож-

но, с таким устройством паруса ладожане могли познакомиться в середине VIII в., общаясь с приезжими мореходами или у себя дома, или в плаваниях в бассейне Волги.

В 80-е гг. VIII в. и в первые два десятилетия IX в. обстановка в Восточной Европе стала осложняться. Прямо или косвенно на ситуацию повлияли разбойничьи походы викингов, первоначально затронувшие прибрежные районы Западной Европы. Скандинавов манили неведомые богатые страны Востока, добраться до которых можно было только речными путями Русской равнины. В Среднем и Нижнем Поволжье пришли в движение мадьяры, начавшие свой путь на Запад, а затем печенеги. Власть хазар и «страх» перед их военной силой в зоне степей между Азовским морем и низовьем Волги были ослаблены выступлениями коалиций народов, пытавшихся освободиться от хазарского ига. Приемник Рюрика князь Олег, овладев Киевом и объединив север и юг Руси в единую державу, ослабил хазар, освободив от их дани северян и радимичей. В 907 г. состоялся победоносный поход Олега на греков. Войны велись этим правителем и в других местах. Нестабильные обстоятельства временно нарушили режим евразийской торговли по Великому Волжскому пути.

Однако даже заметные военные события в отношении их влияния на экономику не следует преувеличивать. Источники внимательно отмечали разбойничьи походы русов на Каспий и Закавказье. Они имели место между 864 и 884 гг., в 909–912 (два похода), 912/913 г., 943/944 гг. [Артамонов, 1962, с.370 и сл.]. Примерно за столетие было, следовательно, 5–7 военных лет, остальные открывали простор для мирных торговых контактов. Поправки на неучтенные конфликты вряд ли принципиально изменят отмеченную ситуацию.

С провозглашением Киева новой столицей важнейшей магистралью страны становится Балто-Днепровский путь. Отныне торговые потоки и связи Руси направляются не только на города Передней и Средней Азии, но и в Византию. При этом Великий Волжский путь в течение VIII и большей части IX в. был практически главной торговой артерией Восточной Европы, и в период X столетия он не утратил своего торгово-транспортного значения [Янин, 1956].

Около 900 г. происходит географическая переориентация исламской торговли в Восточной Европе. На смену прежним лидерам – Ираку и Ирану выдвигается государство Саманидов в Средней Азии. Соответственно усиливается приток на территорию современной Европейской России саманидских дирхемов.

Через Хазарию и возвысившуюся в X в. Булгарию, Русь и страны Балтийской Европы продолжали получать восточные изделия и арабское серебро. Объем этих ценностей по сравнению с IX в. заметно возрос. Главнейшим транзитным центром исламской торговли с европейским миром становится Булгар на Волге и иные города Волжской Булгарии.

Волжская Булгария играла исключительно активную роль в международной торговле. Являясь самым северным форпостом средневекового мусульманского мира, особо тесные отношения она поддерживала со странами Востока. По Волге, Каме и их крупным притокам плыли торговые суда, направляющиеся в Северо-Восточную Русь, в Хазарию (Итиль), Саксин, Крым и Кавказ. Торговые караваны двигались по хорошо известным сухопутным магистралям, находящимся под контролем и охраной государства, по чьей территории они проходили. Ал-Балхи писал: «От Итиля до Болгара расстояние по степям около одного месяца пути; водою же, вверх по реке около двух месяцев, вниз по реке около 20 дней» [Хвольсон, 1869, с.105]. Ал-Масуди рассказывал о караванах, которые постоянно курсировали с товарами из Булгара в Хорезм и обратно [там же, с.163]. По этому же пути, подробно описанному Ибн Фадланом, двигалось багдадское посольство в 921–922 гг. Восточные географы сохранили ценные свидетельства о прямом пути из Булгара в Киев. «От Булгара до границы Руси – 10 остановок, от Булгара до Куяба – 20 остановок», – так описывают ал-Джайхани и ал-Идриси этот сухопутный маршрут, протянувшийся по слабо залесенным и мало населенным водоразделам Волги и Суры, Оки и Дона, Десны и Днепра на расстояние около 1500–1600 км [Рыбаков, 1969, с.189]. Этот путь торговые караваны проходили за 60 дней, делая через каждые два дня остановки в специ-

альных пунктах, называвшихся по-арабски «манзилями» [Моця, Халиков, 1997].

Какие товары являлись предметами болгарского экспорта и импорта? Довольно подробный ответ на этот вопрос мы находим в письменных источниках. Ибн Русте в начале X в. писал: «Хазары ведут торг с болгарами; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т.е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки (Волги), везут к ним (т.е. болгарам) товары свои, как-то: меха собольи, горностаевы, беличьи и другие» [Хвольсон, 1869, с.23]. Ал-Балхи сообщал: «То, что вывозят из Хазарии, как-то: мед и воск, привозится к ним из земли руссов и болгар. Таким же образом меха бобровые, вывозимые [из Хазарии] в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба, и кроме того их нигде не найдешь, сколько мне известно» [там же, с.169].

Ал-Масуди, как уже отмечалось выше, упоминает о хазарских и болгарских судах, плавающих по Волге выше устья Камы с торговой целью. Из земли буртасов, продолжает он, «вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртасскими. Эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динаров за штуку, красные дешевле. Арабские и персидские цари считают эти черные меха выше куньего, собольего и другого меха и делают из них шапки, кафтаны и шубы, так что почти нет царя, не имеющего шубы или кафтана с подкладкой из мехов черных лисиц» [там же, с.163].

Широкий ассортимент товаров, вывозимых из Булгарии в Хорезм и другие страны, перечисляет арабский географ второй половины X в. ал-Мукаддаси: «Меха: собольи, беличьи, горностаевы, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые; зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровая струя, янтарь, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот» [Гаркави, 1870, с.282; Хвольсон, 1869, с.181].

Перечень импортируемых товаров, приведенный в письменных источниках, небольшой, но он дополняется, как увидим ниже, археологическими материалами.

Об импорте монет мусульманской чеканки сообщает Ибн Русте: «Белые, круглые дирхемы привозят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары» [Хвольсон, 1869, с.34]. Ибн Фадлан говорит о царской юрте, устланной армянскими коврами, и троне, покрытом византийской парчой [Ибн Фадлан, 1956]. О поступлении в Булгарию дорогих тканей и ковров из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византии сообщают и некоторые другие средневековые писатели [Хвольсон, 1869, с.169, 222]. Из Самарканда к болгарам шла писчая бумага [Давлетшин, 1990, с.116]. Широким спросом во все времена пользовались предметы вооружения. Ибн Фадлан пишет, что болгарские мечи «суть широкие волнообразные клинки франкской работы». По словам ал-Гарнати, купцы привозят высококачественные мечи из стран ислама, где их «делают в Зенджане, и в Абхаре, и Тебризе, и Исфахане в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон» [ал-Гарнати, 1971, с.33].

В археологических материалах домонгольских болгарских городов – крупных центров торговли – выделяются предметы древнерусского, восточного и западноевропейского импорта.

Восточный импорт из Биляра представлен большим количеством материалов, отражающих торговые связи Булгарии и ее столицы со Средней Азией, Ближним Востоком, Византией и Закавказьем. Это находки восточных монет, фаянсовой посуды с люстровой росписью, поливной керамики, сфероконусов, стеклянных сосудов, украшений и изделий из цветного металла, а также костей верблюдов, свидетельствующих о существовании сухопутных магистралей, соединяющих восточные страны с городами Волжской Булгарии.

К раннему этапу восточной торговли относятся немногочисленные монеты, чеканенные Аббасидами [Беговатов, 2000, с.237; Кропоткин, 1971, с.87–88; Марков, 1910, с.10].

В перечне вышеуказанных товаров уникальной является богато декорированная фаянсовая чаша на поддоне, атрибутированная С.И.Валиулиной как изделие иранского или месопотамского производства XI в. [Валиуллина, 1999, с.126–131]. Связи с производственными центрами Ирана (Рей, Кашан и др.), отчасти Средней Азии (Хорезм) и Закавказья XII – начала XIII в. иллюстрируют фрагменты люстровой керамики (более 150 экз.), происходящие в основном из центральных раскопов Биляра. В иранских ремесленных центрах, главным образом в г. Рее, производили сосуды типа «минаи», обнаруженные в Биляре в количестве 4 экз. Их привозили, скорее всего, в качестве подарков. Список иранских предметов роскоши может быть дополнен стеклянной посудой в виде флаконов цилиндрической и грушевидной формы и миниатюрными гранеными флакончиками, в которых хранили парфюмерные изделия, ароматические вещества и лекарства [Валиуллина, 1997, с.172]. Иран вместе с близлежащими областями мог выступать поставщиком в Булгарию, а через нее и в соседние земли полудрагоценных камней-самоцветов и готовых изделий из них (например, бус, подвесок, вставок). По данным Р.М.Валеева, из Ирана в Булгарию «поступали йеменский сердолик, из более южных стран – мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахра шли согдийский хрусталь и среднеазиатская бирюза, из Хорезма – сердолик, из Синда (Индия) – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит» [Валеев, 1995, с.65]. В центральной части города Биляра была обнаружена сердоликовая вставка перстня с арабской надписью «властью [данной] богом счастлив».

Интересны коллекции грузинского оконного и посудного стекла, а также пробирных камней для определения пробы золота, имеющих, как показал петрографический анализ образцов, кавказско-прикаспийское происхождение [Валиуллина, 1999, с.148]. Связи с Византией и ее провинциями отражают находки стеклянных браслетов, поливной и стеклянной посуды. Византийское происхождение этих предметов было определено спектральным и химическим анализом стекла [там же, с.146]. Среди массы керамического материала А.Ф.Кочкиной выделена продукция

причерноморских ремесленных центров: гончарные сосуды розового цвета, глазурированные блюда с орнаментом сграффито и амфоры с округлым дном и грушевидным туловом, украшенным бороздчатым рифлением поверхности (всего более 100 фрагментов и развалов сосудов). Такие амфоры, служившие тарой для перевозки оливкового масла и различных вин, производили в основном в керамических мастерских Таврики, в частности, в Херсоне [Кочкина, 1999, с.134–136].

Торговые связи Биляра и Волжской Булгарии с государствами Западной Европы, а также со Скандинавией были спорадическими и осуществлялись, скорее всего, через посредничество Руси. В материалах городища имеются обломки западноевропейского витражного стекла [Валиуллина, 1991, с.111–112]. Такие изделия встречаются также во Владимире и Суздале, куда могли попасть, по мнению М.Е.Родиной, через Волжскую Булгарию [Родина, 1991, с.114–119]. Следует отметить ручку бронзового сосуда, изготовленного, по всей вероятности, в одном из городов Франции в XII–XIII вв. (определение М.В.Седовой), а также детали т.н. франкских мечей и бронзовую фибулу скандинавского типа [Культура Биляра, 1985, с.173–174; НАП, 1979, табл.Х: 7], оказавшихся в Биляре без участия варягов – воинов и торговцев.

Болгарское городище – археологические остатки Внешнего Булгара или Брахимова письменных источников – давно уже известно как крупнейший центр международной торговли и его значение в этой роли никогда и никем не оспаривалось. Действительно, археологические находки подтверждают это. Среди них имеются два клада куфических монет [Марков, 1910, с.10, 137] и отдельные находки в качестве подъемного материала.

Некоторые группы бус из раннего комплекса находок, по определению М.Д.Полубояриновой, «ставят Болгар в один ряд с крупными поселениями Северной и Восточной Европы X – начала XI в., находившимися в сфере ближневосточной торговли... Товары из Сирии или Египта доставлялись в Константинополь или Трапезунт, оттуда на северный Кавказ и дальше по Волге шли на север» [Полубояринова, 1988, с.212]. Серебряная поясная бляха с арабской надписью является, по мнению

Г.Ф.Поляковой, продукцией иранских или среднеазиатских мастеров; равноплечевую фибулу и подвеску с человеческой личиной на фоне плетенки можно считать скандинавскими [Полякова, 1996, с.256]. На Ага-Базаре в качестве подъемного материала было обнаружено серебряное подражание западноевропейскому денарию XI в. [Федоров-Давыдов, 1987, с.160].

Более крупными, по сравнению с Булгаром на Волге, центрами торговли представляются нам ранние поселения в низовьях Камы – Измерское и Семеновское селища, материалы которых опубликованы, хотя и не полностью, Е.П.Казаковым. На этих торгово-ремесленных поселениях X–XI вв., сопоставляемых обычно с комплексами типа Гнездова и Бирки, а также на «Девичьем городке» обнаружены сотни арабских дирхемов, в том числе и клады с большим содержанием восточных монет, несколько западноевропейских денариев XI в. [Казаков, 1991, с.28–30]. Среди привозных изделий преобладают среднеазиатские и древнерусские. Последние представлены обломками глиняной посуды, десятками шиферных пряслиц, стеклянными перстнями и браслетами, пятилучевым височным кольцом и некоторыми другими предметами. Обнаружены бронзовые фибулы балто-скандинавского происхождения, а также янтарные бусы и подвески. В изделиях поясной гарнитуры четко прослеживаются среднеазиатские параллели. Имеются наконечники ремня с арабской надписью [там же, с.127, 151–154].

В домонгольских напластованиях древней Казани встречены обрубок саманидской монеты и чешский денарий первой половины X в., шиферные пряслица, бронзовая накладка венгерского типа, обломки стеклянных браслетов древнерусского производства и фрагменты фаянсовой посуды с люстром из Ирана.

Следы присутствия иноземных торговцев отмечены и на Муромском городке. Среди вещей восточного импорта исследователи выделяют поливную и стеклянную посуду, сфероконусы среднеазиатского и закавказского производства, фрагменты фаянсовой керамики с люстром из иранских городов, стеклянные бусы и пр. [Васильев, Матвеева, 1986, с.200–203; Матвеева, 1976, с.39–40]. В числе товаров, приво-

зимых из древнерусских городов, следует отметить стеклянные браслеты, шиферные пряслица, фрагменты глиняной посуды с поливой. Вещи прибалтийского и западноевропейского происхождения единичны: янтарь и украшения из него, германская монета XI в. Также малочисленны предметы византийского и причерноморского импорта. Среди них обломок темно-синего стеклянного браслета с инкрустацией из бирюзового стекла в виде растительного узора, а также фрагменты поливной и неполивной керамики, амфор, служивших тарой при доставке различных жидкостей [Кочкина, 1999, с.133, 136; Матвеева, Кочкина, 1998, с.39–40]. Последние встречены и на других булгарских поселениях, в частности, на Красносюндюковском, Старомайском, Междуреченском городищах.

Кроме того, на Красносюндюковском I городище имеются железные гирьки, свинцовые грузики-пломбы, шиферные пряслица, фрагменты стеклянных сосудов и поливной керамики среднеазиатского импорта [Кочкина, Стащенко, 1993, с.190, 196, 199–200].

При раскопках Хулашского городища обнаружены фрагменты стеклянных сосудов, поливной керамики, обломки белоглиняных сосудов со штампованным орнаментом, шиферные пряслица, стеклянные и каменные бусы, происхождение которых связано с ремесленными центрами Закавказья, Средней Азии и Руси [Каховский, Смирнов, 1972, с.60–62]. Эти иноземные товары, скорее всего, завозились в этот небольшой город булгарскими купцами, которые покупали их оптом у иностранных торговцев, не имевших прямых контактов с местным населением, из близлежащего крупного города (например, из Ошеля).

В заключение вкратце остановимся на вопросе о торговых путях, по которым доставлялись товары в булгарские города.

Согласно общепринятой точке зрения, основанной на изучении топографии кладов куфических монет и данных письменных источников, Волга служила основным путем поступления восточного серебра в Северную Русь, Прибалтику и Скандинавию еще в IX в., если не раньше. Путь из Средней Азии и Закавказья по Волге и далее вверх по Каме вплоть до бассейна Северной Двины и Печоры маркирован

кладами сасанидских и византийских монет, начиная с VII в. Этот путь засвидетельствован позднее сообщениями арабских авторов, рассказывающих о связях Волжской Булгарии с далекими северными народами.

По наблюдениям А.Е.Леонтьева, «семисоткилометровый отрезок пути от устья Камы вверх по Волге и нижнему течению Оки никакими находками импорта IX в. не отмечен», хотя на землях вятичей, в среднем и верхнем течении Оки, известно до двух десятков монетных кладов [Леонтьев, 1986, с.3–5]. Исходя из этого, он предполагает основной путь поступления куфических монет IX в. на Северную Русь, Верхнюю Волгу и в Ярославское Поволжье по Дону на Среднюю Оку или по Северскому Донцу, далее через Десну по Днепру, минуя Волжский путь, начавший активно функционировать лишь с X в. [там же, с.5–8]. В то же время исследователи (А.Е.Леонтьев, Д.А.Мачинский и др.) не сомневаются в функционировании в IX в. Волжского пути, использовавшегося в основном как традиционный путь в Прикамье.

При обсуждении данного вопроса нельзя забывать о существовании в это время Хазарского государства, прочно державшего под своим контролем все торговые магистрали из Передней Азии в Восточную Европу. А.П.Новосельцев убежден, что «одним из важных, если не важнейшим, был путь вдоль западного берега Каспийского моря к устью Волги, затем вверх по этой реке. Приблизительно в районе нынешнего Волгограда он разветвлялся на два: один продолжался вверх по Волге, другой через Переволоку переходил на Дон. Оба пути в VII – первой половине X в. контролировались хазарами. Вверх по Волге купцы... достигали Булгара Волжского, где уже, очевидно, в IX в. существовала торговая фактория и где встречались мусульманские купцы с русскими» [Новосельцев, 1990, с.114]. Эти наблюдения являются верными. Действительно, трудно представить себе вне волжской коммуникации документированные источниками тесные этнокультурные и полити-

ческие контакты Хазарии с родственными им волжскими булгарами VIII–IX вв. и возникшим в конце IX – начале X в. Булгарским государством, которое долгое время находилось под протекторатом хазар.

В Хазарию восточные товары доставлялись двумя известными маршрутами Великого Шелкового пути, весьма активно функционировавшего до конца IX в., но не потерявшего своего значения и позднее. Первый маршрут вел из Китая в Среднюю Азию, далее через Хорезм к Итилю, другой маршрут этого же пути сначала шел параллельно первому, а потом направлялся не в Хорезм, а в Согд и далее продолжался по южному берегу Каспия до Передней Азии. От этого пути отходила дорога на север через Кавказскую Албанию к Дербенту, которая по владениям кагана вела в столицу хазар. Восточным купцам иногда легче было попасть в Булгарию не через Итиль по волжской трассе, а по степному караванному пути, который начинался в Хорезме и через пустынное плато Устюрт выходил в заволжские степи и заканчивался в Булгаре. По этому маршруту в страну волжских булгар следовало багдадское посольство халифа ал-Муктадира в 922 г.

Очевидно, Великий Волжский путь и проложенный восточнее Волги сухопутный маршрут из Хорезма в Булгар являются своеобразными разветвлениями Великого Шелкового пути, сыгравшего огромную роль в системе международных связей Восток–Запад. Караванный путь Булгар (Биляр) – Киев и Камский (пушной) путь к северным народам также следует рассматривать в системе этих связей. Из Булгара по Волге товары шли дальше в северные области Руси. Чрезвычайно разветвленная речная сеть севера Восточной Европы способствовала беспрепятственному выходу с Верхней Волги в Поволжье, Приладожье и на Белое озеро, а оттуда – в Прибалтику и Скандинавию. По этому пути двигались на юг варяжские дружинники и торговцы, следы пребывания которых в Булгарии документированы письменными и археологическими источниками.

3. Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами

Марина Полубояринова

Географическое положение Волжской Булгарии обусловило ее широкие торговые связи на всем протяжении истории, в том числе с ближайшим западным соседом – Русью. Оба государства располагались в сходных природных условиях и находились примерно на одинаковых стадиях общественного и политического развития. Наряду с неизбежными военными столкновениями, между ними существовали и мирные контакты в области торговли, что фиксируется и письменными источниками, и археологическими находками.

В сочинении арабского автора ал-Истахри (X в.) сказано, что ближе всего к булгарам расположены русы, царь которых «...находится в городе, называемом Куйаба (Киев); он [город этот] больше Булгара... Люди достигают Куйаба по торговым делам» [Заходер, 1967, с.101–102]. Ибн Русте (начало X в.) сообщает, что «все из них (русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки, везут к ним [булгарам] товары свои, как-то: меха собольи, горностаевые, беличьи и другие» [Хвольсон, 1869, с.23]. Как свидетельствует другой арабский автор X в., Ибн Хаукал, «русские продавали [меха] в Булгаре, пока этот город не был ими разрушен» [Гаркави, 1870, с.219].

Главным источником по русско-булгарским взаимоотношениям на всем протяжении их истории служат русские летописи. В недатированной географической части «Повести временных лет» содержится свидетельство о раннем знакомстве русских с путем на восток, лежащим через земли булгар: «Ис того же льса [из Оковского] и потечеть Волга на вьсток и вьтече семью десять жерель в море Хвалінское, тьм же из Руси можеть ити по Волзь в Болгары и вь Хвалисьи и на вьстокь дойти вь жребии Симовь...» [ПСРЛ, 1908, II, стб.6]. Автор текста знает Волжский путь и то, что он служит дорогой к булгарам и в арабский мир.

Русские летописи сообщают о нескольких походах на булгар киевского князя Владимира в 985 [ПСРЛ, 1908, II, стб.7], 994 и 997 гг. [ПСРЛ, 1965, IX, с.65–66]. Согласно В.Н.Татищеву, эти военные столкновения вылились в 1006 г. в заключение торгового договора между Владимиром и булгарами, по которому булгарские купцы получили право торговать по всем русским городам, а русские торговцы – в Волжской Булгарии «без опасения» [Татищев, 1963, II, с.69].

Более поздние летописные известия касаются взаимоотношений булгар с княжествами Северо-Восточной Руси. Под 1024 г. сообщается, что от голода, возникшего во Владимиро-Суздальском княжестве и вызвавшего мятежи, спасло «жито, привезенное от болгар» [ПСРЛ, 1908, т.II, стб.135]. У В.Н.Татищева есть сведения о посылке в 1229 г. булгарским «князем» в дар великому князю Юрию Всеволодовичу (также по случаю голода на Руси) 30 судов, груженных житом, в то время как булгарские купцы продавали жито во всех русских городах [Татищев, 1964, III, с.225]. Результатом этой акции было заключение мира на 6 лет с разрешением купцам ездить в обе стороны и платить пошлины по уставу каждого города.

После военных действий, предпринимаемых обеими сторонами в течение XII – начала XIII в., по сообщениям летописей, мир заключался неоднократно: в 1183 [ПСРЛ, 1962, I, стб.390], 1220 [ПСРЛ, 1856, IV, с.128] и 1229 [ПСРЛ, 1965, X, с.98] гг. Условия мирных договоров регламентировали и торговые отношения. По мнению В.Н.Татищева, причиной булгарского военного похода на Городец, Рязань и Муром в 1183 г. было нападение русских на булгарских купцов, торговавших в городах по Волге и Оке [Татищев, 1964, III, с.12]. Таким образом, торговые контакты перемежались военными столкновениями. Русские и булгары были связаны взаимными торговыми интересами. Военные походы

носили эпизодический характер, торговые же связи существовали всегда.

Понятно, что большая часть товаров, которыми обменивались два государства, не оставляла археологически фиксируемых следов. Продукты сельского хозяйства могли поступать на рынки соседней страны в зависимости от урожая или неурожая, от рыночной конъюнктуры, как было в случае с привозом болгарского зерна во Владимиро-Суздальское княжество, отмеченным летописью. Со Средней Волги могли доставлять ценные породы рыб. Булгары славились своим умением обрабатывать кожи, которые они поставляли и на восток, и на запад. На Руси эти кожи назывались «юфть». Обе стороны могли торговать продуктами пчеловодства и бортничества. Из Руси шли льняные ткани, моржовый клык, рыбий клей. Однако основными товарами, обеспечившими обоим государствам участие в международной торговле, были меха и рабы.

Работоторговля в этот период истории человечества процветала. Ибн Русте сообщает: «Они (русы) нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, полонят их, вывозят в Хазаран и Булгар, продают» [Заходер, 1967, II, с.81]. Эти сведения передает и ал-Гардизи [там же, с.82]. На рабские рынки Волжской Булгарии поступали невольники не только из русских княжеств, но и из страны Йуру (по свидетельству ал-Гарнати), из Скандинавии (по свидетельству Ибн Фадлана). Часть рабов оставалась у булгар, но большинство перепродавалось у халифат, Хорезм и другие страны Востока. Известно, что гвардия багдадских халифов набиралась из славянских рабов. Людей продавали в рабство за долги, продавали пленных, захваченных в военных столкновениях. Уже в золотоордынский период новгородские ушкуйники во время своих разбойничьих походов захваченных в плен соотечественников везли продавать в Булгар.

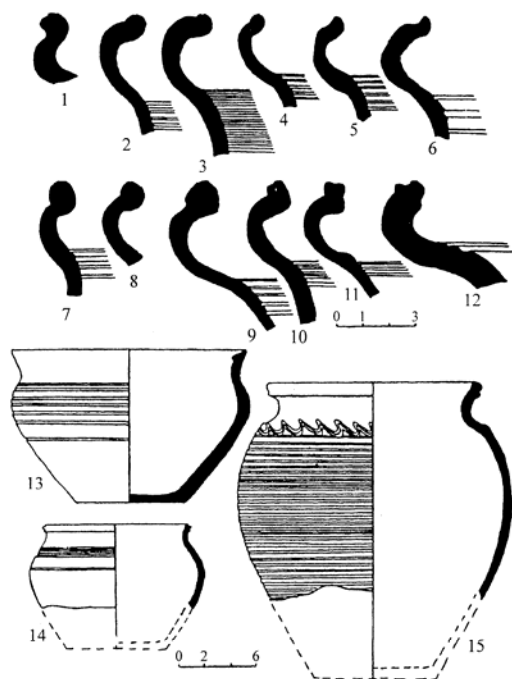
На болгарской территории найдено несколько славянских височных колец. Вероятно, владельцы этих недорогих племенных украшений попали к булгарам в качестве рабынь. На Алексеевском VI селище найдено вятическое семилопастное височное кольцо второй половины XI в. [Руденко, 2000, с.11, рис.8: 11]. На Семеновском I селище встречено ромбошитковое височ-

ное кольцо, свойственное новгородским словенам; по форме шитков оно датируется XII–XIII вв.* Поблизости, на Семеновском II селище, найден обломок еще одного ромбошиткового кольца, которое можно отнести к рубежу X–XI вв. С Семеновского I селища происходит радимичское пятилучевое медное височное кольцо, датирующееся X–XI вв.

Меха, которые добывались в лесах Руси и Волжской Булгарии, включались в международную торговлю. По сообщению ал-Гарнати, «в реке славян [Оке?] водится зверь водяной соболь [выдра?]. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджин» [ал-Гарнати, 1971, с.35]. В обмен на эти меха на болгарские рынки поступало арабское серебро в виде дирхемов и иногда утвари. Восточные купцы получали драгоценные меха соболя, куницы, бобра, горноста, песца, лисицы, белки, зайца, которые как предмет особой роскоши продавались арабской знати. Меха на Среднюю Волгу поступали с севера – из Прикамья и Приуралья, ими торговали, кроме славян, и скандинавские купцы. За меха на рынках Волжской Булгарии можно было выручить не только арабские монеты, но и драгоценные восточные ткани, персидские ковры, благовония, индийские и среднеазиатские каменные бусы, стеклянные бусы с Ближнего Востока. Эти каменные и стеклянные бусы в огромных количествах находят в древнерусских курганах и на поселениях. В курганах Владимиро-Суздальской Руси найдены иранские и среднеазиатские шелковые ткани.

Участие Руси и Волжской Булгарии в международной торговле в роли посредников приносило им основные доходы. Возможность этого участия была обусловлена географическим положением и Руси, и Волжской Булгарии. Киевская Русь по Днепровскому пути имела выход в Прибалтику и в Черное море. Северная Русь, связанная с Прибалтикой и Скандинавией по Волжскому пути, через земли Булгарии сообщалась со странами Востока. Волжская Булгария лежала на перекрестке торговых путей с юга (прикаспийские области, Арабский Восток, Средняя Азия) на север (Прикамье и Приуралье) и на северо-запад

* В тех случаях, когда ссылка на публикацию отсутствует в тексте, см.: [Полубояринова, 1993].

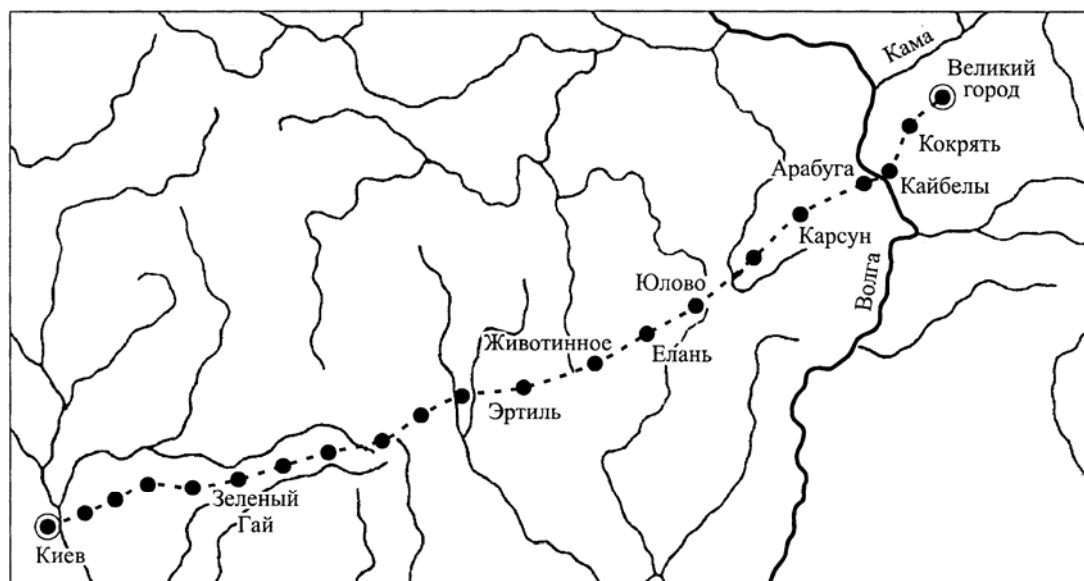
Древнерусская керамика из раскопок Биляра
(по А.Ф.Кочкиной)

– по Волге, через северные русские княжества в Прибалтику и скандинавские страны. Это давало огромные возможности для посреднического участия в тогдашнем мировом движении товаров.

Через русских купцов поступал в Волжскую Булгарию прибалтийский янтарь. Это убедительно подтверждает находка нескольких килограммов янтаря при раскопках Биляра в жилище, принадлежавшем русскому торговцу и, возможно, ремесленнику [Хузин, Валиулина, 1986]. Янтарь расходился по булгарским поселениям, а также перепродавался далее на восток, где он употреблялся не только для изготовления украшений, но и как ароматическое курение. Русские льняные ткани также должны были пользоваться спросом у восточных покупателей. Через посредство южнорусских купцов к булгарам поступали с XII в. византийские стеклянные сосуды, бусы и браслеты. Ал-Гарнати сообщает, что славяне и булгары получают из Византии выделанные шкуры дельфинов, идущие на изготовление ремней [ал-Гарнати, 1971, с.54]. Этот товар шел в Среднее Поволжье также через Южную Русь.

Во Владимире в слое конца XII – начала XIII в. была найдена поделка из мамонтовой кости [Жарнов, 2003, с.41]. По сведениям ал-Гарнати, мамонтовая кость у булгар была, они получали ее, надо думать, из Западной Сибири. В XII – начале XIII в. в русских городах, особенно в северо-восточных и северо-западных, появляется довольно много иранских поливных сосудов, в том числе люстра. В Южной Руси его гораздо меньше [Коваль, 2003, с.362]. Это говорит о том, что люстр из Ирана поступал на Русь через булгар по Волжскому пути. Известно несколько находок хрустальных вставок для перстней в домонгольских слоях древнерусских городов. Такие вставки в течение нескольких веков производились в Индии и попадали на Русь через восточного соседа, как и обломок среднеазиатского каменного котла и сфероконус, найденные во Владимире в слое XII – начала XIII в. [Родина, 1997, с.149, 150].

Каковы археологические свидетельства торговли между Киевской Русью и Волжской Булгарией своими собственными товарами? Перечень таких находок невелик, но сами вещи очень выразительны. Наиболее часто встречаются на булгарских памятниках, начиная с середины X в., шиферные пряслица. До сих пор в Восточной Европе месторождения розового шифера не найдены нигде, кроме района Овруча на Волыни. Поэтому находки шиферных пряслиц, видимо, бывших в большой моде у женщин того времени, в том числе и у булгарок, свидетельствуют о торговых сношениях с Киевской Русью. На исторической территории Волжской Булгарии к началу 90-х гг. XX в. было зафиксировано более 400 находок шиферных пряслиц. Ежегодные раскопки и обследования городских и сельских поселений приносят новые находки этих пряслиц. На таких памятниках, как Биляр, Болгар, Измери I, Семеновское I, которые были крупными торговыми пунктами, пряслица находят десятками, изредка даже за один сезон. Кроме пряслиц, известно еще несколько изделий из шифера – пуговица, игральная фишка, литейная форма для ложновитых перстней, точильный брусок, бусинка. Вероятно, через булгар южнорусские шиферные пря-

Путь из Булгарии в Киев (по А.Х.Халикову)

лица попадали в Прикамье, где также отмечаются их находки.

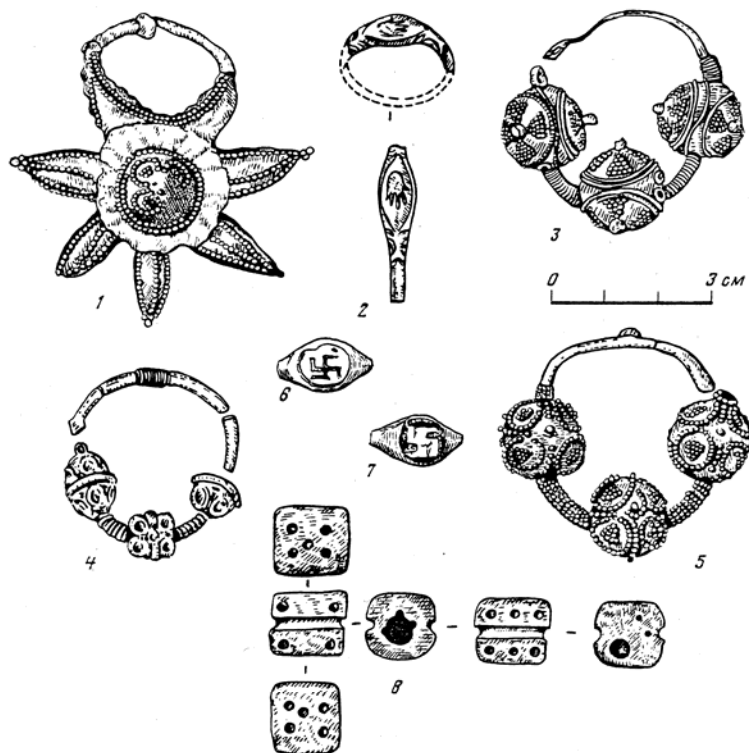
Продукцией киевских ремесленников были, вероятно, и многие изделия из стекла, найденные на болгарских памятниках XII – начала XIII в. Это в основном украшения – браслеты, перстни, некоторые типы бус. Стекланные браслеты из домонгольских слоев (XII – начала XIII в.), судя по составу стекла, сделаны на Руси. Несколько обломков таких браслетов найдены в Булгаре, Биляре, домонгольском слое Казани [Валиуллина, 1999, с.144; Хузин, 2001, с.196, рис.86: 3, 4]. На I Семеновском поселении встречено некоторое число стекланных браслетов и перстней, по-видимому, изготовленных русскими мастерами. Из русских городов к булгарам с XII в. поступали крупные шарообразные и зонные бусы из прозрачного светложелтого стекла, может быть, часть рыболовных, черных и синих, а также т.н. бусы «с пластичным узором». До этого времени стекланные бусы на Среднюю Волгу привозились в основном с Ближнего Востока и перепродавались в очень больших количествах на Русь. Из Руси (скорее всего, из Киева) к булгарам поступали сосуды из прозрачного светлого стекла.

На территории Волжской Булгарии найдены женские украшения и другие предметы из цветных металлов, которые можно отнести к русским изделиям. Так,

в Булгаре найдены два серебряных височных кольца и звездчатый колт. Височные кольца – трехбусенные, бусы полые с зерненым и сканым узором. Они имеют аналогии в Киевском кладе 1885 г. и в Старорязанском кладе 1887 г. Аналогии звездчатому колту, украшенному зернью, есть в Киевском кладе 1903 г. и в Тверском кладе 1906 г. Эти украшения представляют собой образцы древнерусского ювелирного искусства XII – начала XIII в.

Какому-то знатному русскому боярину или его жене принадлежало первоначально оплечье, найденное в Булгаре в составе клада. Оплечье состояло из девяти серебряных с позолотой медальонов и четырех полых бусин. Орнамент, нанесенный гравировкой, в одном случае – с чернью, представляет собой процветший крест разной формы. Подобные оплечья известны на русской территории в нескольких кладах и в виде отдельных находок. Их дата – 70-е гг. XII – начало XIII в. Наиболее близки к болгарским медальоны, найденные на Новгородчине, в районе Суздаля и во Владимире, где исследователи предполагают основной центр производства таких медальонов.

Трудно сказать, каким образом оплечье попало в Булгар. Христианская символика как будто не позволяет считать его товаром, но, с другой стороны, вещь настолько нарядная и дорогая, что, возможно, могла

Русские вещи из Булгара: 1, 3–5 – серебряные височные кольца;
2, 6, 7, – медные перстни; 8 – шиферная игральная кость

быть куплена у владельца, попавшего в затруднительное положение в чужой стране. Не исключено, что оплечье стало военной добычей. Во всяком случае, оплечье не попало в переплавку, а хранилось как сокровище и было помещено в клад вместе с типичными болгарскими ювелирными украшениями.

Среди находок с Билярского городища наиболее значительна княжеская вислая свинцовая печать с изображением святых Дмитрия и Георгия, исполненная с большим искусством. Такие же печати найдены в Новгороде и Суздале. По определению В.Л.Янина, печать принадлежала князю Всеволоду Юрьевичу, правившему недолго в Новгороде и убитому монголо-татарами во Владимире в 1240 г., и датируется началом XIII в. [Янин, 1979, с.100–101]. По мнению М.В.Седовой, печать относится к великому князю Всеволоду Большое Гнездо и датируется последними десятилетиями XII в. Печать могла попасть в тогдашнюю столицу Волжской Булгарии вместе с какой-то грамотой, она свидетель-

ствует о дипломатических сношениях между Владимиро-Суздальским княжеством и булгарами, возможно, во время осады Великого города в 1183 г. [Седова, 1997].

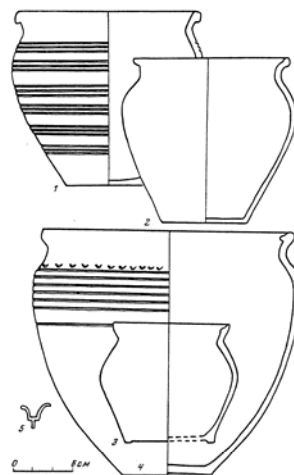
Комплекс из двух построек, в котором была найдена печать, содержал и другие находки, указывающие на торговые связи Булгарии с русскими княжествами. Это огромное количество кусков янтаря (более 9 кг), в числе которых несколько заготовок, русский по составу стеклянный браслет, фрагменты воронкообразных сосудов от лампад или хоросов XII в., две писанки, три шиферных пряслица, немного древнерусской керамики, кости свиньи [Хузин, 1979, с.78–79; Хузин, Валиуллина, 1986]. Янтарь принадлежал русскому купцу. Он доставлялся из Прибалтики, по всей вероятности, через Новгород, и расходился по городам Волжской Булгарии и, возможно, дальше на Восток. Остальные находки из этого комплекса характеризуют южнорусский импорт.

Из металлических украшений, сделанных на Руси, в Биляре найдены: широко-

гая и узкорогая лунница, трехбусенное височное кольцо, рубчатый перстень, зооморфная подвеска-амулет в виде птицы, т.н. «владими́ро-суздальский петух». Центр производства таких подвесок исследователи помещают в Ярополче Залесском, дата: XI–XII вв. или конец XII – начало XIII в. В Биляре же найдены три полые коньковые подвески с шумящими привесками, две из них датируются XII – началом XIII в., изготавливали их предположительно в Костромском Поволжье. Украшения таких форм должны были находить сбыт среди финно-угорского населения Волжской Булгарии.

На I Измерском поселении найдено довольно много ювелирных украшений русского производства. Круглая ажурная подвеска с композицией креста в круге датируется на Руси XII–XIII вв. Несмотря на изображение креста, подвеска могла восприниматься булгарами просто как украшение с солярным знаком, но могла и принадлежать русской женщине. На этом же памятнике найден трехсоставной перстень со щитком, аналогичный происходит из суздальских курганов X–XI вв. Другой перстень – пластинчатый незамкнутый широкосрединный с орнаментом из ложной зерни и циркульным датируется также X–XI вв. Отсюда же происходит широкоорогая бронзовая лунница с имитацией зерни и скани (XI – первая половина XII в.). На I Семеновском поселении, кроме упомянутых племенных височных колец, найдена монетовидная подвеска из белого металла с радиальной композицией орнамента с «жемчужинками» по краю и в центре. Подобные вещи обнаружены в Новгороде (вторая половина X – XI вв.) и в кургане на территории Гомельской области (XI – середина XII в.).

На Мурзихинском селище найдены две уточки-подвески с литым рельефным орнаментом [Руденко, 2002, табл.57В: 22, 23]. Такие подвески, по мнению Л.А.Голубевой, производились в Костромском, Ивановском и Кинешемском Поволжье и оттуда попадали в Волжскую Булгарию. С этого же памятника происходят две монетовидные подвески – с ложнозерненным орнаментом в виде пирамидок и с крестообразной композицией [Казаков и др., 1993, рис.8: 36; 9: 57]. Обе они имеют аналогии в русском ремесле.

Древнерусские сосуды из Булгара

На VI Алексеевском селище, кроме вышеупомянутого вятического височного кольца, найдена круглая ажурная подвеска из оловянисто-свинцового сплава (композиция «крест в круге»), русская, XI–XII вв., судя по аналогичным находкам на Руси [Руденко, 2000, рис.8: 13].

С территории Волжской Булгарии происходит церемониальный топорик, найденный в 1913 г. в Симбирской губернии. Топорик медный с железным лезвием, боевой по форме, но богато орнаментированный гравировкой, чернью, чеканкой и инкрустацией серебром. Орнамент в виде процветших крестов и русские буквы заставляют признать его русское происхождение – из Суздаля XIII в. или ранее (по мнению А.А.Спицына), или из Киева конца XI – первой половины XII в. (по мнению В.А.Городцова). А.Н.Кирпичников датирует этот топорик XII в.

Русский, судя по орнаменту, топорик такого же типа происходит из Биляра. У него серебряной инкрустацией на лезвии изображены чешуйки и двойные дуги [Измайлов, 1992, с.106]. Подобные топорики встречены в древнерусских дружинных погребениях, а также в Поволжье и Прибалтике. Эти топорики на булгарской земле можно рассматривать и как купленный товар, и как военную добычу.

Перечень русских вещей, найденных в Волжской Булгарии, как и письменные источники, дает представление о торговых связях булгар с разными древнерусскими княжествами.

Торговля, безусловно, была обоюдной для обоих государств. К настоящему времени скопилось уже довольно много археологических материалов, свидетельствующих о том, что и болгарские ремесленные изделия пользовались спросом на Руси. Наиболее яркие из них – бронзовые замочки для шкатулок и сундучков, выполненные в виде фигурок животных. Зооморфные замки изготавливались в Волжской Булгарии в домонгольский период, а позже встречаются по всей территории Золотой Орды. Они были заимствованы, вероятно, из Ирана, хотя употреблялись и в Средней Азии, и в Западной Европе, и в Причерноморье.

Один такой замочек, изображающий фантастического зверя с рогом на затылке и с богатым орнаментом, был найден в Москве в слое XII в. Маленький замочек в виде лошадки или собачки обнаружен в Старой Рязани. Из Рязанской земли, из города Пронска, происходит еще один бронзовый замочек, изображающий конька, даже как будто оседланного. В слое XI–XII вв. в Серенске также найден замок в виде конька с орнаментом, изображающим богатую сбрую. Два бронзовых и один железный зооморфные замочки-коньки происходят из Белоозера; бронзовые найдены в слое XIII в., железный – беспаспортный. Беспаспортная находка замочка-конька происходит с р. Вага Архангельской области. Из Новгорода происходят два подобных замочка: один бронзовый в виде барса (конец XI в.), такие в Волжской Булгарии неизвестны, другой – железный беспаспортный, похожий на белоозерский. Совсем недавно во Владимире в перекопанном слое была найдена половинка фигурного бронзового замка в виде конька, покрытого орнаментом. По общему абрису конек похож на серенскую находку.

Несколько зооморфных замочков найдено в западных и южных русских землях. Замок в виде бычка с циркульным орнаментом происходит из поселения у с. Кашенка Пинского р-на Белоруссии. Замок в виде собачки найден в Гомеле. В Киеве, Вышгороде и Воине в слоях X–XI вв. найдены бронзовые замочки в виде конька и барана.

Зооморфные болгарские замочки – очень характерная, но довольно редкая находка.

Не менее выразительный, но массовый материал представляет собой болгарская керамика, которая встречена в разных землях Руси, в домонгольских слоях поселений. Находки болгарской глиняной посуды должны означать, что болгары длительное время жили на данном поселении, куда они прибыли, скорее всего, по торговым делам. Болгарская керамика, найденная на древнерусских памятниках, подразделяется на кухонную и столовую, которой могли пользоваться сами болгары – с одной стороны, и тарная (кувшины, корчаги), в которой они могли привозить некоторые товары – продукты, может быть, каменные бусы и т.п. – с другой. Однако и сами красные и коричневые болгарские сосуды также могли служить товаром, т.к. выделялись из хорошо отмученной глины, прекрасно обжигались и украшались, помимо орнамента, лощением поверхности. Они выглядели намного наряднее, чем русская глиняная посуда. О том, насколько ценилась на Руси болгарская керамика, говорит находка в землянке Суздаля предмонгольского времени набора парадных импортных сосудов – двух болгарских кувшинов и корчаги вместе с иранским поливным кувшином. Об этом же свидетельствует тот факт, что болгарская керамика вызывала подражания.

Находки болгарской керамики отмечаются в городах Киевской Руси. В Киеве в слоях XI–XIII вв. на отдельных усадьбах Подола она составляет до 3% всего керамического материала. Эта посуда найдена и в Вышгороде в слоях XI–XII вв. Археологи зафиксировали, что в Киеве, Вышгороде и в Княжьей Горе в слоях XI – начала XII в. в гончарных районах появляется керамика из хорошо отмученного теста, по всем признакам похожая на болгарскую X–XI вв., что можно расценить как результат влияния болгарского гончарства на русское.

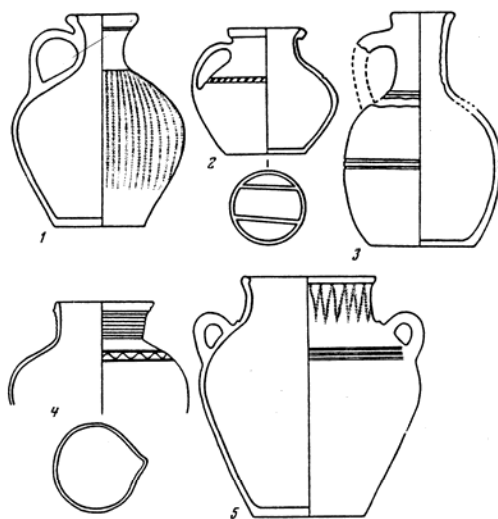
Булгарскую керамику в небольших количествах содержат и многие памятники Северо-Восточной Руси. Во Владимире и Суздале она появляется в X–XI вв., в XII в. составляет доли процента. На сели-

ше Гнездилово-2 близ Суздаля в слоях X–XII вв. также встречены фрагменты болгарских глиняных сосудов. Есть она и в Ярополче Залесском, и в Ростове Великом в слоях конца X–XI вв., и на окрестных селищах. На Сунгирьском городище она датируется XII в., в Гороховце – рубежом XI–XII и XIII вв., в Муроме – начиная со второй половины X в. и XI в. Встречена болгарская керамика в Москве (район Зарядья) в домонгольском слое и в Городце-на-Волге этого же времени.

Булгарские сосуды найдены в курганах Ярославского Поволжья X–XI вв.: в Тимревском, Михайловском и Петровском могильниках. Район Белоозера также дает некоторое число болгарской керамики, в том числе на дославянских поселениях веси X в. В г. Белоозера в слое XI в. найдено два обломка болгарских сфероконов, а в слое XII в. – болгарская посуда. Есть она и на городище Крутик X в., на селище Никольское. Среди всех этих находок преобладают тарные сосуды, что говорит о торговых интересах болгар, пребывающих на русской территории.

Искусство болгарских ремесленников-ювелиров стояло на очень высоком уровне. Отдельные их изделия встречены на древнерусской территории. В Киеве в слое XI в. была найдена бронзовая нагрудная подвеска арочной формы из тех, что встречаются в Среднем Поволжье, на Верхней Каме, в Башкирии и Зауралье IX–X вв., а изготавливались такого типа подвески, по видимому, булгарами, от которых эта вещь и попала в Поднепровье. Из урочища Лесковое Черниговской области известна бронзовая пуговица в виде кувшинчика (X–XI вв.). Такая же по форме и по составу металла пуговица найдена на Измерском селище. Вполне вероятно, что пуговица происходит из Волжской Булгарии или попала на Южную Русь через ее посредство, но пока это только две находки.

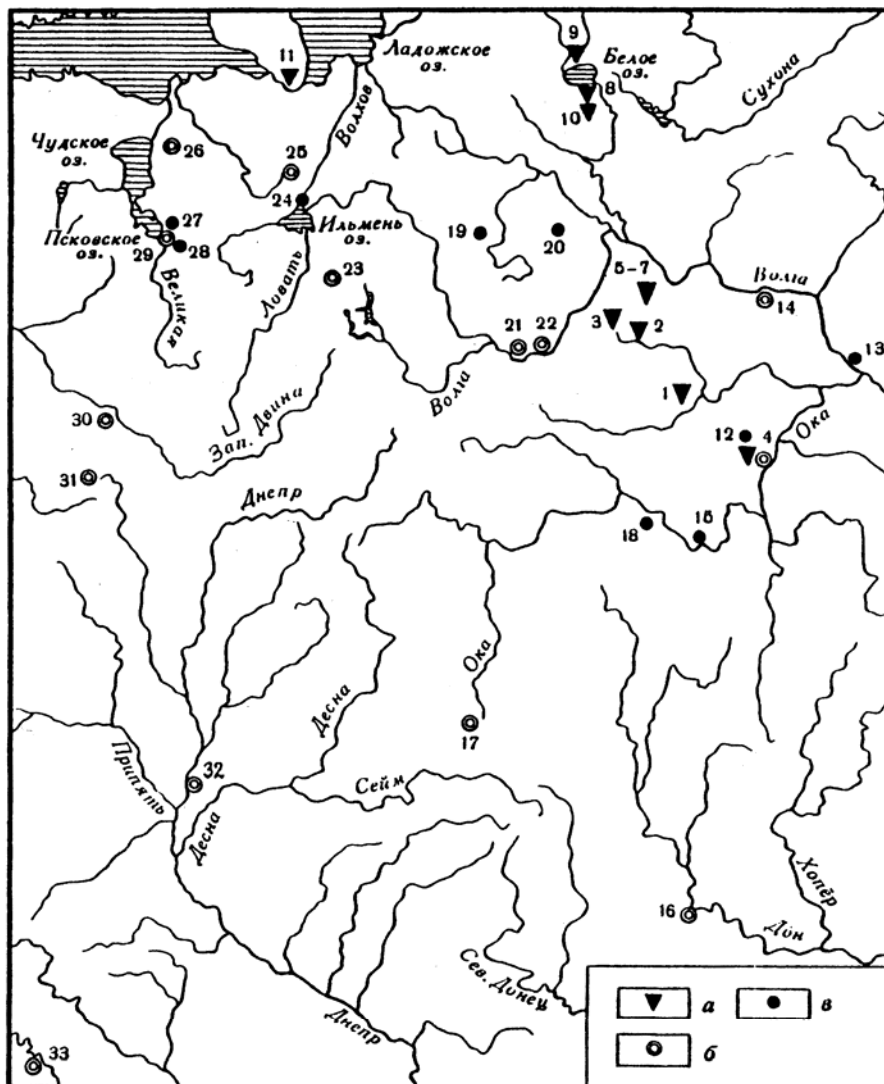
В Новгороде в напластованиях начала XII в. найдено медное височное кольцо с двумя из трех сохранившимися напускными бусинами. Одна из бусин биконической формы с зернью и сканью, другая шарообразная со сканым узором. Орнамент сканью и зернью на медных украшениях на Руси встречается крайне редко. М.В.Седова относит это украшение к болгарскому импорту.

Булгарская керамика с территории Руси.
1, 2, 4, 5 – Суздаль; 3 – курган
у с. Нюбиничи (р. Оять)

Не вполне ясен вопрос об интенсивности экспорта на Русь медной посуды, производство которой было очень развито в Волжской Булгарии. Исследователями выделены формы медных сосудов, присущие именно русским памятникам, но там встречается и металлическая посуда, близкая болгарской. Возможно, именно она продавалась русским. Медь как металл (сырье) поступала на Русь предположительно от болгар или, скорее, через болгар, т.к. средневековые разработки меди на территории Волжской Булгарии пока не найдены.

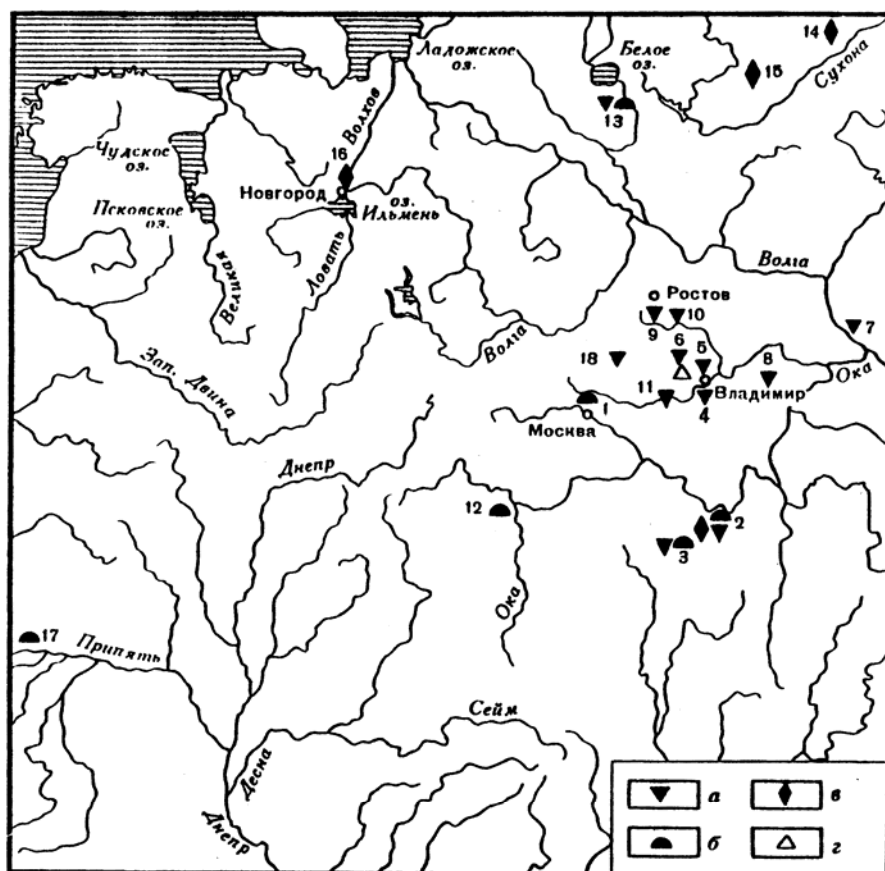
Роль обоих партнеров в торговле Восточной Европы, функционирование торговых путей на различных этапах истории, уровень экономического развития двух государств – Волжской Булгарии и Руси в IX–XI вв. обозначены топографией монетных находок. Еще Х.М.Френ установил, что главный поток арабских дирхемов в IX – начале XI в. шел по Волге и по Дону с Северским Донцом. По мнению В.Л.Янина, на всем протяжении периода восточной торговли Руси единственными «воротами» на Восток был Булгар [Янин, 1956, с.105]. Сюда поступали массы арабской серебряной монеты и отсюда они расходились по Оке в землю вятичей и далее в Киев, на верхнюю Волгу, в северорусские земли

- Распространение болгарских монет и вещей на территории Руси в X–XI вв.
 а – керамика; б – монеты X в. (до 70-х годов); в – монеты 70–80-х гг. X в.;
- 1 – Гнездилово; 2 – Ростов; 3 – Шурскол; 4 – Муром; 5 – Тимеревский могильник;
 6 – Петровский могильник; 7 – Михайловский могильник; 8 – Белоозеро;
 9 – Никольское V; 10 – Крутик; 11 – могильник Ньюиничи; 12 – Малышево;
 13 – Семеново; 14 – Кубасово; 15 – Борки; 16 – Малое Боршево; 17 – Береза;
 18 – Белый Омут; 19 – Кабожа; 20 – Куреваниха; 21 – Избрижье; 22 – Курово;
 23 – Боково; 24 – Новгород; 25 – Хутьнь; 26 – Верхоляны; 27 – Демшино;
 28 – Ерилово; 29 – Псков; 30 – Козьянки; 31 – Раковцы; 32 – Любеч; 33 – Алчедар

и далее в Прибалтику. В.Л.Янин, рассмотрев топографию кладов арабских монет по четырем периодам, определенным Р.Р.Фасмером, установил, что в IX – начале X в. (второй период) волжский путь движения дирхемов преобладал. Большая часть монет уходила на юго-запад по Окскому пути к Киеву. Не меньший поток шел из Булгара

через Оку и Клязьму на верхнюю Волгу в новгородские и кривичские земли и Западную Европу. В третьем периоде (две первые трети X в.) роль Волжского пути и Булгарии в распространении арабских монет на Руси еще более усилилась. В четвертый период (конец X – начало XI в.) основное направление движения се-

Распространение болгарских вещей на территории Руси в XII – начале XIII в.
 а – керамика; б – замочки; в – печати-пломбы; г – салазковидные кресала; 1 – Москва;
 2 – Рязань; 3 – Пронск; 4 – Владимир; 5 – Суздаль; 6 – Бутово; 7 – Городец;
 8 – Ярополч; 9 – Ростов; 10 – Шурск; 11 – Сунгирь; 12 – Серенск; 13 – Белоозеро;
 14 – Двинь; 15 – Алферово; 16 – Новгород; 17 – Кашенка; 18 – Кинобол

ребра шло из Волжской Булгарии по Верхней Волге, Ловати – в Новгородско-Псковские земли. На Киевщину оно уже не попадает, по Оке монетные находки не наблюдаются выше ее среднего течения.

Считается, что именно булгары в IX – начале XI в. чеканили подражания куфическим монетам и добавляли их в общую массу восточного серебра. Эти подражания отмечены вкладах, найденных на древнерусской территории. На Русь поступали и собственно булгарские монеты, чеканенные в Булгаре и Суваре в X в. Они встречаются вкладах третьего и четвертого периодов в основном на северорусских территориях – в Новгородской и Псковской землях, а также по белорусскому течению Днепра, Западной Двины. В Киевской Руси

их находки немногочисленны и относятся только к третьему периоду.

В X – начале XI в. через Русь к булгарам поступали в небольшом числе западноевропейские денарии. Они найдены в Булгаре и его округе, на Измерском и Семеновском поселениях, у д. Красный Баран, в древнейшем слое Казани. В Среднее Поволжье они могли попасть через Киев или через Белоозеро, Старую Ладогу.

Когда поток арабского серебра иссяк и для Волжской Булгарии и Руси наступил безмонетный период, крупные торговые операции оплачивались серебряными слитками. Слитки северного веса (около 196 г), т.н. «новгородские гривны» были в ходу и в Северо-Восточной Руси, и у булгар с XII до XV вв. Часть их, более длинные, относится к домонгольскому времени.

Их могли привозить из Руси и отливать в Волжской Булгарии по русским образцам.

Изучение торговли в древности предполагает определение торговых путей, по которым продвигались товары в том или ином направлении. Волжскую Булгарию и Киевскую Русь связывали как водные, так и сухопутные дороги. Водный путь описан в середине XII в. ал-Гарнати, который плыл от Булгара по Волге, Оке, Десне к Днепру и Киеву, а далее в Венгрию. Этот путь существовал и раньше, по крайней мере, с X в., когда походы киевских князей Святослава и Владимира открыли для русских свободный выход на восток.

Ал-Гарнати был осведомлен о существовании караванного пути по суше от Среднего Поднепровья до нижневолжских степей. Сухопутный маршрут, известный ал-Идриси в XII в., пролегал по водоразделам рр. Волги, Хопра, Вороны, Дона, Десны и Днепра. Пользуясь сведениями арабских дорожников, Б.А.Рыбаков реконструировал трассу пути, рассчитал и наметил места предполагаемых остановок караванов. В 1989–1991 гг. совместной татаро-украинской экспедицией были проведены натурные исследования по возможным маршрутам этого средневекового пути, восточная часть которого проходила по территории Булгарии, западная – по русским землям, а средняя (Цнинско-Донское междуречье) – по межгосударственному пространству, где опасность нападения на караваны со стороны кочевников была особенно велика. Были изучены памятники в местах возможных остановок, намечены предполагаемые переправы через крупные

реки. Через Волгу караваны могли переправляться южнее современного Ульяновска (городища Крестово-Городище и Криуши), через Суру – около Пензы, через Дон – севернее Воронежа (Животинное городище). Дата многих памятников, которые могли служить стоянками, особенно на русской территории, укладывается в XI–XII вв., что говорит о времени наиболее интенсивного функционирования этого пути, более короткого, чем путь по рекам.

В эти же века осуществлялась связь Волжской Булгарии с северными русскими землями. Здесь главную роль играла Волга, проходящая по болгарской и русской территории, ее притоки – Ока, Клязьма, Нерль. Далее был открыт путь на северо-запад в Прибалтику. Безусловно, все эти торговые пути продолжались и дальше в западном и восточном направлении. Они функционировали и в более ранние эпохи и позднее – в эпоху Золотой Орды.

Возможно, существовала и сухопутная дорога от булгар в Северо-Восточную Русь. О том, как далеко заходили караваны, говорят находки костей верблюда в Суздали и некоторых других русских городах.

Торговля Волжской Булгарии и Руси, насчитывающая более полутысячелетия, играла очень большую роль в экономическом развитии обоих государств. Она стимулировала развитие ремесел, обогащая мастеров новыми приемами и навыками. В такой области, как ювелирное искусство, это взаимовлияние очень заметно. Орудия труда, оружие русских и булгар очень близки, что говорит о тесных контактах, обеспеченных торговлей.

4. Камский торговый путь

Андрей Белавин

По представлению булгар, на севере находилось три области: область и народ Вису (Ису), за ней страна и народ Йура, а еще севернее – Страна Мрака, которую окружают море и непроходимые северные горы. В арабских источниках представления о границах седьмого климата не были устойчивыми. Так, в сочинениях ал-Бируни,

одного из самых авторитетных разработчиков теории климатов в арабской средневековой географии, можно встретить различные толкования этих границ и соседних с этим климатом стран и народов. В сочинении «Геодезия», описывая седьмой климат, он указывает следующее: «...вплоть до середины седьмого [климата], где самый

долгий день – шестнадцать часов... жители, находящиеся за [серединой седьмого климата], немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообщаются живут, страна Йура. К ней идут из Ису в течение двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течение двадцати дней» [Бируни, 1966]. В другом сочинении Бируни локализуется в седьмом климате города Сувар и Булгар, земли болгар, русов и мадьяр; «за этим климатом обитают немногие народы – ису, варяги, йура и подобные им» [Бируни, 1973]. Таким образом, в одном случае ису (вису) и йура названы в качестве жителей седьмого климата, в другом указано, что они живут за его пределами. Однако не совсем четкие представления об этом самом холодном климате не пугали многочисленных восточных (арабских, персидских, и индийских и пр.) купцов, которые регулярно ездили торговать в Волжскую Булгарию, а многие и за ее пределы. Мусульманская Булгария была крайне удобным местом для организации крупных перевалочных баз в международной транзитной торговле. Высокая степень контроля со стороны государства, крайне заинтересованного в развитии этой торговли, позволяла сделать болгарский участок международной торговой системы весьма безопасным, что также привлекало большое количество торговцев.

Причины активных торговых связей Булгарии и Предуралья требуют пояснения. Даже при поверхностном знакомстве с археологическими и фольклорными источниками становится ясным, что к Предуралью болгар влек не только экономический, но и военно-политический интерес. Вероятно, к XI столетию практически все Прикамье (за исключением бассейна Средней Вятки, где уже в XII–XIII вв. возникает русская провинция – Вятская земля) становится частью территории Волжской Булгарии, ее своеобразной финно-угорской периферией. Здесь возникают болгарские торговые фактории, а также возникают и функционируют вплоть до XIV в. болгарские городки Афкуль, Ыбыр и Чулыман. Расширяется список продуктов обмена: из Прикамья в Булгарию и далее на Восток и Запад шли не только меха, но и слитки меди и бронзы, отборное зерно и продукт огромной ценности для раннего средневековья – соль. Кама и ее берега

служили основной транспортной артерией для связи центральных районов Булгарии с ее северными областями.

Булгары были основными торговыми партнерами жителей Предуралья в обмене с Русью и Севером Европы, а Камский торговый путь служил своеобразным ответвлением трансевропейского Волжского торгового пути. Волжско-Камский великий торговый путь был в IX–XIV вв. главной магистралью, по которой продукция городского ремесла Европы и Азии проникала и за Урал. Специалисты единодушно отмечают, что болгарский импорт в Зауралье и Сибири встречается, как правило, совместно с предуральскими предметами, что напрямую указывает не только на Пермское Предуралье как на основного торгового посредника зауральских угров, но и на особую роль в такой торговле предуральских «купцов чулыманских» и Камского торгового пути. Под влиянием болгар у предуральских угров также расцветает торговля. Жители Прикамья, известные в источниках как «купцы чулыманские», превращаются в торговых посредников болгар в их связях с племенами Севера и Западной Сибири.

Интересно, что при раскопках языческой части Рождественского могильника, выявлено погребение такого «купца чулыманского». В погребении 37 этого могильника обнаружена уникальная в Предуралье находка – трапециевидная серебряная подвеска, на лицевой стороне которой изображена тамга Владимира Святославича, а с оборотной стороны – знак его современника Олава Тругвасона. Она является верительным купеческим знаком, «печатью для ношения», которые выдавались болгарским купцам в соответствии с торговым договором между булгарами и Владимиром Святославичем 1006 г. [Крыласова, 1995].

К концу XII столетия Камский торговый путь становится «камнем преткновения» в отношениях между Северо-Восточной Русью и Волжской Булгарией. Русь все ближе подступала к истокам Камы. В 1212 г. была построена русская крепость в устье р. Юг. Дважды, в 1218 и 1219 гг., болгарские войска ходили на нее походами, вызвав в 1220 г. ответный поход владимиросуздалских дружин.

Эта торговая война не имела последствий для функционирования Камского пути,

но произошедшее вскоре монгольское нашествие, разгром Булгарии и древнерусских земель и их последующая интеграция в Орду на время приостановили споры за контроль над Камским путем.

Камский речной путь был основной дорогой, по которой болгарские и восточные купцы продвигались к Вису и иным народам Севера. На использование Камского (Чулманского) речного пути, по которому караваны поднимались против течения три месяца, имеются прямые указания в источниках (Ибн Фадлан, Йакут, Казвини). Расстояние от столицы Биляра до Рождественского городища на р. Обва – самой крупной торговой фактории болгар в стране Вису и Чулман (касаба Афкула), по речным путям (Черемшан – Кама – Обва) составляет около 1220 км. День пути вверх по реке равнялся 20–30 км, вниз по течению – 70–75 км. Таким образом, путь из столицы Булгарии в касабу Афкула вверх по течению Камы составлял примерно 60 дней в движении и 25 дней через каждые 2–3 дня пути – 3 месяца. Путь вниз составлял 20 дней (указание на такое расстояние мы находим у ал-Марвази, XII в., и у Ауфи, XIII в.): 15 дней пути с 5 дневками через каждые 3 дня движения. Интересно, что касаба Афкула (Рождественский археологический комплекс) располагался приблизительно в трех днях пути от старого устья р. Обва на правом берегу Камы и в двух днях пути от Ильинского городища, на котором найдены фрагменты болгарской керамики и которое могло использоваться в качестве места охраняемой дневки.

В пределы камской (чулманской) страны Вису купцы двигались также вдоль камского берега, и этот путь через бассейн Ижа и Чепцы приводил к берегам Обвы. По этому пути шли, по ал-Гарнати, 1 месяц, называется также цифра 40 дней [Заходер, 1962, с.29]. Такую разнородность данных можно объяснить разными способами достижения Вису. О приходе караванов восточных купцов в Пермское Предуралье в теплое время года свидетельствуют находки костей верблюда на городище Анюшкар. Б.Н.Заходер приводит в «Каспийском своде» такие сведения: «Булгары везут в страну Вису и Йура товары на саянх, которые тащат собаки по сугробам

снега, а сами люди передвигаются на лыжах». Описание лыж мы находим также у Абу Хамида ал-Гарнати. Костяные детали собачьих упряжек найдены в раскопках Анюшкара (Кыласово городище) на р. Иньва, Рождественского, Соломатовского, Лаврятского городищ и других памятников Уральского Прикамья. На них же найдены и детали оленьей упряжи. Лучшая зимняя дорога в лесной полосе – замерзшая река.

По суше самый краткий срок пути – месяц. По сложившемуся мнению (Б.А.Рыбаков, А.Х.Халиков, А.П.Моця), день пути по суше равнялся 40–45 км, а движение каравана из собачьих упряжек позволяло удлинить день пути до 60–65 км. Таким образом, месяц пути – это зимний путь каравана из собачьих или оленьих упряжек, который занимал приблизительно 20 дней пути и 10 дней манзильей через каждые два дня. Путь в 40 дней подразумевал движение вьючного каравана по летней сухопутной дороге с дневками через каждые 2 дня.

В арабских источниках XIV в. география Севера приводится уже с большими подробностями. Так, арабским географом-энциклопедистом ал-Омари упоминается касаба – маленький городок Акикул (Аваколь, Афкула) в 20 днях пути от Булгара на север, т.е. в пределах страны Чулман (Джудыман), город Чулман, расположенный севернее Акикула, г. Сибир, Ибыр. Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран... не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулмана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [Тизенгаузен, 1884, с.240]. При этом Чулым размещается примерно там же, где ранее находилась Вису. «Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то приезжает к городу Каракоруму, ...когда путешественник едет на Запад, то приезжает в землю русских...». Страна Чулымская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной к землям башкир, другой стороной – к странам сибирским. Касаба Афкула – столица этой страны. Сведения ал-Омари имеют высокую степень достоверности. Об этом свидетельствует его оригинальный тройной метод проверки данных устных расспросов, а также работа с материалами архивов, что ему позволяла должность го-

сударственного секретаря при египетском султани.

Название «Чулыман», заменившее название «Вису», знакомо и магрибскому путешественнику Ибн Баттуте (вторая половина XIV в.). Ибн Баттута, как в свое время ал-Гарнати, сам бывал в Булгаре с тем, чтобы увидеть краткость ночи в этих широтах, что казалось ему невероятным. Он свидетельствует, что на Чулыман ездят булгары, а далее товары возят уже сами чулыманские купцы, которые торгуют с Йурой. Таким образом, «купцы чулыманские» из торговых партнеров булгар превращаются в их посредников при взаимодействии последних с народами Севера (Страной Мрака, Йурой), куда теперь с булгарскими товарами ездят «купцы чулыманские».

Таким образом, Камский торговый путь использовался купцами во все сезоны на протяжении нескольких столетий, причем движение осуществлялось летом по воде и по суше, а в зимнее время торговцы могли использовать застывшую Каму (Чулман) в качестве зимника. Если движение по воде было сезонным и имело определенные ограничения (судовой караван мог двигаться лишь там, где позволяла осадка судов, ширина русла реки и т.п.), то при движении по суше и по речному льду подобных препятствий было значительно меньше.

Торговля в Булгарии была государственным делом, ее отличала достаточно строгая регламентация и контроль со стороны властей. Определенное количество дней пути и дневок позволяет приблизительно определить место остановок судовых и сухопутных караванов. Такая методика позволила, например, достаточно точно трассировать торговый путь из Биляра в Киев (см. выше).

Между Булгарией и Киевской Русью существовал торговый путь, который был строго регламентирован, поделен на участки переходов, имел станции, регламентированные точки дневок и ночевок, охранялся военными гарнизонами как на древнерусской, так и на булгарской территории [Моця, Халиков, 1997]. Камский торговый путь, скорее всего, также имел определенную регламентацию. Важнейшей торговой станцией могла быть Алабуга, где размещался военный гарнизон. А.П.Смирнов

считал Елабужское («Чертово») городище сильно укрепленной крепостью, построенной в X–XI вв. Раскопки 1990-х гг. подтвердили данное предположение массовым археологическим материалом.

Алабуга, возможно, была начальной станцией и речной, и сухопутной части Камского торгового пути. К сожалению, в целом Камский путь до сих пор не получил детального обследования и доказательно судить о наличии здесь регламентированных остановок мы можем только на его отдельных отрезках. Между устьем Вятки (р. Нукрат) и устьем Белой (р. Ак-Итиль) на правом высоком берегу Камы булгарская тарная посуда встречена при обследовании городищ Благодатское I и Чеганда. Булгарская керамика встречена и на жертвенном месте Чумайтло (бассейн нижней Вятки). Находки булгарской керамики в бассейне р. Иж (Благодатское и Бобьяучинское городища) маркируют возможные стоянки караванов на ответвлении Камского пути в районе расселения праудмуртских племен чепецкой культуры. Там, в бассейне р. Чепца, булгарская керамика встречена на 11 памятниках. По оценкам исследователей, массовое количество булгарской керамики в верхних слоях чепецкого городища Иднакар (до 33,7% в слоях XII–XIII вв.) свидетельствует о непосредственном проживании здесь некоторого количества булгар и о нахождении здесь их торговой фактории на Камском торговом пути.

Можно говорить о наличии средневековых поселений с находками булгарской гончарной керамики в окрестностях г. Сарапула (правый берег Камы). Фрагменты булгарской керамики найдены на Сайгатинском городище в окрестностях г. Чайковского. Вероятно, эти редкие находки можно рассматривать как свидетельства о дневках-манзильях. Булгарская керамика, поясные накладки и бронзовые щипчики, аналогичные находкам в Биляре, из материалов Усть-Бубинского городища в верховьях р. Сива (Пермская область) свидетельствуют о продолжении сюда сухопутного пути из бассейна р. Чепца. Таким образом, караванная дорога с р. Иж к району сосредоточения южных памятников родановской культуры (страна Вису) была значительно короче, чем речной путь по Каме, Обве и Иньве. Начиная от устья р. Чусовой

и до р. Усолки (окрестности г. Соликамска) движение речных и зимних (по льду) караванов маркируется находками болгарской керамики, бронзовых и серебряных предметов и монет на почти трех десятках поселений на правом и, реже, левом берегу Камы в устьях средних и мелких рек, представлявших собой удобные бухты (городища Ягошихинское, Майкорское, Романово, Назаровское, Роданово, Острая Грива, Эсперово, Володин Камень, селища Чашкинское II, Огурдинское и др.). Как правило, это немногочисленные фрагменты тарной посуды; интерес представляют сфероконусы, в которых перевозилась ртуть для ювелиров (найжены на Острой Гриве и Чашкинском II селище). Опорными центрами болгарской международной торговли в этой части Камского пути были, как уже указывалось, Рождественское городище на р. Обве, Анюшкар на р. Иньва и, воз-

можно, Городищенское городище на р. Усолки.

Ответвление от основного Камского речного пути по р. Чусовой вело на Средний Урал и в Зауралье. Здесь станциями могли быть поселения «За Уралом», Телячий Брод, Усть-Койвинское, где также обнаружены фрагменты болгарской тарной посуды и иные болгарские, восточные и древнерусские предметы. Наиболее крупным памятником с многочисленными находками импортных предметов и керамики является Соломатовское городище, на котором найдены весовые монетные гирьки и дирхемы-резаны.

Булгары в составе Орды, а затем казанцы сохраняли устойчивые экономические и политические связи с Предуральем и Зауральем вплоть до XV столетия. При этом в качестве основной магистрали по-прежнему использовался Камский торговый путь.

5. Путь из Булгарии в Сибирь

Юлий Худяков

Географическое положение Волжской Булгарии в месте слияния важнейших водных артерий Восточной Европы, Волги и Камы, на границе разных ландшафтных зон и культурно-хозяйственных типов, предопределило ее выдающуюся роль в обмене товарами и трансляции культурных достижений между разными народами, населявшими сопредельные регионы Евразии. В трудах исследователей, изучающих торговые и культурные связи Булгарии в периоды раннего и развитого средневековья, подчеркивается большое значение для торговли, распространения технических достижений и рациональных знаний, прозелитарных вероучений и письменности Балтийско-Волжского пути, связавшего, через Среднее Поволжье, Северную и Центральную Европу с регионами Кавказа, Передней и Средней Азии [Хузин, 1997, с.85, 90–91]. Этот путь можно считать одним из северных меридиональных ответвлений трансконтинентальной евразийской торговой магистрали – Великого Шелкового пути.

Важное место в структуре торгового оборота Волжской Булгарии имела торговля мехами. Меховая торговля значительно повысила посредническую роль болгарских купцов в транзитных и торговых связях между населением северных районов Восточной Европы и Урала со странами и народами Среднего Востока и способствовала развитию ремесла в самой Волжской Булгарии. В обмен на приобретаемые у финских и угорских племен меха булгары снабжали своих северных соседей привозными металлическими изделиями, оружием, посудой, украшениями, изготовленными в Западной Европе, на Кавказе, в Византии, Иране и Средней Азии. Учитывая вкусы соседних финноязычных племен, болгарские ремесленники в больших количествах производили излюбленные ими серебряные украшения по образцам, характерным для культуры населения Верхнего Прикамья. По распространению изделий болгарского ремесла можно судить о направлении и границах распространения торговых операций болгарских купцов [Валеев, 1995, с.46–52].

Большой интерес на пушнину и быстрое сокращение поголовья ценных пушных зверей в таежной зоне Восточной Европы вынудили болгарских купцов искать новые источники получения этого ходового товара. Торговые экспедиции снаряжались в отдаленную северную «Страну Мрака», которая, вероятно, находилась на северном Урале и в Йуре, название которой схоже с известной по русским летописям Югрой. Югорские земли лежали за восточными склонами Уральского хребта, в северных районах Западной Сибири. Есть основания предполагать, что болгарские купцы в погоне за «мягким золотом» на одно–два столетия опередили своими посещениями таежной зоны Зауралья походы туда скандинавских викингов и новгородских ушкуйников.

Торговые связи между странами Средней Азии и племенами таежной зоны Западной Сибири установились еще до образования Волжской Булгарии, в VII–VIII вв., когда хорезмийские и согдийские купцы доставляли свои товары в Прикамье, а отсюда они путем эстафетного обмена попадали к угорскому населению Зауралья. Из южных степных районов к лесным племенам проникла воинская всадническая культура, получило распространение древковое и клинковое оружие, нарядное воинское и конское снаряжение, дорогие женские украшения. Торговля стимулировала избыточный пушной промысел, способствовала военным столкновениям между отдельными этническими группами за охотничьи угодья [Маршак, 1996, с.8–9].

В эпоху средневековья особым спросом у угорских народов Западной Сибири пользовалась серебряная или оловянная посуда и привозные мечи или сабли, которые использовались для проведения религиозных церемоний.

Отдельные украшения и пиршественная посуда попадали через Поволжье и Прикамье в Западную Сибирь еще в начале I тыс. н.э. После объединения кочевников степного пояса Евразии под властью правителей т.н. Первого Тюркского каганата, подчинивших торговые и ремесленные центры Средней Азии, согдийские и хорезмийские купцы получили возможность доставлять товары из своих стран, Ирана и Византии жителям таежных районов северной Евразии и обеспечить бесперебойный обмен на пушнину. Часть ремесленных изделий

согдийских, иранских и византийских мастеров попадала в Сибирь через земли волжских булгар [там же, с.8–9].

В период, когда Булгария находилась в зависимости от правителей Хазарского каганата, через ее территорию в Зауралье попадали изделия хазарских ремесленников. В Приобье был найден хазарский серебряный ковш с изображениями сюжетов богатырского эпоса, изготовленный в Хазарии в IX в. [Даркевич, 1974, с.31].

После того как во второй половине X в. Хазарский каганат потерял контроль над Средним Поволжьем, торговля с северными и сибирскими племенами перешла в руки болгарских купцов. Ко времени X–XIII вв. относится множество изделий болгарских ремесленников и ювелиров, обнаруженных в таежной и лесостепной зоне Западной Сибири. Это был период настоящего расцвета болгарской торговли. Помимо посуды, украшений, щитков для стрельбы из лука, изготовленных в мастерских болгарских городов, торговцы везли через Урал серебряную и бронзовую посуду западноевропейского, византийского, иранского и среднеазиатского производства [Маршак, 1996, с.9–10]. Принятие ислама укрепило торговые и культурные связи Волжской Булгарии с мусульманским миром, что способствовало активизации торговли пушниной и поступлению ремесленных изделий из стран Среднего Востока через Поволжье в Западную Сибирь.

По мнению ряда исследователей, на рубеже периодов раннего и развитого средневековья болгарская торговля мехами с угорскими народами Зауралья столкнулась с конкуренцией со стороны скандинавских мореходов и новгородских ушкуйников [Даркевич, 1966, с. 68; Маршак, 1996, с.9, 10]. Викинги совершали плавания по северным морям вплоть до устья Оби, о чем свидетельствуют упоминания в скандинавских сагах, описывающих путешествия в легендарную страну Биармию, и находка скорлупообразной фибулы, характерной принадлежности скандинавской одежды, в окрестностях Салехарда [Кренке, Макаров, 1995, с.208]. По мнению Б.И.Маршака, с IX в. скандинавы освоили плавание в Баренцевом море, а находка фибулы X в. в Нижнем Приобье свидетельствует о возможности посещения ими северного побережья Западной Сибири. Важным свидетельством посещения викингами

районов расселения пермских и угорских племен является упоминание о разграблении ими богатого святилища, которые были характерны именно для этих этносов [Маршак, 1996, с.11]. Плавание скандинавов продолжалось до начала XIII в., когда похолодание климата затруднило достижение удаленного от Скандинавии района Нижнего Приобья. Удаленность Скандинавского полуострова от Западной Сибири и трудности каботажного плавания на гребных судах не могли делать путешествия викингов регулярными. Поэтому торговые операции скандинавов не могли составить конкуренции торговле болгарских купцов. Вероятнее всего, путешествия скандинавских мореходов в Нижнем Приобье имели эпизодический характер. В результате обмена к местным жителям попадали изделия не только скандинавского, но и западноевропейского ремесла. В низовьях р. Оби было найдено несколько серебряных, богато орнаментированных чаш и крышек от них, изготовленных в мастерских на о. Готланд в Швеции и в г. Лимож в Аквитании. Вероятно, эти предметы могли быть привезены скандинавами для обмена на меха [Борисенко, Худяков, 2001, с.91].

В XI–XII вв. начались походы новгородских ушкуйников за Урал, «на Самоядь и Югру» [Маршак, 1996, с.11]. Ряд исследователей полагает, что им принадлежала важная роль в поступлении изделий западноевропейского и восточного ремесла к народам Западной Сибири, которые обменивались на пушнину [Даркевич, 1966, с.68; Дрбоглав, Кирпичников, 1981, с.532; Косарев, 1984, с.131; Могильников, 1987]. Однако, по мнению О.В.Малоземовой, новгородские ратники приходили на Нижнюю Обь, чтобы обложить данью местное население и получить меха соболей и серебро [Малоземова, 1997, с.81]. Конечно, нельзя исключить, что отдельные вещи попадали к обским уграм в результате контактов с новгородцами, однако этот источник поступления дорогого оружия и пиршественной посуды в Зауралье в эпоху развитого средневековья не был основным.

Большая часть привозных вещей, серебряной и бронзовой пиршественной посуды, браслетов, подвесок и других видов украшений, клинковое оружие попадало к обским уграм при посредстве болгарских

купцов. Согласно реконструкции механизма торгового оборота, торговцы из разных стран привозили и сбывали подобные товары на базарах в городах Волжской Булгарии. Булгарские купцы везли купленные ими предметы вооружения, украшения и посуду в Верхнее Прикамье по Волжско-Камскому пути, а дальше за Урал эти товары доставлялись местными торговцами. В пользу существования подобной эстафетной торговли свидетельствуют находки бронзовых предметов, характерных для родановской культуры Прикамья, в составе комплексов с привозными вещами [там же, с. 80–81].

Такая схема эстафетной торговли функционировала в начальный период развития торговых связей Булгарии с Западной Сибирью. Однако после того как основные маршруты, по которым торговцы проходили через Уральские горы, были разведаны, болгарские купцы стали совершать самостоятельные торговые экспедиции в Зауралье. Об этом свидетельствует география распространения импортных и болгарских изделий в Западной Сибири, которая охватывает обширный ареал от низовий Оби до верховий Иртыша. На многих территориях, где были обнаружены болгарские, западноевропейские и восточные ремесленные изделия, не найдено предметов, характерных для культуры Прикамья.

Вероятнее всего, торговый путь из Волжской Булгарии в Западную Сибирь начинался в нижнем течении Камы, а затем разветвлялся на две или три самостоятельные дороги. Одна из них шла по Каме в Северное Приуралье и переходила через Уральские горы в районе низовьев Оби. Этого же района достигали и скандинавские мореходы, и новгородские ушкуйники. В Нижнем Приобье сосредоточена значительная часть находок предметов восточного, западноевропейского и болгарского серебра на территории Западной Сибири. Из этого района происходят серебряная чаша и крышки, изготовленные в странах Северной Европы [СП, 1996, с.165–174]. В Нижнем Приобье найдены чаши иранской работы, хорезмийский серебряный поднос, византийская серебряная посуда, сирийская серебряная чаша, относящаяся к изделиям, изготовленным во владениях крестоносцев в XII в. [там же, с.124–127, 145–162]. В памятниках, святилищах или

кладах, обнаруженных в низовьях р. Оби, находилось значительное количество вещей болгарского ремесленного производства. Среди них серебряные чаши с вычурным, растительным орнаментом и изображением всадника, стреляющего из лука; серебряные щитки для защиты руки стрелка из лука от удара тетивы, орнаментированные растительным орнаментом в виде побегов виноградной лозы с завитками, переплетающимися лилиями и стилизованным изображением хищных животных; серебряные пластинчатые очелья, украшенные пуансонным орнаментом и сферическими выпуклостями, декорированными зернью и сканью; височные подвески и пластинчатые браслеты, украшенные зернью, сканью и позолотой; двустворчатый пластинчатый браслет, орнаментированный переплетающимися линиями и чернью с катушечной филигранью по краю [там же, с.98–106]. В Нижнем Приобье найдено несколько серебряных чаш с изображением конных воинов с оружием и в доспехах, или в короне и с ловчей птицей на руке, атрибутированные в качестве изделий венгров до их переселения в Центральную Европу в IX в. [там же, с.114–120]. Вряд ли торговыми операциями с Югрой могли заниматься сами кочевники. Скорее всего, эта пиршественная посуда могла попасть на полуостров Ямал не иначе как в результате посреднической торговли болгарских купцов.

В материалах кладов и святилищ в низовьях р. Оби встречаются изделия мастеров средневекового населения Прикамья. В числе таких находок имеются гривны, шумящие подвески, витые трехлопастные височные подвески, блюдо с изображением всадника с ловчей птицей и геометрическим орнаментом [там же, с.107–110].

Среди находок, происходящих из культовых мест обских угров в Нижнем Приобье, встречаются предметы бронзового литья, характерные для угорского и самодийского населения таежной зоны Западной Сибири. Вероятно, эти предметы попали в северные районы в результате обмена между племенами лесных и тундровых районов [там же, с.50–69].

Судя по культурной принадлежности металлических изделий из культовых мест обских угров в Нижнем Приобье, в составе находок заметно преобладали предметы болгарского ремесленного производства

и вещи из стран Средней Азии и Переднего Востока, привезенные купцами из Волжской Булгарии. Однако меховая торговля с приезжими торговцами активизировала обмен между таежными племенами и обитателями тундры в Приуралье и Зауралье.

Другим обширным районом, куда поступал болгарский импорт, была таежная зона Западной Сибири, охватывавшая часть Нижнего и Среднего Приобья и Нижнее Прииртышье, населенная угорскими и самодийскими племенами. С территории этого района происходят некоторые находки западноевропейских ремесленных изделий: бронзовые, богато орнаментированные чаши с изображениями на евангельские темы, бронзовые водолеи, изображавшие кентавра, конного рыцаря и аллегорическую фигуру коленапреклоненного мужчины, символизовавшего библейскую р. Тигр [Даркевич, 1966, с.38; Борисенко, Худяков, 1998, с.198–199; Brentjes, Vasilievskiy, 1989, S.25, 171].

В таежной зоне Западной Сибири найдены серебряные украшения парфянского и бактрийского производства, блюдо, изготовленное в Месопотамии, серебряное изображение головы дракона согдийского изготовления, хазарский ковш [там же, с.46–49, 70–71, 74]. Изделий из этих стран нет в Нижнем Приобье, следовательно, они попадали в Зауралье каким-то иным путем, не через Северный Урал. Вероятно, этот путь пролегал по рекам через Средний Урал и выходил на Обь ниже устья Иртыша. Он начал функционировать, судя по составу находок, еще в начале I тыс. н.э. и продолжал служить для перевозки товаров и в период активности болгарских купцов в X–XIII вв.

В таежной зоне Западной Сибири найдены привозные серебряные изделия тохаристанского, иранского и византийского происхождения, привезенные для обмена болгарскими купцами. Среди них серебряные бутылки, кувшины, подносы, чаши с крышками, скульптура сфинкса. Все изделия богато орнаментированы, декорированы изображениями людей, животных, растительными побегами [там же, с.128–161]. Население таежных районов Приобья было основным потребителем изделий болгарских ювелиров. В этих землях найдена большая часть серебряных изделий болгарских ремесленников. Первые находки этих вещей были сделаны еще в конце XVII в.

На памятнике Самаров Ям сибирским воеводой, боярином Ф.А.Головиным было обнаружено средневековое женское захоронение с серебряными украшениями, описание которых и рисунок чаши с ручкой были приведены Н.К.Витзенем в своей книге [Борисенко, Худяков, 1999а, с.170]. Серебряная посуда болгарского производства была обнаружена на поселениях и могильниках в среднем течении р. Оби, на Барсовой Горе в окрестностях Сургута, на Кинтусовском могильнике, на Сосьвинском городке и других местах [СП, 1996, с.80, 90–96, 110–113].

В Западной Сибири найдены оружейные клады, являвшиеся святилищами в честь Мир-Суснэ-Хума, одного из основных персонажей божественного пантеона обских угров. Парабельская и Елыкаевская коллекции обнаружены в таежных районах Приобья и Притомья, Ишимская – в лесостепном Причудлымье [Плотников, 1987, с.121–122]. Холмогорская коллекция найдена в болотистой местности в водоразделе Оби и Пура [Зыков, Федорова, 2001, с.50]. Именно для таких святилищ приобретались уграми импортные дорогие клинки, копья и пиршественная посуда. Эти жертвенные места датируются хунно-сарматским временем и эпохой раннего средневековья, включая период активной торговой деятельности болгарских купцов.

Ряд находок импортных клинков, серебряных украшений, пиршественной посуды и мелкой пластики происходит из лесостепной зоны Западной Сибири, Прииртышья и Обь-Иртышского междуречья. Они обнаружены и в степных районах на верхнем Иртыше, где не проживали угорские этнические группы. Находки предметов западноевропейского и болгарского ремесла дают основания предполагать возможность проникновения этих вещей в степные и лесостепные районы Западной Сибири и Алтая при посредничестве болгарских купцов по торговому пути через Средний Урал на Иртыш, который можно назвать «булгарским» [Борисенко, Худяков, 2001, с.93]. Далее этот торговый путь проходил по долине Иртыша до Рудного Алтая, соединяясь с одним из меридиональных ответвлений Великого Шелкового пути, шедшем из Семиречья в Приир-

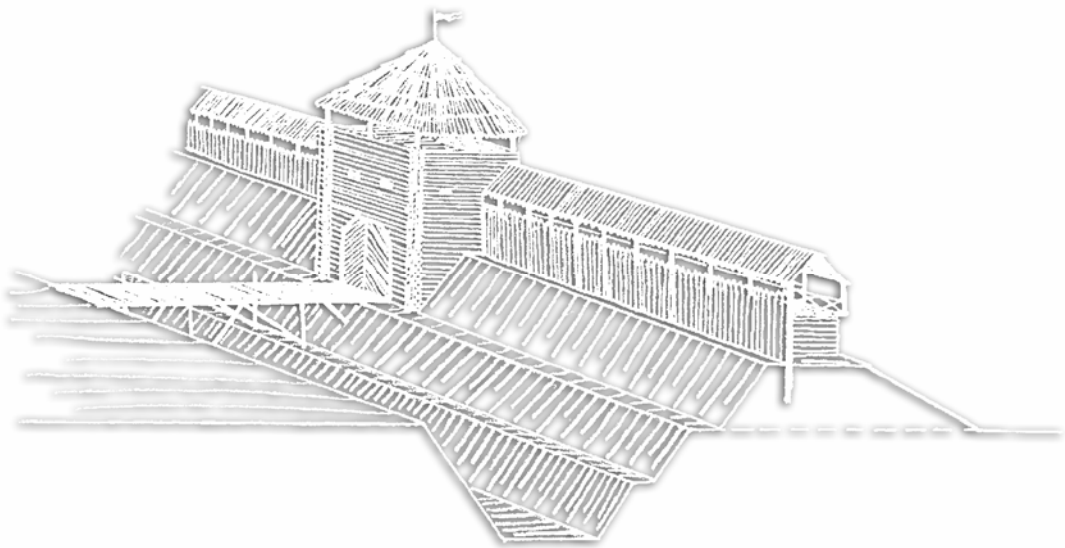
тышье и Западную Сибирь. На этом пути было найдено несколько изделий западноевропейского ремесла. На памятнике Преображенка в окрестностях оз. Чаны в Барабинской лесостепи обнаружен железный меч с инкрустированной рукоятью и чеканенной латинской письменностью христианскими аббревиатурами, изготовленный в оружейных мастерских на Рейне [Молодин, 1976, с.125; Дрбоглав, Кирпичников, 1981, с.532]. Другой западноевропейский клинок был найден в пещере на горе Кызыл-Тас в верховьях Иртыша [Плотников, 1990, с.150]. В Рудном Алтае найден один из западноевропейских бронзовых водолеев в виде конного рыцаря [Борисенко, Худяков, 1999б, с.38–41; Борисенко, Худяков, 2003, с.123–124]. В верховьях Иртыша найден западноевропейский подсвечник в виде статуи римского императора верхом на коне [Княжецкая, 1989, с.27]. Эти клинки могли попасть в Западную Сибирь и на Алтай по Балтийско-Волжскому пути в Булгарию, а оттуда по «булгарскому» пути в Прииртышье. Данные предметы свидетельствуют о наличии торговых связей с Западной Европой на протяжении нескольких столетий, в течение эпохи раннего средневековья.

Находки изделий среднеазиатского и иранского производства для данной территории не могут быть свидетельством торговых связей со Средним Поволжьем, поскольку они могли быть привезены не только из-за Урала, но и из Семиречья. Однако на Иртыше найдены изделия болгарских ремесленников. В Прииртышье обнаружен серебряный браслет болгарского производства, орнаментированный переплетенными линиями и изображениями людей в лодках. Он изготовлен с учетом вкусов охотников и рыбаков из числа обских угорских племен [СП, 1996, с.102].

Изучение археологических находок из памятников, относящихся к эпохам раннего и развитого средневековья с территории Западной Сибири и сопредельных регионов, свидетельствует, что в период существования Булгарского государства были налажены устойчивые торговые связи с населением Зауралья. Они были обусловлены интересами обеих сторон в обмене необходимыми товарами.

Часть V

**Волжская Булгария:
военное дело,
внешняя политика**

ГЛАВА 1

Военное дело

Искандер Измайлов

Период средневековья стал для населения Волжской Булгарии временем поиска новых видов и форм вооружения, формирования военной организации и выработки соответствующей тактики полевого боя и обороны.

Булгария играла ведущую роль в истории средневекового Волго-Уральского региона и являлась одним из крупных феодальных государств Восточной Европы. Велико было ее значение в военно-политических событиях. Спорадические военные столкновения с Русью, особенно усилившиеся в XII в. после возникновения Владимиро-Суздальского княжества, отражение натиска кыпчаков и кимаков, а также тринадцатилетнее противостояние войскам монголов создали фон, на котором развивалось военное дело населения Булгарии.

1. Вооружение

Оружие ближнего боя

Сабли являлись наиболее распространенным видом рубяще-колющего оружия. Всего с территории Волжской Булгарии известно 22 экз. сабель и 35 металлических перекрестий от них, относящихся к X–XIII вв. Все болгарские экземпляры сабель можно разделить на основе изменения длины и кривизны клинка на два типа. Сабли 1 типа характеризуются длиной 85–90 см и изгибом 1,5 см и относятся к X–XII вв. Сабли 2-го типа имеют длину более 90 см (чаще всего 93–110 см) и изгиб клинка 3–6 см и относятся к середине XII – началу XIII в. Следовательно, развитие болгарских сабель идет в сторону увеличения длины, кривизны клинка, а также двулезвийного острия. Некоторой особенностью развития болгарских сабель является отсутствие клинков с широким и сильно изогнутым лезвием.

Характерной особенностью клинков конца XII – XIII вв. являлось наличие металлической обоймы с язычком, опускающимся (на длину 4–5 см) вдоль лезвия. Эта оковка предназначалась для предохранения края ножен от разрезания, а также, видимо, была связана с каким-то особым приемом фехтования. Появление их на востоке Европы связано с движением племен из Центральной Азии, вызванным завоеваниями Чингисхана. В середине XIII в. эта деталь становится неотъемлемой частью практически всех клинков в Улусе Джучи.

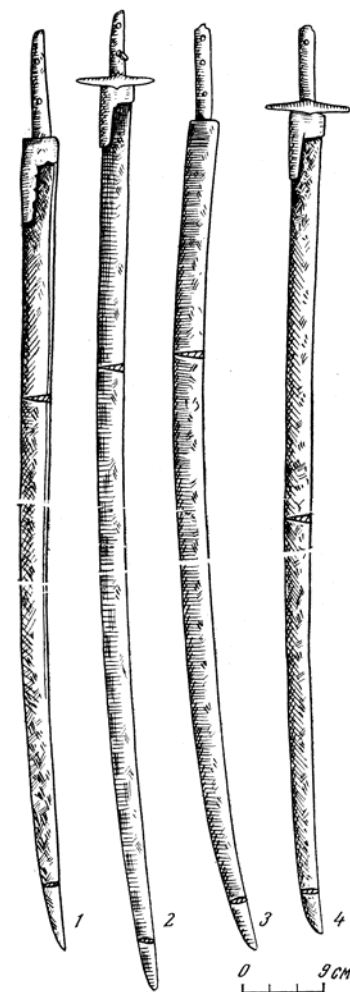
Интересной группой клинков XIII в., происходящих с территории Булгарии, являются сабельные полосы с клеймами в виде надписей. Одна из них содержит плохо читаемую надпись в виде, скорее всего, куфических графем или подобных им знаков, а вторая – армянографическую надпись в окружении крестов. Р.М.Джанполадян интерпретировала ее как армянскую криптограмму. Важно отметить, что еще одна сабля с армянской надписью происходит из Приполярного Урала, которая была прочитана как имя мастера – «Хачатур» [Джанполадян, Кирпичников, 1972, с.23–29]. С точки зрения оружейведческой, судя по историческим аналогиям, клинковая эпиграфика всегда играла роль меты качественного оружия и сакрального знака. Сами надписи содержали либо имя мастера (иногда становившимся именем семейной мастерской, переходящей от поколения к поколению), либо магическое охранительное заклятие: и то, и другое имело (в силу особых чудодейственных связей мастера-кузнеца со сверхъестественными силами) благопожелательный и богохранимый характер. Обнаружение этих армянских производственных клейм в Булгарии свидетельствует о тесных связях Поволжья с Закавказьем и в какой-то мере подтверждает, наряду с другими данными, факт существования армянской колонии на болгарской территории уже в домонгольский период. Возможно, именно здесь производились качественные клинки, которые

потом экспортировались в другие регионы, в частности на северо-восток Европы.

Изменения сабельной полосы были вызваны увеличением значения кавалерийского боя, потребовавшего развития фехтовальных приемов. В связи с этим модифицируется рукоять сабли. Ее изгиб по отношению к оси клинка практически не изменился, но изменились ее детали. Навершие сабельной рукояти, наряду с грушевидными, приобретает цилиндрическую форму. Но более всего претерпели изменения гарды или перекрестия сабель. Набор перекрестий (всего с территории Булгарии известно около 40 находок), наряду с традиционными типами (прямые с шариками на концах), включает в XIII в. новые экземпляры с изогнутыми вниз концами и длинными выступающими стержнями. Все это свидетельствует о постоянных конструктивных изменениях, ведущим направлением которых являлось стремление максимально приспособить их для более надежной защиты руки в условиях развития диапазона фехтовальных приемов и возросшим значением маневренного многоактного кавалерийского боя.

Состояние источников не позволяет в должной мере проанализировать место сабли в культуре средневекового населения Волжской Булгарии и социальный статус ее владельца. Тем не менее можно отметить, что сабля являлась символом оружия и атрибутом власти, а ее применение было наделено особым сакральным смыслом. Недаром эльтебер Алмыш, угрожая противникам, говорил: «Кто будет мне противиться, того я поражу мечом». В Булгарии сабли являлись главным образом оружием привилегированных слоев общества.

Меч – рубяще-колющее оружие с дугообразным прямым клинком. В комплексе вооружения булгар он играл несколько меньшую роль, чем сабля, и появился в Булгарии в период активного функционирования Великого Волжского пути. Всего с территории Волжской Булгарии известно 15 целых мечей и их обломков, а также 4 наконечника от ножен, относящихся к каролингским и романским типам. Подавляющее большинство этих мечей довольно стандартны и различаются типами перекрестий. Судя по ним, мечи из Булгарии относятся к каролингским типам. Практически на всех клинках, благо-

Сабли из Биляра X – начала XIII в.
(по Ф.Ш.Хузину)

даря работам А.Н.Кирпичникова, удалось выявить клейма. В четырех случаях «ULF-BERHT», в одном «LEUTFRIT» или «LEUTLRIT» и в одном – восьмеркообразную петлю в окружении двух завитков. На оборотной стороне клинка также есть клейма. Обычно это знак из косой плетенки в окружении трех столбиков, а в одном – уникальный рисунок – бегущий зверь в окружении вертикальных столбиков. Все это позволило надежно установить, что все они были изготовлены в каролингских оружейных мастерских, существовавших в прирейнских городах империи Карла Великого и его ближайших потомков.

Известно, что наиболее варибельным элементом средневекового меча является

Булгарский копейщик. XII – начало XIII в. Реконструкция М.В.Горелика

рукоять. У каролингских мечей наверху служило своеобразным противовесом, уравновешивающим в руке длинный и широкий клинок, позволявшим наносить удары с большой силой и интенсивностью. Типология европейских мечевых гард была разработана на европейском материале Я. Петерсеном, а на древнерусском – А.Н.Кирпичниковым. С территории Булгарии известны мечи типов Н, S и E.

Наряду с клинками с территории Булгарии известны также бронзовые наконечники ножен мечей. Среди них есть прорезной экземпляр, украшенный в скандинавском стиле ELLING, а также наконечники конца X–XI вв., имеющие, видимо, местные особенности в орнаментации, что говорит о развитии местных оружейных мастерских.

Все мечи, найденные на территории Булгарии, хронологически можно разделить на две группы, из которых ранняя – «мелкоячеистые» мечи типа E из Биляра и Балымера, распространенные в IX – на-

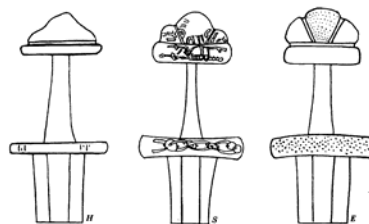
чале X в., характеризует начало освоения этого оружия в Поволжье, а поздняя (типы Н, S и «крупноячеистые» E) датируется X – началом XI в. и объединяет все другие мечи из Биляра, Булгара и Центральной Булгарии, которые, судя по аналогиям из стран Балтийского региона и Руси, являлись редким и дорогим оружием и использовались, в основном знатью и воинами-профессионалами. Находки каролингских мечей сосредоточены в основном вокруг крупных городов. Все они связаны с военнотружинным бытом общеевропейского характера.

Булгарская дружина, начавшая применять мечи наряду с традиционными видами вооружения, была достаточно неоднородна по составу. Нет оснований связывать появление мечей только со скандинавами, хотя они сыграли, несомненно, ключевую роль в распространении этого оружия, особенно в начальный период истории Центральной и Восточной Европы – Руси, Венгрии, Польши, Пруссии и ряда других регионов,

где викинги в качестве наемных воинов служили в войсках местных правителей. Огромную роль в появлении мечей, как и всего военно-культурного комплекса в Поволжье, сыграло становление Балтийско-Волжского или Великого Волжского пути и тесные торговые связи Булгарии со странами циркумбалтийского региона. Скорее всего, носителем этого оружия был разноэтничный по происхождению слой воинов и купцов (видимо, изначально шведов по происхождению), чей быт был насыщен скандинавскими культурными элементами, которых арабские современники называли «русами». Присутствие этого торгово-дружинного слоя зафиксировал, в частности, в своих записках Ибн Фадлан, который отметил целую колонию русов близ ставки правителя булгар, а также описал похороны одного из их вождей [Ибн Фадлан, 1956, с.25–26]. Вполне возможно, что со временем часть этих русов включалась в войско булгарских правителей в качестве наемных воинов, о чем сохранились глухие указания в скандинавских источниках о стране *Vulgaria/Vulgarland*.

Новые виды вооружения, не известные у булгар в VIII–IX вв., демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы, характерных для раннефеодальных обществ. Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий близ раннегородских центров характерна и для Руси, и для Венгрии, и для ряда других стран в период становления государственности. Одновременно, как совершенно справедливо заметил А.Н.Кирпичников, «находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли», подчеркивая тем самым приуроченность центров социальной активности к узловым пунктам международной и региональной торговли [Кирпичников, 1966, с.49]. Появление мечей у булгар свидетельствует о глубоких социальных сдвигах, происшедших в булгарском обществе в X в., и формировании новых социальных и военных традиций, характерных для надэтничной дружинной культуры.

Кинжалы и *боевые ножи* были у булгар дополнительным оружием тяжеловооруженных воинов. Они были двух типов – с длинным и нешироким лезвием и широким клиновидным лезвием. Первые появи-

Мечи X–XI вв. Типологическая схема

лись примерно в XI в., а вторые – «классические кинжалы» – с конца XIII в. Подобные кинжалы весьма показательны для комплекса вооружения булгар, поскольку такое оружие не известно у соседних финно-угорских народов, а у тюркских кочевников было довольно редким. Единственным регионом, где кинжалы также действительно получили широкое распространение, была Русь.

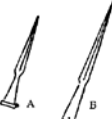
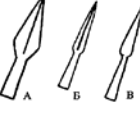
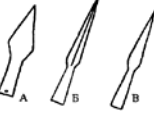

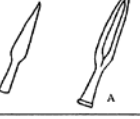

Кроме того, традиционным оружием были длинные ножи (обычная длина 20–40 см), служившие универсальным походно-боевым снаряжением воина.

Копье – колющее древковое оружие. Истоки его развития относятся еще к VIII–IX вв., когда появились основные их формы, а в домонгольский период происходит его дальнейшее совершенствование. Всего с территории Булгарии учтено 76 наконечников копий и их обломков.

Копья представляют собой оружие для поражения противника на средней дистанции. Основной функцией копья еще с эпохи древности была колющая. Особой группой копий, судя по размерам наконечников и древка (около 1,5 м), являлись метательные копья или дротики (по-русски они назывались *сулицы*, а в мусульманском мире – *джериды*) для поражения противника на расстоянии.

Определенную роль в разграничении типов копий на кавалерийские и пехотные играют данные о длине и толщине древка. Судя по диаметру втулки, толщина древка пехотных копий увеличивалась (в XII–XIII в. обычно 3–3,5, иногда 5 см), а длина, скорее всего, колебалась в пределах 1,5–3 м. При этом кавалерийские копья при толщине 2,5–3 см достигали длины 3,6 м.

Все наконечники копий делятся на две хронологические группы. Для X–XI вв. были характерны пики и листовидные копья. Все они связаны своими истоками

Тип	X-XI вв.	XII-XIII вв.
I		
II		
III		
IV		
V		
VI		

Копья X–XIII вв. Типологическая схема

с предшествующим периодом истории болгар и имеют подонско-северокавказское происхождение. Новые формы, такие как широкие удлинненно-треугольные и асимметрично-ромбические с выступающей гранью, появились в связи с включением в состав болгарского войска контингентов русов и финно-угорских народов края.

Значительная модернизация копий становится заметна в XII–XIII вв., когда происходит наращивание количества и качественного разнообразия специализированных наконечников. Многие типы копий в этот период были усовершенствованы, что делало их более эффективным оружием кавалерийского боя. Общая тенденция этого периода – в преобладании узких вытянутых лезвий и усиленной шейки и утолщения втулки. Судя по количеству находок, наиболее популярным оружием этого спектра наконечников были шпильевидные четырехгранные пики (длиной лезвия до 21 см) и узколезвийные удлинненно-треугольные копья. Подобные наконечники копий явно предназначались для мощного таранного удара копьем и появление их выз-

вано к жизни утяжелением защитного вооружения и выдвиганием в качестве решающей силы на полях сражений конных рыцарских дружин. Эти же причины потребовали усовершенствования и пехотных копий. Переработав и отбросив архаичные формы, болгары остановились на трех типах копий: широких удлинненно-треугольных, удлинненно-листовидных и лавролистных рогатин. Модификация этих универсальных копий позволяла воинам успешно бороться как против защищенного доспеха пехотинца, так и против всадника. Тогда же, очевидно, появляются также метательные копья, позволявшие пехоте поражать противника на расстоянии.

Боевой топор – древковое оружие ближнего боя, которое, судя по количеству находок, разнообразию типов и форм, у болгар превосходило все другие виды оружия. Топор состоял из железного бойка и деревянной рукояти, длина которой достигала 80 см.

Относительная простота изготовления, особая универсальность применения многих топоров с разными формами лезвия (в бою и в хозяйстве) сделали их весьма популярным и распространенным оружием. Одновременно использование топора во время боевого противостояния не требовало особых навыков и длительного обучения (по сути дела, приемы обращения с топором были известны любому крестьянину).

Все топоры, известные с территории Волжской Булгарии (более 240 экз.), делятся на три группы – рабочие, универсальные и боевые.

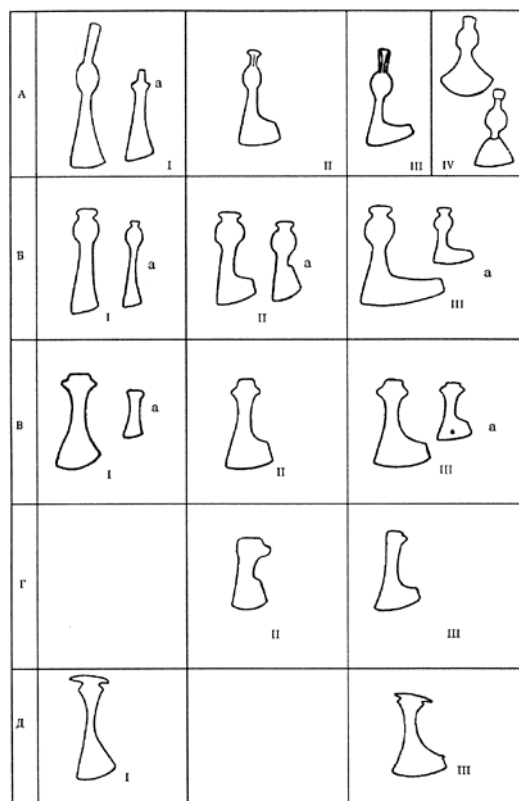
Рабочие топоры отличаются размерами, весом (до 0,8 кг) и массивной толстой рукоятью (более 3,5 см), универсальная группа отличалась от рабочих меньшими размерами и весом (до 0,55 кг), но была сходна строением бойка. Можно сказать, что универсальные топоры были уменьшенной копией рабочих и служили необходимым элементом походно-боевого снаряжения. Вполне вероятно, учитывая исторические параллели, что секиры «малых форм» были зачастую единственным оружием народного ополчения и простых ратников. Различия в формах и способах применения различных групп боевых топоров предопределили различия в их эволюции.

Наиболее распространенной формой универсальных походно-боевых секир у болгар были бойки с двумя парами округлых щековиц и невысоким подчетыреугольным обушком. Форма лезвий у них варьировалась от вытянутого клиновидного до вытянутого широколопастного. Подобное строение обуха кроме как у болгар не встречено ни в одном регионе Волго-Уральского региона и может считаться специфичной болгарской формой топора. Истоки этих топоров уходят корнями в Северное Причерноморье, где были известны еще с периода поздней античности и раннего средневековья. Одновременно с ними болгары использовали топоры с парой подтреугольных щековиц, характерных для местных народов края.

Наряду с походно-боевыми еще с древности выделяется группа боевых секир – т.н. чеканов или клевцов. Конструкция их лезвия (узкое клиновидное или заостренное) и длинного молотковидного обушка обеспечивала им ударно-колющий эффект, против которого не могли устоять никакие доспехи.

Среди других топориков следует особо выделить экземпляры, близкие по формам боевым чеканам, но чьи лезвия были инкрустированы золотом и серебром. Особенно в этом смысле выделяется чекан, найденный в конце XIX в. близ с. Мусорка Самарской губернии в составе клада конца X в. На лезвиях этого чекана, украшенного серебряной инкрустацией, изображены фигуры зверей в окружении растительного орнамента. Это оружие является замечательным изделием средневековых болгарских мастеров. Определенно, что все эти секиры являлись символом знатности и главноначалия.

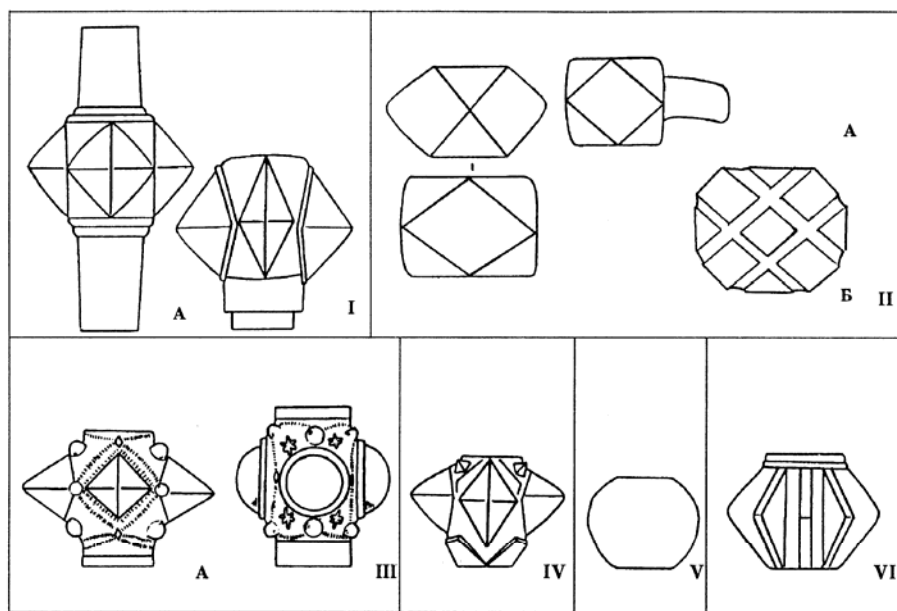
На примере топоров заметна общая тенденция к дифференциации оружия. Если в X–XI вв. наряду с топориками-чеканами оформляется группа топоров с широким лезвием, то уже в конце XII в. исчезают архаичные формы чеканов, а их место занимают узколезвийные секиры и разнообразные универсальные топоры, имеющие прототипы среди рабочих форм. Это было время значительной специализации боевых топоров. Важное значение приобретают чеканы, которые за счет сужения поверхности наносимого удара могли пробить кольчугу или панцирь, нанести глубокую

Боевые топоры X–XIII вв. Типологическая схема

рану, что делало их в руках тяжеловооруженных ратников особенно эффективными во время тесного кавалерийского боя. В историческом плане это позволяет выделить топоры, связанные с набором профессионального воина (чеканы, орнаментированные топоры), и походно-боевые секиры, как массовое оружие простых ратников.

Булава – ударное оружие в виде металлического навершия с отверстием для насаживания на рукоятку. В качестве оружия и символа булавы были известны в ранне-средневековой Восточной Европе у хазар. Вместе с тем боевое значение их заметно уступало топорам и кистеням. Однако в условиях, когда в XII–XIII вв. началось широкое применение конницей на полях сражений утяжеленного доспеха, оказались востребованными лучшие боевые качества булавы. Главное из них – способность пробить броню и ранить или контузить («ошеломить») противника в стремительных скоротечных стычках всадников или затяжных боях плотных масс тяжеловооруженных всадников, когда боевой контакт

Булавы X–XIII вв. Типологическая схема

был минимальным, а эффект поражения противника должен был быть максимальным.

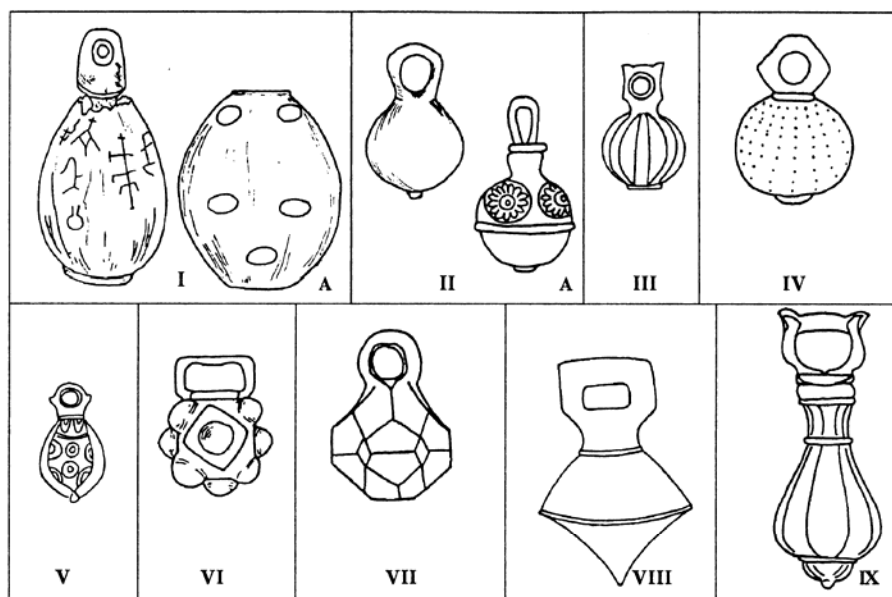
Всего с территории Булгарии известно 17 находок булав. Появляются они у болгар в XI в., но их значение особенно возрастает в XII в., когда резко увеличивается количество их типов. Модификация этого оружия, как это следует из анализа болгарского материала, шла в направлении умножения числа выпуклостей и шипов, а также утяжеления булав, без увеличения их размеров. Характерно при этом, что на смену бронзовым пришли железные и бронзовые булавы со свинцовым заполнением, имеющие восьмигранные шипы и орнаментацию. В XIII в. появились также новые типы боевых наконечников, которые могли концентрировать ударную мощь на небольшой площади (булавы-клевцы, шестоперы), что позволяло успешно бороться с защищенным броней противником.

Определяя место булав в болгарском комплексе вооружения, обратим внимание на тот факт, что этот вид оружия практически неизвестен у финно-угорских народов Волго-Уральского региона, а кыпчаками Заволжья использовался лишь спорадически. Русь и Булгария – единственные регионы в Восточной Европе, где этот вид профессионального вооружения был широко распространен, что кроме общности

тактических приемов, связано, очевидно, еще и со сходством развития военной техники.

Кистень – ударное оружие в виде костяной или металлической гирьки, прикрепляющейся к рукоятке при помощи длинного ремня за неподвижное ушко. Происхождение кистеня в Восточной Европе связывается исследователями со степными районами, где обнаружены самые ранние образцы средневековых кистеней. Тюрко-болгарские племена также использовали это оружие в Среднем Поволжье уже в VIII в.

Позднее они получили заметное распространение и играли заметную роль в комплексе вооружения населения Булгарии. Из болгарских памятников X–XIII вв. известно 33 кистеня. Наибольшее значение они приобрели в XIII в., когда появились новые типы и формы кистеней. Причем изменения коснулись не только материала (от кости к металлу), но и конструкции корпуса (от гладких к граненым, биконическим и покрытым выступами и выпуклостями). Заметно увеличился вес этого оружия (до 240–300 г.). Эти изменения и сделали кистень популярным дополнительным оружием, которое могло, в зависимости от обстановки, успешно применяться как против подвижного легковооруженного воина, так и защищенного броней рыцаря.

Кистени X–XIII вв. Типологическая схема

Благодаря гибкости и мощи удара кистень использовали различные категории войска, но позолоченные и орнаментированные гирыки применяли в основном конные воины-дружины.

Защитные доспехи

Защитное вооружение было призвано предохранять воина от поражения во время боевых столкновений и единоборств. Возникновение его относится к такой же древности, что и появление наступательного оружия.

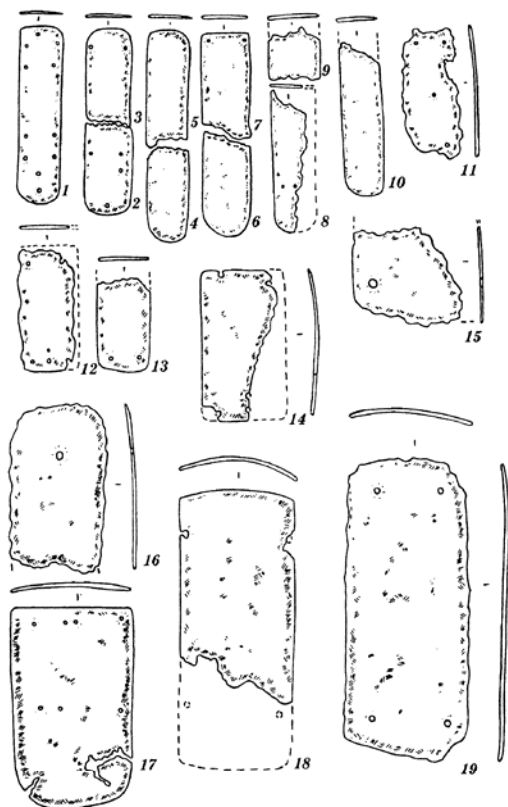
Кольчуга – доспех, сплетенный из железных колец, – была распространенным средством защиты как на Западе, так и на Востоке. Долгое время, вследствие сравнительной легкости, гибкости и неплохим предохранительным свойствам, она была самым популярным европейским средством защиты воина. Первые кольчуги появились в Западной Европе в конце I тыс. до н.э., а позднее распространились по всей Евразии. В раннесредневековой Восточной Европе зоной распространения кольчуг становится степная.

Среди населения средневековой Волжской Булгарии кольчуга также была традиционно популярна. Судя по изобразительным материалам и аналогиям, болгарские кольчуги, обрывков которых найдено более

14 экз., имели вид рубашек с короткими рукавами. Плетение колец было комбинированным. Особый интерес представляют находки плоских колец от кольчатого доспеха, который распространяется в XIII в. Письменные источники позволяют также сделать вывод о местном производстве кольчуг и о достаточно широком применении их булгарами в X–XIII вв.

Кольчуга была, конечно, дорогостоящим видом снаряжения. По мнению специалистов, на производство одной кольчатой рубахи в среднем шло не менее 20 тыс. колец, которые изготавливались из 600 м железной проволоки, а затем очень тщательно соединялись (склепывались или сваривались). Ясно, что такую защиту могли себе позволить только состоятельные люди.

Достаточно широкое применение болгарскими воинами кольчуг подтверждается письменными источниками. По данным арабо-персидских авторов, в первую очередь Ибн Русте и ал-Гардизи, конные болгарские воины имели кольчуги и другое вооружение [Бартольд, 1973, с.58; Хвольсон, 1869, с.24]. Наличие защитного вооружения в достаточных количествах подтверждается также сообщением ал-Мукаддаси об экспорте кольчуг из Булгарии в страны ислама.

Панцирные пластины X–XIII вв.

Панцирь – защитный доспех, состоящий из отдельных металлических или кожаных пластин. Пластинчатый доспех возник гораздо раньше кольчуги и пережил длительную историю, постоянно изменяясь под влиянием условий боевой практики того или иного региона. В средневековой Булгарии панцири были довольно распространенным видом защиты. По материалу, из которого изготавливались пластины, их можно разделить на кожаные и железные.

Кожаные прикрытия тела булгары использовали, видимо, уже с X в. Реальные же находки кожаного доспеха из пластин относятся к концу XII–XIII вв. и найдены при раскопках в Биляре. Они представляли собой широкие прямоугольные пластины с округлым нижним краем и, судя по швам, сшивались «внахлест». Трудно судить о конструкции этого доспеха, но, скорее всего, все кожаные пластины крепились друг к другу боковыми сторонами «внахлест», а верхние вставлялись округлыми

краями в вырезы нижнего ряда, после чего пластины плотно сшивались, возможно даже в несколько слоев. Такой доспех был прочным, но в то же время достаточно эластичным, а в случае повреждения отдельные пластины легко могли быть заменены.

Гораздо больше данных, характеризующих железный доспех булгар, к которому относятся находки более 30 пластин (примерно от 15 панцирей). Все они относятся к доспехам двух типов: пластинчатому (ламеллярному) и чешуйчатому. Конструкция их состояла из наспинника и нагрудника с короткими рукавами и разрезным подолом. Пластинчатый панцирь состоял из различной формы железных пластин, непосредственно крепившихся между собой при помощи ремешков или провололок. Иногда они нашивались на кожаную или матерчатую основу.

Характерно увеличение размеров пластин и появление чешуйчатых доспехов в конце XII – начале XIII в. Панцирь этого типа состоял из подпрямоугольных пластин, которые прикреплялись к кожаной или матерчатой основе. Пластины соединялись с подосновой с помощью центральных заклепок и несколько надвигались друг на друга краями. Часто их скрепляли между собой ремешками или проволокой через отверстия по краю. Улучшение защитных свойств такого вида панцирей достигалось за счет отсутствия жесткого соединения пластин между собой и более плотного крепления к основе, что делало его более надежным и гибким. Высокие боевые качества чешуйчатых доспехов способствовали их развитию и сохранению в золотоордынское время.

Шлем – защитное наголовье, предназначенное для предохранения головы воина, состоял из стального конического корпуса-наголовья и практически всегда имел обрамление по нижнему краю из длинной кольчужной сетки – бармицы для защиты шеи и горла (иногда и лица), в качестве защиты лица иногда использовалось также стальное забрало (личина).

Письменные источники, в частности ал-Гарнати, указывают на наличие шлемов у булгар. Миниатюры лицевой Радзивилловской летописи также изображают булгар в полном вооружении в шлемах.

К сожалению, до нас не дошли целые булгарские шлемы. Судя по изобразитель-

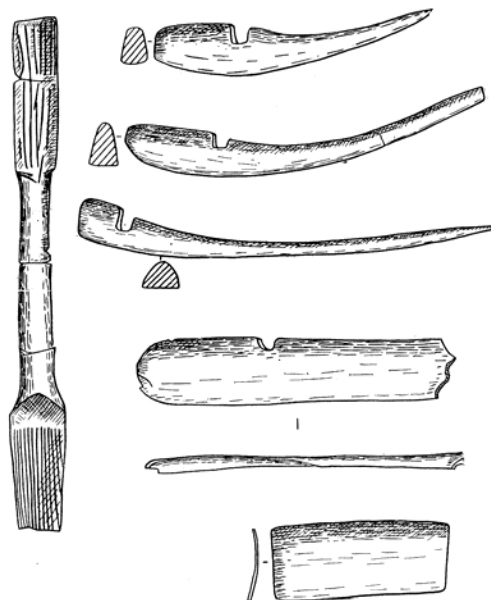
ным и археологическим данным (обломки и детали шлемов), это был сфероконический пластинчатый шлем, широко известный у многих кочевых народов Евразии в период средневековья. Большая популярность и многовековое существование подобных защитных наголовий объясняется в первую очередь тем, что отвесный и боковой удары противника скользили по плоскости тульи, гася силу удара.

Ряд данных позволяет сделать вывод о применении булгарами в предмонгольский период шлема с маской-забралом. Происхождение данного вида защиты лица еще не до конца ясно, но сейчас уже можно констатировать ее связь со сфероконическим шлемом с вырезом, распространение которого было вызвано поисками средств наиболее полной защиты головы и лица и в то же время стремлением обойтись без создания тяжелых шлемов типа западноевропейских. Несомненно также значительное влияние на появление масок-забрал в Восточной Европе военной культуры Ближнего Востока, где подобные маски-забрала были широко распространены в конце XII – первой половине XIII в. Неслучайно поэтому, что и Волжская Булгария, имевшая обширные культурно-экономические и политические связи с Востоком, стала областью распространения сфероконического шлема с маской-забралом.

Щит использовался булгарскими воинами в качестве маневренной защиты корпуса. Археологические материалы позволили выяснить, что булгары в X в. имели на вооружении круглые щиты с железным умбоном, имеющими западное происхождение. Скорее всего, появление подобной щитов связано с включением в состав булгарского войска дружин русов.

Одновременно булгары, судя по изобразительным источникам, применяли круглые выпуклые щиты без умбона, а также небольшие миндалевидные щиты. Скорее всего, щиты были универсальным оружием конника и пехотинца, феодала и простого ратника.

Анализ предметов оборонительного снаряжения показывает, что все изменения в этом наборе объясняются влиянием реальных боевых практики и в наибольшей степени коснулись снаряжения тяжеловооруженных всадников. Особенно заметны изменения в наборе булгарского защитного

Костяные детали сложносоставного лука. Биляр (по А.Ф.Медведеву и Ф.Ш.Хузину)

вооружения в предмонгольский период, когда появились пластинчатый доспех из круглых пластин, чешуйчатый панцирь, миндалевидный щит, сфероконический шлем с маской-забралом, кольчуга из плоских колец.

Среди оружия ближнего боя населения средневековой Булгарии выделяется особый арсенал дружинного снаряжения. В X–XI вв. он состоял из сабель, мечей, пик, чеканов и булав. В этот период выявляется тенденция совершенствования набора дружинного снаряжения, который включал, кроме традиционного оружия, целый ряд новых элементов западного происхождения. В XII–XIII вв. набор оружия знатных воинов состоял, в частности, из пик, сабель, булав и кистеней. Такой рыцарский набор мог сложиться только в условиях боевой практики, когда исход боя решался в столкновении тяжеловооруженных всадников, применявших таранный удар копьём.

Булгарский лучник – легковооруженный воин. XII–XIII вв. Реконструкция М.В.Горелика

Оружие дистанционного боя

Метательное оружие для многих ранне-средневековых народов Евразии было не только одним из важнейших элементов комплекса вооружения, но и в значительной степени определяло характер всей военной культуры общества. Луки и стрелы были одним из древнейших и, пожалуй, самым распространенным видом оружия, позволявшим поражать противника на значительном расстоянии. Вместе с тем это было часто достаточно простое в изготовлении и использовании «орудие войны», которое одновременно применялось на охоте.

Лук, как ручное оружие, предназначенное для метания стрел, судя по целому ряду историко-археологических данных, широко использовался средневековыми племенами Волго-Уральского региона. В оте-

чественной литературе утвердилось мнение о делении всех луков на три группы. Под простыми подразумеваются луки, сделанные из единого куска дерева; под сложными – такие же луки с цельной деревянной основой, но дополненные различными материалами; под сложносоставными, – чья деревянная основа состояла из нескольких частей (обычно из разных пород дерева), усиленных рогом, костяными накладками, берестой, сухожилиями и кожей.

Конструктивно составные луки состояли из деревянной основы – кибити, выполнявшей роль рычага для многократного увеличения мускульной энергии стрелка, и тетивы – несущей части лука, придававшей ускорение стреле. Кибить, которая могла быть как цельной, так и комбинированной из разных пород дерева, в свою очередь, состояла из середины (или рукояти) – места хвата рукой, и концов,

на которых крепилась тетива, и соединяющих их между собой изогнутых, гибких плеч (или рогов). Особенностью этой конструкции было армирование костяными и эластичными роговыми накладками середины и концов, которые более прочно закрепляли плечи, делая кибить комбинированным оружием, сочетавшим неподвижные и гибкие части, что резко увеличивало рефлектирующую силу плеч. Обычно луки имели симметричные плечи. Размеры таких луков, судя по сохранившимся экземплярам и изобразительным материалам, достигали длину 120–160 см (с натянутой тетивой около 130 см).

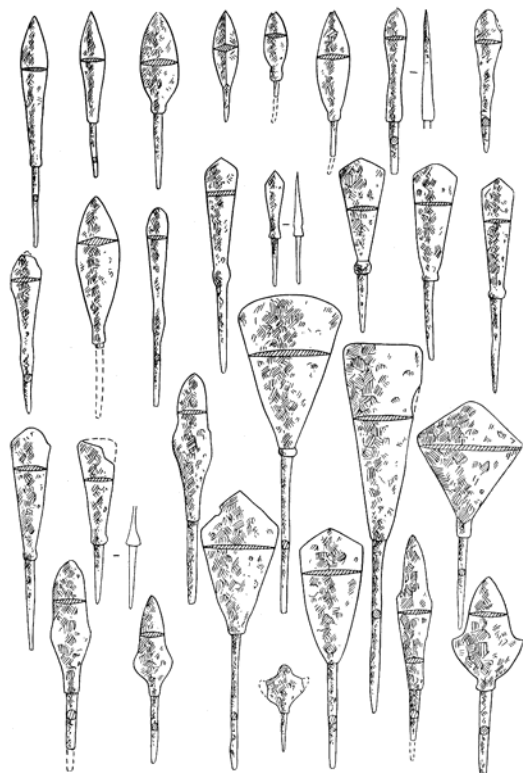
Материалы по истории лука в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в VIII–X вв. свидетельствуют, что в этот период шел процесс активного изменения метательного вооружения. На смену распространенным здесь в предшествующий период сложно-составным лукам «гунно-болгарского» типа, армированным 7 костяными накладками [Измайлов, 1994], во второй половине VIII в. пришли луки новой конструкции, самой популярной из которых были луки, снабженные парой срединных боковых накладок. Для этого «тюркского» типа лука было характерно, видимо, также использование в конструкции гибкого рога на тыльной стороне плеч, укрепленного с помощью боковых рукоятных обкладок. Эти усовершенствования позволили создать мощный узел жесткости в середине, увеличить гибкость и упругость плеч, сделав их более эластичными и длинными, вероятно, даже асимметричными. Такой лук был более приспособлен для быстрой стрельбы на небольших дистанциях и был более надежен в употреблении [Худяков, 1980, с.74]. Вместе с тем нельзя не отметить, что именно вместе с этим «тюркским» луком в Среднее Поволжье проникают и впервые начинают активно применяться граненые бронебойные наконечники стрел, что может свидетельствовать в пользу достаточной мощи луков такого типа, а также постепенно выходят из употребления трехлопастные наконечники стрел. Появление «тюркских» луков в Волго-Камье определенно можно связать не только с проникновением сюда новых волн тюркских и угорских (болгаро-огурских) племен из Прикамья, Зауралья и Центральной Азии, но и с изменениями в евразийском метательном вооружении.

Письменные источники неоднократно отмечают использование булгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия. В средневековой Булгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же «тюркский» тип составного лука. Находки от него представляют срединные боковые накладки (всего известно не менее 3 экз.). Все они довольно стандартны и представляют собой широкие подпрямоугольные пластины с чуть скошенными в одну сторону или овальными концами.

Одновременно на вооружении болгарских лучников появляются также луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы (всего 9 экз.). Не исключено, что подобная конструкция лука появилась у болгар под влиянием заволжских йемеков, как и ряд других военнотехнических новшеств в вооружении и конском снаряжении в конце XII – первой трети XIII в. Позднее, в XIII в., в Булгарии, как и во всей Евразии, преобладающим становится «монгольский» тип лука с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид. Практически целые образцы подобных луков были, в частности, обнаружены при раскопках Новгорода и в Восточном Туркестане.

Тетива для луков свивалась из конского волоса, шелковых нитей или сыромятной кожи. Петли, судя по находкам, были различными. Луки тщательно оберегали и до сражения носили со снятой тетивой в специальных налучьях – длинных кожаных мешках, предохраняющих кибить от попадания влаги. В различных болгарских памятниках обнаружены десятки костяных петель для налучья. С их помощью налучья вместе с колчанами носили на специальном ремне на поясе.

Судя по историческим свидетельствам, пробойная сила средневековых луков достигала мощности 80 кг, а оптимальным был лук силой 20–40 кг. К примеру, современные спортивные луки для мужчин имеют мощность до 20 кг, т.е. на уровне самых слабых средневековых. Обычная дистанция стрельбы была 60–150 м, хотя наиболее мощные луки могли послать стрелу на расстояние более 400 м. Скорострельность средневековых лучников достигала 10–12 выстрелов в минуту, особен-

Железные наконечники стрел из Биляра
(по Ф.Ш.Хузину)

но не во время прицельной стрельбы, а при поражении сомкнутой массы воинов.

Натягивание тугого сложносоставного лука требовало значительных усилий. Применялись специальные приспособления для защиты пальцев и всей руки от возможного травмирования тетивой. Прежде всего, это наручи в виде широкой овальной пластины, крепившейся с помощью ремешков на запястье левой руки. Из памятников Волжской Булгарии сохранился целый ряд прекрасно орнаментированных защитных костяных пластин.

Лучниками были отнюдь не только легковооруженные всадники, но и знатные воины, имевшие весьма дорогое и богато украшенное вооружение.

Стрела – метательный снаряд для поражения противника на расстоянии. Составные части стрелы – древко, наконечник и оперение. Древко – несущая часть длиной 75–90 см, служило для крепления наконечника и оперения, которое, в свою очередь, придавало стреле устойчивость в полете и обеспечивало точность попадания

в цель. Оперение делалось в два–четыре пера длиной до 12–15 см и несколько отступало от ушка, чтобы удобно было держать рукой.

Самой важной и вариабельной частью стрелы являлся наконечник, который обычно состоял из пера – боевой ударной и проникающей части и насада – несущей части. По способу крепления к древку и формы насада наконечники стрел делятся на две группы: втульчатые и черешковые. Первые надевались на древко, а вторые вставлялись в торец древка.

На булгарских археологических памятниках обнаружено более 1500 железных наконечников стрел самой различной формы [см.: Медведев, 1966; КБ, 1985, с.143–171]. Размер, форма и вес наконечника зависели от цели, для которой предназначалась та или иная стрела. Плоские секторо-видные наконечники стрел предназначались для поражения масс легковооруженных воинов и пехотинцев, а небольшие с массивной граненой головкой – как бронбойные, предназначенные пробивать доспехи. Все другие наконечники были в той или иной мере универсальными, сочетая ударные и режущие качества.

В течение VIII–XIII вв. населением Булгарии использовалось несколько десятков различных типов наконечников стрел. Среди них были типы, которые употреблялись несколько веков, другие использовались относительно короткий отрезок времени и вышли из употребления, когда им на смену пришли более функциональные и эффективные средства поражения. На протяжении этого периода времени все типы наконечников претерпевали те или иные изменения в размерах, весе, форме боевых граней, плечиков и острия.

В X – первой половине XII в. набор наконечников стрел продолжал традиции предшествующего периода. Еще sporadически применялись втульчатые и трехлопастные наконечники стрел различных форм, уже явно архаичные. Значительное распространение получили клиновидные и удлиненно-ромбические наконечники различных размеров и форм, а также неширокие секторо-видные и вильчатые наконечники. Выделяются небольшие граненые наконечники стрел. Этот стрелковый набор показывает, что среди противников булгар не было имеющих полный набор доспехов, а потому преобладали наконечники, позво-

ляющие успешно поражать легковооруженного противника, причем, скорее всего, стрельба велась болгарскими лучниками на большое расстояние и с большой интенсивностью. Кроме того, многие наконечники имели еще и охотничье назначение.

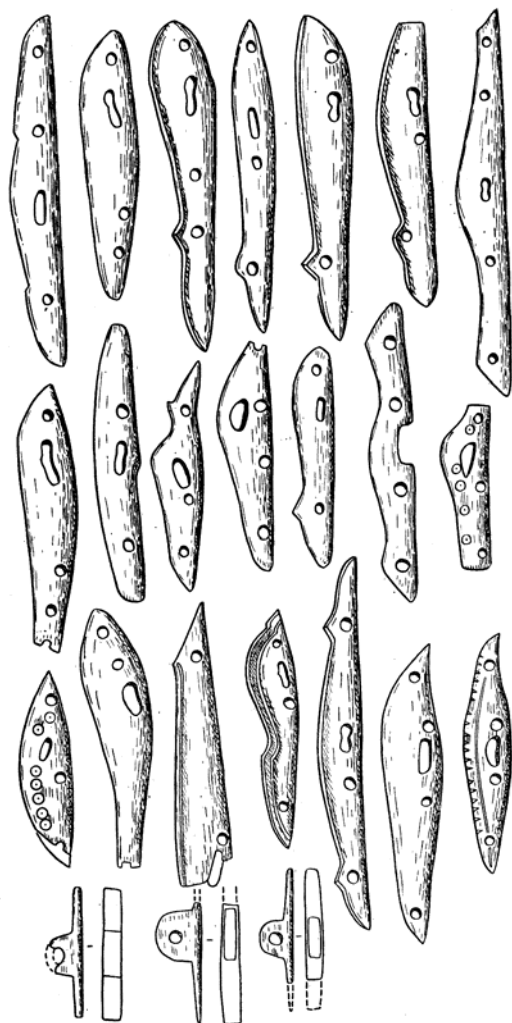
Коренные изменения в стрелковом наборе происходят во второй половине XII – первой трети XIII в. Особенно резко возрастает разнообразие типов граненых наконечников, которые увеличиваются в размерах и приобретают пирамидальную форму, появляются долотовидные, шиловидные и цилиндрические типы. Вместе с тем увеличиваются количественно и улучшаются качественно секторовидные, вильчатые и кунжутолистные формы – срезни, многие из которых имеют аналогии в наборах стрел народов Центральной Азии. Следует отметить среди наконечников массивные тяжелые пирамидальные, которые, судя по историческим аналогиям, являлись снарядами для крупных станковых арбалетов. Эти изменения показывают, какую важную роль в этот период болгары стали придавать средствам поражения защищенного доспехом противника.

Колчан – футляр, предназначенный для ношения и хранения стрел. Судя по сохранившимся костяным и металлическим деталям, он представлял собой деревянное основание – днище (диаметром 15–25 см), к которому крепились четыре деревянные планки каркаса, обтягиваемые берестой или кожей. В верхней части колчана была сделана выемка – приемник для удобства извлечения стрел, закрывавшийся специальной крышкой. Вокруг горловины и днища колчан несколько расширялся. Общая форма колчанов была полуцилиндрическая, с уплощением с внутренней стороны. Высота колчана зависела от длины стрел и колебалась от 60 до 80 см. Изредка с внешней стороны он украшался узкими вертикальными костяными накладками. Такими же накладками обрамлялся и край приемника. К деревянным планкам каркаса крепились костяные или железные петли, а к днищу – металлический крючок на ремне для закрепления колчана во время верховой езды. Колчан носили у пояса на правом боку в наклонном положении – для удобства извлечения стрел и устранения помех при ходьбе и верховой езде. Стрелы в таком колчане носились остриями вверх. Обычная вместимость колчанов, судя

по письменным источникам, была 30 стрел. В походе воины обычно имели по два колчана стрел.

Оценивая комплекс вооружения болгарского войска в домонгольский период в целом, следует подчеркнуть его коренное отличие практически по всем видам оружия от арсенала соседних финно-угорских народов. Заметно различается также болгарское и кочевническое воинское снаряжение, в первую очередь, по набору дружинного оружия (мечи, пики, рогатины, булавы, защитное вооружение) и конского снаряжения (шпоры, трапециевидные стремяна). Наиболее близок болгарскому, и по отдельным элементам, и по тенденциям развития, древнерусский комплекс. Все это, несмотря на некоторую относительность аналогий, заставляет думать о синстадиальности развития этих регионов. Так, почти тождественны оказались сабли и их перекрестья, мечи, пики, удлиненно-треугольные копья, булавы, кистени, железные доспехи и часть снаряжения верхового коня. Отличия касаются различного рода деталей: на Руси более предпочитали шпоры, а в Булгарии – плети, на Руси господствовал романский меч, а у болгар – сабля. Булгарские дружинники были вооружены, видимо, несколько легче, чем древнерусские, – в Булгарии не зафиксировано использование конских лат, кольчуг с длинными рукавами, кольчужных чулок и перчаток, наручей, поножей и т.д. Сравнительно облегченное вооружение волжских болгар, вероятно, объясняется необходимостью борьбы с конницей кочевников и пешими ополчениями финно-угорских племен. Сходство между русским и болгарским арсеналом становится особенно заметным в конце XII – первой половине XIII в., что выражалось в использовании романских мечей, боевых сложнофигурных булав, кистеней, чешуйчатых доспехов, шлемов с масками-забралами и шпор с зубчатым подвижным колесиком. Все это с очевидностью демонстрирует, что близость комплексов вооружения этих двух регионов носит не случайный характер, а является следствием сопоставимого уровня общественно-политического, экономического и военно-технического развития.

Проблема появления и развития у болгар метательной артиллерии, включая

Костяные петли для подвешивания колчанов и налучий. Биляр (по Ф.Ш.Хузину)

станковые арбалеты и камнеметы, остается дискуссионной.

Об использовании булгарами каких-то метательных машин может свидетельствовать находка шестеренки от поворотного механизма (Тигашевское городище), обычно в Европе связывающиеся с использованием аркбаллист и камнеметов. Уже указывалось, что часть массивных и тяжелых

четырёхгранных пирамидальных наконечников, несомненно, представляли собой снаряды для самострелов, а не луков.

Есть еще одно косвенное свидетельство. А.Н.Кирпичников пишет: «Источниковедчески в значительной мере скрытое, очевидно, от нас использование осадных метательных средств около 1200 г. устанавливается по новинке оборонного строительства Центральной и Южной Руси – крепостям с обычно трехрядной системой валов и рвов» [Кирпичников, 1976, с.72]. По его мнению, при такой системе обороны первая заградительная линия была примерно на 60–80 м отодвинута от главной стены и располагалась на месте предполагаемой установки камнеметных и стрелометных машин. Выдвижение переднего края крепостной обороны точно соответствовало наиболее удобной прицельной дальности стрельбы из метательных машин, а также луков и самострелов, равной около 75 м, что заставляло нападающих начинать бой против передовых заграждений, находясь на двойном расстоянии от главных стен и под двойным ударом оборонившихся. Тем самым зона боя вокруг крепостей при трехрядной системе обороны расширялась до 150 м. Ученый делает вывод о том, что «такая система своим появлением была обязана активизации дальнобойной метательной техники».

Для Волжской Булгарии второй половины XII – первой трети XIII в. как раз становится характерна именно такая система обороны крепостей. Неоднократно исследованные укрепления различных булгарских городищ показывают, что возведение дополнительных укреплений приходится именно на этот период времени. Одновременно появляются выступающие над стенами башни (например, Кураловское городище), позволяющие вести фланкирующий обстрел вдоль стен.

Иными словами, булгарская военная техника стояла на высоком уровне развития, не уступая древнерусскому и намного превосходя технические средства защиты и тактику обороны соседних народов края.

2. Структура военной организации

Вопрос об организационной структуре болгарской армии и всего военного дела сложен и не имеет пока определенной трактовки как из-за отрывочности и неполноты источниковой базы, так и не вполне удовлетворительной разработанности темы социальной организации самого болгарского общества. Практически все исследователи, разрабатывавшие эти вопросы, отмечали, что болгарское общество имело феодальный характер с соответствующими институтами и системой социальных связей, которое достигло расцвета в XII – начале XIII в.

Основной источник для характеристики болгарской военной организации X в. – «Записка» Ибн Фадлана, побывавшего в Болгарии в составе посольства багдадского халифа в 922 г. Ее текст позволяет сделать вывод, что болгарское общество в этот период находилось на этапе становления и укрепления раннефеодального государства. Болгарский правитель Алмуш, сын Шилки имел титул «эльтебер». Внутри своего государства правитель обладал всей полнотой административной и военной власти. Он не только правил страной, но и командовал войсками, а также имел право на определенную часть военной добычи, даже если он сам не принимал участия в походе. Власть правителя осуществлялась и реализовывалась через институт феодальной дружины. Возникшие в недрах родового строя военные дружины на определенном историческом этапе становятся оплотом княжеской власти и противостоят племенному ополчению. Кроме чисто военных, служила княжеская дружина выполняла и административно-судебные функции и частично входила в состав двора правителя болгар, обеспечивая его социально-политическую и хозяйственную деятельность.

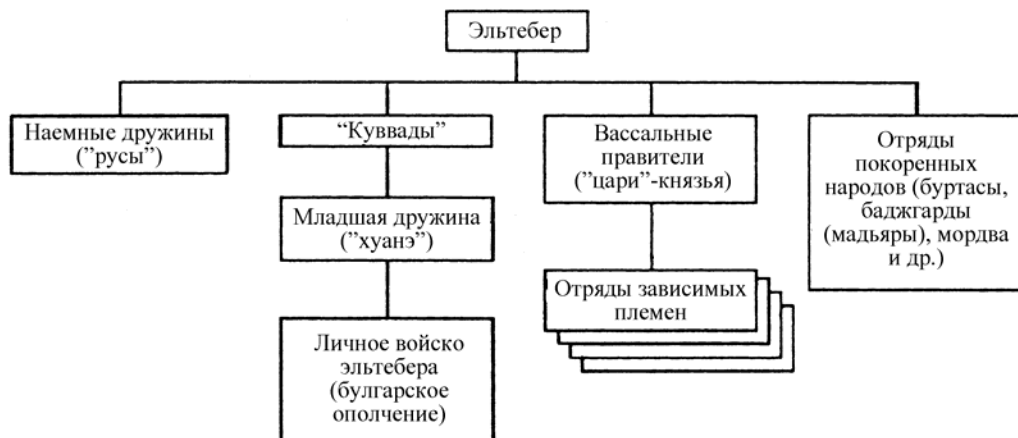
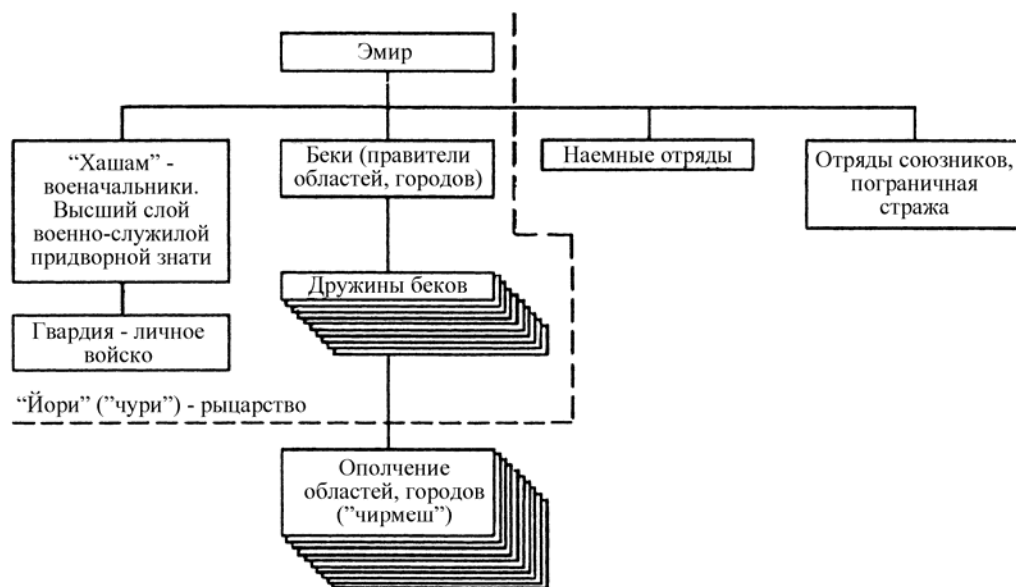
Сама дружина не была однородной, и уже на начальном этапе своего оформления она заметно дифференцируется. На одном ее полюсе скапливается слой знатных дружинников, постепенно превращающихся в феодалов с собственными вассалами, а на другом – «младшие» дружинники (воины-профессионалы), военные слуги и т.д.

Вопрос о том, под каким термином скрывается дружина болгарского правите-

ля у Ибн Фадлана, до сих пор является спорным. Наиболее реально видеть дружину правителя в группе людей, объединенных названием «куввад»/«друзья, сотоварищи», которые получают дары и подношения после царя [Ибн Фадлан, 1956, с.131, 195]. Скорее всего, под этими людьми и нужно понимать слой знатных т.н. «старших» дружинников. Основная масса служилой знати стояла рангом ниже на социальной лестнице, но также занимала привилегированное положение, как слой воинов-профессионалов, являвшихся личной охраной, военными слугами правителя Болгарии. Среди функций этой дружины, по данным того же Ибн Фадлана, можно указать участие в походах и войнах, присутствие в ставке правителя, участие в пирах и аудиенциях, сопровождение эльтебера в поездках по стране [там же, с.139].

Этнокультурный состав дружины Волжской Болгарии, особенно на ранней стадии формирования государства, был довольно сложным. Наряду с собственно болгарскими, в нее входили также представители других тюрко-огурских и финно-угорских племен. Есть все основания полагать, что в число дружинников правителя Болгарии входила и часть русов – славяно-финно-скандинавского по происхождению слоя воинов и торговцев, живших близ его ставки. В такой пестрой этнокультурной среде, насыщенной элементами различных традиций и новаций, шло формирование единой дружинной культуры, своеобразного комплекса вооружения.

Одним из элементов, свидетельствующих о наличии в Болгарии X в. развитой дружинной культуры и военной организации, являются широко распространенные у болгар воинские и родовые знамена. Наличие их у болгар зафиксировали некоторые письменные источники. Ибн Фадлан, например, описывая погребение знатного болгарина, отметил, что родственники умершего «водружают у двери его юрты знамя» [там же, с.140]. Это сообщение подчеркивает огромную роль, которую играло у болгар, как и у многих других тюркских народов, знамя. Оно было «не только внешним выражением единства племени или главным признаком общественной власти, но и неременным условием по-

А. Военная организация волжских булгар X-XI вв.*Б. Военная организация волжских булгар XII-XIII вв.*

Структура военной организации волжских булгар X–XIII вв.

следней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения» [Окладников, 1951, с.152].

После принятия булгарами ислама сакральное значение знамени было переосмыслено в контексте мусульманской символики. Важнейшим показателем начала этого процесса может служить вручение Альмышу двух знамен, присланных хали-

фом с его посольством наряду с другими подарками [Ибн Фадлан, 1956, с.131]. По обычаям средневековья передача знамени служила символическим актом передачи инвеституры, наделения правителя Булгарии светской и духовной властью, благословленной багдадским халифом. Видимо, по мере распространения ислама в среде булгар в первой половине X в. изображения на знаменах также меняются, по-

степенно приобретая, особенно в государственных символах, мусульманский вид. Судя по ближневосточным параллелям, знамена болгар X–XI вв. имели вид прямоугольных полотнищ, вдоль длинных сторон прикрепленных к древкам. Цвет их мог быть различен, но чаще всего, видимо, они были черными (цвет халифата), красными, коричневыми и реже зелеными. Как правило, на полотнищах были вышиты золотыми или другими контрастными нитями суры Корана, девизы, иногда просто арабески или эмблемы.

Эльтеберу болгар подчинялось четыре «малика» [там же, с.131, 195]. Скорее всего, по его приказу эти владетели должны были выставлять свои отряды для болгарского войска.

Кроме этих подразделений, болгарское войско включало и отряды зависимых соседних народов. Среди них необходимо назвать «маджгардов/баджгардов» (мадьяр), которые «подвластны болгарам» [Хвольсон, 1869, с.83, 105]. В орбиту Булгарского государства были включены также буртасы. Источники первой половины X в. свидетельствуют о зависимости буртас от хазар, о взаимных набегах и войнах болгар и буртас, а также о постепенном включении буртас в состав Булгарии [там же, с.19,

24; Заходер, 1967, с.31]. Все эти зависимые народы выставляли племенные ополчения и служили на границах Булгарии в качестве федератов.

Коренные изменения, происшедшие в социально-экономической жизни болгарского общества во второй половине XII – начале XIII в., существенным образом отразились на военной организации болгар.

Несомненно, что в этот период усиливается междоусобная борьба, растет число внутренних столкновений. Несмотря на скудость письменных источников, есть некоторые основания полагать, что Булгария сохраняла внутреннее единство и не распалась на отдельные владения. Вызвано это было, видимо, малочисленностью господствующего класса, относительно небольшой территорией Булгарии, а также неспособностью небольших «княжеств» противостоять натиску соседей, в первую очередь, Владимиро-Суздальской Руси.

В XII–XIII вв. верховным главой военной организации болгар остается правитель – эмир, в чьи функции входило командование объединенной армией, организация ее походов, а также сбор войск. В яркой поэтической форме описывает это событие болгарский поэт того времени Кул Гали:

*Раз в месяц назначал Йусуф войскам обход,
Сбирались все войска, едва лишь конь заржет.
Но так уж повелось: коня седлают – тот
Привычным ржанием всех зовет в поход.
<...>
Сбирались стар и млад, и знать и чернь пришла,
Но свиты всей не счесть, и беков без числа.
И магрибского он велел позвать посла,
И вместе с ним объезд Йусуф свершал теперь.
Все воины пришли, куда не кинешь взгляд.
Там с четырех сторон везде войска стоят,
И с каждой стороны – по двести тысяч в ряд,
Стояли там войска со всех сторон теперь*

[Кул Гали, 1983, с.206, 208].

Разумеется, напрасно искать в этом отрывке указания на конкретный факт сбора болгарских войск, но вместе с тем сама реальность военного парада и съезда знатнейших беков – управителей городов и областей страны не вызывает сомнения. Более того, описывая в такой поэтической форме вызов знати с ее военными отрядами в столицу, автор явно обращался к знакомым, привычным для своих читателей об-

разам, как бы апеллируя к реалиям Булгарии для приближения их к пониманию эпической реальности в мифической стране Миср (Египет).

Вообще же военной системе феодальных стран присуще регулярное проведение сборов войск, которые позволяли не только выяснить боеспособность, численность армии, но и являлись знаком лояльности васалов своему сюзерену. Центром сбора

войск в Волжской Булгарии обычно, как в Древней Руси и средневековом Востоке, были столичные города, в частности, Биляр.

Важнейшим элементом военной культуры и показателем развития военной организации служит широкое распространение в болгарских войсках системы знамен различных рангов. Судя по некоторым болгарским источникам и аналогичным материалам из мусульманских стран XII–XIII вв., знамена различались по размеру

и своему значению. Все они условно могут быть разбиты на три группы. Самым большим флагом был штандарт эмира (в арабской традиции он назывался «райха», а в тюркской, скорее всего, – «гэлэм»). Этот штандарт, как и флаги беков (вообще военной знати), выносился, как правило, в особо торжественных случаях. Обычно вынос происходил во время проведения сбора войска. Недаром Кул Гали так красочно описал церемонию парада отрядов войск с развернутыми стягами:

*Зеленых не сочтешь там шелковых знамен,
Один стяг позлащен, другой – посеребрен*

[там же, с.168].

Во время сражений главное знамя эмира находилось вместе с ним, обычно в центре боевых порядков его полка.

Кроме эмирского штандарта, каждый бек и его отряд, видимо, имели свой флаг (в тюркской традиции, очевидно, назывался также «гэлэм», а на арабском – «алам» или «лаива»). Очень наглядно наличие среднего размера знамен у разных войсковых отрядов изображено на некоторых миниатюрах Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи. Упомянуты знамена болгарских войск во время сражений и в сообщениях ряда русских летописей [ПСРЛ, I, с.352]. Небольшие отряды (сотни, десятки) также имели свои воинские знаки – небольшие знамена и флажки (по-тюркски – «жалау/йалау»).

Болгарские знамена, судя по сообщению Кул Гали, имели зеленый цвет, возможно, как и в предшествующее время, они были также черными, красными, коричневыми, голубыми или комбинированными из разных цветов. Как и все другие мусульманские знамена, они были покрыты надписями (чаще всего, видимо, сурами Корана и рыцарскими девизами), вышиты зелеными или серебряными нитями.

Все эти штандарты и небольшие флажки, кроме сакральных, имели важное военное значение, помогая обеспечивать управление ходом боя, т.к. их положение позволяло военачальнику издали определить расстановку и положение отрядов своих войск и полков противника, оперативно реагировать на каждое их изменение. Знамена также обозначали место ставки военачальника и сбора воинов после сражения.

Основа военной силы правителя заключалась в его дружине и гвардии. Служилая часть дружины называлась «хашам». Этот термин зафиксирован в поэме Кул Гали [1983, с.46]. Он был широко известен на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Сельджукидов и обозначал дружину, гвардию, военную верхушку при султанах и его правителях. Эта служилая аристократия («обладатели меча и пера»), часто совмещая военные и административные функции, составляла командный состав армии.

Другим термином, обозначающим, скорее всего, служилый слой болгарской знати – рыцарства, является титул «йори» («чюри»), который встречается в эпитафиях XIV в., но по цепочкам генеалогий, приведенным на них, можно установить его бытование еще в XII–XIII вв. По мнению многих тюркологов, этот термин, восходящий своими корнями к древнетюркской титулатуре, обозначал военную знать, тюркское рыцарство и именно с таким значением он зафиксирован для периода XV–XVI вв.

Таким образом, можно реконструировать дружину правителя, хашам, как единство ее знатной главноначальствующей части и гвардии, состоявшей из воинов-профессионалов. Кроме того, верхушка хашама имела свои дружины, скорее всего, подвластные верховному правителю. Вся знать была связана между собой системой вассалитета и субвассалитета. Некоторые сведения об этой системе можно почерпнуть из русских летописей, в которых часто упоминаются местные «князья» со своими дружинами, причем большей частью конными: «...князь их едва утече с малой

дружиною», «...болгары со князем своим на конях» [ПСРЛ, I, с.352]. Очень показательны в этом смысле известия ряда летописей о событиях 1220 г., когда после взятия русскими войсками болгарского города Ошеля «...слышавше же болгаре в Великом граде и во иных градах... и собрашася вси со князьми своими овии на конех, друзии же пеши...» [ПСРЛ, XV, с.331], а также об осаде русской армией Великого города в 1183 г., когда собралось ополчение ряда городов и областей [ПСРЛ, II, с.625, 626]. Судя по всем этим данным, у болгар существовала налаженная система выступления вассалов по приказу сюзерена.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что основу болгарской армии составляли соподчиненные феодальные дружины, состоящие из конных воинов-профессионалов под командованием иерархически организованной знати. Местные феодалы, в зависимости от ранга в государственной иерархии и размеров землепользования, выставляли военное ополчение. Причем это могли быть ополчения определенных областей, городов. Вполне возможно, что такие военные отряды, состоящие как из болгар, так и из соседних народов, назывались «чирмеш».

В состав болгарской военной организации включались также ополчения окрестных племен и народов. Особенно много данных о венграх, живших на востоке и юго-востоке от Булгарии. Венгерский монах Юлиан, побывавший у них в 1236 г., писал, что они «богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах», а далее отметил победу их над монголами 14 лет назад и о постоянных сражениях с ними в последние годы [Аннинский, 1940, с.81]. Это свидетельствует об участии этих венгров в составе болгарских войск в сокрушительном разгроме первого похода монгольских войск, которое, по свидетельству Ибн ал-Асира, им нанесли болгары в 1223 г. [Тизенгаузен, 1884, I, с.27–28].

Другими союзниками и вассалами были кыпчакские (кимакские) племена, которые жили на южных и юго-восточных границах Булгарии. Роль их в истории болгар, в том числе и военной, была весьма заметной. Кыпчакские (йемекские) наемные отряды неоднократно использовались в междоусобных и внешних войнах, о чем свидетельствует поход полка йемеков под командованием болгарского «князя» против

Великого города в 1183 г., а также совместная борьба болгар и кыпчаков-саксин против монголов в 1229 г. [ПСРЛ, I, с.339]. Вообще, кыпчаки как военные союзники и вассалы были известны во многих евразийских государствах: Хорезме, Руси, Византии и Грузии.

Подводя итог изучению структуры военной организации болгар, необходимо отметить, что наибольшее сходство она обнаруживает, прежде всего, с военной организацией Хазарского каганата. Внутренняя система болгарского войска почти аналогична структуре армий государства Саманидов, ранних Сельджукидов, Кимакского каганата, а также венгров X–XI вв. Одновременно болгарская военная организация резко отличается от военных систем кочевнических каганатов – Тюркского, Кыргызского и Уйгурского, в которых правящий народ был единой армией, основным занятием которого являлась война.

К середине XII в. болгарское феодальное общество достигло расцвета, что повлияло на изменение всей организации военного дела в стране. Несмотря на то, что правитель продолжает играть в военной системе значительную роль, основные войска сосредотачиваются у военно-служилой знати, связанной иерархической системой феодального вассалитета. Правитель осуществляет свою военную политику через «ближнюю» дружину и гвардию – хашам. Верхи хашама и местная знать, сосредоточившие в своих руках основные рычаги государственной власти, являлись основой военной организации Булгарии XII–XIII вв.

Численность войска

Ряд источников X–XI вв. сообщает, что в стране болгар есть два города, которые выставляют по 10 тыс. воинов, а автор анонимного персидского сочинения конца X в. «Худуд ал-алам» уточняет – «всадников» [Заходер, 1967, с.37], т.е. численность армии болгар в X–XI вв., очевидно, могла достигать 20 тыс. всадников. Дружина правителя болгар состояла, видимо, из 500 человек. Такова в тот период была численность и средней дружины киевских князей.

Разумеется, численность войск болгар чисто теоретическая, т.к. не учитывает наличия наемных отрядов и ополчений покоренных племен. Вместе с тем она указыва-

ет на высокую мобилизационную возможность страны в X–XI вв.

В XII–XIII вв. народонаселение Булгарии резко возросло, но численность войска вряд ли увеличилась. Исходя из того, что территория Волжской Булгарии составляла около 86 тыс. кв. км, а средняя плотность населения (учитывая оседлый земледельческий характер населения и довольно высокий уровень урбанизации булгар) могла достигать 5–10 человек на кв. км, то общее народонаселение Булгарии колебалось, видимо, от 430 тыс. до 850 тыс. человек. Отсюда можно сделать вывод, что общие экстремальные мобилизационные возможности страны вряд ли превышали 45–55 тыс. воинов. В обычных же условиях предельной была, скорее всего, численность (считая 1 воина от 5 семей) до 15–25 тыс. воинов. Военно-служилое сословие («йори»), если считать по средним (в Западной Европе – 2% населения, а на Востоке – до 10%) показателям, составляло, очевидно, 15–20 тыс. человек, включая членов их семей.

В определенной мере эти оценки подтверждают отрывочные данные, большинство которых относится к эпизодам русско-булгарских столкновений и указывает на число воинов отдельных булгарских областей. В данных 1172 г. упомянут булгарский отряд в 6 или 7 тыс. воинов [ПСРЛ, I, с.364]. В 1183 г. против русской рати булгары собрали значительную армию: «Околнии же городе болгарскии... Собкуляне и Челмата совокупившеесе со иными Болгары, зовемыя Темтюзи и совокупившеся их 5000 идоша насады» [ПСРЛ, II, с.625–626], во время боя этой армии с русскими полками по оценкам разных летописей погибло от «более 1000» до 3500 булгар. Анализируя эти цифры, можно сказать, что, несмотря на приблизительный их характер, налицо явная тенденция к снижению численности отдельных воинских контингентов. Причину этого следует, видимо, искать в увеличении числа самих дружин и, как следствие, возрастные дробности войска. Показательно, что в 1183 г. 3 города (видимо, центры округов) смогли выставить только 5 тыс. воинов, т.е., скорее всего, соединение, состоящее из дружин и феодальных ополчений. Только в экстремальных условиях, например, против монгольских завоевателей, булгары смогли собрать в 1236 г. значительную армию, численность которой, по словам очевидца тех

событий монаха Юлиана, достигала 50 тыс. воинов [Аннинский, 1940, с.81, 85]. Очевидно, что мобилизация этой армии потребовала небывалых усилий, хотя все воинские ресурсы Булгарии не были, видимо, исчерпаны, о чем свидетельствуют восстания булгар после ухода монголов на запад.

Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о тенденции к сокращению в домонгольский период численности отдельных воинских контингентов (от 10–20 тыс. в X в. до 3–4 тыс. воинов в XII–XIII вв.), увеличению количества дружин и дробности войска, а также общему уменьшению вооруженности населения. Только для больших дальних походов и отражения сильного противника собирались значительные по числу воинов армии.

Конница

Конные тяжеловооруженные воины являлись символом средневековья. Именно отряды конницы не только главенствовали на полях сражений, но и определяли стержень развития вооружения и военного дела. Одновременно всадники являлись привилегированным слоем воинов – военно-служилой знатью. В этих условиях становление и развитие средневековой кавалерии неотделимо от процессов возникновения и укрепления слоя рыцарства – аристократии и их военных слуг.

Булгары по традиции были конными воинами и уже в Подонье имели сложную племенную и сословную организацию. Распределение находок оружия в погребениях ранних булгар свидетельствует о начальном этапе формирования феодальной дружины уже с конца VIII в. Направленность этих процессов показывает изменение количества погребений с оружием и о возрастании степени обособления и консолидации дружины. Анализ набора оружия позволяет сделать вывод об определенной специализации в применении боевых средств. Сабли, копыя и боевые топоры вместе с метательным и защитным вооружением, а также с конским снаряжением принадлежали, скорее всего, профессиональным военным: дружинникам и знати. Топоры (часто универсальных типов) вместе с метательным вооружением и конским набором использовались остальным войском, которое состояло в то время из народного ополчения, что, конечно, не ис-

Тяжеловооруженный болгарский воин. XII – начало XIII в. Реконструкция М.В.Горелика

ключает применения ими копий и даже сабель. Все эти данные говорят о начавшемся процессе дифференциации болгарского войска.

На рубеже IX–X вв. ведущим комплексом вооружения становится снаряжение воина-профессионала, который в ту пору составлял основу болгарской армии, ее ударную силу. Арабские историки Ибн Русте и ал-Гардизи отмечали, что болгарские воины «ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение» [Хвольсон, 1869, с.24]. Набор дружинного оружия наиболее четко выделяется из основной массы вооружения, что связано не только с его специфичностью (он включал прак-

тически все виды оружия: сабли, мечи, пикки, чеканы, булавы, кольчуги и металлические доспехи), но и со сравнительной многочисленностью среди находок средств ведения боя (более 74 из 152 предметов оружия X–XI вв.).

В этом комплексе в X–XI вв. важную роль играли традиционные виды оружия: сабли, копья и боевые топоры, которые изменялись под воздействием условий боевой практики. Развиваются сабельные перекрестья, как изогнутые с шарообразными утолщениями на концах, так и прямые, ромбовидные в плане. Сабельные клинки, по сравнению с предшествующими, удлиняются, становятся уже и приобретают

большой изгиб. Среди копий выделяются вытянутые и широкие удлиненно-треугольные формы, а также пики. Боевые топоры пополняются новыми типами, среди которых все большую популярность получают формы с округлыми щековицами и небольшим подчетыреугольным обушком. Сложные луки со срединными боковыми накладками сменяются луками с концевыми (реже, видимо, вместе с боковыми срединными) накладками.

Одновременно идет модификация традиционного набора вооружения и снаряжения дружинника. Он обогащается видами и типами оружия, которые до X в. были мало распространены: костяными и металлическими грушевидными кистенями, бронзовыми булавами с большими четырехгранными шипами и защитным снаряжением, особенно показательно расширение применения пластинчатого доспеха, кольчуг и шлемов. Изменения коснулись и конского снаряжения: появляются новые типы удил, шпоры и ледоходные шипы.

Особый интерес вызывает появление в Булгарии X в. комплекса вооружения западного происхождения: каролингских мечей и их фурнитуры, круглых щитов с полушаровидными умбонами, удлиненно-треугольных копий и шпор. Эти виды оружия демонстрируют распространение у болгар общеевропейских средств вооруженной борьбы. Предпосылки появления западного облика оружия у болгар связаны как с функционированием Волжско-Балтийского торгового пути и укреплением связей Булгарии со странами циркумбалтийского региона, так и с внутренними социальными причинами. Более сложен вопрос о механизме включения в болгарский арсенал оружия западного облика. Начальный этап его связан, скорее всего, с вхождением в болгарскую дружину полиэтничного по происхождению слоя русов. Судя по источникам, наемные дружины сосредоточивались в ставках «князей» в городах, где вырабатывалась синкретичная дружинная культура. Постепенно они ассимилировались и интегрировались в состав господствующего класса.

Таким образом, набор оружия у болгарского дружинника X–XI вв. включал как традиционные, так и заимствованные средства борьбы, был достаточно однороден и ограничен определенным минимумом оружия и снаряжения (учитывая отсут-

ствие скандинавских ланцетовидных копий и русских форм секир). Такая избирательность в заимствованиях, при совершенствовании своих видов оружия, говорит об определенной самостоятельности и самобытности болгарской дружины.

Основная часть болгарской дружины была конной. Особенностью развития снаряжения всадника является соединение двух видов управления конем и соответствующей посадки в седле: «восточной» – с помощью плети (всего известно около 50 наверший) и «западной» – шпор (всего 5 экз.). Хотя последний не был, очевидно, широко распространен, но он демонстрирует влияние различных культурных центров и внедрение в болгарское военное дело новшеств, связанных с общеевропейской системой ведения боя.

Ведущее положение в военной организации Волжской Булгарии в XII–XIII вв. продолжает сохранять конная дружина. В этот период полностью изменился комплекс профессионального вооружения, который становится более совершенным и специализированным. Среди рубяще-колющего оружия основную роль продолжали играть сабли, длина и кривизна клинка которых увеличилась, а среди перекрестий начинают преобладать формы с хорошими защитными качествами. Мечи, как и раньше, не получают широкого распространения.

Важное значение у копий приобретают специализированные наконечники. Явно заметна тенденция сделать их более эффективными: прогрессирует длина пера и происходит его сужение, часть копий приобретает вытянутую клиновидную форму. Постепенно выделяются граненые пики и узколезвийные удлиненно-треугольные копья, получившие явное преобладание над другими формами. Боевые топоры в наборе профессионального вооружения теперь играют меньшую роль. Известны топорики-чеканы с узким клиновидным лезвием и парадные орнаментированные топорики. Если модификация первых связана с желанием увеличить эффективность удара, то вторые больше служили, видимо, знаками отличия, показателем социального ранга владельца. Достигли расцвета такие специфичные средства кавалерийской борьбы, как булавы и кистени. Достаточно сказать, что к началу XIII в. появилось 7 новых форм булав и 6 – кистеней, среди

них такие совершенные для того времени формы, как булавы со срезанными углами, булавы-клевы, шестоперы, сложнофигурные с выступами и шипами литые булавы, а также кистени грушевидные с шипами, многогранные, уплощенные с орнаментом и кубические с выступами в виде половинок шариков на углах и сторонах.

Еще более заметен прогресс в совершенствовании защитного вооружения. Кроме кольчуг, пластинчатых и кожаных доспехов в предмонгольское время распространяются также качественно новые типы снаряжения: чешуйчатый панцирь и кольчуги с плоскими кольцами. Одновременно в арсенале у болгар появляются, по всей видимости, выпуклые круглые и миндалевидные щиты. Боевое наголовье также приобретает новый облик: не позднее XIII в. оно снабжается наносником. Тогда же начинает использоваться новый тип защиты головы – сфероконический шлем с маской-забралом.

Серьезные перемены затронули и конское снаряжение. Распространение, как и на Руси, получают арочные, кольцевидные и трапециевидные стремяна, возрастает разнообразие удил, изменяется характер уздечного убора, который украшается по центральноазиатской моде. Встречается своеобразный тип шпор с подвижным зубчатым колесиком.

Тяжеловооруженный болгарский всадник имел на вооружении саблю или, реже, меч, пику или узколезвийное копье, булаву, кистень, иногда боевой топорик, кинжал, лук и стрелы, а также металлический доспех или кольчугу, шлем, щит, стремяна, удила, седло и редко шпоры.

Именно эти воины-копейщики составляли ядро войска и мощью своего таранного удара решали исход сражения. Заметная роль в боевых действиях болгарской конной дружины была подмечена авторами рассказов русских летописей, которые неоднократно упоминали о ней под 1164, 1183, 1220 гг. Эти феодальные дружины на поле боя действовали сплоченными массами и были в состоянии гибко реагировать на меняющуюся боевую обстановку. Именно такие дружинные отряды можно назвать рыцарскими, учитывая при этом их восточноевропейскую специфику. Конечно, эти контингенты не были многочисленными, но значение их в бою намного превосходило весь остальной состав вой-

ска, делало их ведущей силой болгарской армии, определяющей развитие всего военного дела.

Если набор оружия болгарской конной дружины выделяется в целом довольно отчетливо, то набор оружия других контингентов войска вычлнить труднее. Нет сомнений, что основную часть войска составляли воины, которые имели лишь некоторые виды оружия ближнего боя и защитного снаряжения. Точнее определить их снаряжение пока не представляется возможным, но, видимо, оно включало весь набор массового вооружения в различных сочетаниях, среди которого определяющим было метательное оружие. Отличие дружинного набора от оружия остального войска, очевидно, не в том, что рядовые воины не применяли какие-то боевые средства (нет сомнений, что они могли использовать и копья, и боевые топоры, и даже сабли), а в систематическом употреблении клинкового оружия и регулярном использовании металлического защитного снаряжения.

Другой особенностью, отличающей вооружение незначительной части войска от специализированного дружинного, была его большая универсальность. В целом арсенал боевых средств легковооруженных всадников и пехотинцев включал лук и стрелы, боевой нож, боевой топор, возможно, копье, кистень, щит, а доспех состоял, скорее всего, из кожаного панциря и шлема.

Легковооруженные отряды всадников у болгар, как уже отмечалось, существовали с IX–X вв., а в XII в. их участие в боевых действиях зафиксировали древнерусские источники [ПСРЛ, XV, с.330]. Вполне возможно, что в этот период возрастает их значение на поле боя, чему в немалой степени способствовало распространение у болгар сложных луков с концевыми, срединными, боковыми, а также со срединной фронтальной накладками. Вместе с луками увеличивается разнообразие наконечников стрел, особенно бронебойных типов, что явно усилило стрелковую мощь легковооруженной конницы. В бою она выполняла вспомогательные функции (завязка сражения, преследование и т.д.), а к концу XII в., как можно предположить, постепенно стала выделяться в самостоятельные единицы, которые действовали на коммуникациях противника, вели разведку боем и т.д. Особая роль отводилась этим воинам при столкновениях с кочевниками.

В таком бою они, очевидно, могли сами решить исход сражения, имея поддержку дружины.

Пехота

В эпоху средневековья пехота была ополчением простых сельчан или подвластных племен и выполняла вспомогательные функции.

Подобная ситуация существовала, очевидно, в Булгарии в X в. Формирования эти набирались из представителей земледельческих общин, составлявших вспомогательные пехотные отряды. Однако в X–XI вв. эти отряды не имели большого, определяющего значения в сражении. Их вооружение включало древковое оружие: черешковые сулицы, асимметрично-ромбические, листовидные и широкие удлиненно-треугольные копья, а также универсальные секиры «малых форм», подражавшие рабочим типам. Некоторые из видов пехотного оружия попали в арсенал булгар благодаря военно-политическим контактам с соседними финно-угорскими народами.

Во второй половине XII в. заметно изменился набор пехотного снаряжения. Он включал широкие удлиненно-треугольные, удлиненно-листовидные и лавролистные копья, топоры с клиновидным лезвием и оттянутым с выемкой лезвием и небольшим обухом, а также походно-боевые секиры, подобные рабочим типам. Кроме того, булгарская пехота имела метательное и защитное вооружение.

В связи с распространением метательной артиллерии и арбалетов особенно увеличилась в конце XII – начале XIII в. роль оружия дистанционного боя. Преобразование пехотного оружия в предмонгольское время не случайно. Оно отражает общий подъем значения пеших ратей. Некоторые факты заставляют думать, что такие виды оружия как рогатины, сулицы, некоторые типы топоров и миндалевидные щиты, могли принадлежать пехотинцам с более разнообразным, специальным снаряжением. Не исключено, что иногда во время боя спешивалась и конная дружина.

Описывая военные столкновения с булгарами во второй половине XII – начале XIII в. русские летописцы начинают фиксировать участие в боевых действиях булгарской пехоты. Показательно также довольно частое изображение пеших булгар на миниатюрах Радзивилловской летописи. Особенно заметную роль пехота играла при обороне городов, что ярко проявилось при осаде Биляра русской армией в 1183 г., когда булгарские «пешцы... вышедше из града учинили себе твердь оплотом» [ПСРЛ, I, с.390; II, с.626; XV, с.268]. Все более активно принимает она участие в полевых сражениях. Например, в 1220 г. булгары выступили навстречу русской армии «...ови на коних, а друзии пеши» [ПСРЛ, I, с.444–445]. Однако и в этот период пешие контингенты играли в бою пассивную роль, укрепляя собой боевой порядок войск, составляя заслон на пути наступающей русской пешей рати. Пехота использовалась также при действиях на реках, в качестве судовой рати [ПСРЛ, I, с.390; II, с.626].

Возрастание значения пехоты связано с целым рядом факторов, среди которых, несомненно, усиление феодализации страны и рост числа внутренних столкновений, укрепление экономической и политической самостоятельности городов и потребности оборонительных войн. Именно крупные города поставляли, видимо, в войско основные контингенты пехоты, что ярко проявилось в период борьбы с монгольским нашествием. Разумеется, в X–XIII вв. пехота не могла еще противостоять тяжеловооруженной коннице в открытом бою, но успешно действовала при защите укреплений, на пересеченной местности, в речных сражениях. Несомненно ее определяющее значение при проведении инженерных работ и транспортировке необходимых грузов как по суше, так и по воде. То есть пехота в конце XII – начале XIII в. выполняла, в основном, вспомогательные функции. В то же время заметна тенденция к повышению ее роли в полевых сражениях.

3. Военное искусство

Основными источниками для характеристики военной стратегии и оперативно-тактического мастерства волжских булгар являются данные русских летописей, арабо-персидских историко-географических сочинений и известия западноевропейских путешественников. Все они освещают данную тему довольно отрывочно и неполно, а русские летописи недвусмысленно прославляют успешные действия своих войск и замалчивают или затушевывают их неудачи. Однако при известном критическом подходе к источникам сквозь отмеченную их неполноту и тенденциозность вполне возможно выявить некоторые элементы стратегии и оперативно-тактических приемов, которыми пользовались булгары на полях сражений [подробнее см.: Измайлов, 1997, с.149–164].

Изучение войн и военных походов булгар позволяет заключить, что основой стратегии булгар были: в наступательных войнах – концентрация сил для захвата и подчинения территории противника, что особенно характерно было для войн X в., или для внезапного удара по важному стратегическому пункту противника в XI–XIII вв. (Муром, 1088; Суздаль, 1107; Ярославль, 1152; Устюг, 1218), после чего следовало быстрое отступление; а для оборонительной кампании – опора на укрепленный центр обороны (Бряхимов, 1164; Биляр, 1183; Ошель, 1220) и сбор воинских сил для организации отпора противнику. Данная стратегия способствовала тому, что военные действия велись, как правило, летом и были довольно непродолжительными и скоротечными.

Стратегия «прямого удара» и быстротечной войны естественно вытекала из характера военной организации булгар, которая состояла из феодальных дружин иерархически соподчиненной военно-служилой знати. Численность войск булгар, в силу естественных причин (размеры страны, сравнительно небольшое население), в ходе боевых столкновений второй половины XII в. едва ли превышала 10–15 тыс. ратников. Поэтому правитель страны не мог вести длительную и кровопролитную войну. В связи с этим характерно стремление булгар во время наступательных войн и военных походов избежать лобовых столкно-

вений с русскими отрядами и пытаться обеспечить себе политические выгоды из нападения на важные административные и торгово-экономические центры Северо-Восточной Руси. В ходе оборонительных войн булгары использовали наличие сильных крепостей и маневренные удары по коммуникациям противника, заставляя его расплывать силы и лишая его стратегической инициативы, одновременно организуя решающий удар по основным силам врага (кампании 1172, 1183, 1223).

Выбор той или иной стратегии и плана операции основывался, разумеется, на оценке сил противника, характере его действий и своих собственных сил и возможностей. Очевидно, что обстоятельные и подробные данные о противнике не могли быть добыты без хорошо поставленной военной разведки и развитой агентурной сети. Тесные торговые связи между народами открывали для этого широкие возможности. Например, сроки некоторых походов булгарских войск на Русь, в частности, на Ярославль в 1152 г., объясняются, несомненно, помимо других причин, их хорошей осведомленностью об отсутствии там князя и крупных воинских контингентов, которые воевали в то время на юге.

Наиболее ярко по данным источников вырисовываются действия булгар в ходе оборонительных операций. Выбор именно оборонительной тактики, как правило, объясняется конкретной ситуацией – либо внезапным нападением значительных сил русских князей (1164, 1172, 1220), либо наступлением превосходящих сил противника (например, во время русского похода 1183, нападений монголов в 1223, 1229, 1232 и 1236). Интересно, что сведения о подобной тактике появляются с середины XII в., что, наряду с другими факторами объясняется, видимо, некоторым ослаблением Булгарии в результате обострения внутренних конфликтов. Как бы то ни было, но участвовавшие в этот период походы владимиросуздальских князей потребовали от булгар выработать соответствующую тактику, эффективность которой проявилась во время похода объединенной русской рати на Великий город в 1183 г.

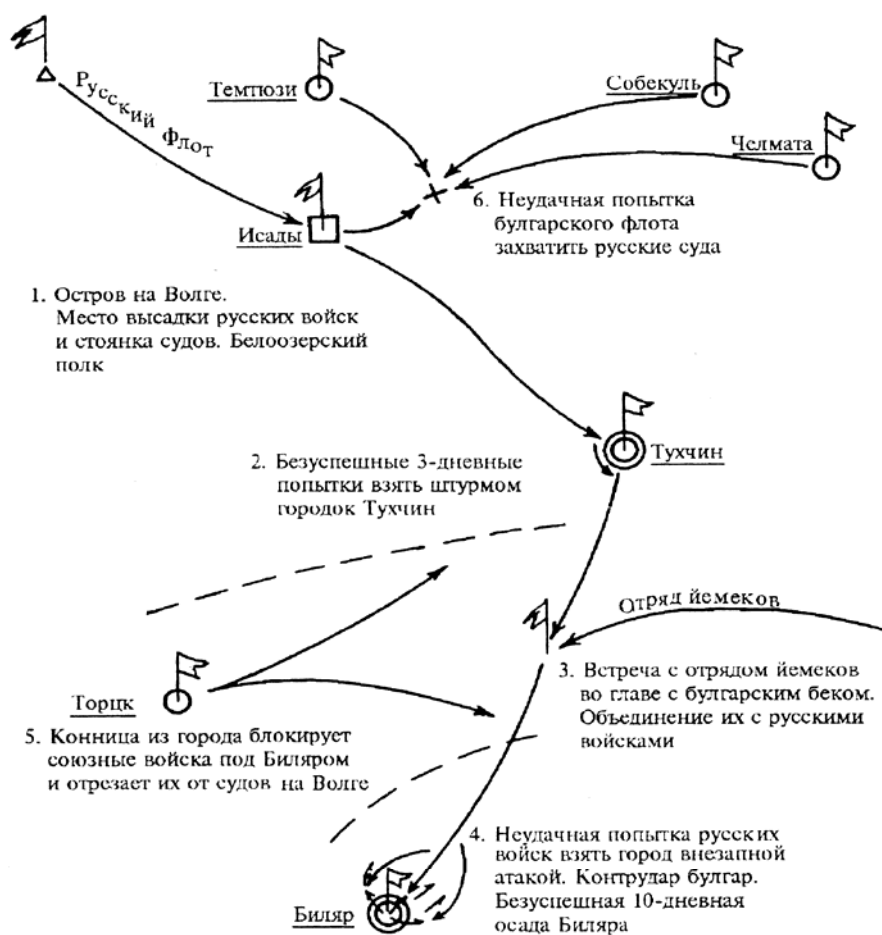
В основу оперативного искусства булгар легла тактика активной обороны.

Смысл ее заключался в том, что обороняющиеся, не имея стратегической инициативы, старались растягивать тылы противника и действовать против его отдельных отрядов. Решающим условием успеха в такой операции была опора на центр обороны и активные действия в тылу неприятеля. Имея в своем тылу сильную крепость, болгары могли успешно действовать против противника, оставляя за собой возможность маневра главными силами. Что представлял собой такой ключевой центр, хорошо видно на примере Биляра (Великого города). Биляр защищали мощные валы со стенами и рвы: внешняя линия состояла из трех валов, а внутренняя – двух, перед внешней стеной был возведен тын. Отличительной особенностью такой системы обороны является расширение полосы стрелкового боя вокруг города до 100–150 м и массированное применение метательного вооружения, арбалетов и камней. Защиту стен и тына осуществляла пехота. Для конца XII в. такая система обороны, видимо, оказалась новинкой для русских войск, а для болгар, несомненно, являлась частью их оборонительной тактики. Не удивительно, что попытка взять штурмом такую сильную крепость, как Биляр, оказалась неудачной. Передовая русская дружина, ринувшаяся в атаку, после успешной атаки тына попала под сильный обстрел со стен, была внезапно контратакована и с потерями отбита. После этого русские войска потеряли оперативно-тактическую инициативу, перешли к пассивной осаде и, под угрозой окружения болгарскими войсками, отступили. Позднее, в начале XIII в., русские войска, усовершенствовав тактику штурма, изредка все же «брали копьём» болгарские крепости.

Неотделимой частью оборонительной операции были тактические и оперативные маневры, которые имели целью измотать противника в небольших сражениях, прервать его коммуникации и, сковав его силы, сорвать активное наступление. Применение оперативного маневра по охвату врага является, без сомнения, прогрессивным элементом в военном искусстве болгар XII–XIII вв. Блестящим примером таких маневров можно считать военные действия болгар в 1183 г., когда они, учитывая концентрацию главных сил русских князей под Великим городом, занятых его пассив-

ной осадой – «облежанием», организовали серию ударов по их коммуникациям: рейд по тылам противника прервал сообщение между частями русских войск («...а ис Торьцкого на коних приехавшим на лодье» [ПСРЛ, II, с.626]). Одновременно их речные флотилии перекрыли путь союзных дружин по Волге обратно на Русь, а часть болгарских судовых отрядов попыталась атаковать сильную рать белоозерцев, охранявших речной флот («...околни же городе болгарьский Собекуляне и Челмата и совокоупишася со иными Болгары зовемыми Темтюзи и совокоупившеся их 5 000 идоша насады... приехавшим на лодье Роуское и вышедше на остров тот и поидоша противу им и сняшася с ними») [ПСРЛ, I, с.390; II, с.626; XXV, с.90]. Маневр и отвлекающий удар применялся болгарскими войсками также в 1164 г. [ПСРЛ, I, с.352–353] и 1220 г. [ПСРЛ, I, с.444–445]. Иногда болгары, собрав силы, пытались охватить противника и одновременно атаковать своей кавалерией, как это было зимой 1172 г. («...слышавше же Болгаре в мале дружине князя Мьстислава пришедша... доспеша вборзе и поехаша по ним в 6 000» [ПСРЛ, I, с.364; II, с.564–565]).

Наряду с отвлекающим ударом и маневром, болгарскими войсками использовались также оперативное заманивание превосходящих сил противника с последующим его охватом, атакой и разгромом. Такой маневр особенно характерен для кочевых народов, но также довольно часто применялся армиями оседлых государств (Венгрия, Дунайская Болгария). Наиболее эффективно оперативно-тактическое окружение было применено болгарскими войсками против монголов в 1223 г., когда те под командованием опытных Субудая и Джебе после победы на Калке двинулись на Булгарию. Вот как эту операцию описывает современник этих событий арабский историк Ибн ал-Асир: узнав о приближении монголов, болгары «...в нескольких местах устроили им засады, выступили против них и, заманив до тех пор, они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие» [Тизенгаузен, 1884, с.27–28]. Успешное проведение подобной операции с заманиванием и окружением противника показывает высокое

Оперативная тактика активной обороны болгар
(на примере русско-болгарской войны 1183 г.)

мастерство болгарской армии. Победа над дисциплинированным, сильным войском монголов, которые знали и успешно применяли ложные отступления и засады, не могла быть случайной.

Преимущества хорошо организованной системы обороны болгар выпукло обнаруживались в период болгаро-монгольских войн. Источники, к сожалению, очень скупо освещают ход этой борьбы, чтобы воспроизвести все ее детали. Можно отметить успешное отражение монгольских походов в 1223, 1229, 1232 гг. Нет сомнений в том, что эти операции имели целью измотать противника действиями маневренных отрядов конницы на подступах к стране, опираясь на окраинные города и крепости. Так, говоря о событиях войны 1229 г. на дальних рубежах, русские летописи указывают

на жестокие сражения между монгольскими войсками и ополчениями нижеволжских и заволжских кыпчаков (кимаков), саксин и болгарских сторожевых полков в районе р. Урал (Джаик) («...Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары; и сторожеви Болгарьскыи прибегоша, бьени от Татар близ реки, ей же имя Яик» [ПСРЛ, I, с.453]. Только в 1232 г., судя по летописному сообщению, монголы смогли вторгнуться в Болгарию, но и тогда были остановлены («...и зимовали не дошедшие Великого града Болгарского») [там же, с.459]. Лишь в 1236 г. огромная монгольская армия сумела сокрушить оборону болгар, взять штурмом их столицу Биляр («придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славный Великий

город Болгарьский» [там же, с.196; XXV, с.48]), что предопределило завоевание всей страны [Халиков, Халиуллин, 1988].

Все это позволяет сделать вывод, что болгары сумели выработать действенную тактику активной обороны, которая заключалась в использовании центра обороны как ключевого пункта, в то время как остальные войска, широко маневрируя, готовили контрудар. Причем обороняющиеся, судя по конструкции изученных укреплений, наличию арбалетов, метательной артиллерии и других средств защиты, были достаточно подготовлены в военно-техническом отношении. Говоря об оперативной тактике обороны болгарской армии в XII–XIII вв., надо отметить, что в целом она несколько отличалась от древнерусской. В междоусобных войнах Древней Руси, где исход кампании, как правило, решался в полевом сражении, «лишь вследствие своей слабости один из противников «запирался» в городе и был обречен на пассивную оборону» [Кирпичников, 1976, с.51].

Проводили правители Булгарии и наступательные военные операции и походы. Для середины – второй половины X в. следует отметить борьбу с буртасами и завоевание их страны, что, видимо, вылилось в настоящую военную кампанию [Заходер, 1967, с.31, 36]. Гораздо больше сведений сохранилось, благодаря летописям, о походах болгар на Русь в XI–XIII вв.: в 1088, 1107, 1152 и 1218 гг. Маршруты, хронология и обстоятельства этих походов довольно хорошо известны [Кучкин, 1975, с.31–36], что позволяет более детально остановиться на чисто военных аспектах. Характерной чертой всех этих наступательных операций было то, что они были направлены на захват определенного стратегического пункта, часто важного политико-экономического центра (в разные годы это были Муром, Суздаль, Ярославль и Устюг), и разгром сельской округи. Походы эти осуществлялись по рекам, на различного типа военно-транспортных судах небольшими мобильными отрядами дружинников, скорее всего, вместе с боевыми лошадьми («...приидоша болгаре по Волге к Ярославлю без вести в лодиях» [ПСРЛ, XXIV, с.77]) или комбинированным наступлением речного флота и конных полков («...приидоша Болгаре ратью на Соужда-

лю» [ПСРЛ, XXIV, с.72; XXX, с.21]). В военном отношении это был стремительный, внезапный налет на город и попытка взять его «изгоном» – так были взяты Муром (1088 г.) и Устюг (1218 г.). В случае неудачи болгарские войска блокировали гарнизон и некоторое время осаждали его, разоряя округу, как при осаде Суздаля в 1107 г.: «...обстоупиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многих от крестьян» [ПСРЛ, XXIV, с.72–73], и Ярославля в 1152 г.: «...оступиша градок в лодиях, бе бо мал городок, и изнемогаху людие в граде гладом и жажею...» [там же, с.77]. В обоих случаях в этих городах оставались городские ополчения, а княжеские дружины отсутствовали («...сущим же людие в граде не могуше противу их стати, не соущю князю оу них...» там же, с.72–73]). После непродолжительной осады, больше напоминающей блокирование активных воинских сил в данной округе, болгары, не предпринимая активного штурма, отступали с захваченной добычей и пленниками. Как правило, болгары оставляли близ города арьергард, который должен был сдерживать натиск русских полков в активном «пригородном» или «окологородском бою» [Кирпичников, 1976, с.57–58]. В ряде случаев это была атака гарнизона («...и ослепиша бо вся ратниа болгары и ти из града изшедше всех избиша» [ПСРЛ, XXIV, с.72; XXX, с.21]) или наступающих подкреплений из других городов («...ростовци же пришедша победиша болгары» [ПСРЛ, XXIV, с.77]). Трудно сказать, насколько полным было это поражение болгарских полков, но, судя по отсутствию указания на отбитие пленников, можно предполагать, что сам бой носил арьергардный характер и не мог оказать существенного влияния на общий успех всего похода. В принципе такие наступательные действия были характерны для большинства народов Европы XII–XIII вв., в том числе и для Руси, где тактика боя на подступах к городу начала, видимо, внедряться в боевую практику с 70-х гг. XI в., а прямой штурм становится важнейшим тактическим приемом осады уже в XII в. [Раппопорт, 1967, с.157–162; Кирпичников, 1976, с.57–60].

Искусство ведения полевого боя и его тактические приемы, применяемые булгарами, были весьма разнообразны и прошли

значительную эволюцию. В X–XI вв., когда наряду с территориально-феодальной военной организацией сохранялась традиционная система племенных ополчений, построение на поле боя представляло собой, скорее всего, сочетание в боевом строю феодальных дружин и отрядов племен. Именно в это время в организации войск болгар и в тактике их боя было много черт, которые позволяют говорить об определенном сходстве с кочевническими приемами ведения боя. Военная система X–XI вв., состоящая из разнородных элементов, оказывала, несомненно, определяющее влияние и на характер боевых порядков войск, заставляя использовать более монолитные, не раздробленные формы построения. Тем не менее в источниках упоминаются отдельные отряды, которые отправлялись в самостоятельные походы, и непосредственно на поле боя, возможно, решали свои тактические задачи в составе более крупных подразделений. Термин, использованный арабским путешественником Ибн Фадланом – «сария», т.е. отряд из 4 тыс. всадников [Ибн Фадлан, 1956, с.100, 136], примерно соответствует современным представлениям о численности ополчения и дружины одного из правителей области («княжества»), подвластного правителю болгар.

Данных об особенностях боевой практики болгар X–XI вв. не так много. Поэтому для более полного воссоздания их тактики боя необходимо привлечение аналогий по способам ведения боя и применения оружия из синстадиальных обществ.

Во время сражений боевое построение войска имело, видимо, трехчленное деление, состоящее из авангарда, центра (иногда выделялись фланги) и иногда резерва. В авангарде находилась легкая конница, позади нее располагались основные силы, в центре которых находилась дружина правителя, а в резерве – дружина наиболее преданного вассала. С некоторыми вариациями такое боевое построение было характерно практически для всех раннесредневековых народов. Достаточно указать тюрков, уйгуров, кыргызов и дунайских болгар.

Подобное построение требовало различной плотности боевых линий войск, которые в бою обычно действовали компактными массами. Очевидно, что руководить

таким войском было довольно трудно. В целях более эффективного контроля за действиями различных подразделений и более успешного командования в качестве ориентиров использовались знамена и штандарты полков, отрядов и дружин. По поднятым знаменам вели счет войскам, по положению штандарта главнокомандующего судили о центре боевых порядков. Целям управления служили также боевые трубы, которые в этот период были известны у венгров, печенегов, сельджуков и русских.

Само сражение того времени представляло собой, видимо, последовательное введение в бой легкой и тяжелой кавалерий с целью пробить фронт противника. Первым в бой вступал авангард из конных лучников, которые проносились перед строем противника, накатываясь на него «волна за волной», засыпая стрелами и стараясь нанести как можно больший урон врагу и расстроить его ряды. Такая же тактика была известна многим евразийским народам (см.: [Худяков, 1980, с.144]). Задача авангарда состояла в том, чтобы заставить противника начать отступление или же вынудить его атаковать, после чего в бой вступали основные силы, а конные стрелки отходили, вероятно, на фланги. Решающий удар при этом наносила вступающая в рукопашный бой тяжелооруженная дружина, которая расчленила боевые порядки противника и обращала его в бегство. Бегущего или отступающего противника преследовала легковооруженная конница. О подобном боевом приеме у болгар можно судить по известию ал-Масуди об уничтожении отрядов русов после их разгрома в сражении на Волге в 912 г. и попытке отступления [Гаркави, 1870, с.133].

Применение оружия в таком бою имело свою логичную последовательность. На первом этапе главную роль играло метательное оружие, и успешное его использование напрямую зависело от качества луков и разнообразия наконечников стрел. Наибольший урон от такого обстрела, несомненно,несли воины, которые не имели защитного вооружения, а это, как правило, были незнатные ратники, пехотинцы. Кульминацией боя был второй этап, когда его исход решался единоборством с оружием ближнего боя. В сражение вступали

сомкнутой массой тяжеловооруженные кавалеристы с полным набором различных боевых средств. Причем, судя по преобладающему характеру копий, они в процессе боя чаще всего использовались неоднократно. Первая сшибка в таком бою нередко предопределяла исход всего боя, если противник не выдерживал удара и отступал. В случае же когда лобовое столкновение передовых порядков не приносило победы, сражение распадалось на отдельные схватки часто перемешивавшихся между собой отрядов и одиночных всадников с использованием всех типов оружия ближнего боя. На этой стадии боя в нем участвовали все силы, он принимал всеобщий характер и поэтому редко был продолжительным, необратимо заканчиваясь победой одной из сторон.

Практически ничего не сообщают источники о болгарской пехоте того времени. Однако из этого не следует, что она вообще отсутствовала или комплектовалась лишь из ополчений покоренных племен. Как показывает анализ вооружения, болгарская пехота существовала и использовала довольно разнообразное вооружение. Во время боевых действий она играла, скорее всего, вспомогательную роль и несла охрану лагеря, обозов и составляла гарнизоны крепостей. В полевом сражении пехотные отряды были своего рода живым малоподвижным бастионом, который прикрывал и поддерживал боевые порядки войск.

В середине XII – первой трети XIII в., вследствие окончательного сложения феодальной иерархической военной системы в Волжской Булгарии, реформировался способ комплектования войск и их внутреннего деления, что не могло не привести к изменениям тактики полевого боя. Уже отмечалось, что в то время резко меняется характер вооруженной борьбы, которая стала более скоротечной, интенсивной, возросли мощь и разнообразие оружия, увеличилось количество феодальных дружин, усложнилась их структура, – все это привело к определенному сокращению численности военных отрядов и росту их тактической самостоятельности во время проведения оперативных маневров и полевого боя. Доказательством этому служат операции с участием небольших соединений (3–6 тыс. воинов) во время

русско-болгарских кампаний (1164, 1172, 1183 и 1220). Расширение самостоятельности действий отдельных отрядов способствовало постепенному увеличению количества подразделений в боевых порядках.

Следует предполагать использование булгарами в XII–XIII вв. боевых порядков, состоящих из крупных соединений – полков. Это в какой-то мере подтверждает упоминание в русских летописях термина «полк» по отношению к болгарским боевым подразделениям («...Георги ходи на болгары... и полк их победи» [ПСРЛ, I, с.292, 389; II, с.285–286; XXX, с.25]). Боевой строй болгар состоял, очевидно, из 3–5 полков: авангарда, центра, флангов, а иногда и резерва. Такой боевой порядок в то время применялся многими народами, имевшими достаточно высокоразвитое военное искусство: сельджуками, хорезмийцами и русскими. По аналогии с организационной структурой армий этих народов можно предположить, что внутри этих полков существовали менее крупные соединения типа русских и западноевропейских «знамен» («стягов»), имевших определенную тактическую свободу и подразделявшихся на мелкие единицы – «копья». Хотя сейчас нет прямых доказательств наличия в Волжской Булгарии такой боевой структуры («полк» – «знамя» – «копье»), но наличие целого комплекса косвенных данных (наряду с несомненным знакомством болгар с подобной восточной и древнерусской структурой) делает это предположение весьма вероятным. Среди них – прямое упоминание русскими летописями во время описания похода русских на Булгарию в 1164 г. о разгроме болгар и о захвате знамен их подразделений («стягы их поимаша» [ПСРЛ, I, с.292, 352; II, с.285–286; XV, с.235]).

Построение полков в реальном бою было, конечно же, различным и зависело от конкретных обстоятельств. Очень редко боевой строй болгарского войска описывался в синхронных источниках, в том числе и в русских летописях. Исключение составляет описание боя русской рати с болгарским ополчением под стенами г. Ошеля в 1220 г. Различные летописи, восходящие к великокняжескому владими́ро-суздальскому летописанию начала XIII в., довольно подробно характеризуют боевые порядки болгарского войска: основные силы со-

ставляли пешие воины и конные княжеские дружины («болгары со князем своим на конях, и поставиша полк на поле» [ПСРЛ, I, с.444; XV, с.330]). Если учесть, что русские полки, противостоящие им, имели четырехчленное построение (центр, фланги и резерв), то станет очевидным, что болгары должны были выстроить войска соответственно. Впереди у них располагалась, видимо, легкая конница, которая «...пустиша по стреле в наши...» [ПСРЛ, XV, с.330] и после этого отступала. Далее выстраивались готовые к сражению остальные войска, «ови на конях, а друзии пеши» [ПСРЛ, I, с.444]. Иными словами, впереди болгарского войска находился авангард – легкая конница, вооруженная луками со стрелами, а позади нее – основные силы: конница на флангах и конные и пешие отряды в центре боевых порядков. Возможно, что за этими полками располагался резерв – дружина бека – правителя области.

Основные изменения претерпели способы ведения боя и применение оружия на этапе боя, когда происходило столкновение основных сил – тяжеловооруженных конных рыцарей. Они атаковали друг друга сомкнутыми массами с копьями наперевес на галопе, чтобы набрать силу для удара. Такой способ боя, судя по анализу комплекса вооружения, был характерен как для болгар, так и для ряда народов Восточной Европы и Ближнего Востока. После первой сшибки сражение распадалось на отдельные схватки, которые отличались быстротечностью, ожесточенностью и быстрой сменой боевой обстановки. Нарастание интенсивности боя в немалой степени связано с гибкостью боевых построений и дробностью подразделений войск, которые позволяли вводить в бой все новые и новые отряды. На этой решающей фазе боя использовалось разнообразное оружие ближнего боя: сабли, мечи, булавы, кистени и боевые топоры. Булгары в ходе боя, судя по сообщениям письменных источников, применяли не только фронтальные, но и фланговые атаки и охваты.

Значение пехоты в боевых действиях в XII–XIII вв. еще более возрастает. Во многом это определяется, видимо, тем,

что ополчения стали регулярно использовать более совершенное универсальное и профессиональное вооружение, а также, в чрезвычайных случаях, укрепляться за счет спешенных рыцарей-дружинников. Данные русских летописей свидетельствуют о действиях болгарской пехоты в наступательных и, особенно, оборонительных действиях во время русских походов на Булгарию (1164, 1183, 1220 гг.). Известно, что она стойко обороняла полевые и предстенные (фоссебреи) укрепления («пеши вышли из города твердь учинивше плотом» [там же, с.390]), а также сражалась в специфических условиях во время речных сражений и походов («пойдоша в лодыях» [там же, с.390]). Возросшее значение пехоты подтверждается и заметным пополнением арсенала пехотного оружия и снаряжения.

Булгарское войско прошло значительный путь развития и совершенствования тактических построений и приемов от достаточно монолитных боевых порядков до мобильных полков, чье последовательное введение в сражение решало его исход. Особенно заметные и глубокие изменения военного дела произошли в XII в. Этому способствовали изменения в комплексе вооружения (появление специализированного рыцарского вооружения и универсализация «массового» оружия), которые привели к расчленению внутренней структуры боевых порядков. В этот период в полевом и оборонительном боях широко использовались маневры, засады, ложные отступления и внезапные атаки, которые подкреплялись стойкой обороной и интенсивными ударами в открытом бою. Именно это не раз приносило болгарам победу в борьбе с разными противниками. В каждом конкретном случае болгары стремились использовать сильные стороны своей военной организации, применяя активную оборону, засады, внезапные налеты и мощный решающий удар дружины. Заслугой болгарской военной мысли является выработка своей собственной тактики активной обороны, применение которой отвечало условиям их боевой практики и демонстрировало высокий уровень боевого мастерства.

ГЛАВА 2

Внешняя политика Булгарского государства

Искандер Измайлов

Идеология внешней политики и дипломатические институты

Создание единого Булгарского государства, консолидация его территории и военно-политических институтов привело к выработке государственной политики по отношению к соседним народам и странам. Внешняя, как и внутренняя, политика Булгарии определялась, с одной стороны, ключевым положением страны на Великом Волжском пути, а с другой – принадлежностью к миру ислама и пограничным положением в окружении язычников и христиан.

Несмотря на достаточно высокий уровень социального развития, страна избежала длительных периодов междоусобиц и распада на отдельные мелкие владения. Булгарский эмират был довольно устойчивым к внутренним и внешним потрясениям государством. Особую устойчивость ему придавала идеология ислама, чувство оторванности от остального мусульманского мира и представление о своем «бремени истории» как защитников «Стены Искандера» против Йаджуджей и Маджуджей, охранителей веры на границе с «Морем Мраков». Эти факторы служили важной идеологической основой выработки единого взгляда на мир и своего места в нем, а также давали универсальную идеологию булгарским политикам.

В нашем распоряжении весьма мало фактов об институте послов и дипломатическом церемониале. Основные факты о нем мы можем черпать из «Записок» Ибн Фадлана и некоторых отрывочных указаний более поздних источников.

Вполне очевидно, что в дипломатических контактах участвовали булгарские аристократы, доверенные люди эмира. Однако при этом, видимо, в качестве советников и переводчиков использовались выходцы из других стран [Халидов, 1998,

с.82]. В русских источниках также имеется упоминание о булгарских послах, но без конкретизации их статуса. Это заставляет сделать вывод, что, как и в других средневековых странах, дипломатические переговоры вели представители высшей знати, облеченные доверием правителя.

Сама процедура встречи посольства, как она описана Ибн Фадланом, выглядит следующим образом: на определенном расстоянии от ставки правителя его встречали булгарские представители, чей ранг и знатность зависели от ранга посольства, и провожали его до ставки правителя. Встречающие приносили с собой хлеб, мясо и просо. На некотором расстоянии от ставки послов встречал сам правитель булгар. При виде багдадского посольства он сошел с коня и поклонился ниц, а также осыпал всех послов серебряными дирхемами. Сам прием состоялся через четыре дня, когда собрались все знатные люди государства. На приеме состоялся обмен подарками и зачитывались приветственные речи, после чего ближайшее окружение правителя осыпало его дирхемами. Вечером состоялся пир в честь посольства, представители которого сидели на местах для почетных гостей. Подобная схема приемов посольств была довольно характерной для тюркских и мусульманских стран средневековья. Единственная черта, которая говорит о некоторой булгарской специфике – это осыпание дирхемами, которая, очевидно, носила благожелательный и охранительный характер и, видимо, восходит к древним тюрко-огурским традициям.

Позднее в русских летописях есть указания, что при заключении договоров булгары давали свою клятву: «а Болгаре в свою роту идоша» [Приселков, 1950, с.311]. Как сообщает подробности другая летопись, русские послы были отправлены, чтобы «водить в роту князей их и земли их, по их закону» [ПСРЛ, XXV, с.117]. Судя

по более поздним реалиям Казанского ханства, можно предположить, что эта «рота» (клятва) «по закону» приносилась на Коране по мусульманским традициям.

К сожалению, ничего более определенного о дипломатическом этикете булгар сказать невозможно, но явно, что он был близок к тюркским и мусульманским ритуалам.

Связи со странами ислама

Контакты Булгарии с Востоком развивались по сухопутному пути из Средней Азии (Хорезма) через Южный Урал в Булгарию, который являлся северным ответвлением Великого Шелкового пути. Именно этим путем двигалось посольство багдадского халифа с Ибн Фадланом, и определенно существовал регулярный торговый обмен. Судя по имеющимся письменным свидетельствам, ислам к булгарам пришел вместе с торговцами и проповедниками из Средней Азии.

Именно благодаря посольству багдадского халифа 922 г. состоялось дипломатическое признание Булгарии, а исламская цивилизация раздвинула свои пределы далеко на север. С тех пор восточные дипломаты и историки стали пристальнее всматриваться в политические процессы в бурлящей Восточной Европе, где появилось самое северное исламское государство – единственный и естественный союзник для любой восточной страны, имеющей интересы в Поволжье, и надежный торговый партнер для всех купцов, торгующих северными товарами. Со времени Ибн Фадлана ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания булгар. Их описания вошли в традицию и сведения о них переписывались, дополнялись и изменялись, особенно после того как Булгария окрепла и стала мощным средневековым государством. Развивались и крепились ее связи со странами ислама.

Став мусульманской страной, Булгария вошла в исламскую цивилизацию. С этого момента связи ее со странами Переднего и Ближнего Востока стали постоянным фактором истории. Эти обширные и активные контакты оставили многочисленные материальные свидетельства в виде археологических находок.

Торговые связи, несомненно, дополнялись регулярными дипломатическими свя-

зями со странами ислама. В первую очередь активность булгар была направлена на поддержание стабильных отношений с государством Саманидов, а после его распада с Сельджукидами и хорезмшахами. Тем более, что у них с конца X в. появляются общие противники – различные племенные объединения кыпчаков, а с середины XII в. – этнополитическое объединение йемеков в Северном Приаралье и Заволжье. Контакты носили совершенно разный характер и были, видимо, обычными, чтобы их постоянно фиксировать в хрониках. Однако некоторые из этих контактов были настолько яркими, что были в них описаны.

Как правило, они связаны с крупными религиозными и благотворительными делами. Так, в «Тарих-и Бейхак» Бейхаки есть сообщение о посылке правителем Булгара эмиром Абу Исаком Ибрахимом ибн Мухаммадом ибн Б.л.т.варом в 415 г.х. (1024/1025 г.) в Бейхак, область Нишапура, денег для строительства двух мечетей в Себзеваре и Хосровджерде. По словам Бейхаки, эмир булгар «послал много денег, послал удивительные дары для государя Хорасана, каких никто не видал...» по причине боговдохновенного сна, «что мол, следует направить некоторые деньги в Бейхак». «В то время, – добавляет он, – те деньги потратили на построение этих двух мечетей» [Заходер, 1967, с.46].

Понятно, что какие бы ни были причины отправки посольства эмира булгар в Хорасан, факт этот сам по себе знаменателен. Он указывает на регулярные религиозно-политические и культурные связи между Булгарией и государствами Саманидов и Газневидов, свидетельствует, что это было уникальное событие по своим масштабам, но не направленности.

Множество сведений о передвижении религиозных проповедников-суфиев, указания на происхождение целого ряда видных богословов, правоведов и медиков из Булгарии, достигших признания во всем мусульманском мире, и даже связи литературного языка, использовавшегося в Булгарии, – все это показывает, что торговые и дипломатические контакты Булгарского эмирата со странами Востока носили регулярный и стабильный характер.

Взаимоотношения с тюркоязычными кочевниками Поволжья и Южного Урала

Образование Булгарского государства и установление его границ привело к упорядочению связей булгар с тюркоязычными кочевыми племенами Поволжья и Южного Урала. Связи с ними были и ранее регулярными и вполне мирными. Известно, что один из вождей огузов, Этрек, был сватом (или зятем) Алмышы, а среди археологических погребальных памятников Булгарии встречаются могилы, близкие по обряду с огузо-печенежскими. Только некоторые восточные источники глухо сообщают о набегах огузов на булгар. Однако вряд ли эти конфликты были длительными и носили сколько-нибудь постоянный характер, поскольку они прерывали караванную торговлю, которая служила взаимному обогащению.

Обстановка практически не изменилась в начале XI в., когда Булгария распространила свое влияние на Восточное Прикамье, а в южных степях стали главенствовать кыпчаки. Различные тюркоязычные племена, входившие в этот обширный этнокультурный мир, вступали в союзные отношения с булгарами и испытывали их культурное и религиозное влияние. В качестве иллюстрации этого можно указать на известие Ибн ал-Асира, который отметил, что осенью 435/1043 г. «приняли ислам 10 тыс. кибиток из неверных тюрков, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки... Они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна, но когда приняли ислам, то рассеялись по стране...» [Ибн ал-Асир, 1973, с.60].

Обострение булгаро-кыпчакских отношений пришлось на начало XII в., когда сильно укрепились донские кыпчаки. Они совершили несколько успешных походов на Русь и достигли с киевскими князьями некоего паритета на условиях сохранения мира. В 1107 г. мирный договор был скреплен женитьбой Юрия, сына киевского князя Владимира Мономаха, с дочерью хана Аепы (Айоба). Надо сказать, что этот союз оказался довольно крепким – владимиро-суздальский князь Юрий Долгорукий и его потомки всегда сохраняли добрые от-

ношения с кыпчаками и никогда не устраивали набегов на их земли.

Однако донские кыпчаки, очевидно, решили расширить сферу своего влияния на Булгарию, и в 1117 г. хан Аепа совершил поход на булгар. По словам русских летописей, «приидоша Половци к Болгарии, и высла им князь Болгарьский питии с отравою, и пив Аепа и прочии князи вси помроша» [ПСРЛ, II, с.285]. Иными словами, булгары не стали вступать в открытое противоборство, а предпочли более коварный «византийский» способ избавиться от беспокойного хана. Но месть не заставила себя долго ждать, и совсем с другой стороны, откуда булгары ее и не ждали: Юрий Долгорукий, зять Аепы, в 1120 г. совершил поход на булгар, открыв целую серию русско-булгарских войн XII в.

Булгары же продолжали укреплять свои позиции в Поволжье. По крайней мере со второй трети XII в. они распространили свое влияние на Нижнее Поволжье, где город Саксин – наследник традиций хазарского Итиля, по существу стал центром их влияния в регионе. Андалузский купец и дипломат ал-Гарнати, живший в Саксине в 1130–50-х гг., писал, что «в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут булгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленная» [ал-Гарнати, 1971, с.27]. Там же «сорок племен гузов» и хазары. Интересно, что археологические находки с территории Самосдельского городища, связываемого учеными с древним Саксином, дают находки керамики, близкой по формам и приемам изготовления с булгарской посудой. Иными словами, политическое и торгово-экономическое влияние булгар в данном регионе явно превалировало над влиянием кыпчак-ков, а общей основой взаимоотношений на Волге было участие во взаимовыгодной торговле. Не исключено, что кыпчаки заключали договора о мире с булгарами и охраняли их границы, как это было в государстве хорезмшахов, Грузии, Венгрии и Болгарии.

К концу XII в. военная мощь и торговая доминанта Булгарии не позволяла, очевидно, усомниться в надежности ее границ. Однако внутренние распри могли разо-

рвать крепость болгарских границ и открыть путь к ее городам отрядам кыпчаков. Опираясь на некоторые косвенные данные, можно предположить, что подобное произошло в 1183 г., когда один из болгарских султанов («князей») был изгнан из страны и бежал в завожские степи. Там он заручился поддержкой у кочевавших в южно-уральских и завожских степях йемеков, одного из основных кимакских племен. Они некогда входили в состав Кимакского каганата, а после его распада откочевали в Заволжье. Сила и влияние их в этом регионе были так значительны, что позволяли едва ли не каждый год совершать набеги на окрестности расположенного в дельте Волги г. Саксин. Правитель йемеков, происходивший из знаменитого кыпчакского рода Ильбари, носил пышный титул «хан ильбари и шах йемеков» и, судя по сообщениям восточных источников, властвовал над 10 тыс. семейств. История йемеков только начала раскрывать свои тайны, но уже сейчас ясно, что они играли важную роль в международных отношениях предмонгольского времени. Так благодаря их поддержке государство хорезмшахов сбросило иго каракитаев и подчинило себе весь Мавераннахр. Оказывая помощь мятежному эмиру, шах йемеков стремился, видимо, заполучить сильного и послушного союзника в борьбе за объединение Дешт-и Кыпчака. По сведениям русских летописей, крупный отряд йемеков под командованием болгарского эмира двинулся кратчайшим путем на Великий город, где встретил сильную русскую рать под командованием Всеволода Большое Гнездо и заключил с ним союз. В результате последующих боевых действий союзники потерпели неудачу. Русские князья заключили с булгарами договор о мире и отступили, а судьба мятежного султана осталась неизвестной. Как бы то ни было, но этот эпизод ярко демонстрирует, с одной стороны, явные контакты йемеков с правителями Булгарии, а с другой – эпизодическую вовлеченность их во внутренние дела Булгарского государства.

Другой эпизод, характеризующий участие булгар в политической жизни Нижнего Поволжья и союзные отношения их с кыпчаками и йемеками, произошел в 1229 г., когда туда вторглись монгольские войска. Русская летопись сообщает, что «Саксини и Половци възбегоша из низу

к Болгаром перед Татари; и сторожеви Болгарьскыи прибегоша, бьени от Татар близ реки, ей же имя Яик» [ПСРЛ, I, с.453]. То есть можно предположить, что союзные отряды булгар, саксин и йемеков были разбиты в Нижнем Поволжье войсками монголов, начавших завоевание Заволжья. Однако завоевание этого региона проходило не гладко. В 1237–1240 гг. здесь развернулось восстание йемеков под руководством хана Бачмана, для подавления которого монголы были вынуждены двинуть войско во главе с ханом Менгу. Интересно, что и в Булгарии одновременно восстали эмиры Баян и Джикю, явно координировавшие свои действия с Бачманом. Но это был уже последний эпизод болгаро-кыпчакских контактов.

Военно-политические связи с Русью

Благодаря русским летописям историки могут, хотя и эпизодически, но довольно подробно, представить хронику взаимоотношений Булгарского эмирата с Русью. Нервом этих связей, торговых и военных контактов была Волга и территория Окско-Сурского междуречья. Борьба за контроль над торговлей и этими территориями определяла внешнюю политику этих стран на протяжении почти двух веков.

Путь в Поволжье для Руси был открыт с момента окончательного разгрома Хазарского каганата. По весьма отрывочным и смутным сведениям Ибн Хаукаля, русы во время наступления на Итиль разгромили булгар и буртас, однако русские летописи, в первую очередь «Повесть временных лет», молчат об этом крупнейшем военно-дипломатическом успехе, хотя подробно описывают поход Святослава на Саркел и Итиль. Не исключено, что правы те историки, которые с сомнением относятся к реальности похода Святослава по Волге и его побед над булгарами и другими народами Поволжья. Сведения же Ибн Хаукаля, видимо, являются не совсем правильно понятой им самим компиляцией различных данных, включающих и разгром Хазарии, и поход Святослава на Дунайскую Болгарию, и его войны на Северном Кавказе.

Первый факт реального военно-дипломатического столкновения булгар с Киевской Русью относится к 985 г., когда Владимир Святославич «иде... на Болгары съ Добрынею, с уем (дядей) своим, в лодиях,

а Торки берегом приведе на коних: и победи Болгары. Рече Добрына Володимеру: «Съглядах колодникъ, и суть вси в сапозех. Сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников». И сотвори мир Володимер с болгары и роте заходиша (т.е. дали клятву – *И.И.*) межю собе и реша болгаре: толи не будет межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть» [ПВЛ, 1950, с.59]. Таким образом, между Киевским княжеством и Булгарским государством был заключен равноправный мирный договор – факт взаимного признания двух государств.

Взаимоотношения Булгарии с Киевской Русью развивались довольно успешно, и были, очевидно, в целом довольно мирными и базировались на взаимовыгодной торговле по Волге.

Первые сведения о разгоравшейся войне за гегемонию в Среднем Поволжье, которая со всей силой развернется в последующее время, относятся к 1088 г., под которым русские летописи кратко сообщали: «В се же лето взяша Болгаре Муром» [ПСРЛ, I, с.207; XV, с.176; Приселков, 1950, с.165]. Ни обстоятельности, ни причины, ни даже последствия этого завоевания не известны. Однако связь его с последующими военными столкновениями очевидна. Скорее всего, захват Мурома булгарами – это попытка упрочить свое влияние в Окско-Сурском регионе и остановить продвижение власти киевских князей в земли, платившие дань булгарам. Это событие определенно указывает на пределы влияния булгар в этом регионе, которое в последующем веке будет сокращаться. И то, что Муром через некоторое время был восстановлен и продолжал развиваться, указывает, что наступление булгар на позиции русских князей не увенчалось конечным успехом. Однако борьба вокруг Мурома не затихала. В 1103 г. один из мордовских «князей» также напал на него и нанес поражение князю Ярославу [ПВЛ, 1950, с.185]. Можно предположить, что этот «князь» опирался на скрытую или явную поддержку булгар. По крайней мере, события последующего времени, особенно 20-х гг. XIII в., делают ее весьма возможной.

Новый этап взаимоотношений Булгарии с русскими княжествами начался после возникновения Владимиро-Суздальского княжества, которое стало проводить актив-

ную внешнюю политику и расширять свою гегемонию на все Поволжье. Противоборство это было довольно жестким и непримиримым. Началось оно в первой четверти XII в. и было вызвано стремлением Юрия Долгорукого расширить владения своего княжества в Верхнем Поволжье. Союзником его выступали кыпчаки. Войны этого десятилетия начались с похода булгар на Суздаль в 1107 г.: «Придоша Болгаре ратью на Соуждаль и обступиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многих от крестьян. Сущии же людие в граде, не могушее противу их стати, не соущю князю оу них, на молитву к Богу обратишася и к пречистой его Матери покоанием и слезами и затворишася в граде. И всемилостивий Бог оуслышав молитву их и покаание: якоже древле Ниневтутяне помилова, тако и сих избави от бед, ослепиша бо вся ратныа Болгары, и та из града изшедше, всех избиша» [ПСРЛ, XXIV, с.73]. Для булгар это был явно успешный поход, продемонстрировавший уязвимость первой столицы княжества и показавший расстановку сил в Верхнем Поволжье.

Позднее, в 1117 г., союзные Юрию Долгорукому кыпчаки под руководством хана Аепы совершили поход на булгар, но были остановлены, а хан убит. Сам Юрий ходил походом на булгар в 1120 г., «и взя полон мног, и полк их победи» [ПСРЛ, I, с.292; II, с.285–286]. После этого был, видимо, установлен мир, подтвердивший примерное равенство сторон и продолжавшийся почти тридцать лет.

Долгое время мир в Поволжье сохранялся, а взаимовыгодная торговля, открывавшая путь на русский рынок восточным товарам, расширялась. Однако времена менялись. По мере усиления Владимиро-Суздальской Руси и укрепления ее гегемонии среди других русских княжеств, а также с началом ее экспансии в Среднее Поволжье «восточный вопрос» приобрел новое звучание. Особенно ярко это стремление к гегемонии проявилось в период правления Андрея Юрьевича Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Они не только проводили агрессивную наступательную политику в отношении Булгарии, но и создали идеологическое обоснование этой завоевательной политики.

При их благословении были созданы тексты, прямо направленные против бул-

гар-мусульман. Особенно ярко это видно из трактата «Слово об идолах», где автор, осуждая суеверия, веру в идолов, выступая против остатков язычества в народной среде, вместе с тем яростно выступает против волжских болгар, последователей, по его словам, «нечестивого Бохмита» (т.е. Мухаммада). Автор был, несомненно, знаком с исламом, однако его описание обычаев мусульман-булгар содержит такие оскорбительные измышления, которые не могут не вызвать у всякого нормального человека чувство омерзения, а религия их представлена в весьма ложном свете, лишенной каких бы то ни было реальных черт. Эта трактовка религиозной практики мусульман, позднее вошедшая в некоторые летописные рассказы, выставляла болгар из «рода человеческого» и была призвана обосновать обязанность христиан вести против «наущаемых дьяволом» мусульман войну под знаменем креста. Негативное изображение «сарацин» способствовало развитию русского христианского самосознания и играло важную роль в идеологии и политике правящих верхов Владимирской Руси. Наиболее выразительным свидетельством этого служит введение на Руси в начале 70-х гг. XII в. культа Богородицы, особенно иконы Владимирской Божьей Матери, которое, как «оружие обоюду на врагы остро и огонь попаляя противных наших, хотящих с нами в брани» [Сказание, 1878, с.23], своим острием было направлено против болгар. Недаром основные чудеса Богородица являла во время походов русских войск на Булгарию, а главное «чудо святой Богородицы» – помощь в победе над булгарами и взятии их города Бряхимова в 1164 г. нашло отражение в специальной повести «Сказание о чудесах владимирской иконы Божией матери», частично вошедшей в состав Владимирской великокняжеской летописи Андрея Боголюбского. Позднее летопись постоянно пополнялась рассказами о новых чудесах Богородицы, но непременно оставалась антибулгарская и антимусульманская их направленность.

Усиление антибулгарской активности владими́ро-суздальских князей заставило булгарских эмиров искать союзников. Одним из таких союзников был галичский и киевский великий князь Изяслав, который вел изнурительную борьбу за киевский стол с Юрием Долгоруким. В этой борьбе

он опирался на поддержку венгерского короля и части польских князей. Убедительных свидетельств о существовании киевско-булгарского союза в источниках не имеется, но некоторые военно-политические события показывают, что даже если его и не было, то фактически болгары действовали в общих с ним интересах. Так, во время генерального наступления Юрия Долгорукого на Изяслава в 1152 г., завершившегося его поражением, болгары приняли большой поход на Ярославль. Вот как описывает летопись это событие: «Того же лета приидоша Болгаре по Волзе к Ярославлю без вести и обступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, и изнемогаху людие во граде гладом и жажею, и не бе лзе никому же изити из града и дати весть ростовцем. Един же уноша от людей ярославских нощию изшед из града, перебрел реку, вборзе доеха Ростова и сказа им, Болгары пришедша. Ростовци же пришедша победиша Болгары» [ПСРЛ, XXIV, с.77]. Даже если сведения о конечной победе ростовцев не вольная интерпретация летописцем локального успеха русских войск, как это часто бывало, а отражение реальной военной победы, то и тогда успех болгар очевиден. Они показали способность действовать синхронно или даже в союзе с другими антисуздалскими силами, а также свою военную мощь. Урок для русских не пропал даром. Чтобы предотвратить подобные вторжения болгар, по Волге близ устья Оки была возведена крепость Городец, что, кстати, лучше всяких других догадок показывает, что никто не придавал решающего значения локальной победе ростовцев над арьергардными отрядами болгар. Военным стратегам из Владимира требовались более серьезные гарантии не повторения подобных вторжений в будущем. Одновременно эти события показали, что болгары являются вполне серьезными противниками и, чтобы их победить, требуются существенные военные усилия. Но войны за киевский престол не позволяли русским князьям сконцентрировать значительные военные силы на Волге.

Перемены произошли во время правления Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого, когда русский натиск на восток резко усилился. В 1164 г. большое объединенное войско под командованием самого князя Андрея взяла штурмом и сожгла большой г. Бряхимов на Каме и еще

несколько более мелких городов: «В лето 6672... В то же лето иде князь Андреи на Болгары с сыном своим Изяславом и с братом своим Ярославом и с Муромским князем Гюргем, и поможе им Бог и святая Богородица, самех исекоша множество, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине утече князь Болгарьский до Великого города. Князь же Ондреи воротися с победою, видев поганья Болгары избиты... и шедше взяша град их славный Бряхимов, а переди города их пожгоша» [ПСРЛ, I, с.352–353; XV, с.235]. Это был первый действительно крупный успех русских в борьбе против болгар. Развивая его зимой 1172 г., сыновья этого великого князя и их союзники из Муром и Рязани нанесли неожиданный удар – их дружины вторглись в Булгарию. Но этот набег, уступая по масштабам походу на Бряхимов, едва не окончился полным разгромом русских ратей. Разорив несколько сел и городов, князья узнали, что болгары пришли в себя от неожиданного вторжения и, собрав войско, идут на них. Союзники обратились в бегство. По мнению участников похода, успевших переправиться через Оку, их спасло только чудо. Этот поход вызвал неудовольствие суздальской и владимирской знати: «бысть не люб путь всем людем сим, зане непогоде есть зиме воевати Болгар» [ПСРЛ, I, с.346]. И только гибель (или, вернее, хорошо спланированное убийство) Андрея, переставшего считаться не только с соседями, но и с собственными боярами, спасла болгар от новых разорительных походов. Недаром одна из летописей прямо пишет, что князь Андрей был убит от рук заговорщиков, в числе которых была и его жена, которая «бе бо болгарка родом и държаше к нему злую мысль», поскольку ее муж «много воева Болгарскую землю... и много зла учини Болгарам» [ПСРЛ, XV, с.250–251].

Новый князь Всеволод Большое Гнездо продолжил политику наступления на Булгарию. В 1183, 1185 и 1205 гг. его полки вторгались на ее земли. Особенно мощным был поход 1183 г. В нем под командованием Всеволода принимали участие практически все сильнейшие русские княжества. В поход выступили, кроме войск самого владимирского князя, еще и дружины его племянника Всеволода Изяслава Глебовича из Переяслава Южного, Мстислава Давыдовича из Смоленска, Владимира Муром-

ского, четырех братьев Глебовичей из Рязани и даже Владимира Святославича из Киева. Союзниками владимирского князя выступили заволжские кыпчаки – йемики. Небывалой ранее была цель этого похода – взятие столицы Булгарии Биляра. Впервые русские князья решились не просто на грабительский набег, а на спланированные действия для захвата политического центра Булгарии.

В итоге стремительного марша русские войска оказались под стенами Биляра, но потерпели неудачу при штурме городских укреплений. В результате почти двухнедельных боев стороны заключили мир, который стал поражением для владимирского князя, поскольку фиксировал существующее положение и не давал ему никаких преимуществ. После этого великий князь владимирский Всеволод ограничивался только небольшими набегами на окраины Булгарии (1185 и 1205 гг.) и воевал с мордовскими «князьями». О дипломатической активности на восточном направлении времен правления князя Всеволода Большое Гнездо может свидетельствовать свиная плomba с его печатью, найденная при раскопках на Билярском городище на усадьбе русского торговца, ремесленника и, очевидно, дипломата.

В первой трети XIII в., до монгольского нашествия, продолжалось противостояние Волжской Булгарии и Владимира-Суздальского княжества на важнейших торговых путях Поволжья. Новая вспышка военных действий произошла уже в 1219–1220 гг. Их инициаторами, как это следует из русских летописей, стали болгары, которые поднялись вверх по Каме, захватили Устюг и осаждали Унжу, но взять ее не смогли. В ответ на это владимирский князь Юрий выслал войско, которое возглавил Святослав, брат великого князя. С ним были владимирские, ростовские и муромские полки, которые спустились по Волге и Оке «в насадах и в лодиях» и высадились «на исадах противю Ошлю». Их встретили болгары «со князем своим на коних, и поставиша полк на поли; Святослав же поиде вборзе к граду» [ПСРЛ, XXV, с.116]. Болгары «стреливше по стреле, побегоша въ город и затворишася» [ПСРЛ, XV, с.330]. После первого успеха русские отряды начали штурм предстенных укреплений: «и бысть брань межи ими крепка зело, и подсекоша тын и рассекоша полоты и загоша

их, а они побегоша... до града». Вскоре осаждающие «приступили к граду отсюда и зажгоша его, и бысть дым силен зело, и потяну ветр с града», а потом «устремишася к граду борже, и посекоша тын и оплоты и с ту страну, и зажгоша». В городе начался страшный пожар, «князь же Святослав стоя ту донде же весь град изгоре. Взяхша же град Ошел, июня 15 день» [ПСРЛ, XXV, с.116–117]. В это же время другой отряд – устюжский полк спустился по Каме и разорил ряд городов в Нижнем Прикамье. Соединившись, обе судовые рати двинулись обратно к Городцу. Поход нанес серьезный урон булгарам, показал, что страна уязвима для удара с двух сторон. Очевидно, что в силу каких-то обстоятельств булгары не смогли организовать успешное сопротивление военным походам владимирского князя.

Вдохновленный этим успехом великий князь Юрий Всеволодович на следующий год «сам начя наряжати на Булгары; Булгары же прислаша послы своя с молбою и с челобитием, он же не прият моления их, и отпусти их». В период подготовки к походу «приидоша к нему инии послы Болгарские с молбою; он же не послуша их, и отпусти без мира». Булгары в третий раз прислали послов «со многими дары и с челобитием, и прият (князь) молбу их, и взя дары у них, и управишася по прежнему миру, якоже бышо при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимиричи» [там же]. Таким образом, в результате крупных военных действий был восстановлен тот порядок, который существовал еще до начала боев, что заставляет думать, что, хотя булгары и потерпели поражение, но оно было локальным и не могло внести коренной поворот в межгосударственное противостояние. Кроме того, сам великий князь Юрий был связан различными союзническими обязательствами с другими князьями в условиях разворачивавшейся в Южной Руси большой войны. Очевидно, он понимал, что, несмотря на этот успех, силы булгар были значительны, а втянуться в большую войну он не мог, поскольку его силы могли понадобиться его сторонникам на юге. В результате был заключен мир, позволивший остановить разгоревшуюся войну и развязать Юрию руки для вмешательства в борьбу за киевский престол.

Однако противостояние между Владимир-Суздальской Русью и Булгарией, переставшее быть открытой войной, тем не менее продолжалось в других формах и другими средствами. Одной из форм подобного противостояния стала идеологическая борьба. Она разгорелась вокруг убитого в Великом городе некоего купца-христианина Авраамия, «инога языка не Рускаго». Он был якобы замучен булгарами за отказ принять ислам. После смерти Авраамий был похоронен на христианском кладбище Великого города, но во Владимире вокруг его имени разгорелась кампания за признание его «новым мучеником» за веру и перезахоронение его во Владимире. Спустя год, в 1230 г., действительно «принесен бысть Христов мученик Авраамии новый из Болгарское земли в славный град Володимер», где был в кратчайшие сроки канонизирован и признан святым [ПСРЛ, I, с.352; XV, с.86]. Антибулгарская направленность этой канонизации и развернутой политической кампании очевидна. Не исключено, что это было своего рода идеологическим давлением на булгар в условиях разворачивавшегося «локального конфликта» в Мордовии.

Земли мордовских племен были давним камнем преткновения между Булгарией и северо-восточными русскими княжествами. Булгария, подчинившая себе буртас в Верхнем Посурье, установила свое влияние на обширных территориях Окско-Сурского междуречья, заселенных различными общинами мордвы. Отсюда в Булгарию поступали в значительной мере различные товары – мед, воск, пушнина. Судя по сведениям ал-Гарнати, мордва в XII в. была прочно втянута в политическую орбиту Булгарии.

Находясь на стадии сложения классового общества, различные племенные союзы мордвы были вынуждены частично вступать в вассальные отношения с русскими княжествами, а частично – с Булгарией. Сложившаяся историческая обстановка с самого начала предопределила поведение мордовских князей. В начале XIII в. часть мордовских общин объединил «князь» Пургас. На основании изучения географической топонимики, историки предположительно локализируют «Пургасову волость» или «Русь Пургасову» в бассейне рр. Суры, Алатыря, Пьяны и среднего течения Мокши. «Русь Пургасова», вероятно, получила

наименование в честь того, что ее «князь» был вассалом Руси. Но позже он отрекся от клятвы и стал, судя по сведениям русских летописей, союзником Волжской Булгарии. В течение 1220-х гг. Пургас довольно успешно воевал не только против владимирских и муромских князей, но и против другого мордовского объединения, союзного Руси – «волости Пуреша». В 1227 г. на него ходил походом Святослав по приказу своего отца великого князя Всеволода Большое Гнездо, но разгромить его не смог. Значительные военные действия в мордовских землях развернулись в 1229 г., когда Пургас в союзе с болгарским отрядом напал на своего соперника в борьбе за гегемонию в этой части мордовских земель князя Пуреша и, очевидно, нанес ему поражение или даже убил его. В поддержку союзника выступили владимирский великий князь Юрий, его брат Ярослав, Василько и Всеволод Константиновичи и муромский князь Юрий Давыдович. Они вторглись в Пургасову волость и разорили ее, заставив Пургаса бежать. Собравшись с силами, в тот же год Пургас осаждал со своими отрядами Нижний Новгород и сжег окрестные монастыри и церкви. Но позднее сын Пуреша вместе с кыпчаками, которые как всегда действовали в союзе с владимирскими князьями, нанес еще одно поражение Пургасу, заставив его бежать. Эти события показывают, что болгары, умело разжигая конфликты на границах Руси и втягивая владимирские и муромские войска в борьбу с Пургасом, отводили угрозу от своих владений, лежащих в Верхнем Посурье. Успешная борьба Пургаса, которому помогали болгарские войска, отвлекала военные силы Владимиро-Суздальского княжества от завоевательных планов в отношении территорий Окско-Сурского междуречья.

В целом, в Среднем Поволжье к концу 1220-х гг. сложился паритет военных сил. Результатом признания этого факта стал заключенный в 1229 г. по инициативе болгар новый мирный договор между Владимиро-Суздальской Русью и Волжской Булгарией. Летопись сообщает: «Того же лета

Болгаре поклонишася великому князю Юрью, прося мира на 6 лет, и сътвори с ними миръ, и уверися с ними въ всем талме и людми» [ПСРЛ, XV, с.86]. То есть был заключен мир на условии сохранения существующего положения, и произошел обмен пленными, и подведена черта под все обиды и претензии. В условиях недавнего наступления владимирских князей и усиления их экспансии в бассейне Оки, заключение мирного договора можно считать значительным успехом болгар. Если же предположить, вслед за А.Х.Халиковым, что целью мирных предложений болгар был союз и договор о взаимной военной помощи в условиях грядущего наступления монгольских войск, удары которых уже в этом году испытали болгары в Нижнем Поволжье, тогда условия договора можно назвать довольно лояльными, но явно недостаточными. Союза достичь не удалось. Более того, во Владимире явно были силы, готовые разжечь новую войну, используя «крестоносную» идеологию. Как бы то ни было, характеризуя этот мирный договор, историк внешней политики Древней Руси В.Т.Пашуто подметил: «Едва ли городецкий мир решил все проблемы. «Слово о погибели Русской земли» содержит выразительный намек на то, что к 30-м годам XIII в. ушли в прошлое времена, когда народы Поволжья – черемисы, мордва, буртасы и вяда – безропотно боргничали на Владимира Мономаха, а затем и на Юрия Долгорукого и Всеволода Юрьевича» [Пашуто, 1968, с.274].

Этот мир не прерывался вплоть до монгольского завоевания, когда и Булгария, и Русь были сметены с политической карты войсками Бату хана.

В целом, можно сказать, что отношения между этими двумя государствами отражают сложную и беспокойную обстановку, которая сложилась на границе христианской и мусульманской цивилизаций. Здесь было место и взаимовыгодному торговому обмену, и взаимообогащению идеями, но была отдана дань и жесткому идеологическому и военному противоборству.

Часть VI

Финно-угорские племена и Волжская Булгария

ГЛАВА 1

Пермские и угорские народы

1. Население Вятско-Камского края в болгарское время

Сергей Белых, Леонид Макаров

Бассейн р. Чепцы в болгарскую эпоху

Согласно господствующему сегодня в археологии мнению, верхнее и среднее течение р. Чепцы (левого притока р. Вятки) было заселено земледельческим населением в конце V – первой половине VI в., т.е. еще до появления в Среднем Поволжье болгарских племен. Недавно А.Г.Ивановым было высказано предположение, что заселение верхней Чепцы могло начаться еще раньше, скорее всего, в конце IV – первой половине V в. [Иванов, 1999, с.36, 52].

В средневековой археологии бассейна Чепцы было принято выделять две последовательно сменяющие одна другую, генетически связанные, но все же различные археологические культуры: *поломскую* конца V – первой половины IX в. и *чепецкую* второй половины IX – XIII (XV) в. [Генинг, 1990, с.26; Семенов, 1982; Иванова, 1994; Голдина, 1999, с.342; Розенфельдт, 1987, и др.]. К настоящему времени обнаружено более двухсот памятников этих культур, хотя следует отметить, что степень изученности их различна.

В последние годы А.Г.Ивановым обстоятельно аргументируется и активно отстаивается точка зрения, согласно которой более правомерно говорить не о двух, а об одной культуре. По его мнению, вышеупомянутые ломская и чепецкая археологические культуры должны рассматриваться как два хронологических этапа единой культуры верхней и средней Чепцы V–XIII вв., которую предлагается именовать *поломско-чепецкой*. Для такого вывода имеются достаточно веские основания. Так, например, можно с уверенностью говорить, что не существует сколько-нибудь четкой хронологической границы между

поломской и чепецкой культурами; значительная часть ломских и чепецких памятников функционировали и в ломское, и в чепецкое время; отсутствуют какие бы то ни было данные, свидетельствующие о кардинальной смене населения в поздне-ломско-раннечепецкое время. Напротив, памятники ломской и чепецкой археологических культур демонстрируют хронологическую, территориальную и культурную преемственность и потому действительно могут рассматриваться как два больших хронологических этапа одной культуры [Иванов, 1998, с.7, 14–15].

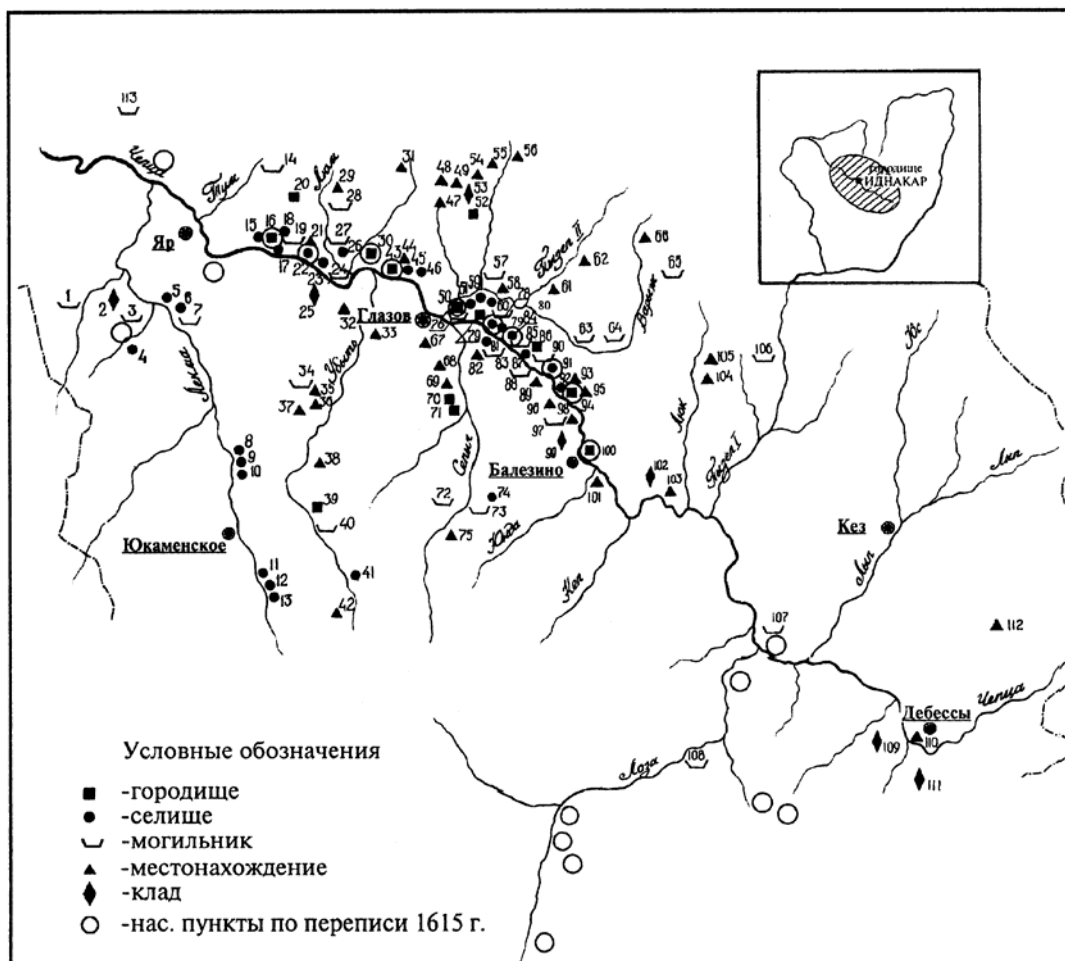
По мнению А.Г.Иванова и некоторых других исследователей, с самого начала в заселении бассейна Чепцы участвовало несколько культурных компонентов восточного и юго-восточного, прикамского происхождения: позднегладеновский, харинский, мазунинский. Переселенцы проникли в верхнее течение Чепцы из бассейна средней и верхней Камы через ее правые притоки (рр. Сиву, Очер и др.) [Иванов, 1998, с.42]. Р.Д.Голдина полагает, что на верхнюю Чепцу переселенцы попадали непосредственно с верховьев Камы (т.н. Зюздинского края, совр. Афанасьевский р-н Кировской обл.) [Голдина, 1987, с.17–18; 1999, с.364]. В середине – второй половине VI в. к переселенцам из Прикамья добавился еще и позднеазелинский (западный) компонент, проникший на верхнюю Чепцу с Вятки и низовьев Чепцы [Иванов, 1998, с.42]. Археологические материалы бассейна Чепцы V–VII вв. четко демонстрируют неоднородность и смешанность населения в культурном плане. В этот период на Чепце еще не появилось ни одного специфически чепецкого элемента культуры, и, вероятно, сама этническая общность чепецкого населения находилась в стадии формирования. Наиболее ранние известные памят-

ники культуры локализуются двумя группами в верховьях Чепцы на ее правобережье – в районе д. Варни Дебесского р-на и с. Полом Кезского р-на Удмуртской республики. Относительная бедность чепецких археологических материалов V–VII вв. не позволяет достаточно полно характеризовать хозяйственный уклад данного населения. Предположительно можно говорить о том, что основой хозяйства чепецкого населения в этот период были подсечно-огневое земледелие и скотоводство. Существенную роль в хозяйстве играли собирательство, охота и рыболовство. Поломско-чепецкому населению были известны черная и цветная металлургия, производство лепной керамики, обработка кости и дерева, ткачество, прядение и, вероятно, бортничество.

В VIII–IX вв. произошел значительный прирост населения на Чепце, что выразилось, во-первых, в увеличении количества памятников в районах первоначального расселения (на верхней Чепце), во-вторых, в постепенном продвижении чепецкого населения вниз по реке. Таким образом, в данный период начинается активное освоение среднего течения р. Чепцы. В конце этого периода начинают функционировать наиболее крупные городища полумско-чепецкой культуры с мощным культурным слоем, расположенные, главным образом, в среднем течении Чепцы: Гурьякар, Весьякар, Иднакар, Дондыкар, Уччакар и др. Основой хозяйственного уклада чепецкого населения в этот период продолжает быть подсечно-огневое земледелие. Многочисленные находки костей домашних животных на памятниках этого времени свидетельствуют о развитом придомном животноводстве. Основными домашними животными были лошадь и крупный рогатый скот. По-видимому, разведение мелкого рогатого скота и особенно свиней на Чепце было не столь популярно, ибо костей этих животных обнаружено значительно меньше. Достаточно развитые земледелие и животноводство обеспечивали стабильное существование общества и поступательный прирост населения. Кроме этих двух основных видов хозяйственной деятельности, существенную роль в жизни чепецкого общества продолжали играть собиратель-

ство, охота и рыболовство. Намечается постепенное усиление роли промысла пушных зверей. На раскопанных поселениях этого времени кости пушных зверей составляют в среднем 50–70% всех костей диких животных. С развитием пушного промысла связано и распространение в VIII–IX вв. специальных тупоконечных наконечников стрел [там же, с. 64].

Период X–XIII вв. может рассматриваться как эпоха расцвета полумско-чепецкой культуры. В это время центром расселения чепецкой общности становится среднее течение Чепцы, где наблюдается наибольшая концентрация археологических памятников, в том числе и самых крупных городищ (см. выше). Эти городища археологи рассматривают как территориальные и ремесленно-торговые центры округи, которые во время военной опасности становились убежищами и оборонительными центрами местного населения, хотя нельзя упускать из вида и другую их очевидную функцию: они служили своего рода факториями, центрами аккумуляции пушнины, служившей средством обмена и, возможно, дани. Вокруг каждого из городищ группировались неукрепленные селища. Помимо среднего течения самой Чепцы, активно осваивались и ее средние притоки как по правому, так и по левому берегу. Заметные изменения произошли в хозяйственном укладе чепецкого населения в X–XIII вв. Наряду с подсечно-огневой формой земледелия все возрастающее значение начало играть пашенное земледелие на очищенных от леса землях. Чепецкое население в X–XIII вв. имело довольно развитое животноводство. В стаде преобладали лошади и крупный рогатый скот. Значительных успехов в этот период достигли цветная и черная металлургия чепецкого населения. Предполагается, что продукция литейного и кузнечного производств не только удовлетворяла местные потребности, но и могла выступать в качестве объекта торговли и натурального обмена. На чепецких городищах появилось собственное ювелирное производство из драгоценных металлов: серебряные гривны т.н. «глазовского типа», калачевидные серьги, височные подвески, украшенные зернью и сканью, и т.д.

Карта археологических памятников бассейна Чепцы конца IX – XIII в.:

1 – Тымпальский могильник; 2 – Ташьялудский клад, Уканское Поркар; 3 – Старозянкинский могильник; 4 – Старозянкинское селище; 5 – Уканское I селище; 6 – Уканское II селище; 7 – Меметовский II могильник; 8 – Ежевское I селище; 9 – Ежевское II селище; 10 – Ежевское III селище; 11 – Тылыское I селище; 12 – Тылыское II селище; 13 – Тылыское III селище; 14 – Тумский Бигершай могильник; 15 – Кушманское I селище; 16 – Кушманское Уччакар городище; 17 – Кушманское II селище; 18 – Кушманское III селище; 19 – Коповский Бигершай могильник; 20 – Комаровское Чибинькар городище; 21 – Жабинские находки; 22 – Жабинское I селище; 23 – Жабинское II селище; 24 – Жабинский Бигершай могильник; 25 – Карасевский клад; 26 – Печешурское селище; 27 – Печешурский могильник; 28 – Люмский Бигершай могильник; 29 – Верх-Люмские находки; 30 – Краснослудское Эбгакар городище; 31 – Дураковские находки; 32 – Чемошурские находки; 33 – Извильская находка; 34 – Кыпкинский могильник; 35 – Кыпкинская находка; 36 – Малоключевская находка; 37 – Тугбулатовская находка; 38 – Макшурская находка; 39 – Маловенижское Поркар городище; 40 – Маловенижский могильник; 41 – селище у д. Удмуртский Караул; 42 – Большепалкинская находка; 43 – Богатырское Утэмкар городище; 44 – Богатырские находки; 45 – Нижнебогатырское I селище; 46 – Нижнебогатырское II селище; 47 – Вьльгуртское место находок керамики; 48 – Портяновское место находок керамики; 49 – Сораковские находки; 50 – Солдырское I Иднакар городище; 51 – Солдырское селище; 52 – Дондыкарское городище; 53 – Дондинский клад; 54 – Симпаловская находка; 55 – Шестнецкая находка; 56 – Пудвайская находка; 57 – Квалярский могильник; 58 – Поломское место находок керамики; 59 – Турайское I селище; 60 – Турайское II селище; 61 – Кортгышевская находка; 62 – Макаровские находки; 63 – Чиргинский могильник; 64 – Карашурский могильник; 65 – Большеварыжский (Вужшай) могильник; 66 – Аверинская находка; 67 – Польшинская находка; 68 – Лудошурские находки; 69 – Малоудошурские находки; 70 – Лудошурское I Сепычкар Малый городище; 71 – Лудошурское II Сепычкар Большой городище; 72 – Тат.-Парзинский могильник; 73 – Сепычевский (Эзетнюк) могильник; 74 – Гурдошурское селище;

75 – Саламатовская находка; 76 – Солдырский Чемшай могильник; 77 – Солдырское II Сабанчикар городище; 78 – Адамовский Бигершай могильник; 79 – Адамовское I селище; 80 – Адамовское II селище; 81 – Качкашурское селище; 82 – Качкашурские находки; 83 – Качкашурский могильник; 84 – Заболотновское Гопул Гурезь городище; 85 – Весьякарский Бигершай могильник; 86 – Весьякарское городище; 87 – Весьякарское селище; 88 – Омутницкий могильник; 89 – Омутницкое селище; 90 – Подборновский Вужшай могильник; 91 – Подборновское селище; 92 – Гординское Издынь селище; 93 – Гординская находка; 94 – Гординское Гурьякар городище; 95 – Гординский камень; 96 – Почтошурская находка; 97 – Ягошурский Бигершай могильник; 98 – Ягошурские находки; 99 – Ягошурский (Кестымский) клад; 100 – Балезинское Узякар городище; 101 – Балезинское место находок керамики; 102 – Буринский клад; 103 – Седьярские находки; 104 – Сазоновская находка; 105 – Коршуновские находки; 106 – Дырпинский могильник; 107 – Поломский могильник; 108 – Кушьянский могильник; 109 – Лесагуртский клад; 110 – Байгурезьское место находок керамики; 111 – Богдановский клад; 112 – Маломедлинская находка; 113 – Кузьминский могильник [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.213]

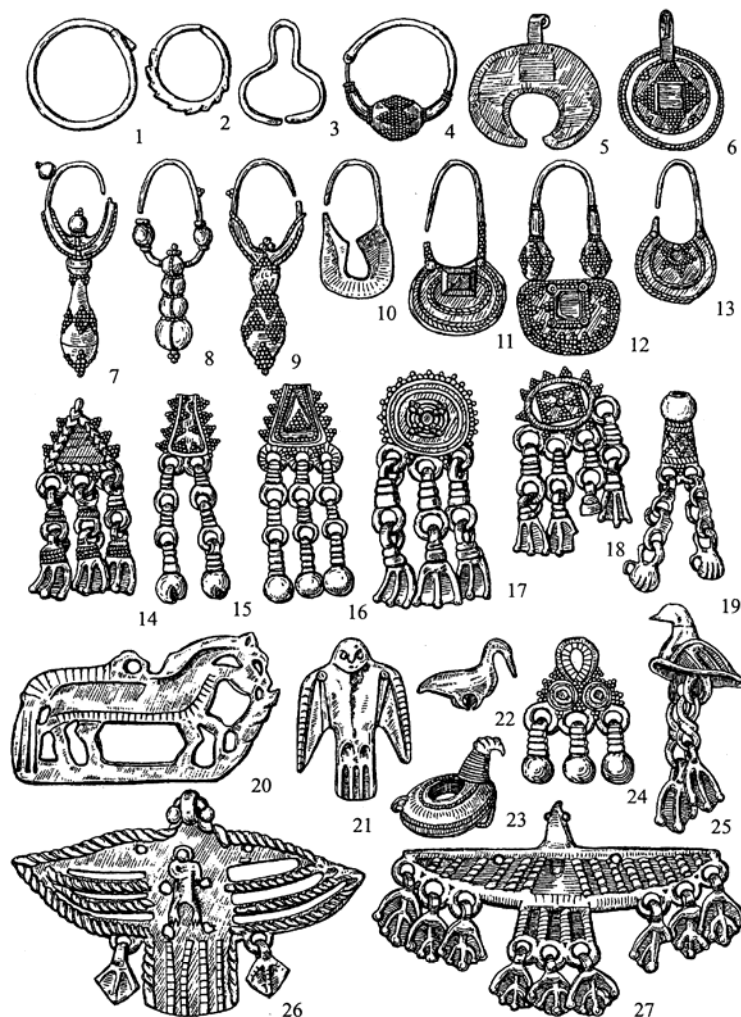
Важнейшим видом хозяйственной деятельности в X–XIII вв. становится охота на пушного зверя, ибо именно меха являлись основным товаром, который предлагало чепецкое население в торговом обмене с соседями. Естественно, основным потребителем их была Волжская Булгария, причем не исключено, что меха попадали туда путем сбора дани с местного населения, важную роль в этом и должны были играть чепецкие городища-фактории. Остеологический материал с поселений, датируемый этим периодом, однозначно свидетельствует о хищническом истреблении пушных животных, в особенности бобра, т.к. весьма значительную часть костных останков пушных животных составляют кости молодых неполовозрелых особей [Иванов, 1998, с.122]. Подобное скорее следует объяснять не обычной торговлей, а чрезвычайно обостренными потребностями в ней, возможно, и необходимостью выплаты дани.

Материалы археологических раскопок показывают, что в X–XIII вв. чепецкое население активно включается в торговый обмен и другие экономические взаимоотношения с соседями. Основным торгово-экономическим партнером чепецкого населения в этот период была Волжская Булгария. На археологических памятниках бассейна р. Чепцы этого времени обнаружено значительное количество предметов болгарского производства. Кроме того, в болгарском импорте в бассейн Чепцы заметную роль играли изделия арабского, персидского, византийского и другого (неболгарского) происхождения, т.е. Волжская Булгария была важнейшим звеном в транзитной торговле между странами Востока, Европы и лесной зоной Восточной Европы.

В чепецком археологическом материале X–XIII вв. в довольно большом количестве встречаются медные и серебряные монеты, чеканенные в Средней Азии, Персии, на арабском Востоке. В этот же период в бассейн Чепцы поступали византийская и восточная серебряная посуда и украшения из драгоценных металлов [там же, с.128–129]. Собственно болгарский импорт в археологическом материале представлен на Чепце ювелирными изделиями из серебра, часто с позолотой, которые обильно украшены сканью и зернью [там же, с.131–133]. Обнаружение на городище Иднакар отливки подобного украшения в поврежденной литейной форме [Иванова, 1992, с.75], а также литейной формы для производства подвесок болгарского типа на Кушманском городище [Иванова, 1976, с.105–106] является надежным свидетельством того, что часть ювелирных изделий болгарских типов могла изготавливаться на самой Чепце.

Среди других предметов импорта, которые в X–XIII вв. попадали на Чепцу из Волжской Булгарии или через болгарское посредство, можно назвать замки и ключи к ним, многочисленные бусы ближневосточного, среднеазиатского, византийского, древнерусского и другого происхождения [Иванова, 1992, с.48, 72], дорогие византийские и среднеазиатские ткани, иные изделия [Иванова, 1992; Иванов, 1998, с.135–136].

Весьма показателен факт, что на чепецких поселениях X–XIII вв. наряду с местной лепной посудой обнаружено значительное количество болгарской керамики. Особенно велика доля болгарской керамики в слоях XII–XIII вв. наиболее крупных городищ, таких, как Иднакар, Гурьякар и др. Так, например, в верхних слоях (XII–

Комплекс металлических украшений чепецких памятников: 1, 4, 7-13, 20-23 – серебро; 2, 3, 5, 6, 14-19, 24-27 – бронза. Памятники: Кузьминский могильник (1-6, 10-13, 19, 24-27); Варнинский могильник (7); Солдырский могильник (8); Маловенижский могильник (9); Кыпкинский могильник (15); Омутницкий могильник (14, 16, 17); городище Гурьякар (18); городище Иднакар (20); городище Уччакар (21); Качкашурский могильник (22, 23) [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.227]

XIII вв.) городища Иднакар доля болгарской керамики достигает 33,7% от всей найденной керамической посуды [Иванова, 1990, с.118-120]. Именно массовость находок болгарской посуды на крупных чепецких городищах позволила некоторым исследователям предположить, что в них могло проживать либо временно, либо даже постоянно болгарское население [Иванов, 1998, с.140]. Учитывая резко возросшую на Чепце в эту эпоху добычу пушного зверя, логично было бы предположить, что основную часть болгар, живших на Чепце, составляли торговцы, а возможно, и сборщики дани, учреждавшие здесь свои фак-

тории по скупке и сбору пушнины и других местных товаров.

В целом, есть все основания считать, что в X-XIII вв. верхняя и средняя Чепца, наряду с большей частью Камско-Вятского региона, находилась в сфере экономического, культурного и политического доминирования Волжской Булгарии и, вероятно, рассматривалась булгарами как северная периферия их государства, игравшая роль его сырьевого придатка, прежде всего, поставщика пушнины. Связи чепецкого населения с Волжской Булгарией были столь прочны, что даже после разгрома Булгарии монголами они не прекратились. В пользу

этого говорят, в частности, находки болгарских изделий на чепецких памятниках XIV в. [там же, с.141], а также обнаружение болгарского каменного надгробия с мусульманской эпитафией в д. Гордино (Гурьякар) Базезинского р-на Удмуртской республики, датируемого 1323 г.

Вторым по интенсивности культурным и экономическим влиянием на чепецкое население следует признать славяно-русское воздействие. Наиболее ранние древнерусские вещи в археологическом материале бассейна Чепцы датируются XI–XII вв., что вполне согласуется с данными письменных источников о начале в этот период торгово-экономической и политической экспансии Великого Новгорода и древнерусских княжеств в районы Поволжья, Прикамья и Урала. Первые древнерусские поселения на Средней Вятке появляются на рубеже XII–XIII вв. Характерно, что в материале XII–XIII вв. количество древнерусских предметов на чепецких памятниках резко возрастает. Основными предметами древнерусского импорта были украшения, ткани, разнообразная домашняя утварь и т.д. [там же, с.166]. Все эти вещи передавались жителям Чепцы в обмен на местные товары, в первую очередь, на пушнину. Характер взаимоотношений между обитателями Чепцы и вятским славянским населением в конце XII – XIII вв., по-видимому, колебался от мирных торговых связей до грабительских набегов со стороны вятчан.

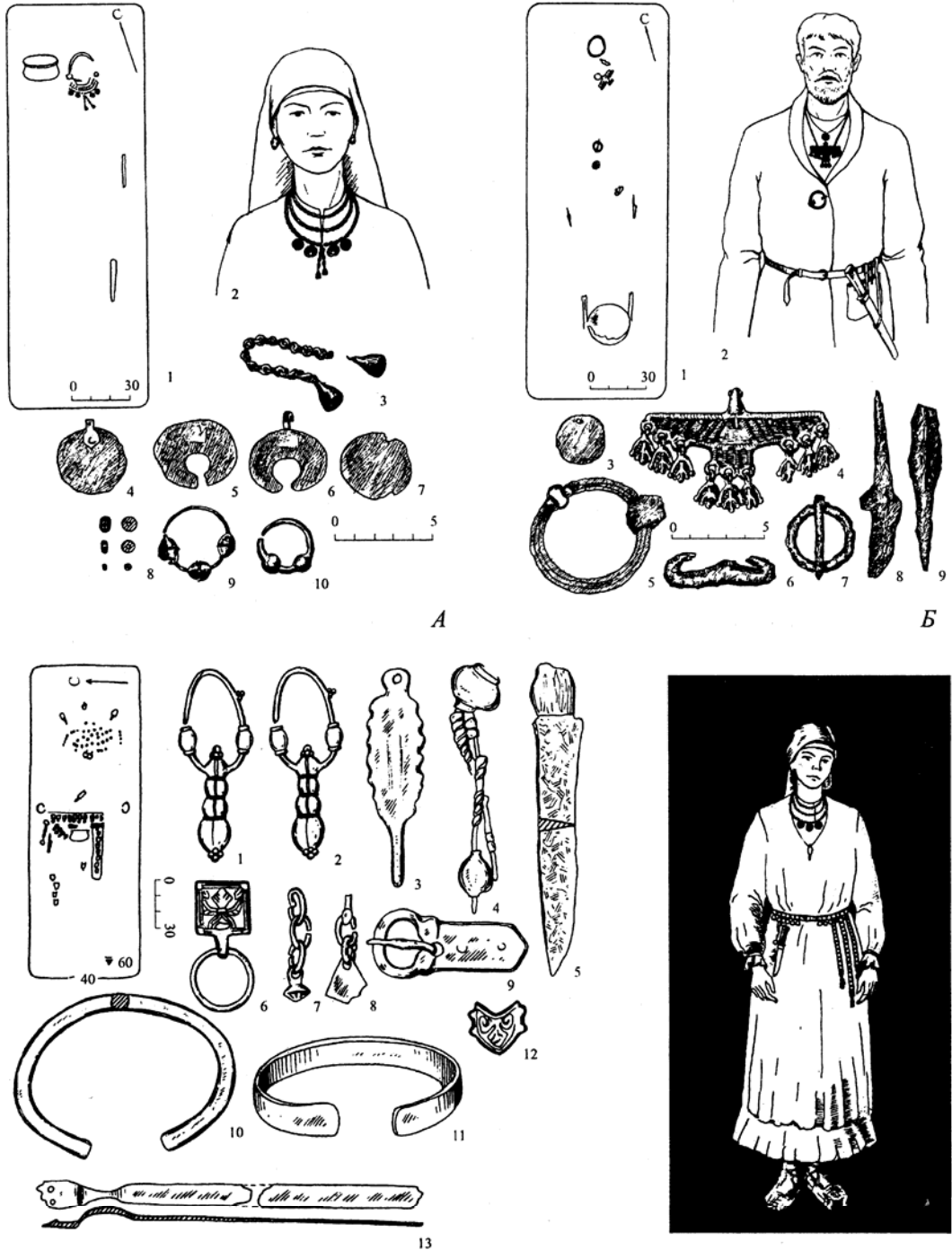
В то же время находки на чепецких памятниках древнерусской керамики (городище Иднакар), славянских языческих и православных культовых предметов могут, по мнению Л.Д.Макарова, свидетельствовать о появлении переселенцев-славян непосредственно в бассейне Чепцы. Эти находки говорят о превалировании мирных контактов между славянами и чепецким населением [Макаров, 1999, с.115–116; 2001а, с.22–38].

В XIII в. подавляющее большинство чепецких памятников прекращает функционировать. Причины этого практически все исследователи видят в драматических и трагических событиях, постигших народы и государства Восточной Европы в эпоху монгольского нашествия и основания Золотой Орды. Конкретные же причины гибели чепецкой культуры разными иссле-

дователями видятся по-разному. Р.Д.Голдина, например, полагает, что чепецкие городища и другие поселения были сметены с лица земли самим татаро-монгольским нашествием [Голдина, 1999, с.374], чему фактических доказательств нет. А.Г.Иванов считает возможной причиной гибели чепецкой культуры походы вятчан на Чепцу в XIII–XIV вв. [Иванов, 1998, с.170]. Нельзя, однако, не заметить, что период угасания чепецкой культуры четко совпадает со временем монгольского разгрома Волжской Булгарии. Падение этого экономического и политического центра, связи с которым имели важнейшее значение и, весьма вероятно, были основой для развития чепецких городищ, естественно, могло и должно было привести к их гибели.

По мнению Р.Д.Голдиной, оставшаяся после нашествия часть чепецкого населения покинула бассейн Чепцы и переселилась на Верхнюю Каму (в Зюздинский край). В то же время она считает вероятным, что некоторое количество носителей чепецкой культуры не покинуло эту территорию, а сменило тип расселения, рассредоточившись небольшими группами в более отдаленных районах Чепецкого бассейна [Голдина, 1999, с.374–375]. Действительно, нельзя исключать некоторый отток населения со Средней и Верхней Чепцы в другие районы в XIII в., однако, следует полагать, что, по крайней мере, какая-то часть носителей поломско-чепецкой археологической культуры не покинула бассейн Чепцы, а лишь оставила прежние городища и другие постоянные поселения, ставшие в условиях отсутствия стабилизирующей болгарской силы слишком легкой добычей для разного рода захватчиков и грабителей. Можно предположить, что жители Верхней и Средней Чепцы, рассредоточившись, стали жить небольшими группами, разбросанными по более удаленным и укромным районам Чепецкого бассейна. Главным хозяйственным занятием этих людей стало подсечно-огневое земледелие, и посему они должны были часто переселяться из одного района в другой, постоянно меняя места своих сельскохозяйственных угодий и поселений.

Прекращение существования и функционирования большинства чепецких памят-

Варианты реконструкции костюмов по материалам чепецких могильников:
 А – Кузьминский, погр.91; Б – Кузьминский, погр.133; В – Солдырский, погр.13
 [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.230]

ников в XIII в. было, таким образом, следствием разорения Волго-Уралья, прежде всего Волжской Булгарии, монгольским нашествием. Падение Волжской Булгарии означало конец периода относительной политической стабильности в Волго-Уральском регионе, ибо это государство было, по сути дела, важнейшим политическим, экономическим и культурным центром региона, существование и благополучие которого обеспечивало стабильность развития и благополучие всего Волго-Уралья в целом. Симптоматичен в этой связи тот факт, что своего наивысшего подъема и расцвета культура чепецкого населения достигает именно в период подъема и расцвета Волжской Булгарии, т.е. в X–XIII вв., а прекращает свое существование практически одновременно с падением этого государства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об этнической принадлежности полемско-чепецкого населения. Хотя он остается дискуссионным, все же можно констатировать, что большинство исследователей, занимающихся изучением средневековой археологии Камско-Вятского региона, склоняется к определению этнической принадлежности носителей полемско-чепецкой археологической культуры как пермской, т.е. полемско-чепецкое население рассматривается ими в языковом и этническом плане как родственное и, возможно, имеющее прямое отношение к современным удмуртам и коми [Генинг, 1967; Голдина, 1987; 1999; Семенов, 1989; Иванова, 1989; 1994 и др.]. Предположение, выдвинутое А.Х.Халиковым, о «древнетюркской» этнической принадлежности носителей полемской и ломоватовской культур [Халиков, 1989, с.48] не нашло поддержки у большинства его коллег по причине недостаточной аргументированности [Belykh, 2002, p.35–36].

Необходимо особо отметить, что надежная этническая идентификация носителей тех или иных археологических культур с опорой исключительно на археологические материалы, как правило, затруднительна, а порой и просто невозможна. Гораздо более убедительными бывают результаты исследования этнической истории различных регионов и этнической принадлежности носителей различных археологических культур, основанные на комплексном подходе с использованием данных,

выводов и достижений нескольких дисциплин: археологии, лингвистики, этнологии, физической антропологии и др. Подобное исследование некоторых аспектов этнической истории Волго-Уралья, касающееся в том числе и этнической идентификации полемско-чепецкого населения, было относительно недавно предпринято С.К.Белых [1999; Belykh, 2002].

Основываясь на комплексном анализе материалов и выводов археологии, сравнительно-исторического языкознания и лингвистической палеонтологии, С.К.Белых локализовал прародину пермян в Среднем Прикамье и пришел к заключению о том, что среди сформировавшихся в Прикамье в постананьинское время археологических культур с наибольшей вероятностью с общностью *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов и коми, может быть связана *гладеновская* археологическая культура (III в. до н.э. – V в. н.э.) Среднего и Верхнего Прикамья, а также генетически связанные с ней и происходящие от нее *полемская* (на р. Чепце), *ломоватовская* (на Верхней Каме) и *неволинская* (в бассейне р. Сылвы) культуры V–IX вв. Близость трех последних культур, наряду с некоторыми данными пермского языкознания, позволяет заключить, что и в полемско-ломоватовскую эпоху распада прапермской этноязыковой общности еще не произошло. Тем не менее возможно и даже вполне вероятно в этот период начало этнокультурной и языковой дифференциации различных частей прапермского массива, вызванной постепенным расширением территории расселения эндопермян, а также их контактами с различными соседними этническими группами и различными суб- и суперстратными компонентами, участвовавшими в формировании тех или иных прапермских племенных групп.

С приходом в Среднее Поволжье ранних булгар и последующим сложением первого в регионе государственного образования – Волжской Булгарии в жизни прикамских пермян произошли очень важные для их дальнейшей истории события. В период VIII–X вв. многие группы пермян мигрировали на значительные расстояния от своей исторической родины. Видимо, именно в это время часть эндопермян переместилась в бассейн Вычегды и некоторые сопредельные районы, где в X–XI вв. сло-

жила культура Перми Вычегодской (вымская археологическая культура). Эта часть прапермского населения послужила в дальнейшем основой для формирования коми-зырян. Другая часть эндопермских родоплеменных групп, возможно, под болгарским принуждением или иным воздействием, переселилась на Нижнюю Каму, Нижнюю и Среднюю Вятку. Смешение и многовековое взаимодействие этой части эндопермян с местным постазелинским и другим населением привели в итоге к формированию удмуртского народа. Оставшиеся на Верхней Каме эндопермяне, создавшие родановскую археологическую культуру X–XV вв., послужили основой для формирования коми-пермяцкого народа.

Следует полагать, что потомки полемско-чепецкого населения сыграли существенную роль в формировании удмуртской народности, в особенности ее северной (чепецкой) субэтнической группы. В противном случае трудно объяснить тот факт, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. у северных удмуртов были широко распространены героические предания о богатырях Донды, Идна, Гурья, Весья и др., в которых эти имена напрямую связывались с названиями деревень, рядом с которыми обнаружены средневековые городища полемско-чепецкого времени – Дондыкар, Иднакар, Гурьякар, Весьякар и т.д.

В то же время важно отметить, что именовать чепецкое население V–XIII вв. удмуртами, как это делают некоторые исследователи, все же нельзя. Во-первых, нам неизвестно самоназвание этого населения, мы не знаем, называли ли эти люди себя «удмуртами». Во-вторых, между финалом чепецкой культуры (XIII в.) и первыми письменными упоминаниями об удмуртах на Чепце (XVI в.) имеется значительный временной пробел – около 300 лет, очень слабо заполненный археологическими памятниками. Поэтому археологически невозможно проследить непосредственную связь между полемско-чепецкой археологической культурой и северными удмуртами.

Здесь нужно особо заметить, что механический перенос в прошлое современной этнонимической номенклатуры, а именно применение названий современных народов для обозначения носителей тех или иных археологических культур является

довольно распространенной методологической ошибкой. В данном случае речь идет о том, что сплошь и рядом носителей полемской и чепецкой культур именуют удмуртами, а иногда – коми-пермяками. Иначе, как методологически некорректным, этот прием назвать нельзя. Вернее и корректнее в этом конкретном случае говорить о том, что потомки носителей полемско-чепецкой археологической культуры сыграли определенную роль в формировании северной (чепецкой) группы удмуртов и потому являются предками северных удмуртов.

Юг Камско-Вятского междуречья в домонгольскую эпоху

Раннесредневековые археологические памятники юга Камско-Вятского междуречья, обнаруженные, главным образом, в южной части Удмуртской республики и некоторых сопредельных районах Татарстана, объединяются Т.К.Ютиной, Р.Д.Голдиной и некоторыми другими исследователями в особую *верхнеутчанскую* археологическую культуру VI–IX вв. На сегодняшний день известно около 100 таких памятников и располагаются они в основном по правым притокам Камы – рр. Ижу, Тойме и др., а также в верховьях р. Валы, левого притока Кильмези [Ютина 1994, с.14; Голдина 1987, с.20; 1999, с.283]. Впрочем, многие археологи обоснованно возражают против выделения особой верхнеутчанской культуры и характеризуют данные памятники как оставленные разнородным в культурном и, вероятно, в этническом отношении населением (см.: [Останина, 1997, с.179]).

Памятники этого же региона, датируемые X–XIV вв., Р.Д.Голдина объединяет под названием *чумойтлинская* археологическая культура [Голдина 1999, с.297]. В то же время она вынуждена признать, что самих этих памятников пока что обнаружено очень немного и исследованы они еще явно недостаточно. Все это также заставляет усомниться в правомерности или, по крайней мере, своевременности выделения особой чумойтлинской культуры.

Как уже отмечалось выше, археологический материал VI–IX вв. (верхнеутчанская культура, по Т.К.Ютиной и Р.Д.Голдиной) ярко демонстрирует крайнюю свою разнородность и многокомпонентность.

Особенно хорошо это видно на примере керамики. Т.К.Ютина и Р.Д.Голдина выделяют несколько комплексов глиняной посуды: «*собственно верхнеутчанский*», являющийся, по сути, продолжением мазунинской керамической традиции; *бахмутинский*, проникший на правобережье нижней Камы с территории Башкирии в VI в.; *именьковский*, проникший из районов Среднего Поволжья и низовьев Камы и оставивший многочисленные следы на 14 памятниках; *кушнаренковский*, выдвинувшийся из бассейна р. Белой и обнаруженный на 9 памятниках в юго-восточной части «верхнеутчанского» ареала [Ютина, 1994, с.9–10; Голдина, 1999, с.285–290]. Важно заметить, что в каждом конкретном случае речь идет не о единичных, а о массовых находках. Это обстоятельство позволило Р.Д.Голдиной заключить, что бахмутинская, именьковская и кушнаренковская керамика проникала на юг Камско-Вятского междуречья вместе с носителями соответственно бахмутинской, именьковской и кушнаренковской археологических культур [Голдина, 1999, с.285, 289].

Археологические материалы средневековых памятников юга Удмуртии свидетельствуют, что оставившее их население занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Ему были известны кузнечное дело, бронзолитейное производство, деревообработка и другие виды хозяйственной деятельности. Основой хозяйства, по всей видимости, было подсечно-огневое земледелие, роль которого постепенно усиливалась. Важнейшими сельскохозяйственными культурами в Прикамье и на Вятке еще в первой половине I тыс. н.э. стали полба, просо, ячмень, конопля. С появлением в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье пришлого населения, оставившего памятники *именьковской* археологической культуры (IV–VII вв.), связано распространение в бассейнах Камы и Вятки новых сельскохозяйственных культур: пшеницы, ржи, овса и гороха. Средневековое скотоводство Вятско-Камского региона было представлено разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. И здесь именьковское влияние сыграло заметную роль в улучшении породы домашних животных. По всей видимости, именно от именьковцев туземное население Прикамья заимствовало и домашнюю кошку [там же, с.254–256]. Именьковское куль-

турное влияние благотворно отразилось также и на развитии кузнечного и бронзолитейного производства местного населения [там же, с.289].

В эпоху появления болгар в Среднем Поволжье (VIII в.) и сложения первого в Волго-Уральском регионе государственного образования – Волжской Булгарии (рубеж IX–X вв.) в нижнекамском районе происходят значительные перемены. К уже достаточно пестрому в культурном и, вероятно, этническом плане населению бассейна нижней Камы в VIII–X вв. прибавляется еще один компонент. Археологи отмечают, что в эту эпоху на нижней Каме и некоторых сопредельных районах появляются элементы материальной культуры, присущие более северному населению – носителям полемско-чепецкой, ломоватовской и неволинской археологических культур. Приток этого населения на территорию Волжской Булгарии и в соседние с ней районы был столь значительным, что на некоторых раннебулгарских памятниках керамика полемско-ломоватовского типа количественно преобладает над собственно булгарской [Хлебникова, 1984, с.223–224]. Основываясь на анализе вещевого материала данных раннебулгарских памятников, А.М.Белавин пришел к заключению о том, что «основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Булгарии, были неволинские племена» [Белавин, 1990, с.125–126]. Вещевой материал памятников южной Удмуртии X–XIV вв. наглядно демонстрирует приток части верхнекамско-чепецкого населения и в этот регион [Голдина, 1999, с.303–304].

О причинах переселения части носителей культур ломоватовского круга на юг и юго-запад мы пока что можем только догадываться. В одной из своих работ В.А.Иванов осторожно намекает на возможную связь этой миграции с необходимостью для формирующегося Булгарского государства укреплять свою экономическую и политическую мощь за счет притока населения со стороны [Иванов, 1990, с.115]. Р.Д.Голдина, высказав сомнения, что данное переселение было добровольным, видит его возможную причину в том, что «кочевники-булгары, оказавшись в новых географических условиях лесостепи, нуждались в рабочей силе для обеспечения себя продуктами питания и предпри-

няли несколько попыток переселения пермского населения: сначала с южной части ломоватовской культуры (вторая половина VIII в.), затем повторная волна с этой же территории и с побережья р. Чепцы (вторая половина IX в.), из кунгурской лесостепи (IX в.)» [Голдина, 1999, с.295].

В.Ф.Генинг и вслед за ним А.Г.Иванов считают возможным предположить, что полумско-ломоватовско-неволинское население насильственно выводилось булгарами со своей первоначальной территории во время набегов на чепецкие, верхнекамские и сылвинские земли [Генинг, 1988, с.222; 1989, с.13; Иванов, 1997, с.15; 1998, с.108].

По мнению Л.Д.Макарова, одной из причин миграции чепецко-верхнекамского населения могли быть демографические проблемы, т.е. определенная перенаселенность бассейнов Чепцы, Верхней Камы и Сылвы, совпавшая по времени с уходом из района Нижней Камы именковского населения на запад. В такой ситуации освободившиеся довольно плодородные земли могли охотно заниматься переселенцами с Чепцы, верхней Камы и Сылвы. При этом булгарам было совершенно необязательно прибегать к насилию, достаточно было лишь известить об освободившихся земельных угодьях северных соседей, и последние могли вполне добровольно перебраться на новые земли.

Такого рода предположения выглядят вполне правдоподобными, т.к. совершенно очевидно, что недавние кочевники – болгары в ходе строительства своего нового государства нуждались в оседлом земледельческом населении, достаточно многочисленном и способном стать одной из важных экономических и социальных опор государства. В свою очередь, верхнекамско-чепецкое население могло видеть в нарождающемся Булгарском государстве торгового партнера, защитника от набегов враждебных соседей и гаранта политической стабильности в регионе, потому вполне могло считать для себя более выгодным селиться в непосредственной близости от городских центров. В независимости от того, было ли данное переселение добровольным или насильственным, в любом случае невозможно совершенно отрицать связь между появлением в Среднем Поволжье болгар и становлением их государ-

ственности с упомянутыми миграциями чепецко-верхнекамского населения.

По данным Р.Д.Голдиной, среди «чумойтлинской» керамики обнаружено некоторое количество болгарской посуды, что может свидетельствовать о торговых контактах местного населения с Волжской Булгарией. Однако археологический материал «чумойтлинской» культуры в силу своей слабой изученности не позволяет пока говорить о наличии в этом регионе в данную эпоху болгарских торговых факторий или других постоянных поселений, в то время как такие фактории имелись на Чепце и верхней Каме [Иванов, 1998, с.140; Белавин, 1991, с.9–10]. В качестве возможного объяснения этому факту можно также выдвинуть предположение, что волжские болгары и не нуждались в такого рода постоянных поселениях в южной части Камско-Вятского междуречья, ибо этот район находился в непосредственной близости от основной территории государства, в отличие от более удаленных верхнекамского и чепецкого районов.

Не вызывает сомнений, что в большинстве случаев предметы роскоши, серебряная утварь, украшения, монеты и другие предметы импорта из Византии, Северного Причерноморья, Сирии, Кавказа, Средней Азии и других регионов, обнаруженные на средневековых поселениях и могильниках Прикамья уже с IX–X вв., попадали сюда через булгарское посредство.

Культурное и экономическое воздействие болгар на коренное население Прикамья не ограничивалось лишь торговлей. Ощутимым было и растущее булгарское влияние на развитие местного земледелия. Через булгарское посредство, вероятно, местному населению стали известны такие сельскохозяйственные культуры, как гречиха, вика, лен, чечевица, редька, репа, лук, яблоко и др. Важнейшую роль сыграло булгарское культурное влияние в распространении в Прикамье на рубеже I–II тыс. пашенной формы земледелия [Голдина, 1999, с.379].

Не вполне ясным остается вопрос об этнической принадлежности населения юга Камско-Вятского междуречья в VI–XIV вв. – носителей «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» археологических культур. Несмотря на явную этнокультурную пестроту населения данного региона, Р.Д.Голдина считает возможным полагать, что ос-

новная часть этого населения была пермской, а его потомки сыграли важную роль в сложении южной группы удмуртов [там же, с.304–306].

В то же время следует заметить, что между самыми поздними «чумойтлинскими» (не позднее XIV в.) и собственно южноудмуртскими памятниками (с XVII в.) существует временной разрыв длительностью около трех столетий. Данное обстоятельство затрудняет провозглашение прямой и непосредственной преемственности между носителями «верхнеутчанской» и «чумойтлинской» культур и южными удмуртами.

В целом, археологические материалы свидетельствуют о том, что в эпоху раннего и развитого средневековья южная часть Камско-Вятского междуречья была своеобразной контактной зоной, в которой проживали и взаимодействовали между собой самые различные в этническом и культурном отношении группы населения. Весьма вероятно, что среди этих групп были и пермоязычные. С.К.Белых [1999, с.270] полагает, что в населении, оставившем данные памятники, можно видеть *парапермские* группы, т.е. те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от *эндопермян* (см. ниже), были впоследствии ассимилированы либо последними, либо каким-то другим родственным или неродственным по языку населением, а также, возможно, *экзопермские* группы, т.е. те пермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории пермской общности.

На рубеже I и II тыс. на эти парапермские, экзопермские и прочие группы населения наложился еще и пришлый чепецко-верхнекамский компонент, в носителях которого С.К.Белых предлагает видеть *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков, послуживших основой для формирования трех этих пермских народов [там же, с.271–272]. Детали взаимодействия этих компонентов между собой пока еще не ясны, однако, можно резюмировать, что в результате этого процесса к XVII в. в основном сложились группы удмуртов, населяющих южные районы

Удмуртии и северо-восточные районы Республики Татарстан.

Бассейн Вятки в домонгольскую эпоху

Совокупность археологических памятников бассейна средней и нижней Вятки, верховьев Большой и Малой Кокшаги, а также Ветлуги второй половины I тыс. в последнее время выделяется Р.Д.Голдиной в качестве самостоятельной *еманаевской* археологической культуры VI–IX вв. [Голдина, 1987, с.22–23; 1999, с.311]. Принято считать, что по своей сути еманаевская культура является прямым продолжением *азелинской* (III–V вв.), выделенной на Вятке еще в 1960–1970-е гг. В.Ф.Генингом [1963; 1970]. Несколько позже Р.Д.Голдина значительно расширила временные рамки этой последней культуры и предложила именовать ее *худяковской* II в. до н.э. – V в. н.э. [Голдина, 1987, с.13–14; 1999, с.227].

Памятники, обнаруженные на средней и нижней Вятке X–XIII вв. объединяются Р.Д.Голдиной в рамках *кочергинской* археологической культуры, которую исследователь считает преемницей предшествующей еманаевской. По ее данным, в эту эпоху продолжала функционировать значительная часть городищ и других памятников еманаевского времени, однако их юго-западная часть пришла в запустение [Голдина, 1999, с.325]. Последний факт может рассматриваться как свидетельство притока нового населения в Вятско-Ветлужское междуречье и начала серьезных изменений в этническом составе населения региона на рубеже I–II тыс. (см. ниже).

Основные особенности хозяйственного уклада населения средней и нижней Вятки, а также Вятско-Ветлужского междуречья эпохи раннего и развитого средневековья начали формироваться еще в первой половине I тыс. н.э., в эпоху *худяковской* археологической культуры (по Р.Д.Голдиной). Именно в этот период, в частности, лидирующее положение в качестве сырья для изготовления орудий труда и оружия заняло железо, а бронза стала использоваться, как правило, в производстве украшений. Среди исследователей археологии данного региона (Р.Д.Голдина, Н.А.Лещинская, Л.Д.Макаров, С.Е.Перовошиков и др.) бытует мнение, что в эту эпоху на Вятке

металлообработка становится высокоспециализированным ремеслом. Об этом, по их мнению, свидетельствуют материалы вятских поселений и могильников первой половины I тыс. н.э. Так, например, на Буйском городище в яме II–III вв. был обнаружен клад железных и бронзовых вещей, включающий 186 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен, что может свидетельствовать о начале массового производства данных предметов для дальнейшей продажи или обмена. О выделении металлообработки в специализированную и весьма востребованную отрасль ремесла свидетельствует обнаружение на нескольких могильниках особых погребений кузнецов и литейщиков [Голдина, 1999, с.254–255; Перевошиков, 2002, с.34–35].

Находки железных топоров, мотыг, пестов-терочников, каменных жерновов, остатков зернового материала, известные в бассейне Вятки этого времени, демонстрируют возросшую роль земледелия, которое, по всей видимости, носило подсечно-огневой характер. Основными сельскохозяйственными культурами в первой половине I тыс. на Вятке были полба, просо, ячмень, конопля. В то же время хозяйство вятского населения продолжало оставаться комплексным, наряду с земледелием значительную роль играло скотоводство с разведением лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, сохраняли свое значение охота (прежде всего, специализированная на пушного зверя – соболя, куницу, белку, бобра), рыболовство и собирательство [Голдина, 1999, с.255–256].

Процессы поступательного хозяйственного развития в Вятском бассейне еще более усилились в период раннего средневековья. Во многом это ускоренное развитие связано с мощным культурным влиянием, оказывавшимся на туземное население Волго-Камья в целом, и населения бассейна р. Вятки, в частности, пришлыми группами, оставившими в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье памятники *именьковской* археологической культуры IV–VII вв. Известно, что именно именьковцы в дополнение к традиционным сельскохозяйственным культурам принесли в Прикамье новые высокоурожайные виды и сорта злаков – пшеницу, рожь, овес, а также горох. Именьковцы также впервые занесли в Прикамье новый прогрессивный способ обра-

ботки земли – пашенное земледелие. Заметным было и именьковское воздействие на хозяйство вятского населения в области животноводства – у них население Вятского бассейна заимствовало более продуктивные и рослые породы скота [там же, с.379–380].

Интересно соотношение домашних животных в стаде населения раннесредневековой Вятки, выявляемое по результатам археологических раскопок. Так, на Еманаевском городище VII–X вв. зафиксировано абсолютное преобладание домашней свиньи (58,8% особей), гораздо меньше разводили коров (15,7%), лошадей и мелкий рогатый скот (по 11,8%) [Лещинская, 1988, с.103–104; Голдина, 1999, с.380]. Эти данные разительно отличаются от соответствующих показателей чепецких поселений, где явно преобладало разведение коров (около 48%) и лошадей (более 31,4%), а мелкого рогатого скота и особенно свиней было гораздо меньше (около 14,5% и чуть более 2% соответственно) [Голдина, 1999, с.380]. Улучшение породности скота было связано, вероятно, не только с именьковским, но и более поздним болгарским влиянием, а также со стихийно проводившейся селекционной работой. Из прочих домашних животных местному населению в средние века были известны кошка, собака, домашняя птица (куры и гуси).

Значительную роль в хозяйстве еманаевско-кочергинского населения играла охота. Активно добывались лось, северный олень, бобр, косуля, медведь [Лещинская, 1988, с.103–104]. Практиковалась также и охота на диких птиц: уток, гусей, глухарей, тетеревов, рябчиков и др. О развитом рыболовстве говорят находки здесь рыболовной снасти (крючков, блесен), костей и чешуи рыб [Голдина, 1999, с.381].

Продолжало развиваться ремесленное производство еманаевско-кочергинского населения. В раннем средневековье на Вятке возникают специализированные поселки ремесленников, одним из которых было Еманаевское городище (VII–X вв.). Здесь на сравнительно небольшой площадке (1500 кв. м) обнаружено два сооружения, имевших приблизительную площадь по 100 кв. м, на которых концентрировались остатки металлообрабатывающих комплексов: кострища, куски глиняной обмазки, шлаки, многочисленные металлические

обломки (655 шт.), множество целых лячек для разлива цветного металла (67 шт.), 221 фрагмент и 29 целых тиглей, литейные формы, обломок глиняного сопла, инструменты и готовые металлические изделия [Макаров, 1978, с.22–23; Лещинская, 1988, с.79–107]. Анализ черного металла городища показал довольно высокий уровень его проковки, выявлено использование кузнецами сложных сварных технологий, в частности, трехслойного пакета, а также целенаправленное применение термообработки. В обработке металлов наблюдается большое сходство с технологией именьковцев, что может говорить о наличии устойчивых связей вятского населения с Нижним Прикамьем [Первошиков, 2002, с.66–71]. Следы бронзолитейного производства обнаружены на Вихаревском селище [Лещинская, 1984, с.41–43]. Отмечены также признаки развитых деревообрабатывающего и косторезного ремесел.

Дальнейшее развитие получили прямые и опосредованные торговые связи вятского населения как с соседними регионами (бассейном Чепцы, Верхней Камой, Вычегодским краем, Поветлужьем, Марийским Поволжьем), так и с более удаленными землями (Верхним Поволжьем, Приладожьем, Белозерьем, Прибалтикой, Поднепровьем, Северным Причерноморьем, Кавказом и др.) [Голдина, 1999, с.384–393]. С рубежа I–II тыс. одним из важнейших торговых партнеров для населения бассейна Вятки становится Волжская Булгария.

Предполагается, что в данную эпоху углублялась социальная дифференциация населения Вятского бассейна, особенно усилившаяся после IX в., когда по соседству с этим краем возникли государственные образования с развитой классовой структурой – Волжская Булгария и Киевская Русь.

В 1960–1980-е гг. среди исследователей истории народов Волго-Камья велась довольно оживленная дискуссия об этнической принадлежности памятников азелинского и постазелинского (еманаевско-кочергинского) круга. Часть ученых рассматривала эти памятники как древнемарийские [Архипов, 1973; Халиков, 1976; 1989, и др.], другая часть считала носителей этих культур пермянами – предками удмуртов [Генинг, 1967; Козлова, 1978, с.45–46; Голдина, 1987]. Сравнительно недавно Т.Б.Никитиной была обстоятельно сформулирована и аргументирована кон-

цепция, согласно которой вплоть до второй половины I тыс. предки марийцев заселяли земли в Ветлужско-Волго-Окском междуречье, т.е. юго-западнее территории проживания современных марийцев. Однако во второй половине I тыс. они проникли в Вятско-Ветлужское междуречье и постепенно продвигались все далее на восток. В Вятско-Ветлужском междуречье предки марийцев вступили в контакт с местным древнепермским (постазелинским) населением и стали вытеснять его к востоку и частично ассимилировать. Свидетельством взаимодействия между предками марийцев и постазелинцами является, по мнению Т.Б.Никитиной, смешанный характер вещевого материала некоторых памятников Вятско-Ветлужского междуречья рубежа I–II тыс. [Никитина, 1996; 2002]. Как следствие процесса постепенного вытеснения постазелинского населения прамарийцами из Вятско-Ветлужского междуречья может рассматриваться тот факт, что к X в. юго-западная часть постазелинских (еманаевско-кочергинских) памятников прекращает существование [Голдина, 1999, с.325].

Данная концепция хорошо согласуется с материалами топонимики, фольклора и исторической лингвистики. На севере и северо-востоке Республики Марий Эл и в соседних районах Кировской области имеется довольно много марийских топонимов, содержащих формант *одо-* (мар. *одо, одо-марий* ‘удмурт, удмуртский’), в том числе около десятка средневековых городищ, называемых местными марийцами *одо-илем*, букв. ‘удмуртское жилье’. Среди яранско-уржумских марийцев и русских записаны предания о былом вытеснении марийцами удмуртов с правобережья Вятки. Среди удмуртов территориального объединения Калмез, проживавших в основном в бассейне р. Кильмези (левый приток Вятки), бытовали предания о том, что некогда их предки жили на правом берегу р. Вятки, но после столкновения с марийцами они были вынуждены покинуть эти края и перебраться на левобережье Вятки [Аккорин, 1980, с.4–5; Архипов, 1982, с.67]. На имевшую в прошлом место ассимиляцию предками марийцев каких-то групп пермян указывают и некоторые особенности марийского языка, позволяющие говорить о наличии в нем пермского субстратного слоя. Этот субстрат обнаружива-

ет себя и в лексике, и в морфологии, и в фонетике марийского языка. Особенно ошутимо пермское влияние в диалектах марийцев бывших Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии [Beregczki, 1977; Казанцев, 1985, с.52–55, 102].

Вышеприведенные данные можно интерпретировать следующим образом. В эпоху раннего средневековья в Вятско-Ветлужском междуречье на территории современных Малмыжского, Уржумского, Лебяжского, Советского, Пижанского и Яранского районов Кировской обл. и Мари-Турекского, Сернурского, Новоторьяльского, Оршанского районов Республики Марий Эл обитали пермоязычные группы населения, среди которых в качестве самоназвания был распространен этноним **odo(-mort)*, букв. ‘человек (из племени) *odo*’. Во второй половине I тыс. и на рубеже I–II тыс. происходило постепенное вытеснение и частичная ассимиляция этих групп пермян предками марийцев, которые тогда же заимствовали из языка этих пермян их самоназвание – **odo*. Вытесненные на левобережье Вятки пермские (древнеудмуртские) группы заселяют ее левые притоки, прежде всего бассейны Кильмези, и постепенно проникают на севере до бассейна Чепцы (совр. Унинский район Кировской обл. и Глазовский район Удмуртии), а на юге – до бассейна р. Иж (совр. Малопургинский район Удмуртии). В места своего проникновения эти группы приносят и этноним **odo*, постепенно распространяя его, таким образом, по всему праудмуртскому ареалу. В конце концов древний этноним **odo > уд(мурт)*, букв. ‘человек (из племени) *уд*’ получил всеудмуртское распространение и стал самоназванием консолидирующейся удмуртской народности [Белых, Напольских, 1994].

Новая страница в истории Вятского края открывается на рубеже XII–XIII вв. с проникновением сюда первых славяно-русских переселенцев. Вопрос о времени появления славян в бассейне Вятки на протяжении долгого времени оставался дискуссионным. Камнем преткновения в этой дискуссии являлась степень достоверности знаменитой «Повести о стране Вятской» – литературного памятника летописного типа, составленного не ранее XVII в., но, возможно, с использованием более древних документов, не сохранившихся до наших дней. Согласно «Повести...», отряд новго-

родских ушкуйников проник в 1174 г. по Волге на Каму, а позднее спустился на своих судах вниз по р. Чепце к р. Вятке, где новгородцы покорили живших по этим рекам «чудь и отяков», построили в 17 верстах ниже устья Чепцы на случай «нашествия супостат иноверцев чуди и отяков и черемисов и иных народов град Хлынов» и «начаша общежителствовати самовластвующе» [Луппов, 1958; 1999, с.19–20]. Ученые, считавшие сведения этого источника вполне достоверными, относили время появления славянских поселенцев на Вятке к концу XII в., а исследователи, отрицавшие достоверность сведений «Повести...», датировали время появления русских на Вятке XIV столетием, т.е. временем первых упоминаний Вятского края в русских летописях.

Лишь привлечение археологических материалов, появившихся в результате проведения масштабных раскопок древнерусских поселений и могильников на Вятке во второй половине XX в., позволило уточнить дату начала славяно-русской колонизации этого региона. В коллекции находок с русских памятников бассейна Вятки наиболее древними являются вещи, датированные XII – первой половиной XIII в. Важно отметить, что характер большей части данных находок общерусский, что не позволяет связывать их с каким-то одним конкретным регионом Руси. По всей видимости, следует говорить о притоке славянского населения из разных русских земель, но – прежде всего, с территорий Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества [Макаров, 2003, с.40].

Конец I – начало II тыс. в истории Древней Руси характеризуются интенсивным освоением земель, лежавших к востоку и северо-востоку от ее границ. Все возрастающая потребность в пушнине стимулировала организацию Великим Новгородом в XI–XIII вв. многократных крупных походов на европейский северо-восток и в Зауралье. К началу XII в. новгородские поселения достигают Подвинья, а со второй половины XII в. русские поселенцы начинают проникать в бассейны рр. Юга, Вычегды, осваивают Волго-Вятское междуречье, появляются даже на территории Волжской Булгарии. Освоение новых земель было ознаменовано соперничеством между новгородцами и ростовцами, в ходе которого ростовцам удалось закрепиться

в верховьях Северной Двины, где в 1178 г. ими была заложена крепость Гледень, а несколько позднее – г. Великий Устюг. Проникновение славян на Вятку было, по сути дела, продолжением этого колониационного движения. Русские вятские поселения в XII–XIII в. охватывали бассейн среднего течения Вятки от устья р. Летки до рр. Вои и Уржумки. Наряду с целенаправленным освоением территории, сопровождавшимся строительством городов и крепостей, налицо была и стихийная крестьянская колонизация [там же].

На основании сведений целого ряда письменных источников, а также многочисленных и разнообразных фольклорных, топонимических, лингвистических и археологических материалов можно заключить, что взаимоотношения пришельцев и местного населения на первых порах были напряженными и даже порой враждебными. Предания вятских русских и удмуртов, некоторые письменные источники сообщают о военных стычках между русскими и предками удмуртов, иногда привязывая их к конкретным археологическим объектам (Вятское, Никульчинское, Подчуршинское, Котельничское и другие городища). По мнению Л.Д.Макарова, в дальнейшем русским поселенцам удалось установить преимущественно мирные отношения с туземным населением, что также нашло отражение в археологических материалах и в письменных источниках. Одним из результатов этого взаимодействия стало то, что уже к началу XVII в. значительная часть вятских пермян (удмуртов и, возможно, каких-то других пермоязычных групп) растворилась среди местного русского населения [Макаров, 1999, с.115–116; 2001а, с.22–38; 2003, с.41].

Удаленность Вятского края от коренных древнерусских земель, известная его изолированность неизбежно ставили его в особое положение в сравнении с другими русскими землями. Можно с уверенностью предполагать, что в домонгольское время Вятка не имела сколько-нибудь прочных связей с какими бы то ни было русскими княжествами и землями. По-видимому, такая отстраненность от остального русского мира в последующие времена (в XIV–XV вв.) сыграла свою роль в весьма независимом и часто даже враждебном отношении вятчан к другим русским землям и складывающемуся Русскому централизованному

государству. Русское население Вятского края в домонгольское время не было объединено в рамках какой-то единой государственной или политической структуры, а группировалось преимущественно вокруг двух относительно самостоятельных волостных центров – г. Никулицына и Котельнича. Третьим очагом русского расселения в бассейне Вятки, выделяемом по данным археологии, был бассейн р. Пижмы (правый приток р. Вятки) [Макаров, 2003, с.40–41].

Лишь после монгольского нашествия на Восточную Европу и последовавшего за ним значительного притока русского населения на Вятку здесь окончательно оформляется самостоятельный и относительно единый политический и экономический организм – Вятская земля. Л.Д.Макаров, основываясь на данных «Повести о стране Вятской», а также на некоторых археологических наблюдениях, пришел к заключению, что Вятская земля сформировалась в результате договора между Никулицыным и Котельничем об объединении и постройке столицы Вятской земли – г. Вятки (Хлынова) в середине XIII в. По мнению этого ученого, Вятская земля была феодальной вечевой республикой (по типу Великого Новгорода), управляемой местным боярством, земскими воеводами и ватаманами. Впрочем, судить о структуре управления и социальном составе Вятской земли пока еще очень сложно, т.к. эти аспекты лишь бегло упомянуты в единственном источнике – грамоте митрополита Ионы, направленной на Вятку около 1452 г. [там же].

В отличие от Л.Д.Макарова, предполагающего вечевое устройство Вятской земли, В.В.Напольских, учитывая отсутствие источников о собственно феодальной организации вятского общества и о республиканских институтах, предлагает использовать в отношении населения Вятской земли и его социально-политической структуры термин *предказачество*. По его мнению, источники формирования населения (выход на «вольные земли» на окраинах Руси), образ жизни (сочетание крестьянского хозяйства с военной активностью и соответствующей организацией, охватывавшей, видимо, все мужское население) и политическая организация (известно мало, но во всяком случае речь идет об отсутствии у вятчан единоличной власти и нали-

ции руководителей, так или иначе опирающихся на одобрение со стороны вольницы) вятчан XIV–XV вв. и казаков XV–XX вв. были близки. Отличие, которым обосновывается приставка *пред-*, состояло в том, что вятчане не состояли на службе у государя в силу отсутствия такового.

Хозяйственная деятельность вятчан существенно не отличалась от хозяйства жителей других древнерусских земель лесной полосы Восточной Европы. Основой сельского хозяйства были земледелие и скотоводство. Судя по материалам раскопок, на Вятке выращивались рожь, пшеница, овес, ячмень, полба, гречиха, горох, бобы, лен, конопля. На раскопках вятских поселений обнаружено большое количество костей домашних животных. В костном материале численно преобладают кости крупного рогатого скота и свиней, в меньшем количестве встречаются кости лошади и мелкого рогатого скота. Помимо земледелия и скотоводства, существенное место в хозяйстве жителей Вятской земли занимали охота (прежде всего на пушного зверя), рыболовство и, вероятно, бортничество [Макаров, 1995, с.27–29; 2001а, рис.51: 1–6]. В археологическом материале вятских городов и некоторых сельских поселений отмечены следы бытования различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего и гончарного. Пока еще крайне мало известно о развитии книжной и письменной культуры в Вятском крае. Однако факт находки трех металлических писал XIII–XV вв. на Ковровском и Никульчинском городищах говорит о наличии грамотных людей среди вятчан, по крайней мере, среди городского населения [Макаров, 1995, с.31].

Переходя к вопросу о торгово-экономических и других связях вятчан с Волжской Булгарией, необходимо прежде всего заметить, что вопрос этот остается еще малоизученным. В условиях практически пол-

ного отсутствия письменных источников, имеющих отношение к данной проблеме, остается использовать археологические материалы. Нужно сразу же оговориться, что булгарских материалов, обнаруженных в ходе раскопок поселений Вятской земли, имеется очень немного. Большая их часть относится уже к более позднему, ордынскому, периоду истории. Лишь сравнительно немногочисленные находки булгарского происхождения, а также попавшие на Вятку через возможное булгарское посредство и датируемые в широком временном диапазоне от X до XV вв. теоретически могут быть отнесены к вещам булгарского импорта домонгольского времени. К таковым археологи относят медную бляху, украшенную арабской вязью и растительным орнаментом, найденную на территории Хлыновского кремля и предположительно датируемую XIII–XIV вв., фрагменты бронзовых замков с Ковровского городища, изготовленные в Волжской Булгарии и бытовавшие там в X–XIV вв., фрагменты керамики булгарского и нижеволжского происхождения, датируемые XIII–XV вв. или возможно даже более ранним временем, и некоторые другие находки [Макаров, 2001б, с.143–147]. Остается лишь констатировать, что булгарский материал в археологии Вятской земли гораздо беднее синхронного ему материала памятников полоумско-чепецкой культуры, где в слоях XII–XIII вв. булгарские находки составляют весьма значительную часть извлеченных из земли предметов.

Таким образом, взаимодействие славянского населения Вятки с Волжской Булгарией в домонгольское время прослеживается очень слабо. Можно предполагать, что, в отличие от чепецкого населения и населения юга Камско-Вятского междуречья, вятчане сохраняли полную экономическую и политическую независимость от Булгарского государства.

2. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария

Андрей Белавин

Верхнее Прикамье (Уральское Прикамье или Пермское Предуралье) в эпоху средневековья было заселено смешанным финно-угорским населением. В южной части (в бассейне Сылвы, Обвы, Иньвы) главную роль в этническом симбиозе играют угорские племена, в северной части (в бассейне Вишеры, Верхней Камы) ведущей частью симбиоза были финно-пермяне.

Неволинская, а также южная ломоватовская и раннеродановская культуры представляли собой, таким образом, угорское в этнокультурном плане население. На расселение в Предуралье и в Зауралье близкородственных групп в V–VIII вв. указывает культурная близость, например, макушинских памятников бассейна Туры и Исети и харинских памятников Прикамья, на что неоднократно указывали В.Д.Викторова и ряд других исследователей. В результате наиболее близкородственными группами угорского населения Урала стали ломоватовско-неволинские и юдинские племена. Об этом свидетельствует единый комплекс материальной и духовной культуры, который проявляется в костюме и его украшениях, культовом литье, использовании погребальных масок, орнаментации керамической посуды. Достаточно рано, еще в процессе заселения булгарами территории Средней Волги, устанавливаются экономические, культурные и этнические контакты между жителями Уральского Прикамья и булгарами.

В первой половине IX в. к ранним булгарам присоединяются спустившиеся из районов Среднего и Верхнего Прикамья и Вятско-Камского междуречья племена неволинской, ломоватовской и поломской культур, принесшие с собой круглодонную керамику прикамского типа с примесью толченой раковины и многочисленные украшения приуральско-сибирского облика [Халиков, 1989, с.77–78].

Эта керамика в памятниках Волжской Булгарии представлена посудой IV этнокультурной группы IX в., V и VI этнокультурных групп начала X в. [Хлебни-

кова, 1984]. Вся такая посуда имеет примесь раковины или шамота в тесте, формы ее типично прикамские – горшковидные или чашевидные сосуды с круглым дном. Иногда сосуды имеют достаточно высокую горловину. Для керамики этих групп характерны «резная» орнаментация, реже встречаются шнур, оттиски гребенки и ямки. Наиболее характерный тип орнамента – елочки, изредка отдельные приемы орнаментации сочетаются в разных композициях.

В Волжской Булгарии такая керамика выделена прежде всего по материалам Тетюшского, Больше-Тарханского и ранней части Танкеевского могильников, а также поселения Чакма, Остолоповского (Речного) селища, Чаллынского городища, Булгара, Биляра и других городских центров. Наиболее раннее проникновение прикамского угорского населения в пределы будущей Волжской Булгарии отражает керамика IV группы в Больше-Тарханском могильнике (рубеж VIII–IX вв. – первая половина IX в.).

В целом по форме, тесту и типам орнамента посуда указанных групп имеет аналогии в посуде неволинских памятников бассейна Сылвы, изученных в 1980-е гг. археологами Удмуртского университета. Керамика V и VII групп IX – начала X в. имеет также аналогии среди материалов Усьвинской и Иньвенско-Обвинской территории раннеродановского времени (селище Телячий Брод; Соломатовское, Кудымкарское, Рождественское, Кыласово городища и другие памятники) и бассейна Сылвы, что, вероятно, связано как с процессами переселения бывших неволинцев, так и с дальнейшим развитием керамической традиции Прикамья.

Количество приуральской керамики в материалах поселений Волжской Булгарии колеблется от 20 до 77% (слой X–XI вв. Остолоповского селища) от числа лепной керамики, что свидетельствует о мощной переселенческой волне из Прикамья в IX–X вв. В материалах Танкеевского могильника и других булгарских памятников

представлены также подвески, другие украшения ломоватовского и неволинского типов. Все это говорит о том, что основой прикамских племен, переселявшихся на территорию будущей Волжской Булгарии, были неволинские угорские племена.

В настоящее время понятно, что расселение неволинцев, ломоватовцев и полонцев на территории будущей Волжской Булгарии было более-менее равномерным. Вещи и керамика прикамско-приуральского типа имеются как на камских, так и на волжских, как на малых, так и на крупных поселениях, в том числе и в Биляре, Суваре и других крупных городских центрах [Белавин, 1990, с.125–129].

Большая часть исследователей древностей Волжской Булгарии считает, что именно прикамские (м.б. неволинские) переселенцы вошли в исторические источники под именем «болгарских эсегель» (иски эль – старые племена). А.Х.Халиков считал их тюркоязычным населением Прикамья, обитавшим там с IV–V вв., однако, вероятнее всего, их языковая и культурная принадлежность может быть определена как угорская или угро-финская. Причины, приведшие к столь массовому переселению эсегель в будущую Булгарию не ясны. Однако уместно вспомнить о широкомасштабном конфликте между булгарами (барсилами) во главе с Айдар ханом (по Ш.Марджани), уже принявшими мусульманскую веру, и древнемадьярскими племенами, в результате которого последние потерпели поражение и вынуждены были покинуть Предуралье, уйдя в Леведию и далее на Дунай. Древние мадьяры испытывали в это время войну на два фронта, не только с булгарами, но и с Древнехакасским государством, начавшим свою экспансию в степную и лесостепную зоны Западной Сибири и Предуралья [Иванов, 1994, с.82–83]. Эсегелы, видимо, были задействованы в этом конфликте булгарами в качестве союзников, приобретя за помощь барсилам ряд каких-либо особых льгот, на что указывает широкое расселение приуральских племен по территории Булгарии. На особое положение прикамских племен, особенно на ранних этапах формирования Булгарии, указывает и такая награда для их предводителя, как дочь «царя» болгар. Когда хазарский каган потребовал от правителя болгар его вторую дочь

взамен умершей в Хазарии первой, то эмир болгар «выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью» [Ибн Фадлан, 1956, с.139]. В X в. эти племена влились в состав болгарской тюркоязычной народности.

Возможно, что переселение приуральских племен имело и частично насильственный характер. Вполне вероятно, что определенную роль в массовом переселении ломоватовских, полонских и неволинских племен в складывающуюся Волжскую Булгарию сыграли военные экспедиции болгар. Недаром на ряде поселений угро-финских племен Уральского Прикамья обнаруживаются болгарские наконечники стрел и прочие предметы вооружения. Процесс освоения булгарами новых земель по Волге и Каме, вероятно, сопровождался военными набегами на окружающие территории, имевшими целью ограбление проживающего здесь населения, закрепление за собой земель, подчинение соседних племен. По мнению специалистов по истории степных племен, такие набеги, во время которых совершалось пленение значительных масс оседлого населения, переселение их на земли, уже освоенные степняками, захват женщин для пополнения гаремных семей, характерны для процесса складывания ряда государств Евразии [Кляшторный, Савинов, 1994].

Дети таких пленниц становились в дальнейшем полноправными членами формирующегося этноса складывающегося государства, а молодых и сильных мужчин-невольников в эпоху раннего средневековья во многих странах превращали в самую боеспособную часть войска – гвардию. Так было в Испании при омейядских халифах, таковыми были египетские мамлюки, «тюркская» гвардия в Багдаде, «славянская» гвардия в Византии и т.д. [Гумилев, 1989, с.130–131]. Недаром многие восточные авторы отмечают среди списка товаров из Булгарии еще и невольников.

Дети от браков угорских и финских приуральских невольниц с воинами-булгарами усваивали язык и культуру отцов, а жен, в свою очередь, вновь искали в набегах на родину своих матерей. Их потомки – уже полноправные болгары, прочно усвоившие язык и обычаи новой Родины, пользовались в быту легко доступной массовой продукцией сельского и городского

ремесла Булгарии, но сохраняли и лепную приуральскую керамику, которую выделывали их жены, матери и бабушки, и лишь распространение ислама мешало им по-прежнему укладывать такую посуду в могилы с дорогими сердцу покойниками. Вероятно, этот же механизм способствовал сохранению устойчивой моды на украшения, наборные пояса и другие предметы приуральских типов. Вероятно, в том, что болгары быстро и успешно освоили не совсем привычные им лесостепные и лесные районы Волжской Булгарии, велика заслуга приуральских переселенцев (добровольных и вынужденных), наладивших на относительно слабозаселенных после ухода именковцев и мадьяр землях Нижней Камы сельскохозяйственное и ремесленное производство.

Часть неволинского населения продолжала жить на прежних местах обитания и в X–XI вв., о чем свидетельствует небольшой материал этого времени на Верх-Саинском городище и некоторых других неволинских памятниках, хотя не исключено, что это лишь следы кратковременного посещения старых мест обитания потомками неволинцев. Другая часть неволинских племен переселяется к близкородственным поздним ломоватовским племенам бассейна Чусовой. Здесь их приход отмечен массовым появлением сосудов с резной орнаментацией на Соломатовском и Лисьенорском городищах, селище Телячий Брод. Раскопки на ряде памятников бассейна Чусовой позволяют утверждать, что массовое появление резной орнаментации на керамике памятников этой группы приходится на начало X или даже на вторую половину IX в. В последующем в результате культурной инфильтрации резной орнамент неволинского облика, а также некоторые формы сосудов проникают и на памятники южного варианта родановской культуры.

Очевидно, что широкое и разнонаправленное переселение неволинских племен привело к тому, что достаточно близкое по происхождению и месту прежнего обитания население расселилось на обширных территориях и продолжало поддерживать между собой те или иные контакты. Постепенное вживание переселенцев в болгарскую среду привело к тому, что начинается обратное движение болгарской керамики,

украшений, поясных наборов и других изделий в качестве обменного эквивалента, подарков родственникам и с какими-либо обратными переселенцами. Возможно, что первые контакты с целью обмена были налажены еще до массового переселения болгар и неволинцев на Волгу и Каму. На это указывает широкое распространение предметов салтовского типа в Прикамье: болгарские племена были известны жителям Прикамья как торговые партнеры еще в период пребывания их в составе Хазарии.

Еще до массового переселения прикамских племен в Булгарию, т.е. в VIII в., в Предуралье начинают поступать изделия салтовского типа. Наиболее изученной частью салтовского и раннебулгарского импорта являются поясные наборы, встречающиеся на многих неволинских и ломоватовских могильниках и поселениях [Голдина, 1985, с.132–133]. Связующим звеном в таких контактах были земли Южного Урала, где у степного населения много подобных находок, а также Удмуртия, где также встречены салтовские вещи [Семенов, 1981, табл. II: 8]. Наряду с украшениями поясных наборов проникают в Предуралье и другие предметы салтовского и раннебулгарского типа. Прежде всего, это сабли характерного салтовского облика. Находки такого оружия, иногда вложенного в ножны, богато украшенные серебряными накладками или аппликациями, отмечены на могильниках Телячий Брод, Плесинском, Аверинском, Деменковском и др.

Интересно, что наряду с упоминавшимися салтовскими медными, бронзовыми и серебряными поясными накладками в Пермское Предуралье с IX в. начинают поступать украшения, характерные для раннебулгарского костюма: подвески в виде самоварчиков, которые у ранних болгар, так же как и у салтовцев, играют роль амулетов (Мало-Аниковский могильник, городище Анюшкар), височные кольца с гроздьями бусин или литыми гроздьями и пирамидками (Деменковский, Канеевский, Телячий Брод и другие могильники), подвески-амулеты в виде литых из бронзы когтей (Мало-Аниковский, Баяновский и другие могильники), арочные шумящие подвески, украшенные зернью, сканью, иногда с изображением древа жизни. Такие подвески использовались в Прикамье, так же как и в Булгарии, как части наконечников

(Плотниковский, Баяновский и другие могильники, Редикарское городище). Материалы подобного типа представлены в могильниках раннебулгарского времени, таких, как Танкеевский, Больше-Тарханский, Больше-Тиганский.

Особый интерес представляют височные подвески с грушевидным или булавообразным окончанием, т.е. тех типов, которые представлены в материалах Больше-Тиганского могильника. Эти подвески, изготовленные из серебра и обильно украшенные сканью, пирамидками зерни и зерновыми гроздьями, были, видимо, одним из наиболее ранних типов серебряных украшений, которые стали ввозиться в пермские земли из Волжской Булгарии. В Прикамье такие подвески встречены на могильниках Телячий Брод в погребении 20 (VIII в.), в Бродовском, Аверинском, Каневском и других могильниках, на Рождественском, Кудымкарском и некоторых других городищах и селищах, в ряде кладов как ранних, так и поздних (Редикарский и др.). Образцы таких подвесок встречены и в Удмуртии, где они относятся к раннебулгарскому времени. Возможно, что такие подвески являются дальнейшим развитием подвесок с гроздьями пустотелых бусин и были занесены пермским населением на территорию Булгарии, а в IX–XIV вв. получили там дальнейшее развитие. Поздние образцы (XI–XIV вв.) отличаются крупными размерами, обилием зерни и скани.

Весьма важным показателем не только торговых, но и возможных ранних этнических контактов являются находки керамики раннебулгарского или салтовского типа, аналогичные сосудам из Танкеевского могильника и ранних слоев поселений Волжской Булгарии. Такая посуда найдена в слое Назаровского городища на р. Обва (не позднее начала X в.).

Кувшины с низкораздутым туловом и перекрещивающейся штриховкой лощения найдены на Верх-Саинском городище на р. Шаква, здесь же встречены кружки, амфоровидные сосуды, известные среди комплекса посуды ранних булгар. Кружки булгарского типа послужили в дальнейшем основой для возникновения нового типа прикамской посуды – кружек с плоскоплощадочной или С-видной ручкой и плоским дном. Этот тип посуды стал особенно

массовым на памятниках бассейна р. Чусовой и отмечен также на памятниках южного варианта родановской культуры (Рождественское, Кудымкарское городища).

Уже в период IX – начала X в. Пермское Предуралье, таким образом, становится одним из тесно связанных с Булгарией районов Урала. На этом этапе, кроме взаимного знакомства и завязывания партнерских отношений, произошло еще и установление определенного политического взаимодействия, вероятно, прикамские племена стали рассматриваться булгарами как союзники, находящиеся в определенной зависимости от своего более сильного в военном и экономическом плане соседа. Такое отношение булгар к Прикамью значительно облегчило дальнейшее расширение связей, что привело к возрастанию зависимости Прикамья от Волжской Булгарии.

В последующее время Пермское Предуралье занимает одно из ведущих мест в торговле булгар с народами Севера, торговые контакты переросли в систему торгово-политических отношений, стали возможны не только регулярные визиты купцов, но и проживание булгарских ремесленников и торговцев на некоторых крупных поселениях родановских племен.

С X в. устанавливаются регулярные торговые связи Волжской Булгарии с Пермским Предуральем, известным в арабских письменных источниках как «страна Вису», а с XIII в. как «страна Чулыманская». Чулманом (Чулыманом) булгары и арабы именовали реку Каму выше устья р. Белой (Ак Итиль), ниже устья Белой Кама именовалась Итилем или Черным Итилем (Кара Итиль). Первые сведения о северных соседях Булгарии есть у Ибн Фадлана, лично побывавшего в Булгарии в X в. Им названа, в том числе, страна Вису, которая размещается в 20 днях сухопутного пути или в 3 месяцах пути по Каме (Итилю), которую многие арабские средневековые географы считали истинным продолжением Волги. Весьма подробно описывает народ Вису и его соседей известный путешественник из арабской Андалузии Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в Булгарии в середине XII в. и, по мнению исследователей, бывший не только в Булгаре, но, возможно, и в более северных землях. Он писал: «...и выше этой страны обитают люди, которым нет числа, они платят джизью

царю болгар. А у него (Булгара) есть область, (жители которой) платят харадж, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису. И есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок... А за Вису, на море Мраков, есть область, известная под названием Йура» [ал-Гарнати, 1971]. Все сообщения ал-Гарнати достаточно достоверны, он писал, как правило, лишь о том, что видел лично, или только со слов проверенных, заслуживающих доверия людей. Он, в частности, оставил этнографическое описание народа Вису: «Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белые, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров вывернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющийся тем, что они едят бобров, и беличье мясо, и мед» [там же]. Последнее упоминание страны Вису имеется в компилятивном труде арабского космографа Закарийа Казвини середины XIII в.

В арабских источниках XIV в. география Севера приводится уже с большими подробностями. Так, арабский географ-энциклопедист ал-Омари (1331) упоминает касабу – маленький городок Акикул (Аваколь, Афкула) в 20 днях пути от Булгара на север, т.е. в пределах страны Чулман (Джульман), землю и город Чулман (Чульман), расположенный севернее Акикула, города Сибир, Ибыр.

Булгары стремились закрепить торговый путь по Каме за собой, препятствуя проникновению иноземных купцов в эти районы, распуская слухи о диких краях и ужасных нравах местного населения на севере, пугали их холодом. Они осуществляли посредническую транзитную торговлю между Средней Азией, Кавказом, Русью и Прикамьем, в которую все больше включались изделия болгарского ремесла. Эквивалентом обмена была ценная пушнина. Свидетельством непосредственной торговой деятельности болгар в Верхнем Прикамье являются находки безменов, весов и разновесов для взвешивания товаров и для определения монетных весов в бул-

гарской весовой системе, найденные на Родановом, Анюшкар, Городищенском, Кудымкарском городищах.

Предание о Пере (коми-пермяки) говорит о его путешествии в Нижнее Прикамье и уплате им торговой пошлины болгарскому феодалу. О торговле с булгарами говорит предание о Кудым-Оше. Но наиболее яркими являются археологические материалы: в Верхнем Прикамье (Уральском Прикамье) выявлено более 250 средневековых археологических объектов, где обнаружены предметы болгарского производства.

Среди предметов болгарского производства на 44 поселениях ломоватовского и родановского времени выделяется гончарная посуда т.н. «общеполгарского типа» – она встречена на большинстве ломоватовско-родановских поселений южного района их распространения и на ряде северных памятников.

Это керамика серого цвета восстановительного обжига (ее относительно немного) IX в. и коричневого, желтого и красного цвета окислительного обжига X–XIII вв. В нижнем слое Анюшкара на Иньве (IX–XI вв.) она составляет до 12% всех сосудов, изредка имеющих лощение и орнаментацию в виде волнистых и прочерченных линий, «елочек», «решеток», рядов короткого зубчатого штампа и остроугольных ямок. Такая посуда характерна для домонгольских слоев болгарских городов.

Еще больше ее найдено на Городищенском городище на р. Усолке (16,5%) вместе с богато украшенной хорезмийской посудой. Кроме керамики, на нем найдены и другие болгарские вещи, что вызвало предположение о существовании здесь торговой фактории болгарских купцов, заинтересованных в получении не только пушнины, но и соли, выходы которой имеются в этом районе.

Такие же фактории, видимо, возникли еще на двух городищах родановской культуры – Анюшкаре, где доля болгарской керамики в слоях XI–XIII вв. возрастает до 15% и в Рождественском, где раскопаны три углубленных в землю двухъярусных гончарных горна болгарского типа, а количество болгарских сосудов (кувшины, корчаги, горшки, миски, сковородки, светильники) близко к 80%.

Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения [Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.313]

По соотношению лепной и гончарной посуды Рождественское городище может быть сближено с собственно болгарскими поселениями центральной Волжской Булгарии, где примерно такое же соотношение прикамско-приуральской и гончарной общеполуостровской посуды. Среди гончарной посуды имеются фрагменты поливной керамики с поливой буро-зеленого, зеленого и желто-зеленого цветов. Такая керамика имела распространение как в домонгольской Булгарии, так и в Булгарии золотоор-

дынского времени. Однако основная масса болгарской керамики Рождественского городища представлена неполивной посудой. Наружная поверхность основной массы гончарной неполивной керамики хорошо заглажена и носит следы лощения в виде широких перекрещивающихся линий, плотных параллельных полос. Кроме лощения, из приемов обработки наружной поверхности встречено томление, в результате которого около 4% посуды с красно-коричневым черепком имеет серый цвет

поверхности. Этот достаточно редкий прием появился у гончаров болгарских городских ремесленных центров к XII в. Около четверти неполивных сосудов орнаментировано. Большая часть орнаментированных сосудов украшена линейным орнаментом в одну–три линии. Вторую группу по массовости составляют сосуды, украшенные «зыбчатой» многолинейной волной, а также более крутой одно-, трехлинейной волной. Отмечен каплевидный ямочный и короткий зубчатый орнаменты. Около двух десятков сосудов имеют рифление. В коллекции также есть части сосудов с ручками, украшенные небольшими пуговковидными налепами.

Кухонная посуда (горшки, кринки) составляет до трети неполивных сосудов, столовая посуда (миски, блюда, кружки, сковороды и крышки от них) – до 13%. Остальная масса посуды представлена кувшинами, корчагами, светильниками, сфероконусами. Интересны находки хорошо отделанных крышек от кувшинов. Кухонная посуда вряд ли могла использоваться как тарная керамика и, вероятно, в меньшей степени, чем парадная посуда и кувшины, могла быть предметом торговли. Большое количество болгарской посуды, в особенности кухонной, заставляет считать ее местной продукцией. Это подтверждается открытием на городище вышеупомянутых гончарных горнов.

Все три горна Рождественского городища представляют собой углубленную в землю конструкцию с двумя ярусами без опорного столба с удлиненным устьем топочной камеры. Наиболее близки эти горны к простейшим двухъярусным горновым печам с горизонтальной перегородкой без опор, известным как горны первого типа из Волжской Булгарии. По наблюдениям Н.А.Кокориной, подобные горны имели широкое распространение у городских и сельских ремесленников [Кокорина, 1983, с.63–67].

Интерес представляет планиграфическое распределение болгарской посуды на Рождественском городище. Большая ее часть собрана на раскопе у вала городища. Это обстоятельство можно связывать либо с локализацией болгарского поселка на городище, либо с расположением здесь вообще жилого сектора. На краю площадки у современного обрыва вскрыты лишь хо-

зяйственные и производственные сооружения.

В Рождественском и Анюшкарском могильниках выделяются отдельные некрополи, где погребения были совершены по мусульманскому обряду [Белавин, Крыласова, Ленц, 2002, с.106–124].

Так, на Рождественском могильнике выявлено 23 погребения, совершенных по исламскому обряду. Костяки ориентированы головой на запад или запад-юго-запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного «лежащие на спине с поворотом на правый бок», ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза. Такая поза погребенного соответствует кыбле, характерной для домонгольских погребений болгар-мусульман.

По наблюдениям Е.А.Халиковой, для Волжской Булгарии домонгольского времени наиболее выраженными (археологически) чертами мусульманского погребального ритуала были следующие. В первую очередь, это положение покойного лицом к кыбле (к Мекке), что в широтных характеристиках Волго-Камья и Предуралья выражается в ориентации погребенного головой на запад с отклонениями на север или юг, положением туловища с легким поворотом на правый бок и разворотом головы лицом вправо к югу. Отклонения от такой ориентации могут достигать 20–30°, что вызывалось несовершенством географических измерений или погрешностями астрономического инструментария. Поворот туловища, по наблюдению Е.А.Халиковой, может быть явным или весьма легким, при этом он определяется общим положением костяка «на спине», слегка согнутыми ногами, вытянутой вдоль тела правой рукой (ее кисть может лежать на тазовой области или рука может быть согнута в локте и лежать на груди, и т.д.). Положение рук не зависит от пола, возраста и принадлежности погребенного к какому-либо течению ислама. Разнообразие их положений особенно характерно для мусульманских кладбищ Булгарии первой половины и середины домонгольского периода (X–XII вв.). Именно легкий поворот на пра-

вый бок стал обычной позой в мусульманских некрополях Булгарии домонгольского времени [Халикова, 1986, с.45–46, 58].

Положение покойного на правом боку, таким образом, предусмотрено канонами ислама и может рассматриваться археологами Волго-Камья, анализирующими аборигенные могильники X–XV вв., как возможное влияние исламских канонов, а не как черта, присущая языческому ритуалу или его пережиткам. Вообще соблюдение кыблы в большинстве погребений является самым типичным признаком мусульманских некрополей.

В ряде мусульманских погребений Рождественского могильника встречены железные Г-образные гвозди, лежащие по периметру погребения на дне. Гвозди представляли собой узкие длинные треугольные пластины длиной 5–7 см с загибом в 1–2 см у основания. Такой тип гвоздей широко применялся в Волжской Булгарии в середине – второй половине домонгольского периода (конец XI–XIII вв.) для сколачивания гробовищ.

Сам мусульманский могильник устроен на окраине городища, непосредственно у внешней стороны вала и рва (оврага), отделяющего поселок от незаселенной части. В целом погребения и устройство некрополя имеют аналогии с домонгольскими мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии, наиболее полные аналогии, в том числе по деталям обряда, топографии, характеру погребений просматриваются с I, II и IV Билярскими некрополями. Все это в комплексе, безусловно, свидетельствует о непосредственном проживании болгар на указанных поселениях.

У внешнего тына на стрелке другого крупного родановского городища Анюшкар (Кыласово) в устье р. Иньва также выявлены остатки мусульманского домонгольского некрополя. Топография мусульманского некрополя Анюшкара, таким образом, совпадает с топографией Рождественского кладбища так же, как и характер данного поселения. Всего Г.Т.Ленц и А.А.Терехиным здесь изучено 9 частично или полностью уцелевших погребений. Все погребения совершены в слое глины и суглинка, образовавшемся в результате перестройки оборонительных сооружений городища, которая произошла, вероятно, в начале XII в. Костяки лежат на спине

с поворотом на правый бок, головой на запад или запад-юго-запад, лицом к югу, правая рука либо вытянута вдоль тела, либо согнута на таз или на грудь; левая подвернута, смещена вправо и лежит в области живота; ноги вытянуты или перекрещены, кости стоп повернуты вправо. В одном из погребений зафиксированы остатки дощатого гробовища. На дне большинства могил лежали кованые гвозди от гробовищ, расположенные по периметру, и скобки от гробов. Подобные гвозди (Т- и Г-образные) и скобки хорошо известны на мусульманских кладбищах Волжской Булгарии второй половины домонгольского периода.

Вероятно, достаточно обоснованно можно локализовать касабу Афкула («Поворотную крепость») на берегах р. Обва и считать его остатками Рождественский археологический комплекс – крупнейший средневековый памятник Пермского Предуралья. «Кассаба» – по-персидски «маленький город». Кассаба Афкула, судя по письменным источникам, – столица страны Чулыманской, т.е. Камской. Последнее упоминание «кассабы Афкула» относится к 1412 г. и имеется в труде египетского энциклопедиста ал-Калкашанди: «Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город – небольшой Афтакун». В то же время (рубеж XIV–XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает магрибинец Ибн Халдун.

Центром указанного комплекса является Рождественское городище, имеющее нехарактерную для предуральских городищ подпрямоугольную форму. По описанию капитана Н.П.Рычкова, осмотревшего городище в XVIII в., на его территории находилось много обработанного белого камня, обломков кирпичей и зеленой черепицы, а в валу были «врата из дикаго камня», разобранные местными жителями на фундаменты изб. С запада к подпрямоугольной площадке Рождественского городища примыкает Филипповское (малое) городище, имеющее мощный вал и глубокий ров, следы ворот через вал и остатки основания земляной башни на стороне вала, выходящей к разделяющему городища глубокому, но узкому каменному логу.

На Рождественском городище А.М.Белавиным изучены мастерская костореза, остатки гончарных горнов болгарского ти-

па, следы подземного хода, ведущего с площадки памятника к берегу р. Обва. Показательно отсутствие костей свиньи и присутствие костей верблюда в остеологических материалах этого комплекса. С napольной части Рождественского городища на свежей пашне наблюдается обширное пятно культурного слоя – остатки неукрепленного посада. Общая площадь двух одновременно существовавших городищ и посада составляет около 6,5 га.

С востока к укреплениям примыкает мусульманский могильник домонгольского времени, а через небольшой лог от него расположен финно-угорский могильник, характерный для ломоватовско-родановской традиции. Площадь некрополей составляет около 3,5 га. С учетом плотности размещения захоронений (около 4 кв. м на погребение), можно предполагать, что здесь было погребено около 8,5 тыс. человек. Вероятно, это не единственный некрополь этого крупнейшего в Пермском Предуралье поселения со столь сложной раннегородской структурой. Примерно в 1,5 км от комплекса поселений существовало языческое святилище – его остатки известны в науке как «Волгинский клад» (1852 г.).

Под Чулыманом резонно видеть второе по величине и важности средневековое городище Пермского Предуралья – Анюшкар (Кыласово) на р. Иньве при впадении последней в р. Каму. Характерно, что на этом городище раскопками В.А.Оборина был исследован гончарный горн, аналогичный двухъярусным горнам Рождественского городища.

В Уральском Прикамье собрано большое количество украшений, предметов быта и вооружения, относящихся к болгарской материальной культуре. В Верхнее Прикамье в IX–XII вв. поступала металлическая посуда и предметы роскоши (височные кольца, бляхи, лунницы, гривны, браслеты, перстни и др.) из серебра, иногда с позолотой, украшенные зернью, сканью, инкрустацией и чеканкой, изделия косторезного (гребни, застезки, рукояти), камнерезного, стеклодельного (бусы) и кузнечного (оружие, фигурные и цилиндрические замки, некоторые орудия и т.д.) ремесел. Болгарские литейщики изготавливали некоторые медные украшения по заказам угро-финского населения, о чем говорят

формы для их отливки, найденные в городах Волжской Булгарии.

Болгарские ювелирные изделия и украшения представлены в Уральском Прикамье многочисленными находками на поселениях, в могильниках и кладах. Нередки клады, целиком состоящие из болгарских украшений (Вильгортский, Пыскорский, Аннинский). География их распространения совпадает в целом с ареалом распространения других изделий болгарского ремесла и наглядно иллюстрирует пути проникновения болгарского серебра и других изделий в Приобье и в Северное Предуралье (Пермь Вычегодская). По существующей типологии, болгарские украшения, находимые в Предуралье, могут быть разделены на следующие виды: головные, шейные украшения, привески, булавки, браслеты, перстни, поясной набор, различные детали костюма.

Головные украшения болгар представлены височными кольцами и подвесками. В Пермском Предуралье найдено 24 однобусинных, 5 двухбусинных, 19 трехбусинных и 4 многобусинных височных колец болгарского производства. Подавляющее большинство их изготовлено из серебра, но есть экземпляры из золота и бронзы. Некоторые кольца имеют чернение, встречены также серебряные позолоченные кольца. Судя по расположению колец в погребении 20 могильника Телячий Брод (р. Усьва), височные кольца носились на головной повязке по 2–4 штуки у висков.

Наибольший интерес представляют золотые височные трехбусинные кольца с уточкой, найденные в 1895 г. на Майкарском городище, расположенном в центре с. Майкар в устье р. Иньвы. Кольца имеют подвески в виде желудеобразных бусин, богато украшенные зернью и сканью (ныне хранятся в Гос. Эрмитаже, коллекция Строгановых). Они абсолютно идентичны кольцам из Биляра, хранящимся в ГИМе, – очевидно, изготовлены в одной ювелирной мастерской.

По мнению исследователей, такие украшения одновременно служили амулетами, отражающими космогонические, еще языческие представления болгар [Валеева, 1983, с.43–44]. На городище Анюшкар трехбусинные серебряные кольца были найдены в берестяной коробочке вместе

с другими серебряными украшениями, что указывает на их особую социальную значимость. Находки височных колец на Антыбарском селище (р. Чусовая) и на могильниках Селянино Озеро и Кишертский (бассейн р. Сылва) маркируют пути проникновения этого типа украшений в Зауралье, а находки в бассейне р. Вишеры указывают на пути распространения таких украшений на Вычегду.

То же значение, что и височные кольца, имеют височные подвески с грушевидным (булавообразным) окончанием. Истоки этих подвесок ученые видят в височных кольцах ломоватовского времени (Р.Д.Голдина), считают местным производством (М.Г.Иванова). Более убедительной является точка зрения Ф.Х.Валеева, который видит истоки подобных подвесок в салтовских древностях [Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987, с.46–47]. Данные подвески имеют широкий хронологический диапазон бытования (IX–XIII вв.). Наиболее ранние экземпляры имеются в Тиганском могильнике [Халикова, 1976, с.120–140], более поздние образцы найдены в материалах Биляра, Семеновского селища и других поселений. Описываемые подвески широко представлены в Предуралье: только на территории Пермского Предуралья на могильниках, в кладках и поселениях их собрано более 60 экземпляров, в Удмуртском Предуралье они найдены в погребениях Мало-Венижского, Чемшай, Варнинского могильников. Показательно отсутствие таких подвесок в северородановских памятниках и, как следствие, отсутствие их на памятниках вымской культуры. Основное направление движения этого украшения – восточное через земли предуральских Вису к зауральской Йуре. Наиболее восточная находка подвесок с грушевидным окончанием в Предуралье – Вашкурское погребение на Чусовой. Отсутствие их в Северном Предуралье может иметь еще одно объяснение – подвески такого типа были популярны у угорского населения Предуралья и Зауралья, об этом может свидетельствовать малое количество их в Удмуртском Предуралье, где преобладало финноязычное население, а также распространенность у протомадьяр (Тиганский могильник). Интересно, что находка такой подвески имеется в составе Архангельского клада XII в. Однако, возможно, что такие подвески, как

и многобусинные кольца, действительно являются продукцией какого-либо прикамского ювелирного центра.

Одним из интереснейших и типично болгарских головных украшений были накосники: чулпы и тезмэ. Чулпы вплетались или крепились в самом низу косы, тезмэ располагались несколько выше. И те, и другие виды накосников зачастую сочетались с коробочками-амулетницами (коранницами), соединялись с ними и между собой цепочками. Отметим, что этот элемент головных украшений характерен для болгарок и древних венгров еще с VIII–IX вв. и использовался впоследствии вплоть до XVIII в. Накосник, как обязательная часть женского болгарского костюма, не мог быть массовым предметом обмена. Редкие образцы таких накосников в Пермском Предуралье попали сюда с болгарками, проживающими на торговых факториях. Всего в Пермском Предуралье найдено 5 накосников типа чулпы и тезмэ. Части серебряных накосников-тезмэ найдены на Редикарском и Рождественском городищах.

К другому типу болгарских головных украшений относится головной убор типа такьи, богато украшенной серебряными накладками. В Предуралье повсеместно встречаются круглые, квадратные, крестообразные и многолепестковые бляшки с зернью, сканью и вставками от таких шапочек. География распространения их очень широка – от Удмуртского Предуралья до вымских могильников. Наибольшее их количество найдено в Пермском Предуралье. Прекрасным образцом находок такого рода представляется один из редикарских кладов, где найдено 7 многолепестковых и круглых накладок от такьи, а также Вильгортский клад, где представлены многолепестковые, квадратные и круглые накладки от такьи.

Роль амулетов играют привески в виде «самоварчиков», бытующие у болгар в IX–XIII вв. Эти привески, видимо, играли роль амулетниц-благовонниц. Следует отметить, что «самоварчики» были серийным изделием болгарских ремесленников. Прекрасный образец такой привески из серебра с украшениями из скани и пирамидок крупной зерни найден при раскопках на Кылазовом городище; бронзовые «самоварчики» имеются на Мало-Аниковском, Рожде-

стенском, Редикарском, Огрудинском, Степановском могильниках, Рождественском, Соломатовском, Городищенском городищах, Вакинском селище. «Самоварчики» известны и на памятниках Удмуртского Предуралья (Варнинский могильник).

Своеобразной частью импорта из Волжской Булгарии в Предуралье были бляхи-подвески с «охотничьим» сюжетом. Таких блях в Уральском Прикамье найдено 14 экз. Вопрос об их болгарском происхождении был решен еще А.П.Смирновым. Традиционно бляхи с «сокольников» оценивались как предметы, связанные с охотничьей магией, шаманизмом, их признавали также отличительными знаками шаманов. Культурное значение блях обычно обосновывали солярными знаками, однако они могли иметь не культовое, а геральдическое значение, придающее данному предмету особый юридический характер. Вполне допустима оценка данных предметов как символов высокого социального положения их владельца и как знаков вождя или старейшины. Функционирование блях с «сокольников» на стадии формирования у населения Предуралья классового общества на фоне экономического и политического сотрудничества с феодальной Волжской Булгарией заставляет оценивать их как определенные верительные знаки, удостоверяющие особые права и полномочия носителей. Помимо изображения сокольника и солярных знаков на бляхах присутствуют изображения нескольких животных. По меньшей мере в шести случаях в бляхах даны изображения медведей, в трех – лосей или оленей, в одном случае изображен бобр, практически на всех бляхах изображены пушные звери. Возможно, это тотемные символы родов, которые находились в административном подчинении владельца бляхи.

Учитывая сведения о том, что «народ Вису» и Чулыман платили харадж и джизью «царю» болгар, т.е. находились в определенной политической и экономической зависимости от последнего, следует видеть в этих бляхах именно знаки вассальной принадлежности и знаки официальных лиц (верительные знаки), имевших право представлять интересы болгарской администрации в отдельных местностях Предуралья и Приобья.

Популярными среди знати у болгар были плетенные из 4–6 серебряных проволок пухлые браслеты. Подобные браслеты наиболее характерны для периода XI–XII вв., т.е. для эпохи расцвета болгарского ювелирного ремесла. В Пермском Предуралье находки подобных браслетов отмечены в бассейне р. Обвы, в Чердынском районе, на территории Коми-Пермяцкого округа, на Соломатовском городище на р. Усьве (бассейн р. Чусовой). Достаточно часто такие браслеты входят в состав кладов.

Многочисленность и выраженное своеобразие скано-зерновых и черненных ювелирных изделий из Уральского Прикамья связаны не только с импортом из болгарских ювелирных центров, но и с возможным возникновением под болгарским влиянием и при участии болгарских мастеров собственного ювелирного сереброкузнечного центра в Предуралье. Многие детали бусинных колец, декор перстней из Прикамья имеют определенные отличия от аналогичных изделий, находимых в Волжской Булгарии, тем не менее их общий облик выдает в них продукцию болгарских мастеров. Месторасположение такого центра (центров) остается загадкой. Он мог располагаться на каком-либо из крупных поселений Прикамья, например, на описанных выше Рождественском, Городищенском или Кыласовом городищах. На наличие в Прикамье болгарского ювелирного центра указывают и находки здесь ювелирного инструментария. В Прикамье найдены 2 болгарские матрицы для тиснения, в д. Ручиб Чердынского уезда – медный штамп для поясных бляшек с изображением двух львов в восточном стиле XI–XIII вв. [ОАК за 1911 г., с.89]. У болгар заимствуются ювелирные пинцеты сложных форм, аналогичные билярским. На ряде памятников (например, на Городищенском городище) найдены сфероконусы, которые могли служить как в качестве сосудов для перевозки ртути, так и, в сочетании со стеклянными алимбиками, для серебрения и нанесения амальгамы. На Рождественском и Кыласовом городищах найдены формы для отливки псевдозерновых блоков в виде треугольников, на Кыласовом городище в культурном слое найдены капли серебра. Кроме производства серебряных и бронзовых (более дешевых и распространенных) ювелирных изделий, в Прикамье

могло быть налажено, под болгарским влиянием, и собственное бусинное производство. Следы такого производства, в том числе в виде неиспользованной стеклянной массы, найдены на Рождественском городище.

Результатом контактов с булгарами было появление на различных поселениях Пермского Предуралья деталей вооружения, замков, ключей, металлической посуды, весов и иных предметов – продукции болгарских ремесленников.

Булгарское вооружение представлено в Пермском Предуралье в основном боевыми наконечниками стрел и наконечниками типа срезной. Наиболее часто встречаются бронебойные граненые наконечники, которые вытеснили из боевой практики болгар в XI–XIII вв. почти все остальные типы наконечников. Наконечники пирамидальные с массивной боевой головкой квадратного или ромбического сечения с перехватом на шейке, долотовидные, наиболее характерные для вооружения болгар домонгольского периода, и других типов значительно отличались от наконечников стрел населения Предуралья. Булгарские стрелы, найденные на внешних частях укреплений городищ Предуралья, указывают на возможные боевые действия со стороны болгар. В окрестностях Рождественского и Городищенского городищ бытуют предания о набегах болгар на местные поселения.

Другие предметы болгарского вооружения, из числа находимых на средневековых памятниках ломоватовской и раннеродановской культур, представлены саблями, булавами, топорами. Интересна находка парадного топорика в с. Пянтег Чердынского района. Он имеет широкое, оттянутое книзу лезвие, поверхность топорика инкрустирована серебром: кайма из волнистой линии, зубчатой линии и бордюра из завитков растительного орнамента. Это типично болгарское оружие, распространенное в XII–XIV вв.

Особого внимания заслуживают достаточно многочисленные находки бронзовых, железных и костяных рукоятей нагаек. Две из них, в виде головы грифона из бронзы, из дд. Федорово и Михалево, имеют аналогии в материалах Биляра, где найдена литейная форма для таких рукоятей [ГМТР-5427-94, Бил.95]. Интересны три рукояти

в виде головок лошади: бронзовая из коллекции Теплоуховых, костяная из Анюшкара и железная из Кудымкара. Этот тип рукоятей также имеет многочисленные аналогии в материалах Булгарии, прежде всего в Биляре. Весьма интересной представляется бронзовая рукоять нагайки в виде весьма реалистичной головы верблюда. Этот предмет входил в состав клада из с. Майкар.

Из числа бытовых предметов наиболее многочисленны железные замки и ключи к ним. Многие замки имеют инкрустации из меди и находят ближайšie аналогии среди находок Биляра, других болгарских поселений.

К числу болгарских предметов относятся круглые костяные пуговицы с циркульным орнаментом, а также амулеты квадратной формы с циркульным орнаментом по периметру и резной головкой, найденные на Кудымкарском, Рождественском, Анюшкарском и Иднакарском городищах в слоях и сооружениях XII–XIV вв. По мнению И.А.Закировой, специально исследовавшей косторезное дело г. Булгара, такие подвески-амулеты распространились у болгар в связи с исламизацией общества. Они имели арабские прототипы и служили разделителями четок [Закирова, 1988]. Их наличие на поселениях в Уральском Прикамье указывает, вероятно, на проживание здесь болгар-мусульман, как и описанные выше мусульманские могильники.

Булгары оказали значительное влияние на развитие хозяйства, ремесла и быта предков населения Предуралья. Под воздействием болгар и для обмена с ними в Предуралье начинают выращивать просо – культуру, весьма распространенную у болгар, но до XI–XIII вв. в Предуралье не встречаемую. До известной степени болгарское влияние на развитие земледелия у пермских племен подтверждается известной легендой о чулманском паве (князе) Кудым-Оше, который ездил на Волгу и привез оттуда зерно, которое стали выращивать княжеские люди и распространять по Предуралью. Легенда подчеркивает, что до этого местные жители хлеба не знали и восприняли его поначалу как оригинальную иноземную диковину. Булгарскими (или аналогичными им) являются железные наральники-сошники, находимые на многих памятниках X–XIII вв. южного

района распространения раннеродановских памятников. В более позднее время в Предуралье появляются симметричные плужные лемеха крупных размеров, «рогатые» лемеха, лемеха с наварными пластинами, на городище Анюшкар известны находки чересел болгарского типа, в окрестностях гг. Березники и Соликамска известны находки сабанов-резцов от тяжелого плуга степного типа, что также связано с воздействием болгарской агротехники. Таким образом, следует признать, что пашенное земледелие возникает и развивается у жителей Пермского Предуралья под воздействием болгар.

Под влиянием болгар у предуральских угров расцветает торговля. Жители Прикамья, известные в источниках как «купцы чулымские», превращаются в торговых посредников болгар в их связях с племенами Севера и Западной Сибири. Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера». Интересно, что при раскопках языческой части Рождественского могильника Н.Б.Крыласовой выявлено погребение такого «купца чулымского». В погребении 37 этого могильника обнаружена уникальная в Предуралье находка – трапециевидная серебряная подвеска, на лицевой стороне которой изображена тамга Владимира Святославовича, а с оборотной стороны – знак его современника Олава Трюггвасона. По обоснованному мнению автора находки, подвеска со знаками является верительным купеческим знаком, «печатью для ношения», которые выдавались болгарским купцам в соответствии с торговым договором между болгарскими и Владимиром Святославовичем 1006 г. [Крыласова, 1995, с.192–197].

Период X – первой трети XIII в. характеризуется, таким образом, как период активного взаимодействия Волжской Булгарии и народов Верхнего Прикамья. Волжская Булгария к XI–XII вв. фактически присоединила земли Предуралья. Это дало

право правителю болгар собирать в Прикамье налоги: джизью и харадж. Роль торгово-политических представителей государства на этих землях стала играть местная элита, члены которой, уполномоченные охранять интересы купцов, а значит и Булгарского государства, получали особого рода верительные знаки. Эти знаки – круглые бляхи с изображением сокольника – в достаточно большом количестве найдены на археологических памятниках Предуралья (интересна в этом плане уникальная для Предуралья «печать для ношения» со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника). Такими действиями Булгария способствовала и процессам оформления у предуральских народов нового общества, отходящего от принципов первобытного устройства. Булгары вошли в состав местного населения, и память о них сохранилась надолго. В Пермском и Очерском районах две деревни носят название «Болгары». В бассейне Иньвы и Обвы, где расположены городища Анюшкар и Рождественское, исследователи прикамской топонимики отмечают много названий волжско-тюркского происхождения, образованных в том числе и от тюркских антропонимов. Показательно в этом плане второе наименование городища Анюшкар – Кыласово городище (по деревне, расположенной рядом).

Дальнейшая судьба болгар в Верхнем Прикамье оказалась тесно связанной с судьбой местного угро-финского населения. Угры Прикамья в X–XII вв. частично мигрировали в Волжскую Булгарию, частично ушли за Урал в Приобье. Другая их часть погибла под ударами монгольских отрядов и в итоге оказалась ассимилированной предками коми-пермяков, которые активно проникают сюда в XI–XIII вв. Какая-то часть прикамских болгар ушла в Приобье, где-то там продолжал функционировать центр оригинального «булгарского» ювелирного дела уже в ордынское время. Какие-то группы прикамских болгар, очевидно, приняли участие в формировании современных пермских татар.

3. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье

Владимир Иванов

Практически одновременно с приходом ранних булгар на Среднюю Волгу в лесостепные районы, расположенные между Камой и западными склонами Южноуральского хребта, переселяются угорские племена. Переселились они с востока, из зауральско-западносибирской лесостепи, являвшейся издавна, еще с эпохи раннего железного века, этнической территорией древних угров. Исследователями достаточно определенно установлено, что уже в середине I тыс. н.э. лесостепь Зауралья и Западной Сибири представляла собой ареал расселения племен саргатской (Обь-Иртышское междуречье) и гороховской (от Иртыша до восточных склонов Южного Урала) археологических культур, вместе составлявших угорско-самодийский этнокультурный ареал (ЭКА) [Могильников, 1992, с.284, 294 и сл.].

Это были полукочевые племена скотоводов и охотников, ведших хотя и подвижный образ жизни, но с опорой на многочисленные, небольшие по площади, хорошо укрепленные поселения-городища круговой планировки. Характерной особенностью этнической культуры древних угро-самодийцев являлась их тесная связь, в том числе и на этногенетическом уровне, с кочевниками сако-массагетского мира казахстанских и южносибирских степей. Последнее обстоятельство, во-первых, наложило свой отпечаток на облик материальной культуры «саргатцев» и «гороховцев», прежде всего, в области вооружения и конского снаряжения, которые практически идентичны сако-массагетским, во-вторых, этнокультурная близость с сако-массагетами способствовала процессу социально-имущественной дифференциации саргатских и гороховских племен, что нашло свое отражение в наличии у них больших курганов, по сложности надмогильных конструкций и составу погребального инвентаря аналогичных т.н. «царским» курганам саков и савромато-сарматов, и, в-третьих, будучи вовлеченными в этнополитическую орбиту сако-массагетского мира, «саргатцы» и «гороховцы» открыли для себя бога-

тую и цветущую цивилизацию Средней Азии – Согдиану, Бактрию, Хорезм.

Соответственно, т.н. эпоха Великого переселения народов не прошла мимо зауральско-западносибирских угров и самодийцев. Какая-то часть их была вовлечена в гуннский поход на запад¹ и растворилась на просторах Великого пояса евразийских степей (племена огуров-оногоров в составе гуннского нашествия).

В середине VI в. западносибирские угры оказываются втянутыми в этнополитическую орбиту Великого Тюркского каганата – «колониальной империи», контролировавшей огромные пространства Великого пояса степей от Монголии до Крыма. Но основу процветания этой «империи» составлял контроль над Великим Шелковым путем, ставшим «камнем преткновения» между каганатом и Ираном. Бесконечные войны между этими государствами, в которых, безусловно, участвовали и угры, «повели к истощению сил не столько социальной системы каганата, сколько самого тюркского этноса, ибо от торговли шелком выигрывали и богатели согдийские купцы и тюркские ханы, а не народ» [Гумилев, 1990, с.93]. В итоге – пассианарный надлом, приведший к гражданской войне, закончившейся в 604 г. распадом Великого каганата на Восточный и Западный и крушением древнетюркской этнополитической системы [Гумилев, 1990а, с.402–404].

Одним из следствий этого крушения, по-видимому, явились аналогичные процессы в древнеугорской среде (по схеме Л.Н.Гумилева, фазы этногенеза у них и у тюрков близки по времени [Гумилев, 1990, с.77]), повлекшие за собой раскол древнеугорского этноса и уход наиболее пассианарной его части – древних мадьяр – на запад, в Приуралье. Тех-

¹ Что вполне естественно и закономерно, если учесть, что, по мнению С.Г.Боталова и С.Ю.Гуцалова, со II в. н.э. «территория урало-ишимского междуречья становится зоной стабильного обитания гунно-сарматского (кангюйского) населения на протяжении двух столетий» [Боталов, Гуцалов, 2000, с.80].

нически осуществить подобный переход было несложно, поскольку, как показывают результаты новейших историко-географических изысканий, невысокие горы Южного Урала в те времена открывали возможность существования «трансуральского пути» («в направлении от верховьев Миасса к южной оконечности островной Месягутовской лесостепи и далее по долине р. Сим к его впадению в р. Белую, т.е. в наиболее узком месте хребтов, в районе современных транспортных артерий, связывающих Челябинск и Уфу») [Савельев, 2001, с.140 и сл.].

В Приуралье угры, двигаясь по двум расходящимся направлениям – на запад и северо-запад – расселились в двух районах: в Кунгурско-Месягутовской лесостепи (неволинская культура) и в бассейне среднего и нижнего течения р. Белой (кушнаренковская культура). Они представляли собой две, хотя и родственные, но этнографически различающиеся группы угорских племен. «Неволинцы», судя по имеющемуся археологическому материалу, вели оседлый образ жизни. Об этом наглядно свидетельствует география и топография неволинских могильников и поселений: расположение их группами с центральным большим по площади городищем, подступы к которому были защищены несколькими сторожевыми, вокруг – многочисленные селища, состоящие из слегка углубленных в землю бревенчатых домов или полуземлянок с печами-каменками, хозяйственных и производственных построек – кузниц и литейных мастерских – ям-погребов [Голдина, 1987, с.16]. Хозяйство, основанное на земледелии и пастушеском скотоводстве, способствовало, по мнению исследователей, обособлению патриархальных семей и выделению внутри неволинского общества соседских общин [Голдина, Водолога, 1984, с.33].

«Кушнаренковцы» вели более подвижный образ жизни, на что указывает отсутствие у них выраженных стационарных поселений. Перемещаясь по берегам рек, главным образом – Белой и ее крупных притоков, они доходят до Камы. Трудно сказать как, но им удалось форсировать Каму и закрепиться на ее правобережье. Наглядное тому свидетельство – представительные коллекции характерной кушнаренковской керамики на Благодатском

и Кузубаевском городищах в Южной Удмуртии.

Но это – самые западные из известных в настоящее время кушнаренковских памятников Приуралья. Если же исходить из географии памятников рассматриваемой культуры, то одним из районов наиболее компактного и, соответственно, плотного расселения угров-«кушнаренковцев» в регионе являются низовья Белой и Ика или Камско-Бельско-Икская пойма на востоке современного Татарстана, где в настоящее время известно около пятидесяти кушнаренковских селищ, могильников и местонахождений керамики (кратковременные стойбища) [Казаков, 1981]. Для обитания этот район переселенцами был выбран отнюдь не случайно: обширные заливные поймы с обильным летним травостоем (до сих пор в низовьях р. Белой пойма – основное пастбищное угодье), камышовые заросли, изобилующие дичью (до сих пор в этих районах расположена масса всевозможных охотничьих «заказников»), богатейшие рыбные ловли. Все это обеспечивало прекрасные условия для нормального существования угорских мигрантов. Причем условия, в ландшафтно-географическом отношении максимально приближенные к их исходной этнической территории.

Однако дальнейшее продвижение угров в низовья Камы «уперлось» в северную границу территории расселения носителей именьковской археологической культуры. «Именьковцы», освоив территории вокруг Камского устья, с востока, севера и запада огородились цепью городищ, ставших непреодолимым барьером на пути продвижения других племен в Среднее Поволжье. Сами они на контакты с соседями, по видимому, шли неохотно. Во всяком случае, исследования Г.И.Матвеевой показывают очень слабые следы активного культурного обмена носителей именьковской культуры с приуральскими уграми и прикамскими финно-уграми [Матвеева, 2003, с.62–65]².

² Правда, сама исследовательница считает, что «именьковские племена поддерживали тесные связи как с ближайшими соседями, так и с населением весьма удаленных областей». Но приводимый ею археологический материал для подобного утверждения не представляется достаточным.

И, напротив, в материальной культуре кушнаренковского и неволинского населения отчетливо читаются следы их связей с югом – Средней Азией и Кавказом. На это указывают находки в кушнаренковских и неволинских могильниках образцов поясной гарнитуры т.н. «геральдических» типов, иранской металлической пластики, цельнокованых 8-образных стремян.

«Геральдические» пояса – продукт византийского декоративного искусства – в VI–VII вв. широкое хождение имели на Северном Кавказе и в Причерноморье. Известны они были кочевникам Приаралья и древним тюркам. Вполне вероятно, что в результате тюрко-угорских связей (совместные походы в Среднюю Азию или участие угров в захвате Крыма в 577 г.) пояса этого типа прочно вошли и в угорскую культуру.

Аналогичным образом в нее могли войти персонажи иранской мифологии – крылатые львы-сенмурвы, украшающие наконечник ремня из Маняжского могильника, дракон, украшающий наконечник ремня из Бартымского могильника, хищные птицы, терзающие олени головы (подвески из могильников неволинской культуры) и др., а также 8-образные стремена – общепризнанный продукт древнетюркской всаднической культуры.

В середине VIII в. тюрки, выйдя на уровень этнической консорции или субэтнуса (болгары, хазары, уйгуры, кыргызы) [Гумилев, 1990а, с.111, 344], проще говоря – на уровень распада тюркского суперэтнуса, существенного влияния на ход этнокультурных процессов на соседних территориях оказывать не могли. Чаще всего они уже выступали в роли внешних толчков, вызвавших цепную реакцию перемещений как внутри этноса (хазары «вытолкнули» болгар с Северного Кавказа, уйгуры «вытолкнули» кыргызов с Алтая), так и у его соседей (болгары, поднявшись вверх по Волге, положили конец существованию именьковцев в Среднем Поволжье).

Именно так, по-видимому, сработал механизм этнических перемещений и в Западной Сибири, откуда в указанное время в лесостепное Приуралье приходит очередная волна угро-мадьярских мигрантов, известных в регионе как носители караякуповской культуры.

Генетическая близость «караякуповцев» с предшествовавшими им на территории Приуралья «кушнаренковцами» отчетливо прослеживается по основным морфологическим признакам их археологических культур и, прежде всего, по погребальному обряду [Иванов, 1999, с.66]. Поэтому вполне естественно, что новые пришельцы в Приуралье расселились практически на той же территории, что и их сородичи «кушнаренковцы». Ареал караякуповской культуры также включает в себя бассейн среднего и нижнего течения р. Белой, горно-лесные районы Южного Урала (Лагереvский, Каранаевский могильники) и восточные предгорья Южного Урала (I и II Бекешевские, Ново-Мурапталовский курганы). На западе «караякуповцы» почти дошли до устья Камы (Больше-Тиганский могильник), но, надо полагать, дальнейшее их продвижение в Волго-Камье было также остановлено ранними булгарами. По-видимому, Больше-Тиганский могильник обозначает крайние западные пределы угро-мадьярской экспансии в Приуралье. Между ним и синхронным ему Танкеевским могильником ранних булгар около 80 км сухопутного пути, т.е. два дневных конных перехода, на которых, несмотря на тщательную археологическую изученность Восточного Татарстана, других подобных памятников не найдено. Это дает нам основание предполагать, что этнокультурного слияния и симбиоза между булгарами на начальных этапах становления их государственности в Волго-Камье и угро-мадьярами Приуралья не происходило. Причиной тому, вероятнее всего, являлась равнозначность военной и социальной структур двух этносов, в одно и то же время и в силу сходных этнополитических коллизий появившихся на смежных территориях. По логике вещей, угры-мадьяры и ранние булгары должны были бы вступить в борьбу за гегемонию в регионе. Однако имеющийся археологический материал не дает оснований говорить о вооруженных столкновениях между двумя народами. За исключением, правда, того обстоятельства, что большинство из известных сейчас караякуповских могильников локализуется в восточной части Предуралья, а немногочисленные городища (Старо-Калмашевское, Таптыковское, Чукраклин-

ское, Караякуповское), напротив, выдвинуты на запад, в сторону раннебулгарской территории.

Допустимо также предположить, что ситуацию разряжало и то обстоятельство, что ближайшими северными соседями угров-«караякуповцев» являлись родственные им угры-«неволинцы», к рассматриваемому времени прочно обосновавшиеся на севере Кунгурско-Месягутовской лесостепи. По-видимому, именно они и определили направление и содержание этнокультурных связей, установившихся между племенами, обитавшими в VIII–IX вв. на территории между Камой и Уральскими горами.

Сравнивая облик и составляющие компоненты материальной культуры «неволинцев» и «караякуповцев», особенно в таких категориях, как убранство костюма, женские украшения, вооружение и конское снаряжение, мы убеждаемся в их исключительной близости, если не идентичности. И та, и другая культуры, прежде всего, характеризуются преобладанием наборных поясов т.н. «тюркского» типа, гарнитура которых состоит из овальнорамчатых пряжек с подвижным язычком и цельнолитым щитком прямоугольной или полуовальной формы, прямоугольных, сегментовидных, фигурных накладок с прорезями, накладок круглой или сердцевидной формы, наконечников ремней полуовальной формы или с заостренными концами, гладких или украшенных орнаментом. Характерная деталь: и в неволинской, и в караякуповской культурах наборные пояса одинаково присутствуют как мужскому, так и женскому костюму. У женщин они встречаются даже чаще.

Женские украшения представлены одинаковыми для обеих культур типами бронзовых браслетов (пластинчатые и граненые), перстней, височных подвесок с дополнительными привесками (т.н. подвески «салтовского» типа), шумящих арочных и коньковых подвесок-наконечников, ажурных подвесок трапециевидной формы и т.д.

То же самое можно сказать и о принадлежностях конской сбруи, где преобладают «тюркские» 8-образные стремена, арочные стремена с выгнутой подножкой и выступающей петлей для путлища и удила со стержневыми или S-видными псалями

(подобные стремена и удила определяются как вещи салтовского типа).

Таким образом, в материальной культуре приуральских угров VIII–IX вв. выделяются три этнокультурных компонента: прикамско-приуральский (надо полагать, собственно угорский), тюркский и салтовский (алано-болгарский). Последний, на первый взгляд, предполагает именно в волго-камских булгарах видеть источник этого этнокультурного импульса. Однако результаты сравнительно-типологического анализа компонентов раннебулгарской и угорской материальной культуры показывают, что в области вооружения, конского снаряжения и наборных поясов булгары, в материальной культуре которых перечисленные категории вещей занимают весьма скромное место [там же, с.74], едва ли могли выступать в роли «законодателя моды» для прикамско-приуральских племен.

Естественно, возникает вопрос о путях поступления тюркских и салтовских изделий в Приуралье. С первыми более или менее ясно. Во-первых, в VIII–IX вв. продолжали сохраняться традиции тюрко-угорских этнокультурных связей. Во-вторых, археологический материал дает основание говорить о наличии в рассматриваемое время альтернативного Волжскому Степного торгового пути, ведущего из Средней Азии в Приуралье и Прикамье. Путь этот, по мнению В.Ю.Морозова, шел из Средней Азии по плато Устюрт, казахстанскими, оренбургскими, башкирскими степями, р.Белой до впадения р. Уфы, р. Уфой на верховья рр. Ирень и Сылва и далее в «пермский» район [Морозов, 1996, с.152]. На это указывают несколько фактов, прежде всего, широко распространенные у приуральских угров «тюркские» наборные пояса, которые сами тюрки получали из Согда. Ареал этих поясов на северо-западе как раз и ограничивается лесным Прикамьем. Правда, они иногда встречаются и у древней мордвы (Журавкинский, Крюково-Кужновский могильники), но отсутствуют у волго-камских булгар. Последнее обстоятельство дает основание предполагать, что в Среднее Поволжье данный тип изделий мог попадать и через Прикамье.

Картография находок сасанидских монет VI–VIII вв., главным образом, в виде украшений, обозначает путь их проникно-

вения в Прикамье через территорию носителей караякуповской (Стерлитамакский могильник, II Бекешевские курганы) и неволинской (Верх-Саинский, Неволинский могильники) культур³.

Но самое главное – на наличие Степного торгового пути, идущего через земли приуральских угров, совершенно определенно указывают находки образцов иранской (согдийской) торевтики: блюдо с изображением царевича Бахрама Гура, охотящегося на газелей, с территории Оренбургской области, кружка из Стерлитамакского (Левашовского) могильника, блюда, чаши и ритон из Аврюзтамакского клада в верховьях р. Демы, чаша с изображением царской охоты из Уфимского клада.

Всего в лесном и лесостепном Приуралье в настоящее время известно 73 предмета импортной торевтики, среди которых преобладают собственно сасанидские и согдийские изделия. Первые характеризуются типичным для сасанидского Ирана набором сюжетов: сцены царской охоты, царь на троне, инкарнации (воплощения) зороастрийских божеств и сцены зороастрийских празднеств. Вторые представляют собой блюда и чаши, украшенные изображениями горных козлов с шарфами на шее (инкарнация зороастрийского бога Хварены), крылатых верблюдов (инкарнация бога Веретрагны), сценами царского пира, но в обрамлении типично согдийского растительного орнамента (согдийская художественная школа «А» – по Б.И.Маршаку) [Маршак, 1971].

Выделяется небольшая группа хорезмийских чаш, украшенных изображением четырехрукой богини (Шива?) и византийских блюд, кувшинов и чаш, украшенных изображениями христианского креста, фигурами обнаженных танцовщиц и музыкантов [Барынина, 2001, с.32 и сл.].

Итак, Средняя Азия являлась тем источником, откуда изделия художественно-

го серебра, в том числе и наборные пояса, поступали к приуральским уграм⁴.

Серебро – это металл, которому угры традиционно придавали и придают сакральное значение. Поэтому, очевидно, не случаен и набор сюжетов, украшавших импортную посуду, – их персонажи так или иначе воспринимались уграми через призму своей религии и мифологии.

Сложнее интерпретировать многочисленное присутствие в культуре приуральских угров элементов салтово-маяцкой (алано-болгарской) культуры. Для этого необходимо обратиться к некоторым моментам истории Хазарского каганата.

В VII в. Хазария представляла собой довольно сложное и пестрое в этническом плане государство, в которое, кроме собственно хазар (тюркский род Ашина), входили аланы, кавары, болгары, оставшиеся на Северном Кавказе и в Приазовье после распада Великой Болгарии хана Кубрата [Плетнева, 1986, с.21–23]. Отделившись от хазар часть болгар («кутригурские кланы», по Г.В.Вернадскому), переселившаяся в район Самарской Луки, где она сейчас представлена памятниками новинковского типа, хотя и платила хазарам дань, но являлась их потенциальным противником и угрозой с севера. С юга, на Кавказе, уже с середины VII в. на хазар начинают давить энергичные арабы, завершившие в 651 г. завоевание Ирана. Что в таком случае оставалось делать кагану хазар? Искать союзников. И появление в Приуралье угров, нависших над волжскими булгарами с востока, в данной ситуации пришлось как нельзя кстати.

Мы пока не знаем, когда и как хазары выходили на контакт с приуральскими уграми. Но археологический материал показывает, что начиная с середины VIII в. в караякуповских и неволинских комплексах широкое распространение получают образцы салтово-маяцких украшений (серьги-подвески, застежки-костыльки), конской сбруи, вооружения. Причем в караякуповском (могильники южной части караякуповского ареала) и неволинском

³ На всей Волге от ее устья до устья Камы известно 18 сасанидских драхм конца V – середины IX в. [Морозов, 1996, с.149 и сл.], тогда как на территории караякуповской, неволинской и ломоватовской культур – 210, из которых 10 – в караякуповских и неволинских могильниках.

⁴ В.Ю.Морозов считает, что и сасанидский, и византийский художественный металл проникал в Прикамье в результате посреднической торговли среднеазиатских купцов [Морозов, 1996, с.159 и сл.].

комплексах вооружения салтовские типы оружия преобладают [Овсянников, 2000, с.19–23].

Контакты приуральских угров с хазарами могли и должны были иметь место, поскольку до конца IX в. (до прихода сюда печенегов и огузов) степи Заволжья и Южного Приуралья контролировались хазарами. На это, в частности, указывает археологический материал: волгоградский археолог Е.В.Круглов из общей массы заволжских кочевнических погребений конца I тыс. н.э. выделяет серию салтовских (хазарских): Соколовская Балка, Горшковка, Джангар и др. [Круглов, 2003, с.14]. Уместно предположить, что это были погребения той части хазар, которая охраняла и, возможно, обслуживала Степной торговый путь.

По аналогии с тюрками, во второй половине I тыс. н.э. угорский этнос находился в фазе надлома, когда наблюдается резкое снижение уровня пассионарного напряжения, сопровождающееся расколом этнического поля [Гумилев, 1990а, с.499]. Иными словами, происходит разделение суперэтнуса, каковыми являлись угры до начала их миграции в Приуралье, на отдельные родственные этносы (субэтносы).

Сейчас мало кто из исследователей сомневается в том, что одним из угорских субэтносов в Приуралье в конце I тыс. являлись угро-мадьяры – носители караякуповской культуры. Это подтверждается целым рядом археологических свидетельств, выявленных в свое время Е.А.Халиковой на материалах Больше-Тиганского могильника. Имеются в виду параллели в элементах погребального обряда, вещевого комплекса Больше-Тиганского могильника и древневенгерских могильников Карпато-Дунайского бассейна эпохи обретения венграми Родины (типа Тисаэслар-Башхалом): неглубокие могильные ямы прямоугольной формы, рядная планировка могильников, западная ориентировка погребенных, наличие в могилах черепа и костей ног коня, уложенных в куче в ногах погребенного человека, детали поясной гарнитуры, украшенные выпуклым растительным орнаментом и бордюром по краям.

Основную информацию о мадьярах средневековые восточные авторы (Ибн Русте, Бакри, ал-Гардизи) получали из

Волжской Булгарии и Хазарии [Заходер, 1967, с.47], т.е. с территорий, непосредственно соседствовавших с мадьярами, а потому мы можем относиться к ним с доверием. Прежде всего, нас интересует вопрос о локализации древних мадьяр в пределах Восточной Европы, на который названные авторы отвечают совершенно однозначно: «Между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев Мадьярских» [там же, с.48]. Если учесть, что эти авторы принадлежали к хорасанско-среднеазиатской географической школе, то и окружающий мир они воспринимали со стороны Хорезма и Мавераннахра. Поэтому для них «болгарские эсегели» были племенами или жившими в пределах Волжской Булгарии, или непосредственно с ней граничившими. С этих же позиций «земля печенегов» – это территория «Заволжской Печенегии», границы которой в конце IX – начале XI в. простирались от Самарской Луки на западе до Южно-уральских гор и Мугоджар на востоке, захватывая и южные, степные районы современного Башкортостана. Наконец, судя по сведениям Венгерского Анонима, область мадьяр (у Анонима – «Хетумогер») располагалась к востоку от Итиля-Волги [Эрдли, 1967, с.175].

Из сказанного, таким образом, следует, что «первый из краев Мадьярских» занимал территорию, лежащую между Прикамьем и степями Южного Приуралья, т.е. современный Башкортостан в его приуральской лесостепной части.

Другим фактором, проливающим свет на проблему тождества территории Magna Hungaria и Башкирского Приуралья, является указание восточных средневековых авторов на кочевой образ жизни древних мадьяр: «Они – народ, обладающий шатрами и палатками, следуют по местам, где дождь и зелень» [Заходер, 1967, с.50]. Думается, не составляет особой трудности убедиться в том, что именно этот (точнее, полукочевой) образ жизни был присущ носителям кушнаренковской и караякуповской культур на Южном Урале и в Приуралье. На это указывают уже отмеченные выше результаты картографирования могильников и поселений рассматриваемых племен (связь «поселение и рядом могильник» у них практически отсутствует), сам

характер кушнаренокско-караякуповских поселений (расположение на дюнах или невысоких надпойменных террасах, их небольшая площадь, тонкий и слабо насыщенный культурный слой), обилие местонахождений кушнаренокской и караякуповской керамики, особенно в западных, прикамских районах, по краям обширной Камско-Бельско-Икской поймы, отсутствие следов стационарных жилищ на городищах, их столь же тонкий культурный слой и небольшие размеры, всаднический облик культуры кушнаренокского и караякуповского населения.

Итак, весь корпус имеющихся в нашем распоряжении источников (данные археологии, топонимики, сведения средневековых авторов) вполне определенно подтверждает вывод Е.А.Халиковой о тождестве территории Magna Hungaria с современным Башкортостаном. Уточнение, может быть, не столь принципиальное, но достаточно существенное, состоит в том, что этнокультурное содержание этой области определяли еще не венгры, а их предки – мадьяры, этнос, по сравнению с дунайскими венграми, более «чистый» и более «угорский».

На первый взгляд может показаться маловероятным, чтобы немногочисленные (как это видится из имеющихся археологических памятников) «караякуповцы» могли не просто пройти через всю Восточную Европу, но и отвоевать у многочисленных и воинственных аваров Паннонию. Но дело в том, что на запад «караякуповцы», по всей видимости, пошли не одни. Во-первых, к концу IX в. в Кунгурско-Месягутовской лесостепи прекращает свое существование неволинская культура, как уже было сказано выше, – этнически родственная караякуповской. Возникает предположение, что «неволинцы»-угры также могли мигрировать вместе со своими сородичами-«караякуповцами» на запад и быть одним из этнических компонентов древнемадьярского союза племен. Во-вторых, анализ материальной культуры ранней Волжской Булгарии дал Е.П.Казакову основание считать, «что в середине – второй половине IX в. в Прикамье и Приуралье имело место какое-то значительное передвижение населения, в результате чего в Среднем Поволжье в массе появляется

лепная круглодонная керамика и другие связанные с ней элементы культуры» [Казаков, 1992, с.247]. Данный тезис можно развить в том плане, что, по результатам сравнительно-типологического анализа могильников Прикамья и Приуралья и древневенгерских могильников эпохи обретения венграми Родины, к последним ближе всего стоят могильники именно неволинской и полумской культур [Иванов, 1999, с.66]. Это со всей определенностью указывает на то, что и «неволинские», и «полумские» племена участвовали в этногенезе древних венгров-мадьяр.

Данное предположение имеет право на существование, поскольку отнюдь не все исследователи разделяют точку зрения Р.Д.Голдиной о финно-пермской (древнеудмуртской) этнической принадлежности «полумцев» [Казаков, 1992, с.248].

Таким образом, среди названных Венгерским Анонимом «семи племен Хетумо-гер», в 884 г. форсировавших с востока Волгу, присутствие «караякуповцев», «неволинцев» и «полумцев» напрашивается само собой. А это, с учетом военизированного характера караякуповской и неволинской культур, – вполне внушительная сила.

С уходом угро-мадьярских племен из Приуралья угорская этнокультурная доминанта в регионе не прекратилась. Наглядное тому свидетельство – курганы X–XI вв. в горно-лесных районах Южного Урала и в Зауралье (Мрясимовский, Муракаевский, Каранаевский, Синеглазовский могильники). Следуя по времени за караякуповскими, эти памятники обнаруживают и высокий коэффициент типологического сходства с ними, что, на наш взгляд, является ничем иным, как отражением этнического родства населения, оставившего указанные памятники [Гарустович, Иванов, 1992, с.24].

Типологическое сходство с караякуповскими могильниками – не единственный показатель угорской принадлежности населения, оставившего на Южном Урале курганы X–XI вв. Кроме этого, обращает на себя внимание керамика (круглодонные горшки, кувшины и приземистые чаши) из Мрясимовских, Каранаевских, Идельбаевских курганов. По форме шнуровой и зубчатой орнаментации шеек и плечиков эти сосуды имеют ближайшие аналоги

в керамике юдинских, макушинских и петрогромских памятников X–XIII вв. в лесном Зауралье, этническая принадлежность которых определяется как угорская (древнемансийская, по В.А.Могильникову).

То же самое относится и к признакам погребального обряда рассматриваемых памятников. Хотя в могильниках зауральских угров X–XIII вв. преобладали уже бескурганые захоронения (юдинская культура), но продолжал сохраняться и курганный обряд (макушинский тип). В насыпях курганов Макушинского могильника обязательно присутствуют кости лошади (череп и ноги). Конские черепа и челюсти найдены в заполнениях могил с труположениями и трупосожжениями Ликинского могильника юдинской культуры. Ориентировка погребенных юдинской культуры преимущественно южная и юго-восточная (Ликинский могильник), но в Пылаевском могильнике той же культуры – исключительно западная и юго-западная, а в Макушинском – западная и северо-западная, т.е. те же, что и в курганах X–XI вв. Южного Урала. Совпадают и позы погребенных: кроме расположенных на спине с вытянутыми или согнутыми руками, встречаются лежащие на боку со скорченными ногами (Муракаево, к.3, п.2; Мрясимово, к.15, п.1; к.22).

Курганы «мрясимовского типа» X–XI вв. свидетельствуют, на наш взгляд, о времени начала проникновения в Приуралье той группы угорских племен, которая в XII–XIV вв. была представлена в регионе памятниками чияликского типа, основная масса которых локализуется в низовьях Камы и Белой [Казаков, 1978, с.67–75]. Чияликские могильники бескурганые, погребенные лежат в простых прямоугольных ямах на спине с вытянутыми или согнутыми в локтях руками. Преобладающая ориентировка западная, юго- или северо-западная. В могилах часто встречаются остатки гробов со следами действия огня на них (Казакларовский могильник) или угольки и кусочки обожженной глины в насыпи могилы (Такталачук). Большинство погребений совершено по мусульманскому обряду, т.е. без вещей и с соблюдением соответствующих канонов, однако в чияликских могильниках представлены и многочисленные пережитки языческого угорско-

го обряда: это круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники (Кушулевский, п.1, 65; I Азметьевский, п.44, 50, 93), женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с железными бусинами.

Границы ареала памятников чияликской культуры охватывают оба склона Южноуральского хребта в пределах зоны лесостепи. На западе они вплотную примыкают к восточным пределам Волжской Булгарии (икская, токская, усть-бельская локальные группы), на востоке проходят по верховьям рр. Урал и Большой Ик (уральская группа) [Гарустович, 1998, с.9].

«Чияликцы» вели полукочевой образ жизни, что археологически выражается в наличии поселений двух типов – летников и зимников. Летники – открытые поселения, расположенные по берегам рек и состоящие из легких каркасных жилищ. По материалам наиболее исследованных летников – Горново, Тукмак-Каран, Верхне-Спасское, Ишкуловское – выделяются такие типы жилищ, как юрты и конические шалаши круглой планировки, а также каркасно-столбовые постройки прямоугольной формы со входом-тамбуром. Зимники – это укрепленные городища (Чертово, Кара-Абыз, Турналинское, Гумеровское, Нагаевское II и др.), застроенные квадратными полуземлянками или наземными срубными постройками, отапливаемыми каменными печами-сувалами. Кроме того, как на летниках, так и на зимниках выявлены ямы-погребка с обложенными деревом стенками, бани (?), хлевы для скота. На Горновском поселении на р. Деме найдены также остатки печи для выпечки хлеба [там же, с.11–13].

Хронологически памятники чияликской культуры делятся на две группы: «мрясимовскую» (X – начало XIII в.) и собственно чияликскую (XIII–XIV вв.). Первую составляют описанные выше курганы «мрясимовского» типа, локализующиеся в северных районах современного Башкортостана. Именно они очерчивают южную границу этнокультурного ареала приуральских угров, которая в домонгольский период проходила по правобережью рр. Уфы и Белой. В более южных районах При-

уральской лесостепи, между низовьями Камы, Волгой и горами Южного Урала, угорские памятники домонгольского времени не выявлены. Объясняется это, по-видимому, тем, что в рассматриваемое время (начиная с середины XI в.) Волго-Уральские степи переживают очередной период кочевнических миграций, вызванных приходом сюда половецко-кыпчакских племен. Вытеснив огузов из Заволжья и разгромив Заволжскую Печенегию, половцы-кыпчаки заставили печенегов и союзных с ними башкир частью уйти на запад, частью отступить на север, на южные окраины Волжской Булгарии и на территорию современного Башкортостана⁵. Движение кочевников со стороны степей, очевидно, определило именно западное направление угорской миграции в Приуралье в X – начале XIII в. В указанное время практически на всех булгарских поселениях появляется керамика, украшенная характерным для приуральских угров гребенчато-шнуровым орнаментом, свидетельствующая о расселении ее носителей по всей территории Волжской Булгарии [Казаков, 1992, с.304].

В рассматриваемое время Волжская Булгария становится культуро- и ареалообразующим фактором для населения Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Начинает функционировать Камский торговый путь, способствовавший «булгаризации» материальной культуры населения Среднего и Верхнего Прикамья [Белавин, 2000]. Продукция булгарских ремесленников попадает за Урал, к обским уграм – предкам современных хантов и манси [Федорова, 1991]. Отчетливо оформляются этнические границы волжских финнов – мордвы, мари, мешеры и прикамских финно-пермяков – удмуртов.

Одним из наиболее выразительных проявлений культурного и политического влияния Волжской Булгарии на соседние племена региона явилась исламизация приуральских угров. Уже в XI–XII вв. у восточных границ Волжской Булгарии появляются могильники чияликского типа (Азметьевский, Ново-Сасыкульский, Кушу-

левский, Селянинский), захоронения которых совершались по мусульманскому обряду, хотя и с заметными пережитками язычества. К мусульманским погребальным традициям здесь относятся вытянутое положение покойного, уложенного головой на запад, но лицом повернутого на юг, в сторону Мекки, к языческим – помещение в женские и детские могилы характерных глиняных сосудов с заупокойной пищей, а также наличие в этих же погребениях личных украшений: бус, серег, подвесок, перстней.

Принятие ислама, по-видимому, вообще способствовало тюрко-угорскому этнокультурному сближению в регионе. Особенно наглядно это проявилось в этногенезе древних башкир, отступивших, как было сказано выше, из степи под нажимом кыпчаков-половцев.

По мнению Р.Г.Кузеева, древнебашкирские племена в основном расселились по территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности, т.е. в центральных, западных и юго-западных районах современного Башкортостана [Кузеев, 1974]. Данная точка зрения не представляется бесспорной, поскольку, во-первых, она до сих пор слабо подкреплена археологическим материалом⁶, а во-вторых, природные условия самой Бугульминско-Белебеевской возвышенности таковы, что практически исключают возможность активного ведения кочевого скотоводческого хозяйства: сильно пересеченный рельеф, отсутствие крупных водных источников, толстый и долго лежащий снежный покров и, наконец, леса, еще в середине XIX в. сплошным массивом покрывавшие бассейн рр. Ик, Сюнь от низовьев р. Белой до нынешних городов Белебея и Давлеканово [Кузеев, 1968, с.274].

Вместе с тем средневековые письменные источники совершенно определенно указывают на то, что в XI–XII вв. современное Башкирское Предуралье являлось этнической территорией древних башкир. В частности, на карте мира, составленной

⁵ Кочевнический (тюрко-печенежский) этнокультурный компонент прослеживается в керамике булгарских поселений X–XI вв. (Т.А.Хлебникова, Е.П.Казаков, Н.А.Кокорина).

⁶ Кроме нескольких поздних погребений Сынштамакского могильника, расположенного на севере Бугульминской возвышенности, никаких других памятников XI–XII вв., отличающихся от соседних и синхронных чияликских, здесь не выявлено.

Мухаммадом Идриси в 1154 г. на основании более ранних географических сочинений и сообщений купцов-путешественников, земля башкир («ард басджирт») помещена к востоку от Волжской Булгарии («ард болгар») и к западу от Уральских гор («джебел Оскаска») [Бейлис, 1982, с.217]. Т.е. исходя из исторических реалий, согласно которым восточная граница Волжской Булгарии проходила в XII в. от вершины Самарской Луки через среднее течение Шешмы и Зая к устью Вятки [Фахрутдинов, 1984, с.10, рис.1], башкиры в это время занимали западные и юго-западные территории современного Башкортостана, по долине Белой гранича с приуральскими уграми.

Складывается впечатление, что к моменту прихода в Приуралье тюркоязычных кочевых башкир приуральские угры находились в фазе этнической обскурации, которая, по Л.Н.Гумилеву, характеризуется отсутствием пассивной напряженности, стремлением людей приспособиться к ландшафту и окружающей социальной среде. «Тут возникают две возможности: либо оставшиеся в живых впадают в жалкое существование как реликтовый этнос, либо они попадают в горнило переплавки и при некоторых благоприятных условиях из нескольких обломков выплавляется новый этнос, лишь смутно помнящий о своем происхождении, ибо для него куда важнее дата его нового рождения» [Гумилев, 1990а, с.434]. И в общем-то, действительно, для XI–XII вв. мы не находим в регионе ни яркой угорской всаднической культуры, выразительно представленной в материалах и памятниках VIII–X вв., ни выраженных угорских языческих погребальных традиций, постепенно «размываемых» исламом, ни крупных племенных центров, подобных городищу Иднакар у древних удмуртов. И хотя угорский этнический субстрат в виде своего маркера – керамики с гребенчато-шнуровым орнаментом – в домонгольское время был широко представлен по всему Прикамью, но являлся ли он определяющим для этнической культуры населения региона – этот вопрос еще предстоит выяснить.

Башкиры же к этому времени успели пережить два этнических потрясения. Первое – разгром огузами печенегов и их со-

юзников башкир в Приуралье во второй половине IX в. и раскол печенежско-башкирского «этнического поля» (часть башкир вместе с печенегами осталась в Заволжье и Приуралье – в т.н. «Заволжской Печенегии», другая часть вместе с печенегами уходит на запад, сначала в Причерноморье⁷, затем в Венгрию⁸). Второе – разгром в середине XI в. огузов половцами-кыпчаками и изгнание их из Урало-Поволжских степей. Следствием этого явился уход приуральских башкир на север, в лесостепь.

В процессе адаптации к новым ландшафтным условиям башкиры перенимали от своих соседей традиционные для населения уральской лесостепи хозяйственно-культурные черты: навыки лесной охоты с помощью луков, склеенных из разных пород деревьев, самострелов и ловушек-черканов, гоньбу за зверем на лыжах, речное и озерное рыболовство с острой и лучением, долбленые лодки – «кэмэ», конические шалаши-чумы и др. Все эти элементы культуры, воспринятые, как считают этнографы В.И.Васильев и С.Н.Шитова, на самых ранних этапах башкирско-угорского этнокультурного взаимодействия, к XVI–XVII вв. становятся уже неотъемлемыми, традиционными чертами образа жизни и быта южноуральских башкир.

⁷ Сведения об этом содержатся у ал-Масуди и в ряде башкирских исторических преданий.

⁸ Сведения Якута ал-Хамави о встреченных им в сирийском г. Алеппо башкирах в 1227–1229 гг.

ГЛАВА 2

Восточнофинские племена Среднего Поволжья

1. Мордва и Волжская Булгария

Геннадий Белорыбкин, Ольга Зеленцова

Задолго до появления в Среднем Поволжье болгар к западу от этой территории проживали преимущественно древнемордовские племена. Они занимали бассейн рр. Сура, Мокша, Цна и Теша. В эпоху раннего средневековья этот регион был заселен неравномерно – в основном были заняты долины рек, при этом некоторые территории практически оставались необитаемыми. Например, Среднее Посурье после ухода именьковских племен в VIII в. было заселено вновь только в XII в. булгарами, а мордвой – лишь в XVII в. Помимо древней мордвы в средние века в Западном Поволжье появлялись и проживали другие племена и народы – мурома, буртасы, русские, болгары, которые оказали заметное влияние на всю историю региона.

Временем формирования древнемордовской культуры считается период со II–III по VII вв., когда складываются основные элементы материальной и духовной культуры, просуществовавшие на протяжении многих столетий. На севере в Окско-Сурском междуречье сложились базовые элементы древнеэзрянской культуры, на юге в верхнем Посурье – древнемокшанской [Вихляев, 2000, с.98, 112].

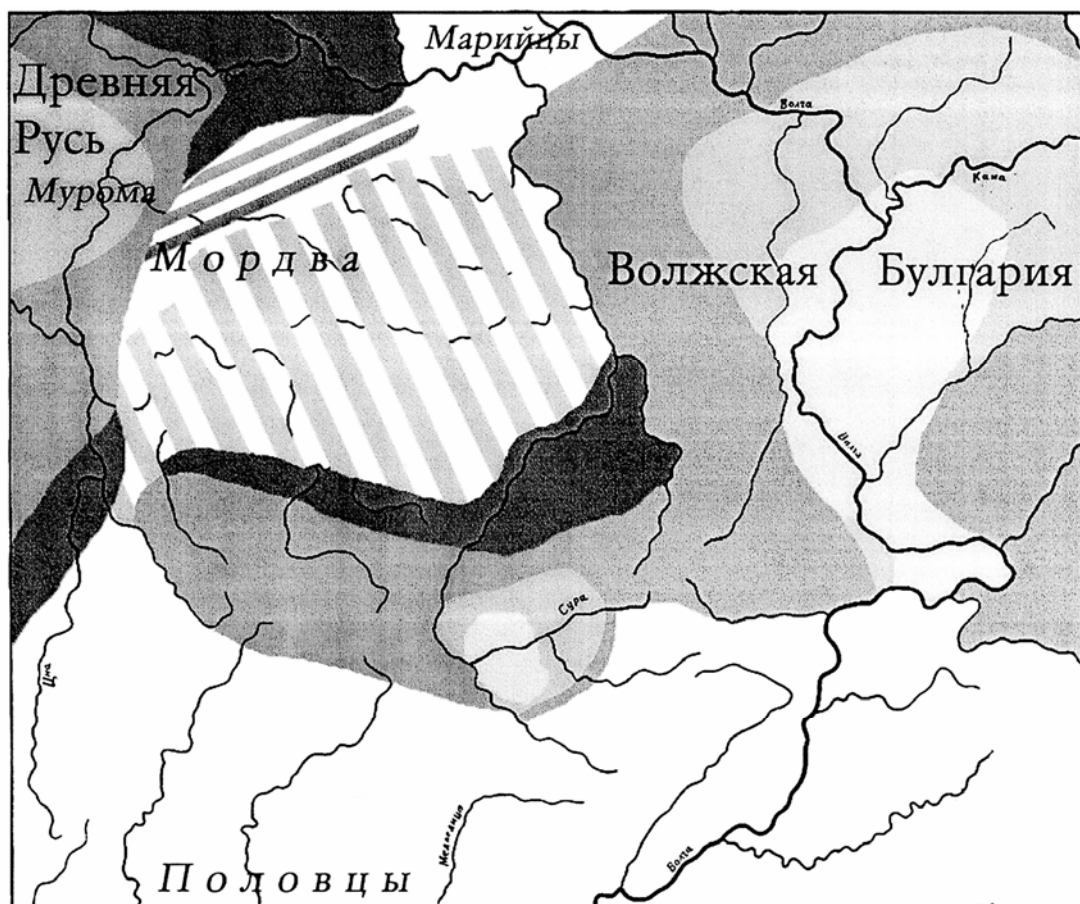
В VIII–XIII вв. происходят значительные изменения в жизни населения западной части Среднего Поволжья, связанные как с внутренним развитием, так и с появлением в регионе новых племен, что отразилось в изменении уровня плотности населения, привело его в движение и к переселению на новые территории. Внутреннее развитие древней мордвы в регионе отличается определенной стабильностью, несмотря на территориальные изменения. Среди наиболее устойчивых элементов культуры можно отметить основные заня-

тия населения, погребальный обряд, орудия труда и набор украшений. В то же время эти элементы не были застывшими и эволюционировали, не выходя за пределы культурных традиций. Это, прежде всего, изменения в отдельных видах орудий труда (например, топоры), украшений (сюльгамы, височные подвески или наколки) или в способе погребения (появление скорченных захоронений) и т.д. При этом все процессы происходят в разное время и зависят не только от внутренних, но и от внешних причин.

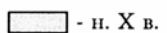
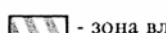
Внешнее влияние имеет более определенные параметры и делится на три периода. Первый период в истории региона (вторая половина VII – IX вв.) определяется сильным влиянием Хазарского каганата, а также появлением памятников, связываемых с буртасами. Во втором периоде (X–XI вв.) начинается активное проникновение Волжской Булгарии и Руси на территорию региона. Главной целью этих государств было установление контроля над торговыми путями: Волжской Булгарии – над сухопутным путем из Булгара в Киев [Моця, Халиков, 1997], Руси – над водным путем по Оке [Рыбаков, 1993; Дубов, 1989]. В третьем периоде (XII – начало XIII в.) территория Посурья и Примокшанья практически полностью входит в состав Волжской Булгарии, а мордовское население оказывается разделенным между двумя государствами.

Для того, чтобы лучше представить динамику изменений, происходивших в регионе, рассмотрим ее по векам, начиная с VIII в.

Характерной чертой этого и предшествующего времени является разнообразие населения в Посурье и Примокшанье. На-

Расширение территории государств

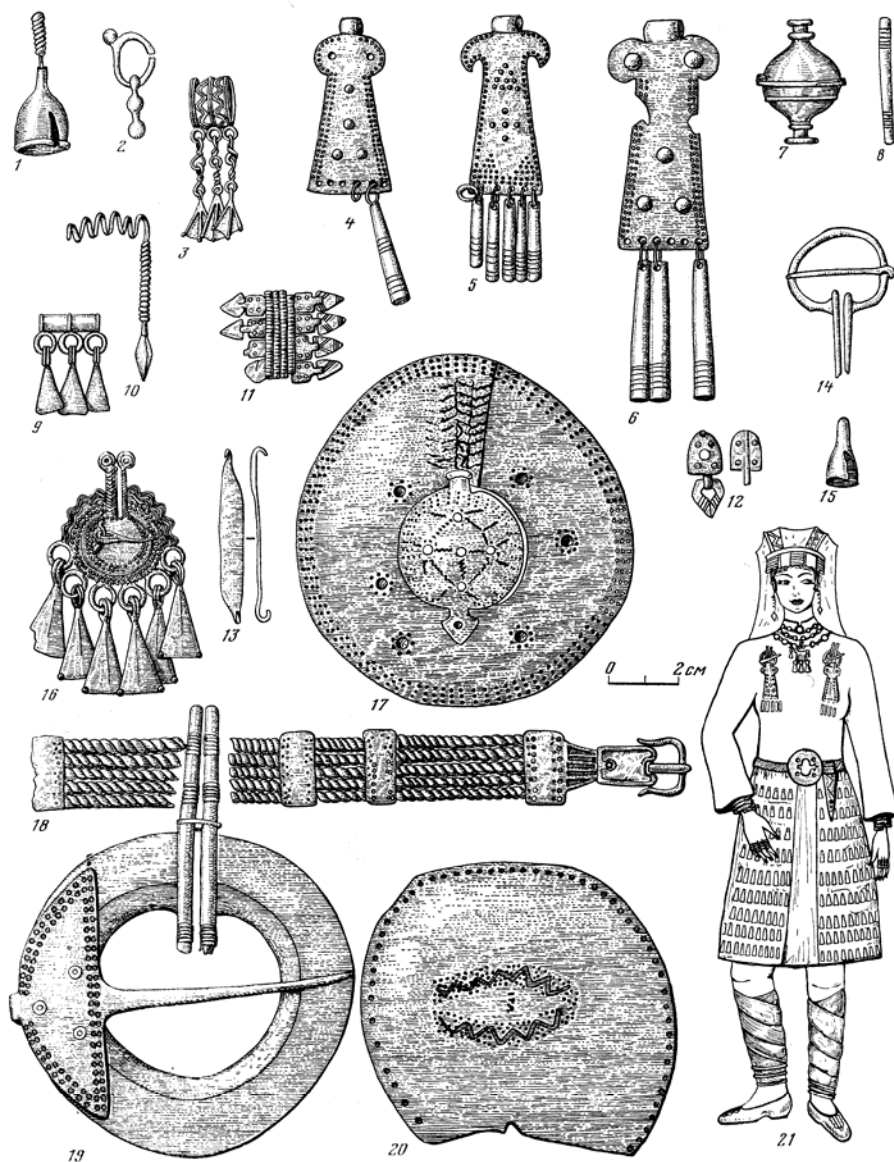
- н. X в.	- н. XII в.	- зона влияния Волжской Булгарии
- н. XI в.	- н. XIII в.	- зона влияния Древней Руси

Волжская Булгария и ее соседи

ряду с древнемордовскими памятниками в правобережье Волги в устье Суры зафиксирована большая группа памятников с элементами разных культур. Это не только городища и селища, но и могильники (Иваньковский и Волчихинский) [Финно-угры, 1999]. Отличительной чертой погребального обряда этих памятников является значительное количество трупосожжений (52–60%) и расположение могильных ям по линии север-юг с отклонениями на запад и восток.

На Средней Сура продолжала существовать Ош-Пандинская группа именковских поселений, которые появились здесь еще в середине I тыс. н.э. [Степанов, 1967].

Именьковские памятники располагались небольшими компактными группами, как правило, вокруг городища. Такая планировка характерна для земледельческих поселений, что подтверждается также находками злаков и наральных. Помимо этого, важную роль играли охота (медведь, лось, кабан) и рыболовство. Об этом же свидетельствуют наконечники стрел, в основном костяные, и рыболовные крючки. Среди инструментов на поселениях встречаются тесла и долота, кузнечные принадлежности, ложки, кочедыки, глиняные льячки и пряслица. Особенностью глиняной посуды на именьковских памятниках является

Украшения VIII–IX вв. из могильников мордвы
[Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.294]

большое число сковород и миниатюрных сосудов.

В устье р. Теша, на левом берегу Оки появляются муромские поселения и могильники [Гришаков, Зеленева, 1990]. Основным занятием этого населения было животноводство. На поселениях встречаются, прежде всего, кости свиней и лошадей. Из орудий труда характерны тесла, втульчатые топоры-кельты и ножи, литые принадлежности, встречаются также серпы и коса-горбуша. Начинают распространяться проушные топоры и пешни.

Глиняная посуда вся лепная в виде горшков, мисок и банок.

В верховьях Суры во второй половине VII – VIII вв. сохранялось древнемордовское население, которое большинством исследователей связывается с мордвой-мокшей [Полесских, 1979; Вихляев, 2000]. В правобережье, на возвышенности «Сурская Шишка» (в районе современных сс. Кижеватово, Степановка), в лесной зоне с сильно пересеченным рельефом, на юге граничащей с безлюдной степью, на территории площадью 70 x 40 км располагалась

группа неукрепленных поселений, рядом с которыми находились могильники [Полеских, 1977]. На селищах распространены втульчатые топоры, тесла, ножи, литейные формы и пряслица из глины. Также много фрагментов глиняной лепной посуды бурого цвета.

Грунтовые могильники располагались и на левом берегу Суры (Армиевский 1, Кривозерский). Для могильников характерна рядовая планировка. Господствующим был обряд труположения, трупосожжения встречаются изредка. Захоронения совершались в простых могильных ямах. Умерших хоронили в вытянутом положении, головой на юг или юго-запад. В женских погребениях встречаются височные подвески с коротким стержнем и массивным бипирамидальным грузиком. В женском головном уборе присутствует накосник из кожаных ремешков с нанизанными на них бронзовыми пронизками, завершающимися бутылчатymi привесками. В женском костюме встречаются серповидные пластинчатые гривны, круглодротовые гривны, утончающиеся к концам с застежкой в виде двух крючков, дисковидные нагрудные бляхи с шестиугольной крышечкой, сюльгамы с короткими «усами» [Вихляев, 1977]. В мужских погребениях встречаются поясные наборы, оружие и предметы быта. Для верхнесурских племен характерно помещение в мужскую могилу лепных плоскодонных сосудов [Вихляев, Петербургский, 1999].

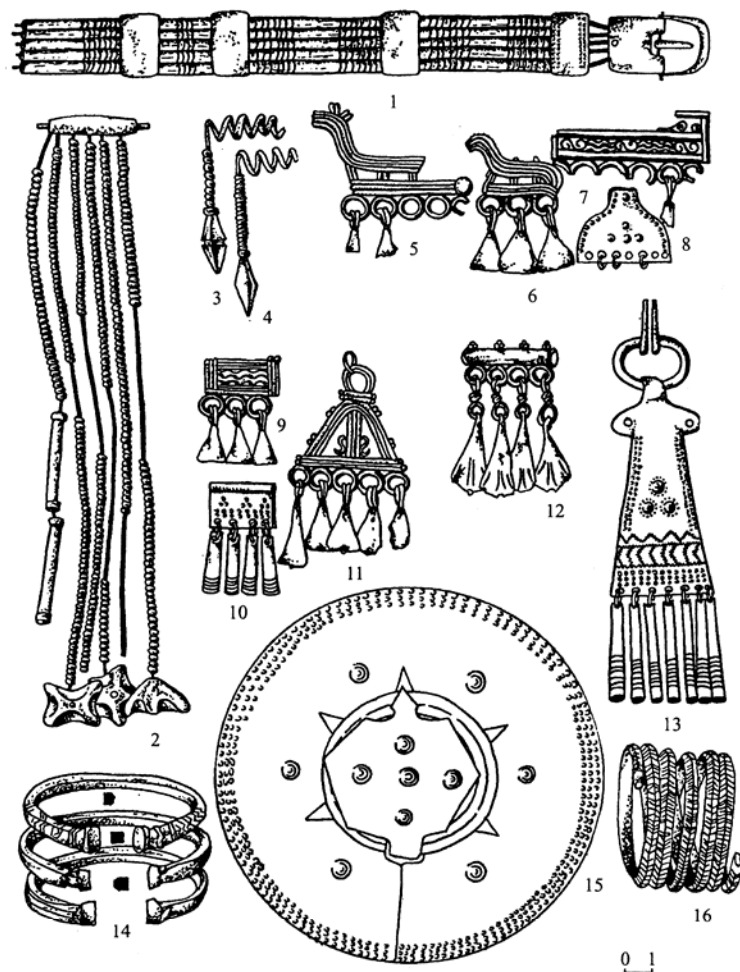
К концу VII – в начале VIII в. верхнесурские территории пустеют, часть населения, вероятно, уходит на северо-запад – в Цнинско-Мокшанское междуречье, где появляются среднецнинские могильники. Цнинско-Мокшанское междуречье, как и верхнесурские районы, было занято лесами. Здесь доминирует равнинный рельеф с многочисленными широкими речными долинами с множеством болот. В целом природные условия района благоприятны для ведения промыслового хозяйства, что присуще древней мордве на рубеже I–II тыс. О распространении охоты и рыболовства свидетельствуют наконечники стрел, рыболовные крючки, гарпуны. Характерны также литейные принадлежности,

втульчатые топоры и тесла, ножи, глиняные пряслица и лепная посуда.

Эти территории начинают осваиваться древнемордовским населением в середине VII в. (ранние захоронения Старобадиковского 2, Елизавет-Михайловского и Серповского могильников). Цнинско-мокшанские могильники на раннем этапе по погребальному ритуалу (северная и западная ориентировка, расположение сосудов в мужских погребениях, большие размеры могильных ям) и инвентарю (височные подвески, серповидные гривны с колечками, повязки для рук из спиральных пронизок и пластинчатых обоймочек и др.) обнаруживают большое сходство с могильниками тешской группы древней мордвы, такими, как Абрамовский, Старший Кужендеевский, Выползово I. Можно полагать, что формирование культуры населения на Цне и Мокше в середине – второй половине VII в. происходило с участием древнемордовских племен северного региона [Зеленцова, 2000].

В начале VIII в. в этот район продвигаются, как отмечалось выше, верхнесурские племена, оставившие могильники армиевского типа. Они принесли с собой южную и юго-западную ориентировку и набор украшений, который не был чужд и местному населению.

В это время для традиционного женского костюма характерны такие украшения, как височная подвеска с массивным бипирамидальным грузиком с поперечной выемкой, накосник с бутылчатыми подвесками и подвесками-коробочками, появляются венчики, которые ранее не были характерны для древнемокшанского головного убора. Распространены нагрудные бляхи с шестиугольной крышечкой и треугольными прорезями на корпусе, пластинчатые гривны с отдельными полукруглыми накладками с колечками или с цельной фигурной накладкой. В ранних погребениях присутствуют сюльгамы с короткими завернутыми концами, массивные шестигранные шляпконочные браслеты. В мужских погребениях встречаются бытовые предметы, топоры, геральдические поясные наборы и оружие. Особый интерес вызывает распространение поясов неволинского типа. Иногда встречаются за-

Вещевой комплекс женских погребений VIII–XI вв. Могильники: Журавкинский II (1, 3–7, 9, 11, 12, 13); Старобадиковский II (2, 8, 10, 14–16) [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.131]

стежки с «крылатой» иглой, свидетельствующие, очевидно, об особом статусе их владельцев.

Волго-Тешский бассейн был районом формирования и расселения древнеэзрянского населения [Мартьянов, 2001]. В природном отношении это лесная зона с сильно пересеченной местностью, удобная для различных промыслов.

Для погребального обряда древнеэзрянского населения характерно сочетание ингумации и кремации. Особенностью этих памятников является значительное количество трупосожжений. Встречаются парные захоронения, в том числе и трупосожжения мужчин совместно с трупоположением женщины в одной могильной яме. Погре-

бенные по обряду ингумации лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища у мужчин, у женщин сложены в области таза. Преобладающей является северная и северо-западная ориентировка [там же]. В мужских погребениях встречаются женские украшения, положенные в качестве дара или символического захоронения женщины. В состав женского костюма входили налобные венчики, височные подвески в виде стержня, обмотанного тонкой проволокой со спиралью на одном конце и бипирамидальным грузиком с «воротничком» на другом. Эта подвеска является этномаркирующим украшением, характерным только для мордвы. Изменяясь, она доживает в мордовском костюме до конца XI в.

В состав головного убора входили кистевидные наконечники в виде кожного ремешка, разрезанного на длинные полоски, на которые нанизаны бронзовые пронизки. Оканчивались кисти бутыльчатymi привесками. Распространенным украшением женского костюма были простые серповидные гривны и серповидные гривны с отдельными полукруглыми накладочками с колечками, ожерелья из стеклянных бус и бронзовых пронизок и подвесок, нагрудные дисковидные бляхи с круглым отверстием, прикрытым шестиугольной крышечкой [Вихляев, Петербургский, 1999]. Женские захоронения сопровождалась глиняной лепной посудой.

Предположительно в середине – второй половине VII в. часть северомордовского населения уходит на юг, где появляются могильники Тенишевский и «Мещанский лес» в бассейне р. Мокше, Серповский и Елизавет-Михайловский на Средней Цне.

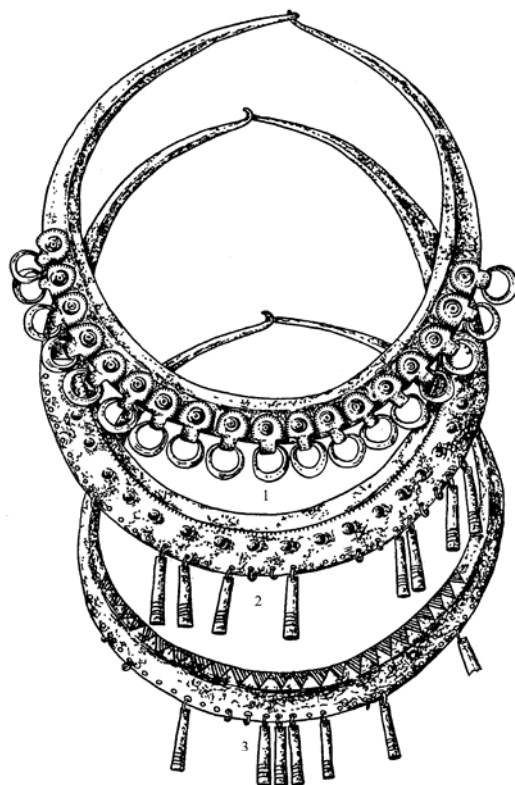
Таким образом, для VIII в. характерна относительная стабильность внутри региона. Древнемордовские племена постепенно осваивают новые территории в пределах региона, а вероятной причиной этих передвижений было появление новых групп населения на западе (мурома), юге (буртасы) и на востоке (булгары).

В IX в. ситуация резко меняется.

Важнейшие изменения произошли в Среднем Посурье. Располагавшая здесь ош-пандинская группа именьковских памятников полностью прекратила свое существование, а территория ее обитания полностью запустела.

На правобережье Волги в низовьях Суры по-прежнему продолжала бытовать группа поселений со смешанным населением, в которой встречаются как селища, так и городища. Однако количество их резко сократилось. Прекратили существование и могильники. В низовьях Оки число памятников мурома удваивается, они появляются теперь и на правом берегу этой реки. В целом же население правобережья Волги значительно сокращается.

На левобережье верхний Суры в среднем течении р. Узы по мере ухода древнемордовского населения распространяется новая группа поселений (селища, городища и курганно-грунтовой могильник), которые

Вещевой комплекс женских погребений VIII–XI вв. на Старобадиковском II могильнике [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.133]

ученые связывают с буртасами [Халиков, Валиулина, 1984; Белорыбкин, 1995]. При этом возникают они почти в тех же районах, где до этого располагались памятники мордвы (в районе с. Армиево). В результате складывается смешанная культура, включающая в себя пришлые степные элементы и местные лесные. Характерной чертой новопоселенцев является строительство городищ и особый обряд захоронения [Осипова, 2000]. Река Сура служила как бы разделяющей линией между мордовской и буртасской территорией обитания. Отличительной чертой сурских поселений на левом берегу является гнездовой способ их размещения, как на предшествующих именьковских поселениях на Средней Суре. Исследования почв под валами Армиевского I городища позволили установить, что здесь было распространено подсечно-огневое земледелие без вспашки. Среди инструментов появляются проуш-

ные топоры, по-прежнему широко распространены ножи, тесла и глиняные пряслица. Среди последних появляются пряслица из стенок сосудов. Изменяется и глиняная посуда. Появляются сковороды, чаши, блюда. На горшках и мисках распространяется острорребность и ангобирование и исчезает орнаментация. Распространяется мода на хазарские вещи, в том числе и украшения. Однако высокохудожественных изделий здесь практически нет, зато много подражаний, которые отливались в формах по образцам, а помимо серебра использовались оловянистые бронзы. Это такие украшения, как серьги с бусинами, амулеты (когтевидные, колесовидные, крестовидные), подвески, детали поясов и сумок. По-прежнему много мордовских украшений, часть которых отличается большими размерами, например, сюльгама с «усами».

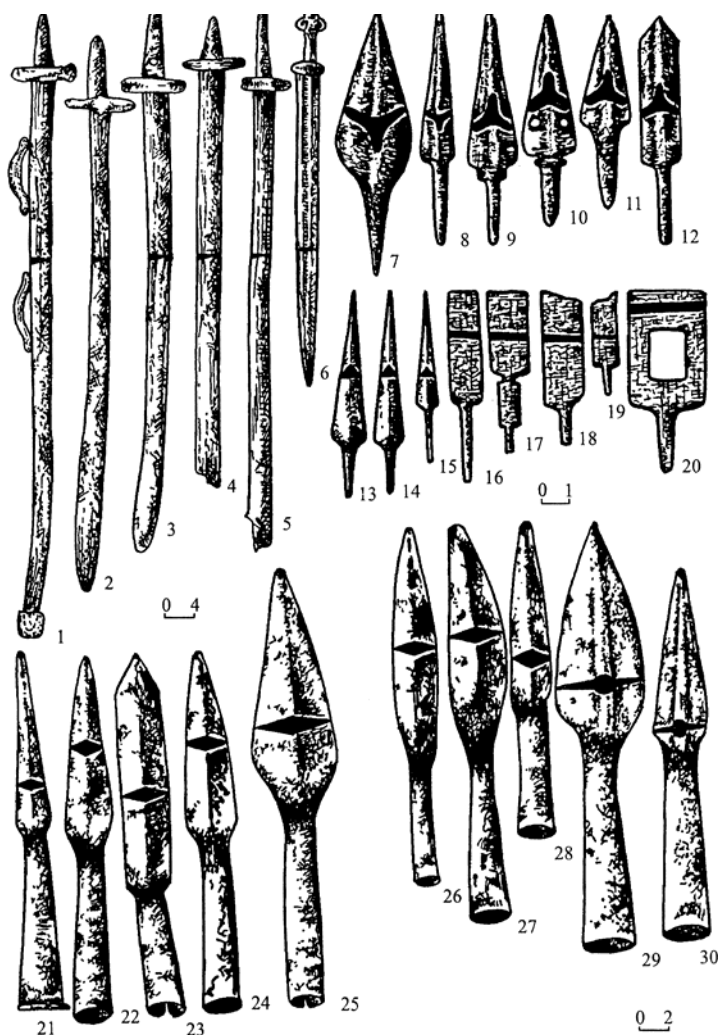
Отношения между новым населением и мордвой складывались мирные и, тем не менее, в VIII–IX вв. основная масса мордвы, вероятно, ушла на запад, а оставшаяся часть фактически была ассимилирована пришлыми племенами – буртасами.

Если в Верхнем Посурье мордовское население резко сокращается, то в Цнинско-Мокшанском междуречье его плотность увеличивается. На Средней Цне зафиксирована группа из 15 древнемордовских могильников, в научной литературе приписываемая т.н. «среднецнинской мордве» [Алихова, 1969]. Увеличивается население в Вадо-Вышинском междуречье и в среднем Примокшанье. Все эти памятники традиционно связываются с мордвой-мокшей [Вихляев, Петербургский, 1999]. В погребальном обряде и материальной культуре продолжается развитие старых традиций и эволюция привычных видов украшений. Продолжает существовать бритуальный обряд погребения. Преобладали трупоположения. Умерших хоронили в вытянутом положении головой на юг с небольшими отклонениями на запад и восток. Руки у мужчин вытянуты, у женщин положены в области таза. Около 15–18% погребений совершались по обряду кремации. Большинство погребений, совершенных по обряду кремации, сопровождаются мужскими вещами [Зеленцова, 1998]. Кремация производилась на стороне,

на специальных площадках [Вихляев, Петербургский, 1999]. Очищенные от золы и углей кальцинированные кости ссыпались одной или двумя кучками в области предполагаемой головы и ног в могильной яме обычной формы. Украшения и другой инвентарь не имеют следов пребывания в огне. Они помещались в погребение после кремации. Вещи располагались без определенного порядка на кальцинированных костях, изредка они расположены в порядке их ношения.

В это время продолжается эволюция известных ранее украшений и происходит унификация женского костюма. Головной убор включал налобный венчик, состоящий из длинных и коротких металлических плоских трубочек, перемежающихся обоймочками. Продолжали бытовать височные подвески старых форм, но менее массивные, без выемки на бипирамидальном грузике, встречаются подвески необычного типа – с уплощенным грузиком-«листочком», выполненные из белого сплава. В состав головного убора входит также накошник, такого же вида, что и ранее с бутылчатými, коробчатыми и другими привесками. В «моде» кованые сюльгамы с длинными «усами», однако, большее распространение получают литые, привычной формы, но более массивные и прочные. Шейные украшения представлены ожерельями из мозаичных и «глазчатых» бус, шумящими привесками, пронизками и гривнами. Гривны отличаются многообразием: дровые с проволоочной обмоткой и замком в виде массивной многогранной шляпки и петли, ложновитые с такой же застежкой, серповидные пластинчатые простые и с привесками. Видоизменившиеся, продолжают существовать бляхи с круглой крышечкой и шестью выпуклыми на корпусе. Эволюция шляпконочных браслетов идет в направлении уменьшения их массивности [Зеленцова, 1998].

В погребальном инвентаре мужских захоронений распространены шейные круглодротовые гривны, браслеты. Роль воинской фибулы играет крупная бронзовая или реже железная сюльгама. В мужском уборе этого времени ощущается заметное влияние культуры Хазарского каганата – носителей салтово-маяцкой археологической

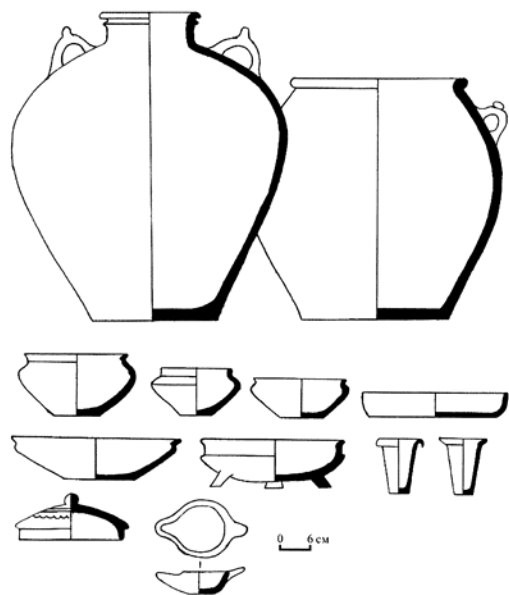
Оружие мордвы VIII – XI вв. Могильники: Старобадиковский II (1–5, 7–30); Журавкинский II (6) [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.137]

культуры. Широко распространены салтовские поясные наборы, предметы вооружения, амулеты, серьги, которые, судя по находке литейной формы в Елизавет-Михайловском могильнике, производились на месте. Наблюдаются связанные с салтовским влиянием инновации в обряде захоронения женщин, в частности, появляются первые скорченные погребения.

Моду на салтовские предметы мужского снаряжения и новые явления в погребальном обряде, вероятно, нельзя объяснить только территориальной близостью данной группы древнемордовских могильников к верхнедонским памятникам. Очевидно, цнинско-мокшанское население на-

ходило в сфере влияния Хазарского каганата и, по сведениям хазарских письменных источников, платило хазарам дань [Коковцов, 1932, с.98–99].

Таким образом, общая ситуация в регионе характеризуется всплеском роста населения мордвы-мокши в Цнинско-Мокшанском междуречье, сокращением территории ее проживания за счет ухода с верховьев Суры и появлением здесь бургас. Фиксируется сокращение числа памятников в Потешье и движение муромы на восток. Наблюдается огромное влияние Хазарского каганата на население этого региона, часть которого, вероятно, попала от него в зависимость.

Посуда болгарского типа
в Верхнем Посурье и Примокшанье

В X в. в низовьях Суры сохраняется ситуация, характерная для предыдущей эпохи. На противоположном левом берегу Волги появляются болгарские поселения. Практически все правобережье Волги от устья Оки до устья Суры пустеет.

Древнемордовские племена продолжают занимать те же территории, что и ранее. Компактная группа древнеэрзянских памятников концентрируется в среднем течении р. Тешы. Наряду с могильниками и поселениями здесь появляются новые городища (Саконское, Хохловское, Надеждинское) – «тверди» по русским летописям [ПСРЛ, 1965, X, с.95]. Культурный слой, зафиксированный на городищах, небольшой и весьма бедный, что свидетельствует о том, что они использовались, вероятно, в качестве убежищ [Мартьянов, 2001]. Наблюдается процесс обособления этих памятников от примокшанских и, судя по появлению укрепленных поселений, это сопровождалось противостоянием как с мордвой-мокшей, так и с муромой.

С запада к древнемордовским поселениям на Средней Теше приблизились памятники муромы, количество которых продолжает интенсивно расти (5 могильников на правом берегу и 9 памятников

на левом). Большинство из них концентрируются возле Оки, в районе устья р. Тешы. Отличительной чертой этого времени является наличие железоплавильных печей и кузнечных горнов на поселениях, а также смена втульчатых топоров проушными и появление чернолощеной посуды на поддонах. Активно развивается торговля по Оке, о чем свидетельствует множество кладов серебряных дирхемов.

В Цнинско-Мокшанском регионе идет процесс увеличения древнемордовского населения. Южная граница отодвигается к верховьям Цны, где появляется Лядинский могильник [Готье, 1941]. Полностью осваивается Мокшанско-Вадинское междуречье, где появляются новые поселения, городища и могильники (18 селищ и 1 городище – Кармалейское). В результате заполняются прежде безлюдные пространства этого района. Основные занятия связаны с лесными промыслами. Имеются также многочисленные принадлежности литейного дела. На смену втульчатым топорам приходят проушные. В это время широко распространяются различные виды вооружения. Особенно надо отметить внедрение сабель на Цне и каролингских мечей в Нижнем Примокшанье.

В верховьях Суры мордовское население практически исчезает. На этой территории появляются поселения со смешанной болгаро-буртаской культурой [Полюсских, 1981; Белорыбкин, 2003]. Поселения распространяются как по правому, так и по левому берегу Суры. Здесь возникают не только открытые поселения, но и хорошо укрепленные крепости. Основой хозяйства становится пашенное земледелие. Здесь начинают распространяться инструменты аланского и болгарского типа. Отличительной чертой является распространение восточных типов наконечников стрел.

С востока по Суре и Мокше стали проникать дирхемы и различные изделия. С запада широко распространялись шиферные пряслица. Все это тесно связано с существованием в регионе крупных торговых путей: водного – по Волге и Оке, сухопутного – из Булгара в Киев.

В XI в. происходят большие изменения в географии расселения народов Посурья и Примокшанья.

Булгарские поселения занимают все Сурско-Свияжское междуречье. Появляются они в среднем и нижнем течении Суры. Верхнее Посурье было занято поселениями булгарского типа, на которых проживало смешанное население. Регион был плотно заселен. Новые городища и поселения возникают как в ранее необжитых районах, так и на месте бывших мордовских поселений. Для них свойственен гнездовый способ расположения, когда вокруг городища-крепости концентрируются сельские поселения. Это во многом было обусловлено земледельческим характером хозяйства. О его уровне и урожайности свидетельствуют железные лемехи и чересла от плугов, каменные жернова, зерновые ямы и амбары.

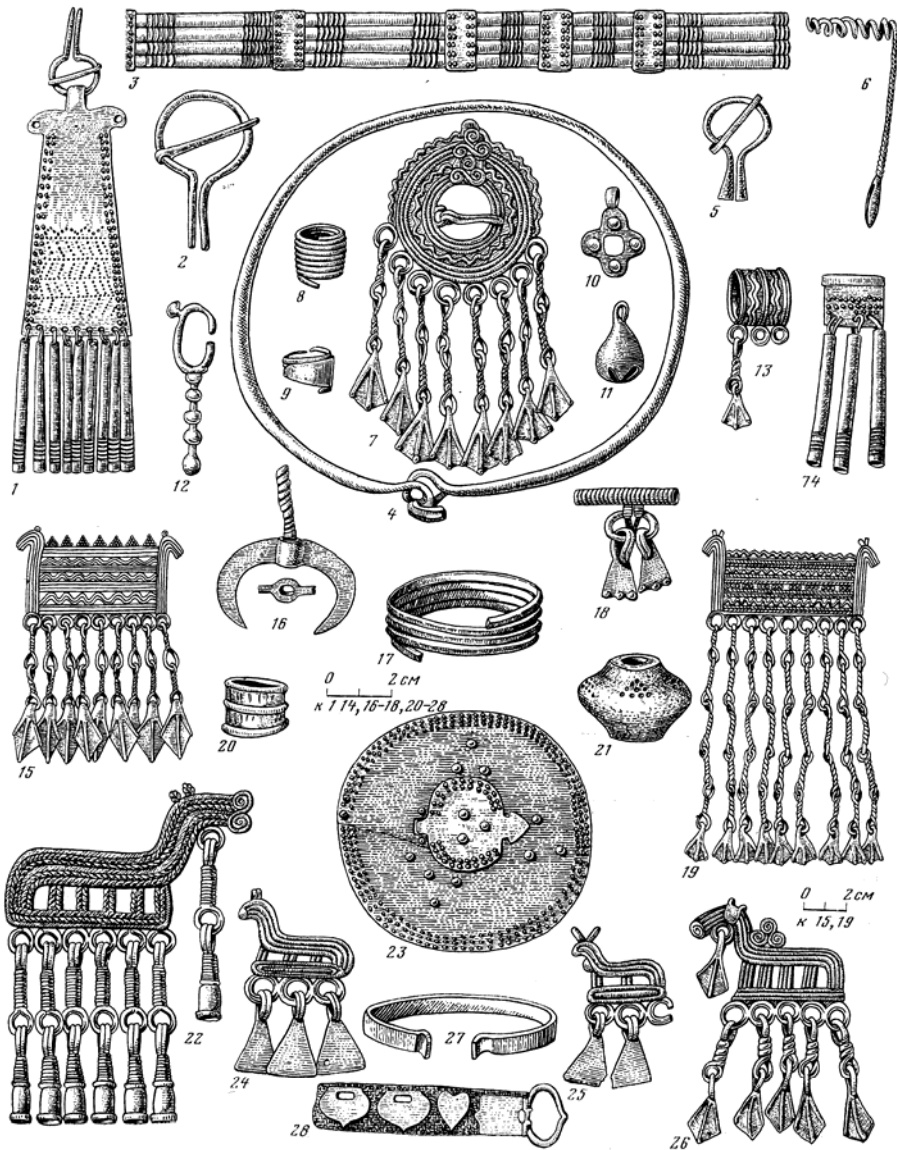
В устройстве городищ прослеживаются булгарские традиции оборонительного зодчества. Выделяются три группы расселения: неклюдовская на р. Уза, верхнесурская в верховьях Суры и правобережная или юловско-золотаревская на правом берегу Суры. Самой многочисленной являлась последняя группа. Характерной чертой этих поселений является распространение на них материальной культуры населения Волжской Булгарии, с некоторыми территориальными и культурными особенностями. В литературе памятники Верхнего Посурья получили название памятников с красной гончарной посудой [Полесских, 1970]. Обнаруженные на поселениях горны свидетельствуют о местном производстве круговой посуды. Наряду с этим по-прежнему активно использовалась местная лепная посуда. Такие признаки лепной посуды, как приземистость форм, остросереберность, использование в качестве примеси известняковой крошки, отмечаются и в группе круговой. Круговая посуда была ангобирована глиной красных тонов [Белорыбкин, 1990].

Помимо посуды на поселениях Верхнего Посурья часто встречаются булгарские сельскохозяйственные и ремесленные орудия труда, а также различные изделия. Большинство из них изготавливалось на месте по булгарским технологиям (на-

пример, замки и топоры), но часть привозилась из центральных районов Волжской Булгарии по торговому пути Булгар–Киев, который проходил через Верхнее Посурье [Белорыбкин, 1986]. Здесь же было налажено массовое производство как мордовских украшений, так и имитационных булгарских. Из центральных районов Волжской Булгарии стали проникать различные слитки из олова, свинца и серебра, которые были ориентированы на весовую норму мискаля в 4,095 г.

Определенные изменения происходят в Примокшанье. С одной стороны, сокращается территория расселения мордвы-мокши (полностью опустело Нижнее Примокшанье), с другой стороны, на Цне число мордовских могильников сократилось наполовину. Плотность населения в Мокшанско-Вадском междуречье продолжает увеличиваться, вероятно, и за счет среднецнинского населения. В результате между Мокшей и Вадом плотность заселенности достигла уровня Волжской Булгарии. В то же время Мокшано-Сурский водораздел оставался незаселенным. Основой хозяйства по-прежнему оставались промыслы и кустарное производство.

В этот период женский древнемокшанский костюм включал украшения, которые были прямым продолжением ранее известных типов, в том числе височные подвески с длинным стержнем и тонким бипирамидальным или каплевидным грузиком. В комплексах с подобными подвесками нередко сюльгамы с длинными «усами», равными двум диаметрам кольца, сюльгамы с отогнутыми «усами» и узколопастные – прототипы более поздних, лопастных. Для головного убора характерны венчики прежних типов, вместо кистевидных наконечников появляются пулокери в виде лубяного футляра для косы, обмотанного ремешком, обвитым бронзовой проволокой. В моде пластинчатые браслеты с отогнутыми концами – наиболее поздние в эволюционном ряду шляпконочных, а также пластинчатые с прямосрезанными концами. Из гривен распространены ложновитые с уплощенными многогранными шляпками, а также пластинчатые лопастные гривны с привесками и без них. В XI в. завершается эволюция нагрудных дисковидных

Украшения X–XI вв. из могильников мордвы
[Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.295]

блях – они в это время небольшого размера, выполнены из тонкого бронзового или серебряного листа, корпус не декорирован.

Для женского костюма в X–XI вв. характерны т.н. коньковые шумящие украшения, производство которых, по мнению ряда исследователей, было налажено на территории Волжской Булгарии [Хлебникова, 1996]. Среди женского инвентаря появляются украшения, изготовленные в мастерских Волжской Булгарии. Это

овальнощитковые перстни с выгравированными арабскими письменами [Полякова, 1996, с.17, рис.61: 12–13], пластинчатые браслеты с продольной выемкой и овальным щитком с цветочной розеткой на концах [там же, с.185, рис.63: 3]. В мужском костюме появляются поясные наборы, выполненные в Волжской Булгарии – с фигурными накладками, соединенными на поясе в виде «змейки», с растительным орнаментом и т.д. К поясам привешивались

кожаные сумочки с металлическими обкладками. Все эти образцы болгарского ремесла пользовались большой популярностью в древнемордовской среде. В X–XI вв. предметы болгарского импорта попадали сюда в результате торгового обмена. Безусловно, посредством болгарской торговли попадали к мордве изделия арабских ремесленников – бронзовое ведро с арабской надписью из Лядинского могильника, шелковые ткани, найденные в захоронениях Крюково-Кужновского и Журавкинского II могильников [Готье, 1941; Иванов, 1952; Петербургский, 1979].

Появляются в погребениях вещи и славянского импорта: шиферные пряслица, некоторые типы поясных наборов, височных подвесок, посуды. Связи со славянами не ограничиваются только торговыми контактами, о чем свидетельствует погребение 507 (Крюково-Кужновский могильник) с западной ориентировкой и височными кольцами радимичского типа.

На р. Теше также происходят изменения. Прекратили существование городища, но увеличилось число могильников. Окрестные территории, особенно к северу и востоку от Теши, были безлюдными.

Серьезные изменения произошли на Оке. В XI в. в устье Теши муромских памятников уже нет и территорию заселяют русские, главным форпостом которых стал г. Муром на правом берегу Оки, недалеко от устья Теши. Часть мурома сохранилась лишь к северу от г. Мурома, а остальная смешалась с русскими, либо ушла на восток – на территорию эрзи.

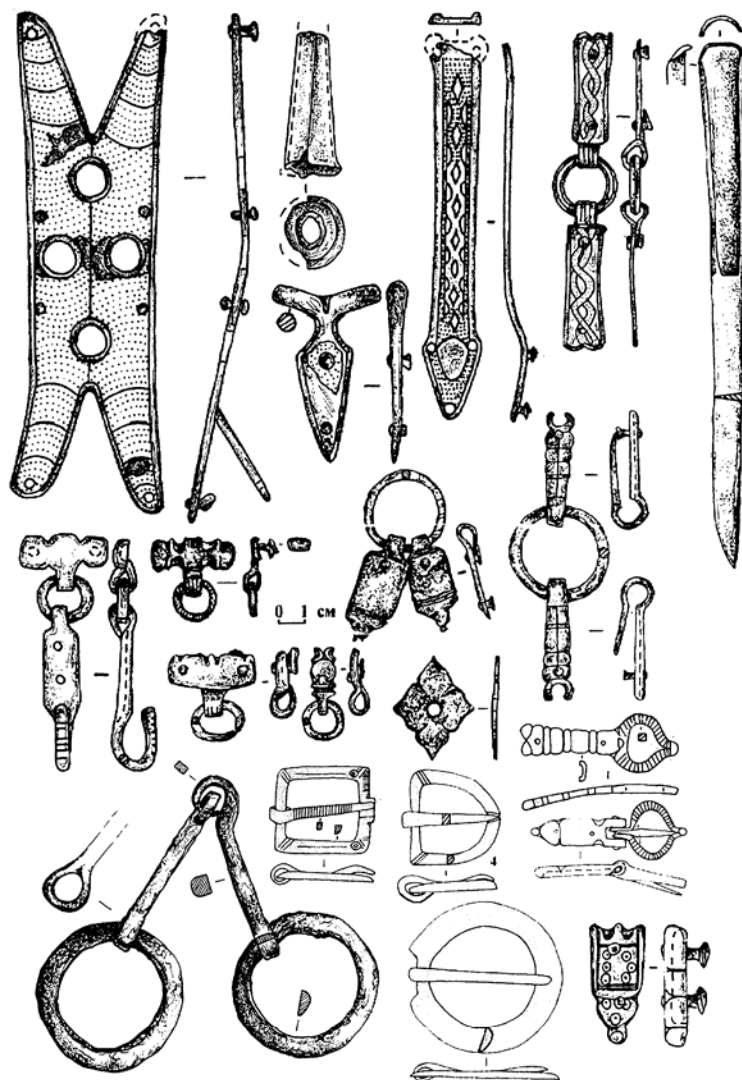
В XII в. на территории Верхнего Посурья продолжается процесс увеличения числа поселений и развития ремесел. Распространяются гончарные горны, медное дело выделяется в самостоятельную отрасль, функционируют ювелирные мастерские. Приметой этого времени стало появление большого числа конского снаряжения и поясов аскизского типа с золотым покрытием и распространение местных подражаний изделиям аскизской культуры. Одновременно сюда проникают украшения из Владимиро-Суздальской Руси, в основном с христианской символикой.

В Цнинско-Мокшанском междуречье идут интенсивные перемены. На рубеже

XI–XII вв. древнемордовские могильники на Средней Цне прекращают свое существование. Достоверных фактов, объясняющих причину исчезновения здесь древнемордовского населения нет. Возможно, это результат половецкого нашествия, которое привело к уничтожению населения, либо присоединения этих земель к Рязанскому княжеству и ухода древней мордвы на восток. Впрочем, вновь появившиеся славянские поселения на Цне были довольно редкими.

На Ваде и Мокше древнемордовское население сохраняет территорию обитания и основные занятия. В правобережье Вада и на Выше появляются поселения с круговой посудой, близкой по основным параметрам верхнесурской. Большинство из этих поселений представляют собой укрепленные городища (Наровчатское, Скновское, Сергополивановское, Жуковские I–III, Вышинские I–III и др.). Они располагаются преимущественно вдоль основных рек региона, по южной и западной границе расселения мордвы [Белорыбкин, 1995]. Эти городища граничили с русскими поселениями, которые все дальше продвигались на восток. Появились как смешанные поселения, так и собственно мордовские и булгаро-буртасские, находящиеся зачастую рядом друг с другом. Как и в Верхнем Посурье, здесь фиксируется гнездовой способ расселения. Вокруг мощных городищ-крепостей располагаются селища с круговой посудой и могильники. Это было обусловлено распространением земледельческих традиций Волжской Булгарии, о чем свидетельствуют находки лемехов и жерновов.

Наиболее ярким показателем этих процессов может служить круговая посуда. С востока из Верхнего Посурья распространяется красная круговая посуда, с запада – черная и белая круговая посуда из Руси. Особенно интересные процессы происходили по берегам Мокши. Здесь в могильниках и на поселениях встречается круговая посуда, схожая по форме с лепной мордовской посудой, и лепная керамика, имитирующая круговую посуду [Беговаткин, 2004]. Распространяются также топоры болгарского типа с широким лезвием, замки, украшения. Все это свидетельствует

Изделия аскизские и аскизского типа в Верхнем Посуре и Примокшанье

об активном проникновении материальной культуры Волжской Булгарии в Примокшанье. Появились также конские украшения аскизского типа.

В погребальном обряде мордвы-мокши Мокшанско-Вадского междуречья сохраняются черты предшествующего времени: грунтовые могильные ямы подчетырехугольной формы, преимущественно южная, с небольшими отклонениями, ориентировка умерших, наличие в засыпке древесных угольков, фрагментов керамики, костей животных, «дарственный» женский комплекс в мужском погребении, сосуд в изголовье или ногах женских захоронений и пр.

В то же время появляются новые обычаи – скорченное, как правило, на правом боку, положение женщин в погребении [Беляев, 1987]. Самые ранние два женских и одно мужское погребение на боку датируются первой половиной VIII в. в среднецинских могильниках. Там же известны захоронения по обряду скорченности, датирующиеся X–XI вв. [Зеленцова, 1998]. Таким образом, этот обряд имел давние традиции и истоком его появления, вероятно, были тесные контакты древнемокшанского населения с салтовскими племенами [Алихова, 1959]. В Кельгининском могильнике зафиксирован такой новый погреб-

бальный обычай, как конские захоронения [Беляев, Вихляев и др., 1998].

Происходят изменения в составе украшений женского костюма. В головной убор входит накосник-«пулокерь» в виде плотно обмотанного бронзовой полоской лубяного футляра, перстнеобразные височные кольца и серьги из бронзовой проволоки с завитком на конце [Петербургский, Первушкин, 1992]. Шейные украшения представлены только стеклянными бусами. Руки украшались перстнями и браслетами различных типов. В тот период распространены витые из нескольких проволок петлекопечные браслеты, плетеные браслеты со стеклянными вставками на концах. Эти браслеты были очень популярны у мордвы-мокши и, вероятно, изготавливались специально для них в мастерских Волжской Булгарии. Самой массовой категорией украшения костюма остаются сьюлгамы. В это время распространены кольцевые сьюлгамы с завернутыми слегка выступающими «усами». Отдельные экземпляры имеют обмотку по кольцу. Характерны также сьюлгамы, отогнутые «усы» которых раскованы в пластинчатые узкие лопасти.

Меняется ситуация в Окско-Тешском районе. Русское население к этому времени полностью освоило правый берег Оки и начало осваивать правобережье устья Оки. Специфические муромские памятники исчезают.

В бассейне Тешы мордовское население удваивается как за счет уплотнения, так и за счет расширения территории на юг и восток. Возможно, это результат прихода сюда части муромского населения. С ними, скорее всего, связано широкое распространение на Теше и Мокше тесел с квадратной втулкой и проушных топоров с длинным (до 40 см) лезвием, получивших название «бортевые».

Очевидно, именно с этим населением следует связать появление здесь еще в IX в. группы могильников, где часто встречаются погребения с западной ориентировкой умерших (Личадеево 5, Выползово 2, 6 и Перемчалкинский). В остальных могильниках Тешского бассейна сохраняется обычай хоронить умерших головой на север и северо-запад (Пятница 7, Заречье 2, Младший Кужендеевский, Погибловский и

др.). В погребальном обряде этих могильников так же, как и у мордвы-мокши в целом, сохраняются известные ранее обычаи, но появляются и новые элементы. Особенностью погребального обряда является наличие большого количества парных погребений мужчин-воинов в вытянутом на спине положении и рядом в скорченном положении женщины, обращенной лицом к мужчине [Мартьянов, 1988]. В этих могильниках зафиксированы ритуальные погребения, когда в яму помещалось по 2–3 лепных сосуда или кости животных, а в засыпке присутствовало много кальцинированных костей. Возможно, это кенотафы. К числу ритуальных, вероятно, относятся и захоронения коней. Конские погребения имели, как правило, ориентировку, противоположную принятой на каждом из могильников, и сопровождалась конским снаряжением. Появление обычая конских захоронений связывается с внедрением в мордовскую среду пришлого муромского населения [там же; Вихляев, 1997].

Для женского костюма мордвы-эрзи характерны те же типы украшений, что известны в этот период у мордвы-мокши: накосники-пулокери, кольцевые гладкопроволочные и с обмоткой на кольце сьюлгамы, реже встречаются лопастные сьюлгамы, бусы, в том числе сердоликовые и хрустальные, а также витые браслеты.

Среди мужского населения выделяются погребения воинов-дружинников, в комплексе которых вместе с оружием встречаются всадническое снаряжение, походные медные котелки и деревянные чаши, щиты с железными умбонами [Мартьянов, 2001].

На юго-восточной границе окско-тешских памятников фиксируется группа укрепленных городищ (Хозинское, Федоровское, Понетаевское, Саровское) [Мартьянов, 1976]. Среди них своими размерами и близостью к памятникам Волжской Булгарии выделяется Саровское городище. Здесь встречается круговая посуда болгарского типа, характерная для Верхнего Посурья, а также различные ремесленные изделия, начиная от замков и ключей и кончая украшениями [Грибов, 1997; 1999]. Наряду с этим здесь больше мордовских изделий, чем на других поселениях болгар-

ского типа в Примокшанье. Находившееся здесь местное население расселяется на восток от р. Теши – на р. Пьяна и на север – на правый берег Волги, в низовья Оки.

XIII в. Если в начале века в Посурье ситуация оставалась стабильной, то для Волго-Мокшанского междуречья характерно интенсивное внедрение болгарских и русских поселений на мордовскую территорию. В результате этого с юга усиливается влияние Волжской Булгарии, центром которого становится Наровчатское городище (г. Нуриджан или Наручад?) [Кротков, 1928].

В низовьях р. Мокши возникает русский г. Кадом (первое упоминание в Никоновской летописи под 1209 г.) [ПСРЛ, 1965, X] и появляются смешанные поселения. В результате активного освоения территории Поочья русским населением мордва покидает низовья р. Теши, а в устье Оки, возможно, на месте более раннего болгарского поселения, возникает крупный древнерусский город Нижний Новгород (1221). В окрестностях города появляются смешанные русско-мордовские поселения, а также сосуществуют чересполосно русские и мордовские деревни, точно так же, как и болгаро-мордовские в Примокшанье.

Политическая обстановка в регионе в XII – первой трети XIII в. характеризуется противоборством Руси и Волжской Булгарии, стремлением обеих сторон включить мордовские земли в сферу своего влияния. Основной причиной этого противоборства было стремление контролировать Волжский торговый путь, который с усилением Владимиро-Суздальского княжества и захвата половцами Причерноморья становится преобладающим в восточной торговле.

В силу этого территория правобережья Волги попала под политическое, экономическое и культурное влияние Северо-

Восточной Руси и Волжской Булгарии, а зачастую оказывалась ареной военного противоборства этих государств. В летописи о событиях 1228 г. сообщается: «О войне на Мордву. И вшедше в землю Мордовскую в Пургасову волость, и жита пожгоша и потравиша, а скоты избиша, а села пожгоша, живущих же в волости Пургасове посекоша мечом нещадно, а прочих в плен поимаша и послаша во свояси. Мордва же слышавше вбегоша в леса в тверди свое, а которые не убегоша, и тех избиша» [там же, X, с.94–95]. В то же время в этом отрывке впервые упоминается о занятии жителей мордовской земли земледелием и скотоводством.

Территории Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья были в зоне влияния и зависимости от Волжской Булгарии, что выразилось в распространении поселений и появлении изделий болгарского типа на мордовских поселениях, а также в ориентации болгарских мастерских на мордовский рынок. О занятии населения можно судить по «Слову о погибели Русской земли» середины XIII в.: «...буртасы, черемисы, вьяда и мордва бортничали на князя великого Володимера...» [Слово, 1957, с.253]. Это подтверждают и находки кусочков воска на поселениях.

Окско-Тешское междуречье попадает в сферу влияния Владимиро-Суздальского, Муромского и Рязанского княжеств.

Но все эти процессы были приостановлены монгольским нашествием. В 1237 г., по словам Рашид ад-дина, после завоевания Волжской Булгарии «монголы сражались с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими» [Рашид ад-дин, 1960]. Следствием этого явилась активная миграция болгарского населения на запад и север, а мордовского населения – на юг и юго-восток.

2. Население Марийского Поволжья в болгарское время

Татьяна Никитина

Северо-западными соседями волжских болгар были марийцы, проживающие по обоим берегам Волги на участке от р. Суры до р. Казанки, нижнему и среднему течению р. Ветлуги, правобережным притокам р. Вятки. Благодаря многолетним и плодотворным работам А.П.Смирнова [1952], А.Х.Халикова [1976; 1993], Г.А.Архипова [1973, 1986, 1991] и активным археологическим исследованиям в последние десятилетия [Никитина, 2002] получены яркие материалы о самобытной культуре марийского народа в эпоху развитого средневековья.

У окружающих народов марийцы до XX в. были известны под этнонимом «черемисы». Указанную выше территорию предки марийских племен освоили с середины VI – VIII вв., выбирая для мест постоянного проживания берега крупных рр. Волги, Вятки, Ветлуги, Большой Кокшаги, Илети. Стараясь максимально использовать рельеф местности, первоначально они селились, в основном, на городищах, которые устраивали на мысах высоких коренных береговых террас с крутыми склонами, представляющими трудность для подъема. Мысы, занятые под городища, имели подтреугольную, реже подчетыреугольную формы. С напольной незащищенной стороны площадки городищ дополнительно укреплялись земляными валами шишкообразной, чаще дугообразной формы, и рвами. Иногда для поселения использовались городища эпохи раннего железного века с уже насыпанными валами, которые только обновлялись.

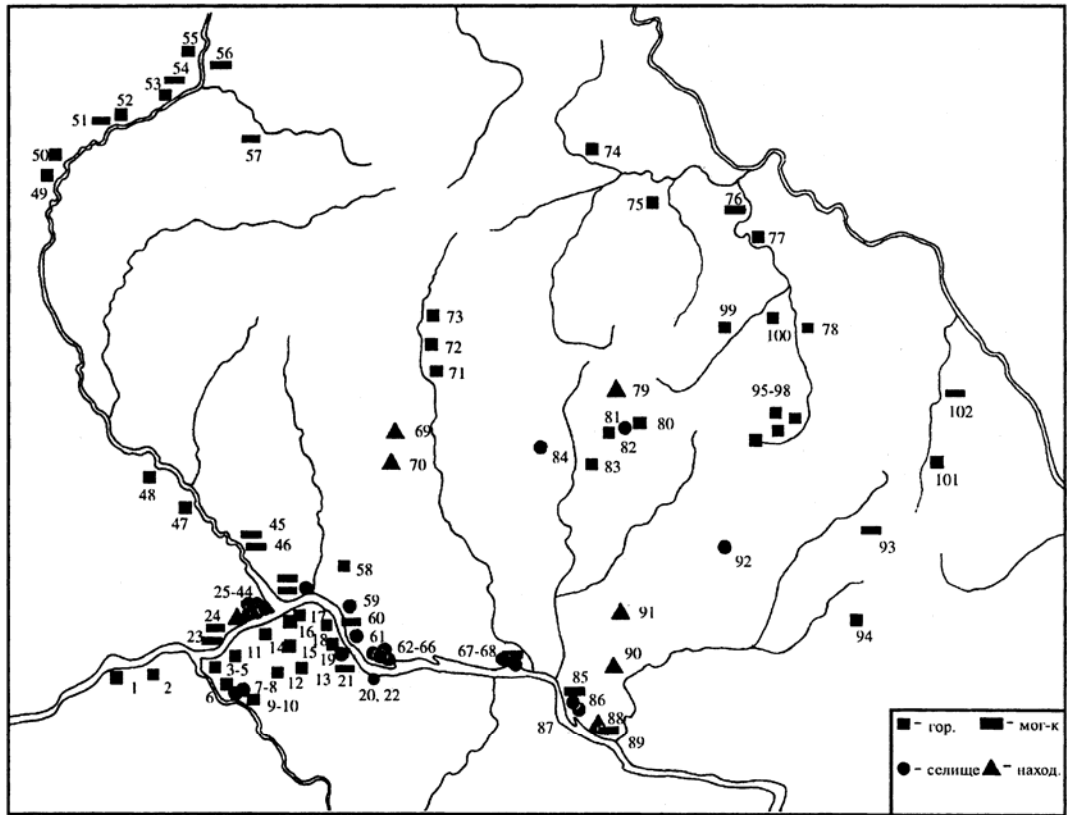
Период наибольшего расцвета и начальный процесс этнической консолидации марийской народности на территории Ветлужско-Вятского междуречья приходится на IX–XI вв. Именно к X в. относится первое упоминание о них в качестве соседей болгар в письме хазарского кагана Иосифа [Коковцов, 1932, с.98]. Одним из важнейших факторов, способствующих складыванию благоприятных для этого процесса ус-

ловий, является наличие по соседству крупного государства Волжской Булгарии, которая «в период своего расцвета являлась ареалообразующим центром в культурном, экономическом, а также политическом и, в определенной мере, этническом плане на широкой территории от Приуралья до Верхнего Поволжья» [Казаков, 1997, с.33]. Развернутая булгарами торговля с местными племенами дала импульс для экономического развития последних. Наблюдается рост населения, что подтверждается расширением территории, увеличением археологических памятников (к периоду конца VIII – XI вв. относится 39 городищ и селищ, 11 могильников) и культурных слоев на поселениях. Появляется более сложная система оборонительных укреплений на городищах с использованием сложных деревянных сооружений. Ярким примером этого является Васильсурское V городище (Репище), которое возникло в XI в., было ограждено двумя валами и двумя рвами. На верхушках каждого вала и на склонах имелись дополнительные укрепления.

Характерным показателем процесса консолидации является усиление культурного единообразия археологических памятников, оставленных марийцами, что соответствует основному отличию народности «в сфере этнических свойств» [Бромлей, 1982]. На материалах Веселовского, Черемисского, Дубовского могильников, могильника Нижняя Стрелка и других памятников выделяются устойчивые этноопределяющие признаки в материальной культуре и погребальном обряде.

Погребальный обряд марийских могильников характеризуется тремя способами захоронения: кремацией, ингумацией, кенотафами.

Преобладающим способом захоронения является ингумация. Погребенного укладывали на спину в вытянутом положении головой в северном, с отклонением к западу или востоку, направлении. В зависимо-

Карта археологических памятников Марийского Поволжья: 1 – Сомовское II городище; 2 – Сомовское I городище; 3 – Васильсурское I городище; 4 – Васильсурское II городище; Васильсурское V городище; 6 – Аннинское городище; 7 – селище I у д. Красное селище; 8 – селище II у д. Красное селище; 9 – Красноселищенское I городище; 10 – Красноселищенское II городище; 11 – Барковское городище; 12 – Пайгузовское городище; 13 – Красногорское городище; 14 – Емангашское городище; 15 – Сиухинское I городище; 16 – Владимирское городище; 17 – Иванова Гора; 18 – Маорсурдынское городище; 19 – Юльяльское городище; 20 – Юльяльское селище; 21 – Юльяльские находки; 22 – Юльяльский могильник; 23 – могильник Нижняя Стрелка; 24 – Починковский могильник; 25 – Удельно-Шумецкое местонахождение; 26 – Удельно-Шумецкое селище; 28 – «Кривое озеро» селище; 29 – селище Галанкина Гора; 30 – местонахождение Галанкина Гора II; 31 – Майданское I селище; 32 – Майданское II селище; 33 – Майданское III селище; 34 – Майданское IV селище; 35 – Юринское селище; 36 – Сутырское I селище; 37 – Сутырское II селище; Сутырское III селище; 39 – Сутырское IV селище; 40 – Волоконное селище; 41 – Руткинский могильник; 42 – Младший Ахмыловский могильник; 43 – Ахмыловское I селище; 44 – Ахмыловское II селище; 45 – Выжумский II могильник; 46 – Выжумский III могильник; 47 – Успенское городище; 48 – Богородское городище; 49 – Шлихинское городище; 50 – Осетровское городище; 51 – Ефанихинский могильник; 52 – Спасское городище; 53 – Чертово городище; 54 – могильник на Чертовом городище; 55 – Одоевское городище; 56 – Черемисское кладбище; 57 – Веселовский могильник; 58 – Ардинское городище; 59 – Дубовское селище; 60 – Дубовский могильник; 61 – Отарское селище; 62 – Паратское селище; 63 – Паратское XVI селище; 64 – Паратское XVII селище; 65 – Паратское XVIII селище; 66 – Уржумкинское I селище; 67 – Уржумкинское II селище; 68 – Уржумкинский могильник; 69 – Килемарские находки; 70 – Юванурские находки; 71 – Осиново городище; 72 – Кубашевское городище; 73 – Цекеевское городище; 74 – Еманавское городище; 75 – Ижевское городище; 76 – Кочергинский могильник; 77 – Бурьгинское городище; 78 – Кузнецовское городище; 79 – Солонерские находки; 80 – Ернурское городище; 81 – Великопольское селище; 82 – Старосельское городище; 83 – Юшковское городище; 84 – Мазарское селище; 85 – Ясачный могильник; 86 – Ясачное селище; 87 – Звениговское селище; 88 – Пекозинские находки; 89 – Мари-Луговский могильник; 90 – Лушморский могильник; 91 – Николаевские находки; 92 – Нуршаринское селище; 93 – Шор-Унжинский могильник; 94 – Айшиязское городище; 95 – Верхнерегезское городище; 96 – Иксолинское городище; 97 – Шорсолинское городище; 98 – Юледурское селище; 99 – Большетанаковское городище; 100 – городище Большая гора; 101 – Кушко-Бияморское городище; 102 – Лопьяльский могильник

[Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.169]

сти от географического расположения памятников заметны небольшие различия в ориентировке погребенных. В ветлужских могильниках IX–XI вв. преобладает просеверная ориентация погребенных (65,8%), в бассейне Вятки 50% погребенных также положены головой на север, а в захоронениях на Волге такую ориентировку имеют лишь 30,7% погребенных. Но в вятских захоронениях совсем нет северо-западной ориентации, в ветлужских она составляет 18,4%, в волжских – 54,9%. Западная ориентировка в положении костяка также зафиксирована лишь в ветлужских (5,3%) и волжских (10,4%) могильниках.

Разновидностью обряда ингумации является частичное труположение, которое встречается в редких случаях на всех марийских могильниках, и представляет захоронения черепов или сложенных в кучу костей. В погребениях 13 и 39 могильника Нижняя Стрелка IX–XII вв. в ямах округлой формы на подстилках из дерева лежали кости младенцев, завернутые вместе с вещами в мех. Погребение 33 этого же могильника состоит из черепа, положенного совместно с женскими украшениями на подстилку из дерева в ноги костяка погребения 32. Сверху череп прикрыт досками. Частичные или вторичные захоронения расчлененных костяков обнаружены и на Васильсурском V городище (Репище).

Вероятно, вторичные захоронения являются переходной формой от наземного обряда отправления ушедших из жизни соплеменников в «страну мертвых» к захоронениям в землю. О полном исчезновении такого способа захоронения мы можем говорить только применительно к XVI в.

Кремация прослежена в средневековых погребениях с VI до XII в. и составляет от 16 до 50%: кальцинированные кости располагаются по всему дну могильной ямы в беспорядке, вещи уложены как при труположении или небрежно разбросаны по всей могиле; кости концентрируются компактно по центру или в одном конце могильной ямы, а вещи разбросаны по всей могиле или располагаются вместе с костями; кости расположены двумя скоплениями, а вещи – по всей могиле. Судя по особенностям, обряд трупосожжения на ма-

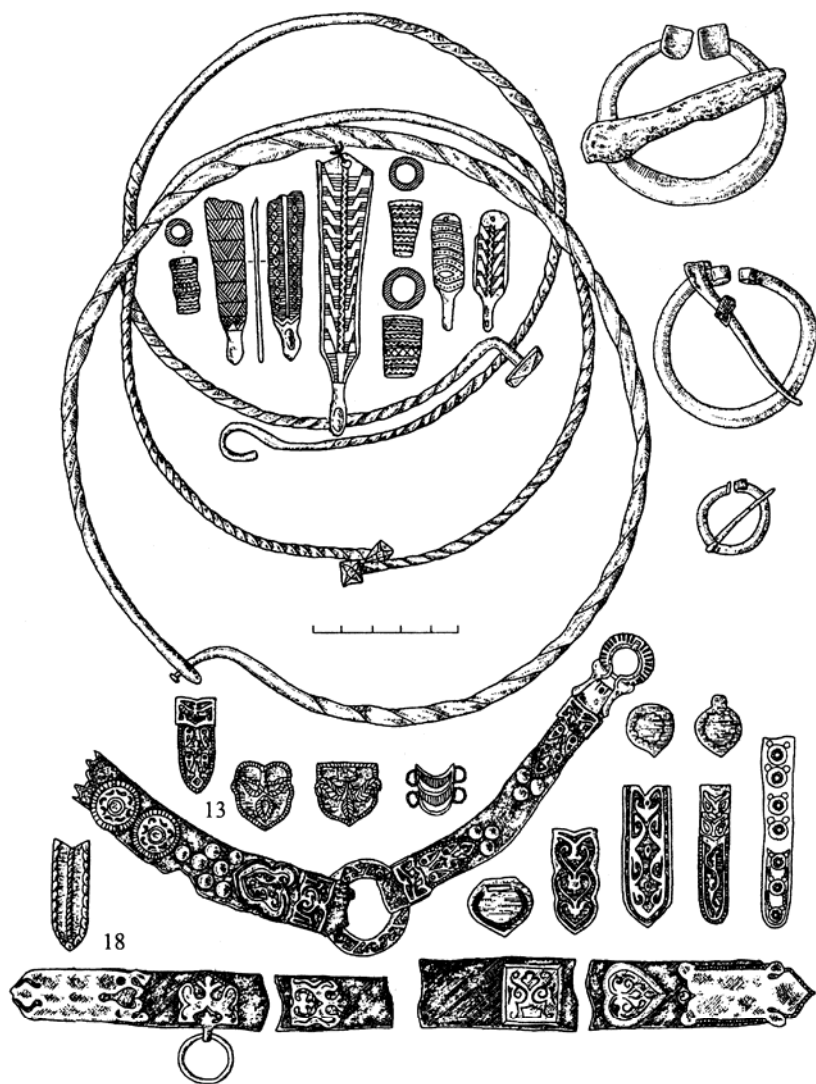
рийских памятниках наследует волжско-финскую традицию. На могильнике Нижняя Стрелка вместе с костями человека найдены кальцинированные кости животных. Большая часть трупосожжений IX–XI вв. принадлежит женщинам. На могильнике Нижняя Стрелка по обряду кремации захоронены, в основном, женщины в возрасте до 25 лет (71,4%), мужских захоронений только 14,3%.

Своеобразием отличаются кенотафы, к которым отнесены захоронения вещей и фрагменты одежды в могильных ямах обычных форм и размеров, но без следов костяка. Кенотафы с вещами, разложенными на дне в порядке их ношения, копируют обряд ингумации (Нижняя Стрелка – 4, Дубовский – 1, Кочергинский – 1 экз.), кенотафы с вещами, расположенными компактно одним или двумя скоплениями, близки обряду трупосожжения (Нижняя Стрелка – 4, Веселово – 3, Загребино – 1 экз.).

Для выяснения этнического своеобразия погребальных традиций марийского населения важное значение имеют жертвенно-ритуальные комплексы, представляющие собой, как правило, несколько вещей, расположенных компактно в нетрадиционном для них месте, или уложенных в какую-либо емкость, а также кости животных в сосудах, котлах, туесах и т.д.

Подобные комплексы помещались в могилу рядом с погребенным, в засыпь могильной ямы или в межмогильное пространство.

Скопления вещей, сосуды, повернутые кверху дном, туеса обычно располагались в изголовье и в ногах погребенных. Особый интерес представляет расположение комплексов в межмогильном пространстве в небольших ямках округлых или округло-подквадратных очертаний, в основном, на глубине 15–20 см или на поверхности кладбищ. По содержанию и по форме они повторяют жертвенные комплексы в засыпи могильных ям и могут быть разделены на три основных варианта: сгруппированные в кучу вещи (орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения); вещи или жертвенная пища в медном или железном котле

Украшения IX–XI вв. 1-8, 10, 11, 13–25 – могильник Нижняя Стрелка;
9 – Черемисское кладбище, погр. IV; 12 – Веселовский могильник, погр. 1.
[Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.184]

или под ним; вещи, завернутые в ткань, мех, возможно, одежду, стянутые ремнем уложены в берестяной туесок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой, обшитый кожей и опоясанный в два ряда кожаным ремнем с бронзовыми накладками. В туесах и бочонках, в основном, содержатся наборы женских украшений, среди которых встречаются практически все категории: головные, нагрудные, обувные и т.д.

Среди украшений этническим своеобразием выделяются головной убор, состоя-

щий из налобного венчика и медных цепочек; височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки; наборные трапециевидные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой [Архипов, 1973, с.17–40; 1991, с.18]. В марийском costume трапециевидные подвески использовались в качестве нагрудного украшения, находятся в паре, соединены между собой медной цепочкой или кожаным ре-

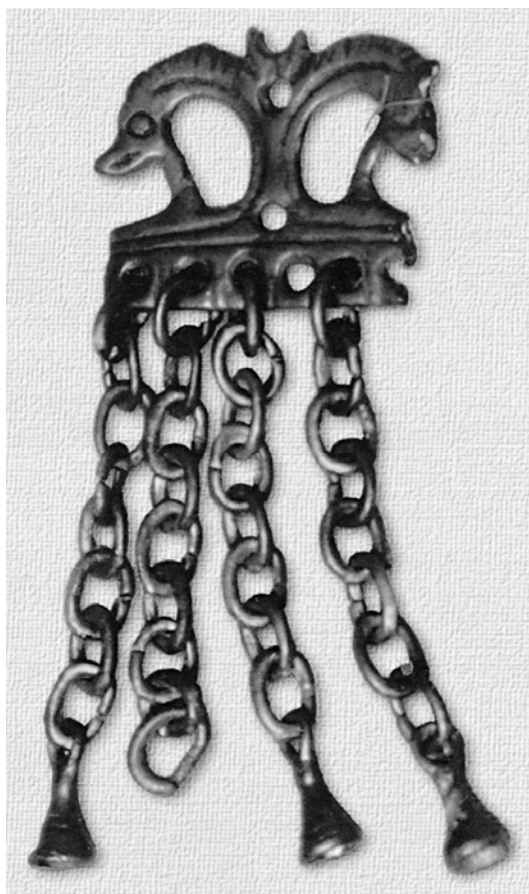
мешком. Традиция марийских женщин носить трапециевидные коньковые подвески в качестве нагрудного украшения по обе стороны груди распространилась и на другие типы нагрудных украшений: такое же место в марийском костюме заняли арочные, треугольные подвески, а также заимствованные от мордвы прямоугольные наборные подвески или прикамские литые коньковые украшения.

Другой особенностью марийского костюма является использование арочных и треугольных подвесок в качестве височных украшений. В указанных случаях они найдены в области висков и имеют длинные цепочки (до 20–25 см), завершающиеся очковидными или колоколовидными привесками.

Керамика представлена в основном горшковидными плоскодонными сосудами вытянутых и средних пропорций усеченно-сферокопической формы, мисками аналогичных форм и приземистыми сосудами со стянутым устьем, изготовленными из глины с примесью шамота и дресвы. В целом древнемарийская посуда наследует гончарные традиции поволжских финнов, сложившиеся еще в I тыс. н.э. На отдельных экземплярах в могильниках появляются сосуды с органической примесью и орнаментом штампами, что свидетельствует о многосторонних связях и контактах местного населения с окружающими его этносами.

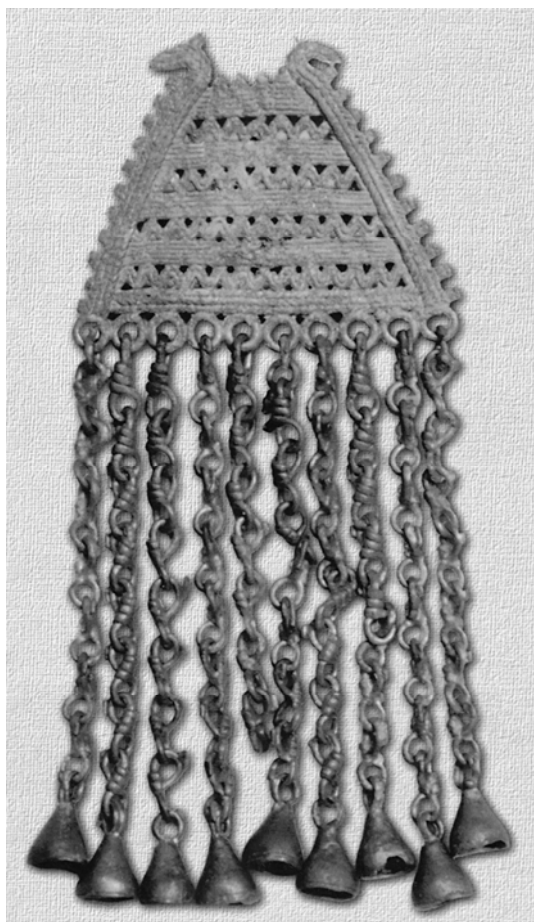
По своему географическому положению марийские племена занимали территорию, выходящую южной частью на Волжско-Балтийский путь, по которому осуществлялись связи Булгарии с землями Северо-Восточной Руси, а восточная граница расселения марийцев попадала в зону Волго-Камского пути.

Первые контакты болгар и марийцев установились еще в ранний период. Тогда в край проникли серьги салтовского типа и отдельные типы накладок от поясного набора. Наибольшая активность болгарских купцов приходится на конец X – начало XI в., когда в Волжской Булгарии сформировался мощный ремесленный потенциал, требующий выхода своей продукции не только на внутренний, но и на

Нагрудное украшение. Бронза.
Могильник Нижняя Стрелка. IX – начало XII в.

внешние рынки [Казаков, 1985, с.27; 1987, с.37–40; Хузин, 1997, с.71–90]. К этому времени относится большинство болгарских изделий и дирхемов в марийских могильниках. Среди монет преобладают куфические дирхемы эпохи Саманидов, чеканенные в Средней Азии. Встречаются монеты династий Бувейхидов, Зияридов, Симджуридов, чеканенные в Иране и Ираке [Федоров-Давыдов, 1984], обнаружены также дирхемы Волжской Булгарии. В Дубовском могильнике найдена монета, выпущенная в Булгаре Михаилом ибн Джафаром, вероятно, не ранее конца 920-х гг. и не позднее конца 950-х гг., две монеты, чеканенные в 952/953 г. в Суваре, принадлежали Талибу ибн Ахмеду [там же, с.162–163]. В могильнике Нижняя Стрелка дирхем из погребения 36 относится к правлению Абдаллаха ибн Микаила (940-е гг.,

Нагрудное украшение. Бронза.
Могильник Нижняя Стрелка. IX – начало XII в.

г. Булгар), другой, из погребения 31 – Мумина ибн ал-Хасана (970-е гг., г. Булгар), обнаружено также несколько односторонних оттисков с болгарских монет (п.20 – с монеты чекана Булгара 988–989 гг.; п.24 и 27 – с монет Мумина ибн ал-Хасана, чеканенных в Булгаре в 970-е гг.).

Предметом импорта являлись предметы ювелирного производства, развитого в Волжской Булгарии достаточно высоко. В могильниках IX–XI вв. найдены литые круглые, грушевидные орнаментированные бубенчики, витые браслеты с шатонами на концах [Архипов, 1984, рис.11: 24; Никитина, 1990а, рис.7: 7, 8]. Особенно многочисленны находки поясов с накладками, разделительными кольцами и пряжками, изготовленными в Волжской Булгарии. Накладки из Дубовского могильника и мо-

гильника Нижняя стрелка идентичны с накладками Измерского торгово-ремесленного центра в устье р. Камы [Казак, 1999, с.66]. Во второй половине X в. в Волжской Булгарии оформилось «медницкое» ремесло [Руденко, 2000, с.82–83], поток болгарской металлической посуды захватил ближайшее пограничье. Медные котлы, чаши из белой бронзы являются частой находкой в марийских захоронениях X–XI вв. Через болгарских торговцев в край поступали цветной металл для изготовления украшений, шелковые ткани, раковины-каури.

Через посредничество болгарских купцов в край поступали изделия других степных племен и народов.

Уздечный набор из погребения 66 Дубовского могильника [Архипов, 1984, с.155] имеет крупные сердцевидные налобные бляхи-бубенчики и конечные бляхи-бубенцы с прорезями из цветного металла, характерные в большей степени для кочевников Прииртышья и приалтайских степей [Могильников, 2002, с.89]. В нижнем Поволжье аналогичные бляхи найдены в кургане Быково XI в. [Федоров-Давыдов, 1966, рис.1: 1], но, по мнению В.А.Могильникова, они являются результатом миграции кимаков на запад [Могильников, 2002, с.90].

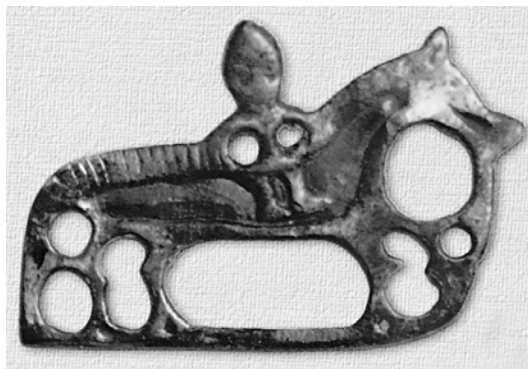
Среди поясных накладок многочисленную группу составляют изделия, имеющие аналогии в венгерских древностях. Специфическими изделиями, характерными для протовенгров, оставивших Большетиганский могильник, Е.А.Халикова считала поясные накладки в форме полумесяца [Халикова, 1976, с.146], имеющие аналогии в могильниках Башчалом и Бана. Идентичные накладки обнаружены в Юмском могильнике и могильнике Нижняя Стрелка. В Дубовском могильнике обнаружена накладка на пояс с изображением Сенмурва [Архипов, 1984, рис. 14: 9], имеющая, по характеру оформления головы, крыльев, тулова, аналогии изображениям на поясных бляшках Большетиганского могильника [Халикова, 1976, рис. 11: 15], копоушке из Эгера и крышке сумки из Бездеда [там же, с.148]. Изображения зверей имеются

и на других пряжках из Дубовского могильника.

Значительный интерес представляют кошельки из Веселовского могильника с декоративной пластиной с изображением древа жизни или сложным растительным узором, аналогичные венгерским изделиям [Архипов, 1973, с.47, 49; *The ancient Hungarians*, 1996, p.126, 178].

Торговля осуществлялась в большей степени путем обмена товаров. Из 77 находок дирхемов или подражаний им 20 в различной степени обломаны, что не исключает их хождения в качестве денежной единицы по весовому содержанию. Однако дирхемы воспринимались местным населением преимущественно как сырье для изготовления украшений. Поэтому неслучайно большинство из них имело одно или два отверстия или приклепанное ушко для подвешивания и использовались в качестве составных частей для украшений. Нередко монеты использовались для изготовления новых изделий; для окантовки краев деревянных чаш они разрезались на мелкие пластинки.

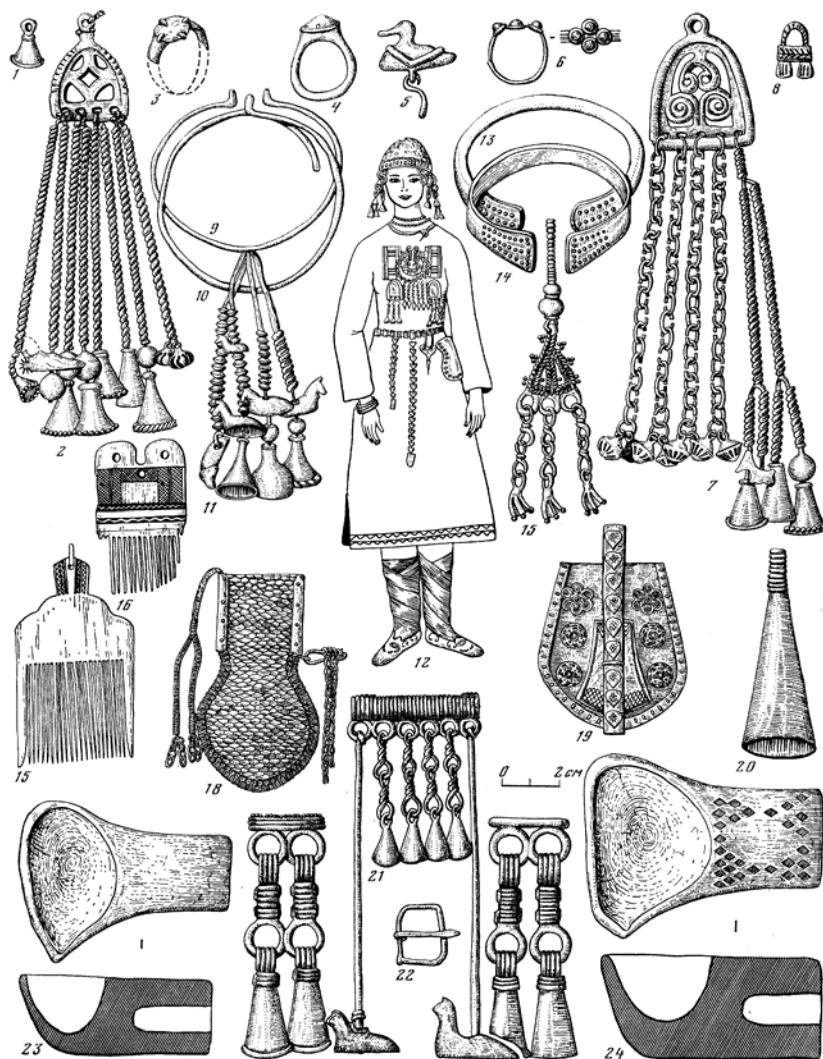
Не меньшим спросом у местного населения пользовались монетовидные подражания или односторонние оттиски с монет. В Дубовском могильнике их найдено 21 экз., в могильнике Нижняя Стрелка – 15 экз. При анализе нумизматического материала Дубовского могильника Г.А.Федоров-Давыдов отметил интересную деталь: два оттиска из погребения 33 сделаны с одного дирхема; два оттиска, изготовленные также с одного дирхема, найдены на участке Л/3; в погребении 36 найдены два редких дирхема эмира Волжской Булгарии, чеканенные одной парой штемпелей; погребение 40 содержало 5 литых монетовидных подвесок, изготовленных в одной форме, а 2 – в другой [Федоров-Давыдов, 1984, с.166]. Вероятно, производство оттисков и монетовидных подвесок производилось в одном центре с ограниченным количеством мастеров, расположенном недалеко, возможно, на пограничье болгарских и марийских земель, и обслуживающим конкретную территорию. Здесь же могли производиться и чаши из цветного металла, которые получили наибольшее

Подвеска к шейному украшению. Бронза.
Дубовский могильник. X–XII вв.

распространение в марийских памятниках [Никитина, Руденко, 1992]. Значительную роль в развитии торговых связей булгар с местным населением сыграли торговоремесленные Семеновские I–III и Измерский центры [Казаков, 1999, с.64–65]. На территории Марийского края также известно два болгарских поселения X–XI вв. (Отарское и Мари-Луговское), на которых могли осуществляться определенные обменные или торговые операции. Мари-Луговское поселение А.Х.Халиков считал остатками торговой фактории [Халиков, 1962, с.182–183].

По Волжско-Балтийскому пути происходило проникновение на марийскую землю вещей из Руси, Прибалтики, стран Европы. Первое проникновение русских вещей на территорию Ветлужско-Вятского междуречья относится к рубежу I–II тыс. В могильниках IX–XI вв. найдена серия украшений, имеющих славяно-русские истоки: разомкнутые браслеты с петлевидными концами, витые гривны с раскованными концами, один из которых имеет эсвидное окончание (могильники Нижняя Стрелка, Веселовский), витые гривны с обрубленными концами (Веселовский могильник), гривны с заходящими концами, оформленными в виде головок различной формы, и с поверхностью, орнаментированной «волчьим зубом», получившие название радимичских (могильник Нижняя Стрелка) [Никитина, 1990, рис.3]. Среди вещевого инвентаря также выделяются изделия западных образцов: кольцевидная застежка с разомкнутыми концами с мако-

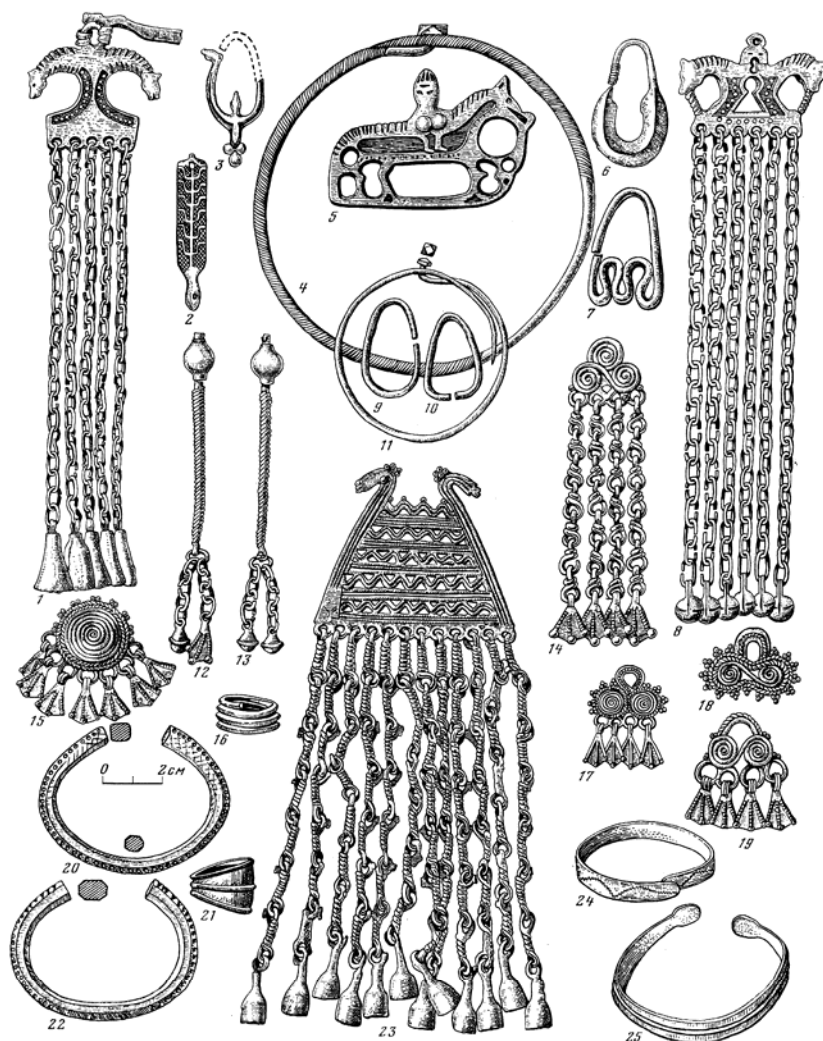

Орудия труда и украшения марийцев IX–X вв.
[Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.298]

видными головками [Архипов, 1973, рис.24: 1, 2, 5], треугольные в сечении застежки с кружковым орнаментом на поверхности, фибулы с головками, оформленными многогранными шипами или восьмигранными утолщениями на концах [Kivikoski, 1939, табл.81: 652; 80: 662; Бривкалс, 1959, табл.III: 3; Бранденбург, 1895, табл. II: 1, 2, 3, 4; Равдоникас, 1890, табл.VI: 22]. В погребении 34 Дубовского могильника найден денарий герцога Ордольфа (1059–1071) [Федоров-Давыдов, 1984, с.165], в погребении 23 могильника

Нижняя Стрелка – денарий Кнута чекана 1017–1023 гг.

Ведущими отраслями хозяйственной деятельности марийского населения вплоть до середины II тыс. оставались охота и животноводство. Кости пушных зверей (белки, лисы, зайца) найдены на селищах. А.Х.Халиков считал, что к IX в. охота превратилась в промысел, который был рассчитан на торговлю и выплату дани в виде пушнины [Халиков, 1976, с.103]. Пушнина также активно вывозилась булгарскими купцами. В связи с этим интересны наблюдения А.Х.Халикова за отождествлениями

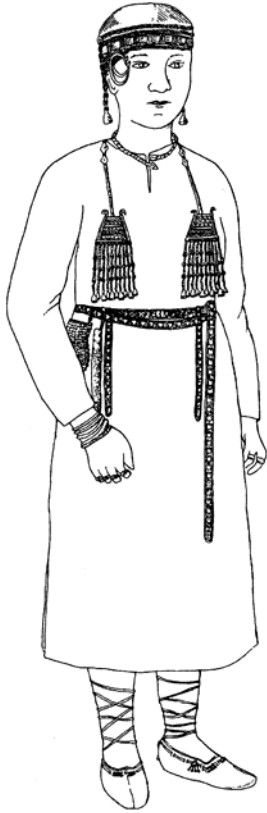
Украшения марицев IX – первой половины XI в.
[Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.299]

названий «белки» и «копейки» в языках народов Поволжья, раскрывающих характер их торговых взаимоотношений [там же, с.104]. В татарском языке до сих пор самая мелкая денежная единица (копейка) называется «тиен» (белка). В мари́йском соответственно «ур» означает и белку, и копейку. Но в татарском 1 копейка равнялась 1 белке («бер тиен»), а в мари́йском языке 1 копейка называется «кумыр», т.е. 3 белки, 2 копейки – «шамыр», т.е. 7 белок, а 3 копейки – «лур», т.е. 10 белок [Васильев, 1948, с.49–50]. Кроме пушного зверя, практиковалась охота на крупного зверя:

лося, бурого медведя, волка, кости которых также обнаружены на городищах.

Когти рыси и клыки кабана, ставших добычей древних охотников, входили в состав ожерелий и использовались в качестве амулетов. На могильнике Нижняя Стрелка целый скелет утки обнаружен в котелке жертвенного комплекса 1.

Для охоты использовались наконечники стрел, среди которых абсолютное большинство составляли ромбовидные черешковые, помещенные по несколько экземпляров в деревянные или кожаные колчаны. Для пушного зверя применялись специаль-

Реконструкция женского костюма по материалам погр. 12 Веселовского могильника

ные костяные наконечники стрел с тупым концом, получившие название «томаров». Они бытовали, судя по материалам марийских могильников, вплоть до XVII в. Находки костяных стрел подромбической формы известны на Черемисском кладбище, Юмском и Кочергинском могильниках IX–XI вв.

Богатый остеологический материал на марийских городищах I и начала II тыс. (Сомовское II, Васильсурское V – Репище, ветлужские городища) свидетельствует о разведении домашних животных. Подсобным промыслом было рыболовство.

Земледелие носило, очевидно, экстенсивный характер; его роль повысилась лишь во II тыс. Учитывая сильно залесенный характер местности, возможным было только подсечное земледелие. Посевное состояние лесных рощистей было крайне непродолжительно (1–3 года), после чего подсеку забрасывали. При небольшой засе-

ленности края, наличии обширной лесной площади новую подсеку расчищали на значительном расстоянии как от жилья, так и от других подсек. Такая система предполагала пользование землей без удобрения, пока она дает урожай, и забрасывание ее при истощении и, как следствие, переход с места на место. Такой образ жизни вызывал, по мнению исследователей, т.н. «неполную земледельческую оседлость» [Шенников, 1971, с.76–93] и, следовательно, расселение небольшими кратковременными поселками. Об этом свидетельствует и характер марийских поселков: небольшие площади селищ, не очень мощный культурный слой и достаточная разбросанность.

При подсечной системе земледелия для подготовки участков земли под поле основным орудием становились топоры, которых при раскопках обнаружено достаточное количество. Начиная с IX в. наибольшее распространение получают втульчатые топоры удлиненных пропорций с длиной втулки 1/3 длины орудия. В IX–XI вв., по мнению Г.А.Архипова, одной из материальных форм этнического выражения марийской культуры явились проушные лопастные топоры с молоточковидным обухом и двумя парами округлых щеквиц [Архипов, 1986, с.51]. На основании находок фрагментов и целых полотенец (погребение 19 могильника Нижняя Стрелка) из льняной и конопляной тканей можно говорить о возделывании технических культур – льна и конопли.

В целом хозяйство марийцев носило натуральный характер. Ремесленное производство деревенского типа было связано, в основном, с обработкой сырья в домашних условиях.

В археологических памятниках содержатся лишь разрозненные сведения об обработке черного металла. Ни на одном из известных средневековых городищ не обнаружено следов обработки руды или отжига угля. Неоднократные упоминания в публикациях и отчетах о находках шлаков еще не являются достаточным основанием для заключения о выработке руды в местных условиях [Архипов, 1973, с.76]. Количество шлаков незначительно, и мно-

гие из описанных находок являются лишь железистыми конкрециями. Вероятно, в этот период черный металл привозили в край в виде полуфабрикатов [Шадрин, 1994, с.26]. Аналогичная форма получения черного металла использовалась многими народами [Рыбаков, 1948, с.94–96; Колчин, 1953, с.111–112]. Переработка привезенных полуфабрикатов на местные изделия происходила на городищах. Во время этого процесса варка железа осуществлялась в сосудах [Шадрин, 1994, с.24]. Ошлакованные сосуды в большом количестве найдены на Сомовском II городище, встречаются они и на других памятниках.

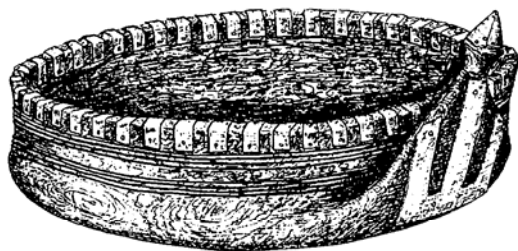
В производственной практике населения широко практиковалось изготовление изделий из меди и латуни из цельных заготовок путем давления, направленнойковки с последующей гибкой на «оправке», техника протяжки, пайки и полировки. Многие пластинчатые изделия вырублены из цельной пластины.

К рубежу I–II тыс. в производственной практике стало широко использоваться литье. Проведенные анализы показали, что сырьем для изготовления украшений были сплавы из меди и цинка, чистой меди, латуни. Наиболее широко в производственной практике для изготовления украшений используется техника набора путем спайки гладких крученых, плетеных проволок, пластинок, шариков и других мелких деталей. Как показали металлографические анализы, очковидные обувные подвески из Дубовского могильника изготовлены из проволоки путем навивки на конический предмет с последующей проковкой. Техник набор из узорчатой проволоки с последующей гибкой и сваркой изготовлены треугольные каркасные подвески, почти все трапециевидные, солярные нагрудные украшения. Анализ височного кольца из могильника Нижняя Стрелка [Никитина, 1990, рис.1: 6] показал, что кольцо было изготовлено из проволоки, которую подвергли сгибанию и протяжке, а затем напаяли головку, отлитую отдельно. Гривна из Дубовского могильника изготовлена из трех одинакового диаметра проволок, которые были скручены в горячем состоянии.

В могильниках IX–XI вв., по сравнению с предшествующим периодом, значительно больше встречается литых изделий, изготовленных по выплавляемой (восковой) модели и в формах. Литье по восковой модели использовалось для объемных, преимущественно полых украшений. Анализы ряда изделий из Дубовского могильника показали, что внутренняя выжигаемая форма изготавливалась из кожи, дополнительно пропитанной органическими растворами. Таким способом изготовлены бубенчики, бутыльчатые привески, петлевидные обувные подвески.

Для отливки украшений использовалось также литье в мягких формах. Обломки глиняных форм в виде кольца были обнаружены на городище Иванова Гора. Формы из глины были непрочны, они могли использоваться ограниченное количество заливок, а при восковом вязании и производстве полых объемных изделий по восковой модели – всего один раз, поэтому мы почти не находим копий одного и того же изделия. Эти факты свидетельствуют, что украшения изготавливались в ограниченном количестве, а ремесло развивалось в рамках домашнего хозяйства.

Многочисленные археологические свидетельства подтверждают, что большинство изделий не привозились, а были изготовлены на месте. Среди производственного инвентаря наиболее распространенными являются льячки с округлой или подтреугольной формой ковшика с коническим дном и сливом в одну сторону и массивной прямоугольной ручкой, расположенной на одном уровне с краем ковшика. В древнемарийских могильниках находки орудий литейного производства обнаружены в 12 случаях: это льячки, тигли и литейные формы. Во всех случаях это женские захоронения. На первый взгляд, исключение составляет погребение 11 могильника Нижняя Стрелка, где в изголовье мужского захоронения вместе с женскими украшениями и жжеными костями найдена льячка. При обработке антропологического материала сотрудником Института этнологии РАН Г.В.Рыкушиной оказалось, что здесь сохранились остатки женского трупосожжения.

Деревянная чаша XII–XIII вв. (реконструкция Г.А.Архипова) [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.193]

По мнению Б.А.Рыбакова, «женщины финно-угров занялись литейным производством, когда на северо-востоке Европы распространился стиль «шумящих подвесок», которые изготовлялись в технике литья по восковой модели. Приготовление модели из провощенных нитей («восковое вязание») близко исконным женским рукоделиям – вязанию, плетению, вышиванию, поэтому естественно, что литьем украшений и овладели женщины» [Рыбаков, 1948]. Наибольший расцвет женского литейного производства у финно-угров, в том числе и у марийцев, согласно Л.А.Голубевой, приходился на IX в. В X в. появляются уже литейщики-мужчины, но еще долгое время литейное производство остается в руках женщин [Голубева, 1984]. Захоронения женщин-литейщиц на марийских могильниках встречаются вплоть до XIII в.

Женщины-литейщицы занимали, вероятно, особое социальное положение в обществе. Их захоронения, как правило, отличались богатством костюма, что наглядно иллюстрирует погребение 5 могильника Нижняя Стрелка. В погребениях литейщиц находились вещи преимущественно местного производства, а не привозные. Таким образом, они становились носительницами и проводницами народных традиций. Обычными находками в погребениях литейщиц являются шилья и кресало, что обусловлено их условиями труда. Обработка металла всегда связана с огнем, поэтому кресало – вещь наиболее необходимая, а шилья могли быть использованы для нанесения рисунка на восковую модель, по которой производилась отливка металла. Богатые орнаментированные костяные

рукоятки шильев, оформленные стилизованными головками животных, свидетельствуют о том, что процесс изготовления украшений имел магическое значение.

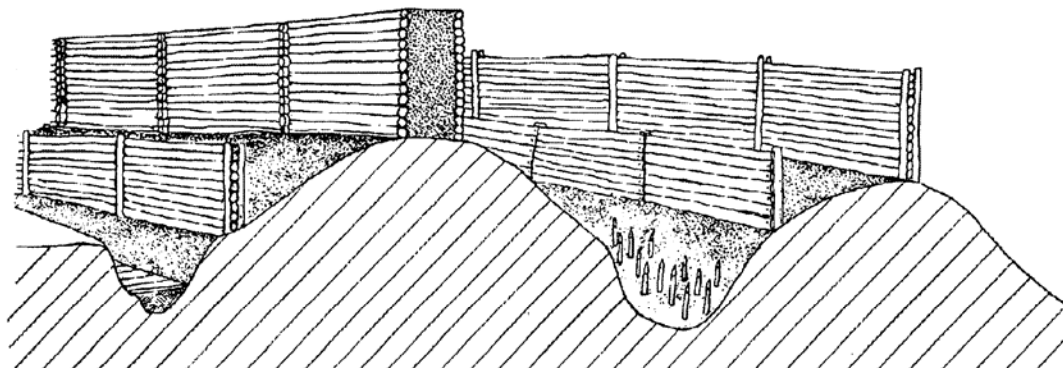
В 9 из 12 захоронений литейщиц обнаружены топоры. Хотя они не являются редкостью в женских захоронениях, но у литейщиц встречаются почти всегда. Вероятно, топоры являются показателем стабильного положения литейщицы в обществе.

Металлообрабатывающее ремесло находилось в руках женщин до тех пор, пока развивалось в рамках домашнего хозяйства. Именно такой характер домашнего ремесла в X–XIII вв. наблюдается в Марийском Поволжье. Здесь нет своих месторождений цветного металла. Сырье завозилось сюда в небольших количествах в виде серебряной проволоки, пластинок, жетонов и слитков.

Кроме перечисленных ремесел, значительное место занимает ткачество и обработка кожи, кости и бересты. Керамические и каменные пряслица являются обязательной находкой почти на всех памятниках и имеют различную форму: биконические с ребром по центру, усеченно-конические, бочонковидные и дисковидные. Сохранились также фрагменты одежды из шерстяных и льняных тканей.

Костяные изделия представлены наконечниками стрел, ручками шильев и ножей, гребешками, амулетами-«копоушками», коньками и уточками с резным геометрическим орнаментом на полированной поверхности. Сходный геометрический орнамент оттиснут на берестяных туесках.

В первой половине XII в. происходят определенные перемены в развитии марийского этноса, которые фиксируются в археологическом материале. Причиной тому, вероятно, послужила политическая обстановка в Среднем Поволжье. Расширение границ Владимиро-Суздальского княжества с запада и активное освоение русскими бассейна р. Вятки с северо-востока, противостояние Руси и Булгарского государства, выразившееся в постоянных походах друг на друга через территорию, которую занимали марийские племена, заставило по-

Васильсурское V городище – Репище. Реконструкция укреплений на валу

следних искать новые, более безопасные, территории и иные формы поселения.

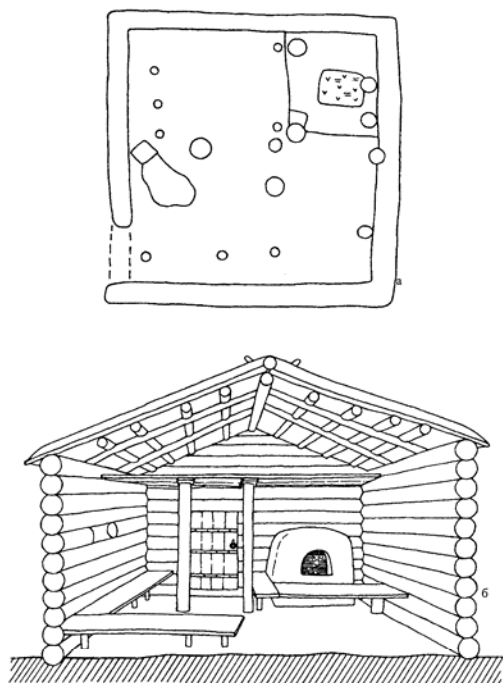
Население переходит в основном на селища. В XII – начале XV в. большинство селищ (65,4%) переносится на коренные террасы, где расселяется основная масса земледельческого населения (Носельские II и III, Важнангерское, Сауткинское, Красноселищенское IV и т.д.).

Важным элементом в системе расселения к середине II тыс. становятся крупные кусты поселений. Центром таких кустов являются городища, вокруг которых располагались, как правило, несколько селищ: «понеже у них села при великих крепостях ставлены» [Курбский, 1833, с.18]. Рядом находились места производственной деятельности, погребений и молений. Примером такого расселения является Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа в устьевой части рр. Малой и Большой Сундыри, объединяющая Носельские II и III, Важнангерское, Шартнейское, Яндушевское, Ключевское, Сауткинское селища, Юльяльские селища и кузницу, Важнангерский жертвенник. Аналогичная картина расположения памятников развитого средневековья наблюдается и в других районах расселения мари: в устье р. Суры, на левом берегу р. Волги в междуречье Ветлуги и Дорогучи, в междуречье рр. Немды и Лаж, правобережных притоков Вятки вокруг Шорсолинского городища.

Количество городищ резко сокращается, но изменяется их функциональное назначение; из простых убежищ они превращаются в военные и административные ре-

гиональные центры. По материалам Важнангерского городища конца XIII – начала XV в. очевидно, что они имеют мощные и сложные деревянно-земляные укрепления. Мощные внутривальные конструкции представляли срубы из горизонтально положенных бревен диаметром до 15 см и поперечных жердей диаметром 8–10 см, высотой до 80 см, плотно забутованных глиной. О существовании дополнительных сооружений на валу информация весьма ограничена, т.к. вал сильно деформирован: сохранились местами лишь остатки деревянной стены, на северной оконечности вала обнаружены следы постройки в форме восьмиугольника размерами по периметру 260 см, длиной каждой грани 150 см, вероятно, от сторожевой башни, а в районе проезда остатки надвратных сооружений.

Исходя из методики расчета объема работ при строительстве крепостей, апробированной П.А.Раппопортом на материалах древнерусских памятников [Раппопорт, 1961, с.213–215], установлено, что для создания фортификационных сооружений Важнангерского городища необходимо было привлечь в среднем 80 рабочих в течение одного строительного периода (150 дней в году). Следует отметить, что культурный слой самого городища характеризуется небольшой толщиной и слабой насыщенностью культурных остатков, поэтому вряд ли на его территории одновременно проживало большое количество населения. Вместе с тем на близлежащих селищах зафиксированы слои, насыщенные археологическими находками и свидетель-

Красноселищенское II селище:
а – план жилища; б – реконструкция
жилища I [Финно-угры Поволжья и Приуралья
в средние века, 1999, с.173]

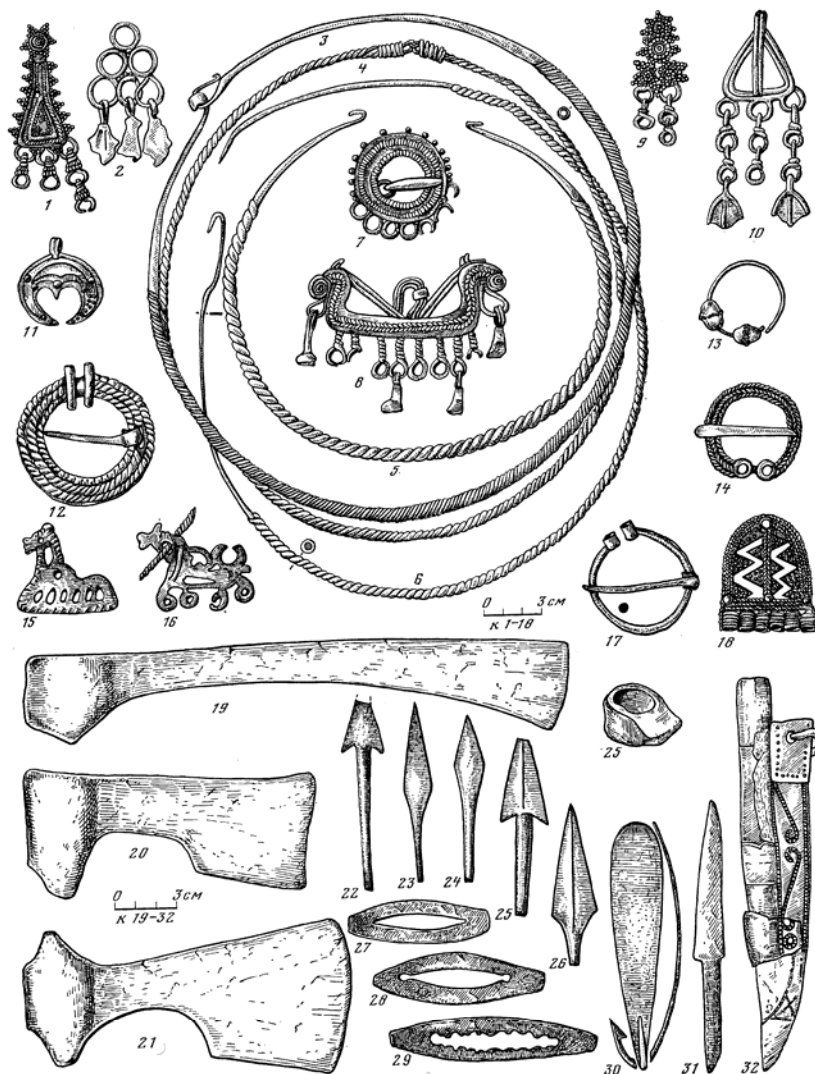
ствующие о достаточно активной жизни в округе. Судя по размерам марийских селищ, на них могло располагаться не более 3 усадеб, что подтверждается данными путешественников и этнографов [Миллер, 1781; Троицкая, 1893]. Таким образом, в строительстве оборонительных сооружений должны были участвовать жители (мужское население) всей округи, которые могли привлекаться в виде повинности. Это становится возможным в том случае, если городище выполняло роль административного центра конкретной региональной округи.

Марийские жилища в этот период представлены срубными постройками подквадратной формы площадью от 20 до 30 кв. м. Стены ориентированы по сторонам горизонта и заглублены нижним венцом в грунт. Выход в большинстве случаев прорубался в одной из стен и не был выражен в плане. Отопление осуществлялось с помощью печей, которые устанавливались преимущественно на опечек (Красное селище II, Важнангерское–Мало-Сундырское

городище, Юльяльское селище), в исключительных случаях на грунт (Васильсурское V городище – Репище). Характерной особенностью марийских наземных жилищ является полное отсутствие стационарных хозяйственных ям. Основная производственная деятельность осуществлялась за пределами жилого помещения в хозяйственных постройках различного назначения: клетях-амбарах, погребях, кухнях-«кудо» и сараях-навесах.

Клети-амбары представляли наземное помещение с подполом для хранения домашнего скарба, одежды, а также продуктов питания. Все постройки имели прямоугольную в плане наземную часть площадью 12–16 кв. м и подполье, которое устраивалось обычно в северной стороне. Наземная часть на Юльяльском и Красноселищенском селищах представляла собой срубы. Стены подполья в отдельных случаях дополнительно укреплены досками (Сауткинское селище и Ашиязское городище). Наземная часть отделялась от подполья перекрытием из деревянных досок или жердей, обмазанных с верхней стороны глиной. Клети-амбары у марийцев известны вплоть до настоящего времени [Козлова, 1958, с.116–117; Сепеев, 1982]. Судя по этнографическим данным, они имеют два этажа и используются не только для хранения продуктов, но и как место ночлега в летний период. По археологическим наблюдениям невозможно сказать, были ли выявленные нами постройки двухэтажными, но площадь наземной части также позволяла использовать их в качестве летнего жилья.

В марийской усадьбе большое значение имела кухня-«кудо» – специальное строение с большим очагом в центре, используемое для приготовления пищи и совершения семейных ритуально-священных действий и молений. На памятниках II тыс. (Юльяльское, Красноселищенское II, Нижние Шелаболки селища, Важнангерское–Мало-Сундырское городище) найдены мощные очаги диаметром 1–1,5 м, содержащие кухонные отходы. Как правило, вокруг этих очагов найдены звенья от цепей для подвешивания котлов, основная масса

Инвентарь Починковского могильника марицев XII–XIII вв.
[Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, с.301]

индивидуальных и значительное количество керамических находок.

В конце XI – начале XII в. усиливается приток вещей со стороны Костромского и Ярославского Поволжья, что наглядно отражается в материальной культуре марицкого населения, оставившего могильники XII–XIII вв. В могильниках XII в. в качестве височных украшений используются браслетообразные височные кольца со слегка заходящими друг за друга и незавязанными концами, характерные для курганов Калининского и Ярославского Поволжья, Ростовско-Суздальской земли

и северо-западных районов Новгородчины [Седов, 1982, с.194–195]. В этот период появляются витые кольца из двух переплетенных проволок с завязанными концами, перстнеобразные с заходящими концами, бусинные, особенно однобусинные и трехбусинные височные кольца, преобладающим типом становятся пластинчатые браслеты, среди которых распространяются новые формы – загнутоконечные и оттянутоконечные, имеющие широкие аналогии в славянских древностях и памятниках Костромского Поволжья [Левашова, 1967, с.236]. На смену усатым щитковым перст-

ням IX–XI вв. приходят рубчатые и ложновитые, наиболее популярные у сельского населения Костромского Поволжья и Руси X–XIII вв. [Рябинин, 1986, с.66; Недошвина, 1967, с.264], на смену каркасным подвескам с треугольной основой из плетеных проволок IX–XI вв. – подвески такой же формы из проволочных колец или спаянных пирамидкой спиралей, являющихся, по наблюдениям Е.И.Горюновой, этноопределяющим мерянским украшением, распространенным на территории современной Костромской и Ивановской областей, Ярославском Поволжье в XII–XIII вв. [Горюнова, 1961, с.244; Рябинин, 1986, с.77]. В XII–XIII вв. в обиход входят овальноудлиненные кресала с зубчатой или расширяющейся на концах прорезью, топоры с треугольными щековицами, широко распространенные в этот период в Костромском и Ярославском Поволжье [Рябинин, 1986, с.86, 88], ключи от пружинных замков новгородского типа, гончарная керамика, предметы христианского культа.

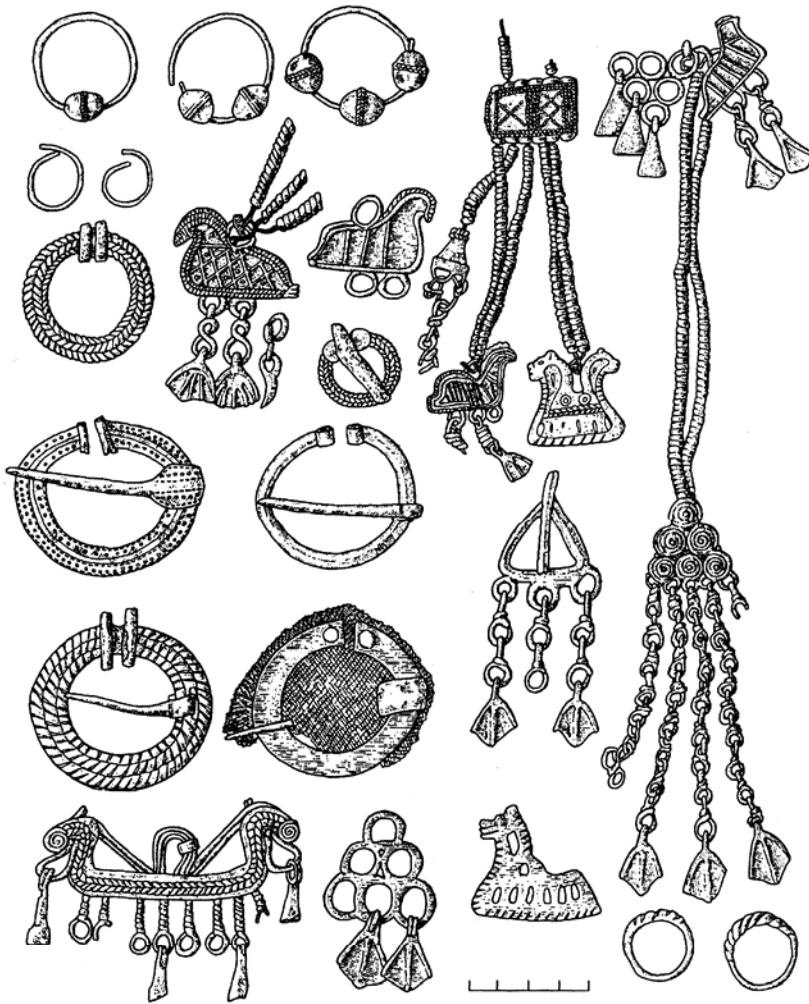
В марийских древностях этого периода фиксируется также комплекс вещей, связанных с северо-западными финнами: сьюльгамы со спаянными головками, серия орнаментальных композиций на погребальной посуде, металлические бусы-флакончики и т.д., которые проникли в Марийское Поволжье, скорее всего, через славянский мир в результате торговых операций или вследствие славянской колонизации Костромского Поволжья.

Тем не менее при очевидном сходстве памятников IX–XI и XII–XIII вв. в материалах последних проявляются значительные отличия. Так, исчезли захоронения с трупосожжением, ингумация стала единственным способом погребения, в костном комплексе появляется значительное количество вещей западного, преимущественно мерянского типа. Особым своеобразием отличается Починковский могильник. Несмотря на значительную близость его к вышеупомянутым могильникам, при его этнокультурной интерпретации следует отметить ряд особенностей, отличающих его от древнемарийских захоронений XII–XIII вв. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в составе

погребальных комплексов Починковского могильника нет украшений, отражающих преемственность с предшествующим периодом и являющихся этноопределяющими признаками древнемарийской культуры, таких, например, как головные цепочки, браслетообразные височные кольца, наосники, умбововидные и каплевидные шумящие подвески; в составе шумящих украшений не используются колоколовидные привески и грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью. В то же время именно этот памятник дает разнообразные категории украшений мерянского круга (двухглавые наборные коньки, рамчатые треугольные подвески и подвески из колец, спаянных в форме пирамидки, плоские застежки-сьюльгамы со спаянными концами), а также изделия, характерные для славянизированных костромских финно-угров (монетовидные подвески, лунницы, обмотанные гривны с плоскими загнутыми концами) [Археология Костромского края, 1997, рис.37: 39].

Резкое увеличение мерянских вещей, а также изделий славянских типов в Поволжье в XII–XIII вв. трудно объяснить только культурными или торговыми контактами населения двух регионов [Горюнова, 1961, с.244–248; Архипов, 1986, с.93; Рябинин, 1986, с.192–193] и даже традиционными связями, фиксируемыми для Поволжья и Костромского Поволжья с эпохи раннего железного века [Рябинин, 1997, с.195; Патрушев, 1992, с.148]. Более вероятно, что это явление связано с непосредственным появлением в Поволжье переселенцев со стороны Костромского Поволжья. Е.П.Казаков подтвердил свидетельства о продвижении определенной группы волжскофинского населения на восток материалами домонгольских болгарских селищ и Танкеевского могильника [Казаков, 1985, с.32].

В конце предмонгольского или начале золотоордынского периодов часть болгарского населения переходит на левобережье. Значительный интерес для выяснения этнической ситуации в регионе представляют Горношумецкой (12 погр.) и Мари-Луговской (35 погр.) могильники. Оба могильника почти безынвентарны, а по погребаль-

Украшения XII–XIII вв. 1, 3–5, 7, 12 – Выжумский III могильник; 2, 6, 8, 11, 15 – Выжумский II могильник; 9, 10, 19, 20 – Руткинский могильник; 12, 14, 16–18 – Починковский могильник [Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999, с.185]

ному обряду близки болгарским захоронениям XII–XIV вв. К этому же периоду относятся неоднократные находки болгарской керамики на Васильсурском V и Важнангерском (Мало-Сундырском) городищах, Сутырском, Юльяльском селищах, расположенных по обоим берегам Волги. В этот же период находки посуды, принадлежащей марийско-чувашскому населению, фиксируются на многих памятниках Предкамья: Сюкеевском V, Рождественском и Кайбельском селищах, городище Джукетау, г. Булгаре и т.д. [Хлебникова, 1984, с.200–201; Полубояринова, 1993, с.35–52; Кокорина, 1994, с.191; 2002, с.30–

31, 95–96]. По мнению исследователей, это свидетельствует о проживании на этих поселениях марийского населения. Прочных этнических связей между марийским населением и булгарами, вероятно, не было. Этому не способствовали и различные религии народов. Хозяйственно-культурные контакты отрицать не приходится, о чем свидетельствуют материалы погребального обряда [Михеев, 2000a] и новации в хозяйственной деятельности местного населения, фиксируемые уже в последующий период развития марийского этноса. Продолжают сохраняться и прочные торговые связи с булгарами вплоть до XIV в. Мед-

ные замки в форме лошадки, обнаруженные на Важнангерском (Мало-Сундырском) городище и Красном селище, прямоугольная накладка из цветного металла с фигурными концами и выпуклым изображением ромба в центре и мини-весы из цветного металла с Важнангерского городища аналогичны изделиям болгарских селищ золотоордынской эпохи. Булгарская керамика найдена на всех поселениях Марийского Поволжья середины II тыс.: Васильсурском V городище – Репище, Юльясском селище, Красном селище II.

К середине II тыс. в хозяйственной деятельности марийского населения значительно повышается роль животноводства, и оно становится одной из основных отраслей хозяйства, о чем свидетельствуют остатки костей животных на Важнангерском городище, Красноселищенском и Юльясском селищах. Анализ остеологического материала с селища XIII – середины XV в. у д. Красное селище показал, что кости домашних животных составляют преимущественное большинство (около 90%), среди них преобладают свиные (50% от костей домашних животных), крупного рогатого скота (13,2%), мелкого рогатого скота (31,6%), лошади (5,3%). Кроме того, найдено небольшое количество костей домашней птицы (аналитик – Г.Ш.Асылгараева).

Подсобным промыслом было рыболовство. Находки рыболовных крючков, блесен и грузил от сетей, костей рыб различных видов и размеров (сом, линь, осетр) на городищах и селищах, рыба чешуя в хозяйственных ямах Красноселищенско-

го II селища и Важнангерского (Мало-Сундырского) городища II тыс. являются прямыми доказательствами этого вида деятельности на протяжении всей эпохи средневековья.

Значительно увеличивается доля земледелия в хозяйственной деятельности населения. Ярким свидетельством развития земледелия являются находки жерновов на Васильсурском V городище (Репище) XI–XIII вв., Важнангерском (Мало-Сундырском) городище, Носельском II, Красноселищенском II селищах XII–XIII вв., по которым с привлечением этнографических данных можно приблизительно реконструировать жерновой постав и отнести его к группе 1 по классификации Р.С.Минасяна [1978, с.104]. Он появился в лесной зоне Восточной Европы в VIII–IX вв., сохранился длительное время и известен по данным этнографии у марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов вплоть до XX в. [Крюкова, 1956, с.22]. Для уборки урожая использовались серпы с зубчатым лезвием и косы.

Начиная с XIII в. известны кузницы – сиухинская, юльяская. На Сиухинском археологическом комплексе в слое XII–XIII вв. обнаружены обломки глиняных тиглей, куски глиняной обмазки, шлаки и 197 железных предметов, сосредоточенных в трех кучах.

Роль охоты сохраняется вплоть до XVIII в., продолжают развиваться традиционные виды хозяйственной деятельности, обработка кожи, кости, ткачество и т.д.

Часть VII
**Степи Евразии
в X – начале XIII в.**

ГЛАВА 1

Печенеги, гузы и торки

Владимир Иванов

Этническая и этнополитическая история печенегов и гузов (огузов) началась далеко на востоке Великого пояса евразийских степей. В «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня, написанных в 99 г. до н.э., упоминается кочевое владение Кангюй, расположенное между Ферганой и Северным (Каспийским) морем. Современные исследователи «владение Кангюй» традиционно связывают с племенами «кангаров-кенгересов», которые в сочинениях средневековых арабо-персидских авторов выступают как «баджинаки», а в русских летописях – как «печенеги». В более поздней «Истории Северных Дворов» (авт. Ли Янь-шеу), охватывающей период с 386 по 681 г., говорится о том, что какое-то время Кангюй находился под властью гуннов-эфталитов, а в 641 г. был завоеван войсками Дуло-хана, правителя Западнотюркского каганата.

Следующую группу сведений о гузах и печенегах содержат древнетюркские рунические памятники первой половины VIII в. – надписи в честь Кюль-тегина, Могиляна, Тоньюкука. В этих текстах огузы и печенеги (кенгересы) представлены как два отдельных народа – ближайшие соседи и политические противники «голубых тюрков», с которыми тюркские каганы воевали в течение ряда лет. Из географических реалий, содержащихся в описаниях тюркских походов против гузов, следует, что в рассматриваемое время гузы кочевали на севере современной Монголии, по Орхону и Селенге. Западнее тюрков, на территории Средней Азии, в это же время кочевали кенгересы-печенеги.

Однако уже в начале IX в., как об этом пишут арабские авторы Ибн Хордадбех, ал-Балазури, ат-Табари, гузы уже совершают набеги на Усрушану (район Ташкента, Ферганы и Самарканда) и соседствуют с печенегами в верховьях Сырдарьи [Гарустович, Иванов, 2001, с.9–11]. Соседство это в итоге вылилось в серию войн между гузами и печенегами, а также карлуками и кимаками за земли «вокруг моря Джурджан» (Аральского), о которых мы узнаем из сочинения ал-Масуди (середина X в.).

Поскольку ни один из известных средневековых письменных источников не раскрывает ни причин, ни хода гузо-печенежских войн, наиболее вероятной представляется гипотеза американского историка П.Б.Голдена, поддержанная венгерским исследователем А.Палоци-Хорватом, согласно которой миграция гузов и печенегов на запад была вызвана продолжительными войнами карлуков и их союзников гузов с уйгурами и кыргызами в 820–840 гг. В результате этих войн карлуки и гузы, вытесненные из Монголии, в свою очередь, изгнали печенегов из Восточного Туркестана в Приаралье. Там печенеги (баджинаки) соединились с кангарами, занявшими ведущее место в конфедерации печенежских орд [Golden, 1972, p.59–60; Paloczi-Horvath, 1989, p.13].

Однако едва ли сухие приаральские полупустыни, отрезанные песками от границ богатых азиатских государств, представлялись печенегам и гузам «обетованной землей», за которую следовало бы бороться до последней капли крови. Скорее всего, печенеги так и продолжали свое движение на запад, пока не уперлись в Волгу – восточную границу Хазарского каганата, куда вслед за ними вскоре прорываются и гузы.

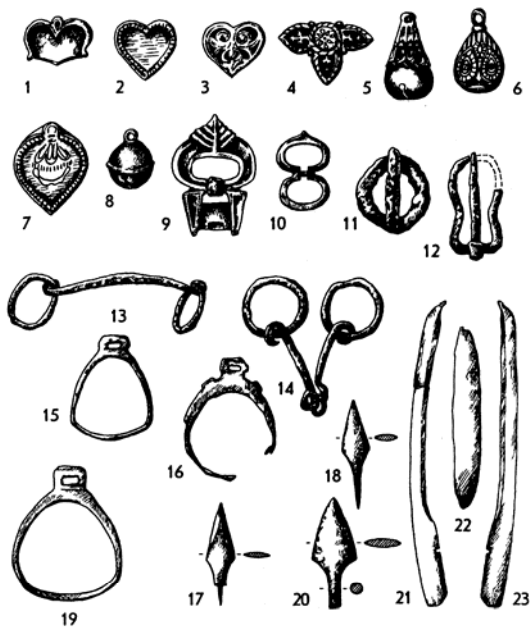
Далее в отечественной историографии традиционно рисуется следующая картина: «Каган заключил союз с гузами, надеясь с их помощью справиться с печенегами, но результат этого союза был прямо противоположен. Гузы, начав войну, отобрали у печенегов их лучшие пастбища, и тогда печенеги в поисках новых земель вынуждены были форсировать Волгу и вторгнуться на основные территории Хазарского каганата. Путь печенегов по захватываемым землям был отмечен пожарами и гибелью большинства степных и лесостепных поселений и крепостей» [Плетнева, 2003, с.116].

Думается, что реальная ситуация развивалась не столь эпически. Более вероятным представляется, что инициаторами хазаро-гузского союза выступили все-таки гузы (обратную инициативу представить трудно, поскольку для хазар не было принципиаль-

ной разницы, кто будет тревожить их восточные рубежи – печенеги или гузы, а для гузов было очень важно, будут ли они одни владеть Заволжьем или на пару с печенегами), поставив, таким образом, печенегов «между молотом и наковальней». Для последних в этой ситуации оставался единственный выход – идти далее на запад в поисках более спокойных мест. И, скорее всего, не через территорию враждебной Хазарии, а в обход ее северных границ. В противном случае представляется маловероятным, чтобы печенеги, пусть даже и находящиеся на первой (таборной) стадии кочевания, пройдя с боями через всю Хазарию, не похоронили на пути своего следования ни одного убитого. А получается именно так, поскольку на территории Хазарии до сих пор не известно не только печенежских могильников, но и ни одного погребения [Плетнева, 1982, с.25; Гарустович, Иванов, 2001, рис.1].

Переселение печенегов из-за Волги произошло незадолго до 895 г. – года нападения печенегов на древнемадьярскую область Леведию (Лебедию), располагавшуюся в междуречье Днепра и Северского Донца [Гарустович, Иванов, 2001, с.109]. Именно вторая река, на берегах которой возвышались стены и башни хазарских крепостей – Верхнее Салтово, Мохнач, Сухая Гомольша, Маяки и др. – в начале X в. стала восточным рубежом Европейской Печенегии. Северная граница этой области, обозначенная находками соответствующих захоронений, проходила по рр. Орель и Ворскла, севернее которых, по р. Суле, проходила первая оборонительная линия Киевской Руси. На западе печенежские кочевья доходили до низовьев Буга, Днестра и Когильника, в верховьях которых также стояли древнерусские городища-крепости.

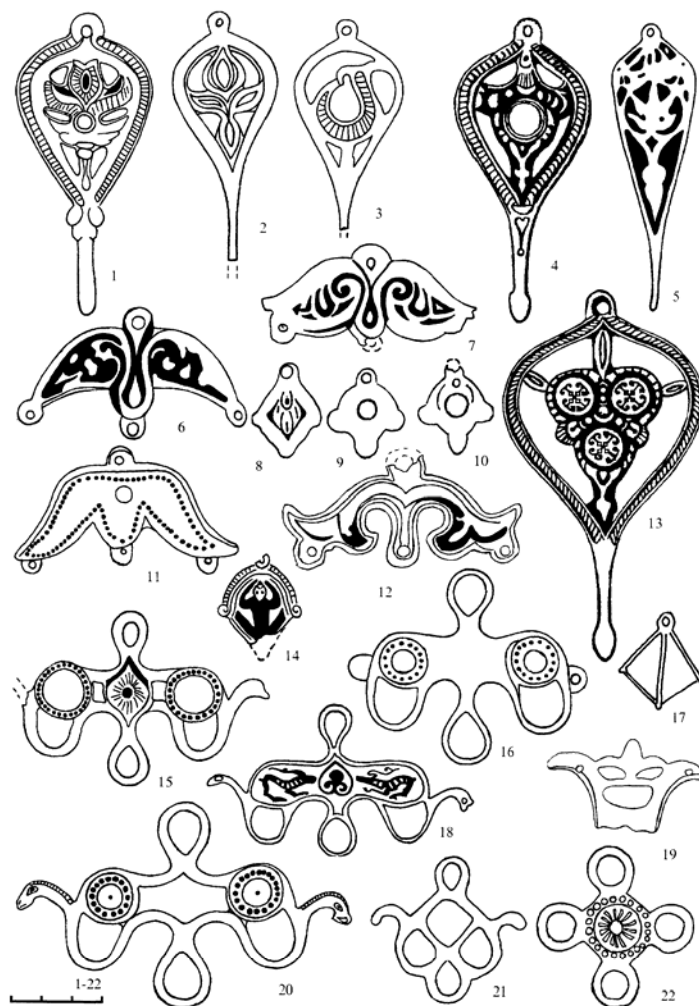
В X в. европейские печенеги представляли собой мощную военно-политическую силу, активно влиявшую на ход тогдашней балкано-средиземноморской политики [Каргалов, 1967, с.23 и сл.; Сахаров, 1991, с.159]. Причем силу, достаточно организованную. Подтверждение тому – наличие четко обозначенной территории обитания и внутренней родоплеменной, а по сути уже административной структуры (отмеченное византийским императором Константином Багрянородным деление европейских печенегов на «восемь фем» или восемь племен с конкретными территориями кочевания [Плетнева, 1958, с.192]). Перечисленные признаки характеризуют,

Комплекс вещей из печенежских погребений Заволжья и Приуралья. 1–4 – ременные накладки (серебро, бронза); 5, 6, 8 – подвески-бубенчики (бронза); 7 – бляха-решма; 9, 10 – бронзовые пряжки; 11, 12 – железные пряжки; 13, 14 – удила; 15, 16, 19 – стрелы; 17, 18, 20 – железные наконечники стрел; 21–23 – костяные обкладки лука [История Самарского Поволжья, 2000, с.291]

по мнению С.А.Плетневой, уже вторую стадию кочевания, которая вполне может рассматриваться как первый шаг на пути формирования у кочевников государственности.

В первые десятилетия своей восточно-европейской истории печенеги вместе с русскими дружинами князя Святослава активно нападали на северные, придунайские, области Византии и Болгарии, до 972 г. являясь устойчивым звеном в созданной Святославом антивизантийской коалиции [Сахаров, 1991, с.159 и сл.]. Однако уже в начале 970-х гг. политическая конъюнктура в Европейской Печенегии складывается не в пользу русско-печенежского союза. Причин тому было несколько: во-первых, происки византийских эмиссаров, старательно создававших из печенегов противовес наступательной политике Святослава в Причерноморье; во-вторых, политика хазар, сталкивавших печенегов с гузами, выступавшими, как считают исследователи, союзниками Святослава в его хазарском походе 965 г. [Артамонов, 1962, с.433 и сл.]; и, наконец, усилившиеся распри между самими печенеж-

Основные предметы этноопределяющего характера из погребений огузов Северного Прикаспия. 1-5, 13 – копоушки I-VI; 6, 7, 11, 12 – крыловидные нашивки; 15, 16, 18, 20 – птицевидные нашивки; 19, 21, 22 – нашивки; 8-10, 14, 17 – привески [Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Гаврилина Л.М., 1985; В.А.Кригер, 1993]. 1-22 – бронза

скими ордами-«фемами». Действительно, в 968 г., когда Святослав вместе с западными печенегами «геройствовал» в Дунайской Болгарии, другая печенежская орда напала на Киев. А в 972 г., как известно, печенежский хан Куря подкараулил Святослава на днепровских порогах и убил его.

В худшем положении оказались печенег, оставшиеся в Заволжье и Приуралье по соседству, а возможно, и как автономная часть «государства огузских (гузских) ябгу» (по С.А.Толстову) – «Заволжская Печенегия» [Иванов, 2000]. Оттеснив с помощью хазар печенегов на северную периферию Волго-Уральской степи, гузы получили в свое распоряжение территорию, если и не столь богатую своим природным

потенциалом, но чрезвычайно удобную с точки зрения культурно-экономических контактов кочевого и оседлого миров.

Ареал гузских курганов степного Заволжья и Приуралья позволяет очертить границы Гузской степи (Дешт-и Огуз) в X в.: на западе – это Волга, отделявшая Дешт-и-Огуз от Хазарии. Граница эта хотя и нарушалась периодически, но не более как зимними набегами гузов на приволжские хазарские поселения. Южная граница фактически совпадает с границами Прикаспийской низменности или прикаспийских пустынь, которые в силу своих природных условий не могли обеспечить пропитанием крупные кочевые орды. На севере одним из районов гузских коче-

вий являлись бассейн р. Илек и Волжское левобережье на границе современных Волгоградской и Саратовской областей [Гарустович, Иванов, 2001, с.99].

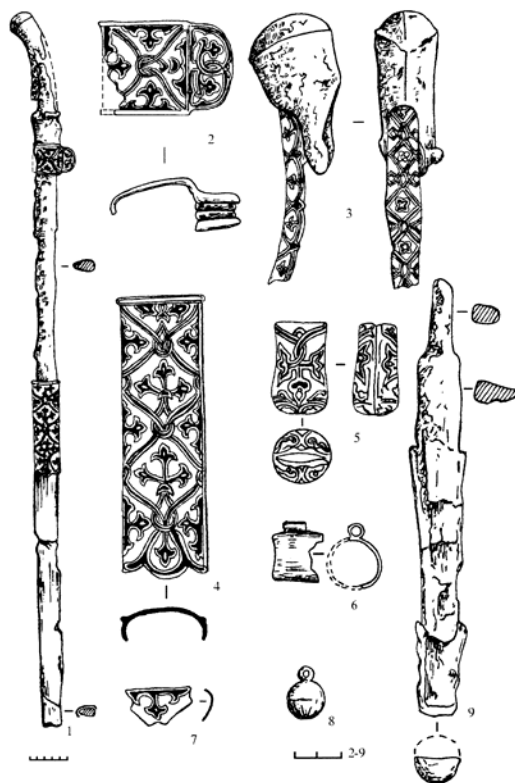
С этой территории открывались прямые пути к основным городским центрам Восточной Европы и Средней Азии. Прежде всего, гузы получили возможность контроля над хазаро-хорезмийской торговлей, поскольку именно через их территорию проходил тот отрезок Великого Шелкового пути, по которому в 922 г. багдадское посольство, в составе которого находился Ахмед ибн Фадлан, прошло из Хорезма в Булгар.

Кроме того, гузы, видимо, держали под своим контролем и плато Устюрт с его колодцами и караван-сараями. И хотя археологических памятников, которые можно было бы однозначно соотнести с гузами, на плато Устюрт пока не обнаружено, но на карте Каспийского моря, составленной в конце 970-х гг. Ибн Хаукалем, все его восточное побережье обозначено как «Пустыня гуззов».

Наконец, в середине X в. недалеко от северных границ Дешт-и Огуз появляется крупный торгово-ремесленный центр волжских булгар – Муромский городок на Самарской Луке, географическое положение которого «обеспечило ему роль важного торгового, ремесленного и культурного центра» [Матвеева, 2000, с.253].

Все эти обстоятельства способствовали обогащению не только гузской знати, но и массы рядовых кочевников-воинов. И не случайно вещевые комплексы гузских курганов Заволжья и Приуралья дают нам наборы, состоящие из разнообразных женских украшений: браслетов, перстней, высокохудожественных птицевидных подвесок и подвесок-копоушек, обувных бляшек-накладок, а также поясных и уздечных наборов.

На их фоне заволжские печенеги, отнесенные к южной границе лесостепи, выглядели бедняками, что и было отмечено современниками. «Они бедны в противоположность гуззам», – писал о печенегах, встреченных им на берегу оз. Шалкар, Ибн Фадлан. В известной степени ему вторит Константин Багрянородный, отмечая в своей книге, что печенеги Приднепровья именуются «кангар» – «храбрейшие, благороднейшие», тогда как заволжские печенеги никак не именуются, зато носят укороченные кафтаны, показывая этим, «что они

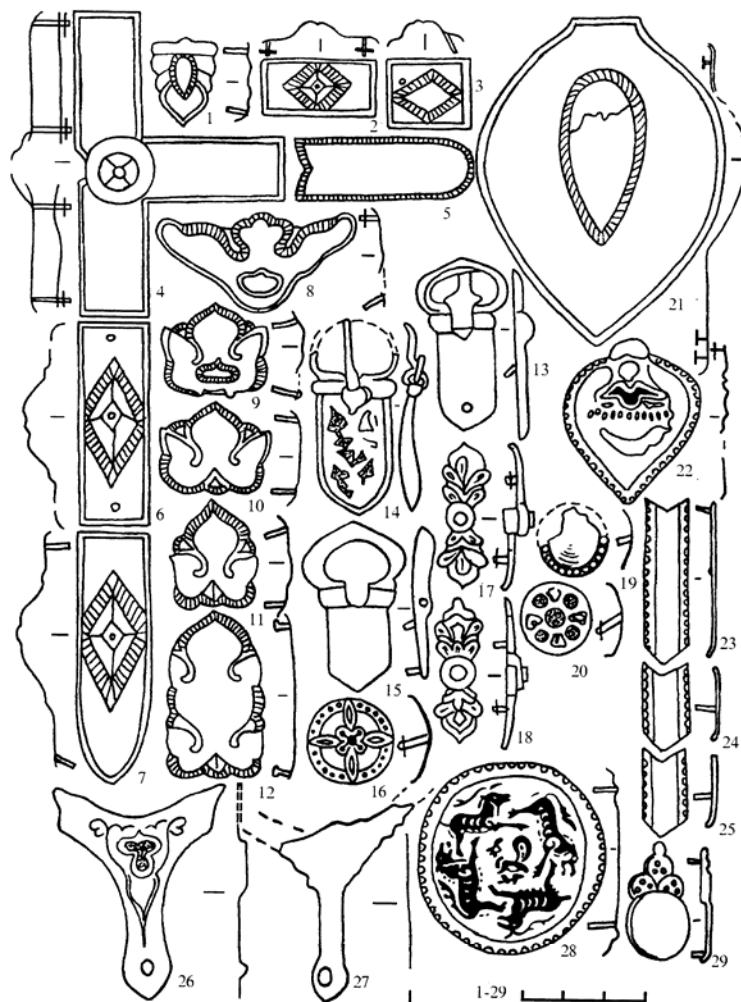
Эталонный погребальный памятник огузов второй половины X в. Курганный могильник у пос. Ченин Палласовского района Волгоградской области.

- Курган № 8, погребение № 4. 1 – сабля;
2, 4, 7 – обкладки ножен сабли; 3 – навершие рукояти сабли; 5 – обойма; 6 – оболочка;
8 – бубенчик; 9 – кинжал. 1, 3, 9 – железо;
2–5, 7 – серебро, чернение, позолота;
6, 8, 9 – бронза

отрезаны от своих сородичей и соплеменников» [Константин Багрянородный, 1934, с.16].

Эти сведения иллюстрируются и археологическим материалом: курганы «Заволжской Печенегии» дают нам весьма скромные наборы вещей, состоящие главным образом из удил, стрелян, железных ножей и наконечников стрел [Гарустович, Иванов, 2001, с.86–94]. Надо полагать, обусловлено это было тем, что путь в хазаро-хорезмийскую торговлю заволжским печенегами был закрыт, а их ближайший северный сосед – Волжская Булгария, потенциальный партнер по товарообмену и покровитель в политических делах¹, в это время активно развивала свои отношения с племенами

¹ Как это позже произошло между Киевской Русью и гузо-печенегами (торками или черными клбуками).

Эталонный погребальный памятник огузов второй половины X в. Курганный могильник у пос. Ченин Палласовского района Волгоградской области. Курган № 8, погребение № 4.

1–7, 13, 21, 22 – украшения сбруйного набора; 8, 16–20, 23–25, 28, 29 – украшения кожаной сумки; 9–12, 14, 15, 26, 27 – украшения 2-х поясов. 1–29 – серебро, бронза, чернение, позолота

лесного Прикамья [Белавин, 2000, с.43]. Впрочем, не исключено, что какие-то группы печенегов искали и находили себе прибежище у волжских булгар. Свидетельством этого может служить лепная плоскодонная посуда, встречающаяся на поселениях южных районов Волжской Булгарии, которую исследователи типологически сопоставляют с посудой памятников кочевнической группы салтово-маяцкой культуры, оставленной различными племенами, так или иначе связанными с хазарами: болгарскими, печенегами и гузами [Хлебникова, 1984, с.216 и сл.].

Согласно системе географических координат тюрко-монгольских кочевников, в которой главным азимутом был юг, по письменным и археологическим данным

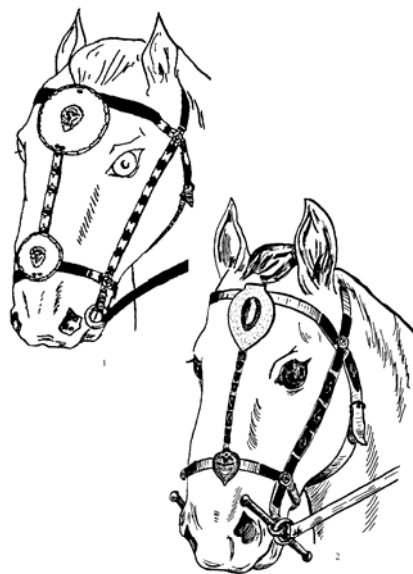
четко прослеживается характерное для всех евразийских кочевников деление печенежских и гузских племен на два крыла: левое – восточное и правое – западное. Для печенегов это, соответственно, Заволжская и Европейская Печенегии. У гузов в X в. правое крыло составляли волго-уральские (или прикаспийские) племена, кочевья которых на востоке, вероятно, ограничивались горами Мугоджарами. Это была самостоятельная область, имевшая свои, обусловленные ее географическим положением экономические и политические ориентиры: на западе – соседняя Хазария, на юге – Хорезм. Причем Хазария в геополитике волго-уральских гузов занимала, конечно же, приоритетное место. Поэтому не случайным представляется их участие в хазар-

ском походе князя Святослава в 965 г., а затем присутствие в составе кочевнического (печенежско-гузского) гарнизона крепости Саркела – Белой Вежи [Артамонов, 1962, с.433 и сл.; 1958, с.77 и сл.].

Левое крыло Дешт-и Огуз составляли присырдарьинские гузы, являвшиеся ядром туркмено-сельджукского этнополитического объединения. Это также были кочевые племена, в основной своей массе населявшие среднее течение Сырдарьи, области Сыгнака и предгорья Каратау [Агаджанов, 1969, с.174]. Как показали события XI в., область политических и экономических устремлений гузов левого крыла простиралась на юг, в сторону Хорезма и Мавераннахра.

События эти не заставили себя ждать. Массовое переселение гузов (торков) в степи Восточной Европы исследователи, на основании сведений русских летописей, датируют серединой XI в. [Федоров-Давыдов, 1966, с.141]. С.П.Толстов расценивал этот процесс как проявление социально-политического кризиса гузской державы, выразившегося в практически одновременном движении гузов-торков из Волго-Уральских степей в Восточную Европу, а гузов-сельджуков – из Приаралья в Переднюю Азию. По мнению названного исследователя и поддерживающей его С.А.Плетневой, это была целенаправленная акция единого гузского союза племен [Толстов, 1947, с.85 и сл.; Плетнева, 2003, с.119].

Подобная трактовка представляется излишне усложненной, поскольку существование единой гузской державы (или единого союза племен) на огромной территории от оз. Балхаш до Волги (по С.П.Толстому), в свете имеющихся источников, выглядит весьма проблематично. В настоящее время вернее будет говорить о двух самостоятельных гузских союзах племен: собственно гузском в Волго-Уральских степях [Агаджанов, 1975, с.15] и туркмено-сельджукском в Средней Азии, к востоку от Аральского моря. У каждого из этих союзов, как было сказано выше, к началу XI в. политические и экономические ориентиры вполне оформились. Поэтому, когда на исторической арене азиатских степей появилась еще одна этнополитическая сила – вышедшие из Прииртышья и с Алтая куны и кай, составлявшие кимако-кыпчакский союз племен [Агаджанов, 1969, с.154–158], направления возможного

Украшения конской сбруи.
Реконструкции В.М.Клепикова
из полевых отчетов А.С.Скрипкина
и А.В.Лукашова за 1980 г.
1 – Верхний Балыклей-II, кург.5/1;
2 – Ченин, кург.8/4

отступления для гузов были уже определены.

Давление кимако-кыпчаков на гузов началось в 20-е гг. XI в., когда, по сведениям мусульманских историков, первые 4 тыс. туркмен переправились через Амударью и расселились в Северном Хорасане. Следом за ними, около 1030 г., и сами кыпчаки подходят к границам Хорезма [Заходер, 1945, с.137; Бартольд, 1968, с.401]. Примерно в середине 1040-х гг. происходит новый всплеск гузо-печенежских войн, спровоцированный натиском кыпчаков-половцев с востока. Зимой 1046–1047 гг. европейские печенеги предпринимают попытку массового вторжения в пределы Византии. Попытка не удалась и разбитые армии императора Исаака I Комнина печенеги уходят далее на запад, в Венгрию. Вслед за ними на берега Днепра приходят гузы-торки.

Пришли они сюда не от хорошей жизни, а подгоняемые кыпчакскими (половецкими) саблями. Армянский историк Матфей Эдесский под 1050–1051 гг. сообщает о разгроме гузов и печенегов «рыжеволосым народом хардеш», под которым современные исследователи видят кыпчаков-половцев [Агаджанов, 1969, с.158; Плетнева, 2003, с.152]. Через пять лет, в 1055 г., гузы-торки и половцы одновременно под-

ходят к границам Киевской Руси. В окрестностях городка Воиня первые занялись грабежом русских селений и, естественно, были за это изгнаны князем Всеволодом Ярославичем в степь. А половцы, озабоченные пока очищением степи от гузов и печенегов, предпочли «створить» со Всеволодом мир «и возвратишася въ свояси».

Отброшенные от границ Руси гузы-торки усиливают свой натиск на печенегов, вынуждая их уходить за пределы восточноевропейской степи. Но поскольку путь за Дунай был чреват войной с дунайскими болгарами и Византией, печенеги начинают массово переселяться в пределы Венгерского королевства (1067 г.) [Palocz-Norvath, 1989, p.37].

Вслед за печенегами на Дунай приходят и гузы-торки, которые в 1064–1065 гг. совершают попытку прорыва в Византию и на Балканы. В отличие от планомерной и целенаправленной экспансии гузов-сельджуков, завершившейся образованием в Передней Азии государства Сельджукидов, «балканский поход» гузов-торков был не более чем разбойничьим набегом с целью грабежа и, возможно, попыткой уйти из-под половецкого натиска. Рассеявшиеся по Фракии и Македонии гузские отряды частью погибли от внезапных холодов и болезней, частью были вырезаны извечными врагами огузов – печенегами и населением захваченных областей.

На берегах Дуная вновь восстанавливается военная и политическая гегемония печенегов, причем настолько, что в 1086 г. они смогли начать и вести пятилетнюю войну с Византией [Анна Комнина, 1859; Любарский, 1966]. Для огузов же последствия «балканского похода» оказались, вероятно, катастрофическими, отрицательно сказавшись, в первую очередь, на их численности. Наглядно это можно проследить из количественного соотношения печенежских и огузских памятников в Правобережной Украине.

Остатки огузско-торческих племен искали спасения от половецких сабель под державной рукой киевского князя, с 1060 г. вынужденного отражать половецкие набеги, которые стали регулярными. Заинтересованные в создании вдоль своих южных рубежей антиполовецкого «буфера», рус-

ские князья поселяли кочевников на почти пустующих в то время землях Днепровского правобережья [Плетнева, 1973, с.24]. Уже в 1080 г. существовало несколько областей компактного расселения гузов-торков вдоль ближних границ Руси. Одна из таких областей находилась, по-видимому, на территории Переяславского княжества, поскольку, как сообщает летописец: «В лето 6588 заратиша Торци Переяславлестии на Русь, Всеволод же посла на ны сына своего Володимера. Володимер же побил Тороки». А в 1093 г. уже существовал «Торческий град» (городище Шарки на р. Рось, в 80 км южнее Киева) [там же, с.25], возникновение которого едва ли было бы возможно без соответствующего оформления вассальных отношений между торками и киевским князем.

Разгромленные в Византии гузы-торки нашли свое спасение от полного уничтожения под защитой киевского князя, заселив «Торческий град» и положив начало черноклобуцкому союзу, куда после 1091 г. вливаются массой печенеги, разгромленные византийцами у Левуниона (чем и завершилась пятилетняя печенежско-византийская война, начатая в 1086 г.). А затем наступает период, когда, очевидно, торки и печенеги психологически «притирались» друг к другу (что после многолетней вражды было просто необходимо) с тем, чтобы в 1116 г. под предводительством молодых русских князей Ярополка и Всеволода совместно выступить против донских половцев. Поход этот закончился разгромом печенежско-торческих сил и очередным их спасением под державной рукой Владимира Мономаха. Правда, как считает С.А.Плетнева, под властью крутого киевского князя печенеги и торки чувствовали себя неуютно, а потому в 1121 г. восстали и были изгнаны из пределов Руси. Это был последний год упоминания этих двух народов по отдельности на страницах русских летописей. Во второй половине XII в. упоминаний о печенегах у русских летописцев мы уже не находим, да и гузы-торки названы только один раз (под 1173 г.) как вспомогательная сила в походах русских князей в половецкую степь [там же, с.27].

ГЛАВА 2

Кимаки и кыпчаки. Кимакский каганат*

Булат Кумеков

На руинах Западнотюркского каганата кочевые и полукочевые тюркоязычные племена на территории современного Казахстана образовали три могущественных государства: в Семиречье – Карлукское этносоциальное объединение, на среднем и нижнем течении Сырдарьи и в Приаральских степях – Огузскую державу, а в Северном, Восточном и Центральном Казахстане – Кимакский каганат.

Ранний этап истории кимаков был связан с племенем яньмо, отмеченном в китайских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской среде. Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек), которое, как считает большинство исследователей, является фонетической разновидностью имени кимак (кимек). Имеющееся мнение исследователей о полном тождестве кимаков и кыпчаков ошибочно, ибо сведения письменных средневековых источников позволяют однозначно рассматривать их как два отдельных, но родственных тюркоязычных этноса. Яньмо, одно из телеских племен, в начале VII в. обитало в бассейне Кобдо, в Северо-Западной Монголии. На востоке от них находились огузы, а на юге расселились тюргеши и карлуки. К середине VII в. имеки (кимеки-кимаки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление этого племени происходит после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникает ядро кимакского племенного союза. Глава племени кимаков носил титул «шад-гутук». Титулы «шад» и «гутук» бы-

ли широко известны в тюркской среде и неоднократно упоминаются в древнетюркских рунических надписях VII–IX вв.

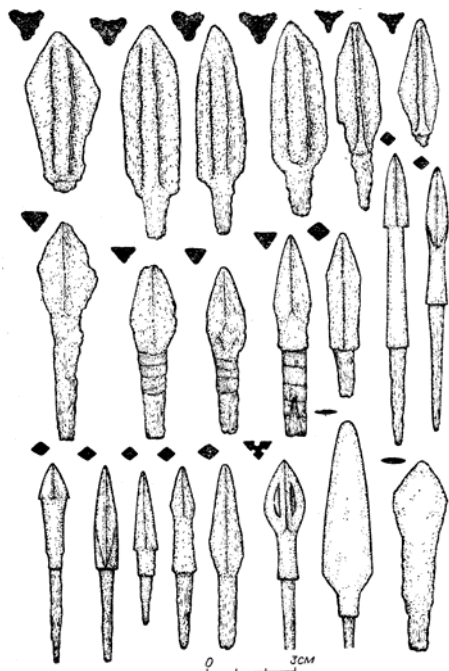
Во второй половине VIII – начале IX в. происходит движение кимакских племен в трех направлениях: на северо-запад к Южному Уралу (в основном, кипчаков), на юго-запад к бассейну Сырдарьи и Южному Казахстану, на юг в пределы Северо-Восточного Семиречья. Между 766 и 840 гг. кимаки заняли территорию Западного Алтая, Тарбагатай и Алакольской котловины, дойдя до северных пределов токуз-гузов, обитавших в Восточном Туркестане. Граница между ними проходила по Джунгарскому хребту.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии часть входивших в него племен (эймюр, баяндур, татар) присоединилась к ядру кимакского объединения. Именно в это время складывается кимакская федерация в составе семи племен. Теперь глава кимакских племен стал носить титул байгу (ябгу). Титул ябгу по степени своего достоинства был выше шادا. Известно, что титул ябгу носила правящая верхушка различных тюркоязычных народов – карлуков, огузов, уйгуров и др.

В источниках нет никаких прямых указаний, ставящих под сомнение тюркскую этническую и языковую принадлежность кимаков. Напротив, все писавшие о них единодушно относили кимаков к числу основных тюркских племен. Первое по времени упоминание этнонима *кимак* в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов по данным арабского географа Ибн Хордадбега (IX в.), в сочинении которого перечисляются кимаки наряду с токузгузами, огузами, печенегам, карлуками, кыпчаками, аскишами, тюргешами.

Первоначальный состав кимакской федерации приведен в произведении ал-

* При написании данной главы Б.Е.Кумековым использованы следующие издания источников: [Бартольд; ал-Якуби; Ибн ал-Факих; ал-Истахри; ал-Хорезми; Махмуд ал-Кашгари; Арсланова, Кляшторный, 1973; ал-Идриси; Ибн Хордадбег; ал-Масуди, 1894; Кляшторный, 1986; Кумеков, 1972]

Кимакские железные наконечники стрел
[Худяков, 1986, с.184]

Гардизи. В этот союз входили семь племен: эймюр, имек, татар, кыпчак, баяндур, ланиказ, аджлар. Никаких данных ни об одном из этих племен Гардизи не приводит, все они выступают у него как издавна существующие и известные. Не указывает он также, откуда происходят эти племена. Рассмотрение истории племен, входящих в кимакский союз, дает основание предполагать, что они переселились на территорию Казахстана из Центральной Азии.

Первое из кимакских племен, *эймюр*, известно также среди огузов. Оно упоминается в VIII в. и среди двенадцати уйгурских племен. Появление эймюров в племенном составе кимаков и среди сырдарьинских огузов говорит о движении эймюров в западном и северо-западном направлениях. Эймюры не ассимилировались ни в кимакской, ни в огузской среде, а входили в их состав как племя.

Упомянутый у ал-Гардизи этноним *имек* отождествляется с тюркским племенем яньмо китайских летописей VII в. В мусульманских источниках имя племени впервые зарегистрировано в «Худуд ал-алам» в названии столицы кимаков Иमेкия, впрочем, по другим источникам

та же резиденция кагана называется Кимекия (Кимакия). Титул главы кимакской конфедерации племен был известен, согласно ал-Гардизи, как имек-байгу, а по сведениям ал-Масуди – кимак байгу. Махмуд Кашгари кимаков называет йемеками.

Третье племя кимаков – *татары* – впервые упоминается в древнетюркских надписях VIII в. в связи с событиями VI в. под именем *огуз-татары*. В других тюркских надписях они известны как *тогуз-татары*. Постоянное политическое взаимодействие тогуз-татар с основными огузскими племенами позволяет считать, что в VIII в. эта группа татарских племен населяла северо-восточную часть Монголии. В 740–840 гг. татары входили в Уйгурский каганат. После крушения Уйгурского каганата татары вместе с огузо-уйгурскими племенами мигрировали в Восточный Туркестан. Аноним «Худуд ал-алам» прямо причисляет татар к тогуз-гузам. Среди племен, говоривших на тюркских языках, упоминает татар и Махмуд Кашгари. Скорее всего, татары появились в кимакской федерации вместе с эймюрами как часть разгромленных енисейскими кыргызами и бежавших после 840 г. в Восточный Туркестан тогуз-гузских (уйгурских) племен.

Первое по времени появление имени родственных кимакам *кыпчаков* в исторических источниках, если верно реконструировано китайское цюйше (кюйше), относится к концу III в. до н.э. в связи с рассказом о завоеваниях основателя гунской державы Модэ-шаньюем пяти северных владений. А.Н.Бернштам поместил страну кыпчаков (цюйше) в Северо-Западной Монголии. Следующее упоминание о кыпчаках содержится в тексте рунической надписи кагана Баянчора (строка 4), относящейся к середине VIII в. В мусульманских источниках этноним «кыпчак» впервые упомянут Ибн Хордадбехом в списке тюркских племен, датирующихся также VIII в.

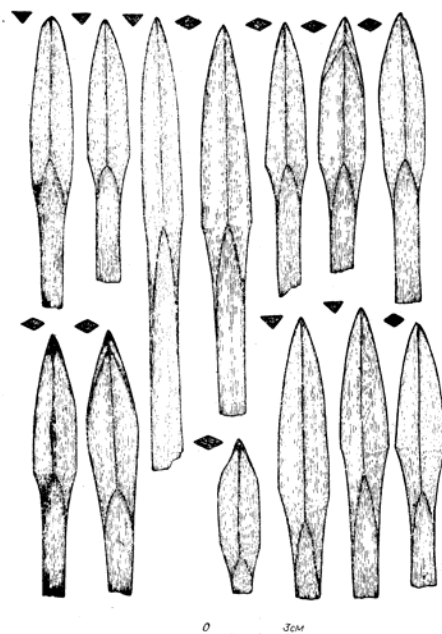
Раннесредневековая история кыпчаков, по мнению С.Г.Кляшторного, связана с племенным названием «сир» (или «се», по китайским источникам). В середине VI в. племя се (сир) покорило своих соседей. Истребив их, правящие роды возглавили новую конфедерацию. С IV по VII в. в китайской историографии они стали известны под названием *сеяньто*. В середине

VI в. сеяньто находились в политической зависимости от тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другая переселилась в Восточный Тянь-Шань. В начале VII в. в Северной Монголии сеяньто возглавляли союз десяти племен теле. В 630 г. сеяньто, отделившись от этого союза, образовали свое Сирское государство в центре Отыюкеной черни (Хангай). Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов. В 646 г. токуз-гузы нанесли поражение сеяньто, таким образом, государство сиров пало. Однако вскоре сирсы в союзе с тюрками стали грозной силой в Центральной Азии. В 691 г. вместе с тюрками они отвоевали у уйгуров, возглавлявших конфедерацию племен токуз-гузов, Отыюкенскую степь. Пятьдесят лет тюрки и сирсы (кыпчаки) властвовали над токуз-огузами, пока в 742 г. не пало их государство в Центральной и Западной Монголии. С VIII в. в древнетюркском памятнике и мусульманском источнике появляется этноним «кыпчак».

Ибн Хордадбех называет кыпчаков уже отдельно от кимаков. По «Худуд ал-алам», кыпчаки – народ, отделившийся от кимаков и более примитивный по образу жизни. Заняв территорию западнее кимаков, кыпчаки все же сохраняли политическую зависимость от них. Правитель кыпчаков назначался каганом кимаков. Махмуд Кашгари, отмечая близость имеков и кыпчаков, подчеркивал, что сами кыпчаки не отождествляли себя с имеками, а считали их лишь родственными по происхождению.

Таким образом, все раннесредневековые сведения о кыпчаках хотя и позволяют считать их в VIII–XI вв. политически связанными с кимакским племенным союзом (позднее государством), однако отмечают слабость этих связей, различие этнических территорий, а также отличия экономического и бытового характера. Итак, мнение о полном тождестве кимаков и кыпчаков ошибочно, т.к. сведения, имеющиеся в мусульманской средневековой историографии, позволяют считать их лишь двумя родственными племенами.

Формирование кыпчакской этнической общности в VIII–X вв. на территории Казахстана было сложным и длительным процессом, в развитии которого прослеживаются два этапа.

Кимакские костяные наконечники стрел
[Худяков, 1986, с.187]

Первый этап связан с продвижением в Прииртышье значительных групп кыпчакских племен из Внутренней Азии в итоге поражения, которое они понесли вместе с тюрками в 742 г. от токуз-гузов, захвативших древнетюркский домен в Северной Монголии. В области среднего Иртыша и Алтая кыпчаки вошли в ядро кимакской федерации. Стремление основных кыпчакских племен к самоопределению привело их в конце VIII в. к отделению от кимаков.

Второй этап – с конца VIII и до начала XI в. Взаимодействие и интеграция основных этнических общностей проходили при консолидирующей роли кимакских племен. В этот период кыпчаки находились в тесных этнокультурных взаимосвязях и взаимодействиях с конфедерациями древнебашкирских, печенежских, карлукских и, в особенности, огузских племен. Вместе с тем линия внутреннего этнического развития кыпчакских племен была направлена на ассимиляцию древних насельников, местных огузских, угро-финских, сарматоаланских этнических групп.

Впервые этноним «баяндур» в нарративных источниках встречается у ал-Гардизи как племя кимаков. О них пишут затем Махмуд Кашгари и Рашид ад-дин, упоминающие баяндуров в качестве огузского племени. Очевидно, часть баяндуров

входила в состав кимаков, а другая – в состав огузов.

Шестым и седьмым племенем упоминаются *ланиказ* (В.Ф. Минорский читает как *нилказ*) и *аджлар*.

Как показывает анализ племенного состава, большое влияние на историю кимаков оказал разгром енисейскими кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. По всей вероятности, к этому времени относится появление эймюров и баяндуров как в кимакском племенном союзе, так и в огузском на Сырдарье, а татар – среди кимаков.

В ходе становления Кимакского государства изменяется количественный состав кимакских племен. По данным «Худуд ал-алам» и ал-Идриси, ядром Кимакского государства стали 12 племен. На территории, подвластной кимакам, помимо кыпчакского объединения упоминаются и *куманы*, отдельные группировки которых в XI–XII вв. вошли в родоплеменной состав кыпчаков. Средневековые арабские географы упоминают куманов как самостоятельный этнос, что представляет весьма примечательный факт, ибо в отечественной и зарубежной историографии широко распространено мнение о тождестве кыпчаков и куманов. По сведениям письменных источников, в IX–X вв. куманы обитали на территории Западного Казахстана и составляли западную ветвь трехсоставного объединения племен кимаков, кыпчаков и куманов. Исходным ареалом обитания куманов следует считать Южную Сибирь, область Северного Алтая. После падения Западнотюркского каганата в середине VII в. происходит обособление ряда тюркоязычных племен и одновременно идет сложный процесс их консолидации. На территории Северо-Западного Алтая и Восточного Казахстана возникает этнокультурная общность кимаков и кыпчаков. В конце VIII в. значительные группировки кыпчаков, по всей видимости, вместе с куманами отделяются от кимаков и занимают земли к западу от Иртыша вплоть до Южного Приуралья. Кыпчакские и куманские племена до конца X в. находились в политической зависимости от Кимакского каганата и входили в это государство на обширной территории от Иртыша до Волги.

Кимакский каганат

Бурные события второй половины VIII – IX вв., в ходе которых кимакские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот и продвинулись на запад вплоть до Южного Урала и бассейна Сырдарьи, дали толчок развитию государственных организаций кимаков.

Первое упоминание о государственном образовании у кимаков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX – начала X в. Так, историк и географ IX в. ал-Йакуби, отличающийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью своих сообщений, упоминает о государственности кимаков и других тюркоязычных народов: «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей и государств (мамалик), в том числе: карлуки, токузгузы, кимеки и огузы. У каждого племени тюрков отдельное государство, и одни из них воюют с другими». Любопытные сведения о кимаках имеются у Ибн ал-Факиха (X в.), который пишет, что огузы, токуз-гузы и кимаки – самые сильные из всех тюрков, имеют царей. А классические арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукал сообщают о том, что «в пределах тюрков (их) цари отличаютсясообразно их государствам».

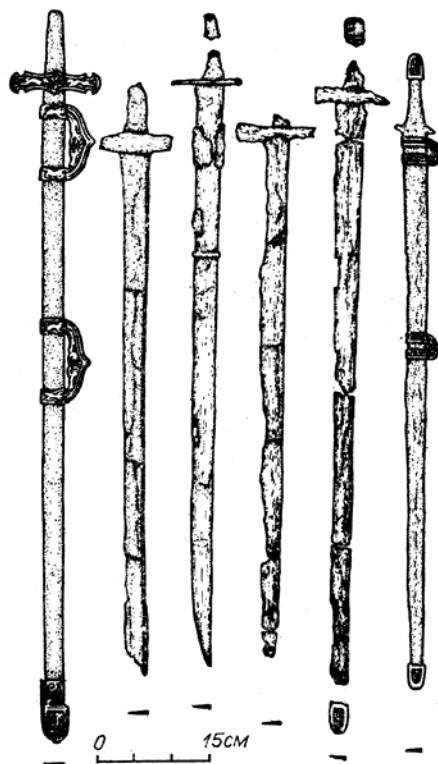
Могущество кимакского правителя было значительным. Со времени сложения у кимаков каганата в конце IX – начале X в. их «царь» стал носить высший тюркский титул – каган (хакан). «Хакан – главный царь тюрков. Хакан – это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому, как персы говорят шаханшах», – констатирует среднеазиатский ученый X в. ал-Хорезми. Титул каган стоял на две ступени выше, чем титул ябгу.

Таким образом, по мере социального и политического развития кимакского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав от низшей ступени к высшей, от шад-татука и ябгу до кагана. В сравнительном плане для знати древних тюрков была характерна следующая градация: шад, ябгу (улуг шад), кичиг каган, улуг каган. Как видно, связь между кимакской и древнетюркской титулатурами бесспорна и она указывает на преемственность

между кимакской средой и древнетюркской прародиной.

Каган кимаков обладал реальной властью; в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и наблюдался у племенной знати. Так, уделы 11 управителей кимакского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

В процессе образования Кимакского каганата, также как и при создании племенных объединений, большую роль играли военные институты. Управители были в то же время и военными вождями, которые получали от хакана за службу уделы. Удельные владения выставляли кагану определенное количество войска. Этническая среда в этих уделах, скорее всего, состояла в основном из представителей одного и того же племени. Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных перемен в общественном строе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимакского кагана. Вследствие единения военного и административного начал управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить свой политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве. Арабский географ ал-Идриси (XII в.), использовавший при описании страны кимаков книгу, написанную уроженцем восточно-казахстанских степей, сыном кимакского кагана Джанахом ибн Хакан ал-Кимаки (X или XI в.), пишет о наличии у кимаков ряда самостоятельных владений во главе с правителями. Их резиденциями служили города, окруженные стеной, надежно укрепленные замки-крепости, часто располагавшиеся на возвышенных местах. В этих городах и крепостях правители содержали многочисленное войско. Богатство и склады их хранились в городах и крепостях, расположенных в неприступных горных областях, тщательно охраняемых по указанию хана (малика). Ставка кагана кимаков, его орда, находилась, как уже было упомянуто выше, в г. Имекия (или Кимекия, Кимакия), который был окружен укрепленной

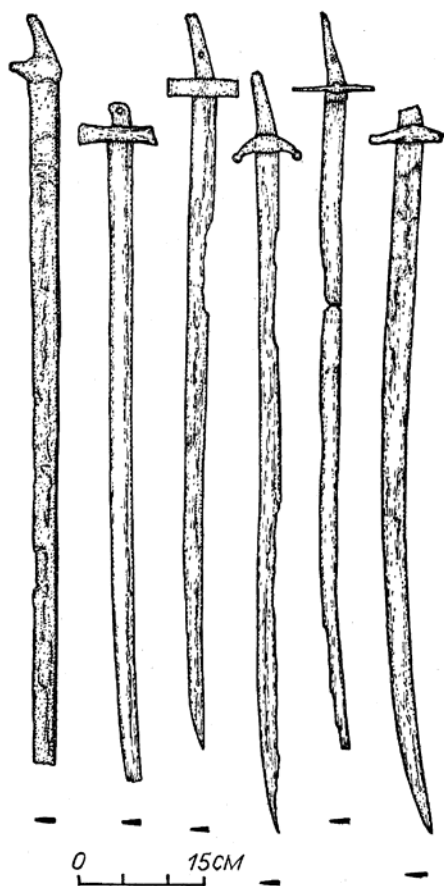

Кимакские палаши
[Худяков, 1986, с.191]

стеной с железными воротами. В городе находилось его многочисленное войско и казна. По существу, различий между каганской властью и властью государственной не существовало.

Источники отмечают преемственную связь кимаков с наследием древних тюрков по линии титулатуры: каган, жабгу (ябгу), шад, тутук. Характерная традиционная административно-территориальная структура древнетюркской государственной организации – система крыльев – нашла проявление в организации управления Кимакского каганата. По сведениям ал-Масуди, в X в. западная часть государства кимаков находилась под властью кимакского ябгу (мамлака кимек-ябгу), центр которого располагался в междуречье Урала и Эмбы, а восточная (основная), как и прежде, на Иртыше.

Сведения персидского анонима «Худуд ал-алам» об 11 управителях, а также сообщение ал-Идриси о том, что «у хакана кимеков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство» позволяет думать о наличии аппарата управления. Государ-

Кимакские сабли
[Худяков, 1986, с.193]

ственная власть есть, прежде всего, результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвусмысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимакской общественной структуре. Персидский историк ал-Гардизи (XI в.) указывает на то, что кочевники в кимакской среде «пасли табуны своих господ», а также отмечает: «на зиму они (т.е. кимаки) заготавливают сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств». Согласно ал-Идриси, только знатные люди могли носить одежду из красного и желтого шелка, подчеркивая тем самым свое привилегированное положение по отношению к рядовому кочевнику. По сведениям этого же автора, в городах кимаков наряду с конными имелись и пешие войска. Несомненно, контингент пеших войск, как обычно, был представлен двумя категориями людей: разорившимися кочевниками

и пленными. Археологический материал из захоронений кимакских племен также ясно свидетельствует о различиях в ценности и объеме инвентаря, положенного вместе с погребенными.

Глубокое имущественное неравенство в кимакском обществе, с одной стороны, вело к образованию кочевой аристократии, а с другой – к разорению значительной массы рядовых кочевников. Очевидно, часть лишившихся скота кочевников вынужденно переходила, как об этом свидетельствует знаток тюркской среды Махмуд Кашгари, к оседлости (ятуки, т.е. жатаки). Ятуки занимались ремеслами, рыболовством, оседали на зимовках, жили в небольших поселениях вокруг кочевнических стаяк, перераставших постепенно в города. Средневековые города вскоре становились не только военно-административными центрами, но и местом средоточия торговли, ремесла и земледелия.

О существовании в Кимакском государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии Кимакского (Каспийского) моря, их «царь» брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

У кимаков была письменность, об этом позволяет судить одна фраза у арабского путешественника Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они пишут». По всей вероятности, кимаки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Сведения письменного источника подтверждают находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор – бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX–X вв. и атрибутированные С.Г.Кляшторным как кимакские.

В IX – начале XI в. у кимаков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимали культ Тенгри и культ предков. Отдельные группировки поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм. Вместе с тем некоторые группы кимаков исповедовали манихейство – религию христианского толка. Быть может, ислам получил определенное распространение среди кимакской знати; по крайней мере, само имя Джанах ибн Хакан ал-Кимаки как будто свидетельствует об этом, как и написанная

им по-арабски книга. В этом отношении немаловажно и то, что отдельные особенности кимакских погребений относят за счет мусульманских влияний. Как известно, приобщение к одной из мировых религий (исламу, христианству) является определенным показателем уровня социально-экономического развития.

И в социальном, и в культурном отношении кимаки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI–IX вв., а с конца IX до начала XI в. у них существовало сложившееся государство.

В средневековых источниках сообщается о политических взаимоотношениях кимаков с сопредельными народами. Во внешнеполитическом курсе кимакский каган был довольно предприимчив. Так, ал-Идриси о нем сообщает следующее: «Царь кимеков один из великих царей и один из славных своим достоинством... Тюркские цари опасаются власти хакана кимеков, боятся его мести, остерегаются его силы, берегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подобные действия».

О военной экспансии кимакских правителей на юг, завершившейся захватом части земель токуз-гузов, свидетельствует сообщение о том, что кимакский г. Карантия, расположенный на юго-восточном берегу оз. Гаган (совр. Алаколь), некогда принадлежал токуз-гузам. Кимаки совершали набеги на Джамлекес в Восточном Туркестане, пограничный город токуз-гузов, сохранивших в X в. лишь северо-западную часть своих владений.

Вместе с тем, и это очень важно, источники отмечают, что в мирные времена кимаки перекочевывали в земли огузов, а огузы – к кимакам. Войны не были определяющими в отношениях между ними. Не случайно поэтому, что тесные связи между кимако-кыпчакскими и огузскими племенами наложили печать на их язык, быт и культуру.

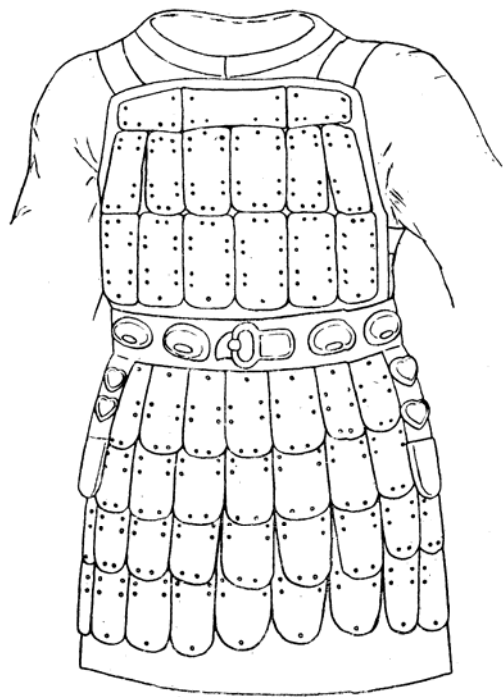
Опираясь на косвенные данные ал-Идриси, можно предположить, что каган кимаков вторгался и в страну енисейских кыргызов. «Все города страны кыргызов, – сообщает ал-Идриси, – расположены на территории, пространство которой измеряется тремя днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и обитаемые трудолюбивыми и мужественными

народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости царя кимеков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями». Но, с другой стороны, только тесными этнокультурными связями между кыргызскими и кимакскими племенами объясняется наличие у них многих сходных черт в быту. Так, район кимаков, называемый Кыркырхан, был известен своим населением, обычаи которого были похожи на обычаи кыргызов.

В свою очередь, сопредельные династии и народы совершали нападения на становища кимаков. Предпринимались военные походы Караханидов в глубь кимакских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи Кимакского каганата стабилизировались. Взаимные военные набеги кимаков и их соседей все чаще сменялись мирным общением с соседями. Об этом могут, в частности, свидетельствовать многочисленные торговые пути к кимакам, пролежавшие из Булгарии в Поволжье, Саманидов из Средней Азии, от огузов, карлуков, токуз-гузов и кыргызов. От тракта Великого Шелкового пути ответвлялась сеть караванных дорог, ведущих к ставке кагана на Иртыше.

В конце X – начале XI в. Кимакское государство распадается. Это было вызвано двумя причинами: внутреннего характера, связанного, главным образом, с центробежными тенденциями кыпчакских ханов, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности, и внешними событиями, скорее всего, под действием миграции кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в. Основной причиной миграции ученые считают образование в Северном Китае в 916 г. государства Ляо, основанного кочевыми киданями. Расширение земель этой державы на запад привело в дальнейшем к передвижению кочевых племен. Отзвуки грандиозной миграции племен отразились во многих средневековых источниках: арабо-персидских, русских, армянских, венгерских, византийских, сирийских. Из этого круга следует отметить, прежде всего, сведения арабского ученого ал-Марвази (XII в.), в сочинении которого сохранена наибольшая информация относительно данного передвижения: «Среди них (тюрков) есть группа людей, которые называются кун, они при-

Реконструкция кимацкого панциря
[Худяков, 1986, с.198]

были из земли Китай, боясь китайского хакана. Они – христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их (числа) Икинджи Ибн Кочкар Хорезмшах. Их (кунов) преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Тогда куны переселились на землю шары, а шары переселялись на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского моря». Под Армянским морем имеется в виду Черное море. Следовательно, эта миграция затронула народы от Китая до Черного моря.

Анализ этих сведений рядом ученых позволяет воссоздать в кратком виде следующую картину: племена каи и кун, потеснив группировки кимако-кыпчакских племен в Северо-Восточном Семиречье и Прииртышье, нанесли удар Кимацкому государству. Тем самым каи привели в движение кыпчаков, вытеснивших огузов из бассейна р. Сырдарья, Западного Приаралья и Северного Прикаспия и вынудивших их переселиться в т.н. «южнорусские» и причерноморские степи.

После захвата огузских земель кыпчакские ханы значительно усилились и сделались первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения кимако-кыпчакских и куманских племен, кимаки же в ходе этих событий не только потеряли политическую гегемонию, но и оказались в зависимости от кыпчаков. Одна часть кимаков удержалась на Иртыше, вторая оказалась в области Туркестана и Средней Азии, а третья группировка в составе кыпчакских племен двинулась на запад, в восточноевропейские степи. Кыпчаки стали преемниками кимацкой государственности.

Расселение кимаков, кыпчаков и куманов

До середины VIII в. кимаки, кыпчаки и куманы обитали в степном Алтае, Горном Алтае и Прииртышье. Соседями кимаков на юге были карлуки, жившие на Иртыше между Южным Алтаем и Тарбагатаем, на востоке – кыргызы с центром в Минусинской котловине. Со второй половины VIII в. кимаки стали двигаться в южном направлении и расселяться на землях карлуков. В начале IX в. отдельные группы кимаков перешли на территорию Северо-Восточного Семиречья, став соседями токуз-гузов, а граница между ними проходила по Джунгарскому хребту. К югу от Джунгарского хребта располагалось государство токуз-гузов.

Вместе с движением кимаков на юг во второй половине VIII в. происходило перемещение кыпчаков от Иртыша на запад. Данные текста сочинения ал-Идриси и картографического материала, заключенного в нем, позволяют локализовать отдельные группировки кыпчакских племен в междустье Иртыша и Тобола. На рубеже VIII–IX вв. западная часть кыпчаков расселяется к северу от печенегов. Печенеги, как известно, в VIII – первой половине IX в. жили в бассейне Сырдарьи и в приаральских степях. Следовательно, в пределах между юго-восточной частью Южного Урала и северной областью приаральских степей проходила непосредственная граница кыпчаков и печенегов. В начале IX в. племена кимаков подступают к районам Средней Сырдарьи. В середине IX в. печенежская конфедерация потерпела поражение от союза огузов, кимаков и карлуков. В резуль-

тате этих событий огузы овладели землями союза печенежских племен по Сырдарье и в приаральских степях. Племена печенежской конфедерации в этой сложившейся обстановке переселились и заняли пастбища между Жаиком (Урал) и Итилем. Однако в конце IX в. огузы в союзе с хазарами нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Яика и Итиля. Основная масса печенежских племен вынуждена была мигрировать в Юго-Восточную Европу, а их оставшаяся часть вошла в состав огузов и кимако-кыпчакского племенного объединения.

К этому времени (конец IX – начало X в.) относятся сведения ал-Идриси относительно расселения куманов. На карте ал-Идриси «Сурат ал-ард» к северу от Каспийского (Бахр ал-хазар) и Аральского (Бухайрат ал-Хваризм) морей расположены горы Аскасия. Они описываются протянувшимися в меридиональном направлении с севера на юг с небольшим уклоном в сторону востока. Из этих гор вытекает несколько рек, в том числе, что особенно важно для целей идентификации топографических объектов, Итиль, впадающая в Каспий.

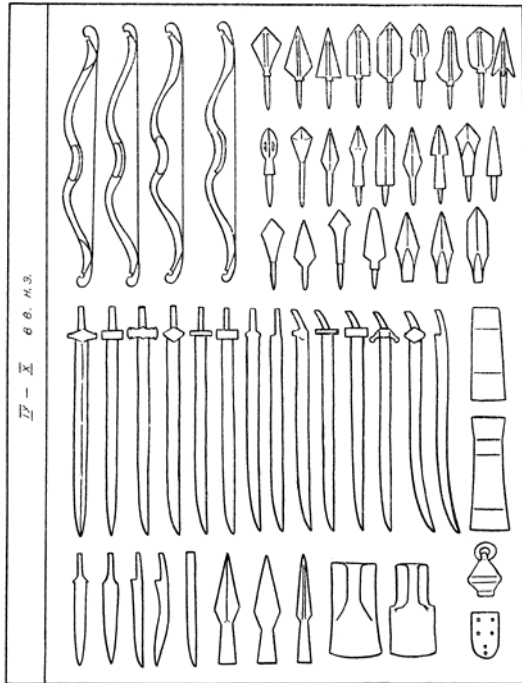
Описанные характеристики гор позволяют с уверенностью отождествить Аскасия с Уральскими горами. Арабские географы Ибн Сайд и Абуль-Фида указывают, что в предгорьях Аскасия, к югу от них, обитали куманы. На незначительном удалении к юго-востоку от Аскасия на карте показаны горы Тагура, где находилась столица страны куманов со столицей Куманийей. Тагура, в соответствии с реальной географической схемой, сопоставима с Мугоджарскими горами. Судя по тексту средневековых сочинений, Мугоджары являлись основной областью расселения куманов. Как явствует из данных письменных источников, куманы расселялись в пространстве между северными приаральскими степями и предгорьями Южного Урала. К югу от них находились огузы (согласно ал-Идриси) и кимаки, на западе – печенеги, на северо-западе – болгары, на северо-востоке – кыпчаки. Анализ текстологического и картографического материалов дает основание датировать сведения средневековых авторов о куманах IX–X вв. Куманы составляли западную ветвь кимако-кыпчакского объединения.

В начале X в. кимаки и кыпчаки вместе с огузами кочевали в бассейне Урала, в приаральских и прикаспийских степях. Расселение этих племен нашло отражение и на средневековых картах арабских географов. Так, на «Карте мира» ал-Истахри кимаки занимают земли к северу и северо-западу от Аральского моря.

В пределах Южного Урала кыпчаки граничили с древнебашкирскими племенами. Арабский путешественник Ибн Фадлан свидетельствует об обитании башкир в этом районе и отмечает их расселение у р. Багнады, вероятно, соответствующей нынешней Явынды. Непосредственные контакты кыпчаков с башкирами привели со временем к взаимопроникновению в культуре, языке. Согласно легендам и преданиям, западно-башкирские племена отделились от кыпчакского объединения и поселились в Приуралье задолго до монгольского нашествия.

Кочевание группы кимакских племен на Эмбе и Урале отмечается сведениями ал-Масуди. О Белом и Черном Иртыше, впадающем в Каспийское море, ал-Масуди сообщает: «между их устьями около десяти дней пути; на них расположены зимовки и летние кочевья кимаков и огузов». Эти реки идентифицируются с Эмбой и Уралом. До сих пор не получило удовлетворительного объяснения возникновение топонимов *Белый* и *Черный Иртыш* на столь значительном удалении от собственно Иртыша. По нашему мнению, в этой уникальной информации проявилась закономерность, характерная для эпохи раннего средневековья, заключающаяся в отражении географической среды в этническом самосознании. Так, ландшафты этнической территории запечатлеваются в сознании населявших ее людей в виде обожествленных представлений о «родной земле». Этнос, переселившийся на другую территорию, переносит туда названия обожествленных гор, озер, рек с прежних мест своего обитания. В этой связи вспомним сообщение ал-Гардизи: «Река Иртыш – бог кимаков». Лишь кимаки могли назвать Эмбу и Урал по месту своего прежнего расселения Белым и Черным Иртышом. Очевидно, источником данной информации для ал-Масуди послужили выходцы из кимакской среды.

Свидетельство кочевания кимаков на Урале подтверждается также сведениями

Типолого-хронологическая матрица кимацкого оружия [Худяков, 1986, с.200]

автора «Худуд ал-алам». Согласно этому источнику, «река Артуш течет между землями кимаков и огузов». Артуш, по мнению В.Ф.Минорского, соответствует Уралу. Далеко не ясное представление о гидрографии отдаленных от мусульманского мира областей «неверных» нашло отражение в анонимном сочинении автора X в. Наличие непосредственной границы и теснейших этнокультурных связей между кимаками и кыпчаками, с одной стороны, и огузами, с другой, наложило отпечаток на этнические и социальные процессы, на материальную и духовную культуру. Согласно показаниям персидского источника, некоторая часть кимаков походила на огузов своими обычаями.

Полагаясь на данные «Круглой карты мира» неизвестного арабского географа, можно вполне определенно говорить о западных границах расселения кимаков: это северо-восточная часть прикаспийских степей, бассейн рр. Урала и Эмбы, районы к северу от Аральского моря до Южного Урала. Карта отражает расселение кимаков в X в.

Значительные сведения, относящиеся к этому времени, содержатся в «Худуд ал-

алам» в разделе о кимаках, где сообщается о трех территориальных единицах в пределах кимаков. Первая – «Андак ал-хифчак», область некоторой части кыпчаков, примыкавшей на западе к кимацкой территории. Андак ал-хифчак, по всей вероятности, занимала северо-западную и западную часть Центрального Казахстана и северную окраину приаральских степей, т.е. области, находящиеся на непосредственных подступах к пределам огузов. Многовековые теснейшие связи между кыпчацкими и огузскими племенами наложили отпечаток на их язык, быт и культуру. Дialect кыпчацкого языка, по словам Махмуда Кашгари, имел ту же самую фонетическую особенность, что и диалект огузов – элемент «жекания». Этнокультурные связи кыпчаков с огузскими племенами прослеживаются также по старинным казахским преданиям. «Йагсун-йасу» – другой район кимаков, расположенный между рр. Итиль (Волга) и Жаик (Урал) и имеющий более благоприятные и более умеренные климатические условия. По мере движения на запад кимацкие племена переносили на новые места названия топонимов, которым поклонялись. «Кыркырман» – третий район кимаков, обычаи населения которого немного похожи на обычаи кыргызов. Очевидно, эта область находилась гораздо ближе к каким-то группам кыргызов, чем к другим соседним тюркским племенам. Сравнительно-сопоставительный анализ этого историко-географического термина с сообщениями других письменных источников позволяет локализовать Кыркырман в районе от Тарбагатай до Калбинского хребта, включая хребет Чингизтау.

Отдельные группы кимацких племен ходили и до каспийского побережья. Почти каждый город, река или пустыня в определенный исторический период имели по несколько названий. Эти названия связаны с общеизвестными топонимическими закономерностями: море называется по именам стран, окружавших его, по именам городов, расположенных на его берегах, по именам впадающих рек, по именам народов, живших на побережье. На проникновение кимаков в прикаспийские степи указывает недолго существовавшее в топонимике название Каспийского моря – Кимацкое море, упоминаемое в «Шахнаме».

Во второй половине X в. отдельные группы кимаков и кыпчаков находились у границы мусульманских областей Туркестана. Город Сауран, согласно ал-Макдиси (X в.), был пограничным с огузами и кимаками укреплением. Этот автор называет еще большой, богатый город Шагльджан, находящийся в 26 км к северу от Туркестана, также как пограничную крепость против кимаков.

На юге оз. Балхаш было естественной границей между кимаками и карлуками в Семиречье.

На севере кочевья кимакских племен доходили до лесостепной полосы. Северо-восточные границы страны кимаков охватывали области Западного и Северного Алтая и прилегающие районы юга Западной Сибири в пределах распространения сросткинской археологической культуры кимаков. Крайние восточные памятники сросткинской культуры находились на западных отрогах Кузнецкого Алатау.

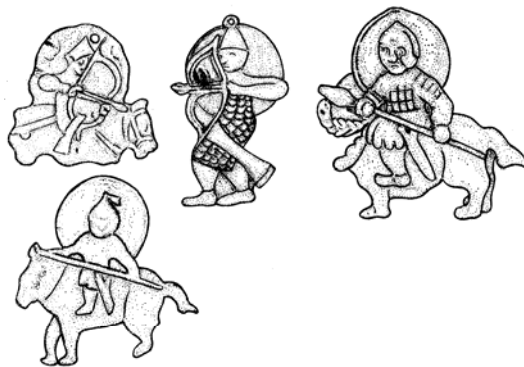
К рассматриваемому времени, видимо, относится путешествие Абу Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней.

Таким образом, в период ранней Волжской Булгарии под политической гегемонией кимаков находилась обширная территория: от Алтая и Иртыша на востоке до Итиля и Южного Урала на западе, от Кулундинской степи на севере до оз. Балхаш и Джангарского Алатау на юге. Древние земли кимаков были расположены на Иртыше, где находились две столицы кимакского хакана – старая и новая.

В начале XI в. наследниками этих обширных земель стали кыпчакские ханы.

Хозяйство кимаков

Главным занятием кимаков было кочевое скотоводство. Кочевники регулярно совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевков, выработавшиеся веками, пролегли по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствующее время года. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических или политических обстоятельств.

Изображения кимакских воинов
(по В.А.Могильникову, Л.А.Евтюховой)
[Худяков, 1986, с.201]

Некоторые группы кимаков на зимовку прикочевывали в степи между Уралом и Эмбой, а летовку проводили в Прииртышье. Средневековые авторы отмечают, что кимаки разводили лошадей, овец, коз, коров, быков, верблюдов.

Важнейшую роль в их хозяйстве играло овцеводство. «Жир употребляли вместо растительного масла, сало – для освещения». В кочевом хозяйстве исключительно важное место занимало коневодство. Именно благодаря подвижности и выносливости лошадей могли осваиваться отдаленные пастбища. Кони использовались на войне и в облавной охоте. Говоря словами поэта ал-Джахиза (IX в.), «тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли». Ибн Фадлан и ал-Гардизи сообщают о громадных табунах лошадей, разводившихся кимаками в X в. Тюркские лошади были хорошо приспособлены к местным природным условиям и круглогодичному содержанию на пастбище, они давали много молока и мяса. Кочевые тюркские племена предпочитали конину говядине и баранине, а из кобыльего молока изготавливали напиток – кумыс.

Разводились две породы лошадей – невысокие с массивной головой, толстой и короткой шеей и рослые верховые кони с небольшой головой, тонкими ногами. Таким ибн Бахр, отметивший у царя кимаков и его войска лошадей «с тонкими копытами», по всей вероятности, имел в виду скаковых лошадей.

В некоторых источниках упоминается о разведении кимаками коров и быков. Вероятно, крупный рогатый скот в основном содержали полуоседлые группы, хотя и бы-

ки использовались кочевниками для упряжек.

Разводились и козы, но они не играли большой роли в скотоводческом хозяйстве.

Мясо и молоко употребляли в пищу, шерсть – для изготовления войлока, шерстяной одежды, ковров и других изделий. Животноводческая продукция шла не только для удовлетворения внутренних потребностей, но и на продажу в соседние земледельческие области.

Одним из источников существования у кимаков служила охота. В IX в. ал-Йакуби писал, что кочевые тюрки «больше всего едят дичь». Интересное описание способов охоты тюрков имеется у ал-Джахиза. По его словам, они любят охотиться и даже во время набегов промышляют дичь, охотятся верхом; они необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов.

Наряду с индивидуальной охотой организовывались и облавные; они, кроме хозяйственных целей, имели и военное значение, являясь своеобразными маневрами, военным учением.

Среди кимаков имелись охотники на пушных зверей – лисиц, куниц, бобров, соболей, горностаев и крупных хищных зверей: тигров, барсов. В Прииртышье найдена бронзовая бляха, на которой изображен кимакский всадник в характерной короткополой одежде, поражающий копьём тигра. Пушнина для кимаков была одним из предметов сбыта в другие страны.

Отдельные группы кимаков, главным образом, малоимущие, занимались рыбной ловлей на Иртыше и других реках. В «Диван лугат ат-турк» и арабо-кыпчакских глоссариях приведена кимако-кыпчакская терминология рыболовных орудий труда: аргак – крючок, аг – сеть, ужан (улук) – маленькая лодка, кеми (караб) – большая лодка. Сведения нарративных источников подтверждаются археологическими материалами из Прииртышья: в могильниках VIII–IX вв. найдены скульптурные изображения рыб.

Среди кимаков имелись компактные группы полуоседлого и оседлого населения. Характеризуя тюркские племена, ал-Идриси пишет: «Люди кочевые... Однако они обрабатывают землю, сеют и жнут».

Оседлые поселения кимаков отмечены многими арабо-персидскими авторами. Тамим ибн Бахр, видевший хакана кимаков

с войском, рассказывает, что около его ставки имеются селения и возделанные земли. В «Худуд ал-алам» раздел о кимаках начинается со слов «рассуждение о стране кимаков и их городах», а затем упоминаются Имекия (Кимекия) – летняя резиденция хакана и селение Жубин. В противоположность основному типу передвижного жилища, приспособленного к кочевому образу жизни – юрте, Исхак ибн ал-Хусейн и ал-Марвази сообщают о кимакских землянках.

Наибольшую информацию о городской жизни кимаков содержит сочинения ал-Идриси. Ссылаясь на книгу кимакского царевича Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, он говорит о 16 городах кимаков по берегам озер, рек, в неприступных горных районах и в местах разработок полезных ископаемых. Многие из них находились на торговых трассах. Кимакские города были хорошо укреплены. В источниках упоминаются также кимакские замки-крепости, расположенные в горах, у основания которых рылись рвы, заполнявшиеся водой. В Центральном Казахстане обнаружены городища, стены которых сложены из кирпича-сырца, дерна и камышовых связок внутри; здесь открыто много древних остатков поселений, оросительных каналов.

Полуоседлые и оседлые группы кимаков занимались земледелием, сеяли, главным образом, просо. Абу Дулаф свидетельствует, что кимаки употребляли в пищу горох, бобы и ячмень. Ал-Идриси сообщает, что у кимаков есть районы с плодородными землями, где сеют пшеницу и ячмень; говорит о выращивании ими такой трудоемкой земледельческой культуры, как рис, что возможно лишь на поливных землях.

Земледельческое хозяйство кимаков было натуральным и едва обеспечивало нужды собственного потребления. Сведений о продаже или обмене ими своей земледельческой продукции нет. Таким образом, у кимаков существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

Города кимаков сложились и росли как политические и экономические центры на основе синтеза хозяйственно-культур-

ных традиций местного тюркского населения Средней Азии и Казахстана.

Самой развитой формой домашних промыслов и ремесла у кимаков была обработка и переработка животноводческой продукции и сырья. Кожа шла на изготовление различных видов обуви, посуды, колчанов, налучников, конской сбруи, мешков; войлоком покрывали юрты, из него делали одежду. Ал-Йакуби отмечает, что «тюрки – самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда». Для одежды использовались также шкуры диких животных и меха пушных зверей.

Рядовые общинники обычно сами изготавливали для себя различные предметы вооружения, хозяйственного и бытового назначения. В этом отношении интересно свидетельство ал-Джахиза: «Тюрк делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарищей и не обращается за советом к другу: они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья».

В быту широко применялись деревянные изделия – седла, посуда, лодки, части юрты, упоминаются даже лыжи.

В принадлежавших кимакам поселениях было налажено гончарное производство. Кроме того, на территории их обитания добывалось железо, серебро, золото, медь и драгоценные камни. «Из железа тамошние мастера, – писал ал-Идриси о кимаках, – делают изделия необычайной красоты». Из золота и серебра изготавливали предметы роскоши и украшения. По сведениям ал-Идриси, «царь» кимаков носил одежду, шитую золотом, и золотую корону. Он описал технологию плавки золота у кимаков: «По обычаю (кимаки) золото собирают и моют в воде, промывая его, затем смешивают крупницы золота с ртутью и сплавляют смесь в коровьем помете. И таким путем собирают значительное количество золота».

Существование ремесленного производства у кимаков подтверждается архео-

Реконструкция кимакского тяжеловооруженного воина [Худяков, 1986, с.201]

логическими материалами. При раскопках их поселений и курганных захоронений найдены железные изделия, украшения из золота, серебра и бронзы, остатки кошмы и кожи, деревянной посуды, оружие и различная гончарная керамика. Очень важно подчеркнуть, что большая часть этих изделий явно местного производства.

Сильная каганская власть и запросы элитарной кочевой знати стали атрибутами социального заказа, стимулировавшего развитие высоких образцов ремесел и изготовление престижных предметов повседневного быта. Так, в кимакском городе Гагане имелась мастерская по изготовлению одежды из красного и желтого шелка, которую носили только знатные люди. Поэт ал-Джахиз воздает хвалу кимакской деревянной посуде, которая, наряду с китайской, повсюду пользовалась популярностью.

Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кочевом обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов, специализирующихся на производстве экспортных товаров. В том же городе Гагане делали искусные меховые одежды, а «купцы развозили их во множестве в другие страны» (ал-Идриси).

ГЛАВА 3

Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав*

Булат Кумеков

Расселение

В начале XI в. военно-политическая гегемония на территории прежнего расселения кимакских, кыпчакских и куманских племен перешла в руки кыпчакских ханов. Пришедшая к власти правящая династия, зная кыпчаков стала предпринимать активные действия в южном и западном направлениях, что привело их к непосредственным контактам с государствами Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Во второй четверти XI в. военно-племенная знать кыпчаков вытеснила огузских джабгу из нижнего и среднего бассейна Сырдарьи, приаральских и прикаспийских степей. Захват кыпчакскими правителями территории обитания огузской аристократии был вызван как экономическими, так и политическими причинами. Политический фактор был связан, прежде всего, с внешними событиями, сопряженными с движением в начале XI в. центральноазиатских племен в западном направлении. Наряду с этим немалое значение имели центробежные тенденции династийных групп кыпчаков, стремившихся к самоопределению и созданию собственной государственности. Усилившиеся в первой половине XI в. кыпчакские племенные вожди, по всей вероятности, испытывали нехватку в пастбищных угодьях, равно как стремились взять под свой контроль важнейшие торговые пути, проходившие через Поволжье, Устюрт и низовья

Сырдарьи. Этот участок магистрали, соединявший Азию с Европой, имел большую притягательную силу как один из важных путей обогащения.

С изменением этнополитической ситуации, связанной с распространением власти кыпчаков в приаральских и присырдарьинских областях, в начале второй четверти XI в. появилось название «Степь кыпчаков» (Дешт-и Кыпчак) вместо «Степи огузов» (Мафазат ал-гузз). Завладев Мангыстау, а также прилегающими к нему регионами, кыпчаки вплотную подошли к северным рубежам Хорезма. Тем самым пределы политического влияния кыпчаков значительно расширились. В середине XI в. происходит миграция основных масс куманов и больших группировок кыпчакских племен под властью правящих родов Токсоба и Бурджогли в «южнорусские» и причерноморские степи вплоть до границ Византии. В результате этих событий кыпчакский массив племен распался на два этнотерриториальных объединения: Восточно-кыпчакское и Западнокыпчакское, границы которых проходили по р. Итиль. Большая часть территории современного Казахстана находилась под властью ханов Восточно-кыпчакского улуса.

Относительная централизация и единство кыпчакских ханов во второй половине XI – начале XII в. способствовали дальнейшему продвижению кыпчакских племен в сторону Хорезма, а также в районы Северо-Западного Семиречья и Южного Казахстана. В начале второй половины XI в. кыпчаки закрепились на Мангыстау и Устюрте, где совместно с ними кочевали оставшиеся группировки огузских племен (кечат и чаграк). На «Малой карте» ал-Идриси отмечено географическое название «Степь кыпчаков» (Сахра ал-кыфчак). Этот этнопоним был помещен между Каспий-

* При написании данной главы Б.Е.Кумековым использованы следующие издания источников: [Бартольд; Ал-Якуби; Ибн ал-Факих; ал-Истахри; ал-Хорезми; Махмуд ал-Кашгари; Арсланова, Кляшторный, 1973; ал-Идриси; Ибн Хордадбех; ал-Масуди, 1894; Кляшторный, 1986; Кумеков, 1972]

ским и Аральским морями, что указывает на исторические реалии, относящиеся ко второй половине XI в. Относительно исторических карт как ценнейших источников следует сказать, что картографическое изображение дает наиболее четкое выделение сущности отражаемых объектов или явлений. Метод сопоставления географических средневековых карт позволяет выделить между этими картами различия, которые отражают результаты процессов географии расселения за соответствующий период времени.

Наиболее успешными оказались кыпчакские, совместно с куманскими племенами, продвижения в западном направлении от Итиля, в результате которых огузы и печенеги были вытеснены с обширной степной полосы от Итиля до Днестра, где расселились кыпчакские и куманские племена.

Начальные этапы движения кыпчаков на запад нашли отражение на географической карте Махмуда Кашгари, на которой места их обитания показаны к западу от Итиля и на северо-запад от Каспийского моря (Бахр Абискун). Сама р. Итиль средневековым ученым отнесена к стране кыпчаков. Впрочем, область Саксина с одноименным центром на нижней Волге сохраняла самостоятельность, пока в первой половине XII в. кыпчаки не покорили ее.

Очевидно, ко второй половине XI в. относятся также данные исторической карты, помещенной в сочинении «Аджаиб алмахлукат» Закарии Казвини (XIII в.), на которой кыпчаки расположены восточнее русов, чьи области компактного расселения находились в то время в пределах современной Центральной России. Согласно карте ал-Мустауфи (XIV в.), кыпчаки локализованы между булгарами на Итиле и черкесами, обитавшими на Северном Кавказе, что также позволяет датировать эти сведения второй половиной XI в.

Кыпчакские ханы расширили на юге пределы своего государства, достигнув окрестностей Тараза, где возвели пограничное с Караханидами укрепление Кенджек Сенгир. Естественной границей между центральным Дешт-и Кыпчаком и уделами правителей государства Караханидов являлись оз. Балхаш и озера Алакольской котловины. Восточные рубежи кыпчаков охватывали в XI в. правобережье Иртыша

и склоны Алтайских гор. Махмуд Кашгари локализует имеков (кимаков) в бассейне Иртыша, на их основной древней территории, которая носила название «Имежские степи». В XII в. кыпчакские племена на Алтае граничили с найманами, канглами и керитами.

На северо-востоке кыпчаки были связаны с саяно-алтайским очагом цивилизации и культуры, носителями которой были кыргызы, хакасы и другие племена. Северные границы Кыпчакского ханства проходили по лесостепной зоне, отделяющей просторы казахстанской степи от Западной Сибири. На северо-западе кыпчаки вступали в этнокультурный и политический контакт с населением Поволжья и Приуралья. Взаимодействие кыпчакских племен с миром булгар и башкир развивалось во второй половине XI – начале XIII в. преимущественно в направлении кыпчакского языкового и культурного влияния. Между тем до середины XI в. древнебашкирский язык, по определению Махмуда Кашгари, был наиболее близок кимаковскому языку. В эпоху возвышения кыпчаков процесс кыпчакизации контактирующих этносов шел по восходящей линии.

Этническая территория кыпчакских племен в пределах их этнополитического объединения в Восточном Дешт-и Кыпчаке была относительно стабильной за исключением их юго-западных рубежей, где, начиная с 30-х гг. XII в., довольно активную политику стали проводить хорезмшахи. Представители династии хорезмшахов прилагали максимум усилий за обладание южным Приаральем, присырдарьинскими городами и Мангыстау, которые находились в руках кыпчакских ханов. Хорезмшаху Мухаммаду удалось приобщить к сфере своего влияния присырдарьинские владения кыпчаков, а также покорить южную резиденцию их ханов город Сыгнак. Эти победы совпали со временем наибольшего возвышения государства хорезмшахов, предьявлявшего свои притязания на первенство в огромном мусульманском мире. Однако дальнейший ход противоборства кыпчакских ханов с хорезмшахами был приостановлен надвинувшейся с востока грозной монгольской силой.

Кыпчакские племена XI–XII вв., согласно сведениям письменных мусульманских источников, были самыми многочислен-

ными из всех тюркоязычных народов, а область их расселения – самая обширная. Тем самым средневековые авторы указали на важную сторону общественной и социальной жизни кочевников – наличие иерархичности этнических обществ. Иерархия этносов соответствовала иерархии их этнических территорий. По силе и мощи кыпчаки в рассматриваемую эпоху были первенствующими в Центральной Азии.

На территории современного Казахстана кочевья кыпчаков находились по Ишиму и Тоболу, по Нуре, Илеку и Сары-Су. С зимовок на Мангыстау и Устюрте группировки кыпчаков на лето уходили в долины рр. Эмба, Сагыз, Уил, Хобда, Жайк (Урал), с северного побережья Каспийского моря откочевывали на лето в долины рр. Итиль, Малой и Большой Узени и в предгорья Южного Урала. Об исторически сложившихся кочевых путях кыпчаков свидетельствуют данные арабского географа ал-Омари: «Ханы кыпчаков проводят зиму в Сарае, летовища же их, как и некогда летовища Турана, находятся в области Уральских гор». Значительные группы кыпчакских племен зимовки проводили в Приаралье и присырдарьинских областях, а летом уходили на север и в центральные районы современного Казахстана. Но не всюду они составляли большинство населения. Так, на Иртыше компактно обитали имеки (кимаки), в Приаралье располагались кочевья многочисленных племен канглы, а между Яиком и Итилем расселились значительные группировки куманских племен. Совместно с кыпчаками Западный Казахстан населяли оставшиеся группы огузских и печенежских племен, на южной Сырдарье и Мангыстау кочевали отдельные группировки туркмен, на востоке этнической территории – найманы, керей и аргыны, а на юге Казахстана обитали представители кочевых и полукочевых племен имеков, карлуков, чигилей, уран, каи.

Укрепление этнического самосознания обычно сочетается со стремлением членов этноса к собственной территории и государственной организации, которые также обеспечивают обратную связь – устойчивое существование этноса.

Теснейшая связь между территорией и этносом, который заселил и хозяйственно освоил эту территорию, хорошо осознавалась ее населением. Убеждение кыпчаков

в исторических правах на территорию их обитания было зафиксировано внешними наблюдателями через понятие «Дешт-и Кыпчак», охватывавшее земли от Иртыша вплоть до Черного моря. В Дешт-и Кыпчаке, по существу, была запечатлена этническая территория формировавшейся кыпчакской народности.

Одним из феноменов кочевой цивилизации в кыпчакском обществе был высокий уровень коммуникации. Действующая в стране кыпчаков система коммуникационных связей соответствовала самым высоким требованиям «технического» прогресса того времени. В этой связи достаточно сказать о том, что обширные просторы этнической территории кыпчаков XI – начала XIII в. соотносились с коммуникационными возможностями их общества.

Подвижные скотоводческие группы кыпчакских племен совершали значительные перекочевки – на сотни, а то и более тысячи километров. Амплитуда их перекочевок была различна в зависимости от исторических традиций, степени зажиточности и характера природных условий.

Места основных пастбищ и маршруты кочевий складывались на протяжении многовекового опыта поколений. В этой связи осмысление понятия «родины» (этнической территории) происходит через понятия «пастбищная территория», «летовки» и «зимовки». Устойчивые пути кочевок могли изменить только серьезные экономические, социальные или политические причины. Распределение кочевых путей и пастбищ было основным условием пастбищно-кочевой системы, которая обеспечивала нормальную жизнедеятельность общества. Посягательство на скот строго каралось.

Хозяйство

Основной хозяйственной деятельностью кыпчаков было скотоводство. Из письменных средневековых источников мы узнаем, что кыпчаки, как и многие другие кочевники, разводили лошадей, овец, коров, быков, верблюдов. В составе стада у кыпчаков преобладали лошади и овцы, более приспособленные к зимнему выпасу.

В условиях кочевого быта лошадь считалась ценнейшим животным благодаря

исключительной подвижности и выносливости, позволявшей осваивать отдаленные пастбища, служила на войне и в облавной охоте. Поэтому особое внимание кыпчаки уделяли разведению лошадей, которые находились исключительно на подножном корму. «Особенности этой степи (Дешт-и Кыпчака. – Б.К.) заключаются в том, что растения ее служат скоту вместо ячменя, такой особенности нет у других стран. Вот почему в ней много скота», – отмечал арабский путешественник Ибн Баттута. Богатство лошадьми всегда составляло экономическую основу власти у скотоводов.

В отдельных письменных памятниках имеются свидетельства о наличии в стране кыпчаков немалого количества скотоводов, которые владели десятками тысячами прекрасных лошадей. На территории расселения кыпчакских племен в Центральном Казахстане в курганных погребениях отмечаются две породы лошадей – рослые верховые кони с небольшой головой и тонкими ногами (кости этой высокой породы встречались в богатых погребениях тюркоязычной знати), а также невысокие, с массивной головой, толстой и короткой шеей, очень выносливые и неприхотливые верховые животные.

Кыпчакские лошади очень высоко ценились, на них был большой спрос в сопредельных и отдаленных странах. Так, лошади, вывозимые из Дешт-и Кыпчака в Индию, продавались по 100 динаров серебром за рядовую лошадь, хороший же конь стоил 500 и более динаров.

Степная тюркская лошадь была хорошо приспособлена к местным природным условиям, характеризовавшимся резким континентальным климатом, отличалась обильной молочностью и хорошими мясosalными качествами. Кыпчаки предпочитали конину говядине и баранине, а из молока кобылиц изготавливали отменный, здоровый напиток – кумыс.

По сведениям письменных источников, в кыпчакском обществе уделяли внимание повышению видового качества верховых животных. Разводили породистых лошадей как тягло, источник питания и для верховой езды. На этом поприще многовековой опыт поколений позволил достигнуть значительных результатов. Так, лошади, в зависимости от их принадлежности к одной из многочисленных родоплеменных еди-

ниц, отличались своей оригинальной мастью. Подчас названия тех или иных племен определялись по масти лошади. В этом отношении примечательно то, что в состав западно-кыпчакского объединения входило племя «буланолошадников» (кулабаоглы). Уместно также привести в качестве примера факт дарения в 1223 г. монгольским полководцем Джучи своему отцу Чингисхану 20 тыс. белых кыпчакских коней, пригнанных из Дешт-и Кыпчака. Ценная информация о хозяйственной деятельности кыпчаков, связанной с эмпирической селекцией, раскрывает один из основных механизмов в развитии производительных сил кочевого скотоводческого общества.

Важное значение в их скотоводском хозяйстве имело овцеводство, быстро восполнявшее запасы мяса и жира. Овца давала также шерсть и овчину, из которой изготавливали теплую одежду. Кыпчаки разводили две породы овец. Значительная их часть была безкурдючная, имевшая небольшие хвосты, но прекрасно приспособленная к длительным кочевкам. Наряду с этим имелись курдючные овцы; они сравнительно хорошо переносили предвесенний недостаток в корме.

Наряду с коневодством и овцеводством, кыпчаки занимались разведением крупного рогатого скота, но в количественном отношении его было гораздо меньше. Коровы и быки не могли передвигаться на дальние расстояния во время кочевок. Этот факт свидетельствует о полукочевом образе жизни определенных групп кыпчакских племен с постоянными зимовками. Этнографические исследования показывают, что коров содержала, в основном, беднейшая часть кочевников. Крупный рогатый скот нередко служил тягловой силой. Ибн Баттута отмечал, что кыпчаки впрягали в арбы лошадей, вместе с тем добавляя, что «возят их (арбы) также волы и верблюды, смотря по тяжести и легкости арбы».

С продвижением кыпчаков в районы пустынных и полупустынных зон обитания в Прикаспии отдельные их группировки стали заниматься верблюдоводством. В местах песчаных и бесплодных верблюды были самым выгодным и удобным домашним животным.

Для прокормления скота требовались огромные пастбища, и кочевки кыпчаков осуществлялись по определенным, веками

установившимся маршрутам. В традиционную систему кочевков входили выработанные опытом поколений зимовки и летовки. «Всякий знает, – свидетельствует итальянский путешественник и посол Вильгельм Рубрук (XIII в.), – где он (кыпчак) должен пасти стада зимой, летом, весной и осенью».

Охота у кыпчаков служила одним из источников существования. Согласно ал-Джахизу, «кочевые тюрки необычайно выносливы на охоте, особенно в преследовании джейранов и куланов». Махмуд ал-Кашгари упоминает о крупном диком животном – булане (очевидно, лосе), обитающем в степях кыпчаков, на которого там охотятся.

Кыпчакские племена на охоте использовали соколов, ястребов, беркутов и гончих собак. В арабо-кыпчакских словарях отмечаются охотничьи собаки – кылбарк, тази и ловчие птицы – каракуш, балабан, лачин.

Наряду с индивидуальной охотой, кыпчаки организовывали и облавную, которая имела вместе с хозяйственной стороной и военное значение в том смысле, что являлась своеобразным маневром, военным учением, тренировкой.

В лесостепной и лесной зоне кыпчаки занимались и промыслом на пушных зверей: соболей, горностаев, лисиц, куниц. Пушнина была для них одним из важнейших товаров, который они вывозили в другие страны. У тюрков мех пушных зверей, по Махмуду Кашгари, назывался *иджук*, а по данным арабо-кыпчакского словаря «Тарджумана» – *курс*. В целом охота не являлась самостоятельной отраслью, а была лишь подспорьем основному виду хозяйства – скотоводству.

Кыпчаки, в основном самые бедные, живущие на берегах рек, озер, отчасти занимались рыболовством.

Часть средневековых нарративных источников сообщает о выращивании кыпчаками зерновых и бобовых культур. Кыпчаки сеяли, в основном, просо. Ал-Омари отмечал: «Посевов у них (кыпчаков. – Б.К.) мало, и меньше всего пшеницы и ячменя. Чаще всего у них встречается просо, им они питаются и по части произведений земли в нем заключается главная еда их». Проезжавший по Дешт-и Кыпчаку в XII в. Петяхья свидетельствует о том, что «хлеба

не едят в этой земле, а только рис и просо». Помимо проса кыпчаки возделывали, но очень ограниченно, пшеницу и ячмень. Хлеб они получали также в обмен на продукцию скотоводства от земледельцев Средней Азии. Отдельные группы кыпчаков занимались орошаемым земледелием, о чем свидетельствуют остатки оросительных систем, многочисленных плотин, колодцев и запруд в районах Улугая и Торгая.

О традиционности некоторых зерновых культур в хозяйстве кыпчаков говорят специальные термины, употребляемые кыпчакскими племенами для их обозначения и сохранившиеся в средневековых толковых словарях. Следует отметить, что эти термины в своей первооснове тюркские: экин – посев, бугдай – пшеница, арпа – ячмень, тутарган – рис, марджамак – чечевица, тару – просо, ирдан – гумно, ток, ашлык – продукция и т.д.

Таким образом, огромная пространственная протяженность и специфические географические условия территории расселения кыпчакских племен способствовали развитию у них нескольких хозяйственно-культурных типов – от кочевого скотоводства до земледельческого хозяйства, составляющих единую производственную систему средневекового кыпчакского общества.

Общественной строй

Специфика кочевого быта порождала характерные особенности в социуме. В условиях кочевого общества наибольшее значение имело население, а не земля. Кочевники могли подвинуться, передвинуться, более того, мигрировать, чего нельзя сказать о земледельческом населении, привязанном к земле. В кочевой среде действовал принцип «будет народ – найдется земля», в оседло-земледельческой наоборот – «будет земля – найдется население». Фактор приоритета населения в Великой Степи является основным ключом в понимании своеобразия развития кочевого общества, осмыслении степной цивилизации как важного явления в мировой истории. Основополагающим кредо в общественном и государственном развитии кочевых скотоводческих племен явились родоплеменные структуры, существующие как активно

действующие социальные и социально-психологические факторы. В этой связи Кыпчакское ханство по линии преемственной связи развития с гунским и древнетюркским этапами следует рассматривать как конфедерацию племен, организованных в достаточно сильное упорядоченное кочевое государство.

При этом племена выступали как административные единицы, организованные властью на основе хозяйственных и территориальных связей. Племена в социальном плане делились на аристократические, подчиненные и вассальные, связанные между собой строго установленными иерархическими отношениями.

В схематическом плане структуру общественного устройства можно представить следующим образом: семья – кочевая община – племя – союз племен. Низовая ячейка этой структуры, названная патронимией, образовалась в результате естественного дробления разросшейся большой патриархально-родовой семьи.

Власть кыпчакских ханов передавалась по наследству от отца к сыну. Верховными ханами становились только выходцы из династийного рода эльборили. Как уже было сказано выше, ханская ставка называлась ордой. Кыпчакское ханство по древнетюркским традициям делилось на два крыла. Так, в Восточном Дешт-и Кыпчаке правое крыло имело ставку на р. Урал (г. Сарайчик), левое – резиденцию в г. Сыгнаке. С расширением территории обитания кыпчаков от Иртыша вплоть до причерноморских степей страна кыпчаков с целью лучшего управления была разделена на две части: Восточную (главную) и Западную, граница проходила по Итилю. Военная организация и военно-административная система управления была наиболее удобна для кочевого способа существования.

Вместе с тем строго соблюдалась иерархическая система господствующей аристократической верхушки – ханы, тарханы, баскаки, беки, баи.

Кыпчакское общество было социально и сословно неравным. Знать кыпчаков, ханы и беки владели значительным количеством скота. Основным мерилом богатства служило число лошадей. Многие кыпчаки владели несколькими тысячами прекрасных лошадей, а некоторые из них десяти-тысячными и более табунами. Рядовые об-

щинники были свободными, но, отдавая себя и свое имущество под защиту сильного покровителя, попадали в зависимость от знати. Разорившиеся скотоводы переходили в зависимое сословие, они вынуждены были заниматься земледельческим трудом и ремеслом. Но как только у бедного жатака (ятука) появлялось достаточное количество скота, он тотчас становился кочевником – скотоводом.

Самую бесправную группу в кыпчакском обществе составляли рабы, которые пополнялись за счет военнопленных. Рабы, в основном, продавались, и лишь часть их использовалась в хозяйстве в качестве слуг.

Основой имущественного неравенства у кыпчаков была частная собственность на скот. Посягание на собственность строго каралось, например, вернув украденного коня, преступник должен был дать хозяину 9 таких же коней. А если он оказывался не в состоянии сделать это, то у него отбирали детей.

Скот метили родоплеменными тамгами. Владея огромными стадами скота, аристократия кыпчаков являлась собственником пастбищ, на которых содержался этот скот.

Места основных пастбищ и маршруты кочевий складывались на протяжении многовекового опыта поколений. Право распоряжения пастбищами и регулирования перекочевками принадлежало кыпчакским ханам и племенной знати. Распределение кочевых путей и пастбищ было основным условием пастбищно-кочевой системы, которая обеспечивала нормальную жизнедеятельность общества.

Кыпчаки придерживались законов предков, обычного права. Смертная казнь полагалась за совершение убийства, за мятеж и измену, за прелюбодеяние. Остальные преступления против личности, кражи имущества карались возмещением краденного в девятикратном размере.

Право у кыпчаков было более разработанным, чем об этом свидетельствуют письменные источники. В этом отношении любопытно заявление кыпчака султана Байбарса монгольскому правителю Абага хану о том, что «наша (кыпчакская) Яса превышает Ясы Чингисхана».

В кыпчакском обществе женщины играли огромную роль в общественной жизни

ни. Положение женщин у кыпчаков было высоким. Об этом свидетельствует большое количество каменных статуй, сооруженных в честь женщин.

Исключительное значение придавалось военной организации, тактике боя, применению военных приемов и хитрости. Каждое военное подразделение имело свое знамя. Кыпчаки умело брали укрепленные города и крепости, при этом нередко использовали зажженные стрелы, пользовались катапультами, керамическими сосудами с горячей жидкостью (очевидно, нефтью).

Кыпчаки придерживались различных верований. Среди них было распространено тенгрианство, поклонение единому богу Тенгри, вместе с тем придавалось большое значение культуре предков. Наряду с этим определенные группировки кыпчаков, расселившихся на юге Казахстана, Поволжья и Причерноморья, вошли в лоно ислама, стали мусульманами. Отдельные группировки кыпчаков западного Дешт-и Кыпчака придерживались христианства в силу тесного взаимодействия с сопредельными восточноевропейскими странами (Русь, Византия, Грузия, Армения).

Благодаря межпоколенной адаптации к географической среде и доминирующему скотоводческому хозяйству кочевые племена развивали традиции степной культуры, наиболее устойчивый блок которой был связан с особым феноменом, со степным образом жизни. Его глубинные истоки берут начало в бронзовом веке, стандарты утверждаются в сакской историко-культурной общности, дальнейшее развитие по линии преемственной связи наблюдается в тюркский период. В целом высокая степень преемственности характерна для степного образа жизни во времени и пространстве. При всех этнических и локальных вариантах были выработаны стереотипы в культуре, сохранившиеся в течение длительных исторических периодов. Особенно рельефно они проявились в материальной и духовной культуре, в нравственных и поведенческих нормах тюркских этносов.

В то же время степная цивилизация была обществом открытым, находилась в постоянном взаимодействии с земледельческими оседлыми цивилизациями, пользуясь их достижениями и обогащая их своими.

Племенной и этнический состав

С первой половины XI до начала XIII в. формирование кыпчакской этнической общности вступает в качественно новый этап развития, связанный, прежде всего, с ростом на основной их территории, Восточном Дешт-и Кыпчаке, могущества кыпчакских ханов, власть которых легитимизировалась сильным династийным родом Ельборили в рамках собственного государства.

Степень развития и углубления этнических связей в восточнокыпчакском объединении, образованном на территории Казахстана, а также уровень формирования кыпчакского этноса достаточно рельефно определяются по племенному составу кыпчаков Восточного улуса.

В сочинениях арабских ученых Ахмеда ат-Тыни (1235–1318) и ад-Димашки (1301–1349) содержатся конкретные данные о родоплеменном составе кыпчаков Восточного улуса. Он состоял из 16 этнокомпонентов. Из них 8 составляли основные племена, последующие 8 этнических компонентов представляли собой более мелкие подразделения. Важно отметить, что сам перечень шестнадцатиплеменной конфедерации кыпчаков не носил случайного беспорядочного характера. Напротив, в нем все было строго регламентировано в соответствии с династийным, социальным и политическим местом и уровнем каждой из перечисленных этнических единиц.

Первым, ведущим, элитарным племенем были *борили* (по другим источникам, *эльборили*), из числа которых из поколения в поколение выходили кыпчакские ханы. Семантика термина «борили» связана со значением «волк». В исторической и этнографической литературе широко известен культ волка как легендарного родоначальника ряда тюркских этносов и тотемическая роль волка на ранних ступенях развития тюркских племен. Борили (эльборили) были древнетюркским племенем центральноазиатского происхождения. Второе племя – *токсоба*, также причислявшееся к элитарным со значением «девятipleменные». Далее идут *цетиоба*, т.е. «семиплеменные» (семиродцы), затем племя *дурут* (дуртоба), означавшие «четыреплеменные». Пятым племенем упоминаются *аль-арс*, которые сопоставляются с аса-

ми, иранским племенем, родственным аланам. Судя по всему, отдельные группировки тюркизированных асов (арсов), обитавших по соседству с Аральским морем, вошли в состав кыпчакских племен. Дальше следует племя *бурджоглы*, составившее, наряду с другими, верхушку кыпчакского общества в «южнорусских» степях, а в Египте выдвинувшее из своей среды династию султанов-мамлюков. Седьмым указывается племя *манкуроглу*, по всей видимости, относящееся к одному из кимекских племен. По сведениям ряда источников, в стране кимеков находились горы Манкур. Название гор как тотем, очевидно, было закреплено за отдельной группировкой конфедерации кимаков. Последним крупным племенем является племя *имек* – тюркоязычный этнос кимаков. Начиная с XI в., по существу после падения Кимакского каганата, название *кимек* в письменных памятниках больше не упоминается, оно полностью уступило место своей диалектной форме «имек». Теснейшие этнополитические и этнокультурные связи кыпчаков и имеков достигли такого уровня консолидации, что в эпоху Махмуда Кашгари имеков называли кыпчаками, хотя последние сознавали себя другим этническим подразделением. В контексте рассматриваемого списка племен ад-Димашки приводит относительно имеков замечание следующего содержания: «а они (имек) уже стали хорезмийцами». Возможно, что здесь имеется в виду, прежде всего, контингент десяти тысячного войска имеков, находившихся на службе у дочери имекского хана – Теркен-хатун, жены хорезмшаха Текеша.

Среди мелких подразделений первым назван этноним *таг*. Судя по древним огузским преданиям, племя таг было огузского происхождения. Затем упоминается древнебашкирское племя – *башкурт*, отдельные группировки которого в X в. расселились в Приаральских и Прикаспийских степях. Вслед за этим отмечается этноним *куманлу* (племя куман + -лу аффикс обладания или отношения). Очевидно, это те группы куманских племен, которые остались на территории Казахстана после переселения их основной массы в Восточную Европу. Далее значатся два племени: *базанак* (баджанак) и *баджна*, входившие вместе с башкуртами в печенежский союз племен. В первой половине IX в. они по-

терпели поражение от союза огузов, кимаков и карлуков и вынуждены были вслед за этим в основной своей массе мигрировать из области Аральского моря, Эмбы и Урала на запад. Как свидетельствуют письменные источники, отдельные подразделения означенных трех тюркоязычных племен остались в Западном Казахстане и вошли в состав объединения кыпчаков. После этого упоминаются *карабориклу*, также относящиеся к печенежским племенам Приаралья. По семантике имя этого племени совпадает с названием племени каракалпак. Затем следует племя *уз*, собственно огузы, ибо таковым было их народное произношение. Последним племенем в составе кыпчаков отмечены *джортаны* (шортаны). Семантика этого слова в значении «щука» указывает на тюркскую его основу.

Следовательно, в конфедерацию входили племена: кимакские (имек, манкуроглу), огузские (уз, таг), печенежско-башкирские (башкурт, баджанак, баджа), аские, куманские (куманлу и джортан) и собственно кыпчакские (борили/ельборили, токсоба, иетиоба, бурджоглу и дуртоба), выделение которых имеет принципиальное значение, в особенности при рассмотрении вопроса о путях формирования кыпчакской этнической общности.

Структура племенного состава конфедерации кыпчаков, относящаяся к XI–XII вв., со всей очевидностью указывает, что она была сложной и неоднородной. Кыпчакская конфедерация вобрала в себя, помимо собственно кыпчакских, тюркоязычные кимакские, куманские, печенежские, древнебашкирские, огузские племена, а также тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта. Это уже социальные организмы, подверженные иерархии и соподчиненности. На основе консолидации и интеграции, очевидно, шел переход от союза родственных кыпчакских племен к кыпчакской народности. Кыпчаки на стадии формирования народности, организованные в государство – Кыпчакское ханство, оказались в ряде случаев способны распространиться на огромные площади, ассимилируя подвластное им население.

Помимо перечисленных племен, в формировании кыпчакской общности приняли действенное участие многочисленные пле-

мена канглы, компактные группы которых во второй половине XII в. образовали этно-территориальное объединение в пределах Нижней Сырдарьи и приаральских степей. В вопросе о возникновении этнонима «канглы» в исследовательской литературе существует несколько мнений. Ряд исследователей отождествляет канглы с кангарами (элитарное племя печенегов). Наряду с этим существует гипотеза, по которой канглы рассматриваются как результат ассимиляции части печенежских племен кыпчаками. Имеется и третье предположение, сводящееся к тому, что этноним «канглы» связывается с завоеванием кимакско-кыпчакскими племенами древних печенежско-огузских племен на Сырдарье и в Приаралье. Отмеченные научные предположения о сравнительно позднем, в XI в., появлении этнонима «канглы» становятся трудно объяснимыми с учетом факта упоминания этнонима «кара-канглы» (или «кара-канглыг») во второй половине IX в. уйгурскими послами в регионе Алтая, по соседству с басмылами, токуз-гузами и карлуками. В цикле исторических преданий об Огуз-хане канглы наряду с кыпчаками, уйгурами, карлуками называются в качестве древнейших тюркских народов. В качестве персонифицированного этнонима имя канглы упоминает в XI в. Махмуд Кашгари: «Канглы – имя великого человека из кыпчаков».

Вместе с тем в этнический состав кыпчаков вошли такие тюркоязычные племена, как уран, пришедшие в X в. на территорию Казахстана из Восточного Туркестана, затем баят, равно как азкиши и тюргеши. Появление двух последних племен в XII в. в Причерноморье, скорее всего, было связано с передвижением туда кыпчакских племен. Одним из этнических компонентов кыпчаков были также карлуки, чигили, каи.

Формирование кыпчакской народности на территории современного Казахстана стимулировалось процессом нивелировки этнокультурных признаков, чему содействовали этническая территория, однотипность форм хозяйствования, система общественных отношений и общность языка. Тесное взаимодействие кыпчаков с различными этническими группами сказывалось на их этнической общности. Со все растущим политическим весом кыпчаков многие племена и этнические группы, сознавая

свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним «кыпчак» и стали сами себя называть кыпчаками. Однако завершающий этап формирования кыпчакской народности был прерван монгольским нашествием.

В середине XI в. началось движение кыпчакских и куманских племен на запад. Происшедшие во второй половине XI в. политические и этнографические изменения в пределах т.н. южнорусских степей были отмечены персидским историком Хамдаллахом Казвини, по сведениям которого Дешт-и Кыпчак есть то же самое, что и Дешт-и Хазар. В X в. «южнорусские» степи были известны как Дешт-и Хазар. Куманы с 1055 г. в древнерусских летописях фигурируют под калькированным именем «половцы». Судя по всему, термин «половцы» следует толковать в двух значениях: конкретном, обозначающем собственно куманов, и расширительном, распространявшемся на все объединение кыпчакских племен. Однако эти значения в летописях не различались. Отсюда возникали известные сложности при интерпретации сведений в письменных (древнерусских) памятниках. Точно также дело обстояло со средневековой византийской историографией. В 1078 г. византийцы первыми из своих западных соседей узнали куманов по их подлинному этническому названию и распространили это имя на все тюркские племена Дешт-и Кыпчака. Эта традиция в византийской литературе сохранялась вплоть до XIV в.

Пределы «Половецкой степи» древнерусские летописи определяли между Волгой и Днестром. Впрочем, Западный Дешт-и Кыпчак, согласно мусульманским источникам, охватывал гораздо большую территорию. Так, сведения арабского географа ал-Идриси позволяют считать, что кочевья собственно куманов располагались между Днестром и Днепром, а восточнее Днепра находились орды кыпчакских племен.

Племенной состав кыпчаков западного объединения состоял из одиннадцати племен: *токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурут, кулабаоглы, джортан, караборикли, котан*. Отмечается сравнительно однородный этнический состав, куда входили лишь тюркские племена – кыпчакские, куманские и печенежские. Ведущим династийным

племенем в западной конфедерации племен кыпчаков стали токсоба и бурджоглы.

В отличие от восточно-кыпчакского племенного состава в западный входили кангароглы, анджоглы, кулабаоглы и котан.

Кангароглы или *кангары* относились к печенежским племенам и были самоназванием отдельных их элитарных группировок «как храбрейших и благороднейших из других». Расселение кангар как части огузских племен в X в. в приаральских степях отмечает ал-Идриси. Несомненный интерес представляет упоминание, хотя и сравнительно позднее, племенного названия кангар в кыпчакской среде Мамлюкского государства. Средневековый египетский историк Ибн ал-Фурат (XV в.) приводит сведения об эмире Сайф ад-дине Кангаре.

Возможность соотнесения кыпчакского племени *анджоглы* с казахским родом Младшего жуза Канджигалы была предложена Н.А.Аристовым и поддержана С.А.Аманжоловым, а на каракалпакском материале высказана Т.А.Жданко. Форма канджигалы вполне закономерно воспринимается как фонетическая (или диалектная) разновидность имени анджоглы, с учетом исторической фонетики того времени – редакции начального «к» (кечки – ечки, кимек – имек и т.д.).

Предпринятое соотнесение *кулабаоглы* с названием половецкого племени кулобичи по русским летописям представляется вполне корректным. Смысловая сторона термина кулабаоглы, скорее всего, связана со словом кула/буланый (масть лошади) + оба/племя, букв. «племя буланолошадников»

Примечательно, что *котан* как племя в арабо-персидских письменных источниках нигде более не упоминается. Махмуд Кашгари упоминает Котан в качестве почитаемого мужского имени у тюрков. В первой половине XIII в. Котан был отмечен как «царь» куманов. В этом заслужи-

вающим внимания факте нельзя не усмотреть более глубокую, чем это представлялось ранее в исследовательской литературе, связь между котан и куман. Котан, скорее всего, следует воспринимать как антропоним, имя родоначальника племени куман.

Семантика всех одиннадцати названий имеет тюркские корни, что позволяет приоткрыть завесу над механизмом названий тюркских племен. Как видно, названия этнонимов давались по количественному показателю объединенных родов (племен) – токсоба, иетиоба и дурут (оба); по культуре видов фауны и флоры, в данном случае волка – ельборили, шуки – джортан; по масти лошади – кулабаоглы, т.е. «булано-лошадники»; по цвету головного убора – караборики; по имени родоначальника племени (куман) – котан; по расположению на местности – бурджоглы, анджоглы; по качественной характеристике – кангар (т.е. «мужественный, храбрый»).

Не подтверждается тезис, бытующий в отечественной и зарубежной историографии, о наличии в составе кыпчаков Дешт-и Кыпчака домонгольского периода центрально-азиатских монгольских группировок.

Взаимодействие кыпчаков с различными этническими группировками не было односторонним. Кыпчаки подвергались влиянию других племен, что сказывалось на их этнической общности, но со все растущим политическим весом кыпчаков многие племена и этнические группы приняли этноним «кыпчак» и сами стали называть себя кыпчаками.

Кыпчаки составили этническое ядро сложившегося гораздо позднее казахского народа. Вместе с тем кыпчаки сыграли значительную роль в формировании целого ряда тюркоязычных народов: в первую очередь татар, башкир, кыргызов, каракалпак, узбеков, ногаев, карачаев, балкар, кумыков, а также азербайджанцев, турок, хакасов, алтайцев.

ГЛАВА 4

Кыпчакские племена Западной Сибири в XI – первой половине XIII в.

Юлий Худяков

Проблема истории и археологии кыпчаков, сыгравших заметную роль в исторических событиях эпохи развитого средневековья в степях Евразии, и выявления истоков их культуры интересовала многих ученых XIX–XX вв.

Определенный вклад в ее изучение внес В.В.Радлов, собравший ценные сведения о родоплеменном составе многих тюркских народов Центральной и Средней Азии. Он отметил наличие племенных и родовых подразделений с названием «кыпчак» среди алтайцев, алтай-кижи, теленгитов и телеутов, казахов Среднего Жуза, в числе которых указал их роды, и кытай-кыпчаков в составе узбеков [Радлов, 1989, с.96, 103, 111, 124–125]. Н.А.Аристов собрал некоторые сведения о родоплеменных подразделениях кыпчаков в составе казахов, исторические свидетельства из восточных источников о кыпчаках в период завоеваний монголами Средней Азии [Аристов, 2003, с.187–189]. Он высказал предположение, что кыпчаки имеют «древнее алтайское происхождение». Сведения средневековых арабских и персидских источников о кыпчаках в домонгольский период были обобщены В.В.Бартольдом [1963, I, с.236, 382, 392–393]. Свои соображения о происхождении кыпчаков изложил на страницах объемистого труда Г.Е.Грумм-Гржимайло. Ориентируясь на данные письменных источников, он видел в них потомков рыжеволосых и голубоглазых динлинов и вслед за Н.А.Аристовым считал родиной кыпчаков Алтайско-Саянское нагорье [Грумм-Гржимайло, 1926, с.57–59].

Эти гипотезы о возможном происхождении кыпчаков в древности в южных районах Сибири основывались на косвенных соображениях, в том числе трактовке древнерусского названия кыпчаков – «половцы» от возможного значения «половый» – светловолосый или бледноволосый, от которого предполагалась связь с динлинами.

Важным стимулом для изучения роли кыпчаков в этнокультурогенезе Западной

Сибири стали труды ученых Казахстана по кыпчакской проблеме, опубликованные в течение последних десятилетий. Большое значение имели переводы сведений о кимаках (кимеках) из арабских источников, сделанные Б.Е.Кумековым, и реконструкция исторических событий IX–XI вв. в степях Казахстана [Кумеков, 1972, с.92–94; 1981, с.16–19]. На основе этих данных Ф.Х.Арслановой были атрибутированы в качестве кимацких памятники кочевников IX–X вв. в Прииртышье [Арсланова, 1963, с.84]. Погребальные комплексы эпохи развитого средневековья в Казахстане были атрибутированы как кыпчакские [Акишев, Байпаков, 1979, с.105].

Для изучения памятников кочевников раннего и развитого средневековья в степных и лесостепных районах Западной Сибири существенное значение имело отождествление сrostкинской культуры и культуры кимаков, предпринятое Д.Г.Савиновым. Характерной особенностью кимаков считалась многовариантность обрядов [Савинов, 1976, с.101]. Он считал, что археологические памятники кыпчаков IX–X вв. можно выделить в рамках сrostкинской культуры. Собственно кыпчакские памятники в Западной Сибири должны относиться к предмонгольскому и монгольскому времени. «Самым восточным» памятником кыпчакской культуры Д.Г.Савинов считал могильник Сухие Гривы в Верхнем Приобье. На этом памятнике были исследованы грунтовые одиночное мужское и парное захоронение женщины и ребенка по обряду ингумации с характерным инвентарем XIII–XIV вв. [Савинов, 1979, с.69–70]. Взгляды Д.Г.Савинова на этнокультурогенез кимаков и кыпчаков в Западной Сибири оказали влияние на многих исследователей, проводивших раскопки памятников средневековых кочевников на Западносибирской равнине, в Приобье и Кузнецкой котловине. Памятники, относящиеся к периодам раннего и развитого средневековья, которые ранее

условно определялись как «тюркские» и «монгольские», стали именоваться «кимакскими» и «кыпчакскими» [Савинов, 1988, с.167; Адамов, 2000, с.84]. Существенную роль кимакско-кыпчакского компонента стали усматривать в этногенезе ряда тюркоязычных народов Южной и Восточной Сибири. Однако В.А.Могильников не согласился с отнесением сроскинской культуры только к кимакам как к этнической группе [Археология СССР, 1981, с.45]. В дальнейшем он выделил на материалах памятников, раскопанных в Степном Алтае, четыре этнические группы средневековых кочевников. Погребения по обряду ингумации со шкурой или чучелом коня он отнес к огузам, захоронения по обряду кремации – к енисейским кыргызам, захоронения по обряду ингумации – к местному «кимако-кыпчакскому этносу», погребения с конем – к тюркам Горного Алтая. В.А.Могильников предположил появление в Степном Алтае и монгольских этнических групп [Могильников, 2002, с.123–125].

Значительный вклад в разработку проблем истории и культуры кыпчаков внесли С.М.Ахинжанов и Ю.И.Трифонов. В своих работах С.М.Ахинжанов подверг сомнению устоявшееся в науке отождествление кимаков и кыпчаков. Он считал, что в отличие от тюркоязычных йемеков и кыпчаков, кимаки, татары и байандуры, входившие в состав кимакского объединения, были монголоязычными племенами [Ахинжанов, 1983, с.122]. С.М.Ахинжановым подробно прослежена история кыпчаков в степях Казахстана домонгольского времени [Ахинжанов, 1989, с.198–202]. С.М.Ахинжанов и Ю.И.Трифонов провели значительные по масштабам раскопки памятников средневековых кочевников в Верхнем Прииртышье. При определении этнокультурной принадлежности этих памятников исследователи отнесли захоронения по обряду ингумации с конем и оградки с изваяниями к кыпчакам, а одиночные труположения – к азам [Ахинжанов, Трифонов, 1984, с.156–161]. Ю.И.Трифонов высказывался в пользу того, что погребения по обряду кремации в грунтовых могильных ямах, перекрытые каменными насыпями, могут принадлежать собственно кимакам, монголоязычному племени, отличному от кыпчаков.

Интересную гипотезу о происхождении кыпчаков выдвинул С.Г.Кляшторный. После детального изучения некоторых древ-

нетюркских и уйгурских рунических надписей в Монголии он предложил трактовать некоторые названия племен, которые согласно прежним переводам воспринимались как двойные – «тюрки-кыпчаки» и «тюрки-сиры», в качестве наименований двух союзных племен – «тюрки и кыпчаки», «тюрки и сиры» [Кляшторный, 1986, с.154–155]. С.Г.Кляшторный сделал вывод о том, что сиры занимали в этнополитической иерархии второе по значению положение после восточных тюрков, тюрки и сиры были союзниками и совместно господствовали над огузскими племенами. По его мнению, сиры в китайских источниках названы «сеянто». Они принимали активное участие в событиях военно-политической истории в Центральной Азии, в VII в. создали Сирский каганат, были разгромлены восставшими уйгурами и другими огузскими племенами, однако, несмотря на поражение, сохранили силы и поддерживали тюрков в восстании против империи Тан и сыграли роль их союзников в период существования т.н. II Восточнотюркского каганата. После его крушения в VIII в. этноним «сир», по предположению С.Г.Кляшторного, был вытеснен этнонимом «кыпчак». Это прозвище было принято для того, чтобы ввести в заблуждение сверхъестественные силы и прекратить несчастья, обрушившиеся на сирские племена [там же, с.156–161]. Эта гипотеза связывает происхождение кыпчаков и их культуры с Центральной Азией.

Учеными прослежены события, в которых принимали участие кыпчаки в составе войск Монгольской империи Юань в Центральной Азии в XIII в. Выказывались предположения о принадлежности к культуре кыпчаков погребений по обряду одиночной ингумации на Среднем Енисее и захоронений со шкурой коня в Монголии и Забайкалье [Кызласов, 1980, с.90–91].

Для реконструкции ранней истории кыпчаков и их культуры существенное значение может иметь географическая локализация мест расселения предполагаемых предков кыпчаков, анализ и характеристика основных компонентов кыпчакской культуры и ретроспективный поиск ее истоков в среде тюркоязычных кочевых народов эпохи раннего средневековья.

Отождествление предков кыпчаков с известным в ханских источниках названием «кюеше» или «цюйше» (А.Н.Бернштам) и его локализация в Верхнем Приобье вызывает серьезные сомнения. Это

племя упоминается в числе других этносов, покоренных «на севере» хуннским шаньюем Модэ в 201 г. до н.э. Среди этих племен только гяньгуни или цзяньгуни, древние кыргызы, достаточно точно локализованы на территории Центральной Азии. Как было установлено Л.А.Боровковой, земли цзяньгуней находились к северу от хребта Боро-Хоро и к западу от пустыни Дзосотын-Элисун в Восточном Притяньшанье. По соседству, севернее цзяньгуней, обитали динлины [Боровкова, 1989, с.61–62]. Если считать, что войска хуннского шаньюя Модэ совершили свой поход в 201 г. до н.э. из Ордоса, где располагалась ставка шаньюя, а перечисление племен в источнике соответствует последовательности их покорения, становится очевидным, что поход был направлен на запад в Притяньшанье по следам отступивших ранее юэчжей. Хунны сначала подчинили племена хуньюй и кюеше-цзюйше, а вслед за ними динлинь, гэгунь и цайли, следовательно, земли, населенные цзюйше, должны были находиться восточнее земель гяньгуней и динлинов, в Восточном Притяньшанье, а не на Верхней Оби [Бичурин, 1950, с.50].

Много вопросов вызывают сведения о подчинении цзюйше Дулу-ханом, одним из претендентов на престол Западнотюркского каганата в середине VII в. Г.Е.Грумм-Гржимайло, ссылаясь на сведения китайских летописей в переводе Э.Шаванна и Н.Я.Бичурина, упоминал в числе племен, покоренных в 641 г. Дулу-ханом, цзюй-юэ-шэ, бо-ма, ге-гу, хо-синь и чу-му-гунь [Грумм-Гржимайло, 1926, с.259]. Именно Г.Е.Грумм-Гржимайло отождествил цзюй-юэ-шэ с термином кюеше или цзюйше из ханьских источников. У Н.Я.Бичурина говорится лишь о покорении владений «Сяоми и Гйсгу [Хягясы]» [Бичурин, 1950, с.287]. В достоверность этих сообщений трудно поверить. Иби Дулу-хан Юйгу Ше был провозглашен каганом «западными поколениями» каганата в противовес правящему кагану Шаболо Хилиши-хану. Оба претендента «долго воевали» между собой, «с обеих сторон пало великое множество людей». После изнурительной войны «при реке Или заключили договор, по которому земли от сей реки на запад должны быть во владении Дулу, а на восток – во владении Хилиши» [Бичурин, 1950, с.286]. Каганат распался на две орды. В последующие годы междоусобица продолжалась. Маловероятно, чтобы в этих условиях Дулу-хан мог со-

вершить далекий поход на Верхнюю Обь и Енисей для покорения цзюйше, бома и енисейских кыргызов, а после этого еще пойти «на Кангюй и Даоми» и разгромить их [Бичурин, 1950, с.187]. Вероятнее всего, сведения о походах против бома, кыргызов и кангюев в источнике являются анахронизмом.

Отождествление кыпчаков с сирами и сеяньто также сопряжено с определенными трудностями. Сеяньто – двойной составной этноним, состоящий из наименований двух племен *се* и *яньто*, в тюркском варианте оно должно состоять из двух этнонимов, наподобие «тюрки-сиры», «тюрки-кыпчаки», «кытай-кыпчаки». Однако сирь под такое двойное название явно не подходит. Сеяньто были «самым сильным» среди телесских племен [там же, с.339]. В 628 г. именно сеяньто возглавили восстание телесских племен против восточных тюрков, что привело к крушению Восточнотюркского каганата и образованию государства сеяньто. Империя Тан искусно натравливала сеяньто и тюрков друг на друга, поочередно поддерживая тех или других. Правящие роды обоих народов были главными соперниками в борьбе за господство в степях Центральной Азии. Сеяньтоский каган Инань даже предлагал танскому императору Тайцзуну полностью истребить восточных тюрков. Во время междоусобиц и распада Сеяньтоского каганата, тюркское вспомогательное войско во главе с полководцем Ашина Шежы участвовало в разгроме остатков сеяньтоской государственности [там же, с.343]. Все это должно было заставить восточных тюрков и сеяньто относиться друг к другу с подозрением и недоверием. Трудно представить, чтобы спустя всего несколько десятилетий после этих событий восточные тюрки и сеяньто объединились и заняли господствующее положение во II Восточнотюркском каганате.

Истоки кыпчакской культуры IX–XIV вв., памятники которой исследованы на территории Казахстана, Урала, Западной Сибири и Восточной Европы, прослеживаются и в культуре западных тюрков Тянь-Шаня и Семиречья. Об этом с достаточной очевидностью свидетельствуют памятники поминального цикла. В отличие от восточных тюрков, у которых поминальный обряд был сориентирован на прославление героев-воинов, убивших многих врагов, увековеченных рядами каменных столбиков-«балбалов», у западных тюрков возобладал

иной вариант поминальной обрядности, направленный на почтение памяти предков как мужских, так и женских. На Тянь-Шане и в Семиречье около четверти всех изваяний изображают женщин, имеются даже скульптуры детей [Табалдиев, 1996, с.68–69].

Скульптуры женщин встречаются и на поминальных комплексах восточных тюрок, но только на мемориалах высшей знати. В культуре кыпчаков поклонение родовым предкам и по мужской, и по женской линии приобрело еще более законченную форму, чем у тюрок. Каменные изваяния мужчин и женщин стали устанавливать парами или в большем количестве внутри каменных ограждений, служивших святилищами семейного или родового характера, ритуалы поминания или жертвенного подношения предкам на которых совершались многократно [Ермоленко и др., 1985, с.138–139, 143–144]. Подобные святилища были характерны для кыпчаков и в Восточной Европе [Швецов, 1979, с.201–207].

Помимо поминальных памятников с каменными изваяниями в Верхнем Прииртышье в эпоху раннего средневековья были распространены погребения с конем [Трифонов, 1987, с.170–176]. Д.Г.Савинов высказал предположение, что эти памятники принадлежат йемекам, одному из ведущих племен кимакской конфедерации, по имени которых было названо все объединение. По его мнению, йемеки были потомками одного из телесских племен, яньмо [Савинов, 1976, с.95]. Г.Е.Грумм-Гржимайло считал янь-мань или янь-мэ одним из телесских племен, населявших Тянь-Шань [Грумм-Гржимайло, 1926, с.256, 269]. С.М.Ахинжанов полагал, что йемеки или яньмо были «исконно тюркским» племенем, которое жило в верховьях Иртыша с VII в. [Ахинжанов, 1976, с.89]. Среди телесских племен, упомянутых в раннесредневековых китайских источниках, племени янь-мань или янь-мо нет [Бичурин, 1950, с.301; Кюннер, 1961, с.38]. Поэтому погребения с конем и оградки с изваяниями в Верхнем Прииртышье правомерно связать с культурой древних тюрок Западно-тюркского каганата.

Верхнее Прииртышье, наряду с Семиречьем и Притяньшаньем, входило в состав I Тюркского, Западнотюркского и Тюркешского каганатов, являлось северной периферией этих государственных образований. Тюркское кочевое население появилось в этом районе, вероятно, еще в период су-

ществования т.н. I Тюркского каганата и продолжало населять верховья Иртыша при западных тюрках и тюркешах. В Прииртышье на р. Болучу в 711 г. состоялась битва, в которой войско восточных тюрок во главе с полководцем Тоньюкуком нанесло решительное поражение тюркешам. Попали в плен и были казнены тюркешский каган Согэ и его брат, и претендент на престол Чжену. Тюркешский каганат на несколько лет перестал существовать [Кляшторный, 2003, с.186]. О присутствии тюркского населения в этот период в Прииртышье свидетельствуют памятники древнетюркской культуры, каменные изваяния, изображающие воинов с сосудом в правой руке и саблей или кинжалом на поясе [Чариков, 1979, с.179, 181]. Известны на территории Верхнего Иртыша и погребения с конем VII–VIII вв. [Савинов, 1984, с.104]. В VIII–IX вв. Прииртышье испытало значительный приток новых групп кочевого населения, что выразилось в увеличении численности памятников и появлении неизвестных ранее для данной территории погребальных обрядов, что привело к формированию культуры кимаков, для которой характерно сочетание нескольких обрядов захоронения.

Вероятно, часть кочевников пришла из Семиречья и Притяньшанья, являвшихся центрами для Западнотюркского и Тюркешского каганатов. Это были западные тюрки, входившие в систему Он Ок Будун, не желавшие смириться со своим подчиненным положением после того, как их прежняя страна была завоевана карлуками. Они откочевали на север и стали основой для формирования новой конфедерации племен и нового государства – Кимакского каганата. Из семи племен кимакского объединения к числу западных тюрок относятся имаки или йемеки, ими или эймюры [Савинов, 1984, с.103]. Вероятно, в составе военно-административной системы Он Ок Будун в Западнотюркском каганате предки этих племен были известны под названиями чуи, чуми, чумугунь [Грумм-Гржимайло, 1926, с.259, 265, 269]. Появление и расселение йемеков и эймюров в Верхнем Прииртышье повлекло за собой распространение погребений с конем и поминальных сооружений с каменными изваяниями. Специфичными для полиэтничной кимакской культуры можно считать присутствие в составе кладбищ под насыпями длинных курганов в Восточном Казахстане или под земляными курганами

наряду с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении коня и других вариантов погребений, а также распространение в составе предметного комплекса оружия, сбруи, поясной фурнитуры и украшений, характерных для кочевнических культур VIII–X вв.

В середине IX в., после разгрома Уйгурского каганата кыргызами, на территорию Верхнего и Среднего Прииртышья, лесостепного Приобья и Притомья хлынули значительные группы иноэтничного кочевого населения. С территории Западной Монголии в верховья Иртыша бежала часть уйгуров и союзных им телесских племен, опасавшихся кыргызов. Вслед за ними через территорию Кузнецкой котловины в долину Оби, Горный и Степной Алтай, на Иртыш проникли военные отряды их преследователей кыргызов. Вместе с кыргызами по Томи, Оби и Иртышу расселились их союзники и кыштымы, покоренные в начале IX в. племена бома. Переселения племен в Центральной Азии затронули и монгольские этносы. На Иртыш мигрировали татары и, возможно, другие этнические группы. Военные действия между кыргызами и уйгурами затронули часть племен Прииртышья, которые переселились в Барабинскую лесостепь, степи Центрального Казахстана и Южного Урала.

Эти события отразились на изменениях в культуре населения лесостепной и степной зон Западной Сибири и Верхнего Прииртышья. На территории Притомья, Приобья, Степного Алтая в IX–X вв. получили распространение каменные курганы с погребениями по обряду кремации, совершенному на стороне, относящиеся к культуре енисейских кыргызов [Алехин, 1990, с.65; Могильников, 2002, с.123]. Подобные памятники в районах Алтая и Западной Сибири не многочисленны, поскольку основные военные усилия кыргызов в войне с уйгурами были направлены на овладение Тувой и Монголией, на разгром уйгурской государственности и на подчинение телесских племен. В верховьях Иртыша кыргызы могли оказаться в результате погони за бежавшими уйгурами и телесскими племенами. Помимо военных отрядов, состоявших из кыргызов, в составе кыргызских войск, продвигавшихся из Ачинско-Марининской лесостепи в Кузнецкую котловину, в долины Оби и Иртыша продвинулись контингенты, сформированные из кыштымов, племени бома, подчиненном кыргыз-

ским каганом незадолго до кыргызско-уйгурской войны. Им принадлежали погребения по обряду кремации на горизонте и в могильных ямах, с разнообразным инвентарем, включавшим лепные круглодонные сосуды, орнаментированные по венчику и верхней части тулова. Подобные памятники изучены в Кузнецкой котловине, в Приобье и Прииртышье [Илюшин и др., 1992, с.35; Илюшин, 1997, с.61; Арсланова, 1980, с.98; Худяков, 1995, с.60].

Сложнее определить этнокультурную принадлежность погребений по обряду ингумации со шкурой или чучелом коня и захоронений с обрядом одиночной ингумации, поскольку подобные варианты обрядности были характерны для разных средневековых кочевых этносов. В Саяно-Алтае и Монголии погребения со шкурой коня могли принадлежать уйгурам [Худяков, 1985, с.98]. Вероятно, уйгурскими по происхождению могут быть подобные погребальные комплексы в Верхнем Прииртышье и Степном Алтае. Для лесостепных районов Западной Сибири такая атрибуция данного обряда маловероятна. По данным Е.П.Казакова, разные варианты погребений по обряду ингумации со шкурой коня были характерны в эпоху раннего средневековья для тюркоязычных и угорских кочевых племен Восточной Европы, Урала и Западной Сибири [Казаков, 1984]. Предположение о том, что в Степном Алтае подобные памятники могли принадлежать огузам, не подкреплено какими-либо доказательствами [Могильников, 2002, с.123]. Трудно признать удачными попытки выделения монгольского этнического и культурного компонентов среди населения Степного Алтая по формам луков или конструкции надмогильных сооружений в виде прямоугольных оград [там же, с.125]. Погребальные комплексы кочевого населения Восточного Забайкалья, относящиеся к эпохе раннего средневековья, которые исследователи интерпретировали как принадлежащие монголоязычным племенам шивэй, предкам татар, создавшим государственные образования на востоке Монголии в начале II тыс. н.э., не находят аналогий среди памятников Верхнего Прииртышья [Асеев и др., 1984, с.124–126]. Памятники монголоязычных племен байандур и татар, входивших в состав Кимакского объединения в Прииртышье, остаются до настоящего времени не выделенными.

В этнокультурной характеристике разных этнических групп в составе кимакской

федерации, состоявшей из семи племен, серьезную проблему представляло выделение комплексов кимаков и кыпчаков. Племя кимаков среди семи кимакских племен не упоминается. Большинство исследователей считало их тождественными кыпчакам, что выразилось в широком употреблении термина «кимако-кыпчаки». С.М.Ахинжанов, как было сказано выше, считал кимаков монгольским племенем, известным в китайских источниках под названием *кумохи* или *хи* [Ахинжанов, 1983, с.117]. Однако, *кумохи* – китайское название другого средневекового кочевого этноса, обитавшего на востоке Монголии и юго-западе Маньчжурии. В древнетюркских источниках они известны под самоназванием – татабы [Грум-Гржимайло, 1926, с.290, прим.4]. Д.Г.Савинов, вслед за Б.Е.Кумековым, отождествил кимаков с йемерами [Савинов, 1984, с.107].

Присутствующее в арабских и персидских источниках утверждение о том, что кыпчаки являются одним из племен среди кимаков, и в то же время их противопоставление по степени дикости и цивилизованности дает основания предполагать, что суть этих различий носила этносоциальный характер. В разных источниках страна кимаков описана не одинаково. В некоторых из них кимаки названы кочевниками, живущими в шатрах, а во всей стране якобы имеется только один город [Худуд ал-алам, 1973, с.44]. В других источниках у кимакских «царей» упоминается 10 или 16 городов, среди которых столица, носившая название Хакан. Жители этих городов и соседней округи возделывают поля, выращивают пшеницу и рис. Ремесленники делают изделия из железа «необычайной красоты». В городах имеются храмы, жилые дома и базары. У хакана есть «замки, величественные строения и приятные места увеселения». Жители этих городов названы «тюрками» или «кимаками», которые «исповедуют сабейскую религию. Поклоняются солнцу и ангелам» [Кумеков, 1981, с.17–18; Караев, 1973, с.45–48]. В противовес этим сведениям о кимаках, среди которых есть горожане, ремесленники и земледельцы, о кыпчаках говорится, что они «более дикие, чем кимаки». Они кочевники и охотники, обитавшие в лесистых местах. Само слово «кыпчак» согласно одной из народных этимологий означает «дуплистое дерево» [Савинов, 1994, с.75–76].

Подобное противопоставление «культурных» кимаков-горожан и земледельцев

«диким» кыпчакам-кочевникам и охотникам очень характерно для идеологии правящей элиты тех кочевых государств, в составе которых были города и оседлые земледельческие поселения, а часть кочевого населения находилась в процессе седентаризации. Высшая знать этих государств, усвоившая некоторые стереотипы городской культуры, стремилась культурно обособиться от своих кочевых сородичей, принимая прозелитарные религии, насаждая образцы урбанистической культуры, иногда вводя запреты на традиционные религии, имена и даже употребление языка своего родного народа, как это было, например, в сяньбийских по происхождению империях северного Китая. В обиход массового сознания внедрялся негативный образ кочевников, которым давались обидные уничижительные прозвища.

Вероятно, аналогичным образом возник и термин «кыпчаки» – в буквальном смысле «ничтожные», в переносном смысле – «кочевники» в Кимакском каганате, высшая знать которых осела в городах, а часть населения седентаризировалась и культурно обособилась от своих недавних соплеменников. Вероятно, «кимаками» в Кимакском каганате с развитием городов и земледелия стала называться оседлая часть населения и высшая знать, горожане и земледельцы. «Кыпчаками» первоначально могли называть коренное для периода VIII–IX вв. тюркское кочевое население Прииртышья, уступавшее в своем развитии йемерам и эймюрам, западным тюркам, мигрировавшим на Иртыш из наиболее развитых в культурном отношении районов Западно-тюркского и Тюркешского каганата Семиречья и Притяньшанья. С образованием Кимакского каганата, объединившего в IX в. западные тюркские, пришлые телеские и монгольские кочевые племена, под угрозой военной мощи Кыргызского каганата, появлением и развитием городов, термин «кыпчаки» в значении «дикие, ничемные кочевники» был перенесен на все кочевое население этого государства, самих тюрков и тюркизированное население лесостепной зоны Западной Сибири и степей Казахстана. Такая трактовка позволяет объяснить, куда после распада Кимакского каганата исчезли кимаки и другие племена объединения, кроме кыпчаков. Новый военно-политический подъем кочевников, носящих этноним «кыпчаки», естественным образом устранил уничижительный смысл этого названия, которое стало поли-

тонимом для всех племен, вошедших в состав кыпчакской конфедерации XI–XIII вв., в том числе для тех, кто ранее именовал себя «кимаками».

Поэтому вполне правомерно именовать тюркское по происхождению и тюркизированное кочевое население лесостепного Алтая, Кузнецкой котловины и междуречья Оби и Иртыша эпохи развитого средневековья кыпчаками, а его культуру отнести к западносибирскому варианту кыпчакской культуры [Адамов, 2000, с.84], если сам термин «кыпчак» трактовать не только как этноним, но и как название крупного политического объединения кочевых племен.

В Кузнецкой котловине к числу памятников кыпчакской культуры XI–XIII вв. могут быть отнесены могильники Беково и Шандра в долине р. Бачат, Торопово в долине р. Касьмы [Илюшин, 1993, с.39; 1999, с.68]. Погребальные комплексы, подробно описанные А.М.Илюшиным, характеризуются в качестве сравнительно небольших могильников, насчитывающих от 10 до 20 курганов, расположенных на надпойменных террасах по берегам малых рек. Курганы вытянуты в несколько неровных цепочек вдоль берегов рек. Они представляют собой округлые или овальные пологие, оплывшие земляные насыпи, окаймленные по периметру неглубокими ровиками. В некоторых случаях было зафиксировано, что ровики имели несомкнутый проем с восточной или северо-восточной стороны. На могильнике Торопово некоторые ровики имели прямоугольную планировку, а окаймленная ими площадь была заметно шире округлой насыпи кургана. На могильнике Шандра под насыпью кургана могло находиться от одной до пяти могил, в могильнике Беково – по две–четыре могилы. В неглубоких, овальных могильных ямах захоронены тела умерших взрослых мужчин, женщин и детей по обряду одиночной ингумации. Лишь в одной могиле на памятнике Шандра было захоронено двое умерших. Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на восток. Умерших хоронили в грунтовых ямах, берестяных коробах, в бревенчатых срубках. Могилы имели деревянное перекрытие. Мужчин хоронили с оружием и воинским снаряжением, женщин – с украшениями и принадлежностями костюма. В большей части курганов были грунтовые ямы с обособленными захоронениями лошадей. В большинстве из раскопанных курганов было по одной конской могиле.

Лишь в двух курганах на могильнике Беково находилось по две ямы с захоронениями лошадей. Туши лошадей были положены на животе, с подогнутыми ногами. Кони были ориентированы головами на запад, в противоположную сторону, нежели умершие люди. Лошади были взнузданы и заседланы. Хотя во всех курганах лошади были захоронены в отдельных могилах, вероятнее всего, они являются сопутствующими для мужских погребений.

На памятнике Торопово под одной курганной насыпью находилось от одной до восьми могильных ям. Большей частью это были грунтовые могильные ямы овальной формы, перекрытые деревянными конструкциями. В могилах встречались берестяные покрытия и подстилки. А.М.Илюшин обратил внимание на деревянные столбы, вкопанные с восточной или северо-восточной стороны насыпей [Илюшин, 1999, с.87–88]. В большей части могил находились погребения по обряду одиночной ингумации. В одной из могил было парное захоронение детей. Погребенные были уложены на спину в вытянутом положении. Ориентировка в разных курганах не одинакова. В большинстве могил умершие ориентированы головой на северо-восток. Однако встречается ориентация на восток и юго-восток. Помимо ингумаций, в курганах встречены погребения по обряду кремации в могильной яме или на стороне. В нескольких курганах обнаружены захоронения лошадей. Верховых коней хоронили взнузданными и заседланными в отдельных могильных ямах, ориентировали головами в противоположную сторону по отношению к погребенным людям, головой на юго-запад или запад. В погребении по обряду кремации в неглубокой яме лошадь была ориентирована головой на запад. В одном из курганов конь был помещен в могилу с захоронением по обряду кремации в могильной яме и ориентирован головой на юго-запад.

Сопроводительный инвентарь захоронений достаточно разнообразен. Среди предметов вооружения имеются однолезвийные палаши и сабли, кинжалы с однолезвийными клинками, тесла, наконечники стрел с трехлопастным, трехгранным, четырехгранным, круглым, линзовидным, плоским пером. Сбруя представлена двусоставными удилами с кольчатыми и стержневыми псалиями, стремянами с округлой петлей или прорезью в уплощенной дужке, железными и костяными

пряжками, железными бляхами и накладками. Среди украшений и предметов туалета имеются бронзовые серьги с подвесками, бусины, бронзовые зеркала, сохранившиеся в обломках. Сравнительно редко встречаются лепные, керамические, круглодонные сосуды.

В предметном комплексе представлены вещи, характерные для культур кимаков и кыпчаков, железные палаши и сабли, костяные пластинчатые петли от колчанов, железные крюки с кольцами для крепления голенищ сапог, бронзовые подвесные ажурные бляхи и бубенчики, серьги с шаровидными подвесками. На памятнике Калтышино исследованы погребения со шкурой одного или двух коней [Савинов, 1997, с.87–88]. На основании имеющихся материалов можно предполагать, что после распада Кимакского каганата и ослабления влияния со стороны кыргызского государства в Саяно-Алтае, в XI–XIII вв. процесс тюркизации кочевого населения Притомья по сравнению с предшествующим периодом стал проходить более интенсивно. Возможно, что в Кузнецкую котловину произошел приток тюркского, кыпчакского населения из Верхнего Приобья и Степного Алтая. На материалах исследованного памятника Торопово можно проследить процесс ассимиляции местного, испытавшего влияние кыргызской культуры, самодийского населения.

В Верхнем Приобье к эпохе развитого средневековья относится Осинкинский грунтовый могильник, исследованный Д.Г.Савиновым. Погребенные лежали на дне неглубоких грунтовых ям на спине, в вытянутом положении, были ориентированы головой на север и северо-запад. Внутримогильные конструкции представляли собой деревянные рамы с поперечным перекрытием. В некоторых могилах обнаружены сопроводительные захоронения собак. В мужских захоронениях имеется оружие: остатки луков со срединными и концевыми фронтальными накладками, железные и костяные стрелы, наконечники копий, тесла, кинжалы [Савинов, 1981, с.156]. В погребениях женщин находились серьги, бусы из сердолика, халцедона, лазурита, остатки одежды, напоминающие нагрудник, расшитый бисером, обломки зеркал и керамическая посуда. По мнению В.А.Могильникова, этот памятник относится к культуре тюркизированного самодийского населения [Археология СССР, 1981, с.192]. К числу памятников осинкин-

ского типа в Приобье принадлежат памятники Санаторный и Ташара-Карьер, на которых раскопаны земляные курганные насыпи с большим количеством захоронений и следами поминальных тризн в виде скопления костей животных и фрагментов керамической посуды. В погребениях найден разнообразный инвентарь: предметы конской сбруи, поясная бронзовая фурнитура, серьги, кольца, перламутровые и лазуритовые подвески, сердоликовый кабошон с согдийской надписью и китайское бронзовое зеркало [Новиков, 1998, с.326–329].

Помимо этих памятников, в Среднем и Верхнем Приобье исследовано значительное количество комплексов, которые были отнесены к сrostкинской и басандайской культурам. А.А.Адамовым к периоду X–XII вв. в Новосибирском Приобье отнесено несколько городищ со рвами с напольной стороны и плотной застройкой двора жилыми сооружениями разных типов, поселения без фортификации, пять курганных могильников. Курганы имели округлые, овальные или подпрямоугольные земляные насыпи. Некоторые насыпи были окаймлены ровиками. В насыпях были следы кострищ и кости животных, оставшиеся от поминальных тризн. Под насыпями находились одиночные захоронения взрослых и детей по обряду ингумации в грунтовых могильных ямах. В могильнике Березовый остров было групповое погребение. В могильниках Крохалевка и Быстровка отдельные захоронения находились на уровне древнего горизонта и насыпи. В могилах обнаружены перекрытия и гробовища из дерева и бересты, некоторые погребенные были завернуты в бересту. В насыпи кургана на могильнике Высокий Борк находились остатки сожженного деревянного сооружения. Погребенные лежат на спине, вытянуто, головой на северо-восток или восток. На памятнике Березовый остров в отдельной могиле была захоронена туша взнузданного коня. Он погребен рядом с могилой взрослого человека и ориентирован в противоположную сторону. В могильнике Быстровка в одной из могильных ям была помещена шкура лошади [Адамов, 2000, с.11, 17–18]. Инвентарь захоронений включает оружие, конскую сбрую, украшения, посуду. В могилах найдены обоюдоострые мечи, сабли, железные трехлопастные и плоские костяные наконечники стрел, костяные петли колчанов, тесла, железные пластины от ламеллярного панциря, двусоставные удила

с кольчатыми псалиями, стремяна, пряжки, кольца с крючьями, кресала, бронзовые ажурные бляхи, застежки, подвески, бубенчики, круглодонные и плоскодонные лепные сосуды с орнаментом по венчику и верхней части тулова, астрагалы со знаками и просверленными отверстиями. Среди этих вещей клинковое оружие, колчанные петли, кольца с крючьями для закрепления голенищ мягких сапог, ажурные бляхи и застежки являются характерными для культур кимаков и кыпчаков.

В.Д.Романцовой к началу II тыс. был отнесен могильник Седова Заимка, в котором захоронения совершались по обряду ингумации в могильных ямах под земляными насыпями с ровиками. Могилы были перекрыты плахами. На площади курганов выявлены следы огня. Погребенные были уложены на спине в вытянутом положении, головой на север, северо-восток и восток. В могилах найдена концевая фронтальная накладка лука, плоские железные и костяные трехгранные и ромбические наконечники стрел, ножи, пряжки, удила, костяные бляшки, стеклянная бусина и лепной круглодонный сосуд [Романцова, 1983, с.89–92].

На памятниках басандайской культуры исследованы курганы с земляными насыпями. В могилах находились погребения по обряду ингумации в сопровождении лошадей. Погребенные были уложены в могильные ямы на спине вытянуто головой на север, северо-запад или северо-восток. В парном погребении было две лошади, в одиночных захоронениях – по одной. Женские и детские захоронения были одиночными. Кони лежали в углублениях или на уступе могильных ям, отделены от погребенных деревянной стенкой, ориентированы головой в противоположную сторону, чем погребенные. Умерших клали на подстилку из бересты. В составе сопроводительного инвентаря захоронений были железные палаши, железные и костяные наконечники стрел, тесла, железные удила с кольчатыми псалиями, костяные подпружные пряжки, бронзовые поясные пряжки, бляшки, накладки, застежки, бусины и круглодонные керамические сосуды [Археология СССР, 1981, с.191]. На памятниках Басандайка и Усть-Киргизка изучены курганные и грунтовые захоронения по обряду одиночной ингумации, кремации в могильной яме или на стороне. Сравнительно редко встречаются групповые ингумации. Погребенные в могилах были

уложены на спину, в вытянутом положении, преимущественно головой на юго-запад. Встречаются захоронения с конем или шкурой лошади. В составе сопроводительного инвентаря имеются сабли, наконечники копий, железные и костяные наконечники стрел, удила, стремяна, подпружные пряжки и седельные пробои с кольцами, китайские зеркала, лазуритовые подвески, сердоликовые и стеклянные бусы, лепные круглодонные сосуды с орнаментом по венчику и верхней части тулова.

Л.М.Плетнева полагает, что в начале II тыс. в Среднем Приобье произошла смена культуры в результате переселения кочевого населения из степей Казахстана. Приход кимако-кыпчакского населения в Томское Приобье привел к сложению басандайской культуры и тюркизации населения этого района в течение предмонгольского и монгольского времени [Плетнева Л., 1997, с.123, 126].

На территории лесостепной Барабы в начале II тыс. были распространены памятники венгерской культуры. На памятниках Венгерова VII и Осинцево IV исследованы земляные курганы, окаймленные кольцевыми ровиками, несомкнутыми с восточной, северо-восточной или с нескольких сторон. Погребения совершались на уровне древней поверхности. Лишь в отдельных курганах были вырыты неглубокие углубления. Большинство захоронений совершено по обряду одиночной ингумации. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, ориентированы головой на запад, северо-запад, юго-запад. В нескольких курганах были захоронения по обряду кремации. На горизонте в некоторых курганах были установлены бревенчатые срубы. Согласно предложенной исследователями реконструкции, в некоторых курганах срубы могли достигать в высоту 1 м, имели четырехскатное перекрытие и подпорный столб в центре. После совершения обрядов погребения и поминок срубы поджигались, после чего возводились насыпи из земли и дерна. В состав сопроводительного инвентаря погребений входили железные и костяные наконечники стрел, ножи, тесло, удила и стремяна, бронзовая бляха с фигурой человека внутри овального кольца, ажурная бронзовая подвеска, серебряный перстень со спиралевидным орнаментом, лепные круглодонные горшки и чаши со штампованным орнаментом в виде косых сплошных или пре-

рвыистых линий и округлых вдавлений по венчику и верхней части тулова [Молодин и др., 1988, с.96–101].

Эти памятники имеют ряд отличий в конструктивных особенностях надмогильных сооружений, погребальном обряде и инвентаре, что позволило исследователям выделить их в особую археологическую культуру. Вероятно, эти комплексы принадлежали не тюркскому, а угорскому или самодийскому населению Барабинской лесостепи. Однако в предметном комплексе населения венгеровской культуры представлены отдельные предметы, характерные для многих культур тюркоязычных кочевников степного пояса Евразии, в том числе и кыпчаков. Судя по находкам удила, стремян, ажурной подвески и перстня, лесостепные угорские и самодийские племена находились в культурном взаимодействии и испытывали влияние со стороны кыпчаков.

Важнейшим событием в этнической и политической истории населения лесостепной полосы Западной Сибири в начале II тыс. был распад Кимаковского каганата и ослабление кыргызского государства, возвышение кыпчаков и объединение ими в составе кыпчакской конфедерации тюркских и тюркизированных угорских и самодийских племен. Кыпчаки, некогда получившие свое уничижительное название от уйгуров и кимаков, в XI–XIII вв. объединили все родственные кочевые племена, населявшие лесостепи и степи Западной Сибири, Урала, Казахстана, Поволжья, Восточной Европы. Среди них были этнические группы, ведущие свое происхождение от западных тюрков, и тюркоязычные кочевники западного ареала степного пояса Евразии, воспринявшие термин «кыпчаки» по названию объединения, в состав которого они входили. В западносибирском регионе процессы тюркизации и аккультурации, восприятия тюркского языка и культуры в XI–XIII вв. происходили наиболее активно за счет расселения тюркских этнических групп, переселявшихся из Приир-

тышья и Степного Алтая в северные, лесостепные районы Приобья и Притомья, и активного восприятия родовой знатью местных угорских и самодийских племен престижных элементов кыпчакской военно-дружинной культуры. По долинам Оби и Томи кочевники, называвшиеся кыпчаками, смогли проникнуть далеко на север, до Томского Приобья. Вероятно, процесс тюркизации местного населения в начале II тыс. носил мирный характер, выразившийся в инфильтрации сравнительно небольших групп тюрков-кочевников в среду тюркизированных угров и самодийцев. Соперничество между кыпчаками и кыргызами в этот период ослабло. Енисейские кыргызы ограничивали свою активность в Западной Сибири продвижением в Причутье и Кузнецкую котловину.

Ряд исследователей считает, что именно в начале II тыс. в процессе тюркизации угорских и самодийских этнических групп начали складываться современные тюркоязычные этносы Западной Сибири и разные этнические подразделения в составе народности, которая в последующий период получила название «сибирские татары», и составила основное население Сибирского юрта. Переселение в лесостепную зону привело к изменению культурно-хозяйственного типа, смене хозяйственных занятий и образа жизни кочевого скотоводческого населения. В хозяйстве тюркоязычного населения лесостепи, наряду с разведением скота, существенное место заняли земледелие, охота и рыболовство. Часть населения перешла на оседлый образ жизни, стала жить в укрепленных поселениях, освоила стационарные жилища.

Продвижение кыпчаков и родственных им племен в лесостепные районы Западной Сибири укрепило культурные связи местных и северных таежных племен с кочевым миром и способствовало активизации обмена и торговли со странами оседло-земледельческой цивилизации Среднего и Дальнего Востока.

ГЛАВА 5

Кыпчаки в Восточной Европе

Владимир Иванов

Переселение кыпчаков в Восточную Европу

Разработанная на археологическом материале хронология кочевнических памятников Евразии не позволяет пока детально проследить последовательность и скорость кыпчакской миграции в Восточную Европу. Однако помощь в решении этого вопроса оказывают письменные источники, сведения которых дают возможность наметить некоторые этапы указанного процесса.

Все исследователи, изучающие средневековых кочевников Восточной Европы, традиционно ссылаются на армянского историка Матфея Эдесского, который под 1050 г. писал о противоборстве «рыжеволосого народа хардеш» (шары – сары) с племенами кунов и каи (змеи) за пастбища в степях Северного Кавказа. А через пять лет русский летописец под 1055 г. сообщает о первом, пока еще мирном, приходе половцев хана Блуша к границам Киевской Руси.

Вслед за русскими, этноним «половцы» применительно к новым кочевым племенам восточноевропейских степей стали использовать поляки и чехи («плавцы»), немцы («флавен»), венгры («палоч»). Венгры, впрочем, довольно часто называли половцев кунами-куманами. С.А.Плетнева предполагает, что объясняться это может географией расселения двух близкородственных этносов – кунов-куманов и шары/сары-кыпчаков (половцев). Первые кочевали западнее Днепра и были лучше известны византийцам, венграм и другим европейским народам, а вторые кочевали восточнее и, соответственно, лучше были известны русским именно как «половцы» [Плетнева, 1990, с.40].

Территорию кыпчакско-половецких кочевий С.А.Плетнева устанавливает по ареалу распространения каменных статуй («половецких баб»). Среди них она выделила самые ранние – стеловидные плоские

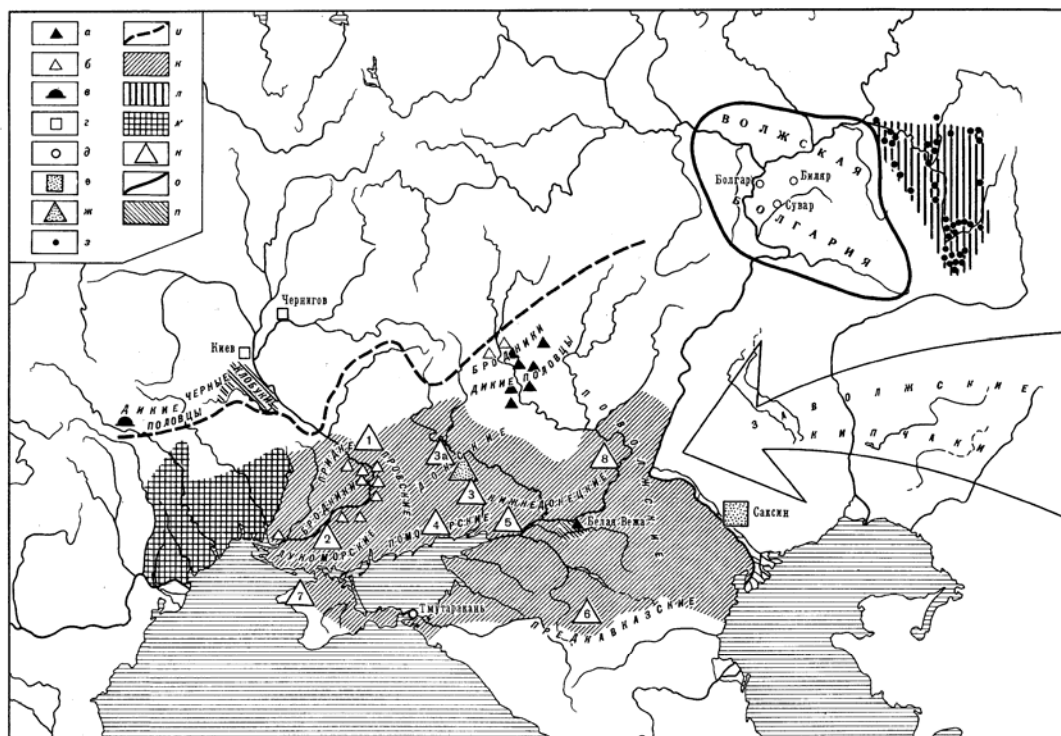
изваяния с лицами и некоторыми деталями фигур (руки, женская грудь, сосуд в руках), выполненными в технике низкого рельефа – аналогичные кимако-кипчакским изваяниям Семиречья. Подавляющее их большинство (около 50 статуй) сосредоточено в степном треугольнике, образованном правобережьем Северского Донца, низовьями Дона и Азовским морем [Плетнева, 1974, с.63; 2003, с.153].

На указанной территории сейчас известно 181 половецкое погребение, из которых абсолютное большинство (66,8%) – впускные в насыпи более ранних курганов. Курганы, как правило, земляные, однако встречаются захоронения (10%), совершенные под насыпями, сооруженными с применением камня. Более половины захоронений совершены в простых могильных ямах, а 24% погребений – в ямах усложненной конструкции со ступеньками вдоль длинных стенок, подбоями.

Значительную часть рассматриваемых погребений (46%) сопровождали захоронения коня в виде шкуры (череп и кости ног) – 34%, или целой туши (полный скелет) – 11,6%. Конь, как правило, взнуздан и оседлан, о чем свидетельствуют находки удила и стремян вместе с конскими костями. В более чем половине захоронений с конем ориентировка коня соответствует ориентировке человека – 54,7%, а в 34,5% погребений конь и его хозяин уложены головами в противоположные стороны.

Погребенных укладывали на дно могилы в позе на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад (44%) или восток (36%). Последняя в отечественной историографии традиционно считается кыпчакско-половецким признаком [Плетнева, 1958, с.179].

Совпадение ареала погребений с восточной ориентировкой, обнаруженных на берегах Северского Донца, Дона, Самары, Орели и Маньича, с ареалом ранних половецких изваяний совершенно определенно

Восточноевропейские степи в половецкий период. а – половецкие кочевья; б – поселения бродников; в – могильник «диких половцев» на Днестре; г – русские города; д – болгарские города; е – предполагаемое местоположение половецкого города Саксина; ж – предполагаемое крупное поселение половцев (с находками обломков русской керамики на нем); з – памятники XII–XIV вв. в Башкирии; и – граница лесостепи и леса; к – земли, занятые половцами; л – земли, занятые кочевниками в Башкирии; м – земли, занятые кочевниками (остатками печенего-торческих орд); н – номера союзов половецких орд, выделенные благодаря картографированию каменных изваяний; о – граница Волжской Булгарии; п – земли Черных клобуков и других кочевных вассалов Руси.
Составила С.А.Плетнева [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с.257]

но указывает на эту территорию как на «район наиболее раннего заселения половцами южнорусской степи». Отсюда они начинают активно осваивать «южнорусские» степи. В конце XI – начале XII в. половецкие кочевья доходят до Среднего Днепра и Предкавказья, в первой половине XII в. – до Нижнего Поднепровья и Крымских степей [Плетнева, 1985, с.253].

При определении границ «Половецкого Поля» исследователи не случайно основное внимание уделяют географии каменных изваяний, поскольку они, «являвшиеся частью святилищ в память умерших предков, естественно ставились в местах, где возникали более или менее постоянные половецкие стойбища (зимники и летники) и прокладывались по степи постоянные дороги». То есть концентрация изваяний в данном случае указывает также и на переход половцев ко второй стадии кочевания [там же, с.249, 255].

Свое господство в восточноевропейских степях кыпчаки-половцы утверждали довольно активно. Уже через шесть лет после хана Блуша другой половецкий хан Сокал приводит свою орду «первое на Руськую землю воевать» (Ипатьевская летопись). Начиная с этого времени и до 1235 г. (год крупного сражения между половцами и войском князя Даниила Галицкого у Торческа) политическая история «южно-половецких» степей определялась русско-половецким противостоянием. Регулярные половецкие набеги на русские «украины» чередовались с годами затишья и даже установления союзнических отношений. Последнее особенно характерно для начала периода феодальной раздробленности на Руси.

Набеги половцев на Русь, особенно участвовавшие в XII в., преследовали вполне конкретную цель – установление постоянных даннических отношений [Егоров,

Половецкий владетель. Первая половина XIII в. Реконструкция М.В.Горелика

1994, с.192]. И эти устремления базировались на вполне определенной военно-политической ситуации, которая сложилась в Дешт-и Кыпчаке («Половецком Поле») в данное время. К концу XI в. территория Дешт-и Кыпчака была поделена между крупными ордами, каждая из которых имела своего хана. Имена половецких ханов дошли до нас благодаря сведениям русских летописцев. В среднем Поднепровье кочевали орды приднепровских половцев («Бурчевичей»), возглавляемых ханами Боняком и Тугорканом; их южными соседями были лукоморские половцы хана Урусобы, занимавшие степи Нижнего Поднепровья и Крыма; восточнее, по правобережью Северского Донца, кочевала орда хана Шарукана, сына Осеня. Этот хан имел свои городки – ставки – Шарукан и Сугров – в верховьях Северского Донца, совсем рядом с границами Руси [Плетнева, 1985, с.257; 1990, с.60].

Приднепровские, лукоморские и донецкие половцы особенно досаждали киевским князьям, поскольку первые «оседлали» важный для Руси торговый путь «из варяг в греки», а вторые, по сути, отсекали от Киева Тмутараканское княжество в низовьях Кубани. Поэтому вполне естественно, что когда Владимир Мономах, понявший суть и тактику ведения степной войны, решил нанести превентивный удар по половцам, его дружины весной 1103 г. обрушились на приднепровских половцев и нанесли им страшное поражение. Отражая натиск русских дружин, ханы Тугоркан и Урусоба погибли. В сложившейся ситуации хан Боняк поспешил объединиться с главой донецких половцев – ханом Шаруканом для дальнейших совместных действий против Руси [Плетнева, 1985, с.259]. В течение последующих семи лет обе стороны обменивались ударами до тех пор, пока в 1111 г. по инициативе Владимира Мономаха не состоялся большой поход

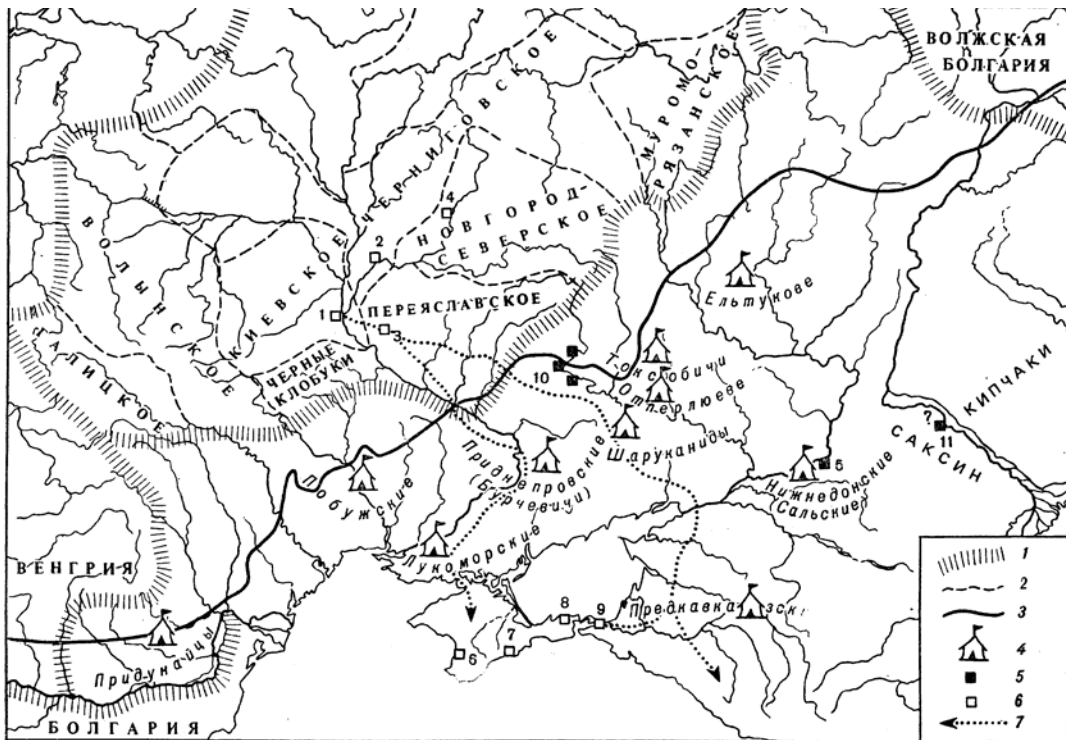

Схема расположения отдельных половецких орд в степях после походов Владимира Мономаха. Условные обозначения: 1 – границы государств; 2 – границы русских княжеств; 3 – северная граница степи; 4 – орды; 5 – кочевнические городки-ставки; 6 – русские и византийские города; 7 – торговые сухопутные пути через степь; цифры на карте: 1 – Киев; 2 – Чернигов; 3 – Переяславль; 4 – Новгород Северский; 5 – Белая Вежа; 6 – Херсонес; 7 – Сурож; 8 – Корчев; 9 – Тмутаракань [Плетнева, 1990, с.69]

объединенных русских дружин в глубь степи, закончившийся разгромом половецких городков на Донце и рассеянием большинства половецких орд по степи¹.

Следствием этого погрома явилось разрушение кровнородственных (куренных) связей и распад половецких орд на более мелкие, уже не кровнородственные. Так, после похода Владимира Мономаха в степь среди донских половцев появляются орда Токсобичей и Отперлюевичей по левобережью Северского Донца, нижнедонские – в окрестностях бывшего хазарского города Саркела – Белой Вежи, Ельтукове – в междуречье Дона, Хопра и Медведицы [Плетнева, 1990, с.63–70]. Последние интересны тем, что, по-видимому, именно их северные границы обозначены каменными изваяниями и могильниками, известными по рр. Битюгу и Хопру [Цыбин, 1999]. Тер-

¹ Орда хана Атрака ушла аж в Грузию, а «многие орды были полностью разгромлены, и остатки их сформировались в особые группы, названные летописцем «дикие половцы»» [Плетнева, 1985, с.261].

риториально эти памятники смыкаются с аналогичными и синхронными памятниками, расположенными по правобережью Волги в пределах современной Саратовской области, и с памятниками на территории современной Самарской области южнее Самарской Луки [Гарустович и др., 1998, с.217–228] – совсем рядом с южными границами Волжской Булгарии. То есть половцы-«ельтуковичи» были ближайшими степными соседями Волжской Булгарии, отчетливо проявившими себя своими набегами на Рязанское княжество во второй половине XII в. [Цыбин, 1999].

Вполне естественно, что в условиях практически перманентной войны кыпчаки-половцы не имели торговых связей с Русью. Это наглядно отражено в соответствующем археологическом материале [Плетнева, 1991, с.90]. Но тот же археологический материал указывает нам на отсутствие активного торгового обмена половцев-«ельтуковичей» и с волжскими булгарами. Данное обстоятельство объясняется этнополитической ситуацией, имевшей место в Урало-Поволжье в XI в. Судя по ке-

рамике т.н. XIII и XXI групп, занимающей заметное место в керамическом комплексе болгарских городов второй половины XI–XIII вв., население, генетически связанное с кочевниками гузо-печенежского круга, составляло заметную диаспору внутри Волжской Булгарии [Кокорина, 2002, с.46 и сл.]. Мало вероятно, чтобы эти потомки «вынужденных мигрантов» из волгоуральских степей были лояльно настроены к кыпчакам-половцам.

Хотя отдельные украшения, явно болгарского происхождения, – серьги-подвески с напускной бусиной – единицами рассеяны по «Половецкому Полю», но едва ли они указывают на тесные торговые связи «Поля» с булгарами.

Иначе в рассматриваемое время складывались половецко-византийские отношения. На основании археологических данных, хотя и отрывочных, С.А.Плетнева заключает, что из Византии половцы получали дары или добычу прежде всего в виде дорогих тканей, остатки которых встречаются в некоторых половецких погребениях. Более того, со временем византийское влияние, вследствие постоянных контактов половцев с византийскими купцами и дипломатами в причерноморских городах, начинает сказываться и на изменениях в общественных отношениях половцев [Плетнева, 1991, с.103].

В конце XII в. в половецких степях отдельные орды, образовавшиеся после похода Владимира Мономаха, стали сливаться в более крупные объединения. Среди них наиболее крупными были Лукоморская орда хана Тоглыя, кочевавшая по излучинам Азовского и Черного морей и низовьям Днепра, Приднепровская орда (Бурчевичи) ханов Осолука и Изая, кочевавшая по днепровским берегам южнее р. Самары² и донское объединение хана Кончака. Последнее было самым крупным в степях [Плетнева, 1990, с.146–170]. Соблазнительно было бы включить в это объединение и верхнедонских половцев – Ельтукове, но, по сведениям Ипатьевской летописи, в 1187 г. хан Кончак совершил набег на Киевское Поросье, тогда как другие половцы совершили удачный набег на Рязанскую землю (Никоновский летописный свод) [Цыбин, 1999, с.130].

Максимальное объединение восточных половцев происходит в самом начале XIII в., когда у южных границ Руси окон-

чательно складываются два крупных союза половецких орд – Днепровский и Донской – «два крупных государственных объединения, которые, несомненно, в будущем должны были слиться в единое государство» [Плетнева, 1982, с.60]. Однако появившиеся вскоре на западе Великого пояса евразийских степей монгольские войска внесли свои жесткие коррективы в дальнейший ход половецко-кыпчакской истории.

Кыпчаки в Заволжье. Йемеки

Эпоха, предшествующая монгольскому нашествию на Восточную Европу, с источниковедческой точки зрения для Заволжья и Южного Приуралья оказывается наименее обеспеченной как археологическими, так и письменными данными. И дело здесь заключается не только, и не столько в слабой изученности региона, во всяком случае, его степной части. В настоящее время в степях Южного Урала и Заволжья выявлено и исследовано 717 кочевнических погребений X–XIV вв., из которых к «послегузскому» или домонгольско-кыпчакскому периоду относятся только 5,57% погребений.

Столь же скудны и данные письменных источников, из которых по рассматриваемой теме можно назвать только два: составленную в 1154 г. карту мира ал-Идриси и письмо венгерского монаха Юлиана о его путешествии на Волгу в 1235–1237 гг.

Карта ал-Идриси – это, по сути, первое относительно подробное географическое описание Урало-Поволжья. Исследователи называют несколько источников, откуда ал-Идриси получал сведения о землях Поволжья и Приуралья. Прежде всего, это сообщения Ибн Хордадбеха и ал-Джайхани о путешествии Саллама ат-Тарджумана на восток, затем рассказы других путешественников и, наконец, античная географическая традиция. Именно из последней (Птолемей) черпал ал-Идриси данные о географических координатах гор Аскаса (Уральские горы), откуда, как ему представлялось, берет свое начало р. Атиль (Волга) [Коновалова, 1999, с.88; Псянчин, 2001, с.17]. На карте ал-Идриси указана р. Атиль с тремя ее истоками, под которыми подразумеваются рр. Белая, Уфа и Ай, вытекающие из гор Аскаса [Рыбаков, 1952, с.27; Коновалова, 1999, с.89 и сл.]. Кроме того, ал-Идриси обозначает два безымянных притока Атиля, вытекающих из

² Левый приток Днепра.

Половецкий тяжеловооруженный копейщик. XII в. Реконструкция М.В.Горелика

гор Айани, расположенных к северо-востоку от гор Аскаса, причем один из притоков имеет два истока в горах Айани. Развивая мысль Б.А.Рыбакова о том, что этот безымянный приток, вероятнее всего, Кама, И.Г.Коновалова предполагает, что двойной исток этого притока – суть собственно Кама и ее правый приток Вятка, тогда как «второй безымянный приток Атила, берущий начало в восточной части горы Айани, может соответствовать реке Вишере» [Коновалова, 1999, с.91].

Ниже устья этого притока, в районе излучины Атиля, указан тюркский народ булгары («bulgar min al turk»), в районе устья, между рекой (Камой?) и горами Аскаса – народ башкиры («ard basgirt min al atvak»), на левом берегу Камы – гг. Кастр и Мастр, южнее башкир, на левом берегу Атиля – г. Каракия (Каркия). Севернее булгар и северо-западнее башкир на карте обозна-

чены печенеги («baginak min al turk»), что, по мнению Б.А.Рыбакова, «как будто бы указывает на то, что все эти географические подробности должны находиться в сравнительной близости от Печенежских (Жигулевских) гор, что и есть в действительности» [Рыбаков, 1952, с.31]. Сведения о поволжско-приуральских народах ал-Идриси также заимствовал у авторов IX–X вв. Новая информация касается только городов басджиртов: «Из городов внутренних басджиртов назovem Мастр и Кастр. Оба города невелики, и купцы редко посещают их. И никто в них не бывал, так как туземцы убивают всех чужестранцев, которые хотят проехать через их страну. Оба города стоят на реке, впадающей в Исил» (цит. по: [Коновалова, 1999, с.192]). Достоверность этих сведений сомнительна, поскольку информатор ал-Идриси сам в башкирских «городах» едва

ли бывал и, вероятнее всего, под названием городов передал ему сведения о башкирских родо-племенных названиях – кесе и мишар [там же, с.193; Псянчин, 2001, с.17].

В тексте ал-Идриси указывает расстояния в днях пути до башкир от печенегов (баджанаков) и Булгара: «От баджанаков до внутренних басджиртов (*Басджирт ад-дахила*) десять дней, а от последних до Булгара двадцать пять дней». Последнее, кстати, очень интересным образом совпадает с указаниями башкирского исторического предания «Булгары и башкиры» о проживании башкирских племен в 15–20 днях пути от волжских булгар [Башкирское народное творчество, 1987, с.164].

Накануне монгольского нашествия на Восточную Европу народы урало-поволжского региона впервые начинают фигурировать на страницах сочинений европейских путешественников, которые, в отличие от своих восточных коллег, в 30-е – начале 50-х гг. XIII в. сами проезжали через степи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Обращаясь к европейским материалам, следует иметь в виду, что их авторы выполняли вполне конкретные политические миссии, направленные на выяснение военно-политической ситуации на востоке евразийских степей, подвергшихся монгольскому нашествию. Поэтому, как и у Ибн Фадлана, выполнявшего подобную миссию, в их сочинениях отмечаются только самые общие географические координаты их маршрутов, но зато больше внимания уделено описанию народов, встреченных на пути. Так, в письме монаха Юлиана о его путешествии на восток в поисках «Старой Венгрии» (*Maior Hungaria*) в 1235–1237 гг. сообщается о нахождении им венгерского (мадьярского) населения «близ большой реки Этиль»³ и даются некоторые подробности их образа жизни и быта [Аннинский, 1940, с.81]. В описании второго путешествия Юлиана в «Великую Венгрию» в 1237–1238 гг., известном нам уже в виде первоисточника, речь идет, главным образом, о монгольских завоеваниях в Восточной Европе и сообщается, в частности, что на завоевание «Великой Венгрии» монголам понадобилось 14 лет [там же, с.85].

Таким образом, в описаниях средневековых авторов XII – начала XIII в. в этнической карте южноуральского региона

и прилегающих территорий Поволжья фигурируют булгары, мадьяры, башкиры и печенеги (последние – как отголосок старых данных).

Однако если мы обратимся к археологическому материалу рассматриваемого периода, то увидим, что по своим морфологическим характеристикам памятники степного Заволжья и Приуралья указывают на присутствие в регионе иных этнокультурных групп, идентификация которых и причины появления здесь возможны только через призму этнополитических процессов среди кочевников Великого пояса евразийских степей. Генератор этих процессов находился далеко на востоке от Волги.

Распад Кимакского каганата, ослабленного внутренними противоречиями, в начале XI в. был ускорен натиском центральноазиатских племен кунов (куманов) и кай с востока. Следствием этого явилось изменение этнополитической ситуации в областях, прилегающих к каганату с запада – в степном Приуралье и Заволжье. Опираясь на сведения средневековых авторов – ал-Марвази, ал-Бируни, Ибн ал-Асира и др. – исследователи освещают этот процесс в следующей последовательности: обитавшие в северном Китае племена кунов в 30-е гг. XI в. подверглись нападению со стороны киданей и, уступая их натиску, двинулись на запад. По дороге они подверглись нападению со стороны племени кай и, будучи вынуждены отступать дальше, обрушились на племя шары (сары) или кыпчаков. Двигаясь далее на запад, группировка кунов и шары вышла к землям кыпчаков, лежавшим на пути их миграции, и смешалась с ними. Результатом этого взаимодействия явилось утверждение политического господства кыпчаков в этом кочевническом объединении, хотя реальной военной силой там оставались куны (куманы) и шары [Кляшторный, 2002, с.346]. Группировка кунов-шары-кыпчаков ударила по гузам, кочевавшим в Приуралье и Заволжье, и вынудила их уйти за Волгу [Кумеков, 1972, с.124–126; Кляшторный, Султанов, 1992, с.136–138]. Так шары (сары)-кыпчаки становятся хозяевами приуральских и заволжских степей.

В настоящее время в Заволжье и Приуралье выявлено 40 погребений, относящихся ко второй половине XI – началу XIII в. (т.н. «кыпчакский домонгольский период») [Иванов, Кригер, 1988, с.39]. Большинство из них найдены на территории со-

³ По примечанию издателя и переводчика С.А.Аннинского, возле р. Белой.

временных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей (62,5% всех известных погребений), а также по рр. Волга, Еруслан и Узени. Абсолютное большинство погребений (77,5%) совершено в земляных курганах, специально насыпанных над могилой⁴.

Преобладают (47,5%) могильные ямы простой конструкции, с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем значительное место среди рассматриваемых погребений занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок – 22,5% (могильники Белозерское, Визенмиллер, Змеиный Дол, Курпе-Бай, Каинсай, Политотдельское, Ровное, Солнце, Третий Плес). Характерно, что последние не имеют четкой локализации в регионе.

Умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) в позе вытянуто на спине, головой в западном направлении (62,5%) или на восток (30%). Остатки дощатого гроба или колоды найдены, соответственно, в четырех (Белокаменка, кург.Д-48; Белозерское; Покровск (Энгельс), кург.11 и Политотдельское, кург.2) и одном (Бережновка I, кург.4) погребениях.

Из общей массы погребений домонгольского периода в Заволжье и Приуралье 55% выделяются как заведомо всаднические, поскольку содержат остатки конской шкуры в виде черепа и костей ног, уложенной слева (22,5%) или справа (12,5%) от человека или принадлежности конской сбруи (стремена и удила), помещенные у ног человека. Известны также три погребения, в которых шкура коня лежала у ног человека (Бахтияровка II, кург.68; Базар-Тобе I, кург.8 и Буранчи, кург.1), и одно погребение, сопровождавшееся целым остовом коня, уложенным справа от человека (Белозерское).

Характерно, что в большинстве случаев ориентировка конского захоронения соответствует ориентировке человека. Это выглядит так, что если представить их стоящими на ногах, то конь и его хозяин окажутся в положении подготовки к верховой езде, когда всадник подходит к коню лицом к нему слева.

Большинство из рассматриваемых погребений (45%) сопровождалось оружием – железными наконечниками стрел, костяными обкладками лука и берестяными кол-

чанами. В трех погребениях найдены сабли.

Погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря (бусы, зеркала, ножницы и др.) можно было бы интерпретировать как женские, немного.

Кыпчакская этническая принадлежность памятников второй половины XI – начала XIII в. степного Заволжья и Приуралья сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Еще в 60-е гг. прошлого столетия Г.А.Федоров-Давыдов, опираясь на сведения средневековых авторов, в частности, Рашид ад-дина, связывал курганы XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье с половцами-куманами [Федоров-Давыдов, 1966, с.150]. Вслед за ним Р.Г.Кузеев на основании данных исторической этнографии писал о начале массового переселения кыпчаков на территорию современного Башкортостана в XIII в. [Кузеев, 1974, с.171 и сл., 184].

Однако сведения письменных источников (в частности, Ибн ал-Асира) позволили С.М.Ахинжанову выдвинуть несколько иную гипотезу о времени освоения кыпчаками степей Южного Урала. В частности, автор считает, что еще в XI в. кыпчаки, которым «принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана», имели летние пастбища — джайляу в низовьях р. Камы, откуда они уходили зимовать в окрестности Баласагуна [Ахинжанов, 1980, с.51].

В целом же сведения средневековых письменных источников о племенах, обитавших к востоку от Волги вообще, и о кыпчаках, в частности, настолько скудны и отрывочны, что исследователям приходилось извлекать соответствующую информацию чаще всего методом перекрестного анализа различных документов.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кыпчаки впервые упоминаются в середине VIII в. в числе политических противников древнетюркских (тюркютских) племен, а в конце IX–X вв. арабopersидские авторы (Ибн Хордадбех, «Худуд ал-алам») перечисляют кыпчаков среди основных этнополитических образований (кимаков, огузов и печенегов), расселявшихся в восточной части евразийских степей.

В начале XI в. кыпчаки, пережившие период ускоренного социально-политического развития, становятся соседями Хорезма (Бейхаки) и ведут с хорезмшахами

⁴ В насыпи более ранних курганов впушены только 30% рассматриваемых погребений.

Половецкий лучник. XII–XIII в. Реконструкция М.В.Горелика

успешные войны за приуральские пастбища, вынуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки с кочевниками [Ахинжанов, 1973, с.61]. В это время кыпчакские племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой и одним уровнем общественного развития. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари), занимавшего местность Юлиболы, которую исследователи локализуют в степях современного Северо-Западного Казахстана и Южного Урала, и которая совпадает с территорией распространения курганов XII–XIII вв. Южного Приуралья.

Кроме кыпчаков, в конфедерации кочевников заметную роль играли племена

йемеков (кимаков), обитавшие в западной части южноуральской степи, включая и степную Башкирию [Ахинжанов, 1976, с.89]. Несмотря на различие этнонимов, средневековые авторы (М.Кашгари) подчеркивали генетическое родство и языковую близость кыпчаков и йемеков [Кумков, 1972, с.43]. Территориально кочевья йемеков также совпадают с районами распространения рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья.

После усиления кыпчаков средневековые авторы отмечают два направления миграций кочевников: кыпчаков – на запад и северо-запад, йемеков (кимаков) – на юг и юго-запад [там же, с.43–47].

Ряд исследователей предполагает присутствие среди кочевников кыпчакской конфедерации монголоязычных племен (байандур, татар, эймюр), появившихся в кимакском и огузском объединении сразу же после падения Уйгурского каганата в 840 г. [там же, с.47; Ахинжанов, 1976].

Таким образом, по данным средневековых письменных источников, степи Южного Приуралья (в частности, Западный Казахстан) и Заволжья издавна выступают как территория сосредоточения и расселения кыпчакских племен. И не случайно после распада Золотой Орды именно Западный Казахстан становится центром формирования государства «кочевых узбеков» [Ахмедов, 1965], а позже составной частью Среднего Жуза, где концентрировалась основная часть семей (13,5 тыс.) казахов племени кыпчак [Муканов, 1974, с.70–75]. Здесь же, в предгорьях Южного Урала, по бассейну р. Сакмары в конце XIV–XV вв. селились такие роды башкирских кыпчаков, как кара-, ак-, санкем-, суун-и бушман-кыпчак [Кузеев, 1974, с.185].

Сравнивая по имеющимся историко-этнографическим данным племенной состав кочевников восточной части евразийских степей со второй половины VII по XIV–XVI вв., мы видим постоянное присутствие в нем основных наиболее крупных племен (кыпчаки среди них представляются наиболее устойчивым этнокультурным образованием) и постоянно меняющиеся мелкие этнические объединения. Удельный вес кыпчаков в том или ином этнополитическом объединении мог изменяться, но они никогда не растворялись среди других этнических групп.

Итак, письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII–XVI вв. Для выяснения степени соответствия этих данных с данными археологического материала нам необходимо, в свою очередь, выяснить степень типологического сходства памятников Южного Урала с синхронными памятниками с соседних территорий, и, прежде всего, с теми памятниками, кыпчакская принадлежность которых не вызывает сомнений.

Обратимся сначала к конструкции надмогильных сооружений рассматриваемых памятников Заволжья и Приуралья. Как уже указывалось выше, большинство захоронений рассматриваемого периода совер-

шены под земляными курганами. Вместе с тем известны погребения, совершенные под каменными или каменно-земляными насыпями (Каинсай, Змеиный Дол, Лебедевка VII). Аналогии им мы находим у кимаков, для которых характерны захоронения под каменно-земляными курганами [Археология СССР, 1981, с.43].

В свое время Г.А.Федоров-Давыдов на материале, известном к 60-м гг. прошлого века, отметил широкое распространение в Заволжье в золотоордынский период подбойных могил и выдвинул их в качестве одного из локальных признаков данного региона [Федоров-Давыдов, 1966, с.157, 160 и сл.]. Появление этих погребений исследователь связывал с приходом сюда монголов и других восточных племен. Раскопки последующих лет выявили погребения в подбойных могилах и восточнее, в степях Южного Приуралья, причем относящиеся ко времени, предшествующему Золотой Орде: огузо-печенежскому и кыпчакскому домонгольскому. Аналогичные погребения известны в курганах кимаков (йемеков) Верхнего Прииртышья IX–X вв. [Арсланова, Самашев, 1985].

Там же у кимако-кыпчаков известны погребения со шкурой коня, уложенной слева от человека [Могильников, 2002, с.17 и сл., 52; Адамов, 2000, с.18].

Встречаются в Заволжье и захоронения с целым остовом коня, уложенным справа от человека с противоположной ему ориентировкой (Белозерское погребение на р. Самаре), подобно тому, как это известно у кимако-кыпчаков [Адамов, 2000, с.17].

Таким образом, археологические материалы также вполне определенно подтверждают сведения средневековых письменных источников о кимако-кыпчаках как о доминирующем этнокультурном компоненте в составе кочевников степного Заволжья и Приуралья во второй половине XI – начале XIII в.

География кимако-кыпчакских памятников в регионе неравномерна. Большинство из них (60%) обнаружены в степном Заволжье, на территории современных Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Из них 45% находятся на берегах Волги и ее правых притоков – Самары, Еруслана, Ахтубы. Остальные погребения разбросаны по территории Оренбургской, Уральской и Челябинской областей.

Практически везде интересующие нас погребения являются одиночными, за ис-

Половецкая амазонка. XII в. Реконструкция М.В.Горелика

ключением могильников Визенмиллер и Озеро Раим, где найдены по два кимако-кыпчакских захоронения. Если разложить их по территории степной части Заволжско-Приуральского региона, площадь которой составляет приблизительно 560 тыс. кв. км, то получится по одному погребению на 14 тыс. кв. км! О чем это говорит? Только о том, что кимако-кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье, находясь на первой (таборной) стадии кочевания, для которой характерны «разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно и потому редко достающиеся специалистам в полном виде» [Плетнева, 1982, с.17]. Или вообще прошли эту территорию без длительных остановок, преследуя отступавших гузов и печенегов.

Косвенным подтверждением данного предположения может служить следующее

обстоятельство: в составе вещевого комплекса кимако-кыпчакских погребений Заволжья и Приуралья совершенно отсутствуют образцы болгарских ремесленных (ювелирных) изделий. Более того, по ассортименту инвентаря только 17,5% рассматриваемых погребений, содержащие украшения – ожерелья из цветных бусин или ожерелье и височную подвеску с напускной бусиной, могут трактоваться как женские.

Отсутствие болгарских изделий у кочевников Заволжья и Приуралья выглядит странным по следующим причинам: во-первых, в домонгольский период (XII – начало XIII в.) Волжская Булгария уже заявила о себе как о развитом торговом-ремесленном государстве со своими ювелирными мастерскими, работающими не только на внутренний, но и на внешний рынок; во-вторых, став мусульманской

страной, Волжская Булгария «превратилась в центр монополярной торговли Северо-Востока Европы, сосредоточив в своих руках северную торговлю Запада с Востоком». Один из путей этой торговли – Булгар–Джурджания – как раз и проходил через степи Заволжья и Южного Приуралья [Халиков, 1992, с.13 и сл.]. В это же время, как известно, начинается массовый приток болгарских изделий в лесное Прикамье [Белавин, 2000].

На этом фоне объяснение отсутствию археологически фиксируемых торговых контактов кимако-кыпчаков с булгарами может быть только одно: занятые войной с гузами и печенегами они стремительным броском преодолели степи Заволжья и Приуралья и в основной своей массе ушли в Восточную Европу.

Оставшиеся в Заволжье и Приуралье кимаки (йемеки), куманы-сары и кыпчаки представляли собой восточную периферию Дешт-и Кыпчака и, судя по имеющимся материалам, в степях Урало-Поволжья были не многочисленными. Вполне резонно также предположить, что заволжские кочевники не принимали заметного участия в политической жизни хозяев Дешт-и Кыпчака. Во всяком случае, известный нам на территории региона археологический материал, своим однообразием и невыразительностью резко контрастирующий с синхронными памятниками Дешт-и Кыпчака, указывает только на то, что они здесь были.

Вполне вероятно, что заволжские племена могли уже переходить и ко второй стадии кочевания, характеризующейся появлением постоянных мест для сезонных стойбищ – летовок и зимовок [Плетнева, 1982, с.36]. Подобными местами могли быть районы устья Еруслана и Узени, где сконцентрированы в общей сложности более 30% кочевнических погребений XII–XIII вв.

Ближайшими северными соседями кимако-кыпчаков Урало-Поволжья были племена, оставившие в регионе памятники *мрясимовского типа* (по Н.А.Мажитову) конца X – начала XIII в. Расположены они в северных районах современного Башкортостана (Каранаевские, Бакалинский, Мрясимовские, Бурлинский курганы) и в Зауралье (курганы на оз. Смолино), т.е. в лесной зоне, и представляют собой сравнительно небольшие, 5–8 м в диаметре, земляные насыпи, содержащие от 2 до 32 погребений. Важной этнографической чертой курганов мрясимовского типа являются захоронения черепов и костей ног лошади в полах курганов. В некоторых погребениях зафиксированы остатки берестяной обертки на костях человека. Часто в могилах встречаются плечевые кости лошади, что, по мнению Г.Н.Гарустовича, является племенным признаком населения, оставшегося рассматриваемые памятники [Гарустович, 1998, с.16].

Этническая принадлежность «мрясимовцев» по всем археологически фиксируемым признакам (керамика с гребенчато-шнуровым орнаментом, элементы погребального обряда) определяется как угорская [Гарустович, Иванов, 1992, с.25]. К концу XII в. памятники мрясимовского типа в регионе исчезают вследствие взаимоассимиляции угров-«мрясимовцев» и родственных им племен – носителей чияликской культуры, пришедших в Приуралье с севера, из Прикамья, а также древних башкир, вытесненных из приуральских степей кимако-кыпчаками. Результатом этого процесса явилось появление в лесостепном Приуралье курганных могильников XIV в., которые по признакам обряда «ничем не выделяются из массы грунтовых раннемусульманских погребальных объектов приуральских племен» [Гарустович, 1998, с.20] и которые с наибольшей долей вероятности можно считать уже башкирскими.

ГЛАВА 6

Культура кочевников евразийских степей

Юлий Худяков, Владимир Иванов

В истории кочевников степного пояса Евразии важнейшим этапом в развитии культуры была эпоха раннего средневековья, охватывающая период с VI по X вв., которая из-за исключительной роли древних тюрков и их культуры в процессе этнокультурогенеза получила в историко-археологической литературе наименование «древнетюркского времени» [Грач, 1966, с.189]. В середине VI в. древние тюрки смогли объединить под своей политической и военной властью в т.н. I Тюркском каганате почти все кочевые племена евразийских степей от Причерноморья на западе до Желтого моря на востоке, от таежной полосы на севере до границ Китая, Ирана и Византии на юге. Объединение всего кочевого мира в рамках единого государственного образования способствовало широкому расселению самих древних тюрков и других тюркоязычных кочевых этносов в степях Евразии, стимулировало процесс тюркизации, восприятия тюркского языка и культуры нетюркскими народами, привело к широкому распространению тюркской административной системы управления и военной организации, образцов оружия и приемов военного искусства в кочевом мире и за его пределами. Военная мощь древних тюрков сделала их образцом для подражания среди кочевников и в какой-то степени оседлых земледельцев и таежных охотников. Кочевая знать других племен и народов стремилась перенять престижные элементы военно-дружинной культуры древних тюрков. Это привело к значительной унификации многих видов и типов вооружения, воинского снаряжения, конской сбруи, украшений, пиршественной посуды во всем кочевом мире в эпоху раннего средневековья. Основные предметы древнетюркского предметного комплекса были распространены далеко за пределами границ археологической культуры древних

тюрков. Их активно перенимали соседние и отдаленные тюрко-, ирано-, монголо- и угроязычные кочевые племена, оседлое население сопредельных регионов, вступавшее в контакты с древними тюрками.

После распада и крушения кочевых государств, возглавлявшихся древними тюрками, древнетюркская культура не прекратила своего существования, а продолжала развиваться. Основные элементы этой культуры были восприняты и получили развитие в культурах других тюркоязычных кочевых народов и государств центральноазиатского историко-культурного региона, уйгуров, кыргызов, кимаков, карлуков.

Памятники культур древних тюрков, кыргызов и кимаков – каменные изваяния, курганы, стелы с руническими надписями и предметы тюркетики – попали в поле зрения ученых еще в начале XVIII в. на территории Алтая и Минусинской котловины. Ученые приписывали эти памятники мифическому народу чуди, скифам, монголам или татарам.

Интерес к истории и культуре древних тюрков и других кочевых тюркоязычных народов значительно возрос после открытия и расшифровки памятников рунической письменности в Монголии в конце XIX – начале XX в. [Кляшторный, Лившиц, 1978, с.43–46]. В 1920-х гг. в изучении истории и культуры тюркских кочевых народов были достигнуты большие успехи. В.В.Бартольд были обобщены сведения арабских и персидских источников по истории кыргызов и других народов, обитавших в Средней и Центральной Азии в эпоху раннего средневековья [Бартольд, 1963, I, с.479–510]. Предпринятая С.А.Теплоуховым классификация средневековых памятников Минусинской котловины позволила выделить комплексы древних тюрков и кыргызов и заложить основу для последующей

го хронологического и этнокультурного определения культур номадов эпохи ранне-го средневековья [Теплоухов, 1929, с.55].

В 1930–1940-е гг. исследовались памятники древних тюрков на Алтае, Енисее, Тянь-Шане [Киселев, 1949, с.277–314; Евтюхова, 1952, с.72–120; Бернштам, 1952, с.87–89]. Были изучены каменные изваяния, курганы с различными типами захоронений, сопроводительный инвентарь погребений, охарактеризованы особенности культуры и искусства раннесредневековых кочевников.

Во второй половине XX в. изучение памятников культуры древних тюрков, кыргызов, уйгуров, кимаков и других тюркоязычных этносов проводилось в Саяно-Алтае, Монголии, Прибайкалье, Забайкалье, Западной Сибири, Казахстане, Киргизстане, Синьцзян-Уйгурском районе Китая. К настоящему времени созданы монографические сводки древнетюркских каменных изваяний Тувы, Горного Алтая, Семиречья и Тянь-Шаня, Монголии и Синьцзяна.

В последние десятилетия, благодаря усилиям многих ученых, в результате раскопок погребальных и поминальных памятников, городищ, изучению наскальных рисунков и надписей на территории Центральной и Средней Азии, Западной Сибири получен обширный фонд вещественных, изобразительных и монументальных источников по истории и культуре тюркских кочевых этносов эпохи раннего средневековья. Была исследована письменность, наскальное, декоративно-прикладное искусство, материальная культура, военное дело, социальное и политическое устройство, религия раннесредневековых тюркоязычных номадов.

Культуры раннесредневековых тюркских этносов сформировались на базе культурных традиций номадов хунно-сарматского времени. Истоки погребальной и поминальной обрядности, изобразительного, монументального, декоративно-прикладного искусства, материальной культуры и предметного комплекса, религии тюркских кочевников восходят к культурам номадов первой половины I тыс. н. э.

Наиболее ранние погребальные комплексы, относящиеся к периоду формирования культуры древних тюрков в южных районах Алтая, выделены А.А.Гавриловой

в «берельский тип» могил и датированы V–VI вв. [Гаврилова, 1965, с.54–57]. Для памятников этого типа были характерны небольшие курганные насыпи, сложенные из камней, широтное расположение могильных ям, захоронения умерших по обряду ингумации в сопровождении одной или трех лошадей, размещенных на уступе могильной ямы. В предметном комплексе памятников берельского типа были луки с длинными концевыми и срединными накладками, железные плоские шипастые стрелы, палаши с перекрестьем и кольцевым навершием, деталь нагрудного панциря [Худяков, 1986, с.132]. В сопроводительном инвентаре берельских погребений имеются железные удила с кольчатыми псалиями, накладки и костяная подпружная пряжка, серебряные бляхи, нефритовая шайба и костяные наконечники [Гаврилова, 1965, с.55].

Обряд захоронения умерших в сопровождении коня был заимствован древними тюрками, возглавляемыми правящим родом Ашина, после того как они были переселены жужаньским хаканом из Гаочана на южный Алтай, у местных горно-алтайских кочевников, носителей булан-кобинской культуры. По сообщениям китайских источников, у древних тюрков бытовал обряд сожжения тела умершего и сопроводительной туши коня [Бичурин, 1950, с.230]. В исследованных памятниках культуры древних тюрков подобный вариант обряда не зафиксирован. Возможно, что таким образом хоронили умерших тюрки, возглавляемые родом Ашина, переселившиеся на Алтай из Восточного Туркестана. Известно, что подобный обряд был совершен в отношении кагана восточных тюрков Хели, труп которого был «по кочевому обычаю сожжен». А возведенная над погребением курганная насыпь была «насыпана по восточную сторону реки Ба» [там же, с.250].

В составе берельских комплексов не было поминальных памятников. Однако поминальная обрядность, также как и обряд захоронения с конем, мог быть заимствован тюрками у местного кочевоего населения Горного Алтая, поскольку поминальники с оградками и балбалами имеются на памятниках булан-кобинской культуры хунно-сарматского времени [Мамадова, 1994, с.59].

Основные элементы, характерные для древнетюркского предметного комплекса, сложились в кочевой среде Центральной Азии в хуннское время. Это относится, в первую очередь, к комплексу военнo-дружинной субкультуры, предметам вооружения, воинского снаряжения, конской сбруе, украшениям, пиршественной посуде. В хуннское время у кочевников получили распространение дальнoбойные сложные луки с костяными накладками, железные трехлопастные стрелы со свистунками, палаши с длинным однолезвийным клинком, нагрудные чешуйчатые панцири, наборные пояса с железными пряжками и пластинами [Коновалов, 1976, с.173–200]. В период господства в Центральной Азии сяньбийцев этот оружейный комплекс имел дальнейшее развитие. У сяньбийцев получило распространение оружие ближнего боя, средства защиты и основанная на их применении тактика таранной атаки противника плотно сомкнутыми отрядами конницы [Худяков, Юй Сухуа, 2000, с.38–41]. Ко времени сложения культуры древних тюрков предметный комплекс, характерный для кочевников Центральной Азии, претерпел определенные изменения. Однако основу военных успехов тюрков, возглавляемых правящим родом Ашина, в борьбе за господство над центрально-азиатским регионом, составила ударная мощь панцирной кавалерии и ее превосходство в ближнем бою над войсками других кочевых племен.

После разгрома Жужаньского государства и образования могущественного Тюркского каганата, объединившего весь кочевой мир, значительные изменения коснулись и самой древнетюркской культуры, а ее образцы стали предметом для заимствования и подражания в других кочевнических культурах.

Для периода существования I Тюркского каганата в Горном Алтае и Туве были характерны памятники «кудыргинского этапа». Древнетюркские памятники VI–VII вв. были распространены в Семиречье и на Тянь-Шане. К этому времени относятся каменные курганы и погребения по обряду ингумации с лошадьми с различными вариантами внутримогильных сооружений, ориентацией погребенных и лошадей. В составе сопроводительного инвентаря преобладают вооружение и воинское сна-

ряжение, конская сбруя и украшения. Встречается керамическая посуда. Характерными для данного периода являются стремена раннего типа и поясная и сбруйная фурнитура, выполненная в геральдическом стиле.

В VI–VII вв. широкое распространение по всей территории Центральной Азии получили древнетюркские поминальные оградки со стелами и балбалами. В период наивысшего военного могущества древних тюрков их поминальный культ приобрел ярко выраженный военно-дружинный характер. Это нашло отражение в установке стел в честь поминаемых героев-воинов и каменных столбиков-балбалов, символизовавших убитых этими воинами врагов. На памятниках высшей знати древних тюрков появились престижные атрибуты китайского императорского заупокойного культа – стелы с навершием в виде драконов и постаментом в виде скульптуры черепахи. На Бугутском памятнике на стеле были надписи, восхваляющие деяния умершего правителя, нанесенные согдийским письмом и письмом брахми [Кляшторный, Лившиц, 1971, с.123]. В период существования I Тюркского каганата древнетюркская культура испытала значительный приток инноваций из стран оседло-земледельческой цивилизации: Ирана, Согда, государств Восточного Туркестана и Китая. В их числе были важные технические изобретения и усовершенствования: седла с жестким остовом и стременами, новые формы вооружения и торевтики. Ради прокламативных целей была заимствована и получила ограниченное распространение согдийская письменность [там же, с.143–144].

В период т.н. I Тюркского каганата в Саяно-Алтае и Монголии на поверхность скал стали наноситься рисунки с батальными или охотничьими сюжетами, изображавшими древних тюрков – всадников, воинов и охотников. Стилистические изменения в петроглифике характеризовались распространением антропоморфных изображений, применением силуэтных выбитых и гравированных контурных фигур. Использование техники резной гравировки позволило точнее передать детали изображений, оружие воинов и конскую сбрую [Худяков, 1987, с.187–189]. Вероятно, уже в период существования I Тюркского кага-

ната в древнетюркской поминальной традиции появилась манера придавать стелам, символизирующим умерших, антропоморфный облик. Иначе трудно объяснить существование очень схожих поминальных обрядов с установкой у оградок каменных изваяний и в Восточнотюркском, и в Западнотюркском каганатах – государствах, находившихся во враждебных отношениях между собой. Д.Г.Савинов отнес к кудыргинскому этапу стелы и изваяния с нанесенными на их поверхность дополнительными рисунками, сценами охоты и поклонения [Кляшторный, Савинов, 1994, с.99–101]. Судя по стилистическим особенностям этих рисунков, они могут относиться к разным этапам древнетюркской культуры.

В последующий период существования двух тюркских государств – Западного и Восточного каганатов – древнетюркская культура пережила новый этап в своем развитии. В это время оформились характерные особенности древнетюркской погребальной обрядности, включавшие захоронение мужчин-воинов в сопровождении одного, реже двух или трех коней, женщин и детей с конем или бараном, в могильных ямах с разделительной стенкой, иногда с подбоем. Мужчин хоронили с оружием и воинской амуницией, женщин – с украшениями и бытовыми предметами. Характерными элементами предметного комплекса в этот период были луки со срединными боковыми накладками, стрелы с железными трехлопастными и гранеными, бронебойными наконечниками. Другие виды оружия, копыя, палаши и сабли, детали чешуйчатых и ламеллярных панцирей в погребениях древнетюркских воинов встречаются редко в силу того, что это были очень дорогие вещи. Для культуры древних тюрков VII–VIII вв. были характерны железные удила со стержневыми и кольчатymi псалиями, стремяна с кольцевой или пластинчатой петлей, поясная и сбруйная фурнитура с гладкой не орнаментированной поверхностью «катандинского» типа [Гаврилова, 1965, с.64]. Локальные различия между западным и восточным ареалами древнетюркской культуры объясняются разной направленностью внешних культурных связей. Западные тюрки в гораздо большей степени, чем восточные, были связаны с культурой ираноязычного, сог-

дийского населения, жившего в пределах границ Западнотюркского каганата. Восточные тюрки в большей степени ориентировались на престижные элементы китайского императорского культа династии Тан.

После крушения Восточнотюркского, Западнотюркского и Тюркешского каганатов древнетюркская культура не прекратила своего существования, а пережила период расцвета. Памятники культуры древних тюрков VIII–X вв., относящиеся ко времени политической зависимости от уйгуров и кыргызов, изученные в Саяно-Алтае и Монголии, отличаются разнообразием сопроводительного инвентаря. Основные элементы погребальной обрядности древних тюрков сохранились в течение всего периода, получившего в научной литературе название «курайского» этапа развития древнетюркской культуры [Савинов, 1982, с.118].

Значительную трансформацию на «курайском» этапе претерпела поминальная обрядность тюрков. С утратой государственности и господствующего положения аристократическими родами Ашина и Ашидэ древние тюрки перестали сооружать величественные поминальные комплексы, характерные для памятников высшей знати. У многих поминальных оградок перестали устанавливать балбалы, поскольку военная активность древних тюрков значительно уменьшилась. В то же время каменные скульптуры стали изготавливаться гораздо более тщательно, приобрели объемность. Более точно стали изображаться реалии на изваяниях, расовый облик, прически, детали костюма, пояс с оружием. Поминальная обрядность древних тюрков в значительной мере утратила свой военно-дружинный облик и приобрела характер культа родовых предков.

В VIII–X вв. в культуре древних тюрков под влиянием уйгуров и кыргызов подлинного расцвета достигла художественная обработка металла. Орнаментация поясной и сбруйной фурнитуры, парадного оружия, украшений, пиршественной посуды достигли наивысшего разнообразия. Широкое распространение в орнаментике получили растительные, зооморфные и антропоморфные изображения, религиозные символы. Появление новых мотивов и сюжетов в орнаментике, новых приемов декориро-

вания произошло в результате интенсификации торговых и культурных связей со странами и народами оседло-земледельческой цивилизации, прежде всего с согдийцами, и проникновения в кочевую среду новых приемов технологии и мотивов орнаментации в тюрвтике. Существенным фактором в развитии культуры древних тюрок стало распространение в кочевом мире Центральной Азии в эпоху раннего средневековья мировых прозелитарных религий, что повлекло за собой существенные изменения в обрядности и заимствования в области религиозной символики и культовой практики.

Памятники уйгурской культуры в Центральной Азии, относящиеся ко времени существования Уйгурского каганата в VIII–IX вв., отличаются многокомпонентностью. Архитектурные сооружения и гончарная керамическая посуда с разнообразным штампованным орнаментом, сюжеты орнаментации на предметах тюрвтики восходят к согдийской культурной традиции. Погребальная и поминальная обрядность, захоронение умерших по обряду ингумации в сопровождении шкуры коня и возведение поминальных сооружений с установкой памятной стелы с надписью ведут свое происхождение от местных центральноазиатских традиций кочевнических культур. Уйгурская знать во многом стремилась подражать имперским традициям своих предшественников – восточных тюрок и императорскому культу танских императоров. Характерной особенностью уйгурской культуры в VIII–IX вв. были богато орнаментированные изделия из металла, пряжки, бляшки, накладки, наконечники ремней, металлические украшения конской сбруи, серебряная посуда [Гаврилова, 1974, с.178–182; Худяков, 1985, с.57].

Памятники кыргызской культуры в VI–VIII вв. были распространены на территории Минусинской котловины. Кыргызы, переселившиеся на Средний Енисей из Притяньшанья на рубеже эпохи раннего средневековья, стали господствующей этнической группой. Они восприняли от местных племен отдельные компоненты материальной и духовной культуры.

Погребальные комплексы культуры енисейских кыргызов VI–VIII вв. включают каменные курганы с округлой, квадратной, прямоугольной или многоугольной

оградой, сложенной из каменных плит и обставленной вертикальными каменными стелами. Внутри оград находились могильные ямы с захоронениями по обряду кремации и заупокойной пищей и питьем. На кыргызских кладбищах, помимо курганов – чаа-тасов, встречаются небольшие округлые каменные насыпи с захоронениями взрослых по обряду кремации и детей по обряду ингумации. Предметный комплекс кыргызской культуры VI–VIII вв. включает вооружение, конскую сбрую и воинское снаряжение, орудия труда и керамическую посуду. Наиболее характерными для кыргызской культуры этого периода являются гончарные «кыргызские» вазы, изготовленные из серой глины и орнаментированные полосами штампованного орнамента. Помимо гончарной, в быту кыргызы пользовались и лепной керамической посудой [Евтюхова, 1948, с.93]. Кыргызская знать пользовалась привозной металлической посудой, золотыми и серебряными кувшинами, блюдами и кружками, китайскими лаковыми чашечками [там же, с.40–45]. В чаа-тасах оружие встречается редко. На поселениях найдены берестяной колчан, железные трехлопастные наконечники стрел. К этому периоду относятся двулезвийные мечи, наконечники копий, боевые топоры, панцирные пластины. [Худяков, 1980, с.131–133].

В состав конской сбруи входили удила с витыми звеньями, стремяна с широкой подножкой кольцевой или пластинчатой петлей, пряжки, накладки, бляшки, бубенцы. Кыргызы носили наборные пояса и серьги. В состав женских украшений входили серьги, бусы, браслеты, китайские монеты. В погребениях найдены амулеты с изображениями конских голов и статуэтки баранов, обложенные золотой или серебряной фольгой [Евтюхова, 1948, с.6, 58].

В предметном комплексе кыргызской культуры значителен круг заимствований из культур кочевого мира, согдийской и китайской культур через посредство древних тюрок. От древних тюрок кыргызы могли заимствовать руническую письменность и обычай создания посмертных эпитафий [Худяков, 1995, с.95]. Не исключено определенное влияние на кыргызскую культуру со стороны уйгуров и согдийцев, живших в Уйгурском каганате. Такое

влияние прослеживается в особенностях фортификации и архитектуры глинобитных крепостей, возведенных на территории Минусинской котловины в VIII – начале IX в. Вероятно, с уйгурской модой связано распространение в кыргызской культуре торовтики с растительной орнаментацией. У кыргызов не получила широкого распространения торовтика «катандинского» стиля, характерная для древних тюрок. В то же время у них бытовали предметы поясной и сбруйной фурнитуры, оформленные прорезным орнаментом, растительными побегами в сочетании с розетками, цветками смоквы и гроздьями винограда. На бляшках изображали хищных животных птиц и рыб [Худяков, 1998, с.54]. Кыргызская торовтика VI–VIII вв. отличается богатством и разнообразием орнаментации в сравнении с древнетюркской.

В IX–X вв., в эпоху кыргызского великодержавия, в культуре кыргызов произошли значительные изменения. Границы распространения их памятников расширились до Иртыша, Забайкалья, Тянь-Шаня и Ангары. В погребальной обрядности произошли существенные новации. Конструкция курганов стала значительно проще. Насыпи имели крепиду из крупных камней. Рядом с курганом устанавливалась стела с тамгой или рунической надписью – эпитафией. Под насыпями в неглубоких ямках или на горизонте хоронили кремированные останки умерших, с заупокойной пищей, оружием и сбруей. Упрощение конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений связано с возросшей подвижностью жизни и быта кыргызского населения и суровыми условиями войны с уйгурами, когда не было возможности сооружать монументальные, но очень трудоемкие курганы-чаа-тасы. Умерших детей кыргызы хоронили по обряду ингумации. Считалось, что они не успели согрешить, поэтому после смерти их тела незачем подвергать очищению огнем.

В ходе завоеваний кыргызская знать познакомилась с условиями жизни в городах. Кыргызские каганы пытались строить крепости и города, поощрять развитие земледелия, ремесла и торговли. Произошли изменения в предметном комплексе. В кыргызских курганах IX–X вв. редко встречаются «кыргызские вазы», лепные горшки и баночные сосуды [Кызласов, 1969, с.99].

Значительно возросло видовое и типологическое разнообразие кыргызского оружия. В курганах IX–X вв. найдены палаши, сабли, копья, боевые топоры, кинжалы, детали луков и колчанов, железные наконечники стрел, панцирные пластины и фрагменты кольчуг. По многообразию форм стрел, в особенности, бронебойных наконечников, кыргызские оружейники превзошли все другие кочевые народы. В кыргызских курганах и на поселениях многочисленны находки предметов конской сбруи, удила, стремян, бляшек и пряжек, накладок. Поясная и сбруйная фурнитура богато украшалась растительным, зооморфным, антропоморфным орнаментом. На бляшках изображались буддийские, манихейские и несторианские символы: пламенеющая жемчужина, цветы смоквы, лотос, кресты [Кызласов, Король, 1990, с.105–108].

В IX–X вв. у кыргызов получили распространение петроглифы, выполненные резьбой на поверхности скал. На известной Сулекской писанице изображены тяжеловооруженные всадники в доспехах, охотники с луками верхом на лошадях, дерущие верблюды, верблюды, запряженные в арбу, дикие копытные и хищные животные [Худяков, 1998, с.57]. Рисунки панцирных всадников выполнены с особой тщательностью. На изображениях выделены плюмажи, шлемы, панцири, щитки, копья с наконечниками и флажками, боевые топоры, луки и колчаны. Высокая точность резьбы позволила мастерам детализировать изображения и добиваться большой выразительности. Кыргызские петроглифы отличаются значительным тематическим разнообразием. Помимо обычных для кочевников батальных и охотничьих сюжетов, на них встречаются бытовые, жанровые сцены, перекочевка на верблюдах или бои верблюдов. Значительно реже присутствуют изображения, выполненные точечной выбивкой. На памятнике Барун-Чичигт изображен всадник на лошади с постриженной зубцами гривой, с луком в налучье [там же, с.58].

Памятники культуры кимаков отличаются синкретичностью и многовариантностью погребальных обрядов. В погребальных комплексах Прииртышья и Западной Сибири под каменными и земляными курганными насыпями сочетаются захоронения по обряду ингумации с конем, ингума-

ции со шкурой коня, одиночной ингумации и кремации. Такое разнообразие связано с многоплеменным составом кимацкого объединения, в котором были племена западных тюрок, уйгуров, кыргызов, тюркизированные угорские и самодийские группы. Для западнотюркских племен йемеков и эймюров, а также кыпчаков, был характерен поминальный обряд с сооружением святилищ и установкой каменных изваяний.

Предметный комплекс кимаков был весьма разнообразным. В нем было представлено древковое оружие, луки и стрелы, колчаны и ламеллярные панцири. Конская сбруя включала различные типы удил и стремян, уздечные и сбруйные бляшки. Среди украшений и предметов одежды были наборные пояса, серьги, бусы, зеркала. Кимацкая торовтика по характеру орнамента очень близка к кыргызской. У кимаков был распространен растительный орнамент, изображения виноградной лозы, розеток, пальметт. Встречаются бляшки и накладки с изображением летящих птиц, гусей, уток, петухов или фениксов, крылатых львов и собак, человеческие личины. В прикладном искусстве кимаков важное место занимал образ панцирного всадника или пешего воина. Они изображались в шлемах и панцирях с копьями, мечами и луками, со щитами за спиной. В кимацкой торовтике редко встречаются манихейские и буддийские символы. В ней отчетливо прослеживается согдийское влияние. Вероятно, с распространением ислама в орнаментации торовтики должны были произойти изменения [там же, с.59]. Изобразительное искусство кимаков представлено петроглифами Верхнего Прииртышья. В наскальных изображениях применялась техника точечной выбивки. Гравированные рисунки встречаются редко. Преобладали рисунки воинов в сражениях и на охоте, диких животных.

Монументальная скульптура кимаков характеризуется значительным разнообразием реалий. Изображались головные уборы, халаты с отворотами на груди, наборные пояса, кинжалы, серьги, браслеты. Женщины изображены в трехрогих головных уборах. Эти скульптуры очень близки по стилю исполнения и набору реалий изваяниям западных тюрок [Чариков, 1980, с.223]. Несмотря на различия в истоках

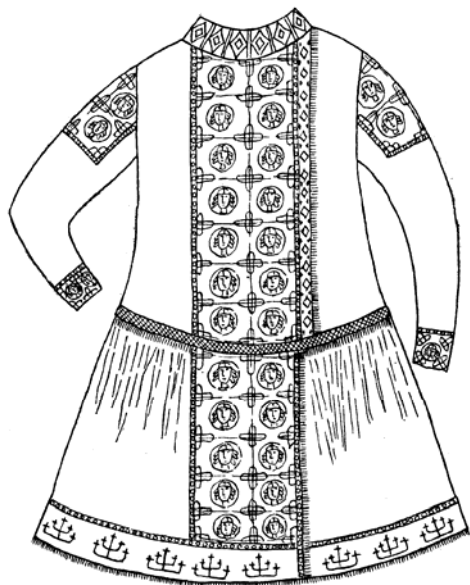
и компонентах формирования, в характере внешних связей с иными культурами, культуры кочевников южных районов Западной Сибири, Центральной и Средней Азии схожи по основным составляющим элементам, поскольку относятся к одному, скотоводческому, типу хозяйства, кочевому образу жизни с большой ролью войны и военного дела в жизни общества.

Кочевники эпохи раннего средневековья внесли большой вклад в развитие мирового культурного процесса, сформировали оптимальные для своего времени особенности переносного разборного жилища, средств передвижения и перевозки грузов. Номады оказали значительное влияние на развитие вооружения, военной организации и военного искусства народов и государств, принадлежащих к другим типам цивилизации. В течение эпохи раннего средневековья кочевники активно воспринимали многие достижения в области материальной и духовной культуры и способствовали их распространению среди племен и народов, обитавших на периферии кочевого мира. Кочевая цивилизация средних веков объединила многие сопредельные страны и народы.

Образцы художественной культуры средневековых кочевников западной части евразийских степей – гузов, печенегов и кыпчаков-половцев, доступные для нашего восприятия и оценки, представлены в основном археологическими артефактами, относящимися к категории декоративно-прикладного искусства.

Археологическая специфика декоративно-прикладного искусства как категории культуры заключается прежде всего в том, что оно доходит до нас в крайне фрагментарном виде. По сути дела, мы можем оперировать только теми артефактами, которые способны противостоять натиску времени – изделиями из металла, камня и кости. Ткачество, вышивка, аппликация, резьба по дереву – образцы этих жанров декоративно-прикладного искусства, несущие в себе наибольшую этнокультурную информацию, в руки исследователей попадают крайне редко.

Все известные нам по археологическому материалу образцы кочевнического декоративно-прикладного искусства делятся на две группы: украшения и детали костюма (серьги-подвески, браслеты, перст-

Кафтан половецкого хана, обнаруженный в погребении под Чингульским курганом (Запорожская обл.) [Плетнева, 1990, с.116]

ни, пояса, зеркала, головные уборы, подвески) и украшения конской сбруи. По сути своей они универсальны для всей культуры средневековых кочевников Евразии, различаясь только по типам образующих их вещей.

Украшения и детали костюма. Серьги средневековых кочевников Восточной Европы – гузов (торков), печенегов и кыпчаков-половцев особой вычурностью не отличаются. Основу их композиции составляет несомкнутое кольцо из медной или серебряной проволоки круглого сечения. Именно так выглядят мужские серьги. Женские серьги, встреченные в единичных экземплярах, – крупные (до 5 см в диаметре) несомкнутые кольца из круглой в сечении проволоки с напускной бусиной биконической или желудевидной формы. На бусине нанесен выпуклый орнамент из крученого шнура. То, что это именно женские серьги, наглядно подтверждает комплекс из кургана 37 могильника Саркела – Белой Вежи, содержащий типично женский набор вещей, включая и ножницы. Судя по тому, что аналогичные серьги встречаются, главным образом, в русских кладках [Федоров-Давыдов, 1966, с.40], есть основания предполагать, что в степь они попали именно с территории Руси,

а потому и семантика их декора должна рассматриваться с позиций древнерусского искусства и мировоззрения.

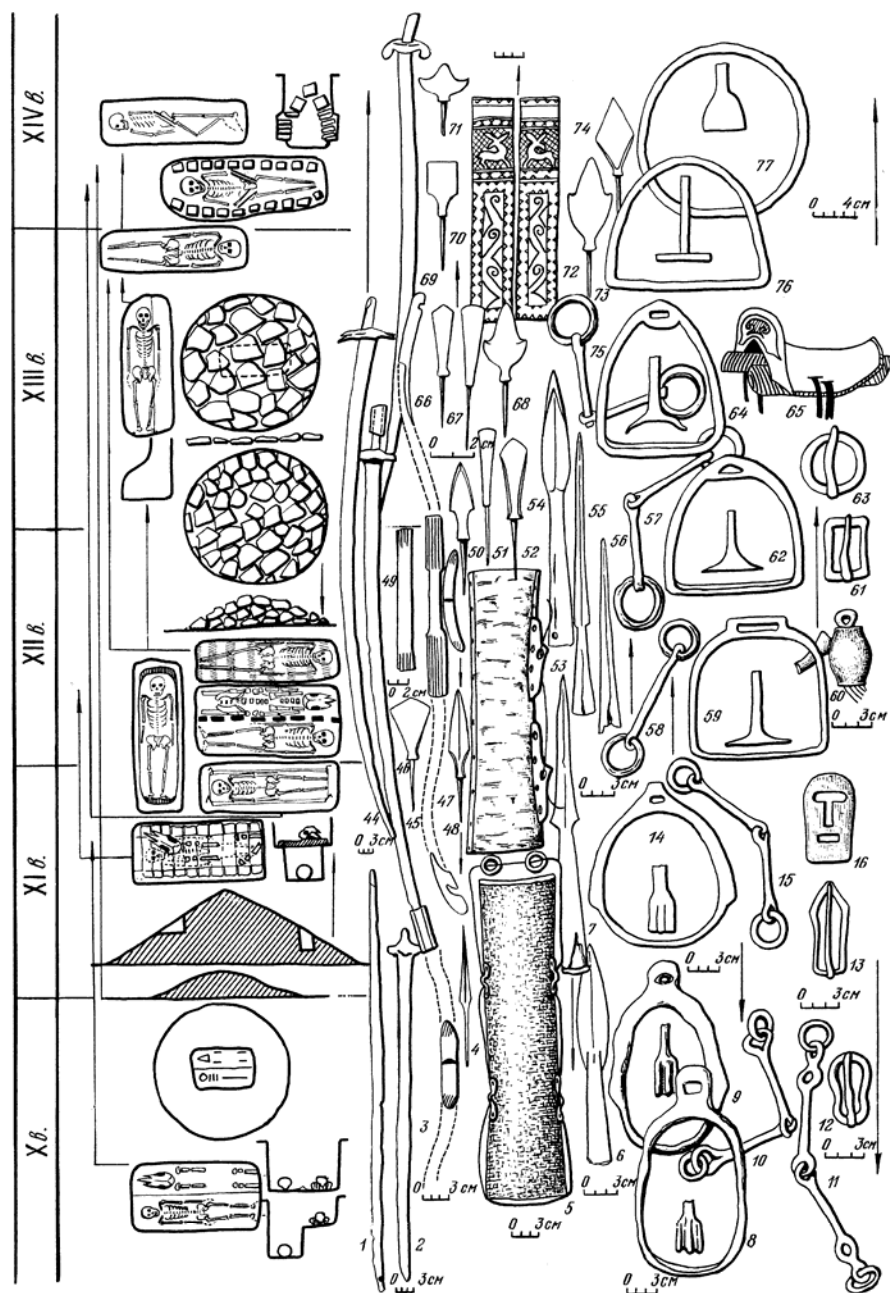
В декоре костюма кыпчаков-половцев домонгольского периода серьги однозначно превращаются в принадлежность женского убранства. Во-первых, они образуют устойчивую связь с такими сугубо женскими предметами, как зеркала, ожерелья из бус и детали головного убора. Во-вторых, на это же указывает иконография половецких каменных изваяний, где серьги изображены только на женских статуях [Плетнева, 1974; Гераськова, 1991].

Социальная семантика этого типа украшений несомненна. Прежде всего, на это указывает то обстоятельство, что около трети (29,6%) всех погребений с серьгами содержат оружие – наконечники стрел, сабли. В мужских погребениях содержатся по одной серьге и они представляют собой простые несомкнутые кольца из медной или серебряной проволоки¹. Кроме того, серьги усложненных форм изображены, как уже было сказано, на половецких каменных изваяниях, которые сами по себе являются социально-знаковым явлением в кочевнической культуре.

Другим подобным элементом убранства костюма средневековых кочевников, проходящим через всю историю их материальной культуры, является поясная гарнитура.

В представлении средневековых кочевников евразийских степей пояс – непреходящий атрибут воинского костюма, символ богатырской доблести и принадлежности к определенной социальной организации, знак воинской возмужалости [Ковалевская, 1970, с.144; 1984, с.160; Липец, 1984, с.67]. В тюрко-монгольском героическом эпосе пояс – одна из наиболее часто упоминаемых деталей воинского костюма. Так, героиня хакасского героического эпоса Пичен-Арыг обращается к своему народу, впавшему в «разброд и шатание», со следующими словами: «Не носите одежду без пояса! Не будьте народом без суда, без закона!» [Алтын-Арыг, 1988, с.254].

¹ Подобно тому, как это было в казачьей среде, где серьга в мужском ухе указывала на место казака в родовой системе казачьего сообщества: один сын у родителей, последний мужчина в роде и т.д.

Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников. По материалам раскопок могильников Поросья, кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи, находок в слое Саркела – Белой Вежи, отдельных курганов в нижнедонских и нижневолжских степях [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с.258–259]

На социальную знаковость пояса указывает устойчивое сочетание элементов поясной гарнитуры с предметами вооружения в тюркских погребениях, что также подтверждается сюжетами тюрко-монгольского эпоса. Герой алтайского эпоса «Когутэй» Кускун-Кара-Матыр, собираясь на

единоборство, «золотым поясом шесть раз опоясывается»; то же самое делает, собираясь в поход, герой алтайского героического сказания «Алтын-Бизе» [Когутэй, 1939, с.118; Алтын-Бизе, 1965, с.25]. Уже упоминавшаяся героиня хакасского эпоса Пичен-Арыг надевает одежду (хеп), под-

поясанную золотым поясом. Аламжи Мэргэн и его сестра Агуй Гохон, герои бурятского эпоса, свои кафтаны-дээлы, предназначенные для боевых походов, подпоясывают «поясом из цельного серебра» [Аламжи Мэргэн, 1991, с.111, 172], а Маадай-Кара – герой еще одного алтайского эпоса, собираясь в поход, опоясывается «бронзовым поясом, украшенным золотом» [Маадай-Кара, 1973, с.257]. Таким образом, пояс должен сверкать, сиять и сразу же бросаться в глаза. Достигалось это за счет многочисленных металлических накладок. Количество накладок на поясе, по-видимому, варьировалось в зависимости от благосостояния и знатности мужчины-воина, поскольку, во-первых, на каменных изваяниях всегда изображены полные поясные наборы, а во-вторых, в археологических материалах количество погребений с полными поясными наборами составляет примерно 30% от всех погребений, где вообще найдены элементы поясной гарнитуры. То есть в реальной жизни богатые и знатные также не могли составлять большинство общества.

При обращении к поясной гарнитуре восточноевропейских кочевников как к категории декоративно-прикладного искусства бросается в глаза в первую очередь отсутствие какого бы то ни было изобразительного стандарта. Так, в гузо-печенежских комплексах мы встречаем накладки круглые гладкие и орнаментированные, накладки в виде сегментов с прямоугольным вырезом и сердечек, также гладкие и орнаментированные, лунницевидные с круглыми выступами и Х-образные. Особенно выразителен пояс из богатого огузского погребения кургана Успенка в Астраханской области (раскопки Е.В.Шнайдштейн, 1984 г.), украшенный симметрично расположенными круглыми бляшками-розетками, бляхами-«лунницами», трехзвеньевыми бляшками и двумя фигурными наконечниками. Пояс имел три свисающих ремешка, каждый из которых был украшен пятью бляшками-розетками и треугольным наконечником с парными выпуклинами по основанию.

Столь же разнообразны и формы поясных пряжек и наконечников ремней, хотя в их распространении наблюдается некоторая этно-территориальная закономерность: в комплексах IX–XI вв. Волго-Уральского

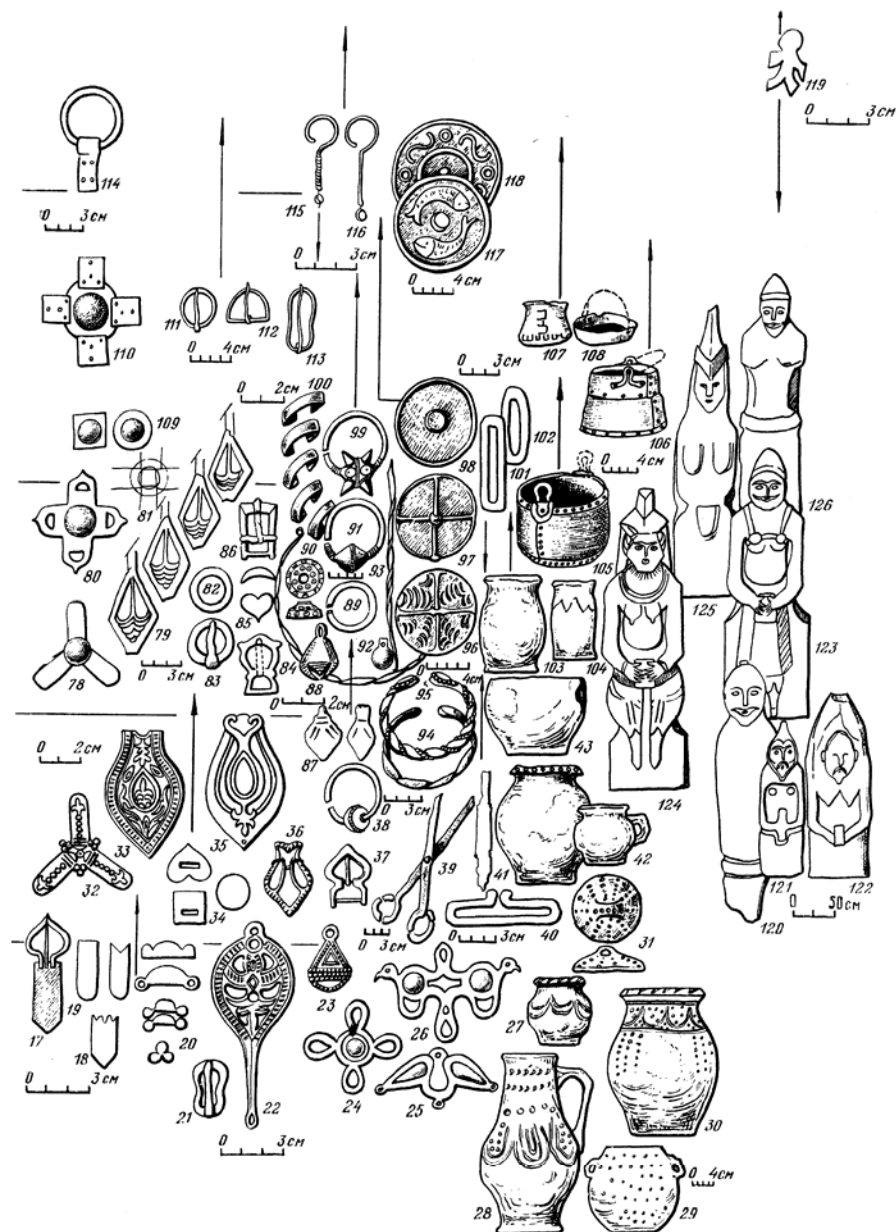
региона чаще всего встречаются овально-рамчатые пряжки с цельнолитым полуовальным, стрельчато-арочным или фигурным щитком, составляя единый поясной комплекс с полукруглыми или стрельчатыми орнаментированными наконечниками, тогда как в комплексах, обнаруженных к западу от Волги (Европейская Печенегия) более распространены пряжки с подтреугольной рамкой, стрельчатым или цельнолитым фигурным щитком, с прямоугольной рамкой и прямоугольным цельнолитым щитком, лировидные, овальные или круглые безщитковые и овальнорамчатые с цельнолитым щитком, имеющим полукруглое завершение при переходе в рамку.

Традиция ношения наборных поясов у гузов и печенегов, очевидно, подпитывалась их связями с Хазарией². Причем, так же как и там, пояса, снабженные металлическими украшениями, у кочевников являлись атрибутом мужской одежды. В виде полных наборов в погребениях они встречаются редко и ни в одном погребении не встречено одинаковых поясов [Хабарова, 1998, с.189].

В одном случае обнаружены остатки пояса, украшенного позолоченными фигурными бляшками в виде пальметты и семилепестковых розеток; пояс имел наконечник, украшенный зернью. С поясом, очевидно, была связана и портупейная обойма, украшенная растительным узором. Известны также сердцевидные бляшки и наконечник ремня арочной формы, украшенные трилистниками и зернью по краям.

По аналогии с поясом из клада, найденном в Саркеле, датированным второй половиной X в. [Макарова, Плетнева, 1983], логично было бы предположить наличие подобных пышных наборов и у кочевников огузо-печенежского периода, однако, этого не наблюдается. Исключение составляет набор из Калиновского могильника (кург.1, погр.7), представляющий собой композицию из симметрично расположенных 16 бронзовых бляшек щитовидной, сердцевидной и волнитообразной форм. Бляшки

² Как известно, у аланских племен, входивших в состав Хазарского каганата, наборный пояс – непреходящий атрибут убранства мужского костюма.

Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников. По материалам раскопок могильников Поросья, кочевнического могильника у Саркела – Белой Вежи, находок в слое Саркела – Белой Вежи, отдельных курганов в нижнедонских и нижневолжских степях [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с.258–259]

инкрустированы серебром в виде растительных мотивов. В этом же стиле оформлены наконечник и пряжка пояса. В остальных случаях мы имеем только единичные находки накладок и пряжек.

В целом складывается впечатление, что пояса кочевников гузо-печенежского периода в большинстве своем представляли собой ремень с фигурной пряжкой и фи-

гурным наконечником, т.е. их декоративное и, очевидно, знаковое значение в убранстве костюма было незначительным.

Эта традиция становится господствующей у кыпчаков-половцев домонгольского периода. Причем у них она наглядно подтверждается не только низкой частотой встречаемости деталей поясов в погребальных комплексах, но и семантикой половцев-

ких каменных изваяний. Пояса на них изображались очень редко и таким образом, что абсолютно не дают возможности представить ни пряжку, ни другие украшения пояса: «Спереди и боков они почти не бывают видны, фиксируются только сзади, но изображались пояса на спине очень редко (всего 17 раз). Обычно это две параллельные линии, пространство между которыми ровное и гладкое. Видимо, сзади пояса никак не орнаментировались. Только в отдельных случаях пояс изображался несколькими тонкими параллельными линиями или орнаментировался зигзагом и насечками» [Плетнева, 1974, с.36].

Впрочем, отсутствие украшений на половецких поясах вполне объяснимо, поскольку в данном случае пояс выступает не как декоративная, а как функциональная деталь костюма, к которой, за отсутствием карманов, подвешивались различные бытовые предметы (ножи, гребни, кресала, мешочки-кисеты, сумочки) и пристегивались ремни-поножи.

Таким образом, знаковая сущность пояса у средневековых кочевников Евразии не оставалась неизменной. Если для древнетюркского воина обозначение его социального статуса осуществлялось с помощью пояса, который должен был быть заметен и соответствующим образом украшен, то у огузов и печенегов эта традиция заметно ослабевает, а у половцев-кыпчаков практически сходит на нет. Какого-либо стилистического единства ни в декоре гузо-печенежских, ни в декоре кыпчакских поясов не наблюдается.

Перстни и браслеты как элемент внешнего декора в гузских, печенежских и половецких погребениях встречаются очень редко и особым изыском в оформлении не отличаются. По археологическим данным известно, что гузы предпочитали перстни с крупной вставкой-«жуковиной» т.н. «салтовского» типа, а у кыпчаков-половцев в ходу были перстни простенькие, медные или серебряные, пластинчатые, с плоским прямоугольным щитком, иногда украшенным точечным или растительным орнаментом.

Аналогичным образом, если гузские браслеты известны трех типов: из круглого гладкого дрота, пластинчатые, украшенные насечками и ложной зернью и браслеты-плетенки из тонкой бронзовой или сере-

бряной проволоки, то у кыпчаков-половцев это просто круглая гладкая проволока или узкая медная пластинка без орнамента.

Специфическим элементом материальной культуры гузов X–XI вв. являются бронзовые подвески-нашивки в виде стилизованных фигурок птиц и копоушки с ажурным щитком. Птицевидные подвески известны двух типов: в виде распростертых крыльев, отличающихся степенью их раскрытости; в виде стилизованной фигурки с птичьими головками и розетками на «крыльях». По нижнему краю подвесок первого типа идут петельки для дополнительных привесок в виде диска, грозди, сердечка, трилистника или гусиных лапок. Щитки копоушек представляют собой овальную или сердцевидную рамку со стилизованным орнаментом, в элементах которого читается соляная или птичья символика. Птицевидные подвески и копоушки, очевидно, тиражировались, поскольку в разных удаленных друг от друга памятниках встречаются идентичные изделия (Уральск, Саркел, Истрия).

Детали головного убора (бокка) встречаются только в кыпчакско-половецких комплексах. Во всех случаях это, конечно, только сохранившиеся элементы сложного сооружения, состоявшего из шляпы, прически и украшений, очень выразительно представленного на половецких каменных изваяниях [там же, с.38]. Одним из основных конструктивных элементов подобного убора, надо полагать, являлись «рога» – полые берестяные цилиндры диаметром 3–8 см, согнутые дугой и прикрепленные к головному убору, куда вставлялись косы. «Рога» обшивались тканью, а иногда украшались металлическими кольцами-накладками или серебряной с позолотой фольгой, покрытой тисненым орнаментом (Новотитаровская, кург.6).

Характерным этнографическим признаком убранства гузского женского костюма являются обувные украшения, представленные мелкими фигурными бляшками-накладками из бронзы или серебра. В основном они встречаются в комплексах Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, но известны и западнее: на Дону, на Левобережной и Правобережной Украине. Судя по имеющемуся материалу, бляшки, украшавшие кожаные сапоги, были самые разнообразные, однако, среди них выделяются

несколько наиболее распространенных типов: круглые полусферические, окаймленные мелкой зернью; полулунницы с круглыми выступами по концам; спаренные полусферические, соединенные перемычкой из мелкой зерни. Кроме того, встречаются бляшки, в декоре которых читаются какие-то элементы растительного орнамента, бляшки подтреугольной, прямоугольной, овальной или Х-образной форм.

Материал трех погребений (Увак, Киляковка и Антоновка), где обувные бляшки сохранились *in situ*, показывает, что на обуви они составляли определенную композицию: крупные и наиболее сложные по своим очертаниям бляшки располагались по центральной оси мыска, будучи окаймленными мелкими бляшками, нашитыми сплошной лентой. На щиколотке сплошной поперечной лентой нашивались бляшки покрупнее («полулунницы» или круглые).

В большинстве погребений, где были найдены обувные украшения, находились и ручные украшения – браслеты или перстень.

Этот факт представляется весьма примечательным, поскольку руки, украшенные перстнями или браслетами, и ноги, обутые в расшитые металлическими бляшками сапоги, являются столь же бросающейся в глаза деталью, что и головной убор, о котором, к сожалению, применительно к огузам мы данных никаких не имеем. То есть, и в данном случае есть основания предполагать, что перстень, браслет и расшитый бляшками сапог являлись не просто украшениями костюма, но деталью, непосредственно связанной с местом данного индивида в обществе. Последнее особенно подчеркивается тем обстоятельством, что погребенная в Увакском кургане женщина «была одета в роскошную блузу, сшитую из гладкокрашеного тонкого желтого шелка и более плотной шелковой ткани красного цвета с черным набивным узором» [Федорова-Давыдова, 1969, с.262], а на груди погребенной в кургане 4 могильника Киляковка сохранились фрагменты плотной ткани золотистого цвета с растительным узором. Следовательно, можно полагать, что обе эти женщины были одеты в одежды из дорогих тканей, доступные далеко не каждому.

Особой категорией декоративно-прикладного искусства средневековых кочевников евразийских степей являются принадлежности конской сбруи. После пояса сбруя чаще всего описывается в героическом эпосе, причем всегда в самых возвышенных, гиперболизированных эпитетах, подчеркивающих ее красоту и ценность. Героиня бурятского эпоса «Аламжи Мэргэн» седлает своего коня потником с серебряной каймой и серебряным седлом, закрепив его серебряной же подфеей³. У калмыцкого эпического героя Джангара конь был оседлан потником, простроченным серебряной нитью, и блестящим черным седлом с серебряной подушкой. Снаряжая боевого коня для героя бурятского эпоса Абай Гэсэра, батыры

*Из лучшего шелка потник положили,
Седлом с серебряной лукой оседлали,
Чтоб на подъем подниматься,
Седло нагрудником из цельного
серебра стянули;*

*Чтобы под спуск спускаться,
Седло подхвостником,
нанизанным серебром,*

Скрепили...

Столь же богатой описывается сбруя коня героя алтайского эпоса «Маадай-Кара»:

*Темно-гнедого драгоценного коня,
По морде его погладив,
Золотой уздой взнуздал.
Спину его вытерев,
Белохлопковый потник набросил,
Бронзово-золотое седло положил,
Пятьдесят подпруг крепко затянул,
Девяносто подпруг, считая,
подтянул.*

*Сплетенный из ремней двойной
подхвостник,*

*Натянув, под хвостом продел,
Нагрудник с тремя кольцами,
Вокруг груди натянув,
к седлу прикрепил.*

Сбруе в сознании кочевников придавалось большое значение. Она служила предметом особой заботы, обладать не только хорошим конем, но и добротной нарядной сбруей всегда являлось заветной мечтой каждого джигита [Липец, 1984, с.192].

В эпосе перечисляются детали сбруи, бывшие предметом особого внимания джи-

³ Подфeya — подхвостный ремень.

гита-воина и являвшиеся, надо полагать, индикатором его доблести и богатства: оголовье узды, седло, нагрудный и подхвостный ремни, подшейная кисть – манчок или манчок. Судя по археологическим находкам, именно эти детали, самые заметные на коне, более всего и украшались.

Правда, следует отметить, что в археологических комплексах средневековых кочевников Евразии наборы сбруйных украшений довольно редки. Какой-либо закономерности в подборе элементов декоративного убранства сбруи не наблюдается, зато выделяются этнографические черты. Так, декор конской сбруи у гузов отличается повышенной сложностью, прежде всего за счет появления таких деталей, как бронзовые или серебряные бляхи-решмы и фалары. Наиболее полное представление о характере и деталях убора конской сбруи гузов дают уздечные наборы из Быковского (кург.16/9), Никольского V (кург.4), Болгарки I (погр.3), Верхнего Балыкляя (кург.5) могильников. Судя по этим материалам, ремни оголовья украшались круглыми или подпрямоугольными бляшками с гладкой или орнаментированной поверхностью, сплошь и симметрично нашитыми на ремни. Места пересечения ремней украшались трех- или четырехлепестковыми бляшками-накладками, лопасти которых также зачастую покрывались орнаментом.

Орнамент на бляшках в основном геометрический, представляющий собой бесконечное переплетение лент, спиралей, меандров. Не редкостью является и растительный орнамент, состоящий из цветков и пальметт. Характерно, что геометрический орнамент на украшениях конской сбруи встречается в основном в западных регионах евразийской степи (Гаевка, Ново-Каменка, Сарайлы-Кият, Первоконстантиновка).

Композиционным центром украшения оголовья являются бляхи-решмы или бляхи-фалары, соединявшие налобный и наносный ремни. Судя по материалам курганов Сарайлы-Кият и Ново-Каменки, бляхи оголовья составляли гарнитур, выполненный в одном декоративном стиле. Бляхи-решмы имеют листовидную или круглую форму с выпуклой-умбоном в центре. Иногда внутри умбона находится шарик-побрякушка. Орнаментом покрывался именно умбон и иногда края решмы. В ор-

наменте читаются геометрические и растительные мотивы, так что иногда умбон приобретает очертания готового распуститься бутона (Тузла, Мирное, Первоконстантиновка, Болгарка I). В одном случае (Верхний Балыклей II, кург.5/1) найдена решма с умбоном, выполненным в виде женской личины.

Бляхи-фалары представляют собой однотипные круглые диски с умбоном в центре (Быковский, Верхний Балыклей, Калининский могильники). Поверхность дисков, как правило, гладкая, орнаментом (растительным) покрыт только умбон.

Оригинальным изделием представляется серебряный фалар из могильника Никольское V (кург.1, погр.4), на лицевой стороне которого изображен всадник, занимающийся соколиной охотой. Фалар украшал налобный ремень.

В гузо-печенежское время у кочевников сохраняется традиция украшения передней луки седла костяными и металлическими накладками, корнями своими уходящая еще в древнетюркскую эпоху. Показательна в этом отношении передняя лука седла из кургана 1 могильника Никольское V, украшенная подпрямоугольной бронзовой бляхой, состоящей из четырех растительных побегов – пальметт, по сторонам которой симметрично были расположены две выпуклые круглые бляшки со «шнуровым» обрамлением края и четыре мелких серебряных гвоздика. Полки седла по краю также были обиты серебряными гвоздиками. Остатки костяной накладки на луку седла в виде узкой полоски с равномерно просверленными отверстиями обнаружены в кургане 15 могильника Уркач I в Западном Казахстане.

Металлическими бляхами украшались подхвостные ремни. Бляхи из могильника Болгарка I, прямоугольной формы с полусферическими выпуклинами посередине, располагались по 5 штук по бокам. Подобным образом украшена сбруя коня (подхвостный ремень) на сасанидском блюде со сценой охоты царя Шапура II на львов, найденном у с. Турушева на Вятке.

На сбруе из кургана 3 могильника «15-й поселок» (Нижняя Волга), кроме ремня оголовья, украшенного круглыми полусферическими и фигурными бляшками, плоскими фигурными бляшками был украшен

подхвостный ремень (по 6 бляшек с каждого бока).

Имеется достаточно оснований полагать, что богатое убранство конской сбруи с бляхами – решмами и фаларами в гузской этнокультурной среде являлось признаком принадлежности к воинскому сословию, поскольку эти изделия, как это следует из результатов статистического анализа, образуют устойчивую связь с элементами наборных поясов и предметами вооружения.

Украшенные металлическими бляшками уздечные наборы продолжали бытовать и у кыпчаков-половцев домонгольского периода, хотя в погребальных комплексах они практически не представлены. Зато на фресках, иллюстрирующих предание о короле Ладиславе (из Бичакова и Красково (Чехия)), изображены половецкие всадники, скачущие на конях, взнузданных наборной сбруей. В первом случае оголовье, поводья и нагрудные ремни украшены X-образными бляшками, во втором – мелкими круглыми бляшками, нашитыми в виде зигзага. Налобный ремень лошади из Красково украшает также трехлепестковая бляха-решма [Paloczki-Horvath, p.86, 90].

Сохраняется у кыпчаков-половцев также традиция сплошного украшения костяными накладками передней луки седла. Характерным примером является накладка на луку седла из могильника Зеленки (кург.303), представляющая собой фигурную пластину, повторяющую очертания луки седла т.н. «монгольского типа», с фигурным вырезом посередине и резным орнаментом в виде плетенки по краям. Подобная же накладка, вероятно, домонгольского времени, украшенная резной плетенкой и круглыми розетками, происходит из под хут. Подлужного на Ставрополье. Но чаще встречаются седельные накладки в виде узких костяных полосок, украшенных резным орнаментом – плетенкой (Чернявшина, кург.4 и др.).

Совершенно уникальным явлением художественной культуры кочевников восточноевропейских степей являются *каменные статуи* – знаменитые «половецкие бабы», привлекавшие внимание и будоражившие воображение всех путешественников, проезжавших через «Половецкую степь», начиная с эпохи средневековья. У одних, как, например, у средневекового

персидского поэта Низами (конец XII в.), разбросанные по степным холмам и курганам каменные изваяния вызвали мистико-религиозные ассоциации, отразившиеся в следующем стихотворении:

*И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина,
Пеший путник придет или явится
конный, –
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит пред ним, и,
коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь,
вонзает меж трав.
Знает каждый пастух,
прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед
идолом надо...*

[Плетнева, 1974, с.5].

Другие, как, например, европейский монах-путешественник Вильгельм Рубрук (середина XIII в.), больше внимания обращали на этнографический аспект установки «каменных баб»: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу...» [там же]. И из первого, и из второго описания следует, что для кыпчаков-половцев каменные изваяния представляли собой часть их сакрального культа – культа предков.

Собственно говоря, обычай возведения каменных изваяний в степях, расположенных к западу от Уральского хребта, распространяется с середины XI в., с момента прихода сюда кыпчаков-половцев. С.А.Плетнева, посвятившая половецким каменным изваяниям специальное исследование, по образительно-производственным приемам обработки все статуи разделяет на семь типов. Среди них самыми простыми по композиции и технике изготовления и самыми ранними являются стеловидные статуи, выполненные из плоских каменных плит в технике низкого барельефа. На лицах таких статуй обозначены брови, нос, глаза, усы и острые бородки (у мужских статуй), на плоском тулове – руки и сосуд. Деталей одежды и украшений нет. Типологически эти статуи сближаются со статуями кимаков X–XI вв.

Половецкие изваяния мужчин-воинов (1–14). Из запорожского, днепропетровского, херсонского, московского и краснодарского музеев. Стоящие статуи (1–5) снабжены полным набором характерного для кочевников оружия: луком с налучем и саблей (слева), колчаном со стрелами (справа). Защитный доспех у стоящих статуй тот же, что и сидящих [Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с.265]

и продолжают их изобразительные традиции в скульптуре кочевников Восточной Европы [там же, с.61].

Как считает С.А.Плетнева, каменные изваяния являлись частью половецких святилищ и ставились в местах, где возникали более или менее постоянные половецкие стойбища (зимники и летники) [Плетнева, 1985, с.249]. Следовательно, по их распространению мы можем проследить основные районы локализации кыпчакско-половецких племен в Восточной Европе

на начальном этапе их расселения. В Южном Приуралье это юг современной Челябинской области, юго-восток современного Башкортостана и Тургайская низменность, где выявлено около 20 каменных изваяний рассматриваемых типов. Затем несколько ранних кыпчакско-половецких изваяний известны с территории Волгоградской и Саратовской областей и более 20 статуй – в степях Приазовья, среднего и нижнего течения Северского Донца.

К первым десятилетиям XII в. С.А.Плетнева относит появление у кыпчаков-половцев объемной реалистической скульптуры, развивавшейся вплоть до монгольского нашествия [Плетнева, 1974, с.70]. Это изваяния стоящих или сидящих мужчин и женщин, отличительной особенностью которых являются тщательная отделка лиц с приданием им индивидуальных черт, тщательная проработка деталей одежды, головных уборов, обуви и украшений, подчеркивание половых признаков. На мужских статуях изображено оружие – сабли, колчан, налучье; на женских – головные уборы «бокка», «рогатые» прически, ожерелья и гривны на шее, серьги в ушах. И те, и другие держат в руках на уровне живота сосуды.

Основной ареал этих статуй – степи Днепро-Донского междуречья, знаменитое «Половецкое» или «Дикое Поле».

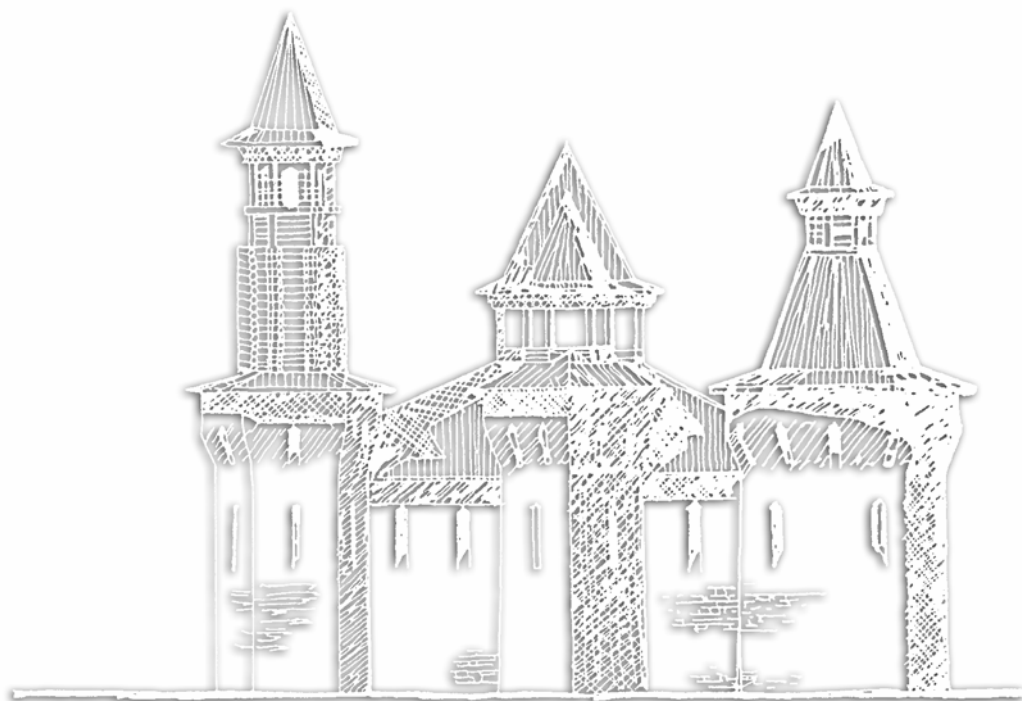
Завершают эволюционный ряд кыпчакско-половецкой скульптуры статуи в виде полукруглых стел (без рук и ног), но с тщательно проработанной головой и лицом. Это самый поздний тип кыпчакско-поло-

вецких статуй, доживающий на периферии Дешт-и Кыпчака вплоть до монгольского завоевания.

Семантику кыпчакско-половецких каменных изваяний исследователи однозначно расширявают как одно из самых выразительных проявлений культа предков. Причем это был культ предков-вождей (мужские статуи) и их жен (женские статуи). С.А.Плетнева предлагает оригинальную трактовку различия в позах статуй – стоящие и сидящие. Первые, по ее мнению, изображают представителей кыпчакской военной аристократии, воинов-завоевателей и защитников, вторые – глав богатых семей и родов, хозяев и накопителей богатства [там же, с.75 и сл.]. С приходом в восточноевропейские степи монгольских завоевателей и массовым истреблением кыпчакско-половецкой аристократии «не стало вождей – некому было посвящать статуи. Сохранился у половцев только культ семейно-родовых предков, идолы которых ставились в юртах. Каменные статуи остались стареть в заброшенных и разрушающихся святилищах...» [там же, с.76].

Часть VIII

**Исламская
цивилизация
в Волго-Уральском
регионе**

ГЛАВА 1

Исламский мир в VII – начале XIII в.

Олег Большаков

Прибытие весной 922 г. в Булгар посольства халифа ал-Муктадира, символизировавшее признание духовного сюзеренитета халифа, было лишь официальным признанием факта тесной связи Поволжья с широким мусульманским миром. Оформление идеологического единства способствовало расширению не только экономических, но и культурных связей, так или иначе отражавших изменения, происходившие во всем мусульманском мире, который сам к началу X в. прошел большой путь развития от сравнительно небольшой общины последователей пророка новой религии в Западной Аравии до крупнейшей мировой державы – халифата, превзошедшей Римскую империю на вершине могущества и распавшейся под давлением неразрешимых внутренних проблем.

Рождение и становление халифата

Возникновение халифата уникально в том отношении, что это единственный случай рождения великой державы в результате появления новой религии.

В конце VI в. в обширном поясе древних цивилизаций между 30 и 45° с.ш. от Средиземноморья до границ Индии в течение пяти столетий господствовали две державы: сначала Римская империя и Парфия, затем их наследники Византия и Сасанидский Иран. Многовековое соперничество между ними за безраздельное господство на Ближнем Востоке мало изменяло разделявшую их границу, теряющуюся на юге в степях и пустынях Аравии.

Начало VII в. ознаменовалось новой схваткой гигантов, перевес в которой все более оказывался на стороне Ирана: в 714 г. иранцы после захвата Сирии взяли штурмом Иерусалим, устроив там дикую резню, и двинулись к Египту. Одновременно византийцам приходилось отбивать натиск иранцев в Малой Азии.

На фоне этой схватки гигантов события, происходившие в Аравии, где около 610 г. в небольшом культовом и торговом центре Мекке небогатый торговец кожами – Мухаммад начал проповедь монотеизма, пророчествуя и возвещая близкую кончину мира, казались малозначащими, тем более что его призывы к соблюдению справедливости и покаянию перед Страшным судом не находили отклика даже в его родном племени курайш. Да и после того, как он совершил хиджру, т.е. порвал с родным племенем и, заключив договор с жителями Йасриба (Медины), переселился туда в сентябре 622 г., отбил два нападения курайшитов на Йасриб (в 625 и 627 гг.), распространил власть новой религии – ислама на значительную территорию, деятельность Мухаммада сохраняла узколокальное значение.

За эти годы сложилась система представлений о месте ислама в истории монотеизма, складывалась обрядность и новые этико-правовые представления. Особенно важным для формирования начал государственности было введение благотворительного налога – закята, ставшего после 628 г. четвертым обязательным условием исповедания ислама после единобожия, пятикратной молитвы и поста в рамадане. Распоряжение этими средствами, в основном в виде натур, принадлежало самому пророку, который одновременно определил круг лиц и целей, на которые могли расходоваться эти средства. Вместе с закятом появилось первое подобие государственных уполномоченных – сборщики этого налога. Действовали они не подолгу, только в начале года, когда шел сбор налога, и не получали жалования. Платить хоть какой-то налог для бедуинов было непривычно, и сборщиков нередко встречали враждебно.

Тем временем в большом мире произошли серьезные перемены, ход войны между Византией и Ираном неожиданно резко изменился. Византийский император

Ираклий разгромил иранскую армию под Ниневией и появился у резиденции шаханшаха Хосрова, Дасткарда. Шаханшах бежал в столицу, Ктесифон, и не допустил дальнейшего продвижения византийской армии, но недовольные придворные свергли его и возвели на трон его сына Кавада, который заключил мир с условием вывода иранских войск из Египта и Сирии, возвращения пленных и христианских реликвий, увезенных из Иерусалима. Этот позорный для Ирана мир словно открыл для него полосу бедствий: в том же году в Месопотамии началась эпидемия чумы, унесшая и шаханшаха, а затем начались междоусобицы, нарушившие политическую стабильность и единство Ирана.

Почти одновременно с победой Ираклия значительно укрепил свое положение и Мухаммад, заключив с мекканцами договор о ненападении, позволивший расширить подвластную ему территорию на север от Медины. К концу 629 г. он имел уже достаточно сил, чтобы, воспользовавшись благовидным предлогом, организовать поход на Мекку. Мекканцы не могли оказать сопротивление его многочисленной армии, и 12 января 630 г. он вступил победителем в родной город. Мекканцы приняли ислам и принесли ему присягу на верность, а Кааба стала главной святыней ислама, обряд поклонения которой был вменен как пятое обязательное условие исповедания ислама. Все идолы в Мекке были уничтожены, как и все языческие святилища в окрестностях. Овладение Меккой и разгром вслед за этим многочисленного бедуинского ополчения в Вади Хунайн превратили Мухаммада в крупнейшую политическую фигуру в Аравии.

Весной 631 г. во время хаджа Мухаммад устами своего двоюродного брата Али объявил, что язычникам дается отсрочка на четыре месяца, в течение которых они должны принять ислам, после чего с ними начнется война на истребление. «А когда минут эти четыре месяца, то сражайтесь с многобожниками всюду, где их встретите, берите их в плен, осаждайте, устраивайте им засады...» [Коран, IX, 5]. Эта фраза, обычно используемая мусульманскими экстремистами как оправдание войны со всеми, кого они считают врагами, в действительности имела очень конкретный смысл и была призывом к борьбе с арабами-язычниками.

К началу 632 г. вся Аравия, за исключением Йамамы (области современного эр-Рияда) и территории между ней и Персидским заливом, так или иначе признала верховную власть ислама. Главной силой, на которую опирался Мухаммад в контроле над этой огромной территорией, были мухаджире («совершившие хиджру»), первые мусульмане-мекканцы, переселившиеся в Медину, и ансары («помощники»), мусульмане-мединцы. Эти три-четыре тысячи человек, безусловно преданных своему пророку и готовых по его приказу сражаться насмерть, составляли своего рода армию в рыхлой массе новорожденного мусульманского государства. Их небольшие отряды, разосланные в крупные города и оазисы для наставления в вере и обеспечения поступления закята, своим присутствием символизировали власть пророка, но главным был именно его личный авторитет.

В марте 632 г. Мухаммад возглавил хадж и выступил в Мине с речью, в которой сформулировал основные положения ислама. Новым было запрещение вводить каждые три года дополнительный месяц для погашения разницы между солнечным годом в 365 дней и годом из 12 лунных месяцев в 354 дня, т.е., мусульманский календарь стал чисто лунным.

По возвращении из хаджа Мухаммад заболел, к началу июня он уже не мог выходить на общую молитву и поручил вести ее своему другу Абу Бакру. 8 июня 632 г. Мухаммад скончался на руках своей любимой жены Аиши, дочери Абу Бакра.

Смерть Мухаммада вырвала стержень, скреплявший разнородные части только что образовавшегося государства. Община, привыкшая получать неоспоримо авторитетные решения по любому вопросу, вдруг оказалась предоставленной самой себе. Да и сам факт смерти человека, через которого Аллах говорил с арабами, был потрясением. Главным был вопрос о том, кто должен встать во главе общины. Мухаммад, видимо, не задумывался о смерти, или надеялся, что в последний момент получит указания свыше, и не назначил преемника. После него не осталось сына, вообще ни одна из 12 жен, бывших у него после Хадиджи, не родила. Осталось лишь два внука, сыновья младшей дочери Мухаммада Фатимы и его двоюродного брата Али ибн Абу Талиба – Хасан и Хусайн, – оба еще маленькие мальчики. Но, главное, был

непонятен принцип наследования власти после пророка.

Началась борьба за власть. Претензию на власть заявили ансары, верно служившие Мухаммаду и получавшие от него меньше материальных поощрений, чем мухаджире. Их господствующее положение в Медине вполне обеспечивало достижение ими этой цели, но давнее соперничество между двумя группами племен помешало остановиться на приемлемом для всех кандидате. Подоспевшие мухаджире во главе с Абу Бакром и Умаром использовали эти разногласия. Главой общины был избран Абу Бакр, которого стали титуловать «халифату расули-л-Лахи» («преемник посланника Аллаха»). Решение мединцев признали только в районе, прилегающем к Медине. Мекканцы заняли выжидательную позицию, а остальные, присягнувшие Мухаммаду, сочли, что со смертью пророка кончились и данные ему обязательства, в первую очередь – платить закят. Некоторые соглашались остаться мусульманами, если их освободят от закята. Абу Бакр не пошел ни на какие компромиссы, отбил попытку бедуинов Центральной Аравии (Наджада) напасть на Медину и отправил туда Халида ибн ал-Валида, который жестоко расправился с вероотступниками и, более того, весной 633 г. разгромил йамамского пророка Мусайлиму и подчинил независимую до той поры Йамаму. Тем временем, так или иначе, власть Абу Бакра признала и остальная Аравия.

Устойчивость восстановленного государства, которое можно теперь называть халифатом, была весьма сомнительна, но здесь произошло событие, которое отодвинуло на задний план внутриаравийские проблемы.

Неожиданно для халифа и его окружения война с мятежниками переросла в завоевания за пределами Аравии. Судя по всему, у Мухаммада не было мысли нести идеи ислама другим народам. В Коране говорится, что каждому народу посылается откровение на его языке, и откровение, ниспосланное Мухаммаду на арабском языке, дано именно арабам. Вряд ли и халиф, едва справившийся с мятежом в Аравии, мог помыслить напасть на две великие державы одновременно, если бы случайно не выявилась их слабость.

В начале мая 633 г. Абу Бакр в ответ на просьбу вождя одного из арабских племен, кочевавших в Приевфратье, помочь против

персов отправил на помощь Халида ибн ал-Валида. Одержав верх в нескольких столкновениях с арабо-персидскими отрядами, он подошел к главному городу приевфратских арабов, Хире, и после недолгой осады склонил местных арабов-христиан к сдаче. Арабы ислам не приняли, но согласились платить обычную подушную подать (джизью) с иноверцев в размере одного динара в год с каждого взрослого мужчины.

Этот успех навел Абу Бакра на мысль вторгнуться на территорию Византии, населенную арабами. Такое дерзкое предложение поначалу встретило сопротивление окружения халифа, но потом все-таки было принято решение собрать войско, и в начале 633 г. три отряда общей численностью около 9 тыс. человек вторглись в Южную Палестину и Сирию. Это войско, оказавшись в состоянии справляться с силами местной милиции в поле, не смогло взять ни одного укрепленного города, и только после переброски в Сирию Халида ибн ал-Валида, назначенного главнокомандующим, удалось склонить к сдаче первый крупный город, Бостру (Бусру). После этого против арабов были посланы регулярные войска, которые потерпели поражение от значительно увеличившейся арабской армии.

Абу Бакру не суждено было увидеть дальнейшие плоды его рискованного решения: в августе 634 г. он умер, передав власть Умару ибн ал-Хаттабу. Это не вызвало никаких конфликтов, но и на этот раз не было выработано правил наследования верховной власти.

Вторую, большую, армию истощенная предыдущей войной Византия смогла выставить только в конце 635 г. Она оттеснила арабов до р. Йармук на юге Сирии, но летом 636 г. потерпела сокрушительное поражение, после чего Иракий отказался от попыток защищать Сирию, предоставив это местным силам. То же произошло и в Приевфратье: мусульмане сначала были вытеснены из Хиры, затем армия, собранная в Аравии, в декабре 636 г. разгромила сасанидскую армию у Кадисии, южнее Хиры, и весной 637 г. вступила в столицу Сасанидской империи, Ктесифон. В 642 г. арабы, разгромив сборную иранскую армию у Нихавенда, вступили в Западный и Южный Иран, а на западе полностью овладели Египтом.

Завоеватели, общее число которых было около 80–90 тыс. человек, в Сирии размес-

тились в городах, в домах, оставленных беженцами, лагерях в Куфе, рядом с Хирой, и Басре, в низовьях Тигра, а в Египте немного выше начала дельты возник лагерь Фустат (в южной части современного Каира). В них возвращались воины после очередных завоевательных походов.

Арабские завоевания не были более жестокими и кровопролитными, чем обычные войны того времени, были даже более щадящими, чем военные завоевания Ближнего Востока персами; ничего подобного резне мирного населения в Иерусалиме в 614 г. во время арабского завоевания не известно. Арабы не брали укрепленные города штурмом, для этого у них не было ни опыта, ни осадной техники. Обычно после более или менее длительной осады горожане заключали договор, по которому обязывались не вредить мусульманам и выплачивать ежегодную дань, которая теоретически должна была быть подушной податью с иноверцев (джизья) по 1, 2 или 4 динара (12, 24, 48 дирхемов) со взрослого мужчины в зависимости от состоятельности, в действительности же это был выкупной налог с города и подчиненного ему административного округа (поэтому эта же дань иногда называется у арабских историков хараджем, который являлся поземельным налогом). Взамен горожане получали гарантии личной и имущественной неприкосновенности, сохранения культовых сооружений, городской стены и иной муниципальной или общегородской собственности. Сохранялись все общинные органы и административно-фискальный аппарат.

Больше всего во время военных действий страдало сельское население, которое до заключения мирного договора административным центром не пользовалось имущественным иммунитетом, могло пострадать и от грабежей, и от насилия.

Ошеломляющие размеры военной добычи, огромные средства, начавшие поступать по договорам, большие площади обрабатываемых земель на завоеванной территории поставили перед Умаром задачу разумного их использования. Ясные указания Мухаммада касались заката и военной добычи, 4/5 которой делилась между участниками похода и 1/5 (хумс) поступала в распоряжение главы общины, а как быть с остальным доходом, необходимо было решать самому халифу. Особенно сложно

было найти верное решение относительно земель, не имевших собственников.

Окончательное решение проблема разумного расходования доходов от завоеванных стран нашла в 639 или 640 г. Бесхозные земли, оставшиеся от бежавших или погибших в бою врагов, были объявлены собственностью всей общины, а доходы с них стали распределяться в виде жалования (ата) воинам и лицам, имеющим заслуги перед исламом, в число которых попали все мухаджиры и ансары. Список открывали вдовы пророка, получившие самые высокие оклады по 10–12 тыс. дирхемов в год, участникам же первых битв, в том числе и самому халифу, было назначено, как и внукам пророка, Хасану и Хусайну, по 5 тыс. дирхемов, рядовым участникам побед на Йармуке и у Кадисии – по 1 тыс. Самые меньшие оклады рядовых составляли 100–150 дирхемов. Все воины, занесенные в списки (диваны), стали получать продуктовые пайки (ризк). Различие между категориями получавших жалование подчеркивалось еще и тем, что привилегированные имели доплаты на жен и детей.

При всем этом внутри мусульманского сообщества сохранялись очень простые патриархальные отношения: халиф продолжал жить в скромном доме, запросто ходил по мединскому базару с бичом в руках, готовый отстегать за нарушение порядка и мошенничество. Любой человек мог прямо обратиться к нему с вопросом или просьбой. Он и от своих наместников требовал держать дом открытым и не отгораживаться от людей. Несмотря на отсутствие каких-либо карательных органов, наместники больших областей, располагавшие многотысячными армиями (чего не было в распоряжении халифа), подчинялись его приказам беспрекословно. В общине в старой гвардии ислама еще жив был дух первоначального братства.

Умар пал жертвой этой простоты: рабиранец, просьбу которого он отказался выполнить, в мечети нанес ему три удара кинжалом, от которых через три дня Умар умер. Перед смертью он назначил совет из шести человек, достойных возглавить общину, чтобы они выбрали из своего состава халифа. Это была первая попытка как-то регламентировать передачу власти в халифате.

Главными кандидатами были Али ибн Абу Талиб и Усман ибн Аффан. Выборщи-

ки отдали предпочтение последнему, и иной характер третьего халифа, постепенно отходившего от прежней простоты поведения, не повлияли на продолжение арабских завоеваний. Через восемь лет халифат поглотил остатки Сасанидского Ирана, а последний его шах, Йаздигерд III, погиб бесславной смертью от руки убийцы. На западе границы халифата продвинулись до современного Туниса, и только район Карфагена оставался под властью Византии.

В 650-х гг. наступательный порыв халифата значительно ослаб. Арабы, очень малочисленные по сравнению с покоренным населением, с трудом справлялись с огромными завоеванными территориями. Необходимость отправлять войска из Куфы, Басры и Фустата за тысячу и более километров, а потом возвращать их обратно, сделала завоевательные походы слишком обременительными. К тому же в Северной Африке и на границах Хорасана им приходилось сталкиваться с кочевниками, которые имели такие же преимущества перед арабами, какие те недавно имели перед византийцами и иранцами: подвижность, независимость от обеспечения продовольствием и хорошее знание местных условий.

В то же время в мусульманском обществе росло внутреннее напряжение, порожденное болезненным процессом ломки в новых условиях привычных социальных отношений, увеличением имущественного расслоения и обособлением высшей власти от интересов общества. Воины в завоеванных странах считали их, эти земли, своей добычей, а халиф начинал рассматривать халифат как свою собственность, которой он может управлять по своему усмотрению и обогащаться за счет денег, которые считались общинными средствами («мал ал-муслимин» или «мал Аллаха», т.е. «деньги мусульман» или «деньги Аллаха»). Все это рождало враждебность и подозрительность в отношении любых его мероприятий. Вызывала осуждение перестройка примитивного здания мечети в Медине, т.к. в этом прежде всего усматривалось уничтожение постройки, созданной пророком. Недовольство вызывала даже кодификация Корана, существовавшего до того в отрывках в памяти людей и в разрозненных записях, не всегда согласовывавшихся друг с другом. После составления сводного текста старые записи приказано было уничтожить,

и это больше всего возмущало владельцев записей, сделанных ими со слов пророка.

За частными поводами недовольства стояла более важная общая причина – изменение соотношения сил между столицей и новыми военно-политическими центрами, в которые переместилась ударная сила халифата. Медина перестала быть источником подкреплений, она только потребляла добытое войнами Ирака, Сирии и Египта, и они считали это положение несправедливым.

Конфликт перешел в открытую форму весной 656 г., когда отряды недовольных из Египта и Ирака прибыли в Медину, требуя, чтобы Усман покинул свой пост, или стал руководить, следуя Корану и сунне пророка. После долгих и трудных переговоров Усман подписал соответствующее обязательство, но тут же попытался тайно расправиться с мятежниками. Коварный план Усмана был раскрыт, недовольные возвратились в Медину, осадили его в доме, и, наконец, убили, не дав потом похоронить его на общем мусульманском кладбище. Это убийство словно отменило важнейший этический завет вероучителя: все мусульмане – братья и не должны убивать друг друга. Убийство Усмана развязало первую гражданскую войну в исламском мире.

Только через неделю, после трудных переговоров с двумя другими претендентами, членами совета выборщиков, назначенного Умаром, Талхой и аз-Зубайром, халифом был избран Али ибн Абу Талиб. Его признали все провинции, кроме Сирии, которой уже полтора десятка лет управлял родственник Усмана, Муавия, обвинивший Али в убийстве Усмана. Али не удалось сразу же усмирить непокорного наместника, т.к. Талхи и аз-Зубайр, обиженные недостаточным вниманием Али, выступили против него и захватили Басру. Справиться с ними удалось только с помощью куфийцев.

Али не вернулся в Медину, оставшись в Куфе, которая могла оказать более существенную помощь в борьбе с Муавией. Этот шаг вполне соответствовал новой расстановке сил в халифате, хотя Али сам не создал этого и, наоборот, стремился вернуть мусульманское общество, жившее уже в условиях развитого государства, к примитивным порядкам общины времени Мухаммада.

Идеализм Али помешал ему победить Муавию в решающем сражении у Сиффина в июле 657 г., побудив его принять предложение Муавии, предчувствовавшего поражение, прекратить бой и решить спор о власти «по Книге Аллаха» с помощью двух арбитров. Жертвы, принесенные в этом сражении, оказались напрасными, а согласие на арбитраж превратило самых воинственных сторонников Али в заклятых врагов. Эта группа, получившая название харуриты, или хариджиты, заявила, что суд принадлежит Аллаху, а не людям, а Али и Муавия – враги ислама.

Разгром хариджитов в открытом бою (658 г.) не уничтожил это движение, а только сделал его еще более воинствующим, направленным против существующего порядка вообще. Важнейшим элементом в идеологии хариджизма стало утверждение о том, что халифом может быть избран любой праведный мусульманин, а не только курайшит.

Стремление ограничить аппетиты племенной верхушки лишило Али ее поддержки настолько, что ему уже больше не удавалось собрать войско для борьбы с Муавией. Исход ее, и без того уже ясный, был ускорен убийством Али хариджитами в 661 г.

Так в борьбе представителя старой гвардии ислама, оглядывавшегося назад, против политика, исходившего из существующих реалий, закономерно победил второй. Личные качества соперников могли лишь ускорить исход борьбы.

Результатом первой гражданской войны в исламском мире стал перенос политического центра халифата из Медины в Сирию и рождение двух оппозиционных течений: непримиримого хариджизма и более спокойного шиизма, движения сторонников мнения, что власть должна принадлежать потомкам Али (ши'иты – от «ши'а Али» «приверженцы Али»). Центром шиитской оппозиции стала Куфа, подогреваемая памятью о своей недолгой столичности. Для куфийской верхушки это были чисто политические убеждения, а у низов, особенно у мусульман-неарабов (мавлей), с Али и его потомками связывались мессианские надежды на установление царства благоденствия и справедливости.

Долгое, почти двадцатилетнее правление Муавии окончательно утвердило новую концепцию власти – самодержавной, зависимой не от воли общины, а исходя-

щей непосредственно от Аллаха, которой подданные должны беспрекословно подчиняться, – как самому халифу, так и его наместникам. Логика этой концепции должна была вести к установлению принципа династийного наследования власти, принципу понятному и естественному как для мусульман, так и для многочисленных арабов-христиан Сирии, на которых опирался Муавия.

Муавия был верен договору с Хасаном, но смерть Хасана 13 апреля 669 г. развязала ему руки. В 676 г. Муавия решил провести присягу своему сыну Йазиду в качестве наследника. Правдами и неправдами он добился от сыновей четырех первых халифов согласия присягнуть (или сделать вид, что присягнули) и этим обеспечить беспрепятственную присягу в Медине и Мекке. Присяга преемнику при живом правителе смущала даже сторонников Муавии, ибо это воспринималось как клятвопреступление по отношению к предыдущей присяге.

Смерть Муавии спровоцировала начало второй гражданской войны: Хусайн и Абдаллах ибн аз-Зубайр отказались присягнуть Йазиду и укрылись в Мекке. Шииты Куфы призвали Хусайна к себе, обещая всеобщую поддержку, но когда он с небольшим отрядом родственников с семьями был еще в дороге, попытка восстания была подавлена. Хусайн продолжил путь, но около Кербелы был встречен войском, посланным наместником Ирака; он отказался сдаться или возвратиться в Мекку, и 10 октября 680 г. подвергся нападению, был убит, а его обезглавленное обнаженное тело было позорно брошено на поле боя вместе с телами 26 ближайших родственников.

Убиение Хусайна, ставшего главным героем-мучеником шиизма, начавшего с этого момента превращаться из политического в религиозное движение, в тот момент не вызвало бурной реакции мусульманского общества, никаких открытых выступлений шиитов, и даже брат Хусайна (от другой матери) Мухаммад ибн ал-Ханафийа отнесся к этому внешне спокойно и остался лоялен Йазиду.

Попытки подавить мятеж Ибн аз-Зубайра, которого поддержали хариджиты, были безуспешны, пока летом 683 г. не была послана большая армия из сирийцев, которая, подавив неслыханно жестоко в отношении единоверцев восстание мединцев,

осадила Ибн аз-Зубайра в мечети Мекки. Скандальная осада с обстрелом главной мусульманской святыни, приведшим к ее пожару и разрушениям, была разом прекращена при известии о смерти Йазиды (ноябрь 683 г.), упавшего с лошади во время охоты. После скорой смерти его болезненного и бездарного наследника в халифате наступило безвластие и междоусобная борьба. Ибн аз-Зубайр объявил себя халифом, и ряд областей признали его; Куфа и Басра были раздираемы борьбой различных племен и группировок, хариджиты овладели Южным Ираном и значительной частью Аравии, Сирия и Палестина оказались в руках различных племенных группировок. С большим трудом Марвану ибн ал-Хакану, избранному Умайядами халифом, удалось объединить Сирию, а затем отвоевать Египет. Его сын Абдалмалик (с 685 г.) продолжил борьбу за власть в халифате.

В этой обстановке шаткости власти активизировались, наконец, и шииты, выступая как мстители за убийство Хусайна. Самым серьезным было восстание ал-Мухтара в Куфе в октябре 685 г. против наместника Ибн аз-Зубайра. Ал-Мухтар выступал как уполномоченный главы Алидов Мухаммада ибн Ханафии, который в действительности держался в стороне от всякой борьбы. В восстании ал-Мухтара впервые дала знать о себе новая сила – мусульмане-неарабы (мавли) и рабы, обожествовавшие Али и к негодованию мусульман-арабов поклонявшиеся его креслу как святыне. Их участие в восстании оттолкнуло от ал-Мухтара куфийскую верхушку, и она выступила против него, но мятеж был подавлен, много участников казнили как повинных в гибели Хусайна. Куфийская аристократия, бежавшая в Басру, побудила ее наместника – Мусаба ибн аз-Зубайра организовать поход против ал-Мухтара.

Армия ал-Мухтара, расколота недоброжелательным отношением арабов к неарабам, была разгромлена, ал-Мухтар четыре месяца оборонялся в укрепленном дворце наместника и в апреле 687 г. погиб с оружием в руках. Прямым следствием восстания ал-Мухтара стал захват власти в Нисибине мавлями и рабами; они продержались два года после гибели ал-Мухтара и затем присоединились к армии Абдалмалика, направлявшегося против Мусаба ибн аз-Зубайра. Осенью 691 г. Мусаб был разгромлен и погиб в бою, а после

захвата Куфы Абдалмалик послал своего начальника полиции ал-Хадждажа против Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Тот продержался в мечети Мекки несколько месяцев, пока не кончилось продовольствие, вышел с группой сторонников и погиб с оружием в руках 5 ноября 692 г., но потребовалось еще несколько лет для подавления хариджитов в Южном Иране и восстановления положения в пограничных областях.

В этой войне идеологическое обоснование правоты той или иной позиции играло большую роль. Сознавая это, Абдалмалик старался подкрепить свой авторитет не только словами, но и зримыми делами. В самый разгар войны он начинает строительство уникальной купольной мечети в Иерусалиме – Куббат ас-Сахра («Купол скалы»), утверждая этим в глазах иноверцев величие ислама и свое могущество. По окончании войны он предпринимает денежную реформу: в 77/696–697 г. начинается чеканка динаров, а затем и дирхемов с мусульманским символом веры и цитатой из Корана, чтобы заменить монеты с враждебными исламу символами. За этим последовал перевод делопроизводства в Сирии с греческого на арабский язык.

Абдалмалик продолжил линию Муавии на обособление высшей власти и утверждение приоритета ее интересов над всеми остальными. Эта политика вызывала противодействие как верхушки, так и рядовых мусульман, считавших халифа производным своей воли. Особенно остро противостояние власти и подданных проявлялось в восточной половине халифата, наместником которой с 694 г. стал ал-Хадждаж. Недовольство иракцев этой политикой проявилось и в мятеже, поднятом в его лагере племенной верхушкой, и в нежелании воевать с хариджитами, и, наконец, в восстании армии под командованием Ибн ал-Ашаса, настолько серьезном, что Абдалмалик подумывал сместить своего верного наместника по требованию восставших. Разгромить Ибн ал-Ашаса под Дайр ал-Джамаджем и подавить восстание удалось только с помощью сирийских воинов.

Многие из знатных участников восстания Ибн ал-Ашаса были казнены, другие, напуганные казнями, притихли, но любви к ал-Хадждажу это не прибавило. Сирийцы, присланные на помощь, стали его гвардией, с которой он обосновался в новой резиденции, заново построенном городе Васите между Куфой и Басрой. Так зри-

мо отделилась власть от общества, а иракцы оказались подчиненными сирийцам. О единстве мусульман в Ираке уже не могло быть и речи.

Установление твердой власти в халифате позволило ему восстановить свои позиции в Закавказье, жестоко подавив восстание армян в 702–703 гг., и возобновить бесконечную войну с Византией, а на востоке и западе, опираясь на новые передовые военные базы в Мерве и Кайраване, начать новую волну крупномасштабных завоеваний. К 713 г. за Амударьей были завоеваны земли до Ферганы включительно и Хорезма, а на западе вся Северная Африка до Вади Дра (южная граница современного Марокко).

Летом 711 г. арабско-берберская армия высадилась в Андалусии, разгромила вестготского короля Родерика и овладела почти всем Пиренейским полуостровом, и даже перевалили через Пиренеи. Успех этого наступления, увеличивавшего территорию халифата примерно на 3 млн кв. км, во многом был обеспечен участием значительного числа кочевников-берберов, незадолго до этого принявших ислам. В 716–718 гг. арабы осаждали Константинополь.

При несомненных военных успехах первой четверти VIII в. и устойчивости центральной власти внутри халифата росли осложнения, связанные с увеличением числа мусульман-неарабов. Теоретически равные с арабами как собратья по вере, они в действительности оказывались людьми второго сорта. Это проявлялось и в зависимости вольноотпущенников от бывших хозяев, и в пренебрежительном отношении к инородцам (улудж) со стороны арабов, даже если они не были до принятия ислама рабами, и в материальном отношении: те из них, кто вместе с арабами участвовали в военных действиях, не получали жалования и пайков, а оставшиеся на земле или в городах продолжали платить высокий земельный налог (харадж), а иногда и джизью.

Умар II (717–720), халиф-реформатор, задавшийся целью преобразовать государство в соответствии со сложившимся у него представлением об идеальном мусульманском государстве, отменил ряд налогов, не предусмотренных шариатом, восстановил налоговый иммунитет иноверческого духовенства и уравнил мусульман-неарабов с арабами в отношении выплаты жалования за службу и равного налогообложе-

ния. Это сразу сказалось на размере собираемых налогов, особенно когда увеличилось число принимающих ислам. В Средней Азии наместник хотел ограничить число обращений требованием обязательного обрезания, но Умар запретил это, сказав, что Аллах послал Мухаммада с проповедью, а не с обрезанием. Противоречие между идеалом и практическими требованиями государства, несомненно, привело бы в дальнейшем к дефициту средств для выплаты жалований, а с ним и к серьезным политическим конфликтам. Но Умар вскоре умер, и все пошло по-старому, сохранилась лишь память о праведности «второго Умара».

За 80–100 лет с начала завоеваний мусульманское общество за пределами Аравии претерпело существенные изменения под влиянием новых условий существования. Самым важным, определившим многие другие стороны жизни, было превращение основной массы кочевников и полукочевников, начавших завоевания, в жителей больших городов. Куфа, Басра и Фустат лишь первое десятилетие были беспорядочным табором из палаток, шалашей и временных построек, затем они превратились в обычные города с монументальными постройками. Единственным отличием этих городов от других было то, что основное градообразующее население жило за счет жалования. Арабы считали унизительным ремесленный труд и всякую работу по найму (воин с самым минимальным жалованием мог не работать, жить на уровне среднего ремесленника), но торговля чем бы то ни было считалась занятием благородным. Еще лучше было, конечно, получать доход от недвижимости, но не всем удавалось ее получить.

Потребление высоких достижений материальной культуры арабы освоили быстро. Богатая утварь, более изысканная пища, новые виды одежды (например, иранский сирвал – шаровары, которые арабы прежде не носили) широко входили в обиход арабов. Прекрасной иллюстрацией новых требований могут служить дворцы этого времени в Сирии и Палестине.

Естественно, что расставаться с благополучной жизнью и принимать участие в походах многим не хотелось, они уклонялись от явки или нанимали заместителей из бедняков.

Пользуясь материальными благами завоеванных стран, арабы мало интересова-

лись их духовной культурой. Арабы, в отличие от бесписьменных языческих народов Европы, вторгшихся в Римскую и Византийскую империи, пришли со своей письменностью и монотеистической религией и были в этом отношении более независимы. Нужды в изучении местных языков они не испытывали – для этого у них были переводчики из рабов и мавлей, изучивших арабский язык. Арабы делили все отрасли знания на две группы: «греческие науки» – философия, математика, астрономия, медицина, и арабские – наука об исламе, генеалогия, поэзия. Долгое время «арабские» науки существовали параллельно и независимо от «греческих». Все они, за исключением изучения Корана, существовали в основном в устной передаче.

Коран был главным и бесспорным источником правовых и этических норм ислама, но не охватывал всего многообразия жизненных ситуаций. Поэтому особое значение приобрели поступки и решения Мухаммада, сохранившиеся в памяти его сподвижников (так называемые хадисы). Они становились прецедентами, на которых строилось мусульманское право. Истинность таких сообщений определялась авторитетностью информатора. Сначала необходимые аналогии из поступков и обычаев пророка (сунна) привлекались по конкретным случаям, затем их стали излагать как самоценный материал заинтересованным слушателям. Знание хадисов стало признаком образованности, а некоторые слушатели превратились в собирателей хадисов. В первой половине VIII в. появилось третье и даже четвертое поколение хадисоведов (мухаддисуна), которые передавали не только сам хадис, но сообщали всю цепочку передатчиков, иснад. Для отсеивания явно недостоверных сообщений требовалось знать биографии передатчиков, могли ли они встречаться друг с другом и т.д. В тех случаях, когда в иснаде обнаруживался разрыв, хадис отвергался как недостоверный. Из этого впоследствии развилась обширная литература о хадисоведах, характерная только для ислама. Из таких же воспоминаний сподвижников формировался материал для комментирования Корана.

Арабская историческая наука зарождается на рубеже VII–VIII вв. также из рассказов очевидцев и участников событий времени Мухаммада и первых завоеваний. Тесное родство воспоминаний о них с хадисами породило сходную форму: рассказ

о каком-то эпизоде или событии с указанием информатора и имен передатчиков. Собиратели исторических рассказов не перерабатывали их для связности изложения, а механически соединяли в сборник. Ранняя арабская историческая наука складывалась совершенно самостоятельно без какого-либо влияния на нее византийской и сасанидской. Это, по существу, сборники воспоминаний, противоречивых, хронологически не всегда верных, но содержащих много живых деталей.

В сборе хадисов и исторических рассказов активное участие принимали и мусульмане-неарабы, приобщавшиеся таким образом к исламу и в то же время поднимавшие этими знаниями свой статус в глазах арабов. Из их числа был Абу Ханифа ан-Нугман, родоначальник первой юридической школы (мазхаба) в исламе, ханафитской, и первый крупный хадисовед и историк Ибн Исхак, автор биографии Мухаммада и истории халифов.

Именно такие люди в силу своего происхождения были посредниками в восприятии мусульманским обществом тех элементов средиземноморско-иранской культуры, которые непросто осваивались самими арабами.

Сближение арабов с культурой завоеванных народов не обеспечивало унификации общества, пока существовало экономическое неравенство, определявшееся национальной принадлежностью. Между тем общее число мусульман в завоеванных странах вместе с новообращенными даже через столетие составляло незначительную часть всего населения, максимум 5% (если не считать населения периферийных областей, принятие ислама которыми, по существу, состояло в согласии признавать сюзеренитет халифа и платить дань). Удерживать власть в такой ситуации было возможно лишь при сохранении единства интересов арабов. Но оно все более разрушалось из-за территориальной разобщенности и локальных межплеменных конфликтов. Арабы Северной Африки и Средней Азии уже не имели никаких контактов, кроме случайных встреч во время хаджа, и для людей, живших в этих местах во втором и третьем поколениях, именно эти края становились родными, и местные интересы для них оказывались на первом месте.

Это единство страдало и от внутренних распрей, которые обычно называются межплеменными и нередко сводятся к кон-

фликту северных и южных арабских племен. В действительности дело было не в извечном конфликте между североарабскими и южноарабскими племенами, а в борьбе различных группировок за конкретные материальные или политические выгоды, зачастую причиной было соперничество вождей, и каждый раз складывались различные союзы, в которых, конечно, племенная принадлежность была определяющей. Счет обид и жертв конфликтов нарастал и иногда действительно формировалась устойчивая враждебность, какая, например, сложилась у иракских арабов к сирийцам, на которых с начала VIII в. опирались наместники.

К середине VIII в. в халифате скопилось достаточно взрывчатой смеси, чтобы расколоть его, недоставало только идеи и воли, чтобы соединить всех недовольных. Хариджизм для большинства был непривлекателен своей нетерпимостью и жестокостью. Шиизм мог дать идею: предоставление власти благочестивому и справедливому халифу, имаму, каким мог быть только потомок пророка. Но большинство Алидов не прилагало усилий для организации активной борьбы за власть. Восстание внука Хусайна, Зайда ибн Али, в Куфе в 738 г. опиралось не на длительную подготовку, а на убеждение в том, что куфийцы поддержат его как внука Хусайна. Одних эмоций оказалось недостаточно, и восстание провалилось, те же куфийские шииты в опытных руках оказались смертельным орудием для правящей династии. В конце правления ал-Валида, или уже при Сулаймане, Абу Хашим Абдаллах, сын Мухаммада ибн ал-Ханафии, во имя которого ал-Мухтар поднимал восстание в Куфе, умирая в усадьбе Али ибн Абдаллаха, внука ал-Аббаса, дяди пророка, сообщил ему имена своих верных последователей в Куфе и предписал им подчиняться новому имаму. Опираясь на них, Али ибн Абдаллах и его сын Мухаммад исподволь вели пропаганду и вербовали сторонников в Хорасане, районе, далеко от внимания центра. Вербовка сторонников проводилась с соблюдением секретности, и никто, кроме самой верхушки, не знал, кто тот «имам из семьи пророка», которому их призывают следовать и кому они тайно пересылают собираемую садаку/пожертвование. Главное, что требовали Аббасиды, не проявлять себя раньше времени и ждать приказа, когда наступит благоприятный момент.

Такой момент наступил после смерти халифа Хишама в 743 г., после чего за год с небольшим сменились три халифа, но и четвертому, энергичному Марвану II, не удалось стабилизировать обстановку.

А в Хорасане в 744 г. разгоралась борьба за власть между наместником Насром ибн Саййаром и главой южноарабского племени азд Джудайем ал-Кирмани, перешедшая в 745–746 гг. в настоящую войну. Глава Аббасидов Ибрахим ибн Мухаммад послал в Хорасан своим уполномоченным Абу Муслима готовить восстание. Оно началось 9 июня 747 г. в Мервском оазисе. К восстанию, начатому арабами, присоединились и неарабы разных социальных слоев, от рабов до крупных землевладельцев-дихканов. Абу Муслим в союзе с сыном Джудайа, убитого Насром, захватил Мерв. Наср, тщетно ожидавший помощи из Ирака, пытался организовать сопротивление армии Абу Муслима в Хорасане, но вскоре умер. Хорасан оказался во власти Абу Муслима. Только теперь наместник Ирака Умар ибн Хубайра понял опасность и попытался преградить хорасанцам путь на запад, но две его армии, не горевшие желанием сражаться, были разгромлены в 748 и начале 749 г. Летом 749 г. Умару ибн Хубайре пришлось самому возглавить командование армией, ставшей на дороге из Ирана на Куфу; она тоже была разгромлена. Умар бежал, и хорасанские повстанцы в августе 749 г. вступили в Куфу.

Имам Ибрахим был арестован и отправлен в тюрьму. Его преемником стал его брат, Абу-л-Аббас. Его вместе с родней тайно доставили в Куфу, но Абу Салама, глава аббасидской шии, не торопился раскрыть их инкогнито, рассчитывая передать власть кому-нибудь из Алидов, но когда два старейшины рода отказались принять власть, братьев торжественно явили куфийцам, а 28 ноября прошла присяга новому халифу. В речи перед собравшимися он обещал справедливое правление, отмену принудительных работ, и закончил ее словами, что он будет «проливающим» (ас-саффах) блага для повинующихся и «проливающим» кровь для врагов. Этот эпитет стал тронным именем нового аббасидского халифа Абу-л-Аббаса Абдаллаха ас-Саффаха.

Марван II возглавил большую армию, ставшую на пути аббасидского войска в Сирию на р. Большой Заб. В жестокое сражении 30 января 750 г. сирийцы были

разгромлены, Марван, не найдя опоры в Сирии, отступил в Египет, был достигнут там и убит. Победители проявили неслыханную жестокость, казнив всех мужчин этого рода – несколько десятков человек. Даже умершие не были оставлены в покое, их вынули из могил и сожгли. Такую ненависть трудно объяснить только мстостью за арест и убийство Ибрахима, скорее за этим стояло желание завладеть огромными владениями Умайядов, уничтожив ее собственников.

Одним из немногих спасшихся был Абдаррахман ибн Муавия, внук халифа Хишама, который из Египта бежал в Андалусию, став в 756 г. ее амиром и родоначальником династии кордовских амиров, а затем – халифов.

Очень скоро оказалось, что новая династия не принесла обещанной справедливости, и Абу Муслиму пришлось в 751 г. усмирять восстания в Мавераннахре, управляясь со своими недавними сподвижниками, чтобы затем быть зарубленным вторым халифом Джафаром ал-Мансуром в начале 755 г. за то, что стал слишком влиятельным и независимым.

Интернационализация ислама

События 747–750 гг. принято называть Аббасидской революцией, подразумевая под этим восстание и насильственное свержение правящей династии. Однако это лишь часть истины. Этот переворот не просто заменил одну династию на другую, а принес коренные изменения в характер самой мусульманской державы, которые вовсе не были целью Аббасидов.

Лозунгом движения Абу Муслима было не только свержение ненавистной династии, но и возрождение справедливого мусульманского государства, ислама, в котором нет национальных различий. Иранцы, присягнувшие Абу Муслиму, присягали именно такой религии, а борьба за нее, против притеснений превращала ее из религии врагов и завоевателей в свою собственную. О том, как это происходило, источники молчат, но можно предположить, что, кроме всего прочего, в этих условиях ислам был притягателен для бывших зороастрийцев отсутствием в нем формально зафиксированного сословного неравенства, что важно было для тех, кто по традиции относился к низшим сословиям иранского общества; а иранская аристократия с при-

нятием ислама оказывалась допущенной к высшей власти огромной страны. Так в окружении второго аббасидского халифа – ал-Мансура (754–775) оказался сын главного жреца в храме огня Балха, Халид ибн Бармак, человек, который стал первым вазиром, главой гражданской администрации халифата (сам этот пост был заимствован из административной практики Сасанидского Ирана).

Коренные изменения в жизни халифата, вызванные аббасидским движением, были хорошо осознаны и сформулированы Абу Тахиром ибн Тайфуrom (сер. IX в.): «И перешла власть от сынов Умайи к сынам ал-Аббаса при этом [сочетании звезд], и отошла вера магов от дихканов, и приняли они ислам во время Абу Муслима, и был этот переход похож на начало новой общины [верующих] (милла)».

Серьезные изменения, происходившие в это время в исламе, состояли не только в массовой исламизации неарабов и утрате арабами монополии на ислам. Менялся в связи с этим и его характер: пришедшие в ислам люди иного религиозно-культурного круга принесли с собой взгляды, не свойственные «арабскому» исламу – мистицизм и сектантство. Убиение Абу Муслима породило веру в переселение его души (до того будто бы принадлежавшей Али ибн Абу Талибу) в иных духовных вождей. Один из таких вождей, Абу Хашим Муканна, в 776–778 гг. возглавил восстание, охватившее долины Зеравшана и Кашкадарьи. Иногда под внешним покровом ислама продолжали существовать идеи, восходящие к общинно-родовому строю.

Символом новой эпохи в исламе и изменения культурной ориентации стало основание ал-Мансуром новой столицы на месте ярмарочного селения Багдад, которая получила официальное название «Мадина ас-салам» – «Город благополучия» (именно так, а не «Город мира»). Построенный в центре Месопотамии, недалеко от сасанидской столицы, новый город порывал и с арабской Куфой, расположенной на границе степи, и с сирийскими резиденциями Умайядов, подчеркивая разрыв со средиземноморской византийской культурой и связь с иранским миром. Сама Мадина ас-салам, круглый город, диаметром около полутора километров, окруженный двумя рядами мощных сырцовых стен, с дворцом и мечетью в центре, дворцами приближенных и с торгово-ремесленными

кварталами между двух стен, быстро обросла пригородами, и Багдад к концу VIII в. стал крупнейшим мегаполисом мусульманского мира.

Очень быстро он стал и крупнейшим культурным центром, сразу же притянувшим к себе ученых из Куфы и Басры. Соединение в нем людей из разных областей способствовало формированию новой синкретической мусульманской культуры и искусства.

С момента постройки Багдада мусульманский мир в культурном и даже экономическом отношении в течение длительного периода можно рассматривать как статический объект, несмотря на неустойчивость и изменчивость государств, образовавшихся на территории халифата после VIII в.

Первые Аббасиды стремились превратить халифат в унитарное государство, управляемое из центра сильным бюрократическим аппаратом и подчиненной халифу армией, которой не было у Умаййядов. Для этого многое было заимствовано из практики Сасанидского Ирана, чему явно способствовал Халид ибн Бармак, ставший правой рукой ал-Мансура. В халифате впервые появился определенный бюджет с распределением расходов по определенным статьям, для чего был создан десяток управлений или канцелярий, диванов, ведавших обеспечением армии и халифского двора, управлением хараджными землями и халифской собственностью. Особый диван почты превратился в центр, информирующий верховную власть о действиях местной администрации. Во главе всего этого встал вазир, фигура, которой не было при Умаййядах.

Халифат перестал быть государством для народа-завоевателя и превратился в вотчину правящей династии халифов. Аббасиды создали при себе огромный пышный двор с тысячами придворных, слуг, рабов и гвардейцев. Единственный дворец в «Круглом городе» стал недостаточным, и за его пределами возникают новые дворцы, окруженные садами. Мы, к сожалению, не имеем росписи расходов бюджета халифата, чтобы представить себе, какую долю доходов государства тратили халифы на себя прямо или косвенно. Средневековые мусульманские историки не любили обычных цифр, предпочитая лишь то, что могло поразить читателя, поэтому доверять их сообщениям о различ-

ных фантастически пышных праздниках и подарках очень трудно. По одному достаточно надежному сообщению, бюджет халифата в 179/795–796 г. составлял 338,91 млн дирхемов, что при курсе динара в 14 дирхемов равнялось 24,208 млн динаров, а в 199/814–815 г. (правда, с зачетом будущего урожая Ирака, равного 35–55 млн дирхемов в зависимости от урожая) – 416,922 млн дирхемов.

Согласно единственной подробной росписи расходов двора в 306/918–919 г., когда территория, непосредственно подчиненная халифу, значительно сократилась, на содержание двора расходовалось 1 560 960 динаров из общего бюджета в 14 829 840 динаров.

Сбор налогов проводился неуклонно и жестоко, причем теперь от этого на равных страдали и арабы, и неарабы. В ответ на особо жестокие налоговые притеснения то в одной, то в другой области вспыхивали восстания. Уверенно контролировать отдаленные провинции сил не доставало, и в конце VIII в., всего через 30–40 лет после прихода Аббасидов, начинается постепенный распад халифата.

Первым обособился крайний запад. В 789 г. Алид Идрис, правнук Хасана ибн Али, бежавший в Северную Африку после разгрома алидского восстания в Медине, основал независимое Берберское государство на территории современного Марокко. В 800 г. Ибрахим ибн Аглаб, сын одного из сподвижников Абу Муслима, за наведение порядка в Магрибе получил его в пожизненное управление (превратившееся в наследственное) с условием ежегодной уплаты 40 тыс. динаров. В 806 г. из-за притеснений со стороны наместника восстал и Согд, и только в 810 г. восстание прекратилось благодаря более мягкой политике ал-Мамуна. Десять лет спустя значительная часть Средней Азии, переданная в управление четырем сыновьям недавнего зороастрийца Самана, вышла из непосредственного подчинения Багдаду. Азербайджан в течение двух десятилетий был охвачен восстанием Бабека.

Ал-Мамун, пришедший к власти при поддержке хорасанской знати, и, видимо, тяготившийся зависимостью от нее, стал создавать многочисленную собственную знать из гулямов, рабов, обученных военному делу. В значительной части это были турки и сакалиба (не совсем ясный для этого времени этноним, который мог обо-

значать и славян, и финно-угров, и северных тюрков). Покупку рабов для гвардии продолжил его брат и преемник ал-Мутасим, который, желая уйти от неудобств многолюдного и беспокойного Багдада, основал новую столицу на месте древнего поселения Самарра. Она вскоре тоже превратилась в огромный город, протянувшийся вдоль Тигра на сорок с лишним километров, но оказалась еще более беспокойной столицей, чем Багдад. Здесь халифы превратились в заложников в руках командующих безмерно разросшейся гвардии. Возросшие амбиции последних, нехватка средств для выплаты жалования приводили к частым мятежам. Пять халифов, начиная с ал-Мутаваккия (847–860) до ал-Мухтади (860–870) один за другим были убиты. Халиф ал-Мутаидид (870–902) почел за благо покинуть злополучную Самарру и возвратиться в Багдад.

Территория халифата, непосредственно подчинявшаяся халифу, к этому времени сильно сократилась. Египет, а затем Палестина и Сирия оказались во власти фактически независимого наместника, бывшего гуляма Ахмада ибн Тулуна, а Систан, Хорасан и Иран были захвачены Йакубом ибн Лайсом, законность власти которого халифу пришлось узаконить грамотой на управление захваченными областями в качестве наместника.

Под угрозой оказался и центр халифата. В 870 г. в низовьях Тигра и Евфрата вспыхнуло восстание рабов-негров, зинджей, к которым присоединились и свободные батраки. Ими был захвачен Ахваз и подвергалась нападению Басра. С большим напряжением сил и финансов восстание удалось подавить к 883 г. В те же годы активизировалась пропаганда шиитов-исмаилитов в Сирии и Ираке. В 889 г. сторонники Хамдана Кармата создали независимое государство в Бахрейне (между нынешним Эр-Риядом и побережьем Персидского залива). Свою столицу ал-Ахса они объявили «дар-ал-хиджра», уподобив ее Медине при Мухаммаде. Карматов поддерживали (не вдаваясь в религиозные тонкости) бедуины, помогая нападать на Приевфратье и грабить караваны паломников на дороге в Мекку. Апогеем враждебности стало нападение на Мекку во время хаджа в середине января 930 г., когда был убит амир Мекки и десятки паломников. Всеобщий грабеж завершился погромом Каабы и увозом Черного камня в ал-Ахсу.

Сторонники другой ветви исмаилитов – фатимидской, нашли поддержку у берберов центральной части Северной Африки, разгромили Аглабидов, и в 910 г. в Кайраване утвердился исмаилитский (фатимидский) халиф ал-Махди, начавший борьбу за овладение Египтом, а затем и всем мусульманским миром. В непосредственной власти Аббасидов остался Ирак, часть Западного Ирана и священные города Аравии, да на время удалось вернуть Египет и Сирию. На остальной территории, кроме шиитских владений, аббасидские халифы признавались сюзеренами, – у них получали грамоты, делавшие правление законным в глазах подданных и соседей, поминали имя халифа в пятничной молитве, чеканили его имя на монетах и присылали небольшую дань и подарки. Как уже отмечалось выше, поступления в халифскую казну сократились примерно вдвое, притом что гвардия и двор оставались столь же многочисленными. Неспособность государства обеспечивать своевременную выплату жалований высоким чинам привела к предоставлению им права самостоятельно собирать налоги с определенных округов, оставляя себе часть собранного. Право получать разницу между определенной суммой, передаваемой в казну и всем, что собрано, называлось игар, а получение разницы между ставкой хараджа и ушром (1/10 урожая) – *икта*. Икта вазира в 927 г. составляла 190 тыс. динаров. Такая система самообеспечения, избавляя государство от некоторых хлопот, окончательно подорвала государственные финансы и власть халифов. Их неспособность контролировать разнообразные вооруженные силы и навести порядок хотя бы в столице, раздираемой распрями суннитов и шиитов, привела к тому, что в 946 г. ее без боя занял буидский правитель Западного Ирана Муизз ад-давла. Халиф ал-Мустакфи был свергнут и ослеплен, и его место занял более удобный для Муизза ад-давли халиф. Теперь его номинальная власть за пределами дворца сводилась к представительству на приемах и выдаче инвеститур независимым от него государям. В 70-х гг. X в. даже эта узкая сфера номинальной власти сузилась и географически после завоевания Фатимидами Египта, Палестины и Сирии.

Политический распад мусульманского мира на ряд враждующих между собой государств не расколол его культурное единство, сформировавшееся в VIII–IX вв. из

трех мало контактировавших до того культур – средиземноморской, иранской и арабской. Роль самих арабов в создании этого единства заключалась в привнесении языка, ставшего связующим фактором. Но следует учитывать, что если бы арабский язык был только государственным языком или языком Корана, судьба его могла оказаться иной – исчезновение государства, которому он служил, привело бы к его исчезновению за пределами территории, населенной арабами, а его только религиозная функция ограничила бы сферу его применения. Важность и необходимость языка определяется прежде всего тем, насколько велик тот объем культурных ценностей, доступ к которым он открывает.

В первые десятилетия этот «ключ» открывал неарабам лишь путь к религиозным знаниям, для тех, кто не принимал ислам, он был лишь языком приказов. Приобщение арабов к новым ценностям быстрее всего шло в Сирии и Палестине, где местные арабы и до ислама в той или иной мере были причастны к византийской культуре. Поэтому вряд ли случайно, что первый араб, о котором известно, что он интересовался «греческими науками», в частности химией (ал-химией), и даже вроде бы написал какой-то трактат на эту тему, был Халид ибн Йазид, внук халифа Муавии. И так же вряд ли случайно, что его считали инициатором реформ Абдалмалика. Возможно, ему же принадлежала инициатива перевода научной литературы с греческого, сирийского и коптского на арабский язык. Свою долю вносила и иранская сторона. Во второй четверти VIII в. перс Рузбех, прозванный «Ибн Мукаффа», перевел с пехлеви на арабский басни «Калила и Димна», дошедшие до наших дней, и «Историю царей», из которой более поздние арабские историки черпали сведения о древней и средневековой истории Ирана.

Накапливался материал и для мусульманской истории. В эти годы мединский хадисовед, внук иранского пленного, Мухаммад ибн Исхак, собрал сведения, позволившие ему уже при Аббасидах написать «Жизнеописание пророка» и «Историю халифов». Вторая половина VIII в. становится временем бурного сложения того культурного явления, которое принято называть средневековой арабской культурой или арабской наукой. Характерным для этого

периода было появление серьезного лексикологического и грамматического изучения арабского языка, родившегося и развивавшегося в Куфе и Басре. Это свидетельствовало о начале отрыва новых областей арабизации от родины арабского языка и о той пестроте языковых вариантов в виде племенных диалектов и искаженного арабского в многонациональной среде этих многочисленных центров, которая требовала создания нормативной грамматики и толковых арабско-арабских словарей. Словарь Халиля (ум. ок. 791 г.) и грамматика его ученика иранца Сибавейхи (ум. в 796 г.) стали незаменимой основой для дальнейшего развития арабской филологии, и, несомненно, способствовали усвоению правильного арабского языка неарабами, создали базу для преподавания арабского языка.

Уже при ал-Мансуре сложилась большая халифская библиотека, унаследованная и пополнявшаяся его преемниками. Для этого должен был работать значительный штат переписчиков. При ар-Рашиде (786–809) специально для этой библиотеки, называвшейся «Дом мудрости» (Дар ал-хикма), делали переводы. Апогея переводческой деятельности достигла при ал-Мамуне (913–933), который проявлял искренний интерес к математике и астрономии. При нем в «Доме мудрости» работали крупнейшие ученые того времени, изучая и переводя сочинения по всему кругу наук этого времени. В процессе переводческой деятельности выработалась арабская терминология для передачи новых понятий.

Ал-Мамун активно содействовал астрономическим исследованиям. Им были основаны обсерватории в Багдаде и Дамаске, предпринято измерение градуса меридиана обмером на местности и тригонометрическим способом. Эти измерения установили с поразительной для того времени точностью величину градуса в 56 миль, т.е. 110–112 км. Для оценки уровня исследований, проводившихся в «Доме мудрости» при ал-Мамуне, достаточно отметить, что в это время в Багдаде работал Мухаммад ал-Хорезми, разработавший математический метод, названный в Европе *алгеброй*, по названию его сочинения, где излагался этот метод, а его прозвание по месту происхождения – ал-Хорезми увековечено в математике термином *алгоритм*. Благодаря переводам, логика Аристотеля, философские идеи Платона в обработке его последователей, медицина Галена и многое

другое стали достоянием всех владеющих арабским языком. С этой основы началось быстрое развитие собственных исследований в мусульманском мире. На базе переводов, сделанных в «Доме мудрости», сформировался один из крупнейших философов, писавших по-арабски, ал-Фараби (870–950).

Параллельно (в основном независимо) шла выработка теоретических основ мусульманского богословия и методика мусульманского правоведения. Пионером этого стал куфийский торговец шелковыми тканями, теолог и правовед Абу Ханифа ан-Нугман (699–767). Его ученики, детализировав правовые взгляды Абу Ханифы, создали первую школу мусульманского права (мазхаб), ханафитскую. Несколькими десятилетиями позже, в другом центре мусульманской учености, в Медине, Малик ибн Анас, также торговец шелковыми тканями, создал вторую школу мусульманского права, маликитскую. Затем его ученик, Мухаммад аш-Шафии (767–820), создал третью школу, шафиитскую, объединившую ряд положений двух предшествующих мазхабов.

Одним из главных противоречий в мусульманской теологии был вопрос о степени предопределенности событий и человеческих поступков. Занятия богословием и правом были личным делом, и независимость мысли во многом определялась материальной независимостью ученого. И мнения их не были ни для кого обязательными, все зависело от личного авторитета, определявшегося и эрудицией, и числом учеников. Судья мог следовать одной или другой школе права, хотя назначение его на пост зависело от того, какую школу принимало большинство влиятельных людей. Государство не вмешивалось в теоретическую деятельность, но старалось укрепить себя предоставлением должностей авторитетным ученым, многие из которых считали государственную службу делом, не подобающим для ученого и не совсем «чистым». Абу Ханифа упорно отказывался от всех постов, и за это был посажен ал-Мансуром в тюрьму.

Первое решительное вмешательство государственной власти в вопросы теологии произошло в 831 г., когда ал-Мамун объявил учение мутазиликов о свободе воли и сотворенности Корана религиозной догмой и распорядился проверить в этом от-

ношении убеждения ответственных лиц, прежде всего судей. Инакомыслящих снимали с постов, а особенно враждебно относившихся к мутазилизму подвергали наказанию; даже при обмене пленными с византийцами спрашивали об отношении к догмату, не принимавших его оставляли в византийском плену. При ал-Мутаваккиле (847–861) мутазилизм был осужден, и верх взяли сторонники буквального понимания Корана и хадисов без всяких рассуждений. Идеальным вождем противников мутазилизма стал хадисовед и правовед Ахмад ибн Ханбал. Его буквалистский подход к Корану и хадисам как единственным источникам права положил начало четвертой правовой школе, ханбалитской. Сам он стал столь последователен в неприятии всякого анализа, что не оставил никакого изложения своих правовых взглядов, чтобы случайно не исказить непрерываемые источники субъективным суждением.

Существование четырех школ права, несмотря на определенные различия, не меняли того, что мусульманин, где бы на территории мусульманских стран он ни находился, оставался субъектом одной правовой системы, в отличие от Западной Европы, где существовали различия в правовом положении граждан различных городов. Это обстоятельство благоприятствовало обмену людьми и идеями на всем пространстве мусульманского мира. Более того, иноверцы, жители мусульманских стран, хотя и были несколько ограничены в своих правах, также на всем пространстве мусульманского мира находились в условиях одних и тех же правовых норм. Этому не мешал политический распад халифата. Во-первых, правовые школы не были территориально обособлены (хотя личный авторитет того или иного правоведа мог обеспечить преобладание своего мазхаба в каком-то городе или стране), во-вторых, государство не имело права законодательной инициативы – источником права были только Коран и сунна, а то, что исходило от государства или государя, было лишь переходящими административными решениями. Им следовало подчиняться, но законность или незаконность этих постановлений определялась правоведами, которые могли настроить жителей столицы против распоряжения и даже подстрекнуть к мятежу. Обычно важные ре-

нения обсуждались предварительно с религиозными авторитетами.

Интенсивная интеллектуальная деятельность порождала обширную письменную продукцию, сначала в виде папирусных свитков, затем, после широкого распространения бумаги в IX в., в виде привычных нам книг. Изготовление книг вышло из халифских библиотек на рынок. На базарах крупных городов появились перепищики – книготорговцы, варраки, создавшие настоящие книжные лавки, куда приходили познакомиться с новыми сочинениями ученые и литераторы. Письменная продукция была настолько обширна, что в X в. один из варраков, Ибн ан-Надим, составил настоящий библиографический справочник, из которого мы теперь узнаем, как много всего не дошло до нас.

Объединение в халифате афро-азиатских провинций Византии, Ирана и Аравии создало небывалые прежде дальние экономические связи, а концентрация в столицах халифата огромных денежных масс интенсифицировала дальнюю торговлю предметами роскоши и различными раритетами, а вместе с тем и всю дальнюю торговлю вообще.

Основным источником богатств халифата было интенсивное земледелие, прежде всего в зонах искусственного орошения – в Египте, Ираке, Ахвазе и некоторых более мелких оазисах. Здесь продолжали действовать давно возникшие ирригационные системы, подвергавшиеся лишь небольшим переделкам. В равнинной части Месопотамии и в Ахвазе сеть каналов ниже основных капитальных вододелителей с течением времени менялась, а в Египте, в силу географических особенностей, оставалась неизменной. Поддержание в порядке магистральных каналов со всеми сооружениями было обязанностью государства, которое содержало большой штат надзирателей и ремонтников, с помощью которых сезонно привлекались сами крестьяне. Так, в Египте в ирригационных работах ежегодно участвовало 170 тыс. человек, т.е. каждый пятый взрослый земледелец. Когда государство так или иначе отстранялось от этих забот, происходило разрушение водотводов и вододелителей, размывались плотины, каналы засорялись и переставали пропускать воду, как это происходило в Ираке во второй половине X в.

Расходы и труды по обеспечению функционирования крупных ирригационных систем были немалыми, но окупали себя очень высокими урожаями. В Египте и Ираке они доходили на лучших землях до 30 центнеров с гектара при средней урожайности около 18 центнеров с гектара, т.е., что очень существенно, урожай был больше затраченных семян в 15–20 раз, при том, что в Европе это соотношение было в 3–4 раза меньше. Значительная часть урожая уходила из деревни, во-первых, в виде налога, во-вторых, в виде ренты крупным землевладельцам, жившим в основном в городах. В областях с искусственным орошением большинство земледельцев были арендаторами и арендовали землю за половину урожая. Из второй половины землевладелец должен был платить налог. Реально расчет производился сразу на больших общих токах, где зерно обмеряли сборщики налогов, а не в два этапа. Указанные доли раздела урожая в реальности значительно варьировали, т.к. при обложении учитывалась трудоемкость различных систем орошения, а в расчетах между земледельцем и землевладельцем учитывалось, чей был инвентарь, тягловый скот, и т.д. Кроме арендаторов, обрабатывавших землю своими средствами, были и чистые сельскохозяйственные рабочие, получавшие, как правило, 1/10 часть урожая. Технические культуры, как по преимуществу товарные, облагались денежным налогом по твердым ставкам.

Крупнейшим зерноторговцем-монополистом зерноторговли было государство – в 203/818 г. в Ираке (т.е. в центральной части современного Ирака) было собрано в виде налога 77 300 курров пшеницы и 102 750 курров ячменя (соответственно 231,5 тыс. тонн и 300 тыс. тонн). Конечно, значительная часть уходила на снабжение армии и двора, но и для продажи оставалось достаточно, не считая поступления с собственных земель халифа.

Высокая производительность земледелия, позволявшая отчуждать значительную часть его продукта в виде налогов и ренты, обеспечивала возможность существования многочисленного населения, не занятого сельским хозяйством и жившего в городах. Горожане в основных земледельческих областях составляли примерно 15% от общей численности населения.

Высокий уровень городской жизни был унаследован халифатом и получил в нем дальнейшее развитие в иных внешних формах. Число городов в Сирии, Египте и Месопотамии с VI по X в. мало изменилось, только выросло число крупных городов, зато в Средней Азии с IX в. начинается бурный рост городов, в основном в виде концентрации населения в крупных центрах.

Определяли характер городской жизни, конечно, крупнейшие столицы, где концентрировались налоговые поступления, за счет которых в городах развивались торговля и ремесла, наука и искусство. А объем поступления налогов и земельной ренты в конкретный город зависел от его положения в административно-политической иерархии, т.к. чем больше число богатых потребителей, тем больше требуется обслуживающих их потребности торговцев и ремесленников, а это влечет за собой необходимость обслуживать и их потребности. Число чисто производственных городов, не зависящих от этой закономерности, было невелико, в основном, насколько мы можем судить, связанных с ткачеством. Крупнейшим из них был, несомненно, Тиннис, город, специфическое расположение которого на небольшом острове посреди озера определило характер занятий жителей. В этом городе, возможно, третьем по величине в Египте, было около 5 тыс. ткацких станков, изготовлявших особо тонкие льняные ткани, расхившиеся по всему Ближнему Востоку. Такими же, специализировавшимися на ткачестве городами, были соседние Шата и Димйат. Льняная и шелковая пряжа вывозилась в Европу. В Средней Азии и в Ираке было несколько городов, выросших на переработке металлов из расположенных поблизости рудников, в частности, серебряных.

Преобладание в нашем распоряжении сведений о гигантских для средневековья столицах создает у исследователей впечатление о всплеске урбанизации на мусульманском Востоке в IX–X вв. В нашей отечественной науке такому мнению способствовало преобладание исследований среднеазиатских городов, рост которых в этот период достаточно заметен. Однако, если не учитывать города, возникшие на базе городов-лагерей в VII в., и выросший на базе ресурсов всего халифата Багдад, то картина становится менее определенной.

Общее число городов на Ближнем Востоке меняется мало (Северную Африку и Андалусию мы не будем рассматривать ни здесь, ни позднее, т.к. они практически не связаны с Поволжьем), а рост крупных центров происходит за счет деградации прежних. Так, Фустат вырастает, а Александрия теряет население и прежнее значение; Куфа и Басра, а позднее Багдад растут на фоне упадка Ктесифона и Селивкии; в Средней Азии рост областных центров происходит в значительной мере параллельно с запустением мелких дихканских резиденций, но отчасти рост среднеазиатских городов был вызван вовлечением Средней Азии в более тесные экономические связи с Ближним Востоком и Ираном. В некоторых случаях перемещение населения в новые центры из других городов происходило откровенно насильственным путем: так ал-Хаджадж, основав в первых годах VIII в. Васит, переселил туда ремесленников и торговцев из Куфы, Басры и мелких соседних городков, которые после этого захирели.

Развитие городской жизни шло не по линии увеличения числа городов, а за счет концентрации населения в крупных центрах и активизации торгово-ремесленной деятельности. Особенно заметные изменения происходили в социальной структуре, во внутренней и духовной жизни. Мусульманский город, в отличие от прежнего византийского и современного ему западноевропейского, не имел особого правового статуса, точно также не имели его и горожане. Это определялось очень важным принципом мусульманского права – равноправием всех мусульман независимо от места проживания и рода занятий. Конечно, это равенство было теоретическим, существовало реальное имущественное неравенство и повседневное бытовое представление о таком неравенстве, средний горожанин с презрением относился к ткачам и подметальщикам мусора, но нормы права были одинаковы для всех. Единственным исключением были Алиды как потомки пророка, их особое положение признавалось всеми.

Особую группу населения с более низким статусом составляли христиане и иудеи. Они не только платили подушную подать за право свободно исповедовать свою религию, но и платили вдвое большие тор-

говые сборы и пошлины. Но они относились к иным правовым системам.

При теоретическом равенстве всех мусульман горожане находились в более привилегированном положении, чем сельские жители, из-за более выгодных условий налогообложения ремесленников и рабочих, не плативших даже закят из-за отсутствия у них достаточной суммы денежных накоплений или имущества выше той суммы, с которой начинается выплата закята.

Такое положение объяснялось тем, что конкретные нормы мусульманского права разрабатывались правоведами-горожанами, многие из которых являлись зажиточными торговцами, проповедовавшими, что добиваться благосостояния – долг мусульманина, чтобы оставаться независимым и вести праведный образ жизни, а самое достойное занятие – торговля и получение праведной (т.е. не спекулятивной) прибыли. Поэтому в мусульманском мире горожане не вели борьбы за городскую автономию и особое городское право, какую повели горожане Западной Европы в XII в. Они сами выработали удобную для себя правовую систему, и им оставалось только следить, чтобы верховная власть не нарушала эти права, управляя городом.

Конкретно это управление могли осуществлять различные представители администрации: в столицах вазирь или иные лица того же ранга, в провинциальных центрах – наместники с различными титулами. Главная их задача заключалась в охране порядка в городе и в обеспечении сбора налогов. Для этого имелся отряд полиции и вспомогательные отряды вооруженных горожан. На этом заботы государственной власти о городе и горожанах в основном заканчивались. В случае необходимости власти обращались к горожанам через влиятельную городскую верхушку и кади города. Кади в своей деятельности соединял с судейскими обязанностями функции прокурорского надзора за соблюдением законов и нотариуса. В разные периоды и в разных странах круг его полномочий мог быть различным, но обычно он кроме судейства контролировал общественные средства, распределял помощь нуждающимся, хранил доверяемые на время ему деньги и другие ценности, осуществлял опеку над имуществом несовершеннолетних и недееспособных. Специфика положения кади заключалась в том, что как ли-

цо, назначенное властями и получающее от них жалование, он был частью государственного аппарата, но как служитель и хранитель закона воспринимался как человек, стоящий на страже блага общины и представляющий ее интересы перед властями. Поэтому в ранний период многие, особенно благочестивые факихи, считали постыдным получать на этом посту жалование. С течением времени такие представления ослабевают, кади все более становится одним из высших чиновников. В рассматриваемый период кади еще остается представителем городской общины, и в таком качестве иногда выступает как общественный организатор. Так, один из кади Бухары руководил строительством известной стены вокруг оазиса.

В огромном Багдаде один кади не мог справиться со всеми делами, и там назначались два кади: для западной и для восточной половины города, а над ними стоял верховный кади (кади ал-кудат). В его компетенции, по всей вероятности, было назначение судей во всем государстве, но определенных данных на этот счет нет.

Представителем администрации, повседневно вмешивающимся в жизнь горожан, был мухтасиб, обязанностью которого было «повелевать должное и удерживать от осуждаемого», проще говоря, следить за нравственностью, что сводилось, главным образом, к контролю за торговлей, за правильностью мер и весов, за качеством товаров и даже за нормой ноши для грузчиков. Поэтому мухтасиба иногда называли «сахиб ас-сук» («начальник базара»). Обходил он город с парой помощников, вооруженных палками и плетями, которые на месте наказывали провинившихся. Он следил и за чистотой улиц, и наказывал мусульман, появлявшихся пьяными на улицах. Важнейшей задачей мухтасиба была забота о снабжении города хлебом и контроль над запасом зерна в городе и его поступлением. Контроль над ценами считался недопустимым, т.к. их уровень определяет Аллах, а не количество товаров на рынке. Но в неурожайные годы или в обстановке спекулятивного роста цен на зерно и, вследствие этого, на хлеб, когда он становился недоступным для большинства горожан и им грозила голодная смерть, а властям – голодные бунты, мухтасибу приходилось вмешиваться, заставляя зерноторговцев, придерживавших

зерно, пускать его в продажу и даже устанавливать предельные цены. Случалось, что упорно сопротивлявшихся подвергали телесным наказаниям и даже возили в позорном виде по городу с объявлением вины. Иногда в такой ситуации вмешивался халиф или иной государь, выбрасывая на рынок часть зерна из своих запасов по несколько пониженной цене.

Контролируя торговлю, мухтасиб опирался на глав соответствующих специальностей, которые должны были контролировать своих собратьев по профессии. К сожалению, об организации горожан на этом уровне мы уже мало что знаем. Можно догадываться о существовании каких-то профессиональных корпораций, но ни об их уставах, ни о том, кто и как становился их главой, неизвестно.

Город не имел муниципальной организации и вроде бы полностью зависел от государственного аппарата, управлявшегося неорганизованной и беззащитной перед ним массой горожан. Но это было не совсем так. Помимо профессиональных групп, выступавших солидарно, о чем свидетельствуют, в частности, праздничные шествия, когда ремесленники и торговцы выступают организованными группами с демонстрацией своих изделий и даже с какими-то своими корпоративными знаменами, существовали отдельные вооруженные отряды горожан, мауна, существовавшие, по-видимому, за счет городского самообложения, но подчинявшиеся начальнику полиции. Были, наконец, объединения городской молодежи, называвшиеся то фитяан и ахдас, то айяры. Последние выступают в источниках то как вполне легальные группировки (на встрече китайского посла в Бухаре в X в. принимают участие со своими знаменами наряду с организациями ремесленников), то как обыкновенные разбойники и грабители (во время городских мятежей в Багдаде). Истинным форумом горожан, где они могли выразить свое отношение к властям, как византийцы на ипподроме или в цирке, была пятничная мечеть. С самого начала функция ее была иная, чем только место праздничного моления – она была еще своеобразным политическим клубом, где собирались мужчины всего города. Здесь, в самой мечети или рядом с ней, располагалось казначейство, как в самом людном месте, в ней можно было ночевать, она служи-

ла и учебным центром, где в галереях вокруг ученых собирались ученики и коллеги, читались лекции и велись диспуты. Здесь с кафедры проповедника – минбара возглашалась здравица халифу и местному правителю, и правители обращались к горожанам с программными речами. Во время молитвы халиф или иной правитель во избежание покушения находился в особо огражденном месте – максуре.

Пятничная мечеть служила символом городского статуса поселения. Географ конца X в. ал-Мукаддаси именно наличие пятничной мечети считал отличительным признаком города; иногда же в географической литературе как синоним мечети употребляется слово «минбар». В очень больших городах, из-за многочисленности населения и больших расстояний появляются две или даже три пятничные мечети. Обычно в одной мечети молились сунниты и шииты, но там и тогда, когда отношения между ними становились резко враждебными, происходило размежевание.

В пятничной мечети начиналось большинство городских мятежей. Горожане, возмущенные бездеятельностью властей или введением новых налогов, опрокидывали минбар, с которого выступал проповедник, не пожелавший осудить власть, ломали его и разгоряченные шли на улицу, к тюрьме, освобождать заключенных, грабя и поджигая по пути отдельные лавки и целые базары.

Об участии в общегородских волнениях иноверцев мы не знаем, чаще всего они от них страдали, когда разгоряченная толпа врывалась в их кварталы и громила церковь или синагогу. Впрочем, в Багдаде кровавые схватки обычно происходили между шиитами и суннитами. Высшие власти относились к иноверцам терпимо, тем более что среди них были люди, к которым приходилось обращаться за помощью – врачи и финансисты. Лишь иногда особо благочестивые правители заставляли иноверцев носить позорящую одежду, отличную от мусульманской, и вводить еще какие-нибудь дополнительные ограничения.

Пятничная мечеть как духовный и политический центр жизни горожан отмечала и центр экономической жизни – по соседству с ней располагались лавки людей наиболее престижных и влиятельных профессий – ювелиров и менял-саррафов. Последние не просто меняли одну мелочь на дру-

гую, или разменивали динары на фельсы, многие из них были крупными финансистами, и их конторы были прообразом банков. Их кредитные письма или векселя (суфтаджа, хавала, сакк) принимались как звонкая монета в других городах и странах, избавляя торговцев, занятых в дальней торговле, возить с собой обременительно большие суммы денег.

Рядом с ювелирами и саррафами располагались торговцы специями и благовониями, а затем – торговцы тканями. Дальше шли лавки и мастерские менее престижных и доходных профессий.

По базарам, как разносчики, ходили посредники, даллалы, извещая о возможных сделках и наличии новых товаров. Особое значение они имели в торговле пряжей, поскольку женщины, прявшие на дому, не могли сами торговать на рынке.

Резиденция властей все более изолировалась и отделялась от общегородской жизни, отгораживаясь крепостными стенами, уходя в цитадели или в малолюдные пригороды. Резиденция аббасидских халифов была настоящим городом в городе, окруженным крепостной стеной со всеми атрибутами города, кроме базаров, конечно. Фатимидский Каир также был резиденцией, призванной изолировать халифов от густонаселенного и беспокойного Фустата.

Это обособление прослеживалось и в религиозном плане, чему способствовало отсутствие в исламе централизованной религиозной организации. Единой была база вероучения, Коран и хадисы (набор которых тоже несколько различался), но понимание этих основ не было регламентировано, отсутствовала и единая система обучения религиозным наукам. Авторитетные ученые собирали вокруг себя в мечети добровольных слушателей, и человек, прослушавший определенный курс знаний, мог получить от учителя свидетельство о том, что он усвоил эти знания и имеет право передавать их другим (иджаза). Такое обучение можно было проходить многократно и в разных городах. Социальное происхождение в этом случае роли не играло, хотя известно, что в процентном отношении больше всего среди факихов было торговцев тканями. Это были люди достаточно состоятельные, чтобы иметь досуг для обучения и раздумий, и в то же время не отрывавшиеся от основной массы горо-

жан. Одни из правоведов и богословов поднимались на верх, становились кади, или, в силу своего богатства и учености, оказывались вхожи ко двору, другие оставались в своей среде и, естественно, имели разное представление об одном и том же. Решение о каком-то новом сборе или налоге, одобренное придворными факихами, могло встретить решительное неприятие тех, кто должен был платить, опиравшееся на заключение авторитетных для них знатоков о незаконности решения властей.

Различный взгляд на жизнь тех, кто так или иначе своей деятельностью зарабатывал средства для существования, и тех, кто деньги получал без труда и тратил, не задумываясь, порождали различие в трактовке этических норм, освящавшихся авторитетом религии. Представители среднего класса горожан, которых, пользуясь европейской терминологией, можно было бы назвать буржуа, или бюргерами, враждебно и с осуждением смотрели на роскошный образ жизни правящих верхов и, соответственно, считали греховными такие проявления роскоши, как употребление посуды из драгоценных металлов, увлечение живописью, музыкой, различными играми. Отсюда рождались соответствующие запреты, становившиеся общепризнанными. Вообще взгляды среднего слоя горожан средневекового города можно сравнить с мировоззрением протестантов, появившимся в Западной Европе лет через пятьсот. Политическая власть рассматривалась как неизбежное зло, которому приходится подчиняться, но следует держаться от него подальше, главное – личное благочестие, основанное на знании шариата.

Следует отметить еще одну линию расхождений, на которую ученые мало обращают внимания: если для среднего класса важнейшей добродетелью считалась честность профессиональной деятельности и стремление к ней называлось джихадом, то для воинствующих групп населения, пограничных борцов за веру в рибатах на границах мусульманского мира, главной добродетелью было стремление доказать свою добродетель в беспощадной борьбе с иноверцами.

Халифы очень редко пытались канонизировать определенные взгляды. Так было лишь с канонизацией мутазилизма при ал-Мамуне и с утверждением в 1012 г. ал-Кадиром суннитского символа веры, на-

званного «ал-кадирийя». При отсутствии священничества с иерархией посвящения любой мусульманин мог взять на себя обращение инаковерующего простым объяснением основ вероучения и формы моления. Этот способ распространения ислама был особенно распространен на оживленных торговых путях за пределами мусульманского мира. Торговля с дальними странами была опасной, но прибыльной, и это влекло предприимчивых купцов в дальние чужие земли, где невозможно было обойтись без тесных контактов с местным населением.

Торговля велась по всей периферии халифата, но было несколько особо важных направлений. На крайнем западе это была торговля с золотоносными районами Черной Африки, откуда шло дешевое золото в обмен на соль. Это золото долго обеспечивало финансовую мощь Фатимидского государства. За караванами на юг продвигались добровольные миссионеры, и уже в X в. ислам продвинулся до Сенегала.

Но, пожалуй, важнейшим направлением была морская торговля с Индией и Дальним Востоком, откуда купцы везли китайскую ремесленную продукцию, олово Малайзии и всевозможные специи, уходившие потом в Европу. Сухопутная торговля с Китаем, пресловутый Шелковый путь, имел второстепенное значение.

По Красному морю и Персидскому заливу осуществлялась и специфическая торговля с Восточной Африкой, откуда везли черных рабов, купленных или просто захваченных в прибрежных поселках.

Полею постоянных торговых контактов была широкая полоса степного пограничья с тюркскими кочевниками, откуда поставлялся такой важный товар, как рабы, и такие предметы роскоши, как меха. В Средней Азии полоса этих контактов тянулась непрерывно от Исык-Куля до Аральского моря, а западнее последнего из Хорезма шел караванный путь на Южный Урал и Поволжье. Другой путь был через Каспийское море. По нему на юг шли те же товары, рабы и меха, за которые мусульманские страны в IX–X вв. расплачивались в основном дирхемами, и главные направления торговых связей мусульманского Юга с Севером отмечены многочисленными кладами дирхемов от Волги до Скандинавии.

В XI в. поток серебра с мусульманского Юга уменьшается из-за резкого сокращения чеканки чистой серебряной монеты, денежные обращения заполняют дирхемы, по большей части содержащие около 1/3 серебра. Это явление, обычно называемое серебряным кризисом и объясняемое нехваткой серебра, вызванной выработкой самых богатых рудников Средней Азии, в действительности было следствием политической нестабильности, порождавшей хронический дефицит бюджетов многих государств, который пытались покрыть увеличением доходов от чеканки монет. Это приносило одноразовый доход, но не позволяло сохранять постоянный принудительный курс – все равно дирхемы продолжали обмениваться на золото по реальному содержанию в них серебра: если динар равнялся 14 серебряным дирхемам, то этому соответствовали 37–40 дирхемов с 30% серебра. О том, что не дефицит серебра вызвал порчу монеты, свидетельствует и чеканка Буидами динаров, содержащих от 1/2 до 1/3 золота.

Соответствие курса неполноценных дирхемов содержанию в них серебра не нарушала устойчивость денежного обращения в странах с развитыми товарно-денежными отношениями, но там, где деньги были прежде всего средством накопления, неполноценная монета была мало желательна.

Исламизация силой оружия больших территорий и этнических групп после сложения основной территории халифата к 20–30-м гг. VIII в. в большинстве случаев носила формальный характер: это было признание политической зависимости, мало касавшейся религиозных убеждений. Таким актом была победа Марвана ибн Мухаммада над хазарами где-то около Дона в 737 г., после которой хакан согласился принять ислам. Если даже эта часть сведений арабских историков верна, то после ухода Марвана с Северного Кавказа о принятии ислама хазары забыли, и еще 200 лет спустя религией хазар оставался иудаизм. Примерно тоже можно сказать и о походах Саманидов за Сырдарью против кочевников, формально оканчивавшихся в случае победы принятием последними ислама.

Одновременно в пограничных районах, где мусульмане и немусульмане жили бок о бок и имели постоянные контакты, происходило незаметное распространение ис-

лама, который одним привлекал возможностью более выгодных условий торговли, а другим приносил решение духовных запросов и открывал путь к богатой уже в это время арабо-мусульманской культуре. Наряду с этим, несомненно, распространению ислама способствовали пропагандисты-добровольцы. В отдаленных областях пропагандистами ислама вольно или невольно становились купцы, привозившие дорогие диковинные изделия и рассказывавшие о богатстве и могуществе стран, из которых они приехали. Обычно такие купцы имели контакты с местными правителями.

Имели значение и политические выгоды принятия ислама этими государями и вождями племен, о которых можно только гадать. Во всяком случае, после того как исчезло единое мусульманское государство и прекратилось распространение ислама силой оружия, началось спокойное идеологически обоснованное распространение этой монотеистической религии и связанной с ней высокой культуры.

В 308/920–921 г., в трудное для халифата время, мало подходившее для вынашивания амбициозных планов идеологической или политической экспансии, когда приходилось защищать Ирак от нападений карматов, а Египет – от посягательств Фатимидов, в Багдад прибыл владетель какого-то княжества в Синде (Западная Индия) и принял ислам от самого халифа ал-Муктадира. Вряд ли халиф мог в это время как-то повлиять на положение в Синде, и все же авторитет ислама, принятого от халифа, имел какое-то значение.

А в начале 921 г. в Багдад пришло письмо правителя (эльтебера) болгар Алмуша, выразившего желание принять ислам и просившего прислать наставников в веру и денег для постройки крепости (или стены вокруг резиденции). Это событие, политически более важное, чем принятие ислама владетелем одного из многочисленных княжеств Синда, тем не менее не попало на страницы исторических сочинений, что можно объяснить тем, что в Багдаде в этот момент имели место неприятности. Второй год весной, то ли по неграмотности властей, то ли из-за откровенной спекуляции, резко повысились цены на хлеб. Горожане бунтовали весной 920 г., взбунтовались и в 921 г., по-видимому, в мае, т.к. рассказ об этом, начатый под 308 г.х., заканчивается под 309 г.х. Возму-

щенные горожане разграбили дом начальника полиции на восточном берегу Тигра, перешли на западный, где к ним присоединились жители западного берега, и все вместе пошли к воротам «Круглого города». Начальнику полиции удалось подавить мятеж, только применив оружие. Были введены твердые цены, которые не поправили положения. Халиф отправил вазира, взявшего снабжение столицы в откуп, в Васит, чтобы наладить доставку зерна нового урожая. Вазир возвратился в Багдад только через месяц после выезда посольства в Булгар. Алмушу были посланы полагавшиеся в таком случае подарки в виде парадных парчовых одежд, запасы, которые всегда имелись в сокровищнице, и различные дорогие изделия; денег посольство не получило – то ли их не было в наличии, то ли считалось, что везти большую сумму опасно. Послу поручено было получить их в Хорезме с управляющего расположенным там именем смещенного вазира Али ибн Исы. Надеяться получить деньги от своего вассала, саманидского эмира, халиф не рассчитывал.

После принятия ислама Булгар начинает упоминаться арабскими географами, хотя сведения о нем были туманными, и в их сообщениях смешиваются волжские болгары и балканские болгары.

Не зафиксированное историками посольство в Булгар сохранилось в каких-то устных рассказах, и один из них привел ал-Масуди в «Мурудж аз-захаб...» («Золотые копи и россыпи самоцветов»): «А царь болгар в это наше время, то есть в триста тридцатом году (941–942) – мусульманин, он принял в дни ал-Муктадира би-л-лахи, то есть после триста десятого года (922–923). И вот рассказ об этом: У него был сын, который совершил хаджж, он прибыл в Город благополучия (Багдад), и отправил ал-Муктадир с ним знамя и значки (бунуд) и деньги. И есть у них пятничная мечеть». Дальше ал-Масуди сбивается и сообщает: царь болгар совершает походы на Константинополь, что явно относится к балканским болгарам.

Из других географов наиболее конкретные сведения о стране болгар сообщает Ибн Русте, сочинение которого датируют в пределах от 903 до 913 г., но эта дата, несмотря на авторитет И.Ю.Крачковского, представляется неверной: Булгар в рассказе Ибн Русте – давно исламизированная

область, какой она не была даже в 922 г. по описанию Ибн Фадлана, – так что либо все сочинение написано позже 20-х гг. X в., либо все сведения о Восточной Европе были включены туда позднее человеком, редактировавшим сочинение.

Впрочем, до XI в. Булгар, отделенный от мусульманского мира Хазарией, остается неведомой страной, где «очень короткие ночи летом и очень холодно зимой». Характерно, что ал-Мукаддаси, описывавший мир в границах ислама, не упомянул Булгар.

Тюркизация мусульманского мира

Во второй половине X в. двухвековой процесс постепенной насильственной и мирной исламизации тюркской кочевой периферии завершился тем, что в 960 г. караханидский хакан Сатук Богра-хан, принявший ислам, обратил в ислам сотни тысяч своих подданных в Семиречье. Вне зависимости от того, было ли это обращение поголовным, ислам стал государственной религией Караханидского каганата.

К концу X в. Саманидское государство, потерявшее поддержку диканства, становится легкой добычей Караханидов. Характерно, что когда в 999 г. караханидское войско, разгромив саманидскую армию, подошло к Бухаре, и проповедники в мечетях огласили призыв эмира к горожанам помочь в защите столицы, горожане обратились к авторитетным для них факихам, и те ответили, что если бы речь шла о защите от врагов ислама, их участие было бы обязательным, а поскольку Караханиды – хорошие мусульмане и борьба идет не за веру, а за власть, то проливать свою кровь не следует. И это заключение решило судьбу Бухары.

Земли к западу и югу от Амударьи вошли в государство Махмуда ибн Сабуктегина, наместника Саманидов, ставшего теперь независимым государем. Махмуд, сын тюркского раба, воспитанного при саманидском дворе, сохранил централизованное управление государством и, пытаясь подражать просвещенному покровительству наукам и искусствам, процветавшему при Саманидах, свез к своему двору в Газне ученых и поэтов из покоренных стран. Среди них был величайший ученый мусульманского средневековья Абу Райхан ал-Бируни. Но создать из Газны выдаю-

щийся культурный центр Махмуд не смог. Главным для него были не радости интеллектуального общения, а жажда власти и богатства, которая заставила его совершить под лозунгом борьбы за веру походы в Северо-Восточную Индию, опустошая сокровищницы индуистских храмов и уведя тысячи пленных.

Огромная армия, созданная Махмудом и натренированная непрерывными войнами, не помогла сдержать еще одну волну тюркского движения из Средней Азии на запад, когда туркмены-огузы в конце 30-х гг. XI в. начали борьбу за овладение Хорасаном. В 1040 г. они разгромили превосходившую их по численности и оснащенной армии Масуда Газневи и, не сдерживаемые никем, быстро овладели Ираном. Горожане, приученные предыдущими правителями, что война – дело государей, а их дело – платить налоги для ведения войны, не оказывали серьезного сопротивления, а разрозненные силы соперничавших между собой Буидов не могли сдержать натиска увеличивавшихся масс кочевников. В самом конце 1055 г. сельджукский султан Тогрул-бек подошел к Багдаду, демонстрируя почтительное отношение к халифу, но мирные переговоры были сорваны незначительным конфликтом горожан с туркменскими воинами, переросшим в массовое кровавое столкновение. Тогрул расправился с обидчиками его воинов, а затем восточная часть Багдада была разграблена, жители спасались в обширной защищенной резиденции халифа. Бесчинства сельджукских воинов в городах и сельской округе привели к дороговизне продовольствия и голоду. Багдад снова оказался под двойным управлением, а халифы – зависимыми повелителями суннитского мира.

При дальнейшем продвижении на запад в 1071 г. сельджуки столкнулись под Манцикертом (у оз. Ван) с византийской армией, возглавляемой императором Романом. Предательство приближенных императора и его пленение обеспечили сельджукам победу. Им был открыт путь в Малую Азию, которую за несколько лет завоевали отдельные племенные группировки, дойдя до Никеи на Мраморном море. А на востоке сельджукские султаны распространили свою власть на Среднюю Азию, подчинив себе Караханидов.

Сельджуки сохранили бюрократический аппарат в завоеванных странах, но в соответствии с представлением о государстве как собственности правящего рода разделили его на уделы, отвечающие по значению иерархии родственных отношений. Внутри этих уделов вожди племен получали надель для содержания своих людей по числу воинов. Эти надель традиционно назывались икта, хотя принципиально отличались от прежних тем, что держатель икта, иктадар, осуществлял в нем политическую власть с помощью своих воинов.

При подобной структуре власти единство огромной страны могло сохраняться только при сохранении тесных родственных отношений внутри правящего рода. В ином случае большая военно-политическая самостоятельность уделов неминуемо вела к распаду, как это и случилось в конце 90-х гг. XI в., когда началась междоусобная война внутри династии, а на периферии сельджукского государства появились независимые туркменские династии.

Приход к власти Сельджуков усилил позиции суннизма на Ближнем Востоке и обострил борьбу между суннитами и шиитами-исмаилитами. В 1059 г. сторонникам Фатимидов удалось овладеть Багдадом почти на год до возвращения сельджукской армии из Азербайджана. Значительным шагом в идеологической борьбе с исмаилитской пропагандой стало основание сельджукским вазиром Низам ал-Мульком в Багдаде первого на Ближнем Востоке медресе, торжественно открытого в сентябре 1067 г. Преподавание религиозных наук начинает превращаться в государственное дело.

Особенно опасным противником суннизма и сельджукской власти становится ветвь исмаилитов-низаритов, возглавленная Хасаном ибн ас-Саббахом, организовавшим подготовку в своей горной крепости Аламут террористов-смертников (фидаи), от рук одного из которых пал в 1092 г. Низам ал-Мульк.

Сельджукская экспансия в Малой Азии непосредственно угрожала Константинополю и самому существованию Византии, и император Алексей Комнин обратился за помощью к христианскому Западу. В начале 1097 г. в Константинополе собралось войско рыцарей-крестоносцев из Франции и норманнской Италии, благословленное папой Урбаном II на освобождение

Гроба господня от мусульман. Разгромив малоазийских туркмен, крестоносцы через Сирию двинулись к Иерусалиму. Мелкие сельджукские княжества Сирии не смогли оказать серьезного сопротивления, а занятые междоусобицей султаны не пришли на помощь с основными силами. Основав по пути Антиохийское и Эдесское княжества, крестоносцы летом 1099 г. взяли штурмом Иерусалим, учинив там кровавую бойню, в которой были перебиты все нехристиане. Иерусалим стал столицей Иерусалимского королевства, созданного в Палестине, а Малая Азия вновь оказалась в руках туркмен.

Самым поразительным в истории первого крестового похода являлось то, что появление сильного, безоговорочно враждебного исламу противника на мусульманской территории не вызвало заметной реакции в мусульманском мире. Ни тогда, ни несколько позднее, когда в Сирии шли вялые военные действия между мусульманскими правителями и крестоносцами, не раздавался призыв к всеобщей борьбе за веру. Ни аббасидский, ни фатимидский халифы не отреагировали на вторжение крестоносцев, во всяком случае, это не отразилось в исторических сочинениях.

По-видимому, после первого, кровавого этапа вторжения крестоносцев, положение их мусульманских подданных за пределами Иерусалима не было тяжелее, чем в мусульманских государствах. Во всяком случае, единый фронт борьбы мусульманского мира против вторгшихся врагов ислама не сложился, и борьба с ними осталась делом ближайших соседей, вассалов Сельджукидов, правивших небольшими княжествами в Северной Сирии и Месопотамии. Один из них, Имад ад-дин Зенги (1127–1146) в 1144–1146 гг. уничтожил Эдесское графство, что вызвало второй крестовый поход 1148 г., не изменивший положения, а его сын Нур ад-дин в 1164 г. нанес жестокое поражение крестоносцам на антиохийском направлении, захватив в плен князя Антиохии и графа Триполи.

Фатимидский Египет в это время был ослаблен борьбой за власть в верхах. Вазир Шавар для сохранения своего поста обращался за помощью то к Нур ад-дину, то к иерусалимскому королю. Дело дошло до того, что Шавар приказал сжечь Фустат, чтобы его богатства не достались крестоносцам, и обязался уплатить миллион ди-

наров. Прибытие от Нур ад-дина 8 тыс. курдских всадников во главе с Ширкухом заставило крестоносцев уйти. Ширкух был назначен вазиром, а после его смерти в 1169 г. этот пост занял его племянник Салах ад-дин, который через полгода бескровно, простым актом возглашения в пятничной молитве имени аббасидского халифа покончил с фатимидским халифатом. В мусульманском мире верховная власть снова стал принадлежать одному халифу. Это совпало с восстановлением власти халифов над частью Ирака и усилением их влияния на межгосударственные отношения.

Решительный удар крестоносцам нанес Салах ад-дин, усилившийся после присоединения к своему государству владений Зенгидов. В ответ на нападения графа Рене де Шатийона на торговые суда в Красном море, вторжения на территорию его государства и на караван паломников в 1187 г. Салах ад-дин встретился в начале июля того же года со сводным войском крестоносцев у Хитгина (западнее Тивериадского озера) и наголову разгромил его. Почти все рыцари были убиты или взяты в плен. В плен попали иерусалимский король с братьями, гроссмейстер ордена тамплиеров и Рене де Шатийон. Салах ад-дин собственноручно обезглавил Рене и приказал казнить всех тамплиеров, остальные должны были выкупить себя.

Иерусалимское королевство после этого не могло оказать сопротивления. Иерусалим был взят без особых затруднений. Все западные христиане были объявлены пленниками и должны были выкупить себя. Не имевшие этой возможности были обращены в рабство. Эту жестокую меру по сравнению с кровавой бойней, учиненной крестоносцами при взятии Иерусалима, можно считать актом средневекового гуманизма, особенно если добавить, что потом Салах ад-дин оплатил судовладельцам (христианам) за тех изгнанников, у кого не было средств на оплату дороги.

Западная Европа ответила на поражение третьим крестовым походом (1189–1192), возвратившим Иерусалимскому королевству приморские города. Отступая, Салах ад-дин разрушал городские укрепления и выводил население за пределы города. Желание создать «мертвую зону» между Палестиной и Египтом дошло до того, что по его приказу было выселено все население

одного из крупнейших городов Египта, Тинниса, а город разрушен. Раздел государства Салах ад-дина между сыновьями после его смерти продлил существование крестоносцев на территории Ближнего Востока еще на полвека. Уничтожение сводной армии крестоносцев под Газзой в 1244 г. и провал похода Людовика IX на Египет в 1248 г., окончившегося пленением короля, окончательно решили судьбу Иерусалимского королевства. Ничтожные останки владений крестоносцев на побережье, просуществовавшие еще два десятка лет, уже не играли никакой роли на Ближнем Востоке.

Крестовые походы, сыгравшие большую роль в ускорении культурного развития Западной Европы, способствовавшие росту Генуи и Венеции, обернулись для Ближнего Востока опустошением Палестины и утратой активной роли арабского флота на Средиземном море. Некоторые заимствования в области фортификации и военного дела не могли компенсировать этого ущерба. Период крестовых походов можно считать условным рубежом, за которым темп развития Западной Европы превзошел ближневосточный.

Крестовые походы, много значившие для Египта, Сирии и Палестины, никак не затронули страны за пределами владений Зангидов, а затем – Айюбидов: там шла борьба между многочисленными полувисимыми и независимыми потомками Сельджука и их ставленников.

Частые изменения политической карты мало что меняли в экономике, системе управления и идеологии, – все было задано опытом и практикой единой сельджукской империи.

Тюркское завоевание Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока, в отличие от арабского, не принесло с собой нового письменного языка. Тюркские языки остались на уровне разговорных, для «внутреннего употребления», персидско-таджикский – языком канцелярии, литературы и высокой поэзии, арабский продолжал на всей территории быть языком религии и науки, уступая персидскому поле исторической науки. На ираноязычной территории на персидском языке писались не только новые исторические сочинения, но и переводились написанные прежде на арабском. При этом, что характерно, переводов с персидского на арабский не по-

являлось отчасти потому, что все образованные люди знали арабский язык и в тех случаях, когда что-то считали заслуживающим общего внимания – писали по-арабски. И все же изолированность арабской литературы от персидской обедняла ее.

XI – первая половина XIII в. были временем расцвета литературы на персидском языке, особенно поэзии. Имена Фирдоуси (934–1020?), закончившего в начале этого периода свою великую эпопею «Шахнаме», Омара Хайяма (ум. в 1122 г.), Низами (1141–1203), Саади (1203–1292), Джалал ад-дина Руми (1203–1273) хорошо известны и в наше время за пределами ираноязычного мира. В то время складывается богатый фонд исторической литературы, наконец, персидский язык вторгается и в религиозную сферу в виде комментариев к Корану и религиозно-этических сочинений.

Тюркская верхушка была двуязычной, и вторым языком в большинстве случаев был персидский. Волна сельджукского вторжения донесла с собой влияние персидской культуры до Малой Азии, примером чего является Джалал ад-дин Руми. Тюркский язык долго еще оставался разговорным, пополняясь персидской и арабской лексикой.

По сравнению с развитием литературы прогресс науки в эту эпоху выглядит значительно скромнее. В караханидских владениях развитие естественных и точных наук по существу прекращается. Отсутствие у Караханидов интеллектуальных запросов в этой сфере заставило одного из величайших ученых мусульманского средневековья Абу Али ибн Сину покинуть Бухару, и после него в Мавераннахре не появилось ни одного известного врача или философа. Вершиной научной мысли, после которой заметен спад, или в лучшем случае застой, было творчество Абу Райхана ал-Бируни, которое отличала пылкость и смелость мысли, чего в большинстве случаев не хватало ученым следующих поколений.

Одной из причин этого можно считать усиление духовной цензуры. Крупнейший религиозный мыслитель конца XI – начала XII в. ал-Газали отчетливо сформулировал сложившееся к этому времени осуждение свободы мысли «философов», людей, выходящих в своих суждениях об устройстве

мира за общепринятые рамки, поставленные значительно развившейся к этому времени теологии. Лишь на крайнем западе мусульманского мира, который мы оставляем в стороне, в XII – начале XIII в. появился выдающийся мыслитель в лице Ибн Рушда (1126–1211), оказавший большое влияние на развитие западноевропейской философии, и которого, наряду с Ибн Синой (Авиценной), в средневековой Европе причисляли к величайшим мудрецам.

Как отмечалось выше, в XII в. происходит массовое создание медресе. В Дамаске в конце XII в. было 66 медресе в самом городе и 20 в пригороде, в Халебе – более 40. Даже в сравнительно небольших городах в это время функционировало по нескольку медресе. Это не исключало прежней традиции преподавания в мечетях и даже в собственных домах, но признанные ученые предпочитали преподавать в медресе, тем более что там их труд оплачивался. Основу финансирования составляли пожертвования учредителя в форме вакфа.

Вакф (ар. «остановка», «приостановка») – благочестивое завещание доходов с какой-то собственности, которая теряет основной признак собственности – право и возможность отчуждения, оно как бы «останавливается» (вакафа). Волей учредителя определяется распределение завещанных доходов (на ремонт, на освещение, на оплату персонала и т.д.). Почитаемые учебные центры или лечебные заведения, приюты накапливали значительное число дополнительных завещаний. Жертвователю мог даже завещать должность распорядителя своему сыну и всем его потомкам, создавая своего рода страховой фонд. Вакфы завещали даже гробницам, почитаемым за святых (мазарам).

Таким образом, в XII – начале XIII в. складывается значительная прослойка людей, получающих жалование за исполнение каких-то функций, связанных с религией, экономически независимая от государства и поэтому могущая иметь собственное мнение (что не мешало правителям отстранять от преподавания и управления медресе неугодных властям людей).

Параллельно с развитием традиционного богословия и усложнением восприятия огромного объема теологической литературы развивается мистико-аскетическое направление, призывающее к познанию божества через самоусовершенствование –

суфизм. Это направление, истоки которого относят чуть ли не к началу VIII в., реально громко заявило о себе в проповеди ал-Халладжа в начале X в., а массовым явлением стало на рубеже X–XI вв. Не вдаваясь в детали, можно отметить как существенную отличительную черту суфизма познание истины через посредство учителя, шейха-наставника, познавшего тайну общения с божественной душой в экстазе самоотречения. Последователи – мюриды постигают истины веры не от многоточия, а благодаря указаниям шейха. Познавший бога получает от шейха вместо документа (иджазы) особую одежду, хирку, дающую право стать наставником. Различие взглядов и приемов достижения экстатического состояния приводило к возникновению различных направлений, путей (тарикат), называемых европейскими исследователями то «орденами», то «братствами». Увеличение численности последователей и желательность изоляции привели к появлению специальных обителей (ханака или завий), в которых мюриды, живя по строгим правилам поведения, под руководством шейха постигали науку воспарения духом.

Представители традиционного (или официального) ислама боролись против суфизма, особенно их возмущали радения с музыкой, пением и пляской, но в народной среде авторитет шейхов, лично, а не через книги установивших связь с божеством, с течением времени только возрастал. Чистый монотеизм не дает большинству людей душевного удовлетворения, и люди ищут посредников, отсюда культ святых с совершенно языческим поклонением останкам в христианстве, отсюда и поклонение могилам святых в исламе, что противоречит его основным принципам, но неистребимо. Суфийские шейхи оказывались именно такими посредниками между непостижимым единосущным богом и людьми. Богатые люди почитали за честь приносить им дары, и богатство шейхов, помогавших беднякам, увеличивало их влияние.

В начале XIII в. (а может быть, и раньше) устанавливается какая-то связь между суфизмом и ремесленными организациями в городах, организациями не совсем понятной футуввы, которую халиф ан-Насир решил использовать для укрепления своего влияния, вступив в 1185 г. в ряды футуввы

и призвав государей последовать его примеру. Этот неожиданный шаг, по-видимому, не имел никаких последствий.

Суфизм оказал влияние и на распространение ислама на степных окраинах Средней Азии, где происходил постоянный подток кочевников-язычников с северо-востока. Здесь в городке Ясы успешно вел пропаганду Ахмад Йасави, гробница которого до сих пор почитаема.

В какой мере влияние суфизма сказывалось в Поволжье в XII в., сказать трудно.

Устоявшийся, хотя и беспокойный, уклад жизни восточной половины мусульманского мира был сломлен в 20-х гг. XIII в. монгольским завоеванием. Последствия его хорошо известны, и не стоит останавливаться на деталях. Монголы прошли по Средней Азии, беспощадно подавляя всякое сопротивление. Как бы ни было преувеличено число жертв у мусульманских историков, счет шел на многие десятки тысяч. Была уничтожена столица Хорезма Джурджания, разгромленный Мерв так и не возродился, в Самарканде, чтобы взять город, был разрушен акведук, подававший воду в город, чего не сделали ни одни из предыдущих завоевателей. Дальнейшее продвижение монголов на запад растянулось на 35 лет и, вероятно, поэтому выглядело менее разрушительным.

Завоевания монгольских ханов, объединившие Иран и Среднюю Азию с кочевыми степями Евразии, создали иную ситуацию в мусульманском мире, о которой речь пойдет в другом месте. Здесь стоит только отметить, что владения халифов оставались нетронутыми до середины XIII в., и только после того, как была завоевана Северная Месопотамия, Хулагу в начале 1258 г. осадил Багдад. Халиф ал-Мустаин в сопровождении вазира и знатных горожан вышел для переговоров и был арестован монголами. Через две недели город прекратил сопротивление. Халифа вынудили сдать все сокровища, а затем задушили, следом была уничтожена вся его мужская родня и многие из его окружения. На следующий день 11 февраля 1258 г. город был отдан на разграбление. Сильно пострадал, Багдад не исчез, как Джурджания и Мерв, но утратил свою роль интеллектуальной столицы мусульманского мира, которая перешла к Каиру. Здесь уже начинается новая страница в истории мусульманского мира.

ГЛАВА 2

Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии

*Искандер Измайлов***Религиозная ситуация
в Среднем Поволжье в VIII–IX вв.**

К середине VII в. в Западной Евразии власть тюркских каганов ослабла и в причерноморских степях возникло государство «Великая Болгария», ставшая первым этнополитическим объединением болгар.

Хотя Великая Болгария существовала исторически недолго, однако в этот период сформировалось особое этнополитическое самосознание, т.к. и после распада государства и переселения на новые территории различные группы болгар и на новой родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе, видимо, династийную историю («Именник болгарских ханов»). Обычно считается, что болгары в период прихода в Волго-Уральский регион были язычниками. При этом многие исследователи настаивают, что основой болгарской мифологии и верований было тюркское тенгрианство [Кляшторный, 1981, с.117–138]. Характерными особенностями культа Тенгре как владыки Верхнего мира в Предкавказье и, очевидно, среди праболгарских племен были поклонение его символам и ипостасям – Солнцу, Луне, грому, высоким деревьям. Поклонялись они также женскому божеству, очевидно, тюркской богине Умай, а также священной Воде и Земле. Верования и обряды, зафиксированные у различных тюркских племен Предкавказья и Северного Причерноморья в VII–VIII вв., находят яркие параллели с верованиями центральноазиатских тюрков [Кляшторный, 2000, с.120–125]. Однако, несомненно, что уже в этот период религиозная ситуация не была простой. Известно, что Кубрат крестился, явно христианами была какая-то часть праболгарской знати. Насколько широко эта религия была распространена – неизвестно, но наличие хри-

стиан среди населения Подонья несомненно. Чуть позднее в регион начинает проникать ислам, особенно усилились его позиции после завоевания арабами Средней Азии и начала арабо-хазарских войн.

После гибели Великой Болгарии пять сыновей Кубрата во главе своих племен оказались на разных территориях. Факт расселения болгар достаточно хорошо зафиксирован письменными источниками, а также сходством археологических материалов, обнаруженных в Нижнем Подунавье, Паннонии, Среднем Поволжье, Подонье и Северном Кавказе. Какая-то часть болгар оказалась в Среднем Поволжье.

Раннебулгарские и другие тюрко-угорские племена Волго-Уральского региона в VIII–IX вв. находились в политической зависимости от Хазарского каганата, где уже в середине – конце VIII в. распространяется иудаизм [Новосельцев, 1990, с.148–154]. Эта религия, однако, судя по источникам, не стала верой всего населения каганата и даже спровоцировала междоусобную войну («восстание кабаров»).

Несмотря на изученное значительное количество археологических памятников VII – начала X в., нет достаточно убедительных фактов для суждения о распространенности мировых религий среди тюрко-булгарских племен Среднего Поволжья в этот период. Но нет сомнения, что их верования были достаточно далеки от центральноазиатского тенгрианства и осложнены влиянием различных религий. Кроме того, различные роды и племена могли исповедовать разные культы и верования.

Таким образом, к моменту создания булгарского этнополитического объединения религиозная ситуация была сложной, а духовная культура тюрко-булгарских племен представляла собой синкретичный комплекс различных тюркских культов, осложненных влиянием мировых религий.

Распространение ислама в Поволжье: причины и начало истории

Исследователи по-разному указывали начало распространения ислама в Волго-Уральском регионе, определяя его в пределах VIII–X вв. Представляется, что без новых достоверных источников говорить о точном сроке появления ислама в Булгарии можно лишь гипотетически. Ясно, что с началом установления регулярных торгово-экономических контактов булгар со странами Востока (с конца VII в.) и возникновением магистрального Волго-Балтийского пути с особой инфраструктурой и зоной его влияния связи с мусульманами укрепляются и становятся регулярными. Однако говорить в этот период о возникновении устойчивой общины мусульман вряд ли возможно. К VIII–IX вв., вероятно, относится появление первых проповедников и начальный этап знакомства с исламом.

Несомненно, что распространение ислама среди булгар связано с процессами консолидации различных племен под эгидой булгар во главе с Шилки и особенно его сыном Алмышем (Алмушем). Важнейшим политическим мотивом этого было стремление добиться независимости от Хазарского каганата. Алмыш и другие вожди тюрко-угорских племен Волго-Уральского региона находились в вассальной зависимости от кагана хазар и платили ему дань мехами, а сын Алмыша находился заложником в Итиле. Вообще власть хазар была довольно безжалостной и унижительной: так, узнав о красоте дочери Алмыша, правитель хазар захотел взять ее в свой гарем и, когда эльтебер булгар отказал, послал войска, которые заставили его подчиниться приказу. А уже после смерти дочери Алмыша каган потребовал отдать ему ее сестру [Ибн Фадлан, 1956]. Намереваясь противостоять хазарам, Алмыш стремился консолидировать средневожские племена под своей властью.

Однако по мере подчинения разрозненных племен правящий клан булгар столкнулся с проблемой не только военно-политического, но и идеологического объединения различных племен и родов, имевших свои племенные культы и верования. Создание надплеменного этнополитического объединения потребовало утверждения унифицированной, универсали-

стской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде. Такую веру могли дать только мировые религии. Одновременно новая вера могла укрепить власть правителя, придав ему дополнительную легитимность. Она не только ставила бы его власть выше племенных династий, но и в определенной мере отвергла бы их, лишив божественной санкции на власть.

Имеющиеся у нас факты свидетельствуют, что процессы становления Булгарского государства стали особенно активно протекать в конце IX – начале X в., поэтому распространение ислама следует относить именно к этому времени. Не случайно первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменую, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду булгарских племен [Казаков, 1985]. Таким образом, основной причиной распространения ислама среди булгар следует признать внутренние факторы, консолидацию различных племен под властью булгар.

Но почему из всех мировых религий в Поволжье распространился именно ислам? Ответ на этот вопрос можно объяснить взаимодействием различных внешних и внутренних факторов. С одной стороны, ни христианство, ни иудаизм не могли быть привлекательны для булгар, поскольку ближайшая тогда христианская держава – Византия находилась в союзе с Хазарией и не оказывала сколько-нибудь активного влияния на Поволжский регион, а против иудейской Хазарии булгары собирались вести борьбу. Следовательно, выбор ислама был предопределен складывающейся политической конъюнктурой.

Особую роль в этом выборе сыграли активные торгово-экономические контакты Поволжья со странами Средней Азии – Хорезмом и державой Саманидов. Благодаря прямому торговому пути в Среднее Поволжье мусульманские купцы получили доступ к северным товарам в обход Хазарии. Одним из ярких свидетельств этого являются многочисленные клады арабских дирхемов – куфических и африканской чеканки, которые в Булгарии (Старое Альметьево, 821) и Верхнем Прикамье (Лелеки, 802/803, Вятка, 835, Ягошурь, 842/843,

Лесогур, 841/842) известны с 840-х гг., а с конца IX в. основную часть монетного потока составляют саманидские дирхемы [Янин, 1956].

Плавное развитие болгарского общества и медленное проникновение в него ислама в IX–X вв. привело к возникновению государственности и принятию мусульманства Алмышем и частью знати. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит рассказ в одном из сочинений арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида ал-Гарнати о начале Булгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им книги «История Булгарии», переписанной (написанной?) болгарским столичным кади Йакубом ибн Нугманом, т.е. вполне официальную историографическую традицию. «А смысл слова болгар, – пишет андалусский путешественник, – «ученый человек». Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину». Далее ал-Гарнати рассказывает о болезни эмира/«царя» болгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии булгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев «царя» хазар, который пошел на болгар войной, но был разбит с помощью «больших мужей на серых конях» («войска Аллаха, великого и славного», как сообщает источник ал-Гарнати) [ал-Гарнати, 1971, с.31]. Это, скорее всего, не первая версия данного сюжета, но единственная, аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю состоит в том, что болгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов.

В другой, более поздней версии, дошедшей до нас в преданиях, записанных в XVIII–XIX вв., сюжет этот изложен более подробно и приписывает распространение ислама в Булгарии трем асхабам (сподвижникам) пророка Мухаммада. Один из них излечил дочь правителя от смертельного недуга и, женившись на ней, дал начало новой исламской династии [Галаяудинов,

с.162–163]. С точки зрения исторической реальности сюжет этот носит легендарный характер. Это было ясно уже такому реалистически мыслящему просветителю, как Ш.Марджани, подвергнутому эту версию резкой критике. И он был прав. Однако зерно истины в этой легенде все же есть. По существу, это предание можно расценивать как попытку болгарских средневековых историков удревнить корни своего правоверия и утвердить в среде населения Булгарии чувство превосходства над соседями, не способными претендовать на родство со сподвижниками пророка. Следовательно, историческая и фольклорная версии довольно сходны, что позволяет думать, что последняя сохранила отрывки болгарской исторической традиции, хотя и в переработанном виде.

Кроме того, как мы видим, ни одна официальная болгарская традиция не упоминает в связи с принятием новой религии багдадских халифов. И это не случайно. Сами болгары четко и недвусмысленно указывают на то, откуда пришел ислам в Поволжье и какие религиозные связи оставались для болгар актуальными на протяжении многих веков – Средняя Азия и Бухара. Недаром первые болгарские монеты являлись подражаниями саманидскому чекану вплоть до дат и центров чеканки (Бухара, Самарканд, Чач) [Мухамадиев, 1990, с.104–117]. Только, видимо, гораздо позднее эта традиция была переосмыслена, а приоритет в распространении ислама стал связываться не с анонимным бухарским факихом, а прямо со сподвижниками пророка. В чисто богословском аспекте это играет важнейшую определяющую роль. Дело в том, что в IX–X вв. в Средней Азии, особенно при дворе Саманидов, наибольшее распространение получил ханифитский мазхаб ислама, в то время как в Багдаде утвердились мазхабы аш-Шафии и Ханбали. По ряду замечаний Ибн Фадлана, описывавшего «ошибки» религиозной практики болгар (особенности чтения хутбы, двойная икама, неупоминание имени халифа и т.д.), можно заключить, что они следовали в ней как раз учению Абу Ханифы. Все это убедительно свидетельствует о приоритете среднеазиатского центра ислама на выбор веры у болгар. Нельзя исключить и определенное влияние на принятие ислама булгарами со стороны мусульманской общины Итиля, где была

влиятельная «мусульманская партия» из городской верхушки и гвардии («ал-арсийа») [Новосельцев, 1990, с.121–122]. В союзе с ними болгары действовали, например, против русов в 912/913 г., однако, насколько оно было определяющим, судить трудно.

Точная дата принятия ислама Алмышем неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X в. Ибн Русте сообщает, что «царь болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их (булгар) исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [Хвольсон, 1869, с.22–23]. О том, что болгары-мусульмане действовали против русов, совершивших в 912/913 г. рейд в прикаспийские провинции Саманидов, писал ал-Масуди [Гаркави, 1870, с.131–133]. Сведения о том, что правитель болгар – мусульманин, сообщает Ибн Фадлан, хотя он старается этот факт завуалировать в стремлении выпятить свою роль в исламизации болгар и их «малика». Тем не менее этот арабский автор, побывавший на Средней Волге, пишет, что в 921 г. в Багдад прибыло посольство к халифу с письмом от «ал-Хасана сына Балтавара, царя славян (сакалиба)», т.е. правитель болгар (эльтебер и сын эльтебера) Алмыш подписывался мусульманским именем «ал-Хасан» и, очевидно, был мусульманином, как и его дочь. В составе посольства находился один из приближенных Алмышы, также мусульманин – Абдаллах ибн Башту ал-Хазари.

Были общины мусульман и в самой Булгарии. Кроме ставки Алмышы, в которой был специальный штат духовенства, включая муэдзина, и где, судя по словам Ибн Фадлана, было довольно много мусульман (он даже описывает их погребальный обряд), были и другие значительные мусульманские общины. Так Ибн Фадлан описывает общину «домочадцев» (сородичей?) под именем ал-баранджар «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся» [Ибн Фадлан, 1956, с.138]. Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру.

Ислам утверждался в противоборстве с племенами, которые стремились не столько сохранить традиционные верования, сколько, видимо, отстоять таким образом свою самостоятельность от болгар Алмышы. Наиболее характерен пример, описанный Ибн Фадланом, когда Алмыш приказал, «чтобы произошла перекочевка, и послал за народом, называемым суваз, приказав им перекочевать вместе с ним. (Они) же отказали ему. (Они) разделились на две партии. Одна партия – с (разным) отребьем, и над ними (еще раньше) провозгласил себя (самозванным) царем (некто) по имени Вырыг. И послал к ним царь (булгар) и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб его (Аллаха), и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом». Другая же партия была вместе с царем из племени эскил. Он был у него в повиновении, хотя еще не принял ислама. Когда же он (царь булгар) послал им (первой партии) это послание, то (они) испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр» [там же, 1956, с.139]. К сожалению, в нашем распоряжении нет других фактов, описывающих распространение ислама среди населения Булгарии, но, очевидно, что, наряду с проповедью новой веры, правители болгар использовали и силу.

Важнейшим событием, знаменовавшим утверждение ислама в Булгарии, стал обмен посольствами между Алмышем и багдадским халифом ал-Муктадиром. Политическая история этих контактов, а также перипетии путешествия посольства от Багдада до берегов Волги довольно хорошо изучены [Новосельцев, 1990, с.197–199]. В данном случае важно отметить, что, несмотря на некоторые замечания Ибн Фадлана, ислам был достаточно значительно распространен в Поволжье, и в смысле распространения веры посольство успеха не имело, как и расчеты болгарского правителя найти в лице халифа влиятельного союзника в борьбе и с Хазарией, и с Саманидами. Однако багдадское посольство сыграло определяющую роль в дипломатическом признании Булгарии как мусульманской страны, дало мощный импульс распространению ислама в среде болгар и открыло для цивилизованного мира огромную страну, раздвинуло мусульман-

скую ойкумену до Средней Волги. С тех пор восточные дипломаты и историки стали пристальнее всматриваться в политические процессы в бурлящей Восточной Европе, где появилось самое северное исламское государство – единственный и естественный союзник для любой восточной страны, имеющей интересы в Поволжье, и надежный торговый партнер для всех купцов, торгующих северными товарами. Со времени Ибн Фадлана ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания булгар. Их описания вошли в традицию и сведения о них переписывались, дополнялись и изменялись, особенно после того, как Булгария окрепла и стала мощным средневековым государством. Развивались и крепили ее связи со странами ислама. Закреплены они были во время приезда сына Алмышы, совершавшего хадж, в Багдад к халифу ал-Муктадиру (908–932), когда он преподнес халифу знамя, савад и деньги [там же].

Булгария – средневековая исламская страна

В конце X – начале XI в. Волжская Булгария стала страной «классического ислама» (по терминологии Г.Э. фон Грюнебаума). Территория ее простиралась от Окско-Свияжского междуречья на западе до Южного Урала на востоке, от Посурья и Самарской Луки на юге до Предкамья на севере. Политическое и экономическое влияние булгар распространялось также на Верхнее Прикамье и Нижнее Поволжье, где в дельте Волги находился город Саксин. Столицей государства в описываемое время был город Биляр (*Великий город русских летописей*), который выделялся своими размерами (около 800 га) и численностью населения (до 50 тыс. чел.).

Уже в начале X в. арабо-персидская историко-географическая традиция (Ибн Русте, ал-Истахри, ал-Марвази, ал-Гардизи и др.) фиксировала, что у булгар два основных города: Булгар и Сувар; в обоих городах – соборная мечеть и живут там мусульмане по 10 тыс. человек в каждом городе; они сражаются с неверными [Захедер, 1967, с.36].

Характерно относящееся к этой традиции указание на то, что булгары воюют с неверными. Обстоятельства этих войн неизвестны, но важно общее мнение

о строгом следовании булгар предписаниям ислама и борьбе с неверными. Например, персидский источник «Худуд ал-алам» (982/983) сообщает: «Булгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все жители мусульмане; из него выходит до 20 000 всадников. Со всяким войском кафиров, сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» [Худуд ал-алам, 1930, с.32].

Булгары пытались распространить ислам и на Русь. В 985 г. после похода на Булгарию Владимира I был заключен мирный договор. В «Повести временных лет» (ПВЛ) сохранился рассказ о выборе веры под 986 г., когда булгары пытались обратить Владимира в ислам. Там же изложены основные, на взгляд летописца, характерные черты ислама как религии, когда на вопрос Владимира: «Какая есть вера ваша?», булгары отвечали: «веруем богу; а Бохмит ны учить, глаголя: обрезать уды срамные, а в свинине не ясти, и вина не пити; и по смерти же... с женами похоть творити блудную». Этот же рассказ содержится с теми или иными дополнениями и сокращениями практически во всех редакциях ПВЛ [ПСРЛ, I, с.84; II, с.71, 72; XV, с.77; XXV, с.359]. Далее в рассказе об «испытании вер» (под 987 г.) с разной степенью полноты описывается религиозная практика булгар глазами русских: «ходихом въ Болгары, смотрихом како ся покланяють въ храме, рекше в ропати: стояще бес пояса, поклонився сядеть и глядять семо и овамо, яко бешен, и не веселья в них, но печаль и смрад велик, не добр закон их» [ПСРЛ, I, с.108]. В противовес этим обрядам в ПВЛ подробно описывается православная византийская служба, чья пышность и богатство произвели огромное впечатление на послов, что якобы и заставило Владимира принять христианство восточного толка. В этом рассказе выразительно описано знакомство русских с мусульманской Булгарией, которая стала в конце X в. одним из важнейших государств Восточной Европы.

Проявляла активность Булгария и в контактах со странами ислама. В «Тарих-и Бейхак» есть сообщение о посылке правителем Булгара эмиром Абу Исахом Ибрахимом ибн Мухаммадом ибн Б.л.т.варом в 415/1024–1025 г. в Бейхак, область Нишапура, денег для строительства двух мечетей в Себзеваре и Хосровджерде. По сло-

вам Бейхаки, эмир болгар «послал много денег, послал удивительные дары для государя Хорасана, каких никто не видал...» по причине боговдохновенного сна, «что мол, следует направить некоторые деньги в Бейхак». «В то время, – добавляет он, – те деньги потратили на построение этих двух мечетей» [Заходер, 1967, с.46]. Понятно, что какие бы ни были причины отправки посольства эмира болгар в Хорасан, факт этот сам по себе замечателен. Он указывает на регулярные религиозно-политические и культурные связи между Булгарией и государством Саманидов. В том, что это было если и уникальное событие, то по своим масштабам, но не направленности, убеждает и следующий факт. В 433/1041–1042 г. «человек из болгар – один из больших людей того народа – со свитой из пятидесяти человек, направляясь совершить хаджж», посетил Багдад. Показательно, что этого болгарского аристократа сопровождал Йала ибн Исхак ал-Хорезми, который вел переговоры в халифском диване [Халидов, 1998, с.82].

Все эти источники указывают, что уже к концу X в. Булгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Средней и Передней Азии, Ближнего Востока.

К сожалению, о внутренней жизни и степени распространения ислама среди населения Булгарии сведений в письменных источниках чрезвычайно мало. В некоторой степени этот недостаток могут восполнить данные археологии. Так, для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. их вообще не выявлено. Нет костей свиньи и на других памятниках [Петренко, 1976; 1979]. Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника [Петренко, 1984]. Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, позволяет сделать вывод о повсеместном

и строгом следовании болгарскими предписаниям и запретам ислама.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских болгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Булгарские могильники, как археологический источник, были скрупулезно и всесторонне проанализированы исследователями. Они позволяют сделать вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX – начале X в., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. [Халикова, 1988, с.137 и сл.]. При этом особо следует подчеркнуть, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны. В настоящее время открыто примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения.

Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных традиций в общемусульманской среде, формировании новой этнокультурной общности.

Уникальным свидетельством распространения ислама в городах болгар следует признать открытие деревянной и белокаменной мечети на Билярском городище [Халиков, Шарифуллин, 1979]. Особое внимание комплекс мечети привлекает своими размерами (деревянная – 44/48 x 30 м и белокаменная – 42 x 26 м), которые в этот период были характерны для больших городских храмовых построек, поскольку обычные квартальные мечети и церкви были гораздо меньше. Парадный характер здания подтверждают расположение в центре города, а также нахождение близ него кирпичного здания [Халиков,

1979] и большого городского кладбища с уникальной для Булгарии X в. семейной усыпальницей или мавзолеем с двумя погребенными по типу наземной усыпальницы [Шарифуллин, 1984].

Учитывая дату этого комплекса (перв. пол. X в.), он является важнейшим свидетельством не только распространения ислама, но и становления регулярных исламских институтов, включая мечети, кладбища и соответствующих служителей веры. Организация мусульманской общины в Булгарии плохо известна, но сам факт ее существования, судя по данным восточных источников, не вызывает сомнений. Уже в начале X в. в болгарских городах и поселениях фиксируются муэдзины и имамы [Хвольсон, 1869, с.23]. Есть некоторые сведения и о существовании в стране болгар института судей – городских кади [ал-Гарнати, 1971, с.31], входивших в высшую элиту общества и участвовавших в дипломатических контактах. Косвенные сведения о структуре улама у болгар можно почерпнуть у ал-Гарнати, который, описывая население Саксина, отмечал, что живущие там болгары и сувары имеют своих эмиров и соборные мечети, где они совершают пятничную молитву, у них также есть «кадии, факихи, и хатибы: и все толка Абу Ханифы» [там же, с.27]. Это сообщение также подтверждает мысль, что, очевидно, ханифитский мазхаб был традиционным для болгар не только в начале X в., как об этом писал Ибн Фадлан, но и гораздо позднее.

С внедрением ислама среди болгар стало распространяться восточное просвещение и грамотность. Булгары, приняв ислам, оказались достаточно далеки от иных стран ислама и в некоторой культурной изоляции, но смогли преодолеть ее. Ученый-энциклопедист ал-Бируни в своем труде отмечал, что болгары оторваны «от коренных стран ислама», тем не менее «не лишены сведений о халифате, халифах, а, напротив, читают хутбу с их именами» [Бируни, 1957, с.55]. Однако само ощущение «оторванности» болгар, нахождение их во враждебном окружении не могло не отразиться на их общественном сознании. Уже отмечался факт, повторяемый целым рядом арабо-персидских авторов, которые говорили о походах болгар на соседей как о «джихаде»/«священной войне»: «со всяким войском неверных, сколько бы его ни

было, они сражаются и побеждают» [Захедер, 1967, с.31]. О регулярных походах на северных язычников «царя» болгар и обложении их данью (хараджем) сообщает ал-Гарнати [1971, с.30–31]. Эти сведения настолько традиционны и формульны, что создается впечатление об их болгарских корнях или, во всяком случае, их влиянии на эту традицию. Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Плано Карпини, Рубрук и т.д.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары – самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Путешествия, 1957, с.119].

К сожалению, о характере болгарской богословской школы можно только догадываться, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. Однако не возникает сомнений в том, что на всей территории Булгарии господствовал не только единый мазхаб (ханифитский в своей основе), но и единая улама, которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с выработанными традициями, причем, несомненно, опиралась в этом на светскую власть. Соответственно именно эта традиция преподавалась в медресе и воспроизводилась, сохраняя преемственность и стабильность нормам мусульманского права на протяжении более чем двух веков, о чем свидетельствуют болгарские погребальные памятники X – первой трети XIII в. Ортодоксальность погребального обряда болгар, возможно, связана с их представлениями о своей «избранности», вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира. Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Как бы то ни было, но каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствует о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а целенаправленно насаждались в обществе.

Ислам и болгарская культура

Средневековая Булгария была самой северной страной исламской ойкумены, а «языком» болгарской культуры стал ис-

лам. Есть сведения о развитии в Болгарии монументальной архитектуры, декоративно-прикладного искусства, музыки и литературы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе. Благодаря системе образования, население обучалось грамоте и основам религии. Сохранились сведения о развитии наук и знаний – астрономии и астрологии, медицины и алхимии, богословия и права, географии. Существовала своя историографическая традиция – «Таварих-и Булгар» («История Болгарии») Йакуба ибн Нугмана. В Болгарии жили и творили многие крупные ученые и богословы: среди них писатели, богословы и философы Сулейман ибн Дауд ас-Саксини ас-Суварии, Абу-л-ал Хамид ибн Идрис ал-Булгари, Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари, ал-Ханафи Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Хызр ал-Булгари, ходжа Ахмед ал-Булгари, фармаколог Таджаддин ибн Йунус ал-Булгари и др. От эпохи Болгарии сохранился литературный памятник – поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе», 1233). Многие биографии выходцев из Болгарии, ставших на Востоке знаменитыми учеными, демонстрируют включенность булгар в исламский культурный мир, где они были хотя и отдаленными, но единоверцами. Несмотря на расстояния, между странами Востока и Средним Поволжьем шел непрерывный информационный обмен. При этом надо учитывать, что булгарам, чтобы участвовать в этом обмене идеями и мыслями, требовались огромные усилия, в первую очередь, на создание и поддержание системы образования. Не случайно, видимо, и удивление восточных путешественников, видевших мектебе и медресе в болгарских аулах и городах.

Обмен идеями касался и развития богословия, и религиозной практики. Целый ряд отрывочных фактов свидетельствует о некотором распространении в Болгарии такого течения ислама, как суфизм. По сведениям ал-Гарнати, уже упомянутый Йакуб ибн Нугман был учеником известного нисапурского факиха Абу-л-Маали ал-Джувейни (1028–1086), который являлся не только факихом, но одновременно и суфием [Давлетшин, 1990, с.173]. Другое известие, приведенное Ш.Марджани, свидетельствует, что, судя по сочинению Ибн

Дауда ас-Саксини, ученика «бывшего кадием Булгара» Халида ал-Булгари (был жив в 1106 г.), этот «кади Булгара придерживался тариката Ахмада Ясави» [Давлетшин, 1990, с.173]. Сохранились также литературные свидетельства о распространении суфийских идей в Поволжье: например, описание персидским поэтом XII в. Хахимом Санаи (1048–1141) в одном из своих стихотворений образа сына болгарского «князя», ставшего дервишем [Абилов, 1984, с.361].

Став мусульманской страной и восприняв мусульманскую культуру, Болгария вошла в исламскую цивилизацию. С этого момента связи ее со странами Переднего и Ближнего Востока стали постоянным фактором истории.

Болгария находилась достаточно далеко от основных исламских культурных центров. И это расстояние стало на Востоке, видимо, обычным присловьем. Например, знаменитый философ, проповедник и путешественник Насир-и Хосров, желая подчеркнуть могущество Аллаха, пишет:

«С трудом достигается крик твой из комнаты до сеней,

А его голос легко доносится из Балха до Булгара» [Семенов, 1953, с.17].

Парфразируя этот отрывок стиха, можно сказать, что как ни велики были расстояния от стран ислама до Болгарии, ислам и его культура легко распространялись в Поволжье, создав здесь замечательный ареал тюркской мусульманской культуры.

Таким образом, болгары начали знакомиться с исламом в начале – середине IX в., а в начале X в. Болгария становится средневековым государством с исламом в качестве официальной религии. Одновременно эта религия проникает в самые широкие слои болгарского общества, и уже с конца X в. мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Болгарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других мусульманских стран. На этом фоне развивалась своеобразная культура и декоративно-прикладное искусство булгар как сочетание тюркских и восточных традиций.

ГЛАВА 3

Письменность и просвещение в Булгарии

Гамирзан Давлетишин

История рунического и уйгурского письма не завершается эпохой Тюркских каганатов. Если уйгурское письмо до начала XIII в. применялось только на прежних территориях своего распространения, то руническое письмо вслед за предками хазар и болгар проникает в Восточную Европу. Широко бытует оно среди населения Хазарского каганата, Великой Булгарии. В Волжской Булгарии это письмо применялось вплоть до проникновения туда арабского алфавита и даже позднее.

Рунические надписи в виде отдельных слов или букв встречаются на камнях оборонительной стены городища Маяки на Дону, на глиняной и металлической посуде, других предметах повседневного пользования, некоторых украшениях и оружии населения Хазарии. Надписи на бытовых вещах и их содержание свидетельствуют о широком распространении умения читать и писать даже среди простых людей – строителей и ремесленников. И все же это уже не население Тюркского и Уйгурского каганатов с их богатейшей письменной культурой. У древних хазар и болгар мы не знаем памятников типа поминальных камней в честь Кюль-тегина и Тоньюкука. В целом нетрудно заметить тенденцию к угасанию древнетюркских рунов в болгаро-хазарском мире. Отмечен также постепенный переход хазаро-болгарского письма в разряд символов.

В Хазарском каганате мирно уживались монотеистические религии и, естественно, получили широкое распространение неотъемлемые атрибуты их – еврейский, арабский и греческий алфавиты и основанная на греческом алфавите кириллица. Греческие буквы использовались в каганате в виде различных символов [Флерова, 1997, с.72–73].

Руническое письмо продолжает существовать у болгар, поселившихся в Среднем Поволжье и в Прикамье. Распространенная в наших краях письменность похожа на болгаро-хазарское письмо или тюркское руническое письмо северокавказского варианта, относящееся к населению салтовомаяцкой археологической культуры.

Еще в 1888 г. в окрестностях г. Глазова Вятской губернии была найдена болгарская серебряная чаша с выгравированным на ручке руническим текстом, который попытке руническим текстом, который попытке прочитал П.Мелиоранский [1902, с.21–22]. Уточненный перевод предложил уже в наши дни Х.Р.Курбатов [1990, с.17]. Текст гласит: «*Кагу дэг кунча гэлунчэй кавушу гүмүши*» («Лебедеподобной княжне – невесте – серебро в честь бракосочетания»). Существоющая и в наши дни традиция украшать красивыми изречениями изысканную посуду берет начало еще с древнетюркских времен. Во все времена такая изысканная посуда с красивым орнаментом являлась ценным подарком по случаю важных событий в жизни человека.

В 1958 г. в пос. Юрино Марийской АССР была найдена тонкая каменная плитка размером 8 x 12 см с рунической надписью. Эту надпись вначале прочитал Э.Р.Тенишев [1971], датировавший ее X–XI вв., затем Х.Р.Курбатов [1990, с.15 и сл.]. На камне написано: «*Күч үзэ дашум*» («Против насилия – мой камень»).

В 1967 г. проф. В.Х.Хаковым был найден еще один камень с надписью в д. Сарабиккулово Лениногорского района РТ. На этом камне, плотно вкопанном в землю на глубину 40 см, написано руническими буквами «*субаиш*», что означает, по всей вероятности, титул главы войска [Хаков, 1988].

Среди предметов из коллекции В.И.Зау-сайлова, хранящейся в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки), имеются две болгарские сабли XI–XII вв. с руническими надписями. Они были найдены у д. Именьково Лаишевского района РТ. По прочтению Х.Р.Курбатова, на клинке одной из сабель написано: «*Имэн кискэ үзэ бәкү алкуйи киши күчлүш Жикүгин сунуш калучу*» («Боевая сабля славного бека Имен-кискэ – человека прославленного, сильного Джикуга») [Старостин, 1988, с.14–15]. Надпись на другой сабле прочтению не поддается.

В 1987 г. обнаружен фрагмент горшка с рунической надписью в д. Троицкий Урай Рыбно-Слободского района РТ. По прочтению Х.Р.Курбатова, на нем написано: «*Сулу ич*» («Пей (сосуд) с водой»). Эта надпись, точнее, горшок, относится к V–VI вв., т.е. к именьковскому периоду [Старостин, 1990, с.19].

Обычай писать на глиняных и каменных пряслицах идет еще с древнетюркского времени. Он сохраняется в течение веков, передается из поколения в поколение. Надпись на глиняном пряслице, обнаруженном у бывшей д. Мурзихино на левом берегу Камы, гласит: «*Берке Эркеңә*» («Подарок для Эрке»), или же «*Багуш күбәзи*» («Радость для зрения») [Беговатов, 1988].

В 1983 г. в центральной части Билярского городища (раскоп XXVIII, рук. Ф.Ш.Хузин) была обнаружена т.н. зооморфная, в виде стилизованной головы лося, ручка трипода XII в. с прекрасно сохранившейся рунической надписью, нанесенной острым предметом по сырой глине. Данная надпись позволяет более уверенно включить Волжскую Булгарию в ареал распространения древнетюркской рунической письменности, близкой в своей основе к северокавказскому (протоболгарскому) варианту [Кочкина, 1985, с.75–80]. По прочтению Х.Р.Курбатова, здесь написано слово «*Ачуткан*», т.е. «Посуда для заправки». И.Л.Кызласов полагает, что надпись генетически связана с кубанским вариантом рунической письменности [Кызласов, 1994, с.29].

Вышеперечисленные предметы с руническими письменами XI–XII вв. свидетельствуют о том, что эта графика не полно-

стью вышла из употребления даже после проникновения в Волжскую Булгарию арабского алфавита после официального принятия ислама в 922 г. Тем не менее судьба древней письменности была уже решена. Чем глубже проникал ислам, тем решительнее руническое письмо, как пережиток язычества, вытеснялось из жизни болгар, и, в конце концов, отдельные его буквы стали применяться лишь в качестве символов-меток.

На глиняной посуде, происходящей из раскопок болгарских городов, встречается более 20 видов знаков-символов, почти полностью повторяющих тюрко-орхонский алфавит. Среди них наиболее часто встречается знак «А», обозначающий в тюрко-орхонском алфавите звук «Б». По мнению А.П.Ковалевского, знак «А» обозначал болгарский род, знак «» (в руническом алфавите это звук «с») – род сувар [Ковалевский, 1954, с.48]. Близкой точки зрения придерживается Н.А.Кокорина, считающая, что знак «А» принадлежал господствовавшему в Булгарии княжескому роду [Кокорина, 1989, с.93]. Этот знак встречается и на монетах, чеканенных в Булгаре.

С развитием Булгарского государства все более усиливалась потребность в единой общедоступной письменности. Только единая графика и общепонятное письмо могли по-настоящему служить накоплению культурного опыта, развитию государственного и литературно-художественного языка. С образованием государства с единой территорией возникла и необходимость в деловой и частной переписке.

В единой письменности нуждался и централизованный государственный аппарат, особенно при сборе и учете налогов, в финансовых делах, судопроизводстве, при заключении договоров с соседними странами и т.п.

Международные отношения, и в первую очередь дипломатия, также требовали грамотности людей, ведущих эти дела. Нам известен ряд мирных договоров, заключенных между Булгарией и Русью. Несомненно, они выполнялись и на болгарском, и на русском языках, т.к. исходили из интересов обеих сторон. Об этом говорит

и наличие в русско-булгарском договоре 985 г. булгарского изречения-пословицы.

Активно велась государственная переписка. Известно письмо царя Алмуша/Алмуша в Багдад, в ответ на которое в 921 г. было отправлено посольство в Булгарию. Другое письмо посылалось халифу сыном правителя [Ибн Фадлан, 1956, с.81]. Известна также переписка Алмуша с северными народами.

С утверждением феодализма в Булгарии все более укреплялась частная собственность, узаконенная в письменных документах. У болгар, недавно принявших ислам, составление письменных завещаний имело особое значение, ибо по домусульманскому обычаю наследование шло от брата к брату, а не от отца к сыну, как у мусульман [там же, с.137].

Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали сама по себе считается шедевром не только болгарской, но и общетюркской письменной культуры домонгольского периода. Сюжет произведения рисует общество развитой письменной культуры. Важны в нем информации о частной переписке, чтении книг, письменных принадлежностях и деловых бумагах, в частности, об оформлении актов купли-продажи письменными документами («кабала») и т.д. [Кол Гали, 1983, 98 б.].

Без единой письменности не мог складываться и развиваться общеполитический язык, расчленившийся на различные письменные и родовые диалекты. Единая письменность нивелировала эти различия и подготовила почву для развития общеполитического языка, на основе которого в дальнейшем были созданы произведения художественной литературы, научные трактаты и т.д.

Нумизматический материал начала X в. подтверждает сообщения письменных источников о раннем проникновении и распространении арабской графики. Известный нумизмат С.А.Янина, исследовав болгарские монеты X в., отметила высокое искусство резчиков монет, «обладающих великолепным почерком особого стиля» [Янина, 1962, с.193]. О раннем проникновении арабской письменности свидетельствуют и археологические материалы. Как уже отмечалось, болгары были знакомы

с арабской графикой еще со времен, когда жили на берегах Азова и Дона. С самого начала, когда болгары пришли на волжско-камские берега, они пользовались арабским алфавитом. Надписи на арабской графике, высеченные на металле, кости и относящиеся к самому раннему периоду Волжской Булгарии, рубежу IX–X вв., опубликованы Е.П.Казаковым [1985]. Среди них представляет интерес обработанная кость с надписью «*фатиха*» («благословление») и «*Бисмиллаhir-рахманир-рахим*» («Во имя Аллаха милостивого, милосердного»).

Как справедливо писал академик В.В.Бартольд, первоначальное проникновение и распространение арабской или иранской графики «вызывалось только торговыми сношениями и не было связано с религиозной пропагандой» [Бартольд, 1965, с.27]. Проникновение в Булгарию арабского алфавита прежде всего связано с тем, что часть болгарского населения, прибывшего в Поволжье, уже знала арабский алфавит, и, кроме того, это есть результат тесных торговых связей со Средней Азией. Естественно, на его дальнейшее распространение решительное влияние оказывал ислам – религия с развитой письменной культурой.

В начальный период болгары, видимо, писали и на деревянных досках, покрытых воском, и на хорошо обработанной бересте. Известная и поныне поговорка «Тузга язмаганны сөйләмә» («Не говори то, что не написано на бересте») свидетельствует, с одной стороны, о том, что береста была у тюрко-татар материалом письма, с другой – отражает их безграничное уважение ко всему, что выражено письменно, т.е. письменности вообще (слово, не написанное на бересте – неправда, небылица). Даже татарское слово «язмыш» (судьба) связано с письмом и означает буквально «предписанное».

На воощенных досках и специально обработанной бересте писали, процарапывая костяными стержнями, напоминающими древнерусские писала. Они широко представлены в археологических материалах, особенно с Билярского городища. Стержни подвешивали к поясу, о чем свидетельствуют сделанные на конце дырочки. И все

же на бересте писали не арабскими буквами, а чаще рунами. Основным материалом письма была бумага, более удобная для арабской графики. Уже в IX–X вв. в Средней Азии, с которой Волжская Булгария имела тесные связи, производили бумагу из хлопка. Одним из центров производства и продажи бумаги становится Самарканд [СГСА, 1973, с.293]. А в X в. бумажные «фабрики» имелись в Дамаске, Триполи и т.д. [Мец, 1973, с.372].

С принятием ислама и распространением арабской графики в Волжскую Булгарию проникла литература, написанная на бумаге. Обнаруживаемые при раскопках домонгольских городов глиняные и бронзовые чернильницы также подтверждают употребление булгарами бумаги в качестве письменного материала. Были и книги, написанные на бумаге. Они прекрасно оформлялись. Металлические обложки таких книг, покрытые красивым волнистым орнаментом и инкрустацией, известны в билярских коллекциях. Эти книги похожи на секретные шкатулки со знаниями. Получив знание, книгу можно было запечатать специальными крючками. Такие крючки были найдены Е.П.Казаковым [1991, с.155]. Таким образом, книгу бережно хранили, т.к. она действительно представляла большую ценность.

Умение читать-писать было распространено во всех слоях булгарского населения. Часто ремесленники сами пробовали украшать различными надписями свои изделия. Надписи, сделанные чеканкой или тиснением, встречаются на изделиях ювелиров, оружейников и на бытовых изделиях повседневного пользования, выполненных из металла, а также горшечников. На этих изделиях, в первую очередь, наносилось имя изготовителя или владельца. На фрагментах керамики можно прочитать имена «*Дауд*», «*Таһир*», «*Адам*». Иногда рядом с ними ставятся и рунические буквы.

Среди женских украшений с надписями выделяются серебряные браслеты, перстни, латунные зеркала. Именные перстни у древних тюрок, а позднее у их потомков – приазовских и волжских булгар были символом власти [Гумилев, 1993, с.239]. На одном из перстней процарапано имя «*Арслан*». Видимо, известную татарскую

народную песню-четверостишие «Кулымдагы йөзегемнең исемнәре...» («Имя перстня моего...») пели еще в болгарские времена. Вообще, с древних пор перстням и надписям на них наши предки приписывали волшебную силу. В татарских сказках часто упоминаются волшебные кольца, играющие важную роль в судьбах героев. На сердоликовой вставке перстня IX–X вв. из Танкеевского могильника начертано слово «*Бисмилла*» («Во имя Аллаха») [Казаков, 1985, с.181]. На серебряном колечке из Биляра читаем (в переводе): «Аллах вечен, пусть даст мне здоровье». На сердоликовой вставке перстня из того же памятника содержится надпись на арабском языке: «Властью, (данной) Богом, счастлив» [Валиуллина, 1999, с.148].

Особенно часто писали на посуде – металлической, глиняной и даже стеклянной. Встречаются как отдельные буквы, так и целые слова, в основном имена (их владельцев?). На ручке бронзового сосуда из Биляра имеется надпись с добрыми пожеланиями: «Постоянное почитание, крепкое здоровье». Широко известен бронзовый замок, изготовленный в 1146 г. билярским мастером Абу Бакром. Корпус этого замка украшен надписью на арабском языке с благопожеланиями владельцу [Малов, 1926].

Из вышесказанного можно заключить, что арабская графика как атрибут ислама находит широкое применение в Волжской Булгарии. Найденные в Среднем Поволжье булгарские письмена домонгольского периода относительно немногочисленны, но тот факт, что большинство из них выполнены ремесленниками, свидетельствует о значительном распространении грамотности среди населения.

В распространении грамотности среди широких слоев населения было заинтересовано и мусульманское духовенство, ибо умение читать и писать по-арабски давало возможность непосредственно познакомиться с Кораном, религиозными книгами, осваивать дидактическую литературу, направленную против языческих традиций. Следовательно, процесс распространения элементарной грамотности и исламизация булгарского общества шли параллельно. Это явление характерно и для других сред-

невековых государств, принявших в тот период одну из мировых религий. Исследователь истории науки средневековой Руси В.К.Кузаков писал: «На раннем этапе становления христианства на Руси распространение грамотности и знаний было адекватно распространению вглубь и вширь новой веры. Знание, грамотность (чтение богослужебной литературы) были как бы противовесом русскому язычеству, опорой в борьбе с ним» [Кузаков, 1978, с.20].

Арабский алфавит, буквы, считавшиеся почти такими же святыми, как и сам Коран, написанный этими буквами, заучивались наизусть как молитвы. На прежних языческих амулетах стали писать суры из Корана. У татар в прошлом бытовал обычай носить с собой обереги, в которых хранились изречения из Корана, якобы защищающие владельца от злых сил. В татарском названии таких оберегов – «бѣти» (от древнетюркского слова «бити» – письмо) подчеркивается защищающая сила письма вообще.

Стремление болгар к познанию ислама очень отчетливо видно на примере одной болгарской семьи, описанной Ибн Фадланом: «Один человек по имени Талут под моим руководством принял ислам... Вслед за ним и его жена, и мать, и дети тоже приняли ислам и их всех стали называть Мухаммад. Я обучил их двум сурам Корана: «Фатиха» и «Ихлас». Когда Талут сумел самостоятельно прочитать эти две суры, радость его от этих двух сур была больше, чем если бы он сделался царем» [Ибн Фадлан, 1956, с.138].

Еще в начале X в. персидский путешественник Ибн Русте сообщал, что у болгар «большая часть исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [Хвольсон, 1869, с.23]. Это была низшая ступень школ, как подчеркивает географ – «начальная». В них преподавали муэдзины и имамы. Здесь учились грамоте – умению писать и читать на арабской графике, уделялось внимание изучению некоторых норм арабского языка, необходимых для чтения Корана, хадисов и религиозных книг.

Появившиеся с IX в. в мусульманских странах медресе являлись средними и высшими учебными заведениями. Они нахо-

дились обычно в столице и крупных городах.

Мы не располагаем сведениями о программе, форме обучения и о предметах, включенных в учебную программу. Надо полагать, что в основных чертах они не отличались от подобных учебных заведений в других мусульманских странах. Главное внимание уделялось изучению богословия. Обучение велось методом толкования Корана (тадрис) и частично диктовки (имла) [Мец, 1973, с.154–155; Бартольд, 1966, с.621–622]. Кроме того, в определенном объеме давались и светские знания: по математике, географии, истории, астрономии, медицине. Они были необходимы при подготовке государственных чиновников, купцов, врачей и др. Об этом говорят дошедшие до нас сведения о болгарских и восточных ученых-медиках, астрономах, поэтах, получивших образование в болгарских медресе. Однако в медресе готовили, главным образом, крупных религиозных служителей – мударрисов, имамов, мулл, кадиев и др.

Высшей ступенью мусульманского образования в Волжской Булгарии было получение образования в научных и культурных центрах Востока: Бухаре, Самарканде, Нишапуре, Балхе, Багдаде, Мерве, Газне и т.д. Обучавшиеся здесь шакирды непосредственно знакомились с достижениями тогдашней науки, культурой Востока. Многие из них получали специальную подготовку в восточных медресе у знаменитых ученых. Так, Таджадин ал-Хасан ибн Йунус ал-Булгари учился в Ираке в Мосульском медресе. Ученый-энциклопедист Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари также получил образование в восточных странах. Кади (судья) города Булгара (Билляра), историк Йакуб ибн Нугман был последователем известного ученого Абу-л-Маали Габдул-Малика ал-Джувейни. Другой кади Булгара Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари (был жив еще в 1106 г.) учился у бухарских, нишапурских ученых. Для татар и других мусульманских народов эти центры во многих отношениях были образцом до середины XIX в.

Ряд болгарских богословов и ученых после получения образования оставались на Востоке, занимая высокие религиозные

и административные посты. Так, Ходжа Ахмед Булгари был учителем и шейхом знаменитого султана Махмуда I Газневи (967–1030).

Впоследствии сама столица Волжской Булгарии, имевшая знаменитое на Востоке медресе, становится одним из лучших научных центров. Известно стремление многих восточных ученых получать образование в Булгаре. Ибн Хаджар сообщает о выходе из Ирака, получившем образование в Булгаре, а потом проживавшем в Анатолии и Сирии. Эта традиция сохранялась и в период Золотой Орды.

Выросшие и учившиеся в Булгарии просвещенные люди были известны в восточных странах под именем «ал-Булгари», т.е. «Булгарский», хотя они получали образование и в других центрах Востока. Так, о Хасане Булгари упоминает бухарский ученый Губайдулла Садр-аш-Шарига ибн Масуда, характеризуя его «наш шейх Хасан Булгари». Этим тахаллусом, очевидно, хотели выразить популярность, известность булгарских медресе и преподававших в них учителей.

Большое значение придавалось знанию восточных языков: арабского – языка Корана, науки, поэзии; персидского, который с XI в. стал основным языком литературы

и поэзии на Среднем и Ближнем Востоке. Знание восточных языков было необходимо и купцам, поддерживающим тесные торговые связи с этими странами.

Немало было в Булгарии приезжих людей из восточных стран – проповедников ислама, купцов, строителей, ремесленников и т.д. Так, Ибн Фадлан упоминает портного из Багдада, человека из Индии, хорезмийца [Ибн Фадлан, 1956, с.135, 137, 140]. В составе багдадского посольства были, кроме знатоков ислама, архитекторы, мастера-строители, люди других профессий. Часть из них, как полагают исследователи, участвовала в строительстве стольного города на Черемшане. Несомненно, эти люди оказывали определенное влияние на усвоение арабского и персидского языков булгарским населением. Степень знаний арабского и персидского языков просвещенными людьми хорошо видна по их сочинениям, посвященным сложным философско-богословским, медицинским и другим проблемам.

Восточными языками владела, по всей вероятности, и часть ремесленников, доказательством чего является, например, замок Абу Бакра 1146 г. Арабская надпись на нем в переводе звучит так:

*«Работа Абу Бакра сына Ахмеда.
Постоянная слава и мирный успех и счастье
всеобнимающее, и величие, и благосостояние
(да будет) владельцу сего (замка)!
В летоисчисление пятьсот сорок первого года»*

[Малов, 1926, с.156, 158].

Значительная часть булгарских купцов знала и русский язык. Знание его было необходимо и послам, которые вели переговоры и заключали договоры между Русью и Волжской Булгарией. Русско-булгарские отношения многогранны, и они сыграли свою роль во взаимовлиянии и взаимообогащении русского и булгарского языков.

Стремление народа к овладению языками в прошлом отражалось и в фольклоре. Так, татарская пословица гласит: «Жиде йортның телен бел, жиде төрле белем бел» («Языки семи стран знай, семь разных наук знай»). Одно из лучших качеств героя поэмы «Кысса-и Йусуф» – знание 72 языков.

ГЛАВА 4

Профессиональные знания и наука в Болгарии

Гамирзан Давлетишин

Зачатки науки уже заметны в государствах гуннов и древних тюрков. Широкие географические представления, добыча качественного железа, чугуна, производство эффективного оружия и орудий труда, военные приспособления и пр. – все это было невозможным без определенного развития научных знаний. Однако в истории тюркотатар существенный поворот в развитии науки наблюдается в мусульманской Волжской Болгарии.

Наука на мусульманском Востоке развивалась на основе богатых местных традиций и усвоения достижений других народов [Бартольд, 1966, с.165]. Города мусульманского Востока превратились в научные центры. Созданные в них своего рода научные академии, как «дом науки» (дар ал илм), «сокровищница мудрости» (хизанат ал-хикма) в Бухаре, притягивали ученых из разных концов мусульманского мира. С началом распада Арабского халифата научные и культурные центры мусульманского Востока все более перемещаются на окраины державы [Бартольд, 1966, с.165, 183].

Прочные экономические, торговые и религиозные связи Волжской Болгарии с этими районами заложили основу для тесных контактов в области науки и культуры. Благодаря торговле в Волжской Болгарии распространились научные трактаты, ибо базары в Средней Азии, куда ездили болгарские купцы и шакирды, являлись одновременно и центрами книжной торговли.

Болгарские ученые, возвратившись на родину, писали научные труды по образцу сочинений своих восточных учителей, составляли к их трудам комментарии, распространяли их научные идеи в Волжской Болгарии (см.: [Хвольсон, 1869, с.89; Мәржани, 1, 85 б.]).

Многогранность, энциклопедичность знаний средневековых восточных ученых

была характерна и для ученых Волжской Болгарии. Бурхан ад-дин ал-Булгари известен своими трудами по фармакологии, риторике, богословию. Великим ученым, которому нет равных в различных науках, считался Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари [Мәржани, 1, 79 б.].

Болгарские ученые, богословы, писавшие свои сочинения на арабском языке, были довольно хорошо известны и за пределами Волжской Болгарии. На труды богослова Ахмеда Булгари «Ал-Джами», «Ал-Фаваид», посвященные ал-Фихху, ссылались восточные ученые, приводили из них отрывки, поэты же воспевали его в стихах. Вышеприведенные произведения шейха Бурхан ад-дина Булгари включены в восточные библиографические сборники.

В Волжской Болгарии развивались различные науки: математика и астрономия, химия и медицина, география и история, и др.

Математика

Как и в других странах Востока, в Болгарии определенных успехов достигла вычислительная математика, необходимая в торговле, строительстве, ремесленном производстве, канцелярском деле.

Достаточно сложных математических расчетов требовала архитектура. Вскрытые в Биляре, Суваре, Алабуге фундаменты кирпичных и каменных зданий, остатки стен показывают, что здания и сооружения имеют довольно сложную конструкцию, четкие пропорции, продуманную соразмерность и строгую логику архитектурного замысла, немислимые без математических расчетов, включая геометрические и тригонометрические.

Среди археологических находок, относящихся к домонгольско-болгарскому времени, представляют интерес чертежи в виде вписанных прямоугольников – т.н. «ва-

вилонны», нанесенные на прямоугольный (37 x 29 мм) фрагмент керамического сосуда, а также на свинцовую пластинку (43 x 33 мм). Подобные чертежи, рассматриваемые иногда в качестве «игры в мельницу» [Полякова, Фехнер, 1974, с.441], были найдены археологами во время исследований древнерусских городов. Академик Б.А.Рыбаков, как нам кажется, нашел ключ к разгадке функционального назначения данных предметов [Рыбаков, 1949; 1957].

Линии и части линий этих прямоугольников состояли во многих соотношениях, на основе чего можно было производить многочисленные математические расчеты и геометрические построения. Они напоминают планы будущих зданий. В них нашла отражение система измерений. Таким образом, они заключали в себе, говоря образно, мудрость древнего зодчего.

Размеры этих прямоугольников достаточно точно отражают особенности «вавилонов». Линии, соединяющие посередине короткие стороны, составляют четвертую часть длинной и половину короткой стороны внешнего прямоугольника. Здесь немало иррациональных соотношений. Короткие стороны внешнего прямоугольника и равные им длинные стороны следующего прямоугольника соответствуют половине длины внешнего прямоугольника, умноженной на 2 и т.д.

Таких соотношений можно было бы перечислить очень много. Действительно, подобные «вавилонны» для болгарских зодчих были своего рода универсальными логарифмическими линейками. Перенос геометрических сопряжений, гармонии в линиях «вавилонов» на строящиеся архитектурные памятники делали последние симметричными, пропорциональными, превращали их в «застывшую музыку». Но для перенесения этих символических линий в практическую геометрию необходима была понятная всем общедоступная система. Эту роль выполняли метрические системы того времени. Метрология болгар выделилась в особую систему знаний. Наличие вещественных мер в виде гирей, линеек и пр. позволяло производить большое количество одинаковых измерений (дольных, кратных и т.д.). Это обстоятельство открывало путь к использованию математических действий. При дроблении мер на соразмерные части измерение тел принимало математический характер (см.: [Давлетшин, 1990, с.33–45]). Метрический

анализ археологических материалов показывает, что у болгар бытовало несколько систем единиц измерений, основанных на разных видах «локтя»: 25–27, 36–38 и 52–54 см.

На основе практикуемых у болгар измерений лежат размеры части тела взрослого человека среднего телосложения, т.е. метрические единицы и их размеры той поры были одинаковыми или близкими. Это первый важный вывод для понимания практического применения «вавилонов». Дело в том, что отношения между единицами измерений, основанные на антропометрии, совпадают с соотношениями между «вавилонскими» линиями. Таким образом, основные архитектурные пропорции того времени лежали в основе самой системы мер длины.

В Болгаре практиковалась такая единица измерения, как «четверть». Речь идет о единице измерения, которая составляет четвертую часть более крупной единицы измерения – сажени, локтя и др. Таким образом, болгарская система мер основывалась на двухчисленном делении, т.е. меры длины последовательно делились на 2, 4, 8. Это второй вывод. В основе линии «вавилонов» также лежит последовательное деление на 2.

Булгарские сооружения домонгольского периода в основном обнаружены на уровне фундаментов, иногда с сохранившимися частями стен высотой 1–1,5 м. Изучение даже этих остатков позволяет сделать интересные выводы. Булгарские зодчие при постройке одного и того же строения пользовались несколькими единицами измерения. Например, при строительстве Соборной мечети в Биляре были использованы «локты» длиной 37–38 и 52–53 см или сажени в 152 (38 x 4) и 212 см. Т.е. болгары при строительстве пользовались, по крайней мере, тремя видами локтей (аршинами): 27, 38, 53 см или их производными. Эти измерения геометрически сопряжены друг с другом ($27\sqrt{2}=38$; $38\sqrt{2}=53$).

Кроме того, выяснилось, что один из строительных болгарских локтей соответствовал 75–78 см. «Аршин» в переводе с персидского означает локоть. Он тоже состоит в геометрическом соотношении с локтем в 53–54 см ($53\sqrt{2} = 75$). Одновременно эта величина близка размерам трех билярских кирпичей ($26 \times 3 = 78$ см).

Таким образом, болгарские зодчие, используя несколько таких геометрических

сопряженных мер, достигали гармонии, пропорциональности будущих сооружений. Конкретное геометрическое сопряжение между единицами измерений они могли выбрать из линий моделей «вавилон».

Среди линий «вавилон» можно найти много отношений, по величине очень близких «золотому сечению». Его принципы лежали в основе многих замечательных памятников средневековой архитектуры. Об этом знали и болгарские зодчие. Золотое сечение – деление в крайнем и среднем отношении. Так, соотношения размеров стен каменной и деревянной частей комплекса мечети в Биялре образует пропорцию «высшей степени гармоничности» – золотое сечение по формуле: $A:B=(A+B):A$. Внешние размеры каменной части $A - 41,7$ м; $B - 26,2$ м. $41,7:26,2=(41,7+26,2):41,7$. Внешние размеры деревянной части: $A - 48$ м; $B - 30$ м. $48:30=(48+30):48$.

Укрепления древней Плиски и Биярского городища в плане напоминают собой «вавилон» (в Плиске – прямоугольный). «Вавилоны», их формы и пропорции воспроизводятся не только в болгарских зданиях, даже укрепления самого города в целом представляют квадратный «вавилон» (вписанные прямоугольники). Первой линией этого гигантского «вавилона» являются внешние укрепления, второй – внутренние, третьей – запечатленные на аэрофотосъемках и выявленные археологически стены цитадели. Углы этих вписанных прямоугольников расположены точно по направлению сторон света.

Как показывает география распространения и хронология данных «вавилон», самые ранние из них известны на материалах т.н. Первого Болгарского царства на Дунае, а также Саркела хазарского периода. Именно в этих двух пунктах сосредоточена основная часть известных «вавилон». Фигуры, датируемые XI в., известны в тех археологических памятниках, которые незадолго до этого (сер. X в.) были связаны также с хазаро-болгарами (Таманское городище). Из всего этого следует, что первоисточником распространения «вавилон» для древней Руси и Волжской Булгарии является хазаро-болгарский мир.

Более того, в столицах Первого Болгарского царства на Дунае – Плиске и Преславе, а также в Мадаре (IX в.) священные сооружения, храмы, белые дворцы в плане образуют вписанные прямоугольники,

квадраты. Размеры их вполне отвечают свойствам «вавилон». Храмы, мемориальные комплексы в плане вписанных прямоугольников мы наблюдаем еще у древних тюрков. Поэтому их можно считать и древнетюркской традицией.

Судьба хазаро-болгарских «вавилон» оказалась продолжительной. «Вавилоны» встречаются и на кирпичях нижеволжских золотоордынских городов XIV в. И здесь некоторые здания в плане образуют линии «вавилон».

Астрономия, геодезия

Астрономия – самая популярная в мусульманском мире наука – развивается и в болгарском обществе. Ее развитие было тесно связано с исламом, его обрядами, требованиями. Болгарские мусульманские погребения поражают точностью ориентировок, нередко до одного градуса. Исследователи предполагают даже наличие у болгар определенного прибора типа гномона, широко используемого в то время на Востоке [Халикова, 1986, с.63]. Усовершенствование гномона дало возможность решить многие сложные математические и астрономические задачи.

Наблюдения за движением солнца, луны, звезд и планет привели к созданию астрономических календарей. Это было для своего времени теоретическим обобщением наблюдений за природой, небесными объектами (см.: [Давлетшин, 1990, с.24–32]).

На развитие астрономической науки в Болгарии немалое влияние оказала среднеазиатская астрономия – наиболее развитая из естественных наук в странах Ближнего и Среднего Востока. В Багдаде, Дамаске и других городах функционировали большие обсерватории. Вселенная, небосвод изучались несколькими науками. Одна из них, космография (гыйльме-һэйзэт), описывала небосвод и находящиеся в нем светила. Другая – наука о звездах (гыйльмел-ножум), третья – наука о небе (фәләкият) и т.д. Понятно, что болгарские просвещенные люди были осведомленными в этих науках.

Краткость ночи летом в Булгаре и, вследствие этого, затруднительность совершения положенных шариатом пяти намазов беспокоит исламский мир по крайней мере со времен Ибн Фадлана. В золотоордынский период к этой проблеме до-

бавляются некоторые тонкости. Все больше она обосновывается астрономическими знаниями. Для ее решения начинают использовать астрономические инструменты. Булгар превращается в один из центров точного определения времени путем наблюдения за небесными светилами. Булгарские звездочеты, используя инструменты типа астролябия, квадрант, ведут наблюдения за небесными светилами далеко на севере.

Географические представления

Географические представления волжских булгар были тесно связаны с их географией обитания. Арабо-персидские авторы IX–X вв. страну булгар помещают на седьмом климате (лишь некоторые, например, Ибн Халдун, – в северо-восточном углу шестого климата). В начальный период Булгария занимала относительно небольшую территорию – район слияния Камы с Волгой. Но уже с XI в. и особенно в XII в. основные владения страны заметно расширяются, булгары начинают интенсивно заселяться на новых территориях. После распада Хазарского каганата весь Волжский путь отходит к булгарам. Каспийское море, раньше называемое Хазарским, становится практически Булгарским морем. Центральные земли страны располагались в районе слияния Камы с Волгой, т.е. на одной из важнейших торговых магистралей Восточной Европы. Здесь встречались купцы из разных уголков мира. Волжская Булгария еще с X в. превращается в один из важных торговых пунктов на пути Волга–Балтика, которая соединяла Среднюю Азию, Иран и весь арабский Восток, Русь, Прибалтику, Скандинавию и Центральную Европу [ВВП, 2000].

В булгарских городах были русская, хорезмийская, магрибская и другие торговые колонии. В грозные 1222–1223 гг., после завоевания Армении монголами, определенная часть ее населения укрылась в Булгарии. В свою очередь, торговые колонии булгар функционировали и за пределами страны. Такова, например, булгарская колония в городе Саксине в устье Волги, жители которой в тяжелые времена монгольского нашествия искали убежище в Булгарии [ПСРЛ, I, с.453; II, с.455].

Расположение Волжской Булгарии в географически удобном месте, где пересекались важнейшие торговые магистрали,

и достаточно высокий уровень культурно-экономического развития государства благоприятствовали тесным экономическим, культурным, политическим контактам как с соседними народностями, так и с далекими странами. Все это привело к обогащению географических представлений булгар. Судя по археологическим данным и письменным источникам, на ранних этапах булгары находились в тесных связях с племенами мерей, муромой и др. Весь домонгольский период они поддерживали тесные контакты с Русью, гузами (огузами), кыпчаками (половцами), башджардами (маджардами), предками марийцев и мордвы, племенами вису (ису), югра (юра), народами Западной Сибири и др. Особые отношения у булгар сложились с восточными странами. Если на первых порах наиболее тесными были связи с Ираком, Табаристаном (Прикаспийский Иран), Арменией, Хорезмом, Мавераннахром (западная часть Средней Азии), Хорасаном (Восточный Иран), Тохаристаном (восточная часть Средней Азии), Индией, то позже, в XII–XIII вв., усиливаются связи с Сирией, Египтом, Магрибом (Северная Африка), Испанской Андалусией.

Безусловно, интенсивное и тесное общение булгар с людьми разных стран обогатили их географические представления.

Булгарские ученые, купцы, благодаря широко распространенным в X–XIII вв. географическим сочинениям таких известных мусульманских географов, как ал-Балхи, Ибн Халдун, ал-Масуди, ал-Марвази, ал-Идриси и др., хорошо были знакомы со многими странами Старого Света, по традиции разделенной на семь климатов (аклим) [Бартольд, 1966б, с.44–45]. Одновременно булгары сами внесли определенный вклад в развитие географических знаний того времени. Они, к примеру, лучше других знали территорию своего расположения и соседние земли – область «седьмого климата» и все то, что расположено за ней к северу, западу и востоку. Без преувеличения можно сказать, что содержащиеся в мусульманской географической литературе X–XIII вв. сведения о различных народах и землях Севера, в какой-то мере Руси, Урала и Западной Сибири в значительной степени являются булгарской информацией. Такую информацию о странах Севера, народах Поволжья, Уральских горах и далее о Ледовитом океане получали в Булгарии многие путешественники: Ибн

Фадлан (X в.), ал-Гарнати (XII в.), Ибн ан-Нугман (XIII в.), Ибн Баттута (XIV в.). Так, хорезмиец Ибн ан-Нугман прямо пишет, что в Булгаре он впервые услышал о Руси и Югре [Поляк, 1964, с.33].

По представлению булгар, на севере находились три области. Первая из них – это область Вису, с жителями которой булгары находились в постоянном контакте. Ал-Гарнати замечает, что страна Вису является практически частью Булгарии, что его жители платят в государственную казну харадж, т.е. мусульманскую подать. Было известно и расстояние между Булгаром и Вису: сухопутная дорога до ближайшего пункта – 20 дней пути, вверх по Чулману (Каме) – 3 месяца пути [Талицкий, 1951, с.78].

За землей Вису далее к северу, в 20 дней караванного пути (зимой на собачьих упряжках), располагалась область Югра или Юра, а еще севернее, у берегов Мрака или Темного моря (Северный Ледовитый океан) – другие земли. Северные племена, обитавшие у моря Мрака, по представлению булгар, являются дикарями, варварами. Их окружают с одной стороны море, с другой – непроходимые горы [ал-Гарнати, 1971, с.32, 34].

Все эти сведения можно расценивать как булгарскую информацию, ибо известно, что булгары, имевшие полную монополию на торговлю с северными народами, до XII в. не пускали туда восточных купцов. С этой целью распускали фантастические слухи о многих неприятностях, ожидающих пришельцев с северных земель в Булгарии, или же о несчастьях, которые могут быть принесены северными людьми в более южные земли. Ал-Гарнати с удивлением писал, «что когда в эти области вступает кто-нибудь из них (т.е. люди Севера) даже в сильную жару, то воздух и вода холодеют как зимой, и у людей гибнут посевы» [там же, с.34]. Земли северных народов изображались своего рода «тридевятым царством, тридесатым государством», где происходили различные сказочные события, жили мифические существа. Так, великан, описываемый Алмушем, приплывает с севера [Ибн Фадлан, 1956, с.138–139], там же обитает большая птица на большом дереве [ал-Гарнати, 1971, с.32]. В этих представлениях, кстати, нетрудно видеть и влияние мусульманской географической науки, основанной на теории климатов. Согласно этой теории, четвер-

тый климат, где располагались мусульманские центры, лежал на одинаковом расстоянии от слишком жарких и слишком холодных стран, соединяя в себе лучшие условия для деятельности человека, и чем дальше был климат от срединного, тем больше его население было оторвано от цивилизации, а народы, жившие за седьмым климатом, вообще считались дикарями [Бартольд, 1966б, с.44–45].

Подобные представления о северных народах были распространены и на Руси, где купцы были не менее заинтересованы в выгодных торговых сношениях с Севером. Эти легенды в некоторых деталях совпадают с булгарскими. Так, и в булгарских, и в русских легендах северные народы представлены как дикие племена, заключенные за каменной горой и пытающиеся оттуда выйти; и там, и тут говорится, что они торгуют шкурами, мехами зверей, а булгарские и русские купцы привозят им мечи, железо; и булгарские, и русские купцы не понимают их языка; первые считают их немymi, вторые ведут с ними немую торговлю [Татищев, 1963, II, с.106] и т.д.

Любопытно, что мифическая гора Каф (непроходимая каменная гора в булгарских легендах), располагалась, по представлению некоторых народов Средней Азии и Башкир, где-то на Севере. Эти сведения они черпали, несомненно, из булгарских легенд о северных народах. И не только. Легенды о стране Мрака и живущих в ней племенах часто встречаются в сочинениях средневековых восточных авторов.

Географические знания булгар обогатились в основном благодаря путешествиям, поездкам в те или иные страны или знакомству с ними по книгам о путешествиях, а также по рассказам чужестранцев. Географические знания иногда причудливым образом переплетались с мифическими представлениями. В них заметно и влияние коранических сюжетов. Так, например, самые северные народы у булгар отождествляются с кораническими народами йаджуж и маджуж [ал-Гарнати, 1971, с.20, 59].

Булгары, по всей вероятности, были знакомы с основами геодезии, умели определять координаты географических точек, азимуты и т.д. Об этом косвенно свидетельствует сообщение о булгарском ученом, проводившем астрономические наблюдения на севере в 700 верстах от Бул-

гара, т.е. в определенной географической точке. Наличие совершенной метрологической системы позволяло довольно точно вычислять расстояния географических точек. С помощью приборов типа гномона определялись стороны света.

Химия

С необходимостью познаний в области химии булгары прежде всего столкнулись в ремесленном производстве и фармакологии.

Как свидетельствуют археологические материалы, булгары были хорошо знакомы с такими металлами и металлоидами, как железо, медь, свинец, олово, ртуть, серебро, золото, сурьма, сера и т.д. Некоторые из них они добывали и обрабатывали. Булгарские кузнецы с X–XI вв. производили сталь повышенной качества, благодаря выплавке железа из различных по своему химическому составу руд, например, с добавлением руды, содержащей никель. Основной технологией изготовления качественных орудий труда и оружия было соединение стального лезвия с железной основой путем сварки, применялась цементация железа и стали. Для улучшения механических свойств стальных лезвий булгарские мастера применяли разнообразные режимы термической обработки металла. Кузнецы изготавливали различные сплавы на основе меди: бронзу, латунь и др. Специализация по металлу (кузнецы, медники, серебряных и золотых дел мастера) позволяла глубоко усвоить ее химические и физические особенности. Все это требовало значительного уровня химических знаний.

В археологических материалах нередко встречаются сфероконические сосуды, изготовленные из огнеупорной глины. О функциональном назначении сфероконусов высказывались различные мнения. Одни считали их зажигательными бомбами, другие – архитектурными деталями. Выяснилось однако, что в этих сосудах хранили драгоценные жидкости. Большинство найденных сфероконусов изготовлено в Средней Азии и на Кавказе. В них содержались, в основном, ртуть или жидкая амальгама никеля, необходимые в металлургическом производстве. Наибольшее число сфероконусов Билярского городища обнаружено в районах производственных комплексов, связанных с обработкой металлов, прежде всего цветных [Халиков, 1986а, с.72–83].

При помощи ртути извлекались из руд металлы или их концентраты. Судя по письменным источникам, сфера употребления сфероконусов и содержащихся в них жидкостей была значительно шире. В сочинении Абу-л-Фазил Тифлиси (XII в.) «Баян ас-сан’ат» («Описание технологий») рассказывается о получении и содержании в таких сосудах различных химических препаратов и снадобий [Вилчевский, 1961, с.212].

Как показывают исследования С.И.Валиуллиной [1997], у волжских булгар было развито стекольное производство, немыслимое без достаточно глубоких знаний в области химии. Местное сырье – камские кварцевые пески – являются низкокачественными для стекольного производства. Несмотря на это, достижение необходимой рецептурной нормы, температуры и других технологических качеств позволяло производить качественную продукцию. Стеклоплавильные печи делались из огнеупорных материалов. Но Прикамье и Среднее Поволжье бедно местонахождениями полукислых огнеупоров. Булгары смогли освоить огнеупоры нового типа – динасовые, из кварцевых пород на известковой связке. Такого высококачественного материала в других регионах еще практически не знали.

Из стекла булгары изготавливали различные изделия: оконное стекло, разнообразную посуду: бокалы с длинными ножками, рюмки, кубики, графины, пиалы, чаши, флакончики для благовоний и др.

Определенных химических знаний требовало также гончарное производство, особенно изготовление поливы. Наивысшее развитие художественной поливной керамики в домонгольской Булгарии относится к XII–XIII вв. Глазурь на булгарской посуде этого периода зеленая с различными оттенками – от светло-зеленого до коричневого цветов. Спектральный анализ билярской поливы показал, что в качестве поливы использовались простейшие по химическому составу стекла, относящиеся к классу окиси свинец-кремний. Окись свинца придавала глазури большую плавкость, блеск и прозрачность, примеси железа и марганца – коричневый оттенок. При окраске свинцовой поливы применялся и медный краситель [Макарова, 1986, с.57–60]. На штукатурке из Биляра встречаются также росписи, выполненные раз-

личными по химическому составу красителями.

Бугары, похоже, были знакомы и с восточными трактатами по химии. Поскольку в те времена знания по химии держались в тайне, до нас дошло мало рукописей: мастер-химик передавал ученику свои знания устно. В те времена понятие химии было шире, и в основе его лежала вера в превращение одного металла в другой, т.е. алхимия. Подобные взгляды были распространены и в Волжской Бугарии. Ртуть – одна из важных основ в упражнениях по алхимии – играла важную роль в бугарской металлургии: только в одной металлургической мастерской в Биляре найдено 28 сфероконусов со следами ртути. Это скорее лаборатория алхимика, чем мастерская металлурга. Кроме того, в последние годы при раскопках Билярского городища обнаружено немало стеклянной химической посуды, которую принято называть алембиками. Алембик – это небольшой сосудик в форме сужающегося ко дну цилиндра. Венчик его прямой, вогнут вовнутрь; чуть ниже венчика расположены выводное отверстие и носик-трубка. Алембики служили для переливания ртути в другие сосуды и для улавливания паров [Валиуллина, 1997].

Несмотря на то, что алхимия была довольно далека от настоящей науки, она была преддверием химии и служила важной и необходимой ступенью настоящих химических знаний. На основе опытов иногда делались научные открытия: были найдены минеральные и растительные краски, разные составы стекла, глазури, кислота, щелочь, соли, лекарства.

Медицина

Медицинские знания в Волжской Бугарии основывались на прогрессивных традициях народной медицины. Бугарам были известны природные лекарства (мед, березовый веник, бобровая струя, мясо различных животных и птиц, белемниты и т.д.). Ал-Гарнати пишет, что когда заболел бугарский «царь» и его жена, «лечили их лекарствами, которые у них приняты» [ал-Гарнати, 1971, с.30]. Следовательно, бугарам использовался определенный, в некоторой степени уже испытанный веками круг природных лекарств (растительные, минеральные, биологические животного происхождения). Например, в «Сло-

варе» Махмуда Кашгари слово «от» означает траву и лекарство, а «оттачи» – лекаря (дословно: травник) [Кашгари, 1960, I, 70 б.]. С древнейших времен до позднего времени у бугар лекарство называлось «от», «ут» («трава»), а врачеватель «отчы, утчы» («травник»). И в знаменитой поэме Йусуфа Баласагуни «Благодатное знание», написанной в 1070 г. в государстве караханидов на уйгурском языке, встречаются близкие по значению выражения: «Кеше авырса, утачы (табип) ут (дару) бирер» («Если человек заболит, травник даст лекарство»). Кроме «утчы» («отчы») в значении лекарь употреблялось слово «бакшы» («багучы») (дословно «смотрящий»). В современном татарском языке слово «ут» в значении травы не встречается. Но практикуются образованные от него корневые слова: «утау» («прополка»), «утлык» («кормушка для скота»), «ушлавык» («выгон») и т.д. Бугарские легенды говорят о целебных свойствах березового веника, с помощью которого была исцелена бугарская царица Туйбике. Ал-Гарнати сообщает о широком употреблении меда для исцеления от простуды, пишет об использовании для удаления камней в почках и мочевом пузыре вяленых кусочков мяса птицы с перекрещивающимся клювом (клект, *Loxia*) [ал-Гарнати, 1971, с.30, 35]. Эти птицы обитали в сосновых лесах, питались еловыми шишками. Поэтому их тела были напитаны смолой и долгое время не разлагались после гибели.

Использовалась также т.н. бобровая струя – ценное лекарственное средство, получаемое из мускусной железы речного бобра-самца. Кроме того, данная желто-и красно-коричневая жидкость использовалась в производстве дорогих полужидких духов, мыла. Она даже вошла в список вывозимых из Бугарии в Среднюю Азию товаров [Хвольсон, 1869, с.182]. Данное лекарство помогало от паралича, дрожания рук и ног, временной потери памяти, женских болезней.

В качестве биологических лекарств от разных болезней использовались также вымершие беспозвоночные морские моллюски класса головоногих (*Cephalopoda*). Окаменевшие останки задней части внутренней раковины их, которые в народе назывались «чертов палец», применялись в виде порошка. Его пили, предварительно смешав с дождевой водой, или присыпали им раны. Белемниты довольно часто встре-

чаются в погребениях и культурном слое поселений, нередко со следами использования (скобления).

В Афганистане, Северной Индии, в части Ирана с давних времен использовалась в лечебной практике мазь «чарме-и булхар» («булгарская кожа») против кожных болезней и, главным образом, при тяжелых ранениях. Она приготавливалась на основе золы, полученной при сжигании старой кожи. Зольный порошок смешивали с костным мозгом свежезаколотого животного или, в крайнем случае, с каким-нибудь органическим веществом [Коледаров, 1974, с.73].

Как известно, царь Алмуш в своем письме к багдадскому халифу просит его прислать лекарства [Ибн Фадлан, 1956, с.121]. Просьба Алмуша означает факт обращения к научной медицине.

На развитие медицинских знаний в Волжской Булгарии, бесспорно, оказывали влияние труды восточных медиков, достигших в то время больших успехов. Среди них следует особо отметить крупнейшего ученого X – начала XI в. Абу Али ибн Сину, сочинения которого были написаны языком, доступным для широких масс. Об Ибн Сине сложено много легенд, в которых он представлен, главным образом, талантливым табибом-волшебником, способным оживить даже умершего. Недаром произведение Ибн Сины «Ал-канун-фи-т-тайб» («Каноны врачебной науки») переписывалось и издавалось многократно. Для татар эта книга стала источником подлинно народной медицины. Она известна еще и под названием «Сборник народной медицины». Корни такой популярности Ибн Сины у казанских татар уходят в домонгольско-булгарский период [Хайруллин, 1980, с.77].

Как видно из поэмы «Кысса-и Йусуф», у болгарских врачей одним из основных способов диагностирования было прощупывание пульса больного [Кол Гали, 1983, 150 б.]. Этому методу в восточной медицине придавалось большое значение. О нем были написаны специальные медицинские трактаты. Среди мусульман, в частности, была популярна «Книга о пульсе» («Китабы набз») [История, 1964, с.193]. Булгарские табибы, по всей вероятности, были знакомы с этими сочинениями.

В поэме «Кысса-и Йусуф» есть упоминание о медицинском инструменте – ланцете. Ланцеты – маленькие ножички с дву-

сторонними лезвиями известны в билярских коллекциях. Встречаются и пинцеты, также использовавшиеся во врачебной практике. В Танкеевском могильнике найдены флакончики-тюбики из тонкого листового серебра с тисненым плоским орнаментом. Один из них был закупорен деревянной пробкой, рядом лежал бронзовый пинцет с расширяющимися концами [Казаков, 1971, с.107, табл. XIV: 16]. Флакончик и пинцет предназначались, скорее всего, для врачевания, а погребенный мог быть лекарем.

Среди археологических находок изредка встречаются массивные хирургические ножи. Один из них длиной более 20 см имеет массивную рукоять, сужающуюся к лезвию. Лезвие имеет очертания, близкие к прямоугольным, и отклонено вверх по отношению к оси рукояти [Культура Биляра, 1985, с.61, табл. XXV: 7]. Не исключено, что это хирургический нож, используемый при ампутациях. Подобные ножи известны из раскопок древнего Новгорода [Колчин, 1959, с.56, рис.43].

О развитии профессиональной медицины говорят дошедшие до нас сообщения о болгарских ученых-медиках, труды которых были популярны в восточных странах.

На всем Востоке славилось имя врача-Ходжи Булгари. Получив первоначальное образование в Булгаре (Великом городе), он продолжал обучение и долгие годы жил в столице государства Газневидов. Период наивысшего развития государства, в том числе расцвет культуры, относится к правлению знаменитого султана Махмуда Газневи (999–1030). Многие просвещенные люди мусульманского мира, ученые и поэты, предпочитали жить и творить здесь.

В своих стихах Ходжу Булгари воспевали поэты, о нем слагались легенды. В одной из них рассказывается, что его взял под свое покровительство и усыновил поэт суфи Хаким Санаи. Когда Ходжа Булгари умер в возрасте 39 лет, Хаким Санаи похоронил его, поставил на могиле надгробие. Полагают, что это тот самый Ходжа Ахмед Булгари, который был учителем и шейхом султана Махмуда Газневи. Ходжа Булгари похоронен в пос. Рауда, у подножья горы Топа, приблизительно в 5 км от центра Газны, неподалеку от развалин султанских дворцов. Здесь находится «источник Ходжи Булгари» с чистой и минеральной водой, рядом построены купальни

и гостиница. И в наши дни мусульмане со всех концов мира, особенно из Пакистана и Афганистана, приходят к могиле бугарского лекаря и к источнику его имени, надеясь избавиться от своих недугов. В 1971 г. на его могиле воздвигнут мавзолей из белого мрамора [Коледаров, 1974].

Еще об одном бугарском ученом-медики известно из сочинения Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини-Сувари (XI в.), в котором имеются сведения о медицине из трудов Абу-л-Аля Хамида ибн Идриси ал-Бугари. В частности, в них содержатся знания по эмбриологии: о возникновении и стадиях развития зародыша в чреве матери, образовании из капли по истечении сорока дней сгустка крови, потом зародыша, оживлении зародыша [Мөржани, 1989, 81 б.].

Бугарские медики особенно прославились в области фармакологии. Лекарства делились на простые и сложные (универсальные). Так, Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Бугари написал трактат «О простых лекарствах», который был популярен среди мусульман [Хвольсон, 1869, с.89].

Универсальные, сложные по составу лекарства назывались «тирйак». Известным знатоком в этой области был Таджаддин ал-Хасан ибн Йунус ал-Бугари. В начале XIII в. он жил и работал в г. Мосуле (Ирак). Своё сочинение «Ат-тирйак ал-кабир» («Большой тирйак» или «Большое противоядие») он посвятил лекарствоведению, т.е. фармакогнозии, её самой сложной области – приготовлению универсального лекарства (тирйака) [Таджаддин ал-Бугари, 1997]. Первоначальное значение тирйака – противоядие от укуса змеи и прочих существ. Позже его значение намного расширяется: тирйак означал универсальное средство исцеления. Сочинение Таджаддина ал-Бугари – это изложение рецепта, который был известен только ему самому. Приготовление тирйака было сложным и трудоёмким процессом. Встречающиеся в природе лекарственные средства тщательно отбирались и предварительно обрабатывались каждое по отдельности. В рецепте тирйака Таджаддина ал-Бугари подробно описывается объём и количество необходимых для этого веществ. Лекарственные средства, включённые в состав «большого тирйака», он подразделяет на семь разрядов-степеней, каждый из которых состоит из разных количеств лекарств. В трактате называются ин-

гредиенты тирйака: вино, мед и три вида лепешечек (первая – андрухрун, вторая – из мяса гадюки и третья – из морской капусты). Уметь приготовить тирйак, применять его мог только тот, кто владел традиционными знаниями и тайнами врачебного искусства. Бугарский таиб в третьей части своего труда указывает, от каких болезней и в каких случаях применяют тирйак. Спектр его применения был очень широк. Он помогал от кашля, вздутия и боли в животе, от кожных заболеваний, желтухи, тошноты, кровохарканья, потери голоса, опухолей, несварения желудка, аритмии сердца, эпилепсии, болезни почек, депрессии и т.д. Тирйак применялся и как профилактическое средство.

Трактат Таджаддина ал-Бугари хранится в настоящее время в библиотеке Иранского медреса вместе с трудами таких выдающихся медиков того времени, как Закария ар-Рази, Абу Али ибн Сина, Насыр ад-дин Туси и др. Предложенные в труде Таджаддина ал-Бугари рецепты лекарств, по мнению специалистов, близки к рецептам именно этих ученых-медиков. Не исключено также, что они в готовом виде были приняты из индийской и греческой медицины. Примечательно то, что рекомендации Таджаддина ал-Бугари использовались и в более поздние времена.

Известен и другой труд Таджаддина ал-Бугари «Фи-л-ад-вийател-мефридет» («Исцеляющие возможности лекарственных трав – простых лекарств»), который также вызвал большой интерес у просвещённых людей и специалистов того времени. Известный арабский врач, автор многочисленных книг по медицине и естествознанию Рашид-ад-дин Абу-л-Мансур ибн Аби-л-Фазыл ибн Али ас-Сури (1173–1243) написал труд, в котором подверг критике трактат Таджаддина ал-Бугари. Но с защитой Таджаддина ал-Бугари выступил Ибн ал-Байтар, который собирал всю информацию о сочинениях по простым лекарствам и об известных авторах [там же].

Труд Таджаддина ал-Бугари «Мохтасар фи магрифатал-адвийа», посвященный простым лекарствам, в настоящее время хранится в г. Манисе (Турция). Таджаддин ал-Бугари продиктовал этот труд (80 страниц) в городе Мосуле в 1219 г.; дошедший до нас экземпляр был переписан в 1222 г. врачом, имя которому Абу Яхья Закария ибн аш-шейх ас-сейд Билал ибн Йусуф ал-Мараги Амири ал-Мутабиб, в г.

Конья. Он называет Таджаддина Абу Мухаммада Али ибн ал-Хусаина ал-Булгари (так указано у него имя болгарского врача) «любимцем царей и султанов», намекая на его принадлежность к дворцу.

История

Профессиональные исторические знания играли важную роль в укреплении, развитии государства тюрков, образовании единой идеологии в целях сохранения единства этноса. В дальнейшем исторические знания развивались в Уйгурском, Хазарском каганатах, Булгарском государстве, Улусе Джучи, Казанском ханстве. Но ни в одном из них они не достигли такой высоты, такой важной роли в обществе, такого политического звучания как в Тюркском каганате.

Генеалогические легенды, распространенные у древних тюрков, продолжали бытовать и в последующие времена. В условиях принятия монотеистических религий они претерпели определенные изменения, постепенно исчезли тотемистические оттенки. На первый план вышли библейские сюжеты, персонажи. Среди них исторические рассказы о происхождении хазар. Племя, род, этнос подаются в них в персонализированном виде. В Хазарском каганате происхождение хазар связывалось с Тогармом – сыном Яфета (сыном Ноя). Из десяти сыновей Тогармы (Тюрка?) седьмой – Хазар, девятый – Болгар, десятый – Сувар (Савар) [Коковцов, 1932]. Как видно из родословной, последние расположены в непосредственной близости к Хазару. В некоторых преданиях говорится лишь о трех братьях – Хазаре, Болгаре и Суваре (иногда вместо него Барсил). В них также подчеркивается их близкое родство. Важно то, что эти предания зафиксированы в письменных источниках как собственные взгляды хазар о своем происхождении.

Но не только ими представлены официальные взгляды на историю в Хазарском каганате, о чем свидетельствует хазаро-еврейская переписка. В своем ответном письме Хасдаю ибн Шафруту хазарский правитель Иосиф, основываясь на преданиях, излагает историю хазар. Иосиф перечисляет 12 каганбеков, правивших до него. Он начинает с первого хазарского кагана, принявшего иудаизм – Булана. В письме излагаются завоевания хазар, принятие иу-

даизма как официальной религии. Иосиф пишет о том, с какими землями граничит Хазария, какие области входят в нее, какие народы подчиняются ей. Среди них указывается и Волжская Булгария, болгары и сувары. В этом источнике можно найти сведения о хозяйстве, общественных отношениях в каганате, о его столице, дворце кагана (см. Приложения к тексту). Все вышесказанное отражает официальные исторические воззрения в Хазарском каганате.

Любопытным историческим памятником является «Именник болгарских князей», содержащий гунно-болгарскую генеалогию правящего рода дунайских болгар. В нем содержится список болгарских ханов с указанием времени их правления, принадлежности к определенному роду. Годы правления указаны по тюрко-монгольскому «звериному циклу». Сведения начинаются с 153 г. н.э. «Именник» состоит из двух частей. Первый был создан в VII в., во время правления хана Аспаруха. Здесь утверждается древность рода Дуло. Генеалогия начинается с Атиллы (в «Именнике» Авитохол) и его сына Эрнаха (Ирник). Во второй части «Именника» перечисляются наследники Аспаруха до середины VIII в. [Попов, 1866].

Волжская Булгария до конца X в. находилась в зависимости от Хазарского каганата. Генеалогические легенды, подобные хазарским, бытовали и в Волжской Булгарии. Некоторые из них уходят корнями в древнетюркскую эпоху. Таково, например, предание о происхождении тюрков от брака престолонаследника Дома Хунну с волчицей. Правда, это предание у волжских болгар претерпевает определенные изменения. В частности, место общетюркского тотема волка (волчицы) у болгар занимает рогатый барс, изображение которого становится своеобразным символом болгарской земли.

Появляются генеалогические предания, в которых начало рода берется с человека-первопредка. Так, хазарское предание о сыновьях Яфета (сына Ноя) обновляется новыми звеньями – Алпом и его сыновьями Болгаром и Буртасом, являющимися родоначальниками одноименных племен или народностей. Различные варианты этой легенды известны в источниках XII и XV вв.

В XI–XII вв. в Булгарии появляются свои профессиональные историки. Одним из них был Йакуб ибн Нугман, написавший «Историю Булгарии». По словам ал-Гар-

нати, он был «из людей 450 (1058/1059) года», т.е. родился в этом году [ал-Гарнати, 1971, с.31]. В «Энциклопедии ислама» годом его смерти считается 1164 г. [Kurat, 1920]. Ученый был приверженцем знаменитого нишапурского богослова Абу-л-Маали Абд ал-Малика ибн Абу Мухаммад ал-Джувейни (1028–1086) [там же, с.31, 72], автора многочисленных книг по толкованию Корана, хадисов и литературоведческих сочинений. Абу-л-Маали ал-Джувейни был сыном знаменитого нишапурского ученого Абу Мухаммада Абдуллы ибн Йусуфа. У отца он получил основательное образование. После смерти отца (1042/1043 г.), стал мударрисом вместо него. Учился в Ираке, некоторое время жил в Багдаде. Давал уроки в Мекке и Медине, получил почетное звание «Имам ал-Хараманен» – «Имам двух священных городов».

Булгарский ученый Йакуб ибн Нугман, приехав в Хорасан, получил образование у этого мударриса непосредственно или же, усвоив его труды, объявил себя его приверженцем. Но именно с этими землями (Бухара, Самарканд, Балх, Газна, Мерв, Нишапур, Себзевар и т.д.). Волжская Булгария была в тесных связях. Именно через эти земли в Волжской Булгарии распространяется ислам. В знак благодарности за это в 415/1024–1025 г. булгарский эмир Абу Исхак Ибрагим ибн Мухаммад ибн Б.л.т.вар пожертвовал средства на постройку мечети в Себзеваре и Хосруджирде [Заходер, 1967, II, с.46].

О Йакубе ибн Нугмане мы в первую очередь знаем через сочинения Абу Хамида ал-Гарнати, прибывшего в Волжскую Булгарию из арабской Испании (Андалусии) и встречавшегося здесь с булгарским историком и кадием. В своем сочинении арабский путешественник и купец приводит отдельные отрывки из книги булгарского историка, в частности, историю принятия булгарами ислама. Хотя этот рассказ носит легендарный характер, основные исторические моменты отражены в нем верно (принятие ислама из Бухары, первоначальная зависимость булгар от хазар и т.д.).

Йакуб ибн Нугман – автор «Истории Булгарии» или только переписчик? Ал-Гарнати пишет, что эта книга «переписана булгарским кадием» [ал-Гарнати, 1971, с.31]. Но, как мы знаем, в те времена каждый переписчик, особенно исторических трактатов, много добавлял и от себя, ком-

ментировал, поправлял. Поэтому если даже Йакуб ибн Нугман являлся лишь переписчиком, все равно есть определенные основания называть его соавтором «Истории Булгарии».

По историческим книгам, распространенным в мусульманском мире, булгары были знакомы с историей других народов и стран. Также как и на мусульманском Востоке, основание и строительство крупных городов, сооружений, отдельные события связывались булгарами с именем Александра Македонского Строителя или Искандера Зу-л-Карнайна. Этим подчеркивалась их древность. Дело в том, что история Греции началась, по мнению восточных авторов, от отца Александра Македонского, Филиппа [Бартольд, 1966, VI, с.165]. Это, возможно, древнетюркская традиция. Бытовали легенды об основании Александром Македонским (Искандером) города Булгара, о победе его над северными народами и возведении им непреодолимых стен [ал-Гарнати, 1971, с.59; Мәржани, 1, 8 б., и др.]. Генеалогия булгарских царей также связывалась с именем Искандера. Наджип ал-Хамадани сообщает, что в Булгаре падишах является одним из потомков Зу-л-Карнайна [Ибн Фадлан, 1956, с.61]. Таким образом, булгарские цари пытались подчеркнуть древность своих родов.

Мы не знаем, существовало ли у булгар летописание. Но судя по тому, что Ш.Марджани приводит генеалогическую таблицу булгарских правителей [Мәржани, 1, 90–97 б.], можно полагать, что какие-то хронографы, по крайней мере династийного характера, у булгар имелись. Есть основания считать, что история у булгар в домонгольское время оформляется в определенную отрасль мировоззрения, принимающую научный характер.

Итак, профессиональные знания, наука в Волжской Булгарии были передовыми для своего времени. Развитие их, в первую очередь, было обусловлено влиянием науки в мусульманском мире. Булгарские ученые писали на арабском языке, поэтому их труды получили общемусульманское звучание. Об этом свидетельствует известность научных трудов булгарских ученых в странах мусульманского Востока. Само развитие науки было своеобразным откликом булгарского мира на Восточное Возрождение.

ГЛАВА 5

Устное народное творчество и литература в Булгарии

1. Устное народное творчество

Гамирзан Давлетшин

Изучение древнего устного народно-поэтического творчества и выявление его особенностей сопряжено с большими трудностями. Это объясняется отсутствием текстов, зафиксированных в период их сложения и бытования. Дошедшие до нас фольклорные материалы представляют собой лишь фрагменты отдельных сюжетов, к тому же в искаженном виде. Путешественники, посетившие страну булгар, в стремлении сделать свои сочинения более увлекательными и желая показать описываемые племена варварскими, преподносят эти сказочные сюжеты как реальность. Однако, как уже отмечали исследователи, в действительности эти отрывки следует рассматривать лишь как памятники фольклора [Ибн Фадлан, 1956, с.60–61; ал-Гарнати, 1971, с.19].

Задолго до появления письменности среди тюркских племен, в том числе у булгар, сложились различные жанры устного народного творчества.

Сила слова для булгар была реальной силой, что особенно ярко проявляется в обращениях, заговорах и заклинаниях, которые строятся на вере в их магическую и волшебную силу. Они были тесно связаны с хозяйственной деятельностью, прежде всего с заботой о благополучии человека.

Обращаясь к солнцу, дождю с магическими словами, булгары пытались на них воздействовать. В татарских детских играх дождю обещают в жертву черного барана, а солнцу – быка. Изображение барана широко распространено в болгарском изобразительном искусстве. Баран связан с культом Тенгре, Неба. Дождь – это дар Тенгре, поэтому ему жертвовали черного барана, похожего на небо с черными тучами. Примечательна в этом отношении керамическая лейка в форме рогатого барана из Би-

лярского городища, служившая магическим инструментом вызывания дождя.

С заговорами же тесно связаны календарные обрядовые песни. Многие из них посвящены встрече весны, проводам зимы и т.д.

Как свадебные, так и погребальные поминальные обряды булгар сопровождалась причитаниями, песнями, заговорами. Ибн Фадлан сообщает о похоронах, которые сопровождалась плачами и причитаниями мужчин [Ибн Фадлан, 1956, с.140]. Ритуальный плач совершает над могилой своей матери герой поэмы начала XIII в. «Кысса-и Йусуф». Плач как ритуальный жанр был характерен для огузов и кыпчаков [Хисамов, 1979, с.107–113].

Загадки по первоначальному характеру и общественной роли примыкают к заклинаниям и табу. В условиях перехода к классовому обществу генетическая роль загадок, как средства воздействия на различные явления, предотвращение болезней и т.д., постепенно отошла на второй план, и в них начали усиливаться познавательная, эстетическая функции. Есть татарские легенды о болгарских царевнах, которые выбирали себе в женихи того, кто отгадает трудную загадку. Из них интересна сказка-загадка «Сарвиназ», где говорится о том, что в Булгаре объявляется День загадки, сын хазарского кагана Караногай победил в этом состязании и стал мужем дочери болгарского хана Таймаса [ТХТ, 1970, 29, 33, 439–444 бб.].

К афористическим жанрам фольклора относятся пословицы и поговорки – средства сохранения и передачи потомкам трудового и житейского опыта. Они возникли в глубокой древности, неслучайно их называли «борынгылардан калган сүз» («слово, дошедшее от древних»), «аталар, баба-

лар сүзе» («слово прадедов»). «Деды наши говаривали» – ссылался болгарский царь Алмыш, объясняя Ибн Фадлану происходящие в небе явления [Ибн Фадлан, 1956, с.134].

Пословицы служили своего рода моральным кодексом, были неписанным законом, отражали нормы взаимоотношения людей, эстетические идеалы народа. При несовершенстве официальных законов, слабом проникновении их в сознание широких народных масс (такое мы видим в болгарском обществе еще в начале X в. по записям Ибн Фадлана) они играли огромную роль в обществе и были в большом почете. Не зря народная пословица гласила: «Картлар сүзен ишеткәндә, бүркәнне куеныңа куй» («Когда слушаешь слово дедов, возьми шапку под мышку») [ТХМ, 3, 563 б.]. Эта пословица, очевидно, бытовала еще у болгар, ибо в ней отражается болгарский обычай держать шапку под мышкой при встрече с почитаемыми людьми (Ибн Фадлан пишет о таком почитании болгарам своим царя Алмыша). Пословицы также являлись украшением разговорного языка, подтверждали и усиливали высказываемую мысль. Немало пословиц вошло в литературу, о чем свидетельствует поэма «Кысса-и Йусуф» Кул Гали [Кол Гали, 1983, 284–294 б.].

Болгарские пословицы встречаются и в языке дипломатии. Так, например, в 985 г. был заключен мирный договор между киевским князем Владимиром и волжскими болгарам. «И сотвори мир Володимир со болгары, и роте заходиша между собое. И реша болгаре: «Толи не будет между нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть»» [ПСРЛ, 1962, II, с.84]. Здесь пословица стала своего рода «печатью», закрепляющей заключенный между государствами договор. Эта же пословица бытовала у татар, используемая как средство подкрепления своего слова и дела: «Кайчан кем колмак суга батар, таш суга калкыр, бу вәгдә шунда бозылыр» («Когда камень всплывет на поверхность, а хмель станет тонуть, лишь тогда будет нарушено это соглашение») [ТХМ, 3, 780 б.]. Примечательно, что мотив о плавающем на воде камне имеется и в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» [Кол Гали, 1983, 76 б.].

Мечты народа, его стремление к идеалу более полно отражались в сказках. К сожалению, в письменных источниках до нас дошли лишь отдельные фрагменты болгарских сказок. Это сюжеты о северном великане, птице-животном, живущем на огромном дереве, девушке-рыбе, вышедшей из уха большой рыбы, громадных змеях, носороге и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Ибн Фадлан сообщает о животном с головой верблюда, хвостом и копытами быка, телом мула, длинным рогом (до трех локтей) наподобие наконечника копья, питающимся листьями и обитающим в лесу недалеко от р. Джавшыр. Всадников он поражал своим рогом, подбрасывая в воздух. Охотились на него с отравленными стрелами с вершин деревьев. И жители утверждали, что это носорог [Ибн Фадлан, 1956, с.139]. Конечно, живого носорога болгары не могли видеть. Но они могли найти скелет носорога или же его изображения, как о том и свидетельствуют более поздние находки.

Данный образ и связанные с ним фольклорные и мифологические сюжеты были распространены и среди других тюркских народов. В мифологической части уйгурской рукописи «Огуз наме» борьба Огуз кагана с единорогом изображается как столкновение двух противоположных сил – добра и зла [Короглы, 1976, с.39]. И в болгарском, и в уйгурском сюжетах эта борьба происходит в лесу. Это полуфантастическое животное, по представлению болгар, было одним из самых сильных и страшных животных. На серебряной накладке X в. оно противопоставляется царю зверей льву. Там лев и носорог (единорог) изображены стоящими друг против друга на задних лапах, как бы готовые броситься в бой. Можно предположить, что единорог, описываемый Ибн Фадланом, как и в представлениях огузских племен, олицетворял силы зла.

Очевидно, некоторые распространенные сюжеты и мотивы болгарского фольклора с изменением исторических обстоятельств видоизменялись и приобретали иногда социально-политическое звучание.

Таков, например, сюжет о змее или драконе, обитающим в воде (озере, реке) и требующим за пользование источником жертву – девушку. Этот сюжет возник

в глубокой древности и бытовал у многих народов. О наличии его у болгар свидетельствуют письменные источники. Так, Ибн Фадлан пишет о том, что в землях болгар живет множество огромных змей. Толщина их сравнима с самым толстым стволом дерева, а длина – с высотой самых высоких деревьев. Царь Алмыш указывает, что они не приносят вреда людям [Ибн Фадлан, 1956, с.135–136] и тем самым раскрывает тотемистическое отношение болгар к змеям. Другой путешественник, ал-Гарнати, пишет, что он видел больших черных змей в черной реке, когда плыл на судне от болгар к славянам [ал-Гарнати, 1971, с.35]. Оба путешественника говорят о фрагментах одного и того же сюжета.

В фольклоре народов Среднего Поволжья, в том числе и у татар, этот сюжет – один из самых распространенных. Изучение его дает возможность глубже раскрыть семантику этого фольклорного мотива у болгар. Обычный сюжет таков: где-то в озере, недалеко от стольного города обитает чудовищный змей и каждый год требует для себя царскую дочь. День пожертвования царской дочери змею превращается в день всенародного горя.

Любопытно сравнение этого сказочного сюжета с исторической действительностью IX–X вв. Как известно, Волжская Булгария до второй половины X в. была подчинена Хазарскому каганату и платила дань. Каган регулярно опустошал и грабил болгарские земли. Вдобавок к этому царская дочь должна была идти к кагану наложницей, а сын – заложником. Последнее являлось не только личным горем самого царя, но и всего народа, ибо болгарское государство, видимо, не один раз оказывалось на грани потери наследника престола. А такая потеря приводила обычно к борьбе за престол, от которой, естественно, страдал и трудовой народ. Алмыш всеми средствами пытается избавиться от этого позорного подчинения, превратившегося уже в обычай. Он торопится отдать замуж своих дочерей, пока их не потребовал каган. Чтобы покончить с этим обычаем, Алмыш обращается с просьбой к халифу, стремясь к укреплению и возвышению авторитета государственной религии Волжской Булгарии – ислама, и получая в результате не только идеологическое оружие против каганата, верхушка которого исповедовала

иудаизм, но и покровительство самого могущественного государства того времени. Царь просит прислать строителей, архитекторов, чтобы строить крепости и защищаться от набегов хазар. Все эти усилия завершаются успехом, и в одной из битв хазары терпят поражение от болгар [там же, с.31].

Вспомним также топографию хазарской столицы: город Итиль располагался в дельте Волги и состоял из двух–трех частей. Дворец кагана находился на острове и с него на один из берегов был перекинут мост [Заходер, 1962, I, с.186], что хорошо ассоциируется с драконом или змеей, живущей в воде.

Созвучны с этим фольклорным сюжетом и другие мотивы татарских легенд. В легенде «Айбике» рассказывается о том, как злой вор по имени Чуракай, обитающий на одном из островов, расположенных в устье Волги, похищает дочь бека города Алабуга, где стоял один из болгарских форпостов – каменная крепость-мечеть. Храбрый джигит побеждает Чуракаю, возвращает девушку отцу [ТХТ, 1970, 450–452 б].

Кроме того, в татарских легендах Хазарский каганат именуется «страной Дракона» [там же, 440 б.].

Ряд сюжетов болгарского фольклора удается проследить на протяжении длительного исторического времени. Таковы, например, сюжеты о богатырях-великанах (алыпах).

Будучи древнетюркской, протоболгарской традицией, эти сюжеты затем продолжали бытовать и обогащаться в период сложения государства волжских болгар, т.е. в условиях, когда еще были сильны традиции военной демократии.

Во время приезда багдадского посольства еще продолжались набеги на соседние племена, и военный доход был одним из источников прибыли зарождающегося государства, «царя» и дружинников.

Секретарь посольства Ибн Фадлан слышал об Алыпe еще по пути к болгарам или даже в Багдаде от Текина. Этот Алып, приплывший по реке с севера, был гигантского телосложения, огромной силы и обладал сверхъестественными чертами. И поэтому повесили его крепкой цепью на высоком дереве, где он и умер. Путешественник увидел лишь его останки – скелет [Ибн

Фадлан, 1956, с.139]. О костях великанов, встречающихся на бугарской земле, пишет ал-Гарнати [ал-Гарнати, 1971, с.30]. Вера в существование людей-великанов в прошлом и рассказы об обнаружении частей их скелетов бытовали и бытуют до сих пор среди татар и чувашей.

Если у Ибн Фадлана Алып отличается прежде всего своей силой, громадностью и мифическим чертами, то в записках ал-Гарнати, сделанных двумя столетиями позже, он приобретает черты реально существовавшего богатыря-дружинника. «А царь Бугара, – пишет ал-Гарнати, – изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну в повозке. А шлем у него из железа в виде большого котла. Он сражался с такой огромной дубинкой из крепкого дуба, которую не может поднять сильный мужчина, а она в его руках как палка в руке одного из нас» [там же, с.43, 61]. Здесь явное переплетение фольклора с реальностью. Абу Хамид лично знаком с ним, богатырь имеет свое имя.

Мотив одновременного страха и почитания алыпов, зафиксированный еще в записках Ибн Фадлана, продолжается и в сообщениях ал-Гарнати: «...Но при всем этом он был любезным, добродетельным, миролюбивым... И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса...» [там же].

Фрагментарность вышеприведенных сюжетов, мотивов и их искажение в пересказе путешественников затрудняет определение их жанров. По-видимому, правы те авторы, которые видят в них осколки былого эпоса [Жирмунский, 1974, с.116–119]. В них нетрудно угадать мотивы из общетюркского эпоса об Алпамыше, распространенного среди тюрков от предгорий Алтая до Средней Волги и Малой Азии. Бытование сюжета об Алпамыше, например среди хазар, подтверждается и археологически, в частности, теми изображениями, которые имеются на ковше из Коцкого городка, датируемого VIII в. [Даркевич, 1974]. В.М.Жирмунский считал, что татарские и башкирские варианты «Алпамыша» восходят к одной из наиболее древних версий. В татарском варианте есть детали, которые не встречаются в сказаниях других народов. К ним относятся упомина-

ния о городах, земледелии – детали, характерные для жизни бугарского общества X–XIII вв.

Необходимо отметить, что сюжеты об алыпах бытовали в различных жанрах устного народного творчества: преданиях, героических сказках, легендах, песнях. Описываемые ал-Гарнати алыпы во многих деталях повторяют героев татарских преданий, легенд и сказок. Во многих богатырских сказках тюркских народов рассказывается о том, что часто исход сражения решали появившиеся в критический момент алыпы-всадники. Подвиг богатыря-алыпа коренным образом отличается от обычных подвигов героев сказок, борьба которых направлена прежде всего против злых сил, фантастических животных, олицетворяющих обычно стихию природы. Фольклорные герои-алыпы ближе к действительности. Они – результат народного поэтического творчества в условиях военной демократии или ее традиций. В них часто реальный герой дается в гиперболизированном виде.

Вышеупомянутый мотив появления Алыпа в момент решающего сражения был известен еще бугарам. В этом отношении интересно сообщение ал-Гарнати, почерпнутое им из «Истории Бугарии» Йакуба ибн Нугмана, о том, что в отместку за самовольное принятие бугарами ислама на них напал хазарский царь во главе большого войска. Бугары одержали победу лишь благодаря внезапному появлению всадников-великанов.

Подвиг алыпов, по-видимому, воспевался в песенном жанре. «Баиты воинов города Бугара» («Шәһре Болгар газилары бәетләре»), относимые Ш.Марджани к бугарским памятникам [Мәржани, I, 15 б.], бытовали, очевидно, в период до XIII в., т.к. вести речь о бугарских воинах, тем более славить их в песнях было возможно лишь при наличии самостоятельной государственности бугар.

Дошедшие до нас в письменных источниках образцы фольклора состоят в основном из преданий и легенд. Рассмотрим некоторые из них.

Проблема единства государства и населения была одним из основополагающих пунктов официальной идеологии еще в Тюркском каганате. Эта проблема осталась жизненно важной и в последующих

государствах. Она отразилась и в фольклоре. Общеизвестна легенда о том, что, умирая, хан Кубрат, чтобы не допустить распада образованного им государства после его смерти, завещал сыновьям всегда жить вместе дружно [Чичуров, 1980, с.52]. Чтобы его слова были более эффектными, он велел принести гибкий веник и поочередно дал его сломать сыновьям. Когда они не смогли сделать этого, он развязал веник, и сыновья по прутьям легко его сломали. Кубрат сказал, что так будет и с ними, если они не будут вместе. Эта похожая на притчу легенда известна всему миру, но ее самый древний вариант зафиксирован у древних болгар.

Космогонические легендарные представления о возникновении мира отражаются в характерном болгарском височном кольце с тремя нанизанными яйцеобразными или желудеобразными бусинами. Посередине этого кольца находится фигурка уточки, держащей в клюве небольшой шарик. К кольцу на цепочке подвешены три яйцевидные бусины. На кольце, найденном около Билярска, яйцеобразные подвески имеются и на фигуре самой утки. Две из них прикреплены к крыльям, одна – к хвосту.

Рождение мира из яйца утки, плавающей в первичном мировом океане, и представление мироздания и его частей в виде яйца является одним из наиболее распространенных космогонических сюжетов у различных народов мира, в том числе и у тюркских. Отображение этого сюжета на болгарском украшении говорит о бытовании подобной космогонической легенды и у болгар. По их представлениям, Земля, Солнце, Луна возникли из трех яиц, снесенных уткой, что отражено в трех яйцеобразных бусинах, имеющихся на височном кольце [Халиков, 1981, с.5–8].

Височные кольца, в которых золотая утка держит в клюве шарик, связываются с другим вариантом этой легенды, по которой Земля и Суша возникли из комочка земли, доставленной уткой со дна океана. Эта легенда широко распространена в Евразии от эвенков на востоке до финнов и латышей на западе. Она возникла где-то в Азии, в среде монголоидных племен.

Тотемизм как сложная религиозная языческая система уже изживала себя. Но реликты его еще были ощутимы, осо-

бенно в переосмысленных мифах, генеалогических легендах. Так, в одной распространенной еще у древних тюрков легенде, зафиксированной в китайских источниках, говорится, что род из Дома Хунну по прозвищу Ашина был разбит в сражении и совершенно истреблен. Остался в живых лишь один десятилетний мальчик, которого из-за малолетства пожалели и, отрубив ему ногу и руку, бросили в болото. Мальчика подобрала и вырастила волчица. Через десять лет юноша был убит, а волчица скрылась в долине, окруженной горами, и родила там десять сыновей, от которых берут начало десять тюркских племен. В других версиях, связанных с происхождением уйгуров, мальчика заменяет девочка, и ее спасает волк.

Свидетельством широкого распространения подобной легенды у болгар являются бронзовые статуэтки т.н. «уродцев» [там же, с.8 и сл.]. Такие статуэтки известны у ранних тюркоязычных племен. Они изображают, как правило, изуродованную фигуру мужчин или женщины, сидящих верхом на хищнике (волк, барс). Наиболее выразительной из них является т.н. «Маклашеевская всадница» (из д. Маклашеевка Спасского р-на РТ) – замок в виде статуэтки женщины, сидящей верхом на рогатом барсе и держащей на руках ребенка. У нее изуродована правая сторона: заплыл глаз, укорочены рука и нога.левой рукой она прижимает к груди ребенка. Среди находок имеется аналогичный замок со всадником-мужчиной.

Позже волжские болгары начинают связывать свое происхождение с Альпом. В одном из преданий говорится, что у Йефеса (Йафет) сына Нуха (Ноя) было трое сыновей: Гази, Тюрк, Альп. Тюрк и Альп поселились у большой реки в далекой, холодной стране. Местность, где они обосновались, была болотистой и покрытой дремучими лесами. Когда Альп шел по этим лесам, время от времени вытряхивал из лаптей землю – у дорог образовывались холмики.

Однажды Альп во время охоты ушел так далеко, что заблудился и не смог вернуться к своему брату – Тюрку. После долгих скитаний он вышел к берегу большой реки, которая сыновьями Альпа позднее была названа Итле. На берегу реки жили люди другого рода, но знавшие язык алы-

пов. Впоследствии Алып сжился с ними, женился на девушке из их рода. У него родились два сына, которым Алып дал имена: Болгар и Бургас. Когда они возмужали, то основали города и дали им свои имена [Вахидов, 1926, с.82–84].

В средневековье (по крайней мере, с X в.) различные варианты этой легенды встречаются в ряде арабо-персо-тюркоязычных исторических сочинений. Из них более близки к татарскому варианту сообщения анонимного автора «Короткие истории и рассказы» («Муджмал ат-таварих валь-кысас»), написанные в 1126 г. [см: Короглы, 1976, с.21, 85, 88], и персидского автора XV в. Мирхонда [ТХИ, 1987, 294 б.]. «У Яфета родились одиннадцать сыновей: Чин, Саклаб, Гомари, Тюрк, Халлах, Хазар, Рус, Садесан, Гузз, Барадж, Нимшадж», – так начинается предание. Здесь место Алыпа занимает Гомари и события точно связываются с Бугаром.

Как известно, несмотря на все богатство фантазии, героический пафос, персонификацию этносов и исторических событий, в основе преданий и легенд лежит историческая действительность. В наших легендах Гази представлен как предводитель гузо-огузских племен – ближайших юго-восточных соседей бугар. Об этом и говорится в легенде по версии Мирхонда: «Гузз ибн Яфет приходит к границам Болгара и там начинает обитать, строить города». Судя по сообщению Ибн Фадлана, они с бугарами жили мирно. Дочь военачальника огузов Этрека сына Катагана была замужем за правителем бугар Альмьшем сыном Шилки [Ибн Фадлан, 1956, с.129].

Исторической действительности не противоречит также факт родства бугарских и бургасских племен. Бургасы, юго-западные соседи бугар, упоминаются в письменных источниках до середины X в. как самостоятельные племена, платившие дань бугарам и, очевидно, вошедшие впоследствии в состав Волжской Бугарии и ассимилировавшиеся с бугарами [Халиков, 1985а, с.30].

О бытовании этих преданий и легенд в бугарское время говорит и некоторое сходство их с источниками XII в. Так, ал-Гарнати при описании силы Алыпа пишет, что «он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка». В татарском предании говорится то же самое: «од-

ной рукой мог поднять лошадей и коров» [Вахидов, 1926, с.83].

Известный татарский ученый и просветитель К.Насыри писал: «В нашем доме Болгар (в значении родина – «Болгар йорт». – Г.Д.), куда только ни приходишь, можно услышать рассказ об Алып. Во многих селах известно, что если у них на полях есть какой-нибудь заметный холмик, то говорят, что здесь Алып вытряхивал свои лапти. Это показывает, что в доме Болгар жил огромный человек. И спустя 800 лет о нем не забыли» [Насыри, 1974, 1, 83 б.].

Эти мотивы были знакомы еще болгарам VII в., обитавшим в Приазовье и на Северном Кавказе. О могилах великанов и вообще о великанах, которые бродят по лесу, оставляя за собой огромные следы в виде холмиков-курганов, повествуется в «Сказаниях о нартах» [Дюмезиль, 1976, с.21–22].

С данным сюжетом созвучно венгерское предание о близнецах Гуноре и Могоре, сыновьях великана Нимрата, которые однажды во время охоты заблудились в незнакомой местности. После долгих скитаний они вернулись домой. Страна, где они охотились, им очень понравилась, и с согласия отца они прожили там пять лет. Однажды они встретили в степи женщины и сыновей Белара и похитили их. Среди пленных оказались дочери аланского «царя» Дуло, на которых женились Гунор и Могор. Говорят, они и стали родоначальниками гуннов и венгров [Поппе, 1927, с.8]. В этих преданиях отражены исторические события из жизни бугар и мадыров.

Рассмотрим теперь широко распространенные легенды о женщинах-великанах, женщинах-воинах, о т.н. амазонках. Бугарскую легенду о женщине-алыпе поведал нам ал-Гарнати: «И сказал мне в Бугаре судья Йа'куб ибн Нугман: «Ведь эта высокая женщина-адитка убила своего мужа, которого звали Адам, а он был из сильнейших мужчин Болгара: она прижала его к своей груди и сломала ребра, и он сразу умер» [ал-Гарнати, 1971, с.61].

Легенды об амазонках содержатся еще в сочинениях древнегреческих авторов [Косвен, 1947, с.2–3, 33–59, 111]. Постепенно они распространяются по всему земному шару. Нетрудно увидеть в этих легендах отзвуки давно минувшей эпохи

матриархата. Но вместе с тем распространению легенд об амазонках способствовало, очевидно, и более свободное, весомое положение женщины в древнетюркском, гуннском, болгарском, огузском обществах и вообще у кочевников древности. Они вместе с мужчинами скакали на конях, участвовали иногда в военных действиях, принимали участие в решении важных вопросов рода, племени. Еще у древних гунно-болгар известны факты царствования женщин [Артамонов, 1962, с.211].

Древнетюркская и протоболгарская традиции проявляются в записках Ибн Фадлана. Он чрезвычайно удивляется тому, что болгарские женщины купаются вместе с мужчинами. По обычаю и закону болгар, как подчеркивает Ибн Фадлан, жена Алмыша сидит на троне вместе с мужем. Во время похорон плачат не женщины, а мужчины. Ибн Русте сообщает нам о буртасской девушке, которая по достижению совершеннолетия перестает повиноваться отцу, выходит на волю и выбирает себе жениха [Хвольсон, 1869, с.21].

Отголоском болгарских легенд об амазонках являются и топонимические материалы. Так, довольно широко распространены в Среднем Поволжье, у казанских татар места с топонимами «Кыз кала» («Девичий город») или «Кыз тау» («Девичья гора»). Они обычно связаны с археологическими памятниками, относящимися к волжским булгарам. Топонимы отражают один из существенных моментов легенд: наличие городов, в которых жили якобы одни женщины, девушки.

Сюжеты о девушках-воительницах являются составной частью различных вариантов эпоса «Алпамыш». Они, эти девушки, перед свадьбой вступают в единоборство с женихами, а впоследствии совместно с мужьями борются против врагов [ТХИ, 1984, 79–87 б.]. Этот мотив был известен еще в VIII–IX вв. В рисунках на ковше из Коцкого городка, отражающих сюжеты из эпоса огузо-кыпчаков, одно из центральных мест занимает борьба женщин и мужчин алыпов [Даркевич, 1974].

Есть еще немало легенд, воспевających болгарских женщин, хотя некоторые из них могут быть более позднего происхождения и результатом трансформации. После разгрома города Булгара Тамерланом, говорится в легенде «Сорок девушек», женщи-

ны во главе с дочерью хана, переодевшись в военную одежду, направились в Биляр и стали охранять город. Когда пришел Аксак Тимур, они погибли, сражаясь с врагами. Их могила находится недалеко от Биляра.

В другом предании рассказывается о том, что в булгарском г. Марджан жили двенадцать красивых и умных девушек. Когда шла война за Биляр, они громко проклинали врагов и тем самым ослабили их мощь. Дочь хана с двенадцатью девушками устроила врагу западню. Но силы были неравные. Спасаясь от врагов, они поскакали на быстрых конях в город. Город Марджан был разгромлен. Враги пленили девушек и заставили их возводить гору недалеко от Биляра. Враги хотели закопать их живьем на вершине этой горы. Но тут 12 девушек превратились в 12 звезд и вознеслись на небо [ТХИ, 1987, 37–38 б.].

Можно привести еще несколько подобных легенд из устного народного творчества татар периода Золотой Орды и Казанского ханства [ТХИ, 1987].

Интерес представляют болгарские предания о принятии ислама, которое произошло якобы после излечения царской семьи от смертной болезни проповедниками ислама. Предание на этот сюжет приводит ал-Гарнати, ссылаясь на «Историю Булгарии».

Исцеление царской дочери и потом женитьба лекаря на ней является одним из распространенных мотивов татарских сказок. Они, несомненно, связаны с болгарскими преданиями домонгольской поры.

Близки к преданиям рассказы ряда восточных авторов о том, что «царь» булгар принял ислам благодаря приснившемуся ему вещему сну [Заходер, 1967, II, с.46]. Этот сюжет встречался и раньше в связи с принятием хазарами иудаизма и имеет место в более поздних татарских преданиях [ТХИ, 1987, 26 б.].

Были широко распространены предания об основании городов, что воспринималось как важное событие, достойное рассказываться в легендах и преданиях.

В одной из древних легенд, включенных в сборник XVII в. «Дафтар-и Чингизнамэ» повествуется о роде Барадж. Как бы попутно, в связи с повествованием о походе Аксак Тимура на Биляр, говорит-

ся: «Народ Биляра назывался барадж. Древнее их местоположение было в устье реки Зай. Это были времена альпов. Аждаха – змея по имени Барадж, пришла на их землю и начала наносить зло жителям этого города. Жители, выйдя (из города), сражались с аждахой, но не смогли победить ее. В конце концов, они, бросив город, бежали и, поселившись на реке Буляр, основали город. Этот город назвали Буляр, а его народ назвали Бараджем» [Усманов, 1972, с.175].

К домонгольскому периоду относятся легенды о битве с драконами, страшными змеями, обитающими на местах, предназначенных для сооружения стольных или крупных городов. С подобными легендами связано основание таких болгарских городов домонгольской поры, как Казань, болгарского города близ современной Елабуги, Джукетау на Каме [Халиков, 1976].

Истоки подобных легенд уходят в далекие времена. В основе их лежит мысль о том, что якобы такие крупные, стольные города, игравшие важную роль в истории народа, не могут быть построены так просто, обычным путем. Акт построения их связан с легендарными, необычными

*Шәһәр диме бонь, билкә,
Биләнә калдымы илгә?
Искәндәрдән мирас калды
Биләр атлиг жиһангирга.*

Интересно, что название города связывается с именем человека – правителя мира (Жиһангир). Невольно вспоминается легенда, приведенная ал-Гарнати: «А ученый у них называется балар, поэтому назвали эту страну «балар», и арабизировали это, и стали говорить «Болгар»». Как видим, и здесь происхождение названия города и страны связано с качеством человека, его образованностью, ученостью.

В средневековых исторических источниках этнонимы «болгар» и «биляр» равнозначны. То же самое отмечает и В.Н.Та-

поступками, явлениями, событиями. Они священны с самого начала – будущее место города очищается от нечисти путем сжигания, «обработки» огнем. Дальнейшая судьба города предопределяется в момент его основания.

Очевидно, прав П.В.Денисов, который в результате сравнительного анализа легенд татарского, чувашского и тюркоязычных народов Сибири приходит к выводу, что они корнями уходят в древнетюркское время [Денисов, 1984, с.50–51].

Интересно то, что города Казань, Алабуга, основание которых связано с борьбой со змеями, расположены на границе Волжской Бугарии. Они возникли как крепости. Исходя из этого, А.Х.Халиков высказал мысль о том, что дракон в представлении болгар олицетворял существо, стоящее на страже безопасности страны [Халиков, 1976].

Чтобы подчеркнуть древность и прославленность города, его основание часто связывается с именем легендарного Александра Македонского – Искандера. Интересна в этой связи историческая песня, где говорится об основании города Биляра:

*О правитель, город ли этот,
Владения ли остались стране?
Правителю по имени Биляр
Осталось наследство от Искандера*

[Яхин, Бакиров, 1979, с.98].

тищев: «билеров имя, мню собственное и общее всех болгар» [Татищев, 1962, I, с.269]. Для В.Н.Татищева этноним «биляр» даже несколько шире, чем «болгар». Еще в XIX в. была высказана мысль, поддерживаемая в настоящее время большинством ученых, что столица Волжской Бугарии на Черемшане называлась «Булгар» [Хузин, 1991]. Это мнение подтверждается и фольклорными источниками. О равнозначности «Биляра» и «Булгара» говорит историческая песня:

*«Болгар-Биләр диясез, Болгарданмы киләсез?
Болгар елкыларын һәйдәп, Һинд илләрен гизәсез.*

*Говорите Болгар-Биляр, не из Болгара ли едете?
Погоня болгарских аргамаков, странствуете по Индии*

[Яхин, Бакиров, 1979, с.106].

Здесь «Болгар-Биляр» однозначно воспринимается как название одного города.

В произведениях устного народного творчества мы наблюдаем тесную связь между этими главными болгарскими городами. В преданиях подобного рода Биляр и Булгар часто упоминаются рядом.

Известно много преданий о Биляре как о славном стольном городе Булгарии. В некоторых легендах название столицы даже не указывается, но по отдельным моментам нетрудно догадаться, что это именно Биляр.

О драматических событиях повествуют предания, где говорится о борьбе Булгара с иноземными захватчиками и о защите города Биляра. В них о взятии и гибели города Булгара на Волге сообщается лишь попутно: «После разрушения Болгара Тимур двинулся в Буляр...» [ТХИ, 1987, 37 б.]. Как подобает стольным городам, Биляр выстоял до конца, враг захватывает его только после уничтожения других городов. Для защиты стольного города прибывает население из других болгарских городов.

В некоторых преданиях завоевание Биляра преподносится как божья кара за грехи его населения. Здесь нетрудно увидеть более позднее идеологизированное наслоение, когда Аксак Тимур возвеличивается как святой хазрат [там же, 32 б.], что является своего рода оправданием его завоеваний.

Почти во всех преданиях на тему завоевания фигурирует Тамерлан. Однако большинство из них уходит корнями в период монгольского нашествия, а имя Тимура является результатом более позднего изменения и переосмысления. Следует подчеркнуть, что татарские предания не знают главного завоевателя страны булгар и ее столицы – Бату хана и его полководцев. Народная память не сохранила их имена, но не забыта трагедия народа, которая связывается уже с более поздними завоевателями.

В преданиях о Биляре ясно прослеживается связь времен, городов, относящихся к разным эпохам. В предании о болгарском роде Барадж говорится, что сыновья Джадаш бека Инсан и Ихсан уходят из Биляра, старший брат – в горную сторону, где основывает город, а младший Ихсан – на родину предков, на р. Зай [там же, 33 б.].

В другом варианте рассказывается о том, что жена хана со своими сыновьями Алтынбеком и Галимбеком уходит из Биляра на север и там они основывают город Казань [там же, 47 б.].

Предания о могуществе Биляра-Булгара слагаются и в последующие века.

Таким образом, анализ даже небольшой части рассмотренных нами сюжетов позволяет сделать определенные выводы. Судя по легендам, г. Биляр основан в глубокой древности. Он огромный, славный, богатый, стольный. Там живет хан, имеются дворец, мечеть. Город Биляр часто путают (или используют как синоним) с г. Булгар. Биляр стоит насмерть против врага, который смог уничтожить его только после покорения других болгарских городов. В помощь Биляру приходят жители других населенных пунктов. В образе Биляра мы видим связующее звено между Булгаром и Казанью, булгарами и татарами.

В болгаро-татарском устном народном творчестве имеется немало преданий о городе, почтительно называемом «Шахри Болгар» (г. Булгар на Волге). Правда, как мы уже говорили, часть из них относится к первой столице Булгарии – Биляру или Великому городу. Исчезнувший уже в период монгольских завоеваний Биляр постепенно уходит из памяти народа, и сведения о нем со временем переносятся на город «Шахри Болгар», достигший расцвета в золотоордынский период. Само название «Шәһри Болгар», образованное характерной для персидского языка «изафой», похоже, взято из письменных литературных источников.

Таким образом, во времена Булгарского государства самого разного содержания легенды и предания составляли неотъемлемую часть духовной жизни. Их можно было бы разделить на генеалогические, космогонические, мифологические, исторические, топонимические предания и легенды, которые являются одним из способов отражения идеологии народа. С помощью этого фольклорного жанра народ выражал свое отношение к истории и к современности. Все эти легенды и предания продолжали жить и среди татарского народа, который с древнейших времен имел свою высоко развитую письменную культуру.

2. Литература. «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали

Нурмухамет Хисамов

Булгарская культура была неразрывной частью культуры мусульманского Востока. Будь то богословская и научная мысль, или литературные открытия, все они развивались на основе общих достижений культуры мусульманского мира. Если богословие опиралось преимущественно на арабские источники, то литература развивалась в тесном взаимодействии с персидской литературой. Собственно тюркская литература к началу XIII в. накопила весьма солидный опыт в художественно-философских поисках. Поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни (XI в.), поэтическая антология из «Дивана» Махмуда Кашгари (XI в.), поэма «Хибат ал-хакаик» Ахмеда Югнаки и лирика великих суфиев XII в. Ахмеда Ясави и Сулеймана Бакыргани представляли собой мощный фундамент для новых художественных открытий.

Тюркская литература, а болгарская литература являлась ее органической частью, чутко следила за развитием персидской литературы и каждое значительное достижение в ней воспринимала как толчок для новых поисков. К началу XIII в. высшим достижением литературы мусульманского Востока стало творчество великого персоязычного поэта Низами, который создал модель поэтического гуманизма, основав сюжет своих поэм на любовной драме двух молодых красавцев.

В тюркской поэзии еще оставался не освоенным опыт Фирдоуси (XI в.), автора великого эпоса «Шахнаме» и поэмы «Йусуф и Зулейха».

В условиях тревожной эпохи первой трети XIII в. в Поволжье болгарский поэт Кул Гали выбрал для своей поэмы сюжет Йусуфа, интересный и благодатный своей освященностью в Библии и Коране. Импульсом в этом выборе послужила поэма Фирдоуси. Поэту подсказала этот сюжет социально-историческая актуальность эпохи, когда болгарское общество получило тревожный сигнал о надвигающейся угрозе нашествия степняков. Для страны самой необходимой защитой в этих условиях было единство, и сюжет с коллизией осужде-

ния распрей братьев как нельзя точно подходил в качестве поучительного урока для страны, ожидающей нашествия врага.

Кул Гали, широко образованный мыслитель своего времени, имел под рукой большой набор источников, начиная от «Тефсира» Табари (IX в.) и кончая поэмой Фирдоуси и сочинением Ансари (XI в.). «Сказания о пророках» на персидском языке и прозаическое сочинение гератского шейха Абдаллаха Ансари «Анис ал-мюридин ва шамс ал-маджалис» («Друг мюридов и солнце собраний») дополняли множеством конкретных деталей и преданий коранический первоисточник, т.е. 12-ю суру, названную Творцом «Ахсан уль-какас» («Прекраснейшее из сказаний»). На перечисленный круг источников указывают западные исследователи, в частности голландский ученый М.Т.Хоутсма [Houtsma, 1889, S.76]. Наше текстологическое сличение также подтвердило его правоту. Но нам было суждено по следам догадок академика А.Крымского [НЭС, стб.52–53] и Е.Э.Бертельса [1994, с.168] открытие основного источника поэмы Кул Гали. Им явилось сочинение Абдаллаха Ансари «Анис ал-мюридин», энциклопедический труд, в котором собрано множество преданий и версий эпизодов и деталей. Вслед за Кул Гали к нему обращались все авторы восточных поэм о Йусуфе: турецкие поэты XIII–XV вв., узбекский поэт Дурбек, персидско-таджикский поэт Джами (XV в.), курдский поэт Селим Слеман (XVI в.).

Поэма Кул Гали примечательна во многих аспектах. «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») – по сути, первое сюжетное произведение средневековой болгаро-татарской, если взять шире – тюрко-татарской поэзии. Этот факт изначально обеспечивал дастану занимательность. Неспроста поэма стала самой любимой книгой татарского народа в течение всей его многовековой истории. Она была закончена 12 мая 1233 г.

В средневековье не сам сюжет решал проблему оригинальности, а трактовка его, которая воплощалась в нюансах. «Кысса-и

Йусуф», будучи первой тюркской версией сюжета, имела во многом тюркский колорит и этим задавала тон всему развитию поэзии во всех трех регионах тюркского культурного мира: в Поволжье, Средней и Малой Азии.

Поскольку литература тюркских народов, болгарская в том числе, не имела опыта в создании большого полотна сюжетного произведения, в поисках образца поэт обращался к опыту тюркского эпоса. Это выразилось в композиционном построении рассказа (диалогичность речи), в модели отношений героев, в коллизийной завязке развития фабулы, в этнографических нюансах внешности героев и их поступков и т.д. Самой броской чертой построения поэтической формы произведения предстают размер стиха и строфика. Кул Гали выбрал традиционно народный размер

и строфику, которая состоит из четверостишия, рифмующуюся по принципу **а а а б**, в котором каждая двенадцатисложная строка имеет по три цезурных узла, а каждый узел состоит из четырех слогов. Это было гениальным решением поэта. Такое построение обеспечивало размеренное развитие рассказа, а сквозной во всю поэму редиф, или рефрен «имди» (уже, теперь) нанизывал весь текст на одну крепкую нить. И чтение, или исполнение поэмы происходило в традиции дастанного эпоса – под напев. Не исключено, что произведение изначально было рассчитано на такую форму бытования.

В выборе размера и строфики произведения ориентиром поэту послужила строфа Ахмеда Ясави. Для наглядности приведем два примера.

*Мәркәб ләгыр, йөгем агыр, үзем гъәмкин,
Хәсрәт берлә гакыл-һушым китте, тәмкин,
Үтеб кәрван, күздин гъәйеб булды сакин, –
Барур жайым беләшимәсмән кайан имди.
(Средство передвижения тощее, груз тяжел, я сам печален,
От горя рассудок и спокойствие покинули [меня],
Караван прошел, с глаз исчез обитатель, –
Как мне определить сторону, куда я должен идти?)*

(Ахмед Ясави);

*Хәлем дишвар, тәнем мәжрух, күңлем мәгъмум,
Нагяһ дөшдем бу михнәтә мән бер мәзлум,
Әй дәрига, атам Йагкуб калды мәхрум, –
Мондан соңра бәни канда күрәр имди?
(Положение мое тяжелое, тело изранено, душа опечалена,
Нечаянно попал в это бедствие я – обиженный,
Как досадно, отец мой Йа'куб остался лишенный, –
После этого где же увидит меня?!)*

(Кул Гали).

Содержание поэмы кратко таково.

Одиннадцатилетний сын пророка Йакуба Йусуф видел во сне, как солнце, луна и одиннадцать звезд сошли с неба и поклонились ему. Отец истолковал это так: что Йусуфа ждут царство и пророчество, а одиннадцать его братьев будут служить ему. Приемная дочь Йакуба подслушала это и рассказала братьям Йусуфа. Обуреваемые завистью старшие братья решили не допустить этого – поклялись убить любимца отца. Заинтересовав младшего брата рассказами о прелестях степи и уговорив

отца, они увели его и попытались убить, но по совету более жалостливого Йахуды, связав руки и ноги, бросили в колодец. А рубашку окропили кровью ягненка и показали отцу как доказательство того, что Йусуфа съел волк.

Мимо колодца проходил караван, купец Малик Дугр отправил своих слуг за водой и они извлекли из колодца юношу-красавца, от которого Малик был в восторге. Вскоре к колодцу подошли братья Йусуфа и потребовали у купца его выдачу. Купец изъявил желание купить их «раба»,

и братья продали его за восемнадцать мелких монет.

Дочь царя Магриба Зулейха увидела во сне красавца Йусуфа и влюбилась в него. Рассказала об этом отцу Таймусу, лишилась сна, отказывалась от еды. Через год снова увидела сон, но юноша лишь ответил: «Я – твой, ты – моя». Проходит год, и на мольбу девушки: «Кто же ты, где твоя обитель?» – юноша отвечает: «Я – царь Египта, если хочешь меня видеть, приезжай в Египет». Но он предупреждает: «Не спеши, в этом деле прояви терпение, лишь терпением достигается цель».

Но Зулейха не послушалась. Рассказала отцу о своем третьем сне и просила выдать ее за царя Египта. Состоялась переписка Таймуса с царем Египта Кытфиром (Потифаром, или Пентефреем – по Библии). Тот выразил готовность принять дочь царя Магриба. Таймус отправляет свою дочь с богатым приданым. Но Зулейху ждет жестокое разочарование: вместо ожидаемого красавца она видит перед собой совершенно незнакомого мужчину, но по совету своих служанок вынуждена согласиться со своей участью. И вот доходит до них слух о баснословно дорогом рабе, которого выставил на торги купец Малик. Увидев его, Зулейха теряет сознание. Очнувшись, она требует у слуг, какая бы цена ни требовалась, купить его для нее, ибо узнает в нем джигита своей мечты, которого она видела во сне. Кытфир покупает раба-красавца ценою всей своей казны и вручает его Зулейхе со словами: «У нас нет ребенка, пусть же он будет нашим сыном».

Зулейха оказывает юноше такие почести, каких не видел сам правитель: каждый день облачает его в новое платье, сама плетет его волосы в косы и т.д. И, наконец, открывает ему свою тайну, признается в страстной любви. Юноша держится стойко и отвечает достойно: «Азиз (титул правителя. – *Н.Х.*) принял меня в сыновья, как я изменю отцу!».

Зулейха в отчаянии раскрывает свою тайну кормилице. Та советует построить дворец-ловушку, который должен захватить воображение юноши, и он должен поклониться желанию своей госпожи.

По велению Кытфира был построен дворец, в котором были посажены серебряные деревца, на их ветках сидели золотые птицы. Между колоннами стоял золо-

той конь, у основания колонн находились серебряные статуи быков. Зулейха велела позвать Йусуфа. Юноша был очарован таким зрелищем и задал вопрос: «Почему нет рядом с госпожой Азиза?». Царица признается, что дворец она построила для Йусуфа и начинает перечислять его достоинства. Она ярко и детально описала внешнюю и внутреннюю красоту юноши. После оплающих признаний красавицы герой был на грани падения. Но донесся свыше глас Бога, и показалась тень отца. Джигит взял себя в руки и побежал. Зулейха погналась за ним. У двери их застал Кытфир. Оправдываясь перед ошеломленным супругом, Зулейха всю вину свалила на Йусуфа. В конце концов, она добилась заточения юноши в зиндан, в котором он просидел двенадцать лет.

За это время Кытфир умер, его место на престоле занял его брат Мелик Реййан. Обвиненные в заговоре против него, хлебодар и виночерпий попадают в зиндан. Они оба видели сон, который был истолкован Йусуфом как добрая весть виночерпию об освобождении и печальная весть хлебодару о казни. Предсказание сбылось.

Однажды и правителю Египта приснился тревожный сон. Во сне он видел семь тучных и семь тощих колосьев. Последние уничтожили первых. Потом видел царь семь тучных и семь тощих коров. Последние проглотили первых. Толкователи снов не могли дать никаких объяснений. Виночерпий вспомнил о Йусуфе и рассказал об этом царю. Он послал его в зиндан. Йусуф истолковал сон как предстоящие семь урожайных лет, после которых наступят семь лет засухи. Реййан приказал освободить Йусуфа из заточения и приехал со своей свитой встречать его. Йусуф отказался от свободы, пока не освободят всех узников. Реййан освободил всех, потом уступил трон Йусуфу со словами: «Царства ты достойнее меня, все вы повинуйтесь ему».

Встал вопрос о везире. Бог через архангела Джабраила повелевает Йусуфу выйти в путь и первого встречного сделать везирем. Им оказался человек невзрачного вида, бедняк – его Йусуф сделал везирем. Вначале он сильно колебался, но Джабраил дал знать, что этот бедняк, будучи младенцем, свидетельствовал перед Кытфиром о невиновности Йусуфа, когда Зулейха об-

виняла его в измене. Везир под стать Йусуфу оказался мудрым.

Герой однажды встречает у дороги изможденную женщину, которая оказалась Зулейхой. Он, потрясенный, спрашивает: «Где твой тонкий стан, восхитительная красота?». Женщина отвечает: «Все это – страсть к тебе. Ничего не осталось из богатства и власти, не исчезают, однако, любовь и страдание». Джабраил прошелся крылом по лицу Зулейхи, к ней вернулись молодость и былая красота. Герой и героиня сыграли пышную свадьбу, прожили счастливую жизнь, вырастив 12 сыновей.

Йусуф предпринял энергичные меры, чтобы подготовить страну к засухе, построил амбары, накопил запасы и при наступлении засухи велел больше не сеять зерна.

Засуха охватила и Ханаанскую землю, родину Йусуфа. Йакуб отправил своих сыновей в Египет, чтоб те запросили хлеба у справедливого египетского царя. Йусуф принял своих обидчиков приветливо, щедро одарил хлебом, но не раскрыл себя. К следующему приезду построил дворец, на стенах которого изобразил сцены глумления братьев над ним. Это – испытанный прием в мировой литературе. Вспомним Гамлета, который разыграл на сцене преступление своего дяди и наблюдал за его реакцией на спектакль. Йусуф прикидывался непонимающим языка «гостей», объяснялся через переводчика. А те передавали друг другу: «Это – о наших неблагоприятных делах» и лишились аппетита. Йусуф перевел их в другой зал. В этот приезд по просьбе Йусуфа они привели с собой единокровного брата его Бениамина, состоялась их тайная встреча. Йусуф обещал брату придумать способ оставить его при себе. Он положил в его воз свой золотой кубок, потом организовал обыск, и кубок «обнаружили» в возе Бениамина. Правитель Египта задержал его как «пойманного вора» и «арестовал». Один из братьев также остался в Египте. Йакуб в неприятном сообщении узрел возможную радость и произнес: «Бог даст, трех сыновей увижу вместе».

В третий приезд Йусуф вынул из шкапулки расписку, написанную братьями при продаже его в рабство, где были перечислены три злостные привычки продаваемого: «лжец, беглец и вор». Те долго отпра-

лись, что не понимают о чем речь, потом стали признаваться, что у них в самом деле был один раб – все это, мол, о нем. Йусуф жестко их разоблачил, велел завязать им глаза и грозился отрубить каждому одну руку, потом повесить «за шею». Братья стали умолять его о пощаде ради многострадального отца, и Йусуф заплакал, велел развязать глаза, те с удивлением признали в правителе Египта своего брата, бросились в объятия друг другу.

В следующий раз братья привезли отца. Йусуф представил ему свою жену Зулейху и двенадцать своих сыновей.

Йакуб, предчувствовав близкую кончину, вернулся в Ханаан. Сюжет завершается кончиной героев: сперва умирает Зулейха. Поэт подчеркивает: «Йусуф не стал снова жениться, жил заботой о детях». Потом скончался Йусуф.

В чем же состоит постфирдоусиевское обновление сюжета о Йусуфе? Прежде всего, в ключевом элементе построения фабулы: в трактовке отношений героев. У Фирдоуси, например, героиня – коренная египтянка. В таком варианте ее настойчивость перед красивым рабом Йусуфом приобретает одну нравственную окраску. В варианте Кул Гали Зулейха – дочь царя другой страны («Магриба»), она влюбляется в Йусуфа заочно, во сне. Это – другой оборот событий, и нравственная оценка здесь другая. Такая схема взаимоотношений героев почерпнута из дастанного эпоса. Первейшее требование к правителю в древнетюркском (в частности, в огузском) эпосе – это то, что каган должен иметь крепкое мужское потомство. Двенадцать сыновей Йусуфа отражают именно этот мотив. Ведь в Библии, в коранических тefsирах и у Фирдоуси Йусуф имел двух сыновей. Тюркские черты в образе героя проявляются в его внешности: сперва Йакуб, потом Зулейха сплетают волосы Йусуфа в косы. Это – деталь из древнетюркской этнографии, когда косы свидетельствовали о знатности рода [Вайнштейн, Крюков, 1966, с.177–178].

Принципиальная новизна в трактовке отношений героя и героини состояла в последовательном отстаивании идеи моногамии. Поэт показывает на примере Йакуба пагубность многоженства для судьбы детей (у старца было четыре жены). Неспроста Йусуф при встрече с отцом подчеркивает:

«Дети все наши, все они от Зулейхи». Здесь, несомненно, сказывается несколько традиций: во-первых, народная традиция, воплощенная в тюркском эпосе, во-вторых, пример личности и творчества Низами – осознанное отстаивание моногамии.

Центральным мотивом поэмы является терпение. Эта идея обозначается в совете Йусуфа во сне Зулейхи, в самоутешении Йакуба после утраты сына, в наставлении служанок Зулейхи, и она воплощена в афоризме: «Терпением достигается цель». Этот алгоритм как будто сформулирован в расчете на долгую и сложную историю татар-

*Гаклы кямил, гыйльме хикмэт кямил белур,
Мөддэгыйләр дэгъва берлән аңа күлур,
Хас вә гамә гадел, дөрест хөкем кылур,
Һич кемсәгә жәдур-жәфа кылмаз имди.*

*(Разум его совершенен, в совершенстве знает науку философии,
Недовольные с жалобой приходят к нему,
Избранных и простых судит справедливо, верно,
Никому не доставляет обид и страданий.)*

Последующие тюркские поэты в поисках идеала справедливого царя низменно отталкивались от формулы Кул Гали.

Долгую жизнь поэме обеспечил пафос миролюбия, воплощенный в нем. Государство, которым управлял Йусуф, никому не угрожает и ни с кем не воюет.

Поэма быстро и глубоко вошла в духовную жизнь болгаро-татарского народа. Любопытно, что через шестьдесят лет после ее появления в Бугаре был поставлен надгробный памятник, где начертано имя «Мамил», младшего сына Йусуфа [Хисамов, 1979, с.23–24; 1984, 29 б.]. 60 лет – средняя продолжительность жизни. Таких сохранившихся эпитафий в болгарской истории насчитывается семь.

Все свидетельствует о том, что поэт Кул Гали погиб во время монгольского нашествия. Следы этого заметны и в самой поэме: остались незавершенные строфы, есть повторения строк, выражений и целых строф, которые находятся ниже уровня авторского таланта и задерживают развитие сюжета. Видимо, они представляют собой вариации из творческой лаборатории поэта, поиски оптимальных вариантов и рассчитаны на доработки. Похоже, что автор уже не имел времени и возможности для этого. А ученики сочли необходимым сохранение

ского народа, и он заключает в себе формулу оптимизма. Все три героя: Йусуф, Йакуб и Зулейха, в сущности, представляют собой воплощение этой декларированной истины. Указанный мотив варьируется в десятках и сотнях татарских афоризмов, и он стал национальной чертой, существенным элементом менталитета татарского народа.

Идея справедливого правителя как отражение проблемы правителя и народного благоденствия представляет стержневую ценность поэмы. Она воплощена в образе мудрого Йусуфа:

всего, что вышло из-под священного пера великого мастера.

«Кысса-и Йусуф» оказала огромное влияние на развитие болгаро-татарской и всей тюркской поэзии. В общетюркском плане ее миссия состоит в том, что она вплотную подвела домонгольскую тюркскую поэзию к освоению достижений великого Низами, к которому тюркская поэзия Поволжья смогла приступить лишь через сто лет из-за исторических катаклизмов.

Сюжет Йусуфа и Зулейхи велел за Кул Гали стал двигателем прогресса средневековой тюркской поэзии. Вслед за «Кысса-и Йусуф» в том же веке стали появляться назире (подражания и состязания) на нее. В Крыму появилась объемная поэма Махмуда Крымлы, в Малой Азии Шаййаза Хамзы и Сули Факиха. Далее создавались по несколько поэм в каждый век. В XIV веке появилась поэма «Йусуф и Зулейха» турецкого поэта Ахмеди, на нее опирался Дурбек, далее появились поэмы Хамди, Кемаля Пашазаде и Ташлыжалы Яхьи. Курдская поэма «Йусуф и Зулейха» Селима Слемана написана на основе поэмы Сули Факиха. Во всех них отражается благодатный художественно-нравственный и социально-философский мир «Кысса-и Йусуф».

ГЛАВА 6

Архитектура Волжской Булгарии

Лилия Саттарова, Искандер Измайлов

Булгарская культура периода расцвета (вторая половина X – первая треть XIII в.) была сложным и многоплановым явлением. Наиболее ярко и выразительно черты ее своеобразия прослеживаются в дошедших до нас руинах архитектурных сооружений и предметах декоративно-прикладного искусства.

Бурное градостроительство, развернувшееся в первой трети – второй половине X в., сопровождалось совершенствованием строительного дела, введением новых для местной практики материалов и приемов строительства, а также типов зданий, характерных для зодчества мусульманских стран.

Природно-географические особенности Среднего Поволжья предопределили использование булгарами дерева в качестве основного строительного материала. Практически вся восточная историко-географическая традиция указывает на развитие строительное дело и развитие городов у булгар [Заходер, 1967, с.36–40]. Средневековый путешественник ал-Гарнати прямо пишет, что город Булгар «построен из сосны» [ал-Гарнати, 1971, с.30], а Йакут ибн Абдаллах (XIII в.), ссылаясь на предшественников, пишет о деталях строительной техники, отмечая, что «булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [История Татарии, 1937, с.16]. Археологические исследования подтверждают эти сведения, дополняя их информацией о способах возведения деревянных конструкций, и даже о специальном использовании некоторых пород дерева. Так, если в строительстве жилищ применялся сосновый лес, то в конструкциях, от которых требовались особая прочность и долговечность (стены укреплений, колодезные срубы и т.п.), использовался дуб. Интересно применение дубовых свай для уплотнения грунта под фундаментом каменного минарета в Биляре [Шарифуллин, 1981].

Дерево широко использовалось в строительстве культовых и общественных зданий. К началу X в. относится замечание Ибн Фадлана об общине баранджар, «для которых построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней» [Ибн Фадлан, 1956, с.138]. По-видимому, мечети, упомянутые авторами середины и второй половины X в. ал-Балхи, ал-Истахри, ал-Масуди, ал-Мукаддаси, также были деревянными. Следы конструкций деревянной мечети, обнаруженные в Биляре, являются пока единственным, но красноречивым подтверждением данных письменных источников.

К сожалению, мы не имеем никаких свидетельств о внешнем облике зданий домонгольского периода. Степень изученности некоторых памятников позволяет осуществить их визуальную реконструкцию, лишь привлекая ряд аналогий. Комплекс соборной мечети в Биляре, включающий деревянную и белокаменную мечеть с минаретом, кладбище с кирпичной усыпальницей и кирпичную баню показателен в этом отношении. Изученные археологические остатки позволяют отнести ее к колонному (арабскому) типу, самому распространенному в большей части мусульманского мира в этот период, и считать ее наиболее древним монументальным сооружением булгар на Волге.

Билярская мечеть претерпела несколько стадий строительства, как и некоторые другие ранние колонные мечети в известных центрах мусульманского мира. Основанная в первой половине X в. деревянная мечеть (почти прямоугольных очертаний: 44,5–48 x 30–32 м) перестраивалась. По-видимому, не ранее конца X в. к ней была пристроена с восточной стороны каменная часть (внешние размеры 40,5–41,7 x 26,2 м; внутренние размеры 38–38,5 x 24 м; общая площадь 912 кв. м), которую делят на 5 нефов четыре ряда квадратных в сечении столбов (по шесть в каждом ряду). Пространство мечети было единым – в какой-то период стена между залами была заме-

нена рядом опор [Халиков, Шарифуллин, 1979].

Биярская мечеть имела отдельно стоящий минарет на расстоянии 1,5 м от северо-западной стены каменного здания. Наличие мощного фундамента, значительно углубленного в укрепленный дубовыми сваями котлован, подтверждает относящиеся к XVIII–XIX столетиям сведения о высоте минарета, бывшего «гораздо обширнее Болгарского» большого минарета [Рыбушкин, 1833, с.197]. Этот «каменный столп... преогромной величины» еще в 30-е гг. XVIII в. возвышался над площадкой городища. В середине XIX в. научное описание зафиксировало его основание высотой уже не более двух аршин [Халиков, Шарифуллин, 1979, с.21]. Упомянутая автором XIX в. «восьмиугольная форма фундамента» есть не что иное как восьмигранный переход от четверика основания к круглому стволу. Фундамент башни был сложен из рваного камня, а квадратное основание, по-видимому, облицовано гладко отесанным камнем. Архитектурные формы этого минарета обычно реконструируются (по характеру основания) по аналогиям в архитектуре Закавказья [Айдаров, Забиров, 1979, с.54–55], в частности, со ссылкой на ряд азербайджанских минаретов XII–XIII вв. Типологическая близость их нашему памятнику позволяет относить строительство (или время последней перестройки) биярского каменного минарета ко времени не ранее XII в. Другие близкие параллели можно указать в архитектуре минаретов XII в., сохранившихся в городах Анатолии (Улу Джамии в Кайсери, Харпуте, Сивасе, минарет Тепси Минаре в крепости Эрзурума). Специфической особенностью их является круглый кирпичный ствол, поставленный на каменное кубическое основание с восьмигранным переходом. Каменная архитектура Булгара золотоордынского времени дает два примера преемственности данной формы – в Большом и Малом минаретах, датруемых XIV в., что делает уместным предположение об использовании строителями золотоордынского Булгара в качестве образца руин домонгольского времени.

Говоря о влиянии мусульманской архитектуры на булгарскую, обычно указывают среднеазиатские и хорасанские аналогии. В этой связи представляется интересным свидетельство арабского историка ал-Джавалики, который писал о булгарах, что «их дома похожи на строения Рума» [Фах-

рутдинов, 1987, с.17]. Следует отметить, что под словом «Рум» в данном случае подразумевается не столько Византия, сколько Анатолия и государство Сельджукидов – Румский (Конийский, Сельджукинский) султанат на ее территории. Действительно, уникальное для булгарской строительной практики использование камня в возведении стен и опор мечети в Бияре приводит к мысли о привнесенной традиции, а торговые связи с Анатолией и Закавказьем, с общей для этих регионов практикой зодчества, помогают найти источник заимствований. «Комплекс соборной мечети», который включает в себя руины еще нескольких сооружений, заставляет вспомнить соборную мечеть в столице сельджукского султаната Конье – мечеть Ала аддина (1156–1220), поскольку оба памятника имели типологически идентичное первоначальное ядро – колонную мечеть, зал которой расширялся в последующее время.

Комплекс соборной мечети в Конье включал в свой ансамбль также некрополь знати с мавзолеями, что также находит аналогию с Бияром, где близ комплекса мечети обнаружены остатки семейной усыпальницы или мавзолея. Для Булгарии это уникальное сооружение. Расположено оно на Биярском IV могильнике, который примыкает к комплексу мечети с юго-восточной стороны. Мавзолей представлял собой кирпичную прямоугольную постройку (внутренние размеры 2,05 x 1,3 м). Выявлены остатки трех стен на высоту до 0,4 м из 5–7 рядов кладки из обожженного кирпича квадратной формы (28–30 см, высотой 5–6 см) на глиняном растворе. Стенки имеют толщину в один кирпич. Пол постройки был вымощен обломками кирпича и покоился на песчаной подсыпке. Внутри склепа было обнаружено два погребения (мужское и женское), совершенных по мусульманскому обряду. Судя по стратиграфическим наблюдениям, усыпальница была сооружена до возведения каменной части мечети и датируется первой половиной – серединой X в. [Шарифуллин, 1984, с.69, 72–73, рис.1, 5]. Трудно сказать, какой характер носило это сооружение, то ли наземной усыпальницы – макбара, то ли полуподземного родового склепа – сагана. Однако поскольку край усыпальницы был частично разрушен при сооружении более поздней могилы, то представляется, что это была заглубленная в землю могильная камера. Сагана как тип погребальной постройки был специфич-

ческим среднеазиатским погребальным сооружением [Бабаева, 1993], и появление усыпальницы подобного типа в Болгарии – важное свидетельство направления религиозных и культурных связей со странами Востока.

Реконструкции архитектурных форм деревянной мечети в Биляре обычно делаются с учетом опыта древнерусского зодчества [Айдаров, Забирова, 1979, с.52, рис.17]. Однако относительно внутреннего пространства многоколонного молитвенного зала следует обратиться к мусульманской архитектуре. При этом можно предположить наличие в его художественном оформлении резьбы по дереву и росписи, что как раз было характерно для Хорезма и Мавераннахра, где мечети с деревянными колоннами и стенами каменной кладки были распространены в X–XII вв. и откуда данный тип культовых построек, очевидно, проникал в Волжскую Болгарию [Смирнов, 1976, с.4–5; Шарифуллин, 1976; Khalikov, Sharifullin, 1977, р.199–202]. Дошедшие до наших дней резные колонны мечетей Бухары и Хивы X–XI вв., Оббурдана IX–X вв., резные консоли потолка мечети в селении Чоркух X–XII вв. в некоторой степени приближают нас к представлению о возможном характере декора деревянной мечети в Биляре. Сравнение с группой т.н. «деревянных» мечетей Малой Азии XII–XIII вв., т.е. мечетей с деревянными колоннами и плоским деревянным перекрытием, колонны и потолки которых были богато украшены резьбой и орнаментальными росписями, также помогает воссоздать интерьер билярской и других мечетей болгар, выстроенных из дерева.

Есть основания предполагать, что культурные связи с сельджукской Анатolieй, так ярко проявившиеся в каменном зодчестве золотоордынского Булгара, зародились еще в домонгольское время, а не в более позднее время, как считалось ранее. Эти связи интересны также с точки зрения реконструкции плана первоначальной соборной мечети в Биляре. Слегка трапециевидная в плане, она представляла собой зал с шестью продольными нефами, разделенными на девять равных травей. В центре зала, между пятым и седьмым рядами колонн, находился бассейн, над которым был устроен световой колодец; пространство перед михрабом также было выделено (колонна напротив михраба отсутствует). Подобное распределение пространства было особенно характерно для мечетей Малой

Азии как с каменными, так и с деревянными колоннами, поскольку местные зодчие были вынуждены отказаться от обширного двора как обязательного компонента ближневосточной соборной мечети, учитывая суровые зимы Анатолийского нагорья.

Другие немаловажные смысловые и декоративные акценты в архитектуре молитвенного зала – михраб и минбар – также могли быть сделаны из дерева [Халиков, Шарифуллин, 1979, с.27]. Следует отметить в этой связи, что известные нам единичные михрабы из дерева также происходят из Средней Азии (селение Искодар, Мавераннахр, IX–X вв.) и Анатолии (селение Дамсакёй, Центральная Анатолия, начало XIV в.).

К сожалению, результаты археологических изысканий не дают возможности представить полностью репертуар болгарского архитектурного декора. В какой-то степени восполняют этот пробел данные об оконном стекле домонгольского Биляра. Среди общей массы находок, представляющих собой однотипные диски (диаметром 18–22 см), скорее всего местного производства, выделяются фрагменты стекла, характерного для закавказских ремесленных центров [Валиуллина, 1991]. Это привозное стекло было покрыто рельефным геометрическим орнаментом из ромбов, звезд, розеток, шестиугольников. Полигональный орнамент, своим появлением обязанный широкому развитию конструкций и декора из кирпича в сельджукскую эпоху, является наиболее типичным для архитектурного декора мусульманских стран Средней Азии, Переднего и Ближнего Востока уже с XI в. Находки закавказского стекла характеризуют обширные торговые контакты Волжской Болгарии, а находки цветного витражного стекла, редкие для Восточной Европы, являются подтверждением высокого уровня городской культуры и развитых торговых и культурных связей с Западной Европой.

В декоре билярских общественных зданий встречаются и другие приемы. В частности, каменные опоры молитвенного зала завершались каменными т.н. сталактитовыми капителями [Халиков, Шарифуллин, 1979, табл.VIII: 12]. Внутренняя поверхность стен кирпичного здания в Биляре была тщательно оштукатурена и покрыта, насколько позволяют судить сохранившиеся фрагменты, орнаментальной росписью.

Всего с территории средневековой Болгарии X–XIII вв. известно восемь кирпич-

ных зданий: три на Билярском, два на Муромском городке (Самарская Лука), по одному на Суварском, Хулашском и Краснослюдюковском (Предволжье) городищах. По планировочным особенностям их можно условно разделить на два типа [Шарифуллин, 1999, с.84–85].

Первый, прямоугольный, простой. Имел вытянутые в плане очертания и два-три внутренних помещения, расположенные анфиладно, так, чтобы, очевидно, температура в них повышалась постепенно от входа к отопительной печи. Подобная постройка была исследована А.П.Смирновым и В.Ф.Каховским на городище Хулаш и датирована XII в.

Второй, подквадратный многокамерный. Подобные здания имели более сложный план, отличаясь от предыдущего тем, что в них к анфиладному плану добавлялись дополнительные объемы. Наиболее выразительно характеризует этот тип построек кирпичное здание в Биляре, являвшееся, по мнению исследователей [Халиков, Шарифуллин, 1976], по-видимому, одним из главных в обширном комплексе караван-сарая, состоявшего из нескольких кирпичных и деревянных построек гражданского и культового назначения. Комплекс, находившийся на небольшом естественном возвышении перед одним из ключевых въездов в город, был огражден частоколом и рвом. Весь двор был вымощен деревянным настилом, обмазанным глиной. Кирпичная постройка (размеры 16,8 x 14,8 м) была расположена в северном углу двора. Здание, разделенное внутренними стенами на шесть помещений, имело систему вертикального (внутри стен) и горизонтального (подпольного) отопления и автономного водоснабжения, а также топочные камеры и входные узлы. К среднеазиатским истокам этой строительной традиции ведут не только прямоугольный план, но и устройство системы отопления, а также размеры кирпича (26 x 26 x 5 см), специфический способ кладки стен и возведения фундамента на сырцово-глиняной антисейсмической подушке. Следует выделить появление дополнительных входных узлов, которые были необходимы для отапливаемых зданий в условиях Среднего Поволжья.

Три подобных здания исследованы на Билярском (близ мечети, XXVII раскоп и в караван-сараяе), два на Муромском (одно, с нечетко изученной планировкой, из раскопок В.В.Гольмстен 1928–1929 гг.,

другое – из раскопок Г.И.Матвеевой 1973 г.) и одно на Суварском городищах. Некоторые здания имели свои отдельные конструктивные особенности. Так при строительстве фундамента бани, исследованной на Вальнском городище, были использованы, наряду с кирпичом, крупные подтесанные известковые камни [Матвеева, Кочкина, 1998, с.27], а при строительстве бани в центре Биляра (раскоп XXVII) использовался маломерный кирпич, позволяющий датировать это здание предмонгольским временем [Шарифуллин, 1999, с.85].

Очевидно, что все эти здания служили банями [Зиливинская, 1989], о чем дополнительно могут свидетельствовать тщательно оштукатуренные и покрытые орнаментальной росписью стены, что было характерно для восточных бань. Располагались они как внутри городов (Биляр, Сувар, Муромский городок), так и близ городских стен (Биляр, Муромский городок), где, очевидно, являлись частью комплексов построек караван-сарая. Судя по расположению и различиям в планировке, болгарские бани имели различный социальный статус и являлись, возможно, квартальными. Баня в центре Биляра близ комплекса мечети, по-видимому, была вакуфным учреждением, доходы с которого обеспечивали функционирование мечети и, возможно, медресе и госпиталя при ней. Институт подобных вакуфов был весьма характерен и распространен на Ближнем и Среднем Востоке [Большаков, 1984, с.113–117]. Само наличие бань во многих городах Булгарии подчеркивает восточный характер болгарского города и городской культуры.

Технология строительства из кирпича, изученная в болгарских городищах на руинах нескольких зданий, имеет истоки в среднеазиатском досельджукском зодчестве, в частности, в традиции использования крупномерного кирпича, прослеженной в кладке стен и фундамента кирпичных зданий в Суваре, Биляре и Вальнском городище. И поскольку, как известно, парадные общественные здания в эпоху средневековья служили демонстрацией экономических возможностей и политических амбиций государства, архитектурные традиции, уходящие истоками в страны мусульманского Востока, указывают на определяющее направление культурных связей и олицетворяют новый этап развития духовного самосознания Булгарии.

ГЛАВА 7

Булгарское искусство

Гузель Валеева-Сулейманова

Понятие «булгарское искусство» охватывает художественную культуру (ремесла, декоративно-прикладное искусство, орнамент) волжских булгар, прошедшую в своем развитии следующие исторические этапы: искусство ранних булгар (конец VII – начало X в.), искусство государства Волжско-Камской Булгарии домонгольского периода (X – первая половина XIII в.) и искусство Волжско-Камской Булгарии золотоордынского периода (вторая половина XIII – начало XV в.).

Генезис булгарского искусства восходит к культуре древнейших восточно- и центральноазиатских племен, раннесредневековых восточноевропейских гунно-болгар, тюркизированных сармато-алан, населения Западнотюркского каганата, Великой Булгарии и Хазарии [История татар, 2002, I]. Становление и развитие булгарского искусства как части восточноевропейской цивилизации связаны с ареалом распространения салтовской культуры, процессами взаимодействия кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой форм хозяйствования.

Салтово-маяцкая археологическая культура сложилась в результате взаимодействия культур разных народов и получила распространение в VIII–IX вв. на обширных территориях степей и лесостепей Евразии [Плетнева, 1967]. В ней, наряду с тюркской кочевой культурой (болгары, хазары) и земледельческой культурой алан, значительную роль сыграла культура эллинистических городов Северного Причерноморья, а также Закавказья и Ирана. Однако механизм влияний был довольно сложным и не сводился к одностороннему воздействию греческого эллинистического искусства или иранского. Собственная этноэстетика булгар трансформировала приобретенные явления в художественные традиции с устойчиво сохранявшимися признаками степной кочевой культуры. Осо-

бенно наглядно это проявилось в произведениях декоративно-прикладного искусства, связанных с ритуалом языческого погребения. Конская сбруя, седло, кожаный пояс с металлическими накладками, деревянная, глиняная и кожаная посуда, лук, стрелы в обтянутых кожей берестяных колчанах, ножи, копья, украшения головных уборов, одежды и волос отражают общекочевнические художественные традиции.

Становление булгарской цивилизации в Поволжье способствовало созданию условий для расцвета ремесел, строительного дела, архитектуры и декоративно-прикладного искусства, тех форм оседлой культуры, которая была воспринята болгарами еще в период их кочевания и оседания на землях Северного Кавказа, Причерноморья и Приазовья. Закономерно сложились черты т.н. средневожского варианта салтовской культуры, раскрывшегося в произведениях раннебулгарского искусства. Преемственность ее традиций сохраняется в искусстве домонгольского времени и даже усиливается благодаря появлению в X в. новых групп болгар с территории Хазарии. Это было частично уже мусульманизированное население с богатыми традициями земледелия и торговли, с развитыми элементами салтовской культуры, выявленными археологами в наиболее ранних слоях большинства булгарских поселений [Казаков, 1992].

Средневожский вариант салтовской культуры на этапе формирования булгарских художественных традиций складывался в сложной этнической среде. Создателями его являлись волжские булгары, значительный вклад в формирование специфических особенностей данной культуры внесли угорские или тюрко-угорские племена – выходцы из Прикамья и Приуралья. Примечательно, что салтовская культура оказала значительное воздействие

на культуру финно-угорских аборигенов края, воспринявших ряд ее достижений.

Развитие болгарского искусства в период образования централизованного государства – Волжской Булгарии происходило в условиях объединения болгарских племен и выработки общего художественного стиля. Это время расцвета ремесел и торговли, создания единого этноэстетического направления в искусстве, оформившегося в результате консолидации феодальных «княжеств» и их культуры в рамках единого государства, единой религии – ислама.

Принятие ислама включило болгарское искусство в ареал распространения мусульманской цивилизации, способствовало освоению новых художественных ценностей, развитию достижений исламского искусства на местной этнокультурной почве. Однако процесс этот был постепенным, и в болгарском искусстве X–XII вв. продолжали преемственно развиваться художественные традиции, сложившиеся в искусстве предшествующего ему периода. Они отражают специфику искусства средневекового государства волжских булгар, связанного своими истоками с достижениями салтовской культуры, и одновременно воспринявшего мусульманское идейно-художественное направление.

Феномен болгарского искусства заключается именно в том, что наряду с новыми принципами изобразительности, привнесенными средневековой исламской эстетикой, в нем продолжали существовать образы, связанные с более ранними культовыми, магическими и мифологическими представлениями. Однако причину этого следует искать не в сохранении языческих воззрений волжских булгар, о чем будет сказано ниже, но в одной из главных закономерностей народного искусства и связанного с ним художественного ремесла, – его живительной традиции. Именно благодаря последней образы и мотивы орнамента, техники исполнения и даже композиции декора остаются без изменения на протяжении столетий. Благодаря традиции декоративно-прикладное искусство и связанное с ним художественное ремесло живут вечно, сохраняя преемственность достижений из поколения в поколение.

В этом свете, исходя лишь из сохранения тех или иных образов и сюжетов, мотивов орнамента, сложившихся в искусстве домусульманской эпохи, ошибочным сле-

дует признать утверждение о том, что болгарское искусство домонгольского периода являлось якобы составной частью языческой культуры Восточной Европы [Валеева, 1983, с.8 и сл.]. Наоборот, судя по сохранившимся археологическим материалам, развитие художественного языка в произведениях декоративно-прикладного искусства волжских булгар отражает идеологию складывающегося монотеистического государства. В нем утверждается своеобразный болгарский стиль, несущий в себе общность художественно-эстетических критериев с мусульманским искусством и в то же время преемственно развивающий мифологическую систему образности, являвшую собой народную, традиционную линию развития.

Центральное место занимает городское художественное ремесло, отражающее вкусы господствующей верхушки общества и выражающее интересы населения, принявшего ислам. В произведениях городских ремесленников выявляется влияние стилевых тенденций, характеризующих в целом развитие мусульманской культуры и направленных на орнаментальную стилизацию и символическую условность художественного языка.

В искусстве формируется принцип декоративности, новое мировоззрение художника мусульманской эпохи. В произведениях болгарского искусства домонгольского времени мы наблюдаем процесс постепенного складывания новой образности, в результате которой были отринуты старые мифологемы языческого мышления и воспринято мировоззрение, связанное с эстетикой ислама. Архаизирующие мотивы и сюжеты, все более стилизуясь и обобщаясь, включаясь в условно-декоративную систему мусульманского искусства, свидетельствуют о потере ими былой, свойственной языческому мировоззрению, содержательности.

Раскрыть художественное содержание и специфику болгарского искусства, занимающего одно из центральных мест в истории культуры государств Восточной Европы и в то же время являющегося важнейшим звеном в эволюции татарской культуры, – такова цель представленного вниманию читателей очерка. Автор видит свою задачу в выявлении художественной парадигмы болгарского искусства, оказавшей заметное влияние на средневековую

культуру народов и стран Восточной Европы (Древняя Русь, Прибалтика, финно-угры и др.) и занявшей достойное место в сокровищнице мировой культуры.

Раннебулгарское искусство

Прежде чем обратиться к характеристике искусства Волжской Булгарии домонгольского времени, необходимо ввести читателя в его предысторию, раскрыть мотивы и образы этого искусства, технологии и принципы декора, сложившиеся в раннебулгарский период. Ранее мы уже отмечали многослойность и сложность содержания раннебулгарского искусства, связанного своими истоками со степными культурами Евразии, прежде всего, с салтово-маяцкой [Плетнева, 1967, с.188]. Это означает, что культура ранних булгар не была чем-то внешним по отношению к данной культуре, она находилась первоначально в ареале ее распространения и представляла собой один из ее региональных вариантов. Поэтому нельзя согласиться с утверждением некоторых исследователей о том, что искусство волжских булгар якобы подверглось «нивелирующему влиянию салтово-маяцкой культуры, выработанной в городах Хазарии» [Измайлов, Саттарова, 2002, с.482]. Это не совсем верное утверждение связано с непониманием процессов становления салтовской культуры, которая формировалась в обширном болгаро-аланском мире, охватывавшем весь юго-восток Европы, и отнюдь не ограничивалась городской культурой Хазарии. Кроме того, она не являлась отражением лишь «общехазарской орнаментальной традиции», поскольку не ограничивалась областью узоротворчества, а была связана с развитием монументальной архитектуры и декоративного искусства, гончарного, ювелирного, строительного дела и др. Культура эта была гораздо шире как по этнокультурным (формировалась как болгаро-алано-хазарская), так и по территориальным границам (за пределами Хазарии она получила распространение в Подунавье, Крыму и Волжской Булгарии). Более того, если она и подверглась влиянию, то, прежде всего, эллинистической культуры Северного Причерноморья, стран Среднего и Ближнего Востока. Наряду с общими явлениями, присущими в целом ее художественному стилю, она несла в себе этноре-

гиональные и местные, локальные черты, своеобразие которых и проявилось в одном из ее вариантов – средневолжском.

Особенность регионального средневолжского варианта салтовской культуры заключалась в том, что наряду с болгарями, искусство которых представлено произведениями из могильников большетархановского типа (середина VIII – IX вв.), в ней приняли участие тюрко-угорские (прикамско-приуральские) племена с культурой могильников танкеевского типа (середина IX – начало X в.). Более того, Танкеевский могильник свидетельствует о слиянии культур двух этих этнических групп, при этом доминирующую роль в этом процессе сыграла салтовская культура болгар, которая была воспринята танкеевцами [Казак, 1971, с.154]. Примечательно, что в обеих составляющих раннебулгарской культуры были сильны общекочевнические черты, и искусство этого периода можно охарактеризовать как синтез традиций кочевого искусства с искусством, рожденным в оседлой земледельческой среде. Близость кочевых традиций способствовала гармоническому слиянию двух этнокультурных составляющих в искусстве ранних булгар и отсутствию в нем проявлений эклектичного характера.

Археологические материалы, раскрывающие художественное творчество ранних булгар, в основном представлены предметами из погребений. Это произведения гончаров, торовтов, ювелиров, резчиков по кости. Они дают возможность раскрыть те или иные виды прикладного искусства, особенности технологии и специфику орнаментации. Захоронения по древним языческим обрядам сопровождались разнообразным набором вещей, среди которых были предметы конского снаряжения, оружие, детали воинского костюма, глиняная, деревянная и кожаная посуда. Обнаружены также украшения головных уборов, одежды, волос и др. Обрядовые изделия декорированы изображениями животного и растительного мира, небесных светил, узорами в виде ромбов, зигзагов, спиралей и других мотивов изобразительного и неизобразительного характера.

Наиболее полно представлено искусство художественного металла и такие его виды, как литье, тиснение и штамповка, а также чеканка, гравировка, насечка и золочение (по бронзе и серебру). Мастера

производили в массовых и единичных экземплярах бронзовые, медные и серебряные изделия: накладки на предметы одежды, бляхи на конскую сбрую, конские налобные подвески, накладки, пряжки и наконечники ремней для наборных поясов, подвески к женским нагрудным и наконечным украшениям, накладки к головным уборам, браслеты, перстни и др. Дошли до нас и редкие образцы украшений, декорированных сканью, зернью и инкрустацией самоцветами.

Наиболее распространенными видами изделий из металла являлись нашивные детали (накладки, бляшки, подвески, пряжки и др.) к наборным поясам, которые носились воинами и булгарской знатью. До конца VIII в. они производились литыми, иногда с использованием прорезного узора, затем появляются штампованные накладки из тонкого листа серебра, бронзы и меди, украшенные довольно пышным орнаментом. Характерные для булгарского искусства культурно-исторические параллели выявляются в женских украшениях – подвесках и предметах туалетного набора (медальоны, лунницы, флакончики для благовоний и др.), ожерельях, височных и наконечных украшениях, серьгах, браслетах, перстнях и др., композиции которых, как и в целом весь комплекс изделий булгарского костюма, подробно рассмотрены в книге «Древнее искусство Татарии» [Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987; 2002]. Отметим лишь, что эти изделия в своих формах и декоре закономерно отражают явления, имевшие место в культуре вошедших в состав ранних булгар племен. Подавляющее их большинство обнаруживают сходство с украшениями средневекового женского костюма аланок, предметами из раскопок верхнедонских салтовцев (болгаро-алан), встречаются и изделия с узорами огузского и венгерского типов. Кроме того, ранними булгарами производились на продажу и т.н. шумящие украшения финно-угорского типа, которые бытовали и в булгарской среде.

В произведениях раннебулгарского искусства представлены также архаические мотивы кочевнического, древневосточного и центральноазиатского искусства. Мотивы орнамента, относящиеся к искусству степных кочевников, – завитки, спирали, листовидные, трилистники, мотив тюльпана, четырехлепестковые розетки, изображения

коней, птиц, головок баранов с закрученными рогами, хищников породы кошачьих, а также изображения двуглавых существ (птиц, коней). В изобразительном языке мастеров раскрывается семантика образов «звериного стиля», растительного мира, астральных символов и в целом богатый репертуар мотивов булгарского орнамента. Они представлены в раппорте, одиночном или сюжетном изображении, образуют пластическую форму предмета и выражены как знаковые образы мироздания, зверино-астральные символы и очень редко в виде антропоморфных богов (идолы, изображения на кресалах) или героев легендарных сюжетов, например, «Маклашеевская всадница» [Халиков, 1971, с.106–117].

В раннебулгарском искусстве «звериный стиль» наделен присущими только ему иконографическими чертами. Этот стиль, характерный для переходного периода – от родоплеменного строя к государственности, в искусстве Азии и Европы восходит к тотемному почитанию зверя-прародителя. Для него характерны стилизованные изображения реальных и сказочных зверей и птиц (или частей их тела – протомы). Явления булгарского «звериного стиля» были подробно освещены первым профессиональным исследователем булгарского искусства Ф.Х.Валеевым [1975]. Именно им была дана характеристика иконографических черт этого стиля, выявлены принципы канонизации его в изобразительной трактовке животных: передача их без детализированной моделировки, в слабо выраженной динамике (птицы – обычно в полете, у животных – небольшой поворот головы), мирно и созерцательно, без агрессивности и чего-либо хищнического. Образы зверей и птиц переданы художественным языком т.н. обобщенного реализма, являвшегося отголоском сако-массагетского, скифо-сибирского искусства и, отчасти, искусства пермских племен. Принципы «обобщенного реализма» выразились в контурных реалистического характера изображениях, в их орнаментально-декоративной стилизации.

Популярными были изображения представителей местной фауны, среди них птиц – сокола, диких гусей, утки, петуха, журавля и особенно фантастических – двуглавых с распростертыми крыльями (подобные изображения птиц встречаются позднее в резном убранстве татарского народного

жилища); из животных – лося, медведя, зайца, собаки, хищников кошачьей породы. Трансформацию под влиянием местной среды претерпели и образы восточной мифологии – львы и грифоны. Художественная трактовка их отличается в одном случае большей условностью, в другом – реализмом (т.н. обобщенный реализм), что выявляет разные этнокультурные истоки болгарского «звериного стиля», отразившиеся на иконографии образов, ее неоднородности. Очевидно, в этом сказалась и семантика образов, наделявшихся или символично-магической или декоративной функцией. Иконографические черты раннеболгарского «звериного стиля» преемственно развиваются в искусстве X–XII вв., однако претерпевают содержательную трансформацию, связанную с новой системой художественных ценностей и мусульманским мировоззрением (см. ниже раздел «Искусство Волжской Булгарии»).

Образы доисламской мифологии в прикладном искусстве болгар – это изображение животных, птиц, иногда человека в декоративной композиции или же как знаков и символов. Подробный анализ знаковых зооморфных и редких антропоморфных образов, в которых предстают мифология, эпос и фольклор ранних болгар, не входит в нашу задачу. Во-первых, по этому вопросу существуют специальные исследования [Валеев, 1975; Халиков, 1981; Валеева, 1983; Давлетшин, 1990 и др.]; во-вторых, содержание многих изобразительных сюжетов утрачено и получило случайное от их первоначального смысла истолкование. Поэтому остановимся лишь на некоторых мотивах, позволяющих в целом охарактеризовать систему художественно-образного мировоззрения ранних болгар, его генезис.

Каждый из них имеет свои этнокультурные истоки и свой семантический уровень. В художественном языке раннеболгарского искусства, безусловно, отразились образы древнетюркской мифологии, связанные с тенгрианством и языческими верованиями. Встречаются и символы зороастризма, выявляющие преемственность древнеиранских традиций. Однако мифологические мотивы преломлялись в творчестве раннеболгарских мастеров через познание ими местной окружающей среды, их пантеон отражал народные представления о перевоплощении природы и сил сти-

хии, переданные болгарскими мастерами в изобразительной символике.

Солярные и астральные мотивы орнамента символически воплощали образ бога неба Тенгре, бога грома и молний Куара, являлись знаками солнца, луны и огня. Последние трактуются в виде многолучевых знаков типа колеса, четырех лучевых в форме креста, системы завитков, мотивов ромба и круга с точкой посередине и др. С языческими богами Тенгре и Куаром связываются парные фигурки всадников в украшении кресал для высекания огня. Переданные в плоскостной стилизованной трактовке данные изображения являются культовыми и магическими символами, служат оберегами. Подобные кресала (т.н. салтовского типа) получили широкое распространение среди соседних финно-угорских племен.

С обрядами поклонения языческим богам, по-видимому, можно связать небольшую скульптурку четырехликого идола, отлитого из бронзы и наделенного мужскими чертами, и остатки деревянных (столбовых) идолов, обнаруженных на Тигашевском городище. К языческим обрядам относится и поклонение священным деревьям, культ которых олицетворялся в образе богини плодородия Умай. Ее символом являлся мотив «древа жизни» и изображения плодов священного дерева – дуба. Последние в форме желудеобразных подвесок, изготовленных в технике тончайшей филигранны, чеканки и тиснения, использовались в женских украшениях – ожерельях и височных подвесках. Они выполняли роль оберегов, символизировали плодородие и являлись эмблемой счастливого брака. С богиней Анахитой связывались изображения цветка лотоса и мотивы лотосовидных пальметт, несущих ту же символику.

Культовое и магическое значение придавалось образам животных. До нас дошли в мелкой пластике цельные фигурки и головы, заменяющие по принципу симпатической магии целое, медведя, барана, коня, собаки, петуха, утки и др. Некоторые из этих животных известны как тотемы и онгоны, почитались как покровители тюркских и аланских племен. Они служили амулетами и носились на груди или пришивались на одежду. Подобный обычай в пережиточной форме устойчиво сохранялся в XVIII – начале XX в. в быту татар,

например, в традиционном украшении «хаситэ» (нагрудная перевязь), в котором вместо зооморфных фигурок использовали готовую продукцию – монеты с изображениями геральдических двуглавых птиц, крылатых львов и с арабскими надписями.

Соляные знаки и символы светил были связаны с определенными животными и часто сочетались в композиции. Например, образ петуха почитался как божество восходящего солнца, как символ жизни и воскресения. Он являлся священным существом по зороастрийской религии, как и собака, которой приписывалась способность отгонять нечистые силы. Ее изображение было популярным в болгарском искусстве, в отличие, например, от образа волка.

С культом воды и неба связывается образ коня, изображение которого часто передавалось в парной композиции, как и изображения двуглавых птиц, имевших магический смысл. Все они, вместе с мотивом змеи, были характерны для древнего искусства Ирана, получили развитие в творчестве сармато-аланских племен, глубоко отразились в искусстве угров и вошли в мифологическую систему образов племен – носителей салтовской культуры.

В содержании и символике художественных образов раннебулгарского искусства перед нами предстает языческая «модель мира», наделенная чертами как степной кочевой, так и оседлой земледельческой культуры. Это выразилось в некоторой неоднородности, присущей иконографии образов, в характере их изображения. Одни из мотивов тракуются в реалистической манере, другие – в стилизованной, схематической. Причину этого можно видеть в том, что в искусстве древних земледельческих культур, связанных с традициями классического Востока, изобразительный язык соответствовал стилю «мифологического реализма» и характеризовался реальноподобной трактовкой зооморфных мотивов. В искусстве же степных кочевых племен образы животного мира были трансформированы в традициях «звериного стиля», берущего свое начало в искусстве степей Казахстана, Горного Алтая, Южной Сибири и Монголии. Для него была характерна условная стилизованная и плоскостная передача изображений. В искусстве волжских болгар ее следует,

по-видимому, отнести к степной культуре их предков до появления в районах Юго-Восточной Европы, а также к явлениям ирано- и тюркоязычных племен салтовской культуры.

В целом в художественном языке болгарского искусства выявляется генезис и общность с кругом произведений ирано-сасанидского и греко-персидского искусства, с одной стороны, и тюркостепным искусством, с другой. Синкретический стиль, возникший еще в эпоху восточного эллинизма и называемый исследователями стилем «греко-персидского» искусства, уходит своими истоками в цивилизацию Великого Шелкового пути. Как известно, этот путь контролировали кочевые сарматы, гунны, тюрки Западнотюркского каганата, болгары и хазары. В итоге сложился сплав эллинистических традиций с ирано- и тюркостепным искусством Евразии, что нашло отражение в болгаро-хазаро-аланской (салтово-маяцкой) культуре.

К периоду Волжской Булгарии сложился единый художественный язык, в котором преобладала обобщенно реалистическая передача образов при свободной стилизованной их трактовке, без жестких канонов. Изображения передаются контурно, силуэтно и плоскостно. Образы животных менее условны и иносказательны по сравнению со скифо-сарматским и сасанидским стилями, более изобразительны. В этом следует видеть значительную роль художественных традиций степной культуры предков волжских болгар. Нельзя недооценивать и роль многокомпонентного характера средневолжского варианта салтовской культуры, особенно проявившейся в системе образов, композиционных схемах и новых семантических символах, привнесенных культурой угро-тюрков. Однако надо учитывать, что последние также испытали влияние культуры древнеиранского мира, и оказались носителями общих с булгарами художественных традиций.

Многие образы, олицетворявшие природу и языческую модель вселенной, с развитием болгарского общества и становлением государства обрели иное содержание. Конкретный мифологический образ трансформировался в символ, воплощающий идеи формирующегося государства, хотя преемственность с мифологией, минув столетия и даже тысячелетия, продолжала сохраняться в татарском народном искусстве.

Искусство Волжской Булгарии X – первой половины XIII в.

Новые явления, связанные с проникновением ислама, духовно-эстетическими запросами булгарского общества, воплотились в культуре и искусстве крупного централизованного государства, каким являлась Волжская Булгария. С его формированием происходило становление феномена булгарского искусства, базировавшегося на салтовской основе культуры с ее древнетюркскими родоплеменными традициями и воспринявшего достижения мусульманской цивилизации с ее древневосточными корнями. Для него характерны развитые формы строительного дела и архитектуры, монументально-декоративного и декоративно-прикладного искусства, городских и сельских художественных ремесел.

Становление стиля булгарского искусства происходило под воздействием религиозно-эстетических воззрений ислама, путем освоения художественно совершенного стиля мусульманского искусства. На арабский и иранский Восток были устремлены идеалы булгарской мусульманской общины, и это отразилось в универсальных критериях художественности, принципах творчества и канонах изобразительности, утвердившихся в творчестве булгарских мастеров. Значительную роль в становлении стилиевой общности булгарского искусства с мусульманским сыграло распространение арабской письменной графики. На ее основе развивалось искусство каллиграфии, появился эпиграфический орнамент. Арабские надписи встречаются в произведениях прикладного искусства еще в раннебулгарский период, где они были представлены вместе с тюркской руникой [Казаков, 1983]. К концу домонгольского периода арабские надписи становятся частью орнаментального декора, декор в целом становится узорным.

Домонгольский период знаменателен тем, что во взаимодействии старого с новым, в процессе постепенного изживания мифологической (легендарной) традиции, связанной с политеистическими воззрениями, и прихода на смену ему символической и условно-декоративной образности, отражающей эстетические принципы исламского монотеизма, возникают исторически обусловленные и присущие только системе булгарского искусства художественные явления.

Его идейно-стилевое содержание и образная специфика формируются как сплав этнокультурных и религиозно-эстетических факторов. В нем воплотились вкусы господствующей верхушки булгарского общества с его тенденциями к централизации и в результате этого – выработке единого идейного направления в искусстве, и вкусы народных масс, являющихся проводниками этнокультурных традиций, сложившихся в родоплеменной среде. В X–XII вв. искусство развивалось во взаимодействии городского, достаточно утонченного ремесла, и народного – массового искусства города и деревни. В городском художественном ремесле складывался узорный стиль и принципы декоративности, присущие мусульманской эстетике. В народном архаизирующем искусстве сохранялись образные представления, свойственные фольклорным традициям.

В итоге сформировался своеобразный стиль булгарского искусства, в котором высокий профессионализм в области техники исполнения и орнаментации, присущий культуре городского ремесла, сочетается со свободной творческой импровизацией и эмоциональной образностью, присущей народной эстетике. Ярким свидетельством этому являются признанные шедеврами мирового искусства булгарские золотые, серебряные и электрумные височные подвески с фигуркой уточки. Высокое мастерство исполнения, оригинальность композиции и утонченный декор, сочетающий технику скани и зерни, и одновременно народный, основанный на мифологии, образ уточки, воплощенный в ее изобразительной форме, с творческими вариациями в сохранившихся образцах, рождает тот художественный сплав, который и определяет стиль булгарского искусства. Примечательно, что данная стилиевая тенденция преемственно сохраняется в декоративно-прикладном искусстве казанских татар (ювелирное искусство, золотое шитье, вышивка и др.).

В художественном ремесле сталкивались религиозные эстетические воззрения и традиционные космологические и мифологические представления. Последние сохраняли древние образы, присущие родоплеменной культуре, и канонические (вне времени и пространства) мотивы. С каждой эпохой они претерпевали обновление: изменения происходили в стиле и манере ис-

полнения, содержательной интерпретации образов, знаковым семантическом подтексте. В болгарском искусстве, наряду с ведущим стилевым направлением, бытовали архаизирующие стереотипные формы, особенно в домашнем ремесле; они были присущи локальным традициям. Однако проблема локальных и региональных центров и особенностей их культуры, искусства остается пока мало изученной.

Основой болгарского декоративно-прикладного искусства явилось художественное ремесло. О широком размахе ремесленного производства в городах Волжской Булгарии – Биляре, Суваре, Булгаре, Муромском городке, Ошеле, Джукетау, Кашане, Хулаше свидетельствуют археологические материалы, письменные источники. Ремесло определяло облик средневекового города, являясь показателем его социально-экономического и культурного развития. Среди дошедших до нас видов ремесленного производства наиболее развитыми были металлообрабатывающее ремесло, ювелирное, керамическое и кожаное дело, продукция которых обеспечивала не только запросы внутреннего рынка, но шла и на экспорт. Волжская Булгария располагалась на Великом Волжском пути, являясь крупным центром международной торговли. Художественные изделия болгар обнаружены в городах Руси и Прибалтике, у народов европейского Севера, Урала и Сибири, в Швеции и Финляндии. Река Итиль была одним из магистральных путей, соединявших это государство с народами, жившими к югу от Каспийского моря (Закавказье, Иран). Караванные пути вели до Хорезма и Бухары, Китая и Индии, обеспечивая обмен культурными ценностями.

Массовое производство изделий художественного ремесла было налажено не только в городах, но и болгарских селах. В археологических раскопках Семеновского, Измерского и других селищ обнаружены изделия бронзолитейщиков, медночеканщиков, ювелиров, гончаров, косторезчиков, камнерезчиков. Изделия болгарских мастеров относятся к кругу памятников, связанных с бытовым укладом, элементами убранства интерьера и костюма. Материалы археологических раскопок раскрывают такие виды декоративно-прикладного искусства болгар, как художественная обработка металла, ювелирное дело, керамика,

резьба по кости. Сохранились отдельные фрагменты изделий из резного камня и дерева, тисненой кожи.

Булгарские мастера в совершенстве овладели техниками художественной обработки золота, серебра, меди, бронзы, железа и их сплавов, впервые в средневековой Европе создали своеобразную культуру скани и зерни, производили многочисленные виды ювелирных украшений, элементов декора одежды, конской сбруи, оружия и изделий бытового назначения.

Художественный металл и ювелирное искусство

Среди продукции болгарских мастеров по металлу наиболее многочисленными были изделия бронзолитейщиков и медников. Ими производились самые разнообразные предметы, начиная от литых пуговиц и булавок, кончая чеканенными и гравированными сосудами. Выдающиеся произведения были созданы болгарскими мастерами-ювелирами, особенно в области скани и зерни, в сочетании этих техник с «полихромным стилем» (инкрустация драгоценными камнями и самоцветами, цветной пастой). Высокие результаты были достигнуты также в технике чернения по серебру, тиснения, золочения и серебрения. Посредством рельефных металлических матриц производилось многократное басмьяное тиснение на тонких листах меди, серебра и золота. В художественной обработке массовых изделий из металла использовались техника литья и штамповки.

Изделия из металла представлены отдельными украшениями одежды, конской сбруи, оружия, бытовыми предметами. Они в наибольшей мере позволяют судить о стиле и содержании болгарского искусства, о тех изменениях, которые произошли в нем с развитием государства. Булгарский «звериный стиль», своеобразие которого определилось в раннебулгарскую эпоху, в домонгольский период был выражен более условно и схематично, изображения животных постепенно трансформировались в мотивы зооморфного орнамента. Развитие изобразительного языка в трактовке звериных образов и птиц шло в сторону декоративности, большей обобщенности формы с элементами орнаментальной стилизации. Изображения животных, как правило, передаются в одиночной, ре-

же геральдической или сюжетной композициях; даются живо, однако плоско и силуэтно, с выявлением характерных черт, элементами декоративной стилизации. В них нет выраженной экспрессии и сцен борьбы, образы отличаются мирным характером, созерцательностью. Главная цель художников была в передаче внешних формальных качеств изображаемого животного как составного элемента орнаментально-декоративной или геральдической композиции, а не в раскрытии их как образов – носителей определенного (мифологического или иного) содержания.

В искусстве домонгольского времени постепенно возобладала декоративность, и это стало свидетельством проникновения новых принципов изобразительности, связанных с эстетической системой мусульманского искусства. Особенности художественного языка болгарских мастеров раскрываются в предметах, связанных с украшением костюма (накладки, пряжки и подвесные ремешки к наборным поясам, бляхи и накладки к женскому костюму), бытовых изделиях (замочки, зеркала, пломбы для опечатывания товаров, навершия рукояток и др.), предметах вооружения (парадные топоры, рукоятки нагаек, булавы и др.). В качестве мотивов декора зооморфные изображения органично вписываются в контуры их формы, передаются плоско, графически или объемно, скульптурно. Но в любом случае в них присутствует элемент декоративной стилизации, условности.

Надо отметить, что условность во многом определяется системой художественного языка, характерной для древнетюркского кочевого искусства. В отличие от античного и эллинистического искусства земледельческих цивилизаций Востока, в которых зооморфные образы отличаются реалистической трактовкой (естественно, с присутствующими в них элементами декоративной стилизации), в искусстве кочевых предков болгар изображения в «зверином стиле» и в целом зооморфные образы всегда были выражены плоско и графически, условно схематически. Это связано с принципами изобразительности, присущими степной кочевой культуре и унаследованными в художественном языке болгарских мастеров.

Зооморфные образы отражают как представителей местной фауны – лисица, куни-

ца, хорек, барс, соболь, утка, гусь, аист, цапля и др., так и далеких восточных стран – львы, единороги; встречаются и изображения грифона, сфинкса и дракона. Вполне реалистично и пластически выразительно, в увязке с формой предмета переданы, например, головки барана, лошади и собаки в украшении наверший орудий из бронзы. В то же время, в форме стилизованных фигурок животных, условно и без динамики решаются бронзовые замочки. И, наконец, как мотивы зооморфного орнамента, контурно и без модуляции переданы звериные образы на многочисленных предметах, связанных с украшением одежды. Все это одновременно свидетельствует о разном характере изобразительной трактовки животных, имевшей место в языке болгарских мастеров, отражает разный уровень содержательности этих образов и мотивов, оформляющих те или иные предметы (от культово-магической до знаково-символической и орнаментально-декоративной).

Важную роль в художественной передаче образов животного мира сыграли этнокультурные истоки болгарского искусства. Например, образ птицы – один из характерных и популярных мотивов в творчестве болгарских мастеров. Его изображение встречается на навершиях булав, типичных также для раннеболгарского периода, и обнаруживает родство с подобными булавами из раскопок Верхнего Салтова и Саркела [Валеев, 1975, с.92]. Истоки этого образа восходят к древнеиранским и хорезмийским булавам с птичьими скульптурками. В то же время прием украшения наверший головками зверей и птиц был зафиксирован в искусстве горноалтайцев (Пазырыкские курганы), встречался в искусстве ананьинцев и древних угорских племен Западной Сибири. С пазырыкскими древностями обнаруживают сходство и болгарские медные псалии, спиральные застёжки, украшенные птичьими головками. В образе птицы представлены также различные накладки, привески стереотипной для многих кочевых племен Поволжья, Приуралья и Сибири формы [Калинин, 1946]. Данный образ, его изобразительная трактовка позволяют выявить воздействие художественной культуры племен разного происхождения (кочевых и оседлых) на такую отличительную черту болгарского искусства, как синкретичность.

Об этом же свидетельствуют схематические изображения двуглавых птиц и коней, ранее встречавшиеся на поделках из Танкеевского могильника. Двуглавость – явление, связанное с верованиями древних сарматов и с искусством угро-тюрков. Изображения двуглавых коней встречаются на болгарском бронзовом гребне, серебряных и бронзовых серьгах. Последние, выполненные в технике литья, были составлены из мотива коньковых протом в геральдике, в центральной части имеют вырез, вероятно, для вставки самоцвета. Эволюция формы данных серег постепенно приводит к тому, что в итоге стилизованные конские головки теряют свою форму и превращаются в отвлеченный декоративный мотив [Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с.57–58].

К образам, являющимся пережитками былых культовых воззрений, надо отнести изображения коня, утки, собаки и петуха. Они являлись священными существами по зороастрийской религии с ее сложным пантеоном божеств и были популярны в сасанидском искусстве. Эти образы отражали, по-видимому, тотемистические представления болгар и одновременно были символами перевоплощения природы и сил стихии, играли роль оберегов. Они изображались на застежках к поясам, ухвертках, накладках и других предметах, относящихся к комплексу костюма, претерпели образную и пластическую трансформацию в традициях салтовской культуры.

С древневосточной мифологией связаны изображения льва, грифона и сфинкса. Они были популярными в искусстве народов Востока еще со времен существования Ассирии и Вавилона. Булгарская трактовка отличается тем, что эти образы менее реалистичны и экспрессивны, более декоративны. В ней раскрывается стилистика народного искусства, фольклорная традиция, под воздействием которой звериные образы утрачивают классические для Востока формы и наполняются новым содержанием. Например, изображение льва лишено устрашающих черт. Это, скорее, символ власти или эмблема княжеского или другого знатного рода. Грифоны и сфинксы передаются контурно, без графической моделировки частей их туловища, в основном с поворотом головы к спине и в застывшей позе. В них нет той мощи и экспрессии,

пластической изощренности и композиционной сложности, составляющей специфику скифо-сибирского «звериного стиля». Отличны эти образы и от сасанидской торевтики с присущей ей схематической и плоскостной передачей, свойственной языку «степного» металла. Исследователи отмечали оригинальность болгарского грифона, в частности, анализируя его образ на одном из бронзовых зеркал Биляра [Валеев, 1975, с.104; Хлебникова, 1969]. Его изображение надлено сильным туловищем и лапами, у него орлиная голова, торчащие уши и высоко поднятые крылья; хвост закинут за спину. В своих иконографических деталях болгарское фантастическое существо совпадает с грифонами греко-римского искусства, однако отличается менее экспрессивной трактовкой образа. Примечательно, что позднее, в золотоордынский период, изображение грифона в произведениях декоративно-прикладного искусства отсутствует, так же как и образы восточной мифологии, исчезнувшие с течением столетий из народного творчества татар.

Значительное место, например, в декоре предметов, связанных с поясными гарнитурами, отводилось геральдике из изображений животных, что было также характерным для древневосточного искусства (Иран, Византия и др.). В нем геральдика выражала в основном феодальную символику, эмблему власти феодальной верхушки. В таком же значении трактовались многие звериные образы и в болгарской геральдике – львы, единороги, сфинксы и др., представленные на бляхах, накладках, застежках, пломбах для опечатывания товаров. Среди геральдических мотивов, кроме звериных образов, представляют интерес изображения птиц – аистов, курочек, глухарей, сильная стилизация которых не дает возможности определить их виды. Для восточного искусства было характерным вписывание геральдических образов в круг, в то время как в болгарском искусстве они вписываются в самые разнообразные формы поделок [Валеев, 1975, с.99].

Отличается от восточных прообразов и трактовка животных в болгарской интерпретации меньшей экспрессивностью, менее выраженными хищническими чертами. Кроме того, в геральдике фигурируют образы местной фауны, переданные болгарскими мастерами в свободной творческой манере; над ними не довели жесткие рам-

ки восточного канона. Ярким примером этому служит композиция на медной накладке в виде геральдики из образов приготовившихся к нападению друг на друга льва и единорога, олицетворявших в восточном искусстве мощь и силу. Звери стоят друг напротив друга на задних лапах и приготовились к нападению, подняв передние лапы. Однако в интерпретации болгарского мастера хищные звери переданы без устрашающих черт: лев смахивает на безобидную собаку, миролюбиво передан и единорог. Между ними, в верхней части накладки, изображен пучок пламени и несколько ниже шестилучевая розетка – знак солнца. И это неслучайно, поскольку в древневосточном искусстве лев выступает двояко: в мире животных он царь зверей, в космогонии – символ солнца (или его атрибут). В метафоре он уподобляется царю среди земных владык [Ремпель, 1987, с.19]. И лев, и единорог являлись в древности священными животными и, по-видимому, символом этого служит изображение пучка пламени. В эпоху ислама лев – символ царственности и оберег от зла. Примечательно, что в мусульманском искусстве лев полностью теряет устрашающие черты. Это, скорее, потешный зверь или эмблема. В более поздних памятниках средневековой мусульманской архитектуры Средней Азии львы изображались похожими на собаководных хищников [там же, с.21–22].

Сюжетного характера композиции на изделиях болгарского металла не столь многочисленны. Среди них можно отметить изображение сцены нападения собаки на змею в оформлении ухвертки, изображение двух птиц и филина на медной пломбе, зеркало с изображением летящих диких гусей и зеркало со сложной, но незаконченной композицией из схематических изображений голов трех животных, птицы и лица человека с короной на голове, вплетенных в арабескового типа орнамент. Все эти сюжеты в своей основе отражают мифологию, однако, судя по характеру их изобразительной трактовки, выходят за рамки фольклорных образов и выступают в качестве эмблемы (пломбы для опечатывания товаров) и метафоры (композиции на зеркалах), приобретают декоративное значение.

В произведениях торевтики, наряду с графической плоскостной изобразитель-

ной трактовкой зооморфных изображений, как уже отмечалось, встречается мелкая пластика из скульптурок животных. Например, в виде литых сильно стилизованных фигурок коз, быков, собак, коней были изготовлены небольшие бронзовые замочки. Данные изображения, безусловно, являлись оберегами. Ранее они, по-видимому, имели культовый характер и, возможно, были связаны с пережитками тотемизма. Однако со временем данные образы приобрели художественное значение. Об этом убедительно свидетельствует появившийся на их тулове узор в виде ленточного бордюра из растительных мотивов и часто встречающийся мотив циркульного кружка с точкой – архаическое изображение солярного знака, имевшего некогда магический смысл.

Из литых изделий, орнаментация которых отражает зооморфную тематику, представляют интерес свинцовые и бронзовые пломбы для опечатывания товаров, направляющихся в страны Востока и Запада. Для одних пломб были типичны изображения льва с закинутым за спину длинным хвостом, в других можно было видеть фантастические существа с львиными туловищами, наделенными узкими и короткими крыльями ласточкиного типа, с острыми когтями на звериных лапах, изогнутым хвостом, оканчивающимся пальметтой. Голова чудовища выражена в виде женского лица со сросшимися бровями и тремя звездочками во лбу, оно молчаливо бесстрастно. Изображение вписано в круг, оно контурно, формы лап и хвоста выражены орнаментально.

В данном образе можно видеть позднюю реплику греческого сфинкса – крылатого зверя с головой женщины или сфинкса эпохи эллинизма с телом львицы и лицом женщины [там же, с.61]. Его символом являлась полнота жизни и реальность фантазии. И действительно, исследователями было замечено, что в болгарском искусстве граница между фантастическими и реальными образами была не столь существенна. Изображения реальных животных имели тот же нереальный (символический) смысл, что и фантастических существ [Валеев, 1975, с.100].

Среди изображений, например на зеркалах, найденных в Булгаре, встречается и другой тип сфинкса с человеческим лицом, который был характерен для искусст-

ва мусульманских стран. В частности, он представлен на зеркалах XI–XII вв., найденных в Термезе и на Северном Кавказе. Обычно парные фигуры этих сфинксов расположены спиной друг к другу, лица представлены в фас, на головах у них что-то в виде короны, хвосты завершаются знаками луны и солнца, на некоторых болгарских вариантах с более схематичными изображениями – пальметтами. Изображения сфинксов представлены на фоне вихрящегося растительного узора. По краю зеркал располагается благопожелательная арабская надпись. По мнению Л.И.Ремпеля, эти фигуры составляли гороскоп, воплощенный в этом существе, и указывали на благоприятное расположение звезд [Ремпель, 1987, с.62].

В аспекте переплетения фантазии и реальности как художественное воплощение мифологического существа, ставшего геральдическим символом, представляет интерес изображение полиморфных существ, в частности, на бронзовых бляхах, входивших в состав нагрудных украшений мужского костюма и обнаруженных при раскопках Биляра и Булгара. На них изображено существо с головой собаки, лапами и туловищем орла, покрытым рыбой чешуей, хвостом змеи. Голова увенчана рогами сайгака, из пасти свисает длинный язык. Образы собаки, орла, степного сайгака отражали среду степняка и, вероятно, являлись тотемами кочевых племен, имели культовое значение. В то же время в них олицетворены в единстве все стихии мироздания: земля, подземелье, вода, небо, и это фантастическое существо отражало идею всеисильности и непобедимости.

Черты разных животных в одном образе, возможно, означают объединение племен правящим родом, эмблемой которого и стало данное изображение. Одновременно оно являлось и символом могущества, власти, служило геральдическим символом Волжской Булгарии, позднее Казанского ханства [Валеев, 1975, с.104–105]. С завоеванием Казани он лег в основу русского герба. Рога сайгака трансформировались в корону, туловище орла – в туловище петуха, хвост змеи и высунутый язык сохранились как атрибуты взятого за основу прототипа [Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002, с.91–92].

Генезис данного полиморфного существа восходит к восточно-азиатскому крыла-

тому дракону конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., вынесенного гунно-болгарами из мест их прежнего обитания до появления в Восточной Европе. Это фантастическое существо изображалось с головой хамелеона, рогами сайгака, ушами быка и со змеиным хвостом. Изогнутые лапы заканчивались орлиными когтями, а туловище было покрыто рыбой чешуей. Этот дракон символизировал власть и могущество, ниспосылаемую людям благодать. Близок этот образ и к среднеазиатскому Сенмурву, получившему отклик в искусстве Византии, Руси и позднее в искусстве ряда мусульманских стран Востока. Булгарский образ, пройдя через вековой фильтр народных представлений, в домонгольскую эпоху обрел индивидуально-самобытную трактовку как художественное воплощение древнего мифологического существа, получившего затем эмблематическое значение. Он до сегодняшнего дня сохранился в фольклоре казанских татар под названием «аждахи».

Последовательную трансформацию изобразительного языка болгарских мастеров в сторону орнаментальности раскрывает декор бронзовых и серебряных зеркал, массовые археологические экземпляры которых свидетельствуют о популярности данного вида изделий. В ранний домонгольский период изображения животных на зеркалах имели самостоятельное значение, несли в себе содержательную (магическую, космогоническую) функцию, являлись оберегами и были символами астрального значения. Позднее они komponуются с растительным и геометрическим орнаментом, иногда сливаются с его мотивами в целостную композицию и затем теряют свою первоначальную символику, превращаясь в орнаментальный мотив.

Из зооморфных образов на зеркалах преобладали зверино-астральные символы (зайцы, рыбы, собаки, лисицы), а также представители местной фауны (лось, олень, рысь, утка, гуси, журавли), связывавшиеся с космогоническими представлениями, устным народным творчеством. Встречаются изображения хищных зверей, отражающих восточную мифологию фантастических существ. Они выражали идеологию феодального государства, были символами могущества и силы.

Сюжетные композиции на зеркалах были составлены из мотивов зверей, птиц

и рыб. Среди них мотивы шествующих друг за другом зверей – сюжет, близкий к ближневосточному «звериному гону», получившему развитие и в исламском искусстве, «солнечного колеса» из бегущих по кругу лисиц или плывущих друг за другом рыб, вписанных в круг с узором из мотива стилизованной волны и выражавших древневосточную символику «дня и ночи», летящих диких гусей – сюжет, перекликающийся с мифом о спасении гусями Рима и др. [там же, с.53]. Среди образов, отражавших космогонические и мифологические представления волжских болгар, были также птица и змея. Они олицетворяли стихию неба и земли, и в то же время были связаны с покровительством дома и семейного очага. Данные мотивы являются характерными для носителей салтовской культуры, уходят своими истоками в искусство скифо-сарматских и аланских племен.

Наряду с зооморфными распространение получили геометрические (интегральная спираль, шести- и восьмилепестковые розетки, мотивы жгута, круга и др.) и простейшие цветочно-растительные (лотос, тюльпан, виноградная лоза и пр.) мотивы. В комплексе предметов, относящихся к пояному набору и украшениям коня и конской сбруи, часто встречаются изделия в форме трилистников, сердечек, листовидных, спиральных и других мотивов, характерных для степных кочевых племен Евразии.

Со временем, к концу домонгольского периода, цветочно-растительные мотивы начинают преобладать, обогащается их репертуар, усложняются композиционные решения, появляются арабескового характера построения, свойственные орнаментальной системе мусульманского искусства. Декор зеркал дополняется арабскими надписями благожелательного содержания, которые преобразовались в эпиграфический орнамент, который первоначально украшал лишь узкую полосу бордюра, затем занимал уже почти половину декорируемой поверхности зеркала. В целом все эти нововведения в изобразительном языке декора отражают проникновение идейно-художественного мировоззрения, связанного с эстетикой ислама.

Примечательно, что орнаментальные мотивы болгарского прикладного искусства по характеру их трактовки, свободному

решению композиции с вариативностью художественного языка не скованы жесткими рамками профессиональных навыков и изобразительных канонов, довлеющих в творчестве мусульманских художников классических стран Востока. Это позволяет говорить о стилевой самобытности болгарского искусства и его орнаментальном языке как живописном, но не в колористическом, а в творческом смысле. Живописность присуща системе народного искусства, отличающегося творческим импровизационным характером. Она указывает на глубинные связи болгарского профессионального ремесла с живой народной традицией, которая сохранялась в домонгольский период как в интерпретации мотивов зооморфного орнамента (пришедшего на смену «звериному стилю» эпохи язычества), так и в композициях цветочно-растительного узора, доминирующего в мусульманском искусстве.

Пышные композиции цветочно-растительного узора с орнаментом из сложно переплетенных спиральных завитков, листовенных побегов, цветков тюльпана, мотивов лотосных и других характерных для декора болгарских боевых парадных топориков. Узоры делались в технике литья, гравировки и инкрустации серебром, сочетались с солярными и зооморфными мотивами. Последние (образы собаки, коня, хищников кошачьей породы) вписывались в круглые медальоны и сохраняли магический смысл, являясь оберегами. На ручке одного из топориков под медальоном с мотивом стилизованного коня размещено изображение солнечного диска и полумесяца, в то время как лезвие украшено разветвленным мотивом «древа» или «степного» цветочного букета. Благожелательное содержание данного сюжета прочитывается достаточно просто. Примечательно, что в нем сохраняется характерная для салтовской культуры и сармато-аланского искусства семантика «древа жизни» и коня как небесного и «солнечного» животного. Новой является семантика полумесяца, исходя из содержания сюжета – дарующего благоденствие и процветание. В декоре топориков, помимо содержательной символики, отражена и характерная для мусульманского искусства ковровая система орнаментации. Узор, в отдельных экземплярах подражая арабескам, целиком заполняет плоскость топориков.

Характерный для мусульманского искусства принцип сплошной орнаментации получил широкое распространение в болгарских изделиях из металла в конце домонгольского периода. Об этом свидетельствуют остатки металлических матриц – медные и бронзовые пластины с отлитым рельефным узором, посредством которых производилось многократное басмяное тиснение на тонких листах меди, серебра и золота [КБ, 1985, с.99, табл.ХХХVII: 1–15]. Они использовались для орнаментации массовых изделий, таких, как бляхи, накладки, амулетницы или коранницы, сосуды и другие бытовые предметы. Среди узоров орнамента представлены архаизирующие мотивы позднеэллинистической традиции, интерпретирующей херсонесские образцы. Встречаются и примеры узорных композиций арабского типа с геометрическими и цветочно-растительными мотивами, утверждающими стиль мусульманского искусства.

Образная система декора на матрицах прошла путь от чисто зооморфных композиций X–XI вв. (например, бронзовая матрица из раскопок Биляра с изображением собаки) до условно-орнаментальных с абстрагированными мотивами «цветочного стиля». Данная эволюция изобразительности в произведениях болгарского художественного металла X–XII вв. отражает органичный переход к декоративистским принципам мусульманского искусства.

Наиболее ярко достижения болгарских мастеров проявились в ювелирном деле, которое прославилось далеко за пределами государства. Достижения в области техники декорирования были связаны с удовлетворением массового спроса на различные предметы ремесла, из которых ювелирные украшения активно включались в товарное производство. До нас дошли разнообразные изделия ювелиров Биляра, Суvara, Булгара, Джукетау и других ремесленных центров. Продукция их вывозилась и за пределы государства. Производились специально для импорта женские и мужские украшения финно-угорского типа – гривны, шумящие сканые и зерновые подвески. Изделия болгарских ювелиров были популярны в Приладожье, Швеции, на Урале, в Сибири, в древнерусских княжествах.

Процесс совершенствования форм ремесленного производства способствовал

специализации труда. Технология диктовала характерный комплекс мотивов декора, используемых в определенных видах украшений. У волжских болгар высокого развития достигло искусство зерни, накладной и ажурной скани, о которых будет сказано ниже. Не менее сложной является техника гравировки, художественно выполненные образцы которой относятся еще к раннебулгарскому периоду. В домонгольское время тонкой гравировкой в виде узоров из лиственных мотивов украшались щитки серег. Орнамент обычно заполнял пространство между отлитыми или гравированными же изображениями. В пластинчатых браслетах узоры в технике гравировки располагались по их длине или на концах. С XII в. на болгарских браслетах помимо геометрических, растительных и зооморфных мотивов появляется арабская вязь.

Для ювелирного искусства волжских болгар характерен т.н. полихромный стиль – инкрустация из драгоценных и полудрагоценных камней, цветного стекла, широко распространенная еще в первой половине I тыс. н.э. среди сармато-аланских и гуннских племен. Инкрустация самоцветами получила развитие в ювелирном деле ранних болгар – серебряные перстни салтовского типа с выпусками на щитке для крепления сердолика и цветного стекла, позднее у волжских болгар. У последних в декоре серег, перстней, печатей в виде подвесок, амулетниц и других широко применялись самоцветы, иногда с гравировкой (глиптика), цветная паста и стекло.

Один из дошедших до нас образцов изделий X–XII вв. с глиптикой – это янтарная вставка от перстня или, возможно, печать-подвеска, имеющая форму усеченной пирамидки. На поверхности янтаря была прорезана арабская надпись с именем владельца – «Арслан». Изделие было обнаружено при раскопках Суvara [Смирнов, 1951, рис.155]. Примечательно, что перстни с глиптикой на самоцветах создавались татарскими ювелирами в XVIII – начале XX в. и широко бытовали среди мусульманского населения, поскольку содержали арабские, часто коранические надписи.

Определенное развитие в болгарском искусстве получила инкрустация из золотой и серебряной проволоки, которая декорировала изящным геометрическим и растительным орнаментом, арабской вязью

рассмотренные выше бронзовые подвесные замки, парадные топорики.

Технико-орнаментальные комплексы сложились в эпоху средневековья и были связаны с заказами на те или иные виды «образцовых» украшений, создававшихся в городских ремесленных центрах или в ханских и «княжеских» мастерских, их формы и декор тиражировались. Среди таких изделий мастеров золотых и серебряных дел можно выделить витые сканые гривны и браслеты из 3–4 - сложного плетения проволоки, височные кольца со сканными фигурками птиц и без них, подвески с украшением в виде пирамидок из мельчайшей зерни, приведенные ранее серьги с парными головками коней и системой желудеобразных подвесок, амулетницы или коранницы, подвески в виде лунниц, плоские браслеты с львиными мордами на концах и др.

На примере браслетов, гравированных изображениями львиных личин, можно раскрыть эволюцию и трансформацию данного образа и в целом художественных традиций болгарского ювелирного искусства с древнейших времен [Валеева-Сулейманова, 2002, с.187–198]. Основная масса браслетов с львиными личинами, кроме датированных домонгольским временем [Смирнов, 1951, с.126], относится к золотоордынской эпохе. В болгарском искусстве образ льва был представлен в виде схематических изображений львиных личин на ременных пряжках ранних болгар (VIII–IX вв.) из погребений Танкевского могильника [Казаков, 1971, табл. XIX: 31], на браслетах и в виде геральдических изображений на бронзовых пломбах и печатях X–XII вв. В искусстве верхнедонских болгар данный мотив представлен на предметах клада из хазарского Саркела (X в.) – серебряные с позолотой и чернью ременные пряжки, накладки и подвесные ремешки от поясного набора, украшенные схематическими изображениями львиных морд [Артамонов, 1962, с.28; Макарова, 1986, с.26–27].

Эволюция «львиного» мотива, представленного в произведениях прикладного искусства оседлого и кочевого населения Евразии, уходит в периоды, начиная с античности. Браслеты, украшенные объемными львиными головками и сплетенные из двух серебряных или золотых проволок, производились в ювелирных мастерских

приазовско-причерноморских городов, которые, как полагают исследователи, в VI–VII вв. управлялись приазовскими болгарами в составе Великой Болгарии, а затем Хазарского каганата. В мастерских Пантикапея, бывшей столицы Боспорского царства, ставшего позднее одним из главных городов приазовских болгар, производились гладкие серебряные браслеты на бронзовой основе, украшенные объемно трактованными львиными головками. Данная традиция восходит к браслетам античного времени (VI–V вв. до н.э.). Последние на их концах украшались не только головками, но и миниатюрными скульптурными фигурками львов, иногда сфинксов, например, из богатых царских захоронений в курганах Куль-Оба [Галанина и др., 1964, рис.30, 31]. Золотые браслеты из курганов Большой Близницы с фигурками львиц на концах сочетают реалистическую трактовку изображений, вплоть до мельчайших деталей, с орнаментальными мотивами декора.

Пантикапей был крупным ремесленным центром, где в течение многих столетий производились ювелирные изделия для кочевых племенных объединений, населявших степи Северного Причерноморья – скифов, сарматов, гуннов, болгар и хазар. Во II–III вв. в греко-сарматских мастерских Пантикапея был создан синкретический «полихромный стиль», в котором достижения эллинистического искусства получили приложение собственно к сарматскому творчеству [Якобсон, 1964, с.13]. В то же время в сарматских памятниках I в. до н.э. встречаются золотые массивные браслеты, концы которых декорированы скульптурными рельефами в характерном для кочевников «зверином стиле». Манера трактовки их отличается декоративной стилизацией изображений, которые вписаны в линейные контуры браслетов и подчиняются их форме [Галанина и др., 1964, рис.46].

Образ льва еще ранее был характерен для искусства позднеахеменидского и сасанидского Ирана и встречался он в декоре ювелирных изделий V–IV вв. до н.э., в частности ожерелий-гривн. Концы последних были украшены объемными, скульптурно моделированными головками львиц, в выразительной декоративно-стилизованной трактовке. Например, гривна, относимая к изделиям иранского позднеахеменидского искусства, поступившая из Сибирской

коллекции Петра I [Иванов и др., 1984], была сделана в виде толстого и гладкого золотого обруча с несомкнутыми концами. На них были насажены объемные, отлитые по восковой модели головы львицы с круглыми ушами, удлинёнными глазами, раздвоенной верхней губой с точками, обозначающими усы, складками вокруг пасти и глаз.

Примечательно сравнение данных изображений древнеиранского искусства с гравированными на концах рассматриваемых нами браслетов. В последних аналогично, но плоскостно и схематично, лишь графическими линиями выделены удлинённые глаза, раздвоенная верхняя губа со штриховкой «усов», штриховка резцом «шерсти», складок вокруг пасти и глаз. Нет только ушей, которые при фронтальном изображении на плоскости выпадают из поля зрения. Есть основания полагать, что львиные головки на иранских гривнах являются наиболее схожими по деталям изображения с рассматриваемыми нами мотивами львиных личин на булгарских браслетах. Последние, в отличие от них, выражены в плоскостной трактовке. Вероятно, данная трактовка была характерна сарматам, заповолившим приазовско-причерноморские степи в первые века до нашей эры. Позднее от сармато-алан она проникла в искусство болгаро-алан – носителей салтово-маяцкой культуры. О «прямой трансформации» булгарских браслетов от сармато-аланских высказывался еще Ф.Х.Валеев [1975, с.79].

Мотив львиных голов в украшении концов браслетов существовал синхронно как в иранском, так и в античном греческом искусстве, являлся общим в культуре античного мира, был своеобразной модой, установившейся в Передней и Малой Азии и сопредельных территориях. Позднее, в эпоху восточного эллинизма, появляется синкретический стиль, называемый исследователями стилем «греко-персидского» искусства. Он был связан с цивилизацией Великого Шелкового пути, соединявшего со II в. до н.э. Китай, Малую Азию и Грецию. В памятниках этой цивилизации проявляется удивительное сочетание черт искусства Ирана, Греции и ханьского Китая [Иванов и др., с.7]. Как известно, этот путь контролировали кочевые сарматы, гунны, турки Западнотюркского каганата, болгары и хазары. В итоге сложился сплав элли-

нистических традиций с ирано- и тюркостепным искусством Евразии.

Ретроспективный анализ эволюции мотива львиных личин выявляет их генезис и общность с кругом произведений ирано-сасанидского и греко-персидского искусства, с одной стороны, и тюркостепным искусством, с другой. На территории степей Евразии данный мотив, будучи трансформированным в культуре сармато-алан и позднее в салтовской культуре болгаро-алан, волжских булгар, преемственно развивался в искусстве Золотой Орды и сохранялся в декоре браслетов казанских татар вплоть до современности.

Древнейшие истоки и высокие художественные традиции булгарской культуры позволили мастерам достичь высоких результатов в технологии ювелирного дела. Булгарские ювелиры, как и позднее татарские, были непревзойденными мастерами в создании сложной ажурной скани, которая в наиболее изысканных украшениях сочеталась с зернью и драгоценными камнями [Валеева-Сулейманова, 1995, с.67–100]. Булгарская скань отличается изяществом и легкостью плотно покрывающих поверхность изделия или создающих ажурный узор тонких проволочек. Шедеврами булгарского филигранного искусства являются золотые и электрумные височные подвески с фигуркой уточки, держащей в клюве горошину зерни. Свое развитие они получили от простейших височных подвесок в форме кольца, на которое одевались одна, две или три желудеобразные бусины, отделанные зернью и сканью. Трехбусинные кольца позднее были обогащены одной – тремя подвесками на цепочках, которые также завершались желудеобразными бусинами, украшенными зернью. Последние делались из тонкого листа металла в виде двух половинок, соединенных тремя поясками сканой проволоки. Поверхность их украшалась треугольниками и пирамидками зерни.

В височных подвесках с уточкой ее крылья, шея и грудь целиком покрыты тонкой сканой веревочкой, в то время как узор на желудеобразных подвесках и бусинах, надетых на кольцо, составлен из треугольников и пирамидок мельчайшей зерни. В отдельных образцах от шеи уточки отходит сканая веревочка – символ «священной» повязки, наделаяющий уточку божественной природой. Такая повязка была

характерной для произведений иранской торевтики сасанидского времени. Олицетворяя семейное благополучие, счастье и домашний очаг, образ уточки с комочком земли в клюве находит более позднюю версию в старинной татарской легенде, согласно которой земля была создана уточкой, плававшей в мировом океане. В то же время ее образ в виде женского онгона с горошиной в клюве, являющейся семенем, восходит к зороастрийскому символу «древа всех семян». Что примечательно, болгарские височные подвески с фигуркой уточки находят некоторые аналогии в дагестанских височных кольцах с фигуркой небольшой птички. Они характеризуют один из региональных вариантов салтовской культуры – дагестанский [Плетнева, 1967, с.5, 185, 188]. Однако в них отсутствуют подвески и, в отличие от тонкой и сложной филигрании болгарских золотых дел мастеров, они выполнены методом литья, обогащенного гравировкой и чернью.

К височным подвескам относятся также образцы, в основе которых лежит форма желудка, богато украшенного зернью. Они представлены в двух разновидностях: первая, с желудеобразными бусинами на овальном кольце, встречалась еще в искусстве ранних болгар; другая – с дополнительной мелкой подвеской в основании бусины имела подпрямоугольную форму кольца и более крупные размеры. Тонким изяществом орнамента из филигрании и изысканностью формы отличаются и другие изделия болгарских ювелиров: ожерелья, браслеты, серьги и миниатюрные коранницы.

Характерный тип болгарских шейно-нагрудных украшений – гривны, представляющие собой обруч-ожерелье из нескольких витых проволок. Сканные витые шейные гривны серебряные и, реже, золотые создавались из 3–4-х проволок, которые переплетались. Такие сложноплетеные гривны и подобного типа браслеты являются специфическим видом и характерной формой украшений болгар домонгольского периода.

Это относится и к характерным ожерельям с подвесками в форме желудей. Узор на них создавался из мельчайших горошин зерни, напаянных в виде треугольных и ромбических пирамидок из тонкой проволоки или же состоял из более простых зерневых полосок, расположенных

в месте стыковки полых полушарий. Более сложные по исполнению подвески завершались крупной зернью или той же пирамидкой мелкой зерни в основании.

Изысканный декор характерен для сохранившихся экземпляров болгарских лунниц. Сочетание мелкой и крупной зерни придает им пластическую выразительность. Зерневые узоры в них создавались в композиции линейных и круговых полос из треугольников и ромбов. Лунницы украшались самоцветами в шатонах, также оформленных зернью.

Использование скани и зерни отличает композиции декора болгарских амулетниц или коранниц. Они представляют собой плоские бронзовые коробочки, крышки которых богато украшены узором из мельчайшей зерни в сочетании с накладной сканью и самоцветами. Камни обычно располагаются по углам внутренней рамочки крышки, образованной одной волнистой сканой линией. В центре амулетниц располагался крупный самоцвет, и все камни были вправлены в высокие шатоны, обрамленные волнистой сканой проволокой. Тонкая перевитая скань в композиции с мельчайшей зернью и самоцветами составляет выразительный по пластике живописно-красочный декор. Подобная система композиции филигранного узора была характерна и для татарских коранниц XVIII–XIX вв.

Сочетание выразительной упругости скани с пластикой крупных камней характерно для болгарских серег домонгольского времени. Среди них представляет интерес вариант с грушевидной формой щитка. В его центре находится граненая вставка из янтаря и такие же, но более мелкие вставки в верхней части щитка. Плоскость вокруг центрального янтаря заполнена тонкой накладной сканью на серебряной пластине. От верхних шатонов со вставками янтаря спускаются зигзагообразные сканные проволоки. Надо заметить, что в болгарских серьгах, относящихся к концу домонгольского периода и декорированных ажурной сканью, плоскость щитка не декорируется самоцветами. Тонкая скань покрывает в них всю плоскость грушевидного щитка и листовидных подвесок. Примечательно, что данная грушевидная форма щитка и ажурный сканный декор сохраняются в традиционных классических татарских серьгах XVIII – начала XX в.

Булгарская плоская скань и зернь, судя по археологическим данным, получила развитие начиная с раннебулгарского времени. Именно волжские булгары создали в средневековой Европе своеобразную культуру скани и зерни [Рыбаков, 1948, с.355], и эти традиции были обогащены позднее татарскими ювелирами. Для украшений раннебулгарского и начального этапа домонгольского периода характерно преобладание в их оформлении узоров из зерни. Ею создавались декоративно насыщенные композиции, в то время как скань применялась в основном накладная. Зернь в виде мотивов ромба, треугольника, прямоугольника и объемных пирамидок декорировала поверхность украшений. Иногда она напайвалась на всю плоскость изделия, как, например, в раннебулгарской височной подвеске пирамидальной формы [Шедевры, 1985, рис.7]. Позднее скань и зернь получают в декоре украшений равноценное значение, в то время как в последующие периоды (Золотая Орда, Казанское ханство) скань постепенно становится доминирующей.

Высокохудожественные образцы зерни представлены в рассмотренных нами ранее височных подвесках. В раннебулгарский период они украшались пирамидками зерни и крупной каплевидной горошиной, иногда гроздьями зерни. Примечательно, что один из образцов таких подвесок был найден также в Дагестане, территория которого входила в ареал распространения салтовской культуры. Близкая булгарской технология зерни встречается в древнерусских ювелирных украшениях. Однако наиболее ранние образцы их датируются лишь X–XII вв., что исключает спор о ее первенстве.

Раннебулгарские височные украшения оформлялись крупной каплевидной подвеской, двумя бочонкообразными пронизями и нередко крупной бусиной на кольце. Тулово подвески разделялось на три горизонтально идущие полоски, заполненные ритмично расположенными на них рельефными пирамидками зерни. Верхняя часть подвесок сплошь покрывалась мелкой зернью, образующей фактурную поверхность. Бочонкообразные пронизы на кольце, система украшений мельчайшей зернью в форме пирамидок – явление типичное для булгарского ювелирного искусства.

В раннебулгарский период производились также изделия, оформленные ажурной и накладной сканью, известной нам из раскопок городищ и могильников. Одной из разновидностей филигранных украшений были плетенные из двух серебряных проволок браслеты. Их концы завершались шатоном со вставками самоцветов, янтаря или цветного стекла, иногда расплющивались и гравировались рядами коротких насечек.

Раскрытие истоков булгарской филиграни, также как и образов ювелирного искусства, художественного металла (например, львиные мотивы) позволяет понять эволюцию критериев художественности и становление самобытности булгарского стиля в декоративно-прикладном искусстве, этноэстетики булгар [Валеева-Сулейманова, 2004, с.157–159]. Наиболее близкие по времени аналогии булгарской филиграни обнаруживаются в ювелирных украшениях (подобные раннебулгарским бочонкообразные височные подвески с зернью) из т.н. гуннских погребений VI–VII вв., найденных в Крыму [Дмитриев, 1982, с.80]. Вообще надо отметить, что особая технология зерни из мельчайших горошин в виде треугольников, пирамидок, окружностей, полосок, обрамлений в шатонах для вставок драгоценных камней, стекла и в целом такое явление, как «полихромный стиль» в произведениях булгарских мастеров являются характерными для гуннского ювелирного искусства, известного по захоронениям в Восточной Европе. Наиболее яркое выражение данная технология получила в ювелирных изделиях, созданных в мастерских греческих городов колоний Северного Причерноморья и найденных в алаано-сарматских катакомбных могилах. Ряд близких аналогий имеется в украшениях из Серогозских курганов на Днепропровщине [Ефимова, 1960], отражающих влияние античного искусства Северного Причерноморья.

Филигранные изделия, подобные булгарским, были найдены также на Тамани, в Херсонесе, курганах Пантикапея, Ольвии, Феодосии, в других погребениях Крыма. Наиболее характерные аналогии дают ожерелья с подвесками в форме желудей. Сходство с ними выявляется как в композиции украшения, так и в орнаментации подвесок пирамидками и треугольниками из мельчайшей зерни, в систе-

ме сочетания декора на поверхности подвесок с их завершением в виде крупной горошины или пирамидками из мелкой зерни в их основании. Подобная система декорирования зернью была характерной и для других украшений – серег, височных подвесок, некоторых видов перстней и браслетов.

Проблема генезиса техники филигрании у волжских булгар связана с выяснением вопроса: было ли это влияние античного искусства Причерноморья, или данная технология привнесена в искусство приазовско-причерноморских городов кочевниками – гуннами или сарматами, или она имеет иные истоки?

Ответ на данный вопрос дают раскопки сарматских погребений на территории Западного Казахстана и, в частности, археологические находки украшений из филигрании в курганах около с. Лебедевки, датированные II–IV вв. [Багриков и др., 1968, с.71–89]. Изящные ювелирные изделия из женского погребения – воротниковое украшение, подвески и перстень, созданы из листового золота и орнаментированы зернью, припаянной в виде треугольников. Подвески украшены также сканью, плетеной из золотой проволоки в виде веревочки. Отдельные образцы украшений инкрустированы рубинами, вставками сердолика. Подобные изделия были найдены также в Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье и на Кавказе [Бернштам, 1951, с.225; Виноградов, 1963, с.203] и датируются II–V вв.

Изучение сарматского материала на обширных территориях кочевания древнейших племен и находки у с. Лебедевки стали свидетельством того, что данные достижения в ювелирном искусстве (технология филигрании) являются результатом «генетического развития местной сако-сарматской культуры с V в. до н.э. по IV в. н.э.» [Багриков и др., 1968, с.86]. В городах Северного Причерноморья, ближайших к сармато-аланскому массиву Северного Кавказа, происходил процесс сарматизации местного греческого населения и всей его культуры, который под влиянием гуннских походов в III в. усилился. Исследование художественной культуры Боспора позволило сделать вывод о том, что «в раннее средневековье (V–VI вв.) сармато-аланский элемент являлся, по-видимому, основным в этническом составе Боспора» [Якобсон,

1964, с.460]. Примечательно, что техника орнаментации зернью в виде треугольников и пирамидок сохранилась в казахских украшениях XVIII–XIX вв. И не только техника, но и характерный для I тыс. н.э. «варварский» стиль украшений [Оразбаева, 1968, с.86]. В отличие от ювелиров Казахстана болгарские и позднее татарские мастера обогатили технологию зерни сложнейшим узором из скани, что и определило высокий расцвет филигранного искусства у поволжских татар.

Таким образом, значительные достижения болгарских ювелиров в области технологии зерни восходят в своих истоках к сако-сарматской традиции. В формах и мотивах орнаментации украшений, в характерных технологических приемах наиболее ярко представлено влияние искусства эллинизированных городов Северного Причерноморья и Приазовья с их греко-сарматским населением и степных районов Прикубанья. Эти высокие художественные традиции, уходящие своими корнями в античную древность, в искусство кочевых сарматов, гуннов, болгаро-алан и хазар нашли свое развитие в ювелирном искусстве волжских булгар, позднее казанских татар, оформившись в этническое своеобразие их культуры.

Искусство керамики и резьба по кости

К наиболее массовым видам декоративно-прикладного искусства следует отнести керамику. Она, как и другие виды болгарского художественного ремесла (обработка металла, ювелирное дело), отличалась высокими технологическими и эстетическими свойствами. Именно с расселением в Волго-Камье ранних булгар здесь появляется гончарный круг и высокие формы гончарного искусства. Они были привнесены с мест их прежнего обитания в приазовско-предкавказских степях и ознаменовали собой новый этап в развитии керамического дела в Волго-Камском регионе. Здесь было налажено производство как художественно оформленной, так и обычной массовой продукции. Наряду с ремесленной гончарной (исполненная на гончарном круге), бытовала и лепная ручная керамика, изготовленная домашним способом.

Расцвет керамического производства приходится на XI – начало XIII в., когда

булгарскими мастерами был достигнут высокий уровень культуры обжига, формовки и орнаментации изделий. Достигнутое совершенство в технологии обжига позволило им создавать на поверхности сосудов своеобразную переливчатую цвето-тональную гамму, в которой, например, темно-коричневое, почти черное основание плавно переходило в красное тулово и завершалось дымчато-серым изящным венчиком. Колористический диапазон варьировал от светло- и красно-желтого, бурого серого до красного и темно-коричневого, почти черного цветов. Уже в X в. булгарским гончарам, работавшим в крупных городах, таких, как Биляр, Сувар, Муромский городок, была хорошо знакома цветная глазурь, применявшаяся в декоре чашей, блюд, кувшинов и светильников. Поливная керамика является одной из самых популярных в искусстве мусульманских стран и появление ее у волжских булгар свидетельствует об освоении ими художественных форм, характерных для исламской культуры.

До нас дошли художественно выраженные образцы различной по назначению лепной и гончарной посуды: одно- и двуручные (амфоровидные) кувшины, хумы, кумганы, корчаги, блюда, чернильницы, светильники, игрушки, а также фрагменты архитектурной керамики [Посуда Биляра, 1986]. Их формы отличаются пропорциональной соразмерностью, выразительностью абриса, приземистостью и лаконичным декором. В изделиях применялось покрытие ангобом – тонким слоем белой или цветной (красная, серая) глины, прозрачной поливой (от светло-зеленого до темно-зеленого, почти черного цвета), использовалась техника узорного лощения (в виде штриховых, вертикальных и наклонных линейных полосок в различных ритмических и масштабных вариациях). Поливная керамика часто сочеталась с резным контррельефным орнаментом, заполненным более густым слоем поливы, и подглазурной орнаментальной росписью.

Узоры на булгарской керамике состояли в основном из геометрических, редко растительных мотивов. В основном это были линейный и линейно-волнистый орнамент, различной формы завитки, растительные побеги, фестоны, каннелюры, заштрихованные треугольники, мотив «набегающей волны», интегральной спирали и др. Неко-

торые из них являлись условным воспроизведением воды. Из растительных мотивов встречаются изображения веточек и сложные штампованные узоры в виде листового побега.

Особые образцы булгарской керамики – это сосуды с протомами (передняя часть туловища) и головками животных (тур, конь, баран с закрученными рогами, собака, лось, утка, петух и др.), вылепленные в круглой скульптуре, украшающие ручки и сливные носики. Иногда изображения зверей и птиц, имевшие охранительный и культовый смысл, как реплика пережитков тотемизма, заменялись условным воспроизведением их в форме лепного полшарного выступа. Подобные по формам сосуды с зооморфными ручками и сливами характерны для сармато-аланской керамики и соответственно носителей салтовской культуры, и были известны в культуре древнехорезмийских саков (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Распространение их на территории Поволжья связано с включением в состав волжских булгар в начале X в. нового болгаро-аланского компонента – верхнедонских салтовцев [Хлебникова, 1984; Казаков, 1992].

В булгарских сосудах X–XIII вв. зооморфные образы лишены черт «мифологического реализма», присущего языческой эпохе. Изображения животных условны, в их передаче присутствует элемент орнаментальной стилизации, и они являются частью композиции сосудов, соразмерны их пропорциям и вписываются в их приземистые формы. В то же время образы наделены живой экспрессией, в них стилизованно переданы характерные черты животного, его повадки. Со временем, в более поздней керамике, зооморфные образы теряют свою изобразительную форму, за исключением, пожалуй, мотива птицы. В частности, в раскопках Казанского кремля в слоях XIII–XIV вв., а также XV–XVI вв. археологами были обнаружены татарские кумганы со сливными носиками в форме петушиных головок, что привело их к заключению: «птичья головка, даже точнее – петушиная, вероятно, является преимущественно и специально казанской древней формой» [Калинин, Халиков, 1954, с.123]. На семантику образа петуха в булгарском искусстве ранее обращалось внимание в разделе художественного металла.

Среди керамических сосудов вызывают интерес образцы с клеймами – знаками мастеров, нанесенными на днища сосудов. Многие из них являются трансформацией родовых тамг и встречаются также на сосудах, кирпичах и костяных поделках из раскопок городищ Саркела, Салтовского и Маяцкого, а также могильников Северо-Восточной Болгарии, относящихся к территории распространения салтовской культуры. В целом, надо отметить, что весь материал по искусству керамики является ярким и убедительным свидетельством в пользу салтовской основы в культуре волжских булгар, раскрывает весомый вклад северокавказских алан в эту культуру.

Из продукции художественных ремесел волжских булгар до нас дошли изделия из резной кости. Это в основном бытовые предметы – гребни, рукоятки ножей и нагаек, застежки, обкладки для колчанов, ложки, пуговицы и др. В их оформлении применялась техника плоскорельефной резьбы из мотивов геометрического, растительного и зооморфного орнамента. Изделия из кости массового производства украшались простейшими узорами из мотивов треугольника, ромба, квадрата, циркульных глазков, перевитого шнура, спиралей и др., образующих линейные композиции. В виде головок зверей и птиц оформлялись навершия ручек ножей, нагаек и ложек.

С точки зрения сочетания традиций наивного реализма, присущего языческому искусству, и узорности мусульманского искусства представляет интерес образец костяной ручки от ножа. Она создана в форме головы и изогнутого туловища куницы, украшенного сложного построения узором из мотивов стилизованных пальметток. Форма ручки выражена очень пластично, живо передает характерные черты зверя, в то время как орнамент в виде коврового узора целиком заполняет поверхность ручки – туловища куницы, напоминающая об условности данного изображения, трактуемого лишь как мотив декора. Украшательскую функцию выполняют в произведениях из резной кости и встречающиеся схематические изображения птиц, как правило, представленные в геральдике.

В целом, надо отметить, что образы зверей и птиц в болгарском искусстве X – начала XIII в. постепенно теряют живость

и экспрессию, свойственную для раннебулгарского и начального этапа домонгольского периода. Ими овладевает узорность, и в произведениях они приобретают чисто декоративное значение. Тем не менее поэтическое звучание этих образов не ослабевает, оно переходит в область изобразительной метафоры. Формируются новая образная система и орнаментальный стиль, характерные для мусульманского искусства.

Образная система и орнамент

Постепенная эволюция языческой мифологии и традиций салтовской культуры к средневековому символизму в рамках мусульманской эстетики характеризует образную систему декоративно-прикладного искусства волжских булгар X–XII вв. Как было отмечено ранее, для произведений этого искусства были закономерны реминисценции древнетюркских мифологических сюжетов с образами животных, птиц, фантастических существ и, в отдельных случаях, человека. Все они представлены в условно-декоративном выражении, свойственном для изобразительной трактовки мусульманского искусства, становятся частью узора. Если в раннебулгарский период орнамент украшал в основном только оружие, конское снаряжение и накладки на одежду и головные уборы, то в искусстве X – начала XIII в. он находит широкое применение почти во всех видах материальной культуры волжских булгар.

Орнамент состоял из зооморфных, растительных, геометрических и отдельных эпиграфических мотивов. Для него характерны приверженность к принципам узорности, плоскостность, криволинейность, округлость формы, контурность (силуэтность) изображений. С конца XII в. преобладает цветочно-растительный и появляется эпиграфический орнамент, узоры арабского типа.

При многих общих явлениях с восточным орнаментом узоротворчество булгар сохраняет свою самобытность и оригинальность. Своеобразие стиля болгарского орнамента в его свободной живописной трактовке, в основе которой лежит творческая импровизация, гибкость композиционных построений. Оно исходит из архаических мотивов, идущих со времен досалтовской культуры, которые составляют

большой исторически сложившийся орнаментальный комплекс, восходящий к искусству Южной Сибири и Центральной Азии, тесно связанный с искусством горноалтайских племен середины I тыс. до н.э. (Пазырыкские курганы). К ним относятся мотивы лотосных, сердцобразных, восточноазиатского характера многолепестковых пальметт и розеток, интегральные спирали, изображения тюльпана и другие, получивших распространение в булгарском художественном металле, резьбе по кости. Эти мотивы орнамента сохраняются и позднее в декоративном искусстве казанских татар – ювелирных украшениях, вышивках, кожаной мозаичной обуви, резьбе по камню и дереву. Об этом свидетельствует не только мотивы орнамента, но и такие техники исполнения, как меховая и кожаная мозаика, аппликация и золотое шитье; отдельные элементы костюма, например, женские нагрудники типа татарского «изю», узорная войлочная обувь и др.

Истоки другого, не менее важного в искусстве волжских булгар, орнаментального комплекса уходят в культуру сарматоаланских племен, народов Закавказья и Ирана, приазово-причерноморских городов (с эллино-византийскими традициями) и, отчасти, Средней Азии, составивших основу своеобразия салтовской культуры и в том числе средневожского ее варианта. Орнаментальный комплекс, связанный с влиянием угорского компонента, в искусстве волжских булгар находит меньшее отражение, однако он сохраняется и позднее в искусстве поволжских татар.

В булгарском декоративном искусстве, как и в странах Востока, узорность становится всеобъемлющим принципом художественного воззрения на мир. Под влиянием ислама зооморфная тематика и «звериный стиль», присущие языческому искусству, к концу домонгольского периода постепенно исчезают, и основным художественным средством отображения окружающей реальности становится цветочно-растительный и геометрический орнамент. В образной системе искусства происходит забвение старых сюжетов, мифологических мотивов, постепенно утрачиваются их культовые и магические функции, переосмысливаются, превращаясь в узор, языческие символы. Однако отдельные мотивы орнамента, в основном связанные

с явлениями природы и небесными светилами, продолжают сохранять свою символику. Эти устойчивые образы мироздания в произведениях булгарских мастеров X–XII вв. воспринимаются скорее как поэтическая метафора.

Мусульманское искусство принесло метафорическую образность. Например, интересно проследить эволюцию образа птицы. Ее изображение постепенно отходит от природного и становится мотивом символики. Затем изображение птицы теряет видовые различия, и она превращается в «птицу счастья», которая органично вплетается в композицию декора или в орнаментальный узор. Птица становится метафорой счастья и любви.

В эстетике мусульманского искусства изображение всего живого рассматривалось как подражание Аллаху, повторить творения которого представлялось невозможным. Вероятно, поэтому в творчестве мусульманского художника нет натуралистического изображения, мир познается им условно и реальность переосмысливается в субъективном миропонимании – в отвлеченных и абстрактных формах. Изображение или отражение реальности происходило в рамках средневекового художественного сознания, отличительной особенностью языка которого являлись орнаментальность и условная декоративность – основные принципы мусульманского искусства.

В искусстве волжских булгар X–XII вв. изобразительная трактовка зооморфных мотивов, как и в раннебулгарском искусстве образов «звериного стиля», не была реалистической, отличалась условностью и определенным схематизмом, декоративной стилизацией формы. Данные изобразительные принципы в передаче живых существ, сложившиеся еще в эпоху булгарской языческой культуры, нашли дальнейшее развитие в период расцвета мусульманского искусства, когда был осуществлен постепенный переход в его сюжетах от мифологической образности к символической, условно-декоративной. Таким образом, развитие принципов отображения природного мира в булгарском искусстве характеризовалось переходом от изобразительности, свойственной доисламскому мировосприятию, к орнаментальности мусульманского искусства. Истоки условно-стилизованных трактовок образов восходят

к традициям древнетюркской кочевой и полукочевой культуры.

Под влиянием мусульманских воззрений зооморфные мотивы и сюжеты, присущие языческому искусству, к концу домонгольского периода постепенно заменяются цветочно-растительными и геометрическими узорами. «Цветочный стиль» с его живописной системой орнаментации выражал метод поэтического видения мира и его изображения не в реальном содержании, а в условном обозначении – формах растительной орнаментаки. Он на многие столетия вперед определил развитие художественного языка болгарских мастеров, преимущественно сохранившись в татарском народном орнаменте.

Искусство Волжской Булгарии представило перед нами как яркое и самобытное явление не только в истории татарской, но и мировой художественной культуры. Оно донесло до нас древние мотивы искусства предков татар, уходящего своими корнями в культуру кочевых, полукочевых и оседлых племен, занимавших огромные пространства Евразии. В болгарском искусстве слились воедино все достижения культуры этих племен и художественная общность его мотивов и образов проявляется именно в этнокультурном синтезе. Преимущество родоплеменных традиций древнетюркского искусства, общая салтовская основа болгарской культуры и новые явления, связанные с проникновением ислама, воплотились в культуре цен-

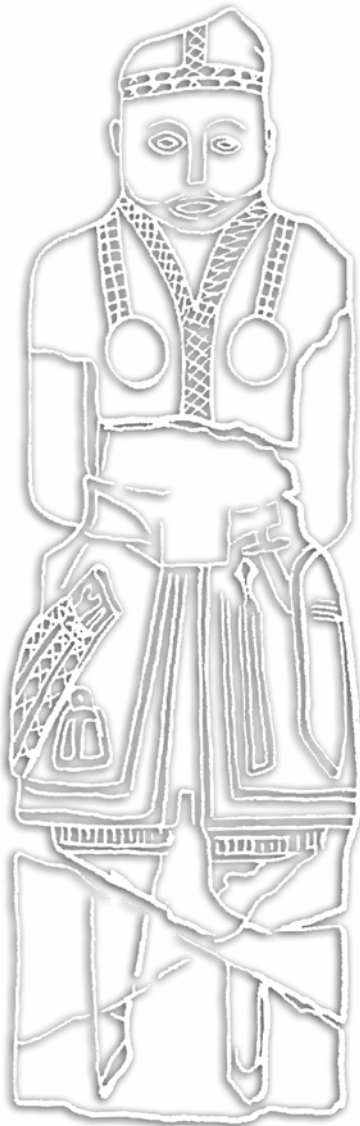
трализованного государства, объединившего тюркские племенные группы.

Домонгольское искусство Волжской Булгарии отразило социальный срез и вкусы различных слоев болгарского общества. Это было искусство мастеров ханского двора и «княжеских» резиденций. С другой стороны это было искусство городских и сельских ремесленников, близкое к народным массам. Однако в нем доминировала ведущая тенденция, связанная с идеей централизованного государства, с развитием городской цивилизации, призванной воплотить материальные, духовные и иные запросы этого государства. Образная система болгарского искусства прошла путь от мифологии и пантеизма к символизму и монотеизму.

Будучи на пересечении торговых путей и культурных влияний, Волжская Булгария развивалась в едином русле с искусством восточных мусульманских стран. В исламских ценностях раскрылись художественные предпочтения болгарских мастеров и их искусство предстало в новых формах, трансформировавших прогрессивные влияния мусульманского искусства в системе собственной этноэстетики. Волжские болгары создали свой эстетический идеал и художественный стиль в искусстве. Они явились той основой, на которой в дальнейшем формировалось искусство Золотой Орды, Казанского ханства и развивалось традиционное декоративное искусство казанских татар, ставшее ядром татарской общенациональной культуры.

Часть IX

Средневековый булгарский этнос

ГЛАВА 1

Антропологический состав населения Булгарии

Ильгизар Газимзянов

До нас дошли лишь скудные сообщения арабоязычных путешественников о внешнем облике жителей Волжской Булгарии. Они ценны тем, что эти короткие «антропологические» характеристики даны авторами, которые непосредственно побывали в этой стране и видели ее жителей.

В известных «Записках» секретаря багдадского посольства Ибн Фадлана есть небольшие заметки о «физическом» типе людей, которых он повстречал по пути следования в страну северных мусульман. Так, описывая страну тюрок (современный Западный Казахстан, Оренбургская обл. и Башкортостан), он обратил внимание на то, что жители этой страны не «носят» бороды. Он писал: «Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оставил немного от нее под подбородком» [Ибн Фадлан, 1956, с.128]. То же самое Ибн Фадлан отмечает у печенегов и башкир: «Они – темные брюнеты... с совершенно бритыми бородами» [там же, с.130]. Тем самым отмеченные особенности во внешнем облике представителей тюркоязычных племен есть не что иное, как характерные черты монголоидной расы, а именно: темный цвет волос и слабое развитие волосяного покрова (борода, усы и т.д.). Ибо, как показалось секретарю, выщипывание бороды на самом деле лишь отражает ее слабый рост. Косвенное подтверждение данному факту мы находим в стилизованных изображениях воинов-мужчин, сделанных из камня («каменные бабы»).

Описание внешнего облика собственно булгар у Ибн Фадлана в его «Записках» отсутствует. Правда, в более поздних персидских пересказах ибн-фадлановских записок есть фраза на интересующую нас тему: «Я не видел среди них (булгар. – И.Г.) [ни одного] человека, который был бы красным [румяным], но большинство из них

больны» [там же, с.140]. Довольно странная, на первый взгляд, фраза, но мы попробуем ее расшифровать.

Кого имел в виду Ибн Фадлан, говоря об отсутствии среди булгар людей с красным оттенком лица? В тех же поздних списках есть несколько упоминаний о людях с красным цветом лица, где этот эпитет выступает в ранге «этнической» принадлежности. Речь идет о русах. «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атыл. Я не видел [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, *красны лицом* (курсив наш. – И.Г.), белы телом. Люди русы – это народ высокого роста с белым телом и *красным лицом* (выделено нами. – И.Г.)» [там же, с.141]. Русы (синонимы: варяги, викинги, норманны) – вот те люди, приезжие с севера торговцы, которые отличались красным лицом, совсем не характерным, по Ибн Фадлану, для местных жителей – булгар.

Таким образом, исходя из ибн-фадлановской характеристики, мы можем предположить, что для булгар не был свойствен красный (или с красноватым оттенком) цвет лица. Скорее всего, данный эпитет является «профессиональной» меткой людей, путешествующих по холодным и ветреным северным морям в поисках выгодной торговли или богатой добычи. Поэтому красные (обгорелые и обветренные) лица русов стали их «визитной» карточкой. В пользу последнего говорит и сам Ибн Фадлан, расставляя во фразах акцент: *красны лицом*, но белы телом.

Вернемся к расшифровке второй половины фразы «булгары не красны лицом, но большинство из них больны». Ее можно истолковать как в прямом смысле, так и с точки зрения цветовой гаммы состояния лица – бледный. Возможен и симбиоз двух взаимосвязанных понятий: *больной* – *бледный*. Какой смысл вкладывал в эти

слова Ибн Фадлан, нам остается лишь догадываться. Однако последние исследования антропологов показывают, что в средневековую эпоху продолжительность жизни людей была очень низкой – примерно около 40 лет. Это связано со многими факторами, в первую очередь, с болезнями и отсутствием полноценной медицинской помощи. Качество пищи (если верить словам Ибн Фадлана, болгары употребляли в пищу не всегда хорошее зерно из-за хранения его в земляных ямах-кладовках) и периодические голодовки (из-за засухи, наводнений и т.д.) также влияли на продолжительность жизни. Поэтому фраза, что болгары больны, не лишена доли истины.

Таким же молчанием обходит в своих «мемуарах» интересующий нас вопрос о физическом типе болгар арабский купец-путешественник из Испании ал-Гарнати, хотя он также, как и Ибн Фадлан, описывает группу людей, встреченную им на болгарском базаре, с кожей красного цвета, голубыми глазами и белыми как лен волосами. Он подметил те же черты внешней наружности (вероятнее всего, это были опять же купцы и воины из далеких северных стран), которые резко выделяли их среди болгар.

Чем можно объяснить отсутствие описания внешнего облика волжских болгар у Ибн Фадлана и ал-Гарнати, которые так ярко и полно (конечно, с определенной долей истины) рассказывают о диковинных и удивительных для них обычаях и быте людей, природных явлениях, увиденных ими вдали от родного дома? Мы можем объяснить это лишь тем, что болгары своей похожестью на жителей Ближнего Востока не представляли для них интереса в этом ракурсе. В связи с этим уместно привести выдержку из известной работы Карла Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении», где говорится о внешнем облике казанских татар начала XIX в.: «Вообще казанские татары прекрасного телосложения (речь идет о мужчинах). Лицо у них длинноватое, глаза большие серые или черные, взор их пронизателен; нос длинный с горбом, *восточный* (курсив наш. – И.Г.); губы толстые, а верхняя довольно длинная, скулы малозначущи, борода черная, искусно подстриженная и около губ подбрита; череп продолговатый и тонкий, всегда голый

Графическая реконструкция по черепу мужчины из I Старокуйбышевского некрополя XI–XIII вв.
Автор А.Н.Нечвалода

от бритья и покрытый тубетейкой; уши длинные и отстающие от головы; шея очень толстая; плечи преширокие; грудь высокая... В бытность мою в их мечетях, я часто любовался, глядя на прекрасные значущие лица их стариков, и по моему мнению, древние итальянские знаменитые живописцы могли бы с них взять лучшие образцы для представления исторических предметов из ветхого и нового завета» [Фукс, 1991, с.32–33]. Столь подробная антропологическая характеристика К.Фукса важна для нас тем, что казанские татары являются в определенной степени прямыми потомками волжских болгар и, рассматривая портреты болгар, реконструированные по методу М.М.Герасимовой, мы приходим к выводу, что сравнение с ветхозаветными героями по внешнему виду не лишено основания.

Иконографические источники из-за своей скудости также не могут в полной мере представить данные о внешнем виде жителей Волжской Булгарии. Представляют интерес металлические фигурки уродцев, связанные, по мнению А.Х.Халикова, с культом предков [Халиков, 1971, с.106 и сл.]. Наиболее выразительным образцом является т.н. «Маклашеевская всадница», обнаруженная в Спасском р-не РТ у бывшей д. Маклашеевка. Бронзовая полая фигурка

женщины с ребенком в левой руке посажена на объемный бронзовый замок в виде фигурки рогатого барса. Такие замки в виде каких-либо животных были широко распространены в Волжской Булгарии как в домонгольское время, так и позднее. Несмотря на упрощенность и стилизацию изображения, все же можно отметить некоторые черты внешности: округлое лицо с приостренным подбородком, покатым лобом, оттопыренные уши, большие глаза, сильно выступающий нос с небольшой горбинкой и опущенным кончиком, плечи достаточно широкие и покатые. Перечисленные признаки «антропологического» типа «маклашеевской всадницы» во многом совпадают с характеристикой казанский татар, данной К.Фуксом. Это и нос восточного типа, длинные отстающие уши и широкие покатые плечи. Правда, к аналогиям такого рода нужно относиться очень осторожно, т.к. их разделяет длительный отрезок времени, художественный и эстетический вкус мастера, а также культовая и мифологическая нагрузка данной категории вещей. Тем не менее мы убеждены, что при изображении людей древние мастера старались реально отобразить их внешний облик (или использовали набор характерных признаков европеоидного или монголоидного облика), т.к. те или иные черты лица в совокупности с другими могли выступать в роли «этнического паспорта». Яркое тому подтверждение – изображение людей на знаменитых костяных пластинах из Шиловской курганной могильника в Ульяновской области. Погребение, откуда происходят эти находки, датируется второй половиной VII в. и этнически увязывается с раннебулгарскими памятниками. В сюжетных сценках с участием людей мастер противопоставляет кочевников-степняков явно монголоидного облика жителям городской цивилизации, чей внешний вид характеризуется европеоидными чертами.

Таким образом, наши попытки воссоздать внешний облик волжских булгар, исходя только из анализа письменных и иконографических источников, остаются на уровне догадок и предположений. Более основательную и фактологическую базу для объективной реконструкции физического типа населения Волжской Булгарии

представляют палеоантропологические материалы.

К настоящему времени накоплен обширный фонд палеоантропологических данных по средневековому населению Среднего Поволжья, в том числе и по волжским булгарам домонгольского времени. Благодаря исследованиям Г.Ф.Дебеца, Т.А.Трофимовой, М.С.Акимовой, М.М.Герасимовой, Н.М.Постниковой-Рудь, С.Г.Ефимовой, Р.М.Фаттахова и др., мы можем не только дать описание физического типа волжских булгар, но и проследить этапы его формирования и определить антропологические компоненты, участвовавшие в его сложении, что непосредственно связано с этногенезом народов Среднего Поволжья.

Принято считать, что после распада Великой Болгарии, связанного со смертью хана Кубрата и нападением хазар (вторая половина VII в.), часть булгар переселяется и ведет первоначально полукочевой образ жизни на берегах Волги в лесостепной зоне ее течения. Мы слабо представляем себе реальный физический облик булгар эпохи хана Кубрата из-за скудости фактического материала. Тем не менее, используя данные из более поздних могильников, археологически фиксирующих расселение ранних булгар на Средней Волге (Большетарханский и Кайбельский), на Дунае (Нови-Пазар, Плиска) и в Подонье (Зливкинский), мы можем его реконструировать. При этом следует отметить, что все группы булгар, несмотря на географическую удаленность друг от друга, близки между собой по антропологическому составу. В них входили представители европеоидного и смешанного европеоидно-монголоидного типов. Европеоидный компонент характеризуется брахикранной формой черепа и средними размерами лица, с некоторой его уплощенностью на уровне орбит и средним выступлением носа. Данный морфокомплекс в научной литературе принято называть «зливкинским». Смешанный европеоидно-монголоидный компонент описывается следующим комплексом признаков: брахикранный, с низким или высоким, но уплощенным и широким лицом. В процентном соотношении доля европеоидного компонента во всех указанных группах заметно превалирует. Возникает закономерный вопрос о месте и времени формирования ан-

тропологического типа ранних булгар. По мнению М.С.Акимовой, формирование физического облика ранних булгар происходило на территории к востоку от Урала и, вероятнее всего, их расогенез протекал на основе типа, близкого к расе среднеазиатского междуречья (европеоидный со средними пропорциями лица и головы). К этому типу с появлением гуннов и древнетюркских племен начинают примешиваться монголоидные черты [Акимова, 1964].

Монголоидный компонент по мере продвижения раннеболгарских племен в эпоху т.н. Великого переселения народов с востока на запад постепенно нивелировался, что непосредственно было связано с включением в их состав местных, более европеоидных и более многочисленных групп населения. Однако выскажем одно интересное наблюдение. В наиболее богатых по вещевому инвентарю и сложных по устройству внутри могильных сооружений кочевнических захоронений второй половины I тыс. н.э. с территории степной зоны Евразии часто встречаются вещи с антропоморфными изображениями. На этих изображениях четко прослеживаются черты лица явно монголоидного типа: округлое и широкое лицо со слабым ростом бороды и усов, уплощенный и слабо выступающий нос и т.д. При этом антропологический тип самих погребенных, как правило, характеризовался теми же самыми монголоидными чертами. Возможно, в данном случае монголоидный облик погребенного является своеобразным индикатором его более высокого социального статуса среди других соплеменников. На наш взгляд, кочевая древнетюркская родо-племенная аристократия, в том числе и ранних булгар, в силу разных обстоятельств менее интенсивно смешивалась с окружающим европеоидным населением и дольше сохраняла «исконные черты своих предков» и право преемственности на продолжение их славных начинаний. В этой связи интересны антропологические материалы одного из некрополей города Биляра (Билярский IV некрополь). По своему местоположению в центре средневекового города и по некоторым деталям погребального обряда (захоронения совершены по мусульманским нормам в каменных мавзолеях) данный некрополь, вероятно, являлся местом погребения

Графическая реконструкция по черепу мужчины из Измерского некрополя XI–XIII вв.
Автор А.Н.Нечвалода

представителей высшей власти не только столичного центра, но и всего государства Волжской Булгарии [Хузин, 1995, с.130–131].

По данным Р.М.Фаттахова, антропологический тип булгарской знати по своим монголоидным особенностям – широкое, высокое и уплощенное лицо – резко отличался от остального городского, европеоидного в целом населения [Фаттахов, 1979]. Та же взаимосвязь между антропологическим типом погребенного и его социальным статусом прослеживается на материалах золотоордынского Булгара (некрополь в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета) и Казанского кремля (мавзолей казанских ханов).

Таким образом, формирование смешанного расового состава ранних булгар проходило задолго до их прихода на Среднюю Волгу.

Наряду с булгарами в формировании населения государства ученые большую роль отводят племенам «местного» поволжско-приуральского генезиса (в основном, финно-угорского этнического пласта). Истоки этого населения археологи увязывают с областью распространения полемско-ломоватовских памятников бассейна р. Чепцы, Верхнего и Среднего Прикамья [Казаков, 1992]. В антропологическом отношении данная группа также не была однородной, но в ее составе доминировали

представители европеоидного облика. Правда, по некоторым признакам, характеризующимся уплощенностью лица и выступанием носа, отмечается сдвиг в сторону монголоидных типов. В сочетании с узким и низким лицом, а также с мезо-брахикранной формой головы этот морфокомплекс принято обозначать как один из вариантов уральской расы, а именно – субуральский. Его формирование протекало в основном в лесной зоне к западу и к востоку от Уральского хребта, и к рубежу новой эры он стал определяющим в расовом составе финно-угорских племен. Субуральский компонент четко выделяется в сериях, происходящих из языческих могильников (Танкеевский и Тетюшский) и ранних мусульманских погребений Биляра. То есть в памятниках, отражающих механическую фазу смешения ранних булгар и близких к ним групп (прежде всего, тюркоязычных) с массивом поволжско-приуральского населения. В дальнейшем, по мере развития государства и государственных отношений, механический симбиоз разноэтничных и разнокультурных компонентов переходит в фазу биологической метисации и формирования нового этноса – волжских булгар. Не последнюю роль в объединительном процессе сыграло принятие ислама в качестве государственной религии и его широкое распространение во всех слоях населения Волжской Булгарии как городского, так и сельского. Ислам способствовал устранению идеологических и культурных преград в межплеменных отношениях и вывел их на более высокий уровень консолидации – генетический. Антропологически это выразилось в нивелировании физических особенностей волжских булгар и в сложении единого в целом расового типа – мезоморфного европеоидного с небольшой монголоидной примесью. Несомненно, наиболее активно биологическая метисация протекала в крупных городах и столичных центрах, но и сельскую округу (особенно в центральных рай-

онах Волжской Булгарии) этот процесс не обошел стороной. Об этом свидетельствует тот факт, что сельские жители по своему морфологическому статусу существенно не отличались от горожан [Рудь, 1991; Ефимова, 1991].

В то же время следует отметить, что, несмотря на относительную гомогенность антропологического состава домонгольских булгар, в некоторых региональных (в основном, приграничных) и социальных группах сохранялись определенные физические отличия. Если вопрос о сохранении монголоидных черт в морфотипе представителей булгарской знати мы обсуждали выше, то в составе жителей южных территорий Волжской Булгарии (Самарская Лука и прилегающие к ней районы) ошутимый монголоидный компонент связан, на наш взгляд, с периодической инфильтрацией и оседанием в пограничных землях степных кочевых групп, являющихся в эпоху средневековья носителями монголоидного (в основном) морфотипа. Вносили разнообразие, но не влияли на общую картину антропологического типа домонгольских булгар группы населения, прибывавшего на Среднюю Волгу в составе торговых караванов, дипломатических миссий, княжеских дружин и т.д.

Таким образом, антропологические данные явственно указывают на то, что расогенез волжских булгар домонгольской эпохи шел в русле формирования метисного расового типа. Данный тип (мезоморфный европеоидный с той или иной долей монголоидной примеси) явился итогом широких брачных связей в рамках централизованного феодального государства и биологического смешения между двумя основными этнокультурными группировками, принявшими участие в сложении булгарской народности: тюркоязычные булгары и «местные» поволжско-приуральские племена.

ГЛАВА 2

Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка

Фарид Хакимзянов, Искандер Измайлов

Языковая ситуация в Среднем Поволжье в VIII–XIII вв. и «булгарский» язык

Проблема характера, особенностей и развития языка (или языков) населения Булгарского государства является одной из самых спорных в тюркологии. Проблема есть даже в самой терминологии. Поскольку в тюркологии принято называть один из тюркских языков, который был распространен в Дунайской Болгарии (представлен в «Именнике болгарских ханов» и надписях на каменных стелах на греческом языке и т.д.), Предкавказье (зафиксирован в северокавказских рунических памятниках и заимствованиях в венгерском языке) и в Среднем Поволжье (сохранился в эпитафийных памятниках XIII–XIV вв. и заимствованиях), «булгарским» [см.: Хакимзянов, 1997, с.47–52], то очень часто вольно или невольно историки путаются, ставя знак равенства между терминами «булгарский язык» и «язык населения Волжской Булгарии». Между тем как язык населения Волжской Булгарии отнюдь нельзя свести к своеобразному «булгарскому» языку. Очевидно, наименование исчезнувшего языка по какому-то этносу не совсем точно, поскольку допускает контаминацию с понятием этноса. Еще более усиливается путаница, когда для лингвистической ситуации в средневековом Поволжье используют параллельно термины «булгарский» и «кыпчакский» языки, которые прямо указывают исследователям на простой и окончательный путь решения проблемы – произошла смена одного этноса (булгарского) другим (кыпчакским) и соответственно их языков. Не исключено, что методически более верно было бы назвать эту группу языков огурскими, как это предложил американский тюрколог П.Голден [Golden, 1980], что в определенной мере сняло бы часть недоразумений.

Другая проблема состоит в том, что о характере языковой ситуации и ее особенностях в период VIII – первой трети XIII в. в Булгарии лингвисты имеют весьма

отрывочные сведения, а основой для ее реконструкции является экстраполяция языковой ситуации, конструируемой на основе анализа эпитафийных памятников XIII–XIV вв., на более раннюю. Кроме того факта, что сам язык эпитафий в силу своей формульности и наддиалектности не вполне репрезентативен для описания развора языка населения страны, языковая ситуация в период Улуса Джучи в Поволжье явно и самым радикальным образом отличалась от более ранней, что связано как с чисто лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Остроту этой, в общем-то тривиальной лингвистической проблеме, придает то, что единственным из современных языков, который мог бы быть назван наследником булгарского, является чувашский язык. В результате идет не просто спор о смене одного древнего языка другим, а об этногенезе и этнической истории современных народов, что вызывает массу вненаучных аллюзий. И если для Х.Фаизханова, который впервые выявил в мусульманских эпитафиях XIII–XIV вв. слова *p*-языка, имевшие параллели с чувашским языком, и назвавшего язык этих эпитафий «чувашским», это было извинительно, учитывая состояние тогдашней лингвистики и компаративистики, как и для Н.И.Ашмарина, создавшего булгарскую концепцию этногенеза чувашей в идеологическом противоборстве с концепцией татарской истории Ш.Марджани, то для современных тюркологов такие попытки весьма сомнительны.

Однако предпринимаются попытки решить эту проблему с помощью нехитрых умозаключений. Так, по мнению лингвиста Н.И.Егорова, «наиболее ранние датированные памятники содержат явные кыпчакские языковые признаки, но уже во второй половине XIII в. болгароязычные эпитафии начинают сопутствовать кыпчакоязычным», а уже в «начале XIV в. доминирующее положение в эпитафиях занимает болгарский язык и кыпчакские черты исчезают» [Егоров, 1984, с.97–98]. Между тем, на наш взгляд, поскольку доказательная база

такого утверждения весьма слаба, общая языковая ситуация в болгарских землях Улуса Джучи была совершенно иной. Да и вряд ли правомерно сравнивать разговорный язык с литературным, существующими во взаимосвязанных, но все-таки разных плоскостях культуры.

Положение о доминировании текстов на каком-либо языке лишено основания. Правда, формально из общего количества найденных памятников *p*-язычных больше, нежели *z*-язычных, однако это лишь формально. Пока не известно и вряд ли будет когда-либо известно общее количество существовавших памятников [Хакимянов, 1983, с.17]. Даже если предположить, что современная выборка из сохранившихся текстов отражает реальное соотношение языков, возникшее тогда, когда происходила установка этих памятников, то и это не может быть решающим доказательством, поскольку отражает именно предпочтения (кого – не известно, поскольку существуют различные мнения – разброс их колеблется от мастеров-камнетесов до заказчиков) в изготовлении эпитафий, а не реальную языковую ситуацию. Если же принять версию, что соотношение стилей языков эпитафий отражает реальную языковую ситуацию, то нам придется признать, что германоязычное население Западной Европы в большинстве своем говорило на латыни. Данный пример только подчеркивает, насколько сложной в действительности была языковая ситуация в средневековых обществах и насколько разными могли быть разговорные диалекты и письменный литературный язык.

Главными же проблемами, возникающими при изучении языковой ситуации в Булгарском эмирате, являются: а) преобладали ли болгары (в узкоэтническом понимании) количественно над остальным населением страны; б) какие данные есть у лингвистов, чтобы судить о функционировании болгарского (с ротацизмом) языка в качестве языка межэтнического общения.

Этнополитическая история болгар в Волго-Уральском регионе и языковая ситуация

В исторической литературе нередко возникают разногласия о количественном составе болгар. Здесь бросается в глаза то, что исследователи зачастую смешивают два понятия: болгары (племя) и болгарская

этнополитическая общность (сложившаяся в результате консолидации многих племен в рамках Булгарского эмирата). Для более полного ответа на этот вопрос следует кратко представить общую картину проникновения тюркских языков на территорию Европы, как она реконструируется в трудах современных лингвистов и историков [Golden, 1980; Rona-Tas, 1999; Zimonyi, 2002 и др.].

По крайней мере с III в. н.э. в Волго-Уральский регион начинают инфильтроваться тюркские племена. Есть основания полагать, что среди них были представители различных племенных диалектов – *p*- и *z*-языков, но при явном преобладании первых. В середине III в. гунны усилились и, став реальной силой, в 375 г. вышли к границам Римской империи, сокрушив алан и готов, частично покорив их, а частично «выдавив» в пределы империи. Тем самым они дали заключительный толчок т.н. Великому переселению народов, которое разрушило античный мир, на развалинах которого возникли различные «варварские» королевства. Держава европейских гуннов, возникшая в Паннонии, включала, видимо, европейские степи вплоть до Волги. Конгломерат различных (и разноязычных) народов был непрочен. Вскоре после гибели их вождя Аттилы (452 г.) держава распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао (454 г.), заставив гуннское племя акацир отступить в Поволжье, где их поглотила новая сила – болгары. Возможно, именно в это время, или даже несколько ранее, одна из групп огуро-тюркских племен (носителей особенностей *p*-языка), разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей, и даже, возможно, в Верхнее Прикамье, где зафиксированы заимствования из тюркского *p*-языка в финно-пермские языки.

Движение протоболгарских племен – огуров (уроги), сарагуров и оногуров было вызвано натиском савир в середине V в., которые были сдвинуты в результате движения в Европу авар (*жуаньжуани* китайских источников), потерпевших поражение от тюрков. Огуро-болгарские племена, судя по ретроспективным данным, являлись носителями тюркского языка с ротацизмом, ламбдаизмом и особенностями лексики (*p*-язык). Огурский союз, в котором усилились болгары, стал главенствовать в Се-

верном Причерноморье после распада державы гуннов во главе с Атиллой. Достоточно уверенно это событие письменные источники фиксируют в 480 г., когда византийский император Зенон обратился к болгарам за помощью против остготов. Во второй половине VI в. кутригуры и утригуры, подорвавшие силы в войнах с Византией и междоусобицах, были завоеваны аvaraми, создавшими свой каганат в Подунавье. Племя савир (сувар) появилось на Северном Кавказе в начале VI в. Около 515 г. за влияние на них уже соперничали Византия и государство Сасанидов. Есть данные о том, что савиры имели этнические контакты с огурскими племенами [Golden, 1980, p.34–36]. Среди тюркских племен Предкавказья в арабских источниках упоминаются баланджары/баранджары [Гадло, 1979, с.120–126; Golden, 1980, p.38]. С приходом авар в 558 г. объединению савир был нанесен мощный удар и они утратили главенство в степи, позднее войдя в состав Хазарского каганата. Господство авар оказалось недолгим и в 568 г. они отступили в Паннонию под натиском тюрков, завоевавших степи Северного Кавказа. В период ослабления Тюркского каганата болгары, жившие в степях Кубани и Причерноморья, объединенные около 603 г., очевидно, племенем оногундур во главе с кланом Дуло, сформировали свое этнополитическое объединение. Оно распалось, разделившись на ряд объединений, которые переселились в район Подунавья, на Среднюю Волгу и частично осели в Подонье и Западном Предкавказье, где попали под власть хазар.

Пришедшие в Среднее Поволжье болгары застали здесь довольно пеструю лингвистическую ситуацию. Кроме племен и племенных групп, говоривших на различных диалектах тюркских языков, здесь находились протовенгры, оставшиеся на родине после ухода части мадьяр в Подунавье, и различные финно-пермские племена. Важно отметить, что болгары и другие носители *p*-языка отнюдь не преобладали в количественном отношении над носителями других вариантов тюркского языка (т.н. *z*-языка или языка общетюркского типа). Относительно новая этническая единица, видимо, складывалась по мере объединения различных племен под властью булгарских эльтеберов, становления государственных институтов

и укрепления торговых связей с мусульманскими странами.

Разумеется, параллельно с процессом сложения нового этноса волжских булгар шла борьба как между тюркскими языками (этническими диалектами), так и между тюркскими и нетюркскими языками. В такой сложной этноязыковой ситуации необходимо было средство для межэтнического общения, хотя бы в этнотерриториальных рамках. Несомненно, таким языковым образованием могло служить лишь наддиалектное койне, в основе которого лежал принцип взаимопонимаемости. Вначале, естественно, на базе диалектов могли возникнуть промежуточные языковые образования, границы которых бывают всегда неустойчивыми и они меняются в соответствии с условием развития конкретного диалекта в его соотношении с литературным языком и с изменением условий исторической жизни данного языкового коллектива [Хакимянов, 1983, с.4–6].

Однако выступал ли булгарский язык (с *p*-признаком) средством межэтнического общения? Если да, то можно ли определить его функциональные (да и типологические) границы? Думается, *p*-язык, в силу своей специфичности, не мог выступать не только в качестве какой-либо разновидности форм наддиалектности, но и как базы в образовании промежуточных форм. Очевидно, правомерно было бы рассматривать его в конкретном периоде историко-экономического развития общества территориально маркированной единицей.

У нас нет никаких данных, позволяющих раскрыть структурные особенности или характер языков хотя бы тех основных племен, которые были известны в X в., это: берсула, сувары, эсегели, буртасы и др., кроме как проанализировать сами эти этнонимы. Рассмотрение их показывает, что часть из них связана своим происхождением с регионом Северного Кавказа – сувары, берсула (барсилы) и баранджары, некоторые – с Семиречьем и Восточным Туркестаном – эсегели (чигили), часть спорны – буртасы [Гадло, 1979; Golden, 1980; Zimonyi, 1990]. Из этих этнических групп мы довольно уверенно можем выделить эселегей, как носителей *z*-языка, поскольку карлукский род чигилей, наряду с ягма, являлся создателем государства Караханидов с языком общетюркского типа. Хотя языки сувар и берсула могли быть и *p*-типа, но не исключено, что уже баранджары, как осед-

лые и городские жители, могли быть носителями общетюркского наддиалектного койне. В течение X–XI вв. в Болгарию продолжался приток тюркского населения, причем как из Подонья и Предкавказья, так и из Центральной Азии. Поэтому в данном случае можно ставить вопрос как об отдельных языках, так и о группе диалектов, которые обладали признаком территориальности.

По мере усиления централизации государства, возникновения городов и городской инфраструктуры и расширения торговых связей по Великому Волжскому пути и по караванному пути в Хорезм потребности развития государства способствовали появлению разных форм наддиалектной речи, которые принято называть наддиалектным койне. Для нас важно то обстоятельство, что, утратив этноязыковую принадлежность, все племенные языки стали именоваться лишь болгарскими, тем самым внутривнутриэтнические границы оказались стертыми. Об этом можно, в частности, судить по сведениям ал-Бируни, который, характеризуя население Болгарии, писал о «булгарах Сувара» (возможно, ошибка переписчика и должно быть традиционно – Булгара и Сувара), что «они говорят не по-арабски, а на своем языке, смешанном из тюркского и хазарского» [Бируни, 1957, с.49, 54].

Можно было бы только гадать о характере этого наддиалектного языка, если бы в нашем распоряжении не было уникального источника, характеризующего этноязыковую ситуацию в Булгарском государстве уже в середине XI в. – словаря тюркских языков «Диван-у лугат ат-турк», написанного в 1074 г. на арабском языке Махмудом Кашгари. В нем автор отразил сведения о 31 тюркском наречии. Собрал он весьма интересные сведения и о языках населения Булгарского государства, с которым государство Караханидов поддерживало политические, культурные и торговые связи. Известен факт перекочевков некоторых тюркских племен (видимо, родственных с чигилями) от границ государства Караханидов до «пределов Болгарии» в 1040-х гг. М.Кашгари привел сведения о говорах населения Булгара и Сувара. Однако при этом, судя по его примерам, эти говоры не отличались друг от друга и, возможно, разделяя их, автор отдавал дань мусульманской историко-географической традиции. Так, он дает 8 примеров из

языка болгар, 1 – из аргу и болгар, 1 – из йемеков, кыпчаков и сувар, 4 – из кыпчаков, огузов и сувар, 1 – из болгар, йемеков, кыпчаков и сувар и 1 – как «кроме языка огузов, кыпчаков и сувар» [Наджип, 1989, с.36–37]. Среди приведенных им конкретных примеров можно привести такие: *bal* 'мед', тат., башк., караим., уйг., кирг., казах., ккалп., ног., туркмен., узб. «бал», узб. «бол», тур. *bal*, чув. – «пыл» – то же. Отсюда видно, что эта лексема – общетюркская, к тому же М.Кашгари считает ее общей для кыпчаков, огузов и сувар. Ср. также слова *adaq* 'нога' (общее для кыпчаков, огузов и сувар) – *azaq* 'нога' (общее для кыпчаков, йемеков, болгар и сувар), *jalnuq* 'невольница' (общее для кыпчаков, огузов и сувар), *teva* 'верблюд' (общее для кыпчаков, огузов и сувар), *toz-* 'быть сытым' (общее для йемеков, сувар, болгар и некоторых кыпчаков). Особо выделены несколько слов как болгарские, это: *avuz* 'воск', *lav* 'воск для печати', *kökläš-* 'породниться' и *qanäq* 'сливки' (последнее слово употреблялось и в языке аргу). Среди слов, применяемых в тюркских языках для передачи значения «сливки» (ср.: *кайак* – *каймак* – *хайах-хоймох* – *хайма* и т.д.), следует указать и тат. диал. *кан'ак*.

Как видно из указаний М.Кашгари и приведенных им примеров, оба языка (или диалекта) – болгарский и суварский имеют ярко выраженный общетюркский характер, недаром автор сравнивает их каждый раз именно с кыпчакским (и йемекским) и огузским. У нас есть все основания предполагать, что в данном случае мы сталкиваемся с наддиалектными типами речи, которым принадлежит ведущая роль при изменении языковых ситуаций. Иными словами – это образцы речи жителей из гг. Булгара и Сувара, которые по существу не были этнически маркированы.

В последние годы утвердилось мнение, что поскольку М.Кашгари в Волжской Болгарии не был, то он и не разобрался в сложной лингвистической ситуации в Поволжье, а поскольку в его примерах из болгарского языка нет элементов, характерных для протобулгарского языка, то ценность его свидетельства невелика [Pritsak, 1959]. Даже если оставить в стороне явные свидетельства о связях Болгарии со Средней Азией, то все равно нельзя не предположить, что, судя по данным Кашгари, в число его информаторов попали люди из Болгарии (точнее, из гг. Булгара и Сувара)

лишь с обычной тюркской речью огузо-кыпчакского типа. Если это так, то само по себе доказывает наличие в начале XI в. в Булгарии тюрков с языком общетюркского типа, притом не в малом количестве, коль Кашгари принимал их язык за образец. Все же общественно-политическая ситуация в стране и наличие более поздних надмогильных памятников XIII–XIV вв. с *p*- и *l*-элементами позволяют интерпретировать это явление несколько иначе, чем просто считать эти сведения ошибочной фиксацией автором речи кыпчаков вместо болгар. Нет практически никаких сомнений, что в Булгарии был выработан язык для междиалектного общения и, как показывают примеры М.Кашгари, он имел общетюркский характер.

Общеизвестно, что главным фактором, вызывающим необходимость в койне, выступает практическая потребность в нем, и оно складывается при наличии имеющихся довольно существенных диалектных различий. Общетюркский характер койне, очевидно, был предопределен рядом условий:

1) наличием в составе населения Булгарского эмирата таких этноязыковых групп, которые говорили на языке общетюркского типа, о чем свидетельствуют отдельные факты, зафиксированные Ибн Фадланом, да и сам титул «эльтебер» булгарского царя известен в тюркском мире с VI в., его носили также племенные вожди в Тюркском каганате, а также указание на племена эсегел/чигил как составной части населения;

2) тесными этнокультурными, торговыми и политическими связями Волжской Булгарии с племенами, говорящими на языке огузо-кыпчакского типа и живущими на сопредельных территориях. Достаточно привести факт постоянных контактов болгар с огузами и тюркскими племенами из Южной Сибири и Восточного Туркестана;

3) проникновением западных кыпчаков в Волжскую Булгарию с начала XI в. (отдельные небольшие группы, возможно, еще раньше были в составе болгарского союза племен как в Великой Болгарии, так и в Волжской Булгарии). Здесь они занимались ремеслами, торговлей, земледелием и нанимались в армию [Димитриев, 1984, с.35]. Наиболее яркие эпизоды подобных контактов – вторжение кыпчаков в Болга-

рию в 1117 г. и участие йемеков во внутриполитических усобицах болгар в 1183 г.;

4) прибытием в большом количестве представителей духовенства и их последователей из Средней Азии после официального принятия булгарами исламской религии. Следует полагать, что духовные руководители (шейхи, имамы, муллы и др.) занимали высокую ступень в аристократической иерархии общества и, т.к. их язык общения обычно характеризуется высшими по уровню обработанности наддиалектными формами родного языка, в силу своего положения он оказывал ощутимое влияние на складывающееся койне;

5) знакомством с литературой, написанной на тюркском литературном языке того периода, и ее распространением. Нельзя не согласиться с Г.Тагирджановым [Тагирджанов, 1979, 46–48 б.] в том, что традиции А.Йасави и С.Бакыргани на булгарской земле были весьма популярны. Можно также предполагать применение материалов литературных памятников для обучения грамоте в медресе. В результате появляется литературный образец на «отшлифованном», нормированном языке для подражания.

Естественно, не все перечисленные условия, влияющие на характер наддиалектной формы языка, могут иметь одинаковый вес. Также нельзя исключить возможность появления и иных условий, имеющих какое-либо значение в конкретных исторических и историко-культурных ситуациях, в выборе необходимого комплекса языковых средств.

Как правило, образцовым признается язык какой-нибудь местности или же какого-нибудь города. Исследованиями ученых убедительно доказано значение города для жизни страны, когда он выступает очагом ремесленного производства и торговли, культурным и экономическим центром, и здесь создаются многообразные условия для развития особой формы обобщенной речи [Десницкая, 1970, с.5–8]. В этом отношении города Булгарии не составляли исключения, поэтому у нас есть все основания утверждать, что именно здесь сложилась обобщенно-наддиалектная форма языка. Поскольку мы не располагаем материалами, проливающими свет на характер языковой ситуации в других городах волжских болгар, необходимо исходить из фактов эпитафий XIII–XIV вв. (хотя мы и осознаем возможность изменения языковой си-

туации в связи с миграцией племен, входивших в состав Золотой Орды), которые позволяют предполагать относительную близость языковой основы в столь разных в территориальном отношении памятниках.

В золотоордынский период истории Волжской Булгарии в характере сложившегося к XII в. общенародного койне, в силу сохранения социолингвистического базиса, существенных изменений не происходило. Ведь во второй половине XIII в. Булгария экономически восстанавливалась в качестве отдельной области Улуса Джучи и в Булгаре даже стали чеканиться монеты хана Бату. Все это вызвало приток нового населения (мастеров, торговых людей, проповедников ислама), в основном – из Средней Азии. В таких условиях естественно было дальнейшее развитие наддиалектных форм языка, в результате которого койне расширяло границы употребления и стало функционировать в различных общественных сферах. Оформление текстов эпитафий на структурно различающихся языках с *p*- и *z*-элементами (есть случаи их применения как в одном тексте, так и в различных надписях, например, в памятниках отца и сына) является убедительным подтверждением необходимости учитывать и присутствие наддиалектных форм языка [Хакимянов, 1983, с.15–24, 98; 1987].

Наддиалектное койне в Булгарии и проблема литературного языка

В последние годы в татарском языковедении наметилась тенденция к более расширенному изучению истории языка, исходя из особенностей социально-общественной сферы, в которой он мог функционировать. Его функциональная парадигма, особенно в период средневековья, до того периода, который определяется термином «старотатарский», в определенной мере имеет характер предположительности или гипотетичности. Ведь не секрет, что для реконструкции функциональной парадигмы древнейших периодов истории любого конкретного языка, прежде всего необходимо широкое привлечение культурно-исторических и социально-исторических данных.

Однако при условии, когда отсутствует единый нормированный поливалентный литературный язык, все же нельзя ставить вопрос увязки памятника письма с конкретной этнической принадлежностью –

у нас нет никаких документальных источников, проливающих свет хотя бы на контуры поволжского литературного языка до эпохи формирования единой булгарской этнополитической общности. Общая типология языковых архисистем позволяет высказать некоторые соображения, хотя и несколько гипотетического характера.

Бесспорно, основной формой существования в раннефеодальной Волжской Булгарии выступали территориальные диалекты, а также городское койне и другие возможные формы устного общения, т.е. типы, возникшие в результате самостоятельного спонтанного развития. Литературный же язык, обладая обработанностью и селективностью, видимо, вначале выступал языком письменного общения элитарной части общества. Есть все основания полагать, что в данный период развития общества роль литературного языка выполнял «чужой» (арабский) и тюркский, функционирующий в тюркском мире. Это был не столько тюркский литературный язык, а язык тюркской письменно-книжной литературы.

Что же это был за язык? После распада тюркских каганатов в Центральной Азии возникло новое тюркское мусульманское государство под властью Караханидов, где главенствовали два карлукских рода – чигиль и ягма, а «чигильский язык, по всей вероятности, был основным официальным языком караханидского государства» [Тенишев, 1970, с.30]. Как указывалось, название первого явно ассоциируется с названием племени эсегель (эскел /искил/ ишкил), входившего в состав Волжской Булгарии. Учитывая же более поздние развитые товарно-денежные отношения и политико-культурные взаимосвязи между Булгарией и Средней Азией, можно предположить, что именно оттуда был заимствован литературно-книжный язык тюркского средневековья.

Караханидский письменно-литературный язык «тюркí» в Поволжье в начале, возможно, не отличался многофункциональностью и употреблялся с целью удовлетворения эстетических потребностей. По мере формирования единой булгарской этнополитической общности в XII в. меняется и сама языковая ситуация. Основная коммуникативная функция в сфере общения сохраняется за территориальными диалектами и обобщенными типами устной речи в виде койне. Исследователями истории литературных языков было отмечено,

что донациональный этап развития языков выделяется наличием нескольких письменных-литературных региональных вариантов, и это самая важная характерная черта языковой ситуации. Литературный тюркский, функционально окрашенный рамками своего применения, все же находится не в глухой изоляции, а взаимодействует с другими региональными формами языка. Народная основа койне начинает оказывать сильное воздействие и на внутривидовое образование литературного языка, что, естественно, вызывает ответную реакцию. Постепенно начинают появляться и структурные изменения в литературном языке.

Все же не стоит думать, что литературный язык (или языки) этого периода обладал всеми разновидностями варьирования – функционально-стилистическими, жанрово-стилистическими, временными и т.д. Если даже и обладал, то, учитывая определенную взаимосвязанность различных уровней, они не были одинаково развитыми и распространенными. На нынешнем этапе исследования поволжского варианта тюркского литературного языка (т.е. до периода, когда формируется старотатарский литературный язык) пока невозможно выявить специфику и емкость разных типов варьирования. Разумеется, необходимо давать себе отчет в том, что количество и свойства возможных типов различных литературных языков не тождественны, более того, в различные периоды истории одного литературного языка могут быть различные проявления этих типов.

Исследователи единодушно отмечали, что языком науки в Волжской Булгарии выступал арабский язык. Однако функции его этим не ограничивались: он был и языком религии, и языком текстов таких утилитарных вещей, как изделия прикладного искусства. Это – арабоязычные надписи на замках [Малов, 1926, с.155–162], зеркалах, браслетах и других изделиях художественного металла [Мухаметшин, Хакимзянов, 1996]. Кроме того, монеты, чекавившиеся и имевшие хождение в Волжской Булгарии, также имели арабоязычные легенды. Позднее, в золотоордынский период, появились медные монеты, которые употреблялись главным образом в пределах региона и были адресованы местному населению. Надписи на таких монетах уже выполнялись на тюрки, например, «Qutlu bolsun» / «В добрый час» (монета 1284 г.) [Мухамадиев, 1980, с.122–135]. В этой

фразе присутствуют также фонетико-морфологические признаки, свойственные языку караханидско-уйгурских письменных памятников, как конечный -у и форма императива на *-sun* [Тенишев, 1981, с.266–273]. Еще более примечательна надпись 1220 г. на золотой чаше, языковые особенности которой позволили Л.Ю.Тугушевой [1975, с.80] отнести ее к поволжско-тюркскому ареалу: «Sənətü həzrət Məkkədin Mədinəgə bargalı altı jür un jeti» / «В году: с тех пор, как хазрат [Мухаммед] поехал из Мекки в Медину, шестьсот семнадцать [лет]».

Своеобразная постановка диакритических знаков (троеточие под «син» и ротирующий вариант слова «сто»), известная по текстам эпиграфических памятников Волжской Булгарии, как раз и определяет индивидуальность этой надписи. Показательны и употребления «начинательной» деепричастной формы на *-gali*. Характерной для литературного языка Караханидского государства и взятого из рунического койне, а также форманта, исходного падежа *-din*. Все это показывает на оформленность особого стиля поволжского литературного языка на базе литературного языка предшествующего периода.

Функционально-стилистическое варьирование в рамках литературного языка обусловлено, прежде всего, сферой применения языка. Приведенное М.Кашгари [Atalay, 1939, p.70] четверостишие, на наш взгляд, отражает литературный язык Караханидского государства XI в., использованный на новой территории в качестве престижного наддиалектного литературного языка, ср.:

Etil suwı aqa turur,
Qaja tıbi qaqa turur,
Balıq telim baqa turur,
Kölung taqı küşerür.

(Текут воды Итиль-реки.
об скалы ударяются.
Много там рыб и лягушек.
Плавни также заполняются.)

Как показывают исследования литературных языков средневековой Европы, они прежде всего характеризовались узостью своей социальной базы, т.к. обслуживали господствующие классы феодального общества. Такую же узкую сферу употребления должен был иметь тюркский регио-

нальный литературный язык, к тому же его опорная база была чуждой для этого региона. Такая ситуация обычно вызывает появление нескольких письменных литературных вариантов в одной и той же языковой среде.

Одним из таких вариантов, на наш взгляд, является язык, который нашел отражение в «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали (XIII в.). Если опираться лишь на внутривидовые особенности поэмы, то действительно можно обнаружить больше огузских признаков и на этой основе объявить произведение огузоязычным, искать место написания среди обитания огузов и т.д. В поэме напевительный и винительный падежи имеют огузскую окраску в виде форм на *-a // -ä* и *i // -i*, причастия прошедшего времени оформлены аффиксами *-an / -än* и *mış / -miş*, в начальной позиции встречается звонкий *d* (*döbe* «дно его», *döş* «сон», *dağ* «гора», *därän* «глубокий», *diz* «колени» и т.д.) и шелевой *v-* (*var-* «идти», *vir-* «давать»), присутствует ряд слов, свойственных огузскому ареалу (*çok* «много», *ol-* «быть, становиться», *ajlä-* «делать», *ağla* «плакать», *jağın* «завтра» и др.) При этом нельзя забывать о том, что огузские элементы являются неотъемлемой частью поволжского (старотатарского) литературного языка. Например: *корт* 'волк', *чук* 'много', *ол* – 'быть', *вар* – 'идти', звонкий ряд анлаута (*деи*, *датлы*), аффикс дательного падежа на *-a/-ä*, винительного падежа на *-ы/-е*, причастные формы на *-мыш*, *-алы*, *-ан* и др. [Наджип, 1989, с.57–79; Кузьмина, 2003, с.48–136]. Огузские формы имеют свои исторические корни, которые связаны не только письменными традициями, но и разговорным влиянием огузских племен, пришедших из южных степей и появившихся в Поволжье уже в X–XI вв. Огузские племена, значительно влиявшие на общее состояние литературного языка и диалектов (наречий), находились на территории самого Булгарского государства и в соседних с ним областях.

По своему лексическому составу, грамматическому строю, стилистическим традициям в произведении Кул Гали отражается тюркский письменный литературный язык Поволжья, характеризующийся свои-

ми специфическими чертами и сформировавшийся в этом крае до монгольского завоевания. Начало становления локальных лексических, фонетических, грамматических особенностей татарского письменного литературного языка происходит в период существования Булгарского государства в X–XIII вв. и формирования булгарской этнополитической общности.

Следует подчеркнуть, что в раннефеодалном периоде развития обществ большую роль играет степень устойчивости и престижности более ранних литературных языков, точнее, сохранения литературных традиций. Чужой письменный язык, из-за своей престижности употребляясь в Поволжье и Приуралье, стал функционировать в языковой системе региона. То есть появился вариант регионального тюркского литературного языка [Тенишев, 1987, с.133–143]. Именно литературно-эстетическая традиция предопределила выбор языка поэмы и используемых художественных средств. В таких случаях обращение к дифференциальным признакам внутриязыковой структуры мало что дает и язык приходится рассматривать как совокупность функциональных стилей (форм существования и т.д.), тем более что этот вариант литературного языка поступил «в готовом виде». Таким образом, в рассматриваемом периоде развития общества не было одного единого или нормированного булгарского литературного языка, а функционировало несколько письменных форм (вариантов) литературного языка.

Другим возможным, хотя и специфичным литературным языком, являлся, видимо, собственно булгарский язык. К сожалению, о его лингвистических особенностях и функционировании в качестве литературного языка в X – начале XIII в. нет достоверных данных. Все сведения о нем получены из анализа эпитафийных памятников более позднего периода – конца XIII – первой половины XIV в. Есть основания полагать, что уже в XI в. этот архаичный *p*-язык стал наддиалектной формой специфического языка булгарской знати, позднее воплотившись в виде сакрального, ритуального языка в эпитафиях XIII–XIV вв.

ГЛАВА 3

О взаимодействии волжских булгар с финно-уграми

Евгений Казаков

В формировании этноса и культуры волжских булгар непосредственное участие принимали финно-угры, земли которых окружали страну булгар с севера, востока и запада. Уровень взаимодействия и характер его зависели от социально-экономического развития самого булгарского общества и складывающейся военно-политической ситуации на Северо-Востоке Европы.

Уже в раннебулгарский период в связи с опасностью военных нападений, вызванных мадьяро-печенежской конфронтацией, в страну булгар из районов полемской, ломатовской, неволинской, кушнаренковской культур Урало-Прикамья мигрируют угорские племена. Они осели в основном в Западном Закамье, где в IX в. появились Большетиганский, Измерский XII, Танкевский некрополи с ярко выраженными чертами языческой культуры угров, в числе которых лепная круглодонная керамика с веревочно-гребенчатым орнаментом, погребальные маски, культовые поделки, комплексы костей животных и т.д.

Первоначально угорское население в указанном регионе преобладало. Однако очень скоро оно подвергается булгаризации. В Танкевском могильнике, где исследовано 1200 захоронений, это подтверждается многочисленным материалом. Из 580 глиняных сосудов этого некрополя 44% являются угорскими круглодонными сосудами, 36% относятся к круговой салтовской посуде булгар, 9% представлены лепными плоскодонными горшками и 10% – одноручными кувшинами. Последние, судя по составу теста, веревочно-гребенчатому орнаменту и круглодонности, изготавливались осевшими здесь уграми в подражание таким же по форме, но круговым одноручным кувшинам булгар. О начале формирования нового этноса из указанных двух групп населения свидетельствует и нахождение во многих погребениях начала X в. угорских масок, шумящих подве-

сок вместе с булгаро-салтовской круговой посудой, серьгами с напускными бусами и т.д. [Казаков, 1992]. Они достаточно полно характеризуют динамично меняющуюся самобытную культуру языческого в своей основе, с непрочной оседлостью населения на Средней Волге. Несомненно, образующее им объединение можно характеризовать как тюрко-угорскую общность [Казаков, 1997, с.36].

В последней трети X – начале XI в. с участием новых булгарских переселенцев с юго-востока Европы в Среднем Поволжье, видимо, завершаются процессы становления волжских булгар в качестве новой народности. К этому времени относится формирование всех основных элементов мусульманизированной культуры булгар, которые существуют весь домонгольский период.

В это время продолжались традиционные связи волжских булгар с угорским населением Урало-Прикамья. Способствовал этому приход на Волгу из районов петрогромской культуры Среднего Урала в X в. новой волны угорских мигрантов. Об их многочисленности свидетельствуют находки лепной круглодонной т.н. постпетрогромской керамики с веревочно-гребенчатой орнаментацией. Она встречена практически на всех булгарских поселениях, составляя от 1,5 до 3% всего керамического материала. Об участии постпетрогромского населения в этногенезе волжских булгар говорят группы гибридной керамики, объединяющие черты лепной круглодонной и круговой посуды. На памятниках булгар она составляет от 3 до 12% глиняной посуды [Казаков, 2004, с. 120–128; Хузин, 1986, с.19, 21, рис.6: 13–15; 7: 1, 4–5; 8: 4–11].

Об участии угров в этногенезе волжских булгар свидетельствуют и письменные источники. Перед монгольским нашествием в поисках Magna Hungaria, т.е. Великой Венгрии, венгерский монах Юлиан в качестве слуги одного из мусульманских

купцов попал в большой болгарский город, скорее всего, в столицу страны г. Биляр. Здесь он встретил «венгерскую женщину», выданную замуж за жителя города из страны, которую искал монах. По ее сообщению, Юлиан через «две дневки» «близ большой р. Этиль» нашел своих языческих соплеменников. Местом встречи, видимо, были низовья р. Зай близ современного г. Нижнекамска на берегах р. Камы.

Юлиан оставил важнейшие сведения об этих ближайших угорских соседях болгар, отмечая, что язык их «совершенно венгерский», и они его понимали. Он сообщает, что эти «венгры» имеют селения и дома, но землю не возделывают, «едят мясо конское, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах» [Аннинский, 1940]. Данные сведения полностью подтверждаются материалом памятников постпетрогромской культуры, оставленным скотоводческим угорским населением и занимавшим широкую территорию Урало-Прикамья к востоку от основных земель Булгарии.

В этногенезе болгар участвовали также, хотя и в меньшей мере, чем угры, поволжские и пермские финны. В стране они получали доброжелательный прием, что было вызвано острой нуждой болгар в торговле с ними. Уже в IX в., судя по материалам погребений №1101, 1042 и др. Танкеевского могильника, в стране болгар находили приют представители летописного племени мещеры, т.е. окские финны [Казаков, 1994]. В домонгольский период в Волжскую Булгарию попадают представители поволжских финнов, в т.ч. с Верхней Волги. Миграция последних во многом была обусловлена активной христианизацией и славянизацией местного языческого населения в XI в. Видимо, о такой ситуации сообщает автор «Казанской истории», говоря о заселении болгарам бассейна р. Казанки: «Наполни такими людьми ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах...» [Сказание о царстве Казанском, 1959, с.27]. Об этом свидетельствуют многочисленные находки на болгарских памятниках бронзовых культовых подвесок финнов XI–XII вв. в виде «петушков», «уточек», шумящих подвесок

женского костюма и т.д. [Казаков, 1985, с.32].

В золотоордынский период из-за ухода части болгар на сопредельные земли создаются группы т.н. «окраинных болгар» вследствие продолжающейся тюркизации местного финно-угорского населения [Казаков, 1997, с.33–53]. Из них начали формироваться такие этнокультурные группы, как бесермяне, «чуваша арская» и др., которые сыграли немаловажную роль в этногенезе казанских татар.

Таким образом, угры и финны непосредственно участвовали в формировании этноса и культуры волжских болгар как нового народа в Среднем Поволжье. На протяжении столетий болгары находились в тесных контактах с финно-уграми. Археологические и письменные источники позволяют говорить не только о торговых, политических связях, но и о массовом проживании финно-угров в стране болгар. Многочисленные гибридные элементы культуры свидетельствуют о прямом вхождении финно-угорского компонента в болгарскую народность.

Не менее сильным было влияние болгар на их языческих соседей. В золотоордынский период многие из этих соседей принимают ислам и подвергаются тюркизации, что фактически приводило их вместе с булгарами к слиянию в один народ. Это подтверждается археологическими материалами чияликской культуры, занимавшей широкую территорию Приуралья к востоку от волжских болгар, и письменными источниками [Казаков, 2003, с.79–87]. Плано Карпини и Гильом Рубрук называют эту область «Великой Венгрией», указывая, что здесь, в стране Паскарт, живут паскатиры – пастухи, не имеющие никакого города [Путешествие, 1957]. Местное чияликское население, родственное постпетрогромским уграм домонгольского периода, продолжало тесное взаимодействие с булгарами, многие из которых, уходя из разоренных монголами центральных районов страны, селились среди местного населения [Казаков, 1978]. Существенные элементы взаимодействия болгар, угров и финнов сохранились в культуре современных тюркоязычных и финно-угорских народов северо-восточной Европы.

ГЛАВА 4

Средневековые болгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность

Искандер Измайлов

Вопросы происхождения и этнической истории татарского народа довольно сложны и до сих пор остаются в числе наиболее дискуссионных. Особые споры вызывают общие и частные проблемы этнической истории болгар X–XIII вв. – периода, когда формировались основы средневекового этноса, сыгравшего в дальнейшем важную роль в становлении современного татарского народа. Изучение этой проблемы ведется уже около двухсот лет, но актуальность ее не только не снижается, как и накал страстей вокруг нее, но становится еще более высокой. В немалой степени это связано с научными проблемами изучения древней и средневековой этнической истории: сложностью и недостаточностью источниковедческой базы, слабой разработанностью теоретической базы, но также, в определенной степени, и вненаучными процессами – с апелляциями к героическому и великому прошлому.

В советской историко-археологической науке утвердилась довольно четкая схема, в основе которой лежал постулат о соответствии археологической культуры определенному этносу, и эссенциалистская концепция этноса. Отсутствие четко определенного понятия *археологическая культура* и ее соотношения с этносом (например, болгарская археологическая культура = культура населения Волжской Булгарии = болгарский этнос), а также непротиворечивое описание метода их сопоставления вели исследователей к весьма расплывчатым характеристикам, которые, как правило, не являются ни чисто археологическими, ни строго этнологическими. Нечеткость определений ведет к произволу в рассуждениях и амбивалентности доказательств, а в конечном счете – и к сомнительным, некорректным выводам.

Альтернативную методiku изучения средневековых этнических общностей представляет палеоэтнология, взаимодействующая с этноархеологией [Шнирельман, 1984; 1993]. Основой для подобной системной методики является изучение средневековой болгарской ментальности, как источника сведений о ключевых аспектах этнополитической и этноконфессиональной идентификации. Распознав этнический контекст, можно выделить в нем элементы, имеющие этнокультурную и этносоциальную значимость, а среди них те признаки и артефакты, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Только после этого становится целесообразным обратный путь рассмотрения типологизации этнокультурных явлений археологической культуры, но только под углом зрения выявленного этнического контекста и как способ его уточнения. Но никак не наоборот.

Изучение всего комплекса этих проблем невозможно без определения феномена этничности и структуры этнических свойств, исходя из принятого в ряде этнологических трудов принципа противопоставления, с одной стороны, этнообразующих факторов, обусловивших само появление этноса и, с другой, – собственно этнических признаков. Эти последние можно, в свою очередь, разделить на два уровня. Первый из них относится преимущественно к сфере культуры в ее широком понимании, а второй – производный от него – проявляется в осознании самой этнической общностью своих отличий от других коллективов и этносов.

Такое представление о структуре свойств этноса заставляет считать, что, вопреки мнению ряда историков и археологов, говорить о завершении процесса фор-

мирования этноса позволяет не возникновение тех или иных культурных особенностей определенной этнокультурной группы, а появление отчетливого самосознания своей общности и отличия от других. В самом общем виде, таким образом, процесс возникновения этноса можно представить таким образом: под влиянием некоторых внешних факторов (государственность, хозяйственные и культурные связи, единая религия и т.д.) из нескольких (зачастую разнородных) этнических (часто имеющих родовые связи) компонентов формируется новая культурно-историческая общность. Одновременно идет процесс (бессознательный в постарших обществах и четко артикулированный в государственно-политических социумах) формирования представления о своем внутреннем единстве и общности, которые в самом общем виде формулируются в самоназвании (этнониме). Обычно в государствах функцию объединения и формирования единого самосознания, самоназвания и самоотнесения и самоутверждения осуществляет главенствующая этнополитическая общность, имеющая аристократический (военно-служилый) сословный статус. Кстати, она может быть как реально иноэтничная по отношению к остальному населению, как, например, раджпуты в Индостане, так и местной, чье отличие сформировалось в виде мифологемы, например, о сарматском происхождении польской шляхты.

Теоретические исследования показывают сложный, иерархический характер этнического самосознания, которое определяется, хотя и достаточно опосредованно, факторами, формирующими этнос, и его признаками, одновременно являясь осознанием сообществом совокупности своих национальных (этнических) признаков (культуры, языка, территории, истории, религии, государственности, образа жизни и обычаев) и интересов, а также оценочным к ним отношением. В самой структуре этнического самосознания исследователи выделяют целый ряд элементов: этническое самоопределение (в средние века чаще всего неотделимое от этнополитической, этносоциальной или конфессиональной идентификации), которое часто рассматривается как важнейший, чуть ли не единственный

индикатор [Крюков, 1976; Дробижева, 1985; Козлов, 1974, 1999; Бромлей, 1983], поскольку он (хотя и опосредованно и выборочно) опирается на базовые ментальные категории социума, такие, как «картина мира», представления о типичных чертах собственной общности и ее свойствах, осознание общей исторической судьбы, а также понятия о «родной земле», государственном (и/или этнополитическом, этносоциальном, конфессиональном) единстве и специфических интересах своей общности, ее месте в мире и «образе других». Все эти структуры ментальности на уровне этноса являются не просто суммой образов и понятий, а представляют собой целостное явление и одновременно выражают ценностное к ним отношение. Результатом всех этих представлений, идентифицирующей всех членов общности, и является этноним – своеобразное безотчетное обозначение себя (*Мы*), разграничение себя среди и от других (*Они*) [Крюков, 1976, с.60–63; Бромлей, 1983, с.181]. В теории социального конструирования именно идентичность (как личная, так и коллективная) есть ключевой элемент в разграничении и выделении себя от других, и в этом качестве она является частью более общего ментального универсума с его архетипами сознания и теоретическими легитимациями действительности (реальной либо воображаемой), изменяясь вместе с ним.

Именно анализ этнонима и стоящего за ним самосознания, а не бессодержательная лингвистическая эквилибристика названиями или ненаучная попытка объяснить смену этнонима «навязыванием» его этносу извне, дает исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса как его постепенной трансформации или череду «взрывов» этничности, ведущих к коренной их смене и формированию нового этноса.

Учитывая сложный системный характер средневековой ментальности, вообще вряд ли можно достаточно четко разделить этнические и политические аспекты самосознания, которое, по существу, было цельным, синкретичным [Куббель, 1988, с.26, 67, 105–106]. Разумеется, выделение этой предполагаемой сюжетной схемы этнополитических понятий является применением

к средневековому сознанию несвойственных ему понятий, выработанных на иной эмпирической основе. Но, несмотря на очевидную неполноту, приводимая ниже схема обладает достаточными гносеологическими возможностями, позволяющими реконструировать коллективное самосознание людей, взгляд определенного социума на свою этнополитическую общность.

Представления болгар о себе как единой этнополитической общности

Источниковедческая база исследования этнополитических аспектов самосознания населения Волжской Булгарии X–XIII вв. крайне бедна из-за практически полного отсутствия аутентичных болгарских источников и довольно синкретична, поскольку необходимую для анализа информацию приходится черпать в произведениях иностранных авторов, сохранивших отрывки представлений болгар о себе, и в некоторых татарских фольклорных и исторических произведениях, которые, хотя и были созданы в более позднее время, но сохранили реликты более ранних культурных традиций болгар [Усманов, 1972, с.23–27].

Все отрывочные и разнородные сведения письменных источников, взятые сами по себе, неполны, однако их комплексный анализ и систематизация по определенным смысловым блокам позволяет не только частично реконструировать болгарскую историографическую традицию, но и выявить ключевые аспекты их этнополитической идентификации. Наиболее важная информация представлена темами: историческая традиция, представления о своем месте в истории мира, о себе как политическом субъекте, актуальный политический автостереотип, сознание связи народа с правящей династией, представления о «священности» территории своего государства и осознание своего места в иерархии народов [Ронин, 1989].

Историческая традиция. Данный блок автостереотипов является весьма важным и во многом служит источником других аспектов политического сознания населения страны. Он как бы концентрирует представление общества о своем единстве и

связи (или даже родстве) с каким-нибудь великим народом прошлого. Политическая актуальность его определяется прямой зависимостью степени родства (иногда духовного) или политических контактов (приобретение инвеституры) с характером настоящих претензий государства, и, соответственно, определение им своего ранга среди других народов, не имеющих такой традиции.

Именно этим объясняется появление и развитие у болгар представления о себе, как о наследниках и продолжателях дела Александра Македонского (Искандера Зу-л-Карнайна). Об этом свидетельствует в своих записках андалусский купец и путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, который, рассказывая о посещении им Булгарии, отметил: «Как говорят, через Булгарию шел Зу-л-Карнайн на Йаджудж и Маджудж, а Аллах, великий и славный, знает лучше» [ал-Гарнати, 1971, с.59]. Поскольку сам ал-Гарнати не только несколько раз в середине XII в. посещал Булгарию, но и долго жил в Саксине вместе с болгарамимусульманами, то в данном контексте речь, конечно, идет не об арабской книжной традиции (т.е. не арабы говорят арабам), а именно о болгарских преданиях, рассказанных самими болгарями.

Более развернутое повествование об этом содержится в сочинении ал-Омари, который ссылается на рассказ шейха Ала ад-дина ибн ан-Номана ал-Хорезми, узнавшего об этом во время путешествия в болгарские земли в XIV в. «Рассказывают, – говорил Номан, – что Искандер, проходя мимо крайних ближайших к населенным местам, предгорий «Мраков», увидел там людей Тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их... Он (Искандер. – *И.И.*) прошел мимо их и не тронул их» [Тизенгаузен, 1894, с.241]. Он же писал и о существующей якобы на краю обитаемого мира, близ границ Булгарии, «большой башни, построенной на образец высокого маяка» [там же, с.240]. В этой башне (= укреплении) следует видеть отголосок представлений болгар и мусульманской традиции о знаменитой «стене Искандера» или отдельно стоящих башнях, которые должны были защищать оби-

таемый мир от нашествия варваров-язычников (Йаджудж и Маджудж) или предупредить путников, приближающихся к странам, населенным дикими народами. Как бы то ни было, легенды эти связаны именно с именем Зу-л-Карнайна и рассказ ведется о пределах страны болгар. Поскольку это сообщение относится к более позднему золотоордынскому времени, то оно является только отголоском более ранних представлений и свидетельствует о традиционности для этого региона легенд об Искандере Зу-л-Карнайне, «стене Искандера» и «башнях Искандера».

В русле этих представлений лежит и упоминание в русской летописи, что г. Ошель построен еще Александром Македонским [ПСРЛ, XV, с.331], отражающее проникновение на страницы летописи, видимо, от непосредственных участников событий, болгарских преданий. Сохранились также татарские фольклорные данные об основании им гг. Булгар и Биляр [Давлетшин, 1991, с.63].

Широко бытовал среди болгар сюжет о происхождении их народа и правящей династии от Искандера Зу-л-Карнайна, отголоски которого нашли отражение в произведениях восточных авторов XII в. Наджиба ал-Хамадани и Низами Гянджеви и сохранились в татарском фольклоре [Давлетшин, 1991, с.63; Ганиева, 1991, с.34–36]. Иными словами, образ Зу-л-Карнайна в болгарской интерпретации носит, несомненно, мифологический характер, причем имеющий лишь формальное отношение к античности (вопреки мнению Р.К.Ганиевой об образе Искандера в тюркской литературе как «ренессансном» возрождении античных сюжетов [Ганиева, 1991, с.36–38]). В данном случае перед нами явный образец переработки не эллинистического «Романа об Александре», а именно коранического сюжета (сура «Пещера»/«ал-Кахф») о направляемом Аллахом Зу-л-Карнайне, который карал неверных и облагодетельствовал праведников, а также построил стену, защитив мир от враждебных людям народов Йаджудж и Маджудж [Пиотровский, 1991, с.147–149]. На болгарской почве кораническая традиция изображения этого персонажа была переосмыслена и приобрела черты

не только строителя городов, но и основателя династии, которая, таким образом, получала легитимность от одного из героев ислама, воителя против «неверных». Такое «приближение» болгарских правителей к пантеону Корана и получение ими страны и городов от него в наследство как бы уже в «облагороженном», обустроенном виде делало правящую династию и соответственно весь народ в его собственных глазах (и современников) не просто равным самым древним «царственным» народам, но и в значительной мере наследником его славы и обширной империи. Особенно это касалось той части его мифологических деяний, как борьба с язычниками, расширение границ «праведного мира» и его обустройства.

Одновременно с этими представлениями в исторической традиции болгар развивается сюжет о древней связи болгарской правящей династии с мусульманскими праведниками – святыми или первыми последователями пророка Мухаммада. Ал-Гарнати приводит в одном из своих сочинений рассказ о начале Булгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им книги «История Булгарии», переписанной (написанной?) болгарским столичным кади Йакубом ибн Нугманом, т.е. вполне официальную историографическую традицию. «...А смысл слова болгар», – пишет андалусский путешественник, – ученый человек. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?». Оба они сказали: «Да!» Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем принял эту веру без моего приказа?».

И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: «Аллах велик!». И они стали кричать: «Аллах велик!». И сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи – войско Аллаха, великого и славного»» [ал-Гарнати, 1971, с.31].

Основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю, таким образом, состоит из ряда элементов: мусульманский праведник приезжает в Булгарию из Бухары (здесь следует подчеркнуть именно среднеазиатские истоки болгарского ислама, что, видимо, в глазах самих болгар в XII в. играло важную роль) – болезнь царя – чудесное выздоровление – принятие ислама – нападение хазар (в прошлом для XII в. великого, «царственного» народа) – победа и торжество ислама. Это, скорее всего, не первая версия данного сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Несмотря на то, что ал-Гарнати специально подчеркивал, что читал книгу самого кади города Булгара, откуда и вычитал (или даже выписал) цитированный отрывок, некоторые историки пытаются поставить под сомнение изложенную им историю происхождения Булгарского государства, как сомнительную, отрывочную и единичную. Эти сомнения понятны, но не оправданы. Разумеется, арабского купца ал-Гарнати мало интересовали представления болгар о самих себе и их самосознание, но как любитель диковинок и редкостей он не мог обойти вниманием легенду о распространении ислама среди болгар и образовании Булгарского государства, поскольку это были «живые» и оригинальные сведения, не сводимые к банальным пересказам арабской историко-географической традиции. Именно детали отличия от этой традиции и заставляют считать, что мы имеем дело с реальным болгарским историческим преданием, а не с обычной арабской сказкой в духе Синдбада-морехода. Аутентичных версий официальной историографии средневековых государств во-

обще сохранилось, к сожалению, очень мало, например, для истории Киевской Руси мы знаем только одну подобную версию – «Повесть временных лет», для истории венгров – анонимную «Gesta Hungarorum», вошедшую в поздние хроники, а для истории первых Чингизидов – «Сокровенное сказание». Сам же ал-Гарнати не вызывает сомнений в качестве источника информации, поскольку многие его наблюдения находят подтверждение в других независимых источниках, в т.ч. археологических (например, сведения о «меховых» деньгах, г. Саксине, дипломатических сношениях князя Изяслава с королем Венгрии и т.д.). То есть информация этого автора в большинстве случаев точна и соответствует реальности, что заставляет с доверием относиться к его рассказу о содержании книги «История Булгарии». Но самое главное, что заставляет с доверием относиться к его сведениям, это то, что они находят подтверждение в другой независимой традиции – фольклоре.

Фольклорные сведения довольно разнообразны, но в целом похожи на версию, изложенную ал-Гарнати: приход в Булгарию к хану Айдару трех святых подвижников (асхабов) пророка Мухаммада, один из которых (Абдуррахман ибн Зубер) вылечивает Туйбике – дочь хана, женится на ней и основывает болгарскую мусульманскую династию. Могилы этих святых сохранились якобы вплоть до XVIII в. [Мәржани, 1989, 114–117 б.; Усманов, 1972, с.142 и сл.]. Наличие полноценной исторической информации в этих легендах было поставлено под сомнение еще в 70-х гг. XIX в. Ш.Марджани [1884, с.42] и с тех пор это мнение является общепринятым [Усманов, 1972, с.136 и сл.]. Между тем полностью отрицать наличие в них определенных реминисценций, восходящих к утраченной болгарской историографии, так категорично нельзя. Более того, сама абсурдность и недостоверность представлений народа (скорее всего, народная память испытала определяющее влияние концепций официального историописания), с точки зрения современных знаний, отнюдь не свидетельствует о «ложности» народного сознания, а просто сигнализирует о не-

достаточности наших знаний о механизме его формирования и функционирования. Сравнивая версии этого текста (как аутентично средневекового, так и фольклорного), нельзя не отметить их несомненное единообразие, соответствие единой схеме: приход мусульманского святого (или нескольких) – болезнь правителя или членов его семьи (видимо, расценивавшаяся современниками как своего рода божественное наказание) чудесное (при помощи божественной силы) исцеление – принятие ислама правителем – широкое распространение его по всей стране. В фольклорной традиции отсутствует только последняя деталь этой схемы: нет борьбы с врагами-иноверцами (хазарами) и победы с помощью вмешательства божественной силы. Исчезновение этого эпизода в фольклоре объясняется очевидной и неприемлемой для текстов устного народного творчества детализации, с одной стороны, и потерей данным сюжетом политической актуальности в XVII–XVIII вв., когда исчезла даже сама память о могуществе хазар и на первый план выступили другие стереотипы, заслонившие предшествующие.

Представления о связи болгар с правящей династией хазар были, видимо, довольно многочисленны, недаром какой-то фрагмент этой легенды сохранился в татарском народном творчестве в виде сказания о выдаче болгарским ханом Илбарисом своей дочери Гаухаршат замуж за хазарского царевича [Давлетшин, 1990, с.132].

Таким образом, в плане понимания политического самосознания болгар через их историческую традицию можно выделить автостереотип, который связывает происхождение болгарской правящей династии прямо с мусульманскими святыми и даже сподвижниками пророка Мухаммада (в какой-то степени соприкасаясь здесь с версией о связи ее с Искандером Зу-л-Карнайном), с Хазарией и ее династией. Определенно можно сказать, что данный автостереотип означал желание болгар интегрироваться в круг мусульманских стран, одновременно сохраняя связи с великими тюркскими державами, приобретая, таким образом, легитимацию от двух «царственных» народов – арабов и хазар.

Этот стереотип подчеркивает одну важную деталь: болгары в глазах автора официальной истории – единый народ. Связано это не только с отсутствием живой памяти о многокомпонентности народа, но и с подчеркнутым единством предков (Адам, Зу-л-Карнайн и т.д.), общностью исторических судеб.

Выделяется представление, проецируемое на прошлое, о появлении некоторых черт своего народа как этнополитической общности. Источники показывают, что наиболее важные из них были связаны с религией, верности ее предписаниям. Не случайно в ряде генеалогических болгарских легенд неоднократно подчеркивалось, что предки болгар несколько раз принимали «истинную веру» ислам, но быстро оставляли ее, что вело к гибели их стран и их завоевание. Эти генеалогии, весьма сходные по сюжету с историей человечества, изложенной в Коране [Пиотровский, 1991, с.26], призваны лишь рельефнее высветить тот факт, что подлинная история Булгарского государства и его династии как политической общности начинается лишь после принятия ислама из рук посланцев пророка. Отсюда следует, что пока болгары сохраняют крепость веры – они будут непобедимы, а поэтому наиболее подчеркиваемыми автостереотипами болгар были верность исламу, способность ради веры идти на войну с могущественным врагом, свободолюбие и желание независимости, а также непобедимость в войнах, освященных исламом. В данном стереотипе можно выделить и другой мотив – единство народа, проецируемое на прошлое, лучше всего проявляется не столько в генетическом, сколько в духовном единстве. Иными словами, только после окончательного принятия ислама болгары состоялись как настоящий народ.

Сознание равенства и связи с великим народом прошлого уживалось в памяти народа с подчеркнутым желанием утвердить свое превосходство над ним. Особенно рельефно оно проявляется в мифологической версии победы над хазарами. Великий, могучий доселе народ (подразумевается, видимо, что он осуществлял свою власть над булгарами) был побежден и даже попал, если не в зависимость, то, опре-

деленно, в приниженное положение по сравнению с булгарами, т.к. принял ислам после них и от них, поскольку, несомненно, порядок принятия религии в иерархизированной средневековой ментальности играл важную роль, где роль донора всегда была более предпочтительной, чем реципиента. Неслучайно в связи с этим желание болгар внедрить в историческое сознание представление о принятии ислама не от анонимного факиха из Бухары, а прямо от последователей Мухаммада.

Здесь же следует отметить такой момент: в историко-географической традиции «стена Искандера» для «очевидцев» XII–XIV вв. предстает разрушенной или в виде отдельной сохранившейся сторожевой башни [Тизенгаузен, 1894, с.240]. Не кроются ли в этом сообщении отголоски болгарской традиции или даже попытки мусульман, живших на краю цивилизации, доказать, что несмотря на величие деяний Искандера, они ныне приходят в упадок, и лишь усилия Булгарии и ее потомков не дают варварам прорваться в пределы обитаемого мира? В этом, очевидно, можно видеть желание болгар не только уравнять себя как субъекта истории с великими империями (народами и героями) прошлого, но и утвердить свое превосходство над ними, которое подчеркивается либо победами над ними (хазары), либо сохранением и преумножением их усилий, пришедших было в упадок.

Достаточно широко были распространены, очевидно, представления, подчеркивающие *права болгар на территорию своей страны*. Действительно, если Зу-л-Карнайн прогнал отсюда дикие, варварские племена язычников и загнал их за стену в край «Мраков», то болгары – прямые потомки Искандера – имеют неоспоримые «исторические» права на освоенную им на краю обитаемого мира территорию. Тем более, что воитель за веру не просто оставил этот край булгарам, но и обустроил его, создав города и основав династию, которые позднее были как бы вторично освящены сподвижниками пророка, утвердившими место болгар в исламской цивилизации. В русле подобных представлений лежат сюжеты, сохраненные в татар-

ских шежере (генеалогиях), где описывается приход болгар в различные районы Предкамья и Предволжья, в «дикую» варварскую местность и основание здесь мусульманского города [Ахмаров, 1910; Вахидов, 1926; Казанская история, 1954], что является не просто началом отсчета истории здесь, но и знаменует «окультуривание» местности, определяя тем самым права болгар на них. Причем не столько по праву первопоселения (в некоторых легендах глухо упомянуты какие-то «огнепоклонники»), а по праву первоведения этих земель в цивилизованную, исламскую ойкумену.

Своеобразно осознание булгарами и своего *предназначения в истории* («бремя истории»), что выявляется уже начальным ее пунктом: принятием ислама и борьбой с неверными. Этот момент не случайно, видимо, был отмечен и ал-Гарнати, т.к. он нагляднее других демонстрирует, на что в своей истории сами болгары делали основной акцент (вызывает, кстати, большие сомнения историческая реальность этого эпизода вообще). Во введении в «Историю Булгарии» Йакуба ибн Нугмана в концептуальной форме изложена программа болгарского мессианизма: осознание пограничности своего положения в исламском мире и стремление расширить его границы. Заметно это и в легендах (остатках исторической традиции?) об Искандере – недаром болгары считали себя не просто его потомками, но и продолжателями его деяний, защитниками, охранявшими очерченные им «стенами» границы цивилизованного мира от нашествия варваров. Судя по ряду дошедших до нас данных, этот аспект самосознания был довольно широко распространен в среде болгар. Так, уже первый путешественник в Поволжье Ибн Фадлан отмечает, что правитель болгар Алмыш, собираясь на войну против непокорных племен, говорит: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть правителя правоверных, и я раб его (Аллаха) и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом» [Ибн Фадлан, 1956, с.139]. Этот же факт подтверждают различные арабо-персидские источники,

говоря о походах болгар на соседей как о «джихаде» / «священной войне»: «со всяким войском неверных; сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» [Захедер 1967, с.31; Бартольд, 1973, с.545]. О регулярных походах на северных язычников «царя» болгар и обложении их данью (хараджем) сообщает ал-Гарнати [ал-Гарнати, 1971, с.30–31]. Эти сведения настолько традиционны и формульны, что создается впечатление об их болгарских корнях или, во всяком случае, их влиянии на эту традицию.

Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Карпини, Рубрук и др.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары – самые злейшие сарацены, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Путешествие, 1957, с.119]. Позднее она вошла в знаменитый географический трактат Роджера Бэкона «Великое сочинение» (60-е гг. XIII в.) [Матузова, 1979, с.215] и стала важным элементом формирующихся западноевропейских представлений о странах и народах Востока, которые позднее были перенесены на население Золотой Орды.

Скорее всего, идеи мессианства и *джихада* / «священной войны» были довольно популярны в среде болгар, особенно военной знати, где был распространен культ святого рыцаря – Али и в мусульманском духе перерабатывался тюркский героический эпос [Измайлов, 1997, с.138–149]. Вполне возможно, что сам приход неких святых и успешная проповедь ими ислама в Булгарии также служили основанием для болгар видеть свое предназначение в истории как воинствующих миссионеров этой религии.

Мотив «бремени истории», тяготеющий над их народом, был не только важной политической доктриной болгарской политической идеологии, но и заметно влиял на массовое сознание. Он формировал мнение болгар о себе как об общности, связанной не просто общей судьбой, но борьбой предков за идеалы ислама. Подчеркнутый антагонизм по отношению к соседям, отмеченный восточными и западноевропейскими авторами, служивший, видимо,

больше не как постоянно действующая реальность, а как политическая амбиция и перспективная цель, в народном сознании акцентировался в форме подчеркнутого единства мусульман перед лицом угрозы нашествия язычников, реальность которого доказывала историческая традиция. Можно сказать, что данное представление, «опрокинутое» в историю, означало, что сам ход истории Булгарии в глазах ее населения, ее исходный пункт предопределил деление народов Поволжья на мусульман (т.е. болгар) и врагов (настоящих и будущих, открытых и потенциальных). А следовательно, и победа над Хазарией осознавалась как общая победа болгар – мусульман над неверными и обещание непобедимости их в будущем при условии следования законам ислама, что делало этнополитическую идентификацию болгар довольно четко конфессионально детерминированной.

Представление народа о себе как субъекте политических отношений. Данный аспект наиболее сложен и непредставителен. Однако, судя по ряду упоминаний, народ осознавал (или, вернее, средневековые идеологи признавали) свое активное влияние на политику в ряде сфер:

Принятие религии. Об этом свидетельствует фраза ал-Гарнати со ссылкой на «Историю Булгарии»: «...и принял ислам народ их страны» [ал-Гарнати, 1971, с.31], и аналогичные сведения ряда поздних татарских источников, XVII–XVIII вв., опирающихся, видимо, на более раннюю традицию [Галаятдинов, 1990, с.131–132; Марджани, 1884, с.42].

Война. В этом убеждает также текст «Истории Булгарии», где специально говорится о «них» (т.е. о булгарах) как активных участниках войны и полноправных победителях [ал-Гарнати, 1971, с.31].

Дипломатические отношения. Народ в этой официальной истории показан, наряду с правителем, участником переговоров с хазарами: «царь» хазар «сказал им», «заключил с ними мир» [там же].

Участие в управлении. Эта тема раскрывается в представлениях о правителе как выразителе интересов народа, что отражается в фактах принятия ислама и ведения войн не просто в интересах народа, но при поддержке народа. Характерно, что

в ряде поздних источников это подчеркивается как бы всем ходом истории – периодическим принятием и отпадением (по вине «плохих» правителей) от ислама [Галютдинов, 1990, с.125–132], что служит в глазах авторов доказательством «долгожданности» ислама, давней тяги к нему народа. Причем укоренение ислама, поддержанное народом, прочно связано с усилением и долговечностью государства болгар.

Представления «молчаливого большинства» средневекового общества с большим трудом поддаются выявлению и изучению [Гуревич, 1990, с.7–14]. Поэтому не случайно, что наши знания об их этнополитических представлениях крайне скудны и лаконичны. Кроме того, мы не всегда четко и однозначно можем провести грань между мнением автора из элиты общества о народном сознании и самим этим сознанием. Однако и эти отрывочные представления чрезвычайно важны для понимания общей картины болгарской идентичности.

Актуальный политический автостереотип. В известных нам источниках политический автостереотип обращен не только в прошлое, но и в настоящее. Этот аспект представлений связан с характеристикой народом себя как общности, что выражается, в частности, в осознании престижа своего этноса. Находит оно отражение в переводе имени «булгар» как «балар» – смысл этого «ученый человек» [ал-Гарнати, 1971, с.31]; в представлении о своей постоянной верности исламу (непримиримость к его врагам, даже могущественным); своем бесстрашии при путешествии в страну «Мраков», куда не решаются ездить другие люди [Тизенгаузен, 1894, с.240–241]. В какой-то мере все эти представления есть ценностные определения качества своего народа, поэтому раскрытию этой темы могло помочь изучение вообще политической идеологии в Булгарии (особенно по внелетописным источникам). В данном случае достаточно отметить, что в среде болгар актуальными были также общемусульманские идеи о взаимных обязанностях правителя и народа, о верности народа своему правителю и противопостав-

ление себя на этом основании другим народам.

Сознание связи народа с его правителем. Существенное значение этого стереотипа определяется не только характером ментальности средневекового человека, считавшего подлинными субъектами истории и политики суверенов, но и пониманием подчиненного положения народа по сравнению с правящей династией как освященной богом сакральной традиции. Это предполагало ряд обязательств между ними: народ обязывался повиноваться суверену, а тот, в свою очередь, охранять и ценить его усилия, т.е. выполнять те обязательства, которые на Востоке связывались с понятием «идеальный правитель – идеальный народ». В письменных источниках есть целый ряд указаний на бытование подобных стереотипов в Булгарии: идеальное согласие при принятии ислама, верность и самоотверженность в борьбе с внешними врагами, полная гармония их взаимоотношений и т.д.

Весьма актуальным и стандартным для средневековья было мнение о возвышении статуса народа в глазах окружающего мира благодаря избранности правящей династии. В круг этого стереотипа входят представления болгар о происхождении династии от Искандера – коранического героя, легендарного правителя и борца с неверными или от потомков святых асхабов пророка Мухаммада (иногда обе эти версии совмещались между собой или с «хазарской версией»). Как бы то ни было, но эти взгляды на династию служили и важным средством самоутверждения болгар как единой общности.

Осознанию связи народа с правящим домом служила и генеалогия, которая была чрезвычайно важной и развитой наукой в средневековье, в т.ч. и у болгар. К сожалению, для X–XIII вв. данных о родословиях практически нет и основные источники сохранились для XIV–XIX вв. [Юсупов, 1960; Хакимзянов, 1978; Ахметзянов, 1991; Усманов, 1972], хотя следует подчеркнуть, что ряд генеалогий XIII–XIV вв. уходит корнями еще в домонгольское время [Юсупов, 1960, с.103, 176; Хакимзянов, 1978, с.126, 156, 168], позволяя судить

о существовании такого рода традиций еще в Булгарском государстве. В общем плане они позволяют судить, что одной из деталей их было указание на знатность рода (определяемую, видимо, по близости к правящей династии) и его права на свои владения, что определенно осознавалось как связь с династией правителей.

Связь народа с определенной территорией. Сама жизнь народа на определенной территории долгое время приводила его к мысли о своей глубокой, неотчуждаемой связи с родной (т.е., которую он считал таковой) землей. С одной стороны, это мыслилось как передача прав «булгарской династии», (а через нее и народа) на эту землю в порядке наследования от великих правителей прошлого (Зу-л-Карнайн, хазарский каган). С другой, нынешние земли считались булгарскими на правах их завоевания и «окультуривания» (определенные обряды, принятие ислама). В обоих случаях в глазах народа произошел процесс вступления во владение данной территорией, освященный религией, что сделало связь народа с землей священной. Особенно ярко характер этого стереотипа отражен в легендах об основании городов [Ахмаров, 1910; Вахидов 1926], в которых сохранились весьма древние архетипы сознания: борьба со злом (дракон, змеи, язычники), уничтожение его (= сакральная жертва), женитьба на местной женщине (чаще всего на дочери правителя)(= вступление в брак с землей) и рождение ребенка – настоящего правителя (смешавшего в себе две крови).

Подобные мотивы можно заметить не только в легендах устного народного творчества, но и в исторических текстах. Так, «факих из Бухары» и святые асхабы женятся на дочери правителя булгар, а их дети создают новую династию. Точно также сюжет войны с иноверцами (хазарами, «огнепоклонниками» и т.д.), имеющий глубокую связь с архетипом противоборства добра со злом и выполнявший роль ключевого элемента в легендах об «обретении родины», выявляется в ряде исторических текстов.

Весь этот круг образов убедительно свидетельствует о широком бытовании среди булгар идей о кровной связи со своей

землей. «Укорененность» на ней, по их мнению, выраженной в целом ряде разножанровых текстов (исторических и легендарных), определялась выполнением действий обрядового характера в глубокой древности (завоевание, жертва, свадьба, культурное освоение и т.д.). Кроме этих общих представлений, определенно устанавливаются различия в уровне понимания этого единства в местных легендах и историографии. В глазах основного населения фундаментальное значение имели, скорее, идеи связи общин со своими землями, тогда как в среде знати и горожан осознавалось именно единство народа с территорией всего государства. Разумеется, оба эти уровня часто переплетались, но ведущей, стержневой линией являлась идея священности общебулгарских прав на свою страну.

Сознание своего места в традиционной иерархии народов. Хотя в нашем распоряжении практически нет аутентичных источников, но поздние исторические произведения содержат информацию о собственном видении булгарами своего места в тюркской иерархии народов. Это легенды о родстве булгар и буртас как персонифицированных сыновей мифологического воина-великана Алпа (или Гомари) [Вахидов, 1926, с.83; Шпилевский, 1877, с.23–24]. Здесь же среди предков булгар указан Турк [Вахидов, 1926, с.82]. Характерно, что уже в этих генеалогиях тюркские названия являются лишь вкраплениями в кораническую традицию, где прародителями названы Адам, Ной и Йафет [Шпилевский, 1877, с.23–24; Вахидов, 1926, с.62].

Эти сообщения, видимо, отражают процесс трансформации «тюркской» генеалогии и замену ее на «исламскую», что является показателем стремления булгар осознать себя как исламский (или, вернее, «исторический» в восточной традиции) народ, с соответствующим набором преданий и установлений. Трактовать их наличие в генеалогии булгар можно скорее как большее влияние исламской традиции, чем обычно подчеркивается, ибо термин «тюрк» вполне укладывается именно в арабо-персидскую географическую номенклатуру народов, чем в собственно общетюркское самосознание.

Болгары как исламская этнополитическая общность

Подобное осмысление истории народа означает понимание принятия ислама как «рубежного» события, оказавшего влияние на все стороны его жизни. Дело даже не столько в признании единственными лишь исламских предков, а в представлении о том, что с тех пор все народы, вошедшие в государство болгар, потеряли свою этническую специфику. Они как бы «переплавились», получив себе в правители болгарских «царей», приняв ислам и участвуя в борьбе за отчизну, в новую «болгарскую» общность. Весьма вероятно при этом, что на уровне обыденного сознания термины *болгар* и *мусульманин* выступали в качестве синонимов, причем как у самих болгар, так и у их соседей. Отсутствие других генеалогических версий, возможно, также свидетельствует о ее общепринятости (во всяком случае, в официальном историописании) и укорененности в сознании народа в «узловых» моментах (принятие ислама, единая традиция, династия и т.д.).

Возникает вопрос о примерном времени формирования этих элементов самосознания и самой этой болгарской этнополитической традиции. При отсутствии конкретных сведений источников сделать это довольно затруднительно, но некоторые соображения сделать вполне возможно. Чрезвычайно важным в этом смысле представляется сообщение ал-Бируни: «Говорят, что приведенные в Коране рассказы о Зу-л-Карнайне известны и ясны всякому, кто читал стихи [Корана], посвященные повествованиям о нем. Смысл их тот, что это был человек праведный и могучий, которому Аллах дал великую власть и силу и сподобил осуществить его цели на востоке и на западе: завоевать города, покорить страны, подчинить себе рабов [божьих] и объединить власть [над миром] в одних руках. [Аллах помог Зу-л-Карнайну] вступить на севере в [царство] мрака [и пройти его] полностью, лицезреть отдаленнейшие пределы населенного мира, совершать походы против людей и наснасов, встать между аджуджем и маджуджем и [остальным

миром], вступить в страны, примыкающие к месту их обитания на востоке и на севере земли, отразить их набеги и отвести их зло, соорудив в ущелье, из которого они выходили, вал из кусков железа, скрепленных расплавленной медью». Далее он, ссылаясь на сведения ат-Табари и Ибн Хордадбега, пишет о различных попытках найти эту стену и кратко описывает путешествие Саллама ат-Тарджумани, нашедшего якобы к северу от страны хазар город, населенный мусульманами, следящими за сохранностью запоров на воротах «стены Искандера». Выражая сомнение в этом сообщении, ал-Бируни писал: «Однако, особенно в последнем сказании, есть [подробности], лишаящие его вероятия, а именно – что жители этих стран исповедуют веру ислама и говорят по-арабски, хотя они оторваны от культурного мира и обитают посреди черной, зловонной земли, на расстоянии многих дней пути от арабов. К тому же они [будто бы] ничего не знают о халифе и о халифате, – кто такой халиф и каков он. Но нам неизвестны какие-либо мусульманские народы, оторванные от [коренных] стран ислама, кроме болгар Сувара, а они живут вблизи границы культурных областей, в конце седьмого климата. Далее, [болгары] ничего не рассказывают о вале и не лишены сведений о халифате и халифах, а напротив, читают хутбу с их именами; они говорят не по-арабски, а на своем языке, смешанном из тюркского и хазарского» [Бируни, 1957, с.49, 54]. Автор, родившийся и долгое время живший в Хорезме и Хорасане (973–1048 гг.) и, очевидно, знавший реалии страны болгар не только из историко-географической литературы, но и из уст очевидцев, тем не менее специально указывает на отсутствие у них легенд об Искандере. Если его суждения основаны не только на книжной информации (что вполне возможно), то тогда можно предположить, что данная традиция еще не сложилась к началу XI в. Как мы уже знаем из указаний ал-Гарнати, по крайней мере к середине XII в. сведения о Зу-л-Карнайне уже стали известны в Булгарии, а в начале XIII в. от болгар попадают на страницы русских летописей. Это заставляет считать, что сложение этой системы

представлений относится к XI – первой половине XII в.

Таким образом, анализ различных аспектов этнополитического самосознания волжских болгар XI–XIII вв., сохранившихся в исторической традиции (историографической и фольклорной), показывает их связь с реалиями существования народа, а также уровне его политических притязаний. Рассмотрение их позволило сделать вывод о явных интеграционных тенденциях, причем на новой основе – исламского государства. Подтверждение этому можно найти в практически полном игнорировании в сохранившейся традиции языческих и племенных элементов, а фигурирующие в них реминисценции (эпонимы, элементы архетипичных представлений и т.д.) не более чем вкрапления в структуру исламских представлений. Одновременно на первый план в них вышли такие компоненты новой политической системы, как осознание своей связи с правящей династией, которая распространяется на все население, связи с территорией страны, понимаемой как отечество для всего населения, единство которого осознавалось не просто как кровное (от единого предка, причем на первый план в этих традиционных архаичных образах выходит коранический, а не общетюркский пантеон), а как духовное. Оно явно понималось как общность, возникшая в прошлом благодаря «перерождению» народа после принятия ислама и становления государства (обретение независимости в борьбе, появлении новой династии и т.д.) и осознания своего места в исламском мире. Это означает, что этнополитическое единство осознавалось не в категориях родоплеменных, а наоборот, резко противостояло им, делая упор на социальную общность. Носителями ее были, несомненно, наиболее социально и политически активные члены нового общества: феодальная знать, дружинники, горожане. Именно появление и становление этих слоев общества символизировало интеграционные процессы в политике, хозяйстве и культуре в эпоху развития феодального государства, роста городов, складывания литературного (общепонятного) языка. Самодетерминация новых слоев общества, выражавших эти прогрессивные тенденции, нашла концеп-

туальное отражение в трудах обслуживающих их культуру философов и историков, основные концепции которых, в свою очередь, оказывали определяющее влияние на формы и характер ментальности широких народных масс.

Известная трудность понимания механизмов этих процессов состоит в синкретизме этнополитического самосознания раннесредневековых народов [Куббель, 1988, с.23, 67]. Общность осознавалась народом не отдельно как этническая и как политическая, а как единство того и другого. Процесс разделения этих видов сознания растянулся практически на все средневековье.

Социальная стратификация представлений болгар о своем единстве

Булгары как правящий клан, вокруг которого произошло объединение других весьма различных народов и племен, дали название стране, а далее по мере укрепления ее единства, усиления центростремительных сил, увеличения информационных возможностей внутри страны произошло распространение имени господствующего слоя на все население страны, – в любом случае соседи знали их под этим именем. Подобные процессы с успехом протекали в этот же период на Руси, где имя варягурусов стало названием страны, а позднее и всего его населения. Те же процессы ранее протекали в Галлии, где завоеватели-франки стали господствующим слоем, а позже от него произошло название всего населения, которое вплоть до XVIII в. не считало себя французами.

В силу ограниченного характера источников не всегда можно достаточно четко проследить соотношение этнических и социальных процессов в Булгарском государстве. В динамике этого соотношения можно выделить несколько ключевых точек. Булгарское государство формировалось как объединение различных племенных групп под властью булгарского клана. Тем самым, как и в других тюркских раннегосударственных образованиях, булгары стали одновременно и этноплеменной группой и слоем высшей аристократии. По мере раз-

вития государственности, включения новых племен и усложнения потестарно-политической структуры, в состав болгар стали включаться представители различных новых этнических групп как тюркоязычные (например, сувары, эсегили, берсула/барсилы), так и иноязычные (русы). Очевидно, что все они в той или иной мере вступали в родственные отношения с представителями болгарской аристократии путем брачных отношений, побратимства и ритуального «усыновления» (институт имильдяшей, аталычество). Все это способствовало тому, что слой военно-служилой знати постепенно расширялся, но не переставал оставаться болгарским. Однако в составе болгарской аристократии существовал клан, который в известной степени сохранял эндогамность. Следы его обнаружены при изучении довольно большого (около 50 погребений) Билярского IV могильника, расположенного в центре города близ большой мечети, которую исследователи связывают с Джамии-мечетью Биляра. Уникальность и знатность погребенных на этом кладбище доказывается в том числе тем, что на нем единственный раз на территории Болгарии обнаружен мавзолей типа саганы и золотые украшения. Антропологическая серия из этого погребения показывает ее отличие от остальных могильников Билярского городища и имеет сходство с сериями из ряда ранне-болгарских и центральноазиатских могильников по степени монголоидности. Это заставляет считать, что данный могильник мог быть оставлен высшей болгарской аристократией [Хузин, 1997], традиционно сохранявшей эндогамность и некоторые обычаи, а также, возможно, и язык *p*-типа (с ротацизмом и ламбдаизмом).

Постепенно в среду знати и городского нобилитета все больше начинают проникать представители небулгарского происхождения и выходцы из Средней Азии (купцы, религиозные проповедники, особенно представители суфийских тарикатов). Они способствовали формированию наддиалектного городского койне на основе *z*-языка и формировали среду для функционирования литературного языка на основе караханидско-хорезмских традиций.

Происходил процесс медленного расширения слоя болгарской знати и в ее среде начали вырабатываться этнополитические символы и мифологемы, со временем получившие отражение в официальной письменной исторической традиции. С этого времени можно говорить о том, что не только соседи стали все население Булгарского эмирата называть по имени господствующего этносоциального слоя аристократии, но и население этого государства стало распространять на себя некоторые элементы этих представлений и мифологем. Они перестают быть уделом только слоя болгарской знати и распространяются в среде городского и даже, видимо, сельских общин, поскольку многие из них имеют фольклорное происхождение (представление об освоении и «породнении» с новой землей и т.д.).

Можно ли распространять аспекты выявленного нами самосознания на все население Болгарии? Отвечая на этот вопрос положительно, хотелось бы выделить некоторые важные моменты. Хотя этнополитические воззрения «безмолвствующего большинства» народа известны довольно плохо, судя по генеалогиям XII–XIX вв., они не выходили за пределы представлений о единстве своего рода (совокупности семей, населения определенной местности и т.д.) и в них уже заметно влияние официальной исторической традиции (осознание себя как выходцев из болгарских городов, связь с правящей династией – введение в шеджере именно болгарских правителей и т.д.). Кроме того, следует учесть, что для оценки средневековым человеком своего индивидуального духовного и практического опыта важно было обращение к традиции, т.е. детерминация своего опыта в категориях коллективного сознания, освященном в социальном ритуале, в образцах поведения и литературной традиции [Гуревич, 1981, с.207]. Точно также для проверки собственного понимания своего места в социуме (государстве) отдельный род или семья обращалась к официальной исторической традиции, освященной религией. Понятно, что это не всегда происходило путем приобщения к историографическим текстам, видимо, гораздо чаще это

были более адаптированные для восприятия народом формы (легенды, сказания, притчи и т.д.), но при этом они определенно следовали единой концептуальной схеме.

Разумеется, самосознание народа и социальных верхов общества нельзя считать полностью идентичным. Народ, несомненно, считал себя в определенных пределах достаточно политически субъектным (представления о своей роли в принятии и сохранении религии, участие в войнах и т.д.). Однако, говоря о менталитете населения Волжской Булгарии, в т.ч. и этнополитических его аспектах, следует помнить, что оно было многоступенчатым и парадигмальным. Структурирование его шло по восходящей линии от частных представлений к наиболее общим. При этом уровень понимания своего единства во многом зависел от социального статуса его носителей: общеполитическое общегосударственное мышление было более характерно для социальных верхов, тогда как местное, общинное – для низов общества. Иными словами, народное сознание играло активную роль в определении местного социума, для которого органичны были идеи родства, связей и отличий от соседних общин («общинный микрокосм»), тогда как в сфере знати, религиозных деятелей, купечества основное влияние имели официальные (профессиональные) общегосударственные концепции. Оба этих уровня имели парадигмальный характер, но если первый, включая все разнообразие местных культов, общинных укладов и представлений (осознанных и подсознательных), способствовал осознанию человеком своего места в пределах «общинного микрокосма», то второй, состоящий из важнейших историографических и философских теорий, служил не только для самодетерминации общин внутри страны, но и государства в мире. Именно этот лейтмотив этнополитического и конфессионального единства болгар, составляя основу идейного арсенала интеграционных тенденций в обществе, пронизывал все компоненты общеполитического мировоззрения. Все это позволяет с уверенностью говорить, что выявленные в результате анализа аспекты этнополитических автостереотипов (связь с династией,

представление о едином прошлом и своей миссии в исламском мире и т.д.) в той или иной мере были распространены в среде населения средневековой Булгарии, особенно ее наиболее социально активной части.

При этом наиболее ярко выраженные этнополитические представления относились к среде военно-служилой аристократии, для которых важно было самоотнесение себя к подданным болгарских эмиров и даже, видимо, подчеркивание принадлежности к болгарскому клану и переживание ислама как духовной и вооруженной борьбы за защиту мусульманской ойкумены от язычников; к этим представлениям, очевидно, примыкали мифологемы о мироустроительной функции Искандера Зул-Карнайна и Булгарии как его наследия. Относительно же основного сельского населения можно предположить, что оно самоопределяло себя по конфессиональному признаку, т.е. называло себя «мусульманами».

Булгары и их вера в свете зарубежных источников

Рассмотрение аутентичных сведений соседей о волжских булгарах – восточных (арабо-персидских), русских и западноевропейских (латинских) – показывает, что и для них булгары были, прежде всего, отдельным народом, имевшим свое государство, характерной чертой которого являлось исповедание ислама. Точная дата принятия ислама булгарами неизвестна, но достаточно уверенно можно отнести это событие к первому десятилетию X в. Так, Ибн Русте, который, по мнению большинства ученых, писал между 903 и 913 гг., сообщает, что «царь болгар, Алмыш по имени, исповедует ислам», «большая часть их исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [Хвольсон, 1869].

В русском средневековом сознании имя волжских булгар было практически неотделимо от понятия «мусульманство». Уже в рассказе об «Учениях о верах» в одной из ранних редакций «Повести временных лет» отмечается, что «приидоша Болгаре веры Бохмице» [ПСРЛ, III, с.132]. В ряде лето-

писей, восходящих, видимо, к владимирской редакции ПВЛ, вера болгар названа «срачинской» [ПСРЛ, XV, с.77; XXV, с.359; XXIV, с.31]. Это характерно не только для летописных повестей, но и для церковной литературы. Так, в произведении «О посте, к невежамъ» (XIII в.) есть пассаж, где «черти» (очевидно, какие-то языческие боги или духи) жалуются: «Мы же походили по болгаромъ, мы же – по половцемъ, мы же по чюди... мы же – по инымъ землямъ, ни сяких людий могли есмы найти к сему добру и чести и послушанию, яко сии человеци (т.е. русские. – *И.И.*)» [Гальковский, 1913, с.15]. Более точно религия болгар определяется в т.н. «Слове об идолах», автор которого выказывает явное знание предмета. Он пишет, что болгары научились своей религии от «арвитьских писаний», которое «учением дьяволим изобретено» и «Мамеда проклятаго срацинскаго жреца» [там же, с.22]. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что все сообщения о болгарях русских авторов, прямо или косвенно, но непременно сопоставлены с образом Руси в качестве антитезы. Достаточно сравнить эпитеты, употреблявшиеся по отношению к болгарам. Кроме стереотипных – «поганые», «безбожные», характерны сами образы, создаваемые при описании их обычаев и обрядов: болгары следуют наущениям «Мамеда проклятаго срацинскаго жреца», который почитал книги «лживая и скверная». Обряды их «злые» и «недобрые («несть веселия у них, нь печаль и смрад велик и несть добр закон их») или их нельзя описать «срама ради». Недаром их характеристику автор ПВЛ не излагает от своего имени, а вкладывает в уста авторитетного греческого законоведа («Речь философа»). Мрачному и «нечестивому» образу болгар-мусульман явно и недвусмысленно противопоставляется «благочестивая» и «христоролюбивая» Русь. Подобный образ ислама восходят, несомненно, к православной традиции, а сами представления о болгарях формировались под влиянием церковных стереотипов, которые через агиографические и публицистические сочинения отцов церкви проникают и на страницы летописей. Среди таких расхожих стереотипов –

рассказы о воинственности болгар-мусульман, об их притеснении христиан, о ложности самой мусульманской веры, которая причисляется к «ложным и скверным книгам Осирида», а также о «гнусных», «мрачных» и «недобрых» обрядах, практикуемых мусульманами. Весь комплекс сведений русских летописей не оставляет сомнений в том, что в глазах русских болгары были мусульманами, исполнявшими все обряды и ведшими восточный образ жизни.

В XI – начале XIII в. различные источники неоднократно отмечали религиозность болгар и их войны с соседними народами, проводившиеся под знаменем «священной войны». Недаром выдающийся английский мыслитель и энциклопедист XIII в. Роджер Бэкон в географическом обзоре, входящем в его труд «Великое сочинение», описывая народы Восточной Европы и, видимо, основываясь на сведениях европейских послов, упоминает страну «Великая Булгария», которая была населена «злейшими сарацинами».

Есть еще один нарративный источник, который нечасто используется в качестве источника по этнокультурной и конфессиональной характеристике болгарского общества. Речь идет об эпитафических памятниках XIII–XIV вв., ряд которых содержит генеалогические цепочки, восходящие еще к XII – началу XIII в. Анализ их показывает, что уже в конце XII – начале XIII в. мусульманское население Волжской Булгарии было этнически однородно, поскольку отсутствуют любые указания на племенную принадлежность умерших. В качестве прозвищ (тахаллусов) присутствуют только названия болгарских городов (Булгар, Биляр, Сувар). Кроме того, очевидно, что аристократия имела явную этнополитическую самоидентификацию и клановые (родовые) подразделения.

Болгары-мусульмане в свете данных археологии

Кроме письменных источников в нашем распоряжении есть чрезвычайно важные археологические материалы, которые поз-

воляют судить о распространенности ислама и его ритуалов у болгар.

Уже отмечалось, что для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских болгар. В настоящее время известно примерно 59 могильников по всей территории Болгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду, и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже языческого погребения. Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру.

Важность этих материалов в том, что они позволяют оценить реальность выраженных в исторической традиции представлений. По сути дела полное господство ислама и исчезновение разнообразных языческих культов, распространенных в предшествующий период, а также строгое следование мусульманским запретам (отсутствие костей свиньи и т.д.) свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных групп в мусульманской среде, формировании единого болгарского этноса. При этом некоторые небольшие иноконфессиональные группы (православные русские и армяне-монофизиты), имевшие свои торговые колонии в Болгарии, оставались вне болгарского этноса. Как «люди Книги», они, за редким исключением, не подвергались насильственной мусульманизации. Иное дело – языческие племена предков чувашей, восточных финнов и угров, которые жили на периферии Волжской Болгарии и испытывали постоянное давление мусульман и частично исламизировались (например, некоторые мусульманизированные и тюркизированные группы пермских этнических групп – бесермяне и др.).

Средневековая болгарская этнополитическая общность: динамика соотношения этноса, религии и археологической культуры

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в нашем распоряжении находится значительный материал, позволяющий сделать вывод о широком распространении ислама в X–XIII вв. на территории Волго-Уральского региона. Важнейшим же доказательством распространения мусульманства являются могильники с территории Волжской Болгарии, о которых можно определенно говорить, что те из них, где выполнены основные требования джаназы (ориентация умершего по кыбле), являются мусульманскими. Ареалы всех этих археологических явлений совпадают с другими вполне определенными культурно-археологическими параметрами (красно-коричневая круговая посуда, крупные городища, развитые земледельческие орудия и ремесленное производство и т.д.), которые очерчивают территорию болгарской археологической культуры [Фахрутдинов, 1975]. Это позволяет констатировать сопряженность на территории Среднего Поволжья элементов мусульманской культуры с ареалом распространения болгарской культуры, тем самым подтверждая данные письменных источников. Сопряженность культуры болгар с исламскими элементами культуры делает именно их важнейшим этнокультурным показателем, поскольку, как удалось выяснить, именно с исламом и мусульманской государственностью болгары связывали свою этническую (этнополитическую) идентичность. Иными словами, все мусульмане, которые, судя по данным археологических источников (болгарская археологическая культура), составляли абсолютное большинство населения Болгарии X–XIII вв., и могут считаться болгарскими. Поскольку же нет оснований считать доказанным наличие языческих или немусульманских погребений в мусульманских могильниках, или массива языческого населения как носителя болгарской культуры, то и в такой четкой и однозначной трактовке материала нет особых сомнений. Другие элементы быта и хозяйственной деятельности (лепная керамика, украшения

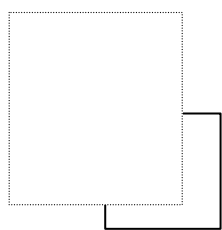

Рис.1

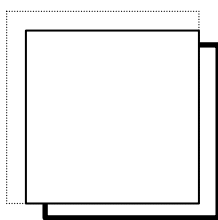

Рис.2

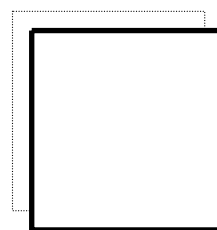

Рис.3

и т.д.), видимо, не осознавались самим населением как этнодифференцирующие и не несли в тот период времени этническую нагрузку.

Данное положение не означает, что эти элементы не могут использоваться для характеристики особенностей археологической культуры населения Булгарии, речь в данном случае идет только о том, чтобы очистить эти аспекты культуры от несвойственной ей этничности. Характерные материальные древности болгар действительно определяли облик ее культуры, но при этом надо иметь в виду, что эти же предметы (круговая гончарная посуда, украшения, бронзовая и серебряная посуда, бытовые и хозяйственные изделия и т.д.) могли использоваться и использовались соседними этносами. Например, болгарская керамика в массе встречается на средневековых памятниках Сурско-Свияжского междуречья и Верхнего Прикамья, а украшения и ювелирные изделия были широко известны вплоть до Северо-Восточной Европы и Зауралья.

Вместе с тем, поскольку становление государственных институтов и внедрение ислама происходило в течение определенного периода времени, то и археологические параметры болгарского этноса не оставались неизменными, а претерпевали значительные изменения, как и качественные параметры этничности. На раннем этапе проникновения болгар в Среднее Поволжье они составляли только определенную группу среди тюркских и угорских племен, имеющих достаточно сходную в археологическом отношении культуру, на что оказывали нивелирующее влияние и образ жизни, и способ хозяйствования, и салтово-маяцкие традиции и культурные

импульсы. Графически (рис.1) эту ситуацию можно изобразить как частичное перекрывание археологической культуры (прерывистая линия) и населения, которое в будущем самоопределяло себя как болгары (сплошная линия). Несовпадение квадратов связано с тем, что значительная часть носителей данной археологической культуры (условно ее можно назвать *болгарской*, хотя есть и другие термины – «раннеболгарская» или «протоболгарская») не считала себя болгарами (племена сувар, эсегел/чигил и др.). В свою очередь, поскольку значительная часть болгар продолжала жить в Подонье и в Дунайской Болгарии, то не все волжские болгары/булгары были носителями этой культуры.

Ислам, как было сказано выше, начинает проникать в среду болгарского общества на рубеже IX–X вв. На городских некрополях исламская обрядность превалирует уже с первой половины X в., а в сельской округе ислам распространяется во второй половине X в. Отдельные группы населения, оставаясь на периферии исторического развития, сохраняют языческий обряд погребения. Одновременно в городах начинает формироваться новая археологическая культура (распространяется гончарная круговая посуда, появляются новые социально-престижные оружия, украшения, предметы быта и т.д.). Визуально данную ситуацию (рис.2) можно представить как взаимодействие трех элементов: археологической культуры (прерывистая линия), населения, имевшего болгарскую этничность (сплошная линия), и мусульман (жирная линия). Взаимное перекрывание трех квадратов дает городское мусульманское население, самоопределявшее себя как болгары, но на новых этнополитических

основаниях. Скорее всего, в реальности общности мусульман и болгар совпадали, но теоретически существования некоторых групп болгар, сохранявших верность прежним традициям, по крайней мере до середины X в., исключить полностью нельзя. За пределами болгаро-мусульманской общины находились группы других тюрко-болгарских племен, использовавших в быту прежние формы культуры и погребальной обрядности.

Распространение ислама и нового этнополитического сознания наталкивалось на сопротивление отдельных племенных объединений, придерживавшихся традиционного мировоззрения и погребальной обрядности, которое, однако, уже к середине X в. было сокрушено. Во второй половине X в. все группы тюрко-болгарских племен включаются в состав Булгарского государства, входят в болгарскую этнополитическую систему и обращаются в ислам. Как показывает археологический материал, утверждение и распространение ислама происходило одновременно ведущими узлами социальной, этнополитической и религиозной активности являлись города и их ближайшая округа, где формировались новые общественные отношения, в первую очередь, слой военно-служилой знати, на раннем этапе формировавшийся из представителей клана болгар, а позже включивший в свой состав и другие иноэтничные группы. При этом, однако, надо учитывать, что высший слой болгарской аристократии (клан правителя – серебряные болгары?), очевидно, оставался довольно замкнутой эндогамной группой. Важнейшим консолидирующим фактором как аристократии, так и всего населения страны стало широкое распространение ислама, недаром на всей территории страны безраздельно господствовал вплоть до второй половины XIII в. довольно единообразный погребальный обряд. Графически (рис.3) новую ситуацию, установившуюся с рубежа X–XI вв., можно отразить как почти полное перекрытие археологической культуры населения Волжской Булгарии (прерывистая линия) и болгарского этноса, идентифицировавшего себя с исламом и исламским государством (жирная линия). Остающиеся не перекрытые поля означают

группы соседних с Булгарией племен и народов, использовавших в быту элементы болгарской археологической культуры (Верхнее Прикамье, Зауралье, Северо-Восток Европы, Сурско-Свияжское междуречье и т.д.), и часть болгар, использующих в быту некоторые предметы иноземного происхождения или традиционные формы посуды и украшений (не исключено, что группы болгар жили на Руси и пользовались древнерусской материальной культурой).

Данный вывод достаточно недвусмысленно противоречит тем гипотезам о структуре болгарского самосознания, которые были построены по квазиматериалистическим схемам хозяйственно-культурной общности, но одновременно заставляет обратить пристальное внимание на такой мощный интегрирующий фактор, как государство и его институты. В процессе своего развития государство создает как бы новую реальность, новую общность людей, где ведущими уже становятся не этноязыковые и хозяйственные, а социально-политические и религиозные категории родства, переработанные общественным сознанием в виде исторических и актуальных стереотипов. И если группа племен становится определенным социумом, пройдя через горнило объективных изменений, то и этноним не может быть «навязан» этносу, т.к. он становится самоназванием лишь пройдя переосмысление в коллективном сознании народа и приобретя набор определенных этнополитических стереотипов, закрепляемых за ним. В свою очередь, изменение самоназвания свидетельствует не о «чуждом влиянии», а о переменах в обществе, вызвавших смену этнополитических стереотипов. Механизм этих изменений на примере формирования татарской этнополитической общности в эпоху Улуса Джучи (Золотой Орды) был специально изучен и в основных чертах понят [Измайлов, 2002].

Все иноэтничные мигранты, как отдельные люди, так и целые группы, входя в болгарскую среду и принимая ислам, становились булгарами. Возможно, в жизни все было несколько сложнее и не так однозначно, но пока отдельные нюансы, как и микроэтнонимы, и местные элементы са-

мосознания, не поддаются определению, тем более они никак не фиксируются археологически. Другие общины, живущие в Булгарии, имели свои кладбища (разумеется, за исключением язычников, которые вряд ли могли составить устойчивую общину, поскольку подлежали обязательной и неперенной исламизации). Так, например, в письменных источниках фиксируется русское христианское кладбище, возможно, к иноконфессиональным общностям относятся и некоторые другие некрополи Болгара [Яблонский, 1987].

Ортодоксальность погребального обряда болгар, возможно, связана с их представлениями о своей «избранности», вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира. Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Совершенно невероятно, чтобы выходцы из соседних прикамских земель селились в городах Булгарии некими компактными массами, поскольку сами условия их племенной жизни на родине были дисперсными, и тем более нет никаких оснований, кроме фантазий некоторых археологов, считать, что эти мигранты представляли некий «этнос» и имели свое «этническое ремесло». В мусульманской стране, а именно такой и была Булгария, никакая языческая община просто не могла существовать как таковая. По крайней мере, нет ни одного факта в пользу этой догадки, тогда как все данные свидетельствуют как раз об обратном – об их отсутствии. Единобразие погребального обряда на всей территории государства, напоминающее местный региональный канон, свидетельствует о силе религиозных норм, которые явно не просто поддерживались авторитетом государства, а определенно насажда-

лись в обществе, и особенно в среде переселенцев. Несомненно, что это во многом способствовало быстрому и бесследному «растворению» в «котле» болгарского этноконфессионального сознания иного сознания небольших групп переселенцев из соседних регионов. Нет никаких оснований полагать, что мифические группы финнов и угров могли противостоять мощи Булгарского государства, сохраняя в его недрах свой «этнос» и язычество. Простой пример бесермян и значительной части южных удмуртов, а также черемисов (имея в виду конгломерат родовых групп общин Среднего Поволжья) показывает, что даже в местах компактного проживания эти группы в массе переходили в ислам, тюркизировались и постепенно ассимилировались тюрко-мусульманами болгарскими и татарами.

В этой ортодоксии была сила болгар, но в ней крылась и их слабость. Строгие нормы болгарской ортодоксии, будучи основой консолидации политической структуры государства и становым хребтом этноконфессиональной идентификации болгар, в условиях ослабления ислама и раздробления Булгарии в период Улуса Джучи оказались во многом размыты и сглажены. Следствием этого стал кризис прежней исламской и, соответственно, болгарской этноконфессиональной идентификации и ее постепенная трансформация. Новая татарская аристократия, правящая в Улусе Джучи, допускала в свой круг власти только своих или тех, кто считался своим. Этнополитическая и этносословная общность татар постепенно, но неумолимо перемалывала прежние региональные самосознания. Процесс этот на территории болгарских эмиратов только усилился после утверждения ислама в Улусе Джучи.

ГЛАВА 5

Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа

Искандер Измайлов, Дамир Исхаков

Дискуссии об этногенезе и этнической истории татарского народа, о месте в нем булгарского и кыпчакского компонентов имеют довольно давнюю историю. Можно сказать, что они начались уже в конце XVIII в., с этапа становления самой исторической науки. Существует несколько классификаций точек зрения на этногенез татарского народа и месте в этом процессе булгар (например, см.: [Мухамедьяров, 1968; Фахрутдинов, 1984, с.166–187; Закиев, 1995, с.12–16]), которые, однако, в силу ряда обстоятельств не могут быть приняты. Условно все труды по данной проблеме можно разделить на ряд основных базовых концепций [Исхаков, Измайлов, 1999, с.14–22].

Булгаро-татарская теория основывается на положении, что этнической основой татарского народа являлся булгарский этнос, сложившийся в Среднем Поволжье и Приуралье с VIII в. Наиболее важные положения этой концепции формулируются следующим образом. Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского (булгаро-татарского) народа сформировались в период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), а в последующее время (золотоордынский, позднезолотоордынский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения в языке и культуре. «Княжества» (эмираты) волжских булгар, находясь в составе Улуса Джучи (Золотой Орды), пользовались значительной политической и культурной автономией, а влияние ордынской этнополитической системы власти и культуры (в частности, литературы, искусства и архитектуры) носило характер чисто внешнего воздействия, не оказавшего заметного влияния на булгарское общество. Важнейшим следствием господства Улуса Джучи стал распад единого государства Волжской Булгарии на ряд владений, а единой булгарской народности – на две этнотерриториальные группы («булгаро-буртасы» улуса Мухша и «булгары» волго-камских булгар-

ских «княжеств»). В период Казанского ханства булгарский («булгаро-казанский») этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно сохраняться (включая и самоназвание «булгары») вплоть до 1920-х гг., когда ему татарскими буржуазными националистами и советской властью был насильственно навязан этноним «татары».

Все остальные группы «татар» возникли на самостоятельной основе и к этнической общности булгаро-татар Волго-Уральского региона не имеют прямого отношения, являясь фактически этносами с самостоятельными этногенезом и этнической историей (например, сибирские, крымские и польско-литовские татары).

Данная концепция была разработана в основных чертах в 1920-е гг. с появлением теории стадильности развития языка и автохтонного происхождения народов («учение Марра о языке») (Н.И.Фирсов, М.Г.Худяков). В советской исторической и лингвистической науках с середины 1940-х гг. (после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и научной сессии по происхождению казанских татар, проходившей в Москве 25–26 апреля 1946 г.) эта теория была официально утверждена в качестве основной концепции этногенеза татарского народа и активно разрабатывалась в 1950-90-е гг. (А.П.Смирнов, Х.Г.Гимади, Н.Ф.Калинин, Л.З.Залая, Г.В.Юсупов, Т.А.Трофимова, А.Х.Халиков, М.З.Закиев, А.Г.Каримуллин, С.Х.Алишев, в определенной степени Ф.А.Валеев, Н.А.Томилов и др.).

Теория татаро-монгольского происхождения татарского народа основывается на факте переселения в Европу кочевых татаро-монгольских (центральноазиатских) этнических групп, которые, смешавшись с кыпчаками и приняв в период Улуса Джучи (Золотой Орды) ислам, создали основу культуры современных татар. Сторонники этой теории отрицают либо при-

уменьшают значение Волжской Булгарии и ее культуры в истории казанских татар, считая, что Булгария была слабо развитым государством, без городской культуры и с поверхностно исламизированным населением. В период Улуса Джучи местное болгарское население было частично истреблено или, сохранив язычество, сдвинулось на окраины, а основная часть подверглась ассимиляции со стороны пришлых мусульманских групп, принесших городскую культуру и язык кыпчакского типа. Теория возникла в начале XX в. (Н.И.Ашмарин, В.Ф.Смолин) и активно развивалась в трудах татарских (З.Валиди, Р.Рахмати, М.И.Ахметзянов, в последнее время Р.Г.Фахрутдинов), чувашских (В.Ф.Каховский, В.Д.Димитриев, Н.И.Егоров, М.Р.Федотов) и башкирских (Н.А.Мажитов) историков, археологов и лингвистов.

Тюрко-татарская теория происхождения татарского этноса подчеркивает тюрко-татарские истоки современных татар, отмечает важную роль в их этногенезе этнополитической традиции Тюркского каганата, Великой Болгарии и Хазарского каганата, Волжской Булгарии, кыпчакско-кимакских и татаро-монгольских этнических групп степей Евразии. Основным элементом в процессах этногенеза и этнической истории ее сторонники считают факторы становления и развития самосознания (выражающегося в этнониме, исторических представлениях и традициях), религии, государственности, письменной культуры и системы образования, указывая на более широкие этнокультурные корни общности татарской нации, чем Урало-Поволжье.

В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория рассматривает период Улуса Джучи, когда на основе пришлых монголо-татарских и предшествующих болгарских и кыпчакских традиций возникли новая государственность, культура, литературный язык. В Улусе Джучи, в первую очередь, в среде мусульманизированной военно-чиновничьей знати, возникли новые исторические традиции и татарское этнополитическое самосознание. После распада Улуса Джучи на несколько независимых государств произошло разделение татарского этноса, группы которого начали развиваться самостоятельно. Большое значение в этот период и, особенно, после русского завоевания татарских ханств стало

играть религиозное (мусульманское) самосознание.

Во второй половине XIX в., в период ускорения развития буржуазных социально-экономических отношений, особенно заметных в среде татар Волго-Уральского региона, и подъема национальной культуры, были актуализированы представления о культурно-историческом единстве татарского этноса и воссоздана историческая традиция в форме татарской идеологии (Ш.Марджани, И.Гаспралы, Х.Атласи, Г.Исхаки и др.). Благодаря культурной трансформации волго-уральские татары стали центром притяжения тюрко-мусульманских народов России и ядром развития татарской нации. Результатом культурно-интеграционных процессов явилось формирование современной («этнополитической») нации, что выразилось в сложении татарского национального самосознания и утверждении общего самоназвания «татары».

Теорию эту в тех или иных аспектах развивали в XX в. в своих трудах Г.Губайдуллин, Г.Баттал-Таймас, А.Н.Курат, М.Г.Сафаргалиев, Э.Н.Наджиб, Н.А.Баскаков, Ш.Ф.Мухамедьяров, Р.Г.Кузеев, М.А.Усманов, Н.Девлет, Д.М.Исхаков, Ю.Шамильоглу, А.Каппелер, А.А.Рорлих, А.Дж.Франк, И.Л.Измайлов и др.

В истории становления средневекового татарского этноса можно выделить этапы образования основных этнических компонентов (III – середина XIII в.) и формирования единой татарской этнополитической общности (середина XIII – первая четверть XV в.). В первом периоде происходило образование основных этнических компонентов народа, на базе которых во втором периоде консолидировался единый татарский этнос, который затем в результате феодальной раздробленности распался на ряд взаимосвязанных этнических общностей, получивших окончательное оформление в рамках отдельных позднезолотоордынских государственных образований. Сущность первого этапа состояла в постепенном формировании основных компонентов татарской общности, которые развивались самостоятельно. На этом этапе истории татарское этническое самосознание было явлением локальным, характерным для центральноазиатских и западносибирских этнических групп, развивавшихся далеко от регионов исторической консолидации татарского этноса, а признаки, ставшие на

последующих этапах определяющими для этнокультурной специфики татар (ислам, городская культура, общегородское койне, литературный язык и т.д.), развивались в Волго-Уральском регионе. На втором этапе произошло слияние различных этнокультурных компонентов и элементов этнополитической общности, что привело к формированию внутри Улуса Джучи единого средневекового татарского этноса.

В период средневековья в пределах степной и лесостепной части Северной Евразии (южная и восточная часть Восточной Европы, Заволжье, Приуралье, Западная Сибирь и Приаралье, а также Восточный Туркестан) сложились основные компоненты средневекового татарского этноса. Все они могут быть объединены в ряд культурно-исторических ареалов – центральноазиатский (татары и другие племена – меркиты, найманы, керейты и т.д.), степной евразийский (печенеги, огузы, кыпчаки, кимаки и др.) и болгарский (болгары). Они имели общий языковой субстрат, целый ряд общих эпизодов этнокультурной истории, а также единую тюркскую этнополитическую традицию. В целом этот этап истории татарского народа можно назвать *булгаро-кыпчакским*.

Центральноазиатский ареал

В границах его находились группы, которые могут быть отнесены к этническим предкам татар. Этнополитическое объединение татар (отуз-татар) сформировалось в степях Монголии после распада каганата жуаньжуаней в результате объединения группы тюркских и монгольских племен. Впервые отуз-татары были упомянуты в надписи на памятнике Кюль-тегину, свидетельствующей о подчинении их во второй половине VI в. кагану тюрок Бумыну. Позднее, в VIII в., объединение отуз-татар под военно-политическим давлением китайцев и тюрок распалось на несколько союзов племен. Наиболее известным и сильным из них стало объединение токуз-татар. О языке и культуре древних татар (VI–VIII вв.) нет достаточно достоверных сведений – некоторые языковеды считают их тюркским (П.Пелльо), другие – монгольским (М.Ц.Мункуев, Ж.Жэле) народом. В политических событиях Центральной Азии токуз-татары являлись союзниками кыргызов и выступали на их стороне против тюрок (война 723–724 гг.).

Распад Тюркского каганата позволил татарам создать свое государственное объединение в Восточном Туркестане, которое в союзе с огузами вело войну против Уйгурского каганата. После поражения в ней часть западных татар вошла в состав Уйгурского каганата, а отдельные группы татар переселились в Южную Сибирь, где вместе с кимако-кыпчакскими племенами образовали Кимакский каганат (по кимакской исторической традиции, сохраненной в труде ал-Гардизи «Зайн ал-ахбар»/ «Украшение известий» (XI в.), правитель каганата происходил из племени татар). В 842 г. Уйгурский каганат был разгромлен кыргызами, а татары включены в их владения (надпись в долине р. Тес). После изгнания кыргызов, во второй половине IX в., татары вошли в состав уйгурских «княжеств» (Ганьчжоуского, Турфанского и др.), создав позднее свои этнополитические объединения на границе Половного Туркестана и китайской провинции Ганьсу. В X–XII вв. различные татарские государства и крупные племенные объединения занимали значительную территорию Южной и Восточной (степной и горно-степной) Монголии и Северного Китая. Вся эта территория к востоку от Восточного Туркестана получила в мусульманской восточной историографии название «Дешт-и Татар» («Татарская степь»), а термин «татар» закрепляется за немусульманским населением степей Монголии. В Восточном Туркестане между государствами Караханидов и тангутов (Си-Ся) образовалось несколько государств (княжеств) западных татар. Контролируя часть Великого Шелкового пути, они вели активную внешнюю политику в Центральной Азии (посольства в Китай 958, 996, 1039, 1084 гг. и Среднюю Азию 965, 981 гг.), заключали военно-политические союзы с Ганьчжоуским и Турфанским княжествами уйгуров, а в конце XI – начале XII в. вошли в их состав. Правители этих татарских государств носили титул «апа текин/тегин». В X–XI вв. язык татар Восточного Туркестана был зафиксирован как тюркский (М.Кашгари), а государственная религия – как буддизм (частично манихейство и ислам). В 1130-х гг. «княжества» западных татар и уйгур были завоеваны государством Каракитаев (западных киданей) [Кляшторный, 1993; Кадырбаев, 1993, с.25–46].

Евразийский кыпчакский ареал

Одним из сильных тюркских союзов племен, обитавших в Восточной Европе и Средней Азии в IX–XI вв., были печенеги. Происхождение печенегов связано с территорией Южного Приаралья и средним течением Сырдарьи, где в середине I тыс. локализуется страна «Канга» и этносоциальная группа кангар (канга/канглы) [Кляшторный, 1964, с.177], ставшая господствующим кланом печенежского союза племен.

Во второй половине IX в. эти племена под натиском гузов (огузов), двигавшихся в Восточную Европу, отошли в Заволжье, где стали соседями Хазарского каганата [Артамонов, 1962, с.336 и сл.]. Стремясь обезопасить свои границы, хазары заключили договор с венграми (мадьярами), которые, однако, были побеждены печенегами и отступили в Днепро-Днестровское междуречье [Kristo, 1996, с.107–138]. Хазары, чтобы ослабить давление печенегов, заключили договор с огузами.

Разбитые огузами, печенеги неудержимо хлынули в степи Восточной Европы. Разорив земли каганата, они утвердились в Северном Причерноморье от Подунавья до Подонья [Плетнева, 1958, с.214; 1990, с.11–13]. Вторжение печенегов вызвало в конце IX – середине X в. массовое переселение болгар (барсилы, сувары, баранджары и т.д.) из Подонья в Предкавказье и Среднее Поволжье. В Восточной Европе печенеги в 898 г. нанесли поражение венграм (мадьярам), вытеснив их в Дунайскую котловину и Паннонию [Kristo, 1996, с.138–158]. Преследуя венгров, печенеги столкнулись с Русью и в 915 г. заключили первый договор [Плетнева, 1990, с.9–23].

В период расселения в Северном Причерноморье печенеги были разделены на два крыла (части), которые включали ряд племен: западное – йула/гила, харабой/харабои, иртим/иавдиертим, хопон/гиази-хопон и восточное – цур/куарцикур, кулпей/сирукалпей, талмат/вороталмат, цопон/вулацопон [Константин Багрянородный, 1989, с.155; об их этимологии см.: Баскаков, 1969, с.49–56]. Правила печенегами ханы, опиравшиеся на военные дружины. В середине XI в. печенеги были объединены под властью одного хана – Тираха. В период борьбы с торками выдвинулся новый хан Кеген. Он пытался безуспешно свергнуть власть Тираха, потерпел пора-

жение и отступил к границам Византии. Судя по данным Константина Багрянородного, власть ханов не была наследственной: «После их (т.е. ханов. – Д.И., И.И.) смерти должно было избрать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего никто не становится архонтом» [Константин Багрянородный, 1989, с.155].

Печенеги всегда находились в тесном взаимодействии с волжскими булгарами. Кроме отмеченных в письменных источниках политических (булгарский эльтебер Алмыш был женат на сестре или дочери огузского вождя Этрека) и военных (набеги на Булгар, поход торков в союзе с Русью на булгар в 985 г.) контактов [Агаджанов, 1969, с.79–84], есть археологические данные об инфильтрации в среду булгар печенегов, о чем могут свидетельствовать элементы южной культуры на булгарских памятниках [Казаков, 1991; 1999, с.70–71].

В 1040-е гг. в степи Подонья и Северного Причерноморья вторглись тюрки-огузы (торки русских летописей) – тюркское племя, жившее в Приаралье, где они создали государство, а также оседлые поселения и города. В XI в. огузы начали движение на запад в двух направлениях: часть под предводительством клана Сельджукидов в Среднюю Азию, Иран и Малую Азию, а часть – в Восточную Европу [Агаджанов, 1991, с.19–26]. В 50-х гг. XI в. торки практически завоевали степи Северного Причерноморья и начали набеги на Русь, но в 1055 г. были побеждены русскими князьями и отошли в степи [Плетнева, 1990, с.22–25].

В начале XI в. в Заволжье усиливается значение кыпчаков (куманов). Наиболее раннее упоминание кыпчаков сохранилось в надписи на Селенгинском камне, посвященном Эл-этмиш Билге кагану (747–759) – правителю Уйгурского каганата. До этого времени они, как считают некоторые исследователи, были известны под другим этнонимом и являлись частью племенной структуры Тюркского каганата [Кляшторный, Савинов, 1994, с.41–51].

Кыпчаки в VI – начале VIII в. входили в состав этнополитического объединения кимаков, подчинявшихся Западнотюркскому, а позднее – Уйгурскому каганатам. После падения последнего (840) кимаки,

в составе которых отмечались такие племена, как *йемек*, *емур*, *татар*, *байандир*, *кыпчак*, *ажляд*, *ланиказ*, двинулись на запад и около 850 г. начали доминировать в степях Южной Сибири. По данным ал-Гардизи, как уже указывалось, правящий дом у кимаков был татарского происхождения. В середине IX в. кимаки занимали уже территорию Южного Урала, Прииртышья и Северного Приаралья, где в начале X в. они создали Кимакский каганат. Основным занятием населения каганата были полукочевое скотоводство, земледелие и различные ремесла. По данным археологии, погребальный обряд этого населения включал захоронение под курганом с обкладкой из камней, погребение рядом с умершим коня и набора вещей (оружие, конское снаряжение, украшения, посуда и т.д.) [Савинов 1984, с.103–118; Кляшторный, Савинов, 1994, с.133–148].

Высказывались достаточно обоснованные заключения о том, что кыпчаки и йемеки в китайских источниках были известны под именем *сеяньто* и в VI в. кочевали в Восточном Туркестане и юго-восточном Алтае. Группу *сеяньто* возводят обычно к этнополитической общности теле, берущей начало, в свою очередь, от гуннского объединения. По-видимому, более раннее собственно тюркское название (эндоэтноним) этого объединения было *сыры/шары* [Добродомов, 1978, с.102–129; Кляшторный, Савинов, 1994, с.42–45]. В VI–VII вв. сыры входили в состав Тюркского каганата, но уже в 619 г. восстали и создали в Северной Монголии Сирский каганат во главе с династией Ильтэр, но в 646 г. уйгуры нанесли им тяжелое поражение и уничтожили их государство. Позднее сыры поддержали восстание тюрков и влились в состав т.н. II Тюркского каганата, после гибели которого вынуждены были отступить в Прииртышье и Северный Алтай. При этом, видимо, оставшиеся племенные группы сменили этноним. После 735 г. термин «сыры» больше не упоминается, зато во второй половине VIII в. в ряде источников зафиксировано появление объединения племени *кыбчак-хыфчак* [Кляшторный, Савинов, 1994, с.41–49].

Другое наименование кыпчаков – *куманы/команы*, ставшее традиционным для византийской и западноевропейской историографии, восходит к обозначению объединения печенегов и огузов, среди которых в Приаралье и бассейне Сырдарьи прожива-

ли канглы, которые, очевидно, влились в состав кыпчаков. Видимо, к этнониму «канглы» восходит другой этноним кыпчаков – «кун» (скорее всего, он лежит в основе их европейского наименования «куман»). По мнению среднеазиатского ученого XI в. Махмуда Кашгари, «канглы» – это знатное лицо у кыпчаков. Связь этих двух этнонимов отчетливо прослеживается по разным источникам. Так, в грузинской летописи XII в. упоминается «страна Куманов, которые являются кыпчаками». Гильом Рубрук (XIII в.) сообщает о «команах», которые называются *сарчат*. Возможно, среди куманов (кунов) присутствовали и монголоязычные группы. Кроме того, соседями восточных кыпчаков являлись басмылы или т.н. «сары-уйгуры», что отражено в источниках – иногда кыпчаков именовали и как *сары (шары)*. В целом, кыпчакское объединение состояло из этнических групп, ранее входивших в кимакский союз, но доминирующей силой в новом объединении стали кимаки и кыпчаки.

В конце X – начале XI в., в результате завоеваний империи киданей Ляо и «священных войн», которые начали вести правители Караханидов против басмылов-шаров, существенно активизировалось движение последних на земли кыпчаков. Натиск отступавших шаров, кунов и кай был так силен, что Кимакское государство распалось и кыпчаки двинулись на запад. Видимо, именно эту ситуацию отмечал анонимный автор «Худуд ал-алам» (конец X в.), когда писал, что «южные границы кыпчаков соприкасаются с печенегами, а все остальные границы – с северными землями, где никто не живет». Во всяком случае, в начале 1030-х гг. кыпчаки уже находились на границах государства хорезмшахов и М.Кашгари сообщал, что район Аральского моря – это «обиталище огузов и кыпчаков».

Легендарные сведения подтверждают указанное направление движения кыпчаков: согласно легенде о предке тюрков Огуз-кагане, последний послал кыпчаков, чтобы они поселились между «страной ит-бараков (кыргызов? – Д.И., И.И.) и Яиком». В варианте этого предания, записанном среди башкир, речь идет о том, что «Огуз, дав Кыпчаку войско, послал в долину реки Итиль». Далее в легенде говорится, что Огуз-каган послал Кыпчака против взбунтовавшихся народов, таких, как маджары, хазары, русы и др. После их усмирения

Кыпчак «царствовал 300 лет» («со времен Огуз-кагана до времени Чингиз-хана») (см.: [Кононов, 1958, с.40–44]).

В результате этого движения в степи Причерноморья выплеснулись племена кыпчаков, в составе которых находились и шары, и каи («Аепичи=Каепичи»), и кунны [Добродомов, 1978]. Сохранился и правящий тюркский род Ашина, ставший знатным кланом среди западных кыпчаков в Подунавье, из среды которых вышли цари, возродившие Болгарское царство – Асени/Осени. В 1055 г. появляются первые сведения о кыпчаках (*половцах*) в русских летописях [ПСРЛ, II, с.150]. Началась история кыпчаков в Восточной Европе.

В конце XI в. огузы были разбиты двигавшимися вслед за ними кыпчаками, которые частично завоевали, частично изгнали прежнее население степей. Печенеги, отброшенные тюрками-огузами в Нижнее Подунавье и гонимые кыпчаками, вторглись на Балканы (1048 г.), где вступили в непрерывные войны с Византией (1040–1090), которая смогла разгромить их, только заключив союз с кыпчаками. Вожди днепровского объединения кыпчаков – ханы Боняк и Тугоркан разбили и уничтожили основные силы печенегов под Константинополем (1091 г.). После такого разгрома печенеги перестали играть самостоятельную роль в истории Восточной Европы, растворившись в среде кыпчаков. Часть же кланов печенегов отступила к границам оседлых стран, став пограничным населением-войском в Болгарии, Венгрии и на Руси («черные клобуки», в составе которых они последний раз упомянуты в русской летописи под 1169 г.).

После короткого периода «завоевания родины» обстановка в степях стабилизировалась и началась «вторичная» консолидация кыпчакских племен. Существует мнение о делении кыпчаков на две группы – на «диких», которые впервые упомянуты в русской летописи в 1146 г. [ПСРЛ, II, с.319] (по предположению некоторых историков, самые западные кыпчаки состояли из племени кунов/куманов [Плетнева, 1990, с.40]), и «не диких» [Golden, 1979/1980, p.297–298; Голден, 1997, с.14]. Некоторые историки связывают эти обозначения с данными ал-Идриси о т.н. «Черной Кумании» и «Белой Кумании» [Рыбаков, 1952, с.42–44; Golden, 1979/1980, p.297–298; Плетнева, 1990, с.101; Голден, 1997, с.14]. Следует, однако, подчеркнуть,

что с терминами «Черная» и «Белая Кумания» не все ясно. На карте ал-Идриси, где они упомянуты, они являются обозначением каких-то городов в землях кыпчаков, а комплексное изучение всех сведений о кыпчаках у этого автора не оставляет сомнений в том, что он воспринимал «Куманию» как единое целое [Коновалова, 1999, с.180–181].

В середине XI – начале XII в. среди племен Дешт-и Кыпчака формируется ряд племенных объединений: алтайско-сибирское, казахстанско-приуральское (йемекское), подонское (включая предкавказское), днепровское (включая крымское) и дунайское (включая болгаро-балканское) [Федоров-Давыдов, 1966, с.142–150; Плетнева, 1990, с.95–110].

Около 30-х гг. XII в. восточные кыпчаки сами стали подразделяться на две части – на более восточную (алтае-сибирскую), локализованную в бывшей зоне проживания кимаков и, видимо, состоявшую из этих же племен (летом кочевки этой группировки доходили до Иртыша, зимой они спускались до низовьев рр. Сарысу, Чу, Таласа), и более западную (казахстанско-приуральскую), которая имела летние кочевки в Южном Приуралье, а зимовки – в низовьях Волги и Урала (Яика) и в Приаралье (основным племенем этой группы являлись йемеки во главе с кланом ильбари/ильбури).

В степях Восточной Европы наиболее влиятельными объединениями были днепровское и подонское. Летом они кочевали, поднимаясь к северу до границ Руси и лесов Верхнего Дона, а зимой уходили в предгорья Северного Кавказа, степи Крыма или Нижнее Приднепровье. В составе этих крупнейших объединений выделяются другие менее крупные: побужские, лукоморские, предкавказские и др.

Известны следующие родо-племенные образования кыпчаков: ай/кай-оба (Аепичи/Каепичи русских летописей), алп-ерли (алберли, иль-берли, ольбери, *Оттерлюевичи*), вададж, барат (бараг), байаут, бурчогли (Бурчевичи), бзанги, чакраг, (чокраг/сократ), читай-оглы (*Читеевичи*), чиртан (чортан), дурут/дурт (по-видимому, тертер-оба, *Тертъробичи*), енч-оглы (*Иланчук*), ит-оба (*Етебичи*), китаи-оба (кидане), куче/куч-оба (*Кочубичи*), кучет, кор/коор, кара-буркли, кол/кул-оба (*Колубичи/Кулобичи*), команды/команди, конгор/кангу-оглы, меркиты (бекруты), мингиз-оглы, орин-

гу(т), уран, бесене/песенег, таргил (*Тарголове*), токсоба (*Токсобичи*), тгузкут, улашоглы (Улашевичи), урус/ырыс-оба (*Урусобичи*), йемеки (Половцы Емякове), уогур/уйгур (Баскаков, 1985; Golden, 1992, р.278–279). Всего, по подсчетам историков, в восточноевропейских степях кочевало до 12–15 орд кыпчаков, а общая их численность доходила до 500–600 тыс. человек (Плетнева, 1990, с.115).

Язык кыпчаков, по мнению М.Кашгари, был «чистый тюркский». Он даже отметил такую особенность этого языка, как «джекание»: «кыпчаки, так же, как и огузы, *йа* в начале слова заменяют на *алиф* и *джим* в начале имен и глаголов...». В то же время для языка кыпчаков были характерны признаки, присущие огузам. Так, по данным Махмуда Кашгари, каждый *мим* в начале слова огузы, кыпчаки, сувары превращают в *ба...* тюрки говорят «*ман бардум*», т.е. *я ходил*, а сувары, кыпчаки и огузы говорят *бан бардум*. Судя по лингвистическим данным, кыпчаки были сложным конгломератом тюркоязычных, монголоязычных (или ассимилированных тюрками монгольских) и иранских по происхождению, но уже, видимо, тюркизированных этнических групп, язык которых был без архаичных черт (ламбдаизм, ротацизм и т.д.) [Баскаков, 1985].

Кыпчаки, занимавшие огромную территорию от Дуная на западе и до Иртыша на востоке, до мусульманских государств Средней Азии на юге, так и не смогли создать единого государственного образования. Одна из причин этого – вовлечение кыпчаков в разных районах их проживания в орбиту влияния уже сложившихся государств (Русь, Волжская Булгария, Хорезм).

В конце XII – начале XIII в. одним из крупных центров объединения кыпчаков стала группа подонских кыпчаков во главе с ханом Кончаком, сыном хана Шарукана (Шары-хана?). Правящий клан этой группы был связан с племенем токсоба [Golden, 1979/1980, р.304–307; Голден, 1997, с.18–19]. Подонские кыпчаки стали в этот период самым мощным в Восточной Европе объединением кыпчаков, которые неоднократно воевали с русскими князьями. Уже при сыне Кончака Юрии отношения с Русью стали более мирными и даже союзническими. Юрий Кончакович погиб в битве

на р. Калке (1223), сражаясь в союзе с русскими князьями против монголов. После этого подонское объединение распалось [Плетнева, 1990, с.151–171].

В южноуральских и заволжских степях располагались кочевья йемеков, одного из основных кимакских племен. Они некогда входили в состав Кимакского каганата, а после его распада откочевали в Заволжье. Сила и влияние их в этом регионе были так значительны, что позволяли едва ли не каждый год совершать набеги на окрестности расположенного в дельте Волги г. Саксина. Правитель йемеков, происходивший из знаменитого кыпчакского рода Ильбари, носил пышный титул «хан ильбари и шах йемеков» и, судя по сообщениям восточных источников, властвовал над десятью тысячами семейств [Ахинжанов, 1989, с.93–146, 198–207]. Йемеки играли важную роль в международных отношениях предмонгольского времени. Так, благодаря их поддержке, государство хорезмшахов сбросило иго каракитаев и подчинило себе весь Мавераннахр. Благодаря контактам с государствами Средней Азии у них уже с XI в. начал распространяться ислам. Особую роль в этом играли проповедники из суфийского ордена Йасава.

Волжская Булгария, несомненно, вынуждена была взаимодействовать с кыпчаками и йемеками. Вместе с тем активному политическому и этнокультурному взаимодействию булгар и кыпчаков мешало то, что кыпчаки медленно принимали ислам, а частично (особенно в Причерноморье) стали христианами.

В лице кыпчаков мы имеем дело с другим крупным этническим компонентом татарского народа, сложившимся еще в домонгольский период. От булгарского компонента он отличался меньшей консолидацией, сложной этнополитической структурой и широким ареалом расселения. Несмотря на то, что кыпчаки состояли из многих племен, внутри них уже существовали какие-то этногенетические линии, что, видимо, следует из пассажа Ибн Халдуна (XIV в.): «племя Дурут из кыпчаков, а племя Токсоба из татар». Если это не позднее переосмысление золотоордынских реалий, то не исключено, что какие-то кланы с этнонимом «татар» среди кыпчакских племен Поволжья и Южного Урала могли появиться еще в предмонгольское время.

Заклучение

Волжская Булгария и болгары, активно контактировавшие с ними многочисленные народы и племена Великой Степи, северо-востока Европы занимают важное место в истории средневековых татар. Не все аспекты этой истории изучены пока надлежащим образом. Тем не менее в свете имеющихся в распоряжении науки источников достаточно рельефно вырисовываются основные черты своеобразия и контуры неповторимой истории Волжской Булгарии как одного из крупных государств мусульманской цивилизации, расположенного далеко на севере. Как мы увидели, страна Булгария никогда не находилась в изоляции от окружающего ее мира, она всегда поддерживала оживленные связи, – не только торговые, но и дипломатические, военно-политические и этнокультурные, – как со своими ближайшими соседями, так и с далекими странами Запада и Востока.

Это вполне закономерно, ибо Волжская Булгария была, в первую очередь, экономически сильной страной и по уровню своего социально-экономического, культурного развития отнюдь не уступала другим государствам средневековой евразийской цивилизации. Основу экономического могущества государства составляли сельское хозяйство (пашенное земледелие и животноводство), городское ремесло и торговля. За пределами страны болгары славились как превосходные кожевники, ювелиры, гончары, мастера-строители и умелые торговцы. На внешнем рынке находила широкий сбыт также продукция черной и цветной металлургии, косторезного производства, а также пушнина, рыба, мед и воск.

Развитию внешней торговли способствовало, конечно, и удобное геополитическое положение страны – на стыке Волги и Камы. По Великому Волжскому пути, справедливо рассматриваемому исследователями как северное ответвление знаменитого Великого Шелкового пути, осуществлялся не только обмен товарами. Вдоль этого пути возникали крупные торговоремесленные поселения, ставшие впоследствии настоящими городами, где господствовала веротерпимость и межэтническая сплоченность коллективов, объединенных интересами торговли. По справедливому мнению проф. А.Н.Сахарова, «склонение цивилизационной оси России к Востоку началось именно с того времени, когда се-

веро-восточные русские земли вплотную приблизились в Волжскому пути. Волжский путь – это и было практически начало российского евразийства», ибо он объективно способствовал мирным контактам и общению, в первую очередь, славянских и тюркских народов [ВВП, 2001, с.37].

Еще в X столетии в Волжской Булгарии начинается активное градостроительство. Иноземные купцы и путешественники называли Булгарию «страной городов». Практически с момента возникновения города выступают как центры ремесла и торговли, обширных сельскохозяйственных округов. Наиболее крупные из них (Биляр–Булгар, Сувар, Ошель, Муромский городок и др.) обладали административно-политическими функциями и являлись средоточием культурной жизни страны. Некоторые города, такие, как Булгар, Казань, Алабуга (Елабуга), продолжают существовать и по сей день.

В рассматриваемый нами период сформировалась, как итог многовекового развития и совместной жизни в пределах единого государства тюркских (в т.ч. торков-огузов, печенегов, кыпчаков), отчасти угров-мадждар, поволжских финнов и даже славян, болгарская этнополитическая общность, проще говоря, болгарская народность – один из основных компонентов в этногенезе современных татар. К сожалению, многие аспекты формирования болгарской этнополитической общности находятся еще в стадии разработки и являются дискуссионными. Дальнейшая судьба болгар связана с историей Золотой Орды (Улуса Джучи) и найдет отражение в следующем томе настоящего издания.

...В 1236 г. Волжская Булгария, как и многие другие государства и народы Евразии, была завоевана войсками монгольских ханов.

О завоеваниях и бесчинствах монголотатар в азиатских странах и их быстром продвижении в степи Восточной Европы волжские болгары были осведомлены задолго до событий 1236 г. Непосредственно в пределах страны они встретились с завоевателями в 1232 г., когда «придоша татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарского» [ПСРЛ, I, стб.459]. В этих условиях болгары начинают предпринимать активные усилия, чтобы дать достойный отпор незваным пришельцам.

Наполненное военными тревогами время требовало, в первую очередь, соответствующего уровня развития военно-оборонительного дела. На примере Биляра можно видеть энергичные меры болгарского эмира по укреплению обороноспособности отдельных городов страны, прежде всего, конечно, ее столицы. Фортификационные сооружения Биляра в первой трети XIII в., как это показали археологические раскопки [Хузин, 1985; Хузин, Кавеев, 1985], претерпевают большие изменения: увеличивается мощность земляных валов, реконструируются деревянные конструкции укреплений, вокруг города возводятся дополнительные линии валов и рвов и т.д. Биляр превращается в один из самых сильно укрепленных городов Восточной Европы, крепостные сооружения которого отвечали высоким требованиям военного искусства того времени. Персидский историк XIII в. ал-Джувейни писал, что город Булгар – так называли столицу страны на Востоке – «известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью» [Тизенгаузен, 1941, с.23].

Тем не менее Биляру суждено было разделить печальную участь многих десятков городов и сел, в буквальном смысле стертых с лица земли в результате нападения и страшного разорения со стороны монгольских войск.

Примерно через год после исторического курултая 1235 г. в Каракоруме, где «состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси», объединенное войско монгольских ханов направилось в поход: «от множества войск земля стонала и гудела, а от множества и шума полчищ столбнели дикие звери и хищные животные» [там же, с.22–23]. Сначала монголы, по сообщению ал-Джувейни, «силой и штурмом взяли город Булгар», т.е. столицу страны. Этот же факт констатирует автор Лаврентьевской летописи: «Тое же осени (1236 г. – *ред.*). Приидоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии Татары и взяша славный великий город Болгарский...» [ПСРЛ, I, стб.460].

Источники полны сообщений о жестоким обращении завоевателей с местными жителями и о полном разрушении городов. «...Избиша оружием от старца и до уного и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город пожгоша огнем и всю землю их плениша», – описывает древнерусский летописец действия монголов

в отношении Великого города (Биляра) и его населения [ПСРЛ, I, стб.460]. «...Жителей его (Биляра-Булгара. – *Ф.Х.*) [частью] убили, а [частью] пленили», – лаконично сообщает Джувейни [Тизенгаузен, 1941, с.23]. Эти факты говорят о том, что болгары оказывали сильное сопротивление. Монголы, как правило, жестоко поступали с сопротивляющимися.

Археологические материалы полностью подтверждают вышеприведенные сведения письменных источников. Следы пожарищ – золисто-углистой супесчаной прослойки, перемешанной с обломками человеческих костей, особенно многочисленных в районе укреплений и крупных зданий, – зафиксированы на Билярском, Болгарском, Джуке-тауском городищах, на болгарских памятниках Самарской Луки, Верхнего Посурья и Примокшанья. Частыми находками в слое пожарищ являются предметы вооружения, в т.ч. наконечники стрел тех форм, которые встречаются, как правило, на разрушенных монголо-татарами поселениях Восточной Европы [Медведев, 1966, с.50–60]. С событиями осени 1236 г. археологи связывают братские могилы на территории Биляра. В одной из них было обнаружено 12 (5 детских и 7 взрослых) костяков. По краниологическим данным, погибшие принадлежали к местному населению [Хузин, 1988, с.46–49].

Жители городов, судя по всему, оказывали завоевателям ожесточенное сопротивление. Города сдавались после упорных боев. Это была отнюдь не молниеносная победа монголо-татар над булгарами, как иногда утверждается в литературе, – полное покорение волжских булгар заняло несколько лет. В определенной степени именно героическим сопротивлением булгар объясняется безжалостное уничтожение цветущей столицы страны – «славного великого города Болгарьского», других городов. После трагических событий 1236 г. десятки и сотни населенных пунктов никогда уже не возродились.

Однако жизнь полностью не замерла. Потеряв свою политическую самостоятельность, Булгария оказалась в составе Улуса Джучи. Началась следующая, т.н. золотоордынская эпоха в истории народов Восточной Европы. Волжская Булгария стала занимать одно из ведущих мест в системе Улуса Джучи как в экономическом, так и в культурном плане.

Приложения

Письмо Иосифа

(ответное письмо хазарского «царя» Иосифа еврейскому сановнику при дворе испанских Омейядов Хасдаю ибн Шафруту / Шапперуту)

Ниже публикуется часть известной современной ученым дипломатической переписки Хасдая ибн Шафрута и хазарского правителя Иосифа – ответное письмо Иосифа в двух редакциях (краткой и пространной), восходящих к одному первоначальному тексту. В своем письме Хасдай сообщал хазарскому правителю подробные сведения о своей стране, ее географическом и экономическом положении, высказывал свою неподдельную радость по случаю получения им известий о существовании независимого иудейского государства на берегах Волги и просил царя сообщить ему по возможности полную информацию о Хазарии и ее официальной религии¹. В своем ответном письме Иосиф пишет – естественно, в авторской трактовке – о происхождении хазар, о принятии ими иудаизма, информирует о границах государства, населяющих его племенах² и т.д., при этом полностью игнорируя просьбу Хасдая сообщить численность хазарского войска и т.п.

Точная дата переписки не поддается определению. По всей видимости, она велась в 950–960-е гг. К настоящему времени вся еврейско-хазарская переписка сохранилась в виде копий на еврейском языке с ошибками и добавлениями переписчиков.

Первые известия о данной переписке появляются в еврейской литературе в первом десятилетии XII в., когда каталонец Иуда б. Барзилай в своей юридической «Книге о праздничных временах» упомина-

нул письмо «царя» хазар Иосифа и дал краткое изложение его части. Он также сообщил, что письмо хазарского правителя было написано в ответ на послание Хасдая. В третьей четверти XII столетия Авраам ибн Дауд в своей хронике писал: «Ты находишь израильские общины, которые были распространены от города Салы в конце Магриба... до реки Итиль, так как там жили хазарские народы, которые перешли в иудейство. Иосиф, царь их, послал послание князю р. Хасдаю, сыну р. Исаака, ибн Шафруту и сообщил ему, что он и весь его народ держится взглядов раввинистов»³.

Средневековой копии письма Хасдая к Иосифу не найдено – самая древняя копия содержится в рукописи XVI в. из Оксфорда. В этой рукописи содержится также краткая версия ответа «царя» Иосифа.

Пространная редакция ответа Иосифа дошла до нас в виде средневековой рукописи, вероятно, XIII в. (датировка дана Д.А.Хвольсоном и поддержана, в частности, П.К.Коковцовым). Этот манускрипт хранится в настоящее время в Санкт-Петербурге в Публичной библиотеке, куда его в 1860-х гг. из Каира⁴ привез Авраам Фиркович. Первым издателем пространной редакции письма был Авраам Гаркави⁵.

Еврейско-хазарская переписка, вероятно, была совсем забыта в позднее средневековье, с чем, в частности, связаны и сомнения многих ученых об ее подлинности. Одним из первых свои сомнения по этому поводу высказал Иоганн Буксторф Младший в 1660 г. Позднее его в той или иной степени поддержали другие исследователи (в частности, такие известные востоковеды, как Х.Д.Френ, И.Маркварт). Однако эта

¹ Письмо Хасдая ибн Шафрута хазарскому правителю см., например: Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах. – СПб., 1874. – С.84–119; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. –Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – С.7–19 (еврейский текст), 51–71 (русский перевод).

² Об упоминаемых в письме Иосифа географических названиях и племенах подробнее см. в основном тексте I и II томов «Истории татар». Ученые по-разному интерпретируют этнические и географические наименования, фигурирующие в письме Иосифа, поэтому мы воздерживаемся от комментариев в указанных случаях.

³ См.: Коковцов П.К. Указ. соч. – С.134.

⁴ В этом городе сохранились многие ценные еврейские тексты.

⁵ Сообщение о находке этой рукописи А.Я.Гаркави сделал в журнале «Hazefirah» за 1874 г., №16 от 28 окт., с.127. Публикации текста были осуществлены им в 1875 г. (на нем. яз.) и в 1879 г. (на рус. яз.).

переписка, безусловно, подлинная, что доказано современными именитыми учеными (подробнее см.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Перевод с англ. [с издания 1982 г.] В.Л.Вихновича, науч. ред., послесловие и комментарии В.Я.Петрухина. –М.–Иерусалим, 1997). Научно-критический анализ указанных еврейских текстов дает исследователям очень много интересной и полезной информации по многим проблемам истории Евразии (в частности, Поволжья), тюркских народов и созданных ими государств (в первую очередь, хазар и Хазарского каганата), еврейского народа и иудаизма, славянских и финно-угорских народов, межэтнических, межгосударственных и межконфессиональных отношений. Этот анализ привел также к активной дискуссии по проблемам обращения тюрков-хазар в иудаизм, об употреблении ими еврейского язы-

ка, о характере их религии и т.д.; до сих пор открытым остается принципиальный вопрос: ограничилась ли иудаизация хазар только хазарским двором и некоторыми представителями элиты хазарского общества или она коснулась всего хазарского населения? (подробнее о всем вышесказанном см., например, в монографиях и научных статьях М.И.Артамонова, С.А.Плетневой, А.П.Новосельцева, А.А.Архипова, в основном тексте I и II томов «Истории татар»).

Таким образом, перед нами, вне всякого сомнения, оригинальный и очень интересный источник, достойный дальнейшего широкопланового научного изучения.

Текст письма Иосифа цитируется нами по изданию: Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. –Л.: Изд-во АН СССР, 1932. –С.72–112.

Краткая редакция

«И это ответ Иосифа, царя Тогармского.

Письмо Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского⁶, к раб-Хасдаю, главе диаспоры, сыну Исаака, сына Эзы, сефардийцу⁷, дорогому для нас и почитаемому нами.

Вот я сообщаю тебе, что пришло к нам твое почтенное письмо чрез р. Иакова, сына Элиезера, из страны Н-м-ц, и мы обрадовались ему и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. Я нашел в нем записанным разное о местонахождении твоей страны, ее длине и ширине, о происхождении царя Абд-ал-Рахмана, царствующего над нею, о почете, великолепии и величии его и о помощи, оказанной ему богом, так что он подчинил себе области востока, так что о могуществе его государства стало слышно во всей земле; и как стали тогда приходить посланцы из Кустантини⁸ с дарами, и как они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, потому что раньше вы считали известия об этом лживыми и не верили этому. Ты просил затем сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как наши предки приняли религию Израиля и бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты хотел еще знать о размерах нашей страны, ее длине и ширине, и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашему посланцу приходить в вашу страну, чтобы заискивать перед вашим величественным и всем приятным царем, который своим хорошим поведением заставил все сердца полюбить его, и прямотой своих поступков привязал их к себе; ты просил сообщить это ввиду того, что народы говорят им, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство, и потому что израильтяне были довольны этим известием, оно подняло их дух, и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед теми, которые говорят им, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство.

⁶ Тогарма – потомок библейского Яфета, от которого, по мнению средневековой историографии, ведут свое происхождение некоторые народы, в т.ч. хазары. См. ниже в тексте источника.

⁷ Т.е. испанцу: *Сефарад* – обычное в еврейской литературе обозначение Испании.

⁸ Константинополя.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету твоего запроса, о котором ты спрашиваешь в твоём письме, давая свой ответ в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты упоминаешь о твоей стране и о происхождении того, кто над ней царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма с счастливыми пожеланиями. Это было сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны на всем востоке, как ты и упоминаешь. Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь в своём письме, из какого народа, какого рода и племени мы приходим. Знай, что мы приходим от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый – Агийор, затем Тирас, Авар, Угин, Биз-л, Т-р-на, Хазар, З-нур, Б-л-г-д, Савир. Мы приходим от сыновей Хазара; это седьмой из сыновей. У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но всесвятой, – благословен он – дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью божией прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили их перейти через большую реку по имени «Руна». До настоящего дня они расположены на реке «Руна» и по близости от Куштангинии, а хазары заняли их страну. После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, которого имя было Булан⁹. Он был человек мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем на бога. Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников и искал защиты и покровительства у бога¹⁰. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: я услышал молитву твою и моление твое. Вот я благословлю тебя и умножу тебя, продолжу царство твое до конца веков и предам в руку твою всех врагов твоих. Теперь встань и помолись господу». Он так сделал, и явился к нему ангел вторично и сказал ему: «Я увидел твое поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всем сердцем следовать за мной. Я хочу дать тебе заповеди, закон и правила, и если ты будешь соблюдать мои заповеди, законы и правила, я благословлю тебя и умножу тебя». Он отвечал и сказал ангелу, который говорил с ним: «Ты знаешь, господин мой, помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, ты знаешь, что я возложил свое упование только на тебя. Но народ, над которым я царствую, люди неверующие. Я не знаю, поверят ли они мне. Если я нашёл милость в твоих глазах и на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то, главному князю их, и он поможет мне в этом деле». Всесвятой, – благословен он, – исполнил желание его, и явился тому князю во сне. Когда он встал утром, он пошел и рассказал это царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ и рассказал им все это. Они одобрили это, приняли новую веру и стали под покровительством Шехины¹¹. И явился ему ангел еще раз и сказал ему: «Вот небеса и небеса небес не вмещают меня, но ты все же построй храм во имя мое». Он отвечал и сказал: «Владыка мира, я очень стыжусь перед тобой, что у меня нет серебра и золота, чтобы выстроить его, как следует, как мне хочется». Он сказал ему: «Крепись и мужайся! Возьми с собой все твои войска и иди в страну Руд-лан и страну Ардил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и отдам их в твою руку. Я приготовил тебе два склада: один серебра и один золота. Я буду с тобой и охраню тебя везде, куда ты пойдешь. Ты возьмешь это имущество, вернешься благополучно к себе и построишь храм во имя мое». Он поверил ему и поступил так, как он приказал ему. Он воевал, положил заклятие на город (*или* область) и благополучно вернулся. Затем он посвятил взятое имущество богу и выстроил из него шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. До настоящего дня они хранятся в моем

⁹ По мнению американского профессора Нормана Голба, «за исключением имени первого хазарского царя, принявшего иудаизм, BWL'N (письмо царя Иосифа), все другие лица, упоминаемые в переписке Хасдая, имеют древнееврейские имена». См. Голб Н., Прицак О. Указ. соч. –С.37. В прим. 31 на с.51 Н.Голб указывает: «"Булан" является скорее племенным именем (эпонимом), чем именем собственным...».

¹⁰ Буквально «и укрывался в тени крыл его» (известная библейская метафора).

¹¹ Т.е. Бога.

распоряжении и целы. После этого слух о нем распространился по всей земле, и услышали о нем царь Эдома и царь исамаильтян и прислали к нему своих посланцев с великим имуществом и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, чтобы склонить его перейти в их веру. Но царь был мудр, и приказал привести также мудреца из израильтян, хорошо разузнал, расследовал и расспросил его, а затем свел их вместе, чтобы они выяснили истину о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не соглашались ни в чем друг с другом. Когда царь это увидел, он сказал священнику¹² царя Эдома и исамаильтянам: «Идите к себе домой¹³, а на третий день я пошлю за вами, и вы придете ко мне». На другой день царь послал за священником и сказал ему: «Я знаю, что царь Эдома более велик, чем эти цари, и что его вера есть вера почитаемая. Я уже облюбывал твою веру. Но я прошу тебя сказать мне правду: если взять израильскую веру и веру исамаильтян, то которая из них лучше?». Священник отвечал и сказал: «Да живет господин наш, царь, во век! Знай правду, что во всем мире нет веры, подобной израильской вере, потому что всесвятой, – благословен он, – избрал Израиля из всех народов; назвал его «мой первенец», совершил для них знамения и великие чудеса, вывел их из рабства у фараона, перевел их через море по суше, а преследователей их потопил, низвел им манну и дал им воду из скалы, дал им закон из огня, отдал им в наследственное владение землю Ханаанскую и построил им святилище, чтобы пребывать среди них. После этого они согрешили пред ним, и он разгневался на них, отверг их от лица своего и рассеял их на все стороны. Если бы не это, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. В вере исамаильтян нет ни субботы, ни праздников, ни закона, ни *Урим*¹⁴; они едят всякую нечисть, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся». Царь ответил ему: «Так ты высказал мне свои слова. Истинно знай, что я окажу тебе почет». На второй день царь послал за кадием исамаильтян, спросил его и сказал: «Сообщи мне правду: в чем разница между верой Израиля и верой Эдома, которая из них лучше?». Кадий отвечал ему и сказал ему: «Вера Израиля лучшая вера и вся она – истина. У них закон господен и справедливые постановления и правила. Но вследствие того, что они согрешили пред ним и отпали от него, он разгневался на них и отдал их в руки их врагов. Какова вера Эдома? Они едят всякую нечисть и поклоняются делу рук своих». Царь отвечал ему: «Ты уже высказал мне правду, и я действительно окажу тебе почет». На другой день он позвал их всех вместе и сказал им в присутствии всех своих князей и рабов и своего народа: «Я хочу, чтобы вы сделали для меня выбор: которая из вер самая лучшая и самая правильная?». Они начали говорить, но не могли утвердить свои слова на прочном основании, пока царь не спросил наконец священника: «Если взять веру Израиля и веру исамаильтян, то которая из них лучше?». Священник отвечал и сказал: «Вера Израиля – лучшая вера». Тогда он еще спросил кадия и сказал ему: «Если взять веру Израиля и веру Эдома, то которая из них лучше?». Кадий отвечал и сказал (ему): «Вера Израиля – лучшая вера». Тогда царь ответил: «Вы уже собственными вашими устами признали, что вера Израиля самая лучшая и самая правильная из вер, и я уже выбрал себе веру Израиля, потому что это есть вера Авраама. Да будет помощником мне всемогущий бог! Серебро и золото, которое вы сказали, что дадите мне, он может мне дать без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого дня и впредь помогал ему всемогущий бог и укрепил его силу. Он сам и его рабы совершили над собою обрезание, и затем он послал посланцев и доставил к себе некоторых из мудрецов израильских, и те объяснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке все заповеди. До настоящего дня мы держимся этой почтенной веры и истины. Да будет благословенно имя всесвятого, – благословен он, – во век. И с того дня, как вступили наши предки под покров Шехины, он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, живущие вокруг нас, так что никто до настоящего дня не устоял пред нами. Все они нам служат и платят дань, – цари Эдома и цари исамаильтян. После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени

¹² Здесь и далее в тексте употреблен еврейский термин, обозначающий священнослужителя – не иудея.

¹³ Буквально «к своим шатрам».

¹⁴ Специфический библейский термин, точный смысл которого не ясен.

Обадья¹⁵. Он был человек праведный и справедливый. Он поправил¹⁶ царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания¹⁷ и дома учения и собрал множество мудрецов израильских, дал им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги священного писания, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся бога и любил закон и заповеди. После него воцарился его сын Езекия, после него его сын Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обадьи, его сын Исаак, его сын Завулон, его сын Манассия, его сын Нисси, его сын Менахем, его сын Вениамин, его сын Аарон и я, Иосиф, сын упомянутого Аарона. Все мы – царь, сын царя. Чужой не может сидеть на престоле наших предков, но только сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков. Да благоволит воцаряющийся всех царей навсегда сохранить наше царство в своем законе и своих заповедях!

Что касается твоего вопроса о протяжении нашей страны и ее длине и ширине, то знай, что она расположена подле реки¹⁸, примыкающей к Г-р-ганскому¹⁹ морю, на восток на протяжении 4 месяцев пути. Подле этой реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут и в селах и городах и в укрепленных стенами городах. Их девять народов, которые не поддаются точному распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань. Оттуда граница поворачивает и доходит до Г-ргана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути платят мне дань. С южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб-ал-Аббаба²⁰. Они проживают на горах. Все жители страны Баса и Т-н-т до самого моря Кустантини, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантини. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г. Они живут здесь в открытых местностях, не защищенных стенами, и переходят по всей степи, доходя до границы страны Хин-диим. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря, и платят мне дань. Страна их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Я сам живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать²¹ к ним. Точно также я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать²² в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил в покое, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада. Я еще сообщу тебе, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве три города. В одном из них живет царица со своими прислужницами и евнухами. Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов²³, и живут в нем иудеи, исмаильтяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами его тянется река. Мы живем всю зиму в городе, а в месяце Нисане²⁴ выходим из города и идем каждый к своему полю и саду и к своей работе. Каждый из наших родов имеет еще известное наследственное владение, полученное им от своих предков. Они отправляются туда и располагаются в его пределах в радости и с песнями; никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайностей. А я, мои князья и слуги, отправляемся и идем на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой «В-р-шан», и оттуда идем

¹⁵ По мнению Нормана Голба, он правил около 800 г. См. Голб Н., Прицак О. Указ. соч. –С.38.

¹⁶ Буквально «обновил».

¹⁷ Т.е. синагоги.

¹⁸ Волги.

¹⁹ Каспийскому.

²⁰ Дербента.

²¹ Буквально «переходить».

²² Буквально «переходить».

²³ В тексте источника здесь и далее – еврейский термин «парса». 1 парса или фарсах – это, приблизительно, 6 км.

²⁴ 7-й месяц еврейского гражданского года.

вокруг нашей страны, пока не приходим к концу нашего города. Таковы размеры нашей страны и место нашего отдыха. Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть также в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов пути, до моря Г-р-ганского, в южную сторону на 30 фарсахов пути и в западную сторону на 40 фарсахов пути. Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова. В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути и имеет здесь много рек и источников. С помощью всемогущего я живу спокойно.

Ты еще спросил меня относительно «конца чудес»²⁵. Наши глаза устремлены к господу, нашему богу, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии. Мы далеки от Сиона, но до нас дошел слух, что по множеству наших грехов спутались подсчеты, так что мы ничего не знаем. Но да будет угодно богу сделать это ради своего великолепного имени; да не будет ничтожно в его глазах разрушение его храма²⁶, упразднение служения ему в нем и все беды, которые нас постигли, и да осуществит он в отношении нас слова писания: «и вдруг войдет в храм свой» и т.д. У нас же в руках только пророчество Даниила. Да ускорит бог, бог Израиля, спасение и да соберет наших изгнанников и наших рассеянных единоплеменников, при жизни нашей и твоей и всего дома Израилева, любящих его имя!

Ты упомянул также в своем письме, что желаешь видеть меня. И я очень стремлюсь и хочу видеть твое приятное для меня лицо, твою всеми почитаемую мудрость и твое величие. О, если бы случилось так, как ты говоришь, и я удостоился бы иметь общение с тобой и видеть твое почтенное и возделенное лицо. Ты был бы для меня отцом, а я был бы тебе сыном, твоим устам повиновался бы весь мой народ и согласно твоему слову и правильному решению я бы сам выходил и входил²⁷. И да будет тебе много счастья!».

Пространная редакция

«Письмо царя Иосифа, сына Аарона, царя Тогармского, – да хранит его господь, творец его, – к Хасдаю, главе ученого собрания, сыну Исаака, сына Эзры.

Много счастья от царя Иосифа, сына Аарона, могучего царя, которого не обращают в бегство никакие войска и не заставляют отступать назад вид никаких полчищ, боящегося господа, трепещущего перед его словами, мудрого и почитающего мудрых, смиренного и приближающего к себе униженных, избравшего себе слова закона, старающегося всем своим сердцем и всеми силами заслужить благоволение своего творца, к своему возлюбленному, дорогому, р. Хасдаю, сыну Исаака, сына Эзры, возделенному для него и почитаемому им, – да хранит его и спасает бог, увенчанного мудростью.

Я извещаю тебя, что пришло к нам письмо твое, увенчанное красотой твоей речи, чрез одного иудея из страны Н-м-ц, по имени Исаака, сына Элиэзера. И мы обрадовались о тебе и восторгались твоим разумением и твоей мудростью. И было написано в нем о местонахождении твоей страны и об отдаленности от этого места черты равенства дня и ночи; о происхождении Абд-Рахмана, царствующего над нею²⁸, о почете и великолепии царства его и величии его, и о помощи, оказанной ему богом в отношении подчинения областей востока, как они были ранее под властью его предков; о тех затруднениях, благодаря которым твое письмо поздно пришло к нам, вследствие отдаленности всех народов отсюда и прекращения прихода купцов, и как ты сомневался в этом, пока о могуществе вашего государства не стало слышно во всех концах земли и не стали все цари земли воздавать почет вашему царю; как тогда стали приходить в вашу страну посланцы царя Кустандины

²⁵ См.: Коковцов П.К. Указ. соч. –С.70. –Прим.3.

²⁶ Буквально «его дома».

²⁷ См.: Коковцов П.К. Указ. соч. –С.89. –Прим.4.

²⁸ Речь идет об испанском правителе из династии Омейядов Абд ал-Рахмане III (912–961).

с дарами от ее царя и как они рассказали вам истину о нашем государстве и нашей вере, известия о чем вы считали раньше лживыми и чему вы не верили. Ты просил затем сообщить тебе верные сведения о нашем государстве и нашем происхождении, о том, как они²⁹ приняли религию Израиля, которой бог осветил наши глаза, поднял нашу мышцу и сокрушил наших врагов. Ты просил еще сообщить тебе о размерах нашей страны и о народах, живущих кругом нас, как тех, которые с нами в дружбе, так и тех, которые с нами воюют, и о том, случается ли нашим посланцам приходить в вашу страну, чтобы воздать почет вашему уважаемому и всем приятному царю, – да сохранит его творец его! – который своим хорошим поведением заставил все сердца полюбить его и прямою своих поступков привязал их к себе; ты просил сообщить это в виду того, что израильтяне были довольны этим, и оно стало украшением для их сердца и позволило им смелее отвечать, хвалиться и величаться перед теми народами, которые говорили, что у Израиля нет остатка и нет нигде места, где бы у него была власть и государство.

Мы отвечаем, давая тебе ответ по каждому предмету, в ответ на твое письмо, будучи в восторге от тебя и в радости от твоей мудрости, с которой ты говоришь о своей стране и происхождении того, кто над ней царствует. Давно до нас доходили и давно между нашими предками писались письма и счастливые пожелания. Это сохранено в наших книгах, известно всем старикам нашей страны. И мы постоянно слышим о вашей стране и величии ее царя, – да сохранит его творец его, и да возвратит ему бог царство его предков бывшее у него в стране восточной, как ты говоришь! Мы возобновим то, что было прежде между нашими предками, и оставим это в наследство нашим потомкам.

Ты спрашиваешь меня в своем письме: «из какого народа, какого рода и племени ты?». Я сообщаю тебе, что я происхожу от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашел в родословных книгах моих предков, что у Тогармы было десять сыновей; вот их имена: первенец – Авийор; второй – Турис, третий – Аваз, четвертый – Угуз, пятый – Биз-л, шестой – Т-р-на, седьмой – Хазар, восьмой – Янур, девятый – Б-лг-р, десятый – Савир. Я происхожу от сыновей Хазара, седьмого из сыновей. У меня записано, что когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой, – благословен он, – дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-т-р'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-т-р'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и по близости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня. После того ушли поколения, пока не явился один царь, которого имя было Булан. Он был человек мудрый и боящийся бога, раб господина, уповавший всем сердцем на своего творца. Он удалил из страны гадателей и идолопоклонников, и искал защиты и покровительства у бога. Ему явился ангел во сне и сказал ему: «О, Булан! Господь послал меня к тебе сказать: «о, сын мой! Я услышал моление твое, и вот благословлю тебя, расположу тебя и очень, очень умножу тебя, продолжу царство твое до тысячи поколений и предам в руку твою всех врагов твоих». Он встал утром и возблагодарил господина, и стал еще больше почитать его и служить ему. И явился к нему ангел вторично и сказал ему: «о, сын мой! Я увидел твое поведение и одобрил твои дела. Я знаю, что ты будешь всей душой и всей силою твоей следовать за мной. Я хочу дать тебе закон и правило, если ты будешь соблюдать эти мои заповеди и законы». Он отвечал ангелу, который говорил с ним: «о, господин мой! Ты знаешь помыслы моего сердца и расследовал нутро мое, ты знаешь, что я возложил свое упование только на тебя. Народ, над которым я царствую, люди неверующие. Я не знаю, поверят ли они или нет. Если на меня снизошло милосердие твое, явись к такому-то князю, который есть среди них». Всесвятой, – благословен он, – исполнил желание его и явился тому человеку во сне. Он встал утром, пошел и рассказал это царю, а царь собрал всех князей и рабов своих и весь свой народ, и изложил

²⁹ Т.е. «наши предки» (см. краткую редакцию).

перед ними все это. Они приняли новую веру, пошли и стали под покровительством Шехины. Этому уже 340 лет³⁰. И он еще раз явился ему и сказал ему: «о, сын мой! Небеса и земля не вмещают меня. Ты, все же, построй храм во имя мое, и я буду пребывать в нем». Он отвечал ему: «о, владыка мира! Ты знаешь, что нет у меня в распоряжении серебра и золота. На что я построю храм?». Он сказал ему: «крепись и мужайся! Возьми народ твой и все войско твое и иди по пути к «Д-ралан», в страну Ар-д-вил. Вот я вложу в сердце их страх и ужас перед тобой и дам их в твои руки. Вот я приготовил тебе два склада: один, полный серебра, и один, полный золота. Ты их возьмешь, а я буду с тобой, охраню тебя и помогу тебе, и ты доставишь это имущество благополучно к себе и построишь на него храм во имя мое». И он поверил господу и сделал, как тот ему сказал. Он пошел и вел многие войны и одержал в них, с помощью всемогущего, победу. Он опустошил этот город, взял имущество и благополучно вернулся. Он посвятил их богу и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию господу и силе всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моем распоряжении. После этого слух о нем распространился по всей земле, и услышали о нем царь Эдома и царь иσμαильтян и прислали своих посланцев и послов с великим имуществом и великими и многочисленными дарами, вместе со своими мудрецами, к царю, чтобы склонить его перейти в их веру. Но царь был мудр, – да будет душа его завязана в свертке жизни у господу, его бога! Он приказал привести также мудреца из израильтян, хорошо раз узнал, расследовал и расспросил его, а затем свел их вместе, чтобы они спорили³¹ о своих верах. Они опровергали слова друг друга и не могли остановиться на какой-либо одной вере. Когда царь это увидел, он сказал им: «теперь идите к себе домой, а на третий день вы придете ко мне». Они пошли к себе домой. На другой день царь послал к священнику царя Эдома и сказал ему: «я знаю, что царь Эдома более велик, чем все цари, и что его вера есть вера прекрасная и почитаемая. Я уже облюбывал твою веру. Я только прошу тебя ответить мне на один вопрос. Скажи мне по правде, и я помилую тебя и окажу тебе почет; что ты скажешь: если взять израильскую веру и веру иσμαильтян, то которая из них лучше, по твоему?». Священник отвечал и сказал ему: «да живет царь во век! Если ты спрашиваешь касательно веры, то во всем мире нет веры, подобной израильской вере. Всесвятой, – благословен он, – избрал Израиля изо всех народов и племен, назвал его «мой первенец», совершил для них великие чудеса, вывел их из страны египетской и спас от руки фараона и от египтян, перевел их между частями моря по суше, а преследователей их потопил в глубинах морских, низвел им манну для утоления их голода и дал им воду из скалы для утоления их жажды, дал им закон из огня и пламени, пока не привел их в землю Ханаанскую и не построил им святилище. После всего этого они возмутились против него, согрешили и извратили веру, и он разгневался на них и отвел их в изгнание, отверг их от лица своего и рассеял на все стороны. Если бы не случилось так, то не было бы во всем мире веры такой, как израильская. Что такое вера иσμαильтян в сравнении с верой израильской? Нет ни субботы, ни праздников, ни заповедей, ни законов; они едят всякую нечисть, мясо верблюдов и лошадей, мясо собак, всякую мерзость и всяких пресмыкающихся. Вера иσμαильтян не есть настоящая вера, но подобна верам прочих народов земли». Царь отвечал ему и сказал ему: «ты высказал эти свои слова по правде, и я окажу тебе милосердие и отошлю тебя с почетом к царю Эдома». На второй день царь послал и позвал кадия царя иσμαильтян и сказал ему: «я спрошу тебя об одной вещи. Скажи мне по правде и не скрывай ничего от меня: если взять веру христиан и иудейскую веру, то которая из них тебе кажется лучшей?». Кадий отвечал ему: «иудейская вера это истинная вера, и у них есть заповеди и законы, но когда они согрешили всесвятой, – благословен он, – разгневался на них и предал их в руку врагов их. Но искупление и спасение остается за ними. Вера христиан не есть настоящая вера: они едят свиней и всякую нечисть, поклоняются делу своих рук и нет у них надежды на спасение». Царь отвечал и сказал ему: «по правде ты сказал мне, и я окажу тебе милосердие». На третий день он позвал их вместе

³⁰ Эта датировка отсутствует в краткой редакции письма и считается позднейшей вставкой в текст.

³¹ Буквально «приводили доказательства».

и сказал им: «говорите и спорьте друг с другом и выясните мне, какая вера хороша». Они начали говорить и спорили друг с другом, но не могли утвердить свои слова, пока царь наконец не обратился к священнику и не сказал ему: «что ты скажешь? Если взять иудейскую веру и веру иσμαильтян, то которая из них более почтенна?». Священник отвечал и сказал: «вера Израиля более почтенна, чем вера иσμαильтян». Царь спросил затем кадия и сказал ему: «что ты скажешь? Если взять веру христианскую и веру Израиля, то которая из них более почтенна?». Кадий отвечал и сказал ему: «вера Израиля более почтенна». Тогда царь отвечал и сказал им: «если так, то вы уже собственными вашими устами признали, что вера Израиля наиболее почтенна, и я уже выбрал себе веру Израиля, как веру Авраама, по милосердию божию, силой всевышнего. Если господь будет мне помощников, то имущество, серебро и золото, о котором вы сказали мне, мой бог, на которого я уповаю и к защите и покровительству которого я прибегаю, доставит мне без мучения. А вы идите с миром в вашу страну». С этого самого времени и впредь всемогущий бог помогал ему, утвердил его силу и укрепил его мышцу. Он совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание, и затем послал посланцев и доставил к себе из всех мест мудрецов израильских, и те объяснили ему закон (Моисея) и изложили ему в порядке заповеди. До настоящего дня мы держимся этой веры. Да будет благословенно имя всесвятого, – благословен он, – и превознесено именование его во веки! С того дня, как вступили мои предки в эту веру, бог Израиля подчинил им всех их врагов и ниспроверг всякий народ и племя, живущие вокруг них, как царей Эдома, так и царей иσμαильтян и всех царей прочих народов земли, и никто не поднимался пред ними, а все они стали служить и платить дань. После этих событий воцарился из сыновей его сыновей царь, по имени Обадья. Он поправил царство и утвердил веру надлежащим образом и по правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения и собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему 24 книги священного писания, Мишну, Талмуд и сборники праздничных молитв, принятых у хаззанов. Он был человек, боящийся бога и любящий закон, раб из рабов господя. Да даст ему дух господен покой! После него воцарился его сын Езекия и сын того, Манассия; после него воцарился Ханукка, брат Обадьи, и сын того, Исаак, затем его сын Завулон, его сын Моисей, его сын Нисси, его сын Аарон, его сын Менахем, его сын Вениамин, Аарон и я, Иосиф, сын царя Аарона, царь сын царя, царский сын из царских сыновей. Чужой не может сидеть на престоле моих предков, но только сын садится на престол своего отца. Таков наш обычай и обычай наших предков с того самого дня, как они находятся на этой земле, в отношении которой да благоволит воцаряющий всех царей навсегда сохранить мой царский престол до конца всех поколений.

Ты еще настойчиво спрашивал меня касательно моей страны и каково протяжение моего владения. Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль³², в конце реки Г-р-гана. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У этой реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных стенами городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается точному расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму³³, доходя до Г-р-гана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне – С-м-н-д-р в конце страны Т-д-лу, пока граница не поворачивает к «Воротам», т.е. Бал-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур, в конце страны Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все племена Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны – Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти местности расположены на берегу моря Кустандины, к западной его стороне. Оттуда граница поворачи-

³² Волга.

³³ Хорезму.

вают по направлению к северной стороне, к стране по имени Б-ц-ра. Они расположены у реки по имени Ва-г-з. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы области Х-г-риим. Они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат мне и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Знай и уразумей, что я живу у устья реки, с помощью всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходите морем, чтобы идти на иσμαильтян, и точно также всех врагов их на суше приходите к «Воротам». Я веду с ними войну. Если бы я их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну иσμαильтян до Багдада и до страны...³⁴ Досюда доходят мои пределы и власть моего государства.

Ты еще спрашивал меня о моем местожительстве. Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. В одном из них живет царица; это город, в котором я родился. Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину и ширину, описывает округность, расположен в форме круга. Во втором городе живут иудеи, христиане и иσμαильтяне и, помимо этих людей, рабы из всяких народов. Он средней величины, имеет в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я сам, мои князья, рабы и служители и приближенные ко мне виночерпии. Он расположен в форме круга, имеет в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между этими стенами тянется река. Это мое местопребывание во дни зимы. С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей работе. Каждый из наших родов имеет еще наследственное владение, полученное от своих предков, место, где они располагаются; они отправляются туда и располагаются в его пределах. А я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан, и оттуда идем вокруг нашей страны, пока не придем к концу нашего города без боязни и страха; в конце месяца Кислева³⁵, во дни праздника Ханукки, мы приходим в наш город. Таковы размеры нашей области и место наших стоянок. Страна наша не получает много дождей, но изобилует реками и источниками, и из ее рек (ловится?) очень много рыбы. Страна наша тучна, в ней очень много полей, лугов и ...³⁶, которым нет числа; все они орошаются из нашей реки и от нашей реки получают растительность. Я еще сообщаю тебе размеры пределов моей страны, страны, в которой я живу. В сторону востока она простирается на 20 фарсахов пути до моря Г-р-ганского; в южную сторону на 30 фарсахов пути до большой реки по имени «Уг-ру»; в западную сторону на 30 фарсахов до реки по имени «Бузан», вытекающей из реки «Уг-ру»; в северную сторону на 20 фарсахов пути до реки «Бузана» и склона нашей реки к морю Г-р-ганскому. Я живу внутри островка; мои поля и виноградники и все нужное мне находится на островке. С помощью бога всемогущего, я живу спокойно.

Ты еще спросил меня относительно «конца чудес». Наши глаза устремлены к ...³⁷».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

³⁴ Пропуск в тексте источника.

³⁵ 3-й месяц еврейского гражданского года.

³⁶ Стоявшее здесь слово стерлось в рукописи.

³⁷ На этом месте рукопись обрывается. Продолжение сохранилось в краткой редакции письма (см. выше).

Анна Комнина о печенегах, гузах и половцах

Византийская принцесса Анна Комнина родилась в 1083 г. Вскоре после смерти отца, императора Алексея I Комнина, она попыталась вырвать власть из рук своего брата Иоанна, но потерпела неудачу и удалась в монастырь, где, будучи уже в преклонном возрасте, и написала историю царствования своего отца, содержащую уникальные сведения о первом крестовом походе, о войнах Византии с норманнами,

о народах евразийских степей (обобщенно названных ею «скифами»). Умерла она около 1153–1155 г. Ее труд мы цитируем по изданию: Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н.Любарского / Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы». – М.: Наука, 1965.

«...Я желаю рассказать о нападении на Ромейскую державу, которое было страшнее и грандиознее предыдущего¹, и возвращаю свой рассказ к началу², ибо вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим. Одно из скифских племен³, которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов⁴, снялось со своих мест и спустилось к Дунавию⁵. Скифам нужно было заключить договор с жившими по Дунавию племенами, и они с общего согласия вступили в переговоры с их вождями: Татушем, по прозвищу Хали, Сеславом и Сацой⁶. Первый из них владел Дристрой, остальные – Вичиной и другими городами. Заключив с ними договор, скифы свободно переправились через Дунавий, стали грабить соседние земли и захватили несколько городков. В дальнейшем, немного утихомирившись, они стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу⁷.

Между тем манихей Травл со своими товарищами... узнав о действиях скифов, произвели на свет то, что давно вынашивали в себе: они заняли крутые дороги и теснины, пригласили к себе скифов и стали грабить территорию Ромейского государства...

Получив об этом известие, император Алексей приказал взять войско и выступить против скифов domestiку Запада Бакуриани, которого он знал как человека, вполне способного руководить войском, строить его в фаланги и весьма искусного в боевых маневрах. Вместе с ним должен был отправиться Врана, также человек весьма воинственный. Бакуриани подошел к скифам тогда, когда они, пройдя через теснины, расположились лагерем у Белятово. Видя многочисленность врага, он воздержался от битвы, считая, что лучше в настоящее время без боя сохранить в целости свое войско, чем потерпеть поражение в бою со скифами и понести большие потери. Однако это решение не понравилось отважному и дерзкому Вране. Доместик, дабы на него не пало подозрение, что он из трусости откладывает битву, уступил настояниям Враны, приказал всем воинам вооружиться, построил их в боевые порядки, взял на себя командование центром фаланги и выступил против скифов. Т.к. ромейское войско не составляло и малой части вражеских сил, все воины пришли в ужас от одного вида противника. Тем не менее они напали на скифов; в сражении многие из них были убиты, пал и получивший смертельную рану Врана. Доместик яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но ударился о дуб и тотчас же испустил дух.

¹ Ранее Анна Комнина писала о войне Византии с турками-сельджуками.

² К 1086 г., к событиям начала печенежской войны; «Алексиада» – практически единственный источник наших сведений об этих событиях.

³ Печенеги.

⁴ Со стороны гузов.

⁵ К Дунаю.

⁶ Этническая принадлежность их не ясна.

⁷ Подчеркнуто мною; это еще раз опровергает тезис, что печенеги – это «чистые» кочевники. –Б.Х.

...И тем не менее Алексей не пал духом от поражения: он призвал к себе Татикия, снабдил его большой суммой денег и отправил в Адрианополь с приказом заплатить воинам годовое жалованье и собрать отовсюду военные силы, чтобы, таким образом, вновь сколотить сильное войско. Умбертопулу же он приказал оставить в Кизике сильный гарнизон и с одними кельтами немедленно явиться к Татикию⁸.

Татикий, увидев латинян вместе с Умбертопулом, воспринял духом и, т.к. ему и самому удалось собрать сильное войско, тотчас выступил против скифов. Подойдя к окрестностям Филипполя, он располагается лагерем на берегу реки, которая протекает у Блисна. Когда же Татикий увидел скифов, возвращающихся из набега с большой добычей и многочисленными пленниками, он, не успев еще сгрузить в лагере снаряжение, выделил из своего войска сильный отряд и послал его против скифов. Затем он вооружился сам, приказал облачиться в доспехи всем своим воинам, построил фаланги и выступил вслед за посланным отрядом. Заметив, что скифы с добычей и пленниками соединились с остальным скифским войском на берегу Гебра, Татикий разделил свое войско на две части, приказал на обоих флангах поднять боевой клич и с воинственными возгласами и громкими криками напал на варваров. В завязавшейся жестокой битве большинство скифов было убито, но многие рассеялись в разные стороны и спаслись. Забрав всю добычу, Татикий победителем вступил в Филипполь.

Расположив там все войско, он стал раздумывать, с какой стороны и каким образом следует ему вновь напасть на варваров. Зная, что их силы неисчислимы, Татикий разослал во все стороны наблюдателей, чтобы от них постоянно получать сведения о скифах. Возвратившись назад, наблюдатели сообщили, что великое множество варваров находится у Белятово и опустошает окрестности. Татикий ожидал прихода скифов, но, не имея достаточно сил, чтобы противостоять такой массе врагов, находился в полном смятении чувств и не знал, что предпринять. Тем не менее он оттачивал свое оружие и вдохновлял войско к битве. Между тем к Татикию явился некто, кто сообщил о приближении варваров, утверждая, что они находятся уже недалеко.

Татикий сразу же взял оружие, вооружил все войско, немедленно переправился через Герб, расположил по отрядам фаланги, выстроил их для битвы и сам принял командование центром боевого строя. Варвары со своей стороны тоже выстроились в принятый у скифов боевой порядок и установили свои войска для сражения; они, казалось, искали битвы и как бы вызывали на бой противника. Однако оба войска пребывали в страхе и оттягивали схватку: ромеев смущало численное превосходство скифов, скифы же с опаской посматривали на одетых в латы ромеев, на их знамена и сверкающие как звезды доспехи. Только дерзкие и отважные латиняне желали первыми вступить в бой и точили на врагов свои зубы и оружие. Однако их сдерживал Татикий, человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события. Оба войска стояли на месте, каждое выжидало, когда другое придет в движение, и ни один воин ни с той, ни с другой стороны не осмеливался выехать на середину. Когда солнце уже клонилось к закату, оба полководца вернулись в свои лагеря. То же самое повторялось два следующих дня... На третье утро скифы отступили...

С наступлением весны главный военачальник скифского войска Челгу прошел через расположенную по Данау долину (он вел за собой примерно 80-тысячное смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов⁹, вождем которых был Соломон), и принялся опустошать города. Челгу подошел к самому Хариополу, захватил там большую добычу и явился в место под названием Скотин. Когда об этом узнали Николай Маврокатакалон и Вебециот... они вместе со своими войсками прибыли в Памфил...

С наступлением дня Челгу, намереваясь вступить в битву с Маврокатакалоном, построил свое войско. Маврокатакалон же, желая осмотреть варварское войско, вместе с несколькими военачальниками поднялся на гребень возвышающегося над равниной холма. Видя

⁸ Татикий – самый деятельный и преданный Алексею полководец; под названием «кельты», так же как и «латиняне» Анна Комнина подразумевает вообще «людей с Запада».

⁹ Даки – здесь это венгры.

множество варваров, он, хотя и страстно желал боя, решил повременить со сражением, ибо сознавал, что ромейское войско не составляет и малой части варварских сил... Все военачальники побуждали Маврокатакалона начать бой. Он и сам был склонен к такому решению и поэтому, разделив войско на три части, приказал поднять боевой клич и завязал сражение с варварами. Много скифов было ранено, не меньше убито. Сам Челгу, мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги, получил смертельную рану и испустил дух...

Изгнанные, таким образом, из областей Македонии и Филипполя, скифы вновь вернулись на берега Истра, обосновались там и принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью. Это стало известно императору... Набрав значительную армию, он стал раздумывать, не следует ли ему пройти через теснины и вступить в бой со скифами...

...Когда труба громкими звуками уже побуждала всех выступить против скифов по дороге через Гем, Вриенний, который всеми силами безуспешно старался отвлечь самодержца от этого предприятия, сказал ему наставительно: «Знай, император, если ты перейдешь через Гем, то узнаешь, чьи кони резвей». Его спросили, что означают эти слова, и он пояснил: «Когда все обратятся в бегство»...

...И вот со скифской стороны увидели, что по реке плывет Георгий Евфорвин, и узнали о приближении самодержца с большим войском по суше. Сочтя невозможным сражаться одновременно против того и другого врага, скифы стали искать способ избежать грозившей им опасности. Они отправляют с посольством 150 человек, которые должны были предложить Алексею мир, вместе с тем в своей речи пригрозить ему и, если самодержцу будет угодно согласиться на их просьбы, пообещать по первому требованию явиться к нему на помощь с 30 тысячами всадников. Однако самодержец разгадал обман скифов. Он понял, что делают они это предложение лишь с целью избежать нависшей угрозы и, как только окажутся в безопасности, сразу же разожгут из искры ненависти большой пожар. Поэтому император не принял предложения скифов...

На следующий день император подошел к реке, протекающей вблизи Дристры, примерно в 24 стадиях от нее, сложил снаряжение и расположился лагерем. Но скифы неожиданно напали с другой стороны на императорский стан, убили большое число легковооруженных воинов и захватили в плен многих мужественно сражавшихся манихеев. Во время нападения в войске поднялась большая паника, и беспорядочно бегущие всадники обрушили императорскую палатку. Недоброжелателям самодержца это показалось дурным предзнаменованием. Однако император силами одного из отрядов своего войска отогнал подальше от палатки напавших на него варваров, дабы они вторично не подняли паники в его лагере, затем тотчас же сел на коня, успокоил волнение и в полном порядке выступил с войском по дороге на Дристру (это самый знаменитый среди приистрийских городов), чтобы атаковать город с помощью гелепол.

...Скифы тоже встали в боевые порядки – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, – устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями огородили свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до «уздечки», и лишь затем разом бросились на врагов.

Во время этих приготовлений вдалеке показались скифы, двигавшиеся со своими крытыми повозками, женами и детьми. Разразилась битва, длившаяся с утра до вечера; произошла большая резня, в результате которой с той и с другой стороны пало немало воинов... Победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, и оба войска продолжали

упорно сражаться, когда вдали показались скифские лохаги¹⁰ во главе 36-тысячного войска; ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад.

... В это время к Истру подходит Татуш с куманами, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Видя столь большую добычу и такое множество пленников¹¹, куманы сказали скифским военачальникам: «Мы оставили родину, проделали столь длинный путь и пришли к вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете отправить нас назад с пустыми руками. Ведь мы не преднамеренно явились после окончания битвы, и виноваты в этом не мы, а император, поспешивший начать бой. Поэтому если вы не разделите с нами всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками». Скифы на это не согласились. Куманы не стерпели отказа, и разразилась жестокая битва, в результате которой скифы были наголову разбиты и с большим трудом добрались до так называемой Озолимны. Теснимые куманами, они долгое время пробыли там, не решаясь пуститься в путь.

Озеро, которое мы теперь называем Озолимной, очень велико... Оно расположено за Ста холмами¹², и в него впадают широкие и очень красивые реки. По озеру плавает много больших грузовых судов, и уже по одному этому можно заключить, какова его глубина. Озолимной же оно называется... потому что некогда к этому озеру подошло гуннское войско (этих гуннов на простонародном языке называют узами), которое расположилось на его высоких берегах. Поэтому озеро и назвали Узолимной... Вот те несколько замечаний об упомянутой выше Озолимне, которые я сделала в соответствии с задачами исторического сочинения. Куманы, ощущая недостаток в провианте, возвращаются тем временем на родину, чтобы запастись провизией и снова выступить против скифов.

Между тем император, находясь в Боруе, стягивает туда войска и вооружает пленников¹³ и всех остальных воинов... Затем самодержец покинул Боруи и со вновь собранным войском прибыл в Адрианополь. Скифы же, пройдя по узкой долине, расположенной между Голоей и Диамболом, разбили свой лагерь около города Маркеллы. Самодержец, зная о действиях куманов и, ожидая их возвращения, страшился и опасался их прихода. И вот Алексей призвал к себе Синесия, снабдил его хрисовулом и отправил к скифам с приказом воспрепятствовать дальнейшему продвижению варваров, задержать их в пределах занятой ими ранее области и, если только противники согласятся, заключить мир и выдать заложников, щедро снабдить их всем необходимым. В намерения императора входило воспользоваться помощью скифов в борьбе против куманов в том случае, если куманы подойдут к Истру и попытаются продвинуться дальше. Если бы скифы не согласились на это предложение, Синесий должен был бы покинуть их и вернуться назад. Упомянутый Синесий прибыл к скифам и, соответствующим образом обратившись к ним, убедил их заключить договор с императором¹⁴. Находясь у скифов, Синесий всем им высказывал большое почтение и избегал подать какой бы то ни было повод для обиды.

Между тем вернулись назад куманы, готовые вступить в бой со скифами. Они не нашли скифов на прежнем месте и, узнав, что те, пройдя клисуры, прибыли в Маркеллу и заключили мирный договор с императором, попросили разрешения пройти через клисуры и напасть на скифов. Но император, уже заключивший договор со скифами, не дал им на это согласия, сказав: «Не нужна мне ваша помощь, берите причитающуюся вам плату и возвращайтесь назад». Алексей милостиво обошелся с куманскими послами, щедро их одарил и отпустил с миром. Этот поступок Алексея придал смелости скифам, которые нарушили договор и, вновь принявшись за свои бесчеловечные деяния, стали опустошать прилежащие города и земли. Ведь вообще все варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры...

¹⁰ Греческий термин «лохаг» обозначает командира отряда из 16 человек.

¹¹ Захваченных печенегами во время боя.

¹² Сто холмов – это в Добрудже.

¹³ Т.е. византийцев, которых Алексей выкупил из плена.

¹⁴ Точная дата этого события не известна, можно условно говорить об осени 1087 г.

И вот оба противника – самодержец и скифы – подошли к Кипселлам. Ожидаемое войско¹⁵ еще не прибыло, и самодержец, который хорошо знал подвижность скифской армии и видел, что она стремительно приближается к царице городов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Не имея сил бороться с таким множеством варваров, он, как говорится, выбрал из всех зол меньшее и решил заключить новый мирный договор. Он отправил послов с предложением мира, и скифы сразу же пошли навстречу его желанию...

Недолго скифы соблюдали мирный договор...

...Ромеи, окопавшиеся у Хирина, узнали о приближении огромного скифского войска и сообщили об этом самодержцу... Отчаяние и страх охватили императора, когда он увидел, что его войско не составляет и малой доли скифской армии и что не в человеческих силах помочь ему. Тем не менее Алексей не пал духом, не опустил руки; напротив, он старался найти выход из положения.

Через 4 дня он издал замечание, как с другой стороны к нему уже приближается почти 40-тысячное куманское войско. Опасаясь, что куманы соединятся со скифами и вместе с ними навяжут ему кровопролитную битву (Алексей не ждал от нее ничего, кроме гибели всего войска), император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. Главными предводителями куманского войска были Тогортак, Маниак и другие воинственные мужи¹⁶. Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. Поэтому он предпочел ради безопасности со всем войском уйти отсюда и переправиться обратно через реку¹⁷, но прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору; позже других, после долгих колебаний пришел Маниак.

Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стол, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников – ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства и попросили разрешения сражаться с печенегами в течение трех дней. При этом они обещали, если бог дарует победу, разделить на две части всю захваченную добычу и половину выделить императору. Император предоставил им право по их желанию преследовать скифов в течение не только трех, но целых десяти дней и к тому же заранее подарил им всю добычу, которую они должны были бы захватить, если бы только бог послал им победу. До тех пор скифская и куманская армии оставались на своих местах, и куманы тревожили скифское войско стрельбой из лука.

...Так действовал император. Между тем скифы, расположившись по берегам речки под названием Мавропотам, начали тайком привлекать на свою сторону куманов, призывая их стать союзниками. Вместе с тем они непрерывно отправляли послов к императору с предложением мира. Алексей догадывался о хитром замысле скифов и давал уклончивые ответы послам, желая внушить им мысль, что к нему должно подойти наемное войско из Рима. Куманы же, поскольку обещания печенегов были двусмысленными, не перешли к ним и вечером обратились к императору со следующими словами: «До каких пор будем мы оттягивать бой? Знай, что мы больше не намерены ждать и с восходом солнца отведаем мяса волка или ягненка». Император выслушал это и, зная крутой нрав куманов, больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам завтра вступить в бой со скифами, а сам немедленно созвал военачальников, пентеконтархов и остальных командиров и велел им объявить по всему лагерю

¹⁵ Граф Фландрии, Зеландии и Голландии Роберт I обещал отправить на помощь ромеям 500 всадников.

¹⁶ В. Васильевский в работе «Византия и печенеги», изданной в Санкт-Петербурге в 1908 г., отмечал тожество Тогортака и Маниака с Тугорканом и Боняком русских летописей.

¹⁷ Имеется в виду р. Марица, на правом берегу которой стояла крепость Хирины.

о назначенной битве. Несмотря на принятые меры, император опасался бесчисленного множества печенегов и куманов и боялся соединения обоих войск...

С первой улыбкой утра Алексей в полном вооружении вышел из ложины и приказал подать сигнал к бою. У подножья так называемого Левуния он разделил свое войско и выстроил фаланги по отрядам. Сам пышащий яростью самодержец встал впереди строя, командование правым флангом принял Георгий Палеолог, левым – Константин Далассин. Справа от куманов стоял в полном вооружении вместе со своими воинами Монастра. Видя, что самодержец устанавливает фаланги, куманы также вооружили и выстроили в принятый у них боевой порядок свои отряды. Слева от них находились Уза и – фронтом на запад – Умбертопул с кельтами. Как бы огородив свое войско строем фаланг и окружив его плотным кольцом конных отрядов, самодержец приказал вновь подать трубой сигнал к бою.

Ромеи, опасаясь неисчислимого скифского войска и несметного множества крытых повозок, которые скифы использовали вместо стены, в один голос воззвали к милости всевышнего и, опустив поводья, бросились в бой со скифами; самодержец неся впереди всех. Строй принял вид серпа, и в один момент, будто по условному знаку, все войско, в том числе и куманы, ринулось на скифов. Один из самых главных скифских военачальников понял, чем все это может кончиться, и решил заранее обеспечить себе спасение: в сопровождении нескольких скифов он явился к куманам – последние говорили на одном с ним языке. Хотя куманы ревностно сражались со скифами, тем не менее он питал к ним больше доверия, чем к ромеям, и хотел воспользоваться их посредничеством перед самодержцем. Самодержец заметил это и стал опасаться, как бы и другие скифы не перешли к ним, не привлекли на свою сторону куманов и не убедили их направить против ромейской фаланги как помыслы свои, так и коней. Поэтому император, который всегда умел находить выход из критического положения, немедленно приказал императорскому знаменосцу со знаменем в руках встать у куманского лагеря.

К этому времени скифский строй был уже прорван, оба войска сошлись в рукопашной схватке и началась резня, подобной которой никто никогда не был свидетелем. Страшные удары мечей поражали уже постигнутых божьим гневом скифов...

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не 10 тысяч человек, а выразалась в огромных цифрах. Это было 29 апреля, в третий день недели¹⁸. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая».

...Здесь я должна кончить свой рассказ о скифах, хотя из многочисленных событий я коснулась лишь немногих и, можно сказать, погрузила только кончики пальцев в воды Адриатического моря...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

¹⁸ Сражением 29 апреля 1091 г. заканчивается шестилетняя византийско-печенежская война. Утверждение Анны о гибели всего печенежского народа не верно.

Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии

Изучение сведений арабских авторов о Восточной Европе домонгольского времени – «неизбывная тема русской арабистики с первых лет ее формирования» [Большаков, ХВ]. Среди ее многочисленных аспектов центральное место всегда занимали выявление и издание соответствующих текстов и их переводов. Плодотворные усилия нескольких поколений отечественных и зарубежных ученых в этом направлении, тем не менее, и к концу XX в. оставались малодоступными широкому кругу исследователей, заинтересованных в полном объеме материалов о народах Восточной Европы и сопредельных территорий. Итоги этих изысканий со временем оказались рассеянными в разнообразных отечественных и зарубежных публикациях на разных восточных и европейских языках (в том числе и на латыни). Кроме того, большинство из них давно стали библиографической редкостью (включая и сравнительно недавние переводы Ибн Фадлана и ал-Гарнати), отчасти устарели, или были ограничены тематически (например, посвящены только русам и славянам, или только хазарам, или только Дагестану), либо бывали связанными лишь с одним сочинением или с одним автором.

Необходимость создания «полного свода переводов сведений арабских авторов о народах СССР в новых переводах» осознавалась специалистами и неоднократно формулировалась. Впервые эта идея была высказана И.Ю.Крачковским в 1932 г. в Ленинграде на ученом совете только что открывшегося Института востоковедения АН СССР [Крачковский, 1955, с.149–156; Большаков, ХВ]. В этом контексте удачным оказалось появление микрофильма Мешхедской рукописи¹ с «Запиской» Ибн Фадлана, «Второй запиской» Абу Дулафа и «Книгой известий о странах» Ибн ал-Факиха. Однако эта идея И.Ю.Крачковского (1883–1951), поддержанная его младшими коллегами и учениками, по раз-

ным причинам так и осталась нереализованной в необходимой мере. Интерес к ней периодически угасал с исчерпанием материала и вновь вспыхивал при появлении нового источника. Так были изданы переводы полных текстов Ибн Фадлана, Абу Дулафа, ал-Гарнати, материалы которых ранее были известны только фрагментарно [Ибн Фадлан, 1939; Ибн Фадлан, 1956; Булгаков, Халидов, 1960; ал-Гарнати, 1971]. Отчасти задача создания свода сведений арабских авторов о народах СССР решалась в республиках (в частности, были подготовлены «Материалы по истории туркмен и Туркмении», публиковались переводы известий о Дагестане и Кавказе) [МИТТ; Буниятов; Шихсаидов; Айтберов; Бейлис, 2000; и др].

Предлагаемые материалы являются первой попыткой на пути осуществления «долго теплившейся в среде ленинградских арабистов старой идеи» такого свода [Большаков, ХВ]. Общий объем этих сведений и на сегодняшний день невелик, значительная их часть относится к Поволжью.

В настоящую подборку переводов включен основной (но не весь) объем сведений о Восточной Европе из сочинений большинства ранних арабских и персидских (писавших по-арабски) географов и путешественников (X–XIII вв.) – Ибн Хордабеха, Ибн ал-Факиха, Ибн Русте, ал-Марвази, ал-Мас‘уди, Ибн Фадлана, ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Бируни, Исхака ибн ал-Хусайна (?), ал-Идриси, ал-Гарнати, Йакута ал-Хамави.

Структура трудов арабских географов определялась во многом практическими задачами этих книг, которые часто предназначались для путешественников и купцов и выполняли функцию дорожников, описывавших маршруты и дороги с указанием расположения почтовых станций (или караван-сараяв) и расстояния между ними. Материалы о Поволжье в них обычно разбиты на небольшие рассказы с «титულными» названиями «Ал-Баджанак», «Ал-Башгард», «Булгар», «Ар-Рус», «Ас-Сакалиба», «Ал-Хазар» и т.д., сведения которых по содержанию взаимосвязаны и дополняют друг друга. В преобладающем большинстве

¹ Микрофильм с полной копией Мешхедской рукописи был подарен правительством Ирана Институту востоковедения АН СССР к III Международному конгрессу иранского искусства в Ленинграде (1935).

ве случаев они группировались одним блоком с материалами о Северном Кавказе (включая Нижнее Поволжье) и Закавказье, поскольку путь торговых караванов с Ближнего Востока в Поволжье и дальше на север в «неведомые земли мраков» и страну Йаджудж и Маджудж обычно лежал из Закавказья на Северный Кавказ и в Прикаспийские степи через Дербент вдоль побережья Каспийского моря, к устью Волги, а далее на север по реке или ее берегу.

Выборка сведений непосредственно только о Булгаре и булгарах вне контекста обычно теряет часть информации, а не редко общий контекст сведений о соседних с булгарами народах оказывается информативнее собственно прямых сообщений о булгарах. Подчас интерпретацию очень кратких, иногда невыразительных, упоминаний в источнике дополняло понимание организации материала в сочинении. Поэтому, принимая во внимание эти особенности сведений арабских географов, в нашу подборку их материалы включены всем блоком полностью (хотя в ряде таких сообщений нет упоминаний Волжской Булгарии). Мы стремились при этом не нарушать композиционную целостность сочинений, а, по мере необходимости, и отражать их структуру.

Тексты географических трудов ни столько трудны с точки зрения языка, сколько сложны для их интерпретации, прежде всего иноязычных (неарабских) топонимов и имен. Ошибки, возникающие при перестановке или опущении диакритических точек, хорошо известны, и наибольшую трудность составляет смешение сходных по начертанию букв в иноязычных словах. Только Ибн Фадлан и ал-Гарнати записывали те названия, которые слышали сами, а авторы остальных географических сочинений пользовались сведениями из вторых или третьих уст: неверно запомненные при устной передаче непонятные слова записывались очень приблизительно, и далее начинались невероятные преобразования непонятных слов. Реконструировать такие искаженные и деформированные слова можно только по общему очертанию. Наибольшее число таких искаженных слов в описаниях земель и народов содержится в соответствующих разделах географических сочинений Ибн Русте и ал-Идриси [там же].

Специалистам хорошо известно, что любой перевод, особенно с арабского, всегда несколько ограничивает возможности истолкования источника, или, что хуже, позволяет видеть то, чего в нем нет [Большаков, 2000, с.54]. Один из проверенных временем способов уменьшить погрешности перевода – передавать в транслитерации² имена собственные, титулы, этнонимы, топонимы, гидронимы, термины и другие иностранные для арабского языка слова. Например, отметим, в первую очередь, спорный для интерпретации этноним *ас-сакалиба* / *ас-саклаби*, который часто переводят как «славяне» / «славянин». На наш взгляд, его корректнее оставлять без перевода, поскольку под этим термином имеются в виду все жители лесной полосы Восточной Европы.

Основу нашей подборки составляет уже выявленный и по большей части опубликованный в переводах круг сведений (наиболее полная из сравнительно современных выборок материалов сопровождается польскими переводами [Żrodla, 1956–1985]). Стремление учесть последние разработки в интерпретации данных источников естественным образом приводит к пересмотру старых переводов, что по существу выливается в совершенно новый перевод. В то же время часть сведений впервые публикуется в русском переводе (Ибн ал-Факих, ал-Мас‘уди и др.), а перевод известий Ибн Хаукаля о Хазарском море вообще является первым переводом их с арабского на иностранный язык.

Материалы нашей подборки расположены в хронологическом порядке жизни авторов. Несмотря на определенную взаимозависимость части материалов, тексты большинства авторов даются без сокращений, за несколькими исключениями. Так, сведения Ибн Хаукаля и ал-Истахри даны одним блоком: т.е. материалы ал-Истахри, как тождественные материалам Ибн Хаукаля, отдельно не приведены, дан перевод только главы «Хазарское море» из «Китаб ал-масалик ва-мамалик» Ибн Хаукаля. Таким же образом рассказ Саллама ат-

² Транслитерация (в отличие от транскрипции, которая передает точное звучание) отражает графическое начертание слова, а для арабского языка соответственно преимущественно только согласные, огласовка иностранных (тюркских) слов в большинстве случаев условна (поскольку их звучание обычно неизвестно).

Тарджумана о стране Йаджудж и Маджудж полностью приводится только из сочинения Ибн Хордадбеха как наиболее подробный и связно изложенный в отдельной главе. Все последующие авторы воспроизводят сведения Саллама либо со ссылкой на Ибн Хордадбеха (но в сокращении или с искажениями), либо аналогичные материалы, но, видимо, из другого источника (так у ал-Идриси). Кроме того, у всех последующих после Ибн Хордадбеха авторов сведения Саллама часто рассеяны по разным частям их сочинений, и поэтому их переложение сведений Саллама ат-Тарджумана о стране и народе Йаджудж и Маджудж в наших переводах лишь обозначены (по мере их связанности с материалами арабских географов в нашей подборке), но не включены в наши переводы.

В нашей подборке даны переводы материалов Йакута ал-Хамави, исходя из того, что до сих пор все «статьи» о Поволжье из его «Му‘джам ал-булдан» в одной выборке не публиковались в русских переводах, хотя изучение сведений о народах Восточной Европы началось именно с Йакута. Внимание ученых в его «Словаре...» обычно привлекали прежде всего материалы Ибн Фадлана. С появлением оригинала «Записки» интерес к материалам Йакута упал, тем более что те сведения «Записки», которые не сохранились в Мешхедской рукописи, а были известны только по «Словарю...» Йакута, были учтены и опубликованы во втором издании «Рисали» [Ибн Фадлан, 1956]. На самом деле тексты Йакута, помимо обширных цитат из «Записки» Ибн Фадлана, воспроизводят в сокращении материалы и других авторов (ал-Балазури, ал-Мас‘уди, ал-Истахри и др.), но, как оказывается, соотношение тождественных сведений с оригиналами не изучалось. В наших переводах цитат из Ибн Фадлана в статьях о Поволжье из «Словаря...» Йакута выделены курсивом и соответствуют переводу «Записки» в нашем издании. Его цитаты из сочинений других предшественников также отмечены в примечаниях; если оригинальные версии этих сообщений вошли в нашу подборку, то соответственно их повторы у Йакута переводятся тождественно переводам оригинального текста в нашем издании.

Рамки настоящего издания не предполагают развернутых комментариев к переводам и ограничиваются лишь редакционными

ми примечаниями, отслеживающими уточнения, сделанные в наших переводах, особенно в тех случаях, когда использовались уже опубликованные переводы (например, Ибн Фадлан, ал-Бируни), специально оговаривающими учтенные в наших переводах новейшие прочтения (конъектуры) искаженных топонимов или неверно понятых титулов и др. (Ибн Русте, ал-Идриси, Ибн Фадлан). Краткие историко-географические пояснения сопровождают первое упоминание топонимов, имен или событий в наших переводах сведений арабских географов, а они приходятся преимущественно на материалы Ибн Хордадбеха. Нумерация комментариев для всего раздела единая.

Исключение составляет подготовленный О.Г.Большаковым его новый, пересмотренный перевод «Путешествия...» ал-Гарнати – во избежание нарушения структурной целостности новой публикации мы не вмешивались в авторский текст.

В оформлении текстов переводов соблюдаются следующие технические приемы.

Поскольку в подлиннике топонимы и названия народов передаются в одной и той же форме, в переводе они передаются в этой форме (ар-Рус, ал-Хазар и др.), и только в несомненных случаях передаются как названия народов. Транслитерация одних и тех же топонимов, гидронимов, этнонимов, тюркских имен собственных и титулов в текстах разных авторов дается согласно изданию каждого конкретного сочинения³ без унификации, даже когда очевидно, что имеется в виду одно и то же (Булгар – Булкар – Бургар; ал-Маджар – ал-Маджгарийа – ал-Маджгар; и др.), но при первом упоминании в круглых скобках называется общепризнанное употребление (иногда, наоборот, из-за необходимости соблюдать грамматические нормы русского языка: вначале общеизвестное название, а в круглых скобках – транслитерация по изданию). Только название реки Итиль дано в утвердившейся в отечественной научной литературе вокализации «Итиль», а варианты огласовок и диакритики (Атиль, Атуль, Асиль, Исиль), предложенные изда-

³ Другие графические варианты, обнаруженные в списках сочинения, использованных для подготовки критического издания, не учитываются.

телями арабских текстов, отмечены в круглых скобках при первом упоминании. В тех случаях, когда огласовки нет, а прочтение неясно, то обозначаются только согласные. Предлагаемые новые конъектуры приводятся в тексте перевода с разъяснением в постраничной сноске.

В переводе сохранены характерные черты арабского текста: повторы личных местоимений, многократные повторения союза «и». Транслитерация не отражает диакритики всех звуков арабского языка, за исключением знака «'» для «'айна». Принятое в арабистике использование удвоенного «йй» (наиболее часто используемых в именах прилагательных арабского языка) сохраняется в названиях сочинений, а в топонимах передается через один «й». В соответствии с практикой, принятой в переводах средневековых арабских текстов, слова, отсутствующие в тексте, но необходимые в переводе, заключены в квадратные скобки, в круглых скобках даются пояснения и приводятся термины.

За добрые советы и неоценимую помощь, оказанные при подготовке данных материалов, выражаем глубокую благодарность д.и.н., проф. О.Г.Большакову, проф. С.Г.Кляшторному, к.и.н. Т.М.Калининой, д.и.н. И.Г.Коноваловой.

В заключение необходимо отметить, что материалы раздела, предлагаемые ва-

шему вниманию в этом томе, представляют собой предварительный этап в подготовке новых русских переводов всех материалов арабских географов о народах Европейской части России. В нашу подборку, к сожалению, вошли не все выявленные материалы (например, из ал-Идриси и др.), а сведения ряда авторов (например, ал-Йа'куби, ал-Макризи, анонимного «Худуд ал-алам» и др.) вообще отсутствуют. На данном этапе нам также не удалось в полной мере выдержать единую стилистику в переводе всех тождественных материалов, что является неперенным стандартом современных требований текстологической работы с историческими источниками; эти же недоработки можно заметить и в некоторых комментариях; в переводах нам также не удалось во всех случаях отличать название страны (государства или территории) от названия народов (что в русском языке передается написанием с заглавной или прописной букв), поскольку в арабских текстах различия в их написании нет, а контекст не помогает определить это уверенно. На основе предложенной подборки предполагается подготовить отдельное издание материалов арабских географов о Восточной Европе, в котором мы надеемся исправить замеченные упущения и в целом максимально объемнее и качественнее реализовать задуманный проект.

Ибн Хордадбех

Абу-л-Касим 'Убайдаллах ибн 'Абдаллах Ибн Хордадбех (ок.820–ок.890) – арабский ученый, автор многочисленных сочинений по истории, генеалогии, развлекательных сочинений, известных лишь по названиям и цитатам. Известен благодаря своему, дошедшему до нас географическому труду «Китаб ал-масалик вал-мамалик» («Книга путей и стран» или «Книга путей и государств»). Происходил из семьи знатных персов, потомственных чиновников, находившихся на службе у разных верховных правителей провинции Иран. Благодаря семейным связям получил хорошее образование, смолоду был вхож в придворные круги. Ибн Хордадбех занимал высокую должность начальника почт в северной части Ирана, благодаря этому имел доступ к письменным источникам, в том числе времени персидской династии

Сасанидов. Писал по-арабски. Его «Книга путей и государств» была закончена ок. 80-х гг. IX в., до нашего времени дошла в двух рукописях, хранящихся в Оксфорде и Вене, и одном фрагменте, найденном также в библиотеке Оксфорда.

В «Книге путей и стран» имеются данные о восточноевропейских территориях, гидронимах, торговых путях.

Приведенные ниже отрывки из сочинения Ибн Хордадбега подготовлены на основе перевода Н.Велихановой [Ибн Хордадбех, 1986].

Издание: BGA, VI, 1889. Переводы: Ибн Хордадбех, 1889 (франц.яз.); Ибн Хордадбех, 1986. О нем: Бартольд, 1973, с.513–515; Крачковский, 1957, с.147–150; Булгаков, 1958; Ибн Хордадбех, 1986, с.3–52; EI², vol.II, p.839–840.

Китаб ал-масалик ва-л-мамалик
(Книга путей и стран)

[с.5] ... **Кибла жителей каждой страны**

Кибла жителей Арминии⁴, Азарбайджана⁵, Багдада, Васита, ал-Куфы, ал-Мадаина, ал-Басры, Хулвана, ад-Динавара, Нихаванда, Хамазана, Исбахана, ар-Рейа, Табаристана, всего Хурасана, страны ал-Хазар, Индийского Кашмира направлена к стене [храма] ал-Ка'бы – туда, где его ворота. ...

[с.16] ... **Перечень владык Земли**

Владыка Ирака, которого обычно называют Кисра⁶, [носит титул] шаханшах⁷; владыка ар-Рума, которого обычно называют кайсар⁸, – это басил⁹; владыка тюрков, Тибета, хазар, все они – хаканы¹⁰ ... [с.17] Владыка ас-сакалиба¹¹ – княз¹²...

Обзор [племен] берберов (ал-Барбар)

[с.92] Румийа¹³, Бурджан¹⁴, страны ас-сакалиба и ал-Абар (авар, иберов)¹⁵ – к северу от ал-Андалуса¹⁶. [Вот] что прибывает с Западного моря (Средиземное море?): слуги (евнухи) – ас-сакалиба, ар-руми (румийские, византийские), франки (ал-Ифранджа) и лангобарды (ал-лунгубардийюн), девушки (невольницы) ар-руми и андалусские (ал-андалуси), шкурки зайцев, бобров, из благовоний – стираксовая смола, из лекарственных – мастика.

⁴ Арминия (Армения) – область Закавказья, входившая в состав Северного наместничества Арабского халифата, образованного в начале VIII в. после походов полководцев Хабиба ибн Масламы и Мухаммада ибн Марвана. Арабская администрация, вслед за Сасанидами, делила провинцию Арминия на четыре части, которые в разные годы охватывали разные территории. В целом провинция занимала территорию гораздо большую, чем собственно Армения.

⁵ Азербайджан – области восточного Закавказья, завоеванные арабами в 639–643 гг. при халифе 'Умара и входившие в VIII–IX вв. в состав Северного наместничества Арабского халифата.

⁶ Кисра – арабская передача (персидского названия) иранского имени династии сасанидских царей: Хосров.

⁷ Шаханшах – «царь царей».

⁸ Кайсар – арабская передача латинского слова «цезарь».

⁹ Басил – арабская передача греческого обозначения верховного правителя Византии «василевс».

¹⁰ Хакан – название верховных правителей Тюркских каганатов, затем более мелких объединений, например, властителей уйгур, аваров, хазар; этим титулом называли себя в ряде случаев правители Древней Руси [Новосельцев, 2000, с.367–379].

¹¹ В понятие «ас-сакалиба» арабские и географы вкладывали разное содержание. Например, в противовес «ат-турк» – тюркские народы, «ас-сакалиба» может означать нетюркские народы, в том числе, возможно, и славян; или «ас-сакалиба» – народ, населявший леса, в отличие от народов, населявших степь [Гараева, 2002, с.461].

¹² Кназ – конъектура издателя, с которой согласна большинство исследователей; в рукописях – *к.нан* и *к.бад*.

¹³ Румия или Румийа – в арабских источниках обычно Византия или Италия. Здесь, вероятнее, Италия.

¹⁴ Здесь бурджанами названы либо бургунды – население обширной области на юге и юго-востоке совр. Франции и Швейцарии, либо придунайские болгары.

¹⁵ Авары – тюрко- или монголоязычные выходцы из Центральной Азии, известные в китайских источниках как *жуань-жуани*. Начиная с IV в., передвигались то вместе с кочевыми тюрками, то отдельно, к западу; в VI в., по данным византийских источников, стали обитателями областей Сев. Кавказа и направляли посольства в Византию, которая была вынуждена заключить с ними союз. Постепенно дошли до р. Эльбы, заняли Паннонию, в начале VII в. – Далмацию, воевали с Византией, лангобардами, франками. Создав в Подунавье свое государство, т.н. Аварский каганат, захватили земли ас-сакалиба, которые на время стали их союзниками в борьбе с Византией. В 626 г. аварами в союзе с ас-сакалиба была сделана неудачная попытка захвата Константинополя, после чего Аварский каганат стал ослабевать; ас-сакалиба объединились в самостоятельное государство и выступали против аваров в союзе с франками. В конце VIII в. франки разгромили авар и аварский союз племен перестал существовать. Упоминание областей славян и аваров вместе может иметь основной информацию о совместном их существовании в составе Аварского каганата.

¹⁶ Ал-Андалус – арабское название Испании.

Добывают из глубины этого моря вблизи страны франков ал-бусазз (коралл), а это – тот предмет, который в народе называют кораллом (марджан).

[с.93] Что же касается моря, которое [простирается] по ту сторону [земель] ас-сакалиба, и на [берегу] которого находится город Туле¹⁷, то по нему не плавают ни суда, ни лодки и ничего оттуда не вывозят. Таково же море, в котором находятся Острова Счастливых (Джазаир ас-Су'ада)¹⁸. По нему также не плавают, и ничего оттуда не приходит. Это [море] также находится на западе.

Дарб ас-Салама и и дорога к заливу Кустантинийа

... **Другой путь** ... [с.103]... затем... [идешь] к Абидосу на проливе¹⁹, затем к проливу Кустантинийа²⁰, – а это море, которое называют Бунтус (Понт)²¹, является [частью] моря ал-Хазар (приходит из моря Хазар)²², и ширина его устья там – шесть миль²³. У входа [в пролив] – город, называемый Мусанна²⁴. Залив (ал-Халидж) тянется в западном направлении и проходит, минуя Кустантинийу, в шестидесяти милях от его входа²⁵...

[с.104]...²⁶ Длина всего залива от моря Хазар до моря аш-Шам²⁷ – триста двадцать миль. Корабли спускались в него [залив] от островов моря Хазар²⁸ и тех сторон, а поднимались по нему вверх от моря аш-Шам до Кустантинийи...

... [с.105] ... Говорят, что Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми²⁹ рассказывал, будто провинций (фем)³⁰ ар-Рума, в которые назначены царем правители, – [всего] четырнадцать, из них позади пролива – три фемы. Первая из них – фема Тафила³¹, а она – область Кустантинийи, пределы ее с востока – пролив [до] моря аш-Шам, с запада – стена³², построенная от моря Хазар до моря аш-Шам... С юга [граница фемы] – это море аш-Шам, с севера – море Хазар. Вторая провинция находится позади этой провинции [Тафила], это – Таракийя (Таракия)³³. Ее границы: с востока – стена, с юга провинция ал-Макадунийа³⁴, с запада –

¹⁷ Туле – в античной географической традиции один из последних островов обитаемой части Земли в северо-западной части Атлантики. Ибн Хордадбех поименовал остров «городом», что дало основание некоторым исследователям отождествить Туле с Тулоном, что едва ли реально. Упоминание «моря позади славян», в котором находится Туле, а также последующее указание на нахождение в том же море Островов Счастливых может указывать на информацию о Балтийском море как части Атлантики.

¹⁸ Острова Счастливых, или Блаженных – Канарские острова в Атлантике (у арабов из античной географической традиции).

¹⁹ Абидос на проливе – город на азиатском берегу пролива Дарданеллы, в 100 милях от Константинополя.

²⁰ Здесь подразумеваются пролив Дарданеллы, Мраморное море и Босфор.

²¹ Здесь под Понтом разумеется греческая Пропонтида, т.е. Мраморное море.

²² Море Хазар – здесь имеется в виду Черное море. У географов X в. – Каспийское море.

²³ Речь идет о входе в пролив Дарданеллы со стороны Мраморного моря.

²⁴ Мусанна – город на азиатском берегу Босфора, напротив Константинополя.

²⁵ Возможно, здесь речь идет о заливе Золотой Рог.

²⁶ После описания дороги от Багдада через города Передней и Малой Азии.

²⁷ Море Сирии (*аш-Шам*) – восточная часть Средиземного моря; в это понятие входило и море Эгейское. Аш-Шам – провинция халифата, включавшая территории современных Сирии, Ливана, Палестины и Иордании.

²⁸ Арабское слово *ал-джазира* (мн. ч. – *ал-джаза'ир*) может означать также и полуостров. Возможно, имеется в виду Таврика или Таманский полуостров [Новосельцев, 2000-1, с.366].

²⁹ Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми – араб, выкупившийся из византийского плена в 845 г. и написавший книгу о Византии и соседних народах. Сведения об этом содержатся в «Книге предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди.

³⁰ Фема (по-арабски *ал-банд*) – провинция, военно-административный округ. Фемное устройство складывалось в Византии в VI–IX вв.; границы фем с течением времени менялись.

³¹ Тафила – фема Тафдос (или Фракия).

³² Византийский император Анастасий I (491–518) соорудил ок. 512 г. стену длиной 75 км, начинавшуюся в 50 км от Константинополя у Черного моря и тянущуюся до Мраморного моря. Она называлась Длинными стенами.

³³ Большинство исследователей идентифицируют эту фему с Фракией; есть предположение, что это – фема Диррахия.

³⁴ Макадунийа – фема Македония, территориально совпадала с совр. Македонией.

страна бурджан³⁵ и с севера – море Хазар... Третья провинция – ал-Макадунийя, ее границы с востока – стена, с юга – море аш-Шам, с запада – страна ас-сакалиба³⁶ и с севера – бурджан...

Сообщение об ал-Джарби (о стороне севера)

[с.118] Ал-Джарби³⁷ – это страны севера – четверть [возделанных, обитаемых] земель... В его пределы входят Арминийя, Азарбайджан, ар-Рей, Думавад... [с. 119]...³⁸ Здесь также – ал-Бабр³⁹, ат-Тайласан⁴⁰, ал-Хазар (страна хазар, хазары), ал-Лан, ас-Сакалиба и ал-Абар (авары)⁴¹.

Дорога в Арминийю⁴²

Из Варсана до Барза'а⁴³ восемь сикк⁴⁴, затем до Мансуры⁴⁵ в Арминийи четыре сикки.

Из Барза'а до Тифлиса⁴⁶ десять сикк, а до ал-Баб ва-л-абваба⁴⁷ пятнадцать сикк.

Из Барза'а до Дабила⁴⁸ семь сикк.

Из Маранда⁴⁹ до ал-Вади⁵⁰ десять фарсахов⁵¹, затем до Нашавы⁵² десять фарсахов, затем до Дабила двадцать фарсахов.

Из Варсана до Дармана⁵³ три фарсаха, затем до ал-Байлакана⁵⁴ девять фарсахов, затем до Барза'а четырнадцать фарсахов, из Барза'а до ал-Базза тридцать фарсахов.

Арминийя первая⁵⁵: ас-Сисаджан⁵⁶, Арран⁵⁷, Тифлис, Барза'а, ал-Байлакан, Кабала⁵⁸, Шарван⁵⁹.

³⁵ Страна бурджан – здесь: Придунайская Болгария.

³⁶ Страна ас-сакалиба – здесь: югославянские земли.

³⁷ Ал-Джарби – северное наместничество Арабского халифата, включавшее, помимо Азербайджана, Арминийю, ал-Джазиру (Верхнюю Месопотамию), ас-Сугур (арабо-византийскую пограничную область) и ряд прикаспийских территорий.

³⁸ Далее перечислены местности юго-западного побережья Каспийского моря.

³⁹ Ал-Бабр (или другое прочтение *ал-Хир*) – область в горах между Ардабилом и Занджаном; называлась Таромом и Халхалом [Minorsky, 1937, p.391].

⁴⁰ Ат-Тайласан – область юго-западного побережья Каспия.

⁴¹ Упоминание ас-сакалиба и аваров после местностей и народов Кавказа, Прикаспия и нижнего Поволжья заставляет полагать, что имеются в виду восточные славяне и та часть аваров (*обров* древнерусских летописей), которая какое-то время оставалась на Северном Кавказе после переселения основной их массы в Паннонию. Сочетание схожих перечней в упоминании народов Балкан и Северного Кавказа указывает на традиционность в передаче Ибн Хордадбеком сведений разных источников о народах восточноевропейского и центрального регионов. Эта схематичность, следование одной традиции в передаче сведений разного характера является очень типичным для средневекового мыслителя штрихом.

⁴² Совр. Армения по территории не совпадает с исторической Арминийей; часть территории ее вошла позднее в состав совр. Турции.

⁴³ Барза'а – главный город Аррана (Кавказской Албании); самый большой город Закавказья. Развалины находятся недалеко от совр. г. Барда (Азербайджан) близ места впадения р. Тертер (в источниках – ас-Сурсур) в Куру.

⁴⁴ Сикк (мн.ч. *сикак*) – расстояние, примерно соответствующее переходу одной смены лошадей между почтовыми станциями.

⁴⁵ Мансура – локализация этого закавказского города затруднена из-за отсутствия о нем данных.

⁴⁶ Тифлис – в это время уже мусульманский город.

⁴⁷ *Главные ворота*. Арабское название Дербента. Название имело несколько вариантов написания: ал-Баб ва-л-абваб, Баб ва-л-абваб, наиболее распространенное (особенно в исторических текстах) – Баб ал-абваб, иногда просто ал-Баб.

⁴⁸ Дабил, Двин (Давил) – главный город Арминийи.

⁴⁹ Маранд – городок Южном Азербайджане северо-западнее Тебриза.

⁵⁰ Подразумевается долина р. Аракс.

⁵¹ Фарсах – расстояние, покрываемое за день пешего или конного перехода.

⁵² Имеется в виду г. Нахичевань (Азербайджан).

⁵³ Дарман – прочтение условное.

⁵⁴ В средние века известный город, разрушенный монголами. Развалины его находятся в местности Оренджа (Азербайджан).

⁵⁵ Административное деление исторической Арминийи.

Арминийа вторая: Джурзан⁶⁰, Сугдабил⁶¹, Баб Фируз Кубад⁶², ал-Лакз⁶³.
 Арминийа третья: ал-Бусфурраджан⁶⁴, Дабил, Сирадж Тайр⁶⁵, Баграванд⁶⁶, Нашава⁶⁷.
 Арминийа четвертая: Шимшат⁶⁸, Хилат⁶⁹, Каликала⁷⁰, Арджиш⁷¹, Баджунайс⁷².

Областями Арран, Джурзан и ас-Сисаджан [до арабов] владели хазары. Областями [с. 123] Дабил, Нашава, Сирадж, Баграванд, Хилат, Баджунайс владели византийцы. Персы завоевали эти земли до самого Ширвана, где находится скала Мусы⁷³ с источником жизни ('айн ал-хайван), и до Шимшата, где между ним и Хисн Зийадом⁷⁴ находится могила Сафвана ибн ал-Му'аттала ас-Сулами, сподвижника (сахиб) посланника Аллаха – да благословит его Аллах. Недалеко от [Хисн Зийада] растет дерево, и никто из людей не знает, что это за [дерево]. Оно приносит плоды, похожие на орехи, едят их вместе с кожурою. Они слаще меда.

Кубад построил города ал-Байлакан, Барду, Кабалу, а также возвел стену из сырцового кирпича.

Ануширван построил города аш-Шабиран⁷⁵, Каркару⁷⁶, ал-Баб ва-л-абваб, цитадели на горных дорогах – числом триста шестьдесят. Построил он Баланджар⁷⁷ и Самандар⁷⁸. На земле Джурзан он построил город Сугдабил. Возвел он также крепость и назвал ее Баб Фируз Кубад.

Хувайи⁷⁹, ас-Санарийа⁸⁰, ал-Бак⁸¹, Кисал (Касак)⁸², Абхаз⁸³, Кал'ат ал-Джардаман⁸⁴, Хайзан, Шаки⁸⁵ и город ал-Баб⁸⁶ [также входят в состав] Арминийи.

⁵⁶ Ас-Сисаджан (Сисакан, Сюник) – историческая область в Закавказье между Араксом и оз. Севан; в состав Арминии I включена Хабибом ибн Масламой.

⁵⁷ Арабское название Кавказской Албании; охватывал почти ту же территорию, что и Албанское царство до покорения арабами.

⁵⁸ Древняя столица Кавказской Албании, развалины которой находятся между рр. Карачай и Годжалайчай восточнее с. Чухуркабала (Куткашенский р-н, Азербайджан). Окончательно разрушен и покинут жителями в XVIII в.

⁵⁹ Такая огласовка в тексте издания. Шарван или Ширван – историческая область Аррана, охватывающая северо-восточную часть Азербайджана между Каспием, Курой и Дербентом.

⁶⁰ Арабское название территории, населенной грузинами (ал-курдж или арабизированное от него джурз).

⁶¹ Средневековый город на восточном берегу Куры напротив Тифлиса.

⁶² Замок, возведенный Ануширваном в г. Фируз Кубаде, расположенном недалеко от Дербенда (Кубаз, Кавад – имя отца Ануширвана).

⁶³ Горная область севернее Ширвана, заселенная племенами, которые мусульманскими источниками называются лакзами (лезгинами).

⁶⁴ Ал-Бусфурраджан (Басфурджан, арм. Васпуракан) – историческая область в Арране.

⁶⁵ Сирадж Тайр (арм. Ширак) – историческая область Арминийи западнее оз. Севан, севернее р. Аракс.

⁶⁶ Баграванд – историческая область Арминийи на Армянском нагорье южнее Аракса.

⁶⁷ Судя по тексту, здесь имеется в виду Нашава-Нахчыван от Кагызмана (Карский вилайет, Турция).

⁶⁸ Древний город на Евфрате. Во времена Йакута уже был разрушен и почти опустошен.

⁶⁹ Совр. Ахлат – город на берегу оз. Ван; был завоеван 'Ийадам ибн Ганамом на условиях уплаты подушной подати.

⁷⁰ Древний Феодосиополь, совр. Эрзурум (Турция) недалеко от истоков Аракса.

⁷¹ Тождествен с совр. Эрджишом на северном берегу оз. Ван.

⁷² Древний округ, как и Арджиш, причисляемый к области Хилат.

⁷³ Скала Мусы (Моисеева скала), согласно легенде, находилась в Ширване [Коран, пер., 18:62]. Вероятна ее тождественность с пиком Хьдырзин на горе Беш-Бармак в Ширване.

⁷⁴ Хисн Зийад (арм. хандзит) – древний город и крепость Малатйи. Тождествен с Харпутом (область Элязыг, Турция).

⁷⁵ Один из пограничных городов Аррана на берегу Каспийского моря у впадения в него одноименной реки. Развалины расположены на территории с. Шахназарли (Дивичинский р-н, северо-восточный Азербайджан).

⁷⁶ Предположительно локализуется на месте Курак на р. Курах в южном Дагестане.

⁷⁷ Баланджар – город хазар севернее Дербенда, древняя столица хазар. Локализуется на месте Верхне-Чирюртовского городища.

⁷⁸ Самандар (Семендер) – столица Хазарского каганата, севернее Дербента, построенная Ануширваном. Позднее столица была перенесена к устью Волги – в Итил (Атил).

⁷⁹ Находился предположительно в предгорьях Большого Кавказа.

Что касается ворот (ал-абваб),

то они являются входами в ущелья горы ал-Кабк⁸⁷. Там [возведены] крепости, в числе Баб Сул⁸⁸, Баб ал-Лан⁸⁹, Баб аш-Шабиран⁹⁰, Баб Лазика⁹¹, Баб Барика⁹², Баб Самсахи⁹³, (с.124) Баб Сахив ас-Сарир⁹⁴, Баб Филан-шах⁹⁵, Баб Карунан⁹⁶, Баб Табарсаран-шах⁹⁷, Баб Лиран-шах⁹⁸, Баб Либан-шах⁹⁹, Баб Анушарван¹⁰⁰. Город Самандар расположен за ал-Бабом. Все, что за этим [городом], в руках хазар. В историях о Мусе (Моисее) – мир ему [говорится]: «Видишь ли, когда мы укрылись у скалы, я забыл кита, который ожил. Скала – это скала Шарвана, море – это море Джилана, селение – это селение Баджарвана. А когда встретили гулама, тот его убил в Хайзан.

Харадж Арминийи составляет четыре тысячи тысяч дирхемов¹⁰¹.

Дорога между Джурджаном¹⁰² и Хамлиджем¹⁰³ – главным городом хазар

Это северный город, и поэтому я упомянул о нем в этой части [книги]. От Джурджана до Хамлиджа, расположенного в конце [устья] реки¹⁰⁴, которая течет из страны ас-

⁸⁰ Горная область севернее (или северо-восточнее) Тифлиса: между Тифлисом и Дар ал-Ланом (Дарьяльским ущельем).

⁸¹ Идентифицируется с Агпагом (Албаком) в Васпуракане; локализуют в предгорьях Большого Кавказа.

⁸² Кисал или Касал (Касак или Казак, иногда Кисар) тождествен современному г. Казах (Азербайджан).

⁸³ Горная область на Кавказе (ал-Кабх) с труднопроходимыми горными тропами и переходом в страну Алан (Дарьяльское ущелье); видимо, имеется в виду Абхазское царство.

⁸⁴ Кал'ат ал-Джардаман (Джардман или Джирдман) (букв. крепость Джардман) тождественна с крепостью Гардман – столицей одноименного Албанского княжества.

⁸⁵ Шаки – историческая область и город в Арране – Албании; совр. г. Шеки (Азербайджан).

⁸⁶ Дербент.

⁸⁷ Арабское название Кавказских гор.

⁸⁸ Известные еще до арабов «ворота Чора» по названию албанского г. Сул (Чор, Чога) недалеко от Дербента. Локализуют на Топрах-кале, развалины которой сохранились близ Дербента.

⁸⁹ Дарьяльское ущелье.

⁹⁰ Шабранская крепость.

⁹¹ Баб Лазика соответствовал древней Лазике, занимавшей значительную территорию на черноморском побережье Грузии

⁹² Баб Барика упоминается в числе крепостей, построенных Сасанидами в западной Грузии на берегу Черного моря (Бахр Трабзунд).

⁹³ Баб Самсахи (другое название – Баб Самисджан) – крепость среди крепостей, покоренных арабским полководцем Хабибом ибн Масламой; область Самехи к примыкает к Джурзану. Баб Самсахи локализуют в районе Ахалциха на левом берегу Куры.

⁹⁴ Крепость владетеля Сарира – области, расположенной выше Дербента и заселенной аварцами.

⁹⁵ Охраняемая войсками владетеля Филана крепость, предположительно локализуемая южнее Самура и западнее Маската.

⁹⁶ Предположительное прочтение; можно связать с Карахом – владением к западу от Хайдака по направлению к Сариру.

⁹⁷ Крепость, охраняемая владетелем Табарсарана (Табасарана).

⁹⁸ Баб Лиран-шах (другие названия: Лайран, Лайзан, Айран-шах, Иран-шах) соответствует совр. Лагичской долине – одно из сасанидских вассальных княжеств, впоследствии объединенных с Ширваном.

⁹⁹ Баб Либан-шах соответствует албанскому племени лбинан (лпины, лупении), населявшему Алазанскую долину.

¹⁰⁰ Название крепости (отсутствует у других географов). Возможно, оно было первоначальным названием г. Ширвана, упоминаемого в источниках X в. Этот город, построенный Ануширваном и названный его именем, впоследствии носил сокращенное наименование – Ширван (Шарван).

¹⁰¹ Т.е. четыре миллиона.

¹⁰² Джурджан – Гиркания, Горган – совр. название города и реки в Мазандаране; так же называется и вся область.

¹⁰³ Хамлидж – название восточной части более поздней столицы хазар – Итиля.

¹⁰⁴ Имеется в виду р. Волга.

Сакалиба и впадает в море Джурджан, по морю при попутном ветре восемь дней [пути]. Города хазар: Хамлидж, Баланджар, ал-Байда¹⁰⁵.

Ал-Бухтури сказал:

Уважение в ал-‘Ираке возросло к тому, кто заключил договор (‘ахд) в Хамлидже в Баланджаре.

За пределами ал-Баба [идут земли] владык сувар¹⁰⁶, лакзов, аланов, Филана, ал-Маската¹⁰⁷, Сахиба ас-Сарир и город Самандар.

(С.125) Закончим сведения об ал-Джарби¹⁰⁸, а это страны севера.

[с.153] Почтовые дороги в странах [ислама]

[Всего во всех странах] триста девяносто почтовых дорог (сикк). Ежегодный расход [на покупку] почтовых лошадей (ад-даваб), на жалованье начальников почт и гонцов (ал-фураник) составляет сто пятьдесят девять тысяч динаров.

Путь иудейских купцов ар-Разанийя¹⁰⁹, которые говорят по-арабски, по-персидски, по-румыльски, на [языке] франков, ал-Андалуса на [языке] ас-сакалиба. Они в самом деле путешествуют от ал-Машрика до ал-Магриба и от ал-Магриба до ал-Машрика по суше и по морю. Они доставляют из ал-Магриба слуг-евнухов (хадам), невольниц, мальчиков-слуг (гилман), парчу (дибадж), заячьи шкурки, пушнину (ал-фира’), соболий мех (ас-саммур) и мечи. Они путешествуют из Фиранджи по Западному морю, высаживаются у ал-Фарамы и доставляют свои товары по суше в ал-Кулзум¹¹⁰. Между этими [городами] двадцать пять фарсахов. Затем они совершают путешествие по Восточному морю из ал-Кулзума в ал-Джарр и Джудду (Джидду ?). Затем отправляются [далее] в ас-Синд, ал-Хинд и ас-Син. Вывозят из ас-Сина мускус, алоэ, камфору, корицу и другие товары, [с.154] которые традиционны для этих краев (ан-навахи), после чего возвращаются в ал-Кулзум. Потом они доставляют эти [товары] в ал-Фараму. Затем плывут по Западному морю, а иной раз поворачивают со своими товарами к Кустантинийе и продают их в ар-Руме. Иногда они ездят со своими товарами в земли Фиранджи и распродают их там. Если они желают, то везут свои товары из Фиранджи по Западному морю, высаживаются у Антакийи и совершают по суше три перехода, пока не достигают ал-Джабийи. Затем они плывут по Евфрату до Багдада, а по Тигру до ал-Убуллы. Из ал-Убуллы они [направляются] в Оман, ас-Синд, ас-Син. Все эти [страны] связаны одна с другой.

¹⁰⁵ Ал-Байда (букв. «белый») – арабское название западной части города Итиля.

Ал-Байда – один из городов хазар, который принято локализовать в Нижнем Поволжье. Поскольку ал-Байда не имела точной локализации в Нижнем Поволжье, то, возможно, ал-Байда была кочевой ставкой кагана, которая не имела постоянного месторасположения, а в течение года перемещалась по определенному кочевому маршруту. Значение названия в переводе с арабского «Белый», что может соответствовать определению шатра и штандарта хакана: «Белый шатер» или «Белый штандарт» [Гараева, 2002, с.449].

¹⁰⁶ Сувар – один из городов волжских булгар. Судя по тексту, в данном отрывке речь идет не о городе, а о народности сувар.

¹⁰⁷ Область между Шабраном и Самуром, в древности населенная маскутами (массагетами). Из текста видно, что здесь имеется в виду не географическое, а этническое название.

¹⁰⁸ Синоним ал-гарби (западный).

¹⁰⁹ Купцы иудеи ар-разанийя является арабским аналогом персидского термина *ар-рахданийя* (см. Ибн ал-Факих). Словосочетание *ар-рахданийя* восходит к персидскому *рах-дан* – «знающие пути», что относилось к странствующим торговцам. Другая распространенная точка зрения состоит в том, что название производится от топонимики Ирака и Ирана, где известны многочисленные поселки с соответствующим населением и где имеются в корнях сочетания «разан» – три области в восточной части ас-Савада (совр. южный Ирак), область в Фарсе, области по Евфрату и т.д.

¹¹⁰ Ал-Кулзум – портовый город на африканском берегу Красного моря у устья канала, проведенного еще до нашей эры от него (моря) до р. Нил. Название города сохранилось в названии Красного моря (Бахр ал-Кулзум), а также развалин Кум ал-Кулзум, находящихся к северу от Суэца.

Если говорить о купцах ар-рус, а они – вид ас-сакалиба¹¹¹, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи¹¹² из отдаленных [земель] ас-сакалиба к морю Румийскому¹¹³. Владелец ар-Рума берет с них десятину ('ушр)¹¹⁴. Если они отправляются по [Та?]нису¹¹⁵, реке ас-сакалиба¹¹⁶, то проезжают Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину ('ушр) их властитель (сахиб). Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом его берегу, а окружность этого моря – пятьсот фарсахов. Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются слуги-евнухи (хадам) из ас-сакалиба, и говорят они, что они – христиане, и платят джизью¹¹⁷.

Если говорить об их [купцов ар-разанийа ?] пути по суше, то [по этому пути сушей] отправляются те, кто следует из ал-Андалуса или от [царства] франков (Фирандж); они переправляются к Сусу Дальнему [с.155] (ас-Сус ал-Акса)¹¹⁸, отправляются в Танжер, затем в Тунис, затем в Египет, затем в ар-Рамлу¹¹⁹, затем в Дамаск, затем в ал-Куфу¹²⁰, затем в Багдад, затем в ал-Басру, затем в ал-Ахваз¹²¹, затем в Фарс¹²², затем в Кирман¹²³, затем в ас-Синд¹²⁴, затем в ал-Хинд, затем в ас-Син. Иногда они следуют по ту сторону ар-Рума¹²⁵, в страну ас-сакалиба¹²⁶, затем в Хамлидж, город ал-хазар, затем в море Джурджа-

¹¹¹ Арабские географы, как правило, не отождествляли русов и ас-сакалиба. Представление Ибн Хордадбега об их идентичности возникло вследствие интенсивной торговой деятельности русов в славянском мире и политической связи верхушки русов со славянской знатью. Фрагмент об этнической принадлежности купцов-русов имеет большую историографию. В прошлом веке его активно привлекали историки, обсуждавшие вопрос происхождения Древнерусского государства. Отрывок привлекался также исследователями, обращавшимися к истории торговых связей Древней Руси [Захoder, 1967; Новосельцев, 2000; Велиханова, 1986; Калинина, 1986].

¹¹² Речь идет о франкских (каролингских) мечах, популярных на Ближнем Востоке. Производились в Германии и Фландрии, оттуда вывозились в страны западных славян и далее через Краков попадали в земли восточных славян.

¹¹³ Здесь подразумевается пролив Босфор и море Мраморное, на котором стоял Константинополь, как часть Средиземного моря.

¹¹⁴ В пригороде Константинополя, примерно в 2 км от северных стен столицы, на европейском берегу Босфора близ его входа в Мраморное море и в залив Золотой Рог, существовал квартал св. Маманда для послов и купцов из Руси, называвшийся по стоявшему там монастырю.

¹¹⁵ Конъектура издателя. Одна рукопись сохранила форму *нис*, другая – сочетание букв без диакритических знаков.

¹¹⁶ Для названия реки, несмотря на отсутствие графического сходства, ряд исследователей предлагают чтение «Итиль», исходя из описания этой реки как впадающей в Каспий. Однако следует иметь в виду слабую осведомленность Ибн Хордадбега относительно речной системы Восточной Европы, искажения его воззрений на этот предмет [Новосельцев, 2000, с.123; Калинина, 1986, с.79–80; Коновалова, Пути сообщения, с.129]. Можно полагать, что сохранившиеся в рукописях знаки отметили характерное для арабов окончание греческого названия реки: *нис*. Имея в виду знакомство Ибн Хордадбега с античной географической традицией, можно полагать, что был назван все-таки Танаис – Танис, но не в той конъектурной форме, что была предложена М.Де Гье, и не тот вполне реальный Танаис – Дон, который отлично знали античные авторы, а совершенно абстрактный для арабов водный путь, шедший из «славянских земель» в Каспий – торговую артерию, не ведомую автору «Книги путей и государств» в действительности, а известную понаслышке и по книжной традиции.

¹¹⁷ Джизья – подушная подать, взимаемая с иноверцев за оказываемое арабскими властями покровительство. Поэтому Ибн Хордадбех и подчеркивает, что купцы-русы выдают себя или в действительности являются христианами. В противном случае они платили бы десятину с дохода купца – 'ушр, что было бы существенно больше [Hrbek, 1968].

¹¹⁸ Сус ал-Акса – Дальний Сус, порт на атлантическом побережье Марокко.

¹¹⁹ Ар-Рамла – город в Палестине, к востоку от Яффы.

¹²⁰ Куфа – город в Ираке.

¹²¹ Ал-Ахваз – город в юго-западном Ираке.

¹²² Фарс – провинция на юго-западе Ирана.

¹²³ Кирман – провинция юго-западного Ирана.

¹²⁴ Ас-Синд – область к западу от нижнего течения р. Инд.

¹²⁵ То есть севернее ар-Рума. Здесь – вариант Венской рукописи: ар-Румийа, т.е. – Италия или Византия. В Оксфордской рукописи: Арминийа, т.е. по ту сторону Арминий.

¹²⁶ «Страна ас-сакалиба» или «область ас-сакалиба», т.е. славян: в тексте стоит слово *балад*, дающее оба значения. Если принять вариант предыдущего предложения как путь позади Арминии, то, по видимому, речь должна идти о восточных славянах и пути из Закавказья по черноморскому побережью, Приазовью, рр. Дон, Сев. Донец, через переволоку на Волгу, далее в Каспий и земли Средней Азии. Если

нии, затем в Балх¹²⁷, в Мавараннахр¹²⁸, затем к Вурту (Урт – Йурт ?) тогузгузов¹²⁹, затем в ас-Син (Китай).

Возделанная (Обитаемая) земля делится на четыре части.

В их числе – **Аруфа** (Европа), в которой расположены ал-Андалус, [земли] ас-сакалиба, ар-Рум (Византия), Фиранджа (страна франков), и Танджа, и так до рубежей Мисра.

[В их числе также] – **Лубиййа**, в ней – Миср (Египет), Кулзум (Красное море), ал-Хабаша (Эфиопия), ал-Барбар и то, что прилегает к ним, и ал-Бахр ал-Джануб. В тех краях (ал-билад) нет кабанов, диких ослов и коз.

[А также] **Итйуфийа** – [в этой части]: Тихама, ал-Йаман, ас-Синд, ал-Хинд, ас-Син.

[Четвертая часть] – **Аскутийа** (Скифия), а в ней – Арминийа, Хурасан, тюрки и хазары¹³⁰.

Некоторые из диковинок Земли

[с.156] ...В стране ар-Рум, на берегу моря ал-Хазар¹³¹, находится город (балад), называемый ал-Мустатила. Дождь там идет непрерывно зимой и летом, так что жители его не могут ни молотить, ни веять свое зерно, они складывают его в помещениях необмолоченным и берут оттуда столько, сколько им нужно, растирают руками, затем размалывают и пекут хлеб. В их стране много соколов, так же как у нас множество ворон. Они [держатся] стаями и из-за их большого количества [люди] не могут держать домашних птиц.

Описание стены Йаджудж и Маджудж¹³²

[с.162] Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман¹³³: [Халиф] ал-Васик¹³⁴ би-л-Лахи после того, как увидел во сне¹³⁵, что стена, воздвигнутая Зу-л-Карнайном¹³⁶ между нами и Йаджудж

же принять вариант Венской рукописи и иметь в виду путь «позади Византии» или Италии, то намечается дорога после стран Западной Европы, через Регенсбург–Краков–Киев и далее в Хазарию и на Каспий.

¹²⁷ Балх – крупный торговый центр в восточной части Хорасана (близ совр. Вазирабада в Афганистане).

¹²⁸ Мавараннахр (араб. дословно: «то, что за рекой») – территория между рр. Сырдарья и Амударья.

¹²⁹ Вурт ат-тугузгуз: Вурт или Йурт – конъектурная форма издателя. Принято подразумевать тюркский корень со значением «город», «столица» токуз-огузов [Validi-Togan, 1937, S.7].

¹³⁰ Фрагмент передает античную традицию, согласно которой Земля делилась на обитаемые и непригодные для жизни 4 четверти. В обитаемой части названа Европа (*Уруфи*), в которой представлены современные автору реалии, в том числе славяне. Одна из четырех частей названа античным термином *Скифия*, но народы, в том числе хазары, представлены современными автору.

¹³¹ Здесь имеется в виду Черное море.

¹³² Йаджудж и Маджудж – библейские Гог и Магог, легендарные племена, обитавшие, по представлению средневековых географов, где-то на Востоке, за землями хазар. Согласно Корану, Зу-л-Карнайн воевал с этими племенами, загородил их стеной, чтобы обезопасить цивилизованные народы от их нападения. С кораническим упоминанием стены Йаджуджа и Маджуджа связывались смутные представления о Великой китайской стене. Здесь смешение исторических представлений во времена ал-Бируни, т.к. стена появилась после жизни Александра Македонского.

¹³³ Саллам ат-Тарджуман – арабский путешественник (середина IX в.), побывавший в северных странах в правление халифа ал-Васика, который поддерживал различные географические экспедиции.

Путешествие Саллама было предпринято около 842–843 г. Он прошел через Кавказ (Армению и Грузию) в землю хазар на восток, а затем через Барсхан, Тараз (Талас) и Самарканд вернулся обратно в Хорезм (или кругом Каспийского моря к Балхашу и Джунгарии, а затем через Бухару и Хорасан обратно в Самарру). В этом путешествии Саллам действительно видел стену или похожий на стену горный проход (несомненно, он мог видеть кавказскую стену у Дербента, а возможно, доходил до Великой китайской стены). Его путешествие не ограничивалось, как считал венгерский ученый Э.Зичи (полагая, что стена – это один из проходов Урала, якобы укрепленных булгарами), пространствами между Крымом и Уралом [Zichy, S.191–200].

По возвращении Саллам составил литературное произведение о своем путешествии, передал халифу сообщения, которые слышал на месте. До нас рассказ Саллама ат-Тарджумана дошел в передаче Ибн Хордадбега, который подчеркивает, что первоначально Саллам сам передал (т.е. рассказал) ему свой рассказ, а затем продиктовал по той записке, которую составил для халифа. Эта редакция описания стала очень популярной в арабской географической литературе, и ее с той или иной степенью подробности передают

и Маджудж разрушена, стал искать кого-либо, кто поехал бы на место и собрал сведения об этом. Ашнас сказал [халифу]: «Нет здесь кого-либо пригодного для этого путешествия, кроме [с.163] Саллама ат-Тарджумана. Он говорит на тридцати языках».

Сказал [Саллам]: «Вызвал меня ал-Васик и сказал: «Я хочу, чтобы ты отправился к этой стене, увидел ее воочию и доставил мне сведения о ней». Ал-Васик собрал для меня человек пятьдесят молодых и сильных, дал мне пять тысяч динаров, а также выплатил мне десять тысяч дирхемов как «цену крови». Он приказал наградить каждого из пятидесяти человек тысячью дирхемов и жалованьем на год. Он также приказал изготовить для людей войлочные шапки, покрытые кожей, а также изготовить для них накидки из меха и деревянные стремена. Он дал мне двести мулов для перевозки провианта и воды. Мы покинули Сурра ман ра'а¹³⁷ с письмом от ал-Васика би-ллаха к Исхаку ибн Исма'илу¹³⁸, правителю (сахиб) Арминии, находящемуся в Тифлисе, чтобы он нас принял. Исхак написал о нас владетелю ас-Сарира, а владетель ас-Сарира написал о нас царю (малику) ал-Лана, царь ал-Лана написал о нас Филан-шаху, тот написал о нас Тархану – царю Хазар. Мы остановились у царя хазар на одни сутки, чтобы он отправил с нами пять проводников. Мы шли от них двадцать шесть дней и достигли черной земли с неприятным запахом. Прежде чем вступить на эту [землю], мы запаслись уксусом и нюхали его, чтобы отбить скверный запах, и шли [так] десять дней. Затем мы пришли к городам, [лежавшим] в развалинах, и шли по этим местам еще двадцать дней. Мы спросили о причине такого состояния городов, и нас оповестили, что это города, в которые [когда-то] проникли Йаджудж и Маджудж и разрушили их. Затем мы достигли крепостей, [построенных] рядом с горой, по ущельям которой проходила стена. В этих [с.164] крепостях [живет] народ, говорящий по-арабски и персидски. Они спросили нас, откуда мы явились. Мы сообщили им, что являемся посланцами эмира верующих. Они подошли [к нам], были поражены [услышанным] и [пере]спросили: «Эмир верующих?». Мы сказали: «Да». Тогда они спросили: «Стар он или молод?» Мы говорим: «Молод». Они снова очень удивились и спросили: «Где он проживает?» Мы говорим: «В Ираке, в городе, называемом Сурра ман раа». Они сказали: «Мы об этом никогда не слышали».

[Расстояние] между каждой из этих крепостей от одного до двух фарсахов, меньше или больше... Затем мы достигли города, называемого Ика¹³⁹. Он занимает площадь, равную [квадрату] со стороны десять фарсахов. [Город] имеет железные ворота, вокруг него имеются пашни, а в городе есть мельницы. Это тот самый город, где поселился Зу-л-Карнайн со своим войском. Между [городом] и стеной расстояние в три дня пути. [На всем протя-

рание и поздние географы: Ибн Русте, Йакут, ал-Гарнати, ал-Идриси, ал-Казвини, ан-Нувайри и др. Ал-Идриси сохранил детали, которые отсутствуют в дошедшем до нас списке Ибн Хордадбеха.

Смешение в описании обеих стен может объясняться тем, что существовало двойное представление о стене Зу-л-Карнайна, помещавшее ее то на Востоке, то на Севере. Вероятно, в описании, наряду с непосредственным впечатлением виденного, Саллам старался отразить в литературной форме и те подробности, которые упоминаются о стене Йаджуджа и Маджуджа в Коране [Коран, пер., 21:96; Крачковский, 1957, с.138–140; BGA, VI, S.162, 15 строка].

¹³⁴ Ал-Васик – аббасидский халиф (227–232/842–847).

¹³⁵ Повод к путешествию Саллама был фантастичен: халифу ал-Васику приснился сон, что построенная с Зу-л-Карнайном стена, за которой он заключил народы Йаджудж и Маджудж, открылась (так же как и повод к поездке астронома Мухаммада ибн Мусы для обследования пещеры с семью спящими отроками). Возможно, реальной причиной этого сна, вызвавшей его, могли быть слухи о передвижении тюркских племен в Центральной Азии (в результате разгрома кыргызами уйгуров в Монголии в 840 г.).

¹³⁶ Зу-л-Карнайн (Двурогий) – прозвище Александра Македонского. Источником коранического рассказа [Коран, пер.18:82, 85, 93] об Александре Македонском является сирийская легенда VI в. н.э., в которой говорится, что будто бы у Александра на голове было два нароста вроде рогов. Араб. «зу» – обладатель, господин – обладатель двух рогов, имеющий два рога.

¹³⁷ Сура манн ра'а (араб., дословно: «обрадован, кто увидел»), от краткой формы которого образовано название Самара – город, построенный халифом ал-Му'тасимом (833–842 гг.) на месте древнего г. Самира и ставший при нем столицей. Халиф ал-Му'тамид (870–892 гг.) заново перенес столицу в Багдад.

¹³⁸ Исхак ибн Исмаил – владетель Тифлиса, отделившийся от халифата. Был разбит войсками арабского полководца Буги ал-Кабира и казнен в 851 г.

¹³⁹ Де Гье отождествляет г. Ика, находящийся на границе с Йаджудж и Маджудж, с Игу-Хами – бывшей столицей уйгуров.

жении пути от города] до стены, которую достигаешь на третий день, расположены крепости и селения. [Эта стена наподобие] горы округлой формы. Говорят, что Йаджудж и Маджудж обитают здесь. Их два вида (синфани). Говорят [также], что Йаджуджи ростом выше Маджуджей – с разницей от одного до полутора локтя, меньше или больше этого.

Затем мы достигли высокой горы, на которой возвышались крепость и стена, построенная [с.165] Зу-л-Карнайном. Там между двумя горами есть ущелье, ширина которого двести локтей. Оно является дорогой, через которую вышли и рассеялись по земле [Йаджуджи и Маджуджи]. Фундамент стены заложили на глубине тридцать локтей с помощью железа и меди и [возводили ее] таким образом, пока не достигли земной поверхности. Затем поставили две опоры с обеих сторон ущелья. Ширина каждой опоры – двадцать пять локтей, высота – пятьдесят локтей. Вся эта постройка состоит из железных плит, покрытых медью, [размер] одной такой плиты полтора локтя. Толщина плиты четыре пальца. Между этими двумя подпорками расположена железная притолока (дарванд) длиною сто двадцать локтей, толщиной десять локтей и шириною пять локтей; установлена на обеих опорах. Над притолокой – здание из тех же железных плит, покрытых медью, что возвышаются до вершины горы, высота которой – насколько охватывает взгляд. Это здание возвышается над притолокой примерно на шестьдесят локтей. Над [зданием] – железные террасы. По краям каждой террасы два рога, которые загибаются друг на друга. Длина каждой террасы пять локтей, а ширина четыре локтя. Над притолокой тридцать семь террас. Железные ворота имеют две прикрепленные [к ним] створки. [с.166] Ширина каждой створки пятьдесят локтей, высота семьдесят пять локтей, толщина пять локтей. Обе стойки при вращении соразмерны с притолокой. [Это сооружение так построено], что ветер не может проникнуть ни через ворота, ни со стороны гор, оно будто сотворено самой природой. На воротах запор (кифл) длиною в семь локтей, а в обхвате – один ба'а. Его не смогут обхватить два человека, и он отстоит от земли на двадцать пять локтей. Пятью локтями выше запора висит задвижка (галак) – длиннее, чем сам запор. Каждая из двух [замочных] задвижек – по два локтя. Торчащий в замке ключ имеет длину в полтора локтя. [Этот ключ] имеет двенадцать зубцов, каждый из зубцов как пест ступки. Обхват ключа четыре пяди; он прикреплен к цепи, припаянной к двери. Длина цепи восемь локтей, она имеет четыре пяди в обхвате. Кольцо, прикрепляющее цепь к двери, подобно кольцу катапульти. Порог двери, не считая частей, оставшихся под двумя косяками, имеет ширину десять локтей и длину сто локтей. Выступающая часть [двери] равна пяти локтям. Все [размеры] «зира'» исчисляются [мерой длины], называемой «зира' ас-сауда».

Около ворот есть две крепости, каждая площадью двести квадратных локтей. У ворот этих двух крепостей растут [с.167] два дерева. Между двумя крепостями есть пресный источник. В одной из крепостей [сохраняются] орудия, служившие для постройки стены, в том числе железные котлы и железные ковши. На каждом треножнике (дикдан) размещено четыре котла, подобных котлам для [варки] мыла. Там находятся остатки железных кирпичей [из которых была сооружена стена]. Из-за ржавчины они прилипли один к другому. Комендант (раис) этих крепостей каждый понедельник и четверг отправляется верхом [к железным воротам]. Они (раисы) эти ворота получают по наследству, подобно тому, как халифы наследуют халифат. Он верхом является [к воротам] вместе с тремя сопровождающими, на шее у каждого из них [висит] пест. К воротам [приставлена] лестница. Он взбирается на самую высокую ступень и ударяет о запор один раз на рассвете, и слышится им звук наподобие [гула] потревоженного пчелиного улья, затем [звуки] приглушаются. К полудню ударяют [по запору] еще раз. [Раис] прикладывает ухо к воротам: второй звук оказывается сильнее, чем первый. Затем [звуки опять] приглушаются. Когда наступает послеполуденное время, ударяют еще раз. Появляется тот же шум. Он остается здесь до захода солнца и только после этого уходит. Цель удара о запор в том, чтобы он (раис) услышал, есть ли кто за воротами, а [если есть], то чтобы знали, что охрана здесь. И чтоб [люди в крепости также] знали, что те не предпримут против ворот [с.168] никаких действий.

Недалеко от этой местности находится большая крепость, размером десять фарсахов на десять, [т. е.] площадь ее сто квадратных фарсахов.

Сказал Саллам: «И я спросил одного из присутствовавших жителей крепости: «Имеют ли эти ворота какой-либо недостаток?» Они ответили: «Никакого, кроме этой трещины.

Трещина эта проходит по ширине словно тонкая нитка». Я спросил: «Вы [хоть] немного опасаетесь за ворота?» Они ответили: «Нет! Эти ворота толщиной в пять локтей в локтях ал-Искандара, один локоть ал-Искандара равен полутора локтям ас-сауда»¹⁴⁰.

Сказал [Саллам]: «Я подошел [к воротам], извлек из своей обуви нож, стал скоблить место трещины и вытащил оттуда кусок размером в половину дирхема, завязал его в платок, чтобы показать Васику би-ллаху. На правой створке ворот – сверху – на древнем языке (ал-лисан ал-аввал) железными [буквами] написано: «А когда придет обещание Господа моего, он сделает это порошком; обещание Господа моего бывает истиной»¹⁴¹. Мы осмотрели сооружение, которое большей частью состояло из полос: один ряд желтый – из латуни, другой черный – из железа. На горе вырыто специальное место для литья ворот, место для котла, в котором перемешивают медь, и место, где варят олово и медь. Эти котлы из желтой меди. Каждый котел имеет три ручки. Там есть цепи и крюки, при помощи которых медь поднимали на стену. Мы спросили тех, кто был там: «Видели ли Вы хоть одного из этих Йаджуджей и Маджуджей?» Они припомнили, что видели один раз некоторое их количество на горе. [Тогда] подул страшный ветер и бросил [Йаджуджей и Маджуджей] в их сторону. Рост их на глаз – пядь с половиной. Гора с наружной стороны [с.169] не имеет ни плоскогорья, ни склона, и нет на ней ни травы, ни дерева и ничего другого. Это гора высокая, стоит [вся] гладкая и белая.

Когда мы уходили, проводники повели нас в нахийа Хурасан. [Тамошний] владыка именуется ал-Луб¹⁴². Затем мы выехали из этой местности и достигли земель, владыку которых зовут Табануйан¹⁴³. Он собиратель хараджа (сахиб ал-харадж). Мы находились у них [несколько] дней, затем отправились из этого места и шли до тех пор, пока на восьмой месяц не достигли Самарканда. [Затем] мы прибыли в Исбишаб (Исфиджаб), пересекли реку Балх, затем прошли через Шарусану (Усрушану), Бухару, Термез и, наконец, достигли Нисабура. [За время путешествия] погибли многие из людей, которые были с нами. На пути туда заболели двадцать два человека. Умерших мы похоронили в своей одежде, а заболевших оставляли в каком-либо селении. На обратном пути погибло четырнадцать человек. И когда мы прибыли в Нисабур, нас осталось всего четырнадцать человек. Владетели крепостей снабдили нас тем, в чем мы нуждались. Затем мы пошли к Абдаллаху ибн Тахиру. Он награждал меня восемью тысячами дирхемов, а каждого из сопровождающих меня людей награждал пятьюстами дирхемов. Он определил каждому всаднику по пять дирхемов, а каждому пешему – по три дирхема в день до самого Рея. Из мулов, [с.170] которых мы взяли с собой, остались невредимыми только двадцать три. Наконец, мы прибыли в Сурра ман раа, и я пришел к ал-Васику, сообщил ему всю историю и показал кусок железа, который я выскоблил с ворот. Он воздал хвалу Аллаху, велел принести воздаяние и раздал его и одарил людей, выдав каждому по тысяче динаров. Наш путь до стены занял шестнадцать месяцев, а обратный – двенадцать месяцев и [несколько] дней».

Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман эту историю в общем, затем продиктовал ее мне из послания, которое было написано для ал-Васика би-ллаха.

О чудесах гор

[с.172] Гора ал-‘Ардж¹⁴⁴, которая между Меккой и Мединой, тянется до аш-Шама¹⁴⁵ (Сирии), пока не соединяется в Химсе с горами ал-Лубнана, а в Дамаске с [горой] Санир. Затем [горы] тянутся дальше до [с.173] Антакийи (Антиохи)¹⁴⁶ и гор ал-Массисы¹⁴⁷, назы-

¹⁴⁰ Судя по тексту, 1 локоть ал-Искандара равняется полутора локтям ас-сауда – т.н. черному локтю, который равен 54,04 см, соответственно локоть ал-Искандара – 81,06 см.

¹⁴¹ Коран, пер., 18: 98.

¹⁴² Ал-Луб, по тексту, – титул одного из владык; возможно, тождественно с Лобом (Лопом или Лоб-Катаком), который источники относят к нижнему течению Тарима (ср.: [Бартольд, III, с.497–498]).

¹⁴³ Табануйан, по тексту, – имя или титул владетеля; очевидно, тождествен с Турфаном.

¹⁴⁴ Гора ал-Ардж – горный проход между Меккой и Мединой.

¹⁴⁵ Аш-Шам – провинция Арабского халифата, занимала большую территорию, чем совр. Сирия.

¹⁴⁶ Антиохия – город в Сирии, на р. Оронт.

¹⁴⁷ Горы ал-Массиса – в северной части Сирии.

ваемым там ал-Лукам¹⁴⁸, где соединяются с горами Малатийи, Шамишата (Шамшата)¹⁴⁹ и Каликалы¹⁵⁰, и доходит] до моря ал-Хазар¹⁵¹, и где [находится] ал-Баб ва-л-абваб. Там [эта гора] называется ал-Кабк (Кавказ)¹⁵².

Материал подготовила Нурия Гараева

Ибн ал-Факих

Из биографических сведений об Ибн ал-Факихе известно только его полное имя – Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ал-Хамадани Ибн ал-Факих, другие данные отсутствуют. По нисбе можно предполагать, что он или его предки происходили из г. Хамадан в Иране. Около 903 г. Ибн ал-Факих составил «Книгу стран» («Китаб ал-булдан»), сохранившуюся в редакции, составленной в XI в. ученым по имени ‘Али аш-Шайзари. Три рукописи этой редакции легли в основу критического издания серии «Библиотека арабских географов» (BGA), основанной голландским ориенталистом М.Я. де Гье. В начале XX в. в Мешхеде была найдена рукопись XIII в. второй части труда Ибн ал-Факиха (издана частично; о полном издании сведений нет), в которой есть глава о тюрках.

В «Книге стран» содержится сокращенный и измененный вариант рассказа о путях еврейских и славянских купцов, чем

в труде Ибн Хордадбеха, хотя само сочинение Ибн ал-Факиха основано либо на тех же источниках, которыми пользовался Ибн Хордадбех, или же он использовал «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» последнего. В переводах на русский язык существуют только отдельные главы книги Ибн ал-Факиха, посвященные областям Ирана и Ирака, а также фрагменты, касающиеся купцов-славян. Полную выборку сведений о Восточной Европе из «Китаб ал-булдан» Ибн ал-Факиха с переводом на польский язык сделал Т.Левицкий [Żrodla, 1977]. Ниже приведены русские переводы всей его выборки. В наших переводах сохранена его нумерация латинскими цифрами фрагментов теста Ибн ал-Факиха.

Издание: BGA, V, 1885. Перевод: Massé, 1973; Żrodla, 1969, II/1. О нем: Крачковский, 1957, с.262; Żrodla, 1969, II/1, p.9-16. EI², vol.III, p.761–762.

Китаб ал-булдан

(Книга стран)

I.

[с.6] Пятый иклим – Кустантинийа, ар-Рум и ал-хазар. Его ширина и длина – такая же, как и [ширина и длина] первого [иклима].

Шестой иклим – Фиранджа (страна франков) и другие народы. [Живет] там [народ] женщин, которые имеют обычай отрезать у себя груди в детстве и прижигать их раскаленным железом, чтобы не росли. Его ширина и длина – такая же, как и [ширина и длина] первого [иклима].

Седьмой иклим – тюрки. Их мужчины и женщины имеют [типично] тюркские лица из-за господствующего у них (ат-турк) холода. Там [водятся] дикие звери, а они небольшого роста. Там нет насекомых (оводов) и нет львов. Они (люди) живут под крышей, которая де-

¹⁴⁸ Ал-Лукам – гора в Сирии.

¹⁴⁹ Шамишат – древняя Арсамосата на левобережье бассейна Евфрата.

¹⁵⁰ Каликала – древний г. Кари (Еарной Калак), откуда и арабское искажение – Каликала (совр. Эрзерум в восточной Турции).

¹⁵¹ Море ал-Хазар – во всех ранее встречавшихся случаях Ибн Хордадбех называл морем Хазар Черное. Однако в данном фрагменте подразумевается Каспий. По всей вероятности, данные получены автором из различных первоисточников.

¹⁵² Арабское название Кавказа происходит от его сасанидского названия *Куст-и Каткох*.

Весь фрагмент призван показать свойственную арабской географии идею о существовании единой горной цепи, охватывающей обитаемую Землю.

лается из досок, привозимых на запряженных быками телегах. Их скот пасется в пустынях (степях). Детей у них мало.

II.

[с.6] Возделанная земля делится на четыре части: Аруфа (Европа), а в ней – ал-Андалус, ас-сакалиба, ар-Рум, Фиранджа, и Танджар, до границ Египта; Лубийа, а в ней – Египет, Кулзум, ал-Хабаша, [страна] Барбар и то, что следует за ней; [третья часть] – Южное море (ал-Бахр ал-джунуби). В тех краях (ал-билад) нет кабанов, диких ослов и коз. В этой [части] – Тихама, ал-Йаман, ас-Синд и ал-Хинд.

[Четвертая часть] – Аскутийа (Скифия), а в ней – Арминийа, Хурасан, тюрки (ат-турк) и ал-хазар.

III. Речь о морях и земле, [которая] их окружает

[с.7] Третье море – Хорасанское, Хазарское, [называемое так] из-за близости к нему хазар. По нему [путь] до Мукана (Мугана), Табаристана, Хваризма и Баб ал-аббаба. От моря Джурджана до залива ал-хазар десять дней [пути], а если им [будет попутный] ветер – то восемь дней [пути], по морю, и два дня [пути] – по суше. Это море это называется Хорасанское. Его сторона – сто фарсахов, а его окружность – тысяча пятьсот фарсахов.

Четвертое [море] – то, что между Румийей и Хваризмом, там есть остров, называемый Тулийа (Апулея)¹⁵³, до которого не добирается ни один корабль.

IV.

[с.77] Ан-Нуба (ан-Нубийа) – яковиты. У ас-сакалиба – крест. Слава Аллаху за Ислам!

V.

[с.83] Бурджан (Дунайская Болгария) и страны ас-Сакалиба и ал-Абар (авар) [находятся] к северу от ал-Андалуса.

VI.

[с.84] [Вот], что вывозят из этих областей: слуг из ас-сакалиба, юношей (гилман) румийских и франкских, девушек из ал-Андалуса (ал-Андалусийат), меха зайца, бобра и соболя, из благовоний – стираксовую смолу и мастику. Добывают из их моря ал-бусазз, а он называется народом коралл¹⁵⁴.

VII. Виноград

[с.125] [Виноград], множество сортов и разнородность его видов, трудно представить. [Среди них такие виды] как ас-сунайа и ал-хамри [есть] в округе¹⁵⁵ Кутруббул, ал-мулахи – в Багдаде, ас-саклаби и красный [сорт] – в Сурра ман раа (Самарре).

VIII. Речь об ар-Руме

[с.136] Земля ар-Рум расположена на северо (дабурийа)-западе. Она [простирается] от Антакийи (Антиохии) до Сицилии и от Кустантинийи до Булийи (Апулеи). У них преобладают [языки] ар-руми и ас-сакалиби. Ал-Андалус, ас-сакалиба и ар-рум, все они, – христиане-мелканиты. Они читают Евангелие (ал-Инджил) по-немецки (би-л-джармаканийа). Они имеют коров, коней и овец. Свои спорные дела они судят, опираясь на законы Торы (ат-Таврийа)¹⁵⁶. Они [являются] ремесленниками, мудрецами (хикам), врачами (тибб). Они самый искусный народ в изображении [икон].

¹⁵³ Иногда Тулийа. Апулея – город на Адриатическом побережье.

¹⁵⁴ Фрагмент почти полностью совпадает с цитатой из Ибн Хордадбега (см. выше).

¹⁵⁵ Перевод, предложенный Т.Левицким [Żrodla, 1969, p.22]. В арабском тексте «тассудж» (мн.ч. *тасасидж*). Историческое «тасудж» – весовая и денежная единица, равная 1/4 даника.

¹⁵⁶ Так в тексте, но, видимо, имеется в виду Библия [Żrodla, 1969, p.22].

IX.

[с.145-146] Море ар-Рума [простирается] от Антакийи до Кустантинийи, затем поворачивает, охватывая [земли] со стороны севера, пока не выйдет позади ал-Баб ва-л-абваба¹⁵⁷ со стороны ал-хазар¹⁵⁸, пока не достигнет [с другой стороны] Кайравана¹⁵⁹ Ифрикийи¹⁶⁰, [затем] Андалусии [и доходит] до Суса Дальнего, до Островов Счастливых.

Земля ар-Рума – на северо-западе, это – от Антакийи до Сицилии и от Кустантинийи до Булийи (Апулеи)¹⁶¹. Большая часть [живущих] на ней – ар-румы, ас-сакалиба и андалусцы.

Ас-Сакалиба состоят из двух видов: темные и светлые (смуглые) – это те, что примыкают к морю, а что касается светлых, то они красивы и живут на суше¹⁶². [Главный] город царя Кустантинийи – Антакийя (Антиохия), [расположена] на берегу моря, [там] резиденция (маджма‘) патриарха. От Тарсуса до залива Кустантинийи сто миль, там [в Кустантинийи] мечеть Масламы ибн ‘Абд ал-Малика¹⁶³, [построенная] когда он осаждал Кустантинийу. Залив Кустантинийи течет, пока не впадет в море аш-Шам. Ширина залива в [местечке] Абидус размером расстояния полета стрелы, а когда он достигает моря аш-Шам, то его ширина в месте впадения также размером расстояния полета стрелы. Там [есть] огромная скала, а на ней башня. В [месте впадения] цепь, которая преграждает кораблям мусульман вход в залив. [Местечко] ‘Аммурийя [находится] до залива, между ним и Кустантинийей шестьдесят миль.

Рассказывают, что патриархи ар-Рума, а их вместе с царем (ал-малик) двенадцать патриархов, [находятся] в Кустантинийе, и что конница [Кустантинийи] – четыре тысячи и пешие [воины] – четыре тысячи.

X.

[с.147] Харадж ар-Рума с площади каждые двести мудда¹⁶⁴ три динара каждый год. Внимают десятую часть урожая, которая составляет пропитание для войска. Он взимает с каждого человека из иудеев и почитателей огня (ал-маджус) по динару каждый год. Для него взимают с каждого дома, в котором есть дым, динар ежегодно.

XI.

[с.148] [Жители] ар-Рума имеют коров, коней, овец. У них чудная бязь (ал-баззийя)¹⁶⁵ и византийская (ар-руми) парча. Им принадлежат благовония стираксовой смолы, мастика, невольницы ар-Рума (ар-румийат) и юноши-[слуги]. В глубинах их морей растет коралл.

XII. Речь об Ираке

[с.162] Один наблюдательный человек заметил, что жители Ирака – это люди со здоровым рассудком, с похвальными устремлениями и ровным характером; также искусные во всех ремеслах. Части их тела пропорциональны и строение их ровное. Цвет их кожи – смуглый, что является [цветом] наиболее ровным и умеренным. Созревают они в лоне [своих матерей], которые их не рожают [с волосами цветом] средним между цветом рыжим, белокурым, блекло (тускло, матово)-белым и белым, так как это бывает у [детей], рожденных от женщин ас-сакалиба. Они похожи на своих младенцев. Утробы их женщин

¹⁵⁷ Еще одна форма написания арабского название Дербента; наиболее распространенное написание – Бал ал-абваб.

¹⁵⁸ Морем «позади Дербента» обычно считают Каспийское море, однако здесь, вероятно, подразумеваются северная и западная части Черного моря – «со стороны хазар».

¹⁵⁹ Кайруван – крупный торговый, политический и военный центр в Тунисе.

¹⁶⁰ Ифрикийя – средневековая провинция, в основном совпадающая с совр. Тунисом.

¹⁶¹ Апулея – город на Адриатическом побережье.

¹⁶² «Темные и смуглые» славяне, живущие вблизи моря – по-видимому, население Адриатического побережья. «Светлые, живущие на суше» – прочее славянское население Европы [Kmietowicz, 1959, S.370].

¹⁶³ Маслама ибн ‘Абд ал-Малик – сын Омейядского халифа ‘Абд ал-Малика ибн Марвана (65–86/685–705); полководец, активно участвовавший в походах на Кавказ, наместник халифа на Кавказе в 107–111/725–730 и 113–114/731–733 гг., а до этого в 102/720 г. был наместником Ирака и Хорасана.

¹⁶⁴ Мудд (мн.ч. *амдад*, *мидад*) – мера сыпучих тел, равная 18,3/4 л.

¹⁶⁵ По-арабски: бязь, хлопчатобумажная, полотняная ткань – ал-базз.

портят плод прежде, чем он [плод] созреет, так что младенцы рождаются с волосами цветом средним между черным и темным, как смола, и издают смрадную вонь. Волосы его [плода] скручены в форме зернышка перца, [он] имеет также недоразвитый ум и преступные наклонности [так же], как [это имеет место] у аз-зинджей и эфиопов (ал-хабаша) и подобных им черных людей. Составляют они что-то среднее между растворенным тестом, которое начинает подниматься, и испеченным [хлебом], сожженным на углях.

XIII. Речь об ар-Рейе и Дубнаванде

[с.270 (с.281-282)] Мухаммад ибн Исхак¹⁶⁶: «В ар-Рейе – прекрасный климат, удивительные здания; [он] – ворота купцов и убежище лжецов; он – украшение земли, станция [всего] мира и центр Хурасана, Джурджана, Ирака, Табаристана. Он – лучшее на земле для всего сущего». Ему принадлежат пригороды и акведуки. К нему прибывают товары Арминии, Азарбайджана, Хорасана, ал-хазар, страны бурджан (Дунайская Болгария). Чтобы вести торговлю морем, плывут с востока на запад и с запада на восток. Они доставляют превосходную парчу и шелк из [земель] франков (фиранджа) в ал-Фарама. [Затем купцы эти] садятся [на корабли] в море ал-Кулзум и везут эту парчу в Китай (ас-Син), привозя [взамен оттуда] корицу, ласточкины гнезда (?) и всякие [другие] китайские товары. С этими товарами прибывают в ал-Кулзум, затем же вновь направляются в ал-Фарама. А купцы – иудеи, которых называют ар-рахданийа, они разговаривают по-персидски, по-гречески (ар-руми), по-арабски, по-франкски (ал-ифранджи). Они выезжают из ал-Фарама. Они продают мускус, лютни (ал-‘уд) и все, что с ними из товаров франков (фиранджа). Они направляются в Антакийю, затем следуют в Багдад, затем к ал-Абалла. Что же касается купцов ас-сакалиба, то они везут шкурки лисиц и зайцев из окраин [земель] ас-сакалиба и приходят [с.271] к морю ар-Рум, и берет с них десятину (‘ушр)¹⁶⁷ владетель ар-Рума. Затем прибывают по морю к Самкарш иудеев¹⁶⁸, затем переходят к ас-сакалиба¹⁶⁹; или следуют от моря ас-Сакалиба¹⁷⁰ в эту реку, которая называется рекой ас-Сакалиба¹⁷¹, пока не достигнут Хамлиха (Хамлиджа) ал-Хазар¹⁷², и берет с них десятину (‘ушр) властитель ал-хазар. Затем идут к морю Хорасана¹⁷³. Иногда выходят в Джурджане и продают все, что у них есть. А идет все это в Рей. Удивительное в этом то, что [ар-Рей] – гавань мира (дунья).

XIV. Речь об Арминийи

[с.286-287] Сказал Абу ал-Мунзир Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Саиб ал-Калби¹⁷⁴: Арминийю называют по имени Арминий ибн Лантий, а он сын Йунана ибн Йафиса¹⁷⁵. Пределы Арминийи от Барза‘а до ал-Баб ва-л-аббаба, и [далее] до предела ар-Рума по [другой] стороне вдоль по [гряде] гор ал-Кабк (Кавказа), через царство (мулк) ас-Сарира и царство (мулк) ал-Лакза. От конца провинции Азарбайджан до начала провинции Арран восемь сикк. От Барза‘а до Тифлиса десять сикк. Арминийа первая, а это ас-Сисаджан, Арран и

¹⁶⁶ Мухаммад ибн Исхак (ум. в 151/768 г.) – арабский историк, автор биографии пророка Мухаммада («Сират расул ли-л-лах») и не дошедшей до нас «Истории халифов» («Тарих ал-хулафа»).

¹⁶⁷ Десятина, обычно взималась с мусульманского населения.

¹⁶⁸ Самкарш, вариант: Самкуш. Большинство исследователей принимает форму «Самкарш», сходную со встреченной в одной из еврейских надписей в Крыму и в письме хазарского царя Иосифа. Идентифицируется с Таматархой – *Тмутараканью* русских источников.

¹⁶⁹ Имеются в виду восточные славяне.

¹⁷⁰ *Море ас-Сакалиба* упоминается Ибн ал-Факихом один раз и не имеет прямых аналогий в материалах Ибн Хордадбеха, где речь идет о «море позади ас-сакалиба». Возможно, что здесь, как и у Ибн Хордадбеха, подразумевается Балтика.

¹⁷¹ Обычно р. ас-Сакалиба соответствует р. Танаис (или *Танис* арабских авторов). Но здесь, видимо, подразумевается не конкретная река, а собирательное понятие о водной артерии, которая связывала северные и южные регионы Восточной Европы.

¹⁷² Так в тексте издания. Иногда читают как «Халидж ал-Хазар» (Залив (пролив?) ал-хазар), который идентифицируют с Азовским морем.

¹⁷³ Море Хорасана – еще одно название Каспийского моря.

¹⁷⁴ Хишам ибн Мухаммад ал-Калби (Ибн ал-Калби) (ум. не позднее 822 г.) – арабский историк, известный знаток генеалогий и преданий, автор «Тарих» («Истории»).

¹⁷⁵ Арминий ибн Лантий и Йунан ибн Йафис – библейские персонажи.

Тифлис, его завоевал Хабиб ибн Маслама¹⁷⁶; из того, что он завоевал там, Барза'а, а его построил Кубаз Великий. Он построил ал-Баб ва-л-абваб; он построил [в Арминии] крепости и их назвали воротами, потому что они были построены на дорогах в горы. [Всего] их триста шестьдесят крепостей. В [направлении] Баб ал-Лан [расположены] сто крепостей. Десять крепостей во [владении] мусульман в земле Табаристана. Остальные крепости в земле Филана, владетеля ас-Сарира [и так] до Баб ал-Лана.

Поселения тюрков [находятся] за городом ал-Бабом, их разрушил Салман ибн Раби'а¹⁷⁷; он и его сторонники, а их было четыре тысячи, погибли мучениками за веру. Сказал 'Абд ар-Рахман ал-Бахили¹⁷⁸, вспоминая Салмана ибн Раби'а, а он похоронил его по ту сторону реки Баланджар за ал-Баб ва-л-абвабом:

Истинно у нас две могилы: могила
Баланджара и могила Син Астана...

Арминийа первая [включает] ал-Байлакан, Кабалу и Шарван. Арминийа вторая – Джурзан, Сугдабил, Баб Фируз Кубаз и ал-Лакз. Арминийа третья [состоит] из ал-Бусфурраджана, Дабила, Сирадж Тайра, Баграванда и ан-Нашавы. Арминийа четвертая: там могила Сафвана ибн ал-Му'аттала ас-Сулами, а он последователь (сахиб) пророка Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует. Там между [Арминийей четвертой] и крепостью Зийад находится дерево, которое плодоносит неизвестными плодами, подобными миндальным орехам, а вкус их приятнее, чем соевый мед. [Арминийа четвертая включает] Шимшат, Хилат, Каликала, Арджиш и Баджунайс. Область Арран и ас-Сисаджан в царстве (мамлака) ал-хазар.

XV.

[с.287-288] Кубаз также построил город (мадина) ал-Байлакан, город Барза'а, город Кабалу, построил стену из необожженного кирпича, а на этой стене из необожженного кирпича построил триста шестьдесят городов, которые были разрушены после строительства ал-Баб ва-л-абваба. Потом царствовал после него его сын Кисра (Хосров) Ануширван (Ану Ширван)¹⁷⁹; он построил город аш-Шабиран, город Маскат и город Каркару; потом он построил город Баб ал-абваб. Их назвали воротами (абваб) потому, что они были построены на дорогах в горы. В земле Арран он построил ворота (абваб) Шаки и ворота (абваб) ад-Дуданийа. [Ад-Дуданийа] – народ главенствующий (руководящий), они из потомков Дудана ибн Усайда ибн Хазимы¹⁸⁰. [Кисра Ануширван] построил ад-Дурзикийу, а в ней двенадцать ворот, и у каждого из этих ворот [находится] каменная крепость. В земле Джурзан [Кисра Ануширван] построил город, который называют Сугдабил, туда он поселил людей из ас-Сугда и персов, и сделал его [Сугдабил] сторожевым гарнизоном. Он построил Баб ал-Лан (Ворота аланов), Баб Самсахи, построил крепость Джардаман, крепость Шмшулда. Он [Кисра Ануширван] построил Баланджар, Самандар, Джурзан и Шаки. Он завоевал все страны, которые были в подчинении у ар-Рума. Он отстроил город Дабил и укрепил его. Он построил город ан-Нашава, а это главный город округа ал-Бусфурраджан; построил

¹⁷⁶ Хабиб ибн Маслама ал-Фихри ал-Кураши (погиб в военном походе в 41/661–661 или 42/662–663) – полководец Омейядов, вел военные действия в Сирии и на Кавказе во главе войска, собранного в Сирии.

¹⁷⁷ Салман – командующий арабским войском, собранным в Куфе; один из полководцев, участвовавших в походах арабов к Дербенту в правление «праведных» халифов 'Умара и 'Усмана (13–35/634–656).

¹⁷⁸ 'Абд ар-Рахман – арабский полководец, первым предпринявший поход от Дербента к Баланджару и ал-Байда уже в правление праведных халифов 'Умара ибн ал-Хаттаба (13–23/634–644) и 'Усмана ибн 'Аффана (23–35/644–656) (согласно сведениям Сайфа ибн 'Умара, одного из источников ат-Табари). Вместе с ним в походе был его родной брат Салман ибн Раби'а ал-Бахили, активно участвовавший в походах на Кавказ, который после гибели 'Абд ар-Рахмана у Баланджара стал его преемником на посту наместника. Обстоятельства гибели 'Абд ар-Рахмана иногда связывают с Салманом ибн Раби'а [Гараева, 2002, с.440–460].

¹⁷⁹ Кисра (Хосров) Ануширван (Ану Ширван).

¹⁸⁰ Дудан ибн Усайд ибн Хазим, судя по имени, – брат Йазиды ибн Усайды ибн Хазима ас-Сулами – наместника аббасидского халифа в Арминии в 135/752–753 г. Несколько поколений рода ас-Сулами занимали должность наместников халифа в кавказских провинциях, возможно, имели земельные владения.

крепость Вайс; крепости в земле ас-Сисаджан, а среди них – крепость ал-Килаб (крепость псов) и [крепость] Шахбуш, он заселил их [людьми] из ан-Нишаситаджийин, [известных] смелостью и отвагой. Он построил стену (ал-хаит) между ними (крепостями ал-Килаб и Шахбуш) и хазарами из горной породы и свинца, ее ширина триста зира¹⁸¹, [она простирается] пока не соединится с вершинами гор, потом он возвел ее в море. Он сделал в ней железные ворота. После этого стали их охранять сто воинов, а [раньше для охраны] требовалось пятьдесят тысяч воинов.

XVI.

[с.289] По сведениям персидских [авторов], когда Ануширван закончил [строительство] стены (ас-садд) на границе Баланджара и надежно укрепил ее фундамент в море, из-за этого охватила его огромная радость.

XVII.

[с.289] Что касается Баланджара, то он в глубине земли ал-хазар. Его построил Баланджар ибн Йафис¹⁸².

XVIII.

[с.289] Когда Ануширван завершил укрепление фундамента [стены] (ал-фанд), которая в море, он спросил об этом море. Сказали: «О царь, это море называется Кирдбил. Оно примерно триста фарсахов. Между нами и между Байда хазар четыре месяца пути по его берегу. От Байда хазар до стены (ас-садд), которой Исфандийар преградил [путь, сделав] из железа, два месяца пути».

XIX.

[с.290] Рассказывал Ахмад ибн Вади' ал-Исбахани, что затянулось [его] пребывание в стране Арминийа. И он написал некоторым ее царям и наместникам, что не видел страны более богатой и красивой, в которой животные невелики размером.

Говорили, что число царств [Арминийи] – сто тринадцать царств. Среди них царство владетеля ас-Сарира (трона), [который находится] между ал-Ланом и Баб ал-абвабом. Туда есть только две дороги: [одна] дорога в страну хазар, [другая] дорога в страну Арминийа, а в ней восемнадцать тысяч деревень. Арран – первое царство Арминийи, в котором четыре тысячи деревень. И большая их часть – деревни владетеля (сахиб) ас-Сарира.

XX.

[с.293] Шамкур – древний город, туда был направлен Салман ибн Раби'а, который завоевал его. Он [там] не поселился, а разрушил его. Ас-Савардийа – народ, который объединился (собрался) через несколько дней после ухода Йазида ибн Усайда¹⁸³ из Арминийи. И дела их были варварскими и связанные с ними несчастья многочисленны. Потом Буга, мавла (вольнотпущенник) ал-Му'тасима¹⁸⁴ би-л-лахи, застроил его [Шамкур] и укрепил, туда пребывали торговцы (купцы) и стали называть ал-Мутаваккилийа. Салман ибн Раби'а завоевал ал-Байлакан мирным путем; он отправил свою конницу, и она завоевала Сисар, ал-М.с.к.ван, Уз, ал-Мс.р.ани ал-Махрджилйан, это населенные области (рустак). Он завоевал [также] и другое из Аррана. Он обратился к курдам ал-Баласаджана с призывом к исламу, но они вступили с ним в битву, а он одержал победу над ними. На часть из них наложил джизью, а части из них он выплатил милостыню (садака).

Потом Салман выступил к месту слияния [рек] ал-Курр и ар-Рас по ту сторону Бардидж, он переправился через [реку] ал-Курр и завоевал Кабалу, и заключили с ним мирный дого-

¹⁸¹ Зира' – мера длины, величина которой локально колеблется от 0,56 до 0,75 м.

¹⁸² Баланджар ибн Йафис – библейский персонаж.

¹⁸³ Йазид ибн Усайд ас-Сулами – преемник своего отца на посту наместника аббасидского халифа на Кавказе. Его отец – Абу Йазид Усайд ибн Зафир ас-Сулами – был назначен в 135/752–753 г. наместником Арминии, который по приказу аббасидского халифа ал-Мансура (136–158/754–775) женился на дочери хазарского хакана.

¹⁸⁴ Ал-Му'тасим – аббасидский халиф (218–227/833–842).

вор [Кабала], Шаки, ал-Камибаран, Хайдак, царь Шарвана и другие цари (мулук) гор, [а также] население Маската, аш-Шабирана, города ал-Баба. Потом все, что было дальше, оказалось закрытым этой стеной.

Встретил его хакан во главе своей конницы, [Салман ибн Раби'а] переправился за реку Баланджар, но был убит, да помилует его Аллах, четыре тысячи мусульман, во главе [которых он был].

XXI.

[с.294] Правителем Арминии был назначен ал-Мугира ибн Шу'ба¹⁸⁵, потом его сместили и назначили правителем ал-Касима ибн Раби'а ас-Сакафи. В [правление] 'Али ибн Абу Талиба¹⁸⁶ правителем Ариминии и Азарбайджана был назначен ал-Аш'ас ибн Кайс¹⁸⁷. Потом там правили другие, пока не стал править Марван ибн Мухаммад¹⁸⁸ и он завоевал страну хазар и полностью котролировал их¹⁸⁹. Потом, когда началось правление 'аббасидов, правителем ал-Джазиры и Арминии был назначен Абу Джа'фар в правление его брата Абу ал-'Аббаса, потом он стал преемником и правителем был назначен Йазид ибн Усайд ас-Сулами, и он завоевал Баб ал-лан.

XXII.

[с.295] Горы ал-Кабк (Кавказ), там семьдесят два языка, и ни один человек не знал языка своего владетеля, кроме переводчика. Длина [гор] сто пять фарсахов, они связаны со страной ар-Рум до пределов хазаров и алан и соединяется со страной ас-сакалиба. Там также вид (джинс) ас-Сакалиба, а остальные – армяне. А говорят, что эти горы – горы ал-'Ардж, которые [находятся] между Мединой и Меккой, простираются до аш-Шама и соединяются [с.38] с Лубнаном в Химсе и Саниром в Дамаске. Потом [горы] простираются дальше и достигают гор Антакийи и ал-Массиса. Здесь [они] называются ал-Лукам, потом они достигают гор Малатийи, Шимшата, Каликалы до моря хазар, там [находится] ал-Баб ва-л-абваб, а [горы] называются ал-Кабк.

XXIII.

[с.297] За ал-Бабом – царь стены, ал-Лакз, царь ал-Лана, царь Филана, царь [с.298] Маската, владетель ас-Сарира, город Самандар. [Путь] от Джурджна до залива (халидж) ал-хазар, при хорошем ветре, [составляет] восемь дней. Все ал-хазар – иудеи, а стали они иудеями недавно. Из страны ал-хазар до места [где] стена (ас-садд) два месяца [пути]. Сказал Аллах, славный он и великий, в суре «Пещера»: «Они спрашивают о Зу-л-Карнайне. Скажи: «Я прочитаю вам о нем воспоминание». Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути. А когда он дошел до заката солнца, то увидел, что оно закатывается в источник зловонный, ...»¹⁹⁰ до его слов: «...ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле; ...»¹⁹¹.

¹⁸⁵ Ал-Мугира ибн Шу'ба – известный омейядский полководец, участник ранних арабских завоеваний.

¹⁸⁶ 'Али ибн Абу Талиб – четвертый «праведный» халиф (35–40/655–661).

¹⁸⁷ ал-Аш'ас ибн Кайс – известный омейядский полководец, участник ранних арабских завоеваний.

¹⁸⁸ Марван ибн Мухаммад ибн Марван ал-Химар – арабский полководец, добившийся больших успехов в походах в Закавказье и на Северный Кавказ в 119–121/737–739 гг.; начал участвовать в походах вместе со своим двоюродным дядей Масламой ибн 'Абд ал-Маликом. Впоследствии последний омейядский халиф (127–132/744–750). Его отец – Мухаммад ибн Марван ибн ал-Хакам, сын халифа Марвана (64–65/684–685) и брат халифа 'Абд ал-Малика ибн Марвана (65–86/685–705), – знаменитый полководец, прославившийся походами в Малую Азию (Византию), Сирию и Арминию. [Гараева, 2002, с.460–471].

¹⁸⁹ Имеются в виду события походов 119/737 г.

¹⁹⁰ Коран, пер., 18:83–86. В тексте Ибн ал-Факиха соответствующий фрагмент приведен не полностью. Повторяем полный текст, в котором в квадратные скобки заключен текст, отсутствующий у Ибн ал-Факиха: «Они спрашивают о Зу-л-Карнайне. Скажи: «Я прочитаю вам о нем воспоминание». Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути. А когда он дошел до заката солнца, то увидел, что оно закатывается в источник зловонный, [и нашел около него людей. Мы сказали: «О Зу-л-Карнайн, либо ты накажешь, либо устроишь для них милость»]».

¹⁹¹ Коран, пер., 18:94. Здесь в тексте Ибн ал-Факиха соответствующий фрагмент приведен также не полностью. Повторяем полный текст, в котором в квадратные скобки заключен текст, отсутствующий

Он сказал: Они отправлялись в свои земли с наступлением весны. Они позволяли [себе] только зелень, которую ели, а из сушеного только то, что несли [с собой]. Он сказал: «[Он сказал:] «То, в чем укрепил меня мой Господь, лучше; помогите же мне силой, я устрою между вами и ними преграду».¹⁹² Они спросили: «Что же ты хочешь?» Он сказал «...Кусков железа...»¹⁹³, то есть куски железа. Потом он приказал [принести] железо, сделать из него огромные кирпичи и расплавить медь, потом сделать саманную [и] медную штукатурку. Он построил ее [стену – проход] (этим он заложил ущелье) и выровнял его с двумя вершинами гор...

[с.301] Рассказывал Саллам ат-Тарджуман: «Ал-Васик, по воле Аллаха (би-л-лах), ... [и так далее до конца]. Мы выступили... из Рейя от ал-Васика и мы вернулись к нему через двадцать восемь месяцев после выступления.

XXIV. Речь об ат-турк (тюрках)

[с.329 (с.337)] Виды тюрков: ат-Тугуз-гуз, а их страна – самая обширная из стран ат-турк (тюрков), и ее пределы [достигают] ас-Сина; ат-Туббат (Тибет), ал-Харлух, ал-Гузз, ал-Баджанак, ат-Туркаш, Аркаш, Хифджак и Хирхиз.

XXV.

[с.330] Сказал Ифлатун (Платон)¹⁹⁴: «Неизвестны в тюрках – верность [слову], в ар-румах – великодушие, в ал-хазар – скромность, в аз-зинджах (африканцах) – печаль, в ас-саклаба – отвага, в [народе] ас-Синда – воздержание».

XXVI.

[с.166] Известно по некоторым книгам персов, что цари земли разделили землю на четыре части. Одна [часть] из них – запад ал-Хинда, земля тюрков до востока (машрика) ар-Рума. [Другая] часть из них – ар-Рум и ее запад, земля коптов и берберов. Часть из них – ас-Судан, а он [находится] между землей берберов и ал-Хиндом. [Последняя] часть из них – от реки Балх до Азарбайджана, Арминийи, ал-Кадисийи, ‘Аммана, Кирмана, земли Табаристана, Тахаристана. А это та земля, которую персы называют покоренной страной. Эта часть – это отборная земля, и в ее середине не встретишь изъяна и нельзя сократить ничего как непригодные [земли], поэтому все типы его населения уравновешены, их тела хорошо соразмерены, они избавились от светлых волос ар-румов и ас-сакалиба, от черноты [кожи] эфиопов (ал-хабаша) и аз-зинджей (африканцев), грузности тюрков, безобразности китайцев, они соединили в себе все лучшие черты всех стран.

XXVII. Рассказ о некоторых городах тюрков и чудесах в них

[с.349] Среди их городов – город (мадина), который называется Дана. Мужчины там высокие, а женщины небольшого роста. Их [главный] город [находится] между [страной] ал-хазар и ар-Рум. Они [жители Дана] воюют и с теми и с другими, но против ал-хазар они борются упорнее, чем против ар-Рума.

Они делят землю на четыре части. Земля коптов и берберов. Часть из них земля Судан, а она между землей берберов и ал-Хиндом.

Материал подготовила Нурия Гараева

у Ибн ал-Факиха: «[Они сказали: «О Зу-л-Карнайн] ведь Йаджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле; [не установить ли нам для тебя подать, чтобы ты устроил между нами и ними плотину]».

¹⁹² Коран, пер., 18:95.

¹⁹³ Коран, пер., 18:96. В тексте Ибн ал-Факиха из соответствующего аята Корана приведены только два слова. Повторяем полный текст аята: ««Принесите мне кусков железа» А когда он сровнял между двумя склонами, сказал: «Раздувайте!» А когда он превратил его в огонь, сказал: «Принесите мне, я вылью на это раскаленный металл»».

¹⁹⁴ Платон (ок. 427–347 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа (469–399 до н.э.).

Ибн Русте

Абу ‘Али Ахмад ибн ‘Умар Ибн Русте – арабский географ, перс по происхождению, жил в иранском г. Исфахан в конце IX – первой трети X в. Автор большого труда энциклопедического характера «Китаб ал-а‘лак ан-нафиса» («Книга драгоценных ожерелий»), который был написан в период между 903–925 гг. Сохранилась единственная рукопись седьмого тома, посвященного астрономии и географии. Часть сохранившегося раздела книги содержит самые ранние в арабской географической литературе сведения о хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, славянах, русах.

Соответствующие фрагменты из сочинения Ибн Русте с русским переводом, выполненным петербургским ориенталистом Д.А.Хвольсоном, были изданы в 1869 г. (под ошибочным именем Ибн Даста) [Хвольсон, 1869]. Критическое издание

труда Ибн Русте, по единственной рукописи, осуществлено в конце XIX в. в серии «Библиотека арабских географов» (BGA) М.Я. де Гье. Полную выборку сведений о Восточной Европе из «Китаб ал-а‘лак ан-нафиса» с переводом на польский язык сделал Т.Левицкий [Żrodla, 1977, II]. Ниже приведены русские переводы всей его выборки. В наших переводах сохранена его нумерация латинскими цифрами фрагментов текста Ибн Русте.

Издание: BGA, VII, 1894. Переводы фрагментов: Ибн Русте, 1869; Гаркави, 1870, с.260–268; Ibn Rusteh, 1955; Żrodla, 1977, II/2, p.23–47; Новосельцев, 2000, с.294–295, 303–304. О нем: Żrodla, 1977, II/2, p.7-20; Крачковский, 1957, с.159–160; Maqbul, p.944–945; EI², vol.III, p.920–921.

Китаб ал-а‘лак ан-нафиса (Книга драгоценных ожерелий)

I.

[с.85] Море Бунтус простирается от Лазики, по ту сторону Кустантинийи. Его длина размером тысяча триста миль, а ширина триста миль. В него впадает река, называющаяся Танаис, она течет со стороны севера из озера, которое называют Мавуташ. Это огромное море, и истинно [его] называют озером, его длина с запада (ал-магриб) на восток (ал-машрик) триста миль, а его ширина сто миль. У ал-Кустантинийи из него вытекает залив, который течет подобно потоку реки и впадает в море Египта, его ширина у ал-Кустантинийи три мили, и ал-Кустантинийа была построена около [залива].

II.

[с.86] Море Табаристана и Джурджана, а это море ал-Баба. Его длина с запада до востока (ал-машрик) – тысяча восемьсот миль, его ширина – шестьсот миль. В [море есть] два острова, расположенных около Табаристана, на которых была оживленная [жизнь].

III.

[с.89] Река ал-Куурр¹⁹⁵: она вытекает из страны ал-Лан, течет мимо Тифлиса и Барза‘а и впадает в море Табаристана.

IV.

[с.98] Шестой клим начинается на востоке (ал-машрик) и простирается до страны Маджудж, потом до страны ал-Хазар, пересекает море Табаристана, и, [простираясь] к стране ар-Рум, проходит через Джурзан, Амасийу, Хираклу, Халкизун (Халкедон), ал-Кустантинийу и страну Бурджан (Дунайская Болгария), и достигает Западного (ал-магриб) моря.

Седьмой клим начинается на востоке и простирается до страны Йаджудж, потом следует через страну тюрков (ат-турк), потом по побережью моря Табаристан с северной его

¹⁹⁵ Соответствует р. Куре.

стороны, потом пересекает море ар-Рум, затем следует через страну бурджан и ас-Сакалиба, и достигает Западного моря.

Что касается того, что за этим иклимом, до конца населенных мест, о которых нам известно, то [такие земли] начинаются на востоке (ал-машрик) у страны Йаджудж, потом простираются по стране ат-Тугуз-гуз и земле тюрок (ат-турк), потом по стране ал-Лан (алан) и ал-Абар (авар), потом по [стране] Бурджан и ас-сакалиба, и достигает Западного моря.

V.

[с.126] Кустантинийа имеет водный канал, в который [вода] течет из страны называемой Булгар¹⁹⁶. Эта река течет к [этому каналу], покрывая расстояние двадцати дней [пути]. Когда [река] достигает [главного] города (ал-мадина), она делится на три трети. Одна треть течет через владения (дар) царя (ал-малик). [Другая] треть направляется к темницам (хубус) мусульман. Третья треть течет к баням патриарха и остальных жителей города (ал-мадина). Они пьют воду, которая наполовину сладкая и наполовину соленая.

Жители Булгара воюют с ар-Румом, а ар-Рум воюет с ними.

VI.

[с.126-128] Рассказывал Харун, что около Кустантинийи [расположены] монастыри монахов. У ворот Кустантинийи [расположен] монастырь, который называют Сатира¹⁹⁷ (Сатара), в нем поселилось пятьсот монахов. Что касается реки, которая втекает в город, она делится на три части и протекает через его (города) середину. В фарсах к северу от города есть монастырь, который называют Мунус¹⁹⁸, в нем тысяча монахов. В четырех фарсах на восток от Кустантинийи есть место, в котором [находится] четыре монастыря, а в них двенадцать тысяч монахов: один из них - Мунас¹⁹⁹, второй – Фусадир²⁰⁰, третий – Кукай-ай²⁰¹ и четвертый – Дайр Марийам²⁰². К западу от города есть два монастыря, в которых [есть] шесть тысяч монахов.

Потом, [выйдя из той местности], двенадцать переходов идешь через равнинные степи, на которых возделанные поля и деревни, и добираешься до города, который называется Салукийа²⁰³, а это величественный ('азим) и большой (кабир) город. К востоку от города находятся горы, к западу от него – море. В[городе есть] четыре реки (канала), которые орошают его (снабжают водой). Там (в городе) [находится] монастырь, который называют Маркуш²⁰⁴, а в нем двенадцать тысяч монахов. Выехав [оттуда] и двигаясь по [степной] равнине вдоль берега моря [на пространстве] трех постоев (маназил) нет никаких возделанных земель (ал-'имран)²⁰⁵. А это огромный ('азим) город, в котором есть базары и вокруг которого множество рек (каналов). Реки Мутран²⁰⁶ орошают его. Вокруг [города] две стены и ров (хандак), который огибает город.

Выходишь из него и следуешь через лес [высоких] деревьев посередине страны ас-сакалиба. У них дома из дерева, они живут в них. Они – христиане, они приняли христианство в правление царя (ал-малик) Басуса²⁰⁷. Они и сегодня придерживаются христианской религии.

¹⁹⁶ Здесь имеется в виду Дунайская Болгария بلغار .

¹⁹⁷ ساطرا

¹⁹⁸ مونس

¹⁹⁹ مونس

²⁰⁰ فسادر

²⁰¹ قوقباي

²⁰² دير مريم

²⁰³ سلوقية

²⁰⁴ مرقوش

²⁰⁵ Т.е., нет никаких следов человеческой деятельности.

²⁰⁶ مطرن

²⁰⁷ بسوس

Если идти через их страну в течение месяца по их лесам, то дойдешь до города, который называют Балатис²⁰⁸.

Ал-Хазар (Хазары)

[с.139] Между [страной] печенегов (ал-Баджанакийя²⁰⁹) и ал-хазар расстояние десяти дней [пути] через степи и лесистые заросли. Нет между [страной печенегов] и ал-хазар проторенной дороги или больших дорог. Их путь в подобие [дороги] [через] лесные заросли и леса, пока не достигнешь страны ал-хазар.

Страна ал-хазар – обширная страна, которая с одной стороны своей примыкает к великим горам. А это горы, которые в самом дальнем своем конце опускаются до Туласа²¹⁰ и Лугра²¹¹, простираются эти горы до страны Тифлис.

У них есть царь (малик), которого называют инал²¹² и верховный повелитель (малик), [а] он – Хазар-хакан. Однако хазары (ал-хазар) ему повинуются номинально, а вся власть находится в руках инала, так как в предводительстве [им] и в войске занимает он положение, в связи с которым не должен считаться ни с кем над ним [поставленным].

Их верховный глава исповедует иудейскую веру, такую же, как и [вера] инала, и тех, кто среди его военачальников и вельмож, которые стараются подражать ему; а остальные [придерживаются] веры, подобной вере тюрок (ал-атрак).

Их главный город (ал-мадина) – Саксин²¹³. А там [есть] еще другой город, который называют Хаб н.л.‘. или Х.н.б.л.²¹⁴. Место, где останавливается его народ (хазары) на зиму, в этих двух [с.140] городах. Когда наступают весенние дни, он выходят в степи и остаются там до наступления зимы. В этих двух городах население из мусульман, у них есть мечети, имамы, муаззины и школы²¹⁵.

Царь их, инал, наложил на состоятельных и богатых среди них обязанность поставки всадников [в количестве] в зависимости от их имущества и степени зажиточности. Каждый год они совершают набеги на печенегов (ал-баджанакийя). Сам инал занимается организацией походов и отправляется в свои военные экспедиции вместе со своими воинами. Они имеют прекрасный вид; когда они выступают куда-либо (в поход), выходят в полном вооружении со знаменами, копьями, [одетыми] в прочные кольчуги. [Инал] выезжает во главе десяти тысяч всадников, среди которых одни составляют регулярное войско, находящиеся на довольствии; другие же принадлежат к тем [воинам], которых выставили [для этого, него ?] как повинность, [упомянутые выше] богатые. Когда [он] выступает куда-либо, образуют в его окружении что-то [в виде] солнечного щита от солнца, сформированного в виде барабана. Этот щит везет всадник, который едет с [ним] перед [иналом]. Затем едет сам [инал], а за ним его войско, которое видит блеск того щита. Когда они захватывают какую-либо добычу, собирают всю ее в своем лагере; затем инал выбирает из нее то, что ему понравилось, и берет это себе, оставляя им оставшееся из добычи для того, чтобы поделили [ее] между собой [воины].

²⁰⁸ بلاطيس

²⁰⁹ البجا ناكية

²¹⁰ طولاس

²¹¹ لوغر

²¹² В арабском тексте: Иша. Поскольку предложенная в издании (видимо, основанная на рукописи) расстановка диакритических знаков не содержит очевидного значения, то это позволяет пересмотреть расстановку диакритики. Общее очертание слова *ایشا* ближе всего к тюркскому «инал», титулу, носитель которого также был ниже верховного кагана и исполнял функции командующего. Первоначально слово могло писаться *ایشال* или *ایشل*. Второе написание, вероятно, искажение первого, когда при переписках хвостик «лама» мог уменьшиться настолько, что превратился в «алиф» [Большаков, ХВ]. У Ибн Фадлана этот же титул - «йинал».

²¹³ В издании: Сар‘ш.н. Графические изменения в слове *سار عشن* после перестановки диакритических точек приобретает вид *ساکسن* – Саксин [Большаков, ХВ].

²¹⁴ В арабском тексте *هب نالع* и второй без диакритических точек (в транслитерации «Хаб н.л.‘.» или «Х.н.б.л.‘», что может быть Ханбалыг, т.е. «Ханский город» [там же].

²¹⁵ Имеются в виду школы начального религиозного образования, где обучали и чтению Корана.

Бурдас (Бургас)

[с.140] Страна Бурдас²¹⁶ (Бургас) между ал-хазар и Булкар²¹⁷ (Булгар). Между [страной Бургас] и хазарами – расстояние пятнадцати дней [пути]. Они в повиновении у царя (малик) ал-хазар. Они выставляли десять тысяч всадников.

У них нет главы (раиса), который бы ими управлял и власть которого у них везде была признаваема.

У них в каждом поселении (махалля) был шейх, или два, к которым они обращаются в разрешении того, что случается между ними. Однако по существу они остаются в подчинении у царя хазар (ал-хазар).

Им принадлежат обширные земли в лесистой местности. [Эти земли] сменяются [землями] Булкар (Булгар) и печенегов (ал-баджанакийа). Они выносливы и храбры. Их религия подобна вере гузов (ал-гузийа). Они стройны, красивы и статны (дородны).

Если кто-то из них обидит другого, наносит ему обиду или также ранит его ударом, или пробитьем [копьем], [или если] не доходит у них до согласия или примирения, то обиженный не [с.141] мстит.

Когда девушка из них становится взрослой, она перестает повиноваться своему отцу, она сама выбирает себе мужчину, какого хочет. И жених идет к ее отцу, сватает ее у него. Она выходила на него замуж, если хотела [быть его женой].

У них [есть] верблюды, рогатый скот, много меда. Большая часть их имущества – куница. Они [буртасы] двух видов: один [вид] из них сжигает умерших, другой вид хоронит их.

Земли их ровные, большая часть их деревьев – береза. У них обрабатываемые поля. Большую часть их имущества составляют мед, шкурки куницы и [другие] меха. Обширность их земель в размере семнадцати дней [пути] в ширь и глубину.

Булкар (Булгар)

[с.141] Булкар граничит со страной Бурдас. Они расселены на берегу реки, называемой Игиль, которая впадает в Хазарское море. Они между ал-хазар и ас-сакалиба.

Их царя зовут Алмиш²¹⁸, он принял ислам.

Их земля – леса и густые лесистые заросли.

Их [составляют] три группы. Одна – Барсула²¹⁹, другая группа – Асгал²²⁰, третья – Булкар. Все они живут в одном месте.

Хазары торгуют и обмениваются с ними. Также и ар-русы (ар-русийа) направлялись к ним для торговли с ними. К каждому из [народов], кто был на обоих берегах реки, направлялись для покупки у них соболя, горностая, белки и другого.

Они – народ, [занимающийся] возделыванием [земли] и хлебопашеством: они выращивают такие [виды] зерна, как пшеница, ячмень, просо и другое.

Большая их часть приняла веру ислама. В их поселениях (махаллихи) [есть] мечети, школы. У них [есть] муаззины и имамы. Неверный (ал-кафир) из их [числа] поклоняется любому, что встречается из понравившегося ему.

Между бурдасами и этими булкарами (ал-Булкарийа) расстояние трех дней [пути]. На них совершают набеги и нашествия, их захватывают в плен. У них [есть] дикие кони (давабб), кольчуги и хорошее оружие.

Они дают в плату своему царю верховых животных. Если мужчина из них женится, царь берет у них коня [и] лошадь (давабб). Если к ним приходит корабль купцов-мусульман, они берут у них десятину ('ушр)²²¹ и их одежду [с.142], похожую на одежду мусульман.

²¹⁶ برداس

²¹⁷ بلکار

²¹⁸ Прочтение издателя: Алмуш. Правильное Алмиш (Алмыш). См. Ибн Фадлан, наши прим.

²¹⁹ برصولا

²²⁰ اصغال

²²¹ 'Ушр (десятина) – налог с десятой части дохода (в том числе, с урожая), обычно взимался с мусульман.

Их могилы подобны могилам мусульман.

Основным их богатством являются куньи шкурки. Не имеют они [собственных] денег из ценных металлов, их дирхемами являются [именно] шкурки куницы. Одна шкурка куницы имеет у них стоимость двух с половиной дирхемов. А белые круглые дирхемы ввозятся к ним из мусульманских стран путем обмена за их товары. У них в обращении белые дирхемы, чеканенные в странах ислама.

Ал-Маджгарийа (маджары)

[с.142] Между страной печенегов (ал-баджанакийа) и страной Аскал, которая относится к Булкарам (ал-булкарийа), находится первый предел из пределов маджар (ал-Маджгардийа). Ал-Маджгарийа – вид (джинс) тюрков (из тюркского племени). Их полководец выезжает верхом во главе двадцати тысяч всадников. Полководца зовут К.нда (?), это имя – титул их царя (ал-малик), а потому что имя человека, который царствовал над ними, звучит Дж.ла²²².

Все маджры повинуются приказам (лозунгам), которые отдает им их полководец, называемый Дж.ла, в вопросах войны, обороны и тому подобным.

Имеют они шатры и странствуют в поисках корма, изобильных пастбищ. Их страна обширная. Один из ее пределов достигает моря ар-Рум. В это море впадают две реки. Одна из них больше, чем Джейхун, а местопребывание [ал-маджгарийа] между двумя этими реками...

А когда наступает зима, все направляются к той (из тех двух) реке, до которой им ближе, и остаются там на зиму, ловя рыбу. Пребывание их там зимой является для них наиболее удобным, [чем где-либо в другом месте.]

В стране ал-Маджгарийа – леса, воды, земля у них сырая; имеют также много возделанных полей (пашен).

Они господствуют над всеми соседствующими с ними ас-сакалиба, накладывают на них тяжелую дань, [ас-сакалиба] являются в их руках на положении пленных [насиленно призванных на воинскую службу для военных походов].

Маджары поклоняются огню.

Они совершают набеги на ас-сакалиба, ведут пленников вдоль морского побережья, пока не доставят их до расположенного в стране ар-Рум порта, называемого [с.143] К.р.х.²²³

Сообщают, что в прошлые времена хазары окапывались рвами для обороны от маджар и от других народов, которые граничат с их страной.

Когда маджары (ал-маджгарийа) вместе со своими пленными (военнопленными) до К.р.х., выходят им навстречу ар-румы и устраивают там торг, [маджары] отдают невольников и берут у них византийскую парчу, шерстяные попоны (аз-заллийат) и другие товары ар-Рума.

Ас-Саклабийа²²⁴ (ас-Сакалиба)

[с.143] Расстояние между страной ал-Баджанакийа и страной ас-Саклабийа [составляет] десять дней пути. В начале пределов [страны] ас-Сакалиба [находится] главный город (ал-мадина), который называют Воин²²⁵. И едешь к нему пустыней и землями непроходимыми через ручьи и дремучие леса. [И так], пока не дойдешь до их страны. Страна ас-Сакалиба – ровная и лесистая местность, и они там живут. Нет у них виноградников и пахотных полей.

²²² جله

²²³ كرخ

²²⁴ الصقلبية

²²⁵ В издании название этого города указано неясно: в его графическом написании диакритические знаки не поставлены, а это допускает несколько прочтений: Ва.т или Ва.ит или Ва.иб **وايب** и др. Попытки только графической реконструкции здесь не помогают, если не представлять, о какой территории идет речь. Печенежские земли в то время простирались примерно от середины большой излучины Дона до нынешнего Криворожья. Вверх по печенежским землям по левому берегу Днепра первым городом у впадения Псела в Днепр будет город Воин [Большаков, XV].

И есть у них [нечто] подобное бочонкам, сделанным из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж²²⁶ и из одного бочонка добывается до десяти кувшинов меда. Они народ, который пасет свиней, как [мы пасем] овец.

Если кто-нибудь из них умер, то они сжигают умершего в огне, а их женщины, если умер тот, кому они принадлежали, истязали себя порезами ножом на руках и лице. На другой день после сожжения умершего они шли на место, где это происходило, собирали пепел с того места, складывали его в глиняный кувшин и помещали его (кувшин) на холме. Через год после смерти [умершего], берут они бочонков двадцать, больше или меньше, меда (медовухи), отправляются на тот холм, где собирается вся семья покойного (ахл алмаййит), там они едят и пьют, потом расходятся. Если у умершего было три жены, и одна из них утверждала, что она особенно любила его, то она приносит к умершему [мужу] два столба, их вбивают стоймя [с.144] в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посредине этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец [веревки] завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее и она остается повисшей, пока не задохнется и умрет. После того как она умирает, ее бросают в огонь и сжигают. Все они огнепоклонники.

Больше всего они возделывают просо. Когда у них наступали дни жатвы, они набирали зерно проса в ковш, поднимали его к небу и говорили: «О Господи! Ты, который кормил нас [до сих пор]! [Так] дай нам его достаточно [и теперь]!»

У них есть [разного рода] лютни ('уд, гитары (гусли) и свирели. Длина их свирелей два локтя²²⁷, а на их лютне восемь струн. Их хмельной напиток из меда. При сожжении умершего они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, ниспосланной ему господом.

Вьючных животных у них совсем немного, а верховых лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека. Их оружие – пики, копья и щиты, и нет у них другого [оружия].

Их глава (раис) коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Место, где он живет, в середине страны ас-Сакалиба. Упомянутый и известный из них тот, которого зовут глава глав (раис ар-руаса) и называют его С.в.й.т. Б.л.к. (Святополк?)²²⁸. Он более знаменит, чем Субандж²²⁹. Субандж – его заместитель (халиф). Этот царь имеет диких лошадей (давабб) и не имеет иной пищи, кроме молока кобыл. У него есть прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Главный город, в котором он живет, называется Дж.р.ваб²³⁰ и в [этом городе] у них базар [в течение] трех дней [каждый] месяц, где они покупают и продают.

В их стране преобладает холод и он настолько силен, что [каждый] человек из них выкапывает себе что-то вроде погреба (землянки), над ней делает крышу из дерева (теса) [с.145] подобную [крыше] церкви, и насыпают [на крышу] землю. В [такие погреба] человек селится вместе со своей семьей. Они приносят дрова и небольшие камни, потом разжигают огонь и накаляют камни на огне докрасна. Когда же камни раскаляются [до нужной степени], обливают [камни] водой, из-за этого распространяется пар, нагревающий жилище до того, что они даже снимают свою одежду. Они остаются в таком жилище до наступления весны.

Их царь берет с них подать каждый год. Если у человека из них есть дочь, то [царь] берет из ее одежды [в подарок себе] раз в год. Если у него есть сын, то [царь] берет из его одежды [в подарок себе] еще раз в год. Если у него нет ни сына, ни дочери, то [царь] берет [в подарок себе] из одежды его жены или наложницы.

Если [царь] обнаруживал вора в своей стране, то приказывал его удушить или отдавал его под надзор одного из правителей в самой дальней части своей страны.

²²⁶ Вариант прочтения: улех.

²²⁷ Локоть – мера длины.

²²⁸ В арабском тексте: **سويت بلك** С.в.й.т. Б.л.к. или С.в.й.т. Б.л.к. (Святополк).

²²⁹ **سو بنج**

²³⁰ **جوارب**

Ар-Русийа

[с.145] Что касается ар-Русийи, она [находится] на острове, окруженном озером. Чтобы добраться до острова, нужно пройти расстояние трех дней [пути через] лесные заросли и чащи. [Ар-Русийа] – нездоровая и влажная [местность]. Если человек ставит ногу на ее землю, то земля трясется (колеблется, проваливается) из-за влажности (из-за обилия в ней воды).

У них [есть] царь, которого называют Хакан-Рус²³¹. Они совершают набеги на ас-сакалиба. Они садятся на суда и отправляются к ним, захватывают их в плен, [пленных] везут в Хазаран и Булкар и [там] продают из [пленных]. У них нет возделанных земель, они едят то, что доставляют им из земли ас-сакалиба.

Если у человека из [русов] рождается ребенок, то он (отец) приносит (дарит) новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ним и говорит ему: «Не оставлю тебе в наследство никакого имущества: у тебя будет только то, что ты добудешь себе сам этим своим мечом».

У них нет поместий, деревень и возделанных земель. Их ремесло (промысел) – торговля соболем, белкой и другими пушными. Они продают это желающим, в уплату берут (принимают) чеканенные деньги (из денег), которые хранят в своих поясах.

Они опрятны в одежде. Мужчина [у русов] носит браслеты. Они хорошо обращаются со своими рабами²³². Они изысканны в одежде, потому что они занимаются (?) [с.146] торговлей. У них много городов и они увеличили свои [богатства] (живут в довольстве).

Они оказывают почет своим гостям и хорошо обращаются с чужестранцами, которые ищут у них пристанища (покровительства). Не позволено ни одному из [русов] обижать и притеснять того, кто бывает у них время от времени. Они помогают и защищают каждого из тех, против кого посмели злое дело и несправедливость.

У них мечи – ас-сулайманийа. Если один род из [русов] просил помощи, то они выступают все вместе, не делясь на отряды, они заодно, пока не победят их врага.

Если один из [русов] обвиняет другого, то их обоих зовут на суд к их царю, а они в соре [в это время]. Он разрешает [ссору] между ними, так как считает [правильным] (по своему усмотрению). Если они (обе стороны) не соглашаются с его словом (решением), то он приказывает рассудить их с помощью их мечей. Какой из двух мечей окажется острее, тот и победит. Родственники [обеих сторон] выходят, встают со своим оружием и вступают в битву. Тот, кто одолеет своего товарища (сахиб), получит в этом споре то, что хочет.

У них (русов) есть свои врачи, которые правят над их царем подобно их государям, которые приказывают им принести в жертву их Творцу то, что они хотят из женщин, мужчин и лошадей (?). Когда распоряжаются врачи, совершенно невозможно не исполнить их приказ. Врач берет человека или животное, набрасывает веревку ему на шею, и подвешивает его на дереве, пока не задохнется, и говорит: «Это – жертва божеству (Аллаху)».

[Русы] мужественны и храбры. Когда они выходят в открытое поле [на битву] [против] народа, они не отступают от них, пока не уничтожат их. Они чинят насилие над их женщинами и порабощают их.

У них [красивые] тела, они хороши собой, отважны. Но нет у них смелости [сражаться] верхом, свои набеги и походы они [совершают] на кораблях.

Они носят [широкие] шальвары²³³. На одну [пару] из них идет около ста локтей. Когда одевающийся надевает их, он собирает их вокруг своих колен и завязывает около них.

Ни один из [русов] наедине не ходит по нужде: его сопровождают трое – группа его товарищей, которые [встав вокруг него] охраняют его.

Каждый из них [постоянно имеет] при себе меч из-за малой надежности [русов] и вероломства, которое у [русов] есть. [Так,] если у кого-либо [имеется хоть] малое имущество,

²³¹ Этот титул «царя» русов выглядит странно, особенно в контексте описания северных болотисто-лесных земель. Вызывает сомнение, что влияние хазар на эти районы было настолько сильно, чтобы князь в этих краях присвоил себе авторитетный титул «хакан». Возможно, это норвежское имя Хакон, которое мог носить один из варяжских вождей. Например, известен варяжский вождь Хакон I, правивший в 936 г. В целом, описание образа жизни этих русов больше похоже на варягов, чем на славян [Большаков, ХВ].

²³² В арабском тексте в ед.ч. – «ар-ракик» (раб).

²³³ سرويات

то это [настолько] соблазняло его брата или друга, который [близок] с ним, что они убивали его или грабили.

Когда умирал знатный [из русов], то выкапывали ему могилу подобную просторному дому, клали его туда, вместе с ним клали одежду для его тела, его браслеты [с.147] золотые, которые он носил. А также [опускали] много еды, кувшины с напитками и чеканенную монету²³⁴. Вместе с [умершим] в могилу спускают и его любимую жену, а она еще живая. Над ней закладывают вход в могилу, и она там умирает.

Ас-Сарир

[с.147-148] Путь от хазар до [ас-Сарир] занимает двенадцать дней по степи, потом взбираешься на высокую гору и [пересекаешь] долины рек, [так] идешь в течение трех дней пути, [наконец] добираешься до крепости царя (Кал'ат ал-малик), а это крепость, расположенная на вершине горы, [занимающая площадь] четыре на четыре фарсаха; окружает ее каменная стена. У царя трон из золота и трон из серебра.

Население крепости, большая его (населения) часть, – христиане, в то время как все остальные жители их царства – неверные (куффар).

У его царя двадцать тысяч ущелий, населенных разного рода людьми, которые имеют в качестве имущества земельные наделы и деревни. Все они поклоняются высушенной голве.

Если у них умирал [кто-либо], то умершего клали на погребальные носилки и выносили на площадь. Они оставляли его на погребальных носилках три дня, потом жители города (ал-мадина) садятся на коней одетыми в броню (панцирь) и кольчуги, удаляются на край площади, атакуют копьями умершего, лежащего на похоронных носилках: они окружают носилки и направляют свои копья [с сторону умершего], которого однако не колют. Он сказал: Я спросил их [о том, что они делают]. Они ответили: «У нас умер человек, и он был похоронен, но по прошествии трех дней он крикнул из своей могилы. Поэтому мы оставляем [каждого] нашего умершего на три дня, а на четвертый день пугаем его нашей броней и оружием для того, чтобы его дух, если отлетел от него, мог вернуться в его тело». Практикуют они этот обычай уже триста лет. Царь их зовется Авар.

Направо (т.е. на восход) от той крепости находится дорога, по которой можно ехать среди крутых гор и густых зарослей двенадцати станций (постоев, маназил) пока не доберешься до города, называемого Хайдан (Хайдак). Они имеют царя, называемого Азар Нарси. Он – приверженец трех религий: в пятницу он молится с мусульманами, в субботу – с иудеями, а в воскресенье – с христианами. Всем, кто прибывает к нему, разъясняя [свою позицию], говорит: «Каждая группа [последователей] тех религий призывает [людей] к своей религии и утверждают, что истина у них, что кроме их веры, [каждая другая] является ложью. Я, однако, придерживаюсь всех [тех религий], чтобы постичь истину их всех».

На расстоянии десяти фарсахов от этого [города находится другой] город, который называют Р.н.х.с. (Р.н.дж.с.), а в нем росло огромное дерево, которое не приносило никаких плодов; каждую среду к нему собирались жители города и вешали на [дерево разные] виды плодов, они поклоняются ему и кладут [под ним] пожертвования.

У царя ас-Сарира есть крепость, которую называют Алал и другую, очень укрепленную, называемую Гумик, там (в Гумике) находятся его сокровища. Говорят, что [сокровища] подарил ему Ануширван.

Ал-Лан

[с.148] [Когда] идешь налево (т.е. на запад) от царя (малик) ас-Сарира, проезжаешь, следуя среди гор и пастбищ, в течение трех дней пути, и прибываешь до царства царя (малик) ал-Лан. Царь ал-Лан сам (в глубине души) христианин, а все население его царства (мамлака) – язычники, которые поклоняются идолам. Десять дней пути через реки и [высокий, строевой] лес занимает [дорога], чтобы добраться до крепости, которая называется Баб

²³⁴ مالا صامتا

ал-Лан. Она на вершине горы, а под той горой проходит дорога. Крепость та окружена высокими горами, охраняют ее постоянно, ночью и днем, тысяча человек из жителей крепости [расставленных там].

Ал-Лан состоят из четырех племен. Титул и власть царская [связаны] с племенем, называемым и Д.х.сас, а царя ал-Лан называют Б.гайир, а это есть имя каждого, кто правит ими.

Город Баб ал-абваб простирается от вершины горы ал-Кабк до моря ал-хазар, и входит [город] в глубь моря на три мили.

[с.148] **Известие о Йаджудже и Маджудже**

[с.149] Сказал Ибн Хордадбех: Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман, который переводил послания (письма) тюрков, присланные правителю (султану) ал-Васику би-л-лах (по воле Аллаха), который говорил: Когда ал-Васик узнал, что стена, которую построил Зу-л-Карнайн между нами и между Йаджудж и Маджудж, открыта (проломлена), он позвал меня и сказал: «Убедись в этом и, вернувшись, сообщи мне, [что видел].

Он добавил [весь рассказ] до конца...²³⁵

Сказал Ибн Хордадбех: Рассказал мне Саллам ат-Тарджуман, известие об этом одной фразой: Потом он продиктовал мне из письма, в котором написал об этом ал-Васику. Мы написали ему, чтобы известить о том, что [сведения] об этом [смесь] из путаницы и преувеличения, потому что подобное этому не принимают за правду. А я нашел это соответствующим [истине].

Материал подготовила Нурия Гараева

Тахир Марвази

Шараф аз-заман Тахир Марвази жил в конце XI – начале XII в., был врачом при дворе Сельджукидов. Автор труда под названием «Таба'и ал-хайаван» («Природа животных»), которое известно в нескольких рукописях. На основании одной из них В.Ф.Минорский перевел на английский язык части, касающиеся народов Индии, Тибета и Китая, причем в главе о Китае оказалась часть сведений о восточнославянских народах. Помимо известных материалов из сочинений других авторов, ал-Марвази приводит оригинальные известия

о северных народах веси и югре, а также совершенно уникальные сведения о принятии русами христианства в 912/913 г. и последующем переходе их в ислам.

Наши переводы основаны на материалах ал-Марвази опубликованных В.Ф.Минорским [Marvazi, 1942].

Издание и перевод раздела: Marvazi, 1942, с.20–23, 32–36. О нем: Крачковский, 1957, с.270; Заходер, 1967; Новосельцев, 1990, с.21.

«Таба'и ал-хайаван» (Природа животных)

Глава девятая. О тюрках

[с.20] ...**Ал-Баджанакийа** (печенеги) – кочевой народ, который перемещается по местам водопоя и пастбищ. Протяженность земли печенегов (баджанак) [составляет] путь тридцати дней во всех направлениях. Многочисленные народы окружают их со всех сторон. К северу от них страна хифджак (кыпчаков), на юго-западе (ал-джануб фи-л-магриб) страна ал-хазар, на востоке страна ал-гузийа (гузов), а на [с.21] западе страна ас-

²³⁵ Отточие в тексте издания.

сакалиба. Все эти народы совершают набеги на печенегов (ал-баджанакийа), а печенеги (ал-баджанакийа) совершают набеги на них. Печенеги богаты: дикие лошади (давабб) и стада, домашняя утварь, золото, серебро, оружие, знамена, плотины (таррадат; земли). Между [землями] ал-баджанакийа (печенегов) и ал-хазар расстояние десяти дней [пути] через степи и лесистые заросли. Нет между ними (ал-баджанакийа) и ал-хазар проторенной (мощенной) дороги, и они проходят [свои земли, полагаясь] на звезды, приметы местности и наугад.

Что касается **ал-Хазар**, их страна – обширная страна, которая с одной стороны своей соприкасается (достигает, соединяется) с великими горами. А это горы, в самом дальнем конце которых расселились два вида тюрков (ал-атрак): одних из них называют Тулас, а других – Лу‘р²³⁶, простираются эти горы до страны Тифлис. Их главный город – Саксин²³⁷. А там еще другой город, который называют Х.н.б.л.²³⁸. Они живут в этих двух [с.140] городах зимой. Когда наступают весенние дни, они выходят в степи, где проводят все лето. Их царь, когда выступает, выезжает верхом во главе десяти тысяч всадников. Их обычай, если они выступают [куда-либо], каждый всадник берет с собой двадцать колеб из тамариска, а длина каждого колышка два зир‘а. Когда они разбивают лагерь, то каждый из них втыкает свои колышки в землю... и упирая их в щиты... и делают за [время] меньше, чем час, вокруг войска (лагеря) стену, которую никто не может проткнуть (пронзить).

Из числа [тюрков] и **Бурдас**²³⁹ (буртас). Страна Бурдас – часть страны ал-хазар. Между ними (Бурдас) и ал-хазар – расстояние пятнадцати дней [пути]. Они в повиновении у царя (малик) ал-хазар. Они выставляли десять тысяч всадников. У них нет главы (раиса), который регулировал бы их [дела]. Правление (власть) [главы] осуществлялась среди них. У них в каждом квартале (махалля) был шейх, к которому они обращались для разрешения того, что случается между ними. Им принадлежат обширные земли в лесистой местности. [Эти земли] сменяются [землями] булкар²⁴⁰ (булгар) и ал-баджанакийа (печенегов). У них блестящая внешность, красивая форма лица и тела.

Когда девушка из них становится взрослой, она перестает повиноваться своему отцу, она сама выбирает себе мужчину, какого хочет. И жених шел к ее отцу, сватал ее у него. Она выходила на него замуж, если хотела [быть его женой]. У них свиньи, [крупно-] рогатый скот, много меда. Большую часть их имущества – куница. Они двух видов: один [вид] из них сжигает умерших, другой вид хоронит их. Земли их ровные, [с.22] большая часть их деревьев – береза. У них обрабатываемые поля. Обширность их земель [составляет] путь семнадцати дней во всех направлениях. У них нет фруктов, их напитки из меда.

Ал-Маджгарийа (маджары) – народ из тюрков (ат-турк). Им принадлежат обширные земли, [достигающие] ста фарсахов во всех направлениях. Их глава (раис) выезжает верхом во главе двадцати тысяч всадников. Они называют своего полководца К.н.де²⁴¹, а это имя отличительный царский знак. Они [живут] в шатрах, перебираясь к пастбищам и плодородным [местам] (хисб). Один из пределов их страны достигает моря ар-Рум. А там две реки, которые впадают в это море. Одна из них больше, чем Джейхун. Ее жители (ал-маджгарийа) между двумя этими реками. Название этих двух рек – Ру.а²⁴² и Итил (Атиль). В стране (билад) ал-маджгарийа есть леса, им принадлежат возделанные посевы (мазари‘). Они совершают набеги на тех, кто рядом из ас-сакалиба и ар-рус, берут из них в плен, везут пленных в ар-Рум и продают там. У них блестящая внешность: красивы лицом и крупного телосложения. Они богаты и имущество их явно из-за большого количества их торговли.

²³⁶ В арабском тексте **لوعر**, возможно, искаженное (согласно другим спискам сочинения) **اوغر**.

²³⁷ Конъектура О.Г.Большакова [Большаков, XV]. В арабском тексте: **سارعس** «Сар‘с.», прочтение В.Минорского «Сар‘ашин».

²³⁸ В арабском тексте начертание слова дано без диакритических знаков. Сочетание букв может быть самое разное: Х.н.б.л.‘ или Х.б.н.л.‘ и др. Буквосочетание Х.н.б.л.‘ допускает прочтение Ханбалык. На наш взгляд, графическое начертание позволяет чтение Х.м.л.дж., т.е. Хамлидж.

²³⁹ **حنبل**

²⁴⁰ **بلكار**

²⁴¹ **كنده**

²⁴² Диакритические точки не поставлены, возможно разное прочтение: Руна? Рута? или Дуна.

Что касается **ас-сакалиба** – они многочисленный народ. Расстояние между их страной и страной (билад) ал-баджанакийа [составляет] десять дней пути через степи и земли (местности) без дорог. Там есть густые леса (тесно стоящие деревья) и источники воды. [И так,] пока не дойдешь до тех лесов. Нет у них виноградников, но много меда. Они пасут свиней. Они сжигают умершего, потому что они – огнепоклонники. Больше всего они возделывают просо. Их вино из меда. У них делают (?) разные дудки (свирель, трубы – мазамир). Есть у них труба, длина которой два локтя²⁴³. На их ‘уде расположены восемь струн и у него нет колка (бунджук), так как его (‘уда) колки ровные. Они живут в достатке. Их оружие – копья, пики и хорошие [небольшие круглые щиты]. Их верховный глава называется Ш.в...²⁴⁴, у него есть заместитель, которого называют Ш.р.х... У их царя есть дикие лошади (давабб), из молока которых готовится его еда. Главный город, в котором он живет, называется Х.ж.рат. Здесь три дня каждого месяца [действует] базар. У них холода настолько крепчают, что они выкапывают глубокий туннель, накрывают его деревом, потом согревают его паром (жаром) [от сжигания] кизьяка и дров. Здесь они проводят свою зиму. Зимой на них совершали набеги ал-маджгарийа. У них (и у ал-маджгарийа и у ас-сакалиба) [с.23] много рабов из-за того, что совершают друг на друга набеги.

Что касается **ар-русийа** (русы), то они населяют остров в море. Расстояние острова – три дня [пути] в любом направлении. На [острове] лесные заросли и чащи, его окружает озеро²⁴⁵. Они очень многочисленны. Они полагались (смотрели) на меч для [получения] средств, необходимых для жизни, и [других] доходов. Если умирал какой-либо человек из них, а у него были дочери и сыновья, то его имущество передавали дочерям, а сыновьям выделяли меч, говоря: «Ваш (Твой) отец мечом добывал имущество. Подражай ему и следуй за ним в этом!» Так продолжалось, пока они не приняли христианство [в один из] месяцев трехсотого [/912–913] года. Когда они приняли христианство, то вера вложила их мечи в ножны, а без [мечей] закрылась дверь (источник) дохода. Это принесло им убытки и несостоятельность, стали ограниченными их средства к жизни. Они стремились к исламу, чтобы у них было дозволение к набегам и священной войне (джихад) и восстановиться вновь (опять) к части того, что у них было. Они отправили послов (гонцов) к владетелю (сахиб) Хваризма и четверем родственникам своего царя (А их самих четверо – все они родственники их царя). Правящий у них царь был независим. Их (русов) царь (малик) имел прозвание (лакаб) Буладмир²⁴⁶ (Владимир), подобно тому, как прозваны царь (малик) аттурк – хакан, а царь (малик) Булгар – б.л.т.вар²⁴⁷. Их (русов) послы прибыли в Хваризм и доставили послание (рисала). Хорезм-шах был обрадован [посланием], в котором они прельщались исламом. Он направил к ним тех, кто обучит их законам (шара‘и) ислама. И они приняли ислам. Они – сильный и крепкий народ, которые выступают пешими в отдаленные места для набегов (походов), также они на кораблях плывут в море ал-хазар, отнимают силой суда и захватывают имущество. Они совершают походы до Кустантиний по морю Бунтус и до цепи (ас-саласил) в его заливе. Один раз они совершили поход в море хазар и на какое-то время захватили Барза‘а. Их храбрость и отвага известны так, что даже один из них соответствует нескольким из всех других народов. И если бы у них были кони (давабб) и они ездили верхом, то они были бы наказанием (бичом) для людей (человечества).

Материал подготовила Нурия Гараева

²⁴³ Локоть – мера длины.

²⁴⁴ سويت بلك Святополк.

²⁴⁵ Эта фраза может быть прочтена и так: рядом с ними (деревьями) есть озеро.

²⁴⁶ بولادمير Буладмир или Буладмир

²⁴⁷ В рукописи طلوار, т.л.ту. В.Минорский предлагает прочтение: بطوار, б.л.т.вар. Однако согласно Ибн Фадлану, принято прочтение «йылтвар».

Ал-Мас‘уди

Об Абу-л-Хасане ал-Мас‘уди биографических данных немного: он родился в Багдаде, предположительно, около 896 г. и умер в 956 г., по происхождению был далеким потомком одного из сподвижников пророка Мухаммада. Очень много путешествовал. Автор большого числа сочинения, был профессиональным литератором. Труды ал-Мас‘уди содержат большое количество сведений по истории и географии многих государств мира, основанных на собственных впечатлениях, материалах из книг предшественников, которых он иногда называет. Исследователи именовали ал-Мас‘уди «арабским Геродотом», преемником ат-Табари, ставили его произведения в один ряд с «Историей» ал-Йа‘куби. К сожалению, большая часть его произведений не сохранилась. До нас дошло всего два сочинения: одно – «Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джавахир» («Золотые копи и россыпи самоцветов»), более известно по старому варианту перевода названия – «Промывальни золота и рудники драгоценностей»; иногда название этого сочинения переводили как «Золотые луга» из-за

ошибки первого издателя). Другое сочинение ал-Мас‘уди – «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга извещения и прославления», иногда переводят как «Книга указания и наблюдения») [Микульский 1998, с.11]. Оба сочинения ал-Мас‘уди содержат известия о народах Восточной Европы, об их странах и землях, обычаях, торговле; о походах русов за пределы восточноевропейского региона и др.

Перевод соответствующих материалов из «Мурудж аз-захаб...» ал-Мас‘уди был опубликован в «Истории Ширвана и Дербента X–XI вв.» [Minorsky, 1958; Минорский, 1963], который по этому изданию были воспроизведены в первом томе «Истории татар» [ИТ, 2002, с.472–477]. Ниже мы приводим переводы соответствующих фрагментов из «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф».

Издания и переводы: BGA, VIII, 1894; Maçoudi, 1897. О нем: Гибб, 1960, с.58; Крачковский, 1957, с.171–182; Khalidi, 1975; Rotter, 1978; Shboul, 1979; EI², vol.VI, p.111–112, 784–786; Масуди, 2002, с.6–44.

Китаб ат-танбих ва-л-ишраф (Книга извещения и прославления)

Упоминание третьего моря, а это Хазарское (ал-Хазари)²⁴⁸

[с.60] Хазарское море – это море ал-хазар, ал-Баб ва-л-абваба, Арминийи, Азарбайджана, Мукана (Мугана), ал-Джила, ад-Дайлама, Абаскуна, а [это] на побережье Джурджана, Табаристана, Хваризма, и, кроме того, из поселений (стран) ал-А‘аджим²⁴⁹ и мест их обитания, расположенных вокруг [моря].

Длина [моря] – восемьсот миль, а ширина его – шестьсот миль. А говорят, что больше этого. [Это море имеет] форму кишки, [оно вытянуто] в длину. [Есть] люди, называющие его морем ал-Хурасани из-за его соседства (из-за его близости) со страной Хваризм в земле Хурасан. У [моря] многочисленны те, кто [населяют] долины (долину), [а] гузы из [числа] тюрок [кочуют] в степях²⁵⁰. Также у [моря находится] место, известное как Бакух, а это нефтеносная земля (месторождение нефти) в царстве Ширван, в той [земле], что следует [в сторону] (поблизости) ал-Баб ва-л-абваба. Там добывают белую нефть, и там [находятся] вулканы (ал-атам), а это источники огня, появляющегося из земли. [В этом море] острова [расположенные] напротив нефтеносной земли (месторождения нефти). Здесь [также есть] источники большого огня, ночью они видны на большом расстоянии.

²⁴⁸ Из этой главы приведены сведения только о реке хазар, не включены сведения о реках Кавказа и Средней Азии.

²⁴⁹ Ал-А‘аджим – неаравы.

²⁵⁰ Вариант перевода: «Множество кочевников-гузов из числа тюрок живет в степях вокруг».

Мы уже упоминали в книге «Мурудж аз-захаб ва ма‘адин ал-джавхар» (Золотые копи и россыпи самоцветов) известия об остальных вулканах (ал-атам), из тех, что в обитаемой [части] Земли, подобных упомянутому выше Атма (вулкан) Сиккиллийа и Атма (вулкан) Вади Бархут в стране аш-Шихр и Хадрамаут, вулканы моря ал-Хазари и ал-Баб [с.61] ва-л-абваба и Атма (вулкан) Асука в области (билад) ал-Хинжиджан, а это в стране (билад) Фарса и ал-Ахваза. [Этот вулкан] виден ночью на расстоянии более сорока фарсахов и его действие хорошо известно из-за большого числа путешественников на этой дороге. И [еще есть] Атма (вулкан) Арбуджан поблизости от ас-Сайравана в стране Масабазан, а он известен как Хамма Туман²⁵¹ (Чернота [княжества] Тумана), близ Манджлана: этот виден на расстоянии сорока фарсахов от Багдада по дороге ал-Банданиджина и Абраз ар-Руза. Таков же большой вулкан (ал-Атма), который [находится] в царстве ал-Махараджа, царя (малик, владыки) островов аз-Забадж и других в море ас-Сини, среди них (в их числе) [острова] Калах и Сарбуза. Ал-Махарадж – название каждого из их царей (малик). Его царство необъятно по размерам, неисчислимы его войска, ни один из людей (никто) не в состоянии за два года объехать его острова даже на самом быстроходном судне. Этот владыка обладал различными благовоениями и прясностями: нет ни у кого из царей то, что есть у него²⁵². Из [подобного] в его земле добывают камфору, алоэ, гвоздику, сандал, мускатный орех, кардамон, ал-кубабу²⁵³ и другие [пряности]. [Упомянутый] вулкан (ал-Атма) [находится] в горах в отдаленной [части] его островов. Днем он черный из-за того, что преобладает солнечный свет, а ночью – красный, так как его пламя поднимается в воздух настолько высоко, что достигает облаков в небе. Он извергается из него с шумом, подобным самому сильному раскату грома, какой только бывает, а иногда из него исходит страшный и удивительный звук, который слышен на очень далеком расстоянии: он предупреждает о смерти кого-либо из их царей, а иногда этот [звук] бывает тише, тогда он предупреждает о смерти кого-либо из их предводителей (руаса). Благодаря продолжительности обычая и опыту [накопившемуся] с древних времен, они различают предупреждение о смерти царей от [предупреждения о гибели] других, хотя они не отличаются. Близ этих гор [с.62] [есть] остров, откуда непрерывно слышны звуки, подобные звучанию лютен и флейт²⁵⁴, барабанов и разных других музыкальных инструментов, веселящих [людей] звуком танцев и плясок. Тот, кто слышит это, различает звуки каждого вида из них. Мореплаватели из Сирафа, ‘Амана и другие, плавающие близ этих мест, утверждают, что на том острове [обитают] ад-даджжал (антихрист ?), и об этом известно. [Мы упоминали] и другие вулканы (ал-атам).

К числу великих (‘азим) знаменитых рек, которые впадают в это море, [относятся] река Черный Иртиш и Белый Иртиш. Обе они велики (‘азим). Каждая из них больше, чем Тигр и Евфрат, а [расстояние] между их устьями около десяти дней [пути]. На обеих этих реках – зимовья и летние [стоянки] тюрок кимаков (ал-кимакийя) и гузов (ал-гузийя). И [также] река ал-Курр²⁵⁵, которая течет через области (билад) Тифлиса и главный город (мадина) Сугдабил в земле Джурзан, затем [через] области (билад) Барза‘а. [Река ал-Курр] соединяется с рекой ар-Расс²⁵⁶, а это – река Варсана, и они вместе впадают в море. И [еще] река Исбизруз²⁵⁷, и ее исток в стороне [рек] Сисара и Шахруза, а они обе протекают через страну (билад) Азарбайджан и ад-Дайлам.

[А также] река хазар, которая течет через главный город (мадина) Итиль – столицу (дар) царства (мамлака) хазар в то время. До этого столицей (дар) их царства (мамлака) [был главный] город Баланджар. В [эту реку] впадает река Буртас. А Буртасы – многочисленный (‘азим) народ из тюрок между страной Хваризм и государством хазар, однако причисляемый к хазарам. По этой реке плывут огромные корабли с товарами и разными [с.63] предметами, [доставляемыми] из страны Хваризм и других [стран]. А из страны Буртас доставляют кожу (шкуру) чернобурых лисиц. Он (мех чернобурых лисиц) самый благородный

²⁵¹ Вариант прочтения: «Бани Тауман».

²⁵² Вариант перевода: «такого количества, как у него, нет ни у кого из царей».

²⁵³ الكباية

²⁵⁴ السرنائيات – ас-сурнайят.

²⁵⁵ Река Кура.

²⁵⁶ Ар-Расс – р. Аракс.

²⁵⁷ Вариант прочтения: «Испидруд».

из мехов и самый дорогой по цене. Он двух видов: красный и белый. Нет предпочтения между ним, лисицей ал-фанак и [лисицей ?] ал-халанджи (березовая). Худший [мех] из них – вид, известный как ал-а‘раби, а черный вид среди [лисиц] есть только в этом месте мира и [местах] близких к нему. Цари народов из ал-А‘аджим хвастаются друг перед другом одеждами из этого меха. Из него делают шапки и шубы (?). Из [видов пушнины] наиболее дорого стоит [мех] черных лисиц. Они возили их из этого меха в направлении ал-Баб ва-л-абваба, Барза‘а и других [мест] из страны Хорасана. А иногда они возили в страну ал-Джарби (на Запад) из земли ас-сакалиба для [установления] отношений (связей) с ал-Джарби. Потом в страну ал-Ифранджа и ал-Андалус, с этими шкурами черных и красных [лисиц] они добивались до стран Магриба, в которых считали (те, кто задумывался), что [этот мех] из ал-Андалуса и [мест] близких (что примыкают) к нему из стран ал-Ифранджа и ас-Сакалиба.

Их особенность – [они] теплые и сухие. О степени тепла [их] свидетельствует [степень] горечи мяса [этих животных]. Их мех самый теплый по сравнению с мехом остальных пушных. Он по своему свойству подобен огню для поддержания тепла и сухости. Одежды из них пригодны для тех, кто промок, и для стариков.

Ал-Махди²⁵⁸ во время своего пребывания в Рейе любил спрашивать о том, какой из мехов самый теплый (жаркий). Потом он взял несколько бутылок, наполнил их водой и их головки обвязал [разными] видами меха. На следующее утро он потребовал эти бутылки к себе. Это было в год, [когда было] очень холодно и выпало много снега. Он увидел, что [все] они замерзли, кроме головки [бутылки], обернутой шкурой черной лисицы (чернобурки?), потому что она не замерзает. Известно, что она самая теплая и сухая.

[с.64] Из [рек, которые впадают в это море,] – река хазар, известная как Аум²⁵⁹, она больше, чем Тигр и Евфрат.

И [еще из рек, которые впадают в это море,] – огромная река, известная под названием Кизил-Руз²⁶⁰, что означает «Река волка». Она принимает воды, текущие с гор ал-Кабк (Кавказ) и впадает в это море поблизости от Баб ва-л-абваба. Там есть огромный мост через нее, удивительный по [искусности] постройки, схожий с мостом Санджи. Мост Санджи – одно из чудес света: он находится в окрестностях Сумайсата в пограничье ал-Джазиры, а Санджа – река, по которой назван мост, впадает в Евфрат.

Из [рек, которые впадают в море хазар,] – река Калиф, а это Джайхун – река Балха, ат-Тирмиза и Хваризма. Ее исток из родников пятого иклима за рибатом, называемым Бадахшан, а он примерно в двадцати днях [пути] от главного города (мадина) Балха...²⁶¹

Упоминание четвертого моря, а это Бунтус²⁶²

[с.66] Четвертое море, а это море Бунтус, море ал-Бургар (ал-Булгар), ар-Рус и других народов. Оно простирается с севера со стороны города, который называют Лазика, а это за Константинополем. Длина [моря] тысячу триста миль, в ширину триста миль. [с.67] Оно соединяется с озером Майтас²⁶³, длина которого триста миль, а ширина сто миль. Это в направлении возделанных земель (ал-‘имара) с севера, часть из них у северного полюса, а вблизи от них (возделанных земель) город, после которого нет возделанных земель, он называется Тулйа²⁶⁴. Там начинается (оттуда выходит) залив ал-Кустантиний²⁶⁵, который впадает в море ар-Рум. Его длина около трехсот пятидесяти миль, как мы сообщим в последующих местах этой книги. Течение этого пролива и то, как он впадает [в море], хорошо видны в местах теснин, а вода его холодная.

²⁵⁸ Ал-Махди – аббасидский халиф (158–169/775–785).

²⁵⁹ اوم – возможно, искаженное Итиль.

²⁶⁰ Огласовка издателя. Вариант прочтения: «Курк-Руз».

²⁶¹ Далее имеются две страницы текста [с.64–66] этого раздела со сведениями о тюрках, географии Средней Азии и областей, прилегающих к Каспийскому морю.

²⁶² То есть Понт – Понтийское или Черное море. Эта глава дана в переводе полностью.

²⁶³ Азовское море.

²⁶⁴ تولية. Вариант прочтения: Сулйа.

²⁶⁵ Пролив Босфор.

Некоторые люди считают, что это море и это озеро – единое море. Это море одной своей стороной, соприкасается с морем ал-Баб ва-л-абваба через пролив и протекающие здесь великие реки. Это ввело в заблуждение некоторых составителей книг о морях и возделанной (обитаемой) земле и они утверждают, что море Бунтус, озеро Майтас и море ал-Хазар – это единое [море].

К великим рекам, которые впадают в это море, относится великая река, называемая Танаис²⁶⁶, исток которой на севере. Среди ее жителей много из ас-сакалиба и из других народов, глубоко проникших на север. Кроме этой, из больших рек [в море Бунтус впадают] такие, как река Дануба²⁶⁷ и М.лава, таково ее название и на [языке] ас-саклабийя. Это огромная («азим») река, ее ширина около трех миль, она [находится] за ал-Кустантинией в нескольких днях [пути] и на ней – места расселения (обитания) ан-намджин²⁶⁸ и ал-м.рава, относящихся к ас-сакалиба. Туда было поселено много из ал-бургар после того, как они приняли христианство. И говорят, что из нее берет начало река Турк, то есть река аш-Шаша, о которой сообщалось выше.

Упоминание моря Укийанус, а это ал-Мухит²⁶⁹

... [с.190] Выкуп третий – выкуп Хакана, [состоявшийся] в мухаррам 231/7 сентября – 6 октября 845 года в правление ал-Васика²⁷⁰ при ал-Ламисе, а императором (ал-малик) ар-Рума [тогда был] Михаил сына Теофила (Михаил ибн Тауфил), а выкупом руководил Хакан – евнух тюрок (ат-турк). Число выкупленных за десять дней мусульман составило четыре тысячи триста шестьдесят два [человека] из мужчин и женщин. А говорят, согласно тому, что написано «Китаб ас-савайф» (Книге летних походов), четыре тысячи сорок семь. А говорят, что меньше этого [числа]. Во время этого выкупа были освобождены жители Зибатры²⁷¹, и тогда же был освобожден (вышел) Муслим ибн Муслим ал-Джарми, занимавший высокое положение в пограничье (ас-сугур)²⁷². Он был сведущим о жителях ар-Рума и его земле. У него сочинения [с.191] со сведениями об ар-Руме и их царях, об их савновниках, об их стране, их дорогах и путях, датах походов на них и завоеваний против них, о соседних с ними государствах: Бурджане, ал-Абре, ал-Бургар, ас-Сакалиба, ал-Хазар и других.

При этом выкупе вместе с Хаканом был человек с куньей Абу Рамла со стороны Ахмада ибн Дауда, главного кади (кади ал-кудда), который во время выкупа подвергал пленных испытанию [вопросами]: тех из них, кто считал Коран сотворенным и отвергал [учение] о его передаче, выкупали и хорошо обращались с ними. А тех, которые отказывались [признать] это, оставляли в земле ар-Рум. Группа пленных предпочла возвратиться в землю христиан, чем утверждать подобное. И Муслим также отказался повиноваться этому, и его постигли испытания и унижения, пока он, наконец, не был освобожден...

Материал подготовила Нурия Гараева

²⁶⁶ Дон.

²⁶⁷ دنيبة, Дунай.

²⁶⁸ Немцы?

Ибн Фадлан

«Записка» («Рисала») Ахмада ибн Фадлана (о котором до сих пор ничего не известно [Barthold, 1927, p.398; Бартольд, 1973, с. 596; Canard, p.759]) содержит описание поездки посольства халифа ал-Муктадира в Булгар для официального принятия ислама правителем булгар и его окружением в 921–922 гг. «Записка» дошла до нас не полностью: долгое время она была известна по большим цитатам в словаре Йакута, впервые собранным и исследованным М.Х.Френом [Fraehn, 1823; 1832]. Наиболее полный текст «Рисали» был обнаружен А.-З.Валиди-Тоганом (1923) в сборной рукописи, хранившейся в библиотеке (мечети?) Мешхеда (ныне г. Тус, Иран)²⁷³. Работу над подготовкой к изданию текста и перевода «Рисали» параллельно вели в СССР А.П.Ковалевский и в Германии А.-З.Валиди-Тоган. Оба исследования увидели свет в 1939 г. (издание в СССР было осуществлено чуть раньше немецкой публикации): А.-З.Валиди-Тоган опубликовал текст «Записки» в наборе, с немецким переводом, исследованием и комментариями²⁷⁴ [Togan, 1939], а в СССР «Рисала» Ибн Фадлана была опубликована [Ибн Фадлан, 1939] в факсимиле рукописи с русским переводом, исследованием и комментариями А.П.Ковалевского, но на титуле его имя отсутствовало ввиду того, что он был репрессирован²⁷⁵. Текст «Рисали» в Мешхедской рукописи кончался пребыванием Ибн Фадлана в Булгаре. А.П.Ковалевский дополнил этот текст отрывком из «Словаря...» Йакута о хазарах. Во второе издание [Ибн-Фадлан, 1956] А.П.Ковалевский добавил обширное историко-этнографическое исследование и переводы некоторых материалов из более поздних авторов, цитирующих или пересказывающих материал «Записки».

В 1942 г. вышла статья Х.Риттера [Ritter, 1942, p.98–126] с поправками к тексту «Рисали» Ибн Фадлана, изданному А.-З.Валиди-Тоганом. Однако из-за войны публикации 1939 г. и статья Х.Риттера остались в Европе почти незамеченными. Поэтому к исследованию «Рисали» Ибн Фадлана еще раз обращается К.Цегледи [Czegledy, 1951, p.217–260]. Чуть позже «Рисала» выходит во французском переводе М.Канара [Canard, 1958, p.41–146] с подробными комментариями, учитывающими публикации предшественников, в том числе уточнения, сделанные Х.Риттером, К.Цегледи, Д.Данлопом, а также широко используя материалы «Худуд ал-алам», изданного В.В.Минорским. В 1959 г. доктор Мухаммад-Сами ад-Дахан еще раз издал арабский текст «Рисали» Ибн Фадлана (переиздано в 1978 г.)²⁷⁶ [Ад-Дахан, 1959; 1978], в котором ставил целью учесть уже в арабском тексте «Рисали» неточности издания А.-З.Валиди-Тогана [Blake, Frye, 1949; Dunlop, 1949]. Его исследование

²⁶⁹ Из этой главы приведен только этот фрагмент.

²⁷⁰ Ал-Васик – аббасидский халиф (227–232/842–847).

²⁷¹ Зибатра – город в направлении ар-Рума между Малатийей, Сумайсатом и ал-Хадаса; назван по имени Зибатры бинт ар-Рум ибн ал-Йафиз ибн Сам ибн Нух, да будет над ним мир [Йакут, 1866–1873, Bd.2, S.614].

²⁷² Провинция на границе аш-Шама и ар-Рума.

²⁷³ Мешхедская рукопись, уникальный сборник в списке XIII в., содержит обе «Записки» арабского путешественника X в. Абу Дулафа (из которых вторая стала известна только по Мешхедской рукописи), часть географического сочинения Ибн ал-Факиха «Китаб ахбар фи-л-булдан» («Книга известий о странах»). Последним сочинением этого сборника является «Рисала» Ибн Фадлана. Рукопись составляют 212 листов с текстом по 19 строк на страницу, написанных почерком насх. Есть отметка о вакфе: «Вакф Ибн Хатун 1067 года [1656–57]». Рукопись не имеет конца, есть дыры на бумаге, которые повредили текст «Рисали» [Кутубхане Тус, 1926, III, с.237–238] (рукопись с названием «Ахбар ал-булдан» номер 2 в разделе «математика»). Фотокопия с рукописи впервые была сделана в 1923 г. Э.Герцфельдом (E.Herzfeld) для Государственной библиотеки Пруссии. Вторая – в 1935 г.: полная фотокопия этой рукописи преподнесена АН СССР в дар к III Международному конгрессу иранского искусства в Ленинграде иранским правительством (СПбФ ИВ РАН, микрофильм 37, фотокопия (размер 23 x 18 см): шифр «В-202», новый шифр «ФВ123»). Третья – в 1936 г. для профессора Л.Лигети (L.Ligeti), во время его путешествия по Афганистану.

²⁷⁴ Арабский текст «Рисали» дан в приложении, текст и пагинация (арабскими цифрами) справа налево: с.1–45.

²⁷⁵ А.П.Ковалевский (1895–1969) был осужден ОСО при НКВД СССР по 58 ст. на пять лет ИТЛ, срок отбывал в Коми АССР и затем в ссылке в Мордовии.

²⁷⁶ О Дамасском издании см.: [Зэйнуллин, 1986].

«Рисали» и комментарии к арабскому тексту в значительной мере учитывают публикации А.-З.Валиди-Тогана, А.П.Ковалевского и И.Ю.Крачковского, а также последующие исследования западных ученых, воспользоваться которыми ему помог французский коллега и друг, известный востоковед-арабист Н.С.Елисеев²⁷⁷, хорошо знавший немецкий и русский языки. В этой публикации в качестве иллюстраций даны три фотографии рукописи «Записки» по факсимиле, изданному в СССР, и снимок наборного текста «Рисали» по публикации А.З.Валиди-Тогана [Ад-Дахан, 1978, с.83–89]. В 1985 г. Т.Левицкий издал в наборе арабский текст «Рисали» Ибн Фадлана вместе с польским переводом и комментариями [Żrodla, 1985] в рамках серии публикаций материалов арабских географов о Восточной Европе с польскими переводными и комментариями, подготовленными под его редакцией коллективом авторов [Żrodla, 1985].

«Рисала» Ибн Фадлана в переводе А.П.Ковалевского широко использовалась в России и за рубежом, а за годы, прошедшие после публикации, само издание давно стало библиографической редкостью. Новый русский перевод не предпринимался, хотя и в России появилось несколько публикаций, уточняющих понимание текста «Рисали» [Смирнова, 1981, с.249–255; Klyashtorny, 1998, р.54–63; Большаков, 2000, с. 55–57; Большаков, ХВ]. Поскольку «Записка» Ибн Фадлана – единственный столь ранний памятник для истории Поволжья, интерес к нему не ослабевает, и уже появился ряд популярных переложений перевода А.П.Ковалевского [Шамси, 1992, с.92; 1996, с.12–72], а также перевод «Рисали» на татарский язык [Мамедов, 1972, 152–159 б.; 2003]²⁷⁸, сделанный по факсимиле рукописи.

В настоящем «Приложении» предлагается новое переиздание перевода А.П.Ковалевского по изданию 1956 г. с некоторыми уточнениями и исправлениями, предложенными О.Г.Большаковым (в нашем издании перевода эти места заключены в угловые скобки < > в начале и конце измененного текста). Обширные комментарии А.П.Ковалевского, в значительной части касающиеся обоснования перевода, особенностей написания отдельных мест арабского текста и т.д., уместные при первоначальном параллельном издании текста и перевода, излишни при переиздании перевода без арабского текста, и потому здесь опущены. Вставки отдельных слов и фраз из «Словаря...» Йакута, сделанные А.В.Ковалевским и указывавшиеся в комментариях, в настоящем издании даны курсивом. Комментарии, поясняющие неясные места текста, заменены редакционными примечаниями, основанными на материалах публикации А.П.Ковалевского, а в нескольких случаях совершенно неверные заключения заменены краткими замечаниями О.Г.Большакова (они также заключены в угловые скобки < > или оговорены). Транслитерация имен собственных, в том числе использование нисб («ал-Хашими» вместо «Хашимид»), приведена в соответствие с современными академическими нормами, а также ряд терминов и этнонимов, прежде дававшиеся в переводе, заменены эквивалентами согласно тексту оригинала (например, «клиент» заменено на «мавла», «славяне» на «сакалиба» и т.п.). В нашей публикации перевода А.П.Ковалевского изменена вокализация в транслитерации иностранных (в основном турецких) имен и топонимов, которая у него была основана преимущественно на созвучиях в современном чувашском языке. Эти иностранные слова в тексте Ибн Фадлана не огласованы, и мы не знаем, как они звучали, поэтому их транслитерация приведена в соответствие с современными нормами или уточнена с соответствующими пояснениями.

Перевод дат с хиджры на христианское летосчисление указан в подстрочных сносках.

Попытки локализовать пункты маршрута посольства в Поволжье, видимо, бесперспективны, поскольку упомянутые топонимы и гидронимы совершенно несозвучны современным названиям (за редким исключением), а бесспорные узнаваемые описания местности в источниках тоже нет. Приведенные в комментариях примеры идентификации весьма условны.

²⁷⁷ Никита Сергеевич Елисеев (Elisseeff) многие годы работал во Французском институте в Дамаске.

²⁷⁸ Сделана фоторепродукция факсимиле по изданию [Ибн Фадлан, 1956, с.138–170].

«Рисала»

(Записка)

(переиздание перевода А.П.Ковалевского [Ибн Фадлан, 1956, с.121–156], пересмотренное и исправленное; редакционные примечания к тексту перевода)

[л.196б]²⁷⁹ Это книга Ахмада ибн Фадлана ибн ал-‘Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, мавла²⁸⁰ повелителя правоверных, а также мавла Мухаммада ибн Сулаймана²⁸¹, ал-Хашими²⁸², посла ал-Муктадира²⁸³ к царю (малик) ас-сакалиба²⁸⁴, в которой он сообщает о том, что он сам наблюдал в стране тюрков, хазар, русов, ас-сакалиба, ал-башгард²⁸⁵ и других народов по части различий их вероучений, [л.197а] сведений об их царях (мулук), их положения в многих делах.

²⁷⁹ Выделенный далее шрифтом текст – текст Мешхедской рукописи «Рисали», текст без выделения – добавления из Йакута, сделанные в переводе Ковалевского, которые, на наш взгляд, затрудняют понимание текста «Рисали». Возможно, Йакут сделал добавления от себя, но не из более полного списка «Рисали» Ибн Фадлана.

²⁸⁰ Мавла – клиент (покровительствуемый), вали – покровитель. Не тождественно соотношению раб и рабовладелец, мавла мог занимать высокое положение в обществе. Статус мавли не исчезает после смерти вали. Некоторые мавла даже после освобождения продолжали оставаться под покровительством.

²⁸¹ Здесь Мухаммад ибн Сулайман или Мухаммад ибн Сулайман ал-Хашими – неизвестная личность. Если не учитывать вставку из Йакута, то получается, что послом был Мухаммад ибн Сулайман, но далее в тексте он не упоминается. Ибн Фадлан больше говорит о себе в связи с исполнением обязанностей посла.

Известен другой Мухаммад ибн Сулайман – полководец, завоевавший в 905 г. Египет, а в 919 г. умерший в Иране у стен Рея. Поэтому он не мог быть в составе посольства Ибн Фадлана, которое состоялось в 921 г. Поскольку статус мавли не исчезает после смерти вали, то Ибн Фадлан мог оставаться мавла Мухаммад ибн Сулайман и одновременно быть мавла халифа, в таком случае во главе посольства действительно мог быть Ибн Фадлан. Однако совершенно не исключено, что это был совсем другой Мухаммад ибн Сулайман ал-Хашими.

²⁸² С точки зрения грамматики здесь нисба ал-Хашими может относиться как к Ибн Фадлану, так и к Мухаммад ибн Сулайману.

²⁸³ Джа‘фар ибн ‘Абдаллах ал-Муктадир – аббасидский халиф (295–320/908–932).

²⁸⁴ Ас-сакалиба – не совсем ясный для этого времени этноним, который мог обозначать и славян, и финно-угров. В понятие «ас-сакалиба» арабские путешественники и географы вкладывали разное содержание. Например, в противовес «ат-турк» – тюркские народы, «ас-сакалиба» может означать нетюркские народы, в том числе и славян; или «ас-сакалиба» – народ, населявший леса, в отличие от народов, населявших степь.

В расширенном понимании этим термином обозначали основную массу народов севера – также финнов, болгар, германцев; ас-сакалиба могло обозначать всех жителей лесной полосы Восточной Европы [Ибн Фадлан, 1956, с.159; Большаков, 2000, с.54; Большаков, ХВ; Гараева, 2002, с.461]. В этом случае применение слова «ас-сакалиба» варьирует в зависимости от автора и той области, которую он описывает.

У Ибн Фадлана и, вероятно, в некоторых других случаях этот этноним употребляется для обозначения народов Средней Волги, в том числе и болгар [Ибн Фадлан, 1956, прим. 34, 651а, 961].

²⁸⁵ Здесь у Ибн Фадлана вместо обычного для арабских авторов написания этнонима как башджирд, когда «г» передается через «джим», этот звук обозначен буквой «гайн» الباشغرد, что должно звучать как «башгирд», по-видимому, это название народа он передал в той его форме, как слышал.

В переводе «Рисали» Ибн Фадлана в прочтении этнонима «башкиры» сохраняется огласовка, предложенная А.П.Ковалевским [Ибн Фадлан, 1956, прим. 12, 300, 321], хотя этот этноним обычно читают «ал-башгирд». Прочтение – «ал-башгард» основано на огласовке, систематически проведенной в Мешхедском списке «Му‘джам ал-булдан» Йакута, которая, возможно, восходит к списку «Рисали» Ибн Фадлана (более раннему, чем известный). По мнению А.П.Ковалевского, эта огласовка может быть более древней, чем «ал-башгирд» или «ал-башгурд» (башкорт), из которых последняя выглядит связанной с тюркской народной этимологией: «баш» – «голова» и «курт» – «волк» [Ибн Фадлан, 1956, с.160, 191, 192].

В средневековых арабских сведениях ал-башгирд (ал-басджирд и другие вокализации) сопоставляются и даже отождествляются с ал-маджар, как, например, у ал-Гарнати (XII в.), который бывал в Венгрии и в Волжской Булгарии. Сопоставление с «ал-маджар» говорит в пользу «ал-башгард» как более древней формы.

Сказал Ахмад ибн Фадлан: «Когда прибыло письмо²⁸⁶ <Алмиша (Алмыш)>²⁸⁷ ибн [Шилки]²⁸⁸ йылтывара²⁸⁹, царя ас-сакалиба²⁹⁰, к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в религии²⁹¹, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него минбар²⁹², чтобы он установил [с минбара] возглашение молитвы во здравие халифа²⁹³ в его [собственной] стране (билад) и во всех областях его государства (мамлака), и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей (ал-мулук), своих противников – было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харамии (ал-Хурамии)²⁹⁴. А я был уполномочен для прочтения ему (царю) письма и вручения того, что отправлялось к нему [в качестве подарков] и для надзора над факихами²⁹⁵ и му‘аллимами²⁹⁶. И ему были пожалованы деньги, доставлявшиеся ему для упомянутой нами постройки и для уплаты [жалованья] факихам и му‘аллимам, [со взысканием] с поместья, называемого Арсахушмисан²⁹⁷, в земле Хорезма, из [числа] поместий Ибн ал-Фурата²⁹⁸. Послом к ал-Муктадиру от владетеля (сахиб) ас-сакалиба был человек по имени

²⁸⁶ Из следующего материала становится ясно, что всего было три письма [Ибн Фадлан, 1956, прим.2036].

²⁸⁷ В переводе А.П.Ковалевского: Алмуш. Правильное прочтение: Алмиш (Алмыш). Имя древнетюркского происхождения, образованное от слияния двух слов «эл» (или «ил») и «алмыш», т.е. «принявший (взявший) государство». Стяжение этих двух слов дает краткое Алмыш или Алмиш [Смирнова, 1981, с.249–255].

²⁸⁸ В рукописи «Рисали» имя отца Алмиша – ал-Хасан, Шилки – у Йакута.

²⁸⁹ Йылтывар (элтывар) – западная передача древнетюркского титула элтебер (илтебер). (Йылтывар – хазарско-болгарское произношение). Глава племенного союза, ниже хана, но выше всех остальных в древне-тюркской административной иерархии. Ввиду отсутствия диакритики допускалось прочтение титула и через «б» – «былтывар» (билтывар), что, как показано выше, не верно.

²⁹⁰ Ибн Фадлан называет «царя» болгар царем ас-сакалиба, что свидетельствует о его влиянии и на соседние с Булгаром северные народы, а это придавало большее значение посольству, отправленному к болгарскому правителю.

²⁹¹ Здесь слову «дин», переведенному А.П.Ковалевским как «вера», соответствует значение «религия», т.к. понятию «вера» соответствует слово «иман».

²⁹² Минбар – кафедра, с которой в мечети произносится проповедь.

²⁹³ У Ковалевского в этой фразе «хутба», но он совершенно неправ, считая, что хутбу устанавливает халиф, – ее произносят вассалы во здравие халифа. Ибн Фадлан не давал разрешение произносить хутбу, а указывал ее форму, так сказать, одобрял текст. Смысл фразы означает буквально «чтобы он возглашал с него (т.е. с минбара) молитву за него». Конечно, имеется в виду хутба, но слова этого в тексте нет (значит, и в переводе его не должно быть, поэтому вместо слова «хутба» должно быть «молитва») [Большаков, 2000, с.55].

²⁹⁴ Некоторые издатели огласовывают нисбу в имени Назир ал-Харамии как ал-Хурамии. Назир ал-Харамии (ал-Хурамии) был главным инициатором посольства; как отмечает А.П.Ковалевский, в 911 г. он занимал должность распорядителя внутренних покоев дворца и был третьим по значению лицом в государстве [Ибн Фадлан, 1956, с.161, прим. 21]. Источники не характеризуют должность, но нисба ал-Харамии (или ал-Хурамии) действительно связана со службой в личных покоях (но не в качестве главного евнуха в гареме). Судить о функциях этой должности можно только по упоминаниям у историков о деятельности двух лиц: названного у Ибн Фадлана Назира и особенно его предшественника Сафи ал-Хурамии, который был доверенным лицом халифов ал-Муктафи и ал-Муктадира и которому поручали аресты и даже казнь влиятельных людей. Сафи оставил после себя значительное богатство (кроме богатого дома, еще сто тысяч динаров), которое он завещал своему гуляму, из чего можно заключить, что Сафи не имел семьи и был, скорее всего, евнухом. О Назире известно намного меньше. Кроме сообщения о его назначении, известно, что в 912 г. ему было поручено арестовать вазира Ибн ал-Фурата. Скорее всего, он был тюрком, что объясняет его интерес к тюркскому Северу и то, что он написал болгарскому «царю» письмо от себя лично, хотя посольство везло письмо от халифа и вазира [Большаков, 2000, с.59–60].

²⁹⁵ Факих – правовед, знаток мусульманского права (фикха).

²⁹⁶ Му‘аллим – ученый, учитель или просто образованный, знающий человек.

²⁹⁷ Арсахушмисан – город в левобережном Хорезме. Правильное прочтение – Ардахушмисан [Беленицкий, Бентович, Большаков, с.173, рис.71].

²⁹⁸ Абу ал-Хасан ‘Али ибн ал-Фурат (855–924) был вазиром три раза (908–912, 917–918, 923–924); был очень богат. В 918 г. он был смещен, разжалован и все его имения конфискованы. В 918 г. одни только его восточные имения принесли аббасидской казне дохода в 95278 дирхемов. Однако к 921 г. его имения в Средней Азии, очевидно, еще не были реализованы. Здесь речь идет о деньгах, выделенных халифом

‘Абдаллах ибн Башту ал-Хазари, а послом со стороны <ас-султана>²⁹⁹ – Саусан ар-Расси³⁰⁰, мавла Назира ал-Харамы (ал-Хурамы), и [сопровождали его] Такин³⁰¹ ат-Турки и Барис ас-Саклаби³⁰², и я вместе с ними, как я уже сообщил. Итак, мне были поручены подарки для него (царя), для его жены, для его сыновей, для его братьев, для его предводителей, и лекаря, о которых он писал Назиру, прося их.

Итак, мы отправились из Города Благополучия (Мадинат ас-салам)³⁰³ в четверг, по прошествии одиннадцати ночей [месяца] сафара триста девятого года³⁰⁴. Мы остановились в Нахраване³⁰⁵ на один день и отправились поспешно, пока не прибыли в Даскару³⁰⁶. В ней мы оставались три дня. Затем мы стремительно ехали, не задерживаясь, пока не приехали в Хулван³⁰⁷. Мы оставались в нем два дня. [Из него] мы поехали в Кирмисин³⁰⁸

булгарскому «царю» (в ответ на его просьбу), которые посольство должно было получить в Хорезме в одном из имений Ибн ал-Фурата.

²⁹⁹ Так в арабском тексте, в переводе А.П.Ковалевского – «государя». Первоначальное значение арабского слова «султан» – власть, правительство (в общем смысле). Разделение в значении терминов «султан» (светская власть) и «халиф» (духовная власть) сформировалось при Сельджуках. Во времена Ибн Фадлана это различие еще не существовало. У Ибн Фадлана слово ас-султан применяется для халифа или для верховного правителя тюрок.

³⁰⁰ Более точно Саусан (араб. «лилия») – такое имя свидетельствует о том, что Саусан ар-Расси был чернокожим, т.к. в ту пору в моде было давать чернокожим рабам имена, контрастные цвету кожи. А.П.Ковалевский отождествляет Саусана ар-Расси с Саусаном ал-Джасаси – внуком ал-Хусайна ибн ал-Джассаса, богатейшего ювелира Багдада. Саусан ал-Джасаси в 907 г. донес на своего господина, что в его доме скрывается Ибн ал-Му‘таз, за что, видимо, был приближен ко двору, стал мавлей Назира и принял нисбу ар-Расси [с.20]. В этом отождествлении вызывают сомнение несколько мелких деталей: необычно принятие нисбы, не связанной с именем патрона, вероятнее предположить, что она была первоначальной; кроме того, Саусан ар-Расси был женат, а Саусан ал-Джасаси был внуком [Большаков, 2000, с.60].

³⁰¹ Тюркское звучание имени может быть Текин или Тегин.

³⁰² Барис ас-Саклаби **الصقلابي** явный тюрк, т.к. носит тюркское имя «Барс», и, как следует далее, разговаривает с булгарским «царем» на его родном языке. Арабское написание этого имени с первым долгим гласным и подразумеваемым вторым кратким гласным не означает, что в тюркской среде оно произносилось с двумя гласными, а не как Барс.

Отождествить личность Бариса ас-Саклаби не удастся, хотя в первой трети X в. известно несколько гулямов с таким именем. Один Барис был хаджибом Исма‘ила Самани, которого он назначил наместником Джурджана. После смерти Исма‘ила Барис с отрядом из 4000 всадников и с 80-ю выюками денег явился в 907 г. в Багдад на службу к халифу вскоре после мятежа Ибн ал-Му‘таза. Ал-Муктадир назначил Бариса, сильного сторонника, наместником в Мосул, но соперники подкупили слугу Бариса, который вскоре отравил его и завладел его богатствами.

В 921 г., тогда же, когда отправлялось посольство, упоминается еще один гулям по имени Барис, но и он не мог быть спутником Ибн Фадлана, т.к. в том же году был убит за мятеж.

Имя Барис было популярно в среде тюрок: в 950/951 г. упоминается Барис, хаджиб Руки ад-Даули, а в 1037 г. – Барис-Туган, хаджиб Джалал ад-Даули.

Предположение А.П.Ковалевского о том, что Барис был уроженцем Булгара (с.20), дополняет сообщение Ибн ал-А‘сама ал-Куфи о том, что сына хакана, разгромившего в 111/730 г. в Арране ал-Джарраха ибн ‘Абдаллаха ал-Хаками, звали Нарастик, в котором при перестановке диакритики легко прочитывается Барсбик (Барсбек). Это имя было распространено и среди болгар, переселившихся на Балканы. Соответственно имя было распространено на территориях от Нижнего Поволжья и Северного Кавказа до Балкан, что соответствует ареалу распространения хазарско-болгарских племен.

Отмечено А.П.Ковалевским тождество имени Барис с именем болгарского царя Бориса, принявшего крещение около 864 г. [Ибн Фадлан, 1956, с.164, прим. 34], сомнений не вызывает.

Происхождение русского имени Борис не связано с именем болгарского царя. При крещении он принял имя Михаил, а имя Борис осталось для «внутреннего» употребления. Оно, как сугубо национальное, сохранялось и позже, после крещения болгар. Именно так назвала своего сына болгарка, жена Владимира Мономаха, хотя при крещении он был наречен Романом. Только после канонизации Бориса как мученика имя Борис попало в русские святы и получило распространение (христианское имя Бориса оказалось проигнорированным) [Большаков, 2000, с.60–61].

³⁰³ Мадинат ас-салам – «Город благополучия» (именно так, а не «Город мира») – официальное название новой столицы, построенной халифом ал-Мансуром (136–158/754–775).

³⁰⁴ 21 июня 921 г.

³⁰⁵ Нахраван – город в четырех фарсах от Багдада.

³⁰⁶ Даскара – город по дороге в Иран, в 72 км от Нахравана.

³⁰⁷ Хулван – город на одноименной реке, в 25 фарсах от Даскары; отсюда начинаются горные области.

и оставались в нем два дня. Потом мы отправились и ехали, пока не достигли Хамадана³⁰⁹, и оставались в нем три дня. Потом ехали, пока не прибыли в Савэ³¹⁰, и оставались в нем два дня, а из него – в Рей³¹¹. В нем мы оставались одиннадцать дней, ожидая Ахмада ибн ‘Али, брата Су‘лука (Са‘лука)³¹², так как он был в Хуваре³¹³ Рейском.

Потом мы отправились в Хувар Рейский и оставались там три дня. Потом мы отправились в Симнан³¹⁴, потом из него в Дамган³¹⁵. В нем мы неожиданно встретили Ибн Карана³¹⁶, принадлежащего к сторонникам «Призывающего [к истине]»³¹⁷, а потому мы спрятались в караване и ехали поспешно, пока не прибыли в Нишапур³¹⁸. Лайли ибн Ну‘ман³¹⁹ был уже убит, и мы застали в нем Хаммуью Кусу, начальника (сахиб³²⁰) войска Хорасана³²¹. Потом мы отправились в [л.197б] Сарахс³²², а потом из него в Мерв³²³, потом из него в Кушмахан³²⁴, который является краем пустыни Амула³²⁵. Мы оставались в нем три дня, чтобы дать отдохнуть верблюдам для въезда в пустыню. Потом мы пересекли пустыню

³⁰⁸ Кирмисин – ныне Керманшах; расположен в 30 фарсах от Хулвана через перевал в горах Захра.

³⁰⁹ Хамадан (древние Эктабаны, столица Мидии) расположен в 35 фарсах от Кирмисина.

³¹⁰ Савэ – город в 41 фарсах от Хамадана; здесь перекрещивались пути с севера на юг Ирана: Казвин, Савэ, Кум.

³¹¹ Рей – большой город в 24 фарсах от Савэ; в 8 км к югу от совр. Тегерана; через Рей проходила дорога с запада на восток, а также дорога на север к Каспийскому морю. Власть над Рейем оспаривали багдадский халиф, Саманиды и иранские феодалы. С 902 г. Рей был во власти Саманидов.

³¹² Саманидский правитель Наср ибн Ахмад назначает наместником Рейя Мухаммада ибн ‘Али, по прозвищу Су‘лук (араб. досл.: разбойник, бродяга), где он правит в 913–915 гг., объявив себя независимым. В 915–916 г. Рей был взят войсками халифа ал-Муктадира, который назначил своего наместника, но вскоре его сменил брат Мухаммада Су‘лука – Ахмада ибн ‘Али, которого упоминает Ибн Фадлан с прозвищем Ах Су‘лук (брат Су‘лука).

³¹³ Хувар – город к востоку от Рейя (в 20 или 24 фарсах). В Иране было несколько городов с таким названием.

³¹⁴ Симнан – город в 22 фарсах от Хувара Рейского, расположенного у подножья хребта Эльбруса на краю большой пустыни восточного Ирана.

³¹⁵ Дамган – город (яблочных садов), расположен в 17 фарсах от Симнана.

³¹⁶ Ибн Каран (Шарвин II ибн Рустам ибн Сухраб) – табаристанский феодал, владетель в местечке Фиррим в горах, потомок старинного рода со времен Сасанидов. Его династия правила при Хосрове II и до 1319 г. Они приняли ислам в 227/841–842 г.; приверженец ‘Али ибн Абу Талиба. Встреча с Ибн Караном – мятежным правителем, активным и преданным Алидом, была бы опасна для посольства, представлявшего багдадского халифа.

Посольский караван из Багдада в Поволжье выступил в очень неспокойное для Аббасидов время, когда вполне реальна была потеря власти. В 920-е гг. сторонники карматов вели активную борьбу с Аббасидами (грабили торговые караваны; даже нападали на города; например, в 929 г. напали на Мекку, ограбили и перебили много паломников; вынули из Каабы Черный камень и увезли в Лахсу. Такие исма‘илитские отряды были очень опасны для власти халифа. Поэтому удержание власти было намного важнее, чем организация и поддержка контактов с периферийными странами халифата.

³¹⁷ «Призывающий к истине» – титул алидского правителя Табаристана Хасана ибн ал-Касима (916–928).

³¹⁸ Нишапур – крупнейший средневековый город Ирана (в 79 фарсах от Дамгана), столица Тахиридов, достигшая высшего расцвета в X в.

³¹⁹ Лайли ибн Ну‘ман – старый алидский полководец из Дейлема, губернатор Джурджана, занял Дамган и потом Нишапур (здесь в апреле–мае 921 г. он провозгласил хутбу за алидского имама). Против него выступил саманидский правитель Хаммуий ибн Куса, который разбил его и казнил в раби’ I 309/10.07–8.08. 921 г., т.е. к прибытию посольства опасность миновала.

³²⁰ Слово «сахиб» трудно для перевода из-за его многозначности.

³²¹ Хорасан – историческая область в северо-восточном Иране.

³²² Сарахс – город (ныне территория Туркмении), расположенный в 40 фарсах от Нишапура. Путь посольства от Сарахса шел по хорошо охраняемой дороге с таможенными (пограничными) заставами, почтовыми станциями и постоялыми дворами, которые, скорее всего, располагались в одном месте, на одном посту.

³²³ Мерв (Царский Мерв) – город (ныне территория Туркмении), расположенный на р. Мургаб в 30 фарсах от Сарахса; в X в. – центр производства шелковых и хлопчатобумажных тканей, из которых, видимо, шились упоминаемые далее Ибн Фадланом «мервские одежды» или «мервские хафтаны».

³²⁴ Кушмахан – селение на окраине степей Мерва (в 5 фарсах).

³²⁵ Пустыня Амула – восточные Каракумы.

до Амула³²⁶, потом мы переправились через Джейхун и приехали в Афирабр³²⁷ рибат³²⁸ Тахира ибн ‘Али³²⁹, потом мы отправились в Байканд³³⁰, потом въехали в Бухару³³¹ и прибыли к ал-Джайхани³³². Это секретарь эмира Хорасана. Его прозывают в Хорасане аш-шайх-опора (ал-‘амид). Он распорядился предоставить нам дом и назначил для нас человека, который удовлетворял бы наши потребности и удалял бы наши затруднения в отношении всего, чего мы пожелаем. Итак, мы оставались [на отдыхе] несколько дней.

Потом он испросил для нас аудиенцию у Насра ибн Ахмада³³³, и мы вошли к нему. А он безбородый гулям³³⁴. Мы приветствовали его в качестве эмира, а он пригласил нас сесть. И первое, с чего мы начали, – он сказал: «Каким вы оставили моего господина, повелителя правоверных, да продлит Аллах его пребывание [в этом мире] и его благополучие, – его самого, его гвардии и его приближенных?» Мы сказали: «В благополучии». Он сказал: «Да прибавит ему Аллах мир!» Потом ему было прочитано письмо относительно передачи Арсахушмисана от ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани (Христианина)³³⁵, управляющего Ибн ал-Фурата, Ахмаду ибн Мусе ал-Хваризми, об отправке нас и письма к его правителю (сахиб³³⁶) в Хорезме, устраняющего для нас [всякие] препятствия, и письма ко Вратам тюрок (Баб ат-турк)³³⁷, чтобы нам был дан эскорт и [тоже] устранены для нас препятствия. Он сказал: «А где [же] Ахмад ибн Муса?» Мы сказали: «Мы оставили его в Городе Благополучия (Мадина ас-салам), с тем, чтобы он выехал за нами через пять дней». Тогда он сказал: «Слушаюся и повинуюсь тому, что приказал мне мой господин, повелитель правоверных, да продлит Аллах его пребывание [в этом мире]».

Он сказал: «Сведения об этом дошли до ал-Фадла ибн Мусы ан-Насрани, управляющего Ибн ал-Фурата, и он пустил в ход свои хитрости в отношении Ахмада ибн Мусы. Он написал начальникам полиции по Хорасанской дороге [на участке] от гарнизонного города (джунд) Сарахса до Байканда, чтобы они направили шпионов на Ахмада ибн Мусу ал-Хваризми по постоянным дворам и сторожевым постам, [что] он [дескать] человек с [такой-то] внешностью и [такими-то] особенностями, и что кто схватит его, пусть держит его под стражей, пока не будет получено наше письмо, которому пусть и следует. Итак, он был взят в Мерве и посажен под стражу. Мы же оставались в Бухаре двадцать восемь дней. Между тем ал-Фадл ибн Муса также еще раньше столкнулся с ‘Абдаллахом ибн Башту и другими из наших спутников, которые стали говорить: «Если мы останемся, то нагрянет зима и будет упущено [время] для въезда [в Хорезм], а Ахмад ибн Муса, когда выполнит свои обязательства в отношении нас, догонит нас».

³²⁶ Амул – здесь Амул Джейхунский (в отличие от Амула в Табаристане), совр. Чарджоу; город, расположенный в 31 фарсахе от Мерва. От него происходит название Амударья (Амул-Дарья).

³²⁷ Афирабр (иногда Фирабр) был расположен недалеко от Мерва.

³²⁸ Рибат – первоначально пограничный пост воинов; постоянный двор или караван-сарай для путников.

³²⁹ Пункт с названием «Рибат Тахира ибн ‘Али» упомянут в «Му’дjam ал-булдан» Йакута.

³³⁰ Байканд – большой торговый город в 12 фарсахх от Мерва. Городище Пайканд хорошо известно. Рибаты около Пайканда – не постоянные дворы, а укрепления, в которых располагались газии.

³³¹ Бухара – город, до стен которого от Байканда 2 фарсаха. У Ибн Фадалан речь идет о стене, которая окружала Бухарский оазис, но не саму Бухару, которая была окружена своей стеной. Между стенами 3 км.

³³² Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ал-Джайхани – известный географ, занимавший высокие должности в Хорасане при дворе Саманидов.

³³³ Наср ибн Ахмад – саманидский эмир (301–331/914–943); осенью 921 г. Ему было 16–17 лет.

³³⁴ В переводе А.П.Ковалевского «мальчик»; в преобладающем большинстве случаев А.П.Ковалевский переводит слово «гулям» как «отрок». Целесообразнее сохранять арабское «гулям» без перевода, поскольку это слово (как и слово «отрок» для русских источников) является термином. Во-первых, отроки как члены дружины были свободными, гулямы – рабами или вольноотпущенниками. Во-вторых, отроки были младшими дружинниками, а гулямы нередко становились даже полководцами.

³³⁵ В то время религиозная принадлежность не была, видимо, определяющим фактором при назначении управляющим в поместья Ибн ал-Фурата.

³³⁶ Здесь слово «сахиб» переведено так из-за того, что Хорезмшах Мухаммад ибн ‘Ирак не был соправителем (как считал А.П.Ковалевский), а был вассалом (хотя и мало зависимым) Саманидов.

³³⁷ Название или эпитет «Баб ат-турк» известен в связи с несколькими топонимами. В данном случае, видимо, речь идет о рибате Замджан – poste на Устюрте, на границе Хорезма. В «Худуд ал-‘алам» столица Хорезма Кяс названа «Врата тюркской страны огузов», в другом месте сочинения город Гургандж назван «Врата страны тюрок».

Он сказал: «Я видел дирхемы в Бухаре разных сортов, в том числе дирхемы, называемые ал-гитрифийа. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди. Из них берется количество без веса, – сто из них [л.198а] за один дирхем из серебра. А вот их условия относительно свадебных даров³³⁸ за их жен: «Женится такой-то, сын такого-то, на такой-то, дочери такого-то, за столько-то и столько-то дирхемов гитрифийа». И таким же образом [происходит] покупка их недвижимых имуществ и покупка их рабов: они не упоминают других дирхемов. У них есть [также] дирхемы, [для которых] взята только одна желтая медь. Сорок из них за данак³³⁹. У них также есть дирхемы их желтой меди, называемые самаркандскими (ас-самарканди). Шесть из них за данак.

Итак, когда я услышал слова ‘Абдаллаха ибн Башту и слова других <пугавших³⁴⁰ меня скорым наступлением зимы>, мы отправились из Бухары, вернулись к реке и наняли корабль до Хорезма³⁴¹. А расстояние до него от места, от которого мы наняли корабль, более двухсот фарсахов³⁴². Мы ехали только часть дня, – нам не удавалось ехать целый день вследствие силы холода, пока мы не прибыли в Хорезм. Мы явились к его эмиру. Это был Мухаммад ибн ‘Ирак Хорезм-шах. Итак, он почтил нас, приблизил нас к себе и устроил для нас жилье.

По прошествии трех дней он велел нам прийти, обсудил с нами [вопрос] о въезде в страну тюрков и сказал: «Нет для вас соизволения на это, и непозволительно было бы мне допустить, чтобы вы вслепую рисковали вашей кровью. Я знаю, что это хитрость, которую подстроил этот гулям (ал-гулам)³⁴³, – то есть Текин, – так как <он был у нас торговцем скобяными (железными) изделиями>³⁴⁴ в стране неверных. Это он обманул Назира, побудил его обратиться к повелителю правоверных и передать ему письмо царя (малик) ас-сакалиба. Великий эмир, – то есть эмир Хорасана, – имел бы больше права установить хутбу от имени повелителя правоверных в этой стране, если бы он нашел [это] полезным³⁴⁵. И сверх того, между вами и этой страной, о которой вы говорите, тысяча племен неверных. И это [все] введение в обман государя. Итак, я даю вам совет: нужно [отправить] письмо к великому эмиру, чтобы он снесся путем переписки с государем, – да споспешествует ему Аллах, – а вы останетесь [здесь] до того времени, как вернется ответ». Итак, в этот день мы ушли от него. Потом мы снова приходили к нему и не переставали подольщаться к нему и льстить ему, говоря: «Вот приказ повелителя правоверных и его письмо, – какое основание сноситься с ним по этому поводу?» – пока он не дал нам разрешения. Итак, мы спустились из Хорезма³⁴⁶ в ал-Джурджанийю. Между нею и Хорезмом по воде пятьдесят фарсахов³⁴⁷.

Я видел, что дирхемы Хорезма обрезные и свинцовые, и неполновесные, и медные. Дирхем они называют «тазджа». Вес его четыре данака с половиной. Их менялы продают

³³⁸ У А.П.Ковалевского «калымы» (мухур), но здесь лучше перевести «свадебные дары»; «свадебные дары» и «каламы» – разные понятия.

³³⁹ Данак – шестая часть серебряного дирхема.

³⁴⁰ Вариант перевода А.П.Ковалевского: «предупреждавших меня о скором наступлении зимы».

³⁴¹ Имеется в виду столица провинции Хорезм – Кяс (Кеш или Афрасиаб, расположенный южнее Самарканда), который часто называли Хорезм.

³⁴² Эта часть пути посольства не локализована. А.П.Ковалевский считал, что посольство погрузилось не в Фарабре, а ниже по реке ближе к Хорезму. От Чарджоу до Шаббаза около 400 км. По сведениям Ибн Фадлана получается намного больше [Ибн Фадлан, 1956, прим.94].

³⁴³ В переводе А.П.Ковалевского: «отрок».

³⁴⁴ В переводе А.П.Ковалевского: «был кузнецом и занимался продажей железа».

³⁴⁵ Перефраз из Корана: «их пристанище – геенна, и они не найдут от нее спасения» [Коран, пер, 6:120; Validi-Togan, 1939, s.11, прим.2].

³⁴⁶ Имеется в виду столица провинции Хорезм – Кяс.

³⁴⁷ Эта часть пути посольства не локализована. А.П.Ковалевский считал его сильно преувеличенным. На современной карте напрямую между Шаббазом и Куния-Ургенчем 150 км. По извилистому руслу реки немного больше [Ибн Фадлан, 1956, прим.109].

игральные кости, волчки³⁴⁸ и дирхемы. Они [хорезмийцы] самые дикие люди [л.198б] и по разговору и по природным качествам. Их разговор похож на то, как кричат скворцы³⁴⁹.

В ней [стране Хорезм] есть селение на [расстоянии] дня [пути] от Джурджанийи, называемое Ардаква³⁵⁰. Население его называется кардалильцы³⁵¹. Их разговор похож на кваканье лягушек. Они отрекаются от повелителя правоверных ‘Али ибн Абу Талиба³⁵², – да будет им доволен Аллах, – при окончании каждой молитвы.

Итак, мы оставались в ал-Джурджанийи [много] дней. И замерзла река Джейхун от начала до конца ее; и была толщина льда семнадцать четвертей. Кони, мулы, верблюды и повозки проезжали через него, как проезжают по дорогам, – он был тверд, не сотрясался. И оставался он в таком виде три месяца. И мы увидели такую страну, что думали, – не иначе, как врата Замхарира³⁵³ открылись из нее на нас. Снег в ней падает не иначе, как с порывистым сильным ветром. Если [какой-нибудь] человек из ее жителей одаряет своего приятеля и хочет [оказать] ему благодеяние, он говорит ему: «Пойдем ко мне, чтобы нам поговорить, – ведь право же, у меня хороший огонь». Это в том случае, если он оказывает ему особенное благодеяние и [выражает] особую благосклонность. Однако Всевышний Аллах великий был милостив к ним в отношении дров, – он сделал их дешевыми для них: груз повозки дров [дерева] «таг», – а это [по-арабски] ал-гада³⁵⁴, – за два дирхема, из [числа] дирхемов, определяемых из расчета трех тысяч [штук] – ритль³⁵⁵. Обычай их нищих [таков], что нищий не останавливается у дверей, но входит в жилище кого-либо из них и сидит некоторое время у его огня, греясь. Потом говорит «паканд», что значит «хлеб», и [тогда] дают ему что-нибудь, а если нет, то он выходит.

Наше пребывание в ал-Джурджанийи затянулось, а именно, – мы оставались в ней [много] дней раджаба, ша‘бана, месяца рамадана и шавваля³⁵⁶. Продолжительность нашего пребывания зависела от силы холода.

Право же, до меня дошел [рассказ о том], что...³⁵⁷ двенадцать верблюдов, чтобы им обогнать везти на них дрова из одного леса. Эти два [человека] забыли взять с собой огниво и трут и заночевали без огня. Когда они оба утром встали, то верблюды были мертвы вследствие силы холода. И действительно, я видел тамошний холод в воздухе и то, что в ней [в ал-Джурджанийи] базар и улицы, право же, пустеют до такой степени, что человек обходит большую часть улиц и базаров и не находит никого, и не встречается ему ни один человек. Не раз выходил я из бани и, когда входил в дом, то смотрел на свою бороду, а она сплошной кусок снега, так что я, бывало, оттаивал ее у огня. И, право же, бывало я спал в «доме» внутри дома³⁵⁸. А именно – в нем была [помещена] тюркская юрта из войлоков³⁵⁹, причем я был укутан в одежды и меха, и [все же] иногда моя щека примерзала к подушке.

³⁴⁸ الداوامات – необычное по форме слово и переводить его приходится гипотетически: если кости предназначались для игры на деньги, то, очевидно, и непонятное слово, скорее всего, должно означать принадлежность какой-то игры для взрослых.

³⁴⁹ Согласно Наджибу ал-Хамадани, «жители [Джурджана или страны Хорезм?] имеют неприятный язык, – наиболее встречающийся [звук] в их словах – «з»» [Ибн Фадлан, 1956, прим.113].

³⁵⁰ ار د كوا (или Ардаку) – местечко, которое локализуется по дороге от Джурджана на юг через Каракумы в Северный Иран (в сторону г. Ниса); первая почтовая станция от Джурджана.

³⁵¹ Ал-Кардалильа الكردلية – жители упомянутого места Ардаква.

³⁵² ‘Али ибн Абу Талиб – четвертый «праведный» халиф (35–40/656–661).

³⁵³ Часть ада, отличающаяся страшным холодом.

³⁵⁴ Арабское название кустарника, растущего в пустыне, который при горении давал сильный жар; здесь, видимо, имелся в виду саксаул.

³⁵⁵ Здесь, видимо, какая-то неточность или лакуна в тексте Ибн Фадлана и Йакута, которая нарушает смысл фразы: неясно, то ли речь идет о весе повозки – 3000 ритлей, то ли о весе хорезмийских дирхемов. Ритль – мера веса, равная [Ибн Фадлан, 1956, прим.120].

³⁵⁶ Время от начала раджаба до конца шавваля 309 г. соответствует: от 5 ноября 921 г. до 2 марта 922 г. Из текста ясно, что месяц шавваль входил в этот срок. Послы выехали в начале марта.

³⁵⁷ Здесь пропуск в тексте [Ибн Фадлан, 1956, прим.125].

³⁵⁸ بيت جوف بيت – или «помещение внутри дома».

³⁵⁹ Словом «юрта» переведено арабское قبة (кубба), одно из значений которого «шатер».

Действительно, я видел, [л.199а] как <[большие глиняные] сосуды с водой>³⁶⁰ там покрывались шубами из шкур овец, чтобы они не трескались и не разламывались, но это ничуть не помогало. Подлинно, я видел землю, которая разорвалась, и в ней от силы холода [образовались] огромные овраги, и [также] то, что огромное гигантское дерево, право же, расщепилось от этого на две половины.

Когда же переполовинился³⁶¹ шавваля триста девятого года³⁶², время года начало меняться, река Джейхун растаяла, и мы принялись за принадлежности, необходимые для путешествия. Мы купили тюркских верблюдов³⁶³ и велели сделать дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нам нужно будет переправляться в стране тюрков. Мы запаслись хлебом, просом, сушеным мясом на три месяца. Те из жителей этой страны, с которыми мы дружили, предложили нам воспользоваться [их] помощью в отношении одежд и постараться умножить их количество. Они представили это предприятие в ужасном виде и изобразили это дело очень трудным, но когда мы [все] это сами увидели, то это оказалось вдвое большим того, что нам было описано. Итак, на каждом из нас была куртка, поверх нее хафтан, поверх него шуба, поверх нее кобеняк и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреновой кожи и поверх сапог другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нем. И отстали от нас факих, му'аллим и гулямы (ал-гулман), выехавшие с нами из Города Благополучия (Мадинат ас-салам), побоявшись въехать в эту страну. И поехал я, посол, его свояк³⁶⁴ и двое гулямов (ал-гуламан): Текин и Барис³⁶⁵. Когда же наступил день, в который мы решили ехать, я сказал им: «Слушайте! с вами гулям царя, и он в курсе вашего дела. С вами письма государя, и я не сомневаюсь, что в них [имеется] сообщение о посылке для него четырех тысяч мусаййабских динаров. Вы придете к иноязычному царю, и он потребует это от вас. Они же сказали: «Не бойся этого. Право же, он от нас не потребует». Я же предостерег их и сказал: «Я знаю, что он потребует от вас». Но они не приняли [моих предостережений].

Караван был подготовлен³⁶⁶, мы наняли проводника по имени Фалус из жителей ал-Джурджанийи. Потом мы положились на Аллаха могучего и великого, поручили ему наше предприятие и отправились из ал-Джурджанийи в понедельник по прошествии двух ночей [месяца] зу-л-ка'да триста девятого года³⁶⁷.

Мы остановились в рибате, называемом Замджан³⁶⁸, [л.199б] а это [и есть] Врата тюрков. Потом на другой день мы отправились и остановились на остановке, называемой Джит. Нас настиг такой снег, что верблюды ступали в нем по колена. Поэтому мы оставались на этой остановке два дня. <Затем мы стремительно ехали, не задерживаясь>³⁶⁹, и никто нам не встречался в степи – [безлюдной] пустыне без единой горы. Итак, мы ехали по ней десять дней и встретили бедствия, трудности, сильный холод и беспрерывные,

³⁶⁰ Текст, взятый в угловые скобки, в переводе А.П.Ковалевского: «цистерны». Такие сосуды для воды, зерна и других сыпучих веществ называются в Средней Азии хум. Ибн Фадлан явно говорит именно о таких глиняных сосудах с водой, которые укутывают, чтобы вода не замерзла и они не треснули.

³⁶¹ Имеется в виду середина шавваля, когда, согласно лунному календарю, наступило полнолуние и луна пошла на убыль.

³⁶² 15 шавваля – 16 февраля 922 г.

³⁶³ Возможно, имеются в виду двугорбые среднеазиатские верблюды.

³⁶⁴ Арабское *صهر* (сихр) обозначает родство по браку (обычно родственники-мужчины со стороны жены).

³⁶⁵ В арабском тексте «Фарис» (всадник, рыцарь), графическое начертание (без диакритики) допускает прочтение «Барис», что по контексту здесь более подходит.

³⁶⁶ В переводе А.П.Ковалевского: «Снаряжение каравана было хорошо налажено».

³⁶⁷ Понедельник 4 марта 922 г. В 922 г. 3 марта было воскресенье. По мусульманскому счету новые сутки начинаются с вечера. Конечно, путешественники выехали утром, т.е. 4 марта.

³⁶⁸ Замджан – Врата тюрков 153.

³⁶⁹ Выделенная курсивом фраза в переводе А.П.Ковалевского «Потом мы устремились в страну тюрков, не сворачивая ни перед чем» [Большаков, 2000, с.55].

снежные метели, при которых холод Хорезма³⁷⁰ был подобен дням лета. Мы позабыли все, что с нами было [до этого], и были близки к гибели [наших] душ.

Однажды, право же, напал на нас сильный холод. Текин ехал рядом со мной, а рядом с ним один человек из числа тюрков, который разговаривал с ним по-тюркски. И вот Текин засмеялся и сказал: «Право же, этот тюрк говорит тебе: «Чего хочет господь наш от нас? Вот он убивает нас холодом, и если бы мы знали, чего он хочет, мы непременно это ему дали бы». Тогда я сказал ему: «Скажи ему: Он [Аллах] хочет от вас, чтобы вы сказали: «Нет бога, кроме Аллаха». Он же засмеялся и сказал: «Если бы нас этому научили, мы обязательно это сделали бы».

Потом, после этого, мы прибыли в одно место, где было огромное количество дров [дерева] «таг». Мы сделали остановку в нем. Караван развел огонь, [люди] согрелись, сняли свои одежды и выставили их для просушки. Потом мы отправились и не переставали ехать каждую ночь от полуночи до времени спуска солнца или до полудня самой усиленной и самой напряженной ездой, какая только бывает. Потом мы делали остановку. Когда же мы проехали пятнадцать дней, мы прибыли к большой горе с множеством камней, на которой [были] источники, – прорывается источник и в ямке вода. Когда мы пересекли ее [гору], мы выехали к [кочевому] племени тюрков, известных под названием гуззов (алгузийя).

И вот они кочевники, – дома у них из шерсти, они то останавливаются [табором], то отъезжают. Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии. К тому же они, как блуждающие ослы, – не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих старейшин «господами». Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: «Господи! что я сделаю в таком-то и таком-то [деле]?».

«Дела их [решаются] советом между ними». Однако когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись. Я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают мимо них, [л.200а] но не выражая этим никакого убеждения. А если кого-нибудь из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимет свою голову к небу и говорит: «Бир Тенгри», а это по-тюркски «[клянусь] богом единым», так как «бир» по-тюркски «один», а «тенгри» на языке тюрков – «бог».

Они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, и не омываются от половой нечистоты и не совершают ничего подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой. Их женщины не закрываются ни от их мужчин, ни от посторонних, и женщина не закрывает также ничего из своего тела ни от кого из людей. Право же, как-то однажды мы остановились у [одного] человека из их числа. Мы сели, и жена этого человека [была] вместе с нами. И вот, разговаривая с нами, она раскрыла свой «фардж» и почесала его, в то время как мы на нее смотрели. Мы же закрыли свои лица руками и сказали: «Господи, помилуй!» Тогда муж ее засмеялся и сказал переводчику: «Скажи им: она открывает это в вашем присутствии, и вы видите его, а она охраняет его так, что к нему нет доступа. Это

³⁷⁰ Сообщение Ибн Фадлана о суровости зимы в Хорезме может соответствовать действительности (хотя может казаться преувеличением непривычного к холоду южанина), поскольку начало X в. отмечено низкими температурами в Хорезме, до которого через Западно-Сибирскую равнину беспрепятственно доходили холодные арктические ветры, но и в Ираке, хорошо прикрытом горами от северных ветров. Так, в середине ноября 902 г. в Багдаде наступило резкое похолодание (в течение одного дня настолько, что стала замерзать вода); в ту же зиму, 24 января 903 г., в Багдаде выпал снег; в январе 908 г. выпал снег слоем в четыре пальца (8–10 см). Июль 919 г. был настолько холодным (вместо обычных +45–50°), что багдадцы ушли с крыш и стали спать в домах под одеялами; а зимой этого года выпал снег, и от мороза погибло много пальм и плодовых деревьев. 11 января 926 г. в Багдаде сильно похолодало, а 17 января выпал снег и мороз усилился, в домах замерзла вода и уксус, замерзли магистральные каналы, выведенные из Тигра; Евфрат в районе Раки был покрыт льдом, а в Мосуле лед на Тигре достиг такой толщины, что через него можно было ездить верхом. Таким образом, вполне возможно, что зима 921–922 г. в Хорезме в самом деле была суровой [Большаков, 2000, с.62–63].

лучше, чем если бы она его закрывала и [вместе с тем] предоставляла пользоваться им». Они [гуззы] не знают блуда. Но если относительно кого-либо они откроют какое-нибудь дело, то они разрывают его на две половины, а именно: они соединяют несколько ветвей двух деревьев, потом привязывают его к этим ветвям и отпускают оба этих дерева, и разрывается он при их выпрямлении³⁷¹.

Один из них сказал: «Дай мне услышать чтение». Коран ему понравился, и он начал говорить переводчику: «Скажи ему: «Не умолкай». Однажды этот человек сказал мне через переводчика: «Скажи этому арабу: есть ли у господина нашего могучего и великого жена?» Я же ужаснулся этому и провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах». И он провозгласил «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах» так же, как это сделал я. И таково правило тюрка, – всякий раз, как он услышит мусульманина, произносящего «Слава Аллаху» и «Нет бога, кроме Аллаха», он говорит то же, что и он.

Обычай женитьбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, – или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, – за столько-то и столько-то хорезмийских одежд, и если он заплатит это, то он везет ее к себе. Иногда калымом бывают верблюды, или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласилась ее «опекун». А если он уплатит это ему, то идет, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет ее в присутствии ее отца, ее матери и ее братьев и они ему в этом не препятствуют.

А если умрет человек, имеющий жену и сыновей, то старший из его сыновей женится [л.200б] на его жене, если она не была его матерью.

Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гневаятся и говорят: «Этот хочет нас околдовать, так как он уставился в воду», – и штрафуют его деньгами.

И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. Когда же он прибывает к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может, так что мусульманину останется только закалывать их, так как тюрки их не закалывают, – право же, кто-либо из них бьет по голове овцу, пока она не умрет. И если человек из их числа [из мусульман] захочет совершить переезд, а у него станут некоторые из его верблюдов или его лошадей, или он нуждается в деньгах, то он оставляет ставших [животных] у своего друга-тюрка, берет его верблюдов, его лошадей и то, что ему нужно и отправляется. <Когда он возвращается оттуда, куда направлялся>³⁷², он возместит ему его деньги и возвратит ему его верблюдов и его лошадей. И точно так же, если проедет мимо тюрка человек, которого он не знает, [и] потом [вдруг] скажет ему: «Я твой гость, и я хочу получить часть твоих верблюдов, твоих лошадей и твоих дирхемов», – он вручит ему то, что он хочет.

Если же купец умрет в дороге, и караван будет возвращаться, то тюрк встретит их и скажет: «Где мой гость?» И если скажут: «Он умер», то он заставит караван разгрузиться. Потом он пойдет к самому знатному купцу, которого он среди них увидит, развяжет на его глазах его вещи, и возьмет из его дирхемов столько, сколько ему следует с того купца, <ни на хаббу больше>³⁷³. И так же он возьмет лошадей и верблюдов и скажет: «Это твой двоюродный брат, и ты более всего обязан уплатить за него». А если он убежал, то он [тюрк] сделает то же самое и скажет ему [второму купцу]: «Это такой же мусульманин, как и ты, возьми же ты с него». А если этот мусульманин не даст согласия [возместить долг] за его

³⁷¹ В переводе А.П.Ковалевского: «Они сужают промежуток между ветками и опускают оба дерева, и находящийся при выпрямлении их разрывается».

³⁷² В переводе А.П.Ковалевского: «Когда же он возвращается с дороги, куда направлялся...» [Большаков, 2000, с.56].

³⁷³ В переводе А.П.Ковалевского: «...без лишнего зернышка». В данном случае, «хабба» – определенный монетный вес – 1/48 дирхема [Большаков, 2000, с.56].

гостя на большой дороге, то он [тюрок] спросит о его бегстве, где он находится, и если его направят к нему, то он проедет в поисках его расстояние [многих] дней пути, пока не прибьет к нему и не заберет у него того, что ему принадлежит, а также того, что он [иной раз] дарит ему.

Вот также обычай тюрка: если он приедет в ал-Джурджанийю, он спросит о своем госте и остановится у него, пока не отправится [обратно]. А в случае, если тюрок умрет у своего друга-мусульманина и [потом] проедет караван, в котором [находится] его друг, то они убьют его и скажут: «Ты убил его тем, что ты заключил [л.201а] его [в тюрьму]. Если бы ты не задержал его, то отчего бы он умер?» И точно так же, если он напоит его набизом, а он свалится со стены, – они убивают его [в возмездие] за него. А если его нет в караване, то они берут самого выдающегося, кто есть в нем, и убивают его.

Поступок педерастии [считается] у них очень важным [преступлением]. Действительно, некогда остановился в родовой группе Кударкина³⁷⁴, – а это наместник царя тюрок, – некий человек из жителей Хорезма и оставался у своего хозяина некоторое время для покупки овец. У тюрка был безбородый сын, и хорезмиец не переставал ухаживать за ним и склонять его к себе, пока тот не подчинился его желанию. Пришел тюрок и нашел их обоих в соединении. Тогда тюрок подал об этом жалобу Кударкину. Итак, он сказал ему: «Собери тюрок. И он их собрал. Когда они собрались, он сказал тюрку: «Как ты хочешь, чтобы я судил, – по справедливости или лживо?» Он сказал: «По справедливости». Он сказал: «Приведи своего сына». Он привел его. Он сказал: «Следует, чтобы он и купец оба были убиты». Тюрок этим возмутился и сказал: «Я не выдам своего сына». Он же сказал: «Тогда купец даст выкуп за себя». Он это сделал и заплатил тюрку овцами за то, что он сделал с его сыном, заплатил Кударкину четыреста овец за то, что он снял с него [наказание], и уехал из страны тюрок.

Первый из их царей и главарей, кого мы встретили, [был] Йинал <Младший>. Он прежде принял [было] ислам. Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами». Тогда он отказался от своего ислама. Когда же мы прибыли в то место, в котором он [находился], он сказал: «Я не допущу, чтобы вы прошли, так как это нечто такое, о чем мы совершенно не слыхали и не думали, что оно бывает». Тогда мы подольстились к нему с тем, чтобы он удовольствовался [получением] джурджанского хафтана стоимостью в десять дирхемов, куска [материи] пай-баф, лепешек хлеба, пригоршни изюма и ста орехов. Когда же мы вручили ему все это, он поклонился нам [до земли]. А это их правило, – если человек оказывает почет [другому] человеку, он кланяется ему в землю. Он сказал: «Если бы мои дома не были отдалены от дороги, я обязательно доставил бы вам овец и [дружеские] подарки». И он удалился от нас.

Мы отправились, и на следующий день нас встретил один человек из тюрок с презренной внешностью, оборванец, тощего вида, жалкий по существу. А на нас напал сильный дождь. Он же сказал: «Стойте! И караван остановился весь в целом, а именно около трех тысяч лошадей и пяти тысяч человек. Потом он сказал: «Ни один из вас не пройдет!» И мы остановились, повинувшись его приказанию. Мы сказали ему: «Мы друзья Кударкина». Он стал [л.201б] смеяться и говорит: «Кто такой Кударкин? Я испражняюсь на бороду Кударкина». Потом он сказал: «Паканд», что значит «хлеб» на языке Хорезма. Тогда я вручил ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал: «Проезжайте, я смиловился над вами».

Он сказал: Если заболит из их числа человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему, и никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет.

Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него.

³⁷⁴ Кударкин – измененное от двух древнетюркских слов: «куль» (или «кюль») – в аристократических именах имеет значение «славный, достославный, знаменитый, известный» и «еркин» (или «иркин») – титул древнетюркских вождей, в административной иерархии – глава племени в огузской державе (таким образом, кудуркин или кузиркин или кюль эркин – титул) – достославный вождь, одно из самых высших лиц [ДС, с.325].

А если умрет человек из их [числа], то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом <и сделают над ним>³⁷⁵ нечто вроде купола из глины. [Потом] возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его гулямы (гулманихи), которые будут служить ему в раю». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа их старейшин и говорит: «Я видел такого-то, то есть умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один». И тогда³⁷⁶ они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И когда пройдет день или два, придет к ним тот старик и скажет: «Я видел такого-то, и он сказал: «Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости».

Он сказал: Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оставил немного от нее под подбородком, причем на нем [надета] шуба, так что, если человек после этого увидит его, обязательно примет его за козла.

[л.202а] Царя тюрков гуззов называют йабгу, и это – титул повелителя. И каждый, кто царствует над этим племенем, этим титулом называется. А заместителя его называют Кударкин. И точно также каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется Кударкин.

Потом, при нашем отъезде из области этих [тюрков] мы остановились у начальника их войска. Его зовут Этрэк сын Катагана. Он разбил для нас тюркские юрты и поселил нас в них. И вот у него челядь, и свита, и большие дома. Он пригнал к нам овец, и привели лошадей, чтобы мы закалывали овец и ездили бы верхом на лошадях. Он созвал своих домоладцев и сыновей своего дяди [по отцу] и убил для них множество овец. А мы еще раньше преподнесли ему подарок: одежды, изюм, орехи, перец и просо. Я видел его жену, которая раньше была женой его отца. Она взяла [немного] мяса и молока и кое-что [из того], что мы подарили ему, вышла из [пределов] «домов» в дикую местность, вырыла яму, погребла в ней то, что имела с собой, и произнесла [какие-то] слова. Я же сказал переводчику: «Что она говорит?» Он сказал: «Она говорит: «Это подарок для Катагана, отца Этрэка, который преподнесли ему арабы».

Когда же настала ночь, я и переводчик вошли к нему, в то время как он сидел в своей юрте. С нами было письмо к нему Назира ал-Харамы, в котором он предлагает ему принять ислам и побуждает его к нему. [При этом] он послал ему [в дар] пятьдесят динаров, среди которых [было] много динаров мусаййабских, три мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых мы скроили для него две куртки, сапоги из красной кожи, одежду из парчи и пять шелковых одежд. Итак, мы вручили ему подарок и вручили [также] его жене покрывало и перстень. Я прочитал ему письмо, а он сказал переводчику: «Я не скажу вам ничего, пока вы не возвратитесь, и [тогда] напишу государю о том, что я решу». Он снял парчовую одежду, бывшую на нем, чтобы надеть упомянутые нами почетные подарки. И я увидел бывшую под ней куртку, – она распалась [лохмотьями] от грязи, так как правила их [таковы], что никто не снимает прилегающую к телу одежду, пока она не рассыпется на куски. И вот он выщипал всю свою бороду и свои усы и остался как евнух.

³⁷⁵ В переводе А.П.Ковалевского: «...и накладывают на него нечто вроде купола» [Большаков, 2000, с.56].

³⁷⁶ В переводе А.П.Ковалевского: «При этих обстоятельствах» [Большаков, 2000, с.56].

Я видел, как тюрки рассказывали, что он у них самый ловкий наездник. И действительно, однажды, в то время как он сопровождал нас на своем коне, <вдруг мимо пролетела гусыня>³⁷⁷. Он натянул лук, погнался под нее своего коня, потом он выстрелил в нее, и вот уже сбил ее вниз.

В один из дней он послал за непосредственно ему подчиненными предводителями, а они следующие: Тархан, Йинал ...³⁷⁸ и Баглиз. И был [л.203б] Тархан самый знатный из них и самый выдающийся из них, и был он хромой, слепой, сухорукий. Итак, он сказал им: «Подлинно, вот это послы царя (малик) арабов к моему зятю³⁷⁹ <Алмишу (Алмышу)> ибн Шилки, и не подобает мне, чтобы я отпустил их иначе, как после совета с вами». Тогда Тархан сказал: «Это нечто такое, чего мы совершенно не видали и о чем не слыхали, и мимо нас [никогда] не проходил посол какого-либо <султана> с тех пор, как существуем мы и отцы наши. Я думаю, что не иначе, как [этот] государь [халиф] устраивает хитрость и направляет этих [людей] к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. И лучше всего разрезать этих послов каждого пополам, а мы заберем то, что с ними имеется. И сказал другой из них: «Нет! Но возьмем то, что с ними, и оставим их голыми, чтобы они возвратились [туда], откуда прибыли». И сказал [еще] другой: «Нет! Но у царя (малик) хазар есть наши пленные. Так пошлем же вот этих, чтобы выкупить ими тех». И они не переставали спорить между собой об этих вещах семь дней, в то время как мы находились в смертельном положении, пока они не сошлись на том мнении, что они отпустят нас в дорогу, и мы проследуем [далее]. Мы же преподнесли Тархану мервский хафтан и два куска [материи] пай-баф, а его товарищам [каждому] по куртке, а также Йиналу. Мы вручили им [также] перец, просо и лепешки хлеба, и они удалились от нас.

Мы отправились [в путь], пока не прибыли к реке Йаганды³⁸⁰. Люди вытащили свои дорожные мешки, – а они [сделаны] из кож верблюдов, – и расстелили их. Взяли самок тюркских верблюдов, так как они круглы, <и поставили их внутрь мешков, чтобы [мешки] растянулись>³⁸¹. Потом они наложили их одеждой и вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа [человек] в пять, шесть, четыре, – меньше или больше. Они берут в руки шесты из хаданга³⁸² и <используют их как весла>³⁸³, непрерывно гребя, а вода несет их [дорожные мешки] и они вертятся, пока мы не переправимся. Что же касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь. Необходимо, прежде чем переправится какая-либо часть каравана, переправить отряд бойцов, имеющих оружие, чтобы они служили авангардом для людей. [Это] из боязни ал-башгард, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться.

Итак, мы переправились через Йаганды описанным нами способом. Потом, после этого мы переправились через реку, называемую Джам³⁸⁴, также в дорожных мешках, потом мы переправились через Джахыш³⁸⁵, потом Узил³⁸⁶, потом Ар.д.н. («Эрдэн»), потом Вар.ш («Варыш»), потом Анхаты³⁸⁷, потом «Вабна»³⁸⁸, а это все большие реки.

Потом, после этого мы прибыли к ал-баджанак (печенегам). И вот они остановились у воды, похожей на настоящее море. Они – темные брюнеты [л.203а] с совершенно бриты-

³⁷⁷ В переводе А.П.Ковалевского: «...и я увидел, что несетя летящий гусь» [Большаков, 2000, с.56].

³⁷⁸ Здесь повреждение текста в рукописи.

³⁷⁹ Здесь также употреблено арабское **صهر** (сихр), которое обозначает родство по браку (обычно родственников-мужчин со стороны жены).

³⁸⁰ Йаганды (или Баганды) – возможно, отождествляется с р. Чаган, вытекающей из южных отрогов Мугоджарских гор и текущей прямо у подножия Северного Чинка.

³⁸¹ В переводе А.П.Ковалевского: «...и поместили их в их пустоту, так что они [мешки] растянулись» [Большаков, 2000, с.56].

³⁸² Возможно, это написание – искажение слова «халандж».

³⁸³ В переводе А.П.Ковалевского: «...и кладут их как весла» [Большаков, 2000, с.56].

³⁸⁴ Джам (или Джем) – возможно, соответствует р. Эмба.

³⁸⁵ **جانش** – возможно, Сагыз.

³⁸⁶ Возможно, соответствует Уйыл (?) – Уил.

³⁸⁷ Возможно, соответствует р. Южная или Большая Анкаты, которая впадает в оз. Челкар.

³⁸⁸ Возможно, соответствует р. Малая Анкаты, также впадающей в оз. Челкар севернее Большой Анкаты.

ми бородами, бедны в противоположность ал-гузийа (гуззам). Ведь я видел среди ал-гузийа (гуззов) таких, которые владели десятками тысячами лошадей и ста тысячами голов овец. По большей части овцы пасутся на том, что [имеется] в снегу, выбивая копытами и разыскивая сухую траву. А если они не найдут ее, то грызут снег и до крайности жиреют. Курдюки этих овец волочатся по земле. А когда бывает лето, и они едят траву, [то] худеют.

Мы остановились у ал-баджанак (печенегов) на один день.

Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх³⁸⁹, а это самая большая река, какую мы [только] видели, самая огромная и с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в нем, потонули. И [вообще] погибло много человек из числа [наших] людей и потонуло [некоторое] количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом.

Потом мы ехали [много] дней и переправились через реку Джаха³⁹⁰, потом после нее через реку Ирхиз³⁹¹, потом через Бачаг³⁹², потом через Самур³⁹³, потом через Кинал³⁹⁴, потом через реку Сух³⁹⁵, потом через реку Кюнджюлю³⁹⁶ и попали в страну народа из [числа] тюрков, называемых ал-башгард. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрков, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет.

Они бреют свои бороды и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, он раздавил ее своими ногтями, потом слизнул ее и сказал, когда увидел меня: «Прекрасно».

Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай для меня то-то и то-то». Я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому [действию] и почему он сделал это своим господом?» Он [спрошенный] сказал: «Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого».

Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господ: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». Наш господь превыше того, что говорят нечестивые, возвышенным величием.

Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам, [еще одна] группа поклоняется [л.203б] журавлям. Мне сообщили, что они [когда-то] вели войну с [какими-то] людьми из числа своих врагов, причем они [враги] обратили их в бегство, и что журавли кричали позади них [врагов], так что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство [этих ал-башгард]. Поэтому они [эти ал-башгарды] стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти [журавли] наш господь, так как он обратил в бегство наших врагов». За это они им и поклоняются.

Он сказал: [И мы] уехали из страны этих [людей] и переправились через реку Джарамсан³⁹⁷, потом через реку Уран³⁹⁸, потом через реку Урам³⁹⁹, потом через реку Байнах⁴⁰⁰, по-

³⁸⁹ Другое произношение этого названия «Йайх» или Яик, т.е. р. Урал.

³⁹⁰ Возможно р. Чеган, правый приток р. Урал.

³⁹¹ Иргиз.

³⁹² Возможно, современная река Моча.

³⁹³ Возможно, р. Самара. Графическое начертание повторяет название р. Самур в Дагестане.

³⁹⁴ Возможно, р. Кинель.

³⁹⁵ Возможно, р. Сок.

³⁹⁶ Возможно, р. Кундурча.

³⁹⁷ Возможно, р. Большой Черемшан.

³⁹⁸ Возможно, р. Урень.

³⁹⁹ Возможно, р. Урым или Урем, Урам.

том через реку Ватыг⁴⁰¹, потом через реку Нийасна⁴⁰², потом через реку Джавшыз⁴⁰³. Расстояние от реки до реки, о которых мы упомянули, – два дня или три, или четыре, менее этого или более. Когда же мы были от царя ас-сакалиба, к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей. Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Когда же мы были от него на [расстоянии] двух фарсах, он встретил нас сам, и когда он увидел нас, он сошел [с лошади] и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху, великому, могучему. В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас. Он поставил для нас юрты, и мы поселились в них. Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло двенадцать ночей [месяца] мухаррама триста десятого года⁴⁰⁴. И было расстояние от Джурджании до его страны семьдесят дней [пути]...

Итак, мы оставались в воскресенье, понедельник, вторник и среду в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли, предводители и жители его страны, чтобы услышать чтение письма [халифа]. Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь присланным ему [в подарок] седлом, одели его в савад⁴⁰⁵ и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа и сказал ему: «Не подобает, чтобы мы сидели, когда читается это письмо». И он встал на ноги, – он сам и присутствовавшие знатные лица из жителей его государства, а он человек очень толстый и пузатый. Я начал и прочитал начало письма и, когда я дошел до слов: «Благополучия тебе, и воистину я прославляю, [обращаясь] к тебе, Аллаха, кроме которого нет иного бога», – я сказал ему: «Ответь пожеланием мира повелителю правоверных». И он ответил, и они ответили все вместе.

Переводчик не переставал переводить для нас [т.е. наше чтение] буква в букву. Когда же мы кончили его чтение, то они возгласили «Велик Аллах!» таким возгласом, от которого затряслась земля. Потом я прочитал письмо вазира Хамида ибн ал-‘Аббаса, в то время как он стоял. Потом я пригласил его сесть, и во время чтения письма Назира ал-Харамии он сидел. Когда же [л.204а] я окончил его [чтение], спутники его рассыпали на него многочисленные дирхемы. Потом я вынул подарки [состоявшие] из благовоний, одежд, жемчуга, для него и для его жены, и я не переставал представлять ему и ей одну вещь за другой, пока мы не покончили с этим. Потом я облек его жену [в почетный халат] в присутствии людей, в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай. Когда же я облек ее [в почетный халат], женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились.

По прошествии какого-нибудь часа он прислал за нами, и мы вошли к нему, в то время как он [находился] в своей палатке. Цари (мулук) [сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, – взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Саусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол.

Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю (малик), который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол...⁴⁰⁶, потом вручил четвертому царю (малик), и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [это продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели

⁴⁰⁰ Возможно, р. Майна.

⁴⁰¹ Близко к татарскому Удга, от которого со временем образовалось русское название р. Утка.

⁴⁰² Возможно, соответствует названию р. Неясловки.

⁴⁰³ По мнению казанских археологов, р. Джавшыз (Джаушир) – скорее всего соответствует р. Малый Черемшан. Предложенное А.П.Ковалевским отождествление с р. Гауширма (Малой Батахой) в современном Чистопольском р-не РТ маловероятно [Хузин, 1997, с.148].

⁴⁰⁴ 12 мая 922 г.

⁴⁰⁵ Название официальной черной одежды должностных лиц при дворе халифа.

⁴⁰⁶ Испорченный текст в рукописи.

каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего. Когда же он кончал с едой, то каждый из нас оставшееся на своем столе уносил в свое жилище. Когда мы поели, он велел принести напиток из меда, который они называют суджув [изготовления] того же дня и той же ночи. Итак, он выпил кубок. Потом он встал во весь рост и сказал: «Это мое веселие о моем господине, повелителе правоверных, да продли Аллах его пребывание [в этом мире]». И так как он встал, то встали и четыре царя, и его сыновья, и встали мы также, пока он делал это три раза. Потом мы удалились от него.

На его минбаре еще до моего прибытия уже провозглашали от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] царя (ал-малик) йбытывара, царя болгар!» Я же сказал ему: «Воистину, царь – это Аллах, и на минбаре этим титулом не называется никто, кроме него, великого и могучего. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной своей особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего и наместника твоего Джа‘фара, имама ал-Муктадира-би-л-Лахи, повелителя правоверных!». И таким же образом [делали] бывшие до него [л.204б] предки его халифы. И сказал Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует: «Не восхваляйте меня без меры, как восхвалили христиане (ан-насари) Иисуса сына Марии, – ведь, право же, я раб Аллаха и посланник его».

Он же сказал мне: «Как же подобает, чтобы провозглашали от моего имени хутбу?» Я сказал: «Посредством упоминания твоего имени и имени твоего отца». Он сказал: «Но ведь отец мой был неверным, и я не хочу упоминать его имени на минбаре; и я также [был неверным], – и я не хочу, чтобы упоминалось мое имя, так как тот, кто дал мне имя, был неверным. Однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?» Я сказал: «Джа‘фар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назвался его именем?» Я сказал: «Да». Он сказал: «[Итак], я уже дал себе имя Джа‘фар, а имя своему отцу ‘Абдаллах, так что дай распоряжение об этом хатибу». Я сделал это, и он [хатиб] стал провозглашать от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джа‘фара ибн ‘Абдаллаха, повелителя [эмира] болгар, мавла повелителя правоверных».

Когда прошло три дня после прочтения письма и вручения подарков, он прислал за мной. До него дошло дело о четырех тысячах динаров и какова была хитрость ан-Насрани (Христианина) в [отношении] их задержки. Сообщение о них было и в письме. Итак, когда я вошел к нему, он пригласил меня сесть, и я сел, а он бросил мне письмо повелителя правоверных и сказал: «Кто привез это письмо?» Я сказал: «Я». Потом он бросил мне письмо вазира и сказал: «А это тоже?» Я сказал: «Я». Он сказал: «А деньги, упомянутые в них обоих, что [с ними] сделано?» Я сказал: «Трудно было их собрать, время было стеснено, мы боялись упустить [возможность] въезда [на север], так что мы оставили [их], чтобы они догнали нас». Тогда он сказал: «Подлинно, приехали вы все, и то, что на вас истратил мой господин, он истратил для того, чтобы привезти [мне] эти деньги, чтобы я построил на них крепость, которая защитила бы меня от иудеев, поработивших меня. Что же касается подарка, то мой <гулям> [и сам] мог бы прекрасно доставить его». Я сказал: «Это совершенно верно, но только, право же, мы приложили все старания».

Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Я не признаю этих [людей]. Подлинно, я признаю [только] тебя одного, и это потому, что эти люди не арабы. И если бы знал наставник [халиф], – да поможет ему Аллах, – что они возвестят [мне] то, что ты возвестил, он не послал бы тебя, чтобы ты сохранил [его поручения] для меня: прочел бы [его] письмо ко мне и выслушал бы мой ответ. И я не потребую ни одного дирхема ни у кого, кроме как у тебя, так что отдавай деньги, и это самое лучшее для тебя». Итак, я ушел от лица его⁴⁰⁷ перепуганный, удрученный. У этого человека был [внушительный] вид и величавость, [был] он толстый, широкий, как будто бы он говорил из большого кувшина. Итак, я вышел от него, собрал своих спутников [л.205а] и сообщил им, что произошло между ним и мною. И я сказал им: «От этого я [вас] предостерегал».

⁴⁰⁷ То есть <ушел от него>.

Его муаззин⁴⁰⁸, призывая к молитве, провозглашал икаму⁴⁰⁹ дважды. Я сказал ему: «Право же, господин твой, повелитель правоверных, у себя провозглашает икаму один раз». Тогда он сказал муаззину: «Прими [к исполнению] то, что он говорит тебе, и не противоречь ему». Итак, муаззин держался этого [много] дней, пока он допрашивал меня относительно денег и препирался со мной о них, а я приводил его в отчаяние относительно этого и оправдывался в этом [деле]. Когда же он потерял надежду относительно этого, он дал распоряжение муаззину, чтобы он удваивал икаму, и он сделал это. А он [царь] хотел использовать это как средство, чтобы вступить со мной в диспут.

Итак, когда я услышал, что он удваивает икаму, я запретил ему и закричал на него. Царь (ал-малик) узнал об этом, велел придти мне и велел прийти моим спутникам. Когда же мы собрались, он сказал переводчику: «Скажи ему, – то есть мне: «Что ты скажешь о двух муаззинах, из которых один провозгласил [икаму] один раз, а другой дважды, а потом каждый из них молился с народом, – допустима ли эта молитва или же нет?». Я сказал: «Молитва допустима». Тогда он сказал: «С разногласием ли [муджтахидов⁴¹⁰ по данному вопросу] или с [их] общего согласия (иджма')?» Я сказал: «С общего согласия». Он сказал: «Скажи ему: «Что ты скажешь о человеке, который вручил неким людям деньги [предназначенные] для людей неимущих, осажденных, порабощенных, а те обманули его?» Я сказал: «Это недопустимо и те люди скверные». Он сказал: «С разногласием или с общего согласия?» Я сказал: «С общего согласия». Тогда он сказал переводчику: «Скажи ему: «Знаешь ли ты, – если бы халиф, – да продлит Аллах его пребывание [в этом мире], – послал ко мне войско, то одолел ли бы он меня?» Я сказал: «Нет». Он сказал: «А эмир Хорасана?» Я сказал: «Нет». Он сказал: «Это не вследствие ли отдаленности расстояния и многочисленности между нами племен неверных?». Я сказал: «Да».

Он сказал: «Скажи ему: «Итак, клянусь Аллахом, воистину, в моем отдаленном местопребывании, в котором ты меня видишь, подлинно я боюсь своего господина, повелителя правоверных. А именно я боюсь, что до него дойдет обо мне что-либо такое, что вызовет его отвращение, и он проклянет меня, и я погибну в моем местопребывании, в то время как он [будет оставаться] в своем государстве, и между мною и им будут простираться обширные страны. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время видите его, вы обманули его в отношении размера [той] посылки, с которой он отправил вас ко мне, к людям неимущим, вы обманули мусульман, – я не приму от вас [руководства] в деле своей веры, пока не придет ко мне такой [человек], который будет искренен в том, что он говорит. И если придет ко мне такого рода человек, то я приму от него [руководство]». Так он зажал нам рот, мы не дали никакого ответа и удалились от него.

Он сказал: «После этого разговора он стал оказывать мне [особое] предпочтение, стал приближать меня к себе, удалять моих спутников и называть меня Абу Бакр Правдивый (ас-сиддик)⁴¹¹.

[л.205б] Я видел в его стране столько удивительных вещей, что я их не перечту из-за их множества, как, например, то, что в первую [же] ночь, которую мы переночевали в его стране, я увидел, как перед [окончательным] исчезновением [света] солнца в обычный час [молитвы]⁴¹² небесный горизонт сильно покраснел. И я услышал [высоко] в воздухе громкие звуки и сильный гомон. Тогда я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное,

⁴⁰⁸ Глашатай, возглашающий азан – призыв к молитве.

⁴⁰⁹ Икама – часть азана. Удвоение икамы соответствовало ханафитскому мазхабу, распространенному в Средней Азии. Произнесение икамы один раз принято шафиитским мазхабом, которого придерживались при дворе халифа ал-Муктадира. Хотя оба мазхаба в исламе равноправны, однако принятие той или иной формы икамы предопределяло введение всей системы обрядов и юридических норм данного мазхаба.

⁴¹⁰ Муджтахид выносит решения по аналогии, полагаясь на свое видение решения, а не на конкретный религиозный текст. Его авторитет предложенное им решение делает обязательным.

⁴¹¹ «Ас-Сиддик» (Правдивый) – почетное прозвание первого «праведного» халифа Абу Бакра (11–13/632–644).

⁴¹² Имеется в виду время захода солнца, определяющее вечернюю молитву, которая читалась после него. Солнце считается зашедшим, когда становится настолько темно, что не возможно отличить белой нитки от черной [Коран, пер., 2:187].

подобное огню, и вот этот гомон и эти звуки [исходят] от него. И вот в нем подобия людей и лошадей, и вот в руках отдаленных находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копья и обнаженные мечи. И они представлялись мне то совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот рядом другой, подобный им, черный отряд, в котором я увидел также мужей, лошадей и оружие. И начал этот отряд нападать на тот отряд, как нападает эскадрон на эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они [жители страны] смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем.

Он сказал: Мы [долго] смотрели на отряд, нападающий на отряд. Оба они смешивались вместе на некоторое время, потом оба разделялись, и таким образом это явление продолжалось некоторую часть ночи. Потом оно скрылось от нас. Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что деды его говаривали, что эти [всадники] принадлежат к верным и неверным джиннам⁴¹³. Они сражаются каждый вечер и, подлинно, с тех пор, как они существуют [на свете], ни одной ночи они не бывают отсутствующими в этом [сражении]. «И мы всегда это таким образом видели»⁴¹⁴.

Он сказал: Вошел я и бывший у царя (малик) портной из жителей Багдада, [случайно] попавший в эту область, в мою юрту, чтобы поговорить между собой. Итак, мы поговорили столько, сколько нужно, чтобы прочитать менее половины седьмой части [Корана]⁴¹⁵. При этом мы ожидали ночного азана⁴¹⁶. Но вот и азан. Итак, мы вышли из юрты, а заря уже появилась. Тогда я сказал муаззину: «Какой азан ты провозгласил?» Он сказал: «Азан расвета». Я сказал: «А ночной последний?» Он сказал: «Мы читаем его молитву вместе с [азаном] при заходе солнца»⁴¹⁷. Я сказал: «А ночью?» Он сказал: «Как видишь! Она была еще более короткой, чем эта, но только теперь она уже прибавилась в длине». Он сообщил, что уже месяц, как не спит ночью, боясь, чтобы не упустить утреннюю молитву, и это потому, что, [если] человек ставит котелок на огонь во время [молитвы] захода солнца, а потом читает утреннюю молитву, то для него [котелка] не приходит время закипеть.

Он сказал: Я видел, что день у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток. Итак, когда наступила вторая ночь, я сел вне юрты и наблюдал небо, и я увидел на нем [л.20ба] только небольшое число звезд, думаю, что около пятнадцати рассеянных звезд. И вот красная заря, которая бывает перед ночной [молитвой], ни в коем случае не исчезает [окончательно], и вот ночь с [настолько] малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем [расстоянии], чем выстрел стрелы.

Он сказал: Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, – потом появляется заря и луна скрывается.

Царь рассказал мне, что за его страной, на расстоянии трех месяцев пути, есть народ, называемый вису. Ночь у них менее часа.

Он сказал: Я видел, что в этой стране во время восхода солнца все имеет красный цвет, как-то: земля, горы и все, на что смотрит человек. И восходит солнце, по величине подобное облаку, и краснота остается такой, пока [солнце] не достигнет высшей точки на небе.

Жители этой страны мне сообщили, что, подлинно, «когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как [летний] день, а день делается таким коротким, как ночь, так что, право же, если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Итиль, – а между нами и им расстояние пути менее фарсаха, – во время появления [утренней] зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи, когда появляются все звезды настолько, что покроют все небо».

⁴¹³ В арабо-мусульманской мифологии считалось, что часть джинов приняла ислам и здесь имеются в виду именно такие, поклоняющиеся Аллаху джины.

⁴¹⁴ Считается, что здесь дано описание северного сияния, которые могли быть частыми из-за повышенной солнечной активности в то время, когда посольство оказалось в Поволжье. Однако ряд казанских исследователей склонны видеть в этом описании нередкую в этих местах сильную грозу и ее интерпретацию в космогонических представлениях булгар [Давлетшин, 1990, с.49-50; Хузин, 1997, с.148].

⁴¹⁵ Речь идет о разделении текста Корана на семь частей, соответственно дням недели.

⁴¹⁶ Азан – призыв, возглашаемый пять раз в день непосредственно перед молитвой.

⁴¹⁷ Азан вечера, вечерняя молитва *عشا* – совершается после захода солнца; поздней ночью читается еще одна молитва *عصر*, сопровождаемая ночным последним азаном.

И мы [посольство] не покинули [этой] страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились.

Я видел, что они считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия.

Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, [иной раз] накрутится десяток их и более. Они [жители] не убивают их, и они им не вредят. Право же, как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого [была] более ста локтей. Оно уже упало. И вот ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и вдруг оно задвигалось. Это меня устрасило. Я посмотрел на него внимательно, и вот на нем змея, близкая к нему по толщине и длине. Когда же она увидела меня, она опустилась с него и скрылась между деревьями. Я же пришел испуганный и рассказал [об этом] царю и [тем], кто был у него на приеме. Они же не придали этому значения, а он сказал: «Не беспокойся, она не сделает тебе вреда».

[Однажды] мы остановились вместе с царем на одной остановке. И вошел я, мои спутники – Текин, Саусан и Барис – и [бывший] с нами человек из свиты царя [в пространство] между деревьями. И вот он показал нам маленький стебель, зеленый, по тонкости подобный веретену, при большей длине, и на нем [он показал нам] зеленые отростки. На конце [каждого] такого разветвления [был] широкий лист, распростертый на земле, [причем] на ней [же] разостлано нечто вроде [плотно прилегающего к ней] растения. Среди них [листьев] [находились] ягоды. Кто их ест, не сомневается, что это [л.2066] гранат имлиси⁴¹⁸. Итак, мы поели их и убедились, что они [доставляют] большое удовольствие, так что мы не переставали их искать и есть.

Я видел у них яблоки, отличающиеся большой зеленью и еще большей кислотой, подобной винному уксусу, которые едят девушки и соответственно этому [их] называют.

Я не видел в их стране чего-либо в большем количестве, чем деревьев орешника. Право же, я видел из него [такие] леса, что [каждый] лес имел сорок фарсахов в длину, при такой же ширине.

Он сказал: Я видел у них деревья, не знаю, что это такое: чрезвычайно длинные, ствол их лишен листьев, макушки подобны макушкам пальм, имеющим тонкие ваи, но только эти [ваи] сходящиеся. Они берутся за известное им место ствола этого дерева, пробуравливают его и подставляют под него сосуд, в который из этого отверстия течет жидкость, более приятная, чем мед⁴¹⁹. Если человек много ее выпьет, она опьянит его, как опьяняет вино и [даже] более.

Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень [у них] в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома шкуру соболя. <А когда он отправляет отряд в набег на какую-то страну, и тот захватывает добычу, то ему полагается доля вместе с ними>⁴²⁰. <И каждый, кто устраивает свадьбу или званый пир, то должен дать дар со стола в соответствии с размером угощения и «сахрадж» медового набиза>⁴²¹ и [некоторое количество] скверной пшеницы. Так как земля их черная вонючая, <а у них нет мест, куда бы они складывали пшеницу, то они выкапывают в земле ямы и складывают в них пшеницу>⁴²², так что проходит для нее лишь немного дней, как она портится, воняет [гнилью] и ею нельзя пользоваться.

⁴¹⁸ Сладкий гранат без косточек.

⁴¹⁹ Видимо, имеется в виду березовый сок.

⁴²⁰ В переводе А.П.Ковалевского: «Если же он предложит отряду [войска] [совершить] набег на одну из стран и он нагребит, то он [царь] имеет долю вместе с ними» [Большаков, 2000, с.56].

⁴²¹ В переводе А.П.Ковалевского: «Каждому, кто у себя устраивает свадьбу или званый пир, необходимо сделать отчисление царю, в зависимости от размера пиршества, – [дать] сахарадж медового набиза...» [Большаков, 2000, с.56–57].

⁴²² В переводе А.П.Ковалевского: «...а у них нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, выкапывают в земле ямы и складывают в них пищу». Употребленное дважды слово طعام также имеет значение «пшеница», и поскольку в предыдущей фразе речь шла о пшенице, то и здесь следует переводить «пшеница» [Большаков, 2000, с.57].

У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама, ни животного жира, и, право же, они употребляют вместо этих жиров рыбий жир, и все, что они с ним употребляют, бывает вонюче [от жира], и они [сами] из-за этого бывают вонючи [от жира].

Они делают из ячменя похлебку, которую хлебают девушки и <гулямы>. А иногда варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо, и кормят девушек ячменем. Но если [это мясо] бывает голова козла, то [девушки] получают [возможность] поесть мяса.

Все они носят шапки⁴²³. Когда царь едет верхом, он едет один, без <гуляма>, и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, никто не остается сидящим, – [каждый] снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. [л.207а] Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы. И точно так же все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его сыновей и братьев, лишь только посмотрят на него, как тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом [они] кивают головами в сторону царя, приседают, потом остаются стоять, пока он не пригласит их сесть, причем каждый, кто сидит перед ним, право же, видит, стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него, надевая ее [только] в это время.

Все они [живут] в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, устланная армянскими коврами. У него в середине ее трон, покрытый византийской парчой.

Одно из их правил [таково], что если у сына [какого-либо] человека родится ребенок, то его берет [к себе] его дед, прежде его отца, и говорит: «Я имею большее право, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается [взрослым] мужем».

И если умирает из их числа человек, то ему наследует его брат, прежде его сыновей. Итак, я наставил царя, что это не дозволено, и наставил его, каковы [«правильные»] законы наследования, пока он их не уразумел.

Я не видал [нигде] большего количества молний, чем в их стране. Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, какой он есть, и [также] все, что в нем [находится], – человека и имущество и все прочее, – пока не уничтожит его время. И они говорят: «Это дом [тех], на которых лежит гнев»⁴²⁴.

И если один человек из них убьет другого человека намеренно, они казнят его [в возмездие] за него. Если же он убьет его нечаянно, то делают для него ящик из дерева халанджа⁴²⁵, кладут его внутрь [этого ящика], заколачивают его над ним [гвоздями] и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они водружают для него три бревна, наподобие палок верблюжьего седла, подвешивают его между ними и говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, чтобы постигло его [действие] дождя и солнца. Авось Аллах смилостивится над ним». И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры.

И если они увидят человека, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господу». Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски. Право же, переводчик царя рассказал мне, что некий ас-Синди (синдиец) попал в эту страну и оставался у царя короткое время, служа ему. И был он ловек, понятлив. И вот одна группа [людей] из их числа захотела отправиться по своим торговым делам. [л.207б] А этот синдиец (ас-Синди) попросил разрешения царя отправиться вместе с ними. Он же [царь] запретил ему это. А он [ас-Синди] настаивал [на этом] перед ним, пока он не разрешил ему. Итак, он отправился вместе с ними на корабле. И вот, они увидели, что он подвижен, сметлив, сговорились между собой и сказали: «Этот [человек] превосходит для служения нашему господу, так отправим же его к нему». Они следовали на своем пути мимо леса. Итак, они вывели его к нему, наложили на его шею веревку, привязали его на вершине высокого дерева, оставили его и отправились дальше.

⁴²³ Ал-Каланус – тюркские шапки.

⁴²⁴ Перефраз Корана [Коран, пер., 1:7].

⁴²⁵ Ал-Халандж или ал-хаданг, или ал-хазанк – у разных авторов встречается в разных написаниях.

Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его обберут, – возьмут его оружие, его одежды и все, что с ним имеется. Это их правило. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону и [тогда] помочится, то они не препятствуют ему.

Мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом. А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него четыре <кола>⁴²⁶, привяжут к ним обе его руки и обе ноги и рассекут [его] топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом они поступают и с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево. Я не переставал прилагать старания, чтобы женщины закрывались от мужчин при купании, но это мне не удалось.

И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея.

В их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются [к ним] для сбора этого [меда]. Иногда же на них нападают люди из числа их врагов и убивают их.

У них много купцов, которые отправляются в землю тюрков и привозят овец, и в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц.

Мы видели у них домочадцев [одной семьи] в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам. Все они известны [под названием] баранджар⁴²⁷. Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать [молитв], так что я научил [одну] группу [из них] тому, как [какими словами] молятся.

Право же, раз под моим руководством принял ислам человек по имени Талут, и я назвал его 'Абдаллахом. Он же сказал: «Я хочу, чтобы ты назвал меня твоим [собственным] именем Мухаммад». Я это сделал. И приняли ислам его жена, его мать и его дети, и всех их стали называть Мухаммадом. Я научил его [сурам] «Хвала Аллаху» и «Скажи: он Аллах един». И радость его от [знания] этих двух сур была большей, чем его радость [в случае], если бы он сделался царем (малик) ас-сакалиба.

Когда мы прибыли [л.208а] к царю, мы нашли его остановившимся у воды, называемой Хеллече⁴²⁸, а это три озера, из которых два больших и одно маленькое. Однако из всех их нет ни одного, в котором дно было бы достижимо. Между этим местом и [их] огромной рекой текущей в страну хазар, называемой рекой Итиль, [расстояние] около фарсаха. На этой реке [находится] место рынка⁴²⁹, который бывает бойким в <каждое половодье>⁴³⁰. На нем продаются многочисленные ценные вещи.

Когда-то Текин рассказал мне, что в стране царя [есть] один человек чрезвычайно огромного телосложения. Итак, когда я прибыл в эту страну, я спросил о нем у царя. Он же сказал: «Да, он [раньше] был в нашей стране и умер. Он не был из жителей этой страны, да также и [вообще] не из числа [обыкновенных] людей. История же его такова: Люди из числа купцов вышли к реке Итиль, как они [обыкновенно] выходят. А эта река поднялась, и вода ее выступила из берегов. И однажды, еще не успел я об этом узнать, как уже явилась ко мне толпа купцов, которые сказали: «О царь! На воде приплыл человек, – если он из народа, близкого к нам, то нет для нас возможности жить в этих местах, и нам ничего другого не останется, как переселиться». Итак, я поехал верхом вместе с ними, пока не прибыл к реке. И вот передо мной этот человек, и вот в нем двенадцать локтей, меряя моими «локтями»⁴³¹, голова у него, как самый большой из котлов, нос более четверти, гла-

⁴²⁶ В переводе А.П.Ковалевского: «сошник» [Большаков, 2000, с.57].

⁴²⁷ Баранджар – этническая группа в составе булгар, связанная своим происхождением с беленджерами Хазарского каганата на территории Северного Кавказа [Хузин, 1997, с.149].

⁴²⁸ Начиная с А.П.Ковалевского это место идентифицируется с с. Три Озера Спасского р-на РТ. Считается, что именно там находилась ставка правителя Булгара [Хузин, 1997, с.149].

⁴²⁹ Упомянутый здесь рынок может быть соотнесен с Ага-Базар, расположенным в 6–7 км от Болгарского городища. Проведенные в последнее десятилетие археологические исследования в низовьях Актая и Бездны выявили ряд торгово-ремесленных поселений, которые позволяют локализовать упомянутый рынок и в этом районе [Казаков, 1991; Хузин, 1997, с.149].

⁴³⁰ В переводе А.П.Ковалевского: «...во всякий благоприятный момент» [Большаков, 2000, с.57].

⁴³¹ Этот рассказ Ибн Фадлана о великане А.П.Ковалевский расценивал лишь как отражение легенды о северных великанах, живущих в неведомых северных краях. Если эти фантастические и малоправдоподоб-

за огромны, а пальцы – каждый больше четверти. Случай с ним привел меня в ужас, и овладел мною такой же страх, как и теми людьми. И начали мы говорить с ним, а он не говорил нам [ничего], только смотрел на нас. Я доставил его в свое местопребывание и написал жителям страны Вису, – а они от нас на [расстоянии] трех месяцев [пути], – спрашивая их о нем.

Они же написали мне, извещая меня, что этот человек из числа Йаджудж и Маджудж: «Они от нас [на расстоянии] трех месяцев [пути]. Нас и их разъединяет море, так как они [живут] на [том?] его берегу. Они подобны [диким] скотам, нагие, босые, [как скот] совокупляются друг с другом. Аллах могучий и великий выводит для них каждый день из моря [одну] рыбу, и каждый из них приходит, имея при себе нож, и отрезывает себе от нее столько, сколько достаточно для него и достаточно для его семьи. Если же он возьмет сверх того [количества], которое их удовлетворяет, то у него заболит живот, и у его семьи тоже заболят животы, а иногда он умрет, и умрут они все. Когда же они возьмут от нее [рыбы] то, что им нужно, она повернется и погрузится в море. Итак, они изо дня в день [живут] таким образом. [Лежащее] между нами и ими море [находится у них] с одной стороны [л.208б], а горы окружают их с других сторон. Преграда [также] отделила их от ворот [ед.ч.], из которых они обычно выходили. Когда же Аллах могучий и великий захочет вывести их в обитаемые земли, то он произведет для них раскрытие Преграды, море уйдет в землю, и прекратятся для них рыбы».

Он сказал: Тогда я спросил его [царя] об [этом] человеке, и он сказал: «Он оставался у меня некоторое время. И бывало, как взглянет на него мальчик, так и умрет, и беременная [взглянет] и выбросит свой плод. И бывало, если он овладеет человеком, то сжимает его обеими руками, пока не убьет его. Когда же я увидел это, я повесил его на высоком дереве посредством крепкой цепи, пока он не умер. Если ты хочешь посмотреть на его кости и его голову, то я отправлюсь с тобой, чтобы ты посмотрел на них». Я же сказал: «Клянусь Аллахом, я очень хочу этого». Итак, он поехал со мной верхом в большой лес, в котором были огромные деревья. Он привел меня к большому дереву... и голова его под ним. И я увидел, что голова его подобна большой кадке, и вот ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и в таком же роде кости его голеней и обе его локтевые кости. Я изумился этому и удалился.

Он сказал: И отъехал царь от воды, называемой Хеллече к реке под названием Джавшыр и оставался около нее два месяца⁴³². Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия – с [разным] отребьем, и над ними [еще раньше] провозгласил себя [самозванным царем [князем] [некто] по имени Выры. И послал к ним царь [булгар] и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правверных, и я – раб его [Аллаха], и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом. – Другая же партия была вместе с царем [князем] из [кочевого] племени, которого называли царем [племени] эскэл. Он был у него в повиновении, хотя еще не принял ислама. – Когда же он [царь] послал им [первой партии] это послание, то [они] испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр.

Эта река небольшой ширины, – ширина ее пять локтей. Вода ее [доходит] до пупа, а местами до ключицы, а наибольшая ее [глубина] в рост [человека]. Вокруг нее деревья, причем многие из этих деревьев – хаданги⁴³³ и другие. Недалеко от нее обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней [есть] животное⁴³⁴, по величине меньше, чем

добные факты сравнить рассказом ал-Гарнати (другого очевидца, довольно долго прожившего в Булгаре) о «высоком человеке из потомков адитов, рост которого более семи локтей, по имени Данки» [см.прим. 794], то великан, упоминаемый Ибн Фадланом, мог быть вполне реальной фигурой, рост которого увеличивался от рассказа к рассказу.

⁴³² Казанские археологи связывают эту перекочевку с началом строительства крепости Биляр – столицы Булгарского государства в районе Малого Черемшана [Халиков, 1973; Хузин, 1991; 1997, с.149].

⁴³³ Хаданг – тополь, осина.

⁴³⁴ Описание этого животного у Ибн Фадлана полностью соответствует описанию самого обычного лоса, обитающего в лесах этой полосы Восточной Европы. Единственно, что кажется совершенно несова-

верблюду, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, [л.209а] тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый круглый рог. По мере того как он возвышается [приближается к кончику], он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Из них [рогов] некоторые имеют в длину от пяти локтей до трех локтей, больше или меньше [этого]. Оно питается листьями деревьев халандж⁴³⁵, имеющим превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он [рысак] спасается от него с трудом, а если оно догонит его [всадника], то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и [вновь] подхватывает его своим рогом и не перестает [делать] таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никаким способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это [делается] так, что [они] влезает на высокие деревья, между которыми оно [животное] находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют.

Право же, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного.

Некоторые из жителей [этой] страны утверждают, что это носорог.

Он сказал: Я не видел среди них [ни одного] человека, который был бы розовощеким [румяным], но большинство из них больны. В ней [в этой стране] они в большинстве случаев умирают от колик, так что они, право же, бьются [даже] у их грудных детей.

И если умрет мусульманин у них, и вот [имеется] женщина [из] хорезмийцев, то его обмывают омовением мусульман. Потом везут его на повозке, которая тащит его, а перед ним [идут] со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором его похоронят. Когда же он придет туда, они возьмут его с повозки и положат его на землю. Потом очертят вокруг него линию и отложат его в сторону. Потом они выкопают внутри этой линии его могилу, сделают для него боковую пещеру и погребут его.

Подобно этому [и] они [жители этой страны] поступают со своими мертвыми. Женщины не плачут над мертвыми, но над ними плачут их мужчины, которые приходят в день, в который он умер, останавливаются у дверей его юрты и кричат самым гнусным плачем и самым диким, каким только можно плакать. Это – [люди] свободные. Когда же свершится их плач, являются рабы, [неся] с собой сплетенные кожаными <бичами>⁴³⁶, и непрерывно плачут и бьют свои бока и выступающие части своих тел этими ремнями, пока на их теле не образуются [следы] вроде ударов <бича>. И они [местные жители] обязательно водружают у [л.209б] двери его юрты знамя. Они приносят его оружие и кладут его вокруг его могилы и не прерывают плача в течение двух лет. Когда же свершатся два года, они снимут знамя и возьмут [часть] своих волос... Родственники умершего созовут званный пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж. Это если он был из [числа] главарей. Что же касается простого народа, то они делают со своими умершими [только] кое-что из этого [обряда].

На царя ас-сакалиба [лежит] дань, которую он платит царю хазар: от каждого дома в его государстве – шкуру соболя. Если придет корабль из страны хазар в страну ас-сакалиба, то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем [имеется], и возьмет из всего этого десятую часть. А если придут русы или какие-нибудь другие [люди] из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову.

Сын царя ас-сакалиба является его заложником у царя хазар. До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя ас-сакалиба, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой, хотя он иудей, а она мусульманка. Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя ас-сакалиба, он упредил [это] и вы-

дающим, так это описание рога на голове. Тем не менее, это описание довольно точно передает форму лосиных рогов – одно толстое основание и утончающиеся отростки. Ибн Фадлан просто не понял из рассказа болгар, да еще в изложении переводчика, что рог этого животного разветвляется [Большаков, 2000, с.59].

⁴³⁵ Халандж – береза.

⁴³⁶ В переводе А.П.Ковалевского: «кожи» [Большаков, 2000, с.57].

дал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой. И, право же, царя ас-сакалиба побудила написать государю [халифу] и попросить его, чтобы он построил для него крепость, боязнь царя хазар.

Он сказал: Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, [денежные] средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, <чтобы он построил крепость на эти незначительные деньги>⁴³⁷». Он же сказал: «Я полагал, что держава ислама приносит счастье, и их [денежные] средства берутся из дозволенных [религиозным законом] источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом.

Он сказал: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Итиль. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, румяны (розовощеки), белокожи. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. И при [л.210а] каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим он [никогда] не расстаётся. <Мечи их искусной работы>⁴³⁸, бороздчатые, франкские. И от края ногтей иного из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного.

<А у каждой их женщины на груди прикреплен коробочка>⁴³⁹, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. А на шее у них ожерелье из золота и серебра, потому что, когда мужчина владеет десятью тысячами дирхемов, у его жены – одно ожерелье, а если – двадцатью тысячами, то – два ожерелья, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют ожерелье его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] ожерелий.

Самым великолепным украшением [считаются] у них [русов] зеленые бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они делают [для приобретения их] исключительные усилия, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают [их] в качестве ожерелий для своих жен.

Дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, [а также] соболи. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится бракованной [монетой]. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки.

Они грязнейшие из творений Аллаха, – они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они, как блуждающие ослы. Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Итиле, – а это большая река, – и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном [таком] доме десять и двадцать, – меньше или больше. У каждого [из них] скамья, на которой он сидит, и с ними [сидят] девушки-красавицы для купцов. И вот один [из них] сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. А иногда собирается [целая] группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности.

У них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы самой грязной водой, какая только бывает, и самой нечистой. А это [бывает] так, что девушка является каждый

⁴³⁷ В переводе А.П.Ковалевского: «...чтобы он построил крепость на [доставленные] от него деньги, которым нет числа» [Большаков, 2000, с.57].

⁴³⁸ В переводе А.П.Ковалевского: «... мечи их плоские» [Большаков, 2000, с.57].

⁴³⁹ В переводе А.П.Ковалевского: «А что касается их женщин, то на [каждой] их груди прикреплен коробочка» [Большаков, 2000, с.57].

день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Он же моет в ней свои руки, свое лицо и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, чего бы он ни сделал [л.210б] в эту воду. Когда же он покончит с тем, что ему нужно, девушка несет лохань к сидящему рядом с ним, и [этот] делает то же, что сделал его товарищ. И она не перестает подносить ее от одного к другому, пока не обнесет ею всех, находящихся в [этом] доме, и каждый из них сморкается, плюет и моет свое лицо и свои волосы в ней.

И как только их корабли прибывают к этой пристани, тотчас выходит каждый из них, [неся] с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, чтобы подойти к длинному воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», – пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров – «и я пришел к тебе с этим даром», – потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном, – «итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю». Потом он уходит.

Итак, если продажа для него будет трудна и пребывание его затянется, то он снова придет со вторым и третьим подарком, и если [для него] будет затруднительно добиться того, чего он хочет, он понесет к каждому из маленьких изображений подарок, попросит их о ходатайстве и скажет: «Эти – жены нашего господа, дочери его и сыновья его». Итак, он не перестает обращаться с просьбой то к одному изображению, то к другому, просить их, искать у них заступничества и униженно кланяться перед ними. Иногда же продажа пойдет для него легко и он продаст. Тогда он говорит: «Господь мой удовлетворил мою потребность, и мне следует вознаградить его». И вот он берет некоторое число овец или рогатого скота, убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и оставляет между тем большим бревном и стоящими вокруг него маленькими и вешает головы рогатого скота или овец на это воткнутое [сзади] в землю дерево. Когда же наступит ночь, придут собаки и съедят все это. И говорит тот, кто это сделал: «Господь мой уже стал доволен мною и съел мой дар».

Если кто-либо из них заболел, то они разобьют для него палатку в стороне от себя, оставят его в ней, положат вместе с ним некоторое количество хлеба и воды и не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если он бедняк или невольник, но если это лицо, которое имеет толпу родственников и слуг, то люди посещают его во все эти дни и спрашивают о нем. Итак, если он выздоровеет и встанет, то возвратится к ним, а если [л.211а] он умрет, то они его сожгут. Если же он был невольник, они оставят его в его положении, [так что] его едят собаки и хищные птицы.

Если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и подвешат его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

Мне не раз говорили, что они делают со своими главарями при [их] смерти дела, из которых самое меньшее – сожжение, так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим, пока не дошла до меня [весть] о смерти одного выдающегося мужа из их числа. Итак, они положили его в его могиле и покрыли ее над ним настилом на десять дней, пока не закончат кройки его одежд и их шивания.

А именно: если [это] бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его [корабль]. Что же касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят это на три трети, причем [одна] треть – для его семьи, [одна] треть на то, чтобы на нее скроить для него одежды, и [одна] треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином. Они, злоупотребляя набизом, пьют его ночью и днем, [так что] иной из них умрет, держа кубок в руке.

Они в те десять дней пьют и сочетаются [с женщинами] и играют на сазе. А та девушка, которая сожжет сама себя с ним, в эти десять дней пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями и, так нарядившись, отдается людям.

Если умрет главарь, то его семья скажет его девушкам и его <гулямам>: «Кто из вас умрет вместе с ним?». Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то [это] уже обязательно, – ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. Большинство из тех, кто это делает, – девушки. И вот когда умер тот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я». Итак, ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла, настолько, что они иногда [даже] мыли ей ноги своими руками. И они [родственники] принялись за его дело, – за кройку для него одежды и устройство того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему.

Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, я прибыл к реке, на которой [находился] его корабль, – и вот он уже вытасчен [на берег] и для него поставлены четыре устоя из дерева хаданга и из другого дерева [халанджа] и вокруг них поставлено также нечто вроде больших помостов из дерева. Потом [корабль] был протасчен, пока не был помещен на это деревянное сооружение. И они стали его охранять, ходить взад и вперед и говорить речью, для меня непонятной. А он [умерший] был еще в своей могиле, [так как] они [еще] не вынимали его.

В середину этого корабля они ставят шалаши из дерева и покрывают этот шалаши разного рода «кумачами». Потом они принесли скамью, поместили ее на корабле, покрыли ее стегаными матрацами и византийской парчой, и подушки – византийская парча. И пришла женщина старуха, которую называют [л.211б] ангел смерти, и разостлала на скамье упомянутые нами выше постилки. Это она руководит его обшиванием и его устройством и она [же] убивает девушек. И я увидел, что она старуха-богатырка, здоровенная, мрачная.

Когда же они прибыли к его могиле, они удалили землю с дерева [настила], удалили дерево и извлекли его в покрывале, в котором он умер. И я увидел, что он уже почернел от холода этой страны. Еще прежде они поместили с ним в могиле набиз, [какой-то] плод и лютю. Теперь они вынули все это. И вот он не завонял, и в нем ничего не изменилось, кроме его цвета. Тогда они надели на него шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчевый хафтан с пуговицами из золота, надели ему на голову шапку из парчи, соболью, и понесли его, пока не внесли его в находившийся на корабле шалаши, посадили его на стеганый матрац, подперли его подушками и принесли набиз, плод, *разного рода цветы* и ароматические растения и положили это вместе с ним. И принесли хлеба, мяса и луку и оставили это перед ним. И принесли собаку, рассекли ее пополам и бросили ее в корабль. Потом принесли все это оружие и положили его рядом с ним. Потом взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели. Потом рассекли их мечами и бросили их мясо в корабле. Потом привели двух коров, также рассекли их и бросили их в нем. Потом доставили петуха и курицу, убили их и оставили в нем.

Собирается много мужчин и женщин, играют на сазах, и каждый из родственников умершего ставит шалаши поодаль от его шалаша. А девушка, которая хотела быть убитой, *разукрасившись, отправляется к шалашам родственников умершего*, ходя туда и сюда, входит в каждый из их шалашей, причем с ней сочетается хозяин шалаша и говорит ей *громким голосом*: «Скажи своему господину: «Право же, я совершил это из любви и дружбы к тебе». *И таким же образом, по мере того как она проходит до конца [все] шалаша, также [все] остальные с ней сочетаются.*

Когда же они с этим делом покончат, то, разделив пополам собаку, бросают ее внутрь корабля, а также, отрезав голову петуху, бросают [его и его голову] справа и слева от корабля.

Когда же пришло время спуска солнца, в пятницу, привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой [смотря вверх нее вниз], и произнесла [какие-то] слова на своем языке, после чего ее спустили. Потом подняли ее во второй раз, причем она со-

вершила подобное же действие, [как] и в первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же свое действие, что и в первые два раза. Потом ей подали курицу, – она отрезала ей голову и швырнула ее [голову]. Они [же] взяли эту курицу и бросили ее в корабль. Итак, я спросил переводчика о ее действиях, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли: «Вот я вижу своего отца и свою мать», – и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие», – и сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и гулямы (ал-гулман), и вот он зовет меня, – [л.212а] так ведите же меня к нему».

Итак, они прошли с ней в направлении к кораблю. И она сняла два браслета, бывшие с ней, и отдала их оба той женщине-старухе, называемой ангел смерти, которая ее убьет. И она сняла два бывших на ней ножных кольца и дала их оба тем двум девушкам, которые [все время] служили ей, а они обе – дочери женщины, известной под названием ангел смерти.

После этого та группа [людей], которые перед тем уже сочетались с девушкой, делают свои руки устланной дорогой для девушки, чтобы девушка, поставив ноги на ладони их рук, прошла на корабль. Но они [еще] не ввели ее в шалаш. Пришли мужи, [неся] с собою щиты и палки, а ей подали кубком набиз. Она же запела над ним и выпила его. И сказал мне переводчик, что она этим прощается со своими подругами. Потом ей был подан другой кубок, она же взяла его и долго тянула песню, в то время как старуха торопила ее выпить его и войти в палатку, в которой [находился] ее господин.

И я увидел, что она растерялась, захотела войти в шалаш, но всунула свою голову между ним и кораблем. Тогда старуха схватила ее голову и всунула ее [голову] в шалаш и вошла вместе с ней, а мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, вследствие чего обеспокоились бы другие девушки и перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами. Затем вошли в шалаш шесть мужей из [числа] родственников ее мужа и все [до одного] сочетались с девушкой в присутствии умершего. Затем, как только они покончили с осуществлением [своих] прав любви, уложили ее рядом с ее господином. Двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, пришла старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум [мужам], чтобы они ее тянули, и приступила [к делу], имея [в руке] огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня. Потом он пошел, пятясь задом, – затылком к кораблю, а лицом к людям, [держа] зажженную палку в одной руке, а другую свою руку на заднем проходе, будучи голым, – чтобы зажечь сложенное дерево, [бывшее] под кораблем. Потом явились люди с деревом [для растопки] и дровами. У каждого из них была палка, конец которой он зажег. Затем [он] бросает ее в это [сложенное под кораблем] дерево. И берется огонь за дрова, потом за корабль, потом за шалаш, и мужа, и девушку, и [все], что в нем [находится]. Потом подул ветер, большой, ужасающий, и усилилось пламя огня и разгорелось его пылание. Был рядом со мной некий муж из русов. И вот я услышал, что он [л.212б] разговаривает с бывшим со мной переводчиком. Я спросил его о том, что он ему сказал. Он сказал: «Право же, он говорит: «Вы, арабы, глупы». Я же спросил его об этом. Он сказал: «Действительно, вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай». Потом он засмеялся чрезмерным смехом. Я же спросил об этом, а он сказал: «По любви господина его к нему, [вот] он послал ветер, так что он [ветер] возьмет его в течение часа». И в самом деле, не прошло и часа, как корабль, и дрова, и девушка, и господин превратились в золу, потом в [мельчайший] пепел.

Потом они соорудили на месте этого корабля, который они [когда-то] вытащили из реки, нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большое бревно хаданга, написали на нем имя [этого] мужа и имя царя русов и удалились.

Он сказал: Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его *очень высоком* замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-

за него. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей *в присутствии царя*. Эти четыреста [мужей] сидят, *а ночью спят* у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. *И этот поступок они не считают постыдным*. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то он подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь настолько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. *И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям*. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных.

Их отличные [«добропорядочные»] люди проявляют стремление к кожевенному ремеслу и не считают эту грязь отвратительной.

В случае, если между двумя лицами возникнет ссора и спор, и их царь не в силах достигнуть примирения, он выносит решение, чтобы они сражались друг с другом мечами, и тот, кто окажется победителем, на стороне того и правда.

Что же касается царя хазар, титул которого хакан, то, право же, он не показывается иначе, как [раз] в каждые четыре месяца, [появляясь] в [почетном] отдалении. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигает перед ним эти дрова. Когда же он закончит с топливом, он садится вместе с царем [w.438]⁴⁴⁰ на его трон. Его замещает муж, называемый кундур-хакан⁴⁴¹, а этого также замещает муж, называемый джавшунгар⁴⁴². Обычай наибольшего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упомянули, а полномочия вершить дела, наказывать [преступников] и управлять государством принадлежат его заместителю хакан-беху.

Другой обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что], если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него вырывается могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок⁴⁴³, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная из-

⁴⁴⁰ Это и последующие обозначения повторяют пагинацию А.П.Ковалевского для сведений, дополнявших текст Мешхедской рукописи «Записки» [Ибн Фадлан, 1956].

⁴⁴¹ كندرخاقان Кундур-хакан – огласовка первой части этого словосочетания условна. Термин «Кундур», после многочисленных безуспешных попыток объяснить его происхождение, все еще остается необъясненным на основе тюркских языков [Klyashtorny, 1997, p.23].

⁴⁴² Термин جا ويشغر или جا ويشغر – у А.П.Ковалевского «джавышгър». Интерпретацию этого термина затрудняло отсутствие определенности в прочтении (джавшигар, джавишгар, джавишгир, йавишгир йавашигар, чавышгър и др.). Однако прочтение «Джав шунгар», которое не нарушает графическое начертание слова, переводу поддается. Тюркское слово «сокол, крик» встречается в форме «шункар/шонкар» у ал-Хваразми (X в.), «шункар» – у Махмуда Кашгари (XI в.), «шункур» – в «Мухаббат-наме» (XIII в.). Основная часть слова «Йав» или «Джав» восходит к древнетюркскому «джавли» (сокол, охотничья птица) и зафиксирована в одной из енисейской надписей (VIII–IX вв.), а позднее у Махмуда Кашгари. В «Кутадгу билик» (XI в.) упомянут титул придворного «джавли бег» (стих 4068). У Ибн Фадлана этот титул приведен в краткой форме, полная форма может быть реконструирована как «джав шункар [бег]» (глава королевской соколиной охоты), который идентичен титулу «джавли бег», упоминаемому в «Кутадгу билик» Йусуфом Баласагуни среди высших сановников илек-ханов. Контекст фрагмента текста Ибн Фадлана, в котором использован этот термин, позволяет нам считать, что заместители хакан-бека – Кундур-каган (хакан) и джавшунгар бек выполняли обязанности, похожие на военных полководцев и хаджибов в Караханидской империи [Klyashtorny, 1997, p.23–24].

⁴⁴³ Сурьма.

весть⁴⁴⁴. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, и они помещают [проводят] эту [реку] над этой могилой, и говорят: «Чтобы не [w.439] добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые». Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят: «Он вошел в рай».

И все [эти] дома выстланы парчой, сотканной из золота.

[Еще] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жен, [причем] каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц [находится] в отдельном дворце, у нее [есть] помещение в виде купола⁴⁴⁵, покрытое тиком, и вокруг каждого «купола» [есть] утоптанное пространство. И у каждой из них [есть] евнух, который ее стережет. Итак, если [хакан] захочет использовать одну из них [как наложницу], он посылает за евнухом, который ее стережет, и [тот] является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же [царь] использовал ее [как наложницу], он [евнух] берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение.

Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него.

Продолжительность [правления] их царя – сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные *уволят* его *или убьют* и скажут: «У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным [неясным]».

Если он пошлет [в поход] отряд [войска], то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к нему [к царю] возвратится. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их [самих] и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно так же [дарят] их лошадей, и их [домашние] вещи, и их оружие, и их дворы [усадьбы, а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами.

У царя хазар [есть] огромный город на реке Итиль. Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон [живут] мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные. Над мусульманами [начальствует] муж из [числа] приближенных <гулямов> царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и [временно] приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому <гуляму>-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе [есть] соборная мечеть, в которой они совершают молитву и [w.440] присутствуют в ней в дни пятниц. При ней [есть] высокий минарет и несколько муаззинов.

И вот, когда в триста десятом году⁴⁴⁶ до царя хазар дошла [весть], что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в Усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был разрушен, казнил муаззинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть».

Хазары и их царь – все иудеи, а ас-сакалиба и все, кто соседит с ними, [находятся] у него в покорности, и он обращается к ним, как к находящимся в рабстве, и они повинуются ему с покорностью.

Материал подготовила Нурия Гараева

⁴⁴⁴ Известь, средство для удаления волос на теле.

⁴⁴⁵ قبة (кубба), одно из значений которого «шатер» или «купол». А.П.Ковалевский перевел и как «юрта».

⁴⁴⁶ Год начался с 1 мая 922 г.

Ал-Истахри – Ибн Хаукаль

Географическое сочинение Абу-л-Касима Мухаммада ибн Хаукаля ан-Насиби «Китаб ал-масалик ва-мамалик» («Книга путей и государств»), носящее также название «Китаб сурат ал-ард» («Книга картины Земли»), является расширенной версией «Китаб масалик ва-л-мамалик» Абу Исхака Ибрахима ал-Истахри, написанной к середине X в. Около 951 г. много путешествовавший (по торговым делам?) к тому времени Ибн Хаукаль встретился с ал-Истахри в Западной Индии, познакомился с его сочинением и указал на некоторые ошибки, и ал-Истахри предоставил ему право пользоваться этим сочинением как своим, перерабатывать его, дополнять и подписывать своим именем. От авторства своего текста ал-Истахри не отказался, и, таким образом, началось параллельное существование двух родственных одноименных сочинений. Первый вариант дополненной версии своего сочинения Ибн Хаукаль преподнес правителю Халеба Сайф ад-Дауле (944–967), но рукописи с этой редакцией не сохранились. Все известные нам рукописи содержат более позднюю редакцию, в которой собствен-

ный материал Ибн Хаукаля составляет 1/6 всего объема, не считая мелких изменений стилистического характера.

Впервые сочинение Ибн Хаукаля было издано на основе двух сравнительно поздних рукописях М.Я. де Гюе в 1873 г. [Ибн Хаукаль, 1873], в 1938–1939 гг. И.Х.Крамерс предпринял новое издание на основе неизвестной прежде старейшей (1086) рукописи библиотеки Иски Сарая в Стамбуле с воспроизведением всех карт, с включением отсутствовавших в ней фрагментов, сохранившихся в трех других рукописях [Ибн Хаукаль, 1938–1939], в 1964 г. он же в сотрудничестве с Г.Вье опубликовал перевод этого текста на французский язык [Крамерс, 1964].

Предлагаемый перевод основан на издании 1938–1939 гг. с указанием в тексте соответствующих страниц. Дополнения, сделанные Ибн Хаукалем, заключены в угловые скобки < >, мелкие расхождения с текстом ал-Истахри стилистического характера отмечаются только в тех случаях, когда они меняют смысл фразы [Ибн Хаукаль, 1938–1939].

«Китаб ал-масалик ва-мамалик»

(Книга путей и государств)

Хазарское море

[с.386] А что касается Хазарского моря, то восточная его сторона – часть ад-Дайлама и Табаристан и Джурджан⁴⁴⁷ и часть пустыни, которая между Джурджаном и Хваризмом, а западная его сторона – ар-Ран⁴⁴⁸ и пределы ас-Сарира⁴⁴⁹, и страна хазар, и часть гузской пустыни, а северная его сторона – гузская пустыня и область Сийах Куха⁴⁵⁰, а южная его сторона – ал-Джил⁴⁵¹ и ад-Дайлам, < и то, что рядом с ними.>

[с.388] А у этого моря нет связи ни с каким из морей на поверхности Земли < путем приливания или смещения кроме того, что вливается в него из реки русов⁴⁵², известной под названием Итиль, которая соединяется рукавом, вытекающим из него, с проливом, выхо-

⁴⁴⁷ Дейлем – горная область севернее совр. Тегерана; Табаристан – восточная часть южного Прикаспия с главным городом Амудь (Амоль); Джурджан (Гурган) с центром в одноименном городе (совр. Гюрген).

⁴⁴⁸ Ар-Ран, Алванк, Кавказская Албания – область, в основном совпадающая с Азербайджаном.

⁴⁴⁹ Ас-Сарир – область на северо-западе Дагестана.

⁴⁵⁰ Сийах Кух, перс. «Черная Гора» – п-ов Мангышлак. В средневековой арабской топонимике отсутствовало понятие «полуостров», под островом подразумевались как подлинные острова, так и полуострова.

⁴⁵¹ Джилан – Гилян, западная часть южного Прикаспия.

⁴⁵² «Рекой русов» в арабской географической литературе называли Дон. На это совершенно недвусмысленно показывает текст и карта ал-Идриси. Эту ошибку Ибн Хаукаля можно объяснить существовавшим в то время представлением о наличии рукава, связывающего Дон и Волгу.

дающим из земли ал-Кустантинийи к Окружающему морю⁴⁵³.> И если бы какой-нибудь человек пошел вокруг этого моря, то вернулся бы в то место, с которого начал, и не воспрепятствовало бы ему препятствие и не перерезало бы [дорогу] ничто, кроме текущей к нему (морю) и впадающей в него реки.

Это море соленое и нет в нем прилива и отлива. У этого моря дно темное в отличие от Кулзумского моря⁴⁵⁴ и других, <потому что дно его из глины, гнилой и испорченной>. А в море Фарса дно просвечивает во многих местах из-за яркости белых камней, которые внизу. И не добывают в этом море ничего, кроме рыбы⁴⁵⁵. И плавают по этому морю купцы из мусульманских земель в хазарскую землю, <а оно>⁴⁵⁶ – между ар-Раном и ал-Джилем и Табаристаном и Джуржданом.

И нет в нем обитаемых островов, которые были бы обжиты, как в других [морях] <есть острова, на которых есть жители и города.> А на тех островах, которые на нем, имеются воды и деревья, но на них никто не жил во времена ислама. К их числу относится Сийах Кух. Он большой, на нем есть источники и деревья, и заросли, и дикие лошади⁴⁵⁷. К ним относится остров напротив ал-Курра, <и поблизости от ал-Баба.> Он тоже большой, на нем заросли и деревья, и добывают на нем марену. И выезжают на него люди из области Барда'а разыскивать следы марены и работают там долгие дни из-за ее обилия, и вывозят ее в Варасан и Барда'а⁴⁵⁸. И получают от нее прибыль, и привозят на остров ал-Баба лошадей из области Барда'а и Варасана и многих [других] областей, они пасутся на нем и жируют из-за изобилия его пастбищ и выпасов.

И нет вправо от Абескуна до Хазарии на берегу этого моря ни селения, ни города, кроме места в пятидесяти фарсах от Абескуна, которое называется Дихистан, <вроде селенья, и в нем немного людей, вода у них глубоко, а воде моря в этой местности не хватает глубины,> а он вдается в море, и суда встают на якорь у него при бушевании ветра. А в эту местность направляется много людей из [разных] мест и находятся там для ловли [рыбы].

И не знаю я другого [с.389] места, где кто-нибудь обитал, кроме Сийах Куха, а там [живет] группа (таифа) тюрок-гуззов, которые поселились там недавно из-за ссоры между ними и [другими] гуззами. Они откололись от них и сделали его местом обитания и убежищем. Там есть <просторные> пастбища и есть у них источники. А это место на этом море справа от Абескуна; а влево от Абескуна до Хазарии непрерывные обжитые земли ('имара) кроме небольшого участка между Баб ал-абвабом и Хазарией, а это потому, что если ты пойдешь из Абескуна через пределы Джурджана и Табаристана и ад-Дайлама и ал-Джила, то войдешь в пределы ар-Рана, когда проедешь ал-Мукан к области Баб ал-абваба в двух днях пути от страны ширваншаха, а его владения простираются до области Самандара на четыре дня пути тоже по обжитой местности. А от Самандара до Итиля семь дней по пустыне. А это море около Сийах Куха узко и [люди] опасаются за суда, что когда там поднимется ветер, то они разобьются, а когда они там разобьются, то не удастся ничего сорвать из них из-за нападения на них тюрок, которые завладеют тем, что в них.

⁴⁵³ Представление о существовании пролива от Кустантинийи (Константинополя) до «Окружающего моря» (Ледовитого океана), по-видимому, было порождено знакомством с примитивными ранневизантийскими картами, на которых особо выделялся Дон как граница между Европой и Азией. Как увидим дальше, Ибн Хаукаль принимает за этот пролив Днепр.

⁴⁵⁴ Красное море, море Фарса – Персидский залив.

⁴⁵⁵ У ал-Истахри [с.218]: «и не добывают из этого моря ничего из драгоценностей [таких как] жемчуг и кораллы или иное, что из морей и ничего из того, что извлекают из моря, кроме рыбы».

⁴⁵⁶ У ал-Истахри [с.218] вместо «а оно» (ва хува) был только союз «и», что придавало фразе совсем иной смысл: «плавают в хазарскую землю и то, что между ар-Раном». Перечень областей, между которыми находится море, получившийся у Ибн Хаукаля, представляется здесь неуместным.

⁴⁵⁷ Употребленное здесь арабское слово «давабб» значит не только «лошадь», но и транспортных животных вообще; в данном случае не исключено, что имелись в виду именно дикие лошади – тарпаны.

⁴⁵⁸ Ал-Курр – р. Кура, Барда'а – столица Аррана (ныне г. Берд на р. Тертер, правом притоке Куры, выше слияния ее с Араксом, Варсан – город на правом берегу Куры при пересечении ее с дорогой из Барда'а в Ардебиль; островом близ устья Куры могла считаться вдающаяся в море часть низменности справа от устья Куры. Не исключено, что береговая линия вследствие колебания уровня моря могла быть несколько иной. Согласно ал-Истахри, [с.218] «лошадей туда доставляли на судах».

А что касается ал-Хазара, то это название страны (иклим), и ее столица называется Итиль, а Итиль – название реки, которая течет к ним от ар-Рус и Булгар <и вливается в Хазарское море. И говорят, что эта река вытекает из [страны] мраков, никто не знает начала ее, и никто не достигал ее истоков.⁴⁵⁹>

А этот город (ал-балад) – из двух частей: одна из них, западнее этой реки, называется Итиль, она большая из них, а другая – восточнее. А царь (малик) живет в западной, из них, <которая называется Хазаран, а восточная называется Итиль⁴⁶⁰>. И называется [с.390] царь на их языке «бек»⁴⁶¹. Эти две части в длину около фарсаха, их обеих окружает стена, но постройки в них рассеяны, а их дома <вроде> шатров, из дерева, покрытые войлоками, кроме немногих, построенных из глины. У них есть базары и бани. Есть у них мусульманское население (халк), как говорят, более десяти тысяч мусульман, и в нем около тридцати мечетей.

А дворец их царя в отдалении от этой реки, он из обожженного кирпича, и нет ни у кого построек из обожженного кирпича, – царь не позволяет этого никому кроме себя.

А в стене города четверо ворот, одни из этих ворот в сторону этой реки, а другие из них в сторону пустыни, которая за городом. А этот царь – иудей. И говорят, что у него придворных (хашийа) около четырех тысяч мужчин. А в этих двух сторонах есть мусульмане, и христиане, и идолопоклонники⁴⁶², а самая маленькая из этих общин (фирак) – иудеи, а самая многочисленная из них – мусульмане, но только царь и его знать – иудеи. А в их обычаях преобладают обычаи идолопоклонников, как земные поклоны друг другу при встрече⁴⁶³. А судейство у них ведется по древним обычаям, которые отличаются от мусульманской религии и христианской, и иудейской.

Говорят, что все войско Хазарана двенадцать тысяч человек, <и это твердо установлено;> когда умирает кто-то из них, на его место встает другой; и нет у них постоянного содержания <и определенных пайков в определенный месяц,> поступает им немного за долгий период в неопределенное время, когда действует их страх или собирает их война, то собираются к нему. А поступления средств (абваб ал-мал) этого царя из таможенных пошлин и торговых сборов ('ушур) с товаров согласно их обычаям на каждой дороге, ведущей к ним. И для него есть обязательная доля с жителей кварталов и округов из того, что необходимо с каждого вида еды и питья.

А у царя есть семь судей из иудеев, и христиан, и мусульман, и идолопоклонников. И когда кто-нибудь <из знати и простонародья> представляет какое-то дело, то судят его эти судьи. И никто не является со своей нуждой к самому царю, а приходят к этим [людям] и излагают свою нужду и что они предьявляют. А между этими людьми и царем есть посыльный, через которого сообщают, что происходит [с.391], что появляется между ними (тяжущимися) и доводят до него, что будет у них, а он отвечает им при этом свое решение, что им делать.

<А иногда в суде происходят вещи, похожие на небылицу. Из их числа то, что рассказывал ал-Му'таид⁴⁶⁴, что это рассказали при нем, и насмеялся над этим рассказчик. И сказал ал-Му'таид: «Вовсе нет. Передают о Пророке, – да благословит его Аллах, – что он сказал: Аллах, да возвеличится его имя, – не даст человеку управлять народом, только подкрепив его каким-либо родом разумения, даже если он неверующий».>

Из таких удивительных историй то, что у одного человека из жителей Хазарана был сын, занимавшийся торговлей, искусный брат и предлагать. И он отправил его во Внутреннюю Булгарию, а [сам] не переставал вести торговлю и после отъезда своего сына усы-

⁴⁵⁹ «Мраками» средневековая арабская география называла полярные области, а Ледовитый океан – «морем мраков». Ибн Хаукаль выводит из этого моря Днепр, превращенный им в пролив, соединяющий эту часть океана (Окружающего моря) с Константинополем.

⁴⁶⁰ У ал-Истахри [с.220] западная половина называется Итиль, а восточная оставлена без названия; Ибн Хаукаль оставил текст ал-Истахри без изменения, а в своей вставке назвал западную половину Хазараном.

⁴⁶¹ Ал-Истахри [с.220] приводит два варианта написания этого термина: с кратким гласным (возможно как *бек*, так и *бик*) и с долгим «а» в качестве варианта. Ибн Хаукаль оставил вторую форму.

⁴⁶² У ал-Истахри [с.222]: «А хазары – мусульмане и христиане, и иудеи...».

⁴⁶³ У ал-Истахри (там же): «выказывая почтение».

⁴⁶⁴ Аббасидский халиф (892–902).

новил раба, который был у него, обучил и вразумил его, и он хорошо разумел то, что тот ему поручал из торговли, так что он объявил о его усыновлении по причине близости ему по повиновению и оборотливости. А отсутствие сына и пребывание гуляма в услужении отцу затянулось, так что тот человек скончался. И представил сын денежный отчет (джихаз), не зная, что отец умер, а этот гулям засчитал то, что причиталось с него (сына), и, напротив, не учел то, что поступало от него. Сын написал гуляму, чтобы тот составил ему отчет по правилам и вернул ему [распоряжение] делом, когда прибудет к нему и рассчитался бы за то, что в его руках, а он (сын) заберет у него то, что есть у него из принадлежавшего отцу. И пришло к сыну то, что заставило поспешить его к месту жительства отца в Хазаране. И повели они тяжбу об этом, и стали приводить доказательства; и было так, что, когда рассматривали [доводы] одного из них, то думали, что его доказательства достаточны; а когда приводил другой что-то подобное, что подкрепляло его позицию, и большая часть их решений опиралось на подобное этому. И длился их спор целый год. И когда затянулась эта тяжба, и это дело из-за перебранок и споров не сдвигалось с места, то рассудить тяжущихся взялся сам царь. Он устроил заседание и обязал присутствовать всех судей и жителей города. Они оба повторяли свои претензии с самого начала тяжбы, и не увидел царь ни у одного из них преимуществ перед другим, которое было бы для него очевидно. И сказал царь сыну: «Знаешь ли ты точно могилу твоего отца?» Он сказал: «Да, знаю, но не присутствовал при его погребении». И признал он (царь) его правдивость. И сказал претендующему гуляму: «Ты знаешь могилу твоего отца?» Он сказал: «Да, я руководил погребением». И сказал он: «Принеси мне останки из нее, если найдешь ее!» И пошел гулям к могиле, и вынул из нее одну из прогнивших костей [с.392] и принес ее ему. И сказал [царь] гуляму, претендовавшему быть сыном этого купца: «Вскрой себе вену». И вскрыл он ее. Потом он по его приказу пролил свою кровь на кость, и скатилась кровь с нее, и ничего к ней не пристало. И вскрыл вену сын, и пролилась его кровь на эту кость, и смочила ее, и пристала к ней. Гуляма наказали, опозорили и отдали его и его богатство сыну.

У этого города нет <многочисленных> деревень, <однако> их пашни обширны. Летом они <все> выезжают <туда, где намереваются> сеять, <они пахут и обрабатывают вблизи и в отдалении> приблизительно в двадцати фарсах. А когда сожнут то, что посеяли, то везут на повозках <к реке или в места, близкие к ней>, и то, что собрали у реки, везут на судах, а что близко к городу – везут на повозках. Их основная пища – рис и рыба.

А тот мед, воск и <меха>, которые вывозят от них во все края, в действительности привозят к ним из краев ар-Руса и Булгара, как и шкуры бобров, которые вывозят во все края и которые не водятся нигде кроме этих <северных> рек, которые в землях Булгара и ар-Руса и Куйабы⁴⁶⁵. <А те шкуры бобров, которые [продаются] в ал-Андалусе⁴⁶⁶, – они из рек, которые в областях ас-сакалиба и впадают в залив, на котором [расположена] страна ас-сакалиба, и описание которой уже было⁴⁶⁷. А большая и лучшая часть этих шкурок находится в стране ар-Рус, и те, которые спускаются к ним в их края, а также из края Йаджудж и Маджудж⁴⁶⁸, а затем привозят в Булгар. Это продолжалось до триста пятьдесят восьмого года (25 ноября 968 – 13 ноября 969 г.). И вот, русы разрушили Булгар и Хазаран и повезли бобровые и [другие] ценные меха в Хорезм из-за частого приезда хорезмийцев в Булгар и к ас-сакалиба. И напали они на них (хорезмийцев) и грабили, и брали их в плен. А товары русов всегда стекались в Хазаран, и они должны были с того, что привозили, отдавать приблизительно десятую часть их товара.

⁴⁶⁵ Средневековое название Киева.

⁴⁶⁶ Средневековое арабское название Пиренейского п-ова.

⁴⁶⁷ В данном случае этот пролив явно тождественен Днепру, но пушнина, попадавшая в Андалус, шла, конечно, не оттуда, а из славянских земель.

⁴⁶⁸ Легендарные дикие племена на крайнем северо-востоке обитаемого мира, которых Александр Македонский отгородил прочной стеной, чтобы они не погубили человечество. Эта легенда воспринималась настолько серьезно, что халиф ал-Васик (842–847) посылал специальную экспедицию проверить прочность этой стены.

<Как уже говорилось,> царь живет в западной половине из этих двух сторон и его приближенные [с.393], и чисто хазарское войско⁴⁶⁹. А язык ал-хазар – не язык ат-турк (тюрков) и не персидский, и нет среди всех языков народов родственного ему.

А у реки Итиль с восточной стороны есть ветвь, которая вытекает из области хирхизов⁴⁷⁰, протекает между Кимакией и Гуззией, являясь границей между Кимакией и Гуззией, затем течет к западу за Булгаром, затем поворачивает назад в сторону востока, минует ар-Рус и Булгар, потом буртасов и впадает в Хазарское море. Говорят, что от этой реки отделяется более семидесяти рек, а главное русло реки остается течь к Хазарану и впадает в море. И говорят, что, если бы эти воды соединить в их верхней части в одну реку, то она была бы больше, чем Джайхун⁴⁷¹ количеством и обилием воды и шириной на поверхности земли. И доходит [до того], что из-за множества их вод они, достигая моря и вливаясь в него <близко друг к другу,> текут в море внутри его вод на расстоянии двух дней пути, и преодолевают воду моря настолько, что зимой покрываются льдом посреди него из-за их пресности и их сладкости, и выделяется его (Итиля) вода по цвету от воды моря.

А в Хазарии есть область, и в ней [главный] город, который называется Самандар, он между ним (Хазараном) и Баб ал-абвабом. В нем многочисленные сады, говорят, что в них было около сорока тысяч виноградников⁴⁷².

<Я спросил о нем в Джурджане в триста пятьдесят восьмом году⁴⁷³ у того, кто был там недавно, и он сказал: «Там любовью сад или виноградник был милостивей для бедняков, пока там оставался хотя бы один лист на стволе его; но напали на него русы, и не осталось в этом городе ни виноградины, ни изюмины». И жили в этом городе мусульмане, люди различных религиозных общин и идолопоклонники, [все] они выселились. Но не прошло и трех лет, как из-за достоинств земли и прекрасных пастбищ, все возвратилось, как было. И были в Самандаре мечети, и церкви, и синагоги; и напали они во время этого своего набега на всех, кто был на реке Итиль, на хазар, булгар и буртасов и завладели ими, и бежали [с.394] жители Итиля на остров Баб ал-абваба и укрепились там, а некоторые из них – на остров Сийах Кух, пребывая там в страхе>.

А жилища Самандара – шатры, а постройки их из сплетенного дерева, а их крыши – горбатые. А их царь – родственник царя хазар⁴⁷⁴. А между ними и границей ас-Сарира – два фарсаха, и между владельцем ас-Сарира и царем Самандара существует перемирие. А жители ас-Сарира – христиане. А говорят, что этот трон (ас-сарир) принадлежал одному из царей Фарса (Персии). И не переставали их цари привозить в те места драгоценности, оформляя его. А привез его один из сыновей Бахрама⁴⁷⁵. И царь у них до наших дней называется по этому трону. А говорят, что трон изготавливал долгие годы один из Хосроев. А между жителями ас-Сарира и мусульманами существует перемирие. И нет во всей стране хазар скопления людей больше, чем Самандар.

Буртас – народы (амам), граничащие с Хазарией (ал-Хазар). И нет между ними и Хазарией ни одного языка, кроме них. Они – народ, распространенный по реке Итиль. Буртас

⁴⁶⁹ У ал-Истахри [с.221–222] это место изложено иначе: «В восточной половине ал-Хазара большинство купцов и мусульман, и торговли, а западная [предназначена] исключительно для царя и его войска и чистокровных хазар. А язык хазар...».

⁴⁷⁰ Хирхиз – кыргызы, башджирт – башкиры. Ал-Истахри, а вслед за ним и Ибн Хаукаль не поняли имевшиеся у них сведения о большом восточном притоке Итиля (р. Белая и Кама, после впадения в нее Белой), вероятно, принимавшийся за исток Итиля, и соединили его с истоком Итиля, начинавшимся в земле русов. Так получилось фантастически извивавшееся верхнее течение Волги.

⁴⁷¹ Средневековое название Амударьи.

⁴⁷² У ал-Истахри [с.223] – «около четырех тысяч». Это более правдоподобно, Ибн Хаукаль, скорее всего, увеличил цифру в десять раз, чтобы рассказ о разорении города выглядел контрастнее.

⁴⁷³ 358 г.х. начинался 25 декабря 969 г.

⁴⁷⁴ У ал-Истахри [с.222–223]: «А царь их из иудеев, родственник царя хазар».

⁴⁷⁵ У ал-Истахри конкретнее – Бахрам Джур. Бахрам Гур V – сасанидский правитель (421–438), с которым в арабской историографии связаны многие исторические легенды. Правитель этой области в северо-западном Дагестане получил в подарок от византийского императора трон (серебряный?) и у арабов представители этой династии стали именоваться «сахиб сарир» – «обладатель трона», а область – просто Сарир.

также название области, так же, как ар-Рус, а ал-Хазар и ас-Сарир – название государства и области, а не людей и племени.

Хазары не похожи на тюрков, потому что у всех хазар черные волосы. Их два вида (синфани). Одни из них называются кара хазары, они смуглые, сильная смуглость их приближается к черноте, как будто бы они из жителей Индии, [другой] вид – явно светлый, приятный и красивый. А те из хазарских невольников, кто попадает [к нам], это идолопоклонники, которые считают дозволенной продажу своих детей и обращение в рабство друг друга. А что касается их иудеев и христиан, то они исповедуют запретность обращения в неволю друг друга. Из самой Хазарии не вывозят ничего ни в ближние, ни в дальние [страны] кроме рыбьего клея, а что касается невольников, и меда, и воска, и бобров, и мехов, то их привозят к ним. Одежда хазар и тех, кто рядом с ними, куртки и кафтаны (акабийя), и нет у них из одежды ничего, что превышало бы их потребность, в самом деле, [с.395] везут к ним одежду из областей Джурджана, и Табаристана, и Азарбайджана, и ар-Рума и других провинций.

А что касается их управления и государственных дел, то их окончательное решение принадлежит их верховному правителю, называемому «хакан хазар», он могущественнее царя хазар, потому что царь хазар заключает с ним договор и тот назначает его и присматривает за ним. А когда они желают поставить царя после кончины их царя, то приводят его к этому хакану, <и тот напоминает ему об Амаре и увещевает его, и знакомит его с тем, каковы права и обязанности царя и его тяготы, какой грех и бремя будет на нем за то, что он взял на себя, если совершит упущение или будет действовать не так, как должно и принимать неверные и несправедливые решения⁴⁷⁶. И случается, что тот, кого они стремились поставить во власть, не отвечает им [согласием] из благочестия, воздержанности или нежелания получить то, что, как он услышал, сделает с ним Аллах, если у него будет власть, а он будет неспособен распоряжаться ею. Тогда власть предлагают другому, кто лучше душой и разумом.> И когда приводят его к хакану, <чтобы посадить его на царство и вручить ему его,> душит его <хакан хазар> шелковым [шнуром] и когда почти прерывается его дыхание, говорят: «Сколько хочешь, чтобы была продолжительность твоего царствования?» и он говорит: столько-то и столько то. И если он умер <до этого срока, то умер в чести у Аллаха>, а если остался после <того, что назвал собственным языком,> то убивают по достижении срока. Хакан ничего не разрешает и не запрещает хазарам, ему только оказывают почет и земно кланяются, все, даже царь, когда входит к нему. И никто не допускается к нему, кроме как по необходимости, и когда входит к нему <человек,> то его мажут пылью, и он земно кланяется и не поднимается, пока ему не разрешат сесть. А когда постигает их большое бедствие или война, выезжает туда хакан, и как только видит его кто-то из тюрков или иных видов язычников, так уезжает и не сражается с ним из-за почитания его. Когда же хакан умрет, и его похоронят, то никто не проезжает мимо его могилы, не спешившись, совершает земной поклон и едет верхом, только миновав могилу.

А их повинование своему царю доходит до того, что иногда должно убить кого-то, а он из <самых уважаемых, достойных и почитаемых и из занимающих у них высокое положение,> и царь не хочет убивать его открыто, и приказывает [с.396] царь убить себя, и он уходит в свое жилище и убивает себя.

<Я уже упоминал, что> хаканство принадлежит известной <семье и> роду (кауи). Их право не оспаривают: будь он богат, несостоятелен или скуп: когда приспел ему стать хаканом, то утверждают его, не взирая на то, какое у него положение. Сообщил мне тот, кому я доверяю, что он видел на одном из базаров юношу, торговавшего хламьем, а люди говорили, что если умрет хакан, то ни у кого не будет больше прав на хаканство, чем у него, только при том, чтобы он был мусульманин, в хаканстве не утверждают никого, кроме иудея. У них есть трон и шатер из золота, который ставят только для хакана при его выступлении в [поход], а место установки его шатра, когда они выходят на войну или [иное] дело, вынуждающее их уйти, выше места установки шатра царя, и жилище его

⁴⁷⁶ Пространная вставка Ибн Хаукаля вряд ли имеет какую-то связь с реальными наставлениями хакана беку: она отражает мусульманские представления об ответственности правителя перед Аллахом за порученных ему подданных, поэтому и слово «Аллах» здесь уместно оставить непереведенным.

в городе выше его жилища. <Ему полагаются налоги натурой (джарийат) и налоги (кавагин), которые поступают к нему со всех согласно установлениям.>

А Буртас – название области. У них дома из дерева. Они рассеяны по своим областям из-за их многочисленности и силы.> И Башджирт <тоже название области.> Их два вида. Один из них обитает на окраине Гуззии за Булгаром. Их численность около двух тысяч мужчин, они укрываются в лесах, и недоступны. Они подчиняются Булгару. А Башджирт – край, примыкающий к баджнакам, они и баджнаки – турки, они соседят с ар-Румом⁴⁷⁷. А язык булгар подобен языку хазар, а у буртасов другой язык, и язык русов тоже иной, чем язык хазар и буртасов.

А Булгар – название области и города. Они мусульмане, и в городе есть пятничная мечеть, а поблизости от них есть другой город, который называется Сувар, и в нем [тоже] есть пятничная мечеть. И сообщил мне тот, кто читал хутбы в нем, что число жителей этих двух городов около десяти тысяч мужчин. А постройки их из дерева, они находят в них укрытие зимой, а летом рассеиваются по стране в шатрах. [с.397] Сообщил мне проповедник этого города, что в зимнее время дня в нем не хватает человеку, чтобы пройти два фарсаха, а летом удлинится день и укорачивается ночь так, что ночь становится летом как день зимой. <И я был очевидцем того, что указывает на это [будучи] поблизости от их страны: что дня нам хватило на совершение четырех молитв, один вслед за другой, с четырьмя рак'атами и с перерывами между азаном и икамой⁴⁷⁸>.

А русов три вида (аснаф). Один из них – самый близкий к Булгару, и их царь находится в городе, называемом Куйаба, который больше, чем Булгар, и вид, находящийся выше них, называющийся ас-Силавийа, <а царь их [находится] в Сила⁴⁷⁹,> их [главном] городе; и вид, называющийся ал-арсанийа, а царь их пребывает в Арса⁴⁸⁰, их [главном] городе. Люди, торгуя с ними, достигают Куйабы и ее области. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что в нее входил чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступает на их землю из чужестранцев. Они [сами] отправляются по воде и торгуют, но ничего не сообщают об их делах и торговле и не упоминают ни о ком, кто имел бы с ними дело. А вывозят из Арса черных соболей и черных лисиц, свинец и немного ртути.

А русы – народ, который сжигает своих умерших, и сжигают вместе с их пленниками и с теми из невольниц, которые сами изъявляют желание, <как это делают жители Индии, и жители Ганы и Гавга, и другие.> Некоторые русы бреют свою бороду, другие закручивают ее как конскую гриву, или заплетают. Одежда их – короткие куртки, а одежда хазар, булгар и тех, кто соседит с ними – полные куртки. А русы ведут постоянную торговлю с Хазарией и ар-Румом. А великие булгары, граничащие с севером ар-Рума, многочисленны и издавна облагают соседние области ар-Рума хараджем и налогами. Внутренние булгары – христиане и мусульмане. <И оставили русы в наши дни [с.398] булгарам, буртасам и хазарам после ограбления только сплошные развалины, и при этом все направились на другие соседние области и захватили [добычу] сверх той, что у них была. А теперь до меня дошли сведения, что многие из них (беглецов) возвратились в Итиль и Хазаран при поддержке Мухаммада ибн Ахмада ал-Азди своими воинами и людьми; и они просят и надеются, что заключат с ними договор, и те будут в подчинении за участок их (хазар) земли, на которой будут жить.>

Перечень расстояний между ал-Хазаром и его областями. От Абескуна вправо до страны хазар около трехсот фарсахов и от Абескуна влево, направляясь к ал-Хазару, тоже около трехсот фарсахов. От Абескуна до Дихистана влево (?) около шести переходов. И пересекают это море при благоприятном ветре поперек от Табаристана до Баб ал-абваба за не-

⁴⁷⁷ Здесь имеется в виду та часть мадьярских племен, которая кочевала на запад и достигла территории Венгрии.

⁴⁷⁸ Рак'ат – один из повторяющихся частей мусульманского моления с совершением земного поклона; икама – второй после азана призыв к молитве.

⁴⁷⁹ Ас-Силавийа – новгородские земли, населенные племенем словен. Название столицы явно придумано Ибн Хаукалем по аналогии с названием области.

⁴⁸⁰ Эта народность, видимо, ошибочно отнесена к славянам. Быть может, название Арса как-то связано с этнонимом Эрзя (ср. Арзамас).

делю, а от Абескуна до страны хазар больше, чем путь поперек, потому что оно продолговатое. А от Итиля до Самандара – восемь дней, а от Самандара до Баб ал-абваба – четыре дня. А от царства ас-Сарира до Баб ал-абваба – три дня. А от Итиля до начала пределов буртасов – двадцать дней, а от начала Буртаса до его конца – около пятнадцати дней, а от Буртаса до баджнаков – десять дней, а от Итиля до баджнаков – месяц пути. А от Итиля до Булгара по степной дороге около месяца, а по воде, поднимаясь – два месяца, спускаясь – около двадцати дней. А от Булгара до начала пределов ар-Рума – около десяти дней и от Булгара до Куйабы – около двадцати переходов. От баджнаков до внутренних башджиртов – десять дней, а от внутренних башджиртов до Булгара – двадцать пять переходов.

Перевод и комментарии подготовлены Олегом Большаковым

Ал-Бируни

Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни ал-Хваризми (973–1048) родился в пригороде столицы Хорезма Кят (часто называемой просто Хорезм). Последняя часть имени (нисба) означает «человек из предместья». Родители не известны, однако ал-Бируни получил хорошее образование и пользовался поддержкой местных меценатов. Его первым учителем, в семье которого он воспитывался, был Абу Наср Мансур ибн ‘Али ибн ‘Ирак (в конце X в. ему было около 50 лет) – племянник Хорезмшаха Мухаммада ибн ‘Ирака, которого встретил Ибн Фадлан в Хорезме.

Вследствие смены правящих династий был вынужден покинуть Хорезм и обосноваться при дворе эмира Джурджана (Гургана). Около 1010 г. ал-Бируни вернулся, однако после подчинения Хорезма тюркскому правителю Махмуду Газнави, в 1017 г. его заставили переехать, вслед за Махмудом, в Газну – тогдашнюю столицу Афганистана. Активный период творчества ал-Бируни приходится на правление Махмуда Газнави (997–1030), при дворе которого в Газне он провел 30 лет жизни. Несколько лет, с разрешения Махмуда, ал-Бируни провел в Индии. Умер в Газне в 1048 г.

В научном наследии ал-Бируни около 150 работ, охватывающие практически все науки, однако основными направлениями его деятельности были астрономия и математика. Крупнейшие труды ал-Бируни: «Памятники минувших поколений», «Индия», «Масудовский канон», «Минералогия», «Фармакогнозия» (Сайдана) и др.

В нашу подборку включены отрывки из пяти сочинений ал-Бируни: «Ал-Асар ал-бакиййа мин курун ал-халиййа» («Сохранившиеся следы минувших веков») или «Хронология»; «Тахдид нихайат ал-амакин ли-л-тасхих масафат ал-масакин» («Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными местами») или «Геодезия»; «Канун ал-мас‘уд фи-л-хайа ва-н-нуджум» («Масудовский канон об астрономии и звездах»); «Китаб ат-тафхим ли аваил сина‘а ат-ганджим» («Книга вразумления начаткам науки о звездах») или «Астрономия»; «Ифрад ал-макал фи амр аз-зилал» («Обособление речи о проблемах теней») или «Гномоника».

Географические сведения, приводимые ал-Бируни в этих сочинениях, не являются цельными описаниями, а привлечены в качестве иллюстраций и примеров, подтверждающих его рассуждения в астрономо-геодезических работах. Поэтому для объяснения контекста, в которых даны географические сообщения, переводы из этих сочинений даются несколько шире, с целью показать, в связи с какими рассуждениями приводились эти примеры.

Фрагменты из этих сочинений ал-Бируни приведены по переводам, опубликованным в «Собрании сочинений» [Бируни, 1957; Бируни, 1966; Бируни, 1973б; Бируни, 1987а; Аль-Бируни, 1975]. В приведенные нами переводы из «Хронологии» и «Масудовского канона...» внесены уточнения и поправки по изданиям арабских текстов этих сочинений [Validi-Togan, 1940; Sachau, 1878]. В приведенных фрагментах в квадратных скобках указаны па-

гинация издания [с.] и страницы издания арабского текста [р.] (т.е. «page»).

В приведенных фрагментах в квадратных скобках указаны страницы этого перевода, также воспроизведены комментарии к переводу, к которым добавлены необходимые редакторские пояснения.

Издания и переводы: Write, 1934; Sachau, 1878, p.41–42; Беруни, 1973а; Беруни, 1973б, Аль-Бируни, 1975; Беруни, 1957; Беруни, 1987б.

О нем: Wiedemann, 1922; Zeki Validi Togan 1940; Крачковский, 1957, с.245–263; Бируни, 1950; EI², vol.II, p.1236–1238.

«Асар ал-бакиййа мин курун ал-халиййа»⁴⁸¹
(Сохранившиеся следы минувших веков)
или «Хронология»

**[с.49] Слово о разногласиях народов о том,
кто такой царь, которого называют Зу-л-Карнайном**

... [с.54] ...К тому же, рассказы про этого [Зу-л-Карнайна] походят на то, что повествуется о нем в Коране. Что же касается вала (ар-радм), построенного между двумя стенами, то ясный рассказ [об этом] в Коране не указывает, где его место на земле.

В книгах, содержащих упоминание стран и городов, как, например, «Джуграфиййа» и «Книги путей и государств»⁴⁸², говорится, что этот народ, то есть Йаджудж и Маджудж, является частью восточных тюрок, которые живут в начале пятого и шестого климата. В месте с тем Мухаммад ибн Джарир ат-Табари⁴⁸³ рассказывает в «Книге истории»⁴⁸⁴, что властитель Азарбайджана в дни завоевания этой страны [арабами], послал к [тому валу] человека, со стороны [земли] хазар. Этот человек [будто бы] видел его и говорил, что это огромная черная постройка за надежным, недоступным рвом.

‘Абдаллах ибн ‘Абдаллах ибн Хурдалбих рассказывает со слов ат-Тарджумана⁴⁸⁵ при дворе халифа, что халифу ал-Му‘тасиму⁴⁸⁶ приснилось, будто бы этот вал (ар-радм) раскрыт⁴⁸⁷. Он послал к нему пятьдесят человек, чтобы те увидели его воочию. Посланные пошли дорогой на Баб ал-абваб, через земли ал-Лан и хазар, и когда достигли его, то увидели, что он сделан из железных плит, скрепленных расплавленной медью. [В том валу] есть ворота, запертые на замок, и охрана их лежит на обитателях близких к нему земель. Посланные двинулись обратно и проводник вывел их в области, примыкающие к Самарканду⁴⁸⁸.

Из этих рассказов следует, что [вал] должен находиться в северо-западной⁴⁸⁹ четверти цивилизованного мира (ал-‘умран)⁴⁹⁰. Однако, особенно в последнем сказании, есть [подробности], лишаящие его вероятия, а именно – что жители этих стран исповедуют веру

⁴⁸¹ «Ал-Асар ал-бакиййа» – первое крупное сочинение ал-Бируни, посвященное актуальной теме эпохи: в ее центре генеалогия и хронология иранских династий и династий, связавших себя с иранским миром; но это не история деятельности царей и героев, не история политических событий, оно написано на широком общеисторическом фоне всего Ближнего и Среднего Востока [Sachau, 1878, p.41–42; Беруни, 1957].

⁴⁸² «Джуграфиййа» – арабская форма слова география.

⁴⁸³ Арабский историк (ум. в 923 г.). О нем подробно см. [Гараева, 2002, с.443, 463].

⁴⁸⁴ Имеется в виду «Тарих ар-русул ва-л-мулук» ат-Табари.

⁴⁸⁵ В переводе М.А.Салье «переводчик», имеется в виду Саллам ат-Тарджуман, т.е. Саллам Переводчик.

⁴⁸⁶ Аббасидский халиф (833–842).

⁴⁸⁷ В переводе М.А.Салье «захватили», в арабском тексте فتح, первое значение этого глагола «открывать». Из контекста явствует, что в заграждении был сделан пролом, или оно было разрушено, т.е. открыто для прохода, и халиф отправил отряд проверить, так ли это.

⁴⁸⁸ В переводе М.А.Салье: «лежащие напротив Самарканда».

⁴⁸⁹ Странное определение ал-Бируни местонахождения области Йаджудж и Маджудж, которая по всем описаниям находится в восточной части обитаемого мира.

⁴⁹⁰ В переводе М.А.Салье: «обитаемой земли».

ислама и говорят по-арабски, хотя они оторваны от цивилизованного⁴⁹¹ мира и располагаются⁴⁹² посреди черной, зловонной земли, на расстоянии многих дней пути от арабов. К тому же, они [будто бы] ничего не знают о халифе и о халифате, – кто такой халиф и каков он. Но нам неизвестны какие-либо народы, оторванные от [коренных] стран ислама, кроме⁴⁹³ <Булгара и Суvara, и они отрезаны от цивилизованного мира и находятся на краю седьмого климата. И [хотя они находятся на краю седьмого климата] они не упоминают ничего об этой стене, но в то же время не пребывают в неведении [л.42] о халифате и халифах, и произносят хутбу в их [халифов] честь. При этом они не говорят по-арабски, а их язык является смесью из тюркского и хазарского.> И если свидетельства этих рассказов – такого рода, то нечего и желать узнать из них истину.

Вот [все] то, что я хотел рассказать о Зу-л-Карнайне, а Аллах знает лучше!

«Тахдид нихайат ал-амакин ли-л-гасхих масафат ал-масакин»⁴⁹⁴

(Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными местами)
или «Геодезия»

**[с.143] Слово об определении широты города и полного или частного склонения
[вычислением] одной из этих [величин] из другой**

... [с.156] ... И разделили они⁴⁹⁵ обитаемую [часть Земли] на семь климатов в соответствии с наиболее явным различием [между ними], – а именно [соотношением] дня и ночи, параллельными к экватору линиями, начинающимися от крайних пределов обитаемой [Земли] на Востоке и доходящими до ее окончания на Западе. Они начали с середины первого климата и сделали ею [те места], где самый долгий летний день [длится] тринадцать часов; серединой второго [климата], – где самый долгий день длится тринадцать с половиной часов, и, соответственно этому, определяли середины [остальных] климатов по получасовому увеличению [долготы дня], вплоть до середины седьмого [климата], где самый долгий день – шестнадцать часов, [на чем и остановились], поскольку жители, находящиеся за [серединой седьмого климата], – немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообщают [живут], – страна Йура. К ней идут из [страны] Ису⁴⁹⁶ в течение двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течение двадцати дней. [Они передвигаются] на деревянных санях, в которые погружают припасы, и которые тащат либо сами, либо их собаки, а также на других [скользящих приспособлениях], сделанных из кости, которые они привязывают к ногам и с их помощью покрывают большие расстояния в короткие сроки.

Жители Йуры из-за их дикости и пугливости торгуют так: они оставляют товары в каком-либо месте и удаляются от него. Так же торгуют гвоздикой жители земли Ланка⁴⁹⁷, находящейся в море.

⁴⁹¹ В переводе М.А.Салье: «культурного».

⁴⁹² В переводе М.А.Салье: «обитают».

⁴⁹³ Далее текст, заключенный в угловые скобки, изменен. В переводе М.А.Салье было: «булгар Суvara, а они живут вблизи границы культурных областей, в конце седьмого климата. Далее, [булгары] ничего не рассказывают о вале и не лишены сведений о халифате и халифах, а напротив, читают хутбу с их именами; они говорят не по-арабски, а на своем языке, смешанном из тюркского и хазарского».

⁴⁹⁴ «Тахдид ...» – посвящен изложению способов уточнения координат произвольно взятого места по отношению к Газне (написано в 1018–1025 гг.) [Беруни, 1966].

⁴⁹⁵ Т.е. жители Запада, в частности, греки.

⁴⁹⁶ В рукописи ايسوا (Ису); Ису ايسو – народ *весь* русских летописей, жил в районе Белоозера, по р. Свири.

⁴⁹⁷ Индийское название Цейлона.

«Канун ал-мас‘уди фи-л-хайа ва-н-нуджум»⁴⁹⁸
 (Мас‘удовский канон об астрономии и звездах)

[с.59] **Книга первая⁴⁹⁹ «Мас‘удовского канона»**
 [с.61] **Глава вторая «Коротко о доказательствах**
принципов этого⁵⁰⁰ искусства»

[с.66] **Принцип второй**

... [с.69] ... Прежде чем перейти к доказательству Птолемея, напомним, что небо – это не только то, что видим мы, жители каждого участка Земли. Если взять его по долготе, то, по заключению астрономов, возвраты [с.70] в движении [светил] требуют соединенности неба по окружности, таким образом в [долготном] направлении оно больше, чем то, что видимо. Если же взять его по широте, то увеличение или уменьшение высоты полюса [на разных широтах] не отрицает, а, напротив, требует утверждения, что [в одних местах] появляется [часть неба], которая была скрытой [от наблюдения в других местах], или скрывается та [часть], которая была видимой. Это доказывается с помощью [звезд] Дочерей погребальных носилок⁵⁰¹ – их восхода и захода в южных городах и вечной видимости в северных, а также с помощью звезд Сухайл⁵⁰², восходящей и заходящей в южных городах и никогда не видимой в северных.

Что касается [округлости] в направлениях между долготой и широтой, то она узнается по самому долгому дню в упомянутых городах. Рассмотрим это на примере Булгара, находящегося на далеком севере, и города [л.35] Адена⁵⁰³, находящегося [далеко] к югу от него. Дело в том, что до сих пор Мекка сводит вместе людей из числа жителей этих двух городов во время хаджжа, и услышанное из их рассказов колеблется между достоверным и тем, что лишь похоже на [наблюдаемое] воочию. Этот [самый длинный] день у границ Адена лишь незначительно превосходит двенадцать часов, а у границ Булгара лишь незначительно меньше семнадцати часов. Но между восходами или заходами Солнца в этих двух городах – два часа. Следовательно, в момент восхода Солнца над Аденом оно уже поднялось в Бул-

⁴⁹⁸ «Мас‘удовский канон об астрономии и звездах» или «Мас‘удовский канон» (или не совсем точное, но распространенное «Канон Мас‘уда») – основной астрономический труд Абу Райхана ал-Бируни. «Канон Мас‘уда» состоит из 11 книг, и в основном следует плану знаменитого астрономического труда древности «Альмагеста» Клавдия Птолемея (работал в Александрии во II в.н.э.), состоявшего из 13 книг. «Канон Мас‘уда», также как и «Альмагест», представляет собой систематическое изложение различных разделов астрономии и примыкающих к ней наук с полными математическими доказательствами и описаниями экспериментов, на которых основаны выводы автора.

В отличие от большинства астрономических сочинений, написанных на средневековом мусульманском Востоке – «Зиджей» («Таблиц»), состоящих из хронологических, тригонометрических, астрономических, географических и астрологических таблиц и небольшого введения, в котором давались необходимые определения, но не давалось никаких доказательств, в этом сочинении ал-Бируни подводит итог всему развитию астрономии на Ближнем Востоке и в Средней Азии и излагает собственные достижения в этой области науки. Над его подготовкой он напряженно работает в течение 1031–1037 гг., посвящает его султану Мас‘уду (правил в 1030–1041 гг.), сыну и преемнику Махмуда [Al-Biruni, 1954-1956; Бируни, 1973, Т.V, Ч. 1, с.45; Ч.2].

⁴⁹⁹ В первой и второй главах I книги «Мас‘удовского канона» излагается космология. Здесь ал-Бируни описывает геоцентрическую систему Птолемея (согласно которой, в центре мира находится неподвижная Земля, а вокруг нее вращаются небесные сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна и неподвижных звезд) и обосновывает шесть принципов Птолемея, изложенных им в третьей – пятой главах I книги «Альмагеста». Аргументация ал-Бируни отчасти совпадает с аргументацией Птолемея, отчасти оригинальна. Защищая принцип Птолемея о сферичности Земли, ал-Бируни полемизирует с правверными имамами, считавшими, что «округлость свойственна только населенной части Земли, но не другим ее краям».

⁵⁰⁰ Имеется в виду искусство установления астрономических координат.

⁵⁰¹ «Дочери (девушки) погребальных носилок» – арабское название созвездий Большой и Малой Медведицы (Банат на‘ш).

⁵⁰² Сухайл – Канопус, самая яркая звезда созвездия Киля. Эта звезда не видна в Европе, чем и объясняется ее название Канопус – по названию пригорода Александрии.

⁵⁰³ Порт на южном побережье Аравийского полуострова.

гаре на величину, [проходимую им] за два часа. Таким образом, в Булгаре, в сторонах летнего восхода и захода видна часть неба, соответствующая этой величине, тогда как в Адене эта часть неба не видна, ибо она расположена по кругу под самым полюсом. В Адене же также видна часть неба той же самой величины, но в сторонах восхода и захода зимой, когда она не видна в Булгаре.

Поскольку дело обстоит так, мы [далее] утверждаем, что линия на Земле, [идушая в направлении] широты, [то есть земной меридиан], неизбежно должна быть одним из упомянутых видов: прямой, кривой вогнутой или [кривой] выпуклой...

[с.413] Книга пятая⁵⁰⁴ «Мас'удовского канона»

[с.435] Глава девятая⁵⁰⁵ «Об общем характере обитаемой части земли и определение ее климатов⁵⁰⁶ по долготе и широте»

[с.436] ... Западное море Океан называют Окружающим, потому что его берег начинается от крайних пределов на юге, [идет] вдоль страны⁵⁰⁷ черных [ард ас-судан], проходя мимо пределов Аудагаста⁵⁰⁸, Суса Дальнего⁵⁰⁹, Танджера и Тахарта⁵¹⁰. Затем [мимо пределов] ал-Андалуса, ал-джалалика⁵¹¹ и [земель] ас-сакалиба...

... [с.437] Таким образом, обитаемая суша оказалась среди воды, которая окружает ее, соединяясь [морями и океанами]. Но и на самой суше есть многочисленные водоемы различных размеров, и некоторые из них, за их значительную величину, заслуживают быть названными морем. Таково море Понт Армянский⁵¹², называемое там⁵¹³ [с.438] Хазарским. Вокруг него [живут] армяне, племена тюрков, русы и ас-сакалиба. От него ответвляется залив, называемый Константинопольским, потому что это [город] – на его западном берегу; за этим городом он впадает в Море Румов, на южном берегу которого находятся Египет и Ифрикия и земля Магриба, на восточном – Сирия и Палестина, и на северном – земли греков, румов, франков и ал-Андалус. Это море на западе впадает в Океан. Таково же море

⁵⁰⁴ V книга посвящена математической географии и геодезии, которая состоит из 11 глав. Материал о Поволжье содержится в девятой и десятой главах книги.

Арабский текст девятой и десятой глав V книги «Канон Мас'уда» впервые был опубликован А.-З.Валиди-Тоганом [Validi-Togan, 1940, p.1–9, 1–8, 142]. Это издание, основанное на нескольких рукописных списках сочинения, до сих пор остается фундаментальным, и было использовано при подготовке первого перевода «Мас'удовского канона» с арабского на иностранный язык (на русский и узбекский). За основу для перевода соответствующих разделов сочинения был взят арабский текст в издании А.-З.Валиди-Тогана, оказавшегося надежнее хайдарабадского издания арабского текста сочинения (которое было задумано как критическое, по семи лучшим рукописям сочинения, однако таким не стало) [Al-Biruni, 1954–1956].

Некоторые исправления и уточнения в переводах С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской [Беруни, 1973, т. V, ч. 1; ч. 2], во фрагментах избранных для нашей подборки материалов, внесены по вышеупомянутой публикации [Validi-Togan, 1940, p.1–9, 1–8, 142].

⁵⁰⁵ В девятой главе описывается расположение обитаемой части Земли, в частности, расположение морей, более подробно изложенное в «Ал-Хайа» («Астрономии»), здесь же приводится таблица максимальных и минимальных высот Солнца и тангенсов этих высот на границах семи «климатов», на которые делилась обитаемая часть Земли (ойкумена), и на срединных параллелях этих климатов.

⁵⁰⁶ В астрономической географии арабоязычные географы, подобно античным, делили землю по направлению с юга на север на семь широтных поясов – «климаты» («иклимов» от греческого «клима» – склонение). В описательной географии термин *иклим* обозначает большие области (так, у ал-Истахри и ал-Мукаддаси и др. климатами были Фарс, Ирак, Египет и др.).

⁵⁰⁷ В переводе С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской: «земли».

⁵⁰⁸ Средневековый город в Африке на совр. плато Ркис, основанный народом сонике.

⁵⁰⁹ Ас-Сус ал-Акса (Сус Дальний) – средневековая область в Марокко. В переводе: «Сус Крайний».

⁵¹⁰ Тахарт Нижний – город, построенный арабами несколько западнее древнего римского г. Тингуртия (Тахарт Верхний), находившегося в 4 км к западу от совр. Тиарета в Алжире.

⁵¹¹ Народ галисийцы, гальеги.

⁵¹² Имеется в виду Черное море.

⁵¹³ В переводе С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской добавлено отсутствующее в арабском тексте слово «[неосновательно]».

Джурджана⁵¹⁴, которое по праву⁵¹⁵ является Хазарским морем. Их разрушенный⁵¹⁶ <город находится близ впадения в него с северной стороны реки Итиль и здесь к нему примыкают с севера земля гузов, а на востоке – земля Джурджана, и известно это море по [находящемуся там] порту Абаскун⁵¹⁷>. На южном его берегу – Табаристан, земля ад-Дайлама и Баб ал-абваб, а на западном, между этим морем и между Понтом [Армянским] – группы [или племена] аланов или сариров⁵¹⁸, их земли и их крепости. И вновь возвращается [море] к земле хазар, не соединяясь с другими морями...

[с.442] Глава десятая⁵¹⁹
«Закрепление долгот и широт городов в таблицах⁵²⁰»

Из того, что в шестом климате

[с.472] ...Государство ал-хазар.

Самандар: долгота – заманы⁵²¹ 72, минуты 30; широта – градусы 44, минуты 40⁵²².

Баланджар: долгота – заманы 73, минуты 0; широта – градусы 44, минуты 50. Главный город ал-хазар – а это развалины на берегу реки Итил: долгота – заманы 75, минуты 20; широта – градусы 46, минуты 30⁵²³.

[с.473] **Из того, что в седьмом климате**

Области ас-сакалиба

Ункар (Унгар)⁵²⁴: долгота – заманы 58⁵²⁵, минуты 0; широта – градусы 48, минуты 20.

Город Сувар⁵²⁶ и Булгар на великой реке русов⁵²⁷ и сакалиба, а между ними – один день пути: долгота – заманы 70, минуты 0; широта – градусы 49, минуты 30.

⁵¹⁴ Джурджан (Гурган) – название области на северо-востоке Ирана и средневековой ее столицы, находившейся близ современного Горгана на обоих берегах одноименной реки.

⁵¹⁵ В переводе С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской: «действительно».

⁵¹⁶ Далее заключенный в угловые скобки текст изменен. В переводе С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской было «разрушенный [или заброшенный] город находится близ впадения в него на севере реки Итил. Там, на северном берегу [сейчас] – земля гузов, а на восточном – земля Джурджана, и там [это море] называется по названию его порта Абаскун».

⁵¹⁷ Абаскун (Абескун) – средневековый иранский порт, находившийся близ совр. Гююш-тепе.

⁵¹⁸ Сарир – жители Сарира, средневекового владения в горной части Северного Кавказа.

⁵¹⁹ Наиболее интересной для истории и географии является десятая глава V книги. Здесь ал-Бируни дает таблицу географических координат более чем 600 пунктов, преимущественно городов различных стран и областей. В каждом из семи климатов и севернее VII климата пункты перечисляются с запада на восток. Помимо координат населенных пунктов стран ислама ал-Бируни приводит здесь ценные сведения о Восточной Европе и областях восточных тюрков. При некоторых городах ал-Бируни дает краткие, но немаловажные примечания, например, «Главный город хазар – развалины на берегу реки Итиль» (т.е. Волги), «Сутканд – на реке Хасарт, известной под названием реки Шаша» (т.е. Сырдарья), «Баку – место добычи белой нефти» и т.д.

⁵²⁰ Приведенные координаты сложно соотнести с современными, поскольку не ясно, где проходил нулевой меридиан.

⁵²¹ Заман – градусы в широтных измерениях. (Заманы – градусы небесного экватора, а также его параллелей, дугами которых являются «дневные дуги».)

⁵²² Цифры градусов обозначались буквами (по системе абджад), при переписывании допускались погрешности, что обычно и дает разночтение. В данном случае, так в хайдарабадском издании и в издании А.-З.Валиди-Тогана, а в рукописи Британского музея – минуты 15.

⁵²³ Так в Берлинской рукописи; в хайдарабадском издании – минуты 34.

⁵²⁴ **اونكار, انكار**, по-видимому, здесь имеются в виду венгры.

⁵²⁵ Так в рукописи Британского музея; в хайдарабадской рукописи – минуты 48; в издании А.-З.Валиди-Тогана – минуты 108.

⁵²⁶ В издании А.-З.Валиди-Тогана (с.52): **اسوار**.

⁵²⁷ «Великая река **بحر** Русов» – Волга. Арабское «бахр» (**بحر**) может означать не только «море», но и «большая река». *Рекой русов* географы X в. и ал-Идриси называют Дон.

Из того, что за седьмым климатом

Области ас-сакалиба

Страна [народа] Йсу, с которой торгуют болгары: долгота – заманы 69, минуты 0; широта – градусы 55, минуты 0.

Леса⁵²⁸ [народа] Йуры⁵²⁹. А они – дикие, торгуют не показываясь: долгота – заманы 63, минуты 0; широта – градусы 67⁵³⁰, минуты 30.

«Китаб ат-тафхим ли аваил сина‘а ат-танджим»⁵³¹

(Книга вразумления начаткам науки о звездах
или «Астрономия»)

[с.98] Глава четвертая⁵³² «География»

[с.99] Обитаемая часть Земли

[с.100] **Как расположены моря обитаемой части Земли?** Море, которое находится на западе обитаемой части Земли у берегов Танжера и Андалусии, называется Окружающим морем⁵³³, которое греки называли Океаном⁵³⁴. В него не углубляются, а плавают только около берега: от Андалусии оно простирается к северу от этих стран вдоль земли⁵³⁵ ас-

⁵²⁸ В переводе С.Х.Сираждинова и Г.П.Матвиевской: «чащобы».

⁵²⁹ Йура **يور** – народ «йугра» (югра), угры, живший на севере Урала и в Северном Зауралье близ нижнего течения Оби, предки нынешних хантов и отчасти манси, родственные венграм-мадярам. Упоминания народа «йугры» у других ранних географов нет.

⁵³⁰ Так в издании А.-З.Валиди-Тогана; в хайдарабадском издании – минуты 60; в рукописи Британского музея – минуты 47.

⁵³¹ Название сочинения «Книга вразумления...», также кратко переводят «Наука о звездах», иногда также «Астрономия» или «Астрология» является учебным пособием, предназначенным для первоначального обучения тем наукам, которыми должны владеть астроном и астролог. Кроме собственно астрономии и астрологии, этот круг наук охватывает также математику, географию, хронологию и правила пользования астролябией. Сочинение написано в виде 530 вопросов и ответов лаконичным и доступным широкому кругу читателей языком. Количество сохранившихся рукописей сочинения и ссылок на него у более поздних ученых свидетельствует о распространенности сочинения.

«Тафхим» был закончен в 421/1030 г. Был написан по-арабски, а затем сам перевел на персидский язык-ках. В большинстве рукописей сочинения все 530 вопросов сочинения следуют друг за другом без разделения на главы, в некоторых выделены главы о геометрии, арифметике, астролябии и астрологии, а также более мелкие разделы. В ташкентском издании для удобства читателей сочинение разделено на восемь глав, которые в свою очередь подразделяются на разделы. Географический раздел «Книги вразумления...» переведен на русский язык [Крачковский, 1957].

⁵³² В этой главе ал-Бируни определяет величину Земли и излагает свою теорию морей, ставшую впоследствии основополагающей в средневековой географической литературе. В этом же разделе он приводит свою знаменитую круглую карту Земли, на которой изображено ее восточное полушарие. Значительное место уделено математической географии и гномонике, в связи с чем приводятся определения линии тангенсов и котангенсов. Затем ал-Бируни описывает обитаемую часть Земли – ойкумену, которую он в соответствии со средневековой восточной традицией делит на семь климатов», определяемых по их широтам. При описании распределения стран по климатам ал-Бируни стремится быть точным и, придерживаясь научной строгости, делает следующую оговорку: «Если известна широта города, так как мы привели широты начал и концов климатов, положение города в климате становится известным. Но данные о широтах в большинстве случаев далеки от истины; до сих пор мы можем только примерно установить правильные широты, так что когда мы описываем страны в климатах, мы поступаем приблизительно и не строго, хотя, конечно, то, что мы сообщаем здесь, ближе к истине, чем то, что обычно пишут в книгах». Описывая семь климатов, ал-Бируни приводит также сведения о народах и племенах, живущих в них [Бируни, 1987а, с.328].

⁵³³ Или Окружающий океан – Ледовитый океан.

⁵³⁴ Греки считали Океан рекой, обтекающей Землю.

⁵³⁵ В переводе Б.А.Розенфельда, А.Ахмедова, М.М.Рожанской: «страны».

сакалиба⁵³⁶. На севере земли (страны) ас-сакалиба от него отходит большой залив вблизи страны болгар-мусульман, этот залив известен под названием Варяжского моря⁵³⁷; варяги⁵³⁸ – это народ, живущий на его берегу. За страной болгар-мусульман море поворачивает на восток, и между его берегом и краем земли тюрок⁵³⁹ расположены земли и горы – неизвестные, пустынные, непроходимые. Протяжение же Окружающего моря к югу таково: оно огибает с юга от Танжера западную часть земли черных⁵⁴⁰ до гор, известных под названием Лунных гор, где находятся истоки египетского Нила. Плавание по этому морю опасно для любого корабля. С восточной стороны Окружающее море находится за пределами земли⁵⁴¹ Китая. Оно также непроходимо. От него отходит залив, из него образуется море, его повсюду называют по той стране, которую оно омывает, так что сначала оно называется Китайским⁵⁴², затем Индийским⁵⁴³. От Индийского моря отходят два больших залива, каждый из которых называют морем. Это Персидское море и море Басры⁵⁴⁴. На восток от них расположены Тиз в Мекране⁵⁴⁵, а западнее напротив них находится морской порт Омана⁵⁴⁶. За ним оно подходит к стране Шихра⁵⁴⁷, откуда вывозят благовония, а затем подходит к Адену.

Здесь от него отходят два больших залива, один из них известен под названием Кульзумского⁵⁴⁸, он загибается, окружая страну арабов, которая благодаря ему становится как бы островом. Так как против Йемена на нем расположена Эфиопия, его называют по обоим странам: южную часть – по Эфиопии, северную – по Йемену, а обе вместе – морем Кульзума, так как это – город в месте его поворота к стране Сирии, где он сужается, а путешественник объезжает его по берегу со стороны земли Буджа⁵⁴⁹. Другой залив этого моря известен как море Барбара⁵⁵⁰, простирающееся от Адена до Суфалы зинджей⁵⁵¹. Корабли не проходят его, как мы упоминали, вследствие большой опасности. Затем это море соединяется с Западным Океаном⁵⁵². В восточной части этого моря находится остров Забадж, за ним острова Дибаджат и Кумайр⁵⁵³, а затем острова зинджей. К самым большим его островам относится остров, известный под названием [Ланка], который индийцы называют Санкалдиб, оттуда добывают и вывозят разные сорта яхонта. Далее остров Кала⁵⁵⁴, откуда вывозят олово, и остров Сарира⁵⁵⁵, откуда вывозят камфору. Далее в середине обитаемой части Земли в земле (стране) ас-сакалиба и русов⁵⁵⁶ находится море, известное у греков под на-

⁵³⁶ Ал-Бируни отличает ас-сакалиба от ар-Рус (Руси), понимая [в данном случае] под ас-сакалиба соседней с Русью народы Европы.

⁵³⁷ Балтийское море.

⁵³⁸ **ورثك**, вариант **ورتك**.

⁵³⁹ В переводе Б.А.Розенфельда, А.Ахмедова, М.М.Рожанской: «страны тюрок». **ارض الترك** – земля тюрок – Туркестан и Сибирь.

⁵⁴⁰ В переводе Б.А.Розенфельда, А.Ахмедова, М.М.Рожанской: «страны черных». **ارض السودان** – Судан.

⁵⁴¹ В переводе Б.А.Розенфельда, А.Ахмедова, М.М.Рожанской: «страны». **ارض الصين**.

⁵⁴² **بحر الصين**. Южно-китайское море.

⁵⁴³ **بحر الهند**. Индийский океан.

⁵⁴⁴ «Персидское море» – **بحر الفارس** – Оманский залив; море Басры – **بحر بصرة** – Персидский залив.

⁵⁴⁵ Область на юге Ирана, примыкающая к Оманскому заливу. Тиз – главный город Мекрана.

⁵⁴⁶ Побережье Аравийского п-ва, примыкающее к Оманскому заливу и южной части Персидского залива.

⁵⁴⁷ Шихр – порт на южном побережье Аравийского полуострова.

⁵⁴⁸ Кульзум – ныне развалины около Суэца, в древности – г. Клизма в конце канала, соединяющего Красное море с Нилом (по-гречески «устье»). «Кульзумский залив» – Красное море.

⁵⁴⁹ В переводе «страны Буджа». Буджа – скотоводческие племена на территории Нубии между Нилом и Красным морем.

⁵⁵⁰ «Море Барбара» – **بحر البربر** – Аденский залив. Барбара – африканское побережье этого залива. Название сохранилось в названии г. Барбары в Сомали.

⁵⁵¹ Суфала зинджей – южная часть Мозамбика, крайний пункт, до которого доходили арабские мореплаватели вдоль восточного побережья Африки.

⁵⁵² Атлантический океан.

⁵⁵³ Острова Забадж, Дибаджат и Кумайр – возможно, соответствуют о. Ява, Лакадивским о-вам и Камбодже (стране кхмеров).

⁵⁵⁴ Кала – видимо, Кеда – порт на побережье Малакки.

⁵⁵⁵ Возможно, Суматра.

⁵⁵⁶ Народы Руси ал-Бируни не включал в число славян.

званием Понт. [с.101] У нас оно известно под названием моря Трапезунда⁵⁵⁷, так как это гавань на его берегу. Из этого моря выходит пролив, проходящий у стен Константинополя. Он становится все уже и уже, пока не впадает в Сирийское море⁵⁵⁸, на юге которого страны Магриба⁵⁵⁹, до Александрии и Египта. Против них на севере расположены Андалусия и Рум до Антиохии, а между ними Сирия и Палестина. Это море вливается в Окружающее море у Андалусии через пролив, который в книгах древних упоминается как проход Геркулеса, а теперь известен под названием Пролив⁵⁶⁰. По нему вода течет в Окружающее море. На нем известные острова Кипр, Самос, Родос, Сицилия и подобные им.

Недалеко от Табаристана – море гавани Джурджана⁵⁶¹, на котором находится город Абаскун, оно известно как море Джурджана⁵⁶². Оно простирается к Табаристану, земле Дейлем⁵⁶³, Ширвану⁵⁶⁴, Баб ал-абвабу и области аланов, затем к стране (?) хазар при впадении в него реки Итиль, затем к областям гузов и возвращается к Абаскуну. Это море также [с.102] носит название прилегающих к нему стран, больше всего – под названием Хазарского моря – по хазарам⁵⁶⁵. Древние назвали его по Джурджану, так как Птолемей называл его морем Гиркании⁵⁶⁶. Оно не соединяется ни с каким другим морем. В обитаемой части Земли имеются и другие озера, болота, которые иногда называются морями, как озеро Афамия⁵⁶⁷, Тивериадское озеро⁵⁶⁸ и Мертвое море в Сирии, небольшое Хорезмское море⁵⁶⁹ и Иссык-куль⁵⁷⁰ около Барсхана. Вот приблизительное изображение того, что мы упомянули⁵⁷¹.

...[с.115] **Как располагаются страны по климатам?**

[с.116] ...Что касается пятого климата, то он начинается в стране восточных тюрков и в стране Йаджудж и Маджудж и идет через земли тюркских племен, известные по названиям этих племен, через Кашгар⁵⁷², Баласагун, Ташт⁵⁷³, Фергану, Исфиджаб⁵⁷⁴, Шаш⁵⁷⁵, Усрушану, Самарканд, Бухару, Хорезм, Хазарское море до Баб ал-абваба, Барда'а, Мийафаркин⁵⁷⁶, Арминий⁵⁷⁷, проливы Рума и его города Рума, через великий Рим до Галисии и областей Андалусии и заканчивается в Окружающем Океане.

Что касается шестого климата, то он начинается в местах кочевий восточных тюрков Кай и Кун⁵⁷⁸, киргизов⁵⁷⁹, кимаков⁵⁸⁰, токуз-огузов, через страну туркмен и фарабов⁵⁸¹, через город хазар и северную часть их моря, через [страну] алан [и асов⁵⁸²], между этим мо-

⁵⁵⁷ Понт – греческое название Черного моря. Трапезунд – араб. Трабизунд; ныне г. Трабзон в Турции.

⁵⁵⁸ Средиземное море.

⁵⁵⁹ Северное побережье Африки, включавшее территории совр. Марокко, Алжира, Туниса и Ливии.

⁵⁶⁰ Проход Геркулеса – Гибралтарский пролив, в древности *Геркулесовы столбы*.

⁵⁶¹ Табаристан и Джурджан (перс.: Горган) – области на южном берегу Каспийского моря.

⁵⁶² Одно из названий Каспийского моря.

⁵⁶³ В переводе «стране Дейлем». Горная область в Гиляне на северо-западе Ирана.

⁵⁶⁴ Ширван – ханство, существовавшее в средние века на территории совр. Азербайджана.

⁵⁶⁵ *Хазарским морем* называют Каспий современные азербайджанцы.

⁵⁶⁶ Гиркания – греческое название Джурджана (Горгана).

⁵⁶⁷ Афамия – город в Сирии, древняя Апамея, разрушена землетрясением в XII в.

⁵⁶⁸ Табарийя.

⁵⁶⁹ Аральское море.

⁵⁷⁰ *ايسيكول* – «исси-кул» (горячее озеро). Иссык-куль – оз. в Кыргызстане.

⁵⁷¹ Имеется в виду, что к этому тексту в сочинении приводится карта.

⁵⁷² Кашгар – ныне в составе Синь-Цзяна, Китай.

⁵⁷³ *تاشت*

⁵⁷⁴ *ايسيجاب* – Исфиджаб – ныне город Сайрам.

⁵⁷⁵ Ташкент.

⁵⁷⁶ Ныне Фаркин близ Диярбекира (Турция).

⁵⁷⁷ Историческая Арминийя по территории превосходила современную Армению; ее большая часть в составе совр. Турции.

⁵⁷⁸ Видимо, гунны.

⁵⁷⁹ *خرخيز*

⁵⁸⁰ В переводе «кумаков» *قماق* и высказывается предположение, что могут иметься в виду кумыки Дагестана, однако здесь явно речь идет о кимаках Средней Азии.

⁵⁸¹ Фараб – город при впадении Арыси в Сырдарью (Казахстан).

⁵⁸² Асы – другое название предков осетин (аланов); от него образовано грузинское название народа и страны: осети – Осетия; из грузинского заимствовано русское название.

рем и морем Трапезунда, идет через Константинополь в страну Бурджан (Дунайская Болгария) и земли франков, через север Андалусии и заканчивается в Западном Океане.

Что касается седьмого климата, то в нем мало обработанных земель. В его восточной части находятся только лесные чащи и горы [с.117] башкир, область печенегов, через города Сувар и Булгар, и земли ар-рус, ас-сакалиба⁵⁸³, булгар (ал-Булгарийа), [и мадж'ар⁵⁸⁴] и заканчивается в Окружающем море.

За этим климатом обитают немногие народы – ису, варяги, йура и подобные им.

«Ифрад ал-макал фи амр аз-зилал»⁵⁸⁵
(Обособление речи о проблемах теней)
или «Гномоника»

[с.192] Глава восемнадцатая.
**«Об уточнении направления меридиана
по двум теням или по двум главным азимутам»**

... [с.195] ...⁵⁸⁶ Однако мы утверждаем, что народы, у которых мы находим достаточно благоприятных качеств, которые обусловили бы для них добродетели благих законов [жизни] или рвения к науке, таковы, что их селения не превосходят сорока восьми частей по широте. Дополнение этой широты – сорок две части, а высота начала Козерога там – восемнадцать частей с четвертью и одной шестой. Пальцы⁵⁸⁷ ее тени там – тридцать шесть пальцев и три десятых пальца. Это приблизительно тройной гномон⁵⁸⁸. Поэтому очевидно, что если изготовить гномон, равный одной восьмой диаметра [круга] на этой широте, то в [момент] зимнего солнцестояния тень не будет недостаточной для проникновения в круг. Это не касается народа, известного как булгары, являющегося мусульманами и обитающего так далеко на севере, что широта там не меньше сорока пяти [частей], а гномон равен одной шестой [доле] диаметра⁵⁸⁹.

Материал подготовила Нурия Гараева

⁵⁸³ В переводе «славян».

⁵⁸⁴ **مجر**

⁵⁸⁵ «Гномоника» написана в период между 1022–1030 гг., т.е. после первой поездки ал-Бируни в Индию и до завершения «Индии». «Гномоника» – энциклопедический труд, в композиционном плане сопоставимый с «Минералогией». Основное содержание «Гномоника» – общая характеристика и анализ методов использования тени от гномона, т.е. шеста, установленного на горизонтальной или вертикальной плоскости и используемого для определения тригонометрических величин, времени и положения Солнца в системе горизонтальных координат. В этом сочинении ал-Бируни рассматривает с точки зрения филолога различные оттенки значения слова «тень», приводит примеры разнообразного его употребления, описывает различные оптические явления света и тени в природе и, так же, как и в «Менерологии», приводит фрагменты из поэтических произведений, в которых фигурирует «тень» в переносном или прямом значении. «Гномоника» была написана по просьбе шейха Абу-л-Хасана Мусафира, интересовавшегося вопросами астрологии, астрономии и определения моментов времени (для него же были ал-Бируни написал еще два трактата, которые до нас не дошли). «Гномоника» состоит из введения и тридцати глав. В 18 главе излагается зависимость азимута в данном городе в данный день от высоты Солнца, а также аналогичная зависимость между высотой и гороскопом (точкой пересечения эклиптики с восточной половиной горизонта), а также метод определения направления меридиана с помощью «индийского круга». Здесь ал-Бируни отмечает, что величина тени гномона «изменяется по величине высоты» (Солнца), т.е. тень он рассматривает как функцию высоты. В отличие от большинства сочинений ал-Бируни, сохранился лишь один список этого трактата в банкипурской рукописи.

⁵⁸⁶ В выбранном фрагменте речь идет об измерении широты по высоте тени в солнечных часах

⁵⁸⁷ «Палец» (**اسبع**) – дюйм – мера длины около 2 см.

⁵⁸⁸ Гномон – стержень, от которого падает тень в солнечных часах.

⁵⁸⁹ Здесь речь идет о широте столицы Волжской Булгарии, составляющей ок. 55 градусов с.ш.

«Китаб акам ал-марджан фи зикр ал-мадаин ал-машхура фи кулли макан»

«Китаб акам ал-марджан фи зикр ал-мадаин ал-машхура фи кулли макан» («Книга скопления кораллов в упоминании известных городов во всех местах») известен по единственной рукописи, хранящейся в собрании библиотеки Амброзиана в Милане.

Автор «Китаб акам ал-марджан...» точно неизвестен, считается, что им может быть или известный как один из источников ал-Идриси Исхак ибн ал-Хусайн ал-Мунаджжим, или упомянутый Ибн Халдуном Исхак ибн ал-Хасан ал-Хазини.

Предположительно, текст был составлен в период между 262–454/875–1062 гг., хотя, вероятнее всего, в XI в. Особенности сведений сочинения позволяют сделать несколько наблюдений. Например, можно предполагать, что автор происходил из западной части исламского мира (Испания?), или похоже, что автор (прямо или опосредованно) использовал составленную ал-Хваризми переработку Птолея и «Китаб ал-булдан» («Книгу стран») ал-Йа'куби (ум. в 284/897 или 292/905 г.). Издатель Ибн Хурдадбиха обнаружил несколько единичных моментов сходства (легенды об Александрии и семи спящих). В его све-

дениях отмечается много путаницы, например о хазарах он приводит сведения, которые у Ибн Русте приведены для буртас (бурдас).

В целом компендиум, хотя и не очень оригинален, но дает довольно много фактов о городах исламских стран. Сочинение явно отдает предпочтение историческим сведениям относительно завоевания городов, местных восстаний и т.д. Два заключительных параграфа о хазарах и тюрках выглядят довольно изолированно, в них описание становится неясным, появляются несколько сбивающих с толку и не понимаемых форм названий.

В.Ф.Минорский опубликовал арабский текст и английский перевод двух отрывков о хазарах и тюрках из «Китаб акам ал-марджан» по миланской рукописи [Minorsky, 1937, p.141–150]. Ниже приведен перевод фрагмента «Страна хазар и Саксин» из «Китаб акам ал-марджан...» по указанному изданию В.Ф.Минорского.

Издание и переводы: Minorsky, 1937, p.141–150; Китаб акам ал-марджан. О нем: Умняков, 1939, с.1138–1145.

Билад ал-Хазар ва-ш-Шаваш⁵⁹⁰ (Страна хазар и Саксин)

Это обширные и пространные земли у пределов ас-Сарир⁵⁹¹. Их верховный царь (малик) исповедовал иудаизм. [Хазары] воюют против тюрков (ат-атрак), а на них нападает народ ас-Сарира⁵⁹². У их царя (малик) огромная армия. В их стране [многочисленные] возделанные поля, сады и фрукты.

У них многочисленные города, среди их городов Баланджар⁵⁹³, а он в подчинении ал-хазар. [Хазары] выставляют [войско] в десять тысяч воинов. Их внешность и фигуры такие же, как у тюрков. У них женщина, когда становится взрослой, выбирает из мужчин того, кого хочет, и выходит из подчинения своим отцу и матери. [Эта страна] расположена на ровной земле. Большинство их деревьев ал-халандж (береза). Его они вывозят в Хурасан. И это составляет большую часть их богатства. У них есть возделанные поля. Большинство из них исповедывают...⁵⁹⁴ Из их городов – город ал-Байда – Хаб-балик⁵⁹⁵, он большой

⁵⁹⁰ В тексте рукописи «аш-Шаваш», но В.Минорский на основании тождества этих материалов с соответствующими сведениями Ибн Русте считает, что здесь в топониме допущены графические опiski при копировании текста, и поэтому читает как С.р.г.ш.н. Графическое начертание топонима «С.р.г.ш.н» допускает прочтение «Саксин».

⁵⁹¹ В тексте: ас-Синд.

⁵⁹² В тексте: ас-Синда.

⁵⁹³ В тексте: بلکار Булкар.

и красивый, расположен на великой реке, которая течет из озера ал-хазар⁵⁹⁶ в озеро Хорасана. Их могилы подобны могилам мусульман, но большинство из них сжигает своих умерших, обвиняя их в безверии.

Материал подготовила Нурия Гараева

Ал-Идриси

Абу ‘Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн ‘Абдаллах ибн Идрис ал-‘Али ал-Идриси, называемый также аш-шариф ал-Идриси, поскольку он являлся потомком Идриса, правнука ал-Хасана ибн ‘Али⁵⁹⁷ – один из величайших средневековых географов. Биографические сведения о нем скудны⁵⁹⁸: родился он, вероятнее всего, в Сеуте примерно в 493/1100 г., учился в Кордове (отсюда его нисба ал-Куртуби), много путешествовал по Испании и Северной Африке, побывал в Малой Азии и, возможно, в какой-то части Франции. Он мог быть врачом, поскольку написал трактат по фармакологии о простых лекарствах «Китаб ал-джами‘ ли аштан ал-анбат» («Свод сведений о разных растениях»)⁵⁹⁹. Около 1138 г. прибыл ко двору нормандского короля Сицилии Рожера II. Обстоятельства, которые привели его на Сицилию, неизвестны, также как и последние годы жизни и смерть, которая наступила примерно в 560/1165 г.

⁵⁹⁴ Пробел в тексте издания.

⁵⁹⁵ В тексте: искажение при стяжении двух арабских названий **الطن ينو** (ат-Тан.й.ну), которые могут быть восстановлены как **البيضا هب تلغ**.

⁵⁹⁶ В тексте: ал-хард.

⁵⁹⁷ Идрис I (789–793), правнук второго шиитского имама ал-Хасана ибн ‘Али ибн Абу Талиба, претендовал на халифский титул, но ему пришлось бежать с востока халифата в Марокко, где он основал самостоятельное владение около Сеуты в 789 г. и стал родоначальником алидской династии Идрисидов (789–926) в Магрибе [Ислам, 1991, с.92].

⁵⁹⁸ По мнению ряда исследователей, это связано с тем, что арабские биографы считали его отступником, поскольку он жил при дворе христианского короля и в своем сочинении его восхвалял.

⁵⁹⁹ Другие названия этого сочинения: «Китаб ал-муфрадат» («Книга о простых [лекарствах]») или «Китаб ал-адвийа ал-муфрада» («Книга о простых лекарствах»). Рукопись сочинения была обнаружена в 1928 г. в библиотеке «Фатих» в Стамбуле. М.Мейерхоф считает одним из достижений ал-Идриси в этом сочинении приведение синонимов для каждого лекарства в разных языках, при этом иногда число языков достигало двенадцати.

По приказу короля Рожера II (1130–1154) ал-Идриси написал свое знаменитое сочинение по описательной географии «Китаб нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») или «Китаб Руджар» («Книга Рожера»), или «Ал-Китаб ар-руджари». Составление сочинения было завершено «в первые десять дней января (йанаира), соответствующего месяцу шаввалу 548 года» (1154).

«Нузхат ал-муштак...» был значительно более популярным в мусульманском мире по сравнению с другими средневековыми географическими сочинениями: известны десять сохранившихся списков сочинения ал-Идриси⁶⁰⁰. Ценность этих списков в степени наполнения карт. Наиболее полные карты – в парижской рукописи сочинения, вторая по значимости в этом отношении рукопись Российской национальной библиотеке. «Нузхат ал-муштак...» была одной из первых арабских книг, изданных в Европе [Oblectatio, 1592]. Современное полное, критическое издание, подготовленное коллективом итальянских ученых, было завершено в 1978 г. [al-Idrisi, 1970–1978], однако, к сожалению, оно не сопровождается картами, которые являются неотъемлемой частью сочинения. Единственная репродукция всех карт из пяти рукописей [Miller, 1926–1927] неудовлетворительна из-за маленького размера репродукций. Сделанная К.Миллером в этой публикации сравнительная таблица карт была переиздана

⁶⁰⁰ Париж, Нац. биб-ка (ар.2221), ок. 1300 г., полный список, 69 карт; Оксфорд (Рос.375), 1456 г., полный список, 71 карта; Стамбул, Кюпрюлю 1 (955), 1496 г., полный список, 69 карт; София, Нар. биб-ка (ог.3198), 1556 г., полный список, 68 карт; СПб., РНБ (Ар.н.с. 176), XIV в., 4–7 климаты, 38 карт; Стамбул, Айа Софийа (3502), XIV в., 1–3 климаты, 30 карт; Оксфорд, биб-ка Бодлеан (3837–42), XVI в., 1–3 климаты, 31 карта; Каир, Нац. биб-ка (Cat.V, p.162), 1438 г., 1–2 климаты, 20 карт; остальные рукописи не имеют карт.

в цвете с легендами по-арабски в Багдаде в 1951 и 1970 гг. [al-Edrisi, 1951, 1970].

«Нузхат ал-муштак...» во многих отношениях перешагивает ограниченность арабской географической традиции: в нем уделено необычно много внимания европейским территориям, выходящим за пределы мусульманского мира. Именно это резко отличает его труд от всех предшествующих географических сочинений. Более подробные, чем у остальных арабских географов, описания христианских земель Европы у ал-Идриси в значительной мере основаны на расспросных сведениях.

В сочинении весь известный автору населенный мир разделен на семь широтных поясов (иклим, мн.ч. акалим) по примеру Птолемея, каждый из которых разделен на десять частей (джуз), пронумерованных с запада на восток, в соответствии с этим также разделен и текст сочинения, а к каждой секции (джуз) была изготовлена карта. Таким образом, всего в сочинении было 70 карт, которые, по замыслу автора, могли быть собраны в прямоугольную карту мира.

Многочисленные и подробные карты имеют первостепенное значение в сочинении, композиционно организуя его структуру, тогда как в других географических сочинениях карты примитивны и имеют второстепенное значение. Ал-Идриси подтверждает сам, что вначале он сделал круглую карту мира на большой серебряной планисфере (полусфере), а текст появился потом как объяснение (ключ) к ней.

Не касаясь вопроса об основной круглой карте, можно предполагать, что на первом этапе была сделана огромная прямоугольная карта в т.н. «проекции Меркатора», разделенная на семь горизонтальных частей, соответствующих климатам. Наиболее вероятный прототип этой карты восходит к картографической традиции ал-Хваризми, а это обстоятельство исключает использование каких-либо европейских карт при составлении карты для европейских стран.

Границы климатов не совпадают с астрономическими координатами, определенными средневековыми учеными, и климаты не равны по размеру, как должно быть.

Текст сочинения неравномерен по оригинальности и степени подробности раз-

личных секций. Он более оригинален для западных частей мира, особенно для немусульманских земель. Подробнее всего описаны центральные области мусульманского мира. Сведения о мусульманском востоке восходят, главным образом, к географическим трудам IX–X вв., особенно к Ибн Хаукалю. Несмотря на то, что обычно ал-Идриси цитирует текст Ибн Хаукаля слово в слово, он игнорирует его подробные описания крупных городов (Нишапур, Мерв, Бухара, Самарканд). Тем не менее у ал-Идриси можно найти и некоторые новые сведения, восходящие к утраченным сочинениям (например, уникальное описание земли кимаков, восходящее к Джанаху ибн Хакану ал-Кимаки и др.).

К сожалению, гораздо менее подробно ал-Идриси описывает области Восточной Европы. Его знание Восточной Европы ограничивается Днепром и основывается на описаниях маршрутов передвижения купцов. О Булгаре у него информаторов не было, и он сообщает очень мало, его карта единственная (и самая ранняя) для этого региона: на карте обозначены территории и населяющие их народы (земли булгар, буртас, басджирд/башджирд), локализован город Булгар, отмечен Сувар. До ал-Идриси у географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукаля на карте «Море хазар» изображено только устье р. Итиль и обозначен г. Итиль. Полностью эта река от истока до устья изображена только на общей круглой карте мира, но очень условно и схематично [Sezgin, 2002]⁶⁰¹. Карты ал-Идриси для Восточной Европы, и в том числе для Поволжья, скромны по содержанию, по всей видимости, и в парижской и в петербургской рукописях они не сильно отличаются.

Очень важная тема соотношения между текстом и картами до сих пор недостаточно разработана. Согласно новейшим исследованиям [Kenderova, Besevliev, 1990], позднейший список, наиболее отдаленный

⁶⁰¹ С.31: Круглая карта мира из «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ал-Истахри (перв. пол. IV/X в.), список 589/1193 г.; с.32: Карта мира (круглая) из «Китаб сураат ал-ард» Ибн Хаукаля (втор. пол. IV/X в.), список 479/1086 г.; с.18–19: круглая карта мира ал-Идриси в списках 906/1500 г. и 479/1086 г.; с.35: Круглая карта мира в «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари (V/XI в.), список 664/1266 г.

от протографа, беднее в наполнении карт. Наиболее полными по приводимым на карте топографическим единицам признаны карты парижской и петербургской рукописей.

Некоторые источники упоминают другой географический труд ал-Идриси «Рауд ал-унс ва нузхат ан-нафс» («Сад радости и услада души»), написанный для Вильгельма I (1154–1166), сына Роджера II, который известен только по названию. Предполагается, что цитаты Абу-л-Фиды в «Таквим» («Таблицы»), ссылающегося на сочинение ал-Идриси «Китаб ал-мамалик ва-л-масалик», заимствованы из «Рауд ал-унс...».

Рукопись сочинения ал-Идриси с названием «Рауд ал-фурадж ва нузхат ал-мухадж» («Сад и услада») была обнаружена в начале XX в. в Стамбуле. Этот список, датированный 588/1192 г., содержащий 73 карты, обычно называют (вслед за К.Миллером) «малым Идриси»⁶⁰². Вероятнее всего, это сокращенная или переработанная версия «Нузхат ал-муштак...».

Рукопись «Нузхат ал-муштак...» из собрания РНБ, вторая (XIV в.) по возрасту после парижской (1300)⁶⁰³, является второй половиной сочинения: содержит 4–7 климаты и 38 карт. Для Поволжья и Приуралья

приведены три карты [РНБ, Отдел рукописей, Ар.н.с. 176, л.135б–136а; 38б–139а; 158б–159а]. Наиболее подробная из них «Ард ал-хазар, ард Буртас, ард Булгар» (Шестой климат, шестая часть), на которой обозначены восточная часть Черного моря и Поволжье до устья реки Итиль, на которой локализованы города Булгар и Сувар (см. цветную вклейку).

Помимо этих карт в петербургском списке [РНБ, Ар.н.с.176] приведены карты земли хазар, буртасов и башкир [л.135б–136а], «земля?» булгар, гора Урай/Урал [л.158б–159а], «Бахр ал-хазар» (Море хазар) [л.51б–52а], «Йаджудж-Маджудж» [л.66б–67а], «Итил, Бахр ал-хазар» [л.104б–105а], «Баб ал-абваб, Самур, Самандар» [л.100б–101б], «Билад ар-русийа» [л.132б–133а], «Ард Йаджудж Маджудж» [л.146б–147а].

Материалы ал-Идриси, связанные с Восточной Европой и тюрками: Lewicki, 1937, p.91–105; Lewicki, 1947, p.402–407; Lewicki, 1945–1954; Hrbek, 1957(1952), S.628–652; Рыбаков, 1952, Вып. 43, с.3–44; Волин, 1939, с.220–222; Кумеков, 1972; Бейлис, 1984, с.208–288; Коновалова, 1999, с.253.

«Китаб нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» (Развлечение истомленного в странствии по областям)

Пятый климат

Седьмая часть

[с.831] Ал-Хаукали, рассказывает в своей книге, что это море [ал-Хазар] (Каспийское море) также не соединяется с другими морями, которые есть на поверхности земли, ни посредством связи, ни посредством смешивания, кроме того, что входит в него из реки ар-Рус, известной под названием Итил (Исил). Эта река берет начало в земле тюрков и течет, отклоняясь на восток, пока не достигнет [земли] Булгар; там она разделяется на два рукава (кисм), первый из которых течет в море ал-Баб ва-л-абваб⁶⁰⁴, о котором мы уже говорили, тогда как второй рукав течет на запад до моря Нитас (Бунтус)⁶⁰⁵, начинающегося у земли ал-Кустантина и сообщаемого с Окружающим морем⁶⁰⁶ через пролив Зукак⁶⁰⁷.

⁶⁰² Текст до сих пор не опубликован, карты можно найти у Миллера [т. VI].

⁶⁰³ Седьмой джуз шестого климата из «Нузхат ал-муштак...» ал-Идриси, содержащий северную часть Каспийского моря (список ок. 700/1300 г.) [Sezgin, 2002, S.17]. Шестой джуз шестого климата из «Нузхат ал-муштак...» ал-Идриси, содержащий восточную часть Черного моря и земли хазар и булгар. Список 874/1469 г. [Sezgin, 2002, S.21].

⁶⁰⁴ Каспийское море.

⁶⁰⁵ Черное море.

⁶⁰⁶ Средиземное море.

...[с.834–835] Восточный рукав (джаниб) реки Итил [берет начало] в области Басджирт, затем течет между ал-Баджанак и Булгар, являясь границей между ними; он течет на запад, пока не пройдет позади Булгар; затем снова отклоняется на восток, пока не минует ар-рус, затем булгар, затем бургас, затем ал-хазар с тем, чтобы влиться в море ал-Хазар. Говорят, что если воды этих рек объединить, то они образуют более полноводную реку, чем Джайхун или река Балх. От этой реки отделяется рукав (шу‘бат), [текущий] на запад до впадения в море Нитас (Бунтус), о чем мы уже рассказывали.

Шестой климат⁶⁰⁸

Шестая часть

[с. 914] Поистине вот что содержит эта шестая часть [шестого климата] из моря ал-Бунтуса (Черного моря)⁶⁰⁹: а это – сторона моря [вместе] с тем, что на ней из городов (ал-билад); она включает также часть из земли ал-Куманийя (Половецкие степи), из страны (ал-билад) Внешняя ар-Русийа, часть страны ал-Булгарийа, часть страны басджирд, страну ал-Лан, землю ал-хазар, и их [всех] города и реки. Мы начинаем рассказ о них и будем описывать их в соответствии с тем, как будем продвигаться вперед⁶¹⁰ и приближаться к тому, что мы описываем. И [в этом] мы просим помощи у Аллаха.

Затем мы рассказываем: На этом Черном море из этих городов: город Атарабзунда (Ат-рабзунда), о котором упоминалось выше (ранее), так как он – одна из столиц ар-Рума⁶¹¹, известная своей древностью и последовательно служившая и [центром] для владений [разных] народов. От него по берегу моря в восточном направлении до [места] впадения реки Рушийу (Русийа) семьдесят пять миль. Эта река – большая река, которая берет начало (с больших высот) за горами ал-Кабк (Кавказ). Далее она течет на север и пересекает землю ал-Ланийя.

На [этой реке] нет известного города (мадина), но по обоим ее берегам населенные деревни и многочисленные обрабатываемые (обильные) поля. Потом эта река течет на Запад до тех пор, пока не впадает [в море] в этом [упомянутом] месте. По ней плавают небольшие лодки, которыми используются для перевозки легких вещей из числа товаров и съестных [припасов], переправляемых с одного места в другое.

[с.915] От устья этой реки до города Ашкашийа (Ашкасийа) сто пятьдесят миль. А это красивый город (ал-мадина) из числа городов ал-Ланийи (страны ал-Лан) и одна из их пограничных областей.

От города Ашкашийа до города Ашкала в земле ал-Ланийя двадцать миль. А между городом Ашкала и морем – около шести миль, и [город] – невелик [по размерам], но это – оживленный [город], его округа имеет [всего] вдоволь для пропитания его жителей.

От него по берегу до города Астабрийа (Истибрийа) – двадцать миль, а он расположен у перешейка моря. Это – населенный город (мадина) с оживленными рынками, с обширной округой и искусно возведенными постройками. Большая часть его жителей – купцы, их имущество изобильно.

От города Астабрийа до города ал-Ланийя двадцать четыре мили. По этому главному городу (ал-мадина) его народы (уам) названы – аланами. Это город [с] древними постройками, но не известно, кто их построил.

От города ал-Ланийя до [главного] города Хазарийи (мадина)], по которому именуются хазары (ал-хазар), – сорок пять миль. Это – большой населенный город, обильно орошаемый водами. Он [находится] на реке.

⁶⁰⁷ Гибралтарский пролив.

⁶⁰⁸ Текст шестого джуза шестого иклима объясняет соответствующую карту ал-Идриси. См. цв. вклейку. Публикация карт из петербургского списка сочинения – первое воспроизведение в цвете и размере оригинала.

⁶⁰⁹ В рукописи сочинения «ан-Нитаси», в издании исправлено издателем на «ал-Бунтуси», т.е. Понт или Черное море.

⁶¹⁰ Вариант прочтения: «как мы это делали раньше».

⁶¹¹ Арабское название Византии и ее владений.

От города ал-Хазарийа до города Кира – двадцать пять миль. От [последнего] (т.е. от Кира) до Куманийи – по ее имени названы куманы (ал-куманийун), да и главный город этой [Куманийи]⁶¹² называется Куманийа ас-суд⁶¹³ (Черная Куманийа) – двадцать пять миль. Между ал-Куманийей и Кирой – большие горы, недоступные (трудно проходимые), с высокими вершинами. Этот главный город (ал-мадина) назван Черная Куманийа (Куманийа ас-суд) потому, что здесь [протекает] река, которая сначала проходит по ее земле, а затем теряется (исчезает) в нескольких ущельях этих гор, потом впадает в море, при этом ее вода черная подобно дыму (словно чад). Это хорошо известно и не отрицается [никем].

[с. 916] От главного города ал-Куманийа ас-суд до бывшего (оставленного – матлука) главного города и называющегося Белая Куманийа (Куманийа ал-байд, ал-байда') – пятьдесят миль. Куманийа ал-байд – большой оживленный город.

От него [Куманийа ал-байд] до города Матрика, [называемого также] Матраха, сто миль плавания. А город Матраха – большой, оживленный город, к нему относится много областей (ал-акалим), обширные земли, тянущиеся [друг за другом] деревни, примыкающие [друг к другу] посевы. Он [находится] на большой реке, называемой Сакайу⁶¹⁴, а это ответвление (рукав), который подходит к городу от реки Итиль, а ее главное [русло] течет к городу (мадина) Итиль, который [расположен] на море Табаристана.

От города Матраха до города Рушийа⁶¹⁵ двадцать семь миль. Между жителями Матраха и жителями Рушийи постоянная война. Города (мадина) ар-Рушийа [расположен] на большой реке, текущей к нему с гор (горы) Кукайа. От города ар-Рушийа до города (мадина) Бутар (Феодосия)⁶¹⁶ двадцать миль. Ранее мы уже упоминали оба эти [города] (ар-Рушийу и Бутар).

И мы рассказываем [далее]: В числе городов Куманийи, относящихся к куманам, – город Фира (Вырь), город Нарус (Баруш, Баруч), город Нуша и город Кинийув. Что касается города Нуша, то он находится на севере Куманийи ал-байд. Между ними (городами Нуша и Кинийув) пятьдесят миль. Это оживленный город средней величины, здесь есть посевы, зерно (галлат) здесь в изобилии. Он расположен на реке, которая орошает большую часть его полей.

От города Нуша до города Кинийув [в направлении] на северо-восток сто миль, а это четыре перехода. Город Кинийув – большой город у подножия высокой горы, он имеет обширную населенную округу и очень оживлен.

[с. 917] Точно также от города Нуша до города Нарус (Баруш) [в направлении] на северо-запад сто миль. Этот город невелик, оживленный (мухадара), там есть рынки и [совершается] купля-продажа.

От города Нарус [в направлении] на восток до города Силав⁶¹⁷ сто тридцать пять миль, а от города Нарус до города Фира [в направлении] на запад пятьдесят миль, а от города Фира до города Наби⁶¹⁸ [в направлении] на запад – двадцать пять миль.

От города Силав до города Куйаба⁶¹⁹ в земле Булгар восемь переходов, а Куйаба – [главный] город (мадина) тюрков, именуемых Руса (Русами)⁶²⁰.

Ар-Рус [состоят из] трех групп (аснаф). Первая – одна из их племен, которое называется Равас (?) и их царь (малик) живет в городе Куйаба. Другое их племя называется ас-

⁶¹² В этом абзаце явно сбился текст ал-Идриси: это видно из непоследовательных, выбивающихся из контекста повторов, трудных для перевода. В частности, в переводе этой фразы: «этот главный город называется Черная Куманийа», по-арабски грамматически правильно построенной, но нарушающей контекст абзаца особенно сильно, сделано отступление в пользу контекста.

⁶¹³ Иногда Куманийа ас-сауда.

⁶¹⁴ Сакайу – Кубань, приток Дона. Прочтение Сакир – В.М.Бейлис. Обычно отождествляется с Корчевым (Керчь).

⁶¹⁵ Рушийа (Русийа) – обычно отождествляется с Корчевым (Керчь).

⁶¹⁶ Отождествляется с Феодосией.

⁶¹⁷ Силав, Салава – Новгород.

⁶¹⁸ В.М.Бейлис читает Най (Кай).

⁶¹⁹ Куйаба – Киев. В.М.Бейлис читает Кукийана.

⁶²⁰ В тексте без артикля в косвенном падеже «русан», что позволяет читать знакомое ар-Рус, тем более что следующая фраза начинается со слова «ар-Рус».

Силавийа (ас-славийа), их правитель живет в городе Силав (Слав); этот город на вершине горы. Третье племя называется ал-арсанийа, их царь (малик) находится в городе Арса.

А город Арса – красивый город на горе, он укреплен, а находится он между [городами] Силав и Куйаба. От Куйабы до Арса – четыре перехода, от Арса до Силава – четыре дня [пути]. В Куйабу купцы-мусульмане добираются из Арминийи.

Что касается Арса, то, как рассказывает шейх ал-Хаукали⁶²¹, никто из чужеземцев туда не вступает, потому что они [жители] обязательно убивают любого чужеземца, кто добирается до них, и никто не отваживается войти в их земли. Вывозят [с.918] от них шкуры черных леопардов (анмар) и черных лисиц (ас-са‘алиб) и свинец (или олово) – все это [вывозят] от них купцы Куйабы.

Русы (ар-Рус) сжигают своих мертвых (умерших), а не хоронят (не зарывают) их в землю. Часть русов (ар-рус) бреет бороды, а часть завивают (закручивает) ее, как гриву диких лошадей (ад-давабб) и заплетают⁶²². Их одежда – короткие куртки (ал-каратик), а одежда ал-хазар, болгар (ал-булгарийа) и печенегов (ал-баджанак) – длинные, долгополые куртки из шелка, хлопка, льна или шерсти.

А болгар – это многочисленные племена (уам) и народы (башар). Места их поселения близко примыкают к поселениям ар-Рума. А язык ар-рус [не таков же как] язык ал-хазар и буртасов⁶²³.

Ал-Булгар – [это] название главного города (ал-мадина). Среди [его жителей] есть христиане и мусульмане. [В городе] есть соборная мечеть для мусульман. Близ него [расположен] город Сувар, его постройки деревянные, в них его жители укрываются зимой, а летом они укрываются в шатрах (ал-харакахат). День у русов (ар-рус) и болгар (ал-булгарийа) настолько краток зимой, что достигает [лишь] трех с половиной часов. Говорил ал-Хаукали: Я был очевидцем этого у них зимой. Продолжительность дня была такова, что ее было достаточно только для четырех молитв, каждая из которых следовала одна за другой, с малыши (калаил) рака‘атами между азаном и икамой⁶²⁴.

Ал-Хазар – обширная страна между двумя морями (ма‘ан ?). Ал-Хазар – мусульмане и христиане, среди них есть и идолопоклонники. Им принадлежат области и города, среди которых – Самандар, а он расположен по ту сторону ал-Баб ал-абваба, а [также] Баланджар, ал-Байда, Хамлидж – все эти города построил Кисри (Хосров) Ануширван, и они до сих пор населены и [существуют] сами по себе.

[с.919] От Баб ал-абваба до Самандара – четыре дня [пути], а между ал-Бабом ва-л-абвабом и царством ас-Сарир – восемь дней [пути], от Итиля до Самандара – восемь дней [пути].

От Исиля до первого предела Буртас – двадцать дней [пути]. А Буртас – это земля, от начала до конца которой – около пятнадцати дней [пути].

От Буртас до Баджанак – десять дней [пути]. От Итиля до Баджанак – расстояние в месяц [пути].

От Итиля до Булгар по дороге степью (ал-муфаза) – около месяца, по воде вверх – два месяца, а вниз по течению – около двадцати дней.

От Булгара до первых пределов ар-рус – десять переходов. От Булгара до Куйабы – около двадцати переходов. От Баджанак до внутренних Басджирт⁶²⁵ – десять дней [пути]. От внутренних Басджирт до Булгара – двадцать пять дней.

Ал-Хазар – название страны (иклима)⁶²⁶, а ее столица (касаба) – Итиль. Итиль – это [также] название реки, которая течет к ней (столице) из [земли] ар-Рус и Булгар и впадает в море ал-Хазар. Исток этой реки на востоке (ал-машрик) со стороны «опустошенной стра-

⁶²¹ Имеется в виду арабский географ Ибн Хаукаль.

⁶²² В переводе В.М.Бейлиса, основанном на петербургском списке, вместо слова «заплетают» приведена фраза «и окрашивают ее в желтый цвет».

⁶²³ برطاس

⁶²⁴ Перевод В.М.Бейлиса [р.216]: «...четырёх молитв, каждая из которых следовала одна за другой, с рика‘атами, и между азаном и икамой не было промежутка».

⁶²⁵ В арабском тексте Басджирд.

⁶²⁶ Здесь «иклим» в значении «область».

ны» (ал-билад ал-хараб)⁶²⁷, затем [река] протекает через «зловонные земли» (ард ал-мунтина)⁶²⁸ на запад до тех пор, пока не проходит позади Булгара, после чего возвращается на восток до тех пор, пока не проходит позади ар-Рус (русов), потом позади Булгар, потом позади Буртас (буртасов), [и течет далее] пока не оказывается в земле ал-хазар и впадает в море. Говорят, что от нее ответвляется [с. 920] семьдесят пять рек, а глубина [основного русла] реки сохраняется, [и] оно течет к хазарам.

Буртасы – также народы (умам), [находящиеся по] соседству с ал-хазар, между ними и ал-хазар нет другого народа. Они хозяева (асхаб) деревянных домов, а также из войлочных шатров (харкахат лубуд). У них два города – Буртас и Сувар. Язык буртас, на котором они говорят, не такой, как язык ал-хазар. И таков же язык русов (ар-русийа)⁶²⁹.

А русов (ар-русийа) два вида. Один вид – это тот, о котором мы уже говорим здесь, и есть другой вид, это те, что [живут] по соседству со страной Ункарийа и Макзунийа⁶³⁰. И они (русы), в то время, когда мы составляем эту книгу, уже одержали победу над Буртас, булгар и ал-хазар, и изгнали их из их страны. Не осталось [там] других народов (ал-умам) [кроме русов], а лишь только [их] названия в [этой] земле.

В земле ал-хазар есть гора Батира (острая). Это гора, которая простирается с севера на юг, на ней имеются месторождения (рудники) серебра и источники хорошего олова (свинца): там его добывают много и отправляют во все страны (ал-джихад) и области.

И еще. Поистине мы сообщаем, что в море Бунтус, изображение которого помещено в этой части, есть два острова: один из них – Анбала, второй – Нунишка. Оба они населены. Напротив острова Анбала из числа прибрежных городов стоит Матраха, между ними [расстояние] двух морских переходов. [Также два морских перехода] между островом Анбала и островом Нунишка. Остров Нунишка расположен напротив Куманийа ал-байд, из [числа] стран (билад) побережья. Между ними расстояние трех переходов (маджра) по морю.

На острове Нунишка вылавливают большую рыбу (ал-хут)⁶³¹, которая называется Шахрийа (ежемесячная), это вид [рыбы] ас-саканкур, которую ловят во время бури (волнения) моря в гавани (в бухте) западнее острова (ал-джазиры). [Эта рыба] действует также, как [рыба] ас-саканкур [с. 921] на половое влечение и даже сильнее ...⁶³² После того как из нее вынимают внутренности, ее посыпают солью и имбирем, завертывают в листья лимона и подают царям (мулук), живущим в тех землях, и они находят это превосходным. Количество, которое обычно берут под язык, – один кират⁶³³, и не более того. Все это правдиво и [хорошо] известно: об этом рассказывает множество сообщающих (мухбирун), тех, кто одержал путь по этому морю и узнал и обычное, и чудно о нем.

А все море, которое называется Бунтус, доходит с южной стороны до страны (билад) Лазика и [простирается далее], пока не доходит до Кустантинийи, и его длина тысяча триста миль, а ширина триста миль, самое широкое место на нем достигает четырехста миль. С северной его [стороны] в него впадает река Данабрис (Днепр)⁶³⁴. Она приходит [сюда] от обратной стороны озера Тирма⁶³⁵. Это большое озеро, его длина с запада на восток триста

⁶²⁷ Это название больше у ал-Идриси не встречается.

⁶²⁸ В переводе В.М.Бейлиса [р.217], основанном на тексте петербургской рукописи сочинения, этот пассаж выглядит по другому: «...через «зловонные земли» и землю басджиртов на запад до тех пор, пока не проходит позади Булгара близ земли русов, после чего возвращается на восток и протекает через Русскую землю (ард ар-Русийа), затем через булгар, далее через буртасов и течет [далее], пока не впадает в море ал-Хазар, проходя через их земли в южном направлении. После того, как она отклоняется в южную сторону к земле ар-Рус, от нее отделяется рукав, который приходит к городу Матрахат на море Нитас (Бунтус): он называется река Сакир (Танаис, Дон?)...».

⁶²⁹ Т. е. не такой, как язык хазар.

⁶³⁰ Унгарийа (Хунгария, Венгрия) и Македония.

⁶³¹ Арабское слово «ал-хут» означает «большая рыба», «кит».

⁶³² Далее следует описание ловли и приготовления этой рыбы.

⁶³³ Как мера веса кират равен 0,195 г. или в Ираке 0,223 г.; как мера объема (в современной метрологии) – 0,064 л.

⁶³⁴ دنابرس

⁶³⁵ Это озеро соответствует оз. Меотис у Птолемея, а название *طرمي* Тирма – искажение наименования г. Тирамба на берегу озера.

миль, а ширина сто миль. Мы расскажем о нем и изобразим его [на карте] таким, как оно есть в [соответствующем] месте, если будет угодно Аллаху с его силой и могуществом, то есть в седьмом климате.

Закончилась шестая часть шестого климата, слава Аллаху. За ней, если пожелает Аллах, последует седьмая часть [этого же климата].

Материал подготовила Нурия Гараева

Ал-Гарнати

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153)

Второе издание, пересмотренное, дополненное

Абу Хамид ал-Гарнати – один из двух представителей арабского мира, сообщающих сведения о Восточной Европе домонгольского времени по личным впечатлениям. Хотя Абу Хамид в отличие от Ибн Фадлана не имел целью дать связный и подробный отчет о поездке, а хотел поразить своих ближневосточных читателей диковинами неведомого северного мира и не писал о повседневных обычных вещах (что было бы для нас наиболее интересно и ценно), тем не менее у него мы находим отдельные уникальные сведения, да и сам взгляд на интересующую нас территорию со стороны весьма интересен. К сообщениям ал-Гарнати востоковеды долгое время относились с недоверием, а одно из его сочинений, которое является главным объектом публикации, вошло в научный оборот только после 1953 г., а русский перевод

с комментариями и исторической характеристикой периода – в 1971 г. [ал-Гарнати, 1971].

С тех пор прошло 34 года. За это время накопился новый материал для суждения о сочинениях ал-Гарнати, и в связи с этим возникла необходимость некоторых исправлений и уточнений в самом переводе и комментариях. Сами по себе они были не столь значительны, чтобы предпринимать новое издание, но в настоящем своде сведений арабских географов и путешественников о Восточной Европе, куда включены переводы из ал-Гарнати, предоставляется возможность внести все эти уточнения. При сохранении общей структуры – введения, переводов и комментариев, редакционные изменения в тексте и новый текст особо не оговариваются.

Ал-Гарнати и его сочинения

Абу Хамид Мухаммад ибн ‘Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси родился в Гренаде⁶³⁶ в 1080 г.⁶³⁷ О его жизни на родине мы ничего не знаем. Он получил, вероятно, обычное для своего времени богословско-филологическое образование, умел составлять школярские стихи, обра-

зец которых есть в публикуемом переводе, но к поэзии влечения не чувствовал, что видно хотя бы из того, что в первом его сочинении почти полностью отсутствуют поэтические цитаты, столь милые сердцу его современников. Его специальностью стало мусульманское право, фикх, в котором он также не достиг особых успехов, и, если бы ал-Гарнати остался на родине, его имя было бы всеми забыто.

В юном возрасте ал-Гарнати, подобно многим своим соотечественникам, покинул Андалусию, чтобы продолжить образование в центре мусульманского мира. Морем, мимо Сицилии и Мальты, он прибыл

⁶³⁶ Гренада по-арабски «Гарната», отсюда – относительное имя (нисба) ал-Гарнати (т.е. «гренадец»), часто его называют также по второй нисбе, ал-Андалуси («андалусец»).

⁶³⁷ Единственная краткая биография ал-Гарнати имеется у андалусского историка ал-Маккари [т. I, с. 617–618], откуда мы и знаем дату рождения, но основные сведения дают сами сочинения ал-Гарнати. Ср. прим. 660.

в Александрию в 511/1117–1118 г.⁶³⁸, слушал там лекции ученых, а в следующем году перебрался в Каир, в то время второй (после Багдада) культурный центр мусульманского мира.

В Каире и Александрии ал-Гарнати не только слушал лекции богословов и грамматиков, но и с большим интересом знакомился с древностями Египта, он видел Фаросский маяк, который вскоре разрушился, залезал внутрь пирамиды Хеопса, осматривал обелиск в 'Айн Шамсе, который, как и Фаросский маяк, не сохранился до наших дней. На шумных базарах Каира он встречал представителей разных народностей Черной Африки и ее диковинные товары. Египет в ту пору вел также оживленную торговлю с Дальним Востоком, так что здесь можно было встретить людей, побывавших в Индии и даже в Китае⁶³⁹. Все эти впечатления через несколько десятилетий будут отражены в сочинениях ал-Гарнати.

Через год или два ал-Гарнати направился в Багдад, тогдашнюю духовную столицу мусульманского мира. Путь его лежал через Аскалон, Баальбек и Дамаск, в последнем он задержался на некоторое время для преподавания хадисов⁶⁴⁰. Оттуда через Тадмор (Пальмиру) он в 1122–1123 г. прибыл в Багдад. В Багдаде ал-Гарнати прожил четыре года, пользуясь гостеприимством Ибн Хубайры, будущего вазира нескольких халифов. Здесь же у него родился первый сын, Хамид, по которому он получил почетное прозвание (кунья) Абу Хамид («отец Хамида»).

Такие поездки из города в город «в поисках знаний» были обычны для мусульманских ученых того времени, и им не приходится удивляться. Но Абу Хамид

выходит за рамки обычных маршрутов. В 1130 г. мы видим его в Абхаре, по дороге в Ардебиль, столицу Азербайджана (тогда область южнее Куры), хотя ясно, что не этот город был целью его путешествия, т.к. в том же году он переваливает через горы в Муганскую степь и оттуда через Апшеронский полуостров попадает в Дербент. В следующем году ал-Гарнати уже живет в Саксине.

Трудно сказать, что побудило ал-Гарнати двинуться в этот дальний путь. Искать себе учителей в захолустье мусульманского мира после Каира, Дамаска и Багдада он, конечно, не мог, да и возраст был уже не тот. Может быть, его подтолкнуло любопытство в сочетании с расчетом извлечь в этих краях наибольшую выгоду из своих знаний; несмотря на солидный возраст⁶⁴¹, Абу Хамид был полон энергии и миссионерского пыла – всюду он наставляет местных мусульман, не искушенных в тонкостях вероисповедания и мусульманского права. В Дербенте (или в одном из селений под Дербентом) его принимает эмир, которому он преподает уроки мусульманского права, в Саксине у него собираются местные правоведы, к нему приходят за разрешением трудных случаев.

Саксин на 20 лет стал домом ал-Гарнати. Оттуда он совершал поездки в Булгар (1135–1136), где пробыл по крайней мере зиму и лето, и дважды побывал в Хорезме⁶⁴². Частые поездки из Саксина вызывают вопрос, кто такой Абу Хамид: любитель путешествий или предприимчи-

⁶³⁸ Г. Ферран [Ферран, 1925, с.21], а вслед за ним И.Ю. Крачковский [Крачковский, 1957, с.299] считают, что на 1117–1118 г. приходится вторая поездка ал-Гарнати, впервые же в Александрии он оказался в 1114 г. Основанием для такого заключения служат сведения ал-Маккари [Ферран, Тухфа, с.14] и основывающаяся, вероятно, на них же приписка к ташкентской рукописи «Тухфат ал-албаб» [Беляев, 1957, с.70–71], но текст сочинений ал-Гарнати не подтверждает этого.

⁶³⁹ В 512/1118–1119 г. он встречался в Каире с неким Абу-л-'Аббасом ал-Хиджази, прожившим в Индии и Китае 40 лет [Ферран, 1925, с.106].

⁶⁴⁰ Хадисы – рассказы о словах и деяниях пророка Мухаммада, составляющие одну из основ мусульманской догматики и права.

⁶⁴¹ Активность ал-Гарнати в 50–60-е гг. XII в., когда ему было от 70 до 80 лет, вызывает удивление. Если даже допустить, что это был очень крепкий старик (в Венгрии у него родился ребенок), то все же странно, что учиться в Египет он поехал только в возрасте 37 лет, а первый сын родился, когда ему было за 40. Можно было бы предположить, что у ал-Маккари [т. I, с.617] ошибка в дате и вместо 473 г.х. должен быть 493 г. (арабские «семь» и «девять» из-за сходства начертания иногда путаются), но в этом случае ал-Гарнати приехал бы в Багдад двадцати трех лет и вряд ли удостоился внимания Ибн Хубайры.

⁶⁴² Принято считать, что в 530/1135–1136 г. ал-Гарнати был в Балхе, т.к. у него есть рассказ об «открытии» в 530 г.х. могилы 'Али на месте нынешнего афганского города Мазар-и Шериф [Ферран, 1925, с.145–146], но, рассказывая об этом, ал-Гарнати не упоминает, что он сам был там или видел эту гробницу.

вый купец, оставивший, на наше счастье, записки о виденных им диковинках? Конечно, он прежде всего мусульманский правовед и проповедник, миссионерство которого не было подвижничеством. Авторитет «специалиста из центра» способствовал получению щедрых даров от власть имущих мусульман, а при случае Абу Хамид не упускал возможности выгодно купить и продать. При всем этом нашему автору нельзя отказать в любознательности и интересе к посещению незнакомых мест, без чего он никогда не пустился бы в странствие в такие дальние для него края. Не исключена возможность, что в некоторых поездках, особенно в Хорезм, он мог выполнять дипломатические поручения.

В 1150 г. ал-Гарнати из Булгара отправился на Русь, проехав по «Славянской реке» – Дону. Он единственный мусульманский автор, побывавший на Руси и сообщаящий нам такие сведения, которых мы не найдем даже в русских источниках. Можно только сожалеть о том, что здесь его больше интересовало обучение печенегов пятничной молитве, чем жизнь чуждого ему христианского Киева.

Знакомство с печенегами, кочевья которых протянулись от Волги до Дуная, несомненно, сыграло роль в выборе дальнейшего маршрута – Абу Хамид едет в Венгрию, где кочевники-тюрки, в значительной части исламизированные, составляли важнейшую ударную силу в руках венгерских королей⁶⁴³. Здесь ал-Гарнати также выступает в роли наставника мусульман-кочевников: одних он учит обрядности, другие становятся его учениками. Возможно, он преувеличивает свою роль, но то, что он удостоился аудиенции у короля и выполнял его поручения на обратном пути в Саксин, говорит за то, что в Венгрии Абу Хамид все-таки был не рядовым путешественником.

В Венгрии ал-Гарнати прожил три года (1150–1153), подошла старость, пора было исполнить долг мусульманина – совершить паломничество в Мекку. Король не хотел отпускать его из Венгрии (вероятно, ал-Гарнати действительно пользовался влиянием на мусульман Венгрии) и согласился на его отъезд лишь при условии его воз-

вращения в Венгрию, в залог этого пришлось оставить старшего сына Хамида.

Через Киев, Саксин и Хорезм ал-Гарнати отправился в паломничество. Но из Мекки он не поехал ни в Венгрию, ни в Саксин, где оставалась часть его семьи, а возвратился в Багдад, где его давний знакомец Ибн Хубайра пятый год был вазиром халифа ал-Муктафи. Ибн Хубайра приветливо его встретил и даже добыл рекомендательное письмо к сельджукскому султану Конии с просьбой содействовать ал-Гарнати возвратиться в Венгрию, чтобы забрать семью. Однако что-то помешало ему воспользоваться письмом халифа, и он остался в Ираке.

За сорок лет странствий ал-Гарнати подал столько необычайного, сколько не снилось его собеседникам в Багдаде: Геркулесовы столпы и далекую Венгрию, морозы Булгара и короткие летние ночи, бревенчатые избы и огромную р. Итиль, кишмя кишашую необычайно вкусной рыбой. Все это было настолько удивительно, что слушатели охотно верили и рассказам о девушке, вышедшей из китового уха, и всяким другим чудесам. Восхищенные слушатели упростили Абу Хамида записать свои рассказы о виденном и слышанном. Он решился не сразу: «Если бы не эти достойные имамы, которые просили меня и желали, чтобы был собран этот сборник, то я не взялся бы за этот сборник, ибо не считаю себя способным к сочинительству», – писал он в конце первого своего сочинения, «Му'риб 'ан ба'д 'аджаиб ал-Магриб» («Ясное изложение некоторых чудес Магриба»), которое посвятил Ибн Хубайре.

Успех книги превзошел ожидания автора, скептически смотревшего на свои способности. Через семь лет, в 1162 г., будучи в Мосуле, он написал второе сочинение, озаглавленное сначала «Тухфат ал-албаб» («Подарок умам»), а затем в несколько более полной редакции получившее то название, под которым оно более всего известно: «Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб» («Подарок умам и выборка из чудес»). Этот вариант сопровождался посвящением Му'ин ад-дину Абу Хафсу 'Умару ал-Малла, главе суфиев Мосула. Сочинение было прочитано автором в нескольких лекциях в келье Му'ин ад-дина, закончившихся 22 марта 1162 г.; слушавшие получили

⁶⁴³ О роли кочевников в Венгрии см.: [Расовский, 1933].

разрешение автора распространять его на основании их записей [Беляев, 1957, с.70–71].

Окончив «Тухфат ал-албаб», ал-Гарнати переехал в Сирию, где и скончался в 1169–1170 г. 89 (или 69) лет от роду. Безыскусные сочинения ал-Гарнати стали очень популярными. «Абу Хамид угадал спрос будущих поколений, и с этого времени жанр космографии, окрашенных элементами чудесного, делается особенно популярным» [Крачковский, 1957, с.302–303]. Вероятно, именно поэтому первое его сочинение, в меньшей степени отвечающее такому спросу, целиком сохранилось только в одной рукописи (в библиотеке Академии истории в Мадриде), тогда как «Тухфат ал-албаб» представлена по крайней мере 26 рукописями [Tauer, *Annotationes*, с.299–300].

Одна из рукописей «Тухфат ал-албаб» поступила в Азиатский музей (ныне С.-Петербургский филиал Института востоковедения) в 1871 г. и в числе других новых поступлений описана Б.Дорном с подробным изложением содержания и переводом на немецкий язык ряда отрывков, посвященных Прикаспию и Поволжью [Dorn, 1873]. Впоследствии В.В.Бартольд опубликовал из нее отрывок текста о зирихгранах. Зная лишь «Тухфат ал-албаб», В.В.Бартольд был невысокого мнения об ал-Гарнати и охарактеризовал его как «сомнительного» автора [Бартольд, Соч., т. IV, с.121]. Того же мнения придерживались многие европейские востоковеды.

С прогрессом востоковедения интерес к этому сочинению рос: в начале 1920-х гг. два востоковеда, Ф.Тауэр и Г.Ферран, независимо друг от друга по разным рукописям решили опубликовать критический текст «Тухфат ал-албаб». В 1925 г. появилось издание Г.Феррана, и Ф.Тауэру пришлось, к сожалению, отказаться от своего замысла, хотя им было учтено большее количество рукописей [Tauer, *Annotationes*, S.298].

В основу издания Г.Ферран положил одну из пяти рукописей Национальной библиотеки в Париже, для сравнения привлекались десять рукописей, в том числе и ленинградская, судить о которой издатель мог только по переводам Б.Дорна. В качестве приложения Г.Ферран издал значительный отрывок текста алжирской руко-

писи, опущенный в других рукописях «Тухфат ал-албаб»⁶⁴⁴, и отрывки из космографии Закарии ал-Казвини (XIII в.), являющиеся цитатами из сочинения ал-Гарнати, но отсутствующие в «Тухфат ал-албаб»⁶⁴⁵.

Издание Г.Феррана помогло ознакомлению востоковедов с этим интересным памятником, хотя и не сняло с него полностью подозрения в недостоверности: многое в жизни автора оставалось неизвестным, и не всегда можно было отличить его личные впечатления от заимствований. Некоторый оттенок неуверенности в оценке сведений Абу Хамида чувствуется и в тех строках, которые посвящены ему И.Ю.Крачковским [Крачковский, 1957, с.299–302].

Положение изменилось, когда в 1953 г. С.Дублер опубликовал часть обнаруженной им в Мадриде рукописи ал-Гарнати «Ал-Му'риб 'ан ба'д 'аджаиб ал-Магриб» [Дублер, Абу Хамид], которая до того была известна только по упоминанию у библиографа XVII в. Хаджи Халифы. Издание сопровождалось испанским переводом и обширным исследованием о Восточной Европе, малоинтересным для нас из-за обилия общеизвестных сведений, но, вероятно, полезным для испанского читателя.

Новый источник, содержащий свежие и подчас неожиданные сведения о Восточной Европе, сразу привлек к себе внимание. На следующий же год появилась статья И.Хрбека, в которой он знакомил чешских читателей с содержанием нового сочинения, привел перевод наиболее интересных мест и предložил ряд поправок к чтениям С.Дублера [Hrbek, *Nový arabský pramen*]. Еще через год тот же автор сделал обстоятельный обзор издания С.Дублера с точки зрения методики публикации и использования материала и провел интересный анализ использования сведений ал-Гарнати у Закарии ал-Казвини [Hrbek, 1955].

В СССР первая статья, посвященная новому источнику, появилась только в 1959 г. И принадлежала не востоковеду, а археологу-русисту А.Л.Монгайту, давшему за-

⁶⁴⁴ В основном это поздние вставки, на некоторые из них указал Г.Ферран.

⁶⁴⁵ Как теперь выяснилось, они заимствованы из «Му'риба».

тем в 1965 г. подробный пересказ содержания сочинения ал-Гарнати в научно-популярном журнале [Монгайт, 1959; Ал-Гарнати, 1971]. В 1967 г. некоторые отрывки из этого сочинения были переведены Б.Н.Заходером [Заходер, 1967, с.66–67, 16]. Но было очевидно, что ценность сведений ал-Гарнати о Восточной Европе требует полного комментированного перевода текста, опубликованного С.Дублером, за что и взялись автор этих строк и А.Л.Монгайт.

В публикации арабского текста вызывало недоумение первая фраза, начинавшаяся явно с середины с определения без определяемого; при наличии какой-то лакуны в издании следовало бы ожидать отточия или оговорок, но ничего этого не было. Краткое изложение содержания неизданной части [Дублер, 1953, с.133] только увеличивало недоумение: описание памятников и диких животных перемежалось в нем с темами, явно чуждыми ал-Гарнати – с астрономией и математикой.

Получить микрофильм этой рукописи из Мадрида было невозможно. Оставалось проверить мельком высказанное предположение И.Хрбека, что одна из рукописей «Му‘риба», может быть, скрывается под другим названием в библиотеке Готы. Каталог рукописного собрания Готы гласит: «Описание путешествия, автор, как он сообщает во введении, родился в Гренаде... Ценность всего описания путешествия очень невелика, так как сообщает почти исключительно о чудесах, а следовательно, по большей части бессмысленных баснях» [Pertsch, S.164]. Оценка не обнадеживающая, но каталог составлен более восьмидесяти лет назад, когда ал-Гарнати считался ненадежным автором, к тому же для нас важна не оценка, а то, что это рукопись не «Тухфат ал-албаб», а какого-то другого сочинения того же автора.

Вскоре микрофильм этой рукописи удалось получить благодаря любезному содействию коллег из тогдашней Академии наук ГДР доктору М.Роббе и С.Зерауки. При ином названии сочинения текст его во многом совпадал с неизданной частью «Му‘риба» (без астрономических и математических тем), но главное – в ней было несколько страниц, перекрывавших начало издания С.Дублера, и предшествующий ему рассказ.

Начало сочинения гласило: «Это – книга «Нухбат ал-азхан⁶⁴⁶ фи ‘аджаиб ал-булдан» («Выборка воспоминаний о чудесах стран»). Во имя Аллаха милостивого и милосердного, на него уповаю. Сказал шейх, имам, ученейший Абу Хамид ибн Абу-р-Раби ‘Абд-ар-Рахим ибн Сулайман ибн Раби‘ ал-Кайси ал-Андалуси ал-Гарнати, да помилует его Аллах! А после⁶⁴⁷: просила меня группа людей науки и веры, чтобы я рассказал им о том, что я видел из чудес в странах и морях и какие чудеса я считаю действительными в сообщениях, достойных авторитетов. И я согласился на то, о чем они просили, прося помощи у Аллаха великого и славного... И составил я этот сборник для библиотеки Абу-л-Музаффара Йахьи ибн Хубайры».

Далее автор говорит о себе: «Что касается моего имени, то оно – Мухаммад ибн ‘Абд-ар-Рахим ибн Сулайман ибн Раби‘ ал-Кайси ибн Гайлан ибн ал-Басир ибн Рида Абу Тураб; что же касается места моего рождения, то оно на крайнем Западе, на [полу]острове, называемом ал-Андалус, – на нем сорок городов, и место моего рождения в одном из них, называемом ал-Гарната». После этого без всякого перехода начинается рассказ о достопримечательностях и чудесах Андалусии, о пещере с семью спящими отроками, о медном городе, построенном джиннами для Сулаймана, о морских чудовищах и океанских приливах и отливах. Большинство этих сведений содержится в «Тухфат ал-албаб», и, так же как там, никакого видимого порядка в их изложении не удается установить. Зато из описания Сицилии и извержения Этны⁶⁴⁸ становится очевидным, что

⁶⁴⁶ В гот. рук., л.1а опущена точка над «зъл». [Ср. GAL, I, с.478, №5, 2; SB I, S.878; там же о других сочинениях Абу Хамида; ср. Hrbek, 1955, S.112–113].

⁶⁴⁷ Стилистический оборот, обозначающий переход от благопожеланий и славословий к сути излагаемого.

⁶⁴⁸ И.Ю.Крачковский считал, что ал-Гарнати лишь расспрашивал об извержении одного сицилийца в Багдаде [Крачковский, 1957, с.301], но в «Му‘рибе» ал-Гарнати пишет определенно: «Я простоял в море напротив этого острова пять дней, потому что не было нам попутного ветра, а на шестой день отошли мы от него в Александрию» [гот. рук., л.7а], правда, прямого указания на то, что он был очевидцем извержения, нет, но

перед нами если не путевые записки, то воспоминания о путешествии, изложенные более или менее последовательно: Сицилия, Мальта [Гот. рук.], Александрия, Каир, Аскалон, Дамаск, – о пребывании в Ираке не говорится ничего, т.к. записки предназначались для багдадских знакомых ал-Гарнати, – далее упоминаются Ардебиль, Муган, Баку, Дербент и Саксин, рукопись обрывается на описании деревянных домов Булгара. Рукопись не очень аккуратная, встречаются пропуски, восстановленные на полях, некоторые слова явно искажены. Даты переписки нет, зафиксировано только время составления данной редакции: «Говорит переписчик книги, с которой сделан этот список, а имя его Исхак ибн Хаудал: «Много таких рассказов⁶⁴⁹ я слышал, когда вели меня пленным в страну гурджей⁶⁵⁰, и спасся я от татар и вышел из Тифлиса, направляясь в Багдад» [Гот. рук., л.166–17а]».

Тождество «Му‘риба» и «Нухбат ал-азхан» готской рукописи не вызывает никакого сомнения, поскольку, к счастью, конец готской рукописи перекрывает начало текста дублеровского издания (с.1–6); разночтения, имеющиеся в этой части, не настолько значительны, чтобы думать, что перед нами разные сочинения, – такие же разночтения встречаются, например, в различных рукописях «Тухфат ал-албаб»; и «Му‘риб» и «Нухбат ал-азхан» посвящены одному лицу, Ибн Хубайре.

Этот вывод, сделанный на основании сопоставления мадридской и готской рукописей, нашел дополнительное подтверждение в двух рукописях, выявленных позже в библиотеках Дамаска и университета в Нью-Джерси⁶⁵¹. В первой из них содержится текст от начала (несколько сокращенного) до упоминания прибытия в Бул-

из текста готской рукописи видно, что к рассказу сицилийца восходит лишь часть сведений.

⁶⁴⁹ Перед этим у ал-Гарнати рассказывается о деревне, брошенной жителями из-за множества змей.

⁶⁵⁰ Т.е. Грузию. *Татарами* здесь названы монголы, вторгшиеся в Закавказье.

⁶⁵¹ Рукопись ‘илм 8160 библиотеки аз-Захрийа (ныне в Национальной библиотеке им. Хафиза Асада) представляет собой 10 листов плотно исписанных очень мелким магрибским почерком, с неравным числом строк (от 35 до 41). Рукопись университета в Нью Джерси [Garriett Collection, Yahuda Section. № 3554, 44 л.].

гар людей из Вису, сочинение озаглавлено «Ал-Му‘риб ‘ан ‘аджаиб ал-Магиб». Во второй начало отсутствует, текст начинается описанием извержения Этны и кончается рассказом о Саксине. Все три дополнительные рукописи свидетельствовали также о том, что содержащиеся в мадридской рукописи математико-астрономические разделы к «Му‘рибу» никакого отношения не имеют. Издание первой половины мадридской рукописи [Al-Garnati, 1991] лишь позволило лучше представить, каким образом появился этот чужеродный текст.

В изданном тексте первой половины этот текст явно разрывает то повествование, которое мы знаем по трем упомянутым рукописям. Более того, очевидно, что чужеродный текст был включен не случайными фрагментами, а определенными блоками, тетрадами из восьми листов каждая. Так, текст «Му‘риба» кончается восьмым листом, затем на л.9а–33б – чужой текст, а после лакуны в шесть листов, с л.40а продолжается текст «Му‘риба» до л.49б, кончающийся словами: «А это – большие пирамиды напротив Фустата, их три пирамиды, одна из них маленькая, сделанная из мраморной скалы». Следующий лист с текстом иного содержания, начинается с середины фразы: «...а помолившись до [положенного] времени, следует повторить ее в положенное время...» и затем, вместо примерно десяти листов с окончанием описания Египта, этот посторонний текст продолжается до л.95а, заполняя то место, где в «Му‘рибе» рассказывается о поездке от Египта до Дербента, а на оборотной стороне этого листа появляется текст из начала «Му‘риба» о чудесах Медного города, а на следующем листе текст начинается со слова «большой», относящегося к описанию мечети Дербента.

Такой странный состав первой половины мадридской рукописи можно объяснить только тем, что она была скопирована с рукописи, находящейся в не очень хорошем состоянии, в которую по недосмотру вошли несколько тетрадок из рукописи другого сочинения. Более подробный анализ состояния этой рукописи возможен только при непосредственном знакомстве с ней.

Наличие четырех рукописей предоставляет возможность подготовки критического текста «Му‘риба», но это дело будущего и не связано с целью данного издания. От-

существование в упомянутых двух рукописях дополнительных сведений по сравнению с теми текстами, которые были использованы для нашего перевода, позволяет оставить его в неизменном виде с несколькими уточнениями.

«Му‘риб» – по существу, запись рассказа о поездках автора, о виденном и слышанном в дальних странах. Язык его очень прост, с явными разговорными интонациями, иногда наблюдаются неловкие повторения, характерные для устной речи, записанной слушателем, а не для письменного произведения. В этом сочинении ал-Гарнати совершенно оригинален и свободен от литературных заимствований: кроме двух стихов самого автора, в тексте нет ни одной стихотворной цитаты. Исключение составляет вставной рассказ о легендарном племени ‘Ад с длинной бездарной стихотворной эпитафией, взятый из неизвестного нам сочинения «Сийар ал-мулук» («Жизнеописания царей») аш-Ша‘би.

Зато к «Тухфат ал-албаб» ал-Гарнати подошел как заправский писатель. Содержание его в значительной мере повторяло «Му‘риб», но композиция и направленность сильно изменились. Вместо путевых записок появилось сочинение о чудесах и диковинах. Это подчеркивается даже оглавлением:

I глава. Описание мира и его обитателей из людей и джиннов.

II глава. Описание чудес стран и необычайных построек.

III глава. Описание людей и диковинных животных в них.

IV глава. Описание пещер и могил.

Сравнительно связный рассказ «Му‘риба» о путешествии оказалась разбросанным по разным главам, связь между эпизодами потерялась, некоторые рассказы исчезли, кое-что было добавлено на основании личных впечатлений, не вошедших в «Му‘риб», но основные добавления были почерпнуты из литературных источников. На первом месте стоит уже упоминавшееся выше сочинение «Жизнеописания царей» аш-Ша‘би, откуда взяты все сведения о Шаддаде ибн ‘Аде, о Многоколонном ‘Ираме, о людях без голов, живущих в Судане [Ферран, 1925, с.46, 55, 124, 125]⁶⁵².

Часть таких же фантастических сведений заимствована из других книг, например, о половинках людей, живущих около Саны, он пишет, ссылаясь на какую-то «Историю Сана» [Ферран, 1925, с.45]. Прибавилось в новой книге и стихов, по большей части они вошли вместе с отрывками из сочинений, которые использовал ал-Гарнати; стихи, которые он ввел сам, благочестивого содержания; одна стихотворная цитата из ал-А‘ши, возможно, заимствована из «Истории Йемена» вместе с предыдущим двустишием [Ферран, 1925].

Именно эти дополнения, сделавшие «Тухфат ал-албаб» популярным на всем мусульманском Востоке, явились причиной недоверчивого отношения к сведениям ал-Гарнати в среде востоковедов. Заодно с заведомыми легендами отвергались, как выдумки, описания некоторых морских животных, имеющие под собой вполне реальную основу [Jacob, 1892]. Сейчас легче, чем прежде, отделить легендарные рассказы, слышанные ал-Гарнати в Восточной Европе, от литературных заимствований.

Нам, конечно, важно знать, насколько можно доверять сообщениям «Му‘риба» о Восточной Европе, не фантастическим и легко выделяемым рассказам о девушке, вышедшей из китового уха, или о чудесном купольном здании в Хорезме с недоступными сокровищами, а таким важным сведениям, как, например, о меховых деньгах. Ответ может быть только один: рассказ ал-Гарнати настолько непосредствен, что нет никаких оснований подозревать его не только в измышлениях, но и в том, что он заимствовал их у недостоверных осведомителей. Мы можем встретить у него явные преувеличения вроде чудесной ящерицы, виденной им где-то в Прикарпатье, но не следует забывать, что перед нами типичный человек средневековья, легко допускающий чудесное и объясняющий им все непонятное. Зато во всем, что касается повседневности, ал-Гарнати скрупулезно точен. Этот ал-Гарнати, старик, разбросавший по свету кучу жен и детей и подыскивающий себе новых молоденьких невольниц, нам неприятен своей грубой и беззастенчивой практичностью и стремлением не упустить выгоду, но именно в этом залог достоверности всех реалий, сообщенных им.

⁶⁵² О «Тухфат ал-албаб» и ал-Гарнати см. также [Матвеев, Куббель, с.11–27].

Впрочем, даже фантастические рассказы ал-Гарнати имеют определенную ценность. Некоторые из них встречаются уже в «Записке» Ибн Фадлана, побывавшего на Волге в 922 г. Как показал А.П.Ковалевский, глубоко исследовавший «Записку», эти фантастические рассказы отражают фольклор народов Поволжья [Ибн-Фадлан, 1956, с.60–61] и в этом отношении могут считаться своего рода документом. Повторение тех же рассказов у ал-Гарнати, побывавшего здесь спустя два с лишним столетия (и добавим – ничего не знавшего о своем предшественнике и его «Записке»), лишний раз подтверждает справедливость вывода А.П.Ковалевского.

Сравнение сведений этих двух путешественников явно в пользу ал-Гарнати. Если для Ибн Фадлана за страной Вису находятся легендарные Йаджудж и Маджудж (Гог и Магог), которым Аллах присылает для пропитания гигантскую рыбу [Ибн-Фадлан, 1956, с.139], то у ал-Гарнати речь идет о вполне реальном народе йура (югра), а в рассказе о гигантской рыбе можно узнать нередкие случаи выбрасывания китов на прибрежные отмели. Аналогичный сюжет о гигантской рыбе, выбрасывающейся на берег от преследования еще большей, встречается у ал-Гарнати в описании Атлантического побережья Испании и Гибралтарского пролива [Гот. рук., л.55а, б]; размеры этих рыб лежат на совести рассказчика, но и в том и в другом случае имеются в виду вполне реальные киты. В оправдание нашего автора можно сказать, что и в настоящее время популярные журналы грешат склонностью к публикации фантастических сообщений о морских и озерных чудовищах, так что же требовать от человека средневековья.

Точно так же различаются у обоих авторов рассказы о гигантах. Гигант Ибн Фадлана появился неведомо откуда, приплыв по реке, высота его 12 локтей (6 м), он пожирал людей, и от его дурного глаза происходили всякие несчастья; Ибн Фадлан видел не его самого, а только его скелет [Ибн-Фадлан, 1956, с.138–139]. Ал-Гарнати пишет о реальном человеке огромного роста, имя которого он знал, с которым встречался и здоровался. Конечно, ал-Гарнати явно преувеличил рост велика-

на⁶⁵³ и, говоря о нем, возможно, добавил кое-что из слышанных здесь же легенд о северных великанах, но реальность этого человека вряд ли может вызвать сомнение.

Мы не будем здесь анализировать сведения ал-Гарнати и говорить о том, что нового дают они для древнерусской и болгарской истории. Нашей задачей было определить общий характер сочинений ал-Гарнати.

Первоначально предполагалось перевести лишь текст «Му'риба», опубликованный С.Дублером с дополнением из готской рукописи, но в ходе работы выяснилась целесообразность перевода также и соответствующей части «Тухфат ал-албаб». Она, правда, почти полностью была переведена на немецкий язык Б.Дорном, но его перевод давно уже стал библиографической редкостью и мало кому доступен, а оба сочинения дополняют друг друга, и совместное издание их переводов вполне оправдано. Нами были переведены из «Тухфат ал-албаб» все отрывки о Восточной и Центральной Европе, за исключением легенды об 'адитах, которая дословно повторяет «Му'риб».

Перевод «Му'риба» начинается с части, взятой из готской рукописи, в квадратных скобках указаны листы этой рукописи, а далее – страницы издания С.Дублера. Перевод «Тухфат ал-албаб» сделан по изданию Г.Феррана с привлечением ленинградской рукописи, из которой взято несколько разночтений, страницы издания Г.Феррана указаны в квадратных скобках.

Поскольку издание рассчитано на широкий круг читателей, практически на всех, кто так или иначе занимается отечественной историей, то перевод был технически оформлен в наиболее простом виде: без многочисленных квадратных скобок, в которые обычно вставляют слова, подразумеваемые в тексте (хотя избежать их полностью не удалось), без транскрипционных значков при передаче географических названий и имен собственных, сохранив лишь обозначение (апострофом) согласного звука «айн» в (упрощенной транслите-

⁶⁵³ По словам Абу Хамида, рост великана – 7 локтей (3,5 м) и он доставал ему только до пояса. В этом случае рассказчик должен был быть не менее 2,2 м ростом.

рации арабских имен, названий и терминов).

Комментарии первоначально рассчитывались также и на невостоковедов, поэтому в них объяснены все термины, легендарные персонажи, понятия мусульманского права и т.д. Цель замечаний по тексту – разъяснить не совсем понятные места, чтобы историки-невостоковеды могли увереннее ориентироваться в возможных вариантах понимания текста и использовать его для своих исследований. В примечаниях также указаны расхождения с другими переводами, в первую очередь с испанским переводом С.Дублера. Однако появление новой рукописи и перевод значительного отрывка по неопубликованному и неизвестному до того тексту предьявили к комментариям иные требования. По существу, до перевода следовало дать критический текст совпадающей части двух рукописей и детально разобрать текст готской рукописи в части, предшествующей изданному С.Дублером тексту. Но такое добавление выпадало бы по характеру из общего стиля издания.

Поэтому переводчик ограничился указанием разночтений и дополнил введение некоторыми новыми данными, характеризующими различия между «Му‘рибом» и «Тухфат ал-албаб». В результате комментарии несколько усложнились, хотя и не достигли того уровня, который необходим для специального издания. Такая «гибридность», конечно, является недостатком, но мы надеемся, что, несмотря на это, публикация будет встречена с интересом, которого заслуживает данный источник⁶⁵⁴. Нет сомнения, что научная публикация всего текста нового сочинения ал-Гарнати в свое время увидит свет у нас или за границей.

В заключение переводчик считает своим долгом искренне поблагодарить за все замечания и поправки своих товарищей по работе, сотрудников Арабского кабинета им. И.Ю.Крачковского (сектор Ближнего востока СПбРИВ РАН), особенно А.Б.Халидова, который взял на себя труд просмотреть работу в корректуре и внес ряд важных исправлений.

Му‘риб ‘ан ба‘д ‘аджаиб ал-Магриб
(Ясное изложение некоторых чудес Магриба)
или
Нухбат ал-азхан фи ‘аджаиб ал-булдан
(Выборка воспоминаний о чудесах стран)

[л. 186] И видел я на берегу Хазарского моря⁶⁵⁵ поблизости от города, который называют Бакух⁶⁵⁶, местность, в которой [из земли] выходит битум⁶⁵⁷; эта местность возвышается над морем, в ней много травы и много дичи вроде газелей и тому подобного. Люди охотятся на них, рубят их мясо и кладут его в шкуры вместе с солью и какими хотят крупами и приправами вроде риса и пшеницы или иного. Потом берут трубку из тростника, толстую с обоих концов, и завязывают мясо дичи в шкуру веревкой вместе с [одним] концом этой тростниковой трубки, потом закапывают мясо в эту землю⁶⁵⁸, а [другой конец] тростинки оставляют снаружи. И мясо варится в этой земле, и выходит из него пена через эту трубку, а когда пена кончается, то знают, что мясо уже сварилось. Тогда его вынимают из этой земли и находят его сварившимся, как в *харисе*⁶⁵⁹. Но в то же время в этой земле нет жара, и когда человек спит на ней, то совершенно не чувствует от нее тепла; точно так же когда копают эту землю, то не находят в ней тепла [л. 19а], а в то же время пища выходит из этой земли горячей, как будто варилась на огне. Это – одно из чудес света.

А ночью в этой местности прямо из травы показывается огонь вроде серного огня, а когда на эту землю падает дождь, то огонь увеличивается и разгорается и становится заметнее, но ничего не сжигает и не имеет жару. В этой местности выходит нефть, и земля этой

⁶⁵⁴ Об этом свидетельствует перевод издания 1971 г. на венгерский язык [Abu-Námíid, 1985] и перевод А.Б.Халидовым на татарский язык сведений из «Му‘риба», касающихся Поволжья [Халидов, 1976, 148–152 б.].

местности черная, как уголь. Отсюда вывозят битум в другие местности. Это селение на Хазарском море, которое является границей Дербента.

А в море напротив этой местности, из которой выходит нефть и битум, есть гора из черной глины вроде битума, и море окружает ее. А на вершине ее есть длинная расселина, из которой вытекает вода, и вместе с этой водой выходит что-то вроде небольших камней для весов⁶⁶⁰, [весом] в *даник*⁶⁶¹ и больше. Из них делают желтые бусы, похожие на янтарные, которые люди вывозят во все концы земли.

И есть в этом море недалеко от черной земли два острова, на одном из них – змеи, которые наполняют остров, как трава. На всем острове не удастся никому ступить ногой на землю из-за их многочисленности – они одна на другой. А птицы этого острова несут яйца и высиживают птенцов, несмотря на этих змей. И когда выходят люди с кораблей на этот остров, чтобы набрать тех яиц и птенцов, то берут в руки заостренные тростинки и палки и удаляют ими змей со своего пути, чтобы можно было идти и собирать яйца и птенцов среди этих змей. [л. 19б] И они не причиняют вреда ни людям, ни этим птицам, ни их яйцам. А другим островом завладели джинны. На нем нет животных, но слышны на нем голоса.

Описание Баб ал-абваба (а это – Дербент)⁶⁶². Основание его – скала и стена его из скалы. Он длинный – от горы до моря расстояние трех фарсахов, а ширина его – полет стрелы, и есть у него железные ворота. Завоевал его Маслама, сын ‘Абд ал-Малика – один из его сыновей⁶⁶³. У него есть много башен, в каждой башне, мечеть, и дома для воинов, и верхние помещения. А на стене со стороны страны неверных находится стража с колокольчиками, возглашающая с начала ночи и всю ночь поминающая Аллаха. А на этих башнях днем и ночью находятся стражи, смена же караула часта⁶⁶⁴.

А меч Масламы находится вне города на холме, на котором для этого меча построили что-то вроде *михраба*⁶⁶⁵ из цельного куска скалы, меч же вынут из ножен и прислонен к стене в этом *михрабе*. Совершают к нему паломничество только в белой одежде, а если к нему направится кто-нибудь в одеянии, окрашенном в какой-либо цвет, то начинается дождь и ветер, так что деревни вокруг него едва не погибают; поэтому в *рустаках*⁶⁶⁶ на дорогах к этому холму поставлены стражи, которые не пускают тех, кто идет смотреть меч в цветной одежде.

А выше⁶⁶⁷ Дербента в дне пути под горой на двух больших холмах находятся две деревни.

А вне Дербента есть источник среди деревьев, [л. 20а] каждую ночь к нему приходит группа людей, чтобы там ночевать. И иногда ночью из этой воды им является сильный свет, такой, что люди видят друг друга. Этот источник называют «Источник воздаяния»⁶⁶⁸.

Выше Дербента входил я в горы Калалат, в которых [обитает] множество народов, все они мусульмане, следующие исламу, да помилует их Аллах! Они говорят на разных языках, а число их [народов] знает только всевышний Аллах. Они живут на высоких вершинах гор, где очень холодно, и одеваются люди из-за сильного холода в меха, а кроме того, на них еще тяжелые накидки⁶⁶⁹. Люди этой страны живут долго, и много у них всяких благ, таких, как мед, и мясо, и фрукты в их долинах. Они народ великодушный, и есть у них простые мечети и соборные. И в каждой мечети около *михраба* есть помещение, которое называют «казна»⁶⁷⁰; когда умирает тот, у кого нет наследника, то его имущество отдают в это помещение и предназначают его для путников, там хранится также часть закята⁶⁷¹. А в противоположном конце мечети есть большое помещение⁶⁷² [4], предназначенное для иноземных неученых гостей, что же касается людей науки⁶⁷³, то их везут в свои дома. Я жил у одного из их эмиров, известного под именем Абу ал-Касим; его рабы каждый день резали для меня барана, я говорил им: «Разве ничего не осталось от того барана?» – а они отвечали: «Да, [осталось], но наш господин нам так приказал»⁶⁷⁴.

Этот эмир читал под моим руководством «Удовлетворяющую книгу» ал-Махамили⁶⁷⁵ по *фикху*⁶⁷⁶; а он – да помилует его Аллах! – говорил на разных языках, таких, как: [5] лакзанский, и табаланский, и филанский, и за‘каланский⁶⁷⁷, и хайдакский, и гумикский, и сарирский, и аланский, и асский, и зарихкаранский⁶⁷⁸, и тюркский, и арабский, и персидский. У меня на занятиях присутствовали люди из этих народностей, и он объяснял [содержание этой книги] каждой народности на ее языке⁶⁷⁹.

А однажды я был в гостях у сестры этого эмира, и она сказала своему брату: «Спроси этого человека: если я буду с моим мужем и будет у него поллюция, то обязательно ли мне омовение?» Я подивился ей и сказал ему: «Скажи ей⁶⁸⁰, что женщина из *ансаров*⁶⁸¹ спросила подобное этому у посланника Аллаха, – да благословит и сохранит его Аллах! – и тот ответил: если она увидит воду⁶⁸², то пусть совершит омовение. И сказал посланник Аллаха – да благословит и сохранит его Аллах! – лучшие жены – жены ансаров! Стыдливость не препятствует им постигать⁶⁸³ религию».

[5] И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки⁶⁸⁴.

И на ней находится город, который называют Саджсин⁶⁸⁵, в нем сорок племен гуззов⁶⁸⁶, и у каждого племени – отдельный эмир. У них [гуззов] большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба⁶⁸⁷ – тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен⁶⁸⁸. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгары⁶⁸⁹. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара»⁶⁹⁰, она тоже многочисленна.

А в день праздника выносят [л. 20б] многочисленные *минбары*⁶⁹¹, и каждый эмир молится с многочисленными народностями. И у каждой народности есть кадии⁶⁹², и *факихи*⁶⁹³, и *хатибы*⁶⁹⁴; и все толка Абу [6] Ханифы, кроме «магрибинцев»⁶⁹⁵, которые толка Малика, иноземцы же толка Шафи'и⁶⁹⁶, и дом мой сейчас среди них, и [среди них] невольницы-матери⁶⁹⁷, и мои сыновья, и мои дочери⁶⁹⁸.

А эта область⁶⁹⁹ очень [5] холодная. И в этой реке есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете, одну рыбу может снести только сильный мужчина, и еще такой вид рыбы, что ее может снести только сильный верблюд⁷⁰⁰. Но есть среди них также и маленькие⁷⁰¹. В такой рыбе нет мелких косточек и нет костей даже в голове, и зубов у нее нет. Она вроде овечьего курдюка, нашпигованного куриным мясом, нет, даже приятнее мяса жирного барашка и вкуснее. Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и курятины⁷⁰². Покупают такую рыбину, в которой сто *маннов*⁷⁰³, за *полданика*⁷⁰⁴. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц⁷⁰⁵, а из желудка выходит [7] полманна и больше рыбьего клея⁷⁰⁶. И вялят ее ломтями, и становится она⁷⁰⁷ лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающего янтаря⁷⁰⁸, ее едят с хлебом, как она есть, не нужно ни варить, ни жарить.

У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских *маннов*⁷⁰⁹ стоят *динар*⁷¹⁰, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса⁷¹¹.

А мясо у них дешевое, так что бывают бараны, когда приходят караваны неверных, один баран за *полданика*, а ягненок за *тассудж*⁷¹². И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни⁷¹³, и есть сорт дынь, который держится зимой⁷¹⁴.

А зима у них очень холодная⁷¹⁵. Их зимние дома – из больших бревен сосны⁷¹⁶, положенных один поверх другого, а их крыши [8] и потолки из деревянных досок⁷¹⁷. И разводят они [в домах]⁷¹⁸ огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараными шкурами с мехом⁷¹⁹, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много.

И замерзает эта река так, что становится, как земля, ходят по ней⁷²⁰ лошади и телята и всякий домашний скот⁷²¹. И на этом льду они сражаются. И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, тысяча шагов и восемьсот сорок с чем-то шагов моими шагами.

А джинны сделали Сулайману⁷²² рядом с этой рекой тысячу рек, каждая река размером в милю⁷²³, и вынули из них землю, и стало так, будто около этой реки гора, ширина ее – полет стрелы, а рядом с ней похожих на нее тысяча гор и тысяча рек, рек глубоких, наполненных водой из этой реки. И размножается в них рыба, и становится [многочисленной] подобно праху. И любое судно, которое приходит в одну из этих рек, ставит сеть в устье реки, [9] и вводят они суда [в устье], наполняя суда [рыбой]⁷²⁴. Даже если бы судов была

бы сотня, то и они заполнились бы из одной реки разными видами рыбы, а эти реки не были бы исчерпаны. Нет ничего подобного этому.

А за этими реками и горами на несколько дней пути протянулась земля, вся покрытая солью⁷²⁵, красной, и белой, и синей, и разных других цветов. Наполняют ею суда и везут по этой реке в Булгар. А между Саджсином и Булгаром по этой реке [надо плыть] сорок дней.

А Булгар тоже огромный город⁷²⁶, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. А вокруг него без конца [всяких] народов, они уже за пределами семи климатов⁷²⁷. Когда день длинный, то длина его двадцать часов, а ночь – четыре часа. [10]. А когда наступает зима, длится ночь двадцать часов, а день – четыре часа.

А летом в полдень жара у них сильная, сильнее, чем во всем свете, а вечером и ночью воздух холодает, так что нужно много одежд. Я постился там в месяц *рамадан* летом, и нарушил [пост]⁷²⁸, и забирался под землю в помещение, в котором была вода, выходящая из земли. А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза. А царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей. А жители Булгара – выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый.

И есть в их земле кости племени ‘Ад⁷²⁹, ширина одного зуба – две пяди, а длина его – четыре пяди; а от головы его [т.е. великана] до плеча – пять *ба*⁷³⁰, а голова его, как большой купол, и их там много. [11] А под землей есть бивни слонов, белые, как снег, тяжелые, как свинец, один – сто *маннов* и больше и меньше, не знают, из какого зверя они выломаны. И вывозят их в Хорезм и Хорасан. Из них изготавливают гребни и шкатулки и другое, так же, как изготавливают из слоновой кости, но только это – крепче слоновой кости: не ломается⁷³¹.

И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят *джизью*⁷³² царю булгар. А смысл слова *булгар* – ученый человек. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к ним из Бухары⁷³³, а был он *факихом*, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да». Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь [12] хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем принял эту веру без моего приказа?» И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: Аллах велик!» И они стали кричать: «Аллах велик! Аллах велик! Аллаху хвала! О боже, благослови Мухаммада и род Мухаммада!» – и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи – войско Аллаха, великого и славного».

А ученый у них называется *балар*, поэтому называли эту страну «Балар», смысл этого – «ученый человек», и арабизировали это, и стали говорить «Булгар». Это прочитал я в «Истории Булгара», переписанной булгарским кадием, который был из учеников⁷³⁴ Абу ал-Ма‘али Джувайни⁷³⁵, да помилует его Аллах.

[13] А у него [Булгара] есть область, [жители которой] платят *харадж*⁷³⁶, между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису⁷³⁷. И есть другая область, которую называют Ару⁷³⁸, в ней охотятся на бобров, и горностаев, и превосходных белок. А день там летом двадцать два часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров.

А бобер удивительное животное, живет в больших реках, и строит дома на суше рядом с рекой, и делает для себя что-то вроде высокой суфы⁷³⁹, а справа от него приступка для жены, пониже той суфы, что для него, а слева от него – для его детей.

[14] А в нижней части этого дома место для его рабов. И есть у дома дверь к реке и дверь повыше – на сушу. А он питается то деревом *халандж*⁷⁴⁰, то рыбой. Они нападают друг на друга и берут друг друга в плен. И купцы в этой стране и в Булгаре отличают шкурки бобров-рабов; дело в том, что бобер-слуга режет дерево *халандж* для своего господина и оттаскивает его ртом, а поэтому слуга, который срезает его, трет его своими боками,

и выпадает шерсть из его шкуры справа и слева. [По этим признакам] и говорят: «Это – слуга бобра». А у бобра, которого обслуживают, нет следов на шкуре. А Аллах всевышний говорит: «...И внушило ей распущенность ее и богобоязненность»⁷⁴¹.

А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура⁷⁴². Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой [15] ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем – большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество⁷⁴³ отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары.

И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфакане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют [16] эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон.

И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных – только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль.

А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски – ба, а ширина – пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу, в нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам [17]. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке – палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти⁷⁴⁴, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле⁷⁴⁵, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка, не слеживается совсем. И какое бы животное ни пошло по этому снегу, проваливается в него и умирает в нем, кроме собак и легких животных вроде лисицы и зайца, а они проходят по нему легко и быстро. А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют так, что становятся вроде ваты, таким же образом белеют и волки. В области Булгара их шкуры белеют зимой.

[18] А эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем булгары везут их в Вису, где водятся бобры, затем жители Вису везут их в Йуру, и [ее жители] покупают их за соболиные шкуры, и за невольниц, и невольников. А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы, которую [рыбу] преследует, желая ее съесть, другая рыба, больше ее во много раз. И спасается маленькая от большой, и приближается к суше, и попадает на место, откуда не может возвратиться в море, и остается там. А большая рыба не может достать меньшую и возвращается в море.

Выходят жители Йура в море на судах и отрезают [мясо] от ее боков, а рыба не чувствует этого и не шевелится, и они наполняют свои дома ее мясом и поднимаются на ее спину, а она, как огромная гора. И остается она у них какое-то время, пока [19] они отрезают от нее: каждый, кто бросил в море меч, берет от рыбы долю. А иногда поднимается вода моря, и всплывает эта рыба и возвращается в море, а ее мясом наполнены уже сто тысяч домов, а то и больше⁷⁴⁶.

А мне рассказывали в Булгаре, что одной из этих рыб в один из годов сделали отверстие в ухе, и проделали в него веревки, и потащили эту рыбу; и открылось ухо рыбы, и изнутри

его вышла девушка, похожая на потомков Адама: белокожая, румяная, черноволосая, толстозадая, прекраснейшая из женщин. И взяли ее жители Йуры и привезли на сушу, и это существо⁷⁴⁷ стало бить себя по лицу, и рвать волосы, и вопить. А Аллах сотворил ей в ее средней части, от пояса до колен, нечто вроде белой кожи, похожее на крепкую плотную ткань, покрывающее ее срам, будто *изар*⁷⁴⁸, обвязанный вокруг пояса и прикрывающий ее срам. Они держали ее, пока она не умерла у них. Поистине, могуществу Аллаха нет предела!⁷⁴⁹

[20] Говорят:⁷⁵⁰ действительно если жители Йура не бросят в море мечи, о которых я упоминал, то им не будет послана рыба, и они умрут от голода.

Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области вступает кто-нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодают, как зимой, и у людей гибнут посевы. Это у них проверено. Я видел группу их в Булгаре во время зимы: румяных (кранощеких), с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый, как уксус [21], он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющейся тем, что они едят бобровое и беличье мясо и мед.

И есть в их стране вид большой птицы с длинным клювом, клювы этих птиц повернуты вправо и влево: верхняя половина – вправо на шесть пядей, [нижняя] – влево на шесть пядей, вот таким образом, вроде *лам-алифа*⁷⁵¹. А когда эта птица ест или пьет, то смыкает свой рот, и ест, и пьет. А мясо этой птицы помогает от камней в почках и мочевом пузыре. Его привозят вяленным, нарезанным маленькими кусочками. А когда ее яйцо упадет на лед или снег, то растапливает его, как растапливает огонь. И селится она только на земле или на дереве⁷⁵².

Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше, чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут его водяным соболем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджсин, а водится он в этой реке.

Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева.

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти [23], и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету [славян] серебряный дирхем, связывают [шкурки] в связку и называют ее *чакан*⁷⁵³. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине.

На них покупают любые товары: невольниц, и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячу их व्यюков за *хаббу*⁷⁵⁴ и негодились бы они совсем ни на что. Когда они [шкурки] испортятся в их домах, то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают.

[24] А у славян строгие порядки⁷⁵⁵. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его. И остается он рабом, служа тому, у кого он находится, пока не умрет или не отдаст то, что заплатили за него. И совсем не засчитывают ему в его цену ничего за служение господину.

А страна их безопасная. Когда мусульманин имеет дело с кем-нибудь из них, и славянин обанкротился, то продает он и детей своих и дом⁷⁵⁶ свой и отдает этому купцу долг.

Славяне храбры. Они придерживаются византийского толка несторианского христианства.

А вокруг них – народность, живущая среди деревьев, бреющая бороды. Живут они на [берегах] огромной реки и охотятся на бобров в этой реке. Мне рассказывали о них, что у них каждые десять лет становится много колдовства, а вредят им их женщины из старух-колдуний. Тогда они хватают всех старух в своей стране, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она не колдунья, а которая остается поверх воды – сжигают на огне⁷⁵⁷.

Я оставался у них с караваном длительное время, страна их безопасна. *Харадж* они платят булгарам. И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны. Так мне сообщил тот, кто знает их обстоятельства.

И прибыл я в город славян, который называют «Гор Керман»⁷⁵⁸. А в нем тысячи «магрибинцев»⁷⁵⁹, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]⁷⁶⁰.

И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на [дочери] одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их *хутбе*⁷⁶¹, а они не знали пятничной молитвы.

[26] И остались у них некоторые из моих спутников, обучавшихся у меня, а я поехал к [народу] *башикирд*⁷⁶², обитающему в сорока днях пути выше⁷⁶³ страны славян, мимо языческих народностей, разновидностям которых нет числа. И [живут] они среди высоких деревьев и садов, таких [больших] деревьев я не видел нигде на всем свете, а плодов у них нет.

И увидел я однажды у основания дерева нечто похожее на ящерицу⁷⁶⁴, с руками и ногами, [она такая], будто Аллах всевышний вывел ее из рая, она словно сделана из красного прозрачного яхонта, такого прозрачного, что сквозь него проходит взор⁷⁶⁵, и из чистого блестящего золота, подобного этому я не видел нигде на свете: [27] она как будто совершенное произведение искусства. Я изумился ее красоте. Мои спутники окружили ее верхом на конях, а она смотрела так, будто в глазах ее волшебство, и поворачивала нам свою голову то вправо, то влево, но не двигалась с места, совершенно не боясь нас.

И вот прибыл я в страну Ункурийа (Венгрия), там народность, которую называют *башикирд*, она первая из тех, что вышли из страны тюрков и вступили в страну франков, и они [венгры] храбры, и нет им числа. И страна их, которая известна под названием Ункурийа, состоит из 78 городов. У каждого из этих городов множество крепостей, и волостей, и сел, и гор, и лесов, и садов. И в ней живут тысячи «магрибинцев»⁷⁶⁶, нет им числа. И в ней – тысячи хорезмийцев, которым тоже нет числа⁷⁶⁷. А хорезмийцы, служа царям, внешне исповедуют христианство, а втайне – ислам; магрибинцы же служат христианам только во время войн и открыто исповедуют ислам.

[28] И когда я прибыл к магрибинцам, они оказали мне почет, а я наставлял их кое в чем из науки⁷⁶⁸, и научил некоторых из них говорить по-арабски, и, не жалея сил, занимался с ними повторением и заучиванием обязательных предписаний в отношении молитвы и других проявлений поклонения Аллаху. Кратко рассказал им о хадже⁷⁶⁹ и правилах nasledования, так что они стали делить наследство [по-мусульмански].

И сказал мне один из них: «Хочу переписывать и учиться по книге»⁷⁷⁰ (а он уже хорошо говорил по-арабски). Я ответил ему: «Старайся запомнить и понять и не говори о книгах без *иснада*⁷⁷¹, и ты постигнешь, если поступишь так». А он сказал: «Разве ты не говорил: «Сказал пророк, да благословит его Аллах и да сохранит: закрепляйте знания письменами?» Я ему ответил: «В книге нет знания, в ней только письмена, ведущие к знанию, – когда их запоминают, тогда они становятся знанием, ибо знание – свойство ученого», – и произнес ему мои стихи:

Знание в сердце не то, что в книгах,
И не обольщайся игрой и забавами.

[29] И произнес ему еще мои стихи:

Запишешь знание и положишь в ларец,
Но не запомнишь – не добьешься никакого успеха.
Только тот добьется успеха, кто запомнит его,
Уразумев и оградив от ошибок⁷⁷².

«А когда запомнишь, то запиши по памяти, и тогда это будет знание, закрепленное твоей памятью. А если спишешь с книги, то это будет переписанной рукописью, а совсем не будет знанием. Знай это».

До этого они не знали пятничного моления, и вот выучились они пятничной молитве и *хутбе*⁷⁷³, и я им сказал: «Подлинно, пророк, да благословит и сохранит его Аллах, сказал: «Пятничное моление – *хаджж* бедняков, кто не в состоянии совершить *хаджж*, но присутствует на пятничном молении, тому будет записано вознаграждение *хаджж*». А сейчас у них больше 10 000 мест, где в пятницу произносят *хутбу* явно и тайно, потому что их область огромна. Я пробыл среди них три года, но смог посетить только четыре города. А эта область⁷⁷⁴ расположена от Великой Румии⁷⁷⁵ до границ Кустантиний⁷⁷⁶. И в ней есть горы, в которых добывают золото и серебро.

[30] И эта страна – одна из наиболее изобильных и благоденствующих: бараны бывают по двадцати за динар, а ягнята и козлята – по тридцати за динар, а мед – 500 *рублей* за динар, а красивая невольница – десять динаров. А во время набегов покупают превосходную невольницу за три динара, а румского невольника...⁷⁷⁷.

Я купил невольницу, рожденную в рабстве⁷⁷⁸, отец, мать и брат которой живы, купил я ее у ее хозяина за десять динаров, [она была] пятнадцати лет, прекраснее полной луны, черноволосая и черноглазая, белая, как камфара, умела варить, шить и считать. И купил я другую невольницу, румийку, восьми лет, за пять динаров.

И вот купил я однажды два кувшина полных сотового меда с воском за полдинара и сказал ей: «Тебе надо очистить этот мед, отделив воск», – вышел на суфу⁷⁷⁹ у ворот дома, на которой собирались люди, и посидел там с людьми некоторое время, потом вошел во двор и увидел пять кругов воска, чистого, как золото, и большой кувшин с медом, похожим на розовую воду. Мед был очищен и разлит по кувшинам за один час.

Родился у нее [31] сын и умер. Я освободил ее и назвал ее Марьям, мне очень хотелось, чтобы она поехала со мной в Саксин, но я опасался за нее из-за тюркских невольниц-матерей, которые были у меня в Саксине⁷⁸⁰.

А царь [народа] *башикирд* все время разоряет страну Рум. Я сказал этим мусульманам: «Участвуйте в *джихаде*⁷⁸¹ вместе с этим царем, и будет вам записано за это вознаграждение *джихада*. Они вышли вместе с ним в страну Кустантиний и обратили в бегство двенадцать армий царя Рума. И привели группу туркмен из войска Кони. Я спросил некоторых из них: «Зачем вы пошли в войско царя Рума?» Они ответили: «Он нанял каждого из нас за двести динаров, и мы не знали, что в этой земле есть мусульмане». Я послал их в страну Рума, чтобы они вернулись в Конию.

И прибыл правитель Кустантиний, прося мира, и роздал много денег, и [возвратил] множество пленных мусульман. И рассказали мне некоторые из пленных мусульман, которые были в Руме, что царь Рума спросил: «По какой причине царь *башикирд* выступил против моей страны и опустошил ее, ведь у него не было такого обыкновения?» И сказали ему: «У царя *башикирд* есть войско из [32] мусульман, которым он позволил открыто исповедовать их религию, они-то и есть те, которые привели его в твоё царство и опустошили твою страну». И сказал царь Рума: «А вот мусульмане, которые у меня, не сражаются вместе со мной». Ему ответили: «Ты принуждаешь их к принятию христианства». Он сказал: «Я никогда не принуждал мусульман к принятию моей религии и [даже] строил им мечети, чтобы они сражались вместе со мной».

А царя *башикирд* зовут *кирали*⁷⁸², и царство его больше царства правителя Рума во много раз, и войско его неисчислимо. И страна его обширнее страны Рум на двадцать дней пути и даже больше. Он исповедует толк *ифранджей*⁷⁸³, потому что он взял жену из них

и совершает походы на страну *ифранджей* и берет их в плен. И все народы боятся войны с ним из-за многочисленности его войск и большой его храбрости.

И когда он услышал, что я запрещаю мусульманам питье вина и разрешаю иметь наложниц и четыре свободных жены, то сказал: «Это неразумно, потому что вино укрепляет тело, а [обладание] многими женщинами ослабляет тело и рассудок, религия мусульман не придерживается разума». [33] А я сказал переводчику: «Скажи царю: закон мусульман не похож на закон христиан, ведь христианин пьет вино за едой, как воду, и не пьянеет, и это увеличивает силу, а мусульманин, который пьет вино, желает от него только сильного опьянения, и уходит его разум, и становится он как безумный: прелюбодействует, и убивает, и безбожничает, – нет в нем ничего хорошего, – и отдает свое оружие и коня, и растрачивает деньги в погоне за наслаждением вином. А ведь они здесь – твоё войско. И когда прикажешь ты ему идти в поход, не будет у него ни коня, ни оружия, ни денег – все потерял из-за питья. Так знай же: либо ты его убьешь, или побьешь, или прогонишь, либо придется дать ему коня и оружие, а он снова его погубит. Что касается наложниц и жен, то совокупление подходит мусульманам из-за пылкости их природы. А кроме того, они – твоё войско, и, если умножатся их дети, умножится и твоё войско».

И сказал он: «Послушайте этого старца. Он действительно умен. Женитесь, как хотите, я не буду этому препятствовать». Этот царь противодействовал священникам и разрешал [иметь] наложниц. Этот царь любил мусульман.

[34] И оставил я у них моего старшего сына Хамида, а ему было в тот день, когда я его оставил, тридцать с лишним лет, и был он женат на двух женщинах из дочерей почтенных мусульман, и был наделен сыновьями. И был он достойным [ученым]. В детстве я давал ему по *полданика* за каждый вопрос, который он запоминал⁷⁸⁴.

А в [стране] Башкирд [водятся] дикие быки, большие вроде слона. Шкуру одного такого быка везут два сильных мула, а голову его везут на повозке. На них охотятся, и называют их *сайтал*⁷⁸⁵. Это одно из удивительнейших животных. У него вкусное и жирное мясо, а рога его большие, длинные, как бивни у слона.

[35] И видел я в этой стране множество могил племени ‘Ад. Мне вынули [оттуда] половину корня переднего зуба одного из них: ширина его – пядь, а вес – 1200 *мискалей*⁷⁸⁶, а голень одного из них такая, что я не мог одной рукой поднять эту кость с земли.

Аш-Ша‘би⁷⁸⁷ в своей книге «Книга жизнеописаний царей» упоминает, что когда Шаддад ибн ‘Ад строил многоколонный ‘Ирам⁷⁸⁸, то послал сына своего дяди по отцу, ад-Даххака ибн ‘Алвана ибн ‘Ирама ибн Сама⁷⁸⁹, а с ним десять тысяч великанов, отправив его в Ирак и Хорасан. И был с ними верующий человек из последователей Худа⁷⁹⁰, – да будет мир над ним, – которого звали Лам ибн ‘Абир ибн ‘Ад ибн ‘Ирам. И [упоминает он], что ад-Даххак угрожал ему и опасался его, потому что Лам запрещал ад-Даххаку несправедливость и враждебность и порочное [поведение]. И сказал ему ад-Даххак: «Поистине, ты выступаешь против царя и стал следовать религии Худа». И ушел он, опасаясь ад-Даххака, и направился в северную сторону, пока не прибыл в пустынную местность за Великой Румией [36], где не было никого из людей. Он нашел там свинцовый рудник и построил здание с куполом из свинца, окружность которого – четыре тысячи локтей, а высота – тысяча локтей, и был он погребен в нем. И [упоминает], что когда исчез Лам ибн ‘Абир, то ад-Даххак послал на его поиски двух человек из своих эмиров, с каждым эмиром было войско из его сторонников. И прибыл один в Булгар, а другой в Башкирд, и искали его в северных странах, но не обнаружили его следов. И был убит ад-Даххак, и остались эти великаны в земле булгар и *башкирд*, там и находятся их могилы.

[36] А в здании с куполом из свинца, который построил Лам ибн ‘Абир, на его могиле [лежит] мраморная плита со стихами:

Я Лам, сын ‘Абира, сменивший
мрак многобожия на искреннюю веру,
Говоря: нет божества, кроме Него,
господа моего, в котором мое прибежище.
И захотел от меня ад-Даххак и неверующие,
чтобы я уподобился ему в слепоте и заблуждении,

И вот покинул я страну со всеми своими,
и освободил ему свой квартал и двор.
Я был верующим в Аллаха⁷⁹¹, господу Идриса⁷⁹² и Ноя
и убежденным в возмездии.
Жил я долгое время в пустыне,
страшась и скрываясь от ослушников.
Построил я с помощью Аллаха, обладателя мощи,
из листов свинца то, что вы видите,
[37] И приказал своим сынам похоронить меня
внутри него в моих плащах и рубахах.
Придет спустя века после меня пророк
из хашимитов⁷⁹³, вершина и лучший [из пророков],
Богобоязненный, благочестивый, сострадательный и милостивый
к сиротам и голодным беднякам,
О, если бы дожил я, чтобы увидеть его,
дабы достичь желаемого и [получить] достоинство избранных!

И видел я в Булгаре человека из потомков 'адитов, рост которого – больше семи локтей, я доставал ему до пояса⁷⁹⁴. Он был сильным: брал заколотую лошадь, и ломал ее кости, и рвал кожу и сухожилия быстро, в одно мгновение, я не мог бы разрубить ее с такой скоростью и топором. А царь Булгара изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А шлем у него из железа вроде большого котла. Он сражался такой огромной длинной дубиной из крепкого дуба, которую не сможет поднять сильный мужчина [38], а она в его руках была как палка в руке одного из нас. А тюрки уважали и почитали его и когда видели его идущим им навстречу, то разбегались, говоря: «Это господь наш прогневался на нас». Но при всем этом он был любезным, добродетельным, миролюбивым. И не было в Булгаре бани, которая могла бы его вместить, кроме одной высокой бани с широкими дверями.

И вот просил я у царя *башкирд* разрешения выехать в страну мусульман, в Саджсин, и сказал: «Ведь дети мои и жены мои там, а я вернусь к тебе, если пожелает Аллах». И сказал он: «Оставь здесь своего старшего сына Хамида, и я пошлю с тобой посланца из мусульман, чтобы он набрал для меня из беднейших мусульман и тюрков тех, кто хорошо мечет стрелы». И послал со мной письмо к царю славян и запечатал красным золотом, на котором было изображение царя. И послал он со мной человека, которого звали Исма'ил ибн Хасан, одного из тех, кто читал под моим руководством. И был он из сыновей храбрых мусульманских эмиров, которые открыто исповедуют свою религию, а вместе с ним были его *гулямы*⁷⁹⁵ и группа его присных⁷⁹⁶.

[39] И когда я прибыл в страну славян, то царь ее оказал мне почет, уважая его письмо и боясь его [царя Венгрии]. И перезимовали мы у него, а к весне выехали в страну тюрков, направляясь в Саджсин. И выехал вместе со мной 'Абд ал-Карим ибн Файруз ал-Джаухари, который выехал из страны славян со своей женой и сыном, оставил свою жену в Саджсине, а потом вернулся в страну славян.

Я набрал для этого посланца группу мусульман, которые мечут стрелы, и послал я вместе с ними своего ученика из моих спутников, одного из тех, кто выучил кое-что из *шари'ата*⁷⁹⁷, и сказал: «Я направляюсь в *хаджж* и вернусь к вам, если захочет Аллах, дорогой через Конюю». А когда они уехали в [страну] Башкирд, я [поехал] и плыл морем месяц, направляясь в Хорезм, где я уже бывал до этого.

А страна Хорезм [протянулась] на сто фарсахов⁷⁹⁸, в ней много городов, селений и *рустаков*⁷⁹⁹ и крепостей. И в нем [Хорезме] есть такие фрукты, подобных которым я не видел ни в одной из стран [40], которые я посетил. В нем есть сорта дыни, вкуснее и приятнее сахара и сотового меда. И есть в нем сорт дыни с зеленой коркой и черными крапинками, а внутренность ее красная, как сердолик, очень, очень сладкая, и внутренность эта плотная. Одна дыня в десять *маннов*⁸⁰⁰ и больше и меньше. Подвешивают их в домах на всю зиму и продают на базарах. А также есть сорта винограда вроде фиников, красного и белого, который подвешивают на зиму, и он дешев. И есть также яблоки, и груши, и гранаты, они ук-

рашают ими лавки все время, особенно весной, и кажется человеку, что они только что сорваны в саду.

[41] А жители Хорезма – достойные ученые, поэты и благородные люди. Их проповедник ал-Муваффах ибн Ахмад ал-Макки сообщил мне, что он встречался с господином вазиром ‘Аун ад-дином⁸⁰¹, и сказал он мне: «Я не видел среди вазиров и почтенных людей более достойного и благочестивого и великодушного, чем вазир ‘Аун ад-дин». И хаживал ко мне часто один из слуг вазира, которого звали ‘Абд ал-Вахид ибн Файруз ал-Джаухари, и видел я, что он полон благодарности [к вазиру]. Сообщал мне об этом также шейх *факих* Махмуд аш-Шафи’и, *имам суннитов*, он сказал: «Был я вместе с проповедником у вазира ‘Аун ад-дина, вазира-повелителя верующих, в Багдаде, а проповедник восхвалял повелителя верующих в стихах в присутствии ‘Аун ад-дина. И сказали ему в диване⁸⁰²: «Стой, пока будешь читать стихи в хвалу повелителя верующих». И стоял я, и стоял проповедник, пока читались стихи с восхвалением повелителя верующих в присутствии вазира ‘Аун ад-дина, да продлит Аллах его величие!»

А в области Хорезма, по дороге в Саджсин, на расстоянии восьми фарсахов от Хорезма, – чудо. Там в горе – большое ущелье, а в нем – высокий холм. А на холме – постройка вроде мечети с куполом и четырьмя большими дверями с арками. И наполняют эту мечеть золотые кирпичи, которые видны глазом, их видит каждый, кто останавливается около нее. А вокруг этого холма – вода, окружающая его, стоячая, у которой нет иного пополнения, кроме дождя или снега в зимнее время. И видна земля под этой водой, глубина которой на глаз – два локтя и больше и меньше, на ней зелень, и вода эта вонючая. И не осмеливается никто войти в нее или сунуть в нее руку или ногу. И как только положат в эту воду что-нибудь, оно поглощается и исчезает, и не видно, куда исчезает. А ширина этой воды на глаз – сто локтей.

И пришел к этому месту Махмуд, владетель Газны⁸⁰³, а был он царем великим, могущественным. И пробыл там некоторое время. И привезли они лодки; как только спускали лодку в эту воду, она тонула. Тогда он приказал всему своему войску возить землю, и тростник, и дерево, и камни на всех их лошадях и верблюдах. Стали бросать в эту воду, и непонятно было – куда все девается. И надували бурдюки, и мехи, и мочевые пузыри коров и овец, и [как] попадали в эту воду, так исчезали, и не оставалось от них следа.

И останавливался [там] царь Хорезма ‘Ала ад-Даула хорезмшах⁸⁰⁴, да помилует его Аллах, он приложил очень много стараний ради этого сокровища, но не смог получить [из него] ничего.

Говорят, что если в эту воду попадает животное, то никогда не сможет выбраться из нее, даже если бы оно было привязано веревками, и тащили бы его люди, не смогли бы вытащить его никогда. Все равно исчезнет в этой воде. А если сильный человек выстрелит стрелой, то достигнет она этого золота. И в ней [мечети] столько золота, что не оценить его цены, [лежит] оно открыто. Его видит каждый, кто приезжает к нему из Хорезма: и путешественники и неверующие, но нет никакого способа получить его, если только не захочет Аллах. И это – одно из чудес света.

Рассказал мне один из *факихов* в Хорезме, что один из жителей *рустака* прибыл в Хорезм⁸⁰⁵ и вынул на базаре миску из зеленого изумруда, подобной которой люди никогда не видали. И привели его к хорезмшаху. И сказал он ему: «Где ты это нашел?» И он ответил: «Пошел я, чтобы посмотреть на этот клад, и увидел там большой зеленый купол вроде этой чаши, а в нем гробница, надгробье которой такое же зеленое, а на надгробье – большие чаши, я не мог снести ни одной из них из-за тяжести и величины, и не нашел я там меньше этой. И сделал я на дверях камнем заметку». И поехал хорезмшах со своим войском, и прибыли в то место, которое описал этот деревенский. И сказал хорезмшах: «Это дело джиннов». И дал этому деревенскому сколько-то денег, благодетельствовал его и облегчил ему *харадж*. Чаша эта не имеет цены, а Аллах знает лучше.

И прокопал хорезмшах канал из Джейхуна⁸⁰⁶, желая довести его до этого места, но умер, не закончив этот канал.

И вот упомянул я кратко часть того, что видел, а если бы объяснял, то растянулась бы книга; и кратко достаточно. И если бы не эти достойные имамы, которые просили меня

и желали, чтобы был собран этот сборник, то я не взялся бы за этот сборник, ибо не считаю себя способным к сочинительству.

А выехал я из [страны] Башкирд в 53 году⁸⁰⁷, и выехал из Саджсина в Хорезм в 54 году, и выехал из Хорезма, направляясь в *хаджж*, в *раби* 'ал-аввал 55 года, в *шаввале*...⁸⁰⁸.

Совершил *хаджж* и возвратился в Багдад. И оказал мне содействие господин вазир 'Аун ад-Даула, слава ислама, избранник *имама*, честь смертных, прославляющий государство, покровитель общины, корона царей и султанов, глава вазиров, центр Востока и Запада, избранник халифата, помощник повелителя верующих, да продлит Аллах своей добротой подавление врагов его государства. И даровал он мне столько почетных одежд, и денег, и милостей, что нельзя сосчитать и перечесать. И взял для меня письмо от его величества халифа – да протянет Аллах его тень⁸⁰⁹ над обоими мирами от Востока земли и до Запада и да принизит и посрамит врагов его! – в котором он написал правителю Кониин, сыну царя Мас'уду⁸¹⁰ – Да помилует его Аллах! – чтобы я мог проехать в [страну] Башкирд через него. О если бы Аллах всевышний облегчил мне прибытие и встречу с семьей и детьми, это нетрудно для Аллаха, и это ему легко, он может все!

Хвала же Аллаху – господу миров! И да благословит Аллах господина нашего Мухаммада, печать пророков⁸¹¹, и семью его, и сподвижников его, и супруг его, и всех потомков его. Достаточно нам Аллаха, он лучший покровитель!

Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб (Подарок умам и выборки диковинок)

[82] В стране Дербента Баб ал-абваба⁸¹² есть народность, которую называют [83] *табарсалан*, у них двадцать четыре *рустака*, в каждом *рустаке* имеется большой военачальник, подобный эмиру. Они – мусульмане, принявшие ислам во времена Масламы ибн 'Абд ал-Малика, когда Хишам ибн 'Абд ал-Малик, став халифом, послал его и он завоевал Баб ал-абваб⁸¹³. И приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе: *лакзан*, и *филян*, и *хайдак*, и *заклан*, и *гумик*, и *дархах*. Всего этих народов⁸¹⁴ – семьдесят народов, и у каждого народа свой язык.

А когда Маслама захотел уйти, после того как поселил в Дербенте 24 тысячи семей⁸¹⁵ арабов из Мосула, Дамаска, Химса, и Тадмора, и Халеба, и других городов Сирии и Джебзир⁸¹⁶, то сказали ему табарсаланцы: «О эмир! Мы боимся, что когда ты уйдешь от нас, то эти народы отпадут от ислама и мы будем бедствовать из-за их соседства».

Тогда извлек [84] Маслама свой меч и сказал: «Меч мой будет среди вас⁸¹⁷, оставьте его здесь, и, пока он будет среди вас, никто из этих народов не отпадет». И сделали они для его меча в скале что-то вроде *михраба* и поставили его внутри него, на холме, где [Маслама] стоял лагерем. Он и сейчас находится в той земле, люди совершают к нему паломничество. Тому, кто направляется к нему зимой, не запрещается надевать синие одежды или иных цветов, а если направляется во время жатвы, то не разрешают никому посещать его в каких-либо одеждах, кроме белых; а если кто-нибудь посетит его не в белой одежде, то идет обильный дождь, и губит посевы, и портит фрукты. Это дело у них хорошо известно.

А недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой – два селения; в них живет народность, которую называют *зирихгаран*, то есть бронники; они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Все их жены и сыновья, и дочери, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним люди всякие блага.

Нет у них религии, но они не платят *джизью*⁸¹⁸. А когда умирает у них кто-нибудь, то если это был мужчина, то отдают его мужчинам, которые в подземных домах; они отсекают члены мертвого, и освобождают кости от мяса и мозга, и собирают его мясо, и кормят им черных воронов, стоя с луками и не давая другим птицам [85] съесть хоть что-то из его мяса. А если это была женщина, то отдают ее мужчинам, которые под землей, они выни-

мают ее кости и кормят ее мясом коршунов, стоя со стрелами и не давая другим [птицам] приблизиться к ее мясу⁸¹⁹.

А я спросил эмира *исфахсалара*⁸²⁰ ‘Абд ал-Малика ибн Абу Бакра в Дербенте: «Как вы позволяете этому народу не принимать ислама и не платить ни *джизью*, ни *харадж*?» Он сказал: «Они – печаль царей. Раз отдал мне приказ эмир Сайф ад-дин Мухаммад ибн Халифа ас-Сулами, правитель Дербента, да помилует его Аллах (а я видел его, и он оказал мне почет, да воздаст ему Аллах благом)⁸²¹, и вышел я [в поход], собрав множество тюрок⁸²² и других, и вышел эмир во главе дербентцев, и пришли народы с гор: лакзан, и филан, и другие. И было наше войско подобно морю. И направились мы к этим двум селениям, а у них нет ни крепостной стены, ни цитадели, они [только] заперли свои двери. А я был первым, кто вошел в одно из этих селений, и вот из-под земли вышла группа мужчин, на которых не было оружия, они стояли и указывали руками на горы, говоря на языке⁸²³, который я не понимал, затем скрылись под землей. И обрушился на нас холодный ветер и такой сильный снег, что мы ничего не видели, а небо сыпало на нас снег и град. Мы повернули назад, и не знал ни я, ни другие, куда идти. И убивали мы друг друга из-за того, что налетала сильная лошадь на слабую, и та падала вместе со своим всадником, [86] и люди шли по нему, и погибали и он и лошадь. И кто-то, не знаю кто, пробил мне стрелой левое плечо, и она вышла под мышкой, и я чуть не погиб; я крепился, пока мы удалились от них на несколько фарсахов и прекратился этот снег, и ветер, и град (а мы потеряли много народу из войска), тогда я вытащил стрелу из-под мышки и болел из-за нее еще четыре месяца. И не смогли мы взять с них ни одной лепешки и не убили из них ни одного». Это не что иное, как колдовство этих самых людей, которые вынимают кости мертвецов и кладут их в мешки, – богатых и знатных – в мешки из золотой румийской парчи, а рабов и невольниц – в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем. И это очень удивительно⁸²⁴.

А около Хорезма есть гора, на которой много крепостей и *рустаков*. А это гора большая, длинная, тянущаяся по стране неверующих, пока не достигнет Балахшана⁸²⁵. А недалеко от Хорезма в этих горах есть ущелье, в котором холм, а на этом холме – большое купольное здание [87] с четырьмя большими арочными дверями. В нем столько слитков червонного золота, наваленных друг на друга, что ни сосчитать, ни подсчитать; на всей земле того места, на котором находится здание вроде купола, стоящее на той горе, золото лежит на высоту на глаз больше пяти локтей.

А вокруг этого холма, на котором золото, – стоячая, мутная вода, у которой нет пополнения, кроме дождя и снега, и видна под ней земля, на которой грязь. Никто не может переправиться через нее, если кто войдет в нее, то завязнет и утонет и никогда не сможет из нее выйти. И если попадет туда лодка, то утонет в этой воде. И любая вещь, которая попадает в эту воду, исчезает, и никто не может ее извлечь.

И приходил туда Махмуд, правитель Газны, и оставался там три года, и заставлял всех до одного жителей *рустаков* и Хорезма и все свое войско таскать на это место землю, и дерево, и тростник, и камни, и лодки, и все это тонуло в этой воде, не оставляя следа. И ушел он от этого места, отчаявшись. И это – одно из чудес света.

И переплывал я из Саджсина в земле хазар и тюрок [88] в Хорезм⁸²⁶ трижды и видел это место. Это – одно из чудес света. Хорезмшах ‘Ала ад-Даула простоял здесь сорок лет [89], искищряясь в отношении его во всяких хитростях, но ухищрения его не удались⁸²⁷. Мне рассказал об этом один из хорезмийских ученых, который сказал: «Пришел человек из одного *рустака* Хорезма, и вошел в базар ювелиров, и вынул кусок превосходного изумруда, подобного которому никто не видел. Взяли его ювелиры [90], и принесли хорезмшаху, и сказали: «О [,] господин наш! Этот селянин принес нам этот кусок, подобного которому, как мы считаем, нет на свете». Хорезмшах спросил его, после того как обошелся с ним дружелюбно, обнадежил его, обласкал, наградил одеждой и успокоил его сердце: «Где нашел ты этот кусок?» Тот ответил: «Я пошел посмотреть место этого золота и увидел около него большой высокий зеленый купол, построенный из камней вроде этого камня. Я вошел в него и увидел в нем большую могилу, над которой гробница, построенная из камней и плит, похожих на этот кусок, а на гробнице – большие куски и огромные сосуды из той же породы, что и этот кусок. Я не мог поднять ни одного из них из-за тяжести

и не нашел среди них ни одного легче этого. Я взял его и принес его, не зная, что это. Я сделал метку у дверей купола и собрал около каждой двери кучку из камней»⁸²⁸.

И поднялся хорезмшах и поехал во главе своей свиты и присных⁸²⁹, ведомый селянином, поехавшим с ними. Прибыли они на это место и увидели то место и значки, как он говорил, но не увидели купола. И сказал хорезмшах: «Это – деяния джиннов, с помощью которых Аллах охраняет эти сокровища, до тех пор, пока не придет тот, кому дарует их великий и славный Аллах». И это тоже одно из чудес света. А сколько на свете чудес более удивительных и поразительных, чем те, о которых мы рассказали, но которых не видели и о которых мы не слышали. И того, что мы рассказали, достаточно для имеющего ум. Хвала Аллаху за добро его, и благодеяния его, и милость его, и щедроты его!

(В конце рассказа о диковинном морском звере с бивнями, обитающем в Румском (Средиземном) море, говорится следующее – О.Б.): [100] Румийцы дубят шкуры этой рыбы, и она становится белой, как снег, мягкой и крепкой; ее режут [на ремни] шириной в палец, как ремень поводьев. Длина этого ремня бывает 20 ба и больше и меньше. Продают такие ремни в страну болгар и страну славян⁸³⁰.

(В ряде рукописей в главе о диковинках морей есть раздел «Описание великой Румии»; ниже следует часть дополнения, касающаяся пребывания Абу Хамида в Венгрии и торговли с Русью и славянами – О.Б.)⁸³¹.

И когда я был в стране Башкирд⁸³² [195] в 545/1150-51 году, то оставалось между мной и Румией несколько дней пути. Я просил одного из мусульман страны Башкирд, едущих к ним, описать ее; и описал он мне ее так, как я написал здесь⁸³³. Теперь, рассказал он, множество городов⁸³⁴ разрушено, потому что эмиры соперничают из-за областей⁸³⁵ и сражаются друг с другом, а верховный царь⁸³⁶ не может их одолеть. Он сказал: «На замках царей⁸³⁷ увидишь установленные катапульты⁸³⁸ и баллисты⁸³⁹, чтобы обстреливать друг друга. Войско каждого квартала⁸⁴⁰ нападает на другой квартал, и убивают они друг друга и берут друг друга в плен. Жители каждого квартала открывают [отдельные] ворота в городских стенах, чтобы выходить из них за город».

А я собирался поехать туда, чтобы посмотреть ее [Румию], но мусульмане остановили меня и сказали, что один из братьев царя, который правит нами, уехал в Румию и женился на дочери ее царя⁸⁴¹; и если бы мы позволили тебе туда поехать, то боялись бы, что царю скажут, будто ты привез большие деньги его брату, чтобы помочь ему разорить царство, а это было бы причиной нашей гибели. И я отказался [от поездки].

А в этой стране Башкирд множество народу⁸⁴², и в ней 78 городов⁸⁴³, каждый как Исфахан и Багдад. В ней такое благоденствие и богатство, что не перечислить. Мой старший сын Хамид женился там на двух женах, дочерях знатных мусульман⁸⁴⁴.

А жители Румии – христианский народ, который называют *намис*⁸⁴⁵. Они храбрейшие из *ифранджей* и внешностью самые красивые во всем Руме. У них множество ремесленников во всех ремеслах; и изготавливают у них льняные ткани, подобных которым нет: один кусок в сто локтей и больше, но при этом его начало, середина и конец совершенно одинаковы – ни одна нитка в нем не отличается от другой. Их вывозят в страну славян, и известны они под названием «русский лен»⁸⁴⁶, а Рус – в стране славян.

[112] А что касается Хазарского моря, у которого находится Табаристан⁸⁴⁷, то оно тянется в сторону Джурджана⁸⁴⁸ [113] и к стране тюрок, к хазарам и тянется к Баб ал-абвабу. Поистине, это небольшое море, говорят, что его окружность 300 *фарсахов* или около того, а пополняется оно из больших рек.

И есть в нем несколько островов. Есть в нем остров, который населяют джинны. Люди слышат их голоса, и не обитают на нем никакие животные. И еще остров, на котором обитают джинны, полный разных видов змей, и птицы выводят птенцов среди змей, и те не вредят птицам. Мы подходили к нему на судне, корабельщики⁸⁴⁹ сходили на него собирать яйца этих птиц и птенцов среди змей и гадок, и они никому не причиняли вреда...

И есть там остров, черный, как уголь, из него вытекает горькая, вонючая вода; [114] и вместе с этой водой выходят четырехугольные камни, похожие на превосходную желтую медь. Люди берут их на гири для весов. А напротив этого острова у моря есть земля черная, как уголь, на ней растет трава, и обитают разные животные. И выходит из этой черной земли битум и нефть, черная и белая, а находится эта земля недалеко от Бакух, области Шир-

вана. А ночью на этой земле и на этом острове появляется синий огонь вроде серного пламени, который горит, но не сжигает травы, и нет у него жару. Когда же падает на него дождь, то он увеличивается, разгорается и поднимается ввысь, так что люди видят его издалека. А днем от него нет и следа.

В этой местности охотятся на газелей. Мясо убитого животного разрубает и кладут в его шкуру, и завязывают шкуру, вставив в нее проткнутую тростинку, и закапывают шкуру с мясом в эту черную землю. Оно варится, и из этой трубки выходит пена, как выходит из котла. Когда пена прекращается – мясо готово. И вынимают эту шкуру нетронутой, в то время как мясо, сварившееся, горячее, лежит, как было, в шкуре. При этом в этой земле нет тепла. Это – одно из чудес света! Этот огонь подобен огню желудка.

И имеются на побережье этого моря и его островах пробирные камни для золота, разных видов. А был у меня [115] друг из жителей Астрабада⁸⁵⁰, которого звали Абу ал-Хасан ‘Али ибн ‘Абидан, человек известный, его невольник ездил на один из этих островов, на котором есть пробирные камни, и привез оттуда много камней, среди них был один камень, на котором было написано белыми буквами прекраснейшим почерком: «Мухаммад» и «‘Али». Я предлагал ему в обмен золото по весу камня, но он не согласился.

И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара⁸⁵¹ из области Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает семьдесят рукавов, каждый рукав, как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река⁸⁵². Я ходил по ней в зимнее время, когда она замерзла так, что стала, как земля. По ней ходят люди, и конники, и верблюды, и телята, и остальные домашние животные⁸⁵³. И была ширина ее тысяча восемьсот сорок с чем-то шагов. В ней есть разные виды рыб, каждый вид не похож на другой. Есть рыба весом в сто маннов и больше и меньше, она длинная, у ней есть хобот, а в нем маленький рот, в который влезает [только] палец; в ней нет мелких косточек, нет у нее зубов и нет больших костей. Из ее желудка извлекают клей, который вывозят во все страны, ее жарят и кладут под нее рис, как под [116] мясо, а она вкуснее любого мяса, которое едят на всем свете, а этот рис, который под ней, вкуснее всякого риса, который кладут с жирной курицей, а ее [рыбы] жир и мясо без привкуса и совсем без запаха; она – одно из чудес света.

И когда я приехал в Саксин в 525/1130-31 году, собрались у меня люди из ученых⁸⁵⁴ и других, и среди них был дряхлый старик в потрепанной одежде, который положил передо мной золотой браслет весом в 40 мискалей⁸⁵⁵ и сказал: «Что мне делать с этим браслетом?» Я ответил: «Не знаю, что тебе делать с ним, я не ювелир, чтобы знать, что тебе с ним делать». Он сказал: «Купил я рыбу за тассудж⁸⁵⁶ и нашел в ее животе этот браслет». Я сказал: «Покажи его [людям]». Он ответил: «Я уже показывал его три года. Привязал его к своему посоху и ходил с ним по мечетям, и базарам, и домам, и дорогам, и по дворцам эмиров и не нашел никого, кто признал бы его». Я сказал: «Возьми себе, ведь это дозволенное имущество, и истрать его на себя». Он рассердился на мои слова и сказал: «Ей-богу, не увидишь ты, чтобы я проел его». Я спросил: «Почему говоришь такие слова?» [117] Он ответил: «Потому, что я человек работающий, делаю сандали и получаю то, что удовлетворяет мои нужды». Я ему сказал: «Выкупи на него пленников из рук тюрок». Он обрадовался и сказал: «Да благословит тебя Аллах! Ты снял с меня тяжесть». Я спросил его: «Разве нет здесь [кого-нибудь] из ученых, который предписал бы тебе подобное этому?» Он сказал: «Здесь такие ученые, что говорят: дай его нам, мы знаем, что с ним делать, а на самом деле они хотят его присвоить»⁸⁵⁷.

И слышал я в Булгаре⁸⁵⁸, а это – город на краю стран ислама, на севере, он выше Саксина⁸⁵⁹ в сорока днях, что день там бывает летом двадцать часов, а ночь – четыре часа, а зимой бывает ночь двадцать часов, а день – четыре часа.

Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то⁸⁶⁰, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится, как железо и невозможно в ней копать [118] могилу. И умер у меня там сын, и было это в конце зимы, и я не мог его похоронить, и он оставался у меня в доме три месяца, пока не смог похоронить его, и оставался мертвец, как камень [в ленинградской рукописи добавлено: затвердевшим от силы холода].

И выезжают купцы из Булгара в страну неверных, которых называют Вису, из нее идут превосходные [шкурки] бобров, а к ним привозят мечи, которые делают в Азербайджане, в виде клинков без полировки; покупают в Азербайджане четыре [таких] меча за динар. И закалывают их большой закалкой, так что когда подвешивают клинок за нитку и ударяют, то долго звенит. И это те [мечи], которые годятся для них; и покупают за них бобров.

А жители Вису отправляются с этими мечами в страну поблизости от Мраков, возвышающуюся над Черным морем⁸⁶¹, и продают эти мечи у них за соболя шкурки. И берут они эти клинки и бросают их в Черное море, а всевышний Аллах выводит им рыбу, подобную горе, за которой следует рыба больше нее в несколько раз, желая ее съесть, и выбрасывается [первая рыба] вблизи суши на место, откуда не может возвратиться.

И выходят они к ней на судах и отрезают ее мясо месяцами, пока не наполнят свои дома, и коптят и вялят такое количество ее мяса и жира, что нет ему конца. А иногда море поднимается, и возвращается эта рыба в море, а ее мясом уже наполнено сто тысяч домов или больше.

[119] А когда рыба бывает меньше, то боятся, что она будет кричать, когда в месте, где отрезают мясо, дойдут до ее костей, и их дети и женщины уходят в место, отдаленное от моря, чтобы не слышать ее криков.

Рассказал мне один из купцов, что в один из годов вышла к ним огромная рыба, и проткнули ей ухо, и продели в него веревки, и потащили ее. И открылось ее ухо, и вышла из ее уха прекрасная, красивая девушка, белая, черноволосая, краснощекая, толстозадая, из красивейших, какие бывают среди женщин. И от ее пупка до половины голени белая кожа, как одежда, пояс которой прилегает к телу, закрывающая ее стыд и тело и заднюю часть, как *изар*, обернутый вокруг нее. И взяли ее люди на сушу, и она била себя по лицу, вырывала волосы, и кусала руки и грудь, и вопила, вела себя так, как ведут себя женщины на этом свете, пока не умерла в их руках. Сколь чудес и творений у благословенного Аллаха, а того, чего мы не видели, еще больше и того, о чем не слышали, еще больше.

И, как говорят, через Булгар шел Зу-л-Карнайн на Йаджудж и Маджудж, а Аллах, великий и славный, лучше знает. И это малое из большого, которое мы сократили, а Аллах лучше знает, он всемогущ, нет божества, кроме него, восхваляемого и всевышнего.

...[131] Затем⁸⁶² поселились эти великаны в земле булгар и в земле *башкирд*. А я видел их могилы, в стране Башкирд; передний зуб одного из них – четыре пяди в длину зуба и два – в ширину. И была у меня в Башкирде половина корня резца, которую вынули для меня из нижней челюсти, а вторая половина была обломана в древности. Ширина половины этого зуба была пядь, а вес ее – 1200 *мискалей*, я ее взвесил, сейчас она в моем доме в стране Башкирд. Окружность челюсти этого ‘адита была 17 локтей, а в доме одного из моих учеников⁸⁶³ в Башкирде была плечевая кость одного из них, длина которой 8 локтей. А ширина их ребер – каждое ребро по три пяди, оно, как мраморная доска. И вынули мне половину сустава локтевой кости одного из них, часть ее сгнила в земле, а то, что около верхнего сустава, было цело. Я не мог поднять ее одной рукой, поднял ее только обеими руками. И в [132] Булгаре тоже есть их кости вроде этой. И это так, как рассказал аш-Ша‘би в «Жизнеописании царей». А Аллах великий и славный сказал: «И увеличил вам в сотворенной наружности величину»⁸⁶⁴.

А я видел в Булгаре в 530/1135-36 году высокого человека из потомков ‘адитов, рост которого больше семи локтей, по имени Данки⁸⁶⁵. Он брал лошадь под мышку, как человек берет маленького ягненка⁸⁶⁶. А сила у него была такая, что он ломал рукой голень лошади и разрывал мясо и жилы, как другие рвут зелень. А правитель Булгара изготовил ему кольчугу, которую возили на повозке, а шлем для его головы, как будто котел. Когда случалось сражение, он сражался дубиной из дуба, которую держал в руке, как палку, но если бы ударил ею слона, то убил бы его. И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса, да помилует его Аллах.

И не было в Булгаре бани, в которую он мог бы войти, кроме одной, с большими дверями, и он ходил в нее. Он был диковиннейшим из сынов Адама, никогда я не видел подобного ему. И была у него сестра его же роста, я видел ее в Булгаре много раз. И сказал мне

в Булгаре судья Йа'куб ибн Ну'ман⁸⁶⁷: «Ведь эта высокая женщина-адитка убила своего мужа, которого звали Адам, а был он из сильнейших мужчин Булгара: она прижала его к своей груди и сломала ребра, и он сразу умер».

Комментарии

⁶⁵⁵ Хазарское море – одно из средневековых названий Каспия [Ср.: Бартольд, т. III, с. 367].

⁶⁵⁶ Бакух *باكوه* – Баку.

⁶⁵⁷ В рукописи текст искажен. *ورایت علی جانب بحر الخزر بغرب من بلدة ارضا يقال لها باكوه ارضا يخرج منها القير*. Первое *ارض* «земля» написано по ошибке. Здесь и далее слово *ارض* переводится «местность».

⁶⁵⁸ В рукописи: *تراب* «земля», «почва» в отличие от употреблявшегося выше *ارض* «земля» в смысле «местность».

⁶⁵⁹ *Хариса* – арабское кушанье, род пшеничной каши с мясом.

⁶⁶⁰ В рукописи: *سنج الموازين*. Первое слово передает персидское *سنگ* «камень», употребляющееся также в значении «гиря».

⁶⁶¹ *Даник* – мера веса, равная 1/6 дирхема, т.е. 0,52 г.

⁶⁶² Баб ал-абваб – букв. «ворота ворот», т.е. главные, важнейшие ворота, средневековое арабское название Дербента [ср. Бартольд, т. III, с. 419–430]. Ал-Гарнати везде пишет название этого города через «д» *در بند*, но мы в соответствии с современным написанием далее везде пишем «Дербент».

⁶⁶³ Маслама ибн 'Абд ал-Малик (ум. в 739 г.) – брат четырех омейядских халифов: ал-Валида, Сулаймана, Йазиды II и Хишама, в их правление крупный полководец, командовавший многими кампаниями в Малой Азии, прославился осадой Константинополя (716–717), в 732 г. завоевал Дербент и заселил его арабами, превратив в форпост исламизации Дагестана. В народных преданиях превратился в полугендарного героя [Новосельцев, 2001, с. 178–182; Шихсаидов и др., 1993, с. 74–84]

⁶⁶⁴ *واما اوقات كثير*.

⁶⁶⁵ *Михраб* – ниша в стене мечети, указывающая направление Мекки, к которой обращаются лицом молящиеся.

⁶⁶⁶ *Рустак* – сельский административный округ, сельская местность вообще.

⁶⁶⁷ *فوق* «над», «выше» – не совсем ясный географический термин, обозначающий положение к северу или югу, как объясняет его С. Дублер [1953, с. 357]; Г. Ферран [1925, с. 87, прим. 1] и И. Хрбек [1954, с. 167, прим. 36] считают, что он означает направление к югу (в соответствии с арабской картографией: юг – наверху, север – внизу), но и это не всегда оправдывается. Здесь это слово скорее всего употреблено в прямом значении «выше», т.е. выше в горах.

⁶⁶⁸ Рассказ о чудесном источнике приводится у ал-Казвини [Асар ал-билад, с. 342]; русский перевод соответствующего отрывка [Генко, 1941, с. 103–104].

⁶⁶⁹ *قطيفة* – возможно, что имеется в виду бурка.

⁶⁷⁰ *بيت المال*

⁶⁷¹ *Закят* – мусульманский налог в пользу бедняков и сирот; из него также черпались средства на подержание несостоятельных путников. Конец фразы по-арабски не совсем ясен: *من الزكاة فيه ايضا*.

⁶⁷² В издании С. Дублера текст начинается с определения «большой» (в арабском языке определение стоит после определяемого). Определяемое в переводе было восстановлено в квадратных скобках (*cup hospicio grande*) – «большой странноприимный дом»). До обнаружения предыдущего текста казалось, что эмир, у которого гостил ал-Гарнати, жил в Саксине, хотя казалось странным, почему о приезде в Саксин он пишет позже.

⁶⁷³ *اهل العلم* – букв. «люди науки», можно перевести и как «ученые», но поскольку в средние века *العلم* «наука» означало также «богословие» [ср. перевод], то *اهل العلم* можно понять как «богословы», а не «ученые» вообще. Это было бы естественно в устах ал-Гарнати, у которого в Саксине собирались именно люди, интересующиеся вопросами мусульманской религии и права [ср. перевод]. Однако, не желая навязывать переводу такую определенность, которой нет в тексте, мы оставляем нейтральное «люди науки».⁶⁷⁴ В готской рукописи (л. 20а) иначе: «И приказал он своим рабам, чтобы они резали каждый день барана. Я говорил им: «Не режьте снова барана, ведь нам хватит небольшой его части», а они отвечали: «Так приказал нам наш господин». *كان يامر عبده ان يذبحوا كل يوم غنما فكنت اقول لهم لا ترجعون تذبحون من الغنم شيئا فانه يكفيننا*. *من اليسير فيقولوا سيدنا امرنا بذلك*.

⁶⁷⁵ Абу-л-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ал-Махамли ад-Дабби (978–1024) – арабский богослов из Багдада, как и ал-Гарнати, был шафи'итом [см. прим. 696]. Сочинение, которое называет ал-Гарнати («Китаб ал-Мукни»), упомянуто в биографическом словаре Ибн Халликана [т. I, с. 56], состояло оно из одного тома. К. Брокельман вместо этого сочинения называет другое, очень похожее по заглавию – «Ал-мукни би-л-мазхаб аш-Шафи'и» («Достаточное о толке аш-Шафи'и») – и, возможно, идентичное ему [GAL, I, с. 192, SB, I, с. 307].

⁶⁷⁶ *Фихх* – мусульманское правоведение, включающее в себя, кроме юриспруденции, также вопросы религиозной обрядности.

⁶⁷⁷ *طبرسان* – вероятно, ошибочно вм. *طبرسران* или *طبرسران* «табарсалан», «табарсаран». Табарсаранцы в форме *طبرسران* (табарсалан) упоминаются ал-Гарнати в «Тухфат ал-албаб»; в готской рукописи [л. 20а] – *طيسلان* вместо *طيسلان*.

⁶⁷⁸ *الزمهكارون* ошибочно вместо *زرهكران* – зирехгаран [ср. перевод, с.50]; в готской рукописи *الزمهكارون* вместо *الزفهكارون*. О народностях Дагестана, языки которых упомянуты у ал-Гарнати [ср. Бартольд, Соч., т. III, с.409–410; Minorsky, 1953, с.504–529; Marquart, 1903]. Примечательно, что ал-Гарнати называет отдельно языки филан и сарир, тогда как ал-Мас'уди в «Мурудж» упоминает только сариров, царь которых называется филан-шах, а Ибн Хаукал подчеркивает, что «сарир – название государства и области, а не народа и племени» [Ибн Хаукал, изд. Кремерса, с.394]. Сведения ал-Гарнати находят подтверждение в одной из каирских рукописей ал-Истахри [Каирское изд., с.109, прим.10], где говорится о небольшом округе Филан, расположенном на юге или юго-западе от Дербента (эти сведения есть также у Йакута [1866–1873, с.438] без ссылки на источник; отрывок из Йакута с переводом на русский язык [см.: Караулов, 1901, с.17], тогда как по сведениям Ибн Хаукала [1938, с.394], Сарир начинался в двух фарсах (12–15 км) от Самандара.

⁶⁷⁹ В готской рукописи [л.20а–б] сразу после слов «...наш господин» следует: «а он говорил на разных языках, в том числе на своем языке, и табасаланском, и филанском, и гаркаланском, и гумикском, и хайдакском, и сарирском, и арнутском, и зирехгаранском, и ассомом, и курдском, и арабском, и присутствовали у меня люди из этих народов, и он разговаривал с каждым из них на его языке».

و كان يتكلم بلغات مختلفة فيها لسانهم لسان طيسلان [طيسلان م.ب] و لسان العلان [الفلان م.ب] [20] و لسان الغرقلان [الزققلان ؟] و لسان العميق [العميق م.ب] و لسان الخندا ق [الخندا ق م.ب] و لسان السنزير [السريير م.ب] و لسان الارنوط و لسان الزمهكارون [الزمهكارون م.ب] و لسان الاس و لسان الكردي و لسان العربي و كان يحضر عندي منهم امم و يتكلم كل مع منهم بلسانه .
л. 20б

Несмотря на ряд пропусков и явных искажений, этот вариант дает еще одно название народности – арнут – и позволяет исправить непонятное *الارسان* на *الاس* (*асы-ясы* русских летописей – одно из названий осетин). Таким образом, всего ал-Гарнати называет одиннадцать языков народов Северного Кавказа, не считая языка самого эмира, который не назван. Ни у одного средневекового автора мы не встречаем столь подробного перечня. А.Р.Шихсаидов [Шихсаидов, 1976, с.82] считает, что форма «гуркилан», употребленная в этой рукописи вместо «за'калан», более верна.

⁶⁸⁰ В готской рук. [л.20б]: «и сказал я ей».

⁶⁸¹ *Ансары* – букв. «помощники» – мусульмане Медины, принявшие у себя Мухаммада в 622 г. После курайшитов, совершивших вместе с ним хиджру (*мухаджиров*); считались наиболее почитаемыми членами общины.

⁶⁸² В готской рукописи (л.20б): «если увидит женщина воду...»

⁶⁸³ В готской рукописи (л.20б): *вм. ينتعهن* «разбираться» *ينتفهن* «извлекать пользу».

⁶⁸⁴ В готской рукописи (л.20б) текст искажен пропусками:

كأنه يخرج منه انهار عظيمة علي مدينة يقال لها سخسين

«Как будто вытекают из нее огромные реки мимо города, который называют Сахсин».

⁶⁸⁵ В европейской литературе обычно пишется «Саксин» [EI, IV, с.88–89], так же в одном месте и у ал-Гарнати в «Тухфат ал-албаб» [с.117]. Передача второго согласного то через «к», то через «дж» может свидетельствовать о том, что в местном произношении город назывался Сагсин.

⁶⁸⁶ В готской рукописи этот отрывок имеет много разночтений, отмечать их каждый раз технически неудобно, поэтому мы приводим текст этого отрывка по рукописи: *فيها من العرب اربعة قبيلة لكل قبيلة منهم نهر علي حدته و لهم دور كبار في كل دار جركاه [جركاه م.ب] كبيرة كالقبة العظيمة تسع الواحدة منها مائة رجل او اكثر مغطاة بالكبود [بالبود المعمولة وفي المدينة امم من التجارة الغرباء و اولاد العرب من الغرب الذي لا يحصى عددهم الا الله تعالى و فيها جوا مع يصلي فيه الجمعة و في وسط البلدة امير من اهل البلغار كثيرين و جاع اخر فيه امم يقال لهم اصل [اهل م.ب] سور هم ايضاً كثيرين و يوم العيد يخوجون [21] . منابر كثيرة و يصلي كل امير بامم و لكل امير قاضي علي حدته وفقهاء و اطب .*

л.21а

«В нем четыре племени арабов (следует: «сорок племен гузов»), и у каждого племени отдельная река. И есть у них большие дворы, а в каждом дворе – большой шатер, как огромный купол, – один такой вмещает сто человек или больше, – покрытый выделанным войлоком. А в городе народу из иноземных купцов и сынов арабов с Запада столько, что не счесть их числа никому, кроме всевышнего Аллаха. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление. А в середине города [живет] эмир булгар, и есть у него соборная мечеть, в которой совершают пятничное моление, она большая, а вокруг нее [живет] много народу из булгар. И есть другая соборная мечеть, в которой [молится] народ, который называют «жители Сувары», они тоже многочисленны. А в день праздника выносят (л.21а) множество минбаров, и каждый эмир молится со [своим] народом. И у каждого эмира отдельный кадий, и *факхи*, и врачи (следует: «проповедники»).

⁶⁸⁷ В переводе С.Дублера: *اولاد العرب من المغرب* – «occidentales venidos del Magrib» («уроженцы запада, происходящие из Магриба»). Сама фраза как будто не допускает иного понимания, но то, что говорится о *ابناء المغرب* – «сынах магрибинцев» в других частях переводимого сочинения ал-Гарнати [Дублер, 1953, с.37–38], когда ими оказываются печенеги, заставляет искать иное понимание этой фразы. Возможно, что слово *غرب* употреблено здесь не в смысле «запад», а в смысле «даль», «отдаленность, уход». Исходя из этих значений, мы читаем *اولاد العرب من المغرب*, так, как написано в готской рукописи: «сыны арабов с запада».

⁶⁸⁸ *قبيلة* «нация, народ», но не «племя», последнее по-арабски *قبيلة* «племя». Именно это слово употребляет ал-Гарнати, говоря о племенах гузов: *فيها من الغز اربعون قبيلة*. И именно это слово употребляет ал-Гарнати, говоря о племенах гузов: «в нем сорок племен гузов». Однако в данном случае речь идет, несомненно, о различных племенах хазар, как мы и перевели. Вполне вероятно, что ал-Гарнати поминал *قبيلة* под только кочевое племя, а для осед-

лых хазар Саксина употребил слово *امة*. Вообще употребление этого слова у нашего автора несколько необычно, в некоторых случаях идентично русскому «народ» в смысле «люди», «много людей».

⁶⁸⁹ В тексте *امم من البلغاريين*. Это необычное написание следовало бы перевести не совсем обычно, например, «булгарцы», но для унификации в переводе оставлено, как и в других случаях, обычное «булгары».

⁶⁹⁰ *صوار* у других авторов *سوار*, *سواز*, *سواز*, о городище Суvara и его раскопках [Смирнов, 1951, с.230–265]. Есть предположение, что название города связано с этнонимом «чуваши» (арабское *ص* часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук «ч», отсюда: суваз -> чуваз -> чуваши) [Жовалевский, 1954, с.35, 101–103]. Ал-Гарнати впервые сообщает о большой колонии суварцев (скорее всего купцов) в Нижнем Поволжье.

⁶⁹¹ *Минбар* – возвышение, с которого в мечети произносят проповеди.

⁶⁹² *Кадий* – мусульманский судья.

⁶⁹³ *Факих* – правовед, занимающийся фикхом (см. прим. 657).

⁶⁹⁴ *Хатиб* – проповедник.

⁶⁹⁵ *اولاد المغاربة* букв. «дети (потомки) магрибцев» – совершенно непонятная этническая группа у ал-Гарнати. Если бы речь шла о Ближнем Востоке, в них можно было бы видеть берберов, предполагать их наличие в Поволжье – абсурдно.

⁶⁹⁶ Абу Ханифа, Малик и Шафи'и – основатели трех (из четырех) «правоверных» толков суннитского ислама (четвертый толк – Ибн Ханбала).

⁶⁹⁷ *اولاد المغاربة* невольницы, родившие ребенка от хозяина, занимали более высокое положение, чем другие невольницы: не могли быть проданы, подарены и т.д., а после смерти хозяина становились свободными.

⁶⁹⁸ Последнее предложение, от слов «и дом мой сейчас среди них», отсутствует в готской рукописи.

⁶⁹⁹ *ولاية* в готской рукописи: *بلاد* «страна».

⁷⁰⁰ *السمة واحدة حمل رجل قوي ومنهم نوع السمك حمل جمل قوي*.

С.Дублер переводит это место иначе: «Hay una clase, de la cual un solo pez pesa como un hombre fuerte; у otra clase que pesa por pieza, como un camello robusto» [Дублер, 1953, с.51]. «Есть такой вид, что одна рыба весит, как сильный мужчина; и другой вид, одна штука которого весит, как сильный верблюд».

Возможны два прочтения слова *حمل* «несение», «переноска», «беременность» и *حمل رجل قوي* «ноша», «груз», «бремя»; второе чтение в данном случае предпочтительнее. Но при любом чтении означает «ноша, то, что несет [или может снести] сильный мужчина», а не «вес сильного мужчины». То же относится и ко второй половине фразы: *حمل جمل قوي* к этому можно даже найти параллель *حمل بعير* «пределный вес, который может снести верблюд», а отнюдь не «вес верблюда». При нашем переводе понятно, почему ал-Гарнати подчеркивает именно силу, а не тяжесть мужчины и верблюда.

⁷⁰¹ Этот отрывок от начала абзаца в готской рукописи звучит так: *وهذه البلاد شد يدة البرد وفي نهر انواع من السمك لم يشاهد في الدنيا قط مثله السمكة الواحدة حمل رجل و اثنين حمل رجل قوي ومنها صغار ايضا*.

«А в этой стране сильный холод, и в реке есть такие виды рыб, подобные которым вообще не виданы на свете: одна рыба – ноша мужчины, а две – ноша сильного верблюда, и среди них есть также маленькие».

⁷⁰² В готской рукописи отрывок, начиная от слова «она вроде...», выглядит иначе: *كانها جمل محشوة بعظم] لعة لحم [دجاج طيب واعذب و اذا شويت هذه السمك يجعلون تحتها الارز فتكون احسن من لحم الجمل السمين ومن لحم الضان ومن لحم دجاج ولا راحة لها*.

«Она вроде верблюда, нашпигованного костями [на полях рукописи: вероятно, мяса] хорошей курицы и даже вкусней; а когда пекут эту рыбу, то кладут в нее рис, и становится она вкуснее мяса жирного верблюда и баранины и курятины, и нет у нее запаха».

⁷⁰³ Мера веса и объема, равная двум *ритлям*, но поскольку *ритль* имел локальные различия, то и вес *манна* колебался от 800 г до 1,5–2 кг. В готской рукописи, так же как в мадридской, стоит вместо правильного.

⁷⁰⁴ *Даник* – 1/6 дирхема, дирхем = около 3 г серебра.

⁷⁰⁵ В готской рукописи: «на два месяца».

⁷⁰⁶ В готской рукописи: *و يخرج من بطنها غزا السمك نصف منا*.

⁷⁰⁷ В готской рукописи: *و يقدد لحمه فيكون*.

⁷⁰⁸ В готской рукописи: *في لون الكهريا واحمر*.

⁷⁰⁹ *كل ثمانية امانان بالبغدادى بد دينار* у С.Дублера неверно переведено: «que vale los ocho mann un dinar baghdadi» [Абу Хамид, с.51] – «восемь *маннов* которого стоят один багдадский динар». Багдадский, или иракский, *манн* = 810–816 г.

⁷¹⁰ Золотая монета весом 4,25 г, ее отношение к дирхему колебалось в XI–XII вв. от 15 до 50 дирхемов.

⁷¹¹ В готской рукописи *الخبز من الخبز و يشترون بها ما يشا ون من اللحم و الفواكه و يشترون* – «и покупают на него, что хотят, и хлеба, и мяса, и фруктов».

⁷¹² *Тассудж* – медная монета, равная 1/4 *даника*, или 1/24 дирхема.

⁷¹³ *بطيخ* означает и арбуз, и дыню, обычно они различаются добавлением эпитета «красный» (арбуз) и «желтый» (дыня). Здесь и ниже (при описании Хорезма) скорее всего говорится о дыне, т.к. именно дыни, а не арбузы могут храниться всю зиму.

⁷¹⁴ В готской рукописи этот абзац выглядит так: *ورخيص بحيث اذا جاء ت القوافل من الكفار يكون الرا الس الغنم بنصف دانق و عندهم انواع الفواكه كثيرة لا تحصي و فيها بطيخ حلو مثل السكر و منه جنس يظهر عندهم في الشتاء*

со» пропущено), когда приходят караваны от неверных, то бывает одна голова баранов за *подданика*. И есть у них многочисленные виды фруктов, не сочтешь, среди них: дыня сладкая, как сахар, есть такой ее сорт, который появляется у них зимой». Дважды повторенные в мадридской рукописи слова «так что бывают бараны... бывает один баран...», возможно, появились в результате описки.

⁷¹⁵ В готской рук.: *كثير البرد* [و الشتى] «[а зимой] много морозов».

⁷¹⁶ Слово *صنبور* по объяснению арабских толковых словарей, означает «финиковая пальма с голым внизу стволом, приносящая мало плодов; отдельно стоящая пальма» (отсюда – человек без роду и племени, слабый человек и т.д.). В современном языке, кроме того, имеет еще значение «кран, носик (чайника), труба, трубка», продолжая, по-видимому, ту же ассоциативную цепь (голый ствол > труба).

Абу Хамид, несомненно, говорит о сосне, напоминающей такую пальму с голым стволом. С.Дублер переводит это слово прямо *pine* – «сосна» [Дублер, 1953, с.52, 53] и в «Глоссарии» указывает только слово *صنوبر*, которое действительно значит «сосна», но не встречается у ал-Гарнати. В отрывке о Булгаре, заимствованном ал-Казвини из «Му'риба», слово *صنبور* заменено *صنوبر* [Асар ал-билад, с.412]. Так же в готской рукописи.

Для правильного понимания описания домов в Булгаре важно установление точного значения слова *خذع*; грамматически – это м.ч. от слова *خذع*, которое словари знают лишь как масдар I породы от глагола *خذع* со значением «разрезать, резать, рубить на куски» и т.д. («Couper, tailler en plusieurs endroits, la viande ou un corps quelconque non dur» [Biberstein-Kazimirsky, s.v.]. Лишь у Бутруса Бустани мы находим косвенное объяснение интересующего нас слова *المخذع اسم المفعول والشواء و ما اكل او قطع اعلا من الشجرة او ما قطعت اطرافه* [المخذع «причастие страдательного залога; и жаркое и то, у чего отъедена или отрублена верхушка [о дереве], или то, что обрублено с боков» [Мухът ал-мухът, 1867, т.I, с.514]. Таким образом, *خذع* может означать кусок дерева, обрубленный сверху или по бокам; скорее всего, этим необычным словом ал-Гарнати назвал бревна, для которых в арабском языке не было подходящего слова. Буквально фраза должна звучать так: «Дома их зимой из дерева «сунбур», большие бревна [положены] одно на другое». В готской рукописи эта фраза выглядит следующим образом:

و بيوتهم في الشتاء من الخشب الصنوبر كبار بعضها علي بعض .

⁷¹⁷ В готской рукописи опущено слово لوح «доска».

⁷¹⁸ В мадридской рукописи: *و يوقد ون فيها النار*; в готской *و يوقد ون النار*.

⁷¹⁹ В готской рукописи: *و ابوابها مغشاه من الجلود الغنم ووصوفها [بصوفها]*.

⁷²⁰ На этой фразе, словами *تمشي عليه الناس* «ходят по ней люди», обрывается текст готской рукописи, завершающийся славословием Аллаху и Мухаммаду.

⁷²¹ С.Дублер перевел: «...los caballos y carretas tiradas por bestias» – «...лошади и повозки, влекаемые животными», что не совсем соответствует тексту. Мы переводим эту фразу с учетом соответствующего места в «Тухфат ал-албаб» [Ферран, 1925, с.115].

⁷²² Сулайман (библейский Соломон) в мусульманской мифологии считался повелителем духов – джиннов.

⁷²³ Миля – 2000 локтей = 1850–2080 м.

⁷²⁴ У С.Дублера переведено иначе: «...y los peces entran el barco hasta llenarlo» (Дублер, 1953, с.62) «и рыба идет в судно, пока его не заполнит». Однако *دخل* не значит «входить в ...», а подобно *اتي* имеет значение понудительности: не «входить», а «вводить». Слово *السفن* «суда» в этом предложении является не обстоятельством места, а дополнением, и фразу можно понять только так: «Они [рыбаки] вводят суда [в устье реки, где были поставлены сети] наполняя суда [рыбой]». Хорошо понятна и последовательность действия: сначала ставят сети, а потом приходят, чтобы выбрать их.

⁷²⁵ В издании С.Дублера *ثلج* «снег» – несомненное искажение *ملح* «соль».

⁷²⁶ Весь отрывок до конца абзаца приведен у ал-Казвини [Асар ал-билад, с.412].

⁷²⁷ Мусульманские географы делили весь обитаемый мир на семь широтных поясов, «климатов», иногда этот термин обозначал также большие географические области.

⁷²⁸ *Рамадан* – девятый месяц мусульманского лунного календаря. В течение этого месяца мусульмане, по религиозным предписаниям, должны воздерживаться от пищи и питья с рассвета до темноты. Естественно, что летом в северных областях такой пост весьма тяжел.

⁷²⁹ Легендарный народ великанов, живший якобы в пустыне между Оманом и Хадрамаутом. 'Адиты неоднократно упоминаются в Коране [Коран, пер., 7:10, 67; 11:50 и сл.; 26:128, 11:54, 61; 11:14, 24:20] как народ, не внявший учению пророка Худа и уничтоженный за это Аллахом. Мухаммад угрожал не принимавшим его учение, что Аллах накажет их подобно 'адитам. Легенда о них имеется и у ал-Гарнати.

⁷³⁰ *Ба* – маховая сажень, расстояние между разведенными в сторону руками, примерно 2 м.

⁷³¹ В отличие от других мусульманских авторов ал-Гарнати определенно говорит о мамонтовых бивнях, находимых в Булгаре.

⁷³² *Джизья* – подушная подать с немусульман, в известной мере символ зависимости от мусульман, поэтому мусульманские авторы часто называют *джизьей* любую дань или контрибуцию с иноверческих народов; так же обстоит дело и в данном случае: обычную дань ал-Гарнати рассматривает как *джизью*, поскольку мусульманский правитель взимает ее с немусульман.

⁷³³ В мадридской рукописи *من نخارا* С.Дублер заменил в издании на *من تجاري*, хотя несомненно, что это искажение *من بخارا*.

⁷³⁴ *صاحب* ; *من اصحاب* (мн.ч. *اصحاب*) очень многозначно и поэтому трудно для перевода; это и «спутник», «товарищ», и «хозяин», «владелец», «правитель», и «сторонник», в тексте ал-Гарнати оно также представлено различными значениями. В данном случае трудно сказать, являлся ли автор «Истории Булгара» современником и учеником Абу Ма'али или просто сторонником его взглядов.

⁷³⁵ Абу-л-Ма'али 'Абд ал-Малик ибн Абу Мухаммад ал-Джувайни – известный богослов родом из-под Нишапура (1028–1085); о нем см.: [GAL, I, с.388–389].

⁷³⁶ *Харадж* – поземельный налог в мусульманских странах, взимавшийся и с мусульман, и с иноверцев, иногда означает налоги вообще. Возможно, что была разница между данью с веси и с тех народов, о которых ал-Гарнати говорил выше, что они платят *джизью*, но утверждать это нельзя.

⁷³⁷ *ويسو* – *весь* русских летописей, подробнее см.: [«Исторический комментарий»].

⁷³⁸ *ارو*. О стране Ару см.: [ал-Гарнати, 1971, с.101–104]. Рассказ о принятии ислама «царем» булгар, о веси и ару имеется в Асар ал-билад ал-Казвини [с.418].

⁷³⁹ *Суфа* (*صفة*) – каменное или глинобитное возвышение в доме или во дворе, предназначенное для сидения и сна, заменяющее скамейки и кровати, – неотъемлемая деталь дома Ближнего Востока и Средней Азии.

⁷⁴⁰ А.П.Ковалевский считает, что *халандж* – береза. Ср. [Ибн Фадлан, 1956б, с.191, прим.297, с.214, прим.539].

⁷⁴¹ Коран, пер., 41:8. В этой суре Мухаммад клянется всемогуществом Аллаха, который предопределяет, «внушает душе» поступки. Смысл цитаты – обычное прославление всемогущества Аллаха.

⁷⁴² *يور* *Юэра* или *уэра* русских летописей [см.: «Исторический комментарий»]. Пересказ сообщений ал-Гарнати о северных народах и о мечях, которые привозят к ним, имеется в «Асар ал-билад» ал-Казвини [с.418]; параллельный отрывок, но без упоминания Юэра есть в «Тухфат ал-албаб». Поэтому И.Маркварт, знавший только последнее сочинение, считал, что название «йэра» вставлено Казвини по более поздним сведениям [Marquart, 1924, S.303].

⁷⁴³ *ماله*
⁷⁴⁴ *مثل كرة من الثياب محشوه بصوف* Хрбек переводит: «v dolni částini tyče je jakási koule, upletena z mnozestvi vilny» [Nový arabsky pramen, с.161] – «в нижней части шеста есть нечто вроде шара, сплетенного из большого количества шерсти». О шаре, сплетенном из шерсти, говорится также в переводе Анциса (Монгайт, 1959, с.178). Однако *حشو* означает «набивать», «начинять», да и перед этим определено говорится о шаре из ткани. Точно переведено это место у С.Дублера: «Una plota de tela rellena de mucha lana» [Абу Хамид, с.58].

⁷⁴⁵ *يعتمد على تلك العصي على الثلج و يدفع العصي خلف ظهره كما يصنع الملاح في السفينة* Во всех переводах (Дублер, Хрбек, Анцис) говорится, что движения едущего на лыжах подобны движениям гребца («Едущий опирается этой палкой о снег и забрасывает ее за себя так, как это делает гребец в лодке» [Монгайт, 1959, с.176]; «Como hace el remero en la barca» [Дублер, 1953, с.58]; «...a stříká tyč za svá zadá jako kdíž veslují namořnici na lodich» [Хрбек, 1954, с.161]. В тексте такой определенности нет, с таким же успехом можно говорить о движениях моряка, отталкивающегося шестом. У Б.Н.Заходера [Заходер, 1967, с.66–67] весь отрывок переведен неточно.

⁷⁴⁶ Рассказ о гигантской рыбе приведен ал-Казвини в «Асар ал-билад» [с.418].

⁷⁴⁷ *تلك الصورة* букв. «эта картина, этот образ». Видимо, ал-Гарнати затруднялся, как назвать эту девушку, и дал такое неконкретное определение.

⁷⁴⁸ *Изар* – в данном случае кусок ткани, повязанный вокруг бедер, который был частью одежды паломников, изаром также предписывалось прикрываться в бане. О других значениях этого слова см.: [Dozy, 1845, С.37].

⁷⁴⁹ Рассказ о девушке, вышедшей из китового уха, приведен ал-Казвини в «'Аджаиб ал-махлукат», [с.128–129].

⁷⁵⁰ Отрывок от слова «говорят» до рассказа о птице включен в «Асар ал-билад» ал-Казвини [с.413].

⁷⁵¹ *Лам-алиф* – слитное написание двух арабских букв. ل или لا. За словами «вот таким образом» в рукописи помещен рисунок (рис. 2). Данный рассказ – хороший пример переработки реальных сведений: в основе, по всей видимости, лежит описание клеста, слышанное ал-Гарнати в Булгаре. Клест – единственная северная птица, имеющая кривой перекрещивающийся клюв и выводящая птенцов в разгар зимы, последнее обстоятельство отражено в упоминании горячих яиц, которые растапливают снег. Рассказ есть у ал-Казвини [Асар ал-билад, с.413].

⁷⁵² *الخشب* – дерево [как материал].

⁷⁵³ В первом издании перевода непонятное слово вслед за С.Д.Дублером было воспроизведено в форме *جفن* «джукн». И.Хрбек пытался видеть в нем слово «гривна» [Хрбек, 1955, с.124]; А.Л.Монгайт, рассматривая вопрос о меховых деньгах на Руси, упомянул старорусское слово шевень (мех), не связывая его прямо с непонятным термином у Абу Хамида; В.В.Полосин пытался видеть в нем слово «шевень» с необычной передачей «ш» через «дж», и «в» через «ф» [Полосин, 1976, с.141–144]. Однако при совершенно естественной передаче отсутствующего в арабском «ч» через «дж» слово *جفن* приобретает без всяких натяжек форму ч-к-н, т.е. «чекан». Остается неясным только одно, – что означало слово – процесс чеканки пломбы или сама связка с чеканенной пломбой.

⁷⁵⁴ *Хабба* – *جبة* букв. «зерно», «зернышко»; именно так перевел Хрбек [Хрбек, 1954, с.166]. – «Если бы эти кожи были в другой стране, то не купили бы за тысячу их выюков ни единого зерна»). Аналогичный перевод у Ю.А.Анциса [Монгайт, 1959, с.176 и прим.41]. *Хабба* (гран) – мельчайшая мера веса, равная ве-

су среднего ячменного зерна; служила для взвешивания драгоценных металлов; как денежная единица 1/60 дирхема или 1/72 динара. Обычно оговаривается: «столько-то *хабб* серебра» (или «золота»), как монета *хабба* не существовала.

⁷⁵⁵ *سياسة عظيمة* обычное значение *سياسة* «политика», «искусство управления государством».

⁷⁵⁶ *دار* – дом с двором и всеми службами.

⁷⁵⁷ У ал-Казвини («Асар ал-билад») этот рассказ отнесен к славянам, в издании Феррана и у Дублера это заимствование не указано.

⁷⁵⁸ В первом издании вслед за И.Хрбеком предполагалось, что *كرمان* является искаженным написанием слова *Кюйав* (Киев). По авторитетному разъяснению С.Г.Кляшторного, это – несколько искаженное написание тюркского названия Киева – *غور كerman* Гор Керман – «Большой город».

⁷⁵⁹ *اولاد المغاربة* Текст не оставляет ни малейших сомнений в том, что эти, как и упоминаемые в других местах «потомки магрибинцев», – тюрки. Хрбек пытался примирить это противоречие предположением о существовании у печенегов Южной Руси и Венгрии легенды об их западном происхождении [Hrбек, 1954, с.172].

⁷⁶⁰ *و يعرفون في تلك البلاد بحن* и Дублер считал первую букву предлогом и транслитерировал название народности *h-n-h*. По его мнению, это – гунны, возвратившиеся с запада после разгрома Аттилы, этим объясняется и их название: *اولاد المغاربة* «потомки магрибинцев» [Абу Хамид, с.262–263]. Правильнее предположение И.Хрбека, что здесь мы имеем дело с искаженным [*ب*] [*ب*] *بحن*], в котором начальное «ба» выпало при переписке, – хорошо известные печенеги [Hrбек, 1954, с.171]. В этом случае совершенно непонятным оказывается наименование их «потомками магрибинцев». И.Хрбек думает, что оно восходит к какой-то легендарной традиции, связывающей их происхождение с западом [там же, с.172]. Мне кажется, что объяснение в конце концов лежит в каком-то своеобразном производном от глагола *غرب* «двигаться на запад».

⁷⁶¹ *Хутба* – важнейшая составная часть пятничного моления, предшествующая собственно молитве. Она состоит из проповеди с чтением Корана и молитвы за всех мусульман и правителя. Последнее имело огромное политическое значение: упоминание имени правителя в хутбе означало официальное признание его власти в данном городе или стране.

⁷⁶² *باشقرد* *башкирд*; обычно – башкиры, здесь и далее – венгры.

⁷⁶³ *فوق* (ср. прим. 667) Дублер переводит «выше», что имел в виду автор – сказать трудно, т.к. Венгрия не лежит ни на север, ни на юг от Руси. Возможно, что здесь буквальное значение слова, поскольку Абу Хамиду пришлось ехать через Карпаты.

⁷⁶⁴ *العظاية*

⁷⁶⁵ В тексте: *الذي ينفذ به البصر* ; мы читаем: *ينفذ* .

⁷⁶⁶ Несомненно, что и здесь *اولاد المغاربة* – это те же печенеги, что и под Киевом. В середине XII в. печенеги играли огромную роль в жизни Венгрии [Расовский, 1933, с.17–50], составляя значительную часть войска венгерских королей; особенно славились они как лучники [там же, с.44–45]. Сведения ал-Гарнати показывают, что значение печенегов не кончилось со смертью Стефана II (1115–1131), как думал Д.А.Расовский [там же, с.43].

⁷⁶⁷ Хорезмийцев на службе венгерского короля во время войны с византийцами в 1150 г. упоминают также византийские источники [Расовский, 1933, с.45].

⁷⁶⁸ *علم* здесь «богословие» (ср. прим. 673).

⁷⁶⁹ Паломничество к Ка'бе было объявлено Мухаммадом обязанностью мусульман после завоевания Мекки в январе 630 г., когда практически все жители Аравии могли хотя бы раз в жизни посетить Мекку. С расширением мусульманского мира хадж для большинства мусульман стал неосуществимой обязанностью, и Абу Хамид поучал своих слушателей, что пятничная молитва может заменить хадж.

⁷⁷⁰ Изучение мусульманской догматики и права велось в основном со слуха, знать все нужно было наизусть. Так же занимался Абу Хамид со своим учеником, не давая ему самостоятельно читать.

⁷⁷¹ *Иснад* – букв. «опора», «источник». *Иснадом* называется цепь ссылок на передатчиков религиозных или исторические преданий, служившая гарантией достоверности приводимого сообщения. Абу Хамид предупреждает своего ученика, что нельзя опускать *иснады* при переписке или записи основного текста.

⁷⁷² Эти стихи, приведенные у ал-Маккари, Г.Ферран принял за стихи Ибн ан-Наджжара [1925, с.14].

⁷⁷³ См. прим. 761.

⁷⁷⁴ *ولاية* обычно мы переводим «область», но здесь речь явно идет о «стране», царстве венгров.

⁷⁷⁵ *رومية العظمة* Некоторые исследователи считают, что «Великая Румия» – Константинополь [Lewicky, 1938], но здесь они определенно различаются.

⁷⁷⁶ *قسطنطينية* – Константинополь.

⁷⁷⁷ В рукописи пропуск. С.Дублер [1953, с.67] переводит: «una buena esclava o un muchacho gūmī por tres dīnāres».

⁷⁷⁸ *مولدة* – рожденная в рабстве.

⁷⁷⁹ См. прим. 739.

⁷⁸⁰ *فحشيت عليها من امهات الا ولا د الترك* Фраза не совсем ясна. С.Дублер перевел ее так: «...pero temi el recibimiento que la harian las concubinas turcas hechas madres» – «...но боялся встречи, которую ей окажут тюркские невольницы-матери», однако значение «опасаться» (и то в смысле «избегать», «отделиться») имеют лишь V и VI породы. По-видимому, предпочтительнее значение III породы, которое, согласно словарю Лэна, употребительно и для I породы: *حشاه منهم* «excluded him from them, did not include him among them» [Lane, Lexicon, s.v.]. Впрочем, возможно, что следует читать не *فحشيت*, а *فحشيت*, что будет полностью соответствовать переводу С.Дублера. Ал-Гарнати мог опасаться, что другие *умм ал-валад* (невольницы-

ветствовать переводу С.Дублера. Ал-Гарнати мог опасаться, что другие *умм ал-валад* (невольницы-матери) ревниво отнесутся к Марьям, т.к. формально она не была *умм ал-валад*, потому что ребенок у нее умер.

⁷⁸¹ *Джихад* – война мусульман с неверующими (хотя нередко представители разных течений ислама объявляли свои войны друг с другом джихадом). Парадоксальность ситуации в данном случае заключается в том, что Абу Хамид убеждает мусульман, что война на стороне христиан-венгров против христиан-византийцев такой же акт благочестия как джихад.

⁷⁸² *Кзали* С.Дублер [1953, с.180] предположил, что в первой половине слова передано имя венгерского короля Гёзы (Гёза II, 1141–1161), который правил в то время. Хрбек предлагает иное чтение – «кирали», которое должно передавать венгерское király, т.е. король [Hrбек, 1955, с.123].

⁷⁸³ Здесь, по-видимому, под *ифранджами* понимаются западные христиане – католики.

⁷⁸⁴ То есть за каждый вопрос по мусульманскому праву или богословию.

⁷⁸⁵ *Титил* собственно «каменный козел», «горная антилопа», хотя описывается тур.

⁷⁸⁶ *Мискаль* – 4,5–4,7 г; 1200 мискалей – 5,5 кг.

⁷⁸⁷ Абу ‘Амр Амир аш-Ша‘би (640–721) – знаток мусульманского предания и поэзии, автор нескольких исторических произведений. Его сочинения не сохранились, но цитаты из них встречаются у более поздних авторов.

⁷⁸⁸ Многоколонный ‘Ирам, столица легендарного Шаддада, царя адитов [ср. прим. 689]. Легендарное описание ‘Ирама имеется и у ал-Гарнати [Ферран, 1925, с.55–59].

⁷⁸⁹ Даххак – мифический персонаж.

⁷⁹⁰ Худ – легендарный пророк, посланный Аллахом к ‘адитам.

⁷⁹¹ Мухаммад утверждал, что его религия не нова – Аллах неоднократно возвещал ее через предшествующих пророков (например, Моисея и Христа), но люди ее искажали. Лам ибн ‘Абир выступает здесь как один из веровавших в Аллаха до Мухаммада.

⁷⁹² Идрис – библейский Енох, согласно Корану, один из пророков, предшествовавших Мухаммаду.

⁷⁹³ Имеется в виду Мухаммад, происходивший из рода Хашим. Эта выдуманная эпитафия – одно из многих легендарных предсказаний появления Мухаммада.

⁷⁹⁴ 7 локтей=3,5 м. Цифра несколько преувеличена: если ал-Гарнати был по пояс великану (а это примерно 3/5 роста человека), то рост ал-Гарнати должен был быть 200–210 см, что явно не соответствует действительности. Вернее исходить из предположения, что наш автор был среднего роста, примерно 165–170 см, и отсюда рассчитать рост болгарского великана: $165 : x = 3 : 5$, откуда x (рост великана) = 275 см (таков рост самого высокого человека в мире в наши дни). Если же учесть, что оценка роста «по поясу», «по плечу» дается обычно с некоторым преувеличением и, как правило, от уровня глаз (т.е. на 15 см ниже роста оцениваемого), то при росте ал-Гарнати в 1,65–1,7 м, рост великана никак не мог быть больше 2,5 м, а учитывая естественное преувеличение, он мог достигать в действительности 2,2–2,3 м. Этот рассказ почти дословно приведен у ал-Казвини, Асар ал-билад [с.412–413].

⁷⁹⁵ *Гулямы* – невольники; часто они составляли гвардию мусульманских правителей.

⁷⁹⁶ *جماعة من اصحابه*; здесь *اصحاب* нельзя перевести ни как «сторонники», ни как «товарищи», ни как «спутники». Нами выбрано слово «присные» в его изначальном смысле, сохранявшемся до XIX в.: находящиеся постоянно при ком-нибудь, близкие люди.

⁷⁹⁷ *Шари‘ат* – совокупность мусульманского богословия и правоповедения; иногда употребляется в более узком смысле как синоним *фикха* (см. прим. 676).

⁷⁹⁸ *Фарсах* – 12000 локтей (около 6 км), в Средней Азии – до 7,5 км.

⁷⁹⁹ *Рустак* – см. прим. 666.

⁸⁰⁰ *Манн* – см. прим. 703.

⁸⁰¹ ‘Аун ад-дин Абу-л-Музаффар Йахйя ибн Мухаммад ибн Хубайра (1096/97–1165) – вазир (с 1149 г.) халифов Муктафи и Мустанджида, славившийся как очень образованный человек. Ал-Гарнати жил у него в Багдаде в 1126 г. и пользовался его покровительством после возвращения из путешествий в 1155 г. В знак благодарности ал-Гарнати посвятил ему *Му‘риб* [Дублер, 1953, с.133, готская рук. л.1а, см. также наше Предисловие]. Ал-Муваффах ибн Ахмад ал-Маки (ум. в 1172 г.) – видный хорезмийский *факих* [GAL, SB, I, с.623, № 8с, с.642, № 16а].

⁸⁰² *Диван* – в то время центральное ведомство вроде министерства.

⁸⁰³ Махмуд Газневи действительно был в Хорезме в 1017 г., при его завоевании, но весь рассказ не имеет ни малейшей исторической основы.

⁸⁰⁴ По мнению В.В.Бартольда, ‘Ала ад-Даула – хорезмшах Атсыз (1128–1156), хотя он нигде больше не упоминается под этим именем [Бартольд, Соч., т.II, ч.I, с.588–589]. С.Дублер допускает, что здесь как-то отразилось имя Газневида ‘Ала ад-Даула Мас‘уда III [Абу Хамид, с.276], но последний никак не мог быть назван хорезмшахом.

⁸⁰⁵ Хорезмом часто называли столицу Хорезма, сначала Кят, а потом Гургандж [см. об этом: Ибн Фадлан, 1956, с.68]; здесь имеется в виду последний.

⁸⁰⁶ Джейхун – средневековое название Амударьи.

⁸⁰⁷ Расшифровка этих дат вызывает некоторые затруднения: как мы знаем из «Тухфат ал-албаб», Абу Хамид приехал в Венгрию в 545/1150–1151 г. [Ферран, 1925, с.195–196] и прожил там три года, следовательно, выехал около 548/1153–1154 г., но никак не в 553 г.х., если только указанный здесь 53-й год является сокращением от 553. С.Дублер считает, что в данном случае ал-Гарнати указывает годы по христиан-

ской эре, т.е. соответственно 1153, 1154 и 1155 гг. [1953, с.277–278]. В этом случае исчезают все хронологические неувязки.

⁸⁰⁸ В рукописи – лакуна. Месяц *раби' I* в 1155 г. приходится на 5 мая – 3 июня, а *шавваль* – на 28 ноября – 26 декабря.

⁸⁰⁹ Смысл пожелания ал-Гарнати: «да распространит Аллах власть халифа от Востока до Запада».

⁸¹⁰ **ابن ملك المسعود**. Можно понять двояко: «сыну царя Мас'уда» или «сыну царя Мас'уду». Правителем Кони в это время был Мас'уд I (1116–1156), а преемником – его брат Кылыч-Арслан II. Поскольку последний не был сыном Мас'уда, то, значит, письмо было адресовано не ему и следует предпочесть второй вариант. Возможно, что в связи со смертью Мас'уда ал-Гарнати не смог воспользоваться рекомендательным письмом халифа и вывезти свою семью из Венгрии через Малую Азию.

⁸¹¹ «Печать пророков», т.е. последний, завершающий пророк, – обычный эпитет Мухаммада.

⁸¹² **و في بلاد دربند باب من الابواب**. Необычное сочетание двух названий Дербента. Возможно, что второе является разъяснением: «в стране Дербента [то есть] Баб ал-абваба». Следует отметить необычное написание **دربندا**.

⁸¹³ См. прим. 663.

⁸¹⁴ В рукописи СПбФ ИВ РАН [л.146а]: «и говорят, что в этих горах семьдесят народов».

⁸¹⁵ **بيت** «дом», «палатка»; здесь в смысле «семья».

⁸¹⁶ Джебзир – арабское название Верхней Месопотамии.

⁸¹⁷ **وهذا امر مستفيض عندي**. Отрывок о мече Масламы переведен на русский язык [Генко, Арабский язык, с.103].

⁸¹⁸ *Джизья* – см. прим. 732.

⁸¹⁹ Отрывок о погребальных обычаях зирихгаранов был опубликован В.В.Бартольд по рукописи Азиатского музея (рукопись СПб ИВ РАН) в статье «Еще о самаркандских оссуариях» [Соч., т.IV, с.123]. Перевод на немецкий язык у Б. Дорна [1873, с.700].

⁸²⁰ *Исфаксалар* – военачальник.

⁸²¹ Слова, заключенные в скобки, принадлежат ал-Гарнати.

⁸²² **و جمعة اماما من الاتراك** и ср. прим. 688.

⁸²³ **و تكلموا بكلام**.

⁸²⁴ Рассказ о зирихгаранах и походе на них, по ал-Гарнати, имеется у ал-Казвини [Асар ал-билад, с.416].

⁸²⁵ **بلخشان** т.е. Бадахшан; об этом написании [см.: Бартольд, Соч., т.III, с.343].

⁸²⁶ В рукописи Национальной библиотеки № 2170 вместо «в Хорезме» – «к хорезмшаху».

⁸²⁷ В.В.Бартольд неверно понял, что ал-Гарнати говорит здесь о попытках хорезмшаха завоевать Саксин [Соч., т.II, ч.1, с.588–589].

⁸²⁸ **ثلاثاء من الاحجار**, быть может, «пирамидка из камней».

⁸²⁹ **في خواصه واصحابه**; ср. прим. 790.

⁸³⁰ В готской рукописи описание этого животного и того, что изготовляют из его бивней и кожи, значительно короче, но зато сообщается название животного – дельфин («морская свинья» **خنزير البخر**). В этом рассказе явно слиты воедино морж и дельфин.

⁸³¹ Поскольку мне известно, это дополнение имеется в алжирской рукописи (по Феррану – I), копенгагенской (H), ленинградской (F) и ташкентской (Феррану не была известна). Текст по алжирской рукописи опубликован в качестве приложения к «Тухфат ал-албаб» [с.193–199], небольшой отрывок (о тканях) опубликовал Дорн, сделавший немецкий перевод всего раздела по рукописям F и H [Dorn, 1873, с.689–693]. В 1937 г. Т.Левицкий перевел на польский язык значительную часть раздела (от слов «И когда я был в Башкирде...» до рассказа о женитъбе Хамида [Lewicky, 1938, с.109]. Наш перевод сделан по тексту издания Феррана, размещение его среди других материалов главы о морских диковинах совершенно условно, поскольку в ленинградской и ташкентской рукописях этот раздел находится ближе к началу главы, а положение его в алжирской рукописи установить не удалось.

⁸³² **يا شغورد** в м. **يا سغورد**.

⁸³³ Перед переводимым отрывком шло описание «Великой Румии» [**رومية عظيمة**], которое настолько обобщено, что среди исследователей нет даже единства относительно того, какой город описывает ал-Гарнати: Рим или Константинополь. Дорн (1873, с.693), а за ним и Ферран [1953, с.198, прим.] считали, что это Рим. Левицкий же [Lewicky, 1938, с.112 и сл.] доказывал, что описывается Константинополь. По моему мнению, на этот вопрос определенно отвечает текст Му'риба [см.пер.].

⁸³⁴ **اكثر المدن** может быть переведено двояко: «множество городов» (хотя в этом случае скорее было бы **اكثر المدن**) и «значительная часть города». Из-за этого в переводах имеются оба варианта: у Дорна [1873, с.692] – «jetzt sei er nur bis zu der Stadt gekommen (?), weil die Grossen (الامراء) sich um den Hauptstadtheil stritten» (впрочем, возможно, что в копенгагенской рукописи, с которой сделан перевод, по-арабски фраза написана иначе, чем в издании Феррана), а у Левицкого [Lewicky, 1938, с.109] «большая часть того города», в соответствии с этим он переводит и следующую фразу (см. прим. 835).

⁸³⁵ **بلاد** – неясно, от какого слова образовано это множественное число: множественное от **بلدة** «город» – **بلاد**, а от **بلاد** «страна» – **بلدان**, формально – это множественное число от **بلادة** «тупость, глупость», но по смыслу, несомненно, должно быть либо «города», либо «страны». Левицкий, переведя **اكثر المدن** как «большая часть города», перевел **بلاد** «квартал» (тем же словом он перевел и **محلة**, которое действительно имеет такое значение), с чем никак нельзя согласиться.

⁸³⁶ الملك الاكبر – т.е. император. Картина, нарисованная осведомителем ал-Гарнати, скорее соответствует положению в Священной Римской империи и Риме, чем в Византии и Константинополе. Возможно, что в изложении ал-Гарнати смешались события междоусобиц в Римской империи и борьбы Рима против папы и императора.

⁸³⁷ ملوك

⁸³⁸ مجانيق

⁸³⁹ العرادات

⁸⁴⁰ محلة

⁸⁴¹ Левицкий считает [Lewicky, 1938, p.117–118], что здесь подразумевается Борис, претендент на венгерский престол, бежавший в Византию и пользовавшийся поддержкой Мануила Комнена.

⁸⁴² امم عظيمة

⁸⁴³ В копенгагенской рукописи – 70. Левицкий предполагает, что речь идет о центрах комитатов [Lewicky, 1938, p.121–122].

⁸⁴⁴ كبار المسلمين

⁸⁴⁵ تامس; еще Дорн [1873, с.695–696] указывал, что следует читать نامس *намис*, т.е. немцы; это лишний довод в пользу того, что Великая Румия – Рим, а не Византия.

⁸⁴⁶ الكتان الروسي; в рукописях (ленинградская, копенгагенская) есть и иное чтение – الكتان الرومي, что, казалось бы, более правильно, поскольку говорится о тканях, изготавливаемых в Румии, а не на Руси, но тогда непонятно, почему понадобилось объяснение, что такое Рус [ср. Dorn, 1873, p.696–698].

⁸⁴⁷ Табаристан – область в восточной части южного побережья Каспийского моря.

⁸⁴⁸ Джурджан – область к юго-востоку от Каспийского моря, в бассейне г. Гюрген.

⁸⁴⁹ اهل السفن, может быть также «пассажиры».

⁸⁵⁰ Астрабад – ныне Горган.

⁸⁵¹ من فوق بلغار

⁸⁵² نهر عظيم букв. «огромное море». Ферран [1925, с.115, прим.3] предлагал вслед за Дорном читать «река». Однако вряд ли здесь описка переводчика: в «Му'рибе» [см. перевод] река сравнивается по величине с морем, кроме того, иногда «морем» называли большие реки, чаще всего Нил; Волга же, в нижнем течении во много раз превосходящая по ширине Нил, могла быть так названа с еще большим основанием.

⁸⁵³ و سائر الدواب. Здесь перевод не представляет затруднений. Основываясь на этом, мы перевели соответствующий пассаж в «Му'рибе» [с.29].

⁸⁵⁴ Ср. прим. 673.

⁸⁵⁵ 40 мискалей – примерно 180 г.

⁸⁵⁶ *Тассудж* – см. прим. 712.

⁸⁵⁷ يريدون اكله букв. «хотят его съесть». Суть рассказа в том, что по мусульманскому праву находка не становится собственностью нашедшего. В случае, если после полугода или года розысков хозяин не находится, рекомендовалось обратиться находку на благотворительные цели. Этим эпизодом ал-Гарнати хочет показать свое превосходство над правоведом Саксина.

⁸⁵⁸ Непонятно, почему Абу Хамид говорит о долготе дня и ночи с чьих-то слов, хотя, как мы видим, он бывал в Булгаре и зимой, и летом. Возможно, что косвенная речь появилась в результате того, что значительная часть экземпляров «Тухфы» распространялась по записи с его слов (см. пер.).

⁸⁵⁹ سجين вместо обычного для ал-Гарнати سجينين.

⁸⁶⁰ حتي اذا مات لاحد ميت.

⁸⁶¹ Черное море – то же, что море Мраков, т.е. Ледовитый океан.

⁸⁶² На с.129–131 издания Феррана идет рассказ о Даххаке и Ламе ибн 'Абиде со стихотворной автоэпиграфией последнего, совпадающей с текстом «Му'риба» [см.пер.], поэтому эта легенда нами во второй раз не приводится.

⁸⁶³ بعض اصحابي.

⁸⁶⁴ Коран, пер., 7:67.

⁸⁶⁵ В рукописях варианты دنقي ; دفعي ; ونقي д-н-к-и, д-ф-'-и, в-н-к-и.

⁸⁶⁶ В тексте حمل – «верблюду» [Ферран, Тухфа, с.132], следует читать حمل «барашек, ягненок».

⁸⁶⁷ По предположению Б.Дорна [1873, с.715, прим.59], этот кадий был автором «Истории Булгарии» (см. пер. и прим. 734).

Перевод с арабского, предисловие и комментарии Олега Большакова

Йакут ал-Хамави

Йакут ар-Руми ал-Хамави (род. ок. 575/1179 г., ум. в 628/1221 г.) родом из Малой Азии, грек по происхождению, был куплен как раб еще ребенком купцом из сирийского города Хама, который дал ему хорошее арабское образование. Вместе со своим хозяином совершил много торговых путешествий, во время которых расширился его географический кругозор. После смерти хозяина получил свободу. Для целей путешественников задумал составить словарь, объясняющий непонятные географические названия, который назвал «Му'джам ал-булдан» («Алфавитный перечень стран» или просто «Словарь стран»). Сочинение построено по алфавитному порядку топонимов. При его составлении были использованы сочинения многих более ранних историков и географов, оригиналы трудов которых утрачены или были найдены и опубликованы намного позже, чем сочинение самого Йакута. Например, долгое время только по его сочинению были известны сведения Ибн ал-Калби, Ибн Фадлана, Абу Дулафа, Ибн Батлана и многих других. Словарь охватывает территорию всего мусульманского мира, в том числе и тех мест, где он никогда не бывал (например, Запад мусульманского мира), и о которых он получал сведения только из книг, с которыми мог познакомиться в лучших библиотеках того времени (в Халебе, Мерве и др.). Его словарь был издан в шести томах Ф.Вюстенфельдом в 1866–1870 гг. Перепечатка этого текста была сделана в Каире в 1906 г. Ряд дополнений к словарю дает двухтомное издание «Манджам ал-умран фи-л-мустанрак 'ала-л-му'джам ал-булдан» («Рудник культуры в дополнение к словарю стран»), которые однако не касаются Поволжья. Переводы материалов из «Записки» Ибн Фадлана о Поволжье, сохранившиеся в «Словаре...» Йакута впервые были сделаны в 1814 г. Расмуссеном и в 1823 г. Х.М.Френом. Материалы Йакута о народах европейской части России конечно шире

материалов Ибн Фадлана, – в статьях о Поволжье он ссылается на ал-Мас'уди и ал-Истахри, а в статьях о хазарах и хазарских городах цитирует историка ал-Балазури

Несмотря на то, что Йакут свел в своем труде сведения предшественников, в его редактировании интересен прежде всего его субъективный отбор как отражение отношения его современников к материалам ранних арабских географов с точки зрения оценки их достоверности и надежности.

Ниже приведен перевод статей о Поволжье из «Словаря...» Йакута (Итиль, ал-Башгард, Булгар, Русс, Хазар, Сакалиба, Баланджар, Самандар, ал-Байда, Халидж) по изданию Ф.Вюстенфельда. В переводах они расположены согласно структуре «Му'джам ал-булдан», т.е. по арабскому алфавиту. Поскольку большая часть этих его материалов приведена из «Записки» Ибн Фадлана дословно или с некоторыми сокращениями, то и в переводах соответствующие фрагменты даны по нашему изданию перевода «Записки» Ибн Фадлана, в комментариях к тексту Йакута даны пояснения, необходимые для перевода текста «Му'джам ал-булдан». Отмечены и те материалы «Записки» Ибн Фадлана, которые не содержатся в Мешхедском списке и известны благодаря «Словарю...» Йакута.

Поскольку большая часть материалов Йакута о Поволжье действительно в основном заимствована у Ибн Фадлана, то их обычно не переводили, полагая, что, как интересное с точки зрения текстологии, они доступны арабистам, однако, с нашей точки, они могут быть интересны и широкому кругу историков, чтобы в новых современных переводах переосмыслить интерпретацию ранних сведений арабским географом XIII в.

Издание и переводы: Йакут, 1866–1873; Fraehn, 1823; 1832; Расмуссен, 1823; О нем: Крачковский, 1957; Ковалевский, 1939; 1956.

Му‘джам ал-Булдан
(Словарь стран)

[Том I, с.112] **Итиль** – первая и вторая его [буквы] с «кесрой», «лам» как в слове «ибилу»⁸⁶⁸. [Это] – название великой (‘азим) реки, подобной Тигру, в стране ал-хазар. Она течет из страны (билад) ар-рус и Булгар. А говорят, что Итиль – столица страны ал-хазар и река, которую так называют.

Я читал в книге Ахмада ибн Фадлана ибн ал-‘Аббаса ибн Рашида⁸⁶⁹ ибн Хаммада, послал ал-Муктадира в страну ас-сакалиба, а они жители (ахл) Булгара. Стало мне известно, что там [есть] человек чрезвычайно огромного телосложения. Итак, когда я прибыл в эту страну, я спросил о нем у царя. Он же сказал: «Да, он [раньше] был в нашей стране и умер. Он не был из жителей этой страны, да также и [вообще] не из числа [обыкновенных] людей. История же его такова: Люди из числа купцов вышли к реке Итиль, как они [обыкновенно] выходят. А эта река поднялась, и вода ее выступила из берегов. И однажды, еще не успел я об этом узнать, как уже явилась ко мне толпа купцов, которые сказали: «О царь! На воде приплыл человек, – если он из народа, близкого к нам, то нет для нас возможности жить в этих местах, и нам ничего другого не останется, как переселиться». Итак, я поехал верхом вместе с ними, пока не прибыл к реке. И вот передо мной этот человек, и вот в нем [с.113] двенадцать локтей, меряя моими «локтями», голова у него, как самый большой из котлов, нос более четверти, глаза огромны, а пальцы – каждый больше четверти. Случай с ним привел меня в ужас, и овладел мною такой же страх, как и теми людьми. И начали мы говорить с ним, а он не говорил нам [ничего], только смотрел на нас. Я доставил его в свое местопребывание и написал жителям страны Вису, – а они от нас на [расстоянии] трех месяцев [пути], – спрашивая их о нем.

Они же написали мне, извещая меня, что этот человек из числа Йаджудж и Маджудж: «Они от нас [на расстоянии] трех месяцев [пути]. Нас и их разъединяет море, так как они [живут] на [том?] его берегу. Они подобны [диким] скотам, нагие, босые, [как скот] совокупляются друг с другом. Аллах могучий и великий выводит для них каждый день из моря [одну] рыбу, и каждый из них приходит, имея при себе нож, и отрезает себе от нее столько, сколько достаточно для него и достаточно для его семьи. Если же он возьмет сверх того [количества], которое их удовлетворяет, то у него заболит живот, и у его семьи тоже заболит животы, а иногда он умрет, и умрут они все. Когда же они возьмут от нее [рыбы] то, что им нужно, она повернется и погрузится в море. Итак, они изо дня в день [живут] таким образом. [Лежащее] между нами и ими море [находится у них] с одной стороны, а горы окружают их с других сторон. Преграда (ас-садд) [также] отделила их от ворот [ед.ч.], из которых они обычно выходили. Когда же Аллах могучий и великий захочет вывести их в обитаемые земли, то он произведет для них раскрытие Преграды (ас-садд), море уйдет в землю, и прекратятся для них рыбы»⁸⁷⁰.

[Итиль] впадает в море и открывает стену (ас-судд), которая [установлена] между нами и между [Йаджудж и Маджудж].

Потом царь (ал-малик) сказал: «Он оставался у меня некоторое время. Потом я повесил его на высоком дереве посредством (с помощью) крепкой цепи, пока он не умер. Я вышел и посмотрел на его величину, и был очень изумлен.

Говорит автор, да снизойдет на него милость Всевышнего Аллаха: Это и подобное ему из того, что я уже упоминал ранее, [как] наивное (простодушное) [повествование о Йаджудж и Маджудж]. Я не поручусь за достоверность [повествования о Йаджудж и Маджудж] и рассказ Ибн Фадлана, и за то, что ал-Муктадир направил его в Булгар, описанные людьми в известных, знаменитых [книгах]. Я видел из таких [сочинений] несколько экземпляров, согласно описаниям которых, истинно река Итиль не вызывает сомнения в своей величавости и длине. Она течет от крайнего юга (акса ал-джунуб), минует (проходит через) ал-булгар, ар-рус, ал-хазар и впадает в озеро⁸⁷¹ Джурджана. По [Итилю] держат

⁸⁶⁸ ابل – дословно араб. собирательное: верблюды. Здесь Йакут приводит пример для объяснения правильного произношения названия реки; смысл его пояснения: огласовка в «Итиль» как в «Ибилу».

⁸⁶⁹ В тексте را شد.

⁸⁷⁰ См.: [Ибн Фадлан, 1956, л.208а].

⁸⁷¹ Имеется в виду море Джурджана, т.е. Аральское (Каспийское?) море.

путь купцы в [страну] Вису. Они привозят [оттуда] много меха (ал-вабар) подобного [меху] бобра⁸⁷², соболя и белки.

А говорят, что [Итиль] вытекает из земли Хирхиз (кыргыз), которая [лежит] между ал-Кимакийя и ал-Гуззийя, и она преграда (ал-хадд) между ними. Потом она направляется на запад в Булгар, потом возвращается к бургас и стране (билад) ал-хазар и впадает в Хазарское море (ал-бахр ал-хазари).

Говорят, что река Итиль разветвляется на семьдесят пять рек, а глубина реки сохраняется. Она течет к ал-хазар и впадает в море.

Говорят, что вода [Итиля], когда она собирается в одном месте, его высота не превышает [высоту такого места] реки Джайхун, и достигает ее (Джайхуна) по обильности воды и ее обширности, по ширине своего русла. Когда [с.114] [Итиль] достигает моря, втекает в море, [устье] его [занимает] переход двух дней. Есть разница между цветом [воды] в реке] и цветом воды в море. [Вода Итиля] преобладает над водой моря, которое зимой даже замерзает из-за его пресности.

[Том I, с.468] **Башгирд**⁸⁷³ – «шин» с «сукуном», «гайн» с точкой. Другие говорят башджирд⁸⁷⁴ с «джимом», а еще говорят башкирд⁸⁷⁵ с «кафом [с точкой]». Страна между Кустантинийей и Булгаром.

Ал-Муктадир би-л-Лахи отправил [послом] Ахмада ибн Фадлана ибн ал-‘Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, мавла эмира верующих, потом (а также) мавла Мухаммада ибн Сулаймана, к царю (малик) ас-сакалиба, а он и население его страны уже приняли ислам, чтобы вручить им жалованные одежды и обучить мусульманским законоположениям. Он рассказал все, чему он был свидетелем, после отправления из Багдада до возвращения. Его отъезд состоялся в сафаре 309/11 июня – 9 июля 921 года. В рассказе об ал-башгард он сказал: «Случилось с нами в стране народа из тюрок, который называют ал-башгард.

Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, [с.469] отделяет его голову, берет ее [с собой], а его [самого] оставляет.

Они бреют свои бороды и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, он раздавил ее своими ногтями, потом слизнул ее и сказал, когда увидел меня: «Прекрасно».

Каждый из них вырубает палочку величиной с фалл и вешает ее на себя. И если он захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует ее, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай для меня то-то и то-то». Я сказал переводчику: «Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому [действию] и почему он сделал это своим господом?» Он [спрошенный] сказал: «Потому что я вышел из подобного этому и не знаю относительно самого себя иного создателя, кроме этого».

Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господ: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». Наш господь превыше того, что говорят нечестивые, возвышенным величием.

Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам, [еще одна] группа поклоняется журавлям. Мне сообщили, что они [когда-то] вели войну с [какими-то] людьми из числа своих врагов, причем они [враги] обратили их в бегство, и что журавли кричали позади них [врагов] так, что они испугались и сами обратились в бегство, после того, как обратили в бегство [этих ал-башгард]. Поэтому они [эти ал-

⁸⁷² В арабском тексте *кундур*, т.е. над «ра» нет точки, правильное – кундуз.

⁸⁷³ با شجر د . Огласовка издателя. Во фрагментах из «Рисали» Ибн Фадлана сохраняем огласовку по А.П.Ковалевскому.

⁸⁷⁴ با شجر د

⁸⁷⁵ با ش قرد

башгарды] стали поклоняться журавлям и говорить: «Эти [журавли] наш господь, так как он обратил в бегство наших врагов». За это они им и поклоняются.

Это – то, что рассказывают о них. Что касается меня, я обнаружил в городе Халеб⁸⁷⁶ многочисленную общину, называемую ал-Башгардийа. [Они] совершенно светловолосые и светлолицые, они принимают фикх⁸⁷⁷ согласно мазхабу⁸⁷⁸ Абу Ханифы⁸⁷⁹, да будет доволен им Аллах. Я попросил человека из них дать разъяснение об их стране и их положении. Он ответил: «Что касается нашей страны, [она] по ту сторону Кустантинийи в царстве народов из ал-Ифрандж (франков)⁸⁸⁰, который называют ал-Хункар. Мы мусульмане. Подданные царя [ал-Хункар]. В направлении (тариф) его страны [расположены] около тридцати деревень, каждая почти городок (булайда) [размером]. Однако царь ал-Хунгар не позволяет нам что-либо делать с [деревнями], [загородившись] стеной (суран) из-за страха, что мы взбунтуемся против него. Мы в середине страны христиан. К северу от нас страна ас-Сакалиба, к югу от нас – страна Папы (ал-Папа), то есть Румийа⁸⁸¹. Папа – глава ал-Ифрандж (франков), а он у них наместник Христа (ал-Масих). Он подобен эмиру верующих у мусульман. Его приказы исполняют во всем, что связано [с.470] с религией их всех.

Он сказал: «К западу от нас – ал-Андалус, а к востоку от нас – страна ар-Рум: Кустантинийа и его область». Он сказал: «Наш язык – язык (франков). Наша одежда [как] их одежда. Мы служим вместе с ними в войске (ал-джундийа) и совершаем набеги с ними на любую общину, если только они сражаются с противниками ислама.

Я спросил его, почему они приняли ислам, несмотря на то, что они [находятся] в середине страны безбожия. Он сказал, я слышал от нескольких (джама'а) наших предков (старейшин), которые рассказывали, что много времени тому назад в их страну прибыли семь человек мусульман из страны Булгар и поселились среди нас. Они были добры ознакомить нас [с исламом] и [объяснить нам] то, в чем мы заблуждались, они указали нам путь к благодати в вере ислама. И Аллах наградил нас. Слава Аллаху! И мы все приняли ислам, и «Аллах рассек наши сердца для веры»⁸⁸². Мы прибываем в эту страну и изучаем мусульманское право. Когда мы вернулись в свою страну, мы оказали почтение ее жителям и стали управлять делами их веры...

Я спросил: «Каково расстояние, которое между нами и между вашей страной?» Он ответил: «Отсюда от нас до Кустантинийи около двух с половиной месяцев, из Кустантинийи до нашей страны примерно столько же. А ал-Истахри уже упоминал в своей книге, [что] от башджирд до булгар двадцать пять переходов, от башджирд до ал-баджанак (печенегов), а они группа (синф) из тюрок, десять дней [пути].

[Том I, с.722] **Булгар** – с даммой, «гайн» с точкой. Главный город (мадина) ас-сакалиба, который [находится] на севере. Сила холода не дает снегу сойти с его (Булгара) земли ни летом, ни зимой. Его население (ахл) редко, когда видит землю [свободной от снега]. [с.723] Их строения только из дерева. Оно (строение) складывается бревно на бревно и прочно сколачивается кольями также из дерева. Их земля не дает фруктов и плодов

Между Итилем – главным городом (мадина) ал-хазар и Булгаром по дороге [через] степи около месяца, а если добираться в [Булгар] вверх по реке Итиль – около двух месяцев, а вниз [по течению] – около двадцати дней. Из Булгара до первых пределов ар-Рума около десяти переходов. От [Булгара] до Куйаба – главного города (мадина) ар-рус двадцать дней. От Булгара до Башджирд около двадцати пяти переходов. Царь (малик) Булгара и его население приняли ислам уже во времена ал-Муктадира би-л-Лахи. Они (булгары) направили в Багдад посланника (расул), извещая об этом ал-Муктадира и прося прислать того,

⁸⁷⁶ Халеб (Алеппо) – город на северо-востоке Сирии.

⁸⁷⁷ Фикх – мусульманское право.

⁸⁷⁸ Мазхаб – школа в мусульманском праве.

⁸⁷⁹ Абу Ханифа, ан-Ну'ман ибн Сабит (699–767) – богослов, факих, мухаддис, основатель и эпоним ханафитского мазхаба мусульманского права, последователями которого была и остается преобладающая часть мусульман Центральной Азии и Поволжья.

⁸⁸⁰ Или ал-Афрандж. Здесь собирательное наименование христианских народов Европы.

⁸⁸¹ Румийа – Рим, Италия.

⁸⁸² Перефраз Корана.

кто обучит их молитвам и [законам] шари‘ата (аш-шараи‘). Однако он (посланник) не объяснил причину принятия ими ислама.

Я читал «Записку» (Рисала), которую составил Ахмад ибн Фадлан ибн ал-‘Аббас ибн Асад ибн Хаммад мавла Мухаммада ибн Сулаймана посла ал-Муктадира би-л-Лахи к царю ас-сакалиба, в которой он рассказал то, свидетелем чего он был со времени, как он выехал из Багдада и вернулся обратно. В ней он сказал: Когда прибыло письмо <Алмиша (Алмышша)>⁸⁸³ ибн Шилки йылтывара⁸⁸⁴, царя ас-сакалиба, к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в религии, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него минбар, чтобы он установил [с минбара] возгласение молитвы во здравие халифа в его [собственной] стране (билад) и во всех областях его государства (мамлака), и просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей (ал-мулук), своих противников – было дано согласие на то, о чем он просил. Посредником в этом деле был Назир ал-Харами (ал-Хурами). А я начал читать ему (царю) письма и вручения того, что отправлялось к нему [в качестве подарков] и для надзора над факихами и му‘аллимами. ...Он сказал: Потом мы отправились из Города Благополучия (Мадинат ас-салам) в четверг, по прошествии одиннадцати ночей [месяца] сафара триста девятого [21 июня 921] года. ...Потом он рассказывал о том, что произошло с ним по дороге в Хваризм, затем оттуда в страну (билад) ас-сакалиба, описание которого длинно. Потом он говорил: Когда же мы были от царя ас-сакалиба, к которому мы направлялись, на расстоянии дня и ночи пути, он послал для нашей встречи четырех царей, находящихся под его властью, своих братьев и своих сыновей. Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Когда же мы были от него на [расстоянии] двух фарсахов, он встретил нас сам, и когда он увидел нас, он сошел [с лошади] и пал ниц, поклоняясь с благодарением Аллаху. В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас. Он поставил для нас юрты, и мы поселились в них. [с.724] Наше прибытие к нему было в воскресенье, когда прошло двенадцать ночей [месяца] мухаррама триста десятого [12 мая 922] года. И было расстояние от ал-Джурджанийи, а это главный город (мадина) Хваризма, и до его страны семьдесят дней [пути]. Мы оставались до среды в юртах, которые были разбиты для нас, пока собрались цари его земли и знать его [страны], чтобы услышать чтение письма [халифа]. Когда же наступил четверг и они собрались, мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали лошадь присланным ему [в подарок] седлом, одели его в савад и надели на него тюрбан. Тогда я вынул письмо халифа. Я читал его, а он стоял на ногах. Потом я читал письмо вазира Хамида ибн ал-‘Аббаса, а он все еще стоял, а он был толстым (полным, дородным). Спутники его рассыпали на нас дирхемы. Мы вынули подарки и представили ему их. Потом я облек его жену [в почетный халат], в то время как она сидела рядом с ним, – таков их закон и обычай. Потом он прислал за нами. Мы явились в его палатку, а у него были его цари (мулук), [они сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Царь начал, – взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Саусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. Когда тот его получит, то уже принесен ему стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю (малик), который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол..., и таким образом [это продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу

⁸⁸³ В арабском тексте Йакута **المس** (Ал.м.с). Имя огласовано в соответствие с текстом Ибн Фадлана.

В переводе А.П.Ковалевского: Алмуш. Правильное прочтение: Алмиш (Алмыш). Имя древнетюркского происхождения, образованное от слияния двух слов «эл» (или «ил») и «алмыш», т.е. принявший (взявший) государство. Стяжение этих двух слов дает краткое – Алмыш или Алмиш [Смирнова, 1981, с.249–255].

⁸⁸⁴ В арабском тексте Йакута **بطوار** «былтывар» (билтивар), что является конъектурой издателя, основанной на диакритике одного из списков сочинения. Как показано выше, правильное «йылтывар». См. комм. к «Рисале» Ибн Фадлана.

с кем-либо другим, и кроме него никто не брал с его стола ничего. Когда же он кончал с едой, то каждый из нас оставшееся на своем столе уносил в свое жилище. Когда мы поели, он велел принести напиток из меда, который они называют суджув. Он пил и пили мы. На его минбаре еще до моего прибытия уже провозглашали от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] царя (ал-малик) йылтывара, царя болгар!» Я же сказал ему: «Воистину, царь – это Аллах, и на минбаре этим титулом не называется никто, кроме него, великого и могучего. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной своей особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего и заместника твоего Джа‘фара, имама ал-Муктадира би-л-Лахи, повелителя правоверных!».

Он сказал мне: «Как же подобает, чтобы провозглашали от моего имени хутбу?» Я сказал: «Посредством упоминания [с. 725] твоего имени и имени твоего отца». Он сказал: «Но ведь отец мой был неверным, и я не хочу упоминать его имени на минбаре; и я также [был неверным], – и я не хочу, чтобы упоминалось мое имя, так как тот, кто дал мне имя, был неверным. Однако, как имя моего господина, повелителя правоверных?» Я сказал: «Джа‘фар». Он сказал: «Подобает ли, чтобы я назвался его именем?» Я сказал: «Да». Он сказал: «[Итак], я уже дал себе имя Джа‘фар, а имя своему отцу ‘Абдаллах, так что дай распоряжение об этом хатибу». Я сделал это, и он [хатиб] стал провозглашать от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джа‘фара ибн ‘Абдаллаха, повелителя [эмира] болгар, мавла повелителя правоверных». Я видел в его стране столько удивительных вещей, что я их не перечту из-за их множества, как, например, то, что в первую [же] ночь, которую мы переночевали в его стране, я увидел, как перед [окончательным] исчезновением [света] солнца в обычный час [молитвы] небесный горизонт сильно покраснел. И я услышал [высоко] в воздухе громкие звуки и сильный гомон. Тогда я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное, подобное огню, и вот этот гомон и эти звуки [исходят] от него. И вот в нем подобия людей и лошадей, и вот в руках отдаленных находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копыя и обнаженные мечи. И они представлялись мне то совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот рядом другой, подобный им, черный отряд, в котором я увидел также мужей, лошадей и оружие. И начал этот отряд нападать на тот отряд, как нападает эскадрон на эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они [жители страны] смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем.

Он сказал: Мы [долго] смотрели на отряд, нападающий на отряд. Оба они смешивались вместе на некоторое время, потом оба разделялись, и таким образом это явление продолжалось некоторую часть ночи. Потом оно скрылось от нас. Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что деды его говаривали, что эти [всадники] принадлежат к верным и неверным джиннам. Они сражаются каждый вечер и, подлинно, с тех пор, как они существуют [на свете], ни одной ночи они не бывают отсутствующими в этом [сражении]. «И мы всегда это таким образом видели».

Он сказал: Вошел я и бывший у царя (малик) портной из жителей Багдада, [случайно] попавший в эту область, в мою юрту, чтобы поговорить между собой. Итак, мы поговорили столько, сколько нужно, чтобы прочитать менее половины седьмой части [Корана]. При этом мы ожидали ночного азана. Но вот и азан. Итак, мы вышли из юрты, а заря уже появилась. Тогда я сказал муаззину: «Какой азан ты провозгласил?» Он сказал: «Азан рассвета». Я сказал: «А ночной последний?» Он сказал: «Мы читаем его молитву вместе с [азаном] при заходе солнца». Я сказал: «А ночью?» Он сказал: «Как видишь! Она была еще более короткой, чем эта, но только теперь она уже прибавилась в длине». Он сообщил, что уже месяц, как не спит ночью, боясь, чтобы не упустить утреннюю молитву, и это потому, что, [если] человек ставит котелок на огонь во время [молитвы] захода солнца, а потом читает утреннюю молитву, то для него [котелка] не приходит время закипеть.

Он сказал: Я видел, что день [с. 726] у них очень длинный, а именно, в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короток. Итак, когда наступила вторая ночь, я сел вне юрты и наблюдал небо, и я увидел на нем только небольшое число звезд, думаю, что около пятнадцати рассеянных звезд. И вот красная заря, которая бывает перед ночной [молитвой], ни в коем случае не исчезает [окончательно],

и вот ночь с [настолько] малой темнотой, что в ней человек узнает человека на большем [расстоянии], чем выстрел стрелы.

Он сказал: Я видел, что луна не достигает середины неба, но восходит на его краях на какой-нибудь час, – потом появляется заря и луна скрывается.

Он сказал: Рассказал мне царь (ал-малик), что по ту сторону его страны на расстоянии трех месяцев пути [есть] народ, который называют Вису. Ночь у них длится меньше одного часа.

Он сказал: Я видел, что в этой стране во время восхода солнца все имеет красный цвет, как-то: земля, горы и все, на что смотрит человек. И восходит солнце, по величине подобное облаку, и краснота остается такой, пока [солнце] не достигнет высшей точки на небе.

Жители этой страны мне сообщили, что, подлинно, «когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как [летний] день, а день делается таким коротким, как ночь, так что, право же, если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Итиль, – а между нами и им расстояние пути менее фарсаха, – во время [утренней] зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи, [ко времени] появления всех звезд настолько, что покроют все небо».

И мы [посольство] не покинули [этой] страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились.

Я видел, что они считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия.

Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева, право же, [иной раз] накрутятся десяток их и более. Они [жители] не убивают их, и они им не вредят.

У них яблоки очень зеленые, очень кислые, которые едят девушки и [соответственно этому их] называют.

В их стране больше всего деревьев орешника. И я видел из него [такие] леса, что [каждый] лес имел сорок фарсахов в длину, при такой же ширине⁸⁸⁵.

Он сказал: Я видел у них деревья, не знаю, что это такое: чрезвычайно длинные, ствол их лишен листьев, макушки подобны макушкам пальм, имеющим тонкие ваи, но только эти [ваи] сходящиеся. Они берутся за известное им место ствола этого дерева, пробуравливают его и подставляют под него сосуд, в который из этого отверстия течет жидкость, более приятная, чем мед. Если человек много ее выпьет, она опьянит его, как опьяняет вино и [даже] более.

Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень [у них] в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя. У царя нет на это никакого права, кроме лишь того, что они платят ему в каждом году от каждого дома [с.727] шкуру соболя. <А когда он отправляет отряд в набег на какую-то страну, ему полагается доля вместе с ними>.

У них нет никакого масла (жира), кроме рыбьего жира. Они употребляют его вместо оливкового и кунжутного масла. И они [сами] бывают вонючи (грязны, неопрятны) из-за этого [от жира].

Все они носят шапки. Когда царь едет верхом, он едет один, без гуляма (гулам), и с ним нет никого. Итак, когда он проезжает по базару, никто не остается сидящим, – [каждый] снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы. И точно так же все, кто входит к царю, мал и велик, включительно до его сыновей и братьев, лишь только посмотрят на него, как тотчас снимают свои шапки и кладут их себе подмышку. Потом [они] кивают головами в сторону царя, приседают, потом остаются стоять, пока он не пригласит их сесть, причем каждый, кто сидит перед ним, право же, видит, стоя на коленях, и не вынимает своей шапки и не показывает ее, пока не выйдет от него, надевая ее [только] в это время.

Молнии в их стране очень многочисленны. Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его, пока не уничтожит его время. И они говорят: «Это место, на котором лежит гнев».

⁸⁸⁵ Вариант перевода: «я видел из такого леса, [который составлял] сорок фарсахов из подобного [орешнику]».

И если они увидят мужчину, обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господу». Итак, они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают его на дерево, пока он не распадется на куски.

Если они едут в дороге и один из них захочет помочиться и помочится, имея при себе оружие, то его обернут, – возьмут его оружие и все, что с ним имеется. А кто сложит с себя оружие, положит его в сторону, то они не препятствуют ему. И у них такой обычай: мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом. А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него четыре <кола>, привяжут к ним обе его руки и обе ноги и рассекут [его] топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом они поступают и с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево. Я не переставал прилагать старания, чтобы женщины закрывались от мужчин при купании, но это мне не удалось. И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея.

Известия о них [булгарах], мы сократили до этого изложения.

[Том I, с.729] **Баланджару** – две [первые буквы] с фатхой, «ан-нун» с сукуном, «джим» с фатхой и «ра». Главный город в стране ал-хазар, [расположен] за Баб ал-абвабом. Говорят, что он был завоеван ‘Абд ар-Рахманом ибн Раби‘а. Ал-Балазури⁸⁸⁶ говорит, что – Салманом ибн Раби‘а [с.730] ал-Бахили. Он вступил в пределы [Баланджара], но хакан [во главе] своего войска встретил его за Баланджаром, и пали мучениками [за веру] он и его товарищи, а их было четыре тысячи. Это было в начале дела. А тюрки боялись их и говорили, что эти [люди] – ангелы и оружие не действует на них. И так было до тех пор, пока один тюрков, спрятавшись в лесных зарослях, не выстрелил из лука в мусульманина, и он убил его. Он возгласил среди своего народа: «Они умирают также, как умираете вы. Не опасайтесь их». И они осмелели против них, напали на них. И погиб мучеником [за веру] ‘Абд ар-Рахман ибн Раби‘а. Его брат взял знамя и не переставал сражаться, пока это было возможно. Он похоронил брата в окрестностях Баланджара, и с оставшимися мусульманами вернулся по дороге Гилана. Сказал ‘Абд ар-Рахман ибн Джумана ал-Бахили⁸⁸⁷:

Есть две у нас могилы: могила в Баланджаре
И есть могила в Синистане – что за могилы!
Тот, что в Китае, тот завершил свои завоевания,
Другим же вызывают дождь, чтоб орошал колосья.

Тюрки убили ‘Абд ар-Рахмана ибн Раби‘у. А говорят, что Салман ибн Раби‘а и его товарищи видели каждую ночь свет над полем их битвы. Они взяли Салмана ибн Раби‘у, положили его в гроб и спрашивают у него дождя, когда испытывают жажду.

А что касается того, кто в ас-Сине, – это Кутайба ибн Муслим ал-Бахили.

Сказал ал-Бухтури, восхваляя Исхака ибн Кундаджика:

Уважение в ал-‘Ираке возросло к тому, кто
заклучил договор (‘ахд) в Хамлих (Хамлидже) или Баланджаре.

[Том I, с.793] **Ал-Байда** – это также и [главный] город в стране хазар за Баб ал-абвабом. Сказал ал-Бухтури, восхваляя Ибн Кундаджика ал-Хазари: ...⁸⁸⁸

Уважение в ал-‘Ираке возросло к тому, кто
заклучил договор в ал-Байда или Баланджаре.

Говорят, они заключили договор с ним в Хамлих (Хамлидже).

[Том II, с.436] **Хазару** – огласовка [фатхой], в конце [слова] «ра»⁸⁸⁹.

⁸⁸⁶ Ал-Балазури – арабский историк IX в., автор «Китаб футух ал-булдан» («Книги завоевания стран»), в которой привел сведения о походах арабов на Северный Кавказ.

⁸⁸⁷ Ал-Балазури называет ал-Бахили только по имени отца – Ибн Джумана.

⁸⁸⁸ Три предшествующих двустушия оставлены без перевода. Два двустушия из них повторена в статье «Хамлих».

⁸⁸⁹ В арабском тексте «Ра» дано с «тенвин даммой», т.е. именит падеж, неопред.состояния.

[Слово] означает изменение в зрачке около внешнего уголка глаза, это самое безобразное состояние.

Это страна тюрков за Баб ал-абвабом, называемым Дарбанд, близ стены (ас-сад) Зу-л-Карнайна. Говорят, что [название] дано [по имени] ал-Хазар ибн Йафита ибн Нуха, да будет над ним мир.

В «Китаб ал-‘айн» (Книге «‘айна») сказано: «Ал-Хазару – племя, прищуривающих глаза (хазар ал-‘уйун)».

Сказал Ди‘бил ибн ‘Али, восхваляя род ‘Али [ибн Абу Талиба], да будет доволен им Аллах: ...⁸⁹⁰

Сказал Ахмад ибн Фадлан, посол (ар-расул) ал-Муктадира к царю ас-Сакалиба в своей «Записке» (Рисала), в которой он упоминает то, свидетелем чего он был в той стране.

Он сказал:⁸⁹¹ «Ал-Хазар – название страны (иклима), [и⁸⁹²] столица (касаба) называется Итиль, а Итиль – название реки, которая течет к ал-хазар от ар-рус и болгар. Итиль – главный город (мадина). Ал-Хазар – название царства (мамлака), а не название главного города (мадина). Итиль состоит из двух частей: часть западнее этой реки, называется Итиль, она большая из них, [с.437] а другая восточнее [реки]. Царь (малик) живет в западной из них. На их языке царя называют П.л.к. (Б.л.к), а также называют бек⁸⁹³. Размер этой западной части в длину около фарсаха. Его окружает ров(ас-сур)...

У них рынки, бани. Там [в городе] многие жители из мусульман, говорят, что их число превышает десять тысяч и у них около тридцати мечетей. Дворец царя [расположен] далеко от берега реки, его дворец из [обожженного] кирпича и ни у кого кроме него нет строения из [обоженного] кирпича, царь не позволяет никому, кроме как для себя, строить из [обоженного] кирпича. У этой стены четверо ворот. За одними из них – река, за другими – степь, [расположенная] по ту сторону города. Их царь (малик) – иудей. Его войско (ал-хашийа) – четыре тысячи воинов. Хазары – мусульмане и христиане, среди них – идолопоклонники. Самая малочисленная группа там – иудеи, так же, как их царь. Большинство [хазар] – мусульмане и христиане, кроме царя и его знати, [они] – иудеи. Преобладают в их нравах нравы идолопоклонников, которые поклоняются друг другу для почитания. Правила, соблюдаемые ими, в налогах различаются для мусульман, иудеев и христиан.

Численность войска царя (малик) [составляет] двенадцать тысяч человек. Когда среди них умирает человек, его место занимает другой [человек]...

У царя есть девять судей из иудеев, христиан, мусульман и идолопоклонников... У этого города нет деревень, однако их уголья пространны (поля, пашни возделаны). Летом они выезжают в уголья, они простираются на двадцать фарсахов... [с.438] ...Съезжаются к ним из ар-рус, болгар, Куйаба.

В восточной части города много торговцев, мусульман, купцов-путешественников. Язык хазар – не язык ат-турк, не персидский, он не похож ни на что. Они отличаются от других народов, но они не подобны тюркам (ар-атрак). Они черноволосы. Они двух видов, которых называют – кара-хазар, из за черноты их кожи, которая подобна ас-самра (сумра), поэтому их так называют. Другой их вид – ал-хинд, вид со светлой кожей. Они приятной, красивой наружности (внешности), которая появилась у них от рабов ал-хазар, они идолопоклонники, которым [религия] позволяет торговать своими детьми и часть обращать в рабов для другой части. Что касается иудеев и христиан, их вера, так же, как вера мусульман, запрещает им обращать друг друга в рабов.

Что же касается царя хазар, его имя Хакан. Он появляется только один раз в четыре месяца. Его называют «большой хакан», а его заместителя называют хакан-бех. Это тот, который предводительствует войсками и командует ими, управляет делами государства, руководит им, появляется [перед народом], совершает походы, и ему изъявляют покорность

⁸⁹⁰ Далее следуют четыре двустипии, которые в нашем переводе опущены.

⁸⁹¹ Несмотря на ссылку на Ибн Фадлана, текст следующих двух абзацев здесь восходит к приведенным в сокращении материалам ал-Истахри, которого Йакут в других статьях упоминает.

⁸⁹² В арабском тексте предлог «мин» («из»), что не имеет смысла; заменяем этот предлог союзом «ва» («и») согласно тексту Ибн Хаукаля.

⁸⁹³ به

находящиеся поблизости от него цари. И он входит каждый день к наибольшему хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как босым, держа в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, то зажигают перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем [с.438] на его трон. Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого также замещает муж, называемый джавшунгар.

Другой обычай [относительно] наибольшего царя [тот, что], если он умрет, то строится для него большой двор, в котором [имеются] двадцать домов, и в каждом из этих домов для него роется могила. Измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на глазной порошок, и расстилаются в ней, и поверх этого накладывается негашеная известь. А под [этим] двором [имеется] река, и [эта] река большая, и они помещают [проводят] эту [реку] над этой могилой, и говорят: «Чтобы не [с.439] добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые». Когда он похоронен, то рубят шеи тем, кто его хоронит, чтобы не было известно, в каком из домов [находится] его могила. Могила его называется рай, и говорят: «Он вошел в рай».

И все [эти] дома выстланы парчой, сотканной из золота.

[Еще] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жен, [причем] каждая из этих жен – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей. У него шестьдесят девушек-наложниц для его постели, причем только такие, которые отличаются красотой. И каждая из свободных и наложниц [находится] в отдельном дворце, у нее [есть] помещение в виде купола, покрытое тиком, и вокруг каждого «купола» [есть] утоптанное пространство. И у каждой из них [есть] евнух, который ее стережет. Итак, если [хакан] захочет использовать одну из них [как наложницу], он посылает за евнухом, который ее стережет, и [тот] является с ней быстрее мгновения ока, чтобы положить ее в его постель, причем евнух останавливается у дверей «купола» царя. Когда же [царь] использовал ее [как наложницу], он [евнух] берет ее за руку и удаляется и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение.

Когда этот большой царь выезжает верхом, [то] едут [также] все войска по случаю его выезда, причем между ним и частями кортежа миля [расстояния], и ни один из его подданных не видит его иначе, как павши ниц на свое лицо, поклоняясь ему, и не поднимает своей головы, пока он не проследует мимо него.

Продолжительность [правления] их царя – сорок лет. Если он переживет их [хотя бы] на один день, то подданные и его приближенные уволят его или убьют и скажут: «У этого ум уже уменьшился и его суждение [стало] путаным [неясным]».

Если он пошлет [в поход] отряд [войска], то он не обращается вспять никоим образом и никаким способом, а если он обратится в бегство, то предается смерти всякий, кто из него к нему [к царю] возвратится. А что касается предводителей и его заместителя, то, если они обратятся в бегство, приведут их [самих] и приведут их жен и их детей и дарят их другим в их присутствии, в то время как они смотрят [на это], и точно так же [дарят] их лошадей, и их [домашние] вещи, и их оружие, и их дворы [усадьбы, а иногда он [царь] разрежет каждого из них на два куска и разопнет их, а иногда повесит их за шеи на деревьях. Иногда же, если окажет им милость, то сделает их конюхами.

У царя хазар [есть] огромный город на реке Итиль. Он состоит из двух сторон, – в одной из этих двух сторон [живут] мусульмане, а в другой стороне – царь и его приближенные. Над мусульманами [начальствует] муж из [числа] приближенных <гулямов> царя, который называется хаз. Он мусульманин, и судебная власть над мусульманами, живущими в стране хазар и [временно] приезжающими к ним по торговым делам, предоставлена этому <гуляму>-мусульманину, так что никто не рассматривает их дел и не производит суда между ними, кроме него. У мусульман в этом городе [есть] соборная мечеть, в которой они совершают молитву [с.440] и присутствуют в ней в дни пятниц. При ней [есть] высокий минарет и несколько муаззинов.

И вот, когда в триста десятом году⁸⁹⁴ до царя хазар дошла [весть], что мусульмане разрушили синагогу, бывшую в Усадьбе ал-Бабунадж, он приказал, чтобы минарет был раз-

⁸⁹⁴ Год начался 1 мая 922 г.

рушен, казнил муаззинов и сказал: «Если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы [и] мечеть».

Хазары и их царь – все иудеи, а ас-сакалиба и все, кто соседит с ними, [находятся] у него в покорности, и он обращается к ним, как к находящимся в рабстве, и они повинуются ему с покорностью.

Часть из них достигает до Йаджудж и Маджудж, а они хазары.

[Том II, с.471] **Хамлих (Хамлидж)** – главный город (ал-мадина) в стране ал-хазар.

Сказал ал-Бухтури, восхваляя Исхака ибн Кундаджика: ...⁸⁹⁵

[Том II, с.834] **Русс**⁸⁹⁶ – с «даммой» над его первой [буквой], «сукун» над его второй [буквой], а «син» без точек. Их называют русс, без «вава». [Они] – народ из народов своей страны, граничат с ас-сакалиба и ат-турк; у них свой собственный язык, религия (ад-дин) и [религиозный] закон (аш-шари'а). Согласно которому, у них нет ни одного язычника.

Рассказывал ал-Мукаддаси⁸⁹⁷: Они находятся на острове... У них нет поместий, деревень и возделанных земель. Их промысел – торговля соболем, белкой и другими пушными. Они продают это желающим, в уплату принимают чеканенные деньги, которые хранят в своих поясах.

Если у человека из [русов] родится ребенок, то он (отец) приносит (дарит) новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ним и говорит ему: «Не оставлю тебе в наследство никакого имущества: у тебя будет только то, что ты добудешь себе сам этим своим мечом».

Это они, кто правил в Барза'а один год. Они грабили его, пока Аллах не изгнал их оттуда и не уничтожил.

Я прочел в «Записке» (Рисале) Ахмада Ибн Фадлана ибн ал-'Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада мавла Мухаммада ибн Сулаймана, посла (ар-расул) ал-Муктадира к царю ас-Сакалиба, который рассказал в ней то, что он видел воочию после отправления из Багдада и до возвращения обратно. Я рассказываю то, о чем он поведал об удивительном там.

Он сказал: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Итиль. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, румяны лицом, белы телом. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису, которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу. [с.835] И при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим он [никогда] не расстается. <Мечи их искусной работы>, бороздчатые, франкские. И от края ногтей иного из них [русов] до его шеи [имеется] собрание деревьев, изображений [картинок] и тому подобного.

<А у каждой их женщины на груди прикреплена коробочка>, или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами [денежных] средств их мужей. И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди. А на шее у них ожерелье из золота и серебра, потому что, когда мужчина владеет десятью тысячами дирхемов, у его жены – одно ожерелье, а если – двадцатью тысячами, то – два ожерелья, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют ожерелье его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] ожерелий.

Самым великолепным украшением [считаются] у них [русов] зеленые бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они делают [для приобретения их] исключительные

⁸⁹⁵ Далее следуют два двустипия, тождественные приведенным в статье «Ал-Байда». Эти же стихи известны по Ибн Хордадбеку, но даны в нескольких статьях «Словаря...» Йакута и в целом шире, чем у Ибн Хордадбека.

⁸⁹⁶ В слове «русс» над «сином» стоит «ташдид» – знак удвоения буквы.

⁸⁹⁷ Ал-Мукаддаси (395–ок.390/946–ок.1000) – последний представитель классической школы географов X в., автор «Ахсан ат-таксим фи ма'рифат ал-акалим» («Лучшее разделение для познания климатов»), которое было известна в двух редакциях. Считается, что Йакут пользовался второй редакцией сочинения, которая была ориентирована на фатимидскую династию в Египте (составлена в 378/988–989). Используя материалы ал-Мукаддаси, Йакут называет его по нисбе ал-Башшари, реже по другим именам, например, Ибн ал-Банна [Крачковский, 1957, с.209–214].

усилия, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают [их] в качестве ожерелий для своих жен.

Дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, [а также] соболи. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится бракованной [монетой]. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывезти, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки.

Они грязнейшие из творений Аллаха, – они не очищаются ни от экскрементов, ни от урины, не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они, как блуждающие ослы. Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Итиле, – а это большая река, – и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном [таком] доме десять и двадцать, – меньше или больше. У каждого [из них] скамья, на которой он сидит, и с ними [сидят] девушки-красавицы для купцов. И вот один [из них] сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. А иногда собирается [целая] группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности.

У них обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы самой грязной водой, какая только бывает, и самой нечистой. А это [бывает] так, что девушка является каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Он же моет в ней свои руки, свое лицо и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, чего бы он ни сделал в эту воду. Когда же он покончит с тем, что ему нужно, девушка несет лохань к сидящему рядом с ним, и [этот] делает то же, что сделал его товарищ. И она не перестает подносить ее от одного к другому, пока не обнесет ею всех, находящихся в [этом] доме, и каждый из них сморкается, плюет и моет свое лицо и свои волосы в ней.

И как только их корабли прибывают к этой пристани, тотчас [с.836] выходит каждый из них, [неся] с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набиз, чтобы подойти к длинному воткнутому [в землю] бревну, у которого [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мной девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур», – пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров – «и я пришел к тебе в этом даром», – потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном, – «итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы, чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю». Потом он уходит.

Итак, если продажа для него будет трудна и пребывание его затянется, то он снова придет со вторым и третьим подарком, и если [для него] будет затруднительно добиться того, чего он хочет, он понесет к каждому из маленьких изображений подарок, попросит их о ходатайстве и скажет: «Эти – жены нашего господа, дочери его и сыновья его». Итак, он не перестает обращаться с просьбой то к одному изображению, то к другому, просить их, искать у них заступничества и униженно кланяться перед ними. Иногда же продажа пойдет для него легко и он продаст. Тогда он говорит: «Господь мой удовлетворил мою потребность, и мне следует вознаградить его». И вот он берет некоторое число овец или рогатого скота, убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и оставляет между тем большим бревном и стоящими вокруг него маленькими и вешает головы рогатого скота или овец на это воткнутое [сзади] в землю дерево. Когда же наступит ночь, придут собаки и съедят все это. И говорит тот, кто это сделал: «Господь мой уже стал доволен мною и съел мой дар».

Если кто-либо из них заболел, то они разобьют для него палатку в стороне от себя, оставят его в ней, положат вместе с ним некоторое количество хлеба и воды и не приближаются к нему и не говорят с ним, особенно если он бедняк или невольник, но если это лицо, которое имеет толпу родственников и слуг, то люди посещают его во все эти дни и справляются о нем. Итак, если он выздоровеет и встанет, то возвратится к ним, а если он умрет, то

они его сожгут. Если же он был невольник, они оставят его в его положении, [так что] его едят собаки и хищные птицы.

Если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и подвешат его на нем навсегда, пока он не распадется на куски от ветров и дождей.

Мне не раз говорили, что они делают со своими главарями при [их] смерти дела, из которых самое меньшее – сожжение, так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим, пока не [с.837] дошла до меня [весть] о смерти одного выдающегося мужа из их числа. Итак, они положили его в его могиле и покрыли ее над ним настиллом на десять дней, пока не закончат кройки его одежд и их сшивания.

А именно: если [это] бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают его [корабль]. Что же касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят это на три трети, причем [одна] треть – для его семьи, [одна] треть на то, чтобы на нее сшить для него одежды, и [одна] треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином. Они, злоупотребляя набизом, пьют его ночью и днем, [так что] иной из них умрет, держа кубок в руке.

Они в те десять дней пьют и сочетаются [с женщинами] и играют на сазе. А та девушка, которая сожжет сама себя с ним, в эти десять дней пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями и, так нарядившись, отдается людям.

Если умрет главарь, то его семья скажет его девушкам и его <гулямам>: «Кто из вас умрет вместе с ним?». Говорит кто-либо из них: «Я». И если он сказал это, то [это] уже обязательно, – ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. Большинство из тех, кто это делает, – девушки. И вот когда умер тот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: «Кто умрет вместе с ним?» И сказала одна из них: «Я». Итак, ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла, настолько, что они иногда [даже] мыли ей ноги своими руками. И они [родственники] принялись за его дело, – за кройку для него одежд и устройство того, что ему нужно. А девушка каждый день пила и пела, веселясь, радуясь будущему.

Когда же наступил день, в который должны были сжечь его и девушку, я прибыл к реке, на которой [находился] его корабль, – и вот он уже вытасен [на берег] и для него поставлены четыре устоя из дерева хаданга и из другого дерева [халанджа] и вокруг них поставлено также нечто вроде больших помостов из дерева. Потом [корабль] был протасен, пока не был помещен на это деревянное сооружение. И они стали его охранять, ходить взад и вперед и говорить речью, для меня непонятной. А он [умерший] был еще в своей могиле, [так как] они [еще] не вынимали его.

В середину этого корабля они ставят шалаш из дерева и покрывают этот шалаш разного рода «кумачами». Потом они принесли скамью, поместили ее на корабле, покрыли ее стегаными матрацами и византийской парчой, и подушки – византийская парча. И пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье упомянутые нами выше постилки. Это она руководит его обшиванием и его устройством и она [же] убивает девушек. И я увидел, что она старуха-богатырка, здоровенная, мрачная.

Когда же они прибыли к его могиле, они удалили землю с дерева [настила], удалили дерево и извлекли его в покрывале, в котором он умер. И я увидел, что он уже почернел от холода этой страны. Еще прежде они поместили с ним в могиле набиз, [какой-то] плод и лютню. Теперь они вынули все это. И вот он не завонял, и в нем [с.838] ничего не изменилось, кроме его цвета. Тогда они надели на него шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый хафтан с пуговицами из золота, надели ему на голову шапку из парчи, соболью, и понесли его, пока не внесли его в находившийся на корабле шалаш, посадили его на стеганый матрац, подперли его подушками и принесли набиз, плод, разного рода цветы и ароматические растения и положили это вместе с ним. И принесли хлеба, мяса и луку и оставили это перед ним. И принесли собаку, рассекли ее пополам и бросили ее в корабль. Потом принесли все это оружие и положили его рядом с ним. Потом взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели. Потом рассекли их мечами и бросили

их мясо в корабле. Потом привели двух коров, также рассекли их и бросили их в нем. Потом доставили петуха и курицу, убили их и оставили в нем.

Собирается много мужчин и женщин, играют на сазах, и каждый из родственников умершего ставит шалаш поодаль от его шалаша. А девушка, которая хотела быть убитой, разукрасившись, отправляется к шалашам родственников умершего, ходя туда и сюда, входит в каждый из их шалашей, причем с ней сочетается хозяин шалаша и говорит ей громким голосом: «Скажи своему господину: «Право же, я совершил это из любви и дружбы к тебе». И таким же образом, по мере того как она проходит до конца [все] шалаша, также [все] остальные с ней сочетаются.

Когда же они с этим делом покончат, то, разделив пополам собаку, бросают ее внутрь корабля, а также отрезав голову петуху, бросают [его и его голову] справа и слева от корабля.

Когда же пришло время спуска солнца, в пятницу, привели девушку к чему-то, сделанному ими еще раньше наподобие обвязки ворот. Она поставила свои ноги на ладони мужей, поднялась над этой обвязкой [смотря вверх нее вниз], и произнесла [какие-то] слова на своем языке, после чего ее спустили. Потом подняли ее во второй раз, причем она совершила подобное же действие, [как] и в первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же свое действие, что и в первые два раза. Потом ей подали курицу, – она отрезала ей голову и швырнула ее [голову]. Они [же] взяли эту курицу и бросили ее в корабль. Итак, я спросил переводчика о ее действиях, а он сказал: «Она сказала в первый раз, когда ее подняли: «Вот я вижу своего отца и свою мать», – и сказала во второй раз: «Вот все мои умершие родственники, сидящие», – и сказала в третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и гулямы (алгулман), и вот он зовет меня, – так ведите же меня к нему».

Итак, они прошли с ней в направлении к кораблю. И она сняла два браслета, бывшие с ней, и отдала их оба той женщине-старухе, называемой ангел смерти, которая ее убьет. И она сняла два бывших на ней ножных кольца и дала их оба тем двум девушкам, которые [все время] служили ей, а они обе – дочери женщины, известной под названием ангел смерти.

После этого та группа [людей], которые перед тем уже сочетались с девушкой, делают свои руки устланной дорогой для девушки, чтобы девушка, поставив ноги на ладони их рук, прошла на корабль. Но они [еще] не ввели ее в шалаш. Пришли мужи, [неся] с собою щиты и палки, а ей подали кубком набиз. Она же запела над ним и выпила его. И сказал мне переводчик, что она этим прощается со своими подругами. [с.839] Потом ей был подан другой кубок, она же взяла его и долго тянула песню, в то время как старуха торопила ее выпить его и войти в палатку, в которой [находился] ее господин.

И я увидел, что она растерялась, захотела войти в шалаш, но всунула свою голову между ним и кораблем. Тогда старуха схватила ее голову и всунула ее [голову] в шалаш и вошла вместе с ней, а мужи начали ударять палками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, вследствие чего обеспокоились бы другие девушки и перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами. Затем вошли в шалаш шесть мужей из [числа] родственников ее мужа и все [до одного] сочетались с девушкой в присутствии умершего. Затем, как только они покончили с осуществлением [своих] прав любви, уложили ее рядом с ее господином. Двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, пришла старуха, называемая ангел смерти, наложила ей на шею веревку с расходящимися концами и дала ее двум [мужам], чтобы они ее тянули, и приступила [к делу], имея [в руке] огромный кинжал с широким лезвием. Итак, она начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

Потом явился ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее у огня. Потом он пошел, пятясь задом, – затылком к кораблю, а лицом к людям, [держа] зажженную палку в одной руке, а другую свою руку на заднем проходе, будучи голым, – чтобы зажечь сложенное дерево, [бывшее] под кораблем. Потом явились люди с деревом [для растопки] и дровами. У каждого из них была палка, конец которой он зажег. Затем [он] бросает ее в это [сложенное под кораблем] дерево. И берется огонь за дрова, потом за корабль, потом за шалаш, и мужа, и девушку, и [все], что в нем [находится]. Потом подул ветер, боль-

шой, ужасающий, и усилилось пламя огня и разгорелось его пылание. Был рядом со мной некий муж из русов. И вот я услышал, что он разговаривает с бывшим со мной переводчиком. Я спросил его о том, что он ему сказал. Он сказал: «Право же, он говорит: «Вы, арабы, глупы». Я же спросил его об этом. Он сказал: «Действительно, вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай». Потом он засмеялся чрезмерным смехом. Я же спросил об этом, а он сказал: «По любви господя его к нему, [вот] он послал ветер, так что он [ветер] возьмет его в течение часа». И в самом деле, не прошло и часа, как корабль, и дрова, и девушка, и господин превратились в золу, потом в [мельчайший] пепел.

Потом они соорудили на месте этого [с.840] корабля, который они [когда-то] вытащили из реки, нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большое бревно хаданга, написали на нем имя [этого] мужа и имя царя русов и удалились.

Он сказал: Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготавливает ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворяет ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то он подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь настолько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных.

Их отличные [«добропорядочные»] люди проявляют стремление к кожевенному ремеслу и не считают эту грязь отвратительной.

В случае, если между двумя лицами возникнет ссора и спор, и их царь не в силах достигнуть примирения, он выносит решение, чтобы они сражались друг с другом мечами, и тот, кто окажется победителем, на стороне того и правда.

Это то, что я привел из «Записки» (Рисала) Ибн Фадлана слово в слово, и на нем [лежит] ответственность за то, что он рассказал в ней. А Аллах лучше знает о достоверности этого. Однако теперь известно об их религии, что это религия христианская.

[Том III, с.143] **Самандар** – первая и вторая буквы [в слове] с фатхой, потом «нун» с сукуном и «даль» с фатхой, а в конце «ра». Город за Баб ал-абвабом в восьми днях [пути] в земле ал-хазар. Его построил Ануширван ибн Кубад Касра (Хосров). Говорил ал-Азхари: «Самандар – место, а был Самандар – столицей (дар) государства (мамлака) хазар. А когда завоевал его Салман ибн Раби‘а, он перенес [столицу] из него в город Итиль, а между ними расстояние – путь семи дней.

Сказал ал-Истархи: Самандар – город между Итилем – главным городом владельца хазар и Баб ал-абвабом. Обладает многочисленными садами. Говорят, что там было около четырех тысяч виноградников. Он примыкает к пределам царя ас-Сарира. Среди его фруктов преобладает виноград. А население там из мусульман, для них там [есть] мечети. Их постройки из сплетенного дерева, а их крыши – горбатые. Царь их из иудеев, родственник царя хазар. Между ними и пределами ас-Сарира два фарсаха. Между ними и владельцем ас-Сарира перемирие. От Самандара до Итиля, главного города хазар, восемь дней [пути]. От Самандара до Баб ал-абваба – четыре дня [пути].

[Том III, с.405] **Саклабу** – с фатхой [над «садом»], потом сукун, фатха над «ламом», в его конце только «ба»⁸⁹⁸.

Говорил Ибн ал-А‘раби: «Ас-Сиклаб – белокожий человек».

Абу ‘Амр говорил: «Ас-Сиклаб – румяный (розовощекий) человек».

Говорил Абу Мансур: «Ас-Сакалиба – племя (группа) румяных и рыжеволосых [людей]. Они граничат со страной хазар высоко в горах ар-Рума. Румяного человека называют саклаб из-за похожести по цвету на ас-сакалиба».

Другие говорят: «Ас-Сакалиба – страна между Булгаром и Кустантинией. По нему называются возвышенности ас-сакалиба. Одна из них – саклаби».

Ибн ал-Калби сказал: «Из потомков Йафиса ибн Нуха, да будет над ним мир, – Йунан, ас-Саклаб, ал-‘Абд.ри, Бурджан, Джурзан, Фарис и ар-Рум; это все народы, которые [находятся] между этими [ас-сакалиба] и ал-магрибом».

В другом месте Ибн ал-Калби сказал: Сообщил мне мой отец, который сказал: «Руми (румийцы), саклаб, армини (армяне), ифранджи (франки) – братья, они из потомков (бану) Л.н.ти ибн К.с.лухим ибн Йунан ибн Йафис, каждый из них был поселен на земле в местности, которую называли по ним».

Саклаб также [есть] в ал-Андалусе в провинции (области) Шантарин. Его земля благодатная. Говорят, что [она] плодородная, если ее засеять, то всходит на ней сто кафизов⁸⁹⁹ и более.

И на Сицилии также [есть] место, которое называют саклаб, его также называют Харрат ас-саклаб (горячее место ас-саклаб), там текущие источники, которые упоминаются в связи с Сицилией⁹⁰⁰.

Сказал ал-Мас‘уди⁹⁰¹: Ас-Сакалиба – это различные народы (аджнас), места их обитания – немусульманские страны (ал-харби) на краю (шалу) ал-магриба (на крайнем западе). Между ними [идут] войны. У них есть цари (мулук). Среди них те, кто ведет к вере христианской, яковитской (ал-йа‘кубийя). Среди них [и] те, у кого нет «Книги»⁹⁰² и шари‘ата, они – язычники. Самое смелое среди них племя называют ас-сари. Они сжигают себя в огне, если умирал их царь (мулук) или глава (раис), и сжигают своих лошадей (давабб). У них есть деяния подобные деяниям индусов (ал-хинд). В стране хазар многочисленная группа (синф) из [ас-сакалиба]. Первый из царей ас-сакалиба – правитель монастыря (ад-дайр), у него много обработанных (обжитых) земель. Мусульманские купцы достигают его государства с [различными] видами товаров. Потом это государство перешло от царей (мулук) ас-сакалиба [к] царю (малик) ал-фаранджа, а у него месторождение золота, города, много возделанных земель, многочисленные войска, товары ар-Рума. Потом это государство перешло от ас-сакалиба [к] царю (малик) тюрков, а это царь (малик) из страны ас-сакалиба. Этот племя (джинс) из их числа. Они внешне красивее ас-сакалиба (среди ас-сакалиба они самые красивые). Ас-Сакалиба прекрасной внешности, самые многочисленные среди них, они самые храбрые. Раньше они повиновались одному царю, потом разделились их мнения, и каждый царь стал сам по себе.

[Том IV, с.944] **Вису** – его первая [буква] с «кесрой», «ас-син» без точек и «вав». Страна за Булгаром. Между [Вису] и Булгаром три месяца [пути]. У них ночи становятся такими короткими, что не видно темного [времени суток], а в другое время года оно [темное время] длится [так долго], что не видно света.

Материал подготовила Нурия Гараева

⁸⁹⁸ «Ба» с «тенвин даммой», т.е. в именит. падеже неопред.формы.

⁸⁹⁹ Кафиз – мера сыпучих тел, равная 14 ½ окк (1 окка - 1,248 кг); мера длины, равная 144 зира‘ (1 зира‘ – около 0,5 м).

⁹⁰⁰ Т.е. об этих источниках Йакут подробно сообщает в статье «Сицилия» (Сикилийя) своего «Словаре...».

⁹⁰¹ В этом фрагменте в сокращении объединены сведения из «Мурудж аз-захаб...» ал-Масуди и из сочинений ал-Истахри (или Ибн Хаукаля).

⁹⁰² Имеется ввиду писание: Тора, Библия, Коран.

Сочинения ученых Волжской Булгарии

Булгары Среднего и Нижнего Поволжья вступили в торгово-экономические отношения с мусульманским миром по меньшей мере с IX в., а к концу столетия эти отношения переросли в религиозно-политические и привели к мирному принятию ислама сначала правящей верхушкой, а вскоре – большинством булгар. Однако документально не было известно о приобщении какого-либо ученого из Волжской Булгарии к научным традициям мусульманского Востока и, следовательно, – эллинистического мира. В письменных источниках упоминались ученые Волжской Булгарии и даже названия их трудов, однако до конца 70-х гг. XX в. не был известен текст ни одного сочинения булгарских авторов домонгольского периода. Поиски, предпринятые в этом направлении Х.М.Френом, Ш.Марджани, С.А.Вахиди и др., не увенчались успехом. Так, например, имена мусульманских ‘алимов (богословов) XII в. Сулаймана ас-Саксини и его учителя Хамида ибн Идриса ал-Булгари вплоть до 90-х гг. XX в. были известны только благодаря Ш. Марджани, который в середине XIX в. явно еще держал в руках рукопись сочинения ас-Саксини «Зухрат ар-рийад...». Но поскольку сочинение по содержанию имело четкую религиозно-философскую направленность, то по идеологическим установкам советского времени его систематическое исследование не предпринималось, и почти весь XX в. ни один список сочинения даже не был известен.

Хамид ибн Идрис ал-Булгари

В татарской историографии имя ученого из Булгара – Абу-л-‘Ала Хамида ибн Идриса ал-Булгари впервые называет выдающийся татарский историк и богослов Шихаб ад-дин (Шигабутдин) Марджани (1818–1889) в своем написанном на татарском языке историческом труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара»). В главе «Сведения о памятниках людей Булгара и его ученых» («Фасл фи асар ахл Булгар ва ‘уламайха») вторым после Йа‘куба ибн Ну‘мана указан кади Абу-л-‘Ала Хамид ибн Идрис ал-Булгари, который был учителем Сулаймана ас-Саксини –

Первая находка была сделана профессором ЛГУ А.Т.Тагирджановым, о которой он сообщает научной общественности в своей опубликованной в 1979 г. монографии «От истории к литературе» [Тагирджанов, 1973, 19 б.]. Ему выпала удача обнаружить имя нового, ранее совершенно неизвестного ученого из Волжской Булгарии – Тадж ад-дина ал-Булгари, и название его сочинения – «Ат-Тирйак ал-кабир», текст которого (что просто бесценно!) сохранился до наших дней. В процессе подготовки к изданию «Ат-Тирйак ал-кабир» в специальной справочной литературе по медицинской науке ислама профессор А.Б.Халидов обнаружил указание на второе сохранившееся сочинение этого же автора [Таджаддин ал-Булгари, 1997, с.12–13].

Исследования последних десяти лет, связанные с поиском письменных памятников булгарского времени, выявили более 20 списков «Зухрат ар-рийад...» Сулаймана ас-Саксини, хранящихся в рукописных собраниях России, Алжира, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Турции и других стран [Татарстан и Турция, 1999, с.3–6; Гараева, 2000, с.147–150; 2002а, с.146].

Ниже приведены переводы отрывков из сочинений Сулаймана ас-Саксини и Тадж ад-дина ал-Булгари, которым предпосланы итоговые обзоры исследований, посвященных их сочинениям.

автора «Зухрат ар-рийад...» [Марджани, 1897, с.78–80]. О сочинениях Хамида ибн Идриса ал-Булгари до сих пор ничего неизвестно. Примерные годы жизни и область его научных интересов можно определить только по ссылкам на учителей и учеников Хамида ал-Булгари, известным из «Зухрат ар-рийад...» Сулаймана ас-Саксини. Так, на основе тщательного анализа иснадов с именем Хамида ибн Идриса ал-Булгари Ш.Марджани установил примерное время жизни ученого (ум. после 500/1006–1007 г.) и обозначил его научное окружение, что дает представление об эпохе, в которой Хамид ал-Булгари работал.

Сулайман ибн Дауд ас-Саксини
«Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ли-л-мирад»
 (Красота садов и утешение заблудших душ)

Анализ сочинения ас-Саксини, сделанный Ш.Марджани в «Мустафад ал-ахбар...», не остался без внимания исследователей, которые стремились отследить сочинение ас-Саксини либо в его рукописях, либо в его отражении в поздней мусульманской письменной традиции. Так, появилась информация о списке «Зухрат ар-рийад...», хранящемся в Музее Топ-Капы в Стамбуле под шифром «1420» [ТЭТ, 90 б.; Дәүләтшин, 1994, 112–113 б.; СТЛ, 1999, с.47], но эти данные до конца 90-х гг. XX в. не могли быть проверены, а российские коллекции рукописей, в том числе и казанские, еще были недостаточно изучены.

Первыми обнаруженными списками «Зухрат ар-рийад...» стали рукописи, хранящиеся в стамбульских собраниях рукописей, прежде всего в знаменитой библиотеке «Сулеймания» [Татарстан и Турция, 1999, с.3–6; Гараева, 2000, с.147–150]. На основе наиболее ранних списков сочинения, принадлежащих коллекции этой библиотеки в настоящее время ведется текстологическое исследование «Зухрат ар-рийад...» Сулаймана ас-Саксини, готовится к изданию его перевод на русский язык [Шарафутдинов, 2003, с.19–25; 2003а, с.121–123; 2003б, с.79].

О Сулаймане ас-Саксини и его творчестве известно в основном по его произведению на арабском языке «Зухрат ар-рийад...», который, как объясняет сам ас-Саксини, является расширенной авторской переработкой написанного им на персидском языке сочинения «Китаб бахджат ал-анвар...» («Книга о великолепии лучей света...»).

В ходе текстологической работы последних лет выяснилось, что кроме «Зухрат ар-рийад...» ас-Саксини принадлежало еще одно сочинение, называвшееся «Ат-Табсир фи 'илм ат-тазкир» («Разъяснение науки о напоминании»), о существовании которого ранее не было известно [Шарафутдинов, 2003, с.22].

Полная форма имени Сулаймана ас-Саксини выглядит как Абу ар-Раби'а Сулайман ибн Дауд ибн Абу Са'ид Тадж ал-ислам ас-Саксини ас-Сувары ас-Сабти.

Кроме лакаба (почетного прозвания), Тадж ал-ислам («Корона ислама») в рукописях имя ас-Саксини сопровождают хвалебные эпитеты: «величайший имам», «радость имамов», «гордость мусульман», «украшение напоминающих [об Аллахе]», «наставник людей», «пример для подражания мусульман». Судя по нисбам, он мог быть родом из Сувары (ас-Сувары), а жил и трудился, наверняка, в Саксине, который в начале XII в. был одним из культурных центров Булгарского государства (нисба ас-Саксини приводится в рукописях чаще, чем другие). Неясно происхождение нисбы ас-Сабти, которую приводит только Хаджи Халифа [Lexicon, 1835–1958, № 6918; Хаджи Халифа, 1982, с.401]¹. Он был жив и писал в 550/1155 г. [Марджани, 1897, с.78–80; Ahlwardt, №8823; GAL SB I, S.776, 7a; Мухтарат, 1997, с.483]².

Единственное сохранившееся и дошедшее до нас сочинение ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение заблудших душ») было создано в Саксине, расположенном на Нижней Волге, который населяли в основном выходцы из Булгара и Сувары. В то время здесь были соборные мечети, жило немало судей (кадиев), знатоков мусульманского права (факихов) и проповедников (хатибов) [Ал-Гарнати, 1971,

¹ Можно предположить, что Сулайман ас-Саксини имел какое-то отношение к г. Сабте (совр. Сеута), одному из крупнейших портовых городов Магриба того времени, в котором появилась целая плеяда выдающихся ученых, прославившихся знанием арифметики, архитектуры, мусульманского права и законоведения (фикха), наследственного права в исламе (фараид) и других наук. Нельзя не принять во внимание и вероятность восхождения нисбы ас-Сабти к г. Кафр-Сабт, располагавшемуся на территории аш-Шама. Но нет никаких других сведений, которые могли бы подтвердить или опровергнуть эти версии. К тому же, Хаджи Халифа вполне мог просто ошибиться, неправильно прочитав слово ас-Саксини в испорченной или неразборчиво написанной рукописи [Шарафутдинов, 2003, с.21].

² Поскольку Хамид ал-Булгари был жив в 500/1106 г., то можно предполагать, что ас-Саксини жил и писал примерно в первой половине XII в.

с.27, 66; Федоров-Давыдов, 1969, с.253–261].

По содержанию и идейно-художественной направленности «Зухрат ар-рийад...» ас-Саксини представляет собой литературно-религиозное произведение назидательного характера. Автор в стиле средневековой литературной традиции видит свою цель в том, чтобы оказать воздействие на умы и сердца читателей, наставляя их на истинный путь, призывая к благочестию, добродетели и покорности Всевышнему. Нельзя сказать, что произведение посвящено какой-то определенной теме. Со слов ас-Саксини, он стремился собрать в одну книгу известные и популярные в то время назидательные рассказы, поучительные истории и притчи «в предостережение нечестивым и напоминание беспечным» [Шарафутдинов, 2003, с.20].

Параллельно с текстологической работой продолжается выявление списков сочинения в собраниях России, Турции и других стран. Наибольшее количество списков сочинения выявлено в библиотеках Стамбула «Сулеймания» и «Беязит» [Татарстан и Турция, 1999, с.3–6; Гараева, 2000, с.147–150], библиотеке музея Топ-Капы³ и др. Только в библиотеке «Сулеймания» хранится девять рукописей сочинения Сулаймана ас-Саксини в списках XIV–XVII вв.⁴ Более десяти списков (относятся к XV–XVII вв.) «Зухрат ар-рийад...» рассеяны по крупнейшим собраниям арабских рукописей мусульманского Востока, Европы и России [Ahlwardt, №8823; GAL SB I, S.776, 7a; SB II, S.1010, №137]. Известные на сегодняшний день списки сочинения относятся к XIV–XIX вв. и свидетельствуют о его популярности в течение нескольких столетий за пределами Поволжья по всему мусульманскому Востоку.

Среди пяти списков XV в. рукопись Британского музея (809/1406–1407 г.) [British Museum, p.111], две рукописи библиотеки «Сулеймания»: одна из них имеет точную дату (828/1424–1425г.) [Rsd 545], а другая, по палеографическим данным, без

сомнения может быть отнесена к XV в. [Harput 425]⁵, список рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН (джумада II 886/июль–август 1481 г.) [Шихсаидов, Саидов, 1980, с.40]⁶, а также список библиотеки турецкого г. Бурдур (IX/XV в.), который отнесен к редким рукописям в собраниях Турции [Ates, 1948, s.171–191, №1962; Мухтарат, 1997, с.483]. На рубеже XV–XVI вв. был составлен список «Зухрат ар-рийад...» из собрания рукописей С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН [АРИВ, С1622]. К XVI в. относится одна рукопись библиотеки «Сулеймания» [H.Besir Aga 358]⁷. К первой половине XVII в. относятся четыре списка «Зухрат ар-рийад...»: рукопись из Собрания Национальной библиотеки Франции (1015/1607 г.) [Paris, №4599 (Hds. Von 1015)]⁸, Публичной библиотеки Алжира (1018/1609–1610 г.) [Alger, 896]⁹, коллекции Марсильи в Болонье (1039/1629–1630 г.) [Bologne, p.135]¹⁰, а также список сочинения, хранящийся в Государственной Библиотеке Берлина (1050/1640 г.) [Ahlwardt, № 8823 (PM 556)].

В XIX в. составлялись сокращения сочинения, получившие название «Мунтахаб мин китаб зухрат ар-рийад...» (Избранное из книги «Красота садов...»). Из трех известных на сегодняшний день полных списков краткой редакции сочинения один принадлежит Петербургскому собранию рукописей [АРИВ, В1960], а два обнару-

⁵ В колофоне этого списка указана дата 1069/1658–1659 г., однако внимательное рассмотрение кодекса показало, что рукопись была реставрирована, и приведенная в колофоне датировка относится ко времени реставрации [Harput 425].

⁶ Список составлен Харуном ибн Ахмадом аш-Ширини [Ф.14, оп.1, № 2355].

⁷ В списке уточнена датировка с 999/1590–1591г. на 995/1586–1587г. (необычное написание цифры «5», которую читали как «9») [H.Besir Aga 358].

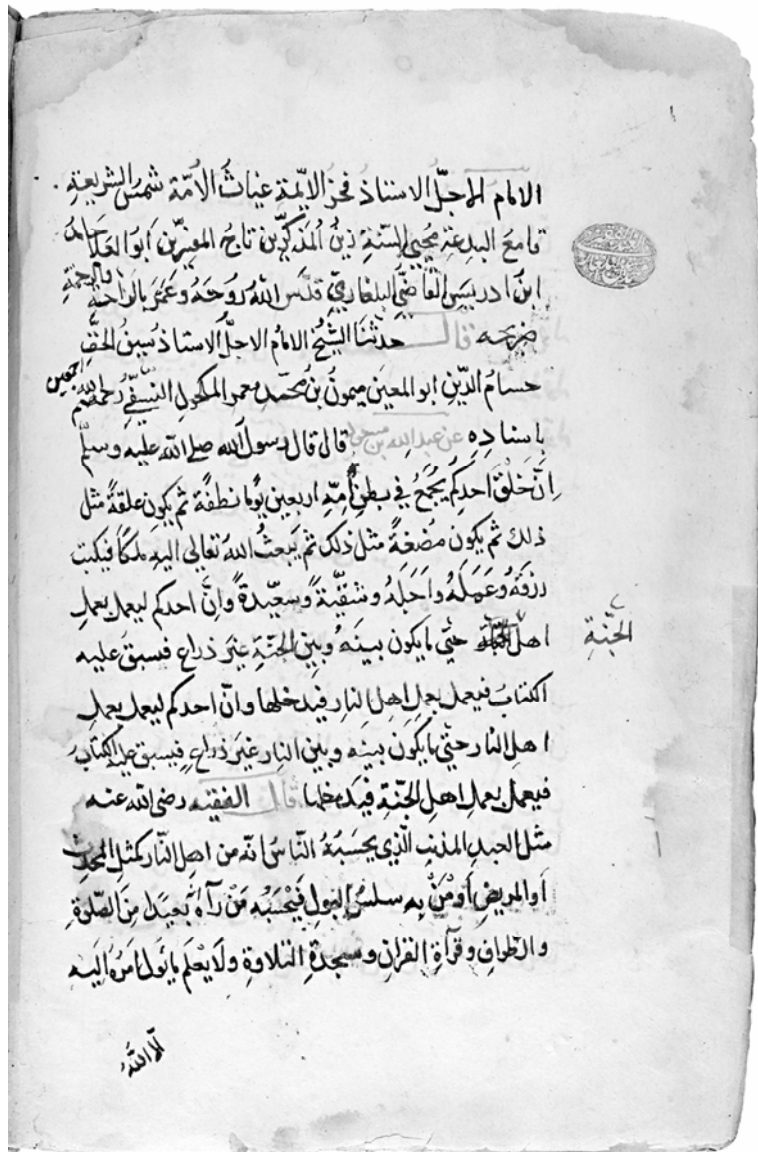
⁸ Название сочинения дано как «Захра ар-рийад ва шифа ал-кулуб ал-мирад» Сулаймана ибн Дауд ас-Савари; содержит 60 маджлисов; рукопись датирована.

⁹ 67 маджлисов; 310 листов, 27 строк/страницу; 205 x 195 мм.

¹⁰ Шифр рукописи №3125; 67 маджлисов; 311 л., нет первого листа сочинения) [Bologne, p.135, с.37: №111].

³ Оказалось, что в библиотеке музея Топ-Капы помимо упомянутой рукописи [Торкарі, 1966, т.III, S.216, №5311; A.1420] есть еще один список [Торкарі, 1964, т.I, S.186, № 2819; A.625].

⁴ Osman Huldi 47; Rsd. 545; Harput 425; H.Besir Aga 358; Pertev Pasa 271; H.Besir Aga 358 и др.

Сулайман ибн Дауд ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ли-л-мирад» («Красота садов и утешение заблудших душ»). Список XV–XVI вв. СПбФ ИВ РАН. С1622.

Коллаж – соединены лист с текстом сочинения и печать владельца рукописи: 1 – текст со ссылкой Сулаймана ас-Саксини на его учителя – Абу-л-‘Ала Хамида ибн Идриса ал-Булгари, л.66; 2 – в легенде печати: «Ал-‘Абд ал-Факир Мухаммад-Хусайн ал-Булгари 12.../18... г.», л.Па

жены в Казани [Гараева, 2002а, с.416; ИЯЛИ, Ф39, Д388; Д4967].

Из «Зухрат ар-рийад...» делались выписки или приводились цитаты в тексте других сочинений. Например, рукописный сборник в собрании Национальной библиотеки Франции содержит текст 29-го мадж-

лиса сочинения¹¹. В рукописном сборнике из коллекции Марсильи в Болонье (Италия) приведены выписки из «Зухрат ар-рийад...»¹². В анонимном¹³ трактате по ло-

¹¹ Раздел Тасаввуф, рукопись 3967, Мажму‘а/7, л.191–198; текст соответствует л.101v–106v в рукописи 4599 [Vajda, 1952, p.19].

¹² См. описание 252/1; шифр рукописи №3514; список 1010/1691–1692 г.; среди суфийских но-

гике, список XV–XVI вв. которого принадлежит рукописному собранию Апостольской библиотеки Ватикана, приведено несколько цитат из «Китаб равда зухрат ар-рийад...» Сулаймана ас-Саксини ас-Сувари [Della Vida, p.123–125: Vat.Arab.1747, л.130а]. В Библиотеке Кирилла и Мефодия (София) хранится комментарий на «Сорок хадисов» ан-Навави, составленный в 978/1570 г. Ахмадом ибн Хиджази ал-Фашни, – «Ал-Маджалис ас-санийяа фи-лкалам ‘ала-л-арба’ина хадис ан-нававийяа». На полях этой рукописи (список датирован 21 сафара 1072/16 октября 1661 г.) также приведены цитаты из «Зухрат ар-рийад...»¹⁴.

Фрагменты из «Зухрат ар-рийад...» привел и Хусайн Ва‘из ал-Кашифи (ум. в 910/1504–1505 г.) в «Тухфат ас-салават» – составленном на персидском языке в Герате в XV в. во времена Хусайна Байкара сочинении по фикху. Османский ученый Йа‘куб ибн Са‘ид-‘Али (XV в.) включил четыре фрагмента из «Зухрат ар-рийад...» в свой комментарий «Мафатих ал-джинан фи шарх шир‘ату-л-ислам». Другой османский ученый XVI–XVII вв. Мухаммад Чукраклы-заде в собрании хикаятов «Алты Бармак» (или «Далаил ан-нубувва») десять раз упоминает «Зухрат ар-рийад...» и приводит цитаты из него [ТЭТ, 90–91 б.].

Материалы «Зухрат ар-рийад...» были использованы и тюрко-татарскими учеными в своих сочинениях. Например, автор XVI в. в сочинении «Бустан ал-кудс ва гулистан ал-унс», составленном в 1591 г. на тюркском языке, привел рассказ из «Зухрат ар-рийад...». Отдельные фрагменты из «Зухрат ар-рийад...» копировались и в Поволжье местными копиистами. Татарский ‘алим рубежа XVIII–XIX вв. Мухаммад-Амин ас-Сабави в 1786 г. составил копию сборника «‘Акидат ас-сану-

сийяа», в составе которого был один из рассказов «Зухрат ар-рийад...». В рукописном сборнике, составленном Бик-Мухаммадом ибн Бикбавом в ауле Кавал в 1813 г., приведен рассказ «Ми‘радж» («Вознесение [Мухаммада]») из «Зухрат ар-рийад...». Известный татарский историк XIX в. Хусайн Амирхан в свой труд «Наджм ат-таварих» («Звезда историй») также включил фрагмент из «Зухрат ар-рийад...» [ТЭТ, 90–91 б.].

Такое количество сохранившихся списков «Зухрат ар-рийад...» Сулаймана ас-Саксини в отечественных и зарубежных хранилищах рукописей, а также обращение к материалам этого сочинения других авторов, свидетельствует о его популярности в мусульманском мире. Отсутствие же списков пространной редакции «Зухрат ар-рийад...» в собраниях Казани (в том числе и списков, составленных татарами) в значительной степени связано с недостаточной изученностью казанских коллекций рукописей. Безусловно, сочинение Сулаймана ас-Саксини было известно не только Ш.Марджани. Так, например, рукопись со списком (рубежа XV–XVI вв.) пространной редакции «Зухрат ар-рийад...» из собрания СПбФ ИВ РАН в свое время принадлежала выходцу из Поволжья, о чем свидетельствует оттиск владельческой печати, в легенде которой сказано: «Ал-‘Абд ал-Факир Мухаммад-Хусайн ал-Булгари...». В легенде приведена и дата, которая, к сожалению, читается частично: отиснутые цифры могут быть прочитаны как 1275/1858–1859 г., и как 1278/1861–1862 г., и как 1285/1868–1869 г.» [АРИВ, С1622, л.Па] (см. рис. с.822).

Проведенный обзор списков «Зухрат ар-рийад...» показывает, что наибольшее число списков датировано XVII в. Живший в XVII в. турецкий историк-библиограф Хаджи Халифа приводит в «Кашф аз-зунун...» самое раннее в арабской библиографической литературе упоминание имени Сулаймана ас-Саксини и его сочинения¹⁵. Любопытна его оценка сочине-

велл цитаты из «Зухрат ар-рийад...» [Bologne, p.135].

¹³ Автор и название не установлены, поскольку список дефектный: нет начала и конца.

¹⁴ В каталоге название дано как «Захра ар-рийад ...», автор не назван, отмечено как неизвестное сочинение. Хаджи Халифа [Lexicon, 1835–1858, №6917] упоминает и другое сочинение, в начале названия которого есть словосочетание «Зухра ар-рийад [фи-л-хикам]», автора которого не называет [Kenderova, №208: OR 1807].

¹⁵ Популярный и авторитетный «Кашф аз-зунун...» Хаджи Халифы, видимо, до сих пор еще не имеет критического текста, поскольку в разных изданиях замечены незначительные расхождения, что объясняется использованием разных рукописей, которые могут содержать немного разные редакции сочинения. Так и в случае с Сулайманом

ния ас-Саксини, о котором он пишет, что «Зухрат ар-рийад...» был широко известен, но не получил признания. По всей видимости, имеется в виду, что сочинение не стало каноническим, а отражало не совсем общепринятую трактовку актуальных для своего времени идей, выражавшуюся в его суфийских тенденциях (условно говоря, в чем-то аналогичную апокрифам в христианской литературе).

Выявленные полные списки сочинения представляют две его редакции: пространную и краткую. Пространную редакцию содержат списки сочинения, хронологически относящиеся к XIV–XVII вв., краткая («Мунтахаб мин китаб зухрат ар-рийад...») известна в списках XIX в.

Предварительное сравнение текста пространной редакции сочинения в восьми списках библиотеки «Сулеймания» показало относительную идентичность текстов семи рукописей, включая текст и самого раннего списка (датируется 728/1329 г.). Однако были обнаружены и расхождения, например, в тексте унванов (вступительной части сочинения), а также в количестве глав в разных списках сочинения [Гараева, 2000, с.147–150; Tirnovali 968]. Текст восьмой рукописи значительно отличается от текста остальных списков: местами сильно сокращен, местами дословные совпадения. Такие отличия позволяют предполагать в этом списке другую версию со-

ас-Саксини: сведения берлинского и бейрутского изданий «Кашф аз-зунун...» различаются, отчасти дополняя друг друга. По берлинскому изданию «Кашф аз-зунун...» сведения Хаджи Халифы о Сулаймане ас-Саксини и его сочинении выглядят так: «Зухрат ар-рийад» аш-шейха ал-имама Тадж ал-ислама Сулаймана ибн Дауда ас-Сабти – так его упоминает ал-Ва‘из [ал-Кашифи – Н.Г.] в «Тухфат ас-салават»; [автор] перевел его со своего персидского сочинения под названием «Бахджат ал-анвар ва нузхат ал-кулуб ал-мирад», добавил много полезного, разделил [книгу] на 67 маджлисов (глав), сочинение было в числе популярных книг по проповеди, но не считалось авторитетным» [Lexicon, 1835-58, №6918].

В бейрутском издании «Кашф аз-зунун...» имя ас-Саксини и его сочинение представлены по-другому: «Сулайман ибн Дауд Тадж ал-ислам Абу ар-Раби’ ас-Сабти ас-Сувары – автор книги «Бахджат ал-анвар мин хакикат ал-асрар» («Великолепие лучей света из глубины сердец») на персидском языке и ее перевода на арабский язык «Захр ар-рийад» («Цветы садов») [Хаджи Халифа, 1982, с.401].

чинения (в рамках пространной редакции). В этом списке обращает на себя внимание любопытная огласовка нисбы ас-Сувары, которая приведена в имени Сулаймана ибн Дауда наряду с нисбой ас-Саксини: нисба ас-Сувары дана с непривычной для нас огласовкой ас-Сивари (в других списках нисба ас-Сувары приводится без огласовки) [Гараева, 2000, с.147–150; Rsd 545].

Структура пространной редакции сочинения проста: оно состоит из небольшого вступления и 67 глав (маджлисов). В большинстве известных списков приводится 67 маджлисов, поэтому это количество глав можно считать авторским, хотя в некоторых списках число глав колеблется от 66 до 70. Например, самый ранний, составленный в Тебризе, список (датируется 728/1329 г.) сочинения, содержит 66 маджлисов [Гараева, 2000, с.147–150].

Во вступительной части ас-Саксини общается об истории написания сочинения: «До этого я написал книгу, которую назвал «Китаб бахджат ал-анвар мин хафайат ал-асрар» (Книга о великолепии лучей света из тайных уголков сердец). После ее завершения один из моих друзей, возражать которому я не вправе, попросил меня дополнить ее высказываниями комментаторов Корана, рассказами знающих мужей и историями напоминающих об Аллахе людей, а также перевести имеющиеся в ней персидские цитаты на арабский язык и дать ей другое название. В ответ на его просьбу я написал эту книгу и назвал ее «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страдающих сердец») и составил ее из 66 маджлисов...». Во вступлении к «Зухрат ар-рийад...» ас-Саксини упоминает и названия сочинений, которые он использовал при написании «Бахджат ал-анвар...», среди них такие, как «Ат-Тадж», «Ал-Латаиф», «Ал-Маваид», «Ул-‘Удда», «Ал-‘Адад», «Ас-Салва», «Ар-Райхан», «Ар-Рагаиб» и «Маджалис ал-‘Ирак», которые еще предстоит атрибутировать в процессе последующего исследования сочинения [Шарафутдинов, 2003, с.21]. Здесь же приведено оглавление сочинения. В заглавие каждого маджлиса (дословно: собрание; т.е. собрание ученых, рассуждающих или полемизирующих на тему о...) вынесен аят или часть аята Корана, который и определяет, хотя довольно условно, тему данной главы. Тем не

менее для полемики и дискуссий, видимо, избирались темы, актуальные среди богословов того времени.

В начале каждой главы ас-Саксини приводит соответствующий хадис¹⁶ со ссылкой, что слышал его из уст своего учителя, который был одним из авторитетнейших людей того времени: «Рассказал нам шейх, величайший имам¹⁷, учитель, гордость имамов, спасение мусульман, солнце шари‘ата¹⁸, борец с бид‘атом¹⁹, оживляющий сунну²⁰, украшение напоминающих [об Аллахе], корона комментаторов Корана Абу-л-‘Ала Хамид ибн Идрис ал-Булгари, кади Булгара...». Непосредственно на Хамида ибн Идриса ас-Саксини ссылается в 1, 4, 10, 12, 22, 44 и 56 маджлисах сочинения. Ш.Марджани, анализируя иснады Хамида ибн Идриса, обозначает круг его шейхов, восстанавливает полную форму их имен, уточняет прочтение нисб, связав их с конкретными населенными пунктами, в ряде случаев датирует годы их жизни. Таким образом, в числе передатчиков, на которых полагался Хамид ал-Булгари, были его современники, такие ученые Центральной Азии, как Хусам ад-дин Абу-л-Му‘ин Маймун ибн Мухаммад ибн Му‘тамид ал-Макхули ан-Насафи (ум. в 508/1114 г. в Бухаре), со слов которого, как отмечает Ш.Марджани, кроме Хамида ал-Булгари передавал Ахмад ибн Мухаммад ал-Хаками; Абу Бакр Мухаммад ибн ‘Абдаллах ас-Сурхакати (ум. в 518/1124 г.), который по-своему иснаду передавал со слов Ибн ‘Умара; Абу Ибрахим Исма‘ил ибн Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Хусайни (или ал-Хасани), современник Абу ал-Йасира ал-Баздави и Абу-л-Му‘ин ан-Насафи (ум. в 508/1114 г.), передававший по своему иснаду со слов Усбу‘ ибн Бинана (?); ‘Имад ад-дин Абу Бакр Мухаммад ибн Хасан ибн

Мансур ан-Насафи²¹ ал-Гуйдани (или ал-Гавайдани, или ал-Гувайдани) (ум. в 505/1111 г. в Бухаре) по своему иснаду передавал со слов ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Ауфа; Абу Бакр Мухаммад ибн ‘Умар ал-Баззаз (ум. ок. 500/1106–1107 г.) по своему иснаду передавал со слов Абу Зарра; Абу Бакр Мухаммад ибн ‘Али ибн ал-Фадл ал-Буздигари²² (ум. ок. 500/1106–1107 г.) по своему иснаду передавал со слов Джабира ибн ‘Абдаллаха.

Каждый маджлис имеет одинаковую структуру (по крайней мере в оформлении начала главы): название, иснад и более развернутое объяснение обсуждаемой темы, а далее следуют примеры и рассуждения, связанные с этой темой, структура которых варьируется. Например, «Первый маджлис о словах Всевышнего «Мы сотворили человека из воды, просачивающейся из сырой глины (семя)». Рассказал нам аш-шайх ал-имам позднейшего времени, ал-устаз (учитель), гордость имамов (фахр ал-аимма), спасение народов (гйас ал-умам), солнце шари‘ата, крушитель нововведений [в вере] (ками‘ ал-бид‘а), воскреситель сунны, украшение напоминающих [об Аллахе], венец толкователей Корана Абу-л-‘Ала Хамид ибн Идрис ал-кади ал-Булгари, да будет свята его душа и жизнь ..., который сказал: Рассказал нам аш-шайх, имам позднейшего времени, меч справедливости (истины) Хусам ад-дин Абу-л-Му‘ин Маймун ибн Мухаммад ибн Му‘тамид ал-Макхули ан-Насафи, да помилует их всех Аллах, передает по своему иснаду со слов ‘Абдаллаха ибн Мас‘уда, который сказал: «Сказал Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует: «Воистину Аллах сотворил одного из вас, собрав во чреве вашей матери за сорок дней семенем. Потом образовался сгусток подобно этому. Потом возник эмбрион подобный этому. Потом Аллах ниспослал ему имущество, предписал его ризк...» и т.д.

¹⁶ Передаваемое со слов очевидца сообщение о том, что сказал, сделал или одобрил пророк Мухаммад.

¹⁷ Предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины.

¹⁸ Религиозный закон, совокупность предписаний, зафиксированных в Коране и сунне.

¹⁹ Нововведения в области религии. Здесь имеются в виду порицаемые нововведения, противоречащие шариату.

²⁰ Пример, обычай. Здесь: пример жизни пророка Мухаммада как руководство для мусульман.

²¹ В «Мустафад...» в имени ‘Имад ад-дина Абу Бакра Мухаммада ибн ал-Хасана ибн Мансура нисба ан-Насафи приведена в форме ан-Нафаси. Первое объяснение этого изменения – опечатка, однако в рукописи сокращенной редакции «Зухрат ар-рийад...» в имени Сулаймана ас-Саксини нисба также дана как ан-Нафаси [ИЯЛИ, Ф39, Д388].

²² Одна из известных деревень близ Нишапура в Хорасане.

Оглавление «Зухрат ар-рийад...»

В начале сочинения после небольшой вступительной части Сулайман ас-Саксини приводит пронумерованный перечень глав (маджлисов) сочинения, для названий которых использованы аяты или часть аятов Корана. Порядковый номер маджлиса является частью названия и, как обычно в арабских текстах, записывается не цифрами, а словами, например: «(Ал-)Маджлис (ал-)аввал фи-л-каули та'ала...». Сравнение текстов оглавления в разных списках показывает расхождение в длине аятов, цитируемых в названиях глав.

Ниже мы приводим перевод этого оглавления с указанием номеров соответствующих сур и аятов (аятов) Корана. Нумерация аятов соответствует принятой на мусульманском востоке нумерации каирского издания Корана, перевод аятов дан согласно переводу И.Ю.Крачковского [Flugel, 1842; Коран, пер., 1968 (1990)].

В нескольких случаях текст Корана в «Зухрат ар-рийад...» дан не очень точно. В 14-м маджлисе, видимо, произошло сме-

шение, соединение похожих аятов из двух разных сур (часть из одной, часть из другой), поэтому на этом этапе исследованности сочинения трудно определить, с какой именно сурой следует отождествлять этот аят. В 52-м маджлисе добавлено отсутствующее в Коране слово «ихсанан» для уточнения темы или ее аспекта, о котором пойдет речь в маджлисе. Потому в переводе в угловые скобки < > заключены слова, отсутствующие в Коране, но приведенные в тексте названия глав «Зухрат ар-рийад», в квадратных скобках – слова, добавленные при переводе для уточнения или пояснения текста. Заключенный в кавычки текст аята сохраняет пунктуацию перевода И.Ю.Крачковского, а в случаях, когда в названии использовался не весь аят, отточие отражает примерное положение процитированной части аята в полном аяте (в том числе сохраняется прописная буква слова аята, если в переводе это не заглавная буква).

1. Маджлис о словах Всевышнего «Мы сотворили человека из воды, просачивающейся из сырой глины (семя)» [Коран, пер., 23:12].

2. Маджлис о словах Всевышнего «И вот Господь твой извлек из сынов Адама, из спин их, потомство...» [Коран, пер., 7:172].

3. Маджлис о словах Всевышнего «Потом мы дали писание в наследство тем из наших рабов, ...» [Коран, пер., 35:32].

4. Маджлис о словах Всевышнего «Свидетельствует Аллах, что нет божества кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием...» [Коран, пер., 3:17].

5. Маджлис о словах Всевышнего «Скажи: «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, ...» [Коран, пер., 3:26].

6. Маджлис о словах Всевышнего «Появилось нечестие на суше и море за то, что приобрили...» [Коран, пер., 30:41].

7. Маджлис о словах Всевышнего «Скажи: «Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной...» [Коран, пер., 3:31].

8. Маджлис о словах Всевышнего «О вы, которые уверовали! Кланяйтесь и падайте ниц, поклоняйтесь вашему Господу...» [Коран, пер., 23:77].

9. Маджлис о словах Всевышнего «Разве же тот, грудь которого Аллах расширил для ислама...» [Коран, пер., 39:22].

10. Маджлис о словах Всевышнего «О сыны Исраила! Вспомните милость Мою, которую Я оказал вам...» [Коран, пер., 2:40].

11. Маджлис о словах Всевышнего «И вот попросил Муса питья для своего народа и Мы сказали: «Ударь своей палкой о скалу!»...» [Коран, пер., 2:60].

12. Маджлис о словах Всевышнего «Мы испытывали вас кое-чем из страха, голода...» [Коран, пер., 2:155].

13. Маджлис о словах Всевышнего «... И Аййуба, когда он воззвал к своему Господу: «Постигла меня беда...» [Коран, пер., 21:83].

²³ Текст оглавления по берлинской рукописи сочинения [Ahlwardt, №8823 (PM556)].

14. Маджлис о словах Всевышнего «Это от Аллаха! Поистине, Аллах питает, кого пожелает, без счета» [Коран, пер., 3:37].

15. Маджлис о словах Всевышнего «Посмотри же на следы милости Аллаха: как Он оживляет землю после ее смерти!..» [Коран, пер., 30:59].

16. Маджлис о словах Всевышнего «О вы, которые уверовали! Обратитесь к Аллаху искренним обращением, – ...» [Коран, пер., 66:8].

17. Маджлис о словах Всевышнего «Аллах – друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету...» [Коран, пер., 2:257].

18. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, число месяцев у Аллаха – двенадцать месяцев...» [Коран, пер., 9:36].

19. Маджлис о словах Всевышнего «Спрашивают они тебя о запретном месяце – сражении в нем. Скажи: «Сражение в нем [велико]...» [Коран, пер., 2:217].

20. Маджлис о словах Всевышнего «И Господь наш творит, что желает, и избирает; нет у них выбора!..» [Коран, пер., 28:68].

21. Маджлис о словах Всевышнего «Ха мим. Клянусь книгой ясной...²⁴» [Коран, пер., 44:1-2].

22. Маджлис о словах Всевышнего «О те, которые уверовали! Предписан вам пост...» [Коран, пер., 2:183].

23. Маджлис о словах Всевышнего «Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран...» [Коран, пер., 2:185].

24. Маджлис о словах Всевышнего «... Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас, и чтобы вы завершили число...» [Коран, пер., 2:185].

25. Маджлис о словах Всевышнего «А когда спрашивают тебя рабы мои обо Мне, то ведь Я – близок...» [Коран, пер., 2:186].

26. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, мусульмане и мусульманки, верующие и верующия...» [Коран, пер., 33:35].

27. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, Мы ниспослали его в ночь могущества! А что даст тебе знать, что такое ночь могущества?» [Коран, пер., 97:1-2].

28. Маджлис о словах Всевышнего «Получил прибыль тот, кто очистился, и помянул имя Господа своего...» [Коран, пер., 87:14-15].

29. Маджлис о словах Всевышнего «Клянусь зарею, и десятью ночами, и четом и нечетом...» [Коран, пер., 89:1-3].

30. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, первый дом, который установлен для людей, ...» [Коран, пер., 3:96].

31. Маджлис о словах Всевышнего «И вот мы устроили для Ибрахима место дома. ...» [Коран, пер., 22:26].

32. Маджлис о словах Всевышнего «... Сегодня Я завершил для вас Вашу религию...» [Коран, пер., 5:3].

33. Маджлис о словах Всевышнего «А когда он дошел до утра вместе с ним...» [Коран, пер., 37:102].

34. Маджлис о словах Всевышнего «И когда пришел Муса к предназначенному Нами сроку...» [Коран, пер., 7:143].

35. Маджлис о словах Всевышнего «Клянусь стоящими в ряд...» [Коран, пер., 37:1].

36. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, Аллах купил у верующих их души и их достояние за то, что им – рай!..» [Коран, пер., 9:111].

37. Маджлис о словах Всевышнего «И никак не считай тех, которые были убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые!..» [Коран, пер., 3:169].

38. Маджлис о словах Всевышнего «И не думай, что Аллах небрежет тем, что творят несправедные...» [Коран, пер., 14:42].

39. Маджлис о словах Всевышнего «А если кто убьет верующего умышленно, то воздаяние ему – геенна, для вечного пребывания там...» [Коран, пер., 4:93].

40. Маджлис о словах Всевышнего «И в тот день, когда несправедный будет кусать свои руки, говоря: «О если бы я взял путь с посланником!» [Коран, пер., 25:27].

²⁴ Возможно, приведенный в заголовке текст «Ниспослание милостивого, милосердного...» встречается и в других сурах.

41. Маджлис о словах Всевышнего «Мы предложили залог небесам, и земле...» [Коран, пер., 33:72].
42. Маджлис о словах Всевышнего «... что соблазняет тебя в Господе твоём щедром, который сотворил тебя...» [Коран, пер., 82:6-7].
43. Маджлис о словах Всевышнего «О те, которые уверовали! Когда возглашено на молитву в день собрания, ...» [Коран, пер., 62: 9].
44. Маджлис о словах Всевышнего «Возвышен ступенями, обладатель трона; ...» [Коран, пер., 40:15].
45. Маджлис о словах Всевышнего «О люди, пришло к вам увещание от вашего Господа...» [Коран, пер., 10:57].
46. Маджлис о словах Всевышнего «Возвести рабам Моим, что Я – Я прощающий, милосердный» [Коран, пер., 15:49].
47. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине, Аллах и его ангелы благословляют пророка! О вы, которые уверовали! Совершайте молитву над ним и приветствуйте приветствием» [Коран, пер., 33:56].
48. Маджлис о словах Всевышнего «Мы послали тебя свидетелем, вестником и увещателем» [Коран, пер., 48:8].
49. Маджлис о словах Всевышнего «К вам пришел посланник из вас самих» [Коран, пер., 9:128].
50. Маджлис о словах Всевышнего «Хвала тому, кто перенес ночью Своего раба...» [Коран, пер., 17:1].
51. Маджлис о словах Всевышнего «... Скажи: «Я не прошу у вас за это награды, а только любви к ближним; ...» [Коран, пер., 42:22].
52. Маджлис о словах Всевышнего «И завещали Мы человеку его родителей <почитать>» [Коран, пер., 31:14].
53. Маджлис о словах Всевышнего «... Скажи: «Пользование здешней жизнью – недолго, а последняя жизнь – лучше...» [Коран, пер., 4:77].
54. Маджлис о словах Всевышнего «Вот жилие последнее. Мы даем его тем, кто не желает...» [Коран, пер., 28:83].
55. Маджлис о словах Всевышнего «Скажи: «Не одинаковы мерзкое и хорошее...» [Коран, пер., 5:100].
56. Маджлис о словах Всевышнего «Поистине те, которые говорят: «Господь наш – Аллах», – а потом стоят прямо...» [Коран, пер., 41:30].
57. Маджлис о словах Всевышнего «Он – тот, который ночь и день сделал чередой...» [Коран, пер., 25:62].
58. Маджлис о словах Всевышнего «И того, что с рыбой, когда он ушел в гнев...» [Коран, пер., 21:87].
59. Маджлис о словах Всевышнего «И тот, кто уклонялся и предпочел жизнь ближнюю, то, поистине, геенна, это – прибежище» [Коран, пер., 79:37-39].
60. Маджлис о словах Всевышнего «И в небе – ваш надел и то, что вам обещано» [Коран, пер., 51:22].
61. Маджлис о словах Всевышнего «Приблизился час, и раскололся месяц!» [Коран, пер., 54:1].
62. Маджлис о словах Всевышнего «И всякому человеку Мы прикрепили птицу к его шее...» [Коран, пер., 17:13].
63. Маджлис о словах Всевышнего «Аллах приемлет души в момент их смерти...» [Коран, пер., 39:42].
64. Маджлис о словах Всевышнего «Когда пришла помощь Аллаха и победа» [Коран, пер., 110:1].
65. Маджлис о словах Всевышнего «и поистине, геенна – место, им назначенное всем!» [Коран, пер., 15:43].
66. Маджлис о словах Всевышнего «И протрубят в трубу...» [Коран, пер., 39:68].
67. Маджлис о словах Всевышнего «И погонят тех, которые боялись своего Господа, в рай толпами...» [Коран, пер., 39:73].

В «Зухрат ар-рийад...» приводится хорошо известная в тюркской литературе и литературах народов Востока легенда об Иисусе и черепае, которая послужила основой для создания таких известных литературных памятников, как поэмы «Джумджума-наме» персидского поэта Фарид ад-дина 'Аттара (1119–1223) и «Джумджумасултан» Хусам Катиба (ум. в 1368–1369 г.). Сравнение и анализ этих трех произведений показывает, что Хусам Катиб многое заимствовал как у ас-Саксини, так и у 'Аттара, и, по всей видимости, был хорошо знаком с произведениями обоих авторов. В пользу этого говорит то, что эпизоды его поэмы, отсутствующие у 'Аттара, обнаружались в «Зухрат ар-рийад...». Хотя он мог пользоваться и другими версиями этой легенды, которая была широко распространена в литературе мусульманского востока и так полюбилась средневековому читателю. В «Зухрат ар-рийад...» эта легенда целиком пронизана духом ислама и во многом опирается на хадисы. Об

этом ясно свидетельствуют описания ада и эпизод встречи с пророками. Переработать поэму 'Аттара, вдохнув в нее исламский дух, ас-Саксини не мог, поскольку жил несколькими десятками лет раньше, но в том, что эта легенда первоначально не имела такой ярко выраженной мусульманской окраски, нет никакого сомнения. Следовательно, и ас-Саксини, и 'Аттар бесспорно могли использовать для своих произведений один и тот же источник, обработав его каждый по-своему – ас-Саксини попытался привести его в соответствие с мусульманской традицией, а 'Аттар придал ему художественную выразительность и поэтическую форму. А значит, основа для создания поэмы Хусам Катиба была заложена не только авторами арабо-персидского Востока, но и мыслителями из Поволжья.

Ниже приводится перевод этой легенды [Шарафутдинов, 2003, с.22–25; 2003а, с.50–56].

Хадис ал-джумджума (Рассказ о черепае)

[л. 166] **Маджлис [четвертый] о словах Всевышнего «Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него...»²⁵**. Рассказал нам аш-шайх самый славный (ал-аджалл) учитель (ал-устаз) Абу-л-'Ала Хамид ибн Идрис [ал-Булгари], да помилует его Аллах, а он сказал: Рассказывал нам аш-шайх самый славный (ал-аджалл) учитель (ал-устаз) Сайф ал-Хакк (сабля истины) Хусам ад-дин (меч веры) Абу ал-Му'ин Мамун ибн Хадждж ибн Мухаммад ибн Му'тамид ал-Макхул ан-Насафи, да помилует его Аллах, согласно своему иснаду со слов Ибн 'Умара, да будет доволен Аллах ими обоими, который говорил: Сказал Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует: ...

[л. 196] Хадис ал-джумджума [переданный] со слов Вахба ибн Мунаббиха, который сказал: «Проходил 'Иса²⁶, да пребудет над ним мир, по одной из долин Иерусалима, как вдруг – покоящийся череп давно умершего человека. 'Иса, да пребудет над ним мир, изумившись, сказал:

– О Господь! Позволь этому черепу поговорить со мной и рассказать мне, из какого народа он был, какую религию исповедовал, от какой болезни умер, какие муки испытал, когда вынимали его душу, как пережил он мрак и тесноту могилы, отвечал на вопросы Мункара и Накира²⁷ и видел ли он страдания в аду? И услышал он голос с неба:

– О дух Аллаха²⁸! Говори с ним!

И 'Иса, да пребудет над ним мир, встал, совершил молитву в два *рак'ата*²⁹, положил руку на череп, провел ею по нему и возгласил:

²⁵ Название этого маджлиса по берлинской рукописи: «Четвертый маджлис о словах Всевышнего «Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием...» [Ahlwardt, №8823 (PM556)].

²⁶ Иисус.

²⁷ Мункар и Накир – имена двух ангелов, допрашивающих человека после его смерти в могиле о его вере (иман). Они задают три вопроса: Кто твой господь? Какова твоя религия? Кто твой пророк?

²⁸ Рух Аллаха – один из эпитетов Иисуса. Согласно мусульманской традиции, так его называют за то, что Аллах вселил его дух в непорочную деву Марию, и его рождению не предшествовало зачатие.

Сулайман ас-Саксини «Зухрат ар-рияд...». Список 11 ша'бана 729/10 июня 1329 г., Тегриз. – Библиотека «Сулеймания» (Стамбул. Турецкая республика). Tıpnovalı 968, л.196. «Хадис ал-джумджума»

- О череп!
- Слушаю тебя, о дух Аллаха! Спрашивай меня все, что пожелаешь, – ответил ему череп.
- Иса, да пребудет над ним мир, сказал:
- Именем Аллаха, именем Аллаха!
- Ты упомянул лучшее из всех имен и воззвал к Величайшему из всех великих, – сказал череп.
- Иса, да пребудет над ним мир, спросил:
- Отчего ты превратился в прах?

²⁹ Цикл молитвенных поз и движений, сопровождаемый произнесением строго определенных фраз.

– Мой мозг вытек, волосы выпали, а кожа изодралась, – ответил череп. – Долго пришлось лежать на просторе. Нас поливало дождями небо, обжигало солнце и обдувал ветер.

‘Иса, да пребудет над ним мир, спросил:

– Когда ты умер?

– Я знаю только то, что меня мучили в огне семьдесят лет, – ответил череп.

– Расскажи мне, как ты умер? – спросил ‘Иса, да пребудет над ним мир.

– В то время как я сидел с молодыми людьми, распивавшими вино, меня настиг непреложный приговор свыше, и я почувствовал слабость, находясь среди них, меня охватила печаль, я покрылся потом, и просторная земля показалась мне тесной. Я вернулся к своей семье и сказал: «Укройте меня одеждой». Затем боль усилилась, глаза прослезились, ноздри опухли, а руки задрожали. Родные и соседи собрались вокруг меня, дети плакали у изголовья. Привели врачей, но они ничем не смогли мне помочь. И тут ко мне пришел ангел смерти, да пребудет над ним мир, рассерженный на меня, с ним пришли ангелы [вместо лиц], у которых были почерневшие морды собак и львов с посиневшими глазами, в руках у них были железные гребни, которыми они начали чесать мою плоть, говоря: «Выходи, о мерзкая душа, из этого мерзкого тела к Господу, разгневанному на тебя!».

‘Иса, да пребудет над ним мир, сказал:

– Опиши мне ангела смерти.

– Я не могу его описать, – ответил череп, – но я видел перед ним этот мир, будто небожженный кирпич перед тобой, я видел, что его голова в небе, а ноги на земле, и я видел, как огонь вырывался у него из глаз и рта. Когда я узрел его, моя душа выпорхнула, и тело оказалось брошенным. Затем меня положили в могилу, засыпали землей, и тут ко мне пришел черный страж. Его рост в небе был восемьдесят локтей, и так же в ширину, в руке у него была огненная палица, на конце которой змея, с собой же у него была исписанная скрижаль³⁰. Он усадил меня в моей могиле, прикрикнул на меня и сказал: «О враг Аллаха! Кто твой Господь? Какая у тебя религия? Кто твой пророк?». И я ответил: «Не знаю». Затем он ударил меня палицей, и на мне повисла змея, которая принялась [беспощадно] кусать меня. Затем он сказал мне: «Читай, что написано в скрижали». Я ответил: «Я не могу». Но он сказал: «Поистине, сегодня ты можешь». Я взглянул и [увидел], что все мои дела [записаны] в ней. Мурашки пошли у меня по коже, тело содрогнулось. Они вели мою душу три дня и три ночи, пока я не пришел к трону, где услышал голос за завесой: «Верните ее в ад!»³¹. И схватили меня тысячи ангелов, ударяя железными палицами по голове, и повели мимо сидевшего на троне старца с красивым лицом и бородой. Увидев меня, он воскликнул: «Горе тебе! Разве не предостерегал тебя Аллах? Разве ты не слышал, что этот мир тленный, и что все возвратятся к Аллаху?». Те, что вели меня, сказали: «Поистине, это твой отец Адам». Затем они повели меня [дальше], и вдруг я оказался перед человеком, сидящим на троне. Когда он смотрел направо, то смеялся, а налево – печалился и плакал. Они сказали: «Это Нух³², да пребудет над ним мир». Затем они повели меня [дальше], и вдруг я оказалась перед сидящим старцем. Они сказали: «Это Ибрахим³³». Затем они повели меня [дальше], и я пришел к стражникам ада. Их лица были чернее дегтя, а [в руках] у них были цепи. Они заковали меня в цепи и отвели к ангелу, стоявшему на кафедре, которая была точно пламя огня, его окружали огненные львы, собаки, змеи и скорпионы, а в руке у него была огненная плеть. Я никогда не видел существа более грозного, чем он. Он сказал: «Ты поклонялся тельцу вместо Аллаха». [Затем] сказал: «Ведите его в адскую пропасть (*хавийа*)». И они повели меня, пока не запустили в первую дверь ада. А огонь там не такой, как в этом мире, он жарче в тысячу раз. Я увидел дерево, осыпавшиеся плоды которого были подобны головам шайтанов. С него падали огненные камни, словно гора, там были люди, над которыми стояли ангелы и били их огненными палицами, заставляя есть

³⁰ Исписанная скрижаль (лаух мактуб) – в ней записаны все деяния человека. Обычно ее называют «китаб»; в различных аятах Корана говорится о том, что каждый человек в День суда получит свою книгу либо в правую руку (обладатели рая), либо в левую (обладатели ада).

³¹ То есть так сказал Аллах.

³² Пророк Ной.

³³ Пророк Авраам.

это. Они сказали: «О несчастный, это *заккум*³⁴, а это – те, что несправедливо поедали имущество сирот». Затем меня завели во второй огонь, а там – бездонный колодец, в нем – люди, мясо на теле которых изрезано, а кожа содрана. Они сказали: «Это *замхарир*³⁵, в который бросают прелюбодеев». Затем меня завели в третий [огонь], где я увидел людей, висящих на серном камне. Затем меня завели в четвертый [огонь], в котором [также были] люди. Они сказали: «Это люди, взимавшие и выплачивавшие проценты». Затем меня завели в пятый [огонь], затем в шестой, где были скорпионы и змеи, длина каждого скорпиона – тысяча локтей, а ширина – пятьсот, и все они меня покусали. Затем меня завели в седьмой [огонь], называемый *хавийа*³⁶, и вдруг я оказался у замка, в котором тысяча домов из огня, в каждом доме тысяча обиталищ, в каждом обиталище тысяча огненных сундуков, в каждом сундуке тысяча видов страданий. Там я увидел огненные горы, моря и деревья. Я отдыхал только в пятницу ночью – в этот день ослабляют огонь для обитателей ада. Затем кто-то прокричал: «Выпусти эту мерзкую душу в его череп, потому что дух Аллаха желает с ним говорить!»

‘Иса, да пребудет над ним мир, спросил:

– Из какого ты народа?

– Из народа Ильяса, да пребудет над ним мир, – ответил он. ‘Иса, да пребудет над ним мир, спросил:

– Чему вы поклонялись?

– Мы поклонялись тельцу вместо Аллаха. Его едой был *хабис*³⁷, питье – мед, одеждой – праздничный наряд, а рога его были украшены золотом. О нем заботилось пятьдесят слуг днем и пятьдесят ночью, – ответил череп.

‘Иса, да пребудет над ним мир, спросил:

– Кого ты видел [сидящим] ближе всех к Всевышнему Аллаху?

– Я видел справа от [Его] престола три трона, и столько же слева от него, – ответил череп. – Что касается тех, что справа, то ближайший [к нему трон] для Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, второй для Халила³⁸, а третий для Мусы³⁹. Что же касается тех, что слева, то первый из них для Дауда⁴⁰, второй для Марьям⁴¹, а третий для тебя, о дух Аллаха.

Затем череп сказал:

– О дух Аллаха! Ради Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, попроси Аллаха вернуть меня в этот мир и даровать мне покорность Ему и слова «ла илаха илла-л-Ллах» («нет никакого божества, кроме Аллаха»), ведь я никогда не видел ничего более полезного для верующего, чем слова «ла илаха илла-л-Ллах» («нет никакого божества, кроме Аллаха»), и я видел, как огонь убегает от человека, произносящего их. Воззвал ‘Иса, да пребудет над ним мир, к Аллаху, и благодаря всемогуществу Всесильного и Великого Аллаха встал [мертвец] на ноги и, уверовав в ‘Ису, засвидетельствовал, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и что ‘Иса – посланник Аллаха. Затем он жил в исламе⁴², пока ‘Ису не вознесли на небо, и прожил он после этого десять лет и умер мусульманином⁴³, да смилуется над ним Аллах.

³⁴ Заккум – дерево, растущее из глубин геенны (джаханнам). Его плоды, «которые точно головы шайтанов» [Коран, пер., 37:62–66; 56:51–56], станут едой грешников, попавших в джаханнам.

³⁵ Замхарир – часть ада, отличающаяся страшным холодом; испытание холодом – один из видов наказания для грешников в аду.

³⁶ Ал-хавийа – одно из названий ада.

³⁷ Сладкая смесь, приготовляемая из фиников, сливок и крахмала.

³⁸ Один из эпитетов пророка Ибрахима (Авраама), в переводе с арабского означает «любимец».

³⁹ Пророк Моисей.

⁴⁰ Пророк Давид.

⁴¹ Дева Мария.

⁴² Здесь: преданность и покорность Аллаху.

⁴³ Здесь: преданный и покорный раб Аллаха.

Тадж ад-дин ал-Булгари

Тадж ад-дин ибн Хусайн ал-Булгари – известный фармаколог и медик начала XIII в., единственный ученый, происходивший из Волжской Булгарии, два сочинения которого сохранились до нашего времени. Это – трактаты по фармакологии «Ат-Тирйак ал-кабир» («Большой тирйак», или «Большое противоядие») и «Мухтасар фи ма'рифат ал-адвиййа» («Краткий [трактат] в познании [простых] лекарств»), известные по уникальным спискам, хранящимся в рукописных коллекциях библиотек Ирана и Турции.

Текст «Ат-Тирйак ал-кабир» Тадж ад-дина ал-Булгари, о существовании которого было известно в 70-е гг. XX в. [Тахиржанов, 1979, 19 б.], удалось получить только в конце 1996 г. во время официального визита в Иран Президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева.

Инициатором и организатором получения ксерокопии сочинения стал академик АН РТ, профессор КГУ М.А.Усманов. Первым исследователем и издателем арабского текста и перевода на русский язык «Ат-Тирйак ал-кабир» [Таджадин ал-Булгари, 1997] был выдающийся российский востоковед-арабист, главный научный сотрудник СПбФ ИВ РАН, профессор СПбГУ и КГУ А.Б.Халидов, который в процессе подготовки к изданию текста «Ат-Тирйак ал-кабир» обнаружил второе дошедшее до наших дней сочинение Тадж ад-дина ал-Булгари «Мухтасар фи ма'рифат ал-адвиййа», список которого хранится в библиотеке г. Маниса в Турции. Благодаря содействию главы администрации г. Казани К.Ш.Исхакова профессор А.Б.Халидов получил возможность начать работу над подготовкой русского перевода и этого трактата Тадж ад-дина ал-Булгари⁴⁴.

«Ат-Тирйак ал-кабир» Тадж ад-дина ал-Булгари сохранился в одном-единственном экземпляре уникальной тегеранской рукописи и описан под №38 в первом томе каталога бывшей Библиотеки Сената (Китабхане-йи Маджлис-и Сана), переименованной после антишахской революции 1979 г. в Библиотеку Исламского Совета (Китабхане-йи Маджлис-и Шура-йи Исла-

ми) [Китабхане-йи маджлис-и сана, 1936–1937, С.18–20].

Рукопись насчитывает 249 страниц и включает 21 сочинение⁴⁵ сходного содержания, среди которых трактаты, принадлежавшие перу более именитых авторов и хорошо знакомых специалистам (Мухаммада ар-Рази, Ибн Сины, философа Насир ад-дина ат-Туси). Дошедший до нас рукописный сборник лишен даты и представляет собой относительно позднюю копию, быть может, относящуюся

⁴⁵ В сборник включены в основном трактаты по медицине и фармакогнозии.

Из них первые 9 принадлежат Мухаммаду ар-Рази: «Ал-Муршид» («Руководство»), с.1–50; «Макала фи-хтилаф ад-дам» («Статья о кровообращении»), с.51; «Манafi' ас-сиканджубин» («Полезные действия сиканджубина»), с.51–57; «Китаб ила ман ла йахдуруху-т-табиб» («Послание тому, кому недоступен врач»), с.59–138; «Китаб ма йукаддам мин ал-фаваких ва-л-агзиййа» («Книга о рекомендуемых фруктах и продуктах питания»), с.140–145; «Макала фи ттихаз ма ал-джубн» («Статья об употреблении в пищу сыворотки»), с.145–146; «Мин Китаб ал-албан фи-манафи' ма ал-джубн» (Из 'Книги молока' о пользе сыворотки), с.147; «Фи л-мумиййаи» («О мумие»), с.147–150; «Бур ас-саа» («О внезапном исцелении»), с.150–154.

Десятое на с.155–160 – сочинение Тадж ад-дина ал-Булгари.

11-е – «Ал-Фасд» («Кровоупускание»), приписанное ар-Рази, с.161–162.

Следующие четыре сочинения принадлежат Ибн Сине: «Ал-Хиндиба» («Эндивий»), с.163–167; «Тадбир ал-мусафирин» («Правила для путешников»), с.168–173; «Сийасат ал-бадан ва фадаил аш-шараб ва манafi'уху ва мадарруху» («Уход за телом и достоинства вина и его польза и вред»), с.174–176, «Ал-Куннаш ал-фахир» («Превосходный справочник врача»), с.177–233.

Далее идут три коротких текста под именем философа (но не врача) Насир ад-дина ат-Туси (ум. в 1274 г.): «Фи амр ан-наддж» («О наступлении зрелости»), с.225–227, Джаваб-и суал ал-Катиби» («Ответ на вопрос ал-Катиби»), с.228–231; и другое сочинение под тем же названием, с.231–232.

Единственное в этом сборнике сочинение на персидском языке «Тарджума-йи тибб-и р-Риза» («Перевод медицины ар-Риза»), с.235–241 – приписано имаму Ризе (ар-Рида).

Затем следует «Ал-Адвиййа л-мураккаба» («Сложные лекарства»), перевод Шапура ибн Сахла с сирийского на арабский, исправленный Йуханной ибн Сирабийуном (Серапионом) (с.243–248), и, наконец, анонимный трактат «Зикр ал-авзан ал-муста'мала фи т-тибб ва-тафсируха» («О мерах веса, употребительных в медицине, и их объяснения»).

⁴⁴ Однако подготовка этого перевода осталась незавершенной из-за скоропостижной и безвременной кончины А.Б.Халидова 1 декабря 2001 г.

к XI/XVII в.⁴⁶. Все сочинения (видимо, по спискам разного времени) были включены в состав одного рукописного сборника неизвестным переписчиком. Десятым сочинением сборника является «Ат-Тирйак ал-кабир» Тадж ад-дина ал-Булгари, копируя который составитель сборника воспроизвел близко или полностью текст использованного протографа начала XIII в.

Трактат невелик (всего шесть листов рукописного текста) и рассматривает только один вопрос – о противоядии (тирйак, или дирйак).

В отличие от него в другом трактате Тадж ад-дина ал-Булгари – «Мухтасар фи ма'рифат ал-адвийа» – рассмотрено множество лекарств, названия которых расположены по алфавиту от «а» до «я» (86 страниц рукописного текста). Рукопись этого трактата Тадж ад-дина ал-Булгари открыл Альберт Дитрих [Dietrich, 1966, S.228–229]. В своей работе, посвященной арабским медицинским рукописям в библиотеках Турции и Сирии, он описывает один сборник из рукописного хранилища г. Маниса в Турции [Manisa, Kitarsaray, 1781], в котором среди тринадцати сочинений находится и «Мухтасар фи ма'рифат ал-адвийа» (л.2256–268а). Этот сборник переписал для себя в течение многих месяцев практикующий врач Абу Йахйа Закарийа ибн аш-Шайх ас-са'ид Билал ибн Йусуф ал-Мараги ал-Амири ал-Мутатаббид; в сборнике 268 листов, текст по 23–26 строк на странице писан без огласовки и с редко проставленными точками. Трактат Тадж ад-дина ал-Булгари он записал сначала под диктовку автора (как был писан и «Большой тирйак») в конце зулка'ды 615/феврале 1219 г. в караван-сараяе (хан) ал-Муджахидийа на окраине Мосула, а дошедшую до нас вторую копию он окончил в г. Конья в субботу 6 шаввала 619/13 ноября 1222 г.⁴⁷.

М.Ульман в разделе «Фармакогнозия» своего обзорного библиографического труда «Медицина в исламе» сообщает, что трактат о простых лекарствах Тадж ад-дина

ал-Булгари, написанный в 615/1218 г., тогда же подверг критике другой известный врач, его современник и, возможно, соперник Рашид ад-дин ас-Сури (1173–1243) [Ullmann, 1970, S.278; Таджаддин ал-Булгари, 1997, с.13].

О Тадж ад-дине ал-Булгари и его творчестве известны только те сведения, которые содержатся в рукописях его сочинений.

Имя автора в «Ат-Тирйак ал-кабир» приведено несколько раз: в полном виде оно звучало как Тадж ад-дин ал-Хасан ибн Йунус ал-Булгари, обычно употребляемым именем автора (по-арабски шухра) было Тадж ад-дин ал-Булгари, личным его именем было ал-Хасан, его отца звали Йунус, нисбой по происхождению из народа булгар или страны Булгар, или по обоим сразу была ал-Булгари, а почетное прозвище (лакаб) он носил «Тадж ад-дин» или «Тадж ад-дин» (буквально «Корона религии»). Кроме того, переписчик сопровождает его имя хвалебными эпитетами «почтенный ученый», «уникум своей эпохи», «единственный своего времени». Себя он аттестует, как было принято, скромно и уничижительно «самым слабым из созданий Аллаха»⁴⁸.

Тадж ад-дин ал-Булгари писал «Ат-Тирйак ал-кабир» не сам, а продиктовал, затем записанное прочитал и удостоверил его собственноручно, упомянув, где и когда имели место диктовка и первичная запись: в г. Мосуле, в один из месяцев 617/1220–1221 г. С его слов текст записал Махмуд ибн 'Усман ибн Ахмад ат-Тифлиси, чье имя также сопровождается почетными и хвалебными эпитетами. Он мог быть либо старшим коллегой, перед которым ал-Булгари демонстрировал свои познания, либо младшим коллегой, который хотел узнать профессиональные тайны о целебном тирйаке непосредственно из уст крупного авторитета. Его нисба, свидетельствующая о его происхождении из г. Тифлис (совр. Тбилиси) или иного рода связи с этим городом, объясняется тем,

⁴⁶ Составители каталога датируют сборник X/XVI в., что сомнительно, почерк указывает скорее на XII/XVIII в. [Китабхана-йи маджлис-и сана, 1936–37, с.18–20].

⁴⁷ Не вполне корректно использовал это сообщение аз-Зирикли в 5-м издании своего биографического справочника «Ал-А'лам»: якобы в Конью перебрался сам Тадж ад-дин ал-Булгари, а не переписчик его книги.

⁴⁸ Во втором трактате имя Тадж ад-дина ал-Булгари дано как Тадж ад-дин Абу Мухаммад 'Али ибн ал-Хусайнал-Булгари. Это расхождение имен скорее говорит о путанице в имени одного человека, чем о существовании двух ученых, известных по одной шухре (Тадж ад-дина ал-Булгари), живших в одно и то же время, в одном и том же городе (Мосуле), к тому же работавших в одной области науки.

что тогда Тифлис был мусульманским городом. Еще с VII в. он стал резиденцией арабского военачальника-наместника и долго оставался северным форпостом ислама. Из него вышел ряд известных ученых, врачей и факихов.

Однако ни Тадж ад-дин ал-Хасан ал-Булгари, ни Махмуд ат-Тифлиси не попали на страницы биографических сводов или трудов по истории медицины. Соответственно, никаких сведений о них нет в работах современных востоковедов и историков медицины. Только счастливой случайности мы обязаны тем, что их имена всплывают из забвения благодаря обнаружению уникальной тегеранской рукописи.

Слово «тирйак» (иногда – дирйак) происходит из греческого и было заимствовано в арабский в VIII–IX вв., когда на него стали усиленно переводить научное наследие эллинистического Ближнего Востока с древних письменных языков (греческого, сирийско-арамейского, среднеперсидского пехлеви, санскрита и др.). Означает оно лекарство сложного состава и широкого, почти универсального применения. Процесс приготовления тирйака был длительным и трудоемким, как видно из данного сочинения нашего автора и других аналогичных источников. Каждое из его составляющих – встречающееся в природе лекарственное средство растительного, животного или минерального происхождения – тщательно отбиралось и предварительно обрабатывалось по отдельности.

Сочинение Тадж ад-дина ал-Булгари представляет собой рецепт тирйака, большого, или великого, – очевидно, важнейшего профессионального достояния всякого врача, которое обреталось путем длительного обучения и достаточной практики. Выработать свой вариант такого рецепта, уметь приготовить тирйак и применять его мог только тот, кто приобщился к традиционным знаниям и тайнам врачебного искусства. Без всякого предисловия автор начинает диктовать перечень лекарственных средств (дава, адвийа), включаемых им, как далее выясняется, в состав своего «большого тирйака». Он подразделяет их на «разряды», или «категории» (мартаба), не объяснив, почему он это делает. Их смысл из текста не очевиден, можно думать, что речь идет о принятой у врачей классификации или об очередности («ступенях») включения простых лекарств в сложный тирйак. Таких разрядов-

ступеней оказывается семь, и каждый состоит из разных лекарств. После этого следуют указания о нужном количестве конкретных лекарственных материалов, о приемах их обработки и процедурах на разных этапах изготовления тирйака.

Далее называются иные ингредиенты тирйака: вино, мед и главное – три вида лепешечек (курс). Затем следует объяснение состава и способов приготовления этих лепешечек, своего рода полуфабрикатов: лепешечек андрухурун (приведены два разных рецепта этой смеси), лепешечки из гадюки (или эфы), лепешечек из морской капусты.

Третья часть сочинения посвящена вопросу о том, от каких болезней и в каких случаях применяют тирйак и в каких дозах. Главное назначение тирйака – служить противоядием, лечить от отравлений ядами змей и прочих существ. С этим связано исходное название лекарства и его этимология в греческом языке. Однако спектр применения тирйака был довольно широк, им лечили много различных недугов.

Рецепт тирйака, предлагаемый Тадж ад-дином ал-Булгари, очень напоминает важнейшие виды тирйака, их полезные свойства и рецепты приготовления, изложенные Ибн Синой во второй и пятой книгах его «Канона» [Ибн Сина, 1956; 1960].

Абу Райхан ал-Бируни в своей «Сайдане» («Фармокогнозии») описывает 5 видов тирйака, в том числе «тюркский», и замечает: «Нет такого места, где не было бы вещей, называемых местными жителями терьяком» [Бируни, 1973, № 202–206, прим.2].

Место и значение небольшого сочинения Тадж ад-дина Булгари в общей истории восточной медицины еще предстоит определить и оценить специалистам. Особенности знания в области медицины и фармакогнозии отличаются консервативностью, поскольку забота о сохранении здоровья и излечении больных издавна была у людей одной из главных. Лекарства искали и находили в природе. Знания и опыт накапливались веками, у разных народов и племен, в разных географических широтах; фиксировались они и письменно. Крупное, решающее продвижение в учете и классификации лекарств принадлежит греческим авторам, среди которых особо выделяются такие имена, как Гиппократ (ум. в 377 или 355 г. до н.э.), Диоскорид из Аназарба (Киликия, писал ок. 78 г.),

Гален из Пергама (ум. ок. 200 г.), Орибазий (ум. в 403 г.) и Павел из Эгины (ум. в 690 г.). Труды этих авторов, переведенные на арабский язык Хунайном ибн Исхаком (ум. в 873 г.) и его сотрудниками и учениками, легли в основу медицины и фармакогнозии в мусульманскую эпоху. Были переведены также сочинения персидских и индийских авторов. На базе научного наследия Древнего Востока и Средиземноморья работали десятки и сотни мусульманских врачей (таиб, мутатаббид) и мудрецов (хаким), главным образом в Ираке (в гг. Багдад, Самарра, Басра, Мосул) а также к западу от него вплоть до Андалуса и к востоку до Туркестана и Индии. Многие из них писали труды по медицине (тибб) и фармакогнозии (сайдана), в которых они воспроизводили книжные знания предшественников в своем изложении, добавляя в какой-то мере, хотя бы малой, данные, почерпнутые из собственного опыта или из традиций своей страны и своего народа.

На основании материалов трудов трех библиографов по истории науки: Ибн ан-Надима (ум. в 995 г.), ал-Кифти (ум. в 1245 г.) и Ибн Абу Усайби'и (ум. в 1270 г.) выявлены имена 110 авторов (живших до середины XIII в.), писавших

о простых лекарствах [Ullmann, 1970, S.257], и среди них имена прославленных энциклопедистов: Мухаммада ар-Рази (ум. в 925 г.), Ибн Сины (ум. в 1037 г.) и ал-Бируни (ум. в 1048 г.).

Тадж ад-дина ал-Булгари каким-то образом оказался в Мосуле – одном из важнейших центров медицины на Ближнем Востоке, создал там свой труд и достиг признания как специалист. Его «Ат-Тирйак ал-кабир» документально подтверждает приобщение ученых Булгара к научным традициям мусульманского Востока и, следовательно, – эллинистического мира [Таджаддин ал-Булгари, 1997, с.11].

Ниже дан перевод фрагментов из трех составных частей «Ат-Тирйак ал-кабир» (указана пагинация наборного текста издания), которые последовательно отражают структуру и содержание сочинения [Таджаддин ал-Булгари, 1997, с.29–42]. Первый фрагмент представляет два первых примера семи «разрядов» (перечень ингредиентов) простых лекарств, приведенных в начале сочинения. Вторую часть сочинения, включающую способ приготовления трех видов «лепешечек», другого ингредиента «тирйака», представляет первая пропись. Заключительная часть сочинения приведена полностью.

Ат-Тирйак ал-кабир

(Большой тирьяк или Большое противоядие)

[с.29] Большой тирьяк⁴⁹ продиктован почтенным ученым, уникамом своего времени, единственным в ту эпоху Тадж ад-дином Ибн Йунусом ал-Булгари.

Первый разряд. Два лекарства: черный перец⁵⁰ и опий⁵¹, количество каждого лекарства⁵² – два мискаля⁵³.

Второй разряд. Девять лекарств, а именно: китайская корица⁵⁴, семена дикой репы⁵⁵, дикий чеснок⁵⁶, голубая смола пальмы дум⁵⁷, корневище касатика⁵⁸, агарик⁵⁹, масло баль-

⁴⁹ Ниже встречается написание этого слова через «д»: *дирийак*.

Перевод и комментарий А.Б.Халидова подготовлены на основе комментированного русского перевода «Второй книги» и «Пятой книги» «Канона» Ибн Сины и «Сайданы» ал-Бируни [Ибн Сина, 1877; 1956; 1960; Беруни, 1973].

⁵⁰ Фулфул (через персидский язык слово восходит к санскриту) *асвад* – Piper. черный перец.

⁵¹ Афйун (греч.) – Opium. Высохший млечный сок, получаемый из надрезов на коробочках мака снотворного – *Papaver somniferum* L.

⁵² В арабском оригинале непонятное: *мкд*. – возможно сокращение по первым буквам «микдар кулли дава» (количество каждого лекарства).

⁵³ Мера веса, равная 4,25 г.

⁵⁴ Дарсини (перс.), букв. – «китайское дерево». *Cinnamomum Cassia* V. I., синоним *Cinnamomum aromaticum* Nees.

⁵⁵ Шалджам (араб.) – репа. *Brassica rapa* L.

⁵⁶ Сум (араб.) – чеснок. *Allium sativum* L.

⁵⁷ Мукл (араб.) – бделлий. Смола *Balsamodendron africanum* Am. (син. *Commiphora africanum* Engl.), *Balsamodendron mukul* Ноок. Или – пальма дум и ее плоды. *Nurphaene thebaica* Mart.

⁵⁸ Саусан асманджуни (перс.) – букв. «голубой саусан», касатик. *Iris florentina* L.

⁵⁹ Гарикун (греч.) *Agaricum*. = *Polyporus officinalis* F.

شجر الترياق الكبير أصله التيمال وحيد عطره وفيه له نافع الدين
 ابن سينا المشهور المتبره الأولى الادوية الترياق ودوائه ان نفل تودا
 وايفون ملكا بهر وعزرون ثمغالا المتبره الثانية تسعداديه تفضيلها واديني
 الصينى ويزال التيم البرى ونوم برى ومقل نهرق واصل السوس الاسمانجوني و
 غاريقون ودهن بلبان ودرادجور رب السوس ملكا اني عطره ثمغالا المتبره الثانية

وينفع من وجع الكلى مع جلجين سكرى وللج من طبخ السحاق ومع طبخ الكرفس للحصاة
 فى المثانة ومع طبخ الفطر السوس ومن ضيق النفس بالسكبين العصفى مقدار ثلثه ربع
 اوقيه وينفع ايض من الورم السوداء والاورام الوردية والمومنة فى الكبد والطحال
 اذا اخذ مع السكبين وينفع ايض من الصرع اذا استعمل بالغزغزة ثم بعد ذلك يسخى بن
 نصف درهم مع ماء او مع سكبين العصفى مقدار ثمانية درهم وينفع ايض من العرق
 الحادث من المرة السوداء وايض فيه منافع كثيرة يدعى ما ذكرناه بالضرورة فانه اذا كان
 نفع من الصرع فقد صح ان نفع من الصلداغ المزمن ومن السقيفة والدوار والطفلة في
 البصر والعرق النفس فان حمل الاورام التي في الكبد والطحال وان نفع سردها ويد
 البول وينفع من عسر البول وينفع من النخر وكذلك نفع من الحلال الطبيعى فانه
 الترياق وله منفعة عظيمة في حفظ الصحة وذلك انه اذا شرب للواستظهار قطع ما
 سدى من العلق كلذغ الحوام ودار السوم وشرب السم القاتل وفاد الهوا والماء
 وعوق العلق القديم ان تولد الامراض في الاجسام باذن الله تع وهذا الحكم اخط
 تاج الدين البلغارى على نخر نفل منها يقول اصغف خلق الله واحوجهم الى رحمة
 الحسن بن يونس البلغارى املاوت ما في هذا الجزء من عمل الدر ياق على السيد الاحل
 الا وحل العالم بده الدين جمال الاسلام محمود بن عثمان احمد الحكيم التليسي وفقه الله
 تع لمراضية في شهر ربه سبع وعشرون سنة في محرم سنة الموصل حامدا لله تعالى ومصليا

على سوله محمد وآله وصحبه وهذا اخط
 في السامع المذكور
 واحمد لله رب
 العالمين

замового дерева⁶⁰, красная роза⁶¹, сгу-
 щенный сок солодки⁶², [с.30] коли-
 чество каждого лекарства – двенадцать
*мискалей*⁶³...

[с.35] Как изготавливают лепешеч-
 ки, которые кладут в *тирийак*

Из их числа лепешечки *андрухуру-*
*на*⁶⁴, вес которой 24 *мискаля*. Согласно
 одной прописи, берут коры корневищ
 дрока⁶⁵, а это – корень дерева *канду*⁶⁶, а
 это *джавали*⁶⁷, но не корень сумбула, –
 берут корневищ дрока, шесть *миска-*
лей, столько же тростника душистого⁶⁸,
 а если его нет, то, говорят, его заменя-
 ет шалфей⁶⁹ такого же веса, древесины
 бальзамового дерева и мелкого рум-
 ского копытня⁷⁰, мирры, амома⁷¹, мас-

⁶⁰ *Баласан* (греч.) – бальзамовое дерево, комифора бальзамная. *Commiphora opobalsamum* Engl., син. *Amyris gileadensis* L. «Оно редко упоминается само по себе, [обычно] его упоминают вместе с маслом дерева, или зерном, или древесиной». Так и у Тадж ад-дина ал-Булгари.

⁶¹ *Вард* (перс.) – роза.

⁶² *Сус* (арамейск.) – солодка, солодковый корень. *Glycyrrhiza glabra* L.

⁶³ У Ибн Сины перечислены 8 ингредиентов, исключая смолу пальмы дум, количество каждого определено таким же, только для китайской корицы указано наличие варианта в 24 мискаля.

⁶⁴ Смесь *андрухурун* (греч.) упоминается и в «Каноне» Ибн Сины, однако термин не объяснен. Изначально это слово обозначает лекарственную траву безвременник осенний, который у Тадж ад-дина ал-Булгари фигурирует под персидским названием *сауринджан* (перс.) *Colchicum autumnale* L., *Colchicum variegatum* L. Описание этой смеси очень близко к тексту Ибн Сины [Ибн Сина, 1960, текст с. 314; пер. с. 25].

⁶⁵ *Даришиша'ан* (перс.). *Calycotome spinosa* L. K., син. *Cytisus spinosa* Lam. или дрок колючий – *Genista*.

⁶⁶ Такое название дерева неизвестно. Возможно, что текст искажен. Слово читается и как *алкандук* (?).

⁶⁷ Слово заимствовано в арабский из тюркского и означает «корзина», «короб» из прутьев или лыка.

⁶⁸ *Касаб аз-зарира* (араб.) – буквально «тростник *зарира*»; «*зарира* – желтоватобелый порошок, употребляемый в качестве благовония; его изготавливают путем измельчения паутинообразного вещества, содержащегося внутри тростника *Calamos agomaticus*».

⁶⁹ *Адас мурр*, обычно *адас барри мурр* – «дикая горькая чечевица».

⁷⁰ *Асарун* (греч.) *Asarum europaeum* L.

⁷¹ *Аминун* – арабизованная форма греческого слова. *Anemone coronaria* L.

Тадж ад-дин ал-Булгари. «Ат-Тирийак ал-кабир»
 («Большое противоядие»). Китабхане-и Маджлис-и Шура-
 йи Ислами, Исламская Республика Иран, Тегеран.
 Список XVII в. J.155 – первые строки трактата;
 л. 160 – последняя страница сочинения

тики⁷², белой ромашки⁷³ отдельно и желтый «глаз» [с.36] ее, как упоминал также ат-Тамими⁷⁴, в количестве шести мискалей каждого лекарства, как мы упоминали, цветков ситника⁷⁵, чистого китайского ревеня⁷⁶, цейлонской корицы⁷⁷, китайской корицы в количестве 20 мискалей, мирры 24 мискаля, индийского сумбула 16 мискалей, столько же малобатра⁷⁸, – а если нет малобатра, удваивают количество сумбула, – шафрана 12 мискалей. Каждое лекарство толкут по отдельности и просеивают по отдельности, складывают [все] вместе после корректировки веса каждого и месят с базиликовым вином приятного запаха и вкуса, выдержанным и ставшим сладковатым, – в Ираке такое вино называют «кахва» – придают форму лепешечки и сушат в тени...

Дозировка приема *дирийака* в зависимости от болезни

[с.39] Для защиты от смертельных ядов и укуса ядовитых живых существ дают выпить одну *бундуку*⁷⁹ [дирийака] с четырьмя с половиной *укийами*⁸⁰ вина. Под смертельными ядами я подразумеваю опий и усыпляющие [снадобья], а это – плоды дурмана⁸¹, болиголов⁸², кориандр⁸³, *ал-нфх* (?), испанские мушки⁸⁴ и тому подобное. Ядовитые живые существа: гадюки (эфы), змеи колодезные(?), то есть которые бывают в колодцах (?), и змеи, вызывающие жажду, то есть их укус вызывает жажду, от которой умирает ужаленный, это – змеи с черными крапинками, *сутаны*⁸⁵, скорпионы, змеи водяные и степные, которые бывают в безводных степях, «дубные», которые обвиваются вокруг нижней части дуба, имеют защитный (?) запах и мочатся кровью, и ядовитые пауки.

[с.40] Тем, у кого порча в теле, какая бывает от смертельного яда, или неотступный старелый кашель, хотя нет никакой боли в груди и ребрах, дают пить около *тирмисы*⁸⁶ [дирийака]. А если сверх того есть жар, то – вместе с яблочным вином (соком?), если же там нет жара, то с *ким'ом* меду. Помогает также от вздутия в желудке, рези в кишках, боли и колик, эти болезни излечивает доза в одну *тирмису* утром с водой. Годится также для убавления повышенной чувствительности и усиливает слабую чувствительность.

Дирийак дают пить наперед болезни, то есть тому, кто боится, что заболит, но еще не заболел, либо с разбавленным вином, либо с водой, *полдирхама* на четыре *укйи* с половиной или три *укйи* вина или воды. Оно действует хорошо на того, кто (?) при припадке и тонкости (?) приступа, от простуды и от рвоты в начале приступа, если примет дозу лекарства в одну *тирмису*. Оно делает обильными месячные, выводит мертвый плод, если

⁷² *Мастака* (греч.). Камедь *Pistacia lentiscus* L.

⁷³ *Укхуван* (перс.). *Matricaria parthenium* L. и *Matricaria chamomilla* L.

⁷⁴ Неизвестный врач-дрогист.

⁷⁵ *Изхир*. *Andropogon schoenanthus* L.

⁷⁶ *Риванд* (греч., перс.) – ремень лекарственный. *Rheum officinale* Bail 1., или ремень дланевидный, ремень тангутский = *Rheum palmatum* L. var. *tanguticum* Maxim.

⁷⁷ *Салиха* (араб.). *Cinnamomum zeulanicum* Nees. Точная идентификация различных видов корицы, упоминаемых Диоскоридом и писавшими по-арабски авторами, представляет большую трудность. В русском издании «Канона» Ибн Сины *Дарсини* (перс.) букв. – «китайское дерево». *Cinnamomum Cassia* B. I., синоним *Cinnamomum aromaticum* Nees, переведено как корица китайская, *салиха* – корица цейлонская, в других же источниках наоборот.

⁷⁸ *Сазадж* (перс.). *Malobathrum*, листья *Cinnamomum citriodorum* Thwait, или *Cinnamomum tamala* Nees. Растет в Индии.

⁷⁹ *Бундука* от *бундук* – «лещина, лесной орех», мера веса и объема, считавшаяся равной 3,186 г.

⁸⁰ *Укйя* равнялась, согласно Ибн Сине, 25,500 г., а согласно Беруни, 29,75 г.

⁸¹ *Джавзмасил* (араб.) – индийский *Datura metel* L. или обыкновенный *Datura stramonium* L.

⁸² *Шавкаран* (перс.). *Conium maculatum* L.

⁸³ *Кузбура* (санскр.). *Coriandrum sativum* L.

⁸⁴ *Зарарих* (араб.). *Litta vesicatoria*, или *Cantharis vesicatoria*, или *Meloe fascida*.

⁸⁵ В словарях это слово обозначает змею, преимущественно ядовитую. Его специфическое значение в данном контексте неясно. Многие нюансы в классификации ядовитых змей непонятны, возможно, что в текст вкрались ошибки.

⁸⁶ *Турмус* или *тирмис* (аккадск.) – люпин. *Lupinus tennis* Forsk. Зернышко люпина использовалось как аптечная мера веса, величина которой неизвестна.

принять его в количестве одной *тирмисы* вместе с уваренным виноградным соком⁸⁷ или медовым напитком (вином?), в котором варили ложный диктамен⁸⁸ или руту⁸⁹.

Дирйак полезен и против желтухи, вместе с отваром копытня⁹⁰.

Он помогает страдающим водянкой, если приготовить его с полутора *укийами* винного уксуса.

Им лечат также того, у кого пропал голос, дав ему выпить с медовым вареньем из роз⁹¹ или уваренным виноградным соком. Точно так лечат и того, у кого задержка рвоты и слабость.

Он помогает от кровохарканья из легких и из груди. Если болезнь свежая, его дают с одной *укийей* разбавленного уксуса, а тому, у кого болезнь застарелая – с *ким 'ом* в четыре [с.41] с половиной *укийи* воды, в которой была отварена кордия⁹², утром и вечером.

Он помогает от болей в почках, [если принять] с сахарным вареньем из роз (см. примеч. 121); и от поноса (жидкого стула) – с отваром сумаха дубильного⁹³, а с отваром сельдерея⁹⁴ или петрушки⁹⁵ – от камней в почках. А от депрессии – вода (*дирйак* с водой?) *сиканджубина*⁹⁶ из морского лука⁹⁷ в количестве трех четвертей *укийи*.

Он помогает также от черножелчной опухоли и от застарелых черножелчных опухолей в печени и селезенке, если его принять с *сиканджубином*.

Он помогает еще от падучей, когда употреблен с полосканием (?)⁹⁸, потом когда дают принять внутрь его дозу в *полдирхама* с водой или *сиканджубином* из морского лука в количестве восьми *дирхамов*.

Он помогает также против несварения желудка и перебоев сердца, возникающих от приступа черной желчи.

У него много других полезных действий, с необходимостью следующих из того, что мы упомянули. Действительно, если он помогает от падучей, это указывает и на то, что он помогает от застарелой головной боли, мигрени, головокружения, помутнения зрения и затрудненности дыхания. Если рассасываются опухоли в печени и селезенке, то он (*дирйак*) открывает их закупорки и гонит обильную мочу, помогает от задержки мочи, помогает от несварения желудка и помогает также от расслабления натуры.

Таковы полезные свойства *тирйака*. Велика его польза в сохранении здоровья. Дело в том, что если его принять внутрь для профилактики, то он прекращает на начальной стадии действие таких причин, как укус ядовитых гадов, отравление смертельным ядом, испорченность воздуха и воды и [с.42] препятствует давним причинам порождать болезни в человеческих телах по соизволению Аллаха Всевышнего.

Вот дословная передача того, что написал собственноручно Тадж ад-дин ал-Булгари на рукописи, с которой копировали [эту]: «Говорит самый слабый из созданий Аллаха ал-Хасан ибн Йунус ал-Булгари: Я продиктовал то, что в этой тетради об изготовлении *дирйака*, славнейшему господину уникальному ученому Бадр ад-дину Джамал ал-исламу (Луне религии Красе Ислама) Махмуду ибн 'Усману [ибн] Ахмаду мудрецу ат-Тифлиси – да окажет ему Аллах благоволения Свои – в месяцы 617 [8 марта 1220–24 февраля 1221 гг.] года в богохранимом Мосуле, воздавая хвалу Аллаху Всевышнему и призывая благословение Его посланнику Мухаммаду, роду его и сподвижникам его. Это написано в упомянутую дату. Хвала Аллаху. Кончилось».

Материал подготовила Нурия Гараева

⁸⁷ *Майбухтадж* и *майфухтадж* (перс. *майпххта*) – букв. «вареное вино»). Виноградный сок (или вино), уваренный до 1/3 или 1/4 объема.

⁸⁸ *Машикатарамашир* (перс.). *Origanum dictamnus* L.

⁸⁹ Сазабили садаб (перс.). *Ruta graveolens* L.

⁹⁰ *Асарун* (греч.) *Asarum europaeum* L.

⁹¹ *Джуланджубин* (перс. *гул-ангубин* – «роза-мед») – варенье из роз.

⁹² *Сабистан* (перс.) – слива себестийская, кордия. *Cordia* Муха L.

⁹³ *Суммах*, (арамейск.). *Rhus coriaria* L.

⁹⁴ *Карафс* (арамейск.) – сельдерей, петрушка (так в переводе «Канона»). *Arium graveolens* L. или *Arium petroselinum* L.

⁹⁵ *Футрасалийун* (греч.). *Petroselinum sativum* Hoffm.

⁹⁶ *Сиканджубин* (перс.) – уксусомед.

⁹⁷ *Унсал* (греч.) – одно из названий морского лука. *Scilla maritima* L.

⁹⁸ *Гаргара* (араб.). Быть может, в тексте ошибка, следует читать и переводить – с можжевельником?

Русские летописцы о кочевниках евразийских степей

Русские летописи представляют уникальный источник информации по средневековой истории тюркоязычных кочевников Восточной Европы.

За исходную базу данных нами была взята Лаврентьевская летопись XIV в. Если информация сводов не повторялась в Лаврентьевской летописи, отбирались сведения летописи, наиболее приближенные по историческому сюжету и хронологии. Летописные тексты представлены с заменой букв древнерусского алфавита, вышедших из употребления, и буквенных цифровых обозначений современными рав-

нозначными буквами и цифровыми знаками, позволяющими современному читателю понимать текст русских летописей. Наиболее часто используемые древнерусские термины расшифровываются в сносках. Своды сформированы в блоки информации.

После изложения основного текста летописи приводятся его источники (напр.: РДЛ с.12–13; СР с.1 и т.д.¹), причем второй и последующие источники указывают на то, что о соборах, изложенных в основном тексте, рассказывается и в них, как правило, разными вариантами.

Волоты²

Волотом бо нашедшим на Словены на Дунаиския и седшим в них и насилящи им Словене же они пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове³...

РДЛ с.12–13; СР с.1.

...И по мнозех временах сели суть Словена по Дунаю реки, где ныне Угорская земля⁴ и Болгарьская и Волотом нашедшим на Словени на Дунаиския и седше в них и насильствующе на них. И от тех Словенци разыдошася...

ВЛ с.13.

Болгары, хазары, белые угры

...Словенску же языку якоже рекохом живушим на Дунаи приидоша от Скуф⁵ рекше от Казар⁶ рекомии Болгари⁷ и седоша по Дунаеви и населнеци Словеном быша. По сем приидоша Угре Белии⁸ и наследиша землю Словенску прогнавше Волохи иже беша преже прияли землю Словенску. Сии бо Угре почаша быти Ираклие цари⁹... иже ходиша на Хоздроя царя Перскаго¹⁰...

РДЛ с.13–14; ПНЛ с.5; С1497 с.13; УЛ с.167; ВПЛ с.12; ХЛ с.12; СР с.167 (без упоминания об Ираклии и Хоздрое); ИЛ ст.9; С1493 с.175.

¹ Список сокращений см. в конце данного приложения.

² Волоты (волохи) – предположительно, болгары-кутургуры, которые, возглавляемые ханом Заберганом, в 559 г. выходят к Фермопилам, Херсонесу Фракийскому и Константинополю.

³ Ляхи – поляки.

⁴ Территория совр. Венгрии.

⁵ Скуф – скифы.

⁶ Казары – хазары.

⁷ Кочевники болгары под предводительством Аспаруха в 679 г. вторглись из-за Дуная во Фракию.

⁸ Летописные *белые угры* наиболее соответствуют племени огор, кочевавшему в степях между Волгой и Уралом.

⁹ Византийский император Ираклий, правивший с 610 по 641 г.

¹⁰ Хоздрой Персидский – шаханшах Ирана Хосров II Парвиз, правивший с 591 по 628 г.

...Великий же Словенскъ и Руса¹¹ опустеша до конца на многие лета яко и дивимъ зверемъ обитати и плодятся в них По времени же некоемъ паки приидоша з Дунава Словяны подъяше Ску¹² и Болгаръ с собою немало и начаша паки грады они Словенскъ и Русу населяти и приидоше же на них Угры Белые и повоеваше ихъ до конца и грады их раскопаша...

НЛ с.140; МЛ с.28.

Обры¹³

В си же времена быша Обри иже воеваша на царя Ираклия и мало его не яша¹⁴. Сии же Обри воеваша на Словены и примучиша Дулебы¹⁵ сушая Словены и насилье творяху же нам Дулебскимъ аще поехати бяше Обрину не даваше въпрячи ни коня ни вола повеляше въпрячи 3 или 4 или 5 жен в телегу и ху бо Обри теломъ велици а умомъ горди и потреби я Богъ и помроша вси и не оста их ни единъ Обрин...

РДЛ с.13–14; ВПЛ с.12; СР с.167–168; ПНЛ с.5; ИЛ ст.9; С1497 с.13; УЛ с.167.

Печенеги, угры черные¹⁶

...По сихъ бо придоша Печенезе и паки идоша Оугри Чернии мимо Кизвъ...

ИЛ с.9; ВПЛ с.12.

Хазары

...По сихъ же летехъ по смрти братъе сея быша обидимы Древлями¹⁷ [и] инеми околними и наидоша я Козаре сидящая на гора сихъ в лесехъ и реша Козари плтите намъ дань съдумавше [же] Поляне и вдаша от дыма¹⁸ мечъ и несоша Козари ко князю своему и къ старишинамъ [своимъ] и реша имъ се налезохомъ дань нооу они же реша имъ откуда они же реша въ лесе на горохъ [а горахъ] надъ рекою Днепрскою они же реша что суть въдали они же показаша мечъ [и] реша старци Казарьстии не добра дань княже мы ся доискахомъ оружемъ одну сторону [остромъ] рекоша саблями а сихъ оружие обоиду остро рекше мечъ си имуть имати дань на насъ и на инехъ страна... володеють [бо] Козары Русьскии князи и до дншнго дне...

ЛЛ ст. 16–17; ПНЛ с.6–7; НЛ ст.12; УЛ с.167; РДЛ с.15; ХЛ с.12–13; НЛ МИ с.105–106; ТС с.25–26; ВПЛ с.13.

6367 (859). Имаху дань Варязи¹⁹ изъ заморья на Чюди²⁰ и на Слвене²¹ на Мери²² и на всехъ Кривичехъ²³ а Козари имаху на Полянъ и на Севере²⁴ и на Вятичехъ²⁵ имху по белеи веверице²⁶ от дыма...

ЛЛ с.19; РДЛ с.16; ИЛ ст.13–14; ПНЛ с.8; ХЛ с.13; НЛ с.18; РЛ ст.11; ТС с.29; ВПЛ с.15; ПЛ с.173.

¹¹ Словенск и Руса – города в совр. Новгородской обл.

¹² Ску – скифы.

¹³ Обры – авары – тюркоязычные племена, создавшие Аварский каганат на территории Центральной Европы. Воевали с государством франков и византийской империей. Против них греки впервые применили греческий огонь.

¹⁴ В 620 г. при штурме Константинополя аварами.

¹⁵ Дулебы – славянское племя, расселявшееся по р. Буг.

¹⁶ Летописные *черные угры* соответствуют мадярам (венграм).

¹⁷ Древляне – славянское племя.

¹⁸ Дым – родовой дом, где селилось сразу несколько семей.

¹⁹ Варяги – норманны, викинги, русы.

²⁰ Чудь – одно из финских (финно-угорских) племен, населявших территории совр. Эстонии, Псковской и Ленинградской обл.

²¹ Подразумеваются ильменские славяне.

²² Меря – финское племя, занимавшее территорию Верхнего Поволжья.

²³ Кривичи – славянское племя, заселявшее бассейны рр. Западной Двины, Волги и Днепра (территория совр. Белоруссии, Псковской, Смоленской обл.).

²⁴ Северяне – славянское племя, проживавшее в бассейне р. Десна (территория совр. Украины и Брянской обл.).

²⁵ Вятичи – славянское племя, проживавшее по верховьям р. Ока (территория совр. Калужской, Тульской, Орловской, Московской, Рязанской, Владимирской и Нижегородской обл.).

²⁶ Дословно со славянского «белая белка», т.е. горностаи.

...Взимахоу Варязи дан на Чюде за моремъ и на Словянех и на Мери и на Весехъ²⁷ и Кривичях а Козаре имехоу дана на Полянех по беле з дыма...

СР с.3; С1497 с.13 (858); УЛ с.167 (852); (в С1497 и УЛ нет упоминания о мери); ВЛ с.14 (нет чюди и весь).

Печенеги

6375 (867).... Того же лета избиша множество Печенегъ Осколдь и Дирь²⁸...

ПНЛ с.9.

Угры

6406 (898). Идоша Угри мимо Киевъ горою еже ся зоветъ нне Оугорское [и] пришедше къ Днепру и сташа вежами²⁹ беша бо ходяще аки се Половци пришедъ от стока [встока] и оустемиша чересь горы великия³⁰ [яже прозваша горы Угорския]...

ЛЛ ст.25; ИЛ ст.318; РДЛ с.8; ХЛ с.14; С1497 с.14.

...Идоша Угри мимо Киевъ... и пришедше ко Днепру сташа вежами беша бо ходяше яко и Половцы... и устремишася чрезъ горы великия иже прозвашася горы Угорския и почаша воевати на живушаа ту седяху бо ту преже Словене Волохи же приаша землю Словенскую по семь же Угры прогнаша Волохи и наследиха землю ту и седоша съ Словены покоровише я подь ся и оттоле прозвася земля Угорская...

ПНЛ с.16; УЛ с.168

6409 (901). Леонъ³¹ царь наять Оугры на Българы Оугри же нашедше всю землю Българскую поплениша...

РЛ ст.13.

Печенеги

6423 (915). Приидоша Печенези первое на Рускую землю и сотворивше миръ со Игорем³² и приидоша к Дунаю...

ЛЛ ст.42; С1497 с. 14; УЛ с.169; НЛ с.20; С1493 с.180; ВПЛ с.17.

...Приидоша Печенези первое на Рускую землю и сотворивше миръ со Игорем и приидоша к Дунаю В си же времена прииде Семионъ³³ пленяя Фракию³⁴ пришедшим и хотящимъ на Симеона расварившеся греческия воеводы. Видевше Печенези яко семи на ся речимуть отидоша въ своасы...

РДЛ с.24; ВЛ с.18 (914); МЛС с.347; ТС ст.47; ХЛ с.17; ИЛ ст.32.

...приидоша Печенези на Русь и сътвориша миръ съ Игоремъ и приидоша къ Доунаю и Симеонъ Българскыи поплени Фракию и много Грековъ посече и въсприять градъ Одрень...

РЛ ст.13.

6428 (920). Поставлень црь³⁵ Романъ въ Греко³⁶ а Игорю воеваше на Печенеги...

ЛЛ ст.43; ВЛ с.18 (919); С1493 с.181 (919); ТС ст.48; РДЛ с.24; ИЛ ст.32.

²⁷ Весь – финское племя, проживавшее на территории совр. Вологодской обл.

²⁸ Первое упоминание о печенегах.

²⁹ Вежа – шатер, кибитка, стан.

³⁰ Карпаты.

³¹ Византийский император Леонид (867–1056).

³² Киевский князь Игорь Рюрикович (912–945).

³³ Болгарский царь Симеон (893–927).

³⁴ Фракия – территория совр. Болгарии.

³⁵ Црь – цезарь.

³⁶ Греко – Византия. В VII веке латынь вытеснена в Византии греческим языком. Поэтому византийцев часто называли греками.

Поставлен бысть Роман царем во Грецах Костянтином царем и Николою патриархом. Игорь же воеваше на Печенеги...

ХЛ с.17.

Угры

6442 (934). Первое приидоша Угре на Царьград³⁷ и пленоваху всю Фракию. Романъ сотвори миръ с Угры...

РДЛ с.24; ЛЛ ст.43 (без Романа); ИЛ ст.33; ХЛ с.17; УЛ с.169.

6451 (943). Паки придоша Оугри на Црьград и миръ створивше съ Романо...

ЛЛ ст.45; РДЛ с.25; ХЛ с.17.

Печенеги

6452 (944) ...Игорь же совкупивъ вои многи Варяги Русь и Поляны Словени и Кривичи и Тверьце³⁸ и Печенеги и тали³⁹ оу нихъ поиде на Греки въ лодья и на конихъ хотя мьстити себе... се слышавъ црь посла к Игорю лучше боляре моля и гля не ходи но возьми дань юже ималь Олегъ придамъ и еще к тои дани такоже и къ Печенегомъ посла паволоки⁴⁰ и злато много Игор же доше Дуная созва дружину и нача думати... послуша ихъ Игорь и повеле Печенегомъ воевати Болгарьску земл [а] самъ возьмъ оу Грекъ злато и паволоки и на вся воя⁴¹ и възратися въспять...

ЛЛ ст.45–46; ИЛ ст.35; С1493 с.182 (943); РЛ ст.14 (943); ВЛ с.19 (943); С1497 с.15; РДЛ с.25.

Хазары

6472 (964). Князю Стославу⁴² възрастьшо и възмужавш нача вои совкупляти многи... и иде на Оку реку и на Волгу и налезе Вятичи и рче Вятичемъ кому дань даете они же реща Козаромъ по щялягу от рала даемъ...

ЛЛ ст.65; ПНЛ с.31(963); НЛМИ с.117; ИЛ ст.52–53; НЛ с.21; РЛ с.14; ТС ст.65; ВПЛ с.19; ВЛ с.22; РДЛ с.33; ХЛ с.21.

6473 (965). Иде Стослав на Козары слышавше же Козари изиша противу съ княземъ своимъ Каганомъ и съступиша битъ о бивши брани одоле Стославъ Козаромъ и гра[д] ихъ и Белу Вежю⁴³ взя [и] Ясы⁴⁴ победи и Касоги⁴⁵...

ЛЛ ст.65; ПНЛ с.31; НЛ МИ с.117; ИЛ ст.53; РДЛ с.33; ХЛ с.21; ВЛ с.22; С1497 с.15; УЛ с.170; НЛ с.21; С1493 с.189; С1495 с.312; РЛ ст.14; ТС ст.65; ВПЛ с.19.

Печенеги

6476 (968). Придоша Печенеги на Руску землю первое⁴⁶ а Стославъ бяше Переяславци и затворися Вольга⁴⁷ въ граде со оуноки своими... въ граде Киеве и оступиша [Печенеги]

³⁷ Царьград – так славяне называли Константинополь.

³⁸ Тиверцы – славянское племя, населявшее территорию от Прута до Днестра (территория совр. Молдовы и части Украины).

³⁹ Тали – заложники.

⁴⁰ Паволоки – парча.

⁴¹ В результате похода 944 г. Киевская Русь потеряла свои торговые привилегии, завоеванные во времена князя Олега. Теперь при покупке товаров ценою свыше 50 золотых монет требовалось уплатить налог, входить в город разрешалось только в сопровождении стражи, запрещалось зимовать в устье Днепра.

⁴² Киевский князь Святослав Игоревич (945–972).

⁴³ Белая вежа, или Саркел – город в низовьях Дона.

⁴⁴ Ясы – предки совр. осетин.

⁴⁵ Касоги – предки совр. адыгейцев.

⁴⁶ Во времена князя Святослава Игоревича печенеги впервые вступили на территорию Киевской Руси.

градъ в силе велице бе числено множество около града и не бе лъзе изъ града вылести ни вести послати Изнемогаху же людье гладомъ и водою собрашеса людье оная страны Днепра в лодьях об ону страну стояху... и ре единъ отрокъ азъ преиду... он же изиде изъ града с уздою и ристаша сквозе Печенеги гля не виде ли коня никто же бе бо оумя Печенежски... яко приближася к реце сверг порты⁴⁸ сунуся въ Днепръ и побреде видевше же Печенези оустремишася на нъ стреляюще его... они же видевше с оная страны и приехаша в лодьи противу ему и взяша в лодью... яко бы заутра вседъше в лодью противу свету и въструбиша вельми и людье въ граде кликнуша Печенези же мнеша князя пришедша побегоша разнo от града и изиде Ольга со оунуки⁴⁹ и с людми к лодье... ре⁵⁰ князь Печенежский а ты князь ли еси онъ же ре азъ есмъ мужъ его и пришел есмъ въ стороже а по мне идеть полкъ со княземъ бещисла множество... и подаста руку межю собою... и въдасть Печенежский князь Претичю конь саблю стрелы онъ же дасть ему броне щить мечъ [и] отступиша Печенези от града и не бяше лъзе коня напоити на Лыбди Печенези и послаша Кияне къ Стославу... то слышавъ Стославъ вборзе вседе на коне съ дружиною своею и приде Киеву... и собра вои и прогна Печенеги в поли и бы миръ...

ЛЛ ст.65–67; ПНЛ с.33–34; Н1Л МИ с.118–119; ИЛ ст.53–55; НЛ с.21; С1493 с.189–190; С1495 с.312; ТС ст.65–67; ВПЛ с.19; ВЛ с.22; С1497 с.15; УЛ с.170; МЛ с.40 (966); РДЛ с.33; ХЛ с.21 (967); РЛ ст.14.

Угры

6477 (969) ...Стославъ... хочю жити с Переяславци в Дунаи яко то есть середя в земли моеи яко ту вся блга⁵¹ сходятся от Грекъ злато паволоки вина [и] овощеве розноличныя и-Щехъ же из Урогъ [Угръ] сребро и комони [кони] из Руси же скоро⁵² и воскъ медь и челяд...

ЛЛ ст.67–68; ПНЛ с.34; Н1Л МИ с.120; ИЛ ст.55; С1497 с.16; УЛ с.170; РДЛ с.34; ХЛ с.21.

Печенеги

6479 (971)... а увестъ цръ яко мало насъ есть пришедше оступять ны въ граде а Руска земля далеча, а Печенези с нами ратьни а кто ны поможетъ но створимъ миръ со црмъ Створив ж миръ Ст⁵³ съ Греки поиде в лодья къ порогомъ и ре ему воевода отень⁵⁴ Свендель поиде княже на конихъ около стоять бо Печенези в порозе⁵⁵ и не послуша его [и] поиде в лодьяхъ и послаша Переяславци къ Печенегомъ... слышавше же се Печенези заступиа пороги и приде Ст къ порогомъ и не бе лъзе проити порогъ и ста зимовати в Белобережьи и не бе оу ни брашна оуже и бе гладъ великъ⁵⁶ ...

ЛЛ ст.72–73; ПНЛ с.36; Н1Л МИ с.123–124; ИЛ ст.59–61; НЛ с.22 (972); С1493 с.193; ВЛ с.23 (970); УЛ с.170–171 (970); РДЛ с.37; ХЛ с.22–23.

6480 (972). Поиде Ст в пороги и нападе на нъ Куря кнзь Печенежский и оубиша Ст [и] взяша главу его и во лбе его съделаша чашю оковаш лобъ его и пяху по немъ⁵⁷ ...

ЛЛ ст.74; ПНЛ с.38; Н1Л МИ с.124; ИЛ ст.61–62; НЛ с.22 (Кроля); С1493 с.193; С1495 с.313; РЛ с.14; ВПЛ с.20 (Клоря) (971); П1Л с.174; ВЛ с.23; С1497 с.16 (Куряти); УЛ с.171 (Куряти); МЛ с.38; РДЛ с.37; ХЛ с.23; СР с.7.

⁴⁷ Вольга – княгиня Ольга; правила Русским государством с 945 г. до совершеннолетия сына Святослава (964 г.).

⁴⁸ Порты – одежда.

⁴⁹ Оунуки – внуки.

⁵⁰ Ре – рче (говоря).

⁵¹ Блга – блага. Летописцы часто пропускали гласные при записях текста.

⁵² Скора – меха.

⁵³ Ст – сокр. Святослав.

⁵⁴ Власть в Киевской Руси носила наследственный характер. Поэтому Свендель назван воеводой отца.

⁵⁵ Пороги – каменные перекааты.

⁵⁶ По византийско-русскому договору от 944 г. русским запрещалось зимовать в Белобережье. Поэтому греки отказались снабжать продовольствием войско князя Святослава.

⁵⁷ Данный обычай упоминается Геродотом еще у скифов.

6486 (978). Победы Ярополкъ⁵⁸ Печенеги и възложи на нихъ дань⁵⁹...

ПНЛ с.39.

6487 (979). Прииде Печенежский князь Илдея и би челомъ Ярополку въ службу Ярополкъ же приать его и даде ему грады и власти и имяше его в чести велице... послы отъ Греческаго царя къ Ярополку... и яшася ему по дань якоже и отцу его и деду его...

ПНЛ с.39.

6488 (980) ...поиде же Ярополкъ [и] рче же Варяжко не ходи княже оубьють тя побегни в Печенеги и приведеш ми и не послуша его и приде Ярополкъ къ Володимеру... (Варяжко же видевъ яко оубьень бы Ярополкъ) бежа съ двора в Печенеги и много воева Володимера с Печенеги одва приваби и заходивъ к нему роте⁶⁰...

ЛЛ ст.78; ПНЛ с.40; НЛ МИ с.127; ИЛ ст.66; РДЛ с.39; ХЛ с.24; С1497 с.17; УЛ с.171 (977); С1493 с.195.

Торки

6493 (985). Иде Володимеръ на Болгары⁶¹ съ Добрыною съ уоемъ⁶² своимъ в лодья а Торъки берегомъ приведе на коних и победи Болгары⁶³...

ЛЛ ст.84; ПНЛ с.42; НЛ МИ с.132; ИЛ ст.71; РДЛ с.41; ХЛ с.25; ВЛ с.24; МЛС с.359; С1497 с.17; НЛ с.23; ТС ст.77; ВПЛ с.21.

Печенеги

6496 (988)... и ре Володимеръ се не добро еже малъ городъ около Киева и нача ставити города по Десне и по Востри⁶⁴ и по Трубежеви и по Суле и по Стугне и поча нарубати муже лучшии от Словен и от Кривичъ и от Чюди и от Вятичъ и от сихъ насели грады бе бо рать от Печенегъ и бе воююся с ними и одолая имъ...

ЛЛ ст.121; НЛ МИ с.159 (989); ИЛ ст.106; ХЛ с.28; ВЛ с.37; МЛС с.365; С1497 с.17; УЛ с.172; ТС ст.113.

...Приходиша множество Печенегъ и много зла сотвориша христианомъ Володимеръ же со множествомъ вой изыде противу ихъ и мало от нихъ избежаша нача ставити Володимеръ грады⁶⁵...

ПНЛ с.58 (990).

6499 (991) ...прииде Печенежский князь Кучюгъ иже нарицаются Измаилите къ Володимеру въ Киевъ и приать веру Греческую⁶⁶ и крестися...и служаше Володимеру...и много на поганыхъ⁶⁷ одоление показа...

ПНЛ с.64; МЛ с.48 (990).

6500 (992). Иде [в] на Хорваты пришедшо бо ему с воины Хорватския и се Печенеги придоша по онои стороне от Сулы Володимеръ же поиде противу имъ и срете и на Трубе-

⁵⁸ Киевский князь с 972 по 980 г.

⁵⁹ Очевидно, Ярополку удалось захватить в заложники членов правящего печенежского рода, и печенеги были вынуждены платить дань.

⁶⁰ Рота – клятва, договор.

⁶¹ Имеется в виду государство Волжская Булгария.

⁶² Уоемъ – дядею. Добрыня был братом матери князя Владимира.

⁶³ Имеются в виду волжские булгары.

⁶⁴ Востри – р. Остер.

⁶⁵ Имеются в виду пограничные крепости.

⁶⁶ Вера Греческая – православие.

⁶⁷ Погаными на Руси называли язычников.

жи ни броне иде ныне Переяславль и ста Володимеръ на сеи стороне а Печенежи на онои и не смяху си на ону страну ни они на сю страну И приеха князь Печенежскый к реке в[з]важ Володимера и ре ему выпусти ты свои мужъ а я свои да ся борета да аще ли нашъ мужъ оударить да воюемъ за три лета и разидостася разно... и оудаи Печенежина в руку до смерти и оудари имъ о землю и кликнуша и Печенежи побегоша и Русь погнаша по них секуще и прогнаша я... заложу городъ на броте томъ и наре и Переяславль⁶⁸ ...

ЛЛ ст.122–124; ПНЛ с.64–66 (Того же лета посла Володимеръ на Печенеги и одолеша имъ... [далее события под 995 г.]); НЛ МИ с.166; ИЛ ст.106–108 (993); С1493 с.215–216 (993); С1495 с.314 (993); РЛ ст.16 (993); ТС ст.115–116 (993); ВПЛ с.31 (993); МЛС с.366 (993); С1497 с.18 (993); УЛ с.173 (993); МЛ с.49 (993); РДЛ с.55–56 (993); ХЛ с.29 (993).

6504 (996) ...по сих же придоша Печенежи к Василеву (и Володимеръ с малою дружиною изыде противоу) и съступившися и не могъ стерпети противу подьбегъ ста подь мостом одва оукрыся противных и тогда обещася Володимеръ постави црковь Василеве стаг Преображенья...

ЛЛ ст.124–125; ПНЛ с.66 (998); НЛ МИ с.166; ИЛ ст.109; ТС ст.117; ВЛ с.39; МЛС с.367; С 1497 с.18; УЛ с.173.

6505 (997). Володимеру же шедшо Новугороду по верховъние вое⁶⁹ на Печенеги бе бо рать велика бес перестани В се же время оуведеша Печенежи яко князя нету придоша и сташа около Белагорода и не даяху вылести из города и бы гладь великъ в городъ и не бе лзе Володимеру помочи не бе бо вои оу него Печенежъ же множество много и оудолжися остоя в городе и бе гладь великъ и створиша вече в городе и реша се оуже хочемъ померети от глада а от князя помочи нету... и рче имъ сберете аче и по горсти овса или пшенице ли отрубъ они же шедше ради снискаша и повеле ископати колодязь и встави тамо кадъ и нальяти цежа кадъ⁷⁰ и повеле другыи колодязь ископати и вставити тамо меду лукно⁷¹ бе бо погребено в княжи медуши⁷² и повеле росытити⁷³ велми и вълъяти в кадъ в друземъ колодязи оутро же повеле послати по Печенеги и горожане же реша шедше к Печенегом поимете к собе таль нашъ а вы поидете до «1» (10) мужъ... и почерпоша ведромъ и льяша в латки [котлы] яко свариша кисель и поимше придоша с ними к другому кладезю и почерпоша сыты и почаша ясти сами первое... и варивше яше князи Печенежстии и подившиася и поимще тали своя и онехъ пустивше вьсташа от града въ своя си идоша...

ЛЛ ст.127–129; ПНЛ с.67 (999); ИЛ ст.112–114; С1493 с.218–219; С1495 с.314; ТС ст.119–120; ВЛ с.39; МЛС с.368; С 1497 с.18; МЛ с.49; РДЛ с.57; ХЛ с.30.

Половцы

6508 (1000). Прииде Володаръ съ Половцы къ Киеву... Володимеру же тогда въ Переяславце на Дунаи и бысть смятение велие въ Киеве и изыде ношью во стретение имъ Александръ Поповичъ и уби Володаря и брата его и иныхъ множество Половецъ изби а иныхъ въ поле прогна⁷⁴ ...Того же лета преставися Рагдай Удалой⁷⁵ яко наезжаше сей на триста воинъ и плакася по немъ Володимеръ и погребе его съ отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтомъ...

ПНЛ с.68.

⁶⁸ Город Переяславль возле Днепра.

⁶⁹ *Верховьем* называлась Новгородская земля.

⁷⁰ Кадъ – кадушка.

⁷¹ Лукно – лукошко.

⁷² Медуша – винный погреб.

⁷³ Росытити – размешать.

⁷⁴ Летописная дата не соответствует действительности. Под 1000 г. описаны события 1123–1124 гг., когда войска Ярослава Святополковича, Володаря и Василько Ростиславичей осадили владения Андрея Доброго (Мономаховича).

⁷⁵ Рагдай принадлежал к высшим слоям печенежского общества, находящимся на службе Русского государства.

Печенеги

6509 (1001). Александръ Попович⁷⁶ и Янъ Усмошвецъ⁷⁷ убивый Печенежскаго богатыря избиша множество Печенегъ и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Киевъ къ Володимеру приведоша...

ПНЛ с.68.

6512 (1004). Идоша Печенези на Бельградъ Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенези ж слышавше побегоша въ поле... убиень бысть Темиръ князь Печенежский отъ своихъ сродникъ...

ПНЛ с.68.

6523 (1015) ...Володимеру бо разболевшюся в се же время бяше оу него Борисъ⁷⁸ Печенегом идущемъ на Русь посла противу имъ Бориса... Борису же възвратившюся съ вои не обретшю Печенегъ...

ЛЛ ст.130–132; ПНЛ с.69–70; Н1Л МИ с.168–169; ИЛ ст.115 (...и ста на Альте...); РДЛ с.58 (Олте); ХЛ с.30 (Алте); ВЛ с.40; МЛС с.368; С 1497 с.19; УЛ с.173 (Алта); НЛ с.23; С1493 с.224; ТС ст.121 (1014) (...приехалъ бе къ нему Борисъ сынъ его изъ Ростова...); ВПЛ с.31.

Печенеги

6523 (1015) ...слышавше се Стополкъ⁷⁹ идуща Ярослава⁸⁰ пристрои бе-числа вои [Роус и Печенегъ] и изыд противу емоу к Любичю об онъ поль Днепра а Ярославъ объ сю...

ЛЛ ст.141; ПНЛ с.75; ИЛ ст. 115–128; РДЛ с.58–62; НЗЛ с.209.

6524 (1016) ...бо бе оуже в заморозъ Стополкъ стояше межи двема озерома и всю ночь пиль бе с дружиною своею Ярославъ же заоутра исполчивъ дружину свою противу свету перевеса и выседе на брегъ отринуша лодье от берега и поидоша противу себе и ступишася на месте быс сеча зла и не бе лзе озеромъ Печенегомъ помагати и притиснуша Стополка с дружиною къ [о]зеру и вступиша на ледъ и обломися с ними ледъ и одалати нача Ярославъ (видев Стополкъ и побеже и одоле Ярослав) Стополкъ же бежа в Ляхы...

ЛЛ ст.141–142; ПНЛ с.75, Н1Л СИ с.15; Н1Л МИ с.175; ИЛ ст.129; С1493 с.225; ТС ст.136; НЗЛ с.209–210; ВЛ с.42; МЛС с.372; С1497 с.19; УЛ с.174, РДЛ с.62.

6525 (1017). Того же лета приидоша Печенези къ Киеву и всекошася въ Киевъ и едва къ вечеру одоле Ярославъ и победи Печенеги и отбегоша...

ПНЛ с.75; МЛС с.372; С1497 с.19; УЛ с.174; С1493 с.225; С1495 с.315; ТС ст.136; НЗЛ с.210.

6526 (1018) ...и избиша Ляхы Болеславъ⁸¹ же побеже ис Кыева възма именье и бояры Ярославле и сестре его и Настаса пристави Десятиннаго ко именью бе бо ся ему ввериль лествю и людии множество веде с собою и города Червеньскыя⁸² зая себе и приде в свою землю Стополкъ же нача княжити Кыеве и поиде Ярославъ на Стополка и бежа Стополкъ в Печенеги....

ЛЛ ст.143–144; ПНЛ с.76; ИЛ ст.130–131; С1493 с.226; РЛ ст.17; ТС ст.138; ВЛ с.42–43; МЛС с.373; С1497 с.19–20; УЛ с.174; РДЛ с.62–63; СР с.12.

⁷⁶ Первое упоминание о легендарном богатыре Алеше Поповиче.

⁷⁷ Ян Усмошвец – представитель старшей дружины князя Владимира Святославича.

⁷⁸ Борис князь Ростовский был убит Святополком Окаянным в 1015 г. и причислен к лику святых.

⁷⁹ Киевский князь Святополк (1015–1019), прозванный летописцами «Окаянным».

⁸⁰ Ярослав Мудрый (1019–1054) при отце Владимире Святославовиче был князем новгородским. После разгрома Святополка Окаянного стал киевским князем.

⁸¹ Болеслав I Храбрый (992–1025) польский князь, с 1025 г. польский король, тесть киевского князя Святополка Окаянного.

⁸² Города между Бугом и Днестром.

6527 (1019). Приде Стополкъ с Печенеги в силе тяжьце и Ярославъ собра множество вои и възиде противу ему на Лъто [Олото]⁸³ ... и покрыша поле Летское обои от множества вои бе же пятокъ тогда възходящю слнцю и сступишася обои быс сеча яка же не была в Руси и за руки емлюче [за ру емлючися] сецяхуся и сступашася трижды яко по Удольемъ крови теши [текущи]. К вечеру же одоле Ярославъ и Стополкъ бежа...

ЛЛ ст.144–145; ПНЛ с.76; ИЛ ст.132; ВЛ с.43; С1497 с.20; УЛ с.174; НЛ с.24; С1493 с.226; С1495 с.315; РЛ ст.17; ТС ст.138–139; ВПЛ с.32; РДЛ с.63; СР с.12; Н1Л МИ с.175 (1016).

6528 (1020). Того же лета приходиша Печенеги и много зла сътвориша и поидоша въ своа...

ПНЛ с.77.

Хазары

6531 (1023). Поиде Мъстиславъ⁸⁴ на Ярослава с Козары и съ Касоги...

ЛЛ ст.147; ПНЛ с.78; ИЛ ст.134; ВЛ с.44; МЛС с.374; С1497 с.20; УЛ с.175; НЛ с.25; С1493 с.228; ТС ст.143; ВПЛ с.41; РДЛ с.64; ХЛ с.34.

Печенеги

6544 (1036). Ярославу же сущю Новгороде вестъ приде ему яко Печенеги остоятъ Кыевъ. Ярославъ събра вои многъ Варягы и Словени приде Кыеву и вниде в городъ свои и бе Печенегъ бещисла. Ярославъ выступи из града и исполчи дружину [и] постави Варягы посреде а по правей стороне Кыяне а по левемъ криле Новгородци [и] сташа пред градомъ. Печенеги приступиша и почаша и сступишася на место идеше стоять ныне стая Софья митрополья Русская бе бо тогда поле вне града и быс сеча зла и одва одоле к вечеру Ярославъ и побегша Печенеги разнo и не ведяхуся камо бежати [ове бежаще] тоняху въ Сетомли ине же въ инехъ рекахъ а прокъ ихъ пробегоша и до сего дне...

ЛЛ ст.150–151; ПНЛ с.80 (1033); ИЛ ст.138–139 (1034); ВЛ с.44, (1033); МЛС с.376; С1497 с.21; УЛ с.175; НЛ с.25 (1034); С1493 с.229 (1033); С1495 с.316; ТС ст.147; ВПЛ с.42 (1034); МЛ с.49; РДЛ с.65; ХЛ с.35.

Торки

6562 (1054) ... В се же лето иде Всеволодъ на Торкы [зиме к Воиню] и победи Торкы...

ЛЛ ст.162; ПНЛ с.91 (1055); ИЛ ст.151; (1055); РДЛ с.69; ВЛ с.4.

Половцы

6562 (1054) ... В сем же лет приходи Болушь с Половци и створи Всеволодъ миръ с ними и возвратишася [Половци] вспять отнюду же пришли...

ЛЛ ст.162; ПНЛ с.91 (1055); Н1Л МИ с.182 (1055); ИЛ ст.151 (1055); РДЛ с. 69; ХЛ с.36 (1055); НЛ с.26 (1055); ТС ст.152 (1055); ВПЛ с.43 (1055); ВЛ с.46; МЛС с.379 (1055).

Торки

6568 (1060). В семь же ле Изяславъ и Стославъ и Всеволодъ и Всеславъ совокупиша вои бещислены [и] поидоша на конихъ и в лодяхъ бещислено множество на Торкы се слышавше Торцы оубояшася пробегоша и до сего дне и помроша бегаючи Бжымъ гневомъ гоними ови от зимы друзии же гладомъ ини же моромъ...

ЛЛ ст.163; ПНЛ с.91–92 (1059); Н1Л МИ с.183; ИЛ ст.151–152; МЛ с.53; РДЛ с.70; ХЛ с.36; НЛ с.26; С1493 с.231; С1495 с.317; ТС ст.153; ВПЛ с.43; ВЛ с.47 (1059); ЛС с.380; УЛ с.176; С1497 с.21.

⁸³ Лъто, или Олото – р. Альта.

⁸⁴ Мстислав Владимирович с 987 по 1024 г. князь тмутараканский, а с 1024 по 1036 г. князь черниговский. При нем по договору с Ярославом Мудрым Русская земля была поделена между ними по Днепру.

Половцы

6569 (1061). Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать. Всеволодъ же изиде противу имъ мсца деврала въ «В» (2) днь. И бившимся имъ победиша Всеволода и воевавшие отидоша се быс первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ быс же князь ихъ Искаль [Соколь]...

ЛЛ ст.163; ПНЛ с.92 (1060); Н1Л СИ с.17; ИЛ ст.152; ВЛ с.47 (1060); МЛС с.380; С1497 с.21; УЛ с.176; НЛ с.26; РЛ ст.18; ТС ст.153 – 154; ВПЛ с.43; РДЛ с.70; ХЛ с.36.

6576 (1068). Придоша иноплеменьници на Русьску землю Половци мнози. Изяславъ же и Стославъ и Всеволодъ изодоша противу им на Лъто [Олто]. И бывши ноши подыдоша противу собе грех же ради нашихъ пусти Бъ на ны поганья и побегоша Русьскыи князи и победиша Половци Изялаву же со Всеволодомъ Киеву побегшу а Стославу Чернигову... людье же высекоша Всеслава⁸⁵ ис поруба⁸⁶ въ «Е»(5) днь семтября... Посемь же Половцемъ воюючи около Чернигова. Стославъ же собравъ дружины неколико [несколко] изиде на нь ко Сновьску [Сновенску] и оузреша Половци идущъ полкъ пристроишася противу и видевъ Стославъ множество ихъ и рче дружине своей потягнемъ оуже нам не лзе камя сы дети [и] оудариха в коне и одоле Стославъ в трех тысячахъ [у трех тысящъ] а Половец бе «В1» (12) тысяче... тако бьема а друзии потопоша въ Сньви [Снови] а князя ихъ яша рукама въ «А» (1) днь ноября...

ЛЛ ст.169–172; ПНЛ с.94–96; Н1Л СИ с.17; Н1Л МИ с.188–190; ИЛ ст.156–161; ВЛ с.47 (1067); МЛС с.381; С1497 с.22, УЛ с.176; НЛ с.26; С1493 с.231; С1495 с.317; РЛ ст.18; ТС ст.159; ВПЛ с.44; МЛ с.54 (1067); РДЛ с.71 (1067); ХЛ с.37.

6579 (1071). Воеваша Половци оу Растовьця и оу Ятина (Неятина)...

ЛЛ ст.174; ПНЛ с.96; Н1Л МИ с.191; ИЛ ст.164; ВЛ с.48; МЛС с.382; НЛ с.27; ТС ст.160; ВПЛ с.44; РДЛ с.74.

6586 (1078) ...приведе Олегъ⁸⁷ и Борисъ⁸⁸ поганья на Русьскую землю и поидоста на Всеволода с Половци Всеволодъ же изиде противу има на Съжице [Сожици] и победиша Половци Русь и мнози оубьени быша ту оубьень быс Иванъ Жирославичъ и Туки Чюдинъ братъ [и] Поряни мнози и ини мнози [мсца авгоу] въ «КЕ» (25) Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову мняще одолевше а земле Русьскеи много зла створше...

ЛЛ ст.200; ПНЛ с.107; Н1Л СИ с.18 (Бежа Олегъ Тьмутороканю и приведе Половче и победи Всеволода на Съжичяхъ); Н1Л МИ с.201; ИЛ ст.190–191; ВЛ с.49; МЛС с.11; С1497 с.23; УЛ с.177; ТС ст.173–174; РДЛ с.82; ХЛ с.39.

...Всеволодъ же приде к брату... своему Изяславу Киеву... и се рче оутеши Всеволода и повеле сбирати вой от мала до велика и поиде Изяславъ съ Ярополкомъ снмъ⁸⁹ своимъ и поидоша к Чернигову... Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ от Стрежени и отя врата и отвориша градъ околнии и пожгоша... и бывшимъ имъ на месте оу села на Нежатине ниве и ступившимся обоимъ быс сеча зла первое оубиша Бориса сна Вячеслава похвалившася велми Изяславу же стоящу въ пешщихъ и внезапно приехавъ единъ оудари и копьемъ за плече тако убьень быс Изяславъ... побеже Олегъ въ мале дружине и одва оутече бежа Тмутороканю [къ Роману въ Казары и Половци]...

ЛЛ ст.201–202; ПНЛ с.108; Н1Л СИ с.18; Н1Л МИ с.201; ИЛ ст.192–193; ВЛ с.49; С1497 с.23; УЛ с.177; РДЛ с.82; ХЛ с.39.

⁸⁵ Всеслав Брючиславович – князь полоцкий (1044–1101).

⁸⁶ Поруб – холодная изба (тюрьма).

⁸⁷ Олег Святославович черниговский (1073–1115), прозван летописцами «Гореславичем» за частое использование половцев в княжеских междоусобицах.

⁸⁸ Борис Вячеславович (1057–1078), сын смоленского князя Вячеслава Ярославовича и немецкой графини Штаденской.

⁸⁹ Ярополк Изяславович – князь вышегородский, туровский, владими́ро-во́лыньский (1077–1087).

6587 (1079). Приде Романъ⁹⁰ с Половци къ Воину Всеволодъ же ста оу Переяславля и створи мир с Половци и възвратися Романъ с Половци възпятъ [и] бывшую ему оубиша и Половци мца августа «К» (20)...

ЛЛ ст.204; ПНЛ с.109; НЛ СИ с.18; НЛ МИ с.201; ИЛ ст.195; ВЛ с.49, МЛС с.12; С1497 с.23; УЛ с.177; НЛ с.27; ТС ст.175; ВПЛ с.44; РДЛ с.83; ХЛ с.39.

Торки

6588 (1080). Заратишася Торци Переяславъстии на Русь. Всеволодъ же посла на ня сна своего Володимера⁹¹. Володимеръ же шедъ победи Търкы...

ЛЛ ст.204; ПНЛ с.110; ИЛ с.49, МЛС с.12; ТС с.175; РДЛ с.83; ХЛ с.39.

Половцы

6590 (1082). Осень оумре Половечьскыи князь...

ЛЛ ст.205; ПНЛ с.110; ИЛ ст.196; ВЛ с.49; РДЛ с.83.

Хазары

6591 (1083). Приде Олегъ из Грекъ Тмутороконю и я Двда⁹² и Володаря Ростиславича⁹³ и седе Тмуторокани [и] исече Козары иже беша светници на оубье[нъе] брата его и на самого а Двда и Володаря пусти...

ЛЛ ст.205; ПНЛ с.110; ИЛ ст.196; ВЛ с.49; МЛС с.12; С1497 с.23; УЛ с.178; НЛ с.27; ТС ст.175; ВПЛ с.45; РДЛ с.83.

Половцы

6600 (1092) ...и рать велика бяша от Половецъ и отвсюду взяша «Г» (3) грады Песочень Переволоку [Прилуку] и многа села воеваша по обема странама...

ЛЛ ст.215; ПНЛ с.119 (1094); ИЛ ст.206; ВЛ с.50; МЛС с.14 (...лето же то бяше ведрено вельми яко земля изгараше и мнози боры и болота възгарахуся, от Половецъ же рать бе велика...); РДЛ с.87; СР с.131.

В се же лето воеваша Половци Ляхы с Василькомъ Ростиславичемъ⁹⁴...

ЛЛ ст.215; ПНЛ с.119 (1094); ИЛ ст.206; ВЛ с.50; МЛС с.14; РДЛ с.87.

Половцы и торки

6601 (1093). В се время поидоша Половци на Русьскую землю слышавше яко оумерль есть Всеволодъ послаша слы къ Стополку⁹⁵ о мире. Стополк же не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего но светъ створи с пришедшими с нимъ [и] изъймавъ слы всажа и выстобку⁹⁶ слышавше же се Половци почаша воевати и придоша Половци мнози и ос-

⁹⁰ Роман Святославович – князь тмутараканский (1077–1079), брат Олега Святославовича.

⁹¹ Владимир Мономах (1066–1125) – князь ростовский, смоленский, черниговский, переяславский. Киевский князь с 1113 по 1125 г.

⁹² Давыд Игоревич (1081–1113) – князь тмутараканский с 1081 по 1083 г.

⁹³ Володарь Ростиславович – сын Ростислава Владимировича перемышле-галицкого и венгерской королевны. Пытался укрепиться в Тмутаракани, где в 1038 г. княжил его отец.

⁹⁴ Василько Ростиславович (1085–1124) – князь теребовльский. Вместе с половцами перекрыл дорогу, связывавшую Западную Европу с Русью и Волжской Булгарией, что при неблагоприятных климатических условиях способствовало появлению в Европе «7 тощих лет» (голода), повлиявших на осуществление первых крестовых походов.

⁹⁵ Святополк II Изяславович (1069–1113). После смерти отца, Всеволода Ярославовича, Владимир Мономах по родовому праву передал ему киевский престол.

⁹⁶ Выстобка – баня.

тупиша Торцинский град. Стополкъ же пусти слы Половецские хотя мира и не всхотеша Половци мира и ступаша Половци воюючи. Стополкъ же поча сбирати вое хотя на не... Он же рче имею отрокъ своих «У» (700) иже могут противу имъ стати... Володимеръ же собра вое свои и посла по Ростислава брата своего Переяславлю веля ему помогати Стополку Володимеру же пришедшу Киеву... и поиде Стополкъ и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю⁹⁷ [и] придоша къ Стужьне Стополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на светъ... и преидоша Стугну реку бе бо наводнилася велми тогда Стополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ исполчивше дружину поидоша и идяше по десней⁹⁸ стороне Стополкъ на шюей⁹⁹ Володимеръ посреде же бе Ростиславъ [и] минуше Треполь преидоша валъ и се Половци идяху противу и стрелци пред ними нашимъ же ставшимъ межи валомъ поставиша стяги свои и поидоша стрелци из валу и Половци пришедше к валови поставиша стяги свое и налегша первое на Стополка и взломиша полкъ его. Стополкъ же стояше крепко побегоша людье не стерпяче ратных противленья и [послеже] побеже Стополкъ потомъ наступаша на Володимера и быс брань люта побеже и Володимеръ с Ростиславомъ [и] нача оутопати Ростиславъ... Володимеръ же побредь реку с малою дружиною мнози бо падоша от полка его и боляре его ту падоша и перешедь на ону сторону Днепра... пришедь Чернигову печалень зело Стополкъ же вбеже в Треполь и затворися ту до вечера и на ту ночь приде Киеву Половци же видевше здолевше пустиша по земли воююще а друзии възврѣтишася к Торцьскому... мца мая въ «КГ» (23)... Половцемъ же оседящемъ из града оубиваху многы от противных. Половци же начаша налегати и отъимаху воду и изнемагати начаша людье в граде водною жажею и голодомъ и прислаша Торци къ Стополку глше аще не пришлении брашна предатися имам. Стополкъ же посла имъ и не бе лзе вкратися в градъ множествомъ вое ратных [и] стояще около града недель «Д» (4). И разделишася надвое одина сташа оу града рать борюще а друзии поидоша Киеву [и] пустиша на воропъ межи Киевъ и Вышегородъ. Стополкъ же выинде на Желаню и поидоша противу собе обои и съступишася и оукреписа брань [и] побегоша наши пред иноплемьники [и] падаху язвени предъ врагы нашими и мнози погыбоша [и] быша] мертвы паче неже оу Треполя. Стополкъ же приде Киеву самъ третии а Половци возвратишася к Торцьскому быша си злая мца ноуля въ «КГ» (23)... опустеша села наша и города наши быхом бегаючи пред врагы нашими... иже избиша незаконнии Половци воеваша много и възратишася к Торцьскому и изнемогоша людье в граде гладомъ и предашася ратнымъ Половци же приемше град запалиша и огнем [и] люди разделиша и ведоша в веже к сердоболемъ своимъ и сродником своимъ...

ЛЛ ст.218–225; ПНЛ с.120–123 (1094); Н1Л СИ с.18; Н1Л МИ с.202; ИЛ ст.209–215; ВЛ с.51; МЛС с.15; С1497 с.23; УЛ с.178; НЛ с.27; ТС ст.122; ВПЛ с.45; РДЛ с.87–88; ХЛ с.39.

Половцы

6602 (1094) Сотвори миръ Стополкъ с Половци и поя себе жену дщерь Тугорканно¹⁰⁰ князя Полвецкаг...

ЛЛ ст.226; ИЛ ст.216; С1497 с.23; УЛ с.178; ТС ст.182; РДЛ с.90; ХЛ с.39.

...Том же ле[те] приде Олегъ с Половци ис Тьмутороконя [и] приде Чернигову Володимеръ же затворися в граде Олегъ же приде к граду и пожже около града и монастыре пожже Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ и иде из града на столь отень Переяславлю а Олегъ вниде в град оца своего Половци же начаша воевати около Чернигова Олгови не взбранящю бе бо самъ повелель имъ воевати [се оуже третъее наведе поганья на землю Русьскую]...

ЛЛ ст.226; ПНЛ с.; ИЛ ст.216; ВЛ с.51; С1497 с.23; УЛ с.178; НЛ с.27; ТС ст.182–183; ВПЛ с.45; РДЛ с.90; ХЛ с.39.

⁹⁷ Город недалеко от Киева.

⁹⁸ Десней – правой стороне.

⁹⁹ Шуеи – левой стороне.

¹⁰⁰ Тугоркан – половецкий хан. При нем Полвецкая земля достигла наивысшего могущества.

6603 (1095). Идоша Половцы на Грькы с Девгеневицемь¹⁰¹ воеваша по Гречьстеи земли и цсрь яша Девгенича и повеле и слепити...

ЛЛ ст.226–227; ПНЛ с.123; ИЛ ст.217; ВЛ с.51; РДЛ с.90.

Половцы и торки

6603 (1095) ...В тож лет Придоша Половци Итларь и Кытань к Володимеру на мирь приде Итларь в градъ Переяславль а Кытань ста межи валома с вои и вда Володимерь Кытанови сна своего Стослава въ тали а Итларь быс въ граде с лепшею друженою в то же время бяше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Стополка [на некое орудие] и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером с погубленьи [И]тларевы чади... В ту ноцъ посла Володимерь Славяту с неколикою дружиною и с Торкы межи валы [и] выкрадше первое Стослава потомъ оубиша Кытана и дружину его избиша вечеру сущю тогда суботному а Итлареву в ту ноцъ лежащю оу Ратибора на дворе с дружиною своею и не ведуче что ся надъ Кытаномъ створи Наоутрия яже в нделю... пристрой Ратиборь отроки в оружьи [и] истобку пристави истопити имъ и присла Володимерь отрока своего Бяндюка по Итлареву чадъ и рче Бяндюкъ Итлареву зовет вы князь Володимерь рекль тако обувшеся в тепле избе [и] заутрокаваше оу Ратибора приедите ко мне и рче Итларь тако буди [и] яко влезоса въ истобку тако запрени быша възлезше на истобку прокопаша и верхъ и тако Ольбегъ Ратиборичъ приима лукъ свои и наложивъ стрелу оудари Итларя в срдце и дружину его всю избиша и тако зле испроверже животъ свои Итларь в нделю сыропусную въ час «А» (1) дне мсца девралья въ «КД» (24) днь Стополкъ же и Володимерь посласта къ Ольгови веляста ему поити на Половци с собою Олегъ же обещавався с нима и пошедъ не иде с нима в путь единъ Стополкъ же и Володимерь идоста на веже и взяста веже [и] полониша скоты и коне вельблуды и челядь и приведоста и в землю свою и начаста гневъ имети на Олга... се ты не шель еси с нама на поганья иже погубили суть землю Русьскую а се оу тебе есть Итларевичъ любо убии любо и даи нама то есть ворогъ [нама и] Русьстеи земли Олегъ же сего не послуша и быс межи ими ненависть...

ЛЛ ст.227–229; ПНЛ с.123–124; ИЛ ст.217–219; ВЛ с.51–52; МЛС с.15 (1093); С1497 с.24; УЛ с.178; ТС ст.183 (1094); РДЛ с.90–91.

...В се же ле Придоша Половци к Гургеву¹⁰² и стояше около его лето все и мало не взяша его Стополкъ же омири е Половци же не идоша на Рось Гюргевци же выбегоша и идоша Кыеву Стополкъ же повеле рубити городъ на Вытечеве холму в свое имя нарекъ Стополчъ городъ и повеле епспу Мрину [Мурину] съ Юргевци [Гургевци] сести ту и Засаковцемъ [Заковцемъ] и прочимъ от инехъ градъ а Гюргевъ зажгоша Половци тощъ сего же лета...

ЛЛ ст.229; ПНЛ с.123–124; ИЛ ст.217–219; ВЛ с.51–52; НЛ с.28; ВПЛ с.45; РДЛ с.90–91.

6604 (1096). В се же время приде Бонякъ с Половци к Кыеву. В нделю от вечера. И повоева около Кыева и пожже на Берестовемъ дворъ княжь. В се же время воева Куря с Половци оу Переяславля и оустье пожже мсца мая «КД» (24) днь...

ЛЛ ст.231; ПНЛ с.125; ИЛ ст.221; ВЛ с.53; МЛС с.16–17; С1497 с.24; УЛ с.178–179; ТС ст.184; РДЛ с.91.

...Сего же мсца приде Тугорканъ тестъ Стополчъ [к Переяславлю] мсца мая «Л» (30). И ста около града а Переяславъци затворишася в граде. Стополкъ же и Володимерь поидоста на нь по сеи стороне Днепра и придоста къ Зарубу [и ту] перебродистася и не очютиша

¹⁰¹ Византийский император Роман IV Диоген в битве при Манцикерте в 1071 г. был предан полководцем Андроником Дука и попал к туркам-сельджукам в плен. В летописи идет речь либо о самом Романи, выкупленном половцами после 20-летнего плена, либо о его потомке.

¹⁰² Гургеву – Юрьеву.

ихъ Половци... и исполчившеся поидоста к граду гражане же оузревше ради [быша и] поидоша к нима а Половци стояху на оной стороне Трубеже исполчившеся Стополкъ же и Володимеръ вбредоста в Трубежъ к Половцемъ Володимеръ же хоте нарядити полкъ [хоте Володимеръ порядити дружины] они же не послушаша но оудариха в коне к противнымъ се видевше Половци и побегоша а наши погнаша въ следъ ратныхъ секуще... мсца ноулия въ «Д1» (14) днь. Побежени быша иноплемьнци и князя ихъ оубиша Тугоркана и сна его и ини князи мнози врази наши ту падоша на заоутре же налезоша Тугоркана мертвого...

ЛЛ ст.231–232; ПНЛ с.125; ИЛ ст.221–229; ВЛ с.53; МЛС с.16–17; С1497 с.24; УЛ с.178–179; ТС ст.184; РДЛ с.91–94; ХЛ с.40 (1095).

...Приде второе Бонякъ... г Киеву внезапно и мало в градъ не въехаша Половци и зажгоша болонье¹⁰³ [попеску] около града и възвратишася в манастырь и възгоша Стефановъ манастырь и деревне и Герьманы¹⁰⁴ [германечъ] и придоша в манастырь Печерьскыи... И кликнуша около манастыря и поставиша стяга два пред враты манастырьскыи... высекоша врата манастырю и поидоша по кельямъ высекающе двери и износяху аще что обретаху в кельи... тогда же зажгоша дворъ красныи егоже поставиль блговерный князь Всеволодъ на холму нарецаемемъ Выдобычи то все оканнии Половци запалиша огнемъ...

ЛЛ ст.232–233; ПНЛ с.125; ИЛ ст.221–229; ВЛ с.53; МЛС с.16–17; С1497 с.24; УЛ с.178–179; ТС ст.184; РДЛ с.91–94.

Половцы, печенеги, торки

...Ищми бо суть си от пустыня Нитривьскыя [Евртвинскыя] межю востокомъ и севером ищбыи же суть ихъ колень «Д» (4) Тортьмени и Печенези Торци Половци. Мефодии же сведетельствует о нихъ яко «Н» (50) колень пробегли суть егда исече Гедеонъ [Гдеонъ] да «И» (8) ихъ убежа в пустыню... а «Д» (4) исече друзии же глють сны Амоновы се же нес тако снове бо Моавии хвалиси а снве Аммонови Болгаре а Срацини от Измаила творятся Сарини [Сарани]¹⁰⁵ и прозваша имена собе Саракыне рекше Сарини есмы... а Измаиль роди «В1» (12) сна от нихже суть Тортмени и Печенези и Торци и Кумани рекше Половци еже исходить от пустыне и по сихъ «И» (8) колень...

ЛЛ ст.234; ИЛ ст.221–229; МЛС с.16–17; РДЛ с.91–94.

Поучение Владимира Мономаха

...онъ иде Новугороду а я с Половци на Одрьскъ воюя та Чернигову... и возвах и к собе на обедъ со оцмъ в Чернигове на Краснемъ дворе и вдахъ оцю «Т» (100) грив золота и паки и Смолиньска же пришедъ и проидохъ сквозе Половечьскыи вои бьяся до Переяславля и оца налезохъ с полку пришедше тои паки ходихомъ том же ле со оцмъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ и победихомъ Бориса и Олга... а на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ есь и зъ шедъ с Черниговци и с Половци на Десне изымахомъ князи Асадука и Саоука и дружину ихъ избиша и на заоутрее за Новымъ Городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина а се мечи и полонъ весь отняхомъ а въ Вятичи ходихо по две зиме на Ходоту... том же ле гонихо по Половцихъ за Хороль иже Горошинъ взяша и на ту осень идохо с Черниговци и с Половци с Читеевичи к Меньску... и едучи к Прилуку городу и сретоша ны внезапно Половечьскыи князи «И» (8) тысячъ и хотехо с ними ради битися но оружье бяхомъ оуслали напередъ на повозехъ и внидохомъ в городъ... и бежали на Сулу тое ночи и заоутра на Гсжинъ днь идохо к Беле Вежи... избиша «Ц» (900) Половецъ и два князя яша Ба-

¹⁰³ Болонье – болота.

¹⁰⁴ Очевидно, немецкое поселение в окрестностях Киева.

¹⁰⁵ Сарини – сарацины. Так европейцы называли турок-сельджуков, родственников торкам-огузам. Интересно то, что летописцы отличают волжских булгар, как сыновей Амоновых, от кочевых тюрок – сарацин.

губарсова¹⁰⁶ брат Асиня и Сакзя а два мужа толко утекоста и потомъ на Стославль гонихо по Половцих и потомъ на Торческый городъ и потомъ на Гюргевъ по Половцих и паки на той же стороне оу Красна Половци победихом и потомъ с Ростиславом же оу Варина веже взяхом.... И по Стополце на Суле бившеся съ Половци до вечера быхом оу Халепа и потом мирь створихом с Тугорканомъ и со инеми князи Половечьскими и оу Глебови чади пояхом дружину свою всю и потом Олегъ на мя приде с Половечьскью землею к Чернигову и бишася дружина моя с нимъ «И» (8) днии о малу [греб]лю¹⁰⁷ не владуче имъ въ острогъ...и вдахъ брату оца своего оца место а самъ идо на оця своего место Переяславлю и внидохо на стго Бориса днь ис Чернигова и ехахо сквозе полкы Половечский не въ «Р» (100) дружине и с детми и с женами... и седехъ в Переяславли «Г» (3) лета и «Г» (3) зимы и с дружиною своею и многы беды прияхо от рати и от голода и идохо на вои ихъ за Римовъ и Бъ ны поможе избиша и а другия поимаша и паки Итлареву чадъ избиша и вежи ихъ взяхо шедше за Голтавомъ и Стародубу идохо на Олга зане ся бяше приложилъ к Половце и на Бъ идохо с Стополко на Боняка за Росъ и Смолинську идохо с Двдмъ смирившеся паки идохо другое с Воронице тогда же и Торци придоша ко мне ис Половецъ и Читеевичи идохо противу имъ на Сулу и потомъ паки идохо к Ростову на зиму и по «Г» (3) зимы ходихо Смолинску и се ныне иду Ростову и паки с Стополко гонихо по Боняце но ли оли оубиша и не постигохо ихъ и потом по Боняце же гонихо за Росъ и не постигохо его и на зиму Смолинску идохъ... Переяславлю пришедъ на ле собра братю и Бонякъ приде со всеми Половци къ Княтиню идохо за не ис Переяславля за Сулу и Бъ ны поможе и полькы ихъ победихо и князи взымахо лепшии и по Ржстве створихо мирь с А(е)пою и поим оу него дчерь идохо Смоленську и пото идо Ростову пришед из Ростова паки идо на Половци на Оурубю с Стополко и Бъ ны поможе и пото ходихо в воину с Стополко и пото паки на Донъ идохо с Стополко и с Двдмъ и Бъ ны поможе и пото паки на Боняка к Лубьну и Бъ ны поможе... и к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ хотша взяти и ко Ромну идо со Олгомъ и з детми на нь и они очитивше бежаша и пото к Меньску ходихо на Глеба... и мировъ есмь створилъ с Половечьскими князи безъ одного «К» (20) и при оци и кроме оца а дая скота много и многы порты свое и пустилъ есмь Половечскы князь изъ оковъ толико Шаруканя «В» (2) брата Багубарсовы «Г» (3) Овчины брате «Д» (4) а все лепшии князии инехъ «Р» (100) а самы князи Бъ живы в руце дава Коксусъ с снмъ Акланъ Бучевичъ Таревьский князь Азгулуи инехъ кметии молодых «Е1» (15) то техъ живы ведъ исекъ вметахъ в ту речку въ Славлии по чередам избъено не съ «С» (200) в то время лепших¹⁰⁸ ...

ЛЛ ст.246–256.

Угры и половцы

6607 (1099). (Володарь брат Василков воева против Давыда. Давыд бежа. Противоречия со Святополком приводят к войне, где Святополк побежден и его сын Ярослав бежал в Угры)... Двдъ бо в то чинъ же пришедъ из Ляховъ и посади жену свою оу Володаря а сам иде в Половце и устрете и Бонякъ и воротися Двдъ и пойдоста на Оугры идущема же има стаща ночлегу и яко быс полунощи и вставъ Бонякъ отъеха от вои и поча выти волчьскы и волкъ отвыся ему и начаша волци выти мнози¹⁰⁹. Бонякъ же приехавъ поведя Двдви яко победа ны е на Оугры заоутра и наутрия Бонякъ исполчи вои свое и быс Двдвъ вои «Р» (100) а оу самого «Т» (300) и раздели на «Г» (3) полкы и поиде къ Оугром и пусти на воропъ Алтунапу¹¹⁰ въ «Н» (50) чади а Двда постави подь стягом а самъ разделися на «В» (2) части по «Н» (50) стороне Оугри же исполчишася на заступы бе бо Оугръ числом «Р» (100) тысящъ Алтунопа же пригна къ «А» (1) му заступу¹¹¹ и стреливше побегнуша предъ Оугры Оугри же погнаша по них яко бежаше минуша Боняка и Бонякъ погнаше сека в тыль а Ал-

¹⁰⁶ Первое упоминание в русских летописях тюркского родового титула «багу» (ябгу).

¹⁰⁷ Гребля – ров, окружающий город.

¹⁰⁸ Лепших – лучших.

¹⁰⁹ Очевидно, родовым животным (тотемом) рода Боняка был волк.

¹¹⁰ Алтунапа – Алтын (золотой) – Аепа.

¹¹¹ Заступ – передовой отряд.

тунопа възвратяшеться вспять и не допустяху Оугръ опять и тако множецею оубивая сбиша е в мячь. Бонякъ же разделися на «Г» (3) полкы и сбиша Оугры акы в мячь яко се соколь сбиваетъ галице и побегоша Оугри и мнози истопоша в Вягру а друзии в Сану [и бежаше возле Санъ оу гору и спихаху другъ друга] и гнаша по них «В» (2) дни секуще ту же оубиша и пспа¹¹² ихъ Купана и от боляръ многы глху¹¹³ бо яко погыбло ихъ «М» (40) тысящ. Ярослав¹¹⁴ же бежа в Ляхы.

ЛЛ ст.270–271; ПНЛ с.135; ИЛ ст.235–247; ВЛ с.54–55; МЛС с.22–23; С1497 с.25; УЛ с.179–180; ТС ст.187–188; РДЛ с.95–99.

Половцы

6609 (1100) ...Томъ ле¹¹⁵ совокупишася вся братя Стополкъ Володимер и Двдъ и Олегъ Ярославъ брат ею¹¹⁶ на Золотъчи и прислаша Половци слы¹¹⁷ от все князии ко всеи брати просяще мира... да аще хошете мира да совокупимся оу Сакова и послаша по Половце и сняшася оу Сакова и створиша миръ с Половци и пояша тали межи собою мця се въ «Е1» (15) днь и разидошася раздно...

ЛЛ ст.25; ПНЛ с.137; ИЛ ст.250; ВЛ с.55; МЛС с.24; РДЛ с.100.

Половцы, печенеги, торки

6611 (1103). (Стополкъ, Володимеръ, Двдъ Стославичъ, Двдъ Всеславичъ, Мстиславъ Игоревъ внук, Вячеслав Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ)... и поидоша на конихъ и в лодьяхъ и придоша ниже порогъ и сташа в протолчех [въ протолчехъ] в Хортичем острове и вседоша на коне и пеши из лодей выше идоша в по «Д» (4) дни и придоша на Сутень. Половцы же слышавше яко идет Русь собрашася бе-щисла и начаша думати и рче Оурусоба... проси мира оу Руси... и реша оунеишии [молодые] Оурособе аще ты боишися Руси но мы ся не боимъ... поидоша Половци и послаша пред собою [в] стороже Алтунопу иже словяше в них мужством такоже. Русские князи послаша стороже свое оустерегоша Русские сторожеве Олтунопу и обиступивыше [оступиша] и оубиша Алтунопу и суцаша с ним и не избысть ни единъ но все избиша и поидоша полкове аки борове и не бе презрети ихъ и Русь поидоша противу имъ и Бъ великыи вложи оужасть велику в Половце и страх нападе на ня и трепеть от лица Русскихъ вои и дремаху сами и конем ихъ не бе спеха в ногахъ наши же с веселье на конехъ и пеши поидоша к ним Половци же видевше оустремленье Руское на ся не доступившю бо побегоша пред Русскими полки наши же погнаша секуща я дни «Д» (4) априля мца... и оубиша ту в полку князии «К» (20) Оурусобу, Кчия, Арьсланапуки, Танопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, [Кочия, Ярославаноу, Кунама, Куртока, Ченегрепа], Сурьбаря [Сурьбаръ] и прочая князии ихъ а Белдюзя яша... [и] приведоша Белдюзя к Стополку и нача Белдюзь даяти на собе злато и сребро и коне и скоть Стополкъ же посла и к Володимеру и пришедшю ему нача впрашати его Володимеръ то веде яла вы рота многажды бо ходивши роте воевасте Русскую землю то чему ты не казаше [не училь] снвъ своихъ и роду своего не преступати роты...да се буди кровь т воя на главе твоеи и повеле оубити и и тако расekoша и на оуды¹¹⁸... взяша бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды и веже с добытком и с челядью и заяша Печенеги и Торкы с вежами¹¹⁹ и придоша в Русь с полоном великым и с славою...

ЛЛ ст.277–279; ПНЛ с.138–139; Н1Л СИ с.19; Н1Л МИ с.203; ИЛ ст.252–255; ВЛ с.55; МЛС с.24–25; С1497 с.25; УЛ с.180; ТС ст.188–189; РДЛ с.101; ХЛ с.40.

¹¹² Пспа – епископа.

¹¹³ Глху – глаголяху (говоря).

¹¹⁴ Ярослав Святополкович (1100–1123) – князь владимирово-волинский.

¹¹⁵ Томъ ле – в том же году.

¹¹⁶ Ярослав Святославович Муромский – брат Давыда и Олега Святославовичей Черниговских.

¹¹⁷ Слы – послы.

¹¹⁸ Оуды – части.

¹¹⁹ Очевидно, борьба шла за возвращение печенегов и торков на Русскую землю.

6613 (1105). Того же лета пришедь Бонякъ зиме на Зарубе Торкы и Береньдее...

ИЛ ст.257.

6614 (1106). Воеваша Половци около Заречьска и посла по них Стополкъ Яна и Иванка Захарьича Козарина и оугониша Половце и полонь отяша...

ЛЛ ст.281; ПНЛ с.140; ИЛ ст.257; Н1Л СИ с.19; Н1Л МИ с.203; НЛ с.29 (1105); ВПЛ с.47; РДЛ с.102; ХЛ с.40.

6615 (1107). Преставися Володимеря мца мая въ «3» (7) днь то тож мця воева Бонякъ и зая коне оу Переяславля...

ЛЛ ст.281; ИЛ ст.258 (1106); РДЛ с.102.

...То же ле приде Бонякъ и Шарукань старьи и ини князи мнози и сташа около Лубьна Стополкъ же и Володимерь и Олегь, Стославъ Мстиславъ Вячеславъ Ярополкъ¹²⁰ идоша на Половци къ Лубну и въ «Г» (3) час дне бродишася чресь Сулу и кликнуша на них. Половци же оужасошася от страха не възмогаша ни стяга поставити но побегоша хватающе кони а друзии пеши побегоша же почаша [ша] сечи женуци я [женуцаа] а другые рукама имати и гнаша поли до Хорола оубиша же Таза Бонякова брата а Сугра яша и брата его а Шуркань едва оутече отбегоша же товара своего еже взяша Русский вои мца август въ «В1» (12) и възвратишася в своя си с победою великою...

ЛЛ ст.281–282, ПНЛ с.140–141; ИЛ ст.258–259 (1106); ВЛ с.56; С1497 с.25 (1106); УЛ с.180 (1106); ТС ст.189; ХЛ с.40.

...Томъ ле того иде Володимерь и Двдъ и Олегь¹²¹ къ Аепе и [ко] другому Аепе и створиша мирь и поя Володимерь за Юргя¹²² Аепину дщерь Осеневу внуку а Олегь поя за сна Аепину дщерь Гиргенеу внуку [Гиргенеу внуку] мца генвар «В1» (12) днь...

ЛЛ ст.282–283; ПНЛ с.140–141; ИЛ ст.258–259; ВЛ с.56; С1497 с.25; УЛ с.180; ТС ст.189; РДЛ с.102.

6617 (1109). В то же ле мца декаб въ «В» (2) днь Дмитръ Иворовичъ взя веже Половечские оу Дону¹²³...

ЛЛ ст.283–284; ПНЛ с.141; ИЛ ст.260; ВЛ с.56 (1108); РДЛ с.103; ХЛ с.40.

6618 (1110). Идоша весне на Половце Стополкъ и Володимерь [и] Двдъ и дошедше Воиня и вортишася...

ЛЛ ст.284; ПНЛ с.141; ИЛ ст.260; ВЛ с.56; РДЛ с.103.

6619 (1111). Идоша весне на Половце Стополкъ Володимерь Двдъ¹²⁴ и дошедше Воиня и вортишася...

ЛЛ ст.289; ВЛ с.56.

6620 (1112). Идоша на Половце Стополкъ Ярославъ Всеволодъ Володимерь Стославъ Ярополкъ Мстиславъ Двдъ Стославичъ с снмъ Ростиславом Олговичъ [и Олговичъ] Двдъ Игоревичъ и доидоша града Осенева и Сугрова¹²⁵ вземше веже Половечские и бишася

¹²⁰ Святополк II Изяславович, Владимир Мономах, Олег Святославович и сыновья Владимира Мономаха Святослав, Мстислав I, Вячеслав, Ярополк.

¹²¹ Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославовичи.

¹²² Юргя – Юрий Долгорукий.

¹²³ Сообщение свидетельствует о половецких междоусобицах с привлечением войск русских князей. Очевидно, Дмитр Иворович повоевал вежи половецев Гиргеновых – противников рода Осеневых.

¹²⁴ Святополк II Изяславович, Владимир Мономах, Давыд Святославович.

¹²⁵ Половецкие гг. Осенев (Шарукань) и Сугров названы в честь половецких ханов, упоминавшихся в летописях под 1082 (Осень) и 1107 (Шарукань и Сугра) гг. Наиболее древним городом являлся Осенев. Половецкие города переименовывались в зависимости от имени правящего хана.

с Половци на Сальне реце¹²⁶ мца марта въ «КД» (24) день и победоша Половце Русский князи...

ЛЛ ст.289; ПНЛ с.142; НЛ СИ с.20 (1111); НЛ МИ с.203 (1111); ИЛ ст.266–273; РДЛ с.103; ХЛ с.40; НЛ с.29 (1107); ТС ст.190 (1111); ВПЛ с.47 (1107); ВЛ с.57; МЛС с.26 (1105); С1497 с.25–26 (1111); УЛ с.180 (1111).

6621 (1113). Слышавше же Половце смерть Стополчю и съвокупившесе и придоша къ Выры. Володимеръ же совокупивъ сны свои и сыновце иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ. Половце же бежаша...

ИЛ ст.276.

Половцы, торки, печенеги

6622 (1114). В се же лето бишяся Половци с Торки и с Печенеги у Дона и секошася у Дона два днии и две ноши и приидоша Торци и Печенези к Володимеру¹²⁷...

МЛС с.27; ИЛ ст.284 (1116).

Половцы

6624 (1116). В том же ле Ярополкъ ходи на Половчскую землю к реце зовомеи Донъ и ту взя полонъ много и «Г» (3) города взяша Половечские Галинь Чешоевъ [Балинь, Чевшлюевъ]¹²⁸ и Сугровъ и приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню...

ЛЛ ст.291; ПНЛ с.150; ИЛ ст.284; РДЛ с.104; ХЛ с.41; ВЛ с.57; МЛС с.27.

Половцы, болгары

6625 (1117) ...тогда же придоша Половци къ Болгаромъ¹²⁹ и высла имъ князь Болъгарьский пити съ отравою и пивъ Аепа¹³⁰ и прочии князи вси помроша...

ИЛ ст.285; МЛС с.28.

Половцы

6625 (1117) ...в се же лето поя Володимеръ за Андрея¹³¹ внуку Тугъртъканову¹³²...

ИЛ ст.285; ПНЛ с.150 (1118); ТС ст.192; МЛС с.28; С1497 с.26; УЛ с.181.

Половцы, болгары

6628 (1120). Ярославъ [Ярополкъ]¹³³ ходи на Половци за Донъ и не обреть ихъ вороти опять и Георги брат его¹³⁴ ходи на Болгары и взя полонъ много и полкъ ихъ победи...

ЛЛ ст.292; ПНЛ с.151; РДЛ с.104; ХЛ с.41 (ходи на Болгары по Волзе); ВЛ с.58.

Торки, берендичи, печенеги

6628 (1120) ...В то же ле бежаша Торци Берендичи¹³⁵ из Руские земли и тако мятушесе зде [и] онде и тако [отъиде] погыбоша¹³⁶...

ЛЛ ст.292; ПНЛ с.151; ИЛ ст. 286 (1121), РДЛ с.104; ВЛ с.58; МЛС с.28 (1121).

¹²⁶ Приток Дона.

¹²⁷ Подвластные половцам роды печенегов и торков переходят на службу к новому хозяину.

¹²⁸ У половцев при смене правящего лица менялось и название родового центра города. Чевшлюев, согласно данным русских летописей, раньше именовался Шаруканевым. Указание на три половецких города говорит о трех племенах половцев, объединившихся в союз.

¹²⁹ Волжские болгары.

¹³⁰ По всей видимости, это был Аепа Осенев, находившийся в родстве с Мономаховичами.

¹³¹ Андрей Добрый (1119–1141) – князь Переяславля Южного, сын Владимира Мономаха.

¹³² Владимир Мономах добивается лидерства над половцами за счет браков своих сыновей с половецкими княжнами из правящих династий.

¹³³ Ярополк II Владимирович – князь киевский с 1132 по 1139 г., сын Владимира Мономаха.

¹³⁴ Юрий Долгорукий.

¹³⁵ Берендичи представляли выделившийся из торкского этноса правящий род.

¹³⁶ Родство с правящими половецкими родами влияло на отказ от помощи оседлых печенегов, торков и берендеев.

Половцы

6628 (1120) ...тогда же посла Володимерь Андрея¹³⁷ с поганьми¹³⁸ на Ляхы и повоеваша е...

ИЛ ст.286.

Угры

6631 (1123) ...приеде князь Ярославецъ сынъ Святополковъ внукъ Изяславовъ... ко граду Володимерю на князя Андреа Володимерова сына Манамахова... съ множествомъ вой съ Угры и Ляхы и съ Чяхи и Пиняны и съ Ростиславци, Володарь и Василко и обступиша множество вой князи Онъдреа во граде Володимери...

ПНЛ с.151; ИЛ ст.287 (1124); С1497 с.26; УЛ с.181; ХЛ с.43.

Торки, половцы

6633 (1125) (умер Владимир Всеволодичъ Манамах). И седе Кыеве Мстиславъ снъ его стареишии... а Ярополкъ брат его иде Переяславлю Пото же оуслышавше Половци... присунушася вборзе и наворопиша изгоном къ Барочю и ко Бронь князю хотящю полонити Торкы проклятыя и с теми повоевати Русску землю¹³⁹... Ярополку бо вестъ есть и въгна Торкы в городъ тое ночи и егда воротишася опять Половци князь же Ярополкъ оукрепивъся Бьею помощю... не жеде иное помощи ни брата... токмо с Переяславци своими испостиже я оу Полкъстения [Полькостеня] и воротишася Половци и поидоша исполчившеся противу... Ярополкъ призвавъ имя Бье и оца своего помянувъ дерзну с дружиною своею и победи поганья... а друзии истопоша в реках и тако воротися князь Ярополкъ...

ЛЛ ст.295–296; ИЛ ст.289–290 (1126); ПНЛ с.153–154; ВЛ с.58–59; РДЛ с.105; ХЛ с.42.

Половцы

6635 (1127) В се ле[то] въгна Олговичъ Всеволодъ своего стры[я]¹⁴⁰ Ярослава ис Чернигова и дружину его исече и разграби Мстислав же съ Ярополко совокуписта вое хотяще ити на Всеволода про Ярослава и Всеволодъ послася [посла] по Половце и приде ихъ «З» (7) тысящ со Селукомъ [со Оселукомъ] и с Ташемъ и сташа оу Ратьмире дубровы за Выреми послали бо бяхуть послы ко Всеволоду и не пропустиша ихъ опять Ярополчи бо бяхуть посадници по всеи Семи и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьске и изымаша послы ихъ на Локне и приведоша и къ Ярополку и Половци не взявше вести от Олговичъ сотснущеси [с бегом] возвратишася Мстиславу же боле налегающю на Всеволода река ему повель еси Половци и не оуспель еси ничтоже...

ЛЛ ст.296–297; ПНЛ с.154; ИЛ ст.290–291(1128); ВЛ с.59; МЛС с.30; РДЛ с.106.

Торки

6635 (1127) ...В то ле посла князь Мстиславъ братю свою на Кривиче четырма пути... а Всеволоду Олговичю повеле ити с своею братею на Стрежевь к Борисову и Ивана Воитишича туже посла с Торкы и сна своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла...

ЛЛ ст.297–298; ПНЛ с.154; ИЛ ст. 291–292; ВЛ с.59.

¹³⁷ Владимир Мономах послал сына Андрея Доброго с половцами на поляков.

¹³⁸ Подразумеваются половцы. Андрей Добрый находился в родстве с родом Осеневых.

¹³⁹ Очевидно, недовольство торков используют борющиеся за власть половецкие роды, возглавляемые Гиргеновичами.

¹⁴⁰ Стрия – дядя по отцу.

Половцы

6637 (1129) ...И разгневался на ня Мъстислав¹⁴¹ и хоте на них ити но нелзе тогда Половци бо налегаша на Русскую землю и тамо стояшеть бьяся и перемагаяся с ними...

МЛС с.31.

...Володимеръ бо самъ собою постоя у Дона и прогна безбожнѣя и много пота утеръ за Русскую землю Тако же и сеи Мъстиславъ посла воя своя и загна Половце не токмо за Дон но и за Волгу...

МЛС с.31.

6639 (1131) ...Князи Рязанстии и Пронстии и Муромстии много Половецъ побиша...

ПНЛ с.157.

6640 (1132) ...крестися въ Рязани Половецкый князь Амурать...

ПНЛ с.158.

6643 (1135). В то же ле про то заратишася Олговичи с Володимеричи и идоша Ярополкъ, Гюрги, Андрей¹⁴² к Чернигову на Олговиче и сташа не дошедше города и стояше неколико днии и воротишася опять мця ноя. Тое же зимы придоша Олговичи с Половци и взяша Городокъ [Горькъ] и Нежатинъ и село пожгоша и Баручъ пожгоша¹⁴³ а людье оуидоша и много полонъ взяша скоты и коне...

ЛЛ ст.303; ПНЛ с.159; Н1Л СИ с.23; Н1Л МИ с.208; ИЛ ст.295–296; НЛ с.30; ТС ст.198; ВПЛ с.48–49; Н4Л с.4, ВЛ с.60 (1136); МЛС с.32; РДЛ с.108; ХЛ с.42.

6644 (1136). Приведе Ярополкъ брата своего Андрея из Володимеря Переяслави княжить В то же ле почаша съ Олговичи рать имети и начаша воевати села и города по Суле и придоша к Переяславлю и многы пакости створиша и Оустье пожгоша и отидоша и сташа на Супой и изидоша противу имъ Володимеричи и бывшую ступленью обема полкома и бишася крепко но вскоре побегош Половци Олговичъ и погнаша по ни Володимерича дружина лучшая и биша и женучи много и воротишася опять на полчище и не обретоша княжее вои и владоша Олговичемъ в руце и тако взымаша и держаше стягъ Ярополчи и яша бояръ много Двда Яруновича тысячьскаго Киевьскаго и Станислава добраго Тудьковича и прочи много. И внукъ Володимеръ Василко Маричиниць [Маричичъ] оубьень бы ту и Володимеричи придоша Киеву се же седеся мця авгу въ «И» (8) днь. И пакы крамола быс в ни немало шедши бо ти же Олговичи с Половци взяша Треполь и Халепъ пуста [пустъ] и придоша г Киеву хотяще битися се Володимеричи... а Ярополкъ собра вои многы с братьею своею моглъ бы [со братьею моглъ] ся бити с ними но того не створи Ба ся оубоявъ но умирися с ними и идоша к Чернигову опя...

ЛЛ ст.303–304; ПНЛ с.160; ИЛ ст.297–299; ВЛ с.60; МЛС с.33; РДЛ с.108–109; Н4Л с.5.

Печенеги

6644 (1136) ...въ Рязани убиша въ загоне богатыря Печенежскаго Темирьхозю...

ПНЛ с.160.

¹⁴¹ Мстислав I Владимирович – сын Владимира Мономаха, киевский князь с 1125 по 1132 г.

¹⁴² Ярополк II Владимирович, Юрий Долгорукий, Андрей Добрый.

¹⁴³ Территория совр. Украины.

Половцы

6646 (1138) Тое же зимы выгнаша Новгородци Олговича из Новагорода а Гюргевича пояша Ростислава¹⁴⁴ княжить оу себе. Того же ле послаша Олговичи по Половци и нчаша воевати по Суле Андрееви же не могущю супротивити [ся] имь...

ЛЛ ст.305; ПНЛ с.161; Н1Л СИ с.25 (1137); Н1Л МИ с.210 (1137); ВПЛ с.49 (1135); Н4Л с.5 (1136); ВЛ с.60; МЛС с.33 (1137–1138); УЛ с.182; РДЛ с.109; ХЛ с.42.

...Того ле... почаша воевати Олговичи и приведоша Половецъ множество и взяша Прилукъ и хотяща поити г Киеву и оуведеша оже Ярополкъ доспелъ с братьею своею и идоша опя к Чернигову Ярополку же скопившю множество вои Ростовце Полочаны Смоляне Оугры Галичане и Берендеевъ «Л» (30) тысячъ и Кыяне Переяславцы Володимерци Туровци и бе множество вои и поиде Чернигову... и створи миръ Ярополкъ со Свеволодом [Свеволодом] Олговичемъ... Тое же зимы преставися блговерный князь Ярополкъ Володимеричъ мца фебра въ «И1» (18) днь и вниде Вячеславъ брат его в Киевъ... И приде Олговичъ с Вышегородци пристроивъся с братьею своею и присылая к Вячеславу... и иде опять Турову а Свеволодъ вниде в Киевъ мца марта въ «Е» (5) днь Ярополкъ в Чернигове посади Володимера Двдвича...

ЛЛ ст.306; ПНЛ с.161–162; ИЛ ст.301–302 (1139); НЛ с.30 (1136–1137); ВПЛ с.49 (1135, 1137); Н4Л с.5 (1136); ВЛ с.60; МЛС с.33–34; РДЛ с.109.

...Того же лета князь великий Свеволодъ Олговичъ Киевский ходи на Половци и многихъ изби а иныхъ живыхъ плени¹⁴⁵ ...

ПНЛ с.163.

6647 (1139) ...по то же ле приде Половечская земля вся и князи Половечские вси на миръ и ходиста к ни Свеволодъ ис Киева а Андреи ис Переяславля¹⁴⁶ к Малотину и створиша с ними миръ...

ЛЛ ст.308; ПНЛ с.164; ИЛ ст.303–308 (1140); ВЛ с.61; МЛС с.35; РДЛ с.110.

Половцы, угры

6652 (1144) Отда дщерь свою Полотску [Полоцку] за Борисовича за Роговолода¹⁴⁷ ...Том же ле Изяславъ... и вседоша [на кони] на Володимерка¹⁴⁸ на Галичь и оттуда же Изяслава Двдовича посла в Половце повести е на Володимера же и совокупи ве [вси] князи Руские Свеволодъ и иде к Теревоблю и выиде противу имъ Володимеръ весь совокупивъся к Теревоблю и Оугры приведъ Бана королева оуя и не могоша битися зане бяшетъ [межи има] река Сереть идоша обои подле реку за неделю къ Звенигороду и на Рожни поли не могоша с бити зане Володимеръ стоя на Голыхъ гора приде же к нему Изяславъ Двдвичъ с Половци переэмъ два города Оушицю Микулинъ и иде Володимеръ къ Звенигороду... Володимеръ слати къ Игореву река оже мя с братомъ оумиришь то по его смрти помогу ти г Кызву... и послуша его Свеволодъ и [в] том же дни створи миръ... и да Володимеръ Свеволоду тысячу гриве серебра и двесте... и оуверни ему Свеволодъ Оушицю и Микулинъ еже бе заялъ а темъ серебро подели...

ЛЛ ст.311–312; ПНЛ с.167; ИЛ ст.315; РДЛ с.112; ТС ст.205; ВЛ с.62; МЛС с.36; С1497 с.27; УЛ с.182.

¹⁴⁴ Ростислав Юрьевич, сын Юрия Долгорукого.

¹⁴⁵ Свеволод Ольгович в первую очередь разгромил половецких сторонников Мономаховичей, представляющих основную силу не только в степи, но и на Руси.

¹⁴⁶ Свеволод Ольгович и Андрей Добрый заключили союз со всеми половецкими родами Осеневых и Гиргеневицей.

¹⁴⁷ Полоцкий князь Роговолод Борисович.

¹⁴⁸ Владимирко Володаревич – князь перемышльский.

Берендеи, половцы

6654 (1146) ...и вниде Игорь в Кыэвъ¹⁴⁹ и не годно бы людемъ и послашася Переяславлю къ Изяславу¹⁵⁰ ...Изяславъ сжалися и поиде с дружиною своею и с Переяславци и перешедъ Днепръ поиде и приде к нему Переплеевъ [Береевъ] неколико и пришедъ ста на Желяни [Желании] Игорь же поиде противу ему с брато своимъ Стославомъ и бывши имъ оу Олгови могылы и не доехавше [не доехаста] Игорь с братом Изяслава [Изяслава] побегоста и бежачи изымаша а других избиша а ини истопоша в водах а другые изымаша в городе... се же бы мца августа въ «Г1» (13) днь и вниде Изяславъ в Кыэвъ... и по «Д» (4) хъ днхъ эмше Игоря в болоте...

ЛЛ ст.313; ПНЛ с.169; ИЛ ст.319–330; ХЛ с.43 (1147); УЛ с.183.

Половцы

6654 (1146) ...а бра его Стославъ¹⁵¹ убежа Новугороду с малою дружиною и слышавше Половечьстии князи створившееся надъ Игорем прислаша слы ко Изяславу мира просяще...

ЛЛ ст.314; ПНЛ с.169–170; ИЛ ст.319–330; РДЛ с.113; МЛС с.38–39.

...Князь же Святославъ Олговичъ со княземъ Иваномъ Юрьевичемъ¹⁵² и со княземъ Иваномъ Ростиславичемъ¹⁵³ и со княземъ Володимеромъ Святославичемъ¹⁵⁴ и съ половецкимъ княземъ Емгазею и съ Половци иде противу князя Изяслава Давыдовича¹⁵⁵ и одоле князь Святославъ Олговичъ князь же Изяславъ Давыдовичъ прибеже ко Изяславу Мстиславичю великому Киевскому¹⁵⁶ и ко братьи они же вси поидоша на князя Святослава Олговича онъ же побеже и отъ того своего града Карачева¹⁵⁷ въ Вятчи...

ПНЛ с.169–170; ИЛ ст.330–335; ХЛ с.43 (1147); С1497 с.28; УЛ с.183.

...в то же верема поидоста Гюргевица Ростиславъ Андреи къ Рязаню на Ростислава на Ярославич. Ростиславъ же выбежа изъ Рязаня в Половце¹⁵⁸ къ Ельтоукови в то же верема Стославъ отпусти вое свое в Половце давъ имъ дары многы ихъ же мы преди написахомъ идоша с ними Половце мнози...

ИЛ ст.339; МЛС с.38–39.

6655 (1147). Изяславъ постави митрополита Клима... и потом миръ створи с Половци оу Воиня...

ЛЛ ст.315; ПНЛ с.173; РДЛ с.114.

...Того же лета умре Половецкий князь Саимъчюга...

ПНЛ с.173.

...Глебу же пришедшу къ Святославу Олговичю и начаша собирати воинства. Таже придоша къ Святославу Олговичю и Половци... взя грады Вятчи и Брянскъ и Обловескъ

¹⁴⁹ Игорь Ольгович, брат Всеволода Ольговича.

¹⁵⁰ Изяслав Мстиславович, князь владими́ро-во́льинский.

¹⁵¹ Святослав Ольгович новгород-северский, брат Всеволода и Игоря Ольговичей.

¹⁵² Иван Юрьевич, сын Юрия Долгорукого.

¹⁵³ Иван Ростиславович Берладник, князь звенигородский (1129–1145), галицкий (1145).

¹⁵⁴ Владимир Святославович рязанский.

¹⁵⁵ Изяслав Давыдович муромский.

¹⁵⁶ Изяслав Мстиславович, сын Мстислава I, князь киевский в 1146–1149 и 1151–1154 гг. Воевал с дядей Юрием Долгоруким за киевский престол.

¹⁵⁷ Карачев – город, населенный тюркским народом.

¹⁵⁸ Наглядное обращение Ростислава Юрьевича Долгорукого к половецкой родне.

и Ревягорескъ и Доробинескъ по Десне реце¹⁵⁹ и Домогощъ и прииде къ Мъченску и поиде къ Крому...

ПНЛ с.173; ИЛ ст.341–358; ХЛ с.43; МЛС с.40 (1146); С1497 с.28; УЛ с.183.

...Того же лета въ Новгороде Северскомъ... биша Половцевъ...

ПНЛ с.176.

Хазары

6655 (1147) ...въ Резани во граде Казари отъ иконы святя Пятницы быша чудеса и исцеления многа...

ПНЛ с.176.

Берендичи, половцы

6655 (1148) ...и слышавъ Изясльв бывшее скопи дружину свою и Берендиче...

ЛЛ ст.319; ИЛ ст.359–369 (...рекша вое и дружине Кияномъ и Смолняном доспеваите вси доколе реки ся оустаноятъ поидемъ же к Чернигову... пославше Олгович и Двдвича дружиною свою с Половци воеваша Брячинь... Мъстиславъ же совокоупивься съ дружиною и с Переяславци гна по немь и оугони оу Носова на Роуде изоимаша неколико дружины его... и слышавъ Изяславъ бывшее и скоупи дружиною Берендеи и иде на нь Паки поиде Изяславъ к Чернигову скоупя силоу свою и посла поя полкъ оу стрья своего Вячеслава из Оугоръ приведе полкы в помочь себе и Володимирьский полкъ приведе и скоупя вси полкы Берендее и поиде к Чернигову и пришед ста Олгове поли и Рязаньский придоша кнзи и Половци с ним и есть река оу Любча и пришедше сташа заложившеся ею и в Недлный днь Изяславъ исполчи воя своя поиде противу имъ и нелзе бы емоу их полкомъ доехати тою рекою но стрелни ся оную бяхоуть от обоихъ и быс на тоу [но]чь дожъ великъ велми...); РДЛ с.116; МЛС с.43.

6657 (1149). Иде Изяславъ Новугороду ис Кыева в помочь Новгородцем на Гюргя... и похромоша кони оу них и сам с Новгородци дошедъ Волгы... и начаша глти ему рекуше яко Ростиславъ Гюргевиць подмолви на тя люди и Берендичи и Кияны... и совкупивъ дружину свою и вое и Половце... и пришедше сташа оу Белы Веже и стояша мць сжидаюша к собе Половецъ... по зоре поиде от стряеве мимо городъ и ста межи валома... и поступи Гюрги вспять и Изяславъ по немь яко слнцю заходящую сступишася обои и бы сеча зла и первее побегоша Поршане пото Изяславъ Двдвич по сих Кьяне и Переяславци и многы избиша а другыя руками изымаша...и вшедь Изяславъ в Лучьскъ и поча совкупляти Оугры и Ляхы... яко и По[ло]вце все бежати назадъ с своимъ воеводоу Жирославом...

ЛЛ ст.320–323; ПНЛ с.178–180; ИЛ ст.371–390; РДЛ с.116–118; ХЛ с.45–46; ТС ст. 213–214; ВЛ с.64; МЛС с. 46–47; С1497 с.30; УЛ с.185–186.

Половцы

6657 (1149) ...того же лета взяша Половци Торшинъ и власти и села повоеваша и пожгоша...

ПНЛ с.182–183.

Половцы, турнеи, торки, берендеи, угры

6658 (1150) ...Изяславу же седшу в Кыеве... посла сна своего Мстислава в Каневъ веля ему отголе Переяславля добыти Мстиславъ же послася на ону сторону к Турпеемъ¹⁶⁰ ...к дружине веля имъ ехати к собе... Ростислав (Гюрги оць его)... а сам къ Санову и згони Турпее оу Днепра и поймавъ и приведе Переяславлю... Изяславъ се слышавъ то посла к сну своему Мстиславу... поиде вборъзе поима Берендиче... и Мстислава сна своего с Берендеи и с Кьяны и оустрете [стрете] и оу Тумаща стрелцем стреляющимся о реце о Стуг-

¹⁵⁹ Территория совр. Украины.

¹⁶⁰ Турпеи – разросшийся торкский род родоначальника Турпея.

ну... и сами побегоша прочь и Берендеи с ними... Володимерковичи [Володимирькови] же постигоша задь его овы изымаша а другыя избиша...

ЛЛ ст.326–327; ИЛ ст.394–408; РДЛ с.119–120; МЛС с.48–50.

Половцы, угры, берендичи

6658 (1150) ...В то же лето придоша Половци в помощь Гюргеви на Изяслава... Изяслав же посла п[о] Оугры и по Ляхи и повабившим его мужем Вячеславлим и Берендеем и Кыяном... Андрееви пустиста стороже передь собою и поидоша по них...

ЛЛ ст.328–330; ПНЛ с.184; ИЛ ст.394–408; РДЛ с.119–120; ХЛ с.46; ТС ст.217 (1151); ВЛ с. 65 (1151); МЛС с.48–50; С1497 с.31; УЛ с.186.

Половцы

6658 (1150) ...В то же лето приходиша Половци къ Курску и много полона взявше отъидоша восвоаси...

ПНЛ с.183.

...Тое же зимы приходиша Половци въ Русь и много зла сотвориша идоша во своа...

ПНЛ с.185.

6660 (1152). Преставися Ростиславъ Гюргевичъ Переяславли... тогда же придоша Половци в помощь Гюргеви на Изяслава¹⁶¹... и стаха шатры противу Киеву по лугови Изяславу же блюдуцю и не дадуцю вбрести въ Днепръ бяхуться межи собою... почаша битися в лодьях о бродъ Изяславу же и ту не дадуцю имъ вбрести Олговичем же здумавши с Половци оставивше Гюргя князя с Двдвич с Володимеро и с товары противу Витечеву а сами ехаша к Зарубу Изяслави стороже стоящи на оной стороне со Кш[в]арномъ [со Кошварномъ] и не дадуцимъ вб[ре]сти въ Днепръ Половци же вседне на коне въ бронях за щиты с копы якоже битися въбредоша въ Днепръ и покрыша Днепръ от множества вои сторожеве же Изяслави оубоявшесе бежаша... Стославоша же перебредшома Днепръ с Половци... Гюргеви же с Володимером и з детми пришедшо вборзе к Зарубу и перебредоша чересь Днепръ... и стаха възле Лыбедь... стрелцем же стреляющимся о Лыбедь беша бо в то время прибегли Берендичи и с вежами и Торци вси Чернии Клобуци и велику пакость створиша ино ратнии ино свои... и ступившися полкомъ быс сеча крепка (оубиша Володимера Двдвича Черниговьскаго) Изяслава же Мстиславича язвиша в руку и свергли и бяхуть с коня и хотеша и оубити свои пешци... Половци же Гюргеви ни по стреле пустивъше тогда побегоша... много дружины потопе въ Руту [Руте] бе бо грязокъ и бежацимъ имъ овехъ избиша а другыя изымаша...

ЛЛ ст. 330–334; ПНЛ с.187–189 (1151); ИЛ ст.420–445 (1151); ВЛ с.65–66 (1151); МЛС с.50–53 (1150); УЛ с.186–187 (1150), ТС ст.213–217 (1151); ХЛ с.47–48, РДЛ с.121–123.

Угры

6660 (1152) ...То же время Мстиславу Изяславичю ведущю оцю своему в помощь Оугры и ставшоу ему оу Сапогыня... тогда же высалалъ бе ему Володимеръ питье много Оугромъ и ему... Мстиславу... же пьюцю с Угры...оудари на них Володимерко и мало от них изыма а все избиша...

ЛЛ ст.335–336; ИЛ ст.420–445 (1151); УЛ с.186–187 (1150); РДЛ с.124–125; ХЛ с.47–48 (1150)

¹⁶¹ Противоречия между Долгорукими и Мстиславовичами вызвали раскол среди половецких правящих кланов, и в результате на свет появляются новые половецкие роды Кончака и Кобьяка, претендующие на власть.

Половцы, берендеи, торки, печенеги, угры

6660 (1152) ...Изяславъ же бе послалъ брата Ростислава... видевше силу Половечскую повелеша люде всемъ бежати изъ острога в детинець... тогда же все множество Половецъ ехаша к городу битися и отъемше острогъ зажгоша передьгородье все и пришедше всею силою сташа около города Черниговцем же бьющимъ из города... Андреи же рче тако створимъ ать язъ почну днь свои поим же дружину свою и еха подь городъ вышедшим же пешимъ из города стрелятся и поткну [стрелятися и толчее] на нь с дружиною своею и с Половци и овы избиша а другыя вьгна в городъ... и став же оу Всеволожа отряди сна своего Мстислава на Половци с Берендеи и с Торки и с Печенеги и с неколико дружины своея... поможе Бъ на Половци самехъ прогна а веже ихъ поима и коне и скоты ихъ зая...

ЛЛ ст.338–339; ПНЛ с.191–196 (Изяслав... поима съ собою Вячеславль полкъ весь и все Черные Клобуки еже зовутся Черкасы и Киане лутчие... поиде Юрьи съ сынъми своими и князи Ростиславъ Ярославичъ съ братьею и съ полки своими съ нимъ также и Половци Орьплюеве и Токсобичи и вся Половецкая земля¹⁶² что ихъ ни есть межи Волгою и Дпромъ поидоша на Вятчи и взяша ихъ таже на Мченескъ да на Спаш да на Глуховъ... Наутрий же день князь велики Юрьи Долгорукой и з детми своими и съ великимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ Рязаньскимъ и съ Темиремъ великимъ княземъ Половецкимъ и съ Святославомъ и Дулепомъ и з Бердашею Половецкими князи и со всеми Половци... бе видети страшно въ голыхъ доспехехъ яко вода солнцу светло стающу и поидоша ко граду и сташа не дошедше Семыня... и взяша острогъ и зажгоша... стояша под Черниговом 22 дня... Вячеславъ Владимерич Маномашъ Изяславъ Мстиславичъ внукъ Владимира Мономаха начаша спешно воинства собирати и идоша въ помощь къ Чернигову на Половци... и на Темиря князя Половецкаго и на вся князи и воинства ихъ... (Изяславъ) посла на Половци давъ ему силу свою многу: Печенеги Каневския¹⁶³ и Берендеи и Торки и Ижеславци и Порсяне¹⁶⁴ ... князю Мстиславу сыну Изяславлю... а вежи ихъ поже и корысть многу взя кони и волы и вельблуды и овца и возвратися въ свое великое княжение въ Переаславль); ИЛ ст.446–460; ВЛ с.65–66 (1153); МЛС с.54–58; С1497 с.32; УЛ с.186–187; ТС ст.220; РДЛ с.124–125; ХЛ с.47–48 (1150).

Половцы

6661 (1153). Посла Изяславъ сна своего Мстислава¹⁶⁵ на Половци к Песлу зане пакостянуть тогда по Суле онъ же не дошедъ ихъ възвратися вспять...

ЛЛ ст.340; ПНЛ с.197; ИЛ ст.465; МЛС с.58; РДЛ с.125.

Берендеи

6661 (1153) ...На ту же осень посла и оць с вои противу мачесе с Володимеромъ съ Анреевичем и Берендеи и ходиша до Олешья¹⁶⁶ и не обретше ее възвратишася опять...

ЛЛ ст.340; МЛС с.58.

Половцы

6662 (1154) ...На ту осень преставися Изяславъ Мстиславичъ... стрелце же стреляющи-ся о рече... и повороти коня Мстиславъ с дружиною своею от стрья своего Половци же погнаша по ни и многы избиша а другы мноство изымаша...

ЛЛ ст.342–343, ИЛ ст.467–477 (...Дюрги же сдумавъ посла сна своего Глеба в Половци а самъ възвотися в Суждаль (Вячеслав дал Киев Ростиславу сыну своему) В то же веремя приде вестъ к Ростиславу Глебъ Дюргевичъ съ множеством Половецъ идуть к Переяславлю Ростиславъ же съ Стославомъ выступиста отъ Киева къ Пересечну и ту начаста скупливати дружину Половци идоша за Сулу... Ростиславъ же ни въ Киевъ не входя поиде полкы своими

¹⁶² Вероятно, к середине XII в. власть в степи от левого бережья Днепра до Волги сосредоточивается в руках половецких родов Орьплюевых и Токсобичей.

¹⁶³ Город Канев являлся столицей оседлых печенегов.

¹⁶⁴ Порсяне – территориальная общность торков, берендеев и печенегов, сложившаяся по р. Рось.

¹⁶⁵ Мстислав Изяславович – князь переяславский, сын Изяслава Мстиславича, киевского князя.

¹⁶⁶ Олешье находилось в низовье Днепра.

и пойма Всеволодича Стослава и Мьстислава Изяславича и Торкы Кияне и переиде Днепръ Вышегорода ту же и ста противу Вышегороду скупливаше дружину свою... Ростиславъ же всего того не послуша но поиде на Изяслава на Двдвича к Чернигову слышавъ же Двдвичъ Изяславъ посла[ся] по Глеба Дюргевича да придет с Половци к нему в борзе... Ростислав же виде много и множество Половецъ и оубояся... Начать слатися къ Изяславу къ Двдовичю мира прося почя даяти ему подь собою Киевъ а подо Мьстиславомъ Переяславль Мьстислав же то слышавъ иже дасть под ним Переяславль рче да ни мне будет Переяславля ни тебе Киева и рекъ повороти конь Мьстиславъ подь собою с дружиною своею оть старья своего и тако Половци объехаша полкъ их и бишас с ними по два дни и тако смятшас Половци и побегоша вси Ростиславъ воеи и многи избиша а другихъ многое множество изоимаша и разбегошася... Умер Вячеславъ а Ростиславъ побежень а Изяслав Двдвичъ седить Киеве а Глебъ снъ твой седить в Переяславли... Гюрги же поиде Киеву а Ростиславъ из свои Смоленскъ); ПНЛ с.199–200 (1155); ВЛ с.67 (1155); МЛС с.58–61; С1497 с.134; УЛ с.188; НЛ с.31 (1157); ТС ст.222–223 (1155); ВПЛ с.50 (1157); Н4Л с.8–9; РДЛ с.126–127; ХЛ с.48–49.

Половцы, берендеи

6662 (1154) ...Тое же весны пришедше Половци воеваша по Роси. Берендееве же гониша по ни и избиша я а другие изымша...

ЛЛ ст.345; ПНЛ с.203 (1155); МЛС с.58–61; С1497 с.32 (1155); ИЛ ст.479 ((1155) ...Тои же осени придоша Половци и воеваша Поросье Василко же с Берендичи спостигъ изби еа други изоимаша...); УЛ с.188 (1155); ТС ст.222–223 (1155); ХЛ с.48–49.

Половцы

6663 (1155). Иде Гюрги на снемъ противу Половцемъ г Каневу. Половци же приехавше к нему почаша просити братье своее их же бяху изымали Берендеи. Берендееве же не даша ихъ рекше мы того деля оумирае за Русьскую землю и головы свои складываемъ¹⁶⁷...

ЛЛ ст. 346; ПНЛ с.203; ИЛ ст.479–482; ВЛ с.67; МЛС с.61–62.

...Того же лета приидоша Половци и воеваша Деминскъ и приидоша къ Переяславлю и многа зла сотвориша овехъ избиша а другихъ живыхъ плениша и возвратишася въ своаси...

ПНЛ с.203.

...Томъ же лете придоша изнова Половци на миръ и сташа по Дубинцю оли до верхъ Супоя. Дюргии же скупяся съ сновцемъ своимъ с Ростиславомъ и с Володимеромъ и съ Ярославомъ Изяславичемъ и Галичьскую помощь пойма поиде на снемъ къ Каневу и посла к Половцемъ река поидете ко мне на миръ. Половецъ же приехаша к нему мало яко на розглядание и рекоша придемъ к тебе заоутра вси и на ту ночь бежаша вси Дюрги же възворотися в Киевъ и тогда сдумавъ съ сновци своими и посла къ Двдовичю Изяславу река хошеши ли к намъ прити оу миръ... Тои же зиме Дюрги поя оу Изяслава Двдовича Чернигове дщерь его за сна своего Глеба в Киевъ...

ИЛ ст. 479–482; ПНЛ с.204; ХЛ с.49.

Татары

6663 (1155) ...Того же лета приходиша Татарове¹⁶⁸ въ Рязань на Хапортъ и много зла сотвориша овехъ избиша а другихъ въ пленъ отведоша....

ПНЛ с.205.

¹⁶⁷ Летописный отрывок показывает, что берендеи и все черные клобуки служили определенному княжеству, но не князю лично.

¹⁶⁸ Под татарами, очевидно, подразумеваются половцы.

Половцы

6664 (1156) ...Того же лета приходиша Половци на Рязань на Быструю Сосну и многих пленивше идоша во своя и не дошедшимъ имъ своихъ оплошишася погоня же за ними прииде на спящихъ и полонъ отполони и ихъ изби...

ПНЛ с.207.

...Потомъ поиде Гюрги поима со собою Изяслава Двдвича и Стослава Олговича¹⁶⁹ къ Заруба на снемъ с Половци и с ними миръ створи и быс ихъ многое множество...

ИЛ ст.485; МЛС с.61 (1155).

Угры

6664 (1156) ...Мстислав Изяславичъ стрья своего Володимера згони с Володимеря а матеръ его и жену ят. А он бежа к Перемышлю а оттуду к королю бе бо сестра его за королем оугорским¹⁷⁰ ...

УЛ с.188.

Берендичи

6665 (1157). Поиде Гюрги съ зятемъ своимъ Ярославомъ съ Галичьскимъ и съ снми своими и с Володимеромъ съ Андреевичемъ и с Берендичи к Володимирию на Мьстислава на Изяславича...

ИЛ ст.486; МЛС с.62.

Половцы

6666 (1158). Томъ же лет Изяславъ иде къ Каневу на снем с Половци и ту створи с ними миръ и възвратися Киеву...

ИЛ ст.490; МЛС с.63.

...Иванъ¹⁷¹ же тогда оуполошивъся еха в поле къ Половцемъ и шедъ с Половци и ста в городехъ Подунайскихъ и изби две кубаре и взя товара мног в нею и пакостяше рыболовомъ Галичьскимъ и придоша к нему Половци мнози и Берладника оу него искупися «+ S» (6000) и поиде къ Кучелмину и ради быша ему и оттуда къ Оушици поиде и вошла бяше засада Ярославля в городъ и начашас бити крепко засадници из города а смерди скачючи чересь заборола къ Иванови и перебеже их « T » (300) и хотеша Половци взяти городъ Иванъ не да имъ взяти и розгневавшеся Половци ехаша от Ивана. Изяславъ же посла по Ивана и приведе Киеву и оуведавъ Изяславъ оже на нь хотять ратью поити про Ивана...

ИЛ ст.496–498 (1159); ПНЛ с.212; МЛС с.64–66 (1159).

...взяти Черниговъ съ «З» (6) городъ пустыхъ Моровиескъ Любескъ Оргощъ Всеволожь а въ нехъ седять псареве же и Половци а всю волость Черниговскую собою держить и съ своимъ сновцемъ... приде же Изяславу болши помочъ к Белугороду приде бо к нему Башкордъ въ «К» (20) тысячь очим Мьславль Володимирича бе бо мти его бежала в Половци и шла за нь... быс же мсть въ Берендичихъ творяхуть бо ся битъ приездяче к городу а снашивахуться речми межи собою сему же началници быша Тудоръ Сатмазовичъ Каракозь Мнюзовичъ и Карасъ Кокеи и яли бо бяху в зажитьи Кузму Сновидича съ отрокомъ... Половце же бежаша от Белагорода на Гюргевъ и много ихъ изоимаша Берендичи и Гюргевци а оно ихъ во Рси истоле Мьстиславъ же и Володимирь и Ярославъ

¹⁶⁹ Юрий Долгорукий ради победы над племянником Изяславом Мстиславовичем пошел на союз с Ольговичами, давними противниками клана Мономаховичей.

¹⁷⁰ Королем венгерским.

¹⁷¹ Здесь говорится о Иване Берладнике.

внидоша в Киевъ мсца декабрия въ «КВ» (22) Мьстиславъ же зая товара много Изяслави дружины золота и серебра и челяди и кони и скота и все прави Володимирю...

ИЛ ст.496–502 (1159); ПНЛ с.212–213; МЛС с.64–66 (1159); С1497 с.33 (1159); УЛ с.188–189 (1159); ТС ст.227 (1159).

6667 (1159) ...Того же лете воеваша Половце около Носова и до Лта¹⁷² иуля 23 и взяша душъ более 8 сот тогда же и о Котелнице воеваша и Шеломницю взяша Мьстиславлее село... Тогда же Олегъ Святославичъ изби Половце и Сандуза уби князя Половецкого. Того же лета посла Ростиславъ ис Києва Юрья Нестеровича и Якуна в насаде на Берладьники иже бяху Ошлиевъ взяли и постигше ихъ у Дедцина избиша ихъ и полонъ свои отняша... Того же лета Володимиръ Андреевич и Ярослав Изяславич и Галичане избиша Половецъ межи Мукарева и Ярополчем и много душъ отполониша тогда же и Берендичъ избиша в Облазне... посла бо к нему Ростиславъ Жирослава Кашировича а с ним 600 Торков...

МЛС с.67–68; ИЛ ст.505.

...Приде Изяславъ Двдвичъ со множество[мъ] Половецъ к Чернигову... села пожгоша люди повоеваша... иде Изяславъ в Вятиче...

ЛЛ ст.349–350; ПНЛ с.215–216; ИЛ ст.505–508 (1160); МЛС с.67–68; С1497 с.34–35; УЛ с.189–190; ТС ст.229; ВПЛ с.51; Н4Л с.10–11; РДЛ с.130; ХЛ с.50.

...Того же лета князь велики Изяславъ Давыдовичъ съ Половци воева Смоленския власти¹⁷³ ...

ПНЛ с.216; ИЛ ст.505 (1160); МЛС с.67–68; С1497 с.34–35; УЛ с.189–190; ТС ст.229–233; РДЛ с.130.

Половцы, берендеи, торки, печенеги, коуи

6667 (1159) ...Того же лета князь Изяславъ Давыдовичъ со княземъ Святославом Всеволодичемъ и со княземъ Олгомъ Святослав Олговича и со множествомъ Половецевъ идоша на князя Ростислава Мстиславича къ Киеву и пришедше сташа на реке Доне противу Вышеграда (т.к. Ростислав бежа из Киева)... Слышавъ яко Ростиславъ Мстиславичъ затвориси въ Белеграде поиде на него съ Кианы и съ Половци и з Берендеи и пришедъ обступи Бельградъ а Половци разсыпашася по селомъ воюющее... Слышавше же Берендеи грядуща князя Мстислава Изяславича со множествомъ воинства и отступиша отъ князя Изяслава Давыдовича ко князю Мстиславу Изяславичу онъ же приять ихъ съ радостию... Князь же Мстиславъ Изяславичъ посла по иную силу въ Володимеръ въ помощь дяде своему Ростиславу Мьстиславичю Прииде же тогда сила многа и Галичское воинство съ воеводою съ князя ихъ и ис Торскаго князь Рюрикъ сынъ Ростиславль со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со княземъ Василкомъ Юрьевичемъ и з Берендеи и съ Коуи и з Долматы и съ Торкы и съ Печенеги¹⁷⁴ и сняшася со Мстиславомъ Изяславичемъ и съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и съ Ярославомъ Изяславичемъ и съ Ярополкомъ Андреевичемъ и бысть воинства их много безъ числа и идоша на великого князя Изяслава Давыдовича и устремишася на него преже всехъ Чернии Клобуци... и постизающе его и ту малую дружину его избиша... и начаяша сеци его по главе саблею Иворъ же Геденевичъ удари его копиемъ въ плече а другий прободе его копиемъ выше колена инъ же удари его копиемъ въ лядвии бежашу же ему еще и удариша его исъ самострела въ мышку...

ПНЛ с.219–220; Н1Л СИ с.31 (1160); ВЛ с.68–69 (1160); С1497 с.34–35 (1160); МЛС с.69–71; УЛ с.190–191 (1160); НЛ с.32 (1160); ТС ст.229–233 (1160); Н4Л с.10–11 (1160); ХЛ с.50 (1160); ИЛ ст.510–521.

¹⁷² До р. Альта.

¹⁷³ Волости.

¹⁷⁴ Эти народы входили в состав черных клобуков.

Половцы

6667 (1159) ...Того же лет придоша Половци мнози къ Гюргеву и взяша вежи многи по Роту и Вьбора оубиша иже бяше Изяслава оубиль Черныи же Клобоукъ весь съвъкупившеся ехаша по них и постигоша я на Рси и много биша ихъ и полонь весь отимаша оу них и самех изоимаша боле «Ф» (500) яша же и два княжича Сатмазовича инъ княжиче...

ИЛ ст.510–521; МЛС с.72 (1162).

6668 (1160) ...князь Андрей Юрьевъ сынъ Долгорукаго посла сына своего князя Изяслава и съ нимъ друзии мнозии князи и воинство Ростовское и Суздальское и Рязанцы и Муромцы Пронстии и друзии... идоша на Половци въ поле за Донъ далече и съступишася на бой и бысть брань велиа и сеча зла и начаша одолевати Русстии князи. Половци же разсыпашася на вся страны по полю. Русьскимъ же воемъ за ними гнавше и пришедъшимъ на Ржавцы и Половци паки собравшеся удариша на Русское воинство и многихъ избиша но поможе Бог и прогнаша Половцевъ... князи же Русстии возвратишася во своя отнюдь въ мале дружине вси бо избиени быша въ поле отъ Половцевъ...

ПНЛ с.222.

6671 (1163) ...Том же лет приведе Ростиславъ Белуковну князя Половецкого дщерь¹⁷⁵ ис Половецъ за сна своего за Рюрика. Того же лет и миръ взя с Половци...

ИЛ ст.522; МЛС с.72.

6673 (1165) ...Том же лет Василко Ярополчичъ изби Половци на Руси много ихъ руками изоима и обатишас дружина его оружьемъ и кони и самъ искупа много има на нихъ...

ИЛ ст.525; МЛС с.73 (Рси); ПНЛ с.232.

6674 (1166) ...Того же лета Половци воеваша Русь и убиша дву богатырей Андреа Жирославича и брата его Шварня за Переславлемъ сестричичя же ихъ такоже Шварня нарицаемаго плениша...

ПНЛ с.233.

6675 (1167) ...Том же лет взя рать Стославъ Всеволодичъ съ Олгомъ...Стославъ же посла брата своего Ярослава с Половци к Новугороду и дошедше Молочьны и ту воротишас вдалеке «Е1» (15) версть от града...

ИЛ ст.526; МЛС с.74 (1166).

...оуведавши Половци оже кнзи не в любви живутъ шедше в пороги¹⁷⁶ начаша пакостити Гречникомъ и посла Ростиславъ Володислава Ляха с вои и възведоша Гречники...

ИЛ ст.526–527; МЛС с.74 (1166).

...Том же лет бися Олегъ Стославичъ с Бонякомъ и победи Олегъ Половци...

ИЛ ст.527; ТС с.237 (1166); МЛС с.74 (1166); С1497 с.36 (1166); УЛ с.192 (1166); ХЛ с.51 (1164).

...Том же ле яша Половци Шварна за Переяславлемъ а дружину его избиша и взяша на немъ искупа множество...

ИЛ ст.527; ТС ст.237 (1166); МЛС с.74 (1166); С1497 с.36 (1166); УЛ с.192 (1166).

¹⁷⁵ Белуковна – дочь Белкат-тегина. Рюрик Киевский пытался породниться с половецкими правящими родами. В результате Мстиславичи заручились поддержкой половецв рода Белкат-тегина против сторонников Долгоруких – половецв Осеневых.

¹⁷⁶ Днепровские пороги.

6676 (1168) ...Тои же зиме ходиша Олговичи на Половци бе бо тогда люта зима велми и взя Олегъ веже Козины и жену и дети и злато и сребро а Ярославъ Беглюковы веже¹⁷⁷ взя и похваливше Ба и прчстую его Мтръ възвратишас въ свояси...

ИЛ ст.532; МЛС с.75 (1167).

Берендеи, торки, печенеги

6676 (1168) ...посла ко Мьстиславу Володимирю (по смерти Ростиславли в Киеве)... и приде къ Микулину и ту придоша ему Берендичи вси и Торци и Печенежи и весь Черный Клобукъ и водивъ е роте и пусти брата своего предъ собою съ Берендичи а самъ поиде по немъ... Том же лет переступи крсть Володимиръ Мьстиславич начаша ся слатися к нему Чагровичи Чекъманъ и брат его Тошманъ и Моначюкъ. Володимиръ же радъ бывъ думе ихъ и посла к Рагуилови Добрыничию и къ Михалеви и къ Завидови являя имъ душу свою и рекоша ему дружина его а собе еси кнже замыслилъ а не едем по тебе мы того не ведали Володимиръ же рче възревъ на децкыя а се будутъ мои бояре и поеха къ Берендичемъ и сняся с Берендичи ниже Растовця и оузриша и одиного ездяца и реша ему ты намъ тако молвише братья вси со мною суть а кое есть Андреевичъ Володимиръ и Ярославъ и Двдъ но се ездиси одинъ и без мужии своихъ а нас перельстивъ а намъ лучше въ чюжо голову нежели въ свою и начаша въ нь пуцати стрелы и оудариша князя двема стрелама. И рче кнзь не Даи Бъ поганому веры яти николиже а я оуже погинулъ и дшею и жизнью и побеже и ту избиша децкыи около его...

ИЛ ст.532–540 (1169); ТС ст.237–238 (1167); УЛ с.192–193; ХЛ с.51 (1167); МЛС с.76–78.

Половцы

6676 (1168) ...Вложи Бъ во срдце Мьстиславу Изяславичю мысль блгу о Руской земли... и съзва братю свою и нача думати с ними... оже несуть хрстьяны на всяко лето оу веже свои и с нами роту взимаюче всегда переступаюче а оуже оу нас и Гречьский путь отъимають и Солоньи и Залозныи... посла же Чернигову къ Олговичемъ всимъ и къ Всеволодичема веля имъ быти всимъ оу себе бяху бо тогда Олговичи въ Мьстиславли воли... и съвкूपившесе вся братья Киеве Рюрикъ и Двдъ полкъ весь а самому ему несдравующю и Всеволодича Стославъ и Ярославъ Олегъ Стославичъ брат его Всеволодъ Ярославъ из Лоучьска Ярополкъ Мьстиславъ Всеволодковичъ Стополкъ Гюргевичъ (Глебъ ис Переяславля брат его Михалко и инии мнози...)... и идоша кнзи «Ө» (9) дновъ ис Киева и быс вестъ Половцем от кощя¹⁷⁸ от Гаврилкова от Иславича оже идуть на не кнзии Русьстии и побегоша ... и взяша веже ихъ на Оугле реце а другые по Снопороду а самехъ постигоша в Черного леса и ту притиснувше к лесу избиша е и ины руками изоимаша Бастии же и инии мнози гониша по них и за Въсколь¹⁷⁹ бьюче и и толико взяша полона множество якоже всимъ Рускимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники и чагами и детми ихъ и челядью и скоты и конми хрстьяны же отполонивше пустиша на свободу вси братья же вси пожаловаша на Мьстислава оже оутаивъся ихъ пусти в наворопъ седельники свое и кощее ночь заложивъся отаи и срдце ихъ не бе право с нимъ... разве бо изъ всихъ полковъ два оубьена быста Кснятинъ Васильевичъ Яруновъ брат и седельникъ Ярославъ Изяславича и Кснятинъ... тогда же бяше послалъ Мьстислав [Андреевич] Михалка кнзя Дюргевича Новгороду къ снови с Коуи Бастеевою чадью¹⁸⁰ ...

ИЛ ст.532–540 (1170); ПНЛ с.235; Н1Л СИ с.33 (1167); Н1Л МИ с.220 (1167); НЛ с.32 (1167); ТС ст.237–239; ВПЛ с.52 (1167); МЛС с.76–78; С1497 с.36 (1169); УЛ с.192–193 (1169); ХЛ с.51 (1169).

¹⁷⁷ Беглюковы вежи – стан половцев Белкат-тегина.

¹⁷⁸ Кошей – раб.

¹⁷⁹ Въсколь – р. Оскол.

¹⁸⁰ Коуи входили в состав черных клобуков.

Половцы, берендичи, торки

6676 (1168) ...Выгна Мстиславъ Володимера Мстиславича ис Кыева и иде в Половци Володимеръ (Мстислав Андреевичъ изгнан из Кыева сел стрыя Глеб)...

ЛЛ ст.355; ПНЛ с.236; ИЛ ст.544–545 (1171); Н4Л с.12; РДЛ с.131.

Половцы

6676 (1168) ...Того же лета идоша Половци ратью въ Русь князь велики же Киевский Мстиславъ Изяславичъ изыде противу имъ и сошедшимся полкомъ бысть бой крепокъ зело и сеча зла и паде на обою страну множество мертвыхъ въ конецъ же одоле князь велики Киевский Мстиславъ Изяславичъ... Того же лета прииде въ Киевъ Половецкий князь Айдаръ къ великому князю Мстиславу Изяславичю служити тамо потомъ мало пребывъ крестися во (имя) Отца и Сына и Святаго Духа...

ПНЛ с.236.

Половцы, берендеи

6677 (1169). (Приходи Половци и разделиста на 2 части. Одна сташа к Переяславлю оу Песочна другие на оной стороне Днепра г Киеву и сташа оу Корсуня) Глебъ же омири Переяславля Половцев [Половци же възвратишася опять в Половце Глебъ же Гюргевичъ поиде г Корсуньским Половце... и с дружиною своею]... Половци нача воевать..и взяша села оу оутеча с людми с мужи и с женами коне [и кони] и скоты и овце погнаша в Половце... Глебъ же се слышавъ хоте на нь сам ити Берендееве же яша за поводъ...тобе лепо ездити в велице полку еда совкупишися с братьею Глебъ же посла брата своего Михалка и с нимъ Переяславецъ «Р» (100) а Берендеевъ полторы тысячи... и переяша Берендееве дорогу Половецкую... и наидоша стороже Половецкыи бе же ихъ число «Т» (300) и объехавше ихъ без вести (овех) избиша и другыя изымаша... и реша много есть яко «З» (7) тысячъ... и избиша я все (избиша вся) не оупустивше ни мужа и поидоша по дорозе ихъ воевода же бе оу Михалка Володиславъ Яновъ бра и оустретоша Половецъ идуща с полоно и бившеса одолеша имъ самехъ избиша а полонъ свои отяша... и реша топерво [теперво] великыи полкъ идеть... быс же оу поганы «О» (9) соть копии а оу Руси девяносто копии... и сняшася обои и быс сеча зла и потяша стяговника нашего и челку стяговую сторгоша [соторгоша] стяга и смятошася обои бьучися... и яко бьяхуться крепко и видевше Половци побегоша а наши по них погнаша овы секуще овы емлюще и яша ихъ руками полторы тысяче а прочии избиша а князь ихъ Тогглии [Тогъгли] оутече... и приде Михалко с Переяславци и с Берендеи г Киеву победивше Половци...

ЛЛ ст.358–361; ПНЛ с.236–245 (1169); ИЛ ст.558–559 (1172); НЛ с.33 (1168); ТС ст.243–244 (1170); Н4Л с.12; ВЛ с.70; МЛС с.79–81 (1168); С1497 с.37 (1170); УЛ с.193 (1170); РДЛ с.133–134.

Половцы, угры

6678 (1170). Начаша рать совокупляти на великого князя Киевскаго Мстислава Изяславичя князь велики Андрей Юрьевъ сынъ Долгорукаго... и Половецкие князи съ Половци и Угры и Чяхи и Ляхи и Литва и многое множество воинства совокупився идоша къ Киеву...

ПНЛ с.237.

Половцы

6678 (1170) ...Того же лета приходиша Половци мнози на Русь и много зла сотвориша христианомъ княземъ же Русскимъ не могущимъ противу ихъ стоати понеже въ межиусобныхъ бранехъ многыи вои избиении...

ПНЛ с.239.

6679 (1171) ...Тое же зимы придоша Половци на Киевскую сторону и взяша множество село за Киевомъ с людми и скоты и кони поидоша со множествомъ полона в Половци... Михалко же послушливь сы... и сгони ихъ за рекою Бомъ с Берендеи и с Торкы с воеводою своимъ Володиславомъ и наехаша дорогу ихъ... и оустрегоша [я] с полоно бишася с ними... инехъ избиша а другыя извязаша... и рче Володиславъ держи колодники се себе на смръть повели княже сечи [я] и исекоша все поехаша по дорозе и сretoша и паки и сступишася с ними бить... самих поганы избиша а другыя изымаша а полонъ свои отяша «У» (40) чади...

ЛЛ ст.362–363; ПНЛ с.246; ИЛ ст.562–564 (1173); ВЛ с.71; МЛС с.82; С1497 с.37; УЛ с.193; РДЛ с.135–136; ХЛ с.52; ТС ст.248.

6682 (1174). Зачало княженья Романова Ростиславичю Киеву... В то же время сеядяцю Стославу Всеволодичю въ Чернигове а Романови сеядяцю въ Киеве и начаша Половци пакость творити по Рси...

ИЛ ст.568.

...Того же лет на Петровъ днь Игорь Стославичъ совокупивъ полкы свои и еха в поле за Ворьсколь и стрете Половце иже ту ловять языка изыма е и поведа ему колодникъ оже Кобякъ и Кончакъ¹⁸¹ шле къ Переяславлю Игорь же слышавъ то поеха противу Половцемъ и перееха Върсколь оу Лтавы къ Пеяславлю (Игорь же слышавъ и) и оузрьрешася с полкы Половецкыми и бе рать мала и темъ не оутерпеша стати противу Игореву и тако побегоша весь полонъ свои пометавыше бяхуть бо воевали оу Серебряного и оу Баруча дружина же Игорева постигъше онехъ избивше и а иныхъ изымаша...

ИЛ ст.568–570.

Берладники

6682 (1174) ...Андреи же примь светъ ихъ... и посла Михна мечника еде к Ростиславичемъ рци же имъ не ходите в моеи воли ты же Рюриче поиде въ Смолньскъ къ брату во свою очну а Двдви рци а ты поиди въ Берладъ а в Руськои земли не велю ти быти...

ИЛ ст.572–573.

Половцы

6685 (1177) ...На зиму иде князь Всеволодъ на Глеба к Рязаню с Ростовци и с Суждальци и со всею дружиною... и села пожже боярская а жены и дети и товаръ да поганы на щить... князь же Всеволодъ възвратився от Коломны... и обрете Глеба стояща на Колахши [Колакши] на реце с Половци и с полономъ и не совкупиша ся бить обои за мць бе бо не лзе перети реки твердью князь же Всеволодъ нарядивъ полки на маслении недел и пусти возы на ту сторону реки идеже Глебъ стояше Глебъ же наряди полкъ со Мстиславомъ с Ростиславичемъ на возы князь же Всеволодъ посла сновца своего Володимера с Переяславци и неколико дружины с ним вози стояхуть противу Мстиславу... и не дошедше до стрелища одного Всеволожа полку и ту абые побегнуше переди Мстиславъ на сеи стороне реки... Всеволодъ же князь погна в следъ ихъ со всею дружиною овы секуще овы вяжуще и ту самого Глеба яша руками... и дружину его всю изымаша и думци его извяза все и Бориса Жидиславича и Ольстина и Дедиля и инех множество а поганые Половци избиша...

ЛЛ ст.383–385; ПНЛ 10 с.4, ВЛ с.73; МЛС с.88; С1497 с.39; УЛ с.195–196; РДЛ с.145; ХЛ с.54; НЛ с.35; ТС ст.262–263; ВПЛ с.55; Н4Л с.14.

...Того же лета князь Романъ Глебовичъ Рязанский изби много Половецъ...

10 ПНЛ с.6.

¹⁸¹ Междоусобица, вспыхнувшая в половецкой правящей династии между Осеневскими, Белкатегиновскими (Беглюковскими) и Гиргеневскими половецами, привела к усилению половецких родов, возглавляемых Кобяком и Кончаком.

...Приидоша Половци на Роускую землю на роусалной недели сеядящю Романови в Кие-
ве посла брата своего Рюрика и сна своя Половци же взяша «S» (6) городвъ Берендичь¹⁸²
и поидоша к Ростовцю Давыдъ же бяше не притягль и бывши распре межи братьею и по-
стиже братью свою Рюрика и сновца своя Ярополка и Бориса и постигоша Половце оу Рос-
товьца и Половци оборотившия победиша полкы Роуськее и много боярьъ изымаша а кня-
зе въбегоша в Ростовець...

ИЛ ст.603–604.

...Въ то же время прииде Мьстиславъ с полкомъ своимъ и рекоша Ростиславчи оже Бъ
хочеть то завътра дамы полкъ Стославоу. Стослав же оуведа оже хотять емоу дати полкъ
Ростиславичи и побеже Стославъ чересь Днепръ оустья Лыбеди и потопош людье мнози
переже же того послалъ бяше в Половце. Половци же слышавше оже Стославъ выбегль
ис Києва приехавше к Торцькому много людии поимаша Ростиславичи же не хотяче го-
убити Роуской земли и крстнсьской крови проливати сгадавше даша Киевъ Стославоу
а Романъ иде к Смолньскоу...

ИЛ ст.604–605.

6687 (1179) ...Того же лет мсца авгоуста придоша иноплемьници... Кончакъ со еди-
номыслеными своими приехавше к Переяславлю за грехы наша много зла створи крстья-
номъ [онихъ плениша а иньи избиша множайшия же избиша младенецъ]. В то же время
вышедшю Стославоу ис Києва ниже Трьполя стоящю съжидаючи к собе Ростиславичъ
ждашетъ бо к собе Половецъ на миръ бяшетъ же имъ вестъ и на рать и в то время пригна
посоль ис Переяславля воюють Половци около города слышавше же кнзи Роустии поидо-
ша за Соулоу и сташа близ городища Лоукомля вестъ же приимше Половци яшася бегоу
опять своею дорогою и князи воротишася во свояси...

ИЛ ст.612–613.

6689 (1181). Приде князь Всеволодичъ Стославъ с Новгородци и с Половци с погаными
и с Черниговци на Всеволода Юргевича Всеволодъ же поиде противу ему и оустрете
и на Влене на реце и стояше промежи собою две недели дружина же Всеволожа хотяхуть
крепко ехати на Стослава Всеволодъ блгосердъ сы не хотя крове прольяти не еха
на нь он же стоявъ «В» (2) недели Убояся разводья пожга городъ Дмитровъ възвратися
опят в Русь а князь Всеволодъ в Володимерь...

ЛЛ ст.388; 10 ПНЛ с.7 (1180); ИЛ ст.618–623 (1180); ВЛ с.74; МЛС с.89 (1180), РДЛ с.147,
ХЛ с.55; НЛ с.35(1180); ТС ст.266; ВПЛ с.55 (1180); Н4Л с.15 (1180).

...Игорь же има с собою Половце Коньчака и Кобяка и дождася Стослава противоу Вы-
шегородоу¹⁸³... Стославъ въеха с братома в Киевъ Половци же испросиша оу Стослава Иго-
ря ать ляжеть с ними по Лобьскоу Стославъ опуости [отпоусти] слышав же Рюрикъ оже
Стослав же привель к собе Половце в помочь и лежать со Игоремъ по Долобьскоу и посла
Мьстислава Володимирича с Черными Клобоуки и Лазоря воеводоу своего с молодыми
своими и Бориса Захарьинича со Сдеславомъ со Жирославичемъ и со Мьстиславемъ пол-
комъ изо Трьполя Борисъ Захарьичъ с Володимерими людми княжича своего и возревше
на Бъ и ехаша на не Половецъ же бе много и исахоуть без боязни надеючеся на силоу
свою и на Игоревъ полкъ и бе стороже Мьстиславъ же приеха к нимъ Чернии Клобоуци о-
стерегоша е и поведаша Мьстиславоу и братьи своеи и воеводамъ Роускимъ Чернии
же Клобоуци слышавше оу... братьи своеи и оустремися на не и пустиша кони к товаромъ
ихъ воеводы же Роускеи не веляхоуть имъ и не могошати ихъ оудержати бе еще ночь они
же облазнивша грешаши товары ихъ крило же ихъ в мале оулоуциша от дружине своее

¹⁸² В первую очередь, половцы стремились вывести из борьбы наиболее опасных для них черных кло-
буков.

¹⁸³ Согласно данному сообщению, Игорь Святославович новгород-северский был дружен с Кончаком
и Кобяком.

вогнаша оу товары ихъ Половци же в видивше е загоньце ты Черныхъ Клобоукъ и яша неколко ихъ... и побегоша Чернии же Клобоуци бегающе възмяся бяхоуть Роусью и въбегоша во Мьстиславль полкъ Мьстиславъ же мневъ яко побежени соуть и тако възмятошася дружина Мьстиславля... лепшии моужи осталися бяхоуть Лазорь воевода с полкомъ Рюрико[вымъ] и Борисъ Захарьичъ с полкомъ своего княжича Володимера и Сдеславъ Жирославичъ съ Мьстиславлимъ полкомъ и възревъше на Бъ и поехаша противу Половцемъ Половци же видивше оустремишася на не и сразишася с нимъ Роусъ же потопташа е Половци же бегающе передь [полкомъ] Роусью потопоша мнозе въ Черторгии а инехъ изоимаша а другия исьсекоша Игорь же видевъ Половце побежени и тако с Кончакомъ вскочивша в лодью бежа на Городецъ къ Черниговоу и тогда оубиша Половецкого князя Козла Сотановича и Елтоута Кончакова брата и «В» (2) Кончаковича яша и Тотоура и Бякобоу и Коунячука батого и Чюгая и свое отполониша... и приехаша къ Рюрикови с победою...

ИЛ ст.618–623.

6692 (1184). Иде князь Всеволодъ [на Болгары] со Изяславомъ Глебовичемъ сновцемъ своимъ и с Володимеромъ Стославичемъ и съ Мстиславомъ Двдвчемъ и съ Глебовичи Рязаньскаго с Романомъ и со Игоремъ и со Всеволодомъ и с Володимеромъ и с Муромьскимъ Володимеромъ [и] приде в землю Болгарьскую и выседъ на берегъ поиде к Великому городу... оузриша наши сторожеве полкъ в поли... и приехаша «Е» (5) мужъ ис полку того и оудариша челомъ передь княземъ Всеволодомъ... кланяются княже Половци Емякове пришли есьмы со княземъ Болгарьскы воевать Болгарь... и с дружиною води ихъ в роту в Половьцьскую поима ихъ поиде к Великому городу... Болгаре же из города и в Собекуля и из Челмата поидоша въ лодья а ис Торцьскаго на конихъ на лодье наши...

ЛЛ ст.389–390; 10 ПНЛ с.9; ИЛ ст. 625–626 (1182); МЛС с.90 (1183); РДЛ с.147–148; ХЛ с.55; НЛ с.36 (1183); ТС ст.268–269.

Половцы, берендеи

6693 (1185). Бъ вложи и в срдце княземъ Русскимъ ходиша бо князи Рустии вси на Половци Стославъ Всеволодичъ Рюрик Ростиславичъ Володимеръ Глебовичъ Стославичъ Глебъ Гюргевичъ Глебъ Туровьскыи Романовичъ Мстиславъ Двдвчъ Изяславъ Всеволодъ Мстиславичъ и Галичьская помочъ и Володимерьская и Лучьская... перешедше Оуголь реку «Е» (5) днии... Володимеръ же Глебовичъ внукъ Юргевъ езяше напереду в сторожи с Переяславци и Берендеевъ было с нимъ «К» (20) и «Р» (100)... Половци же оузревше полкъ Володимеръ крепко идущъ на ни... ради быша надеюшася на силу... побегше от полка Володимира секуще я «3» (7) тысячь руками изымаша ихъ князии одинехъ было Половьцьскы «У» (400) и «31» (16) Кобяка руками яша Осолука, Барака, Тарга, Данила, Башкърта, Тарсука, Изу, Глеба Тирьевича, Ексна, Алака и Толгья Двдвча тести¹⁸⁴ с сыно Тетия с сыно Кобякова тьсти Турундая¹⁸⁵... мця иуня въ «ЛА» (31) днь... и Кумани рекше Половци... дружина ополонишася и колодники поведоша оружья добыша и конь...

ЛЛ ст.394–396; 10 ПНЛ с.11–12; ИЛ ст.628–633 (1183); ВЛ с.75; МЛС с.91; С1497 с.40; УЛ с.196–197; РДЛ с.150–152 (1184); ХЛ с.55–56; СР с.23–24; НЛ с.36; С1493 с.234; С1495 с.320; РЛ ст.23, ТС ст.271–274; ВПЛ с.56; Н4Л с.16.

Половцы

6693 (1185) ...Того ле здумаша Олгови внуци на Половци занеже бяху не ходили... Игорь съ двема снома из Новагорода Северьскаго ис Трубеча Всеволодъ брата его Олго-

¹⁸⁴ Свидетельство родства половецких родов с русскими.

¹⁸⁵ Турундай – Турун-Дей, здесь прослеживаются половецко-торкские или половецко-печенежские родственные связи. Следовательно, торки и печенеги действовали как со стороны Руси, под именем черных клобуков, так и со стороны Половецкой земли.

вичь Стославъ из Рьльск и Черниговская помочь... и внидоша в землю ихъ... Половци же оуслышавше поидоша рекуше брая наши избита и оци наши а друзии изымни а се ноне на нас идут послася по всеи земли своеи... и ждаша дружины своя си к ни идуть к вежамъ ихъ они же не пустячи в веже сretoша ихъ а дружины не дождавше и ступишася и побежени бывше Половци и биша и до вежъ множество полона взяша жены и дети и стояша на вежа «Г» (3) дни... а ноне поидемъ по них за Донъ и до конца избьемъ ихъ... иде по них и Луку моря где же не ходили ни деди наши..а остатокъ бьены те бежаша дружине своеи... они же слышавше поидоша к ни а по друзи послася и сняшася с ними стрелци и бишася «Г» (3) дни стрелци а копы ся не снимали а дружины ожидаючи а к воде не дадуче имъ ити и приспе к ни дружина вся многое множество... изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами в зной и в тузе и поступиша мало к воде... Видевше ратнии устремишася на нь и притиснуша и к воде и бишася с ними крепко и бы сеча зла велми друзии коне пустиша к ни съседше и кони бо бяху под ними изнемогли... князи вси изымани быша а боляре и велможа и вся дружина избита а другая изыман и та язвена и възвратишася с победою великою Половци...

ЛЛ ст.397–398; 10 ПНЛ с.12–13 ст.2 (1186); ИЛ ст.634–646 (1184–1185) (6692) (1184); ВЛ с.75 (1186); МЛС с.91–92 (1186); С1497 с.40 (1186); УЛ с.196–197 (1186), РДЛ с.150–152 (1186); ХЛ с.55–56; СР с.23–24 (1186); НЛ с.36 (1186); С1493 с.234 (1186); С1495 с.320 (1186); ТС ст.271–274 (1186); ВПЛ с.56 (1186); Н4Л с.17 (1186).

...Половци же оуслышавше всю землю Русскую идуще бежаша за Донъ... Половци же оуслышавше ихъ отшедши гнаша отаи к Переяславлю и взяша все городы по Суле и оу Переяславля бишася весь днь Володимеръ же Глебовичъ виде острогъ взимае выеха из города к ни в мале дружине и потче к ни и бишася с ними крепко и обиступиша князя зле и видевше горожане изнемогающе свои и выринушася из города и бишася одва изотяша князя боденого трети копы Я дружины много избьено и вбегоша в городъ и затворишася а они възвратишася со многы полоно в веже... оускочи Игорь князь оу Половецъ¹⁸⁶...

ЛЛ ст.399; 10 ПНЛ с.14 ст.2 (1186); ВЛ с.75 (1186); МЛС с.91–92 (1186); С1497 с.40 (1186); УЛ с.196–197 (1186); РДЛ с.150–152 (1186); ХЛ с.55–56; СР с.23–24 (1186); С1493 с.234 (1186); С1495 с.320 (1186); ТС ст.271–274 (1186); ВПЛ с.56 (1186); Н4Л с.17 (1186).

6695 (1187) ...Множество Половецъ приходиша на Рязань и много зла сотвориша и отъидоша во свояси...

10 ПНЛ с.18.

6698 (1190) ...бяхоуть бо в полкоу Половецкомъ три князя Колдечи, Кобань Оурусовича оба и Бегъбарс Акочаевичъ...¹⁸⁷

ИЛ ст.671.

6699 (1191) ...Сдоумавъ Игорь с братьею ити на Половци и шедше ополонишася скотомъ и конми и възвратишася во свояси¹⁸⁸...

ИЛ ст.673.

6703 (1195) ...приходиша въ Рязань Половци и много зла сътворивше възвратишася въ свояси...

10 ПНЛ с.23.

6704 (1196) ...Всеволод же дасть Торчъски зятю своему Ростиславу Рюриковичу а на прочих посажа наместники своя... Тое же осени Рюрик посла к великому князю Всеволоду и брату своему Давидоу в Смоленск и тако вси послася послы своя к Ярославу

¹⁸⁶ Побег князю Игорю Святославовичу организовал половецкий князь Кончак.

¹⁸⁷ Кобан Оурусович и Бегъбарс Акочаевич – представители правящих половецких родов.

¹⁸⁸ Князь Игорь выступает против половецв – врагов Кончака.

Всеволодичю и ко всеи братии черниговским князем яко не хотети им Киева но знати свои Чернигов и что к нему пошло от прадед... Рюрик же им томоу веры воя роспусти и Половце...

УЛ с.198–199; 10 ПНЛ с.27; ТС ст.284 (1195); МЛС с.97; С1497 с.42.

6705 (1197) ...Тоя же осени князь велики Всеволодь Юрьевъ сынъ Долгорукаго съ Рязанскими князи и съ Муромскими и съ Смоленскимъ со княземъ Давидомъ и съ Половецкими князи про свата своего иде на Олговичи къ Чернигову и внидъ въ землю ихъ и въ власти ихъ поима грады ихъ Вяческия и землю ихъ пусту сотвори...

10 ПНЛ с.30.

...Того же лета князь велики Владимирский Всеволодь Юрьевъ сынъ Долгорукаго иде на Черниговъ съ Рязанскими князи и Муромскими и Смоленскими и Киевскими и со множествомъ Половечь... вшедъ въ землю Черниговскую многа зла сотвори Князи же Черниговстии приведоша къ себе на помощь князей Половецкихъ и многу силу Половецкую и идоша противу ихъ и вмале быша брань межи ихъ...

10 ПНЛ с.30; Н1Л СИ с.43 (1196); Н1Л МИ с.235 (1195–1196).

6707 (1199) ...Ходи князь великий Всеволодь Гюргевичъ внукъ Володимеръ Мономаха на Половци с сыномъ своимъ Константиномъ... Половци бежаша и с вежами к морю князь же великий ходивъ по зимовищемъ ихъ и прочее възле Донъ¹⁸⁹ ... взратися мца иуня въ «Г» (3) днь...

ЛЛ ст.414–415; 10 ПНЛ с.31; РЛ ст.24; ТС ст.288; ВЛ с.79; МЛС с.99; РДЛ с.159; ХЛ с.57.

6710 (1202) ...Ходи Роман князь (галицкий) на Половци и взя веже Половечьские и приведе полона много¹⁹⁰...

ЛЛ ст.418; 10 ПНЛ с.34 (1201); РДЛ с.154; ХЛ с.57 (1201); ВЛ с.79; МЛС с.100; РЛ ст.24; ТС ст.291–292.

6711 (1203)...Взять бы Киевъ Рюриком и Олговичи и всею Половцьскою землею...

ЛЛ ст.418; 10 ПНЛ с.34 (1201); Н1Л СИ с.45; Н1Л МИ с.240; РДЛ с.154 (1201); ХЛ с.57; ВЛ с.79 (1202); МЛС с.100 (1202); С1497 с.43 (1202); УЛ с.200 (1202); РЛ ст.24; ТС ст.292–293.

...февра въ «S1» (16) прихо Романъ ко Вроучему на Рюрика отводя и от Олгови и от Половечь...

ЛЛ ст.418; РДЛ с.160 (1201); ХЛ с.57; С1497 с.43 (1202); УЛ с.200 (1202); ТС ст.292–292.

6713 (1205) ...ходиша Роустии кнзи на Половци Рюрикъ Киевський Ерославъ Переяславський велико кнзя Всеволо снъ Романъ Галицкий и Мстислави и инии кнзи быс же того зима люта и Половце бы тегота велика... и взяша Роуский кнзи полону много и стада и заяша и возвратиша во своя си с полоно многи...

ЛЛ ст.420; 10 ПНЛ с.36 (1203); Н1Л МИ с.240 (1203); РДЛ с.161; ХЛ с.57 (1204); СР с.25 (1203); ВЛ с.80 (1203); МЛС с.101 (1203); С1497 с.43 (1203); УЛ с.200 (1203); РЛ ст.24 (1204); ТС ст.294 (1204).

6714 (1206) ...Того ле ходиша князи Рязаньскыя на Половци и взяша веже ихъ¹⁹¹...

ЛЛ ст.425; РДЛ с.163 (1205); МЛС с.104 (1205).

¹⁸⁹ Свидетельство того, что Всеволоду Юрьевичу приходилось иметь дело уже с северокавказскими, а не причерноморскими половцами.

¹⁹⁰ По всей вероятности, это половцы Белкат-тегиновичи.

¹⁹¹ Борьба велась с поволжскими половцами.

...Того лета на зиму великий князь Всеволодь жени сна своего Ярослава и приведоша за нь Юргевъну Кончаковича¹⁹²...

ЛЛ ст.425; ВЛ с.80 (1205); МЛС с.104 (1205); С1497 с.44 (1205); УЛ с.201(1205).

Половцы, берендеи

6714 (1206) ...Совкупися Олговичи вси в Черниговъ на снем Всеволодь Чермны с своею браею и Володимеръ Игоревич и Мстиславъ Романовичъ и Смолинъска и Половци придоша к ни мнози и поидоша опять на Галичъ... дошедши им до Киева... и с ними Рюрикъ с Ростиславомъ и Володимеромъ... и Берендичи идоша с ни а отонать Ляхове поидоша на Володимеръ Слышавъ же Галичане... и послашася г королеви помочи прося оу него... совокупся весь поиде с ними чересь горы... ни король поступи к Галичю ни Олговичи король же омиривъ Ляхы поиде за горы...

ЛЛ ст.426–427; 10 ПНЛ с.50; ХЛ с.58; ВЛ с.80 (1205); С1497 с.44; УЛ с.201; ТС ст.303.

...Того ле на зиму Всеволодь Чермныи совокупся с своею братею и с сновци своими и с Половци иде на Киевъ Рюрикъ же не мога стати противу затворися в Киеве Они же стояше около города «Г» (3) ндели възвратишася вспят не оупевше ничтоже...

ЛЛ ст.428; 10 ПНЛ с.51; ВЛ с.80–81; УЛ с.201.

Половцы, торки

6715 (1207) ...Поидоша Олговичи вси опять на Рюрика г Киеву... и обиступиша и бы брань крепка зело... и изнемогши люде в граде предашася ему... а Белегороде затворился Мстиславъ Романович... и пришедше оступиша и и бы брань люта и люди же изнемагахуся в граде... затворися в нем и они оступиша и и поганья распустиша воевать они же много зла створиша по земли пленующе секуще и села жгуще...

ЛЛ ст.429; 10 ПНЛ с.53–54 (1208); ХЛ с.58; ВЛ с.81; С1497 с.44–45; УЛ с.201–202; ТС ст.304.

Половцы

6715 (1207) ...Того же лета князь Рюрикъ Ростиславичъ слышавъ яко Всеволодь Юрьевичъ воюеть Рязань и начя собирати воинства на Чръниговския князи приидоша же къ нему и Половецъ множество на помощь все же тайно содевая и тако совокупся почна изгономъ ко Киеву и согна Всеволода Святославичя Чръмнаго съ Киева а самъ сяде въ немъ и по всемъ градомъ Киевскимъ посажа наместники своа и одаривъ Половецевъ отпусти во своя ихъ жилища...

10 ПНЛ с.59 (1208); ХЛ с.58; С1497 с.44–45; УЛ с.201–202.

Угры

6616 (1208) ...Оугры выгнаша из Галича Володимера Игоревича а брата его Романа посадиша...

С1497 с.45; УЛ с.202.

Половцы

6717 (1209) ...Поиде Олегъ и Глебъ и Изяславъ Володимиричи и кюръ Михаило Всеволодичъ с Половци на Давыда Муромъскаго князя къ Пронску рекуче «Сему ли отчина Пронескъ а не намъ?». И оседоша Пронескъ... и уладишася с нима и иде Давыдь къ Мурому а въ Проньску седе кюръ Михайль...

РДЛ с.163.

6718 (1210) ...Тое же весны приходоша Половци к Переяславлю и повоеваша многа села възвратишася с полоно многы в своя си...

ЛЛ ст.435; 10 ПНЛ с.62 (1211); ВЛ с.83 (1211); МЛС с.108; С1497 с.45; УЛ с.203.

¹⁹² Здесь упоминается отец Александра Невского. Юргевна, очевидно, трансформированное Гиргенева. Кончак породнился с половецким ханским родом Гиргеневых, добившись лидерства в половецких степях.

...Поиде Изяславъ Володимиричь и кюръ Михаило Всеволодичъ с Половци на великого князя Всеволода Слышавъ же се Всеволодъ посла сына своего Гюргя съ полкомъ противу ихъ Гюрги же у Осового усрете ихъ и начяша ся бити И победи Гюрги Всеволодичъ Изяславъ полкъ Володимирича А самъ Изяславъ утече и Игорь Михайлъ за реку за Оку съ маломъ дружины а инии ту истопоша...

РДЛ с.163.

Угры

6719 (1211) ...Жени князь великий Всеволод сына своего Юрия оу Всеволода Чермнаго Галичане привед Оугры к себе отаи и изымаша князи свои Игоревичи З Романа с братию его и бивша их побежа...

УЛ с.203; С1497 с.45.

Половцы

6723 (1215). Того ле Володимеръ снъ Всеволожь слышавъ аже иду Половци к Переяславлю... и оустретеса с ними на реце и бишася крепко и мнози от обохъ падоша... Одолеша Половци и мнози от Руси избъени быша а ине изымаша и самого князя Володимера яша и ведоша и в веже свои...

ЛЛ ст.438; 10 ПНЛ с.69; ХЛ с.60; ТС ст.315; ВЛ с.84 (1216); МЛС с.110; С1497 с.46; УЛ с.204.

Половцы

6726 (1218) ...Прииде Володимеръ снъ Всеволожь ис Половецъ к братье своей и даша ему Стародубъ...

ЛЛ ст.442; ХЛ с.61 (1217); ВЛ с.85(1219); МЛС с.115 (1217); С1497 с.47–48 (1217); УЛ с.205 (1217).

...[Глебъ князь Рязаньский на братию] кождо съ своими бояры и дворяны придоша в шатрь ею съ же Глебъ преже приходи ихъ изнарядивъ свое дворяне и братне и поганыхъ Половчъ множество въ оружии и съкры я въ полостьници близъ шатра... и поидоша они-коловици и до детии въ брѣняхъ акы на рать...

Н1Л СИ с.58; ХЛ с.61 (1217); ТС ст.325 (1217); ВЛ с.84; С1497 с.47–48 (1217); УЛ с.205 (1217).

6727 (1219) ...Того ле Безаконьныи Глебъ Володимеричъ приде с мноство Половецъ к Рязаню и изиде противу имъ Ингваръ съ своею братею и ступившимся обоимъ бишася крепко... победи [И]нгваръ злаго братоубицию Глеба и многы от Половецъ избиша а ины извязаша а сам оканьныи вmale оутече...

ЛЛ ст.444; 10 ПНЛ с.81–82 (1218); ХЛ с.61 (1218); ТС ст.329; ВЛ с.85 (1220); МЛС с.116; С1497 с.48; УЛ с.205.

...Того же лета князь Рязанский Ингваръ присла къ великому князю Георгию и къ брату его Ярославу помочи просящи на Половецъ и посласта къ нему воинство свое въ помощь и воеводу съ ними Якуна Тимофеевича. Князь же Ингваръ Рязанский иде съ ними на Половци. Они же слышавше ихъ бежаша а кои не уидоша и техъ избиша и возвратишася во свояси...

ПНЛ с.82 (1218); МЛС с.116.

Угры, половцы

6727 (1219) ...Мстислав Мстиславичъ и Володимер Рюриковичъ идоша на королевича к Галичю он же выде против им з Галичаны и с Чахи и Ляхи и с Моравы и со Оугры и одоле

им Мстислав а королевича ят и жену его и по сем мир с королем и сына его пусти а сам седе в Галичи... Тое же зимы Оугры выгнаша из Галича Мстислава и седе королевичъ в нем...

С1497 с.48; УЛ с.205; 10 ПНЛ с.86.

Угры

6729 (1221) ...Мстиславъ Мстиславичъ бися с угрою и победи я и изби множество ихъ и королевича я...

ЛЛ ст.445; С1497 с.48–49; УЛ с.206.

Татары, половцы

6731 (1223). Явиша языци... зовуть я Татары а инии глють Таумены а друзии Печенежи... и мы слышахо яко многы страны поплениша Ясы Обезы Касогы и Половецъ безбожныхъ множество избиша а инехъ загнаша... проидоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску и придоша близъ Руси идеже зовется валь Половечьскый... Мстиславъ Киевьскый и Мстиславъ Торопичскый и Черниговьскый и прочии князи здумаша итии на ня... А князи Рустии идоша и бишася с ними и побежени быша от них и мало ихъ избы от смрти... и же ся зло склучи мца мая въ «Л» (30)...

ЛЛ ст.445–447; Пр СЛАС ЛЛ ст.503–509; ПНЛ с.89–92 (1225); Н1Л СИ с.62–63 (1224); Н1Л МИ с.265–266 (1224); ВЛ с.85; МЛС с.118–119; С1497 с.49–50 (1224); УЛ с.206–208 (1224); С1493 с.234; С1495 с.320; РЛ ст.27–28 (1226); ТС ст.336–342 (1224); ВПЛ с.66–67 (1224); Н4Л с.28 (1224); П1Л с.177 (1224); ИЛ ст.743–744 (1224); МЛ с.68; ХЛ с.62–64; СР с.28.

Половцы

6737 (1229) ...Того ле победи Пургаса Пурешев снъ с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову а Пургасъ едва в мале оутече...

ЛЛ ст.452; МЛС с.123 (...придоша Мордва с Пургасомъ к Новгороду Нижнему и биша ихъ Новгородци... Победи Пургаса Пурешевъ сынъ с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ утече в мале); ИЛ ст.755–760.

Половцы, татары

6737 (1229) ...Того ле Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаро перед Татары и сторожеве Болгарьскый прибегоша бьени от Татаръ близъ реки, еиже имя Яикъ...

ЛЛ ст.453; ХЛ с.65.

Татары

6740 (1232) ...Того ле приидоша Татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьскаго...

ЛЛ ст.459; ВЛ с.87; С1497 с.52 (1231); УЛ с.209 (1231); ТС ст.359.

Угры

6740 (1232) ...а Дьямноу тысяцькому идуцю и инемъ полкомъ многимъ о шоуюю Даниль же идеше полкомъ своимъ посред великоу же полкоу бывшоу его оустроень бо бе храбрыми людми и светлымъ оружьемъ Даниль же вободе копье свое в ратьного изломившоу же ся копью и обнажи мечь свои... и види стягъ Василковъ стояще и добре борющася и Оугры гоняшоу... потомъ же видивъ брата добре борющася и соулицы его кроваве соущи и оскепицю исеченоу от даренья мечеваго... (1233)... и стягъ королевичъ подъяли беахоу... техъ бо падшихъ много Оугоръ а Даниловыхъ мало боярь... (1234) ...воротитася к Галичию и пороки пометаша... и прия землю Галичьскоую и розда города бояромъ и воеводамъ и беаше корма...

ИЛ ст.767–771.

Половцы

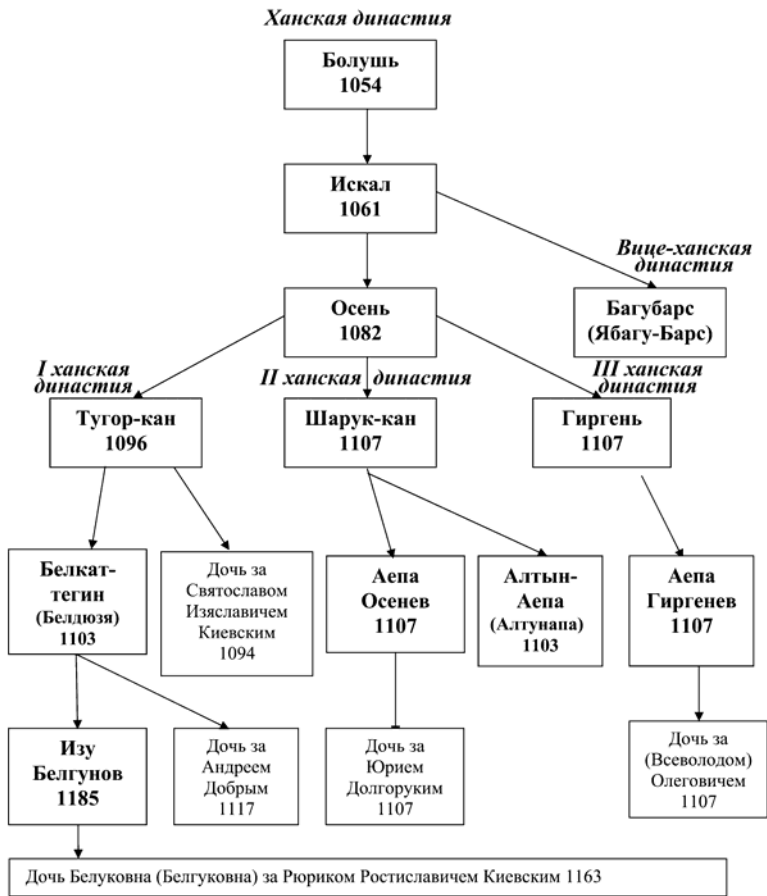
6743 (1235) ...Князь Изяславъ Мстиславичъ Смоленский внукъ Романовъ Ростиславичя съ Половци и князь Михайло сынъ Всеволода Чермнаго съ Черниговцы и князь Ярославъ Всеволодичъ съ Новгородци ходиша ратью на Киевъ и взяша его а великого князя Киевского Владимира Рюриковича вземше Половци ведоша съ собою въ свою землю... взяша с него окупъ и отпустиша его на Русь...

ПНЛ с.104; Н1Л СИ с.73; ВЛ с.87; МЛС с.126; С1497 с.52; УЛ с.210; НЛ с.42; ТС ст.363; ВПЛ с.70; Н4Л с.30; ХЛ с.66.

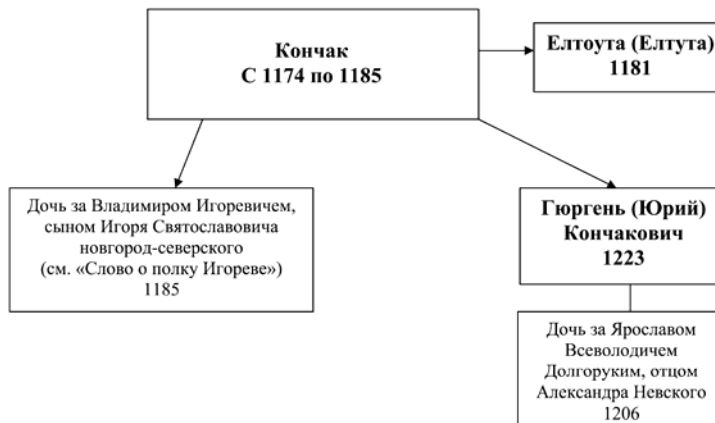
Список сокращений

- ВЛ, Н2Л – Владимирский летописец. Новгородская II (Архивная) летопись // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т.30. – 239 с.
- ВПЛ – Вологодско–пермская летопись // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.26. – 413 с.
- ИЛ – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – СПб.: Типография М.А.Александрова, 1908. – Т.2. – 938 с.
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – Т.1. – 578 с.
- МЛ – Мазуринский летописец. Летописцы XVII века // ПСРЛ. – М.: Наука, 1968. – Т.31. – 262 с.
- МЛС – Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т.25. – 464 с.
- Н1Л СИ, Н1Л МИ – Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т.39. – 640 с.
- Н3Л, Н4Л – III–IV Новгородские летописи // ПСРЛ. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1841. – Т.3. – 309 с.
- Н4Л, ПЛ – IV–V Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – Т.4. – 360 с.
- НЛ, С1493, С1495 – Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.27. – 418 с.
- ПЛ, СфЛ – V–VI Псковские и Софийские летописи // ПСРЛ. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. – Т.5. – 275 с.
- ПНЛ – Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т.9–10. – 244 с.; 266 с.
- РДЛ – Радзивилловская летопись // ПСРЛ. – Л.: Наука, 1989. – Т.38. – 178 с.
- РЛ, ТС – Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т.15. – 186 с.
- С1497, УЛ – Летописный свод 1497 года. Летописный свод 1518 года (Уваровская летопись) // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.28. – 410 с.
- СР – Новгородская и Киевская сокращенные летописи. Супрасльская рукопись. – М.: Синодальная типография, 1836. – 172 с.
- ХЛ, ДЛ – Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. – Л.: Наука, 1977. – Т.33. – 249 с.

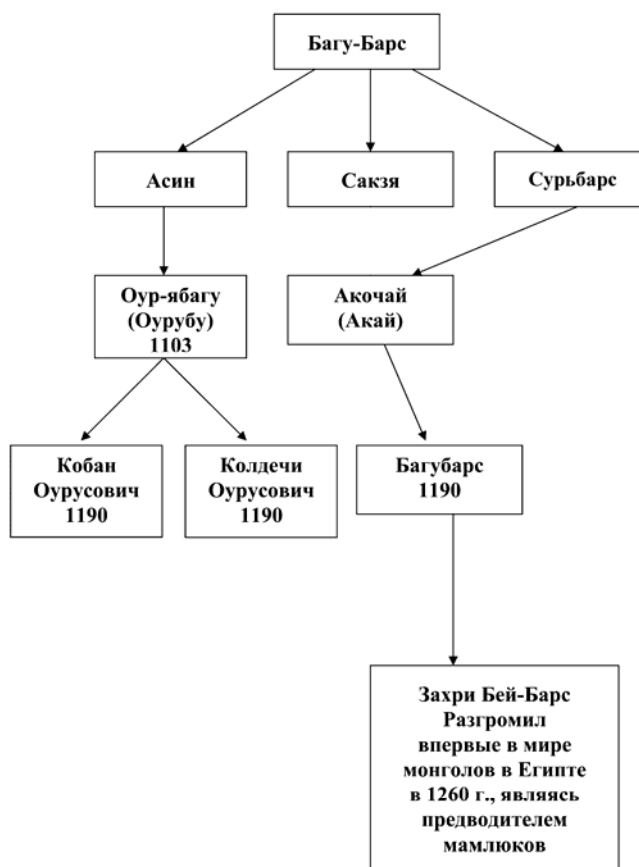
**Родословная половцев (кыпчаков)
по данным русских летописей**

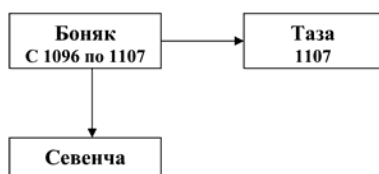
**Род половецкого князя Кончака,
связанного с III ханской династией Гиргеневичей**

**Род Ябагу (Багу)
Вице-ханская династия**

Род половецкого князя Боняка

Род половецкого князя Кобяка

Материал подготовил Валерий Аксенов

Ибн ал-Асир о походах монголо-татар

Ибн ал-Асир Абуль Хасан Али Из-адин родился в 1160 г. в области Асир Саудовской Аравии. В молодости он участвовал в войне египетского султана Салах ад-дина с крестоносцами, впоследствии занимал высокое положение при дворе багдадских халифов. Умер Ибн ал-Асир в 1232 г. Он оставил потомкам несколько своих трудов, из которых наиболее ценными являются «История сирийских атабеков» и «Всеобщая история», доведенная до событий 1230 г.

Сочинения Ибн ал-Асира отличаются добросовестностью изложения в плане

правдивости большей части приводимых сведений и обладают безусловными литературными достоинствами. Кроме сообщений о крестовых походах, им очень хорошо описано вторжение монголо-татарских войск в Переднюю Азию и Восточную Европу, современником которого он являлся.

Известие Ибн ал-Асира о вторжении татар в «страны мусульманские» и в Европу мы цитируем по изданию: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. –Т.І: Извлечения из сочинений арабских. –СПб., 1884.

«...Год 617¹... О вторжении Татар в страны мусульманские. Несколько лет я противился сообщению этого события, считая его ужасным и чувствуя отвращение к изложению его: я приступал к нему и опять отступал. Кому же легко поведать миру о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? О, чтобы матери моей не родить меня, чтобы мне умереть прежде этого и быть преданным вечному забвению! Хотя многие из друзей моих побуждали меня к начертанию этого события, но я приостанавливался. Потом, однако, я сообразил, что неисполнение этого не принесет пользы. Пересказ этого дела включает в себе воспоминание о великом событии и огромном несчастье, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман; если бы кто сказал, что с тех пор, как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время, мир не испытывал ничего подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильянами по части избияния их и разрушения Иерусалима². Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима! И что такое Израильяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в одном отдельно взятом городе, жителей которых они избияли, было больше, чем всех Израильян. Может быть род людской не увидит ничего подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста³, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же Татары ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши. По истине, мы принадлежим Аллаху и возвратимся к нему; нет мощи и нет силы, как только у Аллаха всевышнего и великого!

Вот как происходило это событие, искры которого разлетелись во все стороны и зло которого простерлось на всех; оно шло по всем как туча, которую гонит ветер. Вышел народ некий из окраин Китая и устремился на земли Туркестана, т.е. Кашгар и Белясагун, оттуда на области Мавераннехра, как то: Самарканд, Бухару и др., завладевая ими и поступая с жителями их так, как мы расскажем. За тем один отряд их перебирается в Хорасан и окончательно расправляется с ним, завладевает, опустошает, избивает и грабит; потом переходит в Рей, Хамадан, землю Джебальскую и во все области, простирающиеся до пределов Ирака; далее направляется в земли Адзербейджана и Аррании⁴, опустошая их и убивая большую часть жителей. Спасся только редкий из них, выбравший верный

¹ 28.03.1220 – 24.02.1221.

² Навуходоносор – царь Вавилонии в 605–562 гг. до н.э., в 605 г. захвативший территорию Сирии и Палестины, в 597, 587–586 гг. разрушивший восставший Иерусалим и ликвидировавший иудейское царство.

³ В оригинале, по-видимому, иблиса.

⁴ Аррания – Албания Кавказская.

путь. Менее чем в год происходит то, чему подобнаго не слыхано. Потом, управившись с Адзейберджаном и Арранией, они идут к ущелью Ширванскому и овладевают городами его; уцелела только крепость, в которой находился царь их. Оттуда они перебрались в земли Аллан, Лезгин и различных народов, живущих в этих местах, и наделили их резней, грабежем и опустошением. Потом они направились в земли Кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и избили там всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели эти Татары. Сделали они это в самое скорое время, с теми только проволочками, которые требовались для переходов их, не более. Другой отряд отправился в Газну и округи ея, да в соседния с нею земли Индии, Седжестан, Керман, действуя там таким же образом, как те поступали, и даже хуже. Подобное этому никогла еще не поражало слуха людского. Ведь Александр Великий, относительно которого летописцы согласны, что он был владыкой мира, и тот не овладел им с такой скоростью, а завоевывал его 10 лет, и никого не избивал, а довольствовался изъявлением людьми покорности. Эти же Татары в продолжение года овладели большею, лучшею, наиболее возделанною и населенною часть земли, да праведнейшими по характеру и образу жизни людьми на земле. В тех странах, на которые они еще не напали, всякий проводит ночь не иначе, как в страхе, боясь их и высматривая: не идут ли они к нему. Затем они не нуждаются в следовании за ними провианта и припасов, потому что при них овцы, коровы, лошади и другая скотина, и они ничем иным не питаются, как их мясом. Животные же их, на которых они ездят, сами разгребают землю своими копытами и едят корни растений, не зная ячменя. Вот почему, делая привал, Татары не нуждаются ни в чем постороннем. Что касается религии их, то они поклоняются солнцу, при восходе его, и ничего не считают запрещенным, а потому едят любое животное, даже собак, свиней и других. Не знают они брака и к женщине приходит не один мужчина, а когда является на свет дитя, то оно не знает своего отца⁵. Постигли в это время ислам и мусульман разные несчастья, каких не испытывал ни один народ. К числу их относятся эти Татары, да посрамит их Аллах! Пришли они с востока и совершили такие дела, которые признает ужасным всякий, кто слышит о них... К ним же⁶ относится вторжение Франков⁷ – да проклянет их Аллах – с запада в Сирию, нашествие их на страны Египетские и овладение ими гаванью Дамьят; они чуть было не овладели странами Египта, Сирии и др., не будь милости Аллаха всевышнего и помощи его против них. Кроме того, между людьми, уцелевшими от этих двух отрядов, обнажился меч и поднялась междоусобица... Молим Аллаха, да ниспошлет он исламу и мусульманам помощь от себя, ибо нет более помощника, пособника и заступника за ислам...

О том, что Татары сделали с Алланами и Кипчаками

Перебравшись через Ширванское ущелье, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и разные тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были отчасти мусульмане и отчасти неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Алланы употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков, и сразились с Татарами. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: «мы и вы – одного рода⁸, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; Татары действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили Аллан. Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, безчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали Татары нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что сами им принесли. Услышав

⁵ Это сообщение противоречит информации иных источников.

⁶ Т.е. к несчастьям.

⁷ Западноевропейцев.

⁸ Выделено мною; о родстве древних татар и кипчаков свидетельствуют многие источники, см., например, сообщение персидского историка XI в. ал-Гардизи. –Б.Х.

эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и есть в ней места теплые зимою, также со множеством пастбищ, т.е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последняя продается, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана.

О том, что Татары сделали с Кипчаками и Русскими

Когда Татары овладели землею Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали, то большая толпа из них ушла в землю Русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ея исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собралось и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 г.¹⁰ двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нея. Известие о движении их дошло до Татар, и они обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание напасть на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по безсилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, но потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; для последних это было совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество; спастись удалось лишь немногим из них; все что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в свою землю в самом жалком виде, вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество Татар, убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ея опустела. Тогда собралось многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться чрез море в страны мусульманския...

О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю

Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись отсюда и направились в Булгар в конце 620 г. Когда жители Булгара слышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что Татары остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их¹¹ было до 4000 человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю... Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва...».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

⁹ Т.е. Черного моря.

¹⁰ 4.02.1223 – 23.01.1224.

¹¹ Убитых или уцелевших?

Известия Юлиана о венграх, булгарах и татарах

В 1937 г. в Будапеште была издана книга Л.Бендефи, в которой он опубликовал 2 венгерских памятника XIII в., повествующих о путешествии в Восточную Европу доминиканского миссионера брата Юлиана¹. Один из этих документов представляет собою запись рассказа Юлиана о первом его путешествии, сделанную позднее братом Рихардом, другой – письмо Юлиана о втором путешествии. Исследованию этих источников и истории путешествий Юлиана была посвящена большая работа упомянутого венгерского ученого Л.Бендефи, изданная в Будапеште в 1936 г.².

Из записи брата Рихарда видно, что еще до Юлиана, может быть, в 1231–1232 гг., венгерские доминиканцы, зная из хроник, что где-то на востоке есть их единоплеменники-язычники³, отправили 4 миссионеров их искать. Трое из них погибли в течение трехлетних странствований, но четвертый – брат Отто – вернулся, кое-что разведав. Он побывал, по-видимому, где-то в степях близ Волги, получил некоторые сведения о «восточных венграх» и, хотя уже на девятый день по возвращении домой умер, перед смертью успел рассказать о пути в «Великую Венгрию».

По его следам и отправилась новая миссия из 4-х человек, включающая и Юлиана.

Время этого путешествия можно определить вполне точно, сопоставив разные хронологические указания в описании первого и второго путешествий. В самом за-

главии рихардовой записи «открытие» «Великой Венгрии» отнесено ко времени «господина папы Григория IX», т.е. к 1227–1241 гг. Затем, в тексте о Беле IV, венгерском короле, сказано: «с охранной грамотой и на средства Белы, ныне короля Венгрии», из чего можно заключить, что путешествие началось до вступления Белы на престол, т.е. до сентября 1235 г.

При второй поездке Юлиан нашел г. Булгар разоренным монголо-татарами (осень 1237 г.), но Суздаль еще не тронутым (разорен весной 1238 г.). Отсюда видно, что второй раз он был в Булгарии и на Руси зимой 1237/38 г.

Расчет расстояний между отдельными пунктами маршрута Юлиана в первом путешествии и расчет продолжительности стоянок позволили Л.Бендефи наметить следующую схему этого путешествия: Венгрия (выезд из какого-то доминиканского монастыря в Пеште, Буде, Альбарегия или Стригонии в первые дни мая 1235 г.) – Штульвейссенбург – Фюнфкирхен – Белград – Ниш – София – Филипполь – Адрианополь – Константинополь – Тмутаракань (Матрика) – Алания – страна «Vela» (?) – Великая Булгария (Юлиан прибыл сюда уже один приблизительно около 20 мая 1236 г.) – страна «восточных венгров» и «татар» (в обратный путь Юлиан отправился 21 июня 1236 г.) – земля «мордванов» – Нижний Новгород – Владимир – Рязань – Чернигов – Киев – Галич... 27 декабря 1236 г. Юлиан перешел Карпаты, около 8 января 1237 г. он был в Буде для доклада королю, а весной этого же года – в Риме, где его доклад папе и был записан Рихардом. Осенью 1237 г. Юлиан начал свое второе путешествие, законченное им до весны 1238 г.

Сообщения Юлиана в переводе на русский язык мы цитируем из издания: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. – Т. III. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 71–112.

¹ Эти источники публиковались и ранее: в 1748, 1761, 1763, 1849, 1859, 1861, 1900 и др. гг.

² Bendefy L. Az ismeretlen Julianusz. Az elzo magyar azsiakutato eletrajza es kritikai meltatasa. – Budapest, 1936.

³ Современные исследователи полагают, что прародина венгров – легендарная «Великая Венгрия» – до их переселения в Паннонию находилась в Приуралье и Нижнем Прикамье. Яркое тому свидетельство – ранневенгерский могильник второй половины VIII – IX вв., изученный казанскими археологами у с. Большие Тиганы Алексеевского района Республики Татарстан. Хотелось бы напомнить читателю и этимологическую близость таких этнонимов, как «мадьяр», «мажар», «мишар».

**«О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом
во время господина Папы Григория Девятого**

Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая, из которой вышло когда-то 7 вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того, как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римлян. Ее они предпочли всем прочим странам и избрали себе для жительства, а народы, тогда жившие там, подчинили себе. Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном⁴, тогда как прежние венгры, от которых эти произошли, оставались в неверии, как и донныне остаются язычниками.

Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры, от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали 4-х из братьев искать их повсюду, где, с помощью господина, сумеют их найти. Ибо по описаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но где находятся, вовсе не знали.

Вышесказанные братья, что были посланы, подвергаясь многим трудам, 3 с лишним года искали их по морю и по суше, но вследствие многих опасностей пути найти не могли. За исключением одного из них, священника по имени Отто, который только под именем купца прошел дальше; в некоем языческом царстве он нашел кое-кого, говоривших на том языке, и узнал от них, в какой стороне те живут, но в область их не входил, а наоборот вернулся в Венгрию, чтобы взять большее число братьев и они, возвратившись с ним, проповедали бы там веру католическую. Однако, сломленный многими трудами, 8 дней спустя по своем возвращении, он ушел ко Христу, после того как объяснил всю дорогу для розыска их.

Братья же проповедники, стремясь к обращению неверных, вновь послали 4-х братьев искать вышесказанное племя. Те, получив благословение братьев своих, сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру язычников, отправились через Булгарию Ассана⁵ и Романио⁶ с охранной грамотой и на счет господина Белы, ныне короля Венгрии, и добрались до Константинополя. Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия⁷, в город, что именуется Матрика, где вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Государь там, говорят, имеет 100 жен. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые, в знак знатности, оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову.

Там они сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков... Отправившись оттуда дальше... они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией⁸, где живут вместе христиане и язычники. Сколько там селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села...

В том месте братья не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые, по слухам, были близко...

Пройдя пустыню без всякой дороги и тропы, на 37-й день пришли они в страну сарацинов, что зовется Вела, в город Бунда⁹...

После того брат Юлиан, оставшись один¹⁰ и не зная, как ему идти дальше, сделался слугой одного сарацинского священника с женою, который собирался в Великую Булгарию. Туда они вместе и добрались.

⁴ Правил в 1000–1038 гг.

⁵ Подразумевается Дунайская Болгария и ее правитель Иоанн Асень II, царствовавший в 1218–1241 гг. и носивший титул «царя всех болгар и греков».

⁶ Территорию Византийской империи.

⁷ Речь идет о Западном Кавказе, территории черкесов.

⁸ Располагалась у Каспийского моря, границами являлись р. Терек, Кума и Яик.

⁹ По предположению Л. Бендефи, страна Вела располагалась между рр. Уралом и Эмбой.

¹⁰ Двое его спутников вернулись в Венгрию, а один умер по дороге.

Великая Булгария – великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там – язычники¹¹. В том царстве говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и подчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов¹².

В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, 50 000 бойцов¹³, брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль¹⁴. Те, увидев его и узнав, что он венгр, немало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениям и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали, т.к. язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет¹⁵ по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими¹⁶. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и, таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств.

В этой стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский языки и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в 5 дневках оттуда, хочет идти против Алемании¹⁷, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов. Он же сказал, что за страной татар есть народ чрезвычайно многочисленный, выше и больше всех людей, с такими большими головами, что они как будто вовсе не подходят к своим телам. И будто бы тот народ предполагает выйти из своей страны, чтобы сразиться со всеми теми, кто захочет им противостать, и чтобы опустошить все царства, какие будут в силах покорить¹⁸...

...Когда Юлиан пожелал вернуться, то венгры указали ему иную дорогу, по которой он мог бы быстрее добраться домой...

Письмо брата Юлиана о монгольской войне

Достопочтенному во Христе отцу, божьей милостью епископу Перуджи, легату апостольского престола, брат Юлиан ордена проповедников в Венгрии, слуга вашего святейшества, шлет столь же должное, как и преданное почтение.

Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был идти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлено татарами¹⁹.

¹¹ В данном случае эпитет «язычники» целенаправленно применен к населению, в большинстве своем исповедующему ислам.

¹² Не ясно, о чем идет речь.

¹³ По мнению А.Х.Халикова и др., таким городом в Среднем Поволжье мог быть лишь «Великий город» – Биляр.

¹⁴ В данном случае р. Белая, именуемая по-тюркски Ак-Идель.

¹⁵ Сложное для понимания сообщение. Вспомним, речь идет о событиях начала лета 1236 г., когда в Европе находилось лишь небольшое войско «татар» – не более 30–50 тыс.

¹⁶ Очередное сообщение (см. информацию Ибн ал-Асира) о поражении монголо-татар задолго до их агрессии на Русь.

¹⁷ Алмания – Германия, в целом – Западная Европа.

¹⁸ Вполне возможно, что эта легенда существовала для того, чтобы внушить европейцам мысль о необходимости «татарского» государства как заслона от более серьезного агрессора.

¹⁹ О завоевании Волжской Булгарии читаем в Лаврентьевской летописи: «В лето 6746 (1236.–Б.Х.)... Тое же осени. Придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии Татари и взяша славныи

А что такое татары и какой они веры, об этом, насколько сумеем, расскажем в настоящем письме.

Сообщалось мне некоторыми, что татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила (отсюда – измаэлиты), а ныне желают называться татарами.

Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Готта, и Рубен звал ее Готтой.

Первая татарская война началась так. Был государь в стране Готта, по имени Гургута, у которого была сестра – дева, по смерти родителей стоявшая во главе своей семьи и, как говорят, державшая себя по-мужски. Она нападала на некоего соседнего с ней вождя и отнимала у него его имущество. Когда же по истечении некоторого времени она вновь с татарским народом попыталась напасть, как прежде, на вышесказанного вождя, тот, остерегшись и начав войну с вышесказанной девушкой, одолел в бою и эту прежнюю свою противницу взял в плен, войско ее обратил в бегство, а ее, уже пленницу, изнасиловал, в знак еще более тяжелой мести, лишив девственности, постыдно обезглавил. Услышав об этом, брат помянутой девушки, вышесказанный вождь Гургута, отправил посла к вышереченному мужу, дал, говорят, ему такое поручение: «Я узнал, что ты, взяв в плен и лишив девственности сестру мою, обезглавил. Знай, что ты совершил дело, враждебное мне. Если, быть может, сестра моя причиняла тебе беспокойство, то ты, направляя свою месть на движимое имущество, мог обратиться ко мне, ища против нее справедливого суда, либо, если ты, желая отомстить за себя собственными руками, победив ее, захватил в плен и лишил девственности, то мог взять ее в жены; а если у тебя было намерение убить ее, то никак ты не должен был лишать ее девственности. А теперь ты отомстил вдвойне: и девственную стыдливость опозорил, и жалким образом осудил ее на смертную казнь. Вследствие того, в отмщение убийства вышереченной девушки, знай, что я пойду на тебя всеми силами».

Услышав это и видя, что противостоять он не может, вождь, виновник убийства, бежал со своими к султану Орнаху, покинув собственную землю.

После того как это произошло, был некий вождь в стране куманов, по имени Витут, богатства которого были, по слухам, столь замечательны, что даже скот у него на полях пил из золотых канав.

Другой вождь с реки Буз, по имени Гурег, из-за его богатства напал на него и победил. Победенный с двумя сыновьями своими и кое с кем еще, с немногими, кто уцелел от военной опасности, бежал к сказанному султану Орнах. Султан же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, приняв его, повесил на воротах, а народ его подчинил своей власти. Двое сыновей Витута тотчас обратились в бегство и, т.к. у них не было иного убежища, вернулись к вышереченному Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, разорвав конями. Младший же бежал, прибыл к вышеупомянутому вождю татарскому Гургуте и усердно стал просить его отомстить Гурегу, который ограбил его отца и убил брата, говоря, что честь добудет себе этот вождь, т.е. Гургуту, а сам он – воздаяние и отмщение за смерть брата и ограбление отца. Это и было сделано, и по одержании победы вышеназванный юноша вновь просил вождя Гургуту отомстить султану Орнаху за жалкую смерть отца, говоря, что и оставшийся по отце его народ, который там держали как бы в рабстве, будет помощью ему при наступлении его войска.

Тот, упоенный двойной победой, охотно согласился на просьбу юноши и, выступив против султана, одержал славную для себя и почетную победу.

Итак, имея почти повсюду достойные хвалы победы, вышесказанный вождь татарский Гургута со всей военной силой выступил против персов из-за каких-то распрей, бывших прежде у него с ними. Там он одержал почетнейшую победу и совершенно подчинил себе царство персидское.

Став после этого более дерзким и считая себя сильнее всех на земле, он стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и напали на них 14 лет, а на 15-й год завладели ими, как нам сообщали словесно, сами язычники-венгры. Завладев ими и обра-

тившись к западу, татары в течение одного года или немного большего срока завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти 50 000 вооруженных воинов. Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было 2 князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил.

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на 4 части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть установилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и булгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

Поймите все это таким образом, что тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну, умер. Ныне же вместо него царствует сын его Хан²⁰ и живет в большом городе Орнах, где отец его воцарился первоначально. Живет же он таким образом: дворец у него такой большой, что тысяча всадников въезжает в одни двери и, преклонившись перед ним, не сходя с коней, всадники выезжают в другие.

Вышеназванный вождь устроил себе громадное ложе, возвышающееся на золотых колоннах, ложе, говорю я, золотое с драгоценными покрывами, на котором восседает он в славе прославляемый, облеченный в драгоценные одеяния. Двери же в этом дворце целиком золотые, и через них преклоняясь проходят спокойно и безопасно его всадники. Чужие же послы, пешими ли они проходят двери или верхом, если коснутся ногами порога двери, тут же поражаются мечом; всякому чужому надлежит проходить с наивысшим почтением.

Восседая в такой пышности, он послал войска по разным странам, т.е. за море, как мы думаем; и вы также слышали, что он там совершил. Другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края²¹. Третье войско, как я сказал, осаждает всю Русь.

Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе 10 человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбить кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати или больше, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами (подчеркнуто мною.— Б.Х.). Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишу вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

²⁰ Юлиан принял титул «хан» за собственное имя; здесь, скорее всего, подразумевается сын Чингис-хана Угедей; сам Чингис-хан почему-то именуется Гургутумом.

²¹ После разгрома монголо-татарами малая часть кыпчаков (основная часть их осталась на месте) отошла в Болгарию, Венгрию, Польшу и на Кавказ.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому хан²² отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию, нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в 30-й раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, т.к. они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?».

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, на пути в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедовать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться, повернули к городу Речессуэ, ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший, пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день св. Михаила, недавно отпразднованный, послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы, напав, убили его.

Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области укреплены и успеха делу не предвидится, возвратились в Венгрию. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители.

Впрочем же, когда надвигается такой бич божий и приближается к сынам церкви, невесты христовой, пусть ваше святейшество в своей дальновидности соблаговолит заботливо предусмотреть, что надлежит делать братьям и как поступать.

Кроме того, чтобы ни о чем тут не умолчать, сообщая вам, отец, что один русский клирик, выписавший нам кое-что историческое из книги Судей, говорит, что татары – это мадианиты, которые, точно так же напавши на Кетим, на сынов Израиля, были побеждены Гедеоном, как читается в книге Судей. Бежав оттуда, сказанные мадианиты поселились близ некой реки, по имени Тартар, почему и названы татарами».

Материал подготовил Булат Хамидуллин

²² В данном случае – Бату хан.

Источники и литература

Письменные источники

Ад-Дахан, 1959, 1978 – Ахмад Ибн Фадлан. Рисала Ибн Фадлан фи васфи ар-рихла ила-л-билад ат-турк ва-л-хазар ва-р-рус ва-с-сакалиба. Хаккаха ва ‘алака ‘алайха ва каддама лаха Сами ад-Дахан. Димашк, 1379/1959; Изд. 2-е: Димашк, 1978.

Аз-Зирикли, 5 изд. – Хайр ад-дин аз-Зирикли. Ал-А‘лам камус тараджим ли-ашхар ар-риджал ван-ниса мин ал-‘араб ва-л-муста‘рибин ва-л-мусташиркин. Дж. 1–8.

Акам ал-марджан – Исхак ибн ал-Хусайн ал-Мунаджим. Акам ал-марджан фи Закр (Зикр) ал-Мадаин ал-Машхура фи Кулли Макан. Б.м. и г.

Аламжи Мэргэн, 1991 – Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / Пер. и коммент. М.И.Тулохонова. Новосибирск, 1991.

Ал-Балазури – Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран». Пер. П.К.Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. III.

Ал-Гарнати, 1971 – Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971.

Ал-Истахри – Ал-Истахри. Из «книги путей царств» // Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.

Ал-Истахри – Ал-Истахри. Китаб масалик ал-мамалик. Изд. де Гье (BGA, I).

Ал-Йа‘куби – Я‘куби. История. Пер. П.К.Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. IV.

Ал-Куфи, 1981 – Ал-Куфи. Книга завоеваний. (Извлечение по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. З.М.Буниатова. Баку, 1981.

Ал-Масуди – Масуди. Из книги «Луга золота и рудники драгоценных камней»; «Книги сообщений и знаний» // Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

Ал-Масуди, 1894 – Масуди. Китаб ат-танбих ва-л-ишраф. Изд. де Гье (BGA, VIII), 1894.

Ал-Масуди, 2002 – Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди. Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.]. М., 2002.

Ал-Мукаддаси – Ал-Мукаддаси. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов» // Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

Алтын-Арыг, 1988 – Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Пер. и коммент. В.Е.Майногашевой. М., 1988.

Алтын-Бизе, 1965 – Алтын-Бизе. Алтайское героическое сказание / Пер. Г.Голубева. Алтайское кн. изд-во, 1965.

Ал-Хорезми – Ал-Хорезми. Китаб мафатих ал-улум. Изд. Г. ван Флотена, Лугдуни Батаворум, 1895.

Ал-Якуби – Ал-Якуби. Китаб ал-булдан. Изд. де Гье (BGA, VI).

Аннинский, 1940 – Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. III.

Ат-Табари, 1986 – Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.

Багрянородный, 1934 – Константин Багрянородный. Об управлении государством // Изв. ГАИМК. 1934. Вып. 91.

Бартольд – Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. М., 1973. Т. VIII.

Беруни, 1957 – Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения / Пер. и коммент. М.А.Салье. Ташкент, 1957. Т. I.

Беруни, 1966 – Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения. Ташкент, 1966. Т. III.

Беруни, 1973a – Абу Райхан Беруни. Избранные произведения IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-Сайдана фи-т-тибб). Исследование, пер., прим. и указатели У.И.Каримова. Ташкент, 1973.

Беруни, 1973б – Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Канон Мас‘уда. Отв. ред.: С.Х.Сираждинов и Г.П.Матвиевская. Вступит статья, пер. и прим. П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда. Ташкент, 1973. Т. V, ч. 1.

Беруни, 1987a – Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Книга вразумления начаткам науки о звездах. Вступя статья, пер. и прим. Б.А.Розенфельда и А.Ахмедова при участии М.М.Рожанской, А.А.Абдурахманова и Н.Д.Сергеевой. Ташкент, 1987. Т. VI.

Беруни, 1987б – Абу Райхан Беруни. Избранные произведения. Математические и астрономические трактаты. Предисловие, пер. и коммент. П.Г.Булгакова и Б.А.Розенфельда. Ташкент, 1987. Т. VII.

Бируни, 1957 – Бируни А. Памятники минувших поколений // Бируни А. Избранные произведения. Ташкент, 1957.

Бируни, 1963 – Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия. М., 1963.

Бичурин, 1950 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Т. 1–2.

Булгаков, Халидов, 1957 – Булгаков П.Г., Халидов А.Б. «Вторая записка» арабского путешественника X в. Абу Дулафа // СВ. 1957. № 3.

Булгаков, Халидов, 1960 – Вторая Записка Абу Дулафа. Издание текста, перевод, введение и комментарии П.Г.Булгакова и А.Б.Халидова. Отв. редактор В.И.Беляев. М., 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, V).

Ветрувий, 1936 – Ветрувий Марк Поллион. Об архитектуре. Л., 1936.

Гаркави, 1870 – Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII века до конца X века). СПб., 1870.

Гаркави, 1871 – Гаркави А.Я. Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871.

Гаркави, 1874 – Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.

Гевонд, 1862 – История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. К.Патканьян. СПб., 1862.

Голб Н., Прицак О., 2003 – Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесловие и коммент. В.Я.Петрухина. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Мосты культуры, 2003.

Дублер, 1953 – Abū Hāmid al Granadino y su relacion de viaje por fierras eurasiaticos por César E. Dubler, Madrid, 1953.

Заходер, 1962 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.

Заходер, 1967 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.П. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967.

Ибн ал-Асир, 1940 – Ибн ал-Асир. Из «Тарих ал-Камил» (Полный свод истории). Пер. П.К.Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.

Ибн ал-Факих – Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах» // Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе. Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.

Ибн Фадлан, 1939 – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А.П.Ковалевского. Под ред. акад. И.Ю.Крачковского. М.; Л., 1939.

Ибн Фадлан, 1956 – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы, комментарии / Отв. ред. Б.А.Шрамко. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956.

Ибн Халликан – *كتاب وفيات الاعيان* Ibn Khalikan's Biographical Dictionari. Transl. from the Arabic by Mac Guckin de Slane, vol. I-IV, Paris, 1842–1871.

Ибн Хаукал, 1938, изд. Кремерса – Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasib) Secundum textum et imagines codices Constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii №3346 cui titulus est «liber imagines terrae» edidit collatio textu ptimae editionis allisque fontibus adhibitis J.H.Kramers, Lugduni Batavorum – Lipsiae. 1938.

Ибн Хордадбех – Ибн Хордадбех. Китаб ал-масалик ва-мамалик. Изд. де Гуге (BGA, VI).

Ибн Хордадбех – Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер., коммент., исследование, указатели и карты Н.Велихановой. Баку, 1986.

Иордан – Jordan. Getica. De origine actibusque Getarum. Публикация А.Н.Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–IV вв.). Сост. Л.А.Гиндин, С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин. М., 1994.

История, 1937 – История Татарии в материалах и документах / Под ред. Н.Л.Рубенштейна. М.: Соцэкгиз, 1937.

Якут, 1866–1873 – Yakut's geographisches Wörterbuch. Aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I-IV. Leipzig, 1866–1873.

Казанская, 1954 – Казанская история. Подготовка текста, вступ. статья и прим. Г.Н.Моисеевой / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Казвини, 'Аджаиб. – Zakarija Ben Muhammad Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Erster

Theil *كتاب عجائب المخلوقات* Die Wunder der Schöpfung. Aus den Handschriften... hrsg. F.Wüstenfeld, Göttingen, 1849.

Казвини, Асар ал-билад – Zakarija Ben Muhammad Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Zweiter Theil *كتاب اثار البلاد* Die Denkmäler des Lønder. Aus den Handschriften... hrsg. von F.Wüstenfeld, Göttingen, 1848.

Калинина, 1988 – Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод., коммент. / Отв. ред. В.Л.Янин. М.: Наука, 1988.

Караулов, 1901 – Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Текст, пер., прим. Тифлис, 1901.

Карпини, Рубрук – Джованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / Вступ. статья, коммент. М.Б.Горнунга. М., 1997.

Когутэй, 1939 – Когутэй. Алтайский эпос / Под ред. В.Зарубина. М.; Л., 1939.

Коковцов, 1932 – Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

Комнина, 1859 – Анна Комнина. Сокращенное сказание о делах Алексея Комнина. СПб., 1859.

Кононов, 1958 – Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.; Л., 1958.

Константин Багрянородный, 1989 – Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. Под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. М.: Наука, 1989.

Кошгарий, 1960 – Кошгарий Махмуд. Девону луготит турк. Тошкент, 1960. Т. 1.

Куник, 1903 – Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903.

Куник, Розен, 1878 – Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1 // Записки Академии наук. 1878. Т. XXXII. Приложение.

Маадай-Кара, 1973 – Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.

Маккари – Analectes sur l'histoire et la littérature des arabes par al-Makkari. Publiés par R. Dozy, G. Dugat, L. Krehl et W. Wright, t. I-II, Leide, 1858–1861.

Марджани, 1897 – Ал-Кисм ал-аввал мин китаб мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. ... 1897.

Матвеев, Куббель – Матвеев В.В. Абу Хамид ал-Гарнати // Древние и средневековые источники по географии и истории Африки южнее Сахары. Арабские источники XII–XIII веков. Подготовка текстов и переводы В.В.Матвеева и Л.Е.Куббеля.

Махмуд ал-Кашгари – Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк, III. Стамбул, 1917.

Минорский, 1963 – Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.

Мовзес Каганкатваци, 1861 – История агван Мовсеса Каганкатваци, писателя X в. Пер. К.Патканьян. СПб., 1861.

Мовзес Каганкатваци, 1984 – Мовзес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. Ш.В.Смбатяна. Ереван, 1984.

Патканов, 1883 – Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI.

ПВЛ I–II – Повесть временных лет. СПб., 1996. Т. 1–2.

ПВЛ, 1978 – Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI–XIII вв. М., 1978.

Пигулевская, 1941 – Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.

Писцовая книга, 1978 – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань: Изд-во КГУ, 1978.

Плано Карпини, 1957 – Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Перевод А.И.Малеина. Ред., вступ. статья и прим. Н.П.Шастиной. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957.

Продолжатель Феофана, 1992 – Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд-е подг. Я.Н.Любарский. СПб., 1992.

ПСРЛ, I – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

ПСРЛ, II – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ, VII – Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб., 1856.

ПСРЛ, XV – Полное собрание русских летописей. Т. XV. Тверской сборник. М., 1965.

ПСРЛ, XXV – Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

ПСРЛ, X – Полное собрание русских летописей. Т. X. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965.

Рашид ад-Дин, 1960 – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960.

Сведения, 1908 – Сведения арабских географов IX–X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908, вып. XXXVIII.

Себеос – История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. Пер. К.Патканьян. СПб., 1862.

Сказание, 1959 – Сказание о царстве Казанском. М., 1959.

Степанос Таронский – Всеобщая история Степаноса Таронского (Асохика). Пер. Н.Эмина. М., 1864.

Таджаддин ал-Булгари, 1997 – Таджаддин ал-Булгари. Большой тирйак. (Большое противоядие) / Издание текста, пер. с араб., предисл., коммент. А.Б.Халидова. Научн. ред. М.А.Усманов. Казань, 1997.

Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Тизенгаузен, 1941 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузен и обработанные А.А.Ромасевичем и С.Л.Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Ферран, 1925 – Le Tuhfat ak-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite d'apres les MSS 2167, 2168, 2170 de la Bibliotheque Nationale et de

MS d'Alger par Gabriel Ferrand. – JA, vol. CCVII, 1925.

Хаджи Халифа, 1982 – Ал-Маула Мустафа ибн Абдалла ал-Кустантини ар-Руми ал-Ханафи [Хаджи Халифа]. Кашф аз-зунун 'ан асами ал-кутуб ва-л-фунун. Бейрут, 1982. Т.5.

Халифа б. Хаййат, 2000 – Бейлис В.М. Сообщения Халифы Ибн Хаййата ал-'Усфури об арабско-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Хвольсон, 1869 – [Хвольсон Д.А.] Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея; первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. СПб., 1869.

Худуд ал'Алам, 1973 – Худуд ал'Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1.

Худуд ал-Алем, 1930 – Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В.Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Чичуров, 1980 – Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревнарий» Никифора. М.: Наука, 1980.

Шихсаидов и др., 1993 – Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Эрдели, 1967 – Извлечение из хроники венгерского Анонима // ВАУ. 1967. Вып. 7.

Анастасий Библиотекар, 1960 – Анастасий Библиотекар. Хронография трипергита // Латински извори за българската история (Fontes latini historiae bulgariae). София, 1960. II.

Деяния, 1960 – Деяния на Св. Димитрий Солунский // ГИБИ. III. 1960.

Константин Анамейский, 1960 – Константин Анамейский. Из деяния на Вселенския събор през 681 г. // ГИБИ. III. 1960.

Йорданес, 1958 – Йорданес. Римска история // Латински извори за българската история (Fontes latini historiae Bulgariae). София, 1958.

Никифор, 1960 – Патриарх Никифор. Бревнарий // ГИБИ. III. 1960.

Никифор, 1997 – Никифор, патриарх Константинопольски. Кратка история след царуването на Маврикий. София, 1997.

Прокопий, 1959 – Прокопий Кесарийски. История на войните // ГИБИ. II. 1959.

Теофан, 1960 – Теофан Исповедник. Хронография // ГИБИ. III. 1960.

ХИБ, 1 – Христоматия по история на България. Т. I. Ранно средновековие. Съставители П.Петров и В.Гюзелев. София, 1978.

Abu-Hamid, 1953 – Abu-Hamid el Granadino y su Relacion de viaje por tierras eurasiaticas. Por C.E.Dubler. Madrid, 1953.

Al-Bakri, 1992 – Kitab al-Masalik wa-l-Mamalik d'Abu Ubayd al-Bakri. Edition critique avec introduction et indices A.P.Van Leeuwen et A.Ferre. Qartag, 1992.

Al-Garnati, 1925 – Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite d'après les MSS 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque Nationale et de MS d'Alger par G.Ferrand // Journal Asiatique, CCVI, 1925.

Al-Garnati, 1991 – Abu Hamid al-Garnati (m. 565/1169) al-Mu'm 'm bat'ayaib al-Magrib (Elogio de algune maravillasdel Magrib)/ Introduction, edín y traducción Ingrid Bejarano. Madrid, 1991 (Fuentes arabico-hishana).

Al-Idrisi, 1970–1978 – Al-Idrisi (Abu Abd Allah Muhammad i.m. Muhammad Abd Allah Ibn Idris al-Hamudi al-Hasani). Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem que terras peragrarare studeant», concilio et autoritate E.Cerulli, F.Gabrielli, G.Levi della Vida, L.Petech, G.Tucci, cum aliis ediderunt..., fsc.1-8. – Neapoli-Romae, 1970–1978.

BGA, I–VIII, 1870–1894 – Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Ed. M.J. de Goeje. I–VIII. Lugduni-Batavorum, 1870–1894: Al-Istakhri, I, 1870; Ibn Haukal, II, 1878; Opus geographicum auctore Ibn Haukal. BGA, II2. Ed. J.H.Kramers. Lugduni-Batavorum, 1939; al-Moqaddasi, III, 1877; III2, 1906; Indices, Glossarium et Addenda et Emendanda ad Part. I–III, IV, 1879; Ibn Fakih, V, 1885; Ibn Khordadbeh. Kodama ibn Djaqar, VI, 1889; Ibn Rosteh. Al-Jakubi, VII, 1894; al-Masudi, VIII, 1894.

Constantine, 1962 – Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. 2. Commentary by F.Dvornik, R.J.H.Jenkins, B.Lewis, Gy.Moravcsik, D.Obolensky, S.Runciman. Ed. By R.J.H.Jenkins. London, 1962.

Constantine, 1967 – Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Grec text by Gy.Moravcsik, Engl. Transl. By R.J.H.Jenkins. Washington, 1967.

Die Byzantiner, 1995 – Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die *De administrando imperio* genannte Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos für seinen Sohn Romanos. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von K.Belke, P.Soustal // Byzantinische Geschichtsschreiber. T. 19. Wien, 1995.

Dörrie, 1956 – Dorrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Russland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tataren. Göttingen, 1956.

Ducène, 1998 – Ducène J.-Ch. Al-Gayhani: fragments (Extraits du K. al-masalik d'al-Bakri) // Der Islam, 75, 1998.

Fraehn, 1823 – Fraehn C.M. Ibn-Foszlan's und anderer Araber berichte über die Russen alterer Zeit. Text und Uebersetzung mit kritisch philologischen Anmerkungen; nebst drei Beilagen über sogenannte Russen-Stämme und Kiew, die Warenger und das Warenger-Meer und das Land Wisu, ebenfalls nach arabischen Schriftstellern. SPb., 1823.

Fraehn, 1832 – Fraehn C.M. Die aeltesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foszlan's Reiseberichte. Der Text kritisch berichtigt, mit treuer Uebersetzung begleitet und den nötigen Erläuterungen versehen // Memoires de l'Acad. Imper. des Sciences. VI serie, t. 1. SPb., 1832.

Gesta Hungarorum, 1991 – Die «Gesta Hungarorum» des anonymen Notars. Die altaste Darstellung der ungarischen Geschichte. Unter Mitarbeit von L.Veszpremy herg G.Silagi. Sigmarinen, 1991.

Gockenjan, Zimonyi, 2001 – Hansgerd Gockenjan und István Zimonyi. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Gayhani-Tradition (Ibn Rusta, Gardizi, Hudud al-Alam, al-Bakri und al-Marvazi) // Veröffentlichung der Societas Uralo-Altaica. Band 54. Wiesbaden, 2001.

Habibi, 1963 – Abd al-Hayy Habibi. Zayn al-Akhbar by Gardisi. Tehran, 1963.

Hudud al-Alam, 1962 – Hudud al-Alam min al-Mashriq ila al-Magrib. Compiled in 982-3 A.D. = 372 A.H. Ed. Manoochehr Sotoodeh. Tehran, 1962.

Ibn Hauqal, 1964 – Ibn Hauqal, Configuration de la terre (Kitab surat al-ard). Introduction et traduction, fvec index par J.H.Kramers, G.Wiet. Beyrouth-Paris, 1964.

Ibn Rusteh, 1955 – Ibn Rusteh. Les atours precieux. Tad. G.Wiet. Le Caire, 1955.

Julianus, 1965(1986) – Julianus barat es Napkelet folfedezese. Julianus, Plano Karpini es Rubruk uti-jentesei. Ed. Gyoffy Gy. Budapest, 1965; 1986.

Kasgari, 1982 – Mahmud Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects (Diwan Lugat at-Turk). Transl. R.Dankoff in collaboration with J.Kelly. Cambridge, Mass, 1982–1985.

Kmoskó, 2000 – Kmoskó M. Mohamedán irók a steppe népeiről. Földrajzi iradalón. I/1. Szerk.: Zimonyi István. Vagyar Österténeti Könyvtar 13. Budapest, 2000.

Lexicon, 1835–1858 – Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustapha ben Abdallah Katib Jelebi dicto e nomini Haji Khalfa celebrato compositum, ed. latine vertit et commentario indicibusque instruxit G.Flugel, Leipzig-London 1835-1858, 7.

Markwart, 1924 – Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen Länder aus dem 10. Jahrhundert // Ungarische Jahrbücher. 1924, № 4.

Martinez, 1982 – Martinez A.P. Gardizi's two Chapters on the Turks // Archivum Eurasiae Medii Aevi, 2, 1982.

Marvazi, 1942 – Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Ed. V.Minorsky. London, 1942.

Masudi, 1962 – Masudi, Les prairies d'or. Traduction française de Barbier de Meynard et Pavet de Cjurteille revue et corrigee par Charles Pellat. T. 1. Paris, 1962.

Minorsky, 1937 – Minorsky V. Hudud al-Alam. 'The Regions of the World'. A Persian geography 372 AH 982 AD. London, 1937.

Sachau, 1878 – Sachau C.Eduard. Alberuni. Chronologie orientalischer Volker... Leipzig, 1878.

Scriptores, 1937, 1938 – Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. I–II. Ed. E.Szentpétery. Budapest, 1937-1938. (Репринтное издание с добавлением «письма» монаха Юлиана: Budapest, 1999).

Validi-Togan, 1939 – Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Leipzig, 1939. Bd. XXIV, 3.

Validi-Togan, 1940 – Validi-Togan A.-Z. Biruni's Picture of the World // Memoires of Archaeological Survey of India. Dehli, 1940. No 53.

Zrodla, 1956 – Zrodla Arabskie do dziejow slowianszczyzny. T. I, 1956.

Zrodla, 1969 – Zrodla Arabskie do dziejow slowianszczyzny. T. II/1, 1969

Źródła, 1977 – Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. II/2. Hrsg. T.Lewicki. Wrocław, Warszawa, Kraków... 1977.

Źródła, 1985 – Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. III. Hrsg. A.Kmietowicz, F.Kmietowicz, T.Lewicki. Wrocław, Warszawa, Kraków... 1985

Литература на русском языке

Абдулганеев, Степанова, 2001 – Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2001.

Абдулганеев, Степанова, 2002 – Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Раскопки у пос. Горный на Северном Алтае // Там же.

Агаджанов, 1969 – Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.

Агаджанов, 1975 – Агаджанов С.Г. Огузская проблема и задачи ее изучения // ТС. 1975.

Агаджанов, 1991 – Агаджанов С.Г. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М.: Наука, 1991.

Агапов и др. – Агапов С.А., Кузьминых С.В., Терехин С.А. Моделирование процессов древней плавки меди // Естественнаучные методы в археологии. М., 1989.

Адамов, 2000 – Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000.

Айдаров, 1976 – Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // ИВГ, 1976.

Айдаров, Забирова, 1979 – Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации комплекса мечети // НАП, 1979.

АК, 1981 – Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Отв. ред. А.Х.Халиков. М.: Наука, 1981.

АК, 1984 – Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1984.

АК, 1986 – Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1986.

Акимова, 1964 – Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних булгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

Акишев, Байпаков, 1979 – Акишев А.К., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.

АКК, 1960 – Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Аксенова и др., 1977 – Аксенова Н.Д., Ефимова А.М., Мухаметшин Д.Г., Хлебникова Т.А. Исследование городища «Великие Болгары» // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.

Акцорин, 1980 – Акцорин В.А. Исторические легенды и предания о контакте марийцев с предками коми // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1980.

Акчурина и др., 1950 – Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П. Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.

Акчурина и др., 1970 – Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М., 1970.

Алехин, 1990 – Алехин Ю.П. Енисейские кыргызы на юго-западном Алтае // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Алиев, 1969 – Алиев С.М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Вып.2.

Алихова, 1959 – Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.

Алихова, 1969 – Алихова А.Е. Среднецинская мордва // Материальная культура среднецинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П.Иванова за 1927–1928 гг.). Науч. обработка и введ. А.Е.Алиховой. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969.

Алишев, 1985 – Алишев С.Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Андреева, Петренко, 1976 – Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Аникин, 1997 – Аникин И.С. Финно-угорские неукрепленные поселения бассейна р. Кудьмы в эпоху средневековья // Древности Нижегородского Поволжья. Н.-Новгород, 1997.

Анфертьев, 1994 – Анфертьев А.Н. [Комментарий к «Гетике» Иордана] // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том. 1 (I–IV вв.) // Сост. Л.А.Гиндин, С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин. М., 1994.

АП, 1988 – Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1988.

АП, 1989 – Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П.Казаков. Казань, 1989.

АП, 1990 – Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1990.

Апостолов, 1974 – Апостолов М., Георгиев М. Медицинская культура протоболгар // Асклепий. Международный ежегодник социалистических стран истории и теории медицины. София, 1974. Т. 3.

АРИВ – Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог. Под ред. А.Б.Халидова. Ч. 1-2. М., 1986.

Аристов, 1896 – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. № 3–4.

Аристов, 2003 – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Аристов Н.А. Тр.

по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003.

Арсланова, 1963 – Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Изв. АН Казах. ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1963. Вып. 4.

Арсланова, 1972 – Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.

Арсланова, Кляшторный, 1973 – Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // ТС. 1972. М., 1973.

Арсланова, Самашев, 1985 – Арсланова Ф.Х., Самашев З.С. Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1985.

Артамонов, 1958 – Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.

Артамонов, 1962 – Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Артемьев, 1851 – Артемьев А. Древний болгарский город Джукетау // ЖМВД. 1851. Ч. XXXIII, № 1.

Археологическое, 1999 – Археологическое изучение болгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань, 1999.

Археология СССР, 1981 – Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья // Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1981.

Археология СССР, 1985 – Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б.А.Колчин. М.: Наука, 1985.

Археология СССР, 1985а – Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г.А.Кошеленко. М.: Наука, 1985.

Археология СССР, 1987 – Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В.Седов. М.: Наука, 1987.

Археология СССР, 1992 – Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г.Мошкова. М.: Наука, 1992.

Археология, 2003 – Археология и естественные науки Татарстана / Отв. ред. А.Г.Петренко. Казань: Изд-во КГУ, 2003.

Архипов, 1973 – Архипов Г.А. Марийцы в IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.

Архипов, 1976 – Архипов Г.А. К вопросу о городцево-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийского народа // АЭМК. 1976. Вып. 1.

Архипов, 1982 – Архипов Г.А. Марийско-удмуртские этнокультурные связи. К вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

Арциховский, 1928 – Арциховский А.В. К методике изучения серпов // Тр. секции археол. РАНИОН. М., 1928. Т. IV.

Арциховский, 1944 – Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944.

Асеев и др., 1984 – Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984.

Асылгараева, 2001 – Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования остеологических ма-

териалов селищ северо-западной округи Билярского городища // ТА. 2001. № 1–2 (8–9).

Ахинжанов, 1973 – Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII в. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Ахинжанов, 1976 – Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.

Ахинжанов, 1980 – Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

Ахинжанов, 1983 – Ахинжанов С.М. Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983.

Ахинжанов, 1999 – Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана / Отв. ред. К.М.Байпаков. Алматы: Гылым, 1999.

Ахинжанов, Трифонов, 1984 – Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. док. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984.

Ахмаров, 1893 – Ахмаров Г. Экскурсия на место древнего Суvara // ИОАИЭ. 1893. Т. XI, вып. 5.

Ахмедов, 1965 – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмеров, 1998 – Ахмеров Г. Избранные труды. История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар / Составление, вступ. статья и комментарии проф. Р.Г.Хайрутдинова. Казань: Таткнигоиздат, 1998.

Ашмарин, I–XVII – Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка в 17 томах. Казань; Чебоксары, 1928–1937.

Ашурбейли, 1983 – Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983.

Бабаева, 1993 – Бабаева Н.С. Древние верования горных таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности. Душанбе, 1993.

Багаутдинов и др., 1998 – Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Багриков, Сенигова, 1968 – Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Изв. АН Казах. ССР. Серия обществ. наук. Алма-Ата, 1968. № 2.

Байчоров, 1974 – Байчоров С. Надписи Хумаринского городища // СА. 1974. № 4.

Баранов, 1990 – Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовско-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990.

Баранов, 1990а – Баранов И.А. Население Крымской Хазарии // Ранние болгары и финноугры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Баранов, 1997 – Баранов И.А. Великая Булгария и Крым: итоги и проблемы изучения // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. Симферополь, 1997.

Барминцев, 1958 – Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958.

Бартольд, 1963 – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I.

Бартольд, 1963a – Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. II, ч. 1.

Бартольд, 1963б – Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., 1963. Т. II, ч. 1.

Бартольд, 1965 – Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М.: Наука, 1965. Т. V.

Бартольд, 1966 – Бартольд В.В. Ученые мусульманского «ренессанса» // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI.

Бартольд, 1966a – Бартольд В.В. Мусульманский мир // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI.

Бартольд, 1966б – Бартольд В.В. Культура мусульманства // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. VI.

Бартольд, 1973 – Бартольд В. В. Сочинения. М.-Л., 1973. Т. VIII.

Бартольд, 1973 – Бартольд В.В. Введение к изданию «Худуд ал-алам» // Сочинения. М.: Наука, 1973. Т. VIII.

Барынина, 2001 – Барынина Т.В. География находок восточного серебра в Приуралье и проблемы пути его поступления в регион // В центре Евразии. Стерлитамак, 2001. Вып. 1.

Баскаков, 1969 – Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Батыр, Трофимчук, 1932 – Батыр В.В., Трофимчук А.А. Полезные ископаемые в Татарской республике и перспективы на их использование в связи с Камстроем. Казань, 1932.

Башкиров, 1929 – Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года (краткие отчетные сведения) // МОРПТ, 1929. Вып. III.

Башкирское, 1987 – Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.

Беговаткин, 2004 – Беговаткин А.А. Гончарная посуда из мордовских могильников XI–XIII вв. в Примокшанье // Актуальные проблемы истории в трудах молодых ученых. Пенза, 2004.

Беговатов, 1988 – Беговатов Е.А. Руническая надпись на пряслице с болгарского селища // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988.

Беговатов, 1998 – Беговатов Е.А. Денарий Оттона с Измерского селища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Тез. науч. конф. Болгар, 1998.

Беговатов, 1998a – Беговатов Е.А. Две монеты Волжской Булгарии из Камского Устья // Проблемы хронологии волжских болгар. Тез. науч. конф. Казань, 1998.

Беговатов, 2001 – Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Беговатов, 2002 – Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс II Билярского селища и «усадьба ремесленников-металлургов» Билярского городища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002.

Бейлис, 1984 – Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной ок-

раине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984.

Белавин и др., 2002 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблемы средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Часть II. Казань, 2002.

Белавин, 1987 – Белавин А.М. Производственные поселки металлургов у финно-угров в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам Березниковского микрорайона Верхнего Прикамья // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.

Белавин, 1990 – Белавин А.М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Белавин, 1999 – Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

Белавин, 2000 – Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2000.

Белавин, 2000a – Белавин А.М. Торговые факторы волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Приуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международ. научн. конф. Казань, 2000.

Белавин, 2001 – Белавин А.М. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Белавин, Оборин, 1986 – Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Беленицкий, 1973 – Беленицкий А.М. Мону-ментальное искусство Пенджикента. М., 1973.

Беленицкий, 1977 – Беленицкий А.М. Искусство античных и средневековых городов // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.

Беликова, Плетнева, 1983 – Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Тоского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск, 1983.

Белицер, 1947 – Белицер В.Н. К вопросу о происхождении бесермян // ТИЭ. 1947. Вып. 1.

Белорыбкин, 1986 – Белорыбкин Г.Н. Путь из Булгара в Киев в районе Верхней Суры // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Белорыбкин, 1990 – Белорыбкин Г.Н. Посуда памятников XI – XIII вв. Пензенского края // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990.

Белорыбкин, 1991 – Белорыбкин Г.Н. Домонгольские памятники болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев, 1991.

Белорыбкин, 1992 – Белорыбкин Г.Н. Южная граница мордвы в VIII–XIV вв. // Новые страницы истории Отечества. Пенза, 1992.

Белорыбкин, 1992a – Белорыбкин Г.Н. Бургасы и Волжская Булгария // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Пенза, 1992.

- Белорыбкин, 1995* – Белору́бкин Г.Н. Горо́дища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995.
- Белорыбкин, 2001* – Белору́бкин Г.Н. Золотаревское поселение // Отв. ред. А.Н.Кирпичников. СПб., 2001.
- Белорыбкин, 2003* – Белору́бкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензенск. гос. пед. ун-та, 2003.
- Белых, 1995* – Белых С.К. Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Тез. док. на Международ. конф. Сыктывкар, 1995.
- Белых, 1995а* – Белых С.К. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // ФУ. 1995. № 2.
- Белых, 1996* – Белых С.К. Еще раз об этнониме ар // ФУ. 1996. № 3.
- Белых, 1999* – Белых С.К. К вопросу о локализации прародины пермян // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.
- Белых, Напольских, 1994* – Белых С.К., Напольских В.В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. Tallinn. 1994. Т. XXX (4).
- Беляев и др., 1998* – Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгинский могильник. Саранск, 1998.
- Беляев, 1957* – Беляев В.И. Арабские рукописи из Йемена в собраниях Ташкента // СВ, IV, Л., 1957, стр. 70–71.
- Беляев, 1987* – Беляев Я.В. Погребальный обряд мордвы-мокси в XII – XIV вв. // Вопросы древней истории мордовского народа. Тр. Морд.НИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 80.
- Березин, 1852* – Березин И.Н. Болгар на Волге // Уч. зап. Казан. ун-та. 1852. Т. III.
- Бернштам, 1951* – Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бернштам, 1951а* – Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 1951. № 26.
- Бертельс, 1994* – Бертельс Е. Узбекский поэт Дурбек и его поэма о Иосифе Прекрасном. – Альманах Дар. Ташкент, 1994.
- Биляр, 1991* – Биляр – столица домонгольской Болгарии // Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань, 1991.
- Бобринский, 1914* – Бобринский А.А. Перещепинский клад // Материалы и исследования по археологии России. М., 1914. Вып. 34.
- Бобринский, 1978* – Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.
- Бобровников, Сефербеков, 2003* – Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003.
- Богачев и др., 1996* – Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранний болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
- Богачев, 2000* – Богачев А.В. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Автореф. дисс... док. ист. наук. СПб., 2000.
- Болгары и чувашаи, 1984* – Болгары и чувашаи. Чебоксары, 1984.
- Большаков, 1984* – Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. (VII – середина XIII в.). М., 1984.
- Большаков, 1989* – Большаков О.Г. История Халифата. I. Ислам в Аравии (570–633). М.: Наука, 1989.
- Большаков, 1993* – Большаков О.Г. История Халифата. II. Эпоха великих завоеваний (633–656). М.: Наука, 1993.
- Большаков, 1998* – Большаков О.Г. История Халифата. III. Между двух гражданских войн (656–696). М.: Наука, 1998.
- Большаков, 2000* – Большаков О.Г. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // Древнейшее государство Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.
- Большаков, XV* – Большаков О.Г. Некоторые замечания к сведениям арабских авторов о Восточной Европе // Статья находится в печати в журнале «Христианский Восток». (Используется с согласия автора).
- Борзунов, 2002* – Борзунов В.А. Горо́дища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. №
- Борисенко, Худяков, 1998* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Торговые контакты Германии с Западной Сибирью в XII – XIII вв. // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3.
- Борисенко, Худяков, 1999а* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Средневековые материалы из коллекции Н.К.Витзена из Сибири // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
- Борисенко, Худяков, 1999б* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Находки западноевропейских бронзовых водолеев XII – XV вв. на территории Западной Сибири // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 1999.
- Борисенко, Худяков, 2001* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Значение болгарского торгового пути в поступлении западноевропейского экспорта в Западную Сибирь в XII–XIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001.
- Борисенко, Худяков, 2003* – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Западноевропейский акваманит, привезенный в XIII веке Г.Ф.Миллером из Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2.
- Боровкова, 1989* – Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1989.
- Бородовский, 1999* – Бородовский А.П. Украшение полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1999.
- Боталов, Гуцалов, 2000* – Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунные-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000.
- Бромлей, 1983* – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Брун, 1873 – Брун Ф. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Зап. Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1873. Т. IX.

Бубнова, 1975 – Бубнова М.А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI–XIX вв. М., 1975.

Будагов, 1869–1871 – Будагов Л.З. Сравнительный словарь тюрко-татарских наречий. Т. I–II. СПб., 1869–1871.

Буйских, 1981 – Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1981.

Буниятов, 1986 – Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. М.: Наука, 1986.

Бураков, 1974 – Бураков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.

Бяр, Худяков, 2002 – Бяр Д., Худяков Ю.С. Коллекция уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9.

Вадецкая, 1973 – Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI.

Вайнштейн, 1966 – Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. № 3.

Вайнштейн, 1991 – Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.

Вайнштейн, Крюков, 1966 – Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Облик древних тюрков // ТС. 1965. М., 1966.

Валеев Ф., 1970 – Валеев Ф.Х. Архитектура и искусство Волжско-Камской Булгарии // Уч. зап. Казан. гос. консерватории. 1970. Вып. IV.

Валеев Ф., 1975 – Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья / Отв. ред. Р.Г.Фахрутдинов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975.

Валеев, 1991 – Валеев Р.М. Торговля Биляра по археологическим данным // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.

Валеев, 1993 – Валеев Р.М. Из истории Казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993.

Валеев, 1995 – Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков / Отв. ред. А.Г.Мухамадиев. Казань: Фест, 1995.

Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987 – Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Таткиноиздат, 1987.

Валеева, 1983 – Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.). Казань: Таткиноиздат, 1983.

Валиуллина, 1997 – Валиуллина С.И. Стекляная посуда билярских алхимиков // Татарстан. 1997. № 3.

Валиуллина, 1999 – Валиуллина С. Международная торговля Биляра по археологическим материалам // МСТП. 1999.

Валиуллина, 2004а – Валиуллина С.И. Балыгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. 2004. № 1–2.

Валиуллина, 2004б – Валиуллина С.И. Изделия из цветного металла Балыгузского (Торецкого) III селища // Древность и средневековье Волго-Камья. Казань–Болгар, 2004.

Валиуллина, Храмченкова, 2001 – Валиуллина С.И., Храмченкова Г.И. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Васильев, Матвеева, 1986 – Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Васильева, 1988 – Васильева И.Н. Керамика Муромского городка (результаты технико-технологического анализа) // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Васильева, 1993 – Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. / Отв. ред. Н.П.Салугина. Екатеринбург, 1993.

Васильева, 1995 – Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Вахидов, 1926 – Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // ВНОТ. 1926. № 4.

ВВП, 2001 – Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научно-семинара / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань, 2001.

ВВП, 2002 – Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола и Международ. науч.-практич. конф. / Отв. ред. М.А.Усманов. Казань – Астрахань – Казань. Казань, 2002. Ч. II.

ВВП, 2003 – Великий Волжский путь. История формирования и культурное наследие. Материалы II-го этапа Международ. науч.-практич. конф. Санкт-Петербург – Стокгольм – Санкт-Петербург. Казань, 2003. Ч. II.

Верещагин, 2000 – Верещагин Г.Е. Этнографические очерки // Собрание сочинений. Т. 3, кн. 2, вып. 1. Ижевск, 2000.

Вилчевский, 1961 – Вилчевский О.Л. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. // СА. 1961. № 2.

Винников и др., 1995 – Винников А.З., Синюк А.Г., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения Дрониха // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Винничек, 2000 – Винничек В.А. Обработка цветных металлов на средневековых поселениях Верхнего Посурья // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века. Йошкар-Ола, 2000.

Вихляев, 1977 – Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977.

Вихляев, 1997 – Вихляев В.И. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Материалы I Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 1997.

Вихляев, 2000 – Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000.

Вихляев, Петербургский, 1999 – Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

- Власкин, Ильюков, 1990* – Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.
- Военно-оборонительное дело, 1985* – Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1985.
- Войтов, 1987* – Войтов В.Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Войтов, 1996* – Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовоминеральных памятниках Монголии VI – VIII вв. М., 1996.
- Волжская Булгария, 1986* – Волжская Булгария и Русь. / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1986.
- Волжская Булгария, 1988* – Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1988.
- Волин, 1939* – Волин С. Извлечения из «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» или «Китаб Роджер» ал-Идриси, по рукописи Ленинградской публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина Ар.н.с. 176, с привлечением перевода Р.А.Jaubert. (Geographie d'Edrisi, Paris, 1836–1840) / МИИТ. М.-Л., 1939. Т.1.
- Воронина, 1964* – Воронина В.Л. Из истории среднеазиатской фортификации // СА. 1964. № 2.
- Второв, 1840* – Второв А. Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Ч. XXXVII, № 8.
- Выжарова, 1987* – Выжарова Ж.Н. Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. I.
- Высоцкий, 1908* – Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Болгарии // ИОАИЭ. 1908. Т. XIV, вып 4.
- Вячеслав, 1874* – Вячеслав Н. Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874.
- Гаврилова, 1965* – Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Гаврилова, 1974* – Гаврилова А.А. Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Гавритухин, Обломский, 1966* – Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1966.
- Гаджиев и др., 1996* – Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996.
- Гаджиева, 1997* – Гаджиева Н.З. Хазарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.
- Гадло 1983* – Гадло А.В. Этническая группа барсилы // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983.
- Гадло, 1979* – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979.
- Гадло, 1994* – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Газимзянов, 1995* – Газимзянов И.Р. Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Галаяутдинов, 1990* – Галаяутдинов И.Г. «Тарих нама-и Булгар» Тажетдина Ялчыгулова. Уфа, 1990.
- Гараева, 1997* – Гараева Н.Г. О дате принятия ислама хазарами // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. В 3-х томах. Казань, 1997. Т.3.
- Гараева, 2000* – Гараева Н.Г. Списки сочинения Сулаймана ибн Дауда ас-Саксини «Зухрат ар-рийад...» в коллекции библиотеки Сулеймания / СКВР. 2000.
- Гараева, 2002* – Гараева Н. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642-643 и 119/737 гг.) // ИТ, 2002.
- Гараева, 2002a* – Гараева Н.Г. Рукописные коллекции Казани // Ислам, 2002.
- Гарипова, 1991* – Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана / Отв. ред. М.З.Закиев. М.: Наука, 1991.
- Гарустович и др., 1998* – Гарустович Г.Н., Ракушин А.С., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). Уфа, 1998.
- Гарустович, Иванов, 1992* – Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.
- Гарустович, Иванов, 2001* – Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа, 2001.
- Генинг и др., 1962* – Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождественно / Под ред. В.Ф.Генинга, Ш.Ф.Мухамедьярова. Казань: Изд-во КГУ, 1962.
- Генинг, 1958* – Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Генинг, 1962* – Генинг В.Ф. Мыдлань-шай – удмуртский могильник VIII – IX вв. // ВАУ. 1961. Вып. 3.
- Генинг, 1963* – Генинг В.Ф. Азелинская культура III – V вв. // ВАУ. 1963. Вып. 5.
- Генинг, 1967* – Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. 1967. Вып. IV.
- Генинг, 1970* – Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. 1970. Вып. 10.
- Генинг, 1980* – Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э.: по материалам Варнинского могильника // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
- Генинг, 1980a* – Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье // Памятники эпохи средневековья в Прикамье. Ижевск, 1980.
- Генинг, 1988* – Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьянобоская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука, 1988.
- Генинг, 1989* – Генинг В.Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Генинг, 1990* – Генинг В.Ф. Вопросы периодизации археологических эпох (Прикамье в эпоху

племенного строя) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.

Генинг, Евдокимов, 1969 – Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Логинское городище (VI – VII вв. н.э.) // ВАУ. 1969. Вып. 8.

Генинг, Халиков, 1964 – Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. (Большетарханский могильник). М.: Наука, 1964.

Генко, 1941 – Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Тр. Ин-та востоковедения. М.; Л., 1941. Вып. XXXVI.

Георги, 1799 – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. I–II.

Гмыря, 1980 – Гмыря Л.Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане (IV–VII вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук, М., 1980.

Гмыря, 1995 – Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1995.

Гмыря, 1996 – Гмыря Л.Б. Хазария и политические образования Прикаспийского Дагестана в VII – XII вв. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тез. док. М., 1996.

Гмыря, 1998 – Гмыря Л.Б. Политические образования Прикаспийского Дагестана в постарабский период (IX–X вв.) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Этногенетические исследования. Махачкала, 1998.

Гмыря, 2001 – Гмыря Л.Б. Весенний обряд «обновления ножен священного меча» у табасаранцев // Амирани. Вестник Международ. кавказологического научно-иссл. обществ. ин-а. IV–V. Монреаль; Тбилиси, 2001.

Гмыря, 2002a – Гмыря Л.Б. Обряд вызова дождя в стране гуннов Прикаспия в VII в. н.э. по данным армянских и арабских источников // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.

Гмыря, 2002б – Гмыря Л.Б. Морская международная трасса на Каспийском море в свете данных письменных источников IX–X вв. // Великий Волжский путь. Ч. II. История формирования и развития. Казань, 2002.

Гмыря, 2003 – Гмыря Л.Б. Култ священного меча табасаранцев (семантика обряда «обновления ножен священного меча» // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2003. Вып. XIII.

Голдина, 1985 – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1985.

Голдина, 1987 – Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Голдина, 1995 – Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

Голдина, 1999 – Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Голдина, Водолога, 1984 – Голдина Р.Д., Водолога Н.В. Бартымский клад неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.

Голицын, 1878 – Голицын Н.С. Русская военная история. СПб., 1878. Ч. I, II.

Голубева, 1965 – Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1965. № 3.

Голубева, 1969 – Голубева Л.А. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА, № 169).

Голубовский, 1884 – Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Голубовский, 1888 – Голубовский П.В. Болгары и хазары – восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. 1888. Т. XXII.

Город Болгар, 1978 – Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1978.

Город Болгар, 1988 – Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988.

Город Болгар, 1996 – Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. Казань, 1996.

Города России, 1994 – Города России. Энциклопедия. / Гл. ред. Г.М.Лаппо. М.: Изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1994.

Городище Хулаш, 1972 – Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.

Горожанин и др., 2002 – Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н. Геологическая характеристика Каргалинского рудного поля // Каргалы. М., 2002. Т. 1.

Готье, 1941 – Готье Ю.В. Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.

Грач, 1966 – Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС. М., 1966.

Греков, 1945 – Греков Б.Д. Волжские булгары в IX–X веках // Исторические записки. М., 1945. Т. XIV.

Греков, Калинин, 1945 – Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948.

Грибов, 1997 – Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Н.-Новгород, 1997.

Грибов, 1999 – Грибов Н.Н. Погребение камерного типа из некрополя Саровского городища // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Н.-Новгород, 1999.

Григорьев, 1836 – Григорьев В.В. Булгар // Энциклопедический Лексикон. М.: Изд-е типографии Плюшара, 1836.

Григорьев, 1842 – Григорьев В.В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и при-Балтийских странах, как источнике для древнейшей отечественной истории // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1842. Т. 1.

Григорьев, 1876 – [Григорьев В.В.] О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В.Григорьевым. СПб., 1876.

- Григорьев, 1876а* – Григорьев В.В. Обзор политической истории хазаров // Россия и Азия. М., 1876.
- Григорьев, 1876б* – Григорьев В.В. О древних походах руссов на восток // Россия и Азия. М., 1876.
- Григорьев, 1876в* – Григорьев В.В. Волжские булгары // Россия и Азия. М., 1876.
- Григорьева и др., 1976* – Григорьева Г.В., Терехина Л.С., Терехина Н.А., Халиков А.Х. Гончарная керамика Билярского городища (по материалам раскопок 1967–1972 гг.) // ИВГ. 1976.
- Гричан, Плотников, 1999* – Гричан Ю.В., Плотников Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.
- Гришаков, Зеленева, 1990* – Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муром VII – XI вв. Йошкар-Ола, 1990.
- Грум-Гржимайло, 1926* – Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.
- Грязнов, 1930* – Грязнов Н.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2.
- Грязнов, 1956* – Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48.
- Губайдуллин, 2002* – Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н.Старостин. Казань: Ин-т истории АНТ, 2002.
- Гумилев, 1989 (1992)* – Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; 1992.
- Гумилев, 1990* – Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Гумилев, 1990а* – Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- Гумилев, 1993 (2002)* – Гумилев Л.Н. Древние турки. М., 1993; 2002.
- Давлетшин, 1990* – Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период. X – начало XIII вв. / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: Таткнигоиздат, 1990.
- Давлетшин, 1991* – Давлетшин Г.М. Биляр-Булгар в устном народном творчестве // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.
- Давлетшин, Хузин, 2000* – Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Ислам и язычество в Волжской Булгарии домонгольского времени // Ислам в Поволжье: история и проблемы изучения. Материалы научной конференции 1989 г., посвященной 1100-летию (по хиджре) официального принятия ислама Волжской Булгарией. Казань, 2000.
- Давыдова, 1985* – Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- Давыдова, 1995* – Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995.
- Даркевич, 1966* – Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). САИ. Вып. Е 1-57. М., 1966.
- Даркевич, 1974* – Даркевич В.П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. 1974. № 140.
- Даркевич, 1976* – Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной тюркетики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976.
- Демин, 1989* – Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989.
- Денисов, 1984* – Денисов П.В. Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары, 1984.
- Десницкая, 1970* – Десницкая А.В. Надialectные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
- Джаббаров, 1993* – Джаббаров И.М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Тр. ХАЭЭ. Т. IV. Керамика Хорезма. 1993.
- Димитриев, 1984* – Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.
- Димитриев, Паньков, 1958* – Димитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1.
- Димитров, 1989* – Димитров Х. Болгария и хазары в VII–VIII веках // Bulgarian Historical Review. 1989. № 2.
- Дмитриева, Адыгаши, 2001* – Дмитриева Ю., Адыгаши К. Hungaro-Tschuwaschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001.
- Добровольский и др., 1991* – Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны / Отв. ред. И.Я.Фроянов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Добрушкин, 1976* – Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н.Татищева // ИЗ. 1976. Т.97.
- Добрушкин, 1977* – Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977.
- Дорн, 1875* – Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря, Б.Дорна. СПб., 1875.
- Дрбоглав, Кирпичников, 1981* – Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н. Западноевропейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981.
- Древние Чаллы, 2000* – Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000.
- Древняя Алабуга, 2000* – Древняя Алабуга / Отв. ред. Р.Р.Хайрутдинов, Ф.Ш.Хузин. Елабуга: Мастер Лайн, 2000.
- Древняя Русь, 2000* – Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А.Мельниковой. М., 2000.
- ДС* – Древнетюркский словарь / Ред. В.М.Наделяев, Д.М.Насилов, Э.Р.Тенишев, А.М.Щербаков. Л. 1969.
- Дубов, 1989* – Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Дюмезиль, 1976* – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.

- Евтюхова, 1948* – Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Евтюхова, 1952* – Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24.
- Егоров Н., 1984* – Егоров Н.И. Болгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XVI вв. // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984.
- Егоров, 1994* – Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6.
- Елькин, 1970* – Елькин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1970.
- Ениосова и др., 2005* – Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2005. Ч. 2.
- Ермоленко и др., 1985* – Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985.
- Ефимов В., Ефимов А., 2004* – Ефимов В.М., Ефимов А.В. Археологические находки на территории курорта Ундоры // Материалы Первой науч. конф., посвящ. ученому и краеведу С.Л.Сытину. Ульяновск, 2004.
- Ефимова С., 1991* – Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Ефимова, 1951* – Ефимова А.М. Металлургические горы в городе Болгаре // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.
- Ефимова, 1957* – Ефимова А.М. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии / Отв. ред. А.П.Смирнов. Казань, 1957.
- Ефимова, 1958* – Ефимова А.М. Черная металлургия города Болгара // МИА. 1958. № 61.
- Ефимова, 1962* – Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. 1962. № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).
- Жарнов, 2003* – Жарнов Ю.Э. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме // РА. 2003. № 2.
- Жирмунский, 1974* – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.
- Жук, 1996* – Жук В.Н. Кто вы, наши далекие предки? // *Bulgarian Historical Review*. 1996. № 1.
- Завьялов, 1989* – Завьялов В.И. Технологические схемы железных ножей X–XIV вв. из Восточной Европы // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989.
- Закиев, 1986* – Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань: Таткнигоиздат, 1986.
- Закиев, 1995* – Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка / Под ред. К.Р.Галиуллина. Казань, 1995.
- Закиев, 2003* – Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар / Научн. ред. Я.Ш.Шарапов. М.: Инсан, 2003.
- Залеская и др., 1997* – Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова В.И., Фоянкова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перешепинский клад. СПб.: Славия, 1997.
- Залкинд, 1930* – Залкинд Г.М. Очерк истории горнозаводской промышленности Татарстана (XII–XIX вв.). Казань, 1930.
- Засецкая, 1994* – Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
- Заходер, 1945* – Заходер Б.Н. Хорасан и образование государства сельджуков // ВИ. 1945. № 5/6.
- Зеленин, 1908* – Зеленин Д. Русская соха. Вятка, 1908.
- Зеленцова, 1998* – Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднепеченских могильников древней мордвы. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1998.
- Зеленцова, 2000* – Зеленцова О.В. Динамика развития погребального обряда мордвы во второй половине VII–XI вв. // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000.
- Зиливинская, 1989* – Зиливинская Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989. № 4.
- Зимоньи, 2002* – Зимоньи И. Венгры в Волго-Камском бассейне // Бюллетень 9. Hungaro-Rossica. Ин-т востоковедения РАН. М., 2002.
- Зыков, Федорова, 2001* – Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IX веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
- Ибн Сина, 1877* – *Китаб ал-канун фи-т-тиб лиш-шаих Аби ‘Али Ибн Сина. Ал-Кахира. Ал-Китаб ал-хамис. 1294[г.х./1877].*
- Ибн Сина, 1956* – Абуали Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Книга II. О простых лекарствах. Издательство Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1956.
- Ибн Сина, 1960* – Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Книга V. Издательство Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1960.
- Иванов А., 1998* – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Печцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.) / Отв. ред. М.Г.Иванова. Ижевск, 1998.
- Иванов А., 1999* – Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.
- Иванов и др., 2000* – Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. 2000. № 1.
- Иванов П., 1952* – Иванов П.П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952.
- Иванов, 1990* – Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Иванов, 1994* – Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? СПб., 1994.
- Иванов, 1999* – Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

- Иванов, 2000* – Иванов В.А. Волжская Печенгия и половцы (X – XIII вв.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М., 2000.
- Иванов, 2002* – Иванов В.А. Культурные связи средневековых кочевников Евразии (по материалам декоративно-прикладного искусства) // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002.
- Иванов, Кригер, 1988* – Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1988.
- Иванова, 1976* – Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
- Иванова, 1979* – Иванова М.Г. Памятники чепецкой культуры. (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979
- Иванова, 1990* – Иванова М.Г. Удмуртско-болгарские связи в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Иванова, 1992* – Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992.
- Иванова, 1994* – Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994.
- Иванова, Батанина, 1993* – Иванова Н.О., Батанина И.М. Павлиново городище – памятник раннего железного века лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- ИВГ, 1976* – Исследования Великого города / Отв. ред. В.В.Седов. М.: Наука, 1976.
- Игонин, Халиков, 1976* – Игонин Н.И., Халиков А.Х. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // СА. 1975. № 1.
- Из истории, 1981* – Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1981.
- Измайлов, 1984* – Измайлов И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских болгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.
- Измайлов, 1990* – Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
- Измайлов, 1992* – Измайлов И.Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.
- Измайлов, 1996* – Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания болгар X–XIII вв. // Панорама-форум. 1996, № 1 (4).
- Измайлов, 1997* – Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань–Магадан, 1997.
- Измайлов, 1999* – Измайлов И.Л. «Русь» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // МСТП. 1999.
- Измайлов, 2000* – Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Докл. Междунар. Симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы, 11–14 мая 1999 г. СПб., 2000.
- Измайлов, 2000a* – Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
- Измайлов, Губайдуллин, 1992* – Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
- Измайлов, Якимов, 1991* – Измайлов И.Л., Якимов И.В. Раскопки Богдашкинского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Износков, 1895* – Износков И.А. Материалы для историко-археологического обозрения Спасского уезда Казанской губернии. II. Район болгарского города Сувара // ИОАИЭ. 1895. Т. XIII, вып. 1.
- Илюшин и др., 1992* – Илюшин А.М., Сулейманов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992.
- Илюшин, 1992* – Илюшин А.М. К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации на стороне конца I тыс. н.э. в лесостепной зоне Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: по данным археологии. Омск, 1992.
- Илюшин, 1993* – Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово, 1993.
- Илюшин, 1997* – Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997.
- Илюшин, 1999* – Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999.
- Илюшин, 1999a* – Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья. Кемерово, 1999.
- Искусство, 1981* – Искусство Дагестана. Альбом. М., 1981.
- Ислам, 1991* – Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Ислам, 2002* – Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки / Научн. ред. Р.М.Мухаметшин. Казань, 2002.
- Исламов, 1976* – Исламов О.И. Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент, 1976.
- Исмагилов, 1990* – Исмагилов Н.Ф. Надпись на бронзовой статуэтке // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990.
- История Востока, 2002* – История Востока в 6 томах. Т.2. Восток в средние века. М., 2002.
- История Дагестана, 1967* – История Дагестана в 4 томах. М., 1967. Т.1.
- История народов, 1988* – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

История СССР, 1966 – История СССР в 12 томах. Т.1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь / Ред. С.А.Плетнева, Б.А.Рыбаков. М.: Наука, 1966.

История ТАССР, 1968 – История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань: Таткнигоиздат, 1968.

История, 1964 – История таджикского народа. М.: Наука, 1964. Т.2, кн.1.

История, 1984 – История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т.1.

История, 1990 – История отечественного востоковедения до середины XIX века / Отв. ред. Г.Ф.Ким, П.М.Шаститко. М.: Наука, 1990.

История, 2000 – История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век – средневековье. М.: Наука, 2000. – 423.

Исхаков, 1998 – Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв. Казань: Мастер-Лайн, 1998.

Исхаков, Измайлов, 2000 – Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV вв. Казань: Иман, 2000.

ИТ, 2002 – История татар с древнейших времен в семи томах. Том 1. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002.

Иовков, 1976 – Иовков С.М. Жернова Волжской Булгарии // СА. 1976. № 2.

Иовков, 1978 – Иовков С.М. Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Булгарии // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Кавеев и др., 1988 – Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.

Кавеев, 1984 – Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Кадырбаев, 1993 – Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и керитов. Алма-Ата, 1993.

Казаков А., 1996 – Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

Казаков и др., 1993 – Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань, 1993.

Казаков, 1967 – Казаков Е.П. К вопросу об этническом составе и локализации населения раннебулгарского государства // Тез. док. науч. конф. молодых ученых. Казань, 1967.

Казаков, 1971 – Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Казаков, 1978 – Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии / Отв. ред. А.Х.Халиков. М.: Наука, 1978.

Казаков, 1981 – Казаков Е.П. Кушнарниковские памятники Нижнего Прикамья // Об истори-

ческих памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.

Казаков, 1984 – Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

Казаков, 1985 – Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Булгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4.

Казаков, 1985а – Казаков Е.П. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985.

Казаков, 1991 – Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Таткнигоиздат, 1991.

Казаков, 1992 – Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии / Отв. ред. А.Х.Халиков. М.: Наука, 1992.

Казаков, 1993 – Казаков Е.П. Коминтерновское II селище // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Казаков, 1994 – Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с окскими финнами // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994.

Казаков, 1997 – Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. 1997. № 1.

Казаков, 1999 – Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения болгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // МСТП. 1999.

Казаков, 1999а – Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

Казаков, 2000 – Казаков Е.П. Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. Ижевск, 2000.

Казаков, 2003 – Казаков Е.П. Чиялыкская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума. Тобольск, 2003.

Казаков, 2004 – Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Казанцев, 1985 – Казанцев Д.Е. Формирование диалектов марийского языка. В связи с происхождением марийцев. Йошкар-Ола, 1985.

Казаринов, 1884 – Казаринов В.А. Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. 1884. Т. III.

Калинин, 1945 – Калинин Н.Ф. Булгарское искусство в металле. (К вопросу о происхождении татарского народного искусства). Казань, 1945.

Калинин, Халиков, 1954 – Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Тр. КФАН СССР. Серия гуманитар. наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954.

Калинина, 1976 – Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976.

Калинина, 1984 – Калинина Т.М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии //

Древнейшие государства Восточной Европы. 1983. М., 1984.

Калинина, 1990 – Калинина Т.М. Восточная Европа в представлениях Истахри, Ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тез. межобл. конф. Пенза, 1990.

Калинина, 1994 – Калинина Т.М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994.

Калинина, 2000 – Калинина Т.М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Караев, 1973 – Караев О.К. Земли тогузгузов, карлуков, хазлажи, хилхия, кимаков и киргизов по карте ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.

Каргалов, 1967 – Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каримуллин, 1988 – Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань: Таткнигоиздат, 1988.

Каховский Б., 1983 – Каховский Б.В. О языке вольжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983.

Каховский, 1965 – Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории / Под ред. А.П.Смирнова. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1965.

Каховский, 1980 – Каховский В.Ф. О западных пределах Волжской Булгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары, 1980.

Каховский, 1984 – Каховский В.Ф. Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984.

Каховский, Смирнов, 1972 – Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.

Кельмаков, 1998 – Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография // Удмурт вервьскетьёс, 3. Ижевск, 1998.

Кирпичников, Измайлов, 2000 – Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // СКВР. 2000.

Кирьянов, 1958 – Кирьянов А.В. К вопросу о раннеболгарском земледелии // МИА. 1958. № 61.

Киселев, 1949 – Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.

Китабхана-йи маджлис-и сана, 1936-1937 – Фихрист-и китабха-йи хатти китабхана-йи маджлис-и сана. Джилд-и аввал. Та'лиф Мухаммад Таки Даниш Пажух ва Баха'аддин 'Илми Анвари. Техран, 1355 [1936-37].

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.

Клосс, 1998 – Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. 1998. Т.2.

Клосс, 2000 – Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. 2000. Т.24.

Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кляшторный, 1973 – Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии. 1968–1969 гг.) // ТС. 1972. М., 1973.

Кляшторный, 1977 – Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС. 1977. М., 1981.

Кляшторный, 1979 – Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. 1979. № 1.

Кляшторный, 1981 – Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС. 1977. М., 1981.

Кляшторный, 1984 – Кляшторный С.Г. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

Кляшторный, 1986 – Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. Л., 1986.

Кляшторный, 1993 – Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Кляшторный, 2000 – Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П.Новосельцева. М., 2000.

Кляшторный, 2003 – Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Кляшторный, Лившиц, 1978 – Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

Кляшторный, Савинов, 1994 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный, Султанов, 1992 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000 – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Княжецкая, 1989 – Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. XXVI.

Ковалевская, 1970 – Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Ковалевская, 1984 – Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы / Отв. ред. Д.С.Равский. М.: Наука, 1984.

Ковалевский, 1951 – Ковалевский А.П. Посольство арабского халифа к царю болгар // ИЗ. 1951. № 37.

Ковалевский, 1954 – Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954.

Коваленко, Сытый, 1992 – Коваленко В.П., Сытый Ю.Н. Торгово-экономические связи Чер-

нигово-Северской земли с Волжской Булгарией в IX – XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

Коваль, 2003 – Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси в XIII в. // Русь XIII в. Древности темного времени. М., 2003.

Ковычев, 1985 – Ковычев Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.

Козлова, 1978 – Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Кокорина, 1983 – Кокорина Н.А. Гончарные горы Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.

Кокорина, 1986 – Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986.

Кокорина, 1989 – Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Болгарии // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.

Кокорина, 1997 – Кокорина Н.А. О ранних кувшинах Биляра (по материалам ямы 5) // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997.

Кокорина, 2001 – Кокорина Н.А. Зооморфные сюжеты коропластики Волжской Булгарии // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

Кокорина, 2002 – Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур) / Отв. ред. Т.А.Хлебникова. Казань, 2002.

Кокорина, 2004 – Кокорина Н.А. Керамические котлы Волжской Булгарии XI – XIII веков // КСИА. 2004. № 217.

Коледаров, 1974 – Коледаров П. Ходжа Болгар – лечитель в Газни в первой половине двенадцатого века // Асклепий. Международный ежегодник социалистических стран истории и теории медицины. София, 1974. Т. 3.

Колода, 1992 – Колода В.В. К вопросу об этнической интерпретации салтовских железоплавлен // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы науч. конф. Пенза, 1992.

Колчин, 1953 – Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.

Колчин, 1959 – Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Колчин, Круг, 1965 – Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965.

Коновалов, 1976 – Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.

Коновалова, 1990 – Коновалова И.Г. Сведения о буртасах в «Географии» Ибн Са'ида // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тез. межобл. конф. Пенза, 1990.

Коновалова, 1995 – Коновалова И.Г. рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авто-

ров XII–XIV вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М., 1995.

Коновалова, 1999 – Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 1999.

Коновалова, 1999a – Коновалова И.Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т.Пашуто. М., 1999.

Коновалова, 2000 – Коновалова И.Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Коран, пер. – Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. М., 1968.

Корепанов, 1997 – Корепанов К.И. Предварительные заметки о раскопках каменного здания Елабужского городища // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. М., 1997. Т. 3.

Короглы, 1976 – Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976.

Королев, Хлебникова, 1961 – Королев А.В., Хлебникова Т.А. К вопросу о черной металлургии у волжских болгар // МИА. 1961. № 80.

Косарев, 1984 – Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984.

Косвен, 1947 – Косвен М.О. Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2–3.

Котович, 1974 – Котович В.Г. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

Кочкина, 1983 – Кочкина А.Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.

Кочкина, 1985 – Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // СТ. 1985. № 4.

Кочкина, 1986 – Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986.

Кочкина, 1997 – Кочкина А.Ф. Города Волжской Болгарии X – начала XIII вв. в системе расселения (на материалах Свяжско-Кильненского междуречья) // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.

Кочкина, 1999 – Кочкина А.Ф. Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. (археологические данные о торговых путях) // МСТП. 1999.

Кочкина, 1999a – Кочкина А.Ф. Муромский городок – региональный центр Волжской Болгарии домонгольского периода на Самарской Луке // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 1999.

Кочкина, 2002 – Кочкина А.Ф. Некрополи Муромского городка // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002.

Кочкина, 2004 – Кочкина А.Ф. Исследование ремесленного комплекса Муромского городка (по материалам XXVIII раскопа) // Древность и средневековье Волго-Камья. Казань–Болгар, 2004.

Кочкина, Стащенко, 1993 – Кочкина А.Ф., Стащенко Д.А. Археологические исследования на I Красносудюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

- Крадин, 1988* – Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988.
- Краснов, 1971* – Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. М.: Наука, 1971.
- Краснов, 1984* – Краснов Ю.А. Пахотные орудия Волжской Болгарии // КСИА. 1984. № 183.
- Краснов, 1987* – Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Краснов, 1987а* – Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Крачковский, 1955* – Крачковский И.Ю. О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии (1932) // Избр. соч. М.-Л., 1955. Т. I.
- Крачковский, 1957 (2004)* – Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература / Избр. соч. М.-Л., 1957. Т. IV. (переиздание: М., 2004).
- Кренке, Макаров, 1995* – Кренке Н.А., Макаров Н.А. Скандинавская фибула из Салехарда // РА. 1995. № 3.
- Кропоткин, 1970* – Кропоткин В.В. торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. М., 1970. (МИА. № 176).
- Кропоткин, 1973* – Кропоткин В.В. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Кропоткин, 1986* – Кропоткин В.В. Булгарские монеты X в. на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.
- Кротков, 1928* – Кротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства // Изв. Общ-ва исследования и изучения Азербайджана. Баку, 1928. Т. 5.
- Круглов, 2003* – Круглов Е.В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.
- Крыласова и др., 2003* – Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Приуралье // Тр. Камской археол.-этнограф. экп. ПГПУ. Пермь, 2003. Вып. 3.
- Крыласова, 1995* – Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2.
- Крыласова, Белавин, 2000* – Крыласова Н.Б., Белавин А.М. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.
- Крюков, 1976* – Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6.
- Кудряшов, 1948* – Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948.
- Куза, 1983* – Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII вв. // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
- Куза, 1989* – Куза А.В. Малые города Древней Руси / Отв. ред. А.А.Медынцева. М.: Наука, 1989.
- Кузаков, 1978* – Кузаков В.К. Особенности науки и техники средневековой Руси // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1978.
- Кузеев и др., 1982* – Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М., Иванов В.А., Моисеева Н.Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.
- Кузеев, 1968* – Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. 1968. Т. III.
- Кузеев, 1974* – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
- Кузеев, 1992* – Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992.
- Кузнецов, 1957* – Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957.
- Кузьминых, 2000* – Кузьминых С.В. О роли этнокультурного фактора в формировании и развитии цветной металлообработки в Волго-Камье в средние века // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработке цветных металлов у народов Поволжья в средние века. Йошкар-Ола, 2000.
- Кузьминых, Агапов, 1989* – Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
- Кулемзин, Бородкин, 1989* – Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово, 1989. Вып. 1.
- Культура Биляра, 1985* – Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х.Халиков. М.: Наука, 1985.
- Кумеков, 1972* – Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кумеков, 1981* – Кумеков Б.Е. Сообщение Ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.
- Кумеков, 1987* – Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII–XIV вв. Алма-Ата, 1987.
- Курбатов, 1990* – Курбатов Х.Р. Утилитарные и поэтические типы речи // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990.
- Кутубхане Тус, 1926* – Аз фахраст кутуб кутубхане мубараке астана кудс Ризави Али мушараф-ха алаф ас-салам. Шахр ал-мухаррам 1345 х. [хиджри/1926-27]. Дар ат-таб'а. Тус (Машхад мукаддес). (299 с.) Джилд III. (номер 2 в разделе «Ахбар ал-булдан»).
- Кучкин, 1975* – Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в X–XIII вв. // Историческая география России. XII – начало XX вв. М., 1975.

- Кызласов И., 1980* – Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. 1980. № 2.
- Кызласов И., 1994* – Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов, 1969* – Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кызласов, 1984* – Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
- Кызласов, 1998* – Кызласов Л.Р. Города гуннов // ТА. 1998. № 2.
- Кызласов, Король, 1990* – Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Левашева, 1939* – Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.
- Левашева, 1969* – Левашева В.П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА. № 169).
- Левашова, 1956* – Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Тр. ГИМ. Вып. 32). М., 1956.
- Левина, 1971* – Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // Тр. ХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.
- Ленц, 1999* – Ленц Г.Т. Городище Анюшкар и комплекс средневековых археологических памятников у с. Кыласова // XIV УАС. Челябинск, 1999.
- Ленц, 2000* – Ленц Г.Т. Исследования Кыласовского комплекса средневековых археологических комплексов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. Ижевск, 2000.
- Леонтьев, 1986* – Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. № 183.
- Лепехин, 1795* – Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1.
- Лепехин, 1821* – Полное собрание ученых путешествий по России. Записки путешествия акад. Лепехина. СПб., Т. 3.
- Лещинская, 1984* – Средневековые поселения на левобережье р. Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984.
- Лещинская, 1988* – Лещинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.
- Лимонов, 1967* – Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
- Липец, 1984* – Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Литвинский, 1966* – Литвинский Б.А. Сложно-составной лук в Средней Азии // СА. 1966. № 4.
- Лихачев, 1876* – Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Тр. II АС. СПб., 1876. Вып 1, отд. 2.
- Лихачев, 1886* – Лихачев А.Ф. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии. Одесса, 1886.
- Лихачев, 1930* – Н.П.Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, т. II. Л., 1930.
- Лобашов, 1954* – Лобашов М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М., 1954.
- Луппов, 1958* – Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1958.
- Луппов, 1999* – Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времен первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999.
- Лурье В., 1996* – Лурье В.М. Около Солунской легенды // Славяне и их соседи. М., 1996.
- Лурье, 1976* – Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Лурье, 1985* – Лурье Я.С. Генеологическая схема летописей XI – XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДЛ. 1985. Т. 40.
- Лурье, 1997* – Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997.
- Любарский, 1966* – Любарский Я.Н. Византийско-печенежская война 1086–1091 гг. на территории Балкан // Славянские исследования. Л., 1966.
- Ляпушкин, 1958* – Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры // МИА. 1958. № 62.
- Магомедов, 1983* – Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1983.
- Мажитов, 1997* – Мажитов Н.А. За объективное освещение истории Волжской Булгарии и Золотой Орды // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф. М., 1997. Т. 3.
- Макаров, 1995* – Макаров Л.Д. Русские поселения на берегах Вятки // Энциклопедия земли Вятской в 10 тт. Т. 4. История. Киров, 1995.
- Макаров, 1997* – Макаров Л.Д. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1.
- Макаров, 1999* – Макаров Л.Д. Славяно-русское население на территории Удмуртии: история и современность // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. СПб.; Ижевск, 1999. № 3-4.
- Макаров, 2001a* – Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: «Удмуртский университет», 2001.
- Макаров, 2001б* – Макаров Л.Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.
- Макарова, Плетнева, 1983* – Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2.
- Макарова, Халиков, 1986* – Макарова В.Н., Халиков А.Х. Поливная или глазуванная керамика билярского производства // Посуда Биляра. Казань, 1986.
- Малов, 1926* – Малов С. Замок из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии востоковедов. М., 1926. Т. 2.
- Малоземова, 1997* – Малоземова О.В. Торговля Руси с «Югрой и Самоядьей»: исторические мифы и археологическая реальность // Россия и Восток: археология и этническая история. Материалы IV Международ. науч. конф. Омск, 1997.
- Мамадаков, 1994* – Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994.

- Марджани, 1990* – Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Казань, 1990.
- Маркелов, 1922* – Маркелов М.Г. Саратовская мордва // Саратовский этнографический сборник. 1922. Вып. 1.
- Марков, 1910* – Марков А.К. Топография кладов восточных монет (саманидских и куфических). СПб., 1910.
- Мартьянов, 1976* – Мартьянов В.Н. Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области // Материалы по археологии мордвы. Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1976. Вып. 52.
- Мартьянов, 1988* – Мартьянов В.Н. Могильник Красное I // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н.э.. Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 93.
- Мартьянов, 1990* – Мартьянов В.Н. Могильник Личадеево V // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1990. Вып. 99.
- Мартьянов, 1992* – Мартьянов В.Н. Захоронения коней в могильниках левобережья р. Теши в конце I – начале II тыс. н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып. 107.
- Мартьянов, 2001* – Мартьянов В.Н. Арзамаская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас, 2001.
- Маршак, 1966* – Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб., 1966.
- Маршак, 1971* – Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерк по восточной торевтике. М., 1971.
- Матвеев, Матвеева, 1987* – Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Ювелирные изделия Тютринского могильника (к проблеме Сибирской коллекции Петра I) // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
- Матвеева, 1973* – Матвеева Г.И. Новые данные о ремеслах волжских булгар // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Чебоксары, 1973.
- Матвеева, 1975* – Матвеева Г.И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.
- Матвеева, 1976* – Матвеева Г.И. Погребение VIII–IX веков в окрестностях г. Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
- Матвеева, 1988* – Матвеева Г.И. Гончарная керамика Муромского городка // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Матвеева, 1993* – Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Матвеева, 1997* – Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / Отв. ред. В.Б.Ковалевская. Самара: «Самарский университет», 1997.
- Матвеева, 2000* – Матвеева Г.И. Волжская Болгария (X век – 1236 год) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Матвеева, 2003* – Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв. Именьковская культура. Самара, 2003.
- Матвеева, Кочкина, 1998* – Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок / Отв. ред. Л.В.Кузнецова. Самара, 1998.
- Матузова, 1979* – Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979.
- Мелетинский, 1979* – Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979.
- Мелиоранский, 1902* – Мелиоранский П. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями // ЗВОРАО. 1902. Т. XIV.
- Мельникова и др., 1984* – Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984.
- Мельникова, 1997* – Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Шведы и русский Север. Историко-культурные связи. Материалы Международного симпозиума. Киров, 1997.
- Мельникова, 1999* – Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // МСТП. 1999.
- Мельникова, 1999* – Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // МСТП. 1999.
- Мердер, Фирсов, 1896* – Мердер И.К., Фирсов В.Э. Русская лошадь в древности и теперь. Историко-иппологическое исследование. СПб., 1896.
- Мерперт, 1957* – Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Мец, 1973* – Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973.
- Миколла, 1916* – Миколла И.И. Хронология дунайских болгар (тюркского племени) // ИОАИЭ. 1916. Т. XXIV, вып. 4.
- Миллер, 1999* – Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
- Мильков, 1953* – Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Михальченко, 1974* – Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140.
- Мишин, 2002* – Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002.
- Могильников, 2002* – Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002.
- Мокшин, 1991* – Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен. Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск, 1991.
- Молодин и др., 1988* – Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородавский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.
- Молодин и др., 2002* – Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5.
- Молодин, 1976* – Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. Серия общественных наук. 1976. № 11, вып. 3.

Молодин, Чикишева, 1990 – Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV – V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Монгайт, 1947 – Монгайт А.Л. Рязанские гирьки // КСИИМК. 1947. Вып. XIV.

Монгайт, 1959 – Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1.

Монгайт, 1961 – Монгайт А.Л. Рязанская земля / Отв. ред. Н.Н.Воронин. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Морозов, 1996 – Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Моця, 1999 – Моця А.П. Болгар и Киев в системе торговли между городами Восточной Европы // МСТП. 1999.

Моця, Халиков, 1997 – Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути, связи, судьбы / Отв. ред. П.П.Толочко. Киев, 1997.

МСТП, 1999 – Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш.Хузин. Казань, 1999.

Муканов, 1974 – Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974.

Мухйит ал-мухйит – Китāб мухйит ал-мухйит, та'лиф Бутрус Бустани, I, 1867.

Мухамадиев, 1980 – Мухамадиев А.Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению Татари. Казань, 1980.

Мухамадиев, 1983 – Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII – XV вв. / Отв. ред. Г.А.Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1983.

Мухамадиев, 1990 – Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань: Таткнигоиздат, 1990.

Мухамедова, 1978 – Мухамедова Р.Г. Челецкие татары Краткий исторический очерк // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978.

Мухаметшин, 1977 – Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. / Отв. ред. Р.Г.Мухамедова. М.: Наука, 1977.

Мухаметшин, 2004 – Мухаметшин И.Д. Сельскохозяйственная округа города Болгара // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань-Болгар, 2004.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1987 – Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987.

Мухаметшин, Хакимзянов, 1996 – Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Мухтарат, 1997 – Мухтарат мин ал-махтутат ал-арабийя ан-надира фи мактубат туркийя. И'дад Рамазан Шешен. Такдим Екмел ад-дин Ихсан оглу. Стамбул, 1997.

Набиуллин, 1999 – Набиуллин Н.Г. Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

Набиуллин, 2000 – Набиуллин Н.Г. Город Джукетау X–XIV вв. по археологическим исследованиям. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2000.

Набиуллин, 2000a – Набиуллин Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. М., 2000.

Наджип, 1989 – Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.

НАП, 1979 – Новое в археологии Поволжья. Археологическое изучение центра Билярского городища / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1979.

Напольских, 1998 – Напольских В.В. О происхождении названия *Югра* // Сибирь в панораме тысячелетий. (Материалы Международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.

Напольских, 2001 – Напольских В.В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском. III. *туй*. IV. *кожы* // *Linguistica Uralica*. Т.37. № 1. Tallinn.

Напольских, Бельх, 1994 – Напольских В.В., Бельх С.К. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. 1994. Т. 30. Tallinn.

Насибуллин, 1992 – Насибуллин Р.Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордском кыл. Ижевск, 1992. № 2.

Насонов, 1969 – Насонов А.Н. История русско-го летописания IX – начала XVIII в. М., 1969.

Неверов, 1990 – Неверов С.В. Этнокультурные особенности строткинской культуры // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. док. Томск, 1990.

Невоструев, 1871 – Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. М., 1871. Т. II.

Невоструев, 1872 – Невоструев К.И. Елабужские древности // Древности. Труды Московского Археологического общества. М., 1872. Т. III.

Нигамаев, 2000 – Нигамаев А.З. Каменная мечеть-крепость на Елабужском городище // СКВР. 2000.

Нигамаев, 2001 – Нигамаев А.З. Новые исследования в исторической части г. Елабуги // АОТ – 2000. Казань, 2001.

Нигамаев, Хузин, 2000 – Нигамаев А.З., Хузин Ф.Ш. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000.

Никитина, 1996 – Никитина Т.Б. К вопросу об истоках марийского этноса // ФУ. 1996. № 2.

Никитина, 2002 – Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002.

Новиков, 1988 – Новиков А.В. Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография: археология и история. Омск, 1988.

Новиков, 1988a – Новиков А.В. Новый памятник начала II тысячелетия н.э. в южно-таежном

- Приобье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998.
- Новиков, Радилловский, 1990* – Новиков В.П., Радилловский В.В. К истории горных промыслов и металлургии древнего Гиссара // Очерки по истории геологии Таджикистана. Душанбе, 1990. Вып. 1.
- Новосельцев, 1965[2000]* – А.П.Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
- Новосельцев, 1982[2000]* – Новосельцев А.П. Арабский географ IX. Ибн Хордадбех о Восточной Европе / Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти Чл.-Кор. РАН А.П.Новосельцева. Отв. редактор к.и.н. Т.М.Калинина. М., 2000. 360-366.
- Новосельцев, 1983* – Новосельцев А.П. Киевская Русь и страны Востока // ВИ. 1983. № 5.
- Новосельцев, 1987* – Новосельцев А.П. Хазария в системе международных отношений VII–IX веков // ВИ. 1987. № 2.
- Новосельцев, 1990* – Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
- Новосельцев, 2000* – Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П.Новосельцева. М., 2000.
- Новосельцев, 2001* – Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Западной Евразии // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001.
- Носов, 1998* – Носов Е.Н. Древнерусский город в отечественной исторической мысли (преемственность и концепции) // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998.
- НЭС – Крымский А. Джами* // Новый энциклопедический словарь. СПб., т. XVI.
- Овсянников, 2000* – Овсянников В.В. Вооружение приуральских укров в контексте евразийских культур второй половины I тысячелетия н.э. // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000.
- Осипова, 2000* – Осипова Т.В. Основные черты обряда вторичного захоронения в Сурско-Окском междуречье // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Саранск, 2000.
- Останина, 1997* – Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.
- Очерки, 1953* – Очерки истории СССР. Период феодализма. IX – XV вв. В двух частях. Ч. I. IX–XIII вв. / Отв. ред. Б.Д.Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Очерки, 1958* – Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. М., 1958.
- Паллас, 1773* – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. I; СПб., 1788. Ч. III.
- Пархимович, 1991* – Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // ВАУ. 1991. Вып. 20. Екатеринбург.
- ПБ, 1986* – Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1986.
- Перевоицков, 2002* – Перевоицков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья (технологический аспект). Ижевск, 2002.
- Петербургский, 1979* – Петербургский И.М. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1979. Вып. 63.
- Петербургский, Первушкин, 1992* – Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Тр. Морд. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1992. Вып. 107.
- Петренко, 1976* – Петренко А.Г. Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // ИВГ. 1976.
- Петренко, 1979* – Петренко А.Г. Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // НАП. 1979.
- Петренко, 1984* – Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья // Отв. ред. П.Н.Старостин. М.: Наука, 1984.
- Петренко, 1988* – Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Петренко, 1999* – Петренко А.Г. К истории исследования проблем хозяйственной деятельности населения средневековых городов Среднего Поволжья (по данным археозоологических материалов) // ТА. 1999. № 1–2 (4–5).
- Петренко, 2000* – Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.
- Петрухин, Раевский, 1998* – Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1988.
- Пештич, 1961* – Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч.1.
- Пещерева, 1959* – Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. XLII. М., 1959.
- Пиотровский, 1991* – Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991.
- Плетнева Л., 1997* – Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997.
- Плетнева, 1958* – Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
- Плетнева, 1967* – Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.: Наука, 1967. (МИА. № 142).
- Плетнева, 1973* – Плетнева С.А. Древности черных клобуков. САИ. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1973.
- Плетнева, 1974* – Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. САИ. Вып. Е4-2. М., 1974.
- Плетнева, 1975* – Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

- Плетнева, 1976 (1986)* – Плетнева С.А. Хазары / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.: Наука, 1976 (2-е доп. изд-е: М., 1986).
- Плетнева, 1982* – Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.: Наука, 1982.
- Плетнева, 1985* – Плетнева С.А. Донские половцы // «Слово о полку Игореве и его время». М., 1985.
- Плетнева, 1989* – Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989.
- Плетнева, 1990* – Плетнева С.А. Половцы / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М.: Наука, 1990.
- Плетнева, 1990a* – Плетнева С.А. Проблемы хазарской археологии // СА. 1990. № 2.
- Плетнева, 1991* – Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3.
- Плетнева, 2000* – Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии / Отв. ред. В.Я.Петрухин. М.; Иерусалим: 2000.
- Плетнева, 2003* – Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. А.З.Винников. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003.
- Плетнева, Макарова, 1965* – Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с. Витачева // КСИА. 1965. № 104.
- Плотников, 1987* – Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
- Плотников, 1990* – Плотников Ю.А. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
- Полесских, 1959* – Полесских М.Р. Археологические разведки городищ и селищ XIII–XIV вв. // Тр. Саратов. обл. краевед. музея. Саратов, 1959. Вып. 2.
- Полесских, 1970* – Полесских М.Р. Археологические памятники Пензенской области. Пенза, 1970.
- Полесских, 1971* – Полесских М.Р. Исследования памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Полесских, 1977* – Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977.
- Полесских, 1981* – Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обулгаризованных буртас // Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
- Полосин, 1976* – В.В.Полосин. Славянский термин в сочинении средневекового путешественника и араба / НАА, № 1, 1976.
- Полубояринова, 1980* – Полубояринова М.Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Полубояринова, 1989* – Полубояринова М.Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Полубояринова, 1993* – Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1993.
- Поляк, 1964* – Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. М., 1964.
- Полякова, 1983* – Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар. (Типологический и историко-культурный анализ). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983.
- Полякова, 1996* – Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Полякова, Фехнер, 1974* – Полякова Г.Ф., Фехнер М.В. Игра в мельницу в Древней Руси // Slovenska Archeologia. 1974. № 3.
- Пономарев, 1892* – Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Ошель и его следы // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 3.
- Пономарев, 1892a* – Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. 1892. Т. X, вып. 5.
- Пономарев, 1893* – Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Булгарский город Кашан // ИОАИЭ. 1893. Т. XI, вып. 2.
- Пономарев, 1893a* – Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Тубулга-Тау и неопределенные города // ИОАИЭ. 1893. Т. XI, вып. 4.
- Пономарев, 1919* – Пономарев П.А. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX, вып. 1.
- Прозоров, 2004* – Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.
- Псянчин, 2001* – Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. Уфа, 2001.
- Путь, 1992* – Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1992.
- Радлов, 1989* – Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / Отв. ред. С.И.Вайнштейн. М.: Наука, 1989.
- Ранние болгары, 1989* – Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1989.
- Ранние болгары, 1991* – Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе / Отв. ред. Е.П.Казаков. Казань, 1991.
- Раппопорт, 1961* – Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. 1961. № 105.
- Раппопорт, 1965* – Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965.
- Расовский, 1933* – Д.А.Расовский. Печенеги, турки и берендеи на Руси и Угрии // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н.П.Кондакова [Seminarium Kondakovianum], VI. Прага, 1933.
- Расторопов, 1990* – Расторопов А.В. К вопросу об этнокультурных границах в Верхнем Посурье и Примокшанье в конце I – начале II тыс. н.э. // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II.

- Расторопов, 1995* – Расторопов А.В. Об этнокультурной ситуации в лесостепи Волго-Донского междуречья в конце I – начале II тыс. н.э. // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.
- Рахимов, 1961* – Рахимов М.К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961.
- Родина, 1977* – Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // РА. 1977. № 3.
- Родина, 1991* – Родина М.Е. Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
- Розанова, 1990* – Розанова Л.С. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.
- Розен, 1983* – Розен М.Ф. Древняя металлургия и горное дело на Алтае. (Обзор исследований) // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.
- Романцова, 1983* – Романцова В.Д. Курганный могильник Седова Заимка – 2 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983.
- Ронин, 1989* – Ронин В.К. Франки, вестготы, лангобарды в VI–VIII вв.: политические аспекты самосознания // Одиссей. Человек в истории. М., 1989.
- Руденко, 1999* – Руденко К.А. Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формированию булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999.
- Руденко, 2000* – Руденко К.А. VI Алексеевское селище. Казань: Репер, 2000.
- Руденко, 2000a* – Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII – XIV вв. Казань: Репер, 2000.
- Руденко, 2001* – Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2001.
- Руденко, 2001a* – Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001.
- Руденко, 2001b* – Руденко К.А. Булгарские клады (к вопросу о булгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Руденко, 2002* – Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Казань: Школа, 2002.
- Руденко, 2003* – Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003.
- Рыбаков, 1948* – Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков, 1949* – Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI–XV вв. (из истории народных знаний) // СЭ. 1949. № 1.
- Рыбаков, 1952* – Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII.
- Рыбаков, 1957* – Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1.
- Рыбаков, 1969* – Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. (МИА. № 169).
- Рыбаков, 1993* – Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М.: Наука, 1993.
- Рыбушкин, 1833* – Рыбушкин М.С. Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский Муравей. Казань, 1833. Ч.1, № 2, 4.
- Рындина, 1963* – Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117.
- Рындина, 1965* – Рындина Н.В. Металлография в археологии // Археология и естественные науки. М., 1965.
- Рычков, 1767* – Рычков П. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия // Тр. Вольного экономического общества. СПб., 1767. Часть VII.
- Рычков, 1770* – [Рычков Н.П.] Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- Саблуков, 1849* – Саблуков Г.С. Очерк истории и внутреннего быта хазарской державы на Волге // Саратовские губернские ведомости. [Саратов], 1849.
- Савельев, 1846* – Савельев П.С. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и Прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения Русского государства. СПб., 1846.
- Савельева, 1985* – Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985.
- Савельева, 1991* – Савельева Э.А. Роль Волжской Булгарии в развитии культуры перми вытегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.
- Савинов, 1976* – Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Савинов, 1979* – Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- Савинов, 1982* – Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
- Савинов, 1984* – Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Савинов, 1994* – Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994.
- Савинов, 1997* – Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I. (Новые материалы по археологии нача-

ла II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997.

Савинов, 1998 – Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алматы-М., 1998. Вып. 2.

Савченкова, 1996 – Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. Казань, 1996.

Сахаров, 1991 – Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.

СГАСА, 1973 – Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый города Средней Азии. Отв. ред. В.М.Массон. Л.: Наука, 1973.

Седов, 1994 – Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов, 1999 – Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999.

Седов, 2002 – Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002.

Седов, 2002а – Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2002. № 2.

Седова, 1997 – Седова М.В. К вопросу об атрибуции одной группы княжеских актов печатей // Биляр и Волжская булгария Изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. Казань, 1997.

Семенов В., 1980 – Варнинский могильник // Новый памятник половецкой культуры. Ижевск, 1980.

Семенов В., 1982 – К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

Семенов И., 1994 – Семенов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия (1-е тысячелетие новой эры). Казань: Тан-Заря, 1994.

Семенов И., 2002 – Семенов И.Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, царя русии // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тез. док. М., 2002.

Семенов И., 2004 – Семенов И. О набеге хазарского полководца Блучана на Грузию в VIII веке // Иудеи и хазары. Археология. Одиннадцатая ежегодная Международ. конф. по иудаике. Тез. док. М., 2004.

Семенов, 1953 – Семенов А.А. Таджикские ученые XI в. н.э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах // Доклады АН Таджикской ССР. 1953. № 7.

Семенов, 1978 – Семенов А.И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Л., 1978.

Семенов, 1991 – Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // АСГЭ. 1991. Вып. 31.

Семенов, 1993 – Семенов А.И. О датированных способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993.

Семькин и др., 1997 – Семькин Ю.А., Ледайкин В.И., Губайдуллин Р.З. Археологические исследования Староалейкинского городища // Биляр

и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. Казань, 1997.

Семькин, 1991 – Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.

Семькин, 1992 – Семькин Ю.А. Характеристика технологии изготовления кузнечной продукции Больше-Тарханского могильника // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992.

Семькин, 1993 – Семькин Ю.А. Исследования бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Семькин, 1995 – Семькин Ю.А. Технология кузнечного инвентаря из Новинковского II могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Семькин, 1996 – Семькин Ю.А. Черная металлообработка в Болгаре // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Семькин, 1996а – Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Семькин, 1997 – Семькин Ю.А. Исследования на территории Чертова городка // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1997.

Семькин, 1998 – Семькин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1998.

Семькин, 2000 – Семькин Ю.А. О технологии кузнечного производства на Остолоповском поселении // Музеи в системе ценностей Евразийской культуры. Казань, 2000.

Семькин, Ворона, 2004 – Семькин Ю.А., Ворона А.А. Находка древнего металлургического горна в Ульяновской области // Краеведческие записки. Ульяновск, 2004.

Семькин, Казаков, 1989 – Семькин Ю.А., Казаков Е.П. Технология кузнечного производства на сельских памятниках домонгольской Волжской Булгарии // Краеведческие записки. Ульяновск, 1989.

Семькин, Терехова, 1994 – Семькин Ю.А., Терехова Н.Н. Технология изготовления кузнечных изделий древних венгров по материалам Больше-Тиганского могильника (VIII – первая половина IX в.) // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Сефербеков, 1997 – Сефербеков Р.И. Из истории одного земледельческого культа табасаранцев // Иран и Кавказ. Тр. Кавказского центра иранистики. Ереван, 1997. Т. 1.

Славяне, 1986 – Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А.Мельниковой. М.: Прогресс, 1986.

Слама, 2000 – Слама Й. Центральная Европа и Волжская Булгария // СКВР. 2000.

Слово, 1957 – Слово о гибели Русской земли. М., 1957.

Смагулов, Павленко, 1998 – Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2.

- Смирнов И., 1912* – Смирнов И.И. Волжские болгары // Русская история в очерках и статьях. Под ред. проф. М.В.Довнар-Запольского. М., 1912. Т. 1.
- Смирнов, 1940* – Смирнов А.П. Очерки по истории древних болгар // Тр. ГИМ. 1940. Вып. XI.
- Смирнов, 1941* – Смирнов А.П. Сувар // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI.
- Смирнов, 1946* – Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // СЭ. 1946. № 3.
- Смирнов, 1950* – Смирнов А.П. Исследование городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Тояба Чувашской АССР // Уч. зап. Чув. НИИЯЛИЭ. 1950. Вып. IV.
- Смирнов, 1951* – Смирнов А.П. Волжские болгары. Под ред. С.П.Толстова // Тр. ГИМ. 1951. Вып. XIX.
- Смирнов, 1952* – Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / Отв. ред. А.В.Арциховский. М.: Изд-во АН СССР, 1952. (МИА. № 28).
- Смирнов, 1961* – Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / Отв. ред. Н.Я.Мерперт. М.: Изд-во АН СССР. (МИА. № 95).
- Смирнов, 1962* – Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
- Смирнов, 1968* – Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968.
- Смирнов, 1972* – Смирнов А.П. О столице государства волжских болгар // СА. 1972. № 1.
- Смирнов, 1972a* – Смирнов А.П. Об этническом составе Волжской Болгарии // Новое в археологии. М., 1972.
- Смирнов, 1974* – Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Смирнов, 1976* – Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Смирнова, 1981* – Смирнова О.И. К имени Алмуша, сына Шилки, царя болгар // Тюркологический сб. 1977. М., 1981.
- Смолин, 1921* – Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. (Разбор главнейших теорий). Казань, 1921.
- Смолин, 1925* – Смолин В.Ф. Болгарский город Брахимов // ИОАИЭ. 1925. Т. XXXIII, вып. 1.
- Смолин, 1925a* – Смолин В.Ф. Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925.
- Смолин, 1926* – Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.
- Сокровища, 1996* – Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Соловьев, 1889* – Соловьев Е.Т. Где был древний болгарский город Керменчук? // ИОАИЭ. 1889. Т. VII.
- Соловьев, 1987* – Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск, 1987.
- Спасский, 1912* – Спасский Н. Очерки по родоведению. Казанская губерния. Казань, 1912.
- Спицын, 1901* – Спицын А.А. Поездка для отыскания остатков древних болгар. Отчет о поездке 1898 г. СПб., 1901.
- Старостин, 1985* – Старостин П.Н. Об остатках башен «Девичьего городка» // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.
- Старостин, 1988* – Старостин П.Н. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988.
- Старостин, 1990* – Старостин П.Н. Надпись на глиняном сосуде // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990.
- Старостин, 1993* – Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Старостин, 1999* – Старостин П.Н. О раннем Болгаре // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. М., 1999.
- Сташенков, 1997* – Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Тр. VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т.3.
- Сташенков, 1998* – Сташенков Д.А. Этнокультурная динамика на территории Самарского Поволжья во второй половине I тыс. н.э. // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб., 1998.
- Степанов, 1962* – Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // МИА. 1962. № 111.
- Степанов, 1967* – Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967.
- Степанов, 1995* – Степанов Ц. О локализации «Великой Болгарии» Кубрата // Bulgarian Historical Review. 1995. № 2.
- СТЛ, 1999* – Средневековая татарская литература VIII–XVIII вв. Казань, 1999.
- Стэнли, 2004* – Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Перев. с англ. с прим. и доп. В.В.Бартольда. М., 2004.
- Табалдиев, 1996* – Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
- Талицкая, 1952* – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. 1952. № 27.
- Талицкий, 1941* – Талицкий М.В. К этногенезу коми // КСИИМК. 1941. Вып. IX.
- Талицкий, 1951* – Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22.
- Тарди, 1982* – Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash studies / Bibliotheca orientalis Hungarica. Vol. XXVIII. Budapest: Akademiai Kiado, 1982.
- Татарстан и Турция, 1999* – Татарстан и Турция. Архивное сотрудничество // Эхо веков. № ½. 1999.
- Татары, 2001* – Татары / Отв. ред. Р.К.Уразманова, С.В.Чешко. М.: Наука, 2001.

- Татищев, 1–4, 1962–1964* – Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. М.: Изд-во АН СССР, 1962–1964. Т. 1–4.
- Татищев, 1769*. Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. М., 1769.
- Теляковский, 1839* – Теляковский А.З. Фортификация. СПб., 1839. Ч. 1.
- Тенишев, 1971* – Тенишев Э.М. Камень с рунической надписью из Юрино // Лингвистический сборник. Ташкент, 1971.
- Тенишев, 1981* – Тенишев Э.Р. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
- Тенишев, 1987* – Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали // Поэт-гуманист Кул Гали. Казань, 1987.
- Теплоухов, 1929* – Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. 2.
- Тепляшина, 1968* – Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Уч. зап. Чув. НИИЯЛИЭ. 1968. Вып. 40.
- Терехова и др., 1997* – Терехова Н.Н., Розанова Л.Д.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки истории металлургии железа Восточной Европы. М., 1997.
- Тихомиров, 1956* – Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.: Госполитиздат, 1956
- Тихомиров, 1964* – Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению М.: Л., 1964.
- Толмачев, 1884* – Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. Казань, 1884. Т. 1, отд. 1.
- Толмачева, 1982* – Толмачева М.И. Техника металлического производства в Волжской Болгарии в X–XIII вв. по данным металлографии // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.
- Толмачева, 1989* – Толмачева М.М. Техника обработки железа в степном регионе салтовской культуры // Естественные научные методы в археологии. М., 1989.
- Толочко, 2001* – Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // РА. 2001, № 2.
- Толочко, 2005* – Толочко П.П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005.
- Толстов, 1947* – Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. №.3.
- Трифонов, 1973* – Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // ТС. 1972. М., 1973.
- Трифонов, 1987* – Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
- Троицкая, 1978* – Троицкая Т.Н. Красный Яр – I – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Троицкая, 1981* – Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981.
- Троицкая, Новиков, 1998* – Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Трофимова, 1956* – Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // ТИЭ. 1956. Т. XXXIII.
- Трубачев, 1974* – Трубачев О.Н. Славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.
- Туганаев, 1976* – Туганаев В.В. Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // ИВГ. 1976.
- Туганаев, Фролова, 1975* – Туганаев В.В., Фролова В.И. Ботанические материалы из городища Биляр // Ботанический журнал, 1975. № 7.
- Тугушева, 1975* – Тугушева Л.Ю. О надписи на золотом ковше из собрания Эрмитажа // Культура и искусство народов и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
- Турчанинов, 1964* – Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // СА. 1964. № 1.
- Турчанинов, 1971* – Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
- Тухтина, 1960* – Тухтина Н.В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. 1960. № 80. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. III.).
- ТЭС, 1999* – Татарский Энциклопедический Словарь. Казань, 1999.
- Тюркские языки* – Языки мира. Тюркские языки / Под ред. Э.Р.Тенишева. М., 1997.
- Уманский, 1970* – Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Изв. Алтайского отд. Всесоюз. географ. общ-ва СССР. Барнаул, 1970. Вып. 11.
- Уманский, 1974* – Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Уманский, 1978* – Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Умняков, 1939* – Умняков И. Компендиум испанско-арабского географа Исхака ибн ад-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках // Известия Государственного географического общества. М.-Л., 1939. Т.71 Вып.9.
- Услар, 1979* – Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
- Усманов, 1972* – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: Изд-во КГУ, 1972.
- Фасмер, 1926* – Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // ИОАИЭ. 1926. Т. XXXIII, вып. 1.
- Фахрутдинов, 1974* – Фахрутдинов Р.Г. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1974. № 2.

- Фахрутдинов, 1975* – Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: Таткнигоиздат, 1975.
- Фахрутдинов, 1978* – Фахрутдинов Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Фахрутдинов, 1984* – Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1984.
- Фахрутдинов, 1990* – Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография болгарских городищ / СА. 1990. № 4.
- Фахрутдинов, 1993* – Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Фахрутдинов, 1993а* – Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и татары: что в душе народа? Наб. Челны, 1993.
- Федоров Я., Федоров Г., 1978* – Федоров Я.С., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- Федоров, 1972* – Федоров Я.А. Хазария и Дагестан // Краткий этнографический сборник. М., 1972.
- Федорова, 1991* – Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Булгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Л., 1991.
- Федорова-Давыдова, 1969* – Федорова-Давыдова Э.А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы. М., 1969.
- Федоров-Давыдов, 1960* – Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у с. Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Вопросы археологии и истории Чувашии (Уч. зап. Чув. НИИЯЛИЭ. Вып. XIX). Чебоксары, 1960.
- Федоров-Давыдов, 1962* – Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище. (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. 1962. № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).
- Федоров-Давыдов, 1966* – Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
- Федоров-Давыдов, 1969* – Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы. М., 1969.
- Федоров-Давыдов, 1977* – Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
- Федоров-Давыдов, 1979* – Федоров-Давыдов Г.А. Библиография трудов А.П.Смирнова // Из истории хозяйства населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1979.
- Федоров-Давыдов, 1987* – Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Физико-географическое, 1964* – Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. Казань: Изд-во КГУ, 1964.
- Филогенова, 1967* – Филогенова С.И. Античные медицинские инструменты // СА. 1967. № 1.
- Финны-угры, 1999* – Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
- Фирсов, 1898* – Фирсов Н.Н. Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV, вып. 5.
- Флеров, 1996* – Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1966.
- Флерова, 1997* – Флерова В.Е. Граффити Хазарии / Отв. ред. С.А.Плетнева. М., 1997.
- Фомин, 1984* – Фомин А.В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X – начале XI вв. // НЭ. 1984. Т. XIV.
- Формозов, 1961* – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Наука, 1961.
- Формозов, 1986* – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Фроянов, Дворниченко, 1988* – Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
- Хабарова, 1998* – Хабарова Н.В. Два поясных набора из Заволжья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.
- Хабичев, 1970* – Хабичев М.А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // СТ. 1970. № 2.
- Хайруллин, 1980* – Хайруллин А.Н. Влияние трудов Ибн Сины на развитие медицинских знаний в Татарстане. Ташкент, 1980.
- Хакимзянов, 1978* – Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978.
- Хакимзянов, 1983* – Хакимзянов Ф.С. О поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983.
- Хакимзянов, 1997* – Хакимзянов Ф.С. Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки / Под ред. Э.Р.Тенишева. М., 1997.
- Хаков, 1988* – Хаков В.Х. Камень с рунической надписью из деревни Сарабикулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988.
- Хаков, 1989* – Хаков В.Х. Функционально-стилистическое обособление и развитие норм татарского литературного языка XV–XVI вв. // Формирование татарского литературного языка. Казань, 1989.
- Халидов, 1998* – Халидов А.Б. Сообщение арабской хроники XII в. о посольстве из Булгара в Багдад // Марджани: наследие и современность. Казань. 1998.
- Халиков Н., 1995* – Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995.
- Халиков, 1971* – Халиков А.Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1.
- Халиков, 1973* – Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА. 1973. № 3.
- Халиков, 1976* – Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // ИВГ. 1976.
- Халиков, 1976 в* – Халиков А.Х. Об этнических основах марийского народа // АИЭМК. 1976. Вып. 1.
- Халиков, 1976а* – Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // ИВГ. 1976.
- Халиков, 1976б* – Халиков А.Х. О времени и месте возникновения и названия города Казани //

Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976.

Халиков, 1978 – Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Таткнигоиздат, 1978.

Халиков, 1981 – Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеологических легенд волжских болгар в археологических материалах // Из истории ранних болгар. Казань, 1981.

Халиков, 1984 – Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Халиков, 1985 – Халиков А.Х. Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.

Халиков, 1985a – Халиков А.Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.

Халиков, 1986 – Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Халиков, 1986a – Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань, 1986.

Халиков, 1987 – Халиков А.Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.

Халиков, 1989 – Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Таткнигоиздат, 1989.

Халиков, 1989a – Халиков А.Х. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Халиков, 1992 – Халиков А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

Халиков, Валиуллина, 1984 – Халиков А.Х., Валиуллина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете // Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984.

Халиков, Игонин, 1974 – Халиков А.Х., Игонин Н.И. Аэрофотосъемка крупных археологических объектов // Вестник АН СССР. 1974. № 7.

Халиков, Шарифуллин, 1976 – Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // ИВГ. 1976.

Халиков, Шарифуллин, 1979 – Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // НАП. 1979.

Халикова, 1971 – Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Халикова, 1975 – Халикова Е.А. Magna Hungaria // ВИ. 1975. № 7.

Халикова, 1976 – Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.

Халикова, 1981 – Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от

болгаро-съветската среща. (Шумен, 1976). София, 1981. Т. 2.

Халикова, 1986 – Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. / Отв. ред. М.А.Усманов. Казань: Изд-во КГУ, 1986.

Хан-Магомедов, 2002 – Хан-Магомедов С.О. Дербентская крепость и Даг-Бары. М., 2002.

Хаскова, 1999 – Хаскова Я. Древнечешская монета из Казани // МСТП. 1999.

Хенниг, 1961 – Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. 2.

Хисамов, 1979 – Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул 'Али. М.: Наука, 1979.

Хлебникова, 1962 – Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. 1962. № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).

Хлебникова, 1964 – Хлебникова Т.А. Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1964.

Хлебникова, 1975a – Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1.

Хлебникова, 1975a – Хлебникова Т.А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2.

Хлебникова, 1984 – Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А.Плетнева. М.: Наука, 1984.

Хлебникова, 1988 – Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Хлебникова, 1996 – Хлебникова Т.А. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Худяков и др., 2003 – Худяков Ю.С., Табальдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями с местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3.

Худяков, 1980 – Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1981. – 188 с.

Худяков, 1981 – Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1980.

Худяков, 1985 – Худяков Ю.С. Уйгуры на Среднем Енисее // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1985. Вып. 3.

Худяков, 1985a – Худяков Ю.С. Типология и хронология средневековых памятников Табата // Урало-Алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985.

Худяков, 1986 – Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков, 1987 – Худяков Ю.С. Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.

Худяков, 1989 – Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1989.

- Худяков, 1990 – Худяков Ю.С. Памятники уйгурской культуры в Монголии // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.
- Худяков, 1993 – Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск, 1993.
- Худяков, 1995 – Худяков Ю.С. Енисейские кыргызы на Алтае и в Прииртышье // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. II.
- Худяков, 1995a – Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.
- Худяков, 2001 – Худяков Ю.А. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. 2001, № 5.
- Худяков, 2002 – Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрок в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9.
- Худяков, Кочев, 1997 – Худяков Ю.С., Кочев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Серия археологии и этнографии. 1977, № 3.
- Худяков, Нестеров, 1984 – Худяков Ю.С., Нестеров С.П. Группа погребений Ник-Хая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984.
- Худяков, Юй Су-Хуа, 2000 – Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. № 5.
- Хузин, 1979 – Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // НАИП. 1979.
- Хузин, 1986 – Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. Казань, 1986.
- Хузин, 1988 – Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988.
- Хузин, 1991 – Хузин Ф.Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.
- Хузин, 1993 – Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Хузин, 1995 – Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане: Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра–Булгара / Отв. ред. А.Х.Халиков. Казань, 1995.
- Хузин, 1995a – Хузин Ф.Ш. Булгары на Волге и Каме до монгольского завоевания (вторая половина VIII–XIII вв.) / Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Хузин, 1997 – Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань: Фест, 1997.
- Хузин, 1999 – Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) / Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
- Хузин, 2001 – Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М.Белавин. Казань: Мастер Лайн, 2001.
- Хузин, Набиуллин, 1999 – Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
- Хузин, Нигаматов, 1999 – Хузин Ф.Ш., Нигаматов А.З. Раскопки на территории пригородов Чалынского городища // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999.
- Хузин, Руденко, 1997 – Хузин Ф.Ш., Руденко К.А. Кашан: загадки булгарского города на Каме // История Лаишевского края. Казань, 1997.
- Хузин, Хакимов, 2000 – Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани. По материалам Международной научной конференции «Средневековая Казань: возникновение, развитие» (Казань, 1999) // РА. 2000. № 3.
- Хузин, Халиков, 1991 – Хузин Ф.Ш., Халиков А.Х. К вопросу о названии столицы Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.
- Хузин, Шарифуллин, 1999 – Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Цалкин, 1956 – Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. 1956. № 51.
- Цалкин, 1966 – Цалкин В.И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии // Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966. (МИА. № 135).
- Цалкин, 1967 – Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень МОИП. 1967. № 72 (1).
- Цыбин, 1999 – Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13.
- Цыбульский, 1982 – Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. М., 1982.
- Чариков, 1979 – Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2.
- Червоная, 1987 – Червоная С.М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: Искусство, 1987.
- Черников, 1960 – Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.
- Черных, 1970 – Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья М.: Наука, 1970. (МИА. № 172).
- Черных, 1997 – Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.
- Чернышев, 1971 – Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Чирвинский, 1951 – Чирвинский Н.П. Избранные сочинения. М., 1951. Т. II.
- Чураков, 2001 – Чураков В.С. Возвращаясь к известиям Абу Хамида ал-Гарнати о народах севера // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Ижевск, 2001.
- Шамси, 1992 – Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ис-

лама. / Древний текст пересказал Султан Шамси. М., [1992].

Шамси, 1996 – Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. (В изложении С.Шамси) // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.

Шарафутдинов, 2003 – Шарафутдинов Д.А. Рукопись из древнего Саксина // Эхо веков. 2003. № ½.

Шарафутдинов, 2003а – Шарафутдинов Д.А. Произведение Сулаймана б. Дауда ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нухзат ал-кулуб ал-мирад» (Красота садов и утешение страдающих сердец) // Восток (Oriens), 2003, № 2.

Шарафутдинов, 2003б – Шарафутдинов Д.А. Читаем арабские рукописи. Учебно-методическое пособие. Казань, 2003.

Шарифуллин, 1979 – Шарифуллин Р.Ф. Колдцы центра Билярского городища // НАП. 1979.

Шарифуллин, 1981 – Шарифуллин Р.Ф. Дерево в строительном деле Волжской Булгарии домонгольского периода // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань, 1981.

Шарифуллин, 1984 – Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Шарифуллин, 1993 – Шарифуллин Р.Ф. О ранних жилищах волжских булгар (X – начало XIII вв.) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Шарифуллин, 1999 – Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999.

Шахматов, 1938 – Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938.

Швецов, 1979 – Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.

Ширин, 2003 – Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Шитов, 2000 – Шитов В.Н. Расселение древней мордвы (по материалам могильников) // Финно-угорский мир: история и современность. Саранск, 2000.

Шихсаидов, 1969 – Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.

Шихсаидов, 1976 – Шихсаидов А.Р. К вопросу о локализации Филана / Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Шихсаидов, 1986 – Шихсаидов А.Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата VII–VIII вв. (в трудах арабских авторов) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

Шихсаидов, Саидов, 1980 – Шихсаидов А.Р., Саидов М.-С. Итоги археографической экспедиции // Материалы сессии, посвящ. итогам эксп. исследований в Дагестане в 1978–1979 гг. Тез. док. Махачкала, 1980.

Шнирельман, 1984 – Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // СЭ. 1984. № 2.

Шпилевский, 1877 – Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Щербак, 1954 – Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА. 1954. XIX.

Щербак, 1959 – Щербак А.Н. Знаки на керамике и кирпичках из Саркела – Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.

Щербак, 1971 – Щербак А.М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // СТ. 1971. № 4.

Эйхвальд, 1858 – Эйхвальд Э.И. О чудских копиях // Тр. Вост. отд. РАО. СПб., 1858 Ч. 3.

ЭСРЯ, I–IV – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. М.

Юсупов, 1960 – Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Юсупов, 1981 – Юсупов М.Х. Шигабетдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Якобсон, 1985 – Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985.

Якубовский, 1948 – Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X веках // СА. 1948. Т. X.

Янин, 1956 – Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.

Янин, 1979 – Янин В.Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // НАП. 1979.

Янина, 1962 – Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. // МИА. 1962. № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV).

Янссон, 1999 – Янссон И. «Восточный импорт» в Скандинавию VIII–XII вв. и Волжская Булгария // МСТП. 1999.

Литература на татарском языке

Абилов, 1984 – Абилов Ш.Ш. Суфичылык // Татар әдәбияты тарихы. 6 томда. Казан, 1984. Т. 1.
Борынгы, 1963 – Борынгы татар әдәбияты. Казан: Тат. кит. нәшр., 1963.

Дәүләтшин, 1994 – Дәүләтшин Г. Сөләйман ибне Дауд әс-Саксини әс-Сувари // Мирас, 1994. № 7-8.

Дәүләтшин, 1999 – Дәүләтшин Г.М. Төркітатар рухи мөдәнияты тарихы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1999.

Зәйнуллин, 1986 – Зәйнуллин Ж. Ибне Фазлан сәяхәтнамәсе һәм «Кәлилә вә Димнә» турында // КУ. 1986. № 11.

Кол Гали, 1983 – Кол Гали. Кыйссаи Йусуф. Йосыф турында кыйсса / Төп текстны әзерләүче, кереш мәкаләне, искәрмә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирламасын язучы филология фәннәре кандидаты Ф.С.Фәсиев. Махсус редакторы проф. М.Г.Госманов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1983.

Мамедов, 1972 – Мамедов Ж. Әхмәт ибне Фазланның Идел буе болгарларына сәяхәте // КУ. 1972. № 8.

Мамедов, 2003 – Әл-Мөкътәдирнең сакләбләр падшасына илче итеп жиһәргән Мөхәммәт ибн Сөләйман химаясендәге Әхмәт Ибне Фадлан ки-

табы / Жәгфәр-Садыйк Мамедов тәржемәсе. Казан, 2003.

Мәрҗани, 1989 – Мәрҗани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә болгар (Казан һәм болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) / Китапны тәржемә итүче һәм тәүзүче Ә.Н.Хәйруллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989.

Рәхимова, 1996 – «Кичер бой калур атка...» (Мөхәмәт ханның төрек солтанына язган хаты) / А.Рәхимова публикациясе // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1996. № 1–2.

Таһирҗанов, 1979 – Таһирҗанов Г. Тарихтан – әдәбиятка. Казан, 1979.

ТДС, 1969 – Татар теленең диалектологик сүзлегә. Казан: Тат. гит. нәшр., 1969.

ТӘТ – Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. Т. 1. Урта гасырлар дәвәре. Казан, 1984.

ТХИ, 1977–1978 – Татар халык иҗаты. Әкиятләр. 3 томда / Томнарны тәүзүчеләр, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә әзерләүчеләр Х.Х.Гагина, Х.Х.Ярми. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977–1978.

ТХИ, 1984 – Татар халык иҗаты. Дастаннар / Томны тәүзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Ф.В.Әхмәтова. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984.

ТХИ, 1987 – Татар халык иҗаты. Риваятьләр һәм легендалар / Томны тәүзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С.М.Гыйләжетдинов. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987.

ТХТ, 1970 – Татар халык табышмаклары / Кереш мәкалә һәм аңлатмалар белән җыючысы һәм тәүзүчесе Н.Исәнбәт. Казан: Тат. кит. нәшр., 1970.

Фәхрәддинев, 1993 – Фәхрәддинев Р. Болгар һәм Казан төрекләре / Китапны тәржемә итүче һәм тәүзүче Ә.Н.Хәйруллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993.

Халидов, 1976 – Халидов Ә. Әл-Гарнатыйның Болгарга сәяхәте // КУ, 1976, № 6.

Хисамов, 1984 – Хисамов Н.Ш. Бөек язмышлы өсәр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984.

Яхин, Бакиров, 1979 – Яхин А.Г., Бакиров М.Х. Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе (мәзәкләр, бәетләр). Казан: КДУ нәшр., 1979.

Литература на иностранных языках

Abu-Hamid, 1985 – Abu-Hamid al-Garnati utazasa kelet-és közép-Európában 1131 – 1153. Kézé-tette O.G.Bolsakov és A.L.Mongajt. Budapest, 1985.

Adamovic, 1998 – Adamovic M. Bulgaren an der Wolga? // Materialia Turcica. Göttingen, 1998. Bd. 19.

Agyagasi, 1992 – Agyagasi K. An Old Russian Loan-word in the Volga Turkic Languages // Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of 33rd Meeting of PIAC. Budapest, 1992.

Agyagasi, 1997 – Agyagasi K. A Volga-Bulgarian Loan-word in a Kazan Tatar Dialect Spoken in Diaspora // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1997, T. L.

Agyagasi, 2003 – Agyagasi K. A Volga-Bulgarian Loan-word in Mari Dialects // Studia Etymologica Cracoviensia. 2003, No. 10.

Ahlwardt – Ahlwardt W. Die Handschriften Verzeichnisse der arabischen Hdss. der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1887–1891.

Al-Biruni, 1934 – Abu'l-Rayhan al-Biruni. The Book of instruction in the Elements of the art of astrology 6 Ed. and transl. by R.Wright. London, 1934.

Al-Biruni, 1954–1956 – Abu'l-Rayhan al-Biruni. Al-Qanunu 'l-Mas'di (Canon Masudicus) 1-3, Hyderabad, 1954–1956.

Al-Edrisi, 1951, 1970 – Surat al-ard le'l-Sarif al-Edrisi, jama'a ajza'aha motafarreka wa allafa baynaha Konrad Miller wa 'adaha le aslahu al-'arabiya Mohammad Bahje al-Atari wa Jawad 'Ali, Bagdad, 1370 h.–1951 m.; 2-d. ed. 1390 h. 1970 m.

Alger – Catalogue general des mss des bibliothèques publiques de France, Departements, Tome XVIII, Alger par E.Fagnan. Paris, 1893.

Allsen, 1983 – Allsen T. Prelude to the Western Campaign: Mongol Military Operations in the Wolga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983, No 3.

Atalay, 1939–1941 – Atalay B. Divanu Lugat-in-Turk tercumesi. Ankara, 1939–1941. T. I–III.

Ates, 1948 – Ates A. Burdur-Antalya ve havalisi Kutuphanelerinde Bulunan... Bazi Muhim Yazmalar // Turk Dili ve Edebiyate Dergisi, II, 1948.

Balint, 1989 – Balint Cs. Die Archéologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Wolga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien-Köln, 1989.

Barthold, 1927 – Barthold W. Ibn Fadlan // EI¹. Band II. Leiden-Leipzig, 1927. p. 398.

Belykh, 2002 – Belykh S.K. The disintegration of the Proto-Permian community. On the history of studies // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg, 2002. D. 24/25/

Bennigsen, 1978 – Bennigsen É. Contribution à l'étude du commerce des fourrures russes. La route de la Volga avant l'invasion mongole et le royaume des Bulgars // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978, No. 19.

Berezcki, 1977 – Berezcki G. Permi-czeremisiz Irxikalis kolszonzesek // Nyelvtudományi közlemények. Budapest, 1977. 79/1–2.

Berta, 1982 – Berta Á. Zwei wolgabulgarische Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren // Studies in Chuvash Etymology. Ed. by A.Róna-Tas / Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1982, No. 17.

Berta, 1989 – Berta A. Lautgeschichte der tatarischen Dialekte // Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1989, No. 31.

Beševliev, 1981 – Beševliev V. Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte. Amsterdam, 1981.

Blake, Frye, 1949 – Blake R.P. and Frye R.N. Notes on the Risala of Ibn Fadlan // Byzantina Me-tabyzantina. 1949, i/2.

Boilot – Boilot D.J. Al-Biruni / EI², vol.I, p.1236–1238.

Bologne – Rosen Victor. Remarques sur les Manuscrits Orientaux de la Collection Marsigli a Bologne suivies de la list complete des manuscrits arabes de la meme collection. Rome, 1885.

Bombaci, 1970 – Bombaci A. On the ancient Turkic Title *Eltäbär* // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970.

Brentjes, Vasilievskiy, 1989 – Brentjes B., Vasilievskiy R.S. Schamanenkrone in Weltbaum der Nomade Nordasiens. Leipzig, 1989.

British Museum – Ellis A.G., Edward Edwards. A Descriptive List of the Arabic Manuscripts acquired by the trustees of the British Museum since 1894. London, 1912.

Brook, 1999 – Brook K.A. The Jews of Khazaria. Northvale, New Jersey, Jerusalem, 1999.

Canard, – M.Canard. Ibn Fadlan / EI², vol. , p. 759.

Canard, 1958 – Canard M. La relation du voyage d'Ibn Fadlan chez les Bulgares de la Volga // Annales de l'Institut d'Études Orientales. XVI. Alger, 1958.

Chalikova, Chalikov, 1981 – Chalikova T.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

Christian, 1998 – Christian D.F. History of Russia, Central Asia and Mongolia. Vol. I. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire. Oxford, 1998.

Czeglédy, 1944 – Czeglédy K. Egy bolgár török *yältavar méltóságnev* // Magyar Nyelv, 1944, No. 40.

Czeglédy, 1950 – Czeglédy K. Zur Mescheder Handschrift von Ibn Fadlan's Reisebericht // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1950. T. I.

Czeglédy, 1960 – Czeglédy K. Khazar raids in Transcaucasia in A.D. 762–764 // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1960. T. XI.

Dee Weese, 1994 – Dee Weese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

Della Vida, 1965 – Giorgio Levi Della Vida. Secondo Elenko dei Manoscritti Arabi Islamici della Biblioteca Vaticana. Citta del Vaticano. 1965. Studi e Testi № 242.

Die Keramik, 1990 – Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Hrsg. von Cs. Bálint / Varia Archaeologica Hungarica, III. Budapest, 1990.

Dietrich, 1966 – Dietrich A. Medicinalia Arabica. Studien über arabische medizinische Handschriften in türkischen und syrischen Bibliotheken. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1966 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge, Nr. 66).

Dorn, 1873 – Dorn B. Auszüge aus zwei morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzende Länder / *Mellange Asiatic*, VI, (1869-1873), SPb., 1973.

Dozy, 1845 – R. Dozy. Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les arabs. Amsterdam, 1845.

Dunlop, 1949 – Dunlop D.M. Zeki Validi's Ibn Fadlan // *Die Welt Orients*, iv 1949.

Dunlop, 1954 – Dunlop D.M. The History of the Jewish Khasars. Princeton, 1954.

Enzyklopädie, 1913 – Enzyklopädie des Islam. I–IV. Leiden-Leipzig, 1913-1934.

Erdal, 1993 – Erdal M. Die Sprache der wolgobulgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.

Espéronnier, 2000 – Espéronnier M. Ville et commerce: la Khazarie et la Bulgarie de la Volga, d'après les textes arabes et persans des IXe et Xe siècles // M.Kazanski, A.Necessian et C.Zuckerman (eds.). Les centers proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.

EWU – Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Hrsg. von L.Benkő. Budapest, 1993-1994.

Fehér, 1921 – Fehér G. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in dem V–XI. Jahrhunderten // *Keleti Szemle*. 1921, No. 19.

Flugel, 1842 – Flugel G. Concordantiae Corani Arabicae adlitterarum ordinem et verborum radices. Lipsiae. 1842. f. 219.

Fodor, 1977 – Fodor I. Altungarn, Bulgaroturken, und Ostslaven in Südrussland (Archaeologische Beiträge) / *Opuscula Byzantina*, IV. Szeged, 1977.

Fodor, 1977a – Fodor I. Où le dominicain Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l'Est? // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines à l'Est. Ed. by I.Erdelyi. *Studia Archaeologica*. 1977, No. 6.

Fodor, 1979 – Fodor I. Archaeological traces of the Volga Bulgars in Hungary of the Arpad period // *Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest*, 1979. T. XXXIII (3).

Fodor, 1982 – Fodor I. Die grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien. Budapest, 1982.

Fodor, 1982a – Fodor I. On Magyar-Bulgar-Turkish contacts // *Chuvash Studies*. Ed. A.Róna-Tas. Budapest, 1982.

Fraehn, 1816 – Fraehn C.M. De Numerum Bulgariorum forte antiquissimo libri duo. ets. Casani, 1816.

Fraehn, 1816a – Fraehn C.M. Bulgariae urbis origo atque fata Tatarice et Latine // *Fundgruben des Orients*. Wien, 1816. Bd. V.

Fraehn, 1822 – Fraehn C.M. De Lampade Cufica Bulariensi. De Speculo Archoe Bulariensi // *Memoires de l' Acad. Imper. des Sciences*. SPb., 1822.

Fraehn, 1832a – Fraehn C.M. Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert // *Memoires de l' Acad. Imper. des Sciences*. VI serie. SPb., 1832. T. 1.

Fraehn, 1976 – Fraehn C.M. Ibn Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit. Hamburg, 1976.

GAL SB – Brockelman C. Geschichte der Arabischen Litterature. Band I-II, Supplement Band I-III. Leyden-Brill. 1937-1949.

Georgi, 1775 – Georgi I. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. SPb., 1775. Bd. II.

Ghuzélev, 1979 – Ghuzélev V. Les protobulgares. L'introduction à l'histoire de la Bulgarie d'Asparoukh. Sofia, 1979.

Gockenjan, 1977 – Gockenjan H. Das Bild der Völker Osteuropas in den Reiseberichten ungarischer Dominikaner des 13. Jahrhunderts // *Östliches Europa*. Spiegel der Geschichte. Festschrift für Manfred Hellmann zum 65. Geburtstag. Hrsg. V.C.Goehrke, E.Oberländer, D.Wojtecki. Wiesbaden, 1977.

Gockenjan, 1985 – Gockenjan H., Sweeney. Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235–1250. Ungarns Geschichtsschreiber, No 3. Graz, Wien, Köln, 1985.

Gockenjan, 2003 – Gockenjan H. Legende oder Wirklichkeit? Nachrichten über das östliche Europa im Werk des arabischen Reisenden Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati (1080–1170) // Chloe. Beihefte zum *Daphnis*. Erkundung und Beschreibung der Welt. Hrsg. Xenja von Ertzdorff und Gerhard Giesemann. 2003.

Goehrke, 1992 – Goehrke C. Frühzeit des Jstslaventums. Unter Mitwirkung von U.Kælin. Darmstadt, 1992.

- Golden, 1972* – Golden P.B. The migrations of the oguz // *Archivum Ottomanicum*. 1972. IV.
- Golden, 1979/1980* – The polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979/1980. Vol. III–IV. Part 1.
- Golden, 1980* – Golden P.B. Khazar Studies. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars. I–II. Budapest, 1980.
- Golden, 1984* – Golden P.B. Cumanica I. The Qipčaq in Georgia // *Archivum Medii Aevi*. 1984. No 4.
- Golden, 1986* – Golden P.B. Cumanica II. The Ölberli: The Fortunes ad Misfortunes of an Inner Asian Nomadic Clan // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986. No 6.
- Golden, 1990* – Golden P.B. Cumanica III. Uru-soba // *Aspect of Altaic Civilization*. Ed. D.Sinor. Bloomington, 1990.
- Golden, 1990a* – Golden P.B. The Ogur Turks and Wolga Bulgaria // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Ed. D. Sinor. Cambridge, 1990.
- Golden, 1991* – Golden P.B. Aspects of the Nomadic Factor in the Economic Development of Kievan Rus' // *Ukrainian Economic History*. Interpretive essays. Ed. I.S.Koropeckyj. Cambridge, Mass, 1991.
- Golden, 1992* – Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.
- Golden, 1995-1997* – Golden P.B. Cumanica IV. The Tribes of the Cuman-Qipčaq // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995-1997. No 9.
- Gombocz, 1912* – Gombos Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // *MSFO*. Helsinki, 1912. Vol. 30.
- Handbuch, 1981* – *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. 1 (bis 1613). Von der kiever Reichsbildung bis zum moskauer Zartum. Hrsg. M.Hellmann. Stuttgart, 1981.
- Hásková, 1999* – Hásková J. Počátky českého mincování ve výpovědi nálezů z Kazaně // *Numismatické listy*. (Praha), 1999, No. 4.
- Haussig, 1983* – Haussig H.W. Die Geschichte Zentralasiens und der Seidenstrasse in vorislamischer Zeit. Darmstadt, 1983.
- Haussig, 1988* – Haussig H.W. Die Geschichte Zentralasiens und der Seidenstrasse in islamischer Zeit. Darmstadt, 1988.
- Houtsma, 1889* – Houtsma M. Ein altturkisches Gedicht // *ZDMG*. Leipzig, 1889. Bd. 43.
- Hrbek, 1954* – Hrbek I. Nový arabský pramen o východě a střední Evropě // *Česko-slovenská Ethnographie*, II, №2, 1954.
- Hrbek, Nový arabský pramen* – Hrbek I. Kdyby byly tyto kůže v jiné zemi nekoupilo by se za tisíc jejich nákladů jediné zrno // *Nový arabský pramen*.
- Hrbek, 1955* – Hrbek I. Arabico-Slavica. I Abu Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib // *Archiv Orientalny*, t. XXIII, 1955.
- Hrbek, 1956* – Hrbek I. Eine Volksetimologie des Namens «Bulgar» // *Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinentia*. Ioanni Rypka hoc Volumen Sacrum Praha, 1956.
- Hrbek, 1957* – Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen / *Archiv Orientalny*, xxv/4 (1957), 628–652.
- Hrbek, 1960* – Hrbek I. Bulghar // *Encyklopadia of Islam*. New Edition. Leiden-London, I, 1960.
- Jacob, 1892* – G. Jacob. Des Spänisch-arabischen Reisenden Abu Hamid Kosmographie «Tuhfat al-albab» und ihre wissenschaftliche Ausbeute // *Studien in arabischen Geographien*, III, Berlin, 1892.
- Joki, 1973* – Joki A.J. Uralier und Indogermanen // *MSFO*. 1973. Vol. 151.
- Kappeler, 1978* – Kappeller A. Die Geschichte der Völker der Mittleren Wolga (vom 10 Jh. bis 19 Jh.) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1978. 26/1; 26/2.
- Kenderova, 1995* – Catalogue of Arabic Manuscripts in SS Cyril and Methodius National Library. Sofia. Bulgaria. Hadith Sciences. Compiled by Stoyanka Kenderova. Edited by Isa Waley. FI-Furqan Usulmic Heritage Foundation. London. 1995.
- Kenderova, Besevliev, 1990* – Kenderova S., Besevliev B. Balkanskiyat poluostrav izobrazen v kartite na al-Idrisi. – Sofia, 1990.
- Khalikov, Sharifullin, 1977* – Khalikov A.Kh., Sharifullin R.F. Oh the development of architecture in premongolian Volga-Bulgaria // *Acta Archaeologica Acad. Scient. Hung.* 1977, No. 29 (1–2).
- Khalikova, Kazakov, 1977* – Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // *Les Anciens hongrois et les ethnies voisines à l'Est*. Ed. by I.Erdélyi / *Studia Archaeologica*, No 6. Budapest, 1977.
- Klyashtorny, 1997* – Klyashtorny S.G. About One Khazar Title in Ibn Fadlan's «Risala» // *Manuscripta Orientalia*, 1997, vol.3, № 3.
- Kristó, 1996* – Kristó Gy. Hungarian History in the Ninth Century. Szeged, 1996.
- Kubiak, 1961* – Kubiak T. Bułgarzy kamscy // *Słownik starożytności słowiańskich*. I. Wrocław, 1961.
- Kurat, 1920* – Kurat A.N. Bulgar // *Islam Ansiklopedisi*. Istanbul, 1920.
- Kurat, 1949* – Kurat A.N. Abu Muhammed Ahmed b. A'tham al Kufi's Kitab al-Futuh and its Importance Concerning the Arab Conquest in Central Asia and the Khazars. Ankara, 1949.
- Lane, Lexicon* – An Arabic-English Lexicon derived from the best and the most copious eastern sources... by Edward William Lane, pt. 1–8, London, 1863–1893.
- László, 1955* – László G. Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars // *Archaeologia Hungarica*. 1955, XXXVI.
- Lauterbach, 1967* – Lauterbach H. Untersuchungen zur Vorgeschichte der Protobulgaren nach einem Bericht bei Theophanes // *Altheim F., Stiehl R.* Araber in den alten Welt. Berlin, 1967. Bd. IV.
- Lewicki, 1947* – Lewicki T. Ze studiów nad toponomastyką Rusi w dziele geografii arabskiego al-Idrisi'ego (XII w.). Sutaska-Saciaska / *Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*, Cracow, xlviii/ 10 (1947), 402–7.
- Lewicki, 1954* – Lewicki T. La Pologne et les pays voisins dans le «Livre de Roger» de al-Idrisi, I-II. – Krakow-Warszawa, 1945–1954.
- Lewicki, 1937* – Vladimir (Włodzimierz Wolynski) d'après géographe arabe du XII-e siècle, al-Idrisi / *Rocznik Orientalistyczny*, xiii (1937), p. 91–105.
- Lewicki, 1938* – T. Lewicki. Węgry I muslimanie węgierscy w świetle relacji podróżnika arabskiego z XII w. Abu Hamid al-Andalusi al-Garnatigi // *Rocznik orientalistyczny*, t. XIII, Lwów, 1938.

Ligeti, 1986 – Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.

Ludwig, 1982 – Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Khazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.

Macartney, 1931 – Macartney C.A. On the Black Bulgars // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. 1931, № 31.

Marquart, 1903 – J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940), Leipzig, 1903.

Marquart, 1924 – Marquart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert, Ungarische Jahrbücher, Bd IV, 1924.

Martin, 1980 – Martin J. Trade on the Volga: The Commercial Relations of Bulgar with Central Asia and Iran in the 11th-12th centuries // International Journal of Turkish Studies. 1980, Vol. 1, No. 2.

Miller, 1926-1927 – Miller K. Mappae arabicae. Arabische Welt- und Landkarten des 9-13 Jahrh., I-VI. – Stuttgart, 1926–1927.

Minorsky, 1937 – Minorsky V. The Khazars and the Turks in the Akam al-Mardjan / Bulletin of the School of Oriental Studies London, 1937. IX.

Minorsky, 1942 – Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marwazi on China, the Turks and India. Arabic Text (circa A.D. 1120) with English translation and commentary by V.Minorsky Prof. of Persian in University of London. London, 1942.

Minorsky, 1953 – Minorsky V.F. Caucasia / BSOAS, 1953, vol.XV, pt.III, стр. 504–529.

Minorsky, 1958 – Minorsky V. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th Centuries. Cambridge, 1958.

Miquel, 1975 – Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusq'au milieu du 11 siècle. Paris–La-Haye, 1975. Vol. 2.

Moravcsik, 1930 – Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren // Ungarischen Jahrbücher. 1930, No.10.

Nazmi, 1998 – Nazmi A. Commercial Relations between Arabs and Slavs (9th-11th centuries). Warszawa, 1998.

Németh, 1932 – Németh J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos. Budapest-Leipzig, 1932.

Németh, 1973 – Németh J. Das wolga-bulgarische Wort *baqsi* 'gelehrter Herr' in Ungarn // Islam Tetkileri Enstitüsü Dergisi. 1973, No. 5.

Németh, 1978 – Németh J. Die Bedeutung des bulgarischen Volksnamen // Studia in Honorem Veselini Besevliev. Sofia, 1978

Noonan, 1978 – Noonan Th.S. Suzdalia's eastern trade in the century before the Mongol conquest // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978, No. 19.

Noonan, 1980 – Noonan Th.S. Monetary circulation in early medieval Rus': A Study of Volga Bulgar dirham finds // Russian History/Histoire Russe. 1980. No. 7, part 3.

Noonan, 1981 – Noonan Th.S. Ninth-century dirham Hoards from European Russia: a Preliminary Analysis // Viking Age Coinage in the Northern Lands. The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History. Oxford, 1981. P. 1.

Noonan, 1984 – Noonan Th.S. Why dirhams first reached Russia: the role of Arab-Khazar relations in the developmeny of the earliest Islamic trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984, No. 4.

Noonan, 1985 – Noonan Th.S. Khazaria as an intermediary between Islam and Eastern Europe in the second half of the ninth century: the numismatic perspective // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1985, No. 5.

Oblectatio, 1592 – Oblectatio desiderantis in inscriptione civitatum principalium et provinciarum et insularum et urbium et plagarum mundi. – Romae, 1592.

Oman – Oman G. Al-Idrisi / EI², 1960–1979... vol.III. – P. 1032–1035.

Paasonen, 1897 – Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // JSFO. 1897. Vol. 15.

Paloczi-Horvath, 1989 – Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Cumans, Iasians. Steppe people in medieval Hungary. Budapest, 1989.

Paris – Bibliothèques Nationale, Département des manuscrits. Catalogue des mss. Arabes par M. Le Baron de Slane, Paris 1883–1895.

Paszkievitz, 1934 – Paszkievitz H. The Origin of Russia. London, 1934.

Paszkievitz, 1963 – Paszkievitz H. The Making of the Russian Nation. London, 1963.

Pertsch – W. Pertsch. Die orientalischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha..., Bd. 3, Gotha, 1881.

Pritsak, 1955 – Pritsak O. Eine altaische Bezeichnung für Kiew // Der Islam. 1955, No. 32.

Pritsak, 1959 – Pritsak O. Kasgaris Angaben über die Sprache der Bulgaren // ZDMG. 1959. No. 109.

Pritsak, 1980 – Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. Cambridge Mass, 1980.

Pritsak, 1981 – Pritsak O. Studies in medieval Eurasian history. L., 1981.

Räsänen, 1920 – Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFO. 1920. Vol. 48.

Räsänen, 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

Rašev, 1997 – Rašev R. La plus ancienne période de l'état Bulgare // Von der Scythia zur Dobrudža (= Miscelanea bulgarica, 11). Hrsg. C.Choliolčev, R.Pillinger, R.Harreither. Wien, 1997.

Rasmussen, 1824 – Rasmussen M. Essai historique et géographique sur le commerce et les relations des Arabes et des Persans avec la Russie et la Scandinavie Durant le Moyen Age. – JA. 5. 1824 (juillet-désembre).

Rasonyi, 2000 – Rasonyi L. Les turcs non-islamises en Occident (Pecenegues, Ouzes et Qipchaqs, et leurs rapports avec les hongrois) // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period. Ed. H.R.Roemer with the assistents of W-E.Scharlipp. Philologiae Turcicae fundamenta: T. III. Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. I. Ed. L.Bazin, Gy.Hazai. Berlin, 2000.

Rédei, Róna-Tas, 1972 – Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek ősz-permi korai bolgár-torok jövevényzavai // Nyelvtudományi közlemények. Kot.74:2. Budapest, 1972.

- Rédei, Róna-Tas, 1975* – Rédei K., Róna-Tas A. A bolgár-torok-permi érintkezések néhány kérdése // Nyelvtudományi közlemények. Kot. 77:1. Budapest, 1975.
- Rédei, Róna-Tas, 1982* – Rédei K., Róna-Tas A. Proto-Permian and Votyak loan-words in Chuvash // Studies in Chuvash etymology. Ed. By A. Róna-Tas / Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1982. T. 17.
- Rédei, Róna-Tas, 1983* – Rédei K., Róna-Tas A. Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1983. T. XXXVII.
- Richter-Bernburg, 1987* – Richter-Bernburg L. Der frümittelalterliche Handel Nord- und Osteuropas nach islamischen Quellen // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil IV. Hrsg. von K.Düwel, H.Jankuhn, H.Siems, D.Timpe. Göttingen, 1987.
- Rispling, 1989* – Rispling G. The Volga Bulgarian Imitative Coinage of al-Amir Yaltawar ('Barman') and Mikail b.Jafar // Commentationes de Nummis Saeculorum IX–XI. Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1-4 June 1989. Ed. K.Jonsson and B.Malmer. London, 1989.
- Ritter, 1942* – Ritter H. Zum Text von Ibn Fadlan's Reisebericht // ZDMG. 1942, No. 96, Heft 1.
- Róna-Tas, 1973* – Róna-Tas A., Fodor S. Epigraphica Bulgarica. A volgai bolgár-torok feliratok // Studia Uralo-Altaica. Szeged, 1973, No 1.
- Róna-Tas, 1976* – Róna-Tas A. A runic inscription in the Kujbysev Region // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1976. T. XXX (3).
- Róna-Tas, 1982* – Róna-Tas A. The periodization and sources of Chuvash linguistic history // Chuvash Studies. Ed. A.Róna-Tas. Budapest, 1982.
- Róna-Tas, 1982a* – Róna-Tas A. Turkic influence on the Uralic languages // The Uralic languages. Description, history and foreign influences. Ed. By D.Sinor. Leiden – New York – Kobenhavn – Koln, 1982.
- Róna-Tas, 1999* – Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.
- Róna-Tas, 2000* – Róna-Tas A. Where was Khuvrat's Bulgharia? // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 2000. T. LIII.
- Scharlipp, 1992* – Scharlipp W-E. Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1992.
- Sezgin, 2002* – Fuat Sezgin. Geschichte des Arabischen Schrifttums. Band XII. Mathematische Geographie und Kartographie im Islam und Ihr Fortleben im Abendland. Kartenband. Frankfurt am Main. 2002. (362 p.).
- Šišmanov, 1903, 1904* – Šišmanov I. L'etymologie du nom *Bulgare* // Keleti Szemle, 4, 1903; 5, 1904.
- Tallgren, 1919* – Tallgren A.M. Collection Zaous-sailov. Helsingfors, 1919. T. 2.
- Tauer, Annotationes* – F.Tauer. Annotationes critiques au texte du Tuhfat al-Albab d'Abu Hamid al-Mazini edite par G. Ferrand // Archiv Orientalny, t. XVIII, 1959.
- Topkapi, 1964–1966* – Topkapi Sarayi Muzesi Kutuphanesi Arapca yazmalar katalogu. Yazirlayanlar F.E.Karatay ve Ö.Reser. C II. Istanbul, 1964. s.186, № 2819 (A.625); C III. Istanbul, 1966. s.216, № 5311 (A.1420).
- Tryjarski, 1975* – Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław, 1975.
- Ullmann, 1970* – Ullmann M. Die Medizin im Islam. Leiden/Koln, E. J. Brill, 1970 (Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung, hrsg.von B. Spuler. Ergänzungsband VI. Erster Abschnitt), S.257.
- Vajda* – Georges Vajda. Notes sur la Geschichte der Arabischen Litteratur de C.Brockelmann // Journal Asiatique, 1952.
- Validi-Togan, 1936* – Validi-Togan A.-Z. Die Schwerter der Germanen nach arabischen Berichten des 9.-11. Jahrhunderts // ZDMG. 90, 1936.
- Validi-Togan, 1936a* – Validi-Togan A.-Z. Die Nordvolker bei Biruni // ZDMG. 90, 1936.
- Vásáry, 1999* – Vásáry I. Geschichte des frühen Innerasiens. Herne, 1999.
- Vasmer, 1925* – Vasmer R. Beiträge zur mohamedanischen Münzkunde, II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren // Numismatische Zeitschrift. 1925, No. 58.
- Velidi-Togan, 1934* – Velidi-Togan A.-Z. Neue Geographische und Ethnographische Nachrichten // Geographische Zeitschrift. 1934.
- Vernadsky, 1948* – Vernadsky G. Kievan Russia. New Haven, London, 1948.
- Warnke, 1987* – Warnke C. Der Handel mit Wachs zwischen Ost- und Westeuropa im frühen Mittelalter // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil IV. Hrsg. von K.Düwel u.a. Göttingen, 1987.
- Werner, 1984* – Werner J. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.
- Wichmann, 1893* – Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. III // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1893. Vol. 11.
- Wichmann, 1903* – Wichmann Y. Die tschuwasischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // MSFO. 1903. Vol. 21.
- Yazici, 2002* – Yazici N. – Idil (Wolga) Bulgar Hanlığında İslamiyet // Türkler. Vol. 4. Ed. H.C.Güzel, K.Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002 = Islam in the Wolga (İtil) Bulgar Khanate // The Turks. Ed. H. Halaçoğlu. Vol. 2.
- Zichy, 1922* – Zichy E. Le voyage de Sallam // Csoma Archivum, 1922, 1/3.
- Zimonyi, 1984* – Zimonyi I. The first Mongol Raid against the Wolga-Bulgars // Altaistic Studies. Ed. G.Jarring and S.Rosén. Stockholm, 1984.
- Zimonyi, 1988* – Zimonyi I. Wolgabulgaren // Lexicon des Mittelalters. München, 1988.
- Zimonyi, 1990* – Zimonyi I. The Origins of the Volga Bulgars // Studia Uralo-Altaica, 32. Szeged, 1990.
- Zimonyi, 1992* – Zimonyi I. The Volga Bulgars between Wind and Water (1220–1236) // Acta Orientalia Acad. Scient. Hung. Budapest, 1992/1993. T. XLVI (2–3).
- Zimonyi, 1994* – Zimonyi I. Volga Bulgars and Islam // Bamberger Zentralasienstudien. Konferenzzakten ESCAS IV, Bamberg 8.-12. Oktober 1991. Hrsg. I.Baldauf, M.Friederich. Berlin, 1994.

Zimonyi, 1994a – Zimonyi I. Volgai bolgár birodalom, volgai bolgárok, bulgar // Korai Magyar Történelmi Lexikon (9-14 század). Főszerk. Kristó Gy. Budapest, 1994.

Zimonyi, 1998 – Zimonyi I. Wolgabulgaren // Lexikon des Mittelalters. München, 1998. IX.

Zimonyi, 2001 – Zimonyi I. Die Aussage eines mongolischen Kriegsgefangenen zur Zeit der Belagerung von Kiev im Jahre 1240 // Chronica. 2001, No 1.

Zimonyi, 2002 – Zimonyi I. Bulgars and Ogurs // The Turks. Early ages. Ankara, 2002.

Ангелов, 1971 – Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971.

Атанасов, 2003 – Атанасов Г. Българо-хазарската граница и българо-хазарската враждебност от края на VII до средата на IX век // Българи и хазари през ранното средновековие. София, 2003.

Бешевлиев, 1981 – Бешевлиев В. За разнородната същност на първобългарите // Плиска – Преслав. 1981. Т.2.

Бешевлиев, 1984 – Бешевлиев В. Първобългарите. История. София, 1984.

Бешевлиев, 1992 – Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1992.

Божилов, 1995 – Божилов И. Седем етюда по средновековна история. София, 1995.

Божилов, Гюзелев, 1999 – Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България VII–XIV вв. (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999.

Божилов, Димитров, 1995 – Божилов И., Димитров Х. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до средини IX века) // Byzantinobulgarica, IX, 1995.

Biberstein-Kazimirsky – Biberstein-Kazimirsky. Dictionnaire Arabe-Français, s.v.

Вернер, 1988 – Вернер Й. Погребалната находка от Малая Перещипина и Кубрат-хан на българите. София, 1988.

Владимиров, 2002 – Владимиров Г. Столичният град в културата на Волжка България // Български векове. 2002, № 4.

Гераськова, 1991 – Гераськова Л.С. Скульптура средновековних степів Східної Європи. Киев, 1991.

Димитров, 1987 – Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987.

Златарски, 1994 – Златарски В.Н. История на българската държава през средните векове. Т.1. Първо българско царство. Част I. Епоха на хуно-

българското надмлъпие (второ фототипно издание на оригинала от 1917 г.). София, 1994.

История, 1981 – История на България. Т. I. Първа българска държава. София, 1981.

Йорданов, I–III – Йорданов С. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България. I–III // Българите в Северното Причерноморие. Т. 5 (1996), т. 6 (1997), т. 7 (2000).

Комар, 2000 – Комар О.В. Ранні хозари у Північному Причерномор'ї // Археологія. 2000, № 1.

Петров, 1981 – Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981.

Приходнюк, 2001 – Приходнюк О.М. Степене население України та східні слов'яни (друга половина I тыс. н.е.) Київ, 2001.

Проблеми, 1989, 1991, 1997 – Проблеми на прабългарската история и култура. I – III / От. Ред. Р.Рашев. София, Шумен, 1989; 1991; 1997.

Рашев, 1982 – Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII – XI в.). Варна, 1982.

Рашев, 1996 – Рашев Р. Държавата на Ернах и неговите наследници // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 1996. Т. 5.

Рашев, 2000 – Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. София, 2000.

Рашев, 2001 – Рашев Р. Прабългарите и Българското ханство на Дунав. София, 2001.

Рашев, 2002 – Рашев Р. Към последиците от разпадането на Велика България // ПОЛЮХРОНІА. Сборник в чест на проф. Иван Божилов. София, 2002.

Рашев, 2003 – Рашев Р. Легендата за Булгар // България, българите и техните съседи през вековете. В.Търново, 2003.

Рашев, 2004 – Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. София, 2004.

Степанов, 2000 – Степанов Ц. Системата на наследяване на властта в Кубратова България: нов подход към един стар проблем // История на българите. Потребност от нов подход. Преоценки. София, 2000. Т.3.

Тортіка, 1999 – Тортіка А.А. Исторична географія та населення Великої Болгарії (630–660 р.н.е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя. Автореф. дис... канд. іст. Наук. Харків, 1999.

Харбова, 1981 – Харбова М.А. Отбранителни съоръжения в българското средновековие. София, 1981.

Список сокращений

- АНТ (АН РТ) – Академия наук Татарстана
 АОР – Археологические открытия в Татарстане
 АС – Археологический съезд
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии (Уфа)
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. (Йошкар-Ола)
 БГИАЗ – Болгарский гос. историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Спасский р-он РТ)
 БГИАПМЗ – Билярский гос. Историко-археологический и природный музей-заповедник
 ВАУ – Вопросы археологии Урала (Пермь; Ижевск)
 ВГИКМ – Волгоградский гос. историко-краеведческий музей
 ВИ – ж. «Вопросы истории» (М.)
 ВНОТ – Вестник научного общества татароведения (Казань)
 ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
 ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ЕГПУ – Елабужский гос. педагогический университет
 ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
 ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
 ИА – Институт археологии РАН
 ИВ – Институт востоковедения
 ИВГ – сб. ст. «Исследования Великого города». М.: Наука, 1976.
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ИЭ – Институт этнографии. М.
 ИЯЛИ Ф Д – Хранилище отдела рукописей и текстологии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, Фонд, Дело
 КГПУ – Казанский гос. гуманитарно-педагогический университет
 КГПЮУ – Казахский гос. гуманитарно-юридический университет
 КГУ – Казанский государственный университет
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии (М.)
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КУ – ж. «Казан утлары»
 ЛГУ – Ленинградский гос. университет
 ЛО ИВ АН СССР – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (РАН)
 МГУ – Московский гос. университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.1. – М.-Л., 1939.
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 МОРИТ – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань.
 МСТП – Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX – XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8–10 сентября 1998 г. Казань, 1999.
 НАА – Народы Азии и Африки. М.
 НАП – сб. ст. «Новое в археологии Поволжья. Археологическое изучение центра Билярского городища». Казань, 1979.
 НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика (М.)
 ПГПУ – Пермский гос. педагогический университет
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – ж. «Российская археология» (М.)
 РАН – Российская Академия наук
 РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук
 РАО – Русское археологическое общество
 РНБ – Российская национальная библиотека
 СА – ж. «Советская археология» (М.)
 САИ – Свод археологических источников
 СВ – ж. «Советское востоковедение».
 СКВР – Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 г. Казань, 2000.
 СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина
 СПбФ ИВ РАН – Санкт-Петербургский Филиал Института востоковедения Российской Академии Наук
 СТ – ж. «Советская тюркология» (Баку)
 СЭ – ж. «Советская этнография» (М.)
 ТА – ж. «Татарская археология» (Казань)
 ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
 ТОДЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
 ТС – Тюркологический сборник
 УАС – Уральское археологическое совещание
 УГУ – Удмуртский гос. университет
 ФУ – ж. «Финно-угроведение»
 ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
 ХВ – Христианский Восток
 BGA – Bibliotheca geographorum arabicorum. Leiden.
 BSOAS – Bulletin of School of Oriental and African Studies
 EI² – The Encyclopaedia of Islam, 2-d ed., 1960–1979–...
 GAL SB – Geschichte der Arabischen Litterature. Supplement Band.
 JA – Journal Asiatique. P.
 MS – Manuscript.
 MSFO – Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft.
 ГИБИ – Гръцки извори за българската история. София.

Указатель именной

- Allsen – 21
 Bennigsen – 23
 Bereczki – 392
 Blake – 27
 Bombaci – 23
 Brentjes – 89, 333
 Callmer – 310
 Canard – 27
 De Goeje
 Erdal – 24
 Feher – 23
 Frye – 27
 Gabrieli – 26
 Goehrke – 24
 Gombocz – 109
 Handbuch – 24
 Heller – 24
 Joki – 114
 Kivikoski – 440
 Kristo – 23, 124, 653
 Macartney – 22, 32
 Paszkiewicz – 24
 Pohl – 40, 41, 46
 Ritter – 21, 27
 Sharifullin – 590
 Sismanov – 23
 Sweeney – 32
 Vasilievskiy – 89, 333
 Warnke – 23
 Werner – 24, 40, 47
 Wichmann – 108, 112
 Zrodla – 21
 Абага – 477, 478
 Абай Гэсэр – 516
 Аббас – 66
 Аббасиды – 66, 294, 309, 312, 513, 533–535
 Абд ал-Малик – 63
 Абд ал-Малик б. Лашкари – 82
 Абд ал-Малик б. Марван – 65, 66
 Абд ал-Малик б. Хашим б. Сурака – 78, 80
 Абдаллах б. Тегин (Шилки) – 149
 Абдаллах бен Микаил – 149, 179, 297, 437
 Абдаллах ибн аз-Зубайр (Ибн Зубайр) – 527, 528
 Абдаллах ибн Башту ал-Хазари – 552
 Абдалмалик – 528, 535
 Абдаррахман III – 180
 Абдаррахман ибн Муавийа – 532
 Абдулганеев – 95
 Абдуллах – 148
 Абдуразаков – 275, 276
 Абдурахман ибн Зубер – 148, 635
 Абилов – 556
 Абу Али ибн Сина (Авиценна) – 545, 570, 571
 Абу Бакр – 523, 524, 560, 562
 Абу Дулаф – 26, 464, 469, 470
 Абу Ибрагим Мухаммад
 Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ибн Б.л.т.вар – 146, 369, 553, 573
 Абу Муса – 75
 Абу Муслим – 65, 531–533
 Абу Мухаммад Абдулла ибн Йусуф – 573
 Абу Райхан ал-Бируни – 26, 544, 547
 Абу Салама – 531
 Абу Тахир ибн Тайфур – 532
 Абу Ханифа ан-Нугман (Абу Ханифа) – 530, 536, 551, 555
 Абу Хашим Абдаллах – 531
 Абу Хашим Муканна – 532
 Абу Яхья Закария ибн аш-шейх ас-сейд Билал ибн Йосуф ал-Мараги Амири ал-Мутаббид – 571
 Абу-бакир-ходжи – 150
 Абу-л Хасан Бейхаки – 145
 Абу-л-Аббас Абдаллах ас-Саффаха (Абу-л-Аббас) – 531
 Абу-л-Аля Хамид ибн Идрис ал-Булгари (Абу-л-ал Хамид ибн Идрис ал-Булгари) – 556, 561, 563, 571
 Абу-л-Маали Габдул-Малик ал-Джувейни (Абу-л-Маали ал-Джувейни) – 556, 573
 Абу-л-Фазил Тифлиси – 568
 Абуль-Фида – 467
 Абу-н-Наджм б. Мухаммад б. Хашими – 80
 Абу-н-Наджм б. Мухаммад б. Хашими – 80
 Авраамий – 164, 165, 375
 Агаджанов – 457, 653
 Агамемнон – 115
 Агапов – 259
 Аглабиды – 534
 Агуй Гохон – 513
 Адам – 560, 579, 636, 640
 Адам Бременский – 304
 Адамов – 92, 483, 488–490, 501
 Адамович (Adamovic) – 137, 160, 174
 ад-Димашки – 478, 479
 Адягаши (Aduyagasi) – 23
 Аепа (Айюба) – 146, 370, 372
 Аепичи (Каепичи) – 655
 аз-Зубайр – 526
 Аиша – 523
 Айбике – 576
 Айдар – 396, 635
 Айдаров – 15, 16, 166, 213–215, 217, 219, 220, 226, 589, 590
 Айуб-йори – 150
 Айша – 112
 Айюбиды – 546
 Акимова – 14, 18, 118, 618, 619
 Акишев – 482
 Аксак Тимур (Тамерлан) – 580, 582, 582
 Аксенов – 6
 Аксенова – 12
 Акцорин – 391
 Акчурина – 13, 172, 173
 Ала ад-дин – 589
 Ала ад-дин ибн Номан ал-Хорезми – 633
 Ала ад-дин ибн Нугман – 114
 ал-Аббас – 531, 532
 Алабина – 6
 Аламжи Мэргэн – 513, 516
 ал-Бакри (al-Bakri) – 21
 ал-Балазури – 25, 26, 60, 66, 68, 69, 452
 ал-Балхи – 21, 84, 85, 138, 167, 177, 178, 180, 311, 312, 566, 588
 ал-Бируни – 25, 27, 100, 103, 178, 326, 327, 498, 547, 555, 624, 641
 ал-Бухтури – 77
 ал-Валид – 64, 531
 ал-Васика – 75
 ал-Газали – 547
 ал-Гардизи – 21, 132, 294, 317, 343, 357, 413, 460, 461, 464, 467, 469, 553, 652, 654
 ал-Гарнати (al-Garnati, Abu Hamid, Абу Хамид ал-Гарнати, Абу Хамид) – 7, 22, 25, 27, 65, 100–103, 114, 132, 139, 142, 145, 178, 180, 232, 287, 293, 298, 312, 317, 318, 326, 328, 329, 344, 370, 375, 398, 399, 551, 555–567, 569, 573, 574, 576, 577, 579, 580, 581, 588, 617, 633, 634, 635, 637, 638, 639, 641
 ал-Джавалики – 178, 589
 ал-Джайхани – 21, 76, 77, 177, 178, 180, 311, 496
 ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаким (ал-Джаррах) – 65
 ал-Джахиз – 469, 470, 471, 476
 ал-Джувейни – 178, 561, 573, 658
 Александр Македонский (Искандер Зу-л-Карнайн, Искандер, Искэндөр) – 147, 573, 581, 633, 634, 636, 637, 639, 640, 641, 644
 Алексеев – 18
 Алексей Комнин – 545
 Алехин – 486
 Али – 638
 Али б. Хайсам – 80
 Али ибн Абдаллах – 531
 Али ибн Абу Талиб (Али) – 523, 525–528, 532
 Али ибн Иса – 543

- ал-Идриси – 17, 25, 27, 178, 180, 298, 302, 311, 326, 462, 463, 465–467, 470, 471, 472, 480, 481, 496–498, 566, 655
 Алиды – 528, 531, 533, 538
 Алиев – 86
 Алим-бек – 148
 ал-Истахри – 21, 25, 33, 68, 78, 79, 84–86, 88, 132, 146, 177, 178, 180, 316, 462, 467, 553, 588
 Алихова – 424, 430
 Али-ходжи – 150
 Алишев – 18, 650
 ал-Йакуби – 25, 26, 60, 66, 67, 68, 70, 71, 73–75, 462, 470
 ал-Кадир – 541
 ал-Калкашанди – 402
 ал-Кашани – 262
 ал-Куфи – 26, 60, 64–67, 69, 70–74
 ал-Макдиси – 469
 ал-Мамун – 533, 535, 536, 541
 ал-Мансур – 532, 533, 535, 536
 ал-Марвази (Marvazi) – 21, 25, 100, 102, 103, 177, 247, 328, 466, 470, 498, 553, 566
 ал-Масуди (Masudi) – 21, 22, 25, 78–86, 132, 142, 178, 311, 312, 365, 417, 452, 460, 463, 467, 543, 552, 566, 588
 ал-Махди – 534
 ал-Мукаддаси – 21, 77, 85, 87, 88, 169, 178, 180, 249, 312, 343, 540, 544, 588
 ал-Муктадир – 290, 315, 522, 543, 552, 553
 ал-Мустанин – 548
 ал-Мустафи – 534
 ал-Мустауфи – 473
 ал-Мутаваккиль – 536
 ал-Мутаваккия – 534
 ал-Мутаид – 534
 ал-Мутасим – 534
 ал-Мухтади – 534
 ал-Мухтар – 528, 531
 Алмуш сын Шилки (Алмуш, Алмыш, Алмас, Джафар бен Абдаллах) – 125, 127, 131, 137, 144, 145, 158, 175, 337, 351, 352, 370, 550–552, 559, 570, 575, 580, 637, 644, 653
 ал-Омари – 328, 399, 407
 Алп – 572, 640
 Алпамыш – 577, 580
 Алп-Илитвер – 63, 70, 71
 Алп-ходжи – 150
 Алтын-Арыг – 512
 Алтын-бек – 148
 Алтынбек – 582
 ал-Умари – 114
 ал-Фараби – 536
 ал-Фикх – 563
 ал-Хадждадж – 528, 538
 ал-Халладжа – 548
 ал-Ханафи Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Хызр ал-Булгари – 556
 ал-Харис ибн Йахья ал-Бармаки – 73
 ал-Хасан – 552
 ал-Хваризми – 26, 27, 76
 Алпек – 45, 46
 Алдиок – 41, 46
 Альп 576, 577, 578, 579
 Альберт III – 295
 Аманжолов – 481
 Ананий Ширакаци – 44
 Анастасий Библиотекарь – 42
 Анахитой – 596
 Ангелов – 23
 Андреева – 245
 Андрей Юрьевич Боголюбский (Андрей Боголюбский) – 163, 197, 372–374
 Анна Комнина – 458, 545
 ан-Наджм ибн Хашими (Неджм) – 73, 74
 ан-Насир – 548
 Аннинский – 32, 355, 356, 630
 Ансари – 583
 Ангарий – 304
 Анфертьев – 100
 Аристов – 481, 482
 Аристотель – 535
 Арне – 296
 Арпад – 163
 ар-Рашид – 535
 Арслан – 560, 605
 Арсланова – 34, 91, 482, 501
 Арс-Сираджа-йори – 150
 Артамонов – 8, 15, 34, 37–40, 43, 45, 46, 62, 63, 70, 77, 147, 305–307, 309, 311, 453, 457, 580, 606, 653
 Артемьев – 9, 10
 Архипов – 391, 433, 436, 438–440, 442, 444, 448
 Асеев – 486
 Асень/Осень – 655
 Аспарух (Аспар-Хрук, Аспра-Хрук, Исперих, Есперих, Испор) – 44–46, 48, 49, 50, 119, 572
 Астархан – 70, 71
 Асылгараева – 450
 Атанасов – 50
 Атилла (Авитохол) – 36, 572, 37
 Атласи – 651
 Атрак – 495
 Атряса-ходжи – 150
 Атряч-йори – 150
 ат-Табари – 25, 26, 60, 62, 64, 65, 67, 69–71, 74, 75, 452, 583, 641
 Аттила (Атли) – 36, 115, 165, 622, 623
 Ауфи – 328
 Афанасьев – 34, 128
 Ахинжанов – 10, 19, 91, 93, 483, 485, 487, 499–501, 656
 Ахмад ибн Тулун – 534
 Ахмад ибн Ханбал – 536
 Ахмад Йасави (Ахмад Ясави) – 88, 536, 548, 556, 583, 584, 625, 656
 Ахмаров (Ахмеров) – 9–11, 181, 196, 637, 640
 Ахмед ал-Булгари – 556, 563
 Ахмед ат-Тыни – 478
 Ахмед бен Джафар – 149
 Ахмед ибн Исмаил – 294
 Ахмед Югнаки – 583
 Ахмеди – 587
 Ахмедиды – 131
 Ахмедов – 501
 Ахметзянов – 639, 651
 Ашапартна – 112
 Ашидэ – 507
 Ашина Шежы – 484
 Ашмарин – 112, 621, 651
 Ашурбейли – 69, 87
 Б.рзбан – 83
 Бабаева – 590
 Бабек – 533
 Багаутдинов – 5, 116–118, 124
 Багриков – 610
 Бадер – 204
 Бадреддин Хасан ар-Руми – 114
 Байбарс – 477
 Байпаков – 482
 Бакиров – 581
 Бакри – 413
 Бакш – 163
 Бакш(у) (Bocsu) – 32
 Балами – 25, 26, 60
 Балинт (Balint) – 23
 Балтавар – 552
 Барадж – 41, 149, 579, 582
 Баранов – 15, 116
 Барминцев – 242
 Барсил – 572
 Бартольд – 20, 21, 85, 86, 176, 343, 457, 459, 472, 482, 504, 559, 561, 563, 566, 567, 573, 638
 Барынина – 412
 Баскаков – 651, 653, 656
 Баторхан (Органа) – 47
 Баттал-Таймас – 651
 Бату хан (Батый-хан) – 32, 33, 188, 376, 582, 626
 Батыр – 250
 Бахрам Гура – 412
 Бачман – 371
 Башкиров – 12, 171, 174
 Баян (Батбаян) – 45, 46, 371, 568
 Баянчор – 460
 Беговаткин – 429
 Беговатов – 156, 158, 264, 273, 295, 312, 558
 Безмер – 46
 Бейлис – 27, 417
 Бейхаки – 139, 145, 369, 500, 554
 Белавин – 5, 17, 133, 134, 137, 154, 162, 204, 258, 260, 292,

- 326, 387, 388, 395, 396, 401, 402, 416, 456, 503
- Белар – 579
- Беликова – 96
- Белицер – 112
- Белла III (король Белла) – 32
- Белорыбкин – 5, 15, 19, 133, 189, 261, 262, 270, 418, 423, 426, 427, 429
- Белоус – 6
- Белых (Belykh) – 5, 102, 104, 105, 106, 110, 378, 385, 389, 392
- Беляев – 430, 431
- Бениамин – 586
- Беовульф – 115
- Березин – 9
- Бернольд – 295
- Бернштам – 610
- Берта (Berta) – 23
- Бертельс – 583
- Бешевлиев (Besevliev) – 24, 43, 58
- Билла (Builla) – 32, 163
- Биляр (Биләр) – 581
- Бичурин – 93, 94, 96, 484, 485, 505
- Блуш – 492, 493
- Бобринский – 282
- Богачев – 116, 117
- Богородица – 51, 163, 373, 374
- Божилов – 40, 57, 58
- Болгар – 572, 579
- Большаков – 5, 6, 62, 63, 166, 305, 522, 591
- Боняк – 494, 655
- Борис – 59
- Борисенко – 332, 333, 334
- Боровкова – 484
- Бородкин – 90
- Бородовский – 93
- Боталов – 408
- Бохмит – 373, 553
- Бранденбург – 440
- Браунер – 240
- Бривкалс – 440
- Бродель – 303
- Бромлей – 433, 632
- Брук (Brook) – 24
- Брун – 190
- Бубнова – 262
- Бувейхиды – 294, 437
- Буга Старший (Буга аш-Шараби) – 75
- Буиды – 542, 544
- Булан – 572
- Булгаков – 26
- Булгар – 43, 579
- Булкин – 126, 302
- Бумын – 94, 652
- Бурджогла – 472
- Бургас – 572, 579
- Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Йусуф ал-Булгари – 561, 563, 571
- Бурчевичи – 494, 496, 655
- Буряков – 262
- Бухт-Йишо – 79, 80
- Быков – 296
- Вайнштейн – 586
- Ваклинов – 23
- Валеев Р.М. – 5, 17, 290, 313, 330
- Валеев Ф.А. – 650
- Валеев Ф.Х. – 18, 21, 182, 222, 226, 404, 595, 596, 600–603, 607
- Валеева – 18, 403, 593, 596
- Валеева-Сулейманова – 5, 18, 404, 592, 595, 601, 603, 606, 607, 609
- Валид II – 66
- Валиуллина – 5, 16, 17, 158, 261, 272–274, 313, 318, 319, 320, 423, 568, 569, 590
- Вараз-Трдат – 63
- Вардан Великий – 60, 67
- Вардапет Гевонд (Гевонд) – 60, 63, 65–67, 69, 70
- Василий II – 59
- Васильев – 15, 185, 186, 222, 254, 287, 314, 417, 441
- Васильева – 16, 186, 278, 282
- Василько Константинович – 376
- Вахидов – 579, 637, 640
- Вацлав – 194, 295
- Вашари (Vasary) – 20
- Венгерский Аноним – 22, 32, 163, 413, 414
- Веретрагна – 412
- Верещагин – 112
- Вернадский (Vernadsky) – 24, 412
- Вернер (Werner) – 24, 40, 47
- Весья – 386
- Вие – 21
- Викторова – 395
- Вилчевский – 568
- Вильгельм Рубрук (Гильом Рубрук) – 32, 33, 101, 113, 142, 476, 518, 555, 630, 638, 654
- Винех – 52, 53
- Винников – 279
- Винничек – 261, 262
- Виноградов – 610
- Витзен – 334
- Витт – 240, 244
- Вихляев – 418, 420, 421, 423, 424, 431
- Владимир (Володимер) – 30, 102, 316, 326, 372, 375, 432, 458, 575
- Владимир I – 131, 553
- Владимир Глебович – 28
- Владимир Мономах – 370, 376, 458, 494, 496
- Владимир Муромский – 163, 374
- Владимир Святой – 176
- Владимир Святославич – 28, 163, 327, 371, 374, 407
- Владимиров – 23
- Владимирская Божья Матерь – 373
- Водолага – 409
- Всеволод – 163, 375
- Всеволод Большое Гнездо – 16, 29, 163, 320, 371, 372, 374, 376
- Всеволод Константинович – 376
- Всеволод Юрьевич – 320, 376
- Всеволод Ярославич – 458
- Второв – 9
- Вунд – 44
- Вьнь-ди – 94
- Вырыг – 552
- Высоцкий – 9, 10
- Вячеслав – 9
- Г.Э. фон Грюнебаум – 553
- Гаврилина – 454
- Гаврилова – 90, 95, 505, 507, 508
- Гавритухин – 45, 47
- Гаджиев – 62, 63, 66, 69, 75, 81
- Гадло – 62, 77, 80, 84, 85, 116
- Гази – 578, 579
- Газимзянов – 5, 118, 233, 616
- Газневиды – 369, 544, 562, 570
- Галанина – 606
- Гален – 535
- Гали-йори – 150
- Галимбек – 582
- Гальковский – 645
- Галютдинов – 551, 638, 639
- Гамлет – 586
- Ганиева – 634
- Гараева – 5, 6, 25, 68
- Гарипова – 192
- Гаркави – 9, 26, 86, 132, 177, 306, 312, 316, 365, 552
- Гарустович – 414, 415, 452, 453, 455, 495, 503
- Гаспралы – 651
- Гаухаршат – 636
- Гёкеньян (Gockenjan) – 21, 22, 32, 100, 103, 114
- Генинг – 14, 45, 124, 378, 385, 388, 391
- Георги – 7, 366
- Георгий – 320
- Георгий Володимирич – 375
- Герасимова – 14, 617, 618
- Гераськова – 511
- Геронтий – 30
- Гимади – 650
- Глебовичи – 163, 374
- Гмелин – 89
- Гмыря – 5, 60, 62, 65, 67, 69, 84, 86
- Голб – 76, 87
- Голден (Golden) – 20, 24, 124, 452, 621, 622, 623, 655, 656
- Голдина – 378, 383, 385–390, 397, 404, 409, 414
- Головин – 334
- Голубева – 321, 444

- Голубовский – 10
 Гольмстен – 11, 184, 185, 222, 591
 Гомари – 579, 640
 Горелик – 338, 346, 357, 494, 497, 502
 Городцов – 321
 Горожанин – 259, 260
 Горюнова – 448
 Гостун – 37, 38
 Готье – 174, 426, 429
 Грач – 504
 Греков – 13, 139, 148, 149, 157, 178, 296
 Грибов – 431
 Григорьев – 3, 8–11, 173, 296
 Григорьева – 239
 Гримуальд – 46
 Гричан – 94
 Гришаков – 420
 Грод (Горд) – 38
 Гронинген – 295
 Грумм-Гржимайло – 90, 482, 484, 485, 487
 Грязнов – 90, 93, 94, 97
 Губайдулла Садр-аш-Шарига ибн Масуд – 562
 Губайдуллин А.М. – 9, 193, 201, Губайдуллин Г. – 651
 Гузз ибн Яфет – 579
 Гуляев – 89
 Гумилев – 39, 123, 396, 408, 410, 413, 417, 560
 Гунор – 579
 Гуревич – 639, 643
 Гурья – 386
 Гуцалов – 408
 Гюк хан – 32
 Гюзелев – 40, 42
 Гюрата Рогович – 114
 Гюрг – 374
 Давидан – 291, 310
 Давлетшин (Дәүләтшин) – 5, 16, 18, 176, 312, 556, 557, 563–565, 574, 596, 634, 636
 Давыд – 163
 Давыдова – 283, 295, 439, 499, 501
 Дагоберт – 41
 Даниил Галицкий – 493
 Даниил Рязанец – 30
 Данлоп (Dunlop) – 21, 24, 27
 Даркевич – 331–333, 577, 580
 Дауд – 560
 Дворниченко – 159
 Де Визе (Dee Weese) – 22
 Де Геннин – 89
 Дебец – 618
 Демидов – 89
 Демин – 89
 Денисов – 581
 Дёрфер – 23
 Десницкая – 625
 Джаббаров – 286
 Джадаш бек – 582
 Джаксон – 310
 Джалал ад-дин Руми – 547
 Джами – 563, 583, 589, 643
 Джанах ибн Хакан ал-Кимаки – 463, 464, 470
 Джангар – 413, 516
 Джанполадян – 336
 Джафар ал-Мансур – 532
 Джафар ибн Абдаллах – 146
 Джаффарида – 227
 Джебе – 362
 Джейун ибн Неджм ибн Хашим (Хаййун ибн Наджм ибн Хашими) – 73
 Дженкинс – 31
 Джику – 371
 Джикуга – 558
 Джуаншер – 63
 Джудай ал-Кирмани – 531
 Джулаиды – 294
 Джучи – 475
 Джучиды – 147
 Димитриев – 13, 18, 139, 625, 651
 Димитров Д. – 23, 43, 44, 45
 Димитров Х. – 50
 Дионисий – 29
 Дмитриев – 609
 Дмитрий – 320
 Дмитрий Константинович – 29
 Добродомов – 654, 655
 Добрушкин – 31
 Добрыня – 371, 372
 Дом Хунну – 572, 578
 Доминико Пицгани – 190
 Донды – 115, 386
 Дорн (Dorn) – 26, 86
 Дрбоглав – 332, 334
 Дробижева – 632
 Дублер – 114
 Дубов – 162, 418
 Дуло – 452, 579
 Дуло-хан – 452
 Дулу – 38, 39
 Дулу-хан – 484
 Дурбек – 583, 587
 Дьёрфи (Gyorffy) – 32
 Дюмезиль – 579
 Дюсен (Ducene) – 21
 Евлентьев – 9
 Евтюхова – 469, 508
 Егоров – 183, 493, 621, 651
 Езид – 69
 Екатерина II – 199
 Ельборили – 478
 Елькин – 90, 91
 Ельтукове – 4995, 496
 Емяк – 164
 Ениосова – 260–262
 Епифаний Премудрый – 30
 Ермоленко – 485
 Ернах – 36, 43
 Етебичи – 655
 Ефимова А.М. – 13, 14, 159, 160, 173, 250, 251, 253, 609
 Ефимова С.Г. – 16, 18, 618, 620
 Жарнов – 318
 Жданко – 481
 Жирмунский – 577
 Жиромский – 177
 Жэле – 652
 Заберган – 36
 Забирова – 16, 213–215, 217, 589, 590
 Загидуллин – 6
 Зайтов – 9, 200
 Зайд ибн Али – 531
 Закарийя ал-Казвини (Закария Казвини) – 100, 180, 399, 473
 Закария ар-Рази – 571
 Закиев – 18, 147, 650
 Закирова – 406
 Залесская – 41, 47
 Залая – 650
 Засецкая – 93
 Заусайлов – 558
 Захарий Ритор – 36, 44, 116, 123
 Заходер – 27, 103, 114, 146, 177, 180, 247, 292, 294, 303, 305, 307, 316, 317, 328, 353, 355, 364, 369, 413, 457, 553–555, 573, 576, 580, 588, 638
 Зеленева – 420
 Зеленин – 238
 Зеленцова – 5, 418, 420, 424, 430
 Зенгиды – 546
 Зенон – 623
 Зийриды – 294
 Зиливинская – 217, 220–222, 591
 Зимоны (Zimonyi, Zimonij) – 5, 20, 21, 23, 24, 27, 31, 100, 103, 114, 622, 623
 Зияриды – 437
 Златарски – 37, 38, 40, 43, 49
 Золотницкий – 174
 Золт – 163
 Зубов – 117, 184
 Зулейха – 583, 585–587
 Зыков – 334
 Иби Дулу-хан Юйгу Ше – 484
 Ибн ал-Асир – 25, 26, 60, 63–68, 70, 74, 88, 165, 355, 362, 370, 498, 499
 Ибн ал-Ашаса – 528
 Ибн ал-Байтар – 571
 Ибн ал-Факих – 25, 26, 77, 459, 462, 472
 Ибн ал-Фурат – 481
 Ибн ан-Надим – 537
 Ибн ан-Нугман – 567
 Ибн Асама ал-Куфи – 25, 26, 27
 Ибн Батгута – 329, 475, 567
 Ибн Дауд ас-Саксини – 556
 Ибн Исфандийара – 86
 Ибн Исхак=Мухаммад ибн Исхак – 535
 Ибн Мискавейх – 88
 Ибн Мукаффа – 535
 Ибн Русте (Ibn Rusteh) – 9, 21, 25, 33, 123, 132, 137–140,

- 156, 157, 175, 236, 289, 292, 294, 306, 312, 316, 317, 343, 357, 413, 543, 552, 553, 561, 580, 644
- Ибн Рушд – 547
- Ибн Сайд – 467
- Ибн Фадлан (Ахмад ибн Фадлан) – 8, 13, 21, 23, 25–27, 100, 103, 113, 128, 130, 132, 137, 139, 140, 141, 144–146, 148, 150, 154, 157, 158, 171, 175, 176, 210, 215, 279, 232, 238, 240, 248, 249, 289, 311, 312, 317, 328, 339, 351, 352, 365, 368, 369, 396, 398, 455, 467, 469, 498, 544, 550–552, 555, 559, 561, 562, 565, 567, 570, 573–577, 579, 580, 588, 616, 617, 625, 637
- Ибн Хаджар – 562
- Ибн Халдун – 402, 566, 656
- Ибн Хаукал (Ibn Hauqal) – 21, 25, 33, 79, 84, 85, 87, 132, 177, 178, 306, 316, 371, 455, 462
- Ибн Хордадбех – 25, 27, 75–77, 307, 452, 459–461, 496, 499, 641
- Ибрагим I бен Мухаммат – 149
- Ибрагимов – 6, 15, 16, 165, 201
- Ибрахим II – 149
- Ибрахим ибн Аглаб – 533
- Ибрахим ибн Мухаммад (Ибрахим) – 531, 532
- Иван Грозный – 199
- Иванов А.А. – 118
- Иванов А.Г. – 104, 105, 124, 295, 378, 381, 383, 388, 410, 414
- Иванов В.А. – 5, 6, 34, 138, 387, 396, 408, 414, 452–455, 492, 499, 503, 504
- Иванов П.П. – 429
- Иванова – 245, 378, 381, 382, 385, 404
- Игорь – 87, 128, 144, 308
- Игорь Святославич – 28, 371
- Идна – 115, 386
- Идрис – 533
- Изай – 496
- Измайлов – 5, 6, 17–19, 21, 27, 34, 94, 124, 127, 196, 233, 321, 336, 347, 361, 368, 549, 588, 594, 621, 631, 638, 648, 650, 651
- Износков – 9, 181, 200
- Изяслав – 163, 373, 374, 635
- Изяслав Глебович – 163, 374
- Икинджи Ибн Кочкар Хорезмшах – 466
- Иланчук – 655
- Илбакты – 199
- Илбарис – 636
- Ильминский – 10
- Ильтэр – 654
- Ильхам – 149
- Илюшин – 92, 96, 97, 486, 488
- Имад ад-дин Зенги – 545
- Инань – 484
- Инкова – 23
- Инсан – 582
- Иоан Никиусский – 38, 46
- Иона – 393
- Иордан – 36, 44, 100, 101, 113, 114, 165
- Иосиф – 22, 46, 68, 76, 77, 86, 100–103, 107, 180, 433, 572
- Ираклий – 38, 39, 41, 46, 523, 524
- Ираклион – 46
- Ирник (Эрнах) – 36, 37, 572
- Исаак I Комнин – 457, 545
- Исламов – 262
- Исмаил – 294
- Исхак б. Исмаил – 75
- Исхак бен Ибрагим – 149
- Исхак ибн ал-Хусейн – 470
- Исхаки – 651
- Исхаков – 19, 114, 650, 651
- Ихсан – 582
- Йагкуб (Йа'куб, Йакуб) – 584, 586, 587
- Йагкуб-йори – 150
- Йаздигерд III – 526
- Йазид – 71, 527, 528
- Йазид ибн Усайд – 71
- Йазид ибн Усайда ибн Зафир Ас-Сулами – 69
- Йакуб ибн Лайс – 634
- Йакуб ибн Нугман – 6, 551, 556, 561, 572, 573, 577, 579, 634, 637
- Йакут ал-Хамави – 25, 417
- Йакут ибн Абдаллах – 588
- Йала ибн Исхак ал-Хорезми – 554
- Йасави – 656
- Йахуда – 584
- Йефес = Йафет – 578, 640
- Йовков – 239, 282
- Йорданес (Иордан) – 36
- Йорданов – 45
- Йусуф – 3, 6, 18, 353, 556, 559, 562, 570, 574, 575, 583–587, 628
- Йусуф Баласагуни – 569, 583
- К. са б. Блджан ал-Хазари – 78
- К.са.б. Блджан ал-Хазари – 78
- Кавад – 523
- Кавеев – 16, 197, 658
- Кадыр-Али-бек – 7
- Кадырбаев – 652
- Казаков А. – 92
- Казаков Е.П. (Kazakov) – 6, 16, 17, 23, 33, 104, 116, 118, 119, 121, 123, 133, 154, 156, 158, 160, 162, 175, 199, 227, 233, 237, 239, 248, 254, 259, 273, 290, 295, 314, 321, 409, 414, 415, 416, 433, 437, 438, 439, 448, 486, 550, 560, 570, 592, 594, 598, 606, 611, 619, 629, 630, 653
- Казанцев – 392
- Казаринов – 9, 10, 287
- Казвини – 328
- Казем-бек – 26
- Калинин – 3, 13, 159, 178, 193, 196, 200–202, 239, 296, 600, 611, 650
- Калинина – 76, 87, 88, 307
- Кальмер (Callmer) – 310
- Канар (Kanard) – 21
- Канглы – 480, 654
- Канджигалы – 481
- Каппеллер (Kappeler) – 20, 651
- Караев – 487
- Карамзин – 7, 30
- Караногай – 574
- Караулов – 26, 83, 86
- Караханиды – 22, 141, 465, 473, 544, 547, 569, 623, 624, 626, 652, 654
- Каргалов – 453
- Кардам – 54, 55
- Каримуллин – 18, 650
- Карл Великий – 55, 337
- Карл Фукс – 617, 618
- Катаган – 579
- Каховский – 14, 15, 18, 202, 206, 222, 223, 251, 254, 314, 591, 651
- Кеген – 653
- Кельмаков – 112
- Кемаль Пашазаде – 587
- Кирилл – 59
- Кирпичников – 5, 126, 299, 306, 309, 310, 321, 332, 334, 336, 338, 339, 350, 364
- Кирьянов – 14
- Клепикова – 457
- Клосс – 28–31
- Ключевский – 162
- Кляшторный – 19, 396, 460, 464, 483, 485, 498, 504, 506, 507, 549, 652–654
- Кмошко (Kmosko) – 21
- Кмьетович А. – 21
- Кмьетович Ф. – 21
- Кнут – 440
- Княжецкая – 334
- Ковалева – 310
- Ковалевская – 511
- Ковалевский – 175, 176, 179, 296, 558
- Коваль – 318
- Когутэй – 512
- Козлов – 632
- Козлова – 391, 446
- Коконцев – 68, 76, 86, 101, 180, 425, 433, 572
- Кокорина – 5, 16, 19, 21, 33, 138, 179, 200, 278, 280, 284–286, 296, 401, 416, 419, 496, 558
- Коледаров – 42, 570, 571
- Колобичи/Кулобичи – 655

- Колода – 251
 Колчин – 249–251, 257 443, 570
 Комар – 47
 Комарова – 99
 Кондырев – 9
 Коновалова – 496, 497, 506, 655
 Кононов – 655
 Констант II – 46
 Константин – 46
 Константин IV Погонат – 48, 52
 Константин V Копроним – 52–55
 Константин Апамейский – 48
 Константин Багрянородный – 22, 31, 32, 44, 114, 453, 455, 653
 Кончак – 496, 656
 Копытов – 90
 Кормесий – 52
 Кормисош – 52
 Короглы – 575, 579
 Королев – 250
 Король – 509
 Косарев – 332
 Косвен – 579
 Котан – 481
 Котович – 84
 Котраг – 45, 46
 Коучебичи – 655
 Кочеев – 95
 Кочкина – 6, 16, 154, 179, 180, 188, 202, 203, 296, 313, 314, 558, 591
 Крамерс – 21, 87
 Крапивин – 7
 Красильников – 34
 Краснов – 15, 17, 170, 237, 238, 239
 Крачковский – 76, 77, 543
 Кренке – 331
 Кригер – 138, 454, 498
 Кристьян (Cristian) – 20
 Кришто (Krisztó) – 23, 124, 653
 Кропоткин – 17, 179, 294, 296, 297, 309, 312
 Кротков – 189, 432
 Круг – 249
 Круглов – 413
 Крум – 55–58
 Крыласова – 105, 134, 154, 204, 327, 401, 407
 Крымский – 583
 Крюков – 586, 632
 Крюкова – 450
 Куара – 596
 Куббель – 632, 642
 Кубер – 46, 50
 Кубини (Kubinyi) – 32
 Кубрат (Кетрадес, Коврат, Кробат, Кубратос, Кробатос, Курт, Хобрат, Хубраат, Худбадр, Худбаат, Хубраат) – 37–39, 41–44, 46, 47 549, 577
 Кубряк (Kubiak) – 20
 Кудым-Ош – 399, 406
 Кузаков – 561
 Кузеев – 416, 499, 501, 651
 Кузнецов – 13, 139
 Кузьмина – 628
 Кузьминых – 5, 258, 259
 Кул Гали (Кол Гали) – 3, 6, 18, 353, 354, 556, 559, 570, 575, 583, 584, 586, 587, 628
 Кулемзин – 90
 Кумеков – 5, 19, 459, 472, 482, 487, 498, 500
 Куник – 26
 Курат (Kurat) – 27, 573, 651
 Курбатов – 557, 558
 Курбский – 445
 Куря – 454
 Кускун-Кара-Матыр – 512
 Кучкин – 364
 Кызласов – 34, 483, 509, 558
 Кыпчак – 654, 655
 Кытфир (Погифар, Пенгефрей) – 585
 Кычанов – 146, 147
 Кюль-тегин – 452, 557, 652
 Кюнер – 485
 Ладислав
 Лаутербах (Lauterbach) – 24
 Лашкари Абд ал-Малик – 82
 Лебедев – 126
 Лев III – 52
 Лев V – 57
 Левашова – 237, 238, 447
 Левина – 285
 Левицкий (Lewicki) – 21, 27
 Ленц – 105, 134, 154, 204, 401, 402
 Леонтьев – 307, 315
 Лепехин – 8, 239
 Лецинская – 389–391
 Ли Янь-шеу – 452
 Лившиц – 504, 506
 Лигети (Ligeti) – 23
 Лимонов – 28
 Линь – 147
 Липец – 511, 516
 Лихачев – 3, 9, 10, 127
 Лихтер – 273, 276
 Лобачевский – 5, 6
 Лудвиг (Ludwig) – 24
 Луконин – 293
 Луппов – 114, 392
 Лурье – 30, 31, 123
 Львова – 41, 275, 305
 Любарский – 458
 Людовик IX – 546
 Людовик Благочестивый – 306
 Ляпушкин – 34
 Маадай-Кара – 513, 516
 Маврикий – 43
 Магомедов – 123, 165
 Мажитов – 19, 503, 651
 Мазанов – 217
 Маймун – 82, 85
 Маймун б. Ахмад б. Абд ал-Малик – 88
 Макаров – 5, 331, 378, 383, 388, 389, 391, 392, 393, 394
 Макарова – 513, 568, 606
 Макартни (Macartney) – 22, 32
 Маламир – 58
 Малик Дугр (Малик) – 584, 585
 Малик ибн Анас – 536
 Малов – 560, 562, 627
 Малоземова – 332
 Мамадаков – 506
 Мамед – 645
 Мамил – 587
 Мамун – 75
 Мансур – 69, 571
 Мансур б. Абд ал-Малик – 82
 Мансур ибн Нух – 290, 291, 296
 Марван – 69
 Марван I – 66
 Марван II (Марван) – 63, 531, 532
 Марван б. Мухаммад б. Марван ал-Химар (Марван) – 65–67, 69, 72
 Марван ибн ал-Хакан – 528
 Марван ибн Мухаммад – 542
 Марджани (Мәржани) – 6, 9–11, 19, 146, 147, 176, 181, 396, 551, 556, 563, 571, 573, 577, 621, 635, 638, 651
 Маркварт (Markwart, Marquart) – 21, 22
 Маркелов – 238
 Марков – 294, 296, 312, 313
 Марр – 650
 Мартин (Martin) – 22
 Мартина – 38, 46
 Мартинез (Martinez) – 21
 Мартьянов – 422, 426, 431
 Маршак – 331, 332, 412
 Маслама б. Абд ал-Малик (Маслама, Муслим, Абу Муслим) – 65, 66, 72, 531
 Масуд Газневи – 544, 562, 570
 Матвеев – 93
 Матвеева – 11, 15, 93, 116, 119, 157, 186, 222, 223, 254, 263, 286, 287, 314, 409, 455, 591
 Матузова – 638
 Матфей Эдесский – 457, 492
 Махди – 72, 73
 Махмуд I Газневи – 562
 Махмуд Газневи – 570
 Махмуд ибн Сабуктегин – 544
 Махмуд Кашгари (ал-Кашгари, Кошгари, Kasgari) – 22, 23, 132, 137, 178, 180, 459–462, 464, 468, 472, 473, 476, 479, 480, 481, 500, 569, 583, 624, 627, 652, 654, 656
 Махмуд Крымлы – 587
 Мачинский – 158, 302, 315
 Медведев – 345, 348, 658
 Мелик Реййан – 585
 Мелиоранский – 557
 Мемектай – 149
 Менгли-Гирей – 147

- Менгу – 371
 Менелай – 115
 Мерван – 123
 Мерперт – 14
 Мессершмидт – 89
 Мефодий – 59
 Мец – 560, 561
 Михаил – 131
 Михаил бен Джафар – 131, 149, 158, 179, 290, 296, 437
 Микел (Miquel) – 21
 Миллер – 89, 446
 Мильков – 134
 Минасян – 450
 Минорский (Minorsky) – 21, 22, 27, 69, 75, 78–86, 88, 462, 468
 Мир-Махмуд – 148
 Мир-Суснэ-Хума – 97, 334
 Мирхонд – 579
 Михаил – 28
 Михаил I – 56
 Михаил III – 59
 Михаил Сирийский – 43
 Михаил Ярославич – 29
 Михайлов – 7
 Михеев – 34, 449
 Мишин – 27
 Мовзес Каганкатвацци – 60, 63, 67, 70, 71, 46
 Могильников – 91, 332, 408, 415, 438, 469, 483, 486, 489, 501
 Могилян – 452
 Могор – 579
 Модэ – 460, 484
 Моисей – 28
 Моисей Хоренский – 44
 Мокшин – 102, 108
 Молодин – 89, 91, 93, 96, 334, 491
 Молодковец – 6
 Монгайт – 292, 298
 Моравчик (Moravcsik) – 24, 31
 Морозов В.Ю. – 411, 412
 Морозов П.В. – 200
 Москов – 37, 38
 Моходухэу (Богатырь князь) – 38, 39
 Моця – 17, 189, 312, 328, 329, 418
 Мочуговский – 6
 Мстислав – 362
 Мстислав Давыдович – 163, 374
 Муавийа – 526–528, 535
 Муавия I – 63
 Муизз ад-давла – 534
 Муканов – 501
 Муктадир 175, 208, 215
 Мумин – 131
 Мумин бен Ахмед – 149
 Мумин бен Хасан – 149
 Мумин ибн Ахмед – 179, 180, 297
 Мумин ибн Хасан – 179, 131, 296, 297, 438
 Мунке – 32
 Мункуев – 652
 Мусаб ибн аз-Зубайра – 528
 Мусайлима – 524
 Мутеваккиль – 75
 Мухамадиев – 17, 291, 551, 627
 Мухамедьяров – 14, 650, 651
 Мухаметшин – 148, 150, 237, 238, 627
 Мухаммад – 26, 75, 473, 531, 561
 Мухаммад (Магомет) – 66, 112, 142, 148, 522–526, 529, 530, 534, 551, 555, 627, 634–639
 Мухаммад ал-Хорезми (ал-Хорезми) – 462, 535, 633
 Мухаммад аш-Шафии – 536
 Мухаммад б. Марван – 66
 Мухаммад б. Халид – 75
 Мухаммад б. Хашими – 79
 Мухаммад ибн ал-Ханафийа – 527, 528, 531
 Мухаммад ибн Исхак – 535
 Мухаммад ибн Марван – 64
 Мухаммад Идриси – 417
 Мухаммад мир-Махмуд – 150
 Мухаммадиев – 180
 Мухаммат бен блтывар – 149
 Мухаммед б. Ахмад ал-Азди – 88
 Набиуллин – 6, 189, 190–192, 206
 Наджип – 624, 628, 651
 Наджип ал-Хамадани – 573, 634
 Назми (Nazmi) – 22
 Напольских – 5, 100, 103, 104, 112, 114, 392, 393
 Насибуллин – 105
 Насир лид-дин – 8, 291
 Насир-и Хосров – 556
 Наср бен Ахмед – 149
 Наср ибн Анан – 73
 Наср ибн Сайяр – 531
 Насыр ад-дин Туси – 571
 Насыри (Насыйри) – 9, 579
 Неверов – 92
 Невоструев – 3, 7, 9, 196, 197, 200
 Недошивина – 448
 Немет (Nemeth) – 22, 23, 32
 Нестор – 115
 Нечвалода – 617, 619
 Нигамаев – 5, 6, 139, 162, 189, 198, 199, 261, 287
 Низам ал-Мульк – 545
 Низами – 518, 547, 583, 587, 634
 Низами Гянджеви – 634
 Никитина – 5, 107, 391, 433, 438, 439, 443
 Никифор – 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 48, 51
 Никифор I Генек – 55, 56
 Нимрат – 579
 Нимшадж – 579
 Новиков – 92, 94, 95, 96, 97, 98, 262, 489
 Новосельцев – 40, 43–45, 62, 65, 73–76, 79, 85–88, 119, 306, 307, 315, 549, 552
 Номан – 407, 633
 Носов – 162, 299, 302
 Нунап (Нунен, Noonan) – 22, 308, 310
 Нур ад-дин – 545, 546
 Нух (Ной) – 290, 572, 578, 640
 Обломский – 45, 47
 Оборин – 204, 245, 402
 Овсянников – 413
 Огуз каган – 575, 654, 655
 Огуз-хан – 480
 Окладников – 352
 Олег (Хлгу) – 87, 88, 279, 311, 522
 Олег Святославич – 28, 371
 Ольбурлик (Эльбари, Ильбари) – 500, 656
 Ольга – 308
 Омар – 292
 Омар Хайям – 547
 Омейяды – 63, 66, 294
 Омуртаг – 58
 Ондреи – 374
 Оразаев – 71, 72
 Оразбаева – 610
 Органа – 37–39, 41, 123
 Ордульф – 440
 Осень – 494
 Осипова – 423
 Осолук – 496
 Оссовский – 89
 Останина – 201, 386
 Отперлюевичи – 495, 655
 Паасонен (Paasonen) – 108, 111
 Паган – 53
 Паллас – 8
 Палоци-Хорват (Paloszi-Horvath, Paloczi-Horvath) – 24, 452, 458, 518
 Паньков – 13, 139
 Пархимович – 106
 Патканов – 44
 Патрушев – 448
 Пашуто – 376
 Пелла – 22
 Пелльо – 652
 Первушкин – 439
 Пере – 399
 Перевощиков – 389–391
 Петербургский – 421, 423, 424, 429, 431
 Петерсен – 189, 338
 Петр I – 7, 59, 607
 Петренко – 5, 15, 17, 240, 243, 245, 247, 554
 Петров – 49
 Петрухин – 126
 Пештич – 31
 Пещерева – 281, 283, 284
 Пигулевская – 36, 116, 123
 Пиотровский – 634, 636
 Пичен-Арыг – 511, 513

- Плано Карпини (Карпини) – 32, 33, 101, 113, 160, 555, 630, 638
Платон – 535
Плетнева Л.М. – 96, 490
Плетнева С.А. – 15, 19, 34, 44, 68, 88, 116, 119–122, 128, 132, 147, 157, 165, 412, 452, 453, 457, 458, 492–496, 502, 511, 513, 515, 518–520, 592, 594, 608, 653, 655, 656
Плотников – 94, 97, 334
Плюшар – 173
Покровский – 11, 499
Полгар – 22
Полесских – 14, 133, 189, 206, 420, 426, 427
Полубояринова М.Д. – 5, 17, 171, 313, 316, 317, 449
Поляк – 114, 567
Полякова – 15, 172, 259, 261, 262, 264–266, 269, 290, 314, 428, 564
Пономарев – 3, 9–11, 127, 171, 174, 176, 192, 193, 196
Попов – 572
Поппе – 579
Постникова-Рудь – 18, 618
Пресиан – 58
Приселков – 368, 372
Приходнюк – 47
Прицак (Pritsak) – 22, 24, 76, 87
Продолжатель Феофана – 56
Прозоров – 63
Прокопий Кесарийский – 36, 44
Псевдозахарий – 44, 123
Псянчин – 496, 498
Птолемей – 114, 496
Пургас – 107, 108, 375, 376
Пуреш (Пурейша) – 107, 146, 376
Рабиа Бахили – 73
Равдоникас – 440
Радзивиллы – 29
Радиловский – 262
Радлов – 89, 482
Раппопорт – 364, 445
Рас-Тархан (Ражу-тархан, Ас-тархан) – 70
Расторопов – 133
Рахимов – 284
Рахмати – 651
Рашев (Raøev) – 5, 36, 37, 43, 47, 48, 54
Рашид – 73
Рашид ад-дин – 101, 148, 432, 499
Рашид-ад-дин Абу-л-Мансур ибн Али-л-Фазыл ибн Али ас-Сури – 571
Рашони (Rasonyi) – 24
Редеи (Redei, Rűdei) – 23, 109–111
Ремпель – 602, 603
Рене де Шатийон – 546
Рикардус (Ricardi) – 32
Риттер (Ritter) – 21, 27
Рихтер-Бернбург (Richter-Bernburg) – 22
род Ашина – 38, 93, 94, 147, 412, 505–507, 578, 654
род Барадж – 580, 582
род Дуло – 36, 37, 39, 52, 147, 572, 623
род Ерми – 37
род Ильбари – 371, 500, 656
род Угаин – 53
род Укил (Вокил) – 52, 53
Родерик – 529
Роджер Бэкон – 638, 645
Родина – 313, 318
Розанова – 253
Розен – 26, 262
Розенфельдт – 378
Роман – 330, 544
Роман Лакапин – 59
Роман Мстиславич – 28
Романцова – 490
Рона-Таш (Rona-Tas, Ryna-Tas) – 23, 24, 108, 109, 110, 111, 115, 622
Ронин – 633
Рорлих – 651
Ростиславичи – 28
Руденко – 6, 19, 156, 160–162, 193, 227, 233, 237, 239, 260, 262, 270, 271, 317, 321, 438, 439
Рудь – 118, 620
Рузбех (Ибн Мукаффа) – 535
Рус – 579
Рэхимова – 149
Рыбаков – 17, 250, 269, 302, 311, 326, 328, 418, 443, 444, 496, 497, 564, 609, 655
Рыбушкин – 9, 589
Рыкушкина – 443
Рындина – 269
Рычков Н.П. – 3, 8, 197, 402
Рычков П.И. – 239
Рюрик (Хререк) – 127, 306, 308, 311
Рюрик Ростиславич – 28
Рюриковичи – 310, 407
Рябинин – 448
Рясянен (Rűsdnen) – 107, 110
Саади – 547
Сабин – 53
Савельев – 8, 296, 409
Савельева – 105
Савенков – 7
Савинов – 34, 91, 93, 396, 482, 483, 485, 487, 489, 507, 653, 654
Савченкова – 15
Сагид бен Хайдар – 49
Садесан – 579
Саид ибн Сальм ибн Кутейба ал-Бахили – 73
Сайф ад-дин Кангар – 481
Саклаб – 579
Салах ад-дин – 546
Салим бен Ибрагим – 149
Саллам ат-Тарджумани – 496, 641
Саллариды – 294
Салман б. Рабиа – 62, 64, 66
Саман – 533
Саманиды – 131, 141, 311, 355, 369, 437, 465, 542, 544, 550–552, 554
Самашев – 501
Само – 41
Самуил – 59
Сарвиназ – 574
Сартак – 32
Саттарова – 6, 588, 594
Сатук Богра-хан – 544
Сафаргалиев – 144, 651
Саффах – 69
Сахаров – 453, 657
Св.Георгий – 310
Святослав – 24, 59, 87, 131, 144, 163, 164, 196, 326, 372, 374–376, 453, 454, 457
Святослав Вселодович – 28
Святослав Ольгович – 28
Себеос – 60, 62
Севар – 52
Седов – 306, 447
Седова – 187, 313, 320, 323
Селим Слеман – 583, 587
Сельджук – 546
Сельджуки – 545
Сельджукиды – 354, 355, 369, 545, 589, 653
Семенов – 87, 116, 118, 148, 378, 385, 397, 556
Семькин – 5, 15, 17, 158, 202, 203, 224, 225, 249, 258
Сенмурв – 438, 603
Сепеев – 446
Сергеев – 90
Сергий Радонежский – 30
Сибавейхи – 535
Сим – 299
Симджуриды – 437
Симеон – 59
Синдбад – 635
Ситдииков – 6, 189
Смирнов А.П. – 4, 12, 13, 16, 20, 139, 140, 141, 159, 162, 172, 173, 174, 176, 177, 181, 182, 183, 196, 197, 202, 205, 206, 215, 216, 220–223, 226, 237, 239, 251, 254, 270, 314, 329, 405, 433, 590, 591, 605, 606, 650
Смирнов Н.И. – 9, 10
Смирнова – 125
Смолин – 9, 11, 139, 156, 171, 174, 651
Сога – 485
Сокал – 493
Соловьев – 10
Спасский – 10, 11
Спицын – 11, 171, 174, 197, 226, 321

- Ставракий – 56
 Станилов – 23
 Старостин – 156, 158, 233, 558
 Сташенков – 6, 157, 202, 203, 314
 Степан Святой – 32
 Степанов – 42, 45, 189, 419
 Степанова – 95
 Степанос Таронский – 67
 Стойнев – 23
 Стоянов – 127
 Страленберг – 89
 Строгановы – 403
 Стэнли Лэн-Пуль – 63, 66
 Субудай – 362
 Сувар (Савар) – 572
 Сулайман – 581
 Сулейман Бақыргани – 583, 625
 Сулейман ибн Дауд ас-Саксини ас-Сувары – 556
 Сулейман ибн Дауд ас-Саксини-Сувары – 571
 Сулейман-ибн-Рабия аль Багалиец – 81
 Сули Факих – 587
 Султан Мурат – 149
 Султанов – 498
 Сусан ар-Раси – 176
 Сыма Цянь – 452
 Сююмбике – 195
 Та'атур – 70
 Табалдиев – 485
 Тагирджанов (Таһиржанов) – 625
 Таджаддин Абу Мухаммад Али ибн ал-Хусаин ал-Булгари (Таджаддин ал-Хасан ибн Йунус ал-Булгари) – 561, 571, 572
 Таджаддин ибн Йунус ал-Булгари (Таджаддин Абу Мухаммад Али ибн ал-Хусаин ал-Булгари) – 556, 561
 Таймас – 574
 Таймус – 585
 Тайцзун – 484
 Таксобичи
 Такшон (Таксон) – 163
 Такшонь – 32
 Талиб – 131
 Талиб бен Ахмед – 149
 Талиб ибн Ахмед – 179, 180, 290, 297, 437
 Талицкий – 102, 204, 567
 Талут – 561
 Талхи – 526
 Тамим ибн Бахр – 469, 470
 Таһир – 560
 Тарголове – 656
 Тарди – 163
 Татищев – 3, 6, 7, 31, 174, 189, 190, 236, 288, 310, 316, 567, 581
 Ташлыжалы Яхья – 587
 Тегин – 149
 Текеш – 479
 Телериг – 54
 Телец – 53
 Тенишев – 557, 626, 627, 628
 Теофан – 43, 44, 48, 53, 56
 Теплоухов – 90, 406, 504, 505
 Тепляшина – 112
 Тервель – 44, 50–52
 Теробенин – 6
 Терехин – 204, 402
 Теркен-хатун – 479
 Тертьробичи – 655
 Тизенгаузен – 114, 165, 179, 328, 355, 362, 633, 637, 639, 658
 Тирах – 653
 Тихомиров – 30, 113, 158
 Тоган (Togan, Validi-Togan, Валиди) – 21, 26, 27, 651
 Тогарм – 572
 Тоглый – 496
 Тогрул-бек – 544
 Токсоб – 472
 Токсобичи – 495, 656
 Токту – 53
 Толмачев – 3, 10, 200
 Толмачева – 186, 251
 Толочко – 31, 210
 Толстов – 454, 457
 Томилов – 650
 Тоньюкук – 452, 485, 557
 Тохтамыш – 147
 Трифонов – 91, 92, 483, 485
 Троицкая – 90–92, 95–98, 446
 Трофимова – 14, 618, 650
 Трофимчук – 250
 Грубачев – 42
 Трыарский (Tryjarski) – 20
 Туганаев – 16, 17, 237
 Тугоркан – 494, 655
 Тугушева – 627
 Гуйбике – 569, 635
 Гуншеху – 39
 Туран – 474
 Турк – 640
 Тухватуллин – 6
 Тухтина – 14, 205
 Тюрк – 572, 578, 579
 Тяжелов – 26
 Убайда – 52
 Улашевичи – 656
 Ульянов-Ленин – 6
 Умай – 532, 549, 596
 Умайяды – 528, 532, 533
 Уманский – 90, 91, 93
 Умар – 53, 524–526
 Умар II – 529
 Умар ибн ал-Хаттаб – 62, 524
 Умар ибн Хубайра – 531
 Уразбакты – 199
 Урбан II – 545
 Урусоба – 494
 Урусобичи – 656
 Усман – 62, 526
 Усман ибн Аффан – 525
 Усманов – 7, 147, 581, 633, 635, 639, 651
 Фаизханов – 621
 Фасмер (Vasmer) – 11, 22, 296, 324
 Фатима – 112, 523
 Фатимиды – 534, 543, 545
 Фаттахов – 16, 18, 618, 619
 Фахр ад-дин Мубаракшах – 180
 Фахреддинов (Фәхреддинев) – 9, 11
 Фахрутдинов – 15, 16, 18, 20, 33, 132, 133, 141, 145, 174, 175, 178, 183, 248, 417, 589, 646, 650, 651
 Федоров – 77
 Федорова – 334, 416
 Федорова-Давыдова – 516
 Федоров-Давыдов – 12, 13, 14, 15, 34, 144, 161, 205, 254, 290, 295, 314, 437, 438, 439, 440, 454, 457, 499, 501, 511, 655
 Федотов – 651
 Феодосий Печерский – 31
 Феофан – 42–44, 53, 65, 70
 Феофан Исповедник – 40
 Феофил – 306
 Ферхег – 180
 Фехнер – 564
 Филан-шах – 78
 Филимонов – 6
 Филипп – 573
 Фирдоуси – 547, 583, 586
 Фирсов – 12, 650
 Флеров – 34, 119
 Флерова – 557
 Флоринский – 89
 Фодор (Fodor) – 22, 23, 32, 120
 Фоки – 48
 Фомин – 308, 309
 Формозов – 8, 89
 Франк – 651
 Франциско Пицигани – 190
 Френ (Fraehn) – 3, 8, 9, 26, 100, 176, 295, 296, 323
 Фролова – 16
 Фроянов – 159
 Хабарова – 513
 Хадиджа – 523
 Хазар – 43, 572, 579
 Хайдар – 149
 Хаййун ибн Наджм (Джейун) – 73, 74
 Хайруллин – 570
 Хаким Санаи – 556, 570
 Хакимзянов – 6, 148, 150, 621, 622, 623, 626, 627, 639
 Хакимов – 19
 Хаков – 557
 Халид ал-Булгари – 556
 Халид б. Йазид – 75
 Халид ибн ал-Валид – 524
 Халид ибн Бармак – 532, 533
 Халид ибн Йазид – 535
 Халидов – 26, 368, 554

- Халиков А.Х. (Chalikov) – 13–18, 23, 45, 119, 120, 124, 137, 143, 146–148, 150, 152, 159, 160, 163, 165, 166, 174, 176, 177, 189, 193, 194, 196–198, 202, 214–217, 219, 220, 226, 254, 263, 264, 280, 287, 312, 328, 329, 363, 364, 385, 391, 395, 396, 418, 423, 439, 440, 503, 554, 568, 578, 579, 581, 589–591, 595, 596, 611, 617, 650
- Халиков Н.А. – 6, 17, 236, 237, 239, 247
- Халикова (Khalikova, Chalikova) – 14, 16, 18, 21, 23, 33, 120, 124, 129, 263, 401, 402, 404, 413, 414, 433, 438, 440, 554, 565
- Халиль – 535
- Халиуллин – 17, 364
- Халиф б. Хаййат – 60, 66, 67, 69
- Халлах – 579
- Хамдаллах Казвини – 180, 480
- Хамдан Кармат – 534
- Хамди – 587
- Хамидуллин – 6
- Харун ал-Рашид – 55, 73
- Хасан – 523, 525, 527
- Хасан бек – 148
- Хасан бен Джафар – 149
- Хасан Булгари – 562
- Хасан ибн Али – 533
- Хасан ибн ас-Саббах – 545
- Хасан-йори – 150
- Хасдай ибн Шапрут (Хасдай ибн Шафрут) – 22, 68, 76, 86, 100, 572
- Хаскова – 295
- Хатирлитбер – 70, 71
- Хаусиг (Haussig) – 22
- Хачатур – 336
- Хварена – 412
- Хвольсон – 9, 26, 85, 132, 137, 138, 140, 156, 163, 169, 175, 177, 178, 180, 207, 236, 289, 294, 311, 312, 316, 343, 353, 357, 552, 555, 561, 563, 569, 571, 580, 644
- Хейфец – 6
- Хели – 505
- Хенинг – 102
- Хетень (Heten) – 32
- Хинц – 291, 292
- Хисамов – 6, 574, 583, 587
- Хишам – 72, 531, 532
- Хлебникова – 3, 14–17, 21, 23, 33, 104, 160, 170, 172–174, 182, 190, 191, 206, 234, 250, 259, 261, 262, 270, 271, 279, 284, 387, 395, 416, 428, 449, 456, 601, 611
- Хованская – 13
- Ходжа Ахмед Булгари – 562, 570
- Ходжа Булгари – 570
- Хоутсма (Houtsma) – 583
- Храмченкова – 261
- Хрбек (Hrbek) – 20, 22
- Худяков М.Г. – 9, 11, 171, 174, 650
- Худяков Ю.С. – 6, 19, 34, 89, 93–96, 330, 332–334, 347, 365, 460, 461, 463, 464, 466, 468, 469, 471, 482, 486, 504, 505, 506, 507, 508, 509
- Хузин – 3, 5, 6, 15, 16, 19, 20, 33, 116, 128, 132, 137, 139, 141, 148, 152, 162, 163, 165, 166, 167, 169, 176, 180, 182, 189, 190, 194, 198, 205, 206, 209, 239, 241, 248, 258, 261, 263, 265, 266, 279, 286–288, 299, 318–320, 330, 345, 437, 348, 350, 558, 581, 619, 629, 643, 658
- Хулагу – 548
- Хусайн – 523, 526, 527, 528, 531
- Цалкин – 244, 246
- Цамбур – 296
- Цегледи (Czegledy) – 21, 23, 27, 70
- Цыбин – 495, 496
- Чан-лэ – 94
- Чариков – 485, 510
- Червоная – 18
- Черников – 262
- Черных – 32, 259, 260, 493
- Чернышев – 199
- Чжену – 485
- Чикишева
- Чин – 579
- Чингизиды – 635
- Чингис-хан – 242, 336, 475, 477, 655
- Читеевичи – 655
- Чичуров – 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 48, 578
- Чугунов – 89
- Чуракай – 576
- Чураков – 100, 114
- Шаболо Хилиши-хан – 484
- Шаванн – 484
- Шавар – 545
- Шадрин – 443
- Шаййаз Хамза – 587
- Шамильоглу – 651
- Шамкуйе – 82
- Шапур II – 517
- Шарафеддин – 139
- Шарифуллин – 15, 16, 166, 169, 176, 182, 212, 213, 217–220, 233, 288, 554, 555, 588, 589, 590, 591
- Шарлип (Scharlipp) – 20
- Шарукан – 494
- Шахид-хаджи сын Мир-Ибрахим инала – 150
- Шахматов – 28–30
- Шахрбараз – 62
- Швецов – 485
- Шенников – 442
- Шива – 412
- Шилки (Абдаллах бен Тегин, Силки) – 125, 127, 145, 149, 550,
- Ширин – 93
- Ширкух – 546
- Шитова – 417
- Шихсаидов – 62–66, 71–73, 85
- Шишкин – 197
- Шнайдштейн – 513
- Шнирельман – 631
- Шпилевский – 3, 7, 9, 11, 174, 180, 196, 200, 640
- Штукенберг – 9, 10
- Щапова – 273, 274
- Эйхвальд – 89
- Эл-этмиш Билге каган – 653
- Эрдели – 413
- Эрдман – 196
- Эрке – 558
- Эрменрик (Германарик) – 100
- Эрнах (Ирник) – 572
- Эрнст Леви – 114
- Эсперонье (Esperonnier) – 22
- Этей (Ethey) – 32
- Этрек – 370, 579, 653
- Юй Сухуа – 506
- Юлиан (Julianus) – 22, 32, 355, 356, 496, 498, 555, 629, 630, 638
- Юрий – 7, 16, 163, 236, 374, 375, 376,
- Юрий Всеволодович – 316, 375
- Юрий Давыдович – 376
- Юрий Долгорукий – 108, 370, 372, 373, 376
- Юрий Кончакович – 656
- Юстиниан I – 38, 51, 63
- Юстиниан II – 50, 51, 63
- Юсупов – 148, 150, 639, 650
- Ютина – 386, 387
- Яблонский – 15, 117, 173, 649
- Якимов – 196
- Якобсон – 606, 610
- Якубовский – 171, 172, 176
- Йакут – 180
- Янин – 17, 290, 292–296, 311, 320, 323, 324, 551
- Янина – 179, 180, 290, 295, 296, 559
- Ярополк – 458
- Ярослав – 113, 163, 372, 374, 376
- Яфет (Йафет) – 572, 579, 641
- Яхин – 581

Указатель политико-географических названий

- Bular (Волжская Булгария) – 32
 Bulgaria maior – 33
 Edil (Кама) – 190
 Fachatim, Sacetim (Джукетау) – 190
 magna Bulgaria (Великая Булгария) – 33
 Magna Hungaria (Великая Венгрия) – 32, 413, 414, 629
 Maior Hungaria (Старая Венгрия) – 498
Mordia – 114
 terra Bular (Волжская Булгария) – 32
 Votka (Вятка) – 115
 Vulgaria/Vulgarland – 339
 Абаскун – 86
 Аббасидский халифат – 141
 Абескун – 303
 Абронкас – 100
 Абхар – 312
 Аваколь, Афкула, Афкуль – 134, 154, 204, 327, 328, 399, 402
 Аварский каганат – 36, 40, 41, 46, 47, 49, 50, 55
 Аварское Койсу – 75
 Адрианаполь – 57
 Адриатическое море – 58
 Азербайджан – 65, 69, 74, 80, 82, 312, 533, 545
 Азия – 125, 299, 327, 472, 578, 595
 Азов – 559
 Азовское море – 36, 38, 40, 43, 44, 116, 178, 311, 492, 496
 Ай – 496
 Айани – 497
 Аквитания – 332
 Акикул – 328, 399
 Ак-Итиль (Белая) – 329, 398
 Алабуга – 135, 136, 152, 156, 162, 196, 199, 329, 563, 576, 581, 657
 Алакольская котловина – 459, 473
 Аламут – 545
 Аландские острова – 303
 Алания – 68, 75, 83
 Алатырь – 375
 ал-Акса – 534
 ал-Баб – 66, 73–76, 78, 80, 85
 ал-Баб-ва-л-Абваб (Каспийские ворота) – 76
 ал-Байда – 62, 66, 76, 77
 Албания – 58, 59, 63, 64, 69, 71, 315
 ал-Джазира – 66, 69, 71
 Александрия – 538
 Алексеевский район – 193
 Алеппо – 417
 ал-Курра – 74
 ал-Маскат – 75
 ал-Мухаммадия – 71
 Алтай – 89–95, 98, 118, 262, 284, 334, 410, 457, 459, 461, 462, 466, 469, 473, 480, 483, 486, 488, 489, 491, 504–506, 577, 597, 654
 Алтайско-Саянское нагорье – 482
 ал-Хазар – 87
 ал-Хумайдийа – 82
 Амударья – 457, 529, 544
 Амургаг – 165
 Анатолия – 562, 589, 590
 Ангара – 509
 Англия – 125
 Андак ал-хифчак – 468
 Андалусия – 180, 398, 529, 532, 538, 551, 566, 573
 Антиохийское княжество – 545
 Антиохия – 545
 Анхиало – 51, 53
 Апамен – 48
 Ар – 101, 102
 Арабский халифат – 60, 61, 63–67, 69, 74, 563
 Арабское государство – 60, 65
 Аравия – 522–524, 528, 529, 534, 537
 Аральское море – 452, 457, 467, 468, 473, 479, 542, 654
 Ардебиль – 65
 Аркона – 303
 Армения – 44, 52, 63, 64, 69, 74, 222, 312, 478, 566
 Армиево – 423
 Армянское море (Черное море) – 460
 Арран – 69, 70, 87
 Ар-Рум (Византия) – 307
 Арск – 102, 104
 Артуш – 468
 Ару – 101, 102, 399
 Архангельская область – 322
 Аскасия – 467
 Аскаска (Уральские горы) – 496, 497
 Ассирия – 601
 ас-Сул – 74
 Астраханская область – 501, 513
 Ателькузу – 128
 Атиль – 88, 176
 Атиль-река – 87, 175, 496, 497
 Атыл – 616
 Аунукс – 100, 113
 Афанасьевский район – 378
 Афганистан – 313, 570, 571
 Африка – 526, 529, 530, 533, 534, 538, 542, 566
 Афтакун – 402
 Ахваз – 534, 577
 Ахтай – 175
 Ахтуба – 501
 Ачинско-Маринская лесостепь – 486
 аш-Шаш – 290, 291
 Б.рзбан – 83
 Ба – 505
 Баб ал-абваб – 75, 76, 78, 81, 85, 87
 Баб ал-Лан – 76
 Баб-ул-ал-баб – 75, 84
 Багдад – 175, 302, 303, 307, 309, 396, 532–535, 538–540, 543–545, 548, 551, 552, 553, 554, 559, 561, 562, 565, 573, 576
 Багдадский халифат – 131
 Багнада – 467
 Бадахшан – 313
 Байнах (Майна) – 175
 Бак-Вак – 71
 Бактрия – 408
 Баку – 86, 303
 Баланджар – 60, 62, 64, 65, 67–69, 75–77
 Баласагун – 370, 499
 Балезинский район – 383
 Балканский полуостров – 36, 46, 49, 52, 55, 57
 Балканы – 107
 Балтийское море – 302, 309
 Балтика – 100, 107, 162, 302
 Балх – 296, 303, 556, 561, 573
 Балхаш – 138, 457, 469, 473
 Бальмеры – 127, 130, 160, 338
 Бараба – 89–91, 93, 98, 490
 Барабинская лесостепь – 89, 91, 96–98, 334, 486, 491
 Бардаа – 70, 73, 74, 87
 Баренцево море – 331
 Барсова Гора – 334
 Баршалия – 79
 Басра – 525, 526, 528, 529, 533–535, 538
 Бахр Абискун (Каспийское море) – 473
 Бахр ал-хазар (Каспийское море) – 467
 Бахрейн – 534
 Бахта – 175, 228
 Бачат – 92, 488
 Башкирия – 323, 387, 493, 500
 Башкирское Предуралье – 416
 Башкортостан – 107, 123, 413, 414, 415–417, 499, 503, 519, 616
 Башлыкент – 79
 Бездед – 438
 Бездна – 175
 Бейхак – 145, 146, 369, 553, 554

- Белая – 102, 136, 259, 329, 386, 398, 409–411, 415–417, 496, 498
- Белая Вежа – 303, 457, 495, 511, 512, 514
- Белая Кумания – 655
- Белебей – 416
- Беленджер (Баранджар) – 128, 303
- Белое озеро – 315
- Белозерье – 114, 391
- Белоозеро – 322, 323, 325
- Белоруссия – 322
- Белый Иртыш – 467
- Берберское государство – 533
- Берда'а – 73
- Березники – 407
- Биармия – 331
- Билар – 137
- Билеры (Великая Булгария) – 33, 160
- Билэр (Биляр) – 174, 581
- Биляр (см. Великий город, Булгар) – 7–12, 16, 17, 34, 126, 127, 129, 130, 134, 135, 137, 147, 149, 152, 156, 158, 160, 161, 163, 165–169, 172–179, 183–188, 192, 194, 206, 208–212, 214, 215, 217, 219, 226, 237, 239, 240, 241, 243–248, 253, 255, 257, 258, 262–265, 267–269, 273–277, 279–289, 291–293, 295, 296, 298, 303, 312, 313, 315, 318, 319–321, 328, 329, 338, 344, 345, 348, 350, 354, 360–363, 374, 395, 396, 402–404, 406, 553, 560, 561, 563–565, 568, 580–582, 589–591, 599, 601, 603, 605, 611, 619, 620, 630, 634, 643, 645, 657, 658
- Биллярка – 166, 169, 280, 281
- Биллярск – 9, 15, 156, 174, 294, 296, 578
- Бирка – 302–304, 309
- Битюг – 495
- Бичаков – 518
- Ближний Восток – 3, 10, 42, 158, 176, 215, 224, 262, 273, 274, 312, 317, 319, 345, 354, 366, 369, 522, 525, 538, 545, 546, 553, 556, 562, 565, 590, 591, 594, 617
- Богдашкино – 195
- Болгария – 5, 12, 23, 42–44, 48, 49, 51–59, 124, 137, 147, 174, 362, 370, 371, 453, 454, 612, 621, 647, 655
- Болгарское государство – 48, 53, 55
- Болгарское царство – 655
- Болгары – 7, 9, 10, 12, 15, 34, 160, 170–173, 177, 178, 230, 236, 262, 285, 288, 299, 311–313, 316, 318, 374, 577, 579, 581, 582, 649
- Болучу – 485
- Большая Кокшага – 389, 433
- Большая Сундырь – 445
- Большой Заб – 66, 531
- Большой Ик – 415
- Большой Узень – 474
- Большой Черемшан – 175, 227, 229, 234
- Боро-Хоро – 484
- Боспор – 38, 610
- Боспорское царство – 606
- Бостра (Бусра) – 524
- Британия – 302, 303
- Брахимов – 11, 134, 135, 147, 152, 170, 174, 175, 197, 313, 361, 373, 374
- Буг – 453
- Бугульма – 134
- Бугульминская возвышенность – 416
- Бугульминско-Белебеевская возвышенность – 134, 260, 416
- Бугульминское плато – 134
- Булар – 163
- Булгар (Волжская Булгария) – 3, 36, 142, 146, 177, 398, 399, 402, 543, 544, 633, 653, 658
- Булгар-город – 3, 7, 9–11, 15–17, 22, 30, 68, 77, 102, 113, 127–132, 134, 135, 137, 147, 152, 156, 158, 159, 160, 161, 163, 167, 170–181, 189, 192, 194, 198, 227, 234, 237, 239, 240, 244–247, 251, 253, 255, 263, 265, 268, 269, 277, 282, 284–286, 295, 296, 297, 298, 303, 311, 314–317, 319, 320, 323, 325–329, 338, 369, 370, 395, 406, 407, 418, 426, 427, 437, 438, 449, 455, 498, 503, 522, 543, 544, 553, 556, 558, 561, 562, 565–567, 573, 580–582, 587–590, 599, 602, 603, 605, 619, 624, 626, 633, 634, 645, 653, 657, 658
- Булгария (Волжская Булгария) – 4–6, 11–13, 15–17, 23, 28, 30, 31, 33, 102–105, 107, 108, 113, 125, 127, 128, 130–136, 138, 139, 141–143, 145, 152, 154, 157, 165, 170, 174–176, 178, 180, 185, 88, 191–193, 199, 208, 222, 226, 237, 247, 250, 254–256, 260, 274, 289–298, 306, 311–313, 315, 317, 319, 320, 324, 326, 327–332, 334, 336–339, 342–345, 347–349, 351–353, 355, 356, 358, 360–364, 366–375, 382, 396–398, 400–402, 406, 407, 437, 465, 550–559, 562, 563, 565–569, 572, 573, 580, 582, 589, 590–592, 616, 621, 625, 630, 633–635, 637–639, 641, 643, 644, 646–649, 651, 657, 658
- Булгарская земля (Волжская Булгария) – 132, 138, 247, 658
- Булгарские горы – 44, 152, 237
- Булгарский эль – 125
- Булгарский эмират (Волжская Булгария) – 131, 368, 371, 622, 625, 643
- Булгарское государство (Волжская Булгария) – 4, 5, 8–10, 12, 104, 105, 124, 125, 128, 130–132, 134, 136, 139, 148, 166, 167, 171, 174–176, 180, 187, 195, 200, 215, 241, 249, 275, 289, 315, 334, 353, 368, 370–372, 387, 388, 394, 407, 444, 550, 551, 558, 572, 582, 621, 624, 628, 634–636, 640, 642, 648
- Булгарское море (Каспийское море) – 566
- Булгарское царство – 307
- Буляр - город – 581, 582
- Буляр – река – 581
- Бургас – 135
- Бусир – 66
- Бухайрат ал-Хваризм (Аральское море) – 467
- Бухара – 539, 540, 544, 547, 551, 561, 563, 573, 590, 599, 634, 635, 637, 640
- Вабандар – 68
- Вавилон – 601
- Вага – 322
- Вад – 427, 429
- Вади Дра – 529
- Вади Хунайн – 523
- Вала – 386
- Валдайская возвышенность – 299
- Валданис (Кубань) – 44
- Ван – 544
- Варачан – 66, 67, 68, 79
- Варнь – 379
- Васильсурк – 7
- Васит – 528, 538, 543
- Ватыг (Утка) – 175
- Великая Болгария – 4, 5, 36, 37, 40–43, 45–48, 116, 118, 127, 147, 161, 412, 549, 557, 592, 606, 618, 625, 651
- Великая Булгария – 645,
- Великая Венгрия – 498, 630
- Великая Пермь – 106
- Великая Степь – 4, 7, 34, 476, 656
- Великие Болгары – 12, 170
- Великий Булгар (Брахимов) – 147

- Великий город (см. Биляр, Булгар) – 7, 9, 134, 135, 137, 147, 156, 160, 163–165, 167, 169, 174, 175, 179, 190, 196, 198, 200, 254, 320, 355, 361, 362, 364, 371, 375, 553, 570, 582
 Великий Новгород – 179, 383, 392, 393
 Великий Тюркский каганат – 408
 Великий Устюг – 393
 Великий Шелковый путь – 96, 315, 330, 334, 408, 455, 465, 542, 597, 607, 652, 657
 Велико Тырново – 57, 59
 Венгерское королевство – 458
 Венгрия – 5, 20, 22, 23, 32, 40, 113, 127, 141, 326, 338, 339, 362, 370, 417, 457, 635, 655
 Венеция – 546
 Берегава – 53
 Версеникия – 56
 Ветлуга – 433, 445
 Византийская империя – 48, 53, 530
 Византия – 24, 36, 38, 40–42, 49, 51–60, 63–65, 75, 78, 114, 123, 247, 306, 307, 311–313, 318, 330, 331, 355, 388, 396, 453, 457, 458, 472, 478, 496, 504, 522, 524, 526, 529, 537, 545, 550, 589, 601, 603, 623, 653, 655
 Вису – 102, 103, 114, 134, 142, 326, 328, 329, 399, 404, 567
 Вишера – 395, 404, 497
 Владимир – 302, 313, 318–320, 322, 325, 373
 Владимиро-Суздальская Русь – 194, 317, 353, 429
 Владимиро-Суздальское княжество – 4, 316, 317, 320, 336, 372, 374, 376, 432, 444
 Владимирская область – 113
 Внешний Булгар – 135, 152, 158, 174, 177, 178, 313
 Внутренняя Азия – 461
 Воин – 322
 Воиня – 458
 Волга (*Pā, Raḡa*) – 8–11, 20, 23, 32, 39, 43, 44, 46, 68, 77, 86–88, 100–104, 107, 114, 122, 124, 126, 131, 132, 134–137, 152, 154, 155, 157–160, 162, 163, 170, 172, 174–178, 184, 195, 201, 227, 236, 250, 251, 272, 279, 289, 299, 302, 303, 305, 307, 309, 311–316, 318, 323–326, 330, 362, 364, 365, 370–373, 392, 396–398, 410, 412–414, 416, 419, 423, 426, 432, 433, 435, 445, 449, 452–454, 457, 462, 468, 473, 480, 495, 496, 498, 499, 501, 513, 517, 542, 552, 553, 566, 576, 582, 588, 618, 622, 629, 630, 655, 656
 Волгоград – 315
 Волгоградская область – 455, 456, 499, 501, 519
 Волго-Камский регион – 123
 Волго-Камье – 122, 124, 144, 159, 262, 278, 284, 347, 390, 391, 401, 402, 404, 610
 Волго-Окское междуречье – 126
 Волго-уральские степи – 416, 454, 457, 496
 Волго-Уральский регион – 23, 122, 336, 341, 342, 346, 385, 387, 513, 521, 549, 550, 622, 646, 650–652
 Волжская Болгария – 46, 47
 Волжская Булгария – 3–24, 28, 29, 32–34, 100–108, 110, 112–115, 123–125, 133, 134, 136–145, 147, 148, 151, 154, 157, 162, 163, 167, 169, 170, 173, 174, 177, 178, 179, 186, 187, 188, 190, 194, 196, 199, 200, 202–204, 208, 227, 234, 235–241, 243–246, 249, 250, 253–262, 265, 269–275, 277–279, 282, 284–286, 289, 290, 292–295, 297, 298, 305, 306, 311–323, 325–327, 330–333, 335–337, 340, 343, 345, 348, 350, 351, 354, 356, 358, 366, 374, 377, 381–383, 385, 387, 391, 392, 394–398, 400–402, 405, 407, 413–419, 427–433, 437–439, 455, 456, 469, 502, 549, 553, 557–563, 565, 566, 569, 570, 572, 573, 576, 581, 588, 598, 599, 593, 594, 596–599, 603, 614, 639, 641, 643, 644, 646–648, 650, 651, 656, 657
 Волза – 236, 299, 316, 373
 Волин – 162, 303, 304
 Волость Пуреша – 376
 Волхов – 302, 303, 306, 309
 Ворон – 326
 Воронеж – 326
 Ворскла – 453
 Восток – 5, 32, 60, 62, 64, 66, 68, 72, 77, 143, 145, 150, 158, 162, 175, 176, 185, 195, 240, 247, 274, 275, 286, 288, 292, 294, 295, 297, 299, 302, 303, 305, 306, 310, 311, 315, 317, 320, 323, 327, 328, 343, 345, 354, 356, 566, 570, 573, 583, 590, 591, 597, 598, 600–604, 613, 638, 639, 648, 657, 658
 Восточная Европа – 3, 4, 14, 16, 17, 19–24, 32, 34, 36, 38, 42, 64, 66, 68, 72, 92, 93, 95, 101, 118, 121, 122, 125, 127, 128, 131, 134, 147, 164, 165, 167, 169, 173, 174, 179, 237, 246, 259, 273, 289, 292–295, 297, 299, 302–306, 308–311, 313–315, 318, 323, 330, 331, 336, 338, 341–343, 345, 366, 369, 381, 383, 394, 413, 414, 450, 455, 457, 479, 484–486, 491, 492, 496, 498, 503, 511, 519, 544, 553, 557, 566, 590, 593, 594, 603, 609, 645, 652, 653, 655–658
 Восточноевропейская степь – 21, 23, 45, 47, 116, 147, 458, 466, 493, 520
 Восточно-кыпчакский улус – 472
 Восточнотюркский каганат – 41, 484
 Восточный каганат – 96, 507
 Восточный улус – 478
 Воя – 393
 Второе Болгарское царство – 48
 Второй Восточнотюркский каганат – 97, 98, 483, 484
 Второй Тюркский каганат – 97, 654
 Выдубыч – 28
 Вычегда – 101, 105, 106, 114, 385, 392, 404
 Вычегодский край – 391
 Выша – 429
 Вышгород – 322
 Вятка – 103, 104, 107, 126, 135, 136, 247, 259, 260, 302, 327, 329, 378, 383, 386, 387, 389, 390–394, 417, 433, 435, 444, 497
 Вятская губерния – 9, 126, 302, 557
 Вятская земля – 106, 114, 327, 390, 393, 394
 Вятско-Камский край – 5, 105, 378, 387
 Вятско-Камское междуречье – 102, 105, 395
 Гаган (Алаколь) – 465, 471
 Газза – 546
 Газна – 146, 544, 561, 570, 573
 Галактионово – 189
 Галлия – 52, 642
 Ганьсу – 652
 Гаочан – 505
 Гауширма – 175
 Гелон – 197
 Генуя – 546
 Германия – 31, 302
 Гибралтарский пролив – 52
 Гиппийские горы (Конская гора) – 44
 Гйгсу (Хягасы) – 484
 Глазов – 557
 Глазовский район – 392

- Гледень – 393
 Гоби – 461
 Голландия – 302
 Голландское озеро – 264
 Гомель – 322
 Гомельская область – 321
 гора Каф – 567
 Гордино – 104, 383
 Городец – 316, 325, 373, 375
 Городец-на-Волге – 323
 Городище – 188, 189
 Городок – 193
 горы Тагура – 467
 Готланд – 296, 303, 310, 332
 Греция – 42, 115, 573, 607
 Гробини – 303
 Гродно – 245
 Грузия – 71, 75, 355, 370, 478, 495
 Гузская степь (Дешт-и Огуз) – 454, 455, 457
 Гумик (Кази-Кумух) – 83, 85
 Гуннская держава – 36
 Гуннская империя – 36, 47
 Гюбечи (Зерихгеран) – 72
 Д.н.к.с. – 84
 Давлеканово – 416
 Дагестан – 26, 60, 61, 62, 65–69, 75–77, 147, 609
 Дайр ал-Джамаджем – 528
 Дальний Восток – 262, 491, 542
 Дамаск – 63, 66, 71, 309, 310, 535, 547, 565
 Дамсакей – 590
 Дания – 162, 179, 295, 296, 303
 Даоми – 484
 Дарвак – 71
 Дарьяльский проход (Баб ал-Лал) – 76
 Дарьяльское ущелье – 75
 Дастакерд – 41
 Дасткард – 523
 Двина – 302, 315, 325, 393
 Дебесский район – 379
 Девелт – 56
 Дейлем – 86
 Дема – 412, 415
 Дербендский эмират – 73
 Дербент (Дербенд) – 60, 62, 64, 65, 66–69, 71–74, 76–88, 302, 303, 309, 315
 Дербентский проход (Каспийские ворота, проход Чора, проход Джорский) – 63, 62, 67, 76,
 Дерпуш – 71
 Десна – 311, 315, 326
 Дешт-и Кыпчак – 371, 472–478, 480, 481, 494, 503, 520, 655
 Дешт-и Татар (Татарская степь) – 652
 Дешт-и Хазар – 480
 Дж.мр.дж (Хумзах) – 83
 Джавшыз – 175
 Джавшыр – 145, 552, 575
 Джазира – 66, 67
 Джаик (Урал) – 363
 Джамлекес – 465
 Джамсаран (Б.Черемшан) – 175
 Джарамсан – 175
 Джаушыз – 175
 Джаушыр (М.Черемшан) – 174, 175, 176
 Джиль – 86
 Джолман (Чулман) – 328, 329, 399, 402
 Джукетау – 10, 15, 113, 134, 135, 152, 155, 156, 189, 190, 191, 206, 240, 243, 244, 245, 284, 449, 581, 599, 605
 Джулман (Голман) – 114
 Джунгарские ворота – 462
 Джунгарский хребет – 459, 466
 Джурджан – 86, 87, 302, 303, 307, 312
 Джурджан (Аральское море) – 452
 Джурджания – 503, 548
 Джурджанское море (Каспийское море) – 307
 Джурзан (Грузия) – 75
 Дзосотын-Элисун – 484
 Дибгаши – 84
 Дик.ш – 80, 84
 Дикое поле – 520
 Димйат – 538
 Днепр – 43, 45, 47, 48, 58, 101, 311, 315, 325, 326, 453, 457, 480, 492, 493, 496
 Днепровская орда – 496
 Днестр – 48, 120, 453, 472, 480, 493
 Добруджа – 49
 Дон – 8, 36, 40, 42–46, 89, 122, 124, 126, 305, 307, 309, 311, 315, 323, 326, 492, 495, 515, 542, 557, 559, 655
 Донская орда – 496
 Дорестад – 303
 Дорогуча – 445
 Драва – 58
 Древнехакасское государство – 396
 Дрониха – 279
 Дружно – 303
 Дуна – 46
 Дунай – 6, 43, 45–50, 53, 54, 58, 59, 119, 120–122, 138, 165, 396, 458, 565, 618, 656
 евразийские степи – 6, 15, 19, 21, 34, 36, 557, 93, 94, 144, 148, 498, 504, 510, 517
 Евразия – 3, 19, 45, 89, 92, 95, 138, 225, 289, 299, 309, 330, 331, 345–347, 396, 451, 482, 491–493, 504, 511, 512, 514, 515, 517, 519, 548, 578, 592, 594, 597, 604, 606, 607, 614, 619, 651, 652, 657
 Европа – 8, 9, 15, 20, 41, 52, 57, 58, 123, 125, 130, 294, 299, 304, 310, 327, 336, 337, 350, 364, 381, 439, 444, 472, 503, 530, 535, 537, 538, 542, 547, 594, 595, 599, 609, 622, 627, 629, 630, 650
 Европейская Печенегия – 453, 456, 513
 Евфрат – 534
 Египет – 38, 40, 64, 66, 114, 313, 353, 479, 522–526, 528, 532, 534, 537, 538, 543, 545, 546, 566, 585, 586
 Елабуга – 197–200, 581, 657
 Елагин – 91
 Елшанка – 165, 279
 Енисей – 93, 94, 96–98, 483, 484, 505, 508
 Ергень – 43, 44
 Еруслан – 499, 501, 503
 Жаик (Урал) – 467, 468, 474
 Желтое море – 504
 Жигулевские горы – 134, 136, 497
 Жуань-жуаньский каганат – 93
 Жубин – 7, 470
 Жужаньское государство – 506
 Жукотин – 10, 189, 190
 Жукоть, Жукотинка – 189
 Забайкалье – 483, 486, 505, 509
 Заволжская Печенегия – 413, 416, 417, 454–456
 Заволжские степи – 498
 Заволжье – 124, 134, 342, 364, 371, 413, 416, 417, 453–455, 496, 498–503, 652, 653, 656
 Загор – 51, 53
 Зай – 135, 260, 417, 581, 582, 630
 Закавказье – 60, 63, 64, 66, 68–71, 73–75, 80, 86, 88, 216, 225, 274, 311–315, 336, 529, 592, 599, 613
 Закамье – 5, 124, 129, 134, 135, 155, 163, 227, 229, 234, 236, 237, 277, 278, 279, 408, 554, 629, 646
 Запад – 195, 288, 299, 302, 303, 305, 306, 311, 315, 327, 328, 343, 503, 545, 602, 657
 Западная Европа – 3, 9, 45, 52, 107, 140, 145, 167, 237, 273, 193, 197, 311, 313, 322, 324, 330, 334, 343, 356, 536, 539, 541, 546, 590, 622
 Западносибирская равнина – 97, 482
 Западнотюркский каганат – 41, 45, 71, 116, 452, 459, 462, 484, 485, 487, 507, 592, 597, 607, 653
 Западный дом Вэй – 94

- Западный каганат – 96, 97, 507
 Запорожская область – 511
 Зарикаран – 83, 85
 Зауралье – 18, 106, 123, 124,
 260, 323, 327, 330, 331, 332,
 333, 347, 392, 395, 404, 408,
 414, 415, 647, 648
 земля Чулымская – 134
 Зенджан – 312
 Зеравшан – 352
 Золотая Орда – 23, 133, 144,
 145, 170, 173, 192, 201, 262,
 271, 321, 326, 383, 501, 562,
 580, 607, 609, 614, 626, 638,
 648, 650, 657
 Зюздинский край – 378
 Иберия – 63
 Ибрагим (Бряхимов) – 174
 Ибыр – 328
 Ивановская область – 113, 448
 Иерусалим – 40, 522, 523, 525,
 528, 545, 546
 Иерусалимское королевство –
 545, 546
 Иж – 328, 329, 386, 392
 Измери – 162, 227, 282
 Ик – 135, 259, 260, 409, 416
 Илек – 455, 474
 Илеть – 433
 Или – 484
 Илийская долина – 242
 Ильмень – 302
 Имекия (Кимекия) – 460, 463,
 470
 Именьково – 558
 Империя Тан – 484
 Ингельгейм – 306
 Индия – 125, 192, 243, 313, 318,
 475, 522, 542–544, 562, 566,
 570, 581, 599
 Индостан – 632
 Иньва – 154, 204, 328, 329, 330,
 395, 402, 407
 Иня – 90, 91
 Иордания – 66
 Ирак – 66, 71, 77, 302, 311, 437,
 526, 529, 531, 533, 534, 537,
 538, 543, 546, 561, 562, 566,
 571, 573
 Иран – 64, 217, 302, 311, 313,
 314, 318, 322, 330, 331, 408,
 412, 437, 504, 506, 522–524,
 526, 528, 531–535, 537, 538,
 544, 546, 548, 566, 570, 592,
 597, 599, 601, 607, 613, 653
 Ирень – 411
 Иртыш – 89, 91, 95, 98, 118, 138,
 332–334, 408, 461, 462, 463,
 465–467, 486, 469, 470, 473,
 474, 477, 485, 487, 489, 509,
 655, 656
 Исеть – 395
 Исил – 497
 Иски Казань – 286
 Искодар – 590
 Испания – 396, 551, 573, 617
 Иссык-Куль – 542
 Истополь – 189
 Ису – 102, 106, 114, 326, 327
 Исфакан – 312
 Италия – 46, 545
 Итиль – 76, 81, 83–87, 131, 132,
 165, 303, 305–309, 311, 315,
 370, 371, 550, 551, 576
 Итиль-река – 84, 87, 102, 132,
 167, 175, 177, 178, 180, 289,
 307, 398, 413, 467–469, 472–
 474, 553, 599, 627
 Итле – 578
 Иша – 95
 Ишим – 89, 474
 Йагсун-йасу – 468
 Йамама – 523, 524
 Йаргу – 68
 Йармук – 524, 525
 Йасриб (Медина) – 522
 Йорк – 303
 Йура – 102, 103, 106, 114, 317,
 326–329, 331, 399, 404
 К.р.дж – 83, 85
 Кабах – 78, 83
 Кавказ – 22, 38, 43, 44, 60–69,
 72, 74–83, 86, 88, 123, 146,
 225, 243, 278, 305, 310, 330,
 388, 391, 399, 410, 412, 568,
 610
 Кавказская Албания – 63, 64,
 69, 71
 Кавказский хребет – 65
 Кадисия – 524, 525
 Кадом – 432
 Казанка – 136, 162, 194, 195,
 433, 630
 Казанская губерния – 9, 10, 181
 Казанский кремль – 16, 153,
 611, 619
 Казанское ханство – 4, 7, 18,
 104, 11, 143, 199, 200, 201,
 369, 572, 580, 603, 609, 614,
 650
 Казань (Казан, Kuzon) – 3, 9–11,
 13, 15, 17–19, 107, 108, 110,
 156, 162, 181, 194, 195, 303,
 314, 319, 325, 581, 582, 603,
 657
 Казахская степь – 22
 Казахстан – 91, 92, 239, 240,
 242, 262, 284, 459, 460–462,
 468, 470–472, 474, 475, 478–
 480, 482–486, 488, 490, 491,
 499, 500, 501, 505, 517, 597,
 610, 616
 Казырык – 95
 Каир – 525, 541, 548
 Кайраван – 529, 534
 Кайсери – 589
 Кайтаг – 72, 81
 Калач – 302
 Калбинский хребет – 468
 Калка – 165, 362, 656
 Кама – 8, 15, 17, 46, 101, 102,
 104–107, 115, 120, 122, 124,
 126, 129, 134–136, 152, 154,
 162, 163, 167, 170, 175, 189–
 191, 193, 196, 198–200, 203,
 227, 229, 236, 237, 253–255,
 259, 272, 289, 290, 295, 299,
 302, 311, 312, 314, 315, 323,
 327–330, 332, 373–375, 378,
 383, 385, 386–388, 391, 392,
 395–399, 403, 408–412, 415,
 416, 438, 497, 499, 517, 558,
 566, 567, 581, 630, 657
 Камах – 71
 Камско-Вятское междуречье –
 386, 388, 389
 Канга – 653
 Кангюй – 452, 484
 Карагайский район – 203
 Каракалпакия – 246
 Каракия (Каркия) – 497
 Каракорум – 328, 658
 Карантия – 465
 Каратау – 285, 457
 Карах (Уркарах) – 83, 84, 85
 Караханидский каганат, госу-
 дарство – 544, 627
 Кардост – 123
 Карелия – 113
 Карино – 106, 114
 Карпаты – 41
 Карфаген – 526
 Каспий – 86–88, 131, 175, 302,
 307, 311, 315, 467
 Каспийское море – 21, 44, 86,
 132, 178, 180, 299, 302, 303,
 307, 315, 455, 467, 468, 472–
 474, 542, 566, 599
 Кастр – 497
 Касьяма – 92, 488
 Каупанг – 303
 Кахтан – 69, 79, 83, 84
 Кашан – 10, 135, 136, 152, 156,
 192, 193, 194, 313, 599
 Кашгар – 370
 Кашенка – 322, 325
 Кашкадарья – 352
 Кезский район – 379
 Кемеровская область – 90
 Кенджек Сенгир – 473
 Кербела – 527
 Керулен – 461
 Киев – 5, 17, 22, 23, 30, 32, 131,
 152, 189, 302, 311, 315, 316,
 319, 321–326, 329, 374, 418,
 426, 427, 454, 458, 494, 495
 Киевское княжество – 372
 Киевщина – 325
 Кижеватово – 420
 Килевка – 189, 191
 Кильмезь – 105, 386, 391, 392
 Кильна – 195, 201

- Кимакский каганат, государство – 5, 91, 98, 355, 371, 459, 462–466, 479, 485, 487–489, 491, 498, 652, 654, 656
- Кимакское море (Каспийское море) – 464
- Кимекия (Кимакия) – 460, 463, 464, 465
- Киннасерин – 66
- Кипр – 33
- Киргизстан – 505
- Кирменчук – 10, 153
- Кировская область – 114, 126, 378, 391, 392
- Китай – 41, 42, 125, 243, 303, 315, 465, 466, 487, 498, 504, 505, 506, 542, 599, 607, 652
- Кичкилейкой – 188
- Клещин – 303
- Клязьма – 302, 324, 326
- Княжая гора – 322
- Кобдо – 459
- Когильник – 453
- Колбжег – 303
- Коми-Пермяцкий округ – 405
- Константинополь – 32, 36, 38, 41, 42, 46, 48, 50–54, 57–59, 64, 86, 87, 306, 316, 529, 543, 545, 655
- Конья – 492, 572, 589
- Корчев – 495
- Костромская область – 113, 448
- Костромской край – 448
- Котельнич – 393
- Которосль – 302
- Кохтля – 297
- Кошанская гора – 192
- Красково – 518
- Красное море – 542, 546
- Красное селище – 434, 446, 450
- Красный баран – 325
- Круглый город (Багдад) – 533, 543
- Крутая Гора – 189
- Крым – 38, 43, 120, 216, 225, 278, 287, 305, 311, 408, 410, 494, 587, 594, 609, 655
- Ктесифон – 523, 524, 538
- Кубань – 42–44, 305, 494, 623
- Кузбасс – 91
- Кузнецкая котловина – 92, 483, 486, 488, 489, 491
- Кузнечиха – 10, 180, 181
- Куйаб (Киев) – 316
- Кулундинская лесостепь – 89, 469
- Кумания – 467
- Кунгурско-Месягутовская лесостепь – 409, 411, 414
- Куны-Ургенч – 246
- Кура – 69, 71, 74
- Курналинка – 229
- Кутлушкино – 175
- Куфа – 66, 525–529, 531–533, 535, 538
- Куфис, Кофис (Кубань) – 43, 44
- Куяб – 311, 312
- Кызыл-Тас – 334
- Кыпчакское ханство – 473, 477, 479
- Кыргызский каганат – 98, 355, 487
- Кыркырман – 465, 468
- Ладога – 126, 127, 162, 303, 304, 306, 309, 310
- Ладожская волость – 309
- Ладожское озеро – 302
- Лаж – 445
- Лаишев – 298
- Лаишевский район – 192, 558
- Лакз – 75, 83
- Латвия – 303
- Лебедевка – 610
- Лебяжский район – 392
- Леведия (Лебедея) – 396, 453
- Левунион – 458
- Ледовитый океан – 566, 567
- Лениногорский район – 557
- Летка – 393
- Лимож – 332
- Лукоморская орда – 496
- Ляо – 465, 654
- М.раф.са – 80
- М.Сульча – 152
- Мавераннахр – 146, 303, 313, 371, 413, 457, 532, 547, 566, 590, 656
- Магас – 83
- Магна Хунгария – 124
- Магриб – 533, 566, 585, 586
- Мадагаскар
- Мадар
- Мадинат ас-салам, Город благополучия (Багдад) – 532, 543
- Майкар – 403, 406
- Македония – 50, 53–55, 58, 458
- Маклашеевка – 578, 617
- Малайзия – 542
- Малая Азия – 50, 52, 60, 148, 522, 544, 545, 547, 577, 583, 587, 590, 607, 653
- Малая Кокшага – 389
- Малая Сундырь – 445
- Малмыжский уезд – 392
- Малопургинский район – 392
- Малый Узень – 474
- Малый Черемшан – 11, 134, 137, 160, 163, 169, 174, 176, 227, 229, 554, 646
- Мальдивские острова – 298
- Мамлюкское государство – 481
- Мангыстау – 472–474
- Мангышлак – 87
- Манис – 571
- Манкур – 479
- Манцикерт – 544
- Маньч – 492
- Маньчжурия – 487
- Марджан – 580
- Марийская АССР – 557
- Мари-Турекский район – 392
- Маркели – 53
- Марокко – 529, 533
- Марцианополь – 48
- Мастр – 497
- Махачкала – 48
- мегали Булгария, *Vulgaria est magna* (Великая Булгария) – 42
- Медведица – 495
- Медина – 522–524, 526, 527, 533, 534, 536, 573, 627
- Мезия – 49
- Мекка – 117, 150, 170, 198, 226, 401, 416, 522, 523, 527, 528, 534, 573, 627
- Меленка – 170
- Менцлин – 303
- Меотидское море (Азовское море) – 43
- Мерв – 529, 531, 548, 561, 573
- Мервский оазис – 531
- Месемврия – 56
- Месопотамия – 64, 333, 523, 532, 537, 538, 545, 548
- Месягутовская лесостепь – 409
- Меша – 136, 227
- Мешхед – 21
- Мешера – 100, 114
- Миасс – 409
- Мин – 523
- Минусинская котловина – 90, 98 466, 504, 508, 509
- Миср (Египет) – 353
- Митеи – 71
- Михалево – 406
- Мокша – 136, 375, 418, 421, 423, 426, 427, 429, 4331, 432
- Монголия – 408, 452, 459–461, 483, 486, 487, 504–507, 597, 652, 654
- Монгольская империя – 32, 170, 483
- Моравия – 59
- Моравское княжество – 59
- Мордовия – 32, 375
- море Мраков – 103, 368, 399, 567
- Москва (Musko) – 15, 30, 107, 110, 322, 323, 325, 650
- Московское княжество – 4
- Мосул – 66, 67, 71, 571
- Мраморное море – 544
- Мста – 302
- Мугоджары – 413, 456, 467
- Мукан – 86
- Мурзиха – 192
- Мурзихино – 558
- Муром – 28, 302, 303, 316, 323, 324, 361, 364, 372, 374, 429

- Муромский городок – 11, 15,
 117, 135, 154, 161, 184–187,
 206, 210, 214, 222, 223, 226,
 240, 245, 250, 253–255, 257,
 258, 262–264, 269, 284, 286,
 290, 295, 314, 455, 591, 599,
 611, 657
 Муромское княжество – 432
 Мусорка – 341
 Наджд – 524
 Намюр – 295
 Наровчат – 133
 Наручад – 432
 Нарын-Кала – 72
 Нева – 302
 Недао – 622
 Немда – 445
 Немецкая марка – 59
 Нерль – 326
 Нидарос – 303
 Нижегородско-марийское По-
 волжье – 101
 Нижнекамск – 630
 Нижний Новгород – 7, 376, 432
 Нийасна (Бездна) – 175
 Никея – 544
 Никулицын – 393
 Гинд (Индия) – 581
 Ниневия – 41, 523
 Нисабур – 290, 296
 Нисибин – 528
 Нихавенд – 524
 Нишапур – 369, 553, 561, 573
 Новгород (*Hólmgarðr*) – 103,
 106, 114, 131, 296, 303, 320,
 322–324, 325, 347, 570
 Новгород Северский – 495
 Новгородская земля – 392
 Новгородчина – 319, 447
 Новосибирская область – 90
 Ново-Торьяльский район – 392
 Новые Дубовики – 310
 Норвегия – 179, 303
 Нукрат (Вятка) – 329
 Нура – 474, 545
 Нуриджан – 432
 Нурлатский район – 179
 Ньюиничи – 323
 Обва – 154, 203, 328–330, 395,
 398, 402, 403, 405, 407
 область Хазар – 43, 84
 Общий Сырт – 260
 Обь – 89, 90, 94, 95, 100, 103,
 331–334, 484, 486, 489, 491
 Оггос, Онггос – 48
 Огузская держава – 459
 Одесос – 48
 Ока – 7, 8, 101, 114, 136, 162,
 236, 302, 303, 307, 311, 315–
 317, 324–326, 373, 374, 418,
 420, 423, 426, 429, 431, 432
 Оковский лес – 299, 316
 Олонец – 113
 Олонецкий край – 113
 Ольвия – 609
 Ордос – 484
 Орель – 453, 492
 Оренбург – 260
 Оренбургская область – 412,
 502, 616
 Орхон – 452
 Оршанский район – 392
 Отюкенская чернь (Хангай) –
 461
 Охрид – 59
 Охус – 303
 Очер – 378
 Ошель (Ашлы) – 7, 10, 135–137,
 146, 154, 156, 161, 164, 195,
 196, 206, 237, 240, 303, 314,
 355, 361, 366, 374, 375, 599,
 634, 657
 Оять – 323
 Павикен – 303, 309
 Пакистан – 571
 Палермо – 306
 Палестина – 32, 64, 66, 524, 528,
 529, 534, 535, 545, 546
 Палласовский район – 455, 456
 Паннония – 40, 46, 120, 128,
 414, 549, 622, 623, 653
 Пантикапей – 606, 609
 Парфия – 522
 Патрия Оногория – 44
 Пенза – 15, 33, 326
 Пензенская область – 14, 15,
 133, 136, 188, 206
 Первое Болгарское царство – 6,
 48, 49, 54, 165, 565
 Первый Тюркский каганат –
 94–96, 331, 485, 504, 506
 Переволока – 315
 Передний Восток – 333, 369,
 590
 Передняя Азия – 148, 330, 311,
 315, 457, 458, 554, 607
 Переяславль – 495
 Переяславль Суздальский – 29
 Переяславль Южный – 28, 374
 Переяславль-Залесский – 303
 Переяславское княжество – 458
 Пермская область – 115, 203,
 329
 Пермь – 15, 33
 Пермь Вычегодская – 386, 403
 Персидский залив – 523, 534,
 542
 Персия – 38, 42, 381
 Печенежские горы (Жигулев-
 ские) – 497
 Печора – 315
 Пешт – 32, 163
 Пижанский район – 392
 Пижма – 393
 Пинский район – 392
 Пиренеи – 529
 Пиренейский полуостров – 64,
 529
 Плато Устюрт – 315, 411, 455
 Плиска – 48, 50, 58, 165, 565
 Плюска град – 48
 Поветлужье – 391, 448
 Поволжье – 5, 11, 17–19, 22, 23,
 100–102, 104, 108, 109, 115,
 116, 118, 125, 126, 145, 162,
 194, 199, 225, 237, 238, 245,
 278, 291, 308, 309, 311, 315,
 321, 323, 331, 336, 338, 339,
 369–372, 374, 376, 381, 382,
 384, 391, 418, 422, 423, 425,
 433, 434, 436, 438, 441, 444,
 446–450, 453, 465, 472, 473,
 478, 491, 496, 498, 499, 515,
 522, 538, 542, 548, 550–553,
 556, 559, 566, 583, 584, 587,
 592, 600, 610, 611, 621, 622,
 624, 626, 628, 637, 638, 656
 Поволховье – 162, 315
 Пovyчегодье – 383
 Подвинье – 392
 Подгоры – 117
 Подлужное – 518
 Поднепровье – 17, 323, 326,
 494, 497
 Подонье – 14, 118, 120, 123,
 126, 128, 146, 237, 279, 309,
 356, 549, 618, 623, 624, 647,
 653
 Подунавье – 122, 549, 594, 623,
 653, 655
 Пол – 379
 Поле – 302
 Половецкая степь – 458, 480,
 518
 Половецкое Поле – 493, 494,
 496, 520
 полуостров Ямал – 333
 Польша – 179, 297, 338
 Понтийское море – 36, 44
 Поочье – 423
 поселение Ага-Базар – 230, 314
 Посурье – 131, 133, 182, 227,
 375, 376, 418, 423, 424, 426,
 427, 429–432, 553
 Потешье – 425
 Прага – 295
 Предволжье – 136, 196, 227,
 236, 554, 591, 637, 646
 Предгорье – 67
 Предкавказье – 32, 36, 45, 65,
 493, 549, 621, 623, 624, 653
 Предкамье – 135, 199, 200, 227,
 229, 230, 449, 553, 554, 637,
 646
 Предуралье – 5, 100, 103, 104,
 108, 154, 156, 162, 327, 328,
 330, 395–398, 401–407, 410,
 416
 Преслав – 57–59, 165, 565
 Приазовье – 13, 38, 43, 45, 120,
 123, 127, 128, 137, 160, 305,
 412, 519, 579, 592, 610

- Приаралье – 369, 410, 417, 452, 466, 457, 473, 474, 479, 480, 652–655
- Приаральские степи – 459
- Прибайкалье – 505
- Прибалтика – 100, 195, 297, 315, 317, 318, 320, 321, 324, 326, 439, 566, 594, 599
- Приволжская возвышенность – 134, 136
- Приднепровская орда – 496
- Приднепровье – 41, 128, 455, 655
- Приветфратье – 524, 534
- Прииртышье – 89, 91, 93, 96–98, 333, 334, 438, 457, 459, 461, 466, 469, 470, 482, 483, 485–487, 491, 501, 509, 510, 654
- Прикамье – 5, 14, 18, 22, 68, 101, 102, 104, 105, 114, 117, 123, 125, 128, 133, 172, 198–200, 204, 227, 245, 247, 250, 253, 258–260, 272, 284, 293, 310, 315, 317, 319, 327, 328, 330–333, 347, 370, 375, 378, 383, 385, 387, 388, 390, 391, 395–399, 403, 405–407, 411–414, 416, 417, 456, 503, 550, 553, 557, 568, 592, 619, 622, 647, 648
- Прикаспий – 39, 63, 66, 68, 69, 75, 80, 84, 87, 88, 302, 454, 466, 475
- Прикаспийская низменность – 43, 299, 454
- Прикаспийские степи – 467, 472, 479
- Прикубанье – 41, 116, 610
- Приладожье – 162, 315, 391, 605
- Примокшанье – 133, 418, 426, 427, 430, 432
- Приморская равнина – 83
- Приморье – 67
- Приобье – 89, 90–98, 331–333, 336, 402, 405, 407, 482, 484, 486, 489, 490, 491
- Притомье – 96–98, 334, 486, 489, 491
- Притяньшанье – 93, 484, 485, 487, 508
- Приуралье – 17, 18, 109, 134, 138, 237, 238, 259, 260, 277, 284, 297, 317, 332, 333, 382, 384, 408, 410–417, 422, 423, 425, 433, 434, 436, 444, 446, 447, 449, 453–455, 462, 467, 473, 496, 498, 499–503, 515–519, 592, 600, 628, 630
- Приуральские степи – 498
- Причерноморско-Приазовские степи – 41
- Причерноморье – 36, 38–41, 43, 45, 47, 91, 109, 124, 128, 241, 278, 322, 341, 388, 391, 410, 417, 432, 453, 478, 480, 504, 549, 592, 594, 606, 609, 610, 623, 653, 655, 656
- Причумылье – 89, 97, 334, 491
- Пронск – 322, 325
- Прс (FRS) – 87
- Пруссия – 388
- Псевхрос – 44
- Псков – 324, 325
- Пур – 334
- Пургасова волость, Русь
Пургасова – 375, 376, 432
- Пустыня гуззов – 455
- Пьяна – 375, 432
- Пюки (Реусе) – 48
- Пянтег – 406
- Ральсвик – 303, 309
- Рауда – 570
- Рей – 302, 303, 313
- Рейн – 334
- Рейнская область – 304
- Рерик – 309
- Рёрик (Мекленбург) – 303
- Республика Марий Эл – 391, 392
- Республика Татарстан, РТ, Татарстан – 3, 5, 6, 11, 13–15, 19, 23, 33, 119, 134, 136, 137, 170, 175, 181, 179, 180, 192–196, 200, 201, 229, 250, 290, 297, 386, 389, 409, 410, 557, 558, 578, 617
- Рибе – 303, 309
- Рим – 32, 302, 604
- Римская империя – 46, 107, 522, 530, 622
- Родопи – 58
- Российская Федерация – 113
- Россия – 4, 6, 7, 10, 19, 20, 23, 31, 199, 307, 308, 310, 311, 473, 651, 657
- Ростов – 302, 303, 323–325, 373
- Ростово-Суздальское княжество – 392
- Рось – 306, 458
- Рум – 87, 178, 589
- Румийское море – 307
- Румский (Конийский, Сельджуковский) султанат – 589
- Румское море – 307
- Румыния – 54, 55
- Русская равнина – 134, 299, 302, 311
- Русское государство – 7, 30, 307
- Русь – 3, 4, 5, 10, 12, 17, 24, 28, 30–32, 75, 101, 105, 107, 108, 127, 128, 131, 141, 143, 144, 167, 187, 195, 199, 236, 242, 257, 258, 271, 272, 293, 295–299, 302, 306, 308, 310–327, 329, 336, 336, 339, 342, 349, 350, 354, 355, 359, 361, 362, 364, 370–373, 375, 376, 391–393, 399, 418, 419, 429, 432, 437, 439, 444, 448, 453, 455, 458, 478, 492–494, 496, 511, 553, 558, 561, 562, 565–567, 579, 594, 599, 603, 635, 642, 645, 648, 653, 655, 658
- Ручиб – 405
- Рыбнослободский район – 200, 558
- Рюген – 303
- Рязанская земля – 322, 496
- Рязанское княжество – 4, 429, 432, 495
- Рязань – 316, 325, 374
- Сагыз – 474
- Саджин – 317
- Саджин – 178
- Сакмара – 501
- Саксин – 132, 298, 311, 370, 371, 473, 493, 553, 555, 566, 633, 635, 656
- Салехард – 331
- Салманы – 62, 129
- Сальтвик – 303
- Самандар (С-м-н-д-р) – 75, 76, 77, 78, 79, 83–87
- Самандское государство – 294, 296, 544
- Самара – 33
- Самара-река – 8, 136, 492, 496, 501
- Самарканд – 290, 296, 312, 452, 548, 551, 560, 561, 573
- Самарра – 534
- Самарская губерния – 341
- Самарская Лука – 15, 116, 124, 136, 138, 154, 156, 157, 184, 240, 241, 250, 412, 413, 417, 455, 495, 553, 591, 620
- Самарская область – 8, 117, 119, 136, 501
- Самарское Заволжье – 134
- Самур – 69, 75
- Санкт-Петербург – 29
- Сарабиккулово – 557
- Сарай – 474
- Сарайчик – 477
- Сарапул – 329
- Саратовская область – 455, 495, 499, 501, 519
- Сарир – 66, 75, 78, 79, 80, 81, 83–85
- Саркел – 15, 303, 309, 371, 457, 495, 511–515, 565, 600, 606, 612
- Сарматия – 44
- Сары-Су – 474, 655
- Сасанидская империя – 524
- Сауран – 469
- Сахиб ас-Сарир – 75
- Саяно-Алтай – 92, 93, 95, 97, 486, 489, 505, 506, 507
- Свияга – 136, 154, 196, 201–203, 227, 236
- Себезвар – 146, 369, 553, 573

- Север – 100, 103, 327–329, 398, 399, 407, 566, 567, 599
- Северная Болгария – 49
- Северная Европа – 5, 17, 20, 125, 127, 179, 292, 294, 299, 304, 308, 310, 313, 330, 332
- Северное море (Каспийское море) – 302, 452
- Северный Кавказ – 5, 18, 44, 60–62, 64, 76, 109, 120, 128, 237, 313, 371, 410, 412, 473, 492, 452, 549, 579, 592, 603, 610, 623, 655
- Северо-Восточная Европа – 8, 647, 648
- Северский Донец – 305, 315, 323, 453, 492, 494, 495, 519
- Селенга – 452
- Селивкия – 538
- Селигер – 302
- Селижаровка – 302
- Сельджукское государство – 141, 458
- Семендер – 67–69, 76, 81, 84, 303
- Семиречье – 96–98, 334, 459, 466, 472, 484, 485, 487, 492, 505, 506, 544, 623
- Сенегал – 542
- Сердика (София) – 55
- Серенск – 322, 325
- Серир – 72, 84
- Сернурский район – 392
- Сеяньтоский каганат – 484
- Сибирь – 328, 399
- Сибирский юрт – 491
- Сибирь – 6, 89–95, 97, 98, 107, 114, 198, 318, 327, 330–334, 396, 407, 408, 410, 462, 469, 473, 482–484, 486, 489, 491, 505, 509, 510, 566, 581, 597, 599, 600, 605, 613, 625, 652, 653
- Сива – 329, 378
- Сивар (Сувар) – 177
- Сивас – 589
- Сийах-кух – 87
- Сим – 409
- Симбир – 152
- Симбирская губерния – 9, 132
- Синд – 313, 543
- Синьцзян – 505
- Синьцзян-Уйгурский район – 505
- Сирия – 38, 52, 64–67, 71, 313, 389, 522–524, 526–529, 531, 532, 534, 535, 538, 545, 546, 562, 566
- Сирский каганат – 483, 654
- Сирское государство – 461
- Систан – 534
- Си-Ся – 652
- Сиффин – 526
- Скандинавия – 125, 172, 299, 310, 313, 315, 317, 332, 542, 566
- Скандинавский полуостров – 332
- Скифия – 42, 43, 49
- Славиния – 53, 57
- Слободской район – 114
- Смоленск – 374
- Смолино – 503
- Советский район – 392
- Согд – 315, 411, 506, 533
- Согдиана – 408
- Соликамск – 330, 407
- Солун – 50, 55
- Солунская область – 58
- Сорочьи горы – 192
- Соуждаль (Суздаль) – 364, 372
- Спасск – 198
- Спасский район – 137, 170, 180, 571, 617
- Спасский уезд – 10, 11, 181
- Средиземное море – 546
- Средиземноморье – 522
- Среднедунайская низменность – 36, 40, 55
- Среднее Поволжье – 4, 15, 17, 18, 23, 100, 101, 103, 104, 107, 116, 119, 123, 124, 125, 127, 129–131, 134, 136, 156–158, 172, 203, 204, 206, 237, 240, 242, 244, 247, 250, 251, 253, 259, 272, 277, 278, 291, 297, 308, 311, 318, 323, 325, 330, 334, 342, 347, 372, 376, 378, 385, 387, 388, 390, 409, 410, 411, 414, 416, 418, 44, 459, 556, 557, 560, 568, 576, 580, 588, 591, 618, 621, 623, 629, 630, 646, 647, 649, 650, 653
- Средний Восток – 262, 330, 331, 354, 491, 562, 565, 591, 594
- Средний Жуз – 482, 501
- Средняя Азия – 10, 38, 39, 64, 71, 93, 95, 97, 113, 118, 123, 141, 148, 167, 176, 215–217, 221, 224, 239, 242, 243, 247, 262, 276, 278, 282, 286, 287, 290, 294, 311–317, 322, 330, 331, 369, 381, 388, 399, 408, 410–412, 437, 452, 455, 457, 465, 466, 471, 472, 476, 482, 504, 505, 510, 529, 530, 533, 538, 542, 544, 546, 548–551, 554, 559, 560, 563, 566–569, 584, 590, 602, 613, 624–626, 643, 652, 653, 656
- Средняя Волга – 4, 5, 10, 13, 14, 16, 47, 68, 100, 104, 116–118, 120, 122, 123, 128, 156, 158, 172, 216, 236, 237, 243, 277, 303, 317, 319, 395, 408, 552, 553, 577, 618, 620, 623, 629
- Средняя Цна – 423, 424, 429
- СССР – 13, 14, 15, 16, 17, 18, 68, 91, 93, 118, 165, 182, 193, 196, 200, 309, 483, 489, 490, 501
- Ст. Альметьево – 126, 297
- Ставрополье – 518
- Ставропольская возвышенность – 43
- Стара Планина – 48
- Старая Ладога – 245, 308, 310, 325
- Старая Майна – 127
- Старая Рязань – 245, 322, 429
- Стариград (Ольденбург) – 303
- Старыйдворск – 297
- Старые Нохраты – 127, 156
- Старый Свет – 566
- Степановка – 420
- степи огузов (Мазафат ал-гуз) – 472
- Степной Зай – 134, 135
- степь кыпчаков (Дешт-и Кыпчак) – 472
- степь кыпчаков (Сахра ал-хыфчак) – 472
- страна Афтакун – 402
- страна Вису – 398, 567
- страна гуннов – 63, 64, 66–68, 70–72, 79
- страна Куманов – 654
- страна Мрака – 326, 329, 331, 567, 639, 641
- страна Паскарт – 630
- страна Хамзин – 77
- страна Чулман (Джульман) – 328, 329, 399, 402
- страна Чулыманская – 328, 398, 402
- Струмская область – 55
- Сувар – 10, 12, 15, 68, 77, 101, 130, 131, 132, 134, 135, 149, 152, 155, 156, 158, 160, 161, 173, 175, 177, 178, 179, 180–184, 205, 206, 210, 221, 240, 247, 284, 285, 290, 296, 297, 303, 325, 327, 395, 396, 437, 553, 563, 591, 599, 605, 611, 624, 6410 645, 657
- Суварский эмират – 131
- Суварское княжество – 141
- Сугров – 494
- Суздаль – 32, 302, 303, 313, 319323, 325, 326, 361, 364, 372
- Суздальская земля – 157
- Сула – 453
- Сура – 8, 15, 77, 136, 154, 156, 311, 326, 375, 418, 419–421, 423, 425–427, 433, 445
- Сургут – 334
- Сурож – 495
- Сурская Шишка – 420
- Сыгнак – 457, 473, 477

- Сылва – 104, 385, 388, 395, 404, 411
 Сырдарьинская область – 297
 Сырдарья – 452, 457, 459, 462, 466, 467, 472, 474, 480, 542, 653, 654
 Сянь – 416
 Сяоми – 484
 Табаристан – 86, 312, 566
 Табарсаран – 83, 85
 Табасаран – 71, 72, 80
 Таврика – 313
 Талас – 285, 655
 Талды-Курганская область – 242
 Таманский полуостров – 43, 44, 116, 272
 Тамань – 609
 Тан – 483, 484
 Танаис (Дон) – 46, 101, 307
 Танкеевка – 227, 298
 Тара – 89
 Тараз – 473
 Тарбагатай – 459, 466, 468
 Тарбагатайские горы – 464
 Таргу – 67-69
 Тарки – 84
 Тат. Толкиш – 296, 297
 Татарская АССР, Татария – 13, 14, 363, 588, 595
 Татарский городок – 181
 Ташкент – 296, 452
 Тбилиси – 75
 Тверца – 302
 Тверь – 29
 Т-д-лу (Тарку) – 76
 Тебриз – 312
 Тегеран – 21
 Темное море – 567
 Термез – 603
 Тес – 652
 Тетюшский район – 195, 196, 201
 Теша – 418, 420, 426, 429, 431, 432
 Тивериадское озеро – 546
 Тигр – 333, 525, 534, 543
 Тимерев – 126
 Тиннис – 538, 546
 Тисса – 55, 58
 Тифлис – 75
 Тмутараканское княжество – 494
 Тмутаракань – 88, 495
 Тобол – 89, 466, 474
 Тойма – 386
 Толкишка – 228
 Томь – 90, 95, 97, 486, 491
 Топа – 570
 Топрак-Кала – 246
 Торгай – 476
 Торцк – 363
 Торческ – 493
 Торческий град – 458
 Тохаристан – 566
 Трансильвания – 55
 Трансоксания – 22
 Трапезунт – 313
 Трехсвятое – 199
 Три Озера – 175
 Триполи – 545, 560
 Троицкий Урай – 558
 Трузо – 303
 Тубылгытау – 10
 Тува – 93, 98, 486, 505, 506
 Туман – 66, 72
 Тунис – 526
 Тура – 395
 Тургайская низменность – 519
 Туркестан – 71, 93, 95, 347, 452, 459, 460, 462, 465, 466, 469, 480, 505, 506, 623, 625, 652, 654
 Турушев – 517
 Турция – 571
 Тухчин – 163, 363
 Туча – 58
 Тюрешский каганат – 97, 485, 487, 507
 Тюркский каганат – 36, 38–40, 95, 96, 145, 148, 355, 506, 557, 572, 577, 623, 625, 651–654
 Тябердино-Чаллы – 200
 Тянь-Шань – 461, 484, 485, 505, 506, 509
 Удмуртия – 17, 112, 115, 126, 245, 387, 389, 392, 397, 398, 409
 Удмуртская республика – 379, 383, 386
 Удмуртский Караул – 380
 Уза – 423, 427
 Узбекистан – 284
 Узень – 499, 503
 Уил – 474
 Уйгурский каганат – 97, 98, 355, 459, 460, 462, 486, 501, 508, 557, 572, 652
 Украина – 40, 458, 515
 Улус Джучи – 19, 145, 147, 148, 336, 572, 621, 622, 626, 648–652, 657, 658
 Улус Мухша – 650
 Улутай – 476
 Ульяновск – 15, 326
 Ульяновская область – 8, 14, 119, 136, 158, 202, 203, 206, 250, 618
 Ульяновский район – 203
 Унжу – 374
 Унинский район – 392
 Ур – 91, 96
 Урал – 32, 91, 121, 124, 138, 198, 199, 200, 250, 259, 262, 297, 327, 330–334, 336, 369, 370, 383, 395, 397, 398, 407–410, 413–416, 459, 462, 466–469, 474, 484, 486, 491, 496, 499–501, 542, 553, 566, 599, 605, 619, 629, 654, 656
 Урало-Поволжье – 495, 496, 503
 Урал-река – 132, 363, 415, 463, 467–469, 477, 479, 655
 Уральская область – 499, 501
 Уральские горы – 8, 332, 411, 417, 467, 474, 496, 566
 Урам – 175
 Уран (Урень) – 175
 Уржумка – 393
 Уржумский район – 392
 Уржумский уезд – 392
 Урочище «Святой ключ» – 176
 Урочище Ага-Базар – 177
 Усолка – 330, 399
 Усрушану – 452
 Устюг – 361, 364, 374
 Устюрт – 472, 474
 Усьва – 403, 405
 Утка – 11, 137, 152, 181
 Уфа – 409
 Уфа-река – 411, 415, 496
 Фанагория – 43, 44, 127
 Федорово – 406
 Феодосия – 609
 Фергана – 452, 529
 Филан – 75, 78
 Финляндия – 179, 273, 296, 310, 558, 599
 Финский залив – 126, 302
 Фракийская равнина – 51
 Фракия – 48, 51, 55, 56, 58, 458
 Франкская империя – 55
 Франция – 313, 545
 Фризия – 303
 Фустат – 525, 526, 529, 538, 541, 545
 Хазаран – 87, 88, 317,
 Хазария – 3, 15, 63, 64, 66, 68–70, 74–78, 87, 88, 121, 123, 127, 128, 131, 133, 165, 247, 303, 305, 306, 309, 311, 312, 315, 331, 371, 396, 397, 412, 413, 453, 454, 456, 513, 544, 550, 552, 557, 572, 592, 594, 636, 638
 Хазарский каганат – 4, 8, 9, 15, 19, 24, 34, 47, 60, 62–64, 66–69, 74, 76, 78, 79, 88, 118–122, 127, 130, 132, 137, 138, 145–148, 157, 160, 165, 199, 208, 226, 251, 259, 272, 284, 308, 314, 331, 355, 371, 412, 418, 424, 425, 452, 513, 549–551, 557, 566, 572, 576, 606, 623, 651, 653
 Хазарское государство – 315
 Хазарское море (Каспийское море) – 21, 132, 303, 566
 Хайдак – 80–82
 Хакан – 487
 Халеб – 547

- Хамзин – 66, 72
Хамлидж – 76, 77, 307
Ханаан – 586
Ханаанская земля – 586
Хангай – 461
Харпут – 589
Хвалисы – 299, 316
Хедебу – 162, 303
Хельсинки – 558
Хемус – 48, 55, 56, 59
Херсон – 38, 50, 313
Херсонес – 186, 222, 495, 609
Хетумогер – 413, 414
Хива – 590
Химейди – 71
Химса – 71
Хинган – 461
Хира – 524, 525
Хитгин – 546
Хлынов (Вятка) – 392, 393
Хобда – 474
Холмгород-Предновгород – 306
Хомс – 66
Хопер – 8, 326, 495
Хорасан – 71, 146, 192, 287, 369, 457, 526, 531, 534, 544, 554, 566, 573, 641
Хорезм – 22, 113, 114, 128, 246, 249, 265, 283, 287, 299, 302, 311–313, 315, 317, 355, 369, 408, 413, 455–457, 472, 499, 529, 542, 543, 548, 550, 566, 590, 624, 641, 656
Хосровджерд – 146, 369, 553, 573
Хужалар тауы (Гора господ) – 176
Хулаш – 156, 201, 202, 205, 222, 223, 239, 251, 253, 254, 290, 591, 599
Царство Джидан – 80–83, 85
Царство Сувар – 75
Царство Сура – 72
Центральная Азия – 36, 38, 91, 92, 94, 97, 98, 278, 303, 317, 336, 347, 412, 460, 465, , 474, 482, 483, 484, 486, 504–506, 508, 510, 551, 613, 624, 626, 652
Центральная Булгария – 338
Центральная Европа – 3, 330, 333, 338, 566
Цна – 302, 418, 421, 426, 426, 429
Цнинско-Донское междуречье – 326
Цнинско-Мокшанское междуречье – 421, 424, 425, 429
Чайковский – 329
Чаллы – 200, 201
Чалымский городок – 200
Чан – 94
Чаны – 334
Чач – 94
Чебоксары – 15, 33
Челмата – 200
Челябинск – 409
Челябинская область – 501, 519
Ченин – 455, 456, 457
Чепца – 14, 104–106, 112, 115, 122, 247, 328, 329, 378–383, 386, 388, 391, 392, 619
Чердынский уезд – 405
Чердынский район – 405, 406
Чердынский уезд – 298
Чердынь – 106
Черемисан – 164
Черемшан – 9, 11, 163, 174, 175, 179, 328, 562, 581
Черная Булгария – 32
Черная Кумания – 655
Чернигов – 495
Черниговская область – 323
Черное море – 36, 43, 48, 53, 86, 116, 317, 466, 474, 496
Черный Иртыш – 467
Черный Итиль (Кара Итиль) – 398
Чехия – 302, 518
Чингизтау – 468
Чистопольский район – 175, 179, 297
Чишли – 84
Чоркух – 590
Чу – 655
Чувашия – 14, 15, 17, 107, 136, 205
Чулман (Кама) – 328, 329, 398, 567
Чулман (Чулыман)-город – 399
Чулым – 89
Чулыман – 134, 154, 204, 327, 328, 329, 339, 398, 403, 405, 407
Чунгарс – 68
Чусовая – 329, 330, 397, 398, 404, 405
Ш.л.шли – 84
Шагльджан – 469
Шаква – 398
Шалкар – 455
Шам – 71
Шандан – 66, 78–85
Шарукан – 494
Шата – 538
Шахри Болгар – 582
Швеция – 162, 179, 296, 303, 304, 310, 332, 599, 605
Шентала – 228
Шешма – 134, 135, 227, 230, 417
Ширван – 69, 71, 73, 75, 78–80, 82–84, 86, 88
Шәһре Болгар – 577, 582
Шумбут – 200
Шуран – 192, 193
Щецин – 303
Ыбыр – 327, 399
Эгейское море – 50
Эгер – 438
Эдесское княжество, графство – 545
Эмба – 463, 467–469, 474, 479
Эрзурум – 582
Эр-Рияд – 523, 534
Эстония – 297
Этиль – 498, 630
Этиль (Волга) – 23
Юань – 483
Юг – 327, 392
Юго-Восточная Европа – 15, 19, 120, 132, 138, 467, 472, 597
Югорская земля – 407
Югра – 103, 106, 114, 331, 333, 567
Южноуральская степь – 500
Южный Буг – 43
Юйлиболи – 500
Юловка – 188
Юлово – 156, 161
Юмна (Волин) – 304
Юра – 567
Юрино – 557
Явонь – 302
Явында – 467
Яик (Урал) – 132, 136, 138, 165, 363, 371, 467, 474, 654, 655
Яранский район – 392
Ярополч Залесский – 321, 323, 325
Ярославль – 126, 303, 308, 361, 364, 373
Ярославская область – 113
Ясы – 548

Указатель этнических, этнополитических и этносоциальных терминов

- **Vas* (вепсы) – 100
ar (удмурты) – 102
baginak (печенег) – 497
basgirt (башкиры) – 497
βeps, **vepsä* (вепсы) – 100
bilers – 163
bulgar (булгары) – 497
carchat (команы) – 654
hungarians
merdas, *merduinis* (мордва) – 101
mordens (мордва) – 101, 114
moxel (мокша) – 101
muḡṣu, *irše* (мордва) – 101
odz-mort, *udmurt*, *odo-mari*
 (удмурты) – 104
suasla marā (чуваши) – 107
tartarorum (татары) – 32
turk (тюрки) – 497
vet'ke (чуваши) – 102, 103
čirmeš, *šarmās* (черемисы) – 101
vulgares (болгары) – 44
čəvaš, **jawaš* (чуваши) – 101
 абхазцы – 75
 авары – 36, 38, 39, 40, 41, 43, 55, 56, 57, 414, 622, 623
 авнагуры – 44
 аджлары – 460, 462
 ажляды – 654
 азд – 531
 азербайджанцы – 302, 481
 азкиши – 459, 480
 азы – 483
 ай/кай-оба – 655
 акациры – 622
 ак-кыпчак – 501
 алано-сарматы – 13
 аланы – 45, 70, 75, 76, 79, 119, 120, 138, 302, 412, 479, 592, 612, 622
 алберли – 655
 алп-ерли – 655
 алтай-кижи – 482
 алтайцы – 92, 481, 482
 аль-арс – 478
 англо-саксы – 115
 анджоглы – 480, 481
 анты – 45
 арабы – 4, 25, 40, 48, 50, 55, 52, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 83, 85, 119, 123, 305, 398, 412, 523–527, 528, 529, 530–533, 535, 633, 636, 641
 аргу – 624
 аргыны – 474
 арджаны – 101, 432
 армяне – 62, 64, 302, 529, 646
 арсы – 479
 ару – 101, 102
 ас-сакалиба – 25, 27, 137, 533, 552
 асы – 479, 658
 бавары – 41
 баджанак (печенег) – 479, 498
 баджинаки – 284, 452
 баджна – 479
 базанак (баджанак) – 479
 байандиры – 654
 байандур – 483, 487, 501
 байаут – 655
 баланджары (баранджары) – 623
 балкары – 481
 балты – 302, 400, 420, 428, 440, 441, 447
 барадж – 581
 баранджары – 124, 128, 137, 156, 284, 552, 588, 623, 653
 барат (барат) – 655
 барсилы – 147, 396, 623, 643, 653
 басджирты (башкиры) – 417, 497, 498
 басмылы – 480, 654
 бахдула – 137
 башдждарды (маджарды) – 138, 566
 башкиры – 33, 175, 328, 416, 417, 467, 473, 481, 497, 498, 503, 567, 616, 654
 башкурт – 479
 баяндур – 459, 460–462
 баят – 480
 бекруты – 655
 берберы – 529
 берсула – 124, 137, 161, 284, 623, 643
 бесене/песенег – 656
 бесермены/бисермины (бусур-мены, *böszörmény*) – 113
 бесермяне – 104, 112–114, 646, 649
 бзанги – 655
 билеры – 137, 161, 581
 билья – 160, 174, 581
 болгаро-аланы – 595, 607, 610
 болгары (см. также булгары) – 4, 5, 8, 16, 20, 22, 23, 31, 36, 38, 39, 41–44, 45, 46, 47, 48, 49, 50–58, 76, 101, 116, 119–123, 132, 137, 138, 143, 146, 147, 157, 158, 160, 163, 164, 174, 189, 197, 236, 237, 272, 284, 312, 316, 355, 356, 362–368, 370–376, 387, 388, 397, 410, 412, 457, 458, 543, 549, 552, 557, 572, 575, 578, 581, 592, 594, 597, 606, 607, 618, 622, 623, 644, 645, 647, 653
 болгары-кутригуры – 116
 бо-ма – 484
 бома – 92, 96, 97, 98, 484, 486
 борили – 478, 479
 брухии (бушхи) – 44
 буланолошадники (кулабаоглы) – 474, 481
 булгаро-буртасы – 650
 булгаро-татары – 19
 булгары (см. также болгары) – 3–5, 7–11, 13, 14, 16–18, 20–24, 26, 28, 29, 31–34, 36, 43–45, 87, 101, 102, 104–113, 116, 118–125, 127, 129, 130–140, 142, 143, 145–147, 150, 154, 156–158, 160–165, 169, 173–180, 183, 187, 192, 194, 196, 197, 200, 203–205, 207, 210, 212, 227, 232, 236–242, 245–249, 251, 253, 256–259, 261, 264, 265, 270–272, 278, 279, 283, 286–289, 292–297, 302, 312, 315–318, 321–323, 325–331, 337, 339–345, 347–353, 355, 356, 358–376, 382, 385, 387, 388, 395–399, 401–408, 410, 411, 417, 418, 423, 432, 433, 437, 439, 449, 455, 456, 467, 473, 496–498, 503, 543, 550–561, 564–569, 572–582, 588–590, 592–597, 599–601, 604–613, 616–620, 622–625, 629–631, 633–650, 652, 653, 656–658
 бул-г-р – 101
 бургар – 44
 бурджоглы – 479–480
 буртасы – 87, 101, 102, 130–133, 302, 353, 364, 371, 375, 376, 418, 424, 425, 432, 579, 623, 640
 бур-т-с (буртасы) – 101
 бурч-оглы – 655
 бушман-кыпчак – 501
 вададж – 655
 варяги – 148, 302, 306, 313, 327, 494, 616
 ватка – 103, 104, 106, 115
 вгндур-булгар – 44
 веда – 102
 венгры – 22, 23, 32, 109, 124, 355, 365, 413, 414, 492, 579, 623, 630, 653
 вепсы – 100, 102
 верзиты – 54
 весь – 100, 101, 302
 византийцы – 46, 52–55, 58, 64, 86, 458, 480, 492, 522, 520
 вису – 100–103, 114, 326, 327, 328, 399, 405, 566
 в-н-н-тит (вятичи) – 101

- в-н-тр'ы (болгары) – 46
 вяда – 376, 432
 вятичи – 101, 103, 302, 309, 323
 вятка – 103
 вятчане – 383, 393, 394
 ге-гу – 484
 германцы – 106
 готы – 114, 622
 греки – 115, 304, 311
 гузо-печенеги – 455
 гузы – 5, 34, 86, 132, 138, 302, 370, 452–458, 502, 503, 510, 511, 513, 517, 515, 566, 653
 гузы-сельджуки – 458
 гузы-торки – 457, 458
 гунно-болгары – 68, 580, 592, 603
 гунны – 4, 20, 36, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 62, 63, 64, 67, 70, 563, 579, 597, 606, 607, 610, 622, 623
 гунны-савиры – 77, 146
 гунны-эфталиты – 452
 гэгунь – 484
 гяньгуни – 93, 484
 дербентцы – 80, 82
 джортан – 479, 480, 481
 джортаны (шортаны) – 479
 динлины – 482, 484
 дорийцы – 115
 дургоба (дурт) – 478, 479
 дурт (дурт) – 478, 480, 481, 655, 656
 дучи-булкар – 44
 евреи – 302
 ельборили – 479–481
 емур – 654
 емь – 101
 енч-оглы – 655
 жители Суvara – 370
 жуань-жуани – 36, 94, 622
 земигола – 101
 иетигоба – 478–481
 измаильтяне – 50
 ильбари/ильбури – 655, 656
 иль-берли – 655
 имаки – 485
 имеки (имек) – 459–461, 473, 474, 479
 ими – 485
 иракцы – 528
 иранцы – 522, 526, 532
 иртим/навдиертим – 653
 ису (вису) – 100–103, 106, 326, 327, 566
 итбараки – 654
 ит-оба – 655
 ишкиль – 137, 626
 йаджуджи – 368, 633, 634, 641
 йаджуж – 567
 йемеки – 91, 347, 355, 363, 369, 371, 374, 459, 460, 483, 485, 487, 496, 500, 501, 503, 510, 624, 625, 654, 655, 656
 йула/гила – 653
 йура – 103, 114, 326, 327
 кавары – 412
 казаки – 394
 казанцы – 31, 330
 казахи – 482, 501
 кай – 457, 466, 474, 480, 492, 498, 654, 655
 калмез – 105
 канга/канглы – 653
 кангароглы – 480, 481
 кангары – 455, 480, 481, 653
 кангары-кенгересы – 452
 канглы – 473, 474, 480
 караборикли – 480, 481
 карабориклу – 479
 кара-буркли – 655
 каракалпак – 479, 481
 кара-канглы (кара-канглыг) – 480
 каракитай – 371, 656
 кара-кыпчак – 501
 карачан – 481
 карлуки – 98, 452, 459, 462, 465, 466, 469, 474, 480, 504
 кахтан – 79, 81, 83
 кенгересы (печенеги) – 452
 керей – 474
 керейты – 473, 652
 кесе – 498
 кечат – 472
 кидани – 465, 652, 654, 655
 кимаки – 5, 34, 91, 336, 363, 438, 452, 459–471, 479, 482, 483, 485, 487–491, 499–501, 503–505, 510, 652, 654, 655
 кимако-кыпчакы – 457, 484, 492, 501, 503
 кимеки – 462, 463, 465, 479, 482
 кипчаки-шары – 284
 китаи-оба – 655
 китайцы – 652
 кок-тюрки – 97
 кол/кул-оба – 655
 команды/команди – 655
 команы – 518, 654
 коми – 4, 101, 104, 105, 106, 110, 385,
 коми-зыряне – 105, 114, 115, 386, 389
 коми-пермяки – 106, 114, 162, 386, 389, 399, 407
 конгор/кангу-оглы – 655
 кор/коор – 655
 корсь – 101
 котан – 480, 481
 котраги – 41, 43–45
 котраги-кутригуры – 45, 46
 кривичи – 106
 критяне – 115
 кулабаоглы – 480, 481
 кулобичи – 481
 кулпей/сирукалей – 653
 куманлу – 479
 куманы – 462, 466, 467, 479–481, 498, 653, 654, 655
 куманы-сары – 503
 кумохи – 487
 кумыки – 481
 куны – 457, 465, 466, 492, 498, 654, 655
 куны-куманы – 492
 купи-булгар – 44
 курайш – 522
 курейшиты – 63
 кутригуры – 36, 38, 40, 43, 45, 623
 куфийцы – 531
 куче/куч-оба – 655
 кучет – 655
 кучи-булкар – 45
 кыбчак-хыфчак – 654
 кыпчаки – 4, 5, 6, 34, 91, 98, 114, 128, 138, 146, 336, 342, 355, 363, 369, 370, 371, 372, 374, 376, 457, 459–462, 466–469, 472–485, 487–492, 496, 498–503, 510, 518, 566, 624, 625, 652–654, 656, 657
 кыпчаки-саксины – 355
 кыпчаки-шары – 147
 кыргызы – 90–93, 96, 98, 365, 410, 460, 465, 468, 473, 481, 484, 486, 491, 504, 505, 507–510, 652, 654
 кытай-кыпчаки – 482, 484
 кыштымы – 486
 кюйше – 460, 484
 лакзы – 75
 лангобарды – 46
 ланиказ – 460, 462, 654
 латыши – 578
 лезгины – 69
 либь – 101
 литва – 101
 маджары – 654
 маджарды/баджгарды (мадьары) – 358
 маджуджы – 368, 633, 634, 641
 маджуж – 567
 мадьары – 16, 34, 58, 137, 138, 302, 311, 327, 353, 396, 397, 404, 408, 413, 414, 498, 579, 623, 653
 мажджарды (мадьары) – 138
 македонцы – 115
 мамлюки – 114, 396
 манкуроглу – 479
 манси – 114, 416
 мари – 4, 115, 416, 445
 марийцы – 101, 104, 107, 108, 113, 391, 392, 433, 435, 437, 440, 442, 444, 447, 449, 450, 566
 мединцы – 523, 527
 мекканцы – 523, 524
 меркиты – 652, 655
 меря – 100, 101, 113

- мешера – 302, 416
 мингиз-оглы – 655
 мишары – 498
 мокша – 100, 101, 113, 114, 432
 монголо-татары 17, 19, 21, 32,
 132, 165, 189, 320, 651, 657,
 658
 монголы – 8, 11, 89, 133, 165,
 202, 242, 336, 355, 356, 361,
 362, 371, 382, 482, 498, 501,
 504, 548, 566, 630, 656, 658
 мордва – 4, 5, 33, 100, 108, 113,
 114, 133, 160, 238, 302, 375,
 376, 411, 416, 418, 420, 421,
 424, 425, 428, 429, 431, 432,
 450, 566
 мордва-мокша – 420, 426, 427,
 431
 мордва-эрзя – 101, 103, 431
 мордъва (мордва) – 101, 102
 мурома – 101, 302, 418, 423, 426
 мутани (гунны) – 38
 найманы – 474, 652
 немцы – 492
 нилказ – 462
 ниневтуяне – 372
 новгородцы – 392
 ногаи – 4, 481
 норманны – 616
 норома – 101
 нумугунь – 485
 нушиби – 38, 39
 огузо-куман – 284
 огузо-кыпчаки – 580
 огузы – 148, 370, 413, 416, 417,
 452, 458, 460, 462, 465–469,
 473, 479, 486, 499, 515, 566,
 579, 624, 625, 628, 652–656
 огуры – 44–622
 огуры-оногоры – 408
 огхондор(вогхондр)-блкар – 44
 одо (удмурт) – 391, 392
 одомарий (удмурт) – 391
 ольбери – 655
 оногундуры – 44, 623
 оногуры – 44, 622
 орингу(т) – 656
 остготы – 623
 отуз-татары – 460, 652
 отяки – 392, 630
 палоч (половцы) – 492
 пермь – 101
 пермь вычегодская – 105
 пермяне – 104, 106, 109, 115,
 385, 391, 392, 393
 персы – 38, 41, 302, 524, 525
 печенегы – 4, 5, 7, 10, 20, 34,
 122, 123, 127, 128, 137, 146,
 302, 309, 311, 365, 413, 416,
 417, 452–456, 458, 459, 466,
 467, 473, 480, 497–499, 502,
 503, 510, 511, 513, 515, 616,
 652–655
 пещера – 101
 плавцы (половцы) – 492
 половцы – 7, 10, 24, 33, 34, 143,
 164, 165, 302, 309, 363, 370,
 371, 432, 457, 458, 480, 482,
 492–496, 520, 566, 645, 655
 половцы Емжкове – 656
 половцы-куманы – 499
 половцы-кыпчаки – 24, 138,
 416, 417, 457, 493, 495, 496,
 510, 511, 515, 518, 520
 поляки – 402
 радимичи – 302, 311
 рос – 306
 ростовцы – 364, 373, 392
 русские – 9, 10, 31, 101, 107,
 113, 114, 165, 315, 316, 326,
 328, 355, 366, 391, 393, 418,
 429, 432, 444, 553, 645, 646
 русы – 25, 68, 69, 79, 83–88,
 127, 130, 131, 148, 154, 177,
 289, 294, 306, 307, 309, 312,
 316, 317, 327, 339, 340, 358,
 371, 473, 552, 616, 643, 654
 савиры – 119, 120, 124, 137, 147,
 622, 623
 саврато-сармато – 408
 саки – 408, 611
 сако-массагеты – 408
 саксины – 363, 371
 саксы – 302, 304
 самодийцы – 118, 408, 491
 самоядь – 332
 санарийцы (цанары) – 75
 санкем-кыпчак – 501
 сарагуры – 44, 622
 сарацины – 373, 645
 сарирцы – 80
 сармато-аланы – 592, 607
 сарматы – 93, 597, 601, 606, 607,
 610
 сары – 492, 498
 сары-кипчаки – 492
 сары-уйгуры – 654
 с-вар – 101
 свеоны (шведы) – 306
 с-в-р (северяне) – 101
 се – 460
 се – 460, 484
 северы – 49
 северяне – 101, 106, 302, 311
 сельджуки – 365, 366, 544, 545
 семь родов – 49
 сериры – 76
 сеянто – 460, 461, 483, 484, 654
 сирийцы – 527–528, 531
 сиры – 461, 483, 484, 654
 скандинавы – 125, 127, 302, 306,
 310, 331, 332, 338
 скифы – 13, 45, 504, 606
 славяне – 3, 4, 8, 9, 12, 41, 47,
 49, 51, 53, 54, 58, 59, 89, 101,
 114, 130, 132, 162, 289, 302–
 308, 317, 318, 383, 392, 393,
 534, 552, 576, 657
 славяне-вятичи – 103
 славяно-русы – 138
 с-л-вион (славяне) – 101
 словени – 302
 словены новгородские – 101,
 302
 собекуляне – 143, 362, 363
 собкуляне – 138, 143, 145, 356
 согдийцы – 508
 спартиоты – 115
 суазы – 137
 сувазы – 137, 552
 суварцы – 77
 сувары – 68, 75, 101, 124, 131,
 137, 145, 146, 160, 179, 180,
 284, 555, 558, 572, 623, 624,
 643, 647, 656
 суун-кыпчак – 501
 сянбийцы – 93, 506
 сяоми – 97
 таг – 479
 талмат/вороталмат – 653
 тангуты – 652
 таргил – 656
 татабы – 487
 татары – 3, 4, 7, 10–13, 15, 17–
 19, 32, 34, 89, 101, 102, 104,
 112, 113, 147, 170, 189, 192,
 237–239, 247, 248, 363, 371,
 407, 459, 460, 462, 481, 483,
 486, 487, 491, 501, 504, 561,
 570, 575–577, 580, 582, 592,
 596, 598, 601, 603, 607, 610,
 613, 614, 617, 630, 649, 650–
 652, 654, 656–658
 тгузкут – 656
 теле – 147, 654
 теленгиты – 482
 теленгуты – 92
 телессы – 97, 98
 телеуты – 482
 темтюзи – 138, 143, 145, 356,
 362
 тертер-оба – 655
 тоба – 147
 токсоба – 478, 480, 481, 656
 токуз-гузы – 459, 460, 461, 462,
 465, 466, 480
 токуз-огузы – 461
 токуз-татары – 460, 652
 торки – 5, 7, 10, 34, 372, 452,
 455, 457, 458, 511, 653
 торки-огузы – 657
 турки – 44, 45, 48, 59, 68, 76,
 365, 370, 481
 туркмены – 457, 466, 474, 545,
 туркмены-огузы – 544
 тю-кю (тюрки) – 36
 тургешы – 92, 459, 480, 485
 торки – 3, 5, 6, 8, 36, 38, 40, 62,
 67, 68, 75, 85, 89–97, 101,
 109, 145, 147, 242, 408, 410,
 411, 413, 452, 461, 462, 465,
 469–471, 476, 481, 483–485,

- 487, 489, 491, 504–508, 510, 533, 534, 560, 563, 572, 577, 578, 597, 607, 616, 623, 625, 627, 652–654, 640, 656
- тюрки-кыпчаки – 483
- тюрки-мадьяры – 284
- тюрки-огузы – 653, 655
- тюрки-сиры – 483, 484
- тюрко-татары – 18, 559
- тюрко-угры – 16, 23
- тюркюты (тюрки) – 36, 91
- угро-мадьяры – 410, 413
- угро-самодийцы – 92, 97, 408
- угро-самоедские племена – 89
- угро-тюрки – 597, 601
- угры – 4, 5, 96, 97, 138, 200, 327, 332, 334, 407–417, 491, 503, 597, 629, 630, 646, 649
- угры-мадьяры – 657
- уд (удмурт) – 392
- удмурты – 4, 102–106, 108, 110, 112, 114, 115, 385, 386, 389, 391, 393, 407, 416, 417, 450, 649
- уз – 479
- узбеки – 481, 482, 501
- уйгуры – 90, 97, 98, 113, 365,, 410, 452, 459, 480, 486, 504, 505, 507–510, 578, 652, 654
- улаш-оглы – 656
- уногундуры – 39, 41, 44, 45
- уногундуры-болгары – 44
- уногундыры-болгары – 45
- уногуры-болгары – 44
- уогур/уйгур – 656
- уран – 474, 480, 656
- урус/ырыс-оба – 656
- утигуры – 36, 44
- утригуры – 623
- финно-пермяки – 416
- финно-пермяне – 395
- финно-угры – 3, 4, 5, 123, 306, 381, 382, 384, 400, 409, 419, 420, 422, 423, 425, 428, 434, 436, 440, 441, 444, 446–449, 534, 594, 629, 630
- финны – 4, 8, 10, 109, 138, 304, 416, 578, 630, 646, 657
- флавен (половцы) – 492
- франки – 55, 58, 306, 642
- французы – 642
- фризы – 302
- хазаро-болгары – 565
- хазары – 4, 8, 10, 15, 20, 44–47, 50, 58, 60, 62–87, 101, 116, 118, 119, 124, 125, 140, 143, 146, 147, 289, 296, 302, 305, 307, 309, 311, 312, 315, 341, 353, 370, 410, 412, 413, 425, 452–454, 456, 457, 467, 542, 550, 551, 557, 572, 573, 576, 577, 580, 592, 597, 606, 607, 610, 618, 623, 634–638, 640, 641, 653, 654
- хайдаки – 82
- хакасы – 473, 481
- ханты – 114, 416
- харавой/харабои – 653
- хардеш – 457, 492
- хи – 487
- хопон/гиазихопон – 653
- хорасанцы – 531
- хорезмийцы – 71, 148, 280, 366, 479
- хо-синь – 484
- хунны – 93, 484
- хунь-юй – 484
- цайли – 484
- цзюй-юэ-шэ – 484
- цзяньгуни – 484
- цопон/вулацопон – 653
- ц-р-мис (черемисы) – 101
- цур/куарцицур – 653
- цюйше – 91, 460, 483, 484
- цюйше-кыпчаки – 91
- чаграк – 472, 655
- чдар-болкар – 44, 45
- челмата – 138, 143, 145, 200, 356, 362, 363
- черемисы – 101, 102, 107, 113, 376, 392, 432, 433, 630, 649
- черкесы – 473
- черные болгары – 22, 47
- черные булгары – 32
- черные клобуки – 544, 493, 655
- чехи – 492
- чигили – 474, 480, 623–625
- чиртан (чортан) – 655
- читай-оглы – 655
- чокраг/сократ – 655
- чувашаи – 4, 10, 101–103, 107, 108, 112, 115, 450, 577, 622, 630, 646
- чудь – 89, 302, 392, 504, 645
- чуи – 485
- чуми – 485
- чу-му-гунь – 484
- чюдь – 101
- шанданцы – 80
- шары – 138, 276, 466, 492, 498, 654, 655
- шведы 127, 306, 339
- шивэй – 486
- шорцы – 92
- эвенки – 578
- егга (эгра) – 114
- эймюр – 459, 460, 462, 485, 501, 510
- эльборили – 478
- эрья – 100, 101, 113, 422, 429
- эсегелы – 124, 137, 138, 145, 161, 284, 396, 413, 623, 625, 626, 643, 647
- эскиль/ишкил (эсегелы) – 137
- югра – 102, 114, 302, 566
- юра – 70
- юэчжи – 484
- янь-мань – 485
- яньмо – 459, 460, 485
- янь-мэ – 485
- яньто – 484
- ясы-асы (аланы) – 70
- ᠨᠢᠰᠤ (арису) – 101
- ایسو (ису) – 100, 114
- ویسو (вису) – 100, 114

Список иллюстраций, карто-схем и таблиц

Территория Великой Болгарии.....	37	Образцы гончарной посуды Муромского	
Археологические памятники VII в.		городка	187
в восточноевропейской степи.....	39	Укрепления Юловского городища	188
Великая Болгария времен Кубрата		Общий план Джукетауского	
и расселение протоболгар.....	42	археологического комплекса	190
Территория Первого Болгарского		Валы Джукетауского городища	191
царства до середины IX в.....	49	Планы городищ Кашан I и Кашан II.....	192
Плиска. Восточные ворота крепости	50	План Богдашкинского городища	195
Каменная модель юрты	51	План Елабужского городища	197
Моливодовуль хана Тервеля.....	51	Юго-западная часть белокаменной мечети-	
Мадарский всадник. Барельеф на скале		крепости на Елабужском городище	198
у с. Мадара, Шуменский округ.....	52	План Чаллынского городища.....	200
Золотой кувшин из клада Надь Сент Миклош.		План Хулашкинского городища	201
Румыния. IX в.....	54	Билярское городище. Общий вид юртообраз-	
Золотой сосуд из клада Надь Сент		ного жилища во внешнем городе	206
Миклош. Румыния. IX в.....	55	Билярское городище План сооружения	
Хан Крум во время пиршества в честь победы		№ 3 с остатками печи-тандыра	207
над императором Никифором	56	Билярское городище. Постройка №9	
Серебряная чаша. IX в. из Преслава	57	на раскопе XXII	208
Золотой медальон с изображением хана		Билярское городище. Общий вид подполья	
Омуртага. Велико Тырново	57	жилища с остатками печи	
Клад золотых украшений из Преслава.		на раскопе XXXIX	209
IX–X вв.	58	Билярское городище. Хозяйственная яма	
Скульптурный портрет болгарина начала X в. ...	59	на раскопе XXII	211
Дагестан в X–XI вв. по данным арабских		Билярское городище. Разрез и план колодеца	
источников.....	61	№ 1 из раскопа XXII	212
Дербент. Крепость Нарын-Кала. Вид с юга	72	Реконструкция архитектурного плана	
Дербент. Джума мечеть. Фасад и план	78	комплекса Соборной мечети.....	213
Дербент. Южная городская стена. Ворота		Биляр. Общий вид Соборной мечети второго	
Орта-Капы. VI–XIV вв.	81	строительного периода	214
Скульптурная реконструкция мужчины.....	117	Биляр. Первоначальный вид деревянной	
Скульптурная реконструкция женщины	117	мечети.....	215
Погребальный инвентарь могильников		Билярское городище. План кирпичного	
Урень II и Старомайнский I.....	118	здания на раскопе XVII	216
Глиняная посуда из Шиловского		Биляр. «Дом знатного феодала»	217
курганного могильника.....	119	Второе кирпичное здание в центре	
Костяные накладки и детали поясного ремня... ..	120	Билярского городища	218
Лепные сосуды	121	Билярское городище. Кладка стены кирпичного	
Глиняная посуда.....	122	здания на территории «Караван-сарая».....	219
Территория Волжско-Камской Булгарии в X –		Общий план кирпичного здания	
начале XIII вв. с указанием основных		на территории «Караван-сарая»	219
городов.....	135	Суварское городище. План кирпичного здания	
Династия болгарских правителей		«Суварский дворец»	221
домонгольской эпохи	149	«Суварский дворец».....	222
Карта болгарских городищ домонгольского		Кирпичный дом на городище Хулаш	223
времени	153	План кирпичного здания на Муромском	
Планы болгарских городов Закамья.....	155	городке	223
Валы Горкинского II городища	157	План кирпичного здания	
План Кокрятьского городища.....	159	на Красносундюковском I городище	224
Валы Тат.Бурнаевского городища.....	161	Елабужское городище. План белокаменного	
Общий план Билярского городища	164	здания, выявленного раскопом 1993 г.	225
Аэрофотоплан Билярского городища.		Белокаменная мечеть-крепость на Елабужском	
Съемка 1973 г.	168	городище	226
План Болгарского городища X–XIV вв.	171	Общий вид на Белогорское селище.....	228
План Суварского городища	181	Железные косы, серпы, сошники, наральник,	
Оборонительные укрепления Сувара.....	182	полицы, лемеха и чересло из раскопок	
Сувар. Находки из раскопа IV	183	Билярского городища	238
Муромский городок. Фрагмент фундамента		Каменные жернова из раскопок Биляра.....	239
кирпичного здания.....	184	Железные скребницы, ножницы и путы	
Схематичный план Муромского городка	185	из раскопок Биляра	241
		Железные удила из раскопок Биляра	243

Бронзовые бляхи для соединения ремней оголовья, железные и костяные подпругные пряжки из раскопок Биляра.....	244	Распространение болгарских вещей на территории Руси в XII – начале XIII в.	325
Железные стремена из раскопок Биляра.....	246	Сабли из Биляра X – начала XIII в.	337
Костяные наконечники стрел из раскопок Биляра.....	247	Булгарский копейщик. XII – начало XIII в.	338
Железные крючки, глиняные и железные грузила, бронзовые блесна из раскопок Биляра.....	248	Мечи X–XI вв.	339
Графическая реконструкция кузнечной мастерской раннебулгарского периода.....	251	Копья X–XIII вв.	340
Реконструкция волжско-булгарской летней кузнечной мастерской	252	Боевые топоры X–XIII вв.	341
Железные крицы-полуфабрикаты с IV Старокуйбышевского селища	253	Булавы X–XIII вв.	342
Графическая реконструкция металлургического горна наземной конструкции Волжской Булгарии.....	255	Кистени X–XIII вв.	343
Кузнечно-слесарный инструментарий с памятников Волжской Булгарии	256	Панцирные пластины X–XIII вв.....	344
Реконструкция медеплавильной печи из раскопок Муромского городка	263	Костяные детали сложносоставного лука.....	345
Инструментарий кузнецов и ювелиров из раскопок Биляра	265	Булгарский лучник – легковооруженный воин. XII–XIII вв.....	346
Глиняные тигли и воздуходувные сопла с Билярского городища.....	266	Железные наконечники стрел из Биляра.....	348
Каменные литейные формы из Биляра	267	Костяные петли для подвешивания колчанов и налучий.....	350
Металлические матрицы и каменные литейные формы из Биляра.....	268	Структура военной организации волжских болгар X–XIII вв.	352
Металлические матрицы с Билярского городища	270	Тяжеловооруженный болгарский воин. XII – начало XIII в.	357
Продукция болгарских медников. Медные кумганы	271	Оперативная тактика активной обороны болгар.....	363
Стеклянные рюмки из раскопок Биляра	275	Карта археологических памятников бассейна Чепцы конца IX – XIII в.	380
Стеклянные кубки из раскопок Биляра.....	276	Комплекс металлических украшений чепецких памятников	382
Стеклянные графины, флаконы и чаши из раскопок Биляра	277	Варианты реконструкции костюмов по материалам чепецких могильников.....	384
Посуда салтово-маяцких истоков из раскопок Биляра	279	Древности родановской культуры. Оружие, орудия труда, предметы быта, украшения...400	
Посуда прикамско-приуральских истоков из раскопок Биляра	280	Волжская Булгария и их соседи	419
Гончарные горны Билярского городка.....	281	Украшения VIII–IX вв. из могильников мордвы	420
Реконструированная керамика X–XI вв.	281	Вещевой комплекс женских погребений VIII–XI вв.	422
Глиняные котлы из Булгара, Измери и Биляра	282	Вещевой комплекс женских погребений VIII–XI вв. на Старобадиковском II могильнике	423
Горшковидные сосуды из раскопок болгарских памятников	283	Оружие мордвы VIII – XI вв.	425
Типы кувшинов из болгарских поселений	283	Посуда болгарского типа в Верхнем Посурье и Примокшанье.....	426
Миски из болгарских поселений	284	Украшения X–XI вв. из могильников мордвы...428	
Корчаги из болгарских поселений.....	285	Изделия аскизские и аскизского типа в Верхнем Посурье и Примокшанье.....	430
Железные топоры из Биляра	287	Карта археологических памятников Марийского Поволжья.....	434
Железные тесла из Биляра.....	288	Украшения IX–XI вв.....	436
Детали весов из раскопок Биляра	291	Нагрудное украшение. Бронза. Могильник Нижняя Стрелка. IX – начало XII в.	437
Свинцовые грузики-пломбы из раскопок Биляра.....	293	Нагрудное украшение. Бронза. Могильник Нижняя Стрелка. IX – начало XII в.	438
Монеты Волжской Булгарии X в.	295	Подвеска к шейному украшению. Бронза. Дубовский могильник. X–XII вв.....	439
Великий Волжский путь.....	300-301	Орудия труда и украшения марийцев IX–X вв..440	
Древнерусская керамика из раскопок Биляра ...	318	Украшения марийцев IX – первой половины XI в.	441
Путь из Булгарии в Киев	319	Реконструкция женского костюма по материалам погр. 12 Веселовского могильника	442
Русские вещи из Булгара	320	Деревянная чаша XII–XIII вв.	444
Древнерусские сосуды из Булгара.....	321	Васильсурское V городище – Репище. Реконструкция укреплений на валу.....	445
Булгарская керамика с территории Руси	323	Красноселищенское II селище.....	446
Распространение болгарских монет и вещей на территории Руси в X–XI вв.	324	Инвентарь Починковского могильника марийцев XII–XIII вв.	447
		Украшения XII–XIII вв.....	449

Комплекс вещей из печенежских погребений Заволжья и Приуралья	453	Половецкий лучник. XII–XIII в.	500
Основные предметы этноопределяющего характера из погребений огузов Северного Прикаспия	454	Половецкая амазонка. XII в.	502
Эталонный погребальный памятник огузов второй половины X в.	455, 456	Кафтан половецкого хана, обнаруженный в погребении под Чингульским курганом ...	511
Украшения конской сбруи	457	Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников	512
Кимакские железные наконечники стрел	460	Хронологическая таблица древностей восточноевропейских кочевников	514
Кимакские костяные наконечники стрел	461	Половецкие изваяния мужчин-воинов	519
Кимакские палаши	463	Графическая реконструкция по черепу мужчины из I Старокуйбышевского некрополя XI–XIII вв.	617
Кимакские сабли	464	Графическая реконструкция по черепу мужчины из Измерского некрополя XI–XIII вв.	619
Реконструкция кимакского панциря	466	Сулайман ибн Дауд ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нузха ал-кулуб ли-л-мирад» (Красота садов и утешение заблудших душ). Список XV–XVI вв.	822
Типолого-хронологическая матрица кимакского оружия	468	Сулайман ас-Саксини «Зухрат ар-рийад...» (Красота садов...). Список 11 ша'бана 729/10 июня 1329 г., Тебриз	830
Изображения кимакских воинов	469	Тадж ад-дин ал-Булгари. Ат-Тирйак ал-кабир (Большое противоядие). Китабхане-и Маджлис-и Шура-йи Ислами, Исламская Республика Иран, Тегеран. Список XVII в.	837
Реконструкция кимакского тяжеловооруженного воина	471		
Восточноевропейские степи в половецкий период	493		
Половецкий владетель. Первая половина XIII в.	494		
Схема расположения отдельных половецких орд в степях после походов Владимира Мономаха	495		
Половецкий тяжеловооруженный копейщик. XII в.	497		

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к тому (<i>Фаяз Хузин</i>)	3
---	---

Историографический обзор

1. Отечественная историография (<i>Фаяз Хузин</i>)	7
2. Зарубежная историография (<i>Иштван Зимоньи</i>)	20

Обзор источников

1. Арабо-персидские письменные источники (<i>Нурия Гараева</i>)	25
2. Древнерусские письменные источники о булгарах и Волжской Булгарии (<i>Искандер Измайлов</i>)	27
3. Западноевропейские письменные источники о булгарах (<i>Иштван Зимоньи</i>)	31
4. Археологические источники (<i>Фаяз Хузин</i>)	33

Часть I. ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СТЕПЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (VII–X вв.)

Глава 1. Великая Болгария (<i>Рашио Рашев</i>)	36
Глава 2. Первое Болгарское царство на Дунае (<i>Рашио Рашев</i>)	48
Глава 3. Тюркские народы Северного Кавказа (<i>Людмила Гмыря</i>)	60
Глава 4. Тюркские народы Западной Сибири (<i>Юлий Худяков</i>)	89

Часть II. НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГО–УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И ОБРАЗОВАНИЕ БУЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья (<i>Владимир Напольских</i>)	100
Глава 2. Ранние булгары на Средней Волге (<i>Риза Багаутдинов, Фаяз Хузин</i>)	116
Глава 3. Булгарское государство: образование, территория и население	
1. Образование Булгарского государства (<i>Искандер Измайлов</i>)	124
2. Территория (<i>Фаяз Хузин</i>)	132
3. Население (<i>Фаяз Хузин</i>)	137
Глава 4. Социально-политическое устройство. Общественные отношения (<i>Альберт Нигаматов, Фаяз Хузин</i>)	139

Часть III. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: ГОРОДА И СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Глава 1. Булгария – страна городов

1. Булгарские города и проблемы их происхождения (<i>Фаяз Хузин</i>)	152
2. Великий город на Черемшане и город Булгар на Волге (<i>Фаяз Хузин</i>)	163
3. Города – центры земель-княжеств (<i>Фаяз Хузин, Анна Кочкина</i>)	180
4. Другие городские центры (<i>Фаяз Хузин, Навль Набиуллин, Альберт Нигаматов, Айрат Ситдиков</i>)	189

Глава 2. Городская застройка: жилые дома, хозяйственные постройки и общественные здания (<i>Фаяз Хузин</i>)	205
--	-----

Глава 3. Булгарское село (<i>Константин Руденко, Евгений Казаков</i>)	227
--	-----

Часть IV. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Глава 1. Сельское хозяйство. Промыслы

1. Земледелие (*Наиль Халиков*).....236
2. Животноводство (*Аида Петренко*)240
3. Промыслы (*Наиль Халиков*).....247

Глава 2. Ремесло: организация производства и продукция ремесленников

1. Черная металлургия и кузнечное дело (*Юрий Семькин*)249
2. Цветная металлообработка (*Сергей Кузьминых, Юрий Семькин*)258
3. Стеклоделие (*Светлана Валиулина*)272
4. Гончарное производство (*Нина Кокорина*)278
5. Прочие ремесла (*Фаяз Хузин*).....286

Глава 3. Булгары на торговых путях Евразии

1. Денежно-весовая система (*Рафаэль Валеев*)290
2. Великий Волжский путь. Торговые связи с Северной Европой и Востоком
(*Анатолий Кирпичников, Фаяз Хузин*)299
3. Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими
княжествами (*Марина Полубояринова*)316
4. Камский торговый путь (*Андрей Белавин*)326
5. Путь из Булгарии в Сибирь (*Юлий Худяков*)330

Часть V. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: ВОЕННОЕ ДЕЛО, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Глава 1. Военное дело (*Искандер Измайлов*)

1. Вооружение.....336
2. Структура военной организации.....351
3. Военное искусство.....361

Глава 2. Внешняя политика Булгарского государства (*Искандер Измайлов*)368

Часть VI. ФИННО–УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Глава 1. Пермские и угорские народы

1. Население Вятско-Камского края в булгарское время (*Сергей Бельх,
Леонид Макаров*)378
2. Народы Верхнего Прикамья и Волжская Булгария (*Андрей Белавин*)395
3. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье (*Владимир Иванов*).....408

Глава 2. Восточнофинские племена Среднего Поволжья

1. Мордва и Волжская Булгария (*Геннадий Белорыбкин,
Ольга Зеленцова*).....418
2. Население Марийского Поволжья в булгарское время (*Татьяна Никитина*)433

Часть VII. СТЕПИ ЕВРАЗИИ В X – начале XIII в.

Глава 1. Печенеги, гузы и торки (*Владимир Иванов*).....452

Глава 2. Кимаки и кыпчаки. Кимакский каганат (*Булат Кумеков*).....459

Глава 3. Кыпчаки: хозяйство, общественный строй, племенной состав (*Булат Кумеков*).....472

Глава 4. Кыпчакские племена Западной Сибири в XI – первой половине XIII в. (*Юлий Худяков*)482

Глава 5. Кыпчаки в Восточной Европе (*Владимир Иванов*)492

Глава 6. Культура кочевников евразийских степей (*Юлий Худяков, Владимир Иванов*)504

Часть VIII. ИСЛАМСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ВОЛГО–УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Глава 1. Исламский мир в VII – начале XIII в. (<i>Олег Большаков</i>).....	522
Глава 2. Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии (<i>Искандер Измайлов</i>)	549
Глава 3. Письменность и просвещение в Булгарии (<i>Гамирзан Давлетишин</i>).....	557
Глава 4. Профессиональные знания и наука в Булгарии (<i>Гамирзан Давлетишин</i>).....	563
Глава 5. Устное народное творчество и литература в Булгарии 1. Устное народное творчество (<i>Гамирзан Давлетишин</i>)	574
2. Литература. «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали (<i>Нурмухамет Хисамов</i>).....	583
Глава 6. Архитектура Волжской Булгарии (<i>Лилия Саттарова, Искандер Измайлов</i>).....	588
Глава 7. Булгарское искусство (<i>Гузель Валеева-Сулейманова</i>).....	592

Часть IX. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БУЛГАРСКИЙ ЭТНОС

Глава 1. Антропологический состав населения Булгарии (<i>Ильгизар Газимзянов</i>).....	616
Глава 2. Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка (<i>Фарид Хакимзянов, Искандер Измайлов</i>)	621
Глава 3. О взаимодействии волжских булгар с финно-уграми (<i>Евгений Казаков</i>).....	629
Глава 4. Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность (<i>Искандер Измайлов</i>).....	631
Глава 5. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа (<i>Искандер Измайлов, Дамир Исхаков</i>).....	650
Заключение	657

Приложение

Письмо Иосифа. <i>Б.Хамидуллин</i>	660
Анна Комнина о печенегах, гузах и половцах. <i>Б.Хамидуллин</i>	670
Арабские географы и путешественники о Волжской Булгарии. <i>Н.Гараева</i>	676
– Ибн Хордадбех. <i>Н.Гараева</i>	679
– Ибн ал-Факих. <i>Н.Гараева</i>	691
– Ибн Русте. <i>Н.Гараева</i>	699
– Тахир ал-Марвази. <i>Н.Гараева</i>	707
– Ал-Масуди. <i>Н.Гараева</i>	710
– Ибн Фадлан. <i>Н.Гараева</i>	714
– Ал-Истахри – Ибн Хаукаль. <i>О.Большаков</i>	745
– Ал-Бируни. <i>Н.Гараева</i>	752
– «Китаб акам ал-марджан». <i>Н.Гараева</i>	762
– Ал-Идриси. <i>Н.Гараева</i>	763
– Ал-Гарнати. <i>О.Большаков</i>	770
– Йакут ал-Хамави. <i>Н.Гараева</i>	803
Сочинения ученых Волжской Булгарии. <i>Н.Гараева</i>	819
– Хамид ибн Идрис ал-Булгари.....	819
– Тадж ад-дин ал-Булгари.....	833
Русские летописцы о кочевниках евразийских степей. <i>В.Аксенов</i>	840
Ибн ал-Асир о походах монголо-татар. <i>Б.Хамидуллин</i>	882
Известия Юлиана о венграх, булгарах и татарах. <i>Б.Хамидуллин</i>	885
Источники и литература	891
Список сокращений	928
Указатель именной	929
Указатель политико-географический	939
Указатель этнических, этнополитических и этносоциальных терминов	950
Список иллюстраций, карто-схем и таблиц	954

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
в семи томах

том II

Волжская Булгария и Великая степь

Оформление *Ш.Насыров*. Компьютерная верстка *В.Порсев*.
Компьютерный набор *Л.Байбулатова*. *Корректор* Н.Максимова.

Формат 84x108/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печатных листов 60,0. Тираж 500 экз.

Издательство «РухИЛ» (Казань, 2006 г.)

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (İmak Ofset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

Перстень с монограммой. Золото. Шинка и щиток с последующей шлифовкой. Щиток припаян к шинке. Диаметр – 2,7 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/187. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Перстень с монограммой Кубрата патрикия. Золото. Шинка и щиток, образованный двумя усеченными конусами, соединенными основаниями, литые с последующей шлифовкой. Диаметр – 2,6 см, диаметр щитка – 1,6 см. Византия. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ W-1053. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Перстень с монограммой Кубрата. Золото. Шинка и щиток, образованный двумя усеченными конусами, соединенными основаниями, литые с последующей шлифовкой. Диаметр – 2,7 см, диаметр щитка – 1,2 см. Византия. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ W-1052. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Часть ожерелья из восьми византийских монет. Золото; чеканка, пайка. Украшено гнездами для вставок. Диаметр – 1,8 – 2,1 см. Между 637–646 гг. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/184. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Монета византийская (солид).
737–741 гг. Лев III. Золото,
чеканка. Диаметр – 2 см.,
вес – 4,2 г.
проба 980°. Ст. Нагавская,
Волгоградская обл., курган 3,
погр. 1. Раскопки А.В.Кияшко,
1986 г. Инв.№ 24023/4, ВОКМ,
Волгоград

Монета византийская (солид).
751–757 гг. Константин V. Золото,
чеканка. Диаметр – 1,9x1,8 см.,
вес – 3,95 г. проба 950°.
С. Барановка, Волгоградская обл.,
курган 13, погр. 1.
Раскопки И.В.Сергацкого, 1988 г.
Инв.№ 26735, ВОКМ, Волгоград

Рукомойный прибор. Ковш с розеткой. Серебро; чеканка, позолота. Орнамент выполнен чеканом с оборота, на лицевой стороне отдельные детали доработаны гравировкой. Длина – 38,5 см. Византия, Константинополь. Между 582–602 гг. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ W-825.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Чаша сасанидская с космологическими сюжетами. Серебро. Ковка, снятие фона, чеканка точеным чеканом и пуансонами. Основа ложчатая, ножка припаяна. Диаметр – 14,9 см. Иран. V–VII вв. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ S-271. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Кружка-кувшин. Серебро. Тулово спаяно из двух частей – верхней и нижней. К нему припаяны полая ножка и круглая ручка с прокладкой. Высота – 24 см. Первая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ S-259, 260. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рукомойный прибор. Кувшин граненый. Серебро, чеканка, пайка, позолота. Ручка отлита отдельно и припаяна к венчику и тулову. Античная маска на ручке, дельфины у венчика, фигурка пантеры, растительный орнамент выполнены комбинацией чеканки и снятия фона, отдельные детали пройдены резцом гравера. Высота – 28 см. Византия, Константинополь. Между 582–602 гг. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ W-826. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Чаша сасанидская. Золото. Ковка. Основа ложчатая, ножка припаяна к основе. Длина – 33 см. Иран. V – начало VII вв. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № Z-525. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Кувшин сасанидский. Золото. Основа сформована на вращающемся станке. Ножка и ручка припаяны, крышка на петле. Высота – 36 см. Иран. V – начало VII вв. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ Z-524. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Композиция из восьми кубков. Серебро. Тулово без декора или с каннелюрами и плетенкой.
Ножки припаяны. Высота – 10–11,8 см. Первая половина VII в. Перещепинский комплекс,
с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ S-261-267, 269. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Кубок. Серебро. Высота – 10-11,8 см. Первая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ S-266. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Кубки. Золото. Чекан с лица. Ножки сложной формы с бубенцом внутри припаяны. Высота – 9,8–10,5 см.
Первая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы.
Инв.№ Z-529-536. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Кубок. Золото. Первая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы.
Инв.№ Z-534. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Ритон. Золото. Ковка, пайка. Орнаментальные полосы напаяны на основу. Длина – 29 см. VII в.
Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/6.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Ложка. Золото; ковка, пайка. Украшена гнездами для вставок. Длина – 20,5 см. VII в. Перешепинский комплекс, с. Малая Перешепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/7. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Пряжка и обойма от поясного набора. VI в. Византия. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/77,78. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Пряжка. Первая треть VII в. Византия. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/92. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечник ремня (оборотная сторона). Первая треть VII в. Византия. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/91. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

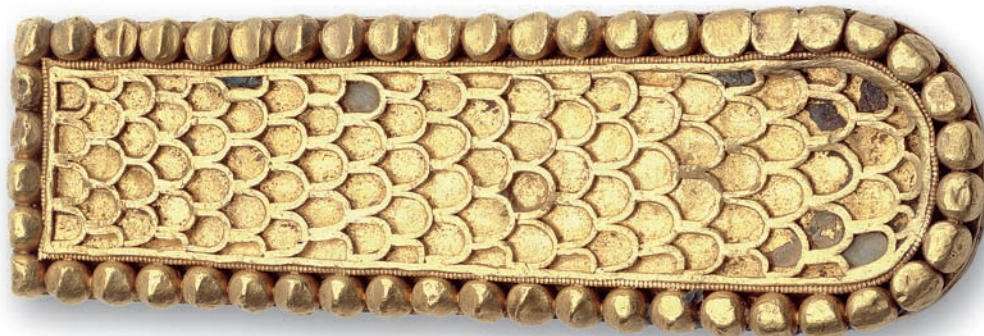
Псевдопряжки от пояса. Золото, стекло; ковка, литье, ложная зернь. Касты, полые шарики, орнаментальные полосы, петли напаяны на основу. Украшены стеклянными вставками. Длина – 5.2 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/36-40. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бляшки овальные от пояса с псевдопряжками. Золото, стекло; ковка, пайка, ложная зернь. Касты, полые шарики, орнаментальные полосы, петли напаяны на основу. Украшены стеклянной вставкой. Длина – 3 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/59-61. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бляшки от пояса. Золото, гранат, аметисты; ковка, пайка, зернь. Украшены вставками из драгоценных камней, в гнездах – гранат и аметисты. Вставки обрамлены напаянным на основу орнаментом из плоских кружков и зернью, а на оборотной стороне укреплены две петли. Размер – 2,2x2; 2x1,9; 2,2x1 см. Середина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/51,52,53. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечник ремня от пояса с псевдопряжками. Золото, стекло, паста; ковка, пайка, ложная зернь. Перегородки, полые шарики, орнаментальные полосы напаяны на основу. Украшен перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. Длина – 11,7 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/87. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фигурная бляшка от пояса с псевдопряжками. Золото; ковка, пайка, ложная зернь. Длина – 2,8 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/89. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечники ремня от пояса с псевдопряжками. Золото, стекло; ковка, пайка, ложная зернь. Перегородки, полые шарики, орнаментальные полосы напаяны на основу. Украшены стеклянной вставкой; перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. Длина – 2,4 и 2,7 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/88, 90. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Застежки от пояса с псевдопряжками. Золото, стекло; литье, ковка, ложная зернь. Касты, полые шарики, орнаментальные полосы, петли напаяны на основу. Длина – 4,5 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/34,35. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Парные браслеты с вставками на щитке. Золото, изумруды; ковка, огранка, шлифовка, полировка.
Плоское кольцо соединено со щитком шарниром. Диаметр – 7,4; 7,9 см. Середина VII в.
Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/8,9.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Гривна со вставкой на щитке. Золото, изумруд; ковка. Кольцо из крученого стержня в двух местах соединяется со щитком шарниром. Диаметр – 17,5–21,2 см. Середина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/15. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Ожерелье из монет императора Ираклия. VII в. Византия. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв. № 1930/24. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Браслеты. VII в. Византия. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы.
Инв.№ 1930/10. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Браслет. Бронза. Диаметр – 7 см. Южная Сибирь. XI–X вв. до н.э.
Инв.№ 5531/1465. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бляшки полусферические от конской сбруи. Золото, следы бронзы, стекло, паста; ковка, пайка, тиснение, зернь. Касты и бордюр из зерни напаяны на основу. Украшены стеклянными вставками. На боковой части основы рельефный узор. Диаметр – 3,6 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/137. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечники ремня от конской сбруи. Золото, стекло, паста; ковка, пайка, тиснение, зернь. Перегородки и бордюр из зерни напаяны на основу. Украшены перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. На боковой части основы рельефный узор. Длина – 6 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/145. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечники ремней от конской сбруи. Золото, стекло, паста; ковка, пайка, зернь. Перегородки и бордюр из зерни напаяны на основу. Украшены перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. Длина – 6,6; 6,5 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/30, 31. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Наконечники ремней от конской сбруи. Золото, стекло, паста; ковка, пайка, зернь. Перегородки и бордюр из зерни напаяны на основу. Украшены перегородчатым орнаментом со стеклянными вставками. Длина – 9 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/32, 33. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фрагмент однолезвийного меча. Железо, следы дерева, золото; ковка, насечка. Облицовка выполнена насечкой и бордюром из золотых плоских кружков. Длина – 21,4 см. Середина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/2. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

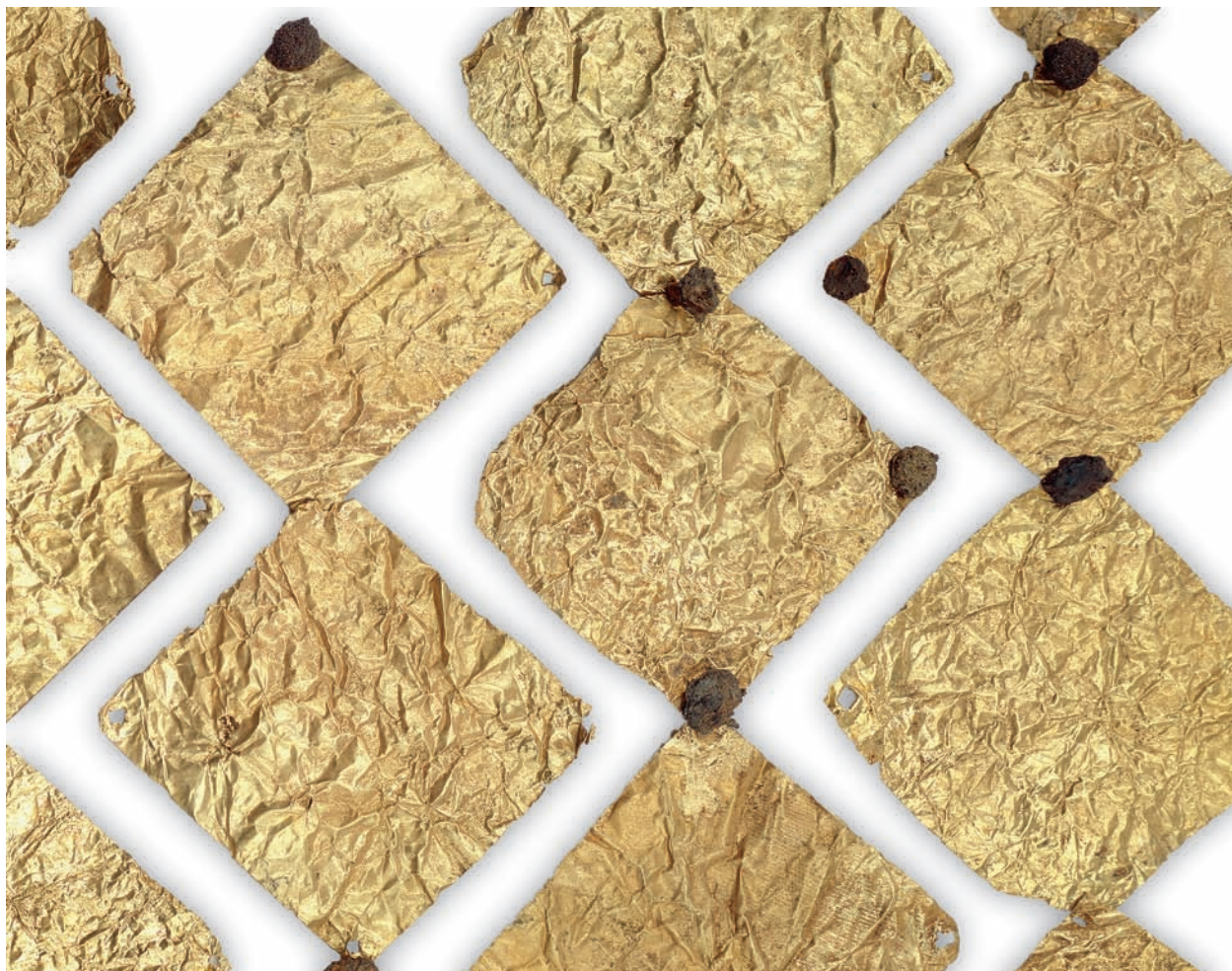
Облицовка луки седла в виде двух дугообразных пластин с рельефным узором. Золото; тиснение. Размер – 46x2 см. Вторая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/97а,б. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Облицовка верхней части колчана. Золото; тиснение. Состоит из пластины с рельефным орнаментом и вальцованных полос. Размер – 16,7x20 см. Вторая половина VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина, близ Полтавы. Инв.№ 1930/95,115. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Меч с кольцевым навершием в золотых ножнах и в обнаженном виде.
Золото, железо, стекло; ковка, вальцовка, зернь. Касты, орнаментальные
полосы, фигуры из зерни напаяны на основу, стеклянные вставки. На обоямах
облицовки рукояти процарапаны первые буквы греческого алфавита.
Длина – 94,2 см. VII в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина,
близ Полтавы. Инв.№ 1930/1,135,136. Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Облицовка погребального сооружения с остатками гвоздей. Листовое золото, железо;ковка.
Длина пластин – 6,8 – 7,2 см. Вторая половина II в. Перещепинский комплекс, с. Малая Перещепина,
близ Полтавы. Инв.№ 1930/133,134. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Амфора. Глина. Высота – 45,2 см.
VII в. Самарская область.
Могильник Урень II, кург. 4, погр. 2.
Раскопки Р.С.Багаутдинова, 1988 г.
Археологические фонды
Самарского гос. университета,
Самара

Фляга. Красная глина, круг, лощение. Вторая половина VIII в. Диаметр – 18 см., высота – 27 см. Волгоградская область, случайная довоенная находка. Инв.№ 1551, ВОКМ, Волгоград

Кувшин. Глина. Высота – 21,1 см. Конец VII–VIII вв.
Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой
могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г.
Инв.№ 418/28. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Кувшин. Глина. Высота – 27,5 см. Конец VII–VIII вв.
Самарская область. Новинковский I курганно-
грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова,
1999 г. Инв.№ 418/17. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Сосуд. Глина. Высота – 8,0 см. Конец VII–VIII вв.
Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой
могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/2.
СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Сосуд. Глина. Высота – 14,7 см. Конец VII–VIII вв.
Самарская область. Новинковский I курганно-
грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова,
1999 г. Инв.№ 418/1. СОИКМ им.П.В.Алабина,
Самара

Сунак. Кость. Длина – 15,6 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/27. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Накладки. Кость. Длина – 9; 11,8 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Брусянский IV курганный могильник. Раскопки С.Э.Зубова, 1996 г. КП-23249/29-31. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Накладка. Кость. Длина – 6,8 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Брусянский IV курганный могильник. Раскопки С.Э.Зубова, 1996 г. КП-23249/29-31. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Пластина. Кость. Длина – 11,4 см. Шиловский курганный могильник. Конец VII – первая половина VIII вв. Раскопки Р.С.Багаудинова, 1992 г. Археологические фонды Самарского гос. университета, Самара

Пластины. Кость. Длина – 5,4 см (часть), 5,2 см. Шиловский курганный могильник.
Конец VII – первая половина VIII вв. Раскопки Р.С.Багаудинова, 1992 г.
Археологические фонды Самарского гос. университета, Самара

Пластина. Кость. Длина – 2 см. Шиловский курганный могильник. Конец VII – первая половина VIII вв.
Раскопки Р.С.Багаудинова, 1992 г. Археологические фонды Самарского гос. университета, Самара

Браслеты. Перстень. Бронза. Диаметр – 6,8, 7,2, 2,1 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область.
Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г.
Инв.№ 418/18, 19, 20. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Поясной набор. Серебро. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/7-16. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Поясной набор: пряжка, накладки, наконечник ремня. Серебро. Длина наконечника – 6 см. VII – начало VIII вв. Самарская область. Могильник Брусяны II, кург. 22, погр. 4. Раскопки Н.В.Богачева, 1991 г. Археологические фонды Самарского гос. университета, Самара

Ожерелье. Бусы, костылек, пугови. Стекло, бронза. Конец VII–VIII вв.
Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г.
Инв.№ 418/22-26. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Копушка. Бронза. Длина – 8,5 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/22. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Серьга. Золото.
Высота – 3,0 см.
Конец VII–VIII вв.
Самарская область.
Брусянский II курганный
могильник. Раскопки
А.В.Богачева, 1988 г.
Инв.№ 389/1. СОИКМ
им.П.В.Алабина, Самара

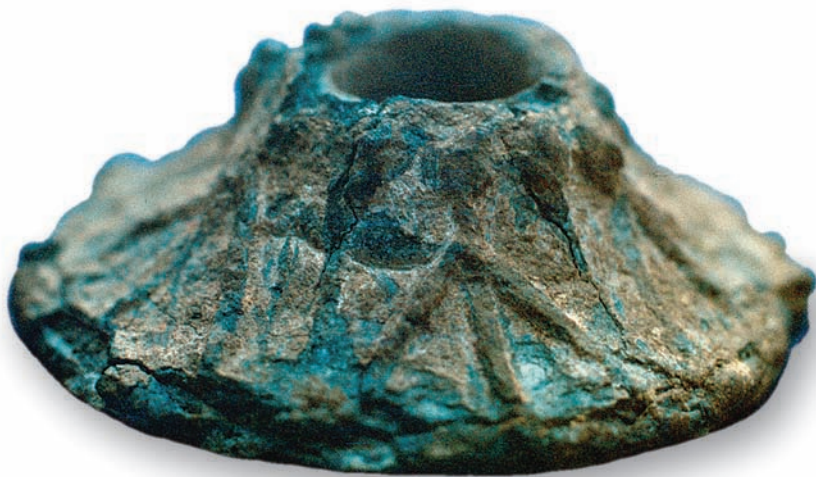

Серьга. Золото.
Высота – 4,0 см.
Конец VII–VIII вв.
Самарская область.
Брусянский II курганный
могильник. Раскопки
А.В.Богачева, 1989 г.
Инв.№ 390/1. СОИКМ
им.П.В.Алабина, Самара

Серьги. Золото.
Высота – 4,2 см.
Конец VII–VIII вв.
Самарская область.
Шелехметский I курганно-
грунтовой могильник.
Раскопки Н.А.Лифанова,
1999 г. КП-22976/34-35.
СОИКМ им.П.В.Алабина,
Самара

Печать-пломба. Свинец. Диаметр – 3 см. VIII в.
Самарская область. Могильник Малая Рязань I, курган I, погр. 6.
Раскопки Н.В.Богачева, С.Э.Зубова, 1990 г.
Археологические фонды Самарского гос. университета, Самара

Наконечник пояса. Серебро. Длина – 4,6 см, ширина – 2,4 см. VIII в. Самарская область.
Осиновский III курганный могильник. Раскопки В.Н.Мышкина, 1993 г. КП – 23247/5.
СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

**Зеркало с изображением
сидящего на коне всадника.**
Биллон, литье.
Диаметр – 6,7 см. VIII–IX вв. Село Царев,
Волгоградская обл., курган 27, погр. 1.
Раскопки В.И.Мамонтова, 1975 г.
Инв.№ 32770/19. ВОКМ, Волгоград

Удила. Железо. Ширина – 21,7, высота – 14,7 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Брусянский IV курганный могильник. Раскопки А.В.Богачева, 1991 г. Инв.№ 419/1. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Стремена. Железо. Высота – 21,0, 21,3 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Курганный могильник Малая Рязань I. Раскопки С.Э.Зубова, 1996 г. Инв.№ 387/2, 3. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Копье. Железо. Длина – 27,7 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/3. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Крючок колчанный. Железо. Высота – 4,2 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/6. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Топоры. Железо. Длина – 14,8; 19,5 см. Конец VII–VIII вв. Самарская область. Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г. Инв.№ 418/4, 5. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Курган с каменной нароской. Конец VII–VIII вв. Самарская область.
Новинковский I курганно-грунтовой могильник. Раскопки Д.А.Сташенкова, 1999 г.

Общий вид восточных укреплений внешнего города Биляр. 2005 г.
Окрестности с.Билярска Алексеевского р-на РТ

Кирпичное здание «Караван-сарая» в Биляре после консервации

Аэрофотоснимок Суварского городища. 2005 г. Окрестности с.Тат. Городок Спасского р-на РТ

Аэрофотоснимок центральной части Билярского городища. 2005 г.

Косы и серп. Железо. Длина кос – 57 и 62 см, максимальная ширина полотна – 7,6 см; длина серпа – 31 см, ширина полотна – 3 см. XI – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, 1971, 1973 гг., сборы 1981 г. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Зерна культурных растений из слоя Билярского городища.
(сверху вниз: ячмень, конопля, просо, огурец, пшеница)
БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

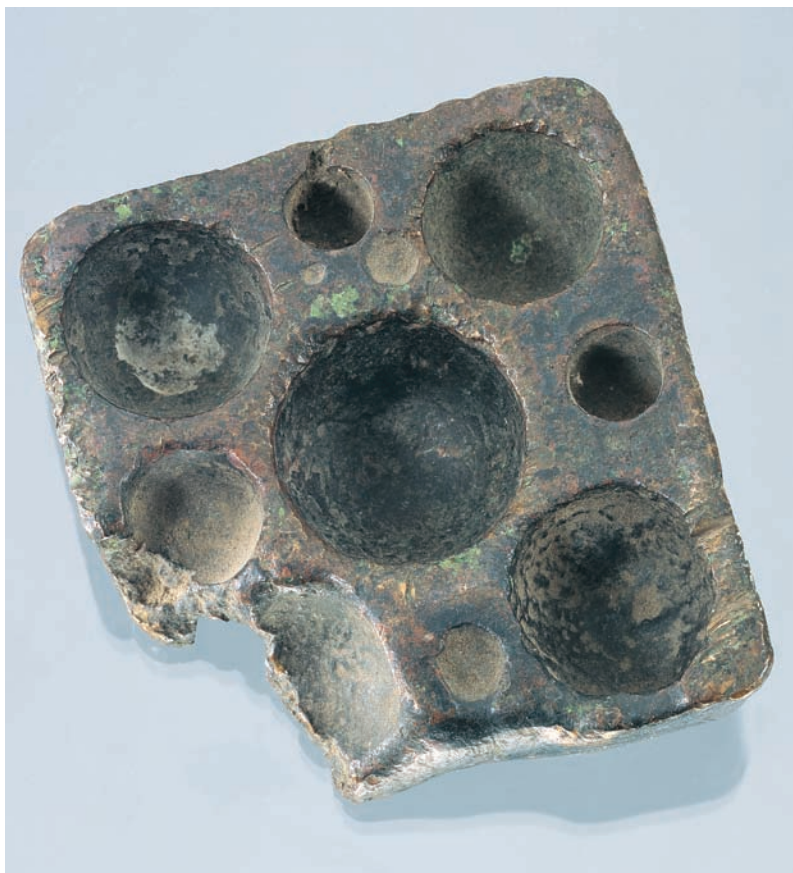
Навершия нагаек, разделитель ремня («тройчатка»), ледоходные шипы. Кость, бронза, железо. Размеры: длина первого навершия – 5,3 см, второго – 8,4 см, диаметр разделителя ремня – 3 см. X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, 1972, 1976, 1983 гг. Инв. №№ Б.п.м./132 (1); Б.ХVII/10223 (2); Б.ХХХVI/176 (3); Б.ХХVI/1002 (4); Б.ХХII/6620 (5). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Наконечники стрел, рыболовные крючки. Кость, железо. Размеры: длина наконечников стрел от 3,2 до 8,3 см. X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, сборы 1972, 1974, 1977, 1984 гг. Инв. №№ Б.ХХIII/5757 (1); П.м./23(2); Б.ХХII/17687 (3); Б.ХХVIII/3998 (4); Б.ХХIII/758 (5); Б.п.м./97 (6, крючок); (7, большой крючок); Б.ХХVI/3043 (8); Б.ХХII/20355 (9); Б.ХХIII/ 74 (10, крючок). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Ножницы, тигли, молотки. Железо, глина. Длина ножниц – 20 см, высота целого тигля – 6,5, диаметр – 3 см. XI – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, 1977, 1989 г. Инв. №№ Б.с.XV-75 (1); Б.ХХХIX/36 (2); Б.ХХХIX/11855 (3); Б.ХХV/168 (4), Б.ХХVI/792 (5); молоток без шифра. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Металлическая матрица из Биляра. Размеры – 5,8 x 6 см. XI – начало XIII в. Инв.№ 5427-55. Национальный музей РТ, Казань

Литейные формы. Известняк, сланец. XI – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, 1975, 1983 гг. Инв. №№ Б.ХХVIII/2261 (размеры: 4,5 x 4,7 x 1,5 см); Б.ХХIII/1067 (размеры: 4,3 x 4 x 1,5 см); АКУ/2-198 (большая форма, размеры: 8,8 x 6 x 2 см); Б.ХХIII/5880 (размеры: 3,4 x 3,5 x 0,8 см).
БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Металлическая матрица из Биляра.

Размеры 4,3 x 4,3 x 0,3 см. XII в.

Инв. № АКУ. 2-180. Археологический музей КГУ, Казань

Матрица. Бронза. Диаметр 9 см. XI–XII в.

Татарстан. Билярское городище и его окрестности.

Коллекция А.Ф.Лихачева, №5427-59/25,

Национальный музей РТ, Казань

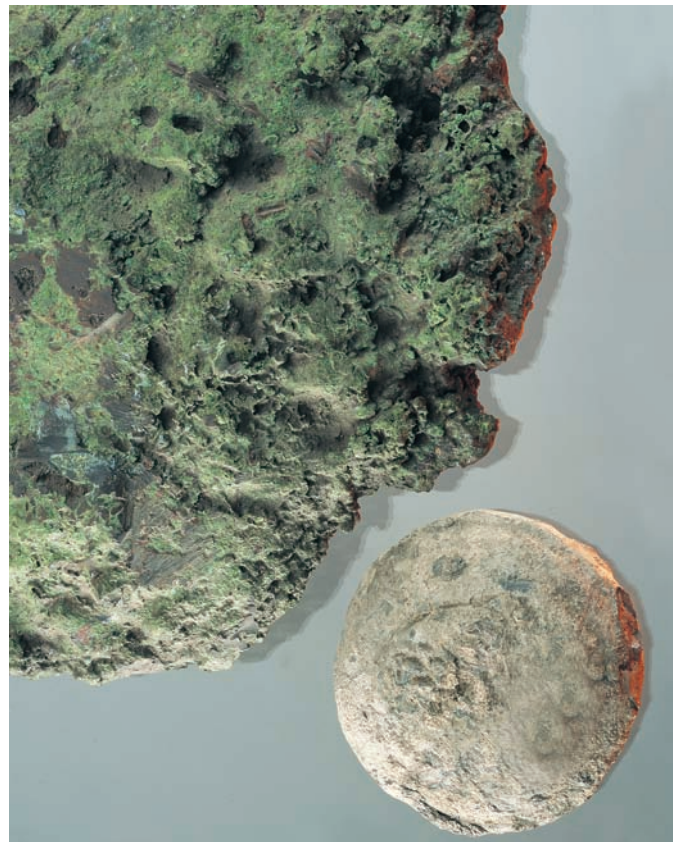

Матрицы для штамповки украшений. Бронза; литье. Размер – 5 x 5; диаметр – 7 см. XII в. – нач. XIII в.

Казанская губ., Чистопольский уезд. Инв.№ 34852. ГИМ; Инв.№ 34849. ГИМ, Москва

Топоры. Железо. Длина – 16,6 см, 14,4 см. Татарстан. Болгары, Биляр и другие места. Дореволюционные сборы (АКУ-2). Инв. № АКУ-2/1-2, АКУ-2/24, АКУ-2/1-1. Археологический музей КГУ, Казань

Медная и свинцовая «лепешки».
Размеры: диаметр – 26 см, толщина – 4 см,
диаметр – 7,5 см, толщина – 2 см. XII–XIII в.
Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1987 г.
Инв. № Б.ХХVI-Д/528; Б.ХХXVIII/1122. БГИАПМЗ,
с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Замки и ключи. Железо, бронза. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, Р.Ф.Шарифуллина. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Замки зооморфные. Бронза. Длина – 8 (4, 5) и 4 (1–3) см. XI–XIII вв. Татарстан. Билярское и Болгарское городище. Подъемный материал. Коллекция Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете и А.Ф.Лихачева. 1-3 – № 5363; 4-5 – № 5427. Национальный музей РТ, Казань

Лунница. Бронза. XII – начало XIII вв. Татарстан, Билярское городище.

Случайная находка С.И.Валиулиной, 1998 г. Археологический музей КГУ. Инв. № АКУ 285/1730

Подвеска. Бронза. Длина – 14,1 см. XII – начало XIII вв. Билярское городище, XXIII раскоп.

Раскопки С.И.Валиулиной, 1982 г. Инв. № XXIII/13135. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Бронзовые изделия поволжских финнов из I Мурзихинского (1,9) и Измерского (2-8) селищ, X–XI вв. Исследования Е.П.Казакова. 1 – подвеска, ширина – 3,7 см, высота – 3,8 см. Инв.№ I Мур/154; 9 – подвеска, ширина – 3,5 см, высота – 2,4 см. Инв.№ I Мур/82. Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Бронзовые накладки поясного набора из Измерского селища. Волжские болгары, конец X–XI вв.
Раскопки Е.П.Казакова. 1970–1993-е гг. 1 – накладка с отверстием, ширина – 4 см, высота – 3,5 см. Инв.№ ИС-03.
Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Украшения из цветного металла. Бронза, серебро. Длина цепочки – 31 см, ширина лунницы – 4,3 см.
XI – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, С.И.Валиулиной, Ф.Ш.Хузина,
1972, 1975, 1976 гг. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Пряжки и наконечники поясного ремня. Бронза. Длина – от 2 до 4 см. X–XIII вв. Билярское городище.
Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, С.И.Валиулиной, 1972–1986 гг.
БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Височное кольцо с фигуркой птицы и подвесками. Золото; ковка, штамповка, зернь, скань. Длина – 11,6 см.
XI–XII вв. Татарстан. Мокрокурналинский клад. Инв.№ 14403. Национальный музей РТ, Казань

Височное кольцо с фигуркой птицы и подвесками. Золото; ковка, штамповка, зернь, скань. Диаметр – 4 см.
XI в. – нач. XIII в. Местонахождение неизвестно. Инв.№ 12544щ. ГИМ, Москва

Височные кольца с подвесками. Золото; ковка, штамповка, зернь, скань. Диаметр – 4 см, длина – 8,4 см.
XI в. – нач. XIII в. Местонахождение неизвестно. Инв.№ 12546щ. ГИМ; Инв.№ 12545щ. ГИМ, Москва

Подвески височные. Серебро. Длина – 8,6 см. XI–XII вв. Татарстан. Именьковский клад.
Инв.№ 14576-42, 43. Национальный музей РТ, Казань

Печенежский поясной набор. Серебро; литье. Длина около – 26 см. X – нач. XI вв. Воронежская губерния, д. Воробьёвка. Инв.№ 35175. ГИМ, Москва

Гривна и два браслета ажурного витя. Серебро; волочение, витя. Макс. диаметр гривны – 21,5 см, Диаметр макс. браслетов – 8 и 8,5 см. XI в. – нач. XIII в. Казанская губерния, с. Альметьево; Казанская губерния, ближе неизвестно. Инв.№ 44109. ГИМ; Инв.№ 44110. ГИМ; Инв.№ 45805. ГИМ, Москва

Бляхи круглые подвесные и в виде розеток нашивные (украшения конской сбруи). Серебро; ковка, штамповка, литье. Диаметр круглых блях – 13–13,5 см, розеток – 2,2 см. XI – нач. XIII вв. Казанская губерния, близ с. Старое и Новое Альметьево. Инв.№ 34707. ГИМ, Москва

Петли от колчанов. Бронза. Конец X–XI вв.
Измерское селище, РТ. Сборы Е.П.Казакова.
Археологические фонды Института истории
АН РТ, Казань

Комплекс украшений: серьги, подвески, бусы. Золото, лазурит, сердолик, стекло. X–XII вв. Погребение у с.Новотроевки. Самарская область. Случайная находка. КП-19646. СОИКМ им.П.В.Алабина, Самара

Пара браслетов. Серебро. XII в. Инв.№ 935/25,26. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Зеркало с рельефным орнаментом и ушком в центре. Бронза. Диаметр – 12 см, покупка в г. Майкопе. XII–XIII вв. Инв.№ 935/46. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕС). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Зеркало с рельефным орнаментом и ушком в центре. Бронза. Диаметр – 9,5 см, в 6 обломках, 5 из которых подклеены. XII–XIII вв. С.Зеленки Каневского уезда Киевской губернии. Курган 304. Раскопки Н.Е.Брандербурга, 1894 г. Инв. № 917/15. ОАВЕС. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бусы. Пирамидальные бусины. Сердолик. Длина – 1,5–2,0 см. Пронизь бипирамидальная. Сердолик. Длина – 2,7 см. Пронизь черная пирамидальная. Гагат? Длина – 2,5 см. Пронизь черная пирамидальная. Гагат? Длина – 2,3 см. XII–XIII вв. Кубанская обл., станица Апшеронская. Раскопки Д.Г. Шульца. Инв.№ 937/24-25, 27, 28. ОАВЕС. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Горшок плоскодонный с орнаментированными плечиками. Глина. Высота – 12 см. XII–XIII вв. С.Зеленки Каневского уезда Киевской губернии. Курган 294. Раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1894–1895 гг. Инв.№ 914/1. ОАВЕС.

Кувшин на кольцевой ножке. Глина. Высота – 17,5 см. XII–XIII вв. Р-н дер. Краснополка Каневского уезда Киевской губернии. Курган 224/2. Раскопки Н.Е.Бранденбурга, 1890 г. Инв.№ 922/27. ОАВЕС. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

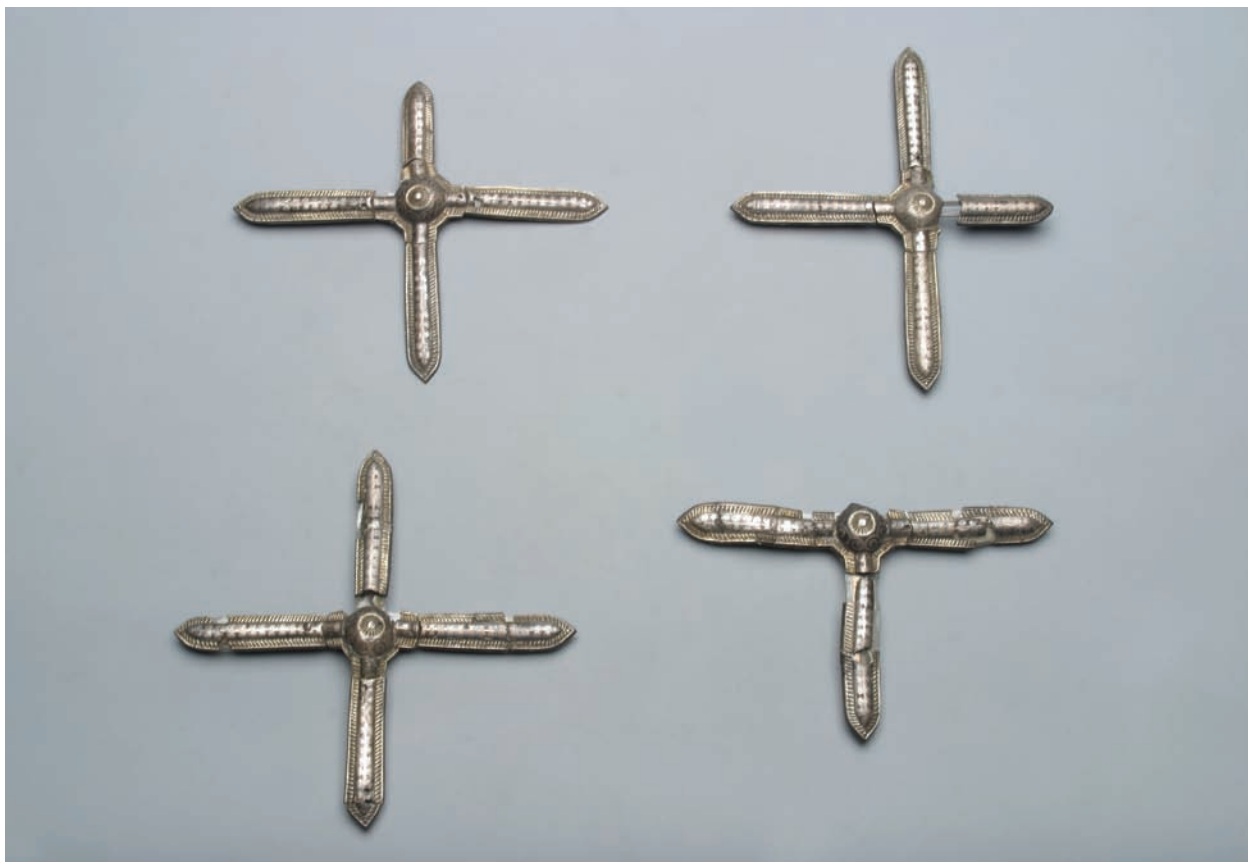

Накладка на переднюю луку седла.

Кость, резьба. XII–XIII вв. С. Зеленки Каневского уезда Киевской губернии на левом берегу р. Россавы, курган 303. Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1894 г. Инв.№ 17/12. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Детали украшений конской сбруи (налобная и две нащечные бляхи и пряжка). Серебро, бронза; ковка, литье. Длина нащечных блях – 10 и 10,5 см; пряжки – 3,5 см; диаметр налобника – 9 см. Последняя четверть XI–XII в. Оренбургская губ., пос. Нежинский, курган на Алебастровой горе; раскопки Б.Н. Гракова, 1927 г. Инв.№ 61881. ГИМ, Москва

Детали уздечного набора.

Серебро, позолота, чернь,
олово. XI в. Хутор Гаевка бывшей
Боршовской волости Валуйского
уезда Воронежской губернии.

Случайная находка 1904 г.
Инв. № 999/4-29. Государственный
Эрмитаж, Санкт-Петербург

«Каменная баба». Известняк. Высота – 165 см. XII в. Инв.№ 2303/1. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бляшки уздечного набора. Серебро, позолота, чернь, олово. XI в.
Инв.№ 999/37,40. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фрагменты накладок на луку седла. Кость; резьба. Размер – 12 x 7; 10 x 5; 8,5 x 5,5; 13,5 x 10 см.
Последняя четверть XI–XII в. Кубанская область, близ г. Анапы; раскопки Н.И. Веселовского, 1894 г.
Инв.№ 33616. ГИМ, Москва

Наконечники стрел. Железо; ковка. Длина – от 5 до 10,5 см. XIII в. Кубанская область, станица
Андрюковская; раскопки Н.И. Веселовского, 1897 г. Инв.№ 42398. ГИМ, Москва

Навершие булавы. Железо; ковка. Размеры – 5,5 x 5,5 см.
XII–XIII вв. Подольская губерния, с. Межиречка;
собрание Ю.Ф. Абаза. Инв.№ 34794. ГИМ, Москва

Боевые топоры. Железо, ковка. Длина – 13;15;14 см. XII–XIII вв. Приобретены в г. Майкопе, Кубанская область. Инв.№ 936/2,3,6. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Сабля. Железо; ковка.
Длина – 72,5 см,
ширина – 3 см.
X – нач. XIII в.
Енисейская губерния,
ближе неизвестно;
собрание Згерского-
Струмилло.
Инв.№ 49439. ГИМ,
Москва

Сабли. Железо.
Длина – 112 и 108 см. XIII в.
Инв.№ 952/1, 953/8.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

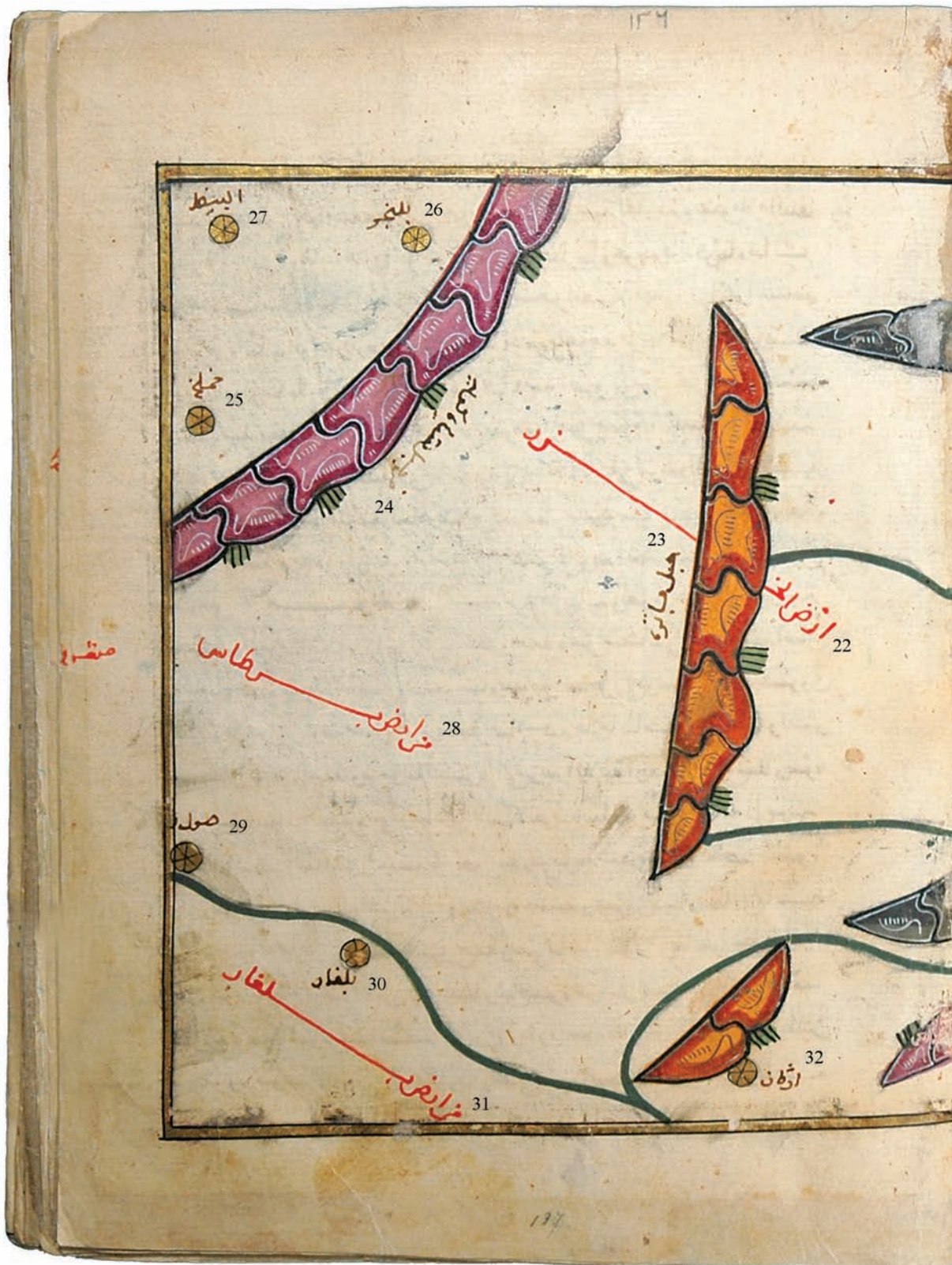
Кольчуга. Железо; ковка. Размеры – около 50 x 80 см. Конец XII – начало XIII вв.
Черноморская губ., с. Глебовка; случайная находка, 1898 г. Инв.№ 38135. ГИМ, Москва

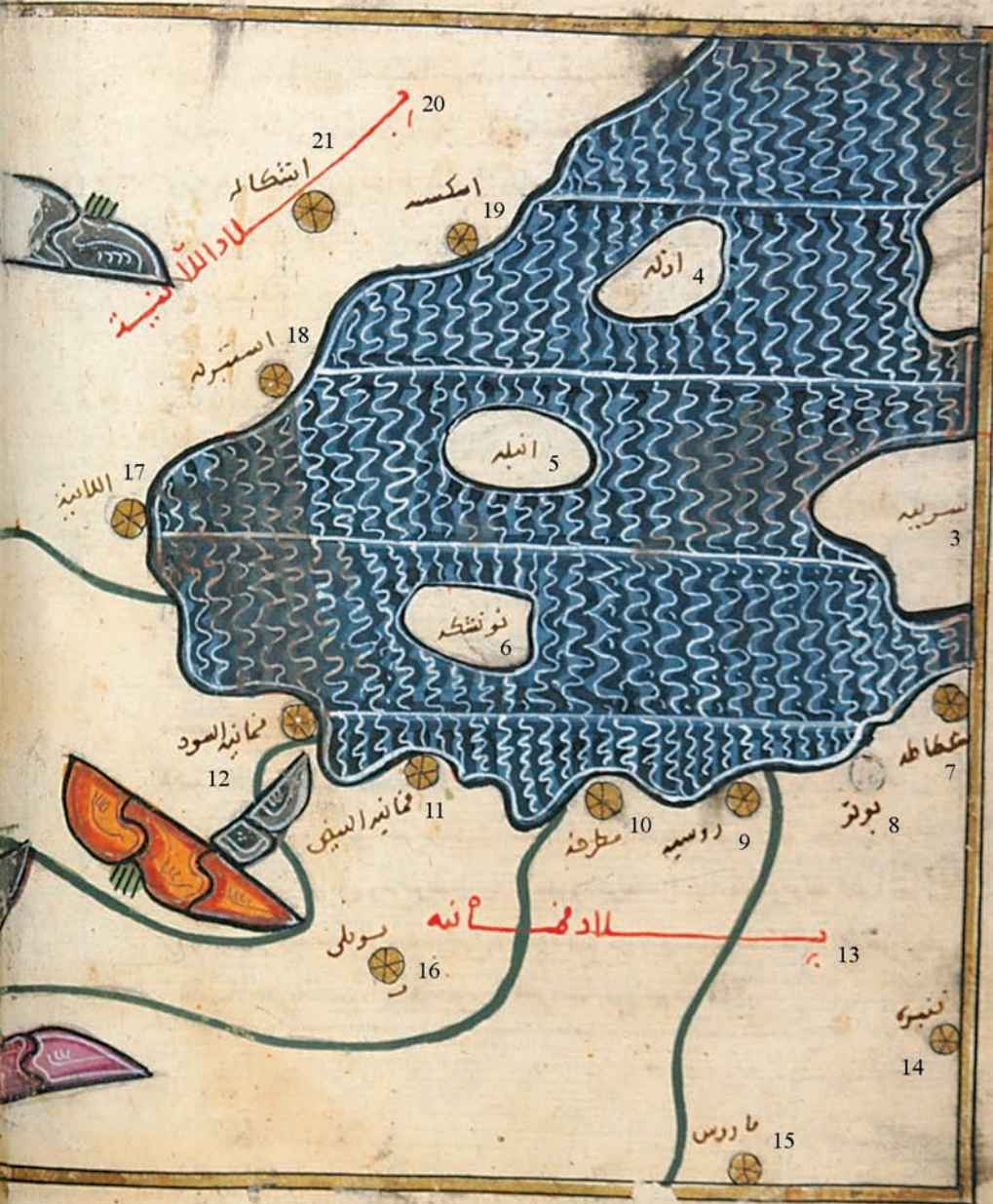
Шлем. Железо; ковка. Высота – 19 см. Конец XII – начало XIII в.
Черноморская губерния, с. Глебовка; случайная находка, 1898 г. Инв.№ 38135. ГИМ, Москва

Маска. Железо. XII в. С. Липовец Каневского уезда Киевской губернии на левом берегу р. Рассавы, курган 1. Раскопки и дар О. Н. Макаревича, 1892 г. Инв.№ 904/12. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Ал-Идриси (XII в.). «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» (Развлечение истомленного в странствии по областям). (Список XIV в.). Российская национальная библиотека, Ар.н.с. 176, л.1386–139а. «Климат шесть. Джуз шесть. Черное море». Размер листа 255 x 185 мм. Рамка карты 190 x 160 мм. Публикация карты из Петербургского списка сочинения – первое воспроизведение в цвете. Номенклатура карты (дана согласно мусульманской традиции справа налево):
 1. Шестой джуз. Шестой иклим. Конец Черного моря (Мунтахи бахр Бунтис); 2. Север (Шимал); 3. Саранба; 4. Азала; 5. Анбала; 6. Нунашака; 7. Султатийа (Судак); 8. Бутр; 9. Рушийа; 10. Матраха (Тмутаракань);

1
الجزء السادس من العالم
الشرقى
منتهى بحر القلزم

2
سمال

11. Куманийя ал-байд (Белая Куманийя); 12. Куманийя ас-суд (Черная Куманийя); 13. Страна Куманийя, Половецкие степи (Билад Куманийя); 14. Кинийува; 15. Нарус (Баруч); 16. Нуши; 17. ал-Ланийя; 18. Истибрийя; 19. Ашкашийя; 20. Страна аланов (Билад ал-Ланийя); 21. Ашкала; 22. Земля хазар (Ард ал-Хазар); 23. Гора Батира (Джабал Батира); 24. Из гор Сийах Кух (Мин джабал Сийах Кух); 25. Хамлидж; 26. Баланджар; 27. ал-Байда; 28. Из земли Бургас (Мин ард Бургас); 29. Сувар; 30. Булгар; 31. Из земли Булгар (Мин ард Булгар); 32. Арсан

Комплект защитного вооружения: кольчуга, шлем. Железо. XII в. С. Липовец Каневского уезда Киевской губернии на левом берегу р. Рассавы, курган 1. Раскопки и дар О. Н. Макаревича, 1892 г. Инв.№ 904/1,2. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бусы и подвески. Стекло, янтарь, сердолик, халцедон, гешир, кашин. X – начало XIII в. Биллярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, Р.Ф.Шарифуллина, С.И.Валиулиной, 1972–1989 гг. БГИАПМЗ, с.Биллярск, Алексеевский р-н РТ

Бронзовая (1) и костяные (2-4) копоушки из Измерского селища. Конец X–XI вв. Исследования Е.П.Казакова. 1998–2000 гг. 1 – бронзовая копоушка, длина (без петли) – 6,4 см, ширина рукояти с изображением животного – 1,9 см. Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Пробирные камни, колечко. Сланец, золото. Размеры камней: 5,5 x 3,4 x 1,4 см; 5,2 x 3,4 x 1,3 см; диаметр колечка – 4,5 см. XII – начало XIII в. Биларское городище. Раскопки А.Х.Халикова, С.И.Валиулиной, 1973, 1990 гг. БГИАПМЗ, с.Биларск, Алексеевский р-н РТ

Оконное стекло. Стекло. XII – начало XIII вв.
Татарстан, Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова,
Ф.Ш.Хузина, С.И.Валиулиной. Инв. № XXII/1181,
XXXVIII/445, XVII/19220, АКУ 285/3150. БГИАПМЗ,
с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Кубок. Стекло. Высота – 9 см. XII – начало XIII вв.
Билярское городище, XXII раскоп. Раскопки
А.Х.Халикова, 1974 г. Инв. № XXII/11628. БГИАПМЗ,
с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Оконное стекло. Стекло.
XII – начало XIII вв.
Билярское городище.
Раскопки А.Х.Халикова,
Ф.Ш.Хузина, С.И.Валиулиной.
Инв. № XXII/11632,
XXXVIII/1212, XVII/19220,
АКУ 285/38. БГИАПМЗ,
с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Аламбик. Стекло. Высота – 7,6 см. Диаметр – 4,5 см, длина трубки – 11 см. Нач. XIII в.
Биларское городище, LXI раскоп. Раскопки С.И.Валиулиной, 1993 г.
Инв. № АКУ 285/4739. Археологический музей КГУ, Казань

Светильники. Глина.
Размеры: высота – 2 и 3 см,
длина – 11,5 и 13,5 см.
XI–XII вв. Биларское
городище. Раскопки
Ф.Ш.Хузина, 1975 г.
Инв. № Б.ХХIII/8591;
Б.ХХIII/8730.
БГИАПМЗ, с.Биларск,
Алексеевский р-н РТ

Горшковидный сосуд. Глина. Высота – 20 см. XII в. Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1980 г.
Инв. № Б.ХХIX-1980/215. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Триподы. Глина. Высота – 9 и 9,5 см. XI–XII вв. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, 1972, 1977 гг.
Инв. №№ Б.ХХIII/8619, Б.ХIX/7817. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Сосуд для хранения жидкости. Глина. Высота – 42 см. XII – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1976 г. Инв. № Б.ХХIII/8257. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Стаканообразные сосуды («детские горшки»). Глина. X–XI вв. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, 1972 г. (1-2) и Ф.Ш.Хузина, 1976 г. (3). 1 – инв. № Б.ХІХ/7828 (высота – 18 см); 2 – инв. № Б.ХХІІ/19493 (высота – 14 см); 3 – инв. № Б.ХХІІІ/9384 (высота – 15 см). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Крышка горшка с пестикообразной ручкой. Глина. Высота – 20 см, диаметр – 30,5 см. X – начало XI в. Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1984 г. Инв. № Б.ХХVІІІ/11688. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Кувшинообразные сосуды. Глина. XI–XII вв. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, 1972 г. 1 – инв. Б.ХІХ/21937 (высота – 17,5 см); 2 – инв. № Б.ХХІІ/9417 (высота – 9,5 см); 3 – Б.ХІХ/2862 (высота – 27 см). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Миски и кувшины. Глина. XI–XII вв. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова и Ф.Ш.Хузина, 1972, 1976, 1987 гг. Инв. № Б.ХХХІХ/83 (высота миски – 7,5 см, диаметр горла – 21,5 см); Б.Б.ХVІІ/15037 (высота миски – 6 см, диаметр горла – 15,5 см); Б.ХІХ/21922 (высота кувшина – 29 см); Б.ХХХVІІІ/76 (высота – 10,5 см); Б.ХVІІ/17286 (высота – 22 см). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Сосуд. Глина. Высота – 19 см. XII – начало XIII вв. Билярское городище, LXI раскоп.
Раскопки С.И.Валиулиной, 1991 г. Инв. № АКУ 285/80. Археологический музей КГУ, Казань

Трипод с зооморфной ручкой. Глина. Высота – 22 см. XII в. Билярское городище.
Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1982 г. Инв. № БГИАЗ-1982/2-9. БГИАПМЗ, с.Билярск,
Алексеевский р-н РТ

Сосуд. Глина. Высота – 23 см. XII – начало XIII вв. Билярское городище,
LXI раскоп. Раскопки С.И.Валиулиной, 1998 г. Инв. № АКУ 285/1046. Археологический музей КГУ, Казань

Сосуд. Фаянс, глазурь. Высота – 10 см. XII – начало XIII в. Билярское городище, XXIII раскоп. Раскопки А.Х.Халикова, 1978 г. Инв. № АКУ 307/1. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Сосуд. Глина, глазурь. Диаметр – 38 см. Начало XIII в. Билярское городище, LXI раскоп. Раскопки С.И.Валиулиной, 1989 г. Инв. № АКУ 285/3. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Пластина на запястье. Кость.
Длина – 12 см. XI–XIII вв.
Билярское городище и его окрестности.
Подъемный материал. Коллекция
А.Ф.Лихачева. Инв.№ 5427.
Национальный музей РТ, Казань

Гребни. Кость. Длина – 4,5 и 3 см. XI–XIII вв.
Билярское городище и его окрестности. Подъемный материал.
Коллекция А.Ф.Лихачева. Инв. № 5427.
Национальный музей РТ, Казань

Амулеты-подвески. Кость. Длина – 12 см. XI–XIII вв. Билярское городище и его окрестности.
Подъемный материал. Коллекция А.Ф.Лихачева. Инв. № 5427.
Национальный музей РТ, Казань

Шахматные фигурки. Кость, рог. Высота – 2 и 3,5 см. XI–XIII вв. Билярское городище и его окрестности. Подъемный материал. Коллекция А.Ф.Лихачева. Инв. № 5427. Национальный музей РТ, Казань

Рукоятки ножей и их детали. 1 – рукоять ножа; длина – 10,6 см; 2 – рукоять ножа; длина – 13,1 см; 3 – рукоять ножа; длина – 11,2 см; 4 – накладка на деревянную рукоять; длина – 2,5 см. Кость. XI – начало XIII в. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф.Лихачева, 1 – №5427-40/19; 2 – №5427-40/34; 3 – №5427-40; 4 – №5427-40, Национальный музей РТ, Казань

Навершие нагайки. Кость. Высота – 8 см. XI–XII вв. Билярское городище. Подъемный материал. Инв. № Бил.37. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Игольник. Кость. Длина – 12 см. XI–XIII вв. Татарстан. Билярское городище и его окрестности. Подъемный материал. Коллекция А.Ф.Лихачева. Инв. № 5427. Национальный музей РТ, Казань

Костяной амулет (?). Длина – 12 см. XII в. Билярское городище. Раскопки Р.Ф.Шарифуллина, 1980 г. Инв. № Б.ХХVII/937. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Игральные кости. 1 – астрагал с орнаментом; остальные – битки. Кость. Длина – 3,3 см. XII–XIII вв. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф.Лихачева, 1 – №5427-24/5; 2 – №5427-24/3; 3 – №5427-24/2; 4 – №5427-24/1, Национальный музей РТ, Казань

Торговый инструментарий: гирьки (верхний ряд), весы и чаши от весов. Бронза, железо. Длина весов – 7 см, диаметр чашек – 4,2 см. X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Ф.Ш.Хузина, Р.Ф.Шарифуллина, 1975–1980гг. Инв. № Б.ХХШ/1068 (весы). БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Железные и бронзовые гири из Измерского селища, X–XI вв. Исследования Е.П.Казакова. 1-3 – железо; 4-7 – железо закованное в бронзу; 8-10 – бронза. 5 – диаметр 1,8 см, толщина 1,5 см. Инв. № Из-93/521; 9 – диаметр 1,5 см, толщина 1,0 см. Инв. № Из-92/14. Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Грузики – торговые пломбы. Свинец.

Диаметры от 2,6 до 3,2 см. XI – начало XIII вв.
 Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, 1973,
 1977, 1978 гг. Инв. №№ Б.ХХVI/964 (1);
 Б.ХХII/3327 (2); Б.ХХVI/257 (3); Б.ХХVI/5669 (4);
 Б.ХХVI/857 (5). БГИАПМЗ, с.Билярск,
 Алексеевский р-н РТ

**Бронзовые пряжка (1) и фабула (2) западных финнов
 из I Семеновского селища. X–XI вв.**

Раскопки Е.П.Казакова.

Фабула: ширина – 65 см. Инв. № I СС/47.
 Археологические фонды Института истории АН РТ,
 Казань

Стеклянные (1-3) и бронзовые (4-6) славянские изделия из Измерского (1-5) и I Семеновского (6) селищ.
Конец X–XI вв. Исследования Е.П.Казакова. 1985–1995 гг. 6 – височная подвеска, ширина – 3 см.
Инв.№ I СС/79. Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Сердоликовые и стеклянные бусы, янтарь, глиняная писанка («пасхальное яйцо»), шиферные пряслица.
X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки С.И.Валиулиной, Ф.Ш.Хузина, 1976 г.
БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Янтарь из жилища-мастерской (постройки № 5 и 8, раскоп XXIII). Общий вес – 8 кг. Билярское городище.
XII в. Раскопки Ф.Ш.Хузина и С.И.Валиулиной, 1976 г. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Фрагмент сосуда. Глина, глазурь. Диаметр – 42 см. Инв. № АКУ 262/12.

Ручка крышки (голова орла). Глина, глазурь. Высота – 7,1 см. Инв. № АКУ 262/18.

Фрагменты сосуда (кюпа). Глина, глазурь. Диаметр – 40 см. Начало XIII в. Билярское городище, LX раскоп. Раскопки С.И.Валиулиной, 1989 г. Инв. № АКУ 262/21. Археологический музей КГУ, Казань

Фрагмент сосуда (внешняя и внутренняя стороны). Фаянс, глазурь, лощр. Диаметр – 11 см. Конец XII – начало XIII вв. Билярское городище, XXIII раскоп. Раскопки С.И.Валиулиной. 1982 г. Инв. № XXIII/12130. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Вислая печать Всеволода Большое Гнездо (лицевая и оборотная стороны). Свинец. Диаметр – 2,4–2,5 см. XII в. (1183 г.?). Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1976 г. Инв. № Б.ХХШ/1346. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Предметы вооружения и снаряжения лучника. 1 – наконечник стрелы втульчатый; длина – 5 см; 2 – наконечник стрелы черешковый; длина – 11 см; 3 – концевая наладка на лук; длина – 16,2 см; 4 – петля колчанная; длина – 11,6 см; 5 – петля налучья; длина – 18,5 см; 6 – петля колчанная; длина – 14 см. Кость. XI–XII вв. Татарстан. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф.Лихачева, 1 – №5427-22/25; 2 – №5427-8/14; 3 – №5427-128/2; 4 – №5427-29/1; 5 – №5427-39/6; 6 – №5427-39, Национальный музей РТ, Казань

**Навершие рукояти нагайки
в виде головы птицы.** Бронза; литье.
Длина – 5 и 4,5 см. XII в. – нач. XIII в.
Казанская губерния, с. Болгары;
коллекция Сиклера.
Инв.№ 58456. ГИМ, Москва

Наконечники стрел. Железо. Длина – от 8,6 до 14,5 см. X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова. Ф.Ш.Хузина, 1972, 1976, 1983 гг. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Наконечники стрел. 1 – черешковый, долотовидный; длина – 8,7 см. 2 – черешковый, плоский, ромбический; длина – 9,6 см. 3 – черешковый, плоский, ромбический; длина – 6,7 см. Железо. XI – начало XIII в. Татарстан. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф.Лихачева, 1 – №5427-594; 2 – №5427-597; 3 – №5427-7/5. Национальный музей РТ, Казань

Железные предметы вооружения из Измерского селища. Волжские болгары X–XI вв.
Раскопки Е.П.Казакова. Копья. Длина – 29 и 23,2 см. Инв № ПИС/47.
Археологические фонды Института истории АН РТ, Казань

Меч. Железо; ковка.
Длина – 71,5 см. X в.
Казанская губерния,
близ с. Старое и с. Новое
Альметьево.
Инв.№ 34707. ГИМ,
Москва

Сабля. Железо; ковка.
Длина – 74,5 см.
X–XI вв. Казанская
губерния, с. Танкеевка;
случайная находка,
1904 г. Инв.№ 44307.
ГИМ, Москва

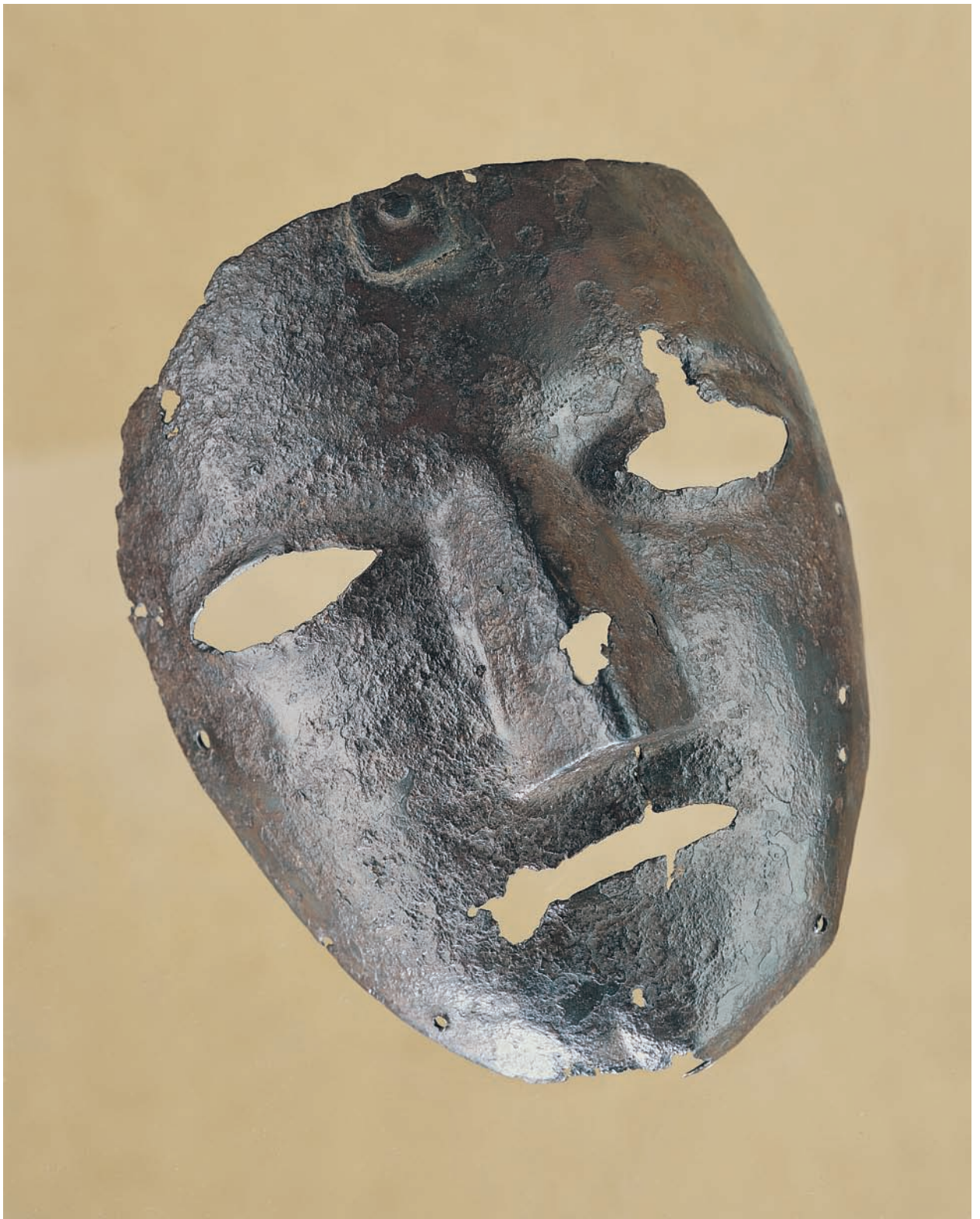
Топор-чекан. Железо; ковка. Размер – около 18 см.
X–XI вв. Казанская губерния, с. Танкеевка;
случайная находка, 1904 г. Инв.№ 44307. ГИМ,
Москва

Сабля. Железо. Длина – 76,5 см. Татарстан,
Больше-Тарханский могильник, п.143.
VIII–IX вв. Раскопки А.Х.Халикова,
В.Ф.Генинга. Инв. № АКУ 269/316.
Археологический музей КГУ, Казань

Топорик с серебряной оковкой и золотой инкрустацией Железо, серебро; инкрустация.
Длина – 14,5 см. XI в. Казанская губерния,
с. Билярск (?); случайная находка, 1890-е гг.
Инв.№ 34213. ГИМ, Москва

Боевая маска-забрало. Железо. Длина – 19,8 см, ширина – 16,2 см. Первая половина XIII в.
Волжская Булгария. Сборы Л.Ф.Лихачева. Национальный музей РТ, Казань

Булава с пирамидальными выступами и клювом. Железо. XII–XIV вв. Инв.№ 5654.
Булава-клевец. Железо. Высота – 3,5 см. Первая половина XIII в. Болгарское городище.
Инв.№ 7719-53; АА-45-23. Национальный музей РТ, Казань

Донышки сосудов с клеймами. Глина. X – начало XIII в. Билярское городище. Раскопки А.Х.Халикова, Н.А.Кокориной, 1972, 1974 гг. Инв. № Б.ХХ/1291; Б.ХХIII/7660; Б.ХХII/18804; Б.ХХIII/9453; Б.ХХ/1694. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Зооморфная ручка трипода с рунической надписью. Глина. Высота – 10 см. XII в. Билярское городище. Раскопки Ф.Ш.Хузина, 1983 г. Инв.№ Б.ХХVIII/706. БГИАПМЗ, с.Билярск, Алексеевский р-н РТ

Писало. Кость. Длина – 9,2 см. XI–XIII вв. Татарстан. Билярское городище и его окрестности. Коллекция А.Ф.Лихачева, №5427-126, Национальный музей РТ, Казань

«Палитра художника», «чернильница» и писала. Глина (1), бронза (2, 3), кость (4, 5), железо (6).
 XI – начало XIII в. Высота «палитры» 5 см, «чернильницы» – 4,5 см, длина писал – 6–11,5 см.
 БГИАИМЗ, с.Биярск, Алексеевский р-н РТ

Замок навесной. Бронза, железо. Мастер Абу Бекр. 1146/7 г. Татарстан. Биярское городище и его окрестности. Подъемный материал. Коллекция А.Ф.Лихачева. Инв. № 5427. Национальный музей РТ, Казань